

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ LX

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ L X

1895

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1895

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

АПРѢЛЬ, 1895.

СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ, 1895 г.

	СТР.
I. Въ поискахъ истины. XV—XX. (Продолженіе). Н. П. Мердеръ . . .	5
II. Записки сенатора Н. П. Спешельникова. V. (Продолженіе)	45
III. Тернистый путь къ свѣту. (Мытарства крѣпостнаго человѣка). I—VII. Д. В. Федорова	58
IV. Воспоминанія В. А. Полторацкаго. XXII. (Продолженіе)	85
V. Поѣздка въ Старую Руссу. IV—IX. (Окончаніе). А. В. Круглова	110
<p>Иллюстраціи: 1) Молочная ферма на минеральныхъ водахъ въ Старой Руссѣ.—2) Школа имени О. М. Достоевскаго въ Старой Руссѣ.—3) Домъ О. М. Достоевскаго въ Старой Руссѣ.—4) Гостиный дворъ въ Старой Руссѣ.—5) Соборъ въ Старой Руссѣ.—6) Красный берегъ въ Старой Руссѣ.—7) Косинская община близъ Старой Руссы.—8) Церковь Спасителя близъ Старой Руссы.</p>	
VI. Въ мятежномъ краѣ. (Изъ воспоминаній). III—IV. (Продолженіе). П. В. Любарскаго	156
VII. Памяти Николая Семеновича Лѣскова. А. П. Фаресова	177
VIII. Матеріалы для біографіи И. И. Лажечникова. Н. Н. Овсянникова	204
IX. Украинскій Сократъ. Б. В. Никольскаго	215
X. Свѣтлѣйшій покоритель Варшавы. В. К. П—на	223
XI. Авантюризмъ Старога и Новаго свѣта. В. А. Тимирязева	246
<p>Иллюстрація: Портретъ Франческо Миранда.</p>	
XII. Очерки японской культуры. А. А. Пеликана	260
XIII. Критика и бібліографія	299

1) Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Томъ первый. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1895. Б. В. Н.—2) Археологическія извѣстія и замѣтки, издаваемыя Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, подъ редакціей Н. А. Линниченко и В. М. Михайловскаго. Москва. 1894. М. А.—3) Столѣтіе російской конной артиллеріи (1794—1894). Составилъ и издалъ Павелъ Потоцкій. Спб. 1894. А. Б.—4) «Не по торному пути». Алекс. Мертваго. Спб. 1895. Л. Лорбергъ.—5) И. Малиновскій. Ученіе о преступленіи по Литовскому статуту. Кіевъ. 1894. Б. В. Н.—6) Алексій Веселовскій. Этюды и характеристики. Москва. 1894. В. Б.—7) Акты Московскаго государства, изданныя Императорской Академіей Наукъ, подъ редакціей Н. А. Попова. Томъ II. Разрядный приказъ. Московскій столъ. Спб. 1894. А. Б—ина.—8) Семейство Разумовскихъ. А. А. Васильчикова. Томъ пятый. Спб. 1894. С. А—ва.—9) Отто Генне-амъ-Ринъ. Законы культуры. Переводъ съ вѣмецкаго. («Международная Библіотека»). Одесса. 1894. П. А.

См. слѣдующую стран.

	СТР.
XIV. Историческія мелочи	308
<p>1) Частная жизнь 18 столѣтій тому назадъ.—2) Дочь Галилея.—3) Гете и его новые афоризмы.—4) Каролина фонъ-Гундероде.—5) Письма профессора Паррота къ императору Александру I.—6) Судъ надъ министрами Карла X.—7) Тьеръ и Наполеонъ III.—8) Среди историковъ.</p>	
XV. Заграничныя историческія новости	326
XVI. Смѣсь	333
<p>1) Освященіе памятника императору Александру III.—2) Университетскій актъ.—3) Диспутъ въ университетѣ.—4) Еще домикъ Петра Великаго.—5) Столѣтняя годовщина А. Ф. Смирдина.—6) Отчетъ о состояніи Карамзинской бібліотеки за 1893—1894 бібліотечный годъ.—7) Некрологи: А. А. Черкасовъ; А. Ф. Федотовъ; Ѳ. А. Баталинъ.</p>	
XVII. Замятки и поправки	339
<p>1) Другъ Жуковскаго А. Плещеевъ, Александра Плещеева.—2) Статсъ-секретарь А. М. Грибовскій. Н. Губерти.—3) Еще о культурныхъ успѣхахъ Финляндіи. (Письмо въ редакцію). Р. Сементновскаго.</p>	
<p>ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Н. С. Лѣскова.—2) Паденіе Царьграда (The Prince of India or why Constantinople fell). Историческій романъ Люиса Воллеса, автора «Во время оно». Переводъ съ англійскаго. Часть III. Гл. XII—XVIII. (Продолженіе).—3) Объявленіе книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина.</p>	

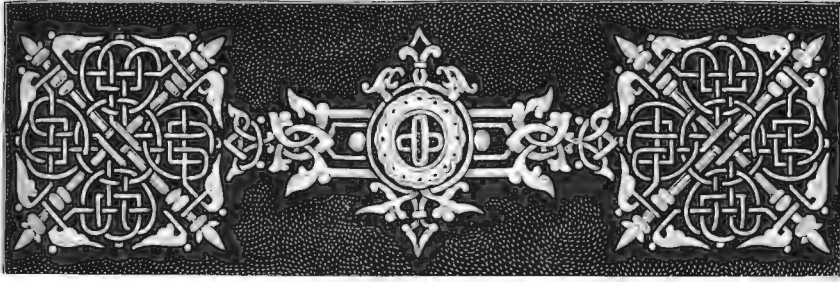

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЦЪ ЛЪСКОВЪ НА СМЕРТНОМЪ ОДРЪ.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СЛЪБ., 24 МАРТА 1885 Г.

ВЪ ПОИСКАХЪ ИСТИНЫ¹⁾.

XV.

НБСЪ ЖЕЛТЪМЪ, хлѣбъ съ полей былъ убранъ кое-гдѣ только возвышались скирды, не свезенныхъ еще на гумна, сноповъ. На опустѣвшемъ огородѣ Вознесенскаго монастыря дозрѣвала только капуста да горохъ, всѣ остальные овощи были срѣзаны, выкопаны и зарыты въ сухомъ пескѣ, въ обширныхъ, хозяйственно устроенныхъ подвалахъ. Сняты были также съ деревьевъ яблоки, груши, дули и сливы, уродившіяся въ этомъ году въ изобиліи, и въ просторной кухнѣ, примыкавшей къ трапезной, пла дѣятельная сортировка плодовъ—на варку, мочку и сушку.

Монастырь, построенный на возвышенности и окруженный съ трехъ сторонъ горами, поросшими густымъ, мѣстами непроходимымъ лѣсомъ, находился верстахъ въ шестидесяти отъ города и въ трехъ, четырехъ верстахъ отъ заселеннаго вольными людьми, мѣстечка Чирки, которое ни городомъ, ни деревней нельзя было назвать.

Проживалъ тутъ народъ самаго разнообразнаго званія и состоянія, собравшійся сюда со всѣхъ концовъ Россіи и поселившійся здѣсь, вслѣдствіе самыхъ разнородныхъ причинъ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIX, стр. 689.

Ютились тутъ у подножія горы, поросшей вѣковымъ лѣсомъ, и просторные въ два сруба дома, со свѣтелками и высокими крыльцами, подъ навѣсами, съ затѣйливой рѣзбой и крошечныя, покосившіяся отъ ветхости, хибарки. Каждый строился, какъ могъ и какъ хотѣлъ; наблюдать за порядкомъ и планировкой проулковъ между постройками некому было. Кто съ достаткомъ, тотъ захватывалъ мѣсто попросторнѣе, отгораживалъ себѣ, низкимъ или высокимъ тыномъ, земли сколько вздумается, и для огорода и для фруктоваго сада, а бѣднымъ, извѣстное дѣло, не до жиру, а быть бы живу; тѣ кучились поближе другъ къ другу. Но у каждой, даже самой плохой хижины, росли яблоневыя и вишневыя деревья.

Особенно хороши тутъ были вишни. До самаго Кіева распространялась про нихъ слава, такъ онѣ были сочны, крупны и сладки.

Но вообще, во всѣ времена года и даже ранней весной, когда, утопая въ цвѣтущихъ деревьяхъ, поселокъ Чирки, розоватымъ, нѣжнымъ пятномъ, выдѣлялся на темной зелени горы, это человѣческое гнѣздо производило довольно мрачное впечатлѣніе, особенно на тѣхъ, которымъ по опыту были извѣстны нравы и обычаи живущаго тутъ люда.

Земледѣліемъ Чирковскіе обитатели не занимались; однѣ только бабы, да и то не всѣ, копались въ огородахъ и снимали червей съ яблонь, что же касается мужчинъ, то всѣ они жили исключительно лѣсомъ и рѣкой, рубили деревья и сплавляли ихъ по рѣкѣ, драли лыко, которое носили въ окрестныя деревни промѣнивать на муку, водку и тому подобныя необходимыя хозяйственные припасы. Снабжали они также сосѣдніе монастыри рыбой изъ не широкой, но глубокой и быстрой своей рѣченки.

Но всѣмъ было извѣстно, что чирковцы занимались еще и другимъ промысломъ, много труднѣе и опаснѣе этихъ, но за то и несравненно прибыльнѣе, и не засиживались ихъ дочери въ дѣвкахъ. Свахи наѣзжали сюда издалека, и можно было указать на многихъ богатыхъ купцовъ, проживающихъ въ большихъ городахъ и торговавшихъ на всю Россію, которые всѣмъ своимъ благосостояніемъ обязаны были приданому, полученному за чирковской дѣвкой.

Красотой своихъ бабъ Чирки славились столько же, сколько и отличнымъ вкусомъ своихъ вишенъ и водой изъ источника, считавшагося цѣлебнымъ.

Рослыя, стройныя, чернобровыя и большеглазыя, всѣ онѣ, и бѣдныя и богатыя, отличались какой-то особенной смѣлостью и удалію во взглядѣ, рѣчи и движеніяхъ.

Да и на дѣлѣ онѣ были таковы.

И всѣ равны между собой, какъ и отцы ихъ и братья. Ужъ такое ихъ было положеніе, что кичиться богатствомъ и силой не

приходилось; все ихъ благосостояніе зависѣло отъ такихъ случайностей, которыя невозможно было предвидѣть или предотвратить. Случалось такъ, что утромъ чирковка, въ рваномъ зипунишкѣ или дырявомъ сарафанишкѣ и босикомъ, побирается, Христа ради, подъ окнами богатыхъ сосѣдей, прося хлѣбца краюшку да молочка кружечку ребятамъ покормить, объясняя при этомъ, что все вчера вечеромъ приѣли, послѣдній ломоть хлѣба мужъ взялъ съ собою въ лѣсъ, а на другой день вернется къ утру этотъ самый ея мужъ и всякаго добра натащить въ домъ, богатыхъ нарядовъ, золота, серебра, ну, и разбогатѣли люди.

И никто этому не дивился, а если кто и завидовалъ, то безъ осужденія, а только съ тайной надеждой, что и на его улицѣ будетъ праздникъ, не зѣвая только, да лови счастье за хвостъ, когда мимо твоего носу будетъ мчаться.

Да, чирковцы были равны между собою и, нуждаясь другъ въ другѣ, жили если не совѣмъ дружно, то вполнѣ солидарно. Предателей между ними не было. Случалось, что, разсвирѣпѣвъ на недруга, ставшаго ему поперекъ дороги, чирковецъ и укукошить его при удобномъ случаѣ въ лѣсной чащѣ и тѣло такъ ловко схоронить, что концевъ не найдти, но чтобъ онъ донесъ на своего начальству или проболтался бы на его счетъ на допросѣ,—нѣтъ, этого никогда еще не случалось. Никакими муками не возможно было выпытать изъ нихъ ни единого намека на темный промыселъ, которымъ они занимались изъ поколѣнія въ поколѣніе.

И такъ велика была сила воли, вложенная въ нихъ сызмальства окружающею средой, такіе глубокіе корни пустили имъ въ душу правила, на которыхъ они были вскормлены вмѣстѣ съ молокомъ матери, что даже и тогда, когда судьба отрывала ихъ отъ роднаго гнѣзда и ставила въ условія жизни совершенно инаго рода, чѣмъ тѣ, въ которыхъ они родились и выросли, тяготѣніе ихъ къ этому гнѣзду не ослабѣвало и, при всякомъ удобномъ случаѣ, проявлялось самымъ ощутительнымъ образомъ.

Сколько было примѣровъ успѣшнаго заступничества передъ властями за попавшаго въ бѣду чирковца, отъ чирковки или чирковца взысканнаго фортуной! сколько побѣговъ изъ тюремъ, съ пути въ Сибирь и изъ самого мѣста ссылки можно было, если бы поглубже изслѣдовать ихъ причину, объяснить тѣмъ же самымъ—солидарностью этой кучки вольныхъ людей между собою!

Связи у нихъ были обширнѣйшія и разнообразнѣйшія, и могуществомъ они владѣли, по истинѣ, изумительнымъ. Даже и представить себѣ невозможно, какіе важные люди обращались къ нимъ за помощію и поддерживали съ ними сношенія.

Особенно цѣнили ихъ дружбу въ женскомъ Воскресенскомъ монастырѣ и въ мужскомъ Трехсвятскомъ, расположенномъ тоже въ горахъ, неподалеку отъ перваго.

И въ томъ и другомъ, какъ у монахинь, такъ и у монаховъ, чирковцы были въ большомъ почетѣ. Не говоря уже о богатыхъ вкладахъ, сыпавшихся отъ нихъ на эти обители весь годъ, они служили удалившимся отъ міра инокамъ и инокинямъ посредниками съ этимъ міромъ, факторами, черезъ которыхъ можно было все достать, узнать, платя за это только лаской да молитвой. И обѣ стороны оставались довольны. Чирковцы ни въ чемъ такъ не нуждались, какъ въ молитвахъ праведныхъ людей, и часто, отправляясь на промыселъ, впередъ давали обѣтъ столько-то и столько-то имъ пожертвовать изъ прибыли. Обѣщаніе это исполнялось свято. Было у нихъ даже такое повѣрье, что дѣло не удастся, если впередъ не заручиться молитвами монаховъ.

Какъ сказано выше, чирковцы были народъ вольный, и члены ихъ маленькой коммуны считались равноправными, но, какъ и во всякомъ людскомъ муравейникѣ, явился и тутъ старшій.

Звали этого челоуѣка Гагинымъ и гордились имъ односельчане, какъ украшеніемъ, въ нѣкоторомъ родѣ, ихъ мѣстечка, такой онъ былъ мозговитый и во всѣхъ отношеніяхъ способный челоуѣкъ.

Совѣтъ ли кому дать, помощь ли кому оказать, никто лучше его не могъ. А ужъ на разговоръ какой пріятный! Съ нимъ не только проѣзжіе купцы, но даже игумень Трехсвятительскаго монастыря любилъ бесѣдовать, а игуменья Воскресенской обители ничего, безъ его совѣта, не предпринимала по хозяйству.

Егоръ Севастьяновичъ родомъ былъ изъ Чирковъ. И отецъ, и дѣдъ его были здѣшніе, но житейской мудрости и искусствомъ овладѣвать сердцами онъ обучился въ Москвѣ, у родныхъ матери, которую отецъ его взялъ себѣ въ жены оттуда. Ему не было еще трехъ лѣтъ, когда его отправили къ дядѣ, пожелавшему взять его въ сыновья. Этотъ дядя былъ челоуѣкъ богатый и бездѣтный, онъ обѣщаль оставить все свое состояніе племяннику, если Егоръ выкажетъ способности къ торговому дѣлу.

Однимъ словомъ, обстоятельства такъ сложились, что судьба какъ будто навсегда оторвала Гагина отъ роднаго гнѣзда; прошло болѣе тридцати лѣтъ, и родители его давно умерли, когда онъ вдругъ неожиданно-негаданно здѣсь проявился. Про него совсѣмъ забыли, но, предъявляя права на скудное наслѣдство, оставшееся послѣ его родителей, онъ сумѣлъ доказать, что здѣсь родился, и что крестили его въ Трехсвятительскомъ монастырѣ; на все это у него были неопровержимые документы, согласовавшіеся съ записями въ церковныхъ книгахъ, и тогда всѣ про него вспомнили и признали его.

Заявивъ, что желаетъ поселиться на постоянное житье въ Чиркахъ, онъ дѣятельно принялся за постройку дома у самой горы, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находились развалины, вросшей на половину въ землю, хибарки его родителей.

На затраты онъ не скупился; ѣздилъ въ Кіевъ за всѣмъ, что казалось ему нужнымъ для новаго дома, подрядилъ монаха рѣзчика, чтобы разукрасить его снаружи и внутри затѣйливыми, разноцвѣтными выкрутасами, развелъ большой садъ, а такъ какъ справа и слѣва для его затѣй мѣста не хватало, сосѣди мѣшали, Егоръ Севастьяновичъ, недолго думая, полѣзъ въ гору, повырубилъ тамъ лѣсу, сколько ему нужно было, огородилъ очищенное мѣсто крѣпкимъ тыномъ и засадилъ фруктовыми деревьями.

Все это онъ дѣлалъ такъ хозяйственно и толково, что съ каждымъ днемъ чирковцы проникались къ нему все большимъ и большимъ уваженіемъ.

Устроившись здѣсь, онъ поѣхалъ за семействомъ и привезъ въ Чирки жену, дочь, старушку мамушку, да двухъ молодцевъ, такихъ же ловкачей, какъ и онъ самъ, которые находились у него, должно быть, въ большомъ довѣріи, потому что онъ ихъ всюду разсылалъ за себя, а самъ дома сидѣлъ и благодушествовалъ въ уютно устроенномъ гнѣздышкѣ. Пристрастился онъ къ пчеловодству. Не прошло и трехъ лѣтъ, какъ за медомъ стали къ нему пріѣзжать изъ-подъ Кіева, такъ онъ былъ вкусенъ и душистъ.

Однако судя по постояннымъ разъѣздамъ его двухъ сподручныхъ, Гагинъ вель и другія дѣла. Торговалъ вѣрно чѣмъ нибудъ, но гдѣ у него были лавки—никто не зналъ. Подѣзжалъ иногда къ его дому цѣлый обозъ нагруженныхъ подводъ. Онъ выйдетъ на крыльце, осмотритъ коней, поговоритъ съ людьми и, накормивъ тѣхъ и другихъ, отпуститъ дальше.

А куда дальше, и этого тоже чирковцамъ узнать было неоткуда.

Онъ и жену себѣ подъ стать подобралъ, такая же дѣльная, да скрытная баба, какъ и самъ онъ.

Звали ее Акулиной Ивановной, съ молоду была, должно быть, красавица и, какъ видно, изъ хорошей, зажиточной семьи, но не бѣлоручка, до всего сама доходила и во всемъ толкъ знала. Съ ранняго утра на ногахъ и до поздней ночи вокругъ дома хлопочетъ, ни въ чемъ на работниковъ, да на работницъ не полагалась, во все входила и всѣхъ въ страхѣ держала. Съ мужемъ у нея были отношенія совсѣмъ особенныя. Онъ не только во всемъ съ нею совѣтовался, но часто на нее ссылался, когда у него о чемъ нибудъ спрашивали: «пойдемъ, спросимъ у Акулины Ивановны, какъ она скажетъ», или «хотѣлъ было такъ сдѣлать, да Акулинѣ Ивановнѣ не нравится».

Долго дивились и недоумѣвали чирковцы передъ такою покорностью бабѣ, но потомъ мало-по-малу привыкли и къ этой странности въ Гагинѣ и даже стали находить это весьма естественнымъ. Баба бабѣ рознь, и если между чирковками не найти ни одной такой, которая не была бы суетна, болтлива и блудлива, то это еще не значить, чтобъ и въ другихъ мѣстахъ онѣ были такія же,

вѣдь вотъ Гагинъ нашелъ же себѣ жену, которой не за что и плеткой пригрозить, такъ умно и чинно она себя ведетъ.

Единственную дочку, Марину Егоровну, Гагины берегли и холили, какъ зѣницу ока. Мухѣ не дозволяли на нее сѣсть, вѣтерку не дадутъ на нее подуть, такъ ужъ онѣ ее наблюдали да берегли. Кромѣ старушки няни, находились при ней, въ подругахъ и для услугъ, двѣ дѣвицы и, видать, не изъ простыхъ, мѣщанскаго либо купеческаго сословія, сироты и бѣдныя, вѣрно, потому что на полномъ иждивеніи были у Гагиныхъ. Говорили, что дальними средствами онѣ имъ приходится и что Христа ради ихъ призрѣли. Обращались съ ними ласково, кормили ихъ и одѣвали хорошо, но, разумѣется, съ родной дочерью не ровняли, и должны были онѣ угождать ей, какъ госпожѣ. Но за то и воли у нихъ было больше; ихъ и въ лѣсъ за ягодами да за грибами пускали, и въ городъ Акулина Ивановна ихъ съ собой иногда брала; Марину же Егоровну, кромѣ какъ въ церкви, никто нигдѣ не видалъ. Изъ свѣтлицы своей она выходила лѣтомъ только въ палисадникъ, засѣянный для нея душистыми цвѣточками, да въ садъ, а зимой каталась въ саняхъ, покрытыхъ ковромъ, и ни съ кѣмъ, кромѣ монахинь Воскресенскаго монастыря, знакомства не водила.

Изъ чирковскихъ никому до нея доступа не было, но къ матери ея здѣшнія бабы за всякой нуждишкой хаживали и всегда оставались ею довольны. Не ласкова и не болтлива была Акулина Ивановна, но никогда ни въ чемъ сосѣдкамъ не отказывала: больныхъ лѣчила, указывала, какъ со скотиной да съ птицей обращаться, чтобы выгоды себѣ больше получить, учила дѣвицъ кружева плести, да по полотну разноцвѣтными шелками красивые узоры вышивать, помогала людямъ всячески, однимъ словомъ, и выручать изъ бѣды и нужды ближнихъ не скупилась, но близости ни съ кѣмъ не допускала, серьезная была женщина и, не то чтобы гордая, а строгая, и боялись ее столько же, сколько и уважали.

По временамъ пріѣзжали къ нимъ издалека гости, все какіе-то купцы, судя по одеждѣ да по сытымъ лошадямъ, запряженнымъ въ крѣпкія уютныя кибитки, очень вмѣстительныя, не взирая на кажущуюся простоту и отсутствіе всякихъ бросающихся въ глаза украшеній.

Люди эти на чирковскихъ улицахъ не показывались, но за то Егоръ Севастьяновичъ возилъ ихъ въ монастыри, гдѣ гащивалъ съ ними по три, по четыре дня, а иногда и дольше. Ъзжалъ онъ съ ними также и въ лѣсъ, но объ этомъ всѣ помалкивали, не такой былъ человѣкъ Егоръ Севастьяновичъ, чтобы про него зря языки чесать; любить-то, его любили, правда, и уважали, и благодарность къ нему чувствовали, но и побаивались не мало.

Однако, этимъ лѣтомъ повадился къ нимъ такой интересный гость, что не заниматься имъ и не дѣлать предположеній на его

счесть не было никакой возможности, такой онъ былъ красивый, статный и, по всему видно, богатый.

Его считали женихомъ Марины, и вотъ по какимъ признакамъ: ни къ кому изъ гостей не выходила она изъ своей свѣтелки, а къ нему спускалась внизъ, и родители оставляли ее съ нимъ вдвоемъ. Молодые люди два раза подолгу бесѣдовали на крытомъ крылечкѣ, выходявшемъ въ садъ, и прогуливались рядомъ по дорожкамъ, усыпаннымъ желтыми листьями, подъ яблонями и дубами, терявшими съ каждымъ днемъ все больше и больше свой лиственный уборъ.

Садъ-то шелъ въ гору, и какъ ни высокъ былъ окружающій его тынъ, снизу всегда можно было въ него заглянуть.

Гость былъ и богатъ и тароватъ; всѣмъ въ домѣ привозилъ онъ прекрасные подарки. Послѣ его отъѣзда и работники и работницы у Гагиныхъ щеголяли въ обновкахъ, у кого шапка, у кого поддѣвка, у кого сарафанъ яркаго цвѣта, мониста или лента въ косѣ и все такое красивое да добротное, какъ здѣсь по близости ни въ одной жидовской лавочкѣ не найти. Можно себѣ представить, какъ онъ свою невѣсту обдаривалъ!

XVI.

Въ этомъ году очень неспокойно было въ той мѣстности. Не успѣла шайка Шайдюка скрыться послѣ разбоя въ Епифановскомъ лѣсу, какъ проявилась другая подъ предводительствомъ таинственнаго Чижика.

Близъ города подвиги его ограничились разореніемъ Зобовскаго хутора; испугался, вѣрно, онъ энергичныхъ мѣръ, принятыхъ начальствомъ, и, не дождавшись облавы, удалился въ глубь страны, въ степь, гдѣ, кромѣ чумаковъ, никого нельзя было встрѣтить, а, можетъ быть, и дальше, за границу.

Но въ Чирковскомъ лѣсу разбойники не переводились. Правда, на здѣшнихъ жителей они дерзкихъ нападений не производили, но время отъ времени посылали молодецвъ изъ своихъ притоновъ собирать дань съ богатыхъ поселянъ, особенно съ тѣхъ, что жили отдѣльными небольшими поселочками. Сюда они шли попріятельски, прямо назначали, какую имъ желательно взять овцу, теленка или свинью, сколько куръ, гусей, муки и проч., и покалякавъ съ хозяевами, а иногда и переночевавъ у нихъ, уходили себѣ преспокойно восвояси.

Часто можно было застать въ избѣ зажиточнаго хуторянина, за столомъ вмѣстѣ съ его семьей, неизвѣстнаго, съ загорѣлымъ, энергичнымъ лицомъ, въ чуйкѣ и съ ножомъ за поясомъ, мирно хлебавшаго щи изъ одной чашки съ бабами и ребятишками, въ то время, какъ хозяинъ съ старшими сыновьями увязывали выбран-

ную провизію къ сѣдлу, когда непрошенный гость пріѣзжалъ верхомъ, или въ тюкъ поудобнѣе, чтобы взвалить ему на плечи, если онъ былъ пѣшій. Случалось и такъ, что незнакомецъ столько наберетъ припасовъ, что телѣжку на поддержаніе попросить. Разумѣется, отказа не было, и телѣжку непременно потомъ находили въ цѣлости въ указанномъ мѣстѣ, иногда съ благодарностью въ видѣ красиваго платка или мониста для хозяйки или добраго ножа для хозяина.

Производили разбойники набѣги и на монастыри. Но и тамъ тоже предпочитали отъ нихъ откупаться деньгами и натурой, чѣмъ обращаться за помощью къ властямъ. Ну, приплютуть солдатъ, повоюютъ они съ лѣсными молодцами, положить кое-кого изъ нихъ на мѣстѣ, другихъ въ кандалы закуютъ и въ городской острогъ уведутъ, а потомъ? Вѣдь ужъ тѣмъ, кто ихъ выдалъ, отъ злодѣевъ милосердія нельзя было ждать, не эти, такъ другіе за товарищей отомстятъ, и ужъ баранами да курами не удовольствуются, а выждавъ времячко удобное, да ночьку потемнѣе, весь поселокъ выжгутъ, разграбятъ, съ лица земли сотрутъ. Бывали такіе примѣры и не разъ и не два въ сосѣднихъ съ Чирками мѣстностяхъ, кому же охота послѣ этого на рожонъ лѣзть.

Однако, какъ подошла осень, молодцы изъ лѣса разгулялись не на шутку. Нужда ли ихъ приспичила, или соскучились безъ дѣла, такъ или иначе, но все чаще и чаще стали поговаривать въ Вознесенскомъ монастырѣ о томъ, что въ лѣсу не спокойно. Злодѣи стали дѣвокъ и бабъ къ себѣ уводить. Рассказывали, что у старухи Зайчихи внучка безъ вѣсти пропала въ лѣсу, и что Ненила, жена косога Акима, третьи сутки домой не возвращается, и будто слышали, какъ Зайчихина внучка билась и кричала, призывая на помощь, когда разбойники въ вертепъ свой ее тащили.

Все это по вечерамъ монашки шепоткомъ передавали другъ другу за трапезой, подъ стукъ деревянныхъ ложекъ объ чашку со щами да подъ монотонное чтеніе дежурной чтницы у аналоя, въ одномъ изъ угловъ длинной комнаты съ узкимъ столомъ посреди. И какъ строго ни слѣдили старицы за тѣмъ, чтобы подвѣдомственное имъ бабье стадо не развлекалось посторонними мыслями во время ѣды, новости о разбойникахъ съ каждымъ днемъ расплакались и приводили затворницъ въ такое смятеніе, что рѣдкая изъ бѣлицъ могла заснуть до разсвѣта, то-есть какъ разъ передъ тѣмъ, какъ къ заутренѣ ударять.

А ужъ послѣ приключенія съ бѣлицей Лукерьей и старшія переполошились.

Лукерью послали въ лѣсъ за хворостомъ, послѣ вечерни. Не порядокъ это былъ; вообще передъ вечеромъ монашкамъ выходить изъ обители не дозволялось. Но старицѣ Калисеевнѣ понадобилось печку въ кельѣ затопить, знобило ее весь день, а въ дровяной са-

рай нельзя было послѣ обѣда иначе проникнуть, какъ съ вѣдома наперстницы-матушки, матери Меропеи, съ которой у Калисееніи были какіе-то счеты, ну, вотъ, бѣличка Луша, состоявшая у Калисееніи въ послушницахъ, и вызвалась за хворостомъ сбѣгать въ лѣсъ. У самой опушки можно было набрать сколько хочешь, но погода была такая заманчивая! Дневной жаръ спалъ, солнышко закатывалось за горы, пронизывая своими прощальными лучами зеленую чащу. Птички пѣли; душисто такъ да уютно было подъ высокими старыми деревьями. Лукерья рѣшила, что можно хворосту набрать и дальше, не у самой опушки, и не бѣда, если замѣшкаться немножко. Ну, поначалить старица, да и все тутъ. Пошла она по тропинкѣ, протоптанной ихъ же монастырскимъ водовозомъ, къ ключу, изъ котораго игуменья любила воду пить, и какъ вспомнила она про этотъ ключъ, такъ ей захотѣлось пить, что она прямо къ нему и отправилась. Забыла и про разбойниковъ. Да и какъ было про нихъ вспомнить въ такой чудный вечеръ! Совсѣмъ еще свѣтло было. Солнышко играло въ листьяхъ и травѣ; хорошо и мирно кругомъ. Тишина нарушалась только пѣніемъ птицъ, стрекотаніемъ букашекъ, шелестомъ листьевъ да шуршаньемъ травы подъ быстроногими ящерицами, спугнутыми человѣческими шагами. Дошла она до ручья и, свернувъ тюрникомъ большой кленовый листъ, сорванный съ ближняго дерева, хотѣла ужъ опуститься на колѣни, чтобы зачерпнуть холодной воды, свѣтлой струйкой и съ нѣжнымъ журчаніемъ бѣжавшей по камушкамъ, какъ вдругъ ей послышалось, что идетъ будто кто-то въ ея сторону большими шагами, и не успѣла она опомниться, какъ хворостъ захрустѣлъ совсѣмъ отъ нея близко, зашелестили листья, раздвинулись вѣтви, и передъ ней предсталъ незнакомецъ съ звѣрскимъ лицомъ и всклокоченной бородой, въ мохнатой шапкѣ, надвинутой по самыя брови. Боже, какъ страшно сверкали его глаза изъ-подъ этой шапки! почти такъ же, какъ и острый ножъ, блестявшій у него за поясомъ.

Вскочило ей тутъ въ голову и про внучку Зайчихи, и про жену Акима, и про всѣ ужасы, которые рассказывались про разбойниковъ, и такъ обомлѣла она отъ страха, что не въ силахъ была ни кричать, ни двигаться. Въ глазахъ помутилось, ноги подкосились, она безпомощно повалилась на землю.

Впрочемъ, незнакомецъ ей зла не сдѣлалъ, спросилъ только, нѣтъ ли у нея чегонибудь поѣсть. Къ счастью, она захватила съ собой краюшку хлѣба, не доѣденную за ужиномъ, и, поспѣшно вынувъ ее изъ-за пазухи, дрожащей рукой подала лѣсному молодцу, который, должно быть, былъ очень голоденъ, судя по тому, какъ стремительно поднесъ онъ хлѣбъ ко рту, запустилъ въ него зубы и удалился.

А Лукерья побѣжала домой и всѣхъ перепугала своимъ появленіемъ. Лица на ней не было; такъ блѣдна, отъ холщеваго платка, что на голову у нея былъ накинута, не отличишь.

Стали ее допрашивать, и когда она заплетающимся отъ внутренней дрожи языкомъ рассказала про свою встрѣчу, на всѣхъ напала жуть.

Посовѣтовавшись со старицами, игуменья распорядилась усилить карауль, ходившій съ трещетками по ночамъ кругомъ обители, запретила даже и днемъ выпускать бѣлицъ за ограду, ворота приказала держать на запорѣ и послала въ Чирки за Гагинымъ.

Но Егора Севастьяновича дома не застали. Онъ поѣхалъ по дѣламъ за Кіевъ и раньше, какъ къ Покрову, не велѣлъ себя ждать.

Выслушавъ внимательно повѣствованіе о страшномъ приключеніи съ бѣлицей Лукерьей, Акулина Ивановна обѣщала прислать мужа тотчасъ послѣ его возвращенія и совѣтовала обитательницамъ монастыря не тревожиться.

— Никто какъ Богъ; храниль Господь вашу обитель отъ лѣсныхъ молодецъ, сохранить и впредь,—говорила она своимъ сладкимъ голосомъ, съ характерною московскою пѣвучестью.

Впрочемъ, мѣры предосторожности, принятыя игуменьею противъ разбойниковъ, она одобрила и вѣсть объ исчезновеніи жены Акима и Зайчихиной внучки подтвердила. Дѣйствительно, разбойники распалились послѣднее время не на шутку, но чтобъ они на святую обитель покусились, вѣтъ, этого бояться нечего. Все же и на нихъ крестъ есть, и кто же за нихъ тогда молиться будетъ?

— Вотъ пріѣдетъ Егоръ Севастьяновичъ и вамъ присовѣтуетъ, человекъ онъ опытный, положиться на его слово можно,—прибавила она въ заключеніе своей рѣчи и, попросивъ извиненіе у посѣтительницы, она оставила ее на галдарейкѣ, выходящей на улицу, а сама отправилась готовить для нея угощеніе на кухню.

Но посланная игуменьи долго въ одиночествѣ не оставалась. Вѣсть объ ея появленіи въ Чиркахъ разнеслась по мѣстечку, и то одна, то другая изъ проходившихъ мимо бабъ останавливались, чтобы покаякать съ нею, рассказать про то, что ихъ занимало, а именно про молодого купца, сватавагося за дочку Егора Севастьяновича.

— Опять пріѣзжалъ на прошлой недѣлѣ...

— Опять? — захлебываясь отъ любопытства, переспросила гостя.

— Какъ же! Во какой ящикъ оставилъ,—показывала рассказчица растопыренными пальцами размѣръ ящика съ подарками, оставленнаго женихомъ въ домѣ невѣсты.

— Ну, а она что? — понижая голосъ до шепота и кивая въ сторону Марининой свѣтелки, освѣдомлялась гостя.

— Что-жъ, рада, конечно, но, какъ дѣвица, стыдится, понятно, и виду не показываетъ.

— И выходитъ она къ нему?

— Кажинный разъ. Гуляютъ вмѣстѣ въ саду. Съ улицы-то все видно. Вся деревня глазѣтъ. Ну, свадьба-то скоро, должно быть.

— Приданое пьютъ?

— Зачѣмъ? У нихъ давнымъ давно все готово. Надо такъ полагать, что давно ужъ дѣло это у нихъ налажено; какъ въ свой домъ, онъ сюда приѣзжаетъ. Съ Москвы, вѣрно, знакомство-то промежъ ихъ. Да неужто-жъ у васъ про все это до сихъ поръ неизвѣстно? Вѣдь гоститъ она у васъ подолгу.

— Да она все съ Курлятьевскими боярышнями, а ихъ мать Агнія особнякомъ держитъ.

— Гордыя?

— Нѣтъ, не то, чтобы гордыя, а скорѣе робкія. И все, какъ будто привыкнуть къ монастырю не могутъ, всѣхъ чуждаются, все промежъ себя... да вотъ теперь съ Гагинской дочкой сдружились.

— Дѣвицы, извѣстное дѣло. Имъ-то она, поди чай, сказала про жениха?

— Да нешто уже просватана?

— Надо такъ полагать, что просватана, намеднись, какъ приѣзжалъ онъ сюда...

Появленіе хозяйки съ подносомъ, уставленнымъ снѣдью, заставило рассказчицъ прервать на полусловѣ рѣчь и разбѣжаться въ разныя стороны, но и того, что узнала посланная игуменьи, было достаточно, чтобы дать ей обильную пищу для рассказовъ по возвращеніи въ монастырь. Въ тотъ же день всѣ здѣсь узнали про то, что Егоръ Севастьяновичъ просваталъ дочку и извѣстіе это, на время, заставило даже забыть о разбойникахъ, такъ оно всѣхъ заинтересовало.

Келья матери Агніи находилась не въ главномъ корпусѣ, а въ отдѣльномъ домикѣ, за церковью, среди садика изъ старыхъ липъ и сирени и состояла изъ трехъ маленькихъ комнатъ, съ широкими свѣтлыми сѣнями, отдѣлявшими горницы отъ кухни. Тутъ жизнь боярышень Курлятьевыхъ протекала за рукодѣльемъ и чтеніемъ святыхъ книгъ. Выходили онѣ только въ церковь да въ садикъ; ни въ лѣсъ, ни въ огородъ, ни въ поле ихъ не пускали. И съ бѣличками, однихъ съ ними лѣтъ, тетка не любила, чтобъ онѣ водились. Одна только и была у нихъ подруга—Марина Гагина. Можно себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали онѣ ея посѣщеній!

И, должно быть, она ужъ раньше сообщила имъ о томъ, что за нее сватается интересный женихъ, потому что онѣ не выразили ни изумленія, ни любопытства, когда имъ сообщили эту новость, только переглянулись между собою, а когда остались вдвоемъ, Марья съ загадочной улыбкой, заглядывая сестрѣ въ глаза, сказала:

— Теперь намъ скоро ждать избавленья, сестрица!

Катерина вспыхнула.

— Не напоминайте, страшно мнѣ,—вымолвила она чуть слышно, низко пригибаясь къ работѣ.

— Страшно?—съ упрекомъ возразила ея сестра.—Грѣха надо пуще всего бояться, сестрица, а мы здѣсь въ грѣхѣ съ ногъ до головы погружены, и нѣтъ намъ ниткуда спасенія. Батюшкѣ нашему аввѣ Симіонію ни разу не удалось сюда проникнуть, а Марина сказывала, нарочно, чтобы благословить насъ, два раза пріѣзжалъ въ Чирки. Это ли не горе! Это ли не дьявольская западня!

Глаза ея сверкнули ненавистью и негодованіемъ.

— Съ Фелицатой видѣлись,—напомнила, не поднимая глазъ съ работы, Катерина.

— Что мнѣ Фелицата! Чѣмъ утолить она жажду моего сердца? Что скажетъ она мнѣ такого, чего я сама не знаю?—съ возрастающимъ раздраженіемъ возразила Марья.—Мнѣ учителя надо, одинъ авва Симіоній можетъ успокоить мою душу, разверзнуть передъ моими духовными очами чертогъ божественной премудрости, приблизить меня къ Создателю, призвать на меня духа... Ни разу не сходилъ Онъ на насъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь, сестрица! Ни разу!—повторяла она съ отчаяніемъ.—И вы еще колеблетесь, позволяете бѣсу васъ искушать, сомнѣніямъ заползать вамъ въ душу, ахъ, сестрица! сестрица! Вспомните, что ожидаетъ маловѣрныхъ, колеблющихся и сомнѣвающихся! Васъ снискалъ Господь, Онъ простираетъ къ вамъ свою руку, чтобы вырвать васъ изъ дьявольской пучины, а вы колеблетесь! А еще говорите, что любите!

— Да вѣдь онъ разбойникъ!—вскричала Катерина, и голосъ ея порвался въ рыданіяхъ.

— Былъ разбойникомъ, а теперь въ истинную вѣру перешель, вѣчную истину позналъ и прозрѣлъ,—возразила, торжественно возвышая голосъ, Марья.

— Любить ли онъ меня попрежнему?—сквозь слезы вымолвила Катерина.

— Вспомните, что сказалъ авва Симіоній, сестрица, и отгоняйте дьявола. Отъ него терзающія васъ сомнѣнія, ни отъ кого больше,—авторитетно возразила ея сестра.—Сѣтованіями вашими вы бѣсу служите, никому больше,—прибавила она еще строже.

И слова ея подѣйствовали; сестра ея перестала рыдать, но крупныя слезы продолжали скатываться одна за другой по ея поблѣднѣвшимъ щекамъ, а дрожащая рука, не выпуская иглы изъ пальцевъ, беспомощно опустилась на туго натянутую парчу. Страстная борьба кипѣла въ ея душѣ. Въ сомнѣніяхъ, возникавшихъ одно за другимъ, въ отуманенной головѣ, сердце ея билось, какъ птица въ западнѣ, и жутко ей было, и сладко въ одно и то же время, и непреодолимо тянуло въ таинственную пропасть, что развѣрзалась передъ нею.

XVII.

Акулина Ивановна исполнила свое обѣщаніе; не прошло и недѣли, какъ мужъ ея пріѣхалъ въ монастырь и совершенно успокоилъ всю обитель насчетъ разбойниковъ.

Долго толковалъ онъ съ матушкой съ глазу на глазъ въ ея кельѣ, и подъ конецъ бесѣды, когда все уже между ними было переговорено, позвали мать Агнію, чтобъ ей объявить, что съ этого дня запретъ бѣлицамъ ходить въ лѣсъ за грибами снимается. Можно также распустить лишнихъ сторожей, нанятыхъ ходить дозоромъ вокругъ монастыря, по случаю слуховъ о разбойникахъ. Опасности никакой не предвидится.

— Егоръ Севастьяновичъ говоритъ, что злодѣи перекочевали изъ нашего лѣса за Кіевъ, и что бояться намъ нечего,—объявила игуменья, кивая на гостя, степенно сидѣвшаго на креслѣ передъ нею.

— Нечего, матушка, нечего вамъ бояться, — подтвердилъ онъ, почтительно поднимаясь съ мѣста, чтобъ отвѣсить низкій поклонъ появившейся на порогѣ матери Агніи.

— Онъ полагаетъ, что мужчина, напугавшій нашу бѣлицу, не разбойникъ, а просто бродяга,—прибавила игуменья.

— Непремѣнно бродяга,—повторилъ Гагинъ.

— А какъ же ножъ-то, что у него за поясомъ былъ?

Егоръ Севастьяновичъ усмѣхнулся.

— Съ перепугу-то мало ли что покажется, матушка,—возразилъ онъ съ добродушной ироніей и, чтобы перемѣнить разговоръ, повелъ рѣчь про предстоящую ему поѣздку въ Москву по дѣламъ и упомянулъ про дочь.

— Давно она у насъ не была,—сказала игуменья.

— Съ Петрова дня,—подхватила мать Агніа.—Рѣдкій день племянницы мои про нее не вспоминаютъ.

— Надняхъ, если позволите, привезу вамъ ее. Сама къ вамъ рвется,—отвѣчалъ гость.

— Милости просимъ, мы ей всегда рады,—сказала игуменья.— Такъ ли я говорю, мать Агніа?

Эта послѣдняя поспѣшила согласиться. Ужъ какого лучше доказательства въ томъ, что имъ ниоткуда не грозитъ опасность, когда Гагинъ самъ набивается привезти къ нимъ дочь. Не сталъ бы онъ подвергать непріятнымъ случайностямъ свое единственное и нѣжно любимое дитя.

— Да ужъ оставили бы вы ее у насъ подольше,—предложила игуменья.

— Племянницы собираются облаченіе для владыки вышивать, ваша Марина Егоровна бы имъ помогла,—подхватила мать Агніа.

Гагинъ опять отвѣсилъ имъ обѣимъ поклонъ.

— Я и самъ васъ хотѣлъ объ этомъ просить, матушка, и васъ тоже, мать Агнія. Мнѣ въ октябрѣ надо по дѣламъ въ Москву съѣздить; раньше, какъ къ празднику, не оборотиться, а жена дала обѣщаніе къ печерскимъ угодникамъ пѣшкомъ сходить. Боюсь, что замѣшкается она въ Кіевѣ-то, тетка у нея тамъ, древняя старушка, прихварываетъ часто и вызываетъ ее. Намеднись монашка одна, чтѣ оттуда, сказывала: «скучаетъ она по васъ, Акулина Ивановна».

— Ну, и прекрасно. Поѣзжайте вы въ Москву, Акулина Ивановна въ Кіевъ, а Марину пришлите къ намъ,—объявила игуменья и прибавила съ улыбкой:—Правда ли, народъ толкуетъ, будто вы, Егоръ Севастьяновичъ, свою дочку просватали?

— Не смѣю передъ вами таиться, матушка,—сдержанно отвѣчалъ онъ,—и если ужъ люди болтаютъ, то долженъ вамъ сознаться, что дѣйствительно есть у насъ съ женой паренекъ одинъ на примѣтѣ. Богобоязненный малый, да и умомъ Господь его не обидѣлъ, одинъ преольшую торговлю ведетъ и не хуже старика справляется.

— Зачѣмъ же дѣло стало?—полюбопытствовала игуменья.

Гагинъ вздохнулъ.

— Какъ Богъ дастъ, матушка, какъ Богъ дастъ,—уклончиво проговорилъ онъ.

— Въ чемъ же помѣха-то?

Онъ развелъ руками, видимо затрудняясь яснѣе выразиться.

— Денегъ, что ли у него мало? Такъ вѣдь ты, поди чай, приданого прикопилъ дочкѣ, Егоръ Севастьяновичъ, одна вѣдь она у тебя.

— Что деньги? Деньги дѣло наживное, — беззаботно махнулъ онъ рукой. — Да у него и теперь есть на что содержать жену. Нѣтъ, матушка, не въ деньгахъ помѣха... Эхъ, кабы наша Марина парнемъ была, ни минуты не задумались бы мы сноху въ домъ принять.

Игуменья улыбулась.

— Разлучаться вамъ, видно, съ нею не хочется?

— Страшно, матушка, вотъ вы что лучше скажите. Ну, какъ мы ее, такую выхоленую да набалованную, на чужую сторону отпустимъ!

— А откуда женихъ родомъ-то?

— Изъ Вятки,—отрывисто отвѣчалъ Гагинъ, озабоченно сдвигая брови. По всему было видно, что вопросъ, затронутый игуменьею, былъ очень близокъ его сердцу.

Матушкѣ стало его жалко.

— А вы молитесь больше, да на волю Божию полагайтесь, никто, какъ Богъ, Царь нашъ Небесный!—съ чувствомъ вымолвила она.—Марина ваша дѣвица благоправная, да и вы съ женой, какъ подobaетъ добрымъ христіанамъ, живете, Господь вамъ поможетъ. При-

вози же намъ дочку, Егоръ Севастьяновичъ, мы ей завсегда рады,— прибавила она.

Но прежде чѣмъ привести дочь, Гагинъ еще разъ прїѣзжалъ въ монастырь и не одинъ, а съ нареченнымъ женихомъ Марины.

Явились они прямо въ церковь, къ обѣднѣ и, когда объ этомъ доложили игуменьѣ, она послала послушницу пригласить ихъ къ себѣ закусить.

Семейство Егора Севастьяновича въ монастырѣ знали хорошо, особенно Марину, которая, сдружившись съ Курлятьевскими боярышнями, подолгу здѣсь гащивала и, можно себѣ представить, какъ заволновались бѣлицы, увидавъ молодого человѣка, прїѣхавшаго съ Гагинымъ! Да и не однѣ бѣлицы, а и черницы, и даже манатейныя не могли воздержаться отъ искушенія исподтишка на него поглядывать во время богослуженія.

Это былъ высокій, стройный молодецъ, съ красивымъ, умнымъ лицомъ и задумчивымъ, серьезнымъ взглядомъ темно-карихъ, глубокихъ глазъ. Русые волосы вились кольцами и, подрѣзанные въ скобку, спускались низко на лобъ. Одѣтъ онъ былъ щеголевато, но порусски, какъ и подобаетъ доброму православному христіанину, въ длинный кафтанъ изъ тонкаго сукна и сапоги съ высокими голенищами. Поясъ на немъ былъ съ серебряными бляхами и за нимъ, какъ всегда у купцовъ въ томъ краю, когда они ѣхали издалека, висѣлъ ножъ въ дорогой оправѣ. Бравый молодецъ, по всему было видно, и къ хорошему обращенію обученъ сызмальства. Всю службу, какъ вкопанный, простоялъ, не оборачиваясь ни вправо, ни влѣво, и усердно молился. На тарелочку, когда къ нимъ подошла монашка за сборомъ, Гагинъ положилъ серебряную монету, а товарищъ его—золотую.

Игуменья обошлась съ нимъ особенно любезно, и на всѣ ея разспросы онъ отвѣчалъ такъ почтительно и умно, что всѣмъ понравился. Сколько зналъ, сколько видѣлъ этотъ молодой человѣкъ, и представить себѣ невозможно! Оказывалось, что, не взирая на молодые еще годы (ему, казалось, не болѣе тридцати лѣтъ), онъ и въ Іерусалимѣ успѣлъ побывать, и въ Греціи, и въ нѣмецкихъ земляхъ. Варшаву и Петербургъ зналъ такъ же хорошо, какъ и Москву, всю Сибирь изѣздили, до Китая доѣзжалъ. И такъ прекрасно про все, рассказывала, заслушаешься!

Звали его Александромъ Ѳедосѣвичемъ, по прозвищу Свибловъ и былъ онъ единственнымъ сыномъ богатыхъ вятскихъ купцовъ. Про родителя своего и родительницу онъ говорилъ съ такимъ чувствомъ, что у матушки отъ умиленія слезы выступили на глаза, и, переглянувшись съ Егоромъ Севастьяновичемъ, она укоризненно качнула головою: можно ли, дескать, сомнѣваться въ такомъ человѣкѣ!

У Егора Севастьяновича усмѣшка проскользнула на губахъ и, какъ игуменья, такъ и всѣ присутствующіе, въ томъ числѣ мать

Агнія, поняли изъ этой усмѣшки, что дѣло у нихъ ужъ слажено, и добрыя старицы стали смотрѣть на молодаго человѣка съ еще большимъ участіемъ.

За чаемъ разговоръ перешелъ на женскія обители, про то, какіе промыслы и доходы въ монастыряхъ сибирскихъ, московскихъ и здѣсь. Игуменья стала распространяться про свое хозяйство, про новые порядки, которые она ввела въ управленіи своей паствой, про постройки, огороды и сады Воскресенскаго монастыря, и гость слушалъ съ такимъ интересомъ, что она предложила ему осмотрѣть всю обитель.

— Вамъ все покажутъ, вы намъ можете совѣтами помочь; человѣкъ вы, по всему видно, знающій, а мы, какъ бабы, больше чужимъ умомъ должны жить. Вотъ безъ Егора Севастьяновича ни на шагъ,—прибавила она, кивая на Гагина.

— А я вамъ, матушка, плотниковъ-то подрядилъ, чтобы крышу матери Агніи справить,—объявилъ этотъ послѣдній.

— Такъ вы полагаете, зиму не простоить?

— Врядъ ли, матушка: стропила подгнили, непременно течь дастъ, какъ снѣгъ стаивать начнетъ.

— Не хотѣлось бы мнѣ нынѣшней осенью на строеніе тратиться,—замѣтила игуменья.

— Да можетъ, Богъ дастъ, до весны-то и продержится какъ нибудь,—поспѣшила вставить мать Агнія, которую издержки на ремонтровку строеній пугали столько же, сколько и игуменью.

— Зиму-то продержится, но ужъ ранней весной... Да чего мы тутъ толкуемъ,—весело прервалъ свое возраженіе Гагинъ:—вѣдь у насъ здѣсь архитекторъ... Ты, Александръ Ѳедосѣвичъ, въ постройкахъ толкъ знаешь,—обратился онъ къ молодому человѣку, который скромно и терпѣливо выслушивалъ бесѣду старшихъ,—осмотри-ка ты, братецъ, домикъ-то и рѣши, теперь что ли крышу чинить, или можно до весны подождать.

— Если матушкѣ угодно, я со всѣмъ моимъ удовольствіемъ,—отвѣчалъ Свибловъ, приподнимаясь съ мѣста, чтобы низко поклониться игуменѣ.

Эта послѣдняя съ радостью согласилась на предложеніе. Можетъ, этотъ молодчикъ и пожертвуетъ сколько нужно на поправку крыши, убѣдившись, что она никуда не годится, раскошелится на радостяхъ, вѣдь женихъ. И увлекшись мечтами о прибыли, она рѣшила, что упускать удобнаго случая побольше сорвать съ гостя не слѣдуетъ, пусть ужъ посмотритъ на всѣ изъяны ихъ хозяйства, ознакомится со всѣми ихъ нуждипками. Сообразивъ все это въ одно мгновеніе, она шепнула стоявшей возлѣ нея бѣлицѣ, чтобы позвала мать Меропею.

Эта не чета дворянкѣ матери Агніи, которая ни при какомъ случаѣ отъ гонора своего отступить не можетъ и посовѣстится

наводитъ гостя на дыры и прорѣхи; Меропея ужъ знаетъ, какъ сдѣлать, чтобы заставить посѣтителя дать вдвое, чѣмъ у него было намѣреніе пожертвовать, когда сюда ѣхалъ.

— Васъ сейчасъ проведутъ въ келью матери Агніи, и какъ вы скажете, такъ мы и поступимъ,—обратилась игуменья къ своему молодому гостю.—Келья эта хорошо знакома дочкѣ Егора Севастьяновича, она часто въ ней гоститъ у племянницъ матери Агніи, подружки онѣ,—прибавила она съ улыбкой.

На порогѣ появилась пожилая монахиня, высокая и худая, съ широкимъ костлявымъ лицомъ мужицкаго типа и хитрыми глазами.

— Мать Меропея, покажите Александру Ѳедосѣвичу наше хозяйство. Да мимоходомъ въ келью матери Агніи загляните съ нимъ. Александръ Ѳедосѣвичъ въ строительномъ искусствѣ не хуже архитектора смыслить, онъ намъ присовѣтуетъ насчетъ крыши, теперича ли плотниковъ нанимать, чтобы ее чинить, или можно до весны подождать.

Мать Меропея исподлобья окинула быстрымъ, пронизательнымъ взглядомъ молодого гостя и, низко поклонившись игуменѣ, повернулась къ выходу. Свибловъ послѣдовалъ за нею.

Матери Агніи страсть какъ хотѣлось пойти вмѣстѣ съ ними, вѣдь ея келью будутъ осматривать, а тамъ и племянницъ ея увидятъ. Знай она заранѣе, что такъ будетъ, вывела бы она Катеньку съ Машенькой въ другую келью, гдѣ поправокъ не требуется, и молодому человѣку смотрѣть нечего; но игуменья, какъ нарочно, втягивала ее въ разговоръ, который завела съ Гагинымъ, о руководѣльяхъ въ монастырскихъ обителяхъ вообще, а въ Воскресенскомъ въ особенности.

— Рисовальщицъ у насъ до сихъ поръ не было, чтобы узоры свои сочинять,—говорила она,—но теперь, слава Богу, племянницы матери Агніи руководѣльницы отмѣнныя, можно сказать, и рисуютъ прекрасно, такъ что и по этой части мы теперь отъ другихъ не отстанемъ. Преосвященному нашему облаченіе вышили золотомъ по серебряной парчѣ, а клубукъ жемчугомъ выложили. Понравилось, похвалить изволилъ. Задумываемъ теперь митрополиту отъ нашихъ трудовъ подношеніе сдѣлать.

— Хорошее дѣло,—одобрилъ Гагинъ.

— Узоры составляютъ дѣвицы, цвѣтиками разноцвѣтными, какъ въ природѣ, и какъ будто изъ рога изобилія высыпаются,—продолжала распространяться игуменья, обращаясь то къ своему гостю, то къ матери Агніи.—Какихъ шелковъ-то вамъ еще надобно? Мы попросили бы Егора Севастьяновича изъ Москвы привезти, въ Кіевѣ такихъ нѣтъ, ужъ мы посылали.

— Сдѣлайте одолженіе, матушка, все вамъ привезу, дайте только списочекъ,—поспѣшилъ заявить Гагинъ.

— А вы когда въ Москву ѣдете?

- Да недѣлки черезъ двѣ, если Богъ дастъ.
- Непремѣнно къ этому времени приготовимъ. Не забудьте, мать Агніа.

Обойдя съ своимъ гостемъ службы обители и огородъ, мать Меропея предложила ему взглянуть на келью матери Агніа, прежде чѣмъ пройти въ фруктовый садъ.

Молодой человѣкъ молча наклонилъ голову въ знакъ согласія, и она повернула по узкой тропинкѣ, протоптанной въ коноплянникѣ, что тянулся вплоть до садика матери Агніа.

Тутъ было еще пустыниѣ, чѣмъ во дворѣ, у колодезя и въ огородѣ, гдѣ попадались монашки, прогуливающіяся съ четками въ рукахъ, и бѣлицы, съ ведрами на коромыслахъ, перекинутыхъ черезъ плечо; никто сюда не заглядывалъ, и тишина, царившая вокругъ, кромѣ жужжанія шмелей, кружившихся надъ темно-зелеными душистыми стеблями отцвѣтающей конопли, ничѣмъ не нарушалась. И вдругъ изъ садика, огороженнаго плетнемъ, зазвенѣлъ серебристый дѣвичій голосъ, почти тотчасъ же присоединился къ нему другой, и мелодичный гимнъ звучно и стройно понесся къ небу.

Хорошо, что старицѣ, озабоченный мыслью о томъ, какъ бы выпросить у своего спутника побольше денегъ на нужды обители, не пришло въ голову къ нему обернуться, она испугалась бы, увидавъ, какъ онъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ, услышавъ гнѣіе.

Отъ волненія онъ запатался и оперся о плетень, чтобы перевести духъ. Это длилось недолго, онъ тотчасъ же оправился и бодро шагалъ впередъ, но все же хорошо, что старица не видѣла его лица въ это мновеніе.

— Это племянницы матери Агніа поютъ,—пояснила она, замедляя шагъ и прислушиваясь.—Не правда ли, хорошо? Голоса изрядные, особенно у старшей.

О, какъ знакомъ ему былъ этотъ голосъ! Какъ часто раздавался онъ въ его ухахъ во снѣ и въ минуты забвенія! Онъ въ немъ жилъ, этотъ голосъ, вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о кратковременномъ счастьѣ, за которое пришлось платиться муками, такими страшными, что и въ аду хуже не можетъ быть.

И вотъ онъ опять его слышитъ, и не въ грезѣ, а наяву. И сейчасъ онъ ее увидитъ, голубку свою ненаглядную, зореньку ясную...

Измѣнилась, поди чай, изморила, сынка...

Плетень, окружавшій садъ, былъ низокъ, а листья съ деревьевъ, перевѣшивавшихся черезъ него, пооблетѣли, кое-гдѣ образуя прогалины, въ которыя можно было видѣть скамейку подъ старымъ кленомъ у крылечка и двухъ стройныхъ, тоненькихъ дѣвицъ, въ мірскомъ одѣянніи, съ нотами въ рукахъ.

Спутникъ матери Меропей, какъ вкопанный, остановился передъ этимъ видѣніемъ.

Одна изъ дѣвиць сидѣла на скамейкѣ и, кромѣ ея платья, бѣлѣвшагося промежъ вѣтвей, до верхней части головы, съ бѣлокурыми кудрями, ничего нельзя было различать, но зато подругу ея страстный взглядъ незнакомца, точно невидимой силой, сорвалъ съ мѣста. Выпрямившись во весь ростъ, она впиалась глазами въ жениха Марины, да такъ и осталась, съ полураскрытымъ ртомъ и остановившимися, какъ въ столбнякѣ, глазами.

— Сестрица, что съ вами? Вамъ дурно? Я вамъ воды принесу... Платье надо разстегнуть, вамъ дышать тяжело,—говорила Марья, испуганная внезапною блѣдностью, покрывшею лице сестры, и вглядываясь въ то мѣсто у плетня, отъ котораго Катерина не въ силахъ была оторвать глазъ.

— Пойдемте, сестрица, въ комнату, здѣсь неудобно,—настаивала Марья, поднимаясь съ мѣста и нѣжно обнимая ее.— Да что съ вами? Кого высматриваете вы въ коноплянникѣ? тамъ никого, кажись, нѣтъ...

— Онъ здѣсь,—чуть слышно, однѣми почти губами, вымолвила Катерина.

— Такъ что-жъ? Вѣдь вы его ждали,—возразила Марья,—волноваться не надо... все такъ выходитъ, какъ сказалъ авва Симіоній, воля Божья, значить... надо быть покойной и твердой...

Но густой румянецъ, загорѣвшійся на ея щекахъ, и прерывающійся отъ внутренней дрожи голосъ рѣзко противорѣчили ея словамъ.

XVIII.

Въ концѣ октября женихъ Марины опять пріѣхалъ въ Чирки и, какъ всегда, прогуливался съ невѣстой по фруктовому саду на горѣ и подолгу, въ виду у всѣхъ, сидѣлъ съ нею на крытой галдарейкѣ, выходившей на улицу.

Въ день отъѣзда (онъ каждый разъ уѣзжалъ изъ Чирковъ поздно вечеромъ) вся семья выходила провожать его на крыльцо и, прежде чѣмъ сѣсть въ кибитку, онъ долго бесѣдовалъ съ своимъ будущимъ тестемъ. Потомъ сталъ прощаться съ Акулиной Ивановной и съ невѣстой. Первую онъ крѣпко обнялъ, вторую поцѣловалъ въ щеку; всѣ это видѣли.

Было совсѣмъ темно, но гостя провожали съ фонарями.

Вернувшись въ домъ, Егоръ Севастьяновичъ не ложился и самъ сталъ собираться въ путь.

Не ложились въ постель и жена его съ дочерью; всю ночь вплоть до утра, виднѣлся огонь во всѣхъ окнахъ, а на кухнѣ шла дѣятельная страпня. Пекли и жарили съѣстныхъ припасовъ на

недѣлю, по крайней мѣрѣ. Всю ночь вылеталъ дымъ черными, густыми клубами изъ трубы Гагинскаго дома.

По двору бѣгали съ фонарями, осматривали дсрожную повозку, выкаченную изъ сарая, кормили лошадей, выносили изъ дому сундуки, узлы, подушки, кульки, кулечки и прочія принадлежности, необходимыя для далекаго путешествія.

— Ужъ не въ Москву ли собирается Егоръ Севастьяновичъ?— сказала сосѣдка, расталкивая спящаго мужа, чтобы подѣлиться съ нимъ впечатлѣніями.

Сама она, еще далеко до утра, поднялась съ постели, чтобы взглянуть на корову, которой наканунѣ вечеромъ быкъ пропоролъ рогами бокъ, и, увидѣвъ свѣтъ и необычное движеніе на сосѣдскомъ дворѣ, не утерпѣла, чтобы не взгромоздиться на большой камень у тына и не заглянуть черезъ него.

— Всѣ у нихъ на ногахъ. Лошадей въ большую кибитку впрягаютъ. Акулина Ивановна съ дочкой на крыльцо вышли, а самъ-то не одинъ ѣдетъ, а съ двумя работниками; всѣ трое въ тулупахъ, кушаками подпоясанные, по двору расхаживаютъ, а за кушаками-то у нихъ ножи...

— Какъ же безъ ножей-то? Вѣдь черезъ лѣсъ имъ ѣхать,—равнодушно замѣтилъ ея сожитель и, повернувшись на другой бокъ, захрапѣлъ громче прежняго.

Проводивъ отца, Марина Егоровна съ одной изъ своихъ подругъ поѣхала въ женскій монастырь.

Тамъ ее ждали. Варька, крѣпостная Курлятьевыхъ, состоявшая при боярышняхъ въ монастырѣ, каждую минуту выбѣгала изъ кельи, чтобы посмотреть, не ѣдетъ ли къ нимъ кто изъ лѣса, а Катенька съ Машенькой были въ такомъ волненіи, что за цѣлый часъ, съ тѣхъ поръ, какъ сидѣли за пяльцами, даже и одного цвѣточка не успѣли вышить. Безпрестанно оглядывались онѣ на дверь, прислушиваясь къ малѣйшему шуму, долетавшему сюда со двора, и молча перекидываясь краснорѣчивыми взглядами. Слишкомъ онѣ были взволнованы, чтобы говорить. Да и не нужно имъ было говорить между собой, онѣ и безъ словъ понимали другъ друга, какъ нельзя лучше. Горе давно ужъ отдалило ихъ отъ людей и такъ тѣсно сблизило ихъ души, что и мысли, и чувства, и надежды—все у нихъ было общее.

Наконецъ, отъ темной чащи лѣса отдѣлилась знакомая телѣжка, запряженная сѣрой лошадыю, и Варька со всѣхъ ногъ пустилась бѣжать назадъ.

— Ёдутъ, барышни, ёдутъ!—возвѣстила она, не успѣвъ еще переступить порогъ свѣтлыхъ сѣней, откуда маленькая дверь вела въ горницу, очень скромно обставленную, съ большимъ кіотомъ

наполненнымъ образами, въ переднемъ углу, съ картинами божественнаго содержания по стѣнамъ и пальцами у оконъ, выходившихъ на густой садикъ, такой тѣнистый, что лѣтомъ тутъ было темновато отъ вѣтвей сирени, что назойливо лѣзли въ комнату, съ листьями и душистыми гроздьями.

Окна эти и теперь были отперты настезь; въ нихъ врывался свѣжій, осенній воздухъ, пропитанный запахомъ спѣлыхъ плодовъ и завядающей травы, вмѣстѣ съ бойкимъ чириканьемъ воробьевъ и пронзительными криками отлетающихъ въ теплыя страны стаи перелетныхъ птицъ.

Обѣдня давно отошла, и сестры послѣ трапезы разбрелись каждая по своему дѣлу: однѣ подъ надзоромъ старшихъ занимались въ кухнѣ сортировкой плодовъ на зиму, другія собирали горохъ на огородѣ, развѣшивали по кустамъ выстиранное бѣлье для просушки, возились въ молочной около крынокъ съ кислымъ и прѣснымъ молокомъ, мѣсили тѣсто на хлѣбы, хлопотали около домашней птицы, шили, пряли, ткали, каждая исполняя свое послушаніе, однимъ словомъ; работы на всѣхъ хватало съ избыткомъ; сложа руки сидѣть дозволялось только богатымъ. У этихъ были прислужницы и, если онѣ тоже работали, то для своего удовольствія, и потому, что, живя въ монастырѣ, не могли не помнить, что Богъ труды любитъ, лѣнь мать всѣхъ пороковъ, и дьяволу легче соблазнить празднаго человѣка, чѣмъ занятаго.

Однѣ только дряхлыя старушки позволяли себѣ прилечь днемъ въ ожиданіи вечерни.

Мать Агніа была не изъ молоденькихъ, но въ отдыхѣ не нуждалась.

Да и не до отдыха ей было въ эти дни. И всегда-то октябрь мѣсяцъ былъ для казначеи самымъ тяжелымъ мѣсяцемъ въ году; надо было сводить счеты за весь годъ, чтобы представить ихъ на разсмотрѣніе благочиннаго, пріѣзжавшаго въ обитель въ ноябрѣ, иногда въ концѣ, а иногда въ началѣ, какъ ему Богъ на душу положить. А тутъ еще игуменьѣ вдумалось письма разсылать благодѣтелямъ по всѣмъ концамъ Россіи.

Какъ ни упрашивала ее мать Агніа, служившая ей секретаремъ, отложить это дѣло до отъѣзда благочиннаго, представляя невозможность справиться съ двумя такими серьезными дѣлами одновременно, матушка стояла на своемъ.

— Намъ эти письма разослать важнѣе, чѣмъ вашъ отчетъ, мать Агніа, — говорила она. — У Проскуровыхъ сынъ при смерти, если имъ теперь про насъ не напомнить, они закажутъ сорокоустъ не намъ, а монахамъ, или въ Кіевѣ. Богоявленскіе-то ужъ къ нимъ подѣзжаютъ, я знаю. И Андрусовымъ, въ Москву, необходимо, безъ отлагательства, вѣсточку послать. Они новый домъ построили, переѣзжать въ него собираются и непременно пожер-

твуютъ намъ по этому случаю на наши нужды сколько нибудь. А у Лазаревыхъ дочку просватали, поздравить значить надо. Она, Лазариха-то, сама вызвалась намъ иконостасъ позолотить, если дѣло съ женихомъ сладится, напомнить ей надо. Нельзя также и Порскиныхъ забыть, у нихъ горе теперича, самого-то судить, говорить, за взятки будутъ, если не откупится, того и гляди, награбленное-то все отнимутъ, имъ, значить, во какъ молитвы-то наши нужны!

— А съ отчетомъ-то какъ же быть, матушка?—возражала мать Агнія.

— Да ужъ какъ нибудь надо сдѣлаться. Днемъ письмами займитесь, засвѣтло, а вечеромъ, при свѣчахъ, отчетомъ. Я вамъ для большаго удобства, на это время, келью матери Меропеи прикажу очистить, чтобы ко мнѣ поближе: какъ что нужно, посоветуемся и сообща рѣшимъ.

— Да вѣдь я не одна живу, матушка, со мной дѣвицы, племянницы. Я за нихъ и предъ Господомъ Богомъ и передъ ихъ родителями въ отвѣтъ буду, если что случится,—замѣтила, съ трудомъ сдерживая досаду, мать Агнія.

Но у игуменьи на все былъ готовъ отвѣтъ.

— Ужъ я объ этомъ позаботилась, не безпокойтесь, пока вы тутъ съ нами будете, Меропея у васъ поживетъ. Старица она почтенная, святой жизни, ей дѣвицъ безъ опасенія можно поручить; не хуже васъ она имъ можетъ во всемъ присоветовать,—прибавила матушка, не обращая вниманія на неудовольствіе своей слушательницы.

Не взирая на кажущуюся доброту и кротость, игуменья была женщина упрямая и властная и противорѣчій не терпѣла. Мать Агнія это знала и, какъ ни раздражало ее новое распоряженіе начальницы, она больше не возражала и молча, съ низкимъ поклономъ, вышла.

На душѣ у нея было тяжело. Послѣдніе дни смутное предчувствіе бѣды не покидало ея ни на минуту. Даже и молитвой невозможно было отогнать злое предчувствіе, такъ впилося оно ей въ сердце. И какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, ей казалось, что опасенія ея подтверждаются каждымъ словомъ, каждымъ взглядомъ окружающихъ ее. Никогда еще племянницы не были такъ задумчивы, никогда еще не смотрѣли на нее украдкой съ такой подозрительностью, никогда не опускали съ такимъ смущеніемъ глазъ подъ ея пристальнымъ, пронизательнымъ взглядомъ. Замышляютъ что-то такое. Какую нибудь невинную затѣю, можетъ быть, утѣшала она себя, работу къ ея именинамъ или ко дню ангела игуменьи (ее звали Варварой), или задумали идти на богомолье въ Печерскую лавру и не знаютъ, какъ сдѣлать, чтобы ихъ отпустили.

О, еслибъ только это! Она выпросила бы позволеніе у матушки и отправилась бы вмѣстѣ съ ними на богомолье. Ей и самой давно хочется помолиться святымъ угодникамъ, почивающимъ въ Кіевѣ, и отслужить благодарственный молебенъ за исцѣленіе племянницъ отъ злаго недуга.

Съ тѣхъ поръ, какъ онѣ въ монастырѣ, припадки, надѣлавшіе столько шуму въ городѣ, не возобновлялись.

Помогъ имъ, безъ сомнѣнія, авва Симіоній, который отчитывалъ ихъ тотчасъ послѣ печальнаго приключенія за ранней обѣдней, но здѣсь онѣ ужъ окончательно оправились и, какъ будто, стали привыкать къ монастырской жизни. Правда, онѣ только промежъ себя разговариваютъ, ни съ кѣмъ не сближаются и ужъ не откровенничаютъ съ теткой, какъ бывало прежде, но и въ мірѣ ихъ не тянетъ. Мать Агнія особенно зорко наблюдала за ними въ то время, когда въ городѣ справляли свадьбу ихъ меньшей сестры, и съ удовольствіемъ убѣдилась, что никогда еще не были онѣ такъ благочестиво настроены, какъ въ эти дни; усердно молились, безропотно и съ легкимъ сердцемъ исполняли возлагаемыя на нихъ послушанія, точно ужъ давнымъ давно въ монастырѣ, и все свѣтское имъ чуждо.

Право же, свадьба Клавдіи больше занимала чужихъ, чѣмъ Катерину съ Марьей. Бѣлицы, наслушавшись отъ городскихъ посѣтителей про богатства графа Паланецкаго и про подарки, которые онѣ дѣлалъ своей невѣстѣ, не въ силахъ были сдерживать своего любопытства и прискивали предлоги забѣжать въ келью матери Агнии, чтобы спросить у ея племянницъ: неужто онѣ не поѣдутъ на свадьбу къ сестрицѣ? Вѣдь онѣ даже и малаго пострига еще не приняли; имъ во всякое время можно выѣхать изъ монастыря, прожить въ міру сколько вздумается и назадъ вернуться. Неужели онѣ не воспользуются случаемъ увидать такія диковины, какихъ и въ сто лѣтъ не удастся увидѣть, да еще у родной сестры на свадьбѣ?

Курлятевскихъ боярышень эти разспросы приводили въ негодованіе.

— Не для того поступили мы въ обитель, чтобы думать о мірскихъ радостяхъ,— отрывисто отвѣчали онѣ.

Обидно имъ какъ будто было, что въ нихъ допускаютъ желаніе принимать участіе въ этихъ радостяхъ. Развѣ не отреклись онѣ навсегда отъ мірской суеты? Развѣ могутъ онѣ о чемъ либо помышлять, кромѣ какъ о спасеніи души и о вѣнцахъ, уготованныхъ для праведниковъ, что ждутъ ихъ въ будущей жизни?

Это было еще весной, вспоминала мать Агнія, направляясь изъ главнаго корпуса въ свой домикъ, а теперь ужъ осень, но съ тѣхъ поръ ничего не измѣнилось. Все было, какъ всегда въ людскомъ муравейникѣ, гдѣ каждый кустикъ, каждое лицо ей было также

хорошо знакомо, какъ и ея собственная келья, въ которой она прожила тридцать пять лѣтъ, а племянницъ своихъ она знала со дня рожденія, и ей казалось, что онѣ ничего отъ нея не могутъ скрыть. Особенно Катерина, душой которой мать Агнія овладѣла еще тогда, когда случилась злополучная исторія съ Алешкой. Уже съ тѣхъ поръ повадилась Катерина подолгу гостить у тетки въ монастырѣ, говѣть здѣсь три раза въ годъ, исповѣдаться у монастырскаго батюшки и при всякомъ удобномъ случаѣ высказывать отвращеніе отъ міра. Ей ничего не будетъ стоить отречься отъ него навсегда, особенно теперь, когда ея возлюбленный предался дьяволу, сдѣлался душегубцемъ, и про него иначе, какъ съ ужасомъ и отвращеніемъ, невозможно вспомнить. Теперь бездна между ними разверзлась еще глубже прежняго, и ей ничего больше не остается, какъ молить Бога, чтобъ Онъ не допустилъ его испустить духъ безъ покаянія, на висѣлицѣ ли, отъ пули ли жандарма, подъ кнутомъ палача или въ мрачномъ рудникѣ.

И Марьѣ тоже нечего жалѣть въ міру. Бочаговъ женатъ и поселился въ имѣніи жены, далеко отсюда, въ другой губерніи. Ей, значить, все равно никогда съ нимъ не встрѣтятся, если бы даже она и не отреклась отъ свѣта.

По всему видно, что взыскалъ ихъ Господь.

Одинъ только разъ затревожилась было насчетъ племянницъ мать Агнія; случилось это лѣтомъ, въ сѣнокосъ, когда она застала у себя въ кельѣ скитницу Фелипату въ оживленной бесѣдѣ съ боярышнями Курлятьевыми. Появленіе тетки, вернувшейся часомъ или двумя ранѣе, чѣмъ ее ждали, изъ монастырской пустоши, въ которую посылала ее игуменья, такъ смутило и ихъ, и ихъ посѣтительницу, что у матери Агнії зародилось подозрѣніе. Всѣмъ извѣстно, что люди древняго благочестія, какъ именуютъ себя раскольники, страсть какъ охочи совращать съ пути истиннаго тѣхъ, кто остается вѣренъ православной, апостольской церкви.

И какъ будто давно уже племянницы ея съ этой скитницей знакомы, такъ дружески и оживленно разговаривали онѣ съ нею.

Въ этомъ послѣднемъ предположеніи мать Агнія не ошиблась; низко кланаясь ей, посѣтительница объявила, что пришла сюда навѣстить Курлятьевскихъ боярышень.

— Еще въ городѣ мы къ нимъ хаживали; благодѣтель вѣдь онъ нашъ, батюшка-то ихъ, Николай Семеновичъ, дай ему Богъ здоровья, — прогнусила она, смиренно опуская глаза, подъ пристальнымъ, испытующимъ взглядомъ Агнії.

— Изъ какого скита? — отрывисто спросила эта послѣдняя, вскидывая сердитый взглядъ на племянницъ.

— Изъ Шафровскаго, матушка, изъ Шафровскаго. Авва Си-моній....

Ей не дали договорить.

— Давно сюда пришла?—продолжала свой допросъ мать Агнія.

— Какое давно, матушка! Только сію минуточку, не успѣла еще передать боярышнямъ порученіе отъ аввы Симіонія.... Онъ, нашъ батюшка, и прислалъ меня къ вамъ...

— Когда видѣла авву?

— Въ Петровки онъ насъ навѣстилъ, матушка, въ Петровки. Спрашивалъ, не слышно ли у насъ чего про Курлятьевскихъ боярышень которыя въ Воскресенскій монастырь передъ пасхой уѣхали; какъ онѣ теперь поживаютъ, услышалъ ли Господь, Царь нашъ Небесный, молитву нашего праведника, оправились ли отъ недуга? Наказывалъ имъ передать, что онъ и теперь ихъ молитвами не забываетъ.

Мать Агнія глянула на племянницъ. У обѣихъ были слезы умиленія на глазахъ, и она нисколько этому не удивилась. Вѣдь Семіоній ихъ исцѣлилъ, изгналъ изъ нихъ злаго духа, какъ же не чувствовать къ нему признательности?

Да и вообще онъ былъ человѣкъ необыкновенный, и обаяніе его простиралось даже и на тѣхъ, что поставлены были свыше охранять неприкосновенность нашей православной церкви; въ то время, какъ на другихъ сектантовъ воздвигалось гоненіе, заключали ихъ въ тюрьму, ссылали въ Сибирь, заточали въ дальніе монастыри, а скиты истребляли, Симіонія никто не трогалъ, и основанное имъ убѣжище въ Чирковскомъ лѣсу, гдѣ скрывались весьма подозрительные люди, оставалось въ неприкосновенности. Мало того, стоило только какой нибудь черничкѣ, вотъ какъ Фелицата, напимѣръ, назваться скитницей Шафровой обители, чтобы къ ней отнеслись съ извѣстнымъ уваженіемъ и снисходительностью въ самыхъ богатыхъ домахъ. И все это, благодаря Симіонію, который возлюбилъ эту обитель давнымъ давно, еще при жизни основательницы ея, помѣщицы Шафровой, съ которой онъ былъ въ большой дружбѣ. Говорятъ даже, что она-то и совратила его въ расколъ. Послѣ ея смерти онъ принялъ бремя настоятельства, завѣщанное ему ею.

Если ужъ люди образованные и съ независимымъ положеніемъ въ обществѣ чувствовали для себя неудобнымъ бороться съ Симіоніемъ, то можно ли удивляться тому, что простой народъ вѣрилъ въ него, какъ въ чудотворца, и готовъ былъ съ радостью умереть за него, такъ онъ былъ ему преданъ.

Однимъ словомъ, сумѣлъ себя человѣкъ поставить, всѣмъ былъ нуженъ и пріятель.

Значительно смягчилась мать Агнія, узнавъ, что посѣлительница пришла изъ Шафровой обители, и когда Фелицата собралась уходить, она сама пригласила ее у нихъ бывать, такъ что скитница ужъ гораздо смѣлѣе явилась сюда, недѣли три спустя, и оставалась еще дольше съ боярышнями наединѣ, чѣмъ въ первый разъ. Матери Агніи это не совсѣмъ было пріятно, но она утѣшала

себя такого рода соображеніями, что хотя Шафровской скитъ и раскольничій, но раскольникъ раскольнику рознь, и что одному нельзя простить, то другому не только можно, но и должно.

Вотъ и про Гагина болтають, будто жена его старой вѣры придерживается, а самъ онъ будто съ разбойниками имѣетъ сношенія и награбленнымъ добромъ торговлю ведетъ, а между тѣмъ, какъ онъ къ церкви усерденъ! Да такихъ щедрыхъ пожертвованій, какъ отъ него, ихъ обители отъ самыхъ что ни наесть благовѣрныхъ христіанъ не дождаться. Тщится, значить, всячески искупить свои прегрѣшенія человѣкъ, и не тѣмъ его судить, кто отъ него, кромѣ прибыли и успокоенія, ничего не видитъ. Да и про дочь его слухи носятъ, что она одного толка съ матерью держится и вмѣстѣ съ нею ѣздитъ въ раскольничій скитъ на радѣнія, но это не мѣшаетъ ей быть благопрочною и добродѣтельной дѣвицей и церковь православную, посѣщать, когда она гоститъ въ монастырѣ.

Безъ сомнѣнія, и женихъ ея раскольникъ....

При воспоминаніи о женихѣ Марины мать Агнія ускорила шагъ.

Невѣста-то вѣдь ужъ у нихъ; съ полчаса тому назадъ послушница прибѣжала доложить матушкѣ, что дочка Акулины Ивановны изволила пріѣхать съ подругами, и подъ предлогомъ, что надо распорядиться, какъ размѣстить гостей поудобнѣе, мать Агнія отпросилась на короткое время въ свою келью.

Она застала всю компанію въ саду, за разборкой осеннихъ цвѣтовъ, привезенныхъ Мариной.

То были послѣдніе цвѣты въ этомъ году, и жизни имъ оставалось до перваго мороза, котораго ждатель ужъ было недолго. Жалко стало дѣвицамъ оставлять ихъ вянуть въ палисадникѣ, послѣ того какъ они цѣлое лѣто тѣшились ими; пусть лучше въ Божьемъ храмѣ покрасуются. Онѣ ихъ всѣ срѣзали передъ тѣмъ, какъ въ кибитку сѣсть и отправиться въ путь.

«Цвѣтки къ цвѣткамъ», подумала Агнія, невольно любуясь дѣвушками, сидѣвшими на землѣ среди цвѣтовъ, изъ которыхъ онѣ плели вѣнки на святые иконы.

Затѣйница эта Марина, вѣчно что нибудь занятное выдумаетъ. Вся въ отца. Когда она у нихъ гоститъ, оживленіе и разговоры въ кельѣ матери Агнії не смолкають ни на минуту. Вотъ и теперь, куда дѣлась задумчивость Катерины съ Марьей; обѣ, съ улыбкой на устахъ и съ блестящими глазами, слушають рассказы гости про жениха, вѣрно....

Мать Агнія остановилась у входа въ домикъ, стала прислушиваться и убѣдилась, что она ошиблась. Марина рассказывала съ большими подробностями про странницу, гостившую у нихъ на прошлой недѣлѣ, и про чудеса, видѣнныя этой странницей по дорогѣ въ Іерусалимъ и въ самомъ Іерусалимѣ.

Чудеса эти занимали ее, повидимому, гораздо больше жениха. Вотъ невинность-то!

Да, хорошо воспитали дочку Егоръ Севастьяновичъ съ Акулиной Ивановной, надо ихъ чести приписать.

— А мы на прошлой недѣлѣ съ твоимъ женихомъ познакомились,—сказала мать Агнія, поздоровавшись съ пріѣзжими и обращаясь къ Маринѣ. — Дай вамъ Богъ счастья! Видь у него благообразный, и по всему видно, что уменъ. Каковъ-то нравомъ окажется, прибавила она со вздохомъ.

Марина вспыхнула до ушей и скромно потупилась.

Довольная эффектомъ своихъ словъ, старица заговорила про другое, спросила, когда проводила она отца въ Москву, скоро ли думаетъ мать ея идти на богомолье, сколько времени и у кого пожить въ Кіевѣ, а затѣмъ прошла въ домикъ посмотреть, какъ размѣстили племянницы своихъ гостей.

Распорядившись тутъ, чѣмъ надо, она отправилась назадъ къ игуменѣ, гдѣ работы у нея въ этотъ день было особенно много. Навертывалась оказія доставить нѣкоторымъ изъ благодѣтелей письма отъ матушки; изъ мужскаго монастыря двое иноковъ отправлялись за сборомъ, и путь имъ лежалъ какъ разъ черезъ тѣ мѣста, гдѣ благодѣтели эти проживали, а письма не были еще готовы. Замучила игуменья свою секретаршу приписками, только кончить и къ подписи листъ несетъ, а матушка еще что нибудъ придумаетъ. Весь день не могла Агнія улучить ни минутки, чтобы еще разъ сходить домой, и только ужъ поздно вечеромъ, послѣ ужина, игуменья отпустила ее на полчаса. А до кельи-то съ версту, если не больше, отъ главнаго корпуса было, весь большой дворъ надо пройти, да за кладбище завернуть къ огороду, да тамъ еще, вдоль конопляника, шаговъ двѣсти, много ли времени останется дома-то побыть?

Дѣвицъ, и своихъ, и чужихъ, мать Агнія нашла уже въ постель. Поужинали, помолились Богу и полегли спать на постланные, прямо на полъ, мягкіе пуховики. А Марья ужъ и заснуть успѣла. Какъ лежала лицомъ къ стѣнкѣ обернувшись, такъ и не шелохнулась при появленіи тетки.

Притихли и подруги ея. Наболтались, вѣрно, досыта за день-то, да и умаялись послѣ долгой прогулки по лѣсу, на которую отправились тотчасъ послѣ ранней обѣдни.

— Гдѣ же Катенька?—спросила мать Агнія, оглядывая лежащихъ на полу дѣвушекъ при свѣтѣ лампадки передъ образомъ въ углу и не находя между ними старшей племянницы.

— Она, матушка, въ вашей закуточкѣ захотѣла лечь; на голову что-то жаловалась, мнѣ, говоритъ, тамъ покойнѣе будетъ,—объявила Марина вполголоса, изъ боязни разбудить подругу.

— А мать Меропею куда вы уложили?

— Она въ горенкѣ дѣвицъ примостилась,—отвѣчала Марина.— А мы ужъ здѣсь всѣ вмѣстѣ, веселѣ вмѣстѣ-то.

— Ну, Христось съ вами, спите спокойно, а завтра пораньше за работу принимайтесь, — сказала Агнія, поглядывая на притворенную дверь въ коморочку, куда удалилась старшая племянница. Ей хотѣлось бы туда пройти и взглянуть на Катерину. Можетъ, ей снадобья надо дать какого нибудь отъ головной боли, или уксусомъ виски намочить, но дѣвицы разостлались на всю комнату, перина къ перинѣ, и не пройдешь между ними къ двери-то.

— Ну, Ангель Хранитель надъ вами, почивайте съ Богомъ. Облаченіе-то хорошо было бы къ Рождеству Христову кончить. Тятенька тебѣ говорилъ? Митрополиту мы хотимъ подношеніе отъ нашихъ трудовъ сдѣлать.

— Будеть готово, матушка, не беспокойтесь. Я подругъ привезла, чтобы подсобили намъ, въ пятеромъ-то живо кончимъ,—возразила Марина.

Мать Агнія глянула на дѣвушекъ, про которыхъ она упомянула съ тѣмъ, чтобы и имъ что-то сказать, но онѣ уже заснули, одна даже слегка всхрапывала. Стоить ли ихъ будить? Да и Катеньку-то, пожалуй, только напрасно потревожишь; тихо за дверью, не стонеть, не движется, тоже заснула, вѣрно.

И мать Агнія вышла, не взглянувши на старшую племянницу.

Ночь наступала темная и бурная. Сухіе листья, усыпавшіе тропинку между садикомъ и коноплянникомъ, разметываясь вихремъ во всѣ стороны, кружились въ сыромъ воздухѣ въ неистовой пляскѣ. Дождя не было, но тучи, темныя, чернѣе ночи, такъ низко свѣшивались надъ землей, что казалось—изъ нихъ каплетъ холодная влага.

Матери Агніи становилось жутко. Ей чудились сквозь вой вѣтра зловѣщіе звуки издалека, со стороны лѣса, то гиканье и свистъ, то стукъ копытъ, то шелестъ подъ чьими-то ногами, какъ будто невидимая рать какая-то несется по лѣсу, съ трескомъ ломая деревья. Ей хотѣлось бѣжать, но невидимыя руки хватили ее за ноги, и таинственный голосъ шепталъ ей на ухо: «останься... бѣда на тебя летить... останься... еще минута и поздно будетъ...».

Но едва только останавливалась она, чтобы прислушаться, какъ все смолкало, а когда она нагибалась, чтобы освободить рясу изъ цѣпкихъ когтей, впивавшихся въ нее, то когти эти оказывались репейникомъ или сухой вѣткой и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, она шла дальше, досадуя на себя за малодушіе.

Однако у поворота отъ плетня къ пустому пространству, заваленному бревнами и щепнемъ, оставшимся отъ постройки новыхъ келій, она такъ ясно услышала за плетнемъ шорохъ и вздохъ, что опять, какъ вкопанная, остановилась и стала всматриваться въ огонекъ отъ лампы, теплившейся передъ образами въ ея кельѣ.

Это въ ихъ садикѣ кто-то вздыхаетъ. Неужели она уйдетъ, не удостовѣрившись, что ей померещилось, и что ни племянницамъ ея, ни гостямъ ихъ не грозитъ никакой опасности?

Но какъ это сдѣлать, не обезпокоивши ихъ, не нарушивъ ихъ сна?

Долго стояла она въ нерѣшительности. А погода между тѣмъ стихала. Унялся вѣтеръ, и смолкли вмѣстѣ съ нимъ всѣ остальные таинственные звуки; какъ сквозь землю провалилась нечистая сила, смущавшая ей душу нѣсколько минутъ передъ тѣмъ. И точно для того, чтобъ окончательно ее успокоить, тучи раздвинулись, выглянула изъ нихъ луна, озаряя своимъ мирнымъ блескомъ плетень со свѣсившимися черезъ него вѣтвями и лѣсъ, неподвижно чернѣвшій на далекое пространство за нимъ, и стали ей смѣшны только-что испытанные страхи.

Чего ей бояться? Дѣвицы спятъ при свѣтѣ лампадки, яркой звѣздочкой сверкавшей сквозь вѣтви густого садика; на нихъ милостиво взираютъ лики святыхъ угодниковъ изъ кіота да Ангель, хранитель невинности и дѣвической чистоты. Онѣ такъ мало подозреваютъ зла, что забыли даже завѣсить окна, укладываясь спать. Да вѣдь и то сказать: отъ кого имъ таиться? Келья стоитъ особнякомъ; не только ночью, но и днемъ никто мимо не проходитъ, развѣ только послушница пробѣжитъ здѣсь изъ огорода, чтобы ближайшимъ путемъ вернуться къ старицѣ, пославшей ее изъ кухни за горстью гороха или кочнемъ капусты.

Такимъ миромъ вѣяло изъ садика, съ этой звѣздочкой въ концѣ его, что мать Агніа окончательно успокоилась и, мысленно сотворивъ молитву, пошла дальше.

А въ садикѣ, отъ котораго она удалялась поспѣшными шагами и съ легкимъ сердцемъ, вотъ что происходило. Раздался легкій свистъ, зашелестѣли листья, захрустѣли вѣтки, и стройная фигура, давно ужъ въ трепетномъ ожиданіи прижимавшаяся къ высокому клену, боязливо поглядывая то на плетень, то на келью съ теплившимся огонькомъ передъ образами, пустилась бѣжать на зовъ, прямо къ тому мѣсту, гдѣ другая фигура въ монашеской рясѣ, съ капюшономъ, поднятымъ на голову, протягивала ей руки между вѣтвями, что перевѣшивались черезъ изгородь.

Молча охватили эти руки тонкій станъ бѣглянки, приподняли ее на воздухъ и поставили на землю среди коноплей, но на одно мгновеніе, для того только, чтобы крѣпко прижать ее къ своей груди, осыпать лице ея жаркими поцѣлуями и, снова взявъ ее, какъ ребенка на руки, унести дальше къ дереву, у котораго привязана была лошадь.

Все такъ же быстро и молча посадилъ монахъ похищенную дѣвуху на сѣдло, самъ сѣлъ позади ея, обнявъ одной рукой свою подругу, забралъ другой поводья, ударилъ коня и стрѣлой помчался къ лѣсу.

XIX.

Про исчезновеніе племянницъ мать Агніа узнала только послѣ ранней обѣдни, когда улучила минутку прибѣжать къ себѣ въ келью.

Дѣвицъ она нашла въ большомъ переполохѣ.

— Катерина Николаевна вышла погулять рано утромъ, да заблудилась вѣрно въ лѣсу, до сихъ поръ ея нѣтъ, — объявила Марина, поднимаясь къ ней на встрѣчу.

— А Маша гдѣ?

— Марья Николаевна пошла ее отыскивать.

— Одна?

— Одна; мы собрались было съ нею идти, она не пожелала, говорить, что одна скорѣе найдетъ сестрицу, и вотъ до сихъ поръ ея нѣтъ. Ужъ мы Варьку послали къ ручью, можетъ, тамъ онѣ обѣ.

Томимая тяжелымъ предчувствіемъ, мать Агніа прошла въ свѣтелку, гдѣ провела ночь ея старшая племянница, и какъ переступила порогъ, такъ и поняла, въ чемъ дѣло: Катерина въ ту ночь совсѣмъ не ложилась, до кровати никто не притрогивался. Четки, забытыя Агніей на подушкѣ, лежали на томъ же мѣстѣ. Гдѣ провела Катерина ночь?

Окно было настезь растворено. Машинально подошла къ нему старица и, заглянувъ въ садикъ, увидала, что плетень противъ окна поломанъ. Вспомнился ей вздохъ, слышанный вечеромъ за этимъ плетнемъ, а также странный шумъ, что несся изъ лѣса подъ свистъ вѣтра и вой бури. Кто-то мчался какъ будто верхомъ, топталъ землю, шурша сухими листьями и ломая вѣтви.

О, не даромъ захотѣлось ей остановиться, прислушаться, подождать приближенія таинственнаго всадника!

Катерина бѣжала. Куда? Съ кѣмъ?

Страшно было останавливаться на этихъ вопросахъ. А Марья? Неужели и она тоже?..

Рыданія изъ сосѣдней комнаты заставили ее туда кинуться.

Марина въ отчаяніи ломала себѣ руки. Подруги ея голосили вокругъ нея. Въ дверяхъ стояла задыхавшаяся отъ бѣготни и красная, какъ макъ, послушница, а изъ-за ея спины выглядывала блѣдная, съ искаженнымъ отъ испуга лицомъ, Варька.

— Что случилось?—спросила старица.

— Марья Николаевна тоже пропала, ее тоже разбойники увезли..

У Агніа ноги подкосились, и если бы не кинулись ее поддерживать, она упала бы на полъ; но это длилось недолго, почти тот-

часъ же оправилась она, оттолкнула окружавшихъ ее дѣвушекъ и стала властнымъ тономъ допрашивать вѣстовицу.

— Откуда знаешь? Кого видѣла? Кто сказалъ?

Дрожа отъ страха и въ сбивчивыхъ выраженіяхъ, стала передавать бѣлица слышанныя новости. Весь околородокъ одно и то же толкуеть: Курлятьевскихъ боярышень разбойники выкрали, изъ-за выкупа, разумѣется. Какъ темнѣть стало, Силантій, пасѣчникъ, встрѣтилъ въ лѣсу двухъ всадниковъ; люди эти показались ему подозрительными. На нихъ были монашескія рясы, а изъ-подъ рясы ножи сверкали. Тотчасъ же призналъ онъ въ нихъ разбойниковъ и притаился за деревомъ, чтобъ не увидѣли его. Они благополучно проѣхали мимо и свернули къ монастырской полянкѣ, а онъ смотрѣлъ имъ вслѣдъ, пока они не исчезли у него изъ виду, и, вернувшись дамой, сказалъ своему внуку: не случилось бы нонѣшной ночью бѣды въ монастырѣ, Васютка; недобрые люди туда пробираются, высмотрѣть, вѣрно, хотять, съ какой стороны удобнѣе напасть.

А Васютка ему на это: — Ну, Богъ дастъ, ничего не будетъ!

— Все-же не мѣшало бы предупредить,—замѣтилъ старикъ.

— Да туда теперь и не достучаться; всѣ спятъ,—возразилъ мальчикъ и завалился спать.

А Силантій не могъ заснуть и нѣсколько разъ выходилъ изъ хижины, чтобъ послушать, не слышно ли чего со стороны обители. И долго, кромѣ воя вѣтра, ничего оттуда не доходило, но послѣ полуночи, когда вѣтеръ стихъ, и луна выплыла изъ-за тучъ, опять раздался лошадиный топотъ неподалеку отъ хижины. На крыльцо бѣжать было ужъ поздно, старикъ высунулся въ окно и увидѣлъ одного изъ тѣхъ самыхъ монаховъ, чтò такъ напугали его нѣсколько часовъ тому назадъ, монахъ этотъ держалъ передъ собою женщину.

— А Марью Николаевну они, проклятые, у ручья подкараулили. Знали, вѣрно, что пойдетъ сестрицу къ ручью искать, тутъ ее и спалили!—вскричала рыдая Варька.

— Батюшки родимые! Мать Царица Небесная, горе-то какое!—подхватили въ одинъ голосъ подруги Марины, и въ кельѣ поднялся такой вой, что весь монастырь сюда сбѣжался, и наконецъ сама игуменья явилась.

Дочка Егора Севастьяновича совсѣмъ обезумѣла отъ страха и жалости за подругъ. Она была въ такомъ отчаяннн, что даже мать Агнія переставала по временамъ сокрушаться о племянницахъ, чтобъ успокоивать ее и утѣшать.

И каждую минуту то игуменья, то которая нибудь изъ старицъ вспоминали про Гагина.

Быль бы здѣсь Егоръ Севастьяновичъ, не случилось бы бѣды, а и случилась бы, такъ онъ ужъ сумѣлъ бы присовѣтовать. Эдакое горе, что такой нужный человекъ уѣхалъ.

Марина предложила послать за отцемъ. Недалече, чай, онъ отъѣхалъ.

Но на вопросъ, извѣстно ли ей, какой путь онъ избралъ, она не знала, что отвѣтить. И въ Харьковъ хотѣлъ завернуть, у него тамъ пріятель живетъ, и про Варшаву поминалъ.

— Можетъ, Акулинъ Ивановичъ извѣстно?

— Врядъ ли, а впрочемъ, если еще на богомолье не ушла, можно узнать.

Послали въ Чирки просить Акулину Ивановну поспѣшить въ монастырь, но не застали ужъ ея, ушла на богомолье, проводивши дочку, а гнаться за нею въ Кіевъ игуменья не сочла нужнымъ.

На нее стали находить сомнѣнія. Поразспросивши обстоятельно Варьку и другихъ бѣлицъ, что ближе прочихъ стояли къ Курлятьевскимъ боярышнямъ, да заставивъ мать Меропею припомнить досконально все, что произошло въ кельѣ матери Агніи до той минуты, какъ открылось исчезновеніе Катерины изъ коморки тетки, настоятельница обители, сопоставивъ эти рассказы съ другими обстоятельствами, вывела заключеніе, далеко не согласующееся съ тѣмъ, что родилось у нея въ умѣ при первомъ извѣстїи о случившемся.

Да и сама катастрофа, послѣ зрѣлаго размышленія, не казалась ей уже такой ужасной, какой могла бы быть при другихъ обстоятельствахъ.

— Прискорбно, конечно, что племянницы ваши сдѣлались жертвами злодѣевъ,—говорила она, съ глазу на глазъ, матери Агніи, запершись съ нею въ отдаленной, отъ любопытныхъ ушей, кельѣ,—но вѣдь могло и хуже случиться. Разбойники могли напасть на обитель пѣлой шайкой, ограбить церковь, надругаться надъ монахинями, пытками заставить старицъ выдать монастырскую казну и поджечь съ четырехъ сторонъ обитель. А строеніе-то у насъ все деревянное да ветхое, какъ сухая солома, запылало бы. И не отъ кого помощи ждать. До ближайшаго хутора версты три, да если бы и ближе было, никто бы на помощь не двинулся. Значить, если такъ разсудить, разбойники еще милостиво съ нами поступили, удовлетворившись похищеніемъ двухъ дѣвицъ, которыя къ обители даже не принадлежатъ. Не накликать бы намъ, мать Агнія, еще бѣдшей бѣды жалобами,—прибавила игуменья въ заключеніе своей рѣчи, устремляя на свою собесѣдницу пытливый взглядъ, подъ которымъ эта послѣдняя не могла не опустить глазъ.

Однако, послѣ небольшого молчанія, мать Агнія объявила, что ей надо ѣхать въ городъ, чтобы сообщить родственникамъ о постигшей ихъ бѣдѣ. Нельзя же не попытаться вырвать дѣвицъ изъ рукъ злодѣевъ.

— А извѣстно ли вамъ, кто тотъ молодецъ, что атаманомъ у нихъ считается?—спросила игуменья, не переставая пронизывать ее

испытующимъ взглядомъ.—До меня дошли слухи,—продолжала она, не дожидаясь отвѣта на свой вопросъ,—будто этого человѣка ваша старшая племянница знала, когда онъ былъ еще крѣпостнымъ ея родителей... будто она любила его... Увѣрены ли вы, мать Агнія, что чувство это совсѣмъ умерло въ ея сердцѣ? Вѣдь врагъ-то силенъ, видали мы съ вами и не такіе примѣры, поддавались кознямъ поганаго старицы святой жизни такія, которыхъ всѣ праведницами считали,—чтожъ мудренаго, если молодыя дѣвицы... Сколько ей лѣтъ, вашей старшей племянницѣ, мать Агнія?

— Двадцать второй пошелъ съ Благовѣщенія,—чуть слышно упавшимъ голосомъ, отвѣчала Агнія.

— Лѣта еще юныя,—вдохнула игуменья.—Вспомнимъ самихъ себя въ эти года, мать Агнія, и будемъ молить Создателя, чтобы не далъ погибнуть въ конецъ душѣ христіанской, возбудилъ бы въ ней раскаяніе, вернулъ бы ее на лоно православной церкви...

И постепенно одушевляясь, она прибавила:

— Не у князей и сильныхъ міра сего намъ искать опоры, а у Царя нашего Небеснаго, Онъ, Господь Милосердный, знаетъ, какъ вернуть заблудшую овцу на путь спасенія! Вернется къ намъ Катерина, мать Агнія, вотъ помяните мое слово, что вернется. Пусть только знаетъ, что мы ее во всякое время съ распростертыми объятіями готовы принять.

Мать Агнія молчала. Отлично понимала она смыслъ этихъ словъ и скрытый подъ ними намекъ. Не хотѣлось игуменѣ ссориться съ разбойниками и накликать на обитель мести ихъ изъ-за Курлятевскихъ боярышень, это было ясно, какъ день.

Переждавъ немного, матушка заговорила про Марью и доказала при этомъ, что знаетъ про племянницъ Агніи гораздо больше самой Агніи. Марью она подозрѣвала въ сношеніяхъ со скитницами и усматривала прямую связь между этими отношеніями и ея исчезновеніемъ изъ монастыря.

— Да неужто-жъ у васъ никогда не было подозрѣній на ея счетъ?—спросила игуменья.

— Какія подозрѣнія? Насчетъ чего?—дрожащими отъ волненія губами вымолвила мать Агнія.

У игуменьи лукавымъ блескомъ загорѣлись глаза.

— Да насчетъ ея заблужденія въ вѣрѣ. Мнѣ кое-что объ этомъ извѣстно. Къ ней тутъ скитница одна ходитъ, и разговоры она съ ней имѣетъ самыя соблазнительныя. Сдается мнѣ, мать Агнія, что мы, можетъ, на разбойниковъ-то понапрасну только клепемъ, и что дѣвицы ваши совсѣмъ къ другимъ злодѣямъ попали. Вѣдь Шафровскій скитъ отъ насъ недалеко, а Симіоній-то изъ вашихъ дѣвицъ бѣсовъ изгонялъ. Не подождать ли шумъ-то да огласку поднимать до поры до времени, доколь не обнаружится, гдѣ именно онъ обрѣтаются, и силой ли ихъ увлекли, по рукамъ, по ногамъ

связавши, или сами онѣ своей волей, прельстившись дьявольскимъ соблазномъ, святую обитель на вертепъ бѣсовскій промѣняли?

Мать Агніа все ниже и ниже склоняла голову подъ этими жестокими словами. Не могла она не сознавать ихъ справедливости. Дѣйствительно трудно было допустить, чтобы племянницъ ея похитили противъ ихъ воли. Какъ же такъ, безъ борьбы, безъ крика?

А вздохъ, такъ явственно слышанный ею въ саду, что онъ до сихъ поръ звучитъ у нея въ ухахъ?

О, зачѣмъ не заглянула она въ свѣтелку передъ тѣмъ, какъ выйти изъ домика! Зачѣмъ не удостовѣрилась собственными глазами, что Катерина тамъ, а не въ саду, у плетня подъ кленомъ, въ ожиданіи своего похитителя!

Теперь и поведеніе Марьи казалось ей крайне подозрительнымъ. Ну, какъ это заснуть такъ крѣпко, чтобъ даже не проснуться, когда тетка вошла въ комнату и заговорила съ ея подругами? И для чего отправилась она одна искать сестру?

Припоминались и другія подробности. Множество мелочей, казавшихся ей до сихъ поръ не стѣящими вниманія пустяками, поражали ее теперь своимъ значеніемъ, подтверждая какъ нельзя лучше подозрѣнія, высказанныя игуменьей.

А матушка еще всего не знаетъ, ей неизвѣстна домашняя обстановка Курлятьевскихъ боярышень, она понятія не имѣетъ объ ихъ жизни между властолюбивой, жестокой матерью и помѣшавшимся на религіозныхъ вопросахъ отцомъ; ей неизвѣстны всѣ подробности ужаснаго романа, разыгравшагося между Катериной и Алешкой; еслибъ она все это знала, у нея не осталось бы никакихъ сомнѣній насчетъ причинъ, побудившихъ Катерину съ Марьей бѣжать изъ монастыря.

Да, это было бѣгство, а не похищеніе; игуменья права, утверждая, что дѣло это до поры до времени предавать огласкѣ не слѣдуетъ.

Вотъ что-то Егоръ Севастьяновичъ скажетъ, когда вернется?

Впрочемъ, игуменья разрѣшила Агніи съѣздить въ городъ и посоветоваться съ родителями бѣглянокъ, относительно этого печальнаго событія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, она обѣщала принять всѣ зависящія отъ нея мѣры и здѣсь исподволь разузнать про нихъ. Въдѣ Шафровскій-то скитъ недалеко, а тамъ ужъ навѣрно все извѣстно.

XX.

А въ семьѣ похищенныхъ дѣвицъ имѣли еще больше причинъ относиться къ этому событію такъ, какъ будто оно и не происходило вовсе.

Впрочемъ, надо и то сказать, что г-жѣ Курлятьевой было въ то время не до дочерей. Въ ея домѣ все было вверхъ дномъ по

случаю письма, полученнаго изъ Петербурга, съ увѣдомленіемъ о томъ, что Ѳедюша ея принять въ корпусъ для дворянскихъ дѣтей, которымъ и сама царица, и вся царская фамилія такъ интересуется, что каждый считаетъ за счастье туда попасть.

Сжалилась, наконецъ, тетенька Татьяна Платоновна надъ любимой племянницей и удостоила отвѣтомъ почтительныя поздравленія съ новымъ годомъ и днемъ ангела, которыя Анна Ѳедоровна не забывала ей посылать отъ себя и отъ своего семейства, и выхлопотала для нея милость у царицы, да еще такую, лучше которой придумать невозможно. Дождалась Анна Ѳедоровна торжества и радости. Отъ восторга у нея точно крылья выросли; возвѣстивъ всему дому о счастьѣ, постигшемъ ея Ѳедичку, она поѣхала распространять эту новость по всему городу, причѣмъ не забыла, разумѣется, завернуть и къ сестрѣ, передъ которой ей особенно пріятно было похвастаться милостью тетеньки Татьяны Платоновны.

Въ письмѣ этой послѣдней была, между прочимъ, такая фраза: «Сонюшку Господь дѣтми не благословилъ, а потому я воспользовалась милостью ко мнѣ царицы для твоего мальчишки, который тоже къ нашей фамиліи принадлежитъ»...

Еще бы! И мало того, что принадлежитъ къ этой фамиліи, а единственный ея представитель. Безъ сомнѣнія, тетенька выхлопочетъ ему дозволеніе носить эту фамилію и называться Курлятьевымъ-Туренинымъ.

Она, навѣрное, и все свое состояніе ему оставитъ. Про Бахтеринскаго приемыша она и не упоминаетъ, точно его и нѣтъ на свѣтѣ. Ѳедичка сдѣлается ея любимцемъ. Это такъ же вѣрно, какъ то, что солнце свѣтитъ надъ землей. Можетъ ли такой красавецъ да умница комунибудь не понравиться?

На вопросъ: — какъ же вы съ нимъ разстанетесь? — Анна Ѳедоровна отвѣчала съ притворною грустью:

— Что дѣлать, для его же счастья. А про себя она думала: «чтобъ, разъ забравшись въ столицу, я назадъ въ эту трущобу вернулась, нашли дуру, нечего сказать! Да мнѣ здѣсь теперь и дѣлать-то нечего».

Правда, ея теперь ничто здѣсь не удерживало. Съ мужемъ она была рада-радехонька хотя бы на вѣкъ проститься. Николай Семеновичъ совсѣмъ одичалъ, съ нимъ и говорить-то не о чемъ было. Весь день сидитъ за книгами одинъ либо съ такими же чудаками, какъ и онъ самъ.

По временамъ столько набиралось къ нему странниковъ, монаховъ, юродивыхъ и тому подобнаго люда, что въ его горенкѣ становилось тѣсно и душно до нестерпимости, и, какъ ни старались они понижать голосъ и какъ ни припирали дверей, однако и до комнатъ Анны Ѳедоровны достигалъ иногда гулъ ихъ бесѣдъ, и это приводило ее въ бѣшенство.

Не разъ пыталась она подслушать эти разговоры и понять ихъ смыслъ, простаивала для этого подолгу въ темномъ углу подъ лѣстницей, что вела въ жильё ея супруга, притаивъ дыханіе и напрягая слухъ, но ничего изъ этого не выходило, хотя и ясно слышались ей такія слова: «Идѣже духъ Божій, ту и свобода», «Духъ, идѣже хоцетъ, вѣтетъ», или: такой-то «пошелъ по духовному этапу», а такой-то «въ храмъ нерукотворенный на воздухѣхъ проникъ», и тому подобную белиберду, которая, однако, бесѣдующимъ была, по видимому, весьма понятна, если судить по тому, съ какимъ восторгомъ и умиленіемъ они про это разсуждаютъ.

До того увлекались они разговоромъ, что мало-по-малу возвышали голосъ и не замѣчали растворенной въ коридоръ двери, черезъ которую Аннѣ Ѳедоровнѣ все до крошечки было слышно.

Но запретить эти сборища было не въ ея власти, и волей-неволей приходилось терпѣть въ домѣ такое безобразіе; большая часть состоянія, которымъ она безконтрольно владѣла, принадлежала ея мужу, а не ей, и если объявить его сумасшедшимъ, опеку назначать до совершеннолѣтія Ѳедички, и ужъ тогда она не хозяйка будетъ у себя въ домѣ. Другого же средства заставить мужа измѣнить образъ жизни у нея не было, значить оставалось изъ двухъ золь выбрать меньшее и не мѣшать ему развлекаться посвоему за то, что онъ непрекословно подписываетъ ей довѣренности на все, что бы ей ни понадобилось, и ни въ чемъ не мѣшаетъ ей поступать такъ, какъ она хоцетъ.

Не вдругъ, разумѣется, примирилась Анна Ѳедоровна съ такимъ положеніемъ вещей, пробовала ему прекословить и запугивать супруга, но каждый разъ, когда дѣло доходило до удаленія его друзей, Николай Семеновичъ внезапно преображался и проявлялъ столько упрямства, что ничего больше не оставалось, какъ плюнуть и отступить.

Разъ даже онъ не на шутку напугалъ ее такими словами:

— Будетъ и того, что я меньшую дочь дозволилъ вамъ загубить, дайте же мнѣ, по крайней мѣрѣ, спокойно замаливать и свои, и ваши грѣхи.

Ну, и пусть его молится. Конечно, всего было бы лучше, еслибъ онъ поступилъ въ монастырь, чтобъ окончательно развязать ей руки.

Объявляя мужу о своемъ отъѣздѣ въ Петербургъ съ сыномъ, она намекнула ему и на это соображеніе.

Богъ знаетъ, сколько времени задержать ее дѣла въ столицѣ. Надо пристроить Ѳедичку какъ слѣдуетъ, найти ему друзей и покровителей, сойтись поближе съ тетенькой Татьяной Платоновной, на все это потребуется, можетъ быть, съ годъ времени, если не больше, и чѣмъ Николаю Семеновичу оставаться здѣсь одному въ большомъ домѣ, среди хамовъ, которые, можно себѣ представить,

какъ развольничаютъ безъ хозяйки, не лучше ли ему въ монастырь перебраться? И молиться удобнѣе, у самой церкви...

— Богъ есть духъ и иже кланяется ему духомъ и истиною, достоинъ кланяться,—процѣдилъ сквозь зубы Николай Семеновичъ, не поднимая глазъ, опущенныхъ въ землю.

— И дочерей вамъ тогда можно было бы навѣщать чаще, — продолжала Анна Федоровна, не обращая вниманія на возраженіе своего слушателя, которое казалось ей бессмысленнымъ лепетомъ юродиваго.— Отъ Вознесенскаго-то монастыря до мужского верстъ пять не больше.

Напоминаніе о дочеряхъ заставило Николая Семеновича встрепенуться. Густой румянецъ залилъ его блѣдныя щеки, и онъ вскинулъ на жену такой укоризненный взглядъ, что ей жутко стало.

Ужъ не затѣваетъ ли онъ какойнибудь опасной штуки? Отъ такого юродиваго все станется. Бывали примѣры, что сумасшедшіе убійцами и поджигателями дѣлались. Ахъ, кабы можно было его куданибудь подальше запрятать!

Она сошла внизъ, ничего не добившись и въ большой досадѣ. Ничего не втолкуешь этой дурацкой башкѣ; что ни говори, а онъ все свое. Совсѣмъ обалдѣлъ отъ дураковъ, которыми себя окружаетъ, да отъ непутныхъ книгъ. И откуда достаетъ онъ эти книги? Все тѣ же юродивые ему ихъ, безъ сомнѣнія, доставляютъ,—больше некому. Выкрасть развѣ одну которуюнибудь, хотя бы ту, въ черномъ кожаномъ переплетѣ, надъ которой онъ сидѣлъ, когда она къ нему вошла, да отвезти архіерею? Вотъ, дескать, ваше преосвященство, какимъ дѣломъ мой супругъ занимается, прошу оградить меня съ сыномъ отъ дьявольскаго наважденія... Ну, и что-жъ, всполошится архіерей, подниметъ гвалтъ на весь городъ, нарядитъ слѣдствіе, перехватаютъ, можетъ быть, тѣхъ, кто въ руки попадется изъ посѣтителей Николая Семеновича, самого его куданибудь упекутъ, и, въ концѣ концовъ, опять та же опека, которая такъ нежелательна Аннѣ Федоровнѣ. Нѣтъ ужъ лучше оставить все, какъ есть, не ворошить насиженнаго гнѣзда. Придется передъ отъѣздомъ запереть нижній этажъ, разослать по деревнямъ и хуторамъ дворню, за исключеніемъ двухъ-трехъ человекъ изъ самыхъ преданныхъ и строго-настрого приказать имъ, какъ замѣтятъ чтонибудь опасное, сейчасъ къ подъячему Карпу Михайловичу Грибкову бѣжать, а этотъ ужъ ей отпишетъ и въ случаѣ надобности нарочнаго съ письмомъ въ Петербургъ пошлетъ, чтобъ ей скорѣе сюда явиться, порядокъ водворять.

Собиралась Анна Федоровна въ Петербургъ поспѣшно, точно кто ее гналъ. Впрочемъ, въ предлогахъ торопиться у нея недостатка не было; наступила осень, начались дожди, того и гляди морозъ хватить, и тогда ужъ ни на колесахъ, ни на полозьяхъ проѣзду не будетъ.

— Неужто вы и въ монастырь не заѣдете, сестрица?—спросила Софья Ѳедоровна, когда сестра пріѣхала къ ней съ прощальнымъ визитомъ.—Вѣдь ужъ давно вы Катеньку съ Машенькой не видѣли.

— Какъ давно? Съ чего вы это взяли! Да я у нихъ лѣтомъ два раза была. А теперь онѣ къ постриженію готовятся, и развлекать ихъ мірскими дѣлами не слѣдуетъ, — возразила съ раздраженіемъ Анна Ѳедоровна.

— А отъ Клавдіи съ какихъ поръ у васъ нѣтъ вѣстей?

— Вояжируютъ они за границей и вернутся прямо въ Петербургъ, тамъ и увидимся,—уклончиво отвѣчала г-жа Курлятьева.

— Они вамъ пишутъ? — съ невольной насмѣшкой спросила Бахтерина.

— Пишутъ, — не задумываясь солгала ея сестра. — Надняхъ письмо получила. Клавдія очень счастлива. Графъ благородный человекъ и безъ ума въ нее влюбленъ. Что ни пожелаетъ—все къ ея услугамъ, — выпалила она безъ запинки вызывающимъ тономъ и глядя въ упоръ на сестру.

«Ты мнѣ не вѣришь, но мнѣ все равно, а выражать твои сомнѣнія я тебѣ не позволю», читалось въ ея голосѣ и глазахъ такъ ясно, что Софья Ѳедоровна смутилась и не только спорить, но даже и смотрѣть на нее не отваживалась.

А въ городѣ между тѣмъ недобрые слухи про Курлятьевскую семью размножались съ каждымъ днемъ. Откуда они шли, эти слухи, сказать было бы трудно, но толковали о томъ, что самъ Курлятьевъ, совсѣмъ помѣшанный, ведетъ по ночамъ оживленную бесѣду съ какими-то невидимыми существами, прилетающими къ нему черезъ окно или изъ трубы, за невозможностью проникнуть въ запертыя двери. Видѣли его будто бы въ лунныя ночи прогуливающимся въ саду въ одномъ халатѣ, и тутъ онъ тоже, жестикулируя, къ кому-то обращался съ рѣчью, выкрикивая по временамъ, точно призывая кого-то. Дьявола, безъ сомнѣнія, кого же больше? Не даромъ авва Симіоній зачастилъ къ нимъ въ домъ. Бѣсы-то, которыхъ онъ изъ барышень изгналъ, въ ихъ отца, вѣрно, переселились.

А про Клавдію рассказывали, будто ея и въ живыхъ давно нѣтъ. Мужъ ея оказался оборотнемъ. Ему не вѣнчаться слѣдовало бы, а лежать въ могилѣ съ осиновымъ коломъ въ сердцѣ. Женился онъ для того только, чтобъ кровушкой молодой красавицы насосаться.

Слухи эти, переходя изъ устъ въ уста, изъ людскихъ въ барскіе хоромы, видоизмѣнялись, конечно, но и въ гостиныхъ барыни передавали другъ другу таинственнымъ шепотомъ, что Анна Ѳедоровна дотиранила-таки своего кроткаго супруга до сумасшествія, и что младшая ея дочь страннымъ образомъ исчезла послѣ вѣнца;

прошло съ тѣхъ поръ болѣе полугоду, а молодые какъ въ воду канули.

Лѣтомъ нѣкоторое время упорно держался слухъ, будто въ здѣшней мѣстности проявилась та самая дѣвка Сонька, что отпущена была съ молодой графиней изъ родительскаго дома, и будто дѣвка эта ужасныя страсти рассказываетъ про судьбу своей госпожи.

Обезпеченная этими розказнями, Курлятьева просила губернатора произвести обыскъ въ Принкулинской усадьбѣ и, буде Сонька тамъ найдется, арестовать ее и доставить къ госпожѣ, но ничего изъ этого не вышло. Соньку у принкулинскихъ обитателей не нашли; сплавиле ее оттуда въ болѣе надежное мѣсто, безъ сомнѣнiя.

Что же касается до бѣгства Катерины съ Марьей изъ монастыря, извѣстiе объ этомъ дошло до города съ недѣлю послѣ отъѣзда Курлятьевой съ сыномъ и въ видѣ предположенiя, которому не стоило придавать много вѣры.

Монахинямъ не выгодно было разглашать о приключившемся въ монастырѣ позорномъ приключенiи. На разспросы мирянъ имъ приказано было отвѣчать, что барышни Курлятьевы въ другую обитель поступили, далеко отсюда, а если и предавались между собою предположенiямъ, одно другаго ужаснѣе насчетъ этого событiя, то не иначе, какъ втихомолку и съ большой опаской, чтобъ не накликать на обитель бѣды отъ разбойниковъ.

Разбойники же, какъ будто удовлетворившись послѣдней добычей, перекочевали изъ здѣшней мѣстности неизвѣстно куда.

Стихло здѣсь; убiйствъ и грабежей какъ не бывало. Къ Рождеству губернаторъ получилъ орденъ за распорядительность, и въ Петербургѣ его ставили въ примѣръ другимъ начальникамъ губерний, не умѣвшимъ такъ, какъ онъ, быстро и ловко прекращать творящiяся у нихъ безобразiя.

Послѣ Рождества, и Егоръ Севастьяновичъ Гагинъ вернулся въ Чирки и навезъ въ Вознесенскiй монастырь столько подарковъ, что съ мѣсяцъ времени всѣ монашки, начиная отъ почтенныхъ старицъ и кончая молоденькими бѣлицами, только и дѣлали, что перевозносили его доброту и щедрость.

Всѣмъ сумѣлъ угодить—кому шелками шемаханскими да бисеромъ разноцвѣтнымъ для рукодѣлья, кому цвѣточными да огородными сѣменами, кому чаемъ, сахаромъ, сладостями, никого не забылъ.

Игуменьѣ часы съ кукушкой поднесъ, матери Агнii—книгъ, тѣхъ самыхъ, что ей ужъ давно хотѣлось имѣть. А, кромѣ того, и на общiя нужды обители сдѣлалъ вкладъ, и вдвое больше, чѣмъ въ прошломъ году, объявивъ при этомъ, что въ пожертвованiи участвуетъ и будущiй его зять, женихъ Марины.

Вернулся Егоръ Севастьяновичъ домой не надолго, торопился на свадьбу дочери въ Москву, куда невѣста съ матерью уѣхали

съ мѣсяць передъ тѣмъ, по первопутку, какъ первый снѣжокъ выпалъ.

— Весной вернусь сюда съ моей старухой,—говорилъ Гагинъ, прощаясь съ чирковцами и съ монастырскими.

Но и эта весна прошла, и другая, и третья, а Гагины не возвращались. Разбрелись въ разныя стороны и работники ихъ съ работницами. Домъ стоялъ пустой, съ заколоченными ставнями и воротами. Садъ, такъ старательно разведенный Егоромъ Севастьяновичемъ на склонѣ горы, дичалъ; дорожки, по которымъ прогуливалась Марина съ женихомъ, поросли кустарникомъ, а огородъ сорными травами, и при видѣ этого запустѣнія чирковцы все больше и больше убѣждались, что Егора Севастьяновича съ семьей имъ ужъ никогда у себя не видать, навсегда видно покинулъ онъ родину.

Н. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА СИНЕЛЬНИКОВА ¹⁾.

V.

Напутствіе въ царство Польское, данное мнѣ государемъ императоромъ. — Торопливость со стороны военнаго министра. — Главнокомандующій князь Горчаковъ. — Недружелюбный приемъ въ Варшавѣ войсковымъ начальствомъ. — Интендантскія дѣла. — Борьба съ скрытыми злоупотребленіями. — Броженіе умовъ въ Польшѣ. — Заготовка провіанта за предѣлами царства Польскаго. — Мнѣніе главнокомандующаго о первыхъ волненіяхъ въ Варшавѣ. — Его характеръ. — Начавшіеся беспорядки въ Варшавѣ. — Бездѣйствіе нашихъ войскъ. — Дерзость мятежниковъ. — Военный совѣтъ подъ предѣтельствомъ князя Горчакова. — Его странная рѣчь. — Моя докладная записка о мѣрахъ къ уменьшенію уличныхъ беспорядковъ. — Доклады у князя. — Примѣръ его нерѣшительности. — Новый главнокомандующій генераль-адъютантъ Сухозанетъ. — Его разговоръ со мною. — Его нравственная утомленность. — Мои заботы по устройству православнаго собора въ Варшавѣ. — Намѣстникъ генераль-адъютантъ Ламбертъ. — Усиленіе беспорядковъ въ Варшавѣ. — Объявленіе города на военномъ положеніи. — Аресты въ костелахъ. — Смерть генерала Герштенцвейга. — Отъѣздъ графа Ламберта за границу. — Намѣстникъ графъ Лидерсъ и его слабость къ интендантскимъ дѣтелямъ Севастопольской эпохи. — Покушеніе поляковъ на его жизнь. — Намѣстничество великаго князя Константина Николаевича. — Преступленіе Ярошинскаго. — Разсортированіе интендантства арміи. — Выѣздъ изъ Варшавы. — Остановка меня подъ Брестомъ бандою повстанцевъ. — Приѣздъ въ Петербургъ. — Аудіенція у государя императора. — Сенаторство. — Временный отдыхъ.

ДЛЯ ПРИНЕСЕНІЯ благодарности за пожалованный мнѣ орденъ св. Владимира второй степени, я имѣлъ счастье представляться государю императору и удостоился отъ него изъявленія увѣренности, что «усердіе мое все превозможетъ». Эти монаршія слова имѣли въ описываемую эпоху большое значеніе. Царство Польское исподоволь и втихомолку готовило то историческое возстаніе, которому суждено было взволновать всю Европу. Военный министр такъ торопилъ меня отъѣздомъ въ Варшаву, что не далъ мнѣ времени заѣхать въ Воронежъ за семействомъ и даже ознакомиться въ провіантскомъ департаментѣ со способами заготовленія войсковаго продовольствія.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LIX, стр. 721.

Въ Варшавѣ я былъ принятъ главнокомандующимъ генераль-адъютантомъ княземъ Горчаковымъ внимательно. Онъ представлялъ собою государственнаго человѣка умнаго, просвѣщеннаго, но не имѣющаго твердаго характера. Князь объяснилъ мнѣ виды относительно продовольствія войскъ и присовокупилъ, что мнѣ предстоитъ не легкая обязанность по наблюденію за дѣйствіями подчиненныхъ; что всякое неосторожное довѣріе съ моей стороны можетъ повредить пользамъ казны. По правдѣ сказать, меня изумило это недовѣріе главнаго начальника края къ цѣлой корпораціи гг. служащихъ по интендантскому вѣдомству.

Пріемъ начальника главнаго штаба генераль-адъютанта графа Коцебу и лицъ, занимавшихъ высшія должности, также не сдѣлалъ на меня отраднато впечатлѣнія. Предмѣстникъ мой, генераль Мельниковъ, былъ въ отпуску. Имѣя въ виду предупрежденіе князя о служащихъ, я былъ поставленъ дѣйствительно въ затруднительное положеніе. А между тѣмъ мнѣ подали уже составленную вѣдомость о цѣнахъ на фуражное довольствіе войскъ для поднесенія ея на утвержденіе главнокомандующаго.

Разсмотрѣвъ дѣла прошлыхъ лѣтъ о производствѣ торговъ на поставки провіанта и фуража, особенно за время управленія покойнаго фельдмаршала князя Паскевича, я нашелъ въ его распоряженіяхъ много поучительнаго. Такъ, достойна вниманія идея заготовленія провіанта безъ посредства подрядчиковъ. 20-го ноября 1854 года было сообщено отъ дежурнаго генерала генераль-интенданту Погодину, что фельдмаршалу угодно знать: «Не выгоднѣ ли крестьянамъ продавать свой хлѣбъ прямо правительству, чѣмъ сбывать его по цѣнѣ, какую имъ назначать подрядчики?».

Ознакомясь съ способами довольствія и провѣривъ въ заготовленной вѣдомости цѣны на фуражъ, я представилъ докладъ главнокомандующему. Онъ утвердилъ вѣдомость безъ измѣненій. Однако, кому не извѣстно, что фуражныя цѣны, какъ бы удовлетворительны ни были, всегда кажутся недостаточными ближайшимъ войсковымъ начальникамъ и возбуждаютъ въ нихъ разнообразное неудовольствіе. На меня посыпались жалобы начальнику главнаго штаба.

Въ тотъ же день вечеромъ, князь, будучи въ театрѣ и пригласивъ меня къ себѣ въ ложу, гдѣ былъ и графъ Коцебу, спросилъ:

— Возьметъ ли на свою отвѣтственность варшавскій оберъ-провіантмейстеръ продовольствіе войскъ фуражемъ въ его районѣ по утвержденнымъ цѣнамъ?

— Обязанъ взять, — доложилъ я. — Цѣны эти открыты имъ.

— Слѣдовательно дѣло кончено. — сказалъ князь.

Тотчасъ же, оставивъ театръ, я вызвалъ оберъ-провіантмейстера. Утромъ онъ привезъ ко мнѣ подрядчика съ залогомъ, принимающаго на себя заготовленіе фуража по утвержденнымъ цѣнамъ, съ условіемъ, чтобы, для разрѣшенія недоумѣній при сдачѣ фуража, были назначены посредники.

Князь разрѣшилъ передать продовольствіе фуражемъ подрядчику. Узнавъ объ этомъ событіи, всѣ войсковые начальники просили меня дозволить имъ взять на себя продовольствіе лошадей по тѣмъ цѣнамъ, которыя имъ прежде казались столь невыгодными. Такъ удачно сдѣланъ былъ мною первый шагъ на интендантскомъ поприщѣ въ пользу казны.

Въ сентябрѣ я отправился для обозрѣнія провіантскихъ магазиновъ, входившихъ въ составъ первой арміи. Поставка хлѣба въ магазины, на основаніи условій съ подрядчиками въ царствѣ Польскомъ, производилась частію мѣсячными пропорціями. Меня удивило, что провіантъ въ магазинахъ былъ хорошъ, а при пробѣ хлѣба въ войскахъ чувствовался хрусть, и видно было присутствіе отрубей. Войска на хлѣбъ не жаловались. По разслѣдованіи упомянутого обстоятельства, оказалось, что подрядчики евреи доставляли въ магазины, на случай освидѣтельствованія, хлѣбъ годный. Онъ хранился въ казенныхъ амбарахъ до извѣстнаго времени, а на текущее довольствіе ставился прямо въ войска хлѣбъ далеко неудовлетворительный. Въ новогоріевскихъ магазинахъ я нашелъ часть муки изъ крѣпостнаго запаса затхлою.

Объ открытыхъ злоупотребленіяхъ я доложилъ князю и объяснилъ, что о возстановленіи законнаго порядка въ поставкѣ хлѣба мною будутъ приняты строгія мѣры. Для опредѣленія способа сдѣлыванія запаса въ Новогоріевскихъ магазинахъ просилъ назначить особую комиссію.

Между тѣмъ, чтобы не навлечь на себя неудовольствія главнокомандующаго за невниманіе къ его замѣчанію о дурномъ составѣ интендантскихъ дѣятелей, я ходатайствовалъ о переводѣ въ интендантство служившихъ со мною въ Волынской губерніи честныхъ и способныхъ чиновниковъ: Аренса и Аратовскаго. Они служили со мною на скользкомъ поприщѣ съ полнымъ усердіемъ и находятся нынѣ въ отставкѣ тайными совѣтниками.

Наступило время торговъ на поставку провіанта. Цѣны, открытыя оберъ-провіантмейстерами, были одобрены губернаторами и повѣрены особо командированными чиновниками. Въ глазахъ подрядчиковъ онѣ оказались невыгодными. Торги не состоялись. Никакія убѣжденія присутствія дѣлу не помогли.

Узнавъ отъ меня о результатѣ торговъ и о необходимости прибѣгнуть, по бывшимъ примѣрамъ при фельдмаршалѣ Паскевичѣ, къ комиссіонерскому заготовленію, князь отвѣчалъ:

— Мы не можемъ дѣлать то, что дѣлалъ фельдмаршалъ. Надобно назначить новые торги.

Только въ виду моего объясненія о начинающемся враждебномъ настроеніи края и о трудностяхъ заготовки провіанта, если будетъ упущено къ тому время, главнокомандующій согласился на комиссіонерскій способъ покупки войсковаго хлѣба.

Едва ли гдѣ встрѣчались такія затрудненія на торгахъ, какъ въ царствѣ Польскомъ. Въ немъ и въ спокойное время колебаніе цѣнъ возбуждалось искусственно, не безъ особаго покровительства болѣе или менѣе вліятельныхъ лицъ.

Эти горькія строки не есть плодъ фантазіи.

Кому не извѣстно, къ чему способенъ своекорыстный умъ еврея въ виду наживы? Съ другой стороны, къ чему этотъ посредникъ, наживающій отъ казны десятки тысячъ, когда есть возможность приобрѣтать хлѣбъ изъ рукъ производителей способомъ комиссіонерскаго заготовленія? Въ царствѣ и гражданское начальство подчинено съ войсками одной власти. Поэтому оно могло быть привлечено къ наблюденію за правильностію покупки интендантскаго хлѣба. Многіе мѣстные помѣщики, въ виду глухого броженія умовъ, уже уклонялись отъ продажи въ армию провіанта, а такъ называемыя польскія агрономическія общества, подъ видомъ покровительства сельскому хозяйству, принимали всевозможныя таинственныя мѣры къ тому, чтобы русскія войска оставить безъ довольствія.

Все сказанное заставило меня дѣйствовать быстро. Убѣдившись, что въ предѣлахъ царства мнѣ не придется добыть хлѣба по выгоднымъ цѣнамъ, я, съ разрѣшенія высшаго начальства, лично отправился въ Кіевскую и Черниговскую губерніи. Закупивъ въ нихъ нужное количество провіанта, при участіи мѣстнаго гражданского начальства, я отправилъ его на особыхъ судахъ въ предѣлы Польскаго края.

По пріѣздѣ въ Варшаву мною доложено было князю объ успѣхѣ совершенной мною операціи, а также и о томъ, что намъ слѣдуетъ быть готовымъ къ неожиданнымъ событіямъ. Главнокомандующій на это замѣтилъ, «что онъ остается при убѣжденіи, что возникающіе безпорядки есть дѣло ничтожныхъ партій, и что онъ не желаетъ стѣснять чѣмъ либо агрономическія общества, столь полезныя для края».

Я не могъ не уважать князя Горчакова, какъ человѣка, пользовавшагося полнымъ довѣріемъ государя императора, какъ представителя высшей власти въ царствѣ. Тѣмъ не менѣе, я зналъ, что онъ, проведя лучшіе годы своей службы въ званіи начальника главнаго штаба арміи подъ постояннымъ начальствомъ фельдмаршала Паскевича, утратилъ самостоятельность и энергію. При старческихъ недугахъ, онъ принялъ на себя непосильныя обязанности управлять Польскимъ краемъ. Онъ отвергалъ методъ управления покойнаго фельдмаршала, находя его несвоевременнымъ, но онъ не создалъ и новаго метода. Ложная мысль о томъ, что онъ пользуется популярностью въ народѣ, едва ли не свела его въ могилу.

Я не буду вдаваться въ подробности тогдашнихъ происшествій, а объясню только ихъ результаты. Кто изъ насъ, русскихъ, не скорбѣлъ душою, видя бездѣйствіе нашихъ войскъ, выводимыхъ

на площади и улицы, чтобы молча смотрѣть на бѣснующихся кругомъ мятежниковъ? Они, совершая безпорядки, издѣвались надъ нами. Ихъ дерзость была поразительна. Предъ княземъ предстала особая депутація и объявила, что она не ручается за спокойствіе города, если вмѣсто полиціи не будетъ учреждена охрана изъ жителей. На Замковой площади, среди бунтующаго народа, явился главнокомандующій верхомъ и обратился къ толпѣ съ словами: «Зачѣмъ вы пришли? Ступайте домой!». Раздались голоса: «Ступай самъ домой, въ Россію, мы дома!».

Только послѣ этого безобразнаго факта отдано было солдатамъ приказаніе стрѣлять. На мѣстѣ осталось, какъ говорили, убитыми и ранеными до семидесяти пяти человекъ. Толпа мгновенно разбѣжалась, и въ Варшавѣ воцарилась мертвая тишина. Потомъ видя, что власть вновь погрузилась въ сонъ, революціонныя движенія на улицахъ участились до того, что сдѣлались какъ бы обыденнымъ явленіемъ. Князь собралъ военный совѣтъ и обратился къ присутствующимъ съ слѣдующими словами:

— Я знаю, что многіе изъ васъ желаютъ объявленія города на военномъ положеніи, но я нахожу это невозможнымъ. У насъ нѣтъ достаточно войска. Кромѣ того, при военномъ положеніи и правый и виноватый подвергаются одинаковымъ стѣсненіямъ. Слѣдовательно, мы должны, строго наблюдая за порядкомъ, терпѣливо выжидать окончанія недоразумѣній. Послѣднія, я надѣюсь, скоро прекратятся.

Послѣ объясненій съ нѣкоторыми генералами на ту же тему начальникъ края раскланялся и вышелъ. Я не выдержалъ и сказалъ генералу Мерхелевичу:

— Зачѣмъ наше собраніе названо совѣтомъ, когда совѣта ни у кого не спрашивали?

На это стоявшій рядомъ со мною генераль Хрулевъ замѣтилъ:

— Почему же вы не говорили въ совѣтѣ?

— Я полагалъ такъ поступать неумѣстнымъ, когда молчали тѣ, которые старше меня,—отвѣтилъ я.

На другой день я лично представилъ князю собственноручную записку, въ которой выразилъ мнѣніе, что, если, по недостатку войскъ, нельзя объявить городъ Варшаву на военномъ положеніи, то кажется возможнымъ усилить варшавскую полицію черезъ прикомандированіе къ ней благонадежныхъ нижнихъ чиновъ съ надлежащимъ числомъ гг. офицеровъ. Уличная стража должна быть разставлена на улицахъ такъ, чтобы на каждого городского изъ поляковъ было два русскихъ солдата, подъ видомъ изученія полицейскихъ приемовъ, а въ сущности для наблюденія за дѣйствіями самого поляка. Черезъ такой порядокъ прекратились бы, по крайней мѣрѣ, частыя сборища на площадяхъ, ведущія къ открытымъ

манifestаціямъ. Князь принялъ и прочиталъ мою записку съ примѣтнымъ неудовольствіемъ. Потомъ онъ спросилъ:

— Подумали ли вы о томъ, что будетъ стоить городу содержаніе этихъ командъ, и гдѣ взять деньги?

Я доложилъ, что беспорядки въ Варшавѣ, какъ извѣстно, уже отзываются во всемъ царствѣ. Въ случаѣ дальнѣйшаго распространенія, они могутъ повести къ болѣе серьезнымъ издержкамъ для ихъ прекращенія.

— Ну, это предсказаніе сбыться не можетъ,—отвѣчалъ князь. Затѣмъ, онъ положилъ мою записку на столъ и сдѣлалъ знакъ рукою, что моя аудіенція окончилась.

Однако, послѣ нѣсколькихъ дней, когда беспорядки усилились, было сдѣлано распоряженіе о прикомандированіи къ полиціи чиновъ изъ слабыхъ по фронту. Впослѣдствіи, когда уже никакая полицейская власть не могла прекратить революціонныхъ взрывовъ, въ составъ варшавской полиціи прислана была команда изъ Петербурга. Грустно было видѣть, что предупредительныя мѣры обращались въ послѣдовательныя тогда, когда на самомъ дѣлѣ уже самой дѣйствительностью вызывались напряженія государственныя силы.

Мое служебное положеніе, при огромныхъ операціяхъ интендантства, простиравшихся, при увеличенномъ числѣ войскъ, на суммы болѣе 20 милліоновъ рублей въ годъ, требовало особеннаго вниманія и осторожности. Около князя были личности, покушавшіяся, какъ говорится, въ мутной водѣ ловить рыбу. Главкомандующій, озабоченный возбужденнымъ настроеніемъ края, больной, работалъ до изнеможенія. Онъ затруднялся въ своихъ распоряженіяхъ. Случалось, что во время докладовъ моихъ князь составлялъ записки о другихъ дѣлахъ. Если въ докладахъ моихъ были вещи болѣе серьезныя, я останавливался, чтобы дать начальнику время кончить свои записки. Князь обыкновенно приказывалъ не задерживать доклада, а самъ продолжалъ писать. Однажды, кончивъ свои замѣтки, онъ объявилъ, что полагаетъ передвинуть одну дивизію пѣхоты съ артиллеріею, для которой и слѣдуетъ заготовить продовольствіе на четыре мѣсяца. Я доложилъ, что затрудненій въ этомъ заготовленіи не предвидится, но что для казны будетъ выгоднѣе, если дозволить распорядиться покупкою хлѣба прежде, чѣмъ войска тронутся съ мѣста.

— Такъ дѣлайте же ваши распоряженія,—приказалъ князь.

Предъ самымъ отправленіемъ нарочныхъ съ предписаніями о покупкѣ хлѣба, я былъ потребованъ во дворецъ для того, чтобы выслушать отмѣну упомянутаго распоряженія.

Среди разгара разнообразныхъ уличныхъ манифестацій, 20-го мая 1861 года, прибылъ временно главкомандующій арміею, бывшій военный министръ, генералъ-адъютантъ Сухозанетъ.

При общемъ приѣмѣ, обращаясь ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Я пробовалъ вашъ хлѣбъ въ войскахъ и за обѣдомъ у Брестскаго коменданта. Это такой хлѣбъ, что хоть къ царю на столъ.

Послѣ приѣма генераль позвалъ меня въ кабинетъ. Между нами произошелъ слѣдующій разговоръ:

— По всему, что я видѣлъ и слышалъ,—началь главнокомандующій,—вы вполне оправдали высочайшее довѣріе. Ни одинъ изъ предмѣстниковъ вашихъ не пользовался такими отзывами о безукоризненной и энергической дѣятельности. Для генераль-интенданта это весьма важно. При такихъ условіяхъ достигнута та польза, которую вы сдѣлали. Позвольте спросить васъ: какъ вы обезпечены? Есть у васъ земля или аренда?

— Я получаю содержаніе,—отвѣчалъ я,—совершенно обезпечивающее меня и семью. Буду служить до смерти. Надѣюсь, что государь не оставитъ меня безъ средствъ къ жизни.

— Все это прекрасно,—перебилъ генераль Сухозанетъ,—но, распорядясь казенными милліонами честно и добросовѣстно, вы должны быть обезпечены въ примѣръ другимъ. Предоставьте мнѣ быть ходатаемъ за васъ предъ государемъ.

Помолчавъ немного, благороднѣйшій начальникъ продолжалъ:

— А знаете ли, почему вы не были награждены вмѣстѣ съ прочими? За вмѣшательство въ дѣла, до васъ не касающіяся.

— Этого никакъ нельзя было ожидать,—отвѣчалъ я.—Князь всегда внимательно ко мнѣ относился, но не былъ доволенъ моею запискою объ устройствѣ полиціи.

— Ну, вотъ она и повредила вамъ.

Я объяснилъ генералу Сухозанету исторію въ военномъ совѣтѣ. Онъ выслушалъ и добавилъ:

— Успокойтесь; все это поправится; продолжайте только служить такъ, какъ вы служите.

Я замѣтилъ уже выше, что не былъ сторонникомъ распоряженій князя относительно системы усмиренія возстанія въ царствѣ Польскомъ. Когда уличные беспорядки въ Варшавѣ стали доходить до крайности, когда страдали наши войска, а въ заграничной печати насъ же клеймили варварами, я растерялся въ своихъ соображеніяхъ. Я твердо рѣшился ни съ кѣмъ не разсуждать. Только случаи, ведшіе ко вреду службы, доводились мною до свѣдѣнія высшаго начальства. Такъ, когда по требованію, собравшейся въ первый разъ на Замковой площади, толпы приказано было войска уводить съ улицы въ казармы, поляки громко хохотали. Фланговый унтеръ-офицеръ, повернувшись по командѣ, произнесъ:

— Насъ прежде на подобныя посмѣшища не выводили.

Съ полною осторожностію я передалъ означенныя слова командовавшему корпусомъ генералу Хрулеву. И очень можетъ быть, что онъ довелъ ихъ до свѣдѣнія начальника края.

Вотъ всѣ мои проступки, которыми я могъ навлечь на себя неудовольствіе князя. Я воздержался объяснить генералу Сухозанету о тѣхъ пыткахъ, которыя выносилъ, охраняя казну. Я видѣлъ, что онъ и безъ того изнемогалъ подъ бременемъ своей власти. Не разъ генераль прослушивалъ мои доклады, полулежа въ креслѣ, съ закрытыми глазами, утомленный нравственными потрясеніями. При болѣе сложныхъ докладахъ онъ говорилъ:

— Пожалуйста, безъ коментаріевъ; я знаю, что у васъ дѣла идутъ чисто.

Грустно вспомнить управленіе этого почтеннаго старца. Онъ прибылъ въ Варшаву подъ вліяніемъ той обаятельной обстановки, которою пользовался покойный фельдмаршалъ, и не могъ освоиться съ настоящимъ положеніемъ.

Еще до пріѣзда моего въ Варшаву было предположено реставрировать мѣстный православный соборъ на добротныя приношенія, по неимѣнію церковныхъ суммъ. Пожертвованій было собрано недостаточно. Представители возмущенія распространяли прискорбные слухи о нашемъ духовенствѣ и о православныхъ служащихъ, будто бы не радѣющихъ къ храму Божию.

Варшавскій архіепископъ Іоанникій глубоко скорбѣлъ о нарушеніяхъ велелѣнія, проявившихся даже при совершеніи божественныхъ служеній; онъ огорчался и безпорядками по веденію соборнаго хозяйства. Въ виду поступковъ протоіерея собора Н., не соотвѣтствовавшихъ его званію, преосвященный просилъ меня принять на себя попечительство и устройство собора.

Хотя обязанность эта и усложняла трудныя мои занятія по интендантству, но я охотно принялъ предложеніе архіепископа. Мнѣ было разрѣшено, въ случаѣ недостатка пожертвованныхъ денегъ, позаимствовать ихъ изъ экономическихъ суммъ интендантства, лишь бы не останавливать реставраціи русскаго храма.

Изъ уваженія къ сану бывшаго настоятеля собора, отца Н., не буду поднимать завѣсы съ его произвольныхъ дѣйствій по управленію соборной администраціей. При открытіи ихъ онъ ссылался на дозволенія покойнаго фельдмаршала, хотя фактовъ на то не представилъ. Я не былъ слѣдователемъ, но я былъ обязанъ разсмотрѣть отчетности прошлыхъ лѣтъ, чтобы опредѣлить средства къ содержанію храма на будущее время. Протоіерей Н., не смотря на свои безусловныя упущенія, по пріѣздѣ впослѣдствіи въ царство въ качествѣ намѣстника великаго князя Константина Николаевича, представилъ ему жалобу на архіерея и на меня. Онъ писалъ, что мы учиняли ему притѣсненія. Тогда высокопреосвященный вынужденъ былъ довести до свѣдѣнія его высочества о всѣхъ фактически подтвержденныхъ, противозаконныхъ предпріятіяхъ отца протоіерея. Послѣдній былъ переведенъ въ Черниговскую губернію въ распоряженіе мѣстнаго архіерея.

По окончаніи реставраціи собора я удостоился признательности святѣйшаго синода.

Все время своего управленія генераль Сухозанетъ не измѣнялъ ко мнѣ довѣренности. Его преемникъ, генераль-адъютантъ графъ Ламбертъ, вступивъ 11-го августа 1861 года въ командованіе арміею, объявилъ, что послѣ отзыва его предмѣстника онъ совершенно увѣренъ въ правильности моихъ дѣйствій, и поэтому слагаетъ съ себя заботу наблюденія за ходомъ операцій интендантства. 23-го августа, по представленію генерала Сухозанета, я былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты.

Поляки, подстрекаемые заграничными агитаторами, не хотѣли понять милости къ нимъ государя, оказанной въ назначеніи намѣстникомъ графа Ламберта, пользовавшагося особеннымъ царскимъ довѣріемъ. Уличныя манифестаціи усилились.

При самомъ прибытіи въ Варшаву, графъ увидѣлъ крайне напряженное состояніе населенія, требующее для введенія порядка мѣръ скорыхъ и строгихъ. Кромѣ совѣщаній съ служащими, онъ приглашалъ главное католическое духовенство, членовъ делегацій, избранныхъ изъ партій бѣлыхъ, и редакторовъ газетъ. Хотя послѣ совѣщаній съ этими лицами временно повѣяло отрадною надеждою на умиротвореніе края, но партія красныхъ не шла ни на какіе компромиссы. Она ускорила движеніе возстанія, отозвавшагося на всѣхъ окраинахъ царства.

Въ процессіи при похоронахъ митрополита Фіалковскаго совершились явленія, доходившія до крайней дерзости противу власти. Дамы и ученики разныхъ училищъ несли, вмѣсто церковныхъ хоругвий, знамена, на которыхъ были написаны съ одной стороны образа, а на другой—соединеніе гербовъ царства Польскаго съ княжествомъ Литовскимъ. Русскіе ордена, дарованные покойному, на церемоніи отсутствовали. Кромѣ того, подъ предлогомъ участія при погребеніи, были собраны крестьяне изъ разныхъ польскихъ губерній, и имъ вожаками возстанія данъ былъ обѣдъ въ Европейской гостинницѣ. Здѣсь произносились гласно и безнаказанно самыя возмутительныя политическія рѣчи.

Упомянутые факты привели намѣстника къ необходимости объявить городъ 14-го октября 1861 года на военномъ положеніи. Только что войска заняли назначенныя мѣста, какъ мятежныя толпы собрались въ костелахъ, и въ нихъ раздались революціонныя гимны. Тогда приказано было воинскимъ командамъ безъ оружія открыть костелы Свентоянскій и Бернардинскій, арестовывать мятежниковъ и отправлять ихъ въ цитадель. Эти жалкія полумѣры повели за собою катастрофу, страшно поразившую русскихъ и увеличившую злорадство крамольниковъ.

Варшавскій генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ Герштенцвейгъ, внезапно застрѣлился. Это былъ человекъ сильнаго ха-

рактера, стоявшій за крутыя мѣры въ подавленіи поднятаго возстанія. Его таинственная кончина какъ бы уяснила судьбы Божіи, ведшія послѣдовательно насъ отъ одной неудачи къ другой. Думалось, что графъ Ламбертъ, владѣя умомъ государственнымъ, а генераль Герштенцвейгъ—умомъ тонкимъ и изворотливымъ, пойдутъ рука объ руку въ дѣлѣ защиты русскихъ интересовъ въ краѣ, потрясенномъ революціей. Однако, оказалось, что оба они не могли дѣйствовать безъ страха, не боясь упрека.

Графъ Ламбертъ, въ котораго поляки стрѣляли, выѣхалъ за границу. Послѣ него нѣкоторое время опять управлялъ краемъ генераль Сухозанетъ. Лишь 27-го октября вступилъ намѣстникомъ царства графъ Лидерсъ. Онъ имѣлъ странную снисходительность къ слабостямъ интендантскихъ чиновниковъ. Мое положеніе при немъ сдѣлалось неудобнымъ. Въ Варшаву прибыли севастопольскіе заготовители продовольствія, участники несчастнаго управленія интендантствомъ крымской арміи генерала Затлера. При одномъ изъ моихъ докладовъ графъ выразилъ мнѣ желаніе, чтобы я принялъ севастопольскихъ дѣятелей на службу въ интендантство, какъ людей опытныхъ и полезныхъ. Я просилъ намѣстника, по неизвѣнью вакансій, дать мнѣ повелѣніе на зачисленіе этихъ почетныхъ чиновниковъ сверхъ штата. Повелѣнія, конечно, я не получилъ, а неприятностей навлекъ на себя много.

Докладъ мой о заготовленіи провіанта на 1862-й годъ комисионерскимъ способомъ, по случаю высокихъ цѣнъ, объявленныхъ подрядчиками на торгахъ, утвержденъ не былъ. Мнѣ даже былъ сдѣланъ вопросъ: на какомъ основаніи были тронуты запасы въ новогоріевскихъ магазинахъ? Я представилъ докладъ мой съ резолюціею генерала Коцебу и объяснилъ, что заготовленный въ Малороссіи хлѣбъ прибылъ весь и хранится въ магазинахъ. Не вдаваясь въ подробности всѣхъ чинимыхъ мнѣ въ то время колкостей, скажу вообще, что во все управленіе графа Лидерса я не пользовался полнымъ его довѣріемъ. Съ пріѣздомъ въ Польшу названнаго генерала казалось, что возстаніе какъ бы начало успокоиваться. Уличныя манифестаціи почти прекратились, а продолжались только революціонныя гимны въ костелахъ. Населеніе носило трауръ съ разными эмблемами. Но вскорѣ партія красныхъ съ ожесточеніемъ принялась за подпольную работу; возобновились покушенія на убійства; появились подметныя письма и началось подготовленіе къ кровавому возстанію.

По конфирмаціи графа Лидерса были разстрѣляны три офицера нашихъ войскъ, принадлежавшіе по рожденію къ польской національности и замѣшанные въ мятежъ. Революціонный комитетъ подослалъ убійцу, который ранилъ графа изъ пистолета въ затылокъ, во время прогулки его въ Саксонскомъ саду. Преступникъ скрылся въ толпѣ. Графъ сильно страдалъ отъ раны, повредившей

ему челюсть и зубы. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ заниматься дѣлами.

Въ концѣ мая была получена телеграмма о назначеніи намѣстникомъ царства великаго князя Константина Николаевича, а маркиза Вельепопольскаго начальникомъ гражданскаго управленія.

Не успѣлъ его высочество прибыть въ Варшаву, какъ мы были потрясены страшнымъ событіемъ. Какой-то Ярошинскій стрѣлялъ въ великаго князя, когда онъ выходилъ изъ театра и садился въ коляску. Благодаря Бога, его высочество былъ раненъ слегка въ руку. Ярошинскій задержанъ на мѣстѣ преступленія. Онъ судился гласнымъ судомъ и приговоренъ къ повѣшенію.

Со вступленіемъ августѣйшаго главнокомандующаго занятія интендантства усложнились. Оставалось много дѣлъ по поставкамъ прежнихъ лѣтъ, хотя и утвержденныхъ законно главнокомандующими, но вслѣдствіе жалобъ подрядчиковъ въ сенатъ дѣла должны были быть внесены, на основаніи устава объ управленія арміею, вновь на окончательное рѣшеніе великаго князя.

1-го января 1863 года интендантство 1-й арміи раздѣлилось на три окружныя интендантства: варшавское, кievское и виленское. Чиновники для нихъ были отправлены заблаговременно. Военный министръ, еще 9-го ноября 1862 года, сообщилъ мнѣ, что ходатайство мое о награжденіи чиновниковъ интендантства удостоено самага благосклоннаго вниманія его императорскаго величества. Министръ поручилъ мнѣ лично наблюсти за открытіемъ новыхъ интендантствъ и направленіемъ дѣлъ. 1-го января я отправился въ Вильно и, прослѣдивъ тамъ производство дѣлъ уже въ мѣстномъ интендантствѣ, возвратился въ Варшаву, чтобы окончательно провѣрить и здѣсь направленіе дѣлъ. Потомъ чрезъ Кіевъ я хотѣлъ проѣхать въ Петербургъ.

10-го января 1863 года, въ день начала кроваваго возстанія, я представился, по случаю отъѣзда, великому князю. Въ приказѣ по войскамъ его высочество выразилъ мнѣ свою полную и совершенную признательность за особенно усердную и полезную мою службу въ званіи генераль-интенданта 1-й арміи.

Я отправился въ Кіевъ, взявъ съ собою слѣдующія брестскому оберъ-провіантмейстеру около 30 тысячъ рублей. При мнѣ находились чиновникъ и два жандарма. Они помѣщались въ особой повозкѣ, сзади дормеза. Кредитные билеты лежали у меня въ сидѣньи, а серебро, около тысячи рублей, въ кожаныхъ мѣшкахъ въ повозкѣ. Но разсказу о томъ, что случилось со мною въ дорогѣ, я предпошлю маленькое объясненіе.

Служебное положеніе мое отстраняло меня отъ обязанности прекращать уличныя беспорядки мятежниковъ. Впрочемъ, я не пропускалъ ни одного удобнаго случая, чтобы не напоминать полякамъ, что они своими поступками губятъ себя и свою отчизну. Съ ви-

домъ полного участія собиравшіяся около меня кучки слушателей въ Красинскомъ саду выслушивали мои рѣчи и расходились спокойно. Кромѣ того, поляки знали меня по управленію Волынской губерніею, помѣщики которой пріѣзжали часто въ Варшаву и рассказывали о моихъ въ ней дѣйствіяхъ. Наконецъ, мои отношенія къ служившимъ въ интендантствѣ полякамъ никогда не носили на себѣ характера непріязни, но были въ высшей степени справедливы. Все приведенное несомнѣнно имѣло вліяніе на то, что мною сейчасъ будетъ передаваться.

Простившись на второй станціи съ провожавшими меня сослуживцами и перемѣнивъ лошадей въ городѣ Бялѣ, я крѣпко заснулъ. Былъ я разбуженъ какимъ-то страннымъ шумомъ около часу ночи въ глухомъ лѣсу, не доѣхавъ четырехъ верстъ до станціи Залѣсье. Я еще не успѣлъ оправиться отъ сна, какъ чиновникъ и человѣкъ мой, открывъ дверцы дормеза, объявили, что на насъ напали разбойники. Съ чиновникомъ отъ страха сдѣлалось дурно, и онъ упалъ ¹⁾.

Шумъ снаружи продолжался отъ того, что повстанцы отнимали у жандармовъ оружіе. Я вышелъ изъ дормеза, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Раздался крикъ: «къ кареткѣ!». Ко мнѣ подошелъ молодой человѣкъ съ револьверомъ въ рукѣ и спросилъ:

— Яка годность пана? Кто вы?

Я назвалъ свою бывшую должность и свою фамилію. Повстанецъ отошелъ отъ меня на нѣсколько шаговъ и закричалъ толпѣ: «Прошу панове до мя!». Нѣсколько минутъ между мятежниками продолжалось совѣщаніе. Затѣмъ, ко мнѣ подошелъ старикъ въ польскомъ костюмѣ, обвѣшанный оружіемъ, и вѣжливо предложилъ мнѣ сѣсть въ экипажъ. Онъ объявилъ, что банда никакой непріятности (шкоды) мнѣ не сдѣлаетъ. Пожелавъ счастливой дороги и всякаго добра, онъ велѣлъ назначить верховыхъ для охраненія меня отъ покушеній остальныхъ людей шайки.

Не буду объяснять подробно, что было говорено въ бандѣ предъ отъѣздомъ моимъ. Замѣчу только одно выраженіе, болѣе другихъ повторявшееся. Вотъ оно:

— Намъ отъ пана генерала ничего не нужно; пусть государь знаетъ, что мы честныхъ русскихъ людей уважать умѣемъ.

Такъ, по милости Божіей, я избѣжалъ опасности и при этомъ сохранилъ казенныя деньги. Онѣ были сданы мною въ цѣлости оберъ-провіантмейстеру, въ присутствіи брестскаго коменданта генерала Штадена.

Въ Брестѣ я узналъ, что остановившая меня банда въ преды-

¹⁾ Подробности эти, кажущіяся излишними, вношу потому, что впоследствии получилъ свѣдѣнія, будто бы чиновникъ рассказывалъ, что его рѣчи къ повстанцамъ способствовали къ охраненію меня и казенныхъ денегъ.

сущую ночь напала на артиллерійскій паркъ въ м. Кондѣ, истязала барабанщика, бившаго тревогу, переранила нѣсколько нижнихъ чиновъ, разбила казенный ящикъ и ограбила деньги. Позже она отправилась чрезъ станцію Залѣсье къ городу Бялѣ, гдѣ и встрѣтила случайно меня.

Въ иностранныхъ газетахъ было напечатано, что остановившая меня шайка повстанцевъ благополучно меня пропустила, но отобрала находившіяся при мнѣ казенныя деньги. Мои варшавскіе благопріятели сочиняли тоже разныя сплетни, одна другой нелѣпѣе, что видно и изъ письма ко мнѣ архіепископа Іоаннікія. Онъ, между прочимъ, сообщалъ, «что въ Варшавѣ ходили непріятныя слухи объ этой встрѣчѣ; всѣ знающіе и почитающіе меня были весьма встревожены; что въ случившемся со мною событіи нельзя не видѣть знаменія особенной милости Божіей».

Изъ Бреста я отправился чрезъ Бобруйскъ въ Кіевъ и, кончивъ тамъ служебныя дѣла, прибылъ чрезъ Москву въ Петербургъ.

Государь императоръ изволилъ принять меня вмѣстѣ съ прочими представляющимися весьма милостиво. Обратившись ко мнѣ, онъ сказалъ:

— А ты попался шайкѣ? Очень радъ, что счастливо отдѣлался. Тебя и враги уважаютъ.

Кончивъ общій пріемъ, монархъ приказалъ мнѣ идти за нимъ въ кабинетъ и рассказать, какъ и что было во время возмущенія въ Варшавѣ. Я объяснилъ его величеству только то, чему былъ свидѣтель, или что зналъ фактически. Отъ себя я не дозволилъ никакихъ коментаріевъ. По окончаніи моихъ объясненій, государь благодарилъ меня за службу и присовокупилъ:

— Относительно устройства твоихъ дѣлъ ты можешь узнать отъ военнаго министра.

Я осмѣлился просить о назначеніи меня сенаторомъ. Государь съ улыбкою произнесъ:

— Посмотри на себя; ты кажешься еще молодымъ человѣкомъ. Съ твоею энергіею и опытностью ты можешь принести пользу по административнымъ должностямъ.

Я доложилъ, что физически я здоровъ, но отъ вынесенныхъ колебаній по службѣ утратилъ энергію, почему и опасаясь должностей постоянныхъ. Государь благосклонно промолвилъ:

— Сенаторомъ ты будешь, а тамъ посмотримъ.

Я просилъ военнаго министра, генераль-адъютанта Милютина, объ увольненіи меня на нѣкоторое время для поправленія здоровья въ Одессу, гдѣ тогда жила, по возвращеніи изъ-за границы, у дочери Лариссы, покойная жена моя. Я получилъ разрѣшеніе на временный отдыхъ.

Н. П. Синельниковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ КЪ СВѢТУ.

(Мытарства крѣпостнаго человѣка).

I.

РЕДСТАВИТЕЛИ небольшого уѣзднаго городка Столпянска праздновали открытіе у себя первой мужской гимназіи. На устроенномъ по случаю этого событія торжествѣ присутствовали, конечно, весь цвѣтъ мѣстнаго общества. Кромѣ педагогическаго персонала съ директоромъ гимназіи во главѣ, тутъ были: городской голова, соборный протопопъ, предсѣдатель земской управы, исправникъ, мировой судья, судебный слѣдователь и многіе другіе чины муниципалитета; но самымъ почетнымъ гостемъ считался попечитель новой гимназіи, отставной профессоръ и довольно крупный землевладѣлецъ, Петръ Алексѣевичъ Гудковъ, по инициативѣ котораго возникло вновь открываемое учебное заведеніе; онъ же пожертвовалъ довольно крупную сумму изъ своихъ средствъ не только на украшеніе зданія гимназіи, но и на прибрѣтеніе большей части учебныхъ пособій... По окончаніи обычнаго въ такихъ случаяхъ молебствія, въ рекреационномъ залѣ училища былъ сервированъ прекрасный завтракъ. Послѣ официальныхъ рѣчей, обильно уснащенныхъ, какъ это обыкновенно водится, пожеланіями всѣхъ благъ и успѣховъ учащимъ и учащимся въ только что освященномъ зданіи, присутствующіе въ своей бесѣдѣ весьма естественно перешли къ обсужденію современнаго положенія педагогическаго дѣла въ Россіи вообще, а въ классическихъ гимназіяхъ въ частности. Много,

даже очень много было сказано здѣсь по поводу этого животрепещущаго вопроса. Лица, не прикосновенныя къ учебному дѣлу, съ особеннымъ удовольствіемъ останавливались на послѣднемъ циркулярѣ одного изъ окружныхъ попечителей, громогласно заявившаго, что корень зла лежитъ въ крайне индифферентномъ отношеніи преподавателей къ своимъ обязанностямъ. Педагоги, въ свое оправданіе, старались свалить всю вину на деморализацію нынѣшней семьи, на дряблость физическихъ силъ современной молодежи и, какъ на слѣдствіе этой дряблости, на небывалую апатію учениковъ ко всѣмъ вообще наукамъ. Безспорно, что какъ тѣ, такъ и другіе были до извѣстной степени правы; однако, обѣ стороны должны были въ концѣ концовъ прійти къ тому заключенію, что для успѣха дѣла необходима коренная реформа не только въ строѣ самихъ учебныхъ заведеній, но даже въ семьѣ, которая всегда кладетъ въ душу дитяти первыя и, какъ извѣстно, главнѣйшія основы будущаго развитія человѣка.

— Каковы же должны быть, по вашему мнѣнію, эти основы?— спросилъ вдругъ, обращаясь къ спорящимъ, молчавшій до сихъ поръ попечитель гимназіи.

— Я полагаю,—поспѣшилъ отвѣтить директоръ,—что подъ этимъ именемъ надо разумѣть физическое здоровье, любовь къ труду къ и правдѣ, любознательность, энергію и многія другія способности, которыми должны обладать дѣти, вступающія въ стѣны учебнаго заведенія.

— Допустимъ, что вы совершенно правы,—продолжалъ Гудковъ,—но скажите, какія бы вы рекомендовали намъ средства для достиженія подобной цѣли?

На такой вопросъ отвѣтило сразу нѣсколько голосовъ: одни говорили, что для этого необходимъ примѣръ родителей; другіе утверждали, что безъ матеріальной обеспеченности безусловно невозможно развить въ дѣтяхъ указанные качества; третьи настоятельно требовали, чтобы мать, и только одна мать, занималась первоначальнымъ воспитаніемъ своего ребенка; четвертые, наконецъ, доказывали, что въ данномъ случаѣ большую бы пользу принесло отреченіе отъ нѣкоторыхъ принциповъ такъ называемой «нѣмецкой» педагогіи, заѣдающей уже въ теченіе тридцати съ лишнимъ лѣтъ нашу школу,—однимъ словомъ, повторено было то, о чемъ и раньше много говорили и писали какъ русскіе, такъ равно и иностранные педагоги. Петръ Алексѣевичъ терпѣливо ждалъ, пока истощится потокъ этихъ мнѣній и доказательствъ. Когда же вопросъ былъ, повидимому, исчерпанъ со всѣхъ сторонъ, тогда Гудковъ произнесъ слѣдующее:

— Соглашаясь, господа, отчасти съ только что высказанными вами мыслями, я долженъ, однако, замѣтить, что даже при наличности всѣхъ рекомендуемыхъ вами средствъ главная цѣль не бу-

детъ вполне достигнута, такъ какъ вы опускаете изъ виду одно весьма важное педагогическое условіе.

— Какое же? — спросили Гудкова въ одинъ голосъ присутствующіе.

— Да хоть бы врожденныя способности человѣка, которыя вы, господа, какъ мнѣ кажется, совершенно игнорируете; затѣмъ вы ничего не говорите также о громадномъ воспитательномъ значеніи матеріальныхъ лишеній и вообще борьбы со всевозможными невзгодами, встрѣчающимися многимъ изъ насъ въ раннемъ дѣтствѣ.

— Иначе говоря, что мы не признаемъ благотворнаго вліянія на развитіе человѣка нужды, не такъ ли? — замѣтилъ предсѣдатель земской управы.

— Именно.

— Но, помилуйте, Петръ Алексѣевичъ, — воскликнулъ директоръ гимназіи: — вѣдь это чистѣйшій абсурдъ или по меньшей мѣрѣ самый отчаянный парадоксъ! По вашему, слѣдовательно, выходитъ, что матеріальные недостатки имѣютъ на развитіе дитяти гораздо большее вліяніе, чѣмъ всѣ педагогическія теоріи и учителя.

— Если хотите, то въ большинствѣ случаевъ — да.

— Чѣмъ же вы можете это доказать?

— О, на этотъ счетъ у меня найдется масса доказательствъ.

— Напримѣръ?

— Прежде всего я позволю себѣ напомнить вамъ, — продолжалъ спокойнымъ голосомъ Гудковъ, — что вся наша современная цивилизація обязана своимъ происхожденіемъ борьбѣ людей за существованіе, не такъ ли?

Присутствующіе молчали.

— Далѣе, примѣры такихъ великихъ людей, каковы были, напримѣръ: Гуттенбергъ, Колумбъ, Фультонъ, Франклинъ, Эдиссонъ, Шекспиръ, Шиллеръ, Сервантесъ, Диккенсъ и другіе, также, я полагаю, прекрасно подтверждаютъ мою мысль; наконецъ, оглянитесь вокругъ себя и вы увидите много случаевъ, когда человѣкъ, благодаря исключительно личному труду и упорной борьбѣ съ матеріальными невзгодами, подымается выше посредственности, становится полезнымъ членомъ цѣлаго государства и дѣлаетъ нерѣдко такія открытія, которыя удивляютъ собою впоследствии весь міръ...

— Слѣдовательно, въ основу вашей воспитательной теоріи обязательно должно лечь борьба за существованіе? — прервалъ Гудкова директоръ.

— Непремѣнно, но только, разумѣется, не въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, а лишь на столько, на сколько необходимо для развитія въ душѣ человѣка энергіи, инициативы и вообще самодѣятельности, отсутствіемъ чего, какъ вы и сами недавно выразились, сильно страдаетъ современная молодежь. На основаніи личнаго опыта я скажу вамъ, что ребенокъ, привыкшій съ раннихъ

лѣтъ къ физическому труду и испытавшій нужду, никогда не будетъ лѣнтяемъ въ учебномъ заведеніи, хотя бы ему пришлось впоследствии очутиться въ болѣе или менѣе сносной и даже богатой матеріальной обстановкѣ. Это, впрочемъ, весьма понятно, такъ какъ давнымъ давно уже извѣстно, что для человѣка, испытавшаго тяжесть физическаго труда, умственные занятія никогда не покажутся столь обременительными, какими они обыкновенно являются въ глазахъ людей, привыкшихъ съ дѣтства проводить время въ праздности. Не забывайте, господа, что даже одна изъ самыхъ старинныхъ русскихъ пословицъ гласитъ: «Трудъ человѣка кормитъ, а лѣнь портитъ». Вотъ поэтому-то я глубоко убѣжденъ, что дѣло воспитанія нашего молодого поколѣнія пойдетъ несравненно успѣшнѣе, если не только въ бѣдныхъ, но даже въ самыхъ богатыхъ семьяхъ дѣти будутъ посвящать значительную часть своего времени ручному труду. Подобная мѣра, развивая и укрѣпляя физическія силы, спасаетъ въ то же время умъ дитяти отъ пустыхъ и крайне вредныхъ мечтаній, уничтожаетъ скуку, вноситъ разнообразіе въ жизнь ребенка и дѣлаетъ учебныя занятія въ семьѣ и школѣ не мукой, а нѣкотораго рода пріятнымъ отдохновеніемъ...

Гудковъ замолчалъ. Со стороны присутствующихъ не послѣдовало ни одного возраженія противъ заключительной тирады стараго профессора. Только городской голова, хорошій пріятель Гудкова, замѣтилъ:

— Въ вашихъ словахъ, уважаемый Петръ Алексѣевичъ, звучитъ святая истина. Я всегда раздѣлялъ ваши мысли тѣмъ болѣе, что вы сами прошли суровую школу жизни и собственнымъ опытомъ убѣдились въ благотворномъ вліяніи на человѣка бѣдности и труда.

— Да,—промолвилъ на это бывший профессоръ,—моя жизнь дѣйствительно представляетъ въ этомъ отношеніи весьма поучительную и довольно-таки интересную исторію. Вѣдь, не смотря на то, что я въ настоящее время считаюсь владѣльцемъ чуть ли не полумилліоннаго состоянія, что принадлежу къ числу лицъ, получившихъ высшее образованіе, и что даже самъ состоялъ нѣкоторое время въ числѣ педагоговъ одного изъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній,—не смотря на все это, я претерпѣвалъ великія бѣдствія и нужду въ дѣтствѣ, будучи въ то время крѣпостнымъ человѣкомъ князя Карузы...

— Вы были крѣпостнымъ человѣкомъ?!—послышались со всѣхъ сторонъ изумленные голоса.

— Да, да,—отвѣчалъ спокойнымъ голосомъ Петръ Алексѣевичъ.

— О, въ такомъ случаѣ ваша біографія безспорно должна представлять огромный интересъ! Будьте же такъ добры, не откажите намъ въ удовольствіи выслушать ее изъ вашихъ собственныхъ устъ!—обратились къ профессору съ просьбою всѣ гости.

Гудковъ долго отказывался, ссылаясь на то, что его разсказъ займетъ слишкомъ много времени; но въ концѣ концовъ ему пришлось таки уступить, и онъ разсказалъ слѣдующее.

II.

Надобно вамъ знать, началъ профессоръ, что въ нашемъ родѣ сохранилось, между прочимъ, преданіе о томъ, что лѣтъ двѣсти тому назадъ мои предки принадлежали къ числу запорожскихъ казаковъ, а одинъ изъ нихъ, Остапъ Гудко, занималъ даже одно время должность куреннаго атамана и не разъ отличался въ битвѣ съ ляхами вскорѣ послѣ смерти знаменитаго казацкаго «батъка» Богдана Хмѣльницкаго. Внукъ Остапа, Григорій Гудко, проходя однажды въ качествѣ простаго казака со своимъ полкомъ чрезъ Курскую губернію, плѣнился тамъ красотою одной крестьянской дѣвушки и на возвратномъ пути женился на ней помимо воли своихъ родителей, не совѣтовавшихъ сыну мѣнять вольную казацкую жизнь на помѣщичье рабство. Однако, любовь преодолѣла все логическія выкладки ума, и славный казакъ Грыцько долженъ былъ навсегда распротиться съ своимъ роднымъ пепелищемъ. Сначала онъ пользовался нѣкоторыми льготами у своего «пана», вообще благоволившаго почему-то выходцамъ изъ Запорожья, но скоро Гудку пришлось убѣдиться на самомъ дѣлѣ въ томъ, какая громадная разница существуетъ между вольными сынами Черноморскихъ степей и крѣпостнымъ людомъ. Это открытіе произвело такое сильное впечатлѣніе на чуткую и поэтическую душу Гудка, что онъ сталъ быстро чахнуть и чрезъ десять лѣтъ послѣ своего переселенія въ «Московию» умеръ. Нечего и говорить, что по смерти Грыцька его дѣти ничѣмъ уже не отличались отъ прочихъ крѣпостныхъ. Правда, благодаря оставшемуся послѣ отца порядочному капиталу, они долго еще могли нанимать вмѣсто себя работниковъ для отбыванія урочной «панщизны», однако, подъ конецъ почти каждому изъ нихъ пришлось запрячься въ крѣпостное ярмо. Каково жилось моимъ послѣдующимъ предкамъ,—объ этомъ мнѣ рѣшительно ничего неизвѣстно, такъ какъ въ хранящейся въ нашей семьѣ «грамоткѣ» (поминальная книга) записаны лишь имена «рабовъ Божьихъ», входившихъ нѣкогда въ родословную дерева Гудка; знаю только, что мой дѣдъ, жившій въ концѣ прошлаго столѣтія, принадлежалъ уже графу О., имѣніе котораго находилось въ той же губерніи. Зная основательно столярное и токарное мастерство, Андрей Гудко, такъ звали дѣда, большую часть жизни провелъ въ Москвѣ при постройкѣ различныхъ казенныхъ и частныхъ зданій. Получая за свой трудъ хорошую плату, онъ имѣлъ возможность не только вносить слѣдующій съ него графу оброкъ, но и откладывать ежегодно

изрядную сумму про черный день. Отличаясь трезвой и вообще порядочной жизнью, он успел скопить на старость довольно крупный капиталец. По возвращении на родину дед хотел было откупиться на волю и возвратиться в Малороссию, о чем он мечтал с юных лет; но граф О. решительно этому воспротивился, зная, что все поколѣние Гудко слыло у него за самых здоровых, способных и добросовѣстных работников, могущих принести ему несравненно больше выгоды, чѣм предлагаемая старикомъ за выкупъ всей семьи сумма. Нечего было дѣлать, пришлось покориться барской волѣ и доживать вѣкъ на мѣстѣ. Впрочемъ, не долго послѣ этого прожил старикъ: чрезъ годъ съ небольшимъ онъ умеръ, завѣщавъ оставшійся капиталъ тремъ своимъ сыновьямъ, изъ которыхъ младшій былъ моимъ отцомъ. Вмѣстѣ съ любовью къ труду, порядку и бережливости онъ унаслѣдовалъ отъ моего дѣда страсть къ путешествіямъ и непреодолимое желаніе переселиться во что бы то ни стало на Югъ. Въ концѣ концовъ эта завѣтная цѣль была достигнута; но, къ сожалѣнію, она не принесла ему того счастья, о какомъ онъ всегда мечталъ. Въ то время, когда Алексѣю Гудко было около сорока лѣтъ, умеръ графъ О. Послѣ его смерти имѣніе досталось какимъ-то дальнимъ родственникамъ графа; между ними оказались впослѣдствіи такія лица, которыя пожелали немедленно реализовать свою долю наслѣдства, иначе говоря, продать землю и крѣпостныхъ, а затѣмъ уѣхать, по старинному обычаю, жуировать за границу. Когда къ одному изъ такихъ наслѣдниковъ явился управляющій князя Карузы съ цѣлью купить нѣсколько десятковъ крѣпостныхъ для переселенія ихъ въ Новороссію, то мой отецъ оказался въ числѣ первыхъ, пожелавшихъ отправиться на югъ. Приѣхавшіе съ княжескимъ управляющимъ крестьяне распространили въ народѣ самые соблазнительные рассказы о баснословныхъ богатствахъ Черноморіи, гдѣ въ то время главный доходъ сельскаго хозяйства заключался въ разведеніи рогатаго скота и лошадей, пользовавшихся подножнымъ кормомъ чуть ли не круглый годъ на обширныхъ и почти еще дѣвственныхъ степяхъ. Это обстоятельство сильно повліяло на рѣшеніе моего отца непременно уйти изъ Великороссіи. Изъявилъ свое согласіе Алексѣй Гудко на переселеніе въ концѣ марта, а въ первыхъ числахъ мая мы вмѣстѣ съ другими крестьянами, проданными тому же лицу нашимъ баринкомъ, подѣзжали уже къ имѣнію князя Карузы, которое было расположено на берегу небольшой рѣчки Чуриловки, вливающейся въ одинъ изъ притоковъ Днѣстра. Представившаяся нашимъ глазамъ мѣстность хотя во многомъ отличалась отъ покрытыхъ лѣсами пространствъ Курской губерніи, однако, она была посвоему необыкновенно прелестна; въ ней заключалось нѣчто первобытно-прекрасное, нѣчто такое, что дѣйствуетъ на чело-вѣческій духъ подобно электрическому току, призывая къ энергіи

всѣ жизненныя силы. Не смотря на то, что мнѣ было тогда не болѣе 8—9 лѣтъ, я и до сихъ поръ помню ту непонятную бодрость тѣла и очарованіе, которыя овладѣли мною при видѣ уходящей въ туманную даль новороссійской степи. Дѣло было при восходѣ солнца. Мы только что поднялись на гребень незначительной возвышенности и, пройдя съ небольшимъ версту, стали снова спускаться по отлогому склону въ обширную долину (по мѣстному выраженію—«балку»), часть которой было занята огромнымъ прудомъ, вымощеннымъ камнемъ и обсаженнымъ стройными тополями и косматыми ивами; ихъ зеленыя вѣтви далеко простирались надъ зеркальной поверхностью прозрачной воды, изъ которой струился тончайшій паръ, тотчасъ же расплывавшійся подъ вліяніемъ горячихъ лучей майскаго солнца. На склонѣ противоположной возвышенности, саженьяхъ въ пятидесяти отъ пруда, была расположена барская усадьба, почти совершенно скрытая за двойнымъ рядомъ дикихъ каштановъ, липъ и роскошныхъ бѣлыхъ акацій. Позади господскаго дома тянулся большой садъ, обнесенный высокою каменною стѣною; за нимъ разстилалась та же безконечная степь, покрытая уже довольно густою травою, въ которой пестрѣло безчисленное множество самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Повсюду, словно алмазы, сверкали капли утренней росы, отражая въ себѣ лучи только что подымавшагося надъ горизонтомъ солнца. На той сторонѣ «балки», только немного повыше барской усадьбы, находилось принадлежавшее князю Карузѣ, село Тарасовка, составлявшее конечную цѣль нашего путешествія. Издали оно показалось намъ несравненно живописнѣе, чѣмъ вблизи, что зависѣло, разумѣется, отъ аляповатости и бѣдности малороссійскихъ хижинъ, которыя во многомъ уступали великорусскимъ избамъ по внѣшнему виду. Впослѣдствіи намъ, однако, пришлось убѣдиться въ томъ, что подъ этою незатѣйливой наружностью скрывается гораздо большая чистота и довольство. Посреди села высилась небольшая, но довольно красивая каменная церковь, построенная на средства князя. Въ полуверстѣ отъ Тарасовки виднѣлось кладбище, окруженное, такъ же какъ и церковь, густою стѣною цвѣтущихъ акацій. По узкой, но крѣпкой плотинѣ мы перебрались на противоположный берегъ пруда и направились къ селенію. Тамъ насъ встрѣтилъ какой-то юркій старичокъ, оказавшійся впослѣдствіи старостою. Онъ тотчасъ же распредѣлилъ наши семьи по новымъ избамъ, которыя, вѣроятно, и были приготовлены для переселенцевъ. Вечеромъ мы были потребованы во дворъ, гдѣ всѣхъ насъ переписали и осмотрѣли, послѣ чего снова отправили по квартирамъ, приказавъ ждать дальнѣйшихъ распоряженій управляющаго. Около недѣли переселенцевъ не назначали ни на какія работы, имѣя въ виду, что послѣ такой дальней дороги каждой семьѣ необходимо отдохнуть, привести въ порядокъ свои домашнія дѣла и, такъ сказать, поприсмотрѣться къ новымъ мѣстамъ и

обстоятельствамъ. По истеченіи же этого времени насъ опять потребовали на барскій дворъ, еще разъ для чего-то переписали и осмотрѣли, а затѣмъ велѣли на слѣдующій же день отправляться на «панщину», о которой никто изъ насъ, сѣверныхъ мужиковъ, привыкшихъ жить «на оброкѣ», и понятія настоящаго не имѣлъ. Тутъ только мой отецъ увидѣлъ, какъ онъ глупо поступилъ, изъявивъ добровольно согласіе на переселеніе въ Черноморію; но дѣло было кончено, приходилось волей-неволей мириться съ обстоятельствами и лишь втихомолку вздыхать о лучшихъ дняхъ... Прежде, чѣмъ продолжать свое повѣствованіе далѣе, мнѣ необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ баринѣ, которому мы были проданы и въ рукахъ котораго находились теперь не только наши тѣла, но и души; поэтому я прерываю на время свою личную біографію.

III.

Князь Георгій Николаевичъ Каруза по своему происхожденію принадлежалъ къ молдавскимъ господарямъ, возведеннымъ за какія-то особыя отличія въ княжеское достоинство. Въ концѣ минувшаго столѣтія его отецъ Николай Каруза, вслѣдствіе возникшихъ въ Молдавіи политическихъ неурядицъ, эмигрировалъ въ Россію, былъ представленъ знаменитымъ Потемкинымъ ко двору Екатерины Великой и зачисленъ на службу въ одинъ изъ конныхъ полковъ. Здѣсь онъ скоро обратилъ на себя вниманіе начальства и, какъ способный офицеръ, получилъ назначеніе въ штабъ свѣтлѣйшаго князя Тавриды, находившагося тогда на Дунаѣ. По окончаніи второй турецкой войны, Николай Каруза возвратился въ Петербургъ, былъ награжденъ сразу чиномъ полковника за отличіе и въ то же время получилъ довольно видный постъ въ дипломатическомъ корпусѣ. Вскорѣ послѣ этого онъ женился на одной изъ фрейлинъ государыни императрицы, чѣмъ составилъ себѣ сильную протекцію при дворѣ. На поприщѣ дипломатіи князю также повезло: онъ чрезъ годъ получилъ генеральскій чинъ и былъ пожалованъ большимъ помѣстьемъ въ Новороссіи. Между тѣмъ, на югѣ опять вспыхнула война, и честолюбивый Каруза пожелалъ во что бы то ни стало принять въ ней участіе. Просьба его была немедленно уважена, и молодой генералъ, оставивъ мирныя занятія, поспѣшилъ присоединиться къ дѣйствующей арміи. Однако, на этотъ разъ военныя дѣла Николая Карузы пошли изъ рукъ вонъ плохо: при первой же стычкѣ съ турками онъ чуть было не попалъ въ плѣнъ, а при взятіи Хаджибея получилъ довольно серьезную рану, которая сдѣлала его впослѣдствіи совершенно негоднымъ къ военной службѣ. Приходилось снова браться за дипломатію, не смотря на то, что князю она была совсѣмъ не

по душѣ. На бѣду нашему герою теперь и здѣсь не посчастливилось, такъ какъ на его прежнее мѣсто былъ уже назначенъ новый человекъ, отличавшійся гораздо большими способностями и притомъ любимецъ князя Зубова. Послѣдовавшая въ это время смерть свѣтлѣйшаго окончательно обезкуражила князя Карузу, и онъ безповоротно рѣшилъ выйти въ отставку съ тѣмъ, чтобы переселиться на постоянное жительство въ свое новороссійское имѣніе, увеличенное еще нѣсколькими тысячами десятинъ по случаю полученной княземъ въ послѣднемъ сраженіи раны.

По складу своего характера и вообще по уму Николай Каруза совѣмъ не походилъ на великихъ русскихъ баръ того времени. Очувтившись въ имѣніи, расположенномъ среди богатой, но совершенно дикой природы, князь не испугался окружающаго его безлюдья, не палъ духомъ и не удралъ обратно въ столицу, а, напротивъ, энергично принялся за дѣла по части устройства своего хозяйства. Благодаря его неусыпному труду и богатымъ умственнымъ способностямъ, необитаемая степи скоро покрылись хуторами и деревушками, которые были населены народомъ, частью купленнымъ въ среднихъ губерніяхъ Россіи, а частью собраннымъ здѣсь же на мѣстѣ. Вообще надо замѣтить, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія заселеніе помѣщичьихъ земель въ Новороссіи сопряжено было съ огромными затрудненіями, и требовалось много чисто политическаго такта и каторжнаго труда, чтобы не потерпѣть въ этомъ дѣлѣ полнѣйшаго фіаско. Причиною такого положенія вещей послужило то, что съ одной стороны близость границы давала крѣпостнымъ людямъ возможность при первомъ удобномъ случаѣ бѣжать въ Турцію или Молдавію; а съ другой то, что даже самые покладливые, смиренные великороссы и малороссы, наслушавшись отъ мѣстнаго полубродячаго населенія разсказовъ о прелестяхъ вольной жизни въ Бессарабскихъ лѣсахъ и въ нижнедунайскихъ странахъ, скоро становились совершенно неузнаваемыми: въ нихъ просыпался духъ противорѣчія, своеволия, и при малѣйшей несправедливости въ отношеніи ихъ со стороны помѣщика эти люди производили бунты и массы уходили въ перечисленныя мѣстности. Не смотря, однако, на все это, князь Каруза сумѣлъ на первыхъ же порахъ «приручить» къ себѣ даже самыхъ непосѣдливыхъ и буйныхъ бродягъ, большая часть которыхъ принадлежала къ остаткамъ разсѣяннаго Румянцевымъ запорожскаго войска. Само собою разумѣется, что князь принужденъ былъ въ этомъ случаѣ прибѣгать ко всевозможнаго рода льготамъ, субсидіямъ и обѣщаніямъ, надѣясь въ послѣдствіи возратить всѣ свои затраты сторицею. Даже со своими крѣпостными, купленными раньше у русскихъ помѣщиковъ, Каруза обращался чрезвычайно гуманно, вслѣдствіе чего при немъ случаи бѣгства крестьянъ за границу были весьма рѣдки. За то при сынѣ его, Георгіѣ Николаевичѣ, дѣла приняли совершенно иной оборотъ.

Произошло это по той простой причинѣ, что молодой Каруза, поступивъ во время отечественной войны на службу въ гвардію, оставался въ Петербургѣ и послѣ смерти отца, послѣдовавшей въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Будучи совершенно далекъ отъ мысли промѣнять шумную, столичную жизнь на тихое и однообразное существованіе степнаго помѣщика, отдѣленнаго притомъ отъ большаго свѣта обширнымъ пространствомъ,--Георгій Николаевичъ, не задумываясь долго, ввѣрилъ управленіе своимъ имѣніемъ польскому шляхтичу Щавинскому. Этотъ, уже въ силу личной ненависти къ поганымъ «хлопамъ», сталъ съ величайшей жестокостью относиться къ крѣпостнымъ князя. Говорятъ, не было дня, чтобы на барскомъ дворѣ не сѣкли двухъ-трехъ человѣкъ; при этомъ надо замѣтить, что подобныя экзекуціи нерѣдко окончивались тяжкою болѣзнію наказаннаго лица, увѣчемъ, а не то и смертью. Благодаря такому положенію дѣлъ, по прошествіи трехъ лѣтъ управленія г. Щавинскаго, въ Тарасовкѣ изъ 500 душъ крѣпостныхъ оставалось всего на всего человѣкъ двѣсти. А когда тиранства грознаго поляка дошли до того, что даже за самое незначительное опозданіе на работу виновный подвергался не менѣе, какъ ста ударамъ розгами, когда на глазахъ управляющаго былъ засѣченъ на смерть одинъ изъ самыхъ почтенныхъ мужиковъ деревни, — тогда между тарасовцами вспыхнулъ открытый бунтъ, слѣдствіемъ котораго было то, что барская усадьба въ одну прекрасную ночь сдѣлалась жертвою огня и превратилась въ груды печальныхъ развалинъ. Развирѣпѣвшіе мужики схватили садившагося уже въ дорожный экипажъ Щавинскаго и, послѣ жестокихъ истязаній, привязали его къ спинѣ полудикой лошади, которая, при неистовыхъ крикахъ обезумѣвшей отъ злобы толпы, вихремъ помчалась съ своею необыкновенною ношею въ широкую степь...

Что сталося потомъ съ несчастнымъ шляхтичемъ, достовѣрно неизвѣстно, хотя много шансовъ было предположить, что онъ погибъ самую лютою смертью. Въ народѣ, между прочимъ, долго носилась молва, что кто-то изъ панскихъ чабановъ видѣлъ, какъ однажды вечеромъ чрезъ глубокую балку, заросшую густымъ терновникомъ, промчалась во весь карьеръ чья-то испуганная лошадь; на спинѣ у нея болтался какой-то окровавленный предметъ; что это былъ за предметъ, опредѣлить уже не было никакой возможности. Кромѣ того, табунщикъ, у котораго взята была эта лошадь, также рассказывалъ всѣмъ подъ величайшимъ секретомъ о томъ, какъ разъ ночью она подбѣжала къ табуну на такое близкое разстояніе, что при свѣтѣ только-что взшедшей луны можно было хорошо разсмотрѣть мотавшійся на ея спинѣ побѣлѣвшій уже скелетъ пана Щавинскаго. «Должно быть, коршуны и другая хищная птица съ аппетитомъ сѣбли мясо злого ляха»,—присовокуплялъ пастухъ тѣмъ же таинственнымъ голосомъ. Онъ пробовалъ было

подозвать къ себѣ поближе утомленную и въ конецъ исхудавшую лошадь, но она при первыхъ звукахъ его голоса снова шарахнулась со всѣхъ ногъ въ пустынную степь, да съ тѣхъ поръ уже и не показывалась никогда пастуху на глаза. Когда извѣстіе о произведенномъ крестьянами разгромѣ и о гибели управляющаго достигло князя, то онъ на первыхъ порахъ до того взволновался, что хотѣлъ самъ немедленно отправиться въ Тарасовку и даже выйти въ отставку; однако, съ теченіемъ времени его мысли приняли болѣе спокойное теченіе, и въ концѣ концовъ Георгій Николаевичъ рѣшилъ, что торопиться въ свое имѣніе нѣтъ никакой особенной надобности, такъ какъ все равно дѣлу уже не поможетъ, тѣмъ болѣе, что тамъ уже навѣрное не осталось ни души изъ главныхъ виновниковъ бунта. А тутъ еще, какъ нарочно, случилось нашему князю встрѣтиться гдѣ-то на балу съ прехорошенькой дочерью итальянскаго посла при русскомъ дворѣ. Каруза такъ увлекся ею, что совершенно позабылъ и о хозяйствѣ, и о разгромѣ, и о поѣздкѣ на югъ. Только благодаря настояніямъ своего двоюроднаго брата, онъ послалъ въ Тарасовку новаго управляющаго, но уже не поляка, а нѣмца.

IV.

Увлеченіе Георгія Николаевича кончилось тѣмъ, что онъ въ скоромъ времени женился на хорошенькой итальянкѣ. Получивъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого чинъ капитана гвардіи, Каруза пожелалъ перейти на службу въ Одессу, куда его давно уже приглашалъ другъ и пріятель стараго князя, генераль Ланжеронъ. Благодаря ходатайству М. С. Воронцова, переводъ Карузы состоялся весьма скоро, и молодые супруги стали собираться въ дорогу, не предчувствуя той бѣды, которая готова была разразиться надъ ними. Наканунѣ выѣзда Георгія Николаевича изъ Петербурга разыгралась исторія съ декабристами. Каруза оказался почему-то прикосновеннымъ къ этому ужасному дѣлу, былъ арестованъ вмѣстѣ съ прочими, и хотя, благодаря заступничеству одного вліятельнаго покровителя, вышелъ, какъ говорится, сухъ изъ воды, однако на немъ уже лежала печать подозрѣнія; поэтому, во избѣжаніе новыхъ непріятностей, онъ долженъ былъ подать въ отставку... Георгію Николаевичу шелъ въ это время 30-й годъ; его молодая натура жаждала славы и почестей, а тутъ вдругъ пришлось, быть можетъ, навсегда разстаться съ мыслью играть какую бы то ни было роль на военно-политическомъ поприщѣ, о чемъ такъ смѣло мечталъ Каруза еще нѣсколько дней тому назадъ. Вмѣсто всего этого надо было спѣшить убраться подобру-поздорову изъ Петербурга въ свое имѣніе, и тамъ, въ южно-русской глуши, волей-неволей приниматься за мирный и безызвѣстный трудъ земле-

дѣльца. Подобный ударъ судьбы не могъ пройти безслѣдно для князя. Георгій Николаевичъ послѣ этого не только измѣнился въ нравственномъ отношеніи, но даже физически какъ-то осунулся и постарѣлъ за нѣсколько дней лѣтъ на десять. Весною слѣдующаго года князь Каруза отправился въ Новороссію и тамъ принялся за приведеніе въ порядокъ своихъ сельско-хозяйственныхъ дѣлъ, что дало ему возможность забыться до нѣкоторой степени и взглянуть нѣсколько иными очами на свѣтъ Божій. Правда, изъ князя вышелъ не ахти-какой хозяинъ; однако съ теченіемъ времени онъ все-таки многому научился, а главное—мало-по-малу и совсѣмъ полюбилъ спокойную, здоровую деревенскую жизнь, хотя главное руководство дѣлами имѣнія лежало попрежнему на управителѣ-нѣмцѣ. Далекое не съ тѣмъ сочувствіемъ и терпимостью отнеслась къ новой обстановкѣ и дѣятельности супруга князя, Валентина Ромуальдовна. Привыкнувъ къ шумной, разнообразной жизни въ столицѣ, среди блеска и массы поклонниковъ, она съ первыхъ же дней своего появленія въ Тарасовкѣ начала хандрить невыносимо. Считая виновникомъ своей невольной ссылки мужа, молодая княгиня стала къ нему быстро охладѣвать, устраивала ему ежедневныя сцены и въ концѣ концовъ совершенно его разлюбила. Большую часть времени она проводила въ Одессѣ, гдѣ у нея скоро нашлись добрые пріятели, которые сумѣли облегчить горе молодой и красивой дамочкѣ. На всѣ выходки и поступки жены Георгій Николаевичъ смотрѣлъ сквозь пальцы, отлично понимая, что въ данномъ случаѣ никакіе логическіе доводы ему не помогутъ. Во избѣжаніе же лишнихъ расходовъ онъ пріобрѣлъ для себя въ Одессѣ прекрасный домъ, въ которомъ Валентина Ромуальдовна проводила сначала только зимы, а затѣмъ и совсѣмъ переселилась туда вмѣстѣ съ дѣтьми, оставивъ князя одного въ деревнѣ. Въ качествѣ отца, Георгій Николаевичъ все-таки изрѣдка навѣщалъ семью, чтобы хотя отчасти слѣдить за воспитаніемъ дѣтей, которыя находились на рукахъ гувернера и гувернантокъ; но когда въ послѣдствіи оба его сына и дочь были отправлены для продолженія образованія въ Петербургъ, тогда Каруза окончательно пересталъ ѣздить въ Одессу, предпочитая проводить время въ деревенской глуши. Неудача по службѣ и семейный разладъ совершенно измѣнили характеръ князя. Изъ веселаго, добраго и общительнаго человѣка онъ превратился въ настоящаго мизантропа. Единственнымъ его развлеченіемъ, кромѣ занятій по хозяйству, была охота и лишь изрѣдка—чтеніе книгъ. Съ крѣпостными онъ держалъ себя весьма строго, и не было случая, чтобы онъ отмѣнилъ наказаніе, определенное управляющимъ для кого либо изъ провинившихся крестьянъ. Вся сельско-хозяйственная дѣятельность Георгія Николаевича заключалась въ томъ, что онъ объѣдетъ бывало раза два три въ недѣлю свои владѣнія, потолкуеть иногда съ управляющимъ

о цѣнахъ на скотъ, шерсть, пшеницу и другіе продукты хозяйства, а затѣмъ снова отправляется куда нибудь на охоту или займется чтеніемъ какой либо книги военного содержанія. Такъ дѣло продолжалось до конца пятидесятихъ годовъ. Незадолго до начала Венгерской кампаніи Каруза лишился жены, которая умерла въ Одессѣ скоростипжно, возвратившись очень поздно съ какого-то бала. Не смотря на то, что въ послѣднее время князь и княгиня были совершенно чужды другъ друга, потеря жены имѣла на Георгія Николаевича громадное вліяніе. Онъ окончательно впалъ въ меланхолію, пересталъ интересоваться хозяйствомъ и охотою; по цѣлымъ недѣлямъ и даже мѣсяцамъ князь никуда не выѣзжалъ и не выходилъ изъ дому, ограничиваясь лишь изрѣдка небольшими прогулками по темнымъ аллеямъ стараго запущеннаго сада. Объявленіе похода въ Венгрію дало мыслямъ Карузы новое и совсѣмъ неожиданное направленіе: онъ вздумалъ вдругъ сдѣлать попытку поступить снова на военную службу и принять участіе въ открывшейся кампаніи.хлопоты Георгія Николаевича на этотъ разъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ: ему не только было разрѣшено зачислиться въ ряды русскаго воинства, но, спустя нѣсколько недѣль послѣ поступленія на службу, князю поручено было командованіе эскадрономъ —скаго гусарскаго полка, расположеннаго въ то время неподалеку отъ имѣнія Карузы, въ одномъ незначительномъ городкѣ. По окончаніи войны, въ которой Георгій Николаевичъ выказалъ, какъ рассказывали, необыкновенныя чудеса храбрости, онъ сдѣлался командиромъ цѣлаго —скаго полка, такъ какъ прежній начальникъ былъ убитъ въ какомъ-то сраженіи. Хотя князю Карузѣ перевалило въ это время уже за пятьдесятъ лѣтъ, тѣмъ не менѣе онъ съ юношескимъ почти жаромъ принялся за исполненіе военныхъ обязанностей, совершенно позабывъ о хозяйственныхъ дѣлахъ собственнаго имѣнія, въ которомъ съ этихъ поръ полноправно и безконтрольно распоряжался управляющій.

Дѣтей своихъ Георгій Николаевичъ къ этому времени успѣлъ всѣхъ пристроить; оба сына его находились уже на военной службѣ въ чинѣ поручиковъ, а дочь была замужемъ за сосѣднимъ землевладѣльцемъ, сыномъ генерала В., бывшаго начальника военныхъ поселеній въ С—комъ округѣ. Вспыхнувшая въ 1853 году война съ Турціей пришлась, какъ нельзя лучше, по душѣ князю, и его полкъ былъ въ числѣ первыхъ, вступившихъ на слѣдующій годъ въ предѣлы Молдавіи; о дѣйствіяхъ его тамъ и успѣхахъ я не буду распространяться, а перейду теперь къ продолженію собственной автобіографіи.

V.

Наше переселение въ Тарасовку совпало съ выступленіемъ князя въ Венгрію, вслѣдствіе чего намъ долго не удавалось видѣть своего барина. Мы поступили въ полное распоряженіе управляющаго, Карла Ивановича Баумана, который, пользуясь предоставленными ему самыми широкими полномочіями, дѣлалъ съ крѣпостными что хотѣлъ. Надобно вамъ сказать, что моему отцу не долго пришлось исполнять «панщину» въ качествѣ простаго рабочаго. Его здравый умъ, смѣтливость и представительная внѣшность скоро остановили на себѣ вниманіе провицательнаго нѣмца, и тотъ, переговоривъ съ отцомъ, рѣшилъ сдѣлать изъ него «атамана», иначе говоря, своего помощника, или, понынѣшнему—приказчика. Хотя моему отцу не особенно-то нравилось такое назначеніе, сопряженное съ большимъ трудомъ и немалою отвѣтственностью, однако, дѣлать было нечего, приходилось безпрекословно исполнять волю начальства. У князя Карузы насчитывалось около 20 тысячъ десятинъ земли, на которой находилось одно большое село Тарасовка, гдѣ мы жили, четыре деревни поменьше и нѣсколько хуторовъ; всѣ эти поселенія были расположены по теченію одной и той же рѣчки. Въ Тарасовкѣ имѣлъ постоянное мѣстопробываніе управляющій, а въ остальныхъ деревняхъ распоряжались атаманы, въ число которыхъ попалъ и мой отецъ. Вслѣдствіе такой перемѣны въ положеніи нашей семьи, намъ приходилось выѣхать изъ резиденціи князя и поселиться на жительство въ деревнѣ Покровкѣ, отстоявшей верстахъ въ десяти отъ Тарасовки. Новое званіе отца давало право всему его семейству на освобожденіе отъ «панщины», слѣдствіемъ чего было то, что мы имѣли возможность обратить большее вниманіе на занятіе собственнымъ хозяйствомъ. По прибытіи въ Новороссію, мнѣ было, какъ я уже говорилъ выше, не болѣе девяти лѣтъ. Не смотря, однако, на такой возрастъ, отецъ рѣшилъ во что бы то ни стало посвятить меня въ тайны книжной премудрости. Съ этой цѣлью онъ обратился къ мѣстному сельскому писарю, отставному солдату, чуть ли не ветерану отечественной войны. Послѣ долгихъ переговоровъ тотъ согласился, наконецъ, обучить меня грамотѣ и цыфири за плату по двѣ четверти ржи, одной четверти пшеницы и пудъ сала въ годъ; я обязанъ былъ ходить къ нему ежедневно на квартиру и заниматься тамъ съ утра до обѣда. Не буду здѣсь распространяться о прежнихъ методахъ обученія грамотѣ, такъ какъ это извѣстно, полагаю, каждому изъ васъ, скажу только, что мой учитель имѣлъ самое незначительное вліяніе на успѣхи своего ученика въ наукахъ. Вся его педагогическая дѣятельность въ этомъ отношеніи ограничилась лишь тѣмъ, что онъ называлъ мнѣ нѣсколько разъ буквы, а затѣмъ сообщилъ, какъ онѣ

сочетаются въ слоги и слова. А какъ только я постигъ эту глубочайшую премудрость, Карпъ Степанычъ, такъ звали учителя, всецѣло предоставилъ меня самому себѣ, отмѣчая лишь изо дня въ день ногтемъ «отсюда и досюда». Сначала читаемыя мною въ псалтири и часословѣ строки казались мнѣ настоящей тарабарщиной; но когда я, перечитывая ихъ въ десятый и даже сотый разъ, сталъ замѣчать, что многія изъ встрѣчающихся здѣсь словъ мнѣ приходилось уже раньше слышать отъ «дѣда» Вакула, занимавшагося у насъ чтеніемъ псалтири надъ покойниками, то во мнѣ возникло сильное желаніе отыскивать какъ можно больше такихъ словъ въ лежащей предо мною книгѣ. Благодаря этому странному чувству, я прочитывалъ ежедневно гораздо больше того, что мнѣ было задано учителемъ, а когда однажды этому великому педагогу пришла вдругъ въ голову странная фантазія провѣрить, какъ я уже читаю, то онъ былъ пораженъ моими успѣхами.

— Эге-ге, братъ,—воскликнулъ при этомъ Карпъ Степанычъ, дернувъ меня за ухо: — да ты, какъ я вижу, читаешь теперь не хуже балабановскаго дьяка! Что же ты ничего не сказалъ мнѣ объ этомъ раньше, а?

Я, конечно, въ отвѣтъ на такое замѣчаніе только таращилъ на своего преподавателя полуивумленные глаза и, видя, что тотъ на самомъ-таки дѣлѣ доволенъ моимъ успѣхомъ, начиналъ пріятно осклабляться. Черезъ минуту Карпъ Степанычъ вскочилъ со скамьи, подошелъ къ висѣвшей въ углу, пониже иконъ, полочкѣ и, снявъ оттуда большую книгу, носившую названіе «Четы-Минеи», какъ я успѣлъ прочесть на заглавномъ листѣ, подалъ ее мнѣ, промолвивъ:

— А ну-ка, почитай мнѣ еще отсюда немного?

Когда я безъ малѣйшей запинки, однимъ, какъ говорится, духомъ отбарабанилъ изъ предложенной книги полъ-страницы, то мой учитель отъ восторга и умиленія положительно растаялъ. Погладивъ меня ласково по головѣ, онъ громко воскликнулъ:

— Ай да молодецъ! Вотъ что значитъ имѣть хорошаго преподавателя! Ну, теперь съ завтрашняго дня приступимъ къ письму, а пока пойдемъ къ твоему родителю, пусть-ка онъ полюбуется своимъ дѣтищемъ!..

Весьма понятно, что отецъ остался чрезвычайно доволенъ моими успѣхами. Онъ угостилъ на славу Карпа Степаныча и еще далъ ему сверхъ всякаго договора на сапоги три рубля ассигнаціями, выразивъ при этомъ надежду, что и дальнѣйшія мои занятія будутъ столь же успѣшны. Обученіе письму и гражданской печати пошло у насъ гораздо быстрее, такъ какъ я, поощренный съ одной стороны похвалою учителя, а съ другой обѣщаніемъ отца взять меня съ собою осенью на сосѣднюю ярмарку, трудился изо всѣхъ силъ, стараясь не ударить лицомъ въ грязь на предстоящемъ экза-

менѣ. Наряду съ этимъ Степанычъ вводилъ меня исподволь въ дебри страшной для моего ума ариеметики, которая долгое время казалась мнѣ какой-то непостижимой кабалистикой. Однако, къ концу третьяго года ученя я, по словамъ учителя, зналъ уже хорошо первыя два ариеметическія правила и долженъ былъ вступить въ таинственную область умноженія; но тутъ вдругъ неожиданно случилось событіе, навсегда прервавшее обычный ходъ моихъ учебныхъ занятій и давшее иное направленіе моей жизни. Дѣло было вотъ въ чемъ.

Управляющему князя понадобился въ домѣ мальчикъ, который бы могъ впослѣдствіи занять мѣсто лакея при самомъ баринѣ. Кто-то указалъ Бауману на нашу семью, и управляющій предложилъ моему отцу отдать меня въ господскій домъ, гдѣ временно проживалъ и Карлъ Ивановичъ. Подумалъ, погадалъ отецъ, да на слѣдующій день и отослалъ меня въ Тарасовку къ управляющему. На первыхъ же порахъ здѣсь для меня наступило не житье, а масляница. Работы было лишь на столько, чтобы не скучать отъ бездѣлья, такъ какъ, кромѣ стараго лакея, въ домѣ управляющаго находились еще двѣ горничныя и кухарка. Въ пищѣ также недостатка не ощущалось: продовольствія Бауману и его слугамъ полагалось въ неограниченномъ количествѣ. Благодаря многочисленной дворнѣ, мнѣ рѣшительно некогда было скучать по своимъ домашнимъ; не прошло и недѣли, какъ я почти позабылъ объ ихъ существованіи, погрузившись всецѣло въ беззаботно-веселую жизнь двороваго человѣка. Не знаю, что бы могло выйти изъ меня, если бы я пробылъ въ домѣ Карла Ивановича среди подобной обстановки лѣтъ 5—6. По всей вѣроятности, я бы скоро превратился въ такого лѣнтяя, плута и вообще нравственно исковерканнаго человѣка, какихъ не мало можно было встрѣтить въ прежнее время среди барской прислуги. Судьба, однако, сжалилась надо мною и направила меня на лучшій путь. Надобно вамъ знать, что я съ перваго же разу крѣпко понравился управляющему; онъ, спустя мѣсяцъ послѣ моего поступленія къ нему въ домъ, сталъ употреблять меня исключительно для исполненія его личныхъ порученій и приказаній, вслѣдствіе чего я долженъ былъ почти всегда находиться при его особѣ. Карлъ Иванычъ бралъ меня съ собою даже въ поле и сосѣдній городокъ, куда ему неоднократно приходилось ѣздить по дѣламъ хозяйства. Поѣздки эти доставляли мнѣ всегда большое удовольствіе и богатый матеріалъ для моего пытливаго ума. Такимъ образомъ я жилъ до весны 1854 г. Въ это время князь Каруза въ качествѣ полковаго командира отправился, какъ я уже говорилъ выше, чрезъ Бессарабію за рѣку Прутъ. Такъ какъ ему не пришлось предъ выступленіемъ въ походъ побывать въ своемъ имѣніи, то онъ написалъ управляющему, чтобы тотъ немедленно самъ доставилъ въ городъ Кишиневъ нѣсколько тысячъ

рублей и, вмѣстѣ съ этимъ, отчетъ о состояніи хозяйства. Кромѣ того, Георгій Николаевичъ присовокуплялъ, чтобы Бауманъ привелъ туда же еще пару лучшихъ вороныхъ жеребцовъ, предназначенныхъ, какъ оказалось впоследствии, въ подарокъ одному высокопоставленному въ арміи лицу. По полученіи этого письма, Карлъ Иванычъ велѣлъ на другой же день снарядить въ дорогу крѣпкій возокъ, какихъ я уже давно не вижу въ употребленіи у насъ на югѣ. Въ этотъ возокъ запрягли тройку добрыхъ коней, а пару жеребцовъ привязали сзади экипажа. Кромѣ кучера Федосея, Карлъ Иванычъ рѣшилъ взять и меня съ собой за границу. Я крѣпко обрадовался, когда мнѣ сообщили объ этомъ. Помню, что меня въ особенности интересовало то обстоятельство, что я, быть можетъ, увижу собственными глазами турокъ и войну. Къ вечеру того же дня сборы наши были кончены, и на слѣдующее утро, задолго до разсвѣта, мы тронулись въ путь.

VI.

До Кишинева мы ѣхали не болѣе трехъ сутокъ, совершая свое путешествіе исключительно ночью и раннимъ утромъ, такъ какъ дѣло было въ концѣ юня, и жара стояла невыносимая. Только на другой сторонѣ Днѣпра, въ Бессарабіи, сдѣлалось какъ будто бы немного посвѣжѣе по причинѣ совершенно иной природы. Предъ нами была довольно гористая, разнообразная, а чрезъ то—и живописная мѣстность. Печально-однообразныя и пыльныя по случаю продолжительной засухи степи Херсонской губерніи остались далеко позади насъ, хотя мы долго еще могли видѣть ихъ съ вершинъ бессарабскихъ возвышенностей. Почти отъ самаго Днѣпра до Кишинева дорога наша пролегла между роскошными садами и виноградниками, покрывавшими склоны сосѣднихъ горъ и берега большихъ и малыхъ рѣчекъ; изрѣдка намъ приходилось ѣхать чрезъ обширныя поля великолѣпной кукурузы, которая въ то отдаленное время составляла для новороссійскаго обитателя, за исключеніемъ молдаванъ, большую рѣдкость. По дорогѣ, чрезъ каждыя 10—15 верстъ, намъ встрѣчались богатые молдавскія села, особенность которыхъ заключалась въ томъ, что составляющія ихъ избы были несравненно чище, просторнѣе и красивѣе малороссійскихъ хатъ; стѣны каждаго жилища отличались необыкновенною бѣлизною, а вдоль заваленки, вокругъ оконъ и дверей, были покрыты самыми затѣйливыми узорами. Впоследствии я узналъ, что для этой цѣли молдаванки употребляютъ не краски, а различныхъ цвѣтовъ глину, которая здѣсь встрѣчается повсюду большими массами. Народонаселеніе деревень и селъ—исключительно молдавское. Мужчины показали мнѣ гораздо красивѣе женщинъ, хотя эти послѣднія

были одѣты, на мой взглядъ, лучше и живописнѣе. Языкъ ихъ произвелъ на меня не совсѣмъ выгодное впечатлѣніе; зависѣло это, впрочемъ, много отъ той непривѣтливости, съ какою молдаване обращались къ намъ повсюду, гдѣ только приходилось имѣть съ ними дѣло. Когда мы пріѣхали въ Кишиневъ, то къ крайнему своему сожалѣнію узнали, что князь только что наканунѣ выступилъ съ полкомъ въ Фокшаны, гдѣ долженъ былъ остановиться на нѣкоторое время. Причиною этого внезапнаго выступленія была, какъ рассказывали, появившаяся въ городѣ холера, свирѣпствовавшая съ необыкновенною силою. Конечно, на меня подобное извѣстіе не произвело удручающаго впечатлѣнія, такъ какъ я не имѣлъ еще ни малѣйшаго понятія объ этой страшной болѣзни, тѣмъ не менѣе въ моей памяти хорошо сохранилось воспоминаніе о томъ, какъ по улицамъ Кишинева то и дѣло проѣзжали странной формы дроги, наполненныя черными гробами. Народъ падалъ и умиралъ прямо на улицахъ и площадяхъ подъ открытымъ небомъ. Болѣзнь дѣйствовала съ чрезвычайной быстротою и убивала въ нѣсколько часовъ самаго здороваго человѣка. Войскамъ строго было запрещено не только останавливаться, но даже проходить черезъ городъ, вслѣдствіе чего они располагались лагеремъ въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ Кишинева. Карлъ Ивановичъ также побоялся долго оставаться въ городѣ, а, переждавъ на постояломъ дворѣ до вечера, рѣшилъ немедленно продолжать путь далѣе, по направленію къ Фокшанамъ. Нечего было, разумѣется, и думать догнать князя ближе этого города, такъ какъ наши лошади достаточно таки уже утомились, а гусары Георгія Николаевича шли форсированнымъ маршемъ почти безъ дневокъ. Сообразивъ все это, управляющій по выѣздѣ изъ Кишинева не особенно-то спѣшилъ, тѣмъ болѣе, что изъ достовѣрнаго источника ему пришлось узнать, что полкъ князя Карузы простоятъ въ Фокшанахъ около недѣли. Хотя намъ оставалось проѣхать вдвое меньшее пространство, чѣмъ мы уже проѣхали до Кишинева, однако, по причинѣ слишкомъ гористой мѣстности, наше путешествіе продолжалось еще болѣе четырехъ дней..

Чистенькій и веселый молдавскій городокъ Фокшаны, расположенный на берегу небольшой, но быстрой рѣчки, впадающей въ одинъ изъ притоковъ Дуная, произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе. Мнѣ показалось даже, что и люди здѣсь были несравненно привѣтливѣе и оживленнѣе, чѣмъ въ Бессарабіи. По всей вѣроятности, это зависѣло отъ того, что мы прибыли въ городъ въ праздничный день, благодаря чему улицы были переполнены гуляющей молодежью, а подлѣ красивенькихъ домиковъ, почти скрывающихся за густою листвою акацій и тутовыхъ деревьевъ, стояли и сидѣли толпы болѣе пожилыхъ обывателей. Всѣ были одѣты въ оригинальные костюмы, отличающіеся необыкновенной пестротой.

На поворотѣ одной улицы мы встрѣтили огромную толпу народа, окружавшаго «джокъ» (нѣчто въ родѣ великорусскаго хоровода). Здѣсь подъ звуки какого-то патриархальнаго инструмента медленно танцовали, или вѣрнѣе передвигались другъ за другомъ, взявшись за руки, цѣлая сотня парней и дѣвушекъ; они образовали кругъ, имѣвшій саженой двадцать въ діаметрѣ, и, покачиваясь въ тактъ монотонной музыки, напѣвали вполголоса ту же мелодію. Я долго оглядывался на этотъ диковинный танецъ, названный Федосеемъ «джокомъ». Многочисленное русское войско стояло лагеремъ неподалеку отъ города на обширной равнинѣ, тянувшейся вдоль рѣки. Намъ недолго пришлось искать князя, такъ какъ его гусары были расположены ближе всѣхъ прочихъ частей къ Фокшанамъ. Каруза, повидимому, весьма былъ радъ нашему пріѣзду. Онъ тотчасъ же позвалъ насъ въ свою палатку, предложилъ управляющему сѣсть вмѣстѣ съ собою за небольшой столикъ, на которомъ немедленно появились разные напитки и закуски. Сидя за столомъ, Георгій Николаевичъ весело спрашивалъ Карла Ивановича о домашнихъ дѣлахъ, о дорожныхъ приключеніяхъ и о приведенныхъ жеребцахъ, которые ему очень понравились. Меня князь также угостилъ туземнымъ виномъ, наполнилъ мои карманы всевозможными гостинцами и, потрепавъ ласково по плечу, спросилъ: чей я сынъ, сколько мнѣ лѣтъ и не скучаю ли я о родныхъ? На всѣ эти вопросы я отвѣчалъ бойко и обстоятельно. Когда же управляющій сообщилъ Георгію Николаевичу, что я грамотенъ и вообще имѣю желаніе учиться, то онъ еще съ большей лаской отнесся ко мнѣ, а затѣмъ, вынувъ изъ роскошнаго портмоне двадцатипяти-рублевую ассигнацію и подавая ее мнѣ, промолвилъ:

— Вотъ это тебѣ, дружище, на книги и бумагу, смотри только не лѣнись, а продолжай учиться; я еще когданибудь вспомню о тебѣ...

Я до того былъ взволнованъ необыкновенною добротою князя, что не зналъ даже, какъ его отблагодарить, и ограничился лишь тѣмъ, что молча поцѣловалъ нѣсколько разъ его руку и даже ту ассигнацію, которая была подарена мнѣ «на книги». На слѣдующій день мы тронулись въ обратный путь, направляясь къ Бендерамъ, что значительно сокращало нашу дорогу, такъ какъ Кишиневъ оставался далеко сѣвернѣе, и намъ приходилось уже ѣхать по прямой линіи до самой Тарасовки. Черезъ недѣлю мы были дома. Необходимо замѣтить здѣсь, что въ продолженіе всей дороги, туда и обратно, я исполнялъ при Карлѣ Ивановичѣ обязанности лакея, являясь такимъ образомъ единственнымъ хранителемъ всѣхъ его вещей; на рукахъ же кучера Федосея находились, конечно, только однѣ лошади и экипажъ. По возвращеніи въ Тарасовку, все дорожное имущество было сдано мною, по счету, лакею Петру. Говорю это для того, чтобы вамъ была понятнѣе происшедшая вскорѣ послѣ

нашего приѣзда домой одна непріятная для меня исторія, и на сколько я въ ней былъ виноватъ. А случилось вотъ что.

Управляющій, подводя итогъ своимъ дорожнымъ расходамъ, не досчитывался 50 рублей. Первою его мыслью было, что деньги эти потеряны въ пути, но затѣмъ нѣмецъ мало-по-малу припомнилъ, что на предпоследнемъ ночлегѣ онъ, расплачиваясь съ содержателемъ постоялаго двора, полѣнился спрятать бывшую у него въ рукѣ ассигнацію въ портмоне, а сунулъ ее второпяхъ въ боковой карманъ своего пальто, откуда ее могли только украсть. Но кто? Весьма естественно, что подозрѣніе прежде всего пало на меня, хотя пропажа денегъ была обнаружена уже на второй день послѣ нашего возвращенія, то-есть тогда, когда я сдалъ всѣ вещи управляющаго старику лакею. Не смотря, однако, на это обстоятельство, Бауманъ, по совѣту того же Петра, рѣшилъ подвергнуть меня строгому допросу. Я горячо отстаивалъ свою невиновность и не только клялся всѣми святыми, что не трогалъ этихъ денегъ, но, вслѣдствіе своей несчастной страсти къ резонерству, осмѣлился высказать громко предположеніе, что ассигнація могла быть украдена уже здѣсь, въ домѣ, кѣмъ нибудь изъ остальныхъ служащихъ. Не успѣлъ я окончить своей рѣчи, какъ Петръ съ пѣною у рта набросился на меня, позабывъ о присутствіи своего господина, со слѣдующими словами:

— Такъ значитъ, по-твоему, деньги укралъ я, а? Да какъ у тебя языкъ повернулся выговорить подобную мерзость, шенокъ ты эдакій?

— Я ничего не сказалъ противъ васъ,—попытался я возразить испуганнымъ голосомъ;—но все-таки Христомъ Богомъ клянусь, что не бралъ этихъ денегъ и утверждаю, что онѣ пропали не въ дорогѣ.

— Да развѣ ты не могъ взять ихъ здѣсь, чтобы отклонить отъ себя такимъ образомъ всякое подозрѣніе? — замѣтилъ Карлъ Ивановичъ.

— Но вѣдь мнѣ не пришлось даже видѣть этой ассигнаціи, а не то, чтобы прикасаться къ ней! — продолжалъ я уже со слезами на глазахъ.

— Лучше сознайся, а то тебѣ же будетъ хуже! — настаивалъ Бауманъ.

— Какъ же я могу сознаться въ томъ, чего никогда не совершалъ и о чемъ не помышлялъ даже! — воскликнулъ я съ рыданіемъ въ голосѣ.

— Да что съ нимъ долго перемониться,—заговорилъ Петръ:—прикажите, Карлъ Ивановичъ, всыпать на ему конюшнѣ изрядную порцію горячихъ, тогда онъ заговоритъ съ вами совершенно инымъ языкомъ.

— Ты правъ,—произнесъ Бауманъ:—надо будетъ и на самомъ дѣлѣ испробовать это средство надъ нимъ хотя, откровенно говоря,

я бы не хотѣлъ прибѣгать къ подобной мѣрѣ; однако, въ виду такого закоренѣлаго упрямства, придется малаго высѣчь.

— Еще разъ прошу тебя,—обратился ко мнѣ управляющій,—сознайся, что ты укралъ деньги, иначе велю жестоко наказать и отошлю въ чабаны!

— Дѣлайте со мною, что хотите, но я неповиненъ въ кражѣ этихъ денегъ!— тутъ мой голосъ дрогнулъ, и по лицу покатались слезы.

— Ладно,—промолвилъ сквозь зубы нѣмецъ:— посмотримъ, что ты намъ скажешь послѣ березовой каши. Позови мнѣ сюда дворецкаго Андрея!— обратился онъ къ лакею.

Черезъ нѣсколько минутъ явился дворецкій, и ему было приказано взять меня на конюшню и дать двѣсти розогъ... Услышавъ это, я даже не заплакалъ, а только почувствовалъ, что какое-то сѣрое сукно заслонило мои глаза, сердце какъ-то странно дрогнуло, въ ухахъ зазвенѣло, и ноги сдѣлались словно свинцовыя... Къ вечеру того же дня надо мною была произведена эта жестокая экзекуція; конца ея я уже не слышалъ, такъ какъ послѣ первой же сотни потерялъ сознание. Очнулся я лишь къ вечеру слѣдующаго дня въ больницѣ, куда меня отнесли завернутаго въ простыни. Провалился я въ ней около двухъ мѣсяцевъ, колеблясь между жизнью и смертью, и только благодаря своей желѣзной натурѣ и нѣжному уходу матери, проливавшей надо мною цѣлые потоки слезъ, я въ концѣ концовъ выздоровѣлъ... А деньги такъ-таки и не нашлись. Правда, поговаривали люди впослѣдствіи, что злополучная ассигнація не миновала рукъ кучера Федосея, у котораго вскорѣ по возвращеніи изъ-за границы оказалось много такихъ вещей, какихъ онъ не могъ приобрести на свои скудные средства; кромѣ того, кучерь сталъ чаще обыкновеннаго посѣщать кабакъ и нерѣдко въ пьяномъ видѣ горько плакать по поводу того, что меня совершенно понапрасну высѣкли. Быть можетъ, и самъ Бауманъ видѣлъ хорошо свою ошибку, но не желая показать всѣмъ, что наказалъ жестоко ни въ чемъ неповиннаго мальчика, онъ предпочиталъ молчать объ этой гнусной исторіи и постарался даже довести назначенное мнѣ наказаніе до конца. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ выздоровленія я былъ отправленъ къ овцамъ въ качествѣ помощника одного изъ чабановъ. Замѣчу здѣсь кстати, что чабаны составляли у насъ совершенно отдѣльное вѣдомство и, пользуясь относительной свободой въ смыслѣ отправленія барщины, проводили дни и ночи въ степи со своими стадами, называемыми на югѣ «отарами» и «кирдами».

VII.

Князь Каруза, подобно прочим крупным помѣщикамъ Новороссійскаго края, обладалъ многочисленными стадами тонкорунныхъ овецъ (мериносовъ), которыя при низкой арендной платѣ на землю составляли въ то время здѣсь одну изъ самыхъ выгодныхъ отраслей сельскаго хозяйства. Хотя условія чабанской жизни рѣзко отличались отъ моего положенія въ просторныхъ, чистыхъ и сухихъ комнатахъ Карла Ивановича, однако нельзя сказать, чтобы я очень почувствовалъ эту разницу; напротивъ, несбятная ширь чарующей степи подѣйствовала на мой потрясенный организмъ самымъ живительнымъ и умиротворяющимъ образомъ.. Чѣмъ больше я всматривался въ окружающую меня природу, чѣмъ больше вслушивался въ ту дивную гармонію, которая въ продолженіе дня и значительной части ночи наполняла роскошную и душистую зелень полей, — тѣмъ больше начиналъ любить занятіе чабана и тѣмъ рѣже вспоминалъ о своей прежней безшабашной, пустой жизни на барскомъ дворѣ. Такому направленію моихъ мыслей и чувствъ не мало, конечно, способствовало еще то обстоятельство, что переводъ мой въ чабаны состоялся въ концѣ лѣта, т. е. въ то время, когда моя поэтическая натура имѣла полную возможность погрузиться въ созерцаніе разнообразныхъ красотъ степной природы. Съ наступленіемъ же осени, сопровождаемой бурями и почти непрерывными дождями, а затѣмъ зимы съ ея трескучими морозами и страшными мятелями, мнѣ пришлось немного жутко, такъ какъ надо было всю эту непогодъ переносить на самомъ себѣ, находясь безотлучно при овцахъ, которыя только на ночь, да и то лишь во время слишкомъ дурной погоды, были загоняемы въ «кошары»; днемъ же онѣ по большей части стояли подъ открытымъ небомъ, уходя въ «загоны» (дворы) лишь въ виду крайней необходимости. Постепенно я привыкъ ко всѣмъ этимъ непріятностямъ и, скажу откровенно, полюбилъ свою новую жизнь даже въ самомъ неприглядномъ ея видѣ. Зато наступленіе нашей «отары» весной въ поле было для меня настоящимъ праздникомъ. Я готовъ былъ, кажется, расцѣловать каждый кустикъ пробивающейся на свѣтъ Божій травки, каждый цвѣточекъ поденѣжника, каждую фіалочку, которыхъ было въ нашихъ степяхъ тогда видимо-невидимо. Полагаю, что если бы не мой начальникъ, старый «атаманъ» (старшій пастухъ) Турта, то я бы совсѣмъ забылъ о своихъ обязанностяхъ подпaska, предоставивъ овцамъ полное право брести, куда имъ заблагоразсудится; самъ же занялся бы разсматриваніемъ какихънибудь цвѣтовъ или насѣкомыхъ, проводя такимъ образомъ цѣлые дни въ чащѣ густыхъ кустарниковъ и травъ. О, не мало имѣлъ со мною хлопотъ этотъ самый Турта, пока я научился умѣрять хоть до нѣкоторой сте-

пени свои лирическіе порывы! Однако, добрый старикъ любилъ меня, какъ родного сына, и никогда не жаловался по поводу моихъ упущеній «шафмейстеру»¹⁾, да и самъ только въ крайнихъ случаяхъ прибѣгалъ къ строгимъ замѣчаніямъ, чтобы напомнить мнѣ о моихъ обязанностяхъ. Славный былъ человѣкъ, царство ему небесное! Не смотря на это, онъ, по своему внѣшнему виду, мало чѣмъ отличался отъ самаго первобытнаго дикаря. Онъ рѣшительно не имѣлъ сколько нибудь яснаго представленія о городѣ и даже о порядочномъ селѣ, такъ какъ почти всю жизнь провелъ въ степяхъ, въ обществѣ своихъ овецъ и собакъ, нравы которыхъ были изучены имъ въ совершенствѣ. Чуждый всего того, что составляло современную цивилизацію, Турта тѣмъ не менѣе обладалъ высоко нравственными качествами. Хотя его религиозное міросозерцаніе заключалось лишь въ томъ, что на небѣ есть карающій и милующій Богъ, а подъ землею, гдѣ-то въ темной безднѣ—сатана-соблазнитель, однако старый чабанъ ни за какія деньги не согласился бы совершить кражу, оклеветать кого бы то ни было, а тѣмъ болѣе—посягнуть на жизнь себѣ подобнаго. Онъ глубоко вѣрилъ во всемогущество и вездѣсущіе Творца вселенной и, такъ сказать, ощущалъ Его присутствіе въ самой ничтожной былинкѣ, въ самомъ микроскопическомъ насѣкомомъ. Однимъ словомъ, религія этого человѣка представляла нѣчто среднее между христіанствомъ и буддизмомъ съ примѣсью значительной дозы присущаго каждому полудикому народу суевѣрія. Кромѣ пастьбы овецъ и созерцанія окружающей его природы, единственнымъ развлеченіемъ стараго чабана была игра на своеобразномъ музыкальномъ инструментѣ, сдѣланномъ изъ козьей кожи и называемомъ «гайдой». На немъ Турта въ тихіе, лѣтніе вечера услаждалъ слухъ своихъ животныхъ заунывными звуками, напоминавшими не то турецко-татарскія, не то молдавскія монотонныя мелодіи. И съ какимъ удовольствіемъ я слушалъ бывало эту первобытную музыку, вполне гармонизировавшую съ окружающею насъ обстановкою и разносимую легкимъ вѣтеркомъ далеко, далеко вглубь уснувшей степи... Мнѣ казалось, что даже наши безсловесныя животныя, овцы и собаки, становились какъ-то спокойнѣе... слушая странные звуки этого патріархальнаго инструмента... Въ теченіе долгихъ лѣтнихъ дней старикъ молча исполнялъ свои обязанности, какъ бы погруженный въ глубокую думу о давноминувшихъ временахъ. Во рту у него постоянно дымилась запорожская «люлька»; съ нею онъ разставался только во время сна. Много, много если атаманъ скажетъ бывало мнѣ за сутки слова два-три или, улыбаясь, потянетъ меня ласково за ухо и промолвить:

— О, сынку, добрый чабанъ изъ тебя выйдетъ когда нибудь!

¹⁾ Лицо, завѣдующее овцеводствомъ.

— А почему вы такъ думаете, діду?—спрошу я его.

— Потому,—отвѣчаетъ онъ мнѣ,—что крѣпко ты любишь нашу широкую степь и вотъ эту Божью «худобу», которая бродитъ передъ нами...

Въ исключительныхъ случаяхъ Турта, находясь подъ вліяніемъ нахлынувшихъ въ его душу воспоминаній о давно-минувшихъ дняхъ, повѣствовалъ мнѣ о своихъ юношескихъ походахъ въ степяхъ Крыма и Бессарабія. Эти событія происходили, по словамъ Турты, такъ давно, такъ давно, что старый чабанъ и счетъ годамъ потерялъ уже. Помнилъ онъ лишь то, что былъ тогда еще совсѣмъ малымъ «хлопцемъ». Быть можетъ, многое изъ повѣствованій моего атамана являлось только плодомъ старческой фантазіи,—какъ бы тамъ, однако, ни было, но всѣ рассказы Турты доставляли мнѣ еще большее удовольствіе, чѣмъ его полудикая музыка на «гайдѣ». И я съ величайшимъ вниманіемъ слушалъ старика, просиживая нерѣдко у погасшаго костра до тѣхъ поръ, пока первые лучи восходящаго лѣтняго солнца не напоминали намъ о томъ, что пора уже трогать съ мѣста нашу «отару»... Изъ всѣхъ повѣствованій Турты въ моей памяти лучше всего сохранился рассказъ о встрѣчѣ его съ безсмертнымъ Суворовымъ не задолго передъ взятіемъ русскими войсками Измаила. Не ручаясь вполнѣ за достовѣрность сообщеннаго мнѣ факта, я передаю его въ томъ видѣ, какъ мнѣ рассказывалъ объ этомъ старый чабанъ. Однажды, сидя по обыкновенію вечеромъ у пылающаго костра, я спросилъ атамана:

— А скажите мнѣ, «дідусю», очень ли страшны на видъ турки?

— Гдѣ тамъ страшны, совсѣмъ не страшны, и, если сказать по правдѣ, то мало чѣмъ отличаются отъ нашего брата, крещенаго человѣка; а все-таки крѣпко чудной народъ; на счетъ же силы—далеко хуже русскаго мужика, потому—много лѣнятся и курятъ этого табаку, который у нихъ готовится какъ-то иначе, чѣмъ у насъ... О, я хорошо помню, какъ билъ ихъ русскій генералъ «Севора» подъ Измаиломъ!—прибавилъ послѣ нѣкотораго молчанія Турта.

— А вы, «дідусю», сами видѣли эту войну?—прервалъ я старика.

— Самъ, сынку, самъ; и не доведи меня, Господи, видѣть когданибудь еще такое страшное побоище,—отвѣчалъ атаманъ съ оттѣнкомъ глубокой меланхоліи, при чемъ снялъ свою овчинную шапку и набожно перекрестился...—Вотъ за нѣсколько недѣль предъ этой битвой мнѣ и пришлось-то встрѣтиться съ самимъ генераломъ «Севора».

— Расскажите же мнѣ объ этой встрѣчѣ, «дідусю»,—обратился я къ Туртѣ.

— А развѣ я тебѣ не рассказывалъ еще про великаго «Севора»?—спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, дідуся, не рассказывали.

— Эге! ну, въ такомъ разѣ слушай же добре, я расскажу.

Онъ подбросилъ въ костеръ нѣсколько новыхъ кусковъ «кизяка», прибавилъ въ «люльку» табаку и началъ: «Случилось это тогда, когда я, вотъ такъ же, какъ и ты теперь, служилъ «самашемъ» (подпасичемъ) у одного богатаго молдавскаго господаря, имѣніе котораго лежало верстахъ въ 15 или 20 отъ Измаильской крѣпости. Эхъ, плохое было тогда время не только для бѣдныхъ солдатиковъ, но даже и для пановъ, чрезъ земли которыхъ проходили войска! Бывало только что выберешь гдѣ нибудь удобный уголокъ для своей отары,—глядь, а тутъ вдругъ идутъ полки, разбиваютъ палатки, пускаютъ на выпасъ своихъ лошадей, а для себя ужъ навѣрное возьмутъ не одинъ десятокъ самыхъ лучшихъ барановъ. То же самое бывало съ кукурузными и другими хлѣбными полями, которыя попадались солдатамъ на пути... Ну, да не въ томъ дѣло: надо же было и имъ, горемыкамъ, питаться чѣмъ нибудь; не по своей вѣдѣ, волѣ забились они въ бусурманскую землю! Да что солдатамъ,—иной разъ и самому начальству, офицерамъ да генераламъ, не съ медомъ приходилось. Однако, буду рассказывать все по порядку». — Тутъ мой атаманъ выколотилъ о подошву «постола» свою трубку и, заткнувъ ее за поясъ, продолжалъ:—«Дѣло было передъ самыми почти филипповками. Осень въ томъ году стояла не очень-то дождливая, но холодная-прехолодная. Снѣжокъ началъ перепадать гораздо раньше, чѣмъ то полагается; однако, мы съ овцами бродили еще по полямъ, такъ какъ подножнаго корму было для скотинки повсюду вдоволь, не то, что по нынѣшнимъ временамъ. Цѣлинныхъ полей—сколько хочешь, а извѣстно, что на цѣлинѣ овечка можетъ и зимой найти себѣ пропитаніе между остатками сухихъ травъ, которыя стояли въ иныхъ мѣстахъ, словно лѣсъ... Ну, такъ вотъ, сижу это я разъ подъ дикой грушей, неподалеку отъ берега рѣчки Ялтуха и смотрю на своихъ овечекъ, которыя весело подымались на сосѣдній пригорокъ. Атаманъ и «кухарь» (поваръ) находились саженьяхъ въ 300 отъ меня, подлѣ «котыги» (возъ). Начинало смеркаться. Я собирался уже гнать отару къ мѣсту ночной стоянки, какъ вдругъ слышу, что гдѣ-то далеко раздается лошадиный топотъ. Оглядываюсь по сторонамъ и вижу, что съ противоположнаго склона балки, безъ всякой дороги, спускается нѣсколько всадниковъ. Сначала мнѣ показалось, что это кто нибудь изъ панскихъ табунщиковъ или объѣздчиковъ; но, всмотрѣвшись получше, я замѣтилъ на ѣхавшихъ людяхъ военную форму. Они направлялись къ тому мѣсту, гдѣ паслись мои овцы. Ну, думаю, навѣрное ѣдутъ за добычей. Въ эту самую минуту собаки, находившіяся при отарѣ, съ ужаснымъ лаемъ бросились на незнакомцевъ, и если бы я не прикрикнулъ на нихъ, то онѣ не пропустили бы далѣе непрошенныхъ гостей. Когда всадники очутились, наконецъ, въ нѣсколь-

кихъ шагахъ отъ меня, то я узналъ въ нихъ трехъ русскихъ казаковъ, а съ ними былъ какой-то худошавый и совсѣмъ сѣдой офицеръ. Должно быть, за день имъ не мало верстъ пришлось сдѣлать, такъ какъ лошади были въ пѣнѣ, а боками страшно носили.— Здравствуй, хлопче!—крикнулъ мнѣ помолдавски офицеръ.—Я приподнялся съ мѣста, снялъ шапку и молча смотрѣлъ на неожиданныхъ гостей.—А далеко отсюда до Измаила?—продолжалъ онъ и при этомъ такъ пытливо посмотрѣлъ на меня своими жгучими и быстрыми глазами, словно хотѣлъ узнать самыя сокровенныя мои мысли.—Не знаю,—отвѣчалъ я робкимъ голосомъ.—Какъ это не знаешь? Постоянно ходишь здѣсь съ овцами и не знаешь, гдѣ находится крѣпость Измаилъ, да этого быть не можетъ!—Я молча теребилъ въ рукахъ свою шапку, посматривая исподлобья на суроваго офицера.—А, можетъ быть, твой атаманъ знаетъ туда дорогу?—спросилъ онъ меня опять.—Можетъ быть, и знаетъ,—отвѣчалъ я прежнимъ тономъ.—Ну, такъ веди насъ къ нему.—Я тотчасъ же взялъ въ руки свою пастушью палку, перекинулъ черезъ плечо свиту и отправился въ сопровожденіи офицера и казаковъ къ нашей «котыгѣ». Атаманъ сталъ охотно рассказывать офицеру, какимъ путемъ ближе и удобнѣе пробраться къ Измаилу; а я тѣмъ временемъ подошелъ къ пылающему костру и принялся отогрѣвать свои иззябшія руки. Надъ огнемъ висѣлъ небольшой котелокъ съ водою. Офицеръ взглянулъ на него и спрашиваетъ:—А что это у тебя, дѣдъ?—Будемъ «мамалыгу» варить на ужинъ,—отвѣчаетъ атаманъ.—Вотъ и кстати: мы съ казаками проголодались за день, какъ собаки, а потому были бы очень вамъ благодарны, если бы вы пригласили и насъ къ себѣ на ужинъ.—Что-жъ, милости просимъ, милости просимъ; чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!—весело проговорилъ атаманъ и вслѣдъ за этимъ принялся сыпать въ кипящую воду кукурузную муку, изъ которой обыкновенно готовится любимое молдавское кушанье — «мамалыга». Всадники, между тѣмъ, слѣзли съ коней и пустили ихъ на траву, а сами также подошли къ огню и стали грѣться. Когда ужинъ былъ готовъ, старый чабанъ принесъ изъ «котыги» свою незатѣйливую посуду, захвативъ также сала и «брындзы» (овечій творогъ). Разостлавъ затѣмъ тутъ же, неподалеку отъ костра, на травѣ чистое полотенце, онъ опрокинулъ на него котелъ съ мамалыгой и пригласилъ гостей ужинать. Офицеръ и казаки не заставили себя долго ждать и принялись ѣсть съ такимъ аппетитомъ, которому могъ бы позавидовать и проголодавшійся чабанъ. Послѣ ужина офицеръ поблагодарилъ атамана и спрашиваетъ:—Какъ-ты думаешь, старикъ, возьмемъ мы у турокъ Измаилъ, или нѣтъ?—А почему бы и не взять, коли Богъ поможетъ,—отвѣчаетъ атаманъ.—Вѣрно, вѣрно ты говоришь, старичокъ,—замѣтилъ офицеръ:—но вѣдъ Богъ долженъ кому помогать, намъ или туркамъ?—Извѣстно, христіанамъ!—вмѣ-

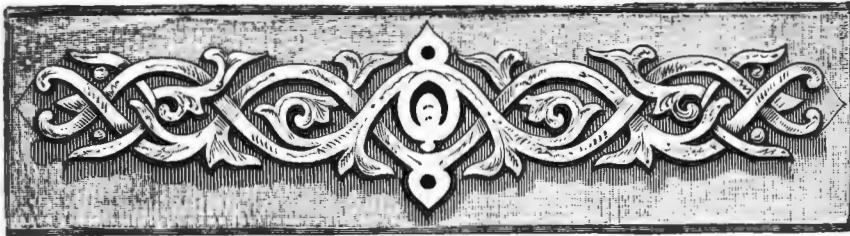
а*

шался вдругъ въ разговоръ и я.—Ай, да молодець, хлопче, — воскликнулъ офицеръ.—Ты, вѣроятно, не очень-то любишь турокъ, даромъ, что не хотѣлъ показать мнѣ дорогу къ ихъ городу.—О, да я, говорю, ненавижу ихъ, какъ собакъ!—За что же?—А за то, что они ненавидятъ насъ и не хотятъ покориться Бѣлому Царю...—Вотъ какъ!—улыбаясь, промолвилъ офицеръ.—Я и не зналъ, что ты такъ любишь свое отечество, возьми же себѣ на память отъ меня этотъ червонецъ.—Такія же монеты онъ далъ атаману и кухарю; только ихъ червонцы были поменьше. Послѣ этого офицеръ вскочилъ на лошадь и, обратившись къ намъ, произнесъ: — Прощайте, добрые люди, кланяйтесь отъ меня вашему пану и скажите ему, что сегодня съ вами ужиналъ русскій генераль «Севора», который чрезъ мѣсяцъ непременно возьметъ у турокъ Измаиль. Съ этими словами генераль круто повернулъ лошадь и во весь карьеръ понесся вдоль берега р. Ялтуха; за нимъ послѣдовалъ его конвой. Мы такъ и остолбенѣли, смотря въ ту сторону, гдѣ въ ночной мглѣ исчезъ великій человекъ; а нашъ атаманъ, прійдя чрезъ нѣсколько минутъ въ себя, промолвилъ, обращаясь къ намъ:—Поблагодарите Бога, «хлопцы», что вамъ удалось видѣть славнаго «Севора», котораго бояться всѣ супостаты, и который посланъ на землю за тѣмъ, чтобы въ конецъ уничтожить невѣрныхъ турокъ... Полученные же вами отъ него «дукаты» храните у себя до самой смерти на память о великомъ генералѣ... Мы, конечно, свято исполнили данный намъ атаманомъ совѣтъ относительно сохраненія червонцевъ. Въ доказательство справедливости своихъ словъ, Турта доставалъ при этомъ изъ-за пазухи и показывалъ мнѣ большую золотую монету, которая висѣла у него на груди вмѣстѣ съ мѣднымъ крестомъ и какими-то амулетами, приобретенными еще въ Крыму отъ одного татарскаго колдуна.—«Не прошло дѣйствительно и мѣсяца,—закончилъ свой рассказъ Турта,—какъ русскія войска и на самомъ дѣлѣ взяли турецкую твердыню, и мнѣ въ числѣ прочихъ пришлось вывозить изъ-подъ ея стѣнъ убитыхъ и раненыхъ, которыми были наполнены почти до верху крѣпостные рвы. Здѣсь мнѣ еще разъ пришлось видѣть «Севора», когда онъ вѣзжалъ въ Измаиль. На этотъ разъ знаменитый генераль былъ окруженъ большою и блестящею свитою...

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Д. В. Федоровъ.

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО ¹⁾.

XXII.

Ташкентъ. — Раздоры сосѣдей. — Статьи «Московскихъ Вѣдомостей» о необходимости похода въ Хиву. — Экспедиція въ Кульджу. — Слѣдствіе о нападеніи на Аракъ-су. — Назначеніе мое слѣдователемъ о беспорядкахъ въ 7-й уральской сотнѣ. — Чинавъ. — Охота на фазановъ, рассказы Бизилюка о тиграхъ. — Окончаніе слѣдствія. — Приготовленія къ пріѣзду кокандскаго наслѣднаго принца и его пріемъ. — Извѣстія о смерти Софьи Борисовны и Александра Ѳеодоровича Полторацкихъ. — Болѣзнь и кончина Н. А. Милютина. — Толки о Кашгарѣ. — Военно-судная коммиссія въ Ходжентѣ. — Приговоръ и его послѣдствія. — Отъѣздъ Кауфмана въ Петербургъ; проводы его. — Катастрофа въ семействѣ Михайлова. — Слухи о Хивѣ. — Кончина П. Д. Киселева.

СЕМУ НА СВѢТѢ бываетъ конецъ, наступилъ онъ и моему путешествію. 18-го апрѣля, послѣ 45-ти дневныхъ испытаній и мукъ, въѣхалъ я, наконецъ, въ Ташкентъ. Подъѣзжая къ цѣли моего странствованія, я испытывалъ разнородныя и сильныя ощущенія, такъ какъ по пути изъ Казалинска, а въ особенности въ фортѣ Перовскомъ, мнѣ за достовѣрное сообщали о выступленіи Кауфмана съ отрядомъ къ Бухарѣ, и мнѣ слѣдовательно предстояло догнать его на походѣ. На дѣлѣ же выяснилось, что движеніе отряда приостановлено, хотя дѣйствительно всѣ приготовле-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIX, стр. 778.

нія даже въ большихъ размѣрахъ, уже были сдѣланы, и день выступленія былъ назначенъ. Но изъ Петербурга приостановили желаемый всею братіей нашей походъ, впрочемъ, не надолго.

Кауфманъ же съ семействомъ выѣхалъ въ Самаркандъ, куда я въ тотъ же вечеръ направился и, къ счастью, нагналъ его въ городѣ Чиназѣ (65 верстъ отъ Ташкента). Встрѣча и пріемъ были самые любезные, но содержаніе привезенныхъ бумагъ заключало veto и не могло быть особенно пріятно. Политическія дѣла у сосѣдей такъ запутались, тамъ были такія смуты и даже междоусобныя рѣзни, что К. П., безъ сомнѣнія, могъ быть поставленъ въ крайнюю необходимость дѣйствовать рѣшительно. Ясно, что за 4.000 верстъ трудно направлять и управлять въ Средней Азіи, гдѣ вся политика зависѣла отъ минутныхъ и случайныхъ внезапностей. Я проводилъ все семейство Кауфмана по ту сторону Сыръ-Дарьи и, тамъ распростившись съ нимъ недѣли на двѣ, вернулся въ Ташкентъ. Здѣсь я поселился въ домѣ Струве, уѣхавшаго посломъ къ эмиру Бухарскому, у котораго возникли большіе безпорядки, и серьезно занялся лѣченіемъ больной ноги моей. По вечерамъ заходили друзья-пріятели: Озеровъ, Урусовъ, Щербинскій, Голицынъ, Польшманъ, Татариновъ, Адеркасъ, Яфимовичъ, Дитмаръ и, наконецъ, Троцкій, шахризьябскій генералъ, съ которымъ всячески старались меня разсорить, но безуспѣшно. Послѣ курьеровъ, Дитмара и Щербинскаго, недавно вернувшихся, прискакалъ изъ Петербурга на двадцатый день нашъ здѣшній офицеръ, Транзей. Онъ на лету сообщилъ очень пріятныя вѣсти о разрѣшеніи похода въ Хиву и самъ пустился далѣе въ Самаркандъ къ Кауфману. Но вернулся и Константинъ Петровичъ, а про Хиву стало извѣстно, что хотя походъ и разрѣшенъ изъ Петербурга, но лишь къ веснѣ будущаго 1872 года. У сосѣдей же нашихъ, бухарцевъ и коканцевъ, господствовали раздоры и внутренніе безпорядки, но мы вмѣшательства своего имъ не предлагали. О поѣздкѣ Кауфмана въ Петербургъ не было и намека. Между тѣмъ, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» снова распинались насчетъ средне-азіатскаго вопроса вообще и Хивы въ особенности. Все, что касалось приготовленій нашихъ къ походу въ гости къ хану, была сушая правда, равно какъ и доводы газеты о дерзости Хивы, превосходящей всякія границы, но оказывающейся на дѣлѣ недостаточно сильною истощить наше долготерпѣніе. Горше всего то, что когда Катковъ расточался въ воинственныхъ приготовленіяхъ и поражалъ Хиву пылкимъ воображеніемъ, мы сидѣли въ полномъ бездѣйствіи, на мели. Впрочемъ, въ Семирѣченской области, на китайской границѣ, начались военныя дѣйствія по направленію къ Кульджѣ. Всѣ наши съ завистью смотрѣли въ ту сторону, но еще никому не удалось быть туда назначеннымъ. Итакъ «Московскія Вѣдомости» въ общихъ чертахъ выражали дѣйствительное положеніе наше въ Средней Азіи, но, кромѣ того, вда-

вались въ частности и различныя предположенія. На чемъ, напримеръ, газета основывала слухъ о назначеніи Кауфмана товарищемъ военнаго министра и о замѣщеніи его, по слухамъ, генераломъ Мещериновымъ?

Что касается лично меня, то общественное положеніе мое было здѣсь прекрасное, а на служебное я пока не жаловался особенно, такъ какъ всѣ благомыслящіе люди проводили убѣжденіе, что въ мирное время въ Туркестанѣ самое дѣльное — ничего не дѣлать. Но шутки въ сторону: желать-то было сейчасъ нечего. Въ Каты-Курганъ назначили другого, а въ Самаркандѣ остался прежній начальникъ уѣзда, Сѣровъ. Итакъ, приходилось выжидать.

Въ городѣ же ходили животрепещущіе слухи: изъ Семирѣчья получены донесенія отъ Колпаковского, имѣвшаго въ отрядѣ своемъ блистательное дѣло, вслѣдствіе котораго султанъ (какой? никто еще не зналъ) сдалъ генералу нашему Кульджу и самого себя на великодушіе Бѣлаго царя. Цѣль экспедиціи достигнута, но, увы, безъ нашего участія! Опять распущены были слухи о назначеніи Кауфмана въ Одессу, о неудовольствіи между нимъ и Рейтерномъ (министромъ финансовъ) по поводу преждевременной затраты на покупку провіанта для неосуществившагося похода въ Хиву и т. д. и т. д. Толкамъ не было конца. Уже назначали всѣхъ въ его свиту, но положительнаго все еще никто не зналъ. Отъ насъ въ Петербургъ поскакали курьеры. Одинъ повезъ передовое, а другой подробное донесеніе о взятіи Кульджи. Слухи о назначеніи Константина Петровича затихли и потянулись опять нескончаемые дни. Но, Боже, какая стояла жара! Какая неодолимая тоска! У меня сдѣбался сплинь. Не похожъ климатъ Туркестана на туманный Великобританіи, а у русскаго здѣсь зачастую появляется англійскій недугъ... Часы тянутся страшно долго, вечера не дождешься, солнце все высоко и палитъ немилосердно. Съ заходомъ солнца оживаешь. Сидишь на балконѣ передъ густымъ фруктовымъ садомъ, гдѣ въ концѣ течетъ Басу. За нимъ сартскій огородъ, откуда долетаютъ пронзительные призывные крики моззина на молитву всѣхъ правовѣрныхъ, а въ то же время почти рядомъ раздаются звуки безбожной сартской музыки, въ которой все заглушаетъ барабанъ; она сзываетъ жителей-любителей на развратнѣйшую тамашу съ бачами. Въ воздухѣ слышны крики аистовъ, разныхъ птицъ и массы въ арыкахъ лягушекъ, а возлѣ самага лица цѣлый рой злѣйшихъ мухъ и всевозможныхъ насѣкомыхъ, не дающихъ покоя.

Но какъ дивно хороша здѣсь ночь. Послѣ томительной денной жары въ сумерки на землю ложится мгла. Пыль, стоявшая съ утра въ воздухѣ, тихо опускается, какъ бы на отдыхъ. Луна съ мириадами звѣздъ ярче и несравненно свѣтлѣе здѣсь, чѣмъ въ нашей неприглядной полосѣ Россіи. Ни одинъ листокъ не шелохнется, въ воздухѣ глубокая тишина, оживленная однѣми птицами и насѣко-

мыми, которыя, натерпѣвшись страшнаго зноя, спѣшаютъ надышаться прохладою. Какъ солнце, такъ и луна кажутся здѣсь ближе къ человѣку, звѣзды крупнѣе и несравненно блестящѣе. Одна Большая Медвѣдица тусклѣе другихъ, а на нее-то по ночамъ и гляжу я: она указываетъ направленіе, по которому летятъ мои думы. Полярная звѣзда недвижимо стоитъ на небосклонѣ, и любуясь ею, невольно вздохнешь, задавая себѣ тысячу вопросовъ все на одну и ту же тему... Отчего же въ эту торжественную минуту сознанія всемогущества Великаго Создателя еще болѣе чувствуешь свое ничтожество? Отчего презираешь себя болѣе, чѣмъ вчера, и будешь презирать завтра? Почему отчетливѣе и рельефнѣе выдаются всѣ заблужденія, и въ глубинѣ самого себя будто слышишь ревъ и стонъ угрызений совѣсти и раскаянія? А надолго ли? Не дѣйствіе ли это мимолетнаго очарованія на впечатлительную натуру, способную снова поддаться соблазну и заблужденіямъ?

Жизнь шла своимъ чередомъ. 5-го іюня отпраздновалъ я день Чолокскаго сраженія и 15-тилѣтіе моей свадьбы, а вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ же случаемъ воспользовался пожелать всякихъ благъ, прямо отъ меня отъѣзжающему въ Семирѣчье, Щербинскому. Независимо отъ его умственныхъ способностей, нельзя не признать за нимъ и душевныхъ качествъ. У него есть сердце, чувства и милѣйшій нравъ, что дало поводъ прозвать его *l'homme le plus aimable de l'Asie*. Кромѣ него, обѣдали у меня Озеровъ, Урусовъ, Дитмаръ, Троцкій, Татариновъ, Осиповъ, Фанъ-деръ-Флитъ и Чайковскій, маіоръ, очень умный и пріятный. На окраинахъ сходимся скорѣе, и отношенія становятся простыми и задушевными.

Вскорѣ затѣмъ былъ вечеръ у Кауфмана. Вернулся и Струве изъ Бухары, очень довольный приѣмомъ эмира и всего народа. Собщилъ мнѣ, между прочимъ, что ханъ Коканскій желаетъ пріобрѣсти карету, и онъ указалъ ему на меня, какъ единственнаго обладателя таковой. Я очень былъ этому радъ, и надо признаться не очень-то пожалѣлъ казну повелителя Кокана, такъ какъ продалъ ее, т. е. карету, чрезъ хакима довѣреннаго его Мирзы, за 1.070 рублей. Была еще интересная для меня новость, а именно: назначеніе Экельна, моего товарища по корпусу и частью по Кавказу. Въ послѣдній разъ я видѣлся съ нимъ въ февралѣ, на обѣдѣ въ честь барона А. Х. Врангеля, въ Петербургѣ. Экельнъ—честный и умный господинъ. Кауфманъ на переводъ его сюда изъявилъ свое согласіе, что, кажется, не всѣмъ здѣшнимъ по вкусу, такъ какъ свѣтлая голова Экельна могла быть помѣхой... Не даромъ еще пажомъ онъ считался умницей и никогда ногой не сморкался.

Съ почтой получилъ я грустное извѣстіе: Боренька скончался. Царство ему небесное! Иванъ Петровичъ Борисовъ былъ изъ рѣдкихъ людей по теплотѣ душевной и образцовой честности. Вотъ еще однимъ искреннимъ пріятелемъ и сотоварищемъ въ бояхъ

меньше. Грустно и тяжело! На ряду съ этимъ печальнымъ сообщеніемъ—телеграмма изъ Вѣрнаго:

«Поздравляю съ ангеломъ. Пью здоровье. Пришлите льду. 18-го вѣздъ султана—почетный караулъ. Лимоны всѣ. Привѣтъ друзьямъ. Пишите. Щербинскій». Подпись была излишняя, такъ какъ авторомъ и такъ можно было признать одного Колю Щербинскаго.

К. П. Кауфманъ также уѣхалъ въ Семирѣченскую область, а оттуда въ Кульджу и предполагалъ вернуться лишь черезъ шесть недѣль. Передъ своимъ отъѣздомъ Константинъ Петровичъ далъ мнѣ довольно хлопотливое порученіе провѣрить наличныхъ людей въ артиллеріи ташкентской. Занятіе далеко не развлекательное, и не того хотѣлось мнѣ.

Полковникъ Колзаковъ, который съ бухарскимъ посольствомъ привозилъ въ 1869 году старшаго сына эмира въ Петербургъ, тоже уѣхалъ теперь въ Бухару съ выраженіемъ чувствъ прискорбнаго соболѣзнованія генераль-губернатора по случаю горестной кончины этого самаго наслѣдника Бухарскаго царства. Вкусивъ преждевременно всѣхъ благъ земныхъ, принцъ захилѣлъ и, не смотря на помощь отправленнаго къ нему изъ Самарканда доктора, переселился къ высокостепеннымъ праотцамъ своимъ, не испытавъ наслажденія возложить на главу свою самой значительной короны въ Средней Азіи. Онъ былъ любимый сынъ эмира, и тотъ, говорятъ, въ отчаяніи.

А тутъ еще общество находилось въ напряженномъ нетерпѣніи: Кауфмана нѣтъ, онъ въ Кульджѣ, а изъ Петербурга прискакалъ курьеръ съ важными бумагами, за нимъ другой изъ Орска, крайняго у насъ тогда пункта телеграфнаго сообщенія, съ депешей шифрованной отъ военнаго министра, ключъ отъ которой хранился у Кауфмана.

Оба курьера немедленно отправлены вслѣдъ, но намъ пока ничего не было извѣстно. Кромѣ загадочныхъ извѣстій этихъ, съ 1-го на 2-е августа, случилась слѣдующая катастрофа: въ означенную ночь партія неизвѣстныхъ хищниковъ, въ числѣ болѣе ста чловѣкъ, сдѣлала открытое нападеніе на станцію Аракъ-су, въ 25-ти верстахъ отъ Ташкента, по Ходжентской дорогѣ, разгромила селеніе и самую станцію, сожгла всѣ строенія и, перебивъ казаковъ, убила проѣзжающаго этимъ трактомъ офицера, конечно, при этомъ угнавъ всѣхъ почтовыхъ и казачьихъ лошадей. И гдѣ же это? Недалеко отъ Ташкента, среди мѣстности, густо населенной и кипящей проѣзжимъ людомъ, въ самомъ центрѣ округа и очень не близко отъ границъ сосѣднихъ владѣній. Вотъ плоды нашего миролюбія. Теперь мы лишены были права трунить надъ распоряженіями Крыжановскаго въ его неизмѣримыхъ степяхъ оренбургскихъ, надъ грабежами и насиліями. Послѣднее происшествіе въ Аракъ-су почище разгромленія киргизами въ степяхъ нѣсколь-

кихъ каравановъ. Въ Ташкентѣ всѣ переполошились, но въ сущности опасности жителямъ не грозило никакой, такъ какъ хищники, накуралесивъ въ Аракъ-су, сейчасъ же дали тягу; за ними бросились въ погоню и поймали 22 человекъ, слѣдовательно, открыты будутъ и другіе. Но нравственное вліяніе подобной продѣлки въ центрѣ народонаселенія не могло не имѣть вредныхъ послѣдствій, хотя и назначено было строжайшее слѣдствіе.

По странному совпаденію случайностей, въ ту самую ночь, когда господа джигиты эти «шалили» въ Аракъ-су, въ 15-ти верстахъ за рѣкой Черчикомъ, я былъ недалеко отъ нихъ (такъ же по ту сторону рѣки), гдѣ ночевалъ въ степи съ Вавилой, Кузьмой, солдатикомъ, и Аннономъ. Мы выѣхали на охоту и спокойно провели двѣ ночи подъ открытымъ небомъ, даже видѣли верстахъ въ восьми отъ насъ пожаръ и зарево, никакъ не подозрѣвая, что такъ близко совершалось кровопролитіе.

Полевые мѣста были хорошія, фазанные выводки крупныя; Аннонъ велъ себя отлично, и вообще охота была удачная, но жара невыносимая. Изъ 19-ти убитыхъ фазановъ мы домой могли привезти только восемь, а остальныхъ, какъ совершенно негодныхъ, бросили.

Въ Ташкентѣ всѣ начальники частей были въ суетѣ и тревогѣ, въ ожиданіи пріѣзда свиты его величества генерала Брандта, командированнаго по высочайшему повелѣнію инспектировать войска туркестанскія. Шифръ государя на эполетахъ имѣлъ здѣсь, на окраинѣ Россіи, магическое значеніе, а потому появленіе его ожидалось многими съ трепетомъ и волненіемъ. И не удивительно. А ну, какъ провюхааетъ онъ то-то, и то-то?!.. Въ Семирѣчьи со взятіемъ, вѣрнѣе сказать, съ занятіемъ Кульджи воинственные порывы не угомонились. Тамъ предполагался, по инструкціи изъ Петербурга, длинный и трудный походъ черезъ горныя и снѣжныя перевалы, за 850 верстъ далѣе Кульджи. Ходили, впрочемъ, слухи, что на нынѣшній годъ диверсія эта отложена, и будто бы по этому поводу остановлены наступательныя дѣйствія семипалатинскаго губернатора, Владиміра Александровича Полторацкаго, уже выступившаго было съ своими боевыми силами, и даже за 500 верстъ отъ своей резиденціи, для совмѣстнаго дѣйствія съ войсками Туркестана и Восточной Сибири. Если свѣдѣнія эти были справедливы, то и кузену моему пріятно вѣрно было получить приглашеніе: *Kommen Sie nach Hause.*

Строжайшее слѣдствіе о предательскомъ нападеніи на станцію Аракъ-су, произведенное на мѣстѣ преступленія, выяснило, что вся шайка состояла изъ нашихъ киргизовъ здѣшняго уѣзда (Курашинскаго), а предводителемъ ея—бывшій волостной старшина, смѣненный съ должности. Накуралесивъ досыта, разбойники бросились «до яса»; нѣкоторыхъ поймали, а прочимъ удалось разсѣяться

и, конечно, въ числѣ ихъ и атаману, бѣжавшему въ Коканъ. Но тамъ царилъ Худояръ-ханъ, котораго такъ рельефно выставилъ Катковъ въ качествѣ страшнаго деспота и изверга для своего народа, не зная, что этотъ кровопійца и тиранъ относительно русскаго правительства оказался совершенной овцой и при томъ овцой паршивой. Ровно годъ назадъ, по взятіи Шахризабса, когда Джура-бей и Баба-бей бѣжали въ Коканскія владѣнія, онъ, Худояръ-ханъ, не задумался, вопреки свято чтимаго на всемъ Востокѣ гостепрѣимства, связать ихъ и представить на благоусмотрѣніе нашего генераль-губернатора. Вотъ подвигъ прославленнаго газетами рыцаря безъ страха и упрека.

Петербургская почта многимъ принесла радостныя извѣстія: Струве, напримѣръ, произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въстѣ съ тѣмъ, вышли награды и за искутское дѣло, т. е. ученую экспедицію, въ іюлѣ прошлаго года совершенную въ горахъ Абрамовымъ. Ему за нее дали орденъ Анны 1-й степени, а въ числѣ другихъ и мой старый сотоварищъ по Кавказу, баронъ Ренне, наконецъ-то добился густыхъ эполетъ. Ожидались производства и ордена, по общему представленію, за Шахризабса. Второй годъ участвовавшіе въ этой экспедиціи, въ томъ числѣ и раненые, ожидали обѣщанныхъ вознагражденій.

Въ началѣ сентября курьеромъ по высочайшему повелѣнію прибылъ генеральнаго штаба полковникъ Шепелевъ. Онъ много рассказывалъ интереснаго и, между прочимъ, о полномъ торжествѣ Константина Петровича по поводу возникшаго недоразумѣнія съ министромъ финансовъ. Его величество вполне оправдалъ всѣ дѣйствія туркестанскаго генераль-губернатора.

Съ пріѣздомъ Кауфмана въ Ташкентъ опять все вступило въ старую колею: начались выходы, парады и проч. Опять со стороны Абрамова начались усиленныя приглашенія меня къ переселенію въ Самаркандъ для командованія однимъ изъ батальоновъ, расположенныхъ въ его Заравшанскомъ округѣ, но я все еще не поддавался, такъ какъ не было вѣдь гарантіи, чтобы намѣченный для меня батальонъ принялъ непремѣнное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Къ тому же, ознакомившись теперь съ нравами, обычаями и принципами нашего милаго края, я проникся убѣжденіемъ, что нигдѣ, какъ здѣсь, такъ не вѣрна аксіома: *que les absents ont toujours tort!* И стоитъ только скрыться съ глазъ всеильнаго начальства, какъ моментально добрые друзья-пріатели, по выраженію Миши Лонгинова, «свинью подвоятъ». Примѣръ у меня уже былъ на лицо послѣ восьми-мѣсячнаго моего отсюда отсутствія. Не безъ труда пришлось мнѣ разрушать зданіе козней и интригъ, обязательно и довольно искусно возведенное противъ меня дѣятельными доброжелателями. Правда, что въ минуту распадѣнія этого фантастиче-

скаго зданія направленные въ меня каменья большею частью полетѣли въ самихъ строителей и много изъ нихъ больненько контузили, прямо въ лобъ, на память, но вѣдь не всегда можно было рассчитывать на подобный исходъ.

Вскорѣ затѣмъ я получилъ непріятное порученіе произвести строжайшее слѣдствіе о бунтѣ въ 7-й уральской казачьей сотнѣ. По этому случаю представлялся командующему войсками округа, объявившему мнѣ приказаніе отправляться въ крѣпость Дзювакъ, за 200 верстъ отъ Ташкента, по дорогѣ къ Самарканду. Тамъ расположена была 7-я сотня уральцевъ, оказавшихъ неповиновеніе и явное возмущеніе противъ своего сотеннаго командира. Происшествіе это случилось 7-го мая, но по ошибкѣ командовавшаго въ то время кавалеріей, не донесшаго о немъ своевременно по начальству, изслѣдовано было домашнимъ путемъ, обнаружившимъ, къ сожалѣнію, преступленіе казаковъ несравненно въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ ожидалъ полковникъ Яфимовичъ. Дѣло разгорѣлось и въ глазахъ высшихъ властей приняло видъ и форму бунта, для пресѣченія котораго подлежало нѣсколько человѣкъ разстрѣлу. Само собою разумѣется, дознаніе истины и степени виновности требовали тщательнаго разслѣдованія этого несчастнаго происшествія, исходъ котораго грозилъ лишеніемъ человѣческихъ жизней. Мало знакомый съ формализмомъ предстоящаго слѣдствія, я рапортомъ просилъ себѣ въ помощь дѣлопроизводителя. Бѣдствовать же на этомъ бивуакѣ Голодной степи, по мнѣнію «специалистовъ каверзныхъ дѣлъ», мнѣ предстояло не менѣе мѣсяца.

И вотъ я оставилъ Ташкентъ и бросилъ якорь въ Чиназѣ, на берегу Сыръ-Дарьи и Черчика. Въ ожиданіи аудитора, а главное самой 7-й уральской сотни, которая, къ моему прискорбію, недавно выступила отсюда въ Голодную степь для конвоированія транспортовъ, этаповъ, почтъ, курьеровъ и проч., я съ Вавилой посвятилъ свободное пока время охотѣ на фазановъ, о которыхъ мнѣ въ Ташкентѣ гораздо болѣе прокричали, чѣмъ оказалось на дѣлѣ. Но прежде чѣмъ приступить къ этой экскурсіи, мнѣ необходимо было пріискать охотника изъ мѣстныхъ жителей, знакомаго съ окрестностями Чиназа. Въ этомъ любезно помогъ мнѣ батарейный командиръ и комендантъ крѣпости, Бураковъ. Только успѣлъ я расположиться на отведенной мнѣ квартирѣ, въ поселеніи крѣпости, немного разобратся и проглотить два стакана чая, какъ Вавила ввелъ ко мнѣ одного изъ охотниковъ. Безрочно-отпускной изъ 1-го стрѣлковаго батальона, средняго роста, коренастый, пожилыхъ лѣтъ солдатъ этотъ носилъ на своей фізіономіи отпечатокъ всего пройденнаго и переиспытаннаго имъ въ теченіе многихъ лѣтъ, подъ знойными лучами палящаго туркестанскаго солнца, а глубокой прамъ на лѣвой щекѣ свидѣтельствовалъ о его боевой службѣ, не при обозѣ, а въ числѣ охотниковъ на штурмъ Ура-Тюбе. По ста-

рой привычекъ, вытянувшись въ струнку, старый служивый отработоваль, что требуемый товарищъ его въ отлучкѣ, а онъ, Оома Бизилюкъ, по приказу отъ начальства, честь имѣетъ явиться. Разспросивъ его о ближайшей мѣстности для полеванія на фазановъ и наслушавшись отъ него съ три короба разсказовъ о всякой здѣсь дичи, мы условились на будущее (причемъ Оома не замедилъ, конечно, выпросить на свое ружье матеріалу, т. е. пороху и дроби); я приказалъ, въ видѣ задатка, попотчевать его водкой и отпустить, когда Вавила, поспѣшно вернувшись въ мою комнату, предложилъ мнѣ поразспросить солдата о тиграхъ, про которыхъ мой кавказскій герой, Памфиловичъ, много наслушался страховъ еще въ Ташкентѣ. Я вернулъ Оому и приступилъ къ нему съ вопросомъ: «А что, любезнѣйшій, правда ли, что около Чиназа много шляется джувльбарсовъ (по мѣстному нарѣчію — тигры)?» — «Бываютъ, ваше высокоблагородіе», — лаконически и какъ будто неохотно отвѣчалъ солдатъ, видимо желая скорѣй улизнуть въ дверь. — «А тебѣ, голубчикъ, Господь не приводилъ встрѣчаться съ ними?» — поспѣшилъ я остановить его. — «Бывалъ грѣхъ, да что поминать о томъ, ваше высокоблагородіе», — сквозь зубы процѣдилъ Оома, въ поль-оборота направляясь къ выходу. — «Нѣтъ, нѣтъ, постой, разскажи, какъ было дѣло?» — присталъ я. Старый стрѣлокъ, насильственно задержанный, и то послѣ ободрительныхъ двухъ рюмокъ водки и неоднократныхъ повтореній фразы: «почто поминать о томъ», наконецъ, рѣшился и приступилъ къ повѣствованію о случившемся съ нимъ грѣхѣ торжественнымъ, но далеко не твердымъ голосомъ:

«Кажись, то дѣло было въ позапрошломъ году, по осени. Недѣлю цѣлую стояла непогодъ, а въ тотъ самый день разведрило, я и сунулся попытать счастье на фазановъ къ устью Черчика въ Дарью. Но, видно, вышель я не въ добрый часъ... Въ тѣ поры была у меня съ собою (она и сейчасъ еще жива, да слѣпая) сученка Жучка, изъ себя не казистая, знамо не породная, но не приведи Богъ, какая шустрая и ко всякой птицѣ охочая. Что фазанъ, аль куропатку, добыть изъ колючки, аль утицу достать изъ воды и камыша — ей бывало ни почемъ. Чего ужъ! Самъ карубазарскій станціонный смотритель, небось, знаете его, настоящій охотникъ до страсти, и тотъ два раза досылалъ ко мнѣ: продай ему, молъ, Жучку, и вотъ не солгу, ваше высокоблагородіе, ей-Богу, пять рублевъ за нее сулилъ, но шалишь, эфтимъ въ соблазнъ не введешь! Вѣстимо, другого такого пса для нашей potreбы поздѣшнему и за большія деньги не добудешь. Вотъ, ваше высокоблагородіе, мы съ Жучкой и толконулись правѣ большого джузакскаго трахта, прямо въ степь, гдѣ до той поры по колючкѣ да бурьянамъ, чисто-на-чисто, какъ въ садкѣ, держалось эфтого самага фазанья видимо-невидимо. А въ тотъ самый выходъ, какъ на грѣхъ, отъ дождей, что-ль, но по всему тому мѣста мы и пера не нашли. Ахъ, окаян-

ные, куда-жь загналъ васъ лѣшій? Анъ, какъ тутъ есть, гляжу: пырхъ да пырхъ, да далече впереди, на выстрѣль не подпустивши, вспорхнуло не мало ихъ, да всѣ и потянули къ Дарьѣ, въ самые што ни на есть камыши. Я зашагалъ впередъ, а Жучка-шельма сторяча уваяжись за ними и ну пужать стадо за стадомъ. И всѣ-то они, проклятые, прости Господи, въ тѣ пору не падали опять, какъ бы имъ слѣдовало, въ степи, а просто, какъ одурѣлые, норовили прямо въ камыши, какъ есть въ самую чашу, што на берегу рѣки. Правда, около опушки эфтой анаемы трущобы, хоча и сшибъ я пару самокъ, но остатняя вся птица тутъ на глазахъ у меня близехонько переимѣстилась въ камышъ, что и таперя стоитъ стѣной на томъ же мѣстѣ. Дѣлать нечего, побрелъ туда за добычей, и сперва-то пришлось мнѣ и тутъ поалить не мало разъ. Птицы тьма, но уловить ее, чтобъ ей пусто было, на прицѣль по самой той чашѣ вовсе не сподручно, и я, изрядно поразсыпавъ мартеріалу по вѣтру, задумалъ опять ворочать на гладь,—анъ, вдругъ моя Жучка, поджамши хвостъ, прысь ко мнѣ въ ноги. Я было толкнулъ ее, а она, родимая, вся съѣжилась, визжитъ, анъ дрожить даже! Что за притча такая?—про себя подумалъ, а самъ по торной чрезъ камышъ тропинкѣ шагнулъ впередъ и разъ, и два, а какъ оглянулся, вижу, сученка моя, припавъ къ землѣ, трясется, какъ въ лихорадкѣ. Мнѣ бы тогда вернуться къ ней, да подбродорову и удрать отъ грѣха, да вотъ подишь, видно, лѣшій попуталъ, аль глупое любопытствіе какое проняло,—я и двинься еще шаговъ съ десятокъ впередъ, да какъ ступнулъ за уголь той самой тропы, ажъ и замеръ!.. На самомъ томъ, супротивъ меня трахтѣ, вытянувшись большущей головой ко мнѣ, лежитъ страшенная тигра... Доложу, не больше было межъ нами дистанціи, какъ, примѣрно сказать, отъ вашего высокоблагородія до печи, то-есть шаговъ восемь, много што десять. Лежитъ она, окаянная, какъ бы въ дремотѣ, но отъ шороха мово, али чего иного, открыла свои буркалы, а сама не шевелится, только хвостикомъ подрывиваетъ и лѣниво оглядываетъ меня грѣшнаго съ ногъ до головы».

Послѣднія слова, подъ тяжкимъ впечатлѣніемъ страшныхъ воспоминаній, Ома проговорилъ съ видимымъ смущеніемъ. Нетвердый голосъ его обрывался, и онъ, всею съѣжившеюся въ ту минуту фигурой своей, въ лицахъ представилъ мнѣ не Жерара, истребителя львовъ въ Африкѣ, но скорѣе злополучную Жучку, чутьемъ спасающую отъ лютаго звѣря свою собственную шкуру, въ камышахъ чиназскихъ. Мнѣ отъ души стало жаль бѣднягу, столько разъ въ теченіе боевой жизни своей смотрѣвшаго въ глаза смерти, а тутъ, при одномъ лишь воспоминаніи о пережитыхъ имъ ощущеніяхъ встрѣчи съ чудовищемъ степей, дрожавшаго, какъ осиновый листъ. Чокнувшись съ нимъ стаканомъ водки, я всячески старался ободрить его, и бравый отставной вояка, залпомъ опрокинувъ крѣпи-

тельное, крякнулъ, сплюнулъ и, какъ бы очнувшись отъ обуявшей его паники, опять собрался съ силами и продолжалъ:

«И вотъ, ваше высокоблагородіе, мотрую и я ей, тигрѣ, прямо въ глаза, а въ моихъ-то въ ту пору ужъ совѣмъ помутилось. Ни живъ, ни мертвъ, не шевелясь стою я, въ мысляхъ творю молитву, а что подѣлать—не вѣдаю. Въ рукахъ ружьишко съ 9-мъ номеромъ на птюшку, а тутъ на полъ-выстрѣла изъ пистоля караулить тебя звѣрина, которому одной лапой быка сломать ничего не стоитъ... Ажно кровь моя застыла въ жилахъ... Очей я не свожу съ ехидны и все жду, вотъ-вотъ прыгнетъ она и растерзаетъ тебя, горемыку, на части. Охъ, Господи, анъ и теперь жутко вспомнить! Долго ли, коротко ли въ затишьи дивовались мы, гляючи другъ на друга, заподлинно сказать теперь не могу. Тигра не двигается и съ меня не спускаетъ своихъ желтыхъ, неладныхъ глазъ, да и я въ упоръ гляжу ей въ оба, стоя передъ нею на вытяжку, омертвѣвши, точно идолъ. Но, вотъ, видно сжалились надо мною многогрѣшнымъ Сама Пресвятая Мати Божія и всѣ святые угодники,—тигра зажмурилась, словно заснула и даже хвостомъ по землѣ постукивать перестала, а я тѣмъ временемъ очухался, и стало мнѣ въ догадъ, что, молъ, спасеніе свое найти могу теперь, только тихохонько отступивши. И зачалъ я тогдысь, все помнится творя молитву Миколѣ Чудотворцу, осторожно, со всякой опаской, чуть замѣтно, подвигать одну ногу за другой, такъ примѣрно на полвершечка заразъ, а глазъ своихъ всеже ни на мигъ не свожу съ звѣря. Замѣтилъ ли онъ мои шаги, аль нѣтъ, Единому Богу извѣстно, но лежитъ, какъ очумѣлый, и никакого знаку не подаетъ, а только поверхъ глазъ, закрытыхъ однѣми рѣсницами, моргаетъ; знать, подлая душа, все-таки изъ вида меня не упускаетъ. Сказъ весь теперь, ваше высокоблагородіе, держать коротко, ну, а тогдысь времени утекло, кажись, не мало, пока-пока, да все жъ спиной по прежнему трахту, поманенько помогъ Царь Небесный выбратъся до заворота тропинки въ камышѣ, ну, а оттоль, благословясь, сталъ ступать посмѣлѣй, да еще шаговъ нѣсколько за уголь, перекрестился, обернулся и даль стречка во всѣ ноги. Бѣгу, бѣгу, не оглядываюсь, въ мысляхъ-то неуступно все мерещится, что она, окаянная, вотъ-вотъ за мною выскочить... но нѣтъ, Богъ спасъ».

— Ну, а что же стало тогда съ Жучкой?—спросилъ я.

— А ей што? Съ нее, какъ съ гуся вода! Знать, во-время улизнала изъ трущобы, да прямо на гладь. Какъ, запыхавшись, выбѣгъ я туда-жъ, анъ, вижу Жучка тянетъ за самопомъ.

И вполсѣдствіи, какъ и на этотъ разъ, принимая дѣятельное участіе въ охотѣ, на привалахъ, Ома обогатилъ мои свѣдѣнія новыми повѣствованіями объ этомъ подломѣ, какъ онъ называетъ, звѣрѣ.

Не сумѣю буквально его словами, краснорѣчиво передать всѣ эти эпизоды, а потому занову ихъ вкратцѣ только себѣ на память

какъ любопытныя данныя о необычайной кровожадности, дерзости и изумительной силѣ этого царя звѣрей въ нашихъ азіатскихъ владѣніяхъ.

Въ прошломъ (1870) году, весною, двое изъ сотоварищей Ѳомы по промыслу, но болѣе по рыболовству, раннимъ утромъ вышли изъ Чиназа внизъ по Дарьѣ, и каждый, занявъ на берегу ея, по обѣ стороны вдающагося подъ острымъ угломъ колѣна, укромныя мѣста, забросили въ рѣку свои удилица. Съ утра рыба клевала жадно, но съ приближеніемъ полудня поплавки стали все рѣже и рѣже окунались въ глубь, и, наконецъ, настало полное затишье. Видно, рыбное царство отгуляло часы свои и уже предалось временному отдыху, своимъ примѣромъ заразивъ и враговъ ихъ — рыболововъ.

Оба они, размаявшись подъ горячими лучами солнышка, перебрались въ тѣнь, подъ ближайшіе вязы и, не опуская, однако, изъ рукъ своего оружія, тоже вздремнули сладко. Одинъ изъ нихъ вскорѣ, однако, проснулся, протеръ глаза и увидалъ невдалекѣ отъ себя, но всеже на противоположной сторонѣ изгиба рѣки, недвижимо сидящаго товарища, а вмѣстѣ съ тѣмъ, о ужасъ! въ нѣсколькихъ отъ него шагахъ неслышно подползающаго по травѣ и прямо къ нему громаднаго тигра. Предупреждать крикомъ объ угрожающей товарищу опасности было совершенно бесполезно, такъ какъ оба они были безъ всякаго оружія, и гибель въ томъ случаѣ была бы неизбѣжною для обоихъ, а потому первый изъ нихъ, пока еще внѣ опасности, притаившись въ высокой травѣ, съ непомѣрнымъ страхомъ сталъ ожидать горькой участи своего собрата. Тѣмъ временемъ тигръ осторожно подползъ сзади къ очевидно еще крѣпко спящему рыболову и, внезапно вскочивъ на упругія свои ноги, однимъ прыжкомъ очутился передъ своею жертвою. Въ этотъ мигъ безмолвный зритель предстоящей драмы, въ ужасѣ сообразивъ злополучную судьбу товарища, инстинктивно закрылъ глаза и еще крѣпче прильнулъ къ землѣ, но черезъ нѣсколько мгновений, влекомый любопытствомъ, украдкой взглянулъ въ ту сторону и не повѣрилъ глазамъ своимъ: громадный по размѣру тигръ, обойдя кругомъ, вѣроятно, въ ту минуту ужъ проснувашагося рыболова, степенно и медленно обнюхивалъ его всего въ упоръ, не исключая и лица, а затѣмъ мѣрными шагами спустился подъ кручу къ самой рѣкѣ и безслѣдно скрылся въ густыхъ камышахъ ея... Прошло нѣсколько минутъ тяжелаго безмолвія. Непостижимо спасшійся рыбакъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало, продолжаетъ въ прежней позѣ, съ той же удочкой въ рукѣ, недвижимо сидѣть на берегу. Тогда товарищъ-зритель, благоразумно выждавъ нѣкоторое время, рѣшается, наконецъ, закричать ему, но отвѣта нѣтъ. Онъ встаетъ, спѣшитъ къ нему и что же застаётъ тамъ? Пріятеля, мгновенно умершаго отъ одного страха! Тигръ внезапнымъ поя-

вленіемъ и дыханіемъ своимъ прямо въ лицо только-что пробудившагося человѣка, но отнюдь нигдѣ не касаясь его тѣла, убилъ его наповаль одною только паникой.

Послѣ многихъ еще въ этомъ же родѣ страшныхъ исторій о тигрѣ я съ особеннымъ вниманіемъ выслушалъ объ одномъ происшествіи, ясно доказывающемъ необычайную, даже маловѣроятную силу этого страшнаго звѣря.

Недалеко отъ Кармакчи (форта № 2), кажется, за двѣ, три станціи по караванному пути къ форту Перовскому, по очень топкому болоту, на разстояніи до 150 сажень, пролегаетъ узкая гать, когда-то сооруженная нашими туземными инженерами изъ самага тщедушнаго хвороста. По этой-то гати года два назадъ, подъ вечеръ, тянулся длинный караванъ съ хлопкомъ изъ Бухары къ Орску. Уже большая половина верблюдовъ, струной вытянутыхъ одинъ за другимъ, благополучно переправилась на ту сторону болота, когда одинъ изъ нихъ, неосторожно оступившись, шарахнулся въ сторону и съ розмаха, всею тяжестью собственной персоны и огромнаго на себѣ вьюка, вверзился въ глубокую тину по самое брюхо. Лауча (верблюдовожатый), възсѣдающій на передовомъ верблюдѣ своей партіи, при видѣ случившагося бѣдствія, живо соскочилъ, бросился спасать загрузшее животное, отрѣзалъ канатъ, привязанный черезъ ноздрю къ вышеидущему верблюду, и сталъ взывать о помощи. Сбѣжались сосѣдніе лаучи, освободили отъ грузныхъ тюковъ спину увязшаго въ трясинѣ верблюда, но, самого его не въ силахъ будучи вытащить изъ болота, порѣшили между собой сначала переправить черезъ гать остальную часть каравана, а затѣмъ уже всѣмъ огуломъ собраться на выручку страждущаго. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Учинивъ безъ дальнѣйшихъ приключеній окончательную переправу черезъ этотъ Чортовъ мостъ, лаучи развьючили верблюдовъ своихъ и пустили ихъ въ степь на пастбу, а сами, въ числѣ до 40 человѣкъ съ караванъ-башемъ во главѣ и съ запасомъ канатовъ въ рукахъ, собрались около злополучнаго утопленника. Участъ его была очень незавидная; не смотря на снятый съ него вьюкъ (до 25 пудовъ вѣсомъ), онъ собственнымъ вѣсомъ такъ глубоко увязъ, что предательская трясина засосала его свыше половины туловища. Дружно взялись за работу прибѣжавшіе лаучи, но всѣ усилія ихъ были тщетны. Пробившись напрасно здѣсь до наступленія ночи, лаучи оставили это дѣло до утра и, собравшись около своихъ вьюковъ, на крайнѣ болота, предалися крѣпчайшему сну. Съ утренней зарей всѣ были на ногахъ и поспѣшили къ мѣсту вчерашней катастрофы; но каково было ихъ удивленіе, когда, прибѣжавъ туда, они вмѣсто него нашли одну лишь обширную яму, уже значительно затянутую тиною, и отъ нея глубоко врѣзавшуюся въ болотѣ поволоку къ сторонѣ степи. Лаучи, осторожно прослѣдивъ

дальнѣйшее направленіе этой широкой тропы, были поражены неожиданною разгадкой исчезнувшаго верблюда, такъ какъ оказалось, что шаговъ за пятьдесятъ отъ гати всѣ признаки поволоки сразу прекращались, и на вязкой почвѣ болота появились глубоко отпечатанныя лапы и когти здоровеннаго тигра. Очевидно, что мощный хищникъ, привлеченный ночью жалкимъ ревомъ верблюда къ гати, во время крѣпкаго сна его владѣльцевъ, поспѣшилъ прежде ихъ явиться на помощь погибающаго и одинъ-одинѣхонекъ, безъ колевъ и веревокъ, вытащилъ изъ трясины громоздкое животное, а затѣмъ, взваливъ его себѣ на спину, благополучно убрался до ясу. Послѣднее предположеніе подтвердилось вполнѣ, такъ какъ лаучи, сильно огорченные потерей, прослѣдили за воромъ и нашли довольно далеко остатки погибшей жертвы.

Какова же сила этого милаго дружка?

Надо сказать, что уже во время моего личнаго пребыванія въ Туркестанѣ случилось здѣсь и именно въ Чиназѣ два необыкновенныхъ появленія тигра въ самомъ городѣ. Какъ въ прошломъ, такъ и въ нынѣшнемъ (1871) году среди бѣлаго дня, и что замѣчательнѣе всего, оба раза въ страстной четвергъ заскакивали на самую площадь крѣпости огромные тигры, загнанные потомъ народомъ на пустые, кругомъ каменными стѣнами огражденные дворы, гдѣ и были убиты штуцерными пулями сбѣжавшихся по тревогѣ солдатъ. Но и здѣсь побѣда досталась не безъ жертвъ. Прошлогодній тигръ, защищая свою жизнь, изуродовалъ 7 чловѣкъ, а нынѣшній—11, изъ числа которыхъ большая половина умерла въ здѣшнемъ госпиталѣ. Чучело изъ великолѣпной шкуры послѣдняго тигра, громаднаго объема и отличной выдѣлки, уже красовалось на нижней террасѣ генераль-губернаторской дачи и не знаю, какъ на другихъ, но на меня, когда я увидѣлъ ее въ первый разъ, она, т. е. тигра, произвела,—грѣха таить нечего,—далеко не изъ самыхъ пріятныхъ впечатлѣній...

Но я отвлекся отъ самаго слѣдствія. Слава Аллаху! Кауфманъ принялъ мое донесеніе въ резонъ и повелѣлъ 7-й уральской сотнѣ стяннуться изъ Голодной степи въ Чиназъ, а оттуда отправить ей на смѣну оренбургскую. Къ сожалѣнію, требуемая сотня собралась въ Чиназѣ не къ 6-му, а только къ 10-му ноября, а потому при всей энергіи и неутомимыхъ съ утра до вечера занятіяхъ я только къ 21-му почти окончилъ слѣдствіе. Не упуская малѣйшаго обстоятельства всего плачевнаго происшествія, котораго, однако, бунтомъ назвать было бы утрировкой, я порѣшилъ все дѣло относительно еще довольно быстро, такъ какъ пришлось снять показанія и собственноручно занести ихъ въ слѣдственный журналъ съ 126 участвовавшихъ въ беспорядкѣ 8-го мая. Послѣ арестованія 22 казакъ слѣдствіе мнѣ выяснило факты, ведущіе, увы, къ смертной казни, а слово это ужасное! Но Богъ милостивъ, и я надѣялся, авось мнѣ удастся смягчить приговоръ суда.

По прїѣздѣ въ Ташкентъ и представленіи мною въ штабъ слѣдственнаго дѣла, вскорѣ назначена была въ Чиназъ военно-судная комиссія въ полномъ ея составѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ я получилъ предписаніе въ возможно скорѣйшемъ времени представить его превосходительству экстрактъ изъ всего дѣла.

По слухамъ изъ Чиназа, оставшіеся на свободѣ также, какъ и арестованные казаки, подлежащіе суду, отправили съ нарочнымъ въ Самаркандъ оригинальную челобитную на имя Р* принять на себя обязанность ихъ защитника, на что будто бы и былъ полученъ ими отвѣтъ о полномъ согласіи явиться на защиту угнетенной меньшей братіи.

Станный былъ человекъ Н. Н. Р*. Далекое не глупый отъ природы и очень образованный, онъ былъ честныхъ, но слишкомъ порывистыхъ правилъ, зачастую увлекавшихъ его къ совершенію самыхъ несообразныхъ выходокъ. Изъ лейбъ-гусарскаго полка онъ вышелъ, какъ самъ мнѣ говорилъ, по непріятностямъ, вслѣдствіе *pas-se-droit* при назначеніи командира вакантнаго эскадрона, а въ то же время показывалъ пашку, въ золото оправленную, на прекрасномъ клинкѣ которой вырѣзаны имена поднесшихъ ему это оружіе на память, начиная съ командира полка до младшаго корнета включительно. Какъ согласить это? И здѣсь, въ Туркестанѣ, Н. Н. началъ свою дѣятельность съ крайне поспѣшной энергіей. Получая изъ дому на ежегодное свое содержаніе значительныя деньги (по словамъ однихъ 40, а другихъ—до 80 тысячъ рублей), онъ сталъ сорить ими безъ расчета, покупать земли, заводить плантаціи хлопка и винограда, выписывать изъ-за границы сѣмена и лозы и тутъ же заводилъ процессы и тяжбы изъ-за какихъ-то грошевыхъ недочетовъ съ рабочими. Въ служебномъ отношеніи онъ также въ самое короткое время поставилъ себя какъ-то странно. Нигдѣ онъ не уживается, отовсюду бѣжитъ, ссорится, бранится, обвиняетъ и въ полномъ раздраженіи откоचेvываетъ въ пустой надеждѣ, конечно, найти обѣтованный уголокъ. И вотъ онъ нигдѣ не могъ обжиться и пустить корней, которые, къ сожалѣнію, при меньшей съ его стороны строптивости, могли бы, конечно, дать очень хорошіе плоды какъ для пользы службы, такъ и для мѣстной культуры. Всѣ хлопоты и затраты его шли прахомъ и, вмѣсто «спасибо», возбуждали неудовольствія и нареканія. Словомъ, Р*, по взглядамъ и принципамъ будучи рыцаремъ безъ страха и упрека, сумѣлъ у многихъ прослыть совѣмъ другимъ человекомъ.

Съ Кауфманомъ у Р. отношенія были самыя прекрасныя, но выходы его впослѣдствіи оттолкнули отъ него Константина Петровича. Вотъ одна изъ нихъ.

Для какого-то личнаго объясненія Р* въ пріемный день командующаго войсками прїѣхалъ къ нему нѣсколько позднѣ назна-

ченнаго часа и хотя на подъѣздѣ встрѣтилъ выходящій изъ дворца людъ, но все-таки вошелъ въ приемную залу. Она была совершенно пуста, 12 часовъ пробило, и въ ней не оказалось ни души. Р* черезъ ординарца вызвалъ дежурнаго адъютанта. Явившійся въ залу Адеркасъ объяснилъ, что назначенный съ 11 до 12 часовъ приемъ кончился, и теперь командующій войсками его уже не приметъ. «Но мнѣ очень нужно видѣть Константина Петровича»,—возразилъ Р*. «Онъ сѣлъ завтракать и потому принять васъ не можетъ»,—повторилъ Адеркасъ. «А, онъ завтракаетъ, такъ и я хочу завтракать!» и съ этими словами проситель круто направился къ передней, а адъютантъ поспѣшилъ въ столовую къ своему прибору. Но Р» не уѣхалъ, а послалъ ординарца на своемъ извозчикѣ привезти изъ гостиницы Розенфельда порцію бифштекса и черезъ 10 минутъ за столомъ приемной генераль-губернаторской залы расположился кушать привезенный ему завтракъ. Но ему не удалось сохранить за собою поле сраженія, такъ какъ Кауфманъ, за совершенную имъ дерзость, до окончанія Р* трапезы выпроводилъ его изъ дому, а въ тотъ же вечеръ и изъ города.

Въ описываемое мною время, запутавшись въ непроизводительныхъ предпріятіяхъ, Р*, въ ожиданіи назначенія или какой либо опредѣленной цѣли, и принялъ такъ поспѣшно приглашеніе уральцевъ за нихъ на судѣ ратовать. Между тѣмъ, я представилъ командующему войсками выписку изъ этого слѣдственнаго дѣла, при чемъ выставилъ смягчающія вину обстоятельства, и онъ милостиво обѣщалъ мнѣ, какъ бы ни рѣшилъ судъ въ Чиназѣ, имѣть мое ходатайство въ виду и во всякомъ случаѣ смягчить приговоръ подсудимыхъ.

Въ началѣ только марта 1872 года я назначенъ былъ председателемъ военно-ссудной комиссіи для окончанія этого дѣла и поторопился покончить все къ страстной недѣлѣ. Въ великую пятницу, на выносъ плащаницы, при колокольномъ звонѣ и стеченіи народа, шелъ и я вымаливать невольные грѣхи мои, за которые тотъ же Р* опять будетъ порицать меня. Я ли виноватъ въ строгости законовъ, по статьямъ которыхъ 10 человекъ подлежали разстрѣлянію, 6 къ ссылкѣ въ каторжныя работы, а 8 въ арестантскія роты? Видитъ Богъ, какъ нравственно тяжела отвѣтственность быть орудіемъ въ подобномъ распоряженіи судьбою людей!

Въ прошломъ заслуживаетъ нѣсколькихъ словъ ташкентская зима 1872 года. Съ незапамятныхъ временъ никто не помнитъ въ этомъ краѣ такой зимы. Въмѣсто прежнихъ, и то не ежегодныхъ, 10—15 дней морозныхъ со снѣгомъ, въ тотъ годъ стояла настоящая русская зима съ крещенскими морозами, нѣсколько недѣль сряду. Снѣгъ лежалъ глубокой, морозъ былъ до 15° и ни одной

оттепели. Въ домахъ, конечно, было страшно холодно, не смотря на усиленную топку, но зато на улицахъ весь beau-monde, щеголихи барыни и золотая молодежь, съ утра до поздней ночи катались безъ усталости и всякаго сожалѣнія на лошадяхъ.

Къ концу же января стали ожидать въ Ташкентъ сына коканскаго хана и наслѣдника престола. Ему послали на встрѣчу конвой, почетный караулъ и нѣсколько личностей. Въ городѣ приготовили для него домъ, со всѣми условіями восточныхъ требованій и роскоши, увѣренные, что ничего не забыли, какъ вдругъ приѣхавшій курьеръ объявилъ, что въ свитѣ его высокостепенства не болѣе, не менѣе, какъ 90 человѣкъ, которыхъ, конечно, необходимо было во все время пребыванія принца кормить, поить, а главное помѣстить. 90 человѣкъ—не шутка, и будь время года—лѣто, то, конечно, горе небольшое, на бѣду же снѣгъ былъ по колѣна и морозы презрительные. Кое-какъ все уладили, и во дворцѣ произошелъ торжественный приемъ наслѣдника хана Коканскаго. Въѣздъ его былъ самый оригинальный, съ восточными причудами и полу-европейскимъ церемоніаломъ. Свита его состояла не изъ 90, а изъ 210 человѣкъ, все сановныхъ и чиновныхъ. Особеннаго вниманія заслуживала его гвардія, вся залитая въ золото и въ дорогіе каменья, но вооруженная нашими же тульскими ружьями, бракованными еще въ тридцатыхъ годахъ. Впереди наслѣдника хана везли нарядный значекъ его, сѣкиру и прочіе символы самодержавія, а возлѣ него ѣхали первые чины двора Худояръ-хана. Сынъ его, молодой человѣкъ, тогда 21 года, очень красивый собой, съ едва пробивающейся черною бородкой, былъ осанистъ и ловокъ. При въѣздѣ въ городъ, онъ изъ экипажа пересѣлъ на коня и прослѣдовалъ невозмутимо-торжественно по главнымъ улицамъ Ташкента. Толпы любопытныхъ, въ большинствѣ бывшихъ коканскихъ подданныхъ, тѣснились на пути его, но при приближеніи этой священной особы униженно падали ницъ и не шевелясь лежали распростертыми на землѣ, пока его высокостепенство не миновало ихъ, послѣ чего сплошною массой провожали въ почтительномъ разстояніи до временнаго дворца его.

Въ утреннемъ приемѣ у генераль-губернатора ханъ Заде вышелъ смѣло и съ большимъ достоинствомъ отвѣчалъ на привѣтствія генераль-губернатора, нисколько не озадаченный всѣмъ блескомъ, его окружавшимъ. Одѣтъ онъ былъ со всею роскошью Азіи и съ примѣсью Европы. Сверхъ богатаго парчевого халата, изъподъ котораго виднѣлось тончайшее голландское бѣлье, на немъ была великолѣпная бобровая шуба, крытая малиновымъ ліонскимъ бархатомъ и подпоясанная кованымъ золотымъ поясомъ, осыпаннымъ, какъ и все дорогое на немъ оружіе, множествомъ дорогихъ каменьевъ. Почетные придворные и тѣлохранители съ оруженосцами сопровождали его въ самую залу. На всѣхъ вообще онъ про-

извель хорошее впечатлѣніе, а особенно интересно, что посѣщеніе это служило какъ бы прелюдіей военнаго движенія нашего въ Кашгаръ, куда войскамъ нельзя было пройти иначе, какъ чрезъ владѣнія коканскія.

Праздникъ у насъ, по случаю пребыванія хана Заде, смѣнялся за праздникомъ. Я съ нимъ лично познакомился черезъ Струве и два раза въ самомъ интимномъ кружкѣ у него обѣдалъ, совершенно европейски, и не только не ѣлъ руками, а серебряными, даже вызолоченными приборами, и не баранину съ чеснокомъ, а французскую кухню. Онъ въ обращеніи былъ очень простъ, любезенъ и гостепріименъ. У него устраивалась даже партія въ ералашъ, безъ участія, впрочемъ, хозяина, но онъ тутъ же садился около меня (какъ лучшаго игрока, по рекомендаціи Струве), чтобы научиться премудрости разыгрывать мизеры, въ которыхъ, конечно, онъ ничего не понималъ.

Въ видѣ разнообразныхъ удовольствій для него дѣлали смотры и парады, его возили на артилерійскія практическія ученія и на саперныя подземныя работы. Словомъ старались развлечь его всѣми подъ рукой средствами. На одномъ вечерѣ ханъ Заде представлялъ жалко-нелѣпую фізіономію, когда хозяева вздумали попотчевать почетнаго гостя чтеніемъ поэмы «Демонъ». Увлекательно оно было для коканца, не понимающаго порусски... За то, когда начались танцы и рой молодыхъ женщинъ закружился около него, глаза его выдали дурныя мысли, и онъ до ужина обратился въ бѣгство. Вообще ему здѣсь не дали соскучиться, и онъ не прочь былъ еще погостить въ Ташкентѣ, но папаша его, извѣстный не слишкомъ мягкимъ нравомъ, вызвалъ сынка обратно, а послушаться Худояръ-хана и въ голову никому не приходило.

Изъ Москвы получила вѣсть о кончинѣ Софьи Борисовны и Александра Ѳедоровича Полторацкихъ, но что всего тяжелѣе—о смерти Николая Александровича Милютина. Кончина этого достойнаго человѣка и государственнаго дѣятеля невозвратимой потерей легла не только на насъ всѣхъ его близкихъ, но и на всю Россію. Грустно было до слезъ услышать объ утратѣ этого теплаго сердцемъ, умнаго и высоко-честнаго человѣка. Миръ праху его и вѣчная память незабвенному Николаю. Обиднѣ всего было сознавать, какъ мало понимали и цѣнили его современники, самыя же обстоятельства его болѣзни и смерти невольнo заставляли cadaго призадуматься...

Софья Борисовна же пора было на покой, царствіе ей небесное! Что же касается Александра Ѳедоровича, то что заставило его бросить дѣтей и родину, переселиться въ чужіе края и умереть тамъ одному, въ По? Нѣтъ! Александръ Ѳедоровичъ, какъ истый сынъ

и наслѣдникъ Ѳедора Марковича, до самыхъ послѣднихъ дней удовлетворялъ только страстямъ своимъ и эгоистическимъ расчетамъ.

Нѣкоторое развлеченіе доставили возгорѣвшіеся у насъ толки о походѣ, почти официально рѣшенномъ, но не въ Хиву, а въ Кашгаръ. Эта экспедиція, конечно, должна была быть большимъ утѣшеніемъ въ нашемъ апатичномъ положеніи, но въ военномъ отношеніи представлялась только военною прогулкой, продолжительной и утомительной, но не боевой и вовсе не связанной съ опасностями. Изъ всѣхъ сосѣдей нашихъ кашгарцы пользовались болѣе другихъ славою мирныхъ жителей, и слабая воинственность ихъ никогда и никого не утрашала. Того и гляди, ждали мы, что при первомъ появленіи штыковъ русскихъ они сразу спасуютъ, закричатъ «пардонъ», и никакихъ враждебныхъ столкновеній съ ними не произойдетъ. Еще не было извѣстно, пойдетъ ли самъ Кауфманъ, и каковъ будетъ составъ отряда, но всѣ ожили, стали надѣяться и строить планы.

По общимъ догадкамъ, выступленіе должно было быть не ранее марта, то-есть при появленіи первыхъ признаковъ подножнаго корма, и продолжаться около трехъ мѣсяцевъ. Но все неожиданно разразилось тишиной и миромъ: генераль-губернаторъ получилъ отъ Якубъ-бека, владѣтеля кашгарскаго, посланіе, въ которомъ тотъ сознавалъ свои преступныя ошибки и просилъ пощады, слѣдствіемъ чего и было приостановленіе всякихъ приготовленій къ походу и... и... опять настала перспектива тоски и полнаго бездѣйствія.

Мнѣ, впрочемъ, пришлось записаться въ форменные юристы. Не успѣлъ я кончить дѣло уральской сотни, какъ получилъ предписаніе ѣхать въ Ходжентъ судить и чинить расправу съ взволнованными тамъ жителями, которые взбунтовались и перебили двухъ аксакаловъ (полицейскихъ).

Ходжентъ своимъ живописнымъ положеніемъ на берегу Сыръ-Дарьи, своими великолѣпными садами и близъ лежащими горами произвелъ на меня при вѣздѣ очень пріятное впечатлѣніе. Но вскорѣ оно разсѣялось отъ удручающей, расслабляющей и гнетущей духоты. Городъ сдавленъ кругомъ высокими скалами, прорѣзанными на юго-западъ однимъ только ущельемъ, изъ котораго дуетъ вѣтеръ, похожій на паръ, поданный въ банѣ; онъ не прохладяетъ, а обжигаетъ человѣка. Помѣщеніе мое въ домѣ Гюуса¹⁾ было вполнѣ роскошное, соединяющее всѣ условія удобства, а самъ хозяинъ милѣйшій человѣкъ, мой пріятель, который принялъ меня по всѣмъ правиламъ минувшаго московскаго гостепрѣимства.

¹⁾ Подполковникъ Гюусъ, бывшій казначей конно-гренадерскаго полка, разжалованный въ рядовые, но получившій потомъ въ Туркестанѣ три солдатскихъ креста и возвратъ всѣхъ прежнихъ чиновъ.

Главные виновники преступленій 14 апрѣля были вскорѣ допрошены; обвиненія и улики были несомнѣнныя и очевидныя, но подсудимые, по неимѣнію отдѣльных помѣщеній, содержались вмѣстѣ съ прочими арестантами, русскими и туземными, научились у первыхъ системѣ заперательства и, ни въ чемъ не сознаваясь, всѣ до единого упорно повторяли на своемъ языкѣ: «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю», твердо при этомъ убѣжденные, что подобнымъ путемъ они будутъ оправданы. Отвѣты эти дѣйствительно когда-то существовали при царѣ Горохѣ, да и то не въ подобныхъ случаяхъ, и потому, понятно, они своимъ упорствомъ ухудшали и безъ того тяжелое ихъ положеніе и усложняли веденіе судопроизводства, такъ какъ приходилось для каждаго отдѣльно опрашивать всѣхъ обвинителей и свидѣтелей, давать имъ съ обвиненными очныя ставки и проч. И все-то возмущеніе и убійство этой нелѣпой толпы произошло вслѣдствіе неразвитости и непониманія полудикаго народа, хотѣвшаго бороться открытою силой съ благодѣтельными для ихъ же пользы мѣрами правительства¹⁾. Къ великому удовольствію моему, мнѣ удалось изъ 29 обвиненныхъ оправдать, а потому и освободить изъ тюремнаго заключенія девятыхъ, но для остальныхъ всеже долженъ былъ состояться неумолимый приговоръ. Вотъ тутъ-то всегда и наступаетъ для судьи тяжелая минута, когда природой онъ одаренъ къ тому же нервами и впечатлительностью. Полевой судъ не мягокъ, такъ какъ не пользуется правомъ присуждать къ наказанію меньшему, какъ 20-ти лѣтней каторгѣ. Само собою разумѣется, что въ подобныя минуты дѣлаешься невольнымъ зрителемъ самыхъ раздирающихъ душу сценъ. Окруженные женами, дѣтьми, родными, несчастные въ оковахъ, подъ большимъ конвоемъ, разражаются отчаянными воплями, потрясающими организмъ самыхъ черствыхъ свидѣтелей. Какъ бы ни была порою тяжела жизнь человѣческая, но въ законахъ міра сего постановлено каждому дорожить ею, и что бы ни толковали о фатализмѣ и пренебреженіи къ существованію мусульманина, но и онъ далеко не равнодушно переноситъ роковое сообщеніе объ ожидающей его насильственной смерти.

Ходженъ оставилъ во мнѣ тяжелое воспоминаніе. При всей разнородности военной службы, конечно, должность инквизитора самая безотрадная. Она до того раздражала нервы, что я двѣ недѣли моего пребыванія ни одной почти ночи не могъ заснуть спокойно; съ вечера и часто до самаго утра меня давилъ кошмаръ, и передъ глазами даже во время тревожнаго сна непрерывно являлись истощенныя, жалкія фигуры осужденныхъ. Послѣ приговора меня осаждали просьбами и мольбами. Сначала бросились въ ноги двѣ женщины, лицъ которыхъ я не видѣлъ, такъ какъ

¹⁾ Прививкой оспы.

обѣ онѣ были прикрыты непроницаемыми черными сѣтками, въ видѣ задрѣ, замѣняющихъ вуали. Одна изъ нихъ была мать, а другая жена двухъ арестованныхъ, обвиняемыхъ по первому разряду. Просьбы ихъ, конечно, остались неудовлетворенными. Вслѣдъ за прекраснымъ поломъ прежде по одиночкѣ, а потомъ и цѣлою толпой, правовѣрные мусульмане произвели на меня атаку, съ подобными предыдущей, просьбами. Загорѣлыя, бронзовыя ихъ лица, подъ снѣжной бѣлизны чалмами, статный ростъ и полная достоинства осанка напоминали собою портреты арабскихъ изображеній на картинкахъ восточнаго стиля. Рѣчь плавна, спокойна, но не вразумительна. Между ними были красавцы, въ особенности глаза чуднаго выраженія и блеска. Но и имъ я ничего не могъ сказать утѣшительнаго и потому очень былъ радъ, когда совершенно экспромтомъ устроился праздникъ *ins Grüne* большою компаніей за городомъ, на 12-й верстѣ въ Кишлакѣ, замѣчательно красивой мѣстности и съ природнымъ, очень большимъ каскадомъ. Нервы мои немного успокоились. Тамъ устроенъ былъ ужинъ съ мѣстнымъ дастарханомъ и иностранными винами. Повалявшись на коврахъ до полуночи, поѣздъ вернулся въ Ходжентъ: я говорю—поѣздъ, потому что дѣйствительно передвиженіе уѣзднаго начальника въ Туркестанскомъ краѣ вообще влечетъ за собой цѣлую вереницу конвойныхъ казаковъ и туземныхъ джигитовъ. Въ темную ночь они скачутъ впереди, съ боковъ и сзади, съ огромными факелами въ рукахъ и по пути придаютъ этимъ освѣщеніемъ особенную фантастичность поѣзду. Къ 10 іюля я былъ уже въ Ташкентѣ. Кауфманъ встрѣтилъ меня очень привѣтливо, пригласилъ завтракать и сообщилъ, между прочимъ, что въ концѣ будущаго мѣсяца уѣзжаетъ съ семьей въ Петербургъ. Въ политическомъ мірѣ все было относительно тихо. Изъ Кашгара получены были извѣстія отъ посланнаго туда барона Каульбарса, что Якубъ-ханъ на всѣ предложенныя ему условія вполнѣ согласился. Странные между тѣмъ ходили слухи: будто предстоящая слава взятія Хивы, вмѣсто туркестанцевъ, предоставляется кавказцамъ, будто бы уже было рѣшено и подписано о назначеніи начальникомъ этой экспедиціи генераль-лейтенанта Геймана, который съ Кавказа (опять таки по слухамъ) трогается на Хиву нынѣшнею же (1872 г.) осенью. Въ силу этихъ данныхъ зародились у меня разные планы: ѣхать въ Петербургъ и устроить тамъ черезъ военнаго министра отправленіе мое въ экспедиціонный отрядъ Геймана. Онъ лично былъ мой старый знакомый и сослуживецъ. Въ 1848 году на Кавказѣ при постройкѣ крѣпости Урусъ-Мартана, когда я былъ подпоручикомъ, а онъ поручикомъ и адъютантомъ у «какъ-какъ» Козловскаго, какъ бригаднаго командира, мы всю экспедицію жили дружно въ одной палаткѣ и не разъ бывали вмѣстѣ въ огнѣ.

Между тѣмъ у насъ въ Туркестанѣ было сильное броженіе въ

умахъ спокойныхъ; къ этому присоединилось еще появленіе саранчи, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и холеры. Всевозможныя мѣры для ея укрощенія были приняты, и только успокоившись насчетъ ея благопріятнаго исхода, рѣшилъ Кауфманъ свою поѣздку въ Петербургъ. Проводы ему были блестящіе. На меня всѣмъ обществомъ возложили заботы по устройству фестиваля. Въ деньгахъ недостатка не оказалось, и подписка по 25 рублей съ человѣка быстро возросла до 5.000 рублей. Я предложилъ за городомъ, въ избранномъ мною саду, построить павильонъ, что и было единогласно принято. Средства мнѣ даны были большія, рабочаго люда тѣма; въ войскахъ гарнизона нашлись плотники, портные, маляры и обойщики. Маты (мѣстной холстины) изведено на стѣны и потолки болѣе 6 тысячъ аршинъ.

Помощниками моими были Щербинскій и князь Викторъ Голицынъ. Балъ удался вполнѣ. Выросшее изъ земли изящное зданіе бросалось въ глаза удачными размѣрами и отдѣлкой. 18 колоннъ, снизу до верха обитыя вьющимися лозами съ густою листвою, были украшены крупными кистями винограда всѣхъ цвѣтовъ; я заказалъ его до 40 пудовъ и незамѣтно подвязалъ между листьями. Капители соединялись между собою гирляндами, сплошь сдѣланными изъ виноградной лозы съ висящими же кистями винограда. На каждой колоннѣ спиралью, въ маленькихъ, незамѣтныхъ подсвѣчникахъ горѣли свѣчи; свѣтъ ихъ, сквозившій черезъ свѣжую зелень, былъ очень эффектенъ. Стѣны всѣ и потолокъ были задрапированы; внизу же, на полу гостиной, уборной, всего крыльца и галереи, а также по широкой аллеѣ отъ воротъ до самаго павильона, были разостланы персидскіе ковры всѣхъ колеровъ. Снаружи павильонъ весь былъ иллюминированъ, а впереди красовались бесѣдки, башенки, щиты съ вензелями, всѣ горѣвшіе тысячею огнями, самыхъ яркихъ и причудливыхъ цвѣтовъ. Отъ самыхъ воротъ сада и до павильона, по обѣ стороны широкой аллеи, разбиты были народныя, шелками вышитыя, сартовскія палатки, открытыя полами настезъ и составлявшія каждая въ отдѣльности особую гостинную съ карточными посрединѣ столами. Танцевали съ увлеченіемъ и къ свѣту только всѣ развѣхались. Черезъ нѣсколько дней съ великой торжественностью проводили мы все семейство Кауфмановъ до русской избы на 54-ой верстѣ отъ города и вернулись въ опустѣвшій Ташкентъ. Съ Кауфманомъ и вслѣдъ за нимъ уѣхало много народа; потомъ, какъ водится, поскакали курьеры, и скоро въ Петербургѣ очутилось изрядное количество насъ, туркестанцевъ. Въ Ташкентѣ же мы, оставшіеся, проводили время за карточными столами и во взаимныхъ посѣщеніяхъ другъ друга. Одно изъ такихъ препровожденій времени было нарушено потрясающей катастрофой, которой я былъ ближайшимъ свидѣтелемъ.

Нѣкто Михайловъ, Егоръ Александровичъ, по прозванію Кудрявый (такъ какъ у него почти не было волосъ на головѣ), жилъ на дачѣ Гамзена, рядомъ съ дачей генераль-губернатора и не разъ приглашалъ меня къ себѣ обѣдать. Однажды, имѣя въ виду собрать къ себѣ вечеромъ партію на пульку, я въ два часа по полудни отправился позвать его къ себѣ, а кстати у него и отобѣдать. Застаю Кудряваго дома, здороваго, въ прекрасномъ настроеніи духа и очень радушнаго. Принявъ съ удовольствіемъ мое приглашеніе на вечеръ, онъ проситъ меня у него обѣдать, а между тѣмъ сейчасъ же устраиваетъ утренничекъ. Около нашего стола тутъ же находятся два его сына и два гостя, молодыхъ офицера. Съли обѣдать. Я разговаривалъ и шутилъ съ его сыномъ артиллеристомъ, спрашивалъ объ общихъ знакомыхъ нашихъ въ гвардейской конной артиллеріи. Молодой Михайловъ съ оживленіемъ отвѣчалъ мнѣ и ничѣмъ не выдавалъ какого либо душевнаго разстройства. Встали изъ-за стола и, не теряя минуты, приступили къ продолженію нашей пульки, но не успѣли еще разобрать картъ послѣ первой сдачи, какъ раздался въ сосѣдней комнатѣ оглушительный выстрѣлъ. Бросились туда и что же увидѣли? Распростертаго на постелѣ своей, умирающаго, съ разбитымъ черепомъ, застрѣливагося изъ пистолета молодого Михайлова. Я тотчасъ же послалъ за докторами, за ними же поскакалъ и старшій сынъ Михайлова, Павелъ, но несчастный не дождался ихъ и на моихъ глазахъ минутъ черезъ пять послѣ выстрѣла испустилъ духъ. Никто не зналъ причины, и объяснительной записки не нашли, почему молодой, здоровый, не глупый юноша въ цвѣтѣ лѣтъ совершилъ, очертя голову, это преступленіе. Отецъ былъ въ отчаяніи, и какъ сейчасъ вижу его, безсознательно ползающаго на колѣняхъ передъ иконою, въ столовой...

Спустя нѣсколько дней, я получилъ изъ Омска короткое письмо отъ Струве, а также свѣдѣнія изъ Семирѣчья, вызвавшія оживленные разговоры о непостижимыхъ законахъ Провидѣнія. Рѣчь идетъ о преступникахъ, осужденныхъ судомъ, подъ моимъ предсѣдательствомъ, за разбой на станціи Карасу. Главные виновники были приговорены къ смертной казни, разстрѣлянію; но въ день отбѣзда моего на второе судопроизводство въ Ходжентъ мнѣ удалось смягчить конфирмацію Кауфмана, упросивъ его даровать жизнь пятерымъ изъ нихъ. Въ день исполненія приговора, когда на всѣхъ десять человѣкъ по прочтеніи сентенціи суда надѣты были саваны, и они, привязанные къ столбамъ, ожидали роковой команды «пли!», прискакалъ ординарецъ командующаго войскаго, Бергъ, съ повелѣніемъ о помилованіи тѣхъ пяти преступниковъ, о которыхъ я просилъ Кауфмана. Нѣсколько дней спустя, помилованные эти, въ числѣ прочихъ приговоренныхъ къ ссылкѣ на каторжныя работы

и поселеніе въ Сибирь, отправились изъ ташкентскаго тюремнаго замка по направленію города Вѣрнаго, за конвоемъ конныхъ казаковъ. И вотъ этотъ этапъ, послѣ медленнаго движенія, по 20 и 25 верстъ въ день, останавливаясь на ночлеги, за неимѣніемъ по пути тюремныхъ заключеній, подъ открытымъ небомъ, среди степи, отошелъ около 600 верстъ отъ Ташкента благополучно и въ порядкѣ, но тамъ произошло съ нимъ слѣдующее.

Не далеко отъ города Вѣрнаго, на одномъ изъ ночлеговъ въ степи, арестантамъ удалось, конечно, при содѣйствіи провожавшихъ ихъ родственниковъ, напоить конвойныхъ казаковъ и затѣмъ, пользуясь темнотою ночи, разбить съ себя оковы и врасыпную бѣжать изъ-подъ караула. Полушьяные казаки вскочили по тревогѣ, суетливо бросились къ конямъ и по разнымъ направленіямъ помчались въ догоню бѣглецовъ. Раздались крики и пальба. По случаю совершенной темноты преслѣдованіе дезертировъ произведено было безтолково, на удачу, словомъ, зря. Казаки палили во всѣ стороны, плохо различая предметы, нѣкоторыхъ хватали живьемъ, другихъ изъ сопротивлявшихся кляли на мѣстѣ, скакали, шумѣли и покончили тѣмъ, что за исключеніемъ трехъ, сквозь землю провалившихся, остальныхъ доставили на пунктъ ночлега; убитыхъ оказалось пять человекъ, и именно тѣхъ самыхъ, которыхъ помиловалъ Кауфманъ. Какъ объяснить это сверхъестественное совпаденіе и не воскликнуть: «отъ судьбы не уйдешь»?

Послѣднія новости изъ Петербурга распространились у насъ въ другой редакціи. Уже не прочили за вѣрное въ Туркестанъ Мирскаго, Мещерина, Воронцова, Черткова и всѣхъ другихъ, а ожидали скорого возвращенія Кауфмана, и вмѣстѣ съ тѣмъ носились свѣдѣнія объ экспедиціи нашей, но не въ Бухару, а въ Хиву; шли даже дальше, будто бы самъ государь императоръ поздравилъ Кауфмана съ предстоящимъ походомъ.

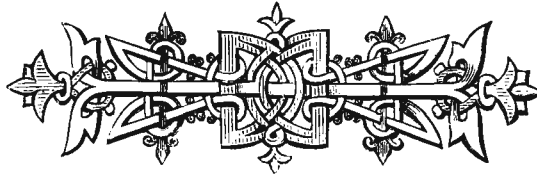
Я лично получилъ также письмо отъ Софьи: скончался дядя графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ. Царство ему небесное и вѣчная память! Ему не суждено было на землѣ испытывать много горя, но все же тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ печалей, и ему вѣрно будетъ лучше. Разставаясь съ жизнью, онъ въ послѣднія минуты не терзался участію остающихся; по истинѣ, кромѣ себя, онъ не любилъ никого. Взявъ на землѣ все, что доступно было баловню судьбы, онъ, истощивъ всѣ жизненныя наслажденія, скончался на 80-мъ году, оставивъ о себѣ воспоминаніе, какъ о государственномъ дѣятелѣ, замѣчательно умномъ и даровитомъ, выдающемся администраторѣ, блестящемъ царедворцѣ, но не какъ о человекѣ мягкаго сердца...

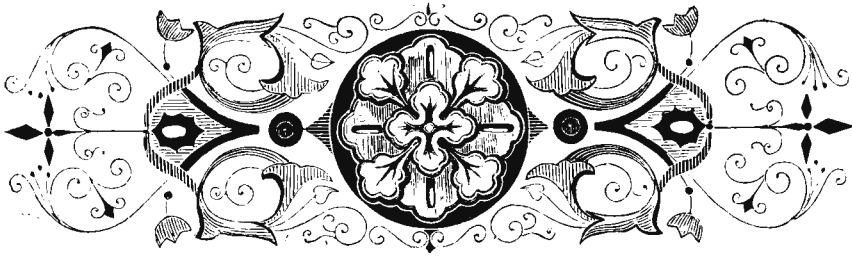
Въ томъ же письмѣ Софья сообщала также, что, будучи въ Петербургѣ недавно, она была съ визитомъ у Юліи Маврикіевны

Кауфманъ какъ разъ въ то время, какъ вернулся Константинъ Петровичъ съ военнаго совѣта подѣ председательствомъ государя и объявилъ, что состоялось высочайшее повелѣніе идти на Хиву. «Я хочу, чтобъ ты, Константинъ Петровичъ, взялъ мѣ Хиву»,— выразился государь. Итакъ, походъ рѣшенъ былъ безповоротно.

В. Полторацкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОѢЗДКА ВЪ СТАРУЮ РУССУ ¹⁾.

IV.

Мой день.—Новыя встрѣчи и знакомства.

АВОНЪЕВЪ, который почему-то почувствовал ко мнѣ большую симпатію, настойчиво убѣждалъ меня держаться опредѣленнаго и строгаго режима.

— Это необходимо; напишите распределение дня и держитесь неукоснительно.

— Неспособенъ я,—возражалъ я на это:—всякія программы, какія я намѣчалъ, оставались неисполненными. Не нѣмецкая, а настоящая славянская у меня натура, хотя въ крови и есть капля крови энергичнаго охотничьяго племени.

Однако, я старался все-таки придерживаться нѣ- котораго режима, если хотите. Самое трудное для меня—встать рано. Въ шесть часовъ быть уже въ паркѣ для Забонѣва считалось правиломъ. Для меня это было не мыслимо. Раза два я вставалъ рано, но обыкновенно просыпался около восьми.

Въ половинѣ девятаго, въ девять, я уже шелъ пить газированную воду.

При входѣ въ паркъ, въ началѣ крытой галлерей, идущей по берегамъ озера, находится стеклянный восьмигранный павильонъ;

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIX, стр. 840.

въ немъ размѣщены оранжерейныя растенія. Здѣсь и пьютъ газированную минеральную мѣстную воду, а также и воды различныхъ заграничныхъ источниковъ.

Газированная вода прекрасно дѣйствуетъ на желудокъ. Ея цѣлебность обусловливается присутствіемъ въ ней солей: хлористаго натрія, магнія и сѣрно-кислаго натра, т. е. именно тѣхъ солей, которыми обусловливается эффектъ лѣченія и извѣстныхъ заграничныхъ водъ. Всѣмъ страдающимъ хроническимъ расстройствомъ пищеваренія и вялостью кишекъ вода приноситъ большую пользу.

Прежде не было въ курортѣ газированной воды. Пили прямо изъ источника. Теперь (съ 1890 г.) химическимъ способомъ выдѣляются изъ воды известковыя соли, а газированіе придаетъ водѣ пріятный вкусъ. Вода, взятая прямо изъ источника, очень невкусна и не совсѣмъ безвредна вслѣдствіе примѣси извести. Газированіе воды (а также и молока) производится подъ непосредственнымъ наблюденіемъ врача-химика, завѣдующаго лабораторіей курорта.

Въ павильонѣ всегда публика. Каждый (или вѣрнѣе большинство) имѣетъ свой стаканъ. Въ павильонѣ продаются кружки съ изображеніемъ Муравьевскаго фонтана. Многіе пьютъ воду залпомъ, спѣшно, а другіе ее цѣдятъ, словно ликеръ. Но она, во всякомъ случаѣ, не на столько вкусна, чтобы пить ее медленно, смакуя.

Выпивъ положенную порцію воды я отправлялся гулять по парку, а въ дождливую погоду— по устроенной вокругъ озера довольно изящной галлерей.

Погулявъ минутъ пятнадцать (что, впрочемъ, для пьющихъ воду изъ мѣстнаго источника не обязательно), я шелъ домой. Меня уже ждалъ самоваръ, и я пилъ чай или чаще всего кофе. Пилъ я на балконѣ, и въ это время просматривалъ газеты прошлаго дня (газеты мнѣ доставлялись обыкновенно около 2-хъ часовъ по полудни и позже). Голуби прилетали и садились на перила. Скоро голуби стали на столько смѣлы и довѣрчивы, что ходили по балкону, по столу, брали хлѣбъ прямо изъ рукъ. Одинъ изъ нихъ, влетѣвъ въ комнату, начиналъ ходить по полу, потомъ взлеталъ на письменный столъ и принимался ворковать. Я кормилъ его. Слетались воробьи и вороны. Почти всѣ дачники кормили птицъ, такъ что тѣ прекрасно знали, кто когда пьетъ чай, обѣдаетъ, и прилетали къ этому времени.

Послѣ чая (или кофе) я читалъ что нибудь, потомъ шелъ «на музыку». Тутъ собирались почти всѣ. У публики были свои любимцы среди музыкантовъ. Не обошлось и безъ шалостей Амура. Я ходилъ иногда «на музыку» для того, чтобы повидаться съ кѣмъ нибудь изъ знакомыхъ, побесѣдовать; не безынтересно было и наблюдать за обычными романами курортнаго характера. Это совсѣмъ своеобразныя романы: краткіе, легкіе, pour passer le temps; впрочемъ, здѣсь часто упражняется и практикуется молодость, и

дострѣливаетъ послѣдніе заряды много пожившая старость. Несомнѣнно неровные по лѣтамъ браки были бы гораздо болѣе тяжелыми, если бы не существовало курортовъ. Съ этой точки зрѣнія наши курорты еще не описаны такъ, какъ морскія купанья—у Зола. Однако, надо замѣтить, что «Старорусскія воды» носятъ болѣе семейный характеръ, и курортная хроника не изобилуетъ кричащими фактами романическаго оттѣнка...

Утромъ музыка играетъ отъ 11 до часу.

Въ часъ я отравлялся брать ванну. Послѣ ванны опять прогулка и обѣдъ. Въ ресторанѣ обѣдаешь невольно долго... То одинъ, то другой знакомый... Къ тебѣ подойдутъ, ты подсядешь... Разговоры, рассказы, обычные анекдоты... Образовались группы. Группами и обѣдали. Особенное оживленіе было за столомъ, гдѣ обѣдали артисты, литераторы... Когда я ѣхалъ въ Руссеу, я думалъ: вотъ-то буду скучать... какіе знакомые. И вдругъ—ихъ оказалось множество. Прежде всего нѣсколько литераторовъ: С. Н. Шубинскій, Скабичевскій, Песковскій (наѣздомъ), М. П. Оедоровъ, редакторъ «Новаго Времени», Венгеровъ, Борисовъ, сотрудникъ дѣтскихъ журналовъ, Шевляковъ, Пав. И. Вейнбергъ, извѣстный рассказчикъ еврейскихъ сценъ. На нѣсколько дней пріѣзжали: В. П. Острогорскій, Глинскій, Скроботовъ. Было нѣсколько педагоговъ, изъ которыхъ С. З. Бураковскій, хорошо извѣстный въ литературѣ своими трудами, лѣчилъ цѣлый сезонъ. У него я встрѣтился и познакомился съ А. В. Павловымъ, авторомъ учебниковъ. Случайно встрѣтилъ даже двухъ земляковъ: одинъ изъ нихъ пріѣхалъ изъ Вологды лѣчиться, а другой—товарищъ по гимназіи—служить врачомъ въ Руссѣ.

Наговорившись съ пріятелями и знакомыми, я шель домой пить чай и отдыхать. Потомъ—опять на музыку, снова бесѣды въ пріятельскомъ кружкѣ, а около девяти часовъ вечерній чай и—спать.

Вотъ ординарный мой день. Какъ исключеніе—театръ, концертъ, загородная поѣздка.

Забонѣевъ былъ радъ.

— Вотъ это хорошо. Вотъ это значить лѣчиться. А то—каждый день за полночь... Кутить можно въ Питерѣ, зимой... А здѣсь надо поправляться.

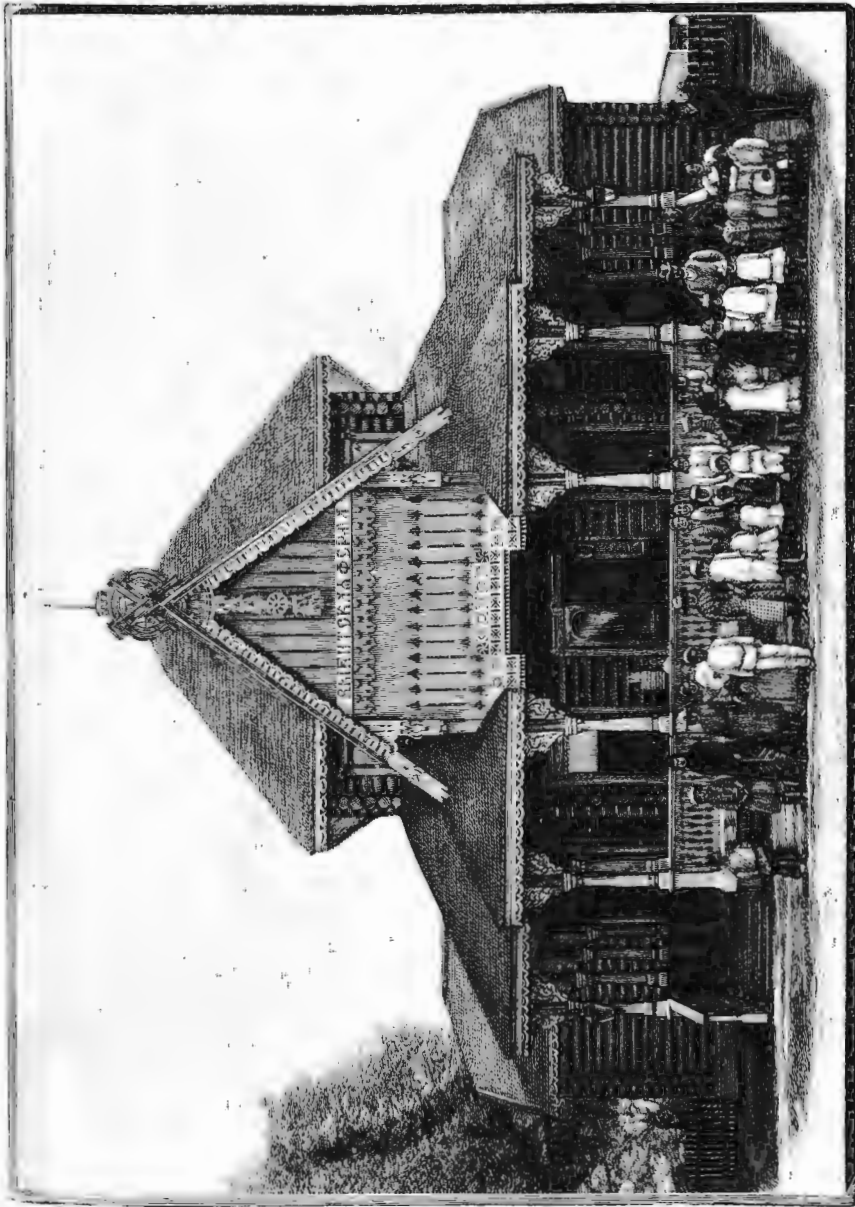
И если кто нибудь звалъ меня поздно въ паркъ, упрекалъ, что я рѣдко посѣщаю театръ, Забонѣевъ, волнуясь, говорилъ:

— И отлично! Нечего полуночничать! Не смущайте его!

Полковникъ, съ которымъ я ѣхалъ отъ Петербурга до Чудова, поддерживалъ Забонѣева, но прибавлялъ:

— Изрѣдка отчего же... а то съ нѣмецкой акуратностью можно повѣситься!

Я и самъ это думалъ.

Молочная ферма на минеральных водахъ въ Старой Руссѣ.

О прїѣздѣ М. П. Федорова меня раньше всѣхъ извѣстилъ парикмахеръ.

— А сюда редакторъ «Новаго Времени» ѣдетъ,— сообщилъ онъ.

— Почему знаете?

— Актеры говорили.

Актеры ухаживали за М. П., какъ за «хорошенькой дамой». Антрепренеръ умильно улыбался. Одна изъ театральныхъ дамъ, уже пожилая, но пикантная, заискивавшая все время у одного вліятельнаго старичка, оставила его и начала стрѣлять глазами въ добродушнаго редактора, котораго осадилъ и «они» и «онѣ».

Больной, но необыкновенно веселый и остроумный П. И. Вейнбергъ подтрунивалъ надъ коллегой, который и самъ смѣялся шуткамъ Павла Исаевича.

Въ одинъ изъ дождливыхъ дней, когда музыка играла въ концертномъ залѣ, я познакомился съ отставнымъ флотскимъ офицеромъ, который обратилъ мое вниманіе своими замѣчаніями по поводу игры.

— И это музыка... какая—это музыка!..—говорилъ онъ раздраженно.

— Вамъ не нравится?

— Помилуйте, какому болвану можетъ она нравиться!

Послѣ такой фразы я, конечно, не нашелъ возможнымъ спорить съ сосѣдомъ.

Онъ помолчалъ и добавилъ:

— Лучше бы совсѣмъ не нанимать оркестра, чѣмъ такой... это крыловскіе музыканты.

Въ его словахъ не было и капли правды.

— Но, если не ошибаюсь, вы постоянно посѣщаете музыку,— рѣшился сказать я.

— Что же!.. Я плачу пять рублей... и не буду посѣщать? Шалите! За что же я плачу?

Я едва удержался отъ улыбки. Мнѣ припомнился прїятель, который съѣлъ три бутерброда, находя ихъ тухлыми.

— Зачѣмъ же ты ѣлъ?

— Вотъ еще! Но я заплатилъ деньги!

Отставной флотскій, назову его Мизогинимъ, отправился обѣдать вмѣстѣ со мною.

— Вы здѣсь постоянно обѣдаете?—спросилъ онъ меня.

— Постоянно.

— Ну-съ? Какъ находите?

— Отлично. За эти деньги такъ вы не поѣдите и въ Петербургѣ... Свѣжая провизія... На сливочномъ маслѣ...

— Пф!.. Навѣрное гадость!.. Пойду, попробую...

Онъ съѣлъ за одинъ столъ со мною.

Подали борщъ. Борщъ вкусный...

— Это не борщъ.. а какая-то гадость.. каша.. Чортъ знаетъ что такое!..— произнесъ Мизогинъ, однако съѣлъ всю порцію безъ остатка.

Ростбифъ онъ нашелъ жесткимъ.

— Зубы сломаешь!.. Подошва!

Но онъ скоро его съѣлъ и взялъ даже второй кусокъ.

— А еще что-съ?

— Мороженое...

— Извольте видить.. мороженое!.. Я воды пью...

— Можно замѣнить...

— Чѣмъ-съ?

— Неудобно ли лососины?—услужливо предложилъ лакей.

— Какая тамъ лососина... вонючая?

— Помилуйте!

Подали.. Онъ взялъ большой кусокъ. Лососина была прелесть. Я соблазнился тоже. Но Мизогинъ остался недоволенъ.

— Дрянъ!.. Навѣрное желудокъ разстрою себѣ!..

Принесли кофе.

— Полюбуйтесь!.. Меньше-то чашекъ не нашли?—ядовито обратился онъ къ лакею.

— Въ кофейникѣ больше чашки.

— Народъ!.. Все бы имъ сорвать!..

Я не утерпѣлъ:

— Послушайте, ну, чего вы волнуетесь: за 75 копеекъ вамъ дали три блюда—сытныхъ, вкусныхъ и кофе...

Онъ накинулся на меня.

— А вамъ это кажется милостью? Да такой обѣдъ и двугривеннаго не стоитъ... Я обѣдаю у хозяйки... Она за сорокъ копеекъ кормитъ отлично!..

Мизогинъ не исключеніе. Есть люди, на которыхъ ничѣмъ не угодишь... Имъ все—скверно. Особенно они раздражаются, когда приходится платить. Имъ кажется, что за рубль они имѣютъ право требовать обѣдъ чуть ли не съ шампанскимъ... Больные люди раздражительны. Но тутъ уже нѣтъ оправданія. Это просто скверная привычка все хулить, на все брюзжать. Въ этомъ все счастье ихъ жизни, вся улада. А въ выраженіяхъ русскій человѣкъ не стѣсняется. Послушайте такого Мизогина: онъ все охаетъ, и если вы ему вѣрите, вы не поѣдете въ самый лучший курортъ... То же другой экземпляръ. Пусть будетъ онъ N. Встрѣчаюсь какъ-то. Ругаетъ Руссу.

— Чортъ сунуль меня ѣхать!

— А что?

— Гадость! Лучше бы туда-то...

— Вы для себя?

— И для себя, и для жены, и для сына...

И что же?

Самъ онъ расплылся въ ширь, жена вылѣчилась отъ своей болѣзни, у сына улучшилось питаніе, и прошелъ лишай.

Кажется, чего бы еще! Нѣтъ!.. Надо бранить... Душу отводить человѣкъ и доволенъ. А на другой годъ опять ѣдетъ...

— За чѣмъ же?

— Да чортъ знаетъ...

Таковъ русскій человѣкъ! Онъ брюзжитъ, бранится, когда стѣить и не стѣить. А на серьезный протестъ, когда нужно,—его не хватаетъ...

V.

Холодное купаніе.—Грязное озеро.—Добываніе грязи.—Солдатскій бассейнъ.—Старыя ванныя зданія.—Старорусская оранжерея.—На фермѣ.—Въ номерѣ у полковника.—Фактъ, похожій на анекдотъ.

По окончаніи полнаго курса лѣченія теплыми ваннами, нѣкоторые больные купаются въ озерѣ. Многіе пріѣзжаютъ нарочно только для подобнаго купанія. Мой сосѣдъ, напримѣръ, ежедневно два раза купался въ озерѣ.

— Вы и не принимаете ваннъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ. Мнѣ врачъ сказалъ, что теплыя ванны мнѣ не нужны, даже вредны... Мнѣ надо именно для укрѣпленія нервовъ купанье въ озерѣ.

Отъ избытка двухъ источниковъ — Директорскаго и Верхняго (Верхнимъ озеромъ называется то, по берегу котораго устроена крытая галлерей), образовались два озера; вода въ нихъ поддерживается на извѣстномъ уровнѣ посредствомъ шлюзовъ. Изъ этихъ двухъ озерковъ — большое, именуемое Нижнимъ, считается главнымъ, изъ него и добывается лѣчебная грязь. Въ Нижнемъ озеркѣ отгорожено для купанья мѣсто. Здѣсь выстроена купальня, имѣющая два отдѣленія: мужское и женское. Изъ перваго есть выходъ прямо въ озерко. Ящика въ купальнѣ — нѣтъ. Температура воды колеблется отъ 9° до 15°.

Добываніе грязи отдано подрядчику, которому платится 215 рублей въ лѣто. Подрядчикъ нанимаетъ уже отъ себя рабочихъ, которые заняты добываніемъ грязи съ утра и до полночи.

Грязь черпаютъ такъ: мужики съ тачками ѣдутъ на середину озера по деревяннымъ мосткамъ и черпаками (большими плоскими шайками на длинныхъ шестахъ) скребутъ иль со дна озера. На берегу, у приѣмника находятся женщина (черпочка) и еще работницы, подносящія грязь къ номерамъ ванныхъ зданій. Эти работницы получаютъ по 10 рублей въ мѣсяцъ, на всемъ своемъ. Трудиться имъ приходится отъ 6 часовъ утра до 7 вечера.

Мнѣ очень хотѣлось покупаться въ озерѣ, но температура воды была очень низкая; къ тому же я бралъ теплыя ванны.

Военные въ этомъ отношеніи болѣе счастливы. Новой дирекціей выстроено прекрасное зданіе для купанья нижнихъ чиновъ. Здѣсь два бассейна, въ каждомъ изъ нихъ сразу можно купаться ста человѣкамъ... Устроены тепловыя ванны, а также особое отдѣленіе для сифилитиковъ. Это большое зданіе состоитъ изъ пяти от-

Школа имени Ф. М. Достоевскаго въ Старой Руссѣ.

дѣльныхъ корпусовъ, вѣеромъ примыкающихъ къ центральному залу въ 60 кв. сажень. Въ двухъ боковыхъ помѣщеніяхъ—бетонныя бассейны. Вода въ нихъ проведена по трубамъ изъ Верхняго соленаго озера, откуда, поступая самотекомъ, наполняетъ бассейнъ въ полтара часа. Вода нагрѣвается двумя мѣдными, вмазанными въ кирпичную печь, трубчатыми котлами, сообщающимися съ бассейномъ посредствомъ мѣдныхъ трубъ; по этимъ трубамъ вода постоянно циркулируетъ изъ котловъ въ бассейны.

— Сколько же человѣкъ можетъ въ день выкупаться здѣсь?—
полюбопытствовалъ я.

— Да до 400 человекъ, потому что при такой системѣ питанія бассейновъ водой, согрѣванія, выпуска отработанной воды и мытья изъ бассейновъ они служатъ для купанья два раза въ сутки.

Изъ солдатскаго бассейна мы пошли осматривать различныя ванныя зданія. Всѣхъ ихъ семь.

Самое новое—седьмое, о которомъ я уже упоминалъ. Въ этомъ же зданіи находятся кабинеты для электрическаго лѣченія и для измѣренія вѣса больныхъ. Взвѣшиваются при началѣ лѣченія и по его окончаніи. Впрочемъ, это дѣлаютъ не всѣ. Я не взвѣсился сначала, а потомъ уже не счелъ удобнымъ. Да и трудно было попасть къ извѣстному часу. Студентъ, завѣдующій взвѣшиваніемъ, приходитъ на короткое время. Остальную часть дня онъ занятъ другими дѣлами: онъ завѣдуетъ метеорологической станціей и работаетъ также въ химической лабораторіи, вмѣстѣ съ врачомъ-химикомъ.

Шестое зданіе также изъ новыхъ. Оно немногимъ уступаетъ седьмому; здѣсь—отличный душъ и паровыя ванны.

Изъ старыхъ зданій самое плохое—пятое. Это что-то невозможное. Вообще старыя зданія нужно какъ можно скорѣе уничтожить. Деревянныя ванны, въ которыя вѣлась грязь, таковы на видъ, что не хочется въ нихъ садиться. Впрочемъ, деревянныя ванны только во второмъ классѣ, а въ первомъ онѣ замѣнены терассовыми.

— Ну, Сергѣй Васильевичъ, эти ванны плохи,—сказалъ я директору.

— А развѣ я говорю: хороши?—произнесъ онъ.—Я и самъ знаю, что плохи. И не скрываю. Когда показываю—то же говорю... Какъ только деньги... сейчасъ же перестроимъ... Иные жалуются... скверно, говорятъ... Вотъ вамъ и новая дирекція, казенное управленіе! Но развѣ можно сразу? гдѣ такія деньги?

За старыя ванны сильно достается дирекціи.

— Помилуйте!.. Развѣ можно въ такой ваннѣ купаться?.. Сѣсть нельзя въ нее!—кричала одна дама.—Я не какая нибудь, а жена статскаго совѣтника!..

Женѣ статскаго совѣтника предложили перейти въ новое зданіе.

— Ни за что! Съ какой стати! Я перейду... а другія! Это потому мнѣ предлагаютъ, что я не какая нибудь... а другіе? Всѣхъ переводите!

— Но нѣтъ мѣстъ.

— Новыя зданія стройте!

— Выстройтся—нельзя сразу.

Но жена статскаго совѣтника хотѣла, чтобы ванныя зданія были выстроены въ одну ночь, по щучьему велѣнію.

— Ванны скверны, а танцевальный залъ выстроенъ!.. на что это походить!—возмущался Мизогинъ.

— Но танцевальный залъ необходимъ. Онъ помѣщался въ кур-

залѣ, и слышались жалобы отъ больныхъ, жившихъ въ номерахъ. Они говорили, что имъ не даютъ спать, когда танцуютъ, и музыка играетъ. И это вполне справедливо.

Мизогинъ сначала что-то проворчалъ на это, потомъ воскликнулъ:

— Ну, и залъ нуженъ и ванны нужны... Пусть больше дадутъ денегъ.

Да, это вѣрно. Нужно не поскупиться министерству внутреннихъ дѣлъ и отпустить надлежащую сумму, чтобы поднять воды и поставить ихъ какъ слѣдуетъ. Что могла сдѣлать дирекція, она сдѣлала. Курорта нельзя узнать, это—фактъ. Паркъ очищенъ, осушенъ, выстроены новыя ванныя зданія, Муравьевскій источникъ превращенъ въ фонтанъ; выстроены молочная ферма, танцевальный залъ, красивый ресторанъ, стеклянный павильонъ, гдѣ пьютъ воду, обширное зданіе съ бассейнами для солдатъ; улучшены номера, сооруженъ новый водопроводъ для минеральной воды; гнилая галлерей замѣнена новой; бібліотека расширена; созданы метеорологическая станція, электрическій кабинетъ, лабораторія для производства ученыхъ работъ по изслѣдованію воды. И при всемъ этомъ плата за лѣченіе уменьшена!

Неужели этого мало?

Но ничего этого гг. Мизогинны не хотятъ видѣть. Они видятъ только еще оставшіяся старыя ванныя зданія.

— А номера, номера въ курзалѣ?—напалъ на меня какъ-то Мизогинъ, поддерживаемый какой-то дамой.

— Что номера?

— Чертовски дороги! Богачи могутъ жить только! Вотъ что главное.

— Вѣдь вы говорили: ванны главное.

— Ну, ванны и... номера!

— Вѣдь и безъ номеровъ пріѣзжіе все-таки устраиваются... Но о номерахъ и думаетъ дирекція... я спрашивалъ.

— Ну, и когда же?

— Зависитъ отъ средствъ.

Но развѣ гг. Мизогинныхъ въ чемъ нибудь убѣдите? Они будутъ кричать и, если можно, писать въ томъ же духѣ. Одни Мизогинны такъ поступаютъ просто потому, что «больны печению», или видятъ усладу въ ворчаньи, а другіе съ очень понятною цѣлью.

— А теперь я вамъ покажу то, что васъ приведетъ въ восторгъ!—сказалъ мнѣ Забонѣвъ, большой любитель цвѣтовъ.

Я вспомнилъ его слова объ оранжереѣ и сказалъ:

— Вѣроятно, теплицы? да?

— Да... теплицы, питомники. Ну, словомъ, въ царство цвѣтовъ васъ поведу.

Да, это дѣйствительно царство цвѣтовъ и цвѣточное богатство.

Въ 1890 г. новое управленіе приняло всего 1.462 растенія,

стоимостью на 2.360 рублей. А теперь составъ растений и ихъ стоимость такова: 1) 22.000 экземпляровъ растений, между которыми есть очень цѣнные, рѣдкіе (ананасовъ болѣе 500 экземпляровъ) и 2) около 12.000 розановъ въ культурѣ; половина изъ нихъ съ высокими штамбами, цѣнностью до 6.000 рублей. Все цвѣточное богатство оцѣнивается въ 25 тысячъ рублей.

Питомникъ занимаетъ около $\frac{1}{2}$ дес. обработанной почвы. Кустарниковъ и деревьевъ для мѣстнаго парка и бульвара на сумму около 10.000 рублей.

Цвѣты охотно раскупаются. Общая сумма, вырученная отъ продажи, достигаетъ 2.000 р. Между тѣмъ на все дирекціей затрачено только около 3.000 рублей.

Я не вѣрилъ сначала, но это оказалось фактомъ: цвѣты въ горшкахъ выписываются изъ Руссы въ другіе города.

Цвѣтникомъ остался доволенъ даже Мизогинъ. Но онъ все-таки прибавилъ:

— Вздорь!

Полковникъ сталъ звать меня и Забонѣва къ себѣ въ номеръ, попить чайку.

Я согласился.

— Только зайдѣмъ на ферму... я выпью газированнаго молока,— сказалъ Забонѣвъ.

— Ну, вотъ! Чай и молоко... зачѣмъ же это! — воскликнулъ полковникъ.

— Я люблю его... Не беспокойтесь, чай я буду пить.

Я еще не пробовалъ газированнаго молока и охотно согласился завернуть на ферму.

— А я пойду къ себѣ... Смотрите же—жду!—сказалъ полковникъ. Мы проводили его до курзала.

Курзаломъ и Муравьевской галлереей паркъ дѣлится на двѣ неравныя части. За курзаломъ — расположена бѣльшая часть. Она начинается непосредственно за Муравьевской галлереей. Изъ двери Муравьевскаго павильона вы вступаете въ новый цвѣтникъ, среди котораго возвышается колоссальная каменная ваза съ цвѣтами, свѣшивающимися черезъ ея края. Они окружены низенькой изгородью и небольшимъ газономъ. Сюда обращена задняя сторона курзального дома. Лужайка пересѣкается поперегъ широкой провѣзжей дорогой, за которой идетъ паркъ.

Здѣсь, налѣво, въ нѣкоторомъ отдаленіи расположенъ театръ, очень красивое деревянное зданіе, легкой архитектуры въ русскомъ вкусѣ. Направо—длинное строеніе, въ которомъ помѣщаются фотографія и часовой магазинъ. Тутъ еще растительность не слишкомъ густа, открывая мѣсто для площадки дѣтскихъ игръ. Въ центрѣ площадки—гигантскіе шаги. Позади—гимнастическія лѣстницы, столбы для лазанья, веревки для этой же цѣли, одиночныя

качели и т. д. Отсюда уже начинается царство зелени и тѣни. Въ жаркій день—здѣсь хорошо. Есть гдѣ укрыться отъ палящаго зноя. Деревья—гиганты, аллеи—широкія, содержимыя въ образцовомъ порядкѣ.

Углубляясь въ паркъ, въ прямомъ направленіи отъ гигантскихъ шаговъ, вы встрѣтите конечную круговую аллею, за которой раскинулось колыхающееся море высокой травы. Этотъ зеленый просторъ ласкаетъ пріятно взоры. Вы идете далѣе, и вправо разли-

Домъ Ф. М. Достоевскаго въ Старой Руссѣ.

чаются силуэты новыхъ зданій. Одно изъ нихъ—высокая бесѣдка, а другое—ферма.

Ферма съ фасада—большое красивое зданіе въ голландскомъ вкусѣ, съ обширной террасой внизу. Надъ серединой террасы возвышается рѣзное украшеніе съ выѣской: «Выбитская ферма»,—надъ которымъ господствуетъ вышка въ 2 окна, съ тяжелой крышей, словно нахлобученной на эту вышку въ видѣ шапки и сообщающей вышкѣ, если такъ можно выразиться, слѣпой видѣ.

— Люблю я здѣсь гулять,—сказалъ Забонѣвъ... Рано утромъ прихожу сюда, пью молоко и гуляю... А вы?

— Я тоже люблю эту часть парка... именно въ полдень...

Насъ ждало разочарованіе. Дѣвушка подала бутылку молока и сказала, что больше нѣтъ.

— Какъ такъ?

— Не хватаетъ... Многіе пьютъ...

— Ну, давайте скорѣе, а то совсѣмъ останемся безъ молока. Видите, какой расходъ... Значить, вкусно.

Газированное молоко дѣйствительно вкусно. У него какой-то особенный вкусъ. Оно не напоминаетъ кумыса изъ коровьяго молока. Замѣчательно пріятная свѣжесть. Надо его попробовать,— объяснить трудно. Оно мнѣ очень понравилось, и я сталъ съ этого дня часто заходить на ферму для питья газированнаго молока. Нужно было захватывать. Его быстро разбирали.

— Свои коровы?—спросилъ я у дѣвушки.

— Какже-съ... За фермой и скотный дворъ... Тамъ много коровъ... Не видѣли?

— Нѣтъ...

— Крупный скотъ... Хорошій... Но все-таки не хватаетъ молока... Требованіе сильное...

Когда мы пришли въ номеръ къ полковнику, самоваръ уже былъ на столѣ.

— А я заждался васъ... Мой юноша ушелъ играть въ крокетъ. Садитесь...

Я окинулъ взглядомъ номеръ.

Высокая, свѣтлая комната, обставленная на манеръ лучшихъ столичныхъ гостинницъ... Заново обитая мебель, письменный столъ.

— У васъ прекрасный номеръ, полковникъ,—сказалъ Забонѣевъ.

— Да, недурной... Окна въ садъ... Я часто отсюда и музыку слушаю... Ну, и чистота... Впрочемъ, мой не лучшій... У генерала N.—еще лучше. Тамъ три комнаты. Я плачу 70 рублей въ мѣсяць, а онъ 150 рублей. Дорого, но хорошо! Сколько воздуха! Всѣ удобства... Палаццо—положительно!.. Вы какъ любите? крѣпкій чай?—вдругъ круто переѣннилъ рѣчь полковникъ.

За чаемъ говорили о томъ, о другомъ... Забонѣевъ оживился...

Полковникъ рассказалъ какой-то случай изъ своей жизни.

— Да, вспомнилъ я, за вами еще одинъ анекдотъ!—сказалъ я Забонѣеву.

— Какой анекдотъ?

— А помните... на музыкѣ общали... Въ первый день пріѣзда...

— Ахъ,—воскликнулъ смѣясь онъ,—да, да... помню... Но зачѣмъ анекдотъ... Это—фактъ... Полковникъ, чуръ не обижаться... фактъ изъ военнаго быта... и фигурируетъ полковникъ...

— Сдѣлайте одолженіе!.. На всякое чиханье не наздравствуешься... За всякаго полковника не насердишься... Пожалуйста... Я къ тому же—отставной.

— Прекрасно... Извольте въ такомъ случаѣ.

Одинъ полковникъ остался недоволенъ исполненіемъ какой-то пьесы. Исполнялъ, конечно, солдатскій оркестръ. Вышелъ изъ себя полковникъ и велѣлъ позвать музыкантовъ. Тѣ пришли. Полковникъ разнесъ и сталъ «по-своему» доискиваться виновныхъ. Онъ вызвалъ впередъ всѣ первые «голоса» и велѣлъ имъ играть. Заиграли. Вслушивается полковникъ. Выходитъ весь мотивъ.

— Ладно все у васъ,—съ видомъ знатока сказалъ онъ.—Уходите. Вытребованы вторые «голоса».

— Играть!

Мотивъ вышелъ, но съ пробѣлами.

— Что-то не тово... не совсѣмъ ладно... Ну, да ничего... Эй, вы! Вышли барабанщики, литавристы и контрабасисты.

— Играть!

— Бумъ, бумъ! Тррахъ-тахъ! Бумъ, бумъ!..

— А, мерзавцы! вотъ вы-то и портили дѣло!—закричалъ полковникъ.—Подъ арестъ ихъ!..

Забонѣвъ шуточно поактерски раскланялся.

— Послушайте, это же анекдотъ!—сказалъ хозяинъ... Не могло этого быть!

— Фактъ, фактъ!—произнесъ Забонѣвъ.—Да что вы: мало ли антиковъ!.. Вѣдь Русь матушка... Не даромъ у нея «особенная статья»...

— Скажите, какой либераль!—промолвилъ полковникъ, улыбаясь.

VI.

Дѣтскій праздникъ.—Иллюминація.—Въ танцевальномъ залѣ.

Директоръ любитъ дѣтей. Я, кажется, уже говорилъ объ этомъ. Не знаю, ему или кому другому пришла мысль повеселить дѣтей, устроить для нихъ праздникъ, но только онъ дѣятельно принялся за реализацію этого дѣла.

Между нами состоялась маленькая складчина. С. Н. Шубинскій взялъ на себя роль помощника устроителя и подбилъ многихъ на подписку.

Я, въ качествѣ друга и писателя для «маленькаго народа», могъ только одобрить новую «хорошую затѣю» и былъ радъ за ребята. Конечно, программу праздника можно было бы и расширить, но... «по одежкѣ надо протягивать ножки».

Дѣтскій праздникъ состоялся 15 іюля. Но о немъ уже знали раньше, и дѣти съ нетерпѣніемъ ждали его.

Насталъ этотъ день.

Къ полудню въ ворота парка повалила густая толпа народа... Тутъ были не только лѣжившіеся, для дѣтей которыхъ собственно устраивался праздникъ, но также и старорусскіе обыватели. Они были даже въ подавляющемъ количествѣ. Здѣсь кстати замѣтить, что обыватели, не имѣющіе права посѣщать паркъ во время музыки, преспокойно являются въ опредѣленные часы и занимаютъ половину скамеекъ на площадкѣ, передъ музыкальной эстрадой. Особенно въ праздники и въ воскресенья... Расфранченныя мѣщаночки и чиновницы сидятъ на диванчикахъ, а пріѣзжіе, имѣющіе сезонныя билеты, нерѣдко принуждены стоять...

— Зачѣмъ вы ихъ пускаете?—замѣчалъ я.

— А какъ не пустить? Вѣдь паркъ не огороженъ... Ну, у нѣкоторыхъ входовъ можно поставить сторожей... А сзади? Тамъ иди сколько угодно! А во время музыки... за шиворотъ что ли ихъ тащить?

Заранѣ знали, что на дѣтскій праздникъ наберется много ребятъ, не имѣющихъ собственно права участвовать въ играхъ. Но жаль было лишать мелюзгу удовольствія: пусть де веселится маленькая публика!...

И взрослые и дѣти были разодѣты попраздничному. Толпа собралась у газона (моря колыхавшейся травы уже не стало: траву скосили!), вблизи фермы. Въ высокой бесѣдкѣ расположился оркестръ.

Праздникъ начался.

Онъ открылся танцами. Распорядители установили на лугу дѣтей въ пары. Ихъ обступилъ сейчасъ же кружокъ взрослыхъ зрителей. Грянула музыка, и дѣти закружились. Главный распорядитель, самъ директоръ, вносилъ много оживленія и веселости въ танцы дѣтей, руководя ими. Онъ шутилъ съ маленькой публикой, вызывая у нея взрывы неудержимаго смѣха. Далекое не всё дѣти умѣли танцовать. Но это не мѣшало. Они прыгали за другими—веселые и довольные. Въ танцахъ приняли участіе и взрослые. Эта смѣсь была устроена нарочно для примѣра и оживленія дѣтей. Нѣкоторые 15—16 лѣтніе кавалеры и дамы сначала стѣснялись танцовать съ маленькими; но, видя танцующими взрослыхъ, и они вышли изъ своего наблюдательнаго положенія и примкнули къ танцующимъ. Отсутствие всякаго принужденія сдѣлало то, что дѣтвора нисколько не стѣнялась и чувствовала себя совсѣмъ, какъ дома. Танцы кончились. Дѣти разобрали флаги, нарочно приготовленные для праздника, и подъ звуки марша, толпой направились на другой лугъ, гдѣ были устроены бѣга съ препятствіями.

Мѣсто было огорожено веревками и раздѣлено на извѣстныя пространства, на которыхъ установлены препятствія: 1) невысокій заборъ изъ ельника, 2) бочки безъ дна, лежавшія на боку, 3) снова заборъ изъ ельника и 4) рамы, обтянутыя бумагой. Дѣти были раздѣлены на партіи. Сначала были пущены мальчики. Первое пре-

Гостиный дворъ въ Старой Руссѣ.

пятствіе всё брали почти безъ труда; падали очень немногіе. Но у бочекъ произошла толкотня. Торопясь, дѣти падали, но не смущались, поднимались и бѣжали снова. Прорывъ бумаги въ рамкахъ доставлялъ особенное наслажденіе. Первымъ прибѣжалъ маленькій, бойкій гимназистикъ. Дошла очередь до дѣвочекъ. Здѣсь произошло не мало курьезовъ. Вотъ старшая сестра потащила за собою младшую. Въ ельникѣ маленькая растянулась и потеряла шляпу. Старшая остановилась, подняла шляпу и затѣмъ перетащила сестренку черезъ препятствіе. Въ бочку онѣ полѣзли вдвоемъ и застряли. Третья дѣвочка, бѣжавшая за ними, въ нетерпѣніи подталкивала ихъ флагомъ, съ которымъ не хотѣла разстаться, не смотря на запрещеніе бѣгать съ флагами. Партіи смѣнялись нѣсколько разъ. Надо было видѣть соревнованіе дѣтей. Крики и смѣхъ не смолкали ни на минуту.

Началась новая забава—прыганье въ мѣшкахъ.

Первыми прыгали мальчики. Они влѣзали въ мѣшки, и эти мѣшки имъ подвязывали подъ мышки. Три скакуна сразу свалились одинъ на другого, образовавъ живую кучу. Иные падали, успѣвъ сдѣлать нѣсколько прыжковъ. Но, поднявшись, дѣти скакали дальше, при общемъ хохотѣ публики. Смѣялись и сами скакавшіе.

— Теперь дѣвочки!—произнесъ распорядитель.

Онѣ замаялись.

— Дѣвочки не прыгаютъ въ мѣшкахъ!—сказала десятилѣтняя блондиночка, которой, видимо, хотѣлось попрыгать, но она стѣснялась.

Однако, нашлись между ними двѣ болѣе «смѣлыя». Онѣ подвязали себѣ мѣшки и—въ припрыжку! Примѣръ ихъ подѣйствовалъ на другихъ и сломилъ ихъ щепетильную стыдливость. Дѣвочки стала разбирать мѣшки на перебой. Онѣ скакали еще лучше мальчиковъ. Въ воздухѣ стоялъ несмолкаемый смѣхъ. Отъ всего сердца веселилась дѣтвора.

Въ другомъ мѣстѣ парка мальчики лазали по шестамъ, стараясь проявить какъ можно больше ловкости. Вотъ группа дѣтей занята новой игрой: мячикомъ надо попасть въ цѣль. Цѣлью служила изображенная на бумагѣ огромная голова, съ открытымъ ртомъ. Мячъ, брошенный прямо въ ротъ головы, проваливался на другую сторону цѣли. Вся трудность заключалась въ томъ, что мячикъ надо было подбрасывать лопаткой, какая употребляется при игрѣ лаунъ-тенисъ. Здѣсь дѣти не проявили особенной ловкости.

Въ танцевальномъ залѣ были устроены три елки.

— Лѣтомъ елки?—удивлялась какая-то дама.

— Такъ что же?—возразили ей:—развѣ елки лѣтомъ не могутъ быть устраиваемы?

Дѣти потянулись въ залъ. Между дѣтьми обратилъ на себя мое

вниманіе хорошенькій мальчикъ, который не особенно твердыми шагами двигался по дорожкѣ парка, заботливо охраняемый матерью и еще какой-то женщиной.

— Большой?

— Да... Когда привезли, совсѣмъ не ходилъ... а вотъ началъ теперь...

Посреди зала стояла большая елка, а по бокамъ двѣ малыя. Всѣ три елки были пестро разубраны фольгой, жестяными полумѣсяцами, звѣздами, мѣшечками со сладостями и игрушками.

Гулъ голосовъ наполнилъ залъ. Словно жужжалъ рой пчель.

Распорядитель прошелъ къ эстрадѣ, гдѣ стояла ваза съ призовыми билетами. За нимъ двинулась толпа, сдавила и чуть не смяла его. Многіе изъ взрослыхъ самовольно расхватили билеты и принялись обирать елки.

— Позвольте, позвольте,—остановили одного ретиваго папашу:— нельзя такъ!..

— Какъ нельзя? Я деньги платилъ... участвовалъ въ подпискѣ, а между тѣмъ нельзя?

Это была нахальная ложь.

— Позвольте узнать, сколько вы внесли?—вмѣшалось въ разговоръ лицо, хранившее подписной листъ.

— Пять рублей.

— Ваша фамилія?

Онъ назвалъ какую-то еврейскую фамилію.

— Вы ничего не вносили... Я собиралъ деньги.

Оказалось, что господинъ съ еврейской фамиліей даже и не изъ лѣчащихся, а пріѣхавшій гостить къ обывателю-брату. Между тѣмъ подписка состоялась среди небольшого кружка лицъ.

Взрослые оказались безцеремоннѣе дѣтей!

Раздача призовъ происходила въ паркѣ. Выдавалъ самъ директоръ. Онъ выкрикивалъ номера и вручалъ сладости, игрушки по билетамъ. Большія корзины опоражнивались быстро. Развеселившіеся ребятки неохотно разбрелись по домамъ. Но они шли довольные, счастливые. Многіе возвращались, высоко неся флаги. Эти флаги долго развѣвались на балконохъ и въ окнахъ квартиръ.

Дѣтскій праздникъ—большая любезность администраціи водъ, результатъ добрыхъ желаній кружка лицъ, стоящаго болѣе или менѣе близко къ дирекціи. Самыя большія жертвы сдѣланы директоромъ. Но господа Мизогины не могли не заявить своихъ претензій. Имъ казалось, что мало было подарковъ, что... ну, словомъ они остались недовольны.

— Да развѣ ктонибудь, и въ томъ числѣ дирекція, обязаны были устраивать дѣтское утро? Вѣдь это любезность, поймите! Надо быть благодарными.

Господа Мизогины остались при своемъ мнѣніи.

Кстати замѣтить, что дѣтямъ живется весело въ Руссѣ. Помимо игръ, праздника, для нихъ устраивалось нѣсколько спектаклей, съ приспособленными для ихъ пониманія пьесами. Нѣкоторыя дѣти и сами принимали участіе въ игрѣ.

Въ день именинъ государыни, т. е. 22-го іюля, былъ устроенъ, такъ сказать, праздникъ для взрослыхъ, хотя онъ не меньше удовольствія принесъ и дѣтямъ. Я говорю объ иллюминаціи. Она была роскошна.

Какъ только стемнѣло, начали зажигать фонарики. Черезъ нѣкоторое время красиво освѣтились всѣ зданія и галереи вокругъ Верхняго озера. На фронтонѣ Муравьевскаго павильона вырисовался черный транспарантъ, на которомъ красными буквами стояла надпись: «Боже, Царя храни!». Недурно выглядѣла музыкальная будка-раковина. Но лучше всего иллюминировано было озеро. Оно словно было опоясано по галереямъ двойнымъ рядомъ огней, отражавшихся въ водѣ. На колонкахъ галерей сверкали звѣзды. А стеклянный павильонъ (въ которомъ пьютъ газированную воду) казался какимъ-то волшебнымъ замкомъ отъ массы заливавшаго его огня: словно онъ весь былъ составленъ изъ самоцвѣтныхъ камней.

Въ общемъ картина была дѣйствительно величественная и поражающая. Такая иллюминація не всегда бываетъ и въ большихъ городахъ.

На озерѣ взвилась сигнальная ракета. Публика пришла въ движеніе.

— Сейчасъ начнется фейерверкъ!— послышалось восклицаніе.

И взрослые, какъ дѣти, повскакали на скамьи передъ музыкальной эстрадой, въ то время какъ другая часть публики напирала на рѣшетку у озера, заполняя собою галереи. На озеркѣ появился плотъ съ огромнымъ вензелемъ переплетенныхъ буквъ «М» и «А. III» съ короною на верху, красиво составленный изъ розовыхъ и бѣлыхъ огней. Плотъ медленно двигался по водѣ и позволилъ публикѣ достаточно налюбоваться красивымъ зрѣлищемъ. Повсюду раздавались восклицанія восторга. Когда вензель погасъ, началась красивая смѣна римскихъ свѣчей, колесъ, шутихъ, роговъ изобилія, мельницъ и т. п., съ неизбѣжною пальбою патроновъ. Эта пальба напугала самыхъ маленькихъ дѣтей, бывшихъ на рукахъ у нянекъ. Они раскричались, просясь домой. Няньки неохотно и съ ворчаньемъ удалились изъ парка. Каждый номеръ былъ исполненъ отчетливо, и фейерверкъ удался на славу. Онъ окончился довольно поздно. Публика повалила частью въ ресторанъ и размѣстилась на верандѣ, не смотря на сырость и свѣжесть вечера. Нервы у всѣхъ поднялись, никто не хотѣлъ уходить изъ парка. Вдругъ, среди общаго оживленія и шума на верандѣ раздался дружный взрывъ аплодисментовъ. Это благодарили и чествовали офицера-пиротехника, подъ наблюдениемъ котораго былъ

изготовленъ фейерверкъ. Онъ сконфуженно поднялся со стула и раскланялся съ публикой, послѣ чего, однако, послѣшилъ незамѣтно ступеваться.

Долго въ этотъ вечеръ не расходилась публика съ веранды. Сюда

Соборъ въ Старой Руссѣ.

же выбѣгали освѣжаться танцовавшіе въ залѣ, такъ какъ въ этотъ день былъ также назначенъ и танцевальный вечеръ.

Здѣсь кстати сказать о танцевальномъ залѣ.

Онъ—очень длинный, помѣстительный, въ два свѣта, съ паркетнымъ поломъ въ среднемъ отдѣленіи для танцевъ и съ обыкно-

веннымъ въ боковыхъ; двумя рядами легкихъ колоннъ онъ раздѣляется на три части. За колоннами, по бокамъ зала, во всю его длину, устроены возвышенія; здѣсь разставлены скамьи и стулья для отдыха танцующихъ и для проходящихъ съ ними. Въ залѣ можно танцевать парамъ 40 и, пожалуй, болѣе. Между колоннами висятъ деревянныя некрашенныя люстры со свѣчами. А со середины потолка спускаются два электрическіе фонаря, проволоки которыхъ задрапированы красной матеріей. Такая же драпировка украшаетъ окна зала. Стѣны его окрашены въ свѣтло-сѣрую краску, панели и бордюры—голубые, колонны—желтыя. Впереди устроена эстрада для музыкантовъ. Танцевальный залъ соединенъ съ двумя кабинетами ресторана.

Я рѣдко бывалъ, всего, кажется, два, три раза, на танцевальныхъ вечерахъ. Они начинаются поздно. Молодежь веселится беззаветно. Самая зеленая молодость отъ души... Я люблю, чтобы она веселилась... Весна жизни и дана человѣку для радостей. Жизнь не мало все-таки отравляетъ ее... Но мы и сами еще спѣшимъ отравить дни своей весны... Мы такъ любимъ эти «проклятые вопросы», старящіе человѣка преждевременно. Мы точно стыдимся беззаветнаго, бездумнаго веселья... Оттого такъ много молодыхъ стариковъ въ наше время. Когда я вижу молодую дѣвушку, играющую въ серьезность, словно стыдящуюся своего безпечнаго веселья, мнѣ всегда хочется сказать ей:

О, не стыдись, прелестный мой ребенокъ,
Своей безхитростной и милой болтовни...
Больныхъ, озлобленныхъ, скучающихъ съ пеленокъ—
И безъ тебя не мало въ наши дни!
Въ короткомъ платьицѣ иль въ курточкѣ философѣ
Торопится скорѣй такъ много развѣшить
Важнѣйшихъ теоремъ и мировыхъ вопросовъ,
Что некогда и жить!

Пріятно было видѣть отъ души веселившуюся молодежь. Пусть веселится юность, увлекается и любитъ... Только пусть все дѣлается искренно, какъ подобаетъ чистой юности. Но отвратительны эти безусые ловеласы, съ дѣланной улыбкой пресыщеннаго человѣка, рассматривающіе дѣвушекъ и смакующіе скоромные анекдоты о женщинѣ. Это уже гнилая юность, отъ которой нечего ждать въ будущемъ.

VII.

Мысль о составленіи «Спутника».—Первые слухи о холерѣ.—Мои поѣздки и прогулки для собиранія матеріаловъ.—У А. Г. Достоевской.—Братство св. Теодора Тирона и школа имени Достоевскаго.—Дѣтская лѣчебная колонія.—Концертъ въ ея пользу.

Муравьевскій фонтанъ, бьющій въ высоту на три сажени, ниспадаетъ въ обширный каменный бассейнъ мириадами серебристыхъ брызговъ. Въ жаръ сидѣть около него очень пріятно. Въ задней части павильона находится углубленіе, на подобіе комнаты, со скамьями по стѣнамъ. Я любилъ сидѣть поодаль нѣсколько и слушать своеобразный говоръ фонтана. Подъ этотъ говоръ сладко дремлетъ, особенно послѣ обѣда. Надо замѣтить, что сначала шумъ меня раздражалъ, но потомъ я свыкъся, и мнѣ сталъ нравиться этотъ шумъ воды. Вообще у фонтана сидѣть было пріятно (о пользѣ я уже говорилъ). Здѣсь масса свѣта и солнца: передняя сторона павильона совершенно открыта; задняя закрыта: колпакъ крыши стеклянный, отчего вода разлетается согрѣтыми брызгами. Но что хорошо еще, такъ это—полный просторъ зрѣнію. Глазъ пріятно ласкаютъ раскинувшіеся цвѣтники передъ фонтаномъ.

Я сидѣлъ и отдыхалъ. Подошелъ Забонѣвъ.

— Знаете, что я сейчасъ слышалъ?—обращаясь ко мнѣ, промолвилъ онъ.

— Что?

— Дама какая-то говорила своей знакомой: «отчего, говорить, вѣтъ «Спутника» для ѣдущихъ на воды? Это, говорить, чисто русская халатность... Если бы за границей»... и т. д., и т. д., вы понимаете?

— Понимаю.

— И значить?

— Что значить?

— Да надо вамъ составить «Спутникъ».

— Почему же мнѣ?

— А почему и не вамъ? Вы сами лѣчитесь... Многое знаете... Еще узнаете... Я, думаю, дирекція не откажетъ въ данныхъ... Ну, и отлично! Не правда ли?.. Мысль не дурная?

— Пожалуй!

— Вы большую пользу принесете... А отчего и не послужить на благо больныхъ?.. Вѣдь это же не помѣшаетъ вашимъ работамъ... Или... вы найдете это... какъ поэтъ...

— Черной работой?

— Да.

— Вздоръ какой!.. Помните слова Бѣлинскаго, т. е. собственно Некрасова, но вложенныя въ уста Бѣлинскому: «Чернорабочій я,

не бѣлоручка!». И отчего беллетристу нельзя составить «Спутника»?.. На этотъ счетъ...

— Стало быть, вы будете составлять «Спутникъ»?— перебилъ Забонѣвъ.

— Подумаю.

Когда я сообщилъ «эту идею» знакомымъ, въ томъ числѣ и С. Н. Шубинскому, они всѣ одобрили. Я самъ понималъ, что въ «Спутникѣ» есть настоящая надобность... Скоро «о намѣреніи» составить «Спутникъ» узнали и нѣкоторые изъ больныхъ. Они также убѣждали меня не бросать намѣренія. Наконецъ, самъ директоръ одобрилъ мысль и обѣщался сообщить данныя, которыя необходимы для такой книги.

Тогда я рѣшилъ составить «Спутникъ».

Между тѣмъ появились первые холерные случаи въ городѣ. Это взволновало больныхъ. Нѣкоторые до того испугались, что уѣхали. Другіе посбирались, но остались. Холера выразилась пока слабо.

Я принялся за предварительныя работы. Набросалъ планъ и началъ собирать необходимыя свѣдѣнія. Они особенно понадобились для главы: «Какъ устроиться въ Руссѣ».

Я началъ осмотры квартиръ, меблированныхъ комнатъ и гостинницъ, чѣмъ и привелъ въ смущеніе ихъ хозяевъ. Они вообразили, что я негласно, «инкогнито», какъ выразился одинъ, осматриваю въ качествѣ какого-то члена комиссіи. Кто-то пустилъ даже слухъ, что я присланъ изъ Петербурга медицинскимъ департаментомъ, почему одинъ содержатель называлъ меня «г. докторомъ». Я старался разуверить и прямо объяснилъ мою цѣль. Но едва ли всѣ мнѣ повѣрили. Большую путаницу надѣлалъ мой извозчикъ, который, развѣзжая со мной по городу, говорилъ, что «я посланъ изъ Питера». Но иныхъ я увѣрилъ, они поняли мысль мою и высказали полное сочувствіе намѣренію «отпечатать путеводную книжку».

На осмотры и разспросы, очень подробные, у меня ушло не мало времени и труда... Мнѣ пришлось исколесить весь городъ и обойти весь рынокъ, посѣщая его по нѣскольку разъ, въ разные дни, чтобы составить вѣрное понятіе о цѣнахъ. Затѣмъ я дѣлалъ свѣрки, разспрашивая дачниковъ и обывателей. Я прочелъ все, что есть о Руссѣ, осмотрѣлъ все то, что сколько нибудь замѣчательно и имѣетъ значеніе или интересъ для пріѣзжаго больного человѣка или для лицъ, его сопровождающихъ. Я болѣе двухъ недѣль вращался въ мірѣ фактовъ и цифръ. Я невольно увлекся работой и такъ отдался ей, что нѣсколько даже нарушилъ «режимъ». Тогда Забонѣвъ напелъ нужнымъ «удержать меня», по его выраженію.

— Вы пишете, но не забывайте же и лѣченія...

Данныя были собраны, и я началъ ихъ приводить въ порядокъ.

Желаніе узнать кое-что о школѣ имени Достоевскаго и познаться съ вдовой покойнаго великаго романиста (котораго я лю-

Красный берегъ въ Старой Руссѣ.

билъ, какъ писателя, и уважалъ, какъ человѣка) заставило меня съ охотою принять предложеніе С. Н. Шубинскаго отправиться къ Аннѣ Григорьевнѣ Достоевской.

Она живетъ въ Петербургѣ, но по лѣтамъ пріѣзжаетъ въ Руссу, на мѣсяць, полтора, отдохнуть и провести нѣкоторое время въ томъ домѣ, гдѣ все полно воспоминаніями о Фѣдорѣ Михайловичѣ... Великій писатель въ послѣдніе годы своей жизни полюбилъ Руссу. Онъ прожилъ въ ней съ семействомъ нѣсколько лѣтнихъ сезоновъ подрядъ, нанимая квартиру сначала у священника Румянцева, а потомъ въ домѣ Гриббе. Въ Руссѣ же онъ прожилъ и зиму 1874—1875 года, но уже въ домѣ Леонтьева. Въ Руссѣ былъ написанъ имъ романъ «Подростокъ». Въ 1877 году Фѣдоръ Михайловичъ купилъ собственный домъ (Гриббе), находящійся на правомъ берегу рѣки Перерытицы. При домѣ недурной садъ. Покойный писатель заплатилъ за домъ всего 1.100 рублей. Теперь такой домъ въ Руссѣ стоитъ не менѣе трехъ тысячъ.

Въ комнатѣ, въ которой приняла насъ Анна Григорьевна, почти всѣ стѣны увѣшаны портретами Фѣдора Михайловича. Передъ вами Достоевскій въ разные годы его жизни... Очень жаль, что наши иллюстраціи не воспользуются и не дадутъ снимки со всѣхъ этихъ портретовъ. Тутъ же стоитъ столъ, за которымъ работалъ въ Руссѣ покойный писатель, и его кресло. Библіотеки нѣтъ, она вся передана сыну.

Я попросилъ Анну Григорьевну сообщить мнѣ о школѣ, и вотъ что узналъ я. Школа основана въ 1883 году, 30-го октября, и сначала помѣщалась въ домѣ Николаева. Она основана на пожертвованныя деньги самой Анной Григорьевной (3.000 рублей). Въ 1885 году, 9-го іюля, школа переѣхала въ свой домъ, выстроенный подлѣ Благовѣщенской церкви. Но этотъ домъ 8-го января 1890 года сгорѣлъ, и до 1892 года школа помѣщалась въ наемной квартирѣ. Въ 1892 году возникъ новый домъ на слѣдующія средства: 7.000 рублей получено отъ страхового общества, какъ премія, 1.000 рублей пожертвовала Анна Григорьевна и 300 рублей одно высокопоставленное лицо. Въ настоящее время у школы слѣдующіе доходы: 300 рублей ежегодно жертвуетъ Анна Григорьевна, 500 рублей святѣйшій синодъ, 250 рублей даетъ городъ, 100 рублей губернское земство, 50 рублей великій князь Константинъ Константиновичъ, 400 рублей санитарная колонія, которая помѣщается лѣтомъ въ зданіи школы и 200 рублей процентовъ съ капитала въ 4.000 рублей, оставшагося послѣ сооруженія памятника на могилѣ Фѣдора Михайловича. При школѣ есть библіотека, но очень скудная, и можно только желать, чтобы ей помогли почитатели покойнаго писателя. Было бы не дурно, если бы въ школу посылали бесплатно свои изданія редакціи дѣтскихъ и педагогическихъ журналовъ, а также издатели книгъ по педагогикѣ и дѣтской литературѣ. Одинъ экземпляръ ничего не стоитъ, а между

тѣмъ библіотека быстро разбогатѣла бы. Кажется, такая жертва была бы только законной данью со стороны издателей и писателей памяти великаго художника слова. Городская дума, чтя память знаменитаго писателя и согражданина, навсегда освободила домикъ Ѳеодора Михайловича отъ городскихъ налоговъ, а налогъ государственный, причитающійся съ него, положила «вносить взаимною раскладкою»...

Въ настоящее время сочиненія Достоевскаго имѣются почти въ каждомъ грамотномъ семействѣ. Въ этомъ отношеніи «Нива», дающая сочиненія Ѳеодора Михайловича, какъ премию, много способствуетъ популярности писателя даже въ той средѣ, куда бы дорого стоящій Достоевскій еще долго не могъ проникнуть.

— Но вѣдь это помѣшаетъ вашимъ дальнѣйшимъ изданіямъ,— замѣтилъ я Аннѣ Григорьевнѣ.

— Нѣтъ,— отвѣтила она:— они все равно пойдутъ... Книги разрозниваются, теряются... Новые читатели нарастаютъ... Но если и тише пойдутъ... что же? Я получила хорошія деньги. А это изданіе «Нивы» сдѣлаетъ Достоевскаго близкимъ и понятнымъ тамъ, куда бы мои изданія не попали. Теперь Достоевскаго въ Россіи знаютъ больше, чѣмъ всякаго другаго писателя.

Анна Григорьевна замышляетъ издать роскошно сочиненія мужа, на прекрасной бумагѣ, съ иллюстраціями лучшихъ художниковъ. Это уже будетъ изданіе для любителей.

У Анны Григорьевны я познакомился съ почтеннымъ отцомъ Іоанномъ Румянцевымъ, у котораго жилъ нѣкогда Ѳеодоръ Михайловичъ. Отецъ Іоаннъ Румянцевъ—большой поклонникъ покойнаго писателя. Отъ этого почтеннаго пастыря я узналъ, между прочимъ, что Ѳеодоръ Михайловичъ, живя въ Руссѣ, работалъ по ночамъ. Какъ-то,—разсказывалъ отецъ Іоаннъ,—рано утромъ вышелъ я изъ дому. Вдругъ меня въ окно окликаетъ Ѳеодоръ Михайловичъ.

— Не знаете ли гдѣ взять доктора... у меня сынъ заболѣлъ.

Отецъ Румянцевъ сообщилъ адресъ врача и прибавилъ:

— А вы рано же встаете, Ѳеодоръ Михайловичъ.

— Я еще не ложился,— отвѣчалъ Достоевскій.

Покойный романистъ, по словамъ того же отца Румянцева, любилъ пить чай самый крѣпкій, словно пиво.

Ѳеодоръ Михайловичъ былъ такой знатокъ по церковновѣдѣнію и богословскимъ вопросамъ, что нерѣдко ставилъ втупикъ людей съ высшимъ духовнымъ образованіемъ.

Отъ А. Г. Достоевской мы, по приглашенію отца Іоанна Румянцева, зашли посмотрѣть библіотеку Православнаго братства св. Ѳеодора Тирона. Библіотека, помѣщающаяся въ большой комнатѣ, въ зданіи колокольни, не можетъ похвастать особеннымъ богатствомъ книгъ, но надо думать, что современемъ она достигнетъ лучшаго состоянія. Цѣль ея—содѣйствовать духовно-прав-

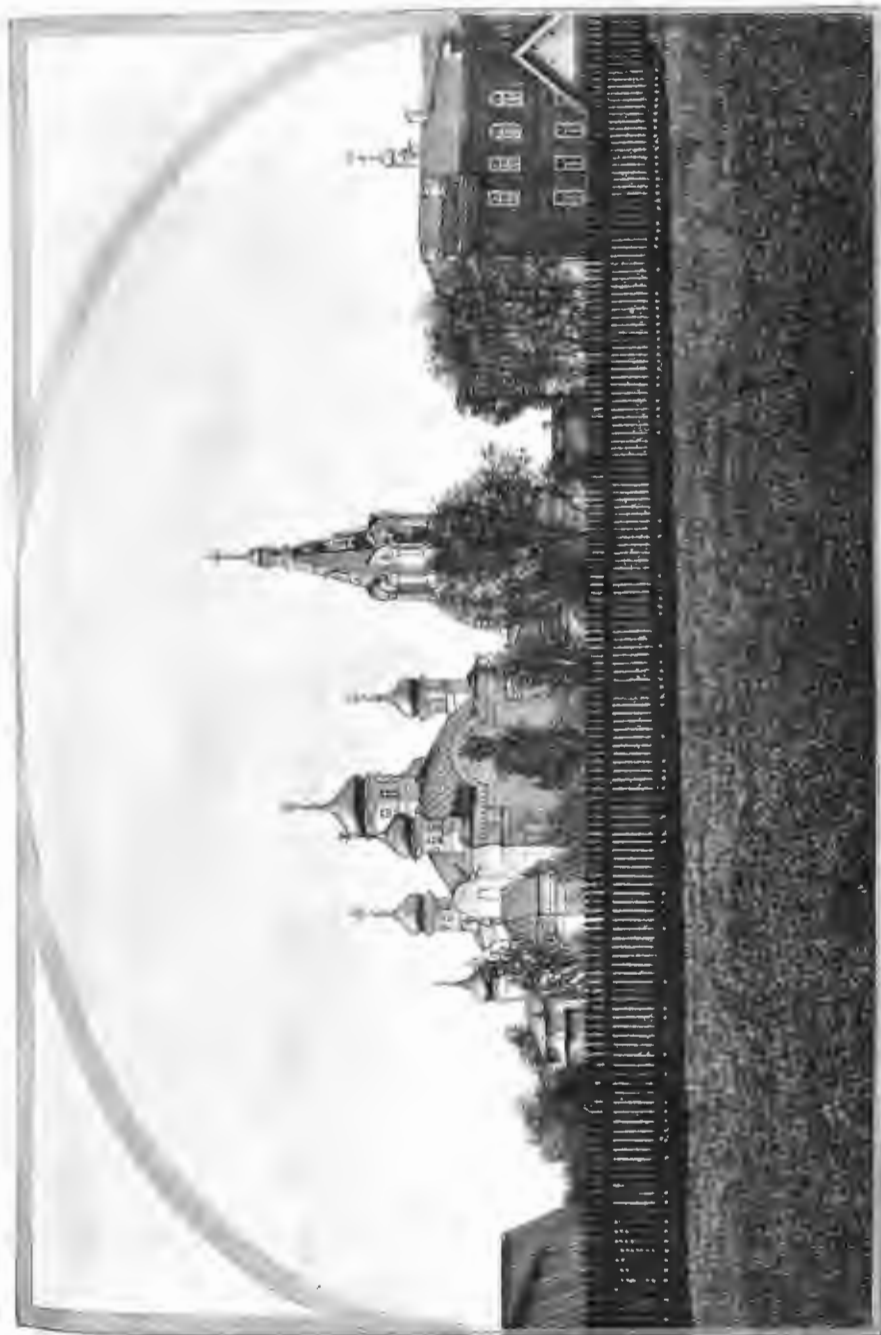
ственному развитію человѣка, и потому она состоитъ изъ книгъ преимущественно религіознаго и историческаго содержанія. Имѣя въ виду читателей и образованныхъ и малоразвитыхъ, она, по уставу, должна состоять изъ книгъ какъ научнаго содержанія, такъ равно и приспособленныхъ къ пониманію людей малообразованныхъ. Платы за чтеніе книгъ и журналовъ не берется, и ими могутъ пользоваться всѣ живущіе въ Старой Руссѣ и ея окрестностяхъ, а равно и проживающіе въ городѣ, въ лѣтнее время лѣчащіяся на водахъ. Цѣль бібліотеки безспорно прекрасная, и такъ какъ за чтеніе ничего не берется, то бібліотека доступна самому бѣдному человѣку, тѣмъ болѣе, что съ мѣстныхъ жителей не требуется даже залогоу. Нельзя не пожелать развитія этого хорошаго дѣла и не поблагодарить отца Румянцева, не мало трудящагося на пользу нравственно-духовнаго просвѣщенія народа. Какая масса денегъ у насъ тратится на глупости, проѣдается, пропивается... Если бы хотя каждый понемногу удѣлялъ на поддержку народныхъ читаленъ и такого рода бібліотекъ, какимъ бы яркимъ свѣтомъ озарились многія русскія трущобы!...

Самое Братство св. Ѳеодора Тирона возникло въ 1885 году. Цѣль Братства — тоже распространеніе грамотности и религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа. Братство содѣйствуетъ поддержанію церковно-приходской школы имени Ѳ. М. Достоевскаго, заботится о развитіи вѣбогослужебныхъ собесѣдованій и содержитъ бібліотеку, о которой я выше говорилъ. Спеціальныя средства Братства очень скудны. Они едва достигаютъ нѣсколькихъ сотенъ рублей. Цѣль велика, а средства малы. Они могутъ увеличиться только въ томъ случаѣ, если состоятельные люди, сочувствуя прекрасной задачѣ Братства, придутъ къ нему на помощь. Членами братства могутъ быть и духовныя, и свѣтскія лица, членскій взносъ 3 рубля въ годъ для дѣйствительнаго члена и 1 рубль для члена-сотрудника.

Нѣсколько словъ о лѣчебной колоніи, помѣщающейся въ школѣ Достоевскаго.

Въ засѣданіи врачей, практикующихъ на Старорусскихъ минеральныхъ водахъ, 27-го іюля 1881 года было прочитано предложеніе доктора Ф. Д. Вебера объ образованіи въ Руссѣ санитарной станціи для бѣдныхъ золотушныхъ дѣтей отъ имени общества охраненія народнаго здравія. Это первое извѣстіе, которое мы находимъ въ печати о существующей теперь колоніи. Изъ ея перваго отчета, появившагося въ 1883 году, видно, что во второй половинѣ XIX столѣтія впервые въ Швейцаріи возникли дѣтскія колоніи, имѣвшія цѣлью доставить возможность бѣднымъ дѣтямъ, истощеннымъ вслѣдствіе недостатка свѣта, воздуха и худого питанія, возстановить силы въ лѣтнее время на дачѣ.

Лѣчебная колонія имѣетъ болѣе широкую задачу—доставлять дѣтямъ и медицинскую помощь, направляя ихъ на минеральныя воды, на морскія купанья.

Косинская община близъ Старой Руссы.

Въ Россіи первую колоніей въ этомъ родѣ является старорусская. Она возникла въ 1882 году. Весною этого года IV секціей Русскаго общества охраненія народнаго здравія избрана комиссія, которой и было поручено устройство колоніи. Публичныя лекціи, прочитанныя профессорами Андреевскимъ, Боргманомъ, Ламанскимъ, Менделѣевымъ, Миллеромъ и Сергіевичемъ, дали чистаго сбора 1.370 р. Эти деньги, вмѣстѣ съ 200 рублей, ассигнованными обществомъ охраненія народнаго здравія, и дали возможность положить основаніе колоніи.

Въ первый годъ въ колоніи призрѣвалось всего 14 человѣкъ. Но благое дѣло развивалось, и лѣтомъ 1894 г. въ колоніи жило 64 человѣка. При нихъ 5 сестеръ общины св. Евгеніи. Одна изъ нихъ завѣдуетъ хозяйствомъ, 4—какъ надзирательницы. Въ настоящее время въ обществѣ имѣется капиталъ (Ковригина), дающій 700 рублей годового дохода, который и служитъ фондомъ для 10 стипендіатовъ общества. Плата за дѣтей не одинакова: отъ 25 до 75 рублей въ лѣто. Изъ списка дѣтей, лѣчившихся въ 1894 году, видно, что услугами колоніи пользовались какъ дѣти людей простыхъ, такъ и принадлежавшія къ интеллигентному и состоятельному классу. Бесплатныхъ въ 1894 году было 23 человѣка. Управление Старорусскихъ минеральныхъ водъ ничего не беретъ съ общества за лѣченіе дѣтей минеральными водами.

Ежегодно въ пользу дѣтской лѣчебной колоніи устраивается концертъ или спектакль. Чистой прибылью получается рублей 200—250. Въ 1893 году выручено всего за концертъ 410 р. 5 к. Чистаго дохода осталось 230 р. 65 к. Расходъ слѣдующій (беру отчетъ 1893 года):

Сборъ въ пользу вѣдомства императрицы Маріи	31 р. 40 к.
Антрепренеру за право на залъ	75 » — »
Типографскіе расходы	14 » — »
За расклейку афишъ	2 » — »
Цвѣты	21 » — »
Буфетъ	15 » 80 »
Прислугѣ	6 » 20 »
Переноска рояля	4 » — »
Таперу (послѣ концерта танцы)	10 » — »
Разные расходы	6 » — »
Итого	185 р. 40 к.

Этотъ отчетъ наводитъ на слѣдующія думы. Меня удивляетъ, какимъ образомъ антрепренеръ рѣшился взять 75 р. за залъ, когда дѣло идетъ о помощи бѣднымъ дѣтямъ. Управленію слѣдовало бы при заключеніи новаго контракта если не отнять совсѣмъ право у театральнаго антрепренера на залъ, то по крайней мѣрѣ выго-

ворить, что колонія имѣть право дать одинъ концертъ бесплатно. Не было бы грѣхомъ, если бы она имѣла право дать и одинъ спектакль, не платя за театръ. Мы слишкомъ черствы къ больнымъ и бѣднымъ. Нельзя же только изрекать высокія христіанскія истины, а пора и заявить себя христіанскими дѣлами, фактами человѣколюбія. Мы плачемся о вырожденіи, о слабости юнаго поколѣнія, а дойдетъ дѣло до помощи бѣдному больному человѣчеству, намъ жаль поступиться рублемъ. Если нельзя ждать гуманности отъ предпринимателей театральнаго дѣла, то не мѣшаетъ наложить узду на ихъ жадность. Да пора и устроителямъ благотворительныхъ зрѣлищъ понять, что поднесеніе букетовъ и всякихъ подарковъ лицамъ, пожелавшимъ помочь доброму дѣлу, излишняя любезность, въ которой, навѣрное, любители и не нуждаются. Они вѣдь хорошо знаютъ, какъ дорога каждая копейка, и не ради букетовъ и вѣнковъ выходятъ на эстраду. Ими двигаетъ гуманное чувство. Для нихъ награда—въ сознаніи исполненнаго долга. Если бы всѣ имѣли вѣрное понятіе объ этомъ долгѣ, то, конечно, и еще кое-какіе расходы были бы уничтожены.

Концертъ, на которомъ мнѣ пришлось быть, можно назвать удачнымъ. Особенно выдавались по исполненію г-жи С. А. Кошличъ, Миргородская-Бѣлая, какъ пѣвицы, и Е. С. III—ая, какъ прекрасная чтица. Ея музыкальный голосокъ ласкалъ слухъ. Она умѣла, отчетливо и граціозно передавала мысль авторовъ, произведенія которыхъ читала.

Помимо этого благотворительнаго концерта было еще нѣсколько, уже не благотворительныхъ. Но они имѣли плохой успѣхъ, не смотря на то, что концертанты очень развязно распространяли билеты.

Я очень мало могу сказать о театрѣ. Я былъ всего одинъ разъ и то на любительскомъ спектаклѣ. О любительскихъ спектакляхъ не принято говорить дурно. Но я долженъ замѣтить, что о томъ спектаклѣ, на которомъ я былъ, и нельзя сказать дурно. Особенно хорошо играли г-жи Мятлева и Свѣнтицкая. Я теперь даже не помню пьесы, но во мнѣ живо впечатлѣніе изящной, граціозной внѣшности г-жи Мятлевой и ея натуральной, прекрасной игры. Въ театрѣ вообще чаще шла оперетка и, говорятъ, она была недурная.

VIII.

Усиленіе холеры.—Молобствіе на площади. Какъ многіе празднуютъ трусую.—Господа Мизогины дѣлаются смѣлѣе.—Невѣрные слухи.—Мое довольство.—Ночные души.—Въ соборѣ и въ монастырѣ.—Поѣздка въ Косино.

Холера не утихала.

— Пошаливаетъ, курносая!—сказалъ Забонѣвъ.

Въ его голосѣ послышалась нѣкоторая тревога.

— Вѣдь слабая холера,—замѣтилъ я.

— Ну, какъ сказать!.. Въ городѣ нѣсколько случаевъ...

Мой знакомый педагогъ получилъ письмо изъ Новгорода. Тамъ тоже холера косила народъ. Между прочимъ, умеръ учитель реального училища. Шли скверные слухи изъ разныхъ мѣстъ.

Завернулъ полковникъ и сообщилъ мнѣ, что «завтра» на торговой площади совершится торжественное молебствіе.

— Вотъ, батюшка!—сказалъ онъ.

— Неужели и вы боитесь, полковникъ?

— Я—что!.. Я смерть видалъ много разъ. Хотя, конечно, неприятно... Я за сына беспокоюсь... Вы пойдете завтра?

— Непремѣнно.

Послѣ обѣдни, около 12 часовъ, изъ всѣхъ городскихъ перквей двинулись крестные ходы, направившись къ Торговой площади. Изъ мужского монастыря вынесли грандіозный образъ Старорусской Божіей Матери. Его несли человѣкъ двадцать. Образъ возвышался надо всей процессіей и приковывалъ къ себѣ общее вниманіе. Казалось, онъ плылъ по воздуху, надъ головами тысячной толпы народа. На Торговой площади былъ устроенъ деревянный помостъ, на которомъ и расположились иконы и кресты полукругомъ. Крестный ходъ былъ встрѣченъ гимномъ: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ», исполненнымъ военнымъ оркестромъ. Тысячная толпа запрудила площадь. Я съ трудомъ протискался на помостъ. Забонѣевъ гдѣ-то застрялъ. Священники образовали собою длинный эллипсъ передъ образами, замыкавшійся съ противоположной стороны архимандритомъ, позади котораго стояли представители власти. Картина была величественная. Голоса пѣвчихъ далеко разносились въ жаркомъ воздухѣ. Діаконъ могучимъ басомъ произносилъ эктению: «Спаси люди твоя, Господи, отъ мора, глада и всякаго губительства». Казалось, онъ взывалъ къ самому небу, со свода котораго солнце лило свои палящіе лучи на обнаженныя головы молившихся. «Спаси, Господи, люди согрѣшившія и помилуй ихъ!». Эти слова, какъ вопль наболѣвшаго сердца, неслись въ высоту неба. Вотъ вся тысячная толпа опустилась на колѣни. Высокій, пресѣкающійся голосъ архимандрита раздался въ воздухѣ. Это былъ торжественный моментъ, не поддающійся описанію. По окончаніи молебна народъ хлынулъ къ иконамъ для прикладыванія. Военный оркестръ опять заигралъ «Коль славенъ», и крестный ходъ двинулся въ обратный путь. Площадь начала пустѣть.

Я взялъ извозчика и поѣхалъ въ паркъ. Извозчикъ тяжело вздохнулъ и произнесъ какъ бы про себя, но вслухъ:

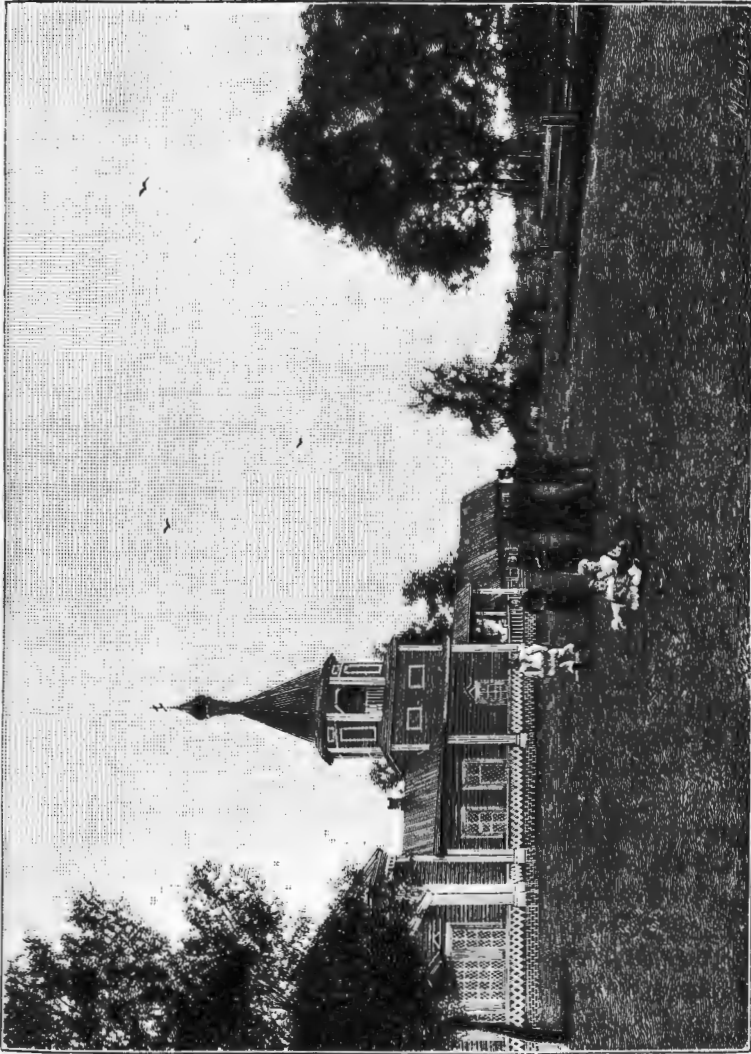
— И когда ей конецъ, ей-Богу!

— Про что ты?—спросилъ я.

— Да все насчетъ холеры, значить... Сколь времени тянется... Лѣ-

чатъ дохтура, а она все... не пропадаетъ, лихая!.. Стало быть, нѣтъ средствъ у дохтуровъ... Ну, авось, Господь смилуется!..

У самыхъ воротъ парка встрѣтился мнѣ знакомый педагогъ.
— Знаете, П. уѣзжаетъ!—объявилъ онъ мнѣ.

Церковь Спасителя близъ Старой Руссы.

— Что вы! Да онъ и пріѣхалъ недавно. Много ли еще ваннъ принялъ!

— Не хочетъ и принимать... Боится... Бѣжить!

— Надо его уговорить... Что за вздоръ!

— Уговорите-ка... Я пробовалъ... И слушать не хочетъ.

- Пойдемте вмѣстѣ... авось, подѣйствуемъ!
- Мы пошли къ ресторану, гдѣ П., по словамъ педагога, завтракалъ. У Муравьевскаго фонтана намъ попался П.
- Завтракали?
- Да, закусилъ немножко... Желудочной выпилъ... Знаете, у меня что-то неладно...
- Да будетъ вамъ!... Трусь вы эдакій!.. Идемъ ванну брать!
- Я не буду... я... завтра уѣзжаю.
- Господь съ вами!.. Только начали купаться...
- Ну, его... какое тутъ лѣченье!.. Слышали?
- Что?
- По двадцати человѣкъ въ день умираетъ. Въ третьемъ зданіи двое заболѣло изъ служащихъ. Столяръ умеръ.
- И все вздоръ... Я видѣлъ врача-товарища... Онъ говоритъ, что умираетъ всего 5—6 человѣкъ въ день. Кто вамъ сказалъ, что двое заболѣло?.. Вѣроятно, чепуха... А столяръ еще неизвѣстно отъ чего умеръ... Да и зачѣмъ трусить... Ну, надо остерегаться... и только. Пойдемъ, узнаемъ, правда ли, что двое заболѣли?
- П. уперся.
- Ни, ни... не пойду.
- Мы подхватили его подъ руки и со смѣхомъ поволокли къ ванному зданію...
- Что это? куда его ведете?—спросила дама, которую мы прозвали Ягой.
- Да вотъ холерный припадокъ съ нимъ!
- Ахъ, Боже мой!..
- И дама кинулась прочь отъ насъ...
- Мы дотасили П. до крыльца ваннаго зданія.
- Кто заболѣлъ у васъ?
- Никто, слава Богу, всѣ живы...
- Ну, да... а Степанъ?—воскликнулъ П.
- Явился Степанъ.
- Ну, такъ... Илья!
- И онъ оказался живъ и здоровъ.
- П. немного успокоился и расхрабрился до того, что зашелъ со мной въ 7-е зданіе.
- Ну, что... не боишься холеры?—спросилъ я у ванщика, дѣлавшаго мнѣ ножную грязевую ванну.
- Какая холера... она отъ запаха грязи убѣжить!.. Пожалуйте... «Квашня» готова!..— смѣясь добавилъ онъ.
- П. остался сидѣть, но черезъ пять минутъ вдругъ измѣнился въ лицѣ.
- Нѣтъ, знаете... я пойду принять капли!
- Два дня онъ все принималъ капли, наконецъ не выдержалъ и уѣхалъ...

Боялись и другіе. Многіе перестали пить молоко, не рѣшались съѣсть ягодки и носили въ карманахъ разныя бутылочки съ лѣкарствами.

Человѣкъ 20—30 поспѣшили уѣхать, не кончивъ курса лѣченія...

— Вотъ труссы-то!—сказаль я.

— Нѣтъ, не труссы-съ!—возразилъ Мизогинь:—а поневолѣ бѣжишь, если такіе порядки.

— Какіе?

— Нелуженые котлы и кастрюли въ кухнѣ и въ графинахъ сырая вода! Это чортъ знаетъ, что такое! Да и откуда берутъ воду? Вы думаете, ее изъ Дубовицъ, изъ колодца возять? Нѣтъ-съ, а берутъ изъ Перерытицы... изъ этой грязной рѣки!..

— Не можетъ быть!

Я предложилъ Забонѣву «разслѣдовать дѣло».

Конечно, мы не имѣли никакого права контролировать и повѣрять, но... Мы отправились съ Забонѣвымъ въ кухню, и намъ показали котлы... кастрюли...

— А воду откуда берете?

— Да изъ Дубовицъ возять...

— А не изъ рѣки?

— Ну, кто же изъ нея пить станетъ. Ее берутъ для мытья...

Мы не повѣрили на слово и начали дѣлать провѣрки. Да, правда: изъ Дубовицъ. Но надо сказать, что и дубовицкая вода стала портиться, что показалъ химическій анализъ ея. Пошли въ ресторанный. Попробовали изъ одного графина: кипяченая. Изъ другого — тоже. Подошелъ Мизогинь.

— Ну, ну, что?

— Да вздоръ все!..

— Какой вздоръ!.. Вы знаете: какой-то больной умеръ здѣсь.

— Еще что?

— Да вѣрно... Его пріятели волокли по саду... Дама одна видѣла...

Я захохоталь.

— Да знаете, кто это былъ? П., котораго мы тащили въ ванну... а онъ упирался... Дама намъ попалась, мы ей нарочно и сказали!

У содержателя ресторана умеръ малютка сынъ отъ воспаленія мозга. Колясочку малютки, закрытую простыней, пронесли въ сарай. Сейчасъ же по курорту прошелъ слухъ, что пронесли холернаго... «Нарочно закрыли».

Мизогини старались будировать и изъ каждой мухи дѣлать слона.

Заболѣла падучей какая-то женщина. Частный врачъ, не ходя къ ней, прописаль противохолерное. Новый случай для крика!.. Все это наводило панику, и трусливые уѣзжали, бросивъ лѣченіе. И всему были виною эти Мизогини. Но я былъ очень доволенъ.

Ванны, сначала солено-хвойныя, а потомъ грязевыя, мнѣ отлично помогали. Я чувствовалъ себя бодрѣе, увеличился аппетитъ, улучшился сонъ, боль въ ногѣ исчезла. А между тѣмъ передъ прїѣздомъ я уже началъ похрамывать. Солено-хвойныя ванны хорошо дѣйствовали на нервы, но боль ноги поддалась только «квашнѣ», по выраженію ваньщика.

Скоро мнѣ были разрѣшены души.

Но еще наканунѣ этого разрѣшенія я принялъ невольно ночной душъ. Ночью разразилась гроза съ ливнемъ. Моя дача оказалась съ протекціей. Я проснулся отъ дождевыхъ струй, бѣжавшихъ на меня...

Я сообщилъ о своемъ приключеніи полковнику.

— Не повліяло бы это купанье на... болѣзнь,—сказалъ я.

— Ну, едва ли... Ахъ, кстати... Мы собираемся въ Косино... Ѣдемъ вмѣстѣ?... Помолитесь, чтобы наводненіе не отозвалось на васъ,—шутливо добавилъ онъ.

Я согласился на поѣздку.

Въ Косино мы поѣхали черезъ три дня, а до этого времени мнѣ удалось побывать въ соборѣ и въ мужскомъ монастырѣ, гдѣ находится высокочтимая святыня города—икона Старорусской Божіей Матери.

Спасопреображенскій мужской монастырь расположенъ неподалеку отъ праваго берега рѣки Полисти. Онъ основанъ въ концѣ XII вѣка. Основателемъ и первымъ игуменомъ былъ священно-инокъ Мартирій. Монастырь много страдалъ отъ набѣговъ литовцевъ, которые избивали монаховъ и обирали обитель, не щадя св. иконъ. Не менѣе литовцевъ разорили монастырь шведы, опустошавшіе Руссу въ теченіе многихъ лѣтъ.

Храмъ, построенный блаженнымъ Мартиріемъ въ 1442 г., былъ разобранъ, и на мѣстѣ ветхой церкви выстроена новая, каменная, украшенная иконописью. Этотъ храмъ сохранился и доннѣ въ полной цѣлости, со всѣми признаками зодчества XV вѣка. Внутренность храма отъ постройки новѣйшаго времени отдѣляется капитальной стѣной съ тремя арками. Пятирусный иконостасъ по характеру рѣзьбы принадлежитъ къ XVII вѣку. Къ сѣверо-западному углу Преображенскаго собора примыкаетъ колокольня, построенная около 1630 г., въ три яруса.

Главную святыню монастыря составляетъ чудотворная икона Старорусской Божіей Матери, въ сребропозлащенной и богато украшенной драгоценными камнями ризѣ.

Начало и происхожденіе чудотворной иконы Старорусской Божіей Матери покрыто завѣсою таинственности, какъ и происхожденіе многихъ другихъ чудотворныхъ иконъ. Нѣкоторые полагаютъ, что она была принесена въ городъ Старую Руссу въ первые вѣка христіанства греками изъ города Ольвіополя. Но насколько вѣрно

такое мнѣніе, съ утвердительностью сказать трудно. По сохранившемуся въ народѣ преданію извѣстно только то, что она со временъ глубокой древности принадлежала городу Старой Руссы и находилась въ ней нѣсколько столѣтій на радость и утѣшеніе всѣхъ жителей города и окрестной области.

Во время мороваго повѣтрія въ 1570 году икона была взята изъ Старой Руссы и носима изъ одного селенія въ другое, для избавленія отъ губительной язвы, и такимъ образомъ достигла до Тихвина. Моровое повѣтріе прекратилось, и Старорусская икона Богоматери на время была поставлена въ Тихвинскомъ Большомъ монастырѣ. По дальности разстоянія Тихвина отъ Старой Руссы и неудобству въ тогдашнее время путей сообщенія, возвращеніе чудотворной иконы изъ Тихвина въ Старую Руссу было откладываемо съ года на годъ, а послѣдовавшее затѣмъ въ 1611—1617 годахъ нашествіе на Новгородскую область шведовъ, разграбившихъ и разорившихъ Старую Руссу и разогнавшихъ ея коренныхъ жителей, послужило новымъ препятствіемъ къ возвращенію чудотворнаго образа скорой въ бѣдахъ Заступницы на мѣсто прежняго своего пребыванія.

Слишкомъ три вѣка св. икона пребывала подъ сѣнію Тихвинской обители, слишкомъ три вѣка граждане Старой Руссы не переставали скорбѣть, не видя въ городѣ своей святыни. При увеличеніи народонаселенія и развитіи благосостоянія гор. Старой Руссы, у жителей ея пробудилось благочестивое желаніе возвратить свою завѣтную святыню, чудотворный образъ Богоматери. Начиная съ 1805 года, граждане Старой Руссы неоднократно ходатайствовали предъ высшими духовными и свѣтскими властями о возвращеніи св. иконы, но ходатайство ихъ оставалось безуспѣшнымъ.

Въ 1885 году ходатайство было повторено и, благодаря участливому отношенію къ нему великаго князя Владиміра Александровича, къ которому обратились граждане за помощію,—на этотъ разъ ходатайство жителей Старой Руссы было уважено.

Перенесеніе иконы сопровождалось большимъ духовнымъ торжествомъ. Я не буду здѣсь описывать его, потому что краткое описаніе ничего не покажетъ, а подробное невозможно. Желаютіе могутъ все узнать изъ брошюры г. Усинина: «Торжество перенесенія чудотворной иконы Старорусской Божіей Матери изъ г. Тихвина въ Старую Руссу и очеркъ Старорусскаго Спасо-Преображенскаго монастыря». Изъ этой брошюры и я взялъ всѣ свѣдѣнія объ иконѣ.

Копія ея находится въ Старорусскомъ Воскресенскомъ соборѣ, который построенъ на мѣстѣ бывшей нѣкогда деревянной Покровской церкви, неизвѣстно кѣмъ и когда воздвигнутой. Нынѣшній каменный соборъ Воскресенія Христова выстроенъ въ XVII столѣтіи. При Николаѣ I-мъ онъ увеличенъ и обновленъ.

Кромѣ иконы Старорусской Божіей Матери (копія), въ соборѣ находится нѣсколько древнихъ образовъ. Замѣчательна икона Страшнаго Суда, бывшая долгое время въ плѣну у шведовъ и выкупленная въ 1723 году.

Въ соборѣ я былъ всего разъ. И въ немъ и въ монастырѣ покоить очень неважно. За то прекрасное пѣніе въ Троицкой церкви, находящейся на Крестецкой улицѣ. Это пѣніе—благолѣпное, продуманное и отчетливое и безукоризненное со стороны технической. Я часто посѣщаль церковь.

Въ Косино мы отправились послѣ обѣда.

Когда ѣдутъ компаніей, обыкновенно нанимають линейку, за которую платятъ рублей пять. Мой сосѣдь ѣздилъ съ женой на извозчикѣ и заплатилъ два рубля (въ оба конца съ «пожиданіемъ», какъ выразился онъ).

Полковникъ предложилъ нанять коляску.

Я и Забонѣевъ согласились.

Въ Руссѣ коляски и кареты—рѣдкость. Коляску можно достать только на почтовой станціи, да у нѣкогого Звѣрева, а карету у послѣдняго и у одного извозчика, купившаго по случаю у кого-то каретку. Но надо имѣть крѣпкіе нервы, чтобы торговаться съ держателями экипажей. Для извозчиковъ есть такса, а для этихъ «господъ» таксы не существуетъ. А вѣдь вы знаете, что такое русскій мужикъ, разбогатѣвшій, разжирѣвшій на хорошихъ хлѣбахъ... Ему кажется, что каждый его шагъ долженъ оплачиваться рублемъ... Онъ не нуждается и знать никого не хочетъ. А если онъ стоитъ въ исключительномъ положеніи, какъ, на примѣръ, держатели экипажей въ Руссѣ, онъ нахаленъ до невозможности. Вамъ нужна коляска, карета... Онъ за часъ, за два часа ломить 6, 7 рублей. Въ Косино—за карету Звѣревъ запросилъ 10 рублей и не уступилъ ни копейки... Какая-то больная бѣдная женщина просила уступить карету за 3 р., чтобы свезти мужа, тоже больного, на вокзалъ. Пять рублей—и ни копейки меньше! А до вокзала доѣхать—всего 20 минутъ!

Толстосумъ по столу пальцами постукиваетъ, рыгаетъ и говоритъ:

— Не могу-съ!... Въ иномъ прочемъ мѣстѣ и не найдете... окромя насъ...

Не упрашивайте. На жирномъ лоснящемся лицѣ лежитъ печать полного равнодушія и безучастія. Русскій человекъ хладнокровно одной рукой фунтовую свѣчу ставитъ, другою съ бѣднаго человека послѣдній рубль тащитъ.

Полковнику удалось за пять рублей нанять на почтовомъ дворѣ коляску. О лошадахъ я не говорю...

Мѣстность по пути въ Косинскую общину — разнообразная и довольно красивая. Но дорога, особенно въ началѣ—плохая: простая, копанная. Трясетъ ужасно даже въ коляскѣ на рессорахъ (впрочемъ и рессоры!). Ближе къ Косину—лучше. Возлѣ обитатели про-

текаетъ р. Снѣжа. На берегу рѣки стоитъ маленькій гостинный домикъ, возлѣ котораго проходить дорога. По другую сторону дороги—общинская ограда.

Мы остановились у ограды и вышли изъ коляски. Не видно ни души. Мы вошли во дворъ обители.

Направо—кладбище. Прямо—новый храмъ. Мы направились къ нему. Онъ былъ открытъ, такъ какъ шла вечерня. Пѣли плохо. Молящихся, кромѣ двухъ-трехъ сестеръ, никого не было. Мы остановились и стали разсматривать церковь. Ея стѣны обильно росписаны событіями изъ жизни св. Варлаамія Хутынскаго. Тутъ изображено, какъ онъ ѣхалъ лѣтомъ на саняхъ по внезапно выпавшему снѣгу, какъ вылетѣлъ огонь изъ раки преподобнаго, когда Іоаннъ Грозный жезломъ ударилъ по ней (на картинѣ ошибочно проставлено Іоаннъ III) и мн. др. Въ переднемъ отдѣлѣ храма на стѣнахъ также изображены строфы изъ молитвы Господней: «Не введи насъ во искушеніе» (дьяволъ прельщаетъ челоуѣка золотомъ) и «избави насъ отъ лукаваго» (дьяволъ изображенъ скованнымъ). Имѣется уменьшенная копія иконы Старорусской Божіей Матери. Храмъ очень свѣтлый и высокій. Въ немъ много воздуха и простора. Онъ производитъ пріятное впечатлѣніе. Одна изъ сестеръ взялась показать намъ старый храмъ, построенный во имя святи-теля Николая Чудотворца, въ XIII вѣкѣ, основателемъ Косинскаго монастыря (сперва Лужскаго) Константиномъ, ученикомъ Варлаамія. Храмъ уже реставрированъ, но съ соблюденіемъ древней архитектуры, только деревянный притворъ замѣненъ каменнымъ. Въ храмѣ неимоуѣрно сыро и холодно. Входишь точно въ погребъ. Здѣсь покоятся подъ спудомъ мощи св. Константина. Влѣво на стѣнѣ образъ, на которомъ опять изображены событія изъ жизни Варлаамія Хутынскаго. Запрестольный образъ—хорошая копія съ картины Бруни: «Моленіе о чашѣ». Вверху надъ царскими вратами—сидящій Богъ-Отецъ и у Него на колѣняхъ Божественный Младенецъ Богъ-Сынъ. Въ храмѣ продаются образки и книжки. Но вы думаете можно найти описаніе обители? Нѣтъ! Не составлено ни одной брошюры. Никто ничего не можетъ объяснить вамъ, потому что знаніе прошлаго даже своей обители не входитъ въ число обязанностей сестеръ. Онѣ ничего не знаютъ, онѣ лишь работаютъ на обитель, получая бесплатно содержаніе и комнату (въ одной нѣскольکو). На одежду онѣ должны достать. Когда? Ну, работайте ночью... урывками... Духовной жажды никакой. «Что было прежде»... а Богъ вѣдаетъ!.. Начальница, можетъ быть, и знаетъ больше. Но она не пожелала подѣлиться свѣдѣніями объ общинѣ. Я вспомнилъ невольную обходительность и любезное радушіе матери Софіи, игуменьи Званковскаго монастыря. Какая разница! Я не думаю, чтобы такое отношеніе, какое усвоила начальница Косинской общины къ посѣщающимъ ее, было очень удобно и даже выгодно для самой

обитатели. Говорятъ, что община скоро переименуется въ монастырь. Идея общинъ, принадлежащая великому русскому іерарху, очень симпатична.

Но Косинская община слишкомъ далека отъ того типа общинъ, развитія которыхъ желалъ митрополитъ Платонъ. Косинская община увеличиваетъ свои капиталы и стремится стать монастыремъ. Она ничѣмъ не служитъ міру, какъ должна бы служить, по идеѣ умершаго іерарха. Въ ней даже нѣтъ школы, какая есть въ Званковскомъ монастырѣ. Въ жизни столько нужды, горя, бѣдности, что каждой общинѣ есть гдѣ поработать во имя Божіе. И въ городѣ, и въ деревняхъ не мало одинокихъ больныхъ, за которыми некому ходить. Пусть идутъ къ нимъ «сестры» изъ общины. Не мало страдающихъ хроническими недугами, которыхъ не берутъ больницы. Пусть община пріютитъ ихъ. Пусть она пригрѣетъ бездомныхъ сиротъ-дѣтей... Такая работа стѣитъ молитвы, выше всякой молитвы, ибо Божественный Учитель сказалъ: «нагого одѣнь, голоднаго накорми, больного посѣти, въ тюрьмѣ находящагося утѣшь». Если бы наши общины и монастыри держались этого завѣта, на улицѣ не замерзали бы люди, лишенные крова и никѣмъ не прирѣнные, какъ это случилось въ Бузулукѣ. Человѣку негдѣ было ночевать, его никто не пустилъ!..

Изъ стараго храма мы отправились въ зданіе общежитія, гдѣ имѣется еще третья церковь, домовая. Она невелика, съ хорами. Весь иконостасъ рѣзной и не крашеный. Онъ очень красивъ. Надъ иконою Божіей Матери—деревянная, низко спускающаяся гирлянда. Церковь помѣщается во второмъ этажѣ, гдѣ и комнаты сестеръ. Ихъ—45. Онѣ живутъ по двѣ, по три въ комнатѣ. У начальницы три комнаты.

— Что же, будемъ пить чай?—предложилъ полковникъ.

— Не дурно бы,—сказалъ я.

Забонѣвъ поддержалъ меня.

— А гдѣ же?

Намъ сказали, что можно въ гостиномъ домикѣ. Это очень маленькій, тѣсный и не особенно чистенькій домикъ, при которомъ живетъ старуха. Мы не захватили ни чая, ни сахара.

— Можно достать у васъ?

— Можно,—отвѣтила старуха.—Я сейчасъ...

— И молока?

— И молочка добуду.

Мы пошли пока прогуляться по рощѣ, откуда красивый видъ на рѣку. Когда-то былъ на ней мостъ, но онъ разрушился. Никто не думалъ чинить его. Когда мы вернулись, самоваръ былъ уже готовъ. Намъ ждалъ рядъ сюрпризовъ. Прежде всего такой чай, что его едва можно было пить. Сахаръ весь загаженъ мухами. Пришлось буквально отскабливать ножемъ.

— Матушка, да что у васъ... нѣтъ другого-то?

— Нѣту, батюшка... Мухи чуточку засидѣли... Да это ничего... пить можно... не вредно...

— Да противно же, матушка!

— А ложечекъ у васъ совсѣмъ нѣтъ? чѣмъ же мѣшать?

— Ложечекъ-то нѣтъ... а развѣ надо? Погодите, я схожу къ матушкѣ-начальницѣ...

Она ходила около получаса и принесла двѣ оловянные, стертые ложечки.

— Фу, какія!—поморщившись, произнесъ полковникъ и не рѣшился мѣшать.

— Да у васъ нѣтъ другихъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ... никакихъ... Вотъ дали...

— Боялись, что увеземъ, что ли?—сказалъ Забонѣвъ.

— Не знаю, батюшка... не знаю...

Такого страннаго и негостепріимнаго отношенія мнѣ не приводилось встрѣчать ни въ одномъ монастырѣ.

Попросили бѣлаго хлѣба. Не нашлось. Мы выпили по чашкѣ и стали собираться въ обратный путь.

Прощаясь, мы дали старухѣ 80 копеекъ. Она осталась недовольна.

— Это за труды?.. Али за все?

За что за все: за сахаръ, къ которому мы почти не прикоснулись, за выпитыя двѣ чашки молока и чаю?

— Ну, нравы... точно въ корчмѣ!—не удержавшись, воскликнулъ Забонѣвъ.

У деревенскаго отвода насъ осадилъ мальчишки. Они нахально требовали денегъ. Полковникъ разсердился и выбранился, но бросилъ имъ двугривенный.

— Подъ стать и мірскіе!—сказалъ опять Забонѣвъ.—Учатся... хорошей примѣрь...

Пошелъ дождь. Подняли верхъ. Но насъ все-таки порядкомъ помочило.

— Поѣдемъ завтра на Спасителевъ погостъ,—предложилъ полковникъ.

Я и Забонѣвъ были не прочь. Но я прихворнулъ и не попалъ съ ними на погостъ. Я былъ потомъ уже одинъ.

Онъ находится въ семи верстахъ отъ Руссы. Приѣзжихъ сюда привлекаетъ роца, гдѣ можно погулять и напиться чаю. Обыкновенно всѣ отправляются прежде всего въ церковь Нерукотвореннаго Спаса и служатъ молебень передъ чудотворной иконой Спасителя. Явленіе иконы относится къ половинѣ прошлаго вѣка. Церковь выстроена въ 1866 году. Около церкви — домикъ священника, причта и церковно-приходской школы для дѣтей окрестныхъ деревень.

Ранѣ здѣсь была только часовня. Существуетъ преданіе, что куполь этой часовни съ иконою былъ какъ-то очень давно сорванъ бурей съ находившейся въ окрестностяхъ, въ селѣ Вознесенскомъ, старинной церкви и приплылъ къ мѣсту, гдѣ построена потомъ часовня (на берегу рѣки Порусьи). Когда куполь узнали и отправили назадъ, то онъ снова сорвался и опять приплылъ. Тогда его подняли на берегъ и подвели подъ него срубъ. Я спросилъ насчетъ преданія.

— Да, есть такое,—только и отвѣтилъ мнѣ церковнослужитель.

Какой-то рокъ преслѣдовалъ меня въ загородныхъ поѣздкахъ. Съ погоста пришлось возвращаться также подъ дождемъ, что было еще неприятнѣе, такъ какъ я ѣхалъ на пролеткѣ безъ верха.

IX.

Курортъ пустѣеть.—Карточки на память.—Курортная фотографія.—Проводы Забонѣва.—Я собираюсь домой.—Последній день въ Руссѣ.—Раздумье на балконѣ.—Заключеніе.

Съ первыхъ чиселъ августа курортъ уже началъ понемногу пустѣть. Къ седьмому числу убыль стала довольно замѣтна. Не такая ужъ многочисленная публика собиралась на «музыку». Не стало обычнаго оживленія въ ресторанахъ. Театръ «работалъ» слабо. Многие изъ моихъ знакомыхъ разъѣхались. Стали собираться домой Забонѣвъ, пріятель-педагогъ, полковникъ. Уѣхали С. Н. Шубинскій, М. П. Ѳедоровъ...

— Начало конца,—сказалъ Забонѣвъ... Въ отлетъ скоро... А вы?

— Я еще поживу... Куда торопиться? Надоѣлъ мнѣ столичный шумъ...

— А недурно бы сняться... на память.. Давайте!

Я согласился.

— Въ курортной фотографіи?

— Конечно.

Въ паркѣ существуетъ фотографія Глазачева. Она зарабатываетъ хорошія деньги, снимая виды, исполняя разнаго рода заказы. Желающих сниматься всегда не мало. Покупаютъ виды и такъ называемыя «группныя карточки». Время отъ времени фотографъ дѣлаетъ моментальные снимки съ публики, собравшейся у Муравьевскаго фонтана, у ресторана, театра и въ другихъ мѣстахъ. Объ этихъ снимкахъ, т. е. о днѣ и часѣ, публика узнаетъ раньше, и желающіе выйти яснѣе, стараются занять мѣста получше. Въ такихъ случаяхъ идетъ нерѣдко борьба съ «прислугой», потому что мамки и няньки съ дѣтьми всегда спѣшатъ выдвинуться на пер-

вый планъ, воображая, что онъ необыкновенно интересныя особы, и ради нихъ карточки будутъ раскупаться быстро.

Забонѣву надо было завернуть въ Новгородъ, и онъ рѣшилъ ѣхать на пароходѣ, черезъ Ильмень. Прокатиться на пароходѣ не дурно. Но непріятно, что пароходы очень сильно опаздываютъ. Они часто стоятъ изъ-за гонокъ, и бывали случаи, что пассажировъ высаживали за нѣсколько верстъ до конечной пристани. Я помню случай, когда всѣ пассажиры были высажены на берегъ, вдали отъ всякаго селенія. До Руссы оставалось 8 верстъ.

— Какъ же мы доберемся?—спрашивали пароходную администрацію.

— Какъ угодно... А то возвращайтесь обратно въ Новгородъ.

Многіе и вернулись. Высадившіеся ждали, пока не пріѣхали изъ города извозчики, узнавшіе о «событіи». Конечно, они заработали хорошо. Кажется, можно было бы принять мѣры, чтобы плоты и дрова не запружали судоходной рѣки и не мѣшали движенію. А эта «запруда» длилась довольно долго... Точно во времена Гостомысла!.. Пароходная пристань находится на рѣкѣ Полисти, вблизи Живого моста. Съ нея открывается довольно живописная панорама. Путь отъ Новгорода до Руссы на пароходѣ идетъ сначала по Волхову, потомъ черезъ Ильмень, по одному изъ рукавовъ Ловати, и уже затѣмъ по рѣкѣ Полисти. Забонѣвъ убѣждалъ и меня проѣхать по Ильменю. Но я знаю, что значить ѣхать въ плохую погоду по этому озеру, и сказалъ, что поѣду только въ случаѣ установившейся хорошей погоды.

— Ну, едва ли вы ея теперь дождетесь,—сказалъ Забонѣвъ,—она портится... скоро начнутся дожди.

Мы крѣпко обнялись на прощаньи.

— Я чувствую, что уѣзжаю очень поправившимся... а вы?—спросилъ Забонѣвъ.

— Я? Ногѣ хорошо... Нервы подкрѣпились... Только надолго ли?

— А вы на слѣдующій годъ опять пріѣзжайте... Нельзя же сразу...

Забонѣвъ былъ правъ, сказавъ, что скоро начнутся дожди.

На другой же день послѣ его отъѣзда пошелъ дождь, и «потянуло осенью». Погода вдругъ испортилась... Полетѣть дождь съ утра и цѣлый день идетъ, съ небольшими промежутками. Встанешь утромъ—и не хочется идти пить воду, брать ванну... А выйдешь въ паркъ—скучно. Небо въ тучахъ, какъ тѣни, мелькаютъ по парку люди, спѣша пробраться въ ванну или въ ресторанъ. Еще здѣсь было немного пооживленнѣе. Музыка играла уже въ залѣ, и залъ былъ на три четверти пустъ. Случалось, что въ немъ сидѣли 3—4 человѣка всего. И чѣмъ дальше, тѣмъ пустыннѣе. Уѣзжали уже десятками. А дождь не переставалъ. У меня въ комнатѣ всюду лило. Залило бумаги. По полу бѣжали ручьи. На балконѣ не хо-

тѣлось сидѣть въ холодную и дождливую погоду. Я пересталъ брать ванны и началъ собираться домой.

И вотъ настала для меня послѣдній день. Мы рѣшили съ полковникомъ, который уѣзжалъ со мною, пообѣдать въ ресторанѣ. Послѣдній совѣтъ опустѣлъ. Скучные ходили лакеи. Даже голуби присмирѣли и приуныли. Все было уже наканунѣ «конца».

— Знаете, вчера только десять обѣдовъ было отпущено,—сказалъ мнѣ буфетчикъ.

Когда мы пришли обѣдать, въ ресторанѣ сидѣлъ офицеръ, лѣчившійся отъ лишая, какой-то сѣдой сгорбленный старикъ и дама съ сыномъ.

— И это еще хорошо. Вчера я одинъ обѣдалъ, никого не было,—сказалъ офицеръ.

— А что вы поправились?—спросилъ я его.

— Совѣтъ. Лишай былъ на рукахъ и шеѣ,—прошелъ.

— Лишай здѣсь чудесно лѣчится,—замѣтилъ полковникъ:— мой племянникъ страдалъ два года, «по всей спинѣ и груди—все были лишай», на ногахъ тоже. И прошли. Когда онъ уѣзжалъ,—еще было нѣсколько. А черезъ мѣсяцъ потомъ все пропало.

— А гдѣ N.?—спросилъ я у офицера про одного господина, который прѣзжалъ лѣчиться отъ желудочнаго катарра.

— Уѣхалъ. Онъ недоволенъ Руссой.

— Не помогло?

— Нѣтъ... Да гдѣ же! Онъ вѣдь больше водку пилъ, чѣмъ газированную воду. Сами судите!

Да, при такомъ способѣ лѣченія трудно надѣяться на поправленіе. А вѣдь будетъ обвинять воды и Руссу... И такихъ не мало!

Офицеръ присоединился къ намъ, и мы все трое стали обѣдать. Сидѣвшій невдалекѣ отъ насъ сгорбленный старичокъ допилъ кофе и ушелъ.

— Кто это? Не знаете?

— Это, батенька, особа! Тайный совѣтникъ!.. Ахъ, и удивилъ же онъ меня... Ну, повѣрите ли: этого я допустить никогда не могъ. Офицеръ пожалъ плечами.

— Что такое?—спросилъ я.

— Вы можете допустить, чтобы русскій человѣкъ не звалъ... ну, напримѣръ, Писемскаго?

— Трудно... Конечно, я беру образованнаго человѣка.

— Такъ вотъ извольте: сей мужъ, «направлявшій» и «управлявшій», не знаетъ Достоевскаго!

— Ну, вы шутите!

— Клянусь вамъ честью! Я раскланялся съ Анной Григорьевной Достоевской. Онъ меня и спрашиваетъ, кто эта дама. Я ска-

заль. «А, Достоевскій!.. Я что-то слыхаль... Но кто онъ?» Я вытирациль глаза... Писатель, говорю...—«Ахъ, да, да... Что-то писалъ... и не дурно?»—Да это нашъ классикъ, говорю. Неужели вы не читали его «Записокъ изъ Мертваго Дома»? «Нѣтъ,— отвѣчаетъ:— а интересно? Это что же — спиритическое?». Меня просто злость взяла.

А вѣдь вотъ смѣютъ называться образованными! Не знаютъ своего классика, а всякую французскую мошку читаютъ. Вѣдь это фактъ.

— Да, но къ счастью рѣдкій фактъ!

— Ну, еще вопросъ!

Прошелъ мимо ресторана Мизогинъ.

— Вонъ тоже—субъектъ!—замѣтилъ офицеръ... Брюзжить, поносить все.

— Онъ, кажется, страдаетъ печенью.

— Кто его знаетъ... Но вѣдь какъ искажаетъ все онъ... Разъ, какъ-то встрѣчается со мной... Пылаетъ гнѣвомъ...—Что такое?—спрашиваю. «Да ножка у стула въ ванной пляшетъ... Вѣдь упасть можно... Чортъ знаетъ что!»—Вы заявили?—«Не думалъ... За чѣмъ? Должны видѣть».—Но вы скажите надзирательницѣ... даже самому директору...—«Долженъ видѣть!»—Господи! Да не можетъ же онъ все и вся видѣть, не разорваться же!.. Чѣмъ гнѣваться, вы скажите ему. Вѣдь онъ такъ любезень... Сейчасъ же прикажетъ... «Знаю, что прикажетъ, но... не хочу!». И всѣмъ цѣлый день онъ жаловался, ругаль дирекцію... Ну, что за отношеніе! Что за люди!

Вдругъ выглянуло солнышко сквозь пологъ тучъ.

— На прощанье хочеть обласкать.

— Вы когда ѣдете?—спросилъ я офицера.

— Въ день закрытія... Оставайтесь и вы... маленькое торжество!

— Нѣтъ, это печально. Я люблю открытія, а не закрытія.

— Да, встрѣчать лучше, чѣмъ провожать.

Мы простились съ надеждой встрѣтиться.

— А можетъ быть... Здѣсь и такъ пожить пріятно... полезно... хоть съ мѣсяць!

Я отправился домой, чтобы уложиться.

Погода немножко разгулялась. Стало даже теплѣе. Мнѣ пришла мысль въ послѣдній разъ напиться чаю на верандѣ. Я такъ и распорядился. Мнѣ было невольно грустно разставаться съ Руссой.

Такъ хорошо, тепло и уютно жилось въ ней (не смотря на дачу съ «протекціей»); послѣ года сутолоки, нервныхъ намучиваній, тревогъ, заботъ, я въ ней отдохнулъ, словно согрѣлся и умиротворился, такъ сказать. Тихая жизнь безъ тревогъ да заботъ, кружокъ добрыхъ, хорошихъ людей, купанье—все это благотворно подѣйствовало на нервы. Боль въ ногѣ прошла, и это тоже доставляло пріятное сознаніе. Я было такъ плѣнился Руссой, что заду-

малъ сноваться въ ней, купить домикъ и сдѣлаться ея «гражданиномъ». Въ тиши хорошо писать... Ну, можно и принимать участіе въ братствѣ, въ школѣ Достоевскаго... мало ли что еще... Но—

А онъ, мятежный, просить бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

Уставшему, истомленному за годы, мнѣ Русса приплась по сердцу. Но когда нервы поукрѣпились, мозгъ и душа поотдохнули, а къ тому же почувствовалось приближеніе осени,—я испугался уѣздной тиши и покоя глухого угла.

Да вѣдь здѣсь все спитъ. Никакой умственной жизни... Одни утробные интересы... Сплетня, карты... Улицы, занесенныя снѣгомъ... Темно... Не лучше деревни... Нѣтъ, хорошо на лѣто пріѣхать, какъ дѣлаетъ Анна Григорьевна, или семейство покойнаго П. А. Гайдебурова, который купилъ домъ почти рядомъ съ домомъ Ф. М. (на другомъ углу)... Но поселиться... нѣтъ, еще рано! Да и нельзя забираться далеко! Не съ нашими журнальными правами. Отвѣта не добьешься!.. Да и кое-какія привязанности, дружескія отношенія тянули еще въ центры!

Но я покидалъ Руссу съ благодарнымъ чувствомъ.

Она принесла мнѣ большую пользу. Я отдохнулъ и окрѣпъ. И всякому умственному работнику съ развинченными нервами, раздраженному и усталому, я совѣтую въ видѣ отдыха заглянуть въ Руссу и пожить въ ней. Онъ отдохнетъ. Недурно попить воду, покупаться въ ваннахъ, а еще лучше—въ озеркѣ, если кто можетъ переносить температуру его воды. Русса близко отъ Петербурга, да недалеко и отъ Москвы. А она многимъ лучше другихъ курортовъ. Я жилъ лѣто въ Липецкѣ. Но, не смотря на лучшей климатъ его, я не сравню съ нимъ Руссу. Самый Старорусскій курортъ съ его жизнью, порядками—удобнѣе. Здѣсь все проще, семейнѣе.

Можно только желать дальнѣйшаго развитія Старорусскихъ минеральныхъ водъ. Для этого нужны средства, ибо безъ нихъ всякая энергія разобьется. Но однѣхъ денегъ мало,—это намъ доказали кавказскія воды. Нуженъ человекъ способный, энергичный, знающій и преданный дѣлу всей душой. Руссѣ посчастливилось найти такого человека въ лицѣ директора водъ С. В. Тиличеева. Русса многимъ ему обязана, и можно желать одного, чтобы С. В. Тиличевъ получилъ скорѣе возможность довести до конца свои планы, т. е. довершить благоустройство курорта.

Мнѣ уже на вокзалѣ подарили брошюру доктора И. Макавеева. Я пишу воспоминанія о жизни въ Руссѣ, а не статью, и потому теперь не буду вступать въ споръ съ авторомъ этой брошюры, написанной, замѣчу кстати, безъ должнаго спокойствія, а что едва ли можетъ свидѣтельствовать о вполнѣ безпристрастномъ отношеніи къ предмету. Въ особой статьѣ я намѣренъ поговорить обстоя-

тельно о докладѣ г. Макавеева. А здѣсь только остановлюсь на послѣдней фразѣ его доклада: «Повторяю, для того, чтобы минеральныя воды развивались нормально, нужно ихъ или поставить на коммерческое начало, или отдать въ долгосрочную аренду».

Только не въ аренду!

Рохель доказалъ слишкомъ убѣдительно, какъ вредна всякая аренда. Неужели этого не понимаетъ г. Макавеевъ?

Алекс. Кругловъ.

ВЪ МЯТЕЖНОМЪ КРАѢ¹⁾.

(Изъ воспоминаній).

III.

Подляшскій съѣздъ.—Организація возстанія.—Нападеніе Куровскаго на городъ Мѣховъ и его результаты.—Формированіе бандъ.—Начало мятежа.—Нападеніе поляковъ на Кодень, Радинъ и Луковъ.—Генераль Каннабихъ.—Одушевленіе среди войскъ.—Декреты ржонда.—Мѣры къ подавленію мятежа.—Польскіе доудцы Косинскій и Рогинскій.—Убийство статскаго совѣтника Черкасова.—Торжественное вступленіе Рогинскаго въ городъ Вѣлу.—Его дѣятельность.—Графъ Платеръ.—Флигель-адъютантъ графъ Ностицъ.—Пораженіе Рогинскаго графомъ Ностицемъ.

ВЪ КОНЦѢ года между поляками пошелъ оживлен- ный говоръ о «подляшскомъ съѣздѣ мужей довѣ- рія», какъ о событіи первостепенной важности, имѣю- щемъ рѣшающее значеніе для судьбы Польши. Всѣ повеселѣли и прониклись полною увѣренностью, что теперь дѣло ихъ выиграно. Въ сущности въ положеніи польскаго дѣла никакой фактической пе- ремѣны не произошло, хотя пресловутый съѣздъ дѣйствительно собирался 13-го ноября 1862 года въ мѣстечкѣ Клочевѣ, Сѣдлецкой губерніи. Туда съѣхалось множе- ство шляхты, ксендзовъ и монаховъ, а для декораціи приманили еще около тысячи разнаго сброда обѣщаніемъ прощенія грѣховъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIX, стр. 412.

послѣ богослуженій и дарового угощенія. Главнѣйшій вопросъ, подлежащій обсужденію, заключался въ установленіи одной общей программы революціонныхъ дѣйствій, съ подчиненіемъ всѣхъ одной власти. Первоначально были въ Польшѣ двѣ властныхъ партіи: бѣлая, выдѣлившая изъ себя «шляхетскій комитетъ дѣйствія», и красная партія, орудовавшая посредствомъ «центрального комитета». Бѣлые въ своихъ махинаціяхъ для «одбудованія ойчизны» не рѣшались компрометировать себя крайними средствами; красные требовали убійствъ изъ-за угла, отравленій, воровства съ патриотическою цѣлью, поджоговъ и т. п. Совѣщанія, вперемежку съ разными «набоженствами», продолжались два дня, и въ результатѣ былъ составленъ протоколъ изъ 10 пунктовъ. Главная суть договора состояла въ томъ, что бѣлые приняли программу красныхъ и обязались во всемъ подчиняться распоряженіямъ центрального (краснаго) комитета. На духовенство возлагалась обязанность служить рычагомъ и душой движенія, что оно и безъ того давно уже дѣлало. Словомъ, произошла еще одна многолюдная, шумная и дерзкая демонстрація на виду у властей, которыя ограничились только наблюдательною ролью и не приняли надлежащихъ мѣръ къ недопущенію ея.

Теперь, по истеченіи тридцати лѣтъ, представляется совершенно непонятнымъ: какъ русское правительство могло допускать всѣ эти враждебныя проявленія, клонившіяся явно къ открытому мятежу? Почему небольшая въ началѣ горсть агитаторовъ забрала въ свои руки руководство массами и невозбранно распоряжалась вездѣ къ ущербу русскаго авторитета? Почему власть нравственно отсутствовала при вопіющихъ безпорядкахъ не только въ польскихъ, но и русскихъ провинціяхъ и допускала полное разложеніе государственнаго строя? Все это представляется теперь какою-то басней, миражемъ, бредомъ, а не дѣйствительною исторіей. А тогда, подчиняясь опьяняющему наркозу политическихъ вѣяній, мы какъ будто стыдились за самое свое существованіе и, чтобы засвидѣтельствовать солидарность свою съ высшимъ прогрессомъ, сами прикладывали руку къ дѣлу русскаго самоупражденія. Мы все уповали на наши гуманныя мѣры и кроткія увѣщанія, служившія предметомъ оскорбительнаго глумленія со стороны поляковъ, — вмѣсто того, чтобы рѣшительными дѣйствіями потушить пожаръ въ самомъ началѣ и предотвратить величайшія бѣдствія для самого польскаго населенія. Какъ это можно? А что скажетъ Европа, передъ которой мы тогда раболѣпствовали? Нельзя же намъ заступничествомъ за свои кровныя интересы выдать себѣ въ глазахъ цѣлаго свѣта патентъ отсталости въ либеральныхъ идеяхъ, въ нашемъ варварствѣ и національной дикости. Гуманность наша дошла до такой нелѣпости, что въ Варшавѣ даже отданъ былъ приказъ войскамъ, чтобы при прохожденіи частей по улицамъ, въ слу-

чаѣ, если будутъ изъ оконъ плевать на солдатъ, бросать камни, выливать грязныя жидкости (что повторялось очень часто), то чтобы команды не останавливались, не прибѣгали ни къ какимъ дѣйствіямъ и только замѣчали дома, откуда исходили эти вызывающія оскорбленія. Такіе дома замѣчались, но тѣмъ мѣры наши и оканчивались.

По правдѣ сказать, трудно было бы и примѣнять систематически мѣры противодѣйствія при помощи тѣхъ органовъ власти, какіе существовали въ то время. Въ царствѣ Польскомъ вся администрація съ верху до низу состояла поголовно изъ поляковъ самаго ненадежнаго свойства. Единственный русскій губернаторъ (Пономаревъ въ городѣ Радомѣ) былъ устраненъ Велепольскимъ (главнымъ начальникомъ гражданской части) «для пользы службы». Администрація Сѣверо-Западнаго края также была переполнена крамольными элементами. Выходило такъ, что военная власть дѣлала распоряженія къ прекращенію политической неурядицы, а гражданская—употребляла всѣ свои могущественныя средства къ поддержанію ея. Поэтому немногія попытки обуздать нѣкоторыхъ крамольныхъ чиновниковъ, которые въ силу своего служебнаго положенія были особенно вредны правительству, оставались не исполнимыми; на примѣръ, посылается изъ Варшавы отъ намѣстника предписаніе арестовать чиновника, какъ инициатора дерзкихъ манифестацій, а такъ какъ вся казенная почтовая организація служила ржонду, то конвертъ задерживался, и чиновникъ успѣвалъ скрыться. Или предписывалось губернатору устранить отъ должности вліятельное лицо за участіе въ мятежническихъ дѣлахъ, а губернаторъ возражаетъ, что этотъ чиновникъ—самый преданный правительству человекъ, и нарочно затягиваетъ переписку, чтобы замѣть дѣло. Очень часто случалось, что уволенные военною властью, въ силу военнаго положенія, гражданскіе чиновники черезъ мѣсяць вновь принимались на службу и даже получали награды, какъ потерпѣвшіе за святое польское дѣло.

Для характеристики положенія забѣгу немного впередъ, чтобъ рассказать фактъ, случившійся уже въ періодъ открытаго мятежа. 5-го февраля 1863 года извѣстный «довудца» Куровскій съ большою шайкой атаковалъ уѣздный городъ Мѣховъ, Келецкой губерніи, въ которомъ квартировали наши роты. Такъ какъ дѣло было ночью, то многіе мѣховскіе жители, вооружившись чѣмъ попало, присоединились къ мятежникамъ и дѣйствовали противъ нашихъ солдатъ, предвкушая триумфъ побѣдоноснаго вступленія въ родной городъ. Однакожь, наша взяла; повстанцы были отбиты и разсѣяны, и мѣховскіе жители тайкомъ пробрались къ своимъ пенатамъ. Началось слѣдствіе, которое выяснило съ положительностью, что не только разные мѣщане Мѣхова, но и самъ начальникъ уѣзднаго полицейскаго управленія со всѣми своими чиновниками, какъ

только произошла тревога, юркнулъ въ банду и сообща съ подчиненными сражался противъ нашихъ ротъ, а послѣ неудачи, какъ ни въ чемъ не бывало, явился съ своимъ штатомъ на служебномъ посту. Въ результатѣ слѣдствія, отъ управленія намѣстника послѣдовало распоряженіе на имя начальника Радомскаго военнаго отдѣла, генерала Ушакова, отъ 3-го апрѣля, чтобы всѣхъ виновныхъ въ бунтѣ полицейскихъ чиновниковъ, по исключеніи изъ службы, предать суду. Но пока бумага шла, предувѣдомленные чиновники удрали въ Краковъ. Тѣмъ временемъ радомскій губернаторъ (полякъ) изобразилъ передъ намѣстникомъ дѣло совѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Вслѣдствіе этого Ушакову сообщенъ черезъ того же губернатора приказъ намѣстника отъ 17-го мая: выслать немедленно въ Краковъ бѣжавшимъ чиновникамъ, какъ невинно пострадавшимъ, по 1.200 рублей награды каждому и паспорта для возвращенія на ихъ служебныя мѣста. Деньги и паспорта были высланы, но деньгами невинные чиновники воспользовались для того, чтобы вновь поступить въ банды, гдѣ и оказывали свое служебное усердіе.

Разсказанный эпизодъ—одинъ изъ тысячи подобныхъ—происходилъ въ 1863 году, но до конца 1862 года подпольный ржондъ еще собирался съ силами, копилъ деньги посредствомъ офяръ и контрибуцій, устраивалъ склады оружія и развивалъ тайную революціонную организацію: во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ царства Польскаго и Сѣверо-Западнаго края были поставлены «народовые» начальники и ихъ замѣстители, устроены тайныя почты и полиція, дѣйствовавшія на первыхъ порахъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ, и такъ какъ подпольное правительство деспотически проявляло свою силу и тѣмъ наводило страхъ на мирное населеніе, то обыватели боялись не только противодѣйствовать ржонду, но и оказывать пассивное неисполненіе его приказаній, ибо съ другой стороны не было защиты. А законная власть продолжала выжидать благодѣтельнаго успокоенія мятежныхъ провинцій отъ своего гуманнаго ничегонедѣланья. Въ это время стало уже положительно извѣстно, что происходитъ вербовка охотниковъ въ народное войско. Поступающихъ въ банды ксендзы приводили къ присягѣ передъ распятіемъ и двумя пистолетами или кинжалами по сторонамъ. Ксендзы читали молитвы, а колѣнопреклоненные повстанцы произносили клятвы и цѣловали крестъ. Въ концѣ декабря стали собираться по лѣсамъ кучки подозрительныхъ людей. Власти видѣли это, но все еще ничего не предпринимали для парализованія готовящагося возстанія. Насталъ 1863 годъ, и вдругъ разнеслась вѣсть, что въ ночь съ 10-го на 11-го января поляки одновременно во многихъ пунктахъ предательски напали на войска и произвели рѣзню. Нужно отдать справедливость ржонду, что онъ устроилъ этотъ первый актъ возстанія ловко, хотя и не совѣмъ успѣшно по результатамъ. Ближайшимъ къ намъ пунктомъ,

гдѣ въ эту ночь пролилась кровь съ обѣихъ сторонъ, было мѣстечко Кодень (теперь посадъ), Сѣдлецкой губерніи, въ 26 верстахъ отъ крѣпости, гдѣ былъ расположенъ летучій артиллерійскій паркъ. Оттуда привезли въ нашъ госпиталь семь раненыхъ солдатъ, которые рассказывали, что хотя имъ давно были розданы боевые потроны, чтобъ быть въ готовности на всякій случай, но о предполагаемомъ нападеніи само начальство предупреждено не было, и потому въ ночь на 11-е января, по обычному порядку, подлѣ гауптвахты бодрствовалъ одинъ только часовой; остальные караульные, сидя въ помѣщеніи, дремали. Около полуночи часовой сталъ замѣчать, что вблизи караулки начали проходить по два и по три какіе-то люди, которыхъ въ темнотѣ разсмотрѣть было нельзя и которые показались подозрительными только тѣмъ, что въ такое позднее время все мѣстечко обыкновенно спитъ мирнымъ сномъ. Часовой насторожился и когда замѣтилъ, что приближается куча людей, то опросилъ ихъ. Въ отвѣтъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ, часовой вскрикнулъ и упалъ, затѣмъ послѣдовало еще нѣсколько выстрѣловъ въ окна; моментально всѣ караульные выскочили на улицу и стали стрѣлять наугадъ по двигающимся человѣческимъ фигурамъ. Изъ казармъ также подоспѣли солдаты и произвели въ толпу нѣсколько выстрѣловъ. Мятежники вскорѣ рассыпались и куда-то исчезли. Остались на мѣстѣ только шесть убитыхъ и тяжело раненыхъ повстанцевъ, которые переданы бургомистру. У насъ оказалось 5 убитыхъ и 15 раненыхъ; изъ нихъ 7 болѣе серьезныхъ были доставлены въ нашъ госпиталь; остальные были ранены легко, повидимому, круглыми охотничьими пулками и остались въ строю. Во время суматохи часть повстанцевъ бросилась къ казенному ящику и захватила оттуда четыре тысячи рублей денегъ.

Изъ другого близкаго къ намъ пункта, города Лукова, получены были болѣе печальныя извѣстія. Тамъ произведено было ночное нападеніе на двѣ роты костромского пѣхотнаго полка совершенно врасплохъ и притомъ многочисленною бандой, простиравшеюся до 400 человѣкъ. Мятежники, предводимые помѣщикомъ Закржевскимъ и воодушевляемые жестокимъ и отважнымъ ксендзомъ Бржоской, успѣли перерѣзать въ этомъ городѣ болѣе 20 нижнихъ чиновъ.

Было еще нападеніе на мѣстечко Радинъ, не вдалекѣ отъ крѣпости. Здѣсь квартировали: одна нарѣзная батарея съ штабомъ артиллерійской бригады и стрѣлковая рота костромского пѣхотнаго полка. Въ полночь повстанцы тихо окружили квартиру жандармскаго капитана Хвоцинскаго, у котораго находились въ гостяхъ генераль Каннабихъ и нѣсколько офицеровъ, — и вдругъ появились новые непрошенные гости, вооруженные съ ногъ до головы. Все это были лица, водившія пріятельское знакомство съ офице-

рами. Не говоря ни слова, они пустили въ офицеровъ нѣсколько выстрѣловъ, изъ коихъ однимъ сорвало ухо генералу, остальные попали въ стѣну. Каннабихъ, мужчина атлетическаго сложенія, отбросилъ одного-другого кулаками и пробрался къ выходу, но тутъ получилъ такой сильный сабельный ударъ въ голову, что свалился безъ чувствъ, обливаясь кровью. Пока происходила эта борьба, всѣ офицеры, проскользнувъ во дворъ, пробрались задами построекъ къ казармамъ, подняли спящихъ солдатъ и повели противъ мятежниковъ, собравшихся на площади. Нѣсколько залповъ разсѣяли банду, при чемъ съ нашей стороны оказалось 4 убитыхъ и 8 раненыхъ. Генералъ Каннабихъ счастливо выздоровѣлъ и былъ впослѣдствіи комендантомъ сначала Замостья, потомъ Бендеръ. Умеръ въ 1874 году.

По ордеру ржонда нападеніе въ назначенную ночь должно было послѣдовать вездѣ, гдѣ только есть хоть одинъ солдатъ, при чемъ предполагалось вырѣзать и перестрѣлять по меньшей мѣрѣ половину войска и завладѣть оружіемъ и военными припасами. Но у повстанцевъ не хватило отваги, и они напали на гауптвахты и казармы всего въ 17-ти мѣстахъ и тотчасъ были отбиты, при чемъ съ нашей стороны пало 190 жертвъ, а повстанцевъ убито около 230 человекъ. Тайну предположеннаго нападенія врасплохъ поляки сохранили крѣпко. Обыкновенно о замыслахъ ржонда ходили болѣе или менѣе опредѣленные слухи, а тутъ никто ни слова. Поэтому со стороны начальства и не были приняты предупредительныя мѣры.

Это кровавое происшествіе сначала ошеломило русскихъ; а потомъ всѣ приободрились съ замѣчательнымъ единодушіемъ. Каждый, отъ генерала до солдата, теперь чувствовалъ и сознавалъ, что съ этого момента у войскъ развязаны руки, что пора попустительства и бездѣйствія кончилась, потому что вражеской силѣ будетъ типопоставлена сила. Съ своей стороны революціонный ржондъ старался развить огромную энергію въ начавшейся вооруженной борьбѣ и разослалъ во множествѣ экземпляровъ сразу шесть печатныхъ декретовъ. Нѣкоторые изъ нихъ были у меня въ рукахъ. Сущность ихъ сводилась къ слѣдующему. Россіи объявлялась безпощадная война отъ имени всей польской націи, какъ самостоятельной державы. Поляки призывались къ поголовному возстанію для открытой борьбы съ исконнымъ врагомъ, при чемъ каждому вмѣнялось безусловно повиноваться «народовымъ» — военнымъ и гражданскимъ — начальникамъ подъ страхомъ смертной казни. Крестьяне освобождались самозваннымъ правительствомъ навсегда отъ барщины и отъ всякихъ казенныхъ податей и повинностей, кромѣ офяръ на народное возстаніе.

Съ другой стороны намѣстникъ объявилъ строгое военное положеніе. Все царство Польское было раздѣлено на военные отдѣлы,

съ подраздѣленіемъ на мелкіе участки, вездѣ поставлены соотвѣтственные военные начальники. Войска получили болѣе широкое расквартированіе, чтобы фактически вліять на возможно большую территорію края; начались энергическія экспедиціи для уничтоженія повстанскихъ бандъ. Тѣмъ не менѣе, поляки питали крѣпкую увѣренность въ успѣхъ революціонной борьбы. Помню, какъ удивилъ меня мой сослуживецъ, помощникъ смотрителя военного госпиталя К., когда я какъ-то высказался, что напрасно поляки затѣяли свое гибельное для нихъ возстаніе, при чемъ выразилъ предположеніе, что не пройдетъ и двухъ мѣсяцевъ, какъ мятежъ будетъ раздавленъ. К., этотъ легальный, кроткій и всегда сдержанный полякъ, вдругъ преобразился: глаза заблестѣли, лицо покраснѣло. «Ошибаетесь, — возразилъ онъ дрожащимъ голосомъ, — тутъ пахнетъ не двумя мѣсяцами, а двумя годами. Да еще не извѣстно, чѣмъ все кончится, потому что русскимъ войскамъ, быть можетъ, придется воевать не съ одними поляками». Это случайно вырвавшееся признаніе было отголоскомъ всеобщаго польскаго упованія на счастливый исходъ революціи. Тотъ же К. удивилъ меня и по другому поводу. Самая первая вѣсть, такъ сказать, съ театра военныхъ дѣйствій пришла къ намъ изъ сосѣдней Сѣдлецкой губерніи, гдѣ 22 января подъ городомъ Венгровымъ произошла кровавая стычка, трагически кончившаяся для поляковъ: изъ банды въ 300 повстанцевъ осталось на мѣстѣ 150 убитыхъ. По этому поводу К. горько упрекалъ командира русскаго отряда въ жестокости: «это, молъ, не рыцарская война, а кровопійство — допустить, чтобы солдаты такъ много перестрѣляли плохо вооруженныхъ людей». Очевидно, поляки такъ ужъ привыкли къ долговременнымъ уступкамъ и покорности русскимъ войскамъ, что — казалось имъ — и при военныхъ дѣйствіяхъ наши роты будутъ безотвѣтно стоять подъ выстрѣлами мятежниковъ.

Надежды поляковъ на успѣхъ питались, во-первыхъ, всеобщимъ возбужденіемъ, естественнымъ въ самомъ началѣ вооруженнаго возстанія, а, во-вторыхъ, распускаемыми слухами о повсемѣстныхъ побѣдахъ повстанскихъ бандъ надъ русскими отрядами. Въ этомъ направленіи очень усердствовалъ ржондъ, выпуская печатные бюллетени «съ поля битвы», въ которыхъ послѣ всякой стычки, неизбѣжно кончавшейся истребленіемъ или разсѣяніемъ польскихъ отрядовъ, описывалось полное пораженіе русскимъ войскамъ. Къ тому же во многихъ мѣстахъ повстанцы хозяйничали на первыхъ порахъ безнаказанно, что имѣло видъ фактической польской власти, пока не приходили туда войска. Такъ, въ началѣ повстанья по одну сторону крѣпости, въ Брестскомъ уѣздѣ, производила безпорядки шайка Косинскаго: уничтожала телеграфы, захватывала почту, грабила казенныя и общественныя деньги въ городахъ, мѣстечкахъ и волостяхъ, смѣняла мѣстныхъ властей и проч., а по дру-

гую сторону крѣпости, въ Сѣдлецкой губерніи, волновалъ населеніе Рогинскій съ многочисленною бандой. Этотъ «довудца» былъ воспитанникъ польской военной школы, которую основалъ «генералиссимусъ» Мѣрославскій въ Генуѣ для приготовленія стратеговъ на случай революціи въ Польшѣ. Хотя Рогинскій былъ безусый юноша и никогда не командовалъ даже полувзводомъ, тѣмъ не менѣе на его военные таланты возлагались большія надежды. Женоподобный, нѣжнаго сложенія и мягкаго характера, Рогинскій насилывалъ себя, чтобы совершать жестокости, съ одной стороны, для доказательства своей воинственности, а съ другой, для внушенія страха своимъ и чужимъ. Между прочимъ, онъ въ самомъ началѣ повстанья совершилъ собственными руками подлое и вполне безцѣльное убійство чиновника канцеляріи намѣстника, статскаго совѣтника Черкасова, котораго поляки ненавидѣли за то, что онъ рѣзко и громко порицалъ всѣ польскія махинаціи. Какъ разъ 11 числа, послѣ ночной рѣзни, Черкасовъ, ничего не подозрѣвая объ опасности для русскихъ путешественниковъ вслѣдствіе еще не выяснивагося положенія, проѣзжалъ въ почтовомъ дилижансѣ въ обществѣ поляковъ и полякъ изъ крѣпости Брестъ-Литовска въ Варшаву. (Тогда желѣзной дороги еще не было). Остановивъ почтовыхъ лошадей, Рогинскій полѣзъ внутрь экипажа и, увидѣвъ тамъ Черкасова, котораго ему показывали въ Варшавѣ, выстрѣломъ изъ револьвера ранилъ его въ голову. Затѣмъ вывелъ обливающагося кровью чиновника изъ дилижанса и доканалъ несчастнаго нѣсколькими выстрѣлами въ упоръ, а принадлежавшія ему деньги (не казенныя) и часы положилъ себѣ въ карманъ. Говорятъ, что Черкасовъ, ошеломленный внезапнымъ выстрѣломъ въ голову, по выходѣ изъ экипажа, не отдавалъ себѣ отчета въ происходящемъ и спросилъ Рогинскаго: чѣмъ онъ передъ нимъ провинился? «А тѣмъ, — отвѣтилъ тотъ, — что панъ—врагъ поляковъ».

Пользуясь тѣмъ, что въ городѣ Бѣлѣ Сѣдлецкой губерніи не было войскъ, Рогинскій избралъ этотъ городъ своею главною квартирой и стянулъ сюда изъ лѣсовъ и укромныхъ захолустьевъ отдѣльныхъ повстанцевъ численностью до тысячи человекъ. Когда «народовое войско», предводимое Рогинскимъ, подходило къ городу, то было встрѣчено всѣмъ польскимъ духовенствомъ съ крестами и хоругвями, послѣ чего ксендзы отслужили въ костелѣ торжественный молебенъ, а настоятель Млечко освятилъ знамя съ изображеніемъ польскаго орла, поднесенное Рогинскому бѣльскими дамами, и произнесъ при этомъ слово радости и ободренія, обѣщая царствіе небесное всѣмъ подвижникамъ Христовымъ за святое польское дѣло. Жиды также отслужили свой молебенъ въ синагогѣ въ присутствіи Рогинскаго, которому устроили въ финалѣ шумную овацію. Весь городъ пришелъ въ неистовый восторгъ; мужчины обнимались, поздравляя другъ друга съ блеснувшей зарей осво-

божденія ойчизны; женщины плакали отъ радости, что Богъ сподобилъ ихъ видѣть свое польское войско, а повстанцы, утопая въ обилии угощений, знай потрясали саблями и мушкетами на страхъ отсутствующимъ врагамъ¹⁾. Нужно же было, чтобъ какъ разъ въ эту роковую минуту къ бѣльской почтовой станціи подѣхалъ слѣдовавшій къ бригадѣ молоденькій артиллерійскій офицеръ изъ поляковъ, только что кончившій училище. Попавъ въ самую сумятицу минутнаго польскаго господства и будучи окруженъ толпою, опьянѣвшею отъ патріотическаго восторга, офицерикъ съ недоумѣніемъ озирался, не зная, какъ ему отсюда выпутаться. А тутъ пристали къ нему съ настойчивыми требованіями, чтобы онъ доказалъ, что онъ—полякъ, достойный своей націи, чтобы онъ исполнилъ долгъ честнаго гражданина своего отечества и т. п. Кончилось тѣмъ, что зеленый офицерикъ, совсѣмъ и не помышлявшій о повстанціи, въ бригаду свою не поѣхалъ и очутился въ бандѣ Рогинскаго. Впослѣдствіи я видѣлъ этого офицера въ казематѣ крѣпости, будучи посланъ къ нему въ качествѣ врача. Сердце мое обливалось кровью, при видѣ несчастнаго юноши, который въ страшномъ отчаяніи и безысходной тоскѣ, терзаемый позднимъ раскаяніемъ, ожидалъ своей участи...

Изъ города Бѣлы Рогинскій выслалъ мелкія партіи въ разныя стороны, а также и по направленію къ крѣпости, для уничтоженія мостовъ, порчи телеграфа, для ограбленія почтъ, сбора реквизицій и т. п. Вслѣдствіе этого пошелъ слухъ, что Рогинскій подступаетъ къ крѣпости, чтобы ворваться въ нее и забрать всякіе военные и продовольственные запасы. При всей нелѣпости такого предположенія, на русскія семейства, жившія въ крѣпости, напалъ такой страхъ, что многія матери впадали въ отчаяніе, не зная, куда имъ скрыться съ дѣтьми. Особенно тревожною выдалась одна ночь, когда по слухамъ, распущеннымъ поляками, должно было послѣдовать нападеніе. Съ одной стороны толковали, что въ нѣсколькихъ верстахъ отъ крѣпости видѣли спящихъ повстанцевъ, а съ другой—отъ гарнизона не предпринимались никакія особенныя мѣры къ оборонѣ. Въ дѣйствительности не было и поводовъ принимать экстренныя мѣры, потому, во-первыхъ, что дико было бы предположить штурмъ крѣпости не дисциплинированной толпой, плохо вооруженной, а, во-вторыхъ, повстанцы держались отъ крѣпости въ почтительномъ отдаленіи, и ихъ могли видѣть вблизи только въ пугливомъ воображеніи. Тѣмъ не менѣе, роковая ночь многими проведена была безъ сна, въ ежеминутномъ ожиданіи барабанной тревоги. То-то потѣшились втихомолку поляки, служившіе въ крѣпо-

¹⁾ Всѣ эти подробности стали извѣстны какъ изъ произведеннаго слѣдствія, такъ и изъ разсказовъ самихъ повстанцевъ, вятыхъ въ плѣнъ и содержавшихся въ крѣпости.

сти! Самимъ же имъ выходить на арену противъ повстанцевъ крайне не хотѣлось. Когда начальство приказало инженерному вѣдомству исправить попорченные повстанцами мосты въ нѣкоторомъ разстояніи отъ крѣпости, то назначенный для этого офицеръ изъ поляковъ долго оттягивалъ исполненіе и, наконецъ, отправился въ эту ненавистную командировку, въ сопровожденіи инженерной команды, съ ругательствомъ и проклятіями.

Зима въ 1863 году стояла чрезвычайно легкая; морозы не превышали 2—4 градусовъ, при ясной и тихой погодѣ. Обстоятельство это было очень на руку инсургентамъ, которые свободно бродили съ мѣста на мѣсто и укрывались въ лѣсахъ тѣмъ свободнѣе, что наличныхъ войскъ нашихъ не хватало для тушенія революціоннаго пожара на протяженіи всего Привислинскаго края. Но вотъ изъ имперіи стали подходить новыя войска, постепенно покрывавшія незанятая дотолѣ пространства, гдѣ могли гулять повстанцы, и военныя дѣйствія пошли энергичнѣе. Успѣхъ ихъ зависѣлъ только отъ того, чтобы разыскать и настигнуть шайку, а это было не легко, потому что повстанцы бѣгали очень быстро. Если же завязывался бой, то онъ почти всегда кончался поражениемъ и разсѣяниемъ мятежнической партіи. Послѣ первыхъ гибельныхъ для поляковъ стычекъ варшавское тайное правительство, вѣрно оцѣнивъ положеніе, распорядилось, чтобы народное войско всячески избѣгало военныхъ столкновеній съ нашими отрядами, за исключеніемъ случаевъ, когда навѣрно можно рассчитывать на успѣхъ, но чтобы непрерывно появлялось въ новыхъ мѣстахъ, наносило вредъ всякимъ правительственнымъ учрежденіямъ и утомляло наши войска. Въ планъ ржонда входило—протянуть такимъ способомъ повстанье какъ можно долѣе, пока соберется и подоспѣетъ помощь извнѣ, а эти надежды рисовались тѣмъ осязательнѣе, что уже въ мартѣ былъ предпринятъ дипломатическій походъ противъ насъ нѣкоторыми западными державами.

Такъ какъ Брестъ-Литовскъ расположенъ между царствомъ Польскимъ и Сѣверо-Западнымъ краемъ, то мы здѣсь воспринимали впечатлѣнія съ обѣихъ сторонъ. На западѣ дѣла наши пошли замѣтно лучше, но нельзя было сказать того же про востокъ, гдѣ начальникомъ края все еще оставался гуманный и нерѣшительный В. И. Назимовъ. Отсюда приходили извѣстія о непрерывныхъ и самыхъ дерзкихъ демонстраціяхъ въ Вильнѣ, совершавшихся безнаказанно. Наконецъ, мы узнали, что и тамъ забрало повстанское оружіе. Въ самомъ началѣ апрѣля молодой помѣщикъ Динабургскаго (нынѣ Двинскаго) уѣзда Витебской губерніи графъ Платеръ напалъ съ бандой изъ дворовыхъ слугителей, такъ называемыхъ офиціантовъ и мелкой шляхты на казенный транспортъ оружія, сопровождаемый нѣсколькими конвоирами, и, разумѣется, легко завладѣлъ имъ. Упоенный восторгомъ удачи,

этотъ безумецъ замыслилъ тотчасъ же идти къ Динабургской (Двинской) крѣпости, чтобы штурмовать ее, но на пути былъ встрѣченъ собравшимися наскоро великорусскими старовѣрами съ дубьемъ въ рукахъ. Эти храбрецы напали на вооруженную банду, быстро разсѣяли ее, отняли транспортъ и захватили самого предводителя Платера, а потомъ расправились еще съ сосѣдними польскими помѣщиками, явно способствовавшими мятежу. Для иллюстраціи тогдашней мѣстной политики не мѣшаетъ прибавить, что изъ Вильны сдѣлано было представленіе въ Петербургъ о присылкѣ войскъ, такъ какъ наличной силы было недостаточно для усмиренія взбунтовавшихся русскихъ крестьянъ, нападавшихъ на мирныхъ жителей. Въ столицѣ, однакъ, поняли правильно суть дѣла, и войска были присланы не противъ русскихъ крестьянъ, но для подавленія польскаго бунта.

Тѣмъ временемъ подошелъ конецъ царствію Рогинскаго. Къ намъ прибылъ изъ Петербурга флигель-адъютантъ полковникъ (вскорѣ генераль) графъ Ностицъ, которому поручено руководить военными экспедиціями, долженствовавшими выходить изъ Брестъ-Литовска для водворенія порядка въ окрестностяхъ крѣпости и города. Молодой, способный и энергическій полковникъ внесъ замѣтное оживленіе въ нашу военную среду, такъ что даже трусливыя крѣпостныя дамы вздохнули съ облегченіемъ, переставъ опасаться повстанскаго набѣга. Пора уже была положить предѣлъ мятежническимъ неистовствамъ, ибо чѣмъ долѣе они продолжались, тѣмъ больше приобрѣтали авторитетности и какъ бы законной силы въ глазахъ населенія, которое, не видя никакого противодѣйствія со стороны правительства, привыкало считать революціонный режимъ упрочившимся, а повстанскія власти нормальными. Такимъ образомъ порядки, или, правильнѣе, беспорядки ржонда пускали корни на виду у крѣпости, а наша военная сила бездѣйствовала. Все это сознавалось ясно общемою мыслию и общимъ чувствомъ, но почему-то не было у насъ почина. Поэтому прибытіе гр. Ностица съ властными полномочіями было очень важно. Нимало не медля, онъ взялъ небольшой отрядъ (6 пѣхотныхъ ротъ, 15 казаковъ и 2 орудія) и выступилъ противъ Рогинскаго, который, не испытавъ еще пораженія, потому что до сихъ поръ не видѣлъ русскаго войска, возмнилъ себя непобѣдимымъ и потому вмѣсто бѣгства рѣшился принять сраженіе. Съ одной стороны этотъ зеленый полководецъ рассчитывалъ на многочисленность своего отряда, къ которому за время долгаго отсутствія русской власти присоединилось много всякихъ искателей приключеній, а съ другой—онъ уповалъ на горячія молитвы костела и помощь силъ небесныхъ. Избравъ позицію въ четырехъ верстахъ отъ Бѣлы, Рогинскій выслалъ впередъ стрѣлковъ, которымъ предназначалось произвести опустошеніе и разстройство въ нашихъ рядахъ; во второй линіи поставлены

косиньеры (съ заостренными косами на длинныхъ древкахъ), которые должны были ринуться въ рукопашную, а расположенная позади всѣхъ кавалерія долженствовала довершить пораженіе и преслѣдовать врага. Это была со стороны поляковъ поистинѣ игрушка въ войну, только игрушка кровавая. Едва показался въ отдаленіи нашъ отрядъ, какъ повстанцы стали палить немилосердно, хотя пули ихъ, разумѣется, не долетали до цѣли; а при первомъ натискѣ нашихъ ротъ они дружно попятились и, смѣшавшись въ беспорядочныя кучи, пошли наутекъ. На мѣстѣ осталось до ста человѣкъ убитыхъ и раненыхъ и, кромѣ того, много захвачено живьемъ. Такъ какъ наступила ночь, то преслѣдовать повстанцевъ, рассыпавшихся въ лѣсахъ, было рискованно тѣмъ болѣе, что можно было наткнуться на свѣжія банды и попасть въ засаду. Поэтому графъ Ностицъ остался въ Бѣлой и вошелъ въ сообщеніе съ отрядомъ, расположеннымъ въ мѣстечкѣ Межирѣчьѣ, для согласованія военныхъ экспедицій. Тѣмъ временемъ Рогинскій, собравъ свое войско, двинулся на мѣстечко Яновъ, гдѣ забралъ съ казеннаго конскаго завода лошадей и до 2.000 рублей денегъ и перешелъ черезъ Бугъ въ Гродненскую губернію; но узнавъ, что во ввѣренномъ ему отъ ржонда Бѣльскомъ воеводствѣ собралось вмѣстѣ нѣсколько бандъ, вернулся назадъ и соединился въ мѣстечкѣ Семятичахъ, недалеко отъ рѣки Буга, съ партіями Левандовскаго, Рыльскаго и Шанявскаго. Эту соединенную банду, численностью до шести тысячъ, сначала потрепалъ генералъ Манюкинъ, а потомъ окончательно разбилъ графъ Ностицъ. Тогда Рогинскій съ незначительною партіей ночью перебрался вторично черезъ рѣку Бугъ въ Гродненскую губернію; но, не встрѣтивъ здѣсь сочувствія среди православнаго населенія, бросился въ лѣса и уже не думалъ о какихъ либо военныхъ дѣйствіяхъ, но спасалъ только свою жизнь. Кучка повстанцевъ, преслѣдуемая по пятамъ графомъ Ностицемъ, забѣжала, наконецъ, въ Минскую губернію, гдѣ была совершенно уничтожена капитаномъ Альбертовымъ, такъ что въ концѣ концовъ Рогинскій былъ пойманъ крестьянами только съ однимъ тѣлохранителемъ. Оборванный, больной и изнуренный, этотъ доводца имѣлъ очень жалкій видъ. Его переправили въ Варшавскую цитадель. Другой доводца—Косинскій, шатавшійся съ небольшою шайкой по Брестскому уѣзду Гродненской губерніи, убѣдившись окончательно, что рассчитывать на поддержку православныхъ жителей нельзя, заблаговременно перешелъ черезъ границу въ царство Польское, гдѣ было больше условій для укрывательства отъ опасности.

IV.

Плѣнные повстанцы.—Паны и хлопы.—Ксендзъ Млечко.—Эмиссаръ Абихтъ.—Впечатлѣннѣе, произведенное назначеніемъ М. Н. Муравьева генераль-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края.—Мое перемѣщеніе въ Ивангородъ.—Затруднительность положенія.—Опасность путешествія.—Слѣды мятежа.—Неожиданное посѣщеніе въ Межиричѣ черной дамой.—Курьерки.

Въ маѣ мѣсяцѣ въ Брестъ-Литовскѣ набралось до 200 арестованныхъ повстанцевъ и разныхъ подстрекателей, въ числѣ которыхъ находился и ксендзъ Млечко, настоятель Бѣльскаго костела, съ своимъ викаріемъ Кожуховскимъ. Для этого разнокалибернаго народа—въ чемаркахъ, духовныхъ сутанахъ, фантастическихъ мундирахъ и простыхъ сукманахъ—былъ отведенъ рядъ свѣтлыхъ, сухихъ и чистыхъ казематовъ. Кормили ихъ и вообще содержали хорошо. Вся эта команда была поручена вѣдѣнію капитана Горемыки, который вмѣстѣ съ тѣмъ являлся посредникомъ между начальствомъ и арестованными въ случаѣ какихъ либо ихъ нуждъ. Наблюденіе за ихъ здоровьемъ и лѣченіе казенными средствами было поручено мнѣ. Вообще не только наше начальство относилось гуманно къ повстанцамъ, но и солдаты обходились съ ними добродушно, какъ только эти люди стали безоружными, и потому досадно было, что поляки, въ отместку за пораженія своихъ бандъ, всѣми мѣрами старались распускать слухи о якобы звѣрскихъ русскихъ жестокостяхъ: казаки, дескать, поднимали на острія пикъ малыхъ дѣтей, а солдаты распарывали животы женщинамъ. Эти недостойныя басни не только переходили изъ устъ въ уста, но и публиковались въ бюллетеняхъ ржонда и сообщались въ заграничныя газеты.

Находясь въ помѣщеніяхъ, непосредственно сообщавшихся между собою, повстанцы тотчасъ подѣлились на сословія, словно вода и масло: простые люди сгруппировались особо, а шляхта особо. И невольно припоминалась фальшь искусственнаго сліянія польскихъ сословій, когда паны, заискивая передъ мужиками въ виду мятежа, устраивали цѣлыя комедіи: въ Варшаву привезены были хлопы, наряжены въ конфедератки и поставлены попарно съ князьями, графами и богатыми помѣщиками въ церковной процессіи, ходившей по главнымъ улицамъ города, а потомъ въ Европейской гостинницѣ былъ общій обѣдъ пановъ и хлоповъ. Въ Вильнѣ предводитель дворянства во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ развѣзжалъ съ визитами къ захудалымъ городскимъ мѣщанамъ и ремесленникамъ, пожимая заскорузлыя и выпачканныя руки. Послѣ этого на предмѣстьѣ Вильны, Погулянкахъ, былъ устроенъ такъ называемый національный балъ, во время котораго самыя знатныя польскія аристократки и изящныя панны танцевали съ са-

пожниками, столярами, цирульниками, кожевниками и вообще съ такими кавалерами, отъ которыхъ отдавало совѣтъ не бальнымъ духомъ. Подобное же братанье пановъ съ хлопами поддерживалось, по наружности, и въ бандахъ. Но какъ только совмѣстная дѣятельность во имя ойчизны кончилась, панъ тотчасъ всплылъ на верхъ. Въ Брестскомъ плѣну шляхта относилась къ своимъ сѣрымъ союзникамъ съ нескрываемымъ пренебреженіемъ и при совмѣстномъ жителствѣ не имѣла съ ними ничего общаго. Въ то время, когда шляхтичи и въ казематахъ бравировали, сѣрые косинеры держали себя скромно и конфузливо, словно въ сознаниі содѣянной ими глупости. Они же служили предметомъ частыхъ насмѣшекъ со стороны своихъ интеллигентныхъ «братанковъ». Ксендзъ Млечко поражалъ своимъ крѣпкимъ духомъ и ожесточеніемъ. Онъ обвинялся въ весьма важныхъ политическихъ преступленіяхъ, но не унывалъ, хотя кто-то шепнулъ ему, будто бы онъ уже осужденъ, и что не миновать ему висѣлицы. «Если послѣдовалъ обо мнѣ смертный приговоръ,—однажды при мнѣ сказалъ онъ,—то я плюю на него, мало того, смѣюсь надъ нимъ, потому что такой приговоръ не имѣлъ бы ничего общаго съ справедливостію». Этотъ ксендзъ приводилъ въ свое оправданіе,—какъ и всѣ вообще заточенные въ мятежъ,—что онъ вынужденъ былъ крайними обстоятельствами противъ собственной воли дѣйствовать не легальнымъ образомъ. О Рогинскомъ было слышно, что онъ держалъ себя скромно и сдержанно и во всемъ признавался чисто-сердечно. Самымъ долговременнымъ обитателемъ Брестскаго каземата былъ нѣкто Абихтъ, сынъ знаменитаго нѣкогда въ Вильнѣ доктора. Получивъ прекрасное образованіе, молодой Абихтъ отправился за границу для усовершенствованія, но тамъ примкнулъ къ польскому революціонному обществу и сдѣлался самымъ усерднымъ его адептомъ. Еще въ 1861 году онъ занялся тайнымъ провозомъ изъ-за границы оружія и исполнялъ эту миссію такъ успѣшно, что образовалъ въ Польшѣ нѣсколько центральныхъ складовъ. Избалованный полною безопасностію своихъ дѣйствій, Абихтъ потомъ явно развозилъ оружіе въ телѣгахъ по разнымъ пунктамъ края и съ однимъ транспортомъ случайно попался. Какъ важный эмиссаръ, упорно во всемъ заправшійся, онъ просидѣлъ въ одиночномъ заключеніи болѣе года. Меня нерѣдко посылали къ нему, когда онъ заявлялъ о своей болѣзни, хотя у него ничего не оказывалось, кромѣ понятнаго разстройства нервовъ. Пока я былъ въ Брестѣ, дѣло объ этихъ лицахъ было еще не рѣшено; впоследствии я слышалъ, что они отдѣлялись ссылкой. Не смотря на повсемѣстныя неудачи повстанскихъ операцій, даже заключенные не скрывали своей увѣренности въ конечномъ успѣхѣ повстанія. Они говорили о политическомъ отдѣленіи отъ Россіи царства Польскаго, какъ о совершившемся фактѣ, и только нѣсколько сомнѣвались относительно Литвы.

А судьба такъ называемой Литвы уже была окончательно и безповоротно рѣшена назначеніемъ 1-го мая 1863 г. на постъ генераль-губернатора Сѣверо-Западнаго края М. Н. Муравьева. Это назначеніе, какъ громомъ, поразило поляковъ. Такое сильное впечатлѣніе можно было наблюдать на польской интеллигенціи Брестъ-Литовска и ближайшихъ мѣстностей. Всѣ приуныли, повѣсили головы и чувствовали себя удрученными. Всякіе слѣды демонстративнаго траура исчезли, замолкли революціонныя пѣсни не только въ костелѣ, но и въ частныхъ домахъ. Хотя много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ М. Н. Муравьевъ былъ гродненскимъ губернаторомъ (съ 1829 по 1834 г.), но поляки живо помнили или знали по преданію, какъ этотъ неумолимый патріотъ и цѣльный администраторъ безопадно искоренялъ всякія крамольныя проявленія въ управляемой имъ губерніи. Какое магическое значеніе имѣло имя Муравьева, показываетъ слѣдующій мелкій фактъ. Послѣ генерала Бушена пріѣхалъ въ Брестъ начальникомъ комиссаріатской комиссіи (нынѣшнее окружное интендантство) генераль Эртель, человекъ крутой и строгій. На первыхъ же порахъ онъ сдѣлалъ публично строжайшій выговоръ своему чиновнику Д—скому (поляку) за то, что, по полученнымъ свѣдѣніямъ, жена его и дочери дѣлаютъ какіе-то подозрительные сборы будто бы для бѣдныхъ, и пригрозилъ ему отставкой. Чиновникъ робко сказалъ нѣсколько словъ въ свое оправданіе и тотчасъ замолчалъ, а потомъ рассказывалъ: «я бы зналъ, какъ ему отвѣтить, еслибъ не сидѣлъ Муравьевъ въ Вильнѣ». Нужно знать, что Брестъ-Литовская комиссаріатская комиссія составляла военное учрежденіе Варшавскаго района, и Муравьевъ не имѣлъ никакихъ отношеній ни къ этой комиссіи, ни къ ея чиновникамъ. Вообще можно сказать, что передъ однимъ именемъ Муравьева польская справа сразу опѣшила, и сомнѣваться въ исходѣ мятежа могли только люди, лишеныя способности правильно понимать вещи.

Не такъ стояло дѣло въ царствѣ Польскомъ, потому что здѣсь въ законномъ правительствѣ продолжалось еще двоевластіе. Всѣ военныя мѣры исходили отъ намѣстника, а гражданская администрація все еще находилась въ рукахъ маркиза Велепольскаго. Поэтому хотя банды были войсками разбиваемы и разгоняемы, но онѣ безпрерывно появлялись въ новыхъ мѣстахъ, потому что мятежъ питался, такъ сказать, отъ корней страны. Лѣтомъ этого года мелкихъ повстанскихъ партій намножилось столько, что, казалось, подъ каждымъ кустомъ въ лѣсу сидитъ повстанецъ. Въ такое-то тревожное время неожиданно получилось предписаніе о томъ, что я перемѣщенъ изъ Брестъ-Литовска въ Ивангородскую крѣпость, при слияніи Вепря съ Вислой. На мою бѣду тогда въ крѣпостяхъ были въ первый разъ сформированы крѣпостныя войска. Въ Ивангородѣ возникъ крѣпостной баталіонъ, въ который нужно было

назначить достаточно опытнаго въ администраціи врача, и жребій палъ на меня ¹⁾).

Проѣхать въ то время большое пространство на лошадахъ по возмутившемуся краю, да еще съ семействомъ, какъ у меня, было большимъ вопросомъ. Повстанцы, озлобленные безпрестанными пораженіями и казнями нѣкоторыхъ главарей мятежа въ Варшавѣ и Вильнѣ, вымещали свою злобу на отдѣльныхъ русскихъ лицахъ. Ожесточеніе ихъ не знало границъ, и если кто имѣлъ несчастіе попасть въ руки мятежниковъ, то весьма рѣдко оставался живымъ. А тутъ еще какъ разъ одновременно съ моимъ переводомъ пришла вѣсть о трагической участи одного молодого офицера, который, по выпускѣ изъ сапернаго училища, рискнулъ проскользнуть въ свой баталіонъ на почтовыхъ, но былъ схваченъ повстанцами и повѣшенъ на деревѣ. Какъ я ни отказывался, но покойный начальникъ военно-медицинской части Агаоновъ (въ Варшавѣ) не нашелъ возможнымъ отмѣнить моего назначенія. Почти одновременно со мною получилъ назначеніе на должность смотрителя Ивангородскаго военнаго госпиталя поручикъ Лобковъ, чиновникъ комиссаріатской комиссіи. Ему также предстояло разрѣшить трудную задачу—пробраться съ женой и тремя малыми дѣтьми на новое мѣсто. Долго мы совѣщались и выслушивали со всѣхъ сторонъ всевозможные совѣты, но трудно было окончательно на что либо рѣшиться. Представлялось три способа переѣзда. Самый безопасный состоялъ въ томъ, чтобы выждать т. н. оказій и слѣдовать въ ихъ составѣ. Оказіей называлось препровожденіе въ разные пункты казенныхъ транспортовъ подъ прикрытіемъ вооруженнаго конвоя. Но оказія снаряжались по мѣрѣ надобности и не могли цѣликомъ обнимать нашего маршрута: на примѣръ, оказія имѣла своимъ конечнымъ пунктомъ г. Бѣлу или Сѣдлецъ, гдѣ намъ приходилось выждать неопредѣленное время, пока представится случай слѣдовать съ новою оказіей въ Варшаву, хотя это было уже въ сторону отъ нашего пути. Здѣсь предстояло устроиться въ гостинницѣ и опять ждать случайнаго отправленія оказія въ Ивангородъ. Такое путешествіе могло затянуться на многіе мѣсяцы, и выносить неудобства его съ женами и дѣтьми было невыносимо. Къ тому же оказія съ казеннымъ имуществомъ и очень часто съ казенными суммами, сопровождаемыя относительно небольшими отрядами, всегда служили соблазномъ для повстанцевъ попробовать счастья. Могли возникать перестрѣлки, при которыхъ семейства претерпѣвали бы смертельные страхи. Можно было прямо ѣхать на почтовыхъ безъ всякаго конвоя. Но тогда всѣ почты, хотя по формѣ казенныя, были въ распоряженіи ржонда, потому что всѣ почтовые органы, начиная отъ

¹⁾ Крѣпостныя войска были потомъ упразднены и замѣнены въ крѣпостяхъ резервными баталіонами, а черезъ нѣсколько лѣтъ возстановлены вновь.

смотрителя и до послѣдняго ямщика, тайно служили революціонному правительству. Слѣдовательно ѣхать на почтовыхъ сопряжено было съ очевиднымъ рискомъ. Можно было постоянно попадать въ непріятное и даже опасное положеніе. Если бы насъ и не убили, то навѣрное ограбили бы. Оставался еще одинъ способъ—пробратъсь тайкомъ на долгихъ въ жидовскомъ крытомъ фургонѣ, такъ какъ подобная обстановка путешествія менѣе привлекала вниманія повстанцевъ. Этотъ способъ наиболѣе былъ всѣми одобряемъ, и мы рѣшились воспользоваться имъ.

Итакъ, въ одно ясное іюньское утро мы—два семейства—запрягались въ крытыя колымаги и, благословясь, тронулись въ путь. Въ каждой запряжкѣ по четверкѣ лошадей, на козлахъ—по жиду. Провожали насъ съ большими опасеніями за нашу цѣлость; у насъ самихъ крѣпко скребло въ глубинѣ груди, но избѣжать участи нельзя. Будь, что будетъ—Его святая воля. Можно было ѣхать напрямикъ по грунтовымъ дорогамъ, сокративъ переѣздъ верстъ на 80, но этотъ путь пролегалъ по глухимъ мѣстамъ, гдѣ обыкновенно и шатались повстанцы. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства мы избрали кругное направленіе, простиравшееся на 320 верстъ, по шоссейной дорогѣ, идущей на Варшаву и потомъ на Люблинъ. Здѣсь всегда кипѣло проѣзжее движеніе и, кромѣ того, почти во всѣхъ попутныхъ городахъ и мѣстечкахъ были расположены небольшія войсковыя части. Отъѣхавъ верстъ 15, наши возницы остановились у придорожной корчмы напоить лошадей, а денщикъ зашелъ въ корчму закурить трубку, но долго не возвращался, такъ что пришлось послать за нимъ фурмана (извозчика). Денщикъ возвратился смущенный и объяснилъ, что его задержалъ разговоромъ полякъ, содержатель корчмы. «Сталъ онъ меня пытатъ, кто ѣдетъ? Я сказалъ. Что-жь, говоритъ, такъ опоздали? Вы, говоритъ, давно уже должны проѣхать. А почему, панъ, знаешь, что мы должны ѣхать? Какъ не знать, говоритъ, когда отсюда до крѣпости рукой подать, все извѣстно. Скажи, пытается дальше, не везутъ ли господа какихъ порученій? Этого, говорю, не знаю; на службу ѣдутъ. Ухмыльнулся полякъ, да мнѣ въ отвѣтъ: храбрые же твои господа, что ѣдутъ такъ безъ защиты. Тутъ часто проходятъ наши, значить, польскіе отряды, и вы, навѣрно, гдѣ нибудь съ ними увидите».

О нашемъ проѣздѣ, безъ сомнѣнія, знали и корчмари и почто-содержатели, потому что у ржовда вездѣ была своя полиція, которая собирала всевозможныя свѣдѣнія, могущія для чего либо понадобиться. Первая кормежка лошадей была въ Бѣлѣ. Странное впечатлѣніе производилъ этотъ городъ, недавно еще бывшій главной квартирой Рогинскаго съ его шумною бандой. На площади—пушки, охраняемые часовыми, но жителей никого, словно все населеніе вымерло. Еврей, содержатель постоялаго двора, видимо сдерживался говорить о чемъ либо не только съ нами, но и съ своими

единовѣрцами, нашими извозчиками, и на вопросы отвѣчалъ отрывисто и уклончиво. Видимо городъ находился подъ сильнымъ впечатлѣніемъ только что пережитыхъ событій, и каждый въ отдѣльности обыватель чувствовалъ себя между двухъ огней: вчера была власть польская, сегодня русская, а завтра неизвѣстно какая, можетъ быть, опять польская. По неволѣ приходилось соблюдать боязливую осторожность. Въ этомъ городѣ, подъ прикрытіемъ своего войска, мы могли спокойно отдохнуть нѣсколько часовъ. Но когда выѣхали дальше, порванные проволоки, полуразрушенные мостки и кое-гдѣ сожженные халупы стали воочію говорить о существующей здѣсь сумятицѣ. Эти картины производили тяжелое впечатлѣніе, напоминая въ то же время о могущей ежеминутно послѣдовать нежелательной встрѣчѣ. Не вездѣ, впрочемъ, по пути видны были слѣды разрушенія, но гдѣ только прошли повстанцы, тамъ телеграфный проводъ непремѣнно испорченъ. Телеграфъ представлялъ единственный способъ сообщенія, которымъ не могли пользоваться агенты ржонда, потому что телеграфныя конторы находились подъ постояннымъ контролемъ законной власти. Поэтому мятежники обрушивали на телеграфъ всю свою ненависть и, гдѣ только могли, портили его. Тутъ правая рука созидала, а лѣвая разрушала. Начальство постоянно высылало телеграфныхъ чиновниковъ съ вооруженными командами для исправленія поврежденій, а бродящія банды при всякомъ удобномъ случаѣ истребляли ненавистную проволоку, заявляя тѣмъ свое господство въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ для нихъ не было опасности по отсутствію войскъ. Такимъ образомъ, валяющіеся столбы и проволоки были вѣрнымъ указаніемъ, что въ данномъ мѣстѣ недавно прошли повстанцы. Почтовыхъ станцій по дорогѣ они не трогали, даже не забирали лошадей для надобностей бандъ, потому что почты служили больше ржонду, чѣмъ законному правительству.

Вечеромъ, подѣзжая къ мѣстечку Межирѣчью (тогда называлось Мендзежице), мѣсту перваго нашего ночлега, мы увидѣли за полъ-версты впереди насъ, какъ нѣсколько подозрительныхъ всадниковъ пересѣкли нашу дорогу, поспѣшно переѣхавъ изъ одного лѣса въ другой. Догадливые возницы наши тотчасъ придержали лошадей, чтобъ дать время повстанцамъ подальше отѣхать отъ дороги въ глубь лѣса, и насъ на этотъ разъ никто не остановилъ. Только что мы расположились въ гостинницѣ за самоваромъ, чтобъ напоить усталыхъ дѣтей и уложить спать, какъ растворилась дверь, и въ номеръ вошла незнакомая дама среднихъ лѣтъ вся въ черномъ, съ чугуннымъ крестикомъ на груди.

— Извините, господа, — сказала она попольски, — вы, конечно, знаете постановленіе, что всякій проѣзжающій обязанъ внести лепту на алтарь ойчизны за благополучное путешествіе.

Эта неожиданность поставила всѣхъ втупикъ. Произошла пауза.

Наши дамы въ недоумѣннн остановили на мужьяхъ вопросительные взоры.

— Наша родина далеко,—отвѣтилъ кто-то изъ насъ порусски.

— Ахъ, такъ вы россияне, пшепрашамъ бардзо (прошу извинить), я не предполагала, — удивленно проговорила полька, — да какъ же это вы ѣдете въ такое время и еще съ дѣтьми? Какія хорошенькія дѣтки, Боже, какъ мнѣ жаль ихъ!

— Скажите Бога ради,—спросили испуганныя матери,—развѣ намъ грозитъ опасность? За что же дѣти пострадать могутъ? Скажите, что можетъ случиться съ ними?

— Милыя пани, все можетъ быть, какъ всегда на войнѣ бываетъ. Тутъ не подалеку въ лѣсу расположилось наше войско. Положимъ, поляки—шляхетный (благородный) народъ; но все зависитъ отъ обстоятельствъ. Очень ужъ ваши жестоки; въ Вильнѣ даже ксендзовъ вѣшаютъ. Бѣдные, святые мученики!—воскликнула дама, скрестивъ на груди руки и поднявъ глаза кверху. — Согласитесь, что это изуверство, это великое преступленіе противъ Господа Бога...

— Но какое же тутъ можетъ быть отношеніе къ намъ?—возразили дамы.

— Милыя мои, тутъ можетъ быть месть, особенно если въ отрядѣ находится ксендзъ. Ахъ, дѣтки, дѣтки, ужасно мнѣ жаль ихъ! Я сама мать, сама понимаю невинныхъ ангелочковъ. Помолитесь пресвятой Матери Ченстоховской, она защититъ васъ отъ всякихъ бѣдствій. Я также буду молиться.

Послѣ этого черная дама пожелала намъ счастливаго пути и скрылась, напутствуемая благодарностью за участіе, хотя, правду сказать, она оказала плохую услугу, повергнувъ наши семейства въ большое безпокойство. Посѣтившая насъ полька, по всей вѣроятности, была одна изъ курьерокъ, которыя играли не маловажную роль въ революціонной организаціи. Такъ какъ женщины вообще меньше возбуждали подозрѣнія со стороны властей, да и не рыцарское дѣло оскорблять прекрасный полъ обысками, то многія польскія дамы и дѣвицы, пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ, принимали на себя обязанности посредницъ между воротилами подпольнаго правительства и доводцами польскихъ вооруженныхъ партій. Образовался особый родъ агентокъ, подъ названіемъ курьерокъ, о которыхъ въ повстанскихъ мемуарахъ всегда вспоминается съ признаніемъ заслугъ ихъ передъ ойчизной. Прежде всего на эту службу пошли такъ называемыя терцярки. Это—участницы церковныхъ братствъ, обязанныя по своему уставу ежедневно ходить въ костель, прочитывать втеченіе дня столько-то молитвъ, заботиться о распространеніи и укрѣпленіи католической религіи и пр. Такія женщины служили въ рукахъ ксендзовъ безпрекословно покорнымъ орудіемъ на всякое религіозное или политическое дѣло, какое имъ указывалось изъ тайника конфессіонала

(исповѣдальни). На этихъ-то терцярокъ духовенство возлагало «священную миссію», во славу католической церкви, служить патріотическо-польскому дѣлу, и онѣ шли безъ оглядки, готовыя на всякія случайности. Но не изъ однѣхъ только терцярокъ состоялъ институтъ курьерокъ. На эту службу шли также женщины, не принадлежавшія къ церковному братству, большею частью изъ образованнаго общества, и исполняли принятую на себя роль съ увлеченіемъ. Черезъ курьерокъ пересылались приказанія и извѣщенія, устные и письменныя, иногда значительныя денежныя суммы. Запрячетъ такая барыня какую нибудь важную бумажку въ сокровенное мѣсто своего костюма и ужъ доставить вѣрнѣ всякаго кавалера. Относительно народныхъ денегъ курьерки были безусловно честны. Кажется, не было ни одного примѣра, чтобы какая изъ нихъ присвоила порученную ей для передачи сумму. Но нельзя того же сказать про всѣхъ «мужей довѣрія». Сами повстанцы заявляли, что многіе патріоты оставляли въ своихъ карманахъ огромныя деньги. Лѣтъ черезъ десять послѣ повстанья мнѣ самому указывали въ Варшавѣ на такихъ лицъ изъ пролетаріата, которые занимались сборомъ офяры, являясь съ полномочіемъ отъ ржонда (печатать на шелковомъ кругломъ лоскуткѣ) въ порядочные дома въ обтрепанныхъ пиджакахъ и заплатанныхъ сапогахъ, а когда край успокоился, то эти самые пролетаріи воздвигли себѣ многоэтажные дома и купили имѣнія. Курьерки представляли въ своей средѣ два типа: однѣ, задавшіеся «священной идеей служенія польской справѣ», держали себя въ бандахъ пристойно; другія, по свидѣтельству самихъ повстанцевъ, отдавали себя на жертву ойчизнѣ всецѣло, служа своимъ тѣломъ народovýmъ героямъ, преимущественно доводцамъ; нѣкоторыя въ каждой бандѣ имѣли любовниковъ.

Вообще можно сказать, что нѣтъ ничего легче, какъ подвинуть польскую женщину на патріотическій подвигъ въ польскомъ смыслѣ. Конечно, любовь къ родинѣ въ основѣ своей—почтенное чувство, но у поляковъ и въ особенности у полекъ это чувство не уравновѣшивается разсудкомъ и проявляется поэтому въ самой острой формѣ, какъ неудержимая экзальтація. Въ такомъ психическомъ состояніи не взвѣшиваются шансы, не разбираются средства, но совершается одно лишь роковое стремленіе по данному толчку, пока не разобьется лобъ объ стѣну, пока сильное физическое потрясеніе не отрезвитъ отъ транса. Поляки и польки съ дѣтства воспринимаютъ одни и тѣ же патріотическія внушенія и въ семьѣ и въ костелѣ (прежде и въ школѣ); у тѣхъ и другихъ глубоко западаетъ въ душу идея объ освобожденіи Польши отъ чужой власти, но патріотическое чувство у польскихъ женщинъ гораздо болѣзненнѣе, чѣмъ у мужчинъ, и всегда горитъ въ ихъ сердцахъ жгучимъ пламенемъ. Справедливо сказалъ Н. В. Бергъ (въ Запискахъ о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ), что полякъ можетъ быть и

краснымъ и бѣлымъ патриотомъ, но полька бываетъ только красною и потому она — всегда готовая повстанка. Если бы какому сумасброду вздумалось набрать подъ знаменемъ ойчизны цѣлые полки женщинъ, то и въ этомъ не встрѣтилось бы затрудненій, хотя, конечно, достаточно было бы выставить противъ подобнаго войска только дуло пушки, чтобъ это войско, по нервности своей, разбѣжалось. Все это сказано для того, чтобы объяснить горячее участіе польскихъ женщинъ какъ во всѣхъ революціонныхъ демонстраціяхъ, такъ и въ активныхъ дѣйствіяхъ ржонда. Вотъ почему во время мятежа такая масса курьерокъ изъ всѣхъ слоевъ польскаго общества сновала по взволнованному краю. Фактъ этотъ, во всякомъ случаѣ, крайне любопытенъ и едва ли имѣлъ прецедентъ въ какой либо другой націи въ аналогическихъ обстоятельствахъ.

И. Любарскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ СЕМЕНОВИЧА ЛЪСКОВА.

I.

ЛЪ НОЧЬ на 21-е февраля умеръ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и выдающихся писателей нашихъ— Николай Семеновичъ Лѣсковъ. Его предки происходили изъ духовнаго званія, и самая фамилія идетъ отъ погоста, гдѣ они священствовали многіе годы. Отецъ писателя, Семенъ Дмитріевичъ, тоже былъ сынъ священника, но служилъ дворянскимъ засѣдателемъ въ Орловской палатѣ уголовного суда и впоследствии хлопоталъ о зачисленіи себя съ дѣтьми въ дворянское званіе. Его ходатайство было удовлетворено. Такимъ образомъ, Николай Семеновичъ происходилъ уже изъ дворянской семьи, а мать его, Марья Петровна, была взята изъ семьи крупныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ Алферьевыхъ. Покойный писатель родился 4-го февраля 1831 года въ селѣ Гороховѣ, Орловской губерніи, того же уѣзда. На фотографической карточкѣ, изображающей деревенскую усадьбу и подаренной мнѣ, имѣется его собственноручная надпись: «господскій домъ въ селѣ Гороховѣ, Орловской губерніи. Въ этомъ домѣ родился Н. С. Лѣсковъ, и тутъ же проведено его дѣтство». Въ нѣкоторыхъ некрологахъ о немъ сказано, что дѣтство свое Лѣсковъ провелъ въ другомъ селеніи Орловской губерніи, въ селѣ Панинѣ, Кромскаго уѣзда. Несомнѣнно, что часть дѣтства Николай Семеновичъ проводилъ и въ с. Панинѣ; но самъ Лѣсковъ свои дѣтскія впечатлѣнія связывалъ преимуществу съ усадьбой въ с. Гороховѣ и по этой причинѣ даже подписывался псевдонимомъ «Николай Гороховъ» подъ статьями: «Николай Гавриловичъ Чернышевскій въ его романѣ «Что дѣлать?»

«Истор. вѣстн.», апрѣль, 1895 г., т. LV.

12

(«Сѣверная Пчела», 1863 г., № 142) и т. д. О пребываніи Николая Семеновича въ родной семьѣ мы очень мало знаемъ, за исключеніемъ его собственныхъ объ этомъ воспоминаній въ «Юдоли» (т. XI Собранія соч. Лѣскова). Эти воспоминанія о родственномъ кругѣ Николая Семеновича проливаютъ яркій свѣтъ на его отца, мать и тетку Полли съ подругой ея, квакершей Гильдегардой, имѣвшихъ на будущаго писателя чисто христіанское вліяніе. Онъ самъ говоритъ въ «Юдоли»: «мы въ своемъ родственномъ кругу были въ особенныхъ сближающихъ условіяхъ къ протестантамъ, такъ какъ одна изъ моихъ тетокъ была замужемъ за англичаниномъ (Шкотомъ), и всѣ мы (тогдашняя молодежь) выросли въ уваженіи къ вѣрованіямъ и благочестію родственнаго намъ англійскаго семейства, въ которомъ наши старшіе нерѣдко ставили намъ, молодымъ, на видъ образцы дѣятельной христіанской жизни, послужившіе намъ во многомъ примѣрами». Лѣсковы имѣли и своихъ крѣпостныхъ; ихъ отношенія къ послѣднимъ были болѣе гуманны, чѣмъ у многихъ помѣщиковъ. Въ 40-хъ годахъ возникла среди крестьянъ боязнь предстоящаго неурожая, и они избѣгали обрабатывать поля. Въ нѣсколькихъ господскихъ имѣніяхъ упорство крестьянъ противъ посѣвовъ было строго наказано, но Лѣсковы не прибѣгали къ крутымъ мѣрамъ и «людей не стегали», не смотря на то, что пророчества бабъ о наступающемъ неурожаѣ росли, каждое несчастье приписывалось грядущей бѣдѣ, бездождье крестьяне пытались устранить сжиганіемъ на поляхъ свѣчей изъ сала убитаго ими человѣка и т. д. Голодъ поражалъ и людей и животныхъ. «Во всякомъ случаѣ,—говоритъ Николай Семеновичъ,—извѣстная художественная группа Рѣпина, изображающая поволжскихъ бурлаковъ, представляетъ гораздо болѣе легкое зрѣлище, чѣмъ тѣ мужичьи обозы, которые я видѣлъ въ голодный годъ, во время моего дѣтства. Я тогда былъ въ томъ возрастѣ, когда дѣти набираются впечатлѣній».

О помощи несчастнымъ крестьянамъ никто въ то время не думалъ. «Повсюду была юдоль плача... Голодъ ума, голодъ сердца и голодъ души. И тогда уже всякій голодъ!»—говоритъ Лѣсковъ. Въ это-то время въ семью Лѣсковыхъ пріѣхала тетя Полли (Пелагея Дмитріевна), жившая въ молодости достаточно грѣховно и исправившаяся вполнѣ до неузнаваемости. вмѣстѣ съ квакершей Гильдегардой она стала ходить за больными крестьянами и организовала имъ посильную помощь. Идеалистка Полли и запечатлѣлась на всю жизнь въ памяти будущаго писателя, и онъ приписываетъ ей первоначальный толчекъ своему нравственному развитію, какъ видно изъ слѣдующей описанной имъ сцены. Послѣ трудовъ среди больныхъ крестьянъ, Полли и Гильдегарда «пѣли «cantique» на текстъ «Приходящаго ко Мнѣ не изгону вонъ» (Іоанн., VI, 37), и слова ихъ пѣсни передъ звѣздами (въ русскомъ переводѣ) были таковы:

«Таковъ какъ есть, во имя крови,
 «За насъ пролитой на крестѣ,
 «За вѣрой, зрѣнемъ и прощеньемъ,
 «Христось, я прихожу къ тебѣ».

«Я былъ пораженъ и тихой гармоніей этихъ стройныхъ звуковъ, такъ неожиданно наполнившихъ домъ нашъ, а простой смыслъ художественныхъ словъ пѣсни плѣнилъ мое пониманіе. Я почувствовалъ необыкновенно полную радость отъ того, что всякій человѣкъ сейчасъ же, «таковъ какъ есть», можетъ вступить въ настроеніе, для котораго нѣтъ расторгающаго значенія времени и пространства. И мнѣ казалось, что какъ будто, когда онѣ тронулись къ Нему «за вѣрой, зрѣнемъ и прощеньемъ», и Онъ тоже шелъ къ нимъ на встрѣчу, Онъ подавалъ имъ то, что дѣлаетъ иго Его благимъ и бремя Его легкимъ... О, какая это была минута! я уткнулся лицомъ въ спинку мягкаго кресла и плакалъ впервые слезами невѣдомаго мнѣ до сей поры счастья, и это довело меня до такого возбужденія, что мнѣ казалось, будто комната наполняется удивительнымъ тихимъ свѣтомъ, и свѣтъ этотъ плыветъ сюда прямо со звѣздъ, пролетаетъ въ окно, у котораго поютъ двѣ пожилыя женщины, и затѣмъ озаряетъ внутри меня мое сердце, а въ то же время всѣ мы—и голодные мужики, и вся земля—несемся куда-то на встрѣчу мірамъ... О, если бы за всѣ скорби жизни земной еще разъ получить такую минуту при уходѣ изъ тѣла! Этотъ вечеръ, который я вспоминаю теперь, когда голова моя значительно укрыта снѣгомъ житейской зимы, кажется, имѣлъ для меня значеніе на всю мою жизнь».

Свидѣтельство Лѣскова о квакерскомъ вліяніи въ ихъ домѣ подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ, что онъ всю жизнь занимался вопросами пѣтизма, а подъ конецъ жизни это воплотилось у него, по выраженію Вл. Соловьева, «въ подчиненіи своей кипучей натуры правиламъ воздержанія и безстрастія». Во время обученія въ орловской гимназіи Н. С. потерялъ отца, но уже въ это время говорить онъ о себѣ: «я былъ тронутъ съ стараго мѣста. Я ощущалъ голодъ ума, и мнѣ милы были тѣ звуки, которые я слышалъ, когда тетя и Гильдегарда пѣли, глядя на звѣздное небо, давшее имъ «зрѣніе», при которомъ можно все простить и все въ себѣ и въ другихъ успокоить». Въ городѣ Орлѣ Лѣсковъ болѣе энергично занялся самообразованіемъ, и, на вопросъ о подготовленіи къ литературному поприщу, онъ незадолго до смерти отвѣтилъ своему знакомому:

— Мнѣ кажется, я подготовливался къ нему постепенно съ самыхъ малыхъ лѣтъ... Началось это съ чтенія самыхъ разнообразныхъ книгъ, а въ особенности беллетристовъ, во время моего пребыванія въ Орловской гимназіи. Я въ этомъ городѣ посѣщалъ домъ А. Н. Зиновьевой, племянницы извѣстнаго писателя кн. Масаль-

скаго. У г-жи Зиновьевой была богатая библіотека, доставлявшая мнѣ массу матеріала для чтенія—я перечелъ ее почти всю... Такъ началось мое умственное развитіе, продолжавшее затѣмъ быстро прогрессировать.

По смерти отца Лѣсковъ не могъ окончить курсъ въ гимназіи, но продолжалъ развиваться подѣ влияніемъ англичанина-радикала Шкота, втораго мужа его тетки, и получалъ массу впечатлѣній, благодаря службѣ у него по управленію имѣніями Нарышкина и Перовскаго. Лѣскову приходилось быть по этимъ дѣламъ постоянно въ разъѣздахъ по Волгѣ и югу Россіи, сталкиваясь со всѣми сословіями и изучая жизнь по первымъ источникамъ. Еще незадолго до смерти на вопросъ одного литератора, откуда онъ черпалъ матеріалъ для своихъ произведеній, Николай Семеновичъ сказалъ, указывая на свой открытый лобъ:

— Вотъ изъ этого сундука. Здѣсь хранятся впечатлѣнія 6—7 лѣтъ моей коммерческой службы, когда мнѣ приходилось по дѣламъ странствовать по Россіи; это самое лучшее время моей жизни, когда я много видѣлъ.

Ознакомиться съ этимъ періодомъ жизни слѣдуетъ изъ устъ самого Лѣскова. Онъ въ это время изучалъ самое существенное для писателя—народъ, и неоднократно говорилъ мнѣ:

— Прежде чѣмъ перейти къ готовымъ доктринамъ и надолго заикнуться на нихъ, какъ это случается съ большинствомъ у насъ писателей, мнѣ не приходилось пробиваться сквозь книги и готовые понятія къ народу и его быту. Я не съ конца началъ его изучать, и книги только помогали мнѣ. Я не шелъ за ними, а онѣ шли за мною. Онѣ были добрыми мнѣ помощниками, но коренникомъ былъ я. По этой причинѣ я не присталъ ни къ одной школѣ, потому что учился не въ школѣ, а на баркахъ у г. Шкота. А что такое ученіе на баркахъ, я описалъ въ переселенческомъ сборникѣ «Въ путь-дорогу».

Николай Семеновичъ неоднократно передавалъ мнѣ нѣкоторые сюжеты изъ службы на баркахъ еще до напечатанія ихъ въ «Сборникѣ» подѣ заглавіемъ «Продуктъ природы», но освѣщеніе было болѣе полное и подробное.

— Книги и сотою доли не сказали мнѣ того, что сказало столкновеніе съ жизнью. О какое преимущество! Всѣмъ молодымъ писателямъ надо выѣзжать изъ Петербурга на службу въ Уссурійскій край, въ Сибирь, въ южныя степи... Подальше отъ Невскаго! Запасаться опытомъ и размышленіемъ подѣ своей отвѣтственности.

Кромѣ того, о пребываніи его на баркахъ у него напечатано въ «Продуктахъ природы» слѣдующее: «Я тогда былъ еще очень молодой мальчикъ и не зналъ, къ чему себя опредѣлить. То мнѣ хотѣлось учиться наукамъ, то живописи, а родные желали, чтобы я шелъ служить. По ихъ мнѣнію, это выходило «всего надежнѣе».

Мнѣ и хотѣлось и не хотѣлось служить: я зналъ, что на службѣ хорошо, но былъ уже немножко испорченъ фантазіями; я читалъ «Горе отъ ума», и всѣ военные мнѣ представлялись Скалозубами, а штатскіе Молчалиными, и ни тѣ, ни другіе мнѣ не нравились. По характеру моему мнѣ нравилось какое нибудь живое дѣло, и я рассказалъ это моей теткѣ, а та передала своему мужу; англичанинъ сталъ мнѣ совѣтовать, чтобы я не начиналъ никакой казенной службы, а лучше приспособилъ бы себя къ хозяйственнымъ дѣламъ». А хозяйственные дѣла, по имѣніямъ его принципала, заключались, между прочимъ, въ заселеніи степей: образовываніи на нихъ новыхъ деревень и введеніи правильнаго полевого хозяйства (см., между прочимъ, объ этомъ у Лѣскова «Загонъ»). Людей, которыхъ вели въ степь, скупали у разныхъ помѣщиковъ, и всякій разъ, когда «сбивали сводныхъ людей», по деревнямъ стоялъ стонъ... Къ этому живому дѣлу, то-есть транспортированію живой клади въ степь, родственники и приспособили Лѣскова. Мужъ его тетки сказалъ ему: «Вотъ мы теперь переселяемъ партію крестьянъ, а графъ (Перовскій) недоволенъ тѣмъ, какъ ихъ водятъ. Петръ-проводной у меня—умный мужикъ, но тиранъ». Взявъ на себя обязанность доставить силкомъ людей на новыя мѣста и ограждать ихъ отъ тиранства Петра, Лѣсковъ сразу не почувствовалъ огромнаго разлада въ такомъ дѣлѣ и лишь впоследствии началъ страдать при его выполненіи. Онъ говорилъ мнѣ:

— Я былъ уже гуманнымъ и имѣлъ на этотъ счетъ разныя идеи, а жизнь требовала казаковъ и розогъ... И моихъ «сводныхъ» крестьянъ, по моей же довѣренности, ловили казаками и пороли. Вотъ вамъ и умныя идеи! А случилось это очень просто. На моихъ крестьянъ во время слѣдованія къ мѣстамъ назначенія напала «египетская казнь». Взыли переселенцы: «Сѣбла вошь!... Жалуйте-милуйте!... въ глаза лѣзеть: зракъ хочетъ выпить!».

Петра они боялись, но мнѣ прямо совали покрытыхъ вшами дѣтей съ отвратительными расчесами и кричали:

— Смотри крестьянъ-то грацкихъ, смотри! Отпиши ему: вотъ, моль, воши-то младенца-то божьяго совѣмъ источили.

А когда я сказалъ, что мнѣ людей жалко, то Петръ отвѣтилъ:

— Кому, сударь, людей жалко, тому не нужно братья народъ на сводъ водить.

И онъ отъ меня отвернулся.

Я чувствовалъ, что онъ сказалъ мнѣ правду, и мнѣ въ самомъ дѣлѣ стало совѣстно. Петръ требовалъ «перелупцовать» всѣхъ, а я не давалъ. Эти люди, братья мои, рыдая, вопили, чтобы я сжалился надъ ихъ страданіемъ и пустилъ ихъ на берегъ въ баню смыть изъязвляющую ихъ нечисть... Они томились, рвались и галлюцинировали «банькой». Во всѣхъ складкахъ тѣла, какъ живой бисеръ, переливались насѣкомыя; между запавшими ребрами было нѣчто

такое, чего не могу изобразить, и чего тогда я не могъ стерпеть, и сказалъ:

— Хорошо!... На мнѣ будетъ отвѣтъ за васъ, но я вамъ дамъ денегъ на баню: устройтесь какъ надо и ступайте на берегъ, вымойтесь.

Отпущенные мною въ баню многострадальные люди, завѣривъ меня, что я за нихъ «не отвѣчу», совсѣмъ не пошли въ баню, а какъ выпрыгнули на берегъ, такъ и пошли въ Орловскую губернію.

— Что мнѣ оставалось дѣлать?—спрашивалъ Лѣсковъ.— Не посылать за бѣглецами казаковъ, растерять чужихъ людей, значить не оправдать ко мнѣ довѣрія моего родственника и ввести его въ убытки. Я этого не могъ. Убѣжденія говорили мнѣ противъ казаковъ, а Петръ уже безъ моего вѣдома распорядился посвоему.

Лѣсковъ съ ужасомъ писалъ объ этомъ происшествіи, научившемъ его сразу понимать дѣйствительность гораздо лучше, чѣмъ многочисленныя книги и профессора.

Секретариска изъ канцеляріи исправника доложилъ ему:

— Слава Богу, все кончено: я всѣхъ выпоролъ!

— Кого выпороли?

— Этихъ вашихъ сорокъ бунтарей... Надо бы, конечно, отобрать зачинщиковъ, да вашъ старикъ такъ просилъ, чтобы не отбирать, а лучше «всѣхъ», да и что въ самомъ дѣлѣ ихъ разбирать!

— Но позвольте... вѣдь это какое-то недоразумѣніе!... Всѣ сорокъ человѣкъ... Правда, они побѣжали, однако же безропотно опять вернулись сюда...

Молодой человѣкъ расхохотался.

— О, да! и не говорите! Болваны! Я вамъ откровенно скажу, что наши люди—это болваны!... Представьте вы въ моемъ положеніи англичанина!—вѣдь онъ бы, я увѣренъ, растерялся, но мнѣ настоящее знаніе этого народа даетъ на него настоящія средства. И это почему-съ? потому что я здѣсь родился и выросъ! Когда вашъ мужикъ пришелъ и говорить: «помогите, сорокъ человѣкъ убѣжало», я подумалъ: что дѣлать? Мой начальникъ въ отъѣздѣ, а я самъ вѣдь ничего не значу и не имѣю никакихъ правъ: вѣдь я простой приказный, я секретарь не болѣе того, но я знаю этотъ народъ; и потому я взялъ трехъ калѣкъ, надѣлъ шинель съ пристегнутой къ ней большой пряжкой, догналъ бѣглецовъ, скомандовалъ имъ: «сволочь, назадъ!» и всѣхъ ихъ привелъ назадъ и перепоролъ. Моя пряжка дѣйствуетъ удивительно: я гоню ихъ назадъ, какъ Фараонъ, привожу и всѣхъ ихъ сѣку; и не забудьте, сѣку ихъ при ихъ же собственномъ великодушномъ и благосклонномъ содѣйствіи: они другъ друга держатъ за ноги и за руки, и сидятъ другъ у друга на головахъ, и потомъ я ихъ отправляю на барку, и все кончено. Они отплываютъ, а я стою на берегу и думаю: «Ахъ, вы соръ славянскій! Ахъ, вы дрянь родная! Пусть бы кто

нибудь самъ третей выкинулъ этакую штуку надъ сорока французами!... Чорта-съ два! А тутъ все прекрасно... И это еще, не забудьте, съ моей простой пряжкой; но если бы у меня былъ настоящий орденъ!.. О, если бы у меня былъ орденъ! Съ настоящимъ орденомъ я бы одинъ цѣлю Россію выпоролъ!

Нужно ли чтонибудь прибавлять къ этой исповѣди Николая Семеновича о первыхъ его шагахъ на практической дѣятельности и объяснять, что за время было, когда ему приходилось «набираться идей» и провѣрять себя на дѣлѣ? Нужно ли говорить, почему впоследствии онъ отлично понималъ, что, при такомъ умственномъ развитіи, народъ и общество не могутъ идти впередъ и тѣмъ болѣе быстро переустроить бытъ и нравы по собственному почину. Эти «барки» сослужили ему службу на всю жизнь и отразились на его міросозерцаніи. Не менѣе «барокъ» была ему полезна и государственная служба. Въ 1847 г. онъ все-таки принужденъ былъ поступить на службу въ Орловскую палату уголовного суда канцелярскимъ служителемъ. Въ 1849 г. онъ былъ переведенъ въ Кіевскую казенную палату помощникомъ столоначальника по рекрутскому столу ревизскаго отдѣленія. Онъ поселился въ Кіевѣ у дяди А. Алферьева, посѣщалъ, будучи на службѣ, университетъ и слушалъ профессоровъ И. Якубовскаго, С. Богородскаго и Д. Журавскаго—перваго нашего аболіціониста. Въ 1853 г. онъ произведенъ въ коллежскіе регистраторы; въ 1856—въ губернскіе секретари, а въ 1857 г. вышелъ въ отставку по собственному прошенію.

II.

Контрагентство у Шкота обогащало Николая Семеновича Лѣскова ежедневными впечатлѣніями, которыя онъ и излагалъ въ письмахъ къ Шкоту. Послѣдній показывалъ ихъ своему пріятелю Ильѣ Васильевичу Селиванову, извѣстному писателю, который первый и призналъ литературный талантъ въ авторѣ писемъ. Первымъ печатнымъ произведеніемъ Лѣскова была корреспонденція изъ Кіева о продажѣ Евангелія по слишкомъ возвышеннымъ цѣнамъ (см. «Петербургскія Вѣдомости» за 1860 г., № 135: «Почему въ Кіевѣ дороги книги?»). Письмо было написано горячо, и два кіевскіе профессора, медики А. П. Вальтеръ и Н. И. Козловъ, совѣтовали Лѣскову попробовать свои силы въ литературѣ, и онъ напечаталъ нѣсколько статей въ «Современной Медицинѣ». Здѣсь въ 1860 г. были напечатаны статьи «о зданіяхъ», «о рабочемъ классѣ», о «полицейскихъ врачахъ» и «врачахъ рекрутскихъ присутствій».

Въ томъ же году въ «Указателѣ Экономическомъ» напечатано имъ: «Объ ищущихъ коммерческихъ мѣстъ въ Россіи» и «Нѣсколько словъ о мѣстахъ распивочной продажи хлѣбнаго вина, пива и меда».

Вотъ какими статьями началъ Николай Семеновичъ свое литературное поприще. Но и здѣсь была видна наблюдательность автора и его честное отношеніе къ дѣлу. Въ 1861 году онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ И. Козловъ, Громека, Дудышкинъ, Краевскій и Ап. Григорьевъ окончательно привлекли его къ литературѣ. Въ 1861 г. его статьи появляются въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Книжномъ Вѣстникѣ», «Времени», «Сѣверной Пчелѣ» и «Русской Рѣчи». Интересно отмѣтить, что въ это время Лѣсковъ держался самаго передового и либеральнаго образа мыслей. Въ «Русской Рѣчи» онъ трогательно описываетъ «последнюю встрѣчу и последнюю разлуку съ Шевченко»; въ «Письмахъ изъ Петербурга» горячо ратуетъ за допущеніе женщинъ въ засѣданія членовъ русскаго географическаго общества; въ статьѣ «О наемной зависимости» горячо протестуетъ противъ необходимости рабочему человѣку продавать не только свой трудъ, но и свои убѣжденія, а женщинѣ—огуломъ всякія услуги; въ статьѣ «Русскія женщины и эмансипація» онъ доказываетъ, «что рабство растлѣваетъ нравы», и по этой причинѣ у насъ должны быть дурныя жены, но «въ просвѣщенной, трудящейся и мыслящей женщинѣ легче любить и мать, и подругу»; въ статьѣ по поводу обязательнаго обученія онъ высказался противъ этого послѣдняго, заявивъ, что «образованіе и приневоливаніе—два понятія, которыя никакъ не могутъ идти рука объ руку»; въ статьѣ «Русскіе люди, стоящіе не у дѣла» онъ говоритъ, что наше общество бездѣятельно и не даетъ интеллигентному пролетариату никакихъ заработковъ, приневоливая его идти исключительно въ чиновники, и, наконецъ, въ статьѣ: «О замѣчательномъ, но не благотворномъ направленіи нѣкоторыхъ современныхъ писателей», онъ возстаетъ противъ грубости литературныхъ нравовъ и безцеремонности полемики въ русскихъ журналахъ. Словомъ, въ 1861 г. Лѣсковъ остается всюду желаннымъ сотрудникомъ современной ему журналистики. Въ слѣдующемъ году онъ выступаетъ въ литературѣ уже беллетристомъ (см. «Сѣверную Пчелу» и «Вѣкъ»), но въ этомъ же году съ нимъ происходитъ «инцидентъ» по поводу петербургскихъ пожаровъ, омрачившій надолго жизнь Лѣскова. А между тѣмъ вся его вина заключалась въ томъ, что по поводу пожаровъ въ Петербургѣ онъ написалъ въ «Сѣверной Пчелѣ» (отъ 30-го мая № 143) передовую статью слѣдующаго содержанія: «Среди всеобщаго ужаса, который распространяють въ столицѣ почти ежедневные большіе пожары, лишаящіе тысячи людей крова и послѣдняго имущества, въ народѣ носится слухъ, что Петербургъ горитъ отъ поджоговъ, и что поджигаютъ его съ разныхъ концовъ 300 человѣкъ. Въ народѣ указываютъ и на сортъ людей, къ которому будто бы принадлежатъ поджигатели, и общественная ненависть къ людямъ этого сорта растетъ съ неимоверною быстротою. Равнодушіе къ слухамъ о поджогахъ и поджигателяхъ можетъ

быть небезопаснымъ для людей, которыхъ могутъ счесть членами той корпораціи, изъ среды которой, по народной молвѣ, происходятъ поджоги. Въ несчастный день 28-го мая, когда сгорѣли Апраксинъ дворъ, Толкучій рынокъ, Щукинъ дворъ, много капитальныхъ домовъ частныхъ владѣльцевъ, домъ министерства внутреннихъ дѣлъ, Чернышевъ и Апраксинъ переулки и многіе дома и деревянные дворы по лѣвой сторонѣ Фонтанки, Троицкій переулокъ отъ Пяти угловъ до Щербакова переулка, Щербаковъ переулокъ, барки и рыбные садки по Фонтанкѣ, въ огромныхъ толпахъ стоящаго на пожарахъ народа толки о поджогахъ шли вслухъ. Народъ нимало не скрывалъ ни своихъ подозрѣній, ни своей готовности употребить угрожающія мѣры противъ той среды, которую онъ подозрѣваетъ въ поджогахъ. Во время пожара въ Апраксиномъ дворѣ были два случая, свидѣтельствующіе, что подозрѣнія эти становятся далеко небезопасными. На сколько основательны всѣ эти подозрѣнія въ народѣ и на сколько умѣстны опасенія, что поджоги имѣютъ связь съ послѣднимъ мерзкимъ и возмутительнымъ воззваніемъ, приглашающимъ къ ниспроверженію всего гражданскаго строя нашего общества, мы судить не смѣемъ. Произнесеніе такого суда—дѣло такое страшное, что языкъ нѣмѣетъ, и ужасъ охватываетъ душу. Но какъ бы то ни было, если бы и въ самомъ дѣлѣ петербургскіе пожары имѣли что нибудь общее съ безумными выходками политическихъ демагоговъ, то они нисколько не представляются намъ опасными для Россіи. Скрываться нечего. На народъ можно разсчитывать смѣло, и потому смѣло же должно сказать: основательны ли сколько нибудь слухи, носящіеся въ столицѣ о пожарахъ и о поджигателяхъ? Щадить адскихъ злодѣевъ не должно, но и не слѣдуетъ рисковать ни однимъ волоскомъ ни одной головы, живущей въ столицѣ и подвергающейся небезопаснымъ нареканіямъ со стороны перепуганнаго народа. Мы не выражаемъ всего того, что мы слышали; полиція должна знать эти слухи лучше насъ, и на ней лежитъ обязанность высказать ихъ, если она хочетъ заслужить довѣріе общества и его содѣйствіе». Изъ этой статьи видно, что, сообщая слухи о поджигателяхъ и не сочувствуя партіи «Молодая Россія», Лѣсковъ въ то же время нисколько не обвиняетъ въ поджигательствѣ «студентовъ» и только требуетъ правительственнаго разъясненія относительно тревожныхъ слуховъ о поджогахъ съ политической цѣлью. То же самое онъ говоритъ и самъ о себѣ въ «Загадочномъ человѣкѣ» (т. VIII). «Сѣверная Пчела» въ дѣломъ рядѣ номеровъ (см. №№ 144, 146 и 151), конечно, не безъ его согласія, также писала: «Мы сами видѣли многихъ студентовъ во время бѣдствій 28-го мая и качающими пожарныя трубы, и спасающими имущество погорѣльцевъ, и таскающими воду изъ Фонтанки, и спасающими дѣла министерства. Мы видѣли, какъ студенты, взявъ нѣсколько дрожекъ изъ

загорѣвагося экипажнаго ряда, подвозили ихъ къ дому министерства внутреннихъ дѣлъ, нагружали ихъ дѣлами и книгами и отвозили на себѣ къ Александровскому скверу. Мы видѣли, наконецъ, студентовъ въ лагерѣ погорѣльцевъ; видѣли, какъ они подавали несчастнымъ, быть можетъ, послѣднюю копейку; мы слышали искренній горячій ропотъ противъ поджигателей; мы были свидѣтелями отчаянія многихъ молодыхъ людей по поводу недоброй молвы, до нихъ касающейся... Это ли поджигатели? Нѣтъ, грѣшно, безбожно думать на студентовъ! Нѣкоторые студенты, до глубины души потрясенные страшною молвою, приходили въ нашу редакцію и просили насъ защитить ихъ печатнымъ словомъ предъ общественнымъ мнѣніемъ. Святой обязанностью мы поставили исполнить ихъ желаніе». Ничто не помогло Лѣскову. Сообщая неблагоприятныя слухи о «крайнихъ» и выгораживая «студентовъ», онъ забылъ, что молодые люди радикальнаго образа мыслей находились въ то время также и въ студенческой средѣ. Удивительно ли, что онъ не угодилъ ни тѣмъ, ни другимъ. Въ «Исторіи новѣйшей русской литературы» г. Скабичевскій по этому поводу пишетъ: «Нѣсколько неосторожныхъ словъ по случаю петербургскихъ пожаровъ 62-го года, оброненныхъ въ фельетонѣ въ «Сѣверной Пчелѣ», словъ самихъ по себѣ совершенно невинныхъ, но не совсѣмъ тактичныхъ, подняли страшную бурю въ то горячее и тревожное время. Вся крайняя пресса накинута на Лѣскова, какъ на подстрекателя полиціи и толпы противъ учащейся молодежи, какъ на отступника, перекинувагося въ противный лагерь. Началась положительная травля; имя Стебницкаго (псевдонимъ Лѣскова) сдѣлалось чуть не браннымъ словомъ». Этотъ, какъ говоритъ г. Скабичевскій, «неожиданный инцидентъ» потрясъ Лѣскова и сильно ожесточилъ его на молодое поколѣніе, отъ котораго приходили депутаты въ редакцію «Сѣверной Пчелы», чтобы бить и даже убить Лѣскова. Вражда часто открываетъ намъ глаза на то, что еще такъ недавно мы находили безупречнымъ и совершеннымъ. Нападая въ свою очередь на молодое поколѣніе, Лѣсковъ, однако, никогда не скрывалъ свѣтлыхъ его сторонъ и свои симпатіи къ лучшимъ представителямъ его выразилъ въ 1863 году въ фельетонѣ по поводу романа «Что дѣлать»? Въ немъ «новыхъ людей» Чернышевскаго онъ признаетъ значительно возвышающимися надъ «рудинствующими и базарствующими импотентами». Онъ писалъ: «Какъ прежній Рудинъ работалъ фразой, только, чтобы «заявиться», такъ и «базарствующій» Рудинъ въ существѣ дѣла тоже все хлопочетъ «заявиться». Только старому Рудину для этого много надо было говорить, а нынѣшнему два слова: «не съ нами—такъ подлець». Въ порожденіи вотъ этихъ-то нигилистовъ винятъ обыкновенно «Современникъ». Я думалъ всегда, что это неосновательно. Развѣ всякая гадина, набравшаяся наглости и потерявшая стыдъ, — ни-

гилисть? Нигилисты, которыхъ мы видимъ и которые намъ успѣли надоѣсть своими гадостями, достались намъ по наслѣдству. Начитавшись Базарова, они сошлись и сказали: «Мы сила». Что же намъ дѣлать теперь? Такъ какъ они никогда не думали о томъ, что имъ дѣлать, то, разумѣется, сдѣлали то, что дѣлаютъ обезьяны, то-есть стали копировать Базарова. Какъ же его копировать? Ну, обыкновенный пріемъ каррикатуристовъ въ ходъ. Взялъ самую рѣзкую черту оригинала; увеличилъ ее такъ, чтобы она въ глаза била, вотъ и каррикатурное сходство. То и сдѣлано. Базаровскихъ знаній, базаровской воли, характера и силъ негдѣ взять; ну, копируй его въ рѣзкости отвѣтовъ, и чтобъ это было позамѣтнѣе, доведи это до крайности. Гадкій нигилизмъ весь выразился въ пошломъ отрицаніи всего, въ дерзости и въ невѣжествѣ. Познакомьтесь съ такимъ соколикомъ, да если онъ васъ не боится, и если вы не самъ г. Чернышевскій, то онъ вамъ во второе же свиданіе вмѣсто любезностей дурака завяжетъ. Это еще старые типы, обернувшіеся только другой стороною. Это Ноздревы, измѣнившіе одно ругательное слово на другое. Такова въ большинствѣ грубая ошальдая и грязная въ душѣ толпа пустыхъ, ничтожныхъ людшекъ, исказившихъ здоровый типъ Базарова и опрофанировавшихъ здоровыя идеи нигилизма. Я знаю, что такое настоящій нигилистъ, но я никакъ не доберусь способа отдѣлать настоящихъ нигилистовъ отъ шальныхъ шавокъ, окричавшихъ себя нигилистами. Теперь это въ Петербургѣ стало какимъ-то неопредѣленнымъ понятіемъ. «Стриженныя барышни», выходящія замужъ при первомъ удобномъ случаѣ,—нигилистки. Невѣжда, положившій ругать все, что не «Современникъ»,—тоже нигилистъ, хотя онъ мелкій эксплуататоръ до конца ногтя въ ножномъ мизинцѣ. Героевъ романа г. Чернышевскаго тоже называютъ нигилистами. А между ними и личностями, надоѣвшими всѣмъ и каждому своимъ нигилизмомъ, нѣтъ ничего общаго. Люди г. Чернышевскаго совсѣмъ другіе, а эти фразеры; въ людяхъ г. Чернышевскаго прежде всего стремленіе—дать благосостояніе возможно большому числу людей; въ нигилистахъ нашихъ общность интересовъ только на языкѣ, а на дѣлѣ жестоко-сердіе. Г. Чернышевскій заставляетъ дѣлать такое дѣло, которое можно сдѣлать во всякомъ благоустроенномъ государствѣ, отъ Кореи до Лиссабона. Нужно только для этого добрыхъ людей, какихъ вывелъ г. Чернышевскій, а ихъ, признаться сказать, очень мало» (Сѣверная Пчела», 1863 г., № 142).

Разумѣется, вѣдь это все правда, что пишетъ Лѣсковъ... Но «правда—хороша, а счастье—лучше». По этой пословицѣ тогдашнее передовое общество и лучшая часть литературы, чувствуя свое превосходство надъ крѣпостниками, пребывали въ полной слѣпотѣ относительно собственныхъ слабыхъ сторонъ. Нѣкоторые ихъ взгляды были лучше устарѣлыхъ, но ничтожество характеровъ и

разнужданность нравовъ были основаны еще на «вчерашнемъ духѣ». Дѣла затѣвались грандіозныя, а моральныя силы почерпнуты въ канцеляріяхъ и мелкопомѣстныхъ семьяхъ; практическое умѣнье управлять людьми и вести дѣла совершенно мальчишеское, а самолюбіе и естественная потребность въ болѣе даровитыхъ людяхъ жить политическою жизнью продолжало расти и развиваться одновременно. Непріязнь къ Лѣскову и инсинуаціи по его адресу направили и безъ того его критическій умъ къ анализу современныхъ ему характеровъ и событій. Но онъ все-таки не отрицаетъ свѣтлыхъ личностей своего времени и только безпощаденъ къ окружающимъ ихъ самозванцамъ... Онъ предчувствовалъ то, что впоследствии объ этомъ же времени сказалъ Герценъ, говоря о Ноздревыхъ и Собакевичихъ, перегнутыхъ въ обратную сторону. По мнѣнію Лѣскова, правда была нужна не только врагамъ, но и друзьямъ. А его совершенно не поняли и не хотѣли понимать, особенно, когда въ 1864 г. въ «Библіотекѣ для Чтенія» г. Боборыкина появился романъ Лѣскова «Некуда».

III.

Въ «Исторіи новѣйшей литературы» г. Скабичевскаго о «Некуда» сказано: «масса дикихъ слуховъ и безобразныхъ сплетенъ, ходившихъ въ то время въ взволнованномъ обществѣ, воспроизведены Лѣсковымъ въ его романѣ, какъ несомнѣнныя истины. Все это низводитъ романъ на степень желчнаго и злобнаго политическаго памфлета, и нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ встрѣтилъ въ литературѣ и въ мало-мальски мыслящихъ кругахъ общества дружное негодованіе. Послѣ выхода въ свѣтъ романа Лѣсковъ подвергался новымъ порицаніямъ и нападеніямъ со стороны всей либеральной прессы»¹⁾. Между тѣмъ, самъ Лѣсковъ былъ совершенно иного мнѣнія о своемъ романѣ и неоднократно говорилъ мнѣ:

— Я далъ въ «Некуда» симпатичный типъ русскихъ революціонеровъ: Райнера, Лизу Бахареву и Помаду. Пусть укажутъ мнѣ въ русской литературѣ другое произведеніе, гдѣ бы настоящіе, а несамозванные нигилисты были такъ безпристрастно и симпатично оцѣнены? Вѣдь во всякой партіи есть симпатичные и благородные люди. Я ихъ нашелъ въ лицѣ Райнера, Лизы Бахаревой и Помады.

¹⁾ Писаревъ писалъ: «Меня очень интересуютъ два вопроса: 1) Найдется ли теперь въ Россіи, кромѣ «Русскаго Вѣстника», хоть одинъ журналъ, который осмѣлился бы напечатать на своихъ страницахъ что нибудь выходящее изъ-подъ пера Стебницкаго и подписанное его фамиліей? 2) Найдется ли въ Россіи хоть одинъ честный писатель, который будетъ на столько неостороженъ и равнодушенъ къ своей репутаціи, что согласится работать въ журналѣ, украшающемъ себя повѣстями и романами Стебницкаго?»

Развѣ «Маркушка» Гончарова, «Бѣсы» Достоевскаго, «Полюяровщина» Крестовскаго или «импотенты» Тургенева лучше моихъ страдальцевъ? На моихъ друзьяхъ есть на чемъ остановиться глазу, а что они и мнѣ были дороги—вотъ вамъ карточка на память...

Лѣсковъ подарилъ мнѣ самого себя, въ молодости снятаго подъ руку съ Артуромъ Бенни, съ котораго онъ писалъ своего Райнера.

— Мнѣ всегда были дороги крупные характеры и идеализмъ души героевъ «Некуда»,—продолжалъ онъ.—Я не раздѣлялъ ихъ практической дѣятельности, но умѣлъ различить настоящихъ радикаловъ отъ фальсифицированныхъ. Первые у меня такъ жизненны, что при настоящихъ условіяхъ печати романъ «Некуда», пожалуй, не могъ бы быть напечатанъ, еслибъ появился въ первый разъ. А въ то проклятое время распустили слухи, что я получилъ за него изъ III Отдѣленія десять тысячъ рублей. При моемъ появленіи въ обществѣ люди брали шапки и уходили вонъ; въ ресторанахъ нарочно при мнѣ ругали автора «Некуда»... О, о!... прибавилъ съ горечью Николай Семеновичъ, цитируя изъ стихотворенія Жемчужникова: «жизнь понявъ, остаться жить — нужно не малое геройство»...

Закрывъ глаза и откинувшись на спинку кресла, освѣщенный слегка лампой изъ-подъ темнозеленаго абажура, онъ былъ очень блѣденъ и тяжело дышалъ. Воспоминанія давили его. Черезъ минуту онъ позвонилъ прислугу, но пришла его воспитанница.

— Это ты, Варя... Ну, все равно. Скажи, пожалуйста, чтобы мнѣ принесли укропной воды, и дай мнѣ грѣлки на руки. Кровь отливаетъ отъ конечностей. Сердце-то плохо работаетъ. Тридцать слишкомъ лѣтъ литературы даютъ себя знать! Одинъ я тянулъ противъ того, что было мерзко въ нигилизмѣ... Теперь легко писать противъ. А надо было писать, когда нигилисты были на конѣ, а не подъ конемъ. Недруги мои упрекаютъ въ несвоевременности «Некуда»: лучше ли было бы, еслибъ я теперь попалъ на лежащихъ... А я думаю, что «Некуда» какъ разъ своевременно появилось, когда нужно было ему появиться... Будущій историкъ литературы оцѣнитъ за это и меня, и мой романъ.

Больной Лѣсковъ сбросилъ съ руки грѣлку, напустилъ изъ резинового пульверизатора въ кабинетъ какихъ-то скипидаро-смолистыхъ эссенцій для освѣженія воздуха и совершенно преобразился. Болѣзнь забыта, голосъ окрѣпъ, и весь онъ сіялъ внутреннимъ одушевленіемъ и вѣрой въ свою правоту. Изъ оборонительнаго положенія онъ перешелъ въ наступательное и грозное для своихъ противниковъ.

— Я,—сказалъ онъ:—будучи еще молодымъ человѣкомъ, уже предчувствовалъ, во что вырождаются наши нигилисты, когда пророчествовалъ о нихъ въ «Некуда». Но дѣйствительность въ наши дни превзошла всѣ мои предсказанія. Въ ней я имѣю себѣ блистательное

оправданіе. Я могу сказать о себѣ, какъ Бисмаркъ: хотѣлъ вспрыгнуть на коня, но не перепрыгнуть... Теперь я самъ боюсь того, что вижу среди нигилистическаго міра: я хотѣлъ показать его, какъ онъ есть, но не хотѣлъ того, что теперь встрѣчаю въ немъ и вижу. Вся грязь моего «Некуда» ничто въ сравненіи. Эта грязь на васъ теперь, а не на мнѣ. Недавно одна барыня прислала мнѣ письмо, въ которомъ говоритъ, по поводу моихъ «Полунощниковъ», что мнѣ простятъ за нихъ всѣ мои грѣхи. Да, какіе? спрашиваю я. Мои грѣхи у васъ на глазахъ. Грязь моихъ романовъ у васъ въ семьѣ и въ обществѣ. Они на каждомъ шагу теперь. Вы ихъ вездѣ встрѣтите и всего болѣе въ той же литературѣ: среди добровольцевъ пошлости и мутителей пониманія. Я писалъ, что нигилисты будутъ и шпионами и ренегатами, безбожники сдѣлаются монахами, писатели пойдутъ къ кулакамъ издателямъ, сдѣлаются биржевиками и банковскими кассирами, профессора — чиновниками и т. д. Что же развѣ это не оправдалось? Читайте романъ Ясинскаго «Муза» въ «Наблюдателѣ», гдѣ нигилистъ пошелъ въ «серцевѣды» послѣ бесѣды съ какимъ-то попомъ; романъ г. Боборыкина «Поумнѣлъ» въ «Русской Мысли», гдѣ такой же герой бредитъ предводительствомъ уѣзднаго дворянства; читайте массу корреспонденцій о постриженіи въ монахи университетски образованныхъ людей; глядите, какъ писатели-шестидесятники не знаютъ, какого имъ тона держаться о Л. Н. Толстомъ, Иванѣ Сергіевѣ-протоіерѣ и т. д. Говорятъ, я самъ содѣйствовалъ тому, чтобы они были такими, внушалъ правительству неуважать ихъ и пренебрегать ими. Да неужели сановники воспитывались на моихъ романахъ,—что за вздоръ! Ври, да знай же мѣру... Мои романы не учили огрубѣнію нравовъ и потери всякой стыдливости; я не училъ общественное мнѣніе молчать,—тому, какъ оно теперь ведетъ себя; я не зналъ, куда идти семимильными шагами, но я твердо шелъ впередъ шагомъ, къ которому привыкъ и желалъ бы идти не одинъ... А гдѣ же эти другіе? Что же я не вижу ихъ около себя и около лучшихъ меня людей? Хотѣлъ бы я воскресить Чернышевскаго и Елисеѣва: что бы они теперь писали о «новыхъ людяхъ»? Могу сказать о себѣ, что не я къ нимъ пришелъ, а они пришли ко мнѣ. Пути, указанные Чернышевскимъ и Герценомъ, были слишкомъ большимъ скачкомъ для молодого поколѣнія, и я не ошибался, говоря, что это поколѣніе и все общество не подготовлено къ такимъ скачкамъ, что оно измѣнитъ себѣ, из-ренегатствуется, или просто ополтитъ всякое дѣло, за которое возьмется. Если исправнической писецъ могъ одинъ перепоротъ толпу бѣглыхъ у меня съ барокъ крестьянъ, при ихъ же собственномъ содѣйствіи, то куда идти съ такимъ народомъ? «Некуда!» Чернышевскій это долженъ былъ бы знать! Я не хочу сказать, что его нигилисты дрянъ, а наше общество—лучше; я такъ никогда не смотрѣлъ на дѣло, и мое «Некуда» въ лучшихъ его представителяхъ

говорить, что въ обществѣ не было никакихъ идеаловъ, и нигилисты должны были искать ихъ на сторонѣ. Но Чернышевскій долженъ былъ знать, что восторжествуй его дѣло, наше общество тотчасъ же на другой день выберетъ себѣ квартальнаго! Неужели вы не чувствуете этого вкуса нашего общества? Я удивляюсь, какъ въ 30 лѣтъ, когда я началъ писать «Некуда», мнѣ было ясно, что дѣло Герцена проиграно. Кое-что нигилисты пораспатали... Это, можетъ быть, и правда. Я не знаю. Но больше мнѣ извѣстно, что все стоитъ на прежнемъ мѣстѣ въ томъ же «Загонѣ». Начинай сначала безсмысленныя мечтанія о Европѣ, о наукѣ, о врачебныхъ курсахъ для женщинъ, о свободѣ печати и опять сначала, и опять... Долго еще! Вотъ я это пророчествовалъ въ «Некуда»... Иногда я самъ не знаю, что имѣетъ большее у меня значеніе: мои ли «праведники» (въ т. II), мои ли христіане (въ т. XI): Клавдія, тетья Полли и квакерша Гильдегарда, или мое «Некуда», написанное молодымъ человѣкомъ, со свойственнымъ возрасту увлеченіемъ и безкорыстіемъ. А какъ меня встрѣтили въ литературѣ? Предсказаніе Пушкина оправдалось на мнѣ:

Здѣсь человѣка берегутъ,
Какъ на турецкой перестрѣлкѣ.

— И вотъ только теперь на склонѣ моихъ лѣтъ видятъ, что я писалъ по своему крайнему разумѣнію, опирался всегда на опытъ и собственныя наблюденія и не былъ совсѣмъ чуждъ умнымъ книгамъ, захватывая ихъ себѣ въ помощь, но не прячась за нихъ и не прикрывая начитанностью недостатки собственной мысли. Ошибки были неизбѣжны, но я не радовался имъ, какъ нынѣшніе, и не гордился ими. А романомъ «Некуда» я горжусь и считаю его въ русской литературѣ самымъ вѣрнымъ романомъ о 60-хъ годахъ. Теперь, старикомъ, я удивляюсь, какъ это меня хватило разобратся въ то горячее время и безошибочно предсказать, на какой почвѣ выросли нигилисты и чѣмъ они кончатъ. Но у меня все-таки есть свои Райнеры и Бахаревы, которыхъ не купишь ничѣмъ. Въ русской литературѣ я одинъ далъ такихъ вѣрныхъ людей, а меня за нихъ десятки лѣтъ позорили и инсинуировали.

Слѣдуетъ замѣтить, что, говоря о романѣ «Некуда», Лѣсковъ касался его по существу, не упоминая о томъ, что въ немъ въ лицѣ Бѣлоярцева съ К^о имъ описаны въ гнусномъ свѣтѣ нѣкоторые живыя лица. Оправданія Лѣскова по этому поводу, помѣщенные имъ въ «Библиотеку для Чтенія», нисколько не оправдываютъ его: «Ссылаюсь,— говоритъ онъ,— на безпристрастный судъ каждаго, кто прочтетъ эти строки: могутъ ли идти всѣ только слегка помѣченные мною поступки въ параллель съ тѣмъ, что въ одномъ изъ лицъ или въ нѣсколькихъ лицахъ романа встрѣчается какое-то чисто внѣшнее сходство съ живущими людьми, которые (въ чемъ не можетъ быть никакого сомнѣнія) никогда не дѣлали ничего такого, что дѣлаютъ дѣйствующи-

ція лица въ романахъ, и, слѣдовательно, не могутъ нести ни похвалы, ни упрековъ за эти вымышленныя дѣйствія?». Приписать описаннымъ лицамъ, которыхъ всѣ узнаютъ по вѣшнымъ признакамъ, цозорныя и не содѣянныя ими дѣянія было все-таки большой неосторожностью, и это возбудило противъ автора гоненіе въ передовой журналистикѣ. Съ этой точки зрѣнія противники были правы, какъ былъ правъ самъ Лѣсковъ, негодуя на романъ «Лицемѣры», гдѣ онъ описанъ также неправдоподобно. Но эта точка зрѣнія ничего не имѣетъ общаго съ общественнымъ значеніемъ романа «Некуда». Если раздѣлять взгляды Лѣскова на историческое значеніе «Некуда», то г. Боборыкинъ съ спокойной совѣстью могъ напечатать его въ «Библиотекѣ для Чтенія», и надо думать, это такъ и было на самомъ дѣлѣ. Между тѣмъ, теперь г. Боборыкинъ оправдывается за напечатаніе у него «Некуда» удивительными несообразностями. Г. Михневичъ, со словъ П. Д. Боборыкина, говоритъ: «Романъ въ такой степени не нравился и возмущалъ большинство читателей, что окончательно уронилъ, а подъ конецъ и совсѣмъ убилъ журналъ. Самъ редакторъ былъ смущенъ, былъ противъ «направленія» романа, но не зналъ, что дѣлать и какъ развязаться. Его ввело въ оплошность то обстоятельство, что рукопись романа была доставлена не сразу, а по частямъ, по мѣрѣ печатанія. Вначалѣ все шло хорошо, и молодой, довѣрчивый редакторъ, считая автора, по личному знакомству и по прежнимъ его произведеніямъ, «изъ своего прихода», открылъ ему страницы журнала безъ ограниченій. Но вскорѣ оказалось, что дальше пошло не хорошо—и чѣмъ дальше, тѣмъ все хуже и кривѣе со стороны ватерпаса «направленія»; но помочь горю было ужъ поздно» (см. «Новости» за 1895 г., № 56).

Странно слышать жалобу хозяина журнала на своего сотрудника, уже успѣвшаго тогда достаточно ярко опредѣлить свое отношеніе къ партіи стремительнаго прогресса снизу. Тотъ же г. Михневичъ говоритъ о Лѣсковѣ, что «даже въ признанныхъ «тенденціозными» и злокачественными романахъ его «Некуда» и «На ножахъ» авторъ нигдѣ не выставляется съ какими нибудь ретроградными и мракобѣсными вѣщаніями. Напротивъ, онъ вездѣ твердо и опредѣленно высказывается за просвѣщеніе, за народное благо, за вѣротерпимость, за права женщины, за равенство предъ закономъ, за правый судъ и за многое другое, входящее въ катехизисъ любого право-вѣрнаго «шестидесятника». Въ видахъ реабилитаціи, когда она у него началась и когда онъ нѣсколько старался, быть можетъ, подчеркнуть свою корректность по части «принциповъ», ему, однако, вовсе не приходилось ломать себя или хотя бы только перелицовываться. Онъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ всегда, именно, человѣкомъ добрыхъ намѣреній, симпатичныхъ общихъ взглядовъ».

Это именно и заставило г. Боборыкина принять «Некуда» въ

печатъ, и выгораживать ему себя отъ отвѣтственности въ этомъ дѣлѣ не представляется никакой надобности.

IV.

Послѣ «Некуда» романы Лѣскова по адресу нигилистовъ: «На ножахъ» и «Соборяне», въ лицѣ Препотенскихъ, Бизюкиныхъ, Терносесевыхъ и Борноволокныхъ,—не представляютъ такой вѣрной оцѣнки противниковъ и должнаго воздаянiя имъ, какими проникнуто «Некуда». Самъ Лѣсковъ говорилъ, что только въ «Некуда» онъ далъ положительные типы крайнихъ людей, а отрицательные типы нигилизма вездѣ у него выходили «заплатами».

— Критики находятъ мой талантъ обличительнымъ, а мнѣ кажется, что я склоненъ даже въ противномъ лагерѣ искать идеаловъ, и они мнѣ удаются лучше и правдивѣе.

— Можетъ быть, вы относитесь къ нимъ справедливѣе... До поэзіи доходятъ черезъ правду.

— Мерзавцы есть во всякой партіи русскаго общества. Я не глалъ, говоря о нихъ; но мастерства у меня на нихъ меньше, чѣмъ въ Райнерѣ или Бахаревой.

Потративъ на борьбу съ отрицательными сторонами нигилизма нѣсколько лѣтъ, Лѣсковъ въ 1872 году выводитъ въ «Соборянахъ» главнымъ образомъ лучшихъ представителей нашего духовенства.

— Написаны «Соборяне» превосходно, — говорилъ онъ. — Это красота одна... Чистое искусство! Но развѣ можно развиваться на идеализированной Византіи.

Не смотря на этотъ отзывъ самого автора, «Соборяне» (или «Божедомы») — крупный памятникъ русской жизни. Тѣмъ не менѣе Лѣсковъ не могъ напечатать его въ либеральныхъ журналахъ. Помощеніемъ для него послужилъ лишь журналъ г. Богусевича «Литературная Библиотека».

— Живо мнѣ помнится время, когда писались «Божедомы», — говоритъ одинъ изъ современниковъ Лѣскова. — Въ то время кружокъ художниковъ слова собирался по вторникамъ у А. П. Милюкова, съ которымъ тогда и Лѣсковъ былъ друженъ. Тутъ бывали А. Н. Майковъ, Г. П. Данилевскій, Крестовскій, иногда Достоевскій, Ф. Н. Бергъ и Лѣсковъ, тогда тѣсный союзникъ этого «катковскаго» кружка.

На одинъ изъ вторниковъ, гдѣ по обычаю велись литературные разговоры за чайнымъ столомъ, Н. С. Лѣсковъ явился съ рукописью «Божедомовъ» и всѣ съ наслажденіемъ слушали чтеніе.

На сколько Лѣсковъ хорошо зналъ православное духовенство, на столько онъ былъ знакомъ и съ русскимъ расколомъ, примыкая, по разумѣнію его, къ Печерскому-Мельникову, т. е. представляя его бытовымъ и консервативнымъ явленіемъ, а не политическимъ, съ идеаломъ лучшихъ порядковъ и правъ.

— Расколъ не на политикѣ висить, а на вѣрѣ и привычкѣ,— говорилъ Лѣсковъ,— что за это я многообразно и многократно былъ порицаемъ и осуждаемъ послѣдователями мнѣнй А. Щапова, который желалъ видѣть въ расколѣ «политико-демократическій смыслъ», будто бы только прикрытый религіознымъ покрываломъ. Мельникову, а послѣ и мнѣ поставляли въ вину, что мы писали иначе, и на насъ было тогда ожесточенное гоненіе. Гонительство это сдѣлалось одно время такъ сильно, что ему поддавали даже люди сторонніе, имѣвшіе смѣлось какъ нибудь сослаться въ своихъ работахъ на мои наблюденія и выводы. Такъ, между прочимъ, за это въ очень сильныхъ и смѣлыхъ выраженіяхъ былъ порицаемъ профессоръ С.-Петербургской духовной академіи И. Нильскій, который въ этомъ проступкѣ гдѣ-то и оправдывался и доказывалъ, что и на меня порою можно сослаться».

Дѣйствительно познанія Лѣскова по расколу были обширны. Ему была дана командировка въ Остзейскій край, и онъ написалъ замѣчательный «Отчетъ о раскольникахъ города Риги, преимущественно въ отношеніи къ школамъ».

Вотъ что самъ Лѣсковъ говоритъ объ этомъ «Отчетѣ» въ статьѣ «Народники и расколовѣды» («Историческій Вѣстникъ», 1883 г., № 5):

«Мнѣ давно очень досадно, что книга эта остается неизвѣстною русской литературѣ, но въ этомъ не моя вина. Книга эта, по распоряженію А. В. Головина, была въ 1862 году отпечатана въ типографіи академіи наукъ, кажется, всего въ 80 экземпляровъ, и куда она дѣлась и гдѣ находится, мнѣ неизвѣстно. Я имѣю только одинъ ея экземпляръ, данный мнѣ А. В. Головинымъ, какъ автору; но въ литературѣ нѣмецкой она весьма извѣстна и напечатана въ весьма распространенной книгѣ бывшаго дерптскаго профессора Юліуса Экгарта «Bürgerthum und Bureacratie» (моя записка составляетъ цѣлую треть этой книги). Какимъ образомъ она туда попала, я тоже не знаю, но знаю, что и дерптскій профессоръ, и германскіе рецензенты его книги, выведшіе на свѣтъ мою записку, находили причины указывать на ея «безпристрастіе». Короче, безъ жеманства скажу—ее хвалили за ея терпимость и еще кое за что».

Это «кое-что», конечно, было требованіе «отмѣны ограниченій религіозныхъ», на чтѣ въ особенности указывалъ Лѣсковъ, такъ какъ его подозрѣвали въ стремленіи усилить гнетъ надъ раскольниками.

По этому поводу онъ писалъ съ горечью:

«Я удостоился многихъ обвиненій, начиная съ либеральнаго обвиненія въ «оклеветаніи молодежи» до консервативнаго привмѣненія мнѣ свойствъ коварнаго «потаеннаго» и «хитроласковаго нигилиста», но я никогда не давалъ поводовъ считать меня врагомъ «отмѣны ограниченій»...

Пессимистическій взглядъ на церковниковъ онъ перенесъ и на раскольниковъ, находя, что тѣ и другіе выше всего ставятъ букву и борются между собою только изъ-за нея (см. «Съ людьми древляго благочестія», «Запечатлѣнный ангелъ», «Мелочи архіерейской жизни» и др.). У него даже язычники являются въ болѣе выгодномъ свѣтѣ (см. «На краю свѣта»).

Въ то же время онъ пишетъ массу разсказовъ, сильныхъ по выполнению и проникнутыхъ въ каждой строчкѣ благороднымъ настроеніемъ автора. Таковы его разсказы, вошедшіе во II томъ подъ общимъ заглавіемъ «Праведники», и полный эпическаго спокойствія «Сказъ о тульскомъ лѣвшѣ и стальной блохѣ» и т. д. Извѣстность Лѣскова начинаетъ расти въ благопріятномъ для него смыслѣ, по мѣрѣ того, какъ изъ-подъ его пера появлялись памятники русской жизни болѣе прочные, чѣмъ романы съ людьми переходной эпохи. Кромѣ литературной дѣятельности, онъ находилъ время съ 1874 г. служить въ ученomъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія вмѣстѣ съ В. Авсѣенко и Б. Маркевичемъ. Въ 1877 г. онъ былъ также причисленъ къ министерству государственныхъ имуществъ, съ оставленіемъ на службѣ по министерству народнаго просвѣщенія и, съ высочайшаго разрѣшенія, получалъ 1000 рублей въ годъ, независимо отъ содержанія въ ученomъ комитетѣ по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія. Въ 1879 г. онъ произведенъ въ коллежскіе секретари, а въ 1880 г. отчисленъ отъ министерства государственныхъ имуществъ по прошенію. Въ 1883 году въ «Новостяхъ» появилось его письмо «Объ отчисленіи Н. С. Лѣскова «безъ прошенія» отъ службы въ ученomъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія». Въ письмѣ сказано: «Я отчисленъ отъ министерства «безъ прошенія» по причинамъ, лежащимъ внѣ моей служебной дѣятельности, которая въ теченіе десяти лѣтъ признавалась полезною и никогда не привлекала мнѣ никакого упрека и ни одного замѣчанія при трехъ министрахъ: графѣ Д. А. Толстомъ, А. А. Сабуровѣ и баронѣ Николаи. Для оставленія службы мнѣ не вмѣнено никакой вины, а указана только «несовмѣстимость» моихъ литературныхъ занятій со службою. Ничего болѣе. Въ томъ, что я отчисленъ не по прошенію, а «безъ прошенія» тоже нѣтъ ничего меня порочащаго или обиднаго. Мнѣ была предоставлена полная возможность отчислиться по той формѣ, которая обыкновенно признается удобнѣйшею, но я самъ предпочелъ ту, которая на мой взглядъ болѣе вѣрна истинному ходу дѣла». Говорятъ, одинъ изъ чиновниковъ спросилъ его:

— Зачѣмъ же это вамъ нужно, Николай Семеновичъ, безъ прошенія-то?

— Нужно! Для некролога... моего и вашего!—быстро отвѣтилъ тотъ.

Интересна еще одна подробность. Лѣсковъ на столько не поль-

зовался симпатіями наиболѣ либеральной печати, что даже самое обыкновенное письмо его о причинахъ отставки дало поводъ «Вѣстнику Европы» очень зло вышутить автора. Въ апрѣльской книжкѣ этого журнала было сказано, что «Лѣсковъ, служа при трехъ министрахъ съ различными направленіями, умѣлъ вести свое дѣло такъ хорошо, что его служебная дѣятельность всегда признавалась, независимо отъ переменъ министровъ, полезною; всѣ его литературныя занятія оказывались до сихъ поръ также совмѣстимыми съ учеными занятіями по ученому комитету. Но теперь г. Лѣсковъ, можетъ быть, представилъ начальству въ рукописи свой трудъ и разошелся съ нимъ во взглядахъ на характеръ этого труда; а въ такомъ случаѣ мы должны дождаться появленія этого труда въ печати, чтобы понять, почему могъ этотъ новый трудъ навлечь на него въ первый разъ упрекъ, при четвертомъ министрѣ народнаго просвѣщенія». Эта замѣтка вынудила г. Лѣскова заявить въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1883 г., № 5) опредѣленно, что причиною къ его отставкѣ послужила его статья «Поповская чехарда и приходская прихоть», напечатанная въ февральской книжкѣ того же «Историческаго Вѣстника» за 1883 годъ. Въ инкриминированной статьѣ авторъ указываетъ, что если священники по назначенію не отвѣчали идеалу, то и по «приходской прихоти» (по выбору прихожанами) весьма часто священники были не лучше. Не указывая на лучшіе способы облагородить духъ клира, Лѣсковъ говоритъ, что это дѣло—дѣло соборное... Статья Лѣскова не касалась современнаго духовенства, но, тѣмъ не менѣе, автора попросили измѣнить свое направленіе. Посягательство на его литературную самостоятельность устранило его отъ службы, а печальная исторія Маркевича съ арендой Баймаковымъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» оттолкнула Лѣскова отъ катковцевъ. Уходя все дальше и дальше влѣво и чувствуя уже свои годы, Лѣсковъ строже анализируетъ самого себя и, наконецъ, встрѣчаетъ въ одномъ съ собою направленіи Л. Н. Толстого. Николай Семеновичъ еще въ дѣтствѣ, какъ мы видѣли выше, былъ отлично подготовленъ теткой Полли къ христіанской проповѣди. Но онъ всегда вспоминалъ Л. Н. Толстого, какъ своего позднѣйшаго учителя, заставившаго его въ преклонные годы заново мыслить и почувствовать свою «вторую молодость» въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Онъ неоднократно замѣчалъ:

— О Львѣ Николаевичѣ Толстомъ надо говорить языкомъ инымъ, а не тѣмъ, какимъ до сихъ поръ говорятъ о немъ. Мы не хотимъ назвать его настоящимъ именемъ, а его смѣло можно назвать мудрецомъ. Клади рядомъ съ нимъ Эпиктета, Сократа... Вотъ гдѣ его мѣсто. А мы стихи на него сочиняемъ, да пишемъ фельетоны... Какое пошлое общество! Послѣ него останется пустыня... Вотъ тогда только всѣ почувствуютъ это. Говорятъ, я ему подражаю.

Нисколько! Когда писалъ Толстой «Анну Каренину», я уже былъ близокъ къ тому, что теперь говорю, и написалъ «Соборянь», «Запечатлѣннаго ангела». Я уже копалъ ту кучу, которую сталъ и Левъ Николаевичъ копать. Но только у него свѣтъ ярче, и я пошелъ за нимъ съ своей плошкой. У него огромный факель, а у меня мерцаетъ маленькая плошка... Я и тороплюсь за нимъ! Тороплюсь! Развѣ это худо, что мы на старости лѣтъ заговорили о праведной жизни? Развѣ лучше, если бы мы, старики, продолжали ѣздить по Ливадіямъ и Аркадіямъ? Печальна та страна, гдѣ старики плохи: не у кого молодежи будетъ поучиться. Я пилъ, курилъ, развратничалъ, а теперь бросаю и другимъ совѣтую искать опору жизни въ другомъ ея образѣ. О, я радуюсь, что могу идти въ настоящее время за Львомъ Николаевичемъ, не оглядываясь на прошлое и не укоряя себя имъ.

Онъ любилъ иногда приводить о себѣ слѣдующее мѣсто изъ своей «Юдоли»: «Я постоянно чувствую, какъ не хорошо имѣть неопытное прошлое; чистыхъ не въ чемъ упрекать и на нихъ выдумывать, а о насъ можно говорить правду, которая тяжелѣе всякой лжи, но то дурное, что я дѣлалъ, я уже оставилъ. Говорятъ, что, переставъ грѣшить, надо каяться; но я не нахожу никакой пользы въ томъ, чтобы порочный человѣкъ, сознавъ свои дурныя дѣла, сидѣлъ бы и все смотрѣлъ на свой животъ, какъ это дѣлаютъ какіе-то чудаки въ Индіи. У очень многихъ людей въ ихъ прошедшемъ есть порядочное болото, но что же пользы возиться въ этомъ болотѣ? Лучше поскорѣе встать да отряхнуться и идти доброй дорогой. Такъ я и живу, «отряхнувшись», и не хочу жить иначе, не смотря на все мое «порядочное болото въ прошломъ».

— Прицателямъ моей жизни,—говорилъ онъ,—я совѣтую прочесть «Пустоплясовъ». Тамъ иной озорникъ подойдетъ бывало къ праведному Федосу и кричить ему:

- Дѣдъ Федось!
- А что тако?
- А вонъ что про тебя старики-то сказываютъ!
- Да! Ну-ка, давай, послушаемъ.
- Говорятъ... будто ты... Стыдно сказывать!
- Ну, что?... ну, что? Не тебѣ это стыдно-то!
- Когда молодой-то былъ...
- У, былъ пакостникъ!... Школы намъ, братцы, не было! Бойло было, а школы не было.
- Говорятъ, ты солдаткѣ въ половень гостинцы носилъ!

— Да и хуже того, братцы мои, дѣлывалъ. Слава Богу, многое уже позабылося... Видно, Богъ простилъ, а вотъ... людямъ-то все еще помнится. Не живите, братцы, какъ я прожилъ: живите по лучшему, чтобъ худого про васъ людямъ вспоминать было нечего.

Такимъ былъ Николай Семеновичъ въ послѣдніе годы своей

жизни. Подъ этимъ настроеніемъ онъ написалъ для народа «Христосъ въ гостяхъ у мужика», «Совѣстный Данило», «Прекрасная Аза», «Фигура» и «Пустоплясы». Наконецъ, въ дополненіе десяти-томному собранію его сочиненій, вышедшихъ въ 1889 году, появляется въ 1893 году XI томъ съ «Полунощниками», «Юдолью», «Часомъ воли Божіей» и легендарными разказами изъ «Прологовъ». Вліяніе Толстого здѣсь чувствуется очень сильно, но это вліяніе переработано Лѣсковымъ собственными силами, и въ самое послѣднее время его критическій умъ уже не во всемъ соглашался съ Львомъ Николаевичемъ.

— Зачѣмъ это онъ нападаетъ на науку? — въ недоумѣніи онъ спрашивалъ. — Развѣ такъ ужъ у насъ ея много, и она мѣшаетъ чему нибудь? Пусть учатся! Зачѣмъ это отрицать? Вотъ тоже и мыло, гребешокъ, ванна и т. п... Вѣдь нельзя же безъ этого, а ему не нужно... Шутникъ этотъ Левъ Николаевичъ!

Съ удовольствіемъ читалъ Лѣсковъ статьи Вл. Соловьева противъ Льва Николаевича («Идеалы и идолы», «Нравственныя основы общества» и др.) и говорилъ:

— Вотъ пріятно читать того и другого по однимъ и тѣмъ же вопросамъ. Есть у кого поучиться, чѣмъ духу жить.

Никогда не смѣшивая Льва Николаевича съ его послѣдователями, Лѣсковъ писалъ въ «Зимнемъ днѣ» о нихъ, что «они все говорятъ, говорятъ и говорятъ, а дѣла съ воробьиный носъ не дѣлаютъ. Это очень скучно. Если противны дѣлались тѣ, которые все собирались «работать надъ Боклемъ», то противны и эти, когда видишь, что они умѣютъ только палочкой ручки ковырять. Одни и другіе роняютъ то, къ чему поучаютъ относиться съ почтеніемъ».

Разумѣется, онъ негодовалъ на толстовцевъ отвлеченно, называя ихъ фразерами и импотентами; но при встрѣчѣ съ ними былъ чрезвычайно милъ и принималъ ихъ у себя на квартирѣ ласково. Его критика не имѣла личнаго характера, и потому сами толстовцы могутъ спокойно выслушать ее. Онъ неоднократно говорилъ о нихъ:

— Они очень круто поворачиваютъ. Нельзя жить на пяти десятинахъ, питаюсь горохомъ и отапливая избу чугунокъ. Нынѣ и мужикъ прикупаетъ землицы, улучшаетъ харчъ и по праздникамъ ходитъ въ сапогахъ и ищетъ иногда книжку. Все это хорошо. А наши—если они идутъ въ народъ учиться у него «ковырять» землю и выпаживать черноземъ, то мнѣ и разговаривать съ ними не о чемъ. Пусть остаются себѣ «ковырялками», если это имъ пріятно. Я думаю, они несутъ въ народъ высшую культуру, удобства жизни и лучшее о ней пониманье. А они все себѣ вопросы дѣлаютъ: ѣсть мясо или нѣтъ; ходить въ ситцѣ или носить пасконъ, надѣвать сапоги или резиновыя галоши и т. д. Право, это неважно. Эта травяная пища и резиновыя галоши, сдается мнѣ, тѣ же очки и пледы въ ше-

стидесятихъ годахъ. Вотъ гораздо важнѣе, чтобы, согласившись жить вмѣстѣ, они не побросали бы другъ друга... А то вѣдь это тотъ же нигилизмъ. Хорошая идея, которая губить дѣло, — самая гадкая идея... Нигилизмъ погубилъ себя тѣмъ, что преувеличивалъ свои силы, когда оказалось, что настоящихъ нигилистовъ по пальцамъ можно сосчитать... Кроме того, онъ расходовался на мелочи, какъ и толстовщина. Ахъ, какая это пророческая книга «Некуда»! Вѣдь вотъ второй разъ, въ своей жизни, я вижу передъ собой тѣхъ же легкихъ людей, увлеченныхъ теоріей, но на которыхъ нельзя положиться. Здѣсь не виноваты учителя: прежде Герценъ и Чернышевскій, а теперь Л. Толстой. Легкіе люди по наслѣдству намъ достались, а наши учителя даютъ имъ только направленіе. А если вы хотите громкими именами кодифицировать свою жизнь, то въ подробностяхъ запутается и Левъ Николаевичъ. Толстовцы — немножко чище нигилистовъ, но характеръ тотъ же: та же фраза и невозможность положиться на нее.

Николай Семеновичъ разсказалъ мнѣ при этомъ про распаденіе одной толстовской общины, въ которую сманили со службы чиновника и дѣвушку изъ хорошей семьи.

— Да, вѣдь это тѣ же нигилисты! Право, тѣ же! То же безсердечіе... Оправдываются тѣмъ, что если нельзя приневоливать жить въ общинѣ другихъ людей, то нельзя и себя самого приневоливать къ тому же. Спрашиваю: «да, вѣдь вы обѣщали впятеромъ жить и сообща обрабатывать земли, и среди васъ была еще одна дѣвушка?».

— Да.

— Затѣмъ одинъ изъ васъ поѣхалъ въ городъ навѣстить больного отца и тамъ остался; другой поѣхалъ получать наслѣдство и тоже не вернулся; третій уѣхалъ, потому что «скучно показалось» ковырять землю, и наконецъ вы ушли. Осталась одна только дѣвушка, съ тонкими руками, которыми нельзя наколоть дровъ на чугунокъ и запрячь лошадь, чтобы уѣхать изъ этой опустѣлой колоніи. Но вѣдь это значитъ, вы всѣ лгали другъ передъ другомъ и обманули каждый по очереди.

— Чѣмъ же?

— Вы дали слово жить вмѣстѣ и не исполнили его.

— Нельзя же силой держать въ общинѣ.

— Тогда значитъ у васъ слова нѣтъ, и съ вами никакого дѣла нельзя имѣть! Вѣдь вы тѣ же подлецы тогда! Какъ же та дѣвушка-то: вѣдь она рассчитывала въ колоніи жить съ новыми людьми, а вы ее бросили? Честно ли это? Живаго дѣла нельзя имѣть съ вами; вы тотчасъ же измѣняете своимъ обѣщаніямъ. Вы тѣ же нигилисты... Садись и пиши на васъ второе «Некуда».

Сообщая этотъ пересказъ Николая Семеновича, я долженъ вообще замѣтить, что истинное происшествіе въ означенной колоніи могло быть въ бесѣдѣ переработано Лѣсковымъ, сообразно идеѣ,

которую онъ хотѣлъ провести и имѣлъ для этого достаточно данныхъ. Всегда настроенный очень сильно въ одномъ направленіи, Лѣсковъ старался быть вѣрнымъ только въ общемъ и принципиально; но и здѣсь, надо замѣтить, онъ въ каждомъ предметѣ умѣлъ неожиданно иногда для себя самого найти новую сторону и освѣтить предметъ заново. Получались иногда противорѣчія, но всегда интересныя и проникнутыя исканіемъ истины.

Не менѣе сильно онъ осуждалъ въ дѣятельности толстовцевъ закрытіе въ Петербургѣ фирмы «Посредникъ», попрошайничество завѣдывающихъ изданіями народныхъ книгъ у литераторовъ даровыхъ статей, отлично понимая, что вмѣсто «обирательства» бѣдныхъ писателей и передачи издательскаго дѣла г. Сытину можно было бы издательство народныхъ книгъ поставить самостоятельно и организовать на собственные средства людямъ, искренне расположеннымъ къ Толстому.

— А это они только себя тѣшатъ,—восклицалъ онъ съ негодованіемъ.—Это тѣ же нигилисты... Будь я моложе—садись и пиши на нихъ второе «Некуда». Вѣдь какая богатая тема, и они дождутся, что ихъ опишутъ также безпощадно, какъ это сдѣлано мною съ нигилиствующими фразерами. Писатель, который примется за нихъ, сразу создастъ себѣ имя, и ничего нѣтъ легче описать ихъ! Но вѣдь писатели-то наши, чортъ ихъ знаетъ, чего глядятъ и чего ждуть... Горе!

Пытливый и требовательный умъ Лѣскова, успокоенный навремя яснополянскимъ мудрецомъ, съ тревогой, однако, приглядывался къ «толстовцамъ», и недовольство росло въ немъ все сильнѣе и сильнѣе. Но еще большее недовольство въ немъ развивали наши газеты и какое-то неудержимое стремленіе общества разрушить всѣ свои прежніе идеалы. «Точно наша жизнь здѣсь и кончается, и душа не должна съ пріобрѣтенными свойствами вернуться туда, откуда пришла»,—говорилъ онъ. Радовали старика за послѣднее время только учащіяся дѣвушки, иногда посѣщавшія его на квартирѣ. Идеализировалъ онъ этотъ новый типъ нашей «Елены безъ Инсарова», и она была послѣднимъ духовнымъ увлеченіемъ его идеалистически настроенной души.

Въ ночь на 21-е февраля онъ умеръ, какъ желалъ, безъ страданій, тихо задремавъ на диванѣ. Утромъ его зарисовалъ художникъ, а затѣмъ была снята фотографія. Покойный лежитъ на диванѣ: голова—на нѣсколькихъ высокихъ подушкахъ, одѣяло доходитъ до груди и лѣвая рука протянута впередъ. Точно спокойно заснувшій больной.

Среди бумагъ найдено его завѣщаніе, озаглавленное: «Моя посмертная просьба». Въ немъ сказано:

«1) По смерти моей прошу непременно вскрыть мое тѣло и составить актъ вскрытія. Желаю этого для того, чтобы могли быть

найлены причины сердечной болѣзни, которою я долго страдалъ, при общемъ увѣреніи врачей, что въ сердцѣ моемъ не было никакого болѣзненнаго измѣненія.

«2) Погребсти тѣло мое самымъ скромнымъ и дешевымъ порядкомъ при посредствѣ «Бюро погребальныхъ процессій», по самому низшему, послѣднему разряду.

«3) Ни о какихъ нарочитыхъ церемоніяхъ и собраніяхъ у бездыханнаго трупа моего не возвѣщать и гробъ закрыть тотчасъ послѣ того, какъ туда будетъ положено вскрытое и снова убранный тѣло.

«4) На похоронахъ моихъ прошу никакихъ рѣчей обо мнѣ не говорить. Я знаю, что во мнѣ было очень много дурного, и что я никакихъ похвалъ и сожалѣній не заслуживаю. Кто захочетъ порицать меня, тотъ долженъ знать, что я и самъ себя порицалъ».

Въ пятомъ пунктѣ говорится объ имущественномъ раздѣлѣ, при чемъ душеприказчиками назначаются Николай Филипповичъ Зандрокъ и Захаръ Андреевичъ Макшеевъ, живущій въ Петербургѣ.

«6) Мѣста погребенія для себя не выбираю, такъ какъ это въ моихъ глазахъ безразлично, но прошу никого и никогда не ставить на моей могилѣ никакого иного памятника, кромѣ обыкновеннаго, простаго, деревяннаго креста. Если крестъ этотъ обветшаетъ, и найдется человекъ, который захочетъ замѣнить его новымъ, пусть онъ это сдѣлаетъ и приметъ мою признательность за память. Если же такого доброхота не будетъ, значить и прошло время помнить о моей могилѣ.

«7) Если бы, однако, объявились люди, которые захотѣли бы проявить чѣмъ нибудь любовь ко мнѣ, то я отъ этого не отстраняюсь и указываю имъ, что они могутъ сдѣлать для меня отраднато: я прошу ихъ вспомнить и отыскать дѣвочку, сироту Варвару Ивановну Долину, которую я взялъ безпомощною съ двухъ лѣтъ и воспитывалъ ее и сожалѣлъ ее. Прошу всѣхъ, желающихъ явить свою любовь ко мнѣ—перевести это чувство на бѣдную Варю, которую я любилъ. Прошу помогать ей добрымъ совѣтомъ и участіемъ къ ней, ласкою и утѣшеніемъ, и заботою о ея устройствѣ.

«8) Въ годовщины смерти моей прошу моихъ доброжелателей и друзей освѣдомляться у Н. Ф. Зандрока и З. А. Макшеева о положеніи Вари, и посоветоваться, не можетъ ли кто нибудь оказать ей что либо полезное. Кто это сдѣлаетъ, тотъ окажетъ мнѣ наилучшую дружбу, которая будетъ имѣть для меня особую свою истинную цѣну.

«9) Нѣкоторые думали и говорили, будто Варя Долина есть моя дочь. Я не знаю, для чего бы я сталъ это скрывать, но это неправда. Я взялъ ее просто по состраданію, но при ея посредствѣ мнѣ дано было узнать, что своихъ и не своихъ дѣтей человекъ можетъ любить совершенно одинаково. Совѣтую испробовать это

тѣмъ, кому это кажется труднымъ и маловѣроятнымъ. Это и вѣрно, и легко.

«10) Если бы обстоятельства показали, что до совершеннѣтїа Вари Долиной, для устройства ея, можетъ имѣть значеніе какаянибудь складчина, то я этому не противорѣчу. Я самъ устраивалъ подобныя дѣла для сиротъ и думаю, что могу принять такое участіе отъ другихъ для призрѣнной мною сироты.

«11) Литературный фондъ умоляю не отказать Варварѣ Долиной въ содѣйствїи къ тому, чтобы она могла докончить свое образованіе въ какомъ возможно заведенїи, соотвѣтствующемъ началу, какое она уже получила. Зандрока и Макшеева прошу узнать, что можетъ быть оказано литературнымъ фондомъ.

«и 12) Прошу затѣмъ прощенїа у всѣхъ, кого я оскорбилъ, огорчилъ или кому былъ непрїятенъ, и самъ отъ всей души прощаю всѣмъ все, что ими сдѣлано мнѣ непрїятнаго, по недостатку любви или по убѣжденїю, что оказанїемъ вреда мнѣ была приносима служба Богу, въ коего и я вѣрю и которому я старался служить въ духѣ и истинѣ, поборая въ себѣ страхъ передъ людьми и укрѣпляя себя любовью по слову Господа моего Иисуса Христа».

Приведенная нами посмертная записка составлена Лѣсковымъ еще въ то время, когда онъ только что приступилъ къ изданїю полнаго собранїа своихъ сочиненїй и не зналъ, какъ они будутъ приняты публикой. Онъ самъ не ожидалъ, что русское общество такъ сочувственно отнесется къ итогамъ его литературной дѣятельности. Собранїе его сочиненїй, не смотря на дорогую цѣну, разошлось въ теченїе трехъ лѣтъ въ количествѣ 2.000 экз., что дало ему возможность не только прожить безбѣдно послѣдніе годы его жизни, но обезпечить матеріально свою воспитанницу, которая теперь уже не нуждается для окончанїа своего образованїа ни въ частной помощи, ни въ заботахъ литературнаго фонда.

Слѣдуетъ сказать, что послѣ смерти Лѣскова въ печати было выражено всеобщее признанїе за нимъ не только крупнаго таланта, но и того, что покойный выше всего цѣнилъ въ людяхъ: это присутствїе крупнаго характера. Г. Михневичъ говоритъ о немъ:

«Въ то время, какъ на нашихъ глазахъ очень многіе изъ прежнихъ рьяныхъ ратниковъ и делибашей «крайней лѣвой» въ литературной дружинѣ, принимавшихъ когда-то яростное участіе въ гоненїи нечестиваго автора «Некуда», самое имя его произносившихъ съ брезгливой оговоркой: «съ позволенїа сказать», тихимъ манеромъ разоружились, вылиняли, остепенились, а иные догадались приспособиться даже къ сытнымъ казеннымъ хлѣбамъ, какъ иные успѣли совсѣмъ «сжечь корабли» и перескочить легкимъ аллюромъ подъ чужой стягъ или, еще лучше, отречься отъ всякаго, — Лѣсковъ въ послѣдніе годы своей карьеры на столько явно примыкалъ своими симпатїями къ этой самой, отрицавшей его, сто-

ронѣ и на столько безупречно выдерживалъ ея исповѣдное «направленіе», что сталъ желаннымъ гостемъ на страницахъ прогрессивныхъ изданій, при благосклонномъ привѣтствіи еще недавно такой безпощадной къ нему критики: «добро пожаловать!».

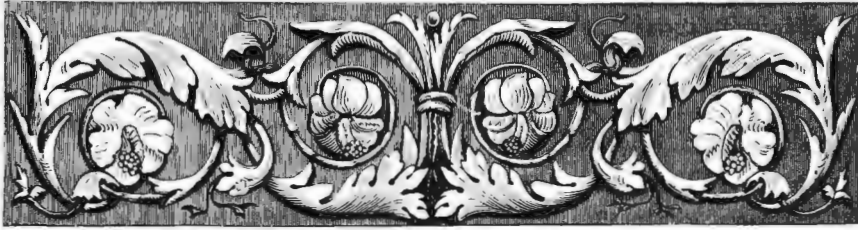
Заканчиваемъ нашу статью о Лѣсковѣ не лишеннымъ интереса фактомъ. Въ молодости Николай Семеновичъ снялся вмѣстѣ съ Д. Минаевымъ на одной карточкѣ, о чемъ даже иронически упоминаетъ г. Скабичевскій въ своей «Исторіи новѣйшей русской литературы». Это обстоятельство возбудило тогда злыя насмѣшки со стороны либеральнаго лагеря надъ Минаевымъ, котораго всѣ считали однимъ изъ рьяныхъ дѣятелей либерализма. Минаевъ самъ стыдился этой карточки и сожалѣлъ о сдѣланномъ якобы имъ промахѣ и даже прекратилъ всѣ отношенія къ Лѣскову. Но незадолго до своей смерти Минаевъ измѣнилъ свой взглядъ на Лѣскова и, вполне сочувствуя идеямъ, проводимымъ Лѣсковымъ въ его литературныхъ произведеніяхъ, прислалъ ему новую свою карточку, съ слѣдующимъ стихотвореніемъ:

«Тому назадъ лѣтъ двадцать пять
Снялись на карточкѣ мы оба,
Хотя пріятельская злоба
Меня старалась осмѣять.
И снова черезъ четверть вѣка,
Вполнѣ успѣвъ тебя понять,
Какъ гражданина, чловѣка,
И сняться радъ съ тобой опять».

Похороненъ Н. С. Лѣсковъ на Волковомъ кладбищѣ. Согласно его волѣ, похороны были самыя скромныя, проводить его въ послѣднее пристанище собрались исключительно лишь ближайшіе друзья и родные...

А. Фаресовъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА.

РЕДОСТАВЛЕННЫЯ въ мое распоряженіе А. К. Жизневскимъ письма къ нему И. И. Лажечникова, за время отъ 1853 по 1869 годъ, заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя новыя данныя для біографіи Лажечникова. Принося мою благодарность многоуважаемому А. К. Жизневскому, я долженъ сказать, что воспользовался въ настоящей моей статьѣ не всѣми письмами И. И. Лажечникова, а только тѣми, которыя представляли общій интересъ. Притомъ нѣкоторыя письма я передаю въ сокращеніи. Объясненіе тому заключается въ рѣшеніи А. К. Жизневскаго напечатать всѣ письма ¹⁾. Съ моей точки зрѣнія письма интересны, какъ матеріаль для біографіи И. И. Лажечникова. Писанныя имъ къ своему другу изъ Витебска и Москвы, съ искренностью и непосредственностью, они передаютъ намъ разнообразныя замѣтки его о видѣнномъ и слышанномъ. Ни о Витебскѣ, ни о Москвѣ мы не узнаемъ изъ нихъ для себя чего нибудь новаго, но узнаемъ новое о самомъ И. И. Лажечниковѣ: какъ окружающая его природная и житейская обстановка повліяла на его талантливую личность, какія настроенія, размышленія и думы переживалъ онъ, и какъ слѣдъ его ума и вкуса передавался въ самихъ письмахъ. Витебскъ, по письмамъ И. И. Лажечникова, — мѣсто изгнанія, городъ, изъ котораго, какъ можно скорѣе, слѣдуетъ уѣхать. Сравнивая его съ Тверью, гдѣ Лажечниковъ долго прожилъ

¹⁾ Въ настоящее время они начали печататься въ «Тверскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ».

и оставилъ знакомыхъ и друзей, онъ почти во всемъ отдаетъ предпочтеніе Твери. Словомъ, главный интересъ въ этихъ письмахъ для насъ заключается преимущественно со стороны біографической для самого Лажечникова.

Для объясненія этихъ писемъ, мы скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о жизни И. И. Лажечникова въ Твери, откуда онъ уѣхалъ въ Витебскъ. И. И. Лажечниковъ былъ связанъ съ Тверью многими воспоминаніями: онъ прожилъ здѣсь почти 24 года. И сама Тверь считала и будетъ всегда считать его своимъ: онъ записанъ здѣсь сначала въ шестую, а потомъ во вторую часть книги тверскихъ дворянъ. Съ 5-го марта 1831 года по 12-е мая 1837 года Лажечниковъ былъ въ Твери директоромъ Тверской гимназіи; потомъ, по избранію дворянства, ея попечителемъ и, наконецъ, съ 19-го апрѣля 1843 года по октябрь 1853 года—тверскимъ вице-губернаторомъ. Къ тому времени, когда Лажечниковъ жилъ въ Твери, относится самая блестящая пора его литературной дѣятельности; тогда появляются въ свѣтъ его романы, доставившіе ихъ автору неувядаемую славу. «Послѣдній Новикъ» началъ печататься въ 1831 г. и вышелъ въ продажу въ 1833 г., «Ледяной Домъ» и «Басурманъ» написаны были въ Твери. «Послѣдній Новикъ» былъ начатъ еще въ 1826 г. Къ этому времени слѣдуетъ отнести поѣздку Лажечникова въ Лифляндію, чтобы увидѣть тѣ мѣста, которыя описываются въ его романѣ, и собрать здѣсь еще сохранившіяся преданія о Петрѣ Великомъ и Б. П. Шереметевѣ; къ этому же времени относится знакомство Лажечникова съ исторіей завоеванія Лифляндіи по книгамъ изъ бібліотеки графовъ Остермановъ. Въ небольшомъ своемъ имѣніи въ Тверской губерніи, въ с. Никольскомъ, Лажечниковъ написалъ своего «Басурмана». Имѣніе это было потомъ продано въ 1853 г. Какъ велика была въ то время литературная извѣстность Лажечникова, видно будетъ изъ того, что московскій книгопродавецъ Ширяевъ заплатилъ ему за этотъ романъ 20.000 рублей, на которыя авторъ купилъ потомъ новое имѣніе. Затѣмъ изъ личныхъ воспоминаній особенно было близко сердцу Лажечникова воспоминаніе о томъ, что здѣсь, въ Твери, скончалась первая его супруга Авдотья Алексѣевна, похороненная въ 1852 г. въ Отрочемъ монастырѣ; объ этомъ онъ часто пишетъ А. К. Жизневскому, котораго проситъ поблюсти за памятникомъ на могилѣ ея, и другое воспоминаніе объ одномъ дѣлѣ, не менѣе тяжелое, о которомъ до сихъ поръ мало было извѣстно. Изъ-за этого дѣла о растратѣ и расхищеніи суммъ тверского приказа общественнаго призрѣнія пришлось Лажечникову и продать свое тверское имѣніе и уѣхать изъ Твери въ 1853 г. въ Витебскъ, куда онъ былъ переведенъ тоже на мѣсто вице-губернатора. Это дѣло легло камнемъ на душу Лажечникова, повредило дальнѣйшей его службѣ и имѣло для него самыя непріятныя послѣдствія, не смотря на то, что ни въ какомъ

расхищеніи суммъ онъ не участвовалъ и терпѣлъ только, какъ говорится, въ чужомъ пиру похмеле.

Это расхищеніе суммъ тверскими чиновниками, служившими въ приказѣ, совершилось въ періодъ времени съ 1839 по 1850 годъ, когда И. И. Лажечниковъ былъ вице-губернаторомъ въ Твери. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ дѣлѣ былъ непремѣнный членъ приказа общественнаго призрѣнія, нѣкто г. Никифоровъ. Безъ него растраты бы не было. Самъ Никифоровъ, какъ видно изъ дѣла, утаилъ себѣ 19.000 рублей казенныхъ денегъ; за нимъ слѣдуютъ другіе его подчиненные чиновники, числомъ до 32-хъ человѣкъ, на долю которыхъ приходится похищенныхъ суммъ 44.000, а всѣхъ суммъ похищенныхъ было 63.000. Самъ Лажечниковъ замѣшанъ былъ въ это дѣло совершенно случайно. Онъ попалъ подъ судъ потому, что за отсутствіемъ губернатора управлялъ не разъ губерніей и принималъ предсѣдательство въ приказѣ общественнаго призрѣнія. Слѣдствие открыло, что похищеніе суммъ совершалось здѣсь въ теченіе долгаго времени, обставлялось незамѣтно, какъ ширмами, всѣми необходимыми съ формальной стороны бумагами, и не легко могло быть узвано даже и болѣе практичнымъ знатокомъ канцелярскаго дѣла, какимъ не былъ никогда Лажечниковъ. Судя по себѣ, Лажечниковъ думалъ, что слѣдуетъ довѣрять всѣмъ, что всѣ люди чисты и честны, и горькимъ опытомъ разувѣрился въ этомъ. По настоящему дѣлу Лажечниковъ сильно пострадалъ: на него былъ наложенъ начеть въ 17.000 рублей. Онъ обвинялся въ томъ, что, за отсутствіемъ губернатора Бакунина, управляя губерніей, онъ невнимательно обревизовалъ суммы приказа и слишкомъ довѣрчиво отнесся къ служащимъ здѣсь. Онъ не обратилъ вниманія на то, какіе крайніе безпорядки были допущены губернаторомъ въ дѣлопроизводствѣ; ему и въ голову не приходило, что въ нихъ-то и крылась возможность сдѣлать незамѣтно для глазъ растрату какихъ угодно казенныхъ суммъ.

Вотъ чѣмъ Тверь осталась памятна Лажечникову.

Мы передаемъ, какъ уже замѣтили выше, только содержаніе писемъ Лажечникова къ А. К. Жизневскому и немногія изъ нихъ сообщаемъ цѣликомъ. Витебскъ, куда Лажечниковъ противъ своего желанія уѣхалъ изъ Твери, видимо не понравился ему. Послѣ перваго своего знакомства съ Витебскомъ и Смоленской губерніей, по которой онъ проѣхалъ, съ Бѣлоруссіей вообще, онъ уже видѣлъ, что для него здѣсь жизнь будетъ невозможна, и сталъ мечтать только о томъ, какъ бы отсюда переселиться въ Москву. Сравненіе Витебска съ Тверью было далеко не въ пользу перваго. Тверь и въ то время, особенно по внѣшности, была городомъ вполне благоустроеннымъ; русское общество здѣсь по развитію и пониманію

стояло несравненно выше витебскаго; въ Витебскѣ, за исключеніемъ чиновниковъ, преобладающими элементами являлись въ обществѣ поляки и евреи. Во всемъ Бѣлорусскомъ краѣ все было такъ неприглядно, только климатъ и благораствореніе воздуха могли понравиться. Тверь—это была, по выраженію Лажечникова, Россія; Бѣлоруссія съ ея бѣднымъ, угнетеннымъ польскими помѣщиками, русскимъ населеніемъ—чужбина. Обычаи, повѣрья, религія и особенно жидаы представляли рѣзкую границу между великорусскими и бѣлорусскими губерніями; Бѣлоруссія еще не сливалась тогда съ Россіей, какъ стала сливаться позже. Промышленность, торговля, рынокъ, ремесла—все это было захвачено здѣсь жидами и на столько сильно, что крестьянинъ, напримѣръ, вынужденъ былъ продавать свои продукты жидамъ вдвое дешевле, чѣмъ русскимъ. Евреи представляли собою самое подвижное населеніе въ этомъ краѣ; въ Витебскѣ на главной улицѣ они сновали днемъ и ночью; невольно спрашиваешь себя, когда же они спятъ. Кажется, они отдыхаютъ однѣ только сутки въ недѣлю, въ субботу. По своимъ зданіямъ, Витебскъ—дрянной городишко. Весь онъ покрытъ деревянной черепицей, поросшей мохомъ; на крышахъ, какъ въ деревняхъ, стоятъ бочки съ водой и помеломъ, на случай пожара. Даже на главной улицѣ въ Витебскѣ домишки были настолько ветхіе, что наши ярославскіе мужички, кажись, свалятъ ихъ разомъ. Двора при домахъ нѣтъ, а вмѣсто двора—какая-то полойная яма. Часто встрѣчаются дома съ разбитыми стеклами въ окнахъ; вмѣсто стеколъ вставлены гнилыя доски. Всѣ присутственныя мѣста помѣщаются въ наемныхъ домахъ. Здѣсь чиновники сидятъ и пишутъ варварскимъ языкомъ свои бумаги, украшая ихъ изобрѣтенными еще подьячими въ старое время особыми словами, въ родѣ того: переказанный вексель, подвергнутіе, поискивать,—словами, не существующими ни въ какомъ языкѣ, ни въ какомъ лексиконѣ. Только немногіе предметы и въ Витебскѣ приводятъ въ восторгъ Лажечникова. Нерѣдко среди грязныхъ, въ лохмотьяхъ, евреевъ встрѣчалъ онъ чудный ликъ молодой еврейки, сохранившей типъ ветхозавѣтной южной красоты. Такая красота сама бросалась въ глаза, напоминала ему пески пустыни, верблюдовъ, библейскихъ женщинъ, съ ихъ кувшинами на головѣ, идущихъ за водой къ колодцу. Другой красивый типъ встрѣчался ему въ костелахъ, но уже не библейскій, а славянскій. «Здѣсь красавица полька сжигала васъ лучами своихъ голубыхъ глазъ, согрѣвающими какою-то небесной благодатью». Только одинъ живописецъ можетъ вѣрно передать это высокое впечатлѣніе. Точно также окрестности Витебска, даже зимою, по красотѣ своей, возбуждаютъ приятное чувство.

Уже за Смоленскомъ начинается для путешественника что-то новое. Онъ встрѣчаетъ бѣдныя жидовскія мѣстечки съ великолѣп-

ными костелами, съ роскошными домами помѣщиковъ, хозяева которыхъ ихъ покинули, сдѣлавшись обитателями Парижа, или съ жидовскими школами, въ которыхъ разбитыя стекла замѣнены грязными досками, на манеръ Витебска, и съ бѣдными русскими православными церквями. Сама бѣлорусская деревня состоитъ изъ двухъ-трехъ смиренныхъ хижинъ, съ однимъ окномъ, на столько бѣдныхъ, что голодныя собаки даже не лаютъ на проѣзжаго. Какая противоположность съ нашей великорусской деревней, растянувшейся, на версту, или на двѣ, гдѣ избы съ тремя окнами, съ затѣливой рѣзбой, гдѣ жители—кровь съ молокомъ и смотрятъ молодцами, даже свысока. А здѣсь, въ этой бѣлорусской деревнѣ, крестьянинъ и загнанъ, и забитъ своимъ арендаторомъ. Вотъ онъ тащится въ бѣлой валяной шапкѣ подъ пару своей тощей клячонкѣ въ веревочной срубѣ. И физически, и нравственно всегда въ колтунѣ. Гдѣ же ты, Русь, здѣсь? За тридевять земель!

Прибывъ въ Витебскъ на должность вице-губернатора, исполняя свои служебныя обязанности, Лажечниковъ засталъ въ своемъ дѣлѣ такъ много всякаго рода безпорядковъ, что долженъ былъ работать день и ночь, чтобы его губернское правленіе походило сколько нибудь на настоящее правительственное учрежденіе. Какъ велико было здѣшнее неустройство, можно судить потому, что въ одномъ изъ столовъ этого правленія, какъ пишетъ Лажечниковъ, за пять лѣтъ не заслушано было 1.570 бумагъ, а въ другомъ 1.400. По году и больше велись однѣ только справки для гражданской палаты, затруднявшія совершеніе необходимыхъ актовъ. Къ счастью Лажечниковъ нашелъ себѣ хорошаго начальника, помогавшаго ему въ его трудной работѣ. Съ особенной похвалой отзывается онъ о витебскомъ губернаторѣ, при которомъ служилъ здѣсь. Губернаторъ Тиличевъ, говоритъ Лажечниковъ, былъ образованный человѣкъ, любитель литературы, человѣкъ съ добрымъ и благороднымъ сердцемъ. Точно также хорошій человѣкъ былъ и тогдашній витебскій генераль-губернаторъ Игнатьевъ. Лажечниковъ былъ ласково принятъ и имъ и сдѣлался въ его домѣ своимъ человѣкомъ: почти каждую недѣлю раза два онъ у него обѣдалъ. Семейство генераль-губернатора тоже полюбило Лажечникова. Здѣсь, въ домѣ Игнатьева, все напоминало ему настоящую патриархальную Русь; здѣсь Лажечниковъ, въ кругу гостепріимныхъ настоящихъ русскихъ людей, забывалъ окружающую дѣйствительность: и жидовъ съ ихъ дѣлами о свѣчныхъ и коробочныхъ сборахъ, и свой исковой столъ въ губернскомъ правленіи, и городскихъ головъ, и неисправныхъ исправниковъ, и объемистыя дѣла, касающіяся обезпеченія православнаго духовенства католическими помѣщиками, тянувшіяся лѣтъ по двадцати и болѣе, и самый Витебскъ. Въ этомъ уголкѣ онъ

могъ теперь отдыхать и душою, и сердцемъ. Вотъ въ какихъ стихахъ передаетъ Лажечниковъ свои впечатлѣнія тогдашней жизни:

Городъ грустный, городъ сонный,
Гдѣ за вами день и ночь
Рой жидовъ неугомонный
Гонится, какъ ваша тѣнь;
Гдѣ засаленнымъ халатомъ
Городъ будто весь одѣтъ
И жидовскимъ ароматомъ
Воздухъ и зимой нагрѣтъ;
Гдѣ поджарую клячонку
Самъ-третьей мужикъ тащить,
А всѣхъ ихъ, сѣвъ въ телѣжонку,
Важно погоняетъ жидъ;
Гдѣ корчемство, пропаганда,
Гдѣ аренды всѣхъ тѣней,
Безъ позы контрабанда,
Конна стража безъ коней;

Гдѣ кухарка ваша панья,
Кучеръ панъ и панъ лакей;
Есть людей иныхъ названья—
Стыдно молвить межъ людей¹⁾);
Гдѣ не въ баснѣ разсуждаютъ
Фениксъ, Жаба, Жукъ и Быкъ;
Гдѣ на польскій ладъ ломаютъ
Гордый русскій нашъ языкъ.

Городъ грустный, городъ сонный,
Скоро-ль я съ тобой прощусь
И судьбою благосклонной
Вдаль на родину помчусь?
Развѣ зимнею дорогой,
Какъ на Русь я полечу,
Вьюги окруженъ тревогой,
Дань тебѣ я заплачу?
Вѣтеръ теплый, вѣтеръ съ юга
Вдругъ пахнетъ тебѣ на грудь;
Позабудется и вьюга
И въ сугробахъ снѣжный путь;
Всѣхъ стихій забудешь смуту,
Буря перестанетъ выть,
И захочешь хоть минуту
Въ сонномъ городѣ побыть.

Нѣтъ, скорѣе мчись, мой кормчій,
Съ посвистомъ ямщикъ лихой,
Дай увидѣть мнѣ домъ отчій
И принасть къ землѣ родной.
Тамъ подъ липой, у просѣки,
Орошенъ цвѣтвымъ дождемъ,
Я васну... васну навѣки...
Ну, валяй по всѣмъ тремъ!

¹⁾ Вліюдуха, столоначальникъ губернскаго правленія.
«истор. вѣстн.», апрѣль, 1895 г., т. LX.

Въ письмахъ Лажечникова приводятся историческіе факты, освѣщающіе окружающую дѣйствительность. «Въ залѣ, гдѣ мы обыкновенно обѣдаемъ у генераль-губернатора, пишетъ Лажечниковъ, скончался великій князь Константинъ Павловичъ. Спальня супруги Игнатьева была и спальнею Наполеона. Изъ окошекъ дворца смотрѣлъ великій полководецъ на площадь, гдѣ маневрировала его гвардія; ей было тѣсно на этой площади, и онъ приказалъ, чтобы дать гвардіи большій просторъ,—сломать находившуюся здѣсь церковь. У седьмого дерева въ аллеѣ за городомъ принималъ Наполеонъ витебскую депутацію, мрачный и недовольный, потому что у рѣчки Лучесы, за нѣсколько верстъ отъ города, гдѣ онъ думалъ похоронить русскую армію,—живая и цѣлая, она уткнула и какъ будто скрылась въ землю».

«Москва, 28 іюня 1854.

«Наконецъ, я вырвался изъ мѣста своей ссылки; 9-го числа прибылъ я въ Москву. Здѣсь я постигнулъ чувство, которое ощущаютъ невольники, получившіе свободу. Пишите ко мнѣ: на Дѣвичьемъ полѣ, при выѣздѣ съ Плющихи, въ домѣ Киселева ¹⁾). Я успѣлъ уже съѣздить къ брату въ деревню, за 70 верстъ отъ Москвы, по Коломенской дорогѣ. Имѣніе его прекрасное, живописно расположенное на Москвѣ-рѣкѣ. Въ немъ провелъ я свое дѣтство и юность. Чудныя воспоминанія объ этомъ времени, прекрасный садъ, дѣти, шумящія около меня, какъ пчелиный рой, дивное время, книги, умное и любезное сосѣдство и пуще всего свобода, полная свобода сдѣлали для меня пребываніе въ этомъ сельскомъ убѣжищѣ земнымъ раемъ. Я не видалъ, какъ прошли 9 дней ²⁾). Возвратился я сюда, чтобы устроить себѣ свое новое жилище. Я живу совершенно, какъ на дачѣ. Передо мною Дѣвичье поле, окаймленное хорошенькими домами, а за ними все Замоскворѣчье съ Донскимъ монастыремъ, Александровскимъ дворцомъ, Нескучнымъ, дачей графа Мамонова и Воробьевыми горами; кое-гдѣ выгляды-

¹⁾ Въ письмѣ отъ 10-го іюня 1863 года Лажечниковъ говоритъ, что живетъ на Нижней Прѣснѣ, у Горбатаго моста, въ домѣ Павлова.

²⁾ Въ другомъ письмѣ отъ 23-го іюня 1863 года Лажечниковъ снова возвращается къ воспоминаніямъ о деревнѣ своего брата: «Пишу къ вамъ изъ деревни брата (село Кривякино, въ Коломенскомъ уѣздѣ), почтеннѣйшій другъ Августъ Казиміровичъ. Здѣсь я уже почти съ недѣлю и вполне наслаждаюсь деревенскою жизнью. Гуляю, купаюсь, ужу рыбу и все карпію, которыхъ въ полчаса ловлю до пяти, вершковъ въ пять и болѣе: люблю тащить такую штуку. Мѣстоположеніе прекрасное, садъ огромный, вода и воздухъ превосходные; по Москвѣ-рѣкѣ движутся караваны барокъ. Думаю, пробуду еще дней десятокъ въ этомъ земномъ раю».

Въ третьемъ письмѣ (отъ 20-го августа 1855 года): «Погостилъ я болѣе шести недѣль у брата въ подмосковной его деревнѣ и наслаждался вполне дѣтнимъ временемъ».

вають золотыя главы Ивана Великаго, Спасскаго монастыря, Сионова... Съ балкона моего не могу налюбоваться досыта этими видами. Если вы будете въ Москвѣ, остановитесь у меня. Сейчасъ, по случаю праздника Смоленской Божіей Матери, идетъ процессія въ Дѣвичій монастырь; народъ усыпалъ поле, духовенство цѣлой Москвы съ хоругвями тянется золотою битью до монастыря, путь усыпанъ цвѣтами... Картина прекрасная! Въ красные дни рои дѣтей, какъ букетъ цвѣтовъ, разброшены по землѣ луга, кавалькады прекрасныхъ амазонокъ скачутъ мимо моихъ оконъ. Не могу безъ ужаса вспомнить о Витебскѣ: мнѣ кажется, что я попалъ въ сатанинское сонмище жидовъ, готовое растерзать меня на части. Жалѣю объ одномъ Тиличевѣ: боюсь, съ его поэтической душой, съ его отвращеніемъ къ подьячеству, онъ пропадетъ тамъ... Вчера я былъ въ театральной конторѣ, у управляющаго Верстовскаго: онъ принималъ цѣлую вереницу молоденькихъ актрисъ изъ воспитанницъ, возвратившихся изъ Одессы. Хотятъ принять на сцену моего «Новобранца», если цензура позволитъ. Жаль, что немного опоздаю. Надняхъ въ саду Погодина, въ двухъ шагахъ отъ меня, будетъ прощальный обѣдъ Бергу, который ѣдетъ въ дѣйствующую армію, какъ журналистъ военныхъ событій... Будетъ на этомъ пирѣ графиня Росточина; думаю на него попасть... Не думаю о службѣ; тогда наложу цѣпи ея, когда нужда заставитъ, а до того времени летаю и пою себѣ, какъ птица поднебесная».

О пьесѣ своей «Новобранецъ» въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 16-го августа 1854 года, Лажечниковъ сообщаетъ А. К. Жизневскому, что она отдана на цензуру въ III отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи. Она была представлена въ театральную дирекцію съ условіемъ, что денежныя выгоды, которыя поспектакльно получаютъ авторы, въ случаѣ принятія пьесы на сцену, предоставляются тремъ наиболѣе отличившимся въ послѣднюю войну нижнимъ чинамъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, въ которомъ служилъ прежде Лажечниковъ.

3-го ноября 1854 года Лажечниковъ увѣдомляетъ А. К. Жизневскаго, что его театральная пьеса «Окопировался» будетъ скоро поставлена на петербургской сценѣ, въ бенефисъ Орловой, 12-го ноября, а затѣмъ на московской—27-го ноября, въ бенефисъ Живокини. «Въ головѣ вертятся планы двухъ другихъ пьесъ, да не хочется приняться за перо, пока русскій мечъ не разсѣчетъ узла, завязавшагося въ Крыму. У всѣхъ теперь одно на умѣ и одно на душѣ—Севастополь».

Такимъ образомъ, Лажечниковъ, оставивъ службу, вновь вступилъ послѣ долгаго перерыва на литературное поприще. Объ этомъ времени его литературной дѣятельности до сихъ поръ мы знаемъ

немного, можетъ быть, потому, что самое появленіе было на этотъ разъ не такъ блистательно, какъ прежде. Онъ началъ писать теперь не романы, а главнымъ образомъ драматическія произведенія, большинство которыхъ, какъ совершенно справедливо отмѣчено было нашей критикой, далеко не обладаетъ тѣми достоинствами, какія встрѣчаются въ прежнихъ его романахъ. Драматическія его произведенія никакъ не могутъ быть поставлены наравнѣ съ его романами, написанными въ Твери. О другихъ своихъ произведеніяхъ въ послѣдніе годы своей жизни, въ московскій періодъ своей литературной дѣятельности, Лажечниковъ въ своихъ письмахъ или ничего не говоритъ, или говоритъ случайно и очень мало. Извѣстно, на примѣръ, что въ это время Лажечниковъ написалъ: «Мое знакомство съ Пушкинымъ» и «Матеріалы для біографіи Вѣлинскаго», но объ нихъ въ письмахъ къ А. К. Жизневскому нѣтъ ни слова. Вотъ еще два отрывка изъ московскихъ писемъ, въ которыхъ заключается историко-литературное содержаніе.

Въ письмѣ отъ 24-го ноября 1863 года читаемъ: «Мой «Горбунъ», кажется, имѣлъ успѣхъ: его давали уже три раза, и каждый разъ театръ былъ полонъ. Кажется, его дадутъ опять надняхъ. Можетъ быть, привлекали публику прекрасная игра Садовскаго и прекрасная декорация театра. Желалъ бы я знать, что говорить о моей пьесѣ Сысоевъ?»¹⁾

Въ письмѣ отъ 3-го сентября 1864 года: «Отъ нечего дѣлать написалъ я статейку (и помѣстилъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ») въ защиту моего бывшаго начальника графа Остермана-Толстого. Читали ли вы ее? На большой трудъ меня нынѣ не достаетъ».

Извѣстно, что Лажечниковъ былъ адъютантомъ у графа Остермана-Толстого. Онъ вспоминалъ объ немъ и въ Витебскѣ. «Здѣсь недалеко Островно, гдѣ графъ Остерманъ-Толстой остановилъ съ горстью русскихъ отборные легіоны великой арміи великаго Наполеона. Какъ теперь вижу его (я это мѣсто отыщу) среди волнующихся рядовъ; и теперь слышу желѣзныи отвѣтъ его на вопросъ подчиненныхъ ему отрядныхъ начальниковъ: «что дѣлать?»—«стоять и умирать!». И стояли, и умирали великіе русскіе воины великаго двѣнадцатаго года!»

Тверь осталась навсегда дорогою въ воспоминаніяхъ И. И. Лажечникова. Здѣсь онъ оставилъ, отъѣзжая въ Витебскъ, своихъ друзей и поклонниковъ своего таланта. Здѣсь они устроили ему тогда прощальный обѣдъ. Кромѣ А. К. Жизневскаго, въ числѣ ихъ упоминаются въ письмахъ: А. В. Веревкинъ, Ѳ. Н. Глинка, Сысоевъ, Казаковъ, Озеровъ, Ушаковъ, Унковскій и священникъ Владиславлевъ. Къ Сысоеву Лажечниковъ написалъ изъ Витебска два

¹⁾ Тверской знакомый И. И. Лажечникова.

письма, но почему-то не получилъ на нихъ отвѣта,—такъ переписка эта и прекратилась. «Немногіе часы, проведенные мною въ Твери,—пишетъ Лажечниковъ къ А. К. Жизневскому 16-го іюля 1863 года,—считаю одними изъ лучшихъ, свѣтлыхъ минутъ въ моей жизни. За нихъ я долженъ благодарить Бога, какъ за прекрасный даръ его». И въ другомъ письмѣ: «Не забывайте меня вашими вѣсточками; онѣ для меня все равно, что прилетѣть ласточекъ весною послѣ долгой, пасмурной зимы». Болѣе дѣятельная переписка И. И. Лажечникова съ Тверью велась черезъ А. К. Жизневскаго. Ему онъ написалъ 18 писемъ. «Изъ разныхъ городовъ Россіи,—пишетъ онъ Жизневскому,—есть хоть вѣсточки въ газетахъ, а Тверь какъ будто вымерла со всѣми жителями. Неужели она такъ занята своими бюрократическими дѣлами, что не имѣетъ времени удѣлить нѣсколько минутъ чувствамъ дружбы?» Во время празднованія пятидесятилѣтняго юбилея литературной дѣятельности И. И. Лажечникова 3-го мая 1869 года въ Москвѣ (на этомъ юбилеѣ И. И. Лажечниковъ по болѣзни не присутствовалъ), А. Н. Островскій высказалъ ему отъ лица его почитателей много теплаго и сочувственнаго. Онъ сказалъ, между прочимъ, для характеристики личности юбиляра, что Лажечниковъ былъ однимъ изъ немногихъ литераторовъ, которые не старѣютъ душой: онъ не ставилъ въ вину начинающимъ талантамъ ихъ молодости; никогда высокоумною, покровительственною рѣчью не оскорбилъ онъ начинающаго писателя. Съ первыхъ словъ, съ первымъ пожатіемъ руки, онъ становился съ молодымъ талантомъ, который могъ бы ему быть сыномъ или внукомъ, въ отношенія самыя простыя и дружественныя, въ такія отношенія, какъ будто они оба начали писать въ одно время». Къ празднованію юбилея И. И. Лажечникова изъ Твери Ѡ. Н. Глинка послала ему привѣтственную телеграмму, а А. В. Веревкинъ, тверской помѣщикъ, лично явился въ Москву и поднесъ юбиляру подарокъ отъ тверичей—два изящныхъ кубка. «Прижимаю васъ крѣпко къ сердцу,—писалъ И. И. Лажечниковъ 5-го мая 1869 года къ А. К. Жизневскому,—и цѣлую братскимъ цѣлованіемъ за все, что вы для меня сдѣлали. Подарокъ двухъ кубковъ вышелъ богатый и изящный». Это было послѣднее его письмо въ Тверь. Онъ вскорѣ умеръ.

Тверь оставалась дорогою для Лажечникова и по его семейнымъ воспоминаніямъ. Здѣсь, какъ я уже сказалъ, въ 1852 году, въ Отрочемъ монастырѣ, похоронена была первая его супруга (Авдотья Алексѣевна); здѣсь же, въ Твери, онъ вступилъ во второй бракъ. Онъ заботился о могилѣ своей любимой супруги: въ письмахъ къ А. К. Жизневскому встрѣчаются слѣдующія о томъ упоминанія:

«Витебскъ, 16-го апрѣля 1854 года. Посѣтите когда нибудь могилку моей жены и напишите мнѣ, обдѣлали ли ее дерномъ. Я просилъ объ этомъ Ушакову. Позаботьтесь и вы».

«Москва, 2-го ноября 1854 года. Сдѣлайте одолженіе, съѣздите 4-го числа на могилу незабвенной Авдотьи Алексѣевны и отслужите по ней панихиду. Боюсь съѣздить на почту, не посылаю нынѣ денегъ, а пошлю ихъ завтра. Заплатите два рубля сер. за панихиду, а одинъ рубль раздайте мальчикамъ, которые обыкновенно поютъ при такихъ случаяхъ: это бѣдные ученики духовнаго училища».

«Москва, 31-го марта 1855 года. Христосъ воскрес! Вмѣстѣ съ этимъ поздравленіемъ примите мое братское цѣлованіе, почтеннѣйшій другъ Августъ Казиміровичъ. Да, великія, утѣшительныя эти слова! Покойная моя жена желала быть погребенною въ Отрочемъ монастырѣ, потому что въ заутреню Свѣтлаго Христова Воскресенія, какъ она сказывала, духовенство тамошнее обходитъ могилы и привѣтствуетъ умершихъ словами: Христосъ воскрес! Какъ эта мысль была утѣшительна для умирающей!...»

«Москва, 20-го августа 1855 года. У меня до васъ покорнѣйшая просьба. Когда я былъ въ Твери, я замѣтилъ на могилѣ Авдотьи Алексѣевны, что памятникъ отъ водополія немного покочнулся. Сдѣлайте одолженіе, прикажите одну сторону приподнять и исправить, какъ слѣдуетъ. Что будетъ стоить, я вамъ съ благодарностью возвращу».

«Москва, 10-го іюня 1863 года. Если будете въ Отрочемъ монастырѣ, посѣтите могилу моей незабвенной Авдотьи Алексѣевны. Цѣль ли ея памятникъ и въ какомъ онъ положеніи? Поклонитесь за меня ея праху».

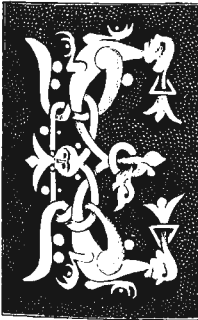
Содержаніе другихъ писемъ И. И. Лажечникова къ А. К. Жизневскому, съ нашей точки зрѣнія, менѣе интересно. Лажечниковъ, напримѣръ, хлопочетъ о приисканіи своему брату въ его московское имѣніе садовника и предлагаетъ это мѣсто знакомому садовнику на тверской станціи желѣзной дороги. Садовникъ сначала согласился на предложеніе, а потомъ раздумалъ и откладывалъ свою поѣздку. Лажечниковъ пишетъ къ А. К. Жизневскому, чтобы онъ повидался съ садовникомъ и убѣдилъ его не отказываться отъ новаго мѣста и поскорѣе выѣхать изъ Твери. Или Лажечниковъ проситъ А. К. Жизневскаго дать мѣсто своему родственнику въ казенной палатѣ въ Твери, что онъ можетъ сдѣлать, какъ предсѣдатель ея. Все это не имѣетъ общаго интереса.

Сдѣлавшись почти семьдесятилѣтнимъ старикомъ, въ послѣдніе годы своей жизни Лажечниковъ сталъ чаще прежняго прихварывать, и потому выѣхать изъ дома куда нибудь составляло для него уже большой трудъ. Онъ жалуется на это въ своихъ письмахъ. Онъ скончался въ Москвѣ, 26-го іюня 1869 года, и похороненъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Николай Овсянниковъ.

УКРАИНСКІЙ СОКРАТЪ.

ДВА ЛИ не впервые пришлось большинству читающей публики услышать имя Сковороды по поводу его юбилея, торжественно отпразднованнаго въ Харьковѣ въ концѣ прошлаго года. Сковорода какъ бы родился въ день столѣтія своей смерти, и очень обширный кругъ читателей заинтересовался такимъ столѣтнимъ новорожденнымъ, Между тѣмъ удовлетворить свое любопытство интересующимся было довольно трудно, ибо все-что до сихъ поръ встрѣчалось о Сковородѣ въ печати, или относилось къ области «схватокъ о матеряхъ важныхъ», или говорилось, такъ сказать, для посвященныхъ въ тайну его знаменитости, а потому непосвященнымъ объясняло очень немногое. Пользуясь напечатанными къ юбилею Сковороды его сочиненіями, собранными и изданными харьковскимъ историко-филологическимъ обществомъ, мы намѣрены въ виду сказаннаго дать краткую и общедоступную характеристику украинскаго философа и его произведеній.

Жизнь и сочиненія Сковороды представляютъ одно цѣлое, такъ что ихъ трудно разбирать порознь. Можно даже сказать, что личное вліяніе Сковороды при жизни и придаетъ главный интересъ и значеніе всему, имъ написанному. При всемъ томъ эта жизнь протекала и эти сочиненія писались до такой же степени внѣ всякой связи съ современными имъ историческими событіями, какъ те-

перъ жизнь какихъ нибудь андаманезцевъ или готтентотовъ. Иначе и не могло, впрочемъ, быть въ Малороссіи прошлаго столѣтія, приблизительное представленіе о которой у каждаго изъ насъ еще съ дѣтства составляется по юношескимъ повѣстямъ Гоголя. Сковорода былъ именно Сократомъ Перерепенюкъ, Довгочуновъ, Товстогубовъ, Шпонекъ и ихъ родственниковъ. Благочестивыя и назидательныя размышленія о праведной жизни и суетности всего земнаго, разумѣется, составляли высшія отвлеченности, до которыхъ могли подниматься эти первобытные и тяжеловѣсныя умы. Да и для самыхъ несложныхъ размышленій нужны были какія нибудь образныя сравненія, уподобленія и вообще обличенія съ предметами внѣшняго міра, чтобы эти размышленія могли если не быть понятными, то хоть запомниться и понравиться публикѣ, для которой предназначались. Такой именно характеръ и отличаетъ произведенія Сковороды. «Сей забавный и фигурный родъ писаній,—говоритъ Сковорода въ одномъ изъ своихъ посвященій, составляющемъ едва ли не лучшую страницу, имъ написанную,—былъ домашній самымъ лучшимъ древнимъ любомудрцамъ. Лавръ и зимою зеленъ. Такъ мудріи и въ игрушкахъ умны, и во лжѣ истинны. Истина острому ихъ взору не издали болванѣла такъ, какъ подлымъ умамъ, но ясно, какъ въ зеркалѣ, представлялась; а они, увидѣвъ живо живой ея образъ, уподобили оную различнымъ тлѣннымъ фигурамъ. Ни однѣ краски не изъясняютъ розу, лилію, нарцисса столько живо, сколько благолѣпно у нихъ образуетъ невидимую Божию истину тѣнь небесныхъ и земныхъ образовъ. Отсюду родились hieroglyphica, emblemata, symbola, таинства, притчи, подобія, басни, пословицы... И не дивно, что Сократъ, когда ему внутренній ангелъ, предводитель во всѣхъ его дѣлахъ, велѣлъ писать стихи, тогда избралъ Езоповы басни. И какъ самая хитрѣйшая картина неученымъ очамъ кажется враками, такъ и здѣсь дѣлается. Самое солнце всѣхъ планетъ и царица, библия, изъ тайно образующихъ фигуръ, притчей и подобій есть богозданна. Вся она вылѣплена изъ глинки и называется у Павла буйствомъ. Но въ сію глинку водхненъ духъ жизни, а въ семъ буйствѣ кроется мудрѣе всего смертнаго. Изобразить, приточить, уподобить значитъ то же. Прійми-жъ, любезный пріятель, дружескимъ сердцемъ сію не безвкусную отъ твоего друга мыслей его воду. Не мои сіи мысли и не я оныя вымыслилъ: истина есть безначальна. Но люблю: тѣмъ мой; люби—и будутъ твои. Знаю, что твой тѣлесный болванъ далеко разнится отъ моего чучела; но два разноличныя сосуда однимъ да наполняется лікеромъ, да будетъ едина душа и едино сердце. Сія-то есть истинная дружба—мыслей единство. Все не наше, все погибнетъ—и саміи болваны наши. Однѣ только мысли наши всегда съ нами, одна только истина вѣчна, а мы въ ней, какъ яблонь въ своемъ зернѣ, сокрываемся». Сдѣланная выписка весьма характерна

для всего міровоззрѣнія Сквороды. «Любовь къ мыслямъ», то-есть горячее одушевленіе, искренность убѣжденія и яркая образность слога подчинялись въ его произведеніяхъ одному сильному и суровому нравственному настроенію, грубоватому, наивному по формамъ, но строгому и стройному по существу. Тому же настроенію вѣренъ былъ украинскій философъ и въ своей жизни, дѣйствительно достойной «мудреца» въ классическомъ смыслѣ слова.

Сынъ простаго казака, Скворода родился въ селѣ Чернухахъ Лубенскаго уѣзда, Кіевской губерніи въ 1722 г. Родители его обладали достаточными по ихъ состоянію средствами, чтобы отдать сына, уступая просьбамъ любознательнаго мальчика, въ Кіевскую духовную академію. Это случилось въ самомъ началѣ царствованія императрицы Елизаветы Петровны, отличавшейся любовью къ музыкѣ и при своемъ дворѣ дававшей ходъ малороссамъ. Способности Сквороды къ музыкѣ, обнаруживавшіяся у него еще на седьмомъ году его жизни, подали ему случай быть выбраннымъ въ придворную пѣвческую капеллу. Впрочемъ это поприще такъ мало привлекало его къ себѣ, что онъ немедленно воспользовался вскорѣ послѣ того предпринятымъ путешествіемъ императрицы въ Кіевъ, чтобы выхлопотать себѣ отставку съ чиномъ придворнаго уставщика и вновь отдаться научнымъ занятіямъ, преимущественно его къ себѣ привлекавшимъ. Кругъ наукъ, преподаваемыхъ въ Кіевѣ, показался ему недостаточнымъ и, задумавъ восполнить свое образованіе за границею, онъ досталъ рекомендаціи къ посылававшемуся тогда русскимъ правительствомъ въ Венгрію генераль-маіору Вишневному, который искалъ для находившейся въ Офенѣ русской церкви человѣка, способнаго къ церковной службѣ и пѣнію. Вишевскій взялъ его съ собою, и эта поѣздка дала Сквородѣ возможность ознакомиться съ Вѣной, Пресбургомъ, Офеномъ и ихъ окрестностями, а также сойтись съ различными выдающимися знаніемъ и ученостью людьми, въ чемъ помогло ему основательное знакомство съ языками латинскимъ и нѣмецкимъ и удовлетворительное пониманіе греческаго. Эти знакомства да и все пребываніе Сквороды за границей нимало не сблизили его, однако же, съ современностью. Образованіе его, какъ было, такъ и осталось бурсацки-классическимъ и все почерпалось изъ библіи и греческихъ и римскихъ писателей. Изъ послѣднихъ, по словамъ ученика, друга и біографа Сквороды Ковалинскаго, бывшаго Ксенофонтомъ украинскаго Сократа, его любимѣйшими были Плутархъ, Филонъ, Цицеронъ, Гораций, Лукіанъ, Климентъ Александрійскій, Оригенъ, Ниль, Діонисій Ареопагитъ и Максимъ Исповѣдникъ. Самый подборъ этихъ именъ уже весьма характеренъ и многозначителенъ; въ особенности любопытна любовь Сквороды къ Лукіану и Горацию. На ихъ ѣдкія сатирическія произведенія сочувственно отзывалась живая публицистическая жилка въ сердцѣ Сквороды, сказывавшаяся

нерѣдко и въ его произведеніяхъ. Любимѣйшимъ образцомъ характера для него всю жизнь оставался Сократъ, которому онъ старательно стремился подражать. Художественныя наклонности точно также не были чужды Сквородѣ. Это сказывается какъ въ его слогѣ, мѣстами достигающемъ замѣчательной выразительности и силы, хотя бы, напримѣръ, въ вышеприведенномъ отрывкѣ, такъ и въ его любви къ музыкѣ, которой онъ отличался всю жизнь. Онъ сочинилъ нѣсколько духовныхъ концертовъ, положивъ нѣкоторые псалмы на музыку, а, кромѣ того, нѣсколько запричастныхъ стиховъ. Сверхъ церковной музыки, онъ сочинилъ нѣсколько свѣтскихъ пѣсень и самъ игралъ «пріятно и со вкусомъ» на скрипкѣ, флейтѣ, бандурѣ и гусяхъ. Кромѣ того, Скворода покушался и на сочиненіе стиховъ; нѣкоторыя пѣсни его разошлись по Украйнѣ и, какъ народныя, даже были записаны нѣсколькими собирателями. Впрочемъ этотъ фактъ гораздо больше характеризуетъ публику, чѣмъ автора, потому что бурсацкія вирши Сквороды просто изъ рукъ вонъ плохи. По своимъ воззрѣніямъ и простодушію Скворода болѣе приближается къ своимъ образцамъ, то-есть христіанскимъ писателямъ самага ранняго средневѣковья, чѣмъ къ кому бы то ни было изъ своихъ современниковъ. Нѣкоторое отдаленное сходство еще можетъ быть подмѣчено между нимъ и Яковомъ Бѣме. Но это сходство чисто внѣшнее, подавляемое глубокой разницей между нѣмецкимъ и украинскимъ моралистомъ.

Возвратясь на родину изъ-за границы съ обильными знаніями, но съ пустымъ карманомъ, испытывая недостатокъ въ самомъ необходимомъ, онъ проживалъ первое время у своихъ пріятелей и знакомыхъ, пока переяславскій епископъ не пригласилъ его преподавателемъ поэзіи въ тамошнее училище. Скворода принялъ приглашеніе, но вздумалъ преподавать свой предметъ не по установившейся въ училищѣ рутинѣ, а по своей собственной методѣ, для чего и написалъ даже особое руководство. Епископъ потребовалъ прекращенія этихъ новшествъ; Скворода не послушался. Отъ него потребовали письменныхъ объясненій. Онъ далъ ихъ совсѣмъ не въ томъ тонѣ, котораго отъ него ожидали, и даже вернулъ въ нихъ колкость епископу, приведя латинскую поговорку «*alia res est sceptrum, alia plectrum*», то-есть «иное дѣло пастырскій жезлъ, иное—пастушья свирѣль». На этомъ объясненіи епископъ положилъ письменную же резолюцію: «Не живяше посредѣ дома моего творяя гордыню»,—и Сквородѣ пришлось искать себѣ новаго пристанища. Сперва его пріютили у себя одинъ пріятель, на хлѣбахъ у котораго онъ влачилъ довольно печальное существованіе; затѣмъ богатый и знатный мѣстный помѣщикъ, Стефанъ Томара, пригласилъ его воспитателемъ къ своему сыну. Но и тутъ Скворода не проявилъ должнаго педагогическаго такта, обозвавъ своего питомца «свиною головой», за чтò вновь подвергся

позорному изгнанію. Тутъ онъ побывалъ въ Москвѣ; въ Троице-Сергіевской лаврѣ очень уговаривали его остаться тамъ «для пользы училища», но Сковорода не согласился и вернулся въ Переяславль. Томара вновь взял его къ себѣ на старую должность, и Сковорода оставался при ней, пока ученикъ его не подросъ. Между тѣмъ въ Бѣлгородѣ былъ назначенъ епископомъ Іоасафъ Миткевичъ, которому другъ его, Гервасій Якубовичъ, рекомендовалъ на мѣсто учителя поэзіи въ харьковскомъ училищѣ Сковороду, получившаго эту должность въ 1759 г. Черезъ годъ Іоасафъ, желая покрѣпче привязать его къ училищу, предложилъ ему чрезъ Гервасія принять монашество, обѣщая за то въ будущемъ большія выгоды. Сковорода отказался. Владыка сталъ высказывать ему явную холодность. Тогда Сковорода представился ему въ приемный день, попросилъ благословенія въ путь и удалился къ своему пріятелю въ деревню Старицу въ окрестностяхъ Бѣлгорода, гдѣ и поселился, разъѣзжая иногда по окрестностямъ и навѣщая Харьковъ. Между тѣмъ Іоасафъ не забывалъ его и въ концѣ концовъ вновь привлекъ въ училище преподавателемъ синтаксиса и греческаго языка. Въ 1764 г. Сковорода на два мѣсяца уѣзжалъ въ Кіевъ, гдѣ монахи Печерской лавры сильно уговаривали его остаться у нихъ, увѣряя, что онъ будетъ столпъ церкви и украшеніе обители. «Ахъ, преподобные, — воскликнулъ онъ, — я столпотворенія умножать собою не хочу; довольно и вась, столбовъ неотесанныхъ, въ храмѣ Божіемъ!». Проживая далѣе въ Харьковѣ, онъ обратилъ на себя вниманіе мѣстнаго губернатора Щербинина, которому очень понравился. Въ 1766 году по высочайшему повелѣнію программа харьковскихъ училищъ, по представленію Щербинина, была дополнена новыми предметами, названными «добавочными», въ числѣ которыхъ значилось преподаваніе благородному юношеству правилъ благонравія. Этотъ предметъ былъ порученъ Сковородѣ, который такъ обрадовался подобнаго рода занятіямъ, что даже отказывался брать за нихъ жалованье. Тогда же написалъ онъ сохранившееся до сихъ поръ сочиненіе «Начальная дверь къ христіанскому добронравію для молодого шляхетства Харьковской губерніи». Но и эта литературная попытка накликала на голову Сковороды новыя гоненія со стороны мѣстнаго духовнаго начальства, потребовавшаго книгу на разсмотрѣніе, нашедшаго въ ней разныя «неясности и сомнѣнія въ рѣчахъ» и запросившаго автора, въ данномъ случаѣ довольно резонно, почему онъ считаетъ христіанское благонравіе неодинаковымъ для различныхъ сословій. Вслѣдствіе этихъ пререканій Сковорода, по словамъ его біографа, «побуждаясь духомъ, удалился въ глубокое уединеніе», то-есть попросту вновь и на этотъ разъ уже окончательно лишился мѣста, съ тѣхъ поръ не покушаясь болѣе пристроиться гдѣ нибудь, а кочуя по знакомымъ съ хутора на хуторъ и безпрестанно мѣняя свое мѣстожительство по какимъ-то

страннымъ и необъяснимымъ капризамъ. Къ этому періоду его жизни относится и начало его литературной дѣятельности. Именно, поселясь первоначально въ имѣніи Гужвинскомъ, принадлежавшемъ помѣщикамъ Земборскимъ, онъ написалъ первыя двѣ свои книги «Наркизъ, или о томъ: познай себя» и «Книга Асханъ о познаніи себя самого». За ними послѣдовало множество другихъ, сто лѣтъ слишкомъ сохранявшихся въ рукописяхъ и лишь неудовлетворительно или отрывочно печатавшихся до вышедшаго только въ минувшемъ году, тщательно отредактированнаго юбилейнаго изданія. Любимыми мѣстопребываніями Сквороды за описываемое время были деревня Гусинка, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи, принадлежавшая дворянамъ Сопальскимъ, и имѣніе его друга и біографа Ковалинскаго Хотетово, въ 25-ти верстахъ отъ Орла. Оттуда, предчувствуя близость смерти, онъ и захотѣлъ вернуться въ свою любимую Украину. Не взирая на свое болѣзненное состояніе, неблагоприятную погоду и всевозможныя отговариванья хозяина, онъ въ послѣдній разъ покинулъ Хотетово 26 августа 1794 г. Однако слабость и полный упадокъ силъ задержали его на пути въ слободѣ Ивановкѣ помѣщика Ковалевскаго, гдѣ онъ скончался 20 октября 1794 г. Передъ кончиною онъ завѣщалъ похоронить себя на возвышенномъ мѣстѣ близъ гумна и самъ составилъ себѣ эпитафію: «Міръ ловилъ меня, но не поймалъ».

Такова внѣшняя сторона жизни Сквороды. Трудно было бы удовлетворительно выяснить историческое значеніе этой своеобразной личности въ жизни края; но безспорно, что вліяніе Сквороды было и обширно, и благотворно. Безкорыстной любовью къ истинѣ и просвѣщенію, глубокой религіозностью и искреннимъ одушевленіемъ какъ устныхъ разговоровъ, такъ и назидательныхъ своихъ произведеній онъ пробуждалъ въ окружающихъ такіе же свѣтлые и благородные порывы, какіе руководили имъ самимъ. Не будучи ни проповѣдникомъ, ни общественнымъ дѣятелемъ въ строгомъ смыслѣ слова, онъ является какъ бы рукописнымъ публицистомъ Малороссіи, ходячимъ примѣромъ и назиданіемъ. При многихъ наивныхъ, забавныхъ и даже по внѣшности грубыхъ чертахъ характеръ Сквороды все же носитъ на себѣ печать извѣстной возвышенности, глубоко дѣйствовавшей на современниковъ, окружавшихъ его какимъ-то благоговѣйнымъ уваженіемъ. Во всемъ ограничивая свои потребности, украинскій мудрецъ довелъ ихъ, наконецъ, до такихъ воистину «философскихъ» размѣровъ, что далъ поводъ сравнивать себя съ Діогеномъ и стоиками, а болѣе современнымъ и скептическимъ критикамъ—съ философомъ Хомою Бруттомъ изъ повѣсти Гоголя «Вій». При всемъ остроуміи послѣдняго сравненія нельзя признать его справедливымъ. «Мало можно указать такихъ народныхъ лицъ, — писалъ въ 1861 году Костомаровъ, — какимъ былъ Скворода и которыхъ бы такъ помнилъ и

уважалъ народъ. На всемъ пространствѣ отъ Острогожска (Воронежской губерніи) до Кіева во многихъ домахъ висятъ его портреты; всякій грамотный малороссіянинъ знаетъ о немъ; имя его извѣстно очень многимъ изъ неграмотнаго народа; его странническая жизнь—предметъ разказовъ и анекдотовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ потомки отъ дѣдовъ и отцовъ знаютъ о мѣстахъ, которыя онъ посѣщаль, гдѣ любилъ пребывать, и указываютъ на нихъ съ почтеніемъ; доброе расположеніе Сковороды къ нѣкоторымъ изъ его современниковъ составляетъ семейную гордость внуковъ; странствующіе пѣвцы усвоили его пѣсни; на храмовомъ праздникѣ, на торжищѣ нерѣдко можно встрѣтить толпу народа, окружающую группу этихъ рапсодовъ и со слезами умиленія слушающихъ «Всякому городу нравъ и права».

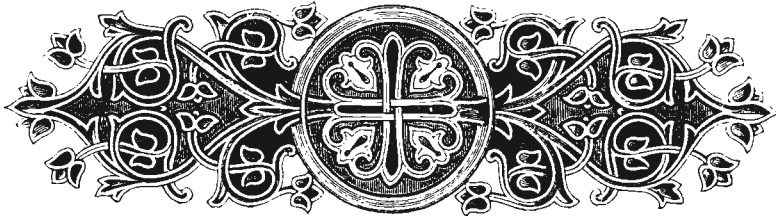
Обращаясь къ характеристикѣ взглядовъ и сочиненій Сковороды, мы находимся въ нѣкоторомъ затрудненіи. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время его произведенія имѣютъ почти исключительно историческое значеніе, представляя дѣйствительный литературный интересъ лишь для очень ограниченнаго круга читателей. Они могутъ быть только предметомъ изученія, а не чтенія, подобно, напримѣръ, и нашимъ писателямъ до-Карамзинскаго и частью до-Пушкинскаго періода. Къ Сковородѣ вполне примѣнимо знаменитое выраженіе Аполлона Григорьева: «допотопное явленіе». Въ области словесности онъ именно какое-то нечаянно сохранившееся до нашихъ дней ископаемое, чудовищное по формамъ, примитивное по организаціи и какъ-то фантастически совмѣщающее въ себѣ признаки рѣзко обособившихся въ настоящее время классовъ какого либо царства природы. Равно доступный и народу, и высшему просвѣщенному классу современнаго ему общества, поэтъ, музыкантъ, моралистъ, философъ и богословъ, человѣкъ съ одностороннимъ, но глубокимъ образованіемъ, съ несомнѣнно сильнымъ, острымъ и яркимъ умомъ, онъ, однако же, занимаетъ въ области мысли едва ли не еще болѣе скромное мѣсто, чѣмъ произведенія народной поэзіи въ области художественнаго творчества. И тамъ, и тутъ мы не находимъ главнаго—художественной или философской цѣльности и стройности. Намъ остаются лишь отдѣльныя частности, которыя, правда, щедро вознаграждаютъ не полѣнившагося отыскать ихъ, но съ другой стороны могутъ привлекать лишь знатока любителя. Не промытая розсыпь золотыхъ изреченій—вотъ что такое книги Сковороды. Къ ихъ автору вполне приложимо мѣткое и глубокое опредѣленіе, которое далъ себѣ самому покойный К. Н. Леонтьевъ: «художникъ мысли». Выражаясь его собственными словами, Сковорода не столько поучаетъ читателя, сколько паучаетъ, т. е., какъ паукъ паутину, плететь причудливую ткань своихъ фантастическихъ умствованій, свободно отдаваясь поэтическимъ настроеніямъ. Мысль его не доразвилась еще до идейной картины, остановилась на сту-

пени орнамента. Знаючи оцѣнять своеобразную прелесть его узоровъ; но въ томъ и все ихъ значеніе.

Со стороны идейнаго содержанія діалоги Сковороды, пользуясь выраженіемъ Шопенгауэра, «выглядятъ передъ критическими изслѣдованіями новаго времени, какъ состояніе невинности передъ познаніемъ добра и зла». Ни богословомъ, ни философомъ, въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ эти слова, Сковороду назвать невозможно. Система его мыслей спутана и сбивчива. Немного пантеистъ, немного рационалистъ, немного мистикъ, онъ ни то, ни другое, ни третье и при томъ не потому, чтобы примирить эти міровоззрѣнія въ какомъ нибудь высшемъ синтезѣ, а просто потому, что не доразвился ни до одного изъ нихъ. Въ немъ даже не произошло еще столь первобытнаго фазиса умственной жизни, какъ раздвоеніе религіи съ философіей. Да и курьезно, что среди его любимыхъ писателей мы не встрѣчаемъ ни одного философа изъ всѣхъ, подвизавшихся отъ «божественнаго Платона» до «изумительнаго Канта». Что же касается нравственныхъ идеаловъ Сковороды, то въ нихъ-то, повидимому, и лежитъ все обаяніе его личности, вся жизненная сила его произведеній. Независимый образъ мыслей, воздержность безо всякаго педантства, прямота и смѣлость свободнаго слова, безкорыстная умѣренность, любовь къ просвѣщенію и самое возвышенное представленіе о дружбѣ, какъ о «мыслей единствѣ», т. е. общности идеаловъ, безспорно представляютъ въ совокупности благородный и возвышенный характеръ. А когда о нихъ говоритъ человѣкъ, который проявилъ ихъ уже дѣломъ всей своей жизни, то его слова пріобрѣтаютъ великую силу и власть надъ умами. Таковъ былъ Сковорода, и въ этомъ разгадка могущественнаго вліянія на современниковъ этого въ прямомъ смыслѣ слова «простѣйшаго изъ смертныхъ».

Б. Никольскій.

СВѢТЛѢЙШІЙ ПОКОРИТЕЛЬ ВАРШАВЫ.

I.

ЧЕТВЕРТЫЙ томъ обширнаго труда князя Щербатова: «Генераль-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность», захватываетъ первое время управленія Паскевича царствомъ Польскимъ съ титуломъ намѣстника и съ полномочіями почти неограниченными, по искреннему и глубокому довѣрію къ нему императора Николая Павловича. Въ этомъ томѣ, состоящемъ изъ пяти главъ, первыя четыре заняты описаніемъ хода военныхъ операцій отъ вызова фельдмаршала въ Петербургъ и до взятія штурмомъ Варшавы съ послѣдовавшимъ за тѣмъ очищеніемъ царства отъ мятежныхъ войскъ и шаекъ, частію сдавшихся въ плѣнъ, частію оттѣсненныхъ за границу Австріи.

Только пятая глава касается начала административной дѣятельности Паскевича на основаніи изданнаго «Временнаго Положенія» объ управленіи завоеваннымъ краемъ уже не въ образѣ леннаго государства, болѣе или менѣе сохранявшаго свои права по самоуправленію, но въ образѣ простой провинціи, вполнѣ лишенной автономіи, и самоуправленіе которой предписывалось уже интересами Россіи, а не Польши, и дѣлалось прямо именемъ Россійскаго Самодержца.

Четверть вѣка Паскевичъ сидѣлъ въ Замкѣ въ качествѣ едва ли не самодержавнаго правителя мятежной Польши, и не смотря на то,

что въ еголицѣ поляки могли видѣть человѣка, непосредственно сокрушившаго ихъ вольность и независимость,—государственныя дарованія этого правителя, его твердый характеръ, его прямая мудрость и превосходное пониманіе порученнаго его охранѣ труднаго и щекотливаго вопроса сдѣлали то, что изъ всѣхъ бывшихъ затѣмъ намѣстниковъ и до сихъ поръ поляки называютъ Паскевича своимъ княземъ и изъ всѣхъ памятниковъ русской власти въ краѣ охотнѣе всего мирятся съ памятникомъ князю Варшавскому. Не мѣшаетъ при этомъ вспомнить, что тревожный для всей Европы сорокъ-восьмой годъ,—годъ, когда смиренные берлинцы и тѣ возстали противъ своего короля, у Паскевича въ Варшавѣ царствовало удивительное спокойствіе. Такой успѣхъ не можетъ быть объясненъ случаемъ или какими либо посторонними причинами, тѣмъ болѣе, что этотъ успѣхъ, захватывая четверть вѣка, былъ достаточно продолжителенъ и неоспоримо ясенъ, чтобы можно было случаю дать въ немъ какую либо дѣятельную и созидательную роль. Мы знаемъ, что весьма скоро послѣ кончины Паскевича, въ той же Варшавѣ, а затѣмъ и въ остальномъ Западномъ краѣ, начались смуты и движенія большой интенсивности, заставившія наши войска еще разъ завоевывать эту столь давно принадлежащую намъ и родственную по крови окраину. Вотъ почему, если изученіе боевой дѣятельности этого счастливейшаго изъ генераловъ представляетъ главнымъ образомъ интересъ для интендантства и вагенбурга арміи, зато его дѣятельность, какъ правителя и особенно какъ намѣстника Варшавскаго, заслуживаетъ изученія подробнаго и сочувственнаго.

Какъ ни мало въ этомъ отношеніи даетъ намъ четвертый томъ обширнаго труда князя Щербатова, уже и здѣсь ясны черты и характеръ того управленія Польшей, который одинъ только былъ бы правиленъ и удаченъ и въ наши дни, какъ былъ удаченъ въ еще болѣе трудные дни, слѣдовавшіе сейчасъ послѣ кровопролитнаго штурма Воли.

У насъ и до сихъ поръ есть еще масса политиковъ и сентиментально мыслящихъ политическихъ совѣтчиковъ, которые умиляются передъ задачей политики, основанной на любви побѣжденныхъ народовъ къ побѣдителямъ. По мнѣнію этихъ во всякомъ случаѣ добрыхъ людей, индѣйскія народности стонутъ подъ игомъ англичанъ и ждутъ не дождутся любовнаго освобожденія отъ Россіи. По ихъ словамъ, какъ только появятся наши бѣлые козырьки за предѣлами Гиндукуша, такъ общая пламенная любовь нашихъ будущихъ индѣйскихъ братьевъ сокрушитъ ненавистный оплотъ своекорыстныхъ англичанъ и успокоится на широкой груди могучаго русскаго народа. Красивая мечта добродѣтельныхъ ничегонезнаекъ, однако, во всѣхъ опытахъ любовной политики, которую мы всегда выставляли впередъ при всѣхъ нашихъ завоеваніяхъ, дала на самомъ дѣлѣ результаты совершенно противоположнаго характера.

Тѣ же поляки, которые превосходно мирятся съ безпощадной и твердой гегемоніей нѣмцевъ въ Познани, окончательно позабывъ, что Кенигсбергъ назывался когда-то Крулевцемъ, а Данцигъ Гданскомъ, у насъ, при любовно родственномъ и доброжелательномъ къ нимъ отношеніи всѣхъ преемниковъ князя Варшавскаго, учиняли періодическія рѣзни и не уставали создавать не разъ болѣе или менѣе удачныя возстанія. Почему это такъ? Почему при Паскевичѣ никто не смѣлъ толкнуть русскаго офицера или тѣмъ болѣе плюнуть ему въ лицо? Почему при Паскевичѣ русскіе и поляки прекрасно сходились вмѣстѣ, отлично понимали другъ друга и вступали въ смѣшанные браки, очень мало смущаясь разностью враждующихъ между собой религій, а нынче, когда со дня этихъ событій минуло шестьдесятъ лѣтъ, отчужденіе русской Варшавы отъ польской замѣтно болѣе, чѣмъ когда бы то ни было? Нѣкоторые указываютъ на строгость не всегда бывшую послѣдовательной. Но у Паскевича вовсе не было этой строгости, дѣлающей отношенія побѣдителей и побѣжденных въ высшей степени натянутыми. Варшава Паскевича и пѣла и плясала, но ей невозможно было конспирировать и бѣгать до ясу. Очевидно, дѣло не въ строгости, не въ потрясаніи оружіемъ, а въ той строгой государственной мудрости, которая понимаетъ, въ чемъ выражаются слабыя стороны противника, сознаетъ особенности его положенія и, дѣйствуя именно въ этомъ направленіи неукоснительно и твердо, во всемъ прочемъ не мѣшаетъ людямъ жить, работать, приобрѣтать состоянія, какъ они умѣютъ, какъ хотятъ и какъ могутъ. Это—та единственно цѣлесообразная въ такихъ случаяхъ политика, которая всегда ѣдетъ по своему пути, никогда не свищетъ, но если наѣдетъ, то не спуститъ. Наоборотъ, политика съ девизомъ: «люби меня», вѣчно волнуется, вѣчно свищетъ и не ѣдетъ, но постоянно, любви ради, лѣзетъ всюду, все путаетъ, не даетъ людямъ ни сидѣть, ни стоять, ни лежать, сама выбивается изъ силъ и никакъ не можетъ добиться своей цѣли, т. е. любви побѣжденнаго къ побѣдителю, такъ какъ эта цѣль невысказана по существу и невозможна по общему характеру человѣка. Всякаго можно заставить слушаться, но младенца и того нельзя заставить любить!

Между тѣмъ, политики, проповѣдующіе любовь, вотъ этой-то основной ошибки своего возрѣнія и не могутъ понять и потому постоянно попадаютъ впросакъ, а въ концѣ концовъ, вмѣсто не только любви, но даже и уваженія, достигаютъ глубокой ненависти за причиненіе лишнихъ страданій и насмѣшки за совершенную бесполезность этихъ страданій вообще. Говорятъ, что Польшу мы притѣсняемъ, и потому она горитъ къ намъ естественною ненавистью, однако же не мы Финляндію, а въ сущности Финляндія насъ притѣсняетъ, пользуясь подъ нашей охраной такими правами, какими эта ссыльная страна шведской короны никогда прежде

не пользовалась? Но развѣ финны ненавидятъ насъ менѣе, чѣмъ поляки? Любовь—послѣднее доброе чувство, она родится послѣ долгихъ годовъ сознательнаго уваженія, а чтобы заставить себя уважать, надо поступать прежде всего не милостиво или жестоко, но цѣлесообразно, понимая, чего можно требовать и чего требовать нельзя и не слѣдуетъ. Этой послѣдней формулы держатся всѣ народы, кромѣ насъ, и потому вездѣ эти народы отъ своихъ захватовъ и завоеваній богатѣютъ, развиваются и, попутно поднимая побѣжденнаго до себя, въ концѣ концовъ ассимилируютъ себѣ завоеванныя области и теряютъ всякую необходимость жить съ ними безконечно долго, на особыхъ и на временныхъ положеніяхъ. Величайшая заслуга свѣтлѣйшаго князя Варшавскаго и состоитъ въ томъ, что онъ въ своемъ управленіи Польшей держался западно-европейскаго образца и своей политикой управленія завоеваннымъ и поработаннымъ народомъ вовсе не заботился пріобрѣсти любовь поляковъ, но давалъ ясно понять, что заставить ихъ тѣмъ или инымъ способомъ слушаться.

И это вскорѣ стало всѣмъ понятно, и всѣ рѣшили, что такъ какъ любить не надо, а не слушаться нельзя, то и жить при этомъ условіи можно, нимало не замыкаясь въ тѣсныя кружки бесплодныхъ заговоровъ. Въ результатѣ, когда пришлось подводить итоги, невольно пришлось и полякамъ сознаться, что они не только уважали русскаго намѣстника, но и любили его, какъ своего настоящаго князя, который хотя шутить и не любить, но и жить не мѣшаетъ. Нельзя сказать, однако, чтобы въ то время молодой, гордый и нѣсколько раздраженный польской кампаніей государь сразу согласился съ послѣдней точкой зрѣнія своего любимаго имъ «отца командира» относительно ненужности многихъ репрессалій, болѣе оскорбляющихъ польское національное чувство, чѣмъ укрѣпляющихъ нашу фактическую власть въ Польшѣ. Нѣтъ, въ послѣднемъ отношеніи Паскевичу приходилось выдержать довольно трудную кампанію, хотя и безкровную, начало которой мы уже находимъ въ документахъ и письмахъ, приложенныхъ княземъ Щербатовымъ къ пятой главѣ.

Установивъ этими немногими строками мою собственную точку зрѣнія на событія, захваченныя историкомъ въ новомъ томѣ его труда, я, по примѣру прежнихъ моихъ компиляцій, позволю себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на фактическомъ матеріалѣ, рясующемъ и эпоху и дѣятелей тогдашняго времени.

II.

Русская военная исторія, записавъ на свои черныя страницы поспѣшное отступленіе русской арміи отъ прусской границы къ Вильно подъ командой полумумнаго фельдмаршала Каменскаго въ

1807 году,—отступление, за которое императоръ Александръ хотѣлъ предать Каменскаго военному суду, однако никогда еще не писала на тѣхъ же черныхъ страницахъ такого удивительнаго образа дѣйствій, какому обрекъ русскую побѣдоносную армию предводитель ея фельдмаршалъ Дибичъ-Забалканскій, послѣ кроваваго боя подъ Гроховымъ. Читая эту невѣроятнѣйшую страницу нашей военной исторіи, да еще со всѣми ея продолженіями, невольно ищешь какихъ либо иныхъ побужденій Дибича, чѣмъ побужденія чисто боевыя и военныя. Навѣрное никогда и нигдѣ побѣдитель не держалъ себя такъ странно по отношенію къ разбитому имъ неприятелю, какъ держалъ себя Дибичъ въ началѣ кампаніи 1831 года. Конечно, боевая слава этого сомнительнаго фельдмаршала, даже въ условіяхъ его забалканскаго наступленія къ Адрианополю, по мѣрѣ опубликованія новыхъ источниковъ, все болѣе и болѣе меркнетъ, и едва ли теперь много военныхъ, которые бы серьезно могли говорить о военныхъ дарованіяхъ этого коротконогаго вождя русскихъ полчищъ, но, тѣмъ не менѣе, дѣйствія его при отступленіи отъ стѣнъ Праги по Брестскому шоссе. — при отступленіи, въ первыя сутки походившемъ на безпорядочное бѣгство, должны были имѣть въ основаніи, кромѣ природной неспособности, еще какія либо инныя причины, можетъ быть, нѣсколько придворнаго характера, такъ какъ подъ Гроховымъ были на голову разбиты любимѣйшія войска цесаревича Константина Павловича. При Дибичѣ же былъ и Толь, генералъ вполне способный своими дарованіями дополнить недостатки дарованій самого фельдмаршала. Во всякомъ случаѣ, до сихъ поръ въ этомъ фактѣ мы еще имѣемъ историческую загадку, разгадать которую, можетъ быть, удастся когда нибудь историкамъ будущихъ поколѣній. Между тѣмъ, крупнѣйшимъ доказательствомъ, что поведеніе Дибича и тогда поражало всѣхъ нескрываемымъ изумленіемъ служатъ письма къ нему императора Николая.

Уже тотчасъ послѣ Грохова государь писалъ Дибичу такъ:

«Почти невѣроятно, что послѣ такого успѣха неприятель могъ спасти свою артиллерию и перейти Вислу по одному мосту. Слѣдовало ожидать, что онъ потеряетъ значительную часть артиллеріи и увидятъ второе повтореніе Березины. Итакъ потеря 8-ми тысячъ человѣкъ и никакого результата, развѣ только то, что онъ потерялъ по малой мѣрѣ то же число людей (поляки потеряли, какъ оказалось впоследствии, 13 тысячъ убитыми и ранеными). Это очень печально!»

Точно также, уже седьмого апрѣля, государь послалъ длинную записку фельдмаршалу съ планомъ фланговаго движенія къ Остроленкѣ на Пултускъ и Серодскъ, съ цѣлью отрѣзать инсургентовъ отъ Европы и для выбора для нашихъ войскъ лучшей базы. Заключившая эту записку, государь писалъ:

«Это смѣлый планъ, но вовсе и ни въ какомъ отношеніи не рискованный. Таково мое мнѣніе, но вы мнѣ будете отвѣчать и поступать только сообразно

вашему собственному убѣжденію послѣ совѣта съ Толемъ. Но я требую отъ васъ непременно письменнаго возраженія».

Этотъ отвѣтъ и былъ полученъ, при чемъ фельдмаршалъ вполне согласился съ императоромъ, но на подобный отвѣтъ государь въ свою очередь отвѣчаетъ въ такихъ выраженіяхъ:

«Отвѣтъ вашъ на мой проектъ доказываетъ, что вы въ восхищеніи отъ возможности свалить съ себя всякую отвѣтственность, имѣя возможность въ будущемъ сказать, что это я помѣшалъ вамъ слѣдовать вашимъ собственнымъ предначертаніямъ, и я предвижу даже, что въ этомъ же надо будетъ искать причину, что вы отказались отъ наступленія, которое начали у Минска. Я не опредѣляю, на сколько такая манера дѣйствовать предосудительна, тѣмъ болѣе, что я хотя былъ убѣжденъ, что вамъ оставалась только единственная возможность слѣдовать моему предложенію, но въ то же время приказалъ вамъ слѣдовать только вашимъ собственнымъ убѣжденіямъ. Только быстрое и немедленное исполненіе могло сдѣлать всю операцію удобной и рѣшающей, но если вы думаете двинуться только черезъ четыре недѣли, и что все будетъ исполняться столь же слабо, съ тою же нерѣшительностью и столь же беспорядочно, я предвижу только несчастье и пораженіе вмѣсто почти вѣрнаго успѣха».

Много и рѣзко писалъ государь Николай Павловичъ Дибичу, въ промежутокъ отъ его нерѣшительнаго наступленія на Минскъ, внезапно почему-то остановленнаго, и до Остроленки, когда трехдневное, тяжелое отступленіе гвардіи передъ корпусомъ Сквинецкаго наполнило прямымъ ужасомъ сердце государя. Постоянно напоминаетъ онъ своему главнокомандующему, къ какимъ напраснымъ потерямъ и къ какому угнетенію духа ввѣренныхъ ему войскъ ведутъ его нерѣшительныя и непонятныя дѣйствія. Наконецъ, день 14-го мая, когда одержана была знаменитая и также очень кровопролитная побѣда подъ Остроленкой, вызвалъ у государя не радостныя, а слѣдующія укоризненныя и грустныя строки:

«Я получилъ ваше письмо отъ 14-го изъ Остроленки; храбрость нашихъ гренадеръ и остальныхъ войскъ, принимавшихъ участіе въ кровавой битвѣ 14-го мая, какъ всегда, превыше всѣхъ похвалъ. Тѣмъ болѣе грустно, что столько храбрцовъ пожертвовало жизнью въ дѣлѣ безъ результатовъ, совершенно также, какъ подъ Прагою въ день 13-го февраля. Если бы вы, перейдя рѣку Нуръ, приняли другое направленіе, польская армія была бы несомнѣнно уничтожена. Трудно понять, что могло побудить васъ идти на Высоко-Мазовецкъ. Еще менѣе понятно, почему вы не преслѣдовали неприятеля?»

Любопытно, что въ самый день сраженія подъ Остроленкой императоръ писалъ главнокомандующему письмо, изъ котораго отставка его вытекала неминуемо:

«Непріятель скрываетъ отъ васъ свои движенія и свои силы, сжигаетъ мостъ на вашемъ сообщеніи, а вы ничего не знаете; наконецъ, въ теченіе трехъ дней гвардія дерется и выходитъ съ успѣхомъ, благодаря своей смѣлости и разуму Михаила, изъ положенія наиболѣе труднаго, и только тогда вы сообразовали убѣдить себя, что она заслуживаетъ того, чтобы вы пришли къ ней на

помощь. Я сомнѣваюсь, чтобы ктонибудь могъ васъ понять!.. Что гвардія драглась такъ, какъ она драглась,—не новость, но въ самомъ дѣлѣ, преступно и неизвинительно употреблять ее такимъ образомъ, и я не скрою отъ васъ, что считаю васъ отвѣтственнымъ за совершенно напрасныя потери, которыя вы заставляете ее нести, не смотря на мои положительныя приказанія, столь часто повторенныя. Есть мѣра всякому терпѣнію, и я думаю, что съ меня довольно».

Наконецъ, въ письмѣ отъ 22-го мая, государь сообщаетъ фельдмаршалу о радости Варшавы, когда она узнала, что русскіе не преслѣдовали поляковъ послѣ пораженія подъ Остроленкой и тѣмъ дали имъ окончательно поправиться и уничтожить всякіе слѣды нашего успѣха. Паскевичъ былъ въ это время уже въ Петербургѣ, и только побѣда подъ Остроленкой задержала его отъѣздъ къ арміи. Между тѣмъ судьба сама вмѣшалась въ это щекотливое и неприятное дѣло официальной смѣны главнокомандующаго и убрала его съ помощью холеры съ поля исторіи. Дибичъ умеръ въ Клещевѣ 29-го мая 1831 года. Изъ приведенныхъ писемъ видно, что государь долженъ былъ обрадоваться такому исходу и хотя наложилъ трехдневный трауръ на всѣ русскія войска по поводу внезапной кончины фельдмаршала Дибича, но немедленно же началъ торопить Паскевича съ отъѣздомъ къ мѣсту новаго высокаго назначенія. Предварительно съ нимъ же въ Петербургѣ государь обсудилъ планъ фланговаго движенія въ обходъ Варшавы съ базой, упиравшейся однимъ концомъ хотя въ союзное намъ, но во всякомъ случаѣ чужеземное и неискренно дѣйствовавшее государство.

Въ заключеніе, чтобы покончить съ общей характеристикой той странной роли, какую пришлось разыграть Дибичу въ этой безславной для него кампаніи, можно указать еще на его оправдательное донесеніе государю, въ которомъ онъ, выдвигая достоинства двухъ нѣмецкихъ генераловъ, Нейгарта и Толя, порочилъ военныя дарованія и дисциплину почти всѣхъ остальныхъ подчиненныхъ себѣ военачальниковъ. Съ этимъ донесеніемъ также рѣзко не согласился государь и писалъ Дибичу, что Толь нестерпимо грубъ съ генералами и дозволилъ себѣ ударить плѣннаго польскаго офицера.

«Предоставляю вамъ судить,—прибавляетъ Николай Павловичъ,—о томъ впечатлѣніи, которое произвело на меня это свинство. Прошу васъ передать ему мое изумленіе, что мой генералъ-адъютантъ осмѣлился запятнать себя такимъ поступкомъ».

Повидимому, этотъ отвѣтъ государя мало понравился обоимъ расхваленнымъ Дибичемъ генераламъ, и они не нашли ничего лучшаго, какъ въ концѣ апрѣля, подъ предлогомъ крайняго утомленія отъ зимней кампаніи, проситься на отдыхъ и послѣ отдыха иного для себя назначенія. На это представленіе Дибича государь пишетъ:

«Я ничего вамъ не отвѣчаю относительно того, что вы мнѣ сообщаете отъ имени Толя и Нейгарта. Я съ трудомъ вѣрю, чтобы они могли поручать вамъ

передать мнѣ въ рѣшительную минуту кампаніи такого рода просьбу. Но если дѣйствительно къ стыду ихъ они на это рѣшились, то я смѣло утверждаю, что они недостойны носить русскій мундиръ. На своемъ посту умирають, но поста не оставляють, и вы обязаны были имъ это напомнить»...

И эти, такъ сказать, мелочи домашней службы въ штабѣ арміи Дибича показываютъ, въ какомъ положеніи находились тамъ всѣ дѣла, и все взятое вмѣстѣ, конечно, заставляетъ думать, что смерть Дибича была однимъ изъ тѣхъ событій, которыя приходится зачислять въ число счастливыхъ случайностей и при томъ именно такихъ, какими вообще обильна была отъ начала и до конца карьера баловня судьбы, Ивана Ѳедоровича Паскевича.

III.

Приѣхавъ на мѣсто, Паскевичъ немедленно же началъ приводить планъ государя въ исполненіе, съ достаточною рѣзкостью и увѣренностью, хотя изъ первыхъ его писемъ можно заключить, что и у него въ этомъ дѣлѣ были руки какъ бы связаны, и что вообще эта война заключала въ себѣ какой-то посторонній чисто боевому характеру элементъ, тяжело ложившійся на рѣшимость и твердость даже и этого главнокомандующаго. Правда заставляетъ сказать, что въ самомъ дѣлѣ обстоятельства были исключительныя, и только этими исключительными обстоятельствами и можно логично объяснить, что русской арміи было выгоднѣе стать тыломъ къ сосѣднему государству, чѣмъ къ своему отечеству, и весьма часто прибѣгать къ помощи сообщенія черезъ Пруссію или хотя моремъ черезъ Кёнигсбергъ. Литва была мало спокойна, были движенія и на Волыни, о чемъ писалъ и Дибичъ; продовольственная часть, при плохомъ состояніи русскихъ финансовъ и при значительномъ разореніи края, не допускавшемъ широкихъ реквизицій, безусловно оставляла желать многого; наконецъ, холера, начавшая свирѣпствовать среди войскъ, также много мѣшала правильному и спокойному увѣренному ходу дѣла. Однако независимо отъ всего этого, вообще въ донесеніяхъ Паскевича государю тотчасъ по прибытіи на театръ военныхъ дѣйствій, начинается проглядывать та же Дибичевская неустойчивость. Какъ будто Паскевичъ боялся своего врага не менѣе Дибича, и потому рискованное во всякомъ случаѣ движеніе на Пултускъ и Ломжу произвелъ съ безчисленными предосторожностями, весьма противорѣчащими обычной тактикѣ Суворова. Положимъ, впереди предстоялъ кровопролитный штурмъ Варшавы, начиная съ ея отлично скомбинированныхъ укрѣпленій, — штурмъ, неудача котораго могла бы дорого обойтись русской арміи. А кто же въ тотъ моментъ могъ поручиться за удачу? Кто могъ намъ обезпечить эту удачу, хотя бы на томъ основаніи, что наши

войска численно были втрое сильнѣе польскихъ? На самомъ дѣлѣ дорого продали намъ Варшаву поляки, независимо даже отъ того, что этотъ штурмъ крайне облегчили раздоры чисто польскіе, начавшіеся между генералами, и то безначаліе, которое повредило Варшавѣ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ взятіе Воли.

Надо, однако, отдать справедливость Паскевичу, что въ смыслѣ военной техники задуманный обходъ Варшавы былъ имъ выполненъ классически хорошо и цитируется въ этомъ смыслѣ во многихъ военно-историческихъ курсахъ. Переправы отлично были обезпечиваемы всѣми возможными средствами; продовольствіе было отлично рассчитано и заготовлено въ мѣстахъ періодическихъ стоянокъ, и сосредоточеніе всей арміи Паскевича подъ стѣнами Варшавы съ западной ея стороны произведено въ порядкѣ и въ постепенности образцовой и безъ большихъ потерь. Критики указываютъ на невообразимо плохія, неудачныя дѣйствія въ этомъ отношеніи поляковъ, которые проектировали много хорошаго, но на самомъ дѣлѣ выполнить это хорошее не могли или не умѣли, и только ограничились какой-то нерѣшительной экскурсіей на Плонскъ, сдѣланной не то по приказанію, не то вопреки приказанію возвышавшагося тогда Прондзинскаго.

Съ назначеніемъ Паскевича главнокомандующимъ польской арміей, положеніе Толя и частію Нейгарта стало весьма щекотливымъ. Толъ былъ старше Паскевича въ чинѣ и уже состоялъ въ 1812 году начальникомъ штаба, когда Паскевичъ только что получилъ дивизію. Независимо отъ этого, на Толя, какъ на сподвижника и главнаго совѣтника Дибича, падала часть отвѣтственности за неудачи нашихъ дѣйствій и особенно за недѣйствительность и безрезультатность нашихъ большихъ побѣдъ подъ Гроховымъ и подъ Остроленкой. Между тѣмъ, по тѣмъ даннымъ, какія намъ даетъ исторія князя Щербатова, Паскевичъ не желалъ разставаться съ Толемъ, хотя и отодвинулъ его на задній планъ, будучи самъ челоукомъ съ характеромъ рѣшительнымъ и твердымъ. Само собой, графу Толю все это не нравилось, и столкновенія между двумя властями въ арміи должны были произойти неминуемо. Тутъ кстати будетъ указать на особую оцѣнку одного источника, служащаго всѣмъ историкамъ нашей польской кампаніи 1831 года, на дневникъ графа Толя съ 18 іюня по 22 сентября 1831 года. Князь Щербатовъ до нѣкоторой степени сомнѣвается въ принадлежности этого документа въ самомъ дѣлѣ графу Толю, тѣмъ болѣе, что самый способъ появленія этого документа дѣйствительно можетъ казаться и загадочнымъ, и предосудительнымъ. Документъ этотъ былъ переведенъ на французскій, англійскій и польскій языки, и долженъ былъ быть изданъ въ Брюсселѣ; но его купилъ у предполагававшихся издателей, вмѣстѣ съ переводами, русскій генералъ, лѣжившійся въ Висбаденѣ въ 1846 году. Однако, въ семейномъ архивѣ Паске-

вича есть рукопись князя Варшавскаго съ замѣчаніями на этотъ дневникъ Толя, и эти замѣчанія иногда цитируются историкомъ въ текстѣ его труда. Безъ сомнѣнія, графъ Толь, негодовавшій на назначеніе Паскевича, военныхъ дарованій котораго онъ не признавалъ, и притомъ приписывавшій взятіе Варшавы себѣ, не могъ въ своемъ дневникѣ сохранить полнѣйшее объективное спокойствіе и несомнѣнно погрѣшилъ нѣкоторымъ преувеличеніемъ собственныхъ дарованій и прозорливости, и нѣкоторымъ чрезмѣрнымъ умаленіемъ заслугъ Паскевича; но за всѣмъ этимъ самый смыслъ приводимыхъ тамъ фактовъ могъ оставаться вѣрнымъ, тѣмъ болѣе, что, благодаря контузии, полученной Паскевичемъ въ началѣ второго дня штурма укрѣпленій и предмѣстій Варшавы, фактически взявъ Варшаву графъ Толь, распоряжавшійся на мѣстѣ всѣми дѣйствіями этого рѣшительнаго дня штурма. Главное разногласіе, происходившее между Толемъ и Паскевичемъ, касалось вопросовъ о продовольствіи: Толь презрительно относился къ интендантству, а Паскевичъ справедливо полагалъ, что «кто о хлѣбѣ не думаетъ, тому и побѣда не впрокъ». Паскевичъ за это время довольно часто писалъ государю, что не можетъ ужиться съ Толемъ, и намѣревался даже дать ему въ командованіе корпусъ; на это послѣдовало и согласіе государя, полагавшаго возможнымъ для возстановленія порядка и подчиненности въ штабѣ Паскевича немедленно же отозвать Розена въ Грузію на мѣсто Паскевича, а Толю при этомъ дать въ командованіе 2-й корпусъ. Тѣмъ не менѣе, до самаго взятія Варшавы, послѣ чего оба сподвижника Дибича, и Толь и Нейгартъ, уѣхали въ Петербургъ, и ихъ мѣста заняли Горчаковъ и Бергъ, Паскевичъ почему-то не находилъ полезнымъ разставаться съ Толемъ, продолжая съ нимъ спорить о пользѣ для начальника штаба и даже о неизбѣжной необходимости считаться съ интендантскою частью арміи, на чтѣ Толь съ нѣмецкимъ упрямствомъ возражалъ: «что это дѣло интенданта арміи, а не его, и что онъ этой части не признаетъ и не понимаетъ, разъ надо идти быстро и рѣшительно впередъ». Паскевичъ, получивъ контузію, принужденъ былъ передать дѣло руководства непосредственно штурмомъ въ руки Толя. Злые языки говорятъ, въ томъ числѣ и самъ Толь, что въ этомъ случаѣ Паскевичъ слѣдовалъ своей обычной тактикѣ въ рѣшительныхъ дѣйствіяхъ съ невѣрнымъ успѣхомъ, а тѣмъ болѣе съ опаснымъ неуспѣхомъ,—поручать дѣло кому либо другому, не выпуская, однако, изъ своихъ рукъ полной инициативы. При такомъ порядкѣ всегда легко сдѣлать такъ, чтобы успѣхъ вышелъ мой, а неуспѣхъ можно было бы свалить на недостатки и неумѣлость самаго руководителя опасными и рискованными дѣйствіями, какимъ несомнѣнно былъ штурмъ Варшавы. Такъ это, или не такъ, судить по имѣющимся у насъ одностороннимъ матеріаламъ трудно, да и вообще сомнительно, чтобы въ такихъ исторіяхъ, не обходящихся безъ

борьбы больших и сильных честолюбив, даже очень спокойные и безстрастные историки умѣли бы или могли добиваться убѣдительно для каждаго читателя правды. Второе замѣчаніе, которое слѣдуетъ сдѣлать въ интересѣ нашей компилятивной задачи, это указать на громадную разницу въ тонѣ писемъ императора Николая къ Дибичу пофранцузски и къ Паскевичу порусски. Страстный, укоризненный, часто глубоко ироническій тонъ писемъ императора къ Дибичу совершенно исчезаетъ въ перепискѣ съ Паскевичемъ, и эти письма ярче и доказательнѣе всего свидѣтельствуютъ, насколько Паскевичу въ этомъ отношеніи прямыя сношенія съ государемъ были легче, чѣмъ кому либо другому.

Вообще по мѣрѣ болѣе обширнаго знакомства съ письмами Николая Павловича, все болѣе и болѣе приходится въ немъ признать превосходнѣйшаго стилиста. Его письма не просто интересны, какъ письма такого большого историческаго дѣятеля, какимъ былъ этотъ государь, но они интересны прямо со стороны своей прекрасной формы. Въ нихъ все чрезвычайно ясно, просто и въ то же время всегда отлично выражено. Словомъ, эти письма настоящія литературныя произведенія, и нисколько не будетъ парадоксальнымъ мнѣніе, что въ блестящей плеядѣ русскихъ литературныхъ дѣятелей, работавшихъ и развившихся въ его царствованіе, самъ императоръ могъ бы, какъ писатель, занять почетное мѣсто. Конечно, пофранцузски писалъ онъ лучше и свободнѣе, чѣмъ порусски, такъ какъ ему чаще и больше приходилось писать, а, можетъ быть, и думать пофранцузски, но и русскія его письма дышатъ силою и образностью близкой къ художественной. Въ письмахъ къ Паскевичу, кромѣ того, ясно слышится нота не лицемѣрной, не показной, а искренней и сердечной дружбы и прямой любви, какую чувствовалъ къ своему отцу-командиру самодержецъ Россіи. Тутъ мы встрѣчаемъ такія, на примѣръ, добродушныя шутки:

«Проснувшись и увидѣвъ письмо твое, любезный Иванъ Ѳеодоровичъ,—писать государь,—я вадрогнулъ, полагая, что столь скорое полученіе означаетъ сраженіе, но какъ я удивился, узнавъ, что г. полковникъ 8-го полку смѣненъ подковникомъ 3-го егерскаго! Поздравляю ихъ, и, кажется, дѣло развязкой пахнетъ. Да поможетъ тебѣ Богъ!

«Не понимаю, что побудило поляковъ бросить свои позиціи? Полагаю даже, не появленіе ли г. Розена подъ Прагой испугало г. Лелевеля съ товарищами и побудило ихъ велѣть арміи воротиться, чтобы ихъ милость охранять? Неужели еще кровь польется подъ Варшавой, и не опомнятся, видя бѣду неминуемую. Да хранить васъ всѣхъ милосердный Богъ! Что за минута?.. Лихорадка бьетъ, но съ покорностью жду, что Богъ дастъ. Жена тебѣ душевно кланяется. Прощай, любезный Иванъ Ѳеодоровичъ, въ искренности моей дружбѣ. Твой на вѣки Н.»

Вообще, по письмамъ судя, надо признать, что та грозная фигура неумолимаго властителя, какимъ рисуютъ намъ Николая

Павловича историки, далеко не соответствует действительности. Сурова въ немъ была внѣшность, но едва ли на престолѣ сидѣли люди болѣе его душевно ласковые и сердечные. Вотъ на выдержку нѣкоторыя мѣста изъ его писемъ къ Паскевичу по поводу холеры:

«Здѣсь у насъ послѣдовали новыя весьма важныя затрудненія, которыя, однако, съ помощію всемогущаго и всемилосерднаго Бога мы превозможемъ. Холера уже тридцатый день какъ посѣтила, и ею заболѣло болѣе 1.200 человекъ всѣхъ сословій, изъ коихъ до половины умерло. Народъ ей не вѣритъ, и буйство возросло до того, что два госпиталя разграбили и убили лѣкаря съ женой. Мнѣ удалось унять народъ своими словами безъ выстрѣла, но войска, стоя въ лагерѣ, безпрестанно въ движеніи, чтобы укротить и разгонять толпы. Вчера былъ я опять въ городѣ, меня съ покорностью слушаютъ и, слава Богу, начинаютъ приходить въ порядокъ. Но, признаюсь, все это меня крайне мучитъ, отъ тебя жду съ нетерпѣніемъ утѣшеній».

Черезъ недѣлю послѣ этого государь опять сообщаетъ Паскевичу:

«Здѣсь со вчерашняго дня, благодаря милосердному Богу, холера нѣсколько слабѣетъ, но дѣйствія ея были ужасны и на всѣ состоянія. Мы лишились отличнаго почтеннаго г. Опермана, потеря его для меня наиболѣе чувствительнѣйшая, и его никѣмъ не могу замѣнить. Умерли также: интендантъ флота Головинъ, морской артилеріи г. м. Богдановъ, путей сообщенія г. м. Шефнеръ и Аванасевъ и много другихъ. Г. Ланжеронъ умираетъ, и наконецъ сею же болѣзнью умерла статсъ-дама кн. Куракина. Въ городѣ все тихо, народъ вѣритъ и унылъ. Въ войскѣ потеря сносна, но въ Кронштадтѣ ужасна. Потерялъ я также бѣднаго Потоцкаго, котораго любилъ и уважалъ, какъ друга, но сей не отъ холеры, а отъ камня въ печени».

Черезъ четыре дня государь опять пишетъ о томъ же:

«Холера здѣсь начинаетъ слабѣть, но жертвой оной умеръ бѣдный почтенный Ланжеронъ. Прилагаемое письмо онъ просилъ меня доставить сыну своему Андро, что я и прошу исполнить, увѣдомивъ, что 110 тысячъ рублей отъ Ланжерона мнѣ лично присланы для передачи ему. Они останутся у меня, доколь Андро не скажетъ, куда или кому мнѣ ихъ сдать».

Ну, развѣ такъ можетъ писать и дѣйствовать человекъ безъ живаго, отзывчиваго и любящаго сердца? Нѣтъ, къ этому монарху исторія покуда еще не справедлива.

На первое изъ этихъ писемъ, гдѣ государь пишетъ о своей рѣчи къ народу, Паскевичъ писалъ ему выговоръ въ такомъ родѣ:

«Зачѣмъ вы сами отдаете себя на произволъ народа и холерныхъ? Вы часто упрекаете меня, зачѣмъ въ сраженіяхъ я бываю тамъ, гдѣ главнокомандующему не должно быть. Не смѣю, но долженъ сказать, то же самое: развѣ нѣтъ генераль-губернаторовъ, министровъ... въ такихъ ли трудныхъ положеніяхъ Европы вы подвергаете свою жизнь, для удержанія черни отъ намѣренія къ бунту? Прикажете вашимъ генераль-губернаторамъ, министрамъ, они должны отвѣчать головою—если не успѣютъ, тогда только позволительно. Нѣтъ, я не буду васъ слушаться и буду ѣздить со стрѣлками въ сраженіяхъ, вы мнѣ примѣръ подаете...»

Чтобы закончить примѣры задушевнаго отношенія государя къ своему бывшему командиру, остается привести еще отрывокъ изъ письма, написаннаго черезъ два мѣсяца послѣ взятія Варшавы, изъ Москвы:

«Любезный Иванъ Федоровичъ, сегодня утромъ получилъ я письмо твое отъ 19 числа. Я радуюсь, ежели назначеніемъ сына твоего могъ тебѣ принести удовольствіе, но знай, что твои заслуги выше моихъ наградъ, ежели мнѣ по моимъ чувствамъ судить. Наружные знаки милостей—для людей; но то сердечное чувство благодарности, которое въ моемъ сердцѣ, оно для твоей души, которая мою понимаетъ, стало, ежели ты вѣришь моей благодарности, моей искренней любви, дружбѣ и довѣренности, то я доволенъ».

Въ концѣ этого же письма есть любопытная приписка:

«Здѣсь все тихо и хорошо, а я точно отдыхаю. Мое ожиданіе сбылось сегодня. Ермоловъ просилъ меня письмомъ принять его на службу. Вотъ до чего дожили! Посмотримъ, что изъ сего будетъ, повидимому присмирѣлъ—не проведетъ! Прощай, любезный мой отецъ командиръ, вѣрь искренней моей дружбѣ. Твой на вѣки Н. Скажи Горчакову, что мнѣ не удалось еще видѣть его жены. Жена моя тебѣ кланяется».

Согласитесь, что большей искренности, простоты и сердечности трудно найти и въ перепискѣ частныхъ лицъ между собою. И, читая все это, невольно скажешь: если спорно, что императоръ Николай умѣлъ выбирать себѣ слугъ и друзей, то бесспорно, что онъ умѣлъ быть поцарски и почеловѣчески благодарнымъ за каждую оказанную ему или государству, имъ управляемому, услугу. И примѣръ съ Паскевичемъ не единственный въ этомъ отношеніи.

IV.

Что бы ни говорили историки о необходимости штурма Варшавы и о самомъ выборѣ пункта главной атаки, самый штурмъ, во время котораго у поляковъ вышло изъ строя 12.000 человекъ, а у насъ около 10.000, представляетъ въ военной исторіи подвигъ истинно блестящій. Не распѣывая подобныхъ событій по аптекарской тактѣ, можно сказать, что этотъ штурмъ ни въ чемъ не уступаетъ прославленному штурму Измаила или хотя бы той же Варшавы со стороны Праги войсками Суворова. Размышляя же о причинахъ, такъ сказать, меньшей славы, которая выпала на долю этого классическаго по трудности условій и по выдержкѣ войскъ штурма, среди такихъ же или подобныхъ же подвиговъ, можно прийти къ выводу, что челоѣчество въ подвигахъ подобнаго рода любить встрѣчать неожиданность, дерзость, безумную отвагу и какъ-то мало и плохо мирится съ холоднымъ расчетомъ. Между тѣмъ у Паскевича все было основано на расчетѣ, такъ какъ этотъ не

эффектный вождь не любилъ ничего невѣрнаго и неохотно рисковалъ своею заслуженной уже славой. Онъ два мѣсяца подходилъ, вѣрнѣе подползалъ къ Варшавѣ, выводя свой штабъ изъ терпѣнія заботами о хлѣбѣ насущномъ болѣе, чѣмъ о славѣ боевой, и затѣмъ стоялъ подъ стѣнами Варшавы, за которыми кипѣло возмущеніе, и чернь неистовствовала, самовольно казня измѣнниковъ и смѣняя диктаторовъ и главнокомандующихъ, около двухъ недѣль. Затѣмъ, въ самые дни штурма онъ еще торговался съ Круковецкимъ и Прондзинскимъ насчетъ капитуляціи Варшавы безъ большого и всегда случайнаго кровопролитія. Все это, конечно, умно, но не даетъ повода къ бравурнымъ восхваленіямъ безотвѣтнаго геройства и смѣлой отваги, къ какимъ приучили военныхъ историковъ Суворовъ и Наполеонъ. Возможно, что эти двое, узнавъ, что двое сутокъ, 3 и 4 августа, въ Варшавѣ царствовала анархія и терроръ, заставившіе ускакать оттуда даже нѣкоторыхъ военначальниковъ, которымъ грозила случайная петля, пошли бы съ мѣста на штурмъ и взяли бы Варшаву и эффектнѣе и скорѣе Паскевича. Но послѣдній ни въ чемъ не любилъ рисковать, и хотя не имѣлъ недостатка въ совѣтахъ подобнаго же рода, выждалъ терпѣливо, покуда изъ Варшавы ушелъ Лубенскій съ кавалеріей и 2.000 пѣхоты, а затѣмъ и Ромарино съ 21.000 по Брестской дорогѣ, а къ себѣ онъ подтянулъ въ то же время сильный корпусъ Крейца, и только тогда, когда численное превосходство было на его сторонѣ, предпринялъ штурмъ польской столицы и главнаго оплота всего польскаго дѣла.

И въ этомъ случаѣ побѣдителя не судятъ, и не судятъ тѣмъ болѣе, что и при этихъ условіяхъ побѣда досталась русскимъ путемъ двухдневныхъ невѣроятныхъ усилій и громаднхъ потерь. Кто знаетъ, что бы вышло съ эффектнымъ штурмомъ? И еще тѣмъ болѣе, что у насъ, не смотря на хлѣбныя попеченія фельдмаршала, было мало провіанта, и тылъ нашей арміи имѣлъ положеніе въ высшей степени не нормальное сравнительно съ другими случаями подобныхъ же штурмовъ.

Въ концѣ концовъ, прямая справедливость заставляетъ считать штурмъ Варшавы самымъ большимъ и самымъ блестящимъ подвигомъ, выполненнымъ русскими войсками подъ командой графа Паскевича. О значеніи же самой побѣды лучше всего свидѣлствуютъ тѣ же письма императора Николая.

Въ главѣ III, посвященной знаменательнымъ для нашего оружія днямъ 25 и 26 августа и приготовленіямъ къ штурму, весьма замѣтно желаніе историка доказать, что и штурмъ и вся подготовка и выборъ фронта дѣйствія исключительно принадлежали самому Паскевичу, который даже собиралъ два раза и военные совѣты, но единственно ради формы, такъ какъ уже гораздо ранѣе этихъ совѣтовъ обдумалъ и рѣшилъ планъ своихъ будущихъ

дѣйствій. Глава эта носить какъ бы нѣсколько полемическій характеръ, однако справедливость заставляетъ сказать, что самыя числа, поставленныя на письмахъ Паскевича къ Николаю Павловичу, которому онъ только одному сообщилъ, что онъ предприметь въ случаѣ неудачи штурма, уже довольно категорически показываютъ, что здѣсь Паскевичъ дѣйствовалъ вполне самостоятельно и не видѣлъ надобности въ совѣтахъ Толя, Нейгарта или кого бы то ни было другого. Въ запискахъ своихъ Паскевичъ пишетъ на примѣръ о слѣдующемъ:

«За два дня до атаки, когда я обозрѣвалъ позиціи Варшавы, генераль-квартирмейстеръ Нейгартъ при многихъ свидѣтеляхъ, бывшихъ тутъ же, опять ко мнѣ съ совѣтомъ отступить отъ города, что непріятель выйдетъ изъ укрѣпленій, пойдеть насъ преслѣдовать, и тогда мы разобьемъ его. Признаюсь, я не могъ удержаться отъ удивленія, какъ человекъ, предлагавшій идти на штурмъ, когда у меня было менѣе войска, теперь, когда всѣ войска собрались, а у непріятеля уменьшилось 21 тысячами, посланными противъ Розена и въ Плоцкъ, наконецъ когда у насъ все приготовлено къ атакѣ, совѣтуетъ отступить и увѣряетъ, что непріятель, бросивъ свои укрѣпленія, за нами погонится! Но поляки не сдѣлали бы этой глупости. На другой день гг. Толь и Нейгартъ съ тѣмъ же предложениемъ ко мнѣ приходили. Я, разумѣется, не перемѣнилъ своего намѣренія и назначилъ приступъ».

Приводя эту выдержку, князь Щербатовъ прибавляетъ:

Можно думать, что опасеніе остаться безъ хлѣба имѣло также нѣкоторое вліяніе на рѣшимость фельдмаршала безотлагательно штурмовать Варшаву. Небезпеченность продовольствія арміи видна изъ слѣдующихъ словъ его къ государю отъ 22 августа:

«Генераль Ренне изъ мостоваго укрѣпленія сейчасъ доноситъ, что онъ оставилъ транспортъ, потому что непріятель показался около мостовъ. Непріятель вѣрно не въ большомъ числѣ, а сія остановка можетъ большой вредъ сдѣлать, ибо армія будетъ безъ продовольствія. Мы въ томъ положеніи, что если одинъ транспортъ пропадетъ, то рискуемъ безъ хлѣба быть».

Въ томъ же письмѣ далѣе прибавлено было еще:

«Въ эту минуту, когда я пишу, продовольствія въ лагерѣ только на пять дней».

Между тѣмъ Паскевичъ считалъ необходимымъ штурмовать Варшаву три дня, и, конечно, остановка подвозовъ ставила его въ положеніе довольно критическое. Въ эти дни и ночи, во всякомъ случаѣ, положеніе Паскевича было въ нравственномъ отношеніи не изъ легкихъ и еще тѣмъ болѣе, что императоръ Николай Павловичъ страшно волновался при полученіи каждаго письма фельдмаршала. Нѣсколько разъ онъ ему писалъ, что его буквально бьетъ лихорадка, «которую ты своими подвигами или уничтожить или усилить можешь». Нечего и говорить, что мысль объ опасностяхъ штурма не была способна побѣдить эту лихорадку, тѣмъ болѣе, что въ то время, не смотря на бѣшеную и самоотверженную вѣзду курьеровъ, извѣстія доходили изъ Варшавы въ Петербургъ на десятыя сутки.

Слѣдовательно, получая извѣстія о готовящемся штурмѣ, государь проводилъ тоскливые дни въ ожиданіи окончательныхъ извѣстій изъ арміи. Въ самый день штурма предмѣстій Варшавы, 26 августа, государь, отвѣчая на письмо отъ 16 августа и упоминая о своей лихорадкѣ по вопросу о возможномъ отбитіи штурма, пишетъ Паскевичу:

«Ежели, чего Боже оборони, мы будемъ отбиты, то считаю, что первымъ твоимъ усиленіемъ должно быть возстановленіе прямого сообщенія съ Россіей черезъ Люблинское воеводство. Если дерзость выведетъ ихъ въ поле, то надѣюсь, что, безъ сомнѣнія, ты ихъ атакуешь. Въ противномъ случаѣ не знаю, что лучшимъ сочтешь. Не дай Богъ подобнаго послѣдствія 8-ми-мѣсячной войны».

Наконецъ 4-го сентября получилась желанная радостная вѣсть:

«Варшава у ногъ вашего императорскаго величества! Счастливъ, что исполнилъ волю вашу, но мнѣ не трудно было, армія геройская, теперь, можно сказать, ей нѣтъ препонъ. Я раненъ, но до сихъ поръ хотя въ постели, но управляю. Сказать, кто въ сіи славные два дня отличался, это стоять назвать всю пѣхоту и артиллерию. Много потери, я считаю до 8.000 человекъ, но никто объ этомъ не сожалеетъ».

О чувствѣ, съ какимъ была принята эта рѣшающая вѣсть, можно судить и теперь по тону и выраженіямъ слѣдующаго письма императора Николая своему главнокомандующему:

«Слава и благодареніе всемогущему и всемилосердному Богу. Слава тебѣ, мой старый отецъ-командиръ, слава геройской нашей арміи! Какъ мнѣ выразить тебѣ то чувство безпокойства, которое вселило въ меня письмо твое отъ 24-го числа, все, что происходило во мнѣ тѣ три безконечные дни, въ которые между страхомъ и надеждой ожидалъ роковой вѣсти, и, наконецъ, то счастье, то неизъяснимое чувство, съ коимъ обнялъ я твоего вѣстника. Ты, съ помощью Бога всемилосерднаго, поднялъ вновь блескъ и славу нашего оружія, ты наказалъ вѣроломныхъ измѣнниковъ, ты отомстил за Россію, ты наказалъ Варшаву. Отнынѣ ты свѣтлѣйшій князь Варшавскій! Пусть потомство воспоминаетъ, что съ твоимъ именемъ не разлучна была честь и слава російскаго воинства, а имя твое да сохранить каждому память дня, вновь прославившаго имя русское, вотъ искреннее изреченіе благодарнаго сердца твоего государя, твоего друга, твоего стараго подчиненнаго. Ахъ, зачѣмъ я не стоялъ за тобою попрежнему, въ рядахъ тѣхъ, кто метили за честь Россіи! Больно носить мундиръ и въ такыя дни быть приковану къ столу, подобно мнѣ, несчастному!

«Потеря наша велика, но благодарю Бога, что не больше. Если вспомнить, что братъ должно было и что сямъ приобрѣтено, такъ почти сказать можно, что даже весьма умѣренно. Надо надѣяться, что безуміе поляковъ не доведетъ ихъ до того, чтобы вновь начать дѣйствіе на другомъ пунктѣ».

Сдѣлавъ затѣмъ распоряженія, какъ поступить съ городомъ, арміей польской и плѣнными, государь пишетъ еще:

«Теперь не могу немного не побранить тебя за то, что вопреки обѣщанію мнѣ ты столько подвергался опасности, что надо одной милости Божіей приписать, что хуже съ тобой не случилось. Все въ одинъ голосъ тебя въ томъ винять, и точно, что было бы съ арміей и со всѣмъ дѣломъ, ежели бы тебя

не стало? Ужасно и подумать, и ты сам видишь, что при таких героях, которые у тебя служатъ, некого ободрять своимъ примѣромъ. Стало, полно шалить, отецъ-командиръ!».

Кончается письмо такъ:

«Жена тебѣ сама пишетъ. Сегодня вышла въ первый разъ въ церковь. Да хранить тебя Богъ, любезный Иванъ Федоровичъ, и дать тебѣ счастливо довершить святое дѣло къ чести и славѣ и пользѣ Россіи. Моя благодарность и дружба тебѣ принадлежать навѣки. Твой искренній другъ Н.».

V.

Съ паденіемъ Варшавы, дѣло польское было окончательно проиграно. Хотя поляки, по словамъ Прондзинскаго, и могли бы еще соединить, подъ стѣнами Модлина, около пятидесяти тысячъ вооруженныхъ людей, но эти люди все равно уже устали драться, устали жертвовать собой для дѣла, проигрышъ котораго каждому былъ очевиденъ. Затѣмъ раздоры честолюбивыхъ генераловъ, гадкая роль Круковецкаго, даже по словамъ западно-европейскихъ историковъ запятнавшаго себя тайнымъ участіемъ въ роковой рѣзнѣ 3 и 4 августа, и надъ всѣмъ этимъ самозванное правительство Бонавентуры-Немоевскаго, у котораго претензіи были пропорціональны политической бездарности, что у поляковъ встрѣчается всего чаще,—все это говорило въ пользу того, что край неминуемо долженъ былъ вскорѣ покориться. Пожаръ потухъ, хотя тамъ и здѣсь. на далекихъ разстояніяхъ одно отъ другого, изъ кучи пепла по временамъ вспыхивало пламя и, освѣтивъ на минуту окрестности, торопилось поскорѣе угаснуть. Этими словами вполне очерчиваются дальнѣйшія военныя дѣйствія въ царствѣ Польскомъ, при чемъ иные отряды торопились сдать русскимъ въ разумномъ расчетѣ на объявленную амнистію, а иные шли спасать національную честь за границу, въ Австрію, гдѣ и слагали оружіе передъ австрійскимъ кордономъ. Эта часть кампаніи, нѣсколько безпокойшая еще государя, вовсе или мало безпокоила Паскевича, который, видя воочию степень пораженія поляковъ, отлично сознавалъ, что серьезныхъ дѣлъ въ военномъ смыслѣ больше совершать не придется, и онъ тотчасъ же послѣ капитуляціи Варшавы принялся за дѣятельность характера гражданскаго. И вотъ тутъ-то сразу начались разногласія стараго «отца-командира» съ его державнымъ подчиненнымъ.

Лихорадка, мучившая неизвѣстностью роковаго исхода государя, втеченіе безконечныхъ дней, слѣдовавшихъ за 24 августомъ, не осталась безслѣдной для судьбы поляковъ. Въ первомъ же письмѣ, цитированномъ нами выше къ князю Варшавскому, Николай Павловичъ уже довольно страстно распоряжается всѣми трофеями побѣды. Ему видимо хочется утолить жажду, возбужденную минувшей

лихорадкой, въ униженіи польскомъ. И, на сколько позволяютъ судить факты, этому направленію дѣль мало сочувствовалъ новый князь Варшавы.

Онъ началъ тянуть дѣла, вяло исполняя приказанія, и не вполне соглашался съ приказаніями и совѣтами, исходившими изъ Петербурга. Я позволю себѣ повторить здѣсь, какъ бы ни былъ ярокъ ореолъ боевой славы побѣдителя Варшавы, дѣйствія Паскевича, какъ администратора, привлекаютъ къ себѣ большее вниманіе и большее сочувствіе всякаго историка. Одною изъ первыхъ мѣръ обузданія Варшавы было приказаніе выбрать мѣсто и построить Александровскую цитадель и притомъ непременно руками самихъ варшавскихъ жителей и на ихъ собственный счетъ. Дѣлая разныя детальныя возраженія, Паскевичъ затягивалъ дѣло. Далѣе возникъ вопросъ о глубокомъ обнищаніи края. Паскевичъ просилъ средствъ изъ Россіи, а ему предлагали пользоваться, по возможности широко, средствами завоеваннаго края. Изъ-за этого возникла длинная переписка. Наконецъ, тутъ же возникъ вопросъ, повторявшійся потомъ неоднократно и достигшій въ томъ же видѣ даже до нашего времени: о необходимости управленія Польшей русскими чиновниками и на русскомъ языкѣ, признаваемомъ и въ Польшѣ языкомъ официальнымъ. На это съ перваго же дня Паскевичъ отвѣчалъ, что при современномъ положеніи дѣлъ Польшей нельзя управлять безъ содѣйствія поляковъ, и языкомъ официальнымъ долженъ быть поневолѣ признанъ языкъ польскій, такъ какъ по-русски не говоритъ ни одинъ изъ поляковъ, какъ участвовавшихъ въ возстаніи, такъ и не участвовавшихъ. Паскевичъ медлил даже высылкой въ Москву тѣхъ трофеевъ, какіе особенно желались императоромъ, какъ-то: трона польскаго, дворцоваго флага, конституціонной хартіи и пояса Костюшки, знаменъ, долженствовавшихъ лечь въ Оружейной палатѣ Москвы къ ногамъ портрета императора Александра I. Все это было выслано, но понемногу, по частямъ и, такъ сказать, безъ той помпы, какая въ душѣ была желательна глубоко оскорбленному упорнымъ сопротивленіемъ поляковъ самодержцу Россіи. Были тутъ при этомъ эпизоды важные и неважные, и такъ какъ въ каплѣ воды иной разъ наблюдателю отраженное солнце видно лучше, чѣмъ изъ непосредственнаго наблюденія за самымъ солнцемъ, то здѣсь мы приведемъ переписку государя Николая Павловича съ Паскевичемъ по поводу жены Энгеля. Слѣдя за этой нѣсколько странной перепиской, опытный наблюдатель отлично пойметъ истинное положеніе дѣлъ и настроеніе государя и Паскевича, на сколько это выяснено въ послѣдней главѣ вышедшаго тома исторіи князя Щербатова. Дѣйствительному тайному совѣтнику Энгелю еще въ началѣ 1831 года было поручено составить проектъ временнаго правленія царствомъ Польскимъ послѣ усмиренія возстанія, и при томъ по возможности примѣнительно къ тѣмъ

особенностямъ этой страны, которыя можно было сохранить, не сохраняя конституціонной хартіи императора Александра I. Сколько можно судить издали, эту задачу Энгель выполнилъ превосходно, и проектъ его въ основахъ былъ одобренъ государемъ и Паскевичемъ, и послѣ взятія Варшавы этотъ проектъ пришлось приводить въ дѣйствіе, для чего самъ Энгель, находившійся въ Вильнѣ, былъ вызванъ въ Варшаву въ качествѣ предсѣдателя временнаго правленія, составленнаго по типу правительственнаго совѣта царства Польскаго, существовавшаго до возстанія. Энгель, видимо, былъ дѣятельный и даровитый администраторъ, но у него былъ одинъ крупный недостатокъ—легкомысленная хорошенькая жена, которую въ своихъ письмахъ государь называлъ прямо распутной женщиной. На совмѣстное существованіе съ мужемъ въ Варшавѣ этой барыни, срамившей имя русское, Николай Павловичъ рѣшительно не соглашался. Между тѣмъ барыня эта, со свойственной женщинамъ храбростью и неблагоразуміемъ, самовольно пріѣхала къ мужу въ Варшаву. По требованію государя, Паскевичъ приказалъ г-жѣ Энгель выѣхать изъ Варшавы, однако онъ, сообщая объ этомъ, писалъ:

«Энгель весьма унылъ и отъ того нездоровъ. Онъ боленъ и не выходитъ, но весьма много работаетъ. Онъ, говорятъ, просится отсюда. Если это правда, то осмѣлюсь представить, что его нужно наградить».

На это государь отвѣчаетъ:

«Насчетъ Энгеля я уже писалъ тебѣ и жду твоего отвѣта. Я никакой причины не имѣю быть имъ недовольнымъ и въ знакъ удовольствія далъ ему Бѣлаго Орла. Если же опрометчиво дозволилъ женѣ своей прибыть къ нему, то въ томъ никто не виновенъ, кромѣ его; но дозволить ей оставаться тамъ было неприлично, по званію и мѣсту, которое онъ занимаетъ. Ежели онъ неотступно просится будетъ прочь, то, по моимъ правиламъ, я никого не удерживаю. Пусть идетъ, хотя его и жаль будетъ».

26-го декабря, однако, Энгель былъ уволенъ, но не знавшій о томъ Паскевичъ пишетъ государю 31-го декабря:

«Энгель получилъ Бѣлаго Орла. Онъ съ сокрушеннымъ сердцемъ насилу пріѣхалъ ко мнѣ, въ слезахъ повергся къ стопамъ вашимъ и говорить мнѣ: «я чувствую всю милость государя, но я никакъ не могу служить. Я совершенно теряюсь. Пусть государь, если милость его будетъ, позволитъ мнѣ хоть сколько набудь отдохнуть, оправиться. Можетъ быть, со временемъ я еще пригожусь. Теперь, какъ Богъ святъ, я никуда не годенъ!» Вотъ его слова, и мнѣ нечего прибавить. Я осмѣливаюсь доложить—уволить его на нѣсколько времени и позволить жить безъ дѣла. На мѣсто его никого не нужно до новаго постановленія о царствѣ Польскомъ, о чемъ я имѣлъ счастье подробно представить въ моей запискѣ».

За этимъ письмомъ послѣдовала изъ Петербурга отставка Энгеля, но фельдмаршалъ удержалъ Энгеля при себѣ еще цѣлыхъ два мѣсяца, и послѣ этого срока Паскевичъ взялъ предсѣдательство во временномъ правленіи на самого себя.

Вообще императоръ Николай очень опасался вліянія женщинъ. Такъ, онъ не утвердилъ вице-предсѣдателемъ графа Витта, такъ какъ тотъ женился на Собанской, которую государь также совѣтуетъ фельдмаршалу выслать подь добрымъ предлогомъ изъ Варшавы, куда ей угодно.

«Назначить Витта вице-предсѣдателемъ никакъ не могу,—писаль государь,—ибо, женившись на Собанской, онъ поставилъ себя въ самое невыгодное положеніе, и я долго оставить его въ Варшавѣ съ нею не могу. Она самая большая и ловкая интриганка и полька, которая подь личиною любезности и ловкости всякаго уловить въ сѣти, а Витта будетъ за носъ водить въ смыслѣ видовъ своей родни».

Другое разногласіе Николая Павловича со своимъ отцомъ командиромъ произошло, какъ я уже писалъ, изъ-за Варшавской цитадели. Паскевичъ видимо не сочувствовалъ этой постройкѣ по разнымъ причинамъ и все желалъ отвертѣться какими либо палиативными мѣрами: батареями временного характера противъ Праги и сомкнутымъ редутомъ тысячи на двѣ человекъ, въ смыслѣ обезпеченія переправы черезъ Вислу. Соображенія свои онъ излагалъ и письменно и, наконецъ, когда великій князь Михаилъ Павловичъ былъ вызванъ въ Петербургъ, то отправилъ къ государю и съ нимъ свои соображенія по этому поводу. На эти послѣднія соображенія императоръ Николай отвѣчаетъ уже съ достаточною рѣзкостью такъ:

«Братъ показалъ мнѣ записку твою на счетъ цитадели. Вотъ причины, по которымъ я не весьма понимаю твоей мысли. Цѣль моя для цитадели въ Варшавѣ есть слѣдующая: 1) обезопасить гарнизонъ отъ всякаго внезапнаго на него покушенія; 2) обстрѣливать городъ въ многолюднѣйшей его части; 3) въ прикрытіи моста, внѣ города устроеннаго. Всѣ сіи условія выполняетъ избранный мною проектъ. Сверхъ того, онъ выгоденъ и тѣмъ, что мы находимъ готовыя прекрасныя казармы. Другая выгода та, что, кромѣ карауловъ, гарнизонъ будетъ удаленъ отъ городскихъ соблазновъ».

Затѣмъ государь перечисляетъ пять недостатковъ (какъ онъ выражается затрудненій) въ проектѣ Паскевича. Въ концѣ соглашаясь съ Паскевичемъ, что Модлинъ долженъ быть обращенъ въ громадный плацдармъ перваго класса, онъ еще разъ прибавляетъ, что къ работамъ по устройству Варшавской цитадели надо приступить немедленно, такъ какъ цитадель важна въ моральномъ смыслѣ.

Настойчивость, съ которой государь писалъ фельдмаршалу въ это время о моральномъ состояніи не только поляковъ, но и нашихъ войскъ, заслуживаетъ въ самомъ дѣлѣ особеннаго вниманія.

1-го декабря государь пишетъ:

«Я боюсь женщинъ, этотъ адскій народъ ими всегда дѣйствовалъ, и наша молодежь между ихъ соблазна и яда вольныхъ мыслей точно въ опасномъ положеніи. Молю тебя, Бога ради, смотри, что дѣлается, и не прививается ли за-

раза у насъ. Въ семь наблюденіи состоитъ мнѣ какъ твоя, такъ и всѣхъ начальниковъ самая первая, важная, священная обязанность. Надо вамъ сохранить Россіи вѣрную армію, въ долгой же стоянкѣ память прежней вражды скоро можетъ исчезнуть и замѣниться чувствомъ соболѣзнованія, потомъ сожалѣнія и, наконецъ, желанія поддержать. Сохрани насъ отъ того Богъ! Но повторю, въ семь вижу крайнюю опасность и неотступно прошу усугубить за симъ бдительное попеченіе, надзоръ и подтвержденіе всѣмъ начальникамъ. Надо, елико можно, дѣйствовать оружіемъ презрѣнія, и во всѣхъ случаяхъ передъ нашими выставлать всю гнусность мятежническихъ правилъ и указать ужасныя онаго послѣдствія для края и для всѣхъ состоявій. Пиши мнѣ, что ты по сему думаешь и замѣчаешь. Но лучшій способъ избѣгать опасности есть удалаться отъ оной, т. е. выслать домой все, безъ чего можно обойтись».

Фельдмаршалъ, конечно, исполнялъ по возможности приказанія государя, однако писалъ къ нему, что полякамъ вліять на массу будетъ трудно, хотя, конечно, въ семьѣ не безъ уroda, и отдѣльные офицеры могутъ оказаться испорченными. «Впрочемъ,—прибавляетъ онъ,—сколько мнѣ кажется, то сіе не такъ опасно, ибо половина нашей арміи стоитъ всегда въ Польшѣ, и дай Богъ, чтобы русскіе всегда такъ дрались, какъ первый корпусъ, часть котораго стояла весьма долго въ Литвѣ. При томъ же я не примѣчаю, чтобы поляки насъ хорошо принимали, и до сихъ поръ не замѣчалъ, чтобы поляки или польки весьма уклончивы были къ офицерамъ».

На это, въ свою очередь, нѣсколько меланхолически возражаетъ государь:

«Весьма желаю, чтобы надежды твои на счетъ сохраненія добраго духа въ войскахъ сбылись, но самая бдительная осторожность необходима. Гордость польская не помѣшаетъ имъ всячески стараться пробовать испортить образъ мыслей молодежи, въ чемъ женщины будутъ главнымъ орудіемъ, такъ какъ всегда бывали».

По этому же вопросу Паскевичъ сообщаетъ въ концѣ декабря:

«Постараюсь познакомить поляковъ съ русскими въ однихъ обществахъ. Но на это плохая надежда. Поляки насъ ненавидятъ, можно сказать, во всѣхъ состояніяхъ. Чтобы компрометировать ихъ, а особливо женщинъ, большихъ патріотовъ, передъ заграничными якобинцами и показать всю легкость ихъ характера, въ томъ, что онѣ къ намъ ѣздятъ, я завтра, на новый годъ, даю большой вечеръ, гдѣ до 50-ти дамъ польскихъ будетъ».

Въ заключеніе и Паскевичъ, и государь на первыхъ же порахъ склонялись къ радикальной мѣрѣ освобожденія польскихъ крестьянъ и уничтоженія въ царствѣ дворянской конскрипціи. Этими мѣрами думали достигнуть самыхъ лучшихъ результатовъ въ смыслѣ умиротворенія края, и странно, что эти мѣры такъ и остались до шестидесятихъ годовъ въ проектѣ. Не слѣдуетъ ли приписывать это и въ самомъ дѣлѣ вліянію польскихъ женщинъ, умныхъ и ловкихъ интриганокъ, какъ опредѣлялъ императоръ Николай Павловичъ всѣхъ полекъ вообще?

Должно еще упомянуть въ качествѣ важной характеристики дѣятельности нашей въ первый же мѣсяцъ по завоеваніи Польши, что государь заботился не только объ искорененіи вольнаго духа въ своихъ войскахъ, но и очень интересовался судьбою польской національной библіотеки, переведенной изъ Пулавы въ Брестъ, а также и о судьбѣ исторической библіотеки литературнаго польскаго общества, о чемъ спеціально запрашивалъ Паскевича, поручая ему собрать также подробныя свѣдѣнія о поведеніи писателя графа Фредро и его жены. Въ свою очередь фельдмаршалъ однимъ изъ первыхъ своихъ административныхъ распоряженій приказалъ отдать по принадлежности ассигнованныя прежнимъ правительствомъ до возстанія деньги на вознагражденіе переводчиковъ и на изданія на польскомъ языкѣ сочиненій Мольера, а также на изданіе польскаго историческаго журнала «Памятникъ Сандомирскій». Вообще Паскевичъ мало страшился собственно вліянія польской письменности на состояніе духа въ войскахъ и безбоязненно принималъ отъ генераловъ поляковъ рапорты на польскомъ языкѣ. Примѣръ такого рапорта приведенъ въ приложеніяхъ къ главѣ пятой. Въ заключеніе приведу еще слѣдующее.

Когда во временномъ правленіи возбужденъ былъ вопросъ: какимъ образомъ очистить гражданскія управленія царства отъ чиновниковъ, дѣятельно участвовавшихъ въ бывшемъ мятежѣ, то генералъ Раутенштраухъ (полякъ) предложилъ потребовать отъ каждаго чиновника правдивый отчетъ его дѣятельности за время мятежа, обязавъ при томъ честнымъ словомъ писать только одну правду. Фельдмаршалъ, конечно, позабавился надъ такимъ совѣтомъ и приказалъ о политической благонадежности чиновниковъ покуда не заботиться, предоставляя теченію времени обнаружить эту, во всякомъ случаѣ, весьма условную благонадежность.

Съ большею за то энергіей повелъ онъ слѣдствіе о казнокрадствѣ и прямомъ грабительствѣ прежнихъ презусовъ въ воеводствахъ, поставивъ для надзора за каждымъ воеводой и презусомъ опытныхъ офицеровъ изъ рядовъ русской арміи, подъ именемъ войсковыхъ начальниковъ. Много открылось гадостей въ это время, доказавшихъ еще разъ, что можно быть и слыть великимъ патриотомъ отечества, и даже частію и кровь свою за родину проливать, но въ то же время не умѣть удержаться, чтобы не прикарманивать того, что плохо лежало.

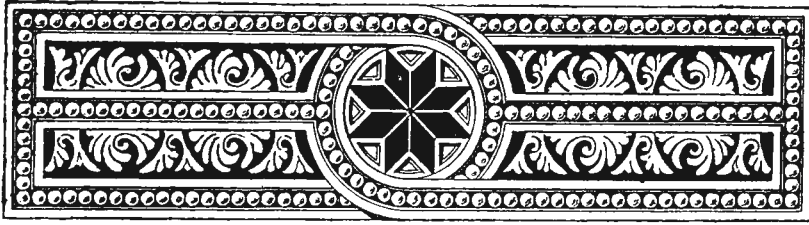
Такимъ образомъ поступилъ, напримѣръ, вызванный изъ-за границы, генералъ Домбровскій ¹⁾, въ свое время обвинявшій Хлопиц-

¹⁾ Домбровскій былъ назначенъ предсѣдателемъ временнаго правленія послѣ отставки Энгеля и тутъ началъ брать въ казенное управленіе имѣнія разныхъ частныхъ лицъ, при чемъ ни секвестраторы, ни управители никакихъ отчетовъ по управленію не представляли. Кромѣ того, вслѣдствіе его распоряженій таможенные сборы вовсе не поступали въ казну. Паскевичъ въ концѣ концовъ вынужденъ былъ отдать его подъ судъ и назначить надъ нимъ слѣдствіе.

каго въ измѣнѣ и предлагавшій даже свои услуги, чтобы застрѣлить его, который, самъ будучи знатнымъ и богатымъ человѣкомъ, тотчасъ же сталъ грабить, какъ только въ его руки поступило дѣло о секвестрѣ и частію о конфискаціи имѣній зачинщиковъ, вдохновителей и предводителей усмиреннаго мятежа. Жалка ты, природа человѣческая!

В. П—нъ.

АВАНТЮРИСТЪ СТАРАГО И НОВАГО СВѢТА.

ДѢСЬ ПРИНЦЪ НАССАУ, грандъ испанскій, и испанецъ Миранда; когда весь этотъ народъ разѣдется, то будетъ говорить, что не стоило пріѣзжать»,—писала Екатерина II Гримму, изъ Кіева, 8-го февраля 1787 года¹⁾, а одинъ изъ упоминаемыхъ ею иностранцевъ, принцъ Нассау-Зигенъ, въ письмѣ къ своей женѣ отъ 28-го февраля того же года замѣчаетъ: «Мы нашли въ Херсонѣ испанскаго американца г. де-Миранда, челоуѣка необыкновеннаго, который очень уменъ и чрезвычайно понравился князю Потемкину; онъ совершилъ съ нами все путешествіе»²⁾.
Наконецъ, французскій посланникъ, графъ Сегюръ, сопровождавшій Екатерину въ ея знаменитой крымской поѣздкѣ, рассказываетъ: «Я впервые увидѣлъ въ Кіевѣ испанца, имя котораго потомъ пріобрѣло довольно печальную извѣстность; его звали Миранда; это былъ челоуѣкъ образованный и умный, но очень смѣлый интриганъ. Родившись въ Америкѣ, онъ находился въ родственныхъ сношеніяхъ съ семьей Аристегитта, которую я зналъ въ Каракасѣ. Во время войны испанское правительство открыло, что Миранда, измѣнивъ своему долгу, передалъ англійскому адмиралу планы и карты Кубы, а также другихъ испанскихъ колоній. Его хотѣли арестовать, но онъ бѣжалъ и, лишенный своего чина въ испанской арміи,

¹⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ XXIII, стр. 393—394.

²⁾ Le prince Nassau-Siegen, par le marquis d'Aragon, Paris, 1893, p. 133.

развѣзжаетъ съ тѣхъ поръ по Европѣ. Испанскіе агенты преслѣдуютъ его всюду, а англійское правительство, говорятъ, платитъ ему пенсію. Онъ затаилъ свое негодованіе и оскорбленное самолюбіе до той минуты, когда представится возможность вернуться въ Каракасъ и произвести тамъ, давно задуманную имъ, революцію. Я тогда не зналъ всѣхъ этихъ фактовъ, но такъ какъ онъ не имѣлъ никакихъ рекомендательныхъ писемъ, то я отказался представить его императрицѣ. Миранда, нимало не унывая, обратился къ принцу Нассау, котораго онъ зналъ въ Константинополѣ, и тотъ представилъ его князю Потемкину, который пришелъ въ восторгъ отъ его ума и добился для него тайной аудіенціи у Екатерины. Онъ сумѣлъ убѣдить императрицу, что онъ жертва инквизиціи и мученикъ философіи, а когда онъ распростился съ ней и поѣхалъ въ Петербургъ, то она приказала своему вице-канцлеру принять его съ почестью, какъ человѣка, котораго она удостоивала своимъ уваженіемъ»¹⁾. Вернувшись въ Петербургъ, Сегюръ засталъ тамъ Миранду, который имѣлъ очень непріятное столкновеніе съ испанскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. Этотъ послѣдній потребовалъ, чтобъ онъ или снялъ свой полковничій мундиръ, или представилъ оффиціальныи документъ на чинъ полковника испанской арміи; Миранда отвѣчалъ на это очень дерзкимъ, оскорбительнымъ письмомъ. Тогда представитель испанскаго двора обратился за инструкціями въ Мадридъ и получилъ приказъ потребовать отъ императрицы выдачи Миранды, какъ бѣглеца, обвиняемаго въ государственной измѣнѣ. «Я,—говоритъ Сегюръ,—отказался содѣйствовать ему, потому что въ подобныхъ обстоятельствахъ экстрадиція несправедлива и неполитична, а обѣщалъ только прекратить всѣ отношенія къ Мирандѣ. Но такъ какъ министры, изъ угожденія императрицѣ, обращались съ этимъ испанцемъ очень любезно и принимали его вмѣстѣ съ дипломатическимъ корпусомъ на своихъ званныхъ обѣдахъ, то я вмѣстѣ съ неаполитанскимъ посланникомъ, герцогомъ Серра-Каприола, объявилъ имъ, что подобное поведеніе относительно человѣка, оскорбившаго повѣреннаго въ дѣлахъ Испаніи, было доказательствомъ неуваженія къ дворамъ Мадридскому, Неаполитанскому и Версальскому, и если это продолжится, то мы прекратимъ всякія съ ними отношенія. Такой рѣшительный тонъ сначала разсердилъ императрицу, такъ какъ ея флигель-адъютантъ, Мамоновъ, былъ очень друженъ съ Мирандой, и сама императрица часто видала его. Но спустя нѣсколько дней она успокоилась и посовѣтовала Мирандѣ уѣхать. Онъ удалился изъ Россіи, осыпанный ея милостями»²⁾.

Вотъ всѣ свѣдѣнія, которыя имѣлись до сихъ поръ о пребы-

¹⁾ Memoires du comte de Segur, t. III, p. 77.

²⁾ Тамъ же, стр. 241—242.

ваніи въ Россіи одного изъ видныхъ авантюристовъ конца восемнадцатаго и начала девятнадцатаго вѣковъ; но и новый его биографъ, Морисъ Валь, посвятившій любопытной и разношерстной дѣятельности своего героя обстоятельный очеркъ подъ заглавіемъ «Авантюристъ двухъ свѣтовъ: генераль Миранда», въ первой сентябрьской книжкѣ *La Vie Contemporaine*¹⁾ за прошедшій годъ, не много щедрѣе на подробности о поѣздкѣ Миранды въ Россію. Онъ только рассказываетъ, что Потемкинъ, встрѣтившись съ нимъ въ Тавридѣ, представилъ его Екатеринѣ, которой онъ понравился, и она предложила ему поступить въ русскую службу, но онъ отказался на томъ основаніи, что посвятилъ свою жизнь великому дѣлу освобожденія южной Америки отъ испанскаго ига. «Эта положительная царица, — замѣчаетъ Валь, — не пренебрегала идеалистами и даже поощряла ихъ излюбленные идеи, съ цѣлю воспользоваться ими при случаѣ для собственной пользы. Къ тому же проектъ Миранды не былъ очень химеричнымъ и если онъ удался въ сѣверной Америкѣ, то отчего нельзя было ему удался и въ южной. Наконецъ, было благоразумно имѣть всюду друзей, даже въ Новомъ свѣтѣ, и она была способна оцѣнить благороднаго героя такъ же, какъ прекрасное произведеніе искусства, поэтому въ ея благосклонномъ приѣмѣ Миранды, быть можетъ, звучало нѣчто болѣе, чѣмъ политическая нота. Во всякомъ случаѣ она приказала написать представителямъ Россіи при европейскихъ дворахъ, чтобъ они не только хорошо принимали Миранду и окружали его всяческимъ вниманіемъ, но и оказывали ему помощь, покровительство, а въ случаѣ надобности и пріютъ въ посольскомъ домѣ»²⁾). Къ сожалѣнію, Валь не указываетъ на источники даже этихъ скудныхъ свѣдѣній, и такимъ образомъ сообщаемый имъ фактъ о покровительствѣ Миранды Екатериной остается ничѣмъ не доказаннымъ, и роль, разыгранная имъ въ Россіи, покрыта прежнимъ мракомъ неизвѣстности. Зато, благодаря картинному разсказу Валя, интересная личность Миранды выступаетъ передъ нами очень рельефно на пестромъ фонѣ его полной драматическихъ перипетій жизни авантюриста Старога и Новаго свѣта, энергичнаго дѣятеля французской революціи и мученика борьбы за освобожденіе его родины, Южной Америки, отъ испанскаго ига, чтò удалось, однако, совершить не ему, а его знаменитому ученику и сподвижнику Боливару. Что касается послѣдней фазы въ карьерѣ Миранды, именно его патріотической, геройской защиты національной независимости своего отечества, то разсказъ Валя значительно дополняется свѣдѣніями, сообщаемыми генераломъ Дюкудрэ-Гольштейномъ въ его «Исторіи Боливара»³⁾, у кото-

¹⁾ *La Vie Contemporaine*, 1 sept. 1894. Un aventurier des Deux Mondes: le general Miranda, par Maurice Wahl.

²⁾ Тамъ же, стр. 571.

³⁾ *Histoire de Bolivar*, par Ducoudray-Holstein, 1831, 2 vol.

раго онъ былъ начальникомъ штаба во время войны за освобожденіе Колумбіи.

Никогда въ Европѣ не встрѣчалось столько авантюристовъ всякаго рода, какъ во второй половинѣ XVIII столѣтія, но большая ихъ часть были самолюбивыми, корыстными искателями приключеній, а Миранда напротивъ представляется намъ гордымъ, смѣлымъ носителемъ великихъ гуманныхъ идей той славной эпохи. Его имя красуется на Триумфальной аркѣ въ Парижѣ, въ числѣ генераловъ,

Франческо Миранда.

оказавшихъ услуги республиканской Франціи, а Южная Америка питаетъ теперь патріотическій культъ къ этому первому бойцу и мученику ея національной свободы, а Мишлэ называетъ его «благороднымъ революціоннымъ Донъ-Кихотомъ». Такая симпатичная и достойная всякаго уваженія личность вполне заслуживаетъ вниманія, особенно въ наше прозаическое время безумной погони за наживой, а потому Морисъ Валь вполне умѣстно воскресилъ передъ читателями мало извѣстный образъ Миранды.

Родившись въ Каракасѣ въ 1750 г., донъ Франческо Миранда поступаетъ въ очень раннемъ возрастѣ на военную службу и съ чиномъ капитана испанской арміи отправляется въ Европу, гдѣ

участвуетъ въ экспедиціи О'Рельи противъ Алжира и въ защитѣ Мелилы. Въ свободное время онъ съ помощью книгъ образовываетъ свой рѣдко воспримчивый умъ, не смотря на то, что начальство отказываетъ ему въ разрѣшеніи поѣхать въ Парижъ для окончанія своего умственного развитія, а инквизиція сжигаетъ его книги. Съ удивительной стойкостью онъ, однако, идетъ по намѣченному себѣ пути, изыскиваетъ себѣ учителей, основательно изучаетъ математику, военную исторію, древніе и новые языки, а также знакомится въ подлинникъ съ великими писателями того времени. Такимъ образомъ, приобрѣтя обширныя, общія знанія и меньшія свѣдѣнія въ военной техникѣ, Миранда пользуется первымъ случаемъ, чтобъ примѣнить то и другое на службѣ великой гуманной идеѣ; онъ принимаетъ участіе въ войнѣ за независимость Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, какъ офицеръ вспомогательнаго испанскаго корпуса, состоявшаго подъ начальствомъ французскаго генерала, Рошамбо. Близкія сношенія съ мужественными американцами, возставшими за свободу своей родины и французскими волонтерами, соединявшими утонченность французской культуры съ энтузіазмомъ къ прогрессивнымъ идеямъ, съ такими людьми, какъ Вашингтонъ и Лафазтъ, развили въ молодомъ Мирандѣ рѣшимость посвятить всю свою жизнь такому же славному дѣлу, какъ то, которому онъ тогда служилъ. Если сѣверные американцы могли освободиться отъ англійскаго ига, то отчего южные не были бы въ состояніи сдѣлать того же относительно Испаніи? Вотъ вопросъ, разрѣшенію котораго двадцатидевятилѣтній Миранда отдался всей душой, и когда окончилась американская война, то въ его головѣ уже былъ созданъ цѣлый планъ освобожденія своей родины отъ тяготѣвшаго надъ ней испанскаго владычества. Возвратясь въ Каракасъ, онъ естественно началъ распространять свою излюбленную идею и, обвиненный въ заговорѣ противъ испанскаго вице-короля, долженъ былъ бѣжать въ Европу. Конечно, онъ не могъ явиться, въ Испанію, гдѣ про него распространяли всякія клеветы, отголосокъ которыхъ слышится въ приведенныхъ выше словахъ Сегюра, а потому предпринялъ длинный рядъ странствій по Англій, Пруссіи, Австріи, Италіи, Греціи, Турціи, Россіи и Скандинавіи. Всюду онъ знакомится съ выдающимися политическими дѣятелями и основательно изучаетъ порядки, существующіе въ каждой странѣ, но онъ дѣлаетъ это не съ спокойствіемъ философа, а съ пламеннымъ жаромъ человѣка, упорно преданнаго одной идеѣ. Присутствуя въ Потсдамѣ на парадахъ прусскихъ полковъ Фридриха Великаго и на смотрахъ русскихъ войскъ во время Крымской поѣздки Екатерины, онъ думаетъ только о томъ, какъ будетъ нѣкогда командовать южно-американской арміей; добываясь дружескихъ отношеній съ министрами и аудіенцій у государей, онъ имѣетъ въ виду не удовлетвореніе личнаго самолюбія, а ту пользу, которую

могутъ принести эти сношенія его излюбленному плану; наконецъ, усвоивая себѣ сложное устройство европейскихъ правительственныхъ системъ, въ особенности либеральныхъ, онъ собираетъ матеріалы для будущей южно-американской конституціи.

Не удивительно, что, получая свѣдѣнія о подобной дѣятельности своего офицера, испанское правительство приходило въ ярость и принимало всѣ мѣры, чтобъ сдѣлать ему невозможнымъ пребываніе при европейскихъ дворахъ. Это ему удалось, какъ мы видѣли, относительно Россіи, гдѣ введенный въ заблужденіе Сегюръ оказалъ помощь къ удаленію Миранды. Впрочемъ онъ въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ вполне согласно съ тогдашней политикой Франціи, бывшей въ тѣсномъ союзѣ съ Испаніей. Поэтому понятно, что американскій полковникъ, Смитъ, другъ Миранды, прибывъ въ Парижъ въ 1788 году, сдѣлался предметомъ преслѣдованій со стороны полиціи, а Лафазтъ, увидавъ его, воскликнулъ: «Надѣюсь, что съ вами не пріѣхалъ вашъ товарищъ, полковникъ Миранда». Предувѣдомленный, что его могутъ арестовать во Франціи изъ уваженія къ испанскому правительству, онъ старательно избѣгалъ этой страны и только въ 1791 году, когда французская полиціи была занята совершенно другимъ, онъ проѣхалъ черезъ нее по дорогѣ въ Лондонъ, куда спѣшилъ, чтобъ воспользоваться для осуществленія своего великаго плана столкновеніемъ между Англіей и Испаніей по поводу пролива Нутки. Война была готова вспыхнуть между враждебными странами, и Миранда, войдя въ личныя отношенія съ Питтомъ, изложилъ ему свой проэктъ. Сначала ему повидимому повезло: англійскій министръ обѣщалъ оказать содѣйствіе народному возстанію въ Южной Америкѣ и даже вызвалъ изъ Італіи іезуитовъ, изгнанныхъ изъ американскихъ колоній Испаніи при уничтоженіи этого ордена въ метрополіи. Дѣло зашло такъ далеко, что одинъ изъ этихъ іезуитовъ, Вискардо Гусманъ, написалъ уже краснорѣчивый манифестъ отъ имени южно-испанскихъ патриотовъ. Но вопросъ о Нуткѣ разрѣшился мирно, и хотя Питтъ увѣрялъ, что дѣло только отложено, но Миранда, глубоко разочарованный, покинулъ Англію и теперь прямо отправился во Францію, гдѣ революція была въ полномъ разгарѣ.

Эта революція имѣла чарующую притягательную силу для многихъ иностранцевъ, и съ самаго начала среди ея дѣятелей появились уроженцы различныхъ странъ, среди которыхъ были и энтузіасты, пламенные сторонники гуманныхъ идей, и интриганы, даже шпіоны. Съ одной стороны бельгіецъ Ла-Маркъ, шведъ Ферзенъ и женевецъ Маллэ-дю-Панъ занимали видное мѣсто въ числѣ защитниковъ короля и королевы, а съ другой среди якобинцевъ играли видную роль Клоотцъ, Проли, Гусманъ, Лазовскій. Наконецъ женевецъ Клавьеръ, подобно своему соотечественнику Некеру, былъ министромъ финансовъ, а уроженецъ Литтиха Лебрень-

Тондю—министромъ иностранныхъ дѣлъ. Поэтому неудивительно, что Миранда, желавшій быть простымъ зрителемъ великаго политическаго переворота и только надѣявшійся извлечь изъ него какую нибудь пользу для осуществленія своего излюбленнаго плана, вскорѣ былъ вовлеченъ въ общій водоворотъ. Старые товарищи по американской войнѣ ввели его въ патріотическіе кружки, и онъ сблизился съ Петіономъ, Бриссо и Дюмурье, который тотчасъ оцѣнилъ его военныя знанія. Послѣ 10-го августа явилась необходимость въ способныхъ офицерахъ, и тогдашній военный министръ, Серванъ, предложилъ Мирандѣ вступить въ французскую армію, съ чиномъ генераль-маіора, такъ какъ онъ былъ полковникомъ въ Испаніи. Онъ охотно согласился и дебютировалъ съ большимъ успѣхомъ въ Аргонской кампаніи, выказавъ особую храбрость при отступленіи отъ Сентъ-Менегульда; Дюмурье вознесъ его до небесъ и выхлопоталъ ему чинъ генераль-лейтенанта. Въ концѣ 1792 года, онъ принялъ участіе въ завоеваніи Бельгіи и въ то же время содѣйствовалъ признанію Французской республики Американскими Соединенными Штатами. Его друзья жирондисты рассчитывали на него для широкаго распространенія демократической пропаганды, и Бриссо предложилъ назначить Миранду губернаторомъ Сентъ-Доминго. По словамъ этого краснорѣчиваго оратора, онъ въ короткое время усмирилъ бы мелкія колоніальныя распри и съ помощію войскъ, находившихся на французскихъ Антильскихъ островахъ, а также пятнадцати тысячъ храбрыхъ мулатовъ, быстро натурализовалъ бы свободу въ испанской Америкѣ. «Что значатъ политическіе планы хваленыхъ Ришелье и Альберони, — прибавлялъ пламенный жирондистъ: — въ сравненіи съ тѣми великими революціями, которыя мы возбудимъ на всемъ земномъ шарѣ?» Однако Миранда не увлекся этимъ грандіознымъ проектомъ и заявилъ, что если онъ хорошо знаетъ испанскую Америку, то не имѣетъ никакого понятія о положеніи французскихъ Антильскихъ острововъ, и потому, прежде чѣмъ предпринять подобную экспедицію, ему надо убѣдиться, что эти острова можно сдѣлать надежнымъ базисомъ для военныхъ дѣйствій, тѣмъ болѣе, что его отъѣздъ, конечно, заставитъ Испанію и Англію принять свои мѣры. Съ своей стороны Дюмурье не сочувствовалъ войнѣ съ Испаніей и находилъ, что и безъ того у французовъ было достаточно враговъ, а потому онъ добился, что отложили осуществленіе этого проекта и занялись прежде наступательныхъ дѣйствій въ Америкѣ обороной своихъ предѣловъ въ Европѣ.

Въ голландскомъ походѣ, Миранда командовалъ такъ называемой сѣверной арміей, которая, прикрывая Бельгію отъ новаго нападенія австрійцевъ, должна была взять Мاستрихтъ и потомъ идти на Нимвегенъ для соединенія съ Дюмурье; но австрійцы, вторгнувшись въ Ахенъ, принудили Миранду снять осаду Мастрихта, очи-

стить Литтихъ и ретироваться на Лувэнъ. Тамъ Дюмурье, отступая изъ Голландіи, соединился съ Мирандой, и вмѣстѣ они потерпѣли значительное пораженіе подъ Неервинденомъ. Конечно, Дюмурье возложилъ всю отвѣтственность за эту неудачу на Миранду, который командовалъ лѣвымъ крыломъ и первый началъ отступление; но хотя трудно сказать, кто изъ нихъ былъ болѣе виноватъ въ этомъ несчастномъ для Франціи военномъ дѣлѣ, все-таки нѣтъ сомнѣнія, что Миранда не обнаружилъ въ этомъ случаѣ качествъ первокласнаго полководца. Онъ былъ храбрымъ воиномъ и знающимъ, методичнымъ военнымъ теоретикомъ, понимавшимъ веденіе войны только по правиламъ науки, но не отличался смѣлостью и пыломъ, необходимыми для командованія арміей, въ особенности французской. Его обвиняли въ педантизмѣ, неумѣнни воодушевлять солдатъ и въ томъ, что онъ, какъ иностранецъ, не возбуждалъ къ себѣ довѣрія солдатъ, называвшихъ его «генераломъ безъ родины». Съ своей стороны Миранда въ письмахъ къ своему другу Петіону прямо объяснялъ пораженіе подъ Неервинденомъ измѣной Дюмурье, съ которымъ онъ имѣлъ очень характеристичный разговоръ незадолго до этой битвы. Дюмурье, называвшій его всегда до тѣхъ поръ «другомъ, братомъ, достойнымъ помощникомъ», неожиданно предложилъ ему вопросъ:

— Что вы сдѣлаете, если получите приказъ о моемъ арестѣ?

— Я исполню приказъ, — отвѣчалъ Миранда: — но этотъ приказъ во всякомъ случаѣ получу не я, а старшій послѣ васъ генераль Валенсъ.

— А знаете что, — продолжалъ Дюмурье, который уже тайно велъ переговоры съ непріателемъ: — намъ придется въ концѣ концовъ пойти въ Парижъ для водворенія свободы.

— Какимъ способомъ?

— Съ помощью арміи.

— Я считаю лѣченіе хуже недуга и, конечно, воспротивлюсь его принятію.

— Такъ вы пойдете противъ меня?

— Да, если вы пойдете противъ республики.

— Хорошо, значитъ, вы будете Лабіеномъ.

— Лабіеномъ, или Катономъ, но я всегда буду на сторонѣ республики.

Не смотря, однако, на всѣмъ замѣтное охлажденіе между Дюмурье и Мирандой послѣ этого разговора, а также не смотря на предупрежденіе со стороны Миранды, что Дюмурье измѣняетъ республикѣ, когда еще никто не подозрѣвалъ этого, онъ былъ преданъ суду, какъ сообщникъ Дюмурье, при дѣйствительномъ обнаруженіи измѣны послѣдняго. Сначала допрошенный не конвентомъ, а военнымъ комитетомъ, который поставилъ ему 65 вопросныхъ пунктовъ, Миранда предсталъ передъ революціоннымъ трибуналомъ въ маѣ

1793 г., и онъ самъ, а равно его защитникъ Шово-Лагардъ, по словамъ его новаго биографа, или Тронсонъ-Дюкудрэ, по указанію его старыхъ биографовъ въ энциклопедическомъ словарѣ Ларусса ¹⁾ и въ Biographie Universelle ²⁾, доказали въ мастерскихъ, энергичныхъ рѣчахъ, что онъ не былъ виновенъ въ неудачныхъ дѣйствіяхъ французской арміи подъ Мاستрихтомъ и Неервинденомъ, а равно не принималъ никакого участія въ измѣнѣ Дюмурье. Дѣло это заняло одиннадцать засѣданій, и публика слѣдила за его перипетіями съ лихорадочнымъ вниманіемъ, а когда судъ вынесъ единоголосный оправдательный приговоръ относительно Миранды, то ему сдѣлали сочувственную овацію и проводили домой съ триумфомъ. Однако этимъ приговоромъ страшнаго трибунала, котораго никакъ нельзя заподозрѣть въ снисхожденіи къ кому бы то ни было, вопросъ объ отвѣтственности Дюмурье, или Миранды за поражение французской арміи, повлекшее за собой очищеніе Голландіи и Бельгій, не былъ окончательно исчерпанъ и породилъ литературную полемику, въ которой приняли участие Дюмурье въ своихъ мемуарахъ ³⁾ и Миранда въ брошюрѣ о Неервинденской битвѣ ⁴⁾. Кромѣ того, напечатаны ихъ переписка ⁵⁾ между собой и два анонимныя сочиненія: жизнь генерала Дюмурье ⁶⁾ и письмо на счетъ книги «Жизнь генерала Дюмурье» ⁷⁾. Вся эта полемика, конечно, теперь не имѣетъ никакого интереса, хотя въ свое время волновала умы, и о ней стоитъ только сказать, что никогда не было представлено прямыхъ доказательствъ виновности Миранды, кромѣ общей его неспособности, какъ полководца.

Не долго пришлось Мирандѣ, однако, пользоваться своею свободою и послѣ паденія его друзей, жирондистовъ, онъ былъ снова преданъ суду, какъ лицо подозрительное, по приказу комитета общественной безопасности. Въ тюрьмѣ онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ изъ своихъ старыхъ друзей и познакомился съ Шампанье, секретаремъ Ролана, и Ашилемъ Дю-Шателъ, который, не смотря на пролитую кровь за республику, былъ заподозрѣнъ въ преданности къ ней и покончилъ свою жизнь въ темницѣ отравой. Переворотъ 9-го термидора выпустилъ Миранду на свободу, но этимъ не кончились его несчастья, и какъ конвентъ, такъ директорія и консульство его преслѣдовали за участие будто бы въ роялистскихъ

¹⁾ Grand Dictionnaire Universel du XIX siècle, par P. Larousse, t. XI, p. 319.

²⁾ Biographie Universelle, Bruxelles, 1845, t. XIII, p. 116.

³⁾ Memoires du general Dumouriez, 1793.

⁴⁾ Ordre de Dumouriez pour la bataille de Neerwinden et la retraite qui en a été la suite, 1793.

⁵⁾ Dumouriez: Memoires et Correspondences, 1835, 2 vol.—Miranda: correspondance avec Dumouriez.

⁶⁾ La vie du general Dumouriez. La Haye. 1796.

⁷⁾ Lettre sur l'ouvrage intitulé: La vie du gener. Dumouriez. La Haye. 1796.

заговорахъ, при чемъ два раза онъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ, отъ которой спасался бѣгствомъ въ Англiю. Съ перваго взгляда странно, что одинаково и пламенные республиканцы, и реакція, и диктатура преслѣдуютъ этого искренняго сторонника гуманныхъ идей французской революціи; но дѣло въ томъ, что онъ отсталъ отъ своего времени и слишкомъ пламенно защищалъ англійскую конституцію, которой онъ былъ ярымъ поклонникомъ. Еще сидя въ тюрьмѣ, онъ удивлялъ Шампанье тѣмъ, что отдавалъ преимущество Англiи передъ Франціей и критиковалъ дѣйствія французскихъ генераловъ, которые одерживали побѣды, нарушая всѣ правила военной науки. А въ 1795 году онъ напечаталъ брошюру подъ заглавіемъ: «Мнѣніе генерала Миранды о настоящемъ положеніи Франціи», и въ ней совѣтовалъ, чтобъ Франція ограничилась своими предѣлами 1792-го года, такъ какъ «слава завоеваній не достойна республики, основанной на уваженіи правъ человѣка и великихъ философскихъ истинъ ихъ». Естественно, что проповѣдникъ подобныхъ теорій, да еще другъ Англiи, сдѣлался подозрителенъ наци, обезумѣвшей отъ славныхъ побѣдъ и патріотической гордости, а потому не удивительно, что Наполеонъ, реорганизуя французскую армію, не далъ въ ней мѣста этому чужестранцу, не смотря на его чинъ французскаго генерала. Съ другой стороны также понятно, что и Миранда, видя въ обращеніи съ нимъ различныхъ французскихъ правительствъ только несправедливость и неблагодарность, затаилъ горькія чувства къ своему второму отечеству, отвернулся отъ него и снова предался всецѣло служенію своей завѣтной идеѣ освобожденія Южной Америки. Ему нечего уже было болѣе ждать отъ Франціи, сдѣлавшейся союзницей Испаніи, и онъ основалъ теперь всѣ свои надежды на помощи Англiи. Но и тутъ его ждало самое глубокое разочарованіе.

Первый проектъ освобожденія Южной Америки съ помощью Англiи и Соединенныхъ Штатовъ былъ составленъ Мирандой совмѣстно съ мексиканскими делегатами, явившимися въ Парижъ. Англiя должна была ссудить флотъ, а Соединенные Штаты— 10.000 солдатъ, за чтѣ первая получила бы 30 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, выгодный торговый договоръ, устройство морскаго канала въ Никарагуа или на Панамскомъ перешейкѣ и учрежденіе въ Лимѣ и Мексикѣ отдѣленій англійскаго банка, которыя доставляли бы золото по мѣрѣ надобности, а послѣдніе— Флориду и Луизиану до Миссисипи. Англiя, Соединенные Штаты и освобожденные испанскія колоніи составили бы тѣсный союзъ, основанный на аналогіи политической формы трехъ государствъ, т. е. на пользованіи разумно понятой гражданской свободой. Англійское правительство, повидимому, дало свое согласіе на этотъ проектъ, и Миранда писалъ своему другу, американцу Гаррисону: «Все улажено, и ждутъ только сигнала вашего почтеннаго президента,

чтобъ полетѣть съ быстротою молніи». Но ждать пришлось долго. Американскій президентъ, Джонъ Адамсъ, встрѣтилъ сильный отпоръ въ отвращеніи своихъ согражданъ ко всякой наступательной войнѣ, а тѣмъ болѣе въ союзѣ съ Англіей, которая должна была извлечь изъ нея наибольшую выгоду. Съ другой стороны и Англія въ виду заключенія второй коалиціи нуждалась во всѣхъ своихъ силахъ для военныхъ дѣйствій въ Европѣ. Только въ 1801 году возобновлены переговоры съ министерствомъ Аддингтона, но вскорѣ затѣмъ подписанъ Амьенскій миръ, и снова Миранда съ его проектомъ сданъ въ архивъ. Въ третій разъ они всплываютъ на политическую поверхность послѣ разрыва Англіи съ Франціей въ 1803 и съ Испаніей въ слѣдующемъ году. Питтъ попрежнему сочувственно выслушиваетъ Миранду и поручаетъ лорду Мельвилю составить съ нимъ планъ военныхъ операцій, но, какъ всегда, дѣло не идетъ далѣе обѣщаній. Тогда Миранда выходитъ изъ терпѣнія и отправляется одинъ въ Соединенные Штаты, куда его вызываютъ укрывшіеся тамъ бѣглецы изъ Санта-Фе и Каракаса. Онъ находитъ если не правительственное содѣйствіе, то общественное сочувствіе и нѣкоторую помощь деньгами и волонтерами; кромѣ того, англійскій адмиралъ Кокренъ поддерживаетъ его на сколько возможно. Миранда отправляется въ Венецуелу, высаживается на берегъ въ Велезъ-де-Коро, издаетъ прокламаціи и призываетъ одинаково къ «добрымъ, невиннымъ индѣйцамъ, храбымъ мулатамъ и свободнымъ неграмъ». Цѣль экспедиціи, по словамъ этихъ прокламацій, «независимость всего колумбійскаго континента на пользу всѣхъ его обитателей». Но бѣдному патріоту не везетъ, испанскія власти берутъ въ плѣнъ значительное число его сторонниковъ и безжалостно разстрѣливаютъ ихъ, за выдачу или поимку его назначается высокая цѣна, и мулаты со страха не смѣютъ возстать. Миранда вынужденъ сѣсть на корабль и вернуться въ Англію.

Въ началѣ испанской войны англійское правительство вздумало послать Миранду на Пиринейскій полуостровъ, но онъ благородно отказался, говоря: «я служилъ во французской арміи, и хотя Наполеонъ поступилъ со мною несправедливо, но я никогда не обнажу меча противъ моихъ старыхъ братьевъ по оружію». Питтъ задумалъ планъ предоставить Испанію Іосифу Бонапарту, а обратить все свое вниманіе на испанскія колоніи въ Америкѣ, гдѣ мѣстныя власти не хотѣли признавать новаго испанскаго короля и оставались вѣрными Фердинанду VII. Конечно, Англія вмѣшалась бы въ испано-американскія дѣла подъ предлогомъ защиты интересовъ Фердинанда, но сто лѣтъ передъ тѣмъ она такимъ же образомъ овладѣла Гибралтаромъ будто бы для эрцъ-герцога Карла. Поэтому было рѣшено отправить въ Новый Свѣтъ армію подъ начальствомъ Велингтона, и Миранда былъ вызванъ въ Коркъ для совѣщаній съ Велингтономъ, который находился тамъ съ своимъ

главнымъ штабомъ. Видя возможность снова сдѣлать попытку для осуществленія своего излюбленнаго проекта, южный американскій патріотъ горячо принялся за дѣло, и пока разговоръ шель о военныхъ дѣйствіяхъ, то Велингтонъ дружно работаль съ нимъ, но когда онъ сталъ говорить о провозглашеніи независимости своей родины и учрежденіи тамъ республики, то англійскій генераль хлопнулъ рукой по рукояткѣ своей пшаги и громко воскликнулъ: «нѣтъ, я никогда не обнажу ея за свободу». Это столкновение ясно доказывало, что Миранда и Велингтонъ никогда не сошлись бы; впрочемъ ихъ предпріятію не суждено было осуществиться, и когда оказалось, что Пиренейскій полуостровъ можно еще оспаривать у Наполеона, то армію Велингтона послали изъ Корка не въ Южную Америку, а въ Португалію. Но все-таки англійское министерство поощряло энергичную дѣятельность Миранды, и лордъ Кокренъ, попрежнему командовавшій Антильской эскадрой, распространяль его манифесты, взывавшіе къ народному возстанію. Когда же испанскій посланникъ въ Лондонѣ, Оподака, жаловался на подобное поведеніе Англии, то Канингъ преспокойно отвѣчалъ, что факты, возбуждавшіе негодованіе испанскаго правительства, относились къ давно прошедшему времени, а что теперь «поступки генерала Миранды не могли уже возбудить ни малѣйшаго безпокойства или подозрѣнія». Чѣмъ бы ни руководствовало англійское правительство, гуманными, человѣчными цѣлями или эгоистичными интересами, но оно изъ-подъ руки поддерживало патріотическое предпріятіе Миранды, и англійское общественное мнѣніе сочувствовало ему. Лучшимъ доказательствомъ этого послѣдняго факта служитъ статья, напечатанная тогда въ «Эдинбургскомъ Обзорѣніи» и имѣвшая большой успѣхъ. Въ ней прямо указывалось, что освобожденіе и независимость Южной Америки произвели бы громадное, благотворное вліяніе на весь свѣтъ, доставили бы новый, обширный рынокъ для англійскихъ произведеній, и путемъ прорытія канала на Панамскомъ перешейкѣ установились бы тѣсныя отношенія между цивилизованнымъ міромъ и дотолѣ закрытыми для него странами далекаго востока, Китаемъ и Японіей. Повидимому, эта блестящая статья была внушена Мирандой, и во всякомъ случаѣ она была приведена въ брошюрѣ, напечатанной вскорѣ послѣ этого въ Лондонѣ однимъ изъ его южно-американскихъ друзей, Антепарой.

Пользуясь этими благопріятными обстоятельствами, Миранда снова отправился въ 1811 г. въ Южную Америку и высадился въ Гваирѣ, въ Венецуелѣ. Испанскія власти потеряли всякую силу въ странѣ, и онъ былъ принятъ мѣстнымъ населеніемъ, какъ желанный освободитель. Тотчасъ былъ созванъ конгрессъ, и благодаря настоянію Миранды, а также его помощника Боливара, служившаго полковникомъ главнаго штаба патріотической арміи, Вене-

цуела объявила себя 5 июля 1811 года независимой, свободной республикой. Миранда былъ сдѣланъ главнокомандующимъ и диктаторомъ; сначала дѣло шло успѣшно, но вскорѣ возникли междуособія, благодаря интригамъ роялистовъ, приверженцевъ Испаніи, которые побудили къ возстанію гарнизоны въ Каракасѣ и Валенціи. Восемь мѣсяцевъ Миранда съ удивительной энергіей боролся съ внутренними врагами и съ испанцами, снова поднявшими голову, но наконецъ ихъ сторону приняла сама природа. 26-го марта 1812 года страшное землетрясеніе опустошило Каракасъ и всю сѣверную часть Венецуелы: погубило много офицеровъ и солдатъ патріотической арміи, повсюду распространилась паника, католическое духовенство, преданное Испаніи, ловко воспользовалось ею. Оно стало громко проповѣдывать, что это народное бѣдствіе было небесной карой бунтовщиковъ, и подтверждало свои слова тѣмъ фактомъ, что роялисты нимало не пострадали. Войска послѣднихъ, стоявшія въ мѣстности, не посѣщенной землетрясеніемъ, сдѣлали при этомъ натискъ на патріотовъ, и тѣ бѣжали въ смятеніи. Роялисты подъ начальствомъ Монтеверде стали дѣйствовать энергично; число измѣнъ въ лагерѣ патріотовъ начало быстро увеличиваться, и Миранда неожиданно оказался безъ войска, денегъ и поддержки. Онъ все-таки стойко держался въ Каракасѣ, призвалъ подъ знамена всѣхъ гражданъ, способныхъ къ военной службѣ отъ 15 до 55 лѣтъ, и разослалъ эмиссаровъ съ просьбой о помощи въ Соединенные Штаты, Лондонъ, Кароагенъ, на Французскіе Антилскіе острова. Но прежде чѣмъ выяснился результатъ этихъ мѣръ, наступила окончательная катастрофа.

30 июня 1812 года гарнизонъ крѣпости Пуерто-Кабелло, гдѣ содержались роялистскіе плѣнники, возсталъ противъ республики, и только немногіе патріоты, въ томъ числѣ Боливаръ, спаслись бѣгствомъ. Въ то же время на восточномъ берегу негры, возбуждаемые католическимъ духовенствомъ, провозгласили снова королемъ Фердинанда VII и двинулись на Каракасъ, гдѣ царило полное смятеніе. Миранда понялъ, что все погубло, и съ согласія юнты вступилъ въ переговоры съ Монтеверде о сдачѣ. Актъ о капитуляціи былъ немедленно заключенъ, республика перестала существовать, и уже Миранда собирался уѣхать въ Лондонъ на англійскомъ военномъ кораблѣ, какъ разыгралась новая трагическая для него сцена. Въ послѣднее время онъ пользовался большою непопулярностію среди самыхъ пламенныхъ патріотовъ, съ Боливаромъ во главѣ, преимущественно за его сношенія съ Англійей. Теперь же они боялись, что, уѣхавъ прежде, чѣмъ капитуляція была ратификована, онъ предоставитъ страну на сѣденіе жестокому Монтеверде, пока самъ будетъ благоденствовать въ Англійи, а потому рѣшили задержать его. Въ портѣ Гваирѣ, гдѣ еще существовали республиканскія власти, все было готово къ отплытію Миранды,

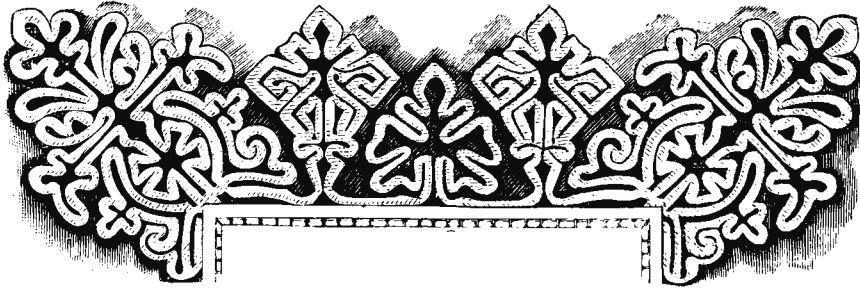
но Боливаръ и его сторонники уговорили своего ничего не подозревавшаго генерала остаться тамъ почевать, не смотря на совѣты капитана англійскаго военнаго корабля. Ночью во время сна Миранда былъ арестованъ, а на другой день Монтеверде, не смотря на заключенную капитуляцію, схватилъ всѣхъ безъ разбора и Миранду и арестовавшихъ его патріотовъ, и заключилъ ихъ въ фортъ Донъ-Карлосъ.

Тутъ начинается для бѣднаго Миранды мученическая агонія, продолжавшаяся четыре года. Сначала его держали въ тюрьмѣ Пуерто-Кабелло, откуда онъ тщетно писалъ протесты противъ слѣпой реакціи, царившей въ Каракасѣ, потомъ перевели въ замокъ Моръ, въ Порто-Рико и наконецъ въ темницу Карака, въ Кадиксѣ. Нѣсколько разъ онъ пытался бѣжать, но всегда неудачно; однажды успѣхъ бѣгства былъ совершенно обезпеченъ, но его выдалъ англичанинъ изъ Гибралтара, Дуффъ, къ которому онъ обратился съ просьбой прислать ему денегъ. Наконецъ, другой англичанинъ изъ Кадикса, Шо, оказался человѣчнѣе и доставилъ ему 1.250 франковъ, но было поздно. 25 марта 1816 года его поразилъ первый ударъ, а 14 іюля второй свелъ его въ могилу на шестьдесятъ-третьемъ году жизни. «Мнѣ не позволили,—писалъ его слуга:—достойно похоронить моего господина съ помощью патеровъ и монаховъ; а тотчасъ послѣ его смерти схватили его трупъ съ постелью и одѣяломъ, вынесли изъ темницы и зарыли въ землю, а всѣ его вещи сожгли».

Такъ печально кончилась жизнь мученика за свободу Южной Америки, и судьба до послѣдней минуты была жестока къ нему, такъ какъ врядъ ли достигали до его тюремной келіи слухи объ успѣхахъ Боливара, который продолжалъ его великое дѣло. Первому бойцу за независимость цѣлаго, обширнаго контингента пришлось умереть разочарованнымъ въ своей свѣтлой мечтѣ, и только его ученику и преемнику досталась завидная слава сдѣлаться дѣйствительнымъ освободителемъ своей родины и заслужить славное имя южно-американскаго Вашингтона. Но, конечно, онъ не могъ бы совершить своего великаго подвига, еслибъ ему не подготовилъ пути бѣдный «революціонный Донъ-Кихоть».

В. Тимирязевъ.

ОЧЕРКИ ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

ВТОРЪ этихъ очерковъ просить читателей не считать его ненавистникомъ японцевъ и поборникомъ застоя, въ чемъ бы застой этотъ ни проявлялся. Онъ потому позволяетъ себѣ относиться отрицательно къ совершающимся въ Японіи преобразованиямъ въ духѣ западной цивилизаціи, что считаетъ ихъ не плодомъ истиннаго просвѣщенія, а слѣдствіемъ одной подражательности, въ которой японцы достигли высокой степени совершенства и потому могутъ легко вводить въ обманъ даже опытныхъ наблюдателей. Дѣло въ томъ, что въ Японіи уже много вѣковъ существуетъ вполне законченная культура, и въ ней западнымъ идеямъ нѣтъ мѣста, гдѣ бы онѣ могли свить себѣ гнѣздо. Различные вопросы, продолжающіе еще волновать западный міръ, въ Японіи или совершенно непонятны, или же давнымъ давно порѣшены и сданы въ архивъ. Относительно склонности японцевъ къ подражательности существуетъ анекдотъ, который превосходно иллюстрируетъ мысль автора. Когда японцы въ первый разъ увидѣли европейскій военный оркестръ, они ни на минуту не усомнились, что сами могутъ сдѣлать не хуже европейцевъ всѣ духовые инструменты—и сдѣлали. Инструменты эти имѣли надлежащія размѣры, видъ, клапаны, отверстія, но не могли издать ни одного вѣрнаго звука. Также точно, усвоивая себѣ разнообразныя формы государственнаго и общественнаго быта, которыми Европа наиболѣе гордится, японцы остаются совершенно равнодушными къ

идеямъ, одухотворяющимъ эти формы. Пересадивъ, напимѣрь, къ себѣ западный парламентаризмъ, они смотрять на него не какъ на одно изъ средствъ управлять страной въ соотвѣтствіи съ истинными желаніями народа, а только какъ на предохранительный клапанъ, чрезъ который, въ случаѣ значительнаго скопленія, могутъ вырваться наружу всякаго рода вредные газы, образующіеся при броженіи враждебныхъ правительству политическихъ элементовъ. Въ Японіи право избирать и избираться въ парламентъ принадлежитъ всего 300 тысячамъ человѣкъ политикановъ; депутаты получаютъ жалованье по 4 тысячи франковъ въ годъ, а министры отвѣтственны только передъ микадо, то-есть совершенно не отвѣтственны, потому что самъ микадо политически безсиленъ и представляетъ изъ себя только символъ верховной власти, одно лишь видимое выраженіе фикціи ея божественнаго происхожденія. Тотъ, кто держитъ въ рукахъ этотъ символъ, становится неограниченнымъ распорядителемъ всѣхъ судебъ страны. Въ настоящее время такими распорядителями являются олигархи, изъ новыхъ людей, вышедшихъ въ смутное время изъ среды низшаго дворянства и успѣвшихъ, благодаря ресурсамъ, найденнымъ въ западной культурѣ, захватить въ свои руки микадо и эскамотировать у олигарховъ изъ высшихъ сословій верховную власть, которою они пользовались въ теченіе многихъ вѣковъ. Достигнувъ власти, новые люди первымъ дѣломъ поспѣшили возвысить себя въ графовъ, виконтовъ и бароновъ и низвести прежнихъ своихъ господъ въ принцевъ и маркизовъ. Еще одинъ шагъ, и новые графы также обратятся въ принцевъ и маркизовъ, и тогда Японія снова вернется къ дуалистической формѣ правленія, державшейся въ ней столько вѣковъ и бывшей всегда источникомъ всякаго рода смуть и внутреннихъ потрясеній.

Событія послѣдняго времени не только не поколебали вышесказанныхъ положеній автора, основанныхъ на многочисленныхъ данныхъ, собранныхъ имъ за время почти десятилѣтняго пребыванія его въ Японіи, но еще болѣе укрѣпили ихъ. Если до начала китайской войны японскіе олигархи были только смѣшны въ своихъ стремленіяхъ подражать чуждой имъ культурѣ, то теперь они сдѣлались преступны, такъ какъ вовлекли страну въ такую политику приключеній, въ которой она легко можетъ утратить свою политическую самостоятельность. Слишкомъ ужъ далеко они идутъ въ своей подражательности, стараясь съ фотографической точностью воспроизводить событія западной исторіи...

I.

Простота японской жизни. — Вліяніе постоянныхъ землетрясеній и чрезвычайной сырости на устройство жилищъ. — Стихійный характеръ пожаровъ. — Взаимопомощь населенія. — Внутреннее устройство японскихъ домовъ. — Опрятность населенія. — Домашняя утварь. — Пища. — Одежда и обувь. — Татуировка. — Отсутствіе пауперизма. — Культъ предковъ и законы о наследованіи.

Восточная культура отличается отъ западной прежде всего крайней простотой жилищъ, домашней утвари, пищи, одежды и вообще образа жизни. Особенно простота эта бросается въ глаза въ Японіи, гдѣ, безъ всякаго ущерба условіямъ самаго изысканнаго комфорта и высокоразвитымъ эстетическимъ потребностямъ народнаго духа, она достигаетъ наибольшаго развитія даже сравнительно съ Китаемъ, не говоря уже объ Индіи или Персіи. Золото, серебро и драгоценныя камни, играющіе довольно видную роль въ китайскомъ обиходѣ, въ Японіи почти незамѣтны. Тамъ даже нѣтъ ни золотыхъ дѣлъ мастеровъ, ни ювелировъ. Въ японскомъ обществѣ стремленіе къ роскоши удовлетворяется не цѣнностью матеріаловъ, а художественностью ихъ обработки. Какъ гражданинъ, японецъ болѣе всего гордится древностью своего рода, какъ собственникъ—древностью своихъ вещей и тонкостью ихъ работы, какъ чловѣкъ—художественностью своего вкуса и пониманія. Но и подобное проявленіе роскоши является удѣломъ немногихъ избранныхъ, масса же населенія живетъ изо дня въ день и въ имущественномъ отношеніи довольствуется формулой Біаса «omnia mea mecum porto». Просто трудно повѣрить, какъ мало нужно японцу, чтобы укрыться отъ непогоды, насытиться, развлечься. И это не потому, что онъ лѣнивъ или безпеченъ, а потому, что въ его общественномъ быту любостыжанію не отведено достаточно почетнаго мѣста. Основными принципами японской жизни всегда были и, надо полагать, еще долго останутся умѣренность въ потребностяхъ и бережливость въ пользованіи матеріальными благами, но отнюдь не скопидомство, къ которому японцы чувствуютъ глубокое презрѣніе. Да при прежнемъ режимѣ накопленіе богатствъ не было даже и безопасно: всегда могъ прійти власть имущій, а такихъ, благодаря феодальному строю государства, было много, и отнять у владѣльца не только его имущество, но и собственную шкуру. Вотъ почему китайцы и по сіе время не хотятъ учиться считать болѣе, чѣмъ десятками тысячъ, а японцы узнали о существованіи сотенъ тысячъ, милліоновъ и даже милліардовъ послѣ того лишь, какъ на собственной спинѣ испытали всѣ преимущества западной военной и коммерческой бухгалтеріи. Еще не такъ давно сами они китайскимъ словомъ манъ въ одно и то же время означали и десятокъ тысячъ и безконечно большое число. Теперь они отлично ознакомились съ западной ну-

мерацией и, надо полагать, въ свою очередь обучать ей и своихъ старыхъ учителей, китайцевъ. По послѣднимъ извѣстіямъ видно, что сумма требуемой ими съ Китая контрибуціи достигаетъ уже двухъ милліардовъ.

Въ прѣжнее время право выставять на показъ свое богатство принадлежало однимъ высшимъ придворнымъ и феодальнымъ сословіямъ и заключалось, главнымъ образомъ, въ правѣ носить оружіе, одѣваться въ шелковыя ткани, украшенныя фамиліными гербами, и показываться въ народѣ въ сопровожденіи громадной свиты. Простой народъ, къ которому принадлежало и купечество, стоявшее въ сословной іерархіи гораздо ниже крестьянъ и ремесленниковъ, былъ лишенъ права носить оружіе, ходить въ шелковой одеждѣ и даже надѣвать на себя панталоны. Ни одинъ купецъ, какъ бы велико его состояніе ни было, не дерзалъ, пользуясь своимъ богатствомъ, претендовать на какое либо выдающееся положеніе въ государствѣ; такое положеніе давалось людямъ только въ силу ихъ родовитости. Въ законахъ Гейяса содержатся на этотъ счетъ весьма любопытныя постановленія: «Каждая провинція,—гласятъ между прочимъ эти законы,—дѣлится на округа, общины и деревни. Въ каждой деревнѣ должна постоянно жить старинная фамилія, принадлежащая къ низшимъ классамъ народа. Какъ бы бѣденъ глава этой фамиліи ни былъ, онъ все-таки долженъ быть назначенъ начальникомъ, и ни одинъ поселившійся тамъ же богатый челоуѣкъ не можетъ домогаться такого назначенія».

Ни въ чемъ простота японской жизни не даетъ такъ себя чувствовать, какъ въ устройствѣ жилищъ. Не смотря на недостатокъ въ странѣ хорошаго строеваго лѣса и на обиліе всюду подъ рукой превосходнаго камня и глины, японцы живутъ исключительно въ деревянныхъ домахъ. Такое предпочтеніе каменнымъ постройкамъ деревянныхъ объясняется относительной безопасностью послѣднихъ при землетрясеніяхъ, повторяющихся въ Японіи столь часто, что въ среднемъ ихъ тамъ насчитываютъ по одному въ день. Въ Іокогамѣ, гдѣ постоянно наблюдается незамѣтное для простаго глаза, непрерывное колебаніе почвы, въ 1870 году съ 1 по 26 мая было 132 землетрясенія, изъ коихъ 23 пришло на одно тринадцатое число.

Иногда землетрясенія эти принимаютъ характеръ ужасающихъ бѣдствій. Въ 1793 г. на одномъ островѣ Кіу-Сіу погибло отъ землетрясеній свыше пятидесяти тысячъ челоуѣкъ. Они частью поглощены были трещинами, образовавшимися въ землѣ, частью унесены потоками лавы и кипящей воды, частью утонули, при разливѣ рѣкъ, задержанныхъ въ своемъ теченіи. Въ 1854 г. городъ Симода, расположенный на берегу залива того же имени и насчитывавшій нѣсколько тысячъ жителей, былъ смытъ въ одно мгновеніе нахлынувшимъ на него моремъ. Въ 1889 г. въ теченіе ка-

кихъ нибудь двухъ недѣль было до пятидесяти землетрясеній, разрушившихъ около 1.000 домовъ и погубившихъ свыше 3.000 человекъ.

Не мудрено, что въ виду такихъ ужасовъ малѣйшее колебаніе почвы порождаетъ въ японцахъ панической страхъ. Стремглавъ выскакиваютъ они изъ домовъ и съ какимъ-то тупымъ отчаяніемъ начинаютъ безъ толку слоняться изъ стороны въ сторону. Страхъ ихъ понятенъ всякому, кто самъ не разъ испытывалъ землетрясенія. Привыкнуть къ землетрясеніямъ, какъ привыкаютъ къ другимъ грознымъ явленіямъ природы, невозможно; чѣмъ чаще ихъ испытываешь, тѣмъ болѣе боишься. Въ моментъ землетрясенія человекъ утрачиваетъ вѣру въ землю, на которую привыкъ ступать такъ твердо и увѣренно. Ему кажется, что она измѣняетъ ему, готовится предательски поглотить его, заживо погребсти. Ужасъ положенія еще усиливается сознаніемъ полной своей беспомощности, невозможностью опредѣлить силу и продолжительность явленія, предугадать, чѣмъ оно кончится. Сплошь и рядомъ во время землетрясеній едва замѣтныя колебанія почвы чередуются съ такими сильными подземными ударами, отъ которыхъ дома трещать, трубы валяются, стѣны лопаются...

Продолжительнымъ опытомъ японцы выработали типъ построекъ, обладающій удивительной способностью противостоятъ разрушительной силѣ землетрясеній. Какъ это на первый взглядъ ни странно, но главная тяжесть японскихъ домовъ заключается въ крышѣ. Крыша эта соломенная или черепичная утверждается на деревянныхъ столбахъ, которые ставятся вмѣсто фундамента на необдѣланные камни. При обыкновенныхъ землетрясеніяхъ подобные дома, напоминающіе клетку, не руются, а только качаются, какъ бы ходятъ на шарнирахъ. Благодаря этому, до нѣкоторой степени устраняется возможность внезапнаго паденія дома, и тѣмъ берегается время потребное для бѣгства куда нибудь подальше отъ построекъ.

Помимо землетрясеній оказывать предпочтеніе деревяннымъ постройкамъ предъ каменными заставляетъ необходимость тщательно протапливать каменные дома во избѣжаніе сырости, что требуетъ отъ населенія, сумѣвшаго прожить 2550 лѣтъ безъ печей, совершенно непривычныхъ и непосильныхъ расходовъ. Сырость же въ Японіи такъ велика, что тамъ при малѣйшемъ недосмотрѣ всѣ вещи покрываются въ нѣсколько часовъ такою плѣсенью и ржавчиной, что дѣлаются совершенно негодными къ употребленію. Въ домахъ японской конструкціи эта сырость не такъ даетъ себя чувствовать, какъ въ европейскихъ домахъ, хотя бы и деревянныхъ. Японскіе дома вполне отвѣчаютъ типу построекъ, которыя въ Германіи зовутъ Lufthaus и считаютъ весьма полезными для слабыхъ и истощенныхъ больныхъ. Съ этой стороны японскіе дома

не оставляют желать ничего лучшаго, такъ какъ вполне удовлетворяютъ требованіямъ самой строгой гигиены. Въ нихъ всюду проникаетъ солнечный лучъ, и они безъ труда провѣтриваются. Что же касается удобствъ размѣщенія, то въ этомъ отношеніи японцамъ нечего намъ завидовать. У нихъ чаще всего встрѣчаются дома въ четыре маленькія комнаты, расположенныя въ двухъ невысокихъ этажахъ, соединенныхъ небольшою деревянною лѣстницею безъ перилъ. На одинъ такой домъ въ среднемъ приходится пять человѣкъ обитателей. Съ прелестями западныхъ ночлежныхъ домовъ, системой наръ, угловыхъ и подвальныхъ помѣщеній, японцы, къ счастью для нихъ, еще не успѣли ознакомиться.

Единственно невыгодной стороной японскихъ домовъ является то, что они горятъ, какъ спички. Пожары въ Японіи часты и опустошительны. По большей части они тамъ принимаютъ стихійный характеръ. Въ Токио, напримѣръ, пожаръ, истребившій нѣсколько тысячъ домовъ, не считается большою рѣдкостью. Но странное дѣло, какъ бы пожары эти опустошительны ни были, въ глазахъ населенія они составляютъ бѣдствіе не особенно чувствительное. Во время пожара погорѣльцы имѣютъ весьма веселый и беззаботный видъ. Кажется, что присутствуешь не на разорительномъ по своимъ послѣдствіямъ бѣдствіи, а на какой-то торжественно-грандіозной иллюминаціи. Дѣло въ томъ, что тутъ мы наталкиваемся на весьма хорошую сторону японской цивилизаціи. Нѣтъ страны въ мірѣ, гдѣ бы такъ была развита самопомощь населенія, какъ въ Японіи. Сознаніе солидарности житейскихъ интересовъ тамъ такъ велико, что исключаетъ всякую потребность въ какихъ бы то ни было видахъ страхованія. Стоитъ только погорѣть комунибудь, какъ къ нему на помощь являются родные, друзья, знакомые, просто люди одной съ нимъ профессіи, одного соціальнаго положенія. Каждый тащитъ и даритъ одну какуюнибудь принадлежность дома или хозяйства, по пословицѣ съ міру по ниткѣ, голому рубашка. Живучести въ Японіи такого весьма похвальнаго обычая не мало способствуетъ и самое устройство японскихъ домовъ, отличающихся замѣчательной дешевизной и переносимостью своихъ частей.

Строго говоря, цѣннаго домовладѣльцу въ Японіи принадлежитъ только крыша да нѣсколько столбовъ, брусевъ и весьма тонкихъ досокъ, которыми она поддерживается, всѣ же ширмы, ставни и маты, замѣняющіе наши внутреннія переборки, окна, двери, половицы, а отчасти и наружныя стѣны, составляютъ собственность нанимателя и въ качествѣ его домашней утвари всюду слѣдуютъ за нимъ, при перемѣнѣ одного жилища на другое. Дѣлаются эти вещи одинаковой величины и могутъ безъ затрудненій приспособляться къ любой японской постройкѣ. Небольшія раздвижныя ширмы, фута въ три шириною и футовъ въ семь вышиною, ста-

висяця въмѣсто нашихъ внутреннихъ переборокъ и дверей, дѣлаются изъ очень тонкихъ деревянныхъ рамъ и оклеиваются съ обѣихъ сторонъ толстою бумагою и обоями. Въ случаѣ надобности ширмы эти легко выставляются и складываются въ особо для того устроенный въ одномъ изъ угловъ дома шкафъ. Такимъ образомъ весь домъ по произволу обращается въ одну комнату. Подобные же шкафы устроиваются и для храненія ставней, играющихъ роль нашихъ оконъ, дверей и частью наружныхъ стѣнъ. Неподвижныя наружныя стѣны въ японскихъ домахъ имѣются только съ двухъ боковъ и дѣлаются изъ обмазанной глиной тонкой плетенки, вставляемой въ промежутки между столбами, на которыхъ покоится крыша. Большую часть дня японцы свои дома какъ съ лицевой, такъ и съ задней стороны держатъ совершенно открытыми и только на ночь да и въ дурную погоду закрываютъ ихъ замѣняющими наружныя двери и окна раздвижными, одинаковой величины съ ширмами, весьма легкими ставнями, днемъ рѣшетчатыми, оклеенными пропускающею свѣтъ бумагою, замѣняющею наши стекла, а ночью сплошными деревянными. Наконецъ, вмѣсто половицъ всюду настилаются маты. Маты дѣлаются изъ циновокъ, подбитыхъ туго соломкою и имѣющихъ видъ небольшихъ матрацовъ въ шесть футовъ длиною, въ четыре шириною и пальца въ два толщиною. Дома строятся всегда съ такимъ расчетомъ, чтобы каждая комната могла застилаться матами сполна. Чаще всего встрѣчаются комнаты въ 6, 8 и 10 матъ. Къ наружнымъ стѣнамъ, а также къ пазамъ, въ которыхъ ходятъ ставни, маты вплотную никогда не прилегаютъ, а отдѣляются отъ нихъ узкимъ футомъ въ три шириною поломъ. Тѣ части этого пола, которыя находятся на лицевой и задней сторонѣ дома, замѣняютъ наши сѣни и веранды, тѣ же, которыя прилегаютъ внутри дома къ наружнымъ его стѣнамъ, служатъ подножьемъ цѣлой системы полокъ и шкаповъ съ раздвижными дверцами. Въ этихъ шкапахъ хранятся постели, одежда, посуда и вообще всякая домашняя утварь.

Столы, стулья, зеркала, кровати, словомъ все, что у насъ составляетъ обстановку, въ японскихъ домахъ совершенно отсутствуетъ. Условія японскаго комфорта таковы, что требуютъ наибольшаго простора въ комнатахъ, а потому всѣ необходимые для спанья, ѣды, работы или бесѣды предметы немедленно по прекращеніи въ нихъ надобности прячутся въ назначенныя для нихъ мѣста въ стѣнномъ шкафу. Все богатство въ убранствѣ японскихъ жилищъ заключается лишь въ чистотѣ, или, правильнѣе сказать, въ новизнѣ матовъ, въ роскоши отдѣлки ширмъ, да въ качествѣ строительныхъ матеріаловъ. Такъ, на примѣръ, ширмы вмѣсто обоевъ оклеиваются художественно нарисованными или вышитыми на шелку картинами, деревянныя части вмѣсто сосны или ели дѣлаются изъ дуба, кедра или иного цѣннаго дерева и украшаются

дорогою рѣзкою или лакировкой. Только изрѣдка, при приѣмѣ почетныхъ гостей, считается приличнымъ поставить гдѣ нибудь въ углу изящную вазу, повѣсить на стѣну хорошенькую картинку или просто свитокъ, съ каллиграфически написаннымъ на немъ стихотвореніемъ или мудрымъ изреченіемъ. Въ религіозныхъ семьяхъ, число которыхъ съ каждымъ годомъ становится все меньше и меньше, на центральной полкѣ стѣнного шкафа ставятся пенаты.

Принадлежностью всякаго японскаго домика является также небольшой садикъ, прилегающій къ задней сторонѣ дома. Садоводство, какъ всѣмъ извѣстно, составляетъ любимое занятіе японцевъ, и они въ немъ достигаютъ высокой степени совершенства; въ особенности искусно они придаютъ деревьямъ карликовую величину, а также форму животныхъ и разныхъ предметовъ. Снаружи японцы свои дома украшаютъ въ праздничные дни флагами и большими бумажными рыбами, а въ ночное время весьма красивыми фонарями. Благодаря такимъ украшеніямъ, японскіе города принимаютъ особенно по вечерамъ весьма веселый и красивый видъ, не смотря на однообразіе построекъ. Дома знатныхъ людей, или яшики (дворцы), отличаются отъ домовъ простого народа преимущественно величиною. Они строятся внутри большого двора или сада, окруженнаго со всѣхъ сторонъ или тыномъ, или службами, или землянымъ валомъ.

Маты всюду замѣняютъ нашу обстановку. На нихъ японцы спятъ, ѣдятъ, сидятъ, работаютъ и по нимъ они ходятъ. Содержатся маты чрезвычайно чисто, каждый день выколачиваются и возможно чаще провѣтриваются. Всѣ входящіе въ домъ снимаютъ обувь и остаются или босикомъ, или въ чулкахъ съ однимъ пальцемъ, имѣющихъ видъ рукавицъ. Самое излюбленное положеніе японцевъ—сидячее на-корточкахъ или поджавъ подъ себя ноги, на манеръ портныхъ. Въ такомъ положеніи они дѣлаютъ всякую чистую работу и принимаютъ посѣтителей. Предъ посѣтителями они не встаютъ, а отвѣшиваютъ имъ, оставаясь на колѣняхъ, болѣе или менѣе продолжительные земные поклоны. Посѣтителю съ своей стороны отвѣчаютъ тѣмъ же.

Когда японцу надо заняться какимъ либо дѣломъ, на примѣръ, написать что нибудь или свести счетъ, онъ достаетъ изъ стѣннаго шкафа ящикъ съ письменными принадлежностями, заключающій въ себѣ мѣсто для храненія бумагъ, кисти, тушь, желобовидный брусокъ для растиранія туши, счеты и пр. Пишутъ тонкой волосяной кистью, при чемъ держатъ бумагу на колѣняхъ или на небольшой $1\frac{3}{4}$ фута вышины конторкѣ.

Такой же вышины маленькіе столики ставятся во время ѣды предъ каждымъ участникомъ трапезы. Столики эти, чтобы они занимали въ шкафу какъ можно меньше мѣста, дѣлаются такъ, что могутъ вставляться одинъ въ другой. Къ ночи прямо на маты сте-

лется набитая ватой подстилка, на которую, смотря по времени года, ложатся или совершенно нагими или укутанными въ длинные и широкіе халаты, зимой толсто подбитые ватой, до нельзя уродливые, въ которыхъ японки весьма милостивыя и граціозныя утрачиваютъ всякое изящество. Спать только на спинѣ или чуть свернувшись на бокъ. Чтобы не смять свою замысловатую и сравнительно дорогую прическу, подъ шею кладутъ такъ называемую макуру, или небольшую деревянную болѣе высокую, чѣмъ широкую подставку, въ родѣ кирпича, къ которой прикрѣпляется небольшой, дюйма въ два толщиной, круглый, набитый шелухой отъ коноплянаго сѣмени валикъ, замѣняющій подушку и обернутый вмѣсто наволочки бумагой.

Встаютъ по большей части съ восходомъ солнца и тотчасъ же принимаются за работу, отлагая совершеніе туалета до болѣе удобнаго времени. Ванну, кромѣ рѣдкихъ исключеній, берутъ всякій день съ вечера, руки имѣютъ привычку мыть предъ начатіемъ каждаго новаго дѣла, а голову моютъ и причесываютъ возможно рѣдко, во-первыхъ, потому, что это стоитъ денегъ, требуетъ участія парикмахера, а, во-вторыхъ, соединяется съ слишкомъ большой потерей времени, продолжается нѣсколько часовъ. Вотъ почему даже самые завзятые франты моютъ, чешутъ и брѣютъ себѣ голову не чаще двухъ разъ въ недѣлю, большинство же довольствуется еженедѣльнымъ и даже двухнедѣльнымъ визитомъ парикмахера. Въ настоящее время значительная часть мужчинъ оставили національную прическу и стригутъ себѣ волосы.

Большинство населенія совершаетъ свой туалетъ среди дня и при томъ, совершенно не стыдяся, на глазахъ публики. Японскіе дома, оставаясь весь день, а иногда и ночь, совершенно открытыми, дозволяютъ видѣть все, что внутри ихъ происходитъ. Ни одинъ японецъ, будь то бѣдный или богатый, не обходится безъ туалетнаго несессера, съ тѣмъ лишь различіемъ, что у перваго туалетныя принадлежности болѣе тонко и роскошно отдѣланы. Кто не видалъ разнообразной формы и величины японскихъ лакированныхъ коробочекъ, кабинетиковъ и другихъ подобныхъ бездѣлушекъ? Все это по большей части принадлежности туалетныхъ несессеровъ. Въ нихъ укладываются помада, порошки, шпильки, кисти, щетки и прочія туалетныя принадлежности.

Почти въ каждомъ японскомъ домѣ имѣется ванна. Чаще всего ее берутъ на открытомъ воздухѣ, но иногда отводятъ помѣщеніе и въ домѣ. Она имѣетъ видъ чана, въ боку котораго пропущена мѣдная труба съ камеркой вмѣсто печи, въ которую кладутся раскаленные уголья. Та часть ванны, чрезъ которую проходитъ труба, отдѣляется отъ той, въ которой помѣщается моющійся, деревянной рѣшеткой. Отсюда видно, что къ устройству японскихъ ваннъ примѣнена идея нашего самовара и примѣнена, надо полагать, еще

задолго до изобрѣтенія этого прибора въ нашемъ отечествѣ. Сами японцы, эти страстные любители чая, который они поминутно пьютъ маленькими чашечками, завариваютъ его водой вскипяченной въ простомъ металлическомъ чайникѣ. Чтобы «поставить» японскую ванну, подобно тому, какъ ставится у насъ самоваръ, потребно не менѣе пяти часовъ времени. Воду въ ней нагрѣваютъ до 40° Реомюра, и японцы охотно выносятъ такую высокую температуру. Сперва въ ванну входитъ отецъ, потомъ поочередно въ ней моются въ одной и той же съ нимъ водѣ жена, дѣти и прислуга. Впрочемъ, надо замѣтить, что японцы мыла не употребляютъ, а грязь во-время смываютъ обливаніями холодной водой, къ которымъ прибѣгаютъ по нѣскольку разъ въ день. Въ водѣ они остаются отъ четверти часа до получаса и все время тщательно заботятся какъ бы не замочить головы и не испортить прически. Слѣдствіемъ того бывають очень часто апоплексическіе удары. Однимъ изъ первыхъ актовъ прогрессирующаго японскаго правительства было законодательное постановленіе 1872 года, запрещающее брать ванны выше температуры крови; само собой разумѣется, что такое свидѣтельствующее объ учености новыхъ людей распоряженіе уже по самому существу должно было остаться мертвой буквой. Оно въ такой степени противорѣчитъ народнымъ привычкамъ, что не исполняется даже въ общественныхъ баняхъ.

Нагрѣваніе японской ванны соединяется съ расходомъ, который для средняго японскаго хозяйства, рассчитаннаго на самую строгую экономію, довольно чувствителенъ. Вотъ почему бѣдные городскіе жители предпочитаютъ мыться въ болѣе доступныхъ по цѣнѣ общественныхъ баняхъ, или, правильнѣе сказать, ваннахъ. Въ общественныхъ ваннахъ, вмѣщающихъ за разъ до двѣнадцати человѣкъ, оба пола моются одновременно. Видъ моющихся совместно голыхъ мужчинъ и женщинъ сильно скандализировалъ заѣзжихъ туристовъ, и японское правительство, опасаясь насмѣшекъ, къ которымъ оно до болѣзненности чувствительно, и желая показать себя на высотѣ западныхъ понятій о приличіи, тѣмъ же указомъ 1872 года запретило такія совмѣстныя купанья, само собой разумѣется, только въ городахъ, которые находятся въ чертѣ иностранной осѣлости, въ прочихъ же мѣстахъ все осталось постарому. Строго говоря, такое запрещеніе совершенно неумѣстно, потому что является чуждымъ основнымъ народнымъ воззрѣніемъ на нравственность. Въ жаркихъ странахъ видъ голыхъ жителей никого не шокируетъ. Въ Японіи такъ же, какъ и въ тропикахъ, одежда не имѣетъ значенія въ дѣлѣ нравственности. Лица, искусившіяся въ изученіи туземныхъ нравовъ, увѣряють, что съ эротической точки зрѣнія процессъ умственнаго раздѣванія съ успѣхомъ замѣняется процессомъ умственнаго одѣванія, и большинство европейцевъ, законно и незаконно женатыхъ на японкахъ,

требуютъ отъ своихъ женъ, чтобъ онѣ, ложась въ постель, надѣвали на себя наше женское бѣлье. При такихъ условіяхъ немудрено, что совмѣстное купанье мужчинъ и женщинъ въ Японіи скорѣй свидѣтельствуемъ о простотѣ мѣстныхъ нравовъ, нежели объ ихъ испорченности.

Печи и камины, какъ я уже замѣтилъ, въ японскихъ домахъ совершенно отсутствуютъ. Ихъ замѣняютъ жаровни, наполняемыя просѣяннымъ пепломъ и угольями, тлѣющими подъ этимъ пепломъ. Огонь въ жаровняхъ не угасаетъ ни днемъ, ни ночью, такъ какъ японцамъ постоянно требуется или кипятокъ для чая, или уголекъ для закуриванія трубки, которой они не выпускаютъ изо рта. Жаровня единственная домашняя утварь, имѣющаяся всегда подъ рукой. Она служитъ въ одно и то же время для варки пищи и для нагрѣванія жилищъ. Впрочемъ грѣютъ жилища весьма плохо, да и сами жилища такъ построены, что нагрѣть ихъ невозможно. Для защиты отъ холода, который даже на югѣ Японіи бываетъ чувствителенъ (температура падаетъ иногда на нѣсколько градусовъ ниже 0), японцамъ не остается ничего болѣе, какъ одѣваться потеплѣе. Они такъ и поступаютъ, напяливая на себя разомъ по дюжинѣ и болѣе халатовъ. Иногда для варки пищи вмѣсто жаровни употребляется простой очагъ, который разводится гдѣ нибудь на задворкѣ. Пищу себѣ японцы по преимуществу варятъ и только изрѣдка что нибудь жарятъ на угольяхъ. Хлѣба они вовсе не употребляютъ, замѣняя его крутою, рисовою кашей, а свои многочисленные торты, печенья и проч., пекутъ въ такъ называемыхъ *four de campagne*. Въ японскій обѣдъ всегда входитъ много холодныхъ блюдъ и приправъ, но за то японцы не пьютъ ничего холоднаго: воду они замѣняютъ горячимъ чаемъ, а свою рисовую водку пьютъ не иначе, какъ разогрѣтую.

Кухонныя и столовыя принадлежности въ японскомъ хозяйствѣ весьма немногочисленны: металлическій чайникъ, нѣсколько фарфоровыхъ чашекъ и судковъ, поль-дюжины лакированныхъ столиковъ, тазъ для мытья рису, два-три котелка, да нѣсколько кухонныхъ ножей—вотъ все, что требуется для приготовленія самаго изысканнаго обѣда. Ножей, кромѣ кухонныхъ, вилокъ и ложекъ японцы вовсе не употребляютъ, а салфетки имъ замѣняетъ бумага, которая всегда носится въ изобиліи за поясомъ. Супъ они пьютъ изъ чашекъ, а твердую пищу, которая подается на столъ всегда въ разрѣзанномъ видѣ, кладутъ въ ротъ двумя палочками, которыми также хорошо владѣютъ, какъ мы владѣемъ нашими вилками. Обѣдъ по большей части подается разомъ, на маленькомъ столикѣ, каждому участнику трапезы отдѣльно. Кушанья подаются раздѣленными уже на порціи и красиво уложенными въ небольшія фарфоровыя или лакированныя чашки. Только на большихъ, очень парадныхъ обѣдахъ бываетъ нѣсколько перемѣнъ. Въ такомъ слу-

чаѣ столики со съѣденной перемѣной выносятся, и ихъ замѣняютъ другіе столики съ новыми яствами. Японская посуда удивительно изящна и портативна. Почти всѣ вещи, не исключая и фарфоровыхъ, дѣлаются сборными, чтобъ ихъ легче было убирать въ шкапъ, и чтобы онѣ менѣе тамъ занимали мѣста. Въ каждомъ японскомъ домѣ, даже весьма бѣдномъ, найдется всегда, хотя и дешевая, но полная и изящная сервировка. Цѣны на японскіе сервизы весьма разнообразны; онѣ колеблются отъ нѣсколькихъ копеекъ до сотенъ рублей, смотря по художественности и древности работы.

Сравнительно съ западными народами японцы ѣдятъ удивительно мало. Какъ богатые, такъ и бѣдные стараются издерживать на столъ возможно менѣе, такъ что пища имъ обходится по крайней мѣрѣ разъ въ пять дешевле, чѣмъ англичанину или американцу. Главную пищу составляетъ рисъ, всѣ же остальные кушанья являются къ нему одною приправою. Обыкновенно горсти рису, небольшой чашки похлебки изъ овощей или ракушекъ, кусочка рыбы, столъ маленькаго, что у насъ его едва бы хватило на одинъ бутербродъ, двухъ или трехъ ломтиковъ варенаго или консервованнаго овоща, японцу вполне достаточно, чтобы насытиться. Мясa японцы совсѣмъ не ѣдятъ, молока и молочныхъ продуктовъ тоже. Къ послѣднимъ даже чувствуютъ непреодолимое отвращеніе. Рыба рѣдко появляется на столѣ простолюдина, а если и появляется, то исключительно въ соленомъ или вяленомъ видѣ. За то нѣтъ такой гадости, которой простой народъ и даже зажиточные люди не ѣли бы изъ продуктовъ моря: разные водоросли, отбросы, дохлые киты, морскіе львы, свинки, котики, всякаго рода моллюски, пиявки, трепанги съѣдаются ими безъ малѣйшаго отвращенія. Домашней и дикой птицей могутъ лакомиться только зажиточные люди. Картофель, бобы, рѣпа и разные салаты играютъ весьма важную роль въ японскомъ обѣдѣ, особенно въ обѣдѣ людей небогатыхъ, и вмѣстѣ съ соей, приготовляемой изъ бобовъ, и квашеной рѣдккой составляютъ главную приправу къ рису. Въ видѣ десерта употребляются апельсины, персики, груши, яблоки, каштаны, арбузы, дыни, каки и проч., а также разнаго рода печенья. Японскіе фрукты на видъ красивы, но безвкусны, да къ тому же японцы по причинамъ совершенно непонятнымъ ѣдятъ ихъ незрѣлыми. Ягоды въ родѣ малины, земляники и проч. они совсѣмъ не ѣдятъ и считаютъ ихъ весьма вредными для желудка.

Вообще надо сказать, что японская хата скорѣе красна углами чѣмъ пирогами. Туземные амфитріоны стараются больше блеснуть разнообразіемъ яствъ, изяществомъ ихъ сервировки, чѣмъ величиной порцій. Въ искусствѣ украшать кушанья и дѣлать ихъ на части японскіе повара и поварихи не имѣютъ соперниковъ. Въ этомъ отношеніи имъ помогаетъ присущее всѣмъ вообще японцамъ стремленіе къ изящному, а также обиліе въ странѣ совершенно

безвредныхъ красокъ. Подъ ножемъ и кистью японскаго повара айцо, напимѣрь, принимаетъ видъ персика или яблока, а кусокъ простой рѣдки превращается въ роскошную розу. Изъ японскихъ блюдъ очень немногія нравятся европейцамъ. Очень вкусна сырая рыба съ соей, напоминающая нашу свѣжепросольную, жареные угри, нѣкоторыя печенья, конфеты и смоквы, очень вкусенъ супъ изъ устрицъ, всюду встрѣчающихся въ громадномъ количествѣ и въ разнообразіи видовъ. Японскія птицы: фазаны, перепела, куропатки, куры, индюшки и проч., по качеству превосходны, въ особенности фазаны, но, приготовленные по-туземному, мало съѣдобны отъ того, что приправляются противными на нашъ вкусъ приправами. Особенно Японія богата рыбой. Кромѣ всѣхъ нашихъ морскихъ и рѣчныхъ рыбъ, тамъ встрѣчаются и особенныя, какъ, напимѣрь, тай, которая можетъ претендовать на первенствующую роль въ самомъ гастрономическомъ обѣдѣ. Очень хороши лангусты и креветы; послѣдніе отличаются громадной величиной, не встрѣчающейся въ другихъ мѣстахъ.

Та же крайняя простота, которая замѣчается въ устройствѣ жилищъ, въ домашней утвари и въ пищѣ, наблюдается также и въ одеждѣ. Лѣтомъ масса населенія ходитъ въ томъ, въ чемъ Богъ создалъ, только мужчины надѣваютъ небольшой поясъ стыдливости вмѣсто фиговаго листочка, а женщины опоясываются маленькимъ передникомъ. Остальное время года какъ мужской, такъ и женскій костюмъ состоитъ изъ одного или нѣсколькихъ халатовъ. Халаты эти опоясываются широкими, завязывающимися сзади кушаками. У женщинъ кушаки длиннѣе и шире, чѣмъ у мужчинъ, и завязываются сзади большимъ, весьма красивымъ бантомъ. Шьются халаты попреимуществу изъ сѣрыхъ и синихъ матерій, бумажныхъ или шелковыхъ, смотря по состоянію. Главная красота и цѣнность женскаго костюма заключается въ поясѣ, богато вышитомъ шелкомъ или золотомъ; добыть такой поясъ всякая представительница прекраснаго пола употребляетъ всевозможныя усилія. Какое громадное количество миловидныхъ муссумэ (дѣвушекъ) падаетъ ежедневно изъ-за желанія приобрести себѣ поясъ покресивѣе! Но разъ поясъ приобретенъ, онъ служитъ такой же защитой добродѣтели, какъ въ Европѣ корсетъ. Бѣлья японцы не носятъ, а надѣваютъ свои халаты прямо на голое тѣло. Не знаютъ они также и постельнаго бѣлья, а вмѣсто носовыхъ платковъ пользуются бумагою, которую по употребленіи суютъ въ рукавъ халата, а потомъ выкидываютъ, когда выходятъ на улицу. Иногда поверхъ халата надѣвается еще и нѣчто въ родѣ кофты, замѣняющей нашу верхнюю одежду. Такая же кофта носится и при панталонахъ, внутрь которыхъ засовывается подобно нашей рубашкѣ.

Выходя изъ дома, японцы надѣваютъ соломенные сандаліи, ко-

торыя для дурной погоды дѣлаются на деревянныхъ подошвахъ. Снимаются или, правильнѣе сказать, сбрасываются эти сандалии весьма легко, что необходимо въ виду обычая входить въ домъ безъ обуви.

Уборъ на головѣ носится только въ жару и дождь, да и то одними мужчинами, а женщины только иногда повязываютъ голову платкомъ. Простой народъ носить соломенные шляпы. Кромѣ того, въ дождливую погоду надѣваются особыя накидки или изъ промаслянной бумаги или же изъ соломы. Въ накидкѣ изъ соломы японецъ выглядитъ совсѣмъ дикобразомъ. Выходя изъ дому, не забываютъ взять съ собой зонтикъ, который дѣлается изъ бамбуковыхъ прутьевъ и оклеивается бумагою. Такой зонтикъ стоитъ всего нѣсколько копеекъ, но, тѣмъ не менѣе, вполне пригоденъ для своей цѣли. Изъ бамбука же и бумаги дѣлаются вѣера и фонари; съ вѣеромъ японецъ никогда не расстаётся, онъ самъ имъ обмахивается, раздуваетъ огонь въ жаровнѣ. По вечерамъ никто не ходитъ безъ фонаря. Среди простонародья очень распространёнъ обычай татуировки. Она дѣлается въ два цвѣта, синій и красный, и чаще всего изображаетъ рисунокъ одежды, такъ что татуированный японецъ издали кажется богато одѣтымъ. Подобный костюмъ стоитъ немного дороже обыкновеннаго бумажнаго, пріобрѣтается не безъ риска для здоровья. Многочисленные уколы булавкою, которыми сопровождается процессъ татуированія, вызываютъ обыкновенно довольно сильную лихорадку. Но за то такой костюмъ пріобрѣтается на всю жизнь и отличается необыкновенной прочностью.

Благодаря такой простотѣ въ образѣ жизни, японскіе простолюдины при ихъ крайней воздержности въ пищѣ и бережливости въ обращеніи съ одеждою и домашнею утварью пользуются такими благами жизни, о которыхъ европейскимъ пролетаріямъ нѣтъ возможности даже и мечтать. Главная масса населенія, состоящая изъ людей, не имѣющихъ никакихъ постоянныхъ доходовъ, кромѣ личнаго труда, живетъ въ достаткѣ и припѣваючи. Нищихъ въ Японіи нѣтъ. Правда, иногда попадаются тамъ на большихъ дорогахъ несчастные, просящіе себѣ подачки, но нищими въ нашемъ смыслѣ слова назвать ихъ никакъ нельзя. Они просятъ милостыню въ видѣ права, согласно предоставленной имъ привилегіи, освѣщенной вѣками и переходящей по наслѣдству. Какимъ образомъ могъ народиться подобный классъ, неизвѣстно. Болѣе или менѣе справедливо полагають, что это потомки прокаженныхъ или помилованныхъ преступниковъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ правительство сдѣлало попытку уничтожить этотъ классъ людей, но попытка эта успѣха не имѣла. Ни помощь натурою, ни доставленіе работы, ни угрозы наказаніемъ не привели ни къ чему. Вообще понятіе о благотворительности и о милосердіи въ томъ смыслѣ,

какъ это понимается на западѣ, японцамъ неизвѣстно и, быть можетъ, неизвѣстно къ лучшему. Жизнь человѣка у нихъ такъ сложилась, что онъ не нуждается въ общественной благотворительности. Въ случаѣ болѣзни, безработицы, убожества, японецъ легко получаетъ помощь отъ родныхъ или отъ друзей. Это зависитъ отъ того, что нигдѣ, кромѣ, быть можетъ, Китая, родовыя и семейныя узы не бывають такъ священны и неразрывны, какъ въ Японіи, а также и потому, что, благодаря воздержности японцевъ и дешевизнѣ ихъ жизни, призрѣваемый членъ семьи или родственникъ, или землякъ, никому не становится въ тягость. Подъ вліяніемъ, однако, новыхъ идей и порядковъ, нахлынувшихъ съ запада, значеніе родовыхъ узъ стало замѣтно падать, и потребность въ организаціи общественной благотворительности съ каждымъ днемъ становится все ощутительнѣе. Къ счастью для японцевъ, сильнымъ тормазомъ къ разложенію ихъ общества чуждыми ему западными идеями являются культъ предковъ и дешевизна жизни.

Культъ предковъ, какъ извѣстно, составляетъ основной принципъ китайско-японской цивилизаціи. Въ силу этого принципа семья не должна ни въ какомъ случаѣ прекращаться, и всякій японецъ, не имѣющій потомства мужского пола, обязанъ усыновить кого либо изъ младшихъ сыновей своихъ родичей, а при отсутствіи таковыхъ и изъ постороннихъ лицъ. Усыновленные такимъ образомъ дѣти пользуются всѣми необходимыми заботами и попеченіями со стороны пріемнаго отца и перестаютъ быть обузою своимъ родителямъ. Благодаря этому, наследственное имущество никогда не дробится, что въ свою очередь ведетъ за собою крайне правильное распредѣленіе богатствъ.

Что же касается дешевизны жизни, то въ этомъ отношеніи Европа и Америка не могутъ конкурировать ни съ Японіей ни съ Китаемъ. Къ вопросу, на сколько такая конкуренція мыслима на практикѣ, нельзя относиться равнодушно. Настоящая война между этими двумя народами, результатомъ которой неминуемо должно будетъ оказаться чрезмѣрное усиленіе обѣихъ этихъ державъ, — Японіи вслѣдствіе упоенія дешевыми побѣдами, а Китая вслѣдствіе понятой горькимъ опытомъ необходимости идти по пути прогресса и просвѣщенія, представляется мнѣ грозною, не предвѣщающею ничего хорошаго тучею, омрачающею весь политическій горизонтъ. Если бы въ данную минуту сравнительно слабые съ нами въ военномъ, научномъ и техническомъ отношеніи японцы или китайцы могли объявить намъ экономическую войну, побѣда осталась бы навѣрно на ихъ сторонѣ. Что же можетъ случиться, когда требованіе свободы экономической конкуренціи будетъ поддержано правильно организованной арміей, выдвинутой расой въ полмилліарда человѣкъ? Вотъ почему намъ не слѣдуетъ забывать, что японскій и китайскій рабочій можетъ жить, издер-

живая на свое существованіе въ пять разъ менѣе европейскаго рабочаго, и можетъ въ то же время удовлетворять свои духовныя и матеріальныя нужды съ большей полнотой и разнообразіемъ. Въ особенности намъ, русскимъ, не слѣдуетъ забывать, что оттуда, гдѣ поселился китаецъ, жидъ уходитъ. Къ сожалѣнію, Европа сдѣлала трудно поправимую ошибку, не предупредивъ этой войны, во что бы то ни стало.

II.

Общедоступность культурныхъ благъ.—Японскій календарь.—Религіозные праздники.—Гражданскіе праздники.—Обычныя развлеченія.—Театральныя представленія.—Устройство театра.—Музыка.—Путешествія.—Дзюрикися.—Японскіе пейзажи.—Положеніе женщинъ.—Конкубинатъ.—Проституція.—Теорія японской морали.—Японскія дѣти.—Народныя школы.

Японская жизнь отличается отъ западной не только простотой, но также и общедоступностью разнообразныхъ культурныхъ благъ. Въ среднемъ заработокъ японскаго рабочаго не превышаетъ въ годъ 250 франковъ для мужчины и 120 франковъ для женщины. На эти деньги семья, состоящая изъ мужа, жены и двухъ дѣтей, старшаго пяти лѣтъ и младшаго нѣсколькихъ мѣсяцевъ, можетъ существовать вполне прилично, такъ прилично какъ въ Европѣ нельзя существовать, получая въ пять разъ болѣе. За какихъ нибудь 40 или 50 франковъ въ годъ нанимается небольшая домикъ въ три или четыре комнаты. Въ постройкѣ такой домикъ обходится въ 125 или въ 200 франковъ и требуетъ разной утвари, то-есть матовъ, ширмъ, ставней и проч., франковъ на 250, а если приобретаются подержанныя вещи, то можно обойтись и десяткомъ, другимъ франковъ. Изъ остающихся 320 франковъ семья тратитъ на приличную своему состоянію одежду и туалетъ франковъ 100, а остальные 225 франковъ оплачиваютъ пищу и изъ нихъ остается немного на удовольствія, до которыхъ японцы болѣе охотники.

Хотя кто-то изъ американскихъ миссіонеровъ и доказываетъ, что японскій народъ произошелъ отъ выселившихся изъ Палестины при паденіи царства Израильскаго евреевъ, тѣмъ не менѣе день субботній японцамъ вовсе не извѣстенъ, и они работаютъ цѣлый мѣсяцъ безъ перерывовъ. Воскресенье сдѣлалось у нихъ днемъ неприсутственнымъ только съ 1872 года, когда правительство ввело у себя Грегорианскій календарь. Введеніе это было соединено съ первой попыткой положить въ основу воспитанія юношества не національную религію, а нравственный порядокъ, основанный на чистѣйшемъ разумѣ. Этимъ было нарушено основное положеніе кодекса Іейяса, требующаго

чтобы правительство ради сохраненія мира полагало основаніе имперіи въ благочестіи и религіи. «Въ случаѣ, если люди,—говоритъ Іейясъ,—вздумають ограничиться однимъ образованіемъ и забудутъ религію, то это будетъ все равно, что идти въ лѣсъ и ловить рыбу или добывать огонь изъ воды». Простой народъ къ реформѣ календаря отнесся совершенно равнодушно и попрежнему продолжаетъ соблюдать свои религіозные и гражданскіе праздники, играющіе весьма важную роль въ его семейномъ и общественномъ быту, какъ источникъ важнѣйшихъ развлеченій и радостей. Какъ въ прежнія времена, такъ и въ настоящее время въ каждомъ кварталѣ и въ каждомъ храмѣ имѣется свой годовой праздникъ. Въ мою задачу не входитъ описаніе этихъ праздниковъ, а потому я ограничусь лишь указаніемъ, что содержаніе ихъ весьма разнообразно. Они состоятъ изъ религіозныхъ процессій, сопровождающихся музыкой, танцами и пѣніемъ, и имѣютъ цѣлью не столько прославленіе божества, сколько развлеченіе народа. Къ такому развлеченію жрецы прилагаютъ особенное стараніе и участвуютъ въ процессіи скорѣе въ качествѣ паяцевъ, нежели служителей алтаря. Иногда процессіи эти и танцы принимаютъ весьма неприличный характеръ, въ особенности когда въ нихъ участвуютъ куртизанки, или носятъ изображенія, свидѣтельствующія о существованіи въ Японіи фаллическаго культа.

Кромѣ религіозныхъ праздниковъ, существуетъ еще 38 большихъ и малыхъ календарныхъ праздниковъ. Большіе празднуются въ первый день перваго мѣсяца, въ третій—третьяго, въ пятый—пятого, въ седьмой—седьмаго и въ девятый—девятого. Съ особенной торжественностью празднуется первый день перваго мѣсяца, или новый годъ. Приготовленія къ нему начинаются за нѣсколько дней. Дома самымъ тщательнымъ образомъ чистятся, домашняя утварь и одежда пополняются и возобновляются, вмѣсто старыхъ матъ ставятся новые, для друзей и покровителей пріобрѣтаются подарки, дѣлаются визиты. Дома какъ внутри, такъ и снаружи украшаются разными эмблемами: долгой жизни, супружеской вѣрности, добраго здоровья и т. п. Второстепенные календарные праздники празднуются въ первое, пятнадцатое и двадцать восьмое число каждаго луннаго мѣсяца, а также въ дни лѣтнаго и зимняго солнцестоянія. Къ послѣднему дню стараго года заканчиваются всѣ счеты, и уплачиваются всѣ долги, такъ чтобы изъ нихъ ни копейки не переходило на новый годъ. Въ прежнее время этотъ весьма характерный обычай строго соблюдался, и всякое отъ него уклоненіе считалось не только позорнымъ, но и строго наказывалось. Нынѣ совсѣмъ не то. Съ тѣхъ поръ, какъ японцы переняли у запада его систему кредита, они обнаружили удивительное искусство уклоняться отъ исполненія принятыхъ на себя обязательствъ.

Въ будни, въ свободное отъ трудовъ время, японцы стараются

всячески развлечься. Они сходятся на улицѣ или въ чайныхъ домахъ, для общей бесѣды, фехтуютъ, бѣгаютъ въ запуски, играютъ въ шашки и т. п. При всякомъ удобномъ случаѣ они всей семьей отправляются въ театръ.

Въ большихъ городахъ имѣются постоянные театры, въ малыхъ же, а также и въ деревняхъ, бродячія труппы актеровъ даютъ свои представленія въ наскоро сколоченныхъ балаганахъ. Пьесы даются по большей части историческаго содержанія, по нимъ народъ знакомится съ отечественной исторіей и привыкаетъ почитать своихъ героевъ и великихъ людей. Въ послѣднее время стали появляться и передѣлки европейскаго репертуара, преимущественно мелодрамы. Игра японскихъ актеровъ отличается грубымъ реализмомъ. На сценѣ распарываются животы, при чемъ вываливаются кишки, искусно сдѣланныя изъ папье-маше, насиляются весьма наглядно женщины и не менѣе наглядно совершается адюльтеръ. Особенно часто и близко къ натурѣ изображаются всякаго рода комическіе и трагическіе эфѣкты отравленія и злоупотребленія пищею.

Начинаются театральныя представленія утромъ, въ 8 часовъ, и продолжаются до 8 часовъ вечера. По цѣнѣ за входъ театры вполне доступны массѣ, что зависитъ какъ отъ малаго вознагражденія артистамъ, такъ и отъ малой стоимости постройки театральныя зданій. Японскій театръ, благодаря отсутствію въ немъ креселъ и стульевъ,—публика тамъ садится прямо на полъ,—весьма помѣстителенъ. Въ прежнее время главнымъ неудобствомъ театра было плохое освѣщеніе. Для того, чтобъ можно было видѣть лицо актера, на авансценѣ садился особый прислужникъ со свѣчей на концѣ длинной палки и приставлялъ эту свѣчу къ носу того или другого исполнителя по очереди. Въ настоящее время многіе большіе театры освѣщаются электричествомъ, но зато цѣны на мѣста значительно увеличились, и это не нравится японцамъ. Устроены театры не такъ, какъ у насъ. Хотя въ нихъ и имѣются помостки, занавѣсъ, декорациі, но дѣйствующія лица выходятъ на сцену не изъ-за кулисъ, а изъ глубины зрительнаго зала. Проходятъ они туда черезъ весь театръ, по узкимъ помосткамъ, устроеннымъ по бокамъ партера, имѣющаго видъ раздѣленнаго на множество небольшихъ (въ одинъ матъ) прямоугольныхъ отдѣленій. Каждое такое отдѣленіе образуетъ ложу, мѣста въ которой отдаются или цѣликомъ, или по купонамъ, и всегда бываютъ переполнены большими и малыми зрителями. Кромѣ мѣсть въ партерѣ, имѣется еще и ярусъ ложъ. При такомъ устройствѣ театра, злодѣй, напримѣръ, отправляясь совершить преступленіе, свой монологъ, въ которомъ раскрываетъ подробно всю гнусность своего умысла, произноситъ на ходу, останавливаясь въ различныхъ мѣстахъ помоста. Исполнителями по преимуществу являются однѣ женщины, но лучшія труппы состоятъ изъ однихъ мужчинъ,

играющихъ также и женскія роли. Женщины не могутъ конкурировать съ мужчинами даже въ изображеніи лицъ своего пола. Молодые люди, играющіе женскія роли, съ дѣтства приучаются носить женскій костюмъ и прическу. Они вполне усваиваютъ свойственныя слабому полу манеры, отличаются женственностью и миловидностью. Зрители какъ въ антрактахъ, такъ и во время представленія ведутъ себя весело и шумно, пьютъ, ѣдятъ, курятъ, выражаютъ въ слухъ свое мнѣніе объ игрѣ актера или о различныхъ положеніяхъ въ пьесѣ. Дѣти, которыхъ въ театрѣ всегда бываетъ множество, въ антрактахъ подбѣгаютъ къ завѣсѣ, заглядываютъ подъ нее, взбираются на сцену и т. п.

Кромѣ театровъ, всюду имѣются акробаты, фокусники, разсказчики и т. п., а также кабинеты восковыхъ фигуръ; послѣдніе по своему грубому реализму въ изображеніи разнаго рода пытокъ, казней и звѣрствъ въ значительной степени превосходятъ все, что по этой части показывается въ Европѣ. На иностранцевъ особенно отвратительно дѣйствуетъ казнь распятіемъ на крестѣ, въ изображеніе которой японцы вносятъ, надо полагать, умышенно бездну кощунства.

Японцы большіе любители музыки. По вечерамъ, куда ни сунься, всюду услышишь гортанное пѣніе подъ акомпаниментъ самсина, инструмента, напоминающаго нашу балалайку, но издающаго какіе-то особенно унылые звуки. Кромѣ самсина, имѣются и другіе инструменты въ родѣ нашихъ барабановъ, флейтъ, скрипокъ, арфы и т. п. Каждый цѣхъ, каждая профессія имѣетъ свои пѣсни, и распѣваютъ ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Въ особенности любятъ японцы романсы, сочинять которые они большіе мастера, но въ ихъ романахъ никогда не вырывается наружу истинное чувство. Безъ музыки и пѣнія не обходится ни одно театральное представленіе, ни одна религіозная процессія.

Особенно любятъ японцы путешествія. Рѣдкій японецъ не побываетъ во всѣхъ, пользующихся извѣстностью въ какомъ бы то ни было отношеніи, уголкахъ своего отечества. Путешествія эти совершаются преимущественно пѣшкомъ. Пути сообщенія въ Японіи весьма неудовлетворительны; проѣзжихъ дорогъ, въ нашемъ смыслѣ этого слова, почти нѣтъ. Самая значительная дорога Токаидо, проходящая всю страну съ сѣвера на югъ, только въ немногихъ мѣстахъ доступна ѣздѣ на колесахъ, всѣ же остальные дороги не что иное, какъ узкія тропинки, идущія по горнымъ хребтамъ и косогорамъ, въ высшей степени красивыя и поэтичныя, но трудно проходимыя. Въ 1882 г. проѣзжихъ дорогъ было всего 1.000 миль, въ томъ числѣ около 100 миль желѣзныхъ. Въ настоящее время какъ тѣхъ, такъ и другихъ значительно больше. Благодаря тому обстоятельству, что острова Японскаго архипелага тянутся въ видѣ узкой и длинной полосы, въ Японіи нѣтъ такого мѣста, ко-

торое отстояло бы далѣе 200 верстѣ отъ берега моря или отъ суходоходной рѣки. До такихъ мѣстъ всѣ тяжести доставляются по большей части на людяхъ и рѣже на вьючныхъ лошадяхъ; послѣднихъ въ Японіи весьма не много, и онѣ ни въ силѣ, ни въ скорости не могутъ конкурировать съ людьми. Въ прежнее время верхомъ могли ѣздить только феодальныя сословія, при чемъ этикетъ требовалъ, чтобъ лошадь, на которой сидѣлъ важный сановникъ или феодальный владѣлецъ, вели подъ уздцы два конюха, что не было особенно пріятно и удобно. Вотъ почему всѣ, кто только имѣлъ на то право, предпочиталъ ѣздить въ норимонѣ, или въ богато отдѣланныхъ носилкахъ, въ родѣ большаго ящика, въ которомъ помѣщались сидя, поджавъ подъ себя ноги. Что же касается простаго народа, то онъ предпочиталъ всюду ходить пѣшкомъ или въ крайнемъ случаѣ «ѣздить» въ канго, то-есть въ простыхъ носилкахъ, сплетенныхъ изъ бамбука. Въ настоящее время тамъ, гдѣ можно проѣхать на колесахъ, употребляется общедоступный экипажъ—дзинрикися (слово это въ переводѣ означаетъ: коляска, движимая силою человѣка). Дзинрикися небольшая легкая двухколесная съ верхомъ колясочка, въ которой также удобно сидѣть, какъ въ креслѣ,—изобрѣтеніе новѣйшее, относящееся всего къ 1870 г. Первый, кому пришла мысль пустить въ ходъ такую колясочку, былъ одинъ американецъ, имени котораго не упомяну. Его примѣръ нашелъ множество подражателей, и въ настоящее время общее число дзинрикисей достигло весьма солидной цифры; въ одномъ Токио ихъ имѣется до 23 тысячъ, а во всей странѣ насчитывается до 400 тысячъ. Въ среднемъ японскій человѣкъ-лошадь выручаетъ два франка въ день, дѣлая при этомъ отъ 50 до 80 верстѣ въ сутки. Цѣлый день онъ таскаетъ за собой по горамъ и доламъ, со скоростью отъ 9 до 10 верстѣ въ часъ, коляску вѣсомъ въ 50 фунтовъ, въ которую иногда садятся два сѣдока. Трудъ дзинрикися есть продуктъ сліянія двухъ цивилизацій восточной и западной, и надо отдать ему справедливость, продуктъ прескверный. Несчастный человѣкъ-лошадь, пробѣжавъ съ сѣдокомъ верстѣ десять, часто принужденъ бываетъ останавливаться на вѣтрѣ, весь облитый потомъ, не имѣя другой защиты отъ холода и непогоды, кромѣ легкаго костюма изъ ситцу или иной бумажной матеріи. Отсюда жестокіе ревматизмы, общее истощеніе организма, короткая жизнь. Немногіе изъ этихъ несчастныхъ могутъ выносить свою каторжную работу долѣе пяти лѣтъ, между тѣмъ жизнь имъ обходится значительно дороже, чѣмъ другимъ рабочимъ. Они не въ силахъ довольствоваться японской пищей и должны потреблять отъ времени до времени мясо.

Въ путешествія японцы собираются партіями по 20 и 30 человѣкъ, и часто уходятъ за триста и болѣе верстѣ. Особенно способствуютъ расположенію ихъ къ путешествіямъ пѣшкомъ мягкость

климата, красоты природы и всякаго рода удобства, доставляемыя путешественникамъ многочисленными чайными домами, или попросту постоялыми дворами, въ которыхъ путники находятъ себѣ дешевый пріютъ и отдыхъ. Сутки пребыванія въ такихъ домахъ обходятся всего нѣсколько копеекъ; комфортъ, ими доставляемый, съ японской точки зрѣнія на оставляетъ желать ничего лучшаго. Обыкновенно чайные дома строятся на такихъ мѣстахъ, откуда открывается прелестный видъ на окрестности. Японскій пейзажъ отличается необычайной красотой, разнообразіемъ и яркостью красокъ. Всюду встрѣчаются высокія горы, самаго разнообразнаго вида и очертаній: то спускающіяся къ морю уступами и террасами, покрытыми самою разнообразною растительностью, то уходящія въ облака своими пирамидальными геометрически правильными вершинами, то прорѣзанныя долинами, устланными сплошнымъ ковромъ азалій, рододендроновъ, или покрытыми бамбуковыми рощами, образующими непроходимыя дебри, или обширными лѣсами сосенъ, березъ, дуба, каштановъ, кипарисовъ и проч. На каждомъ шагу встрѣчаются великолѣпные потоки, живописные водопады, прозрачныя озера и всякаго рода цѣлебные и простые ключи. Словомъ вся Японія представляетъ изъ себя роскошный паркъ, въ которомъ природа сочетала въ удивительной гармоніи всю прелесть сѣверной растительности съ тропической, красоты швейцарскаго пейзажа съ красотою саксонскаго и рейнскаго. Встрѣчающіеся на каждомъ шагу храмы и сельскіе домики всюду окружены садами и рощами, наполненными камеліями, восковыми, тутовыми, лимонными, апельсиновыми и пальмовыми деревьями, а заборы украшены вьющимися лианами и виноградомъ. Благодаря всему этому, прогулки по Японіи въ высшей степени пріятны, и немудрено, что японцы отдаются имъ съ истиннымъ наслажденіемъ. Польза, приносимая ими, весьма значительна: люди видятъ свѣтъ, знакомятся съ отечествомъ, узнаютъ по памятникамъ его прошлое и поучаются.

По вечерамъ, когда некуда дѣваться, и средства позволяютъ, мужчины отправляются въ чайные и публичные дома и приглашаютъ туда въ отдѣльные кабинеты гейшъ, то-есть профессиональных пѣвицъ, танцовщицъ и музыкантшъ, искусствомъ которыхъ вдоволь наслаждаются всю ночь. Женщинамъ такъ развлекаться не приходится. Онѣ чаще всего собираются гдѣ нибудь у сосѣдки и сообща перебираютъ косточки своихъ знакомыхъ, не хуже нашихъ кумушекъ. Иногда мужья берутъ ихъ съ собою въ театръ или на иное какое либо представленіе. Въ домѣ у себя японка полная хозяйка. Законы Гейяса въ этомъ отношеніи отличаются категоричностью.

«Мужъ, — гласятъ они, — имѣетъ дѣло съ вѣшной стороной жизни, жена съ внутренней. Такой порядокъ ведетъ къ миру и спокойствію государства. Если эти отношенія измѣнятся, то

произойдет путаница, и домъ разстроится; это то же самое, какъ если бы утромъ курица запѣла вмѣсто пѣтуха. Великій законъ природы указываетъ, что мужчины и женщины должны жить вмѣстѣ, а потому на 16-тилѣтнемъ возрастѣ всѣ мужчины и женщины должны вступать въ бракъ. Иногда глухие и дурные люди набираютъ себѣ многочисленныхъ наложницъ и тѣмъ нарушаютъ законы природы. Прежде случалось иногда, что даймю теряли свои владѣнія, и это всегда могло быть объяснено сладострастіемъ. Вотъ почему нельзя признать хорошимъ мужчину, чрезмерно предающагося женщинамъ. Микадо дозволяется имѣть двѣнадцать наложницъ, даймю—восемь, гатамато—пять и самураю—двѣ. Что же касается отношеній женъ и наложницъ, то законы и обычай на этотъ счетъ одни и тѣ же, что для господъ и для слугъ. Слуга, убившій своего господина, признается врагомъ самого императора, и всѣ родственники его должны быть истреблены съ корнемъ. Если слуга сдѣлаетъ лишь покушеніе на такое убійство, хотя бы и безъ успѣха, то и тогда семейство его должно быть истреблено. Если въ средѣ земледѣльцевъ, ремесленниковъ и купцовъ жены ихъ тайно (отъ мужа) совершаютъ прелюбодѣяніе, тогда законъ природы считается нарушеннымъ, и самъ ли мужъ сообщить объ этомъ властямъ, или нѣтъ, — все равно объ стороны должны быть наказаны. Но если мужъ, какъ и должно быть, человекъ мужественный и убьетъ виновныхъ, то его за это не слѣдуетъ наказывать, но онъ, если хочетъ, можетъ и простить ихъ. Во всякомъ случаѣ судъ не долженъ быть поспѣшенъ. Если же подобный случай будетъ имѣть мѣсто въ семействѣ самурая, то судъ долженъ быть суровъ и строгъ въ наказаніи. Что же касается танцовщицъ, проституттокъ, публичныхъ домовъ, ночной работы и другихъ подобныхъ нечистыхъ занятій, то все это должно считаться пагубнымъ для страны, подобно гусеницамъ и стрекозамъ. Честные люди и писатели всегда ратовали противъ этого зла, но такъ какъ по закону природы мужчина ищетъ общества женщины, то хотя и было уже узаконено, чтобы такія мѣста и люди не были терпимы, однако же если бы законы эти строго исполнялись, то приходилось бы только постоянно наказывать, не дѣлая ничего другого. Вотъ почему съ виновными не надо поступать строго, а изъ снисхожденія къ невѣжеству и природѣ человека лучше смотрѣть на поступки такого рода сквозь пальцы».

Всѣ эти постановленія хотя и стремятся нѣсколько оградить права жены, но въ дѣйствительности они ихъ совсѣмъ не ограждаютъ. При патріархальномъ строѣ японскаго гражданскаго быта глава семейства контролируетъ жизнь всѣхъ своихъ семейныхъ и устроиваетъ ее по своему усмотрѣнію. Дѣти находятся у него въ безусловномъ подчиненіи. Ни сынъ, ни дочь не могутъ безъ согласія отца располагать своимъ заработкомъ, заключать браки, даже

перемѣнять жительство или профессію. Весьма почтенные отцы семейства продаютъ своихъ дочерей въ наложницы, въ гейши, закабаляютъ ихъ на срокъ въ разнаго рода работы, извлекаютъ себѣ выгоду изъ промысла ихъ развратомъ. Когда дѣвушка покидаетъ домъ отца и поступаетъ въ другую семью въ качествѣ жены, наложницы, служанки, или же попадаетъ въ домъ терпимости, то всѣ на нее права отца переходятъ къ мужу, хозяину, или ихъ отцу. Жена во всякое время можетъ быть разведена по одностороннему желанію мужа и даже вопреки его желанію, по волѣ лишь его родственниковъ.

Конкубинатъ не считается предосудительнымъ и нисколько не умаляетъ общественнаго уваженія къ сожительствующей парѣ или группѣ. Никто также не осуждаетъ продажи дочерей въ публичные дома, и самый фактъ пребыванія дѣвушки въ публичномъ домѣ не ложится на нее позоромъ. Весьма часто вполне приличные молодые люди женятся на публичныхъ женщинахъ, и это не мѣшаетъ такимъ женщинамъ быть вѣрными и любящими женами. Выходя замужъ, японка отказывается отъ желанія нравиться кому бы то ни было, кромѣ своего вѣтреннаго по природѣ супруга. Она брѣшетъ себѣ брови и чернить зубы...

Какъ мать, японка, гдѣ бы она ни получила воспитаніе, въ семейномъ ли, или въ публичномъ домѣ, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Нельзя быть добрѣе и заботливѣе относительно дѣтей, чѣмъ она.

Въ Японіи гораздо болѣе мужчинъ, чѣмъ женщинъ, и это въ связи съ узаконеннымъ конкубинатомъ дѣлаетъ число холостыхъ мужчинъ весьма значительнымъ. Еще Головинъ замѣтилъ, что «изъ пороковъ сластолюбіе, кажется, сильнѣе всѣхъ владычествуетъ надъ японцами; хотя они не могутъ имѣть болѣе одной законной жены, но вправѣ содержать любовницъ, и симъ правомъ всѣ люди съ достаткомъ не упускаютъ случая пользоваться, часто даже черезъ мѣру. Дома для свободныхъ женщинъ находятся подъ защитой законовъ и имѣютъ свои постановленія, правила и преимущества. Содержатели такихъ домовъ, хотя не почитаются людьми безчестными и пользуются такими же правами, какъ купцы, но японцы гнушаются (?) имѣть съ ними знакомство. Любители сихъ мѣсть обыкновенно посѣщаютъ оныя отъ захожденія до восхожденія солнца, въ которое время гремитъ тамъ музыка при стукѣ барабановъ. Въ сосѣдствѣ нашего жилища было нѣсколько такихъ домовъ, и я не помню, чтобы когда нибудь не слышали мы тамъ барабаннаго бою напролетъ всю ночь; это убѣждаетъ меня, что зданія сіи никогда не бываютъ безъ посѣтителей. Японцы намъ сказывали, что въ столичномъ городѣ японскаго императора есть множество огромнѣйшихъ зданій сего рода, не уступающихъ великолѣпнымъ княжескимъ чертогамъ; въ одномъ изъ такихъ храмовъ, посвящен-

ных Венераѣ, содержится болѣе шести сотъ прелестницъ; но со всѣмъ тѣмъ нерѣдко случается, что привратники принуждены бываютъ возбранять входъ молодымъ (sic) посѣтителемъ по неимѣнію мѣста. Сказываютъ, что содержатели такихъ богатыхъ магазиновъ ничего не щадятъ, чтобы только снабдить ихъ прекраснѣйшимъ товаромъ, что, можетъ быть, весьма справедливо. Однажды переводчики, желая удовлетворить нашему любопытству, повели насъ, когда мы ходили гулять въ Матсмаѣ, мимо одного изъ такихъ домовъ; тогда болѣе полдюжины дѣвушекъ, по крайней мѣрѣ именемъ такихъ, выскочили въ двери, любопытствуя насъ видѣть; я замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ нихъ были въ лѣтахъ цвѣтущей молодости и столь пригожи, что не сдѣлали бы безчестья подобному дому и въ какойнибудь европейской столицѣ; впрочемъ, спорить не хочу, можетъ быть, онѣ мнѣ такъ показались по отвычкѣ видѣть нашихъ женщинъ, но къ вящему стыду и безчестию японцевъ я долженъ сказать, что гнусный порокъ сладострастія общій всѣмъ азіатскимъ народамъ и у нихъ также въ употребленіи; надобно только замѣтить, что правительство его не одобряетъ, но и не принимаетъ строгихъ мѣръ къ искорененію онаго. Провинція Кіото, въ которой живетъ духовный императоръ, славится лѣпообразіемъ своихъ жителей мужескаго пола; она-то болѣе всего и доставляетъ отроковъ для сего невиннаго (sic) торгоу».

Японскіе моралисты увѣряютъ, что доброжелательство правительства къ домамъ терпимости и защита на судѣ всякаго рода договоровъ, вытекающихъ изъ промысла развратомъ, могутъ считаться неодобрительными только съ узкой европейской точки зрѣнія, совершенно неумѣстной, не смотря на свою возвышенность, въ Японіи, гдѣ, благодаря обилію публичныхъ домовъ и покровительственной имъ системѣ, осуществляются высоконравственныя задачи. Умножая всячески публичныхъ женщинъ, правительство тѣмъ самымъ охраняетъ святость семейнаго очага и способствуетъ благосостоянію народа. Японецъ по природѣ своей не можетъ обойтись безъ многочисленнаго общества женщинъ, между тѣмъ конкубинатъ имѣетъ не мало отрицательныхъ сторонъ уже потому, что допускаетъ сожительство наложницъ подъ одною кровлей съ законной женой. Понятно, что при такихъ условіяхъ, не смотря даже на законъ, обязывающій наложницъ во всемъ безусловно подчиняться госпожѣ, нерѣдко возникаютъ раздоры и несогласія, отчего не мало терпитъ государство. Вотъ тутъ-то и приходятъ къ нему на помощь публичные дома. Они уменьшаютъ вредное на семью вліяніе конкубината тѣмъ, что даютъ возможность каждому мужчинѣ находить необходимое ему женское общество внѣ дома. Съ другой стороны, по японскимъ понятіямъ, нѣтъ ничего вреднѣе тунеядства: молодыя дѣвушки должны приносить пользу родителямъ. Отнять у послѣднихъ право отдавать свое дѣтище въ публичный домъ или

въ наемъ для всякаго рода услугъ значитъ лишить населеніе важнаго источника доходовъ, обречь многихъ на голодную смерть. Да строго говоря въ такой продажѣ, по основному воззрѣнію народа на нравственность, нѣтъ ничего дурного. Пребываніе въ публичномъ домѣ не умаляетъ достоинства дѣвушки, не клеймитъ ея позоромъ, а только является прекраснымъ средствомъ найти себѣ хорошаго мужа. То, что совершается въ Европѣ, нисколько не лучше. Въ Парижѣ среди бѣлаго дня дѣлаются такія вещи, какихъ въ Японіи никто не рѣшится позволить себѣ ночью даже въ отсутствіе свидѣтелей.

Я нарочно привелъ эти разсужденія, какъ образчикъ теоріи, до которой можетъ додуматься японскій мыслитель и публицистъ, съ успѣхомъ изучившій юриспруденцію въ германскихъ университетахъ. Разсужденіе это какъ нельзя лучше характеризуетъ и методъ и логическіе приемы, которымъ слѣдуютъ японцы при изслѣдованіи вопросовъ права и морали.

Все это не мѣшаетъ, однако, японцамъ любить маленькихъ дѣтей и давать имъ первое мѣсто во всѣхъ удовольствіяхъ. Не потому ли дѣти тамъ никогда не плачутъ, и въ дѣтскомъ возрастѣ являются весьма умѣренными и воздержными? Ихъ всюду можно встрѣтить на улицѣ, гдѣ они, благодаря теплomu климату, проводятъ цѣлые дни, и только вечеръ да скверная погода загоняетъ ихъ въ домъ. Когда они свободны отъ ученья или домашней работы, которую совершаютъ едва ли не съ пеленокъ, они занимаютъ пусканьемъ змѣй, игрой въ воланъ или забавляются разными игрушками, отличающимися разнообразіемъ и удивительной дешевизной. Японцы до такой степени любятъ дѣтей, что при всякомъ удобномъ случаѣ дарятъ имъ, даже не будучи знакомы съ ихъ родителями, разными забавными игрушками, которыя продаются на всѣхъ перекресткахъ. Дѣти, какъ бы малы они ни были, принимаютъ дѣятельное участіе въ семейныхъ работахъ. Пяти или шестилѣтній ребенокъ цѣлый день безропотно таскаетъ на спинѣ привязаннаго къ ней братишку или сестренку, еще не научившагося бѣгать самостоятельно. Уходя изъ дому, родители оставляютъ дѣтей безъ всякаго призора, зная хорошо, что они худого другъ другу ничего не сдѣлаютъ. Японскія дѣти никогда не плачутъ и не дерутся. Когда старшій ребенокъ уходитъ въ школу, мать кладетъ меньшаго за спину халата и въ такомъ видѣ дѣлаетъ свое дѣло. Кромѣ заботы о младшихъ братьяхъ и сестрахъ, дѣти по мѣрѣ силъ своихъ работаютъ и помогаютъ родителямъ въ соблюденіи домашней чистоты, являющейся такимъ же важнымъ принципомъ жизни, какъ умѣренность и бережливость.

Воспитываютъ своихъ дѣтей японцы превосходно; они никогда ихъ не бьютъ и личнымъ примѣромъ стараются научить почитанію старшихъ, вѣжливости, опрятности, бережливости, хорошимъ

манерамъ и другимъ основамъ японскаго общежитія. «Никто не долженъ,—учать законы Гейяса,—стремиться къ удовлетворенію только собственныхъ желаній, а долженъ дѣлать противоположное этимъ желаніямъ, упражняться въ самообладаніи, помогать охотно и щедро престарѣлымъ, неимущимъ, сиротамъ, безроднымъ, почитать боговъ, имѣть чистое сердце и быть до конца жизни прилежнымъ въ своемъ дѣлѣ. Особенно заботятся японцы о свѣтскомъ воспитаніи своихъ дѣтей. Сыновья и дочери даже простыхъ крестьянъ и ремесленниковъ получаютъ воспитаніе, доступное въ Европѣ только наиболѣе культурнымъ семьямъ. Изящная вѣжливость и изысканныя манеры японскаго простонародья всегда обращали на себя вниманіе заѣзжихъ туристовъ и приводили ихъ въ изумленіе.

Въ дореформенное время образованіе японцевъ состояло исключительно въ изученіи китайскаго языка и литературы. Всякій литературно образованный японецъ владѣлъ въ совершенствѣ не менѣе какъ тысячью китайскихъ знаковъ, свободно читалъ книгу церемоній, безъ труда понималъ главнѣйшихъ китайскихъ классиковъ, зналъ наизусть множество мудрыхъ изреченій и могъ свободно сочинять стихи. Последнее, впрочемъ, не особенно трудно: въ Японіи дарованія отъ поэта не требуется, и тамъ всякій можетъ выучиться писать прекрасныя съ японской точки зрѣнія стихотворенія.

Такое образованіе могло называться высшимъ и было доступно всякому, кто хотѣлъ только учиться. Тѣ же, кому китайская грамота во всемъ объемѣ по какимъ либо причинамъ не давалась, ограничивались изученіемъ двухъ или трехъ сотенъ китайскихъ знаковъ и въ такомъ случаѣ являлись людьми съ среднимъ образованіемъ. Для большинства же населенія, не стремившагося къ литературной образованности, была изобрѣтена особая азбука Катакана изъ 48 буквъ, помощью которыхъ складываются всѣ японскія слова. Въ дореформенное время не было японца, который не зналъ бы этой азбуки въ совершенствѣ и не могъ бы пользоваться ею въ перепискѣ и въ счетоводствѣ.

Учились японцы въ многочисленныхъ частныхъ школахъ, которыя были раскинуты по всей странѣ и въ которыхъ дѣти за самую ничтожную плату быстро выучивали азбуку, возможно большее число китайскихъ знаковъ и начала ариметики въ объемѣ вполне достаточномъ, чтобы умѣть скоро и быстро считать на счетахъ.

Что же касается разнаго рода наукъ, то въ нихъ познанія японцевъ были весьма ничтожны и даже превратны. О систематическомъ изученіи чего бы то ни было не могло быть и рѣчи. Всѣ свѣдѣнія по астрономіи, математикѣ, естествознанію имѣли крайне отрывочный и элементарный характеръ. Исторію и географію своего отечества всякій японецъ зналъ превосходно, но исторія и географія другихъ народовъ находились въ полномъ пренебреженіи. Впро-

чемъ правительство Тайкуна не было совершенно равнодушно къ тому, что происходило на бѣломъ свѣтѣ, и всячески при каждомъ удобномъ случаѣ старалось пополнить свои относительно другихъ странъ свѣдѣнія, при посредствѣ голландцевъ Децима.

Изъ прочихъ наукъ наибольшее вниманіе удѣлялось медицинѣ. Врачамъ могъ сдѣлаться всякій; для этого не требовалось ни экзамена, ни прохожденія курса наукъ въ какомъ либо учебномъ заведеніи, и врачи наравнѣ съ художниками, учителями и техниками принадлежали къ классу ремесленниковъ. Большинство врачей учились гдѣ и какъ могли. Чаще всего знанія передавались отцомъ сыну, при чемъ каждый училъ по-своему: одинъ излагалъ правила китайской медицины, другой придерживался секретныхъ и народныхъ средствъ, третій пытался лѣчить по европейскимъ книгамъ, добытымъ при посредствѣ голландцевъ и переведеннымъ на японскій языкъ. Культурное вліяніе голландскихъ врачей Децимы на Японію было весьма значительно. Этому вліянію главнымъ образомъ Японія обязана тѣмъ, что могла, вводя у себя западныя знанія, справиться съ народными суевѣріями и косностью. Еще въ прошломъ столѣтіи голландскіе врачи добились у Тайкуна разрѣшенія сообщать свои познанія желавшимъ у нихъ учиться японскимъ врачамъ. Но преподаваніе это не могло уже потому имѣть строго научнаго характера, что занятія на трупахъ были немислимы. Только въ 1859 году голландскому врачу Помпъ ванъ-Мердевоорту удалось получить разрѣшеніе прочесть въ присутствіи 45 врачей и одной акушерки, собранныхъ на одномъ изъ уединенныхъ мысовъ Нагасакской бухты, первую лекцію на трупѣ казненнаго преступника. Вскорѣ послѣ этого знаменательнаго событія японское правительство учредило въ Нагасаки европейскій госпиталь въ 124 кровати, сдѣлавшійся разсадникомъ цѣлаго поколѣнія японскихъ врачей, придерживавшихся въ своей практикѣ западныхъ методовъ лѣченія и распознаванія болѣзней.

Всѣ эти обстоятельства, какъ мнѣ кажется, вполне устанавливаютъ тотъ фактъ, что японцы еще задолго до наступленія реформаціоннаго періода не только не чуждались европейской науки, но всегда были готовы пересадить ее на свою почву, если находили это разумнымъ и полезнымъ для народнаго блага. Въ самый разгаръ народной ненависти къ иностранцамъ, выразившейся въ цѣломъ рядѣ звѣрскихъ убійствъ, правительство Тайкуна мало того, что отправило учиться въ Европу нѣсколькихъ молодыхъ людей, но и учредило также въ Токио, называвшемся тогда Едо, школу, въ которой преподавались иностранные языки и науки. Впослѣдствіи эта школа была преобразована въ Токійскій университетъ.

Наконецъ, нельзя не упомянуть, что у японцевъ издавна была обширная литература, и они всегда были большими любителями чтенія. Не были имъ также чужды и разнаго рода культурныя учрежденія.

III.

Различіе въ образѣ жизни бѣдныхъ и богатыхъ.—Вліяніе западныхъ идей на образъ жизни простаго народа.—Домашняя обстановка.—Ситаниро.—Каменные постройки.—Общеніе съ иностранцами.—Японскіе танцы и музыка.—Джонскиня.—Успѣхи на гастрономическомъ поприщѣ.—Реформа костюма.—Народное просвѣщеніе.—Журналистика.—Заключеніе.

Жизнь зажиточныхъ классовъ мало чѣмъ отличается въ Японіи отъ жизни простаго народа. Тѣ же начала умѣренности и бережливости и то же стремленіе къ простотѣ, которое такъ развито въ простомъ народѣ, обнаруживается и у зажиточныхъ классовъ съ тѣмъ лишь различіемъ, что у послѣднихъ простота эта носитъ отпечатокъ еще большаго изящества и культурности. Въ искусствѣ придавать такимъ дешевымъ и всѣмъ доступнымъ матеріаламъ, какъ дерево, бумага, солома и глина, художественный видъ и высокую полезность японцы большіе кудесники. Ихъ, напримѣръ, деревянныя издѣлія, покрытыя лакомъ съ примѣсю золота или простой краски, по своей прочности и другимъ полезнымъ качествамъ, могутъ во многихъ случаяхъ съ успѣхомъ замѣнять металлъ.

Не мудрено, что при такихъ условіяхъ стремленіе японскаго правительства насадить у себя во что бы то ни стало западный образъ жизни не даетъ ожидаемыхъ результатовъ; въ большинствѣ случаевъ оно разбивается о дешевизну и доступность массѣ населенія многочисленныхъ и высоко развитыхъ благъ туземной цивилизаціи, о строгое соотвѣтствіе этихъ благъ мѣстнымъ климатическимъ условіямъ, народнымъ понятіямъ, вкусамъ и привычкамъ.

Особенно сильное фіаско потерпѣло стремленіе ввести въ японскій обиходъ нашу мебель и вообще нашу обстановку. Въ такой обстановкѣ тамъ мало того что не ощущается никакой потребности, но и сидѣть на нашихъ стульяхъ и диванахъ японцамъ также тяжело и неудобно, какъ намъ тяжело и неудобно сидѣть на корточкахъ. Кромѣ того, появленіе мебели неминуемо влечетъ за собою увеличеніе размѣровъ жилищъ и вообще вызываетъ усиленіе расходовъ и дороговизну жизни. Тѣмъ не менѣе японское правительство не задумалось настроить, въ противность народнымъ привычкамъ и даже наперекоръ стихіямъ, изрядное количество каменныхъ домовъ съ европейской обстановкой, отчасти для разныхъ правительственныхъ учреждений, а отчасти и для житія министровъ и другихъ сановниковъ. Даже для микадо выстроили дворецъ въ европейскомъ вкусѣ, но съ значительной примѣсю японщины во внутреннемъ устройствѣ и убранствѣ. Охотно показывая заѣзжимъ туристамъ всѣ эти новшества, какъ вещественныя доказательства своихъ громадныхъ успѣховъ въ дѣлѣ быстрого и полнаго усвоенія высшихъ плодовъ европейско-американской

культуры, — японскіе прогрессисты скромно умалчиваютъ о вредномъ вліяніи западныхъ построекъ на здоровье ихъ обитателей и о нелѣпости ихъ съ національной точки зрѣнія. Выглядятъ эти постройки гораздо прочнѣе японскихъ карточныхъ домиковъ и пока твердо стоятъ на своихъ мѣстахъ, но что будетъ съ ними, чего Боже упаси, при первомъ сильномъ землетрясеніи, подумать страшно. Между тѣмъ всѣ эти дорого стоящія затѣи являются для страны непроизводительною тратой государственныхъ доходовъ и не вызываются вовсе требованіями необходимости. Для массы населенія, не имѣвшей, подобно «новымъ людямъ», случая приходить въ умиленіе отъ грандіознаго вида западныхъ столицъ и американскихъ городовъ, постройки эти въ общей картинѣ живописной страны, съ ея вѣчно зеленой растительностью и миниатюрностью всѣхъ окружающихъ предметовъ, являются, благодаря своему по большей части казарменному виду, какимъ-то мрачнымъ пятномъ. Для помѣщенія же разнаго рода культурныхъ учреждений, школъ, больницъ, станцій, казармъ и присутственныхъ мѣстъ, даже фабрикъ и заводовъ, которыхъ при прежнемъ режимѣ Японія не знала и вполне довольствовалась ремесленнымъ производствомъ и кустарною промышленностью, туземныя постройки вполне могутъ приспособляться. Стоятъ же онѣ значительно дешевле европейскихъ, болѣе отвѣчаютъ привычкамъ народа, не требуютъ отопленія, менѣе опасны при землетрясеніяхъ и въ гигиеническомъ отношеніи не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Самая, однако, возможность появленія въ японскихъ жилищахъ западной обстановки не осталась безъ вліянія на установившіяся въ Японіи правила вѣжливости. Въ помѣщеніяхъ, куда можно войти, не скидая обуви, только совершенно не знакомые съ требованіями европейскихъ приличій провинціалы падаютъ на полъ и отвѣшиваютъ земные поклоны, большинство же вмѣсто земныхъ поклоновъ просто присѣдаютъ, зажавъ ладони между колѣнами и втягивая въ себя въ то же время сквозь зубы воздухъ съ особымъ шипѣніемъ. Эти присѣданія и шипѣніе вмѣсто обычныхъ иностранныхъ и туземныхъ поклоновъ придаютъ всему обществу удивительно глупый отпечатокъ. Какъ японцы ни торопятся идти впередъ, но исторія даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу. Всѣ эти присѣданья въ сущности означаютъ не что иное, какъ полную и безропотную покорность при первомъ крикѣ: «ситаниро!» — повалиться на землю и замереть въ позѣ провинившейся собаки. Крикъ этотъ въ прежнее время означалъ прибытіе власть имѣющаго лица и выражалъ приказъ повалиться на колѣни, уткнувъ въ землю лобъ. Обычай этотъ въ 1869 году былъ отмѣненъ совершенно неожиданно. Но всѣмъ извѣстно, что гораздо легче издать законъ, чѣмъ искоренить изъ жизни тотъ или другой обычай. Такъ случилось и съ ситаниро. Простой народъ никакъ отъ него не мо-

жетъ отрѣшиться и продолжаетъ класть земные поклоны всѣмъ старшимъ, а тѣ никакихъ неудовольствій по сему поводу не выражаютъ. Особенно бываетъ комиченъ видъ новыхъ людей, когда имъ приходится присѣдать предъ кѣмъ либо изъ высокопоставленныхъ приверженцевъ старины. Въ такихъ случаяхъ даже сквозь неподвижную вообще японскую фizioномію проглядываетъ опасеніе, «а что если онъ возьметъ да расправится со мною за недостаточно почтительное выраженіе чувствъ уваженія, приличествующихъ его званію?».

Съ самаго начала появленія въ Японіи иностранцевъ наиболѣе сильное впечатлѣніе на туземцевъ произвели англичане. Они пришли туда въ подавляющей всѣ остальные націи численности и придали мѣстнымъ иностраннымъ колоніямъ свой національный отпечатокъ. Отъ нихъ японцы воспріяли первое крещеніе огнемъ и мечомъ, у нихъ новые люди учились свѣтскимъ манерамъ и обычаямъ и ими же не разъ бывали биты. Когда въ странѣ обнаружился спросъ на этихъ новыхъ людей, какъ на экспертовъ по части западной цивилизаціи, имъ необходимо было показать странѣ, что въ своихъ сношеніяхъ съ иностранцами они стоятъ на равной ногѣ и пользуются полнымъ ихъ уваженіемъ. Достичь этого однако, было не легко, не было вовсе подходящихъ точекъ для соприкосновенія. Иностранцы третировали японцевъ слишкомъ уже свысока, смотрѣли на нихъ, какъ на докучливыхъ дѣтей, которые хотятъ все знать и играть въ большихъ, а крайне благовоспитанные и деликатные японцы въ свою очередь глубоко оскорблялись грубостью англичанъ, рѣзкостью ихъ манеръ и рѣчей. Всякаго рода брань и кулачныя расправы, къ которымъ нѣкоторые иностранцы охотно прибѣгали, были внѣ всякаго пониманія японцевъ. «Не знаю, что могло сегодня случиться съ моимъ господиномъ,—говорилъ лакей одного иностранца лакею другаго,—онъ, кажется, совсѣмъ съ ума сошелъ, онъ выругалъ меня болваномъ и скотомъ». — «А мой,—отвѣчалъ собесѣдникъ—унизился до такой степени, что позволилъ себѣ ударить меня по лицу».

Пока сношенія ограничивались взаимными комплиментами, дѣло шло еще кое-какъ на ладъ, но когда рѣчь заходила о необходимости уладить тотъ или другой спорный вопросъ, вытекавшій изъ дѣловыхъ отношеній, страсти возгорались, и антагонизмъ обнаруживался во всей наготѣ. Иностранцы наталкивались въ японцахъ на такую чудовищную логику, на такую инертность мысли и дѣйствій, на такое криводушіе, бессмысленное вранье и глупое самолюбіе, что теряли всякое хладнокровіе и обнаруживали прискорбную невыдержку. Дѣло дошло даже до того, что англійскій посланникъ Серъ Гарри Паркесъ далъ пощечину японскому сановнику и учинилъ это не съ глазу на глазъ, а при самой торжественной церемоніи какого-то выдающагося открытія.

При такихъ условіяхъ новымъ людямъ не оставалось ничего иного, какъ сходитьсѣ съ «рыжими варварами» на какойнибудь болѣе нейтральной почвѣ, чѣмъ почва дѣловыхъ сношеній. Такой почвой оказалось взаимное угощеніе обѣдами и завтраками. Надо отдать справедливость японцамъ, въ этомъ отношеніи они обнаружили бездну изобрѣтательности и свѣтскаго такту, такъ что въ концѣ концовъ вышли изъ затруднительныхъ обстоятельствъ побѣдителями, хотя и не безъ ущерба собственнымъ желудкамъ. Начали они съ приглашенія варваровъ на пріемы въ чисто японскомъ вкусѣ. Послѣ длиннаго обѣда, приготовленнаго и сервированнаго пояпонски, появлялись гейши, и гости, не успѣвшіе еще переварить какъ слѣдуетъ обѣда, отъ котораго ихъ порядкомъ мутило, должны были цѣлыми часами выслушивать музыку, терзавшую даже такія не музыкальныя уши, какъ англійскія, до умопомраченія. Японскіе танцы и пѣніе не могутъ нравиться европейцамъ. Надо слишкомъ ужъ расчувствоваться, чтобъ находить какое бы ни было удовольствіе въ этихъ танцахъ. Не говоря о музыкѣ или пѣніи, которыми они сопровождаются, сами по себѣ танцы, съ точки зрѣнія европейца, лишены всякой пластики. Видъ танцовщицъ, съ неподвижной, густонамазанной бѣлилами и румянами физиономіей и въ сфабрикованномъ самой природой трико, грязноватаго цвѣта, съ босыми или обутыми въ какія-то рукавицы и всегда обращенными носками внутрь ногами, дѣлаетъ эти танцы мало привлекательными. Посмотрѣть ихъ разъ, другой, еще любопытно, но чаще просто невыносимо.

Какъ люди благовоспитанные и чуткіе ко всякимъ приличіямъ, японцы быстро сообразили, что пріемы ихъ становятся скучными и тотчасъ же поспѣшили расшевелить гостей. Въ этомъ направленіи легкость туземныхъ нравовъ дала имъ неисчерпаемые ресурсы. Въ Японіи съ видомъ невинности и незнанія зла принято публично предаваться такимъ развлеченіямъ, какія у насъ даже самые несправимые либертины согласились бы признать по меньшей мѣрѣ рискованными.

Первоначально иностранная колонія состояла почти изъ однихъ мужчинъ. Отсутствіе дамскаго элемента, такъ высоко цѣнимаго въ западномъ обществѣ, было во время замѣчено японцами, и благодаря этому точка соприкосновенія двухъ различныхъ расъ и цивилизацій была найдена. Послѣ обильнаго угощенія, къ которому все болѣе и болѣе стало примѣшиваться европейскихъ яствъ, а также послѣ обильныхъ возліаній шампанскимъ, которое и японцамъ пришлось по вкусу, варварамъ очень понравилась игра въ джонкинэ. Въ началѣ это джонкинэ есть не что иное, какъ невинная игра въ фанты нарочито для того приглашенныхъ барышень. Но, увы, въ Японіи понятіе объ истинной невинности отсутствуетъ, и тамошнія барышни всѣ вещи называютъ собствен-

ными именами. По мѣрѣ того, какъ шампанское и японское саке начинаютъ оказывать свое дѣйствіе на присутствующихъ, невинна игра въ фанты постепенно переходитъ въ грубую и безстыдную оргію. Молодые дѣвушки, часто даже подростки, при проигрышѣ уплачиваютъ въ видѣ фанта какую либо принадлежность своего костюма, начиная съ головныхъ шпилекъ и кончая ближайшимъ къ тѣлу халатомъ. При розыгрышѣ та, чей фантъ вынется, приговаривается выполнить при участіи подругъ какой нибудь неприличный танецъ или совершить рядъ циничныхъ движеній. Все это могло бы, конечно, казаться любителямъ весьма занимательнымъ, если бы сложеніе японокъ, ничего общаго со сложеніемъ Венеры не имѣющее, не лишало этихъ невинныхъ игръ необходимой для нихъ пластики. Туловище японокъ сравнительно съ ихъ ногами длинно до уродливости, а груди ихъ имѣютъ весьма некрасивую конусообразную форму, отвисшую даже у молоденькихъ дѣвушекъ.

Съ увеличеніемъ числа иностранныхъ семейныхъ домовъ и съ появленіемъ чопорнаго англійскаго общества, продолженіе подобныхъ оргій стало зазорнымъ, и правительство успѣшило ихъ запретить... на бумагѣ. Я потому позволяю себѣ говорить «на бумагѣ», что ихъ и теперь совершаютъ подъ сурдинку, ради развлеченія заѣзжихъ туристовъ.

Преуспѣвая быстро въ западной наукѣ, морали и техникѣ, японцы не забывали также преуспѣвать и на гастрономическомъ поприщѣ, при чемъ оказали на немъ наибольшіе успѣхи. Они наняли на государственный счетъ повара француза, назначили ему министерскій окладъ и стали задавать обѣды въ европейскомъ вкусѣ. Для участія въ такихъ обѣдахъ былъ организованъ цѣлый штатъ приглашаемыхъ туземцевъ, которымъ строго-на-строго внушено было, какъ слѣдуетъ держать себя за столомъ. Но всѣхъ случайностей, конечно, нельзя было предвидѣть, и иногда самый испытанный въ знаніи западныхъ приличій гость выкидывалъ такую штуку или произносилъ такое слово, что не оставалось ничего болѣе, какъ развести руками. Особенно трудно было «новымъ людямъ» внушить своимъ ученикамъ, что напиваться до неприличія въ обществѣ не полагается. На такое внушеніе ученикъ всегда могъ отвѣтить учителю: «врачъ, испѣлился самъ». Кроме того, давая обѣды съ иностранцами и съ европейской сервировкой, неизбежно приходилось считаться съ желаніемъ присутствовать на такихъ обѣдахъ разныхъ «персонъ», не прошедшихъ школы хорошаго тона и не расположенныхъ учиться у своихъ вчерашнихъ прихвостней. Такимъ персонамъ поневолѣ надо было давать почетное мѣсто и сажать даже рядомъ съ европейскими дамами (японки на такіе обѣды не допускались). «Сосѣдство подобныхъ персонъ,— говорила мнѣ одна почтенная англичанка,—благодаря ихъ манерѣ

«кушать» болѣе чѣмъ непріятно, оно противно». Въ настоящее время штатъ приглашенныхъ значительно увеличенъ и усовершенствованъ. Молодые японцы и даже японки танцуютъ на балахъ, которые мало-по-малу вытѣснили обѣды. На балахъ въ массѣ приглашенныхъ всякія нарушенія этикета не такъ замѣтны. Отъ нарастающихъ поколѣній нынѣ требуется, чтобы они еще въ школѣ проходили теорію хорошаго тона и приличныхъ манеръ, и тѣмъ, которые не оказываютъ въ этой единственной въ своемъ родѣ наукѣ достаточныхъ успѣховъ, не выдаютъ аттестата зрѣлости. Благодаря такой системѣ, въ правящихъ сферахъ Японіи нѣтъ болѣе людей, не умѣющихъ вести себя въ европейскомъ обществѣ: старыя персоны почти всѣ повымерли, а ихъ наслѣдники съ искусствомъ, которому могутъ позавидовать клоуны, изображаютъ изъ себя всякаго рода шпютовъ, снобсовъ и даже соврасовъ. Но отъ этого всѣмъ этимъ послѣдователямъ западной культуры мало пользы—они быстро переутомляются нашей пищей. Прежде японцы почти не знали желудочныхъ болѣзней, происходящихъ отъ неумѣренности въ пищѣ, теперь же болѣзни эти въ высшихъ слояхъ японскаго общества—обычное явленіе.

Особенно сильное вліяніе запада проявилось въ реформѣ мужскаго костюма. Женщины всецѣло сохранили свою національную одежду, онѣ находятъ, что японскій халатъ имъ больше къ лицу, и въ этомъ онѣ тысячу разъ правы. Иное дѣло мужчины. Когда въ 1868 году правительство издало указъ всему населенію остричь немедленно косы, то очень многіе охотно подчинились этому указу, и хорошо сдѣлали, потому что наша прическа гораздо удобнѣе и опрятнѣе туземной. Измѣненіе прически повлекло за собой обычай носить даже при халатѣ шляпы и фуражки. Это совершенно излишне, ходили же прежде безъ головныхъ уборовъ и никакихъ неудобствъ въ этомъ не видѣли. Что же касается европейской обуви, то отъ желанія носить ее скоро пришлось отказаться, чтѣ вполне понятно, въ виду необходимости поминутно снимать и надѣвать ее. Вотъ почему теперь обувь эта въ громадномъ количествѣ вывозится обратно въ Европу.

Съ отмѣной феодальныхъ привилегій японскій костюмъ былъ существенно измѣненъ. Народъ получилъ право носить панталоны. Дать такое разрѣшеніе, нарушавшее всѣ традиціи государства, побудили невольно иностранцы. Сперва пришелъ въ панталонахъ консулъ. Это было не важно, такъ какъ консулъ хотя и былъ варваръ, но все-таки чиновникъ и представитель власти. За консуломъ явился миссіонеръ. Духовенство въ Японіи не пользуется уваженіемъ. Въ законахъ Іейяса сказано: «Жрецы Синто, изучавшіе звѣзды и высшія науки, прежде увѣряли, что они достойны одинаковаго почтенія съ богами. Если и на будущее время они вздумаютъ увѣрять это, то будутъ наказаны». Появленіе западныхъ

миссіонеровъ, не смотря на нерасположеніе къ нимъ японцевъ, не могло еще побудить правительство вульгаризировать панталоны. Большинство католическихъ миссіонеровъ само явилось безъ этой, казалось, весьма существенной принадлежности западнаго костюма. Жаркій климатъ и право носить сутану дозволили имъ эту небольшую вольность. Но когда пришелъ купецъ, и пришелъ при томъ въ панталонахъ, гордость японскихъ дворянъ не могла этого вынести, и такъ какъ заставить «варваровъ» снять панталоны или удалиться оказалось немислимо, то не оставалось ничего болѣе, какъ лишить панталоны ихъ престижа. Послѣднее было достигнуто тѣмъ, что право ношенія панталонъ было предоставлено всѣмъ желающимъ. Такимъ же способомъ достигли и отмѣны ношенія оружія. Когда право ношенія сабель было даровано японскимъ купцамъ въ Оссакѣ, право это въ глазахъ привилегированныхъ сословій потеряло всякое значеніе.

Получивъ право носить панталоны, народъ сшилъ себѣ короткіе халаты, а нѣкоторые рискнули даже облечься и въ европейскіе пиджаки. Вскорѣ затѣмъ послѣдовало дозволеніе носить платье европейскаго покроя, а чиновничеству даны были шитые мундиры, въ родѣ французскихъ, и панталоны *couleur gris de perles*. Японское правительство во всемъ, что касается усвоенія европейскихъ модъ и обычаевъ, дѣйствуетъ крайне деспотично. Оно безъ малѣйшаго послабленія требуетъ отъ своихъ чиновниковъ, а также и отъ выборныхъ представителей мѣстной власти, чтобы они на службу ходили исключительно въ установленной формѣ или въ статской одеждѣ европейскаго образца. Хотя умѣнье носить европейскій костюмъ и обезпечиваетъ карьеру, но эта наука трудно дается бѣднымъ японцамъ. Видъ японскихъ джентльменовъ во фракахъ, пиджакахъ и мундирахъ бываетъ до-нельзя комиченъ. На каждомъ шагу обнаруживаются крупныя безпорядки во внѣшности: гюльфики рѣдко застегиваются, рубашки, часто весьма сомнительной чистоты, выльззаютъ изъ панталонъ, жесткіе, упрямые волосы не слушаются гребенки. Даже хваленая опрятность японцевъ какъ бы исчезаетъ. Впрочемъ, опрятность эта довольно относительна, хотя японцы, какъ это уже и было разъяснено выше, всякій день берутъ ванну, но послѣ ванны они снова надѣваютъ на себя, никогда не моющіеся и часто весьма грязныя халаты. Въ прежнее время японцы сморкались въ бумагу, теперь завели себѣ платки, и Боже мой, что это за платки! При одномъ объ нихъ воспоминаніи становится тошно.

Читатели видѣли уже, какъ мало вліянія оказали западныя идеи на гражданскій бытъ японцевъ, и какъ у нихъ сохранилась вполне ненарушимую организація семьи и общества. Слова Головина, что японскія муссумэ не сдѣлаютъ безчестія домамъ терпимости въ европейскихъ столицахъ, становятся нынѣ пророческими.

Въ его времена Японія сбывала свой живой товаръ исключительно на внутреннихъ рынкахъ, теперь она вывозить его массою за границу, не смотря на охранительныя мѣры, предпринимаемыя правительствомъ, довольно, впрочемъ, вяло. Многіе дома терпимости въ открытыхъ портахъ Китая, городахъ нашей Приморской области, а также въ англійскихъ колоніяхъ крайняго востока наполнены японками, охотно продаваемыми туда ихъ отцами и братьями. Жизнь этихъ несчастныхъ такъ тамъ ужасна, что многія изъ нихъ кончаютъ самоубійствомъ...

Надо отдать «новымъ людямъ» справедливость, они въ увлеченіи прогрессомъ пытались, хотя и безуспѣшно, потому что женскій вопросъ въ Японіи всегда считался и считается разрѣшеннымъ превосходно, ко взаимному благу обоихъ половъ, — перевоспитать народъ и въ этомъ отношеніи. Подходящее къ тому средство было усмотрѣно въ школь.

Въ 1868 году вся практиковавшаяся до той поры система народнаго образованія подверглась коренному измѣненію. Однимъ почеркомъ пера рѣшено было добытую 2550-лѣтнимъ трудомъ національную культуру замѣнить новой, долго считавшейся вредной и варварской. Японія «стала горѣть нетерпѣніемъ», не сѣявши и не жавши, вкусить самые сочные и лучшіе плоды западной культуры. Рѣшено было немедленно ввести американскую систему школьнаго образованія, направленную къ скорѣйшему, какъ бы машинному производству большой и малой интеллигенціи. Съ этою цѣлью вся страна была раздѣлена на 8 учебныхъ округовъ, и въ каждомъ округѣ положено было учредить одинъ университетъ, 120 среднихъ школъ разнаго типа и соответствующее народонаселенію число народныхъ школъ, обученіе въ которыхъ объявлялось обязательнымъ. Такимъ образомъ было разсчитано, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ должно будетъ возникнуть до 53 тысячъ высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ будутъ преподаваться предметы западнаго образованія.

Проектъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе только отчасти. Университетъ возникъ одинъ въ Токио. вмѣсто предполагавшихся 1.680 среднихъ общеобразовательныхъ школъ, а также профессиональныхъ (медицинскихъ, юридическихъ, агрономическихъ, педагогическихъ, техническихъ, военныхъ и проч.), было учреждено всего 85. Народныхъ школъ по отчету министра народнаго просвѣщенія за 1889 г. было создано 28.558. Въ этихъ школахъ воспитывалось 53% дѣтей школьнаго возраста.

Безспорно, цифры эти весьма внушительны, но внушительность ихъ только кажущаяся. Такъ, онѣ удостовѣряютъ, что въ народныхъ школахъ получаетъ образованіе всего 53% дѣтей школьнаго возраста. Гдѣ же учатся остальные 47%? Если нигдѣ, что болѣе чѣмъ вѣроятно въ виду вздоржанія жизни и возрастанія

налоговъ, то цифры эти скорѣе констатируютъ не прогрессъ, а упадокъ, ибо до школьной реформы 1868 года въ Японіи не было неграмотныхъ. Съ другой стороны еще мало сказать: у насъ существуетъ столько-то школъ, а надо еще пояснить, какъ и чему въ этихъ школахъ учать. Вотъ тутъ-то и обнаруживается отрицательная сторона новой японской культуры. При ближайшемъ знакомствѣ со школьной организаціей и распорядками оказывается, что школы въ Японіи проникнуты самой возмутительной тенденціей навязать народу во что бы то ни стало совершенно чуждый ему образъ жизни. Въ японской, напримѣръ, новой школѣ китайскому языку и литературѣ, съ изученіемъ которыхъ связано все прошлое страны, вся ея религія, философія и мораль, отведено послѣднее мѣсто, и это повлекло уже за собою постепенное пониженіе въ народѣ сперва грамотности, а потомъ и нравственности. Но этимъ дѣло не ограничилось, японская школа сочла возможнымъ посягнуть и на здоровье своихъ учениковъ. Зданія школъ строятся по европейскому типу; ученики сидятъ не на матахъ, а на скамьяхъ съ пюпитрами американскаго образца. Мало того, всѣ ученики, получающіе отъ казны содержаніе, обязаны носить европейское платьє и ѣсть европейскую пищу, которая въ приготовленіи доморощенныхъ японскихъ поваровъ является настоящею отравою. Даже ѣсть эту пищу предписано не палочками, а ножами и вилками. Не смотря на явную нелѣпость всѣхъ этихъ нововведеній, правительство никакъ не хочетъ отъ нихъ отказаться и вопреки пословицѣ «сытое брюхо къ ученю глухо» старается всякаго увѣрить, что западная наука только тогда можетъ усвоиваться японцами, когда они одновременно съ западной духовной пищей будутъ принимать и мясо. Но мясо можетъ быть тутъ полезно только въ медицинскомъ отношеніи, какъ лѣкарство. Дѣло въ томъ, что японскіе студенты и ученики слишкомъ быстро переутомляются и впадаютъ въ сильное истощеніе и другія болѣзни.

Когда говорятъ о новыхъ японскихъ школахъ, то думаютъ обыкновенно о западныхъ школахъ и придаютъ послѣднимъ слишкомъ большое значеніе. Такъ, напримѣръ, въ самомъ фактѣ введенія въ Японіи американской школьной системы уже видятъ громадный культурный успѣхъ, забывая, что школа школѣ даже и въ Америкѣ рознь. Японская школа, напримѣръ, совершенно не довѣряетъ воспитанію родителей и вмѣсто религіи поучаетъ теоріи хорошаго тона и гражданской нравственности. Что можетъ быть глупѣе подобной школы? И съ какой это культурной точки зрѣнія подобное вмѣшательство правительства въ нравственную сферу подданныхъ можетъ быть допущено или оправдано! Между тѣмъ въ Японіи вмѣшательство это практикуется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Японское правительство рѣшительно отвергло всякую попытку ввести въ народную школу какое бы то ни было

религиозно-нравственное учение, оно изгнало даже оттуда китайских классиковъ и замѣнило все это какой-то компиляціей, составленной по разнымъ книжонкамъ, поучающимъ разжившихся янки хорошему тону, и по разнымъ нравственнымъ учениямъ, въ чистотѣ происхожденія которыхъ никакой авторитетъ, кромѣ авторитета «новыхъ людей», не ручается. По такой компиляціи въ новой японской школѣ преподають изъ года въ годъ, часто даже въ разрѣзъ тому, что дѣти слышатъ дома, въ семьѣ, единственную въ своемъ родѣ науку: какъ держать себя въ обществѣ, какую сохранять физиономію, какъ сидѣть, входить и выходить изъ дому, какъ одѣваться, какъ ставить приборы и кушанья, какъ собираться въ дорогу, какъ поступать съ чужими найденными вещами; о любви, ласкѣ и вообще объ отношеніяхъ къ людямъ, о совѣсти, объ отношеніи къ знакомымъ, о печатяхъ на конвертахъ, о чтеніи чужихъ писемъ, объ обращеніи съ рѣдкими вещами, какъ держать себя въ гостяхъ, на похоронахъ, объ обязанностяхъ чловѣка въ семьѣ, въ школѣ, въ государствѣ и т. п. Каждый ученикъ въ опредѣленные сроки подвергается экзамену изъ 14—18 предметовъ. Отмѣтки выставляются въ процентномъ отношеніи къ числу данныхъ отвѣтовъ. Для перехода въ высшій классъ необходима отмѣтка въ 60% по каждому предмету, кто получить по 2 предметамъ менѣе 60% или больше, чѣмъ по одному предмету, меньше 50%, остается на второй годъ.

По послѣднимъ отчетамъ въ Японіи теперь существуетъ 25 училищъ медицинскихъ, 20 — высшей математики, 9 — фармацевтическихъ, 7 — юридическихъ, 4 — общеобразовательныхъ, 3 — ветеринарныхъ, 3 — рисовальныхъ, 3 — мореходныхъ, 2 — механическихъ, итого 76 училищъ, въ которыхъ обучается 10.809 чловѣкъ. Кромѣ правительственныхъ профессиональныхъ школъ, существуютъ еще и частныя, преимущественно юридическія. Но и тутъ при болѣе близкомъ знакомствѣ съ программами этихъ школъ и принятыми въ нихъ методами обученія оказывается, что въ медицинскихъ, напримѣръ, школахъ дается образованіе, равносильное тому, которое у насъ дается фельдшерамъ, а юридическія стоятъ еще ниже нашего бывшаго аудиторіатскаго училища. Никто, конечно, не станетъ отрицать пользу, которую лица даже съ такимъ поверхностнымъ образованіемъ могутъ приносить странѣ въ предѣлахъ своихъ знаній и способностей, но съ другой стороны не слѣдуетъ также забывать, что въ такой культурной странѣ, какою всегда была Японія, и гдѣ весьма высокая и вполне законченная цивилизація получила самое широкое распространеніе даже въ массѣ простого народа, умственное вліяніе подобной интеллигенціи не можетъ быть значительно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ оказаться весьма вреднымъ. Въ Японіи съ давнихъ временъ образовался многочисленный классъ туземныхъ дворянъ, или самураевъ

(1.894.784 человекъ), составлявшихъ прежде военную силу страны. Съ отмѣной феодализма, капитализаціей феодальныхъ доходовъ и введеніемъ общей воинской повинности, самураи эти обратились въ политикановъ, соединились въ различныя политическія партіи и производятъ теперь при всякомъ удобномъ случаѣ смуту и безпорядокъ. Молодое поколѣніе этихъ самураевъ прошло уже чрезъ профессиональную школу, и въ результатъ получилось перепроизводство молодыхъ людей съ поверхностнымъ образованіемъ, не имѣющихъ возможности приложить къ дѣлу свои познанія. Отсюда полное потрясеніе всѣхъ основъ политическаго и гражданскаго быта страны. Въ настоящее время ни для кого уже не секретъ, что японское правительство въ войнѣ съ Китаемъ прежде всего искало средства спастись отъ угрожавшей странѣ вслѣдствіе броженія среди самураевъ анархіи.

Задумавъ дать народу такое широкое образованіе, японскіе государственные люди не были, однако, вполне искренни. Блага, доставляемыя новыми школами, мало доступны народной массѣ по причинѣ несоразмѣрно высокой платы за обученіе. Въ Японіи съ каждаго слушателя взимается въ университетѣ по 450, а въ профессиональныхъ школахъ по 300 франковъ въ годъ, что совершенно не вяжется со среднимъ заработкомъ, не превышающимъ 375 франковъ на семейство. Да и выгоды, которыя доставляетъ профессиональное образованіе, слишкомъ незначительны, чтобы стоило ихъ добиваться. Учитель можетъ рассчитывать на годовой окладъ въ 220 франковъ, а врачамъ платятъ за визитъ отъ 50 сантимовъ до одного франка, часто и совсѣмъ не платятъ. Гораздо выгоднѣе коммерческое образованіе: клеркъ, бухгалтеръ могутъ зарабатывать до 1.200 франковъ. Болѣе всего зарабатываютъ журналисты и переводчики, нѣкоторые изъ нихъ получаютъ до 3.000 франковъ.

Заимствуя у Запада его культуру, японцы не могли не заимствовать и его журналистики. Появленіе послѣдней въ народѣ, не знавшемъ, что такое безграмотные, нашло благопріятную для себя почву. Первая газета появилась въ Японіи въ 1872 г., а чрезъ 6½ лѣтъ тамъ уже считалось 275 изданій, выпускаемыхъ въ количествѣ 29 милл. экземпляровъ, такъ что по числу выходящихъ въ свѣтъ произведеній печати Японія превзошла даже Англію.

Основателемъ японской журналистики былъ англичанинъ Джонъ Блаккъ. Въ 1872 г. онъ сталъ издавать ежедневную газету подъ названіемъ «Нишинъ Шинжиши», что значитъ «ежедневныя новости, заслуживающія довѣрія». Попытка Блакка печатать газету японской азбукой катакана не удалась, такъ какъ на первыхъ порахъ обнаружилось, что образованные японцы не стануть читать газеты, если она не будетъ печататься китайскими знаками. Правда съ помощью катакана можно легко написать каждое

японское слово, но въ японскомъ языкѣ такое множество синонимовъ, что фразы, написанныя катаканой, приходится по нѣсколько разъ перечитывать, чтобъ уяснить себѣ истинный смыслъ словъ, ихъ составляющихъ. Вотъ почему литературно образованные японцы (а такихъ большинство) исключительно придерживаются китайскихъ іероглифовъ, въ которыхъ каждый знакъ выражаетъ одну какую либо опредѣленную идею и, будучи хорошо усвоенъ, читается легче и быстрѣе нашихъ книгъ.

Успѣхъ Нишинъ Шинжиши вызвалъ массу подражаній, и вскорѣ явились органы оппозиціоннаго правительству направленія. Когда же одна изъ газетъ потребовала, чтобы государственному канцлеру Сандзю отрубили голову, чаша терпѣнія переполнилась, немедленно былъ обнародованъ суровый законъ о печати, и первый позволившій себѣ нарушить этотъ законъ редакторъ попался продолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ было объявлено, что иностранцы не могутъ быть издателями газеты на японскомъ языкѣ, и Нишинъ Шинжиши долженъ былъ прекратиться.

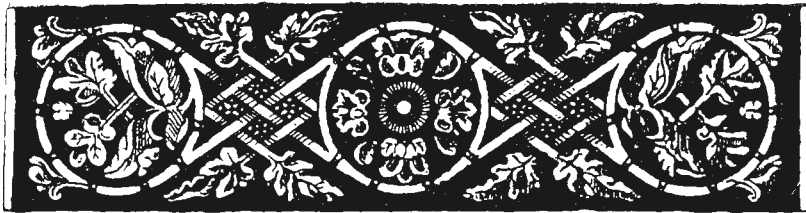
Кромѣ журналовъ и газетъ, въ настоящее время выходитъ множество книгъ, снабженныхъ рисунками по большей части самаго игриваго свойства. Въ дореформенное время особенно процвѣтала порнографическая (въ полномъ смыслѣ этого слова) литература, и книги съ соблазнительными картинками всюду продавались совершенно открыто. Теперь эта литература, а равно и рисунки къ ней значительно усовершенствовались.

Таково въ общихъ чертахъ вліяніе западной культуры на домашній и общественный бытъ японцевъ. Если въ государственномъ быту вліяніе это выразилось лишь въ одномъ измѣненіи внѣшнихъ формъ государственной жизни, въ замѣнѣ однихъ олигарховъ другими, то въ общественномъ быту оно проявилось еще слабѣе, — тамъ, кромѣ рѣдкихъ исключеній, даже и формы остались совершенно нетронутыми.

А. Пеликанъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Максимъ Ковалевскій. Происхождение современной демократіи.
Томъ первый. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1895.

РАЙНЕ неопредѣленное заглавіе этой книги можетъ многихъ ввести въ заблужденіе возможностью различныхъ его объясненій и, доставивъ тѣмъ книгѣ нѣсколько ненужныхъ случайныхъ читателей, сохранить ее въ неизвестности отъ читателей, въ ней дѣйствительно нуждающихся. Загадочное заглавіе означаетъ, что авторъ имѣлъ въ виду дать историческій обзоръ возникновенія доктрины, отраженіемъ которой въ дѣйствительной жизни явилось созданное великой французской революціей законодательство, и которую онъ считаетъ возможнымъ охарактеризовать однимъ словомъ: народная или демократическая. Настоящій первый томъ посвященъ имъ изслѣдованію элементовъ, изъ которыхъ сложилось ученіе о гражданскомъ равенствѣ и народномъ суверенитетѣ, опредѣлившее направленіе работъ учредительнаго собранія. Для этого авторъ даетъ сначала характеристику установившагося во Франціи до революціи экономическаго, общественнаго и политическаго строя, критика котораго и повела, по его мнѣнію, къ зарожденію демократической доктрины, а затѣмъ обращается къ анализу тѣхъ теорій, изъ совокупности которыхъ сложилась эта доктрина. Слѣдя за вліяніемъ, которое она оказала на установленіе общей программы экономическихъ, социальныхъ и политическихъ реформъ, онъ старается пробѣлы и внутреннія несовершенства, усматриваемыя имъ въ этой программѣ, вывести изъ самаго характера руководящей доктрины. Въ первой части настоящаго тома авторъ характе-

ризуетъ общественный строй Франці въ концѣ XVIII вѣка: владѣтельныя и не владѣтельныя сословія, классы правящіе и подвластные, сеніоріальное право, экономическое и социальное положеніе крестьянства, цеховое устройство и зарожденіе свободной промышленности. Въ этой характеристикѣ онъ въ особенности подчеркиваетъ двоякое извращеніе отжившаго феодальнаго строя: съ одной стороны усиленіе буржуазіи, подъ напоромъ котораго трещать по всѣмъ швамъ составныя перегородки, а съ другой—охранительную дѣятельность правительства, доводящаго до чудовищныхъ размѣровъ монополіи, привилегіи и классовыя преграды и неравенства. Внизу же, подавленный всей этой громадной массой построекъ, пристроекъ, перестроекъ и надстроекъ, нищаетъ и озлобляется угнетенный и истощаемый народъ. Во второй части авторъ обрисовываетъ политическій строй Франці наканунѣ революціи. Королевская власть, по его мнѣнію, никогда не была неограниченной и если въ основѣ государственнаго устройства страны и не лежало формальнаго конституціоннаго акта, то, тѣмъ не менѣе, на практикѣ французы умѣли примирять обязанность безпрекословнаго повиновенія королю съ попытками общественнаго протеста противъ ошибочно направляющихъ политику государя министровъ. Свое утвержденіе авторъ подкрѣпляетъ анализомъ дѣйствій оппозиціи, доказывая, что она всегда считалась соответствующей характеру государственнаго устройства Франціи. Впрочемъ, оно допускало единство только въ лицѣ короля; въ области же законовъ и мѣстной администраціи оно, по словамъ автора, вполне мирилось съ требованіями разнообразія, обусловленнаго притязаніями «народовъ и провинцій» на относительную независимость и автономію. Еще наканунѣ революціи въ цѣлости и невыблестности этихъ началъ многіе видѣли одинаковую гарантію какъ своихъ интересовъ, такъ и политической свободы, считая, что только упорной вѣрностью традиціямъ прошлаго можетъ быть созданъ надежный оплотъ противъ демократическихъ вѣяній и не менѣе опаснаго произвола министровъ, всегда враждебныхъ провинціальному и сословному вольностанію, всегда готовымъ стоять за централизацію и правительственную опеку. Во всякомъ случаѣ авторъ категорически утверждаетъ, что право народнаго представительства—вотировать налоги и давать совѣты правительству по вопросамъ законодательства и управленія—было въ такой же степени признано во Франціи не только въ XIV и XV, но и въ XVI столѣтіи, въ какой оно считалось одновременно установленнымъ въ любой изъ сословныхъ монархій запада. Третья часть посвящена авторомъ общественнымъ и экономическимъ доктринамъ Франціи прошлаго столѣтія. Экономическія теоріи прошлаго вѣка, право собственности и право труда, гармонія интересовъ и экономическая свобода, крестьянскій и рабочій вопросъ въ литературѣ и наказахъ 1789 года, податныя теоріи прошлаго столѣтія и ихъ вліяніе на указы 1789 года—вотъ вопросы, которыхъ изслѣдованіе составляетъ предметъ этой третьей части. Здѣсь авторъ показываетъ, какъ гнетъ государственнаго неустройства выдаливилъ, такъ сказать, изъ лучшихъ умовъ требованіе неограниченной хозяйственной свободы, враждебное отношеніе ко всякимъ союзамъ и корпораціямъ, ученіе о правѣ на трудъ, и какъ новое направленіе отражалось на законахъ о хлѣбной торговлѣ и знаменитомъ торговомъ договорѣ съ Англіей 1786 года. Далѣе онъ слѣдитъ за вліяніемъ фізіократическихъ ученій на указы и выясняетъ, какъ прогрессивны были эти взгляды, какъ симпатіи и антипатіи фізіократовъ обусловливались

устройствомъ и неустройствами дѣйствительности, возстановляя исторію борьбы фязіократовъ съ сеніоріальными правами, крупнымъ землевладѣніемъ, упроченіе согласно ихъ взглядамъ мелкаго крестьянскаго фермерства, рѣшеніе сервитутныхъ вопросовъ, ихъ роль въ реформѣ промышленной и торговой политикѣ государства. Далѣе, призывая, что вліяніе фязіократовъ едва замѣтно въ дѣлѣ созданія новой налоговой системы, авторъ утверждаетъ, что никто болѣе ихъ не содѣйствовалъ укорененію въ обществѣ прошлаго вѣка критическаго отношенія къ существующей податной организаціи. Наконецъ, въ четвертой части авторъ обращается къ подробному разбору политическихъ доктринъ, англоманіи и американофильства и теоріи демократической монархіи (онъ такъ переводитъ выраженіе *démocratie royale*). Объясняя пристрастіе французовъ къ иноземнымъ образцамъ государственнаго устройства тѣмъ хаосомъ, въ которомъ находилось ихъ собственное къ эпохѣ революціи, онъ прослѣживаетъ практическія послѣдствія этого пристрастія и отраженія иноземныхъ образцовъ на Франціи, особенно американское вліяніе, которое, по его словамъ, большинство историковъ упускаетъ изъ виду. Въ послѣдней же главѣ онъ пытается доказать неправильность господствующаго взгляда, будто ученія Монтескье съ одной и Руссо и Мабли съ другой стороны представляли изъ себя различныя теченія, и настаиваетъ на томъ, что ихъ различія сводятся къ частностямъ и мелочамъ, принципиальнаго же разногласія между ними никакого нѣтъ. Ограничиваясь настоящей рецензійей, мы откладываемъ свой отзывъ о всемъ сочиненіи до появленія второго тома.

Б. В. Н.

Археологическія извѣстія и замѣтки, издаваемые Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, подъ редакціей И. А. Линниченко и В. М. Михайловскаго. Москва. 1894.

Съ 1893 года Московское археологическое общество начало издавать ежемѣсячный журналъ, посвященный интересамъ археологіи, подъ названіемъ «Археологическія извѣстія и замѣтки». Потребность въ такомъ органѣ, который своимъ частымъ появленіемъ поддерживалъ бы интересъ въ обществѣ къ древностямъ и давалъ бы нѣкоторую возможность слѣдить за успѣхами археологіи, давно сознавалась среди изслѣдователей и любителей археологіи. Были даже попытки издавать въ шестидесятыхъ годахъ подобные журналы, но они скоро прекращались за недостаткомъ людей, которые могли бы посвятить свой трудъ и время на редактированіе. Задача «Археологическихъ извѣстій и замѣтокъ», на сколько это выяснилось изъ вышедшихъ двухъ томовъ, состоитъ въ томъ, чтобы дать свѣдѣнія читателямъ о всѣхъ новѣйшихъ успѣхахъ въ археологіи, при чемъ предпочтеніе отдаю Россіи: въ журналѣ напечатаны извѣстія о произведенныхъ раскопкахъ кургановъ, могильниковъ, городищъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ (въ Херсонесѣ, Керчи, Сибири, Средней Азіи, многихъ губерніяхъ Россіи, въ Дельфахъ, Троѣ, Микенахъ, Палестинѣ, Южной Америкѣ и т. д.), описаны многочисленныя случайныя находки предметовъ древности, пріобрѣтенія музеевъ, между которыми описаны впервые такіе важныя памятники, какъ Евангеліе XIII вѣка съ замѣчательною записью о князѣ Георгіѣ Галицкомъ 1282 года, рукописное Евангеліе съ записью о годѣ, мѣсяцѣ и числѣ основанія Саратова и т. д.; о дѣятельности археологическихъ обществъ, главнымъ образомъ Мо-

сковскаго, а также Петербургскаго, Одесскаго и др., объ архивныхъ комиссіяхъ и другихъ учрежденіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ древности, даны болѣе или менѣе подробные отчеты. Кромѣ упомянутыхъ свѣдѣній, въ каждомъ выпускѣ журнала находятся самостоятельныя статьи, принадлежащія специалистамъ по различнымъ отраслямъ археологіи, изъ нихъ упомянемъ статьи Ив. Ег. Забѣлина («Построеніе первой на Руси церкви Неопалимой Купины», «Опричный дворецъ царя Ивана Васильевича», «Подземныя хранилища Московскаго кремля», «Замѣтка объ одномъ темномъ мѣстѣ въ Слово о полку Игоревомъ» и др.), проф. Шварца («Гермесъ Праксителя на монетѣ Анхіала»), И. А. Линниченко («Ново-открытое свидѣтельство о времени в. к. Изяслава Ярославича»), М. Н. Сперанскаго («О вмѣвикѣ съ семью отроками», «Собраніе рукописей графа Уварова» и др.), покойнаго проф. Н. С. Тихонравова («Хожденіе во Святую землю инока Варсонофія въ 1456 г.»), нѣсколько статей по византийской археологіи Е. К. Рѣдина и Д. В. Айналова; Н. В. Султанова («Древне-русскіе красные изразцы») и т. д. и, наконецъ, библиографія вновь вышедшихъ сочиненій по археологіи Россіи и иностранныхъ. Многія статьи сопровождаются таблицами и рисунками въ текстѣ. Изъ приведеннаго краткаго отчета о двухъ томахъ «Археологическихъ извѣстій и замѣтокъ» можно составить понятіе о журналѣ, давшемъ читателямъ свѣдѣнія о новѣйшихъ открытіяхъ какъ въ области монументальной археологіи, такъ и въ памятникахъ древней письменности. Журналъ выходитъ ежемѣсячно объемомъ отъ 2-хъ до 3-хъ листовъ, при цѣнѣ 3 р. въ годъ съ пересылкой.

М. А.

Столѣтіе російской конной артиллеріи (1794—1894). Составилъ и издалъ Павелъ Потоцкій. Спб. 1894.

Неплюевъ, говоря о Петрѣ Великомъ, замѣчаетъ, что въ Россіи, на что ни взгляни, все «отъ сего источника имѣетъ начало», и совершенно согласно съ этимъ отзывомъ начало нашей конной артиллеріи слѣдуетъ относить къ царствованію великаго преобразователя. Онъ указалъ «объ уборѣ артиллеристовъ конными», и при немъ въ кавалерійскихъ полкахъ появляются орудія; эта артиллерія драгунскихъ полковъ оказывается чрезвычайно полезной въ сраженіяхъ при Гуммельсгофѣ и при Лѣсной, а также въ Прутскомъ походѣ. Въ 1745 и 1757 гг. число пушекъ въ полкахъ увеличено и доведено до 6 въ каждомъ. Удачныя дѣйствія нашей конной артиллеріи, находившейся подъ начальствомъ генерала Бороздина, дали мысль Фридриху II ввести этотъ родъ оружія и въ своей арміи. Такимъ образомъ, честь инициативы въ дѣлѣ устроенія конной артиллеріи принадлежитъ русскимъ, но какъ совершенно отдѣльный, самостоятельный родъ войска, конная артиллерія существуетъ у насъ всего съ 1794 года, когда екатерининскій временщикъ, графъ Платонъ Зубовъ, испросилъ у императрицы соизволеніе учредить особый конный артиллерійскій отрядъ, «чтобы подать конницѣ, въ обращеніяхъ своихъ быстро и стремительно подвигающейся, такую же помощь, какую обыкновенная артиллерія подаетъ пѣхотѣ». Благодаря участію въ этомъ дѣлѣ всеильнаго графа Зубова, конная артиллерія сразу стала моднымъ войскомъ. Петербургскій beau-monde пріѣзжалъ смотрѣть на конно-артиллерійскій строй. «Comment vous n'avez pas encore vu l'artillerie à cheval!»—былъ

возгласъ, часто повторявшійся и во дворцѣ, и въ гостиныхъ, особенно въ присутствіи Зубова. Въ конную артиллерію были назначаемы офицеры, которые приобрѣли хорошую боевую репутацію, георгіевскіе кавалеры, люли съ протекціей и красавцы. При императорѣ Павлѣ, который, еще будучи цесаревичемъ, заводилъ у себя въ Гатчинѣ конную артиллерійскую команду, этотъ родъ войска получилъ лучшую организацію и былъ количественно увеличенъ. Съ тѣхъ поръ конная артиллерія, непрерывно развиваясь въ теченіе ста лѣтъ, принесла огромную пользу своимъ участіемъ во всѣхъ войнахъ, которыя Россіи приходилось вести въ XIX столѣтіи. Г. Потоцкій въ своей роскошно изданной и украшенной интересными рисунками книгѣ подробно и очень живо излагаетъ боевую исторію конной артиллеріи; перечисляетъ войны и сраженія, въ которыхъ она участвовала, и блестящіе подвиги, ею совершенные; но, къ сожалѣнію, сочиненіе его страдаетъ общимъ недостаткомъ почти всѣхъ полковыхъ исторій—отсутствіемъ наиболѣе интересной стороны дѣла, т. е. описанія внутреннего быта, хозяйства и, такъ сказать, домашней жизни конно-артиллеристовъ. А. Б.

«Не по торному пути». Алекс. Мертваго. Спб. 1895.

Книга г. Мертваго представляетъ любопытные факты, относящіеся къ семидесятымъ годамъ, когда въ извѣстной части общества возникло стремленіе примѣнять свои познанія въ деревнѣ и тѣмъ способствовать сліянію интеллигента съ народомъ. Г. Мертваго не остался въ сторонѣ отъ этихъ вѣяній и о своихъ стараніяхъ приложить научныя знанія на народной нивѣ излагаетъ въ книгѣ «Не по торному пути». Желая учиться сельскому хозяйству не по книгамъ, а на практикѣ, авторъ въ 1879 году нанялся рабочимъ къ А. Н. Энгельгардту. Однако, трехмѣсячное пребываніе въ с. Батищевѣ убѣдило его въ недостаточности собственной научной подготовки, и онъ поступилъ въ университетъ, не прерывая сношеній съ А. Н. Энгельгардтомъ. Изъ писемъ А. Н. Энгельгардта къ г. Мертваго видно, что поселеніе интеллигента въ деревнѣ очень интересовало покойнаго профессора, и послѣдній всѣми силами способствовалъ этому движенію молодежи къ сліянію съ народомъ. Заграничныя впечатлѣнія автора тоже не лишены интереса. Подробно описаны нравы парижскихъ огородниковъ, у которыхъ авторъ служилъ рабочимъ. Онъ пораился всеобщимъ стремленіемъ французовъ сдѣлаться буржуа и уваженіемъ ко всѣмъ, кто умѣетъ «gagner son argent» какимъ бы то ни было способомъ. По возвращеніи въ Россію г. Мертваго снялъ въ аренду имѣніе по сосѣдству съ с. Батищевомъ и принялся примѣнять свои познанія, приобретенныя практической школой. При этомъ онъ убѣдился, что однихъ готовыхъ познаній слишкомъ мало, и идти по «торному пути» хозяину невозможно. Хозяйство ставитъ все новыя задачи, и единственный опытъ на подкладкѣ научныхъ знаній можетъ научить его вести хозяйство правильно и прибыльно. Книга читается съ интересомъ и написана весьма живо. Л. Лорбергъ.

I. Малиновскій. Ученіе о преступленіи по литовскому статуту. Кіевъ. 1894.

Названная книга составляетъ часть студенческаго сочиненія, написаннаго на предложенную юридическимъ факультетомъ университета св. Владимира тему: «Уголовное право литовскаго статута въ связи съ развитіемъ русскаго уголовного права вообще», и удостоеннаго награды золотой медалью. Принимая во вниманіе большой и кропотливый трудъ, приложенный къ дѣлу авторомъ, награда присуждена ему справедливо; но жаль, что этотъ трудъ затраченъ имъ такъ непроизводительно, и что онъ такъ неисторично отнесся къ своей исторической темѣ. Догматическое изслѣдованіе древнѣйшихъ источниковъ правъ и къ тому же съ точки зрѣнія научныхъ началъ современнаго правовѣдѣнія—совершенно мертвый трудъ. Догма римскаго права имѣетъ еще смыслъ, на западѣ—какъ догма отчасти дѣйствующаго права, у насъ—какъ своего рода общая теорія гражданскаго права, но догма такихъ первобытныхъ и несовершенныхъ памятниковъ, какъ литовскій статутъ, имѣетъ значеніе развѣ лишь систематическаго къ нимъ указателя, быть можетъ, конечно, небезполезнаго послѣдующимъ изслѣдователямъ статута для подробныхъ справокъ. Какъ бы ни былъ полонъ и законченъ такой указатель, трудно признать за нимъ характеръ научнаго изслѣдованія.

Б. В. Н.

Алексеѣ Веселовскій. Этюды и характеристики. Москва. 1894.

Не часто приходится говорить о такихъ хорошихъ книгахъ, какъ «Этюды и характеристики» профессора Алексеѣ Веселовскаго. Книга составлена изъ отдѣльныхъ очерковъ и статей, помѣщенныхъ раньше въ различныхъ журналахъ и газетахъ, но значительно переработанныхъ авторомъ для настоящаго изданія на основаніи новыхъ матеріаловъ. Рѣдкую особенность всѣхъ этихъ очерковъ и набросковъ, написанныхъ иной разъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ минуты, составляетъ сочетаніе научности содержанія съ замѣчательно художественной, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже поэтической формой изложенія. Читатель положительно незамѣтно для самого себя зачитывается статьями профессора Веселовскаго, пробѣгаетъ ученые трактаты, совершенно не замѣчая черновой работы автора безъ всякихъ усилій надъ собой. Всѣ его этюды и характеристики: Дж. Бруно, Мольера, Дидро, Вольтера, Бомарше, Свифта, Гюго, Фонвизина, Грибоѣдова, Гоголя и др., отличаются именно такими качествами—написаны вполнѣ научно, художественно и замѣчательно живо. Кромѣ того, всѣ эти отдѣльныя статьи въ общемъ представляютъ собой нѣчто цѣльное. Характеръ цѣльности придаютъ имъ объединяющія ихъ гуманная идеи, которыми проникнутъ авторъ, который онъ вкладываетъ во всѣ свои отдѣльныя, даже самыя небольшія замѣтки. Автора постоянно привлекали темы, которыя давали возможность раскрыть связь между массою и ея избранниками, сочетать личное съ общимъ, и это обстоятельство служило главной причиной того, что всѣ его статьи, не смотря на все свое равнообразіе, не смотря на то, что содержаніе ихъ взято изъ западно-европейской и русской жизни, представляютъ собой все-таки нѣчто цѣльное. Въ наше время, когда вездѣ и всюду господствуетъ полная без-

принципность, полный индифферентизмъ, книга профессора Веселовскаго, указывающая на эти принципы, будящая общество отъ нравственной спячки, является какъ нельзя болѣе кстати.

В. Б.

Акты Московскаго государства, изданные Императорской Академіею Наукъ, подъ редакціей Н. А. Попова. Томъ II. Разрядный приказъ. Московскій столъ. Спб. 1894.

Разрядный приказъ завѣдовалъ службой московскихъ бояръ и дворянъ, главнымъ образомъ военными дѣлами, но такъ какъ вообще компетенція московскихъ приказовъ не отличалась опредѣленностью, то въ разрядѣ сосредоточивалось множество разнообразнѣйшихъ дѣлъ, касавшихся интересовъ служилаго сословія. Акты, помѣщенные въ настоящемъ томѣ изданія Академіи Наукъ, относятся къ 1635—1659 гг., т. е. захватываютъ собою конецъ царствованія Михаила Феодоровича и первую половину царствованія Алексея Михайловича. Смутное время начала XVII столѣтія такъ потрясло всё основы Московскаго государства, что въ теченіе всего столѣтія мы встрѣчаемся съ его послѣдствіями, особенно въ сферѣ экономической. Повсюду царитъ страшная бѣдность, всё сословія жалуются на свое тягостное положеніе, а между тѣмъ у государства являются новыя потребности, оно требуетъ отъ населенія денегъ и службы; населеніе постоянно жалуется на свою необезпеченность, старается всѣми возможными средствами избавиться отъ повинностей и платежей, налагаемыхъ государствомъ. Разсматриваемые акты Московскаго стола представляютъ много данныхъ для характеристики такого рода отношеній между государствомъ и населеніемъ. Служилые люди постоянно просятъ о выдачѣ имъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья, говорятъ, что за бѣдностью не могутъ нести царскую службу; такъ, напримѣръ, въ Ельцѣ и Осколѣ многіе уѣзжали со службы безъ отпуска «за бѣдностью»; «а иные дѣти боярскіе на государевѣ службѣ померли, а государева жалованья имъ не дано». Тягость службы и отсутствіе вознагражденія заставляли отъ нея укрываться; въ 1650 г. произведенъ былъ смотръ служилымъ людямъ, и въ результатѣ получились слѣдующія любопытныя цифры: всего по списку стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ должно было явиться 3.529 человекъ, по осмотру же на лицо оказалось (или, по тогдашнему выраженію, въ естѣхъ)—всего 1.615 человекъ, т. е. менѣе половины числа, значащагося въ спискахъ. Правительство рѣшило принять строгія мѣры, былъ изданъ указъ о преслѣдованіи нѣтчиковъ. Приказано выслать ихъ въ Москву «и велѣть доправить на нѣтчиковъ прогоны отъ Москвы до городовъ и назадъ до Москвы». Въ случаѣ, если нѣтчики будутъ укрываться въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, приказано взыскивать съ ихъ крестьянъ; если же воеводы по своей «бездѣльной корысти» не взыщутъ прогоновъ, то съ воеводъ слѣдовало взыскивать по 50 рублей, что въ тѣ времена составляло громадную сумму. Но всё эти строгія мѣры плохо дѣйствовали, и далѣе въ актахъ мы встрѣчаемъ частыя жалобы на уклоненіе служилыхъ людей отъ службы. Бѣдность населенія при тогдашней необезпеченности жизни и имущества не могла легко устраниться. Акты даютъ намъ много матеріалу для сужденія объ опустошительности татарскихъ набѣговъ, о разорительныхъ дѣйствіяхъ казаковъ, разбойни-

ковъ, литовскихъ «шпешей». Населеніе обращается съ просьбой о защитѣ къ правительству, которое далеко не всегда оказывается въ состояніи охранить интересы управляемыхъ.

Мы сказали уже, что компетенція Разряднаго приказа не была строго опредѣлена, а потому, просматривая его дѣла, мы получаемъ очень много свѣдѣній весьма разнообразныхъ. Докладъ Разряда государю представлялъ своего рода газету политическаго характера. Въ актахъ Разряда мы находимъ цѣлый рядъ извѣстій дипломатическихъ и военныхъ объ отношеніяхъ къ Польшѣ, Швеціи, Турціи, татарамъ и калмыкамъ. Все это дѣлаетъ изданіе Академіи Наукъ чрезвычайно важнымъ для всякаго изучающаго русскую исторію XVII столѣтія.

А. Б.—инъ.

Семейство Разумовскихъ. А. А. Васильчикова. Томъ пятый. Спб. 1894.

А. А. Васильчиковъ намѣревался сообщить въ этомъ томѣ своего труда біографію дочерей гетмана Кирилла Григорьевича Разумовскаго и нѣкоторыхъ приложений къ біографіи князя Андрея Кирилловича, но въ 1890 году скончался, не успѣвъ привести своего плана въ исполненіе. Разборъ оставшихся послѣ него бумагъ порученъ былъ профессору Брикнеру. Въ этихъ бумагахъ оказались, между прочимъ, фрагментъ біографіи Натальи Кирилловны Загряжской, рожденной графини Разумовской, и списки весьма значительнаго числа писемъ князя Андрея Кирилловича къ разнымъ лицамъ, а также письма, адресованныя ему. Всѣ эти бумаги и напечатаны въ пятомъ томѣ «Семейства Разумовскихъ», къ которому приложенъ хорошій портретъ Загряжской. Большая часть корреспонденціи А. К. Разумовскаго носитъ частный характеръ и имѣетъ чисто біографическій интересъ. Наибольше любопытны письма Ланжерона, сообщающія многое о состояніи дѣлъ въ Польшѣ послѣ ея паденія, о Платонѣ Зубовѣ, о французскихъ эмигрантахъ въ Россіи и интересныя частности о турецкой войнѣ 1811 года; есть одно письмо черногорца П. П. Негоша, характеризующее отношенія балканскихъ славянъ къ Россіи; отмѣтимъ также письмо несчастнаго герцога Англенскаго и письмо королевы неаполитанской Каролины-Маріи, умоляющей о заслупничествѣ противъ французовъ. Письма графа С. Р. Воронцова, обнимающія время 1792—1804 гг., кажется, цѣниѣе всего, помѣщеннаго въ этомъ томѣ. Воронцовъ былъ замѣчательно способнымъ наблюдателемъ; поэтому его отзывы о польскихъ раздѣлахъ, о настроеніи умовъ въ Англіи, объ образѣ дѣйствій Австріи, Пруссіи и пр. заслуживаютъ полнаго вниманія. Самымъ важнымъ предметомъ его писемъ служатъ мѣры для успешной борьбы противъ Франціи. Вообще въ этихъ письмахъ нерѣдко попадаются болѣе или менѣе важныя данныя о современныхъ политическихъ событіяхъ.

С. А.—въ.

Отто Генне-амъ-Ринъ. Законы культуры. Переводъ съ нѣмецкаго. («Международная Библиотека»). Одесса. 1894.

Тощая книжка съ многообѣщающимъ заглавіемъ и крайне скуднымъ содержаніемъ, скуднымъ не въ одномъ лишь количественномъ смыслѣ. «Законовъ культуры», по Генне-амъ-Рину, четыре — ни болѣе, ни менѣе. Что

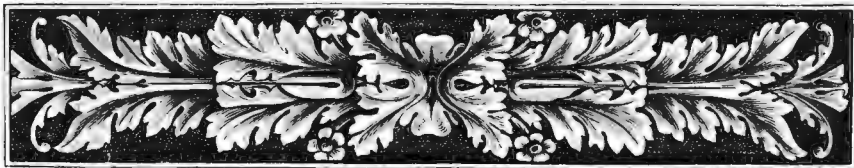

же это за законы? Это, во первых, «законъ прогресса» (стр. 10). Второй «законъ» заключается въ томъ, «что страны, удаленныя отъ моря, съ холоднымъ или жаркимъ климатомъ и незначительною береговою линіей, представляютъ собой плохую почву для зароженія и роста культуры» (стр. 14). Впрочемъ, по созванію самого автора, «законъ этотъ допускаетъ исключенія» (стр. 14). Третій «законъ»: «культура получаетъ тѣмъ высшее развитіе, чѣмъ большее число отдѣльныхъ народовъ соединяются въ одну общую группу» (стр. 17). Далѣе: «человѣчество подчинено закону прогрессирующей ассимиляціи, сглаживающей національныя особенности и расовыя отличія» (стр. 20). Это «формула четвертаго закона культуры». Если подобныя эмпирическія обобщенія должны называться законами культуры, то совершенно напрасно остановился авторъ на такой скромной цифрѣ: подобныхъ «законовъ», вѣдь, можно насчитать хоть четырежды-четыре, и даже сколько угодно; только вопросъ, полвинуть ли хоть на одинъ шагъ наше пониманіе культурнаго процесса подобныя «законы». Странно также встрѣчаться въ книгѣ, претендующей на серьезность, съ заявленіями, подобными слѣдующимъ: «съ успѣхами культуры прекращаются завоеванія, ибо сосѣдніе народы становятся равными по могуществу» (стр. 29); «ознакомленіе европейцевъ съ употребленіемъ чая и кофе—напитковъ возбуждающихъ, но не опьяняющихъ, было большимъ благодѣяніемъ, оно ослабило употребленіе вина и шло рука объ руку съ расцвѣтомъ литературы 17-го и 18-го столѣтій» (стр. 22).

Признаться, я прочелъ эту книжку, прельстившись ея заманчивымъ заглавіемъ, и настоящую замѣтку пишу въ надеждѣ, что мой горькій опытъ послужитъ спасительнымъ предостереженіемъ для тѣхъ, кто не успѣлъ еще попасться на ту же удочку.

П. А.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

ДАСТНАЯ ЖИЗНЬ 18 столѣтій тому назадъ. Вслѣдъ за знаменитымъ Бергло, другой академикъ, Дарестъ, знакомитъ читателей «Journal des Savants» съ новой фазой древней египетской жизни. Теперь дѣло идетъ не о медицинѣ, а о частной жизни въ эпоху римскаго владычества въ Египтѣ. Этотъ любопытный трудъ составленъ на основаніи недавно напечатанныхъ, Берлинскимъ музеемъ, хранящихся въ немъ, 360 официальныхъ документовъ, въ томъ числѣ судебныхъ приговоровъ, различныхъ контрактовъ и частныхъ писемъ, которые найдены въ Арсиноз, близъ Меридова озера. Дарестъ сгруппировалъ эти драгоценные документы по главнѣйшимъ проявленіямъ частной жизни и прежде всего останавливается на положеніи женщинъ въ Египтѣ. Изъ найденныхъ папирусовъ видно, что женщины могли совершать акты только при содѣйствіи мужа, брата, сына, зятя или какого нибудь другого родственника. Но бывали исключенія, что доказывается жалобой, поданной мѣстному префекту замужней женщиной, Тармуеой, въ 114 году, и въ которой она прямо объясняетъ, что дѣйствуетъ отъ своего имени по причинѣ отсутствія мужа и неимѣнія другихъ родственниковъ. У египтянъ, какъ оказывается, существовалъ обычай, также какъ и у персовъ, заключать браки между братьями и сестрами; такъ въ брачномъ свидѣтельствѣ 108 года Аполонія и его жены Марутти прямо занесено, что они братъ и сестра. Приданое приносилось женой, но оставалось ея собственностью, что видно изъ трехъ актовъ: 81, 85 и 98 годовъ; въ первыхъ двухъ общая цифра приданого опредѣлена въ 20 драхмъ, а въ послѣднемъ—въ 100. Мужъ во всѣхъ трехъ случаяхъ признаетъ получение приданого въ слѣдующей, одинаковой повсюду формѣ: «пока мужъ и жена живутъ между собою ладно, то мужъ обязанъ доставлять женѣ все, что ей нужно, именно одежду и предметы, требующіеся замужней женщинѣ, но согласно его средствамъ; если же они поссорятся и перестанутъ жить вмѣстѣ, то мужъ обязанъ возвратить женѣ приданое немедленно, если она»

самъ удалилъ отъ себя жену, и въ теченіе 30 дней, если разводъ совершенъ по обоюдному согласію; если же онъ этого не сдѣлаетъ въ опредѣленный срокъ, то жена имѣетъ право взыскать съ него въ полоторной суммѣ стоимость приданаго, при чемъ мужъ отвѣчаетъ лично и имущественно, а взысканіе производится исполнительнымъ порядкомъ, безъ судебного приговора». Римскіе солдаты не могли жениться пока находились на службѣ, и заключенные ими браки не считались законными, такъ что жена солдата не имѣла права требовать возврата своего приданаго; но уже тогда существовали ловкіе адвокаты для обхода закона, и солдаты въ брачныхъ актахъ признавали полученіе отъ жень не приданаго, а суды, или заклада. Но подобная хитрость не всегда удавалась. Какъ извѣстно, въ Египтѣ необходимо было для начатія извѣстнаго рода процессовъ предварительное разрѣшеніе префекта, и въ одномъ изъ берлинскихъ папирусовъ разсказывается любопытный случай по этому поводу. Луція-Макрина явилась къ префекту Лукацію и чрезъ своего адвоката Фадея просила разрѣшенія взыскать съ солдата Антонія Германія возврата суды. Но префектъ отвѣчалъ на ея просьбу: «Намъ извѣстно, что подобная суда—не что иное, какъ приданое, а потому я не разрѣшаю этого процесса, потому что солдаты по закону не имѣютъ права жениться». Самые интересные документы, которые приводитъ Дарестъ, относятся, однако, къ духовнымъ завѣщаніямъ. Въ египетской семьѣ той эпохи дочери получали одинаковую часть съ сыновьями, и только старшему сыну предоставлялась двойная доля. Но замѣчательно, что раздѣлъ наследства большею частью производился лишь на бумагѣ, и фактически владѣніе оставалось общимъ. Изъ числа приведенныхъ Дарестомъ духовныхъ завѣщаній особенный интересъ возбуждаютъ актъ отъ 17-го октября 189 года и приложенный къ нему добавочный актъ, а также протоколъ судебного засѣданія, въ которомъ разсматривался вопросъ о законности этого завѣщанія. Дѣло было въ томъ, что самое завѣщаніе не имѣло подписи завѣщателя, а имя его стояло вмѣстѣ съ именами шести свидѣтелей только подъ добавленіемъ. По этому случаю возникъ процессъ, и на судѣ четыре адвоката отстаивали каждый свой взглядъ съ краснорѣчіемъ, достойнымъ ихъ теперешнихъ собратьевъ. Такъ, адвокатъ Кассія, Филозій, говорилъ: «Родственникъ нашего кліента, римскій гражданинъ, чувствуя приближеніе смерти, написалъ духовное завѣщаніе и, позвавъ Кассія, просилъ его хранить это завѣщаніе и предъявить его только послѣ его смерти. Когда умеръ завѣщатель, Кассій созвалъ свидѣтелей, приложившихъ свои печати къ завѣщанію, чтобы они присутствовали при его вскрытіи, но они не явились. Кассій поэтому былъ вынужденъ обратиться къ закону, такъ какъ, въ случаѣ нескрытія завѣщанія онъ могъ подвергнуться законной карѣ. Его просьба уважена, и судъ вызвалъ четырехъ свидѣтелей и лицо, написавшее завѣщаніе. Кассій вслѣдствіе этого представляетъ завѣщаніе и проситъ его вскрыть. Если кто нибудь желаетъ оспаривать это завѣщаніе до его вскрытія, то это преждевременно, такъ какъ содержаніе его неизвѣстно». Но Лонгій, адвокатъ Исидора, возражаетъ: «Нашъ противникъ, боясь отвѣтственности за нескрытіе духовнаго завѣщанія, утверждаетъ, что у его кліента находится завѣщаніе его родственника, которое онъ и представляетъ. Но завѣщатель вовсе не былъ его родственникомъ, и я это сейчасъ докажу. Какъ бы то ни было, всякое завѣщаніе должно быть скрѣплено печатями семи свидѣтелей, а здѣсь явилось только четыре, поэтому я оспариваю подлинность этого завѣщанія».

Третій адвокатъ, Аполоніаній, замѣчаетъ: «Для законности духовнаго завѣщанія необходимо приложеніе печати какъ самого завѣщателя, такъ и свидѣтелей, а потому прежде всего слѣдуетъ опредѣлить подлинность печатей. Одинъ же изъ неявившихся свидѣтелей прислалъ свою печать, и она не соответствуетъ ни одной изъ печатей на завѣщаніи». Къ сожалѣнію, папирусъ обрывается на третьей адвокатской рѣчи, и остается неизвѣстнымъ результатъ процесса, но во всякомъ случаѣ изъ сохранившейся части протокола засѣданія видно, что сутяжничество процвѣтало 18 столѣтій тому назадъ не менѣе, чѣмъ теперь. Акты о куплѣ и продажѣ любопытны тѣмъ, что уплата обыкновенно производилась наличными деньгами, а проценты считались по двѣнадцати въ годъ. Гражданская давность опредѣлялась двадцатью годами. Относительно налоговъ и податей папирусы сообщаютъ довольно подробныя свѣдѣнія, и оказывается, что налогу подлежало почти все: жатва, вино, скоть, рыбная ловля и т. д., даже жертвы, приносимыя богамъ. Еще одна черта показываетъ, что не только по адвокатскому сутяжничеству и обширности налоговъ Египетъ въ римскую эпоху ни въ чемъ не уступалъ нашимъ временамъ, но что въ немъ процвѣтали и доносы которые по своей беззастѣнчивости могли бы соперничать съ современными.

— Дочь Галилея. Какъ въ февральскихъ книжкахъ иностранныхъ журналовъ выдающееся мѣсто занималъ впервые напечатанный въ «Nouvelle Revue» подробный сценарій драмы Прудона «Галилей», такъ въ мартовскихъ номерахъ обращаетъ на себя особое вниманіе статья о Галилеѣ, но не беллетристическаго, а историческаго характера. Въ «Revue de Paris» извѣстная французская писательница, скрывающая свое имя подъ псевдонимомъ Арведъ Барини, сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о старшей дочери Галилея на основаніи недавно изданныхъ въ Италіи Антоніемъ Фаваро ея писемъ подъ заглавіемъ: «Galileo Galileie Suor Maria Celeste». Оказывается, что эта дочь, бывшая монахиней въ обители Санъ-Матео, близъ Флоренціи, подъ именемъ сестры Маріи Селесты, находилась почти въ ежедневной перепискѣ съ знаменитымъ ученымъ въ самую важную эпоху его жизни, передъ его процессомъ и во время его. Хотя по несчастію письма Галилея исчезли, но все-таки остается надежда, что они найдутся, когда флорентійскіе епископы откроютъ для изслѣдователей старины свой драгоценный архивъ, въ чемъ они до сихъ поръ упорно отказываютъ; пока же и письма его дочери даютъ возможность ближе узнать частную жизнь Галилея и, такъ сказать, человѣческую сторону его знаменитаго процесса. Изъ этихъ писемъ можно ясно заключить, что сестра Марія Селеста была единственнымъ лучемъ въ его семейномъ кругу, такъ какъ съ самой юности онъ былъ обремененъ заботами о матери, сестрахъ, братьяхъ, племянникахъ и племянницахъ, а потомъ прижилъ съ одной венеціанкой, которая вскорѣ его бросила, сына и двухъ дочерей, бывшихъ также тяжелой для него обузой, кромѣ старшей дочери. Это была очень скромная дѣвушка, жившая въ бѣдномъ монастырѣ своимъ ручнымъ трудомъ, именно шитьемъ бѣлья; но воспитанная отцомъ и по природѣ очень умная, она поддерживала Галилея въ грустныя минуты его жизни сочувствіемъ не только сердечнымъ, но и интеллектуальнымъ, такъ какъ ей не была чужда ни одна изъ великихъ идей отца, который дѣлился съ ней всѣмъ, что занимало его свѣтлый умъ. Эта двойственность ея жизни: скромныя монастырскія обязанности и домашнія заботы объ отцѣ, которому она посылала то варенье, то лепешки, то фрукты съ одной сто-

роны, а съ другой—постоянный обмѣнъ съ нимъ самыхъ глубокихъ мыслей, придаютъ ея перепискѣ простую, естественную, наивную прелесть, а вмѣстѣ съ тѣмъ серьезное значеніе. Конечно, интересъ этихъ писемъ увеличивается, чѣмъ время подходитъ ближе къ началу процесса Галилея. Тутъ уже мелочные интересы жизни какъ скромнаго ученаго, такъ и смиренной монахини уступаютъ мѣсто научнымъ и философскимъ вопросамъ. Сестра Марія Селеста пишетъ уже о томъ, что она съ удовольствіемъ читала присланныя отцомъ бумаги, относящіяся до его переписки съ рамской куріей, что она очень благодарна за дозволеніе помогать ему своимъ посильнымъ трудомъ, хотя, къ сожалѣнію, не видно, въ чемъ заключалось ея содѣйствіе въ научныхъ трудахъ Галилея, и что она постоянно думаетъ съ опасеніемъ о послѣдствіяхъ начатой имъ борьбы съ католической церковью. Когда Галилей былъ вызванъ, наконецъ, инквизиціей въ Римъ, то его преданной дочери выпалъ двойной трудъ поддерживать его хозяйство во Флоренціи и утѣшать старика, которымъ овладѣло мрачное уныніе. Изъ любви къ этому единственному, по его собственнымъ словамъ, сокровищу его жизни, великій ученый долго скрывалъ отъ нея результатъ своего процесса, но она ухитрилась узнать всѣ его подробности и даже достать копію приговора инквизиціи, чего самъ Галилей никогда не могъ добиться. Убѣдившись, что дѣло кончилось вовсе не такъ благополучно, какъ увѣрялъ ее отецъ, и боясь, чтобы въ своемъ заточеніи онъ не сдѣлалъ новыхъ неосторожностей, которыя могли бы еще усилить его кару, она стала письменно уговаривать его быть благоразумнымъ и даже не писать ей тѣхъ прекрасныхъ писемъ объ его научныхъ открытіяхъ, которыя, однако, составляли всю отраду ея жизни. Такъ она, между прочимъ, 8-го октября 1633 года писала: «Я очень рада, что ваше здоровье хорошо, что вашъ умъ находится въ должномъ спокойствіи, и что вы занимаетесь тѣмъ, что служить вамъ утѣшеніемъ; но ради Бога бросьте занятія, которыя навлекли на васъ злую судьбу». Вмѣстѣ съ тѣмъ она успокоиваетъ страхъ, выраженный старикомъ, что приговоръ инквизиціи заставить свѣтъ забыть о немъ: «Я нимало не думаю, чтобы объ васъ забыли не только во всемъ свѣтѣ, но и на вашей родинѣ,—замѣчаетъ она:—напротивъ, зная, что нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ, я удивляюсь, что васъ здѣсь любятъ и уважаютъ больше, чѣмъ когда либо». Наконецъ, въ декабрѣ того же года Галилею дозволили жить, но подѣ строжайшимъ надзоромъ, въ его скромномъ жилищѣ въ окрестностяхъ Флоренціи, и тутъ прекращаются письма его дочери. Спустя три мѣсяца, она серьезно занемогла и вскорѣ скончалась. Самъ Галилей въ сохранившемся письмѣ къ одному изъ его друзей такъ отзывался объ этомъ грустномъ событіи: «Единственнымъ моимъ развлеченіемъ были частыя посѣщенія сосѣдняго монастыря, гдѣ у меня находились двѣ дочери, изъ которыхъ я особенно любилъ старшую, отличающуюся необыкновеннымъ умомъ, особой добротой и нѣжной преданностью ко мнѣ; во время моего заточенія она такъ горевала, предчувствуя, что я претерпѣваю большія страданія, и подвергалась такимъ припадкамъ меланхоліи, что, наконецъ, не выдержала, занемогла и тридцати трехъ лѣтъ отъ роду умерла, оставивъ меня въ самомъ крайнемъ отчаяніи». Другому приятелю онъ писалъ: «Мое положеніе ухудшилось смертью дочери до такой степени, что я и сказать не могу: печаль меня одолеваетъ, я чувствую себя неспособнымъ ни на что, и постоянно мнѣ слышится голосъ моей милой дочери, зовущей меня къ себѣ». Какой громадной потерей для Гали-

лея была смерть сестры Маріи Селесты, доказывается еще ярче многочисленными письмами, которыя онъ получилъ въ то время отъ всѣхъ своихъ друзей, ясно выражавшихъ, что, лишившись дочери, онъ лишился всего на свѣтѣ. «Я знаю,—писалъ одинъ изъ нихъ:—что она была вашимъ единственнымъ утѣшеніемъ и вполне сочувствую вашему горю, такъ какъ послѣ каждой бесѣды съ ней я бывалъ глубоко пораженъ ея умомъ, сердцемъ и высокими достоинствами». Архіепископъ Сиенскій выражается слѣдующимъ образомъ: «Я не имѣю словъ, чтобы высказать, какъ меня тронула смерть сестры Маріи; я давно знаю, что она составляла единственное ваше благо на землѣ, и что вы питали къ ней болѣе чѣмъ родительскую любовь». Послѣдующая жизнь Галилея вполне подтвердила, что онъ дѣйствительно потерялъ все со смертью дочери; онъ прожилъ послѣ нея девять лѣтъ, но его существованіе было самое жалкое, самое печальное: онъ ослѣпъ, страдалъ отъ тяжелаго недуга и, по распоряженію инквизиціи, находился подъ надзоромъ собственнаго сына, который изъ личныхъ расчетовъ сдѣлался тюремщикомъ отца и строго исполнялъ приказъ инквизиціи, требовавшей, чтобы «онъ не выходилъ изъ своего дома и не говорилъ ни съ кѣмъ о томъ, что земля движется».

— Гете и его новые афоризмы. Статьи о Гете продолжаютъ наводить нѣмецкую журналистику. Такъ, въ «Deutsche Revue», Бокъ рассказываетъ объ отношеніяхъ Гете къ профессору Гиссенскаго университета, Гефнеру, который познакомилъ его впервые съ этикой Спинозы; Отто Гарнакъ въ «Preussische Jahrbücher» подробно комментируетъ недавно опубликованные «Гетевскимъ Архивомъ» въ Веймарѣ неизвѣстные доселѣ афоризмы автора «Фауста», а въ «Deutsche Rundschau» напечатанъ проектъ Гете объ устройствѣ праздника въ честь Шиллера. Послѣднія неизданныя страницы великаго поэта тѣмъ любопытнѣе теперь, что, доказывая, какъ высоко онъ цѣнилъ своего соперника, онѣ представляютъ рѣдкій контрастъ съ современнымъ упадкомъ популярности Шиллера, котораго, по словамъ Нитше, можно только «по глупости, присущей нѣмцамъ, ставить рядомъ съ великимъ Гете». Но относительно изученія Гете, статья Гарнака болѣе интересна, хотя приводимые имъ, доселѣ невѣдомые, афоризмы Гете сами по себѣ такъ ясны и опредѣленны, что не требуютъ никакихъ объясненій. Вотъ замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: «Когда противникъ оспариваетъ меня, то онъ самъ, не замѣчая, только противопоставляетъ моему мнѣнію свое мнѣніе, а уясненіе самаго вопроса не дѣлаетъ шага впередъ.—Указывая пальцемъ на какое либо явленіе, мы только обращаемъ на него вниманіе, но, стараясь описать и выяснить его, мы уже придаемъ ему ту форму, въ которой оно представляется намъ; поэтому возникаютъ само собой недоразумѣнія и ошибки, такъ какъ при самой точной терминологіи, она можетъ терять свою точность при подробномъ описаніи отдѣльныхъ явленій.—Слабые умы болѣе всего заблуждаются потому, что въ своихъ индукціяхъ они переходятъ прямо отъ частнаго къ общему, тогда какъ общіе законы можно только вывести изъ цѣлаго ряда частныхъ.—Эмпиризмъ грѣшитъ своей безконечностью и дѣлаетъ невозможнымъ прійти къ общему заключенію.—Въ научныхъ обсужденіяхъ необходимо остерегаться, чтобы, стремясь къ разрѣшенію той или другой задачи, не слишкомъ ее усложнить.—Чтобы сдѣлать какую нибудь теорію популярной, необходимо довести ее до абсурда, а всякая теорія полу-

чаетъ значеніе только тогда, когда она примѣнена къ практикѣ.—Поэзія занимается разрѣшеніемъ вопросовъ природы путемъ образовъ, а философія имѣетъ предметомъ изслѣдованіе вопросовъ разума путемъ слова; но выше того и другого мистическое созерцаніе, которое разрѣшаетъ, въ одно и то же время, вопросы природы и ума путемъ образовъ и слова». Изъ послѣдняго афоризма видно, что Гете самъ представлялъ себѣ аргументы противъ возможности достигъ истины путемъ одной науки, и тутъ поэтъ бралъ въ немъ верхъ надъ ученымъ, такъ какъ въ сущности мистическое созерцаніе, которое онъ ставитъ выше поэзіи и того, что онъ называетъ философіей,— не что иное, какъ особый видъ поэзіи. Самъ Гете въ послѣдніе годы своей жизни говорилъ объ этой именно поэзіи, замѣчая Фридриху Ферстеру, что «всякій человѣкъ подъ старость становится мистикомъ».

— Каролина фонъ-Гундероде. Гуляя въ сентябрѣ 1814 г. въ окрестностяхъ Винкеля, на берегу Рейна, Гете не обратилъ никакого вниманія на то мѣсто, въ которомъ, по словамъ его спутниковъ, восемь лѣтъ передъ тѣмъ произошло романтическое самоубійство молодой нѣмецкой поэтессы, и въ своемъ дневникѣ только записалъ по этому случаю: «Всегда неприятно слушать рассказъ о драмѣ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она совершилась». Раньше Гете, Арнимъ, не боявшійся тяжелыхъ впечатлѣній, нарочно отправился на это мѣсто и писалъ потомъ своему другу: «Здѣсь прекратилась благородная жизнь, посвященная музамъ, благодаря романтическому заблужденію; бѣдная поэтесса, никто о тебѣ болѣе не помнитъ, и твои друзья не сохранили для потомства воспоминанія о твоей жизни и твоёмъ талантѣ». Молодая дѣвушка, окончившая свою жизнь самоубійствомъ близъ Винкеля, была Каролина фонъ-Гундероде, жертва царствовавшего тогда романтизма, бывшаго причиною и ея поэтическаго таланта, и ея трагической смерти. До сихъ поръ объ этой оригинальной личности имѣлось въ нѣмецкой литературѣ только одно сочиненіе ея друга, Беттины фонъ-Арнимъ, которая хотя отзывалась о своей героинѣ сочувственно, но рисовала ея жизнь въ такомъ видѣ, чтобы выставить всего болѣе себя, а потому ея рассказъ не возбуждаетъ довѣрія. Напротивъ, современный нѣмецкій литераторъ Гейгеръ, найдя случайно въ Франкфуртѣ переписку Каролины фонъ-Гундероде съ ея друзьями, составилъ вполне безпристрастную ея характеристику подъ заглавіемъ «*Caroline von Gunderode und ihre Freunde*». Пользуясь этой только-что вышедшей въ свѣтъ книгой, Вальберъ на страницахъ «*Revue des Deux Mondes*» рисуетъ въ краткихъ, но рельефныхъ чертахъ образъ этой романтично жившей и романтично умершей, нѣмецкой поэтессы. Дочь барона фонъ-Гундероде, извѣстнаго поэта въ классическомъ стилѣ, Каролина, семнадцати лѣтъ, вступила во франкфуртскую обитель Благородныхъ Сестеръ, которыя не отличались строгой монашеской жизнью. Она не только принимала въ своей келіи многочисленныхъ друзей, но и сама много выѣзжала, имѣя большія связи въ свѣтскомъ обществѣ. Меланхоличная и поэтичная отъ природы, при деликатномъ, слабомъ здоровьѣ, она естественно подпала подъ вліяніе моднаго тогда романтизма. Первый сборникъ ея стиховъ подъ псевдонимомъ «Тіана» возбудилъ общее сочувствіе, и самъ Гете призналъ ея стихотворенія «любопытнымъ, оригинальнымъ явленіемъ». Главнымъ характеромъ ея поэзіи была мистическая мечтательность и граціозная сантиментальность. Она пробовала свой талантъ и въ драмѣ, но безуспѣшно, за то мелкія ея

стихотворенія дышатъ поэтической искренностью. «Все безмолвно, все пусто,—говоритъ она въ одномъ изъ нихъ,—ничто меня не веселитъ. Цвѣты для меня не благоухаютъ, вечерняя прохлада меня не освѣжаетъ. На сердцѣ для меня тяжело; все умерло во мнѣ, и я не знаю, чего хочу, куда иду». Не только въ своей поэзіи, но и въ жизни, Каролина была пламенной послѣдовательницей романтизма, а такъ какъ однимъ изъ основныхъ его правилъ была платоническая любовь, или такъ называемая романтическая дружба то и она завела себѣ сердечныхъ друзей, сначала Савиньи и Брентано, которые тщетно старались превратить платоническую любовь въ нѣчто другое, а потомъ профессора Фридриха Крейцера. Хотя и въ отношеніи этого послѣдняго она долго придерживалась романтической дружбы, но подъ конецъ почувствовала къ нему такую страстную любовь, что предложила ему жить съ нимъ, переодѣвшись мужчиной, чтобы не возбуждать сплетенъ; но, не приведя въ исполненіе этого плана, она одумалась и потребовала, чтобы Крейцеръ, разведясь съ своею женой, женился на ней. Онъ рѣшился исполнить ея желаніе, и даже его жена не имѣла ничего противъ этого, но, по несчастію для Каролины, онъ неожиданно занемогъ, и жена такъ самоотверженно ухаживала за нимъ, что онъ далъ ей слово не только не жениться на Каролинѣ, но даже никогда не видать ея. Узнавъ объ этомъ, двадцатишестилѣтняя романтическая поэтесса пошла на берегъ Рейна и пронзила себѣ сердцѣ кинжаломъ.

— Письма профессора Паррота къ императору Александру I. Въ послѣднихъ номерахъ «Deutsche Revue» за прошедшій годъ и въ первыхъ за нынѣшній напечатаны Бинеманномъ письма и записки, адресованныя дерптскимъ профессоромъ Георгомъ-Фридрихомъ Парротомъ императору Александру I, съ которымъ онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Политическая роль Паррота до сихъ поръ была мало извѣстна, но оказывается, что онъ пользовался большимъ довѣріемъ императора и, по словамъ Бинеманна, вполне заслуживалъ высокой дружбы Александра своею политической дальновзоркостью, благоразуміемъ, твердостью и безкорыстной преданностью. Во всякомъ случаѣ, обнаруженная теперь, переписка Паррота служитъ драгоценнымъ матеріаломъ для характеристики интересной и сложной личности Александра I. Впервые императоръ увидалъ Паррота 22-го мая 1802 года, на торжественномъ приѣмѣ университетскихъ профессоровъ въ Дерптѣ. Пріизнесеніе пріѣздившему гостю выпало на долю Паррота, который былъ профессоромъ физики; но онъ не зналъ русскаго языка, какъ большинство его товарищей, и потому принужденъ былъ говорить пофранцузски. Рѣчь и внѣшность этого профессора такъ понравились императору, что онъ пригласилъ его провести вечеръ вдвоемъ и, къ своему удивленію, нашелъ, что этотъ ученый былъ такимъ же экспертомъ въ политикѣ, какъ въ наукѣ, отличаясь вмѣстѣ съ тѣмъ благоразуміемъ и практичностью. Наиболѣе же понравилось Александру, что Парротъ принадлежалъ къ неизвѣстному ему еще виду идеологовъ, которыхъ онъ вообще очень уважалъ. Съ перваго знакомства онъ почувствовалъ къ нему дружескія чувства, которыя со временемъ только утвердились особенно въ виду честности и преданности профессора, который самъ пламенно любилъ своего державнаго друга. Ему дозволено было во всякое время проникать въ кабинетъ императора, и послѣдній спрашивалъ у него совѣта по всѣмъ важ-

нымъ вопросамъ. Конечно, этотъ тайный совѣтчикъ императора возбуждалъ много зависти и вражды; много разъ его вліяніе должно было ступенчатѣе передѣ болѣе сильнымъ и ловкимъ давленіемъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ одерживали верхъ его взгляды и проекты. Такимъ образомъ, съ 1804 по 1812 годъ, Парротъ, преподавая попрежнему физику дерптскимъ студентамъ, игралъ значительную роль въ русской политикѣ, и никто болѣе его не подстрекалъ Александра противъ Наполеона, котораго онъ ненавидѣлъ всей своей нѣмецкой душой. Первое письмо Паррота, напечатанное Бинеманномъ помѣчено 28-го марта 1805 года и ясно доказываетъ, что онъ постоянно отговаривалъ Александра ввести въ Россіи конституцію, о чемъ отъ времени до времени мечталъ императоръ, и никогда онъ такъ не былъ близокъ къ осуществленію этого плана своей юности, какъ въ 1805 году. «Ваше величество,— писалъ Парротъ,—я не могу забыть нашего продолжительнаго разговора. Никогда ваше прекрасное сердце и ваша благородная личность не представлялись мнѣ въ такомъ яркомъ свѣтѣ, превосходя все великіе примѣры исторіи. Вы желаете отказаться отъ своей неограниченной власти и даровать вашему народу представительную систему. Но съ другой стороны я не могу не видѣть въ этомъ проектѣ только мечту великой души, мечту, осуществленіе которой привело бы къ несчастію какъ вашему, такъ и вашего народа. Я уже подробно выразилъ вамъ, почему я такъ думаю, но все-таки не могу отказать себѣ въ удовольствіи повторить свои доводы письменно. Прежде всего я долженъ напомнить вамъ о французской революціи. Вы думаете, что, даровавъ русскимъ конституцію, вы заслужите ихъ благодарность, и они уже никогда не потребуютъ большаго. Но дѣло въ томъ, что этотъ результатъ ничѣмъ не гарантированъ. Первая французская конституція была очень хороша во многихъ отношеніяхъ, но Франція не удовлетвовалась ею, и эта конституція была только первымъ шагомъ къ революціи, а французы по дорогѣ отрубили голову своему доброму королю, Людовику XVI. Правда, Наполеонъ имѣетъ возможность царствовать и сохранять нѣкоторое время возложенную имъ на свою голову корону, но его поддерживаетъ сотня одержанныхъ имъ побѣдъ, любовь французомъ къ славѣ и его хладнокровный, расчетливый характеръ. Для того, чтобы ввести представительное правленіе въ какой нибудь странѣ, необходимы три условія, которыя только могутъ примирить народную свободу съ упроченіемъ монархической власти. Первое условіе состоитъ въ существованіи того, что во Франціи называется среднимъ сословіемъ, т. е. буржуазныхъ горожанъ, привыкшихъ къ муниципальнымъ учрежденіямъ, и свободныхъ земледѣльцевъ, владѣющихъ собой и своимъ уголкомъ земли. А есть ли въ Россіи это третье сословіе? У васъ есть города, но большинство ихъ населенія рабы, которымъ господа дозволяютъ жить гдѣ имъ угодно, если только они аккуратно платятъ ежегодный оброкъ. Это не свободные граждане, а собственность господъ, которые могутъ располагать ими, какъ хотятъ. Второе необходимое условіе для конституціонной системы заключается въ томъ, чтобы конституція соотвѣтствовала естественнымъ и интеллектуальнымъ требованіямъ націи, а слѣдовательно, чтобы она возникла мало-по-малу и сама собой. А я убѣжденъ, что пройдетъ сто лѣтъ, прежде чѣмъ громадная агломерация расъ и народовъ, называемая Россіей, сдѣлается способной къ воспринятію какой либо конституціи, кромѣ той, которая все свела бы на

нѣтъ. Не ослѣпляйтесь на счетъ истиннаго состоянія цивилизаціи въ Россіи; даже та часть населенія, которую считаютъ просвѣщенной, имѣеть только призракъ цивилизаціи, отличается самыми варварскими стремленіями и положительно не способна къ введенію мирной конституціи. Вино-вень въ этомъ Петръ Великій, который отрѣзалъ у Россіи всякую возможность цивилизоваться. Екатерина II слѣдовала по тому же пути и оставила вамъ не полированный гранатъ, а кусокъ потертаго дерева, только сверху покрытаго лакомъ. Вы, напротивъ, избрали лучшую часть: вашей мечтой было сформировать, воспитать вашъ народъ, и придерживайтесь этой благородной цѣли. Третье условіе для введенія конституціи не менѣе необходимое— это уваженіе закона. Быть можетъ, въ извѣстной степени подобное уваженіе къ закону можно найти въ массѣ русскаго народа, но его не отыскать въ средѣ лицъ, управляющихъ государствомъ, отъ министровъ до самыхъ мелкихъ чиновниковъ. Это происходитъ отъ того, что уваженіе къ закону не можетъ развиваться иначе, какъ при существованіи опредѣленныхъ, непреложныхъ законовъ, чего нѣтъ въ Россіи, гдѣ одинъ законъ—воля государя. Вы хотите создать кодексъ русскихъ законовъ. Это основательно и благороднумно, только дай Богъ, чтобы вмѣстѣ съ законами вашъ народъ приобрѣлъ и уваженіе къ нимъ; но во всякомъ случаѣ это не можетъ совершиться въ одинъ день. Уваженіе къ законамъ составляетъ часть народныхъ нравовъ, а на измѣненіе народныхъ нравовъ необходимо время. По всѣмъ этимъ причинамъ вамъ необходимо сохранить самодержавную власть, какъ наслѣдіе не ваше личное, а всего вашего народа, а пока вы сохраните эту самодержавную власть, старайтесь, чтобы вашихъ подданныхъ освѣщаль тотъ мягкій, постоянный свѣтъ, который не ослѣпляетъ глазъ, а заставляетъ ихъ ясно видѣть. Считайте это письмо, мой любезный Александръ, какъ мое завѣщаніе, такъ какъ неизвѣстно, когда я снова буду имѣть счастье васъ видѣть». Дѣйствительно Парротъ пріѣзжалъ въ Петербургъ только по особому приказанію, или когда требовали того интересы его университета. Но либеральныя мечты Александра казались ему столь опасными, что онъ еще не разъ возвращался къ этому предмету въ своихъ письмахъ и объяснялъ ему въ еще болѣе живыхъ и рѣшительныхъ выраженіяхъ, что прежде введенія въ Россіи конституціоннаго правленія, необходимо создать много прогрессивныхъ реформъ. Въ числѣ этихъ реформъ онъ главнымъ образомъ указывалъ на улучшеніе чиновничьяго персонала. «Вы должны прежде всего,—писалъ Парротъ:—прекратить окружающую васъ административную подкупность. Посѣщайте сами суды, общественныя учрежденія, больницы, казармы, тюрьмы. Пусть каждая изъ вашихъ прогулокъ будетъ имѣть подобную цѣль. А также развѣжайте время отъ времени по своимъ провинціямъ; чаще всего бывайте въ Москвѣ, вашей древней столицѣ, гдѣ ядро русскаго дворянства. Вашими визитами вы ослабите царящій среди московскихъ аристократовъ, духъ оппозиціи». Императоръ болѣе или менѣе слѣдовалъ совѣтамъ Паррота, и спустя нѣсколько дней послѣ полученія этого письма, онъ впервые посѣтилъ петербургскія больницы. Но вскорѣ внѣшнія событія отвратили его отъ внутреннихъ вопросовъ. Новая коалиція образовалась противъ Наполеона, и Александръ колебался, принять ли ему въ ней участіе, какъ совѣтывали его министры. Онъ спросилъ по обыкновенію совѣта у Паррота, и тотъ очень энергично сталъ уговаривать его сохранить нейтралитетъ. Онъ пламенно ненавидѣлъ Наполеона,

но не ожидалъ ничего хорошаго для Россіи отъ войны въ то время, а особенно онъ питалъ глубокое недовѣріе къ Австріи и Англіи. Александръ и на этотъ разъ согласился съ доводами своего обычнаго совѣтника, но пожелалъ, чтобы Парротъ убѣдилъ его министровъ также, какъ его самого. Бесѣда между скромнымъ профессоромъ и могущественнымъ министромъ, княземъ Адамомъ Чарторійскимъ, самымъ рѣшительнымъ партизаномъ вмѣшательства въ европейскую войну, отличалась очень рѣзкимъ характеромъ, и въ концѣ концовъ оба противника остались при своихъ мнѣніяхъ. Тогда императоръ, хотя и признавая правильность взгляда Паррота, рѣшилъ дѣйствовать согласно желанію своихъ министровъ и объявилъ своему другу, что «Россія и человѣчество требуютъ отъ него уничтоженія всесвѣтнаго тирана». А когда онъ вернулся въ Петербургъ послѣ неудачнаго похода, то сказалъ Парроту, что на Аустерлицкомъ полѣ битвы онъ вспомнилъ о немъ и пожалѣлъ, что не послѣдовалъ его разумнымъ совѣтамъ, а въ особенности не послушался его предупрежденія о томъ, что Австрія измѣнитъ союзникамъ при первой возможности, что дѣйствительно и случилось. Александръ такъ высоко цѣнилъ дерптскаго профессора, что поручилъ ему составить отвѣтъ на тридцатый бюллетень Наполеона, въ которомъ онъ посвоему описалъ знаменитую Аустерлицкую битву, но русская военная администрація находилась въ такомъ безпорядкѣ, что, спустя два мѣсяца, Парротъ не могъ получить точныхъ свѣдѣній о томъ, сколько русскихъ войскъ участвовало въ этомъ сраженіи. Но если передъ Аустерлицемъ Парротъ совѣтовалъ Александру держаться нейтралитета, то послѣ Тильзита онъ всячески старался удержать своего царственнаго друга отъ слишкомъ большого довѣрія къ продолжительности мира. Онъ прямо указывалъ, что надо было принять всѣ мѣры для подготовки Россіи къ слѣдующей войнѣ, которая должна была быть для нея вопросомъ жизни и смерти. При этомъ онъ настаивалъ на своей излюбленной темѣ о необходимости уничтоженія административныхъ злоупотребленій. «Не надо ни слѣдствій, ни процессовъ,—говорилъ онъ:—то и другое лишь обрушивается на мелкихъ преступниковъ, а крупные остаются ненаказанными; противъ нихъ можетъ дѣйствовать только личная самодержавная власть». Относительно политики онъ настаивалъ на томъ, чтобы Россія сохраняла симпатіи поляковъ и турокъ. «Съ ними вы будете въ состояніи сдѣлать все,—замѣчаетъ онъ,—а безъ нихъ ничего, противъ самолюбія Наполеона, который рано или поздно заставитъ васъ снова вступить съ нимъ въ борьбу». Но Александръ, спрашивая попережнему совѣты у Паррота, чувствовалъ себя неловко въ его присутствіи и, какъ другъ Наполеона, считалъ несоотвѣтственнымъ съ этой дружбой находиться въ близкихъ отношеніяхъ съ его явнымъ врагомъ. Поэтому онъ избѣгалъ встрѣчъ съ нимъ и, проѣздомъ черезъ Дерптъ по дорогѣ въ Эрфуртъ въ 1808 году, принимая на почтовой станціи университетскихъ профессоровъ, не сказалъ ни слова своему вѣрному Парроту. Но едва онъ отвернулся отъ него, какъ дежурный камергеръ тайно подаль профессору длинное письмо отъ Александра, который извинялся передъ своимъ другомъ и обѣщалъ ему вести себя на Эрфуртскомъ свиданіи съ должными хладнокровіемъ и осторожностью. Наконецъ въ 1810 году, когда война, предсказанная Парротомъ, была уже для всѣхъ только вопросомъ времени, Александръ просилъ Паррота написать ему подробную записку о томъ, какъ ему всего лучше дѣйствовать при назрѣваю-

щихъ событіяхъ; но при этомъ замѣтилъ, что записку слѣдуетъ переписать другимъ почеркомъ. Эта записка, помѣченная: «секретно, весьма секретно», впервые цѣликомъ напечатана въ «Deutsche Revue» и представляетъ драгоценный историческій документъ. Онъ писанъ 15-го октября 1810 года, и Парротъ совѣтуетъ, какъ и прежде, Александру обезпечить себѣ дружбу Порты и поляковъ; относительно послѣднихъ онъ предлагаетъ даровать имъ независимость и сдѣлать королемъ князя Адама Чарторійскаго. Что касается до самой войны, то онъ говоритъ слѣдующее: «Главное, бросьте вашу идею вести крѣпостную войну; вы никогда ея не осуществите и не научите подобной тактикѣ русскую армію. Ведите все дѣло въ духѣ вашего народа. Образуйте большую резервную армію, которая ждала бы послѣдней минуты, чтобы одолѣть врага, а остальные свои войска раздѣлите на маленькіе отряды, которые постоянно ослабляли бы и отрѣзали все жизненныя средства наполеоновской арміи. Вѣдь вамъ придется вести оборонительную войну въ вашихъ предѣлахъ, и для вашего народа вопросъ будетъ идти о жизни и смерти. Не дѣлайте ни одного шага безъ обезпеченія своего тыла. Если Наполеонъ хочетъ войны съ вами, то лишь для того, чтобы возстановить свою военную славу, которая пошатнулась испанской войной, и онъ будетъ вести эту борьбу на ножахъ». Наконецъ, совѣтуя императору находиться въ своей арміи, Парротъ считалъ нужнымъ, чтобы онъ, уѣзжая изъ Петербурга, назначилъ регентшей императрицу. Пятнадцать мѣсяцевъ послѣ полученія этой замѣчательной записки, именно въ послѣднихъ дняхъ 1811 года, Александръ снова обратился за совѣтомъ къ своему другу относительно паденія Сперанскаго, котораго обвиняли въ сношеніяхъ съ Наполеономъ. Враги Сперанскаго настаивали не только на удаленіи его отъ дѣлъ, но и на смертной казни. Императоръ едва не рѣшился на подобную крутую мѣру, но прежде захотѣлъ спросить мнѣнія своего обычнаго совѣтника. Парротъ отвѣчалъ очень гуманно, но рѣзко: «Все, что вы мнѣ сообщаете о Сперанскомъ, представляетъ его въ очень неблагопріятномъ свѣтѣ, но, откровенно говоря, въ такомъ ли вы настроеніи духа, въ которомъ можно отличить правду отъ клеветы въ тѣхъ обвиненіяхъ, которыя введены на Сперанскаго? Не забудьте, что Сперанскаго ненавидятъ главнымъ образомъ потому, что вы питали къ нему полное довѣріе. Никто въ имперіи не долженъ быть выше министра, кромѣ васъ одного. Не думайте, что я хочу защищать Сперанскаго, напротивъ, онъ всегда ревновалъ меня къ вамъ, а то, что вы говорили мнѣ объ его характерѣ, не возбуждало во мнѣ желанія сблизиться съ нимъ. Но вы одинъ можете его судить, а для справедливаго суда вы не имѣете теперь ни времени, ни хладнокровія. Поэтому довольствуйтесь изгнаніемъ его изъ Петербурга и пресѣченіемъ ему средствъ къ сношенію съ непріателемъ. По окончаніи войны всегда будетъ время судить его». Александръ послушался Паррота и сослалъ Сперанскаго, а не предалъ его казни, но отвѣчалъ на письмо Паррота пофранцузски только нѣсколькими словами, въ которыхъ объяснилъ, что прочелъ его строки съ глубокимъ чувствомъ. Однако, слишкомъ откровенный и прямой тонъ скромнаго профессора, повидимому, не понравился императору, и онъ не только никогда болѣе не обращался къ нему за совѣтами, но даже до самой смерти не допускалъ его до себя.

— Судь надъ министрами Карла X. Предъ выходомъ каждаго новаго тома мемуаровъ канцлера Паскье появляются въ журналахъ выдаю-

ціеся изъ него отрывки, и такимъ образомъ въ мартовскихъ книжкахъ «*Revue de Paris*» помѣщена глава изъ VI тома. Въ ней авторъ разсказываетъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ эпизодовъ, въ которыхъ онъ игралъ первенствующую роль, именно процессъ князя Полиньяка и другихъ членовъ его министерства. Этотъ процессъ не имѣетъ юридическаго значенія, хотя и представляетъ рѣдкій примѣръ привлеченія къ отвѣтственности цѣлаго министерства за нарушеніе конституціи; но въ политическомъ отношеніи онъ отличается чрезвычайной важностью, какъ фактъ, рѣзко отдѣляющій первую либеральную и очень кратковременную часть царствованія Луи-Филиппа отъ послѣдующей многолѣтней реакціонной его эпохи, которая въ концѣ концовъ привела къ паденію Орлеанской династіи. Какъ извѣстно, герцогъ Орлеанскій, вступивъ на французскій престолъ послѣ іюльскихъ дней, принялъ на себя роль продолжателя революціи, пріостановленной въ своемъ логическомъ развитіи реакціонной политикой директоріи, консульства, имперіи и реставраціи; это значило, что онъ и его правительство, во главѣ котораго стояли Лафайетъ, Лафитъ и Дюпонъ, рѣшили провести рядъ самыхъ либеральныхъ и прогрессивныхъ реформъ въ духѣ принциповъ 89-го года. Но если французскій народъ, свергнувъ съ себя ненавистный клерикально-революціонный режимъ и довѣряя новому конституціонному правленію, ликовалъ по случаю своей побѣды, хотя и стоявшей значительнаго числа кровавыхъ жертвъ, то Европа пришла въ ужасъ отъ новой монархіи, ставившей себя подъ покровительство республиканскихъ принциповъ. Положеніе Луи-Филиппа въ средѣ европейскихъ государей было самое двусмысленное, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ убѣдился, что ему предстояло одно изъ двухъ: или искренно выработать во Франціи совершенно новую правительственную систему республики, съ номинальнымъ монархомъ во главѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживать въ Европѣ прогрессивныя народныя стремленія, или рѣшительно вступить на реакціонный путь предыдущихъ французскихъ правительствъ и подать руку меттерниховской Европѣ, которая въ такомъ случаѣ, конечно, признала бы его своимъ. Онъ не долго колебался въ выборѣ, и процессъ министровъ Карла X прямо доказалъ, что онъ остановился на послѣдней комбинаціи. Этотъ процессъ былъ возбужденъ въ минуту народнаго торжества послѣ паденія реставраціи, бѣгства Карла X и ареста главныхъ виновниковъ тѣхъ знаменитыхъ королевскихъ постановленій, которыя отмѣнили парламентскіе выборы, распустили палату и предоставили диктаторскую власть министерству князя Полиньяка, что и было причиной іюльской революціи. Такъ какъ Карлъ X былъ недостижимъ правосудію, то рѣшено было подвергнуть отвѣтственности его главныхъ министровъ, именно Полиньяка, Пейронне, Шантлозе и Гернона-Ранвиля за нарушеніе конституціи и навлеченіе вслѣдствіе этого на страну всѣхъ бѣдствій междоусобной войны. Либералы, господствовавшіе тогда въ парламентѣ, министерствѣ и совѣтахъ новаго короля, настаивали на томъ, чтобы эти рьяные враги народной свободы заплатили своей жизнью за множество кровавыхъ жертвъ ихъ слѣпой политики; но Луи-Филиппъ съ его сторонниками, дѣйствовавшими еще тайно въ то время, рѣшили, путемъ ловкой подтасовки картъ, сохранить жизнь обвиняемымъ и придать ихъ процессу такой характеръ, чтобы, съ одной стороны, Европа успокоилась на счетъ грозившаго развитія революціонныхъ идей, а съ другой — бойцы іюль-

скихъ дней, разгнѣванные снисхожденіемъ къ ихъ врагамъ, произвели уличные беспорядки и тѣмъ дали бы возможность правительству принять репрессивныя мѣры. Съ этой цѣлью прежде всего дѣло министровъ было изъято изъ подсудности общихъ судовъ подъ предлогомъ, что князь Польнякъ, какъ членъ верховной палаты, былъ подсуденъ только этой палатѣ въ качествѣ верховнаго суда, которому слѣдовательно надлежало судить всѣхъ обвиняемыхъ, а затѣмъ обвиненіе, предъявленное противъ нихъ палатой депутатовъ въ государственной измѣнѣ и возбужденіи кровопролитія въ странѣ, было ограничено одной измѣной, подъ которой разумѣлось лишь нарушеніе конституціи. Благодаря этой ловкой манипуляціи, и наказаніе виновнымъ выходило изъ предѣловъ уголовного кодекса, такъ какъ о нарушеніи конституціи говорилось только въ ея текстѣ, а въ виду неупоминанія въ ней подлежащей кары за такое нарушеніе, самой палатѣ перовъ приходилось назначить наказаніе по аналогіи. Въ такомъ видѣ дѣло началось въ верхней палатѣ 15-го декабря 1830 года, и Паскѣ, какъ ея предсѣдатель, руководилъ имъ въ томъ смыслѣ, какого желалъ король и его тайные совѣтники, а потому и въ своихъ мемуарахъ онъ старается придать какъ своей дѣятельности, такъ и приговору палаты гуманный и рыцарскій характеръ. По его словамъ, перы хотѣли положить предѣлъ политической мести и представить примѣръ того, какъ новое правительство должно человѣчно относиться къ предыдущему, хотя бы и заблуждавшемуся, а вовсе не руководствовалось никакими личностями, хотя большинство ихъ и были друзьями обвиняемыхъ. Кромѣ того, онъ выставляетъ себя и своихъ товарищей въ самомъ блестящемъ свѣтѣ относительно ихъ геройской отваги, такъ какъ они произнесли свой приговоръ, не боясь народнаго возстанія, которое могло легко вспыхнуть въ виду общаго ожиданія, что ненавистные народу бурбонскіе министры будутъ преданы смертной казни. Но хотя, такимъ образомъ, рассказъ Паскѣ является одностороннимъ и тенденціознымъ, онъ, однако, по живости красокъ и драматичности рисуемой картины этого необычнаго суда, чрезвычайно любопытенъ и читается, какъ романъ. Шестъ дней продолжалось публичное разсмотрѣніе этого дѣла въ полномъ составѣ палаты перовъ, состоявшей изъ 134 членовъ; предсѣдатель и обвиняемые уже указаны, обвинителями явились три делегата палаты депутатовъ, а среди защитниковъ были Мартинякъ, членъ одного изъ предыдущихъ кабинетовъ реставраціи, и будущій знаменитый адвокатъ, а тогда еще невзвѣстный юноша, Кремье. По тайному соглашенію всѣ и обвинители, и защитники, и свидѣтели старались какъ можно болѣе ступѣть виновность подсудимыхъ. Обвиненіе велось очень умѣренно, предсѣдатель допрашивалъ свидѣтелей въ такомъ духѣ, чтобы они не высказали ничего лишняго, сами свидѣтели показывали только то, что было крайне необходимо, и когда защитники вступали съ ними въ споръ, то они вполголоса грозили разоблачить всю правду, если ихъ выведутъ изъ терпѣнія, а сами адвокаты не столько защищали своихъ кліентовъ, сколько взывали къ милосердію и ссылались на то, что министры, хотя по конституціи и ответственныя лица, въ сущности дѣйствовали только по приказанію короля. Всю эту комедію было тѣмъ легче разыграть, что изъ обвиненія была устранена самая щекотливая его часть, именно вопросъ о возбужденіи междоусобной борьбы. Какъ было рѣшено заранѣе, такъ все и вертѣлось на нарушеніи конституціи, хотя, строго говоря, конституція и не была нарушена,

такъ какъ злоподучныя королевскія постановленія были основаны на 14-й статьѣ этой самой конституціи. Чѣмъ далѣе продолжался процессъ, и очевиднѣе становился его результатъ, противорѣчившій народнымъ ожиданіямъ, тѣмъ политическія страсти болѣе разгорались, и разсвирѣпѣвшія толпы, окружая зданіе палаты, оглашали воздухъ криками: «смерть измѣнникамъ», а при входѣ и выходѣ перовъ грозили имъ кучачной расправой. При такой драматической обстановкѣ, наконецъ, приговоръ былъ постановленъ; всѣ четыре обвиняемыхъ были признаны виновными въ государственной измѣнѣ и подвергнуты пожизненному тюремному заключенію, при чемъ къ Полиньяку еще примѣнена была гражданская смерть. Этимъ послѣднимъ выраженіемъ судьи хотѣли пустить толпѣ пыль въ глаза и увеличить силу постановленной кары. Относительно буржуазныхъ слоевъ, ихъ хитрость вполне удалась, но народныя толпы были возмущены тѣмъ болѣе, что многіе изъ этихъ самыхъ судей нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ не задумались приговорить къ смерти знаменитаго героя, маршала Нея, виновнаго лишь въ томъ, что онъ со всей Франціей перешелъ на сторону Наполеона во время Ста Дней. Хотя обвиняемыхъ до объявленія приговора удалили изъ залы засѣданія и тайно увезли въ Венсенскій замокъ, что спасло ихъ отъ народной расправы; но разгнѣванныя приговоромъ толпы произвели уличные беспорядки и тѣмъ дали Луи-Филиппу, какъ онъ и рассчитывалъ, предлогъ для репрессивныхъ мѣръ. Въ слѣдствіе этого либеральное министерство и Лафайетъ, главнокомандующій арміей и національной гвардіей подали въ отставку, реакція началась и, благодаря сначала ретроградной политикѣ Казимира Перье, а потомъ доктринерному, консервативному упорству Гизо, она, спустя восемнадцать лѣтъ, привела къ революціи 1848 года.

— Тьеръ и Наполеонъ III. Въ февральской и мартовской книжкахъ «North American Review» Альбертъ Вандамъ сообщаетъ чрезвычайно оригинальныя и во всякомъ случаѣ интересныя, хотя и сомнительныя, свѣдѣнія о второй имперіи. Такъ, онъ рассказываетъ очень подозрительный по своей тенденціозности анекдотъ о прибытіи Людовика-Наполеона въ Парижъ тотчасъ послѣ февральской революціи, когда еще на улицахъ виднѣлись остатки баррикадъ. Принцъ будто бы пѣшкомъ и, держа въ рукахъ свой дорожный мѣшокъ, пробирался мимо этихъ остатковъ баррикадъ къ дому своего пріятели, у котораго онъ остановился, когда какая-то женщина сказала ему: «Чего ты тутъ шляешься, молодой человекъ, помоги мнѣ лучше привести въ порядокъ мостовую; пора ужъ покончить съ этой сумятицей». На это, по увѣренію Вандама, будущій императоръ отвѣчалъ: «Я для этого именно и пріѣхалъ сюда, сударыня». Хотя авторъ воспоминаній и удостовѣряетъ, что самъ слышалъ этотъ рассказъ изъ устъ Наполеона III, но врядъ ли этого одного свидѣтельства достаточно, чтобы придать его анекдоту историческую достовѣрность. То же можно сказать и объ еще болѣе интересномъ его рассказѣ на счетъ отношеній Тьера къ Наполеону III передъ франко-прусской войной, виновникомъ которой онъ считаетъ Тьера наравнѣ съ самимъ императоромъ. По его словамъ, незадолго до войны Тьеръ послалъ вѣрнаго человека къ герцогинѣ Аниѣ Муши, которая пользовалась большимъ довѣріемъ императора, и этотъ посланный сказалъ ей: «Тьеръ желаетъ, чтобы вы передали императору слѣдующее: во-первыхъ, грозящая война между Франціей и Пруссіей неизбежна; во-вторыхъ, для веденія успешной войны

императору необходимо министерство изъ людей знающихъ и опытныхъ, а не такихъ неспособныхъ лицъ, какъ члены кабинета Оливье; въ-третьихъ, императору понадобятся популярныя люди, пользующіеся довѣріемъ и уваженіемъ всей націи, и, наконецъ, въ-четвертыхъ, при такихъ обстоятельствахъ онъ, Тьеръ, готовъ сформировать министерство подъ своимъ главенствомъ». Герцогиня отказалась передать императору такое важное порученіе изъ вторыхъ рукъ, а потому Тьеръ лично явился къ ней и повторилъ все то, что поручилъ сказать ей чрезъ своего посланнаго. Тогда герцогиня отправилась къ Наполеону и точно передала слова Тьера, а императоръ на это отвѣчалъ: «Милая Анна, не въ первый и не во второй разъ Тьеръ дѣлаетъ мнѣ подобныя предложенія подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ. Еще недавно г-жа Колонна передала мнѣ его согласіе содѣйствовать мнѣ къ водворенію парламентскаго режима. Откровенно говоря, я не питаю большого сочувствія и довѣрія къ этой хитрой, пронырливой, всюду сующейся и самонадѣянной личности, но главное я уже болѣе не имѣю неограниченной власти. Я искренно принялъ на себя роль конституціоннаго правителя и не отступлю отъ нея. Теперешнее министерство располагаетъ значительнымъ большинствомъ въ обѣихъ палатахъ, и смѣнить его безъ всякой уважительной причины было бы съ моей стороны проявленіемъ самовластиа, на которое я не имѣю болѣе права. Если въ ближайшемъ, или отдаленномъ будущемъ палата свергнетъ министерство Оливье по интерпелляціи Тьера, то мнѣ представится еще возможность поручить ему составить новое министерство; но теперь я обязанъ сохранить существующій кабинетъ. Поблагодарите отъ меня Тьера и скажите, что я очень обязанъ ему за его предостереженія и хлопоты, но не могу воспользоваться его предложеніемъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время». Хотя Тьеръ всегда былъ извѣстенъ своимъ политическимъ хамелеонствомъ, но врядъ ли онъ былъ способенъ на такую, компрометирующую его, уловку, особенно въ то время, когда онъ публично предостерегалъ Францію отъ гибельной для нея войны. Во всякомъ случаѣ эта любопытная легенда заслуживаетъ основательнаго разъясненія со стороны друзей перваго президента третьей французской республики.

— Среди историковъ. Историческая наука въ послѣднее время понесла двѣ потери. Въ Миланѣ скончался если не единственный, то во всякомъ случаѣ первый изъ итальянскихъ историковъ, Чезаре Канту. Родившись въ 1805 году въ Бривіо, онъ воспитывался въ духовной семинаріи, такъ какъ родители готовили его въ патеры; но, предпочитая педагогическую дѣятельность, онъ семнадцати лѣтъ занялся преподаваніемъ литературы въ различныхъ коллегіяхъ, прежде въ Сандріо, потомъ въ Комо и, наконецъ, въ Миланѣ. Подчинившись господствовавшему тогда среди молодежи либеральному духу, онъ написалъ «Исторію Ломбардіи въ XVII столѣтіи», которая возбудила негодованіе австрійскаго правительства, и молодой историкъ былъ посаженъ въ тюрьму на три года. Въ заточеніи онъ не оставался правымъ, и относящійся къ этому времени его историческій романъ «Маргарита Пустерла» часто приравнивался итальянскими критиками къ знаменитому роману Манцони «Promessi Sposi». Затѣмъ, выпущенный на свободу, онъ продолжалъ много писать въ прозѣ и стихахъ, преимущественно въ либеральныхъ журналахъ; но съ теченіемъ времени онъ все болѣе и болѣе преда-

вался историческимъ трудамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ удалялся отъ своихъ прежнихъ либеральныхъ идеаловъ и сталъ выражать клерикальныя убѣжденія, даже проповѣдывать, что лучшее устройство для Италіи—союзъ мелкихъ государей подъ главенствомъ папы и Австріи. Какъ историкъ, Канту написали чреввычайно много обширныхъ и краткихъ монографій, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаютъ многотомная «Всеобщая Исторія», переведенная на многіе европейскіе языки, «Исторія послѣднихъ ста лѣтъ» и «Исторія итальянцевъ». Хотя онъ не могъ претендовать на славу первокласснаго историка, но первый изъ названныхъ его трудовъ, по добросовѣстному, усидчивому изученію матеріаловъ и ясному, систематическому изложенію, долго считался классическимъ, авторитетнымъ сочиненіемъ. Вообще онъ былъ однимъ изъ самыхъ плодovitыхъ писателей нашего времени, и если собрать всѣ его произведенія, въ томъ числѣ много книгъ для юношества и народа, то составитъ библіотека въ 200 томовъ. Совершенно инымъ историкомъ былъ умершій надняхъ сэръ Джонъ Силей, послѣ кончины котораго число выдающихся англійскихъ историковъ, еще недавно состоявшее, по словамъ лондонской прессы, изъ четырехъ лицъ, уменьшилось до трехъ, именно: профессора Гардинера, профессора Стубса и Вильяма Лекки. Авторъ знаменитой біографіи Штейна и мастерской краткой жизни Наполеона, а также профессоръ современной исторіи въ Кембриджскомъ университетѣ, Силей былъ не только выдающимся историкомъ, но и замѣчательнымъ публицистомъ. Смерть его и незадолго предшествовавшая ей кончина Фруда доказали воочію, при выборѣ ихъ преемниковъ для историческихъ кафедръ первыхъ англійскихъ университетовъ Оксфордскаго и Кембриджскаго, на сколько скуденъ персоналъ теперешнихъ англійскихъ историковъ. Каеэдра Фруда, занятая передъ тѣмъ Фриманомъ, перешла къ молодому малоизвѣстному виѣ Англии ученому и публицисту Фредрику Повелю. Ему 44 года, и окончивъ воспитаніе въ Ругбійской школѣ, онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ и потомъ уже поступилъ въ Оксфордскій университетъ. Благодаря своему долгому пребыванію во Франціи, онъ сдѣлался прекраснымъ французскимъ лингвистомъ и также хорошо изучилъ испанскій языкъ, но, выйдя изъ Оксфорда, онъ почти исключительно предался изслѣдованію старинныхъ исландскихъ сагъ и напечаталъ по этой части нѣсколько ученыхъ трудовъ. По общей исторіи онъ только до сихъ поръ написалъ: «Ранняя Англія до нормандскаго нашествія», имѣвшая значительный успѣхъ. Кромѣ того, онъ вмѣстѣ съ Гардинеромъ издаетъ «Англійскій историческій журналъ». Во всякомъ случаѣ, хотя Повель еще не составилъ себѣ славы историка наравнѣ со своими предшественниками по кафедрѣ, но онъ все-таки получилъ университетское образованіе, много работалъ съ знаменитымъ Фриманомъ, читалъ лекціи по исторіи въ коллегіи Тройцы и состоялъ экзаменаторомъ для лицъ, поступающихъ на гражданскую службу какъ въ Оксфордѣ, такъ и въ Кембриджѣ, а, слѣдовательно, онъ свой человекъ въ университетскомъ мірѣ. Но этого нельзя сказать о новомъ профессорѣ современной исторіи въ Кембриджскомъ университетѣ, лордѣ Актонѣ. Этотъ выборъ поразилъ всю англійскую прессу, такъ какъ появленіе на университетской кафедрѣ лорда явленіе необыкновенное, а если прибавить къ этому, что лордъ Актонъ никогда не бывалъ въ университетѣ ни студентомъ, ни лекторомъ, что онъ католикъ и получилъ образованіе въ католической коллегіи св. Маріи въ

Оскотъ, а потомъ въ Мюнхенѣ, подъ руководствомъ знаменитаго Делингера и, наконецъ, не написалъ ни одного историческаго труда, кромѣ журнальныхъ статей публицистическаго содержанія, то дѣйствительно его назначеніе Кембриджскимъ университетомъ въ преемники сэра Джона Силея представляеть знаменательное явленіе. Но если поближе взглянуть на личность новаго профессора исторіи, то окажется, что древній англійскій университетъ сдѣлалъ очень любопытное и полное сочувствія новшество, такъ какъ лордъ Актонъ одинъ изъ самыхъ образованныхъ и знающихъ по всеобщей и англійской исторіи людей. Его серьезно называютъ ходячей энциклопедіей, и Гладстонъ, къ которому также можно было бы примѣнить этотъ эпитетъ, всегда обращался къ нему въ послѣдніе годы за совѣтами и свѣдѣніями по сложнымъ и темнымъ историческимъ вопросамъ. Но до сихъ поръ лордъ Актонъ, мало принимавшій участія въ политическихъ дѣлахъ, хотя былъ депутатомъ и теперь состоитъ членомъ палаты перовъ, занимался для себя научными вопросами и только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, во время полемики, возбужденной признаніемъ въ Римѣ догмата папской непогрѣшимости, онъ помѣщалъ, обращавшія на себя общее вниманіе основательныя серьезныя статьи, отличавшіяся научной исторической подкладкой. Кромѣ того, онъ издавалъ недолго существовавшіе журналы: «Home and Foreign Review» и «North British Review», а прежде тѣмъ Кембриджъ предоставилъ свою историческую кафедру тому шестидесятилѣтнему лорду, онъ уже, вмѣстѣ съ Оксфордомъ и Мюнхеномъ, сдѣлалъ его почетнымъ докторомъ.

Во Франціи послѣдній мѣсяць ознаменовался торжествомъ двухъ историковъ. Академія приняла въ число своихъ безсмертныхъ Альбера Сореля, который занялъ кресло Тэна. Этотъ выборъ какъ нельзя болѣе удаченъ, потому что Сорель, какъ ученикъ своего знаменитаго предшественника и одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ современныхъ французскихъ историковъ, является достойнымъ замѣстителемъ Тэна. Онъ это вполне доказалъ своей блестящей вступительной рѣчью, въ которой, рельефно выставивъ всѣ великія заслуги, оказанныя его учителемъ литературѣ и наукѣ, онъ очень ловко и въ умѣренныхъ выраженіяхъ, но совершенно ясно, выразилъ свои собственные оригинальные взгляды на исторію вообще и на исторію французской революціи въ особенности. Это тѣмъ легче было ему сдѣлать, что его главный до сихъ поръ историческій трудъ составляетъ: «Европа и французская революція», гдѣ онъ впервые ввелъ французскую революцію въ общую исторію, доказавъ фактически и съ самой строгой логикой, что эта революція не что иное, какъ необходимый фазисъ общей исторіи. Ту же идею онъ провелъ и въ своей рѣчи, которая много еще выиграла отъ того, что на нее отвѣчалъ герцогъ Брольи, который какъ ни ехидничалъ противъ Тэна и самого Сореля, какъ ни прибѣгалъ къ туманнымъ риторическимъ фигурамъ, но не могъ сказать ни одного живого слова о Тэнѣ и о французской революціи. Другое торжество, въ которомъ исторія однако не играла главной роли, было устроено въ честь извѣстнаго французскаго писателя Эдмона Гонкура, но такъ какъ онъ и его братъ Жюль заслуживаютъ славы не только какъ романисты, драматурги, художники и эстетика, но и какъ историки, то и великолѣпный банкетъ, данный въ Парижѣ въ честь живого и мертваго компаньоновъ литературной фирмы «Братья Гонкуры», имѣеть отношеніе и къ области исторіи. Поэтому въ рѣчахъ, произнесенныхъ на банкетѣ министромъ

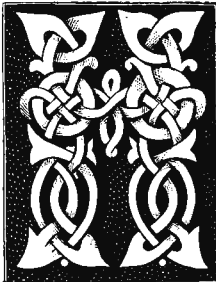
народнаго просвѣщенія, Пуанкаре, бывшимъ депутатомъ и журналистомъ, Клемансо, Альфонсомъ Доде и Зола, отведено было мѣсто и прославленію ихъ за-слугъ, какъ историковъ, возстановившихъ съ художественной прелестью прошедшій вѣкъ. Точно также и въ отдѣльномъ номерѣ «Revue Encyclopedique», среди статей: Альфонса Доде «Какъ надо читать Гонкуровъ», Поля Маргарита «Гонкуры-романисты», Леона Эника «Гонкуры-драматурги» и Маркса «Гонкуры—критики и художники», помѣщенъ очеркъ Рони «Гонкуры историки». Въ этомъ небольшомъ, но мастерски составленномъ очеркѣ вполне охарактеризованы историческіе труды Гонкуровъ, которые такъ много потрудились для художественнаго воспроизведенія общественной и частной жизни XVIII столѣтія въ своихъ произведеніяхъ: «Исторія французскаго общества во время революціи», «Общество во время директоріи», «Марія-Антуанета» «Любовница Людовика XV», «Женщина въ XVIII столѣтіи» и т. д.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Нѣмецкія картины русской жизни.—Книга Новикова о растратахъ современнаго общества.—Англорусское литературное общество.—Жертвоприношеніе дымомъ.—Молдавскій авантюристъ.—«Законъ исторіи. Научная организація исторіи».

БКТО Эбергардъ Краусъ печатаетъ изслѣдованія о русской жизни и о русскомъ творчествѣ (*Russisches Leben und russische Dichtung*). Авторъ находитъ, что точно также, какъ русскіе образы написаны по золотому фону темными, густыми красками, первыя русскія стихотворенія легко и гениально набросаны блестящими золотыми чертами на темномъ фонѣ русской жизни, но густыя темныя краски скоро выступили наружу, и отъ поволоты остались едва замѣтные слѣды. Русское творчество приняло при этомъ нежелательную національную окраску. Народъ, вышедшій почти безъ всякой подготовки на попріище развитія, былъ обязанъ слѣдовать примѣру своихъ учителей въ условіяхъ постепеннаго развитія, а не эксцентричныхъ явленій. Подобно суровому климату ихъ родины, холодъ умственной атмосферы съ трудомъ могъ быть растопленъ внутреннимъ увлеченіемъ. Число развитыхъ людей никогда не было велико въ Россіи. Славянскій элементъ по своей натурѣ не бѣтается полною жизнью, какъ у европейцевъ, хотя русскіе писатели, даже политическіе и соціальные, тщательно и безпристрастно изучаютъ явленія жизни. Даже такой либеральный романистъ, какъ Тургеневъ, такъ равномерно распредѣлялъ въ своихъ произведеніяхъ свѣтъ и тѣни на всѣ классы, сословія и партіи своего отечества, что его стали упрекать въ излишней мягкости. Съ его времени русская литература приняла національное направленіе съ преобладаніемъ матеріализма надъ идеаломъ, съ стремленіемъ къ пессимизму. «Жизнь, исторія и основныя черты угро-славянской расы бѣдны проявленіями цвѣтущаго романтизма и героизма. Послѣдній проявляется не какъ дѣйствующая сила, а въ формѣ геройскаго мученичества. Что-то смутное, подавляющее, обезцвѣчивающее лежитъ на произведеніяхъ русской печати. Даже ея легендамъ не достаетъ поэтическихкихъ чудесъ католичества

(видно, что авторъ католикъ), какъ не достаетъ рыцарскихъ романовъ, имѣвшихъ такое вліяніе на западную литературу. Романтизмъ явился въ формѣ байронизма». Далѣе авторъ, выражаясь учтиво, горюдитъ уже совершенную чушь, говоря о подражаніи стихотворцевъ классическимъ нѣмецкимъ поэтамъ, Гоголя—польскимъ (и именно въ «Тарасѣ Бульбѣ»), Лермонтова—восточнымъ поэтамъ въ его кавказскихъ стихотвореніяхъ и проч. Лаца въ произведеніяхъ Гоголя являются сплошными мошенниками, отталкивающими фигурами. Потомъ авторъ находитъ въ русской литературѣ много идеализма и натурализма. Однимъ словомъ, изъ всѣхъ разглагольствованій нѣмца видно, что онъ все-таки мало знакомъ съ предметомъ, который взялся изслѣдовать. Можно согласиться съ его мнѣніемъ, что при Николаѣ I и Александрѣ II было не мало выдающихся личностей, а характеровъ вовсе не было. Съ характеромъ соединяется понятіе о серьезнаго рода дѣятельности, тогда какъ индивидуальность можетъ проявляться и въ полномъ бездѣйствіи, въ праздности. Свой изслѣдованіи авторъ оканчиваетъ защитою идей и произведеній Тургенева. Въ романѣ Адольфа Вильбрандта «Дѣти Адама» приводится сцена чтенія повѣсти Тургенева въ обществѣ, и одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ: «оставьте вы этого Тургенева, все это невыносимо длинно: у него есть, пожалуй, женская наблюдательность, но никакой силы, ни свѣжести. Прочтите что нибудь изъ мужской литературы, хоть Шекспира». Но нельзя же видѣть въ русской литературѣ одну сентиментальность,—замѣчаетъ авторъ. Развѣ нѣтъ и нѣмецкихъ поэтовъ, одѣленныхъ женскою нервозностью? Нельзя же восхищаться однимъ Шекспиромъ. Да развѣ и у него нѣтъ ничего женственнаго? Безъ этого элемента невозможна никакая драма, никакой эпосъ. Тургеневъ передавалъ впечатлѣнія такъ вѣрно и непосредственно, какъ получалъ ихъ. Черезъ него Европа познакомила съ русской литературой.

— Въ Парижѣ вышла книга подъ нѣсколькими странными названіемъ: «Растраты современныхъ обществъ» (*Les gaspillages des sociétés modernes*), написанная нашимъ соотечественникомъ И. Новиковымъ. Намъ случалось говорить о его первомъ произведеніи, появившемся также въ Парижѣ: «Борьба между человѣческими обществами», но то сочиненіе было чисто социально-политическаго содержанія. О вышедшемъ нынѣ французская критика отзывалась съ большою похвалою, находя даже, что любопытно знать, что думаетъ объ общественныхъ вопросахъ писатель изъ страны Толстого и Достоевскаго, особенно если это писатель ученый, своболомыслящій и свѣдущій. Новикова поражаютъ перемѣны въ настроеніи общества. Онъ видитъ, что массы все болѣе и болѣе приобретаютъ господство въ мірѣ. Можетъ быть, нѣсколько обеспокоенный этимъ, онъ однакожъ этому не удивляется, такъ какъ это должно было случиться. Печать и локомобиль—два великихъ обобщителя и вмѣстѣ съ тѣмъ уравниателя. Съ машинами, печатающими тысячу листовъ въ минуту и перевозящими въ годъ миллиарды пассажировъ по желѣзнымъ дорогамъ, міръ, конечно, не могъ быть такимъ, какъ сорокъ лѣтъ назадъ. Кто прежде ничего не читалъ и никуда не ѣздилъ, теперь слѣдятъ за тѣмъ, что дѣлается на свѣтѣ, живутъ со всѣми общою жизнью, понимая, конечно, многое посвоему. Такъ въ экономическихъ вопросахъ о справедливомъ распредѣленіи плодовъ труда они воображаютъ, что можно рѣшить все очень просто—раздѣломъ имущества: бѣдныхъ тогда не будетъ. «Извините,—возражаетъ Новиковъ,—будетъ еще больше, даже всѣ будутъ бѣдны». И онъ доказываетъ это самымъ простымъ способомъ.

Взрослый человек для нормальной пищи потребляет сахару 50 килограммовъ въ годъ. На миллиардъ и 300 миллионовъ взрослыхъ (населеніе земного шара) нужно слѣдовательно 65 миллиардовъ килограммовъ, а на всемъ земномъ шарѣ производство сахара простирается до шести миллиардовъ, такъ что на каждого жителя приходится до пяти килограммовъ. Допустивъ, что половина людей не знаетъ употребленія сахара, хотя и пользуется сахаристыми плодами, остальная половина должна довольствоваться только десятью фунтами, т. е. питаться плохо. Равенства передъ бѣдностью можно избѣгнуть только усиленной выдѣлкой продукта. Тотъ же расчетъ можно примѣнить къ мясу, одеждѣ, хлѣбу, ко всемъ необходимымъ потребностямъ въ жизни. Производить и копить—это законъ живыхъ организмовъ. Соціалисты не могутъ уничтожить капитализацію, также какъ химическое средство и другія естественныя явленія. Лучше желать, чтобы каждый былъ капиталистомъ, а не пролетаріемъ. Чѣмъ больше скоплено всякаго рода цѣнностей, тѣмъ возможнѣе общее благосостояніе. Для этого нужно только направить нашу дѣятельность къ полезной цѣли. Мы тратимъ даромъ наше время, наши силы, береженія, орудія труда, и все зло происходитъ отъ этой растраты. Въ примѣръ непроизводительныхъ тратъ Новиковъ приводитъ чиновниковъ, которыхъ въ Европѣ пять миллионовъ; изъ нихъ миллиона два можно уничтожить, какъ совершенно бесполезныхъ. Можно употребить миллиардъ на Сибирскую дорогу, но это будетъ трата полезная. Рѣшить социальный вопросъ можно, не уничтожая капитала, а увеличивая его и дѣлая производительнымъ. Половина земного шара остается еще необработанною. Новиковъ стоитъ за охрану жизни, за прочную ассоціацію между людьми. Во второмъ и третьемъ геологическомъ періодѣ многія первобытныя животныя ограждали себя своею величиною, какъ атланта-савръ, имѣвшій 35 метровъ въ длину, а кожу—не уступающую толщиною броненосцамъ. И все они погибли подъ ударами существъ гораздо меньшаго размѣра, но дѣйствовавшихъ общими силами. То же самое происходитъ и въ человѣческомъ обществѣ съ помощью интеллигенціи. Таково содержаніе книги нашего соотечественника.

— Англо-литературное общество въ Лондонѣ продолжаетъ усердно трудиться на избранномъ имъ поприщѣ. На послѣднихъ засѣданіяхъ его, весьма оживленныхъ, читался переведенный на англійскій языкъ Вильсономъ рефератъ Николая Абрикосова изъ Москвы «о психологіи и психологической литературѣ въ Россіи». Авторъ толкуетъ даже о международной психологіи между обѣими націями. Послѣднее время психологія, правда, изучается на основаніи научныхъ методовъ и стремится сдѣлаться если не точною, то положительною наукою. Въ 1878 году нѣмецкій ученый Вильгельмъ Виндт первый основалъ лабораторію фізіологической психологіи, и теперь такихъ лабораторій въ Германіи до тридцати, а въ Сѣверной Америкѣ до 15, хотя въ послѣдней нѣтъ никакихъ психологическихъ преданій. Во Франціи научная психологія получила названіе экспериментальной и переходитъ въ патологию. Это направленіе придалъ ей Шарко въ своихъ изслѣдованіяхъ о гипнотизмѣ, а Рибо открылъ курсъ опытной психологіи въ Сорбоннѣ. Въ Англіи изучали психологію со временъ Бэкона и Лока по индуктивной системѣ. Современные представители эволюціонной психологіи: Романесъ, Лойдъ Морганъ, Сент-Джоржъ-Мивратъ. Въ Россіи преподаваніе психологіи соединено съ философіей. Не имѣя отдѣльной каѳедры въ университетахъ, психологія и въ печати не завоевала еще себѣ прочнаго положенія, хотя въ

1885 году въ Москвѣ основалось психологическое общество съ весьма обширною програмою. У него свой періодическій органъ. Референтъ рассказываетъ исторію его образованія и усилій профессора Троицкаго соединить съ психологической логикой, моралью, философію, юриспруденцію, педагогику, исключивъ метафизику. Авторъ разобралъ всѣ труды Троицкаго и второго президента общества Н. Грота. Въ обѣихъ странахъ слѣдятъ съ одинаковымъ интересомъ за психометрію Виндта, невропатологію Шарко и другими видоизмѣненіями науки. Въ концѣ протоколовъ общества, публикуемыхъ черезъ два-три мѣсяца, Маркъ Девъ перевелъ нѣсколько надписей изъ русской антологіи, начиная съ Карамзина, Дмитріева, Вяземскаго, между которыми затесался какой-то Саларевъ. Тутъ же приведенъ переводъ статьи профессора Александренко «о пребываніи въ Англіи пословъ Петра Великаго». Бывшій капеланъ англійскаго посольства въ Петербургѣ Томпсонъ «прочелъ рефератъ «50 лѣтъ британскаго посольства въ Россіи, личныя и біографическія замѣтки». Онъ начинается сравненіемъ цѣлей и методовъ англійской дипломатіи съ приемами другихъ державъ, затѣмъ слѣдуетъ краткій очеркъ пословъ, отправляемыхъ въ Россію съ 1841 года, начиная съ лорда Ротсея и оканчивая смертью лорда Морьера. Томпсонъ упоминаетъ и о важныхъ сношеніяхъ между обоими правительствами, разбираетъ ходъ Крымской войны и описываетъ вліяніе лорда Непира, Буханана и Лофтуса. Онъ изслѣдуетъ движеніе, которое повело въ Россіи къ войнѣ съ турками, и усилія Биконсфильда и Салисбюри уничтожить въ Берлинѣ Сан-Стефанскій трактатъ. Послѣднему пріѣзду въ Россію принца и принцесы Валлійскихъ Томпсонъ приписываетъ чрезвычайно важное значеніе.

— Любопытныя подробности собралъ Фритце въ брошюрѣ «о жертвоприношеніи дымомъ у грековъ» (*L'offrande de l'encens chez les grecs*). Обычай кадить ладономъ передъ богами принадлежитъ собственно востоку. Гомеръ еще ничего не знаетъ объ немъ, хотя говоритъ о пахучихъ растеніяхъ, какъ кедръ, кипарисъ и друг., дымъ которыхъ пріятенъ безсмертнымъ. Фритце думаетъ, что финикіяне первые привезли въ Грецію пахучія вещества и научили, какъ употреблять ихъ въ религиозныхъ обрядахъ и особенно въ культѣ Афродиты. Но это случилось за 650 лѣтъ до Р. Х., такъ какъ Гомеръ, упоминая объ Афродитѣ, не говоритъ о томъ, что ей кадили. Около того же времени каженіе и куреніе дымомъ вошло въ обычай и у семитовъ. Египетъ получалъ гораздо раньше пахучія вещества изъ Аравіи, находясь съ нею въ тѣсныхъ сношеніяхъ. Авторъ подробно перечисляетъ всѣ случаи употребленія ладона въ греческомъ культѣ, также какъ и въ частной жизни древнихъ и при похоронныхъ обрядахъ.

— Одновременно вышли двѣ біографіи Зоммера и Леграна, посвященные малоизвѣстному авантюристу «Якобу Василикосу, владѣтелю Самоса, маркизу Пароса, палатинскому графу и господарю Молдавіи». По документамъ, найденнымъ Леграномъ, онъ восстанавливаетъ всю жизнь Василикоса, кромѣ нѣкоторыхъ не разъясненныхъ фактовъ. Во всякомъ случаѣ, чтобы изъ простаго самосскаго бѣглеца сдѣлаться господаремъ Молдавіи, надо было обладать недюжинными способностями. Онъ говоритъ о себѣ, что родился на островѣ Критѣ въ 1520 году, въ семьѣ самосцевъ, деспотомъ которыхъ былъ его отецъ. Тотчасъ же послѣ рожденія ребенка султанъ Селимъ I приказалъ убить его отца, мать и брата. Мальчика спасла кормилица, бѣжавшая съ нимъ на островъ Хиосъ, гдѣ онъ провелъ дѣтство и получилъ со-

лидное образованіе подъ надзоромъ извѣстнаго педагога. Базиликосъ отправился во Францію просить короля о защитѣ и о возвращеніи имѣнія, захваченнаго турками. Не получивъ, конечно, никакого удовлетворенія, онъ уѣхалъ въ Германію, гдѣ сошелся съ Меланхтономъ. Это все онъ говоритъ самъ о себѣ, но враги его утверждали, что онъ былъ сынъ простаго матроса и незаконно присвоилъ себѣ дворянскій титулъ, захвативъ бумаги другого авантюриста, умершаго въ войскѣ Карла V. Базиликосъ самъ поступилъ въ это войско, чтобы заслужить покровительство императора. Карль V наградилъ его за участіе въ сраженіи при Рейнѣ и за описаніе этой битвы на латинскомъ языкѣ. Онъ получилъ званіе палатинскаго графа, но оставилъ службу и переселился въ Виттенбергъ, гдѣ занялся науками, математикой, вслѣдствіе знанія греческаго языка вошелъ въ сношеніе съ нѣмецкими учеными и имѣлъ даже поклонниковъ, восхвалявшихъ его въ своихъ стихахъ. Онъ побывалъ въ Даніи, Швеціи, Пруссіи и Польшѣ, гдѣ его принимали съ почетомъ за его свѣтское обращеніе, знаніе древнихъ языковъ, французскаго и итальянскаго. Радзивиль, глава протестантской польской партіи, отправилъ его въ Молдавію для распространенія новаго ученія. Принятый очень любезно господаремъ Александромъ, Базиликосъ составилъ себѣ сильную партію между боярами и народомъ, что возбудило до такой степени подозрительность молдаванскаго князя, что осторожный грекъ долженъ былъ бѣжать въ Трансильванію. Ему оказала большую помощь польскій палатинъ Альбертъ Ласки. Базиликосъ набралъ отрядъ поляковъ и венгерцевъ для вторженія въ Молдавію, приобрѣлъ даже девять пушекъ. Но польскій король уничтожилъ эту попытку, что, однако, не остановило авантюриста, занявшаго десять тысячъ дукатовъ у Ласки и заинтересовавшаго своею попыткою австрійскаго императора, выдавшаго ему также пособіе и позволившаго вербовать охотниковъ. Ихъ собралось не мало, до 600 человекъ съ восемью пушками, и Базиликосъ вступилъ въ Молдавію. Въ первомъ же сраженіи Александръ былъ разбитъ и принужденъ къ отступленію. Базиликосъ преслѣдовалъ его. Войска сошлись на Прутѣ, и Александръ видя, что ему не одержать побѣды, бѣжалъ къ туркамъ. Базиликосъ завладѣлъ Молдавіей и отправился въ Яссы, гдѣ митрополитъ короновалъ его господаремъ. Онъ началъ чеканить монету съ своимъ изображеніемъ, надавалъ себѣ множество титуловъ въ официальныхъ документахъ, извѣстилъ державы о своемъ воцареніи. Польша и Чехія признали его, а Турція онъ принесъ присягу въ вѣрности, обѣщая султану увеличить на 20 тысячъ дукатовъ ежегодную дань Молдавіи. Султанъ далъ ему инвеституру, но потребовалъ, чтобы Базиликосъ уменьшилъ свою армію и распустилъ наемныя войска, бывшія у него на службѣ. Базиликосъ управлялъ умно и осторожно, онъ награждалъ своихъ приверженцевъ сколько могъ и старался быть справедливымъ въ отношеніи ко всѣмъ. Онъ исполнялъ всѣ обряды православія, хотя былъ протестантомъ, но у него не было денегъ. Наемнымъ и распускаемымъ солдатамъ надо было уплатить жалованье. Онъ взялъ изъ одного монастыря большое серебряное паникадило и перечеканилъ его въ монету. Народъ пришелъ въ волненіе. Во внутренней политикѣ онъ успѣлъ приобрести покровительство императора, чешскаго короля, султана и Карла IX французскаго. Но положеніе авантюриста было весьма шаткое. Молдавскіе епископы неохотно повиновались приверженцу реформаціи и соединились съ боярами, обремененными тяжелыми податями. Недовольны были и тѣмъ, что онъ ограни-

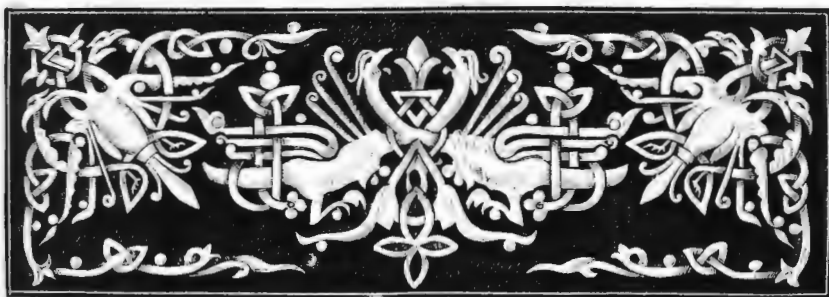

чилъ разводы, уже слишкомъ широко практиковавшіеся въ Молдавіи. Въ то же время Базиликосъ поспорилъ съ Ласки, и они стали обвинять другъ друга въ низкихъ поступкахъ. При новомъ увеличеніи налоговъ народъ взбунтовался и едва не умертвилъ господаря. Солдаты переходили явно на сторону его противниковъ. Ласки возбудилъ Вишневецкаго вторгнуться въ Молдавію съ отрядомъ казаковъ, обѣщая ему княжество, но бояре, собираясь прогнать Базиликоса, не хотѣли имѣть другого иностранца. Они убѣдили Вишневецкаго не дожидаться Ласки на Днѣстрѣ, и онъ съ отрядомъ въ 50 человекъ вторгнулся въ страну. Германъ Томса, увѣрившій Базиликоса въ своей преданности, устроилъ западню Вишневецкому, разбилъ его и ввѣлъ въ плѣнъ, потомъ обратился противъ господаря. Бояре продали его Томсу. Онъ вышелъ къ бунтовщикамъ въ царской одеждѣ. Томсъ послѣ грубыхъ упрековъ, ударилъ его желѣзной палицей и солдаты изрубилъ его тѣло. Таковъ былъ конецъ авантюриста, царствовавшаго 3½ года.

— «Законъ исторіи. Научная организація исторіи». (La loi de l'histoire. Constitution scientifique de l'histoire. Par J. Strada). Въ Парижѣ вышла подъ этимъ заглавіемъ довольно странная книга. Авторъ обѣщаетъ въ предисловіи ни болѣе ни менѣе, какъ «возвести исторію на степень положительной науки», то-есть, другими словами, дать окончательное рѣшеніе проблемы, впервые формулированной, хотя и не совсемъ удачно, Контотомъ и впервые, еще менѣе удачно, рѣшенной Воклемъ. Онъ заявляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что его работа — результатъ тридцатилѣтняго изученія исторіи. Последнее заявленіе по крайней мѣрѣ примиряетъ отчасти съ черезчуръ смѣлымъ обѣщаніемъ предисловія, но за то съ тѣмъ большимъ правомъ мы могли бы ожидать отъ книги ученаго историка извѣстныхъ положительныхъ результатовъ, если не въ смыслѣ окончательнаго отвѣта на поставленный вопросъ, то по крайней мѣрѣ въ смыслѣ болѣе правильной его постановки, которая уже сама по себѣ была бы крупнымъ шагомъ въ направленіи къ его разрѣшенію: это—minimum тѣхъ требованій, на которыя даетъ право читателю заголовокъ сочиненія Страда. Если мы спросимъ, удовлетворяетъ ли оно по крайней мѣрѣ этому минимуму, то, давъ себѣ трудъ познакомиться съ этою книгою, мы не можемъ отвѣтить на такой вопросъ иначе, какъ отрицательно. Авторъ не считаетъ даже нужнымъ сколько нибудь ясно формулировать свой вопросъ; равнымъ образомъ онъ ни на минуту не останавливается на тѣхъ различныхъ постановкахъ, какія принималъ этотъ вопросъ со времени Конта и до нашихъ дней; онъ просто-на-просто игнорируетъ эту сторону дѣла и даже ни словомъ не проговаривается о своихъ предшественникахъ, точно ихъ совсемъ и не было... Равнымъ образомъ, онъ не находитъ нужнымъ считаться съ тѣми аргументами, которые были высказаны въ разное время противъ самой возможности сдѣлать изъ исторіи положительную науку; особенно странно въ данномъ случаѣ полнѣйшее игнорированіе Шопенгауэра, идеи котораго на этотъ счетъ далеко не утратили своего значенія и въ наше время, продолжая находить себѣ приверженцевъ среди социологовъ и философовъ исторіи. Не менѣе странно отсутствіе малѣйшей попытки со стороны автора обосновать свою основную точку зрѣнія,—историческаго монизма, считающаго возможнымъ свести все многосложное и разнообразное содержаніе исторіи человѣчества къ одному принципу или «закону»; а между тѣмъ противъ монистической концепціи исторіи какъ разъ было высказано въ исторіософической литературѣ не мало

вѣскихъ возраженій. Все это, впрочемъ, нисколько не мѣшаетъ автору побѣдоносно восклицать: «Любезные ученые, вотъ наконецъ исторія въ ряду положительныхъ и математическихъ наукъ». Въ чемъ же суть великаго научнаго открытія Страда? Въ открытомъ имъ «законѣ исторіи». Какой же это «законъ»? «Законъ исторіи, это—роковое функционированіе неизмѣнныхъ факторовъ исторіи (*fonctionnement fatal des constantes de l'histoire*). «Что это за неизмѣнные факторы? Методы мышленія». Методовъ мышленія авторъ насчитываетъ всего три, которые онъ называетъ: *fidéisme*, *rationalisme*, *impersonnalisme*; принципъ перваго—вѣра, втораго—разумъ, третьяго—фактъ. Отсюда выводится еще такое опредѣленіе «закона исторіи»: «законъ исторіи, это не что иное, какъ законъ метода». Тутъ что ни слово—то недоумѣніе, что ни опредѣленіе—то вопросъ. Какимъ образомъ «законъ метода», который не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ закономъ логики, можетъ въ то же время быть «закономъ исторіи»? Какимъ образомъ исторія можетъ быть «продуктомъ закона метода»? Что это—возвращеніе къ метафизикѣ Гегеля, отождествлявшей историческій процессъ съ діалектическимъ? Такъ вѣдь самъ же авторъ горячо ратуетъ противъ всякой метафизики—въ формѣ ли «фидеизма», или «раціонализма», и постоянно настаиваетъ на позитивномъ «имперсонализмѣ», не признающемъ иного критерія, кромѣ факта. «Фактъ, это—путь, истина и животъ», выражается онъ, не совсѣмъ къ мѣсту пародируя евангельскій текстъ. Какимъ образомъ, далѣе, «роковое функционированіе методовъ мышленія» можетъ «творить исторію» и исчерпывать ея содержаніе? Какъ согласить это съ наличностью другихъ факторовъ? Какимъ образомъ открытый авторомъ «законъ» можетъ объяснить всю исторію человѣчества? Какимъ образомъ, наконецъ, можетъ этотъ «законъ» «возвести исторію на степень положительной и математической науки, до такой степени точной и математической, что, по словамъ автора, отнынѣ, то-есть послѣ сдѣланнаго имъ открытія, «человѣчество можетъ сдѣлать изъ исторіи научное сплетеніе фактовъ, сознательно вызванныхъ въ видахъ прогреса»? Все это вопросы, которые вызываетъ чтеніе книги Страда, и на которые читатель тщетно ищетъ въ ней отвѣта или объясненія. Вся книга представляетъ собою въ сущности растянутое и риторическое, съ массою вопросительныхъ и восклицательныхъ знаковъ, повтореніе на разные лады цитированныхъ выше положеній: какъ будто сотни повтореній могутъ замѣнить хотя бы одно доказательство, тысячи вопросовъ и восклицаній—хоть одно объясненіе. Вмѣсто толковыхъ объясненій и вразумительныхъ доказательствъ, читателю книги Страда приходится читать, напримѣръ, такіа оды: «Франція была великимъ народомъ раціонализма; будетъ ли она великимъ народомъ имперсонализма? Она одна можетъ имъ сдѣлаться, потому что всѣ прочія націи имѣютъ своимъ критеріемъ собственный интересъ и силу. Моя Франція, будешь ли ты имъ? Ты можешь имъ быть!»... и т. д. въ томъ же родѣ. Къ сожалѣнію, не перевелись еще, какъ видно, писатели, воображающіе, что риторикой можно съ успѣхомъ замѣнить логику, декламаціей—философію и научность—особаго рода патріотизмомъ..

С М Ъ С Ъ.

СВЯЩЕНИЕ памятника императору Александру III. 26-го февраля, въ день двадцатипятилѣтія дома призрѣнія душевно-больныхъ, учрежденнаго императоромъ Александромъ III, на станціи Удѣльная, Финляндской желѣзной дороги, состоялось торжественное освященіе памятника императору и вновь открываемаго зданія пансіонерскаго дома и фермы для душевно-больныхъ. Утромъ въ домъ призрѣнія прибылъ принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, члены совѣта—В. А. Ратьковъ-Рождновъ и др. Новое зданіе построено въ два этажа на 50 больныхъ. Кромѣ обширныхъ комнатъ, въ зданіи имѣются просторная столовая, пріемная и бальная зала. Въ послѣднемъ устроена даже сцена. Рядомъ съ этимъ заломъ бібліотека. Послѣ освященія всѣ собравшіеся были приглашены на завтракъ отъ двора принца Ольденбургскаго въ одномъ изъ зданій. Въ третьемъ часу стали съѣзжаться великіе князья. Къ новому памятнику вышелъ крестный ходъ. Тройка, на которой ѣхалъ Государь, стала приближаться. Императоръ былъ встрѣченъ принцемъ Ольденбургскимъ. В. А. Ратьковъ-Рождновъ поднесъ Государю Императору складень съ древняго письма иконами Спасителя, Николая Чудотворца и царицы Александры въ цѣнномъ окладѣ съ эмалью византийскаго стиля. Государь Императоръ подошелъ къ группѣ крестьянъ, которыхъ представилъ петербургскій губернаторъ графъ Толь. Волостной старшина Александровской волости сказалъ монарху привѣтствіе и просилъ его величество принять икону и хлѣбъ-соль. Послѣ привѣтствія, усть-ижорскій волостной старшина поднесъ Государю Императору отъ волостей складень въ цѣнной ризѣ съ иконами, а рыбацкій волостной старшина—хлѣбъ-соль на серебряномъ вызолоченномъ блюдѣ, съ такою же солонкою и русскимъ

шитымъ полотенцемъ. Послѣ этого сказалъ Государю привѣтствіе отъ второго участка волостей сестрорѣцкой волостной старшина, а волостные старшины парголовскій и старо-деревенскій поднесли Государю икону, съ вызолоченной ризою, и хлѣбъ-соль на серебряномъ вызолоченномъ блюдѣ, съ такою же солонкою и шитымъ русскимъ полотенцемъ. Послѣ приѣма депутаціи отъ крестьянъ Государь съ великими князьями и собравшимися лицами прошелъ къ памятнику и всталъ по правую отъ него сторону. За памятникомъ встали больные съ ихъ надзирателями и надзирательницами. Завѣса, которой былъ покрытъ памятникъ, спала, и предъ всѣми предсталъ величественный бюстъ императора Александра III, прекрасно исполненный скульпторомъ г. Бауманъ. Члены совѣта возложили на подножіе памятника большой вѣнокъ изъ лавровыхъ листьевъ и пальмовыхъ вѣтвей. По окончаніи молебствія Государь осматривалъ памятникъ, затѣмъ отправился въ только что освященный новый пансіонный домъ для душевно-больныхъ. Обзоръ начался съ приемной. Затѣмъ были осмотрѣны столовая, дневная и ночная помѣщенія, ванныя, комнаты для буйныхъ, комната съ цвѣтнымъ освѣщеніемъ, бібліотека и большое зало со сценою. Осмотрѣвъ это двухэтажное зданіе, Государь съ высокими посѣтителями проѣхалъ на новую ферму, гдѣ осмотрѣлъ всѣ помѣщенія.

Университетскій актъ. Въ годовщину Петербургскаго университета происходилъ ежегодный торжественный актъ; залъ былъ полонъ публики; торжество началось пѣніемъ студенческаго хора «Днесъ благодать святого Духа». Профессоръ В. В. Ефимовъ прочиталъ отчетъ о состояніи и дѣятельности университета въ 1894 году. Прочувствованное слово г. Ефимовъ посвятилъ памяти императора Александра III. Далѣе перечислены понесенныя университетомъ утраты въ лицахъ скончавшихся почетныхъ членовъ университета: академика П. Л. Чебышева, А. Г. Рубинштейна, Франца Ракія, преподавателя И. И. Флери. Численность университетскаго состава къ началу 1895 года была слѣдующая: профессоръ богословія 1, ординарныхъ профессоровъ 33, экстраординарныхъ 12, сверхштатныхъ экстраординарныхъ 1, заштатныхъ ординарныхъ 19, заштатныхъ экстраординарныхъ 1, академикъ 2, лекторовъ 4, преподавателей 2, приватдоцентовъ 82, исправляющій должность прозектора 1, астрономъ, наблюдатель 1, препараторъ по каседрѣ физики 1, лаборантовъ и хранителей кабинетовъ 41. Избранъ въ почетные члены К. П. Яновскій, попечитель Кавказскаго учебнаго округа. Студентовъ и постороннихъ слушателей къ 1-му января 1894 года числилось: студентовъ 2,634 и постороннихъ слушателей 41, всего 2,675; въ отчетномъ году поступило 872 студента, выбыло 738 (окончившихъ курсъ 410), и къ 1-му января настоящаго года числилось: студентовъ 2,768 и постороннихъ слушателей 36. Распределеніе студентовъ по факультетамъ выражается въ слѣдующемъ процентномъ отношеніи: на историко-филологическомъ 6,76 проц., физико-математическомъ 37,21 проц., юридическомъ 52,82 проц., восточныхъ языковъ 3,21 проц. По роду учебныхъ заведеній большинство студентовъ принадлежитъ къ окончившимъ курсъ въ гимназіяхъ 98,41 проц.; на духовныя семинаріи приходится 0,14 проц. и на другія учебныя заведенія 0,45 проц. По происхожденію студенты распределяются слѣдующимъ образомъ: сыновей дворянъ и чиновниковъ 65,32 проц., лицъ духовныхъ званій 4,80 проц., крестьянъ 2,53 проц., почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й гильдіи 7,73 проц., купцовъ 2-й гильдіи, мѣщанъ и ремесленниковъ 17,41 проц., казачьяго сословія 0,61 проц., иностранныхъ подданныхъ 1,60 проц. Въ теченіе 1894 года выдано 410 выпускныхъ свидѣтельствъ. Оставленныхъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію въ 1884 году было 89, возведены въ степень магистра 8 лицъ и степень доктора 2. Въ теченіе года выдано стипендій изъ государственнаго казначейства 179 студентамъ—на сумму 58,960 рублей, изъ

процентовъ пожертвованныхъ капиталовъ 99 студентамъ — на сумму 23,103 рубля, изъ суммъ, высылаемыхъ разными учреждениями, 65 студентамъ—на сумму 11,921 рубль и пособій изъ средствъ казначейства 433 студентамъ—на сумму 4,750 рублей, и изъ другихъ источниковъ 63 студентамъ — на сумму 1,854 рубля. Стипендіальныя суммы университета увеличились новыми пожертвованіями на сумму 20,000 рублей. Университетская бібліотека увеличилась на 5,914 томовъ, состоящихъ изъ 3,929 названій, пожертвованныхъ разными учреждениями и лицами, и приобрѣтено покупкою 875 названій въ 2,628 томахъ. По окончаніи чтенія отчета студенческіе хоръ и оркестръ исполнили «Коль славенъ», а профессоръ В. А. Жуковскій произнесъ рѣчь на тему: «Человѣкъ и познаніе у персидскихъ мистиковъ». Затѣмъ оркестръ и хоръ исполнили кантату, посвященную В. И. Главачемъ университету, и ректоръ прочиталъ въ заключеніе торжества записку о наградахъ. На предложенныя факультетами темы было представлено въ концѣ 1894 года двадцать восемь сочиненій и, кромѣ того, два сочиненія на соисканіе премій: одно— въ память перваго съѣзда русскихъ естествоиспытателей и другое—премія имени покойнаго профессора П. А. Ильенкова. По историко-филологическому факультету награждены за сочиненія на тему: «Musa Lapidaria Africana»— студентъ IV семестра Сергій Лавровъ—серебряною медалью, Альбрехтъ Венштремъ—почетнымъ отзвонкомъ; за сочиненіе на тему: «Исторія Греціи въ царствованіе Филиппа, сына Дмитрія»—Владиміръ Завадскій-Краснопольскій—почетнымъ отзвонкомъ; за сочиненіе на тему: «Жизнь и политическая дѣятельность Куріона младшаго»—Павелъ Митрофановъ награжденъ золотою медалью.

Диспутъ въ университетѣ. Приватъ-доцентъ С. Ф. Ольденбургъ, занимающій съ 1889 года университетскую кафедру санскритской словесности, защищалъ диссертацию на степень магистра этой словесности. Молодой ученый (ему 32 года) является серьезнымъ изслѣдователемъ санскритской литературы. По окончаніи курса на санскритско-персидскомъ разрядѣ факультета восточныхъ языковъ Петербургскаго университета, С. Ф. былъ оставленъ при университетѣ для подготовленія къ профессорскому званію, изучалъ въ бібліотекахъ Англіи и Франціи буддійскія рукописи и съ 1885 года далъ рядъ цѣнныхъ работъ: «Очеркъ фонетики и морфологіи практическаго нарѣчія», «Персидскій изводъ повѣсти о Варлаамѣ и Іосафѣ» и др. Для защиты диссертации диспутантъ избралъ «Буддійскія легенды» («Bhaddakalpravadana» и «Jatakamala»). Легенды, систематическимъ изложеніемъ которыхъ занялся диссертантъ, до сихъ поръ сравнительно съ остальною литературою буддизма весьма мало изучены. Ими пользовались случайно и главнымъ образомъ для рѣшенія вопросовъ сравнительной литературы, такъ, напримѣръ, Бенфей построилъ на нихъ свою теорію объ индійскомъ и спеціально-буддійскомъ происхожденіи большинства европейскихъ сказовъ и легендъ. Поэтому тщательное изслѣдованіе этихъ легендъ Ольденбургомъ, обратившимъ особенное вниманіе на нихъ, какъ на памятники литературы духовной, въ которой выразились религіозныя, мистическіе и этическіе идеалы народа, его толкованія религіозныхъ догматовъ и предписаній церкви—цѣнно, какъ по новизнѣ, такъ и по выясненію буддизма. Въ своей рѣчи, предисланный защитѣ тезисовъ, Ольденбургъ указалъ, что легенды открываютъ въ буддизмѣ инныя стороны, чѣмъ тѣ, которыя извѣстны современнымъ ученымъ. Онѣ иначе, чѣмъ догматика, рисуютъ въ послѣдовательной связи три части буддійской троицы: Будду, законъ и общину. Будда въ догматикѣ—человѣкъ, который въ длинномъ рядѣ перерожденій постоянно увеличивалъ количество своихъ добрыхъ дѣлъ, принявъ рѣшеніе спасти людей. Достигнувъ въ земной жизни пониманія высшей истины и проповѣдая міру истинную вѣру, онъ умираетъ и вступаетъ въ нирвану. Этотъ величавый странствующій

нищій не соответствовалъ, конечно, представленіямъ народа, въровавшаго въ могучаго Индру, побѣдителя асуровъ, въ бога-воина Кришну и т. д. Послѣ Будды въ буддѣйской троицѣ слѣдуетъ законъ, т. е. ученіе Будды. Это ученіе въ легендахъ совсѣмъ въ иномъ видѣ, чѣмъ въ догматикѣ. Вопросы о душѣ, о буддѣ, здѣсь нѣтъ. Скорбь бытія призвана и также призвано, что есть избавленіе, что путь къ этому избавленію лежитъ въ значительной мѣрѣ въ нравственномъ совершенствованіи человѣка. Скорбь бытія и стремленіе отрѣшиться отъ любви къ жизни—мотивъ, постоянно повторяющійся въ легендахъ. Чему въ догматикѣ отведено второстепенное мѣсто, то является въ легендахъ на первомъ планѣ. Создавъ изъ Будды образъ мірового спасителя и олицетворивъ въ другихъ лицахъ рядъ такихъ же спасителей, върующіе со своими стремленіями связали вопросы этическіе, стоявшіе въ тѣсной связи съ вопросомъ о возмездіи. На этой почвѣ пришлось върующимъ столкнуться съ третьей частью буддѣйской троицы—съ общиной. Той идеальной общины—хранительницы закона, наставницы и руководительницы на трудномъ жизненномъ пути, о которой говоритъ церковное буддѣйское ученіе, нѣтъ въ легендахъ. вмѣсто нищаго мудреца, всѣ помыслы отдающаго на совершенствованіе себя и помощь ближнимъ, въ легендахъ—прежній жрецъ, служащій не богамъ, какъ прежде, а самому себѣ и своей братіи. Мысль учителя избавить народъ отъ жреческихъ узъ и поставить его самостоятельнѣе въ дѣлѣ вѣры въ корень искажена. Все почти свелось къ простой формулѣ: давайте монахамъ, и вы получите блаженство, а будете скупиться на дары общинѣ, васъ ждутъ адскія мученія. Въ своихъ тезисахъ Ольденбургъ, между прочимъ, высказалъ сомнѣніе въ существованіе когда бы то ни было индѣйскаго оригинала сборника «1001 ночь». Официальные опоненты, профессора В. Васильевъ и К. Залеманъ указали на серьезное значеніе работъ диспутанта. Объявленіе декана факультета барона В. Розена, что С. Ф. Ольденбургъ признанъ достойнымъ степени магистра санскритской словесности, вызвало аплодисменты.

Еще домикъ Петра Великаго. Г. Бѣлоконскій описываетъ состояніе домика Петра Великаго, существующаго въ Свѣнскомъ монастырѣ, расположенномъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города Брянска. Домикъ этотъ—каменный, крытый желѣзомъ, помѣщается около монастырской соборной церкви. Войдя, увидимъ небольшую, невысокую продолговатую комнату, въ которой обращаетъ на себя вниманіе большой портретъ Петра. Императоръ, какъ говорить преданіе, не разъ посѣщалъ Свѣнскій монастырь, служившій для него одною изъ постоянныхъ станцій, гдѣ Петръ отдыхалъ при поѣздкахъ на далекій югъ. Въ одно изъ такихъ пребываній императоръ на память и оставилъ въ этомъ домикѣ свой портретъ. Существуетъ преданіе, что въ бытность въ Свѣнскомъ монастырѣ Петръ получилъ извѣстіе объ измѣнѣ Мазепы. Императоръ тотчасъ отправился въ Полтаву, а послѣ побѣды на обратномъ пути заѣхалъ въ Свѣнскъ и служилъ здѣсь благодарственный молебенъ. Въ послѣднее время домикъ Петра Великаго реставрированъ и глядитъ уже очень новымъ, не сохранявъ никакихъ чертъ старины.

Столѣтняя годовщина А. Ф. Смирдина. Исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія известнаго книгопродавца-издателя и типографа Александра Филипповича Смирдина. Послѣ Н. И. Новикова онъ считается однимъ изъ замѣтныхъ распространителей книжной торговли, и нельзя не вспомнить о его заслугахъ въ печатномъ дѣлѣ. Въ теченіе книгопродавческой дѣятельности имъ издано было русскихъ книгъ болѣе, чѣмъ на три милліона рублей. Однѣхъ басенъ Крылова Смирдинъ издалъ 40.000 экземпляровъ, заплативъ автору за каждый экземпляръ по рублю ассигнаціями. Смирдина считаютъ самымъ щедрымъ издателемъ, онъ платилъ Пушкину за каждую строку его стиховъ по червонцу, а за стихотвореніе «Гусарь», напечатанное въ первый разъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1834 года, вручилъ поэту 1.200 рублей. Смирдинъ,

помимо щедрости съ литераторами, отличался необыкновенною довѣрчивостью при отпускѣ книжнаго товара, отчего дѣла его никогда не были блестящими, и не разъ онъ несъ отъ нихъ большіе убытки. Изданіе журнала «Библиотека для Чтенія», основаннаго имъ въ 1834 году, не смотря на его распространенность, никогда не приносило пользы; то же и нѣкоторыя изъ роскошныхъ его изданій, благодаря частымъ денежнымъ недостаткамъ, такъ и остались неоконченными. Къ такимъ надо причислить «Сто русскихъ литераторовъ» (3 тома съ 1839—1845 г.). А. Ф. Смирдинъ родился въ небогатой семьѣ, 21-го января 1795 года, въ Москвѣ; на 13 году онъ поступилъ мальчикомъ въ лавку московскаго книгопродавца Ильина. Въ Москвѣ онъ прожилъ не долго. Вскорѣ онъ занялъ мѣсто старшаго прикащика въ лучшей тогда петербургской книжной лавкѣ Василія Алексѣевича Плавильщикова въ Гостиномъ дворѣ, № 27. Этому книгопродавцу принадлежитъ слава основателя первой русской библиотеки для чтенія: до него книги для чтенія можно было получать отъ книгопродавцевъ не по выбору читателей, а по волѣ послѣднихъ, которые и выдавали книги старыя, испорченныя. По словамъ современниковъ, книжный магазинъ Плавильщикова представлялъ «тихий кабинетъ музъ», гдѣ собирались ученые и литераторы дѣлать справки, выписки и совѣщанія. Въ этомъ кабинетѣ Смирдинъ былъ полнымъ хозяиномъ. Плавильщиковъ, какъ человекъ больной, довѣрилъ ему веденіе всѣхъ дѣлъ. Въ 1825 г. Плавильщиковъ умеръ и по духовному завѣщанію предоставилъ Смирдину пріобрѣсти свой книжный магазинъ по той цѣнѣ, которую онъ признаетъ для себя выгодною. Смирдинъ книги Плавильщикова пріобрѣлъ на бывшемъ въ лавкѣ аукціонѣ за высшую противъ покупателей цѣну. Вскорѣ Смирдинъ изъ Гостиного двора переѣхалъ къ Сивому мосту и открылъ здѣсь свой магазинъ. Вислѣдствіи изъ этого помѣщенія онъ перешелъ на Невскій въ домъ лютеранской церкви. Въ концѣ сороковыхъ годовъ дѣла Смирдина пришли въ упадокъ: предпринятое имъ изданіе «Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ» шло плохо, благодаря тяжелымъ цenzурнымъ условіямъ. Смирдинъ подъ влияніемъ неудачъ сталъ прихварывать и въ 1857 г., 16-го сентября, скончался, оставивъ свои дѣла въ самомъ печальномъ видѣ. Смирдинъ похороненъ на Волковомъ кладбищѣ, рядомъ съ женою. По кончинѣ его петербургскіе книгопродавцы издали «Сборникъ литературныхъ статей», посвященныхъ русскими писателями памяти этого уважаемаго книгопродавца. На вырученныя деньги отъ изданія поставленъ памятникъ на могилѣ Смирдина, а часть оставшихся денегъ вручена его нуждающемуся семейству. Сынъ Смирдина послѣ смерти отца пробовалъ возстановить книготорговлю отца, но попытка осталась неудачною, и онъ умеръ въ бѣдности въ 1862 году, въ молодыхъ годахъ.

Отчетъ о состояніи Карамзинской библиотеки за 1893—1894 библиотечный годъ. Къ концу года состояло библиотечныхъ суммъ на лицо 16.841 р. 68 к. Залоговъ оставалось 2.356 р. 59 к., а всего 19.198 р. 27 к. По 20-е ноября 1894 г. поступило всего съ залогомъ 2.448 р. 87 к.; съ остаткомъ же на приходѣ имѣется 21.647 р. 14 к. Въ расходъ употреблено больше всего на жалованье и награды служащимъ 784 р.; на выписку книгъ, журналовъ и газетъ 515 р. 8 к. Всего библиотечныхъ суммъ на лицо 18.939 р. 7 к. Журналовъ и газетъ въ 1894 году получалось 53. Книгъ въ библиотекѣ состоятъ 15.352 названія въ 33.007 томахъ. Чтеніе и выдача книгъ производились ежедневно отъ 10-ти до 3-хъ часовъ, исключая субботы. Число посѣтителей въ теченіе года библиотеку опредѣлить трудно, но полагать можно отъ 20 до 60 человекъ ежедневно. Бравшихъ подъ залогъ книги и ноты на домъ было 482 человекъ. Абонентамъ было выдано 15.170 томовъ, въ томъ числѣ: журналовъ 6.055, французскихъ книгъ 164, нѣмецкихъ 16, англійскихъ 2; выдано изъ отдѣла литературы и изящной словесности 6.009. Изъ отдѣла исторіи было выдано 482 книги.

† 21-го января въ Екатеринбургѣ горный инженеръ Александръ Александровичъ Черкасовъ, занимавшій мѣсто городского головы, авторъ известной книги «Записки охотника Восточной Сибири». Это былъ одинъ изъ популярнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей, сдѣлавшій массу добра во время службы своей въ Сибири и Екатеринбургѣ, человекъ глубоко гуманный, отзывчивый къ добру, съ умомъ свѣтлымъ и разносторонне образованный, обладавшій недюжиннымъ литературнымъ талантомъ, прекрасный рассказчикъ, производившій впечатлѣніе своей бесѣдой, содержательной, полной чисто русскаго юмора. Его книга «Записки охотника Восточной Сибири», написанная мастерски, содержитъ въ себѣ множество цѣнныхъ и самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній и представляетъ не только впечатлѣнія страстнаго охотника, какимъ былъ А. А. Черкасовъ, но и прекрасную картину Сибири въ концѣ пятидесятихъ и началѣ шестидесятихъ годовъ, правдивую и довольно яркую, цѣлный рядъ географическихъ, этнографическихъ и экономическихъ данныхъ. Съ перваго появленія эта книга обратила на себя вниманіе и печати, и образованной публики и выдержала нѣсколько изданій. Какъ горный инженеръ, Черкасовъ также поработалъ не мало во время службы въ Нерчинскомъ и Алтайскомъ горныхъ округахъ; въ первомъ онъ открылъ знаменитая Урюмскія золотыя россыпи, за что и былъ награжденъ пенсіей въ 1.200 рублей (съ 1864 года). Сибиряки съ восторгомъ вспоминаютъ о томъ времени, когда Черкасовъ жилъ среди нихъ, его симпатичную личность, простоту, ровный, веселый характеръ, готовность помочь каждому, его неподкупность и высокую честность. Черкасовъ скончался 60-ти лѣтъ. Онъ родился 26-го декабря 1834 года въ Старой Руссѣ, Новгородской губерніи, образование получилъ въ Горномъ корпусѣ, откуда выпущенъ въ 1855 году. Назначенный въ Нерчинскій горный округъ, онъ пробылъ тамъ до 1871 года, а затѣмъ переведенъ въ Алтайскій округъ. Здѣсь онъ прослужилъ до 1883 года и, выйдя въ отставку, поселился въ Барнаулѣ, гдѣ его избирали городскимъ головою два четырехлѣтія сряду. Но, избранный вторично, онъ прослужилъ всего годъ и въ 1890 году переѣхалъ въ Екатеринбургъ, гдѣ до избранія въ городскіе головы 1894 года отдыхалъ и занимался лишь литературнымъ трудомъ. Статьи Черкасова печатались въ «Журналѣ Охоты» Г. Г. Мина, «Горномъ Журналѣ», «Дѣлѣ» Г. Е. Благосвѣтлова, «Отечественныхъ Запискахъ», «Природѣ и Охотѣ», «Словѣ» и другихъ изданіяхъ. Его книга «Записки охотника Восточной Сибири» (1856—1863) вышла вторымъ изданіемъ.

† неожиданно драматическій артистъ и драматургъ Александръ Филипповичъ Фёдоровъ. Онъ чувствовалъ себя почти совсѣмъ здоровымъ. Утромъ 11-го февраля его начала мучить астма, и онъ тихо заснулъ на вѣки.. Ему было 52 года. Это былъ образованный человекъ и даровитый, опытный актеръ. Къ сценѣ онъ почувствовалъ призваніе тотчасъ по окончаніи курса наукъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ онъ былъ одновременно съ М. И. Писаревымъ. Въ качествѣ актера онъ известенъ по своей службѣ въ московскомъ Маломъ театрѣ и въ нашемъ Александринскомъ, гдѣ много лѣтъ тому назадъ онъ дебютировалъ впервые въ «Гровѣ». Затѣмъ имя А. Ф. Фёдорова займетъ, несомнѣнно, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ лѣтописяхъ нашего частнаго театра. Онъ антрепренерствовалъ здѣсь одно время въ «Буффѣ», былъ основателемъ Павловскаго театра, сооруженнаго по его инициативѣ Царскосельскою дорогою, директоромъ народнаго театра въ Москвѣ и пр. Известенъ былъ А. Ф. и своею дѣятельностью на поприщѣ преподаванія театральнаго искусства. Изъ написанныхъ имъ пьесъ лучшія «Рубль», «Хрущовскіе помѣщики», шедшіе недавно «Мыльные пузыри», передѣлка «Директоръ кукольнаго театра» и пр. А. Ф. былъ женатъ на даровитой артисткѣ Гл. Ник. Фёдоровой. Сынъ его состоитъ артистомъ въ труппѣ московскаго Малаго театра.

† 7-го февраля редакторъ «Земледѣльческой Газеты», членъ ученаго комитета министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, Ѳеодоръ Александровичъ Баталинъ. Онъ былъ виднымъ представителемъ нашей сельско-хозяйственной литературы. Редактируя съ 1860 года «Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ», переименованный въ 1864 г. въ «Сельское хозяйство и лѣсоводство», а съ 1865 г. въ «Земледѣльческую Газету», онъ написалъ рядъ сельско-хозяйственныхъ статей, въ которыхъ явился популяризаторомъ научныхъ знаній и практикомъ-агрономомъ. Въ качествѣ знатока сельскаго хозяйства, онъ постоянно слѣдилъ за всѣми успѣхами въ области сельско-хозяйственнаго знанія, на сколько они могли имѣть примѣненіе въ русской практикѣ, и подробно разрабатывалъ вопросы по питанію животныхъ и растений, по почвовѣдѣнію, удобренію и пр. Ему принадлежитъ, между прочимъ, мысль объ организаціи у насъ привоза въ городъ свѣжаго мяса по желѣзнымъ дорогамъ въ вагонахъ-ледникахъ. Покойный родился въ 1823 г. въ Калужской губерніи, кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ со степенію кандидата философскихъ наукъ. Съ 1850 по 1858 годъ онъ занимался преподавательскою дѣятельностію, сперва въ третьей московской гимназіи, затѣмъ въ московской земледѣльческой школѣ. Одновременно онъ принималъ въ качествѣ сотрудника постоянное участіе въ «Отечественныхъ Запискахъ» по отдѣламъ научной критики, библиографіи и научныхъ обозрѣній. Кромѣ того, отдѣльныя статьи его печатались въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Вѣстникѣ естественныхъ наукъ», въ журналѣ «Сельское Хозяйство» и «Русскомъ Вѣстникѣ». Лѣтомъ 1856 г. на Кавказѣ онъ произвелъ рядъ изслѣдованій физико-географическаго характера, вошедшихъ въ его двухтомный трудъ подъ заглавіемъ «Пятигорскій край и кавказскія минеральныя воды». За книгу эту въ 60 хъ годахъ академія наукъ присудила автору Демидовскую премію. Съ 1875 г. по 1878 г. Ѳ. А. издавалъ «Справочную книжку для сельскихъ хозяевъ». Польз его редакціей переведены «Животноводство» Зетегаста и брошюры Гоффара и Лекуте о силосованіи кормовыхъ травъ. Кромѣ того, ему принадлежитъ цѣнный трудъ: «Разведеніе кормовой кукурузы и силосованіе зеленыхъ кормовъ».

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

1.

Другъ Жуковскаго А. Плещеевъ.

Въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» авторъ статьи «Къ біографіи Жуковскаго» говоритъ, между прочимъ: «Изъ рассказовъ Марьи Александровны Дороховой я заключалъ, что она была родная дочь А. Плещеева, друга Жуковскаго, но я не понималъ ея, и предположеніе мое не подтвердилось потомъ сдѣланными мною справками. Она не могла быть родною дочерью этого Плещеева, такъ какъ его звали не Александромъ, а Алексѣемъ».

Очевидно, г. Овсянниковъ введенъ въ заблужденіе справками, ошибочность которыхъ была мною замѣчена и ранѣе въ появлявшихся въ печати статьяхъ, гдѣ упоминалось объ А. Плещеевѣ.

Дѣло въ томъ, что уже не разъ смѣшивали двухъ А. Плещеевыхъ, послѣдовательно состоявшихъ при дворѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, другомъ же В. А. Жуковского несомнѣнно былъ отецъ М. А. Дороховой, а мой дѣдъ Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ, къ которому и относится все, что написано авторомъ статьи «Къ біографіи Жуковского».

Отвѣчая выраженному въ этой статьѣ желанію узнать, къ кому перешло помѣстье Чернь и съ кѣмъ изъ Плещеевыхъ видѣлся В. А. Жуковскій въ послѣдніе его пріѣзды, я могу сообщить слѣдующее.

1) Дѣдъ мой былъ женатъ на графинѣ Аннѣ Ивановнѣ Чернышевой (упоминаемой въ статьѣ), которая дѣйствительно превосходно пѣла положенные имъ на музыку романсы на слова В. А. Жуковского, большая часть которыхъ погибла во время пожара Черневскаго дома; однако же, у меня сохранились еще кое-какія рукописи романсовъ, комедій и оперъ, совместно сочиненныхъ ими въ Черни.

2) У дѣда моего было четыре сына и двѣ дочери, изъ коихъ меньшая, Марія, и вышла замужъ за Р. И. Дорохова, а къ младшему сыну Петру, отцу моему, перешло помѣстье Чернь, въ настоящее время принадлежащее мнѣ.

3) Именно дѣдъ мой обладалъ прекраснымъ талантомъ читать и играть драматическія сочиненія, и именно онъ, а не Алексѣй, читалъ по вечерамъ предъ императрицею Марією Ѳеодоровною въ Розовомъ павильонѣ въ Павловскѣ.

Способность эту онъ сохранилъ до глубокой старости.

4) Мать моего дѣда была Протасова, и вотъ откуда между нашими фамиліями родственныя связи и тѣсная дружба, ни на минуту не прерывавшаяся.

5) В. А. Жуковскій былъ крестнымъ отцомъ моего старшаго брата, неоднократно пріѣзжалъ въ Чернь, оставаясь по нѣсколько дней и тогда, когда она уже давно принадлежала моему отцу. Въ послѣдній разъ, если не ошибаюсь, онъ былъ въ началѣ сороковыхъ годовъ.

6) Объ этихъ пріѣздахъ у меня сохранилось въ памяти много анекдотовъ и рассказовъ, слышанныхъ отъ дѣда и родителей; между прочимъ, что съ отцомъ и тетками моими воспитывалась одна изъ трехъ дѣвочекъ, покинутыхъ своею матерью въ Москвѣ при нашествіи непріятеля въ 1812 году. Принятая моею бабушкой Анной Ивановной на воспитаніе, она впослѣдствіи была выдана ею замужъ. По этому поводу именно въ Черни В. А. Жуковскимъ было написано стихотвореніе подъ заглавіемъ «Сиротка».

Александръ Плещеевъ.

II.

Стать-секретарь А. М. Грибовскій.

Нахожу не лишнимъ сообщить краткія свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ прадѣда моего, бывшаго стать-секретаремъ императрицы Екатерины II, Адриана Моисеевича Грибовскаго, въ дополненіе къ очерку С. Н. Шубинскаго «Императрица Екатерина II и ея два стать-секретаря», помѣщенному въ изданной имъ книгѣ «Историческіе очерки и рассказы». Послѣ всѣхъ

невзгодѣ, пережитыхъ Грибовскимъ вслѣдствіе немилости къ нему императора Павла, А. М. распродалъ пожалованныя ему императрицей имѣнія и поселился въ 1803 году въ Москвѣ, гдѣ у него былъ свой домъ на Мясницкой¹⁾. Въ Москвѣ онъ прожилъ, кажется, до нашествия французовъ, а затѣмъ переѣхалъ въ Рязань, занялся виннымъ откупомъ, но дѣло это, многогмъ дававшее возможность наживать сотни тысячъ, у него не пошло; прикавчики, изъ его же крѣпостныхъ, его обворовывали, наживались, а баринъ-откупщикъ, взявшійся не за свое дѣло, разорялся. Потерявъ въ этомъ неудачномъ предпріятіи огромный капиталъ, А. М. однако же не остался безъ средствъ, такъ какъ до того еще времени, долго живя въ Москвѣ, приобрѣлъ прекрасное имѣніе въ 100 верстахъ отъ Москвы, Зарайскаго уѣзда, Рязанской губерніи, село Щурово съ деревнями. Имѣніе это, по разсказу бабки моей, а его дочери Е. А. Губерти, было имъ куплено почти заглавно, у князя Голицына за ужиномъ въ Англійскомъ клубѣ. Покинувъ Рязань, А. М. поселился съ женою Натальею Акимовною²⁾ въ городѣ Коломнѣ, въ своемъ домѣ, живя вель замкнутую, знакомствъ не имѣлъ, вызъжалъ только по дѣлу, да въ свое Щурово³⁾, находящееся въ семи верстахъ отъ Коломны. Въ 1830 году, А. М. отправился по тяжбному дѣлу въ Петербургъ. Въ своемъ «Еженедѣльникѣ», хранящемся у отца моего, А. М., описывая свои встрѣчи и впечатлѣнія, между прочимъ, говорятъ, что въ Петербургѣ ему пришлось обратиться съ просьбой о содѣйствіи къ тѣмъ лицамъ, которымъ онъ самъ, бывши статсъ секретаремъ, помогаль своимъ вліяніемъ въ полученіи мѣстъ, отличій и повышеній по службѣ, но пріемъ, оказанный ему этими людьми, когда-то въ немъ заискивавшими, далъ ему ясно понять, что бывшій статсъ-секретарь давно уже почившей императрицы значенія теперь не имѣеть. Но, тѣмъ не мевѣе, нашлись и такія лица, которыя, памятуя сдѣланное имъ добро, оказали прадѣду моему радушный пріемъ и теплое участіе. Пробывъ въ Петербургѣ около трехъ лѣтъ и выигравъ процессъ, А. М. возвратился въ Коломну, гдѣ и скончался, 68 лѣтъ, почти скоропостижно, 28-го января 1834 года, переживъ свою жену лишь на нѣсколько дней. Оба погребены въ Голутвиномъ монастырѣ, находящемся въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ Коломны. Послѣ А. М. Грибовскаго остались дѣти: дочь Елена Адриановна (умершая въ 1866 году), вышедшая замужъ въ 1814 году за подполковника Василя Яковлевича Губерти, и сынъ Николай Адриановичъ, умершій въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, не оставя потомства. Какъ дочери, такъ и сыну А. М. далъ прекрасное образованіе и воспитаніе⁴⁾.

¹⁾ Въ послѣднее время домъ этотъ принадлежалъ фортепіанному мастеру Ферстеръ.

²⁾ Рожденная Чихачева.

³⁾ Трехъ-этажный каменный домъ, выстроенный прадѣдомъ въ Щуровской усадьбѣ въ 1805 году, на высокомъ берегу Оки, существуетъ и донныѣ; усадьба принадлежитъ внуку его Д. В. Губерти.

⁴⁾ Бабка моя, Е. А., разсказывала, что, будучи ребенкомъ, она пріѣзжала на танцклассы Югеля, гдѣ ей приходилось не разъ танцевать минуэты и экосезы въ парѣ съ несчастнымъ впоследствии Пестелемъ. Пестель, по ея словамъ, живой и рѣзвый мальчикъ, смѣясь, говорилъ про себя: «Я суццая попрыгущка!...». — «Да, высоко онъ, бѣдный, прыгнулъ», — добавляла бабушка.

Портретъ Грибовскаго работы художника Аргунова находится у отца моего. А. М. изображенъ въ полковничьемъ мундирѣ, въ аксельбантахъ, съ Владиміромъ на шеѣ. Н. Губерти.

III.

Еще о культурныхъ успѣхахъ Финляндіи.

(Письмо въ редакцію).

Статья моя о культурныхъ успѣхахъ Финляндіи вызвала въ печати поправку или дополненіе, которое, какъ мнѣ кажется, только затемняетъ вопросъ. Указавъ на существующія въ Финляндіи неблагопріятныя для культуры условія, я выяснилъ на основаніи цѣлаго ряда фактовъ, что вопреки этимъ условіямъ финляндцы достигли въ нѣкоторыхъ сферахъ народной жизни изумительныхъ успѣховъ, благодаря частной инициативѣ и общественной самодѣятельности, помимо содѣйствія мѣстнаго правительства. Коснулся я главнымъ образомъ успѣховъ народнаго просвѣщенія, народной литературы, женскаго образованія, искусства. Вышеупомянутая же поправка или дополненіе сводится къ тому, что высшая культура Финляндіи, по сравненію съ культурой остальной Россіи, объясняется главнымъ образомъ разными подарками, преимуществами и льготами со стороны общенперскаго правительства. Благодаря этимъ льготамъ и подаркамъ, въ родѣ снабженія финляндцевъ солью, мукою и хлѣбомъ послѣ войны начала нынѣшняго столѣтія, присоединенія Выборгской губерніи къ Финляндіи, уплаты причитающихся Финляндіи за постои русскихъ войскъ суммъ не кредитными билетами, а золотомъ, сравнительно меньшей обременительности воинской повинности, наконецъ, слабаго участія Финляндіи въ покрытіи общенперскихъ расходовъ, наша финская окраина пользуется большимъ матеріальнымъ благосостояніемъ и слѣдовательно можетъ удѣлять болѣе значительныя суммы на культурныя цѣли.

Этотъ взглядъ на дѣло грѣшитъ прежде всего уже тѣмъ, что благосостояніе, то-есть сравнительное богатство, признается источникомъ культуры, между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ можно скорѣе сказать, что культура плодитъ богатство. Осмыслите некультурнаго человѣка золотомъ, и онъ все же останется некультурнымъ. Увеличьте внѣшнимъ образомъ богатство малокультурнаго народа, и избытокъ его доходовъ будетъ употребленъ на совершенно непроизводительныя цѣли, пойдетъ, напримѣръ, на пьянство, увеличеніе роскоши и т. д. Дайте какимъ нибудь зулусамъ или папуасамъ громадныя суммы, и они отъ этого нисколько не станутъ культурнѣе. Даже культурному народу обогащеніе часто не идетъ впрокъ. Такъ, напримѣръ, Германія получила отъ Франціи цѣлыхъ 5 миллиардовъ франковъ, а между тѣмъ замѣтно возросла культура не Германія, а Франція.

Но въ данномъ случаѣ, то-есть по отношенію къ финляндцамъ, все оказанныя имъ мнимыя или дѣйствительныя льготы мало увеличили ихъ благосостояніе. Мы не будемъ говорить уже о такомъ фактѣ, какъ выдача незначительнаго количества соли и хлѣба населенію страны, разоренному кровопролитною войною въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Но и присоединеніе

Выборгской губерніи составляет съ нашей точки зрѣнія подарокъ весьма сомнительный. Когда Выборгская губернія была присоединена къ Финляндіи, населеніе ея состояло преимущественно изъ батраковъ, безземельныхъ крестьянъ, поставленныхъ въ ужасающія условія по полной своей необеспеченности. Только много десятилѣтій спустя было приступлено наконецъ къ аграрной реформѣ, чтобы хоть нѣсколько прійти на помощь изнывавшему отъ горькой нужды сельскому люду. Такимъ образомъ, увеличеніе доходовъ Финляндіи, благодаря присоединенію къ ней Выборгской губерніи, сопровождалось и соответственнымъ увеличеніемъ расходовъ. Объ уплатѣ суммъ, причитающихся за постои войскъ, золотомъ вмѣсто кредитныхъ билетовъ, и говорить не стоитъ, потому что для всякаго, кто обладаетъ хотя бы только элементарными свѣдѣніями по политической экономіи, совершенно очевидно, что съ точки зрѣнія народнаго богатства безразлично—уплачиваются ли эти суммы золотомъ, или кредитными билетами по курсу. Больше значенія имѣеть сравнительная малочисленность мирнаго состава войскъ, выставляемыхъ Финляндіею; мы говоримъ о мирномъ составѣ, потому что въ военное время Финляндія обязана выставить соответственно столько же войскъ сколько и остальное населеніе Россіи, такъ какъ съ 1878 года тамъ введена общая воинская повинность. Но преимущество, которымъ пользуется въ этомъ отношеніи Финляндія, съ избыткомъ уравнивается крайнимъ неплодородіемъ финляндской почвы и печальными аграрными условіями, въ которыхъ поставлено тамошнее населеніе сравнительно съ нашимъ крестьянскимъ людомъ: батрачество въ Финляндіи имѣеть широкое распространеніе и приводитъ къ тому, что бывають годы, когда изъ Финляндіи эмигрируютъ вслѣдствіе полной своей матеріальной необеспеченности до 25.000 лицъ, что составляетъ для населенія въ 2.200.000 процентъ громадный, особенно, если принять во вниманіе, что выселяется цѣль молодежи, и вмѣстѣ съ тѣмъ Финляндія лишается лучшихъ работниковъ. Эта эмиграція, вызываемая крайнею матеріальною необеспеченностью, уже одна вполне уравниваетъ ту пользу, которую извлекаетъ страна изъ сравнительной малочисленности своихъ войскъ въ мирное время. Наконецъ, что касается до сравнительно слабаго участія Финляндіи въ обще-имперскихъ расходахъ, то съ нашей точки зрѣнія оно могло бы идти въ счетъ только въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что податное бремя, лежащее на финляндцахъ, легче, чѣмъ податное бремя, лежащее на остальномъ русскомъ населеніи. На самомъ же дѣлѣ финляндцы и русскіе обложены равномерно, т. е. платять государственныхъ налоговъ 9 рублей съ души. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія возможности удѣлять, помимо правительства, денежные средства для культурныхъ цѣлей, финляндцы поставлены въ одинаковыя съ нами условія. Если же принять во вниманіе, что остальные условія, особенно климатическія и почвенныя, въ Финляндіи гораздо менѣе выгодны, чѣмъ въ громадномъ большинствѣ мѣстностей остальной Россіи, то мы еще полнѣе убѣдимся, что благоприятныя шансы не на сторонѣ финновъ. Тѣмъ не менѣе финское общество находитъ въ себѣ и силы, и средства, чтобы самостоятельно безъ правительственной поддержки рѣшать многіе культурные вопросы первостепенной важности. Это насъ убѣждаетъ, что финляндцы обладаютъ нѣкоторыми общественными качествами, отсутствующими у насъ, русскихъ. Какъ мы старались выяснитъ, эти качества заключаются въ энергической и выдержанной частной инициативѣ, въ духѣ общественной соли-

дарности и самодѣтельности. Тутъ намъ есть чему поучиться у финляндцевъ: Финляндія представляетъ живой примѣръ той великой истины, что только общество, не ожидающее своего спасенія со стороны, а само съ выдержкою и сознаніемъ общественнаго своего долга рѣшающее основные вопросы народной жизни, достигаетъ если не богатства, то выдающихся культурныхъ успѣховъ. Но бѣда въ томъ, что мы, русскіе, слишкомъ склонны ожидать всего со стороны, а не отъ самихъ себя, добиваемся постоянныхъ субсидій, поддержки, содѣйствія, и даже не можемъ себя представить, что другіе достигаютъ значительныхъ успѣховъ помимо всякой посторонней поддержки. Именно въ этомъ отношеніи такъ поучительно знакомство съ финляндскими порядками, и если наша статья этому знакомству содѣйствовала, то дѣль наша вполне достигнута.

Р. Сементковскій.

ными лампами, коврами, столомъ, стульями, постелями и бѣльемъ. Какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, обнаженная комната превратилась въ удобный и уютный покой.

Князь Индіи былъ очень доволенъ этой перемѣной, но изумлялся, что такъ долго не получалъ отвѣта отъ мирзы. Но вскорѣ дверь отворилась, и пажъ, въ блестящей одеждѣ, остановясь на порогѣ, громко произнесъ:

— Эмиръ-мирза!

XII.

Возвращеніе кольца.

Услыхавъ о прибытіи мирзы, князь Индіи остановился посреди комнаты и, принявъ полную достоинства позу, казался въ своей бархатной шубѣ, на которой рельефно выдавалась его серебристая борода, таинственнымъ восточнымъ владыкой, знающимъ всѣ тайны природы.

Мирза нисколько не измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ онъ видѣлся съ княземъ въ Меккѣ, только лицо его не было такимъ загорѣлымъ, какъ тогда. На немъ, также какъ на Магометѣ, была кольчуга, покрывавшая его съ ногъ до шеи. Кромѣ кинжала за поясомъ, у него не было никакого оружія. Съ улыбкой удовольствія подошелъ онъ къ старику и почтительно поцѣловалъ протянутую ему руку.

— Прости мнѣ, князь, если мои первыя слова будутъ казаться упрекомъ: отчего ты такъ долго заставилъ себя ждать?

— Эмиръ,—строго произнесъ старикъ:— ты измѣнилъ своему слову. Развѣ это порыцарски? Кому ты повѣдалъ повѣренную тебѣ тайну? Сколько людей ждало моего прибытія?

— Взмилуйся, князь,—началъ эмиръ, вспыхнувъ, но старикъ его перебилъ:

— Я могу тебѣ простить, но небесныя свѣтила простятъ ли мнѣ, такъ какъ, благодаря тебѣ, я виновенъ передъ ними?

Эмиръ снова хотѣлъ что-то сказать, но князь вторично его перебилъ:

— Говори поитальянски.

Мирза поспѣшно взглянулъ на Сергія и Нило, потомъ окинулъ быстрымъ взглядомъ всю комнату и произнесъ на итальянскомъ языкѣ:

— Это темница замка. Неужели ты узникъ?

— Комендантъ привелъ меня и моихъ друзей въ эту комнату,—отвѣчалъ съ улыбкой князь Индіи:—и въ ней не было ничего, что ты видишь теперь. По его словамъ, всѣ лучшіе покои замка заняты солдатами.

— Онъ горько раскается въ своей дерзости. Мой повелитель справедливъ и строгъ, а я доложу ему объ этомъ немедленно. Но, князь, самъ посуди, справедливо ли ты меня обвиняешь. Явившись къ Магомету по окончаніи моего паломничества, я нашелъ, что онъ сталъ гораздо величественнѣе, чѣмъ прежде, словно какой-то ангелъ шепнулъ ему о томъ, что ты мнѣ говорилъ. Оставшись со мной наединѣ, онъ сталъ спрашивать обо всемъ, что я видѣлъ и слышалъ, а когда я принужденъ былъ рассказать ему, что я ощутилъ дыханіе «желтаго воздуха» и былъ спасенъ отъ смерти тобою, то онъ сталъ такъ приставать ко мнѣ съ разспросами о твоихъ поступкахъ и словахъ, что я наконецъ рассказалъ ему все, что зналъ о тебѣ. Онъ пришелъ въ восторгъ отъ тебя и упрекалъ меня въ томъ, что я, встрѣтившись съ такимъ необыкновеннымъ человѣкомъ, не привезъ тебя къ нему. Слово за слово онъ вывѣдалъ отъ меня все, что ты мнѣ говорилъ, и право, князь, если бы ты его такъ любилъ и такъ хорошо зналъ, какъ я, если бы тебѣ было извѣстно, что это за идеальный человѣкъ, и какъ онъ жаждетъ совершить великія дѣла, то ты не скрылъ бы отъ него тайны небесныхъ свѣтилъ. Нѣтъ, князь, я не измѣнникъ, и ты также поступилъ бы на моемъ мѣстѣ.

Въ сущности князь Индіи только напустилъ на себя искусственный гнѣвъ, и на самомъ дѣлѣ былъ очень радъ, что, вывѣдавъ отъ мирзы необходимыя ему свѣдѣнія о Магометѣ, могъ теперь встрѣтить послѣдняго вполнѣ спокойно и съ должной подготовкой.

— Я вижу,—сказалъ онъ, все-таки придерживаясь серьезнаго тона,—что ты, мой благородный другъ, находился въ затруднительномъ положеніи, и что твоего повелителя надо поздравить съ такимъ вѣрнымъ и преданнымъ слугою, какъ ты, но я все-таки повторяю мой вопросъ: сколько людей ждало моего прибытія?

— Я сообщил повѣренную мнѣ тайну только одному моему повелителю, и ты можешь быть увѣренъ, князь, что эта тайна похоронена въ его сердцѣ.

— Хорошо, эмиръ. Я даже начинаю думать, что твой поступокъ принесъ пользу. Я не вѣрю въ импровизованныхъ героевъ и полагаю, что Магометъ, зная предсказанія небесныхъ свѣтилъ о своей судьбѣ, не даромъ провелъ эти годы.

И старикъ снова протянулъ руку мирзѣ, который крѣпко ее пожалъ и воскликнулъ:

— Я принесъ тебѣ вѣсточку отъ князя Магомета. Я былъ съ нимъ въ то время, когда комендантъ передалъ мнѣ твое кольцо. Вотъ оно. Оно можетъ пригодиться тебѣ въ другой разъ.

— Ты говоришь и поступаешь совершенно разумно,—сказалъ еврей и, взявъ кольцо, надѣлъ на свой палець.

— Когда мой повелитель Магометъ узналъ, что это кольцо принадлежитъ тебѣ, и что ты здѣсь въ замкѣ, онъ сталъ требовать,

чтобы я тотчасъ привелъ тебя къ нему. «Насъ свела съ нимъ въ этомъ замкѣ судьба не даромъ, — произнесъ онъ съ пламеннымъ одушевленіемъ, — я не упушу случая видѣться съ нимъ и узнать отъ него все, что говорятъ звѣзды, но, мирза, прежде чѣмъ ты приведешь его сюда, посмотри, не нуждается ли онъ въ чемъ, и хорошо ли все устроено для его приѣма. Я думаю, эмиръ, — прибавилъ онъ чрезъ мгновеніе, — не затрудняй его немедленнымъ приходомъ, а скажи, что я жду его ровно въ полночь, когда голосъ небесныхъ свѣтилъ всего слышнѣе». Итакъ, князь, аудіенція тебѣ назначена ровно въ двѣнадцать часовъ.

— Отличное время!

— Такъ мнѣ и передать моему повелителю?

— Да, съ моимъ глубочайшимъ поклономъ.

— Значитъ, я приду за тобою въ полночь.

— Хорошо. Я буду тебя ждать.

— Между тѣмъ, князь, позволь мнѣ перевести тебя въ другой покой, болѣе достойный твоей особы.

— Нѣтъ, добрый мирза, оставь меня здѣсь. Комендантъ, очевидно, ошибся, помѣстивъ меня въ этой комнатѣ. Онъ принялъ меня за христіанина и не зналъ, что его повелитель придастъ мнѣ такую важность. Я его прощаю и желаю, чтобы онъ былъ впредь моимъ другомъ, а не врагомъ. Почему знать, можетъ быть, я снова попаду въ этотъ замокъ. Напротивъ, попроси князя Магомета отрекомендовать меня коменданту какъ можно лучше. А если ты самъ хочешь оказать мнѣ услугу, мирза, то посмотри, чтобы насъ хорошенько накормили: я начинаю чувствовать большой аппетитъ.

Эмиръ низко поклонился и вышелъ изъ комнаты, а князь Индіи, чрезвычайно довольный удачнымъ оборотомъ дѣлъ, сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, погруженный въ пріятную думу.

Черезъ нѣсколько времени явились слуги и принесли обильный ужинъ, за который весело принялись всѣ три, застигнутые бурей, путника.

XIII.

Магометъ и небесныя свѣтила.

Магометъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ свиданія съ княземъ Индіи. Весь этотъ день былъ рядомъ необыкновенныхъ для него впечатлѣній.

Онъ до сихъ поръ былъ такъ занятъ наукою и военной службой, что не имѣлъ времени на любовныя похождения, а, быть можетъ, онъ никогда не встрѣчалъ женщины, которая возбудила бы въ немъ страстныя желанія. Прибывъ въ Бѣлый замокъ и услышавъ, что тамъ задержана родственница императора Константина,

молодая дѣвушка лѣтъ двадцати, онъ неожиданно поинтересовался видѣть ее и сказалъ коменданту:

— Останься здѣсь, я возьму на себя твою роль и пойду встрѣтить княжну.

Онъ поспѣшилъ на берегъ и при видѣ ея пришелъ въ восторгъ отъ ея красоты, граціозной фигуры и полной достоинства осанки. Прежде чѣмъ ее понесли въ паланкинѣ къ замку, онъ послалъ приказъ, чтобы всѣ обитатели замка были удалены съ ея пути, и чтобы ее принялъ одинъ евнухъ въ гаремѣ коменданта, очищенномъ отъ всѣхъ его обитательницъ. Распорядившись такимъ образомъ и принявъ мѣры къ достойному приему княжны, Магометъ не могъ забыть о ней.

— Какъ она прекрасна, — думалъ онъ, — какъ она умна, какъ сдержанна и вмѣстѣ смѣла въ критическую минуту, какъ она образована и какъ привыкла къ придворной жизни.

И всѣ эти мысли сводились къ одному заключенію:

— О, Аллахъ! Какая бы это была султанша!

Впервые въ его молодомъ сердцѣ заговорила любовь, и потому не удивительно, что, узнавъ отъ эмира-мирзы о присутствіи въ замкѣ князя Индіи, онъ отложилъ свиданіе съ нимъ до полуночи, а самъ, переодѣвшись арабскимъ шейхомъ и покрасивъ себѣ лицо, шею и руки, отправился въ качествѣ рассказчика къ княжнѣ Иринѣ.

Но когда онъ вернулся изъ ея комнаты, и сталъ приближаться назначенный часъ для бесѣды съ таинственнымъ мистикомъ, то онъ сталъ ощущать сильное нетерпѣніе.

Ровно въ полночь мирза съ княземъ Индіи постучался въ дверь комнаты Магомета, передъ которой стояли часовые. Изнутри раздался голосъ, приглашавшій ихъ войти.

При видѣ старика молодой турокъ всталъ съ своего ложа, состоявшаго изъ массы подушекъ подъ большимъ балдахиномъ.

— Это князь Индіи, повелитель мой, — сказалъ мирза и, обращаясь къ предполагаемому индійскому мудрецу, прибавилъ: — будь счастливъ, князь. Востокъ не родилъ еще никогда челоуѣка, столь достойнаго сорвать цвѣтокъ съ могилы Саладина и носить его на своемъ племѣ, какъ мой повелитель князь Магометъ.

Исполнивъ свои обязанности, эмиръ удалился.

Магометъ былъ одѣтъ по обычаю его расы: на немъ были туфли съ острыми носками, широкіе шаровары, собранные на икрахъ, желтый халатъ, опускавшійся ниже колѣнъ, и большой круглый тюрбанъ, съ перомъ изъ брилліантовъ. Голова его была выбрита до краевъ тюрбана, такъ что черты его лица ясно видѣлись при свѣтѣ нѣсколькихъ лампъ, спускавшихся съ потолка. Его черные глаза смотрѣли изъ-подъ густыхъ бровей привѣтливо, радушно.

Онъ сдѣлалъ два шага, опустился на колѣни и приложилъ губы къ своимъ рукамъ, которыми дотронулся до пола. Магометъ поднялъ его и сказалъ:

— Встань, князь, и сядь рядомъ со мной.

Онъ вытащилъ изъ-за своего ложа широкое кресло съ большой подушкой, въ родѣ тѣхъ, которыя употребляются учителями въ школахъ при мечетяхъ. Онъ самъ помѣстился на своемъ ложѣ, а князь Индіи усѣлся на этомъ креслѣ.

— Человѣкъ, столь набожный, какъ князь Индіи, согласно всему, что я слышалъ о немъ,—сказалъ Магометъ почтительнымъ тономъ:—долженъ вѣрить въ Бога и въ страшный судъ, творить установленныя молитвы, подавать милостыню и не бояться никого, кромѣ Бога, а слѣдовательно онъ имѣетъ право входа во всѣ храмы.

— Твои слова, мой повелитель, выражаютъ несомнѣнно волю неба,—отвѣчалъ старикъ:—я чувствую себя въ твоемъ присутствіи словно въ вѣчномъ саду, въ которомъ протекаетъ быстрый потокъ.

Замѣтивъ, что князь Индіи привелъ въ своихъ словахъ текстъ Корана, Магометъ наклонилъ голову и сказалъ:

— Слушая тебя, я признаю, что передо мной одинъ изъ слугъ всемилосерднаго Бога. Миръ тебѣ, князь! Ты видишь,—прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія:—что я помѣстилъ тебя на учительскомъ мѣстѣ. Я твой ученикъ. Открой книгу и читай, а я буду подбирать падающія изъ твоихъ устъ жемчужины, чтобы онѣ не упали на полъ и не исчезли.

— Я боюсь, что мой повелитель слишкомъ высоко меня цѣнить, не во всякомъ случаѣ это дѣлаетъ ему честь. О чемъ прикажешь ты мнѣ говорить?

— Скажи мнѣ прежде всего, кто ты такой, — сказалъ Магометъ рѣшительнымъ тономъ и нахмуривая брови.

— Эмиръ правильно представилъ меня, — отвѣчалъ старикъ, заранѣе приготовившись къ этому вопросу:—я князь Индіи.

— Теперь скажи что нибудь о твоей прошедшей жизни.

— Такъ какъ твой вопросъ общій, то я выберу что нибудь о моей прошлой жизни и расскажу тебѣ. Я началъ свой жизненный путь ученикомъ Сидхарты, который, какъ извѣстно моему повелителю, родился въ центральной Индіи. Очень рано, я научился искусно переводить, и меня вызвали въ Китай для перевода тридцати четырехъ рѣчей отца Будисатвы на китайскій и тибетскій языки. Я также перевелъ «Лотусъ Великаго Закона» и «Нирвану». Всѣ эти труды доставили мнѣ не малую честь. Одинъ изъ моихъ предковъ, Маха-Кашіяпа, получилъ отъ самого Будды тайну истины. Вотъ ея символъ.

Князь вынулъ изъ кармана пожелтѣвшій листъ пергамента и подалъ его Магомету, говоря:

— Посмотри.

Магометъ взялъ пергаментъ и увидалъ слѣдующій серебрянъ сдѣланный знакъ:

— Я вижу знакъ, — сказалъ серьезно Магометъ, — но объясни мнѣ его значеніе.

— Не могу, — отвѣчалъ старикъ, — если бы я сдѣлалъ это, то тайна истины перестала бы быть тайной, а я, какъ потомокъ Кашіянъ, ея хранитель. Этотъ символъ имѣетъ самый священный характеръ. Нѣтъ ни одного подлиннаго изображенія Будды, на сердцѣ котораго не было бы этого знака. Это монограмма Вишну и Сивы, но относительно его смысла я могу только сказать, что каждый ученый браминъ смотритъ на этотъ знакъ почтительно, зная, что онъ изображаетъ всю премудрость Будды.

Магометъ отдалъ пергаментъ и просто сказалъ:

— Я слышалъ о подобныхъ символахъ.

— Наконецъ, я вернулся на свою родину, обладая крупными богатствами, — продолжалъ князь Индіи, замѣчая, что онъ уже произвелъ сильное впечатлѣніе на своего собесѣдника: — мною овладѣло тогда желаніе путешествовать. Однажды, странствуя по пустынѣ къ Баалбеку, я попалъ въ руки бедуиновъ, которые продали меня шерифу въ Меккѣ. Это былъ добрый, хорошій человекъ; онъ оцѣнилъ мои несчастія и мои знанія. Подъ его руководствомъ я прочелъ «Книгу Единого Бога» и сдѣлался правовѣрнымъ. Когда я такимъ образомъ замѣнилъ надежду Нирваны лучшей и вѣрнѣйшей надеждой ислама, онъ отпустилъ меня на свободу. Снова возвратясь на родину, я предался астрологическимъ занятіямъ, что мнѣ было не трудно, такъ какъ я много лѣтъ провелъ въ изученіи отвлеченныхъ истинъ Сидхарты. Вскорѣ я сдѣлался адептомъ этой науки.

— А развѣ не всякій астрологъ адептъ этой науки? — спросилъ Магометъ.

— Во всемъ есть степени, — отвѣчалъ старикъ, — даже звѣзды отличаются другъ отъ друга.

— Но какъ человекъ можетъ дойти до повнанія невѣдомаго?

— Путемъ усвоенія того наслѣдія, которое оставлено прошедшими мудрецами. Если бы ты, мой повелитель, не былъ уже предопредѣленъ судьбою, то я могъ бы указать тебѣ на школу, гдѣ ты могъ бы легко узнать все, что тебя интересуешь. А теперь довольствуйся тѣмъ, что тебѣ передадутъ адепты этой науки. Они другъ отъ друга получали въ наслѣдіе таинственное знаніе, и это знаніе все расширялось и расширялось. Нѣсколько вѣковъ тому назадъ адепты знали только, благодаря таинственному голосу звѣздъ, что бѣдное племя, странствовавшее на востокѣ, распространить свою власть надъ дворцами запада и похоронить славу гордецовъ.

Но они не знали, какъ зовутъ это племя. Послѣ того же, что твои предки водворились въ Бруссы, эта тайна стала понятной всѣмъ, даже пастухамъ на Трояновыхъ высотахъ, которыя могли назвать по имени это счастливое племя, но все-таки оставалось и кое-что невѣдомымъ. Всѣ знали, кто должны были рыть могилу, но для кого была эта могила? Вотъ въ чемъ былъ вопросъ. Я занялся разрѣшеніемъ его. Я посѣтилъ всѣ страны свѣта, и ты не можешь указать ни одной, гдѣ бы я не побывалъ. Какъ внукъ Абдъ-Эль-Муталиба былъ глашатаемъ Бога, такъ и я глашатай небесныхъ свѣтилъ.

Губы Магомета зашевелились, но онъ пересилилъ себя и не произнесъ ни слова.

— По временамъ, среди моихъ странствій,— продолжалъ старикъ, какъ бы не замѣчая, что его слова возбуждаютъ большой интересъ въ молодомъ туркѣ,—я часто спрашивалъ у планетъ ихъ тайны, но болѣе всего меня интересовало узнать, для кого должны твои оттоманы копать могилы. Я составлялъ различныя комбинаціи и пускалъ въ ходъ имена различныхъ личностей, царственныхъ домовъ и народовъ, но все тщетно. Какъ только рождался младенецъ знатнаго рода, я тотчасъ записывалъ часъ его рожденія и его имя. Я постоянно слѣдилъ за положеніемъ всѣхъ странъ, чтобы имѣть всегда въ виду, приближается ли какая катастрофа. Какъ свѣтила небесныя слуги Бога, то и у этихъ свѣтилъ есть свои слуги, въ числѣ которыхъ бываютъ и духовныя лица, и царственные особы, и воины, и простые смертные. Эти вѣстники воли небесныхъ свѣтилъ, прежде чѣмъ повѣдать открытую имъ тайну тѣмъ, до кого она касается, всегда основательно узнаютъ ихъ для подготовки пути къ объявленію имъ предопредѣленной судьбы.

— Развѣ ты знаешь меня, князь? — воскликнулъ Магометъ съ удивленіемъ.

— Я знаю ли тебя, Магометъ?—произнесъ рѣшительнымъ тономъ старикъ. — Ты самъ себя такъ хорошо не знаешь, какъ я тебя знаю.

Магометъ вздрогнулъ.

— Я говорю не о томъ, что всѣ знаютъ,—продолжалъ восточный мистикъ,—не о томъ, кто твой отецъ и кто твоя мать, христіанская принцесса, не о томъ, что ты получилъ прекрасное воспитаніе и былъ до сихъ поръ послушнымъ сыномъ и храбрымъ воиномъ. Мнѣ извѣстно гораздо болѣе. Однажды ночью, передъ тѣмъ, какъ ты родился, произошло большое смятеніе. Въ той комнатѣ, гдѣ ты рождался, стояли большіе золоченые стѣнные часы, и какъ только на этихъ часахъ пробилъ полночь, то всѣ разставленные по дворцу евнухи подняли крикъ: «Слава Аллаху! родился сынъ у султана!» Когда этотъ крикъ достигъ до человѣка, сидѣвшаго на крышѣ дворца, за столомъ, на которомъ лежала карта зодіака, то онъ всталъ, пристально

посмотрѣлъ на небо и громко воскликнулъ: «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога! Марсъ, владыка зодіака, со своими друзьями Сатурномъ, Венерой и Юпитеромъ находятся въ самомъ счастливомъ сочетаніи, а луны вовсе не видно. Да здравствуетъ сынъ султана!» И пока его слова передавались однимъ внухомъ другому, онъ занесъ на бумагу положеніе планетъ въ эту минуту, именно въ полночь съ понедѣльника на вторникъ въ 1430 году. Вѣрно ли я говорю, мой повелитель?

— Вѣрно, князь.

— Эта бумага достигла до меня, и я составилъ по ней твой гороскопъ. Всѣ мои выкладки и расчеты приводили къ одному результату, что твой жизненный путь освѣтитъ востокъ лучезарной славой никогда не заходящаго солнца.

Старикъ умолкъ, но черезъ минуту прибавилъ съ низкимъ поклономъ:

— Что же, мой повелитель, находишь ты, что я хорошо тебя знаю?

XIV.

Мечты и предсказанія.

Нѣсколько времени Магометъ молчалъ, погруженный въ глубокую думу; наконецъ, онъ произнесъ, стараясь скрыть свое волненіе:

— Я также кое-что знаю о тебѣ, князь, и то, что сообщилъ мнѣ о тебѣ эмиръ-мирза, вполне совпадаетъ съ твоими собственными словами. Ты дѣйствительно ученый, опытный человѣкъ, добрый и вѣрующій. Во всѣ времена великимъ людямъ предсказывали ихъ будущность, а потому, если мнѣ суждено совершить великія дѣла, то почему тебѣ не быть пророкомъ, возвѣщающимъ мнѣ мою судьбу.

— Я не пророкъ! — воскликнулъ старикъ, поднимая обѣ руки къверху. — Я только провозвѣстникъ воли небесныхъ свѣтилъ.

— Какъ тебѣ угодно, князь, — отвѣчалъ Магометъ: — пророкъ или вѣстникъ, это все равно; дѣло не въ томъ, какъ тебя называть, а въ той вѣсти, которую ты принесъ мнѣ. Какой юноша не мечтаетъ о славѣ, а потому не смѣйся, князь, надо мной, если я охотно принимаю тебя, какъ провозвѣстника моей судьбы. Не думай, что я легкомысленно отнесся къ тому, что мнѣ передалъ мирза, нѣтъ, я серьезно обдумалъ все слышанное, и мой умъ встревоженъ многими вопросами, на которые только ты можешь дать отвѣтъ. Во-первыхъ, моя слава, долженствующая наполнить весь востокъ, какъ свѣтъ никогда не заходящаго солнца, будетъ какого рода? Какъ мы всѣ знаемъ, слава бываетъ различна, есть слава по-

этовъ, ораторовъ и ученыхъ, а есть слава и завоевателей. Какая же меня ожидаетъ слава?

— Голосъ небесныхъ свѣтилъ въ этомъ отношеніи совершенно ясенъ. Когда Марсъ господствуетъ въ зодіакѣ, то рожденный при такомъ положеніи небесныхъ свѣтилъ долженъ быть храбрымъ воиномъ и счастливымъ завоевателемъ. Видѣлъ ли ты, мой повелитель, когда нибудь свой гороскопъ?

— Да.

— Такъ ты поймешь мои слова.

— Эта слава мнѣ не по сердцу, князь, и такъ какъ мой родъ прославился героями: Османомъ—его основателемъ, Орханомъ—создателемъ янычаръ, Солиманомъ—перешедшимъ Геллеспонтъ, Муратомъ—завоевателемъ Адрианополя, Баязетомъ—побѣдителемъ крестоносцевъ при Никополѣ и моимъ отцомъ, нанесшимъ поражение Гуніаду, то, чтобъ сравниться съ ними, я долженъ совершить дѣйствительно великій подвигъ. Поэтому я желалъ бы знать, совершу ли я этотъ подвигъ неожиданно, въ юности, или онъ увѣнчаетъ долговременную жизнь.

— Я не могу отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Отчего?

— Отъ того, что звѣзды ничего не повѣдали мнѣ въ этомъ отношеніи, а отъ себя я не могу ничего говорить.

— Долго ли долженъ я ждать той славы, которую ты мнѣ обещаешь?—продолжалъ Магометъ, сверкая глазами.—Если для достиженія ея необходимо много походовъ, то не начать ли мнѣ тотчасъ же собирать мои арміи?

Князь Индіи ясно видѣлъ, что Магометъ теряетъ самообладаніе и, желая совершенно подчинить его своему вліянію, вмѣсто отвѣта задалъ ему вопросъ:

— Твоему отцу вѣдь восемьдесятъ четыре года?

Магометъ утвердительно кивнулъ головой.

— И онъ царствуетъ уже двадцать восемь лѣтъ?

Магометъ снова кивнулъ головой.

— Теперь я отвѣчу на твой вопросъ. Все, что мнѣ повѣдали звѣзды о твоей судьбѣ, тебѣ уже извѣстно и основано на гороскопѣ твоего рожденія. То, что ты теперь желаешь знать, относится до тебя, не какъ Магомета, а какъ султана, а ты еще не султанъ. Поэтому ты можешь получить отвѣтъ отъ звѣздъ лишь въ тотъ день, когда станешь султаномъ. Тогда замѣть минуту и часъ этого событія и передай мнѣ, а я составлю гороскопъ уже султана Магомета, а не сына султана, какъ ты теперь. Лишь въ то время я буду въ состояніи, какъ провозвѣстникъ воли небесныхъ свѣтилъ, сообщить тебѣ то, что ты желаешь знать, и еще многое другое, именно, когда тебя ждетъ слава, и какія мѣры принять для ея достиженія. Ты меня понимаешь?

На лицѣ молодого турка показалось глубокое разочарованіе. Онъ насунилъ брови и отвѣчалъ недовольнымъ тономъ:

— Не смотря на всю твою мудрость, князь, ты не понимаешь, какъ тяжело ждать. Слава—самый сладкій плодъ въ природѣ, но ждать ея очень тяжело. Было бы злой ироніей, если бы слава посѣтила меня только въ старости. Настоящая слава та, которую приобрѣтаетъ человѣкъ юношей, подобно тому какъ заслужилъ безсмертіе величайшій изъ грековъ, не достигнувъ еще зрѣлаго возраста. Но быть по-твоему, я преклоняюсь передъ волею небесныхъ свѣтилъ. Между мной и султанской властью стоитъ мой отецъ, добрый, хорошій человѣкъ, котораго я люблю также, какъ онъ меня, и ни я, никто либо изъ моихъ приближенныхъ не подниметъ руки, чтобы устранить его съ моей дороги. Но я приму твой совѣтъ и прикажу записать минуту и часъ, когда его престолъ перейдетъ ко мнѣ. А если ты будешь тогда въ отсутствіи?

— Пошли за мной, и я тотчасъ явлюсь. Я живу въ Константинополѣ, и меня легко розыскать. Но было бы недурно, если бы ты приказалъ коменданту этого замка всегда открывать мнѣ его ворота.

— Хорошая мысль. Я исполню ее. Но я еще не исчерпалъ всѣхъ вопросовъ, которые просятся на мои уста. Скажи мнѣ, князь, гдѣ будетъ то поле брани, на которомъ я приобрѣту славу, и съ кѣмъ мнѣ придется бороться? Какъ я ни смотрю вокругъ себя, но не вижу возможности войны, которая могла бы стяжать мнѣ ту громадную славу, которую ты мнѣ предсказываешь. О, князь! Освѣти мнѣ тѣ мрачныя дебри, въ которыя я погруженъ.

— Эмиръ-мирза сказалъ тебѣ, что въ твоихъ собственныхъ интересахъ надо хранить въ тайнѣ наступленіе новаго наплыва востока на западъ?...

— И предстоящее паденіе Константинополя!—перебилъ его Магометъ.

— Да. Но прибавилъ ли онъ, что я объяснилъ ему необходимость провѣрить гороскопъ этого событія въ самомъ Константинополѣ?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ тебѣ будетъ понятенъ мой отвѣтъ на твой вопросъ. Слава, которая тебя ожидаетъ, не будетъ зависѣть отъ причины войны, отъ ея мѣстности и отъ ея участниковъ.

Магометъ притаилъ дыханіе, чтобы не проронить ни одного слова старика.

— Тебѣ извѣстно, мой повелитель,—продолжалъ князь Индіи:— что между римскимъ папой и константинопольскимъ патріархомъ идетъ долгій споръ: первый заявляетъ притязаніе на главенство христіанской церкви, а послѣдній настаиваетъ на своемъ, вполне равномъ достоинствѣ. Этотъ споръ раздѣляетъ христіан-

скую церковь на два лагера, и уже всѣмъ извѣстно, что существуетъ двѣ церкви: западная и восточная. Мы съ тобой знаемъ, что столица христіанства здѣсь,—произнесъ старикъ, указывая на Константинополь: — и что завоеваніе его будетъ означать подчиненіе Христа Магомету. Къ чему тебѣ болѣе яснаго опредѣленія твоей славы? Я заранѣе привѣтствую въ тебѣ мечъ Божій.

Магометъ соскочилъ со своего ложа и въ большемъ волненіи сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Наконецъ онъ остановился передъ княземъ Индіи и радостно воскликнулъ:

— Я теперь понимаю, что подвигъ, который не могъ совершить мой отецъ, выпадетъ на мою долю. Но прости меня, князь, я въ порывѣ радости прервалъ твою рѣчь.

— Къ сожалѣнію, я долженъ еще на нѣкоторое время злоупотребить твоимъ терпѣніемъ,—отвѣчалъ князь съ ловкостью опытнаго дипломата: — но теперь лучше объясни тебѣ все. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ я разстался съ мирзой въ Меккѣ, я прибылъ въ Константинополь и съ тѣхъ поръ каждую ночь, когда небо было ясно, я наблюдалъ звѣзды. Я не могу передать тебѣ всѣ мои изслѣдованія, всѣ мои расчеты и выкладки на основаніи алгебраическихъ и геометрическихъ формулъ, но скажу только, что до сихъ поръ я не получилъ отъ небесныхъ свѣтилъ отвѣта, когда настанетъ гибель этого города. Одно для меня ясно, что судьба Константинополя тѣсно связана съ распаденіемъ христіанской церкви. Римскій папа какъ будто это предчувствуетъ и старается помирить распрю, но это не въ его власти. Мы не можемъ ускорить этого событія, такъ же какъ онъ не можетъ его отсрочить. Но настанетъ день, когда Европа предоставитъ грекамъ защищать самихъ себя, и тогда тебѣ, Магометъ, откроется путь къ славѣ. Пока же твоя роль—выжиданіе.

— И долго мнѣ придется ждать?

— Не знаю. Единственная возможность, однако, вывѣдать тайну у небесныхъ свѣтилъ — это составить гороскопъ султана Магомета при его восшествіи на престолъ; если въ ту минуту Марсъ будетъ господствовать въ зодіакѣ, то тайна откроется, и христіанская столица будетъ у ногъ твоихъ.

— А если Марсъ не будетъ господствовать?

— Тогда тебѣ придется еще ждать.

Магометъ заскрежеталъ зубами.

— Не забывай, мой повелитель,—спокойно произнесъ князь Индіи:—что судьба человѣка походитъ на стаканъ вина, который подносится рукой къ губамъ — эта рука можетъ дрогнуть и вино разлиться, прежде чѣмъ достигнетъ губъ. Часто случалось подобное отъ нетерпѣнія и чрезмѣрной гордости.

— Ты напоминаешь мнѣ,—отвѣчалъ Магометъ, успокоиваясь:— слова корана: «всякое добро, посѣщающее тебя, о человѣкъ!

приходить отъ Бога, а всякое зло приходитъ отъ тебя самого». Буду ждать, но это ожиданіе имѣетъ два періода: одинъ до моего восшествія на престоль, а другой отъ этого момента, до объявленія мнѣ тобой воли небесныхъ свѣтилъ. Я не боюсь второго періода, но научи меня, какъ мнѣ побороть свой гордый духъ во время перваго.

Хитрый еврей внутренно вздрогнулъ, хотя ничѣмъ не обнаружилъ своего волненія, онъ чувствовалъ, что Магометъ былъ въ его рукахъ, и что чрезъ него онъ могъ перевернуть весь свѣтъ. Ему стоило только сказать: «наступила минута», и онъ могъ направить востокъ, который онъ такъ любилъ, на ненавистный ему западъ. Если Константинополь отказался бы исполнить его планъ соединенія религій, то теперь въ его власти было замѣнить христіанство исламомъ. Онъ все это ясно сознавалъ и спокойно говорилъ себѣ въ глубинѣ своего сердца, что не Магометъ, а онъ руководилъ событіями, которыя онъ могъ, по своей волѣ, или ускорить, или отсрочить.

— Ты можешь, о мой повелитель,—сказалъ онъ съ полнымъ хладнокровіемъ: — сдѣлать многое въ это время. Тебѣ слѣдуетъ вести себя такъ, какъ будто уже Константинополь твой и только находится временно въ пользованіи другого. Изучи этотъ городъ снаружи и внутри, его улицы и зданія, его стѣны и площади, его крѣпкія и слабыя мѣста, его обитателей, ихъ сношенія съ иноземцами и торговлю, его правителя и средства къ защитѣ, которыми онъ обладаетъ, его ежедневную жизнь, его партіи и клубы. Въ особенности тебѣ слѣдуетъ подстрекать распрю между греками и латинами.

— Конечно, это было бы хорошее занятіе,—сказалъ Магометъ,—но какъ я могу попасть въ Константинополь?

— А какъ государи бываютъ всюду, не выходя изъ дворца?

— Чрезъ своихъ посланниковъ, но я вѣдь не государь.

— Ты еще не государь, но и не государи могутъ имѣть своихъ агентовъ, хотя тайныхъ.

— А ты возьмешься быть такимъ агентомъ?—спросилъ тихо, почти шепотомъ, Магометъ.

— Прости меня, мой повелитель, но мое дѣло наблюдать по ночамъ за звѣздами.

— Найди тогда такого же хорошаго агента.

— Я найду еще лучшаго. На это дѣло можетъ потребоваться много лѣтъ,—произнесъ старикъ, не обращая вниманія на то, что Магометъ при этихъ словахъ насупилъ брови: — и твой агентъ долженъ жить въ Константинополѣ, не возбуждая къ себѣ никакого подозрѣнія. Ему слѣдуетъ быть умнымъ, ловкимъ человѣкомъ, имѣть высокое положеніе, бывать при дворѣ и располагать широкими средствами, а вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться твоимъ довѣріемъ.

- Кто же это?
 — Мирза.
 — Мирза!—воскликнулъ Магометъ, хлопая руками.
 — Да,—продолжалъ старикъ:—отправь его прежде въ Италію, и пусть онъ прїѣдетъ оттуда настоящимъ итальянцемъ, съ итальянскимъ титуломъ. Онъ говоритъ отлично поитальянски, и на его преданность какъ исламу, такъ и тебѣ можно разсчитывать.
 — Мой слуга, повидимому, тебѣ очень понравился, князь?
 — Я видѣлъ его въ Эль-Зорабѣ и у священной Каабы, наконецъ, онъ предпочелъ нарушить данное мнѣ слово твоему гнѣву.
 — Одна бѣда,—произнесъ Магометъ, вставая снова съ мѣста и ходя взадъ и впередъ по комнатѣ: — я такъ привыкъ къ мирзѣ, что не могу съ нимъ разстаться. Однако, на первый разъ намъ можно и прекратить эту бесѣду. Дай мнѣ подумать и сообразить. Останься здѣсь завтрашній день.

Князь Индіи вспомнилъ, что, по всей вѣроятности, у него дома лежало приглашеніе къ императору, а потому отвѣтилъ:

— Ты дѣлаешь мнѣ большую честь, но неосторожно съ нашей стороны возбуждать сплетни въ Константинополѣ, а тамъ уже, вѣроятно, знаютъ, что княжна Ирина и я занесены бурей въ Бѣлый замокъ, а, можетъ быть, тамъ также извѣстно, что этотъ замокъ посѣтилъ, сынъ султана и Магометъ. Гораздо лучше отпусти меня и княжну, какъ только стихнетъ буря.

— Быть по-твоему,—отвѣчалъ молодой турокъ добродушно:—мы понимаемъ другъ друга: я буду ждать, а ты при первой возможности пришлешь мнѣ вѣсточку. Теперь же—доброй ночи.

Онъ протянулъ руку, и еврей, преклонивъ колѣно, поцѣловалъ ее.

— Если я хорошо тебя знаю, мой повелитель, то ты не будешь спать въ эту ночь, а потому позволь мнѣ дать тебѣ еще новый предметъ для размышленія. Этотъ предметъ на столько выше всѣхъ другихъ, на сколько небо выше земли.

— Встань, князь,—отвѣчалъ Магометъ,—я не желаю, чтобы впредь ты такъ унижался передо мной: ты не только мой гость, но и мой другъ. Твои слова возбуждаютъ мое любопытство. Говори, о чемъ ты желаешь, чтобы я думалъ эту ночь.

— Магометъ,—сказалъ князь Индіи, смотря ему прямо въ глаза съ такимъ энергичнымъ сосредоточеніемъ воли, что юноша невольно задрожалъ,—я знаю, что ты вѣришь въ Бога. Богъ единъ у евреевъ, христіанъ и мусульманъ. Только благодаря человѣческому нечестію, вмѣсто общаго поклоненія единому Богу, царятъ на землѣ распри, войны, кровавая рѣзня. Но пришло время возстановить единую вѣру въ единого Бога. Слушай меня, Магометъ, не только ушами, но и душой. Если Богъ предназначилъ тебѣ овладѣть столицей христіанства, то лишь для того, чтобы ты сдѣлался орудіемъ святаго дѣла — прекращенія всякой борьбы за вѣру и водворенія на

землѣ единой вѣры въ единого Бога, среди общаго мира. Вотъ достойная твоихъ размышлений идея. Прощай, избранникъ Божій!

Слова старика произвели такое сильное впечатлѣніе на молодого турка, что онъ не замѣтилъ, какъ князь Индіи вышелъ изъ комнаты.

XV.

Отъѣздъ изъ Бѣлаго замка.

Буря продолжалась до утренней зари, но съ восходомъ солнца вѣтеръ спалъ, и наступила мертвая тишина. Послѣдняя туча исчезла, и лазуревое небо освѣняло берега Босфора, освѣженные недавнимъ дождемъ.

Послѣ завтрака мирза проводилъ еще разъ князя Индіи къ Магомету. Ихъ разговоръ касался того же предмета, какъ и наканунѣ, и Магометъ сознался, что одно изъ пророчествъ князя Индіи осуществилось, и онъ не спалъ всю ночь. Онъ снова повторилъ свое приглашеніе, чтобы князь Индіи остался въ замкѣ еще на день, но послѣдній вторично отказался.

Потомъ Магометъ призналъ благоразумнымъ терпѣливо ожидать новаго извѣстія отъ князя Индіи о волѣ небесныхъ свѣтилъ, но настоялъ на томъ, чтобы установлено было постоянное сообщеніе курьерами между Бѣлымъ замкомъ и его резиденціей, гдѣ бы она ни была. Такимъ образомъ онъ могъ бы во всякое время получать свѣдѣнія изъ Константинополя, и для этой цѣли комендантъ замка получить приказъ исполнять всѣ желанія князя Индіи.

Наконецъ, Магометъ одобрилъ планъ устройства въ Константинополѣ секретнаго агентства и согласился, что лучшимъ человѣкомъ для этого былъ эмиръ-мирза, котораго онъ немедленно пошлетъ въ Италію и поручитъ въ скорѣйшемъ времени вернуться оттуда прямо въ Константинополь подъ видомъ богатаго итальянскаго аристократа. Поселившись въ Константинополь, онъ будетъ имѣть возможность такъ же, какъ князь Индіи, находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Магометомъ чрезъ коменданта Бѣлаго замка. Естественно, эмиръ и князь Индіи будутъ дѣйствовать заодно, а если между ними встрѣтится какое либо столкновеніе, что, впрочемъ, не предвидится, то послѣднему предоставляется рѣшающій голосъ.

Всѣ эти мѣры, принятыя Магометомъ, были одобрены княземъ Индіи, и они разстались самымъ дружескимъ образомъ.

Послѣ полудня князь Индіи и Сергій вышли изъ замка на берегъ и, убѣдившись, что на Босфорѣ тихо, рѣшили тотчасъ отправиться по домамъ.

Церемоніаль отбытія высокихъ гостей изъ замка былъ такой же, какъ и при ихъ приѣмѣ. Евнухъ проводилъ княжну Ирину и Лаель

изъ ихъ апартamentовъ въ сѣни, гдѣ ждалъ ихъ псевдокомендантъ въ прежней блестящей, но теперь очищенной отъ дорожной пыли, кольчугѣ. Онъ почтительно предложилъ руку княжнѣ и помогъ ей сѣсть въ паланкинъ.

Во дворѣ замка снова никого не было. Псевдокомендантъ одинъ съ княземъ Индіи и Сергіемъ провожалъ паланкинъ до берега.

— Мнѣ очень жаль,—сказала княжна, выходя на пристань и не подымая своего покрывала,—что мнѣ придется уѣхать отсюда, не зная имени и титула того, чѣмъ гостепріимствомъ я пользовалась.

— Если бы я имѣлъ болѣе высокій титулъ, чѣмъ дѣйствительно,—отвѣчала Магометъ,—то съ удовольствіемъ повѣдалъ бы тебѣ какъ объ этомъ титулѣ, такъ и мое имя, такъ какъ въ этомъ случаѣ я могъ бы надѣяться, что ты не забыла бы ихъ среди веселой городской жизни. Титулъ коменданта Бѣлаго замка довольно скромный, но мое самолюбіе вполне довольствуется имъ, и если ты, княжна, когда нибудь вспомнишь обо мнѣ, то лишь въ качествѣ коменданта Бѣлаго замка.

— Быть по-твоему,—отвѣчала княжна,—хотя я рѣшительно не знаю, какъ отвѣчу на вопросы императора о томъ, кто именно оказалъ мнѣ гостепріимство въ этомъ замкѣ. Я боюсь, что онъ будетъ очень недоволенъ, въ виду невозможности достойно отблагодарить невѣдомаго благодѣтеля его родственницы.

Магометъ покраснѣлъ и отвѣтилъ нѣжнымъ тономъ:

— Лучшая награда для меня—твои добрыя слова, княжна.

Молодая дѣвушка также покраснѣла и, чтобы скрыть свое смущеніе, перебила разговоръ.

— Среди твоего предупредительнаго приѣма особенно мнѣ понравились рассказы арабскаго шейха, и я тебѣ очень благодарна за это. Я не хочу спрашивать его имени, но не могу не позавидовать человѣку, который путешествуетъ по всему свѣту, всюду встрѣчаетъ лестный приѣмъ и знаетъ столько прекрасныхъ легендъ, въ родѣ исторіи Эль-Хатима.

— Его зовутъ, княжна, Абу-Обейдомъ,—отвѣчала послѣпно Магометъ:—а въ пустынѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ Поющаго Шейха. Онъ пользуется во всемъ мусульманскомъ мірѣ большимъ почетомъ, и ему открыты всѣ двери, даже гаремовъ. Когда онъ прибудетъ въ Адрианополь, то онъ прямо отправится къ султану, но если ты желаешь, княжна, то я уговорю его отсрочить свой отъѣздъ и посѣтить тебя въ твоемъ дворцѣ.

— Это, можетъ быть, его затруднить?

— Нисколько, княжна, я могу поручиться за него. Скажи только, гдѣ и когда ему явиться къ тебѣ, и онъ не опоздаетъ ни на минуту.

— Въ такомъ случаѣ, кланяйся ему, комендантъ, и скажи, что

я жду его послѣзавтра утромъ въ моемъ дворцѣ въ Терапіи. Прощай и еще разъ благодарю тебя за любезное гостепріимство.

И она протянула ему руку, которую онъ почтительно поцѣловалъ.

Съ княземъ Индіи, Сергіемъ и Лаелью псевдо-губернаторъ простился учтиво, но разсѣянно, такъ какъ глаза его ни на минуту не покидали княжны, которая, сидя въ лодкѣ и поднявъ покрывало, пристально смотрѣла на него.

Обѣ лодки двинулись въ путь, и когда онѣ пошли рядомъ въ устьѣ рѣчки, княжна Ирина громко выразила свое удовольствіе насчетъ встрѣчи съ княземъ Индіи, что конечно, не мало содѣйствовало счастливому окончанію происшествія, начавшагося при очень неблагоприятныхъ обстоятельствахъ.

— вмѣстѣ съ тѣмъ я очень благодарна твоей дочери за ея общество и была бы очень рада, если бы ты отпустилъ ее ко мнѣ въ Терапію.

— Я сама была бы очень этому рада,—замѣтила Лаель.

— Когда ты прикажешь, княжна, твое желаніе будетъ исполнено,—произнесъ старикъ.

— Завтра, или на будущей недѣлѣ, когда хочешь князь: я жду тебя и твою дочь. Прощай, да благословитъ тебя Господь!

Они разстались, хотя обѣ лодки направились къ Константинополю.

Прибывъ туда, князь Индіи и Лаель вернулись домой, а княжна съ Сергіемъ остались до слѣдующаго дня въ своемъ городскомъ дворцѣ.

Утромъ она приказала ему надѣть обычную одежду греческихъ монаховъ и представила его патриарху, который согласился принять его въ качествѣ неофита, такъ какъ гордое византійское духовенство не считало достаточнымъ его русскій.

— Помни,—сказала княжна Ирина, прощаясь съ нимъ: — что отца Иларіона считаютъ здѣсь еретикомъ, и что его ученика ожидаетъ или смерть, или пожизненное заточеніе. Будь терпѣливъ и сноси все, а когда тебѣ будетъ не по силамъ существованіе здѣсь, то пріѣзжай въ Терапію. Однако не теряй даромъ времени и готовься размышленіями и чтеніемъ къ проповѣди нашей истинной христіанской вѣры, когда наступитъ для этого удобная минута.

XVI.

Сватовство императора.

Возвратясь въ Терапію, на слѣдующій день княжна Ирина увидѣла съ изумленіемъ у своей пристани парадную придворную лодку, съ пятнадцатью гребцами. Въ ней прибылъ очевидно съ порученіемъ отъ императора одинъ изъ высшихъ сановниковъ. Она тотъ

часть приняла его съ почетомъ, и сѣдовласый старикъ произнесъ длинную цвѣтистую рѣчь.

Сначала онъ объяснилъ, что императоръ Константинъ, вступивъ на престолъ, рѣшилъ избрать себѣ достойную супругу, а потомъ подробно распространился о всѣхъ переговорахъ, веденныхъ для этой цѣли. Обращались за невѣстой ко всѣмъ западнымъ дворамъ, и одно время выборъ императора остановился на дочери венеціанскаго дожа, но вліятельные греки возстали противъ подобнаго брака на томъ основаніи, что дожъ былъ выбраннымъ правителемъ и могъ умереть до свадьбы своей дочери, такъ что она сдѣлалась бы простой смертной, недостойной такого мужа, какъ императоръ. Потомъ обратились на востокъ, и въ продолженіе нѣкотораго времени выборъ колебался между княжной трапезондской и княжной грузинской. Какъ всегда, дворъ раздѣлился на партіи по этому вопросу, и чтобъ помирить ихъ, императоръ послалъ стараго опытнаго придворнаго, по имени Франзу, лично познакомиться съ обѣими невѣстами и доложить его величеству о результатѣ своего посольства. Но это посольство уже длилось два года, и еще не предвидѣлся его конецъ, хотя оно стоило очень дорого. Поэтому императоръ благоразумно рѣшилъ самъ выбрать себѣ невѣсту.

Въ Константинополѣ было много благородныхъ семействъ, въ средѣ которыхъ могла найтись достойная для Константина жена, и въ этомъ случаѣ онъ могъ самъ вести сватовство.

— Этотъ планъ я имѣлъ честь предложить его величеству, — сказалъ придворный сановникъ и, понизивъ голосъ, таинственно прибавилъ: — я даже прямо указалъ ему на тебя, княжна.

Молодая дѣвушка вскочила съ своего мѣста, блѣдная, какъ полотно.

— Да, княжна, я указалъ ему на тебя, и самъ императоръ завтра придетъ къ тебѣ съ цѣлью просить твоей руки.

И, преклонивъ колѣна, онъ прибавилъ:

— О! достойнѣйшая и красивѣйшая изъ княженъ, позволь мнѣ первому привѣтствовать тебя невѣстой императора. Я надѣюсь, что ты не забудешь объ этомъ, когда сдѣлаешься моей государыней.

Наступило продолжительное молчаніе. Княжна Ирина находилась въ самомъ затруднительномъ положеніи. Ей предлагалась первая партія во всей имперіи, но она не могла ея принять, такъ какъ не любила Константина, хотя питала къ нему горячую благодарность за его милости къ ея отцу и къ ней самой. Но она не должна была оскорбить отказомъ своего благодѣтеля, а потому прежде всего ей слѣдовало искать спасенія въ отсрочкѣ.

— Встань! — сказала она добродушно: — встань и прими мою благодарность за принесенную мнѣ тобою лестную вѣсть. Если я когда нибудь достигну престола, то, повѣрь, не забуду о тебѣ. Но я такъ поражена твоими словами, что прошу, какъ милости, оста-

вить меня наединѣ и дать мнѣ возможность достойно приготовиться къ завтрашнему приему.

— Да просвѣтитъ тебя Матерь Божія, княжна,—отвѣчалъ старый придворный и, низко поклонившись, направился къ двери.

— Скажи мнѣ только еще: прислалъ ли тебя его величество, или ты самъ прибылъ по своему желанію?

— Я присланъ императоромъ.

— Въ которомъ часу онъ пріѣдетъ?

— Послѣ полудня.

— Передай императору, что я его жду, и что мой дворецъ къ его услугамъ.

На слѣдующій день въ назначенный часъ ко дворцу княжны Ирины въ Терапіи пристала парадная трирема съ изображеніемъ Богородицы на носу, съ широкимъ краснымъ парусомъ и ста двадцатью гребцами. На кормѣ подъ малиновымъ балдахиномъ сидѣлъ на золотомъ тронѣ императоръ; вокругъ него помѣщалось значительное число сановитыхъ особъ въ пышныхъ одеждахъ, а между ними сновали мальчики, въ бѣлыхъ костюмахъ и съ курильницами въ рукахъ, которыя распространяли нѣжное благоуханіе. Между кормою и носомъ находился отрядъ тѣлохранителей съ трубачами и герольдами. За триремой двигался цѣлый флотъ маленькихъ лодокъ, съ звъаками, привлеченными этимъ блестящимъ зрѣлищемъ.

Прежде всего вышли на берегъ тѣлохранители, а затѣмъ на украшенной коврами пристани, при звукѣ трубъ, появился императоръ со своей свитой. На немъ былъ золотой шлемъ, такая же кирасса, кольчуга, вышитая шелкомъ нижняя одежда, пурпурная мантия, большія шпоры, великолѣпный мечъ и безконечное число драгоценныхъ камней, сверкавшихъ всюду, съ головы до ногъ.

Громадная толпа, окружавшая пристань, огласила воздухъ радостными криками:

— Да здравствуетъ Константинъ! Да здравствуетъ императоръ!

Повидимому, Константинъ былъ очень доволенъ радушнымъ приемомъ, глаза его весело улыбались, и онъ любезно кланялся направо и налево.

У портика дворца его встрѣтила княжна Ирина, окруженная молодыми дѣвушками, поразительной красоты и высокаго происхожденія. Но всѣхъ прелестнѣй и граціознѣй была сама княжна, державшая себя скромно, но съ благороднымъ достоинствомъ.

При видѣ ея Константинъ остановился, и лице его выразило восторженное поклоненіе влюбленнаго, хотя оно не потеряло своего царственнаго величія. Она преклонила колѣна и поцѣловала его руку, а когда онъ поднялъ её, то она, вся покраснѣвъ сказала:

— Государь и благодѣтель, я привѣтствую тебя въ дарованномъ мнѣ дворцѣ не столько за оказанныя мнѣ милости, какъ за благо, которое ты изливаешь на твой народъ.

— Не говори этого, — отвѣчалъ императоръ: — за все, что я дѣлаю, я получаю щедрую награду.

— Какую награду?

— Внутреннее чувство довольства.

Затѣмъ княжна представила своему высокому родственнику окружающихъ ее молодыхъ дѣвушекъ, которыя всѣ преклонили колѣна передъ нимъ, а Константинъ сказалъ каждой что нибудь любезное, такъ какъ онъ славился рыцарскимъ обращеніемъ съ женщинами.

Съ своей стороны императоръ назвалъ княжнѣ по имени и титулу сопровождавшихъ его придворныхъ, въ числѣ которыхъ былъ его братъ, великій адмиралъ, протостраторъ, или великій конюшій, логоеетъ, или канцлеръ, протосинегъ, или ловчій, и прочіе сановники. Всѣ они были болѣе или менѣе преклонныхъ лѣтъ и, какъ ловкіе царедворцы, низко преклонились передъ той, которую уже считали своей будущей императрицей.

— Теперь, государь, — сказала княжна, когда кончилось представленіе свиты, — позволь мнѣ проводить тебя во внутренніе покои дворца.

Императоръ подаль ей руку. Она оперлась на нее, но, подозвавъ придворнаго, который наканунѣ являлся къ ней съ порученіемъ отъ Константина, произнесла:

— Прости, государь, мнѣ надо сказать ему два слова. Благородный другъ, будь такъ добръ, замѣни меня за столомъ, приготовленнымъ для императорской свиты, и распорядяйся вмѣсто меня.

Сказавъ это и подождавъ, пока всѣ придворные отправились къ роскошному столу, накрытому на чистомъ воздухѣ за портикомъ, она повела Константина въ парадную пріемную. Тамъ не было ни цвѣтовъ, ни мебели, кромѣ одного стула съ высокой спинкой. Императоръ сѣлъ на приготовленное ему мѣсто, а Ирина опустилась передъ нимъ на колѣни и, скрестивъ руки, сказала:

— Благодарю тебя, государь, за то, что ты предупредилъ меня о своемъ посѣщеніи, и за лестное намѣреніе раздѣлить со мною престоль. Всю ночь я молилась Пресвятой Дѣвѣ, прося Ее вразумить меня, какъ мнѣ слѣдуетъ поступить въ этомъ случаѣ. Меня тревожило не то, принять ли твое предложеніе, или нѣтъ, а какъ избавить тебя отъ унижительнаго отказа. Я желаю въ одно и то же время сохранить свое достоинство женщины и не нарушить моей преданности къ тебѣ, государь. Ты всегда былъ добръ и милосердъ къ моему отцу и ко мнѣ. Я никогда этого не забуду, и потому привела тебя сюда одного, чтобы сказать тебѣ съ глазу на глазъ до официального предложенія о бракѣ, что, питая къ тебѣ преданную любовь, какъ вѣрноподданная и родственница, я не могу любить тебя, какъ жена.

— Отчего? — спросилъ съ изумленіемъ Константинъ.

— Не думай, государь, что я слишкомъ смѣла и дерзка, но я такъ поступаю изъ любви и благодарности къ тебѣ. Быть можетъ, я не совсѣмъ прилично отказываюсь отъ того, что мнѣ еще не предложено, но вѣдь при такомъ положеніи вещей ты можешь, возвратясь во дворецъ, сказать, что передумалъ и не дѣлалъ мнѣ предложенія. Пострадаю отъ этого только я, такъ какъ злые люди станутъ рассказывать, что я наказана за свою надменность и желаніе быть императрицей. Но я буду утѣшать тебя тѣмъ, что совѣсть моя чиста, и что я избавила своего государя отъ жены, которая не любитъ его.

Императоръ поникъ головой и насупилъ брови.

— Такъ, значитъ, правы тѣ, которые меня увѣряли, что только простые смертные могутъ выбирать себѣ подругу по сердцу, — мрачно произнесъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія, — государямъ это возбранено. Я имѣю власть надъ жизнью и смертью всѣхъ своихъ подданныхъ, но не могу жениться, на комъ хочу.

— Лучше, государь, не имѣть выбора, чѣмъ, сдѣлавъ выборъ, получить отказъ.

— Ты говоришь по опыту? — спросилъ поспѣшно Константинъ.

— Нѣтъ. Я никогда не знала, что такое любовь, кромѣ любви къ ближнему.

— Откуда же у тебя столько разума?

— Быть можетъ, это не разумъ, а гордость.

— Можетъ быть. Но еслибъ я не зналъ, что ты — доброе, искреннее и правдивое существо, то подумалъ бы, что ты преднамѣренно зажимаешь мнѣ ротъ. Но все-таки я не хочу затаить въ себѣ того чувства, которое питаю къ тебѣ съ той минуты, какъ впервые увидаль твое чудное лицо. Я не могу предложить тебѣ своего престола, не могу говорить тебѣ о своей любви, но все-таки скажу тебѣ, что я любилъ тебя, не какъ императоръ, а какъ человѣкъ. Ты мнѣ казалась прелестнѣе ангела, и я видѣлъ въ тебѣ небесный свѣтъ, озарившій нашу мрачную землю.

— Это безуміе и богохульство, государь!

— Пусть такъ! — воскликнулъ Константинъ съ пламеннымъ одушевленіемъ, — я хоть одинъ разъ выскажу тебѣ свою любовь, которая съ этой минуты должна быть похоронена въ моей душѣ.

— Государь, — сказала Ирина, вѣжно взявъ его руку, — выслушай меня: я никогда не сомнѣвалась, что ты достоинъ быть императоромъ, но если бы такое сомнѣніе когда запало въ мою голову, то оно навсегда исчезло. Ты побѣдилъ себя, а такая побѣда выше всего. Конечно, мнѣ сладко слышать, что ты, государь, меня такъ любишь: я вѣдь все-таки женщина. Но если я не могу отвѣчать любовью на твою любовь, то считаю возможнымъ успокоить тебя, что я никогда никого не любила до сихъ поръ, а если когда нибудь и полюблю, то буду всегда помнить тотъ благородный примѣръ,

который ты мнѣ далъ сегодня. Въ настоящее время мы оба имѣемъ свое призваніе: ты долженъ править имперіей, а я—служить Господу Богу. Мысль о томъ, что моя мать умерла въ тюрьмѣ, а отецъ состарился въ ней, постоянно шепчетъ мнѣ: «какое право ты имѣешь быть счастливой?». Этотъ голосъ я всегда слышу, когда начинаю мечтать о любви и замужествѣ; тогда я бросаю его мечты и возвращаюсь къ служенію Богу и ближнимъ.

— Развѣ ты никогда не выйдешь замужъ?—спросилъ Константинъ, забывая о своемъ горѣ и сожалѣніи о ней.

— Никто не можетъ знать будущаго. Знай только одно, что я никогда не выйду замужъ по одной любви. Но если наступитъ такая минута, что я буду въ состояніи, пожертвовавъ собою, спасти свой народъ, или святую вѣру, то я съ готовностью приму на себя этотъ крестъ.

— И безъ любви?

— Да. Безъ любви съ своей стороны и даже съ его. Земная плоть не моя, а Божія, и если Его святая воля укажетъ мнѣ на подобную жертву, то я не стану заботиться объ оскверненіи смертной оболочки безсмертной души.

Она говорила съ пламеннымъ энтузіазмомъ, и не возможно было сомнѣваться въ ея искренности. Слушая ее, Константинъ поклялся въ душѣ, что, пока онъ живъ, не допуститъ такой жертвы. Онъ даже подумалъ, что въ виду представлявшаго ему самому невѣрнаго будущаго ей было лучше остаться невѣстой Христовой, чѣмъ выйти замужъ, даже за него.

— Ты мудро избрала свой путь въ жизни,—сказалъ онъ торжественно:—и да сохранить тебя Пресвятая Дѣва отъ всякаго горя и всякихъ бѣдствій, а я, Ирина,—прибавилъ онъ съ глубокимъ чувствомъ:—буду довольствоваться, если ты позволишь, отеческими заботами о тебѣ.

Молодая дѣвушка подняла глаза къ небу и промолвила со счастливой улыбкой:

— Боже Милосердный! Я не заслуживаю тѣхъ благъ, которыя Ты ниспосылаешь мнѣ.

— Аминь, дочь моя,—произнесъ Константинъ и, поцѣловавъ ее въ лобъ, прибавилъ:—слушая тебя, я серьезно обдумалъ свое положеніе и вижу, что мнѣ слѣдуетъ не горевать о твоёмъ отказѣ, а жениться на той княжнѣ, которую укажетъ мнѣ мой вѣрный Франза, хотя это не нравится моему двору, который всячески совѣтовалъ мнѣ сдѣлать выборъ среди византійскихъ красавицъ. Но пора. Пойдемъ къ моей свитѣ.

XVII.

Поющій шейхъ.

Императоръ и княжна Ирина медленно пошли къ пировавшимъ придворнымъ, которые при ихъ приближеніи почтительно встали изъ-за стола.

Княжна подвела своего высокаго гостя къ креслу въ видѣ трона подъ балдахиномъ, а когда онъ помѣстился на немъ, то по ея знаку слуги устали стоявшій передъ нимъ столъ блюдами съ холоднымъ мясомъ, фруктами, хлѣбомъ и хрустальными флягами съ виномъ. Хозяйка помѣстилась подлѣ на стулѣ и стала гостеприимно угощать его.

Всѣ придворные съ пламеннымъ любопытствомъ смотрѣли на нихъ обоихъ, недоумѣвая, сдѣлалъ ли императоръ предложеніе, и приняла ли его княжна. Планъ возведенія на престолъ княжны Ирины впервые былъ предложенъ великимъ адмираломъ, самымъ могущественнымъ изъ греческихъ сановниковъ, съ цѣлю подкупаться подъ вліяніе на Константина Франзы, который до сихъ поръ игралъ роль если не временщика, то во всякомъ случаѣ наперсника императора. Такъ какъ Франзѣ было поручено найти невѣсту для Константина, то великій адмиралъ и его сторонники задумали воспользоваться его отсутствіемъ, чтобы женить императора на невѣстѣ своего выбора, чѣмъ и упрочить свое положеніе при дворѣ. Напротивъ, друзья Франзы опасались подобнаго брака. Поэтому всѣхъ одинаково интересовалъ результатъ разговора Константина съ Ириной.

Но ничто ни въ словахъ, ни въ выраженіи лица того и другого не обнаруживало, чѣмъ кончилась эта знаменательная бесѣда. Константинъ рѣшилъ до времени ничего не говорить о своихъ намѣреніяхъ и какъ можно позже объявить, что онъ отложилъ сватовство съ княжной Ириной до полученія подробныхъ свѣдѣній отъ Франзы. На этомъ основаніи онъ очень мало разговаривалъ съ Ириной, а подъ предлогомъ большого аппетита, возбужденнаго прогулкой по водѣ, молча принялся за ѣду. Что касается до Ирины, то она начала рассказывать своему родственнику объ ея приключеніи въ Бѣломъ замкѣ.

— Погоди, дочь моя,—перебилъ ее императоръ при первыхъ ея словахъ:—это событіе можетъ имѣть международную важность, а потому, господа,—прибавилъ онъ, возвышая голосъ:—прошу прислушаться къ разсказу моей родственницы объ ея странномъ приключеніи на противоположномъ берегу, среди турокъ. Мой братъ и великій адмиралъ, подойдите къ намъ ближе.

Указанныя лица исполнили приказаніе государя и встали по его правую руку.

— Продолжай, дочь моя,—сказалъ тогда Константинъ.

— Дочь! — повторилъ мысленно великій адмиралъ съ горькой улыбкой, и его тонко едипломатическое чутье тотчасъ подсказало ему, что задуманное имъ дѣло было проиграно.

Всѣ придворные сгруппировались вокругъ рассказчицы и съ безмолвнымъ вниманіемъ слушали ее. Только два раза императоръ позволилъ себѣ перебить ея рассказъ.

Когда она говорила о прибытіи въ одно время съ нею большого отряда турецкаго войска, то онъ воскликнулъ:

— Прости, дочь моя, но, господа, я хочу обратить ваше вниманіе на это обстоятельство: помните, когда мы проѣзжали мимо замка, то я указалъ вамъ на то, что въ немъ было необыкновенно большое число солдатъ, а вокругъ множество палатокъ и лошадей.

— Слова княжны вполне подтверждаютъ мудрую прозорливость вашего величества,—отвѣчалъ одинъ изъ придворныхъ съ низкимъ поклономъ.

— Прошу васъ, господа, имѣть это обстоятельство въ виду и обсудить его на первомъ вашемъ совѣтѣ. А ты, дочь моя, теперь продолжай чрезвычайно интересный и важный рассказъ.

Когда Ирина дошла до описанія, какъ ихъ встрѣтилъ на пристани комендантъ, то императоръ снова перебилъ ее:

— Прости меня еще разъ, дочь моя, но личность, которую ты называешь комендантомъ, вовсе не походитъ на настоящаго коменданта, какъ мнѣ докладывали лица, имѣвшія съ нимъ дѣло. Это человѣкъ среднихъ лѣтъ, не высокаго чина, очень грубый и не образованный. Къ тому же онъ никогда не позволилъ бы себѣ давать слово за моего августѣйшаго друга и союзника, султана Мурада. Господа, — прибавилъ онъ, обращаясь снова къ своимъ придворнымъ:—намъ надо также обратить серьезное вниманіе на этотъ фактъ.

— Я бы желалъ знать, — сказалъ великій адмиралъ:—почему княжна, поражающая одинаково своимъ умомъ, мужествомъ и красотой, предполагаетъ, что встрѣтившій ее на пристани молодой человѣкъ—дѣйствительно комендантъ Бѣлаго замка?

Прежде чѣмъ княжна успѣла отвѣтить на этотъ вопросъ, ея старый слуга Лизандръ подошелъ къ ней и съ низкимъ поклономъ сказалъ:

— У воротъ чужестранецъ, называющій себя арабомъ.

— Арабомъ?—воскликнула княжна съ удивленіемъ:—а на что онъ походитъ?

— Онъ смуглый, почти черный,—отвѣчалъ Лизандръ:—на немъ длинная одежда, скрывающая всю его фигуру отъ шеи до ногъ, а на головѣ шелковое, шитое золотомъ, покрывало. У него такой смѣлый и достойный видъ, что его можно принять за царя всѣхъ погонщиковъ верблюдовъ на свѣтѣ.

При этой графической характеристикѣ императоръ улыбнулся, а многіе изъ его свиты громко разсмѣялись. Но княжна спокойно сказала:

— Государь, я теперь припоминаю, что дѣйствительно назначила сегодняшній день для пріема одного арабскаго сказочника. Дѣло въ томъ, что гостепріимный хозяинъ Бѣлаго замка прислалъ мнѣ, во время моего тамъ пребыванія, извѣстнаго на востокѣ арабскаго сказочника, подъ прозвищемъ «Поющаго Шейха», который направляется въ Адрианополь для развлеченія своими сказками самого султана. Я была очень рада его послушать, и такъ онъ очаровалъ меня своими рассказами, что, прощаясь съ комендантомъ, я просила его прислать ко мнѣ во дворецъ этого араба. Конечно, если бы я знала, что ты со своей свитой посѣтишь меня сегодня, то я назначила бы ему другое время. Но, во всякомъ случаѣ, онъ здѣсь, и тебѣ, государь, рѣшить, приму ли я его, или нѣтъ. Но, быть можетъ, тебѣ и твоей свитѣ скучно у меня, и я буду очень благодарна Поощему Шейху, если онъ поможетъ мнѣ развеселить васъ.

— Твои похвалы насчетъ искусства этаго шейха возбуждаютъ мое любопытство, и я не разъ слыхала о талантѣ подобныхъ странствующихъ рассказчиковъ и поэтому я съ удовольствіемъ послушаю твоего Поющаго Шейха, но, пожалуйста, попроси его рассказать намъ что нибудь поинтереснѣе и покороче.

Черезъ минуту въ портикѣ показался Магометъ, который явился въ качествѣ шейха во дворецъ княжны Ирины, по ея приглашенію, нимало не подозрѣвая, что онъ очутится въ присутствіи императора; но, узнавъ на берегу объ этомъ обстоятельствѣ, онъ изъ чувства природной отваги не хотѣлъ ретироваться передъ царственнымъ врагомъ. Сразу его глаза встрѣтились со взглядомъ Константина. Конечно, послѣдній не подозрѣвалъ, что передъ нимъ стоитъ сынъ султана, и онъ взглянулъ на него спокойно, задумчиво; напротивъ глаза шейха засверкали; онъ гордо поднялъ голову и, хотя изъ-подъ его покрывала виднѣлись только загорѣлыя щеки, маленькая бородка и блестящіе глаза, — всѣ придворные подумали: «дѣйствительно передъ нами царь всѣхъ погонщиковъ верблюдовъ на свѣтѣ».

— Пусть шейхъ приблизится, — сказала княжна, обращаясь къ Лизандру.

Магометъ прямо подошелъ къ ней и упалъ ницъ, хотя и зналъ, что по придворному этикету его слѣдовало прежде всего представить императору.

— Когда я приглашала тебя сегодня въ свой дворецъ, — сказала княжна: — то я не воображала, что великій государь, мой родственникъ, удостоитъ меня своимъ посѣщеніемъ. Впрочемъ, онъ очень любитъ сказки и поэмы, понимаетъ въ нихъ толкъ и оцѣнить

твое искусство лучше меня. Государь, представляю тебѣ Поющаго Шейха!

Магометъ и Константинъ встрѣтились лицомъ къ лицу. Первый, къ удивленію всѣхъ присутствующихъ и даже къ смущенію Ирины, не упала ницъ передъ послѣднимъ, но произнесъ просто и съ большимъ достоинствомъ, хотя не вызывающимъ тономъ:

— Повелитель Константинополя, если бы я былъ грекъ, римлянинъ, или турокъ, то я почелъ бы за честь обლობызать землю у твоихъ ногъ: такъ распространена по всему свѣту слава о тебѣ. Черезъ нѣсколько дней, если будетъ угодно Аллаху, я предстану передъ султаномъ Мурадомъ и не паду ницъ передъ нимъ, потому что онъ не допуститъ этого, зная, что, быть можетъ, неизвѣстно тебѣ, государь, что на моей родинѣ преклоняются только передъ однимъ Богомъ. Я арабъ. По выраженію твоего лица, государь, я вижу, что ты понялъ меня, но я считаю необходимымъ объяснить свое поведеніе передъ твоими придворными и въ особенности передъ прекрасной княжной, которые иначе могли бы подумать, что я не оказываю тебѣ должнаго уваженія, государь. Дѣло въ томъ, что, по нашему, если какой нибудь шейхъ преклонится передъ другимъ человѣкомъ, то этимъ онъ признаетъ господство того человѣка не только надъ собой, но и надъ своимъ племенемъ. А если бы я сдѣлалъ это относительно тебя, государь, то заслужилъ бы названія измѣнника своего племени, и Аллахъ сказалъ бы обо мнѣ: «земля, проглоти его! Нѣтъ преступленія хуже измѣны свободнымъ, независимымъ сынамъ пустыни!» Пусть теперь кто нибудь дерзнетъ сказать, что я хотѣлъ оскорбить тебя, государь, не преклоняясь передъ тобой!

Всѣ присутствующіе переглянулись съ удивленіемъ: такъ поразило ихъ пламенное краснорѣчіе простого араба.

— Дочь моя,—произнесъ Константинъ, обращаясь къ Иринѣ:— я не знаю законовъ того племени, къ которому принадлежитъ твой гость, и не могу судить, даютъ ли они ему право отказаться отъ подчиненія нашему придворному этикету, а слѣдовательно я долженъ признать правильнымъ его объясненіе и вопросъ объ этикетѣ считать законченнымъ, тѣмъ болѣе, что намъ недостойно путемъ измѣны приобрѣтать новыхъ подданныхъ мы должны имѣть въ виду, и что пользуемся, также какъ и этотъ шейхъ, твоимъ гостепріимствомъ, княжна.

Магометъ три раза хлопнулъ въ ладоши, а всѣ присутствующіе громко одобрили рѣшеніе императора.

— Теперь, дочь моя,—продолжалъ Константинъ:—попроси своего гостя ознакомить насъ съ его замѣчательнымъ талантомъ рассказчика.

Взглядъ Магомета просвѣтлѣлъ, и онъ поспѣшно отвѣтилъ:

— Въ нашемъ священномъ писаніи сказано: «если тебя при-

вѣтствуютъ хорошо, то ты привѣтствуй еще лучше». Но ты, государь, осыпаешь меня такою милостью, что я не знаю, какъ отвѣтить на нее, а когда мои братья въ пустынь узнаютъ, что я удостоился чести услаждать слухъ и султана, и императора своими рассказами, то они скажутъ, что я пользовался свѣтомъ двухъ лучезарныхъ солнцевъ. Но, къ моему несчастію, я не знаю твоихъ вкусовъ, государь; у меня есть рассказы и веселые и серьезные, и легенды, и сказки, преданія о геройскихъ подвигахъ и поэмы о любви,—что же ты, повелитель Константинополя, желаешь слышать со своей родственницей, жизнь которой да продлится, пока будутъ ворковать горлицы на ея родинѣ.

— Что вы скажете, друзья?—спросилъ Константинъ, обращаясь къ присутствующимъ.

— Пусть онъ расскажетъ какую нибудь исторію о любви,—послышалось со всѣхъ сторонъ, вѣроятно, въ виду предполагавшагося сватовства.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ императоръ:—мы уже не юноши, и намъ приличнѣе слушать преданія сосѣднихъ странъ. Не знаешь ли ты, шейхъ, какой нибудь легенды о нашихъ сосѣдяхъ, туркахъ?

— Слышалаъ,—сказала шепотомъ великій адмиралъ стоявшему рядомъ съ нимъ придворному:—значить, сватовство не удалось.

Между тѣмъ шейхъ снялъ съ головы покрывало и повѣсилъ его на руку. Этимъ онъ вполнѣ обнаружилъ свое правильное лицо, окаймленное густыми черными волосами. Бросивъ на него взглядъ, княжна Ирина невольно смутилась. «Я видѣла гдѣ-то это лицо»,—подумала она, также какъ въ замкѣ, когда впервые явился передъ ней «Поюцій Шейхъ»

— Я расскажу вамъ о томъ, какъ турки сдѣлались націей,—началъ онъ на греческомъ, но нѣсколько ломаномъ языкѣ:

— Однажды въ полдень лежалъ въ своемъ шатрѣ могучій шейхъ Эртогруль. Вдругъ слышитъ онъ съ востока барабанный бой, и словно эхо повторяетъ этотъ бой на западѣ. Выступаютъ на равнину двѣ безчисленныя военныя рати. Слышенъ звонъ оружія, и вступаютъ онѣ въ смертельный кровавый бой. Долго длилась сѣча, и наконецъ болѣе сильный врагъ сталъ одолевать слабѣйшаго. Тогда поднялся шейхъ Эртогруль и сказалъ своимъ воинамъ: «Хотя слабый не всегда правъ, но всегда правъ тотъ, кто слабому протянетъ руку помощи. На коней! Поспѣшимъ противъ торжествующей рати». И во главѣ четырехъ сотъ воиновъ своего племени, Эртогруль ринулся на помощь побѣждаемаго войска. Оно сомкнуло свои ряды и мужественно продолжало бой. Сѣча кончилась побѣдою едва непобѣжденнаго войска. Въ минуту торжества позвалъ невѣдомый вождь побѣдителей своего неожиданнаго союзника и спросилъ: «кто ты? Шейхъ отвѣтилъ: «я--Эртогруль».—«А чья равнина во-кругъ насъ?» — «Того, кто странствуетъ по ней». — «А чьи горы,

смотряція на равнину?» — «Мои стада пасутся на ихъ зеленыхъ скатахъ, и, значить, Аллахъ далъ ихъ мнѣ». — «Нѣтъ, — отвѣчалъ невѣдомый вождь: — Аллахъ далъ все мнѣ: и эти горы, и эту равнину, и эти стада, но я отдаю ихъ тебѣ, а вмѣстѣ съ ними въ знакъ твоей власти надо всѣмъ возьми этотъ мечъ». И снявъ съ себя дорогой, изукрашенный изумрудами мечъ, онъ подалъ его шейху. — «Кто же ты?» — спросилъ изумленный Эртогруль. — «Я Аладдинъ, и зовутъ меня Аладдиномъ Великимъ». — «Пусть другіе зовутъ тебя Аладдиномъ Великимъ, а для меня и моихъ ты Аладдинъ Добрый».

Всѣ молча слушали рассказъ шейха, а когда онъ кончилъ, императоръ, обращаясь къ великому адмиралу, спросилъ:

— А что ты скажешь о легендѣ?

— О содержаніи легенды ничего не скажу, — отвѣчалъ тотъ, насупивъ брови: — а рассказчика считаю наглцомъ, и если бы дѣло зависѣло отъ меня, то я съ удовольствіемъ бросилъ бы его въ Босфоръ.

— Я съ тобой не согласенъ, — отвѣчалъ задумчиво Константинъ: — наши предки, какъ съ римской, такъ и съ греческой стороны, походили на Эртогруля и думали только о завоеваніяхъ, а намъ теперь тяжело отстаивать то, что они завоевали. А что, шейхъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ рассказчику: — не знаешь ли ты еще чего нибудь о твоёмъ Эртогрулѣ?

— Знаю, — отвѣчалъ шейхъ: — и расскажу тебѣ о его чудесномъ видѣніи. Однажды пошелъ Эртогруль на охоту и убилъ сѣкирой лютаго волка. Но вдругъ исчезъ убитый волкъ, и на сѣкирѣ не оказалось даже его крови, а на мѣстѣ волка стоялъ какой-то невѣдомый человѣкъ. Замахнулся Эртогруль мечомъ Аладдина и разсѣкъ его пополамъ. Но чрезъ мгновеніе невѣдомый человѣкъ стоялъ снова передъ нимъ и улыбался, а на мечѣ не видно было крови. — «Я былъ волкъ, котораго ты убилъ сѣкирой, и я человѣкъ, котораго ты разрубилъ мечемъ, — прибавилъ онъ: — но въ сущности я не волкъ и не человѣкъ, а мысль Аллаха. А мысли не убить никому, а исчезнуть она можетъ только передъ другой, величайшей мыслью. Помни это. А чтобы память обо мнѣ сохранилась на вѣки въ твоей головѣ, смотри». И бросилъ онъ сѣмя на землю и сказалъ: «рости, такова воля Аллаха». Изъ земли въ то же мгновеніе показался зеленый ростокъ и потянулся онъ все выше, выше, пока не сталъ могучимъ деревомъ, и дерево это все росло, росло и наконецъ простерло свои громадныя вѣтви надо всѣмъ свѣтомъ, и всѣ народы собрались подъ его вѣтвями и стали жить съ тѣхъ поръ, какъ братья, въ мирѣ и согласіи. «Смотри», — повторилъ невѣдомый человѣкъ, и Эртогруль проснулся.

Второй рассказъ произвелъ еще болѣе впечатлѣнія на слушателей, чѣмъ первый; но всѣ смотрѣли на рассказчика далеко не дружелюбно.

— Однако намъ пора,—сказаль императоръ, вставая:—прощай, дочь моя,—прибавиль онъ, обращаясь къ Иринѣ:—благодарю тебя за любезный пріемъ. Мы провели здѣсь очень пріятно время. Двери нашего Блахернскаго дворца всегда открыты для тебя.

Всѣ придворные обратили вниманіе на слова Константина, и для нихъ стало ясно, что онъ говорилъ съ княжной, какъ милостивый государь и привѣтливый родственникъ, но не какъ влюбленный женихъ.

Ирина взяла протянутую ей руку Константиномъ и проводила его до ступеней портика. Проходя мимо шейха, императоръ остановился и сказаль со своимъ обычнымъ добродушіемъ:

— Древо, которое видѣлъ шейхъ Эртогруль во снѣ, все еще растеть, и вѣтви его простираются все далѣе и далѣе, но оно не собрало еще подъ своей тѣнью всѣхъ народовъ земли, и пока я живъ, этого не будетъ. Если бы я самъ не вызваль тебя на твой послѣдній разговоръ, то могъ бы признать его оскорбительнымъ. Теперь же возьми это кольцо и ступай съ миромъ.

Шейхъ почтительно приняль протянутое ему кольцо, но во взглядѣ, которымъ онъ проводиль императора, виднѣлось сожалѣніе.

XVIII.

Мечты Магомета.

Когда императоръ удалился со своей свитой, и разошлась толпа, привлеченная на берегъ парадной триремой, княжна Ирина снова позвала шейха, который между тѣмъ подкрѣпилъ свои силы ѣдой и питьемъ, такъ какъ вино разрѣшается правовѣрнымъ во время путешествій. Онъ очевидно сильно интересоваль княжну не только своими разсказами, но и своей личностью, казавшеюся ей таинственной и загадочной, благодаря его сходству съ комендантомъ Бѣлаго замка и необыкновенными для простаго бедуина знаніями.

— А твой родственникъ, императоръ, — сказаль шейхъ, когда княжна завела разговоръ о разсказанныхъ имъ легендахъ,—очень добрый и милосердный человекъ. Мои легенды не должны были понравиться греку, и я скорѣе заслужиль смерти, какъ говорилъ великій адмираль, чѣмъ подарка.

— Твои разсказы могли бы показаться хвастливыми въ устахъ турка, — отвѣчала Ирина, — но вѣдь ты не турокъ.

— Это все равно, княжна, вѣдь императоръ меня простиль и даже подариль мнѣ кольцо. Надѣвая это кольцо, я подумаль, однако: простиль ли бы такъ легко подобную смѣлость Магометъ.

— Магометъ? — спросила княжна.

— Не пророкъ, а сынъ султана Мурата.

— А развѣ ты его знаешь?

— Я часто видалъ его, княжна, часто служилъ ему во время пировъ и часто сопровождалъ его на охоту. А также не разъ рассказывалъ я ему свои легенды и бесѣдовалъ съ нимъ о священныхъ и научныхъ предметахъ. Я бывалъ съ нимъ одинаково не разъ и въ бою, такъ что я знаю его, быть можетъ, лучше его матери султанши.

— Если такъ, то я желала бы узнать отъ тебя кое-что о человѣкѣ, который въ близкомъ будущемъ унаслѣдуетъ могущественное государство.

— Я другъ Магомета и скажу тебѣ все, что знаю о немъ, а когда увижу его въ Адрианополѣ, то передамъ ему, что княжна Ирина сочувственно спрашивала о немъ и не питаетъ къ нему никакихъ враждебныхъ чувствъ.

— Я не врагъ никому. Мой Богъ приказываетъ намъ любить всѣхъ ближнихъ, какъ самого себя. Ты можешь, шейхъ, передать мои слова своему другу Магомету.

— Я передамъ ему все, и онъ будетъ очень благодаренъ тебѣ за твое сочувствіе, относительно же его я могу тебѣ сказать, что о Магометѣ надо судить по его дѣламъ, какъ о цвѣткѣ, по его благоуханію, и плодѣ, по его вкусу. Ты знаешь, княжна, что власть чрезвычайно заманчива, и потому нельзя не отнестись съ уваженіемъ къ юношѣ, который, дважды возведенный на престолъ своимъ отцомъ, снова уступилъ его отцу по его желанію.

— Развѣ Магометъ это сдѣлалъ?

— Да. Но слушай меня далѣе, княжна. Магометъ преданъ всей душой знанію. Ночью, послѣ битвы онъ окружаетъ себя въ своемъ шатрѣ учеными, поэтами, законовѣдцами, философами, проповѣдниками. Его дворецъ походить на школу, и въ ней можно услышать постоянныя лекціи и поучительные разговоры. Онъ говоритъ поарабски, поеврейски, погречески и полатыни; поэзія его любимое занятіе, и онъ самъ пишетъ стихи.

— А кто были наставниками твоего друга?

— Сначала арабскіе профессора изъ Кордовы, приглашенные Муратомъ, а потомъ книги. Если бы я имѣлъ достаточно времени, то могъ бы многое рассказать о тѣхъ книгахъ, которыя видѣлъ въ его рукахъ. Онъ никогда не расстаётся съ кораномъ и съ библіей.

— Какъ, онъ читаетъ библію! Ну, а евангеліе ему извѣстно?

— Неужели ты вѣришь, княжна, что мусульмане отвергаютъ Христа,—произнесъ онъ съ упрекомъ,—коранъ нисколько не врагъ евангелію.

— Если такъ, то во что же вѣрить твой другъ?

— Жаль, что онъ самъ не можетъ отвѣтить на твой вопросъ; но все-таки я могу сказать за него, что сынъ султана Мурата вѣритъ въ Бога и въ священное писаніе. Онъ вѣритъ, что было три пророка: Мойсей, Исусъ и Магометъ, а считаетъ послѣдняго вели-

чайшимъ только потому, что онъ былъ послѣдній, а главное онъ вѣрить въ Бога и молится Богу, какъ единому Богу, а Магомета считаетъ его пророкомъ, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ Богомъ.

— А какія еще ты видалъ, шейхъ, книги на столѣ Магомета?

— Много, разныхъ: и словари еврейскіе, греческіе, латинскіе, и энциклопедію гранадскаго мавританина Ибнъ-Абдаллаха, и астрономію Ибнъ-Юниса, и философію араба Азазали, и Гомера поарабски и т. д., и т. д. Но,—продолжалъ шейхъ, видя, что княжна слушаетъ его все съ бѣльшимъ и бѣльшимъ вниманіемъ. — Магометъ не только много читаетъ, но и много мечтаетъ. А изъ всѣхъ его мечтаній у него любимыхъ три. Во-первыхъ, онъ мечтаетъ быть героемъ, хотя считаетъ войну слугою мира. Во-вторыхъ, онъ мечтаетъ сдѣлать свой народъ соперникомъ гениальной расы мавританъ, а, въ-третьихъ, онъ мечтаетъ послѣ великой одержанной имъ побѣды основать великую столицу на Босфорѣ.

— Отчего не въ Бруссѣ на Мраморномъ морѣ?

— Нѣтъ божественнѣе мѣстности на свѣтѣ, какъ Босфоръ. Тутъ сходятся западъ и востокъ, и Магометъ мечтаетъ соединить братьскими узами тотъ и другой. Этотъ городъ онъ сдѣлаетъ центромъ всей земли; въ немъ онъ устроитъ прекрасную гавань для всевозможныхъ судовъ, мраморный базаръ, крытый стекломъ, для торговцевъ всего міра и караванъ-сарай для приѣма всѣхъ путешественниковъ. Онъ выстроитъ университетъ, гдѣ будутъ одинаково учить и философы, и ученые, и поэты, и художники, и музыканты. Для всѣхъ будетъ радушный приѣмъ, и только у каждаго спросится одно: вѣрить ли онъ въ Бога, и если вѣрить, то милости просимъ.

— Это благородная мечта, — промолвила Ирина.

— А если среди такихъ мечтаній о всеобщемъ благѣ,—прибавилъ шейхъ, понижая голосъ,—Магометъ позволяетъ себѣ мечтать и о своемъ личномъ счастьѣ, то упрекнешь ли ты его за это, княжна?

— А въ чемъ заключается его мечта о личномъ счастьѣ?

— Слушай, княжна. Свѣтъ—источникъ жизни для міра, а любовь — источникъ свѣта для жизни. Магометъ мечтаетъ, что онъ когда нибудь встрѣтитъ женщину, у которой сердце будетъ выше всѣхъ сердецъ и красота выше всѣхъ красотъ. Онъ узнаетъ ее съ перваго взгляда, такъ какъ все его существо вдругъ посвѣтлѣетъ при видѣ ея. Онъ такъ увѣренъ въ ея появленіи, что уже мечтаетъ о томъ храмѣ любви, который воздвигнетъ для нея, для своей царицы, своей жемчужины, своей свѣтлой лиліи. Вотъ о чемъ мечтаетъ Магометъ для своего личнаго счастья. Считаешь ли ты это, княжна, нечестивымъ, надменнымъ бредомъ?

— Нѣтъ,—отвѣчала тихо Ирина и закрыла свое лицо покрываломъ, такъ нестерпимо жегъ её пламенный взглядъ шейха.

Онъ бросился на колѣни и поцѣловалъ мраморный полъ у ея ногъ.

— Я посоль Магомета,—произнесъ онъ:—прости меня, что я не ранѣе объявилъ тебѣ это.

— Его посоль? Для какой цѣли?

— Я не смѣю сказать.

— Говори. Тебѣ нечего бояться.

— Ты, княжна, была недавно гостьей Магомета.

— Я!—воскликнула Ирина, вскакивая съ мѣста.

— Онъ принималъ тебя въ Бѣломъ замкѣ.

— А комендантъ?

— Онъ самъ былъ комендантомъ.

Ирина не могла произнести ни слова отъ изумленія, а шейхъ продолжалъ:

— Магометъ прибылъ въ замокъ въ то самое время, когда ты пристала къ берегу въ лодкѣ, и поспѣшилъ тебя встрѣтить. Увидавъ тебя, онъ сказалъ: «вотъ она, вотъ моя царица, вотъ моя радость!»

— Подожди, шейхъ. Поручилъ онъ тебѣ что нибудь сказать мнѣ?

— Онъ просилъ меня, княжна Ирина, привѣтствовать тебя, какъ царицу его храма любви и просить у тебя позволенія явиться къ тебѣ и у твоихъ ногъ высказать тебѣ свою любовь, какую еще никто и никогда не любилъ никакой женщины.

Наступило молчаніе. И черезъ нѣсколько минутъ Ирина нарушила его, тихо промолвивъ:

— Развѣ онъ сомнѣвается, что я христіанка?

— Онъ самъ мнѣ сказалъ: я знаю, что она христіанка, но я за это люблю еѣ тѣмъ болѣе. Вѣдь моя мать была христіанкой.

Вторично въ одинъ день Иринѣ пришлось отвѣтить на царственное предложеніе. Но она и теперь не колебалась, а спокойно произнесла:

— Скажи Магомету, что его предложеніе заслуживаетъ мягкаго отвѣта, но онъ ошибается: я не та, о которой онъ мечтаетъ. Она молода, а я стара, хотя не годами. Она весела, а я серьезна. Она полна жизни и надеждъ, а я рождена для горя и посвятила всецѣло себя вѣрѣ. Она придетъ въ восторгъ отъ того блеска, которымъ онъ окружить ее, а я смотрю на все, какъ суету суетъ. Она сдѣлаетъ для него міръ царствомъ счастья, а для меня это невозможно: я думаю больше о будущей жизни, чѣмъ о настоящей. Скажи ему, шейхъ, что если онъ мечтаетъ о храмѣ любви, то я мечтаю о храмѣ небесномъ. Скажи ему, что я не отвергаю возможности моей душѣ преклониться передъ нимъ, какъ передъ всѣмъ благороднымъ и великимъ. Но до сей минуты моя душа не знаетъ другой любви, кромѣ любви къ Богу, Его Превѣчному Сыну, Дѣвѣ Маріи и небеснымъ ангеламъ. Скажи ему, что хотя я не презираю любви, такъ какъ и любовь отъ Бога, но я могла

бы сдѣлаться его женой только, если бы отъ этого зависѣло спасеніе моей вѣры. Только тогда, если бы къ моей жертвѣ присоединилась любовь, она потеряла бы свой нечестивый оттѣнокъ. Слышишь, шейхъ, передай въ точности мои слова Магомету.

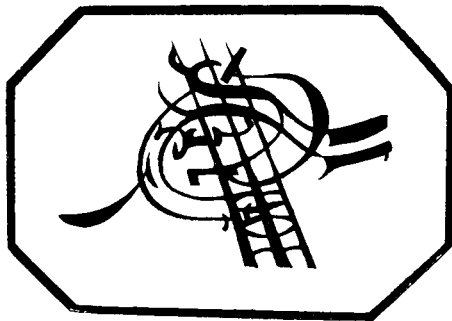
— Увы, княжна, — сказалъ онъ, печально поникнувъ головой: — какъ могу я передать такія слова моему другу, жаждущему твоей любви?

Но Ирина поспѣшно простилась съ нимъ и протянула ему руку, которую онъ поцѣловалъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Когда онъ удалился, она долго смотрѣла ему въ слѣдъ и съ удивленіемъ замѣтила, что, достигнувъ лодки, онъ взялъ изъ нея что-то, вернулся на берегъ къ портику ея дворца и затѣмъ снова пошелъ къ лодкѣ. Она дождалась, пока шейхъ исчезъ изъ вида, и потомъ послала Лизандра посмотреть, не оставилъ ли онъ какого слѣда на портикѣ.

— Невѣрный прибилъ къ портику какую-то мѣдную бляху съ страннымъ знакомъ, — сказалъ, возвратясь, старый слуга: — ужь не проклятіе ли это?

Княжна сама отправилась къ портику. И дѣйствительно ея глазамъ представилась мѣдная бляха съ слѣдующимъ страннымъ знакомъ:

Недоумѣвая, что бы могъ означать этотъ знакъ, она послала за дервишемъ, который долго жилъ въ Константинополѣ, и старикъ, внимательно осмотрѣвъ надпись на портикѣ, сказалъ:

— Княжна, тотъ, кто прибилъ здѣсь бляху съ этой надписью, турокъ, и если онъ старикъ, то ты, сама того не зная, удостоилась посѣщенія султана Мурада.

— Онъ молодой.

— Такъ это былъ сынъ Мурада, Магометъ.

— Почему ты знаешь? — спросила княжна, поблѣднѣвъ, какъ полотно:

— Потому что только двое на свѣтѣ могутъ оставить послѣ себя эту надпись.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ МАРТЪ 1895 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 19-й.

Абозинъ, И. Птицеводство. Птичій дворъ въ русскихъ хозяйствахъ. Съ 9-ю хромо-литографіями и 8-ю литографіями. Спб. 1895 г. Ц. 5 р. 50 к.

Анимовъ, И. Краткое руководство для начинающихъ фотографовъ-любителей. Изд. 2-е. М. 1895 г. Ц. 30 к.

А—истовъ, П. Путешествіе въ Палестину. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.

Альманахъ Русскаго Сельскаго Хозяина на 1895 г. Съ 37 рисунк. Ц. 80 к.

Альмедингенъ, А. Руководство для при-готовленія горькихъ водокъ, ликеровъ и наливокъ домашнимъ способомъ. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.

Андерсенъ. Собраніе сочиненій въ 4 том. Вып. XIV. Сказка моей жизни. Гл. IX—XVI. Перев. А. и П. Ганзенъ. Цѣна по подпискѣ на все сочиненіе 6 р.

Бинштокъ, В. (врачъ). Неофициальный сборникъ законоположеній о гражданскихъ, медицинскихъ и ветеринарныхъ фельдшерахъ. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.

Богдановъ, А. Руководство для волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ и сборщиковъ податей по взысканію съ крестьянъ повинностей. М. 1895 г. Ц. 60 к.

— Счетоводство и денежная отчетность земскихъ начальниковъ, городскихъ и мировыхъ судей и гминныхъ судовъ съ приложеніемъ практическихъ указаній и замѣтокъ. М. 1895 г. Ц. 70 к.

— Формы приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ. М. 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.

Богдановъ, М. Разказы о птицахъ. Для юношества. М. 1895 г. Ц. 75 к.

Божемяновъ, И. Историческій очеркъ русскаго книгопечатнаго дѣла. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.

Болла, Р. Страна звѣздъ. Кометы и падающія звѣзды. Перев. съ англ., со множествомъ рисунковъ. М. 1895 г. М. Ц. 15 к.

Буассе, Г. Виргилій. Изъ послѣдней археологической поѣздки. Перев. съ франц. Оренбургъ. 1894 г. Ц. 1 р.

Введенскій, А. О видахъ вѣры въ ея отношеніяхъ къ знанію. М. 1894 г. Ц. 50 к.

Вильне, А. Электричество, его источники и примѣненія въ промышленности. Перев. и дополн. Д. Головъ. Спб. 1895 г. Ц. 7 р.

Витевскій, В. И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 года. Историческая монографія. Вып. 4-й. Казань. 1895 г. Ц. 2 р.

Владиміровъ, П. И. А. Крыловъ и его басни. Кіевъ. 1895 г. Ц. 15 к.

Вознесенскій, А. Братья Шуйскіе. Хроника къ 5 дѣйствіяхъ. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Geller, Leo. Происхождение, существо, развитіе и раздѣленіе права. Перев. съ нѣмецк. А. Ясѣвскаго. Казань. 1895 г. Ц. 40 к.

Георгіевскій, П. Политическая экономія. Ч. II. Вып. I. (Соціальный вопросъ, рента и заработная плата). Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гольмстенъ, А. Очерки по русскому торговому праву. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

Гомеопатическій календарь на 1895 г. Спб. Ц. 40 к.

Горшельдъ. Кавказскіе походные рисунки. Изданіе великаго князя Георгія Михайловича. Вып. II. Ц. 5 р.

Гофманъ, Э. Сказка о шелкунчикѣ и мышиномъ королѣ. Рисунки Т. И. Никитина. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Грильпарцевъ, Фр. Сафо. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. М. 1895 г. Ц. 75 к.

Деларовъ, П. Очеркъ исторіи личности въ древне-римскомъ гражданскомъ правѣ. Историко-юридическій опытъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Діонео. На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Додз, А. Маленькій приходъ. Романъ. Перев. съ франц. Ремезова. М. 1895 г. Ц. 1 р.

— Маленькая церковь. Романъ. Съ иллюстрац. и портретомъ автора. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

- Ежегодникъ южно-русскаго общества поощренія земледѣлія и сельской промышленности. Кіевъ. 1895 г. Ц. 1 р.
- Елецъ, Ю. Грумъ. Недавняя былъ. Варшава. 1895 г. Ц. 40 к.
- Жизнь замѣчательныхъ людей. Л. Н. Толстой. Его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ. Съ портретомъ Л. Толстого. Ц. 25 к.
- Житецкій, П. Теорія сочиненія съ христоматіей. Кіевъ. 1895 г. Ц. 1 р.
- Житновъ, С. Урожай и сельско-хозяйственный кризисъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Зандъ, Ж. Сочиненія. Т. I. Среди людей. Романы изъ крестьянскаго быта. Чертово болото. Ц. 40 коп. Т. II. Личный секретарь ея свѣтлости.—Мельхиоръ. Ц. 40 к.
- Зауэръ, И. Сборникъ тарифныхъ постановленій разстояній, принимаемыхъ для расчета провозныхъ платъ по перевозкамъ грузовъ въ поѣздахъ малой скорости въ прямомъ сообщеніи русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Зелинский, В. Критическіе коментаріи къ сочиненіямъ А. Н. Островскаго. Хронологическій сборникъ критико-біографическихъ статей. Ч. II. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Зрительный диктантъ. Самодиктованіе и самоисправленіе. Новая система для практическаго самоизученія русскаго правописанія. Ч. I. Изд. 6-е. М. 1895 г. Ц. 50 к.
- Зонтагъ, О. д-ръ. Болѣзни желудка и кишечъ. Ихъ причины и лѣченіе. Перев. съ нѣм. Одесса. 1895 г. Ц. 30 к.
- Найгородовъ, Дм. Третій стѣнвой календарь петербургской весны. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Карѣвъ, Н. Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Кауфманъ, Р. (фонъ). Государственные и мѣстные расходы главнѣйшихъ европейскихъ странъ по ихъ назначеніямъ. Перев. съ 3-го нѣмец. изд. А. Гурьевъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Килландъ, А. Ядъ. Фортуна. Романы. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Клаусенъ, Е. Краткій учебникъ огородничества, размноженія растений и плодоводства, особенно для юга Россіи. Ч. II. Спб. 1895 г. Ц. 20 к.
- «Книжный Вѣстникъ», № 2. Ц. 30 к.
- Кованъ. Медоносная пчела. Перев. съ англійскаго Л. Погжина. Съ 72 рис. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Крамъ, Ф. Крахмальное производство и значеніе его для сельскаго хозяйства. Юрьевъ (Дерптъ). 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Красновъ, А. (проф). Основы земледѣнія. Вып. I. Исторія картографіи, форма земли, распредѣленіе суши и ея строеніе. Харьковъ. 1895 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Крезантинъ. Новые методы лѣченія дифтеріи. Казань. 1895 г. Ц. 40 к.
- Кривенно, С. На распутьи. (Культурные скиты и культурные одиночки). Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Крыжановская, В. (Рочестеръ). Парица Хатасу. Романъ. Спб. 1894 г. Ц. 2 р. 75 к.
- Крыловъ, И. Басни. Съ біографіей и примѣчаніями (два портрета, виды памятника и могилы Крылова). Изд. 2-е. (Дешевая Библіотека А. С. Суворина, № 318). Ц. 15 к., въ переплетѣ 30 к.
- Кудельна, Ф. Сахарная свекловича и ея культура. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.
- Леббонъ, Дж. Радости жизни. Изд. 2-е, дополн. и исправл. Спб. 1895 г. Ц. 90 к.
- Лишинъ, А. Какъ оградить людей отъ гибели на пароходахъ. Севастополь. 1894 г. Ц. 50 к.
- Ломанъ, Д. Царь-Миротворецъ Александръ III, Императоръ Всероссійскій. Чтеніе для солдатъ и народа, съ картинами. Изд. 4-е. Спб. 1895 г. Ц. 15 к.
- Ляцкій, Евг. Сказитель Иванъ Трофимовичъ Рябининъ и его быліны. Этнографическій очеркъ съ приложеніемъ портрета сказителя и его налѣвовъ, записанныхъ А. С. Аренскимъ. М. 1895 г. Ц. 40 к.
- Май, О. Таблицы для расчета передаточныхъ ремней. Спб. 1895 г. Ц. 60 к.
- Таблица для расчета электрическихъ проводовъ. Ц. 60 к.
- Малютинъ, Д. Ошибки, сдѣланныя при составленіи положенія о крестьянахъ 19 февраля 1861 г. и ихъ послѣдствія. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Маминъ-Сибирякъ, Д. На вольномъ воздухѣ (На волѣ). Разсказы для дѣтей. Съ рисунками. М. 1895 г. Ц. 30 к.
- Мачтетъ, Гр. Именемъ закона. Человѣкъ съ планомъ. Силуэты. Т. I. Изд. 2-е. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Миклашевскій, А. Деньги. Опыты изученія основныхъ положеній экономической теоріи классической школы въ связи съ исторіей денежнаго вопроса. М. 1895 г. Ц. 3 р.
- Молчановъ, М. О храмѣ, его происхожденіи и значеніи для христіанъ и объ общественной молитвѣ въ немъ. Кіевъ. 1894 г. Ц. 50 к.
- Мошковъ, В. Матеріалы для характеристики музыкальнаго творчества инородцевъ Волжско-Камскаго края. I. Мелодіи чувашскихъ пѣсенъ. Казань. 1894 г. Ц. 75 к.
- Мясницкій, И. Женитьба Крутозобова. Юмористическое описаніе сватовства и женитьбы замоскворѣцкаго лавочника Ар-

- хипа Семенова Кругозобова. М. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Настольный энциклопедический словарь.** Вып. 98-й. (Силади-Славянскъ). М. 1895 г. Ц. 30 к., на лучш. бум. 40 к.
- Ниновъ, С.** Поручительство въ его историческомъ развитіи по русскому праву. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Образцы и формы довѣренностей, векселей, договоровъ, духовныхъ завѣщаній, прошеній, заявленій, отзывовъ, частныхъ, апелляціонныхъ и кассационныхъ жалобъ.** Изд. 3-е, исправл. и дополненное. Рига. 1895 г. Ц. 60 к.
- Огіевскій, В.** Питомникъ хвойныхъ сѣянцевъ въ Тульской губерніи. Спб. 1894 г. Ц. 10 к.
- Баварскія изслѣдованія о Монашенкѣ. Изслѣдованія баварскаго лѣсного вѣдомства объ образѣ жизни Монашенки и о мѣрахъ борьбы противъ нея. Спб. 1894 г. Ц. 10 к.
- Павловскій, А.** Нѣсколько словъ о необходимости изслѣдовать ближе рыбную ловлю и торговлю рыбою на озерахъ Витебской губерніи. Витебскъ. 1894 г. Ц. 15 к.
- Историческое изслѣдованіе русской льняной промышленности и торговли въ связи съ общимъ ходомъ исторіи торговли Россіи. Витебскъ. 1894 г. Ц. 45 к.
- Пасынновъ, Я.** Простое слово о мудрой наукѣ. (Начатки химіи). Съ 5 рис. М. 1895 г. Ц. 24 к.
- Перрэ, Л.** Золотопромышленность въ Австраліи, Тасманіи и Новой Зеландіи. Ц. съ атласомъ 4 р. Спб. 1895 г. Ц. 4 р.
- Перцовъ, П. и В.** Молодая поэзія. Сборникъ избранныхъ стихотвореній молодыхъ русскихъ поэтовъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Поповъ, Н.** Аляма. Крымскій разбойникъ. Романъ. 1895 г. Ц. 1 р.
- Потанина, А.** Изъ путешествій по Восточной Сибири, Монголіи, Тибету и Китаю. М. 1895 г. Ц. 3 р.
- Пржекторскій, В.** Очеркъ орошенія садовъ на основаніи примѣровъ изъ русской практики. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
- Программы домашняго чтенія на 1895 г.** Изд. 2-е. М. 1895 г. Ц. 25 к.
- Пушинъ, А. С.** Каменный гость. Рисунокъ С. С. Соломко. Спб. 1895 г. Ц. 3 р.
- Расинъ, Ж.** «Федра». Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Перев. въ стихахъ Льва Поливанова. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Роде и Бюсне.** Многофазные токи. Перев. съ франц., съ 71 рисунк. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Рудзскій, А.** Воспитаніе плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ въ питомникѣ и ихъ посадка въ плодовой садъ. Съ двумя стѣнными таблицами. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- «Русская музыкальная газета», № 3. Мартъ. Ц. 30 к.
- Савинъ, X.** Повторительный курсъ по системѣ римскаго гражданскаго права. Общая часть. Казань. 1895 г. Ц. 65 к.
- Сальмоновичъ, П.** Руководство къ составленію смѣтъ и технической отчетности. Справочная книга для строителей. Ч. II. Спб. 1895 г. Ц. 3 р.
- Сальниковъ А.** Краткій обзоръ русской исторіи (курсъ городскихъ училищъ). Спб. 1895 г. Ц. 25 к.
- Сборникъ статей по сельскому хозяйству.** Вып. I. М. 1894 г. Ц. 1 р.
- Свирскій, А.** По торьмамъ и вертепамъ. Очерки. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Свѣчинъ, И.** Опытъ изложенія началъ общечеловѣческой философіи. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- «Сельскій Хозяинъ», № 18. Ц. 20 к.
- Сельско-хозяйственныя статистическія свѣдѣнія по матеріаламъ, полученнымъ отъ хозяевъ.** Вып. VI. Средній урожай полевыхъ растений Европейской Россіи за десятилѣтіе 1881—1890 гг. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.
- Сельско-хозяйственное образованіе въ Россіи въ концѣ 1894 г.** Справочная книжка, изданная Департаментомъ Земледѣлія. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- «Сельскій Хозяинъ», № 20. Ц. 20 к.
- Сеневичъ, Г.** Семейство Полапецкихъ. Романъ въ двухъ частяхъ. Перев. съ польск. М. Кривошеева. Съ портретомъ автора. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Сироткинъ, А.** Практическое руководство къ разведенію огородничества. М. 1895 г. Ц. 40 к.
- Сноровъ, А.** Сводъ уставовъ горныхъ по официальному изданію 1893 г. Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства, относящихся до уставовъ горныхъ. Изд. 3-е, дополн. М. 1895 г. Ц. 4 рубля.
- Скугаревскій.** Подготовка руководителей для тактическихъ занятій съ офицерами. Личныя воспоминанія. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Совѣтовъ, А., и Докучаевъ, В.** Матеріалы по изученію русскихъ почвъ. Вып. IX. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.
- Срезневскій, Измаиль.** Путевыя письма изъ славянскихъ земель 1839—1842 гг. Съ приложеніемъ карты. Спб. 1895 г. Ц. 3 р.
- Стефановичъ, Н.** О сельскомъ и волостномъ управленіи въ Западномъ краѣ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Страховъ, Н.** Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ

- (1862—1885). Изд. 3-е. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Суворинъ, А.** Палестина. Вып. XVI. Ц. 1 р. 50 к. По подпискѣ на все сочиненіе 35 р.
- «**Сѣверный Вѣстникъ**», № 3. Ц. 1 р. 20 к.
- Танкель, П.** Французско-русскій этимологическій словарь. Спб. 1894 г. Ц. 10 р.
- Теннисонъ, А.** Магдалина. Поэма. Перев. А. Федорова. Съ портретомъ автора. М. 1895 г. Ц. 50 к.
- Тиволовинъ, Н.** Пигментный или угольный процессъ. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Тихомандрицкій, М.** Основанія теоріи абелевыхъ интеграловъ. Харьковъ. 1895 г. Ц. 4 р.
- Тутковскій, Г.** О геологической фотографіи и фотограмметріи. Ковно. 1894 г. Ц. 40 к.
- Тысяча одна ночь.** Разказы Шахеразады. Перев. Л. Шелгуновой. Съ рисунками. 6 книгъ. Спб. 1894 г. Ц. 2 р., въ папкѣ 3 р.
- Фельдшера вольноопредѣляющіеся, ихъ права и преимущества.** Неофициальный сборникъ законоположеній и разъясненій. Спб. 1895 г. Ц. 40 к.
- Фельдшерскій вопросъ.** Отгиски статей, напечатанныхъ въ 1894 г. въ газетѣ «Фельдшеръ». Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Флавицкій, Ф.** Очеркъ развитія знанія о химическихъ элементахъ. Казань. 1894 г. Ц. 40 к.
- Фонвизинъ, Д.** Двѣ комедіи: I. «Бригадиръ», комедія въ 5 дѣйствіяхъ. — II. «Недоросль», комедія въ 5 дѣйствіяхъ. Съ биографіей Д. Фонвизина, его портретомъ и объяснительнымъ словаремъ къ комедіямъ. Изд. 9-е. («Дешевая библиотека» А. С. Суворина, № 2). Ц. 15 коп.
- Хвольсонъ, О.** Термодинамика (механическая теорія теллоты). Лекціи. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 10 к.
- Хмѣльницкій, И.** Новыя правила о наказаніяхъ при совокуности и повтореніи преступныхъ дѣяній. Одесса. 1894 г. Ц. 25 к.
- Новое положеніе о паспортахъ, Высочайше утвержденное 3-го іюня 1894 г. Одесса. 1894 г. Ц. 30 к.
- Чалый, М.** Воспоминанія (1844 — 1852 гг.). Кіевъ. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Шенронъ.** Матеріалы для біографіи Голяя. Т. III. М. 1895 г. Ц. 3 р.
- Шепердъ, Е.** Матеріалы для дочерей. (Краткія свѣдѣнія по женской физиологіи и гігіенѣ). Переводъ съ англійскаго. М. 1895 г. Ц. 40 к.
- Шериданъ, Р.** «Школа злословія», комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Переводъ Ч. Вѣтринскаго. Съ біографіей автора. («Дешевая библиотека» А. С. Суворина, № 317). Ц. 15 к., въ перепл. 30 к.
- Шимановскій, Вс.** Пасѣка при народной школѣ. Указанія начинающимъ учителямъ-пчеловодамъ. 2-е пересмотрѣнное изданіе. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Шредеръ, Р.** Хмель и его разведеніе въ Россіи и за границей. Изд. 4-е, исправл. и дополненное. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шавурскій, Р.** Мазурка. Практическій урокъ для дирижеровъ. Житомиръ. 1895 г. Ц. 30 к.
- Яичковъ, Дм.** Школьный хоръ. Классное пособіе при обученіи пѣнію, приспособленное для низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Рига. 1895 г. Ц. 30 к.
- Якимовъ, Н.** Бѣдный Тунгатай. (Разсказъ изъ жизни киргизскихъ дѣтей). Для дѣтей младшаго возраста. Тифлисъ. 1894 г. Ц. 15 к.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ЖУРНАЛЬ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

МАЙ, 1895.

СОДЕРЖАНИЕ.

МАЙ, 1895 г.

	СТР.
I. Въ поискахъ истины. XXI—XXIII. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ	345
II. Записки сенатора Н. П. Синельникова. VI. (Продолженіе)	373
III. Тернистый путь къ свѣту. (Мытарства крѣпостнаго человѣка). VIII—XIV. (Окончаніе). Д. В. Ѳедорова	388
IV. Воспоминанія В. А. Полторацкаго. XXIII. (Продолженіе)	414
V. Въ мятежномъ краѣ. (Изъ воспоминаній). V—VI. (Окончаніе). Н. В. Любарскаго	445
VI. Современные литературные дѣятели. Алексѣй Николаевичъ Апухтинъ. А. К. Бороздина	465
VII. Въ Лифляндской Швейцаріи. (Очеркъ). Р. П. Сементковскаго	486
VIII. Край свѣта по современнымъ, средневѣковымъ и древнимъ описаніямъ. А. Н. Краснова	510
Иллюстраціи: 1) Карта міра по представленію Гомера.—2) Первая научная карта міра, составленная Птоломеемъ въ I вѣкѣ по Р. Х.—3) Міръ по ученію Козьмы Индикоплевта.—4) Другое изображеніе міра по его же ученію.—5) Карта міра изъ одного средневѣкового изданія XII вѣка.—6) Карта арабовъ IX вѣка.—7) Глобусъ Мартына Behaim'a.	
IX. Новый свидѣтель эпохи убіенія Димитрія Самозванца. И. А. Линиченка	533
X. Веневъ монастырь. В. Ф. Харичкова	543
Иллюстрація: Церковь Венева монастыря.	
XI. Старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ. И. П. Кузнецова-Красноярскаго	550
XII. Современная Россія. А. И. Фаресова	555
XIII. Неудачный сѣвѣдъ. Б. Б. Глинскаго	575
XIV. Новый Наполеонъ. Статья вторая. Корсиканскій патриотъ и французскій яковинецъ. В. Т.	590
Иллюстраціи: 1) Наполеонъ въ яковинскомъ клубѣ на Корсикѣ.—2) Наполеонъ въ дешевомъ ресторанѣ въ Парижѣ.—3) Бокерскій ужинъ.—4) Военный совѣтъ въ Тулонѣ.	
XV. Критика и библиографія	618
1) С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Томъ IV. Спб. 1895. Вл. 3.—2) Памяти «Русалки», броненосца русскаго флота, погибшаго въ сентябрѣ 1893 года. Казань. 1894. И. И.—снаго.—3) Сказки русскаго народа. Текстъ подъ редакціей В. А. Гатцука. Рисунки художника Н. А. Богатова. Вып. I—V. Москва. 1894. Б—а.—4) Ф. Иодль. Этика и политическая экономія. Переводъ А. Острогорскаго. Спб. 1895. Р. С.—5) А. Фулье. Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. Переводъ П. Николаева. Москва. 1895. Р. С.—6) Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Д. И. Фоввизина. Посмертный трудъ академика Н. С. Тихоурава. Спб. 1894. С. Г.—снаго.—7) Памятники древне-русской церковно-учительской литературы. Вып. I, содержащій поученія: Луки Жидята, митрополита Иларіона, Ѳеодосія Печерскаго и Кирилла Туровскаго. Изданіе журнала «Странникъ», подъ редакціей профессора А. И. Пономарева. Спб. 1894. А. Бронзова.—8) Л. Грегуаръ. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Томъ второй. Июльская монархія съ 1832 по 1848 годъ. Февральская революція. Переводъ М. В. Лучицкой, подъ редакціей И. В. Лучицкаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1894. И.	

См. слѣдующую стран.

	СТР.
XVI. Историческія мелочи	631
1) Женское воспитаніе въ древнемъ Римѣ.—2) Лютеръ и его женитьба.—	
3) Последняя лекція Фруда о Великой Армадѣ.—4) Аббевильскій процессъ.—	
5) Нѣмецкая поклонница Вольтера.—6) Испанская кандидатура принца Леопольда Гогенцоллернскаго.—7) Восьмидесятилѣтній юбилей Бисмарка и мнѣнія о немъ современниковъ.—8) Японская императорская семья.	
XVII. Заграничныя историческія новости	649
XVIII. Смѣсь	656
1) Столѣтіе присоединенія Курляндіи къ Россіи.—2) Тридцатилѣтній юбилей ученой дѣятельности профессора В. Г. Васильевскаго.—3) Юбилей В. П. Кулина.—4) Столѣтняя годовщина М. И. Веревкина.—5) Отчетъ Пензенской общественной имени М. Ю. Лермонтова библиотеки за 1894 годъ.—6) Некрологи: М. Я. Ольшевскій; И. О. Лялечкинъ; Л. П. Весинъ; И. П. Ключниковъ; Н. А. Туганъ-Мирза-Барановскій; Александра Конст. Европеусъ; И. А. Вышнеградскій; Н. П. Ланинъ.	
XIX. Поправка къ статьѣ «Памяти Н. С. Лѣскова»	664
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ А. Н. Анухтина.—2) Паденіе Царьграда (The Prince of India or why Constantinople fell). Историческій романъ Люиса Воллеса, автора «Во время оно». Переводъ съ англійскаго. Часть IV. Гл. I—IX. (Продолженіе).—3) Объявленіе книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина.	

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступили въ продажу новыя книги:

СОЧИНЕНІЯ

А. ЛУГОВОГО.

Томъ I. 572 страницы въ 8-ю долю листа. Повѣсти и рассказы: Не судилъ Богъ!—Однимъ часомъ.—На куриномъ насѣтѣ.—За грозой—ведро.—Не отъ міра сего.—Ольга Ярославна.—Швейцарь. Драматическія произведенія: «За золотымъ руномъ!» Спены изъ похода современныхъ аргонавтовъ, въ 4-хъ дѣйств.—«Озимъ». Драма въ 4-хъ дѣйств. Стихотворенія: Крымскіе пейзажи.—Опять на Волгѣ!—Борь.—Русь.—Въ майскую ночь.—«Жалко Гуса!» и друг.

Томъ II. 526 стран. Грани жизни. Романъ въ 5-ти частяхъ.

Томъ III. 616 стран. Повѣсти и рассказы: Pollice verso.—Нѣсколько поцѣлуевъ.—Тепломъ повѣяло.—Счастливецъ.—Исполнили.—Простая случайность.—Изъ офъзды къ голодающимъ.—Nosturpe.—Нервная ночь.—Музыкантъ въ своемъ родѣ.—Между двухъ смутныхъ идеаловъ.—Альміроръ!—Стихотворенія: Сумасшедшее проклятіе.—Taedium vitae.—Credo... quia absurdum и друг.

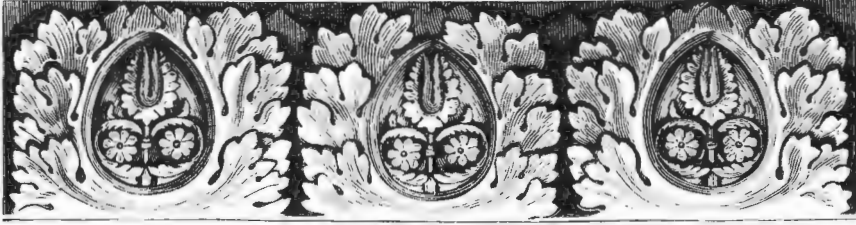
Цѣна по 2 р. за каждый томъ отдѣльно. Пересылка по разстоянію.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ типографіи М. М. Стасюлевича.

С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 5-я линія, д. 28.

ВЪ ПОИСКАХЪ ИСТИНЫ ¹⁾.

XXI.

ТАРЫЙ ГОРОДОКЪ на югѣ Германіи, лѣпившійся къ высокимъ горамъ, съ обширнымъ замкомъ, средневѣковой архитектуры, окруженный рвомъ, черезъ который только еще недавно устроенъ былъ постоянный мостъ вмѣсто подъемнаго, съ древними церквами и домами, съ остроконечными крышами и широкими навѣсами, такъ далеко выступавшими по обѣимъ сторонамъ узкихъ улицъ, что подъ ними образовывались крытые проходы, темные и днемъ, — старый городокъ погруженъ былъ въ глубокой сонъ и тишину, нарушавшуюся только, время отъ времени, звономъ башенныхъ часовъ, гулко раздававшимся на далекое пространство.

Съ часъ времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ ночной сторожъ проѣхалъ въ своемъ живописномъ костюмѣ по улицамъ и переулкамъ, возвѣщая громкимъ голосомъ, чтобы огни гасились, и добрые христіане ложились спать.

Всѣ ему повиновались; съ шумомъ захлопывались ставни, звякали тяжелые замки у входныхъ дверей и, если въ нѣкоторыхъ жилищахъ люди продолжали еще бодрствовать, то не иначе, какъ въ таинственной тиши и со всевозможными предосторожностями, забываясь въ покой, выходившіе узкими окнами въ дворы или сады,

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LX, стр. 5.
«истор. вѣстн.», май, 1895 г., т. LX.

окруженные высокими каменными оградами. Крупные штрафы, взимаемые съ нарушителей городскихъ постановлений, всѣхъ пугали, и бѣдныхъ и богатыхъ. Владѣтельный герцогъ мѣстечка, до фанатизма набожный и благочестивый, особенно строго относился къ нарушенію внѣшней дисциплины, введенной въ его владѣніи съ незапамятныхъ временъ, еще тогда, когда предкамъ его приходилось отбиваться отъ нападений злыхъ сосѣдей изъ разбойничьихъ гнѣздъ въ горахъ, неподалеку отсюда.

Герцогъ самъ подавалъ примѣръ благонравія добрымъ гражданамъ своего города, отправляясь на покой съ своими чадами и домочадцами тотчасъ послѣ того, какъ на башнѣ замка часы протяжно и уныло прозванивали девять часовъ. Съ послѣднимъ ударомъ запирались и городскія ворота, и ни для кого на свѣтѣ до ранняго утра не отпирались.

Разсказывали, что, благодаря этимъ порядкамъ, принцу Леонарду, внуку владѣтельнаго герцога, не разъ доводилось ждать всю ночь до разсвѣта въ хижинѣ кривого Фрица, огородъ котораго примыкалъ къ крѣпостному валу. У Фрица была красивая жена, итальянка родомъ, и злые языки утверждали, что принцу Леонарду должно быть не особенно скучно проводить время въ ея обществѣ.

Впрочемъ, про него не то еще говорили.

Старому герцогу онъ доводился не роднымъ внукомъ, а мужемъ его внучки, принцессы Терезы, болѣзненной особы, которую въ городѣ и раньше видѣли очень рѣдко, а съ тѣхъ поръ, какъ у нея родился сынъ, то она даже и въ паркъ не выходила гулять, постоянно жалуясь на непонятныя боли то въ ногахъ, то въ груди, то въ спинѣ.

А между тѣмъ паркъ герцога Карла считался однимъ изъ прекраснѣйшихъ въ Германіи и представлялъ изъ себя поистинѣ рай земной для охотниковъ. Въ немъ водилось множество дичи, и въ изобиліи попадался красный звѣрь—кабанъ, олень, дикая коза, лиса, медвѣдь.

Было время, когда въ паркъ этотъ гости съѣзжались издалека, и тогда глухая чаща оглашалась веселыми трубными звуками, а подъ тѣнистыми сводами столѣтнихъ дубовъ скакали дамы въ роскошныхъ нарядахъ, съ соколами на рукѣ, въ сопровожденіи блестящихъ кавалеровъ и многочисленной свиты изъ пажей, конюховъ и охотниковъ. Тогда и въ обширной кухнѣ замка шла дѣятельная стряпня день и ночь, а въ глубокихъ покояхъ, съ стрѣльчатыми окнами и высокими, лѣпными потолками, ни на минуту не прекращалось веселье, танцы, пѣніе, оживленные разговоры, игра въ карты и кости, и тому подобныя развлеченія, смотря по модѣ времени.

Тогда обитатели мѣстечка хвастались, что ихъ герцогу вы-

падаетъ не рѣдко честь угощать не только владѣтельныхъ принцевъ, но и королей. Разъ даже замокъ удостоился посѣщенія самого императора. Но теперь все это миновало, и ужъ болѣе двадцати лѣтъ, какъ герцогъ никуда не выѣзжалъ, кромѣ дальняго монастыря на границѣ Италіи, гдѣ у него была пострижена дочь. Супруга его давнымъ-давно умерла, и семья состояла изъ замужней внучки съ ребенкомъ, мальчикомъ, пятилѣтнимъ Максомъ, такимъ же болѣзненнымъ, какъ и мать, да двухъ принцессъ, Оттиліи и Розалии, сестеръ герцога; обѣ старыя дѣвы, чванныя и скучныя, всецѣло посвящали себя воспитанію внучка, молитвѣ и добрымъ дѣламъ.

Придворный штатъ этой семьи, предки которой нѣкогда играли первенствующую роль среди владѣтельныхъ особъ южной Германіи, состоялъ изъ капеллана, аббата Джульяни, гувернера юнаго принца, француза Лилъе, секретаря герцога, такого же старца, какъ и господинъ его, и двухъ перерѣзанныхъ дѣвъ, здѣшнихъ уроженокъ. Изъ хорошихъ мѣщанскихъ семей онѣ были взяты ко двору герцога, подстолѣтія тому назадъ, молоденькими, хорошенькими дѣвухами и состарились вмѣстѣ съ принцессами въ безбрачіи.

Уже съ половины XVIII столѣтія стали возникать затрудненія къ пристроюванію нѣмецкихъ принцессъ. Народъ портился, собирать съ него подати становилось все труднѣе и труднѣе, доходы владѣтельныхъ особъ уменьшались, а сборы на войны и на другія государственныя потребности увеличивались.

Тридцатилѣтняя война разорила окончательно и герцога, вмѣстѣ со многими другими.

Такъ утверждалъ онъ самъ и его приближенные, но дальніе родственники и подданные его убѣждены были въ противномъ.

Слухъ о сокровищахъ, зарытыхъ въ кладовыхъ подъ замкомъ, хотя и превратившійся отъ времени въ легенду, держался, однако, упорно и, по увѣренію многихъ, значительно способствовалъ пристроюванію внучки герцога за принца Леонарда.

Правда, что шесть лѣтъ тому назадъ принцесса Тереза была недурна собой и свѣжа, какъ роза, и что она съ перваго взгляда понравилась Леонарду, но врядъ ли дядя дозволилъ бы ему на ней жениться, еслибъ она не была единственной представительницей знатнаго, вымирающаго рода, и еслибъ мужу ея не представлялось шансовъ наслѣдовать титулъ и преимущества ея дѣда.

Ссылаясь на разореніе, дряхлость, семейный трауръ и на общую панику, навѣваемую на всю Европу ужасами, происходившими во Франціи, герцогъ справилъ болѣе чѣмъ скромно свадьбу своей внучки и наслѣдницы. У послѣдняго бюргера въ городѣ больше выпивалось пива и вина, съѣдалось ветчины и сосисокъ при подобномъ случаѣ, чѣмъ у владѣтельнаго герцога въ этотъ торжественный день. Ни свадебнаго пира, ни гостей, ни музыки, ни иллю-

минацій, ни раздачи бѣднымъ милостыни—ничего этого въ замкѣ не было.

Патеръ Джульяни соединилъ свою духовную дочь съ красивымъ, жизнерадостнымъ молодымъ принцемъ въ придворной капеллѣ безъ всякаго парада.

Изъ постороннихъ приглашены были только нѣсколько человѣкъ изъ городской чиновной знати, да Клара, дочь бургомистра, подруга невѣсты, воспитывавшаяся вмѣстѣ съ нею подъ руководствомъ старыхъ принцессъ Оттилїи и Розалїи и патера Джульяни.

Черезъ годъ у новобрачныхъ родился сынъ.

Молодая принцесса, сентиментальная и добродѣтельная, какъ истая нѣмка, не долго боролась съ странными порывами мужа къ иной жизни, чѣмъ та, которую назначила имъ судьба. Его стремленїя были ей непонятны, и, рѣшивъ вполне благоразумно, что ей его не передѣлать, она вся предалась ребенку. А принцъ, которому очень скоро надобли невинныя ласки жены, старческая болтовня тетокъ и избитыя изреченїя стараго дѣда съ его приспѣшниками, секретаремъ и патеромъ, уѣхалъ путешествовать, и прежде всего въ Парижъ, гдѣ броженіе умовъ, подготовлявшее революцію, было въ полномъ разгарѣ.

Тамъ онъ увидалъ и услышалъ то, о чемъ понятїя не имѣли при нѣмецкихъ дворахъ, и сблизился съ людьми, съ которыми ему не удалось бы и двумя словами перекинуться на родинѣ.

Вернулся принцъ въ замокъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ былъ, выѣзжая изъ него. Отсутствїе его длилось три года, и за это время онъ такъ эмансипировался, что никто его не узнавалъ.

Да онъ и самъ себя не узнавалъ и, глядя на свою апатичную супругу, угощавшую его кухнями собственнаго издѣлія, и на ея почтенныхъ родственниковъ, онъ съ недоумѣніемъ себя спрашивалъ: какъ могъ онъ влюбиться въ такую глупую куклу и добровольно влѣзть въ такое скучное и съ такими отсталыми понятїями семейство?

Мертвечиной на него здѣсь пахнуло, затхлостью склепа съ истлѣвшими покойниками въ наглухо задѣланныхъ гробахъ.

Дрожь пробѣгала у него по тѣлу при мысли навсегда здѣсь остаться, бездѣятельнымъ зрителемъ свершающихся вокругъ великихъ событїй.

И даже не зрителемъ, потому что, кромѣ какъ изъ писемъ друзей, оставленныхъ въ Парижѣ, да изъ газетъ, ему здѣсь ничего нельзя было узнать. Можно себѣ представить, въ какомъ извращенномъ и обезцвѣченномъ видѣ доходили сюда новости!

Въ замкѣ понятїя не имѣли о томъ, что готовится во Франціи. Всѣ здѣсь, начиная отъ герцога и кончая послѣднимъ сапожникомъ въ бургѣ, были убѣждены, что ни до чего серьезнаго дойти не можетъ. Король французовъ слишкомъ добръ. Давно заставилъ бы

онъ замолчать вольнодумцевъ, смущающихъ народъ, еслибъ захотѣлъ; ему стоитъ только всѣхъ ихъ переловить, да посадить въ тюрьму, а типографіи, въ которыхъ печатаются богомерзкія сочиненія, закрыть, и все, что въ нихъ найдется, сжечь, вотъ и все. Если онъ этого не дѣлаетъ, то потому только, что не находитъ этого нужнымъ, чего же чужимъ-то беспокоиться?

Кромѣ библіи, житія святыхъ, да описанія войнъ и революцій, происходившихъ у грековъ и римлянъ, до пришествія на землю Господа нашего Иисуса Христа, старый герцогъ ничего не читалъ, и когда принцъ Леонардъ, вернувшись изъ путешествія, толковалъ при немъ съ патеромъ о Вольтерѣ и Руссо, онъ отъ скуки засыпалъ, не дослушавъ спора, поднятаго по поводу произведеній этихъ писателей.

Что же касается принцессы Терезы, нечего было и думать о томъ, чтобъ посвящать ее въ новый міръ идей, которымъ увлекался ея мужъ. И раньше уже въ душѣ принца Леонарда зарождались сомнѣнія насчетъ ея умственной восприимчивости, а ужъ теперь, послѣ женитьбы, съ которыми ему удалось познакомиться во Франціи (какъ знатнаго и красиваго молодого иностранца, его представляли такимъ дамамъ, какъ г-жи Роланъ, Гальванъ, Бонапартъ, и другимъ), супруга казалась ему просто идиоткой съ ея ребяческими мыслишками и чувствами.

Чтобъ уйти отъ домашней обстановки, принцъ Леонардъ погрузился въ чтеніе и переписку.

Каждую недѣлю, къ величайшему изумленію почтмейстера, привозились изъ-за границы тяжелые тюки съ книгами, которые немедленно надо было отправить въ замокъ, такъ какъ принцъ Леонардъ частенько самъ заходилъ на почтовый дворъ справляться о посылкахъ на его имя. Въ немалое недоумѣніе приводило его будущихъ подданныхъ и громадное количество писемъ, отправляемыхъ имъ къ заграничнымъ друзьямъ.

— И зачѣмъ такъ много читать и писать, когда нѣтъ въ виду сдѣлаться ни профессоромъ, ни архіепископомъ?—спрашивали наивные люди.

— Не доведетъ до добра такое неумѣстное рвеніе къ наукѣ, долго ли съ ума спятить, — замѣчали другіе.

— Долго ли, долго ли, — соглашались всѣ.

— И для чего въ прекрасномъ замкѣ жить, имѣть ангела жену и херувима ребенка, если все время проводить за книгами, какъ монахъ? Лучше бы приглядывался къ нуждамъ народа, надъ которымъ ему придется царствовать; герцогъ-то нашъ дряхлѣ становится, долго не проживетъ.

— Новые порядки тогда пойдутъ.

— Избави Господи! Вонъ во Франціи-то что дѣлается!

О томъ, что дѣлалось во Франціи, каждый день становилось

извѣстнѣе отъ эмигрантовъ, начинавшихъ наводнять нѣмецкія земли въ такомъ количествѣ, что не было такого крошечнаго мѣстечка, гдѣ бы они не проявились.

Имъ были рады. Все народъ богатый и платили за все хорошо; во многихъ мѣстахъ Германіи цѣны на жизненные припасы и на квартиры значительно повысились съ ихъ появленіемъ.

Оживились и маленькіе дворы, при которыхъ, до появленія неожиданныхъ гостей, царили тоскливое однообразіе и скука. А монастыри! Какъ радостно закопошились они при такомъ наплывѣ вѣрныхъ дѣтей церкви, лучшихъ дворянскихъ родовъ, знатнѣйшихъ и древнѣйшихъ.

Въ то время всѣ воображали, что революція не что иное, какъ буря, которая также быстро затихнетъ, какъ и возникла, стеревъ съ лица земли тѣхъ, кто ее поднялъ. Никто не допускалъ, чтобъ могли дойти до такого беззаконія, какъ конфискація имѣній эмигрантовъ въ пользу націи. На управляющихъ, фермеровъ, мажордомовъ и тому подобную челядь взирали, какъ на неподкупныхъ слугъ, готовыхъ при всякомъ удобномъ случаѣ пожертвовать жизнью, отстаивая имущество господъ. На золото, прихваченное съ собой за границу, смотрѣли, какъ на средство прожить до полученія новыхъ доходовъ съ имѣній и домовъ, оставленныхъ на родинѣ. Развѣ на эти имущества нѣтъ хартій, хранящихся у нотариусовъ, въ неогораемыхъ сундукахъ? Не даромъ же хартіи эти, писанныя на пожелтѣвшемъ отъ времени пергаментѣ, снабжены восковыми печатями съ фамильными гербами, собственноручными подписями и всѣмъ, что споконъ вѣка требуется для утвержденія въ правахъ владѣнія.

Впослѣдствіи горько пришлось несчастнымъ разочароваться въ своихъ иллюзіяхъ, но первое время всѣ были въ затменіи, и эмигранты кутили на свои луидоры напрапую.

Попадались между ними, разумѣется, и такіе, которые относились къ своему положенію болѣе трезво и провидѣли мрачное будущее, но такихъ было немного, и отъ нихъ бѣгали, какъ отъ чумы. Что за радость слушать карканье вороновъ надъ разлагающимися трупами, когда можно наслаждаться трелями соловья въ душистыхъ, розовыхъ кустахъ?

Проживъ съ годъ времени дома, въ семьѣ, принцъ Леонардъ такъ сталъ рваться за границу, что самъ старый дѣдъ уговорилъ внучку отпустить мужа вояжировать. Всѣмъ было памятно, какимъ добрымъ и веселымъ вернулся онъ изъ Парижа, и увидѣть его опять такимъ было всеобщимъ желаніемъ. Но на этотъ разъ принцъ Леонардъ путешествовалъ всего только мѣсяца три и, первое время по возвращеніи, имѣлъ такой сіяющій и радостно возбужденный видъ, что можно было думать, что ему только дома и хорошо. Но это длилось не долго, снова сталъ онъ задумываться, избѣгалъ

оставаться наединѣ съ женой, забывалъ о существованіи ребенка и по цѣлымъ днямъ проводилъ внѣ замка, то на охотѣ, то въ гостяхъ у иностранцевъ, которыхъ за послѣднее время, съ тѣхъ поръ, какъ эмигранты изъ Франціи стали и сюда набѣзжать, проявилось множество.

Само собою разумѣется, что иностранцами этими не могли не заинтересоваться и въ замкѣ.

Въ тотъ вечеръ, съ котораго начинается этотъ рассказъ, когда семья собиралась ужинать въ столовой, обшитой старымъ дубомъ, съ массивной прадѣдовской мебелью и съ тяжелой золотой и серебряной утварью на поставцахъ вдоль стѣнъ, аббатъ съ тонкой иронической усмѣшкой передавалъ толки, слышанные имъ въ бургѣ про пріѣзжихъ.

Все народъ приличный, большею частью женщины и старики. Мужья, братья и сыновья поступили въ союзную армію противъ богоотступниковъ, дерзнувшихъ не только ограничить королевскую власть, но и стѣснить свободу помазанника Божія.

Что за ужасы рассказывали они про то, что дѣлается теперь въ Парижѣ!—да и не въ одномъ Парижѣ, а по всей Франціи. Одна надежда на помощь нѣмцевъ и русскихъ.

Несчастливая королева Франціи изъ австрійскаго дома. Ея братъ, императоръ, не можетъ отказать ей въ поддержкѣ, а руссiйская императрица любитъ во все вмѣшиваться, изъ тщеславія, разумѣется, но такъ или иначе она много помогаетъ эмигрантамъ и вооружаетъ многочисленную армію противъ мятежниковъ.

— У насъ въ бургѣ ужъ третью недѣлю проживаетъ съ семьей одинъ польскій магнатъ, воспитанный въ Парижѣ, и какъ и всѣ поляки, душой французъ,—объявилъ между прочимъ аббатъ,—онъ колоссально богатъ. Зовутъ его графъ Паланецкій. Любезнѣе и благовоспитаннѣе челоуѣка трудно встрѣтить. Онъ лично знакомъ съ русскою императрицей, и ему отъ нея самой извѣстно про ея проекты возстановить порядокъ во Франціи.

— Интересно было бы его послушать,—замѣтилъ герцогъ.

— Это очень легко. Стоитъ ему только передать желаніе вашей свѣтлости, онъ за особенное счастье почтетъ представиться вашей милости.

— Вы говорите, что онъ вполне приличный челоуѣкъ?—спросилъ герцогъ.

— Замѣчательно хорошо воспитанъ, ваша свѣтлость. И большого ума. Русская императрица давно ужъ безъ его совѣта ничего не предпринимаетъ. Мнѣ изъ вѣрнѣйшихъ источниковъ извѣстно, что ея императорское величество въ перепискѣ съ нимъ.

Вѣрнѣйшіе источники, изъ которыхъ аббатъ Лилье черпалъ свои свѣдѣнія о пріѣзжихъ, были Октавіусъ и Товій, съ которыми онъ познакомился въ тавернѣ Бѣлаго Оленя, гдѣ эти двое каждый ве-

черъ щедро угощали жителей мѣстечка пивомъ и разсказами про богатство, знатность и могущество ихъ господина.

— У его супруги есть браслетъ съ портретомъ російской императрицы, пожалованный ей въ знакъ особой милости, когда ее, за заслуги супруга, произвели въ статсъ-дамы большого двора,—прибавилъ Лилъе.

— Вотъ какъ!—протянулъ герцогъ.

— Говорятъ, она еще совсѣмъ молоденькая, — замѣтила принцесса Оттилія.

— И замѣчательная красавица,—подхватила ея сестра.

— А умѣетъ ли онъ говорить по нѣмецки, этотъ польскій графъ?—освѣдомился герцогъ.

— Какъ нѣмецъ, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ Лилъе,—а по французски, какъ французъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ принцу Леонарду, который ничего на это не возразилъ.

Одинъ, изъ всей компаніи, не принималъ онъ участія въ разговорѣ про пріѣзжихъ и такъ углубился въ созерцаніе своей супруги, что ничего не видѣлъ и не слышалъ изъ того, что происходило вокругъ него.

Принцессѣ Терезѣ тоже было не до эмигрантовъ. Она съ большимъ аппетитомъ кушала свои любимыя пирожки съ вареными сливами, мигая при этомъ подслѣповатыми глазами безъ рѣсницъ (онѣ у нея вылѣзли послѣ родовъ) и открывая регулярнымъ, точно механическимъ, движеніемъ огромный ротъ съ зубами акулы и узкими, блѣдными губами.

Изжелта бѣлокурые, жидкіе волосы, зализанные кверху, скрывались подъ ночнымъ чепцомъ, казавшимся Леонарду особенно безобразнымъ. Да и вся ея хилая, развинченная, коротконогая фигура съ такой длинной таліей, что сидя она казалась выше всѣхъ, ему была такъ противна, что по временамъ гримаса отвращенія искажала его лицо, очень красивое, не взирая на крупный носъ съ горбинкой, выдающійся подбородокъ и густыя, темныя, сросшіяся брови.

Но изъ-подъ этихъ бровей выглядывали добрыя глаза, и вся его стройная фигура носила отпечатокъ породистой граціи, манеры были изящны, голосъ мягокъ, и къ тому же онъ такъ хорошо ѣздилъ верхомъ, танцевалъ и фехтовалъ, что слылъ однимъ изъ очаровательнѣйшихъ принцевъ въ многочисленной семьѣ нѣмецкихъ владѣтельныхъ особъ того времени.

Многія не только изъ принцессъ, но и изъ королевъ завидовали принцессѣ Терезѣ, хотя, по правдѣ сказать, завидовать было нечего. Изъ всѣхъ женщинъ, игравшихъ роль въ жизни ея супруга, слѣдъ, оставленный ею въ его сердцѣ, былъ такъ ничтоженъ, что онъ часто спрашивалъ себя съ недоумѣніемъ, какъ это могло случиться, что у нихъ родился ребенокъ. Послѣднюю изъ

судомоекъ съ задняго двора поцѣловаль бы онъ съ меньшимъ отвращеніемъ, чѣмъ ее.

— А про ту русскую княгиню, что поселилась въ замкѣ барона Роталфель, слышно что нибудь?—полюбопытствовала принцесса Тереза, доѣвши свои пирожки и придвигая къ себѣ большую кружку съ пивомъ, которую она, не дожидаясь отвѣта на свой вопросъ, съ жадностью и не отрываясь, осушила до дна.

«Съ такимъ прекраснымъ аппетитомъ, и все не поправляется», со вздохомъ подумаль герцогъ, слѣдившій любовнымъ взглядомъ за каждымъ движеніемъ любезной сердцу его внучки.

— Русская княгиня пріобрѣтаетъ себѣ въ нашемъ краѣ все больше и больше друзей,—объявилъ Лилъе.—Надняхъ у нея былъ съ визитомъ даже баронъ Мазерингъ, а съ тайной совѣтницей Кухенмейстеръ она такъ подружилась, что онѣ видятся каждый день.

— Вчера мнѣ про нее говорила Клара,—сказала принцесса Тереза, наливая себѣ вторую кружку пива,—послушать ее, это святая какая-то, чудеса дѣлаетъ.

— Шарлатанка,—брюзгливо вставилъ герцогъ.

— Можетъ быть, и шарлатанка, а все же она вылѣчила сестру бургомистра отъ падучей,—возразила сердито его внучка.

Капелланъ съ отвращеніемъ замѣтилъ, что русская религія отличается отъ католической предразсудками и суевѣріемъ.

— Суевѣріе не суевѣріе, а все же она и бургомейстершу вылѣчила отъ зубной боли, тогда какъ мнѣ никто помочь не можетъ. Съ каждымъ днемъ опухоль моя,—она дотронулась до горла, гдѣ у нея выпячивался довольно большой зубъ,—увеличивается, и я начинаю отъ нея ужъ задыхаться.

Всѣ, за исключеніемъ ея мужа, который, погруженный въ думы, устался съ такимъ вниманіемъ въ темный уголь у высокаго камина, точно онъ видѣлъ тамъ что-то такое, чего никто не видѣлъ,—всѣ печально потупились. Принцесса же Тереза, выпивая свою вторую кружку пива, объявила все тѣмъ же рѣзкимъ, не допускавшимъ противорѣчій тономъ:

— Клара мнѣ такъ много про нее наговорила, что я хочу ее видѣть. Можетъ быть, она и меня вылѣчитъ.

Заявленіе это всѣхъ привело въ недоумѣніе.

— Тереза!—вскричала принцесса Розалія.

— Довѣритесь авантюристкѣ, да еще иностранкѣ вдобавокъ!—подхватила ея сестра.

— Которая пользуется, безъ сомнѣнія, нечистой силой!—поспѣшилъ вставить капелланъ.

— Вотъ ужъ скоро пятьдесятъ лѣтъ, какъ въ замокъ постороннихъ не пускають,—процѣдилъ сквозь зубы старый герцогъ.

Принцесса Тереза вспылила.

— Такъ что-жъ мнѣ, по-вашему, всю жизнь хворать?—вскри-

чала она, ударяя кулакомъ по столу съ такой силой, что посуда зазвенѣла.—А ты чего молчишь?—обратилась она съ возрастающимъ раздраженіемъ къ мужу.—Тебѣ, вѣрно, нравится смотрѣть на меня, какъ на твою бабушку? Ты, кажется, совсѣмъ забылъ, что я молода, моложе тебя на два года и жить хочу; хочу веселиться, хочу любви, хочу имѣть дѣтей, много дѣтей, какъ у всякой порядочной женщины, какъ у принцессы Каролины, у герцогини Магды, у королевы Луизы. Я тоже настоящая принцесса и могла бы сдѣлаться королевой, какъ и другія.

Принцъ Леонардъ опомнился, наконецъ, отъ своего забытья и понявъ, что гнѣвъ супруги обращенъ преимущественно на него, поспѣшилъ ее успокоить предложеніемъ привезти къ ней русскую княгиню, когда только она пожелаетъ.

— Я съ нею хорошо знакомъ, она очень умная и прекрасно воспитанная женщина, мы очень часто видѣлись въ Парижѣ, — объявилъ онъ.

— И правда это, что она дѣлаетъ чудеса?—полюбопытствовала принцесса Оттилія.

На вопросъ этотъ взялся отвѣтить Лилъе, осторожно молчавшій до тѣхъ поръ, пока вопросъ о допущеніи иностранки въ замокъ не выяснится въ благоприятномъ смыслѣ.

Оказывалось, что онъ знаетъ какъ нельзя лучше эту русскую княгиню и много разъ былъ свидѣтелемъ исцѣленій вслѣдствіе ея молитвъ и совѣтовъ.

— Кромѣ удивительной силы въ глазахъ, которую можно объяснить магнетизмомъ, она, должно быть, очень свѣдуца и въ медицинѣ.

— Не въ черной ли магіи скорѣе, — ехидно подсказалъ капелланъ.

Но на инсинуацію эту никто не обратилъ вниманія, всѣмъ теперь хотѣлось познакомиться съ новой, интересной личностью. Жизнь въ замкѣ была такъ монотонна и скучна, что каждому развлеченію были рады. Даже герцогъ, поддаваясь всеобщему оживленію, съ любопытствомъ сталъ спрашивать аббата про иностранку, для которой приходилось нарушать правила этикета, господствовавшего въ замкѣ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ еще прапрадѣдъ сдѣлался его владѣтелемъ.

Одинъ только принцъ Леонардъ не принималъ участія въ разговорѣ и съ сдержаннымъ раздраженіемъ, ожидая минуты избавленія, сидѣлъ молча и насупившись.

О, какъ медленно тянулось для него время! Съ какимъ восторгомъ сорвался бы онъ съ мѣста, не дождавшись конца ужина, и побѣжалъ бы туда, куда влекло его сердце.

Но это было невозможно, приходилось волей-неволей ждать, чтобы всѣ поднялись изъ-за стола, прослушали бы вечернюю мо-

литву, которую произносилъ капелланъ не для однихъ только господъ, а также и для слугъ, толпившихся въ дверяхъ, а затѣмъ надо было подойти къ главѣ семьи, поцѣловать его руку и принять его благословеніе, пожелать покойной ночи остальнымъ членамъ семьи, а также и аббату съ капелланомъ и обѣимъ фрейлинамъ, проводить супругу до ея апартамента, покорно выслушать ея упреки въ холодности и недостаткѣ вниманія, успокоить ее заранѣе приготовленной фразой, сдерживая отвращеніе, отвѣтить на ея поцѣлуй и ужъ тогда только могъ онъ считать себя свободнымъ.

Исполнивъ всѣ требуемыя отъ него формальности, вбѣжалъ онъ, перескакивая черезъ двѣ, три ступеньки заразъ, въ свою комнату на верху высокой, круглой башни, изъ которой открывался чудный видъ на окрестности. Тамъ, переждавъ еще съ часъ времени, пока всѣ огни въ замкѣ не погасли, и всѣ шумы не стихли, осторожно крадучись потайными ходами, выбрался онъ на широкій дворъ, а оттуда черезъ калитку, продѣланную въ каменной стѣнѣ, безъ сомнѣнія, такимъ же охотникомъ до таинственныхъ прогулокъ, какъ и онъ самъ, принцъ Леонардъ очутился въ полѣ.

Тутъ, прежде чѣмъ идти дальше, онъ остановился, чтобъ оправиться отъ испытанныхъ волненій и радостно вдохнуть въ себя полную грудью ароматный воздухъ—ночь принадлежала ему.

XXII.

Въ замкѣ Ротапфель, расположенномъ близъ городскихъ воротъ, принца ужъ давно ждали.

Немногочисленное общество, собравшееся у русской княгини, отказывалось сѣсть за столъ до его появленія.

Впрочемъ, благодаря блестящему, оживленному разговору и новостямъ, сообщаемымъ новыми эмигрантами изъ Франціи (семьи, состоящей изъ знатной дамы съ двумя сыновьями), время летѣло незамѣтно въ глубокой гостинной съ высокимъ потолкомъ, у пылающаго камина такихъ огромныхъ размѣровъ, что въ немъ могъ горѣть цѣлый дубъ.

Хозяйка, смуглая, среднихъ лѣтъ женщина, съ энергичнымъ лицомъ и умными, пронзительными глазами, въ какомъ-то странномъ, полумужскомъ, полумонашескомъ костюмѣ темнаго цвѣта и безъ всякихъ украшеній, представляла интересный контрастъ съ жеманной парижанкой, разодѣтой по послѣдней модѣ, въ фижмахъ, напудренномъ парикѣ, нарумяненной, съ мушками и прочими атрибутами щеголихи тогдашняго времени, съ живой, экзальтированной рѣчью, испещренной чисто парижскими выраженіями и рѣзкими переходами отъ ужаса къ ироніи, отъ отчаянія къ изумленію.

Передъ нею молодой, красивый аббатъ разсыпался въ комплиментяхъ и сочувственныхъ фразяхъ; позади ея кресла двое юношей, ея сыновья, съ любопытствомъ поглядывая по сторонамъ, обмѣнивались замѣчаніями шепотомъ, когда имъ казалось, что никто на нихъ не обращаетъ вниманія, а немного поодаль двое стариковъ, маркизь Дьедоне де-Ранфоръ и братъ его маркизь Мари де-Ранфоръ, высохшіе, какъ муміи, съ породистыми, крупными носами и надменнымъ, ястребинымъ взглядомъ, вставляли по временамъ въ бесѣду на современныя темы воспоминанія изъ далекой старины, когда они были еще пажамъ при Людовикѣ Возлюбленномъ. Были тутъ еще какія-то двѣ молчаливыя и безцвѣтныя дамы, одна молодая, другая старая, скромно одѣтыя и болѣзненнаго вида, любовно восторженнымъ взглядомъ слѣдившія за каждымъ движеніемъ хозяйки; но не для этого общества спѣшили сюда съ такимъ трепетнымъ нетерпѣніемъ и волненіемъ принцъ Леонардъ.

Когда онъ вошелъ, княгиня оглянулась на крайнее окно, со спущенной передъ нимъ драпировкой, и по губамъ ея проскользнула усмѣшка, когда она замѣтила, что драпировка эта заколыхалась. Отвѣчая на поклонъ принца, она едва замѣтнымъ кивкомъ указала ему на эту трепетавшую, какъ живая, ткань. Лицо его мгновенно прояснилось, и онъ съ удвоенною любезностью сталъ отвѣчать на привѣтствія.

— Какъ просто и какъ мило, не правда ли?—сказала хозяйка пріѣзжей дамѣ.

— Прелестъ, совсѣмъ не похожъ на вѣмца. Напоминаетъ нашихъ принцевъ, ты не находишь, Гекторъ?

Старшій сынъ, къ которому она обращалась, высокій, жидкій юноша, лѣтъ восемнадцати, почтительно къ ней нагнулся.

— Да, матушка, это настоящій принцъ.

— Настоящій принцъ, — повторила мать, не спуская улыбающагося взгляда съ Леонарда.

У нея были виды на супруга принцессы Терезы. Если онъ приметъ участіе въ ея сыновьяхъ, ихъ не сунуть въ какойнибудь завалящій полкъ союзной арміи, а помѣстятъ туда, гдѣ они будутъ на виду, чтобъ драться съ честью за короля и поправныя права французскаго дворянства. Не даромъ воспитала она ихъ въ традиціяхъ старины; ни за что не измѣнятъ они долгу чести, а храбрость въ ихъ фамиліи наслѣдственное достояніе, но все же несравненно лучше проливать кровь и рисковать жизнью въ порядочномъ обществѣ, чѣмъ гдѣнибудь во тьмѣ, за кулисами, со всякимъ сбродомъ.

— Я васъ съ нимъ познакомлю поближе, — предложила хозяйка.

Какъ опытная женщина, она угадывала замыслы своей гостьи.

— Пожалуйста, вы меня этимъ очень обяжете, — отвѣчала съ достоинствомъ эта послѣдняя.

Княгиня подошла къ принцу, терпѣливо выслушивавшему разсужденія одного изъ длинноносыхъ старцевъ и, выждавъ, чтобъ старецъ кончилъ объяснять, какъ, по его мнѣнію, долженъ былъ бы поступить король, чтобъ усмирить разбунтовавшуюся чернь, она замѣтила, что мадамъ де-Сиври лучше, чѣмъ кто либо, можетъ судить о томъ, что происходитъ въ настоящее время въ ихъ несчастномъ отечествѣ.

— Она съ сыновьями всего только съ недѣлю какъ выѣхала изъ Парижа, и тамъ они были свидѣтелями такихъ ужасныхъ сценъ, что волосы дыбомъ становятся отъ ея разсказовъ!

Разумѣется, Леонардъ съ радостью покинулъ старика и поспѣшилъ къ мадамъ де-Сиври.

Но какъ ни старался онъ заинтересоваться разговоромъ съ нею, какъ ни насилуеалъ себя выражать сочувствіе къ ея печали и раздѣлять ея негодованіе, душой онъ былъ далеко. Безпрестанно озирался онъ по сторонамъ, точно поджидая кого-то; разсѣянность его съ минуты на минуту усиливалась, и съ тоской во взглядѣ слѣдилъ онъ за хозяйкой, когда она подошла къ окну въ отдаленномъ углу и скрылась за спущенной передъ нимъ драпировкой.

Наконецъ онъ не вытерпѣлъ.

— Скажите, пожалуйста, — обратился онъ къ аббату, который присоединился къ группѣ у камина, — графа Казимира ждуть сюда сегодня?

— Какъ же, ваша свѣтлость, графъ непременно будетъ. Супруга его здѣсь и, какъ всегда, онъ за нею придетъ со слугами и носилками, чтобъ отнести ее домой. Его, вѣроятно, задержалъ курьеръ, котораго онъ сегодня ждалъ изъ Петербурга, съ депешами.

Въ эту минуту появился въ дверяхъ лакей и объявилъ, что кушанье на столѣ, а изъ-за густыхъ, бархатныхъ складокъ у окна вышла хозяйка съ молодой особой, такой поразительной красоты, что на всѣхъ лицахъ выразилось восхищеніе.

Высокая и стройная, съ миниатюрной головкой и дѣтскимъ личикомъ, озареннымъ огромными глазами, вѣжными и глубокими, она производила впечатлѣніе неземного созданія, такой обаятельной чистотой вѣяло отъ всей ея фигуры въ бѣломъ платьѣ безъ всякихъ украшеній и въ высокой прическѣ, отъ которой ея шея, грудь и руки казались еще тоньше, дѣвственнѣе и изящнѣе.

— Графиня Палапецкая, — сказала княгиня, представляя нашу знакомку Клавдію мадамъ де-Сиври.

— Графа Казимира я хорошо знаю, онъ часто бывалъ у моей кузины, герцогини Шуазель, но я не подозрѣвала, что у него такая прелестная дочь, — объявила съ изумленіемъ пріѣзжая, отвѣчая на почтительный реверансъ юной красавицы.

— Графиня не дочь, а супруга графа Казимира, — поспѣшила пояснить съ улыбкой княгиня.

Впрочемъ, не ей одной, а и остальнымъ гостямъ показалось забавнымъ изумленіе мадамъ де-Сиври.

Всѣмъ, безъ сомнѣнія, вспомнилась первая встрѣча, мѣсяца два тому назадъ и въ этой же гостиной, съ высокимъ кривоносимъ графомъ и прелестнымъ ребенкомъ, котораго онъ представилъ, какъ свою супругу, и воспоминаніе это вызвало улыбку на всѣ уста.

Не улыбалась одна только виновница недоразумѣнія. Остановившись среди комнаты, она съ опущенными глазами, краснѣла отъ смущенія подъ страстнымъ взглядомъ принца Леонарда.

Не до смѣха было и этому послѣднему. Никогда еще не казалась ему графиня Паланецкая такъ прелестна, какъ въ эту ночь, и никогда не желалъ онъ такъ страстно остаться съ нею наединѣ, чтобы ей это высказать.

Желаніе его исполнилось. По знаку хозяйки, кавалеры предложили руку дамамъ; пары, одна за другой, стали уходить черезъ длинную анфіладу комнатъ въ столовую, и молодые люди остались вдвоемъ передъ догорающимъ въ каминѣ дубомъ.

У Леонарда вырвался изъ груди долго сдержанный вздохъ облегченія.

— Наконецъ-то! — вымолвилъ онъ, поднося къ губамъ маленькую, выхоленную ручку, которую она, не поднимая глазъ, съ улыбкой ему протягивала. — Claudine! Божество мое! Какъ я васъ люблю! — повторялъ онъ въ страстномъ изступленіи, осыпая поцѣлуями нѣжные, розовые пальчики. — Поднимите ваши чудные глазки, дайте мнѣ заглянуть въ нихъ, пока мы одни!

Она медленно и все съ той же наивно-дѣтской улыбкой на розовыхъ губкахъ подняла длинныя, темныя, загибавшіяся рѣсницы и остановила на немъ сіяющей чистою радостью взглядъ.

— Любите ли вы меня хоть немножко, Claudine? — спросилъ онъ, задыхаясь отъ волненія.

— Для чего же я здѣсь, ваша свѣтлость? — возразила она.

— Опять «ваша свѣтлость»! — вздохнулъ принцъ. — Нѣтъ, вы меня не любите!

У двери раздался сдержанный кашель. Клавдія быстрымъ движеніемъ спугнутой птички отбѣжала къ двери въ сосѣднюю залу, гдѣ замѣшкалась княгиня, чтобы вмѣстѣ съ влюбленными пройти въ столовую, ей одной извѣстнымъ ходомъ, корридоромъ, на столько сокращавшимъ путь, что они вошли почти одновременно съ остальнымъ обществомъ.

Впрочемъ, гости княгини были слишкомъ благовоспитаны и слишкомъ дорожили ея расположеніемъ, чтобы обращать вниманіе на ея двусмысленное отношеніе къ влюбленной парочкѣ.

Освѣдомившись изъ приличія про графа Казимира и услышавъ въ отвѣтъ, что, занятый важными дѣлами, онъ просилъ не ждать его къ ужину, аббатъ возобновилъ начатый у камина разговоръ о томъ,

чего вѣрнымъ слугамъ короля можно ожидать отъ иностранныхъ державъ, и въ спорахъ объ этомъ животрепещущемъ вопросѣ про принца Леонарда съ графиней Паланецкой всѣ забыли. Поглядывали на нихъ, сверкавшими любопытствомъ глазами, одни только сыновья мадамъ де-Сиври, да и то украдкой и съ такимъ наивнымъ сочувствіемъ, что смущаться этимъ влюбленные не могли.

Къ концу ужина, мажордомъ княгини доложилъ своей госпожѣ, что за графиней пришли люди съ носилками и факелами, а графъ просить его извинить, онъ быть не можетъ, его задержалъ курьеръ, присланный изъ Петербурга, котораго онъ долженъ сегодня же ночью назадъ отправить.

Извѣстіе это всѣхъ заинтересовало. Важныя, должно быть, сообщенія получилъ графъ Казимиръ изъ Россіи, если такъ спѣшить на нихъ отвѣтить.

— Завтра мы все это узнаемъ,—объявила княгиня.—У графа Казимира нѣтъ секретовъ отъ друзей, а преданность его королю и королевѣ извѣстны. Императрица и ея высокіе друзья, императоръ австрійскій и король прусскій, не удостоивали бы его своимъ довѣріемъ, еслибъ было иначе,—прибавила она, торжественно возвышая голосъ.

Гости разошлись; мужчины пѣшкомъ, а дамы въ миниатюрныхъ колясочкахъ безъ колесъ, которыя несли на плечахъ люди.

Такое же *chaise à porteurs*, но много изящнѣе и богаче, расписанное извѣстнымъ французскимъ художникомъ, съ настоящими венеціанскими стеклами въ дверцахъ и обитое внутри стеганымъ бѣлымъ атласомъ, ожидало у подъѣзда и Клавдію.

Кромѣ двухъ рослыхъ лакеевъ, въ ливреѣ Паланецкихъ, ожидавшихъ, чтобъ госпожа ихъ сѣла въ кресло, прежде чѣмъ поднятъ на плечи придѣланныя къ нему золоченыя палки и пуститься мѣрнымъ, твердымъ шагомъ въ путь, ждали ея появленія еще двое слугъ съ зажженными, смоляными факелами, а также пажъ Товій въ своемъ красивомъ нарядѣ и Октавіусъ въ длинной, темной хламидѣ, оба вооруженные кинжалами и пистолетами.

Но принцъ Леонардъ не уступилъ имъ чести посадить молодую графиню въ экипажъ. Онъ же и свелъ ее по крутымъ, каменнымъ ступенямъ высокаго крыльца и, закутывая ея ножки въ мягкую, турецкую шаль, присланную заботливымъ супругомъ, чтобъ предохранить ихъ отъ ночной свѣжести, такимъ умоляющимъ голосомъ прошепталъ: «позвольте мнѣ проводить васъ до городскихъ воротъ», точно дѣло шло о счастіи всей его жизни.

Однако, какъ ни увлеченъ былъ принцъ Леонардъ своей новой страстью къ графинѣ Паланецкой, онъ не забылъ передать княгинѣ о желаніи его супруги съ нею познакомиться, и княгиня отнеслась къ этому заявленію съ большимъ добродушіемъ.

— Отъ души благодарю ея свѣтлость за вниманіе и очень бы желала оправдать, хотя бы отчасти, ея лестное мнѣніе относительно моихъ медицинскихъ познаній,—сказала она съ улыбкой.

Но тотчасъ же лицо ея приняло суровое выраженіе, и она прибавила, устремляя на него испытующій взглядъ своихъ черныхъ, огненныхъ глазъ:

— А знаетъ ли принцесса, чѣмъ врачуемъ мы человѣческія немощи? Боюсь, чтобы она не разочаровалась, узнавъ, что мы умѣемъ только молиться Тому, для Котораго все возможно.

Голосъ ея звучалъ такъ торжественно, произнося эти послѣднія слова, а взглядъ сдѣлался такой вдохновенный, что принцу Леонарду стало немного жутко, и онъ обрадовался, когда кто-то прервалъ завязавшуюся между ними бесѣду. Невольно навертывались ему на память толки, ходившіе въ городѣ про эту странную женщину. Рассказывали, между прочимъ, что она ведетъ двойственную жизнь, и что, кромѣ общества эмигрантовъ и всякаго рода туристовъ, большею частью, иностраннаго происхожденія, поселявшихся здѣсь за послѣднее время особенно охотно, и среди которыхъ княгиня вращалась на виду у всѣхъ, принимая гостей, отдавая визиты и, какъ свѣтская женщина, интересуясь политическими и любовными сплетнями, у нея какія-то секретныя дѣла, что она ведетъ темныя и запутанныя интриги, водится съ неизвѣстными личностями, проникающими въ замокъ Ротапфель не иначе, какъ ночью, когда никто изъ городскихъ обывателей не можетъ ихъ встрѣтить.

Старый Фрицъ, сторожъ у городскихъ воротъ, клялся всѣми святыми, что онъ нѣсколько разъ видѣлъ этихъ таинственныхъ посѣтителей русской княгини. Закутанные съ ногъ до головы въ темныя плащи и съ нахлобученными на лицо широкополыми шляпами, они послѣ полуночи направлялись къ замку, выходили оттуда только на разсвѣтѣ и крались вдоль каменной ограды, окружавшей садъ, до стараго, изувѣченнаго громовымъ ударомъ, дуба, а тутъ одинъ за другимъ исчезали безслѣдно, точно сквозь землю проваливались.

Рассказывали также, что ночью въ башнѣ, гдѣ у княгини была устроена молельня, яркій свѣтъ пронизывался иногда сквозь плохо запертыя внутреннія ставни, и что тогда можно было видѣть жестикулирующія тѣни, поднимающія руки къ небу, точно для заклинанія. Первое же время по пріѣздѣ сюда княгини многіе слышали пѣніе по ночамъ изъ башни, но это длилось не долго; узнавъ, что сосѣди интересуются ея ночными концертами, княгиня ихъ прекратила и пѣла только днемъ, акомпанируя себѣ на арфѣ, большею частью гимны и переложенныя на ноты молитвы. Голосъ у нея былъ сильный, хорошо обработанъ и довольно еще свѣжій для ея лѣтъ.

У входа въ городъ, въ то время какъ сторожъ, дѣлая исключеніе изъ общаго правила, отпиралъ ворота передъ знатной иностранкой и ея свитой, графиня Паланецкая такъ нѣжно взглянула на принца, всю дорогу не отходившаго отъ дверцы съ опущеннымъ стекломъ, любясь прелестнымъ личикомъ, выглядывавшимъ изъ нея, что у него не хватило силъ такъ скоро съ нею разстаться.

— Позвольте мнѣ проводить васъ до дому, графиня,—прошепталъ онъ, цѣлуя ручку, которую она, все съ той же очаровательной улыбкой, протянула ему изъ окна.

— А вы не устали?—спросила она, лукаво прищуриваясь.

— Я готовъ идти рядомъ съ вами до конца свѣта,—вымолвилъ онъ страстнымъ шепотомъ.

Она опять ему молча улыбнулась вмѣсто отвѣта, но ему и этого было довольно, чтобъ чувствовать себя вполне счастливымъ.

Ворота, скрипя заржавленными петлями, растворились, и маленькое шествіе, спустившись по узкой и длинной улицѣ, между домами съ запертыми ставнями, на площадь съ церковью, фонтаномъ и ратушей, завернуло въ лабиринтъ переулковъ, такихъ узкихъ и запутанныхъ, что человѣку, незнакомому съ городомъ, очень трудно было бы изъ него выбраться, не заблудившись, пока, наконецъ, не остановилось у большого дома, стоявшаго особнякомъ, среди двора, обсаженнаго старыми каштанами и обнесеннаго, точно также какъ и садъ позади, высокой, каменной оградой, утыканной длинными гвоздями остриемъ кверху.

Огромный сторожевой песъ, залаявшій было на весь городъ, при приближеніи графини со свитой, теперь только рычалъ, учуявъ своихъ, а по двору, гремя ключами, торопливо шелъ къ калиткѣ, на встрѣчу вернувшейся изъ гостей госпожѣ, привратникъ.

Принцъ Леонардъ, который встрѣчался съ Клавдіей только у княгини, въ первый разъ видѣлъ ея жилище или, лучше сказать, утадывалъ его за деревьями, заслонявшими фасадъ дома. Тутъ тоже царилъ полнѣйшая тишина. Ни малѣйшаго свѣта изъ дому не проникало сквозь вѣтви, а на широкомъ дворѣ, когда Леонардъ въ него заглянулъ, кромѣ привратника, не видно было ни души.

«Графъ, вѣрно, въ апартаментахъ, что выходятъ въ садъ, и, безъ сомнѣнія, сейчасъ выйдетъ на крыльцо встрѣчать супругу»,—подумалъ онъ.

При этой мысли онъ невольнымъ движеніемъ подался назадъ.

Не прельщала его мысль съ нимъ здороваться, выслушивать его высокопарные комплименты и слащавыя до приторности выраженія благодарности за вниманіе къ супругѣ.

Со множествомъ мужей имѣлъ принцъ Леонардъ болѣе или менѣе непріятныя столкновенія, съ тѣхъ поръ, какъ ухаживание за женщинами сдѣлалось единственной цѣлью его жизни, но этотъ полякъ, такъ хорошо умѣвшій скрывать свои чувства и мысли, никогда не

проявлявшій ни ревности къ женѣ, ни нѣжности, былъ ему особенно противенъ и казался много опаснѣе самаго свирѣпаго тирана и ревнивца. Въ свободѣ, которую онъ ей предоставлялъ, чувствовалось не довѣріе, а мрачный умыселъ какой-то, точно онъ и ей и тому, кому она нравится (а кому же могла она не нравиться!), подставлялъ западню.

Да и вообще все было въ немъ загадочно, въ этомъ человѣкѣ: его замыслы, общественное положеніе, состояніе.

Ужъ одно то, что онъ такъ заботится о томъ, чтобы прослѣть богачемъ и знатнымъ вельможей, такъ выставляетъ на видъ свою близость къ русской императрицѣ и довѣріе, которымъ она его удостоиваетъ, ужъ одно это наводило принца на сомнѣнія.

Принцъ Леонардъ родился и выросъ между высокопоставленными личностями, самъ принадлежалъ къ ихъ числу, и чѣмъ ближе всматривался въ этого польскаго графа, тѣмъ болѣе убѣждался, что имѣетъ дѣло съ авантюристомъ, очень умнымъ, ловкимъ и опытнымъ, но тѣмъ не менѣе— авантюристомъ.

Еще въ Парижѣ, гдѣ онъ познакомился съ графомъ въ игорномъ домѣ, содержимомъ извѣстной лореткой, а вслѣдъ затѣмъ, представленный на гуляньѣ графинѣ, безъ ума въ нее съ перваго взгляда влюбился,—еще въ Парижѣ, тревожимый сомнѣніями насчетъ этой загадочной парочки, онъ освѣдомлялся про нихъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Но тамъ ничего достовѣрнаго ему не сумѣли сказать.

Бумаги, удостовѣряющія личность графа, были въ порядкѣ. Въ одномъ изъ солиднѣйшихъ банкирскихъ домовъ находилась въ его распоряженіи крупная сумма, до которой онъ и не прикасался, выигрывая каждую ночь въ карты достаточно на самую широкую жизнь. У него были рекомендательныя письма къ знатнѣйшимъ представителямъ самой блестящей аристократіи, и ему былъ открытъ доступъ ко двору. Разказывали, какъ достовѣрный фактъ, что передъ злополучнымъ бѣгствомъ въ Вареннъ несчастная королева два раза назначала ему аудіенцію, длившуюся очень долго, долѣе часа, и что каждый разъ послѣ этихъ свиданій онъ отправлялъ за границу своего секретаря. Вотъ что было извѣстно про графа Паланецкаго парижской полиціи, не безъ основанія кичившейся передъ цѣлымъ свѣтомъ своею прозорливостью и у которой всѣ иностранцы находились тогда въ подозрѣніи, какъ шпіоны иностранныхъ державъ и какъ враги новыхъ порядковъ, вводимыхъ волею народа во Франціи.

За принцемъ Леонардомъ, проживающимъ въ Парижѣ инкогнито и съ единственною цѣлью веселиться, графъ Паланецкій началъ ухаживать съ первой минуты ихъ знакомства и оказался преполезнымъ, препріятнымъ собесѣдникомъ, а также удивительно покладистымъ мужемъ. Болѣе чѣмъ равнодушно, скорѣе съ удовольствіемъ

взиралъ онъ на мелкіе знаки вниманія, въ видѣ конфетъ, цвѣтовъ и ложъ въ театры, которые принцъ Леонардъ оказывалъ его супругѣ ежедневно.

Мысль поселиться на нѣсколько мѣсяцевъ въ столицѣ крошечнаго государства, на которое принцъ Леонардъ взиралъ уже, какъ на свою собственность (старый герцогъ былъ такъ дряхлъ), мысль эта пришла въ голову раньше всѣхъ графу. И можно себѣ представить, съ какой энергіей принцъ сталъ въ немъ поддерживать такое благое намѣреніе! Какъ краснорѣчиво описывалъ онъ своимъ новымъ друзьямъ живописное мѣстоположеніе, чудный климатъ и удобства жизни въ городкѣ, отстоявшемъ всего только на двадцать минутъ ходьбы отъ замка, который онъ волей-неволей долженъ былъ считать своимъ домомъ. Съ какимъ восторгомъ вернулся онъ въ это ненавистное гнѣздо, когда пріѣздъ семьи Паланецкихъ въ бургъ былъ рѣшенъ окончательно, и Октавіусъ посланъ приготовить тамъ для своихъ господъ приличное помѣщеніе, домъ особнякъ, непремѣнно съ садомъ и со всѣми принадлежностями барскаго жилища.

Все устроивалось какъ нельзя лучше для счастья принца. Какъ будто добрый геній какой-то взялся покровительствовать его любви къ прекрасной иностранкѣ. Въ двухъ шагахъ отъ городскихъ воротъ, въ замкѣ Ротапфель, поселилась другая его парижская знакомка, русская княгиня, у которой онъ часто встрѣчался съ графомъ и графиней Паланецкими.

Княгиня принимала большое участіе въ Клавдіи, во-первыхъ, какъ въ соотечественницѣ, а, во-вторыхъ, какъ въ женѣ челоуѣка, съ которымъ у нея были дѣла. Впрочемъ, дружба съ мужемъ не мѣшала ей сочувствовать поклоннику жены, и принцъ Леонардъ имѣлъ основаніе предполагать, что мѣшать его роману она не станетъ. Разъ даже она ему намекнула на то, что, уважая графа за его умъ и опытность, она удивляется, какъ могъ онъ связать свою судьбу съ такимъ ребенкомъ, какъ его жена.

— Вѣдь она совсѣмъ дѣвочка, нельзя безъ ужаса вспомнить, что придетъ минута, когда сердце ея заговоритъ, и если при ея наивности и чистотѣ, судьба сведетъ ее съ негодемъ, она погибла, — говорила княгиня, поясняя свою рѣчь краснорѣчивымъ взглядомъ. «Хорошо, если выборъ ея падетъ на тебя», говорилъ этотъ взглядъ.

Однако, прошло уже мѣсяца полтора съ тѣхъ поръ, какъ Паланецкіе жили въ его сосѣдствѣ, а романъ принца съ Клавдіей, не взирая на благопріятную обстановку, впередъ не подвигался. Она была къ нему все также благосклонна, какъ и въ Парижѣ, отвѣчала нѣжными взглядами и улыбками на его страстныя признанія, не избѣгала свиданій съ нимъ и какъ будто даже тосковала, когда что нибудь мѣшало этимъ свиданіямъ, но къ себѣ въ

домъ ни она, ни мужъ ея его не приглашали, и встрѣчались они только у княгини, гдѣ почти всегда были гости. Ни разу еще не удалось ему остаться съ нею наединѣ долѣе, чѣмъ на минуту; ни разу не могъ онъ отважиться поцѣловать очаровательныя губки, съ которыхъ, кромѣ робкихъ, уклончивыхъ фразъ на его страстные признанія, ничего не слетало.

Но въ ту ночь онъ чего-то ждалъ, какого-то поворота къ развязкѣ, и поворота благоприятнаго. По неуловимымъ для незаинтересованнаго зрителя признакамъ, убѣждался онъ все больше и больше, что и ей тоже тяжело откладывать долѣе счастье, что ей хочется остаться съ нимъ наединѣ, хочется что-то такое ему сказать... что она его любитъ, безъ сомнѣнія, и готова быть его. Не дозволила бы она съ такою готовностью провожать ее черезъ весь городъ, еслибъ было иначе. А какъ она была задумчива всю дорогу! Какъ застѣнчиво опускала глаза и краснѣла подъ его страстнымъ взглядомъ!

Но что же такое можетъ произойти? Самое бѣльшее, если, выйдя изъ носилокъ у воротъ, она дойдетъ до крыльца, опираясь на его руку и дозволить ему прижать эту ручку къ себѣ,—ничего больше. На его несчастье, небо, покрытое тучами, когда они вышли изъ замка Ротацфель, прояснилось; луна такъ свѣтила, что было почти также свѣтло, какъ днемъ, и ихъ будутъ сопровождать Октавіусъ съ Товіемъ, а на крыльцѣ ихъ, безъ сомнѣнія, встрѣтитъ графъ.

Когда же, наконецъ, настанетъ желанная минута?

И страхъ, что, можетъ быть, придется еще долго ждать, заставлялъ его блѣднѣть отъ досады.

И ея тоже, какъ будто, заботили тѣ же мысли, мучило то же нетерпѣніе. Взглядъ ея съ минуты на минуту дѣлался разсѣяннѣе, улыбка натянута. Разговоръ не клеился; насиловать себя, произносить слова, не имѣвшія ни малѣйшей связи съ чувствами, волнующими душу, становилось обоемъ имъ не въ моготу.

Когда носилки внесли въ ворота, она приказала носильщикамъ остановиться и, подозвавъ Октавіуса, спросила у него что-то такое попольски.

Онъ отвѣтилъ ей на томъ же языкѣ, непонятномъ для принца Леонарда.

«Идти ли съ нею дальше, или разстаться тутъ?»—спрашивалъ онъ себя съ тоской, поглядывая на крыльцо, въ ожиданіи появленія графа.

Но дверь изъ дома не растворялась, и графъ не являлся. А она, между тѣмъ, послѣ минутнаго колебанія, показавшагося ему цѣлою вѣчностью, дрогнувшимъ голосомъ, точно рѣшаясь на такой поступокъ, который долженъ былъ имѣть роковое вліяніе на всю ея судьбу, обратилась къ нему съ просьбой помочь ей выйти изъ носилокъ.

— Будьте такъ добры, ваша свѣтлость, доведите меня хоть до крыльца, — вымолвила она чуть слышно въ то время, какъ онъ съ лихорадочной поспѣшностью растворялъ дверь.

И прибавила со смущенной улыбкой, запинаясь на каждомъ словѣ, краснѣя и упорно увертываясь отъ его взгляда:

— Не смѣю просить васъ къ намъ зайти... Графа вы не увидите, онъ до утра будетъ заниматься въ своемъ кабинетѣ... вамъ, можетъ быть, покажется со мною скучно?... да и поздно... васъ ждутъ въ замкѣ...

— Мнѣ съ вами скучать, графиня?! Вы изволите надо мной издѣваться! Точно вы не знаете, что мнѣ нѣтъ больше счастья, какъ быть возлѣ васъ,—прервалъ онъ ее внѣ себя отъ радости.

— Такъ пойдите... Мы посидимъ съ вами на террасѣ... вы нашего сада еще не знаете... я вамъ его покажу, тамъ есть мѣстечки, которыя особенно прелестны при лунномъ свѣтѣ...

Отъ возроставашаго смущенія слова съ трудомъ выговаривались, румянецъ все гуще и гуще разливался по ея лицу, тонкая ручка, опиравшаяся на его руку, трепетала отъ сдержаннаго волненія, а въ глазахъ ея, когда она украдкой поднимала ихъ на своего спутника, была мольба и страхъ.

Уступая страсти, она какъ будто просила пощадить ее.

О, какъ прелестна казалась она Леонарду въ эту рѣшительную минуту! Всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ онъ, что она его любить, но любить не какъ женщина, а какъ невинное дитя, никогда еще не испытывшее восторговъ любви и недоумѣвающее передъ наплывомъ невѣдомаго до сихъ поръ чувства, такого могучаго, что ей жутко ему предаться.

Отъ избытка счастья онъ не въ силахъ былъ произнести ни слова и могъ только молча прижимать къ себѣ дрожащую, похолодѣвшую ручку.

Свита ихъ куда-то скрылась. Поднявшись по крутымъ ступенямъ на высокое крыльцо, и прежде, чѣмъ войти въ массивную дубовую дверь, невидимой рукой растворившуюся передъ ними, принцъ Леонардъ оглянулся назадъ: на залитомъ луннымъ свѣтомъ дворѣ не видно было ни души.

XXIII.

Въ то самое время, когда принцъ Леонардъ, съ бьющимся отъ радостнаго волненія сердцемъ, въ первый разъ проникалъ въ домъ своей возлюбленной, странная женщина, выдававшая себя за русскую княгиню, проводивъ гостей, готовилась подняться по витой лѣстницѣ въ башню, гдѣ она проводила большую часть ночи, по всеобщему убѣжденію за молитвой и въ благочестивыхъ бесѣдахъ

съ загадочными личностями, навѣщавшими ее втайнѣ, среди ночной тиши.

Княгиня дѣлала столько добра, что вся окрестная голытьба (а во владѣніяхъ дѣда принцессы Терезы ея было множество), питая къ ней вѣчто въ родѣ суевѣрнаго обожанія, остерегалась про нее судить и рядить. Да и не все ли равно, какими дѣлами занимается она съ своими таинственными друзьями и молится ли она съ ними согласно постановленіямъ церкви, или какъ нибудь по-своему, не все ли это равно тѣмъ несчастнымъ, которымъ она благодѣтельствуетъ деньгами, совѣтами, лѣкарствами и заступничествомъ передъ властями, которыхъ она спасаетъ отъ тюрьмы, палокъ и конечнаго разоренія, внося за нихъ подати? Дай ей Богъ за все это здоровья, да внуши ей Господь желаніе пожить у нихъ подольше!

— Онъ въ башнѣ?—спросила княгиня у своей компаньонки, пожилой, молчаливой дѣвы, которую она при свидѣтеляхъ величала фрейлейнъ Коссовичъ, а наединѣ называла, попросту, Викторкой.

— Давно ужъ, ясновельможная. Спросили вина, я имъ отнесла бутылку бургонскаго и сыру съ хлѣбомъ.

— Хорошо сдѣлала. Иди спать, я сама его провожу.

— Надо прежде сдѣлать обходъ, посмотрѣть, все ли на своихъ мѣстахъ.

— Посмотри.

Разговоръ происходилъ попольски. Викторка на другомъ языкѣ выражаться не умѣла, хотя и понимала понѣмецки, пофранцузски и поитальянски, въ чемъ можно было убѣдиться ужъ по тому, съ какимъ вниманіемъ прислушивалась она къ разговорамъ окружающихъ ее людей, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ странахъ, всюду, куда закидывала ее судьба съ госпожей ея, страстной охотницей до путешествій.

Княгиня отправилась въ башню одна.

Тамъ, въ довольно обширной комнатѣ съ запертыми ставнями, съ голыми стѣнами и почти пустой (все убранство ея состояло изъ невысокой каеэдры посреди, да деревянной лавки, грубой работы, у одной изъ стѣнъ) прохаживался большими, неперпѣливыми шагами, изъ угла въ уголъ, графъ Паланецкій.

— Ну, что? Они теперь вдвоемъ?—спросила княгиня, протягивая ему руку, которую онъ разсѣянно поднесъ къ губамъ.

— Да ужъ не знаю право, что тебѣ и сказать!—съ досадой вымолвилъ онъ.—Октавіусу приказано тотчасъ же сюда прибѣжать, если нашъ птенчикъ не попадетъ въ западню. До сихъ поръ его нѣтъ, попался значить, но что изъ этого произойдетъ дальше, боюсь и загадывать. Съ такой юродивой, какъ наша Клавдія, всего можно ждать. Помнишь исторію съ королемъ?

— Ну, какая же разница! Тотъ былъ старъ и противенъ, а въ этого она сама влюблена,—возразила княгиня.

Но графъ продолжалъ брюзжать.

— Влюблена, влюблена... А знаешь ли ты, что я поэтому-то и не рассчитываю на успѣхъ, что она въ него влюблена?

— Не понимаю!

— Я тебѣ этого объяснить не могу. Надо знать эту дѣвчонку, какъ я ее знаю, чтобъ это понять. Будь она просто дура, какъ всѣ ей подобныя русскія дворянки, которыя только тѣмъ и отличаются отъ своихъ крѣпостныхъ дѣвокъ, что ихъ нельзя сѣчь, какъ этихъ послѣднихъ, ну, тогда давнымъ давно была бы она у меня пристроена. Можно было бы и на самолюбіе ея подѣйствовать, и угрозами запугать, или просто...

Онъ запнулся. Впрочемъ и безъ словъ мысль его поняли.

— Ты это про Еленку вспомнилъ?—подсказала его собесѣдница съ усмѣшкой.

— Да, именно про нее. Но Клавдія не изъ таковскихъ; не смирится она передъ свершившимся фактомъ, какъ ты ей ни объясняй всю безвыходность положенія. Право, мнѣ иногда кажется, что примѣръ отца повліялъ на нее гораздо сильнѣе, чѣмъ она сама сознаетъ. Никогда не забуду, какъ она на меня посмотрѣла, когда этотъ изступленный сталъ кричать, призывая Бога въ свидѣтели того, что онъ называлъ смертнымъ грѣхомъ и насиліемъ надъ душой его ребенка! Сколько ненависти и отчаянія было въ этомъ взглядѣ! Надо одному только удивляться, почему я тутъ же не отступился, не бросилъ начатую затѣю. А какой предлогъ-то отличный представлялся! Нѣтъ, ты представить себѣ себѣ не можешь, какъ я на себя досаую за то, что увезъ ее, навязалъ себѣ на шею такую обузу.

— Да, она очень упряма,—согласилась княгиня.

— Скажи лучше: тупа, вотъ что!—запальчиво вскричалъ графъ.— Никакъ не можетъ понять, что ей ужъ теперь нѣтъ возврата къ прежней жизни. Кто же повѣритъ, послѣ того, что произошло, что она до сихъ поръ дѣвушка и также невинна тѣломъ и чиста душой, какъ тогда, когда я ее вывезъ изъ дому? А между тѣмъ это такъ. Старикъ въ Дрезденѣ это было извѣстно; онъ самъ мнѣ сознавался, что ему никогда еще не доводилось встрѣчать такого феномена, и будь онъ только лѣтъ на двадцать моложе, онъ не задумался бы развестись со всѣми своими женами, законной и незаконными, чтобъ на ней жениться, такъ она ему понравилась. Къ сожалѣнію, заставить его помолодѣть было не въ моей власти,—прибавилъ онъ со вздохомъ.

И помолчавъ немного, онъ продолжалъ жалобнымъ тономъ:

— Кто вернетъ мнѣ то, что я потратилъ на всю эту аферу? Одно сватовство стало мнѣ въ тридцать тысячъ злотыхъ, а пребываніе ея въ монастырѣ послѣ неудачи съ королемъ! Вѣдь я ее тамъ, какъ принцессу, содержалъ, всѣ были убѣждены, что она по мень-

шей мѣрѣ побочная дочь императора отъ какой нибудь важной герцогини.

— Вотъ ужъ это было, по-моему, совершенно лишнее,—замѣтила княгиня.

— А гдѣ же мнѣ было ее держать, какъ не въ монастырѣ, послѣ того, какъ весь городъ былъ свидѣтелемъ, какъ король передъ нею таялъ?

— И какъ это ей удалось избѣгнуть общей участи съ прочими, удивительно!—замѣтила княгиня.

— Не говори! Вспомнить равнодушно не могу про эту неудачу! Вѣдь намъ удалось такъ ее усыпить, что она и не почувствовала, какъ ее внесли къ нему въ спальню. Что тамъ между ними произошло, неизвѣстно, я ее не спрашивалъ. Но, должно быть, камерлакеи или другой кто изъ придворной сволочи проболтался про эту исторію, о ней всюду заговорили, и мнѣ послѣ этого никуда невозможно было съ нею показаться.

— А ты бы запретилъ ей снимать маску.

— Да она и сама безъ маски никому не показывалась, но это не помогало. Когда мы приѣхали въ Вѣну, пришлось обратиться за помощью полиціи, такъ много собиралось народу передъ гостиницей, чтобъ взглянуть на нее. Какъ же было не найти ей такое убѣжище, гдѣ она была бы ограждена отъ любопытныхъ? Нѣтъ, нѣтъ, я не жалѣю, что помѣстилъ ее въ монастырь! Во-первыхъ, это было единственное средство заставить повѣрить слуху о ея смерти, а, во-вторыхъ, она вышла оттуда, послѣ двухлѣтняго пребыванія, настоящей принцессой по манерамъ и образованію. А голосъ-то ей тамъ какъ развили!

— Правда, голосъ у нея хорошъ. Продолжаетъ она заниматься пѣніемъ?

— Еще бы! Посмотрѣлъ бы я, какъ бы она не занималась! Вѣдь ужъ это мой послѣдній ресурсъ. Если только затѣянная тобою комбинація при здѣшнемъ дворѣ не удастся, я везу ее въ Италію и заставляю дебютировать. Тутъ ужъ успѣхъ несомнѣнный. На всякій случай я вступилъ въ переговоры съ двумя импресарио въ Миланѣ и Флоренціи.

— Напрасно торопишься, наша комбинація съ принцемъ Леонардомъ не можетъ не удастся, только не надо терять энергіи и не упускать удобнаго случая. Обстоятельства складываются какъ нельзя лучше. Я не успѣла еще тебѣ сказать: расчетъ мой на Клару оправдался, принцесса Тереза жаждетъ со мною познакомиться. Не дальше, какъ сегодня, я получила черезъ ея супруга приглашеніе въ замокъ.

Графъ просіялъ.

— Вотъ какъ! Когда же ты къ ней отправишься? Совѣтую не медлить, вѣдь можетъ случиться, что принцъ послѣ перваго же свиданія охладѣетъ къ нашей юродивой.

Но княгиня съ этимъ не соглашалась. По ея мнѣнію, принцъ Леонардъ, не взирая на установившуюся за нимъ репутацію развратника и жуира, такой же нравственный уродъ, какъ и Клавдія.

— Они созданы другъ для друга. Я въ этомъ убѣдилась съ перваго взгляда на нее. Что ему въ ней особенно должно было понравиться, это именно то, что раздражало или пугало всѣхъ тѣхъ, съ которыми ты до сихъ поръ пытался ее сблизить. Ея чистота и наивное игнорированіе самыхъ обычныхъ жизненныхъ явленій приводитъ его въ восторгъ. Еще недавно признавался онъ мнѣ, что столько же жаждетъ, сколько страшится сближенія съ нею, такъ боится онъ въ ней разочароваться.

— Ну, этого бояться ему нечего,—процѣдилъ сквозь зубы графъ,—чего другаго, а добродѣтели у нея хоть отбавляй.

Принца Леонарда княгиня знала такъ же хорошо, какъ графъ Паланецкій свою супругу. Они подружились въ Парижѣ лѣтъ пять тому назадъ, когда принцъ только что началъ эмансипироваться и терзался раскаяніемъ послѣ каждой измѣны женѣ, что, впрочемъ, не мѣшало ему продолжать ей измѣнять.

Въ первый разъ они встрѣтились на вечерѣ у одной изъ парижскихъ львиць. На вечерѣ этомъ, между прочими развлечениями, знаменитый хиромантикъ отгадывалъ характеръ и мысли присутствующихъ, а также предсказывалъ имъ ихъ будущее по линіямъ руки.

Наука эта входила въ моду. Ею интересовались пытливые умы почти столько же, сколько нѣсколько лѣтъ тому назадъ опытами съ животнымъ магнетизмомъ, производимыми Месмеромъ, Калиостро и другими.

Замѣтивъ, съ какимъ любопытствомъ принцъ прислушивается къ высокопарной белибердѣ, которою шарлатанъ угощалъ свою доверчивую аудиторію, хозяйка дома отвела его въ сторону и, таинственно понижая голосъ, спросила: извѣстно ли ему, какимъ изумительнымъ даромъ предвидѣнія и прозорливости обладаетъ ея пріятельница, княгиня Здорская?

— Та дама, что разговариваетъ съ молодымъ человѣкомъ безъ парика и пудры, въ костюмѣ квакера. Хотите, я васъ ей представлю?—прибавила она.

Принцъ согласился, и не прошло полчасу, какъ новая его знакомая, уединившись съ нимъ въ полутемную комнату, служившую библіотекой, открыла ему такія удивительныя вещи, что онъ долго не могъ прійти въ себя отъ изумленія.

Не только описала она ему всю его жизнь такъ вѣрно и съ такими подробностями, точно ни на минуту не разставалась съ нимъ со дня его рожденія, но она проникла въ самую глубь его души

и открыла ему то, въ чемъ онъ не осмѣливался самъ себѣ сознаться: возрастающее его отвращеніе къ женѣ, тоску одиночества, которой онъ терзался съ тѣхъ поръ, какъ понялъ, что ошибся въ своемъ выборѣ, страстное, непреодолимое стремленіе наполнить душевную пустоту сердца чувствомъ къ другой женщинѣ, тщетную погоню за призракомъ счастья, всѣ сокровеннѣйшія тайны его души однимъ словомъ были извѣстны этой загадочной иностранкѣ, а между тѣмъ они видѣлись въ первый разъ, и на чужбинѣ, въ такой странѣ, гдѣ, какъ ему казалось, никто про него ничего не знаетъ, кромѣ того, что онъ племянникъ одного изъ царствующихъ въ Германіи королей и женатъ на наслѣдницѣ герцогскаго престола.

Понятно послѣ этого, что онъ ужъ не могъ относиться къ княгинѣ, какъ къ обыкновенной смертной, и сталъ искать ея дружбы, утѣшеній и совѣтовъ. Иначе и быть не могло, особенно если взять въ соображеніе, что, явившись ему въ образѣ ясновидящей и озадачивъ его своею проницательностью, она не преминула обнаружить передъ нимъ и даръ предвидѣнія, предсказывая ему любовь и счастье въ будущемъ.

Тутъ, какъ у истой пивои, рѣчь ея сдѣлалась загадочна и темна, изобиловала иносказаніями и двусмысленностями; ничего не опредѣляла она въ точности, ни времени, ни мѣста, гдѣ произойдетъ его встрѣча съ женщиной, созданной для его счастья, и самую эту женщину она описывала смутно, предоставляя его воображенію дополнить недосказанное, но слова ея дышали такою увѣренностью и вдохновеніемъ свыше, что пылкій юноша не могъ не заразиться ими, не могъ не предаться надеждамъ.

Онъ казались ему сначала безумны и преступны, эти надежды, и онъ молил Бога дать ему силу отогнать ихъ отъ себя, но Господь не внялъ его молитвѣ, и онъ началъ мало-по-малу къ нимъ привыкать и ждать ихъ осуществленія, какъ чего-то неизбежнаго.

И, постепенно развиваясь въ его сердцѣ, мечты эти стали принимать все болѣе и болѣе опредѣленный образъ, такой ясный и реальный, что порой онъ съ изумленіемъ себя спрашивалъ: гдѣ видѣлъ онъ прелестное существо, которымъ полна его душа?

Но по мѣрѣ того, какъ онъ углублялся въ свои воспоминанія, чудный образъ, созданный фантазіей, блѣднѣлъ и ступшеывался, въ душѣ воцарялась пустота, сердце сжималось тоскою и, какъ ребенокъ, у котораго отняли любимую игрушку, плакалъ онъ по утраченному призраку, взывая въ отчаяніи ко всѣмъ силамъ неба и преисподней, чтобъ онъ снова явился и не покидалъ его больше.

Прошло пять лѣтъ, и вдругъ во время его послѣдней поѣздки въ Парижъ она осуществилась эта мечта, облеклась въ плоть и кровь. Она ему улыбается, онъ слышитъ наяву ея голосъ, она не исчезаетъ при его попыткахъ къ ней приблизиться, обмѣняться съ

нею взглядомъ, прикоснуться губами къ ея рукѣ. Она выслушиваетъ его признанія, сначала робкія, потомъ все страстнѣе и страстнѣе, смущаясь, правда, опуская глаза и краснѣя, но безъ гнѣва. А главное, она его не избѣгаетъ, вотъ что главное. И ей даже какъ будто грустно съ нимъ разстаться.

Долго не могъ онъ привыкнуть къ такому великому счастью, долго ни къ чему большому не позволялъ себѣ стремиться. Страшно было испытывать судьбу. Казалось, что разочарованіе убьетъ его на мѣстѣ. Но тутъ княгиня поспѣшила къ нему на помощь, открывъ ему тайну Клавдіи. Онъ ей такъ же милъ, какъ и она ему. И она тоже ждетъ любви, какъ избавленія отъ злой судьбы.

— Взгляните на ея мужа. Развѣ она можетъ быть съ нимъ счастлива? Вѣдь ей только семнадцать лѣтъ, графъ могъ бы быть ея дѣдомъ.

Правда. Какъ онъ раньше этого не сообразилъ! И въ первую минуту принцу стало непріятно, что все такъ просто объяснялось. Такъ просто и такъ гадко. Этотъ польскій графъ, безъ сомнѣнія, большой мерзавецъ. А что если княгиня дѣйствуетъ съ нимъ за одно? Принцъ Леонардъ смутно чувствовалъ себя жертвой какой-то темной интриги, но такой запутанной и тонкой, что улавливать ея суть онъ и не пытался. Ему такъ хорошо было съ Клавдіей! Со дня на день привязывался онъ къ ней все больше и больше.

Какъ онъ страдалъ, разставаясь съ нею даже на одинъ мѣсяць! И въ какой неописанный восторгъ повергло его извѣстіе о ея пріѣздѣ!

— Нѣтъ, нѣтъ, теперь ужъ онъ ея не разлюбитъ и на все пойдетъ, чтобъ обладать ею,—объявила княгиня, раздумчиво покачивая головой.

— А про то, что можетъ случиться, ты ему еще не намекала?—спросилъ графъ.

— Къ чему? Онъ никогда объ этомъ не долженъ и подозрѣвать. Неужели ты не понимаешь, что только своимъ незнаніемъ, своимъ убѣжденіемъ въ нашей неприкосновенности къ этому дѣлу, онъ можетъ намъ быть полезенъ? — сказала она съ досадой.—Это все равно, какъ еслибъ ты открылъ наши намѣренія Клавдіи.

— Ты права,—согласился ея слушатель.

— Я всегда права, — рѣшила княгиня.—Ну, а теперь, оставь меня. Но домой не возвращайся дня три. Не показывайся ей на глаза. Отдалась ли она ему (чего я не думаю), или нѣтъ, ей одинаково будетъ непріятно твое присутствіе. Надо ихъ теперь оставить въ покоѣ; чѣмъ больше они надѣлаютъ глупостей, тѣмъ для насъ лучше.

— Но какъ же ты намѣрена дѣйствовать?—спросилъ онъ, нахлобучивая на лобъ свою широкополую шляпу и закутываясь въ плащъ.

Она съ раздраженіемъ передернула плечами.

— Ничего не могу тебѣ сказать впередъ, все зависитъ отъ вдохновенія и отъ обстоятельствъ. А что я какъ тѣмъ, такъ и другимъ умѣю пользоваться, за это тебѣ можетъ служить порукой авантюра съ твоимъ братомъ... Кстати, давно что-то объ немъ нѣтъ извѣстій, не пора ли извлечь его изъ заточенія? По моимъ расчетамъ, онъ ужъ давно долженъ быть готовъ.

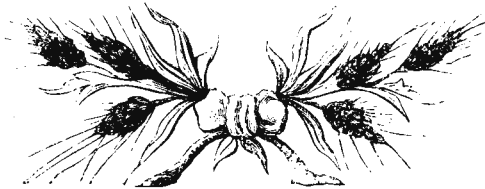
— Нѣтъ, еще опасно. Минутами къ нему возвращается сознание; онъ узнаетъ своихъ сторожей, спрашиваетъ ихъ и разсуждаетъ, какъ человѣкъ въ своемъ умѣ.

— И меня прокликаетъ, конечно?—спросила она.

Но отвѣта на вопросъ ея не послѣдовало, и она не настаивала. Они разстались молча.

Н. И. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Н. П. СИНЕЛЬНИКОВА ¹⁾

VI.

Неожиданное полученіе мною мѣста презуса военнаго суда въ Одессѣ надъ госпитальными чинами крымской арміи.—Пріемъ комиссіи и подсудимыхъ лицъ.—Несчастный старецъ генераль-маіоръ Остроградскій.—Сущность госпитальныхъ преступленій.—Окончаніе суда.—Судьба генерала Остроградскаго.—Высочайшая конfirmaція.—Министръ внутреннихъ дѣлъ Петръ Александровичъ Валуевъ.—Мое управленіе арестантскими ротами съ званіемъ главноначальствующаго.—Разговоръ съ государемъ.—Работы политическихъ арестантовъ на желѣзныхъ дорогахъ.—Организація рабочихъ ротъ.—Мѣры къ поддержанію духовной жизни въ преступникахъ.—Ихъ рассказы.—Мое ходатайство о ихъ прощеніи.—Аудіенція у государя въ Царскомъ Селѣ.—Поѣздка въ Варшаву и свиданіе съ намѣстникомъ графомъ Бергомъ.—Блестящіе результаты поѣздки.—Дальнѣйшія милости государя къ политическимъ арестантамъ.—Удивительная черта оригинальной честности въ русскомъ преступникѣ.—Тушеніе пожара безконвойными арестантами.—Новый министръ внутреннихъ дѣлъ генераль-адъютантъ Тимашевъ.—Его холодное отношеніе къ дѣлу арестантскихъ ротъ.—Грустные примѣры.—Моя проекты къ уменьшенію сельскихъ пожаровъ.—Особое порученіе, данное мнѣ въ Бовѣ повившею императрицею Маріей Александровной.—Поѣздка въ голодные губерніи.—Ея результатъ.—Ковчина жены.—Принятіе генераль-губернаторства Восточной Сибири.

РЕДЬ ОТЪБЗДОМЪ въ Одессу военный министръ предложилъ мнѣ, если дозволить мое здоровье, присутствовать, съ правомъ его голоса, въ комиссіи военнаго суда, учрежденной въ Одессѣ надъ лицами, обвиняемыми въ злоупотребленіяхъ по содержанію госпиталей крымской арміи ²⁾.

Мнѣ была вручена для прочтенія довольно объемистая переписка. По разсмотрѣніи ея я нашель, что дѣлопроизводитель комиссіи, г. Радко, состоявшій прежде при генераль-адъютантѣ, князѣ Васильчиковѣ, принималъ на себя въ нѣкоторыхъ случаяхъ роль ру-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LX, стр. 45.

²⁾ Презусомъ комиссіи былъ генераль-лейтенантъ Гербергъ.

ководителя. Чрезъ это и возбудилась полемика, надѣлавшая хлопотъ министерству.

При возвращеніи министру записки, я изъявилъ опасеніе, что не сумѣю оправдать его довѣрія; что объясненныя затрудненія происходятъ отъ присутствія въ комиссіи лица, не опредѣленнаго закономъ. Генераль-адъютантъ Милютинъ обѣщаль поручить генераль-аудитору составить проектъ высочайшаго повелѣнія, который предварительно будетъ присланъ мнѣ. На слѣдующій день на мою квартиру явился фельдъегерь отъ министра и съ телеграммою изъ Одессы, что презусъ комиссіи генераль Рербергъ скоропостижно умеръ. Министръ пригласилъ меня къ себѣ. Я нашелъ въ его приемной генераль-аудитора Философова. Министръ, принявъ насъ, обратился къ нему съ объясненіемъ, что онъ затрудняется въ избраніи презуса вмѣсто генерала Рерберга. Тогда я, имѣя въ виду желаніе генерала Милютина поручить мнѣ самое дѣло, доложилъ, что надѣюсь въ званіи презуса принести болѣе пользы дѣлу, но прошу дать право, при первомъ нарушеніи законнаго порядка къѣмъ бы то ни было, удалить нарушителя изъ комиссіи. На этомъ основаніи составлено мнѣ было предписаніе 30-го марта 1863 года, за № 1701-мъ.

При представленіи государь изволилъ встрѣтить меня словами:

— Ты собирался отдохнуть въ Одессѣ послѣ усиленныхъ занятій и взялъ на себя обязанности не менѣе трудныя. Благодарю тебя за этотъ подвигъ.

Подавъ мнѣ державную руку, императоръ присовокупилъ:

— Увѣренъ вполнѣ, что дѣло кончишь успѣшно и справедливо.

Дѣйствительно, тяжелые труды и нравственныя испытанія ожидали меня въ Одессѣ. Состоящихъ подъ судомъ было около двадцати человекъ. Въ ихъ числѣ находился исправлявшій должность директора госпиталей, генераль-маіоръ Остроградскій. Подсудимые содержались въ Одесскомъ карантинѣ, а генераль Остроградскій жилъ на квартирѣ.

По прибытіи въ Одессу я принялъ членовъ комиссіи военнаго суда, а потомъ подсудимыхъ. На приемѣ, между прочимъ, объяснилось, что три выписки изъ дѣла: одна около 700 листовъ, другая до 400 и третья около 150-ти листовъ, чернѣ готовы. Такое обстоятельство дало мнѣ надежду на скорое окончаніе дѣла. Я поручилъ дѣлопроизводителю Радко прочитать въ присутствіи комиссіи предписаніе министра и составить по нему журналъ. Затѣмъ я напомнилъ гг. членамъ ихъ обязанности, а генерала Остроградскаго пригласилъ въ кабинетъ. Почтенный, удрученный несчастіемъ старецъ бросился на колѣни и со слезами просилъ положить конецъ незаслуженной имъ горькой участи. Я успокоилъ его, на сколько было возможно. Въ комиссіи мною опредѣленъ былъ порядокъ нашимъ занятіямъ.

Такъ какъ на основаніи закона выписки должны читаться каждымъ подсудимымъ въ опредѣленный срокъ, на что требовалось весьма много времени, то для сокращенія его мною было введено чтеніе выписокъ въ комиссіи вслухъ рано утромъ. Каждый изъ подсудимыхъ, замѣтившій въ выпискѣ какую либо неточность съ его показаніями, могъ останавливать мое чтеніе и объяснять свои замѣчанія. Аудиторъ дѣлалъ справки въ дѣлахъ и къ утру слѣдующаго дня приискивалъ тѣ показанія, которыя несогласны были съ выпискою. Новое засѣданіе начиналось съ объясненій подсудимыхъ по замѣткамъ и исправленій выписки. Прочитанное переписывалось, и такимъ образомъ работа продолжалась около трехъ мѣсяцевъ.

Описаніе въ подробности преступныхъ дѣйствій подсудимыхъ составило бы объемистую книгу. Поэтому объясню только нѣкоторыя изъ дѣлъ, въ особенности по Симферопольскому госпиталю, гдѣ больными былъ занимаемъ почти весь городъ. Распоряженій объ устройствѣ продовольствія и помѣщенія для раненыхъ предварительно сдѣлано не было.

Генераль-адъютантъ князь Васильчиковъ, въ сопровожденіи чиновника Радко, при внезапномъ посѣщеніи госпитальныхъ кухонъ замѣтилъ, что въ большей части приготовлялась для больныхъ каша изъ гречневыхъ крупъ. Съ овсяной крупой, предпочитаемой госпитальнымъ уставомъ полезнѣйшею для больныхъ, была варима каша весьма въ незначительномъ количествѣ и въ маленькихъ котелкахъ. Госпитальное начальство о прибытіи князя не знало. По книгамъ, законно свидѣтельствованнымъ, былъ выведенъ расходъ на крупу овсяную, которая стоила почти вдвое дороже гречневой. Изъ переписки было видно, что поваровъ, готовившихъ госпитальную пищу, на лицо не оказалось. Въ тѣ дни, когда для больныхъ были приготовляемы бани, вѣники выводились по числу больныхъ, хотя раненые париться не могли. По недостатку въ краѣ лѣса, вѣники составляли значительный расходъ. Этотъ расходъ былъ законно засвидѣтельствованъ. Аптека не затруднялась выводить чудовищныя на медикаменты счеты, также законно засвидѣтельствованные. Умершіе числились мѣсяцами на продовольствіи пищею и лѣкарствами.

При всѣхъ описанныхъ неурядицахъ, по крайней мѣрѣ, отрадно было то, что въ дѣлахъ не нашлось жалобъ отъ больныхъ на какія либо стѣсненія или недостатокъ въ продовольствіи. Зато вопіющія злоупотребленія нашлись относительно содержанія и ухода за ранеными при перевозкѣ ихъ изъ госпиталей первой линіи во вторую. Начальниками транспортовъ нерѣдко назначались отъ войскъ офицеры неблагонадежные. Между тѣмъ, имъ выдавались на руки значительныя суммы. Административнаго наблюденія за транспортомъ не было; не имѣлось шнуровыхъ книгъ у нѣкоторыхъ начальниковъ.

Означенные безпорядки доказывали стремление у виновных къ расхищенію казны, но не были законно обслѣдованы въ свое время. Комиссія военнаго суда должна была прійти къ заключенію, что подсудимые, виновные болѣе или менѣе въ явномъ несоблюденіи казенныхъ интересовъ, не должны быть терпимы на службѣ.

Генераль Остроградскій, тщетно старавшійся сохранить порядокъ въ подвѣдомственныхъ ему учрежденіяхъ и заботившійся главнымъ образомъ объ успокоеніи больныхъ и объ ихъ продовольствіи, виновенъ былъ въ томъ, что не обращалъ вниманія на денежныя отчетности чиновниковъ. Онъ полагалъ, что это составляетъ обязанность контроля.

Законченное дѣло было представлено военному министру; подсудимые освобождены изъ-подъ ареста съ подписками о невыѣздѣ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они изберуть себѣ жительство.

Замѣчательна судьба генерала Остроградскаго. Проведя всю службу свою въ артилеріи, онъ стяжалъ себѣ репутацію честнаго, правдиваго дѣятеля и начальника. Упомянутыя рѣдкія достоинства и погубили его. Князь Горчаковъ потребовалъ, чтобы Остроградскій принялъ должность директора госпиталей. Никакія убѣжденія и просьбы не измѣнили воли главнокомандующаго. Генераль Остроградскій, занявъ новую должность, неожиданно очутился подъ военнымъ судомъ. Надобно удивляться, какъ вынесъ этотъ безупречный слуга государю свое положеніе. Предъ вступленіемъ моимъ въ званіе презуса, онъ былъ близокъ къ сумасшествію.

Высочайшая конфирмація была слѣдующая: генерала Остроградскаго освободить отъ суда, не лишать правъ и преимуществъ, прежнею службою пріобрѣтенныхъ, и возвратить ему удержанное жалованье. Объ участи прочихъ подсудимыхъ я не помню.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, комитетъ гг. министровъ, въ виду устройства польскихъ политическихъ преступниковъ, высланныхъ въ арестантскія роты, положилъ поручить мнѣ привести въ порядокъ это дѣло. Я отвѣчалъ, что охотно принимаю порученіе комитета, и поѣхалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ.

Я зналъ прежде статсъ-секретаря, графа П. А. Валуева. Мы были одновременно губернаторами: онъ въ Ригѣ, я въ Москвѣ, и встрѣчались у графа Ланскаго. Не могу не вспомнить о томъ впечатлѣніи, которое произвелъ на меня Валуевъ при пріемѣ въ званіи министра. Съ величавой наружностью онъ умѣлъ соединять достоинство съ любезностью. Вспоминая со мною прошедшее, онъ смягчалъ настоящую мою отъ него зависимость.

По высочайшему повелѣнію я былъ назначенъ главноуправляющимъ всѣми арестантскими ротами въ Россіи 23 ноября 1863 года. Выпавшая на мою долю задача была не изъ легкихъ. Политическихъ преступниковъ изъ польскаго и сѣверо-западнаго края высылалось до ста человекъ въ недѣлю. При осмотрѣ моемъ оказа-

лось, что открытое въ городѣ Псковѣ депо, подъ которое было занято, кромѣ казеннаго зданія, нѣсколько частныхъ домовъ, было переполнено. По справкамъ въ министерствахъ военномъ и внутреннихъ дѣлъ было видно, что численность политическихъ преступниковъ, назначенныхъ въ арестантскія роты, далеко превышаетъ свободныя въ нихъ мѣста. Сдѣлавъ распоряженіе объ отправленіи изъ Пскова арестантовъ только въ губерніи, гдѣ имѣлись вакансіи, я представилъ графу Валуеву соображенія о размѣщеніи остальныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ по личному моему усмотрѣнію.

Вскорѣ статсъ-секретарь Валуевъ сообщилъ мнѣ, что государь императоръ высочайше разрѣшилъ занимать подъ арестантскія роты всѣ казенныя зданія во внутреннихъ городахъ, какія окажутся свободными. На устройство и постройку зданій въ мое распоряженіе былъ первоначально открытъ кредитъ въ десять тысячъ рублей.

По моему второму представленію вышло дозволеніе зачислять въ роты политическихъ преступниковъ и сдѣлать для нихъ слѣдующія льготы: не брить головы, вмѣсто куртокъ, съ позорящими отмѣтками, строить пальто.

Заботясь объ участи вѣрренныхъ моему наблюденію арестантовъ, я опять себя немного разстроилъ, и это замѣтилъ государь. Когда я ему однажды представлялся, онъ соизволилъ произнести:

— Однако, я совѣтую тебѣ поберегать себя. Я замѣчаю, что ты похудѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ я тебя не видѣлъ.

На объясненіе мое, что я чувствую себя всегда хорошо, когда порученное мнѣ дѣло идетъ успѣшно, его величество съ улыбкою отвѣтилъ:

— Я позабочусь о твоёмъ здоровьѣ, ты безъ дѣла не останешься.

Обѣздъ нѣсколькихъ губернскихъ городовъ привелъ меня къ убѣжденію, что приспособленіе особыхъ помѣщеній для арестантовъ въ небольшихъ сравнительно партіяхъ ввело бы казну въ значительныя издержки и разъединило бы надзоръ. Экономія въ издержкахъ, я назначалъ помѣщенія съ возможнымъ стѣсненіемъ только въ зданіяхъ ротъ. Впослѣдствіи узнавъ, что Титовскія казармы въ Москвѣ свободны, я занялъ ихъ арестантами. Во Владимірѣ также размѣщено было мною до 300 арестантовъ. Скопленіе послѣднихъ въ разныхъ центрахъ Россіи и ихъ бездѣятельность не могли не отражаться на ихъ нравственности. Мои разговоры съ губернскимъ начальствомъ о томъ, чтобы оно занимало арестантовъ работами въ городахъ, ни къ чему не привели. Служилое чиновничество отправляло свои обязанности чисто съ формальной стороны, а души и разума въ дѣло не клало. Видя, что дальнѣйшая бездѣятельность погубитъ много молодыхъ силъ, я рѣшился, по возможности, ихъ спасти и представилъ министру о необходимости вывода политическихъ преступниковъ на государ-

ственные работы по устройству земляного полотна желѣзныхъ дорогъ.

Не могу не внести въ эти записки благодарнаго воспоминанія о графѣ Валувѣ, принявшемъ живое участіе въ устройствѣ упомянутаго дѣла. Немедленно онъ вошелъ въ сношеніе съ министромъ путей сообщенія о назначеніи участка для арестантскихъ работъ на строящихся казною желѣзныхъ дорогахъ. Мнѣ поручено составить проектъ правилъ о порядкѣ слѣдованія, помѣщенія, продовольствія работъ и пр. Все это было быстро исполнено, и на все послѣдовало высочайшее утвержденіе.

Участокъ для работъ былъ отведенъ на орловско-тульской дорогѣ. На работахъ участвовало болѣе двухъ тысячъ политическихъ преступниковъ и до 250-ти русскихъ арестантовъ. Сформировано было восемь рабочихъ ротъ. Для каждой изъ нихъ устроены бараки со всѣми хозяйственными помѣщеніями, лазаретами и пр. Объявлено распоряженіе о заготовленіи рабочихъ инструментовъ и продовольствія. Инспекторомъ, подѣ моимъ вѣдѣніемъ, былъ назначенъ генераль-маіоръ Штемпель, а завѣдывающимъ хозяйственною частію статскій совѣтникъ Вержбитскій. Наконецъ, министръ, во уваженіе тяжелыхъ и сложныхъ занятій администраціи арестантскихъ ротъ, предписалъ отчеты о приходѣ и расходѣ суммъ ежемѣсячно представлять въ министерство для опубликованія въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

Государственныя работы начались въ маѣ мѣсяцѣ 1865 года. Хотя устройство помѣщеній требовало усиленной дѣятельности, но несравненно болѣе потребовалось наблюденія для достиженія нравственнаго исправленія арестантовъ, какъ главной цѣли, преслѣдуемой правительствомъ.

Не буду объяснять затрудненій въ присканіи ротныхъ командировъ, которые бы вполне соответствовали назначенію. Они, съ разрѣшенія министра, во время работъ были обезпечены особымъ содержаніемъ¹⁾. Надзиратели выбирались трезвые, честные и разумно понимавшіе свои обязанности²⁾. Вся суть заключалась въ томъ, чтобы лица, близко стоящія къ арестантамъ, пользовались ихъ довѣріемъ и уваженіемъ. Употреблявшіеся въ арестантскихъ ротахъ руготня, толчки и кулачныя расправы были запрещены строго. О всякомъ случаѣ нарушенія порядка, какъ бы онъ ни казался ничтожнымъ, приказано было немедленно доводить до свѣдѣнія начальства. Случаи эти изслѣдовались съ полнымъ вниманіемъ. Къ счастью, они были рѣдки.

1) Ротнымъ командирамъ и помощникамъ производилось двойное жалованье одна половина отъ казны, другая изъ заработанныхъ денегъ. Отпускалась провіанія по числу лицъ семейства.

2) Они нанимались изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, преимущественно служившихъ въ гвардіи.

Пища приготовлялась поварами изъ арестантовъ.

Хотя политическіе преступники изъ привилегированныхъ сословій были освобождены отъ государственныхъ работъ, но многіе изъ нихъ просили назначенія на работу, не смотря на предупрежденія, что они не получаютъ никакихъ льготъ. Эти лица примѣромъ своимъ какъ въ нравственномъ отношеніи, такъ и усердіемъ къ работамъ много способствовали успѣху затѣяннаго мною дѣла.

По прошествіи нѣкотораго времени, замѣтивъ, что чрезъ однообразныя тяжкія занятія въ средѣ арестантовъ стало проявляться равнодушіе къ работамъ, я вошелъ съ ходатайствомъ о скорѣйшемъ командированіи въ мое распоряженіе ксендзовъ. До ихъ пріѣзда я разрѣшилъ полякамъ въ свободное отъ работъ время устраивать каллицы. Между политическими преступниками нашлись не только мастеровые, но и художники. Упомянутая работа имѣла на всѣхъ благоприятное вліяніе. Часть людей занялась даже приготовленіемъ музыкальныхъ инструментовъ по неизмѣннѣю органовъ. Появленіе ксендзовъ въ моемъ отрядѣ было цѣлымъ событіемъ полной радости. Начались набоженства. Физіономіи горячей молодежи просвѣтлѣли, улучшилось ея душевное настроеніе, а съ нимъ оживилась и работа.

Говоря по совѣсти, успѣхъ небывалаго и сложнаго дѣла оказался большой. Кроткая покорность политическихъ преступниковъ удивляла всѣхъ; окрестное населеніе, видя спокойное поведеніе поляковъ, оставило свои опасенія¹⁾.

Никто не можетъ упрекать правительство въ строгости мѣръ при прекращеніи общественныхъ безпорядковъ. Нельзя не согласиться, что при подобныхъ мѣрахъ страдаютъ личности неповинныя. Но что же дѣлать? Изъ разсказовъ арестантовъ ясно было, что ихъ вербовали въ банды именемъ ойчизны, и нерѣдко съ участіемъ ксендзовъ. Послѣдніе выходили къ собравшемуся народу съ крестомъ и евангеліемъ, общая за поступленіе въ банду блаженство райа. Въ случаѣ отказа они сулили непослушнымъ висѣлицу и мученія ада. Понятно, какое губительное вліяніе на населеніе имѣли подобныя мѣры католическаго духовенства. Многіе изъ привлеченныхъ такимъ образомъ въ банды при первой встрѣчѣ съ

¹⁾ Опасенія были распространены въ народѣ до того, что предъ прибытіемъ поляковъ на работы крестьяне ближайшихъ селеній ходили вокругъ ротныхъ вѣданій съ образами и молились объ избавленіи ихъ отъ бѣдъ и напастей. Какъ-то, проѣзжая по линіи со старымъ ямщикомъ, мы встрѣтили роту, шедшую на работы. Арестанты съ веселыми лицами останавливались и кланялись мнѣ. Старикъ обратился съ вопросомъ:

— Какіе же это арестанты?

— Поляки, — отвѣчалъ я.

— Поди же, — сказавъ старикъ, — говорили, что они жгутъ и грабятъ, а выходитъ, что они люди, какъ люди. Вишь, съ какими лицами встрѣчаютъ тебя, а идутъ-то вѣдь не на праздникъ.

войсками бросали оружіе и сдавались. Болѣе они ничего сдѣлать не могли.

Нѣкоторые изъ политическихъ преступниковъ, попавшихъ въ арестантскія роты, даже были и совсѣмъ невиновные. Такъ, про одного изъ нихъ сами товарищи рассказывали, что онъ задержанъ былъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Бѣжалъ онъ съ возомъ сѣна, а навстрѣчу ему шла партія плѣнныхъ повстанцевъ подъ начальствомъ унтеръ-офицера. Изъ партіи только что убѣжалъ арестантъ. Находчивый унтеръ-офицеръ, опасаясь отвѣтственности предъ начальствомъ за слабый надзоръ, безъ церемоніи присоединилъ къ своей командѣ встрѣчнаго крестьянина въ качествѣ повстанца. Впослѣдствіи онъ попалъ въ одну изъ рабочихъ ротъ, находившихся въ моемъ вѣдѣніи.

Слушая означенные рассказы польской молодежи, я не могъ оставаться къ нимъ равнодушнымъ; не могъ не сочувствовать видимому раскаянію нѣкоторыхъ преступниковъ. И вотъ, по прибытіи въ Петербургъ, предъ окончаніемъ работъ, я началъ хлопоты о прощеніи и возвращеніи на родину находившихся въ моемъ распоряженіи повстанцевъ, преимущественно сельскаго населенія¹⁾.

Государь милостиво отнесся къ моему ходатайству. Онъ принялъ меня въ Царскомъ Селѣ, въ кабинетѣ.

— Ты дѣлаешь чудеса,— произнесъ его величество при входѣ моемъ, подавъ руку.

Я осмѣлился объяснить, что не могу взять на себя оканчивающійся благополучно опытъ работъ, производимыхъ политическими преступниками; что это событіе могло совершиться только по особенному промыслу Божию. Затѣмъ я вкратцѣ изложилъ процессъ работъ и просилъ о всемилостивѣйшемъ прощеніи и возвращеніи на родину хотя части работавшихъ. Государь выслушалъ меня и послѣ нѣсколькихъ вопросовъ повелѣлъ мнѣ отправиться въ Варшаву доложить подробно обстоятельства дѣла намѣстнику царства, генераль-адъютанту графу Бергу, и о его заключеніи передать докладную записку министру внутреннихъ дѣлъ.

Пріѣхавъ въ Варшаву, я адресовался къ генераль-полицеймейстеру, генераль-адъютанту Трепову, объяснивъ цѣль моего пріѣзда. Вскорѣ по возвращеніи въ отель я получилъ отъ него записку, въ которой говорилось, что графъ приметъ меня на другой день, въ девять часовъ утра.

Фельдмаршалъ Бергъ былъ человѣкъ тонкаго, дипломатическаго ума. Онъ наговорилъ много лестнаго о моей службѣ въ званіи генераль-интенданта и выразилъ совершенное довѣріе къ моимъ объ-

¹⁾ На основаніи высочайше утвержденнаго мнѣнія комитета всея политическіе преступники, по окончаніи сроковъ заключенія въ арестантскихъ ротахъ, должны были быть сосланы въ Сибирь на поселеніе.

ясненіямъ по дѣлу политическихъ ссыльныхъ. Намѣстникъ поручилъ мнѣ представить государю императору, что онъ признаетъ даже полезнымъ для края возвращеніе тѣхъ изъ польскихъ преступниковъ, которые заявили полное раскаяніе.

Докладную записку о результатахъ моей поѣздки я немедленно представилъ министру. Онъ былъ весьма доволенъ отвѣтомъ графа.

По ходатайству моему высочайше повелѣно было уволить политическихъ преступниковъ на родину по составленнымъ мною спискамъ. Это всемилостивѣйшее прощеніе возбудило въ оставшихся польскихъ арестантахъ страстное усердіе къ работамъ. Въ 1866 году было выведено на работу до 3.000 человекъ и русскихъ до пяти-сотъ. Они раздѣлялись на 14 ротъ и жили на двухъ участкахъ— между Тулой и Орломъ и между Орломъ и Курскомъ.

Работы шли успѣшно. Поведеніе политическихъ ссыльныхъ было до того удовлетворительно, что въ срединѣ лѣта я нашелъ возможнымъ уменьшить на половину и безъ того ограниченный конвой. Въ послѣднее время преступники находились за круговымъ ручательствомъ безъ стражи.

Государь, по своему милосердію, вновь вернулъ изъ нихъ къ своимъ семействамъ около 1.500 человекъ.

Въ 1867 году было выведено на работу на участокъ Курско-Кіевской дороги до 1.700 человекъ, изъ нихъ политическихъ преступниковъ было до 800, прощено до 600 человекъ.

Добавлю здѣсь о такомъ явленіи, которому не имѣлось примѣра со времени учрежденія арестантскихъ ротъ въ Россіи.

Наканунѣ выступленія русско-курской арестантской роты на государственныя работы я прибылъ въ нее къ молебну. Предъ задачей арестантамъ по чаркѣ водки, я выпилъ за здоровье государя императора и напомнилъ имъ объ исправленіи поведенія. Преступники единогласно обѣщали вести себя безукоризненно и убѣдительно просили дозволенія идти на работу безъ конвоя. Я объяснилъ, что это противозаконно и опасно для нихъ самихъ. Рота удостоивъ честнымъ словомъ, что исполнить свое обѣщаніе. Слышавъ говоръ, что «мы не ударимъ лицомъ въ грязь противъ поляковъ, работавшихъ безъ конвоя». Сознавая вполнѣ, что пробудившееся въ виновномъ чувство самосознанія есть лучшій проводникъ къ его исправленію, я объявилъ, что вѣрю честному слову русскаго человека, и позволяю работать безъ конвоя. Объ этомъ небываломъ случаѣ мною было телеграфировано министру. Онъ отвѣчалъ кратко, но знаменательно: «Радуюсь такому факту».

Съ пѣснями, но въ совершенномъ порядкѣ, на другой день утромъ, къ удивленію окрестныхъ жителей, арестанты отправились на работы въ составѣ до 300 человекъ подъ начальствомъ ротнаго командира и при однихъ надзирателяхъ.

Для работъ преступниковъ безъ конвоя мною были составлены

особыя правила. Въ нихъ было постановлено устроить круговую поруку по десяткамъ. Тѣмъ десяткамъ, изъ которыхъ не будетъ бѣжавшихъ и вообще происшествій, разрѣшено, по окончаніи мѣсяца, выдавать на руки часть изъ выработанныхъ денегъ, прежде платившихся конвою ¹⁾. Въ ротахъ устроено чаепитіе, водка запрещена. Если въ теченіе извѣстнаго времени будетъ выполнено арестантами въ точности все требуемое правилами, то испросится сокращеніе сроковъ ихъ наказанія ²⁾. Въ случаѣ побѣга или происшествія десятокъ поступаетъ подъ конвой, работаетъ особо, не пользуясь никакими льготами, и пр.

Правила были объявлены ротамъ въ моемъ присутствіи, приняты съ благодарностью и крикомъ: «ура». Конвой былъ отпущенъ.

Такимъ порядкомъ шли работы на участкахъ: въ 1868 году на Курско-Харьковскомъ и въ 1870 году на Воронежско-Ростовскомъ.

Не могу не внести въ записки одного изъ многихъ случаевъ похвальнаго поведенія русскихъ арестантовъ. Въ 1868 году, въ осеннюю ночь, загорѣлись стога помѣщичьяго хлѣба. Это было не далеко отъ моей квартиры, въ селѣ Шумаковѣ, Курской губерніи. Бѣдствіе угрожало всему селу. Въ верстѣ отъ него была расположена харьковская арестантская рота. Я послалъ съ верховымъ приказаніе немедленно прибыть ей съ лопатами на пожаръ. Едва успѣлъ я сообразить, что слѣдуетъ предпринять для прекращенія огня, какъ рота прибѣжала вразсыпную въ числѣ 300 человекъ. Половинѣ изъ нихъ приказано растаскивать горящіе стога и засыпать ихъ землею ³⁾; другой половинѣ—вытаскивать изъ земли ростущія вблизи высокія конопли и прикрывать ими незагорѣвшіеся стога хлѣба и крыши домовъ, находившихся подъ вѣтромъ отъ пожара. Съ помощію Божіею, усердною до самоотверженія работою арестантовъ, пожаръ былъ быстро прекращенъ. Темная ночь и близость коноплей, въ которыхъ и среди дня трудно найти скрывшагося человека, возбудили опасенія въ ротномъ командирѣ. Онъ просилъ дозволенія построить арестантовъ и повѣрить.

— Никакой повѣрки не нужно,—сказалъ я громко.—Увѣренъ, что молодцы меня краснѣть не заставятъ. Пересчитайте ихъ у дверей при входѣ въ баракъ и мнѣ доложите.

При описанномъ случаѣ и круговая порука не могла имѣть своей силы. За тушеніе пожара мною дана была ротѣ денежная награда ⁴⁾.

¹⁾ За конвой уплачивалось войскамъ: каждому рядовому по 10 коп., унтеръ-офицерамъ по 20 коп., а гг. офицерамъ по рублю въ сутки.

²⁾ По представленію моему министръ исходатайствовалъ, чтобы въ тѣхъ десяткахъ, гдѣ вышеозначенныя правила будутъ исполнены въ точности, считать день, проведенный на работѣ, за два.

³⁾ Воды въ селѣ, кромѣ колодезь, не было.

⁴⁾ Во время управленія моего губерніями я всегда бывалъ на пожарахъ.

Министръ путей сообщенія, осмотрѣвъ курско-кѣвскій участокъ, поручилъ мнѣ увѣдомить статсъ-секретаря Валуева, что онъ лично убѣдился въ порядкѣ содержанія арестантовъ и отчетливомъ выполненіи ими работъ.

Со вступленіемъ въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ генераль-адъютанта Тимашева, арестантскія роты перестали пользоваться вниманіемъ министерства. Генераль Тимашевъ, при приѣмѣ меня, въ октябрѣ 1868 года, съ отчетомъ о работахъ, прямо объявилъ, что по важнымъ занятіямъ, на него возложеннымъ, онъ предоставилъ директорамъ департаментовъ разсмотрѣніе подобныхъ дѣлъ.

Между тѣмъ, по требованію комитета министровъ, представленъ былъ мною въ томъ же году, при докладной запискѣ, отчетъ объ арестантскихъ работахъ. Изъ него видно, что по истеченіи четырехъ лѣтъ осталось наличными деньгами 75.912 р. 53 к., а съ присовокупленіемъ суммы отъ несодержанія арестантовъ въ мѣстныхъ ротахъ въ казнѣ образовалась экономія до 212 тысячъ рублей.

20-го апрѣля 1869 года я былъ всемилостивѣйше награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго за усердіе и труды по главному завѣдыванію арестантскими ротами.

Въ 1869 году арестанты не были выведены на государственныя работы, отчасти потому, что не было своевременно разрѣшено на правленіе дороги.

Въ 1870 году, по желанію вліятельныхъ лицъ, убѣжденныхъ въ пользѣ арестантскихъ работъ ¹⁾, я вынужденнымъ нашелся представить о назначеніи арестантовъ на работу.

Въ началѣ 1870 года министръ объявилъ мнѣ, чтобы всѣ издержки по командировкамъ, касающимся арестантскихъ ротъ, относились на заработанную ими плату, а 31-го августа министерство потребовало 10 тысячъ рублей будто бы для пополненія департаментскихъ суммъ.

Я не зналъ мотивовъ небывалаго требованія. За предшествовавшіе рабочіе періоды, остававшіяся деньги вмѣстѣ съ отчетами представлялись въ министерство и хранились въ немъ до востребованія на разные случаи, какъ-то: на случай неожиданнаго возвышенія цѣнъ на продукты и другія экстренныя надобности.

Въ 1870 году чрезъ арестантскія работы казна получила пользы болѣе 40 тысячъ рублей.

Не рѣдко случалось видѣть, что и не арестанты въ суматохѣ не упускали случая пользоваться чужимъ добромъ. Послѣ пожара въ селѣ Шумаковѣ жители, явившись ко мнѣ съ благодарностью за помощь, объявили, что у нихъ оказалось все цѣло до послѣдней нитки.

¹⁾ Особенно интересовался этимъ дѣломъ покойный генераль-адъютантъ Чевкинъ, которому, согласно его желанію, я представлялъ копіи съ моихъ отчетовъ.

Въ концѣ концовъ невниманіе новаго начальства къ арестантскимъ работамъ выразилось въ томъ, что отчетъ за іюнь мѣсяцъ упомянутаго года былъ въ петербургскихъ канцеляріяхъ безслѣдно утерянъ.

Не могу не привести еще примѣра неудачи одного изъ моихъ представленій, обѣщавшаго несомнѣнную пользу. Еще въ 1868 году послѣдовало циркулярное предписаніе господина министра губернаторамъ о принятіи мѣръ противъ пожаровъ и устройства въ селеніяхъ пожарныхъ инструментовъ.

Имѣя въ виду доказанный опытомъ успѣхъ арестантскихъ работъ, я сообщилъ въ министерство, что было бы безусловно полезно занять арестантскія роты дѣланіемъ кирпича и черепицы для постройки каменныхъ домовъ въ селеніяхъ. Эта мѣра имѣла бы результатомъ то, что пожары не были бы бѣдствіемъ цѣлыхъ деревень. На мое представленіе министръ отвѣчалъ, что онъ вполне раздѣляетъ мое мнѣніе. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ я писалъ директору департамента полиціи исполнительной, что строитель желѣзной дороги Поляковъ жертвуетъ 15 тысячъ рублей на заведеніе кирпичныхъ заводовъ въ трехъ губерніяхъ, по которымъ проходятъ желѣзныя дороги.

Возбужденное мною дѣло дальнѣйшаго хода не имѣло. Объ этомъ нельзя не сожалѣть. Наши сельскія деревянныя постройки находятся стѣна обѣ стѣну и крыты соломой. Нашъ крестьянинъ живетъ съ роднымъ «авось» въ головѣ. Стоитъ загорѣться одной избѣ съ подвѣтреннаго края, и прежде, чѣмъ кто успѣетъ добѣжать до пожарныхъ инструментовъ, вся деревня уже будетъ охвачена пламенемъ.

Упомянутый народный бичъ отражается и на домашней обстановкѣ крестьянина. Онъ увѣренъ, что, если Богъ не помилуетъ, то все, что бы ни завелъ онъ въ своемъ хозяйствѣ для удобства жизни, станетъ жертвою огня. Поэтому мужичекъ и живетъ въ своей избѣ, какъ на бивуакѣ, и послѣднюю копейку несетъ на выпивку.

Мнѣ кажется, что сельскіе пожары могутъ быть уменьшены отчасти распространеніемъ каменныхъ построекъ съ черепичными крышами. Ихъ можно располагать чрезъ нѣсколько домовъ по одной. На первое время постройки будутъ служить какъ бы брандмауерами между деревянными домами. Послѣдніе должны быть отдѣлены другъ отъ друга небольшимъ пространствомъ и посаженными деревьями.

Чтобы не прерывать воспоминаній объ арестантскихъ работахъ, я отступилъ отъ хронологическаго порядка въ описаніи моихъ служебныхъ занятій и не внесъ въ записки даннаго мнѣ секретнаго порученія въ Бозѣ почившей императрицей Маріей Александровной.

6-го февраля 1868 года я былъ потребованъ государемъ чрезъ генералъ-адъютанта Трепова. При входѣ моемъ въ кабинетъ, его величество соизволилъ объявить мнѣ:

— Императрица желаетъ поручить тебѣ устроить помощь бѣднымъ, пострадавшимъ отъ неурожая хлѣба. Можешь ли ты, при своихъ занятіяхъ, принять на себя это порученіе?

На мой отвѣтъ, что я почту особеннымъ счастьемъ исполнить волю государыни, императоръ приказалъ камердинеру узнать: угодно ли ея величеству принять насъ въ своемъ кабинетѣ, или прійти сюда?

Вскорѣ государыня пожаловала въ кабинетъ своего августѣйшаго супруга и ошастливила меня дозволеніемъ приложиться къ рукѣ¹⁾. Затѣмъ, въ милостивыхъ словахъ она выразила желаніе оказать денежную помощь въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ существуетъ недостатокъ въ хлѣбѣ. Она прибавила, что располагаетъ суммою въ 50 тысячъ рублей, которую и прикажетъ своему секретарю, тайному совѣтнику Морицу, выдать въ мое распоряженіе. Если же будетъ необходимо, то впослѣдствіи означенная сумма можетъ быть увеличена.

Императрица далѣе высказала мысль, чтобы бѣдные, кромѣ хлѣба, получали и горячую пищу, гдѣ возможно, по примѣру, какъ это дѣлается въ Петербургѣ; чтобы помощь ея оставалась тайною, и чтобы объ успѣхѣ порученія я лично докладывалъ ея величеству.

Я осмѣлился объяснить, что при современномъ положеніи печати тайну сохранить почти невозможно. Государь изволилъ произнестъ:

— Мы увѣрены, что ты во всѣхъ отношеніяхъ разумно исполнишь наше порученіе.

Царь повелѣлъ мнѣ, по мѣрѣ объѣзда губерній, представлять лично ему записки о положеніи мѣстностей, пострадавшихъ отъ недостатка хлѣба.

Изъ донесеній губернаторовъ и свѣдѣній въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ оказалось, что голода, въ настоящемъ смыслѣ слова, не было, но недостатокъ въ хлѣбѣ ощущался преимущественно въ губерніяхъ: Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Витебской, Могилевской, Смоленской, Тульской и Курской.

Представивъ на другой день государынѣ императрицѣ докладъ мой и объяснивъ положеніе дѣла, я испросилъ соизволеніе на выдачу мнѣ только 25 тысячъ рублей, имѣя въ виду, что щедроты ея величества и, при строгомъ охраненіи тайны, найдутъ сочувствіе въ достаточныхъ жителяхъ. Въ тотъ же день я отправился въ Олонецкую губернію.

Въ первомъ попутномъ городѣ Олонцѣ я былъ свидѣтелемъ та-

---

¹⁾ Я имѣлъ счастье быть извѣстнымъ лично ея величеству съ того времени, какъ въ Бозѣ почившій государь императоръ, будучи наслѣдникомъ, сталъ командовать гвардейскимъ корпусомъ. Случалось, что ея величество входила въ его кабинетъ, когда я бывалъ съ докладами. Будучи губернаторомъ въ Москвѣ, во время коронаціи, я удостоивался исполненіемъ порученій изъ ея суммъ помогать бѣднымъ совершенно секретно.

кихъ распоряженій администраціи, которыя не только могли увеличить страхъ жителей и толки въ газетахъ, но возбудить и въ правительствѣ опасенія въ дѣйствительномъ существованіи голода.

Бѣднѣйшая часть олонецкихъ обитателей, не имѣя достаточно своего хлѣба, обыкновенно зимою отправлялась съ семействами на своихъ подводахъ собирать его въ сосѣднія губерніи и пересушивать въ сухари. Они возвращались домой обезпеченными до новаго урожая. Начальство, сдѣлавъ распоряженіе о покупкѣ ржи для жителей, запретило имъ выѣзжать изъ предѣловъ губерніи. Я засталъ на олонецкой городской площади беспорядочную толпу, которую полиція усердно возвращала назадъ безъ всякой помощи. Далекое ли было до катастрофы отъ голода и холода на обратномъ пути?

Пригласивъ городского голову и объявивъ ему страшныя послѣдствія, могущія произойти въ народѣ отъ крайней нищеты, я предложилъ ему продать нужное количество хлѣба. Онъ вызвался пожертвовать 500 пудовъ муки, которую я приказалъ мѣстной воинской командѣ, съ участіемъ жителей, немедленно перепечь. Затѣмъ, подъ наблюденіемъ гг. исправника и городского головы хлѣбъ былъ розданъ нуждавшимся семействамъ.

Во время пути до Петрозаводска, вслѣдствіе дошедшихъ уже слуховъ о пособіяхъ въ г. Олонцѣ, бѣдняки стали осаждать меня на станціяхъ просьбами о помощи. Между ними были и такія лица, которыя послѣ убѣжденій мѣстнаго начальства сами сознавались, что они особенно не нуждаются. Такое обстоятельство вынудило меня быть осторожнымъ при личныхъ выдачахъ пособій.

Въ Петрозаводскѣ губернаторъ передалъ мнѣ свѣдѣнія, изъ которыхъ я убѣдился, что имѣющимися въ наличности запасами хлѣба и продовольственнымъ капиталомъ губерніи будетъ предохранена отъ голода, и что помощь отъ правительства необходима только для будущихъ посѣвовъ. По просьбѣ моей былъ собранъ благотворительный комитетъ. Онъ опредѣлилъ размѣръ пособій по уѣздамъ, а въ городѣ увеличилъ уже устроенную столовую съ хлѣбомъ и горячею пищею.

Подобныя распоряженія для отвращенія голода были сдѣланы мною и въ Вологодской губерніи. При проѣздѣ черезъ Петербургъ въ другія губерніи, мною были представлены лично записки государю императору и государынѣ императрицѣ съ правдивымъ изложеніемъ о всемъ видѣнномъ мною на сѣверѣ и о тѣхъ мѣрахъ, которыя приняты къ уменьшенію общественнаго бѣдствія начальствомъ и зажиточными жителями.

Удостоенный особенной благодарности ихъ величествовъ, я въ тотъ же день отправился въ остальныя провинціи.

Главное условіе успѣха въ эпохи голодовокъ кроется въ быстромъ подаваніи помощи страждущимъ. Руководствуясь этою идеей

еще въ Петрозаводскѣ, я объѣхалъ остальные шесть губерній въ три недѣли. Отдыхалъ я только во время пути въ дорожныхъ экипажахъ.

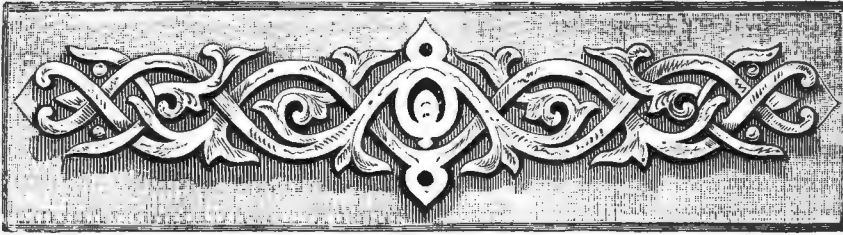
31-го января 1869 года я имѣлъ счастье поднести государынѣ докладъ съ результатами моей поѣздки. Изъ него видно, что изъ 25-ти тысячъ рублей было израсходовано 20.400 рублей. Частныя пожертвованія достигли 47,956 рублей 91 коп. На составившуюся такимъ образомъ сумму 68.356 рублей 91 коп. выдано бѣднѣйшимъ жителямъ болѣе милліона порцій.

Ея величество подробно разспрашивала о причинахъ недостатка хлѣба, особенно въ губерніяхъ, считающихся хлѣбородными, и всемилостивѣе соизволила объявить благодарность предсѣдательствовавшимъ въ благотворительныхъ комитетахъ въ голодавшихъ губерніяхъ супругамъ губернаторовъ: А. П. Борознѣ, Л. Д. Лонгиновой, А. В. Шидловской, С. Д. Арсеньевой, Е. Я. Косаговской, и прочимъ лицамъ, принимавшимъ участіе въ облегченіи голода. 13-го марта получено было мною письмо отъ секретаря императрицы, выражающее мнѣ искреннюю признательность ея величества за столь успѣшное выполненіе порученія, возложеннаго на меня по особенному ея довѣрію.

Порученіе это оставило незабвенное воспоминаніе въ моемъ сердцѣ. Оно помогло перенести тяжелую потерю, ниспосланную мнѣ Провидѣніемъ. Жена моя, послѣ двухъ поѣздокъ за границу, не переставала страдать отъ боли въ спинной кости и скончалась 5-го сентября въ Баденѣ. Передъ кончиною она изъявила желаніе быть погребенною въ Петербургѣ. Послѣднія слова покойной, какъ видно изъ депеши сына нашего Анатолія, были обращены ко мнѣ. Хотя еще здѣшніе доктора, Экъ и Григоровичъ, предсказывали грустный исходъ ея болѣзни, но извѣстіе о смерти жены и друга, дѣлившаго со мною 40 лѣтъ горе и радость, подѣйствовало на меня весьма сильно. Никогда не забуду того состоянія, въ которое я впалъ. Когда привезенное въ Петербургъ тѣло покойной опустили въ могилу, то меня постигло полное онѣмѣніе. Я не сознавалъ ничего, происходившаго кругомъ меня. Дѣти мои: два сына и двѣ дочери, уже пристроенныя, жить со мною не могли. Грусть одиночества разрушала мое здоровье. Нравственныя муки дошли до того, что даже служебныя занятія казались мнѣ невыносимо тяжкими. Я не знаю, что было бы со мною далѣе, еслибъ не спасли меня два важныхъ обстоятельства: моя вторая женитьба и назначеніе генераль-губернаторомъ Восточной Сибири. Послѣднее состоялось 21-го января 1871 года.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Н. П. Синельниковъ.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ КЪ СВѢТУ ¹⁾.

(Мытарства крѣпостного человѣка).

VIII.

СВѢ РАЗСКАЗЫ стараго чабана глубоко западали въ въ мою душу, пробуждая во мнѣ любознательность и сильное стремленіе ко всему великому и прекрасному. Я крѣпко досадовалъ на то, что Турта отличался феноменальною молчаливостію, благодаря которой мнѣ весьма рѣдко приходилось наслаждаться его занимательными и полными своеобразной прелести разказами о старинѣ; тѣмъ не менѣе я старался изъ всѣхъ силъ, чтобы угодить чѣмъ бы то ни было атаману и вызвать его на бесѣду со мною...

Мало-по-малу я совершенно втянулся въ чабанскую жизнь и былъ убѣжденъ, что лучшаго существованія крѣпостному человѣку нечего и желать. Не долго, однако, пришлось мнѣ наслаждаться этою жизнью: неумолимый рокъ готовилъ мнѣ новыя испытанія. Не знаю, по просьбѣ ли моего отца, или просто по желанію самого управителя, мнѣ вдругъ было приказано оставить чабанскую должность и снова возвратиться на свое прежнее мѣсто, въ домъ Карла Ивановича. Извѣстіе это поразило меня, какъ громомъ... Со слезами на глазахъ простился я съ Туртою, овцами и нашими вѣрными хранителями собаками, взялъ свои пожитки и отправился на барскій дворъ... А кругомъ меня разстидалась та же безбрежная, ве-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LX, стр. 58.

личественная и улыбающаяся степь. Воздухъ былъ наполненъ ароматомъ безчисленнаго множества цвѣтовъ, пѣніемъ разнообразныхъ птицъ и жужжаніемъ носящихся надъ высокими травами насѣкомыхъ. Мнѣ казалось, что каждый стебелекъ, каждый цвѣтокъ привѣтливо киваютъ своими головками, словно прощаясь со мною и приглашая меня не забывать о нихъ и при первой возможности снова вернуться къ нимъ на житье; то же самое чудилось мнѣ въ пѣніи птицъ и жужжаніи насѣкомыхъ. Трудно изобразить словами то тяжелое чувство тоски и одиночества, которое наполнило мое сердце, когда я, миновавъ послѣднюю ниву, увидѣлъ предъ собою съ вершины небольшой возвышенности Тарасовку и ненавистныя мнѣ строенія барской усадьбы.

Съ водвореніемъ на старомъ мѣстѣ я велъ уже далеко не прежній образъ жизни. вмѣсто того, чтобы тратить свободное отъ служебныхъ занятій время на пошлыя забавы, подобно остальной дворнѣ, я запирался въ свой уединенный чуланчикъ, изъ оконъ котораго открывался прекрасный видъ на любимую мною степь, и тамъ проводилъ цѣлыя часы за чтеніемъ находившихся у меня книгъ; когда же всѣ онѣ были выучены чуть ли не наизусть, тогда я, по совѣту одного изъ барскихъ лакеевъ, обратился за книгами къ старому камердинеру князя Карузы. Тотъ, узнавъ о моей любви къ чтенію, не замедлилъ вручить мнѣ цѣлый ящикъ различныхъ литературныхъ сочиненій, между которыми, кромѣ такихъ журналовъ, какъ «Библіотека для Чтенія», «Отечественныя Записки», «Сынъ Отечества» и др., оказались еще отдѣльныя изданія Пушкина, Жуковскаго и Гоголя. Вы себѣ не можете представить, съ какою жадностью набросился я на всѣ эти книги и съ какимъ наслажденіемъ проводилъ время за чтеніемъ нашихъ знаменитыхъ классиковъ. Иной разъ случалось, что какъ засяду съ вечера за какое нибудь сочиненіе, то оторвусь отъ него лишь тогда, когда первые лучи восходящаго солнца озаряютъ комнату. Въ особенности привлекалъ меня къ себѣ Гоголь, произведенія котораго открывали мнѣ совершенно новыя красоты въ томъ же самомъ мірѣ, какой мнѣ былъ знакомъ уже съ дѣтства. Чтеніе быстро расширяло мой умственный кругозоръ, и я съ каждымъ днемъ все больше и больше ненавидѣлъ свою лакейскую обязанность, вспоминая въ то же время съ глубокимъ сожалѣніемъ о вольной, поэтической жизни чабана среди степей. Наряду съ этимъ въ моей душѣ созрѣло желаніе вырваться во что бы то ни стало изъ того омута, въ которомъ я находился, и уйти туда, гдѣ бы мнѣ можно было свободно заняться своимъ самообразованіемъ и болѣе производительнымъ, благороднымъ трудомъ. Судьба сжалилась надо мною, и я снова очутился въ обществѣ стараго Турты, а вскорѣ разстался съ домомъ Карла Ивановича навсегда. Случилось это помимо моей воли и вотъ по какой причинѣ. Мнѣ шель

уже пятнадцатый годъ. Я былъ мальчикъ рослый не по лѣтамъ, довольно красивый, какъ мнѣ неоднократно говорили близкіе люди. Благодаря этому обстоятельству, а также рѣдкому, по своему положенію, развитію, моя особа производила неотразимое и сильное впечатлѣніе не только на всѣхъ горничныхъ барскаго дома, но даже остановила на себѣ вниманіе дочери самого Баумана. Эта дѣвушка все чаще и чаще пыталась заговаривать со мною, брала меня нерѣдко съ собою въ сосѣдній лѣсокъ за цвѣтами и ягодами, нерѣдко обращалась ко мнѣ съ просьбой прочесть ей что нибудь изъ имѣвшихся у меня книгъ, словомъ, не проходило дня, чтобы она не провела со мной хоть нѣсколько минутъ. На первыхъ порахъ я не придавалъ этому ни малѣйшаго значенія, тѣмъ болѣе, что моя молоденькая госпожа была цѣлымъ годомъ старше меня; однако, съ теченіемъ времени и въ моемъ сердцѣ проснулось какое-то непонятное чувство, тянувшее меня невольно къ хорошенькой Генриеттѣ. Дѣло мало-по-малу дошло до того, что мы пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы быть вмѣстѣ. Само собою разумѣется, что всѣ наши свиданія происходили безъ свидѣтелей и сохранялись въ глубочайшей тайнѣ, такъ какъ мы прекрасно понимали, что узнай про наши отношенія кто нибудь изъ домашнихъ дѣвушки, надъ нами могла бы разразиться самая ужасная гроза. Не смотря, однако, на самыя тщательныя предосторожности, нашъ романъ окончился гораздо скорѣе и хуже, чѣмъ это можно было себѣ представить. Однажды, передъ вечеромъ, Генриетта, воспользовавшись отъѣздомъ отца въ поле, поспѣшила ко мнѣ въ комнату. Усѣвшись на старомъ диванчикѣ и обнявшись другъ съ другомъ, мы стали разсматривать какую-то нѣмецкую книгу съ большими прекрасными гравюрами. Не прошло и четверти часа, какъ вдругъ дверь въ мой чуланъ отворилась, и на порогѣ ея появился ни болѣе ни менѣе, какъ самъ Карлъ Ивановичъ. При видѣ представившейся ему картины, онъ такъ и остановился отъ изумленія и ужаса; смертельная блѣдность покрыла его лицо, и нѣмецъ принужденъ былъ даже схватиться одною рукою за косякъ двери, чтобы не упасть на полъ. Около минуты въ комнатѣ царило гробовое, но краснорѣчивое молчаніе. Я и Генриетта лишились, какъ говорится, ногъ и языка. Но вотъ нѣмецъ сразу пришелъ въ себя и гаркнулъ страшнымъ голосомъ на весь домъ:

— Какъ ты смѣлъ, негодный щенокъ, гадкій мужикъ, какъ ты смѣлъ прикоснуться своими грязными руками къ моей дочери?! Сію же минуту вонъ отсюда снова къ овцамъ! И чтобы я духу твоего не слышалъ отъ сего дня не только здѣсь, во дворѣ, но даже въ деревнѣ!.. А ты, Генриетта, ты!—продолжалъ онъ послѣ небольшой паузы: что ты сдѣлала? Я никогда, никогда не ожидалъ, но даже и во снѣ не могъ представить себѣ такой гадости... Отправляйся немедленно въ свою комнату и тамъ жди заслуженнаго наказанія!..

Не помню, какъ я вышелъ изъ дома управляющаго, какъ перодѣлся въ свой прежній чабанскій костюмъ и какъ очутился внѣ деревни... Только за околицей, когда мнѣ въ лицо пахнулъ свѣжій степной вѣтеръ, и до слуха донеслось веселое щебетанье пташекъ,—только тогда мои мысли пришли въ нѣкоторый порядокъ, и я глубоко вздохнулъ. Съ одной стороны мнѣ было чрезвычайно больно, что изъ-за меня пострадала такая дѣвушка, какъ Генриетта, а съ другой—я отчасти и радъ былъ тому, что наша ребяческая любовь прервалась такимъ неожиданнымъ образомъ; въ противномъ случаѣ, Богъ вѣсть, что бы могло случиться, если бы наши романическія отношенія протянулись еще на нѣкоторое время? Сообразивъ все это, я взглянулъ въ лицо своей будущности болѣе свѣтлыми очами. Напившись у перваго встрѣтившагося мнѣ на пути колодца воды и освѣживъ ею пылающую голову, я быстро зашагалъ по направленію къ той мѣстности, гдѣ ходилъ съ овцами мой старый атаманъ.

IX.

Не успѣло еще солнце скрыться за горизонтомъ, какъ я уже находился предъ лицомъ молчаливаго и попрежнему невозмутимаго Турты, который стоялъ, опершись на свою чабанскую палку. Тутъ же лежали его вѣрные псы; увидя меня, они сначала бросились было ко мнѣ съ лаемъ, но затѣмъ, узнавъ своего прежняго пріятеля, пришли въ неистовый восторгъ, выражая его самымъ бурнымъ образомъ.

— Эге, сынку,—промолвилъ ласково атаманъ при видѣ меня,—вѣрно ты опять напроказилъ въ чемъ нибудь, а?

— Нѣтъ, дѣдусю,—поспѣшилъ я отвѣтить по возможности твердымъ голосомъ, — не напроказилъ я ни въ чемъ.

— Такъ за что же тебя опять спровадили въ чабаны?

Не долго думая, я чистосердечно рассказалъ старику все, что послужило причиною моей новой ссылки. Выслушавъ меня, Турта многозначительно улыбнулся и произнесъ:

— Отъ такъ-то сынку: жинѣкъ надо всегда бояться, какъ огня, потому что изъ-за нихъ почти все зло происходитъ на свѣтѣ. Однако, твое дѣло еще не совсѣмъ плохо: станемъ чабановать попрежнему; а тамъ посмотримъ, что будетъ. Коли тебѣ суждено быть порядочнымъ человѣкомъ, то судьба найдетъ тебя и въ чабанахъ.

Снова потянулась моя прежняя, однообразная, но полная поэзіи пастушеская жизнь. Снова старый Турта началъ питать надежду, что изъ меня выйдетъ со временемъ образцовый чабанъ. Но его надеждамъ и на этотъ разъ не суждено было сбыться: судьба дѣйствительно отмѣтила меня своимъ перстомъ и не переставала преслѣдовать, готова для заброшеннаго въ глушь степей пастуха со-

вершено иной жребій. Спустя годъ послѣ моего вторичнаго зачисленія въ чабаны, умеръ нашъ шафмейстеръ, и его мѣсто занялъ какой-то нѣмецъ изъ сосѣдней колоніи Гофнунгстала, по фамиліи Кнейпъ. Не скажу, чтобы новый шафмейстеръ относился къ намъ, чабанамъ, съ большею строгостью, чѣмъ его предшественникъ; напротивъ, онъ еще рѣже ѣздилъ по степи и меньше наблюдалъ за нами, вслѣдствіе чего чабаны могли скорѣе надуть его и скрыть всѣ свои плутни и упущенія. Но дѣло въ томъ, что Кнейпъ имѣлъ въ Гофнунгсталѣ клочекъ собственной земли и многочисленную родню. Въ силу этихъ условій онъ прежде всего заботился о своихъ личныхъ дѣлахъ, придерживаясь мудрой пословицы: «своя рубаша ближе къ тѣлу». Руководясь такимъ правиломъ, Кнейпъ не только держалъ самоправно между княжескими овцами тысячи двѣ своихъ «цыгеекъ», но даже пользовался значительною долею той провизіи, которая отпускалась изъ экономіи для чабановъ. Не удивительно, что при подобномъ порядкѣ вещей намъ приходилось нерѣдко жить впроголодь, питааясь лишь тѣмъ, что удавалось стащить гдѣ нибудь съ огорода или «баштана». Корыстолюбивый нѣмецъ дошелъ, въ концѣ концовъ, даже до того, что впродолженіе всего лѣта не выдавалъ никому изъ чабановъ кожи на «постолы» (обувь), разсуждая не безосновательно, что пастушьи ноги прекрасно свыкнутся съ «будяками», қоллочками и жнивьемъ безъ всякой обуви; что же касается получаемыхъ изъ экономіи для этой цѣли кожъ, то Кнейпъ отправлялъ ихъ цѣликомъ къ своему родственнику-шорнику, который приготовлялъ изъ нихъ великолѣпную сбрую; впослѣдствіи нашъ шафмейстеръ снабжалъ ею не только Гофнунгсталь, но и многія другія колоніи. Весьма естественно, что такіе коммерческіе расчеты и соображенія въ особенности не нравились мнѣ, привыкшему къ обуви съ ранняго дѣтства. Когда мои «постолы» пришли въ совершенную негодность, мнѣ пришлось испытывать жесточайшія муки, такъ какъ босые ноги скоро потрескались и покрылись ранами вслѣдствіе массы набившихся въ нихъ колючекъ и разныхъ занозъ. Обращаться за помощью къ роднымъ я не привыкъ, да и; помимо того, не имѣлъ времени отправиться къ нимъ въ деревушку, отстоявшую отъ нашего пастбища верстъ на десять съ лишнимъ. Увидя какъ-то подлѣ нашей отары шафмейстера, я обратился къ нему съ просьбой выдать мнѣ если не готовые «постолы», то хоть кусокъ кожи, изъ которой я бы могъ и самъ, при помощи Турты, смастерить себѣ кое-какую обувь.

— Нѣтъ у меня кожъ для тебя!—отвѣтилъ мнѣ рѣзко нѣмецъ.

— Но вѣдь мнѣ невозможно ходить за овцами босикомъ,—продолжалъ я.

— А почему прочіе чабаны ходятъ и не жалуются?

— Пусть себѣ другіе ходятъ; быть можетъ, они привыкли къ этому, но я уже окончательно искалѣчилъ ноги и безъ постоловъ не буду пасти овецъ!

— Не будешь?! — спросил удивленнымъ голосомъ Кнейпъ.

— Да, не буду! — отвѣчалъ я, смотря вызывающимъ образомъ въ глаза нѣмцу.

— Ага, такъ ты вотъ какая птица! Хорошо же, я поговорю о тебѣ съ управляющимъ сегодня же, и тогда мы посмотримъ, будешь ли ты пасти босикомъ овецъ, или нѣтъ!...

Съ этими словами шафмейстеръ поспѣшилъ уѣхать отъ стада.

— Ну,—думаю себѣ,—пострадаю я, но попомнишь и ты меня, нѣмецкая колбаса!... И такое, знаете, зло взяло меня противъ Кнейпа, что я, кажется, готовъ былъ рѣшиться на все, лишь бы отомстить жадному на чужое добро нѣмцу. Къ вечеру того же дня въ моей головѣ созрѣлъ уже и планъ мести, который я не замедлилъ осуществитъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

Надобно вамъ сказать, что мы съ Туртою пасли свою отару неподалеку отъ рѣки, на берегу которой находился барскій огородъ, изобиловавшій главнымъ образомъ капустой, картофелемъ, лукомъ и другими овощами, необходимыми въ каждомъ хозяйствѣ. Вокругъ этого огорода не существовало почти никакой изгороди. Выкопанная же здѣсь въ кой-то вѣки канава была во многихъ мѣстахъ совсѣмъ занесена иломъ и камнями, катившимися обыкновенно сюда во время проливныхъ дождей со склоновъ сосѣдней возвышенности. Являясь къ рѣкѣ въ полдень на водопой, мы должны были смотрѣть за отарой во всѣ глаза, иначе, чуть-чуть бывало завѣваешься, проклятыя козы сейчасъ очутятся на огородѣ и такихъ бѣдъ натворятъ тамъ, что Боже упаси. Правда, на огородѣ существовалъ всегда сторожъ, полуслѣпой старикъ, по прозванію Куликъ, но пока онъ доковыляетъ бывало къ козамъ, тѣ успѣютъ и удрать, оставивъ послѣ себя на грядкахъ трудно изгладимые слѣды. Вотъ я и вздумалъ воспользоваться страстью козъ къ капустѣ, какъ средствомъ для болѣе успѣшнаго достиженія своей цѣли. На другой день послѣ моей встрѣчи съ Кнейпомъ, лишь только мы напоили овецъ и направили ихъ по обыкновенію въ поле мимо огорода, чрезъ недавно скошенный лугъ, какъ Турта говоритъ мнѣ:

— Ты, сынку, присматривай за отарой, пока она будетъ подыматься «попасомъ» на гору, а я тѣмъ часомъ засну немножко вонъ подъ тѣмъ стогомъ сѣна.

— Добре, дідусю, добре, ложитесь,—отвѣчаю я веселымъ голосомъ, сообразивъ, что теперь именно представляется самый удобный моментъ для приведенія въ исполненіе задуманной мною мести.

Когда, по моему расчету, атаманъ захрапѣлъ во всю носовую завертку, я подошелъ къ огороду и, видя, что на немъ нѣтъ нигдѣ ни живой души, возвратился къ стаду и направилъ его тотчасъ же на капусту. Какъ только мои козы увидѣли, что путь къ огороду свободенъ, онѣ вихремъ помчались къ лакомому кушанью; туда же

за ними потянулось немедленно и все стадо. Я же забрался тѣмъ временемъ въ огромные лопухи, росшіе вблизи огорода, и съ злорадствомъ наблюдалъ оттуда, съ какимъ аппетитомъ козы истребляли панскую капусту и прочую зелень. Однако, радость моя была не слишкомъ продолжительна. Не прошло и пяти минутъ, какъ изъ «куренья», стоявшаго на другомъ концѣ огорода, выползъ Куликъ. Приставивъ ко лбу ладонь, онъ сталъ внимательно осматривать свои владѣнія. При видѣ козъ и производимаго ими опустошенія старикъ издалъ такой ужасный возгласъ, что я моментально бросился на землю и поспѣшилъ спрятаться въ самую гущавину лопуховъ.

— «Вотъ теперь-то будетъ настоящая катавасія»,—подумалъ я. Сторожъ, между тѣмъ, съ громкимъ гикомъ и свистомъ выгонялъ поспѣшно отару изъ огорода, посылая по адресу чабановъ страшныя проклятія и ругательства. Первымъ дѣломъ его послѣ отбитія козьею атаки было желаніе во что бы то ни стало найти главныхъ виновниковъ «шкоды»¹⁾, пастуховъ бывшаго на капустѣ стада. Съ этою цѣлью Куликъ, словно руководимый какимъ-то чутьемъ, направился прежде всего къ стоявшему неподалеку отъ огорода скирду сѣна и, найдя тамъ спящаго Турту, принялся колотить его своею клюкой, что было мочи. Весьма понятно, что послѣ перваго же удара старый атаманъ въ ужасѣ вскочилъ съ мѣста и, не сообразивъ спросонокъ, въ чемъ дѣло, бросился, какъ угорѣлый, бѣжать, куда глаза глядятъ; однако, длинная палка не оставляла его въ покоѣ, такъ такъ Куликъ не отставалъ отъ удиравшаго чабана ни на одинъ шагъ. Наконецъ Турта, понявъ изъ отрывистыхъ восклицаній сторожа, за что ему приходится претерпѣвать такое гоненіе, остановился и, повернувшись лицомъ къ преслѣдователю, закричалъ:

— Да перестань же ты, сумасшедшій! Развѣ можно нападать на соннаго человѣка, не разобравъ напередъ хорошенько, виновать ли онъ въ чемъ, или нѣтъ?.. Ты бы лучше поискалъ моего подпасича, которому я поручилъ присматривать за овцами, пока самъ буду отдыхать!..

— А гдѣ-жъ онъ? — спросилъ запыхавшійся отъ гнѣва и быстраго бѣга Куликъ.

— Ступай, ищи, а меня оставь въ покоѣ; мальчуганъ навѣрное прячется гдѣнибудь здѣсь же въ лопухахъ.

Не долго думая, Куликъ тотчасъ же бросился искать скрывшагося преступника; но всѣ его труды въ этомъ отношеніи оказались тщетны, такъ какъ я находился уже далеко отъ мѣста происшествія. Пошаривъ еще около часу между лопухами и будяками, сторожъ плюнулъ въ концѣ концовъ и пошелъ въ свой курень отдыхать.

¹⁾ Потравы.

Только передъ вечеромъ, когда Турта съ овцами находился уже версты за три отъ рѣки, я осмѣлился приблизиться къ нему.

— А что это ты натворилъ, сынку?—обратился ко мнѣ съ улыбочкой атаманъ.

— Какъ чтò, ничего,—отвѣтилъ я пренаивнѣйшимъ образомъ.

— Гм... а развѣ ты не знаешь, что наша отара съѣла чуть ли не всю капусту на огородѣ?

— Знаю.

— Ну, такъ почему же ты говоришь, что ничего не натворилъ?

— А потому, что не могъ же я бѣжать за козами по «штурпакамъ» и будякамъ, коли у меня на ногахъ нѣтъ постоловъ!

— Эй, сынку, «шануйся» (берегись),—заговорилъ уже серьезнымъ тономъ Турта:—«шануйся»; будутъ тебѣ эти постолы на спинѣ, если только Куликъ расскажетъ про поправу шафмейстеру, а тотъ передастъ управляющему!

— Ничего мнѣ, дѣдуся, не будетъ,—прервалъ я старика:—вѣдь говорилъ же я раньше поганому нѣмцу, что не въ состояніи ходить босикомъ за овцами.

— Ну, ну, посмотримъ завтра, а теперь иди-ка, да будемъ подгонять овецъ къ «тырлу» (мѣсто стоянки).

Х.

На утро меня дѣйствительно потребовали въ контору. Прежде, чѣмъ явиться туда, я обвязалъ грязными и окровавленными тряпками свои ноги, хотя онѣ и безъ того были до такой степени изуродованы, что страшно было на нихъ взглянуть. Когда я вошелъ въ контору, то сразу очутился предъ лицомъ своего стараго благодѣтеля, Карла Ивановича, который такъ и набросился на меня:

— Что же это ты, негодяй, надѣлалъ, а? Зачѣмъ пустилъ на огородъ козъ?

— Я ихъ вовсе не пускалъ туда.

— А кто же съѣлъ капусту?

— Вѣстимо, козы,—отвѣчаю прехладнокровнымъ тономъ.

— Почему же ты, собачій сынъ, допустилъ ихъ до этого?

— Потому,—продолжалъ,—что у меня нѣтъ постоловъ; а вокругъ огорода, какъ вы сами знаете, находится пропасть разныхъ каменьевъ и «будяковъ».

Тутъ только Бауманъ обратилъ вниманіе на мои ноги.

— Гдѣ же твои постолы?—обратился онъ ко мнѣ.

— Не знаю, спросите объ этомъ шафмейстера, который желаетъ, чтобы чабаны ходили лѣтомъ за овцами безъ обуви.

— Что ты врешь!—прикрикнулъ на меня управляющій.

— Если вы мнѣ не вѣрите, то спросите у прочихъ чабановъ, а я могу вамъ показать даже то мѣсто, гдѣ лежатъ наши постолы.

— Если бы они тамъ были, то ты давно получилъ бы ихъ,—прервалъ меня Бауманъ,—а ты просто-напросто гадкій мальчишка и со злости самъ не знаешь, что говоришь.

— Ну, Карлъ Ивановичъ, — заговорилъ я съ жаромъ:—если я вру, то потрудитесь сами посмотрѣть въ тотъ погребъ, который находится подлѣ Кнейпа, и тамъ вы увидите чабанскіе постолы.

— А ну-ка, ну-ка, пойдѣмъ, посмотримъ! — проговорилъ уже мягкимъ и нѣсколько шутливымъ голосомъ Бауманъ, беря меня за ухо и выводя изъ конторы.

Очевидно, сообщенное мною извѣстіе было весьма пріятно управляющему, такъ какъ между нимъ и Кнейпомъ существовалъ уже какой-то разладъ. Выйдя во дворъ, я въ сопровожденіи Карла Ивановича двинулся по направленію къ дому шафмейстера, и чрезъ нѣсколько минутъ мы стояли уже предъ тѣмъ погребомъ, въ которомъ, какъ мнѣ было раньше извѣстно, хранилась сдѣланная изъ экономическихъ кожъ сбруя. Бауманъ немедленно потребовалъ къ себѣ Кнейпа и велѣлъ ему открыть двери погреба. Шафмейстеръ былъ видимо испуганъ. Сначала онъ сообщилъ Карлу Ивановичу, что забылъ ключъ отъ этой двери гдѣ-то на «кошарахъ» (помѣщеніи для овецъ); затѣмъ присовокушилъ, что въ погребѣ давнымъ-давно ничего не хранится по той причинѣ, что онъ пришелъ въ совершенную ветхость; когда же управляющій категорически приказалъ открыть дверь, грозя въ противномъ случаѣ разломать ее, тогда Кнейпъ отправился въ домъ и скоро вернулся оттуда съ ключемъ. Чрезъ минуту дверь погреба была открыта, и Карлъ Ивановичъ очутился предъ цѣлою кучею всевозможныхъ хомутовъ, возжей, уздечекъ и т. п. предметовъ. Нечего и говорить, что смѣшавшійся въ конецъ Кнейпъ рѣшительно не могъ дать сколько нибудь подходящаго отвѣта на вопросъ: по какому случаю въ этомъ погребѣ оказалось столько сбруи? Онъ только съ страшной злобой посмотрѣлъ на меня, догадавшись уже, конечно, что я былъ главнымъ виновникомъ обнаруженнаго факта.

— Ну, ты теперь можешь снова возвращаться къ овцамъ,—обратился ко мнѣ Карлъ Ивановичъ,—а завтра получишь постолы. О васъ же, г. Кнейпъ, я немедленно донесу князю и на всякій случай совѣтую приготовиться въ дорогу, такъ какъ ваше явное мошенничество ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть терпимо въ экономіи!..

Фраза эта была произнесена строгимъ тономъ и порусски, такъ какъ Бауманъ, принадлежа къ числу обрусѣвшихъ нѣмцевъ, объяснялся съ шафмейстеромъ и садовникомъ на своемъ родномъ языкѣ только въ самой дружеской, интимной бесѣдѣ. Чрезъ двѣ недѣли послѣ этого событія Кнейпъ оставилъ Тарасовку, посылая на мою

голову страшныя проклятія. Такимъ образомъ я не только отдѣлался отъ всякаго наказанія за уничтоженную козами капусту, но и жестоко отмстилъ шафмейстеру за свои израненныя ноги.

Около этого времени умеръ мой отецъ, послѣ чего мать стала просить управляющаго, чтобы онъ отпустилъ меня домой помогать ей въ хозяйствѣ или же, по крайней мѣрѣ, перевелъ меня на такую должность, которая бы давала мнѣ возможность бывать ежедневно среди своихъ родныхъ. Бауманъ пообѣщаль удовлетворить ея просьбу; но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ исполнить свое обѣщаніе, я былъ освобожденъ отъ чабанскихъ занятій совершенно инымъ образомъ, благодаря участію въ моей судьбѣ самого князя Карузы. Выйдя вскорѣ по окончаніи севастопольской кампаніи въ отставку и поселившись въ своемъ имѣніи, Георгій Николаевичъ вздумалъ отправить нѣсколькихъ мальчиковъ изъ собственныхъ крѣпостныхъ въ одну сельско-хозяйственную школу, а также въ имѣніе великой княгини Елены Павловны, с. В. Полтавской губерніи; цѣль этой затѣи заключалась въ томъ, чтобы имѣть современемъ своихъ ученыхъ приказчиковъ и овцеводовъ. Желая выбрать по возможности болѣе способныхъ для этого дѣла подростковъ, князь обратился, разумѣется, за совѣтомъ къ Бауману. Нѣмецъ, не долго думая, указалъ прежде всего на меня, какъ на самаго подходящаго субъекта для будущаго овцевода. По всей вѣроятности, хитрый управитель руководился въ данномъ случаѣ желаніемъ сбыть меня куда нибудь подальше съ рукъ, такъ какъ его хорошенькая Генріетта все-таки нерѣдко вспоминала обо мнѣ и, не смотря на то, что я былъ уже настоящимъ чабаномъ, ухитрялась иногда передавать мнѣ даже записочки. Князь приказалъ, чтобы я немедленно явился къ нему на смотръ. Когда вечеромъ прискакавшій къ нашей отарѣ объѣздчикъ сообщилъ, что князь требуетъ меня къ себѣ, я такъ и оторопѣлъ: «неужели, думаю себѣ, опять эта злополучная капуста?».

— Не бойся, сынку, не бойся,—успокоивалъ меня Турта,—молись Богу и слѣши къ пану: онъ тебя даромъ не обидить, у него скорѣе найдешь правду, чѣмъ у нашихъ нѣмцевъ.

Ободренный этими словами, я собралъ свои пожитки и отправился къ барской усадьбѣ. На слѣдующій день, какъ только я очутился предъ глазами Карузы, онъ посмотрѣлъ на меня внимательно нѣсколько секундъ и воскликнулъ:

- А вѣдь я тебя гдѣ-то видѣлъ, хлопче?
- Въ Фокшанахъ, ваше сіятельство,—отвѣтилъ я.
- Гдѣ, гдѣ?—переспросилъ изумленный князь.
- Въ Фокшанахъ!—повторилъ я погромче.
- Какими же судьбами ты могъ тамъ очутиться?

Тутъ я рассказалъ Георгію Николаевичу о своемъ путешествіи въ Молдавію вмѣстѣ съ Бауманомъ.

— А, теперъ помню, помню!—воскликнулъ Каруза.—Такъ это

ты тотъ самый мальчуганъ, который былъ тогда въ моей палаткѣ и которому я подарилъ двадцать пять рублей на книги?

— Да, это я самый и есть.

— Но какимъ же образомъ ты изъ лакея превратился въ чабана?

Въ отвѣтъ на это мнѣ пришлось рассказать князю подробно исторію, сопровождавшую пропажу 50 рублей.

— Жаль, очень жаль, что тебя совершенно напрасно подвергли такому тяжкому наказанію,—замѣтилъ Георгій Николаевичъ, выслушавъ меня,—но такъ какъ этого дѣла теперь нельзя уже исправить, то я постараюсь загладить его инымъ способомъ: я сдѣлаю изъ тебя ученаго шафмейстера; согласенъ ты на это, а?

— Не только согласенъ,—поспѣшилъ я отвѣтить,—но даже буду вѣчно Бога молить за ваше сіятельство, если вы сдѣлаете для меня такое доброе дѣло...

— Вотъ и прекрасно, — продолжалъ князь:—въ такомъ случаѣ завтра же приготовляйся въ путь; въ конторѣ тебѣ выдадутъ на дорогу денегъ, а также мое письмо къ директору овцеводства въ имѣніи княгини Елены Павловны; понялъ?

— Понялъ, ваше сіятельство.

— Ну, такъ съ Богомъ!

Я бросился цѣловать руку князя, который, пожелавъ мнѣ еще разъ счастливаго пути, удалился въ свой кабинетъ. Къ вечеру того же дня я распростился съ Туртою, при чемъ мы оба всплакнули таки порядкомъ. Крѣпко мнѣ не хотѣлось расставаться съ добрымъ старикомъ и раздольной степью, которую я полюбилъ всѣмъ своимъ существомъ; однако сознаніе того, что я современемъ опять возвращусь въ эти мѣста и притомъ не простымъ чабаномъ, а уже ученымъ шафмейстеромъ, — сознаніе это значительно облегчало мое горе.

— Смотри же, сынку, не забывай стараго Турту!—произнесъ, обнимая меня со слезами на глазахъ, атаманъ.

— Не забуду, дідусю, не забуду, пока буду жить на свѣтѣ!—отвѣчалъ въ свою очередь и я, утирая рукавомъ катившіяся по лицу слезы.

XI.

Недѣли черезъ двѣ я былъ уже ученикомъ господина Блюменталя, главнаго директора овцеводства въ имѣніи великой княгини Елены Павловны. Здѣсь для меня наступила та жизнь, о которой я давно уже мечталъ. Всѣхъ насъ, учениковъ, было на фермѣ не болѣе 20 человекъ, такихъ же крѣпостныхъ мальчиковъ, какъ и я. При томъ образцовомъ порядкѣ, который господствовалъ здѣсь не только на фермѣ овцеводства, но и въ цѣломъ имѣніи, весьма естественно, что и всѣмъ намъ жилось превосходно: мы были всегда

сыты, хорошо одѣты и пользовались удобными помѣщеніями; оставалось только аккуратно и добросовѣстно исполнять свои обязанности въ отношеніи физическихъ работъ и быть прилежными при изученіи теоріи избраннаго нами предмета и нѣкоторыхъ другихъ общеобразовательныхъ наукъ. Курсъ нашихъ занятій заключался главнымъ образомъ въ основательномъ изученіи овцы, а также всего того, что касалось ухода за нею, начиная съ кормленія и оканчивая бонитировкой мериносовыхъ стадъ. По части общаго образованія намъ преподавалось хотя не много предметовъ, но за то они проходились весьма основательно, и кто изъ насъ имѣлъ охоту къ ученью, тотъ могъ многое почерпнуть для себя. Здѣсь я долженъ замѣтить, что не только учителя, но и самъ герръ Блюменталь никогда не отказывали ученику, желающему получить какое нибудь объясненіе, даже въ отношеніи такихъ вещей, которыя вовсе не входили въ кругъ изучаемыхъ предметовъ. Правда, въ отношеніи изученія овцеводства директоръ держалъ себя весьма странно, сообщая намъ лишь самыя необходимыя свѣдѣнія, при чемъ съ большимъ вниманіемъ относился всегда къ тѣмъ ученикамъ, которые принадлежали къ числу крѣпостныхъ какого нибудь вліятельнаго лица; что же касается тѣхъ изъ насъ, которые составляли собственность кого либо изъ помѣщиковъ побѣднѣе, то имъ приходилось получать нужныя свѣдѣнія чуть ли не изъ третьихъ рукъ. Во время же бонитировки, вѣнца, такъ сказать, овцеводнаго дѣла, Блюменталь ставилъ «неименитыхъ» учениковъ какъ можно подалеже отъ себя, благодаря чему они слышали одни термины, не имѣя въ то же время никакой возможности составить хотя бы приблизительное понятіе объ изучаемомъ предметѣ. Гораздо въ лучшемъ положеніи находились, разумѣется, тѣ ихъ нѣщихъ, которые занимали мѣсто подъ рукою директора; къ числу этихъ счастливицевъ принадлежалъ и я, пользуясь даже особымъ расположеніемъ ученаго вѣнца; по всей вѣроятности, этому не мало способствовало то обстоятельство, что князь Каруза, бывая проездомъ въ Петербургъ въ Б., удостоился одинъ разъ обѣдать за столомъ великой княгини. Почему Блюменталь такъ ревниво оберегалъ свои умственные сокровища отъ русскихъ учениковъ,—рѣшить не трудно: онъ, какъ истый сынъ фатерланда, вовсе не желалъ, чтобы Россія, даже въ самомъ отдаленномъ будущемъ, могла обходиться своими собственными специалистами по организаціи овцеводнаго дѣла.

Не смотря на все разнообразіе малороссійской природы, посреди которой находилось с. Б., я долго, долго еще скучалъ по своимъ раздольнымъ степямъ, и только усердный трудъ, а также неутолимая жажда къ ученью, заставляли меня забывать по временамъ родныя поля, усѣянные курганами, стараго Турту и его флегматичную отару, сопровождаемую моими любимыми собаками. Какъ бы тамъ, однако, ни было, но четыре года, предназначенные для

прохожденія нашего курса, пролетѣли очень скоро. Я окончилъ курсъ въ числѣ первыхъ, получилъ званіе ученаго шафмейстера и, вооружившись аттестатомъ, поспѣшилъ обратно на родину. Будущее представлялось мнѣ въ самомъ радужномъ свѣтѣ. Мнѣ казалось, что я буду встрѣченъ въ Тарасовкѣ чуть не съ распростертыми объятіями всѣмъ моимъ бывшимъ начальствомъ, и что мнѣ сразу удастся занять выдающееся положеніе въ имѣніи князя Карузы. Однако, меня тамъ ждало полнѣйшее и самое горькое разочарованіе. За время моего пребыванія въ ученьи здѣсь, въ Тарасовкѣ, произошли крупныя перемѣны. Старый князь, заболѣвъ подагрой или чѣмъ-то другимъ въ этомъ родѣ, уѣхалъ съ однимъ изъ своихъ сыновей въ Италію, гдѣ пробылъ года полтора. По возвращеніи изъ-за границы онъ навсегда поселился въ Петербургѣ, поручивъ пока управленіе дѣлами тому же нѣмцу Карлу Ивановичу. Нечего и говорить, что предусмотрительный Бауманъ, соблюдавшій прекрасно и прежде свои личные интересы, не позабылъ какъ можно пошире воспользоваться предоставленною ему свободой дѣйствій. Съ этою цѣлью онъ началъ такъ хозяйничать, что большая часть доходовъ, получаемыхъ съ имѣнія, шла въ карманъ разчетливаго нѣмца. Еще раньше Карлъ Ивановичъ умудрился приобрести на скопленные «праведнымъ» трудомъ деньжонки около тысячи десятинъ земли, находившейся тутъ же неподалеку отъ имѣнія князя Карузы, въ сосѣднемъ уѣздѣ. Управляя теперь дѣлами Георгія Ивановича, «честный» нѣмецъ велъ вмѣстѣ съ этимъ и свое хозяйство на купленной землѣ, при чемъ не стѣснялся продѣлывать такія штуки, которымъ въ настоящее время трудно и повѣрить. Воздвигая, напримѣръ, въ Тарасовкѣ какое нибудь зданіе и покупая для подобной цѣли желѣзо, лѣсъ и т. п. предметы, Карлъ Ивановичъ лучшіе изъ этихъ матеріаловъ отправлялъ въ собственное имѣніе на свои постройки, а худшіе оставлялъ для княжескихъ сооруженій. Во время уборки сѣна и хлѣба, когда, за недостаткомъ крѣпостныхъ людей, приходилось прибѣгать къ помощи вольнонаемныхъ рабочихъ, управляющій разчитывалъ барскими деньгами не только тѣхъ косарей, которые работали въ Тарасовкѣ, но даже и тѣхъ, которые косили хлѣбъ или сѣно на землѣ, принадлежавшей Бауману. А такъ какъ имѣніе самого Карла Ивановича было куплено почти безъ крѣпостныхъ, то само собою разумѣется, что въ немъ всѣ, безъ исключенія, работы производились наемными людьми. Кромѣ того, управляющій умѣлъ ладить съ прилегающими къ землѣ князя нѣмецкими колоніями, обитатели которыхъ, помимо своей воли, также служили частенько пособниками Баумана въ дѣлѣ надувательства Георгія Николаевича. Бывало управляющій раздастъ имъ на выгодныхъ условіяхъ съемку барскаго сѣнокосу, а колонисты, въ благодарность за такое одолженіе, снимаютъ потомъ бесплатно князю не одну сотню десятинъ

хлѣба. Весьма понятно, что Бауманъ показывалъ затѣмъ въ отчетахъ, что за уборку этихъ десятинь уплачено было рабочимъ наличными деньгами. Вотъ такимъ-то образомъ нашъ Карлъ Иванычъ продолжалъ помаленьку сколачивать себѣ подъ старость изрядный капиталецъ. Я не говорю уже о томъ, какія замысловатыя штуки продѣлывалъ этотъ «честный» нѣмецъ въ Одессѣ, продавая тамъ хлѣбъ, шерсть и другіе предметы, получаемые съ имѣнія князя. При такихъ операціяхъ, какъ носились потомъ слухи, золото лилось рѣкою въ карманъ Баумана. Не знаю уже какими путями, но Георгій Николаевичъ узналъ таки въ концѣ концовъ о продѣлкахъ своего управляющаго. Не желая, однако, заводить по поводу этихъ мошенничествъ длинной исторіи, князь ограничился лишь тѣмъ, что въ одинъ прекрасный день отказалъ Бауману совершенно внезапно отъ должности. Нельзя сказать, чтобы Карлъ Иванычъ былъ особенно огорченъ, получивъ извѣстіе о своей отставкѣ, напротивъ, онъ даже обрадовался случаю уйти поскорѣе на отдыхъ въ собственное имѣніе. Къ удивленію всѣхъ сосѣдей, знавшихъ продѣлки Баумана, князь Каруза удалил нѣмца, не произведя никакой ревизіи дѣлъ и имущества экономіи, а ограничился лишь бѣглымъ просмотромъ тѣхъ свѣдѣній, которыя заключались въ представленныхъ управляющимъ вѣдомостяхъ.

Карлъ Иванычъ выѣхалъ изъ Тарасовки настоящимъ помѣщикомъ: болѣе двадцати огромныхъ воевъ, нагруженныхъ самымъ разнообразнымъ добромъ, потянулись изъ барскаго двора по направленію къ имѣнію Баумана, а за этимъ караваномъ слѣдовали стада прекраснаго рогатаго скота, овецъ и табунъ отборныхъ лошадей, подобныхъ которымъ не было, кажется, и у самого князя Карузы. Разказы по поводу этого случая можно и до сихъ поръ еще слышать не только среди тарасовцевъ, но даже въ другихъ мѣстахъ уѣзда. — «Что-жь, — говаривали обыватели: — на то вѣдь и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ; вольно же было князю довѣряться такъ слѣпо хитрому нѣмцу». Вскорѣ послѣ отѣзда Баумана, Георгій Николаевичъ прислалъ въ Тарасовку своего сына, гвардейскаго поручика, уполномочивъ его передать управленіе имѣніемъ родственнику, генералу В., о которомъ было уже упомянуто мною выше. Генералъ этотъ въ началѣ пятидесятихъ годовъ игралъ довольно видную роль въ качествѣ управляющаго нѣсколькими южнорусскими военными поселеніями. Выйдя не задолго до уничтоженія этихъ поселеній въ отставку, вслѣдствіе какого-то недоразумѣнія по поводу чрезмѣрной эксплуатаціи государственныхъ крестьянъ с. К., В. скоро обзавелся собственнымъ клочкомъ земли неподалеку отъ имѣнія князя Карузы. Отличаясь уже нѣкоторою опытностью въ хозяйственныхъ дѣлахъ, генералъ весьма охотно принялъ на себя управленіе княжескимъ имѣніемъ, извѣстный процентъ доходовъ котораго предназначался въ пользу В., какъ воз-

награжденіе за трудъ. Новый управляющій, какъ военный генералъ стараго закала, отличался въ высшей степени крутымъ и вспыльчивымъ нравомъ и былъ крѣпостникомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Зная, что уже близко то время, когда придется навсегда распроститься съ даровымъ крестьянскимъ трудомъ, онъ старался высосать изъ подчиненныхъ ему крѣпостныхъ послѣдніе соки. И дѣйствительно за какіе нибудь 2—3 года В. успѣлъ такъ расширить и украсить усадьбу, какъ князь со своимъ управляющимъ не сдѣлали бы и за десятки лѣтъ. Тѣмъ не менѣе ненависть къ нему со стороны народа росла не по днямъ, а по часамъ, неоднократно вспыхивалъ даже бунтъ, но благодаря обширнымъ связямъ генерала, а также его военному такту, всѣ эти вспышки были подавляемы мѣстными властями въ самомъ зародышѣ, виновныя же въ этомъ лица преисправнѣйшимъ образомъ шли на поселеніе, получивъ въ видѣ напутствія не одну сотню добрыхъ розогъ на дорогу. Замѣчу здѣсь кстати, что недовольство крестьянъ имѣло своимъ источникомъ въ данномъ случаѣ еще то обстоятельство, что В. былъ феноменальнымъ ловеласомъ и сластолюбцемъ по женской части. Разойдясь съ своей женой еще въ молодости, генералъ, пользуясь своимъ положеніемъ начальника нѣсколькихъ поселеній, умудрялся имѣть у себя всегда цѣлый гаремъ; приобрѣта же собственныхъ крѣпостныхъ и сдѣлавшись управляющимъ князя Карузы, В. постарался еще болѣе увеличить штатъ своихъ одалисокъ, при чемъ, во избѣжаніе разныхъ некрасивыхъ исторій по поводу незаконнорожденныхъ дѣтей, онъ вербовалъ въ ряды гаремныхъ обитательницъ дѣвушекъ не старше 11—12 лѣтъ; по достиженіи же каждой изъ нихъ 13 лѣтъ генералъ спѣшилъ выдавать такихъ замужъ. Подобный образъ дѣйствій стараго селадона въ особенности возмущалъ болѣе молодое поколѣніе тарасовцевъ; но послѣ нѣсколькихъ ссылокъ въ Сибирь никто изъ недовольныхъ не пытался и рта раскрывать при видѣ вопіющихъ безобразій, чинимыхъ генераломъ В. Однажды, это было уже года за два до освобожденія крестьянъ, проживавшій въ Тарасовкѣ фельдшеръ высказался гдѣ-то, что за подобныя безбожные поступки не грѣхъ было бы отправить на тотъ свѣтъ распутника В. Какъ только узналъ объ этомъ генералъ, то немедленно же пригласилъ къ себѣ исправника и въ его присутствіи велѣлъ дать вольнодумцу-фельдшеру 400 розогъ, а затѣмъ передалъ дѣло судебнымъ властямъ. По счастью смерть избавила фельдшера отъ дальнѣйшихъ истязаній. Послѣ этого случая крестьяне еще съ большимъ страхомъ начали относиться къ грозному генералу и терпѣливо смотрѣли на его «баловство» съ крѣпостными дѣвочками.

XII.

Въ эту-то смутную эпоху возвратился я въ Тарасовку изъ Б. Наслушавшись отъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ (матери я уже не засталъ въ живыхъ) про тѣ небывалыя жестокости, которыя продѣлывалъ надъ крѣпостными людьми В., я сразу почувствовалъ, что врядъ ли сбудутся мои мечты относительно полученія здѣсь должности шафмейстера, и крѣпко пожалѣлъ о томъ, что въ это время не было дома самого князя. Однако, дѣлать было нечего, приходилось немедленно являться къ грозному начальнику и просить у него для себя соответствующихъ занятій. Помню, какъ сейчасъ, то тихое, ясное весеннее утро, когда я очутился на знакомомъ мнѣ балконѣ барскаго дома, гдѣ въ тѣни развѣсистой, цвѣтущей липы сидѣлъ В. и пилъ чай, рассматривая какую-то книгу. Онъ такъ былъ углубленъ въ свое занятіе, что не замѣтилъ, какъ я подошелъ къ нему на разстояніе пяти-шести шаговъ и, снявъ шапку, громко произнесъ:

— Здравія желаю вашему превосходительству!

Генераль быстро поднялъ голову и, посмотрѣвъ на меня изъ-подъ сѣдыхъ, нависшихъ бровей своими черными, пронизательными глазами, спросилъ:

— А что тебѣ надобно, братецъ?

— Такъ и такъ, говорю, ваше превосходительство, возвратился я изъ имѣнія великой княгини, гдѣ находился четыре года въ ученіи, и теперь прошу васъ дать мнѣ въ своей экономіи подходящую должность.

— Ага, знаю, знаю,—прервалъ меня громкимъ голосомъ В.,—знаю, но только скажу тебѣ, братецъ, что у меня въ настоящее время уже есть шафмейстеръ изъ нѣмцевъ, и тебѣ придется быть пока его помощникомъ, а со временемъ, когда ты хорошенько поприсмотришься къ дѣлу, я, быть можетъ, дамъ тебѣ и самостоятельную должность по овцеводству гдѣ нибудь въ другомъ имѣніи.

— Радъ стараться, ваше превосходительство!—отвѣтилъ я наипочтительнѣйшимъ и покорнымъ тономъ.

— Ну, такъ вотъ,—продолжалъ генераль,—съ завтрашняго же дня поступай на службу и смотри, веди себя скромно, слушайся шафмейстера; онъ хоть нѣмецъ, но человекъ почтенный, добрый и вообще понимающій свое дѣло; главное же—не мудрствуй лукаво и не стремись къ власти или, какъ говорятъ хохлы, «не суйся попередь батька въ пекло»; я вѣдь васъ, молодыхъ верхоглядовъ, хорошо знаю...

Съ этими словами В. махнулъ рукою по направленію къ воротамъ, давая этимъ понять, что аудіенція кончена, и что мнѣ можно уже уходить. Я поспѣшилъ отвѣсить низкій поклонъ и, не надѣвая

шапки, отправился къ выходу на улицу. Весь этотъ день у меня на душѣ лежалъ тяжелый гнетъ, а въ головѣ происходила какая-то невообразимая путаница, среди которой явственно выдѣлялся одинъ вопросъ: «Господи, доколѣ же мы, русскіе, будемъ находиться подъ нѣмецкимъ игомъ?».

На слѣдующее утро я былъ уже помощникомъ шафмейстера Куртца, который по многимъ причинамъ возненавидѣлъ меня съ перваго же дня моего поступленія къ нему подъ началь. Прежде всего я былъ не понутру нѣмцу потому, что онъ далеко не могъ считаться специалистомъ по части овцеводнаго дѣла, такъ какъ до полученія мѣста шафмейстера въ имѣніи князя занимался въ Одессѣ покупкою и рѣзкою овецъ; узнавъ же впоследствии, что русскіе помѣщики, благоговѣя всегда предъ нѣмцами «специалистами», платятъ хорошее жалованье шафмейстерамъ, Куртцъ оставилъ свое хлопотливое и не особенно выгодное по тому времени занятіе, досталъ себѣ гдѣ-то фальшивый аттестатъ и, явившись вскорѣ послѣ удаленія Кнейпа въ Тарасовскую экономію, былъ принятъ на должность овцевода чуть ли не съ платою по 1.000 рублей въ годъ, не считая квартиры, отопленія, провизіи и многихъ другихъ «выгодъ». Сообразивъ на первыхъ же порахъ, что я буду имѣть возможность видѣть на каждомъ шагѣ ошибки и упущенія невѣжественнаго шафмейстера, Куртцъ старался давать мнѣ постоянно такія порученія, которыя бы лишали меня возможности замѣчать недостатки княжескаго овцеводства. Напрасно, однако, хитрый нѣмецъ думалъ, что я, выросшій среди этихъ «отаръ», среди этихъ степей, не увижу съ перваго же раза, въ какомъ ужасномъ положеніи находится знакомое мнѣ съ дѣтства овцеводство. Для меня совершенно достаточно было проѣхать раза два между стадами, чтобы увидѣть всѣ ихъ недостатки, заключавшіеся главнымъ образомъ въ абсолютномъ отсутствіи сколько нибудь осмысленной бонитировки и пропорциональности въ отношеніи количества производителей, матокъ и продажныхъ овецъ. Въ довершеніе этого, извѣстная на югѣ болѣзнь мериносовъ, чесотка, въ конецъ губила животныхъ, значительная часть которыхъ была совсѣмъ безъ шерсти, не говоря уже о громадной смертности между стадами. Даже оспопрививаніе овецъ было совершенно заброшено, благодаря чему гибли нерѣдко цѣлыя «отары» отъ натуральной оспы. Весьма естественно, что подобный порядокъ вещей жестоко возмущалъ меня, и я неоднократно, помимо своей воли, указывалъ Куртцу на всѣ эти безобразія. Нѣмецъ въ такихъ случаяхъ или отмалчивался, или же дерзко обрывалъ меня слѣдующими словами: «Объ этомъ есть кому думать и безъ васъ, молодой человѣкъ; дѣлайте лучше молча то, что вамъ велятъ, и не суйте своего носа въ чужой огородъ!». Не прошло и полугода послѣ моего поступленія на службу, какъ лукавый Куртцъ успѣлъ возстановить противъ меня генерала, который былъ убѣжденъ, что нѣмецъ спо-

собень чуть ли не звѣзды съ неба хватать. Шафмейстеръ внушилъ между прочимъ, В., что я, будучи недоволенъ своимъ подначальнымъ положеніемъ и желая во что бы то ни стало поскорѣе достигнуть самостоятельной должности, возмущаю будто бы противъ него, Куртца, чабановъ, критикую его дѣйствія и т. п. Дѣло кончилось, разумѣется, тѣмъ, что генераль потребовалъ меня къ себѣ въ одно прекрасное утро для объясненій.

— А что это ты, братецъ, затѣялъ?—обратился ко мнѣ строго В., какъ только я очутился въ его кабинетѣ.

— Ничего особеннаго я не затѣвалъ, ваше превосходительство!

— Какъ ничего? А почему ты сталъ вмѣшиваться въ дѣла шафмейстера? почему бунтуешь чабановъ и смѣешься постоянно надъ распоряженіями Куртца?!

— Ваше превосходительство,—заговорилъ я, возвышая голосъ, будучи до глубины души возмущенъ такою несправедливостью,—ваше превосходительство, позвольте мнѣ сказать, что я не только никакихъ бунтовъ не производилъ и никакими подстрекательствами не занимался, но даже никогда и не помышлялъ о чемъ либо подобномъ; если же иногда указывалъ на ошибки Куртца, который дѣйствительно ничего не понимаетъ въ овцеводствѣ, то дѣлалъ это исключительно лишь въ интересахъ князя.

— Но кто, кто, скажи на милость, далъ тебѣ право заботиться объ интересахъ князя и учить такого почтеннаго и вполне знающаго свое дѣло человѣка, какъ мой шафмейстеръ?!—закричалъ генераль, вскочивъ съ мѣста.

— Мнѣ кажется,—продолжалъ я твердымъ голосомъ,—что каждый человѣкъ имѣетъ полное право дать во всякое время добрый совѣтъ тому, кто въ этомъ нуждается.

— Но вѣдь ты еще не на столько опытенъ въ дѣлахъ, чтобы давать совѣты и наставленія людямъ старше тебя, да притомъ такимъ, которые составляютъ твое прямое начальство!

— Полагаю, ваше превосходительство, что не надо обладать особенною опытностью, чтобы видѣть тѣ непорядки и упущенія, которые царятъ въ вашемъ овцеводствѣ.

— Никакихъ беспорядковъ я тамъ не видѣлъ и не замѣчаю!—вскрикнулъ окончательно всплывшій В.—И приказываю тебѣ разъ навсегда безпрекословно повиноваться шафмейстеру, не вдаваясь ни въ какую критику, такъ какъ ей все равно никто не придастъ ни малѣйшаго значенія!...

— Воля ваша,—продолжалъ я,—но скажу вамъ откровенно, что моя натура не позволитъ мнѣ молчать при видѣ тѣхъ безобразій, которыя творятся ежедневно предъ моими глазами.

— Ну, въ такомъ случаѣ я приказываю тебѣ молчать; если же ты будешь попрежнему колобродить, то я отниму у тебя аттестатъ и назначу тебя на другую должность!—оборвалъ меня В.

— Аттестатъ отнять у меня вы не имѣете права, ваше превосходительство, — отвѣчалъ я вспыхнувъ.

— Какъ? Я не имѣю права отнять у тебя аттестатъ? Да знаешь ли ты, съ кѣмъ разговариваешь, мерзкій мальчишка, а?

— Прекрасно знаю, ваше превосходительство, но вмѣстѣ съ этимъ не забываю также, что я крѣпостной князя Карузы, который одинъ можетъ лишить меня аттестата.

— А, такъ вотъ оно что! — закричалъ генералъ съ пѣной у рта. — Хорошо же, я тебѣ покажу, какова моя власть надъ тобою! Сію же минуту убирайся вонъ отсюда!...

Съ этими словами В. исчезъ въ сосѣдную комнату, а я также поспѣшилъ поскорѣе убраться изъ кабинета. «Ну, думаю себѣ: заварилъ кашу, какъ-то теперь придется расхлебать ее? И охота было затѣвать всю эту исторію! Известно вѣдь, что плетью обуха не перешибешь; впрочемъ, что Богъ дастъ, — головы не снимутъ»... Къ вечеру того же дня послѣдовало распоряженіе лишить меня званія шафмейстерскаго помощника и назначить простымъ рабочимъ на барскую конюшню. Сначала я хотѣлъ было опротестовать такое постановленіе, однако, поразмысливъ немного, рѣшилъ безропотно покориться своей участи, въ надеждѣ, что, авось, дѣло уладится со временемъ само собою; не знаю почему, но я твердо былъ увѣренъ въ томъ, что судьба и на этотъ разъ вспомнить обо мнѣ.

ХІІІ.

Приближалась зима. Погода стояла холодная и сырая. Дождь лилъ, не переставая въ теченіе цѣлаго ноября, смѣняясь дня на два, на три снѣгомъ. Въ такое-то время мнѣ приходилось исполнять обязанности обыкновеннаго конюха: чистить лошадей, вывозить изъ конюшни навозъ, доставлять со степи сѣно и т. п. Нельзя сказать, чтобы этотъ трудъ и новыя обстановка показались мнѣ пріятными, въ особенности если принять во вниманіе ту массу насмѣшекъ и далеко недвусмысленныхъ намековъ, которыми меня осыпали на первыхъ порахъ работники, однако я и виду не показывалъ, что работа меня утомляетъ; на всѣ же колкости товарищей отвѣчалъ молчаніемъ. Правда, все это было такъ только по наружности, внутри же меня бушевала настоящая буря. Просить извиненія у нѣмца я, разумѣется, и не думалъ, такъ какъ рѣшительно никакой вины за собою не чувствовалъ; пресмыкаться у ногъ грознаго В. я также не имѣлъ ни малѣйшаго желанія, полагая, что онъ и самъ скоро долженъ сознать свою несправедливость въ отношеніи меня. Къ сожалѣнію, мною было совершенно упущено изъ виду то немаловажное обстоятельство, что нашъ генералъ вовсе и не думалъ считать своего крѣпостнаго раба за человѣка; поэтому

ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что онъ на слѣдующій же день послѣ случившейся исторіи какъ бы совсѣмъ позабылъ о моемъ существованіи. Такимъ образомъ мнѣ пришлось преисправно тянуть лямку конюха вплоть до самой весны. За зиму мое здоровье порядкомъ таки пошатнулось, а пріобрѣтенный еще въ училищѣ ревматизмъ принялъ острую форму и не давалъ мнѣ иногда покоя ни днемъ, ни ночью. Съ наступленіемъ же весенней оттепели и дождей мнѣ стало такъ плохо, что я рѣшился сдѣлать попытку относительно перемѣны своихъ занятій. Съ этою цѣлью я какъ-то въ началѣ апрѣля попросилъ главнаго кучера, чтобы тотъ исходатайствовалъ мнѣ разрѣшеніе перевестись куданибудь на полевую работу. Кучеръ не замедлил доложить объ этомъ В., который приказалъ назначить меня перевозчикомъ на барскій паромъ, ходившій чрезъ рѣку на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ усадьбы и составлявшій одну изъ самыхъ доходныхъ отраслей княжескаго имѣнія. Не подумайте, однако, что это было для меня облегченіемъ; напротивъ, я въ данномъ случаѣ попалъ, какъ говорится, изъ огня да въ полымя. Для большей ясности надобно вамъ сказать, что какъ разъ въ этомъ мѣстѣ пролегала большая почтовая дорога, ведущая къ лежавшему на противоположномъ берегу рѣки довольно значительному уѣздному городку, а оттуда—къ важнѣйшему порту на Черномъ морѣ; поэтому на паромѣ приходилось работать безъ передышки съ ранняго утра до поздняго вечера, а во время ярмарочнаго сезона даже и цѣлыя ночи. Перевозчиковъ же было всего на-всего двое: я да еще одинъ парень Сенька, безпробудный пьяница и лѣнтый первостатейный. Былъ еще на паромѣ надзиратель, старый солдатъ изъ шевронистовъ, но онъ занимался только сборомъ денегъ съ проѣзжающихъ и въ дѣло переправы не вмѣшивался. Нечего и говорить, что для меня здѣсь наступила уже не работа, а настоящая каторга. Однако, я не унывалъ, а попрежнему терпѣливо тянулъ лямку въ буквальномъ смыслѣ этого слова, перевозя съ одного берега на другой безчисленное множество самыхъ разнообразныхъ пассажировъ и ожидая со дня на день, что вотъ, молъ, наступитъ таки конецъ моихъ мытарствамъ, и я буду снова возвращенъ на должность помощника шафмейстера.

Отъ проѣзжающихъ на паромѣ мнѣ все чаще и чаще приходилось слышать про близкую волю, и я горячо молился Богу, чтобы всѣ эти радостные слухи не оказались впослѣдствіи пустою молвой. Не чуяло мое сердце, что для меня эта воля наступитъ даже раньше, и что этотъ самый несносный паромъ, напоминающій древнюю галеру, послужитъ для меня средствомъ избавленія отъ всякихъ горестей и вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ мнѣ возможность пойти по новому, давно желанному пути... Буду, однако, рассказывать все по порядку. Дѣло было въ началѣ сентября. Приближалась Воздвиженская ярмарка, имѣвшая огромное значеніе для всего нашего района. Дни

стояли ясные, тихіе и теплые. По ночамъ случались уже небольшіе заморозки и мы съ Сенькою разводили на берегу рѣки, подлѣ своей землянки, небольшой костеръ, чтобы при надобности пообсушиться и погрѣться. Разъ какъ-то сижу я около девяти часовъ вечера у огня и читаю взятую у надзирателя книгу «Потерянный и возвращенный рай». Вдругъ слышу, что на противоположномъ берегу рѣки, гдѣ-то далеко-далеко зазвучалъ колокольчикъ. Такъ какъ костеръ горѣлъ на чужомъ, низменномъ берегу, а тарасовская сторона была гораздо возвышеннѣе, то я долго не могъ разобрать, откуда доносится звукъ колокольчика. Сначала мнѣ показалось, что это подѣзжаетъ казенная почта. Но почему же такъ рано?—промелькнулъ въ моей головѣ вопросъ. Вѣдь она приходитъ всегда къ парому не раньше 5—6 часовъ утра, да и колокольчики у нашихъ ямщиковъ не такіе... Между тѣмъ, звонокъ становился слышнѣе и слышнѣе. Прошло еще около десяти минутъ, и я, при свѣтѣ стоявшей уже высоко луны, могъ хорошо видѣть, что къ рѣкѣ спускается большой барскій экипажъ, запряженный четвернею лошадей. Не успѣлъ я набросить на себя шубенки, какъ до моего слуха долетѣлъ обычный окликъ: «эй, подавай паромъ!» Я отозвался и бросился стремглавъ къ парому. На мое несчастіе спавшій тутъ неподалеку на соломѣ Сенька оказался мертвецки пьянъ. Сколько я ни бился, чтобы привести его хоть немного въ чувство,—все было напрасно: паренъ мой только мычалъ, ругался и отплевывался отъ меня, какъ отъ нечистой силы. Что тутъ подѣлаешь? Приходилось самому подавать паромъ. Въ довершеніе бѣды, дувшій еще съ вечера легкій встрѣчный вѣтерокъ сталъ понемногу свѣжѣть и часамъ къ десяти ночи превратился въ настоящую бурю. Нечего было дѣлать, надо было поскорѣе надѣвать ляжку и тянуть паромъ вдоль перекинутого чрезъ рѣку толстаго каната, называемаго здѣсь «кодолой». Отчаливать и затѣмъ двигать противъ сильнаго вѣтра паромъ было бы развѣ впору совершенно здоровому и крѣпкому человѣку, а не такому тщедушному и больному субъекту, какимъ былъ я; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что мнѣ пришлось переѣзжать сорока-саженную рѣку болѣе часа. А съ противоположной стороны то и дѣло раздавался сердитый окликъ: «скоро ли паромъ?»... Наконецъ, я еле-еле дотянулъ свое судно до берега и только, придерживаясь за канатъ, могъ кое-какъ держаться на своихъ больныхъ ногахъ. Не успѣлъ я перевести духъ, какъ экипажъ съ грохотомъ вкатился на паромъ, а вслѣдъ за нимъ вѣхалъ туда же верхомъ на лошади и нашъ становой приставъ.

— Что это вы съ ума сошли здѣсь всѣ или перепились до зеленого змія?—набросился онъ на меня, стараясь говорить вполголоса, сквозь зубы.—Самъ губернаторъ изволить ѣхать, а они себѣ, мерзавцы, дрыхнуть, какъ ни въ чемъ не бывало, а!..

Только что я хотѣлъ отвѣтить, почему запоздалъ паромъ, какъ вдругъ изъ экипажа послышался спокойный голосъ, спрашивавшій:

— Гдѣ же другіе перевозчики? Неужели одинъ человѣкъ тянулъ паромъ противъ такой бури?

— Такъ точно, ваше превосходительство,—поспѣшилъ отвѣтить подскокившій къ экипажу приставъ.

— А пусть-ка онъ подойдетъ сюда!—продолжалъ тотъ же голосъ.

Я направился къ экипажу, будучи ни живъ, ни мертвъ отъ страху.

— Что же это ты, братецъ, одинъ? Гдѣ твои товарищи? Гдѣ надзиратель?—спрашивалъ меня ласково губернаторъ¹⁾.

— Надзиратель ушелъ къ себѣ на квартиру, — отвѣчалъ я,—а второй перевозчикъ немного боленъ.

— Гм..., но вѣдь и ты, какъ мнѣ кажется, тоже не изъ здоровыхъ,—продолжалъ губернаторъ, осматривая меня внимательно съ ногъ до головы.—Что это ты похрамываешь? ноги болятъ, а?

— Болятъ, ваше превосходительство,—промолвилъ я, еле ворочая уже языкомъ.

— Что же съ твоими ногами?

— Ревматизмъ, ваше превосходительство.

— Но почему же въ такомъ случаѣ тебя назначили на паромъ, а?—воскликнулъ съ какою-то дрожью въ голосѣ губернаторъ.

— Въ видѣ наказанія, ваше превосходительство, — отвѣчалъ я уже болѣе твердымъ голосомъ, какъ бы предчувствуя, что въ данный моментъ рѣшается судьба всей моей жизни.

— Въ чемъ же состояла твоя вина?—подлюбопытствовалъ узнать губернаторъ.

— Долго рассказывать, ваше превосходительство.

— Ничего, ничего, братецъ, рассказывай, я съ удовольствіемъ выслушаю тебя, а мой лакей и кучеръ потянутъ тѣмъ временемъ паромъ.

Вслѣдъ за этими словами губернаторъ подозвалъ меня поближе къ экипажу, велѣлъ опереться на его подножку и откровенно изложить причины, приведшія меня на паромъ. Нечего, разумѣется, и говорить, что я не поспешилъ на слова и краски, передавая губернатору исторію своей жизни, въ особенности ту ея часть, которая изображала мое положеніе послѣ окончанія мною ученія въ Б—кѣ. Когда паромъ причалилъ къ противоположному берегу, я не дошелъ еще и до половины своего повѣствованія, тѣмъ не менѣе губернаторъ велѣлъ мнѣ продолжать рассказъ до конца. Выслушавъ меня, начальникъ губерніи сказалъ:

¹⁾ Это былъ извѣстный на югѣ губернаторъ Б., сдѣланный, кажется, векорѣ послѣ освобожденія крестьянъ сенаторомъ и производившій впоследствіи ревизію поволжскихъ губерній.

— Завтра же утромъ передай отъ моего имени генералу В., чтобы онъ побывалъ у меня въ городѣ, гдѣ я буду ожидать его до 12 часовъ дня; если же онъ не повѣритъ твоимъ словамъ, то покажешь ему вотъ эту карточку; затѣмъ передай также генералу, что ты, по моему распоряженію, отправляешься къ городскому врачу, который долженъ будетъ осмотрѣть тебя и помѣстить въ больницу до полнаго выздоровленія... Понялъ?—спросилъ меня въ заключеніе губернаторъ...

Вмѣсто отвѣта я бросился предъ начальникомъ на колѣни и залился слезами.

— Ну, полно, полно, успокойся!—закричалъ на меня губернаторъ, приказывая въ то же время становому приставу и своему чиновнику помочь мнѣ подняться на ноги.

Послѣ этого онъ велѣлъ позвать къ себѣ нашего надзирателя и втораго паромщика, которые давно уже переправились на нашу сторону въ лодкѣ. Весьма понятно, что Сенька предсталъ на глаза начальнику въ такомъ видѣ, по которому сразу можно было догадаться, какою болѣзною страдалъ въ данный моментъ мой товарищъ. Сдѣлавъ строгое внушеніе надзирателю, допустившему у себя на паромѣ подобное безобразіе, губернаторъ уѣхалъ; а я еще долго стоялъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, словно соображая, во снѣ или наяву произошла со мною эта поистинѣ удивительная исторія. Однако, никакого сомнѣнія относительно реальности совершившагося факта не могло быть, такъ какъ стоявшіе здѣсь же съ выраженіемъ крайняго испуга на лицахъ надзиратель и Сенька какъ нельзя лучше подтверждали недавній проѣздъ губернатора. Предо мною разстилалась та же безбрежная степь; на небѣ попрежнему сіяла полная луна, освѣщавшая и волнующуюся поверхность рѣки и прибрежные камыши, между которыми продолжала ревѣть и свистѣть буря...

XIV.

Утромъ, чуть только занялась заря, я поспѣшилъ въ Тарасовку, чтобы сообщить В. обо всемъ случившемся со мною на паромѣ. Когда лакей доложилъ, что я пришелъ по приказанію губернатора, то генералъ тотчасъ же велѣлъ позвать меня въ кабинетъ и первымъ долгомъ спросилъ:

— Ужъ не натворилъ ли ты чего нибудь особеннаго и на паромѣ, а?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство! — отвѣтилъ я съ плохо скрываемой улыбкой.

— Такъ при чемъ же тутъ губернаторъ? И что ему отъ меня надо?

— Начальникъ губерніи желаетъ, чтобы вы явились къ нему сегодня въ 10 часовъ утра, — продолжалъ я въ прежнемъ злорадномъ тонѣ.

— Гм...—промычалъ сквозь зубы В.,—что бы это могло означать?.. А не разговаривалъ ли о чемъ нибудь съ тобою на паромѣ губернаторъ?—спросилъ меня генераль.

— Разговаривалъ, ваше превосходительство.

— О чемъ же?

— Да спрашивалъ, почему меня больнаго назначили перевозчикомъ на паромъ?

— А ты, остолопина, не бойсь, и радъ былъ пустить въ ходъ предъ начальствомъ свой змѣиный языкъ?

— Кромѣ правды, я не позволилъ себѣ сказать ни одного лишняго слова г. губернатору.

— Вишь ты, какой праведникъ объявился!—произнесъ съ насильственной улыбкой В. и тутъ же присовокупилъ:— Ну, ладно, мы съ тобой еще поквитаемся, а теперь убирайся-ка снова на конюшню и жди тамъ моего возвращенія изъ города.

— Не могу, ваше превосходительство.

— Это почему?—гнѣвно вскричалъ генераль.

— Потому,—отвѣтилъ я спокойно,—что г. начальникъ губерніи приказалъ мнѣ сегодня же отправиться въ городскую больницу и быть тамъ до полнаго выздоровленія.

— Ага, такъ вотъ въ чемъ дѣло! — произнесъ въ безсильной злобѣ В. — Ну, въ такомъ случаѣ уходи съ моихъ глазъ хоть къ чорту, а я немедленно напишу князю объ этой исторіи и впередъ предсказываю, что тебѣ не миновать солдатской шинели, помани мое слово!

— Ничего, ваше превосходительство,—произнесъ я, направляясь къ двери:—дастъ Богъ, и въ солдатахъ не пропаду...

Къ вечеру того же дня я былъ уже водворенъ въ больницѣ, гдѣ пользовался хорошимъ уходомъ и самымъ внимательнымъ отношеніемъ со стороны врача. Чѣмъ кончилась аудіенція, данная нашему генералу губернаторомъ,—навѣрное не знаю, но въ послѣдствіи мнѣ пришлось услышать отъ людей, заслуживающихъ полнаго довѣрія, что будто бы В. подвергся штрафу въ 2.000 рублей и, кромѣ того, получилъ строгій выговоръ отъ высшаго начальства за жестокое обращеніе съ крѣпостными людьми. И дѣйствительно генераль съ этого времени сталъ несравненно мягче относиться къ своимъ подчиненнымъ.

Пробылъ я въ больницѣ около трехъ мѣсяцевъ, излѣчившись окончательно отъ своего ревматизма. Наканунѣ моей выписки изъ нея былъ объявленъ высочайшій манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. Такимъ образомъ мнѣ пришлось возвратиться въ Тарасовку уже свободнымъ человѣкомъ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого въ нашемъ волостномъ правленіи была получена на мое имя бумага становаго пристава, который писалъ, что губернаторъ предлагаетъ

мнѣ поступить въ Г—цкій земледѣльческій институтъ. Весьма естественно, что я съ величайшей радостью воспользовался этимъ предложениемъ и, распродавъ доставшееся на мою долю послѣ смерти матери имущество, поспѣшилъ отправиться на сѣверъ...

По окончаніи курса въ институтѣ я, какъ наиболѣе способный студентъ, былъ отправленъ на казенный счетъ за границу, гдѣ въ теченіе двухъ лѣтъ слушалъ лекціи знаменитыхъ профессоровъ по сельскому хозяйству и лѣсоводству. Возвратившись въ Россію и защитивъ диссертацию на ученую степень, я вскорѣ получилъ кафедру политической экономіи въ одномъ изъ нашихъ высшихъ агрономическихъ учебныхъ заведеній. Въ качествѣ профессора мнѣ пришлось послужить не болѣе пяти лѣтъ, такъ какъ слабое здоровье заставило меня прекратить на время свою ученую дѣятельность и принять мѣсто главноуправляющаго имѣніями графа П—го въ одной изъ губерній Юго-Западнаго края. Судьбѣ не угодно было, чтобы я снова возвратился на педагогическое поприще. Любовь къ природѣ въ ея, такъ сказать, первобытномъ видѣ, сложность и не всякому смертному понятная прелесть сельско-хозяйственныхъ занятій мало-по-малу такъ овладѣли всѣмъ моимъ существомъ, что я рѣшилъ навсегда остаться въ деревнѣ; при этомъ мнѣ желательно было трудиться не только въ качествѣ зауряднаго хозяина-земледѣльца, но и въ качествѣ ученаго агронома, имѣющаго цѣлью внести кое-какой вкладъ и въ сельско-хозяйственную литературу. Нѣкоторые изъ моихъ трудовъ по этой части вамъ уже извѣстны; надъ остальными же сочиненіями я продолжаю еще работать, стараясь по мѣрѣ возможности примирить теорію съ практикой, отсутствиемъ чего крѣпко страдаетъ большая часть нашихъ агрономическихъ сочиненій. Правда, зависитъ подобное явленіе отъ того, что мы и понынѣ находимся въ рабской зависимости отъ чисто нѣмецкой науки и ея авторитетовъ... Хотя мои сочиненія и не составляютъ мнѣ европейской извѣстности, однако я глубоко убѣжденъ, что въ русской, пока еще весьма небогатой, сельско-хозяйственной литературѣ они все-таки оставляютъ замѣтный и благотворный слѣдъ. Прослуживъ у графа П—го управляющимъ ровно 20 лѣтъ, я послѣ его смерти получилъ, согласно завѣщанія покойнаго, около 500 десятинъ земли и принялся за собственное хозяйство, не оставляя своихъ научныхъ занятій. Черезъ два года я продалъ это имѣніе и вмѣсто него приобрѣлъ себѣ въ здѣшнихъ мѣстахъ болѣе удобный и гораздо обширный участокъ земли, на которомъ прозябаю и до сихъ. Такъ вотъ чѣмъ кончились мытарства крѣпостнаго челоуѣка, одареннаго природными способностями и закаленнаго въ борьбѣ за существованіе!—закончилъ свой рассказъ Гудковъ.— Впрочемъ,—присовокупилъ онъ,—нельзя не согласиться съ тѣмъ, что безъ вмѣшательства нѣкоторыхъ случайностей въ мою судьбу я, быть можетъ, и понынѣ бродилъ бы за овцами, подобно старому Туртѣ,

воспоминаніе о которомъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ моей душѣ.

— А не пришлось ли вамъ, Петръ Алексѣевичъ, встрѣтиться хоть разъ послѣ этого съ генераломъ В.?—спросилъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Какъ не пришлось, пришлось.

— Ну, и что же онъ?

— Ничего: велъ себя со мною самымъ вѣжливымъ и политичнымъ образомъ. Случилось это вскорѣ послѣ моего возвращенія изъ-за границы, а лѣтъ пять тому назадъ мнѣ пришлось даже породниться съ В.

— Конечно, вы шутите! — воскликнули въ одинъ голосъ всѣ гости.

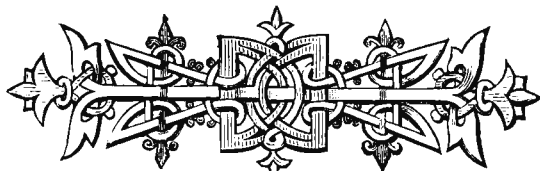
— Нисколько,—произнесъ спокойно Гудковъ.

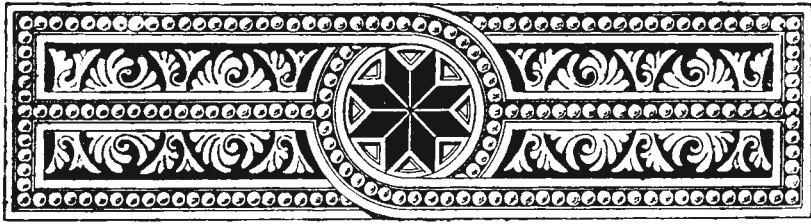
— Какимъ же образомъ это могло случиться?

— Да самымъ естественнымъ образомъ: мой сынъ, который, какъ вы знаете, состоитъ адъютантомъ командира —ской артиллерійской бригады, женился на внучкѣ генерала В.

— Дивны дѣла Твои, Господи!—произнесъ громко соборный протоіерей, поднимаясь съ мѣста. Его примѣру послѣдовали и прочіе гости...

Д. В. Федоровъ.

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО ¹⁾.

XXIII.

Приготовленія къ хивинскому походу.—Пріѣздъ Кауфмана.—Выступленіе главной квартиры. — Переходъ голодной степи, страшная непогода, всяческія невзгоды и вліаніе пустыни на нервы. — Самоубійство полковника Романова. — Адамъ-Кылганъ и Алты-Кудукъ. — Страшныя картины у колодцевъ 3-го мая.—Движеніе изъ Алты-Кудука. — Нападеніе хивинцевъ на отрядъ Бардовскаго.—Аму-Дарья. — Учъ-Учакъ, встрѣча съ неприятелемъ. — Дѣло 11-го мая.—Дѣло Головачева у Акъ-Камыша. — Прибытіе нашей новой флотилии.—Переправа.—Квятицкій и Зубовъ.—Наступленіе на Хазарапсъ.—Несчастная кончина Веймарна.—Движеніе на Хиву, встрѣча съ отрядомъ Веревкина. — Занятіе города.

ВОТЯ ПОКА и не было еще получено официальнаго сообщенія о походѣ, но, тѣмъ не менѣе, всѣ мы дѣятельно стали готовиться. Предстоящее движеніе должно было совершиться по глубокимъ и безводнымъ пескамъ, гдѣ экипажи и даже двухколесныя арбы пройти не могутъ; поэтому необходимость вынуждала идти на вьюкахъ, а для этого рода службы лучше всего могъ служить верблюдъ. Купивъ пару крупныхъ и сильныхъ верблюдовъ, я лично былъ спокоенъ, имѣя къ тому же еще въ запасѣ и трехъ лошадей. Кромѣ того, мнѣ доставлена была также джаломейка, другими словами, небольшого размѣра юрта, или, по-мѣстному, кибитка. Эта джаломейка

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LX, стр. 85.

скоро собирается и со всѣми къ ней войлоками не превышаетъ вѣсомъ болѣе 12 пудовъ. Въ ней просторно помѣщается желѣзная кровать, складной столъ и три складныхъ же табурета. Выгодныя ея стороны передъ палаткой въ томъ, что солнце далеко не пропекаетъ такъ войлока, какъ холстъ, а въ случаѣ дождя, вода не протекаетъ вовсе. Въ этомъ походѣ на Хиву намъ угрожала жестокая борьба съ стихіями, т. е. съ необычнымъ зноемъ, трудными по пескамъ переходами и томительною въ безводной степи жаждою. Много затрудненій предвидѣлось еще и потому, что дорога степью до предѣловъ Хивинскаго ханства плохо, а частью и вовсе не была нами изслѣдована, и предстояло двигаться наобумъ, куда глаза глядятъ! *Mais tout chemin mène à Rome*, а по-русски мы надѣялись, что «авось» и доберемся до цѣли.

Сомнѣнія, тревожившія насъ вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній, что экспедиція будто бы отложена до осени по причинѣ опасенія государя зимой, въ холодное время, передвигать оренбургскія войска степью, къ счастью, были разсѣяны. Головачевъ торжественно объявилъ мнѣ о полученіи высочайшаго повелѣнія двинуть оренбургскій отрядъ 20 января на саняхъ. У насъ же запахло весной, на улицахъ была грязь, но въ степи просыхало, и хотя можно было еще ожидать снѣга и дождей, но холодовъ уже не предвидѣлось.

Вскорѣ пріѣхалъ курьеръ Колокольниковъ (адъютантъ Кауфмана) и привезъ официальное объявленіе своего генерала о походѣ въ Хиву. По словамъ его, Кауфманъ долженъ былъ вернуться къ намъ недѣли три спустя. Занятіе Хивы обѣщало много выгодъ. Эта экспедиція, обсужденная и разрѣшенная свыше, такъ была сложна условіями и пріемами, что, конечно, должна была стать выше Шахризабса, Кульджи, Карчи и даже взятія Самарканда. Вслѣдствіе предшествующихъ, неоднократныхъ неудачъ нашихъ при попыткахъ завладѣть Хивою настоящій походъ представлялъ интересъ не только для Россіи, но и для всей Европы. Легенды о прошлыхъ несостоятельныхъ походахъ на Хиву, начиная со вторженія кн. Черкаскаго-Бековича, во времена Петра Великаго, до свѣжихъ сказаній о пагубныхъ попыткахъ графа Перовскаго въ царствованіе Николая I разорить это гнѣздо хищниковъ, установили какое-то фантастическое понятіе о неприступности Хивинскаго ханства, которое, по зрѣлому обсужденію, все-таки было не что иное, какъ неорганизованное, дикое, но вовсе не страшное племя средней Азіи, къ которому только доступъ былъ очень затруднителенъ и сложенъ. Въ походѣ должны были принять участіе войска кавказскія, оренбургскія и туркестанскія. Туда должна была идти пѣхота, кавалерія, разнокалиберная артиллерія, полевая, горная, осадная, и наконецъ немаловажная роль предназначена была флотилии морской и рѣчной. Въ Казалѣ, при устьѣ Сыръ-Дарьи заготовлялись суда, пароходы, баржи, для плаванія Араль-

скимъ моремъ къ Кунграду съ десантными войсками. Независимо отъ всего этого, верблюды должны были повезти на спинахъ своихъ чугунные понтоны для сборки изъ нихъ паромовъ, на которыхъ могли бы войска переправиться черезъ Аму-Дарью, долженствующую положить предѣлъ нашимъ завоеваніямъ въ Средней Азіи. Такъ, на примѣръ, нѣкоторые положительно утверждали, что, завладѣвъ Хивою, мы займемъ ее временно и, назначивъ хана по своему усмотрѣнію, отступимъ изъ ханства, не оставивъ въ немъ гарнизона. Слухъ этотъ основанъ былъ будто бы на желаніи государя не увеличивать завоеваніемъ Хивы территоріи Россіи; а потому цѣлью похода было только наказать хивинцевъ, разгромить страну ихъ, начиная съ самаго гнѣзда—столицы ханства.

Къ намъ дошли свѣдѣнія, что туркмены, подвластный народъ хивинскаго хана, въ большихъ скопищахъ уже рыскали по степи, на пути нашемъ, и будто бы засыпали колодцы, на которые мы рассчитывали; но, по общему мнѣнію туземцевъ, дѣла съ непріателемъ намъ предстояли только полевыя, а въ стѣнахъ самой Хивы они драться не рѣшатся. Головачевъ обѣщаль по возможности частое сообщеніе отряда съ Ташкентомъ, а потому мы надѣялись, что не придется долго томиться неизвѣстностью о судьбѣ близкихъ сердцу, но далеко остающихся за нами. Семейнымъ же туркестанцамъ предстояло озаботиться о благосостояніи семьи, обезпечить и оградить ея существованіе и предупредить всякія случайности, что въ полудикой странѣ этой представляло массу затрудненій.

20-го февраля (1879 г.) отправился я съ Колзаковымъ и многими другими къ избушкѣ на встрѣчу Кауфману; тамъ ожидали его уже купцы гор. Ташкента съ завтракомъ, послѣ котораго и совершился торжественный въездъ его въ нашу столицу. Струве ожидали на слѣдующій день, онъ ѣхаль черезъ Сибирь вмѣстѣ съ молодымъ графомъ Бергомъ, стремившимся къ намъ также пожинать лавры. Вскорѣ послѣдовало росписаніе всѣмъ участникамъ похода, при чемъ я назначенъ быть при войскахъ, что пока, конечно, не опредѣляло еще моего положенія. На другой день по приѣздѣ Кауфмана скончался въ страшныхъ мученіяхъ отъ злѣйшей чахотки нѣкто Герштенцвейгъ. Этотъ Герштенцвейгъ, сынъ лишившаго себя жизни въ Варшавѣ генераль-адъютанта, прибылъ сюда въ конногвардейскомъ мундирѣ, какъ въ ссылку, въ наказаніе за проказы молодости и увлеченія въ Петербургѣ. Юноша не глупый, милый и развитой, обреченный тянуть здѣсь лямку слишкомъ три года, сталъ съ горя пить и быстро схватилъ скоротечную чахотку. Чувствуя приближеніе окончательнаго разчета съ землею, онъ накануне смерти выразилъ настоятельное желаніе видѣться съ Константиномъ Петровичемъ, который въ ту же минуту поспѣшилъ къ умирающему и долго съ нимъ бесѣдовалъ.

На 3-е марта назначено было выступленіе. Всѣ лучшіе пріятели

мои, въ числѣ ихъ и Щербинскій (увѣрявшій, что хочетъ прикинуться верблюдомъ, лишь бы попасть въ Хиву), шли вмѣстѣ въ походъ. Главная квартира послѣ восьмидневнаго странствованія добрела до окрестностей Джюзака, гдѣ на рѣкѣ Клы вмѣстѣ съ подошедшими отрядами и расположилась лагеремъ. Такимъ образомъ, для перваго дебюта, мы уже сдѣлали слишкомъ 200 верстъ. Переходъ этотъ, по численности верстъ, составлялъ приблизительно одну осьмую часть всего протяженія предстоящаго пути до города Хивы. Но срокъ приготовления нашего отряда къ походу былъ очень не великъ, и это всего больше отразилось на наймѣ и сборѣ верблюдовъ. Число ихъ потребовалось не малое, до 10.000, а приобрѣтеніе у мѣстныхъ жителей соотвѣтствующихъ назначенію, то-есть сильныхъ и здоровыхъ экземпляровъ, конечно, было немислимо произвести въ десять дней. Назначенная на этотъ предметъ комиссія, не имѣя времени внимательно и тщательно разбирать возрастъ пригнанныхъ со всѣхъ концовъ округа верблюдовъ, второпяхъ принимала и молодыхъ, слабыхъ и по изнуренію даже никуда не годныхъ. Съ первыхъ же шаговъ оказались пагубныя слѣдствія: на переходѣ до Клы бросили по пути до 400 палыхъ верблюдовъ.

И въ другихъ отношеніяхъ это относительно ничтожное странство далось намъ не безъ трудностей. Однѣ сутки довелось провести намъ подъ непрерывнымъ дождемъ, а два дня подъ такими палящими лучами солнца, что они сразу сожгли мнѣ физиономію. На трехъ ночлегахъ вода была горько-соленая, а на одномъ ея не было вовсе. Я устроился удобнѣе, чѣмъ большинство моихъ товарищей: моя джаломейка не печетъ, и въ ней не было такъ душно, какъ въ палаткахъ. Верблюды и лошади, припасенные заранее, были сильны и выносливы, но нога моя распухла и мучила порядкомъ. Окружающіе меня въ главной квартирѣ люди всѣ болѣе или менѣе были мнѣ симпатичны: налѣво отъ меня разбиты были палатки полковника Колокольцова (когда-то преображенца, женатаго на княгинѣ Вяземской), Щербинскаго и сапера Пукалова, а направо адъютантовъ Кауфмана: Флита, Колокольцова 2-го и Адеркаса, далѣе флигель-адъютанта графа Берга, барона Крюднера, Струве и князя Голицына. Во время нашего движенія я вставалъ до разсвѣта, пилъ чай при огнѣ и немедленно на конѣ пускался впередъ, пока на ставкѣ моей начиналось длинное, трудное и скучное выюченіе вѣчно ревущихъ верблюдовъ. Они послушны, сносиливы и терпѣливы. По приказавію хозяина-вожака (лаучи) они ложатся на землю и не двигаются, пока не уложатъ между ихъ горбовъ всю кладь, а затѣмъ встаютъ и, привязанные другъ за другомъ, вытягиваются вереницей и мѣрнымъ ходомъ шагаютъ свободно по пескамъ. Шагъ ихъ небольшой, а потому выючный на верблюдахъ обозъ значительно отставалъ отъ всадниковъ. Дойдя до назначеннаго для ночлега пункта, приходилось долго,

часа два, три и болѣе, подѣ открытымъ небомъ ожидать верблюдовъ, но какъ только они появлялись, черезъ четверть часа уже были разбиты палатки и юрты, устроены коновязи, пылали костры, шумѣли самовары, словомъ весь лагерь приходилъ въ усиленную дѣятельность для быстрѣйшаго удовлетворенія голода, жажды и отдохновенія. Пройденная нами степь, названная «Голодною», не представляла глазу ничего отраднаго; все, что было видно кругомъ, на всѣ стороны, это безконечная равнина, а съ нею неминуемые миражи, смутно представляющіе всѣ движущіеся предметы нашего каравана въ превратномъ видѣ. Топливо и кормъ надо было везти съ собою на вьюкахъ, такъ какъ никакой растительности въ степи не существуетъ, и, кромѣ множества никуда не годныхъ черепахъ, никого не встрѣтишь. Впрочемъ, со втораго уже дня существованія бивуака на рѣкѣ Клы, въ шести верстахъ отъ Джюзака, уже весь туземный базаръ ихъ города перемѣстился къ намъ въ лагерь, гдѣ съ самаго разсвѣта раздавались кругомъ нашихъ палатокъ пронзительные возгласы сартовъ, торговавшихъ лепешками, яйцами, масломъ, молокомъ и всякой дрянью... Надо сказать, что за три дня до выступленія изъ Ташкента главной квартиры Бергъ, бывшій безсмѣннымъ ординарцемъ при Кауфманѣ, объѣхалъ всѣхъ насъ съ порученіемъ отъ высшаго начальства, объявить всѣмъ состоящимъ въ свитѣ его превосходительства, что онъ приглашаетъ насъ во все время предстоящаго похода продовольствоваться обѣдомъ и завтракомъ у него, главнаго начальника отряда, а потому и предлагалъ брать съ собою какъ можно меньше вещей, дабы ими не увеличивать объема слѣдующаго за отрядомъ обоза. Большинство нашей братіи очень обрадовалось этому предложенному гостепримству Кауфмана, не только обезпечивавшему потребности ихъ желудковъ, но и избавлявшему отъ неминуемыхъ хлопотъ, затрудненій и препятствій при устройствѣ продовольствія собственными средствами.

Въ лагерь на Клы вмѣстѣ съ Константиномъ Петровичемъ подѣхали къ намъ въ составъ главной квартиры еще три новыхъ личности: Блокъ съ сотоварищемъ Лукашевымъ и Сабуровъ. Первый привезъ мнѣ письмо отъ Софьи и поклоны отъ графа Гейдена съ приглашеніемъ обоихъ оказать подателю всякое съ моей стороны содѣйствіе въ походной жизни. Я встрѣтилъ Блока, какъ стараго однокашника по пажескому корпусу и какъ настоящаго сослуживца по оружію и должности. Блокъ очень добрый малый, наружностью настоящій кирасиръ, здоровый и сильный. Особенно замѣчательна была его нѣжная дружба къ товарищу по полку, Лукашеву. Сабуровъ былъ также красивый, ловкій, очень неглупый штабъ-офицеръ, окончившій курсъ въ юридической академіи. Всѣ они состояли по армейской кавалеріи и назначены были въ распоряженіе главнаго начальника хивинскаго отряда.

На бивуакѣ въ Клахъ послѣ двухъ теплыхъ, даже, можно сказать, жаркихъ дней вдругъ наступила стужа; цѣлыя сутки лиль дождь, ночью заревѣла буря, и къ утру выпалъ глубокой снѣгъ. Слѣдующій день, 12-го марта, было не легче. Вѣтеръ холодный и очень сильный рвалъ палатки и къ ночи снова нагналъ мятель и вьюгу. 13-го марта съ утра долженъ былъ выступить 1-й эшалонъ полковника Колокольцова, къ которому я приказомъ наканунѣ былъ назначенъ помощникомъ. Всю эту ночь бушевала страшная непогода, отразившаяся на ногѣ моей; отъ вечерней до утренней зари промучившись сверхъестественною болью, при усиленной опухоли, я съ великимъ трудомъ всталъ съ постели и увидавъ, что творится въ атмосферѣ, убаюкивалъ себя надеждой, что, авось, выступленіе будетъ отмѣнено. Намокшія отъ дождя и снѣга палатки и веревки къ нимъ, захваченныя утреннимъ морозомъ свыше 12°, обледенѣли и закорузли совершенно. Снять и развязать ихъ, казалось, невозможно, тѣмъ болѣе застывшими солдатскими руками, совершенно закороченными на мятели и порывистомъ при сильномъ морозѣ снѣгѣ. Разсуждать младшимъ да къ тому же въ военное время не полагается, а потому, дрожа отъ холода, солдатики послѣ неимоверныхъ усилій и борьбы съ разгулявшимися стихіями, сняли палатки, навьючили верблюдовъ и по колѣна въ снѣгу поплелись вереницей по бушующей степи. Мокрый снѣгъ билъ въ глаза, а пронзительный вихрь прохватывалъ насквозь, когда мы вытянулись изъ лагеря и шагъ за шагомъ, съ черепашею быстротою, стали ползти по необъятной равнинѣ, представляющей въ это время хаосъ и запустѣніе. Стало смеркаться, когда послѣ мучительной пытки, длившейся болѣе десяти часовъ сряду, передовая кучка людей достигла ночлега съ очень скуднымъ запасомъ дровъ. Съ великимъ трудомъ разведя огонь, люди не помышляли о варкѣ себѣ горячей пищи, а употребивъ всѣ дрова на костры, лишь бы отогрѣть у нихъ свои заледенѣвшіе члены, стали глотать одни сухари.

Чуть живой отъ стужи, а особенно отъ нестерпимой боли въ ногѣ, я не слѣзъ, а свалился съ сѣдла на снѣгъ, и не помню хорошо, скоро ли затѣмъ уложилъ меня Кузьма въ джаломейку, взваливъ поверхъ меня цѣлую груду тяжелыхъ кошмъ, одѣялъ и попонъ. Ночью пришелъ я въ себя и, почувствовавъ усилившіяся страданія въ ногѣ, а вмѣстѣ и нестерпимое давленіе, сталъ звать о помощи, но напрасно. Чудовищно-мучительная ночь эта, наконецъ, прошла, но съ наступленіемъ дня открылась грустная картина при видѣ страдальческихъ лицъ солдатъ. Ознобленныхъ въ 1-мъ эшалонѣ нашемъ оказалось до 18-ти человекъ, изъ которыхъ два солдата и пять лаучей отдали Богу душу, одинъ здѣсь на ночлегѣ, а прочіе въ степи...

Слѣдующій переходъ удалось совершить при нѣскольکو лучшихъ

условіяхъ, по крайней мѣрѣ безъ потери человѣческихъ жизней, а къ третьему ночлегу погода измѣнилась къ лучшему, и хотя свѣгъ, превратившійся въ жидкую слякоть, и затруднялъ движеніе, но не мѣшалъ варить горячую пищу и по ночамъ засыпать богатырскимъ сномъ русскому воинству.

Послѣ нѣсколькихъ бурныхъ ночей съ проливными дождями, промочившими всѣ пожитки бѣдныхъ солдатъ, наконецъ, стихло, потеплѣло и уже стало сильно припекать на солнцѣ. Нога меня измучила, отекъ былъ такъ силенъ, что при крѣпкомъ бинтованіи утромъ и вечеромъ я все еще не могъ надѣть сапога и ходилъ въ валенкѣ.

Начальникъ 1-го эшалона, престарѣлый полковникъ Колокольцовъ, когда-то блестящій гвардейскій офицеръ, занималъ не послѣднее мѣсто въ средѣ золотой молодежи въ Петербургѣ, гдѣ по связямъ и состоянію игралъ роль. Впослѣдствіи по разстроеннымъ дѣламъ оставилъ службу, а затѣмъ вступилъ опять, но на дальнюю окраину, а именно въ Семирѣчье, гдѣ долго командовалъ батальономъ, по сдачѣ котораго на законномъ основаніи и состоялъ при Кауфманѣ во время похода. Ему, какъ старшему полковнику въ отрядѣ, поручена была 1-я колонна, которую онъ и велъ съ оригинальными приѣмами и подражаніями великому Суворову. Всѣ же, коротко его знавшіе, отзывались о немъ, какъ объ очень добромъ и отлично-честномъ человѣкѣ.

Вскорѣ я получилъ самостоятельное командованіе надъ колонной и долженъ былъ на 11 дней отдѣлиться отъ главной квартиры и прочихъ эшелоновъ авангардомъ на 220 верстъ по сыпучимъ пескамъ, имѣя ночлеги съ мерзѣйшею водою. Въ Темиръ-Кабукъ была общая дневка, на границѣ нашихъ владѣній. Это селеніе было послѣднее пристанище въ обитаемой мѣстности, и отсюда уже начиналась Кизиль-Кумъ, степь безлюдная, песчаная и пустынная, съ очень скуднымъ запасомъ воды, исключительно добываемой изъ колодцевъ, вырытыхъ по пути каравановъ къ Аму-Дарьѣ. Главной помѣхой въ движеніяхъ нашихъ было громадное число верблюдовъ, на которыхъ везлись всѣ тяжести: провіантъ, артиллерійскіе снаряды и паркъ, инженерные и интендантскіе транспорты и, наконецъ, пожитки частей войскъ и собственно наши. Верблюды эти были изнурены до крайности, а потому везли вьюки очень плохо. Значительное ихъ количество уже пало и многіе рѣшительно отказывались отъ дальнѣйшаго движенія. Впрочемъ, была у насъ надежда имѣть въ верблюдахъ подкрѣпленіе сначала отъ бухарскаго эмира, при пресѣченіи его владѣній, а потомъ въ Тамдахъ, гдѣ должны были быть верблюды киргизскіе. Про непріятеля циркулировали смутныя свѣдѣнія, что онъ готовился будто бы насъ встрѣтить, и что нѣсколько значительныхъ шаекъ уже рыскали по степи и портили намъ колодцы. Въ силу этихъ извѣстій и при-

казано было мнѣ произвести движеніе авангарднаго моего эшелона со всѣми военными предосторожностями во избѣжаніе повторенія злополучнаго происшествія съ начальникомъ кавказскаго отряда, полковникомъ Маркозовымъ, у котораго, по слухамъ, отбилъ непріятель всѣхъ верблюдовъ. Въ Тамдѣ всѣ отряды должны были соединиться.

Итакъ съ 21 числа я двигался съ отдѣльнымъ отрядомъ моимъ по сыпучимъ пескамъ медленно, но благополучно, и на седьмомъ переходѣ дождался опять соединенія съ прочими эшелонами. Чрезмѣрная потеря верблюдовъ дѣлалась все чувствительнѣе, и вотъ, придумывая, какъ бы помочь горю, мы стали здѣсь, среди песчаной степи, гдѣ постоянно свирѣпствуютъ страшные вѣтры, поднимающіе цѣлыя тучи песка и въ то же время срывающіе юрты и палатки. За то вездѣ, въ глазахъ, ушахъ, носу, на столѣ и на кровати былъ густой слой пыли, пыли и пыли!

Въ теченіе послѣдней недѣли, вставая на ноги часа за два до разсвѣта, мы цѣлый день, качаясь на сѣдлѣ или пѣшеходомъ по циколку увязая въ песокъ, ползли по степи, одолевая переходы отъ 20 до 30 верстъ. Передъ вечеромъ съ трудомъ достигали колодцевъ, которые всѣ были на перечеѣ въ неизмѣримой Кизиль-Кумской степи, и тутъ-то, около этихъ единственныхъ признаковъ дѣянія рукъ человѣческихъ, изнуренные голодомъ и жаждой, мы засыпали до слѣдующаго утра, когда опять раздавались сигналы подъема и движенія впередъ, и снова мѣрнымъ аллюромъ шагали по степи, наводящей уныніе. Не смотря на это, только прояснялась погода, люди были снова бодры духомъ и сильны надеждами; не умолкали удалыя пѣсни и на ночлегахъ, во время сборки или скучнаго развѣючиванія верблюдовъ, раздавался смѣхъ и веселый говоръ. Молодцы солдаты русскіе! Чего, чего нельзя сотворить съ подобными героями! Горсть сухарей, плохихъ и черствыхъ, глотокъ воды, соленой и зловонной, а если въ добавокъ еще ласковое, одобрительное слово начальства, умѣющаго на самомъ себѣ дать примѣръ самоотверженія,—и солдатъ счастливъ и всѣмъ доволенъ. А подчасъ сидѣли мы и впроголодь, такъ какъ подвозъ провіанта былъ далеко не легокъ; къ тому же продовольственный транспортъ высланъ былъ по какому-то недоразумѣнію не непосредственно за нами, а недѣлю спустя. Въ ожиданіи его и соединились мы снова въ одинъ отрядъ. Больныхъ у насъ пока было мало, суровая погода смѣнилась теплыми, ясными днями, которые скоро должны были перейти въ грозныя жары. Приближался праздникъ Свѣтлаго Воскресенія. Недостатокъ во всѣхъ жизненныхъ припасахъ былъ очень чувствителенъ, но намъ обѣщали къ торжественнымъ праздникамъ подвезти отъ сосѣдей бухарцевъ муки и даже яицъ, чтобъ похристосоваться по формѣ.

О Казалинскомъ отрядѣ получены удовлетворительныя свѣдѣ-

нія; 25 марта, на пути его слѣдованія степью, заложено было укрѣпленіе Благовѣщенское и черезъ нѣсколько дней ожидали его соединенія съ нами.

Въ Арестанъ-бель-Кудукъ совершенно неожиданно оказался недостатокъ воды, и 1-й эшелонъ двинули опять на новый пунктъ къ колодцу Момандзанъ. Во всѣхъ колодцахъ вода изсякла до того, что ужь не было возможности удовлетворить разомъ всѣхъ людей, верблюдовъ и лошадей, и потому передвиженіе наше было крайне необходимо. Новой контрибуціей съ сосѣднихъ и намъ подвластныхъ племенъ кочующихъ киргизъ каракалпаковъ отряды хотя и были снабжены свѣжими верблюдами, но такъ какъ это была весна, то животныя съ трудомъ переносили навьюченный на нихъ грузъ и кончали тѣмъ же падежомъ, какъ и предыдущіе. Оставалось всего шесть переходовъ до м. Халааты (уже въ предѣлахъ хивинскихъ) откуда до Аму-Дарьи было около 60 верстъ.

Хивинскій ханъ выслалъ русскихъ плѣнныхъ въ городъ Казалинскъ, а при нихъ и посольство для переговоровъ. Оставшійся въ Казалѣ за старшаго, нашъ воинскій начальникъ плѣнныхъ принялъ, но, не имѣя полномочія вступать въ переговоры, отправилъ посольство въ догоню Кауфману; тотъ же, по полученіи о томъ донесенія, послалъ къ нему на встрѣчу категорическое приказаніе обратиться восвояси, такъ какъ для всякихъ переговоровъ съ ханомъ теперь уже поздно и рѣшать вопросы о мирныхъ съ нимъ условіяхъ возможно только по взятіи Хивы.

Со дня на день ждали мы также прибытія интендантскаго транспорта съ провіантомъ, но еще раньше облетѣла весь лагерь вѣсть, что какая-то предприимчивая личность изъ туземныхъ торговцевъ везетъ къ намъ въ отрядъ муку и яйца изъ предѣловъ Бухары. Все бросилось на встрѣчу оборотливаго героя, оказавшагося вовсе не туземцемъ, а москвичемъ, *rug-sang*, Громовымъ, главнымъ приказчикомъ Хлудова.

Во вновь сооруженномъ балаганѣ, за скудной трапезой, встрѣтило общество офицеровъ нашего эшелона день Воскресенія Христова. Послѣ взаимныхъ поздравленій и задушевнаго христосованія между собою провели мы эту ночь побратски, въ восторженномъ настроеніи духа. Ракета, высоко взлетѣвшая къ облакамъ, среди темной ночи возвѣстила отряду о великомъ событіи, и въ ту же минуту на всѣхъ фасахъ лагеря раздалось стройное пѣніе «Христосъ Воскресе», повторенное съ неподдѣльнымъ воодушевленіемъ во всѣхъ юртахъ, палаткахъ, шатрахъ и балаганахъ, гдѣ только гнѣздилась живая душа нашего православнаго воинства. Первый день праздника, послѣ бессонной ночи, мы всѣ провели въ горизонтальномъ положеніи, а на второй день, въ видѣ развлечения, я даже ѣздилъ за нѣсколько верстъ въ сторону на охоту, съ капитаномъ Рѣзвымъ. Наконецъ, послѣ длиннаго плаванія по морю пе-

сковъ, достигли мы Халааты. Пора было перевести духъ, болѣе семи недѣль не слѣзали мы съ лошадей, кромѣ дневокъ, представляющихъ сами по себѣ ничтожное отдохновеніе утомленному тѣлу. Каждому изъ насъ опротивѣло смотрѣть на осѣдланную лошадь, безъ которой, однако, путешествіе это было бы совершенно невысказаннымъ. Самое бойкое перо врядъ ли сумѣетъ описать всѣ переиспытанныя истязанія отъ зноя, вѣтра и особенно отъ сильнаго буруна, который нѣсколько дней свирѣпствовалъ въ степи, подымая тучи песку, затмевая собой солнце, страшно воспаляя глаза... Свѣта Божьяго не было видно, только высунешься изъ юрты на воздухъ, густая мгла охватываетъ съ ногъ до головы и легкимъ щелбнемъ, какъ градомъ, хлещетъ по лицу, сильно, больно, до крови.

До Аму-Дарьи отсюда еще предстояла безводная степь, безъ всякихъ признаковъ какихъ бы то ни было источниковъ влаги. Пространство этой пустыни въ точности еще никто не зналъ. Нога русская здѣсь еще никогда не ступала, а проводники наши, то-есть киргизы-кочевники, давали самыя разнорѣчивыя показанія. Наступила тяжелая минута развязки сложнѣйшихъ соображеній, какъ преодолѣть предстоящія затрудненія къ достиженію спасительной Аму-Дарьи и затѣмъ какъ побѣдить не одну природу, но и врага, будто бы (опять таки по слухамъ) въ громадныхъ силахъ ожидающаго насъ на слѣдующихъ переходахъ, не желая допустить до рѣчки своей. Онъ прибѣгъ уже къ самой дѣйствительной и болѣе другихъ вредной мѣрѣ—порчѣ и уничтоженію на пути нашемъ всѣхъ колодезь, чѣмъ и заставилъ насъ идти на турсукахъ, другими словами, съ запасомъ воды съ собою, что, конечно, при несостоятельныхъ перевозочныхъ средствахъ и совершенной неизвѣстности пространства, представляло опасныя усложненія. Кауфманъ сталъ очень озабоченъ и молчаливъ, и не мудрено, отвѣтственность была не шуточная. Одно можно было только сказать, что при полномъ недостаткѣ самаго необходимаго, продовольствія включительно, удивительно, какъ мало было больныхъ и смертныхъ случаевъ, а наступилъ уже пятидесятый день нашего скитанія и безпрерывной борьбы съ расходившимся стихіями. Какъ-то назначили меня председателемъ комиссіи для провѣрки доброкачественности сухарей въ интендантскомъ складѣ, что вызвано было скоропостижной смертью одного солдатика, при вскрытіи котораго въ желудкѣ найденъ сахарообразный камень, вовсе не поддавшійся дѣйствию пищеваренія. Утромъ, вмѣстѣ съ членами комиссіи, приходимъ къ мѣсту склада. На удачу выбранные мною мѣшки высыпаются на землю, и глазамъ нашимъ представляются сухари черствые, заплѣсневѣвшіе и частью зеленые. Пристальнѣе присматриваемся и видимъ, о ужасъ! они двигаются и ползутъ отъ насъ въ разныя стороны. Загадочная подвижность эта, впрочемъ, скоро объяснилась: черви, спокойно поселившіеся въ сухаряхъ, почуявъ свѣжій воз-

духъ, пустились въ ходъ, увлекая за собой и временныя помѣщенія свои, очень любопытныя для наблюденій, но отнюдь не для удовлетворенія отощавшихъ солдатскихъ желудковъ.—«Какъ нашли вы сухари?»—спросилъ меня Кауфманъ.—«Удивительными, ваше высокопревосходительство, — отвѣтилъ я: — если только сумѣтъ дать имъ надлежащее направленіе, они безъ всякой посторонней помощи и перевозочныхъ средствъ сами дойдутъ до Хивы». После подробнаго объясненія Кауфманъ тотчасъ же велѣлъ предать ихъ истребленію, возложивъ ущербъ казны на счетъ виновныхъ интендантскаго вѣдомства.

Тогда же приступлено было и къ устройству печей, въ которыхъ пекли хлѣбъ и свѣжіе сухари для дальнѣйшаго движенія. 23 апрѣля заложена была нами новая крѣпость, Георгіевская, какъ стратегическій пунктъ опоры для дѣйствующихъ впереди войскъ и для склада вновь ожидаемаго провіанта.

25-го, какъ изъ земли выросъ передъ нами Попаригонуло, бывший въ отрядѣ на курьерскихъ отъ Самары до Казалинска, а оттуда прыжками отъ одного эшелона къ другому. Послушать вновь прибывшаго собралась въ мою юрту большая компанія, вскорѣ засѣвшая за карты. Въ полночь усилившійся вѣтеръ перешелъ въ бурю и ежеминутно грозилъ снести бѣдную войлочную страдалицу. Вдругъ среди этого хаоса раздались выстрѣлы, и вслѣдъ за ними сигналы на рожкахъ тревоги. Струве, Голицынъ, Урусовъ и прочіе, а съ ними и я, стремглавъ ринулись изъ ярко освѣщенной юрты во тьму кромѣшную и среди общаго смятенія, барабаннаго боя, крика людей, бѣгущихъ и скачущихъ, толкотни и шума, едва нашли мы ближайшій, всего шаговъ за 50, фашъ лагеря, гдѣ съ неимоверною быстротой уже выстроились съ оружіемъ въ рукахъ солдаты, застигнутые звонкимъ призывомъ во время крѣпчайшаго ихъ сна. На дѣлѣ, впрочемъ, оказался чортъ не такъ страшенъ. Моментально выстроившіяся войска тѣтено прождали непріятельскаго натиска, усиленно стараясь среди ночной темноты разсмотрѣть сквозь пыль и песчаную мятель грознаго супостата. Сигнальные рожки не переставали трубить тревогу. Только въ три часа утра разъяснилось смутившее весь лагерь обстоятельство: нѣсколько десятковъ туркменъ, отъѣхавшихъ далеко впередъ отъ своихъ авангардныхъ постовъ, встрѣтили казачьи пикеты, и случайно наѣхавъ на развѣздѣ, дали залпъ, а затѣмъ тягу, чѣмъ и взбудоражили весь лагерь.

Непріятель въ 50-ти верстахъ отсюда держалъ сильныя пикеты, главныя же силы его придерживались Аму-Дарьи и ждали нашего приближенія. Намъ предстояла еще, какъ я уже сказалъ, страшная пустыня, страшная не встрѣчей съ полудикими ордами, а своимъ безводіемъ и неопредѣленностью протяженія. Любопытно было взглянуть и полюбоваться наружнымъ нашимъ видомъ. Безжа-

лостное солнце сорвало съ cadaго не одну, а нѣсколько шкуръ. Носъ мой перемѣнилъ уже третью кожу, волоса, напудренные густою пылью и пескомъ, измѣнили свой цвѣтъ, глаза, воспаленные и опухшіе, плохо видѣли и слезились. Ко всему этому нестерпимая жара, доходящая въ послѣдніе дни до 47 град. и спадающая на ночь до 34-хъ.

Какъ грустный примѣръ губительнаго вліянія на нервы человѣческіе всей этой томительной обстановки, можетъ служить слѣдующая катастрофа съ инженернымъ полковникомъ Романовымъ, слѣдовавшимъ въ Казалинскомъ отрядѣ за нами. Въ Солтанъ-Биби онъ пулей изъ револьвера раскроилъ себѣ черепъ, оставивъ собственноручную записку, объяснявшую, «что пережить овладѣвшей имъ тоски въ степи онъ болѣе не можетъ, а потому прощается съ семьей и кладетъ конецъ этой пытки»... По слухамъ, полковникъ Романовъ стоялъ въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ по службѣ, не былъ несчастенъ въ семейномъ быту и оставилъ послѣ себя много цѣнныхъ вещей и до четырехъ тысячъ наличными деньгами.

Постройка форта св. Георгія продолжалась недолго, и весь отрядъ двинулся къ Адамъ-Кылгану, куда еще 26 числа отправилась передовая колонна подъ начальствомъ генералъ-маіора Бардовскаго. Впереди этой колонны спокойно ѣхали подполковники Ивановъ и Тихменевъ, каждый съ двумя казаками и нѣсколькими киргизами проводниками. Въ 9-мъ часу вечера, *entre chien et loup*, еще до восхода луны, группа означенныхъ людей, незамѣтно отдѣлившаяся отъ головы колонны версты на двѣ, была внезапно окружена конными хивинцами, въ числѣ до 150 человекъ. Офицеры приказали казакамъ спѣшиться и пѣшкомъ вмѣстѣ съ ними составили тѣсную кучку, при чемъ изъ-за лошадей своихъ стали отстрѣливаться изъ ружей и револьверовъ въ надеждѣ на скорую себѣ помощь изъ идущей по ихъ слѣдамъ колонны. Толпы непріятельскихъ всадниковъ неоднократно бросались въ шашки на нашу горсть храбрецовъ, стойко отражавшихъ нападеніе. Врагамъ, однако, удалось холоднымъ оружіемъ нанести смертельные удары двумъ киргизамъ-проводникамъ, а остальныхъ всѣхъ безъ исключенія переранить ружейными пулями, пока подоспѣвшій взводъ пѣхоты не спасъ ихъ отъ окончательной гибели.

Въ этой неожиданной стычкѣ непріятеля съ ничтожной горстью нашихъ джигитовъ наглядно выказалась уже несостоятельность перваго. Хивинцы уронили традиціонную свою непобѣдимость, а также доказали, что огнестрѣльное оружіе ихъ ничего не стоитъ. Ивановъ впрочемъ былъ раненъ въ ногу и въ руку, а Тихменевъ въ голову и руку.

30-го и мы подтянулись къ нимъ и едва разбили бивуакъ и повалились на отдыхъ, крайне необходимый для всего утомленнаго тяжелымъ переходомъ отряда, какъ на разсвѣтѣ опять были раз-

бужены рѣзкимъ сигналомъ тревоги. Непрiятель, въ числѣ до 300 человекъ, сдѣлалъ нападеніе на лагерь, точнѣе сказать, на ночную цѣпь, но, встрѣченный мѣткимъ огнемъ стрѣлковъ, недолго держался и вскорѣ скрылся, оставивъ незначительный уронъ. Стоянка наша, на Адамъ-Кылганъ (въ переводѣ: смерть человекъ), страшными красками описанномъ извѣстнымъ на востокъ путешественникомъ Вамбери, замѣчательна была по подвижнымъ, изъ сыпучаго песка, барханамъ, при каждомъ степномъ буранѣ измѣняющимъ свои очертанія. Вся кругомъ мѣстность, безъ всякаго признака растительности, даже и колючки, представляла волнистую низменность, покрытую сплошь буграми, въ формѣ бородавокъ, рыхлыхъ, вязкихъ и неимовѣрно подвижныхъ. Нога вязла глубоко, не находя нигдѣ прочной точки опоры. Но зато вода добывалась здѣсь легче, и колодцы рылись не глубоко, что и исполнила заранѣе прибывшая сюда колонна генераль-маіора Бардовскаго. Отсюда до Аму кто считалъ 50, кто 100 верстъ. Въ одномъ только показаніи сходились, что до самой рѣки на пути не будетъ никакихъ колодцевъ, а потому необходимо было пустить въ ходъ, запасенные еще съ Ташкента, турсуки. Къ сожалѣнію, дорогой они сплюснулись, разохлись, потрескались и, когда налили въ нихъ воду, то многіе оказались негодными.

За послѣднее наше движеніе къ Алты-Кудуку много видѣли мы горя, еще болѣе бѣдствій грозило намъ, но великъ Богъ русскій, все мы остались живы, хотя до Аму все еще не дошли.

Въ ночь съ перваго на второе мая мы тронулись съ позиціи Адамъ-Кылганъ и потащились по глубокому, сыпучему песку, съ твердымъ намѣреніемъ во что бы ни стало одолѣть все препятствія и достигнуть благодатнаго Аму, но человекъ предполагаетъ, а Богъ опредѣляетъ. Взшедшее въ тотъ день солнце какъ-то раненко и особенно жестоко стало жечь насъ. Люди, лошади и верблюды сразу страшно утомились и съ великимъ трудомъ передвигали ноги, обливаясь потомъ. Авангардъ, не стѣсняясь обозомъ, значительно растянувшимся сзади, напрягалъ все силы къ движенію впередъ и послѣ безостановочныхъ усилій въ теченіе 10 часовъ сряду проползъ 20 верстъ. Сдѣланъ былъ привалъ въ ожиданіи аріергарда, далеко отставшаго за нами. Группами повалились мы на раскаленную почву и, кое-какъ устроивъ холодки, т. е. развѣсивъ, что было подъ рукою, съ солнечной стороны, тоскливо ожидали, пока подтянутся наши выюки. Былъ третій часъ по полудни, жажда мучила съ утра, во рту пересохло, но ни чая, ни воды на лицо не было! Въ тупомъ одурѣніи, обезсилѣвъ физически, мы молча лежали часъ, два, четыре, а аріергарда еще не было видно. Изрѣдка подходящіе изъ обоза люди передавали намъ сначала неутѣшительныя, а затѣмъ и самыя тревожныя свѣдѣнія объ отчаянномъ положеніи выючнаго обоза, подъ которымъ верблюды

падали сотнями, при чемъ вещи, казенныя и частныя, безмилосердно сожигались на мѣстѣ. Крайняя мѣра эта была объявлена въ приказѣ по отряду еще наканунѣ, но всякій лелѣялъ себя надеждой, что, авось, онъ избѣгнетъ злой участи. Старикъ Колокольцовъ, нетерпѣливо ожидавшій прихода своихъ трехъ верблюдовъ, общалъ намъ, ближайшимъ сосѣдямъ, напоить насъ чаемъ, при чемъ похвалился исправностью своихъ турсуковъ, своевременно смазанныхъ, а потому вполне надежныхъ. Съ завистью слушая его рѣчи, мы предвкушали обѣщанное имъ наслажденіе смочить глотку горячимъ и въ походѣ несравнимымъ ни съ чѣмъ чаемъ, когда наконецъ предсталъ предъ нимъ Жокрисъ его, но не съ тремя, а только съ двумя верблюдами. «Ну, Филать, давай живо чаю!» скомандовалъ ободрившійся полковникъ. «А вода-то, ваше высокоблагородіе?»—загадочно спросилъ слуга. «Давай нашу, дуракъ, шевелись, ну, живо!»—отрѣзалъ баринъ. «У насъ ее нема, ваше высокоблагородіе, вся повытекла въ степу!»... «Какъ, что, почему, злодѣй, варваръ?»—посыпались на Филата грозные допросы... Объясненіе было коротко: одинъ изъ трехъ верблюдовъ Колокольцова зашатался, упалъ и издохъ, а расторопный Филать, обмѣнивъ съ него вьюкъ съ вещами на другаго верблюда, турсуки съ водою, какъ менѣе цѣнныя, по его понятію, бросилъ, предварительно раскроивъ ихъ ножемъ, чтобы цѣлыми врагу не достались. Трагикомическій эпизодъ этотъ, однако, заставилъ насъ соблюдать возможную экономію съ драгоценной влагой, тѣмъ болѣе, что она и такъ безостановочно сочилась изъ плохихъ турсуковъ.

Съ какимъ, о Боже, наслажденіемъ прильнули мы въ тотъ вечеръ къ мутному чаю и, отведавъ имъ душу, въ припадкѣ великодушія, предложили стаканъ этой горячей бурды злополучному Колокольцову. Между тѣмъ, давно миновалъ день, предназначенный для подъема и дальнѣйшаго движенія авангарда, а сигнала къ выступленію все не было. Около ставки начальника отряда мы замѣтили разныхъ киргизъ, изъ числа сопровождавшихъ отрядъ, а, подойдя ближе, услышали скорбныя свѣдѣнія объ аріергардѣ, откуда Головачевъ запиской увѣдомилъ Кауфмана, что верблюды совершенно выбились изъ силъ, что значительная часть вьюковъ и казенныхъ тяжестей имъ уничтожена, а что съ остальными онъ хотя и подвигается, но на столько медленно, что ранѣе ночи не надѣется достигнуть нашей авангардной позиціи. Собственно о водѣ, везомой въ отрядныхъ турсукахъ, мы узнали, что она истекаетъ повсемѣстно, а потому остается ее слишкомъ мало не только на двое сутокъ, но даже на наступающую ночь. Положеніе становилось критическимъ.

До Аму оставалось еще слишкомъ 45—50 верстъ, которыя измученнымъ войскамъ и животнымъ безъ воды перейти было невысказанно, невозможно. Но и оставаться на мѣстѣ отряду оказывалось крайне опаснымъ, надо было предпринять что либо рѣшительное, но

что? Одна надежда виждилась на розыскахъ киргизъ, отправленныхъ во всѣ стороны съ порученіемъ найти воды, безъ которой угрожала намъ общая гибель. Мучительно долго тянулось время. Смеркалось, взопла луна и освѣтила серебристыми лучами жалкую картину разстроеннаго русскаго бивуака, среди унылой, Богомъ забытой степи. Но, нѣтъ, Богъ не оставилъ насъ! Вдали, съ сѣвера, показались въ тѣни силуэты быстро двигающихся къ намъ всадниковъ, послышался топотъ коней ихъ, и черезъ нѣсколько минутъ, утомленные отъ усиленной скачки, два киргиза, соскочивъ съ лошадей, скороговоркой и размахивая руками, бойко стали сообщать что-то очень важное. Подбѣжалъ переводчикъ и объяснилъ Кауфману, что эти молодцы нашли, за одинъ тапъ отсюда, пять отличныхъ колодцевъ, глубокихъ, но не маловодныхъ. Пока командированный съ этими добрыми вѣстниками баронъ Аминовъ дѣлалъ осмотръ указанныхъ колодцевъ, подошелъ, наконецъ, съ аріергардомъ Головачевъ. Жалкій видъ имѣли эти несчастные люди, безъ малаго цѣлыя сутки бившіеся изъ всѣхъ силъ съ обозомъ, подъ палящими лучами солнца, безъ воды, безъ пищи, почти и безъ отдыха. Всякое движеніе впередъ или въ сторону было для нихъ въ ту ночь невозможнымъ; требовался непремѣнно привалъ въ нѣсколько часовъ для восстановленія упавшихъ силъ этихъ героевъ-мучениковъ, а потому, когда присланный джигитъ съ запиской отъ Аминова рѣшилъ вопросъ о доступности колодцевъ, Кауфманъ двинулся туда съ главною квартирой и одною конвойною сотней, приказавъ Головачеву слѣдовать за нимъ съ отрядомъ только послѣ надлежащаго отдохновенія, т. е. раннимъ утромъ. Мы тронулись налегкѣ и часа черезъ полтора ѣзды, подъ прямымъ угломъ отъ нашего пути къ Аму-Дарьѣ, на сѣверъ, по холмистой, изъ сплошныхъ бархановъ, мѣстности достигли наконецъ обѣтованныхъ колодцевъ, носящихъ, какъ оказалось, названіе Алты-Кудукъ. Ту ночь всѣ, кромѣ Кауфмана, которому казаки привезли палатку на сѣдлахъ, провели подъ открытымъ небомъ, почти не смыкая глазъ, въ ожиданіи прибытія обоза. Солнце было уже высоко, когда услышали мы шумъ приближающагося отряда, медленно ползущаго по глубокимъ пескамъ волнистой мѣстности. Скоро, устроившись въ своей юртѣ, я вздохнулъ свободно и заснулъ крѣпчайшимъ сномъ, но не надолго. Случайно начальникъ инженеровъ, полковникъ Шлейферъ, избралъ мѣстомъ своего горячаго разговора съ капитаномъ Рѣзвымъ стѣны моей юрты и оторвалъ меня отъ сладкихъ сновидѣній къ грустной дѣйствительности. Да, пробужденіе мое было тяжелое, такъ какъ я тутъ невольно услышалъ отчетливое и обстоятельное объясненіе положенія отряда: изъ пяти колодцевъ на Алты-Кудукѣ оказались годными только три, да и въ нихъ воды было такъ мало, что далеко не могло хватить для удовлетворенія всего стянувашагося числа людей и животныхъ всѣхъ эшелоновъ вмѣстѣ. При этомъ капи-

танъ Рѣзвый докладывалъ Шлейферу, что всѣ усилія, предпринятія имъ къ расчисткѣ двухъ засоренныхъ колодцевъ, оказались тщетными и очень опасными, такъ какъ въ одномъ изъ нихъ, на глубинѣ болѣе 20 аршинъ, двое саперъ задохлись отъ спертаго воздуха и на веревкахъ вытащены были бездыханные ихъ трупы. Шлейферъ волновался, спорилъ, и толки между ними еще не скоро прекратились; сонъ мой пропалъ безвозвратно, а въ головѣ зародились тревожныя мысли о дальнѣйшей нашей участи. Въ это время поспѣшно вошелъ ко мнѣ Струве и, усѣвшись на моей кровати, озабоченнымъ и взволнованнымъ тономъ сталъ посвящать меня въ отчаянное положеніе отряда. «Голубчикъ, Владиміръ Алексѣевичъ, ступай къ Кауфману, открой ему глаза на настоящее положеніе наше, ты не повѣришь, какое дѣйствіе на окружающихъ производятъ пропаганды нѣкоторыхъ. Они, какъ лава, расплываются по всему отряду, губительно заражая малодушныхъ и всюду наводя страхъ, уныніе, а главное полное сомнѣніе въ нашемъ спасеніи». На возраженія мои о неумѣстности соваться мнѣ не въ свое дѣло, безъ приглашенія Кауфмана, Струве настойчиво уговаривалъ меня идти непременно и сейчасъ же; но адъютантъ начальника отряда, молодой Колокольцевъ, прервалъ разговоръ нашъ поспѣшнымъ вызовомъ меня къ Константину Петровичу. Я вскочилъ съ постели, живо одѣлся (умываться была роскошь недоступная) и черезъ пять минутъ подходилъ къ палаткѣ Кауфмана.

Константина Петровича засталъ я въ настѣжъ открытой сартовской палаткѣ, задумчиво сидѣвшаго на своемъ *chaise longue*. Глаза его устремлены были въ одну точку, а мысли витали видимо далеко... Я подошелъ къ нему, въ двухъ шагахъ остановился, но онъ меня не замѣтилъ. Страшно измѣнился онъ за послѣдніе дни. Лицо осунулось и сморщилось, морщины на лбу обозначились рѣзкими чертами, а ввалившіеся глаза не горѣли обычнымъ огнемъ, а какъ будто померкли. Узнавъ меня, онъ привѣтливо протянулъ руку и впервые въ три послѣдніе года потоварищески обратился ко мнѣ: «Садись, Владиміръ Алексѣевичъ, и потолкуемъ. Я позвалъ тебя, такъ какъ глубоко цѣню твою боевую опытность и рассчитываю услышать твой взглядъ на настоящее положеніе. Къ четыремъ часамъ я назначилъ собраться военному совѣту».

Съ полною откровенностью рѣшилъ я по этому поводу высказаться передъ старымъ, уважаемымъ товарищемъ и ручался всѣмъ, что есть святого на землѣ, что отъ старшаго генерала до послѣдняго солдата, всѣ поголовно и безропотно исполнять святой долгъ присяги, преодолѣвъ всѣ бѣдствія въ десять разъ сильнѣйшія.

Ровно въ четыре часа собрались приглашенные на военный совѣтъ: наличный генералитетъ, всѣ баталіонные и батарейные командиры, начальники отдѣльныхъ частей и въ числѣ ихъ я. Столпились и кое-какъ размѣстились, кто сидя, кто стоя, а кто и лежа

на коврѣ въ открытой настѣж палаткѣ главнаго начальника отряда. Кауфманъ, усѣвшись посреди этой живописной группы, открылъ совѣтъ краткою рѣчью, которою выяснилъ настоящее, очень тяжелое положеніе отряда, при неизбѣжномъ условіи двигаться впередъ.

«Главною задачей въ настоящую минуту является у насъ, господа, — добавилъ онъ, — пріисканіе возможныхъ средствъ къ сокращенію потребнаго количества верблюдовъ для подъема необходимыхъ тяжестей; другими словами, я прошу вашего указанія на тѣ предметы нашего сложнаго обоза, безъ которыхъ мы могли бы обойтись въ предстоящемъ наступательномъ движеніи».

Водворилось глубокое молчаніе, никто не рѣшался высказать своего мнѣнія первымъ, какъ вдругъ одинъ изъ присутствовавшихъ, съ самодовольною улыбкой, вѣроятно, менѣе скромной, чѣмъ была она на лицѣ Колумба при открытіи имъ Америки, обратясь къ Кауфману, смѣло отчеканилъ предложеніе бросить и уничтожить запасный товаръ солдатскій. Ободренный этой мыслью, вскопчилъ другой его товарищъ и поспѣшилъ высказать свое мнѣніе о пользѣ истребленія, помимо сапогъ, и вторыхъ солдатскихъ рубахъ... На губахъ Кауфмана мелькнула саркастическая улыбка, но онъ сдержался, а же не выдержалъ и поспѣшно спросилъ у обоихъ ревностныхъ отцовъ-командировъ, на сколько подобная утрата можетъ въ общемъ сократить верблюдовъ.

— Да не менѣе, какъ по семи верблюдовъ на каждыя двѣ роты, — былъ отвѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о сокращеніи сотенъ, если возможно, тысячи верблюдовъ, стѣитъ ли бросать солдатское достояніе лишь изъ экономіи 40, что ли, верблюдовъ? По моему разумѣнію, ваше высокопревосходительство, — обращаясь къ Кауфману, горячо заговорилъ я, — слѣдуетъ сжечь и истребить все изъ офицерскаго имущества, но отнюдь не допускать и постыдной мысли объ уничтоженіи добра солдатскаго, какъ вѣрнѣйшаго средства къ полной деморализаціи войскъ.

Кауфманъ и всѣ его окружавшіе сочувственно отнеслись къ моему возраженію.

— Въ виду дознанной несостоятельности въ военныхъ доблестяхъ непріятели, съ которымъ предстоитъ намъ драться, — вставилъ П., — я предлагаю бросить здѣсь, конечно, не достояніе солдата, а всѣ запасы артиллерійскихъ снарядовъ, чѣмъ и сократится обозъ, по крайней мѣрѣ, на 600 верблюдовъ.

— Да, кстати уже, вмѣстѣ со снарядами бросить здѣсь и орудія, такъ какъ вторыя безъ первыхъ лишняя обуза! — иронически замѣтилъ одинъ изъ батарейныхъ командировъ.

Въ это время Кауфманъ вполголоса заговорилъ съ Головачевымъ.

— Итакъ,—наконецъ громко сказалъ онъ:—вы обѣщаете, Николай Никитичъ, до вечера удовлетворить всѣхъ людей и лошадей, назначенныхъ мною къ дальнѣйшему слѣдованію къ Аму-Дарьѣ. Могу ли я положиться на ваши расчеты?

— Смѣло берусь исполнить приказанія вашего высокопревосходительства,—спокойно, похлопывая себя по животу, отвѣтилъ Головачевъ.—Сейчасъ же я сдѣлаю надлежащія распоряженія, и всѣ люди, лошади будутъ удовлетворены, а турсуки—снабжены водою.

— Въ такомъ случаѣ,—вставая объявилъ Клауфманъ,—извольте всѣ готовиться къ выступленію. Въ 11 часовъ подъемъ, въ половинѣ 12-го—сборъ, а ровно въ полночь—движеніе.

Но опять человѣкъ предполагаетъ, а Богъ...

Сколько бы ни было суждено мнѣ въ книгѣ судебъ маяться еще на бѣломъ свѣтѣ, но впечатлѣнія, испытанныя мною въ наступившіе затѣмъ часы знаменательнаго 3-го мая 1873 года, никогда до мельчайшихъ подробностей не забудутся мною. Они врѣзались не въ одну память, но и въ сердце мое, и пройдутъ многіе годы, а воображенію отчетливо будутъ представляться душу раздирающія картины страданій многихъ несчастныхъ жертвъ, свидѣтелемъ которыхъ пришлось мнѣ быть въ тотъ вечеръ.

Скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается. Раздача малаго количества наличной воды между всѣми потребителями въ отрядѣ, назначенномъ въ передовой легкой эшелонъ, оказалась на дѣлѣ не только затруднительной, но и просто невозможной. Точное и довольно быстрое распредѣленіе колодцевъ между частями войскъ и штабами, согласно обѣщанію Головачева, было исполнено добросовѣстно, но въ недостатѣ воды не онъ былъ повиненъ...

Когда при наступленіи сумерекъ Козьма мой прибѣжалъ объявить мнѣ, что на назначенномъ для главной квартиры колодцѣ воды не даютъ ни ему, ни людямъ Щербинскаго, мы опрометью бросились отстаивать на мѣстѣ законныя права наши. Добѣжавъ до колодца, мы сразу не могли до него протолкаться. Густая толпа людей сплошною стѣной окружала его, отчаянно защищая къ нему доступъ кого бы ни было. Ни просьбы, ни угрозы, ни ласки—ничто не подвинуло насъ на шагъ къ этому источнику не благъ земныхъ, а мутной жидкости, рѣшающей въ тѣ минуты вопросъ жизни и смерти.

Убѣдившись въ напрасныхъ усиліяхъ, мы съ Щербинскимъ порѣшили на время покориться необходимости выждать, пока отхлынетъ толпа, и отъ нечего дѣлать направили шаги въ сторону, къ коновязи казачьей батареи, съ которой какъ разъ въ это время не вели, а буквально тащили на арканахъ изнуренныхъ артиллерійскихъ лошадей на водопой къ другому, болѣе отдаленному колодцу. Всѣ офицеры батареи сами криками и понуканіемъ стара-

лись содѣйствовать этой сложной операціи, но, не смотря на ихъ хлопоты, очень многія несчастныя клячи, тутъ же падая, издыхали. «Какъ же, однако, повезете вы орудія?»—невольнo сорвалось у Щербинскаго.—«Рѣшительно и самъ не знаю!»—отвѣчала старшій офицеръ батареи.—Лошади наши не только не напиваются вдоволь, но пятая сутки не видѣли гарнца ячменя при этой трудности передвиженія, и какимъ образомъ они дотащили сюда орудія, мы и сами не постигаемъ».

Въ эту минуту взлетѣла сигнальная ракета, и во всѣхъ концахъ лагеря раздался бой вечерней зари, прерываемый слабымъ, болѣзненнымъ и унылымъ напѣвомъ въ ротахъ «Отче Нашъ». Сообразивъ, что въ настоящую минуту общей переключки людей отъ нашего колодца, вѣроятно, отступила толпа, мы поспѣшили туда и дѣйствительно на этотъ разъ встрѣтили препятствіе на пути къ колодцу только въ лицѣ лежащихъ людей, на которыхъ, при наступившей темнотѣ, мы натыкались ежеминутно. Не задолго передъ тѣмъ раздававшіеся здѣсь крики, брань и споры внезапно смѣнились глухимъ стономъ и отчаянными жалобами обезсиленныхъ страдалцевъ, тщетно старавшихся ползкомъ дотащиться до благодатнаго колодца. Въ минуту нашего появленія, подъ защитой сильнаго караула, удовлетворяли себя водой штабные топографы, но вскорѣ я убѣдилъ уступить и намъ очередь добыванія спасительной влаги, и съ помощью предложенной мною пятирублевой депозитки расторопному солдатику намъ удалось налить наши турсуки и отправить ихъ восвояси. Но въ это время опять со всѣхъ сторонъ стали сбѣгаться жаждущіе. Не обращая вниманія на то, что у нихъ было подъ ногами, они, на подобіе дикихъ звѣрей, ринулись къ водѣ, немилосердно топча почти безчувственныхъ товарищей. Съ выкатившимися наружу воспаленными глазами, эти злополучные страдалцы, казалось, ничего не видѣли и не соображали. Неистово напирая другъ на друга, они ломились впередъ, все ближе и ближе къ колодцу, а достигавшіе его падали отъ изнеможенія, при физической невозможности достать на свою долю воды, такъ какъ она струилась на глубинѣ 24 аршинъ. Убѣдившись въ своей беспомощности, нѣкоторые съ пронзительнымъ крикомъ стали отбивать выталкиваемые изъ колодца турсуки, что послужило какъ бы сигналомъ къ общей, страшной свалкѣ...

Да нѣтъ! Живыми красками описать, что затѣмъ на нашихъ глазахъ произошло у этого колодца, сознаю, что не имѣю ни силъ, ни мужества. Не знаю, быть можетъ, я самъ отъ переиспытанныхъ въ послѣднее время истязаній слишкомъ раскисъ, разслабъ и раздражился, но на меня впечатлѣнія эти имѣли потрясающее дѣйствіе, и ночью, какъ и днемъ, во снѣ и наяву, я долго не переставалъ бредить и содрогаться отъ нихъ. Впрочемъ, сомнительно, чтобы нашелся человѣкъ здоровый, сильный, даже съ бычачьими нерва-

ми, который былъ бы въ силахъ къ этому равнодушно отнестись, будучи невольнымъ зрителемъ мучительной борьбы насильственной смерти съ угасающею жизнью людей; слышать ихъ стоны, вопли и адскія страданія... Передо мною рельефно и во всѣхъ омерзительныхъ подробностяхъ мелькали обезображенные лица, съ запекшимися губами и высунутыми, несообразно длинными, одеревенѣвшими, черными языками, въ предсмертной агоніи не перестающія еще явственно взывать: воды, воды, воды! Рядомъ съ этими, уже приговоренными жертвами, болѣе сильные, въ припадкѣ изступленія, бросались другъ на друга, царапались, грызлись и кусались, безсознательно надѣясь утолить свою жажду...

Всѣ старанія наши по мѣрѣ возможности водворить порядокъ и учредить очередь добыванія воды оказались здѣсь совершенно пока безуспѣшными. Въ возбужденномъ до сумасшествія настроеніи толпа людей этихъ не могла уже подчиниться ни дисциплинѣ, ни разсудку и, забывъ все на свѣтѣ, ради глотка воды, лѣзла на кулаки и зубы сосѣдей, на штыки отбивающагося у колодца караула.

Съ пробитія вечерней зари прошло около двухъ часовъ, времени до назначеннаго выступленія оставалось не много, а потому, потерявъ всякую надежду отвратить хоть частицу этого бѣдствія, ускоривъ добываніе этой по каплямъ струившейся на днѣ колодца влаги, мы съ сокрушеннымъ сердцемъ рѣшились сами оттуда выбраться и послѣ многихъ усилій, просьбъ и угрозъ протолкались черезъ эту живую изгородь у злополучнаго колодца и вздохнули наконецъ на свободѣ. Ночь была тихая, но очень темная. Ориентируясь огоньками въ палаткахъ, мы прямикомъ направились къ нашему bivуаку, но на полпути Щербинскій, проходя мимо палатки Фриде, зашелъ къ нему, а я одинъ пошелъ далѣе. Приближаясь къ своей джаломейкѣ, я услыхалъ, что кто-то зоветъ меня. Я прислушался и узналъ голосъ Т.

— Я давно ищу васъ, Владиміръ Алексѣевичъ, и пришелъ не по секретному дѣлу, а по общему, близко касающемуся всего отряда. Сегодня утромъ вы были у командующаго войсками, движеніе впередъ было рѣшено и на военномъ совѣтѣ, ну, а теперь вы тоже того же мнѣнія?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, въ настоящую минуту я совершенно противоположнаго. Обстоятельства измѣнились, и если позволите высказать мое мнѣніе, я считаю сейчасъ движеніе впередъ совершенно невозможнымъ.

— А знаете ли вы въ точности положеніе отряда?—продолжалъ Т.—Выслушайте, что я сообщу вамъ.

— Позвольте, генераль—перебилъ я,—полчаса назадъ Щербинскому и мнѣ пришлось видѣть то, отчего волосъ дыбомъ встанетъ.

И вслѣдъ за тѣмъ вкратцѣ я описалъ ему всѣ ужасы, которымъ былъ свидѣтелемъ.

— Мнѣ кажется, — заключилъ я, — что войскамъ отступать нельзя ни на шагъ, этого требуетъ поддержка нравственнаго духа не только нашего, но и вліянія на непріятеля. Начальникъ отряда, генераль Кауфманъ, мнѣ самъ говорилъ сегодня о своемъ намѣреніи только съ 8-ю ротами идти впередъ, а остальные оставить на время здѣсь въ прикрытіе излишнихъ съ нами тяжестей. Въ 20 приблизительно верстахъ находятся пройденные нами Адамъ-Крылганскіе колодцы, не глубокіе, но обильные водою; слѣдовало бы отмѣнить всякое теперь движеніе впередъ, а предназначенныя остаться здѣсь роты сейчасъ же отправить обратно въ Адамъ-Крылганъ, какъ прикрытіе всѣхъ наличныхъ въ отрядѣ животныхъ, всѣхъ лошадей нашихъ, всей кавалеріи и артиллеріи. Отрядъ же, въ составѣ 8-ми ротъ пѣхоты, со всѣми тяжестями и складами пусть остается здѣсь на мѣстѣ, а на верблюдахъ и лошадяхъ отправлены должны быть въ Адамъ-Крылганъ всѣ турсуки и вся пустая посуда для воды. Такимъ образомъ, *de facto*, отрядъ нашъ, не отступая ни на шагъ, отдохнетъ здѣсь и оправится, а части, назначенныя въ прикрытіе животныхъ, сами по себѣ требующихъ не сравненно большаго количества поила, чѣмъ люди, черезъ три, четыре дня, напоивъ всѣхъ вдоволь поголовно и наполнивъ свѣжею водою всю нашу посуду, вернутся къ намъ не только съ водою, но и съ провіантомъ, который долженъ подойти къ этому времени съ колонной Гринвальда. Сухарей у насъ теперь съ натяжкой на три дня. Впереди же навѣрняка рассчитывать на продовольственныя средства мѣстныхъ жителей, по меньшей мѣрѣ, рискованно; отъ артиллеріи же въ случаѣ боя потребовалась бы также еще и извѣстная подвижность, чтобы она дотащила орудія до непріятельской позиціи, немислимая въ сущности до полученія ячменя, который также явиться долженъ вмѣстѣ съ сухарями. Конечно, тѣла орудій, ящики, лафеты и проч. пусть останутся здѣсь на мѣстѣ, а туда отправятся одни коноводы. Здѣсь же, стянувъ оставшійся отрядъ на болѣе тѣсный бивуакъ, учредить на колодцахъ правильную раздачу воды, которой, при наблюденіи дежурныхъ, хотя бы нашей братіи, состоящихъ при главной квартирѣ, должно хватить на всѣхъ людей лагеря.

Т. съ искреннимъ увлеченіемъ обнялъ меня и отправился къ командиру отряда.

Когда вопросъ о немедленномъ отправленіи части отряда, подъ командой генерала Бардовскаго, былъ рѣшенъ окончательно, мы тотчасъ же снарядили всѣ наши перевозочныя средства для слѣдованія съ пустою посудиною на Адамъ-Крылганъ, и въ минуту выступленія этой колонны сейчасъ же занялись распредѣленіемъ колодцевъ и раздачей воды, чтò, благодаря Бога, удалось сдѣлать правильно и въ удовлетворительномъ размѣрѣ.

9-го мая, какъ ожидали, такъ и пришли обратно на Алты-Кудукъ колонна Бардовскаго, провіантъ и весь транспортъ Гринвальда, а также водяные наши запасы. Радостно привѣтствуя ихъ появленіе, мы стали собираться къ выступленію, назначенному въ тотъ же день, въ 5 часовъ по полудни. Ночевали мы на 10-е число въ степи, никѣмъ не тревожимые, а съ разсвѣтомъ потянулись далѣе, пока полуденная жара не вынудила остановиться на привалѣ. Отдохнувъ часа два, мы опять запагали впередъ и, поднявшись на отлогій кряжъ, увидѣли на горизонтѣ три высокихъ и остроконечныхъ бархана. «Это Учъ-Учакъ!»—возвѣстилъ переводчикъ. Кауфманъ сейчасъ же разослалъ всѣхъ насъ по частямъ войскъ, поздравить ихъ съ достиженіемъ обѣтованнаго Учъ-Учака, стоявшаго преддверіемъ къ оазисамъ въ въ двухъ верстахъ отъ Аму-Дарьи. Дружное, по истинѣ восторженное солдатское «ура» со всѣхъ концовъ движущагося отряда потрясло воздухъ. На глазахъ многихъ я замѣтилъ слезы, обильно катившіяся по загорѣлымъ, дочерна обожженнымъ солнцемъ щекамъ такъ много перестрадавшихъ воиновъ-мучениковъ. Минута эта была высоко-торжественная и глубоко-трогательная, и было отчего.

Вскорѣ затѣмъ вдали показались непріятельскіе пикеты и густыя толпы всадниковъ. Перестроившись въ боевой порядокъ, мы продолжали наступленіе стройно, бодро и какъ-то особенно торжественно. Всѣ воскресли духомъ, прониклись вѣрой въ близость достиженія цѣли и въ окончаніе невѣроятныхъ, испытанныхъ мученій.

Былъ шестой часъ по полудни, когда въ виду зорко слѣдящаго за нашимъ движеніемъ непріятели мы на ночлегъ заняли боевую позицію на возвышенности, съ которой открылся намъ видъ на темно-синюю, широкой лентой извивающуюся, Аму-Дарью. Враги стояли передъ нами въ одной верстѣ, самые отважные джигитовали ближе. Началась перестрѣлка, но слишкомъ неровная. Хивинцы, вооруженные винтовками стараго образца, изъ которыхъ пули летѣли на 120, много 150 шаговъ, не смѣли, конечно, соваться къ стрѣлкамъ, сильно и мѣтко сражавшимъ всадниковъ съ коней ихъ на 300 — 350 сажень. Возможна ли была борьба при такихъ условіяхъ? Въ нѣсколько минутъ неравнаго этого состязанія непріятель на глазахъ всего отряда потерялъ трехъ человекъ убитыми и до восьми ранеными и благоразумно сталъ держаться на благо-родной отъ насъ дистанціи.

Съ наступленіемъ темноты во вражьемъ станѣ запылали костры на очень большомъ протяженіи и перестрѣлка въ цѣпи завязалась снова. Всю ночь трескотня не прекращалась, но въ сущности все дѣло ограничилось ружейнымъ огнемъ передовыхъ отъ отряда пикетовъ и два раза въ секретахъ, нагнавшихъ наконецъ страхъ на джигитовъ, дерзнувшихъ подъ прикрытіемъ темноты, слишкомъ

близко подкрадываться къ дѣпи. Въ большинствѣ всѣ они дорого заплатились за свою отвагу, такъ какъ по утру ихъ тѣлъ подбрано было вокругъ лагеря болѣе двѣнадцати. Всю эту ночь напролетъ я не смыкалъ глазъ и, обойдя весь лагерь, для передачи словеснаго приказанія Кауфмана, чтобы войска, за исключеніемъ дежурныхъ частей на случай тревоги, не выходили въ ружье, а спокойно отдыхали, — имѣлъ не разъ случай, съ возвышенныхъ пунктовъ позиціи нашей, любоваться очень эффектнымъ зрѣлищемъ великолѣпной иллюминаціи. Количество и размѣры ярко пылающихъ костровъ все увеличивались, и огибая нашъ лагерь, костры почти охватывали его сплошнымъ кругомъ. Очевидно было, что непріятель прибывалъ и въ самомъ дѣлѣ намѣренъ былъ драться. Воображеніе мое рисовало живыя картины завтрашняго боя и, возбуждая нервы, лишало всякаго влеченія ко сну. Да не я одинъ, а многіе въ ту ночь не сомкнули глазъ, ожидая кровавой развязки, увы, не оправдавшей надеждъ нашихъ... За часъ до разсвѣта раздался сигналъ подъема, а съ первымъ мерцаніемъ утренней зари весь отрядъ зашевелился и воинственно сталъ наступать на врага, какъ казалось намъ, стойко выжидавашаго нашего приближенія. Издали полчища эти, по многочисленности своей, имѣли грозный видъ, внушающій если не страхъ, то уваженіе, но когда мы подошли ближе, разочарованіе воспослѣдовало полное.

Правда, хивинцы съ визгомъ и громкимъ крикомъ: уръ, уръ, уръ, большими массами бросались на насъ, но такъ нерѣшительно и робко, что огонь нашъ быстро обратилъ ихъ въ бѣгство. Въ безпорядкѣ отступали хивинцы вплоть до озера, близъ Учъ-Учака, не рѣшаясь нигдѣ дать намъ серьезнаго отпора, а здѣсь послѣ двухъ удачно разорвавшихся гранатъ нашихъ, среди столпившейся массы, они въ паникѣ разсѣялись окончательно. Кауфманъ отдалъ приказаніе подполковнику Главацкому вести кавалерію въ атаку, а мнѣ принять командованіе надъ пѣхотой, предназначенной къ штурму непріятельскихъ твердынь, на самомъ берегу рѣки. Начальникъ нашей кавалеріи, видя передъ собой за полъ-версты бѣгущаго непріятели, бросился за нимъ въ атаку. Достигнувъ берега, хивинцы сѣли въ приготовленные каюки и бросились наутекъ, на противоположный берегъ. Трофеями остался одинъ непріятельскій каюкъ, при быстротѣ отступленія непріятели сѣвшій на мель недалеко отъ берега. Графъ Бергъ очень удачно стрѣлялъ по немъ изъ штуцера, но нѣсколько человекъ хивинцевъ, составлявшихъ экипажъ этого судна, легли на дно его, всячески стараясь при томъ спихнуть его въ глубь. Подѣхавшій съ остальнымъ отрядомъ Кауфманъ разрѣшилъ охотникамъ уральскихъ казаковъ вплавъ подобраться къ каюку, и когда 10 молодцовъ, съ хорунжимъ Каменецикимъ во главѣ, въ костюмахъ Адама, подплыли къ нему, семь хивинцевъ бросились въ воду, но при страшной быстротѣ и глубинѣ ея на

глазахъ нашихъ утонули. Казаки нашли на каюкѣ много разнаго имущества и до 30 головъ скота, очень цѣннаго при настоящей всеобщей голодухѣ.

Выпавшее же на мою долю лестное порученіе штурмовать непріятельскія твердыни потерпѣло фіаско, такъ какъ обнаружилось, что всѣ грозныя фортификаціонныя работы хивинцевъ заключались въ шалапахъ изъ прутьевъ, постыдно ими брошенныхъ.

Какъ бы то ни было, а рѣка шумѣла, ревѣла, и волны хлестали у самыхъ нашихъ палатокъ. И это не сонъ: теперь мы не можемъ умереть уже отъ жажды. Заколдованная, такъ долго не дававшаяся намъ рѣка наконецъ была въ рукахъ нашихъ, и мы твердою ногой стали на правомъ берегу этой широкой, быстрой и величественной Аму-Дарьи!

Нѣсколько приподнятое настроеніе появилось у насъ въ тотъ вечеръ 12 мая, когда при быстромъ переходѣ отъ бѣдственной обстановки въ Алты-Кудукъ мы увидѣли себя въ чудную, лунную ночь среди богатой растительности оазиса, на берегу бушующей рѣки. Раздобывъ лодку, нѣсколько человекъ молодежи, съ Колокольцовымъ-сыномъ, нашимъ походнымъ трубадуромъ, отправились на середину рѣки; мы же, расположившись на коврахъ у самой воды, внезапно поражены были давно не слышанными, почти забытыми звуками хоровой всегда дорогой русскому сердцу пѣсни: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». Мы обратились въ слухъ и вниманіе. Изъ туманной дали поднималось судно вверхъ по теченію и, рѣзко разсѣкая волны, несло мимо насъ по широкому простору рѣки, фантастически отразившей въ водахъ своихъ дивныя лучи красавицы луны. Пѣсня смолкла, но черезъ нѣсколько минутъ раздалась другая, на этотъ разъ исполненная на *cornet à piston* Колокольцовымъ: «Штендхенъ» Шуберта, мелодично и звучно, конечно, впервые со дня своего существованія огласила прелестный мотивъ свой въ этой дикой мѣстности, какъ будто жадно поглощающей незнакомые ей звуки, полные поэзіи и высокаго чувства мечтательности...

Послѣ долгихъ дней скорбной прозы, неотступно преслѣдовавшей насъ почти три мѣсяца сряду, «Штендхенъ» расшевелила ретивое и вызвала умиленіе и восторгъ. Знать, не на шутку натянула нервы намъ песчаная степь горемычная.

Выступленіе наше съ позиціи на другой день оттянулось до времени послѣ обѣда, по случаю отправленія нарочнаго въ Ташкентъ для донесенія на высочайшее имя о счастливомъ достиженіи туркестанскимъ отрядомъ Аму-Дарьи, равносильномъ занятію предметя заколдованной Хивы. Опять зашагали мы, но при ивыхъ условіяхъ, не по сыпучему песку, а по культурной мѣстности, не по мертвящей, безъ всякихъ признаковъ живой твари, уныніе наводящей пустынь, а по обработаннымъ полямъ, фруктовымъ садамъ

и живописно-разбросаннымъ селеніямъ, хотя и покинутымъ пока жителями. Всѣ эти впечатлѣнія вызвали въ насъ отрадное расположеніе духа, поддержанное надеждами, что все должно измѣниться къ лучшему.

Подвигаясь все внизъ по рѣкѣ, мы пришли въ бывшее когда-то укрѣпленіе Акъ-Камышъ, рассчитывая въ тотъ же день занять городъ Шуруханъ, откуда предполагалась переправа на лѣвый берегъ, въ 60-ти верстахъ отъ Хивы. Но не такъ все осуществилось на дѣлѣ.

Только что разбили мы лагерь и всѣ повалились отъ зноя и сдѣланнаго нами 25-ти-верстнаго перехода отдохнуть въ палаткахъ, какъ насъ внезапно подняло приказаніе сопровождать начальника отряда на рекогносцировку. Нашъ бивуакъ на этотъ разъ былъ верстахъ въ восьми отъ Аму-Дарьи въ сторону, на большомъ арыкѣ, орошающемъ обработанную землю. Сюда-то прискакали съ берега доложить начальству о появленіи непріятеля по ту сторону рѣки, а такъ какъ русломъ ея ожидалось движеніе внизъ по теченію нашей маленькой, у непріятеля же взятой флотиліи (3 лодки и 1 баржа), то мы и пустились на рысяхъ съ двумя сотнями казаковъ высмотрѣть настоящее мѣстоположеніе, а равно и силы непріятеля. Что же представилось издали глазамъ нашимъ? На томъ берегу Аму-Дарьи, не менѣе 600 сажень ширины, укрѣпленный лагерь и въ немъ масса шевелящагося люда, зорко слѣдящаго за нашимъ движеніемъ. Какъ только на одной съ нимъ высотѣ мы подѣхали къ самому берегу, хивинцы открыли по намъ огонь изъ шести орудій. Стрѣляли они отлично мѣтко. Ни одно ядро не легло иначе, какъ среди насъ, но къ необычайному благополучію изъ 46 выпущенныхъ снарядовъ два только убили казачьихъ лошадей, а одно ядро, очень близко шлепнувшись около доктора Морева, испугало его коня, сбросившаго сѣдока на землю. Не имѣя съ собой артиллеріи, а потому представляя собою лишь безобидную мишень для непріятеля, мы шагомъ отошли изъ сферы дѣйствія хивинскихъ орудій, что, конечно, было наивно истолковано ими за громкую надъ нами побѣду. Въ лагерь ихъ раздались торжествующіе возгласы и неистово пронзительные звуки побѣдной трубы. Мой ходжентскій маленький сѣрый, незнакомый со свистомъ снарядовъ, дѣлалъ неистовыя ланцады, почему я на нѣсколько минутъ лишнихъ проманежилъ его подъ выстрѣлами, а потомъ рысью нагналъ главную квартиру. Почтенному же нашему начальнику туркестанскаго отряда, Н. Н. Головачеву, Кауфманъ предоставилъ затѣмъ съ отдѣльною колонной артиллерійскій бой противъ укрѣпленной по ту сторону рѣки позиціи непріятельской. Съ 7-ми часовъ утра на слѣдующій день раздавалась на Аму-Дарьѣ сильная канонада и такъ близко отъ насъ, что Константинъ Петровичъ не выдержалъ и отдалъ приказаніе всей свитѣ сопровождать его на поле сраже-

ніа. Къ сожалѣнію, когда въ первомъ часу по полудни мы явились на мѣсто сраженія, Николай Никитичъ ужъ покончилъ съ хивинцами. Артиллерійскіе снаряды наши быстро выбили этихъ героевъ изъ ихъ мнимыхъ твердынь, и они, бросивъ крѣпость и орудія свои, пошли наутекъ. Жаль, что подъ рукой у насъ не было тогда перевозочныхъ средствъ для переправы, можно было бы свободно и безъ потерь завладѣть ихъ имуществомъ, оставленнымъ въ паникѣ на произволъ судьбы. Вновь созданная же флотилія наша подошла только вечеромъ, но слишкомъ поздно. Но каковы молодцы моряки наши, только три дня, какъ переименованные во флотъ изъ стрѣлковыхъ ротъ. Они явились не на 4-хъ, а на 16-ти судахъ, отбивъ у непріятели съ обоихъ береговъ 12 баркасовъ, которые теперь вмѣстѣ съ захваченными здѣсь составили флотилію въ 19 штукъ. Въ лагерь же явились и представители всѣхъ сословій изъ города Шурахана, а съ ними вмѣстѣ подвезли оттуда разные съѣстные припасы. Пора, а то просто смерть! Послѣдніе дни не только у войскъ, то-есть у солдатъ, но у насъ, у всѣхъ офицеровъ, не было ничего. Мясо, сухари, ячмень, чай, сахаръ—все кончилось. Кауфманъ ужъ двѣ недѣли никого не кормилъ и голодалъ самъ, какъ и всѣ мы.

Дня черезъ три мы отошли отъ Акъ-Камыша всего на пять верстъ. Не много же,—подумаешь каждый не знающій, что въ числѣ этихъ верстъ мы совершили великій подвигъ переправы на хивинскій берегъ. Напротивъ брошенныхъ хивинцами укрѣпленій, не смотря на ширину рѣки (до 600 сажень), стянулся весь отрядъ, такъ какъ всѣ мы логически полагали, что именно тутъ-то въ виду бывшаго непріятельскаго лагеря и должно было быть самое удобное мѣсто. И дѣйствительно во многихъ мѣстахъ рѣки оказались отмели, и при широкомъ на этомъ пунктѣ разливѣ и сама глубина Аму была не такъ велика, какъ ниже, при суженіи ея между крутыми берегами. Не смотря на эти выгодныя условія, по причинѣ быстроты и той же широты рѣки, переправа производилась очень медленно. Главная задача состояла въ переправѣ верблюдовъ, изъ которыхъ многіе погибли въ быстрыхъ волнахъ Аму.

21 мая въ числѣ другихъ присутствовалъ я по обязанностямъ службы при церемоніалѣ навѣшиванія знаковъ отличія военнаго ордена на успѣвшихъ у насъ отличиться. Кауфманъ собственноручно возлагалъ кресты на выстроенныхъ нижнихъ чиновъ, причемъ уже вторые навѣсилъ на двухъ выдающихся ихъ прошлымъ: первый Квитницкій, второй Зубовъ. Оба они разжалованы были въ рядовые передъ самымъ хивинскимъ походомъ и оба были назначены къ участию въ немъ. Объ исторіи Квитницкаго такъ много говорили и даже писали, что мнѣ заносить о немъ въ запискахъ ничего не приходится. О Зубовѣ же, бывшемъ лейтенантѣ, хроника гласила,

что онъ въ припадкѣ негодованія противъ старшаго офицера судна нанесъ ему личное оскорбленіе дѣйствіемъ, за что былъ преданъ суду и разжалованъ въ рядовые. Что касается до правъ на полученіе знаковъ отличія, то Зубовъ въ это короткое время успѣлъ блистательно оправдать и на дѣлѣ выказать не одно мужество, но и образцовую энергію и распорядительность при захватѣ съ боя непріятельскихъ баркасовъ, безусловно выручившихъ отрядъ, при сложной переправѣ войскъ черезъ Аму-Дарью. При этомъ несправедливо было бы не выставить того обстоятельства, что весь экипажъ подчиненной Зубову эскадры, надняхъ сформированный изъ строевыхъ солдатъ стрѣлковой роты, доказалъ въ эти дни, что русскій человекъ въ какомъ бы мундирѣ ни былъ, но подъ руководствомъ браваго начальника готовъ въ огонь и воду...

Оренбургскій отрядъ, по свѣдѣніямъ, недавно полученнымъ изъ Кунграда, соединился съ однимъ изъ кавказскихъ отрядовъ и находился не далеко отъ Хивы, на пути обративъ въ бѣгство непріятели. Въ 15 верстахъ отъ насъ, въ крѣпости Хазарапсѣ, хивинцы бросили все имущество, даже орудія, снаряды, провіантъ и всѣ запасы.

Между тѣмъ, ходившій въ лѣсъ съ своей колонной на фуражировку, полковникъ Чайковскій встрѣтился тамъ съ большими скопищами непріятели, который, съ цѣлью лишить насъ продовольственныхъ средствъ, добываемыхъ нами отъ сосѣднихъ мирныхъ жителей, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ конныхъ въ партіи, подошелъ къ ближайшимъ отъ насъ селеніямъ ночью и, принудивъ ихъ подняться со всѣмъ имуществомъ, наткнулся, прикрывая ихъ переселеніе, на колонну фуражировъ. Завязалась сначала ружейная перестрѣлка, но когда хивинцы вытянулись изъ лѣса на открытую плоскость, то раздались выстрѣлы изъ ихъ двухъ орудій, на которые не замедлилъ отвѣчать нашъ взводъ казачьей батареи.

Непріятель при всей поспѣшности не могъ скоро уходить по причинѣ связывавшаго его движеніе громаднаго транспорта съ домашнимъ скарбомъ, женщинами, стариками, дѣтьми и всякими животными. Всѣ и все кричало, шумѣло, галдѣло и ревѣло до безобразія, тѣснясь и толкая другъ друга. Смятеніе было общее. Препроводивъ въ лагерь раненаго въ первой стычкѣ штабсъ-капитана Скворцова, Чайковскій на словахъ донесъ о своемъ движеніи, требуя поддержки, вслѣдствіе чего Кауфманъ выслалъ къ нему двѣ роты стрѣлковъ. Непріятель бѣжалъ и здѣсь. Въ тотъ же вечеръ состоялся приказъ по отряду о выступленіи его въ 7 часовъ утра на крѣпость Хазарапсѣ, а авангарду изъ трехъ стрѣлковыхъ и двухъ линейныхъ ротъ, подъ моею командой, выступить въ 5 часовъ утра. Я мечталъ встрѣтить сильный отпоръ непріятели, но горько ошибся въ ожиданіяхъ. Послѣ 4—5 ружейныхъ выстрѣ-

ловъ какихъ-то байгушей со стѣны крѣпости, она безъ боя была занята мною, а весь гарнизонъ, оставивъ намъ семь орудій, въ другія ворота бѣжалъ во всѣ ноги. Пороха, свинца, провіанта и прочаго имущества досталась намъ бездна, цѣною одного солдата, легко раненаго. Простоявъ сутки въ Хазарапсѣ, мы съ подошедшимъ сюда остальнымъ отрядомъ вернулись обратнымъ путемъ и стали лагеремъ между крѣпостью и Аму-Дарьей. Комендантомъ же съ небольшимъ нашимъ гарнизономъ, оставленъ былъ въ Хазарапсѣ подполковникъ Принцъ.

При возвращеніи оттуда, насъ сильно поразилъ слѣдующій несчастный случай: полковникъ Веймарнъ, командиръ 2-го стрѣлковаго батальона, пожалѣвъ собственную свою лошадь, изъ Хазарапса отправился верхомъ на фуштатской клячѣ. Она чего-то испугалась, шарахнулась въ сторону и со всего размаха ударила сѣдока объ уголъ сакли, но такъ несчастно-жестоко, что сломала и вонзила ему внутрь два ребра. Злополучный Веймарнъ нѣсколько часовъ мучился страшно и на слѣдующій день на рукахъ своего друга Буллера (адъютанта стрѣлковой бригады) отдалъ Богу душу. Вотъ, подумаешь, было изъ за-чего черезъ всю степь ломать походъ, чтобы сломать себѣ бока, въ 40 верстахъ отъ достиженія цѣли!... Царство ему небесное!

30-го мая. Хива.

Заголовокъ этотъ краснорѣчиво подтверждаетъ солдатское выраженіе: «хоть рыло въ крови, а наша взяла». Она, эта заколдованная, легендарная Хива, ровно три мѣсяца составлявшая цѣль, задачу, даже мечту нѣсколькихъ тысячъ людей, наконецъ-то пала передъ російскимъ оружіемъ.

Еще въ бытность нашу на Аму-Дарьѣ начались дипломатическіе переговоры хана хивинскаго съ Кауфманомъ черезъ посланника, двое сутокъ тайнственно шептавшагося съ Струве и начальникомъ отряда. Я даже сутками ранѣе переправился черезъ Аму, такъ какъ Константинъ Петровичъ поручилъ мнѣ означеннаго посла хивинскаго сопровождать, ограждать и выпроводить за цѣпь нашу въ обратный путь къ его властелину. Затѣмъ на стоянку нашу въ окрестностяхъ Хазарапса являлись новыя изъ Хивы личности, но опять съ секретными для насъ грѣшными порученіями. Сношенія съ начальникомъ оренбургскаго отряда, генераломъ Вережкинымъ, за послѣдній періодъ похода установились правильныя, и Кауфманъ, зная изъ его донесеній о соединеніи отряда оренбургскаго съ кавказскимъ генерала-маіора Ломакина и совокупнаго ихъ наступленія на Хиву со стороны Кунграда,—предписалъ имъ остановиться въ 25-ти верстахъ отъ Хивы, въ м. Ханкахъ съ тѣмъ, чтобы одновременно съ нашимъ туркестанскимъ отрядомъ подойти къ Хивѣ съ разныхъ сторонъ и занять ее общими силами. Кауфманъ, согласно происходившимъ переговорамъ съ пред-

ставителемъ высшей въ Хивѣ власти, былъ заранѣе твердо убѣжденъ, что при занятіи ея никакого сопротивленія не воспослѣдуетъ. И вотъ, двигаясь къ ней, мы слышимъ вдругъ усиленную канонаду по направленію къ Хивѣ. Идти сейчасъ самимъ было поздно, такъ какъ наступилъ уже вечеръ; разъясненіе же не замедлило явиться къ намъ въ лицѣ нѣсколькихъ растрепанныхъ посланцевъ изъ Хивы. Съ ужасомъ они передали, что русскій отрядъ подступилъ подъ самыя стѣны ихъ города и безмилосердно изъ большихъ пушекъ сталъ громить священную столицу, заставивъ тѣмъ войска ханскія (вопреки договора сдать городъ безъ выстрѣла) сдѣлать отчаянную противъ русскихъ вылазку, а самого высокостепеннаго хана, въ сопровожденіи своей гвардіи изъ храбрѣйшихъ трехсотъ туркменъ, бѣжать изъ своей резиденціи въ степи...

До 10-ти часовъ вечера доносились къ намъ артиллерійскіе выстрѣлы, неимоверно насъ дразнившіе, но вотъ послѣдовало приказаніе выступать отряду съ разсвѣтомъ, и это распоряженіе угостило, наконецъ, расходившуюся публику.

До утренней зари отрядъ нашъ поднялся на ноги и усердно зашагалъ по дорогѣ къ Хивѣ. Казалось, всѣ до послѣдняго солдата рвались скорѣй на крыльяхъ летѣть впередъ. Но вотъ впереди насъ поднялся густой столбъ пыли, сквозь которую мы вскорѣ различили щегольскую конницу, въ почтительномъ разстояніи остановившуюся при нашемъ приближеніи. То были дядя и племянникъ хивинскаго хана, выѣхавшіе на встрѣчу привѣтствовать главнаго начальника русскихъ отрядовъ, а за ними слѣдовалъ почетный конвой, болѣе чѣмъ въ сто всадниковъ. Начались приторныя, въ азіатскомъ вкусѣ, любезности и цвѣтистыя фразы и увѣренія въ преданности, высокопочтенія и проч. Вся процедура эта заняла не мало времени, но, слава Богу, раздалась команда: «маршъ». Прошли версты три, видимъ—скачетъ къ намъ всадникъ, всматриваемся и узнаемъ, кого же?—Глуховского, генеральнаго штаба полковника, состоящаго при Кауфманѣ, но запоздавашаго изъ Петербурга въ нашъ отрядъ, а потому и примкнувшаго къ оренбургскому. Глуховской, явившись къ своему прямому начальству, успѣшилъ доложить его высокопревосходительству, что на встрѣчу къ нему выступилъ сводный отрядъ изъ частей оренбургскихъ и кавказскихъ войскъ, ожидающій прибытія его не вдалекѣ, за холмистымъ кряжемъ. Выслушавъ докладъ, Кауфманъ прибавилъ хода лошади и направился къ возвышенности, съ которой и увидѣли мы, выстроенный вдоль дороги, отрядъ, сразу изумившій насъ, замарашекъ, своимъ блестящимъ видомъ. Такого контраста между войсками трудно было вообразить себѣ. Мы—запыленные и загрязненные, въ кителяхъ, цвѣта вовсе не похожаго на бѣлый, оборванные и облинялые, безъ цѣльной обуви на ногахъ и всякой кожи на лицахъ; а они—выхоленные, чистенькіе, въ мундирахъ съ иголки, въ блестящей парадной формѣ.

На правомъ флангѣ развернутаго вдоль дороги фронта стоялъ дивизионъ конно-иррегулярнаго Дагестанскаго полка, имѣя передъ собою командира полка, стараго пріятеля моего, Дмитрія Теръ-Асатурова, а въ первыхъ рядахъ гусара германской арміи, гвардейскаго императора Вильгельма полка поручика Штума, рельефно выдающагося своею красивой и богатой формой. Рядомъ съ дивизиономъ дагестанскихъ наѣздниковъ стояли сотни молодцовъ линейцевъ, кизлярско-гребенскихъ и горско-моздокскихъ казаковъ, затѣмъ батальоны Ширванскаго, Самурскаго и Апшеронскаго полковъ и линейные Оренбургскаго округа съ артиллеріей полевой и казачьей оренбургскаго войска. Но здѣсь вышли не въ полномъ составѣ оба отряда, а часть ихъ подъ командой полковника Саранчева¹⁾. Прочія же войска оставлены были при генералѣ Веревкинѣ, накануне раненомъ и теперь лежащемъ въ лагерѣ всего въ пяти верстахъ отъ Хивы. Пока командующій отрядомъ медленно объѣзжалъ ряды и благодарилъ почти каждую роту за честно исполненный долгъ присяги, мы успѣли узнать всѣ подробности дѣла, бывшаго накануне подъ стѣнами Хивы. Оказалось, что дѣйствительно Веревкинъ 28-го миновалъ Ханки и, не останавливаясь, подошелъ къ Хивѣ и сталъ громить городъ артиллерійскимъ огнемъ. Гарнизонъ сначала растерялся, и самъ ханъ обратился въ бѣгство, но затѣмъ оправился и сдѣлалъ съ своей стороны вылазку противъ атакующихъ. Загорѣлся сильный бой, при чемъ ширванцы и апшеронцы ходили нѣсколько разъ въ штыки и захватили два неприятельскихъ орудія, но понесли значительныя потери убитыми и ранеными; въ числѣ послѣднихъ: обоихъ своихъ батальонныхъ командировъ, многихъ офицеровъ, адъютанта намѣстника Алиханова и въ концѣ концовъ и самого начальника отряда Веревкина, сбитаго съ коня пулею въ щеку. Это-то послѣднее обстоятельство и было причиною прекращенія сраженія, которое несомнѣнно иначе кончилось бы накануне нашего прихода окончательнымъ взятіемъ Хивы. Грѣшно радоваться чужому несчастью, но въ данномъ случаѣ намъ было слишкомъ не легко уступить имъ всѣ лавры побѣды послѣ столькихъ понесенныхъ невгодъ и лишеній...

Послѣ краткаго отдыха мы двинулись, наконецъ, къ Хивѣ. На дорогѣ встрѣтили насъ посланные изъ города и представили Кауфману ключи отъ городскихъ воротъ, при чемъ, сильно размахивая руками, пояснили, что «опять урусъ много стрѣлялъ въ ихъ столицу».

Часа черезъ полтора хода мы подошли наконецъ и собственными очами узрѣли великую и славную столицу ханства Хивинскаго, издали не лишенную нѣкоторой живописности и даже внушительности, а вблизи оказавшейся фотографическимъ снимкомъ

¹⁾ Начальникъ штаба оренбургскаго отряда и старшій послѣ Веревкина.

со всѣхъ городовъ Средней Азіи, не лучше Ташкента, Ходжента, а тѣмъ болѣе Самарканда. Какъ бы то ни было, но передъ нами отворились врата, и мы совершили черезъ нихъ въѣздъ въ покоренную Хиву съ подобающей торжественностью, при оглушительныхъ звукахъ барабановъ, музыки и неумолкаемыхъ крикахъ «ура». Только въ самомъ центрѣ города, на площади, противъ дворца ханскаго, остановилось движеніе войскъ, а Кауфманъ со свитой расположился на террасѣ ханскаго дворца для принятія поздравленій съ совершившимся фактомъ покоренія Хивы.

В. Полторацкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЪ МЯТЕЖНОМЪ КРАѢ¹⁾.

(Изъ воспоминаній).

V.

Польское общество. — Большая еврейка. — Звѣрскій поступокъ съ ней повстанцевъ. — Нашъ арестъ въ корчмѣ. — Повстанскій начальникъ. — Допросъ. — Освобожденіе. — Ночлегъ въ Гарволинѣ. — Сборище въ цукернѣ. — Большой ребенокъ. — Пріѣздъ въ Ивангородъ. — Жизнь въ крѣпости. — Офицеры и солдаты гарнизоннаго батальона.

ДИВИТЕЛЬНОЕ ДѢЛО! Польское общество внѣ политики очень симпатично по внѣшнему лоску, мягкости характера и утонченности пріемовъ общежитія. Даже у мужика польскаго, при всей его необразованности, есть врожденное чутье приличія; отъ него рѣдко можно услышать циническое ругательство въ родѣ тѣхъ, которыя висятъ въ воздухѣ по всему нашему Поволжью. Между поляками русскому человѣку не трудно имѣть друзей-пріятелей, но подѣ однимъ только условіемъ—никогда не касаться вопроса о Польшѣ, такъ какъ въ этой области мышленія интеллигентные поляки—слѣпые фанатики своей идеи. Они не хотятъ знать ни уроковъ исторіи, ни современныхъ условій политическаго существованія государствъ и народовъ. Крайній предѣлъ для компромиса съ нами

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LX, стр. 156.

выражается у польскаго интеллигента только въ слѣдующей фантастической формѣ: «Пусть Россія предоставитъ Польшѣ полную независимость, тогда между братскими государствами установится самая тѣсная и неразрывная дружба, въ результатѣ которой возникла бы въ Европѣ такая грозная сила, что нѣмцы ежеминутно трепетали бы за свое существованіе и во всемъ раболѣпствовали бы передъ нами». Что касается патріотическаго вождельнія польскихъ женщинъ, то онѣ мечтаютъ только имѣть своего круля и свое войско, а лучше ли или хуже будетъ при этомъ, такой вопросъ и въ голову имъ не приходитъ. У ксендзовъ есть свой особый конекъ, какъ исходный пунктъ для примиренія. Мнѣ не разъ приходилось слышать отъ нихъ такое соображеніе, что еслибъ Россія признала главой своей церкви папу, то этимъ она покорила бы не только Польшу, но и весь міръ. Эти наблюденія я вынесъ изъ моего тридцатилѣтняго пребыванія въ Привислинскомъ краѣ. Само собою понятно, возможенъ ли полюбовный *modus vivendi* съ поляками. Возвращаюсь къ прерванному разсказу.

Денщикъ нашъ вывѣдалъ отъ прислуги, что недѣли двѣ назадъ квартировавшія въ Межирѣчѣ роты выведены куда-то и съ тѣхъ поръ не возвращались. Значитъ, мы находились въ мѣстечкѣ, которое каждую минуту можетъ быть занято бандою, а по признанію курьерки и самая банда была не далеко. Фурманы наши, рѣшившіеся везти насъ только за большія деньги, впали въ безпокойство и, опасаясь за своихъ лошадей, подступили съ новымъ условіемъ, что если поляки заберутъ у нихъ лошадей, и они изъ-за насъ лишатся своего достоянія, то чтобы мы обязались вознаграждать ихъ. Разумѣется, мы не стали съ ними разговаривать. Дѣтишки наши провели ночь сладко, но бѣдныя матери въ тоскѣ и опасеніяхъ за дорогихъ существъ не сомкнули глазъ, и нужно было много расточить словъ, чтобы поддержать въ нихъ бодрость духа. Это было тѣмъ труднѣе, что и мы сами, мужчины, не могли не сознавать рискованности своего положенія. Всякое движеніе въ корридорѣ гостинницы, всякій стукъ колесъ или звукъ человѣческаго голоса, доносившіеся съ улицы, при одностороннемъ настроеніи и напряженіи духа, рисовали картину подступа непріятелей. Вотъ-вотъ, казалось, сейчасъ отворится дверь, и на порогѣ появятся не желанные гости. Но, благодареніе Богу, ночь прошла благополучно, и ясное утро освѣжило мысли. Однакожъ фурманъ сообщилъ намъ по секрету со словъ своего единовѣрца, что на разсвѣтѣ не вдалекѣ отъ мѣстечка поспѣшно прослѣдовалъ нашъ небольшой отрядъ по направленію къ лѣсу, что будто бы слышны были выстрѣлы, затѣмъ все затихло, и ужъ больше не видѣли ни русскихъ, ни поляковъ. Значитъ, отрядъ погналъ стремительно повстанцевъ. Даже наши возницы пріободрились, справедливо выразивъ надежду, что теперь поляки отъ насъ далеко.

Дѣйствительно, дальнѣйшій путь нашъ, на пространствѣ дневного переѣзда, повидимому, былъ очищенъ, хотя телеграфъ еще не былъ восстановленъ. Явнымъ признакомъ недавняго присутствія нашихъ войскъ въ проѣзжаемой мѣстности служили двуглавые орлы на фронтонахъ почтовыхъ станцій, мимо которыхъ мы проѣзжали, потому что многіе смотрители держались такой политики: какъ только гдѣ стали верховодничать повстанцы, тамъ снимался русскій государственный гербъ, и привѣшивался польскій одноголавый орелъ; но передъ появленіемъ русскаго отряда и тотчасъ послѣ него государственный гербъ былъ на своемъ мѣстѣ. Польскій бѣлый орелъ обѣ одной головѣ былъ заготовленъ, для замѣны нашего двуглаваго орла, очевидно, наскоро, часто неумѣлою рукой и непременно на черномъ фонѣ. Онъ нарисованъ былъ на жестяномъ листѣ или на обрубкѣ доски.

Второй ночлегъ нашъ былъ въ мѣстечкѣ Калушинѣ. Отъ встрѣтившагося на улицѣ солдата мы узнали, что наканунѣ двѣ роты выступили въ экспедицію въ сторону нашего вчерашняго ночлега, а здѣсь осталась одна рота для охраны войскового имущества. Значить, наше пребываніе въ Калушинѣ обезпечено полнымъ спокойствіемъ. Когда уже совсѣмъ смерклось, входитъ денщикъ и докладываетъ, что какой-то жидъ просить позволенія меня видѣть. «Что ему отъ меня нужно?» — «Не сказываетъ, а самъ хочетъ говорить съ вами, важное какое-то у него дѣло». Хотя наши жены нѣсколько встревожились этою таинственностью, но дѣло оказалось самое обыкновенное. Еврей, узнавъ, что въ мѣстечкѣ остановился проѣзжій докторъ, пришелъ просить, чтобы я навѣстилъ его трудно заболѣвшую жену.

— Отчего ты не обращаешься къ мѣстному доктору? Я здѣсь съ голыми руками, а, быть можетъ, нужно подать особенное пособіе при помощи какого либо инструмента.

— Обращался,—сказалъ еврей послѣ нѣкоторой заминки,—да нѣтъ въ городѣ, выѣхалъ. Пожалуйста, пане консильяжу, не откажите.

— По крайней мѣрѣ объясни, что такое у твоей жены,—спросилъ я, желая выяснить, не хирургическое ли или акушерское требуется пособіе.

— Самъ не знаю что, только очень заболѣла, совсѣмъ умираетъ.

По дрожащему голосу и растерянному выраженію лица видно было, что еврей испытывалъ душевныя страданія.

Когда онъ привелъ меня въ заѣздный (постоялый) домъ, то на лавкѣ я увидѣлъ продолговатую массу, покрытую простыней, изъ-подъ которой раздавались тяжелые стоны. По снятіи простыни, глазамъ моимъ представилась страшно раздутая женщина съ опаленными волосами и безформеннымъ лицомъ, покрытая на тѣлѣ пузырями и черными пятнами.

— Чѣмъ и какъ обожжена твоя жена?—обратился я къ еврею, чтобъ ориентироваться при назначеніи лѣченія.

— Несчастіе, пане консильяжу, для васъ не все ли равно; Бога ради помогите.

Замѣчая, что еврей облакаетъ болѣзнь жены таинственностью и очевидно скрываетъ что-то, я пригрозилъ, что уйду, не оказавъ больной никакой помощи, если онъ не скажетъ всей правды. Тогда еврей рассказалъ слѣдующую злополучную исторію. Купивъ въ Варшавѣ боченокъ керосину и пару лошадей для извоза, онъ возвращался съ женой къ себѣ въ деревню, привязавъ коней къ задку телѣги. Верстъ за 10 передъ Калушиномъ изъ лѣсу вышли четверо пьяныхъ людей—кто съ ружьемъ, кто съ саблей—и, остановивъ повозку, стали отвязывать купленныхъ лошадей, какъ они говорили, для польскаго войска. Еврей бросился на колѣни и началъ умолять не разорять его, подкрѣпляя свою просьбу тѣмъ, что съ него въ разное время много уже взяли денегъ для повстанья, но одинъ изъ грабителей сильно толкнулъ его каблукомъ въ грудь и повалилъ наземь. Видя, что просьбы только раздражаютъ пьяныхъ людей, и опасаясь за самую жизнь, еврей покорился своей участи, но жена въ отчаяніи стала очень громко голосить, чѣмъ вызвала ожесточеніе повстанцевъ. Одинъ изъ нихъ ударилъ ее по головѣ эфесомъ сабли и свалилъ безъ чувствъ, послѣ чего озлобленные люди облили несчастную керосиномъ и зажгли. Само собою, лошади были уведены. Пріѣхавъ въ Калушинъ, еврей не видѣлъ возможности везти обожженную женщину дальше и обратился за помощью сначала къ мѣстному врачу, потомъ къ фельдшеру; но тотъ и другой, узнавъ, въ чемъ дѣло, подъ разными предлогами уклонились лѣчить больную. Вѣроятно, они опасались давать показанія въ случаѣ производства слѣдствія. По этой причинѣ еврей не хотѣлъ рассказывать и мнѣ всего происшествія, боясь отказа. Разумѣется, больной были оказаны всевозможныя пособія.

Справедливость обязываетъ сказать, что не всѣ подобныя изувѣрства можно было относить насчетъ повстанцевъ. Въ ту пору разстройства государственнаго порядка и общественныхъ отношеній появлялись изъ среды разныхъ подонковъ польскіе, иногда даже жидовскіе мародеры, увѣшанные разнымъ оружіемъ, и подъ фирмой повстанья производили грабежи и разныя безчинства. Награбленные предметы сбывались за ничтожную плату любителямъ легкой наживы, большею частью, корчмарямъ-евреямъ, а деньги пропивались. Ярлыкъ повстанья значительно ослаблялъ для мародеровъ рискъ попасть въ руки правосудія. Какъ простые рядовые мятежа, они много-много платились тѣмъ, что были временно высланы во внутреннія губерніи; между тѣмъ еслибъ попадались въ своей подлинной роли грабителей, а не повстанцевъ, то имъ не миновать бы Сибири, а, можетъ быть, и каторги.

Чтобы не тревожить наши семейства, я не счелъ нужнымъ рассказывать объ ужасномъ происшествіи, случившемся въ тотъ же день вблизи нашего ночлега и на томъ пути, по которому намъ завтра предстояло ѣхать, рассчитывая, что грабители не станутъ же сидѣть въ одномъ мѣстѣ надъ дорогой и сторожить проѣзжихъ, въ виду возможной облавы на нихъ со стороны военной власти. На всякій случай я заявилъ командиру роты, находившейся въ Калущинѣ, о томъ, что видѣлъ и слышалъ.

На слѣдующій день мы продолжали благополучно свой путь по Варшавскому шоссе и, не доѣзжая Милосны, послѣдней станціи передъ Варшавой, свернули на Люблинское шоссе. Было часовъ 12 дня, когда наши фурманы заблагоразсудили остановиться для корма лошадей въ корчмѣ, стоявшей при дорогѣ одиноко, вдали отъ всякаго другого жилья. Напротивъ, черезъ дорогу и вдоль шоссе, тянулся большой сосновый лѣсъ, мирно дремавшій подъ солнечнымъ припекомъ, при полной тишинѣ всей окрестной мѣстности. Въ корчмѣ мы нашли двѣ чистыхъ и свѣтлыхъ комнаты, въ которыхъ и расположились отдѣльными семействами. Заказавъ обѣдъ, мы предположили было сдѣлать общую прогулку въ лѣсъ, потому что всѣ находились въ ясномъ настроеніи духа: сдѣланная благополучно большая половина пути вселяла надежду, что авось и въ остальной путь не встрѣтимся съ повстанцами. На предложенный корчмарю вопросъ: не было ли въ этой мѣстности какихъ либо происшествій, вѣжливый и предупредительный полякъ завѣрилъ, что здѣсь все тихо, и что онъ самъ до сихъ поръ не видѣлъ ни одного повстанца. Какъ вдругъ на опушкѣ лѣса появились двое вооруженныхъ людей, одѣтыхъ въ невиданные костюмы. Они направились прямо къ корчмѣ и, объявивъ, что мы арестованы, стали по обѣ стороны наружной двери съ карабинами у ноги, какъ часовые. Отъ этой неожиданности мы всѣ оцѣпили. Вотъ оно наконецъ случилось, чего опасались. Наступило тупое недоумѣніе: что же будетъ дальше? Не смотря на полную неизвѣстность, наши жены и дѣти, сверхъ ожиданія, обнужили на столько выдержки, что съ ихъ стороны не было никакихъ проявленій отчаянія. Быть можетъ, за время пути чувство страха притупилось; живо представляемая въ началѣ путешествія опасность стала обрисовываться въ неясномъ туманѣ и казалась уже чѣмъ-то постороннимъ, насъ не касающимся. Правда, у каждаго щемило и замирало сердце, но каждый посматривалъ на часовыхъ больше съ любопытствомъ, чѣмъ со страхомъ. Эти люди не казались въ нашемъ безпомощномъ положеніи господами нашего имущества и самой жизни, но въ данную минуту вносили только разнообразіе въ прискучившую кочевую обстановку; дальше этого ощущенія сознаніе не работало...

Наружная дверь, охраняемая повстанцами, осталась открытою. Мы вышли въ сѣни посмотриѣть на своихъ аргусовъ. Это были два

рослыхъ молодца, одѣтые въ короткія синія чемарки, въ четырехъ угольныхъ плоскихъ шапочкахъ; черезъ плечо сабля, у пояса пистолеть, у лѣвой ноги короткое ружье, совѣтъ настоящіе вояки. Лица серьезные и сосредоточенныя.

— Долго ли мы будемъ арестованы?—спросилъ одинъ изъ насъ.

— Мы не знаемъ, сейчасъ пріѣдетъ сюда начальникъ.

— Проще панство, пока, кова (кофе) готова,—неожиданно выпалила корчмарка, вылетѣвъ съ хозяйской половины.

Этотъ звукъ обыденной жизни сразу нарушилъ торжественность обстановки, при которой должны рѣшиться вопросы существенной важности, и развеселилъ всю публику. Наши дамы рѣшились даже предложить кофе своимъ охранителямъ, но тѣ отвѣтили вѣжливымъ отказомъ, какъ и подобаешь солдатамъ на службѣ. Мы возвратились въ свою комнату и увидѣли изъ оконъ группу подъѣзжающихъ всадниковъ. Вслѣдъ за тѣмъ вошелъ къ намъ молодой человекъ, щегольски одѣтый въ такую же форму, какъ часовые, при саблѣ и револьверѣ, и, вѣжливо поклонившись, спросилъ, кто мы такіе, откуда и куда ѣдемъ. Мы объяснили.

— Позвольте ваши бумаги,—потребовалъ онъ.

Посмотрѣвъ наши предписанія объ отправленіи къ новому мѣсту службы, повстанскій начальникъ отмѣтилъ что-то въ своей записной книжкѣ и, отдавая бумаги, спросилъ:

— Такъ вы, господа, значить, не служите въ войскѣ съ оружіемъ противъ насъ?

— Какъ видите изъ бумагъ, одинъ изъ насъ врачъ, другой смотритель военнаго госпиталя.

— Ну, это другое дѣло. Надѣюсь, вы не отказываете въ помощи нашимъ раненымъ, когда они попадаютъ къ вамъ въ плѣнъ?

— Мы не только обязаны дѣлать это сами по себѣ, но и по закону и по приказанію начальства; у насъ относительно врачебнаго ухода не дѣлается никакой разницы между своимъ раненымъ и чужимъ.

— Кстати, господа, вы ѣдете изъ Бреста. Правда ли, что туда привезенъ раненый Рогинскій?

— Слышно, что онъ схваченъ, только не раненый, и гдѣ находится, намъ неизвѣстно; въ Брестѣ его нѣтъ.

— А давно ли казненъ вашимъ правительствомъ нашъ глубокопочитаемый ксендзъ Млечко?

Я объяснилъ, что Млечко не только не казненъ, но чувствуетъ себя отлично и даже не утратилъ своей полноты, совершаетъ молитвы для арестованныхъ и часто пользуется прогулками въ крѣпости, что слѣдствіе о немъ производится, и никому еще неизвѣстно, чѣмъ можетъ кончиться.

— Не везете ли съ собой какого оружія?—спросилъ повстанскій начальникъ.

Мы заявили, что, кромѣ шпаги, какъ служебнаго атрибута, у насъ никакого оружія нѣтъ, да и дѣйствительно не было.

— Я прошу отвѣтить мнѣ честнымъ словомъ, есть у васъ оружіе или нѣтъ,— настаивалъ доводца.— Если я прикажу сдѣлать обыскъ, и что либо найдется, тогда пеняйте на себя.

— Завѣряемъ васъ честнымъ словомъ русскихъ офицеровъ, что оружія нѣтъ,— сказали мы въ одинъ голосъ.— Пусть ваши люди сдѣлаютъ обыскъ; это только подтвердитъ истину нашихъ словъ.

— Въ такомъ случаѣ вы свободны, — сказалъ доводца, отвѣщая общій поклонъ, и вышелъ изъ корчмы.

Изъ любопытства мы всѣ высыпали за нимъ. Подлѣ нашихъ экипажей стояли оба фурмана и денщикъ, блѣдные, какъ полотно. Повстанцы, числомъ около двадцати, были спѣшены.

— Позвольте спросить, мосьё, — обратилась къ доводцѣ одна изъ нашихъ дамъ пофранцузски, — если насъ дальше остановятъ ваши люди, то какъ сказать, что вы уже насъ пропустили.

— Скажите только,— отвѣтилъ онъ также пофранцузски, — что васъ пропустилъ начальникъ конныхъ стрѣлковъ.

Едва повстанцы сѣли на коней, какъ подъѣхали еще четыре всадника, и одинъ изъ нихъ подаль начальнику кожаную сумку. Доводца вынулъ оттуда нѣсколько большихъ конвертовъ и, высоко поднявъ ихъ надъ головой, похвалился: «вотъ казенная корреспонденція». Послѣ этого маленькая банда скрылась въ лѣсу. Все это произошло такъ внезапно и быстро, какъ видѣніе, или словно живая картина на сценѣ. Откуда ни возьмись, вдругъ вынырнулъ между нами полякъ-трактирщикъ и съ сіяющимъ лицомъ давай поздравлять съ благополучнымъ исходомъ ареста.

— Не всегда могло такъ кончиться, — многозначительно сказалъ онъ,— все зависѣло отъ начальника. Этотъ — здѣшній помѣщикъ, шляхетный человѣкъ, а попадись лайдакъ, пьяница или изувѣръ, Богъ знаетъ, что бы случилось. Тутъ равные слухи ходятъ.

Случайно взоръ упалъ на фурмановъ: лица ихъ расплывались въ улыбки счастья.

— Вы чего испугились? — спросили мы. — Васъ-то ужъ повстанцы то тронули бы.

— Ай-вай, вельможный пане, а наши лошади! Хвала Богу, что не отобрали ихъ въ свою кавалерію.

Обѣдъ нашъ вышелъ шумный и веселый; вспоминались разныя подробности промелькнувшей сцены, передавались пережитыя впечатлѣнія.

Опять потянулись мы на своихъ долгихъ, закупорившись на всякій случай въ фургонахъ отъ подозрительныхъ глазъ. Въ пути насъ обогнали двѣ нейтычанки въ парныхъ запряжкахъ хорошими помѣщичьими лошадьми, съ четырьмя сѣдоками на каждой. Это

были люди разныхъ возрастовъ, повидимому, простолюдины, одѣтые въ тонкіе сукманы, какъ ходять «дворскіе люди»—кучера, полевые приказчики, лѣсники (гаевые), огородники и всякая домашняя челядь. Они ѣхали быстро, должно быть, до лясу на какой нибудь сборный пунктъ и на насъ не обратили вниманія. Одинъ только подтрунилъ надъ нашимъ кучеромъ, спросивъ на лету: сколько жидовъ пархатыхъ ѣдетъ на шабашъ? До самого вечера не встрѣтилось никакихъ приключеній; только подѣзжая уже къ предположенному мѣсту ночлега, мѣстечку Гарволину, мы замѣтили по линіи дороги особенное оживленіе: кучки людей орудовали около телеграфа; они переходили съ мѣста на мѣсто, подрубали столбы и рвали проволоки, такъ что мы проѣхали въ Гарволинъ среди самыхъ свѣжихъ слѣдовъ разрушенія. Все это ясно показывало, что въ мѣстечкѣ нѣтъ войска, и мы попадаемъ сюда словно въ пламя пожара. Искать же ночлега дальше Гарволина не было возможности, потому что, по словамъ нашихъ возницъ, ближайшая за мѣстечкомъ корчма, очень плохая, была верстахъ въ пятнадцать, а лошади на столько притомились, что едва дотащили до Гарволина. До сихъ поръ Богъ миловалъ насъ; отдаемъ волѣ Провидѣнія и располагаемся въ гостинницѣ, соединенной съ цукерней (кондитерской), какъ разъ на проѣзжей улицѣ. Мы заняли два отдѣльныхъ номера, рядомъ съ которыми были двѣ большія залы, обѣденная и биллиардная. Заведеніе содержалъ ополяченный итальянецъ, отъ котораго мы узнали, что квартирующий здѣсь драгунскій полкъ сегодня куда-то выступилъ, одни говорятъ временно, въ экспедицію, другіе—навсегда, хозяинъ достовѣрно не зналъ. Пользуясь отсутствіемъ войска, ремесленная челядь и мѣщанскіе подростки «сдѣлали революцію», похозяйничавъ на почтовой станціи и въ гминномъ управленіи и потѣпившись надъ телеграфнымъ проводомъ. При этомъ полякующій итальянецъ высказалъ то, что не разъ уже приходилось слышать отъ поляковъ, что если въ настоящее время итальянцы освободились отъ австріяковъ, то такое же право имѣютъ, дескать, и поляки добиваться своей независимости. Вскорѣ въ гостинницу-цукерню стали пріѣзжать и приходятъ разные паны, одѣтые кто попоходному: въ чемаркахъ, короткихъ пальто, длинныхъ сапогахъ и при оружіи, кто въ городскихъ костюмахъ; подѣзжали и дамы, старыя и молодыя, и обѣ залы наполнились многочисленною публикой. Черезъ двери намъ было слышно, что по сосѣдству происходилъ шумный и оживленный говоръ, покрываемый женскими голосами; по временамъ изъ хаотическаго смѣшенія человѣческихъ звуковъ выдѣлялся смѣхъ и истерическій плачь. Очевидно, среди сборища царило сильнѣйшее возбужденіе. Желая объяснить это загадочное явленіе, я подстерегъ въ темномъ корридорѣ сновавшаго въ хозяйственныхъ хлопотахъ итальянца и узналъ отъ него, что съ выходомъ полка со-

брались сюда изъ лѣсовъ интеллигентные повстанцы, а изъ ближайшихъ деревень помѣщичьи семейства, и устроилось свиданіе съ матерями, женами, невѣстами, сестрами. При этомъ трактирщикъ похвалился, что все это хорошіе его знакомые, шляхетные и образованные люди, среди которыхъ онъ пользуется уваженіемъ и довѣріемъ. Сосѣдство не совсѣмъ удобное. Хорошо, если всѣ эти господа поглощены всецѣло своими интересами и на насъ, случайно прикосновенныхъ къ печальному дѣлу поляковъ, не обратятъ вниманія. Ну, а если иная пани оплакиваетъ мужа или сына, погибшаго, конечно, по собственной винѣ отъ русскаго оружія, и въ экстазѣ отчаянія вздумаетъ излить на насъ свою горечь... Если даже не произойдетъ отсюда серьезной опасности, то сцена во всякомъ случаѣ выйдетъ тяжелая и можетъ сильно перепугать дѣтей. Нужно притаиться въ своихъ углахъ и не подавать признака нашего здѣсь пребыванія.

Было уже совсѣмъ темно, когда денщикъ, оставленный при фургонахъ во дворѣ, появился въ номерѣ и тайно доложилъ, что подлѣ нашей квартиры ходятъ поляки съ ружьями.

— Какіе поляки и гдѣ ходятъ?—говори толкомъ.

— Такъ совсѣмъ будто часовые, одинъ по одну сторону дома во дворѣ, а другой съ улицы.

— Да много-ль ихъ всѣхъ-то?

— Только два шатаются. Фурманъ говорилъ: должно быть, это панскіе лакеи, записанные въ повстанцы, оберегаютъ своихъ господъ.

Получивъ наставленіе держаться въ сторонѣ и не вступать ни въ какіе разговоры, денщикъ ушелъ. Но вслѣдъ за тѣмъ растворилась дверь, и въ номерѣ появился молодой человекъ малаго роста и тщедушнаго сложенія съ загаромъ на лицѣ. Онъ былъ въ походныхъ сапогахъ и короткомъ поношенномъ пиджакѣ, опоясанномъ узкимъ ремнемъ, на которомъ болтался съ боку пистолетъ въ чехлѣ.

— Бардзо пшепрашамъ, панове (прошу извинить господа),— сказалъ незнакомецъ, вѣжливо кланаясь:— я узналъ, что между вами есть докторъ, и пришелъ просить пана консьльжа посмотрѣть трудно больного единственнаго моего ребенка.

Я вызвался охотно исполнить эту просьбу, но при этомъ спросилъ: ужели въ такомъ большомъ мѣстечкѣ нѣтъ своего доктора?

— Есть у насъ докторъ изъ жидовъ, но лѣчитъ онъ вообще не совсѣмъ удачно. Я долженъ былъ пойти въ рукавку (ополченіе) и оставилъ сына совсѣмъ здоровымъ. А сегодня возвратился и нашелъ его почти при смерти. Нашъ лѣкаръ не подаетъ никакой надежды. Бога ради, не откажите; сохрани Богъ отъ несчастья, мы съ женой этого не перенесемъ. Можетъ быть, само Провидѣніе послало васъ.

Говоря это, нѣжный отецъ не могъ удержать слезъ. Долго мы шли съ нимъ по темнымъ улицамъ и, наконецъ, очутились со-всѣмъ на окраинѣ города въ бѣдной лачугѣ, освѣщенной внутри керосиновой лампочкой. Надъ постелькой сидѣла молодая женщина, блѣдная и изможденная душевной мукой и бессонными ночами. Ломая въ отчаяніи руки, она умоляла спасти ребенка, ея дорогого Стася. Ребенокъ былъ до крайности истощенъ острымъ кишечнымъ катарромъ. Со всею искренностью и полнымъ желаніемъ принести пользу маленькому больному я сдѣлалъ все, что могъ. Положеніе его было отчаянное, но слабая надежда рисовалась въ томъ, если немедленно будетъ устранено искусственное кормленіе и замѣнено молокомъ кормилицы. Судьба этого случайнаго пациента, къ сожалѣнію, осталась для меня неизвѣстной. Полякъ обратно проводилъ меня въ самый номеръ гостиницы, гдѣ семья моя, оставаясь долгое время одна въ сосѣдствѣ съ шумною залой, сильно безпокоилась за мое продолжительное отсутствіе. Мой провожатый повстанецъ, не имѣвшій въ своей фигурѣ ничего воинственнаго и казавшійся даже смѣшнымъ съ своимъ пистолетомъ, болтавшимся у пояса, оказался душевнымъ человѣкомъ и безконечно сожалѣлъ, что не можетъ достойно отблагодарить меня.

— Единственную услугу,—сказалъ онъ при прощаньи,—я могу оказать ту, что беру васъ подъ свою охрану. Здѣсь въ гостиницѣ много собралось нашихъ. Но я ручаюсь за вашу полную безопасность. Будьте увѣрены, что волосъ не спадетъ съ головы у васъ по винѣ поляковъ. Пожалуйста, спите совершенно спокойно.

Итакъ, медицинская профессія, благодаря ея международному значенію, уже два раза выручила насъ въ рискованномъ нашемъ путешествіи. Мы дѣйствительно проспали спокойно до утра и когда проснулись, то въ залахъ была такая тишина, какъ будто наканунѣ ничего тамъ не происходило. Фургоны наши и лошади оказались въ цѣлости и исправности, что изысканный итальянецъ отнесъ всецѣло къ своему вліянію на повстанцевъ и оказанному намъ своему покровительству, ибо, дескать, подъ его кровлей каждый путешественникъ—особа неприкосновенная. При прощаньи онъ не преминулъ намекнуть на свое общественное значеніе, сказавъ какъ бы мимоходомъ, что вчера на сѣздѣ приняты важныя рѣшенія. Я, дескать, посвященъ во всѣ тайны «народоваго дѣла».

Оставался всего одинъ небольшой переѣздъ до мѣста назначенія. При выѣздѣ изъ мѣстечка та же картина, что вчера была при вѣздѣ: на пространствѣ пяти верстъ валялись телеграфныя проволоки, но дальше порча ихъ попадалась только изрѣдка, въ лѣсныхъ участкахъ дороги; на почтовыхъ станціонныхъ домахъ, къ которымъ мы всегда присматривались, двуглавые орлы занимали подобающее имъ мѣсто. Зависѣло это отъ того, какъ объяснилъ корчмарь-еврей, у котораго мы на поль-дорогѣ кормили ло-

шадѣй, что въ этихъ мѣстахъ часто проходятъ наши отряды въ поискахъ за бандами. И дѣйствительно мы встрѣтились одинъ разъ съ экспедиціей, состоявшей изъ двухъ ротъ и полсотни казаковъ, слѣдовавшихъ налегкѣ, безъ обоза и орудій. Какъ и слѣдовало, насъ остановили для опроса, и начальникъ отряда пѣхотный полковникъ не мало удивился, когда въ фургонахъ оказались русскія и даже военныя семейства. Окружившіе насъ офицеры не могли понять, какъ это мы проѣхали благополучно, безъ конвоя, такое большое пространство, охваченное пожаромъ мятежа. Отъ нихъ мы узнали, что въ этихъ мѣстахъ шатаются остатки большой банды Оборскаго, разбитой на голову въ минувшемъ маѣ въ Варшавской губерніи; при этомъ намъ сообщили, что повстанцы Оборскаго повѣсили въ одной деревнѣ войта гмины (старшину волости), въ другой богатаго мужика, и что отрядъ гоняется за ними уже четвертый день, но не можетъ настигнуть, такъ какъ поляки умѣютъ быстро бѣгать и ловко маскировать свои слѣды. Остальной путь мы совершили безъ всякихъ приключеній и къ вечеру вѣхали въ ворота Ивангородской крѣпости, гдѣ намъ суждено было коротать нѣсколько лѣтъ однообразнаго и тоскливаго существованія.

Понятно, какъ легко вздохнули мы, когда, наконецъ, прекратилось четырехдневное напряженное состояніе, и мы почувствовали себя въ полной безопасности. Всѣ въ крѣпости были удивлены, что мы появились безъ «оказій», и всѣ въ одинъ голосъ приписывали необычайно счастливой случайности то, что намъ удалось проскользнуть по опасному пути цѣлыми и невредимыми. И тѣмъ съ большимъ усердіемъ принесена была благодарственная молитва всеблагому Промыслу за избавленіе насъ отъ бѣдъ и напастей. Въ то время Ивангородская крѣпость, расположенная верстахъ въ 12-ти отъ проѣзжаго Варшавско-Люблинскаго шоссе, представляла самое пустынное захолустье (желѣзная дорога прошла здѣсь спустя 25 лѣтъ). Находясь въ низменной равнинѣ съ бѣдною растительностью, эта крѣпость имѣла тоскливый и безотрадный видъ. Не лучше была и внутренняя жизнь. Прежде всего здѣсь, какъ и въ Брестѣ, поражало господство польскихъ звуковъ, потому что въ числѣ офицеровъ крѣпостного гарнизона много было поляковъ, а изъ семейныхъ русскихъ рѣдко кто не былъ женатъ на полькѣ; всѣ дѣти— и православныя и католическія—говорили не иначе, какъ попольски; русскіе офицеры до такой степени привыкли къ польской рѣчи, что пробавлялись ею и по нуждѣ и совсѣмъ безъ нужды. Помню, что тяжелая тоска овладѣла мною, когда, зашедши въ комендантское управленіе вскорѣ по приѣздѣ въ крѣпость, я долго не могъ приступить къ нужной для меня справкѣ, пока лился бойкій польскій разговоръ между русакомъ плацъ-адъютантомъ и полякомъ артиллеристомъ. Одинъ только крѣпостной Ивангородскій баталіонъ, только что сформированный, представлялъ сплошной русскій эле-

ментъ, еще не тронутый полонизмомъ. Но какіе это были русскіе люди—срамъ вспомнить! По распоряженію военнаго министерства, для названнаго баталіона должны были быть выдѣлены изъ тогдашнихъ гарнизонныхъ командъ внутренней стражи самые лучшіе по строю, образованію и поведенію офицеры и вполнѣ благонадежные нижніе чины. Ну, и выдѣлили! Гарнизонное начальство воспользовалось случаемъ и сбыло много самаго негоднаго контингента. Между офицерами, попавшими въ крѣпостной баталіонъ, оказались по образованію «бурбоны», по поведенію горькіе пьяницы. Конечно, были и вполнѣ достойные люди, но они составляли меньшинство. Еще хуже были солдаты; пьяницы бы еще туда-сюда; но было между ними много людей, до такой степени нравственно испорченныхъ, что не осталось въ нихъ даже образа человѣческаго; для этихъ отбросовъ челоуѣчества ничего не было святого: ни религіи, ни отечества; они одинаково готовы были идти на службу и Богу, и нечистой силѣ, смотря по тому, гдѣ казалось выгоднѣе. Шкаликъ водки въ подобномъ случаѣ имѣлъ рѣшающее значеніе. Очевидно, что люди такого низменнаго уровня, такого крайняго разлаганія представляли ненадежный русскій элементъ въ борьбѣ съ мятежомъ, который къ тому же не пренебрегалъ никакими средствами для противодѣйствія нашей силѣ путемъ деморализаціи отдѣльныхъ ея единицъ. Къ несчастію, это вскорѣ обнаружилось на дѣлѣ, при первомъ же столкновеніи съ повстанцами.

VI.

Сосредоточеніе около Ивангорода повстанскихъ шаекъ. — Жандармскій офицеръ Э.—Слѣдованіе почты черезъ Ивангородъ.—Перехваченная телеграмма.—Оптимистическое настроеніе начальства.—Жиржинскій бой.—Молодецкое поведеніе арестантовъ.—Печальный результатъ боя.—Уходъ за ранеными.—Возвращеніе пушки.—Утѣшительное извѣстіе.—Панихида по убитымъ.

Хотя Ивангородъ расположенъ на 12 верстѣ въ сторону отъ Варшавско-Люблинскаго шоссе, тѣмъ не менѣе всѣ оказія, ходившія по этому тракту, всегда сворачивали въ нашу крѣпость для смѣны конвоя, который слѣдовалъ только до извѣстнаго пункта въ одну и другую сторону. Обыкновенно оказія сопровождалась двумя ротами и нѣсколькими казаками, а гдѣ по пути квартировала артиллерія, то и двумя пушками. Въ серединѣ іюля штабъ варшавскаго военнаго округа послалъ ивангородскому коменданту бумагу о томъ, что изъ Варшавы имѣетъ выступить военная почта съ большою суммою денегъ и прибудетъ такого-то числа въ Ивангородъ, откуда слѣдуетъ препроводить ее на Люблинъ съ ивангородскимъ конвоемъ до мѣстечка Курова. Извѣщеніе объ имѣющей слѣдовать

оказіи было послано также начальникамъ военныхъ отдѣловъ—люблинскаго генералу Хрущову и радомскаго генералу Ушакову. Дошли ли по назначенію бумаги этимъ двумъ генераламъ, не извѣстно, но ивангородскій комендантъ Бурмейстеръ не получилъ своей бумаги. Попала ли она въ руки ржонда, или нѣтъ, только полякамъ стало извѣстно, что на Люблинъ будутъ провозиться большія деньги, и вотъ съ цѣлью овладѣть почтой стали стягиваться между Куровымъ и Ивангородомъ повстанскія банды и сосредоточиваться на пути оказіи верстахъ въ 17 отъ крѣпости, въ Жиржинскомъ лѣсу, черезъ который пролегаетъ шоссе, дорога на протяженіи двухъ верстъ. (Теперь уже этотъ лѣсъ значительно уменьшился).

Какъ выяснилось впоследствии, сюда прибыли банды Крука, Янковскаго, Гржималы, Рущкаго, Крысинскаго и поступили въ общее командованіе Крука ¹⁾). Набралось разнаго народу—стрѣлковъ, вооруженныхъ хорошими заграничными штуцерами, косиньеровъ и кавалеристовъ, до 3.600 человекъ. Эта масса людей продовольствовалась покупками и реквизиціями въ сосѣднихъ деревняхъ, слѣдовательно повстанцы вездѣ шныряли вокругъ лѣса и не могли быть невидимками, и тѣмъ не менѣе у насъ въ крѣпости ничего о грозномъ скопищѣ не знали. Была у насъ команда конныхъ жандармовъ, подъ начальствомъ маіора Э., долженствовавшая развѣдывать, чтѣ вокругъ крѣпости дѣлается, но.. она оказалась не на высотѣ своего призванія. Жандармскій начальникъ изъ кавказскихъ горцевъ былъ безусловно честный и преданный долгу офицеръ, но тонкою сообразительностью не отличался и потому направлялъ свою дѣятельность совсѣмъ въ другую сторону. Э. придумалъ себѣ важную государственную миссію, состоящую въ томъ, что какъ только привозилась въ крѣпость почта, онъ являлся въ контору, вскрывалъ и прочитывалъ всѣ безъ исключенія конверты и запечатывалъ потомъ жандармскою сугучною печатью, такъ что всѣ получаемыя нами письма съ далекой русской родины были отмѣчены признаками служебнаго усердія Э. Онъ не отлучался отъ крѣпости дальше форштадта и Демблина (въ 1½ верстахъ). Въ этомъ барскомъ помѣстьѣ проживалъ въ качествѣ управляющаго имѣніемъ князя Паскевича умный и тонкій полякъ П—скій, у котораго жандармскій начальникъ всегда находилъ радушное гостепріимство. Говорятъ, что въ періодъ сбора повстанцевъ вблизи крѣпости П—скій особенно усердно угощалъ Э. изысканными обѣдами и дорогими винами. Однакожъ въ дружеской бесѣдѣ хозяина съ гостемъ не проскользнуло ни одного слова о готовящейся грозѣ, иначе еслибъ узнали, то и грозы не состоялось бы. Были еще при

¹⁾ Это псевдонимъ Гейденрейха, офицера генеральнаго штаба. Какъ ярый полякъ, онъ бѣжалъ до лѣсу въ самомъ началѣ мятежа.

«истор. вѣстн.», май, 1895 г., т. LX.

комендантскомъ управленіи казаки, человѣкъ 30, которые тоже состояли въ косвенномъ распоряженіи жандармскаго маіора, но въ чемъ именно заключалась ихъ служба, сказать трудно.

Между тѣмъ военная почта, уложенная въ два фургона, выступила изъ Варшавы 22 іюля, въ сопровожденіи трехъ ротъ, двухъ пушекъ и сотни казаковъ; получивъ въ мѣстечкѣ Гарволинѣ конвой приблизительно такого же состава, она прослѣдовала дальше и благополучно прибыла въ Ивангородъ 25-го числа; отсюда почта должна была идти на другой день до Курова уже съ ивангородскимъ конвоемъ. Въ одинъ день съ почтой прибылъ изъ Радома въ крѣпость этапъ въ числѣ 80 человѣкъ, въ которомъ находились между прочимъ солдатскія жены съ дѣтьми, отправляемыя на родину, и нѣсколько арестантовъ русскихъ и польскихъ. Въ тѣ же дни комендантъ получилъ отъ генераловъ Ушакова и Хрущова увѣдомленія, чтобы присоединить этапъ къ почтѣ и выпустить на Люблинъ подъ однимъ общимъ конвоемъ. Но послѣ того, когда бумага объ этомъ была отправлена изъ Люблина въ Ивангородъ, къ генералу Хрущову поступили донесенія отъ командировъ экспедиціонныхъ отрядовъ, что большія банды потянулись на сѣверъ отъ Люблина, т. е. къ сторонѣ Ивангорода. Вслѣдствіе этого начальникъ люблинскаго военнаго отдѣла телеграфировалъ особеннымъ шифромъ коменданту Бурмейстеру, чтобы повременить съ отправленіемъ почты и этапа, но депеша эта была перехвачена. Такимъ образомъ всѣ въ крѣпости были въ полномъ невѣдѣніи относительно того, что вблизи насъ творится, и съ спокойнымъ духомъ готовились снарядить экспедицію для похода къ Курову на протяженіи всего 32-хъ верстъ. Сколько разъ ходили по этому пути и всегда безъ выстрѣла! Такому оптимистическому настроенію способствовало еще и то обстоятельство, что въ послѣднее время о большихъ бандахъ и вообще о стычкахъ съ повстанцами ничего не было слышно.

Помнится, что этапъ и почта прибыли къ намъ въ субботу. Въ крѣпостномъ соборѣ служилась всенощная, во время которой начальникъ этапа, маіоръ Семеновъ, молился особенно усердно, простоявъ почти все богослуженіе на колѣняхъ, такъ что обратилъ на себя вниманіе. Видно, онъ предчувствовалъ свою участь. Изъ врачей, по очереди, идти съ оказіей приходилось мнѣ, но вслѣдствіе болѣзни въ моей семьѣ я предложилъ помѣняться очередями доктору И. И. Генцелю, который охотно согласился сдѣлать эту прогулку. Вслѣдствіе этого случайнаго обстоятельства я передаю всѣ подробности происшедшаго потомъ жиржинскаго боя, самаго несчастнаго для насъ во весь періодъ мятежа, не какъ очевидецъ, но со словъ участниковъ происшествія, возвратившихся въ крѣпость.

Для сопровожденія двухъ фургоновъ съ почтой и этапа съ нѣсколькими телѣгами былъ назначенъ, по распоряженію коменданта,

конвой изъ одной роты крѣпостного ивангородскаго баталіона, одной саперной роты и 14-ти казаковъ при двухъ орудіяхъ. На каждое ружье и орудіе отпущено по 60 зарядовъ. Я теперь хорошо не помню, были ли роты укомплектованы по усиленно-мирному или военному составу. Если по военному, то каждая рота, за выдѣленіемъ людей въ домашній расходъ, имѣя притомъ почти всегда 2—3-хъ человѣкъ больныхъ, могла выступить максимумъ въ составѣ 200 штыковъ. Общее командованіе ввѣрено командиру саперной роты поручику Лявданскому, какъ старшему въ отрядѣ. По единодушнымъ отзывамъ, поручикъ Лявданскій хотя былъ и полякъ, но вполне надежный офицеръ, а въ дѣлѣ показалъ находчивость, распорядительность и беззапятную храбрость. По причинѣ сильныхъ жаровъ, оказія выступила изъ крѣпости ночью на 28-е іюля, и когда подходила къ Жиржинскому лѣсу, то было уже около пяти часовъ утра. Вдругъ съ проселка выкатила на шоссе-ную дорогу, впереди отряда, телѣга съ двумя подозрительными сѣдоками. Пущенные въ погоню казаки остановили ее. Оказалось, что вооруженный повстанецъ транспортировалъ въ свой отрядъ бочку съ водкой. И повстанецъ и возчикъ сильно угостились даровымъ добромъ и были совершенно пьяны, чѣмъ только и можно объяснить то, что они, сломя голову, вынеслись передъ самымъ носомъ отряда. При разспросахъ повстанецъ показалъ, что онъ везетъ водку въ мѣстечко Барановъ, въ банду Янковскаго, которая состоитъ изъ 250 человѣкъ. Показаніе это возбуждало большое сомнѣніе уже потому, что Барановъ находится нѣсколько въ другой сторонѣ, чѣмъ куда направлялась повозка. Напротивъ, М. С. Лявданскій догадался, что банда должна быть въ лѣсу и, по всей вѣроятности, не шуточная, если, какъ можно предполагать, намѣрена напасть на оказію. «Первая мысль,—разказывалъ онъ,—была у меня такая, чтобы не входить въ лѣсъ, выяснитъ положеніе посредствомъ казачьихъ разъѣздовъ и, если окажется нужнымъ, то послать въ Ивангородъ за подкрѣпленіемъ. Но потомъ я подумалъ, что меня, какъ поляка, могутъ заподозрѣть въ измѣнѣ или, по меньшей мѣрѣ, въ нежеланіи сражаться съ повстанцами, и рѣшился идти впередъ».

Какъ сейчасъ увидимъ, это было роковое рѣшеніе.

Построившись въ боевой порядокъ и отдавъ захваченныхъ людей съ повозкой подъ конвой, Лявданскій со всѣми военными предосторожностями вступилъ въ лѣсъ. Кругомъ все было тихо; боковыя цѣпи не замѣчали между деревьями никакихъ признаковъ присутствія людей. Когда отрядъ прошелъ почти половину лѣса, вдругъ изъ засадъ, искусно замаскированныхъ зеленью, грянули залпы съ одной и другой стороны, и затѣмъ пули посыпались градомъ на людей и лошадей. Отрядъ очутился подъ разстрѣломъ, какъ на ладони. У насъ сразу выбыло до 50 солдатъ, и пали почти всѣ

лошади, такъ что движеніе фургоновъ и пушекъ поневолѣ остановилось. Не такъ важны были потери, сами по себѣ весьма существенныя, какъ нравственное потрясеніе и мгновенный упадокъ духа, особенно въ такой плохо дисциплинированной ротѣ, какъ крѣпостная. Къ счастью, саперные офицеры и артиллерійскій прапорщикъ Никольскій не потерялись. Тотчасъ пушки были сняты съ передковъ и направлены въ одну и другую сторону лѣса, а Лявданскій быстро сформировалъ двѣ цѣпи изъ полуроты саперъ и отдѣленія ивангородцевъ (человѣкъ 20) въ каждой. Приказавъ крѣпостной ротѣ защищать орудія, фургоны и этапъ, онъ направилъ одну цѣпь въ лѣсъ разсыпнымъ строемъ влѣво, подъ командой сапернаго прапорщика Толя, а самъ бросился съ такою же цѣпью вправо. Пушечные выстрѣлы хотя первоначально произвели впечатлѣніе и отгѣснили повстанцевъ въ глубь, но вообще причиняли имъ мало вреда, потому что картечь встрѣчала на своемъ пути густыя и толстыя сосны, за которыми повстанцамъ удобно было скрываться. Самъ Лявданскій вначалѣ порядочно потѣснилъ наступавшаго непріятели и даже перешелъ въ наступленіе, но повстанцы скоро оправались и, одушевляемые сознаниемъ своего громаднаго численнаго превосходства, сильно налегли на горсть храбрецовъ и не пустили впередъ. Лявданскій, впрочемъ, тотчасъ убѣдился въ невозможности отдаляться отъ центра, потому что дѣла наши въ другихъ мѣстахъ были плохи. Противъ лѣваго нашего фланга силы непріятели оказались въ подавляющемъ превосходствѣ. Къ тому же, въ самомъ началѣ боя храбрый юноша Толь палъ мертвымъ отъ штуцерной пули. Съ этой стороны повстанцы бросились въ атаку на центръ съ такою стремительностью, что съ трудомъ были отбиты кучкой артиллеристовъ и подоспѣвшими саперами. Отъ ивангородцевъ же не было никакой помощи. Они залегли въ канавы по обѣимъ сторонамъ шоссе и все отползали въ сторону изъ сферы огня. Никакія усилія не могли заставить ихъ принять участіе въ боѣ. Начальникъ этапа, маіоръ Семеновъ, принявшій на себя общее распоряженіе въ центрѣ, выбивалъ ихъ изъ закрытія саблей, казаки лупили ногойками, — ничто не помогало. Лявданскій рассказывалъ впослѣдствіи, что отъ искушенія застрѣлить одного, другого труса для отрезвленія другихъ удержала его только экономія на патроны. Ивангородцы до того растерялись, что нѣкоторые изъ нихъ, заряжая свои гладкостволки для самообороны, вгоняли патроны пулями внизъ и такимъ образомъ заклепывали свои ружья.

При самомъ началѣ дѣла, захваченный съ бочкой повстанецъ и этапные арестанты изъ поляковъ бѣжали въ лѣсъ, но русскіе арестанты показали себя молодцами. Они разбили свои кандалы камнями и, захвативъ отъ убитыхъ ружья и патроны, присоединились къ саперамъ, съ которыми и держались постоянно въ пе-

реднихъ рядахъ, отбивая нападающихъ. Такъ какъ конечною цѣлью для поляковъ были почтовые фургоны, то повстанцы, пробиваясь сквозь саперъ или обходя ихъ, нѣсколько разъ бросались въ атаку на нашъ центръ, при чемъ старались парализовать пушки, нападая на артиллеристовъ, такъ какъ иногда они удачно схватывали моментъ, когда атакующіе показывались на опушкѣ и поражали ихъ картечью. Во время атакъ, на шоссе заваривалась страшная каша. Здѣсь у повозокъ и орудій раздавались ружейные и пистолетные выстрѣлы, работали штыки, косы, сабли, приклады. А надъ этимъ кровавымъ хаосомъ носились командные звуки, призывъ помощи, вырывавшіеся крики страданія, стонъ умирающихъ. Разъ восемь повстанцы бросались въ атаку на шоссе, но послѣ горячей схватки каждый разъ были отбиваемы, такъ какъ Лявданскій всѣ свои силы направилъ на защиту фургоновъ и пушекъ. Трудно представить, что чувствовали находившіяся въ этапѣ несчастныя женщины и дѣти, очутившись буквально между двухъ огней. Я теперь не помню, были ли между ними убитыя и раненыя, но по окончаніи кровавой драмы нѣкоторыя женщины и дѣти оказались въ повозкахъ въ глубокомъ обморокѣ или столбнякѣ. На маіора Семенова, старавшагося отстоять фургоны и почти не отходившаго отъ нихъ, повстанцы обрушивались съ особеннымъ остервенѣніемъ. Нѣсколько разъ онъ отстрѣливался отъ нихъ револьверомъ; когда же не стало патроновъ, и онъ защищался только саблей, то коси-ньеры толпой навалились на него и закололи косами.

Бой одного противъ восьми продолжался отъ 5 до 10 часовъ, при крайне невыгодныхъ для насъ условіяхъ. Наши герои истощились до послѣдней крайности отъ физическаго и нравственнаго напряженія. Всѣ наводчики при орудіяхъ были перебиты. Артиллерійскій прапорщикъ Никольскій собственноручно выпустилъ уже послѣдній зарядъ. Саперы заявили, что всѣ патроны вышли. Тогда Лявданскому стало ясно, что фургоновъ ему не спасти; остается лишь самому выбиться штыками изъ непріятельскаго круга. Онъ приказалъ заклепать пушки, собралъ всѣхъ храбрецовъ въ одну команду и пошелъ лѣсомъ впередъ по направленію къ Курову, прочищая путь сквозь густыя массы повстанцевъ. Къ счастью, предводители бандъ, упоенные восторгомъ удачи, не догадывались, что въ нашемъ маленькомъ отрядѣ не осталось въ запасѣ ни одного патрона, и не продолжали преслѣдованія, когда онъ вышелъ изъ лѣсу, иначе люди наши, очутившись на открытомъ мѣстѣ, могли подвергнуться полному разстрѣлу. Только повстанская кавалерія выѣхала изъ лѣсу и нѣкоторое время слѣдовала за отрядомъ. Нѣсколько разъ, когда эта кавалерія приближалась, Лявданскій строился въ каре и дѣлалъ видъ прицѣла. Повстанцы останавливались и даже отъѣзжали назадъ; наконецъ отстали и повернули въ лѣсъ. А тамъ было великое ликованіе. Довудцы раздѣлили между собою

до 200.000 рублей денегъ, захваченныхъ въ многочисленныхъ почтовыхъ конвертахъ, и пили за счастливый исходъ боя. Находясь въ радостномъ настроеніи, они объявили плѣннымъ, что могутъ идти куда хотятъ. Изъ Жиржинскаго лѣса банды направились первоначально на мѣстечко Барановъ и увезли съ собой одну пушку.

Когда команда Лявданскаго находилась уже недалеко отъ Курова, то была встрѣчена вышедшимъ оттуда отрядомъ маіора Лебединскаго, состоявшимъ изъ двухъ ротъ и сотни казаковъ. Расстояние отъ Жиржина до Курова всего 13 верстъ. Въ отрядѣ Лебединскаго были услышаны самые первые наши выстрѣлы, и опредѣлено направленіе, откуда они доносились. Солдаты рвались «на подмогу нашимъ», но Лебединскій почему-то не предполагалъ, что совершается серьезное дѣло, и выступилъ съ своимъ отрядомъ только въ 10 часовъ, на встрѣчу, какъ онъ думалъ, разбитой бандѣ. А если бы онъ двинулся часовъ въ 6 вечера и зашелъ бандамъ съ тыла или фланга, то подоспѣлъ бы какъ разъ въ-время, чтобы рѣшить бой въ нашу пользу. Другой близкій отрядъ въ 9 ротъ съ казаками, подъ командой полковника Цвѣцинскаго, находился въ 24-хъ верстахъ отъ Жиржина, въ городѣ Казимірѣ. Здѣсь зашелевелись при первыхъ же пушечныхъ звукахъ, схваченныхъ прикладываніемъ уха къ землѣ. Цвѣцинскій выступилъ съ своимъ отрядомъ безъ малѣйшаго промедленія, но такъ какъ по неясному эху нельзя было опредѣлить, съ какой стороны доносится звукъ пушекъ, то этотъ полковникъ пошелъ сначала на Пулавы (нынѣ Ново-Александрія), куда банды часто и охотно заглядывали, но, не нашедши здѣсь повстанцевъ и руководясь разспросами, двинулся къ Жиржину. Не смотря на быстрое слѣдованіе, онъ прибылъ сюда только въ часъ дня и не засталъ уже ни одного повстанца. Какъ выяснилось впоследствии, инсургенты раздѣлились на нѣсколько партій и поспѣшно направились на юго-западъ, большею частью въ Радомскую губернію.

Начальству крѣпости также было доложено, что какъ будто слышны гдѣ-то пушечные выстрѣлы, но отсюда не было послано никакой помощи потому, быть можетъ, что гарнизонъ крѣпости былъ слишкомъ малочисленъ. Здѣсь узнали всю печальную истину только тогда, когда стали приходять въ крѣпость солдаты крѣпостной роты, и въ особенности когда появился прапорщикъ Константиновичъ, который былъ легко раненъ и взятъ въ плѣнъ, но потомъ отпущенъ. Всѣхъ убитыхъ нижнихъ чиновъ похоронили по христіанскому обычаю тамъ же въ лѣсу, въ одной братской могилѣ, неподалеку отъ дороги, гдѣ происходилъ бой. Большой деревянный крестъ нѣсколько лѣтъ свидѣтельствовалъ о геройской смерти русскихъ людей, павшихъ за честь своей далекой родины. Поставленъ ли тамъ теперь какой нибудь памятникъ, мнѣ неизвѣстно. Знаю только, что лѣтъ шесть тому назадъ, по усердію Новоалександрій-

скаго уѣзднаго начальника, были собираемы на этотъ предметъ добровольныя пожертвованія между военными Варшавскаго округа. Тѣла офицеровъ были привезены въ крѣпость и похоронены съ подобающими воинскими почестями. Госпиталь наполнился множествомъ раненыхъ, между которыми не мало оказалось умирающихъ. Каждый изъ крѣпостныхъ жителей старался, чѣмъ могъ, быть полезнымъ страдальцамъ, которыхъ окружили всевозможнымъ попеченіемъ. Мѣстные военные врачи работали въ госпиталѣ день и ночь, часто исполняя при раненыхъ по собственному желанію фельдшерскія обязанности; кому нужно дѣлали для спасенія жизни операціи. Для этой послѣдней цѣли былъ присланъ съ оказіей изъ Варшавы извѣстный хирургъ Косинскій, въ то время ординаторъ Уяздовскаго военнаго госпиталя, нынѣ профессоръ Варшавскаго университета. И тѣмъ не менѣе въ теченіе двухъ мѣсяцевъ крѣпостныя стѣны часто оглашались скорбными звуками похороннаго марша. То хоронили съ почестями нижнихъ чиновъ, жертвъ несчастнаго дѣла, умиравшихъ въ госпиталѣ отъ ранъ.

Вскорѣ послѣ Жиржина въ крѣпость дошли слухи, что пушка, увезенная повстанцами, недалеко гдѣ-то брошена ими, какъ обуза, затруднявшая поспѣшное слѣдованіе. Вслѣдствіе этого изъ Ивангорода была выслана на поиски небольшая команда подъ начальствомъ поручика артиллеріи Зорко. Не смотря на заперательства и сбивчивыя показанія жителей тѣхъ мѣстностей, черезъ которыя ретировались изъ Жиржина повстанцы, расторопному офицеру удалось-таки напасть на слѣдъ плѣнной пушки. Зорко разными путями провѣдалъ, что одна банда, ночевавшая въ такой-то деревнѣ, пришла туда съ пушкой, а вышла безъ пушки. Сдѣланные поиски открыли здѣсь дорогую находку въ прудѣ, и плѣнница-пушка съ торжествомъ возвратилась на свое мѣсто въ крѣпость.

Пріятно было узнать рѣшеніе относительно арестантовъ, отличившихся въ кровавомъ жиржинскомъ дѣлѣ. По Высочайшей милости они получили прощеніе въ тяжкихъ преступленіяхъ и зачислены въ ряды той роты, въ которой показали себя молодцами. Они нравственно совершенно переродились и служили честными и исправными солдатами. Что же касается ивангородцевъ, измѣнившихъ долгу, то ихъ постигло тяжкое наказаніе.

Помню, какъ одинъ разъ во время утренней перевязки посѣтилъ нашъ госпиталь генераль, пріѣхавшій для слѣдствія по жиржинскому дѣлу, и объявилъ раненымъ, что банды мятежниковъ, подсидѣвшихъ нашъ отрядъ въ Жиржинскомъ лѣсу, разбиты на голову и разсѣяны въ Радомской губерніи (при деревнѣ Вирь 11-го августа). Это извѣстіе было принято солдатами съ живѣйшею радостью. Одинъ саперный унтеръ-офицеръ, съ ампутированною ногой, даже перекрестился, приговаривая при этомъ: «слава Богу; такъ имъ и надо. Пусть не подкарауливаютъ на дорогѣ въ засадѣ,

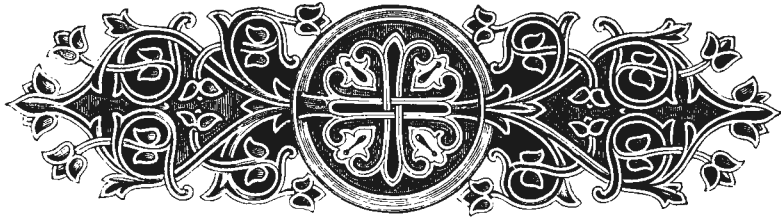

какъ разбойники; а коли не можешь воевать честнымъ боемъ, такъ не бунтуй, а ходи смирно за сохой». Въ этихъ словахъ вполнѣ выразилась солдатская философія о войнѣ.

Послѣ Жиржина не происходило вблизи Ивангорода никакихъ стычекъ. Къ концу года мятежъ видимо сталъ истощаться въ силахъ и замирать. Уцѣлѣвшія банды норовили держаться поближе къ австрійской границѣ въ томъ расчетѣ, что тамъ въ гористой мѣстности, покрытой обширными и густыми лѣсами, можно было еще укрываться отъ преслѣдующихъ отрядовъ, а въ крайности стоило только перейти границу Галиціи, чтобъ очутиться въ полной безопасности. Въ нашемъ же Ивангородскомъ районѣ было настолько кругомъ безопасно, что я въ концѣ 1863 года и въ началѣ 1864, съ разрѣшенія властей, ѣздилъ на практику, по приглашенію поляковъ, верстъ за 30 и болѣе отъ крѣпости и уже не встрѣчалъ никакихъ слѣдовъ повстанья.

Ровно черезъ годъ, 28-го іюля 1864 года, духовенство крѣпости, въ сопровожденіи многихъ офицеровъ и ихъ семействъ, выѣхало въ Жиржинъ на панихиду по честнымъ воинамъ, во брани убиеннымъ. Разнообразное общество окружило одинокую большую могилу съ деревяннымъ крестомъ у изголовья, и печальные звуки молитвенныхъ пѣснопѣній, разносясь далеко по лѣсу, скорбнымъ эхомъ отражались въ сердцахъ присутствовавшихъ и вызывали невольную слезу умиленія. Каждому приходило на мысль, что у этихъ безвременныхъ покойниковъ остались на родинѣ близкіе люди, которые лишены даже утѣшенія помолиться на ихъ могилѣ. И каждому думалось, не приведется ли также сложить свои кости въ этой негостепріимной землѣ... Тогда лѣсъ вдоль дороги, по распоряженію военной власти, былъ уже вырубленъ сажень на 10 по одну и другую сторону, но все еще оставались деревья съ слѣдами картечныхъ поврежденій, какъ нѣмые свидѣтели прошлогодняго побоища. Были среди насъ и живые свидѣтели, участники боя, которые показывали, гдѣ были устроены повстанскія засады, гдѣ происходили самыя жаркія схватки, гдѣ прятались ивангородцы, гдѣ пали Толь, Семеновъ и такъ далѣе. Въ слѣдующемъ году я уже не былъ въ Ивангородѣ въ годовщину Жиржинскаго боя и потому не могу сказать, на много ли лѣтъ достало патріотическаго усердія у ивангородскаго общества чтить усопшихъ воиновъ молитвою на ихъ могилѣ. Теперь черезъ Жиржинскій лѣсъ проходитъ Привислянская желѣзная дорога. Года четыре назадъ мнѣ привелось проѣзжать по этому мѣсту. Я съ напряженнымъ вниманіемъ всматривался изъ окна вагона въ знакомую мѣстность, но исторической могилы не замѣтилъ.

И. Любарскій.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

Алексѣй Николаевичъ Апухтинъ.

БЫКНОВЕННО принято говорить, что русская поэзія стала приходить въ упадокъ въ шестидесятихъ годахъ, при чемъ всегда поясняется, что это была такая эпоха, когда все было поглощено гражданскими интересами, всѣ выдающіяся дарованія посвятили себя разработкѣ и разрѣшенію вопросовъ соціально-политическихъ, и для чистой поэзіи въ эту пору горячей общественной работы не могло быть мѣста, а потому критика шестидесятихъ годовъ нисколько не содѣйствовала проявленію у насъ поэтическихъ талантовъ, если ихъ произведенія не заключали въ себѣ выраженія гражданской скорби или протеста. Въ такого рода утвержденіяхъ есть дѣйствительно много вѣрнаго, особенно по отношенію къ критикѣ той эпохи, но въ то же время въ нихъ есть и крупныя неточности. Никакъ нельзя согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, будто упадокъ нашей поэзіи начался только въ шестидесятихъ годахъ, такъ какъ въ сущности онъ начался гораздо ранѣе, уже въ царствованіе императора Николая I, когда послѣ блестящихъ, гениальныхъ созданій Пушкина и Лермонтова наступилъ періодъ затишья. Правда, мы встрѣчаемся въ это время съ именами многихъ поэтовъ такъ называемой Пушкинской плеяды, но все это величины второстепенныя или даже третьестепенныя, и упадокъ поэзіи для всѣхъ очевиденъ. Такимъ образомъ въ шестидесятихъ годахъ въ сущности продолжается

явление, начавшееся гораздо ранѣе, если мы будемъ считать этотъ періодъ эпохой упадка поэзіи, но въ томъ-то и дѣло, что сравнительно съ предыдущимъ, послѣ-пушкинскимъ, періодомъ шестидесятые годы въ дѣлѣ поэзіи представляются временемъ не упадка, а скорѣе расцвѣта. Одинъ перечень именъ поэтовъ, писавшихъ въ эту эпоху, можетъ служить достаточно яркимъ доказательствомъ этого положенія. Въ самомъ дѣлѣ имена Майкова, Полонскаго, Фета, Мея, Некрасова, гр. А. К. Толстого, Плещеева, Никитина представляютъ намъ цѣлый рядъ крупныхъ дарованій, и многія произведенія этихъ поэтовъ, иногда даже вызванныя интересомъ минуты, никогда не теряютъ своего значенія въ качествѣ лучшихъ созданій искусства. Противъ этого перечня можно возразить, что всѣ названные поэты начали дѣйствовать уже въ предыдущую эпоху, но такое возраженіе можно назвать чисто формально-хронологическимъ, такъ какъ именно лучшія произведенія этой группы писателей относятся къ шестидесятымъ годамъ. Можно также замѣтить, что нѣкоторые изъ перечисленныхъ поэтовъ не пользовались расположеніемъ вліятельной критики шестидесятыхъ годовъ, подвергались нападкамъ за то, что ихъ произведенія были будто бы безсодержательны; но и поэты не молчали, а давали отпоръ такимъ нападкамъ и при этомъ выясняли сущность и цѣли поэтического творчества. По истинѣ было бы странно, если бы въ эпоху общаго возбужденія русской жизни одна поэзія осталась безъ движенія; и Пушкинъ, котораго неправильно считаютъ поэтомъ, отрѣшеннымъ отъ жизни, сравниваетъ поэта съ эхомъ, отзывающимся на все, вокругъ него совершающееся, а Лермонтовъ уподобляетъ голосъ поэта вѣчному колоколу, звучавшему «во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ». И поэзія не спала въ ту пору, а то сильное пониженіе поэтического творчества, которое мы замѣчаемъ теперь, наступило уже нѣсколько позднѣе, вмѣстѣ съ общимъ упадкомъ нашей литературы, зависѣвшимъ отъ многихъ общественныхъ и культурныхъ условій.

Въ числѣ поэтовъ, выдвинувшихся въ шестидесятыхъ годахъ и продолжавшихъ работать до послѣдняго времени, безспорно одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ принадлежитъ Алексѣю Николаевичу Апухтину, скончавшемуся въ 1893 году. Читающая публика была знакома съ нѣкоторыми его произведеніями, появлявшимися въ «Русской Мысли», «Вѣстникѣ Европы», «Сѣверномъ Вѣстникѣ» и нѣсколько лѣтъ тому назадъ собранными въ одинъ небольшой томъ, но это была только незначительная часть написаннаго Апухтинымъ, и теперь друзья покойнаго поэта, при матеріальномъ содѣйствіи одного изъ августѣйшихъ его почитателей, выпустили въ свѣтъ роскошное изданіе его сочиненій, въ которомъ мы находимъ много новаго и очень любопытнаго. Пользуясь этимъ изданіемъ, мы и попытаемся представить читателямъ очеркъ поэтического творчества Апухтина.

Биографія Апухтина очень несложна. Онъ родился 15-го ноября 1840 года въ старой дворянской семьѣ Калужской губерніи. Въ дѣтствѣ на его духовное развитіе большое вліяніе имѣла мать, нѣжно его любившая и самимъ имъ любимая. Между прочимъ, она ежегодно предпринимала съ сыномъ поѣздки въ Оптину пустынь, къ великому старцу Макарію, и эта обитель со своимъ бытомъ производила на маленькаго Апухтина чарующее впечатлѣніе, воспоминаніе о которомъ отразилось отчасти въ его поэмѣ «Годъ въ монастырѣ». Въ 1852 году онъ поступилъ въ Училище Правовѣдѣнія. Отличная домашняя подготовка и блестящія способности сразу выдвинули его среди товарищей, а поэтический талантъ, обнаружившійся уже въ школѣ, обратилъ на него вниманіе начальства и особенно принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Уже въ 1854 году въ «Русскомъ Инвалидѣ» появляется его стихотвореніе «Эпаминондъ», посвященное памяти адмирала Корнилова. Конечно, юношескіе опыты Апухтина не могли отличаться особенной самостоятельностью, онъ долженъ былъ подражать имѣвшимся крупнымъ образцамъ, и на немъ особенно сильно сказывается вліяніе Пушкина, а также Лермонтова, хотя относительно послѣдняго поэта биографъ Апухтина, г. Модестъ Чайковскій, по нашему мнѣнію, не вполне основательно, что его вліяніе на Апухтина не было сильно. Уже въ эту раннюю пору творчества въ Апухтинѣ замѣчается стремленіе выйти на путь самостоятельный, и въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытнымъ представляется стихотвореніе «Поэтъ»:

Взгляните на него, поэта нашихъ дней,
 Лежащаго во прахѣ предъ толпою:
 Она кумиръ его, и ей
 Поетъ онъ гимнъ, вѣнчанный похвалою.
 Толпа сказала: «не дервай
 Гласить намъ истину холодными устами;
 Не нужно правды намъ, скорѣе расточай
 Запасы льстивыхъ словъ предъ нами».
 И онъ въ душѣ оледенилъ
 Огонь вскипающаго чувства
 И тотъ огонь священный замѣнилъ
 Одною ржавчиной искусства;
 Онъ безравсудно пренебрегъ
 Души высокое стремленье
 И дерзко произнесъ, низверженный пророкъ,
 Слова упрека и сомнѣнья;
 Воспѣлъ порочный пиръ палатъ,
 Презрѣнья къ жизни духъ бесплодный,
 Прилицьемъ скрашенный развратъ
 И гордость мелкую и эгоизмъ холодный...
 Взгляните, вотъ и кончилъ онъ,
 И золото схвативъ дрожащею рукою,
 Бѣжить повтъ къ безславному покою,
 Какъ рабъ трудами изнуренъ!

Таковъ ли былъ питомецъ Феба,
 Когда святого чувства полнь,
 Онъ пѣлъ красу родного неба,
 И шумъ лѣсовъ и ярость волнь;
 Когда въ простыхъ и сладкихъ звукахъ
 Творцу міровъ онъ гимны пѣлъ?
 Ихъ слушалъ рабъ въ тяжелыхъ мукахъ,
 Предъ ними варваръ цѣпенѣлъ!
 Поэтъ не требовалъ награды
 (Не для толпы онъ пѣснь слагалъ):
 Онъ покидалъ, свободный, грады,
 Въ дубравы тихія бѣжалъ,
 И тамъ, гдѣ горы возвышались,
 Въ свободной дикой сторонѣ
 Поэта пѣсни раздавались
 Въ ненарушимой тишинѣ.

Мы нарочно цѣликомъ привели это стихотвореніе, такъ какъ оно представляетъ собой замѣчательную попытку согласовать лермонтовскаго «Поэта» съ пушкинскими тенденціями, высказавшимися въ стихотвореніяхъ «Поэтъ» и «Чернь». Въ этомъ стихотвореніи есть кое-какая непоследовательность, не все въ немъ обдуманно, да и въ формѣ можно указать недочеты, но важно, что поэтъ задавался уже съ молодыхъ лѣтъ такого рода вопросами. Апухтинъ уже въ это время встрѣчаетъ сочувствіе въ литературной средѣ: Тургеневъ и Фетъ даютъ ему совѣты и поощряютъ его творчество. Въ 1859 году Апухтинъ окончилъ курсъ Училища, но съ этимъ радостнымъ событіемъ совпадаетъ для него большое горе: какъ разъ во время экзаменовъ скончалась его мать. Потеря была очень тяжела, и горе Апухтина отражается, помимо общаго мрачнаго тона его стиховъ, и въ двухъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ памяти этого лучшаго его друга.

Когда былъ я ребенкомъ, родная моя,
 Если дѣтское горе томило меня,
 Я къ тебѣ приходилъ, и мой плачь утихалъ:
 На груди у тебя я въ слезахъ засыпалъ.
 Я пришелъ къ тебѣ вновь... Ты лежишь тутъ одна,
 Твоя келья темна, твоя ночь холодна,
 Ни привѣта кругомъ, ни росы, ни огня...
 Я пришелъ къ тебѣ... жизнь истомила меня.
 О, возьми, обними, уврачуй, успокой
 Мое сердце больное рукою родной,
 О, скорѣй бы къ тебѣ мнѣ, какъ прежде, на грудь,
 О, скорѣй бы мнѣ тамъ задремать и заснуть.

Поступивъ по окончаніи курса на службу въ департаментъ министерства юстиціи и перейдя затѣмъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, Апухтинъ очень мало интересовался чиновной карьерой и съ 1864 года покидаетъ служебную дѣятельность. Къ этому же времени относится начало ожирѣнія, того недуга, который, не подаваясь никакому лѣченію, испортилъ всю жизнь поэта и свелъ

его въ могилу. Прямыхъ страданій собственно не было, но въ послѣдніе годы Апухтинъ дошелъ до того, что нѣсколькихъ шаговъ по комнатѣ было достаточно, чтобы вызвать одышку и утомленіе. Поэтическое его творчество не прекращалось вслѣдствіе болѣзни, вліяніе которой, однако, обнаруживается въ характерѣ его произведеній, а съ 1868 года вдохновеніе Апухтина сказывается въ рядѣ прекрасныхъ стихотвореній (Реквіемъ, Ніобея, Моленіе о чашѣ и др.). Въ восьмидесятихъ годахъ имя Апухтина становится очень популярнымъ, стихотворенія его распространяются во множествѣ рукописныхъ сборниковъ. Въ 1889 году Апухтинъ принимается за прозу и начинаетъ романъ изъ эпохи перехода отъ царствованія императора Николая Павловича къ новому времени, но эта работа остается неоконченной. Однако, попытки писать въ прозѣ оказываются очень удачными. Апухтинъ пишетъ двѣ крупныя повѣсти, съ содержаніемъ которыхъ мы познакомимъ читателей ниже, но всѣ эти произведенія Апухтинъ не рѣшается печатать. Въ 1891 году ожирѣніе переходитъ въ водяную болѣзнь, которая на время ослабляется энергическимъ лѣченіемъ, но черезъ два года наступаетъ ухудшеніе, и 17-го августа 1893 года Апухтинъ скончался.

Въ теченіе своей сорокалѣтней поэтической дѣятельности Апухтинъ написалъ сравнительно очень немного, и это объясняется крайне строгимъ его отношеніемъ къ своимъ собственнымъ произведеніямъ. Вліяніе Пушкина, къ которому Апухтинъ относился съ особымъ благоговѣніемъ, сказалось и на стремленіи къ тщательной отдѣлкѣ формы: Апухтинъ не любилъ передавать бумагѣ плоды своего вдохновенія, не доведя ихъ до полного изящества формы, которая должна была вполнѣ соотвѣтствовать внутреннему содержанию. Но малая производительность поэта смущала его друзей, они убѣждали его больше писать, оставить жизнь «празднаго кутилы», но на такія дружескія увѣщанія поэтъ отвѣчалъ, что не хочетъ отдавать на смѣхъ толпы завѣтный міръ своей души, или же отдѣлывался отъ упрековъ шутками. Такъ, въ стихотвореніи «В. А. Вилламову» онъ говоритъ:

Напрасно дружескимъ обухомъ
 Меня ты думаешь поднять...
 Ну, можно ли съ подобнымъ брюхомъ
 Стихи безъ усталы писать?
 Мнѣ жить пріятнѣй неизвѣстнымъ,
 Я свой покой цѣню, какъ рай...
 Не называй меня небеснымъ
 И у земли не отнимай!

Въ этой шуткѣ вмѣстѣ съ эпикурейской лѣнью указывается и серьезная причина бездѣятельности поэта, а именно его физическій недугъ. Этотъ недугъ вызываетъ и другую шутку, въ которой, однако, слышится уже горькая нота, жалоба на скуку жизни:

«Жизнь пережить — не поле перейти!»
 Да, точно: жизнь скучна, и каждый день скучнѣе;
 Но грустно до того сознанія дойти,
 Что поле перейти мнѣ все-таки труднѣе.

Этотъ физическій недугъ, заставляющій думать о скукѣ жизни, въ значительной степени объясняетъ грустную, элегическую струю, проходящую чрезъ всѣ произведенія Апухтина, который самъ называетъ свою музу «безотрадно-плакучею». Такой характеръ Апухтинской поэзіи возбуждаетъ въ нѣкоторыхъ проницательныхъ моралистахъ большія сомнѣнія: эти господа отрицаютъ искренность грустнаго, мрачнаго тона, проявляющагося въ произведеніяхъ нашего поэта; они говорятъ, что Апухтинъ былъ слишкомъ эпикурейцемъ, слишкомъ пользовался благами жизни, чтобы вполне искренно предаваться грусти. Такимъ охотникамъ рыться въ частной жизни поэта можно указать на примѣръ многихъ другихъ поэтовъ, тоже широко пользовавшихся благами жизни и тѣмъ не менѣе никогда ею не удовлетворявшихся, а въ личной жизни Апухтина болѣзнь играла такую важную роль, что о ней нельзя забывать при оцѣнкѣ его поэзіи. Но грустное настроеніе зависѣло, кромѣ болѣзни, и отъ другихъ причинъ: въ юности оно объяснялось вліяніемъ Лермонтова, а впоследствии поэтъ ставилъ свое состояніе въ зависимость отъ настроенія общества, въ которомъ исчезли бодрость, энтузіазмъ и вѣра. Въ стихотвореніи «Будущему читателю» онъ говоритъ:

Хоть стихъ нашъ устарѣлъ, но преклони свой слухъ
 И знай, что ихъ ужъ нѣтъ, когда-то бодро пѣвшихъ:
 Ихъ пѣсня замерла, и взоръ у нихъ потухъ,
 И перья выпали изъ рукъ окоченѣвшихъ!
 Но смерть не все взяла. Средь этихъ урнъ и плитъ
 Неизгладимый слѣдъ минувшихъ дней таятъ:
 Всѣ струны порвались, но звукъ еще дрожить,
 И жертвенникъ погасъ, но дымъ еще струится.

Конецъ этого стихотворенія указываетъ, что еще не всѣ надежды погибли, и если живы еще слѣды минувшихъ дней, то можно рассчитывать на возрожденіе былой бодрости пѣсенъ, былого, юношескаго энтузіазма. Безъ этой бодрости не можетъ быть жизни, она необходима, и страстный призывъ къ ней мы находимъ въ стихотвореніи «Къ поэзіи»:

Въ эти дни ожиданья тупого,
 Въ эти тяжкіе, тусклые дни,
 О, явись намъ, волшебница, снова
 И весною неожиданной дохни!
 Отъ насилій, измѣнъ и коварства,
 Отъ кровавыхъ раздоровъ людскихъ
 Уноси въ свое свѣтлое царство
 Ты глашатаевъ вѣрныхъ своихъ!

Понабудь роковыя сомнѣнья
 И, безсмертной сія красой,
 Намъ послѣднюю пѣснь утѣшенія,
 Лучезарную пѣсню пропой!
 Какъ напѣвы чарующей сказки,
 Будетъ пѣсня легка и жива;
 Мы услышимъ въ ней матери ласки
 И молитвы забытой слова;
 Намъ припомнятся юности годы,
 И пиры золотой старины,
 И мечты безкорыстной свободы
 И любви задушевные сны.
 Пой съ могучей, неслыханной силой,
 Воскреси, воскреси еще разъ
 Все, что было намъ свято и мило,
 Все, чѣмъ жизнь улыбалась для насъ!

Однако такой энтузіазмъ, призывъ къ дѣятельной жизни не въ натурѣ нашего поэта, который не ищетъ бури, какъ Лермонтовскій герой, а напротивъ бѣжитъ отъ житейской борьбы и волненія, ищетъ мирнаго, тихаго счастья въ созерцательной жизни, но кругомъ него «тучи, буря и громъ», и поэтъ высказываетъ скромное желаніе:

Только-бъ изрѣдка все утихало кругомъ,
 И чуть слышный, привѣтливый говоръ волны
 Навѣвалъ мнѣ на душу волшебные сны,
 И въ побѣдной красѣ, выходя изъ-за тучъ,
 Согрѣвалъ меня солнца ласкающій лучъ.

Но трудно ожидать этого счастья, вѣра въ возможность его слишкомъ слаба, и въ Свѣтлый праздникъ, когда «торжественный гуль не смолкаетъ въ Кремлѣ», и «народныя волны ликують», поэтъ одолеваетъ горькая мысль:

Подъ гнетомъ усталого, слабого тѣла
 Тебѣ не воскреснуть, разбитая жизнью душа!
 Напрасно рвалась ты къ свѣту и жаждала воли;
 Конецъ недалекъ: ты, какъ прежде, во тьмѣ и въ пыли;
 Житейскія дразги тебя искололи,
 Тяжелыя думы тебя извели;
 И вотъ, утомясь, изстрадавшись безъ мѣры,
 Позорно сдалась ты гнетущей судьбѣ...
 И нѣтъ въ тебѣ теплаго мѣста для вѣры,
 И нѣтъ для безвѣрія силы въ тебѣ!

Не можетъ быть ничего тягостнѣе такого состоянія полнаго безразличія, когда нѣтъ ни вѣры, ни силъ для безвѣрія; приходится отказаться отъ всякихъ желаній, всякихъ надеждъ, и въ подобномъ состояніи вполнѣ понятными являются заключительныя слова стихотворенія «На Новый годъ»:

И теперь меня мысль роковая гнететъ:
 Что пошлетъ онъ мнѣ новый, невѣдомый годъ?
 Ждетъ ли свѣтлое счастье меня впереди,
 Иль послѣднее пламя потухнетъ въ груди,
 И опять побреду я живымъ мертвецомъ...

Мрачное настроеніе, постоянно преслѣдующее поэта, приводитъ его, наконецъ, къ разочарованію въ собственномъ творчествѣ, которое не встрѣчаетъ сочувствія въ людяхъ. «Умолкни навсегда», говоритъ поэтъ своей музѣ,

Тоску и сердца жаръ
 Не выставляй врагамъ для утѣшенья...
 Проклятье вамъ, минуты вдохновенья,
 Проклятіе тебѣ, ненужный пѣсенъ даръ!
 Мой голосъ прозвучитъ въ пустынь одиноко,
 Участья не найдетъ души изнывшій крикъ...
 О, смерть, иди теперь,—безъ жалобъ, безъ упрека
 Я встрѣчу твой суровый ликъ.
 Ты все-таки теплѣй, чѣмъ эти люди-братья:
 Не жжешь измѣной ты, не дышишь клеветой...
 Раскрой же мнѣ свои желѣзные объятя,
 Пошли мнѣ, наконецъ, забвенье и покой.

Мысль о смерти, какъ о желанномъ концѣ житейскихъ волненій и страданій, еще ярче высказывается Апухтинымъ въ стихотвореніи «Мухи»:

Черныя мысли, какъ мухи, всю ночь не дають мнѣ покою:
 Жалать, являть и кружатся надъ бѣдной моей головою!
 Только прогонишь одну, а ужъ въ сердце впилася другая—
 Вся воспоминается жизнь, такъ бесплодно въ мечтахъ прожитая!
 Хочешь забыть, разлюбить, а все любишь сильнѣй и больнѣе...
 Эхъ, кабы ночь настоящая, вѣчная ночь поскорѣ!

Смерть такимъ образомъ должна прекратить всѣ страданія, а въ загробной жизни человѣка ждуть покой и созерцаніе нескончаемаго свѣта славы Божіей:

Вѣчный покой отстрадавшему много томительныхъ лѣтъ.
 Пусть осияетъ раба Твоего нескончаемый свѣтъ!
 Дай ему, Господи, наша Защита, Покровъ,
 Вѣчный покой со святыми Твоими во вѣки вѣковъ! («Реквіемъ»).

Большею частью стихотворныя произведенія Апухтина не велики объемомъ, хотя у него есть нѣсколько и крупныхъ вещей, каковы, напримѣръ, поэма «Годъ въ монастырѣ» и очеркъ «Изъ бумагъ прокурора».

Внѣшнимъ содержаніемъ поэма «Годъ въ монастырѣ» очень не богата, сюжетъ ея совсѣмъ не отличается сложностью. Свѣтскій человѣкъ, разочарованный въ пустой и лживой свѣтской обста-

новкѣ, а главное, имѣвшій неудачный романъ, рѣшается искать покоя и забвенія за монастырскими стѣнами и намѣренъ даже постричься въ монахи; послѣ долгаго искуса, уже наканунѣ того дня, въ который должно совершиться постриженіе, герой получаетъ письмо отъ любимой имъ женщины; старая любовь, съ которой онъ боролся цѣлый годъ, снова въ немъ вспыхиваетъ, и онъ бѣжитъ изъ монастыря. Такова простая фабула поэмы, но главная сущность ея заключается въ тонкомъ анализѣ различныхъ переходовъ душевнаго состоянія героя за годъ его пребыванія въ монастырѣ, и въ этомъ отношеніи форма дневника, выбранная для поэмы Апухтинымъ, оказывается какъ нельзя болѣе подходящею, такъ какъ въ этой формѣ лучше всего могутъ высказаться мысли и чувства героя.

Начинается дневникъ 15-го ноября замѣткой, исполненной радости:

О, наконецъ! Изъ вражескаго стана
Я убѣжалъ, израненный боецъ...
Изъ міра лжи, измѣны и обмана
Полуживой я спасся, наконецъ!
Въ моей душѣ ни злобы нѣтъ, ни мщенья,
На подвиги и жертвы я готовъ...
Обитель мира, смерти и забвенья,
Прими меня подъ свой смиренный кровъ!

Въ первые дни пришлецъ чувствуетъ себя въ монастырѣ очень хорошо: пріятное впечатлѣніе произвелъ на него игуменъ, понравилось ему живописное мѣстоположеніе монастыря; простая, даже суровая обстановка такъ на него подѣйствовала, что «жизнь монастырская безъ бурь и безъ страстей» показалась ему «какимъ-то сномъ безпечнымъ»; работа, на которую его послали, была для него такъ пріятна, что, обращаясь къ своимъ прежнимъ свѣтскимъ друзьямъ, онъ восклицаетъ:

О, никогда, мои друзья,
Такъ не былъ веселъ и доволенъ я.
На вашихъ сходкахъ монотонныхъ
И на циническихъ пирахъ,
На вашихъ раутахъ игриво-похоронныхъ,
На вашихъ скучныхъ пикникахъ!

Но это мирное, свѣтлое состояніе духа смущается очень тяжелымъ обстоятельствомъ: въ новомъ монахѣ слаба вѣра, онъ не можетъ вѣрить такъ слѣпо, какъ братія. Повѣдалъ онъ свои сомнѣнія старцу Михаилу, котораго игуменъ назначилъ ему въ наставники, но старецъ

Отчасти только мнѣ сомнѣнья разрѣшилъ.
Онъ мнѣ сказалъ, что, вѣрно, съ колыбели
Во мнѣ все мысли грѣшныя живутъ,
Что я смердящій пещъ и дьявольскій сосудъ.

Мѣсяца черезъ два послѣ вступленія въ монастырь, произошла одна сцена, которая глубоко взволновала юнаго монаха и снова подняла его сомнѣнія. Въ монастырѣ есть инокъ Кириллъ, сынъ богатыхъ родителей, ушедшій тайкомъ изъ ихъ дома; узнавъ о его пристанищѣ, родители приходятъ въ монастырь и просятъ настоятеля отпустить домой Кириюшу; игумень предоставляетъ самому Кириллу разрѣшить этотъ вопросъ; старики на колѣняхъ со слезами умоляютъ сына вернуться, онъ блѣднѣетъ, плачетъ... но остается. Эта сцена, потрясая всю монастырскую братію, вызываетъ героя поэмы на такія размышленія:

Кого-жъ ты осудилъ, о правосудный Боже?
И правы старики, и сынъ не виновать,
И долгу своему игумень вѣренъ тоже...
Какъ разрѣшить вопросъ? Что радость для однихъ,
Другимъ — причина для страданья...
Рѣшать я не могу задачъ такихъ...
Но только матери рыданья
Сильнѣй всего звучать въ ушахъ моихъ!

Рядомъ съ такого рода колебаніями и сомнѣніями вслѣдствіе недостатка слѣпой вѣры, душевный покой героя нарушается воспоминаніями о свѣтской жизни и особенно о той женщинѣ, которая истомила его своей любовью и измѣной, и заставила покинуть свѣтъ. Особенно сильна становится эта душевная борьба въ срединѣ мая, когда герой начинаетъ молиться:

Теперь я не прошу ни счастья, ни забвенья,
Нѣтъ у меня ни силъ, ни слезъ...
Пошли мнѣ смерть, пошли мнѣ смерть скорѣ!

Все это приводитъ героя къ нервной горячкѣ, отъ которой онъ оправляется только черезъ четыре мѣсяца. Игумень объявляетъ ему, что болѣзнью онъ искупилъ грѣхъ своего вольнодумства и сталъ достойнымъ постриженья... но постриженіе не состоялось: конецъ поэмы уже извѣстенъ читателямъ.

Стихотвореніе «Изъ бумагъ прокурора» представляетъ собою также психологическій очеркъ. Самоубійца передъ тѣмъ, чтобы застрѣлиться, въ письмѣ къ своему пріятелю, прокурору, интересующемуся вообще типами самоубійцъ, объясняетъ причину своего поступка: онъ стрѣляется не отъ неудачной любви, не по ненормальности психической, не по какимъ либо побужденіямъ, вообще ведущимъ людей къ самоубійству, а просто потому, что «жизнь переноситъ» ему «больше не подъ силу». И этотъ очеркъ и извѣстное стихотвореніе «Сумасшедшій» обнаруживаютъ въ авторѣ большое умѣніе пользоваться психологическими наблюденіями, умѣніе, особенно ярко проявляющееся, какъ мы увидимъ далѣе, въ прозаическихъ произведеніяхъ Апухтина.

Если присмотрѣться къ общему складу этихъ крупныхъ стихотворныхъ произведеній Апухтина, то и въ нихъ легко замѣтить то же мрачное настроеніе, которое сказывается въ его лирикѣ, но на ряду съ мрачными мотивами въ Апухтинской поэзіи встрѣчается иногда и вполне объективное настроеніе, какъ, напримѣръ, въ известномъ стихотвореніи «Недостроенный памятникъ», въ которомъ Екатерина II совѣтуетъ россійскимъ актерамъ брать съ нея примѣръ, такъ какъ она сыграла свою роль мастерски. Кромѣ этого, у Апухтина есть цѣлый рядъ стихотвореній, въ которыхъ проявляется очень мѣткій, хотя нисколько не оскорбительный юморъ. Многія изъ такого рода шуточныхъ стихотвореній не могутъ появиться въ печати, благодаря цензурнымъ условіямъ, и въ настоящемъ изданіи сочиненій поэта помѣщена только весьма незначительная часть его пародій и шутокъ. Изъ такихъ стихотвореній возьмемъ для примѣра два: вотъ, во-первыхъ, «Пародія», написанная въ 1858 году:

Боже, въ какомъ я теперь упоеніи
 Съ «Вѣстникомъ Русскимъ» въ рукахъ.
 Что за прелестныя стихотворенія,
 Ахъ!
 Тамъ Данилевскій и А. П. таинственный,
 М...въ—нашъ флюгеръ поэтъ,
 Лучше же всѣхъ несравненный, единственный —
 Феть.
 Много безмыслицъ прочтешь патетическихъ,
 Множество фразъ посредн.,
 Много и риѣмъ, а картинъ поэтическихъ
 Жди!

Какъ другой образчикъ Апухтинскаго юмора, мы возьмемъ стихотвореніе «Пѣвецъ во станѣ русскихъ композиторовъ». Подражая Жуковскому, Апухтинъ обращается къ разнымъ нашимъ музыкантамъ и музыкальнымъ критикамъ и даетъ очень мѣткія ихъ характеристики. Вотъ, напримѣръ, характеристика В. В. Стасова:

Кого я вижу? Это ты-ль,
 О мужъ великій Стасовъ,
 Постигшій византійскій стиль,
 Знатокъ иконостасовъ?
 Ты—музыкальный генераль,
 Мужъ слова и совѣта,
 Но самъ отнюдь не сочинялъ..
 Хвала тебѣ за это!

Обращаясь къ А. Г. Рубинштейну, Апухтинъ говоритъ:

О, Рубинштейнъ! Ты подчасъ
 Задать способенъ жару;
 Боюсь, твой Демонъ сгубить насъ,
 Какъ ужъ сгубилъ Тамару!

Не голосъ будетъ нашъ страдать,
 Но больше поясница ¹⁾):
 Легко-ль по воздуху летать?
 Вѣдь баритонъ не птица!
 Но ты вѣка переживешь,
 Враги твои дубины:
 Намъ это доказалъ Ларошъ,
 Создатель Кармозины.

Мы разсмотрѣли стихотворенія Апухтина, но не менѣе интереса представляютъ собой его прозаическія произведенія, появляющіяся въ свѣтъ впервые въ новомъ изданіи его сочиненій. Авторъ самъ ихъ нигдѣ не печаталъ, а между тѣмъ въ нихъ обнаруживается значительное беллетристическое дарованіе и знаніе grand monde'a, къ которому принадлежалъ авторъ по своимъ связямъ. Самыми крупными и по объему, и по содержанію изъ этого рода произведеній Апухтина слѣдуетъ признать повѣсти: «Архивъ графини Д.**» и «Дневникъ Павлика Дольскаго». Первая повѣсть очень любопытна уже по самой своей формѣ: это повѣсть въ письмахъ. Вообще эпистолярный родъ изложенія заключаетъ въ себѣ чрезвычайно много трудностей: необходимо, чтобы каждое отдѣльное письмо соотвѣтствовало характеру того лица, которое его пишетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ письма должны двигать общій ходъ повѣсти. Такое двойственное требованіе рѣдко соблюдается авторами: одни увлекаются желаніемъ лучше, полнѣе очертить выведенные типы, и потому въ письма включается много такого, что не имѣетъ значенія для дѣйствія разсказа; другіе авторы увлекаются фабулой и даютъ письмамъ слишкомъ отрывочный характеръ, такъ что читатель не можетъ себѣ составить яснаго представленія о дѣйствующихъ лицахъ. Очень важно также, чтобы письма въ повѣстяхъ являлись дѣйствительно письмами и не носили бы отпечатка чего-то сочиненнаго.

Всѣхъ этихъ недостатковъ Апухтинъ сумѣлъ избѣжать въ своей повѣсти. Читая рядъ писемъ, адресованныхъ графинѣ Д. разными лицами, мы не замѣчаемъ никакой дѣланности: такъ именно всегда пишутъ свѣтскіе кавалеры и дамы. Русскій языкъ, мѣстами очень хорошій, мѣстами очень неправильный, мѣшается въ письмахъ съ французскимъ; съ дѣловыми интересами переплетаются свѣтскія сплетни и интриги, а подчасъ и политика, но тоже съ особой свѣтской точки зрѣнія; въ результатъ получается настоящая, неподдѣльная свѣтская болтовня, или то, что французы обозначаютъ гораздо болѣе мягкимъ выраженіемъ causerie, а въ этой болтовнѣ передъ нами развертывается картина общественной жизни и выступаетъ рядъ мастерски обрисованныхъ типовъ, мужскихъ и женскихъ. Изъ мужчинъ наиболѣе полно охарактеризованъ только

¹⁾ При постановкѣ Демона говорили, что А. Г. Рубинштейнъ хотѣлъ, чтобы Демонъ все время леталъ на воздухѣ.

одинъ — Александръ Васильевичъ Можайскій, а изъ дамъ выдѣляются графиня Д., княгиня Кривобокая и Марья Ивановна Боярова.

Можайскій занимаетъ въ большомъ свѣтѣ довольно хорошее положеніе, но его денежные дѣла пришли въ сильное разстройство, и, чтобы спасти остатки своего когда-то большого состоянія, онъ уѣзжаетъ изъ Петербурга въ свою деревню, Гнѣздиловку. Но Петербургъ, который, по его словамъ, «затягиваетъ, какъ болото», и здѣсь не даетъ ему покоя. Какъ разъ наканунѣ отъѣзда изъ Петербурга, на вечерѣ у Марьи Ивановны Бояровой графиня Д. была съ нимъ «такъ очаровательно-любезна», «выказала ему столько вниманія, столько сердечнаго участія», что едва не поколебала его рѣшимость разорвать на время съ Петербургомъ, а приѣхавъ въ деревню, онъ уже думаетъ о возвращеніи зимой назадъ, чтобы снова насладиться очаровательной любезностью графини. Однако, судьба такъ устроиваетъ, что графиня сама приѣзжаетъ въ деревню богатой тетухки, по сосѣдству съ имѣніемъ Можайскаго, который встрѣчаетъ ее на станціи. Черезъ два-три дня графиня посѣщаетъ Можайскаго, тонъ писемъ мѣняется, Можайскій пишетъ уже не «глубокоуважаемая графиня Екатерина Александровна», а «милая Китти»; наступаютъ для Можайскаго «тѣ чудные майскіе дни», которые, какъ онъ говоритъ впоследствии, «промелькнули, какъ сонъ», и о которыхъ онъ повторяетъ стихи Жуковского:

«Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ,
Но съ благодарностію: были!».

Проводивъ графиню, Можайскій нѣсколько дней безвыѣздно сидитъ въ своей Гнѣздиловкѣ и предается элегическимъ размышленіямъ о чудныхъ майскихъ дняхъ. «Все,—пишетъ онъ графинѣ,— кругомъ отцвѣло и поблекло для меня. Мою одинокую, темную жизнь нежданно озарилъ лучъ яркаго солнца, но прошло мгновеніе, и это солнце гдѣ-то далеко освѣщаетъ и грѣетъ другихъ». Но не проходитъ для Можайскаго проза жизни: кредиторы не оставляютъ его въ покоѣ, и получивъ ультиматумъ отъ богатаго грека Сапунопуло, онъ ѣдетъ въ Одессу, чтобы уладить съ нимъ счеты. Въ Одессѣ его ожидаетъ совсѣмъ непредвидѣнная развязка: у грека есть дочь Соничка, которая «немногимъ моложе Можайскаго (человѣкъ уже немолодого), дурна какъ смертный грѣхъ и имѣетъ всевозможныя претензіи: говоритъ на пяти языкахъ, играетъ на фортепіано и на арфѣ, кромѣ того, поетъ и даже пишетъ стихи». Можайскій говоритъ, что она «не женщина, а какая-то ходячая желтая лихорадка», торжественно общается графинѣ, что «никогда не продастъ себя, что никогда этотъ золоченый грецкій орѣхъ не будетъ привить къ старому родословному дереву Можайскихъ»; но крутыя финансовыя обстоятельства заставляютъ его быть благо-разумнымъ, ухаживать за Соничкой, слушать, какъ она ему читаетъ Эсхила въ подлинникѣ, играть въ провербѣ ея сочиненія,

кататься по морю въ костюмѣ турецкаго паши, съ чалмой на головѣ и съ кальяномъ въ рукѣ. Кончается тѣмъ, что «греки перехитрили», финансы Можайскаго поправлены, Соничка дѣлается его женой, а Можайскій извѣщаетъ графиню о гибели «всѣхъ его дорогихъ и завѣтныхъ идеаловъ». Молодые супруги пріѣзжаютъ въ Петербургъ, и Можайскій усердно прискиваетъ женѣ какого нибудь египтолога, который занималъ бы ее, пока онъ самъ будетъ продолжать свой романъ съ графиней Д.; кстати послѣдняя предлагаетъ ему быть секретаремъ въ «обществѣ спасенія погибающихъ дѣвицъ», въ которомъ она состоитъ предсѣдательницей.

Такимъ образомъ Можайскій, не смотря на краснорѣчивое упоминаніе о какихъ-то идеалахъ, представляетъ собой чистѣйшій типъ самаго пустого и неразборчиваго въ средствахъ вивера, и съ подобнымъ-то человѣкомъ вздумала завести любовныя пашни графиня Д., занимающая въ свѣтѣ очень выдающееся положеніе. Она замѣчательная красавица и пользуется общимъ уваженіемъ свѣта за свой умъ и высокую нравственность. Ея пріятельница, М. И. Боярова, считаетъ ее необыкновенной женщиной во всѣхъ отношеніяхъ. «Всѣ успѣхи и почести, которыхъ другія добиваются всю жизнь,— пишетъ графинѣ Марья Ивановна,— приходятъ къ тебѣ какъ-то сами собой. Всякій свой капризъ ты приводишь немедленно въ исполненіе и безъ колебаній переходишь ту черту, передъ которой другая остановилась бы въ страхѣ. Въ тебѣ живетъ какое-то убѣжденіе, что никто и подозрѣвать тебя не можетъ». Еще болѣе лестно отзывается о графинѣ преосвященный Никодимъ, свѣтскій человѣкъ въ монашеской рясѣ, принимающій живое участіе въ обществѣ спасенія погибающихъ дѣвицъ. «Вѣрная и добродѣтельная супруга,— пишетъ онъ графинѣ,— чадолюбивая и нѣжная мать, послушная и усердная дочь единой истинной церкви, вы, какъ нѣкій свѣтильникъ, стоите на мѣстѣ горнемъ, для всѣхъ взоровъ открытомъ, и мимоидущіе люди недоумѣваютъ, чему болѣе имъ дивиться надлежитъ: красотѣ ли внѣшней сего безцѣннаго сосуда, или же его внутреннему негасимому свѣту». А внѣшняя красота графини, по словамъ Можайскаго, по истинѣ поразительная. «Какъ можно не замѣтить,— восторженно восклицаетъ онъ,— этой красоты, этой царственной поступи, этого задумчиваго взгляда, до того проникающаго въ душу, что когда вы опускаете глаза въ землю, вашему собесѣднику кажется, что вы продолжаете смотрѣть на него сквозь закрытыя вѣки». По словамъ графини, мужъ такъ въ ней увѣренъ, что еслибъ даже онъ ее увидѣлъ въ чьихъ либо объятіяхъ, онъ не повѣрилъ бы глазамъ своимъ. Между прочимъ, графъ дѣлаетъ своей супругѣ такой комплиментъ: «Съ такой женой, какъ ты, можно спокойно спать во всѣхъ отношеніяхъ». Однако слѣдуетъ замѣтить, что такая увѣренность графа объясняется отчасти и нѣкоторымъ его равнодушіемъ, такъ какъ онъ не прочь и самъ пошалить на

сторонѣ, какъ это видно изъ письма Бояровой, за которой онъ слегка ухаживаетъ, fait un brin de cour. Пользуясь такой безукоризненной репутацией, графиня очень легко скрываетъ свои грѣшки любовнаго свойства, и романъ съ Можайскимъ оказывается далеко не единственнымъ: у нея почему-то постоянно торчитъ Миша Невѣровъ, съ которымъ иногда она катается на тройкѣ, и въ одно время съ этими похождениями она предается самому безшабашному разгулу съ гусаромъ Кудряшинымъ, который присылаетъ ей лаконическія телеграммы въ родѣ слѣдующей: «буду ждать въ Москвѣ; гдѣ остановлюсь, не знаю; справится у цыганъ въ Стрѣльнѣ». При всей легкости своихъ нравовъ, чета графовъ Д. очень практична. У графини есть очень богатая тетушка Анна Ивановна Кречетова, живущая въ своемъ имѣніи Красныхъ Хрящахъ, въ Слободской губерніи. Когда получилось извѣстіе о болѣзни тетушки, графиня немедленно отправляется въ Красные Хрящи ухаживать за обожаемой тетушкой, а графъ въ приливъ родственныхъ чувствъ заказываетъ Смурову высылать тетушкѣ какой-то особенный черносливъ. Конечно, все дѣло въ наслѣдствѣ, но тетушка все завѣщаетъ какимъ-то князю Пышечкину и на благотворительныя дѣла, а графиня оставляетъ только драгоценности, которыя почти всѣ похищены ея приживалкой Мѣдяшкиной, такъ что получается нѣчто въ родѣ Гоголевскихъ «трехъ стамедовыхъ кубокъ».

Въ кружкѣ графини играетъ большую роль княгиня Кривобокая, учредительница и первая предсѣдательница общества спасенія погибающихъ дѣвицъ. Княгиня въ свѣтѣ слыветъ придурковатой, но обладаетъ какимъ-то чутьемъ угадывать, какъ на то или другое дѣло посмотреть въ высшихъ сферахъ, и на этотъ счетъ никогда не ошибается. По тону ея писемъ (обилующихъ такими, наприкладъ, галлицизмами: «онъ не клалъ ко мнѣ ногу», «несетъ незнатное имя», «бросила свой чепецъ черезъ мельницу» и т. п.) трудно заключить, чтобы она дѣйствительно отличалась умомъ: она постоянно ворчитъ на своихъ зятьевъ, не оказывающихъ ей должнаго почтенія, и особенно на того изъ нихъ, который, по ея мнѣнію, въ пику ей сталъ душиться духами cuir de Russie, такъ что руки княгини отъ его поцѣлуевъ пахнутъ сапогами. Учредивъ свое почтенное общество, она оказалась крайне неумѣлой предсѣдательницей, подписывала какія-то бумаги, которыя подсовывалъ ей секретарь Оптинъ, и въ концѣ концовъ должна была заплатить четыре тысячи. Сообщая объ этомъ печальномъ обстоятельствѣ графиня Д., она оправдываетъ себя такимъ образомъ: «Конечно, во всемъ этомъ отчасти виновата я сама, но и тутъ насолила мнѣ графиня Анна Михайловна: возьми она Оптина въ управляющіе, ничего бы не случилось». Неглубокомысліе княгини проявляется въ ея любви къ политикѣ, о которой иногда въ ея письмахъ попадаютъ такіа замѣчанія: «Что вы скажете о римскихъ дѣлахъ? Бѣдный папа! Хочу

вышить туфли и послать ему «отъ неизвѣстной изъ Россіи». Или въ другомъ письмѣ она говоритъ, что не ѣдетъ на англійскій балъ «изъ патріотизма, потому что англичане, гдѣ могутъ, вездѣ кладутъ палки въ наши колеса». «Вообще,—говоритъ княгиня,—политическое положеніе Европы мнѣ не нравится. Хотя никакихъ особенныхъ извѣстій нѣтъ, но я убѣждена, что Бисмаркъ опять что-то замышляетъ». Главная забота княгини сбыть съ рукъ 24-лѣтнюю дочь, Наденьку, которая почему-то все не выходитъ замужъ. Княгиня и тутъ завидуетъ ловкости непріятной ей графини Анны Михайловны. «Устроила графиня въ позапрошломъ году у себя живыя картины и поставила свою Катю изображать Орлеанскую дѣву. Поднимается занавѣсъ, и вижу я Катю почти что совсѣмъ раздѣтую. Ну, думаю себѣ, какая же это Орлеанская дѣва? Это, напротивъ того, прекрасная Елена! А Анна Михайловна при этомъ еще поясняетъ мнѣ: «костюмъ Катинъ вполне историческій, вы видите: и шлемъ, и латы лежатъ на землѣ; но только моя Катя выбрала такой моментъ, когда Орлеанская дѣва хочетъ прилечь и отдохнуть». Вотъ и не удивительно, что послѣ этого ея Катя оставалась недолго Орлеанской дѣвой, и въ тотъ же вечеръ за ужиномъ этотъ дурачокъ Федя Вараксинъ, который до того ухаживалъ за Наденькой, сдѣлалъ предложеніе Катѣ. Что значить удачно выбрать моментъ!». Но хотя Федя Вараксинъ, благодаря коварству Анны Михайловны, измѣнилъ, Наденьку, тѣмъ не менѣе, надо пристроить, и отправляя ее на дачу къ графинѣ Д., княгиня проситъ графиню «дѣлать глухое ухо», если она услышитъ, что ктонибудь имѣетъ намѣреніе похитить Наденьку. Похищенія не произошло, однако Наденька все же благополучно выходитъ замужъ за Костю Невѣрова, причемъ, конечно, княгиня не оказывается особенно разборчивой. «По правдѣ сказать,—говоритъ она,—я въ своемъ зятѣ вижу два достоинства: сложеніе у него богатырское, и онъ танцуетъ отлично. Объ остальномъ лучше не будемъ говорить, хотя Наденька и жужжала мнѣ въ каретѣ: «онъ очень, очень уменъ, только онъ отъ всѣхъ скрываетъ это нарочно, а мнѣ открылъ». Ну, и слава Богу, что открылъ! Будь Невѣровъ постарше и начни онъ ухаживать за одной изъ моихъ первыхъ дочерей, я бы затворила ему свою дверь, а для Наденьки и этотъ хорошъ: вѣдь ей, теперь можно сказать правду, не двадцать четвертый годъ, а двадцать шесть съ хвостикомъ. Опять и то правда, что всякій бракъ—лотерея. Ужъ кажется, завидные были женихи мои четыре зятя, а никакъ съ ними ладить не могу: авось, полажу съ тѣмъ, который поплше».

Женихъ Наденьки, Костя Невѣровъ, прежде чѣмъ сдѣлалъ предложеніе этой дѣвицѣ, былъ въ интимныхъ отношеніяхъ съ пріятельницей графини Д., Марьей Ивановной Бояровой. Мужъ Марьи Ивановны, хоть и немного ревнивый, но очень хорошій человѣкъ, у нихъ есть дѣти, но Марья Ивановнѣ нужно развлеченіе, и для

своего утѣшенія она избираетъ Костю. Она сама признается, что «нисколько не ослѣплена насчетъ Кости». — «Я знаю, — говоритъ она, — что онъ не особенно уменъ, son éducation laisse à désirer, я знаю, что глупо такъ привязаться къ нему, но что же дѣлать, c'est plus fort que moi». Особенно нравится ей Костя, когда начинаетъ спорить, хотя при этомъ онъ говоритъ такія глупости, что просто уши вянутъ. «Лицо его разгорится, глаза блестятъ, онъ смотритъ на своего противника такъ грозно и съ такой отвагой, что я уже не слушаю, а только люблюсь имъ». Однако, сентиментальная Марья Ивановна скоро надѣдается Костѣ, онъ частенько ее обманываетъ и, наконецъ, совсѣмъ измѣняетъ, сдѣлавъ предложеніе Наденькѣ. Этотъ ударъ оказывается чрезвычайно тяжелымъ для Марьи Ивановны, она сильно заболѣваетъ, мужъ увозитъ ее въ деревню, и здѣсь въ ней просыпается сознаніе ненормальности ея прежней жизни. Марья Ивановна въ сущности самое симпатичное лицо во всей повѣсти: свѣтъ не окончательно заглушилъ въ ней добрыя нравственныя чувства. Еще живя въ Петербургѣ и будучи въ связи съ Костей, она смутно чувствуетъ свой грѣхъ; лицемѣріе и ложь свѣтской суеты иногда невольно заставляли ее заглядывать внутрь себя самой, и она винила себя: такъ на одномъ вечерѣ, когда разныя дамы, далеко не безгрѣшныя по части любовныхъ похожденій, стали горячо осуждать бѣдную гувернантку, совращенную сыномъ графини Анны Михайловны, и сама Марья Ивановна сказала какую-то фразу осужденія въ общемъ тонѣ, она тогда же почувствовала, что не имѣла права такъ говорить, и долго эта фраза таготила ея совѣсть и заставляла краснѣть Марью Ивановну. Въ деревнѣ этотъ зародышъ нравственнаго сознанія становится гораздо сильнѣе: доброе и ласковое обращеніе мужа, который ничѣмъ не обнаруживаетъ, что знаетъ о ея невѣрности, видъ дѣтей, которыя обращаютъ на себя вниманіе своими умными и милыми замѣчаніями и вопросами, — все это напоминаетъ Марьѣ Ивановнѣ о ея долгѣ матери и жены, и она рѣзко осуждаетъ и свѣтъ съ его пустотой и ложью, и свою собственную прежнюю жизнь. Хотя въ заключеніе Марья Ивановна и задаетъ себѣ вопросъ: «придется ли мнѣ играть какую нибудь роль въ комедіи вашего свѣта, или я останусь безучастной зрительницей этой безцѣльной суеты, этой вѣчной борьбы всевозможныхъ самолюбіи и интересовъ», и хотя этотъ вопросъ оставляется ею нерѣшеннымъ, однако уже самая постановка его показываетъ, что она одумалась, и можно поэтому ожидать для нея другой новой жизни, болѣе разумной и чистой.

Такова сущность повѣсти «Архивъ графини Д.». Большой свѣтъ въ этой повѣсти представленъ вполне объективно, безъ всякихъ прикрасъ и безъ утрировки въ обличительномъ духѣ, и подобное изображеніе его дѣйствуетъ гораздо сильнѣе, имѣетъ гораздо большую цѣну, чѣмъ тенденціозныя попытки иныхъ беллетристовъ воз-

величить или обличить жизнь этого «grand-monde'a». Подобное же общее заключеніе можетъ быть сдѣлано и относительно другой большой повѣсти Апухтина: «Дневникъ Павлика Дольскаго». Въ этой повѣсти Апухтинъ обнаруживаетъ большую психологическую наблюдательность: изложеніе идетъ чрезвычайно спокойно, авторъ не роется мучительно въ душѣ своего героя, какъ это принято во многихъ мнимо-психологическихъ романахъ, а между тѣмъ герой выступаетъ передъ нами, какъ живой, со всѣми своими чувствами, волненіями и помыслами. Дольскій человѣкъ уже почти старый, но, не смотря на лѣта, всѣ привыкли его называть Павликомъ, не видя въ немъ ничего серьезнаго. Учился онъ въ пажемскомъ корпусѣ, былъ когда-то блестящимъ гусаромъ, во время освобожденія крестьянъ вышелъ въ отставку изъ военной службы, поселился въ деревнѣ и сдѣлался мировымъ посредникомъ, при чемъ искренно увлекался общимъ либеральнымъ движеніемъ. Въ деревнѣ у него былъ романъ съ женой его близкаго друга и товарища, это ложное положеніе крайне его тяготило, но когда его возлюбленная, чтобы избѣжать разлуки съ Павликомъ, отравила своего мужа, Павликъ отступилъ, и романъ долженъ былъ прекратиться, не смотря на долги, настойчивыя письма Елены Павловны. Вскорѣ послѣ этого Павликъ возвратился въ Петербургъ, поступилъ на службу при дворѣ, получилъ званіе камергера и повелъ жизнь стараго холостяка, играя въ вистъ въ клубѣ и составивъ себѣ тѣсный кружокъ знакомыхъ. Чаще всего онъ бываетъ у одной своей старой пріятельницы, Марьи Петровны, съ которой игралъ еще ребенкомъ и у которой былъ шаферомъ на свадьбѣ. Марья Петровна уже вдова, любитъ лѣчить своихъ знакомыхъ гомеопатіей, немного сентиментальна и заставляетъ Павлика читать себѣ вслухъ «Revue des deux mondes», при чемъ ей совершенно все равно, о чемъ говорится въ читаемыхъ статьяхъ, о феллахъ ли, о бургундскихъ ли герцогахъ или о чемъ либо другомъ, такъ какъ подъ чтеніе Павлика она слегка дремлетъ. Павликъ бываетъ у нея охотно, такъ какъ съ ней «и молчать удобно». Но вдругъ въ этомъ мирномъ домѣ появляется новое лицо, которое все переворачиваетъ. Это новое лицо—Лидя, племянница Марьи Петровны, только что окончившая курсъ института, чрезвычайно милая, живая и остроумная дѣвушка. Домъ Марьи Петровны оживился, въ немъ появляется множество молодежи, затѣваются балы, игры, поѣздки на тройкахъ. Павликъ очень добрый человѣкъ, сходится съ молодежью, Лидя предлагаетъ ему быть ея другомъ, но на старости лѣтъ голова у него вскружилась: онъ влюбляется въ Лиду, ревнуетъ ее къ молодымъ людямъ, посѣщающимъ домъ Марьи Петровны, чѣмъ вооружаетъ ихъ противъ себя, такъ что они даютъ ему кличку «Мельхиседекъ», и, наконецъ, онъ дѣлаетъ Лидѣ предложеніе. Конечно, Лидя ему отказываетъ, и при этомъ весьма наивно совѣтуетъ ему жениться на тетѣ, то-есть

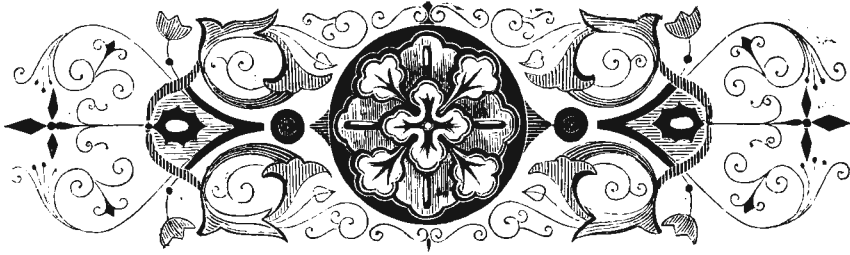
на Марьѣ Петровнѣ. Павликъ дѣлаетъ новую глупость, то-есть дѣлаетъ предложеніе Марьѣ Петровнѣ, но и она отказываетъ, говоря, что въ супружествѣ есть много непріятнаго, что она не можетъ вспомнить, какъ ея покойный мужъ приходилъ къ ней въ комнату въ мѣховомъ халатѣ, и какъ отъ него пахло табакомъ. Павликъ не переноситъ этого двойного отказа, заболѣваетъ довольно сильно и, поправившись, приходитъ къ сознанію, что для него уже наступила старость. Во время своей болѣзни, въ предчувствіи смерти, онъ самъ сочиняетъ себѣ слѣдующій некрологъ: «Жиль-былъ на свѣтѣ человѣкъ, котораго знакомые звали Павликомъ Дольскимъ. Онъ не сдѣлалъ въ жизни особеннаго зла, но и добра у него было немного. Былъ онъ, по правдѣ сказать, довольно пустой человѣкъ. Но все-таки онъ занималъ, какъ человѣкъ, свое опредѣленное мѣсто, мозгъ его работалъ, сердце горячо и усиленно билось. Онъ много передумалъ и перечувствовалъ, часто желалъ и надѣялся, но еще чаще страдалъ и ошибался. Главная бѣда его состояла въ томъ, что онъ ничего не дѣлалъ и слишкомъ долго считалъ себя молодымъ. И вотъ когда онъ въ этомъ разубѣдился и захотѣлъ хоть немного осмыслить свою жизнь, ему сказали: «нѣтъ, теперь поздно. Ты уже не будешь больше ни любить, ни надѣяться, ни желать, ни ошибаться. Изъ того, что ты дѣлалъ прежде, можешь, пожалуй, еще пострадать въ заключеніе, но и то недолго. А затѣмъ ты исчезнешь».

Грустное впечатлѣніе производитъ судьба Павлика, авторъ сумѣлъ сдѣлать его такимъ симпатичнымъ, что, не смотря на его пустоту, невольно становится жаль его. Вообще вся повѣсть написана мягкимъ, задушевымъ тономъ, а рядъ живыхъ, яркихъ типовъ, въ ней выведенныхъ, придаетъ ей большой интересъ.

Кромѣ этихъ большихъ повѣстей, Апухтинымъ въ прозѣ написаны фантастическій рассказъ «Между жизнью и смертью» и «Два отрывка изъ неоконченной повѣсти». По своему значенію эти произведенія уступаютъ разобраннымъ повѣстямъ, но и въ нихъ видна рука мастера, такъ что приходится искренно пожалѣть, что Апухтинъ взялся за прозу только незадолго до смерти: напечатанныя теперь его прозаическія сочиненія обнаруживаютъ въ немъ выдающійся беллетристическій талантъ.

А. Бороздинъ.

ВЪ ЛИФЛЯНДСКОЙ ШВЕЙЦАРИИ.

(Очеркъ).

В ЭТОТЪ ЧЕТВЕРГЪ рѣчь зашла у Ивана Аркадьевича о томъ, гдѣ кто проведетъ лѣто. Одни собирались въ Крымъ, другіе на Кавказъ, третьи за границу; были и такіе, которые задумали ѣхать въ Швецію или на родину Ибсена. Всякій выставялъ привлекательныя стороны задуманной имъ экскурсіи. Бесѣда оживлялась, хотя, какъ всегда у Ивана Аркадьевича, и не принимала того нервнаго характера, который такъ часто наблюдается въ нашемъ обществѣ, гдѣ люди отъ неловкаго молчанія вдругъ переходятъ къ страстному словесному турниру, перебиваютъ другъ друга безъ всякаго толка, раздражаются и часто кончаютъ личною враждою, ища спасенія за умиротворяющимъ и всѣхъ объединяющимъ зеленымъ сукномъ. У Ивана Аркадьевича въ карты не играли, но и не молчали, и не раздражались. Въ его тихой квартирѣ съ громадными комнатами, громоздкою мебелью, тяжелыми занавѣсами и портъерами, всякій отрѣшался отъ житейскихъ заботъ, отъ всего, что его волновало, злило, оскорбляло тамъ, въ водоворотѣ жизни, и приходилъ просто отдохнуть, освѣжиться, забыть на нѣсколько часовъ, что человѣкъ—человѣку—врагъ. Никто другъ у друга не заискивалъ, никто не старался выдвинуться или обратить на себя вниманіе, всѣ интересовались только бесѣдою и принимали въ ней сильное участіе. Какимъ образомъ Иванъ Аркадьевичъ достигъ этого, — трудно сказать: вѣроятно, онъ и самъ не сумѣлъ бы от-

вѣтитъ на этотъ вопросъ; но всякій чувствовалъ, что у этого гостепріимнаго хозяина, нечего искать, кромѣ задушевнаго слова и того умиротворяющаго вліянія во взглядахъ, настроеніи, которое — увы! — такъ рѣдко встрѣчается въ нашемъ обществѣ, хотя, несомнѣнно, въ немъ и чувствуется сильная потребность.

И на этотъ разъ, когда разговоръ, вслѣдствіе присутствія новаго гостя, не сроднившася еще съ атмосферою, царившею у Ивана Аркадьевича, принялъ нежелательный характеръ, онъ вдругъ направилъ его въ надлежащее русло, проговоривъ своимъ внушительнымъ баскомъ:

— Зачѣмъ ѣхать такъ далеко, когда и поближе есть прелестные уголки?

— Гдѣ эти уголки? — попробовалъ было возразить новый гость.

— Да вотъ хоть бы Лифляндская Швейцарія, — отвѣтилъ хозяинъ.

— Ну, ужъ эти разныя доморощенныя Швейцаріи! Горка, рѣчка, три березки, да двѣ сосны, — и Швейцарія готова.

— Позвольте, позвольте — возразилъ хозяинъ, — я вамъ расскажу о моей поѣздкѣ въ Лифляндскую Швейцарію, а тамъ сами увидите, стоитъ ли туда ѣздить.

Гости расположились поудобнѣе. Хозяинъ началъ.

Былъ я тамъ въ прошломъ году. Собственно я ѣздилъ въ Дуббельнъ, но на обратномъ пути мнѣ захотѣлось взглянуть и на Лифляндскую Швейцарію: меня туда тянули милыя воспоминанія. Побывалъ я тамъ тридцать пять лѣтъ тому назадъ мальчикомъ, и у меня въ памяти сохранилось впечатлѣніе чего-то интереснаго и даже прекраснаго. Горы, крутые обрывы, безконечный кругозоръ, извилистые, глубокіе ручьи, масса зелени, таинственныя развалины — все это представлялось моему уму, когда я вспоминалъ о Трейденѣ, Кремонѣ и Зегевольдѣ, о трехъ руинахъ, господствующихъ надъ нижнимъ теченіемъ рѣки Аа. Съ тѣхъ поръ я многое видѣлъ на бѣломъ свѣтѣ, и гдѣ только не побывалъ: и на Волгѣ, и на Рейнѣ, и у подножія Монблана! Изъѣздивъ я настоящую Швейцарію съ ея чудесами природы, но, тѣмъ не менѣе, воспоминаніе объ этой крошечной, поддѣльной Лифляндской Швейцаріи было такъ живо во мнѣ, какъ будто грандіозныя впечатлѣнія, вынесенныя мною впоследствии, не въ состояніи были изгладить раннихъ впечатлѣній дѣтства.

Золотые это были дни, не годы, — такъ быстро пронеслись они. Помню, какъ меня снаряжали въ путь изъ отчужденнаго дома куда-то далеко, за 800 верстъ, къ нѣмцамъ; помню громадный дилижансъ, который меня увозилъ; помню, какъ я крѣпился, чтобы не разрыдаться, не заплакать. И я выдержалъ это трудное испытаніе первой разлуки. Почтальонъ затрубилъ въ свой рожокъ, и исполни-

скій рыдванъ тронулся, замахали платками, раздались послѣднія слова прощанья, дилижансъ завернулъ за уголь узкой улицы, и я прижался къ стѣнкѣ, глядя вдаль и глотая слезы. Я въ первый разъ былъ одинъ на широкомъ свѣтѣ, и меня везли куда-то очень, очень далеко, куда-то въ школу, къ нѣмцамъ, въ какой-то городокъ Венденъ. Я слышалъ, что эта школа славится, но что такое нѣмцы, что такое собственно школа, — я объ этомъ имѣлъ смутное представленіе. Долго длилось путешествіе. Пришлось ѣхать въ томъ же дилижансѣ около 400 верстъ, потому столько же на перекладныхъ. Какое разнообразіе впечатлѣній для одиннадцатилѣтняго мальчугана, ни разу въ жизни еще не покидавшаго семьи! По временамъ было жутко и страшно, но пестрое разнообразіе мелькавшихъ мимо меня ландшафтовъ, освѣщенныхъ утреннимъ или полуденнымъ солнцемъ или подернутыхъ вечерними тѣнями, станціонныхъ домовъ, деревень, городовъ не давало опомниться, глазъ еле успѣвалъ схватывать вѣшнія очертанія всего, что попадалось на пути. Ковно, Шавли, Россіены, Митава, Рига — все это промелькнуло, точно во снѣ, и я былъ уже въ Венденѣ; но и Венденъ только промелькнулъ, и не успѣлъ я опомниться, какъ телѣжка остановилась у большого одноэтажнаго строенія съ мезонинами, и меня окружила толпа мальчиковъ, съ видимымъ любопытствомъ осматривавшихъ ново-пріѣзжаго товарища. Съ какою готовностью они помогли мнѣ выбраться изъ телѣжки вмѣстѣ съ моимъ скуднымъ багажемъ, забрасывая меня вопросами на нѣмецкомъ языкѣ, который я тогда плохо понималъ, и, не получая отвѣта, поощряли меня легкими пинками поскорѣе войти въ комнату. На встрѣчу мнѣ вышелъ сѣдой старичекъ съ орлинымъ носомъ и беззубымъ ртомъ, но плотный, коренастый, свѣжій, какъ херувимчикъ. Это былъ директоръ, знаменитый Голандеръ, основатель учебнаго заведенія Биркенру, славившагося у нѣмцевъ во всѣхъ концахъ Россіи и привлекавшаго подъ свою гостепріимную кровлю не однихъ только нѣмцевъ, но и не мало поляковъ и русскихъ. Короткіе, добродушные разпросы, нѣсколько поощрительныхъ словъ со стороны самого директора и его старушки-жены, — и я былъ отданъ товарищамъ на сѣденіе. Но не долго тѣпились они надо мною. Быстро я у нихъ перенялъ все, что было нужно, чтобы походить на нихъ, чтобы не давать повода къ насмѣшкамъ и подзатыльникамъ, — и пошла общая, хорошая товарищеская школьная жизнь. Ахъ, какая это была хорошая жизнь, и какъ она отличалась отъ школьной жизни теперешнихъ нашихъ гимназистовъ!

Мы жили не въ каменныхъ клѣткахъ, а среди широкаго простора полей и лѣсовъ, и намъ давали полную волю бѣгать, рѣзвиться, дышать воздухомъ, не подвергали постоянной регламентаціи, постоянному стѣсненію самостоятельности. Латынью мы достаточно занимались, больше, чѣмъ ею занимаются наши гимназисты,

но она намъ отвращенія не внушала, напротивъ, мы ее любили и по большей части полюбили на всю жизнь. Подтверждаетъ это примѣръ Фета, который получилъ первоначальное гимназическое образованіе въ однородномъ лифляндскомъ учебномъ заведеніи, былъ блестящимъ русскимъ офицеромъ, домовитымъ сельскимъ хозяиномъ и однимъ изъ свѣтилъ нашей поэзіи, но классикамъ остался вѣренъ до конца жизни. Латынь насъ не заѣдала и оставляла намъ много свободнаго времени для гимнастики, игръ, привольнаго житья на лонѣ природы. Всякое время года имѣло свои развлечения: зимою коньки и салазки, весною и осенью мы устраивали облавы на «дикихъ звѣрей» или «разбойниковъ» во образѣ товарищей. Всѣ воспитанники — а ихъ было около ста — принимали участіе въ этихъ облавахъ. И сколько физической ловкости, сколько выносливости требовалось, чтобы поймать «дикаго звѣря» или «разбойника», отличавшагося необычайною быстротою ногъ, или чтобы избѣжать всѣхъ опасностей бѣшеной погони и и спастись отъ преслѣдованія! Но любимымъ нашимъ развлеченіемъ были пѣшія экскурсіи, совершавшіяся ежегодно передъ наступленіемъ лѣтнихъ каникулъ. Воспитанники дѣлились на старшій и младшій возрасты. Старшій ходилъ обыкновенно за сто верстъ, на Двину, въ живописный Кокенгузенъ, гдѣ нѣкогда Іоаннъ Грозный велъ съ пасторами богословскія пренія объ евангелической вѣрѣ; а младшій — за сорокъ верстъ, въ Лифляндскую Швейцарію. То были праздничные дни. Съ пѣнями, военною выправкою мы рядами весело двигались по живописнымъ дорогамъ, и усталости не знали. Такъ я впервые попалъ въ Лифляндскую Швейцарію. Понятно, что при такой обстановкѣ, при такомъ настроеніи, наконецъ въ такіе годы я воспринялъ все чисто вѣшнимъ образомъ. Что означаютъ эти старья, старья развалины, такъ живописно красующіяся на неприступныхъ высотахъ, о чемъ онѣ говорятъ уму, какія чувства возбуждаютъ, — все это насъ не занимало. Не умѣли мы себѣ отдать отчета и въ живописномъ характерѣ развертывавшихся передъ нами пейзажей. Мы дышали полною грудью, пѣли пѣсни, взбирались на кручи, поддразнивали слабыхъ и усталыхъ, ночью засыпали, какъ мертвые, чтобы съ ранняго утра опять набѣгаться или взобраться на какую нибудь высоту, вскарабкаться на самую верхушку стѣны разваливашагося средневѣковаго замка. Помнится, что насъ особенно прельстила въ Зегевольдѣ одна горка, густо заросшая кустарникомъ и деревьями, необычайно крутая, такъ что, казалось, взобраться на нее не было никакой возможности. Но мы преодолѣли и эту трудность, и болѣе смѣлые изъ насъ оказались наверху. Въ мигъ они превратились въ осажденныхъ, а товарищи брали горку приступомъ. Завязалась свалка, многіе летѣли внизъ. И сколько было смѣха, веселья, досады и всякаго рода волненій! Ровно четыре года спустя,

на этой горкѣ, расчищенной и приведенной въ порядокъ, появились два дерева, окруженные чугуною оградой и снабженные надписью, что эти деревья посажены: одно императоромъ Александромъ II, другое—императрицею Маріею Александровною. Тридцать лѣтъ спустя, эти два дерева превратились уже въ довольно высокіе клены, но сосѣднія деревья все еще значительно возвышались надъ ними и представляли собою зрѣлище старой жизни сравнительно съ нарождавшеюся новой, а на нѣкоторомъ разстояніи отъ этого лѣсного уголка высокія полуразвалившіяся стѣны средневѣкового замка напоминали о какой-то еще болѣе древней жизни, таинственной и грозной.

Но въ золотые дни дѣтства я подобныхъ сопоставленій не дѣлалъ, а наслаждался вмѣстѣ съ товарищами удовольствіями минутнаго бытія. И такъ сильны были впечатлѣнія, вынесенныя тогда изъ пребыванія въ Лифляндской Швейцаріи, что, и тридцать пять лѣтъ спустя, она манила меня къ себѣ, и когда поѣздъ желѣзной дороги приближался къ Зегевольду, я ощущалъ невольное волненіе, опасаясь, какъ бы меня не постигло разочарованіе, какъ бы то, что рисовала мнѣ память въ такихъ заманчивыхъ краскахъ, не оказалось на дѣлѣ ничтожнымъ, не заслуживающимъ вниманія.

Я пріѣхалъ на станцію Зегевольдъ подъ вечеръ (по Балтійской желѣзной дорогѣ отъ Петербурга 16 часовъ ѣзды, плата 14 рублей 50 копеекъ—5 рублей 80 копеекъ, смотря по классу). Надо было тотчасъ же подумать о ночлегѣ, и мнѣ указана была гостиница около самой станціи. Я ожидалъ, что ночлегъ будетъ не вполне удобный. Но оказалось, что меня помѣстили прекрасно, и на другой день, когда я разстался съ гостиницею, и мнѣ подали счетъ, я былъ удивленъ дешевизною. Достаточно сказать, что за номеръ пришлось мнѣ заплатить 60 копеекъ, а за порцію чаю со сливками и хлѣбомъ, которой хватило бы на четверыхъ, 20 копеекъ. Съ такими цѣнами мы въ Россіи не знакомы. Но если прибавить, что комфортъ, чистота, свѣжесть и доброкачественность провизіи и сервировка могутъ удовлетворить даже прихотливаго человѣка, то вы представите себѣ, какъ я былъ пріятно удивленъ. Особенно же меня поразило, что эта гостиница собственно была не чѣмъ инымъ, какъ постепенно разросшеюся и приведенною въ образцовый порядокъ деревенскою корчмою. Всѣ другія гостиницы въ Лифляндской Швейцаріи—того же происхожденія, и тѣмъ не менѣе вы можете смѣло довѣриться имъ, не опасаясь натолкнуться на чтонибудь, соответствующее нашимъ понятіямъ о русскомъ постояломъ дворѣ. Впрочемъ, объ этомъ рѣчь впереди. Уже вечеромъ я бросилъ взглядъ на окружающую меня мѣстность: ничто не предвѣщало красотъ природы, которыхъ я ожидалъ. Ровная, плоская мѣстность, прекрасно воздѣланныя поля, всюду образцовый порядокъ, но о живописныхъ ландшафтахъ ни помину. То же впечатлѣ-

ніе я вынесъ и утромъ, когда собрался въ путь и разстался съ гостиницею, подкрѣпивъ себя раннимъ завтракомъ. Мнѣ подали нѣсколько архаическую, но удобную линейку, и я отправился въ путь. Пришлось ѣхать не болѣе десяти минутъ, и я былъ уже у красиваго вѣзда въ имѣніе князя Крапоткина—Зегевольдъ. Мнѣ хотѣлось сразу провѣрить свои впечатлѣнія и бросить взглядъ на знаменитыя развалины. Миновавъ красивую аллею подстриженныхъ акацій, разныя службы и усадьбу-дворецъ, я очутился передъ входомъ въ развалины. Это были нѣсколько подновленные ворота въ зегевольдскій замокъ, бывшую резиденцію командора Ордена Меченосцевъ, построенную въ началѣ XIII вѣка. На этихъ воротахъ красовался, однако, представляя съ ними странный контрастъ, русскій княжескій гербъ: очевидно, владѣлецъ не хочетъ допустить сомнѣнія, что эти древнія развалины принадлежатъ именно ему. Впрочемъ, на нѣкоторомъ разстояніи вправо онъ изобразилъ на верхушкѣ высокой стѣны красный крестъ Ордена Меченосцевъ, и такимъ образомъ отдалъ должное и прежнимъ владѣльцамъ замка. Но вотъ я взошелъ на плато, на которомъ расположены останки прежней рыцарской твердыни, и очарованнымъ моимъ взорамъ представилось по-истинѣ великолѣпное зрѣлище. Утреннее солнце заливало свѣтомъ всю долину. Глубоко внизу извивалась рѣка, проглядывая только въ немногихъ мѣстахъ изъ зелени возвышавшихся широкими уступами вѣковыхъ деревьевъ. Какая богатая растительность, какіе переливы всевозможныхъ оттѣнковъ зелени, какой широкой кругозоръ! Скрываемая въ началѣ богатою растительностью дорога ниже кое-гдѣ ярко прорѣзывалась своимъ кирпичнымъ цвѣтомъ и вела къ парому. Лошади и люди казались тамъ, глубоко внизу, такими крошечными. А за рѣкою снова возвышались вѣковыя деревья, громадными уступами и стройными куполами достигали такой же высоты, скрывая противоположный берегъ и прельщая глазъ новыми сочетаніями оттѣнковъ зелени. Направо, вдали, надъ этимъ моремъ зелени виднѣлась одинокая Трейденская башня, господствуя надъ всею долиною, словно забытый вѣками часовой. Красный ея цвѣтъ, однако, роднилъ ее съ берегами рѣки, съ ея пещерами, тоже красными, какъ будто обогранными кровью тѣхъ безчисленныхъ воиновъ, которые сражались на этихъ неприступныхъ возвышенностяхъ и въ этихъ глубокихъ ущельяхъ. Налѣво, сквозь листву, также на противоположномъ берегу красиво бѣлѣли дорическія колонны Кремонскаго замка съ его зеленою крышею, придавая этой части берега оттѣнокъ миловидной современности. Но около васъ, за вами лежали груды камней, извѣденныхъ временемъ, возвышалась исполинская стѣна съ остатками громадныхъ готическихъ оконъ, и все это производило какое-то одуряющее впечатлѣніе: глубокая древность сливалась съ упоительною природою, съ безконечными потоками ослѣпительнаго свѣта,

съ воспоминаніями о прошломъ, съ неотвязчивыми вопросами, съ усиліемъ мысли обнять, уяснить себѣ смыслъ всего окружающаго,— судьбу этого очаровательнаго уголка. Красный часовой издали зорко слѣдилъ за вами; васъ окружали развалины съ краснымъ крестомъ Меченосцевъ; въ сторонѣ вы чувствовали присутствіе громадной помѣщицкѣй усадьбы; вдали, на противоположномъ берегу вы видѣли красивое зданіе, стройное, какъ древне-греческій храмъ, а глубоко внизу стояла одинокая избушка съ черепичною крышею, гдѣ, очевидно, жилъ потомокъ того народа, надъ которымъ властвовали обитатели средневѣковыхъ замковъ и наслѣдіемъ котораго завладѣли съ оружіемъ въ рукахъ или мирною куплею-продажею предки нынѣшнихъ хозяевъ окружавшей васъ роскошной природы. А направо, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ, скрытая отъ взора обломками старины и богатою растительностью, была та горка, которую мы, мальчуганы, тридцать пять лѣтъ тому назадъ брали приступомъ, и на которой теперь красовались два еще молодыхъ клена въ чугунныхъ оградахъ.

Но мнѣ некогда было предаваться всѣмъ этимъ размышленіямъ. Красота окружавшаго меня уголка разбѣяла мои сомнѣнія; я рѣшилъ провести здѣсь не одинъ день; надо было подумать объ удобномъ пристанищѣ въ самомъ центрѣ этихъ очаровательныхъ мѣстъ. Я спустился внизъ, и мой возница повезъ меня въ Кремонъ, гдѣ, какъ я слышалъ, находится лучшая гостиница-пансіонъ. По дорогѣ я продолжалъ наслаждаться видомъ на рѣку. Было недалеко, но ѣхать пришлось долго. Надо было осторожно спускаться по крутой дорогѣ внизъ, пока мы, наконецъ, добрались до парома. И мой возница, и паромщикъ исполняли каждый свои обязанности вяло, флегматично, хотя въ то же время акуратно и увѣренно. Казалось, что эти люди прошли тяжелую жизненную школу, что ихъ трудно чѣмъ нибудь удивить или озадачить, что они несутъ свою долю со смиреніемъ, но не безъ надежды на лучшее будущее. Медленно перебиралъ паромщикъ канатъ, и когда мы были на той сторонѣ рѣки, онъ принялъ отъ меня удвоенную плату равнодушно; весь его видъ какъ бы говорилъ: «не въ этомъ сила». Начался вѣздъ на другой, столь же крутой берегъ рѣки. Миновали мы избушку съ красною черепичною крышею; оказалось, что это уютный, хорошо обставленный домикъ съ огородомъ, цвѣтами, фруктовымъ садикомъ. Теперь дорога дѣлала нѣсколько изгибовъ, чтобы избѣжать крутыхъ подъемовъ и спусковъ. Но, тѣмъ не менѣе, приходилось ѣхать шагомъ. Я не вытерпѣлъ и, вспомнивъ молодость, сталъ быстро подниматься пѣшкомъ по крутой тропинкѣ, сокращавшей дорогу на половину. Но скоро пришлось остановиться и дожидаться возницу. Не хватало воздуха, хотя его было такъ много: молодость прошла. Проѣхали мы подъ кремонскими развалинами и подъ двумя пѣшеходными мостиками, изъ которыхъ второй, носящій названіе

Чортова мостика, перекинуть на страшной высотѣ. Еще маленькое усиліе, и мы были наверху, у самого кремонскаго «Швейцарскаго домика».

Переговоры съ хозяевами длились недолго. Плата составляла 1 рубль 50 копеекъ въ сутки. Отведенная мнѣ комната оказалась во всѣхъ отношеніяхъ уютною и приличною. Мѣстоположеніе пансіона не оставляло желать ничего лучшаго. Окруженъ онъ зеленью, находится въ самомъ паркѣ съ его роскошными вѣковыми деревьями, прекрасными дорожками, павильонами, скамейками. Одно меня только пугало: это—дешевизна платы. Но опасенія мои оказались совершенно излишними. Такой обильный, здоровый и вкусно приготовленный столъ и въ лучшихъ европейскихъ гостиницахъ имѣть трудно. Словомъ, оказывалось, что за 45 рублей въ мѣсяцъ можно жить на всемъ готовомъ, въ чудной мѣстности, съ большимъ комфортомъ. Я съ любопытствомъ поглядывалъ на хозяина и хозяйку этого заведенія. И оно выросло изъ простой деревенской корчмы. Не смотря на нѣмецкую свою фамилію, хозяева были латыши. Но какъ они сумѣли обставить свое заведеніе, какъ хорошо они хозяйничали тутъ, въ двухъ шагахъ отъ грозныхъ развалинъ, свидѣтельствовавшихъ о бывшемъ богатствѣ, могуществѣ и величіи исчезнувшихъ властителей страны!

Обѣдъ былъ назначенъ въ половинѣ второго. Времени мнѣ оставалось мало. Я успѣлъ только посмотрѣть на кремонскія развалины, на дворецъ княгини Ливенъ, такъ живописно виднѣвшійся съ противоположнаго берега, и настала пора явиться въ общую столовую и взглянуть на остальныхъ гостей кремонскаго «Швейцарскаго домика».

Когда я вошелъ въ столовую, всѣ сидѣли уже за отдѣльными маленькими столиками. Общество было невелико, но разнообразно. Направо отъ входа грузно разсѣлся широкоплечій и тучный православный священникъ съ лысиною во всю голову, возлѣ него—барышня лѣтъ подъ тридцать, въ наглухо застегнутомъ скромномъ черномъ платьѣ, съ короткими волосами, плохо мирившимися съ обыкновенною женскою прическою, въ золотыхъ очкахъ. За другимъ столикомъ сидѣлъ коренастый, упитанный нѣмецъ, самодовольный, съ увѣренными движеніями, а возлѣ него сѣдая, но краснощекая старая дѣва съ передними зубами, торчавшими точно клыки. За третьимъ столикомъ сидѣли двое молодыхъ людей, весьма приличныхъ, но, очевидно, нервныхъ, худосочныхъ. Четвертый столикъ былъ накрытъ для меня. Войдя въ столовую, я сдѣлалъ общій поклонъ, на который священникъ мнѣ не отвѣтилъ, должно быть, по привычкѣ къ подобнымъ церемоніямъ. Самоувѣренный нѣмецъ кивнулъ мнѣ головой, словно говоря: «хорошо, хорошо», а нервные молодые люди низко наклонились надъ столомъ. Я занялъ свое мѣсто,

очень удобное для наблюденій надъ окружавшимъ меня обществомъ. Всѣ говорили вполголоса; доминировалъ, однако, басъ самоувѣреннаго нѣмца, иногда прерываемый слегка надтреснутымъ теноркомъ тучнаго священника. Первые молодые люди молчали. Но ими-то я главнымъ образомъ интересовался. Остальные гости «Швейцарскаго домика» принадлежали къ типамъ, мнѣ хорошо извѣстнымъ, окончательно установленнымъ, хотя разновидностей ихъ встрѣчается великое множество. Что могъ представлять новаго этотъ тучный, лысый священникъ съ его флегматичнымъ, надтреснутымъ теноркомъ? Занималъ меня развѣ только вопросъ: какъ онъ попалъ сюда, въ Лифляндскую Швейцарію, въ общество туристовъ? Такою же ординарною представлялась мнѣ сидѣвшая возлѣ него барышня, съ брезгливостью во взглядахъ и движеніяхъ, очевидно, его родственница, побывавшая уже на какихъ нибудь курсахъ, или, по крайней мѣрѣ, помечтавшая о томъ, чтобы на нихъ побывать, и представлявшая собою самый заурядный типъ интеллигентной барышни изъ духовнаго званія. А упитанный, самоувѣренный нѣмецъ? Кто не встрѣчался съ этимъ сортомъ людей въ Ригѣ, Петербургѣ, Москвѣ, или гдѣ нибудь въ провинціи? Вездѣ они одни и тѣ же; вѣчно они довольны собою, ни въ чемъ не сомнѣваются, хорошо знаютъ, какъ имъ быть, что дѣлать, вѣчно при нихъ состоитъ восторгающаяся ими жена, тетка или племянница изъ старыхъ дѣвъ, и вѣчно они одинаково несносны. Но что изображаютъ собою эти двое молодыхъ людей, на видъ апатичныхъ, но въ сущности нервныхъ, равнодушныхъ, чего-то высматривающихъ, ожидающихъ? На первый взглядъ трудно было даже угадать, къ какой они принадлежатъ національности? Одѣты они были весьма прилично, оба были бѣлокуры, а у одного, не смотря на молодость, обрисовывалась даже лысина. Но покрой ихъ платья, нѣсколько мѣшковатаго, спитаго, очевидно, однимъ портнымъ, и въ особенности ихъ своеобразныя фуражки изъ темно-синяго сукна, лежавшія на подоконникѣ, не допускали сомнѣнія, что они — нѣмцы, и притомъ нѣмцы остзейскіе. Вотъ они-то меня больше всего занимали, можетъ быть, потому, что остальные, какъ типы собирательные, мнѣ были уже слишкомъ хорошо извѣстны.

Когда обѣдъ кончился, молодые люди подошли къ самоувѣренному нѣмцу и старой дѣвѣ, какъ къ добрымъ знакомымъ.

— Вы и сегодня въ Трейденъ? — спросилъ дѣйствительно по-нѣмецки одинъ изъ нихъ, обращаясь къ дамѣ.

— Ахъ, да, — отвѣтила она, и все ея лицо выразило восторгъ. — Сколько разъ я тамъ уже была и все не могу налюбоваться. Этотъ видъ изъ Окна, какъ онъ романтиченъ. Вѣдь это божественно.

— Но и видъ изъ здѣшней бесѣдки великолѣпенъ, — возразилъ самоувѣренный нѣмецъ: — и представляетъ то удобство, что не надо бѣжать за три версты. Впрочемъ, — добавилъ онъ: — я видѣлъ на

дворѣ линейку, она насъ свезетъ. Для тебя, дорогая Минна, мнѣ не жалѣ потратиться на извозчика.

Краснощекая Минна съ признательностью взглянула на самоувѣреннаго нѣмца. Компанія продолжала бесѣдовать въ томъ же духѣ. Тѣмъ временемъ священникъ съ «вѣчною курсисткою», какъ я ее мысленно назвалъ, успѣли уже уйти. Я послѣдовалъ ихъ примѣру и, отдохнувъ немного у себя въ комнатѣ, отправился осматривать окрестности.

Прежде всего мнѣ хотѣлось ближе ознакомиться съ кременскимъ паркомъ. Выходя изъ дому, я встрѣтился съ нашею хозяйкою и сказалъ ей комплиментъ относительно обѣда.

- Это—тонкій поварской обѣдъ.
- Да, мы держимъ повара,—отвѣтила она просто.
- Значитъ, у васъ посѣтителей бываетъ очень много.
- Смотря по погодѣ. Въ дождливое лѣто у насъ бываетъ и пусто.

— Какъ же вы тогда справляетесь?

— Приходится трудно: еле сводимъ концы съ концами. Да и арендная плата очень высока, и ее опять хотятъ повысить.

Я пожалѣлъ хозяйку, и мы разстались. Но, проходя мимо дворца, я невольно подумалъ, что туристы, значить, обязаны тѣми удобствами, которыми они пользуются при посѣщеніи этого прелестнаго уголка, единственно предприимчивости и выдержкѣ латышей, и что владѣльцы его не только не пріохочиваютъ, но скорѣе отваживаютъ посѣтителей; оно, конечно, для нихъ спокойнѣе: туристы вѣдъ любить пошумѣть, повеселиться.

Подойти ко дворцу мнѣ не удалось: туристы туда не допускаются. Я спустился внизъ, любуясь роскошною растительностью, этими вѣковыми дубами и ясенями, не смотря на свой неимовѣрный ростъ, не достигающими вершины горы, съ которой я только что спустился. А между тѣмъ рѣка виднѣлась еще глубоко подо мною. Меня окружала прохлада, тѣнь; зато противоположный гористый берегъ былъ залитъ лучами свѣта, и когда я миновалъ искусственный водопадъ, расположенную подъ нимъ нижнюю бесѣдку, красивый мостикъ и, пройдя нѣсколько сотъ шаговъ вверхъ, оказался у скамейки съ открытымъ видомъ, я не могъ оторвать взора отъ по истинѣ романтическаго зрѣлища возвышавшихся передо мною зегевольдскихъ развалинъ, этихъ полуобрушившихся, но все еще величественныхъ стѣнъ грозной средневѣковой твердыни, возлѣ которыхъ новомодный дворецъ, не смотря на большіе его размѣры, все-таки ступшеывался и производилъ развѣ впечатлѣніе выскочки, поддѣлывающагося подъ старину и тѣмъ только изобличающаго дурной свой вкусъ. Налюбовавшись этимъ видомъ, я пошелъ дальше, и мнѣ пришлось спускаться по безконечной крутой лѣстницѣ, пока я наконецъ не достигъ роскошнаго луга у рѣки. Дорожка вела

вдоль рѣки, представляя безконечное разнообразіе прелестныхъ видовъ. Разъ какъ-то я оглянулся назадъ и даже вздрогнулъ отъ неожиданности: за мною наблюдалъ весь залитый лучами солнца одинокій трейденскій часовой, наблюдалъ внимательно, зорко: очевидно отъ его взора ничто не ускользало. Такъ онъ наблюдалъ за всѣмъ, что происходило въ окрестностяхъ, уже почти семь вѣковъ, и сто лѣтъ тому назадъ могъ наблюдать еще зорче, потому что былъ еще на двѣ сажени выше, хотя и теперь еще онъ на тринадцать сажень возвышается надъ той высокой горой, на которой стоитъ неподвижно столько вѣковъ. Чего онъ только не видѣлъ, какой лютой, страстной борьбы не былъ свидѣтелемъ! На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ теперь стоитъ, возвышалась нѣкогда твердыня латышскаго князя Добреля, защитника того народа, которому по праву принадлежала эта чудная долина. Но вотъ явились Меченосцы и, распространяя въ странѣ христіанство, желѣзною рукою поработили этотъ народъ и, соорудивъ новыя твердыни для увѣковѣченія своего господства, поставили на вѣчныя времена этого стража своей безопасности. Съ тѣхъ поръ прекрасная долина то и дѣло наполнялась ратными людьми, ведшими здѣсь борьбу на жизнь и смерть: дрались здѣсь и литовцы, и поляки, и шведы, и русскіе. Но наконецъ борьба эта стихла: пушечный громъ, ружейная пальба, зловѣщее звяканье холоднаго оружія давно уже не оглашаютъ этихъ мирныхъ мѣстъ. Чего же онъ все еще ожидаетъ, чего высматриваетъ? Неужели онъ съ своей высоты не видитъ тѣхъ, правда, еще маленькихъ, но уже крѣпкихъ и стройныхъ кленовъ, которые растутъ тамъ, на противоположномъ берегу, этого символа воскресшей истинно-народной жизни, зародившейся 19-го февраля 1861 года и широкою волною распространившейся и на эту мирную долину съ ея воспоминаніями о другомъ времени, о другой жизни, запоздалымъ представителемъ которой является этотъ безмолвный часовой?

Долго не могъ я оторвать взора отъ башни, всюду какъ бы сопровождавшей меня отдаленными воспоминаніями и неожиданно встрѣчавшей меня какимъ-то смутнымъ вопросомъ. Прелестный видъ долины какъ бы утратилъ для меня обаяніе. Я весь находился подъ впечатлѣніемъ нахлынувшихъ на меня далекихъ воспоминаній. Но тропинка постепенно удалялась въ лѣсную чащу, и вдругъ надо мною стали возвышаться какія-то красныя громады, безпорядочно сваленныя груды песчаника: отвѣсныя скалы, на вышинѣ которыхъ росли сосны и ели, составляли фонъ; отъ нихъ то здѣсь, то тамъ оторванные куски загромаждали тѣсное пространство между рѣкою, присутствіе которой только чувствовалось, и этими громадами, отдѣлявшими васъ отъ всего міра. Тутъ же вы наталкивались на темную пещеру, заросшую густою зеленью, и жутко было войти въ эту пещеру, гдѣ, казалось, нависшія надъ вами скалы

могутъ васъ навсегда похоронить. Чѣмъ дальше я подвигался впередъ, тѣмъ больше передо мною нагромождалось этихъ красныхъ скаль. Затѣмъ тропинка стала круто подниматься и все суживалась; рѣка была уже тутъ, у вашихъ ногъ; казалось, еще нѣсколько неосторожныхъ шаговъ, и вы провалитесь въ глубину. Идти ли дальше или повернуть назадъ? Я стоялъ еще въ раздумьи, какъ вдругъ изъ-за стѣны появилась какая-то крупная фигура въ длинномъ одѣяніи. Это былъ православный священникъ, тотъ самый батюшка, съ которымъ я обѣдалъ; только лысину его теперь скрывала соломенная шляпа. Кому нибудь изъ насъ двоихъ надо было повернуть назадъ, такъ узка была тропинка.

— А, и вы гуляете?—обратился онъ ко мнѣ съ умильною улыбкою, точно во мнѣ заискивалъ. — Какія страшныя мѣста; но и красиво!

— Да, хорошо, — отвѣтилъ я и повернулся, чтобы отойти нѣсколько шаговъ и пропустить батюшку.

— Надолго пріѣхали?

— Да вотъ хочу осмотрѣть Лифляндскую Швейцарію.

— Я здѣсь уже не впервые. Близко отсюда мой приходъ, тамъ, вверхъ по рѣкѣ. Нонче племянницу привезъ, ей показать, все скучаетъ.

«Вѣчная курсистка» показалась изъ-за широкой спины батюшки.

Я обратился къ ней:

— И вамъ здѣсь понравилось?

Она не то удивленно, не то насмѣшливо взглянула на меня.

— Не большая я, признаться сказать, охотница до природы, въ особенности до такой природы: не успѣли развалиться старые замки, какъ появились новые: одни господа смѣнились другими, а народъ все стонетъ...

Не было сомнѣнія, что я не ошибся, съ кѣмъ имѣю дѣло.

— Вы, конечно, хорошо знакомы съ латышскимъ народомъ? При дядѣ постоянно живете?

— Нѣтъ, — поспѣшно отвѣтилъ за нее батюшка, — она только что пріѣхала изъ Питера на побывку. Начала барышня моя скучать тамъ, въ Петербургѣ, да и здоровьемъ не крѣпка, поразстроилась. Вотъ я ее и развлечъ вздумалъ, да не сумѣлъ...

— Стоитъ ли обо мнѣ говорить, — сердито ввернула племянница. — Есть и поинтереснѣе сюжеты.

— Не сердись, не сердись, милочка, — успокоивалъ ее батюшка. Но она уже прошла впередъ, находя, должно быть, что и разговоръ, и новый собесѣдникъ не особенно интересны. А батюшка покачивалъ головой.

— Бѣдная, бѣдная, — вырвалось у него. — Вы меня извините; я простой человѣкъ и попросту говорю. Тамъ, въ Россіи, все съ му-

жиками возился, да и здѣсь все больше приходится съ мужиками.. съ куль-тур-ны-ми,—протянулъ онъ какъ-то странно:—какъ будто нѣмцы, да не нѣмцы, какъ будто православные, да не православные; и мало ихъ что-то. Церковь хорошая, ничего сказать не могу, а только тоска, охъ, тоска. Вотъ племянница тоскуетъ, а гдѣ мнѣ-то ее развлечь, самому тошнехонько.. Радъ познакомиться. Вы домой? Или пройдетъ дальше?—И, замѣтивъ, что я собираюсь дальше, онъ привѣтливо закивалъ мнѣ головой:—Увидимся ужю, увидимся.

Мы разстались. Я собственно дальше не собирался; но встрѣча съ священникомъ была мнѣ не особенно пріятна. Другимъ занята была моя мысль. Однако, когда онъ удалился, слова его, точно пропущенныя мною безъ вниманія, воскресли въ моей памяти съ какимъ-то назойливымъ упорствомъ. Находились ли они въ связи съ тѣмъ, о чемъ я думалъ? «Нѣмцы не нѣмцы; православные не православные; культурные». Батюшка какъ будто досадовалъ на нихъ, но больше жалѣлъ о себѣ. Надо съ нимъ пообстоятельнѣе поговорить,—подумалъ я. Да и племянница вдругъ заинтересовала меня. Подъ трескомъ заученныхъ фразъ мнѣ послышалось истинное горе, какая-то безнадежность: я догадывался, что не доля народа вообще и латышскаго въ частности ее сокрушаетъ, а что въ жизни ея произошла любовная драма, какія часто происходятъ въ жизни «вѣчныхъ курсистокъ». Надо и съ нею ближе сойтись,—подумалъ я еще и съ этою мыслью выбрался изъ царства красныхъ скалъ въ привѣтливую зелень заливныхъ луговъ съ громадными вѣтвистыми дубами. Солнце по временамъ скрывалось. Очевидно поднялся вѣтеръ, хотя онъ здѣсь, за исполинскою горною стѣною, не чувствовался. Но облака на небѣ неслись быстро, и это придавало новый видъ пейзажу. Я прошелъ еще нѣсколько шаговъ, вышелъ изъ группы деревьевъ, и снова предо мною стоялъ часовой. Но онъ уже не наблюдалъ за мною. На него надвигались тѣни, и отъ ихъ мельканія онъ казался чѣмъ-то встревоженнымъ. Что его тревожило? Солнце, очевидно, садилось; на долину надвигались сумерки; они сгущались отъ столпившихся на западѣ тучъ, которыхъ я не видѣлъ, но которыя я чувствовалъ. Я подумалъ, что пора возвратиться домой, и ускорилъ шагъ. По временамъ часовой опять освѣщался солнцемъ, затѣмъ опять тускнѣлъ, и, казалось, тревога его все усиливалась. Потомъ онъ совсѣмъ погрузился въ мракъ, виднѣлся какою-то черною массою, но вдругъ онъ весь загорѣлся огненнымъ, багровымъ пламенемъ. Такъ вотъ что его тревожило. Зоркій же у него глазъ! За сорокъ слишкомъ верстъ онъ увидѣлъ, какъ надвигалась на Венденъ великая русская рать подъ предводительствомъ самого Грознаго царя, какъ онъ жегъ города, какъ воины его безчестили нѣмецкихъ женъ и дѣвушекъ, какъ онъ сажалъ на колъ нѣмецкихъ дворянъ живыми и мертвыми, и какъ уцѣлѣвшіе со своими семействами въ паническомъ

страхъ спасались въ Венденскій замокъ, чтобы избѣгнуть ужасной участи, грозившей имъ отъ руки царя, вздумавшаго впервые проложить Россіи путь къ Балтійскому морю и уничтожить тѣ нѣмецкія твердыни, которыя скрывали отъ Россіи свѣтъ европейскаго солнца. И увидѣлъ трейденскій часовой, что нѣтъ и для дворянъ, засѣвшихъ въ Венденскомъ замкѣ, спасенія, увидѣлъ, какъ мужественный Бойсманъ бросилъ фитиль въ кучу пороха, какъ взлетѣлъ замокъ на воздухъ, и зарево этого пожара, этого взрыва, похоронившаго властителей страны, обогрило его, и даже самое отраженіе этого зарева было ужасно. Но вотъ оно потухло, померкъ багровый свѣтъ, и только попрежнему безпокоился часовой, чего-то страшась, чего-то выжидая. Чего тревожишься, часовой? Вѣдь Іоаннъ Грозный не вернется, и страшная «венденская кара» не повторится...

Когда я вернулся домой, всѣ уже отужинали. Я нѣсколько запоздалъ. Впрочемъ, я отчасти былъ этому радъ. Многообразіе впечатлѣній утомило меня, и я радъ былъ отдохнуть наединѣ. Такъ началась моя жизнь въ Кремонѣ. Ко многому еще предстояло присмотрѣться, ко многому прислушаться. На другой день я собирался ближе ознакомиться съ кремонскимъ паркомъ, а затѣмъ обстоятельно ознакомиться съ Зегевольдомъ, пробраться и въ Трейденъ. По экскурсіи одного дня я убѣдился, что ногамъ хватить работы надолго. И дѣйствительно разнообразіе прогулокъ съ новыми прекрасными видами или съ тѣми же видами, но съ разныхъ пунктовъ, придававшихъ имъ новизну, или въ различномъ освѣщеніи, было очень велико, и прошло болѣе недѣли, прежде чѣмъ я могъ себѣ сказать, что ничего существеннаго не упустилъ. Подробный осмотръ одного кремонскаго парка занялъ у меня три дня. Прогулка въ Чертову пещеру, на Суворовскій променады, спускъ къ рѣкѣ съ 320 ступенями, другой спускъ къ ручью, который отдѣляетъ Кремонъ отъ знаменитой Гутманской пещеры и Трейдена, съ его 380 ступенями, а затѣмъ зегевольдскій паркъ съ его разнообразными чудесными видами, и, наконецъ, Трейденъ, этотъ романтическій уголокъ, какъ бы созданный для поэтовъ, — сколько работы для ногъ и глазъ, сколько впечатлѣній, сколько наслажденія! Но когда все это было мною осмотрѣно, когда хотѣлось отрѣшиться отъ всѣхъ этихъ видовъ, чтобы вернуться къ нимъ съ новыми силами, я началъ уклоняться въ своихъ прогулкахъ въ сторону, въ луга, поля и лѣса, окружающіе долину Аа. Пѣшеходъ я хорошій и рѣдко утомляюсь. Меня занимало благоустройство имѣній, образцовый порядокъ, въ которомъ все содержится: нигдѣ никакихъ признаковъ того хищническаго хозяйства, которое такъ тяжело дѣйствуетъ на глазъ и сердце въ нашихъ деревенскихъ палестинахъ. Я часто удалялся очень далеко отъ гостепріимнаго

Бремена. Дни стояли жаркіе, и нерѣдко я подумываль о томъ, гдѣ бы освѣжиться глоткомъ молока. Такъ случилось однажды, что я съ горки увидѣль маленькій домъ, окруженный старымъ, но крѣпкимъ заборомъ. Самый домикъ и все вокругъ него утопало въ зелени. Я невольно вспомнилъ, какой ужасный видъ представляли всего тридцать пять лѣтъ тому назадъ избы латышей, курныя, черныя, гдѣ люди жили съ телятами и свиньями въ невообразимой грязи и вони,—люди, уже слишкомъ сорокъ лѣтъ пользовавшіеся личною свободою. Мало же сдѣлали для нихъ культурные нѣмцы. А за послѣднія десятилѣтія какая перемена!

Когда я подходилъ къ калиткѣ, я увидѣль передъ собою длинную дорожку съ клумбами цвѣтовъ по обѣимъ сторонамъ и услышалъ немолодой, но еще звонкій женскій голосъ, кричавшій:

— Яни! Яни!

Это была, очевидно, латышка, звавшая какого-то Ивана. На крикъ никто не являлся, и женщина вышла на балконъ, весь обросшій плющемъ. Я ее увидѣль точно въ зеленой рамкѣ. Она меня, должно быть, тоже замѣтила, хотя еще разъ крикнула: «Яни, Яни», но затѣмъ направилась ко мнѣ на встрѣчу. Я открылъ калитку и рѣшился войти. Женщина была вся въ черномъ, съ сѣрымъ передникомъ; все на ней было очень чисто, но и очень скромно. Я извинился и спросилъ, не дастъ ли она мнѣ молока.

— Заходите на балконъ. Сейчасъ принесу,—отвѣтила она коротко, но довольно привѣтливо. Я взошелъ на балконъ, а она удалилась куда-то въ сторону, и я слышалъ, какъ она еще нѣсколько разъ звала: «Яни, Яни». Я успѣлъ заглянуть въ комнату. И тамъ все содержалось въ образцовомъ порядкѣ, скромно, чисто, хотя и съ явными признаками комфорта. Мнѣ пришлось ждать недолго. Появилась хозяйка на этотъ разъ уже не одна, а въ сопровожденіи мальчика лѣтъ десяти, свѣтловолосаго, голубоглаваго, краснощекаго. Въ рукахъ у хозяйки былъ горшокъ молока, который она унесла въ комнату, затѣмъ вышла съ чистою скатертью, подносомъ, стаканомъ и хлѣбомъ и не торопливо, но увѣренно накрыла столъ и пригласила меня отвѣдать молока. Она сѣла тутъ же въ сторонкѣ, держа за руку мальчика, который не спускалъ съ меня глазъ.

— Славный у васъ мальчикъ!—замѣтилъ я.

— Да, онъ весь въ сестру; только та куда краше, моя ненаглядная.

Я весь превратился въ слухъ. Что-то знакомое послышалось мнѣ въ ея голосѣ, что-то очень знакомое. Я посмотрѣль ей въ глаза, и опять на меня пахнуло чѣмъ-то далекимъ, но очень знакомымъ. Гдѣ я видѣль эту женщину, гдѣ я слышалъ этотъ голосъ? Но сколько я ни напрягалъ памяти, я вспомнить ничего не могъ. Теперь я уже продолжалъ разговоръ, задавалъ вопросы, чтобы помочь своей памяти, чтобы рѣшить мучившій меня вопросъ.

— Вы лѣто и зиму живете здѣсь?
 — Ну, конечно.
 — Зимой скучно, холодно?
 — Нѣтъ, и не холодно, и не скучно. Въ комнатахъ у насъ меньше пятнадцати градусовъ не бываетъ («культурные» мужики, вспомнилъ я батюшку). А скучно—гдѣ же намъ скучать? Работы сколько! Да какъ вырастишь такую, какъ вонъ его сестра, такъ можетъ ли быть скучно?

О своей дочери она вспоминала съ такими нѣжными чувствами, что ея морщинистое лицо все озарялось какимъ-то внутреннимъ свѣжимъ, теплымъ чувствомъ: она словно молодѣла и еще болѣе мнѣ кого-то напоминала.

— Ваша дочь не живетъ уже съ вами? Она вышла замужъ?

— Нѣтъ, не вышла, а выходитъ. Теперь она живетъ въ Ригѣ, у дяди; тамъ теперь и женихъ, но повѣнчаются они здѣсь и здѣсь по близости поселятся. Какъ все хорошо сложилось, какъ хорошо! Могла ли я объ этомъ думать тогда?..

— То-есть, когда?

— Когда я еще была простою служанкой.

— Гдѣ же это было?

— Ахъ, вы, вѣроятно, пріѣзжай, нашихъ мѣстъ не знаете. Это было за сорокъ верстъ отсюда, подъ Венденомъ.

— Вы тамъ были служанкой?—спросилъ я и даже слегка привсталъ отъ осѣннвшей меня вдругъ мысли.

— Да, въ Биркенру: тамъ была школа,—отвѣтила она, нѣсколько изумленная моимъ живымъ любопытствомъ.

— Не зовутъ ли васъ Эммою?—спросилъ я еще.

— Ахъ, такъ вы меня знаете? А кто же вы сами?

Я ей весело улыбнулся въ отвѣтъ.

— Это было тридцать пять лѣтъ тому назадъ,—давно, очень давно. Мальчики, воспитывавшіеся въ Биркенру, вернулись съ прогулки въ здѣшнія мѣста. Директоръ ихъ такъ рано не ожидалъ и куда-то уѣхалъ, а воспитанники воспользовались этимъ и, какъ были въ смазныхъ сапогахъ, неумытые, пыльные, устроили тотчасъ же импровизированный балъ. Въ эти годы не устаешь! Танцовали мы, барчуки, да барышни, дочери директора. И вотъ одинъ изъ нихъ увидѣлъ васъ, такую свѣженькую, пухленькую, здоровенькую, какъ теперь ваша дочь, и добылъ изъ кучки прислуги, столпившейся въ дверяхъ, и протанцовалъ съ вами вальсъ,—да какъ! На славу!

По мѣрѣ того, какъ я говорилъ, лицо ея все прояснялось; она встала и протянула мнѣ обѣ руки.

— Ахъ, такъ это вы. Какъ я рада!—закивала она мнѣ головой.—Ну, а теперь,—прибавила она:—вамъ тѣмъ менѣе есть основанія меня стыдиться. Мой мужъ, правда, арендуетъ только вотъ

эту маленькую землицу, онъ—фурманъ; но дочь моя выходитъ замужъ за пастора. Онъ также изъ нашихъ, изъ крестьянъ, но доработался, и скоро будетъ говорить проповѣди намъ не нѣмецъ, а онъ... мужъ моей дочери.

Надо было видѣть и радость, и гордость этой женщины, чтобы понять, какой ей дочь устроила праздникъ.

— Гдѣ же ваша дочь воспитывалась?—спросилъ я.

— Больше при мнѣ,—отвѣтила фрау Эмма.—Я ее всему научила. Только послѣдніе два, три года она провела въ Ригѣ, въ школѣ. Но женихъ познакомился съ нею у насъ: они съ дѣтства знаютъ другъ друга. Онъ также заботился объ ея образованіи.

Мы еще долго бесѣдовали съ фрау Эммой, вспоминали далекое прошлое, говорили объ ея дочери, о томъ, какъ фрау Эмма ухитрилась съ мужемъ, арендуя поддесятины земли, прожить въ сравнительномъ довольствѣ, вырастить дочь, обзавестись такимъ милымъ хозяйствомъ. Она меня посвящала въ тайны своего хозяйства, но я немного въ нихъ понималъ или, лучше сказать, понималъ одно только: что человѣкъ, имѣющій опредѣленную цѣль и твердо стремящійся къ ней, совершаетъ въ жизни чудеса. На крошечномъ участкѣ земли выросло хозяйство, прокормившее семью, поражающее своимъ благоустройствомъ и взростившее будущую жену пастора. Я это понималъ и, прощаясь съ фрау Эммой и обѣщая ей скоро опять зайти, взглянулъ на нее съ чувствомъ глубокаго почтенія.

Но, когда я возвращался домой, я снова сталъ взвѣшивать вопросъ, какъ это она сумѣла справиться съ задачею, казавшеюся просто непосильною для человѣческаго существа. И только побывавъ у нея еще нѣсколько разъ и присмотрѣвшись, какъ она хозяйничаетъ, какъ у нея не пропадаетъ ни одна минута, ни одна пядь земли, ни одно мѣстечко въ домѣ, какъ все находитъ себѣ примѣненіе, какимъ разумнымъ расчетомъ все проникнуто, и какую массу трудолюбія, желѣзнаго упорства кладутъ и она, и ея мужъ въ свое хозяйство, я окончательно уяснилъ себѣ, что тутъ нѣтъ чуда, а есть только изумительная нравственная сила. И радовался я, какъ рѣдко радовался собственному счастью, награждѣ, выпавшей на ея долю въ лицѣ ея дочери, свадьба которой должна была состояться надняхъ въ трейденской церкви.

Тѣмъ временемъ я сошелся довольно близко съ моими товарищами по кремонскому «Швейцарскому дому». Приѣзжали и новые туристы, но по большей части на одинъ или два дня. Интереснаго они для меня мало представляли. Съ тѣмъ же обществомъ, которое я засталъ въ день моего приѣзда, я сошелся довольно коротко. Во время прогулокъ то съ самоувѣреннымъ нѣмцемъ и краснощекою Минною, то съ двумя нервными молодыми людьми, то съ батюшкой и его племянницею я узналъ всю ихъ подноготную. Всѣ

какъ-то со мною сошлись, и я составлялъ между ними объединяющій элементъ. Замѣтилъ я, что между собою они мало сходятся, даже нервныя молодые люди—съ самодовольнымъ нѣмцемъ, не говоря уже о батюшкѣ и его племянницѣ. Но мнѣ нерѣдко удавалось соединять ихъ въ общей прогулкѣ, при чемъ всѣ обращались ко мнѣ, какъ къ главному дѣйствующему лицу, какъ къ душѣ общества, хотя я больше слушалъ, чѣмъ говорилъ. Но слушалъ я внимательно, съ интересомъ. Оказалось, что самодовольный нѣмецъ состоитъ врачомъ въ одномъ изъ лифляндскихъ городовъ, что фрейлейнъ Минна приходится ему теткой, и что онъ ежегодно лѣтомъ ѣздитъ для нея то на морской берегъ, то въ Лифляндскую Швейцарію, то иногда и за границу, чтобы доставить ей нѣкоторое развлеченіе и вознагражденіе за труды и заботы, всецѣло посвященные ему и его домашнему благополучію. Изъ двухъ остзейскихъ Дюскурровъ, какъ я ихъ мысленно называлъ, потому что они никогда не разлучались, старшій Касторъ былъ прежде учителемъ исторіи, но когда закрылось частное учебное заведеніе, въ которомъ онъ преподавалъ, посвятилъ себя всецѣло какому-то историческому труду, издаваемому на счетъ эстляндскаго дворянства; Поллуксъ же не имѣлъ еще опредѣленнаго общественнаго положенія, хотя, какъ и его товарищъ, кончилъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ, объѣздивъ свою родину, побывавъ и въ Россіи для изученія русскаго языка, но пристроиться къ опредѣленному дѣлу онъ еще не успѣлъ. Вѣроятно, этому много способствовало то обстоятельство, что родители ему оказывали денежную поддержку. Молодые люди были между собою очень дружны, и, нужно сказать, что и складъ ума былъ у нихъ одинъ и тотъ же. Какое-то разочарованіе сквозило во всемъ, что они говорили и дѣлали. Это было не пресыщеніе жизнью, а какая-то словно прирожденная неспособность окунуться въ нее, жить ея злобами и удовольствіями. Хотя оба были воплощенные остзейскіе нѣмцы, но въ этомъ отношеніи они скорѣе напоминали русскихъ молодыхъ людей. Въ особенности меня поражалъ контрастъ между ними и самодовольнымъ нѣмцемъ съ его тетужкой. Тетужка то и дѣло находила въ самой жизни поводы къ радостному, даже слегка восторженному настроенію; самодовольный нѣмецъ тоже вполне пользовался удовольствіями жизни, хотя и въ болѣе прозаической, положительной формѣ. Молодые же люди на все фыркали, ко всему относились брезгливо. Теоретически они многое одобряли, многому сочувствовали и даже считали нужнымъ слегка горячиться, когда что нибудь возбуждало ихъ чувство остзейскаго патріотизма. Но сколько нибудь внимательный наблюдатель тотчасъ же убѣждался, что душа ихъ въ этихъ порывахъ не участвуетъ, что это—нѣчто заученное, какъ заучены были тѣ либеральныя фразы, которыми щеголяла «вѣчная курсистка». И можно было бы дать руку на отсѣченіе, что всѣ эти три лич-

ности, если бы онъ были приставлены къ дѣлу, которое находилось бы въ связи съ предметомъ ихъ краснорѣчивыхъ гражданскихъ изліяній, то исполняли бы его, можетъ быть, добросовѣстно, но безъ того внутренняго огня, который одинъ придаетъ смыслъ нашей общественной дѣятельности. Настоящей вѣры, что ли, въ нихъ не было, или же они не чувствовали твердой почвы подъ ногами? Интеллигентная дѣвица изъ духовнаго званія и отдаленные потомки тѣхъ рыцарей, которые сражались и устраивали гомерическіе пиры въ замкахъ, поверженныхъ теперь въ прахъ, представляющихъ теперь безформенную грудку камней, удивительно какъ были похожи въ этомъ отношеніи другъ на друга. Въ лучшемъ случаѣ они походили только на ту полусохранившуюся красную башню, которая привлекала къ себѣ невольно взоры, но въ сущности давно уже не жила самостоятельною жизнью. Куда ни направлялся туристъ, вездѣ онъ видѣлъ эту башню, но не она служила символомъ той новой, плодотворной жизни, которая зарождалась у ея подножія, въ новыхъ слояхъ, и давала уже весьма опутительные всходы. И, когда надъ башнею пробѣгали тѣни быстро несшихся облаковъ и тучъ, когда она словно оживала, чѣмъ-то тревожилась, чего-то трепетно ожидала, эта мнимая жизнь, эта неопредѣленная тревога, это внутреннее безпокойство невольно напоминали мнѣ то, что происходило въ душѣ отпрысковъ стараго остзейскаго рыцарства и «вѣчной курсистки». Все это были «романтическія тѣни», какъ выразился еще старикъ Гете, а не настоящая жизнь.

Какъ бы то ни было, мы все такъ сошлись, что, когда насталъ день или, точнѣе говоря, ночь свадьбы въ трейденской церкви, все общество рѣшило совершить сообща прогулку къ красной башнѣ, тѣмъ болѣе, что настали чудныя лунныя ночи, придававшія новое обаяніе и развалинамъ, и всей долинѣ.

Поужинавъ въ восьмомъ часу, мы тронулись въ путь. На этотъ разъ рѣшено было пройти мимо кремонскихъ развалинъ по живописной тропинкѣ, ведущей внизъ къ ручью, образующему глубокую боковую долину и отдѣляющему кремонскій и трейденскій горные берега. Сколько разъ я ходилъ по этой тропинкѣ и все не могъ налюбоваться ея красотами. Дикій характеръ имѣетъ тутъ паркъ съ его глубокими ущельями, на днѣ которыхъ струятся безчисленные ручьи, наполняя тишину отдаленнымъ журчаньемъ. Безконечные повороты то спускающейся, то вновь поднимающейся тропинки поражаютъ своими неожиданностями, страшатъ глубиною ущельевъ. И какое мирное, веселое, радостное впечатлѣніе производитъ ручей съ его красными берегами, яркою зеленью, когда выберешься, наконецъ, изъ этого дикаго царства! Вотъ мы миновали мостикъ и снова идемъ по дорожкѣ въ густомъ лѣсу. Приходится подниматься, но тутъ уже изрѣдка бываютъ просвѣты, и внизу видишь озаренную тихимъ вечернимъ свѣтомъ широкую зе-

леную долину. По временамъ виднѣется и проѣзжая дорога, соединяющая Зегевольдъ съ Трейденомъ. Всѣ мы обратили вниманіе на то обстоятельство, что по этой дорогѣ, обыкновенно довольно пустынной, теперь то и дѣло проходилъ народъ: крестьяне въ одиночку или цѣлыми группами, мужчины въ поярковыхъ шляпахъ, женщины въ бѣлыхъ платкахъ. Мѣстность какъ-то оживилась. Слышались голоса, ауканье, иногда доносился взрывъ смѣха. Мы продолжали нашъ путь. Долина опять скрылась за густою листовою деревьею, мѣстность принимала опять дикій и мрачный характеръ. Мы приближались къ Гутманской пещерѣ. Еще подъемъ, затѣмъ крутой спускъ, двѣ верхнія маленькія пещеры,—и мы были внизу. Остальная компанія направилась прямо въ пещеру, чтобы немного отдохнуть, а я отошелъ на нѣсколько десятковъ шаговъ, чтобы полюбоваться на разстояніи видомъ этой пещеры, которая при вечернемъ освѣщеніи особенно интересна. Да, это былъ исполинскій входъ съ изумительно правильнымъ сводомъ въ какое-то подземное царство, таинственное, мрачное, подъ нависшими со всѣхъ сторонъ громадными деревьями. Собственно на такомъ разстояніи эта гигантская красная стѣна съ ея громаднымъ чернымъ отверстіемъ производитъ наиболѣе сильное впечатлѣніе. Если же приблизиться, то иллюзія разрушается: пещера, по сравненію съ своими громадными размѣрами, недостаточно глубока. Когда я присоединился къ остальному обществу, оно предавалось обыкновенному занятію туристовъ, то-есть разбирало безчисленныя надписи, которыми украшены стѣны пещеры снизу до самаго свода, до такой высоты, что рѣшительно недоумѣваешь, какъ человекъ могъ туда забраться. Кто только тутъ себя не увѣковѣчилъ! Нѣкоторыя изъ надписей во многихъ отношеніяхъ весьма любопытны. Самая древняя изъ нихъ сдѣлана въ 1666 году, то-есть болѣе двухъ вѣковъ тому назадъ, и вполнѣ еще сохранилась. Одинъ изъ двухъ молодыхъ людей, Касторъ, отдѣлился отъ остального общества и какъ-то безнадежно смотрѣлъ на стѣну. Я уловилъ направленіе его взгляда и прочелъ слѣдующую надпись: «Врѣзывайте въ камень имена, а въ сердце—любовь къ родинѣ».

— Прекрасная надпись,—сказалъ я вполголоса историку.

Онъ обернулся, и меланхолическая улыбка заиграла на его устахъ. Затѣмъ онъ перевелъ взглядъ на самодовольнаго своего соотечественника и проговорилъ:

— Вотъ они любятъ родину и прекрасно въ ней устроиваются при всякихъ обстоятельствахъ.

Къ намъ подошелъ Поллуксъ. Онъ очевидно разслышалъ, что мы говорили, и въ свою очередь замѣтилъ:

— Да, ихъ разводится теперь все больше и больше. Бѣжать бы отъ этой любви къ родинѣ, бѣжать подальше, на край свѣта.

Подошелъ и самодовольный нѣмецъ.

— Ну, пора въ путь. Что тутъ сидѣть! Насмотрѣлись мы на эту пещеру.

— Ахъ, Генрихъ, какъ ты всегда прозаиченъ, — вмѣшалась краснощекая Минна.

Батюшка съ племянницей продолжали сидѣть въ отдаленіи.

— Пойдемте, пойдемте, — отозвался я. — Отдохнули; а любопытно взглянуть еще при догорающихъ лучахъ солнца на долину изъ трейденскаго Окна.

Мы вышли на проѣзжую дорогу, опережаемые по временамъ группами крестьянъ. Трейденская башня мирно догорала. Я попытался возобновить прерванный разговоръ съ молодыми людьми.

— Серьезно ли вы думаете, что любовь къ родинѣ изсякаетъ въ этомъ краѣ? Можно ли не любить такихъ чудныхъ мѣстъ?

Историкъ отвѣтилъ:

— Кто же и говоритъ, что мы меньше ее любимъ? Но насъ мало, — насъ, создавшихъ исторію этого края. Надвигаются враждебныя волны. Онѣ все сильнѣе напираютъ. Насталъ часъ расплаты. Что мы сдѣлали для народа? Мало, очень мало. И вотъ онъ отъ насъ отвертывается: мы все болѣе и болѣе теряемъ почву подъ ногами. Нашъ грѣхъ, нашъ великій грѣхъ!.. Не пустили мы достаточно глубокихъ корней и теперь вянемъ, чахнемъ...

Мы шли прямо на трейденскую башню. Не догорѣвъ еще, она вдругъ снова вспыхнула, но уже не багровымъ свѣтомъ, какъ тогда, а какимъ-то мягкимъ, розовымъ, сливавшимся съ яснымъ фономъ неба. Башня уже не смотрѣла на востокъ, она какъ будто вся стремилась на западъ, туда, откуда ее обдавало лучами потухавшаго свѣтила. Западъ ее соорудилъ: она съ нимъ прощалась, и это прощанье было озарено мягкимъ свѣтомъ любви, надежды...

Касторъ продолжалъ:

— Смотрите на нее: вотъ наше настроеніе, вотъ вѣрная картина нашей души.

А Поллуксъ подхватилъ:

— У меня есть товарищъ; онъ уѣхалъ въ Африку, къ боэрамъ, въ Трансвааль, и зоветъ меня. Непремѣнно поѣду. Что намъ здѣсь дѣлать?

Въ это время насъ обогнали два бодрыхъ пѣшехода. Шли они быстро, увѣренно. Мы невольно посторонились, чтобы дать имъ дорогу, и у cadaго изъ нихъ мы увидали на плечѣ по ружью съ длиннымъ стариннымъ стволомъ, какъ у древнихъ мушкетовъ. Я взглянулъ на этихъ двухъ молодыхъ, узналъ ихъ и удивился, — такъ они вдругъ преобразились. Это были паромщикъ и мой извозчикъ. Теперь они уже, очевидно, не исполняли только добросовѣстно своихъ обязанностей, а чѣмъ-то были воодушевлены. Вспомнилъ я выраженіе лица паромщика, когда далъ ему щедро на чай. «Не въ этомъ сила», — говорило тогда его лицо. А теперь онъ шелъ

куда-то совершать дѣло, въ которомъ, несомнѣнно, была «вся сила».

— Охотитесь они идутъ, что ли, — спросилъ я молодыхъ людей:—съ этими-то архаическими ружьями?

— Богъ ихъ знаетъ, — отвѣтили равнодушно Касторъ и Поллуксъ.

Мы поравнялись съ батюшкой,

— Однако, сколько народу!—обратился я къ нему.

— На свадьбу всё спѣшать, — отвѣтилъ батюшка нехотя.

— Положимъ, что свадьба пастора у нихъ своего рода событіе; но неужели всегда собирается такая масса народу?

— Нѣтъ, тутъ обстоятельства особыя, — пояснилъ батюшка.— Первое дѣло: пасторъ изъ латышей. Это впрочемъ не диковина; пасторовъ изъ латышей насчитывается уже нѣсколько въ губерніи. Но вотъ второй пунктъ существеннѣе будетъ. Латышъ, ужъ если онъ угодить въ пасторы, то лѣзетъ въ господа и невѣстухку себѣ выбираетъ изъ нѣмокъ, отъ народа отрещивается. А вотъ этотъ выбралъ крестьянку. Ну, такъ ужъ у нихъ настоящій праздникъ: и пасторъ, и пасторша—свои люди. Вотъ и собирается вся округа. Да это что! Одинъ латышъ рассказывалъ мнѣ, что такъ какъ невѣста бѣдна, и родители ей приданого дать не могутъ, то прихожане весь пасторатъ, пасторскій-то домъ, экипировали: всю мебель на шесть комнатъ, всякую тамъ утварь, посуду, все въ складчину купили, и домъ что-те полная чаша! А подижь-ка; казалось, что не изъ чего, — больше бѣднота. Кто трехрублевку, кто рублевку, а кто тамъ дастъ полтинникъ или двугривенный, смотришь — вышелъ цѣлый капиталъ. Приданое на славу, какое и богатый нѣмецъ дочери не могъ бы справиться. Такъ вотъ оно что! Эхъ, дѣла, дѣла... Послушайте, — прибавилъ онъ уже вполголоса и взялъ меня подъ руку, какъ добраго знакомаго: — вы тамъ, въ Петербургѣ, нашихъ дѣловъ не знаете. У насъ здѣсь пар-ті-и. Первая партія, — и онъ показалъ мнѣ свой жирный указательный палецъ, — нѣмецкая, все еще сила; вторая партія, — и онъ показалъ мнѣ два пальца, — русская, православная, тоже сила, есть на кого опереться; но третья, — и онъ сжалъ всё пальцы въ кулакъ, — это — латышская, и она, вспоминайте мое слово, самая настоящая. Пока нѣмецкая и русская поѣдають другъ друга, латышская дѣлаетъ дѣло, и сила у нея большая не только потому, что на весь народъ опирается, но потому, что изъ народа идетъ, изъ народа загнаннаго, забитаго, но приученнаго къ лукавству и умѣющаго напирать. Латыши пруть. Вонъ какъ они своего поддерживаютъ. Ну, а мы для нихъ чужаки. Хорошо, что у меня въ Петербургѣ рука есть; скоро получу приходъ въ Россіи. Уѣду, непременно уѣду...

Въ то время, какъ батюшка развивалъ мнѣ свою мысль, я вдругъ вспомнилъ далекое прошлое, и съ необычайною силою пред-

сталъ предъ моимъ умственнымъ взоромъ образъ давно забытаго человѣка въ такой же рясѣ, только тотъ былъ худъ, невзраченъ, значительно моложе. Живъ ли онъ еще? И, если онъ живъ, я шлю ему почтительный, задушевнѣйшій привѣтъ. Это былъ нашъ законоучитель подъ Венденомъ, въ Биркенру. Тогда не было поѣдающихъ другъ друга партій, была одна только всеильная партія, нѣмецкая. Помню, когда пріѣхалъ къ намъ въ училище тогдашній генераль-губернаторъ князь Суворовъ, другъ моего опекуна, онъ, узнавъ, что я нахожусь въ училищѣ, велѣлъ меня вызвать, но заговорилъ со мною, какъ со всѣми, понѣмецки и, только отозвавъ меня въ сторону и наклонившись надо мною, чтобы меня поцѣловать, рѣшился произнести нѣсколько словъ порусски. Такъ всеильно господствовала въ краѣ нѣмецкая партія. И вотъ пріѣхалъ нашъ законоучитель. Кого онъ замѣнилъ? Человѣка, хотя по душѣ и добраго, но недалекаго, малосвѣдующаго и очень преданнаго спиртнымъ напиткамъ, такъ что и въ училищѣ онъ очень рѣдко бывалъ. Когда онъ приходилъ, товарищи кричали презрительно: «попъ идетъ». Но вотъ явился новый законоучитель. Случилось, что зять директора, пасторъ, преподававшій въ старшемъ классѣ еврейскій языкъ тѣмъ ученикамъ, которые готовились къ поступленію на богословскій факультетъ, заболѣлъ. Новый нашъ законоучитель вызвался давать вмѣсто него уроки. Это всѣхъ изумило, и учителей, и учениковъ. Предложеніе было, однако, принято, и оказалось, что нашъ православный законоучитель знаетъ еврейскій языкъ гораздо лучше, чѣмъ пасторъ не у дѣлъ. Это извѣстіе всѣхъ ошеломило. Вскорѣ, помнится, къ нему стали часто обращаться сами нѣмцы за истолкованіемъ того или другого темнаго мѣста библіи. И, Боже мой, какъ измѣнилось отношеніе всего училища къ православному законоучителю! Когда онъ шелъ по двору въ школу, встрѣчавшіеся ему по пути ученики почтительно съ нимъ раскланивались, и ни одному изъ моихъ нѣмецкихъ товарищей не приходило и въ голову подсмѣиваться надъ нимъ... Говорили уже: «не попъ идетъ», а «русскій священникъ идетъ». И эта метаморфоза совершилась какъ-то внезапно, сама собою. А православный храмъ въ Венденѣ, прежде пустовавшій, теперь былъ слишкомъ тѣсенъ; въ большіе же праздники толпа не находила себѣ въ немъ мѣста, наполняла церковную ограду, и счастливы были тѣ латыши, которые могли прослушать задушевную, умную проповѣдь своего новаго пастыря.

Такъ было во время всеильнаго господства нѣмецкой партіи. Наплывъ этихъ воспоминаній мѣшалъ мнѣ слушать моего собесѣдника. Мы теперь уже подошли къ подножію горы, на которой стоитъ Трейденская башня. Какъ живописна дорога, въ началѣ точно вырубленная въ красномъ песчаникѣ и круто поднимающаяся вверхъ! Здѣсь было очень людно. Пѣшіе и конные двига

лись медленно, съ трудомъ преодолевая крутизну. Въ густой листьѣ было уже темно. Меня окликнулъ самодовольный нѣмецъ: «Сколько народу!» Мы пошли съ нимъ рядомъ. Нѣкоторые прохожіе кланялись ему. Вообще латыши очень вѣжливый народъ, а осанистая фигура доктора, должно быть, особенно располагала ихъ къ поклонамъ. Я шутливо обратился къ нему съ вопросомъ:

— Васъ здѣсь многіе знаютъ?

А онъ далъ мнѣ великолѣпный отвѣтъ:

— Я... никого не знаю, но меня знаетъ весь свѣтъ.

А фрейлейнъ Минна прибавила съ обычнымъ паэосомъ:

— Да, у моего племянника такъ много знакомыхъ.

— Не люблю я вообще латышей,—продолжалъ нѣмецъ. — Они грязны, лѣнливы, мало культурны. Но отчего не взглянуть на такой народный праздникъ?..

Я попытался было возразить, что успѣхи латышей за послѣднее время значительны, и что у нихъ теперь нарождается и самостоятельная литература; но меня тотчасъ же оборвала фрейлейнъ Минна:

— Латышская литература! Что вы, что вы! Какіе-то обрывки дѣтскихъ наивныхъ сказокъ. Я вѣдь знаю латышскій языкъ. О, не говорите объ этомъ вздорѣ. Научились бы читать повѣмки; вотъ у нихъ и была бы литература. Да какая! Нашъ Гете, нашъ Гейне, нашъ Шиллеръ,—что можетъ быть выше этого!

— Почему же они до сихъ поръ не научились читать повѣмки?—попробовалъ я еще возразить.

— Mais mon neveu vous l'a dit, — побѣдоносно отвѣтила фрейлейнъ Минна:—они... некультурны.

Тѣмъ временемъ мы добрались до верхушки горы, и насъ поразило неожиданное зрѣлище. Вдоль верхней дороги, ведшей къ трейденской церкви, красовались двѣ расцвѣченныя арки изъ гирляндъ и флаговъ. Здѣсь вездѣ было столько народу, что, казалось, и пройти негдѣ. Обыкновенно совершенно безлюдныя мѣста ожили: въ нихъ кишѣлъ народъ, но всюду соблюдался образцовый порядокъ. Приѣзжавшіе и приходившіе размѣщались такъ, что дорога оставалась свободною. Докторъ узналъ, что невѣста съ женихомъ еще не приѣхали, что ихъ еще ждутъ. Мы направились къ башнѣ, чтобы изъ знаменитаго Окна полюбоваться видомъ на долину. Проходя мимо такъ называемой трейденской Липовой Залы, представляющей какъ бы воздвигнутый самою природою трехсводчатый исплинскій готическій соборъ изъ вѣковыхъ липъ, мы увидѣли, что и она наполнена народомъ. Еще нѣсколько шаговъ, и мы были у башни. Она стояла теперь предъ нами темная, а подъ нею приютился небольшой деревянный одноэтажный домъ, скромно, какъ бы ища подъ нею защиты,—усадьба владѣльца Трейдена, барона Кампенгаузена. Башня возвышалась надъ этимъ домомъ, точно ис-

полинъ надъ карликомъ. Мы вошли въ башню и увидѣли гдѣ-то высоко надъ собою свѣтлое небо съ загоравшимися звѣздами. Тамъ было еще свѣтло; тутъ насъ окружалъ мракъ, голоса наши звучали какъ-то странно, какъ будто говорили не мы, а другіе люди. И вдругъ раздался выстрѣлъ, сперва какъ будто слабо, но ему въ отвѣтъ послышался другой, болѣе сильный, и раскатомъ пронесся надъ всей долиной. Кто-то сказалъ: «молодые пріѣхали», а я подумалъ: «такъ вотъ на какую охоту отправились паромщикъ съ извозчикомъ; теперь они дѣлаютъ настоящее дѣло; они возвѣщаютъ о народномъ торжествѣ». Мы вышли изъ башни, но не на встрѣчу молодымъ,—все равно опоздали, а посмотрѣть на нихъ еще успѣемъ,—мы направились мимо лужайки въ маленькій цвѣтникъ и, миновавъ его, миновавъ остатокъ вѣковой стѣны съ отверстиемъ, въ которомъ живописно росла большая рябина, очутились въ Окнѣ, прорубленномъ въ жасминовыхъ кустахъ съ простою бѣлою балюстрадаю и двумя такими же скамейками. Подъ нами страшная крутизна, а впереди тянулась долина, на сколько глазъ хваталъ, покрытая вечерними тѣнями, и только тамъ, далеко, надъ зегевольдскими развалинами нарождался новый свѣтъ, появился красноватый шаръ, который, поднимаясь все выше и выше, началъ серебрить рѣку и обдавать всю долину мягкимъ свѣтомъ. Мы всѣ стояли точно очарованные. Даже самодовольный нѣмецъ какъ-то притихъ, а фрейлейнъ Минна не издавала никакихъ возгласовъ. Все присмирѣло въ этой чудной тишинѣ надвигавшейся лѣтней лунной ночи. Только за нами слышался сдавленный, глухой рокотъ толпы, встрѣчавшей молодыхъ. Заря на западѣ окончательно потухла, и мгла дрожащаго луннаго свѣта проникала всюду. Я слышалъ, какъ сквозь сонъ, слова своихъ собесѣдниковъ, но я ихъ уже смутно понималъ. «Теперь пора заглянуть и въ церковь»,—сказалъ кто-то. «Да, обрядъ уже начался; пока до свиданія».—«До свиданія, встрѣтимся въ церкви». Я кому-то пожалъ руку. Но эти слова, это движеніе были заглушены болѣе сильнымъ общимъ настроеніемъ, властно проникавшимъ мнѣ въ душу снизу, изъ расцвѣтавшей въ дивной красотѣ благоухающей, озаренной таинственнымъ полусвѣтомъ, долины. Реальный міръ пересталъ существовать для меня, ибо то, что тамъ творилось, въ долинѣ, казалось слишкомъ прекраснымъ, чтобы быть реальнымъ... Около меня царилъ мракъ; надъ собою я чувствовалъ присутствіе исполинской каменной громады. Она перестала уже жить, давно умолкли въ ней голоса далекаго прошлаго: испуганные крики побѣдителей, стоны побѣжденныхъ, удалыя пѣсни, разгулъ средневѣковыхъ рыцарей. Все было мертво, пустынно, все обрушилось, обветшало, и только жалкіе остатки прежней жизни скромно ютились у ногъ бывшаго грознаго часоваго, семь вѣковъ неподвижно стоящаго на этомъ мѣстѣ. Это было мертвое царство, и тѣмъ не менѣе съ этой именно стороны ко мнѣ доносился рокотъ

безчисленнаго множества голосовъ. Звуковая волна то понижалась, то повышалась, то ослабѣвала, то усиливалась, и эти ея переливы какъ будто неслись на встрѣчу, какъ будто сливались съ дрожаніемъ луннаго свѣта, вступавшаго все больше въ силу и побѣдоносно наполнявшаго собою всю долину. Я зналъ, что означаетъ эта звуковая волна: она была внѣшнимъ проявленіемъ чувствъ, которыхъ прошлое не знало. Этотъ тихій лунный свѣтъ озарялъ всю мѣстность и башню и тогда, когда она еще жила полною жизнью, много вѣковъ тому назадъ, когда подъ дѣйствіемъ его мягкихъ лучей распѣвала рыцарская поэзія, несомнѣнно, прекрасная, потому что воспоминаніе о ней придаетъ и теперь новое обаяніе окружающей меня дивной природѣ. Но поэзія эта—одно только воспоминаніе. Зародилась ли новая? Есть ли она въ томъ, что происходитъ тамъ, въ церкви, гдѣ собрался простой народъ, давно освобожденный юридически, но освобождающійся на самомъ дѣлѣ только теперь, только теперь начинающій жить самостоятельною гражданскою жизнью? Отдаленный рокотъ изъ-за каменной громады слышался все явственнѣе въ окружавшей меня тишинѣ, и мнѣ самому захотѣлось посмотрѣть, что творится тамъ, въ церкви. Но прежде, чѣмъ уйти, я бросилъ еще долгій взглядъ на чудную долину и невольно отыскивалъ въ отдаленіи, на противоположномъ берегу тотъ пунктъ, гдѣ росли скрытые отъ меня молодые клены.

Когда я вышелъ изъ цвѣтника, передо мною снова появилась башня. Изуродованная временемъ верхушка ея также трепетала въ лунномъ сіяніи. Каменная громада не представлялась уже грозною: она сама какъ бы растворилась въ лунномъ свѣтѣ. Въ ея очертаніяхъ не было уже ничего рѣзкаго, и я прошелъ мимо ея темныхъ амбразуръ, забывъ о грозномъ ихъ значеніи. Сдавленный рокотъ становился все явственнѣе. Но это былъ мирный гулъ, какой всегда слышится, когда гдѣ нибудь соберется большая толпа. Я подошелъ къ церкви, и вездѣ толпа меня охотно пропускала. Сколько народу не нашло себѣ мѣста въ маленькой церкви, но давки нигдѣ не происходило. Очевидно, народъ сознавалъ, что въ церковь могутъ попасть лишь немногіе, и зналъ, что наступитъ время, когда всякому можно будетъ привѣтствовать молодого пастора-крестьянина и его жену-крестьянку. Весь фасадъ церкви былъ красиво убранъ зеленью, и въ самой церкви было очень много зелени. Скамьи были переполнены, и я остановился у прохода. Молодые стояли передъ скромнымъ алтаремъ; обрядъ вѣнчанія уже начался. На всѣхъ лицахъ я замѣтилъ набожность, сосредоточенность. Голосъ пастора звучалъ чинно, внушительно. Пѣніе крестьянъ было стройно. Меня поразило, что эти деревенскіе жители, простые крестьяне и крестьянки, такъ удивительно стройно принимаютъ участіе въ богослуженіи. На слова пастора паства отвѣчала, какъ одинъ человекъ, и ея отвѣты производили впечатлѣніе именно необычайною точ-

ностью, опредѣленностью, такъ что ни одинъ голосъ не нарушалъ общей гармоніи, общаго полнаго единодушія. Мнѣ хотѣлось взглянуть на невѣсту и жениха. Но приблизиться къ нимъ не было возможности. Я попытался зайти съ боку, и мнѣ дѣйствительно удалось добратся до стѣны. Но и тутъ дальнѣйшій путь былъ мнѣ прегражденъ молящимися. Вся стѣна была убрана зеленью, даже на полу стояли кадки съ растеніями, вѣроятно, изъ господской оранжереи. Около одной изъ нихъ—это былъ высокій кустъ мирты—я замѣтилъ знакомую мнѣ женскую фигуру «вѣчной курсистки». Она сосредоточенно смотрѣла по направленію къ молодымъ, къ алтарю. Я тоже взглянулъ туда и теперь могъ различить поверхъ людей, сидѣвшихъ на скамьяхъ, миловидную бѣлокурую головку невѣсты. Столько невинности, простоты и въ то же время сосредоточенности, твердой, увѣренной, чувствовалось въ этой дѣвушкѣ въ скромномъ бѣломъ платьѣ, мило убранномъ померанцовымъ цвѣтомъ и миртовыми листьями, съ вѣнкомъ на головѣ, что я невольно на нее засмотрѣлся и долженъ былъ признаться, что, можетъ быть, обитательница средневѣковаго замка произвела бы на меня менѣе чарующее впечатлѣніе. Но что говорить обо мнѣ! Я взглянулъ на «вѣчную курсистку», и жутко мнѣ стало. Ея лицо отгѣнялось темною зеленью мирты; по щекамъ ея струились тихія слезы. Да, я не ошибался: слезами были наполнены ея глаза. О чемъ она вспоминала, о чемъ думала? Скорбѣла ли она о томъ, что тотъ внутренній миръ, та непоколебимая увѣренность въ себѣ и въ избранникѣ своего сердца, та чарующая наивность, которыя озаряли и одухотворяли лицо невѣсты, навсегда отлетѣли отъ ея души, и что все, что дали ей ея порывы, ея образованіе, не можетъ возратить ей тѣхъ нравственныхъ сокровищъ, которыми, сама этого не сознавая, обладала дѣвушка, стоявшая предъ этимъ скромнымъ алтаремъ и набожно слушавшая слова молитвы? Рвалась ли ея душа къ этимъ сокровищамъ, и она плакала отъ сознанія полного безсилія вернуть навсегда утраченное? Не знаю. Я видѣлъ только, что она, вѣроятно, чтобы подавить смятеніе своей взволнованной души, сорвала миртовую вѣтку и, наклонивъ голову, внимательно разсматривала ее сквозь слезы, затѣмъ скомкала въ рукѣ и бросила на полъ. А голосъ пастора становился все громче, и шире разрослось пѣніе молящихся, и трогательная бодрость нисходила на нихъ: все проникалось однимъ настроеніемъ, однимъ чувствомъ, и не было тутъ мѣста ни унынію, ни сомнѣніямъ—все было свѣтло, живнерадостно, все увѣренно смотрѣло въ будущее.

Обрядъ кончился. Пасторъ пожалъ руку молодымъ, и они направились къ выходу. Я старался приблизиться къ нимъ, и мнѣ это удалось. За молодыми шли родители невѣсты: фрау Эмма, ея мужъ—фурманъ. Старая знакомка меня замѣтила и, высвободившись изъ шествія, подошла ко мнѣ. Я пошелъ ей на встрѣчу и

познакомился съ молодыми. Въ одинъ голосъ оба мнѣ сказали: «Мы старые знакомые. Мать намъ много о васъ говорила». Я пожалъ имъ сердечно руку. Но справа и слѣва все спѣшили жать имъ руки. Фрау Эмма меня отвела немного въ сторону и шепнула: «Моя пѣсня теперь спѣта; теперь запоютъ свою пѣсню молодые, и хорошая это будетъ пѣсня—изъ народа для народа». Затѣмъ, взглянувъ на меня внимательно, она спросила:

— А у васъ дѣтей нѣтъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.

— Бѣдный же—вы, бѣдный!—проговорила она съ такимъ участіемъ, что мнѣ стало жутко, и не знаю, отъ радости ли, вызванной новымъ сознаниемъ своего счастья, или отъ жалости, что другіе его лишены,—глаза ея стали влажными. Она протянула мнѣ руку, и когда я съ чувствомъ сжалъ эту мозолистую руку и смотрѣлъ ей въ глаза, у меня самого подступили слезы къ горлу.

А снаружи къ намъ доносились звуки стройнаго пѣнія. Народъ встрѣчалъ молодыхъ первою серенадою. Я вышелъ на паперть и увидѣлъ, что все залито огнями. Горѣли факелы, свѣчи, лучины, всякій зажегъ, что могъ. А издали раздавались звуки выстрѣловъ: паромщикъ и извозчикъ палили изъ своихъ мушкетовъ на славу; Весело было смотрѣть на эту ликовавшую толпу; ликованіе это было чинно, безъ криковъ, гвалта, пьяныхъ голосовъ, но какъ тепло, какъ сердечно!

Я растерялъ свое общество. Только издали я увидѣлъ одного изъ двухъ нервныхъ молодыхъ людей, Поллукса.

— Къ бограмъ, въ Трансвааль!—крикнулъ я ему.

Полунасмѣшливо, полупечально онъ мнѣ закивалъ головою.

Я ушелъ и, спускаясь съ горы, долго еще слышалъ, какъ народъ привѣтствовалъ молодыхъ пѣснями. И когда я окончательно спустился въ долину, когда, все болѣе удаляясь отъ Трейдена, я почувствовалъ опять дивную тишину лѣтней ночи, я уже твердо зналъ, что подъ этою тишиною скрывается новая жизнь, что романтическая Трейденская башня, мерцавшая теперь при лунномъ сіяніи, хотя и простояла такъ долго, является только остаткомъ прошлаго, и что настоящая, зарождающаяся и расцвѣтающая жизнь—тамъ, на горѣ, гдѣ растутъ и крѣпнутъ невидимые моему глазу клены.

Р. Сементковскій.

КРАЙ СВѢТА

по современнымъ, средневѣковымъ и древнимъ описаніямъ.

ЛОВА «край свѣта» для насъ, людей конца XIX вѣка, звучать нѣсколько странно. Съ дѣтства мы привыкли представлять себѣ землю въ видѣ шара; со школьнаго уже возраста видимъ мы постоянно передъ своими глазами географическія карты съ изображеніемъ пяти частей свѣта, которыя глубоко врѣзываются въ памяти со всѣми своими морями, полуостровами и заливами. Мы ихъ представляемъ себѣ, какъ нѣчто неизмѣнное, и такъ увѣрены въ правильности ихъ изображенія, что на основаніи картъ этихъ составляемъ планы путешествій, коммерческихъ предпріятій или дипломатическихъ переговоровъ.

Глядя на неизмѣнно повторяемые на всѣхъ глобусахъ и атласахъ извивы береговыхъ линій и контуровъ морей, не приходитъ въ голову даже задуматься о томъ, дѣйствительно ли они таковы, какими ихъ изображаютъ, и давно ли человѣчество получило возможность изображать ихъ такъ, какъ ихъ обыкновенно рисуютъ на картахъ и глобусахъ. Между тѣмъ, на дѣлѣ изображенія эти очень недавняго происхожденія, и большинство материковъ, въ глазахъ картографовъ, не насчитываютъ и столѣтней давности. Ранѣе ихъ рисовали иначе, и исторія ихъ изображеній представляетъ много любопытнаго. Въ этомъ краткомъ очеркѣ я и хотѣлъ бы познакомить читателя съ этой исторіей. Я не намѣренъ излагать здѣсь исторію открытія и изслѣдованія различнаго рода странъ. Она излагалась много разъ и болѣе или менѣе извѣстна читающей публикѣ.

Здѣсь я имѣю въ виду дать только очеркъ того, какъ съ измѣненіемъ міровоззрѣнія человѣчества измѣнялись и представленія объ очертаніяхъ извѣстной ему суши, дать, такъ сказать, исторію географической карты, ибо, на сколько мнѣ извѣстно, въ нашей литературѣ если что и писалось по этому вопросу, то писалось въ слишкомъ спеціальной формѣ.

Попытки изображать свою страну мы находимъ еще у китайцевъ болѣе чѣмъ за 2.000 лѣтъ до Рождества Христова, но изображенія эти были произвольны и не научны. Они представляли схематическіе наброски контуровъ девяти провинцій Китая, выгравированные на фамильныхъ урнахъ императоровъ изъ династіи Чу. Въ изображеніяхъ этихъ и выражались міровоззрѣнія китайцевъ. Между тѣмъ, у всѣхъ почти народовъ изображенія моря соотвѣтствовали представленію о немъ. Такъ, напримѣръ, у всѣхъ жителей Полинезіи, какъ у островитянъ Великаго океана, и представленіе о землѣ соотвѣтствуетъ окружающимъ ихъ условіямъ. Они воображаютъ ее себѣ въ видѣ громаднаго блюда, наполненнаго водою. На краяхъ этого блюда, состоящихъ изъ суши, утверждено небо. Боги, создавшіе землю, приволокли сушу отъ одного края земли до другого, при чемъ кусочки ея зацѣпились за дно и, оторвавшись отъ главной массы, образовали тѣ архипелаги, на которыхъ судьбою было опредѣлено жить обитателямъ Полинезіи и Меланезіи. Полинезійская земля-блюдо утверждено на четырехъ столбахъ, носящихъ особыя названія: твердый, устойчивый, непоколебимый и нерушимый. Одинъ изъ боговъ удерживаетъ ихъ на своемъ туловищѣ. Онъ погруженъ въ постоянный сонъ, но изрѣдка во снѣ ворочается, и тогда происходятъ землетрясенія. Географическія познанія полинезійцевъ ограничивались только міромъ океаническихъ острововъ. Суша материковая была сказочною областью мѣровъ—міромъ, куда направлялись души умершихъ, міромъ весьма разнообразнымъ, такъ какъ полинезійцы увѣрены, что всѣ предметы имѣютъ души, по смерти своей переселяющіяся въ этотъ полинезійскій рай. Исключенія не дѣлаютъ они даже для душъ съѣденныхъ кокосовыхъ орѣховъ. Только человѣческой душѣ не легко было попасть въ этотъ рай, расположенный на краѣ свѣта. Ей приходилось дѣлать длинныя странствія, подвергаться преслѣдованіямъ великановъ, при чемъ если гигантамъ этимъ удавалось нанести рану блуждающей душѣ, она вновь возвращалась въ этотъ міръ, чтобы родиться въ видѣ человѣка. Душамъ холостяковъ приходилось особенно плохо. Напротивъ, коса жены или борода мужа, захваченные въ гробъ умершаго супруга, служили лучшими паспортами для предьявленія полинезійскому Харону.

Въ то время, какъ полинезійцы, жители острововъ, представляли себѣ землю въ видѣ блюда, континентальные жители, издавна зная, что въ какомъ направленіи ни поѣдешь, встрѣтишь море, рисовали

себѣ сушу въ видѣ громаднаго окруженнаго моремъ острова. Это море, океанъ у грековъ, изображалось въ видѣ рѣки, кольцеобразно опоясывавшей землю; по берегамъ этой рѣки, поддерживаемой Атлантомъ, покоился небесный сводъ. Греки, индусы, китайцы рисовали себѣ землю такую; доселѣ такую же изображаютъ ее на своихъ картахъ сыны Неба, не признающіе ни Африки, ни обѣихъ Америкъ и располагающіе остальные, извѣстныя имъ по наслышкѣ, страны въ видѣ архипелага острововъ, окружающихъ Срединное царство. Такою представляетъ ее себѣ и наша невѣжественная народная масса, съ тѣмъ развѣ отличіемъ, что вмѣсто девяти деревянныхъ столбовъ, на которые ставятъ землю эскимосы, она предпочитаетъ утверждать ее на болѣе подвижномъ основаніи—на трехъ китахъ.

Но всѣ возрѣнія эти, удовлетворявшія народную массу съ незапамятныхъ временъ, для представителей мыслящаго человѣчества казались ошибочными.

Уже древнѣйшіе поэты Индіи описывали намъ Рама, какъ существо, недвижно сидящее на скалѣ, вперивъ взоръ свой туда, гдѣ небо сходится съ землей, и думающее о томъ, какъ бы поднять завѣсу невѣдомой дали и узнать, что за нею находится.

Пока въ Индіи Рама предавался этимъ размышленіямъ, халдеи, путемъ наблюденія небесныхъ свѣтилъ, лунныхъ затменій и измѣненія зенитныхъ разстояній свѣтилъ при передвиженіи съ сѣвера на югъ или обратно, разрѣшили эту загадку, признавъ землю за шаръ, свободно плавающій въ небесномъ пространствѣ и вращающійся вокругъ солнца. Смѣлая идея эта нашла послѣдователей въ лицѣ греческихъ философовъ. Пифагорейцы и особенно Филолай развили ее въ цѣлое ученіе, такъ что Аристотель болѣе чѣмъ за 300 лѣтъ до Р. Х. могъ приводить въ своихъ книгахъ почти тѣ же доказательства сферической формы земли, которые на урокахъ отвѣчаютъ наши школьники.

Основываясь на почти неуловимомъ для профана явленіи, что свѣтила на небѣ передвигаются на такое же число градусовъ къ сѣверу или къ югу, на какую дугу земной окружности мы передвинемъ къ полюсамъ или къ экватору,—греки болѣе чѣмъ за 200 лѣтъ до Р. Х. измѣрили величину земли, и результаты измѣренія ихъ, какъ это ни странно, ничѣмъ почти не отличаются отъ полученныхъ современными геодезистами. Эти результаты дедуктивнаго мышленія греческихъ философовъ въ нашъ вѣкъ индукціи кажутся просто невѣроятными. У грековъ того времени не было даже компаса. Страны свѣта они опредѣляли по тѣни, отбрасываемой въ полдень коротенькою палочкою, воткнутой въ землю, такъ называемой гномономъ. По длинѣ этой тѣни они вычисляли высоту стоянія свѣтилъ на небѣ. И вотъ этимъ-то грубымъ приборомъ, на основаніи столь неуловимыхъ явленій, какъ измѣненіе

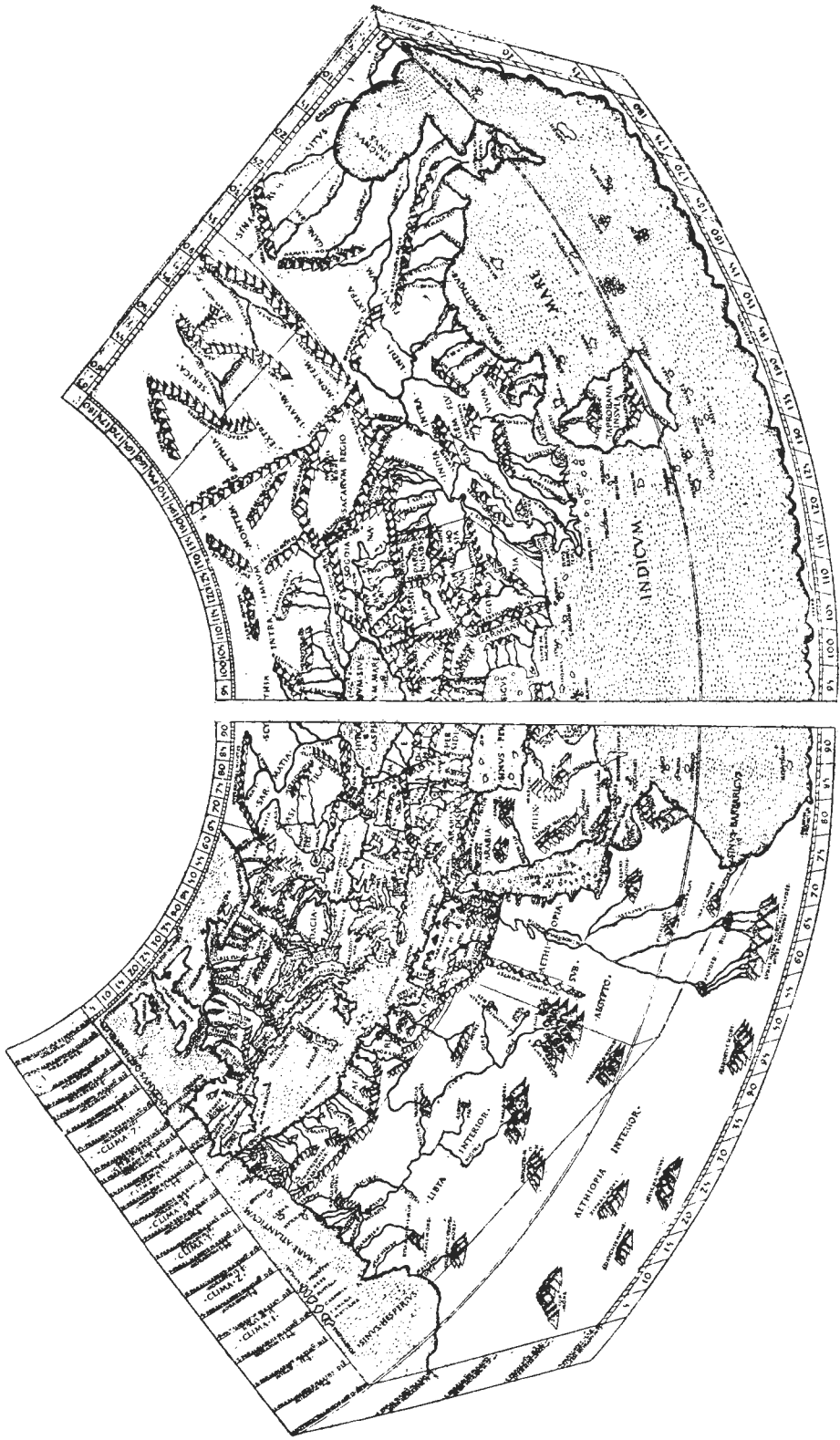
противъ, страны экваторіальныя, по его мнѣнію, должны были быть необитаемы отъ жара. Земля какъ бы опоясана опаленною солнцемъ золою. Только умѣренный поясъ обитаемъ. Кромѣ нашего, въ южномъ полушаріи долженъ быть другой такой же міръ, намъ невѣдомый, населенный антиподами, ученіе о существованіи которыхъ мы находимъ еще у Платона.

Еще смѣлѣе Парменида въ области научныхъ обобщеній оказался Кратесъ изъ Маллоса, жившій при дворѣ Аталидовъ. Онъ вздумалъ изобразить землю въ видѣ шара, другими словами сдѣлать первый глобусъ. Свѣдѣнія объ этомъ глобусѣ мы находимъ у Аристотеля. На глобусѣ своемъ Кратесъ далъ мѣсто древнему міру только на одной изъ четвертушекъ его. На остальныхъ же четвертушкахъ онъ изобразилъ три проблематическихъ континента, населивъ ихъ жителями: періеками, антэками и антиподами, и предсказавъ такимъ образомъ существованіе Австраліи и обѣихъ Америкъ.

Если предсказанія эти въ устахъ Кратеса были чисто теоретическаго характера, то черезъ два столѣтія они стали высказываться уже вполне опредѣленно, на основаніи научныхъ данныхъ. Къ этому времени, т. е. къ первому вѣку послѣ Р. Х., географическая наука подвинулась на столько далеко, что Птоломей, на основаніи данныхъ вѣкоаго Марина Тирскаго, составляетъ рядъ научныхъ картъ, въ основу которыхъ ложится географическая сѣтка, начерченная на тѣхъ же принципахъ, что и современныя картографическія сѣтки. Это было изображеніе извѣстнаго грекамъ міра, коническая проэція шароваго отрѣзка, на которой была изображена градусная сѣтъ, или, точнѣе, нанесены градусы широты, названные «климатами». Эти линіи соответствовали поясамъ съ одинаковой продолжительностью самаго долгаго дня въ году, наибольшаго угла стоянія солнца или высоты его.

Отсюда произошло и названіе климата отъ греческаго слова— *klima*, наклоненіе. Соответственно климатамъ Птоломей расположилъ другъ относительно друга различныя страны; разстоянія же между ними съ запада на востокъ онъ нанесъ на основаніи разспросныхъ свѣдѣній.

Этимъ путемъ Птоломей получилъ карту міра, въ которой очертанія извѣстныхъ странъ весьма мало отличаются отъ современныхъ. Копія съ этой карты сохранилась до нашихъ дней въ пергаментѣхъ XV вѣка, снимокъ съ которыхъ мы и даемъ на прилагаемой таблицѣ. Очертанія Западной Европы, сѣвера Африки и юга Азіи на ней весьма правильны. Нанесена даже Индія и Индо-Китай до Малаккскаго полуострова, посѣщеннаго грекомъ Александромъ. Напротивъ, на югѣ Африка соединяется съ Азіей, превращая Индѣйскій океанъ въ громадное Средиземное море. Не менѣе фантастично изображенъ сѣверъ Азіи и Европы. Здѣсь еще

ПЕРВАЯ НАУЧНАЯ КАРТА МИРА, СОСТАВЛЕННАЯ ПТОЛОМЕЕМ В I ВЕКЕ ПОСЛЕ Р. Х.

помѣщены попережнему сказочные народы геродотовыхъ заскиевскихъ странъ—одноглазыхъ аримасповъ и людодовъ.

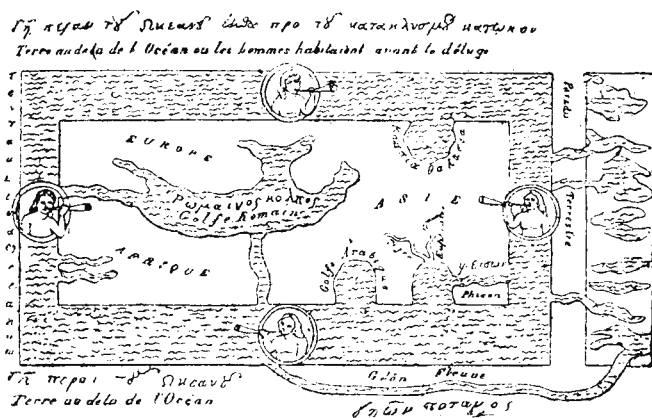
Достойно вниманія, что эти свѣдѣнія, добытыя Геродотомъ отъ прежнихъ обитателей Южной Россіи, и донинѣ сохранились въ преданіяхъ южно-русскаго народа. Въ сборникѣ Чубинскаго мы находимъ рассказы объ одноглазыхъ людодѣдахъ, живущихъ на сѣверѣ Россіи. Карта Птоломея, невѣрная въ широтномъ направленіи, вытягивала сушу черезчуръ далеко на Востокъ. Неудивительно поэтому, что, разсматривая его карты, многіе изъ древнихъ задумывались о возможности прямого сообщенія черезъ океанъ между Китаемъ и Испаніей. Посидоній считалъ, что разстояніе это не болѣе 70.000 стадій. Страбонъ думалъ, что на этомъ пути встрѣтятся еще неизвѣстныя населенныя земли. Но опредѣленнѣе всего на этотъ счетъ высказался Маркъ Энній Сенека, сказавъ, что наступитъ времена, когда океанъ раскроетъ людямъ свои тайны, и среди него окажутся новые матеріи и сѣверъ Европы — *ultima tute*, не будетъ болѣе считаться краемъ свѣта.

Слова эти, вложенныя въ уста Хора въ его «Медеѣ», звучатъ настоящимъ пророчествомъ объ открытіи Америки.

Недоставало только смѣльчака, который осуществилъ бы это предсказаніе. Вѣроятно, такой смѣльчакъ скоро бы и отыскался, если бы во II вѣкѣ не произошло полного переворота въ міровозрѣніи тогдашняго человѣчества, отсрочившаго болѣе чѣмъ на тысячелѣтіе исполненіе этого предсказанія. Переворотъ этотъ произвело христіанство. На сколько благотворно дѣйствовало ученіе отцовъ церкви на поднятіе нравственныхъ принциповъ тогдашняго общества, на столько тяжель былъ ударъ, нанесенный ихъ дѣятельностью прогрессу и знаніямъ человѣчества. Съ момента торжества христіанства ревнители религіи съ ожесточеніемъ набросились на произведенія языческихъ философовъ, безусловно отрицая и насмѣхаясь надъ всѣмъ, что было ими сдѣлано не только въ области метафизики, но и въ области положительныхъ знаній.

Вмѣсто того, чтобы стремиться согласовать данныя знанія съ ученіемъ о нравственности, они отрицали все добытое прежней наукою и стремились создать новую науку, въ основу которой исключительно ложились бы тексты изъ Библии и Священнаго Писанія. Чтобы не утруждать читателя перечисленіемъ различнаго рода нападокъ и возраженій, дѣланныхъ всѣми этими лицами, я ограничусь выдержкой изъ сочиненія одного изъ ученѣйшихъ церковныхъ географовъ того времени — Косьма Индикоплева. По поводу вопроса объ антиподахъ Косьма говоритъ: «Если земля шаръ, и существуютъ антиподы, то ноги одного человѣка должны быть противоположны ногамъ другаго; спрашивается, какъ они оба могутъ оставаться стоймя и какъ тотъ и другой могутъ жить головой внизъ, будь то на землѣ, въ водѣ, въ воздухѣ или въ

огнѣ. А когда пойдетъ дождь, какъ не сказать, что онъ на нихъ падаетъ? Дождь падаетъ на одного, а на другаго не падаетъ, а скорѣе подымается на немъ! Какъ не смѣяться надъ такимъ безуміемъ? Господь создалъ землю, утвердивъ ее ни на чемъ. Земля значитъ поддерживается силою Господа, Творца всѣхъ вещей, создавшаго землю, по апостолу, единымъ словомъ силы своей. Если бы подъ землею или внѣ ея что либо существовало, то это что нибудь естественно бы упало, Господь же утвердилъ землю, какъ основаніе вселенной, и повелѣлъ ей держаться силою собственной тяжести. Господь, сотворивъ землю, соединилъ окраины неба съ окраинами земли, оперевъ нижнія части неба съ четырехъ сторонъ и расположивъ его сводомъ надъ землею во всю ея длину. Затѣмъ, по ширинѣ земли онъ установилъ небо, какъ стѣну, которая идетъ

Міръ по ученію Козьмы Индикоплевта.

сверху внизъ, образуя такимъ образомъ нѣчто въ родѣ со всѣхъ сторонъ закрытаго дома или нѣчто въ родѣ длинной комнаты со сводами, ибо пророкъ Исаія говоритъ: «Онъ расположилъ небо въ видѣ свода», а Іовъ такъ выражается относительно соединенія неба и земли: Онъ наклонилъ небо къ землѣ, затѣмъ растворилъ землю, какъ известку, и припаялъ ее, какъ квадратный камень. «Какъ же примѣнить слова эти къ сферѣ? Моисей, говоря о скинии, которая есть образецъ земли, указываетъ, что длина ея была въ два локтя, а ширина въ одинъ. Мы скажемъ съ пророкомъ Исаіей, что форма неба, обнимающаго вселенную, имѣетъ форму свода, съ Іовомъ, что небо было соединено съ землею, съ Моисеемъ, что земля болѣе длинна, чѣмъ широка и т. д.»

Изъ этой выдержки читатель можетъ видѣть, какой характеръ носила аргументація ученыхъ географовъ того времени. Она требовала для ея пониманія одного—вѣры.

Другіе, и это было большинство, представляли себѣ землю плоскимъ кругомъ и въ центрѣ его, согласно Писанію, помѣщали Іерусалимъ.

До сихъ поръ въ одномъ изъ храмовъ Іерусалимскихъ показываютъ такъ называемый пупъ земли; небольшое возвышеніе, приходившееся, по мнѣнію церковныхъ географовъ, какъ разъ въ центрѣ вселенной.

Съ четырехъ концовъ земли, согласно евангелію, кругъ этотъ обтекаетъ океанъ, широкій протокъ котораго дѣлитъ сушу на двѣ части, изъ коихъ одна такую же полоской дѣлится еще надвое. Двѣ маленькія четвертушки представляютъ Европу и Африку, дѣльная же половинка Азія, наслѣдіе благочестиваго Сима, въ награду получившаго большую противъ своихъ двухъ братьевъ часть. Полоса воды, дѣлящая Европу отъ Африки, — Средиземное море, длинная же, дѣлящая эти двѣ части свѣта отъ Азіи, были Ниль, Черное море, Донъ, который съ этихъ стародавнихъ временъ рассматривался, какъ пограничная линія между Европою и Азіею. Изъ этой чисто символической формы изображенія земли въ средніе вѣка, какъ зародышъ изъ зародышевой клѣтки, постепенно усложняясь и развиваясь, разрастаются болѣе сложныя средневѣковыя карты міра, на которыхъ произвольно и неправильно, но уже въ видѣ болѣе сложныхъ и извилистыхъ фигуръ, начинаютъ рисовать изображенія различныхъ государствъ, странъ и морей обязательно въ видѣ острововъ, окруженныхъ океаническимъ кольцомъ. Въ центрѣ этихъ картъ всегда фигурируетъ Іерусалимъ, на востокъ—рай, для открытія котораго не разъ даже снаряжались экспедиціи. На крайнемъ сѣверѣ помѣщались народы Гога и Магога. Но такъ какъ главное мѣсто на землѣ принадлежитъ раю, то обыкновенно карту рисовали такъ, что наверху помѣщался рай и Азія; сѣверныя страны рисовались слѣва, а западныя внизу. Горы и рѣки обозначались схематично или въ видѣ надписей, города же напротивъ рисовались въ видѣ крѣпостей.

Основными положеніями церковнической средневѣковой картографіи были слѣдующія мѣста Св. Писанія:

«Господь содержай кругъ земли, поставивый небо, яко камору, простеръ е, яко скинію обитати (Исаія 40, 20).

«Пологаше Господь морю предѣлъ его, да воды не идутъ мимо усть его (Притчи Соломона 8, 21).

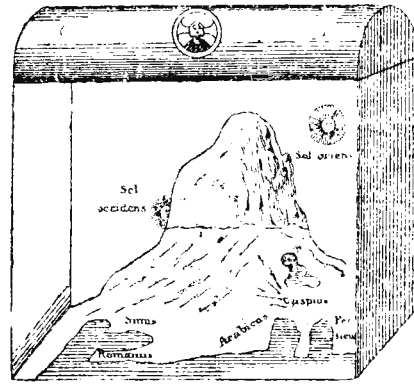
«Повелѣніе окружи на лицѣ воды даже до скончанія свѣта со тьмою (Іовъ 26, 10).

«Сей Іерусалимъ посредѣ языковъ положилъ его и страны яже окрестъ его... и языкъ собранный отъ языковъ многихъ, сотворившихъ притяжанія имѣній и живущихъ на пупѣ земли» (Іезекіиля V, 5 и 38, 12).

Въ такомъ печальномъ состояніи находилась картографія до

XIII столѣтія и, тогда только венеціанецъ Фга Мауро держаетъ лишь Іерусалимъ его центрального положенія. Карты арабовъ даютъ зрѣлище не болѣе утѣшительное. Во время царствованія Гаруна Рашида, главнымъ же образомъ при калифѣ Аль-Мамунѣ (813—830), арабы, заинтересованные византійскою наукою, обратили особое вниманіе на карты Птолемея. Въ 830 году появилось сочиненіе подъ заглавіемъ Размъ Элварзи, представлявшее арабское изданіе Птолемея, дополненное и снабженное картою. Повидимому, изданіе это оказало мало вліянія на арабскихъ картографовъ, такъ какъ другія карты того времени все-таки продолжали изображать землю кругомъ, въ центрѣ котораго вмѣсто Іерусалима красовалась Мекка, а кругомъ міра обтекалъ тотъ же кольцеобразный океанъ.

Не смотря на то, что они уже владѣли компасомъ и умѣли опредѣлять градусы широты, они не внесли большей точности въ произвольныя изображенія суши, они даже еще больше исказили ихъ, изображая различныя моря и земли въ видѣ правильныхъ геометрическихъ фигуръ. Не болѣе научный характеръ имѣли и описанія различныя, изображавшихся на картахъ, мѣстностей. Главный вопросъ, наиболѣе интересовавшій средневѣковыхъ географовъ, былъ вопросъ

Мірѣ по ученію Козьмы Индикоплева. Они твердо вѣрили, что онъ находится на землѣ, старались собирать о немъ свѣдѣнія и отыскать его. Въ то время, какъ труды замѣчательнѣйшаго изъ путешественниковъ по Средней Азій — Марко Поло, доставившаго впервые достовѣрныя свѣдѣнія о странахъ, лежащихъ за предѣлами Птолемеовой Азій, считались за басни, особою популярностью пользовались сочиненія Marignoli, который въ путешествіи своемъ подробно говоритъ о томъ, что ему удалось быть неподалеку отъ рая. Онъ перечисляетъ даже породы деревьевъ, растущія въ Эдемѣ, указываетъ на мѣстность, съ которой ангелъ взялъ Адама подъ руку, прыгнувъ съ нимъ за 40 миль отъ рая и поставилъ нашего праотца на вершину одного изъ цейлонскихъ пиковъ, гдѣ стопа его, отпечатавшись на вѣки, и доннынѣ служитъ предметомъ поклоненія тысячъ пилигримовъ, посѣщающихъ Адамовъ пикъ. Marignoli утверждалъ также, что изъ рая берутъ начало четыре величайшія рѣки міра: Волга, Аму-Дарья, Янтсекіангъ и Гоангъ-Го. Лишь весьма постепенно это фантастическое представленіе о далекомъ востокѣ Азій начинало уступать мѣсто болѣе положительнымъ свѣ-

дѣніямъ. Но по мѣрѣ того, какъ рай и запертыя до скончанія міра народы Гога и Магога переносились все далѣе и далѣе на востокъ, на западѣ, среди океана, средневѣковая фантазія стала открывать не менѣе сказочныя страны, возникшія изъ сочетаній древнихъ языческихъ представленій со средневѣковыми христіанскими легендами. Еще древніе греки вѣрили, что на пути въ Гадесь, расположенный на дальнемъ западѣ, среди моря, лежатъ «острова блаженныхъ», куда переселялись, не достигая ада, многіе изъ героевъ и пользовались тамъ вѣчною жизнью. Средневѣковые географы замѣнили эти мифическіе острова двумя сказочными островами *Brandan* и *Antillia*. Послѣдній служилъ мѣстомъ убѣжища многимъ архіепископамъ, скрывшимся сюда изъ Испаніи во время нашествія мавровъ и пользовавшимся на островѣ вѣчною и блаженною жизнью, непрерывно совершая богослуженія въ роскошныхъ католическихъ церквахъ. Островъ *Brandan* также островъ блаженства. Это край, не знающій зимы, пользующійся вѣчною весною. О немъ написана цѣлая книга, составленная монахомъ, 9 лѣтъ блуждавшимъ по океану, испытывая всевозможныя, исполненныя чудесъ, приключенія. Какъ фантастичны были эти послѣднія, читатель можетъ судить по слѣдующей выдержкѣ. Въ день Св. Пасхи морякамъ негдѣ было остановиться, чтобы совершить богослуженіе. Вдругъ они увидѣли небольшой, лишенный растительности, островокъ. Они подплываютъ къ нему и останавливаются для совершенія мессы. По окончаніи послѣдней островокъ заколыхался и, едва они успѣли взойти на корабль, исчезъ подъ водою. Оказалось, что это была спина громаднаго кита выплывшаго подышать свѣжимъ воздухомъ. Не смотря на всю сказочность описаній острововъ этихъ, мы встрѣчаемъ ихъ изображенія на научныхъ картахъ вплоть до XVI столѣтія, какъ, на примѣръ, на изображенномъ здѣсь глобусѣ *Martina Behaim'a*. Память объ островахъ этихъ осталась и въ современной географической номенклатурѣ. Антильскіе острова, Бразилія, названная по имени сказочной страны *Presil* или *Bresil*, получили имена свои отсюда. Наконецъ, принятое названіе Макаронезія, даваемое островамъ Атлантическаго океана, расположеннымъ къ западу отъ южной Европы и сѣверной Африки, взято отсюда же. Самое названіе океана стоитъ въ связи съ помѣщавшейся среди него будто бы затонувшей послѣ потопа страны Атлантиды.

Эта послѣдняя, какъ извѣстно, есть плодъ поэтическаго вымысла философа Платона. Въ одномъ изъ діалоговъ своихъ онъ рассказываетъ о бесѣдѣ своей съ египетскимъ жрецомъ, сообщившимъ ему, что въ допотопныя времена за Геркулесовыми столбами находился громадный островъ, населенный людьми, собранными въ могущественное и идеально устроенное государство. Во времена потопа, когда всѣ жители Европы за исключеніемъ Девкаліона и Пирра погибли, погрузились подъ воды океана и жители Атлан-

тиды, напоминаямъ о которой осталось лишь переполненное плавающими растеніями Саргалово море. Въ средніе вѣка мнѣе объ Атлантидѣ не интересовалъ географовъ. Онъ возбудилъ къ себѣ вновь интересъ лишь въ новѣйшее время, когда въ геологіи господствовала теорія катастрофъ. Но теорія эта, какъ извѣстно, теперь опровергнута, а съ нею вмѣстѣ должна кануть въ вѣчность и Атлантида.

Все, что мы знаемъ о строеніи береговъ Африки и Америки и объ ихъ природѣ, заставляетъ утверждать, что уже задолго до появленія на землѣ человѣчества между южною Европою, сѣвѣрною Африкою и Америкою простирался океанъ. Въ то время, когда Атлантическій океанъ и далекій востокъ Азіи населялись фантастическими народами, греческія рукописи и точныя научныя карты Птолемея лежали и гнили въ архивной пыли. Только въ XIV вѣкѣ, послѣ взятія турками Константинополя, когда бѣглые греки, спасая остатки древней науки, привезли въ западно-европейскіе города свои рукописи, общество развилось до той степени, на которой оно стало способнымъ воспріять выводы греческой науки. Появились новыя изданія картъ Птолемея, имѣвшія для расширенія кругозора тогдашняго общества чуть ли не большее значеніе, чѣмъ вскорѣ затѣмъ послѣдовавшее открытіе Америки. Черезъ 1600 лѣтъ послѣ появленія перваго земнаго глобуса, сдѣланнаго Кратесомъ, Martin Behaim рѣшается изобразить землю вновь въ видѣ шара, нанеся на свой глобусъ не только всѣ данныя Птолемея, но и прибавивъ къ нимъ новую обширную область Азіи extra Ptolomaeum, обнимающую Монголію и Китай. Онъ помѣстилъ даже извѣстный Марко Поло только по наслышкѣ островъ Zipangu, или Японію, которая на этомъ глобусѣ составляетъ одинъ архипелагъ съ фантастическими Brandan и Antilia, лежащими среди океана, раздѣляющаго Азію и Европу. Эти новыя карты и глобусы и содѣйствовали подготовленію къ открытію Америки. Достоинно, однако, же вниманія, что въ то время какъ въ I вѣкѣ предположеніе о существованіи Новаго Свѣта казалось для всѣхъ естественнымъ, а открытіе его ожидалось въ ближайшемъ будущемъ, такъ что не доставало только смѣльчака, который выполнилъ бы эту задачу, — въ средніе вѣка, напротивъ, Америку открывали, посѣщали ее нѣсколько разъ, ѣздили по ней, сражались съ ея жителями, пробовали даже основать тамъ колонію, составили описаніе посѣщенныхъ мѣстностей, и не смотря на все это, никто этому не придавалъ никакого значенія.

Открытія эти остались незамѣченными, ими интересовались такъ мало, что глубокое заблужденіе, будто Колумбъ открылъ Америку, до сихъ поръ раздѣляемое большинствомъ образованной публики, было разсѣяно сравнительно въ самое недавнее время.

До сихъ поръ во всѣхъ учебникахъ открывателемъ Америки называютъ одного только Колумба, и фактъ открытія со всѣми его подробностями запоминается еще въ дѣтскомъ возрастѣ.

Между тѣмъ, теперь нѣтъ сомнѣнія, что Америка была открыта за нѣсколько столѣтій до Колумба.

Христофоръ Колумбъ открылъ Америку въ 1492 г., между тѣмъ норвежець Bjarni Herjulfson, въ X вѣкѣ желавшій направиться въ Гренландію, гдѣ въ то время уже были Скандинавскія колоніи, былъ отнесенъ южнѣе и прибылъ къ берегу Американскаго материка, слѣдуя вдоль котораго направился къ сѣверу и, переплывъ Баффиновъ проливъ, прибылъ на мѣсто назначенія 14 лѣтъ спустя. Лейфъ, сынъ Эрика Краснаго, вновь посѣтилъ эту землю, голую и обнаженную, берегъ Лабрадора, которую онъ назвалъ Hel-land, или каменистою землею. Слѣдуя вдоль береговъ ея къ югу, онъ достигъ страны богатой лѣсомъ и назвалъ ее лѣсною землею, Markland. Еще южнѣе встрѣтилъ онъ лѣсистую страну, изобилующую тѣмъ виноградомъ, на который мы теперь прививаемъ для защиты отъ филлоксеры наши лозы, и назвалъ ее Winland, или винною странюю.

Страна эта была теперешняя Новая Шотландія. Къ югу отъ нея, они разузнали о странахъ вплоть до Флориды. Гренландцы думали даже устроить здѣсь колонію, но, устрешенные набѣгомъ чужеземцевъ съ окрашенными въ голубой цвѣтъ тѣлами, обратились вспять.

Подвиги Leif Erikson'a были воспѣты въ сагахъ, открытія записаны, даже составлена ихъ карта, но всѣмъ свѣдѣніямъ этимъ тогдашнее человѣчество придавало также мало цѣны, какъ не придавало его свойствамъ магнита, не подозрѣвая, какія обширныя примѣненія будутъ имѣть свойства эти когда они освѣтятся свѣтомъ научной идеи.

Когда же вновь научная идея о сферической формѣ земли осѣнила умы человѣчества, открытіе Колумба получило въ глазахъ его огромное значеніе. Это открытіе не Колумбово, а его послѣдователей. Самъ Колумбъ искалъ, какъ извѣстно, не Америку, а Индію. Открывъ атлантическіе острова, онъ, исходя изъ данныхъ глобуса Мартина Behaim'a, былъ убѣжденъ, что открылъ Японію, или одинъ изъ островковъ съ нею сосѣднихъ, и крайне удивлялся поэтому, не встрѣчая ни у жителей Гванагани, ни на Кубѣ той цивилизаціи, о которой сообщилъ Марко Поло. Когда же въ свое путешествіе онъ достигъ устьевъ рѣки Ориноко, то былъ окончательно сбитъ съ толку. Онъ твердо вѣрилъ, что достигъ того отдаленнаго восточнаго берега Азіи, гдѣ неподалеку находился земной рай. Ароматы тропическихъ лѣсовъ, доносившіеся съ суши, устье громадной рѣки—все было имъ принято за устье одной изъ четырехъ главныхъ рѣкърая. И онъ и послѣдующіе путешественники,

видя продолженіе американскаго материка къ югу, были увѣрены, что имѣютъ дѣло съ восточнымъ берегомъ полуострова Малакки.

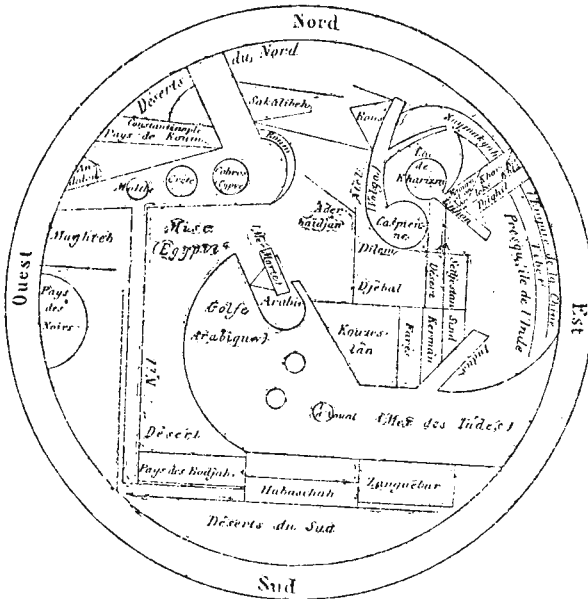
Это убѣжденіе и заставило ихъ всѣхъ стремиться къ югу, съ цѣлью его обогнуть, что и удалось сдѣлать Магеллану, который нашелъ проливъ, названный его именемъ. Съ этого момента Америка изъ архипелага острововъ дѣлается частицею Азіи. Эта послѣдняя все еще считается тою, какою намъ ее создали средніе вѣка. Въ то время, какъ на картахъ уже совершенно правильно рисуютъ и Бразилію и Панамскій перешеекъ и атлантическіе острова, на востокъ все еще продолжаютъ помѣщать если не рай, то народы Гога и Магога.

Для евреевъ Палестины народами Гога—были кавказскіе горы, въ частности осетины, которые и называли горы страны своей Хохъ. Эти названія сохранились и теперь. За ними, за этими народами Хоха, жили Магоги, то-есть народы, живущіе за Гогамъ, кочевники-турки, которые въ свое время пришли и взяли Іерусалимъ, исполнивъ пророчество. Но для средневѣковыхъ христіанъ народы Гога и Магога не могли жить такъ близко. Ихъ перемѣстили сначала за Индію въ Китай и отодвигали все далѣе и далѣе, пока, наконецъ, на послѣдней научной картѣ міра этихъ страшныхъ завоевателей вселенной не сослали въ Восточную Сибирь, въ Верхоянскій и Анадырскій край, гдѣ они отъ холода, вѣроятно, и выродились въ чукчей и юкагирь.

Магелланъ, переплывая проливъ, отдѣляющій Огненную Землю отъ материка, вѣрилъ, что огибаетъ Малакку, и что какой нибудь недѣли пути достаточно для того, чтобы попасть въ Индію. Можно легко представить его ужасъ и отчаяніе экипажа, когда, подхваченные пассатомъ, суда его недѣли за недѣлями, цѣлые мѣсяцы, плыли по безбрежному океану, и ничего не показывалось на горизонтѣ. Припасы истощились, экипажъ изнемогалъ отъ скорбута, и никакого намека на Индію. Уже когда всѣ были близки къ смерти, увидѣли они на горизонтѣ острова Маріанскіе, гдѣ экипажъ могъ отдохнуть. Когда же затѣмъ они открыли Филиппины, тогда только узналъ Магелланъ, что онъ находится отъ Индіи гораздо далѣе, чѣмъ тогда, когда огибалъ Америку, думая ее увидѣть.

Горькій опытъ Магеллана не заставилъ, однако, тогдашнихъ картографовъ отказаться отъ мысли, что Америка есть полуостровъ Азіи. Азія должна была пока только вытянуться въ длину, чтобы дать возможность мексиканцамъ и китайцамъ ходить въ гости другъ къ другу. Лишь немногіе, въ видѣ предположенія, допускали проливъ между двумя частями свѣта, называя проливъ этотъ *Streto d'Anian*. Но существованіе его было столь же проблематично, какъ и существованіе сказочныхъ Атлантическихъ острововъ. Только уже въ срединѣ XVIII вѣка наши мореплаватели, Чириковъ и Берингъ, открываютъ проливъ, названный именемъ послѣдняго, и,

благодаря инициативѣ Петра Великаго, русскимъ принадлежитъ честь фактическаго доказательства, что обѣ Америки суть самостоятельная четвертая часть свѣта, а не полуостровъ Азіи. Еще ранѣе Francesco de Noces, обогнувъ мысъ Горнъ съ юга, доказалъ, что Огненная Земля не есть полуостровъ громаднаго южнаго материка—страна антиподовъ, которая, какъ мы видѣли, еще по мнѣнію Птолемея, должна была съ юга окаймлять Индѣйскій, а слѣдовательно Великій океанъ. Огненная Земля, Австралія, сѣверные берега которой видѣлъ португалецъ Eredia, составляли, по мнѣнію Меркатора, издавшаго въ концѣ XVI вѣка подробную карту міра, какъ бы выступы этого громаднаго материка. Позднѣйшіе море-

Карта арабовъ IX вѣка.

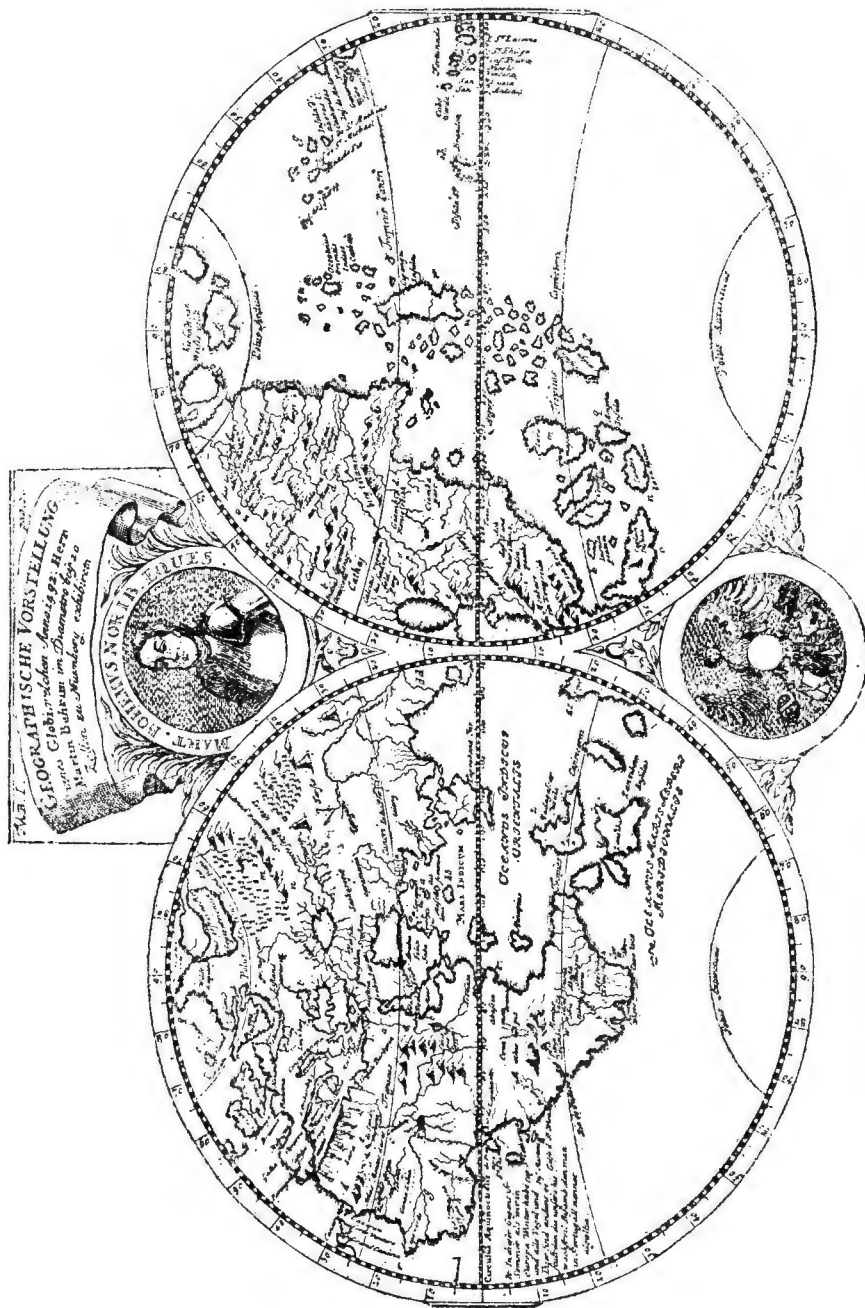
плаватели, особенно же Кукъ, разсѣяли ошибку. Отъ громаднаго, превосходящаго Старый Свѣтъ, материка остался маленькій кусочекъ на пятую часть свѣта, наименьшій изъ материковъ, Австралію.

Такимъ образомъ, можно сказать, что только къ концу нынѣшняго вѣка очертанія суши и моря приняли тѣ формы, которыя изображены на нашихъ картахъ. Но и теперь еще мы далеки до полнаго и точнаго познанія распредѣленія суши и моря. Около пяти милліоновъ квадратныхъ верстъ земной поверхности никогда еще не видѣли ни одного человѣческаго существа. Для людей эти области, расположенныя около сѣвернаго и южнаго полюсовъ, представляютъ настоящій край свѣта.

Сѣверный полюсъ издавна привлекалъ къ себѣ всеобщее любопытство. Не мало экспедицій снаряжалось для его открытія, и еще весьма недавно газеты принесли намъ грустное извѣстіе о гибели цѣлой экспедиціи Пирра, затертой и замерзшей во льдахъ у сѣверо-западнаго берега Гренландіи. Районъ невѣдомыхъ земель у сѣвернаго полюса поэтому гораздо меньше, чѣмъ у южнаго, но зато и интересъ, ими представляемый, не великъ. Давно уже океанографы разжаловали Сѣверное Ледовитое море изъ разряда океановъ и считаютъ его за самое большое изъ средиземныхъ морей, окруженное отмелями и материками. Осколки корабля *Jeannete*, разбившагося у береговъ Новой Сибири, найденные на сѣверномъ берегу острова Гренландіи, заставляютъ думать, что внутреннія части Ледовитаго моря не имѣютъ суши или значительныхъ острововъ, и теченія легко устанавливаютъ сношенія между Азіей и Америкою. Поэтому, побывать на сѣверномъ полюсѣ составляетъ лишь вопросъ честолюбія; путешествіе туда сопряжено съ большими лишениями и опасностями, но для науки дастъ не болѣе, чѣмъ восхожденіе на вершины Эвереста или другого трудно доступнаго пика. Иное дѣло—южный полюсъ. Хотя площадь неизвѣданныхъ пространствъ, лежащихъ вокругъ него, гораздо больше, а знаемъ мы о нихъ гораздо меньше, чѣмъ о Сѣверномъ Ледовитомъ морѣ, однако, тѣмъ не менѣе, мы можемъ утверждать, что область эта представляетъ громадный научный интересъ. Современная географическая наука, подобно наукѣ древнихъ грековъ, можетъ предсказывать существованіе земель въ невѣдомыхъ странахъ, и вотъ такой новый материкъ, шестую часть свѣта, она и предсказываетъ у южнаго полюса. Путешественникамъ извѣстны среди льдовъ южнаго полярнаго моря лишь ничтожные островки суши: *Wilkes land*, *Victoria land*, *Aleksander* и *Grehano land*, да два погруженные во мракъ полярной ночи вулкана Эребусъ и Терроръ.

Между тѣмъ, современные географы, съ извѣстною долею увѣренности, соединяютъ эти выступы въ одинъ непрерывный контингентъ и даютъ ему площадь въ 9 милліоновъ квадратныхъ верствъ, т. е. считаютъ, что онъ не много менѣе Европы и значительно болѣе Австраліи. Они утверждаютъ, что онъ имѣетъ форму Δ (треугольника), подобно Африкѣ или Америкѣ, что сторона его, обращенная къ Тихому океану, должна представлять высокую горную цѣпь, берега же атлантическіе должны быть изломанными, изрѣзанными заливами, низменностями, наконецъ, материкъ этотъ, подобно Гренландіи, долженъ быть погребенъ подъ саваномъ вѣчнаго свѣта, образующаго надъ нимъ конусъ около пяти верствъ высоты, вокругъ котораго клубятся облака, а вершина сіяетъ среди безоблачнаго антарктическаго неба, гдѣ лѣтомъ дискъ солнца, значительно болѣе по величинѣ, чѣмъ нашъ, блещетъ среди мороза непрерывно денно и ночью въ теченіе всѣхъ

Глобус Маргына Вейма'а.

четырёхъ временъ года. Здѣсь нѣтъ льда. Одинъ уплотненный, многоверстной толщины, саванъ вѣчнаго снѣга одѣваетъ землю, ослѣпительно блестя на солнцѣ и распространяя нестерпимый холодъ. Ни животное, ни птица не оживляетъ этого царства смерти и вѣчной зимы. Этимъ Южный полярный материкъ существенно отличается отъ всѣхъ другихъ. У насъ на сѣверѣ, гдѣ сплочены материка до самаго полюса, нѣтъ страны съ вѣчною зимою. Полюсъ холода, область самыхъ суровыхъ зимъ, лежитъ у насъ въ Восточной Сибири у Верхоянска, гдѣ лѣтомъ бываетъ до 30 градусовъ жара, растутъ лиственница и зрѣетъ ячмень. Въ другихъ полярныхъ странахъ зима мягче, лѣто холоднѣе, но вездѣ лѣтомъ таетъ снѣгъ, развивается растительность, и нѣтъ такой арктической страны, гдѣ уровень вѣчныхъ снѣговъ совпадалъ бы съ уровнемъ моря. Это наблюдается только въ шестой части свѣта... Антарктидѣ.

Откуда же, спрашивается, узнали географы всѣ эти подробности, когда никто изъ нихъ тамъ не былъ? Данныя эти вытекаютъ изъ наблюденія явленій, совершающихся въ окрестностяхъ материка. Южное полушаріе есть океаническое полушаріе. Морской климатъ отличается отъ океаническаго тѣмъ, что лишень той рѣзкой разницы въ температурѣ лѣта и зимы, какая характеризуетъ материка. Вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстно, что въ странахъ умѣренныхъ зимою суша лучеиспускаетъ и охлаждаетъ землю гораздо сильнѣе, чѣмъ нагрѣваетъ лѣтомъ. Потому-то полушаріе южное, какъ водное, чѣмъ ближе къ югу, тѣмъ по теоріи должно бы было имѣть меньшую разницу между температурою лѣта и зимы и вмѣстѣ съ тѣмъ становиться теплѣе, чѣмъ сѣверное полушаріе (подъ соотвѣтствующими широтами). Дѣйствительно, при приближеніи къ 60-й параллели явленіе это и наблюдается. Но южнѣе природа полушарія вдругъ измѣняется. Оно становится холоднѣе, и при томъ температура лѣта понижается на столько, что почти не отличается отъ зимней. Южныя части Огненной Земли, Фалькландскіе острова, Кергуленова земля суть страны поздней осени, длящейся всѣ четыре времени года. Зима ихъ всего на 2—3 градуса отличается отъ лѣта, и съ неба постоянно падаетъ что-то среднее между дождемъ и снѣгомъ. Еще южнѣе падаетъ только снѣгъ. Такое быстрое и сильное охлажденіе Южнаго полюса нашей планеты можно приписать только сушѣ, расположенной на крайнемъ югѣ и производящей здѣсь гораздо болѣе сильное лучеиспусканіе, чѣмъ арктическое море. На южномъ континентѣ, повидимому, образовался такой мощный покровъ снѣга, что онъ, отражая слабые и косые лучи солнца, не можетъ, при низкой температурѣ морского воздуха, протекающаго со всѣхъ сторонъ, нагрѣться даже на столько, чтобы началось таяніе. Антарктическій континентъ поэтому есть область вѣчнаго накопленія снѣга. Въ южномъ полушаріи господствуютъ

сѣверо-западные вѣтры, постоянно несущіе влагу къ болѣе холедному матеріку. Этотъ послѣдній, содѣйствуя сгущенію паровъ, какъ бы выжимаетъ снѣгъ изъ воздуха.

Вѣками отлагаясь на континентѣ, снѣгъ долженъ былъ образовывать на немъ высокую гору, которая, возростая у полюса, должна достигнуть высоты облаковъ, выше которыхъ снѣга уже не образуется. Отсюда снѣгъ, постепенно сползаясь, образуетъ ледяныя горы, въ изобиліи плавающія по антарктическому морю, свидѣтельствуя также о существованіи материка.

Если бы не было Антарктиды, не было бы и ледяныхъ горъ. Открытое море, замерзая, образуетъ только ледяныя поля изъ смерзшихся соленыхъ льдинъ. Напротивъ, ледяныя горы могутъ образоваться только изъ прѣснаго, сползшаго въ видѣ ледника, льда, образовавшагося изъ смерзшагося снѣга.

Треугольная форма Антарктиды выводится на основаніи слѣдующихъ соображеній.

Всѣ наши матеріки, какъ показало геологическое изслѣдованіе ихъ, имѣютъ несимметричное строеніе. Ихъ сторона, обращенная къ великому океану, представлена высокими хребтами, изобилующими вулканами и возникшими, говоря геологически, недавно. Это какъ бы тотъ бокъ, который суша нарастила на счетъ моря. Другая сторона материковъ, обращенная къ океанамъ Атлантическому и Идѣйскому, напротивъ, въ теченіе геологическихъ эпохъ, постепенно разрушается. Она изрѣзана морями, изобилуетъ равнинами. Это обломки проваливающихся участковъ коры земной. Эти разнобокіе участки суши образуютъ замкнутое кольцо Великаго океана. Напоминая очертаніями трехугольникъ, они образуютъ кругъ, въ которомъ не достаетъ одного звена, именно находящагося на мѣстѣ Южнаго полюса. Допустивъ же тамъ материкъ, мы уже по аналогіи должны будемъ допустить, что и онъ будетъ имѣть горную цѣпь, обращенную къ Тихому океану, и вулканы съ этой стороны Эребусъ и Терроръ до извѣстной степени это и подтверждаютъ.

Антарктическій континентъ, благодаря своему климату и своей природѣ, не имѣетъ, конечно, значенія, какъ мѣсто жительства человѣка. На немъ нѣтъ флоры и, повидимому, фауна не богата, хотя нѣтъ ничего невѣроятнаго, что подъ снѣжными его покровами въ землѣ погребены остатки организмовъ, долженствующихъ пролить новый свѣтъ на исторію мірозданія. Но если тамъ и нѣтъ теперь населенія, все-таки антарктическій континентъ долженъ играть въ судьбахъ міра видную роль. По справедливому замѣчанію профессора Воейкова, антарктическій континентъ есть область наибольшаго охлажденія на нашей планетѣ,—область, черезъ которую онъ постоянно теряетъ тепло. Всѣ остальные континенты охлаждаются и остываютъ періодически, почему ихъ поверхность лишь въ слабой степени содѣйствуетъ потерѣ тепла нашей планетою. Воды сѣ-

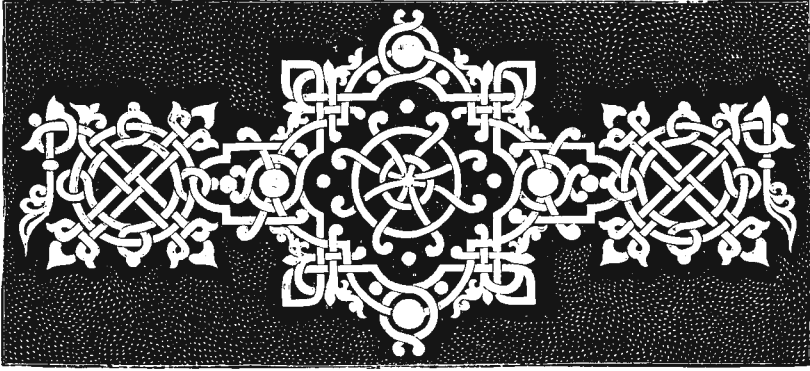
вернаго моря также почти отрѣзаны материками и отмелями отъ сообщенія съ океаническими 5 и 7-верстными глубинами. Напротивъ, около антарктическаго континента воды моря сильно охлаждаются. Тяжелая вода падаетъ на дно, взаи́мнѣ ея протекаетъ поверхностная вода тропическихъ странъ и, охладившись подѣ ледяными полями береговъ Антарктиды, опять падаетъ на дно. Этимъ путемъ воды океановъ съ теченіемъ времени успѣли до того остыть, что на днѣ ихъ, даже подѣ экваторомъ, вода имѣетъ температуру выше 0°, и теплыя экваторіальныя воды образуютъ сравнительно тонкій слой, плавающій надѣ толщею въ среднемъ не теплѣе 5°. Это остываніе океановъ, охлаждая подѣ ними кору земную, заставляетъ ее все болѣе и болѣе вваливаться, увеличивая постепенно глубины морей и вызывая наблюдающееся въ теченіе геологическихъ эпохъ разрастаніе материковыхъ массъ.

Такимъ образомъ, современный край свѣта, его шестая часть, Антарктида, не остается безѣ вліянія на жизнь нашей планеты.

Есть поэтому основаніе стремиться познакомиться съ нею поближе, дабы подтвердить тѣ научнаго характера предположенія, которыя высказывались относительно ея. Надо думать, что если не въ концѣ нынѣшняго, то въ началѣ будущаго столѣтія изслѣдованія эти будутъ выполнены, и тогда терминъ «край свѣта» дѣйствительно станетъ для жителей земли настоящимъ анахронизмомъ.

А. Красновъ.

НОВЫЙ СВИДѢТЕЛЬ ЭПОХИ УБИЕНІЯ ДИМИТРІЯ САМОЗВАНЦА.

ВЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ архивахъ хранится еще не мало цѣннаго матеріала для русской исторіи вообще и Смутнаго времени въ частности. Какой богатый и любопытный матеріаль для эпохи самозванцевъ лежитъ въ Ватиканскомъ архивѣ, доказываютъ многочисленные труды Пирлинга, проникшаго, благодаря особымъ условіямъ, въ тайники римскихъ архивовъ. Но не мало цѣннаго для эпохи Смутнаго времени несомнѣнно найдется въ разныхъ общественныхъ и частныхъ собраніяхъ Галиціи, куда, какъ извѣстно, перешли многіе архивы и бібліотеки изъ русской Польши. Любопытный матеріаль попадаетъ иногда въ такихъ специальныхъ архивахъ, гдѣ его никакъ нельзя было подозрѣвать. Къ такимъ случайнымъ находкамъ относится любопытная записка о московскихъ смутахъ 1606 года, найденная г. Лозинскимъ (авторомъ превосходнаго труда о львовскомъ мѣщанствѣ XV—XVII в.), въ львовскомъ магистратскомъ архивѣ. Г. Лозинскій извлекъ записку изъ одного судебного дѣла и напечаталъ ее цѣликомъ въ журналѣ «Kwartalnik Historyczny» (1894 г., IV), дополнивъ подробностями изъ процесса, въ которомъ она играла роль piéce justificative. Предлагаемъ здѣсь переводъ статьи г. Лозинскаго и найденной имъ записки.

Въ 1610 году въ львовскомъ магистратскомъ судѣ разбирался процессъ между львовскимъ аптекаремъ, Мартыномъ Спыткомъ, и его помощникомъ, Станиславомъ Колачковичемъ. Когда въ 1606 г. сандомирскій воевода Мнишекъ отправлялся въ Москву съ дочерью Мариной, невѣстой Дмитрія Самозванца и будущей московской царицей, нѣкоторые изъ львовскихъ купцовъ, а съ ними даже нѣкоторые иностранные купцы, воспользовались случаемъ и присоединились къ свитѣ воеводы, надѣясь въ царской столицѣ найти сбытъ своимъ товарамъ. Подъ мощной эгидой будущей царицы выѣхалъ знаменитый львовскій ювелиръ Николай Семирадскій съ своими драгоценными издѣліями, русскій купецъ Семень Корунка, краковскіе купцы Себастьянъ Лифге и Геронимъ Поріоли, аугсбургскіе купцы Андрей Натанъ и Матвѣй Манлихъ и другіе.

Аптекарь, или, по современному названію, парфюмеръ¹⁾, Мартынъ Спыткъ, не упустилъ возможности воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ и отправилъ со свитой Марины помощника своего, Станислава Колаковича, съ нѣсколькими возами товара.

Тогдашніе аптекаря не ограничивались продажею однихъ лѣкарствъ; лавки ихъ были наполнены болѣе интереснымъ товаромъ, и потому помощью аптекаря пользовались не одни больные: ни одна свадьба, ни одно значительное пиршество не могло обойтись безъ услуги аптекаря. Есть много доказательствъ, что львовскія аптеки до конца XVII вѣка замѣняли теперешнія кондитерскія. Сладкіе ликеры, торты, марципаны, конфекты, бисквиты и прочія лакомства играли не меньшее значеніе въ торговлѣ аптекаря, чѣмъ медикаменты. Поэтому-то и довѣренный Колачковичу товаръ состоялъ въ значительной части изъ боченковъ самыхъ разнообразныхъ и отборныхъ водокъ и ликеровъ, конфектъ, маринованныхъ фруктовъ, приправъ и разной бакалеи, нужной для приготовления марципановъ, а такъ какъ марципаны имѣли обыкновенно разныя символическія или фигурныя украшенія, то Спыткъ не забылъ о затѣливыхъ деревянныхъ формахъ, въ которыхъ отливались подобныя украшенія. Въ актахъ процесса находимъ списокъ такихъ формъ, и изъ нихъ можемъ узнать, какъ были украшены марципаны, которые приготавлилъ Колачковичъ на свадьбу Дмитрія и Марины. Тутъ были марципаны съ исторіями, то-есть съ цѣлыми сценами, на примѣръ, съ королемъ Давидомъ, играющимъ на арфѣ, съ исторіей Сусанны, съ нѣмцемъ, цѣлующимъ куртизанку, и пр.; были и другіе съ фигурами людей и животныхъ, на примѣръ, съ гайдукомъ, трубившимъ верхомъ на конѣ, съ женской фигурой, съ орломъ, рыбой, пеликаномъ, единорогомъ и т. п.

Въ обширномъ реестрѣ, представленномъ въ процессѣ, въ числѣ медикаментовъ находимъ много употребительныхъ и теперь лѣ-

¹⁾ Aromatarynsz.

карствъ, но также и разныя чудодѣйственныя средства съ каба-листическими названіями, разные ингредиенты, рассчитанныя на суевѣріе народа, не говоря уже о митридажѣ и о знаменитой дріаквѣ, лѣчившей всѣхъ и все безъ исключенія. Былъ тутъ, конечно, и мионическій единорогъ (представлявшій собою, какъ извѣстно, не что иное, какъ моржевый зубъ), который тогда продавали въ маленькихъ кусочкахъ на вѣсъ золота и вставляли въ перстни и запонки, цѣня наравнѣ съ алмазами. Наконецъ, между довѣренными Колачковичу предметами была и рѣдкость изъ рѣдкостей, единственный разъ встрѣчаемая среди фантастическихъ товаровъ львовской аптеки XVII вѣка, а именно перо феникса, оцѣненное въ большую цѣну, но къ великому огорченію хозяина проданное Колачковичемъ въ Москвѣ за ничтожную цѣну въ 20 злотыхъ. «Ни денегъ, ни феникса не хочетъ панъ отдать», жалуется Спытекъ на судѣ.

Когда послѣ многихъ приключеній и передѣлокъ Колачковичъ вернулся въ Львовъ, онъ сразу сталъ героемъ дня, благодаря интереснымъ рассказамъ о своихъ приключеніяхъ; но за то денежный результатъ его экспедиціи очень мало удовлетворилъ его патрона, Спытка. Колачковичъ утверждалъ, что значительная часть довѣреннаго ему товара погибла въ Москвѣ въ день кровавой катастрофы 17-го мая 1606 г., когда вмѣстѣ съ убіеніемъ Димитрія разлетѣлись въ прахъ гордые замыслы Марины, и кончился первый, наиболѣе блестящій, актъ трагедіи, въ которой она играла роль героини. Спытекъ не вѣрилъ рассказамъ своего помощника и, подозревая его въ плутовствѣ, подалъ на него жалобу въ лавничій судъ. Этому процессу мы обязаны сохраненіемъ мемуара Колачковича, внесеннаго въ акты въ качествѣ *pièce justificative*.

Какъ изъ актовъ процесса, такъ и изъ самаго мемуара довольно ясно обрисовывается личность Колачковича. Это типичный представитель современнаго львовскаго мѣщанства. Оборотливый, предприимчивый, смѣлый, полный, такъ сказать, купеческаго нюха, ловко умѣющій завязывать дѣловыя сношенія и умѣло ими пользоваться, владѣющій рѣдкимъ искусствомъ ориентироваться въ чужомъ мѣстѣ и между чужими людьми, Колачковичъ даетъ намъ отличное представленіе о талантѣ и личныхъ достоинствахъ купеческой молодежи начала XVII вѣка. Любя наживу, онъ, однако, подобно львовскому богатому мѣщанству того времени, не прочь пощеголять: «не успѣлъ онъ вернуться изъ Москвы, какъ тотчасъ готовить себѣ на свадьбу его милости короля пышную одежду, подбитую персидскимъ адамантомъ, и побрякиваетъ червонными золотыми». Въ Москвѣ онъ умѣлъ понравиться всѣмъ—своимъ и чужимъ, ему протезируетъ Мнишекъ и вся его свита, московскіе бояре; съ самимъ Шуйскимъ, будущимъ царемъ, онъ въ отличныхъ отношеніяхъ; даже послѣ катастрофы, возведшей Шуйскаго на цар-

ство, онъ держится съ нимъ почти фамиллярно. Онъ знаетъ, что такое страхъ, и не стыдится его, но въ моментъ опасности отличается отвагою и рѣшительностью; когда народная толпа грабитъ польскіе дворцы и рѣжетъ поляковъ и сторонниковъ Димитрія, Колачковичъ даетъ у себя убѣжище цѣлому ряду купцовъ львовскихъ, краковскихъ, нѣмецкихъ, организуетъ оборону, добываетъ порохъ, а за недостаткомъ пуль употребляетъ на нихъ свои цинковыя фляжки. Со страхомъ становится онъ передъ думными боярами, но сохраняетъ на столько присутствіе духа и сообразительность, что при входѣ набожно крестится поправославному, чтобы понравиться боярамъ, для спасенія жизни готовъ вступить въ службу «на царское имя», но когда ему даютъ на выборъ оставаться въ царскомъ дворѣ, или сопутствовать Мнишку въ Ярославль, выбираетъ послѣднее и идетъ раздѣлить неволю съ своимъ покровителемъ. Однако и тутъ онъ не упускаетъ своихъ выгодъ; обвинитель жалуется, что онъ, послѣ погрома, когда всѣхъ плѣнниковъ отправили вмѣстѣ съ воеводою Сандомирскимъ въ Ярославль на заточеніе, поѣхалъ туда съ товаромъ, распродалъ его съ большою выгодною, такъ какъ ему не въ примѣръ прочимъ дозволено было вести торговлю съ мѣстными купцами. Будучи всего на всего простымъ аптекаремъ, онъ, однако, смѣло принимается въ Москвѣ за лѣченіе, спасаетъ отъ смерти больного ребенка важнаго боярина и за это снискиваетъ покровительство благодарнаго отца.

У царя Шуйскаго онъ былъ въ большой милости, говоритъ одинъ изъ свидѣтелей. Въ Ярославль онъ торговалъ, продавалъ мальвазію, а возвращаясь изъ Ярославля въ Москву, везъ съ собою разныя серебряныя издѣлія, палаша, блюда, тарелки, уборы, парчевыя матеріи, соболиныя мѣха, серебряныя стремяна и пр. Въ Львовѣ Колачковичъ пріѣзжаетъ такъ разодѣтый, какъ если бы возвращался не съ погрома, а послѣ блестящей побѣды: «въ дорогихъ одеждахъ, стѣящихъ нѣсколько сотъ золотыхъ, при позлащенной литой саблѣ; задавать началъ шумныя пиры и банкеты, даритъ направо и налево дорогіе подарки и сувениры». Когда Спытекъ привлекаетъ его къ суду, Колачковичъ уже заранѣе позаботился о протекціи и выступаетъ подъ эгидой кн. Радзивиловъ Олыцкихъ, какъ ихъ слуга, представляетъ рекомендательныя письма Мнишковъ и другихъ пановъ, защищается то скромно, то надменно, смотря по надобности, говоритъ о пѣтетѣ и благодарности, которую онъ сохранилъ къ хозяину, воспитавшему его съ дѣтскихъ лѣтъ, но когда принципаль по выходѣ изъ ратуши обращается къ нему съ упрекомъ, бросается на него съ саблей.

Эта яркая характеристика автора ниже приводимаго мемуара о московскихъ событіяхъ 17 мая 1601 г., казалось бы, говоритъ

очень не много въ пользу достовѣрности его показаній. Однако, если онъ кое-гдѣ и прихвастнулъ, кое-что прибавилъ, то, конечно, главнымъ образомъ тамъ, гдѣ дѣло шло о предметахъ, имѣвшихъ отношеніе къ процессу, гдѣ затрогивались его личные интересы. Описаніе событій дня 17 мая сдѣлано очень живо, хотя описаніе это и составлено уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ событій (въ 1610 г.), но пережитое въ этотъ страшный день очевидно произвело на автора такое сильное впечатлѣніе, что сохранилось въ его памяти до малѣйшихъ подробностей. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, разговоръ его съ Шуйскимъ, заслуживаютъ, на нашъ взглядъ, извѣстнаго довѣрія, такъ какъ, по даннымъ другихъ источниковъ, мы знаемъ, что Шуйскій ходилъ по дворамъ, успокоивалъ разбушевавшуюся толпу и спасъ не мало поляковъ отъ смерти¹⁾.

«Когда панъ Мартынь посылалъ меня въ Москву съ его милостью паномъ воеводою Сандомирскимъ въ 1606 г., повѣривъ мнѣ товаръ, по реестру, писанному моею рукой, взвѣшанный, но безъ таксы, и далъ мнѣ возы съ четырьмя лошадьми и возокъ на пару лошадей, двухъ возницъ и одного хлопчика, пять золотыхъ на иждивеніе, я, принявъ товаръ взвѣшанный, но безъ таксы, колебался ѣхать, опасаясь, чтобы при моей молодости могъ исполнить такое непривычное для меня порученіе, а еще больше потому, что (хозяинъ) отправлялъ меня въ такую дальнюю дорогу съ такими малыми средствами и такою челядью и лошадьми. Но послѣ долгихъ пререканій я увидалъ, что нельзя поступить иначе, и поэтому, памятуя благодѣянія пана Мартына, у котораго я выучился (своему ремеслу), желая угодить ему во всемъ, какъ слуга хозяину, я отправился въ путь, обливаясь слезами при мысли о такой дальнейшей дорогѣ (послѣдняго обстоятельства не станеть отвергать и панъ Мартынь). Какія опасности я претерпѣлъ въ дорогѣ и какія затрудненія испыталъ вслѣдствіе недостатка кормовъ для коней и пищи для меня и челяди, не могу даже описать здѣсь. Всѣ знакомые и панъ воевода оставили меня; и я, какъ одинъ выѣхалъ изъ Львова, такъ одинъ и прибылъ въ Москву, занимая то здѣсь, то тамъ на кормъ, не желая за безцѣнокъ продавать товаръ. Кое-какъ дотащился я до Москвы, выплачивая кредиторамъ, что могъ, изъ продажи товара въ Москвѣ. Мнѣ отвели дворъ, называемый Глинскимъ, гдѣ стояла челядь пана Бучинскаго, находившійся въ

¹⁾ См., напримѣръ, сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ (Русская Историческая Библиотека, издаваемая археографической комиссіею, т. 13, стр. 750). Стадницкіе въ письмѣ къ Льву Сапѣгѣ (Archiwum Domu Sapiehow, р. 500) сообщаютъ, что они уцѣлѣли, лишь благодаря Дмитрію и Василю Шуйскимъ. Послѣдній пріѣхалъ къ нимъ, утѣшалъ, «обнималъ съ плачемъ» и приставилъ къ нимъ для безопасности 100 стрѣльцовъ.

такомъ разстояніи (отъ замка), какъ отсюда до св. Анны, а панъ воевода со всѣмъ своимъ штатомъ сталъ въ замкѣ во дворѣ Борисовомъ ¹⁾).

«Лишь только я сложилъ товаръ съ воезовъ въ подвалъ, какъ мнѣ былъ отданъ черезъ пана Бучинскаго царскій приказъ готовить марципаны на свадьбу, а такъ какъ внизу въ подвалѣ было тѣсно, я перебрался на верхъ, взялъ только то, что мнѣ было нужно для изготовленія марципановъ, а болѣе громоздкіе товары, какъ-то боченки съ горѣлками, водками, конфектами, остались въ подвалѣ, а прочій товаръ на возахъ. И вотъ я начинаю готовить одинъ за однимъ марципаны, такъ какъ не имѣлъ помощниковъ. Товару своего я не выкладывалъ, ибо не для чего было трудиться, вслѣдствіе дешевизны въ Москвѣ такихъ товаровъ, какъ коренья, конфекты и другія сладости. Я совѣтовался съ паномъ Бучинскимъ, что мнѣ съ этимъ товаромъ дѣлать, ибо я не могу продавать его по существующимъ въ Москвѣ цѣнамъ. Онъ велѣлъ мнѣ ждать, пока царь велитъ забрать у меня все и заплатить за все огуломъ. Эти товары у меня осматривали бояре и торговали для царя, но хотѣли ихъ взять тотчасъ. Задержавъ ихъ не много, я побѣждалъ къ пану Бучинскому спросить его, давать или не давать этого товара для царя, и онъ, какъ порядочный человѣкъ, предостерегъ меня, чтобы я ничего не давалъ, пока мнѣ не заплатятъ денегъ. Москвичи разгнѣвались, говоря: «ты не вѣришь царю и будешь за то у царя въ опалѣ». Это происходило въ четвергъ передъ вечеромъ, я безопасно себя оканчиваю печеніе марципановъ и жду весь слѣдующій день. Однако, никто не приходитъ за товаромъ, который у меня приторговали. И вотъ наступаетъ затѣмъ *dies afflictionis*, спутавшій все; въ субботу ударили въ набатъ; я, не зная обычаевъ мѣстныхъ, спрашиваю, что это такое, какъ вдругъ бѣжитъ какой-то москвичъ съ оружіемъ, крича: «Въ городѣ горе». Выхожу за ворота, желая точнѣе узнать, что происходитъ; вдругъ вижу толпу людей, бѣгущихъ въ мою сторону, послѣ грабежа другихъ дворовъ. Взбѣгаю на верхъ, загородивши ворота, а уже ко мнѣ на верхъ прибѣжало нѣсколько человѣкъ, между ними купецъ Натанъ и Себастьянъ изъ Кракова, бывшій у него толмачемъ. Выбѣжали въ чемъ попало, прямо съ постели, едва успѣли захватить оружіе. Увидѣвъ такую страшную опасность, я велѣлъ тотчасъ ломать лѣстницу, а какъ на верху у меня было нѣсколько воезовъ кирпича, который я велѣлъ привезти для устройства печи, то я ими и загородился; спрашиваю, есть ли у кого заряды; было, правда, да очень мало, но у меня было фунта съ три пороха, да всего одиннадцатъ мушкетовъ, за то олова ни куска. Что тутъ дѣлать? Нужда учить; у меня были большія цинковыя фляжки, я отвер-

¹⁾ Т. е. въ домѣ Годунова.

тѣль у нихъ ушки и передѣлалъ въ маленькія пульки и набилъ ими мушкеты; но и то спасся не этимъ оружіемъ, а только Божіей помощью. Богъ сохранилъ меня отъ гибели, ибо невозможно было бы бороться съ такой огромной толпой.

«Черезъ часть, или два, прибѣгаетъ въ мой дворъ Василиій Шуйскій, теперешній царь, хорошо знавшій обо мнѣ, и гдѣ я стоялъ, разогналъ народъ со двора и велѣлъ своимъ слугамъ запереть дворъ. Спрашиваетъ меня: «Кто тутъ стоитъ?» Я выглянулъ изъ окна, а онъ мнѣ говоритъ: «Не бойся, тебѣ не будетъ ничего, такъ какъ Пречистая Богородица уже указала намъ настоящаго вора». Я не понималъ, кого это онъ зоветъ воромъ, но тутъ былъ одинъ, спасшійся ко мнѣ въ этотъ день писарь пана Станислава Бучинскаго; онъ уразумѣлъ, что это онъ царя зоветъ воромъ, а никого иного. Я спрашиваю его: «Что это въ замкѣ дѣлается, панъ Шуйскій?». Отвѣчаетъ: «Все будетъ хорошо, ибо разстрига убить. Панъ воевода и дочь его разстрижина со всѣми жонками здоровы. Ты не бойся, будешь попрежнему получать кормъ на себя и на челядь». Я поблагодарилъ его за это; уѣзжая, онъ далъ мнѣ приставовъ для защиты отъ народа и велѣлъ, чтобы какъ только за мною пришлетъ, то я шель бы въ замокъ.

«Едва прошелъ часть, какъ за мною во дворъ приходятъ два москвича, чтобы я тотчасъ шель въ замокъ къ панамъ думы. Я, однако, колебался, ибо (волненіе) еще не успокоилось, и я боялся одинъ погибнуть; я просилъ, чтобы кто нибудь шель вмѣстѣ со мною и этими дѣтьми боярскими въ замокъ, но никто не хотѣлъ, только понукали меня. Насилу я упросилъ того писаря пана Станислава Бучинскаго, чтобы онъ шель со мною; вѣдь если Богъ такъ предназначилъ, то онъ одинаково умретъ здѣсь ли, или тамъ. Простившись со всѣми, которые тамъ остались, и съ челядью, я отправился. Прихожу въ сѣни передъ избой сенаторской въ замкѣ; громадная толпа москвичей дѣлится пограбленными польскими одедами; крови было столько, что я шель въ ней по щиколку. Тутъ я забылъ не только о своемъ страхѣ, но и о своей жизни. Осматриваюсь, идетъ ли за мной писарь пана Бучинскаго, но и тотъ пропалъ, не знаю, что съ нимъ сдѣлали, самъ стою полуживой. Вдругъ мнѣ велятъ стать передъ думными панями, вхожу въ покой и крещусь по русскому обычаю. Тутъ Шуйскій говоритъ боярамъ: «Вотъ настоящій христіанинъ, такіе намъ нужны въ государствѣ». Затѣмъ Шуйскій спрашиваетъ меня, хочу ли я остаться на царское имя? будешь пожалованъ. Обрадованный отвѣчаю: «Былъ бы только живъ, не только на имя царское, а у поддѣйшаго холопа твоего буду служить». Спрашивали меня, женатъ ли я, отвѣчалъ, что холостъ. Они начали меня утѣшать, обѣщая оставить мнѣ жизнь, дать содержаніе и женить. Я на всѣ предложенія соглашался, обѣщая вѣчно имъ служить, никогда не измѣнять.

Потомъ допрашивали меня, сколько у меня челяди, живы ли въ Польшѣ мой отецъ и мать; я отвѣчалъ, что и отецъ и мать у меня живы, но что я буду служить тамъ, гдѣ мнѣ будетъ хорошо. Затѣмъ меня отдали приставу, Дорогобужскому воеводѣ, для представления боярамъ.

«На слѣдующій день, въ воскресенье, рано утромъ привезли меня въ замокъ къ думнымъ панамъ. Спрашивали меня, хочу ли я отправиться къ пану воеводѣ Сандомирскому, или остаться у нихъ. Съ великою радостью, упавъ на колѣни, я просилъ, чтобы меня отправили къ его милости. Меня съ тѣмъ же бояриномъ отправили въ Борисовъ дворъ, чтобы сдать Сандомирскому воеводѣ, которому бояринъ сказалъ: «Панъ воевода Сандомирскій, всѣ думные бояре жалуютъ тебя; прислали твоего доктора, чтобы онъ тебя лѣчилъ, дабы ты не опасался за свою жизнь, всѣ обѣщаютъ тебѣ, что ты будешь въ безопасности». Его милость панъ воевода Сандомирскій съ благодарностью принялъ отъ нихъ это пожалованіе, посылая благодарность съ тѣмъ же бояриномъ. Когда по уходѣ того боярина панъ воевода спросилъ меня, какъ я уцѣлѣлъ, я все рассказалъ ему, какъ было.

«Когда затѣмъ начало становиться спокойнѣе, пробывъ нѣсколько дней у воеводы, я написалъ прошеніе къ царю, прося, чтобы мнѣ дозволили взять товаръ, оставшійся послѣ погрома, указывая на то, что мнѣ нечѣмъ лѣчить больнаго пана воеводу. Этого нельзя было сдѣлать тотчасъ, я долженъ былъ писать нѣсколько разъ челобитныя боярамъ и царю, обѣщая тѣхъ, кто доведетъ это до царя, щедро удовлетворить, лишь только мнѣ будетъ все возвращено. Приходить ко мнѣ одинъ отъ нихъ съ извѣщеніемъ о царскомъ и всѣхъ бояръ указѣ пожаловать меня оставшимся товаромъ, въ виду того, что я сдался на царское имя, и велѣли мнѣ бояре сказать, чтобъ я не тревожился, что могло погибнуть, царь и бояре обѣщаютъ тебя вознаградить, если вѣрно служить имъ будешь. Получивъ такую радостную вѣсть, я, однако, только на шестой день написалъ хлопцу своему письмо, въ которомъ сообщалъ, что по милости Божіей живъ, и вознаградивъ того москвича, послалъ съ нимъ, чтобы онъ передалъ кому нибудь изъ моей челяди. Прочитавъ письмо, хлопецъ сказалъ слугамъ разныхъ пановъ, которые были у меня въ домѣ: «панове, у меня есть письмо отъ пана, что онъ живъ». Изумились, такъ какъ говорили навѣрное, что я погибъ; не вѣря хлопцу, принялись его бить. — «Ты выдумываешь, его нашъ приставъ видѣлъ убитымъ подъ городомъ». Поэтому москвичъ не принесъ мнѣ никакого отвѣта, а сказалъ только, что хлопца побили. Я тогда написалъ письмо ко всѣмъ, что имъ не долго придется пользоваться моимъ имуществомъ. Прочитавъ письмо, кое-кто изъ нихъ бросилъ то, что захватилъ, да и то только одежду и котюлю, а что касается горѣлки, конфектъ, водки, что съ

москвичами выпили и съѣли, то пропало, ибо чего москвичи не забрали, то наши поворовали и поѣли. Взявъ приставовъ, нанявъ нѣсколько извозчиковъ, я пріѣхалъ на седьмой день за уцѣлѣвшимъ отъ погрома товаромъ во дворъ, въ которомъ стоялъ, и забралъ, что тамъ нашель. Отсюда я поѣхалъ ко двору пана воеводы, не вступая съ ними больше въ препирательства и за то, что осталось, благодаря Бога. Желая узнать, что мнѣ осталось, беру реестръ, начинаю ревизовать товаръ и выбился изъ силъ; а когда стали договариваться съ послами короля его милости объ освобожденіи насъ изъ плѣна, панъ воевода упомянулъ при конклюдіи объ убыткахъ, понесенныхъ въ погромѣ. Намъ велѣли, чтобы мы подъ присягою правдивые реестры убытковъ написали и отдали въ руки ихъ милости пановъ пословъ, которые должны были показать ихъ королю его милости, и съ комиссіей черезъ годъ по постановленію ихъ милости пановъ пословъ по перемирю на 4 года намъ должны были выдать вознагражденіе» ¹⁾).

Этимъ заканчивается записка Колачковича, представленная имъ въ судъ во время процесса съ своимъ принципаломъ. Въ остальной части его отвѣди на жалобу пана Спытка находится только полемика съ доводами истца, но болѣе ничего интереснаго. Однако, въ другихъ актахъ процесса, въ разныхъ репликахъ и дубликахъ находимъ еще нѣсколько небезынтересныхъ подробностей.

Аптекарь Спытекъ оцѣниваетъ довѣренный Колачковичу товаръ въ 4.069 злотыхъ. Въ ту эпоху, когда велся этотъ процессъ, цѣна злотаго стояла еще очень высоко: червонный золотый равнялся лишь двумъ съ небольшимъ польскимъ злотымъ. Поэтому-то цѣнность товара, по вычисленію Спытки, доходила бы до весьма крупной суммы—30 или 40 тысячъ теперешнихъ злотыхъ. Но, конечно, можно сомнѣваться въ истинности подобкой оцѣнки. Спытекъ, въ виду особенныхъ условій сбыта даннаго товара, назначилъ ему исключительную цѣну, а Колачковичъ, хотя и значительно понизилъ цѣны, но продавалъ товаръ въ два раза дороже, чѣмъ во Львовѣ. «Отвѣтчикъ продавалъ товаръ по наивозможно высшей цѣнѣ,—говоритъ патронъ Колачковича. Пусть панъ Спытекъ узнаетъ отъ пана Сандомирскаго (Мнишка), какъ тотъ ругался, нарекалъ и проклиналъ, когда ему въ счетъ фунтъ шафрана былъ показанъ въ 20 злотыхъ, а въ Москвѣ ему тогда цѣна была 6 злотыхъ. Или горѣлка кварта, именуемая Ros solis, продается во Львовѣ по злотому, а истецъ положилъ по 3 злотыхъ, водка динамоновая и татарская во Львовѣ по 12 грошей, а истецъ положилъ по копѣ за кварту. Фунтъ конфетъ во Львовѣ стоитъ полгривны, въ Москвѣ

¹⁾ Мы старались въ дословномъ переводѣ передать отрывочное и далеко не литературное, хотя и живое, изложеніе автора.

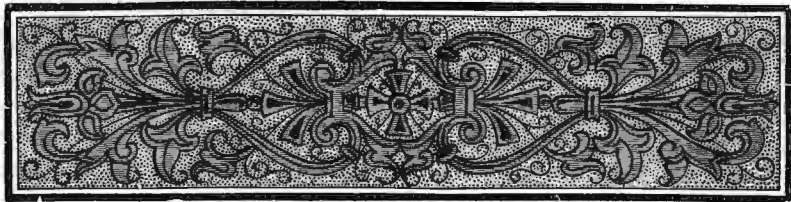
12 грошей, и перец положилъ по копѣ. Леденцы во Львовѣ по золотому, въ Москвѣ по 15 грошей, а истецъ назначилъ по копѣ. Изюмъ стоитъ также во Львовѣ 12 золотыхъ, камень въ Москвѣ по копѣ, а истецъ назначилъ по 8 золотыхъ, и прочіе товары оцѣниваются вдвое противъ Львовской цѣны».

Изъ списка товаровъ, потерпѣвшихъ отъ московскаго погрома, узнаемъ, что болѣе всего пострадали ликеры и водка. Помимо запасовъ нюрнбергскихъ конфетъ, имбирю, бисквитовъ, москвичи пограбили боченокъ анисовой водки въ 200 квартъ, цѣною въ 200 золотыхъ, и цѣлый запасъ другихъ водокъ съ самыми разнообразными названіями: розовая, подорожниковая, бураковая, медовая, цинамоловая, линтварная, и проч.

Не смотря на испытанныя въ первой экскурсіи въ Москву приключенія и опасности, Колачковичъ ѣдетъ во второй разъ въ Москву съ товаромъ въ эпоху втораго самозванца, но объ этомъ путешествіи не оставилъ намъ записокъ.

И. А. Линниченко.

ВЕНЕВЪ МОНАСТЫРЬ ¹⁾.

В СТОРОНѢ отъ большой дороги, ведущей изъ города Венева въ Тулу, на 15-й верстѣ находится храмъ, обращающій на себя вниманіе своей старинною, своеобразною архитектурою. Это бывшій Николаевскій Веневскій монастырь. Время основанія его неизвѣстно; въ первый разъ упоминается онъ въ началѣ XV вѣка, по случаю поступленія туда Юрія (Георгія) Святославича, удѣльнаго князя смоленскаго, гдѣ онъ и погребенъ въ 1408 году; но въ то время монастырь уже былъ устроеннымъ, слѣдовательно, основаніе его произошло ранѣе.

Храмъ двухъ-этажный и построенъ чрезвычайно просто: саженыя стѣны, массивныя двери, окованныя желѣзомъ; полъ сдѣланъ изъ клена и ясеня такой толщины (есть половицы по 1¹/₂ арш. ширины), какую нынѣ трудно встрѣтить, и притомъ половинчатый: деревья пилили или кололи на двѣ половины и настилали полъ. Нужно предполагать, что при постройкѣ храма, помимо прочности, главная цѣль, руководившая строителями, была создать надежное убѣжище отъ внѣшнихъ враговъ; это подтверждаютъ и стѣны, и двери, и узкія небольшія окна съ толстыми желѣзными рѣшетками. Если посмотрѣть на историческую карту древней Руси, то увидимъ, что вся нынѣшняя Тульская губернія находилась на границѣ и, слѣдовательно, подвергалась постоянно всякимъ слу-

¹⁾ При составленіи этого очерка я пользовался разсказами мѣстнаго священника о. Успенскаго и статью проф. Шумова, напечатанною въ «Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ».

чайностямъ и опасностямъ. Но укрѣпленіе Веневскаго монастыря не ограничивалось толстыми стѣнами и крѣпкими затворами собственно въ монастырѣ, и послѣдній не стоялъ такъ одиноко, какъ теперь, а около него находилось нѣсколько жилыхъ каменныхъ домовъ, конюшни, амбары, былъ садъ, сажалка съ рыбой, а вокругъ всего этого возвышалась каменная стѣна, съ шестью башнями, изъ тесаного камня, который впоследствии пошелъ на постройку Тульского оружейнаго завода.

Въ грамотѣ, данной Веневу монастырю въ 1621 году царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, за монастыремъ значилось: «Въ Тульскомъ уѣздѣ, въ стану, въ старомъ городищѣ село Бортники, на рѣкѣ на Осетрѣ, село Новоселки, да тѣхъ селъ деревни: деревня Онишино, да въ верхуши пустошь Судакова, пустошь Картасенево, да село Хавково, деревня Славково, починокъ Семьяна, деревня Медвѣжья за рѣкою за Веневую у Медвѣжья прѣ; да въ Нюховскомъ стану: пустошь безъ жеребья, что была деревня Теплая». Кроме того, по писцовымъ книгамъ 1590 г. значилась за монастыремъ «деревня Пруцкая, полпустоши на волынскихъ поляхъ».

По указу царя Ѳеодора Алексѣевича (въ 1677 г.) «Веневъ монастырь, со всѣми своими вотчинами, селами и деревнями, со всякимъ строеніемъ, съ конскимъ и всякимъ скотнымъ заводомъ» былъ приписанъ къ дому патріарха Іоакима, а когда патріаршество было замѣнено святѣйшимъ синодомъ, монастырь сталъ «приписнымъ синодальнымъ монастыремъ».

Имѣя такой дальній надзоръ, монастырь, вѣроятно, сталъ падать въ смыслѣ благочинія, а потому, указомъ святѣйшаго синода 1749 года, монастырь подчиненъ «для скорѣйшаго отвращенія и искорененія всякихъ непристойностей» коломенскому архіерею, съ правомъ ему отрѣшать и производить настоятелей, но съ запрещеніемъ вмѣшиваться въ хозяйство монастырскихъ вотчинъ.

Большая часть вотчинныхъ доходовъ принадлежала синодскому дому, а меньшая часть монастырю; крестьяне, слѣдовательно, должны были служить двумъ господамъ: они должны были работать и синодскому дому и монастырю; если принять во вниманіе число крестьянъ (около 3 тысячъ человѣкъ), то и доходовъ, вѣроятно, было не мало. Синодскій домъ назначалъ управителя вотчинами, который вмѣстѣ съ «приписными» подьячими творилъ судъ и праву надъ крестьянами, назначалъ ихъ на работы; жилъ онъ для болѣе успѣшнаго наблюденія попеременно то въ Богоявленскомъ, то въ Хавкахъ, и получалъ съ крестьянъ, кромѣ хлѣбной и всякой провизіи, жалованья по 30 рублей. Монастырь имѣлъ свою мельницу на рѣкѣ Осетрѣ; молился тамъ хлѣбъ на монастырскій обиходъ, и еще бралось за нее оброку по 22 рубля; монастырю же принадлежалъ рыбный ловъ въ прудѣ при монастырской слободкѣ и фруктовый садъ.

Церковь Венева монастыря.

Крестьяне въ годъ на монастырь поставляли: 60 сажень дровъ, 25 четвертей хмелю, 5 тысячъ яицъ, 5 пудовъ коровьяго масла, 12¹/₂ четвертей коноплянаго сѣмени, 20 четвертей ржи, столько же овса; вмѣсто сбора овчинъ платили по 5 рублей; кромѣ того, крестьяне платили по 80 рублей на «пропитаніе», изъ нихъ архимандритъ получалъ 10 рублей, а іеромонахи и монахи по 3 рубля 44¹/₂ коп.

Монастырскія власти не должны были вмѣшиваться въ управленіе крестьянами; монастырскіе экононы только могли собирать доходы, принадлежавшіе монастырю, и пользоваться бесплатнымъ трудомъ крестьянъ, испросивъ на то согласіе управителя. Но на самомъ дѣлѣ настоятели монастыря были полными господами надъ вотчинами, самоуправно судили и наказывали крестьянъ, произвольно накладывали на нихъ поборы, часто непосильные, и для вымогательства ихъ прибѣгали къ жестокостямъ; крестьяне, доведенные до крайности произволомъ «людей не отъ міра сего», подавали на нихъ жалобы и заводили съ ними тяжбы. Вообще между монахами и ихъ подвластными установились такія враждебныя отношенія, что когда впоследствии крестьяне были отобраны, и монастырь обѣднялъ, то монахи отправились было собирать подаяніе по ближайшимъ селамъ и деревнямъ, бывшимъ монастырскимъ, но крестьяне не дали имъ ни куска хлѣба.

Въ 1764 году вотчинные крестьяне были отобраны отъ монастыря, при чемъ самъ монастырь въ штатъ не былъ зачисленъ, а предоставленъ своимъ средствамъ, главнымъ образомъ долженъ былъ существовать отъ мірскаго подаянія. Средства монастыря остались слѣдующія: 90 десятинъ земли да пустошь Кирѣвская съ лѣсомъ и покосами; но эта пустошь не приносила ему болѣе 37 рублей въ годъ, а этого было очень мало для монастыря, а потому въ томъ же году монахи разбрелись изъ монастыря, кромѣ престарѣлыхъ, которымъ ужъ некуда было идти. Но въ монастырѣ оставались кое-какіе запасы отъ стараго добраго времени, но и тѣ скоро были расхищены. Осенью 1764 года въ монастырь пріѣхалъ казначей коллегіи экономіи, надворный совѣтникъ Иванъ Саввичъ Оголинъ, для осмотра монастырскихъ вотчинъ; прибылъ онъ съ командою; поселились всѣ въ монастырѣ, изгнавъ монаховъ изъ лучшихъ комнатъ, и начали хозяйствовать по-своему: безъ милосердія жгли монастырскія дрова, чуть не ежедневно топя баню, ѣли монастырскій скотъ, присвоили монастырскіе экипажи, сбрую и часть оброчныхъ денегъ. Вмѣстѣ съ чиновниками водворились въ монастырь «неродственные имъ лица женскаго пола»; команда производила шумъ, свдвернословіе и всякія безобразія, къ великому соблазну братіи и приходящихъ богомольцевъ. По донесенію игумена монастыря о всемъ этомъ, коломенскій архіерей Феодосій указомъ (14-го января 1765 г.) запретилъ священнослужителямъ Туль-

скаго уѣзда допускать Оголина и его команду къ кресту, благословлять ихъ и исполнять у нихъ какія бы то ни было требы до тѣхъ поръ, пока они не уѣдутъ изъ монастыря. 20-го января того же года Оголинъ былъ назначенъ въ г. Ефремовъ воеводою и уѣхалъ, захватя съ собою немало монастырскаго добра. Вскорѣ послѣ отъѣзда Оголина въ монастырь явилась новая ватага чиновниковъ, подъ начальствомъ Теляковского, тоже казначея. Опять въ монастырѣ завелись тѣ же беспорядки, какъ и при Оголинѣ, и послѣднее монастырское добро, какое еще оставалось, было расхищено Теляковскимъ и дружиной его. Преосвященный подвергъ Теляковского, какъ и Оголина, церковному осужденію и просилъ, чтобы Теляковского вывели изъ монастыря и судили бы его и Оголина по законамъ; Оголинъ преданъ былъ суду, а Теляковскому съ командою было приказано оставить монастырь.

Вотъ какъ описываютъ свое положеніе монашествующіе въ письмѣ къ преосвященному Θεодосію послѣ погрома двухъ казначеевъ: «нынѣ стали безъ всякаго пропитанія, и милостыни испросить не у кого: проѣзжей большой дороги близъ монастыря нѣтъ, стала въ дальнемъ разстояніи, а въ деревняхъ у крестьянъ хлѣба ни у кого не выпросишь, а въ засѣкѣхъ дровъ рубить никакъ невозможно, тако-жъ къ службѣ Божіей на просвиры муки, вина церковнаго, ни свѣчъ, ни ладону взять стало не откуда и самимъ питаться нечѣмъ. Просимъ вашего преосвященства, чтобы насъ перевести въ другіе монастыри, чтобы намъ безъ хлѣба и безъ дровъ напрасно не помереть». При такихъ обстоятельствахъ дальнѣйшее существованіе монастыря было почти невозможнымъ; и дѣйствительно, къ 1775 году въ монастырѣ оставался только одинъ престарѣлый іеромонахъ да прапорщикъ, находившійся въ искусствѣ.

6-го мая 1782 года преосвященный Θεодосій сдѣлалъ представленіе святѣйшему синоду, чтобы упразднить церковь въ с. Богоявленскомъ, а монастырь сдѣлать приходскою церковью, на что и получилъ согласіе. Деревянная церковь въ с. Богоявленскомъ была сломана и продана, а вырученные деньги и ризница поступили въ Успенскую церковь; облаченія, принадлежавшія архимандритамъ монастыря, велѣно было для храненія отправить въ каедральную коломенскую ризницу, а жилия каменные зданія были отданы для пользованія священно и церковнослужителямъ вновь устроенной приходской церкви. Въ нижнемъ этажѣ церкви тамъ, гдѣ прежде была монастырская кухня, былъ устроенъ придѣлъ во имя Богоявленія.

Въ 1784 г. тульскій и калужскій генераль-губернаторъ, Кречетниковъ, на котораго было возложено присканіе матеріала для строившагося Тульскаго оружейнаго завода, приказалъ ветхую ограду и жилия каменные строенія Венева монастыря сломать и годный матеріалъ перевезти на оружейный заводъ. По разборкѣ

оказалось 17 тысячъ бѣлаго тесаного камня; 6 тысячъ его тогда же было отправлено въ Тулу. Когда же было приступлено къ перевозкѣ остальнаго камня, то преосвященный Меѳодій, узнавъ о распоряженіи Кречетникова, жаловался святѣйшему синоду на незаконныя дѣйствія свѣтской власти и завелъ по этому дѣлу судебный процессъ. Но такъ какъ судебное дѣло могло замедлить постройку оружейнаго завода, вопреки высочайшему повелѣнію о скорѣйшемъ построеніи его, и строившій заводъ архитекторъ принесъ жалобу о замедленіи работъ отъ задержки камня, то святѣйшій синодъ повелѣлъ преосвященному Меѳодію прекратить этотъ процессъ, неблагоприятно начатый.

Собственно о монастырской церкви можно сказать, что до конца XVII столѣтія она была одна, во имя Чудотворца Николая, отъ того и Веневъ монастырь назывался «Николаевскимъ».

Въ нижней церкви, недалеко отъ входныхъ дверей, находится плита, извѣщающая, что подъ ней похороненъ астраханскій губернаторъ, бригадиръ Ал. Ил. Пашковъ, умершій въ 1736 г. Ближе къ иконостасу стоятъ двѣ совершенно одинаковыя гробницы; прежде онѣ были покрыты бархатомъ, но въ 1827 г. были замѣнены дощатыми, снабжены надписями изъ Степенной книги и изъ исторіи російской іерархіи. Первая изъ этихъ гробницъ, по правую сторону, гробница смоленскаго князя Юрія; на мѣдной пластинкѣ, къ ней придѣланной, написано: «Бысть въ лѣто Русскаго державства Василя Дмитріевича, сына Дмитрія Ивановича Донскаго, во градѣ Смоленскѣ господствовалъ тогда великій князь Юрій Святославовичъ. Сей в. к. Смоленскій, видя нестроеніе братій своихъ и междоусобныя брани, оставилъ княженіе свое и ушелъ въ Рязань къ тестю своему Ольгу Ивановичу Рязанскому. Въ отсутствіе его Витовтъ, князь литовскій, плѣнилъ Смоленскъ и супругу его съ дѣтьми велѣлъ отвезти въ Литву. Услышавъ такое злоключеніе града, жены и дѣтей, въ горести души предался на служеніе къ в. к. Московскому Василю Дмитріевичу, который сдѣлалъ его намѣстникомъ Торжка; но Препоблагій Богъ вложилъ въ душу сего праведнаго оставить тщету вѣка сего и искать мѣсто для спасенія души его. Веневская пустынь, въ землѣ Рязанской, на рѣчкѣ Осетрѣ, монастырь Святаго Чудотворца Николая было ему тихое пристанище, гдѣ вселился при игуменѣ Петрѣ и тамъ въ скорби и сѣтованіи о грѣсѣхъ свсихъ, проживъ 41 годъ, впалъ въ недугъ тѣлесный и, мало побывъ, представился о Господѣ въ лѣто 1408, сентября 14 дня».

Если сравнить эту выпись съ исторіей Карамзина (5 и 6 т.), то въ первой оказывается неправильность: не у тестя, князя рязанскаго, былъ Юрій въ то время, когда Витовтъ взялъ Смоленскъ и полонилъ жену и дѣтей Юрія, а у великаго князя Василя Дмитріевича; отворили ворота Витовту сами же бояре смоленскіе, не любя Юрія за его жестокость. Поступить въ монастырь,—какъ говоритъ Ка-

рамзинъ,—заставило его всеобщее презрѣніе за убійство преданнаго ему князя Вяземскаго съ цѣлью воспользоваться женой Вяземскаго, а когда ему это не удалось, Юрій довершилъ злодѣйство—убилъ и жену его. Послѣ того «Юрій не смѣлъ показаться ни князьямъ, ни народу», скитался нѣсколько мѣсяцевъ въ степяхъ и поступилъ въ Венець монастырь; значить, у Юрія свободнаго выбора, какъ можно понять изъ выписи: или править Торжкомъ, или идти въ монастырь,—не было; ему нужно было найти пристанище и скрыться отъ князей и народа, въ монастырь же, вѣроятно, послѣ такихъ злодѣйствъ онъ искалъ и примиренія себя съ своею совѣстью.

Другая гробница, по лѣвую сторону, архіепископа новгородскаго Пимена; на ней надпись: «Пимень, преосвященный архіепископъ Новгородскій, хиротонисованъ въ 1553 году, ноября 20 дня. Въ 1567 г. былъ на соборѣ о раздѣленіи государства, а по пришествіи Іоанна Васильевича Грознаго въ Новгородъ, былъ взятъ подъ стражу и отправленъ въ Николаевъ Венець монастырь, гдѣ скончался и погребенъ». Въ церкви показываютъ пещеру, гдѣ будто бы находился Пимень; въ этой пещерѣ можно стоять и сидѣть, но лежать нельзя.

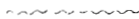
Память этихъ двухъ мужей (Юрія и Пимена) очень чтится народомъ, и на гробницахъ ихъ служится очень много панихидъ.

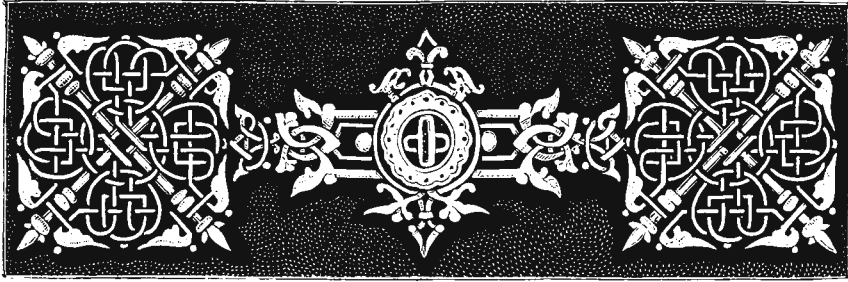
Изъ древнихъ иконъ замѣчательнъ храмовой образъ Чудотворца Николая, весьма древній. Въ писцовой книгѣ 1627 года сказано: «образъ Николая Чудотворца въ кіотѣ на окладѣ, вѣнецъ чеканной серебряной позолоченъ и обложенъ финифтью; да на немъ двѣ гривны чеканныя, да деньга золотая, да копѣйка серебряна позолочена». Въ монастырской описи 1764 г.: «на томъ же образѣ его Чудотворца житіе, на житіи и по полямъ окладъ бисебный, на томъ же житіи девятнадцать малыхъ вѣнцовъ сребренныхъ же, еще два вѣнца на Спасителю и Богоматери».

Мѣстный образъ Успенія Божіей Матери—тоже древняго письма, въ серебряной позлащенной ризѣ, въ 30 ф. 50 з.; на образѣ надпись: «лѣто 7103 (1595) февраля въ 10 день преставися рабъ Божій священникъ Порфирій оной церкви». На этой иконѣ привѣсы—старинныя деньги, и, кромѣ того, руки и ноги, сдѣланныя изъ серебра.

Иконостасы въ обѣихъ церквахъ древніе; въ нижней церкви хотя живопись и возобновлена, но съ соблюденіемъ прежняго стиля.

В. Ф. Харичковъ.

СТАРЕЦЪ ѲЕДОРЪ КУЗЬМИЧЪ.

ЛИЧНОСТЬ старца Ѳедора Кузьмича, котораго народная молва въ Сибири считала, да и до сихъ поръ продолжаетъ считать, за императора Александра Павловича, принадлежитъ къ числу загадочныхъ, и всѣ попытки выяснить её остаются пока тщетными. Изъ письменныхъ матеріаловъ, сохранившихся о старцѣ, довольно, впрочемъ, скудныхъ, видно, что хотя онъ самъ и не называлъ себя прямо императоромъ, но также и не отрицалъ того высокаго происхожденія, которое ему приписывали его почитатели, и даже своими намеками и иносказаніями способствовалъ этому заблужденію. На отождествленіе императора Александра I съ старцемъ вліялъ, по всей вѣроятности, народный рассказъ о томъ, что изъ Таганрога увезли въ Петербургъ для погребенія восковое изображение императора, или, по другому варианту, умершаго въ то же время солдата, похожаго лицомъ на императора, а Александръ Павловичъ, не желая будто бы царствовать, скрылся и сначала странствовалъ по Россіи, а впослѣдствіи удалился въ Сибирь, гдѣ и проживалъ подъ именемъ Ѳедора Кузьмича.

Какое отношеніе къ сектантству имѣлъ старецъ, изъ письменныхъ о немъ матеріаловъ не видно, но вышеприведенный рассказъ походитъ на хлыстовскія сказанія, въ которыхъ передается, что императрица Елизавета Петровна царствовала всего два года, а по-

томъ, передавъ правленіе одной изъ своихъ приближенныхъ фрейлинъ, очень похожей на нее лицомъ, пѣшкомъ отправилась въ Кіевъ на богомолье; на пути, познавъ вѣру «людей божіихъ», то-есть хлыстовъ, осталась съ ними жить подъ именемъ Акулины Ивановны ¹⁾.

Про Петра III скопцы передаютъ, что императоръ, узнавъ объ одной, угрожавшей его жизни, опасности, скрылся изъ дворца, перемѣнившись платьемъ съ караульнымъ солдатомъ, котораго убили и похоронили, какъ императора; Петръ же III, подъ именемъ Кондратія Селиванова, исходивъ всю Россію, взятъ былъ въ Тулѣ и сосланъ въ Иркутскую губернію ²⁾.

О старцѣ Ѳеодорѣ Кузьмичѣ было напечатано нѣсколько статей, преимущественно въ «Русской Старинѣ», и издана отдѣльная книжка.

Но въ эти статьи вкралось много неточностей, такъ какъ лица, писавшія о старцѣ, свѣдѣній не повѣряли и критически къ народнымъ рассказамъ о немъ не относились. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ г. Мельницкаго введены рассказы про разныхъ странницъ, юродивыхъ и т. п. лицъ, еще болѣе запутывающіе біографію старца. Невѣрностью сообщаемыхъ свѣдѣній особенно отличается безграмотная брошюрка «Сказаніе о жизни и подвигахъ Ѳеодора Кузьмича» ³⁾; на стр. 3-й въ ней говорится, напримѣръ, что старецъ проживалъ и скончался на заимкѣ купца Хромова, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ г. Томска, а на 6-й стр. авторъ сообщаетъ, что старецъ умеръ въ г. Томскѣ, въ кельѣ при домѣ Хромова и т. п.

Большаго вниманія заслуживаетъ помѣщенная въ «Русской Старинѣ» статья г. Смирнова, проѣзжавшаго въ 1859 г. изъ Томска въ Иркутскъ съ о. ректоромъ Томской семинаріи, который посѣтилъ старца въ окрестностяхъ села Краснорѣченскаго, Маріинскаго округа, Томской губерніи. Изъ разспросныхъ свѣдѣній у мѣстныхъ жителей оказалось, что старецъ въ церковь не ходилъ; на совѣты о. ректора посѣщать церковь и приобщаться Св. Тайнъ отвѣчалъ «на странномъ нарѣчій изъ смѣси церковно-славянскаго языка съ латинскимъ, невразумительными фразами мистическими и даже апокалипсическими». «Изъ этого посѣщенія,—продолжаетъ г. Смирновъ,—мы вынесли такое предположеніе о немъ, что онъ или изъ западной Россіи уніатскій богословъ, или же философъ-мистикъ и массонъ» ⁴⁾.

Имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи матеріалы для біографіи

¹⁾ П. Мельниковъ, «Бѣлые голуби», «Русскій Вѣстникъ», 1869 г., мартъ, стр. 403.

²⁾ Тамъ же, стр. 404.

³⁾ Спб., 1891 г. Въ 1892 г. появилось второе изданіе этой лубочной книжки и тоже съ ошибками.

⁴⁾ «Русская Старина», 1887 г., стр. 529, ноябрь.

старца слѣдующіе: 1) три списка съ рукописи, озаглавленной— «Свѣдѣнія, забранныя о старцѣ Ѳеодорѣ»; рукопись эта по своему официальному тону, по всей вѣроятности, есть не что иное, какъ показанія, отобранныя отъ мѣстныхъ жителей къѣмъ либо изъ волостныхъ властей по требованію земской полиціи. 2) «Записки Хромова», наполненныя большею частью описаніями разныхъ чудесъ, исцѣленій, небесныхъ знаменій и явленій, имѣвшихъ отношеніе къ старцу; въ запискахъ этихъ говорится, напримѣръ, о томъ, что послѣ смерти Ѳеодора Кузьмича видѣли по ночамъ въ его запертой кельѣ горящія свѣчи и необычайный свѣтъ, или слышалось благоуханіе, рассказывается о явленіи старца во снѣ «съ крестомъ на груди и съ широкой голубой лентой черезъ плечо» и т. п. ¹⁾.

Самъ старецъ сообщилъ о себѣ жителямъ тѣхъ селъ и деревень, гдѣ онъ проживалъ, слѣдующія весьма отрывочныя свѣдѣнія: когда онъ скрылся изъ своего первоначальнаго жилища, то его стали розыскивать и, поймавъ, представили начальству, но онъ, воспользовавшись какимъ-то случаемъ, бѣжалъ. Странствуя по Россіи, старецъ жилъ нѣкоторое время въ Москвѣ у митрополита Филарета, при отбытіи отъ котораго получилъ благословеніе, со- вѣтъ скрыть свое настоящее происхожденіе и принять «видъ скитающагося отшельника» ²⁾. Находясь съ двумя товарищами въ одномъ городѣ, онъ признанъ былъ за «великаго человѣка», снова былъ взятъ съ своими спутниками и посаженъ въ острогъ; но такъ какъ начальство никакой вины ни за нимъ, ни за его товарищами не нашло, то и предложило имъ выйти на свободу. Спутники его согласились на это и были изъ тюрьмы выпущены, но старецъ не согласился и остался въ острогѣ. Объ этомъ дано было знать императору Николаю Павловичу, и по его распоряженію въ тотъ городъ былъ посланъ секретно великій князь Михаилъ Павловичъ, который по приѣздѣ отправился къ Ѳеодору Кузьмичу въ тюрьму и, разсердившись, по своему горячему нраву хотѣлъ за это строго наказать власти, но старецъ уговорилъ великаго князя оставить дѣло безъ послѣдствій и просилъ только, чтобъ его осудили въ Сибирь на поселеніе подъ именемъ Ѳеодора Кузьмича. Просьба старца была исполнена, и онъ въ 1844 г. ³⁾ прибылъ въ Томскъ въ 42-й партіи ⁴⁾, а затѣмъ былъ причисленъ къ Боготольской волости Маріинскаго округа.

За что старецъ былъ сосланъ и какое его было настоящее званіе, имя и фамилія,—въ дѣлахъ Боготольскаго волостнаго правле-

¹⁾ Мы имѣемъ копію съ записокъ Хромова.

²⁾ «Свѣдѣнія, забранныя о старцѣ Ѳеодорѣ».

³⁾ Въ рукописяхъ обозначенъ 1837 г., но изъ слѣдующихъ повѣствованій видно, что надо принимать 1844 или 1845 г.

⁴⁾ По одному изъ списковъ, въ 43-й партіи.

ніа никакихъ свѣдѣній не найдено, «но по всему замѣтно, говорится въ рукописи, что старецъ былъ великаго образованія¹⁾».

Въ ссылкѣ Ѳеодоръ Кузьмичъ велъ жизнь большею частью отшельническую, проживъ лѣтъ 12 въ деревнѣ Зерцалахъ, с. Краснорѣченскомъ, с. Коробейниковѣ и другихъ сосѣднихъ мѣстахъ. Въ 1857 году изъ села Коробейникова старецъ ушелъ жить въ деревню Мазульскую; крестьянкѣ этой деревни Т. на вопросъ, изъ какого онъ сословія, старецъ отвѣтилъ, что «родные его поминають его за упокой»; отцу же этой крестьянки на такой же вопросъ сказалъ: «когда я помру, тогда узнають, кто я былъ, а если обо мнѣ узнають теперь, то жить мнѣ здѣсь не дадутъ, и не только что Россія будетъ знать, но даже за границей»; еще они спрашивали у него, кто его родные, и онъ имъ отвѣтилъ: «я родился въ древахъ; если бы эти древа на меня посмотрѣли, то бы безъ вѣтру вершинами покачали». Слушая рассказы старца, крестьянка Т. и ея отецъ удивлялись, что онъ зналъ такъ хорошо «духовную и военную часть»²⁾.

Будучи въ Ачинскѣ, не задолго до своего отъѣзда въ Томскъ, старецъ рассказывалъ мѣщанкѣ Д. видѣнный имъ сонъ: будто бы пришелъ онъ къ какому-то великолѣпному дворцу одного изъ столичныхъ городовъ и когда поднимался на парадное крыльцо, то «императорская свита встрѣчала его въ полной формѣ»³⁾.

Въ 1857 г. томскій купецъ Хромовъ увезъ старца въ Томскъ, и старецъ проживалъ сначала на заимкѣ этого купца, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. Ѳеодоръ Кузьмичъ однажды сильно захворалъ, и Хромовъ просилъ старца открыться ему, кто онъ, но старецъ отвѣтилъ, что это не можетъ быть никому открыто, но какъ-то въ разговорѣ замѣтилъ, что, будучи еще въ Россіи, лежалъ онъ однажды въ больницѣ, и «водились съ нимъ царскіе слуги»⁴⁾. По просьбѣ Хромова на заимку пріѣзжалъ преосвященный Пареевнй и долго разговаривалъ съ старцемъ, но что они говорили, осталось неизвѣстнымъ; только на другой день преосвященный говорилъ Хромову, что старецъ едва ли «не въ прелести»⁵⁾.

Ѳеодоръ Кузьмичъ умеръ 20 января 1864 г. въ Томскѣ, въ кельѣ при домѣ Хромова, отказавшись, по обыкновенію, отъ исповѣди и Св. Причастія, и похороненъ былъ въ Алексѣевскомъ мужскомъ монастырѣ; на его могилѣ былъ поставленъ крестъ съ надписью: «здѣсь погребено тѣло великаго, благословеннаго старца Ѳеодора Кузьмича».

1) «Свѣдѣнія, забранныя о старцѣ Ѳеодорѣ».

2) Тамъ же.

3) Тамъ же.

4) Записки Хромова.

5) Тамъ же.

«истор. вѣстн.», май, 1895 г., т. LX.

По приказанію губернатора Мерцалова слова: «великаго, благословеннаго», были закрашены. Въ это же время томскими властями запрещено было дѣланіе фотографическихъ копій съ портрета старца, и принимались мѣры къ ограниченію безмѣрнаго поклоненія мѣсту погребенія Ѳедора Кузьмича.

Послѣ смерти старца найдена была записка слѣдующаго содержания: «Видишь ли нѣкакое Васъ безсловѣсіе счастье слово изъ нѣсѣ. Но егда убо А молчитъ, П не возвѣщаетъ.

1 2 3 4

о,, в,, а ж,, А крыгѣтъ

і д к,, с, а м ь р Струфіанъ.

с. в,, д, я» ¹⁾.

На очень распространенныхъ фотографіяхъ, снятыхъ съ портрета Ѳедора Кузьмича, онъ изображенъ стоящимъ въ кельѣ, въ длинной бѣлой рубахѣ, или халатѣ и бѣлыхъ портахъ, подпоясанъ, и въ туфляхъ; на видѣ не дряхль, съ длинной бѣлой бородой, волосы на головѣ тоже бѣлые, не очень длинные; лицо напоминаетъ нѣсколько черты императора Александра Павловича. Но изображеніе это не вѣрно. Такъ какъ старецъ при жизни не позволялъ снимать съ себя портретовъ, и въ то же время явилось большое требованіе среди почитателей старца на его изображенія, то рисовальщикъ, сообразуясь съ народною молвою, взялъ за образецъ портретъ императора Александра Павловича, что еще болѣе послужило къ отождествленію старца съ императоромъ. По словамъ одного изъ почитателей Ѳедора Кузьмича, г. Мельницкаго, болѣе схоже изображеніе старца, рисованное карандашомъ съ натуры послѣ его смерти ²⁾.

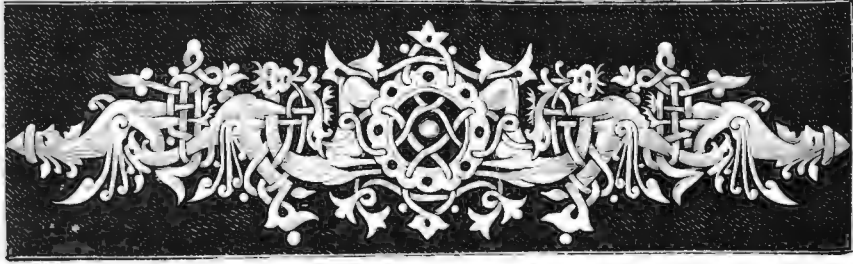
Личность старца, какъ мы уже сказали, пока еще не можетъ быть выяснена вполне за отсутствіемъ достаточнаго и достовѣрнаго матеріала для его біографіи, и потому басня, отождествляющая Ѳедора Кузьмича съ императоромъ Александромъ Павловичемъ, продолжаетъ существовать среди народа и едва ли скоро исчезнетъ.

И. П. Кузнецовъ-Красноярскій.

¹⁾ Еще при жизни С. Ѳ. Хромова, я получилъ отъ него въ подарокъ кабинетнаго формата фотографію съ портрета старца, на оборотѣ которой находилась краткая біографія Ѳедора Кузьмича, и списана была эта тайнопись.

²⁾ «Русская Старина» 1892 г., январь, стр. 105.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ.

I.

О СИХЪ ПОРЪ у насъ не было о Россіи энциклопедическаго изданія, которое могло бы дать справку о промышленности страны, ея сельско-хозяйственномъ бытѣ и т. д. Нужно было для этого рыться въ массѣ разнообразныхъ книгъ, и при томъ большею частью неудовлетворительныхъ. Недавно вышедшее изданіе г. Суворина «Вся Россія», представляющее изъ себя громадный томъ въ 130 печатныхъ листовъ убористаго шрифта въ два столбца, вмѣщаетъ въ себѣ самыя разнообразныя свѣдѣнія о Россіи въ пяти специальныхъ отдѣлахъ и даетъ полную картину современнаго ея положенія, знакомство съ которымъ полезно и въ образовательномъ смыслѣ. Послѣ перечня установленій центрального управленія, личнаго ихъ состава и компетенцій каждаго законодательнаго органа, начиная отъ государственнаго совѣта и кончая статсъ-секретариатомъ великаго княжества Финляндскаго, «Вся Россія» даетъ статистико-экономическое описаніе нашего отечества, торгово-промышленный адресъ-календарь по каждой губерніи, очерки важнѣйшихъ производствъ вообще и сельско-хозяйственнаго быта, начиная въ послѣднемъ съ описанія полеводства, коневодства, лѣсоводства, рыбоводства, специальныхъ культуръ и кончая подробными статьями объ

искусственныхъ удобреніяхъ почвъ, земледѣльческихъ машинахъ, кредитѣ, мѣропріятіяхъ министерства земледѣлія, спискомъ выдающихся экономій и землевладѣльцевъ.

Эти стороны русской жизни не обнимаютъ «Всей Россіи» только въ подробностяхъ, но даютъ, какъ мы уже сказали, въ существенномъ весьма полную картину Россійской имперіи. Пространство ея съ внутренними морями и озерами равняется 19.782,866 кв. верстѣ, а безъ значительныхъ внутреннихъ водъ

Европейская Россія занимаетъ	4.238.632 кв. вер.	На 1 кв. верстѣ	21,6 жит.
Привислинскій край	111.554	» » » » »	78,7 »
Кавказъ	411.327	» » » » »	18,4 »
Вел. княж. Финляндское	286.051	» » » » »	8,4 »
Средняя Азія	1.769.621	» » » » »	2,3 »
Сибирь	12.168.849	» » » » »	0,5 »
Всего			18.986.034 кв. вер. На 1 кв. верстѣ 6,2 жит.

Всего на этомъ пространствѣ живетъ 118.531.475 жителей и въ общемъ на 1.000 мужчинъ приходится 996 женщинъ.

Въ Европейской Россіи на 1.000 муж. приходится	1.009 женщ.
» Привислинскомъ краѣ » » » »	1.056 »
На Кавказѣ . . . . . » » » »	879 »
Въ вел. княж. Финляндскомъ . . . . . » » » »	1.033 »
» Средней Азіи . . . . . » » » »	900 »
» Сибири . . . . . » » » »	933 »

Грамотность на сто новобранцевъ:

Въ Европейской Россіи	32 грам.
» Привислянскомъ краѣ	19 »
На Кавказѣ	21 »
Въ Сибири	18 »

Въ вел. княж. Финляндскомъ обученіе грамотѣ обязательно.

Низшихъ и начальныхъ учебныхъ заведеній въ Европейской Россіи насчитывается:

2-го и 3-го разрядовъ	25.854
Церковно-приходскихъ и школъ грамотности	9.663
Хедеры (еврейскія)	1.701
Мектедъ и медресе (магометанскія)	1.785

Православныхъ церквей въ Европейской Россіи — 36.844, а вмѣстѣ съ католическими и лютеранскими, а также монастырями, мечетями и синагогами—болѣе 39.000.

Естественное движеніе нашего населенія выражается повсемѣстно его приростомъ (въ Европейской Россіи ежегодно на 1.240.969 чел.; въ другихъ частяхъ значительно менѣе).

Финансовое положеніе страны наглядно выражаетъ ея лучшія и слабыя стороны.

Относительно земскихъ финансовъ извѣстно, что въ 34 земскихъ губерніяхъ въ кассы земства въ 1887 г. поступило 44.196.490 рублей, а израсходовано земствами 44.449.999 рублей, тѣмъ не менѣе расходы, по отдѣльнымъ статьямъ, свидѣтельствуютъ объ особыхъ заботахъ земствъ по народному образованію и здравію. А именно израсходовано:

На мѣстное гражданское управленіе . . .	1.437 т. рубл.
» судебныхъ мировыхъ учрежденія	4.531 » »
» учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ.	1.415 » »
» земское управленіе	4 099 » »
» врачебную часть	9 523 » »
» народное образованіе	6.957 » »
» дорожную часть	2.717 » »
» подв. и пост. повинн.	4 358 » »
» общественное призрѣніе	.377 » »
» другіе расходы	7.034 » »

Такимъ образомъ наибольшія суммы тратятся на школы и врачей.

Государственные доходы и расходы, какъ обыкновенные, такъ и чрезвычайные, по росписи на 1895 г. составляютъ 1.214.378.030 рублей. Обращаетъ на себя вниманіе ничтожная сумма денегъ, расходуемая министерствомъ народнаго просвѣщенія на свои нужды сравнительно съ смѣтами другихъ министерствъ. А именно: министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ кредитъ въ 23.600.125 рублей, а

Военное министерство	271.161.313 рубл.
Морское	54.923.504 »
Министерство финансовъ	144.346.392 »
» земледѣлія и государственн. имущ.	31.409.978 »
» внутреннихъ дѣлъ	86.782,146 »
» путей сообщенія	152.745.292 »
» юстиціи	26.148.870 »

Каждое министерство испрашиваетъ себѣ кредитъ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ министерство народнаго просвѣщенія. Между тѣмъ даже въ земствахъ, какъ мы видѣли, расходы по образованію и врачебной части самые большіе.

Административное раздѣленіе Россіи выражается губерніями, уѣздами, округами, станами, городами, деревнями и т. д. Въ изданіи «Вся Россія» каждая губернія снабжена географической картой и описана весьма подробно. Обозначены: величина, устройство поверхности, почва, воды, климатъ, населеніе, характеръ зе-

млевладѣнія, промысловая жизнь, фабрики, заводы и учрежденія: врачевныя, судебныя, школьныя, ученныя, страховыя и т. д. съ личнымъ составомъ служащихъ въ каждомъ изъ нихъ. Не менѣе подробно описаны важнѣйшія производства въ Россіи: горнозаводская промышленность, нефтяная, химическая, винокуренная, мукомольная, фосфорная, стеклянная, писчебумажная, табачная, кожевенная, салотопенная, свеклосахарная, резиновая, обработка волокнистыхъ веществъ, металловъ, дерева, машиностроеніе и т. д.

Вся фабрично-заводская промышленность сосредоточена преимуществу въ мелкихъ фабрикахъ и заводахъ числомъ болѣе ста тысячъ съ производствомъ на нѣсколько сотъ милліоновъ. Кустари производятъ разнаго рода издѣлія на сумму отъ 75 до 100 милліоновъ рублей въ годъ. Между тѣмъ крупныхъ фабрикъ и заводовъ у насъ всего 26.198 съ производствомъ съ небольшимъ на полтора милліарда рублей. Наиболѣе, сильная отрасль нашей промышленности—это горнозаводская, а древнѣйшая отрасль въ ней—солевареніе. Богатства каменной соли въ горахъ (Ураль и друг.), озерной—въ озерахъ (Астраханская губ.) и выварной (Пермская, Архангельская и Енисейская губерніи и др.), добываемой выпариваніемъ соляного разсола, весьма значительны, и потому ввозъ ея сокращенъ до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ, особенно въ настоящее время, когда къ солянымъ промысламъ всюду проведены искусственные пути сообщенія, а также благодаря дешевому транспорту морскимъ путемъ отъ южныхъ портовъ къ Балтійскимъ портамъ, ранѣе потреблявшимъ заграничную соль. Въ 60-хъ годахъ въ среднемъ соли вырабатывалось около 27 милліоновъ пудовъ въ годъ, теперь до 73 милліоновъ (по средней въ десять лѣтъ 1881—1890 гг.). За послѣднее время горное вѣдомство особенно озабочено изслѣдованіемъ вообще минеральныхъ богатствъ Россіи, и преимуществу вниманіе обращено на каменноугольныя, соляныя и желѣзныя богатства юга Россіи. Однако результаты горной промышленности по многимъ отраслямъ не удовлетворяютъ внутренняго на нихъ спроса; такъ удовлетвореніе внутренняго спроса золотомъ за 1891 г. равняется всего 36,5⁰/₁₀₀, серебра—8,9⁰/₁₀₀, свинца—2,6⁰/₁₀₀, олова—0,42⁰/₁₀₀, сѣры—2,3⁰/₁₀₀ и т. д. Избытокъ замѣчается только по добычѣ платины, ртути и нефти. Затѣмъ чугуны, сталь, желѣзо, каменный уголь и поваренная соль удовлетворяютъ внутренній спросъ на 88—99⁰/₁₀₀, свидѣтельствуя о значительномъ расширеніи своихъ промысловъ. Что касается добычи драгоцѣнныхъ камней, то спросъ на нихъ совершенно не удовлетворяется собственными богатствами, и заграничный ввозъ ихъ у насъ былъ всегда весьма значителенъ. Вывоза почти не существуетъ.

Обработка камней и металловъ, однако, расширяется. Въ теченіе XVIII в. ювелирное производство было болѣе по заказу, не превосходившее годовой стоимостью одного милліона рублей. Но со вто-

рой половины XIX в. оно расширяется, благодаря спросу въ среднемъ классѣ на драгоценныя украшенія. Стоимость производства ихъ въ настоящее время равняется въ годъ нѣсколькимъ милліонамъ. Даже кустарное производство (кольца, серьги, крестики, «камни» изъ горнаго и цвѣтнаго хрустала, броши и т. д.) измѣняется почти той же стоимостью, какъ и фабричное производство серебряныхъ и ювелирныхъ издѣлій.

Изъ отраслей мѣднаго и бронзоваго дѣла выдѣляются: колокольное, самоварное, посудное, ламповое и т. д. Простые металлы идутъ на ножевые товары, холодное и огнестрѣльное оружіе, инструменты, проволочное производство, кузнечное, слесарное и т. д. Внутреннее производство металлическихъ издѣлій, какъ простыхъ такъ и болѣе дорогихъ, въ настоящее время почти вполнѣ удовлетворяетъ внутренней на нихъ спросъ, а именно на 91⁰/₀; на иностранный ввозъ приходится всего 9⁰/₀. Но, къ сожалѣнію, предметы первой необходимости въ крестьянскомъ быту, косы и серпы, выдѣляются въ самомъ ограниченномъ количествѣ—всего на 13¹/₂⁰/₀, вслѣдствіе недостатка у насъ стали, извѣстной твердости, нужной для этихъ инструментовъ. Поэтому косы и серпы у нашихъ крестьянъ въ большинствѣ случаевъ привозные, какъ и особенно изящныя золотыя издѣлія въ богатыхъ классахъ, вслѣдствіе низкой степени техники у нашихъ мастеровъ.

Къ числу металлическихъ производствъ относятся и машиностроеніе. Оно очень долго не развивалось у насъ, благодаря малому развитію горныхъ промысловъ, дешевому крѣпостному труду, запрещенію ввоза моремъ чугуна и желѣза, высокихъ на нихъ пошлинъ при сухопутномъ ввозѣ и т. д. Въ 1850 году было всего 25 частныхъ машиностроительныхъ заводовъ съ 423 тыс. рублей производительности; а въ 1870 году заводовъ было до 200 при производительности въ 30 милліоновъ рублей.

Машиностроеніе обнимаетъ разнообразныя отрасли: изготовленіе сельскохозяйственныхъ машинъ, подвижного состава желѣзныхъ дорогъ, судостроенія, машинъ для обработки волокнистыхъ веществъ и т. д. Изготовленіе сельскохозяйственныхъ машинъ у насъ крайне неудовлетворительно до сихъ поръ, и мы обрабатываемъ свои поля большею частью иностранными машинами. Прежде, въ 60-хъ годахъ, главной поставщицей земледѣльческихъ машинъ для насъ была Англія, затѣмъ англійскія машины были вытѣснены нѣмецкими, вслѣдствіе дешевизны послѣднихъ, а со времени филадельфійской выставки (1876 г.) стало появляться много и американскихъ. Что касается того, какія именно сельскохозяйственныя машины производятся у насъ и какія привозятся, то самыя крупныя изъ этихъ машинъ, паровыя молотилки, до сихъ поръ большею частью идутъ изъ-за границы; то же можно сказать и о сѣялкахъ, а также о сложныхъ жатвенныхъ машинахъ. Жатвенныя машины

болѣ простой конструкціи дѣлаются въ значительномъ количествѣ на югѣ нѣмцами колонистами; производство конныхъ молотилокъ и вѣялокъ у насъ довольно распространено (главнымъ образомъ въ центральной Россіи и на сѣверѣ). Что же касается улучшенныхъ плуговъ, то производство ихъ стоитъ у насъ на твердой почвѣ; въ одномъ Ростовѣ на Дону продается въ годъ до 10.000 многокорпусныхъ плуговъ внутренняго производства; Воткинскій заводъ на Камѣ за 5 лѣтъ (1887—1891) сдѣлалъ до 16.000 плуговъ на сумму до 400.000 рублей. Заводъ «Э. Липгардтъ и К.» въ Москвѣ въ одномъ 1892 г. приготовилъ 6,942 плуга. При этомъ нельзя не отмѣтить того факта, что покупателями усовершенствованныхъ плуговъ въ послѣднее время сдѣлались попреимуществу крестьяне.

Изготовление подвижного состава желѣзныхъ дорогъ и его принадлежностей значительно улучшается. Если паровозы составляютъ до сихъ поръ значительный ввозъ, то вагоны и разныя рельсовыя скрѣпленія, водокачки, поворотные круги и т. д. въ настоящее время изготовляются дома, а не за границей. Пароходостроеніе началось у насъ недавно, но оно растетъ такъ же, какъ и строеніе непаровыхъ судовъ (барокъ, бѣлянъ, расшивъ) всюду, гдѣ есть навигація. Военный флотъ до крымской войны состоялъ изъ деревянныхъ и парусныхъ судовъ, а теперь военныя суда (числомъ 210) попреимуществу паровыя.

Машины для обработки металловъ, дерева, волокнистыхъ веществъ, бумагодѣлательныя и типографскія чаще всего привозятся изъ-за границы, вслѣдствіе сложности ихъ устройства.

Значительную роль въ промышленности играетъ у насъ нефтяное дѣло, дающее миллионное количество пудовъ керосину и смазочныхъ маселъ не только для внутренняго употребленія, но и для вывоза. Однако операціи по экспорту въ послѣднее время бывали для нашихъ производителей неожиданнымъ образомъ убыточны. Это объясняется тѣмъ, что наши заводчики, отправляющіе нефтяные продукты за границу, дѣйствовали до сихъ поръ разрозненно и, не сообразуясь съ требованіями рынковъ, вывозили на нихъ зачастую больше товара, чѣмъ соотвѣтствовало спросу, и въ виду этого, вслѣдствіе сильной конкуренціи ихъ между собою и такимъ сильнымъ соперникомъ, какъ синдикатъ американскихъ керосиновыхъ заводчиковъ, они бывали вынуждены продавать товаръ по чемъ попало, едва покрывая стоимость провоза, матеріала и обработки. Поэтому давно уже дѣлались попытки образовать синдикатъ керосиновозаводчиковъ, вывозящихъ свои продукты за границу, но попытки эти до послѣдняго времени оставались безуспѣшными. Только въ концѣ 1893 г. съѣзду керосиновозаводчиковъ, при участіи представителей министерства финансовъ, удалось устроить соглашеніе между представителями различныхъ фирмъ и образовать для заграничнаго экспорта синдикатъ, которому и предоставлены правительствомъ различныя льготы по перевозкѣ.

Химическая промышленность выражается въ изготовленіи кислотъ, соды, химическихъ препаратовъ и т. д. Первые химическіе заводы заняты были наиболѣе производствомъ красокъ и красильныхъ матеріаловъ. Въ настоящее время производство минеральныхъ красокъ развито довольно значительно и приблизительно въ два раза превышаетъ цѣнность продуктовъ этого рода, привозимыхъ изъ-за границы. Производствомъ косметическихъ товаровъ въ 1890 г. занято было 26 заводовъ на сумму 3 милліона рублей.

Фосфорное производство ранѣе зависѣло вполнѣ отъ ввоза фосфора изъ Англій, но въ настоящее время у насъ имѣется множество собственныхъ заводовъ, вырабатывающихъ фосфоръ даже для вывоза на заграничные рынки. Спичечное производство до 1836 года было у насъ совершенно неизвѣстно (пользовались кремнемъ и огнивомъ), а привозныя спички стоили по 1 рублю ассигнаціями за сотню. Въ настоящее время (1892 г.) число спичечныхъ фабрикъ простирается до 255, съ производствомъ въ годъ до 147 милліоновъ фосфорныхъ и шведскихъ спичекъ. Вывозъ спичекъ за границу превышаетъ ввозъ.

Стекляное производство возрастаетъ и, кромѣ того, по изяществу и чистотѣ нѣкоторыхъ издѣлій (посудныхъ, граненаго хрустала) часто не уступаетъ европейскому.

Производство издѣлій изъ безцвѣтныхъ глинъ (гончарное) издавна распространено по всей Россіи въ кустарной формѣ и достигло значительнаго совершенства. Сюда же слѣдуетъ отнести фаянсовое и фарфоровое производства, имѣвшія въ началѣ нашего столѣтія около десятка заводовъ, а въ 1890 г.—47, со стоимостью производства въ 4.404.000 рублей.

Гончарныхъ издѣлій изъ простой, а главнымъ образомъ изъ каменной глины, со включеніемъ въ ихъ число канализаціонныхъ трубъ, привозится къ намъ въ настоящее время изъ-за границы на сумму 600—750 тысячъ рублей въ годъ, почти на ту же сумму, какую представляетъ привозъ фарфора съ фаянсомъ (а по количеству, или вѣсомъ, конечно, гораздо болѣе, чѣмъ фарфора и фаянса). Это указываетъ, что въ Россіи еще въ значительной степени не достааетъ къ удовлетворенію возросшихъ внутреннихъ потребностей страны нѣкоторыхъ звеньевъ, которые являются наиболѣе важными съ точки зрѣнія простой хозяйственной потребности, какъ-то: потребностей домашняго обихода городского хозяйства, а отчасти и самой заводской промышленности (каменная посуда, трубы).

Лѣсопильное производство, мебельное, столярное, токарное, рогожное и т. п. стоятъ въ тѣсной связи съ количествомъ лѣса. Ежегодно срубается въ Россіи строевого лѣса до 10 милліоновъ кубическихъ сажень, а всякаго вообще—въ 5 разъ болѣе, и на cadaго жителя приходится по $\frac{1}{2}$ кубической сажени въ годъ: потребление довольно значительное, объясняемое, кромѣ нужды дерево-обра-

батывающей промышленности, еще тѣмъ, что масса дерева требуется на топливо и постройку жилищъ. Такое сильное потребление лѣса, особенно при отсутствіи рациональнаго лѣсного хозяйства, привело уже многія мѣстности Россіи къ обезлѣсенію. Южная и большая часть средней Россіи уже лишились лѣсовъ, а вмѣстѣ съ ними и дохода отъ обработки дерева; топливомъ на югѣ уже давно служатъ сушеный навозъ (кизяки) и солома. Поэтому вообще будущность описываемой промышленности не завидная; только развѣ самыя сѣверныя губерніи могутъ еще на долгое время считаться обезпеченными лѣсомъ.

Винокуренное производство существуетъ у насъ съ древнихъ временъ, но еще въ XV вѣкѣ водка продавалась въ видѣ лѣкарства въ аптекѣ, а затѣмъ ее стали продавать казеннымъ способомъ, какъ напитокъ. Съ 1795 г. по 1863 г. возникаетъ откупная система, при которой винокуренная промышленность приходила въ упадокъ и была совершенно оторвана отъ земледѣлія, вмѣсто того, чтобы служить поддержкою ему. Водка была самага сквернаго качества и продавалась втридорога. Въ среднемъ, всѣ заводы, къ концу существованія откупной системы, выкуривали не болѣе 19 милліоновъ ведеръ. Съ уничтоженіемъ откупа въ 1863 г. введена акцизная система. Винокуреніе и торговля виномъ дозволены были всѣмъ желающимъ. Казенный налогъ установленъ былъ въ видѣ патентнаго сбора съ завода или мѣста продажи. Мѣры, предпринятыя правительствомъ относительно винокуренія, за послѣднее время были направлены, какъ и прежде, къ урегулированію производства ограниченіемъ предоставленныхъ ему льготъ и къ возвышенію казеннаго дохода со спирта, а также къ поддержанію мелкаго сельскохозяйственнаго винокуренія. Почти тотчасъ же вслѣдъ за введеніемъ акцизной системы были предприняты также мѣры для поощренія вывоза спирта за границу, который въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ имѣлъ лишь случайный характеръ.

Въ 1891—1892 гг. дѣйствовало 2.017 заводовъ, которыми было выкурено 27.351.422 ведра безводнаго спирта. Количество спирта, приходящееся въ среднемъ на cadaго человѣка въ началѣ 1860-хъ годовъ въ имперіи, за исключеніемъ привислинскаго района, составляло 0,37 ведра безводнаго спирта, а затѣмъ, постепенно понижаясь, упало:

въ 1888 г.	до	0,26	вед.
» 1889 »	»	0,25	»
» 1890 »	»	0,23	»
» 1891 »	»	0,19	»

Такое количество спирта, потребляемое русскимъ человѣкомъ въ годъ, едва ли можно считать значительнымъ, особенно принявъ во вниманіе суровость нашего климата и труда. Въ Финляндіи,

драконовскими законами противъ пьянства, достигли въ 1889 г. потребления на человѣка 1,17 канны спирта (канна около $\frac{1}{5}$ ведра), что составляетъ почти равное количество потребления крѣпкихъ напитковъ въ остальной Россіи. Этотъ фактъ говоритъ противъ молвы о томъ, что русскій человѣкъ попреимуществу пьяница.

Мукомольное производство еще не такъ давно сосредоточивалось исключительно на вѣтряныхъ и водяныхъ мельницахъ; но въ настоящее время возникаютъ всюду паровыя мельницы, которыхъ до 1855 г. было всего пять. Точно также переходъ отъ жерновой къ вальцовой системѣ мельницъ слѣдуетъ считать значительнымъ улучшеніемъ мукомольнаго дѣла.

Свеклосахарное производство (сахарный песокъ и рафинадъ) только съ 1864 года принимаетъ фабричный характеръ на акціонерныхъ началахъ. Свеклосахарная промышленность быстро стала расти, начали вводиться различныя усовершенствованія, расширилась площадь посѣвовъ свекловицы, ея переработка на сахаръ такъ увеличилась, что туземный сахаръ не только окончательно вытѣснилъ привозный, но сталъ вывозиться за границу. Усиленный вывозъ сахара за границу въ 1891 году и уменьшеніе запасовъ рафинада и сахарнаго песка на заводахъ и складахъ къ 1892-му году, одновременно съ вліяніемъ спекуляціи, успѣвшей скупить значительныя количества сахара по сравнительно низкимъ цѣнамъ съ тѣмъ, чтобы поднять его цѣну, привели къ сильному вздорожанію сахара на внутреннихъ рынкахъ въ 1892 г.; подъемъ цѣнъ послѣдовалъ уже лѣтомъ этого года. Хотя вскорѣ, въ виду состоявшагося рѣшенія сахарозаводчиковъ о выпускѣ на внутренніе рынки всѣхъ имѣвшихся у нихъ запасовъ сахара, цѣны на него нѣсколько понизились, но пониженіе это было незначительно и непродолжительно. Въ противовѣсъ дальнѣйшему повышенію цѣнъ сахара сахарозаводчиками отмѣненъ былъ вывозъ за границу излишковъ сахара противъ установленной ими нормы, и предложено было всѣмъ заводамъ сосредоточить сбытъ всего количества сахара, какое поступитъ къ учету въ ближайшій годовой періодъ, къ внутреннимъ рынкамъ. Однако, чтобы окончательно предупредить на будущее время возможныя повышенія цѣнъ подъ вліяніемъ сахарной спекуляціи и съ цѣлью урегулированія цѣнъ сахара на внутреннихъ рынкахъ, въ концѣ 1892 г. особымъ совѣщаніемъ министровъ (финансовъ, государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ) признано было, что наиболѣе дѣйствительною мѣрою къ урегулированію торговли сахаромъ будетъ предоставленіе управляющему министерствомъ финансовъ пріобрѣтатъ въ теченіе періода сахароваренія 1892—1893 гг. сахаръ на заграничныхъ рынкахъ, для продажи такого въ имперіи по твердымъ цѣнамъ.

Обработку волокнистыхъ веществъ (хлопчатобумажное производство, льняное, пеньковое, шерстяное, джутовое, ватное и т. д.) занято было въ 1889 г. около 3 тысячъ заводовъ.

Въ 1843 г. въ Россіи считалось 40 фабрикъ, на которыхъ выработывалось около 350.000 пудовъ бумажной пряжи; черезъ десять лѣтъ у насъ выработывалось уже болѣе милліона пудовъ. Дальнѣйшее развитіе русскаго хлопчатобумажнаго производства шло замѣчательно быстро. Къ концу 70-хъ годовъ внутреннее производство такъ усилилось, что съ того времени имъ почти совершенно вытѣсненъ иностранный привозъ хлопчатобумажныхъ издѣлій. Объ условіяхъ нашего производства надо замѣтить, что отсутствіе въ Россіи своихъ заводовъ, изготовляющихъ прядильныя машины, и до сихъ поръ является существеннымъ препятствіемъ развитію бумагопряденія. Устройство бумагопрядильнень обходится у насъ, сравнительно съ Англіей, вдвое дороже, а вслѣдствіе этого увеличиваются и расходы на погашеніе машинъ. Чтобы разложить эти расходы, по возможности, на большее число товара, приходится прибѣгать къ дневной и ночной работѣ. Большой расходъ на погашеніе препятствуетъ также и развитію пряденія тонкихъ нумеровъ, такъ какъ машины для этой цѣли мало продуктивны. Но не смотря даже на это, въ настоящее время наше хлопчатобумажное производство по количеству выработываемаго товара занимаетъ первое мѣсто среди другихъ отраслей обрабатывающей промышленности и не только удовлетворяетъ внутреннему спросу, но и вывозъ этого рода издѣлій на Востокъ съ каждымъ годомъ становится болѣе значительнымъ. Относительно льняныхъ и полотняныхъ издѣлій слѣдуетъ сказать, что въ 1856 г. льнопрядильное производство приблизительно выражалось всего суммою въ 500.000 рублей, полотняное же—2.870.000 рублей, между тѣмъ какъ въ 1879 г. обороты льнопрядильнаго производства достигли 13.100.000 рублей, а полотнянаго—11.230.000 рублей. По своимъ качествамъ русскій ленъ можетъ дать отличное волокно, пригодное для самой тонкой пряжи, но, въ большинствѣ случаевъ, неудовлетворительная обработка, которой занимаются преимущественно сами крестьяне-льноводы, и сортировка сильно понижаютъ его цѣнность. Это обстоятельство уже обратило на себя вниманіе департамента земледѣлія и сельской промышленности, который занялся прежде всего подготовкой опытныхъ инструкторовъ, успѣвшихъ уже принести пользу и способствовавшихъ основанію крупныхъ льнодѣленъ. Въ настоящее время наше льняное производство вполнѣ уже развилось и съ избыткомъ удовлетворяетъ внутреннему спросу. Привозъ иностранныхъ продуктовъ ограничивается сравнительно небольшимъ количествомъ тонкихъ издѣлій.

Кожевенное, скорняжное и овчинное производства очень древни, и вывозъ кожи за границу существовалъ у насъ постоянно, хотя по преимуществу невыдѣланныхъ кожъ. Успѣхи кожевенной промышленности далеко не соотвѣтствуютъ росту другихъ отраслей. Увеличивается почти только количественная сторона производства, те-

хническая же мало совершенствуется, различные усовершенствованные приемы если и вводились, то лишь на очень маломъ числѣ появившихся крупныхъ заводовъ. Несовершенствомъ кожевеннаго производства у насъ и успѣхами, которые оно сдѣлало за границей, объясняется то, что даже отпускъ юфти начинаетъ уменьшаться и въ послѣдніе годы упалъ до 8—10 тысячъ пудовъ. Убыль эту не покрываетъ нѣсколько увеличившійся, хотя, впрочемъ, тоже ограниченный отпускъ прочихъ выдѣланныхъ кожъ, и въ общемъ привозъ выдѣланныхъ кожъ изъ-за границы сильно превышаетъ вывозъ. Чисто кожевенныхъ фабрикъ въ 1890 г. было всего 2.300, со стоимостью производства на 38 милліоновъ рублей. Кроме того, кустарныхъ кожевенныхъ заведеній считается около 9.500, да скорняжныхъ и овчинныхъ заводовъ въ 1880 г. около 222. Въ общемъ все производство даетъ издѣлій на 104 милліона рублей въ годъ.

Мы не могли коснуться въ нашей статьѣ многихъ другихъ отраслей промышленности, напримѣръ, писчебумажнаго производства, резинового, салотопеннаго, мыловареннаго, стеариноваго и т. д., и т. д. Но и сообщенныя свѣдѣнія о производительныхъ силахъ Россіи свидѣтельствуютъ, что наша промышленность далеко не удовлетворяетъ даже внутреннихъ потребностей на разнаго рода издѣлія; что вывозъ ихъ за границу выгоденъ для предпринимателя, но не для потребителя; что мы не выносимъ иностранной конкуренціи тѣхъ предметовъ, которые требуютъ высокой техники; но что, не смотря на это, каждая отрасль промышленности растетъ и числомъ фабрикъ, и стоимостью производства, и числомъ рабочихъ рукъ.

Очень жаль, что изданіе г. Суворина даетъ мало указаній на то, что сдѣлано правительствомъ въ среднемъ и низшемъ классѣ населенія для поднятія тамъ уровня техническихъ познаній. Для такой огромной страны, какъ Россія, разумѣется, недостаточно технологическаго института въ Петербургѣ или техническаго училища въ Москвѣ. Необходимо, чтобы наука проникла и къ мужику, и хотѣлось бы знать, что же предпринимается для техническаго его образованія. Если его сельскій бытъ совершенно независимъ отъ индустріи и всецѣло обусловленъ до сихъ поръ сохой и лыкомъ, то ознакомленіе съ такимъ чисто «негритянскимъ» положеніемъ дѣль, какъ неоднократно называлъ крестьянское хозяйство профессоръ Менделѣевъ, — также не безынтересно.

II.

Книга «Вся Россія» даетъ очень мало матеріала для характеристики крестьянскаго хозяйства, хотя оно, какъ главный источникъ нашего національнаго богатства, необходимо и для справочной книги. Имѣются въ ней общія цифры распредѣленія земли:

казнѣ принадлежитъ въ Европейской Россіи: 150.410 тысячъ десятинъ; удѣлу — 7.368 тыс. десятинъ; крестьянамъ надѣльной земли — 130.610 тыс. десятинъ и прикупной — 5.769 тыс. десятинъ; дворянамъ — 73.164 тыс. десятинъ и прочимъ частнымъ земледѣльцамъ — 15.210 тыс. десятинъ. Въ Сибири почти вся земля принадлежитъ Кабинету и числится казенной. Характерная особенность нашего землевладѣнія за послѣднія 10—15 лѣтъ выражается въ уменьшеніи дворянскаго землевладѣнія на 11.115 тыс. десятинъ, или на 16%, и въ увеличеніи крестьянскаго. При помощи крестьянскаго банка въ періодъ 1883—1893 гг. приобрѣтено крестьянами болѣе одного милліона десятинъ земли. Тѣмъ не менѣе задолженность крестьянской земли по одной выкупной ссудѣ капитальнаго долга (первоначальнаго) и въ разныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ—весьма значительна. Всю землю Европейской Россіи по угодіямъ можно представить въ процентахъ: культурной земли 26%, кормовой—16%, лѣсной—39% и неудобной—19%. Такимъ образомъ, пахотное пространство въ общемъ занимаетъ незначительную площадь, не смотря на то, что до сихъ поръ мы все расширяемся по землѣ (экстензивное хозяйство), а не углубляемся, какъ на Западѣ по недостатку неразработанныхъ тамъ земель. Расширяясь по нови (цѣлина, земли изъ-подъ лѣсу и т. д.), мы бросаемъ старопашотныя земли истощенными и неудобными, обращая ихъ вновь въ одичалое состояніе — вотъ и объясненіе, между прочимъ, почему площадь культурныхъ земель у насъ такъ медленно растетъ: подвигаясь впередъ, мы укорачиваемъ культурную землю сзади. Сравнивая на огромномъ пространствѣ посѣвы, поражаешься однообразіемъ ихъ.

Въ Европейской Россіи засѣвается: ржи—22.951 тыс. десятинъ, пшеницы и овса — съ небольшимъ 12 милліоновъ десятинъ каждая; ячменя — 5.893 тыс. десятинъ, гречихи, проса и картофеля, до 2½ милліоновъ десятинъ; каждая; гороха — 708 тыс. десятинъ, льна и конопли—1.756 тыс. десятинъ и прочихъ растений — 1.236 тыс. десятинъ. Такимъ образомъ, зерновой хлѣбъ преобладаетъ надъ прочими посѣвами почти исключительно. Неудивительно, что одинъ изъ опытныхъ хозяевъ горестно восклицаетъ: безконечныя степи Новороссіи и хмурыя, богатая лѣсомъ, пространства нашего сѣвера, каменистая почва Тавриды и трехаршинный черноземъ Симбирской или Оренбургской губерніи, орловскіе суглинки, смоленскіе либо псковскіе подзолы, разнообразнѣйшія почвы подъ благодатнымъ небомъ Кавказа, печальные пески въ холодныхъ туманахъ Новгорода и заболоченныя земли западнаго полѣсья—всѣ, всѣ одинаково ставятъ на первый планъ заботу о производствѣ зерноваго хлѣба! Пшеница, рожь, овесъ—овесъ, рожь и пшеница—вотъ альфа и омега нашей хозяйственной производительности «отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до стѣнъ недвижнаго Китая». Нормально ли по-

добное явленіе? Разумѣтся, здѣсь и вопроса такого не можетъ быть. Очевидно, что однообразныя и повсюду по рутинѣ заведенныя хозяйства не могутъ быть прибыльны и вынести какіе либо кризисы, въ родѣ низкихъ цѣнъ на хлѣбъ и т. д. При избыткѣ зерноваго хлѣба (въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи этотъ избытокъ надъ продовольствіемъ населенія за 1883—1892 гг. равнялся 485.740,778 пудамъ) и боязни всякаго новаго дѣла въ хозяйствахъ, послѣднія всегда будутъ бездоходны. Цѣны на хлѣбъ за послѣднее время упали, но за то возвысились цѣны на ленъ и пеньку. Цѣны на молоко, гдѣ готовятъ хорошіе швейцарскіе и другіе сыры, мало понизились, также и цѣны на мясо, свинину, свиное сало. Хозяинъ, который, кромѣ хлѣба, производитъ ленъ, пеньку, молоко, мясо, сало, — навѣрно имѣетъ не менѣе дохода, чѣмъ прежде. Но въ томъ-то и дѣло, что такихъ хозяевъ всюду очень немного, а гораздо больше обыкновенныхъ, которые обрабатываютъ свои поля исключительно подъ рожь за «отрѣзки» крестьянами съ ихъ допотопнымъ инвентаремъ, не помышляя о плугахъ, паровыхъ машинахъ, травосѣяніи, корнеплодахъ, искусственныхъ удобреніяхъ со строгимъ учетомъ того, что взято хлѣбами изъ земли и что должно быть возмѣщено ей обратно. И частное землевладѣніе, и крестьянское одинаково возятся на трехпольѣ, съ сохой и рожью, въ полномъ невѣдѣніи, какъ специализировать разныя производства по мѣстностямъ, какъ избѣжать такимъ образомъ въ той или другой мѣстности перепроизводства и, слѣдовательно, какъ устроить у себя дома внутренніе рынки, съ торговыми агентурами и союзами всѣхъ заинтересованныхъ въ нихъ лицъ. Для выхода изъ подобной тьмы, изданіе г. Суворина, какъ будто, очень мало останавливаетъ вниманіе на крестьянскомъ хозяйствѣ, и въ книгѣ о немъ не имѣется обстоятельныхъ справокъ: въ чемъ мужицкое хозяйство ушло впередъ; совмѣстимо ли съ общиной интензивное хозяйство; въ чемъ оно имѣетъ нужду по преимуществу; какое его настоящее положеніе на основаніи земскихъ изслѣдованій, и какія улучшенія вводятся земствами и, наконецъ, на сколько «народники» правы передъ «марксистами», свидѣтельствуя живыми цифрами прогрессъ земельной общины и при ней развитіе промышленныхъ артелей и кустарничества. Картины этой народной жизни мы не нашли во «Всея Россіи». Между тѣмъ въ самомъ народѣ растетъ потребность знать свое собственное положеніе и искать удовлетвореніе нуждъ въ собственной средѣ. Книга о Россіи безъ народа свидѣствуетъ, что либо въ народѣ нѣтъ ничего полезнаго для справочной книги, либо составители ея поднятіе сельско-хозяйственныхъ силъ страны искали не въ массѣ, а въ выдающихся экономіяхъ частныхъ землевладѣльцевъ и мѣрахъ министерства земледѣлія, направленныхъ опять-таки по преимуществу къ улучшенію быта землевладѣльческаго. Въ сельско-хозяйственномъ отдѣлѣ «Всея Россіи» даже помѣщена руководящая

статья Э. Ромера: «Задачи нашего землевладѣнія», въ которой, со-вѣтуя бросить борьбу за иностранные рынки и не рассчитывать на завоеваніе лучше насъ технически вооруженныхъ противниковъ, онъ рекомендуетъ устроить намъ домашніе рынки, справедливо говоря, что объ иностранныхъ рынкахъ можетъ мечтать крошечная Бельгія, даже, пожалуй, Германія, либо Франція, но уже никакъ не государство, владѣющее шестою частью всей территоріи земнаго шара, и что, если намъ благоустроить подобные рынки у себя дома, то, конечно, ихъ хватитъ не только на всѣхъ своихъ, но еще и гостей можно будетъ пригласить... Но... въ этомъ все дѣло: г. Ромеръ полагаетъ все это «благоустройство» осуществить сельско-хозяйственными союзами изъ «дисциплинированныхъ армій землевладѣльцевъ». Нынѣшнее безлюдье, однообразіе и выморочность уѣздной жизни быстро исчезнутъ на новомъ солнышкѣ союзовъ. Горячій личный интересъ, постоянный приливъ свѣжихъ силъ, всеокрыляющая надежда, съ которой мы было совсѣмъ раззнакомились за послѣднее время,—вотъ что разбудитъ и оживитъ угрюмо заснувшую деревню. Воспрянуть вновь былые, веселые стѣзды помѣщиковъ, шумныя и страстныя бесѣды, искренно дружескія отношенія или просто пріятныя знакомства, взаимообмѣнъ услугъ, одолженій и ласковаго гостепріимства. Только вся эта полузабытая старина, нѣкогда пышно разросшаяся на почвѣ довольно нелѣпныхъ кутежей, охоть, облавъ и пьяныхъ паломничествъ къ сосѣдямъ, — теперь воскреснетъ на почвѣ хозяйственного развитія и личныхъ интересовъ самаго образованнаго и передоваго сословія въ Россіи. Въ этихъ словахъ горячо вѣрующаго хозяина въ хозяйственность «передоваго сословія Россіи» заключается характеристика матеріала по сельско-хозяйственному отдѣлу во «Всеи Россіи». Самой важной въ ней новинкой являются адреса болѣе семи тысячъ землевладѣльцевъ и списокъ около шестисотъ выдающихся экономій Россіи. Эта новинка сельско-хозяйственной литературы составлена по даннымъ, полученнымъ отъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, правительственныхъ агрономовъ, земскихъ смотрителей и сельскихъ хозяевъ-практиковъ. Выдающіяся черты замѣчательныхъ хозяйствъ представляютъ картину того, какъ идетъ сельское хозяйство въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, какіе промыслы и производства наиболѣе привились къ земледѣлію, гдѣ имѣются машины, искусственныя удобрения и другія приспособленія въ области земледѣльческой культуры. Просматривая имена, экономіи и ихъ особенности, хочется мечтать, что наша уѣздная жизнь не совсѣмъ еще «оскудѣла», и союзы дѣльныхъ землевладѣльцевъ—не пустая фантазія. И не смотря на это, такихъ союзовъ у насъ пока не существуетъ; и эти дѣльные землевладѣльцы, оказывается, не въ состояніи воскресить «полузабытую старину».

У насъ есть много замѣчательныхъ хозяйствъ, сдѣлавшихъ боль-

шой шагъ впередъ въ дѣлѣ улучшенія хозяйства, но часто объ этихъ хозяйствахъ, если самъ хозяинъ не пишетъ въ сельскохозяйственныхъ журналахъ, никто ничего не знаетъ. Иной хозяинъ иногда ищетъ, напримѣръ, гдѣ бы получить улучшенный скотъ, ѣздитъ для этого на извѣстныя фермы, выставки и пр., приобретаетъ скотъ за дорогія цѣны, а между тѣмъ часто другой хозяинъ, живущій не очень далеко отъ перваго, не знаетъ, куда сбыть хороший, годный на племя, скотъ и продаетъ его на убой. То же бываетъ относительно приобретенія сѣмянъ и пр. Иногда простое указаніе, что хозяинъ въ такомъ-то имѣніи можетъ видѣть въ дѣйствиі такую-то машину или такое-то производство, могло бы принести ему пользу и избавить отъ лишнихъ расходовъ, если бы существовало сближеніе хозяевъ. Но послѣдняго—нѣтъ. Въ чемъ же дѣло? Очевидно, это «самое образованное и передовое сословіе Россіи» либо испытываетъ на себѣ охоту смертную да участь горькую даже въ своемъ личномъ дѣлѣ и совершенно не въ состояніи быть культуртрегеромъ для крестьянской массы, либо, преуспѣвая порознь у себя въ имѣніяхъ, оно ведетъ многопольное хозяйство при условіяхъ, чуждыхъ крестьянскому быту, напримѣръ, съ крупнымъ капиталомъ, машинами, сидеральнымъ и минеральнымъ удобреніями и другими интензивными приспособленіями въ то время, когда народъ исключительно возится на трехпольѣ съ сохой и навозомъ, безъ малѣйшей надежды сверху или снизу заимствовать и научиться чему либо въ выдающихся рядомъ съ нимъ хозяйствахъ. Положеніе трагическое для обѣихъ сторонъ, и скрыть его ничѣмъ нельзя. Если сама жизнь не объединяетъ землевладѣльцевъ, и народъ ничего не можетъ заимствовать отъ нихъ, а то и другое доказано—то надо искать оживленія деревни въ иной сторонѣ, а не среди «дисциплинированной арміи землевладѣльцевъ» и ихъ «выдающихся хозяйствъ».

Болѣе, конечно, основательныхъ надеждъ можно возлагать на министерство государственныхъ имуществъ и земледѣлія; но и оно до сихъ поръ весьма мало содѣйствовало укрѣпленію крестьянскаго хозяйства. Все вниманіе обращено на крупное землевладѣніе, а между тѣмъ батраковъ въ уѣздѣ не хватаетъ на три, четыре благоустроенныхъ имѣнія. Для крестьянина же весьма мало доступны, вслѣдствіе малой его кредитоспособности, и кредитныя учрежденія, и всевозможныя вспомошествоемыя правительствомъ сельскохозяйственныя общества, музеи, министерскія опытные станціи, поля, лабораторіи, фермы, школы, странствующие агрономы, садоводы и лѣсоводы-инструкторы, энтомологи и т. д. Стоитъ крестьянинъ, подпоясанный лыкомъ, съ своей сохой и деревянной бороной, въ сторонѣ отъ всевозможныхъ «мѣропріятій», предоставленный судьбѣ да кабатчику... А, казалось бы, въ немъ и его бытѣ заложено благосостояніе или разореніе нашей страны. Между тѣмъ, какъ сказано,

о немъ-то всего менѣе имѣется матеріала въ книгѣ «Вся Россія». Съ трудомъ находишь въ разныхъ ея мѣстахъ указанія на то, какъ малъ и ничтоженъ у насъ въ общемъ прогрессъ полеводства, луговодства, лѣсоводства, специальныхъ хозяйствъ и культуръ. Для сѣверной (не черноземной) области наиболѣе типичнымъ положеніемъ слѣдуетъ считать: улучшенные заливные луга, занятые только полезными травами для корма скота, въ виду его особенной на сѣверѣ молочности; осушеніе болотъ и разработка пустошей, чтобы на послѣднихъ прежде всего сѣять ленъ, а послѣ него, по удобреніи фосфоритомъ—рожь, затѣмъ овесъ, и при удобреніи кялнитомъ—клеверъ и другія травы. Такимъ образомъ замѣнить пустоши клеверными сѣнокосами и пастбищами—значитъ развить въ сѣверной и сѣверозападной области скотоводство и молочное хозяйство, при одновременномъ повышеніи урожайности полей. Что же, мы видимъ, сдѣлано крестьяниномъ къ развитію пастбищной системы для нечерноземной полосы? А ничего... Заливные луга проростають кустарниками, ядовитыми (черемица) и паразитными травами (звонецъ, очанка); пустоши почти всюду разработаны исключительно подъ пашню и послѣ истощенія заброшены въ первобытное положеніе; скотъ малорослый—негодный на убой и дающій молока значительно менѣе, чѣмъ онъ могъ бы дать при введеніи пастбищной системы полеводства, вмѣсто господствующихъ хлѣбныхъ злаковъ. Но и рациональное молочное хозяйство, столь прибыльное здѣсь, задерживается въ массѣ невѣжествомъ ея по вопросу о содержаніи скота, молока и утилизаціи его. Въ Европейской Россіи считается около тридцати трехъ милліоновъ головъ крупнаго рогатаго скота, и при такомъ его количествѣ всего шесть школъ молочнаго хозяйства. Не мудрено, что нашъ крестьянинъ и даже землевладѣльцы не знаютъ, на какія статьи нужно обратить вниманіе при выборѣ производителей для цѣлей разведенія молочнаго скота; каковъ рациональный уходъ за коровой въ хлѣву, за цѣлымъ стадомъ и, наконецъ, наилучшій способъ сбереженія молока и всевозможныхъ приготовленій изъ него. Не будетъ также удивительнымъ и то, что, по отношенію количества рогатаго скота къ общему пространству земли (6,13 головъ на 100 десятинъ) и въ особенности къ пахотной землѣ (15,2 головъ на 100 десятинъ пашни), Россія заняла послѣднее мѣсто въ ряду европейскихъ странъ. Не смотря на то, что 31 голова рогатаго скота приходится на 100 жителей, внутреннее потребленіе молочныхъ продуктовъ также крайне скудно, и вывозъ ихъ (масло и сыр) за границу ничтоженъ.

Хозяйство черноземнаго района также преисполнено недостатковъ, если не считать отдѣльныхъ имѣній у нѣкоторыхъ зажиточныхъ и предпримчивыхъ пановъ. Къ снабженію почвы водой и сбереженію ея въ ней не прилагается заботъ ни путемъ разведенія лѣсовъ, ни задержкою снѣговъ во время мятелей на поляхъ

живою изгородью, ни задержкою весенних водъ въ прудахъ, ни болѣе правильной обработкой чернозема и т. д. Точно также и посѣвы отличаются однообразіемъ; перепроизводства зернового хлѣба—явленія постоянныя на югѣ. Во многихъ губерніяхъ, говоритъ г. Костычевъ, распахано рѣшительно все, что только можно распахать, а сѣнокосы и пастбища, за исключеніемъ заливныхъ луговъ, остались только въ видѣ незначительныхъ клочковъ кое-гдѣ на балкахъ. Скотъ приходится пасти на тѣхъ же поляхъ, а это препятствуетъ правильной ихъ обработкѣ и, слѣдовательно, приводитъ къ частнымъ неурожаемъ. Зимой скотъ кормится соломою хлѣбныхъ растений, и потому неурожаи здѣсь сопровождаются двойнымъ бѣдствомъ: недостаткомъ пищи для людей и отсутствіемъ корма для животныхъ, которыя и распродаютъ въ этомъ случаѣ за безцѣнокъ. Устраняется подобное положеніе дѣль только въ тѣхъ экономіяхъ, гдѣ имѣется разнообразіе полевыхъ культуръ и усиленное скотоводство при помощи травосѣянія и культуры корнеплодныхъ растений или непосредственно для корма скота, или же для заводской переработки (картофель на винокурениіе, свекловица на сахарные заводы) съ тѣмъ, чтобы для корма скота воспользоваться остатками отъ винокурениія или сахароварениія. Черноземныя мѣстности способны производить разнообразнѣйшія промышленныя растения—масляничныя, волокнистыя, пряныя и т. д.; весь юго-западъ очень удобенъ для хмѣлеводства, садоводства, огородничества и другихъ культуръ. Но, разумѣется, эти спеціальныя отрасли сельскаго хозяйства, развивающіяся у богатыхъ людей, проникнуть въ массу въ томъ только случаѣ, когда эта масса ознакомится съ ними черезъ доступныя ей школы, фермы, и когда общее ея благосостояніе вынесетъ всевозможныя улучшения и нововведенія. Между тѣмъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній у насъ крайне недостаточно: изъ высшихъ Московскій институтъ, Ново-Александрійскій и Рижское училище; среднихъ школъ и училищъ около десяти и низшихъ: 1-го разряда двадцать школъ и 2-го разряда около того же. По плодоводству и садоводству высшихъ школъ девять, а низшихъ всего пять; по пчеловодству—шесть, птицеводству—семь, лѣсоводству—тринадцать и т. д. Разумѣется, на всю Россію этого очень мало. Принимая во вниманіе небольшой бюджетъ министерства государственныхъ имуществъ и земледѣлія въ 31 милліонъ рублей и равнодушіе самого общества къ своему агрономическому положенію, казалось бы, улучшение народнаго хозяйства могло быть дѣломъ общегосударственнымъ. Какъ бы ни процвѣтали хозяйства въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, коренное хозяйство крестьянина не тронется впередъ, пока послѣдній всюду плачетъ: «мнѣ не до жиру, а быть бы живу»... Техническое и сельско-хозяйственное образованіе массъ—вопросъ бытовой, а не школь-

ный, въ тѣсной зависимости отъ соединенныхъ силъ страны и правительства.

Въ дополненіе къ характеристикѣ сельско-хозяйственнаго положенія страны въ книгѣ «Вся Россія» имѣются интересныя и въ высшей степени практическія замѣчанія по вопросу о культурныхъ одиночкахъ въ деревняхъ и колоніяхъ изъ интеллигентныхъ пахарей, появившихся то тамъ, то здѣсь неоднократно за послѣднее время и затѣмъ скоро исчезающихъ съ народной нивы. Въ самомъ дѣлѣ, читаемъ мы о нихъ, что вы подѣлаете съ самой твердой волей и самой необыкновенной устойчивостью, если вамъ приходится воевать противъ законовъ природы? Человѣкъ въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ, если онъ не привыкъ къ тяжелому физическому труду съ дѣтства и просидѣлъ свои годы за перомъ да за книгой, никогда уже не сдѣлается хорошимъ пахаремъ, либо косцомъ, какимъ бы ни владѣлъ онъ адамантовымъ характеромъ. Не скоро сдѣлается таковымъ и юноша, порастратившій свои силы надъ усвоеніемъ грамматическихъ тонкостей классицизма. Такимъ образомъ, для интеллигентныхъ колонистовъ, стремившихся именно къ косѣ и плугу, неудача и пораженіе были предначертаны впередъ—только не нравственные, а самыя таки физически-естественныя и неизбежныя. Но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы интеллигентныя колоніи могли осуществляться лишь въ области фантазіи? Нисколько! Деревня, помимо полеводства, можетъ предложить много занятій, хотя требующихъ постояннаго физическаго труда, но такого, который вполнѣ доступенъ всякому человѣку съ нормальнымъ здоровьемъ и средней силой. Пусть гг. пионеры изберутъ себѣ именно подобный трудъ, а дѣти ихъ, если ужъ это необходимо, вѣроятно, будутъ и косить, и пахать не хуже любого крестьянина. Во главѣ деревенскихъ занятій, наиболѣе подходящихъ развитому труженику, слѣдуетъ, конечно, поставить при существующихъ условіяхъ—плодоводство. Во-первыхъ, оно прибѣгаетъ къ помощи косы и плуга въ рѣдкихъ случаяхъ; во-вторыхъ, оно доходнѣе хлѣбопашества, слѣдовательно, даетъ больше средствъ на удовлетвореніе потребностей, которыхъ у развитого человѣка все же больше, чѣмъ у крестьянина; въ-третьихъ, оно доступнѣе по первоначальнымъ затратамъ. На одной даже десятинѣ умѣщается около трехсотъ плодовыхъ деревьевъ, слѣдовательно, считая доходъ по два рубля съ cadaго, получимъ за годъ шестьсотъ рублей. А что возьмешь съ одной десятины обычнаго хлѣбнаго засѣва, да еще при трехпольной системѣ! Наконецъ не слѣдуетъ забывать, что развитой человѣкъ, сядя на пахотную землю, по необходимости, учится многому отъ крестьянъ. Дѣлаясь же плодоводомъ, огородникомъ, пепиньеристомъ, пчеловодомъ, производителемъ лѣкарственныхъ или техническихъ растений, сыроваромъ и пр., онъ самъ учитъ крестьянъ. А это—разница огромная! Ошибка колонистовъ въ томъ и состояла, что они стремились не-

премѣнно и во всемъ слиться съ крестьянами воедино. Зачѣмъ? Сблизиться съ ними подружески, побратски, работать съ ними рядомъ, сдѣлаться для нихъ примѣромъ трезвой и обеспеченной трудомъ жизни, это — цѣль понятная. Но подражать имъ въ ихъ вынужденной скудости, обусловленной прежде всего невѣжествомъ, либо въ ихъ тоже вынужденной и чрезмѣрной затратѣ физическихъ силъ, почти не оставляющей мѣста для мысли—кому и для чего это нужно? Рекомендую интеллигентнымъ колонистамъ заняться плодоводствомъ, «Вся Россія» даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасную статью о томъ, какъ именно слѣдуетъ заводить садъ и огородъ не столько для барскихъ прихотей, сколько для народныхъ нуждъ, доказывая, что здоровые плоды должны войти въ обиходъ семейной пищи каждаго крестьянина; что яблоко должно быть также дешево, какъ огурецъ или морковь въ лѣтнее время, и что если крестьянинъ теперь запасается на зиму квашеной капустой, то съ оживленіемъ плодоводства онъ будетъ такъ же охотно запасаться моченымъ или сушенымъ яблокомъ, а землевладѣльцы будутъ, сверхъ того, выдѣлывать изъ нихъ очень порядочныя вина и шипучки.

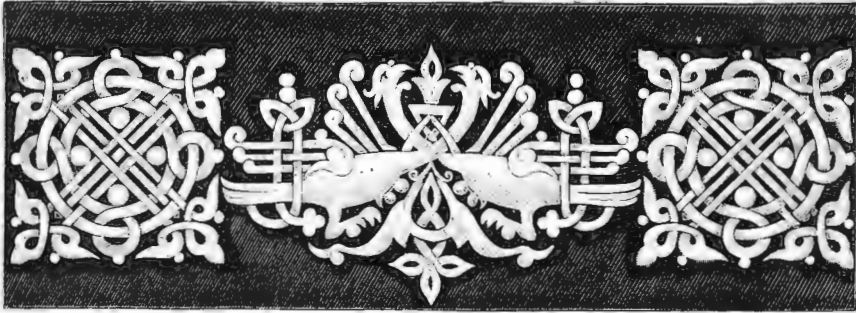
Заканчивая статью о промышленной и земельной производительности нашего отечества по книгѣ «Вся Россія», мы далеко не исчерпали этой первой у насъ практической энциклопедіи по вопросамъ русской жизни. Мы ничего не сказали о коневодствѣ, птицеводствѣ, рыбоводствѣ, пчеловодствѣ, садоводствѣ, лѣсоводствѣ, огородничествѣ и цѣломъ рядѣ специальныхъ культуръ: хмелѣ, табакѣ, сахарной свекловицѣ, хлопкѣ, винодѣліи, винокурени и шелководствѣ. А между тѣмъ всѣ эти отрасли сельскаго хозяйства достаточно полно разработаны въ книгѣ «Вся Россія» и, сверхъ того, снабжены адресъ-календаремъ. Точно такъ же, по недостатку мѣста, мы не тронули торговаго, банкаго, почто-телеграфнаго, издательско-книжнаго, желѣзнодорожнаго, пароходнаго и другихъ дѣлъ вплоть до юридическаго обихода и практической медицины, снабженныхъ точно также обстоятельными очерками и адресъ-календаремъ. Въ такой огромной работѣ, конечно, можно найти нѣкоторыя недостатки, пропуски и фактическія неточности; но нельзя упрекать «Всю Россію» въ томъ, что вмѣсто «адресъ-календаря» промышленнаго, сельскаго, юридическаго и административнаго быта, она снабжена полными «очерками» каждаго изъ поименованныхъ отдѣловъ, касаясь въ немъ многихъ отраслей съ начала возникновенія и слѣдя за ихъ развитіемъ до послѣднихъ лѣтъ. Возможно было издать справочный адресъ-календарь отдѣльно отъ статей, но если то и другое появилось вмѣстѣ, то изданіе получило еще болѣе интереса. Что касается цифръ, которыя относятся болѣе къ 1890 — 1893 гг., то эти цифры не такъ уже стары для такихъ вопросовъ, какъ промышленность или земледѣліе; во-вторыхъ, позднѣйшія цифры не вошли во «Всю Россію», потому что наша ста-

тистика не поспѣваетъ за текущимъ годомъ и значительно отстаетъ отъ него. Болѣе свѣжихъ цифръ не откуда было взять. Довольно справедливыми являются замѣчанія одного рецензента «Всея Россіи» о томъ, чтобы отдѣльные очерки губерній и областей были составлены по одному общему плану, то-есть въ описаніи одной какой нибудь губерніи встрѣчались тѣ же самыя данныя, какія попадаются въ другой—это необходимо въ интересахъ сравненія. Такому требованію обзоръ Россіи по частямъ въ разсматриваемой книгѣ не вездѣ удовлетворяетъ. Въ описаніяхъ Европейской Россіи собственно приводятся различныя подробности относительно каждой губерніи особо, сообщаются данныя о площади каждаго уѣзда, его народонаселеніи и даже промышленности. Въ царствѣ же Польскомъ описанія губерній отсутствуютъ: дается просто общій обзоръ всего края, отдѣльныхъ же очерковъ губерній не оказывается. Такой пробѣлъ очень чувствителенъ, потому что только описанія, составленныя по однородному плану, доставляютъ возможность дѣлать необходимыя сравненія. Ни въ одномъ изъ губернскихъ городовъ мы не встрѣчаемъ, на примѣръ, адресовъ врачей, а въ университетскихъ городахъ профессорскаго персонала, въ средѣ котораго есть очень не мало людей, несравненно болѣе заслуживающихъ вниманія, чѣмъ какіе-то начальники отдѣленій въ разныхъ палатахъ.

Въ этомъ родѣ можно насчитать не мало недостатковъ въ изданіи г. Суворина, но они всѣ исправимы и, конечно, во второмъ изданіи мы съ ними не встрѣтимся. Между тѣмъ, книга, помимо ея практическаго значенія, знакомитъ насъ съ современной Россіей въ общеобразовательномъ смыслѣ по всѣмъ болѣе или менѣе значительнымъ вопросамъ внутренней жизни и должна быть подъ рукою у всѣхъ дѣловыхъ и любознательныхъ людей. Цѣна ея, 10 рублей, очень не высока. Если она не окупится даже и при послѣдующихъ изданіяхъ, то это будетъ свидѣтельствовать только о равнодушіи нашей читающей публики къ самымъ существеннымъ вопросамъ народной жизни.

А. Фаресовъ.

НЕУДАЧНЫЙ СЪЕЗДЪ.

А ПОСЛѢДНЕЕ пятилѣтіе вопросъ о сѣздахъ по обсужденію разныхъ сторонъ отечественной жизни и ея культуры получилъ у насъ широкое развитіе. Передъ нами прошли многолюдныя и блестящія собранія естествоиспытателей, дѣятелей медицинской науки, сѣздъ по техническому и профессиональному образованію, по пожарному дѣлу, пенитенціарный конгрессъ, совѣщанія земледѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. Всѣ эти сборища были прекрасно организованы, доклады въ большинствѣ случаевъ отличались добросовѣстной подготовкою и въ общей суммѣ исчерпывали значительный и законченный кругъ вопросовъ; все было связано здѣсь единствомъ идеи и не страдало случайностью, отрывичностью и разбросанностью. Въ результатѣ получалось какъ у участниковъ сѣздовъ, такъ и ихъ посѣтителей изъ числа постороннихъ лицъ и слушателей, чувство удовлетворенности, сознаніе плодотворно проведеннаго времени и надежды на благія послѣдствія для дѣла, ради котораго потрачено было столько часовъ и рѣчей.

Къ сожалѣнію, нельзя того же самаго сказать про только-что закончившія свои занятія «Первый сѣздъ русскихъ дѣятелей печатнаго дѣла». На этотъ сѣздъ возлагались надежды, и одна мысль, что люди печати могутъ собраться и потолковать о своихъ дѣлахъ и нуждахъ, придавала многимъ одушевленіе и бодрость, въ кото-

рыхъ такъ нуждается русское интеллигентное общество. Дѣйствительно, какое дѣло должно быть ближе и дороже этому обществу, какъ не дѣло печати? Съ нимъ связаны въ настоящее время наши существенные интересы, и безъ печатнаго станка и безъ напечатаннаго слова не можетъ сбойтись ни одинъ сколько нибудь развитый человѣкъ.

Почетное и могущественное положеніе, которое завоевала себѣ печать, и придавало особенное значеніе слуху о сѣздѣ дѣятелей печати. Но по мѣрѣ того, какъ слухъ превращался въ дѣйствительность, и въ прессу стали проникать достовѣрныя извѣстія о ходѣ предварительныхъ занятій организаціоннаго комитета будущаго сѣзда, общественномъ понемногу стало овладѣвать разочарованіе. Выяснилось, что рѣчь идетъ не о печати въ томъ широкомъ смыслѣ слова, какъ мы его привыкли понимать, а лишь о технической сторонѣ типографскаго дѣла и нѣкоторыхъ сторонахъ жизни, непосредственно связанныхъ съ типографскимъ обиходомъ. Ремесло и техника, ремесленники и посредники между публикою и производителями, то-есть господа издатели, — вотъ кто долженъ былъ явиться героями дня. Техническое общество, созвавшее сѣздъ, старательно прикрыло его своимъ флагомъ, чѣмъ придало ему узкое и одностороннее значеніе. По мѣткому и злому выраженію одного фельетониста¹⁾, на имѣющемся открытій сѣздѣ «дѣло печати не есть дѣло литературное, и въ программѣ сѣзда авторы (то-есть писатели) играютъ роль только биржевой валюты, какъ инструменты, производящіе товаръ, и о нихъ будутъ разсуждать уже практики печатнаго дѣла: бумажные фабриканты, типографы, издатели и торговцы. Авторы же не спросятъ, подъ какимъ соусомъ имъ пріятнѣе быть скушанными».

Правда, какъ свидѣтельствуетъ «Обзоръ первой всероссійской выставки печатнаго дѣла»²⁾, членъ организаціоннаго комитета В. В. Комаровъ принялъ было на себя трудъ собрать представителей періодической печати и обсудить вопросы (?) для выясненія въ сѣздѣ, но по разнымъ причинамъ (?) этого осуществить не могъ. Тогда комитетъ уже послѣ того, какъ проектъ программы будущихъ занятій былъ представленъ на одобреніе комиссіи по техническому образованію, спохватился, что печать и литература обойдены и забыты, и разослалъ 160 циркуляровъ редакціямъ столичныхъ и провинціальныхъ изданій. Въ этихъ циркулярахъ была изложена просьба рассмотреть проектъ и представить замѣчанія и желательныя дополненія, какъ по вопросамъ о періодической печати, такъ и по другимъ отдѣламъ программы. Но было уже поздно. Пресса поняла, что это только уступка, деликатное выполненіе

¹⁾ «Новое Время», № 6863, фельетонъ г. Жителя.

²⁾ № 12.

элементарныхъ правилъ вѣжливости и.. не отозвалась на дипломатическое приглашеніе. Было до очевидности ясно, что людямъ пера и мысли, то-есть производителямъ печати, отводится второстепенное, если не третъестепенное мѣсто, и то изъ уступки общественному мнѣнію и духу времени. Къ чему же было идти на чужой праздникъ и быть гостемъ на подобіе татарина! Вѣдь занятія съѣзда, какъ то и выяснилъ впоследствии въ своей рѣчи, при его открытіи, предсѣдатель технического общества г. Кази, должны были происходить «въ предѣлахъ утвержденной для него программы», а эта послѣдняя не представляла дѣятелямъ литературы возможности обсудить способы врачеваній своихъ ранъ и наболѣвшихъ мѣстъ. А тѣ основные вопросы программы, которые могли имѣть дѣйствительный и жизненный интересъ, въ большинствѣ случаевъ, и помимо съѣзда, уже достаточно привлекали и привлекаютъ къ себѣ вниманіе пишущей братіи. Вопросы: объ обезпеченіи тружениковъ, о нормировкѣ рабочаго времени и рабочей платы, о контрафакціи, объ измѣненіи цензурнаго устава и упрощеніи цензурныхъ обрядностей—все это вопросы, давно знакомые, о которыхъ разсуждалось много разъ! Что и говорить, конечно, хорошо, если эти вопросы еще разъ громко поставлены на разрѣшеніе передъ лицомъ общества и власть имущихъ, но это могло быть сдѣлано и помимо тружениковъ пера. Пожалуй, даже еще лучше: пусть и другія сферы, которыхъ никоимъ образомъ нельзя заподозрѣть въ предвзятомъ и заранѣе обдуманномъ союзѣ съ прессою, подтверждать то, на чемъ она такъ давно и съ такимъ упорствомъ настаиваетъ. Короче, не смотря даже на личный визитъ предсѣдателя комитета къ «извѣстнымъ (?) дѣятелямъ» періодической печати и издателямъ, послѣдніе не тронулись съ мѣста и предоставили поле дѣйствій инымъ людямъ, инымъ представителямъ русской общественной жизни. Только весьма немногіе изъ литературной среды отозвались на зовъ, да и то не изъ числа «извѣстныхъ», а болѣе скромныхъ и незначительныхъ. Такимъ образомъ, составъ съѣзда скомплектовался преимущественно изъ типографовъ, издателей еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ журналовъ, писчебумажныхъ фабрикантовъ, книжныхъ торговцевъ, любителей просвѣщенія въ лицѣ адвокатовъ, учителей учебныхъ заведеній, докторовъ и проч., то-есть такихъ дѣятелей, хотя и весьма почтенныхъ, но про которыхъ нельзя литератору сказать словами А. Измайлова, обращенными къ издателю Смирдину:

«... Когда къ вамъ ни придеши,
То литераторовъ всегда у васъ найдешъ,
И въ умной дружеской бесѣдѣ
Забудешъ иногда, ей-ей, и объ обѣдѣ».

Даже крупные истинно-литературные издатели въ лицѣ гг. Суворина, Павленкова, Солдатенкова и нѣк. друг. устранились отъ

участія въ сѣздѣ. Вслѣдствіе всего изложеннаго, послѣдній совершенно лишился литературнаго характера и оттѣнка. Составъ его членовъ уже указанъ; необходимо добавить, что и организаціонный комитетъ выдѣлился почти цѣликомъ изъ числа членовъ техническаго общества. Это обстоятельство и послужило главнымъ образомъ причиною односторонности программы занятій, гдѣ преобладающимъ элементомъ явились вопросы промышленности и техники, а также причиною недостаточной компетентности въ организаціи докладовъ, руководствѣ ими и подборѣ референтовъ. Весь сѣздъ былъ раздѣленъ на VI секцій, и по нимъ назначено 44 доклада. Предсѣдателями секцій были избраны люди сами по себѣ чрезвычайно почтенные, но во всякомъ случаѣ имѣющіе довольно отдаленное прикосновеніе къ печатному дѣлу. Вотъ неудачное соединеніе этихъ-то трехъ составныхъ частей сѣзда, т. е. контингентъ участниковъ, организаціонный комитетъ и руководители преній, и послужили источникомъ печальныхъ заключительныхъ результатовъ. Дѣйствительно, какая грустная картина представляется намъ: большинство вопросовъ или осталось открытыми, или рѣшеніе ихъ передано на благоусмотрѣніе начальства; иные вопросы не могли быть обсуждены за неприбытіемъ заинтересованныхъ лицъ, другіе были поставлены неумѣло и даже несвоевременно, такъ какъ относились къ той крупной категоріи вопросовъ, надъ которыми уже работаетъ само правительство, вслѣдствіе чего, конечно, они тоже не могли получить удовлетворительнаго рѣшенія; наконецъ, нашлись и такіе рефераты, гдѣ на обсужденіе были предложены, повидимому, спорные вопросы, которые на самомъ дѣлѣ, однако, уже предрѣшены законодательствомъ. Такова одна и самая существенная сторона дѣла. Ничего отраднаго и утѣшительнаго не говоритъ и другая—внѣшняя, показная. Засѣданія секцій не отличались достаточной дисциплиной и порядкомъ. Все вмѣстѣ взятое и привело къ тому, что сѣздъ, открытый столь торжественно, многолюдно и съ помпой, закончился въ присутствіи немногихъ лицъ какъ-то печально и совѣмъ тихо. Участники разошлись по домамъ съ понурыми головами и значительно разочарованные. Можно бы еще многое сказать общаго и неблагоприятнаго по адресу неудавшагося сѣзда, но будемъ снисходительны на первый разъ. Понадѣмся, что на будущее время гг. представители «печатнаго дѣла» окажутся болѣе на высотѣ своего призванія и во второй разъ уже разойдутся болѣе сплоченными, умѣлыми и наученными горькимъ опытомъ перваго сѣзда.

«Si desint vires, tamen est laudanda voluntas»,—гласитъ латинская пословица, а потому, слѣдуя ея указанію, обратимся къ намѣченнымъ благимъ начинаніямъ сѣзда, постараемся выяснитъ, что имъ

было сдѣлано положительнаго, при чемъ, конечно, нельзя будетъ опустить и дефектныхъ сторонъ его дѣятельности.

Съездъ явился какъ бы придаткомъ, дополненіемъ къ первой всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла, хотя органической связи во все время своего существованія онъ съ нею не имѣлъ, не смотря даже на то, что организаціонный комитетъ въ видахъ достиженія этой связи «ходатайствовалъ о приглашеніи въ составъ комитета въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ председателя и почетнаго секретаря». Самое это ходатайство или, правильнѣе, фактъ ходатайства свидѣтельствуетъ, что идея выставки осуществлялась сама по себѣ, а съездъ самъ по себѣ.

Съездъ былъ открытъ 5-го апрѣля въ присутствіи великаго князя Константина Константиновича, принявшаго съездъ подъ свое покровительство, и отличался большою торжественностью. Въ числѣ присутствующихъ находились нѣкоторые министры, члены государственнаго совѣта, сенаторы и выдающіеся общественные дѣятели. Председатель технического общества М. И. Кази открылъ съездъ эффектной рѣчью, имѣющей, однако, мало отношенія и непосредственной связи съ совершающимся событіемъ. Онъ говорилъ о духовной силѣ, о необходимости для нея независимости и пожелалъ «и нашей печати такой же независимости и въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ съ высоты престола полезная дѣятельность въ области печати приравнена къ государственной заслугѣ». Это было очень недурно сказано, но, какъ говорится, «совсѣмъ изъ другой оперы». Печать въ томъ смыслѣ, какъ она была признана «съ высоты престола», на съездѣ отсутствовала, а большинство собравшихся имѣло въ виду потолковать о нуждахъ техники, типографскаго дѣла, промышленности и торговлѣ. Значить нечего было распространяться о необходимости «независимости» для печати. Полетъ фантазіи уважаемаго председателя технического общества былъ ограниченъ одною изъ дальнѣйшихъ рѣчей, гдѣ были точно указаны какъ цѣль съезда, такъ и предѣлы его функцій. Рѣчь эта принадлежала секретарю съезда В. И. Срезневскому. «Предметы, входящіе въ программу нашего съезда, обнимаются наименованіемъ «печатное дѣло», — сказалъ ораторъ. Нашему съезду подлежатъ всѣ отрасли труда, сопрягающіяся съ размноженіемъ и изданіемъ помощью печати словесныхъ и художественныхъ произведеній. Печатное дѣло — это область техники во всѣхъ ея ступеняхъ и проявленіяхъ — отъ ручной работы типографскаго накладчика и наборщика до сложныхъ ротационныхъ машинъ послѣдней конструкціи, отъ простаго поденщика, вертящаго колесо типографской машины, до самыхъ послѣднихъ новинокъ въ газовыхъ, керосиновыхъ и паровыхъ двигателяхъ, отъ труда простаго мужичка-книгоноши-афени — до крупной издательской и книгопродавческой фирмы съ собственными типографіями, литографіями и фотоцинкографіями и пр., отъ незавидной лубочной

картинки до послѣдняго слова автотипіи и гравюры на мѣди». Эта программа, сжато и ясно изложенная г. Срезневскимъ, легла дѣйствительно въ основаніе занятій съѣзда и разсѣяла туманъ, напущенный председателемъ технического общества. «Духовная сила», да еще «независимая», была вытравлена, и на мѣсто ея поставлены бездушныя ротаціонныя машины, книгопродавческое дѣло и торговля картинками. Опускаю остальные рѣчи—рѣчи председателя съѣзда А. А. Савурскаго, почетнаго председателя съѣзда, вице-президента академіи наукъ, Л. Н. Майкова, такъ какъ въ нихъ ничего существеннаго для дѣла не заключалось. Послѣ рѣчи г. Срезневскаго флагъ взвился, занавѣсъ поднялся, и началось дѣйствіе.

Я не стану утомлять читателя изложеніемъ каждаго прочитаннаго реферата; объ этомъ можно найти подробности въ любой столичной газетѣ за тѣ дни. Постараюсь ихъ сгруппировать по основнымъ затронутымъ вопросамъ и остановлюсь на наиболѣе заслуживающихъ вниманія. Самъ организационный комитетъ раздѣлилъ намѣченные доклады на 6 секцій, или группъ, а именно: 1) литературная и художественная, 2) школьная, 3) издательская, 4) печатнаго дѣла, 5) писчебумажнаго производства, 6) по улучшенію быта и здоровья работниковъ печати.

Изъ чисто-литературныхъ рефератовъ былъ прочитанъ всего лишь одинъ—извѣстнымъ писателемъ для дѣтей г. Поздняковымъ на тему «Дѣтская книга, ея прошлое, настоящее и желательное». Въ виду указаннаго выше состава съѣзда, рефератъ этотъ былъ для многихъ, что называется, «не въ бровь, а прямо въ глазъ», такъ какъ кому неизвѣстно, что наши гг. издатели изъ барышниковъ особенно сильно злоупотребляютъ именно дѣтской литературой, подсовывая невѣжественнымъ родителямъ (а таковыхъ большинство) всевозможный хламъ, обрядивъ его только въ роскошный переплетъ и снабдивъ картинками, оттиснутыми кричащими яркими красками. Какъ на отрадное явленіе въ этой области, г. Поздняковъ указалъ на изданія гг. Суворина, Павленкова, Девріена, Ледерле. Оригинальную, но *de facto* ничего не значащую резолюцію принялъ съѣздъ по поводу этого реферата. Онъ постановилъ: выразить порицаніе тѣмъ издателямъ дѣтскихъ журналовъ, которые ради личныхъ выгодъ портятъ дѣтей, печатая дѣтскія письма въ редакціи (напримѣръ, «Задушевное Слово»), или приманиваютъ покупателей-дѣтей и часто невѣжественныхъ родителей преміями. Не думаю, чтобы такое платоническое порицаніе имѣло какое нибудь реальное вліяніе на барышническія замашки недобросовѣстныхъ шарлатановъ издательскаго дѣла. Критики и рецензенты изъ силъ выбились, указывая на эту печальную сторону нашей книготорговли, но все тщетно. Въмѣсто отвлеченнаго «порицанія» съѣзду слѣдовало принять какую нибудь болѣе существенную резолюцію въ отношеніи своихъ порочныхъ членовъ, при помощи которой можно бы было указать этимъ господамъ надлежащій путь дѣятельности.

Отчасти литературного характера может считаться интересный реферат г. Гермониуса (онъ и былъ прочитанъ въ 1-й секціи): «О перепечаткахъ въ связи съ вопросомъ объ обезпеченіи газетныхъ тружениковъ». Г. Гермониусъ указалъ, что статья 297 уст. цenz., а также кассационное рѣшеніе сената отъ 1868 г., № 198, трактующія объ ограниченіи правъ на перепечатки чужихъ статей, постоянно нарушаются періодическимм изданіями. Стоитъ только газетѣ, перепечатающей замѣтку или статью, прибавить слова: «какъ сообщаетъ такая-то газета», и она считаетъ свои нравственныя и юридическія обязательства въ отношеніи автора выполненными. Газеты перепечатаютъ разнаго рода мелкія извѣстія постоянно, а не случайно, имѣя при редакціяхъ спеціальныхъ сотрудниковъ, работающихъ ножницами и клеемъ. Существуютъ даже изданія, оперирующія исключительно насчетъ «вырѣзокъ». Такое положеніе дѣла, по справедливому мнѣнію референта, ненормально, и ему слѣдуетъ положить конецъ, назначивъ за перепечатки опредѣленную плату, которую онъ исчисляетъ въ $\frac{1}{2}$ коп. со строчки для столичныхъ издателей и по $\frac{1}{10}$ коп. для провинціальныхъ. Въ общей сложности это составило бы въ годъ капиталъ въ 15.000 рублей. Деньги эти, проектируетъ г. Гермониусъ, должны быть направляемы въ особую пенсіонную кассу для газетныхъ тружениковъ, которые бы подъ старость могли изъ образовавшагося фонда получать пенсіи и единовременныя вспомошествованія. Этимъ самымъ прекратилось бы незаконное пользованіе чужимъ трудомъ, въ настоящее время приносящее значительный доходъ издателямъ. Способъ организаціи сбора за перепечатки долженъ быть установленъ тотъ же, что и въ обществѣ драматическихъ писателей, то-есть черезъ посредство спеціальныхъ агентовъ. Направлять же собираемый гонораръ за перепечатанныя строчки надлежитъ или въ кассу взаимопомощи при литературномъ фондѣ или въ академію наукъ для причисленія къ ежегодно отпускаемымъ по Высочайшему указу отъ 13-го января 1895 г. пятидесяти тысячамъ изъ государственнаго казначейства на вспомошествованіе нуждающимся литераторамъ, ученымъ и публицистамъ. Докладъ и предложеніе г. Гермониуса встрѣтили сочувствіе большинства присутствующихъ, хотя ему и справедливо замѣтили, что онъ смѣшалъ двѣ разнородныя цѣли: вознагражденіе авторовъ за перепечатки и образованіе общаго благотворительнаго фонда. Почему насчетъ нѣкоторыхъ пострадавшихъ и обиженныхъ должны благоденствовать другіе, дѣлу непричастные и даже ничего общаго съ газетою не имѣющіе? По обсужденіи доклада, съездъ постановилъ: перепечатки газетныхъ извѣстій должны быть оплачиваемы, и поручить особой комиссіи, куда будутъ направлены всѣ ходатайства съезда, болѣе подробную разработку частныхъ и деталей этого вопроса.

Хотя вопросъ, поднятый г. Гермониусомъ, и не получилъ на

съѣздѣ своего окончательнаго разрѣшенія, однако, нельзя не порадоваться уже одной его постановкѣ. Остается пожелать, чтобъ его не постигла участь многихъ вопросовъ, попадавшихъ въ пресловутыя русскія комиссіи, гдѣ на нихъ обыкновенно накидывается мертвая петля.

Довольно близкое соприкосновеніе съ печатнымъ дѣломъ, понимая его въ широкомъ литературномъ смыслѣ, имѣли тѣ засѣданія III секціи (издательской), на которыхъ трактовались вопросы «объ исходатайствованіи упрощенія цензурныхъ обрядностей и объ измѣненіи цензурнаго устава». Референты гг. Ольшевскій, Скивскій и Оргельбрандъ главнымъ образомъ и на первомъ планѣ выставили неудобства для настоящаго времени примѣненія къ издательскому дѣлу статей 41, 48, 49, 62, 64 цензурнаго устава. Статьи эти имѣютъ своимъ содержаніемъ способы сношеній съ цензорами, средства къ выпуску новыхъ изданій и вообще отношенія цензоровъ къ издателямъ. На засѣданіи 7-го апрѣля съѣздъ успѣлъ сдѣлать лишь одно постановленіе, а именно—ходатайствовать, чтобы вопреки ст. 6 уст. ценз. было разрѣшено выпускать повсемѣстно въ Россіи всѣ оригинальныя сочиненія объемомъ не менѣе двадцати печатныхъ листовъ безъ предварительной цензуры. Редакцію же измѣненій другихъ статей для возбужденія надлежащаго ходатайства поручено составить особой комиссіи, въ которую вошли 16 членовъ съѣзда. На этотъ разъ избранная комиссія оказалась на высотѣ своего призванія и уже къ 13-му апрѣля изготовила проектъ измѣненія тѣхъ статей цензурнаго устава, которыя тѣсно связаны съ усовершенствованіемъ печатнаго дѣла и упрощеніемъ цензурныхъ обрядностей. Какова окажется будущность этого проекта, покажетъ время; отмѣчу только, что самый фактъ ходатайства и проектъ измѣненій статей устава настолько характерны, что считаю нужнымъ привести новую кодификацію въ полномъ ея видѣ, какъ она изложена въ № 6868 «Новаго Времени».

Комиссія признала необходимымъ слѣдующія измѣненія въ цензурномъ уставѣ:

1) Начало 6 ст. изложить такъ: «Отъ предварительной цензуры изъяты повсемѣстно (а не только въ столицахъ, какъ говорится въ статьѣ) всѣ оригинальныя и переводныя сочиненія, объемомъ не менѣе десяти печатныхъ листовъ (въ статьѣ говорится: «не менѣе двадцати»), а также всѣ рисунки, политипажи и пр. въ такихъ сочиненіяхъ». Основаніемъ такого измѣненія служитъ широкое распространеніе заведеній печатнаго дѣла по всей Россіи. Объемистыя сочиненія издаются въ настоящее время не только въ Петербургѣ и Москвѣ, но и во многихъ другихъ городахъ.

2) Въ ст. 6-й къ пунк. 5, который освобождаетъ чертежи, планы и карты отъ предварительной цензуры повсемѣстно, прибавить: «рисунки, воспроизведенные фотомеханическимъ способомъ, и ноты».

3) Ходатайствовать о включеніи въ 10 ст., гдѣ говорится, что отдѣльные цензоры назначены въ городахъ: Ригѣ, Ревелѣ, Юрьевѣ, Митавѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, Одессѣ и Казани,—всѣхъ губернскихъ городовъ.

4) Къ ст. 41-й, которая возлагаетъ разсматриваніе всякаго рода афишъ и мелкихъ объявленій на мѣстные полицейскія начальства, сдѣлать добавленіе и изложить его такъ: «Однажды разрѣшенное объявленіе можетъ быть печатаемо безъ новаго разрѣшенія и отдѣльно, и въ различныхъ изданіяхъ».

5) Ходатайствовать объ отмѣнѣ циркуляровъ главнаго управленія по дѣламъ печати отъ 30-го октября 1866 г., за № 1994 (о запрещеніи студентамъ печатать объявленія съ предложеніемъ услугъ по обученію дѣтей) и отъ 23-го октября 1889 г. за № 4758 (объ этикетахъ съ польскими надписями).

6) вмѣсто 48 и 49 ст. (въ послѣдней говорится, что желающій предьявлять на разсмотрѣніе корректуру, вмѣсто рукописи, обязанъ непременно довести о томъ заблаговременно до свѣдѣнія цензуры и получаетъ на то позволенный билетъ) создать одну въ такомъ видѣ: «Рукописи, представляемыя въ цензуру, должны быть чисто и четко переписаны. Вмѣсто рукописи можетъ быть представляема отдѣльными листами корректура».

7) Въ статьѣ 52-й установить для всѣхъ сочиненій одинаково одинъ срокъ—трехлѣтній. Въ настоящее же время позволеніе цензора на напечатаніе рукописи дѣйствительно въ теченіе трехъ лѣтъ только для сочиненій, заключающихъ болѣе трехъ томовъ.

8) Въ статьѣ 54-й сдѣлать добавленіе: «Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ цензурныхъ учрежденій, сличеніе напечатаннаго сочиненія съ цензурованнымъ экземпляромъ и выдачу дозволенныхъ билетовъ на выпускъ книги въ продажу возложить на обязанность лицъ, имѣющихъ надзоръ за типографіями, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ дѣйствуютъ цензоры». Въ настоящее время выдача дозволеннаго билета и сличеніе напечатаннаго сочиненія съ рукописью представлено цензурнымъ учрежденіямъ, которыя имѣются только въ немногихъ городахъ. Въ результатѣ такого положенія потеря времени и денегъ на долги и часто дальнія хлопоты.

9) Въ ст. 55, дозволяющей отпускать изъ типографіи періодическія сочиненія, одобренныя цензурою въ рукописи или корректурѣ, до полученія дозволеннаго билета съ строжайшей отвѣтственностью начальства или содержателя типографіи, исключить слова: «составляющія не болѣе одного печатнаго листа и требующія послѣдней выдачи» и «начальства или».

10) Начало 58 ст. изложить: «Сочиненія, не одобренныя цензурою къ печати, возвращаются представившему ихъ съ надписью, что они не доволены на основаніи такой-то статьи устава о цензурѣ и печати». Въ настоящее время неодобренныя статьи не возвращаются.

11) Ст. 62 изложить такъ: «Стереотипныя изданія и вновь печатаемыя безъ измѣненій никакой цензурѣ не подлежатъ» (какъ это постановлено въ 270 ст. относительно духовной цензуры). Въ настоящее время печатныя книги, вновь издаваемыя, представляются въ цензуру, какъ и рукописи, для одобренія, хотя бы никакихъ измѣненій при перепечатываніи не дѣлалось.

12) Ходатайствовать о томъ, чтобы разрѣшенія на выпускъ отдѣльными оттисками статей, печатаемыхъ въ повременныхъ цензурныхъ изданіяхъ, давались одновременно съ разрѣшеніемъ на печатаніе ихъ въ этихъ изданіяхъ, такъ чтобы печатать отдѣльные выпуски можно было по частямъ, вслѣдъ за выходомъ cadaго отдѣльнаго выпуска повременнаго изданія.

13) Часть текста 64 ст. изложить такъ: «Вообще не дозволяется цензору задерживать рукописи или книги долѣе одного мѣсяца, сочиненія же, представляемыя въ корректуру, долѣе трехъ дней каждый листъ, а статьи, назначаемой»

и т. д. Въ настоящее время цензорамъ дозволено задерживать рукописи и книги до трехъ мѣсяцевъ — срокъ весьма продолжительный и часто совершенно уничтожающій интересъ книги, если она написана на злобу дня.

14) Статью 113, обязывающую цензоровъ руководствоваться особыми наставлениями при цензурованіи статей, касающихся частей: военной, судебной, финансовой и предметовъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, отмѣнить, такъ какъ интересы каждаго изъ поименованныхъ въ статьѣ вѣдомствъ достаточно ограждены общими законами и въ частности уставомъ о цензурѣ и печати.

15) Ст. 117 изложить такъ: «Каждый желающій издавать новое повременное изданіе въ видѣ газеты, журнала или сборника подаетъ прошеніе главному управленію по дѣламъ печати, при чемъ отъ издателя зависитъ, издавать ли газету и проч. безъ цензуры, или подъ условіемъ цензуры». Последнее условіе, касающееся цензуры, коммиссія вставила, руководствуясь ст. 6, дозволяющею печатать сочиненія болѣе 20 печатныхъ листовъ безъ предварительной цензуры. Годовой экземпляръ почти любой газеты или журнала болѣе 20 листовъ.

16) Въ ст. 125 исключить послѣднія строки отъ словъ: «если же». Послѣ словъ «если же» говорится о предъявленіи типографіи до набора повременнаго изданія квитанціи въ приемъ залога, обеспечивающаго изданіе.

17) Статьи 126 — 183 отмѣнить. Въ нихъ говорится о внесеніи въ главное управленіе по дѣламъ печати залога издателями повременныхъ изданій, выходящихъ безъ предварительной цензуры, о размѣрѣ залога, о печатаніи именъ издателей и отвѣтственнаго редактора на каждомъ номерѣ газеты, объ обязанности редакцій повременныхъ изданій сообщать по требованію министра внутреннихъ дѣлъ званія, имена и фамиліи авторовъ статей и т. п.

18) Къ ст. 158 сдѣлать добавленіе: «Редакторамъ и издателямъ повременныхъ изданій предоставляется открывать свою типографію на общемъ основаніи, но безъ особаго на то разрѣшенія».

19) Къ ст. 168, требующей на каждомъ экземплярѣ, выпускаемомъ въ свѣтъ изъ типографій, литографій или металлографій, обозначенія имени и мѣстожительства производителя, — добавить: «Если же къ этому встрѣчаются затрудненія по условіямъ техники дѣла, то обозначена должна быть только фирма заведенія».

20) Къ ст. 175 сдѣлать добавленіе: «Редакторамъ и издателямъ повременныхъ изданій предоставляется открывать кабинеты для чтенія на общихъ основаніяхъ, но безъ особаго на то разрѣшенія».

21) Къ ст. 193, въ которой говорится о препровожденіи посылокъ «съ иностранными книгами изъ таможенъ въ цензурныя учрежденія», послѣ словъ «съ иностранными книгами» добавить «и клише».

22) Къ ст. 210, которая говоритъ о разсылкѣ спб. комитетомъ каталоговъ разрѣшенныхъ книгъ и списковъ запрещенныхъ, добавить «каталоги и списки посылаются цензурнымъ комитетамъ и отдѣльнымъ цензорамъ послѣ каждаго засѣданія спб. комитета цензуры иностранной».

23) Къ статьѣ 144, предоставляющей министру внутреннихъ дѣлъ право дѣлать повременнымъ изданіямъ, выходящимъ безъ предварительной цензуры, предостереженія, послѣ словъ «третье предостереженіе» сдѣлать добавленіе: «полученное въ теченіе одного года». Въ настоящее время на полученные повременными изданіями предостереженія нѣтъ давности, между тѣмъ эти предостереженія находятся въ тѣсной связи съ матеріальными условіями повременныхъ изданій.

24) Ходатайствовать о томъ, чтобы всѣ цензурныя учрежденія дѣйствовали исключительно на основаніи устава о цензурѣ и печати.

Кромѣ перечисленныхъ измѣненій, комиссія нашла необходимымъ сдѣлать измѣненія пункт. 3 ст. 8 и ст. 18, находящіяся въ зависимости отъ соответствующихъ измѣненій пункт. 5 ст. 6 и статьи о представленіи въ цензуру корректуры наравнѣ съ рукописью.

Съездъ, рассмотрѣвъ редакціи измѣненій статей цензурнаго устава, одобрилъ всѣ измѣненія, кромѣ редакцій ст. 113 и ст. 117 (см. 14 и 15). Ст. 113 постановлено оставить безъ измѣненія, такъ какъ она касается правилъ, даваемыхъ цензорамъ въ руководство, но признано желательнымъ сдѣлать къ ней добавленіе, чтобы всѣ упомянутыя въ статьѣ «особо изданныя постановленія» были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе. Что же касается ст. 117, то, оставивъ ее безъ измѣненій, признано желательнымъ добавить къ ней лишь одно: прошеніе должно быть подаваемо не министру внутреннихъ дѣлъ, а главному управленію по дѣламъ печати.

Хотя, какъ можетъ убѣдиться читатель, предполагаемое измѣненіе цензурнаго устава, направлено преимущественно на облегченіе издательскаго дѣла, однако, многія статьи здѣсь такъ тѣсно связаны съ общимъ благосостояніемъ печати, что осуществленіе проекта положительно сочтется общелитературнымъ событіемъ и будетъ привѣтствовано всѣми категоріями тружениковъ печатнаго дѣла съ радостью. За одно это съезду отпустятся многія его прегрѣшенія.

Немалый интересъ представляетъ собою вопросъ, поднятый въ VI секціи г. Гольдштейномъ, «о воскресномъ и праздничномъ отдыхѣ для газетныхъ работниковъ». Вопросъ этотъ не новый; уже много лѣтъ представители печати твердятъ о необходимости его разрѣшенія въ положительномъ смыслѣ. Дѣло только за всеобщимъ соглашеніемъ и способами его осуществленія. Мы отстали въ данномъ случаѣ отъ своихъ западныхъ сосѣдей, которые по большей части узаконили праздничный отдыхъ для рабочихъ. Г. Гольдштейнъ въ своемъ докладѣ категорически высказался за правительственное вмѣшательство въ это дѣло, такъ какъ путемъ частнаго соглашенія издатели въ силу конкуренціи никогда не придутъ къ положительнымъ результатамъ. Среди большинства присутствовавшихъ принципъ отдыха, выставленный референтомъ, вызвалъ горячее сочувствіе, хотя нашлись и такіе, и къ удивленію изъ лицъ, принадлежащихъ къ литературному сословію, которые, исходя съ одной стороны изъ отвлеченныхъ умозрѣній и съ другой, соображаясь съ убытками издателей, высказались противъ симпатичнаго предложенія г. Гольдштейна. Не смотря на оппозицію, съездъ, однако, большинствомъ голосовъ (37 изъ 48) высказался въ пользу праздничнаго отдыха и постановилъ: ходатайствовать объ установленіи обязательнаго отдыха для всѣхъ газетныхъ тружениковъ,

при чемъ днемъ отдыха считать только воскресные дни. Кромѣ того, постановлено — просить техническое общество собрать всѣхъ издателей повременной прессы и попытаться привести ихъ къ полюбовному соглашенію въ смыслѣ разрѣшенія вопроса въ пользу праздничнаго отдыха ранѣе какого либо правительственнаго вмѣшательства. Последнее обстоятельство дѣлаетъ честь съѣзду, такъ какъ дѣйствительно неужели мы никогда не освободимся отъ необходимости опеки и регламентаціи и не будемъ умѣть собственными руками разводить свои бѣды.

Указанными рефератами исчерпывается все, имѣющее касательство къ печати въ широкомъ смыслѣ этого слова. Остальныя сообщенія имѣли своимъ предметомъ болѣе узкія темы и носили скорѣе спеціальныя характеръ. Но и изъ нихъ нѣкоторыя заслуживаютъ серьезнаго вниманія и вызываютъ сочувствіе всякаго просвѣщеннаго человѣка. Къ числу таковыхъ относятся рефераты по рабочему вопросу, напимѣръ, «о лѣтнемъ отдыхѣ для выздоравливающихъ и слабосильныхъ наборщиковъ», «о помощи рабочимъ на случай болѣзни и въ старости», «о расширеніи существующихъ вспомогательныхъ кассъ и объ обезпеченіи рабочихъ на случай болѣзни и старости». Всѣ эти рефераты выяснили высоко трагическое существованіе представителей «свинцовой арміи» въ большинствѣ нашихъ типографій. Жизнь ихъ тяжела въ настоящемъ и безотраднѣе въ будущемъ. На это обратилъ еще вниманіе Некрасовъ въ своей поэмѣ «О свободномъ словѣ». Онъ мастерскою кистью нарисовалъ мрачную картину условій жизни меньшихъ тружениковъ печатнаго станка, а потому считаю необходимымъ для иллюстраціи вопроса привести нѣкоторыя строфы изъ «пѣсни о свободномъ словѣ»—«Наборщики»:

Намъ всѣ равны статейки,
Печатай, разбирай,—
Три четверти копейки
За строчку намъ отдай.

Но не ровны заботы,
Чтобъ время наверстать,
Мы слѣпнемъ отъ работы...
Хотите ли писать?

Мы вамъ дадимъ сюжеты:
Войдите-ка въ полночь
Въ наборную газеты—
Кромѣшныя адъ точь-въ-точь!

Наборщикъ безотвѣтный
Красивъ, какъ трубочистъ...
Кто выдумалъ газетный
Безчеловѣчный листъ?

Хоть цѣлый свѣтъ обрыщешь,
И въ самыхъ рудникахъ
Тошнѣй труда не сыщешь—
Мы вѣчно на ногахъ;

Отъ частой недосыпки,
Отъ пыли, отъ свинца,
Мы всё здоровьемъ хляпки,
Всѣ зелены съ лица...

Картина, нарисованная поэтомъ, вполне соответствуетъ тому, что мы слышали на этихъ дняхъ отъ представителей съезда о жизни типографскихъ тружениковъ. Референты, коснувшіеся этой стороны типографской жизни, пытались указать и пути къ ея улучшенію и просвѣтленію. Къ сожалѣнію, съездъ въ большинствѣ случаевъ не умѣлъ прійти здѣсь къ какимъ либо положительнымъ результатамъ и ограничился или благими порывами или отложеніемъ дѣла до болѣе благоприятнаго времени. Такъ, когда докторъ Мосинъ настаивалъ на необходимости основанія пріюта для выздоравливающихъ и слабосильныхъ наборщиковъ по примѣру существующихъ санаторій для неимущихъ и больныхъ дѣтей, то съездъ, хотя и отнесся вполне сочувственно къ мысли референта, остановился только передъ вопросомъ: откуда взять на это дѣло средства? Равнымъ образомъ безъ реальныхъ послѣдствій остался рефератъ г. Кремлева «о помощи рабочимъ на случай болѣзни и старости», хотя онъ и указалъ на средства этой помощи. Страхование, по мнѣнію референта, является лучшею формою обезпеченія больныхъ и старыхъ работниковъ и при томъ страхование государственное. Положеніе это безусловно справедливое уже давно признано самимъ правительствомъ, и проектъ государственнаго страхования рабочихъ вообще, внесенный въ государственный совѣтъ еще весной 1893 г., переданъ въ министерство финансовъ, гдѣ находится и доннынѣ. Съездъ, не обсуждая реферата г. Кремлева по существу, постановилъ: ходатайствовать передъ господиномъ министромъ финансовъ о скорѣйшемъ разсмотрѣніи вопроса о страхованіи рабочихъ и о поддержкѣ разрѣшенія этого вопроса въ положительномъ смыслѣ, то-есть опять таки ограничился чисто-платоническимъ желаніемъ. Равнымъ образомъ ничего реально-существеннаго не вышло изъ обсужденій вопросовъ о расширеніи существующихъ вспомогательныхъ кассъ, о нормировкѣ рабочаго времени и труда и объ учрежденіи общества печатнаго дѣла. Рѣшеніе большинства вопросовъ будетъ зависѣть отъ энергіи избранныхъ комисій и добро расположенія техническаго общества. Такимъ образомъ попытки разрѣшить типографскій рабочій вопросъ въ положительномъ смыслѣ не дали никакого реального результата. Не блестящи были также результаты обсужденія вопроса о типографскихъ ученикахъ и мальчикахъ наборщикахъ. Этому юному поколѣнію по-

священо было не мало времени на секціяхъ сѣзда. Главнѣйшіе рефераты въ этой области слѣдующіе: «объ упорядоченіи ученичества въ типографіяхъ», «объ учрежденіи подготовительной школы для учениковъ типографій», «объ учрежденіи библіотекъ и читальни при школахъ для рабочихъ въ типографіяхъ», «объ ученическихъ общежитіяхъ».

И изъ этихъ рефератовъ выяснилось крайне тяжелое и бѣдственное положеніе типографскихъ учениковъ, въ особенности въ провинціи. Гг. Канаевъ, Эрлихъ, Остроградскій собрали по настоящему предмету обширный матеріалъ и нарисовали яркими картинами мрачную обстановку, въ которой живутъ и работаютъ молодые подмастерья. Въ видахъ облегченія ихъ существованія, сѣздъ высказался въ пользу ученическихъ общежитій ради улучшенія нравственности и здоровья учениковъ типографій, но будетъ ли благое пожеланіе сѣзда выполнено, остается вопросомъ открытымъ. Точно также ничто не гарантируетъ, что другое пожеланіе сѣзда будетъ выполнено, а именно—чтобы для рабочихъ печатнаго дѣла устраивались разумныя развлечения, и чтобы владѣльцы типографій вычитали изъ вознагражденія рабочихъ извѣстный % въ фондъ вспомогательной кассы. Болѣе реально по своимъ послѣдствіямъ было сообщеніе г. Королькова «объ учрежденіи библіотекъ для рабочихъ въ типографіяхъ». Послѣ оживленныхъ дебатовъ сѣздъ постановилъ: ходатайствовать о разрѣшеніи устраивать при заведеніяхъ печатнаго дѣла особыя библіотеки для рабочихъ на общихъ основаніяхъ частныхъ общедоступныхъ библіотекъ.

Изложенными рефератами и постановленіями исчерпывается все имѣющее наибольшій интересъ на сѣздѣ. Остальныя сообщенія врядъ ли могутъ привлечь къ себѣ вниманіе читателей. Тутъ трактовалось и «о конкуренціи между заведеніями печатнаго дѣла», и «о дезинфекціи тряпья», «объ установленіи экзамена для желающихъ открыть типографію», «о кругломъ и отчетливомъ шрифтѣ», «объ учрежденіи русскаго общества музыкальныхъ издателей», о почтовой пересылкѣ, о кредитѣ, «о музыкальной собственности», «о журналѣ печатнаго дѣла» и проч., и проч., при чемъ нельзя не отмѣтить, что почти ни одинъ вопросъ не получилъ добропорядочнаго разрѣшенія, а многіе изъ нихъ упрощеннымъ способомъ были переданы на благоусмотрѣніе начальства. Характерной иллюстраціей къ сейчасъ сказанному можетъ служить курьезное, чтобъ не сказать сильнѣе, отношеніе сѣзда хотя бы къ вопросу «о положеніи иллюстраторовъ въ Россіи», поднятому въ 3 секціи г. Миѣшинымъ.

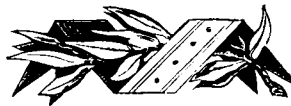
Извѣстно болѣе или менѣе, что положеніе русскихъ иллюстраторовъ далеко незавидное. Гг. издатели еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ журналовъ не отличаются наклоностью къ покро-

вительственной системѣ и въ исключительныхъ видахъ дешевой и скорой наживы предпочитаютъ пользоваться иностранными отработавшими уже клише, которыя и приобрѣтаются ими по дешевой цѣнѣ. Вслѣдствіе этого русскій иллюстраторъ, чтобъ не умереть съ голода, вынужденъ довести гонораръ за свой трудъ до minimum'a. Вотъ въ защиту-то этихъ обиженныхъ работниковъ и поднялъ свой голосъ г. Микѣшинъ. Но, Боже мой! Какъ это было сдѣлано неумѣло, безъ достаточнаго знанія дѣла и даже курьезно. По его мнѣнію, во имя борьбы со зломъ, надлежитъ обложить заграничныя клише особымъ сборомъ «въ пользу накопленія фонда перваго кружка русскихъ иллюстраторовъ-художниковъ, который помѣщается на литейномъ дворѣ академіи художествъ». Это курьезное заключеніе вызвало не менѣе, если еще не болѣе, нелѣпое и жестокое постановленіе съезда. Послѣдній рѣшилъ, что, молъ, русскіе иллюстраторы въ настоящее время въ поддержкѣ не нуждаются. Это классическое рѣшеніе III секціи вполне обнаружило инстинкты и пониманіе задачъ дѣла участниковъ съезда: торговецъ и промышленникъ сказался здѣсь во всей своей силѣ!

Чтобъ закончить настоящій краткій отчетъ о «первомъ съездѣ дѣятелей по печатному дѣлу», остается сказать о церемоніи его закрытія. Она была очень печальная, точно по поговоркѣ «начали за здравіе, а кончили за упокой». Собралось всего человѣкъ 30—40, да комитетъ не въ полномъ составѣ. Произнесено было нѣсколько рѣчей главнымъ образомъ на темы о надеждахъ, что дѣятельность съезда не останется безъ послѣдствій. Предсѣдатель же, г. Савурскій, предложивъ съезду собраться вторично черезъ нѣсколько лѣтъ, выразилъ пожеланіе, чтобъ будущій съездъ принесъ большую пользу, чѣмъ нынѣшній.

И мы, читатель, того же самаго пожелаемъ, а исполнится ли наше желаніе, поживемъ—увидимъ.

Б. Глинскій.

НОВЫЙ НАПОЛЕОНЪ ¹⁾.

Корсиканскій патриотъ и французскій якобинецъ.

ИНТЕРЕСНЫЙ трудъ Слоана «Жизнь Наполеона Бонапарта» продолжаетъ появляться въ «Century Magazine» и попрежнему представляетъ богатый источникъ новыхъ свѣдѣній объ удивительной карьерѣ этого героя. Насколько рассказъ американскаго историка о первыхъ годахъ политической и военной дѣятельности Наполеона подробенъ и полонъ невѣдомыхъ доселѣ фактовъ, можно судить уже потому, что въ напечатанныхъ до сихъ поръ семи выпускахъ онъ доведенъ еще только до Итальянской кампаніи, тогда какъ обыкновенно наполеоновскіе историки и біографы начинаютъ съ нея свои повѣствованія и только въ нѣсколькихъ словахъ упоминаютъ о воспитаніи Наполеона въ Бриеннѣ и о первомъ его военномъ успѣхѣ въ Тулонѣ. Главной причиной, почему дѣтство и молодость будущаго императора прикрывались долго почти непроницаемой завѣсой, онъ самъ, такъ какъ его личное желаніе было, чтобъ біографіи о немъ начинались съ Тулона, и чтобъ его жизнь подробно рассказывалась лишь съ легендарнаго подвига на Аркольскомъ мосту. Въ его интересахъ очевидно было ступшевать свою первоначальную дѣятельность, какъ яраго республиканца на Корсикѣ и во Франціи. Поэтому всѣ его панегиристы слѣпо слѣдовали этому указанію, а если нѣкоторые изъ враждебныхъ ему пи-

¹⁾ Новый Наполеонъ: дѣтство и юность. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIX, стр. 231.

сателей и касались этой темной эпохи его блестящей карьеры, то изображали ее съ такимъ пристраціемъ, что отпугивали непредубѣжденныхъ читателей. Только теперь, впервые американскій историкъ на основаніи новѣйшихъ матеріаловъ рисуетъ передъ нами вѣрный и полный образъ Наполеона, какъ корсиканскаго патріота и французскаго якобинца. Этотъ новый Наполеонъ отъ двадцати до двадцатипятилѣтняго возраста составляетъ достойный pendant къ начертанному имъ же ранѣе столь же новому Наполеону въ дѣтствѣ и юности. Представляя читателямъ второй, хотя совершенно самостоятельный, очеркъ новаго Наполеона по любопытному труду Слоана, мы также, какъ въ первомъ, пополнимъ, гдѣ необходимо свѣдѣнія, сообщаемыя американскимъ ученымъ, данными изъ другихъ источниковъ, преимущественно изъ увеличивающейся почти ежедневно современной Наполеоновской литературы.

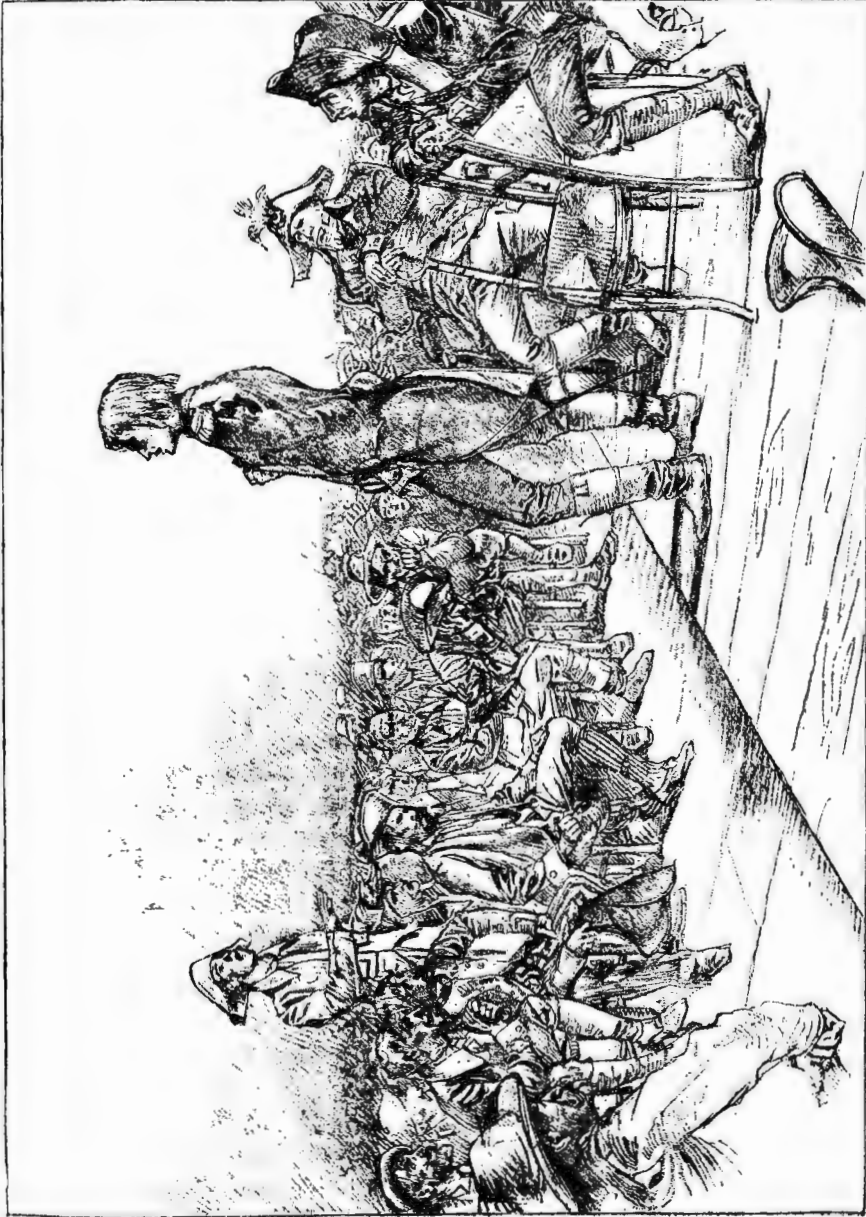
I.

Въ 1789 году Наполеону было 20 лѣтъ, и разразившаяся надъ Франціей политическая буря застала его скромнымъ, бѣднымъ, никому неизвѣстнымъ поручикомъ въ гарнизонѣ провинціального городка Оксоно. По внѣшности онъ не обращалъ на себя особаго вниманія: голова его, не особенно большая, была, однако, непропорціональна съ его маленькой фигурой; лобъ, широкій, но не очень высокій, окаймлялся длинными, плоскими прядями каштановыхъ волосъ, которые ниспадали на впалыя щеки; глаза большіе, съ синевато-стальными зрачками и нависшими бровями, отличались пронизательнымъ взглядомъ, скрывавшимъ глубокій умъ; прямой, красивый носъ, большой ротъ, толстыя, страстныя губы, выдающійся подбородокъ и желтоватый цвѣтъ лица дополняли его черты. Вся его фигура была маленькая, утонченная, въ особенности руки и ноги; только грудь и шея отличались громадными размѣрами. Но этотъ недостатокъ въ пропорціональности не отражался на поступи, чрезвычайно твердой и рѣшительной. Всякій фізіономистъ призналъ бы этого юношу самонадѣяннымъ, скрытнымъ, самолюбивымъ, расчетливымъ, повелительнымъ, но добрымъ, а френологъ нашелъ бы въ немъ шишки индивидуальности, воображенія, причинности и сравненія, что на обыкновенномъ языкѣ означаетъ способности картинно представлять себѣ предметы реальныя и воображаемыя, индуктивно мыслить и составлять себѣ точное понятіе о людяхъ, мѣстностяхъ и обстоятельствахъ. Его жизнь до сихъ поръ была такая обыкновенная, такая прозаичная, что нельзя было предвидѣть для него блестящаго будущаго. Бѣдный, но аккуратный, онъ не позволялъ себѣ никакихъ кутежей и не имѣлъ ни

гроша долга. Благодаря своему воспитанію и безпорядочному чтенію, онъ ничего не зналъ серьезно, научно, кромѣ основъ своей военной профессіи, хотя отличался рѣдкимъ умѣніемъ схватывать и обобщать мелкія подробности всякаго дѣла, или вопроса, и имѣлъ обширный запасъ свѣдѣній и, не изучавъ основательно философіи, зналъ, однако вполне принципы Руссо и Рейналя. Его воззрѣнія на политику и ея дѣятелей не были научны, но ясны и практичны; онъ не любилъ военного ремесла, ненавидѣлъ его рутину и презиралъ мелкія офицерскія обязанности. Но военная карьера могла вести къ достиженію великой цѣли и онъ, хотя въ то время не обнаруживалъ еще ни особой способности къ тактикѣ и стратегіи, ни даже интереса къ нимъ, охотно углублялся въ изученіе и тончайшій анализъ подвиговъ великихъ полководцевъ. До сихъ поръ онъ былъ мечтательнымъ теоретикомъ и не имѣлъ случая примѣнить радикальныя идеи, выведенныя изъ жаднаго чтенія книгъ; бѣдный офицеръ и неудачный литераторъ, онъ, можетъ быть, такъ и заглохъ бы въ маленькомъ гарнизонномъ городкѣ, если бы неожиданныя политическія событія не открыли передъ нимъ широкаго поля дѣйствія. Но все-таки онъ не вдругъ проявилъ скрывавшійся въ немъ геній, а мало-по-малу, тихо, съ величайшимъ трудомъ и преодолевая громадныя преграды, превратился изъ неизвѣстнаго офицера въ славнаго полководца, изъ разочарованнаго литературнаго неудачника во всесильнаго диктатора великой страны. Совершенно естественно, что, видя торжество своихъ идей на широкой политической аренѣ, онъ задумалъ по-пробовать счастья въ качествѣ политическаго дѣятеля, а такъ какъ былъ съ дѣтства пламеннымъ корсиканцемъ, и всѣ его мысли до тѣхъ поръ сосредоточивались на горячо любимой родинѣ, то еще болѣе естественно, что его первые шаги на политическомъ поприщѣ были сдѣланы въ Корсикѣ, и что на этомъ маленькомъ островкѣ онъ пытался найти себѣ счастье и славу, а быть можетъ, и принести пользу своимъ соотечественникамъ.

Съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдя за великими событіями, происходившими въ Парижѣ, юный поручикъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ и подъ предлогомъ болѣзни, которая дѣйствительно едва не унесла его въ могилу, въ сентябрѣ мѣсяцѣ добился снова отпуска. Съ опредѣленною идеей вывести Корсику по примѣру Франціи на революціонный путь и съ готовымъ планомъ учрежденія выборнаго собранія вмѣсто совѣта аристократовъ, а также національной милиціи, онъ явился въ Аяціо. Тамъ все было по-старому. Его семья испытывала прежнія, если еще не худшія, финансовыя затрудненія, а радикальныя убѣжденія, которыя начиналъ высказывать старшій его братъ Люсьенъ, заставляли официальные кружки отъ нея отворачиваться. Какъ и прежде существовали двѣ партіи: французская и патріо-

Наполеонъ въ якобинскомъ клубѣ на Корсикѣ.

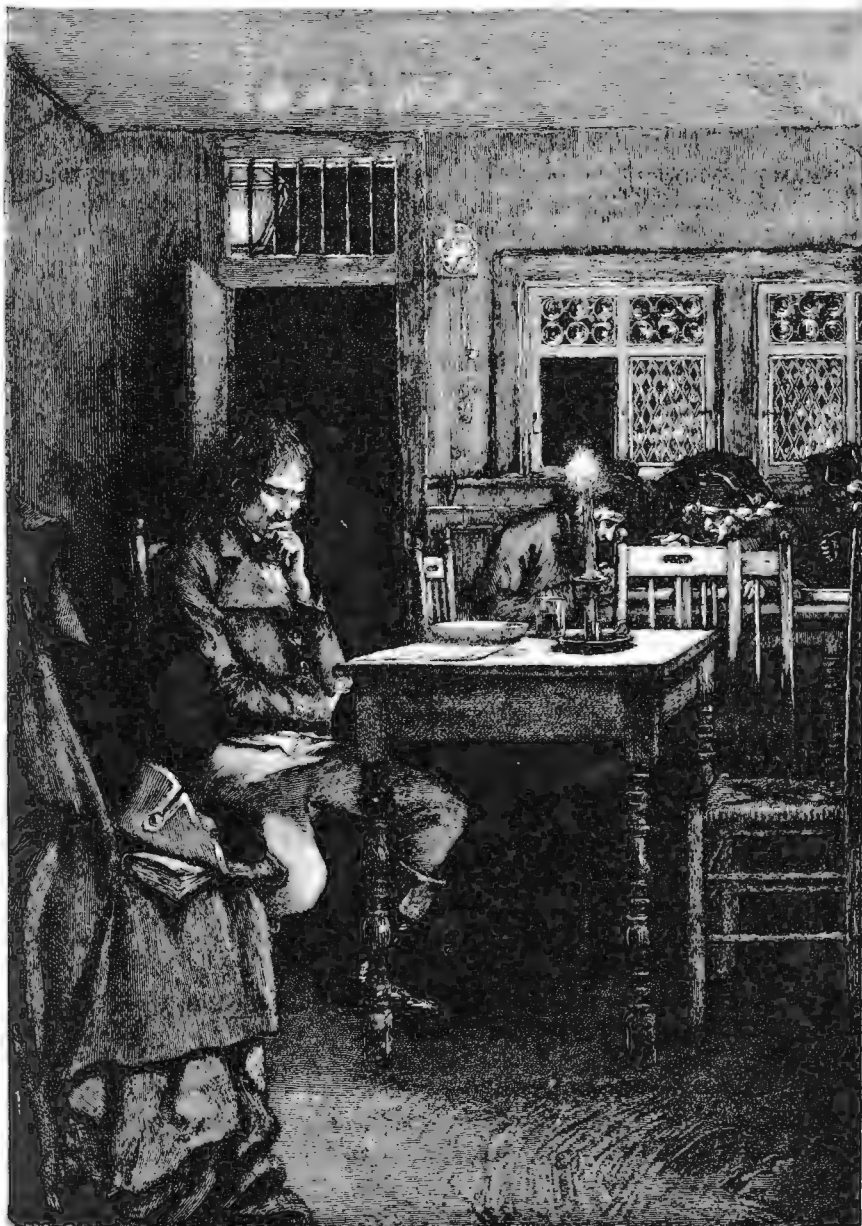
тическая. Со времени смерти Карла Бонапарте его мѣсто въ Версали, какъ представитель первой изъ этихъ партій, занималъ Буттафуоко, низкій интриганъ, бывший когда-то орудіемъ Шуазеля, а членами ея состояли аристократы и высшее духовенство, одинаково ярые роялисты. Но, не смотря на двадцать лѣтъ мирнаго владычества Франціи, ея сторонники на Корсикѣ были очень немногочисленны, не популярны и маловліятельны. Громадное большинство обитателей острова почти не измѣнилось и сохраняло свой пламенный патриотизмъ: старики, называвшіеся теперь паолистами, желали полной независимости, а молодые мирились съ мыслью о французскомъ протекторатѣ, обеспечивавшемъ свободу и самостоятельность ихъ родины. Карте былъ центромъ вліянія Паоли, Кальви—французской роялистской партіи, Бастія—радикаловъ; Аяціо же дѣлился почти поровну между старыми и юными патриотами, при чемъ вмѣлся и довольно сильный officialный элементъ. Представителями Корсики въ національномъ собраніи были члены умѣренной партіи, Салицетти, другъ семьи, Бонапартовъ и Колонна; которые оба всячески старались побудить собраніе ко введенію въ Корсикѣ мѣстнаго самоуправленія. Мало-по-малу всѣ не только юные, но и старые патриоты стали приходить къ тому убѣжденію, что независимости родины можно скорѣе добиться отъ помощи возрожденной, свободной Франціи, чѣмъ отъ борьбы съ нею, и самъ Паоли уже соглашался съ той идеей, что подъ покровительствомъ Франціи корсиканцамъ было легко добиться всѣхъ старинныхъ привилегій, какъ и французамъ свободы совѣсти, слова и торговли, равенства, образованія.

Наполеонъ естественно сошелся съ молодыми патриотами, въ томъ числѣ Поццо-ди-Борго, впоследствии его злѣйшимъ врагомъ и русскимъ дипломатомъ; а такъ какъ онъ одинъ на всей Корсикѣ получилъ французское военное образованіе и былъ настоящимъ офицеромъ, то ему придавали большое значеніе, и онъ, быть можетъ, мечталъ покинуть французскую службу и добиться высшей военной власти на родинѣ. Какъ бы то ни было, онъ составилъ планъ учрежденія мѣстной милиціи для поддержки центрального комитета, образовать который такъ жаждали его друзья; но отправленный въ военное министерство, въ Парижъ, этотъ планъ попалъ въ руки Буттафуоко и, конечно, былъ оставленъ безъ послѣдствій; мало того, онъ точно по какой-то злобной ироніи былъ переданъ на разсмотрѣніе того самаго учрежденія, противъ котораго былъ задуманъ, именно въ ненавистный сторонникамъ народнаго вооруженія совѣтъ двѣнадцати корсиканскихъ аристократовъ, поспѣвшихъ, конечно, его похоронить. Естественно, что при подобныхъ неблагоприятныхъ дѣйствіяхъ правительства на Корсикѣ стало распространяться общее недовольство, и агенты Паоли возобновили свою энергичную дѣятельность. Во многихъ городахъ народъ, побуждаемый

примѣромъ взятія Бастиліи, возсталъ и произвелъ нападеніе на мѣстныя крѣпости, или казармы съ цѣлью забрать власть въ свои руки; но только въ Бастіи и Гассѣ патриоты успѣли въ своихъ предпріятіяхъ; въ Аяціо, гдѣ во главѣ движенія стоялъ Наполеонъ, они потерпѣли фiasco; радикальный клубъ, быстро преобразованный въ ядро народной милиціи, былъ закрытъ военной силой, и агитаторамъ пришлось разсѣяться. Но до этого, на послѣднемъ своемъ сборищѣ въ одной изъ церквей, 31 октября 1789 г. они подписали воззваніе на имя національнаго собранія, которому оно и было передано корсиканскими представителями Салицетти и Колонной. Оно было написано Наполеономъ, и дѣйствительно хотя его братъ Іосифъ впоследствии приписывалъ себѣ участіе въ составленіи этого документа, но по грамматическимъ ошибкамъ, силѣ выраженій и сжатости, слога его нельзя не признать произведеніемъ Наполеона. Въ немъ прямо доказывалось право петицій, объяснялись всѣ неправильныя дѣйствія совѣта, въ томъ числѣ употребленіе военной силы, и указывалось на необходимость удовлетворенія законныхъ требованій народа. Вообще это воззваніе дышало чисто революціоннымъ духомъ, и тотъ фактъ, что оно было составлено и подписано офицеромъ королевской службы, доказываетъ, какъ всякая дисциплина была уже тогда распатана. Впрочемъ не одинъ Аяціо обратился съ подобной петиціей въ національное собраніе: туда былъ представленъ цѣлый рядъ просьбъ отъ различныхъ мѣстностей Корсики объ упорядоченіи ея положенія. При обсужденіи этого вопроса Салицетти предложилъ включить Корсику въ составъ Франціи, такъ какъ только номинально и въ видѣ залога Генуя передала ее въ 1768 году подъ управленіе Франціи. Мирабо, бывшій молодымъ офицеромъ въ оккупационной арміи, занявшей при Шуазелѣ островъ, краснорѣчиво поддержалъ его представителя, со стыдомъ признался, что принялъ участіе въ нечестивомъ дѣлѣ, и пламенно требовалъ общей амнистіи всѣмъ корсиканцамъ, начиная съ Паоли. Национальное собраніе согласилось съ этими предложеніями и въ результатѣ Корсика сдѣлалась французскою провинціей, Паоли былъ возвращенъ на свою родину; когда же Генуя вздумала протестовать противъ нарушенія международнаго соглашенія, то ея протестъ былъ оставленъ безъ послѣдствій.

Корсика торжествовала, но Наполеонъ былъ недоволенъ, хотя скрывалъ свои чувства въ виду общихъ ликованій. Въ своемъ воззваніи, онъ не говорилъ ни слова о превращеніи Корсики въ французскую провинцію и самъ впоследствии указывалъ, что, еслибъ удался его планъ, то положеніе дѣлъ на его родинѣ приняло бы совершенно иной характеръ: добившись самоуправленія и народной милиціи, она сама вернула бы Паоли, могла бы вступить съ подобающимъ достоинствомъ въ переговоры съ національнымъ собраніемъ и выговорить себѣ при этомъ выгодныя условія, а не подчиниться

его насильственному постановленію. До сихъ поръ онъ постоянно выражалъ пламенную ненависть къ Франціи и, быть можетъ, мечталъ сдѣлаться освободителемъ своей родины, а теперь ему пришлось мириться съ идеей объ окончательномъ подчиненіи Франціи и отказаться отъ личнаго участія въ мѣстной вооруженной силѣ, такъ какъ онъ, французскій офицеръ, не могъ служить въ немедленно теперь образованной національной гвардіи, которая была французской, а не корсиканской, въ родѣ проэктированной народной милиціи. Однако онъ не унывалъ и съ одной стороны возобновилъ радикальную агитацію во вновь открытомъ въ Аяціо клубѣ, благодаря преобразованію городского управленія подъ давленіемъ молодыхъ демократовъ, при чемъ секретаремъ мэра сдѣлался его братъ Іосифъ, а съ другой возвратился къ литературнымъ трудамъ. Еще разъ онъ передѣлалъ свою исторію Корсики, смягчивъ ея тонъ и посвятивъ ее Рейналю, составилъ вмѣстѣ съ своимъ дядей записку въ пользу присяги духовенства и написалъ «Письмо Бонапарте къ Буттафуоко», которое было прочтено имъ съ большимъ успѣхомъ въ его клубѣ въ Аяціо, а затѣмъ нѣсколько разъ напечатано; оно помѣчено «январь 1790 г. Милели» по названію участка земли, которымъ владѣла семья Бонапартовъ близъ города, и гдѣ юный поручикъ устроилъ себѣ гротъ для уединенныхъ занятій и мечтаній. Конечно, въ этомъ сочиненіи нѣтъ ничего замѣчательнаго, и нелѣпо было бы его сравнивать даже съ самыми плохими произведеніями Руссо, вліяніе котораго слышится въ его каждой строчкѣ, но оно важно для характеристики Наполеона, такъ какъ на его страницахъ онъ публично отрекается отъ роялистскихъ мнѣній отца, ясно указываетъ на радикальный характеръ начавшейся революціи, въ послѣдній разъ проповѣдуетъ нравственные принципы, во имя которыхъ клеймить эгоистичное, корыстное поведеніе Буттафуоко, и впервые не упоминаетъ ни однимъ словомъ о различіи между судьбой Франціи и Корсики. Однако, въ глубинѣ своего ума, или сердца онъ не разставался съ мыслью о независимости родины и о возможности ему играть тамъ господствующую роль; при первомъ удобномъ случаѣ онъ сдѣлалъ вторую попытку къ достиженію своей цѣли, но столь же неудачную, какъ первая. Предлогомъ на этотъ разъ послужила неблаговидная роялистская интрига: неожиданно въ мартѣ мѣсяцѣ прибыла въ Сень-Флоранъ французская флотилія подъ начальствомъ Рюли, пламеннаго роялиста, давно служившаго на Корсикѣ. Онъ имѣлъ тайное порученіе вывезти съ острова всѣ французскія войска и предоставить населеніе самому себѣ. Этотъ коварный шагъ былъ предпринятъ королевскими властями съ явной цѣлью пошатнуть авторитетъ національнаго собранія и уменьшить число демократическихъ департаментовъ хоть на одинъ, такъ какъ они рассчитывали, что за отбытіемъ французскаго войска на Корсикѣ немедленно произойдетъ радикальное воз-

Наполеонъ въ дешевомъ ресторанѣ въ Парижѣ.

станіе, въ результатѣ котораго будетъ или протекторатъ Англіи, или возстановленіе господства Генуи. Однако, молодые патріоты не попались въ эту ловушку: произошло кровавое столкновеніе съ роялистами, Рюли былъ убитъ, и его предпріятіе оказалось мертворожденнымъ; но оно снова разожгло политическія страсти, и борьба радикаловъ съ роялистами, которыхъ энергично поддерживало духовенство, возобновилась съ новой силой. Наполеонъ принялъ въ ней горячее участіе и подвергся нападенію на улицѣ со стороны суевѣрной толпы, которую патеры подбивали протестовать противъ принятыхъ національнымъ собраніемъ мѣръ относительно церковныхъ имуществъ. Когда же одинъ изъ роялистовъ, преданный суду въ Аяціо новымъ муниципалитетомъ за оскорбленіе національнаго собранія, былъ оправданъ пріятелемъ судьей, съ роялистскими тенденціями, то какъ муниципалитетъ, такъ и радикальный клубъ рѣшили произвести переворотъ по образцу французскихъ городовъ. Былъ составленъ планъ учрежденія мѣстнаго независимаго правительства, захвата цитадели съ помощью національной гвардіи и заточенія въ тюрьму роялистовъ. Но приготовленія дѣлались слишкомъ открыто, и губернаторъ съ друзьями успѣлъ во время скрыться въ своей твердынѣ и поднять подъемный мостъ, а радикаламъ удалось захватить только виновника всей этой исторіи, его судью и одного офицера, которыхъ они едва не убили въ порывѣ жестокаго разочарованія. Все-таки гарнизонъ, тайно сочувствовавшій Бонапарту и его друзьямъ, отказался дѣйствовать противъ нихъ, и дѣло кончилось миролюбиво, т. е. возставшіе радикалы выдали своихъ узниковъ, а французскія власти удовольствовались незначительными репрессивными мѣрами. Во второй разъ Наполеонъ потерпѣлъ поражение и снова, какъ всегда, прибѣгъ къ перу для объясненія своихъ дѣйствій. Онъ написалъ прокламацію въ защиту муниципалитета и смѣло подписалъ ее вмѣстѣ съ мѣромъ и другими вожаками движенія. Въ этомъ любопытномъ документѣ будущій императоръ рѣзко поносилъ сторонниковъ стараго порядка вещей, расхваливалъ національное собраніе и совершенныя имъ великія дѣла, обличалъ тѣхъ, которые продали его родину Франціи, когда послѣдняя могла только подѣлиться съ Корсикой своими оковами; заявлялъ, что дни враговъ новой конституціи миновали безвозвратно, и оправдывалъ движеніе въ Аяціо, какъ попытку осуществить принципы этой конституціи. Такимъ образомъ, ненавидимый одинаково роялистами, духовенствомъ и официальными военными властями, Наполеонъ пользовался мѣстной славой корсиканскаго революціонера и, ловко получая одну отсрочку за другой изъ своего полка, продолжалъ жить въ Аяціо въ ожиданіи событій, которыя быстро назрѣвали.

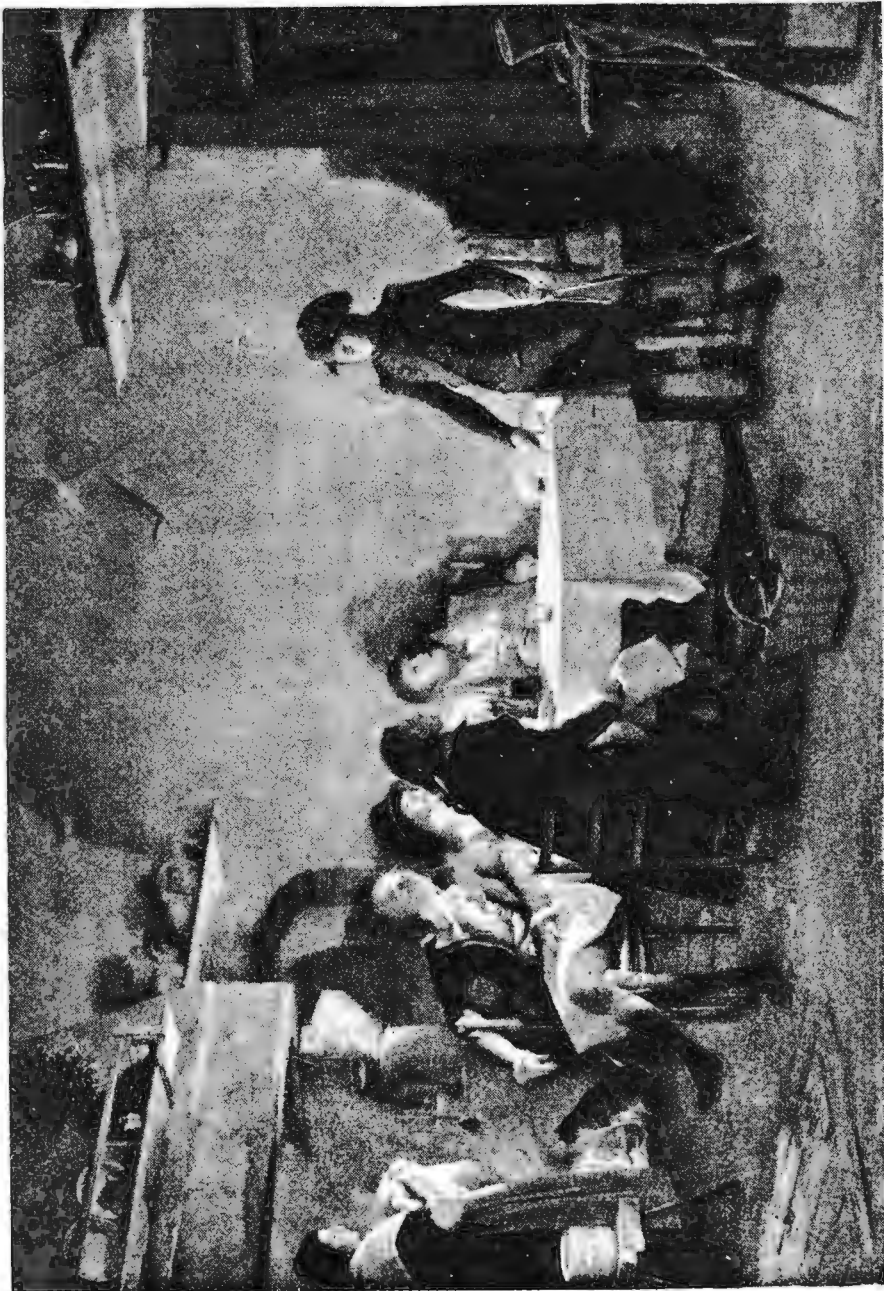
II.

16-го іюля 1790 года престарѣлый Паоли вернулся на свою родину послѣ двадцатилѣтняго изгнанія, и это возвращеніе было триумфальнымъ шествіемъ по всей Франціи въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ. Въ Парижѣ король предложилъ ему всевозможныя почести, отъ которыхъ онъ благородно отказался, а національное собраніе сдѣлало ему торжественный пріемъ отъ имени свободы; Ліонъ и другіе города, чрезъ которые онъ проѣзжалъ, носили его на рукахъ. Вся же Корсика сошла съ ума, когда онъ вступилъ на родную землю и, преклонивъ колѣни, поцѣловалъ ее. Конечно, Наполеонъ принималъ участіе въ чествованіи этого кумира своего дѣтства и написалъ адресъ, который Аяціо подалъ великому патриоту; но личное свиданіе между ними произошло позднѣе, въ сентябрѣ, когда онъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Іосифомъ и Фешемъ, выбранными въ члены центрального собранія, отправился на открытіе первой сессіи этого корсиканскаго парламента въ Ореззѣ. Хотя самъ Наполеонъ не могъ быть выбраннымъ въ депутаты вслѣдствіе своей молодости, но счелъ нужнымъ присутствовать при первомъ опытѣ настоящаго представительства на своей родинѣ; а по дорогѣ молодые люди заѣхали въ селеніе Ростино, гдѣ поселился Паоли. Знаменитый корсиканецъ принялъ очень любезно юношу, который долженъ былъ затмить его славу, показалъ ему поле битвы при Понте-Нуово и, по словамъ Наполеона въ послѣдствіи на островѣ Св. Елены, призналъ въ немъ человѣка дѣйствія, подобнаго героямъ Плутарха. Учредительное собраніе въ Ореззѣ засѣдало ровно мѣсяць, и, быть можетъ, самымъ замѣчательнымъ его эпизодомъ было появленіе Наполеона въ качествѣ оратора. Ему дозволили, въ видѣ особаго знака уваженія къ его пламенному патриотизму, явиться на трибунѣ, хотя онъ не былъ депутатомъ; сначала смутившись, онъ, однако, скоро оправился и произнесъ на итальянскомъ языкѣ краснорѣчивую рѣчь, покрытую общими рукоплесканіями. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, что онъ тогда сказалъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе, а этого онъ только и добивался. Обѣ господствовавшія тогда на Корсикѣ партіи старыхъ патриотовъ, или паолистовъ, и молодыхъ входили въ составъ собранія и потому подѣлили между собой тѣ выборныя должности, которыя зависѣли отъ него. Изъ Корсики былъ составленъ одинъ департаментъ Франціи подъ управленіемъ мѣстной директоріи, президентомъ которой и главнокомандующимъ національной гвардіей, т. е. въ сущности диктаторомъ, былъ выбранъ Паоли. Онъ неохотно принялъ это двойное назначеніе, зная, насколько оно было окружено опасностями, но рѣшительно отказался отъ постановленныхъ собраніемъ сооруженія ему статуи и ежегодной

уплаты значительной пенсіи (около 20,000 р. сер.). Представители старыхъ патриотовъ получили слѣдующіе посты: канонникъ Бельчъ— вице-президента директоріи, Панатери — секретаря, Поццо-ди-Борго и Жентили — членовъ, Колонна и Арена — депутатовъ въ національное собраніе въ Парижѣ. На долю молодой Корсики припелись остальные мѣста, именно Салицетти сдѣланъ уполномоченнымъ въ Парижѣ, вмѣсто Буттафуоко, а Мултеди, Помпеи и другой Жентили — членами директоріи. Наконецъ Поццо-ди-Борго и его другъ, Жентили, были посланы въ Парижъ, чтобъ объявить національному собранію о преданности Корсики поддерживаемымъ въ этомъ собраніи принципамъ и добиться учрежденія національной гвардіи. Выборъ перваго, вмѣсто поддерживаемаго юными патриотами Юсифа, Бонапарта, былъ большимъ ударомъ для Наполеона, и подъ впечатлѣніемъ ли этого разочарованія, или съ тайной цѣлью распространить свою популярность на случай могущаго открыться случая для осуществленія его самолюбивыхъ цѣлей, въ послѣднее время своего пребыванія въ Орезъ онъ большую часть свободнаго времени проводилъ среди народа. Онъ постоянно посѣщалъ дома бѣдняковъ, бесѣдовалъ съ ними, щедро одарялъ ихъ, очаровывалъ и старыхъ, и молодыхъ уже тогда развившимся въ немъ даромъ прельщать людей, и всячески старался возстановить старинные народные праздники, между прочимъ состязанія въ стрѣльбѣ, запрещенныя со времени подчиненія Корсики Франціи, при чемъ учреждалъ на свой счетъ призы. Трудно сказать положительно, откуда завелись тогда деньги у бѣднаго дотолѣ поручика, но очевидно, онъ не нуждался въ средствахъ и, по всей вѣроятности, ему помогали въ это время или братъ Юсифъ, который получилъ, какъ членъ комитета для приѣма Паоли, значительную сумму отъ муниципалитета въ Аяціо, или новый либеральный мэръ этого города, родственникъ Бонапартовъ. Послѣднее предположеніе подтверждается тѣмъ фактомъ, что въ своемъ завѣщаніи на островѣ Св. Елены Наполеонъ оставилъ этому родственнику 100.000 франковъ.

Возвратясь въ Аяціо, Наполеонъ снова принялся за литературные труды; еще разъ онъ передѣлалъ свою злополучную исторію Корсики и написалъ новое предисловіе съ посвященіемъ Рейналю, хотя сущность этого сочиненія осталась прежнею, и оно представляло скорѣе собраніе біографій, чѣмъ общій связанный рассказъ о событіяхъ, такъ какъ ея авторъ придерживался той теоріи, что исторія не что иное, какъ коллекція великихъ именъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ юный поручикъ принялся за сочиненіе совершенно иного рода, именно за диссертацию на тему: «Какія истины и идеи слѣдуетъ вкоренять съ цѣлью лучшаго распространенія въ человечествѣ счастья?». Эту тему задала на премію въ 1.500 франковъ, основанную Рейналемъ, лионская академія, и, конечно, написанное Наполеономъ разсужденіе было забраковано ученымъ трибуналомъ, который нашелъ его «дурно

Бокерскіі ужинъ.

компанованнымъ и дурно написаннымъ, а потому незаслуживающимъ вниманія». Но, какъ вышедшее изъ-подъ пера будущаго великаго полководца и повелителя всей Европы, оно очень характерично, хотя дѣйствительно отличается торопливостью, самонадѣянностью и небрежностью какъ по формѣ, такъ и по содержанию, въ которомъ много неточностей. «Рейналь,—писалъ Наполеонъ,—вопросъ, который я буду разсматривать, достоинъ скорѣе вашего рѣзда, но, не претендуя на него, я все-таки имѣлъ смѣлость сказать себѣ: я также живописецъ». Затѣмъ онъ представляетъ сравненіе Ликурга и Паоли. Счастье, по его словамъ, заключается въ жизни, согласной съ нашей природою; богатство—несчастье, а право первородства—варварство. Этотъ тезисъ изложенъ довольно прилично, но большая часть сочиненія наполнена неудачными, чрезмерно цвѣтистыми риторическими фигурами, въ родѣ слѣдующихъ фразъ: «Когда раздается голосъ разума, то должны умолкнуть враги природы и проглотить въ ярости свои змѣиные языки», или: «Какъ сожалѣю я того, кто не понимаетъ меня и никогда не находился подъ вліяніемъ электричества природы». Рукопись этого диковиннаго труда была впоследствии сожжена ея авторомъ, но въ Ліонѣ сохранилась ея копія, достовѣрность которой вполне доказана. Въ такихъ литературныхъ занятіяхъ окончился для Наполеона 1790 годъ, а въ началѣ слѣдующаго ему пришлось вернуться въ свой полкъ, такъ какъ нельзя было вѣчно отсрочивать отпускъ, да и къ тому же на Корсикѣ ему нечего было дѣлать, такъ какъ французское національное собраніе не хотѣло допустить учредить мѣстную національную гвардію, если не начальникомъ, то виднымъ офицеромъ которой мечталъ сдѣлаться Наполеонъ. Но въ Оксонѣ и въ своемъ старомъ полку онъ оставался не долго, только до іюня мѣсяца, когда его перевели въ другой полкъ, стоявшій, однако, въ хорошо извѣстномъ ему Валансѣ. Въ это время Наполеонъ зорко присматривался къ тому демократическому движенію, которое быстро преобразовало всю Францію. 8 февраля онъ писалъ Фешу: «Я вездѣ нашелъ поселянъ, крѣпко сидящихъ въ сѣдлѣ, въ особенности въ Дофинѣ. Они всѣ готовы умереть, поддерживая конституцію. Повсюду народъ упоренъ, солдаты патріотичны, и даже приходскіе патеры, принявшіе присягу, смѣются надъ гнѣвомъ своихъ епископовъ. То, что называется свѣтскимъ обществомъ, состоитъ на три четверти изъ аристократовъ, которые прикрываются восторженнымъ уваженіемъ къ англійской конституціи. Только женщины вездѣ роялистки, и это понятно; свобода красивѣе женщинъ, и потому легко ихъ затмеваетъ». Вообще о любви и женщинахъ юный поручикъ въ это время былъ очень низкаго мнѣнія, и къ означенной эпохѣ его жизни относится недавно найденный и напечатанный «Диалогъ о любви», въ которомъ онъ рѣзко возстаетъ противъ любви, какъ

элемента вреднаго обществу и счастью отдѣльныхъ людей. Среди болѣе чѣмъ скромной жизни въ казармахъ съ братомъ Людовикомъ, котораго онъ взялъ съ собой изъ Корсики для подготовки къ офицерскому экзамену, часто ужиная кускомъ сухого хлѣба и отказывая себѣ во всемъ, чтобъ купить какую нибудь книгу, Наполеонъ находилъ себѣ развлеченіе только въ посѣщеніяхъ мѣстнаго политическаго клуба и въ сочинительствѣ. Кромѣ указаннаго «Диалога о любви», онъ тогда написалъ «Размышленіе о природномъ состояніи людей», въ которомъ рѣзко разноситъ нѣкогда излюбленныя теоріи Руссо, и гдѣ между прочимъ встрѣчается фраза, часто приводимая его біографами, какъ имѣющая пророческій характеръ: «Когда земля перестала безъ воздѣлыванія содержать челоуѣчество, возникли собственность, правительства и самолюбивые, блѣднолицыя люди, захватившіе въ свои руки всю власть».

Въ Валансѣ продолжалось для обоихъ братьевъ то же смиренное, бѣдное существованіе, только Наполеонъ все болѣе и болѣе принималъ участіе въ политическомъ движеніи, и когда въ этомъ городѣ по примѣру всей Франціи образовалось общество «Друзей Конституціи», то онъ былъ сначала его секретаремъ, а потомъ председателемъ. Какія политическія убѣжденія онъ въ это время исповѣдывалъ, ясно видно изъ его писемъ; такъ онъ писалъ по поводу торжественнаго принятія присяги всѣмъ народомъ поддерживать конституцію, повиноваться національному собранію и защищать предѣлы Франціи отъ чужеземнаго вторженія: «До этого памятнаго дня, еслибъ мнѣ приказали стрѣлять въ народъ, то въ силу обычая, предразсудковъ, воспитанія и уваженія къ королевскому имени, я повиновался бы; но по принятіи національной присяги все измѣнилось, и мои инстинкты пришли въ гармонію съ моимъ долгомъ». Около этого же времени онъ говорилъ въ письмѣ къ своему другу Нодену: «Будетъ ли война? Нѣтъ; Европа раздѣлена между государями, которые царятъ одни надъ людьми, а другіе надъ вьючнымъ скотомъ. Первые понимаютъ смыслъ революціи и напуганы ею; они съ удовольствіемъ принесли бы личныя жертвы, чтобъ уничтожить ее, но не смѣютъ снять прикрывающую ихъ маску изъ опасенія, чтобы пожаръ не вспыхнулъ у нихъ дома. Смотри исторію Англіи, Голландіи и т. д. Послѣдняго же рода государи не сознаютъ смысла революціи и полагаютъ, что насталъ конецъ могущества Франціи. Слушая ихъ разсужденія, можно было бы подумать, что наши мужественные патріоты готовы перерѣзать другъ другу горло и своей кровью очистить страну отъ преступныхъ дѣйствій противъ королевской власти». Въ этомъ же письмѣ говорится о петиціи, которую подалъ Валансѣ на счетъ суда надъ королемъ, и въ концѣ стоятъ слѣдующія характерныя слова: «Южная кровь течетъ въ моихъ жилахъ также быстро, какъ Рона, и потому прости меня, если мое марапанье тебя

встревожить». Между тѣмъ его тяготило безпомощное прозябанье въ провинціальномъ городкѣ; его тянуло въ Парижъ, гдѣ совершались великія событія, а потому онъ писалъ своему дядѣ Фешу: «Пришлите мнѣ триста ливровъ; на эту сумму я буду въ состояніи отправиться въ Парижъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, чело-вѣкъ можетъ показать себя и побороть преграды. Все говорить мнѣ, что тамъ я добьюсь успѣха. Неужели вы помѣшаете въ этомъ, отказавъ въ ста ливрахъ?» Конечно, его просьба осталась безъ удовлетворенія и когда наконецъ національное собраніе разрѣшило учрежденіе національной гвардіи съ жалованьемъ, при чемъ на Корсику пришлось четыре батальона, то Наполеонъ снова выхлопоталъ себѣ отпускъ и отправился въ третій разъ на родину съ новой надеждой разыграть тамъ первенствующую роль. Какія самолюбивыя мысли входили въ голову уже тогда молодому поручику, можно судить по тому, что онъ въ своемъ семейномъ кружкѣ не разъ говорилъ: «всякій охотно согласился бы быть убитымъ, только бы имѣть славу Цезаря, такъ какъ одинъ лучъ подобной славы вполне вознаграждаетъ за преждевременную смерть».

Прибывъ въ Аяціо, Наполеонъ тотчасъ сдѣлался душой якобинскаго клуба и борьбы этого клуба съ мѣстной умѣренной партией, выражая въ своихъ пламенныхъ рѣчахъ между прочимъ такія идеи: «законъ подобенъ статуямъ нѣкоторыхъ древнихъ боговъ, которые завѣшивались покрывалами при извѣстныхъ обстоятельствахъ», вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поступилъ маіоромъ въ мѣстную національную гвардію, а затѣмъ на выборахъ въ высшія должности поставилъ свою кандидатуру въ подполковники, такъ какъ эти оба поста были совмѣстимы съ его службой въ полку по тогдашнимъ смутнымъ понятіямъ о военной дисциплинѣ. Счастье ему наконецъ повезло и, хоть выбранный вторымъ подполковникомъ, онъ въ сущности командовалъ національной гвардіей въ Аяціо, такъ какъ высшая власть сосредоточивалась въ рукахъ престарѣлаго Паоли, а первымъ подполковникомъ былъ совершенно неспособный чело-вѣкъ, по имени Квенза, избранный только благодаря его родству съ національнымъ героемъ. Но недолго судьба ему улыбалась; упоенный успѣхомъ и не разбирая средствъ къ достиженію своей цѣли, Наполеонъ прямо вздумалъ разыграть роль диктатора. По поводу распри между радикальными и консервативными членами муниципалитета изъ-за отказа монаховъ очистить свою обитель, находившуюся въ городѣ, согласно постановленію національнаго собранія, Наполеонъ съ своимъ батальономъ занялъ монастырь, а затѣмъ осадилъ цитадель, гдѣ заперся мэръ со своими сторонниками и отрядомъ регулярныхъ солдатъ. Но Паоли не допустилъ дальнѣйшаго развитія кровавой драмы и отправилъ въ Аяціо правительственныхъ комиссаровъ, которые раскассировали волонтеровъ, а начальникъ гарнизона донесъ въ военное министерство о

Военный советъ въ Тулонѣ.

поведеніи Бонапарта въ самомъ неблагопріятномъ видѣ. Онъ же самъ обнародовалъ манифестъ, въ которомъ обличалъ плохое устройство муниципальнаго правленія и требовалъ его уничтоженія, что еще болѣе возстановило противъ него консерваторовъ и всѣхъ мирныхъ гражданъ, желавшихъ только спокойствія и тишины. Видя, что дѣла принимаютъ тревожный характеръ въ Аяціо, Паоли рѣшился удалить оттуда безпокойнаго подполковника, но такъ какъ онъ былъ сынъ стараго друга и принадлежалъ къ семьѣ все еще вліятельной, то ему предложили вернуться въ регулярную французскую армію, снабдивъ его рекомендаціями и атестатами, въ которыхъ всѣ его дѣйствія объяснились съ самой лучшей точки зрѣнія. Конечно, онъ не могъ вернуться въ Валансъ, гдѣ его роялистскій полковой командиръ смотрѣлъ на него, какъ на дезертира, и, пользуясь тѣмъ, что его полкъ, разбитый на части по случаю объявленія войны, былъ распределенъ по различнымъ отрядамъ на границѣ, Наполеонъ поѣхалъ въ Парижъ съ цѣлю хлопотать о своемъ назначеніи въ артиллерійскую часть дѣйствующей арміи.

III.

Былъ май мѣсяцъ 1792 года, и въ виду тогдашняго политическаго водоворота, конечно, никому въ Парижѣ не было дѣла до неизвѣстнаго, бѣднаго, да еще скомпрометированнаго поручика. Онъ понялъ, что ему надо выжидать случая, и остался въ Парижѣ, живя болѣе, чѣмъ скромно, закладывая свои послѣднія вещи и обѣдая въ самыхъ дешевыхъ ресторанахъ. Къ этой эпохѣ выжиданія, вѣроятно, относится любопытный эпизодъ ходатайства Наполеона о поступленіи его на русскую службу, о которомъ американскій историкъ даже не упоминаетъ. Хотя, рассказывая объ этомъ фактѣ, графъ Ростопчинъ въ своей «Правдѣ о пожарѣ Москвы»¹⁾ говоритъ, что онъ не разъ видалъ письмо Наполеона къ генералу Томарѣ съ предложеніемъ вступить на русскую службу, что оно относится ко времени до 1789 года, когда Томарѣ было поручено во время войны съ турками устроить флотилію въ Средиземномъ морѣ, и что только чинъ маіора, котораго Наполеонъ требовалъ, какъ подполковникъ корсиканской національной гвардіи, былъ причиной отказа со стороны русскаго правительства, но, очевидно, въ этихъ свѣдѣніяхъ что нибудь да невѣрно, такъ какъ въ 1789 году Наполеонъ не былъ еще подполковникомъ корсиканской національной гвардіи. Вѣроятно, это событіе произошло не въ 1789 году, когда Наполеонъ былъ еще поручикомъ регулярной арміи и слѣдовательно не

¹⁾ Сочиненія графа Ф. В. Ростопчина. Изд. Смирдина. 1853. С.-Петербургъ. Стр. 226—227.

могъ требовать чина майора, а послѣ весны 1791 года, когда онъ былъ выбранъ въ подполковники корсиканской гвардіи. Но всего вѣроятнѣе, что онъ рѣшился на такой шагъ въ тѣ грустные лѣтніе дни 1792 года, когда, потерпѣвъ фіаско на Корсикѣ и не находя себѣ службы во Франціи, онъ могъ вздумать о продолженіи своей неудачной карьеры въ другой странѣ. Это тѣмъ правдоподобнѣе, что онъ приходилъ къ очень мрачнымъ мыслямъ о будущности Франціи въ виду тогдашнихъ событій и писалъ въ недавно найденномъ и напечатанномъ въ «Revue de Paris» письмѣ къ брату Іосифу отъ 22-го іюня: «Якобинцы просто олухи, не имѣющіе здраваго смысла; все, что они творять, не конституціонно и служитъ опаснымъ примѣромъ; при такихъ бурныхъ событіяхъ трудно предвидѣть, что станетъ съ этой страной»¹⁾. Въ другомъ письмѣ къ тому же Іосифу или Люсьену, о которомъ упоминаетъ Слоанъ, Наполеонъ съ спокойнымъ хладнокровіемъ разсуждаетъ о предводителяхъ парижской толпы, какъ о незначительныхъ людишкахъ, составляющихъ низкіе заговоры, а себя выставляетъ не французомъ и не демагогомъ, а простымъ корсиканцемъ, желавшимъ жить подалѣе отъ безумія толпы и пустоты такъ называемой славы. Бурьенъ передаетъ, что Наполеонъ въ то время высказывался открыто противъ безпорядковъ, совершаемыхъ толпою на улицахъ, и будто бы говорилъ насчетъ нападенія народныхъ массъ на Тюльери: «Зачѣмъ король допустилъ тогда негодяевъ? Ему слѣдовало перестрѣлять нѣсколько сотенъ, а остальные разбѣжались бы». Онъ самъ впоследствии говорилъ о событіи 10-го августа: «Я чувствовалъ, что готовъ былъ бы защитить короля, еслибъ меня къ этому пригласили, и я былъ противъ того, чтобъ республику основали по волѣ черни; кромѣ того, я видѣлъ гражданъ, нападавшихъ на солдатъ въ мундирахъ, и это меня непріятно поразило». Но, съ другой стороны, многіе утверждаютъ, что онъ 10-го августа былъ однимъ изъ вожаковъ толпы, устроившей барикады, и «невѣроятно, какъ справедливо замѣчаетъ Слоанъ, чтобы такой извѣстный и вліятельный въ Ронской долинѣ радикалъ, какимъ былъ тогда Наполеонъ, не принялъ участія въ дѣлѣ марсельскихъ делегатовъ». Іосифъ въ своихъ мемуарахъ увѣряетъ, что Наполеонъ присутствовалъ при побоищѣ 10-го августа, и приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ его письма: «Еслибъ Людовикъ XVI лично явился верхомъ, то онъ одержалъ бы успѣхъ. Послѣ побѣды марсельцевъ я увидѣлъ, что одинъ изъ нихъ хотѣлъ убить какого-то гвардейскаго солдата, и крикнулъ ему: «Южанинъ, пощадимъ несчастнаго». «А развѣ ты съ юга?»—спросилъ онъ, и на мой отвѣтъ «да» онъ сказалъ: «Хорошо, пощадимъ его». Ко всему этому надо прибавить, что извѣстный предводитель парижской толпы въ этотъ

¹⁾ La Revue de Paris, 1895, 15 mars, p. 226—227.

памятный день, Сантеръ оказалъ, три года спустя, 13-го ванди-мьера значительную услугу Наполеону, который въ 1800 году возвратилъ ему отнятый у него чинъ генерала. Во всякомъ случаѣ поведеніе будущаго императора въ это смутное время было сомнительное, и послѣ побѣды якобинцевъ онъ подѣлилъ съ ними добычу; что же касается его способности играть уже тогда двуличную роль и руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ тѣмъ, куда дуетъ вѣтеръ, то это доказывается чрезвычайно любопытнымъ письмомъ его брата Люсьена къ Иосифу отъ 24-го іюня, которое также напечатано въ «Revue de Paris» и, повидимому, неизвѣстно Слоану. «Письмо Наполеона, — пишетъ онъ, — меня очень обрадовало относительно Маріанны (сестры Елизы-Маріанны, тогда бывшей въ Сен-Сирской школѣ, гдѣ посѣщала ее брать), но я не одобряю его словъ: «она аристократка, и я перемѣнилъ шкуру въ присутствіи этихъ дамъ». Я полагаю, что надо быть всегда выше обстоятельствъ и твердо рѣшиться, чѣмъ быть и чѣмъ составить себѣ имя; нѣтъ болѣе ненавистныхъ людей въ исторіи, чѣмъ личности, идущія туда, куда дуетъ вѣтеръ; я всегда замѣчалъ въ Наполеонѣ самолюбіе, хотя несовершенно эгоистичное, но превосходящее его любовь къ общей пользѣ; я думаю, что въ свободной странѣ это человѣкъ опасный... онъ имѣетъ наклонности сдѣлаться тираномъ, и я увѣренъ, что онъ былъ бы тираномъ, еслибъ находился на тронѣ, такъ что его имя внушало бы ужасъ разумнымъ патріотамъ и потомству. Я предвижу и то не съ сегодняшняго дня, что въ случаѣ контръ-революціи Наполеонъ будетъ стараться плыть по теченію, и даже считаю его способнымъ для своей карьеры перемѣнить шкуру; но, конечно, я могу и ошибаться»¹⁾).

Люсьенъ не ошибался, но еще время реакціи не настало, а былъ апогей якобинства, и поэтому Наполеонъ остался якобинцемъ, хотя открыто не компрометировалъ себя въ Парижѣ, и воспользовался торжествомъ своихъ единомышленниковъ, чтобъ устроить личныя дѣлишки. Въ концѣ августа новый военный министръ не только привелъ въ порядокъ его испорченный формуляръ, но и произвелъ его въ капитаны съ старшинствомъ и полученіемъ жалованья отъ того числа, когда ему слѣдовало бы этотъ чинъ, еслибъ онъ постоянно находился на службѣ. Такой успѣхъ оцѣнилъ юнаго офицера, и онъ, нисколько не сомнѣваясь, подалъ морскому министру, великому математику, Монжу, бывшему его учителемъ въ парижскомъ военномъ училищѣ, прошеніе о переводѣ его подполковникомъ въ морскую артиллерію; но это было уже слишкомъ дерзко, и его прошеніе сохранилось до сихъ поръ съ революціей «безъ отвѣта». Не желая вернуться въ свой полкъ, который все еще былъ подъ командой прежняго полковника, Наполеонъ прибѣгнулъ къ

¹⁾ Revue de Paris, 1895, 15 mars, p. 228—229.

своему излюбленному маневру, выхлопоталъ себѣ отпускъ и въ четвертый разъ вернулся на Корсику. Тамъ дѣла находились въ большомъ безпорядкѣ, и можно было удить рыбу въ мутной водѣ, чего онъ только и желалъ. Прежняя борьба между молодыми и старыми патриотами продолжалась съ еще бѣльшей силой, и хотя Паоли былъ диктаторомъ, сосредоточивавшимъ въ себѣ всю власть, но въ сущности онъ былъ безпомощенъ, и на островѣ свирѣпствовала полная анархія. Явившись въ Аяціо, Наполеонъ занялъ свое прежнее мѣсто въ рядахъ національной гвардіи и сталъ объѣзжать всѣ ея посты подъ предлогомъ инспекціи, а въ сущности для агитаціи въ своихъ прежнихъ эгоистичныхъ цѣляхъ. При этомъ онъ держалъ самый повелительный тонъ, говоря въ письмахъ къ близкимъ людямъ: «Привѣтствуйте друзей и увѣрите ихъ въ моемъ желаніи оказать имъ содѣйствіе», а относительно Франціи уже отзывался совершенно иначе, именно говорилъ въ одномъ письмѣ къ своему другу корсиканцу, Костѣ: «враги покинули Верденъ и перешли рѣку, чтобъ вернуться во свояси, но наши не спятъ». Между тѣмъ была провозглашена республика, и война съ европейской коалиціей принимала все большіе и большіе размѣры. По совѣту Салицетти былъ составленъ въ конвентѣ планъ о нападеніи на Сардинію. Эта экспедиція состояла изъ двухъ элементовъ регулярной арміи и корсиканской національной гвардіи, въ томъ числѣ батальона, состоявшаго подъ командой Наполеона, а цѣлью ея было взятіе Кальяри, пока флотъ будетъ демонстрировать вдоль итальянскаго берега. Но какъ только французскіе регулярные солдаты высадились на Корсикѣ для приготовленія къ экспедиціи, начались такія кровавыя столкновенія между ними и корсиканскими національными гвардейцами, что пришлось, по предложенію Наполеона, разбить экспедицію на двѣ отдѣльныя части: французскую и корсиканскую. Былъ февраль 1793 года; погода стояла ненастная, флотъ и войско состояли подъ начальствомъ неспособныхъ людей, и обѣ экспедиціи одинаково не удалась. Французы атаковали Кальяри и, хотя встрѣтили довольно слабый отпоръ, но среди солдатъ, дурно кормленныхъ и еще хуже руководимыхъ, произошла паника, такъ что едва удалось ихъ вернуть на суда. Также печально окончилась и корсиканская экспедиція, находившаяся подъ начальствомъ Колонны, ибо Паоли не рѣшался поручить ее Наполеону, хотя смотрѣлъ сквозъ пальцы на неправильное возвращеніе его, какъ капитана регулярной арміи, въ ряды національной гвардіи. Юный офицеръ затаилъ свое неудовольствіе и все-таки принялъ участіе съ своимъ батальономъ въ экспедиціи, которая отправилась къ Магдалинскимъ островамъ, въ числѣ которыхъ находится прославившаяся впослѣдствіи Каперра, убѣжище Гарибальди. Первый шагъ увѣнчался успѣхомъ; Наполеонъ со своими орудіями высадился на островокъ св. Стефана и сталъ бомбардировать Магдалену, главный городъ наибольшаго изъ

острововъ, который находился по ту сторону узкаго пролива. Вскорѣ непріятель прекратилъ свой огонь, и оставалось только французскому корвету обойти лежавшую между ними Капреру, чтобы овладѣть городомъ, но экипажъ на немъ взбунтовался, и Наполеонъ со своими людьми и орудіями долженъ былъ возвратиться со стыдомъ на Корсику. Это крещеніе огнемъ будущаго великаго полководца продолжалось ровно 7 дней, и впоследствии онъ упорно старался совершенно ступежать память объ этомъ неудачномъ дебютѣ. Не смотря на краткое отсутствіе Наполеона изъ Аяціо, тамъ все успѣло измѣниться; корсиканская національная гвардія была распущена, и вмѣсто нея образованы два батальона пѣхоты, въ рядахъ которой ему уже не было мѣста. Но онъ по своему обычаю не унывалъ, и такъ какъ въ то время имѣлъ болѣе политическія стремленія, чѣмъ военныя, то снова предпочелъ остаться на родинѣ, а не присоединиться къ своему полку, уже давно принимавшему участие въ борьбѣ съ непріателемъ. Не долго пришлось ему ждать случая разыграть столь давно желанную роль на Корсикѣ. Конвентъ казнилъ короля, объявилъ войну Англии и поручилъ Паоли принять начальство надъ итальянскою арміею, которая терпѣла тогда неудачи. Престарѣлый герой не могъ забыть всего, чѣмъ былъ обязанъ Англии, пріютившей его во время долговременнаго изгнанія, и отказался отъ предложенной ему чести. Тогда конвентъ потребовалъ его явки въ Парижъ для объясненія. На минуту Паоли снова сдѣлался самымъ популярнымъ челоѣкомъ на Корсикѣ, и его стали поддерживать одинаково, радикалы и роялисты; даже Наполеонъ забылъ свои столкновенія съ нимъ и написалъ на имя конвента пламенное воззваніе въ его пользу. Но это примиреніе продолжалось не болѣе двухъ недѣль, и когда Салицетти, имѣвшій значительное вліяніе въ Парижѣ, явился на свою родину для исполненія декретовъ конвента, то Наполеонъ окончательно разошелся съ Паоли и вступилъ съ ярымъ якобинцемъ въ самыя тѣсныя отношенія, результатомъ чего было назначеніе его инспекторомъ артиллеріи на Корсикѣ, его брата, Іосифа, секретаремъ къ представителю конвента, а Люсьена комиссаромъ въ Тулонъ. Наконецъ-то Наполеону представилась возможность добиться силы и власти на родинѣ; но судьбѣ было угодно, чтобы онъ не оставался на такой маленькой аренѣ, и еще разъ неудача поразила всѣ его усилія. Попрежнему онъ составилъ планъ овладѣть цитаделью Аяціо, но ея гарнизонъ состоялъ изъ паолистовъ, и ни угрозы, ни хитрости, ни подкупъ не могли побудить его открыть ворота цитадели инспектору артиллеріи, намѣревавшемуся, утвердившись въ этомъ оплотѣ, именемъ конвента распространить оттуда свою власть на весь островъ. Наконецъ народное негодованіе за его измѣну Паоли достигло такой степени, что онъ долженъ былъ бѣжать переодѣтымъ въ Бастію. Тамъ онъ предложилъ комиссарамъ конвента новый планъ взятія цитадели Аяціо,

и когда тѣ согласились, быстро образовалъ экспедицію изъ двухъ военныхъ кораблей, съ остатками одного швейцарскаго полка, стоявшаго въ Сентъ-Флоранѣ. Но цѣлую недѣлю его задержали на морѣ сильныя бури, и когда онъ высадился наконецъ передъ Аяціо, то гарнизонъ уже давно зналъ о нападеніи и далъ такой отпоръ, что Наполеону пришлось снова ретироваться со стыдомъ. Рѣшительно ему не везло на Корсикѣ. Салицетти поспѣшилъ въ Парижъ, чтобъ объяснить неудачи якобинцевъ, и повезъ очень увѣсистое воззваніе Наполеона, который оправдывалъ свои дѣйствія, сваливалъ всю вину за неуспѣхъ сардинской экспедиціи на Паоли и обвинялъ своего прежняго кумира въ измѣнѣ республикѣ изъ непонятнаго самолюбія и благодаря вліянію такихъ подкупныхъ людей, какъ Поццо-ди-Борго. 17-го іюля конвентъ объявилъ Паоли измѣнникомъ отечества и внѣ закона, а всѣ его друзья были привлечены къ суду. Но было уже поздно; престарѣлый корсиканскій патріотъ прибѣгнулъ къ помощи Англій, англійскій флотъ вступилъ въ Средиземное море, и хотя формальный протекторатъ Англій надъ Корсикой былъ установленъ лишь въ слѣдующемъ году, но приверженцы Франціи могли сохранить вѣрными республикѣ только три города на всемъ островѣ: Бастію, Сентъ-Флоранъ и Кальви. При такихъ обстоятельствахъ Наполеону и его семьѣ нельзя было оставаться не только въ Аяціо, но даже въ Кальви, куда они бѣжали, и 12-го іюня 1793 года весь родъ Бонапартовъ удалился въ Тулонъ, гдѣ былъ принятъ радушно тамошними якобинцами, среди которыхъ Люсьенъ уже игралъ видную роль. Отсюда снабженный рекомендательными письмами отъ Салицетти и свидѣтельствомъ, что его присутствіе на Корсикѣ до этого времени было необходимо, Наполеонъ отправился въ Ниццу и, явившись къ мѣстнымъ властямъ, былъ тотчасъ назначенъ начальникомъ береговой батареи, такъ какъ въ артиллерійскихъ офицерахъ былъ большой запросъ.

Такимъ образомъ оканчивается исторія Наполеона, какъ корсиканскаго патріота, и начинается новый эпизодъ его жизни, когда онъ уже разыгрываетъ роль французскаго якобинца.

IV.

Перейдя съ маленькой узкой сцены корсиканскаго патріотизма на громадную арену французской революціи, Наполеонъ не сразу проложилъ себѣ путь къ славѣ и величію, а еще два года въ качествѣ провинціальнаго якобинца прозябалъ въ неизвѣстности, преодолевая всякаго рода преграды и неудачи. Не успѣлъ онъ вступить въ исполненіе своей скромной обязанности начальника береговой батареи въ Ниццѣ, какъ оказалось, что орудія на этой батарее были старыя, никуда не годныя, и его отправили въ Авиньонъ

за новыми. Но въ это время Авиньонъ былъ во власти возставшихъ марсельскихъ жирондистовъ, и его осаждала армія конвента, подъ начальствомъ Карто, художника, не имѣвшаго никакой военной подготовки, но очень энергичнаго человѣка. Къ нему попалъ Наполеонъ въ поискахъ орудій, и онъ тотчасъ назначилъ его начальникомъ артиллеріи. Исполнивъ свои новыя обязанности съ большимъ рвеніемъ и знаніемъ дѣла, молодой офицеръ много содѣйствовалъ побѣдѣ Карто и взятію города. Этотъ первый удачный шагъ въ военной карьерѣ произвелъ на него такое сильное впечатлѣніе, что онъ рѣшился посвятить себя исключительно военному дѣлу и, полагая, что можно скорѣе отличиться въ рейнской арміи, гдѣ пожинали лавры его товарищи по Бриеннской школѣ, между прочимъ, Пишгрю, онъ послалъ просьбу въ военное министерство о переводѣ его туда, а пока оставленный въ аріергардѣ для реорганизациіи приведеннаго въ разстройство артиллерійскаго парка, онъ возвращался къ авторству и въ свободныя минуты написалъ знаменитый «Бокерскій ужинъ». Это первое замѣчательное литературное произведеніе Наполеона служить доказательствомъ, какъ быстро развились его необыкновенныя способности; и по формѣ, и по содержанію оно далеко оставляетъ за собою всѣ его прежнія произведенія. Онъ вдругъ сталъ писать сжатымъ, яснымъ, блестящимъ слогомъ и выражать не только рѣзко опредѣленныя, практическія, политическія идеи, но удивительно прозорливыя военные взгляды. Разсказъ о вымышленномъ ужинѣ въ гостинницѣ маленькаго городка Бокера, находившагося въ центрѣ междоусобной борьбы на югѣ, основанъ на дѣйствительномъ событіи, а героями его являются случайно встрѣтившіеся путники: уроженецъ Нима, мануфактуристъ изъ Монпелье, два купца изъ Марсели и солдатъ изъ Авиньона. Конечно, они разговариваютъ о мѣстныхъ событіяхъ, и солдатъ рассказываетъ о взятіи Авиньона, объясняя бѣгство марсельцевъ тѣмъ, что только ветераны могутъ выдержать осаду. Одинъ изъ купцовъ выражаетъ мнѣніе, что успѣхъ конвента только временный, и указываетъ на средства умѣренной партіи къ продолженію борьбы. На это отвѣчаетъ солдатъ очень подробно. Съ политической точки зрѣнія, онъ обличаетъ жирондистовъ въ томъ, что, прибѣгнувъ къ насилію, они поставили себя въ ложное положеніе и побудили отвернуться отъ нихъ всѣхъ искреннихъ республиканцевъ, а съ военной—объясняетъ стратегическую слабость ихъ позиціи. При этомъ онъ высказываетъ нѣсколько характеристичныхъ фразъ, какъ, напримѣръ: «самонадѣянность самый худшій совѣтникъ», «хорошія четырехъ и восьми-пудовыя орудія также полезны для полевой службы, какъ пушки большаго калибра, а во многихъ отношеніяхъ удобнѣе и предпочтительнѣе», «аксіома военнаго искусства, что армія, остающаяся за ретраншементами, терпитъ пораженіе; это доказывается

одинаково и теоріей, и опытомъ». Въ концѣ своей рѣчи солдатъ побѣдоносно заключаетъ, что дѣло жирондистовъ потеряно, и что они въ сущности желаютъ не торжества умѣренныхъ идей, а контръ-революціи въ своихъ личныхъ интересахъ, для достиженія чего они готовы слѣдовать примѣру Вандеи и призвать на свою помощь чужестранцевъ. Онъ соглашается, что, можетъ быть, и гора изъ эгоистичныхъ видовъ преслѣдовала жирондистовъ, но, по его мнѣнію, послѣднимъ, если они хотѣли оставаться на своей прежней высотѣ, слѣдовало положить оружіе передъ конституціей и пожертвовать личными интересами общему благу; но пролитая ими кровь совершенно изгадила оказанныя ими прежде услуги. Мануфактуристъ изъ Монпелье поддерживаетъ слова солдата и высказываетъ, что правъ или нѣтъ конвентъ, онъ во всякомъ случаѣ представляетъ націю, и не повиноваться ему значитъ быть мятежникомъ и врагомъ революціи. Очевидно, въ солдатѣ Наполеонъ вывелъ самого себя, хотя впоследствии, въ дни политической реакціи, онъ это отрицалъ, говоря, что безстрастнымъ изложеніемъ положенія дѣлъ хотѣлъ только доказать Марсели всю безпомощность кроваваго сопротивленія; вообще не подлежить сомнѣнію, что въ этомъ памфлетѣ онъ высказался пламеннымъ якобинцемъ, сторонникомъ конвента. Такъ поняли его прибывшіе на югъ въ это время три комиссара республики, между которыми находился братъ Робеспьера, и, прочитавъ памфлетъ, представленный имъ другомъ Наполеона Салицетти, находившимся при нихъ, тотчасъ приказали его напечатать, а автора горячо рекомендовали уже знавшему его Карто. Послѣдній въ это время взялъ Марсель и осаждалъ Тулонъ, передавшійся въ руки англичанъ. Случайно начальникъ его артиллеріи былъ смертельно раненъ, и Наполеонъ тотчасъ занялъ его мѣсто.

Участіе Наполеона въ осадѣ и взятіи Тулона общеизвѣстно, да и мы еще недавно говорили объ этомъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» по поводу столѣтняго юбилея перваго военного подвига великаго полководца ¹⁾. Благодаря одинаково своимъ военнымъ способностямъ и неумѣлости его начальниковъ, сначала живописца, потомъ доктора и, наконецъ, нерѣшительнаго генерала Дюгомье, Наполеонъ сдѣлался душой предпріятія, возстановившаго пошатнутый престижъ республики на югѣ и громкой побѣдой утвердившаго власть конвента. Онъ выработалъ планъ дѣйствій, онъ указалъ на слабое мѣсто въ позиціи осаждаемыхъ, онъ съ своими орудіями рѣшилъ дѣло, когда приступили по его совѣту къ приступу «Маленькаго Гибралтара», ключа непріятельской позиціи, и когда англичане покинули Тулонъ, ихъ флотъ ушелъ въ море, а городъ сдался, то всѣ отдали справедливость оказанной Франціи услугѣ

---

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ», 1894 г., мартъ: «Первый столѣтній юбилей Наполеона».

со стороны молодого артиллерійскаго капитана. Его ближайшій начальникъ, артиллерійскій генераль Дютель, въ своемъ донесеніи военному министру говоритъ: «Большія знанія, такое же количество ума и избытокъ храбрости—вотъ качества этого рѣдкаго офицера, и вамъ, г. министръ, остается сохранить ихъ на службѣ для вящей славы республики». Главнокомандующій Дюгомье не пропустилъ въ своихъ официальныхъ сообщеніяхъ и письмахъ въ Парижъ имени Бонапарта, какъ ошибочно увѣряетъ Слоанъ, а въ письмѣ, впервые обнародованномъ въ статьѣ Байста: «Капитанъ Бонапартъ въ Тулонѣ» въ «*Harper's Magazine*», и цитированномъ уже въ «Историческомъ Вѣстникѣ»¹⁾, прямо замѣчаетъ: «молодой офицеръ Бонапартъ заслуживаетъ особаго вниманія, потому что, чью бы сторону онъ ни взялъ, онъ сильно поколеблетъ вѣсы и если его не повысятъ, то онъ самъ проложитъ себѣ дорогу». Конвентъ послушался этого совѣта и утвердилъ распоряженіе своихъ комиссаровъ, которые пожаловали Наполеону чинъ бригаднаго генерала. Молодой Робеспьеръ былъ даже такъ пораженъ его необыкновенными способностями, что, если вѣрить Люсьену Бонапарту, предложилъ Наполеону отъ имени своего брата мѣсто главнокомандующаго парижской арміи, отъ чего послѣдній будто бы отказался изъ ненависти къ терору и по нежеланію служить старшему Робеспьеру. Справедливъ ли этотъ разсказъ или нѣтъ, но безспорно, что Наполеонъ былъ тогда якобинцемъ или выдавалъ себя за якобинца и не только находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ младшимъ Робеспьеромъ, но былъ душой реорганизации итальянской арміи послѣ тулонской побѣды. Юный генераль, получившій этотъ высокій чинъ послѣ восьмилѣтней службы, изъ которой половину провелъ въ отпуску, самъ исполнялъ должность инспектора артиллеріи на средиземномъ побережьи и такъ ревностно, такъ основательно отнесся къ технической сторонѣ своего дѣла, что забылъ всѣ политическія соображенія и подвергъ себя большой опасности. Онъ донесъ по начальству о необходимости съ стратегической точки зрѣнія возстановить разоруженную крѣпость въ Марсели, которую мѣстные якобинцы считали своей Бастиліей; а муниципалитетъ поднялъ страшный шумъ и въ свою очередь донесъ конвенту, что генераль, предлагающій возстановленіе твердыни деспотизма, врагъ республики, и его вызвали на судъ въ Парижъ. Опасаясь, чтобъ въ то время террора ему не пришлось заплатить головой за свое слишкомъ ревностное отношеніе къ военному долгу, Наполеонъ изъ осторожности не поѣхалъ въ Парижъ, объяснилъ свое предложеніе ошибкой и прибѣгъ къ помощи младшаго Робеспьера, который и отстоялъ его отъ гнѣва конвента.

Спасшись отъ грозившей ему опасности, юный генераль про-

¹⁾ «Истор. Вѣстн.», 1894 г., мартъ, стр. 829.

должалъ заниматься фортификаціонными работами на средиземномъ побережьи и помогать болѣ совѣтами, чѣмъ личнымъ участіемъ въ военныхъ дѣйствіяхъ итальянской арміи противъ австрійцевъ. Составленный имъ планъ кампаніи былъ принятъ и увѣнчался успѣхомъ, такъ что впослѣдствіи онъ считалъ себя въ правѣ предъявить притязаніе на часть лавровъ, которые стяжали французы при Саарджіо, Онельо и Танаро. Замѣчательно, что въ этомъ планѣ онъ совѣтовалъ не вдаваться очень далеко въ Пьемонтъ изъ опасенія, чтобъ непріятель не занялъ выгодной позиціи, хотя самъ въ слѣдующемъ году поступилъ прямо противоположно; но, съ другой стороны, онъ высказывалъ уже въ зародышѣ всѣ основы своей знаменитой военной системы. Такъ, на примѣръ, онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «Сосредоточивай свои силы въ войнѣ и осадѣ на одномъ мѣстѣ; однажды сдѣлана брешь, равновѣсіе нарушено, и побѣда обезпечена; не скрывайте, а сосредоточивайте свою атаку». Такъ какъ побѣдоносные французы остановились у границы Генуи, то явилась необходимость вступить въ переговоры съ республикой, и Наполеону было поручено это дѣло. Ничего не извѣстно объ его семидневномъ пребываніи въ Генуѣ, но, повидимому, онъ добился своей цѣли и генуэзская республика письменно обязалась исполнить требованіе Франціи насчетъ сохраненія строгаго нейтралитета и непропуска непріятельскаго войска чрезъ свою территорію. Успѣшно исполнивъ это официальное порученіе, а также тайное относительно освѣдомленія на счетъ положенія дѣлъ въ Генуѣ, ея военныхъ средствъ и т. д., Наполеонъ вернулся очень весело въ Ниццу; но тамъ его ожидала неожиданная вѣсть о казни Робеспьера, его брата и другихъ вожаковъ якобинства. Первымъ его дѣломъ было отречься отъ своихъ бывшихъ друзей, и онъ тотчасъ написалъ французскому агенту въ Генуѣ, зная, что его письмо будетъ отправлено въ Парижъ. «Меня слегка тронула катастрофа, потому что я любилъ его и считалъ незапятнаннымъ; но будь онъ моимъ отцемъ, я поразилъ бы его въ самое сердце, еслибъ онъ задумалъ сдѣлаться тираномъ». Но было поздно; 10-го августа его арестовали и заключили въ фортъ Каррэ, близъ Антиба. Въ этомъ заточеніи, вмѣсто отправки въ Парижъ, заключался, однако, для него спасительный выходъ. Его судьями оказались комиссары конвента, въ ихъ числѣ другъ дѣтства, Салицетти, которые сами едва освободились отъ обвиненія въ соучастничествѣ съ Робеспьеромъ, благодаря связямъ съ вліятельными термидорійцами, сосредоточившими въ своихъ рукахъ всю власть въ Парижѣ, а потому не считали возможнымъ выдать своего единомышленника, который могъ ихъ скомпрометировать. Хорошо понимая положеніе дѣлъ, Наполеонъ обратился къ нимъ съ письменнымъ объясненіемъ, въ которомъ характеристически говорить: «Въ революціонную эпоху существуетъ только два разряда людей—патріоты и подозрительные. Легко понять, къ какому раз-

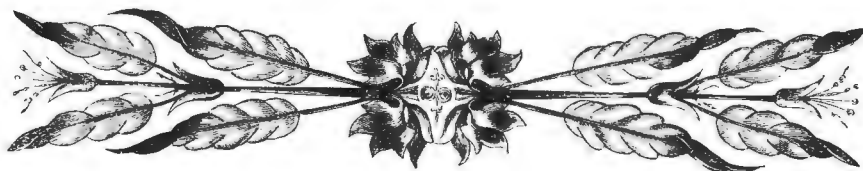
ряду относится человекъ, который боролся одинаково съ внутренними и внѣшними врагами. Я пожертвовалъ своимъ положеніемъ на родинѣ и потерялъ тамъ все ради республики; съ тѣхъ поръ я служилъ ей не безъ успѣха въ Тулонѣ и заслуживаю часть лавровъ, которые стяжала итальянская армія. Когда открылся заговоръ Робеспьера, то я повелъ себя, какъ человекъ, привыкшій руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ только принципами. Но если злые люди желаютъ лишить меня жизни, то я отдамъ ее съ удовольствіемъ, такъ мало я ей дорожу и такъ часто она мнѣ бывала въ тягость. Если же я переносу еще мужественно бремя жизни, то лишь въ виду того, что могу быть полезенъ отечеству». Комиссары, по предложенію Салицетти, признали оправданіе молодого генерала удовлетворительнымъ и освободили его послѣ тринадцатидневнаго заключенія, но подъ предлогомъ ожиданія высшей резолюціи комитета безопасности они не возвратили ему команды, а оставили его покуда при главномъ штабѣ итальянской арміи. Это была одна только проформа, и не только въ Парижѣ утвердили постановленіе комиссаровъ относительно Наполеона, но по совѣту того же Салицетти ему было поручено приготовить въ тайнѣ экспедицію на Корсику, за что, конечно, онъ принялся съ пламенной энергіей.

Еще разъ, но уже въ послѣдній, ему приходилось дѣйствовать на своей родинѣ и, быть можетъ, онъ снова тѣшилъ себя мыслью сдѣлаться корсиканскимъ героемъ. «Изгнать англичанъ изъ позиціи, дѣлающей ихъ хозяевами Средиземнаго моря,—писалъ онъ корсиканскому депутату Мультидо,—освободить большое число достойныхъ патріотовъ, еще находящихся на островѣ, и возвратить въ свои жилища искреннихъ республиканцевъ, заслужившихъ попеченія страны за перенесенныя изъ любви къ ней страданія,—вотъ цѣль моей экспедиціи». Въ это время Корсика составляла конституціонную монархію подъ протекторатомъ Англіи, которая занимала всѣ ея стратегическіе пункты, вызвала въ Лондонъ престарѣлаго Паоли и назначила вице-королемъ сэра Джильберта Эллиота. Присутствіе Англіи такъ близко отъ итальянскихъ береговъ возбудило опасенія въ Ломбардіи и Тосканѣ, гдѣ естественно возникло сочувствіе къ Французской республикѣ и распространяемымъ ею идеямъ. Комитетъ общественной безопасности рѣшилъ этимъ воспользоваться и составилъ планъ экспедиціи на Корсику, съ цѣлью изгнать оттуда англичанъ. Получивъ начальство надъ этой экспедиціей въ сентябрѣ 1794 года, Наполеонъ дѣятельно принялся за всѣ необходимыя приготовленія; но такъ какъ пришлось вооружить въ Тулонѣ могущественную эскадру для борьбы съ англійскимъ флотомъ, то все было готово лишь къ февралю слѣдующаго года. 11 марта Наполеонъ вышелъ въ море, но первое столкновеніе французскихъ судовъ съ англичанами окончилось самымъ

печальнымъ образомъ: два лучшихъ корабля были взяты въ плѣнъ, остальные бѣжали, и войска были высажены обратно на берегъ. Конечно, Наполеонъ не былъ виноватъ въ неуспѣхѣ этой злополучной экспедиціи, стоившей миллионовъ, такъ какъ поражение претерпѣлъ флотъ, а не сухопутныя войска, которыми онъ командовалъ, но его положеніе было теперь критическое. Снова счастье ему не повезло, и снова онъ былъ безъ мѣста. Но, спустя три мѣсяца, благодаря ходатайству друзей, онъ получилъ назначеніе въ западную армію и отправился 2 мая 1795 года, т. е. ровно сто лѣтъ тому назадъ, въ Парижъ, гдѣ царила тогда реакція, и гдѣ, снявъ съ себя шкуру якобинца, онъ долженъ былъ явиться побѣдоноснымъ ея мечемъ.

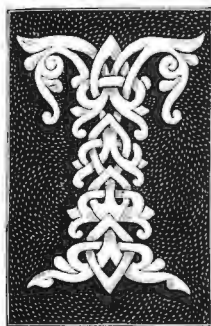
В. Т.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Томъ IV. Спб. 1895.

РИ ГОДА НАЗАДЪ, выпуская въ свѣтъ третій томъ своего словаря, который могъ бы уже праздновать десятилѣтній юбилей (первый выпускъ появился въ 1886 году), г. Венгеровъ обѣщалъ въ слѣдующемъ томѣ произвести въ своемъ изданіи «видоизмѣненіе», о необходимости котораго мы говорили въ прежнихъ нашихъ рецензіяхъ: словарь распадается теперь на два совершенно самостоятельныя отдѣла—критическій и біографо-библиографическій. Первый занимаетъ 262 страницы компактной печати, второй—212; въ первомъ буква *Б* доходитъ до слога *Бог*, во второмъ — *В* до слога *Вее*. Итого въ десять лѣтъ не кончена вторая буква русской азбуки, а словарь стоитъ уже 12 рубл. 50 коп. Не говоримъ уже, когда онъ кончится, а сколько будутъ стоить 30, а навѣрное и больше томовъ? Конечно, словарь Ларусса стоитъ 750 франковъ, но онъ конченъ въ 15 лѣтъ и левіаганъ въ сравненіи съ нашимъ изданіемъ. Ларуссъ умеръ на буквѣ *Р*, но дѣло было сначала такъ хорошо налажено, что наследникамъ оставалось только слѣдовать планамъ составителя, а наши издатели, затѣвая какое нибудь предпріятіе, зачастую не знаютъ, какъ поведутъ его, и поминутно видоизмѣняютъ. Дѣятельность С. А. Венгерова весьма почтенна и заслуживаетъ уваженія, но мы уже замѣчали ему, что и ей, какъ всякой человѣческой работѣ, положенъ природою предѣлъ, его же не преjdeши. Онъ завѣдуетъ отдѣломъ русской литературы въ словарѣ г. Ефрона и составилъ съ конца прошлаго года четыре тома сборника русскихъ поэтовъ XVIII вѣка. Этотъ весьма полезный и цѣнный трудъ также не былъ рассчитанъ на обиліе матеріала: сначала было обѣщано три выпуска, теперь извѣщается о скоромъ выходѣ четвертаго, а на лѣто обѣщанъ и пятый. Двухъ томовъ, опредѣленныхъ затѣмъ

для поэтовъ XIX столѣтія, такимъ образомъ будетъ, очевидно, недостаточно для окончанія изданія, которое также грозитъ затянуться на многіе годы. Нельзя не пожалѣть объ этомъ, но все это кажется можно было бы прежде предвидѣть и рассчитать. Словарь свой г. Венгеровъ составляетъ теперь не одинъ, какъ было въ первыхъ выпускахъ; у него много сотрудниковъ и между ними молодой, даровитый критикъ г. Мазаевъ, написавшій біографію поэта Боброва, профессора Н. И. Веселовскій, Д. А. Корсаковъ, г. Арабажинъ, бывшій профессоръ Максимъ Ковалевскій, хотя помѣстившій уже черезчуръ подробную оцѣнку даже не русскаго писателя Богшича, и др. И, не смотря на книгу въ 30 печатныхъ листовъ, въ нее вошли только 32 критическія и 43 біографическія характеристики писателей. Есть между ними и такія, въ которыхъ много новыхъ фактовъ, но встрѣчаются и такія, которыя могли бы быть значительно короче. Такъ, едва ли нужно было распространяться о гр. Бобринскихъ, Бобровскомъ, Е. Богдановичѣ съ его вовсе не литературными брошюрами, Варадиковѣ, Валувѣ, по счастью, безъ оцѣнки его романа и душевспасительныхъ трактатовъ, въ которыхъ плохой министръ оказался еще болѣе плохимъ литераторомъ, Варшавскомъ (евреѣ)—племянникѣ извѣстнаго концесіонера (зачѣмъ это нужно знать?), репортерѣ, заурядномъ фельетонистѣ и стихокропателѣ; Варшерѣ (евреѣ), учителѣ московской женской гимназіи, «человѣкъ совершенно исключительнаго педагогическаго таланта». Онъ умеръ неожиданно 35-ти лѣтъ. Мы охотно вѣримъ, что ученики боготворили его, что товарищи его Беркутъ, Вицперъ и др. въ своихъ рѣчахъ «освѣтили личность покойнаго», но нельзя же называть историкомъ литературы человѣка, напечатавшаго всего пять журнальныхъ статей, изъ которыхъ четыре посвящены Шекспиру. Почему эти два послѣднія лица и еще нѣсколько другихъ не внесены въ оглавленіе второго отдѣла, гдѣ много интересныхъ біографій Вагнеровъ, Вальдемара, Вальяно, Василевскаго-Буквы (пропущено упоминаніе о томъ, что онъ еще студентомъ помѣщалъ фельетоны въ «Иллюстрированной Газетѣ» В. Зотова), Васильева, Васильчикова, Ватсона, Введенскаго Арсенія (съ какими-то темными указаніями на его неудачи), но лучшая статья этого тома—о П. Д. Боборыкинѣ. Въ ней болѣе 50-ти страницъ, и это ея единственный недостатокъ. Сокращенная на половину она производила бы впечатлѣніе еще сильнѣе. Ни у одного изъ нашихъ критиковъ мы не встрѣчали такой вѣрной, мѣткой и безпристрастной характеристики, какъ оцѣнка произведеній и дарованія П. Д. Боборыкина, хотя объ немъ написано очень много. С. А. Венгеровъ едва ли не лучший современный критикъ и знатокъ русской литературы. Изумительная дѣятельность писателя, издавшаго 40 томовъ романовъ и повѣстей и почти столько же томовъ статей по всѣмъ отраслямъ наукъ и искусствъ, нашла въ критикѣ справедливаго судью, которому самъ подсудимый доставилъ свою автобіографію въ восемь печатныхъ листовъ. Но какъ ни любопытны подробности жизни писателя, критика его работъ еще замѣчательнѣе, и остается пожалѣть, что г. Венгеровъ не ведетъ критическаго отдѣла въ какомъ нибудь изъ нашихъ лучшихъ журналовъ, до того его сужденія выдаются изъ пристрастной или безцвѣтной болтовни современныхъ Аристарховъ. Эти господа упрекали романиста «въ дилетантскомъ всезнайствѣ, но дальше голословнаго фыркванья (?) не шли». Г. Венгеровъ признаетъ писателя однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ представителей образованія въ Россіи и видитъ въ немъ обширныя и разнообразныя зна-

нія, но доказывает неопровержимо, что онъ не сдѣлалъ надлежащаго употребленія изъ своихъ способностей и, при всей значительности его умственнаго капитала, далъ только блѣдые и блѣдые плоды. Въ женскихъ характерахъ его полное отсутствіе всякой граціозности и женственности. Писателю мало доступны любовь и всякія другія страсти: злоба, гнѣвъ, ненависть, восторгъ. Отвѣчая на всѣ злобы дня, «обнявшія, такъ сказать, все, онъ не обнялъ какъ слѣдуетъ ничего». Онъ всегда ограничивается одною экспозиціею, контурами и въ картинѣ не идетъ дальше рисунка, забывая о колоритѣ и полутонахъ. Всѣ его романы собственно и не картины, а декорации, панорамы со множествомъ лицъ, едва намѣченныхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Боборыкинъ писатель вполне гуманный, прогрессивный, съ демократическимъ направленіемъ, какъ человѣкъ выдающійся, даже «въ силу того, что въ Россіи весь запасъ общественныхъ ограниченій, не имѣя возможности проявляться другими путями, всецѣло долженъ уходить въ литературу, гдѣ каждый писатель неизбежно становится общественно политическимъ дѣятелемъ». Разсказъ у него несконцентрированъ, суховатъ, скорѣе растянута, чѣмъ развитъ, но критикъ не хочетъ назвать творчество писателя фельетоннымъ на томъ основаніи, что «фельетонно то, что поверхностно, легкомысленно въ своей основѣ, а основа, замыселъ у Боборыкина всегда серьезны». Мнѣ кажется, это не совсѣмъ такъ: фельетонно можно относиться и къ самой серьезной задачѣ, даже сочувствуя ей, это зависитъ уже отъ личнаго темперамента писателя. Вѣдь признаетъ же самъ г. Венгеровъ «обычную боборыкинскую канитель съ ненужными лицами, нехарактерными положеніями, ненужными лицами, утомительными амплификаціями» (почему же не преувеличеніями?). А между тѣмъ критикъ находитъ, что «эти произведенія съ одной стороны проповѣдь дѣятельной работы на пользу народной массы, развитія общественной самодѣятельности, самосознанія, свободы отъ предразсудковъ, эмансипаціи женщины, а съ другой стороны—явный протестъ противъ весьма темныхъ сторонъ русской жизни и людей, умѣющихъ ловить моментъ и плотно присѣсть къ общественному пирогу». Венгеровъ не разбираетъ отдѣльныхъ произведеній Боборыкина, а дѣлаетъ имъ общій обзоръ, и значеніе его критики чисто воспитательное. Автору остается только обратить вниманіе на замѣчанія, справедливости которыхъ онъ, какъ умный человѣкъ, не можетъ не признавать. Критикъ выражается яснымъ, вполне литературнымъ языкомъ, хотя и не безъ иностранныхъ словечекъ въ родѣ «внѣшнихъ апарансовъ». Чѣмъ же хуже наша хоть нѣсколько неуклюжая видимость? (Авторъ тутъ же употребляетъ словечко—приложимость). Во всякомъ случаѣ трудъ г. Венгерова заслуживаетъ полнаго вниманія и уваженія, и намъ остается только пожелать, чтобы внуки наши дождались его окончанія...

Вл. З.

Памяти «Русалки», броненосца русскаго флота, погибшаго въ сентябрѣ 1893 года. Казань. 1894.

Подъ этимъ заглавіемъ вышелъ въ Казани, въ 1894 году, сборникъ статей профессоровъ Императорскаго Казанскаго университета подъ редакціей заслуженнаго профессора Н. О. Высоцкаго. Выручка отъ продажи сборника предназначалась въ пользу семействъ моряковъ, погибшихъ на «Русалкѣ»; но такъ какъ книга вышла въ свѣтъ уже по прекращеніи сбора пожертво-

ваній для означенной цѣли, то ожидаемую выручку предположено обратить на благотворительныя и общепользныя.

Казанскій сборникъ составленъ разнообразно и за исключеніемъ двухъ-трехъ статей, которыя по своей спеціальности могутъ показаться публикѣ сухими, представляетъ вообще интересный матеріалъ для чтенія. Изъ беллетристическихъ статей выдается, по художественному замыслу и исполненію, повѣсть Н. В. Сорокина «Помѣщикъ Ротовъ», изображающая нерѣдкій въ старыя времена типъ деспотическаго и сластолюбиваго властителя крѣпостныхъ душъ, который съ одной стороны не останавливался ни передъ какими преступленіями для удовлетворенія своихъ животныхъ инстинктовъ, а съ другой—для административныхъ удобствъ въ своемъ темномъ царствѣ широко пользовался нарочито устроеннымъ застѣнкомъ со всеми приспособленіями для пытокъ. Переживая въ мысляхъ живо рассказанныя въ повѣсти драматическія положенія и потрясающія сцены, невольно благословляешь судьбу, что времена крѣпостничества отошли въ область преданій, которыми вѣрится съ трудомъ. Другая беллетристическая вещь «Изъ воспоминаній врача о холерѣ 1866 года» Н. О. Высоцкаго повѣствуетъ о затруднительномъ положеніи автора, командированнаго въ Спасскій уѣздъ Казанской губерніи для борьбы съ холерой, вслѣдствіе упорнаго противо-дѣйствія крестьянъ мѣрамъ лѣченія и предупрежденія заболѣваній, при чемъ самая жизнь почтеннаго дѣятеля подвергалась опасности. Правду сказать, послѣ всѣхъ ужасовъ, которые проявилъ темный народъ въ послѣднюю холерную эпидемію 1892—1893 гг., описанныхъ въ свое время въ газетахъ, рассказъ г. Высоцкаго о тождественныхъ событіяхъ въ шестидесятихъ годахъ уже не представляетъ интереса новизны, но нельзя не отмѣтить предлагаемой имъ мѣры для подготовки населенія къ сознательному воспріятію общественной помощи въ случаѣ повторенія эпидемическаго бѣдствія. Исходя изъ того справедливаго положенія, что враждебное отношеніе темной массы къ врачебной помощи во всѣ холерныя эпидеміи, начиная съ эпидеміи 1831 года, проявлялось въ одинаковыхъ формахъ и имѣло своей полкладкой умственную темноту, авторъ, не ожидая всеобщаго распространенія грамотности, которое наступитъ еще не скоро, предлагаетъ для привитія народу здравыхъ медицинскихъ понятій и цѣлесообразныхъ способовъ борьбы съ одоляющими его болѣзнями учредить въ селахъ постоянныя санитарныя попечительства, въ составъ которыхъ, кромѣ земскихъ начальниковъ, какъ предсѣдателей ихъ, должны входить: всѣ врачи, священники, учителя и учительницы народныхъ училищъ, проживающіе въ районѣ попечительства, затѣмъ волостные старшины, выборные отъ крестьянскихъ обществъ, мѣстные помѣщики и другія лица, могущія принести пользу дѣлу, по выбору попечительства. «Такой органъ, по мнѣнію автора, составленный изъ людей, близко стоящихъ къ данному населенію и пользующихся его довѣріемъ, знакомыхъ притомъ съ условіями его быта, нуждами, воззрѣніями, предрассудками, вѣрнѣе и скорѣе всякаго другого могъ бы провести въ народное сознаніе здравыя медицинскія идеи, разъяснить господствующія заблужденія и пр.». Остается пожалѣть, что почтенный авторъ, въ силу своей компетентности, не рекомендуетъ практическихъ способовъ для осуществленія своей, по существу, вѣрной мысли, ибо одно указаніе его на церковную проповѣдь и народную школу далеко не исчерпываетъ всего вопроса.

Съ большою пользою можетъ быть прочитавъ историческій очеркъ Д. А. Корсакова подъ заглавіемъ: «Св. Сергій Радонежскій и основанный имъ Троицкій монастырь (Троицкая лавра)». Уважаемый авторъ со свойственною ему талантливостію разсказалъ въ этомъ очеркѣ жизнь знаменитаго святителя въ связи съ исторіей Московскаго государства, въ укрѣпленіи и возвышеніи котораго красною нитью проходятъ дѣянія заступника Руси. А такъ какъ съ именемъ великаго подвижника неразрывно связано представленіе о Троицкой лаврѣ, имъ основанной и возвеличенной, то въ статьѣ этой занимаетъ видное мѣсто исторія означенной святой обители со времени ея возникновенія до нашихъ дней. Въ статьѣ Н. П. Загоскина подъ заглавіемъ: «Изъ временъ Магницкаго (страничка изъ исторіи Казанскаго университета двадцатыхъ годовъ)», на основаніи «Дѣла касательно торжественнаго акта университета 5-го іюля 1820 года» (на 10-ти листахъ), разсказанъ яркій эпизодъ, характеризующій съ одной стороны приемы Магницкаго, этого Атиллы просвѣщенія, а съ другой—несчастное положеніе самого университета. Хотя, по мнѣнію знаменитаго въ своемъ родѣ казанскаго попечителя, выраженному въ донесеніи его министру, университетъ за свое мнимое свободомысліе подлежалъ публичному разрушенію, но исполнить это ему не было позволено. Взамѣнъ того, Магницкій путемъ «спасительныхъ преобразованій» совершилъ разрушеніе университета въ научномъ отношеніи, низведя это высшее учебное заведеніе на степень духовно-уѣднаго училища. Въ означенномъ «дѣлѣ» заключается много любопытныхъ въ этомъ смыслѣ подробностей.

Въ настоящее время вся грамотная Россія знаетъ о славномъ русскомъ и европейскомъ геометрѣ Н. И. Лобачевскомъ, благодаря торжественному правднованію въ 1893 году столѣтней годовщины дня его рожденія въ Казани, мѣстѣ его дѣятельности, и другихъ умственныхъ центрахъ нашего отечества. Поэтому всякая новая черта, служащая для характеристики Лобачевского въ дополненіе къ тому, что уже извѣстно о немъ, представляетъ не маловажный интересъ. Такое значеніе имѣетъ статья А. В. Васильева: «Броннеръ и Лобачевскій, два эпизода изъ жизни первыхъ профессоровъ Казанскаго университета». Изъ этой статьи узнаемъ, что учитель Лобачевского, профессоръ физики Броннеръ, этотъ просвѣщенный «алюминатъ» и гуманистъ, благодаря своему широкому философскому образованію, много способствовалъ умственному и нравственному развитію своего ученика. Просвѣдительскія идеи Броннера такъ глубоко запади въ душу Лобачевского, что пятилѣтній гнетъ Магницкаго надъ всякимъ проблемскомъ мысли въ университетской жизни оказался безсильнымъ нарушить духовное равновѣсіе нашего геометра и мыслителя, и потому когда, по удаленіи попечителя, Лобачевскій былъ назначенъ ректоромъ Казанскаго университета, то при вступленіи въ должность онъ пользуется первымъ же случаемъ открыто заявить свои взгляды на воспитаніе юношества и на цѣли университета въ полный разрѣзъ съ тѣми взглядами, которые только-что господствовали въ мѣстномъ официально-учебномъ мірѣ. Мы разумѣемъ рѣчь, произнесенную Лобачевскимъ 5-го іюля 1828 года въ торжественномъ собраніи университета «о важнѣйшихъ предметахъ воспитанія». По недостатку мѣста мы не приводимъ здѣсь этой замѣчательной рѣчи, но желающимъ познакомиться съ нею отсылаемъ къ рассматриваемой книгѣ. Остается упомянуть о статьѣ Я. И. Александра: «По Адриатическому морю въ Черногорію на торже-

ство 14-го юля 1893 года». Какъ самое путешествіе, такъ и рядъ празднествъ по поводу 400-лѣтія со времени первой отпечатанной въ Черногоріи славянской книги «Осьмогласника», при наблюдательности, способности схватывать выдающіяся черты и умѣнья облекать сюжеты въ художественную форму, могли бы послужить матеріаломъ для интереснаго живописанія. Но ученый авторъ, очевидно, не справился съ этою чуждою ему задачею, набросавъ въ своей статьѣ рядъ отрывочныхъ, иногда малозначащихъ замѣтокъ.

И. К—скій.

Сказки русскаго народа. Текстъ подъ редакціей В. А. Гатцука. Рисунки художника Н. А. Богатова. Вып. I — V. Москва. 1894.

Представляя собою одно изъ самыхъ древнихъ проявленій словеснаго творчества, сказки заключаютъ въ себѣ весьма много важныхъ давныхъ, уясняющихъ намъ первобытныя космогоническія и нравственныя воззрѣнія. Теперь народъ смотритъ на сказку, какъ на забаву, называя ее ложью, но въ отдаленныя времена своего зарожденія сказки были источникомъ ученія: народъ черпалъ изъ нихъ извѣстные нравственные уроки, при помощи ихъ развивалъ свою мѣологію, вырабатывалъ разныя практическія житейскія правила. По мѣрѣ того, какъ сказка утрачивала свое поучающее значеніе, она сближалась съ народнымъ анекдотомъ, и появился цѣлый рядъ сказокъ про инородцевъ и дошлыхъ людей, изъ которыхъ послѣдніе всегда ставятъ первыхъ въ глупое и комическое положеніе. Какъ отраженіе народныхъ вѣрованій и народнаго ума, сказки давно уже стали предметомъ научныхъ изслѣдованій; изданіемъ сказокъ и разработкой сказочныхъ сюжетовъ занимался цѣлый рядъ ученыхъ, изъ которыхъ упомянемъ Аванасьева, Бодянскаго, Буслаева, Костомарова, Пыпина, Худякова, Щапова и др. Кромѣ своего научнаго интереса, сказки имѣютъ и важное педагогическое значеніе, какъ обильный и поучительный матеріалъ для дѣтской фантазіи: этимъ и объясняется появленіе множества искусственныхъ сказокъ, изъ которыхъ первое мѣсто, конечно, занимаютъ сказки Андерсена по своей занимательности и серьезному направленію.

Въ виду такого важнаго значенія сказокъ, нельзя не привѣтствовать изданія ихъ, предпринятаго редакціей «Крестнаго Календаря». Издатели, кромѣ ненапечатанныхъ матеріаловъ, хранившихся въ бумагахъ А. А. Гатцука и О. М. Бодянскаго, воспользовались множествомъ ранѣе вышедшихъ собраній и изслѣдованій. Работа ихъ, конечно, не имѣетъ научнаго значенія, но представляется очень полезной, какъ попытка популяризаціи сказокъ въ образованномъ обществѣ. Текстъ сказокъ выбранъ очень удовлетворительно, излагаются онѣ языкомъ литературнымъ, при чемъ сохраняются особенности сказочнаго стиля. Въ изданіе входятъ не только русскія сказки, но и заимствованныя изъ славянскихъ сборниковъ, какова, напримѣръ, сказка «Страшный кабанъ», обработанная на основаніи вариантовъ южныхъ славянъ, сербовъ, хорутанъ и др., къ которымъ издатели почему-то причисляютъ и малороссовъ. Въ вышедшихъ до сихъ поръ выпускахъ помѣщена также и сказка С. Т. Аксакова: «Аленькій цвѣточекъ». Въ педагогическомъ отношеніи выборъ сказокъ очень хорошъ, такъ какъ отличается разнообразіемъ. Что касается внѣшней стороны изданія, то она не оставляетъ желать лучшаго, такъ какъ бумага и шрифтъ прекрасные, а рисунки художника Богатова очень изящны и хорошо дополняютъ текстъ.

Б—ъ.

Ф. Юдль. Этика и политическая экономія. Переводъ А. Острогорскаго. Спб. 1895.

Вопросъ о взаимномъ отношеніи этики и политической экономіи постоянно обсуждается современными выдающимися мыслителями и экономистами. Литература этого вопроса со времени Адама Смита, отца политической экономіи, который первый разграничилъ эти двѣ отрасли знанія и научнаго изслѣдованія, имѣть множество представителей гораздо болѣе компетентныхъ, знающихъ или талантливыхъ, чѣмъ г. Юдль. Почему же переводчикъ избралъ его крошечную брошюру? Мы затрудняемся отвѣтить на этотъ вопросъ. Если переводчика прельстило то обстоятельство, что чешскій ученый считаетъ нужнымъ разсматривать экономическія и этическія явленія въ связи, то надо замѣтить, что большинство экономистовъ придерживается за послѣднее время именно этой точки зрѣнія, хотя мы съ своей стороны должны сказать, что признаемъ ее ошибочной. При громадномъ накопленіи фактическаго матеріала во всѣхъ отрасляхъ знанія раздѣленіе труда между разными специалистами предписывается силою вещей; но это, понятнo, не значитъ, что данный специалистъ можетъ безучастно относиться къ выводамъ ученыхъ, трудящихся въ смежныхъ отрасляхъ знанія. Существенно только то, чтобы одинъ не брался за задачу другого. Экономистъ не можетъ не интересоваться выводами этики, но онъ въ силу вещей вынужденъ довольствоваться простымъ ознакомленіемъ съ ея выводами, между тѣмъ какъ въ своей спеціальности онъ долженъ работать самостоятельно. Великій отецъ политической экономіи уже вполне это сознавалъ, когда въ своихъ трудахъ старался провести границу между теоріею нравственности и экономической теоріею. Не значитъ ли это, однако, что и практическіе дѣятели должны руководствоваться подобнымъ разграниченіемъ? Въ самой жизни экономическіе и этическіе принципы такъ сливаются и переплетаются, что ихъ разобщать нѣтъ никакой возможности. Эгоизмъ, основной принципъ экономической дѣятельности, и альтруизмъ, основной принципъ всѣхъ нравственныхъ начинаній, всюду проявляются сообща, и нѣтъ человѣка, если только онъ не выродокъ, который руководствовался бы исключительно эгоистичными побужденіями. Но въ наукѣ надо разграничивать эти два принципа для удобства и успѣшности изслѣдованія, и смѣшеніе ихъ является тутъ не только ея прогрессомъ, но, очевидно, регрессомъ, возвращеніемъ къ тому времени, когда человечество еще не додумалось до точнаго разграниченія разныхъ отвлеченныхъ понятій и отраслей знанія.

Такова естественная постановка вопроса. Но г. Юдль, какъ и большинство другихъ экономистовъ, возмущается мыслью о разработкѣ экономической науки исключительно на почвѣ эгоизма. Ему такая наука представляется сухою, черстою, безсердечною. Онъ, какъ и большинство его товарищей, желаетъ, чтобы экономическія отношенія были проникнуты по возможности альтруистическими чувствами. Но кто же этому будетъ противорѣчить? Кто можетъ не желать, чтобы человечество и въ погонѣ за земными благами руководствовалось любовью къ ближнему? Въ этомъ отношеніи существуетъ полнѣйшее единодушіе. Но рѣчь вѣдь идетъ не о самой жизни, а о наукѣ; а въ теоріи часто необходимо разграничивать и раздѣлять то, что въ жизни должно быть соединено. Анатомъ расчленяетъ человѣка, но это нисколько ему не мѣшаетъ сознавать, что человѣкъ можетъ существо-

вать и жить, если въ немъ соединено то, что онъ, анатомъ, расчленяетъ. Впрочемъ, и г. Юдль въ концѣ концовъ приходитъ къ тому же заключенію. «Ни политическая экономія, ни этика не въ состояніи выразить точныя формулы, сколько каждый въ отдѣльности, смотря по своему состоянію и обстоятельствамъ, себѣ самому долженъ и сколько овъ долженъ другимъ. Этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ лишь при условіи постоянного прогресса искусства управленія государствомъ и личной жизнью». Выходитъ, какъ будто, по мнѣнію пражскаго ученаго, прогрессъ обусловливается единственно искусною политикою и индивидуальными усиліями отдѣльныхъ людей. И тутъ впрочемъ у г. Юдля проявляется сильная путаница въ понятіяхъ. Да вѣдь наука существуетъ именно для того, чтобы облегчить и государству, и отдѣльному лицу достиженіе прогресса! Если она въ этомъ отношеніи никакихъ указаній дать не можетъ, то она совершенно бесплодна, потому что нельзя же въ самомъ дѣлѣ думать, что наука существуетъ только для науки. Но оказать пользу индивидууму и государству она можетъ только при точномъ анализѣ и разграниченіи понятій, какъ анатомъ можетъ принести пользу медицинѣ, только расчленяя организмъ детально, въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ изучая его составныя части.

Значитъ, г. Юдль придерживается основнаго взгляда, который врядъ ли можетъ быть признанъ вѣрнымъ. Что касается до остальныхъ его разсужденій, то они либо принадлежатъ къ числу избитыхъ, либо представляются весьма сомнительными. Приведемъ одинъ примѣръ. По мнѣнію г. Юдля, наше время «дѣйствительнаго наслажденія почти не знаетъ». Почему же мы дожили до такого печальнаго времени? Дѣло въ томъ, что «приготовленія къ наслаженію сдѣлались на столько хлопотливыми, что они сами всегда поглощаютъ три четверти наслажденія». Послѣ такой болѣе чѣмъ сомнительной ариметической выкладки г. Юдль восклицаетъ: «Тутъ нельзя ожидать никакого спасенія, пока будетъ сохранять значеніе само собою понятной основы практической жизни та политико-экономическая аксіома о необходимости постоянного возрастанія потребностей какъ у образованныхъ, такъ и необразованныхъ, какъ у имущихъ, такъ и у неимущихъ. Кто позволяетъ своимъ потребностямъ постоянно расти, въ душѣ того будетъ неизбѣжнымъ образомъ слишкомъ мало мѣста для истинно веселаго удовольствія».

Мы привели эту выдержку, чтобы попутно дать читателямъ понятіе о достоинствахъ перевода. Онъ очень неудовлетворителенъ. Но еще неудовлетворительнѣе разсужденія самого г. Юдля. Вѣдь если бы человѣческія потребности не развивались и не росли, то мы до сихъ поръ могли бы только наслаждаться «веселымъ удовольствіемъ» дикарей, другими словами, чело вѣчество никогда не вышло бы изъ варварскаго состоянія. Только благодаря послѣдовательному развитію потребностей цивилизація стала возможною. Конечно, развитіе не всѣхъ потребностей одинаково желательно. Но именно самыя утонченныя, наиболѣе возвышающія чело вѣка требуютъ продолжительнаго приготовленія, хотя бы, на примѣръ, тѣ потребности, которыя вызываются образованіемъ. Надѣмся, что почтенный переводчикъ, г. Острогорскій, какъ педагогъ, высоко ставитъ эти потребности. Почему же овъ увлекся сомнительными разсужденіями г. Юдля до того, что счелъ нужнымъ перевести вовсе этого не заслуживающую брошюру пражскаго ученаго?

Р. С.

А. Фулье. Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. Переводъ П. Николаева. Москва. 1895.

Это—собственно второй, дополнительный томъ къ вышедшей въ прошломъ году «Исторія философіи» того же автора. Мы въ свое время («Ист. Вѣстн.», мартъ 1894 г.) дали отчетъ объ этомъ трудѣ французскаго философа и выяснили его основную точку зрѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдѣли и вопросъ, на сколько появившійся нынѣ въ русскомъ переводѣ дополнительный томъ можетъ удовлетворять своему назначенію. «Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ» должны представлять собою по мысли автора «нѣчто въ родѣ философіи, преподаваемой намъ самими философами». Но такъ какъ выборки изъ ихъ сочиненій сдѣланы авторомъ, то понятно, что они «преподаютъ» намъ болѣе или менѣе только то, что желаетъ самъ авторъ. А такъ какъ его основной взглядъ заключается въ томъ, что «міромъ управляютъ идеи», другими словами, такъ какъ г. Фулье является яркимъ метафизикомъ, то и выборка изъ сочиненій философовъ сдѣлана въ этомъ направленіи. Кромѣ отрывковъ изъ сочиненій философовъ, помѣщены и краткія ихъ біографіи. Онѣ такъ кратко, что любой энциклопедическій словарь содержитъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Такимъ образомъ, біографіи эти могли бы быть безъ всякаго вреда для дѣла опущены, а это дало бы возможность назначить болѣе дешевую цѣну за второй томъ. Какъ бы то ни было, эта философская хрестоматія можетъ способствовать ознакомленію широкой публики съ трудами и, главное, манерою выдающихся философовъ, хотя не слѣдуетъ забывать, что вслѣдствіе указанной причины даже не всѣ видные философы нашли себѣ мѣсто въ хрестоматіи г. Фулье, а изъ сочиненій фигурирующихъ въ ней философовъ приведены только такіе отрывки, которые болѣе или менѣе подтверждаютъ взгляды составителя. Что касается до перевода, то онъ по большей части можетъ быть признанъ правильнымъ, но о художественности не можетъ быть и рѣчи. А между тѣмъ въ данномъ случаѣ требовалась и художественность, потому что приведено много отрывковъ изъ такихъ мыслителей, которые были въ то же время и великими художниками слова. Такимъ образомъ, переводъ г. Николаева иногда производитъ впечатлѣніе прямо профанаціи великихъ художественныхъ образцовъ. Возьмемъ для примѣра хотя бы знаменитую сцену смерти Сократа въ изображеніи Платона: «Сократъ, прохаживаясь взадъ и впередъ, сказалъ намъ, что онъ чувствуетъ свои ноги отяжелѣвшими; и онъ легъ на спину, какъ сказалъ ему человекъ, давшій ему ядъ» и т. д. Переводъ, конечно, точенъ; но почему бы не сказать просто, что Сократъ почувствовалъ тяжесть въ ногахъ? И къ чему это такъ неприятно рѣжущее ухо повтореніе слова «сказать», котораго такъ легко можно было избѣгнуть? Знаменитая первая «Elevation» Босюэта начинается у г. Николаева такъ: «Безбожникъ спрашиваетъ: почему Богъ существуетъ? А я отвѣчу ему: почему бы Онъ не существовалъ?» Такъ выражаются развѣ только гимназисты. Но есть мѣста, переведенныя такъ небрежно, что даже до смысла добраться трудно. Вотъ, напримѣръ, разсужденіе Гельвеція: «Но, скажутъ мнѣ, если все дѣлается для себя, то мы не обязаны признательностью къ своимъ благодѣтелямъ? По крайней мѣрѣ, думаю я, благодѣтель не имѣетъ права требовать ея. Общество основательно наложило долгъ признательности на обязанныхъ ради несчастныхъ и ради увеличенія числа благодѣтелей». Въ этой тарбарщинѣ трудно разо-

браться, не заглянувъ въ подлинникъ, а хрестоматія именно предназначается для тѣхъ, кто подлинныхъ философовъ не имѣетъ. Вообще жаль, что такія капитальныя и дорогія изданія обезображиваются небрежностью переводчика.

Р. С.

Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Д. И. Фонвизина. Посмертный трудъ академика Н. С. Тихонравова. Спб. 1894.

Хотя о литературной дѣятельности Фонвизина въ нашей ученой литературѣ существуетъ не мало мелкихъ статей и розысканій, не говоря уже о монографіи князя П. А. Вяземскаго, однако нельзя сказать, чтобы этотъ замѣчательный представитель комедіи прошлаго вѣка былъ изученъ всесторонне и по достоинству оцѣненъ въ связи съ явленіями современной ему драматической литературы. Только тогда станетъ возможной подобная оцѣнка, когда будетъ издано полное критическое изданіе какъ его сочиненій, такъ и сочиненій его современниковъ, по крайней мѣрѣ крупнѣйшихъ изъ нихъ. Настоящій томъ, лежащій передъ нами, даетъ читателю часть сочиненій Фонвизина, подвергнутыхъ предварительной критикѣ, въ исправленномъ и въостановленномъ мѣстами текстѣ.

Перваго декабря 1892 года минуло сто лѣтъ со дня кончины Д. И. Фонвизина, а въ истекшемъ, 1894 году исполнился какъ разъ 150-лѣтній юбилей со дня его рожденія. Въ виду этой годовщины покойный академикъ Н. С. Тихонравовъ и предпринялъ положить начало критическому изданію настоящихъ матеріаловъ. Смерть, постигшая его въ 1893 году 27-го ноября, нарушила его планы, но задуманное имъ предпріятіе не было заброшено, а перешло, по порученію отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, въ руки академика, нынѣ вице-президента академіи Л. Н. Майкова, которому принадлежатъ примѣчанія и общая редакція сборника.

Въ первый отдѣлъ его вошли всѣ извѣстныя драматическія произведенія Д. И. Фонвизина: трагедія «Альзира» (переводъ изъ Вольтера), комедіи: «Коріонъ», «Бригадиръ» и «Недоросль». Уже при первомъ знакомствѣ съ ходомъ развитія драматическаго таланта Фонвизина можно отмѣтить тѣ ступени, которыя онъ прошелъ, прежде чѣмъ создать «Недоросля». Онъ началъ съ перевода. Языкъ этого перваго драматическаго произведенія Фонвизина тяжелъ, неуклюжъ и мало отличается отъ языка сумароковскихъ трагедій, царившихъ на тогдашней сценѣ. Затѣмъ, быть можетъ, подъ влияніемъ теорій своего личнаго непріятеля Лукина, Фонвизинъ подался отчасти въ сторону оригинальной комедіи; но таковой онъ не создалъ. Посредствующимъ звеномъ между его послѣдними твореніями и переводческой дѣятельностью служитъ комедія «Коріонъ», передѣланная изъ Грессетова «Сицнея». Она понравилась публикѣ и положила основаніе успѣху Фонвизина. Эта комедія, въ которой авторъ пытался примѣнить заимствованный сюжетъ къ нашему быту и нравамъ, была значительнымъ шагомъ впередъ въ развитіи нашей національной комедіи.

«Бригадиръ» и «Недоросль» довершили славу Фонвизина, какъ крупнѣйшаго представителя національной комедіи прошлаго вѣка. Текстъ ихъ изданъ теперь точно, безъ повдѣйшихъ искаженій.

Во второмъ отдѣлѣ настоящаго сборника нашли мѣсто произведенія, приписываемыя по различнымъ догадкамъ Д. И. Фонвизину. Это стихотво-

реніе «Чортикъ на дрожкахъ» и сатирическая статья «Повѣствованіе мнимаго глухого и нѣмого». Принадлежность ихъ Фонвизину указывается стариннымъ преданіемъ, которому, по словамъ Л. Н. Майкова (стр. VI), Н. С. Тихонравовъ придавалъ значеніе. Въ этотъ же отдѣлъ могли бы войти еще двѣ статьи, приписываемыя по преданію Фонвизину, именно: памфлетъ на купца Чупятова, извѣстный подъ заглавіемъ: «Жизнь нѣкотораго мужа и перевозъ куріовной души его чрезъ Стиксъ рѣку», и политическая записка «О правѣ государственномъ». Но новыя изслѣдованія и вновь открытыя данныя окончательно устраниаютъ предположеніе, что упомянутыя сочиненія написаны Фонвизинимъ. Въ виду этого обѣ названныя статьи не помѣщены въ настоящемъ изданіи. Въ составленныхъ Л. Н. Майковымъ примѣчаніяхъ къ II отдѣлу изложены соображенія, на основаніи которыхъ принадлежность помѣщенныхъ двухъ статей Фонвизину можетъ быть признана болѣе или менѣе вѣроятною.

Покойный Н. С. Тихонравовъ обѣщаль дать для настоящаго изданія матеріаловъ свое новое изслѣдованіе о сочиненіяхъ Фонвизина, но въ виду того, что это обѣщаніе осталось неисполненнымъ за смертью его, здѣсь помѣщена статья того же Н. С. Тихонравова, написанная нѣкогда для появившейся въ свѣтъ лѣтописи питомцевъ Московскаго университета. Этотъ очеркъ, написанный покойнымъ въ 1854 году, богатый фактическими данными и основательными соображеніями, и дониндѣ имѣетъ научную цѣнность и сохраняетъ до нѣкоторой степени интересъ новизны.

С. Т—скій.

Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Вып. 1-й, содержащій поученія: Луки Жидята, митрополита Иларіона, Θεодосія Печерскаго и Кирилла Туровскаго. Изд. журнала «Странникъ», подъ редакціей профессора А. И. Пономарева. Спб. 1894.

Изданіе это, по словамъ профессора А. И. Пономарева, «имѣетъ въ виду соединить въ одномъ общедоступномъ сборникѣ всѣ выдающіяся произведенія древне-русской церковно-учительной письменности» и въ частности «какъ собственно древне-русскія церковныя слова и поученія нашихъ извѣстнѣйшихъ церковныхъ пастырей и учителей, такъ и церковно-учительныя произведенія, однородныя съ ними по формѣ, содержанію и направленію, хотя бы и анонимныя, переводныя или такія, которыя не назначались прямо для церковнаго употребленія, но которыя несомнѣнно имѣли и имѣютъ болѣе или менѣе важное значеніе въ церковномъ, въ религіозно-образовательномъ и нравственно-воспитательномъ отношеніяхъ». Побужденіемъ къ изданію этого рода памятниковъ служило то обстоятельство, что они «или совсѣмъ еще остаются въ рукописяхъ старинныхъ библиотекъ, или помѣщены и разбросаны по такимъ рѣдкимъ, стариннымъ и дорогимъ изданіямъ, что рѣшительно недоступны большинству желающихъ съ ними ознакомиться лицъ». Даже преподаватели средне-учебныхъ заведеній, такъ или иначе сталкиваясь съ вопросомъ объ этой древне-русской литературѣ, обыкновенно ограничиваются ознакомленіемъ съ нею изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, что, объясняемое указанною причиною, вполнѣ извиняетъ ихъ, но существу дѣла, конечно, не помогаетъ нимало. Данное изданіе «и ставитъ своей задачей

идти на встрѣчу такой насущной потребности нашихъ школъ и русскаго образованія вообще».

Предъ нами первый выпускъ изданія памятниковъ, вышедшій въ свѣтъ въ самомъ концѣ истекшаго года. Въ этомъ выпускѣ помѣщено прежде всего «Поученіе Луки Жидята», архіепископа новгородскаго, адресованное братіи. Лука Жидята—первый по времени нашъ проповѣдникъ, жившій въ XI вѣкѣ (архіепископъ съ 1036 по 1059 годъ) и представлявшій собою замѣчательный образецъ пастыря. Это—«самородный типъ, боровшійся съ византійскимъ вліяніемъ» на русскую жизнь и дѣйствовавшій «въ духѣ чисто русскаго просвѣщенія». Въ его словѣ, отличающемся изумительною простотою, «жизнь бьетъ ключемъ». Дальше въ разсматриваемомъ выпускѣ слѣдуютъ «Поученія (числомъ 5) преподобнаго Θεодосія Печерскаго, «одного изъ первыхъ представителей монастырскаго проповѣдья въ южной Руси», извѣстнаго своею строго подвижническою жизнью. Въ поученіяхъ этихъ говорится о терпѣннн и любви (1—2), о терпѣннн и милостынѣ (3), о терпѣннн и смиреннн (4) и о хожденнн къ церкви и о молитвѣ (5). Преподобный Θεодосій былъ младшимъ современникомъ архіепископа Луки (онъ умеръ въ 1074 г.). Затѣмъ помѣщено слово «О законѣ, Моисеемъ данномъ» и проч. Иларіона, митрополита (съ 1051 года) кievскаго, человека весьма образованнаго по своему времени и, сверхъ того, великаго подвижника. Его слово—«выдающееся явленіе въ древне-русской письменности не только современной ему эпохи, но и послѣдующаго времени». Это—«прекрасный образецъ ораторскаго слова, глубокаго по содержанію и прекраснаго съ внѣшней стороны». Вторую (большую) половину книги занимаютъ слова и поученія св. Кирилла, епископа Туровскаго (числомъ 11): на недѣлю Пасхѣ, на недѣлю Пасхѣ, на Пасху, на Ѳомину недѣлю, на третью недѣлю по Пасхѣ, о разслабленномъ, о слѣпомъ, на вознесеніе Господне, въ седьмую недѣлю по Пасхѣ, на пятидесятницу, о поученнн церковномъ и притча о слѣпцѣ и хромцѣ. Это уже проповѣдникъ XII вѣка, извѣстный подъ именемъ даже «россійскаго Златоуста», какъ подобный послѣднему и по своему «внѣшнему», и по «духу», и по «любви къ слову Божию», такъ что «поученія его въ рукописныхъ сборникахъ помѣщались на ряду съ свято-отеческими».

Названные памятники печатаются чрезвычайно тщательно, при чемъ обращается особенное вниманіе на возможно точное возстановленіе ихъ подлиннаго текста путемъ пересмотра различныхъ ихъ списковъ и проч. Непонятныя мѣста памятниковъ или переводятся на русскій языкъ, или поясняются въ обстоятельныхъ примѣчаніяхъ, приложенныхъ къ поученіямъ. Кроме того, о каждомъ изъ четырехъ проповѣдниковъ сообщаются научно-составленные біографическія свѣдѣнія, иногда освѣщающія нѣкоторыя стороны дѣла съ совершенно новыхъ сторонъ.

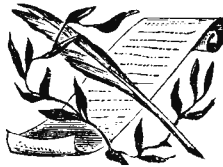
Лица, принимавшія участіе въ составленнн сборника (проф. А. И. Пономаревъ, И. Е. Евсѣевъ, Ѳ. Г. Калугинъ и г. Н. К. Никольскій), отнеслись къ дѣлу весьма добросовѣстно. Желательно, чтобы прекрасный и полезный трудъ, предпринятый профессоромъ Пономаревымъ, нашелъ себѣ сочувствіе въ средѣ русскаго общества и чтобы, благодаря этому, онъ могъ быть доведенъ до конца.

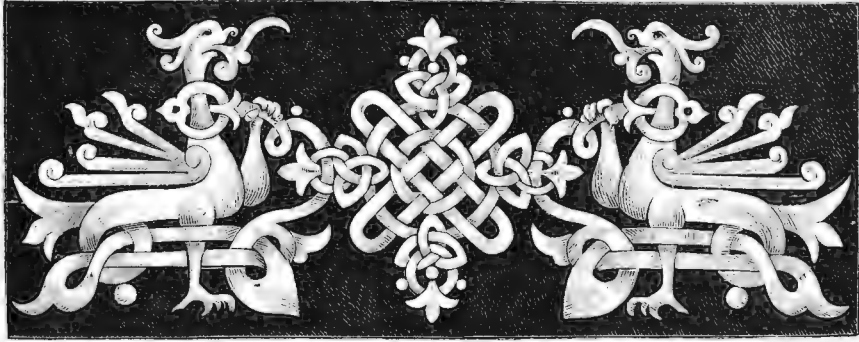
А. Бронзовъ.

Л. Грегуаръ. Исторія Франціи въ XIX в. Томъ второй. Июльская монархія съ 1832 по 1848 г.—Февральская революція. Переводъ М. В. Лучицкой, подъ редакціей И. В. Лучицкаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1894.

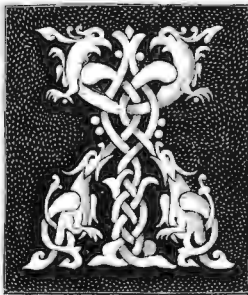
Людовикъ Грегуаръ (Louis Grégoire), профессоръ исторіи въ лицей Кондорсе и въ коллегіи Шапталь,—одинъ изъ опытнѣйшихъ педагоговъ и старѣйшихъ историковъ Франціи. Онъ много поработалъ и надъ средневѣковой исторіей, написалъ массу учебниковъ, издавалъ классиковъ для школъ, составилъ энциклопедическій словарь по исторіи, географіи и пр., другой подъ названіемъ «Dictionnaire des lettres, des arts et des sciences», составлялъ атласы и пр. Но самый выдающійся и важный его трудъ, безъ сомнѣнія, «Histoire de France contemporaine de 1830 à 1875» въ 4 томахъ, которые теперь выходятъ въ русскомъ переводѣ, подъ редакціей профессора исторіи въ университетѣ св. Владиміра И. В. Лучицкаго. Главныя его достоинства—ясность изложенія и объективность содержанія, черта особенно рѣдкая и драгоцѣнная въ изложеніи событій столь близкихъ намъ по времени и вызывавшихъ столь разнообразныя сужденія даже со стороны ученыхъ, не говоря уже объ историкахъ-публицистахъ, изъ которыхъ иные сумѣли вбить въ головы публики свои односторонніе взгляды. Нѣкоторая устарѣлость школы (Грегуаръ родился въ 1819 г.) видна въ томъ, что авторъ мѣстами больше обращаетъ вниманія на внѣшнюю политику Франціи, нежели на ея экономическую и общественную жизнь, но этотъ недостатокъ обращается въ достоинство въ виду того, что многочисленныя его предшественники слишкомъ мало занимались этой важной стороною дѣла. Парламентская исторія изложена замѣчательно спокойно и ясно. Второй томъ, только что вышедшій, заключаетъ въ себѣ 29 главъ и обнимаетъ событія отъ конца 1833 г. до февральской революціи включительно. Последняя изложена очень кратко, но русскіе читатели не могутъ сѣтовать за это на автора, такъ какъ имѣютъ рядъ живыхъ и подробныхъ изложеній февральскихъ дней въ трудахъ Файфа и др.

Переводъ въ общемъ очень хорошъ, хотя было бы желательно, чтобы переводчикъ на будущее время избѣгалъ ненужныхъ неологизмовъ, въ родѣ: заработная плата, приобрѣвши и пр. К.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

ЕНСКОЕ воспитаніе въ древнемъ Римѣ. Профессоръ французской коллегіи, Робертъ Канья, очень живописно рисуетъ въ первомъ апрѣльскомъ номерѣ «La Vie Contemporaine» картину римской женщины съ ея рожденія до 12-ти лѣтъ, когда она могла выйти замужъ. Онъ начинаетъ свою характеристику съ той самой минуты, какъ дѣвочка является на свѣтъ: ея мать лежитъ въ полусвѣщенномъ покоѣ съ граціозными картинами на стѣнахъ и пестрыми портъерами вмѣсто дверей, а одна изъ служанокъ спѣшитъ уведомить отца семейства о случившемся событіи, тогда какъ другая въ знакъ радости вѣшаетъ на портикѣ дома вѣнокъ изъ цвѣтовъ. Когда является отецъ, то находитъ новорожденную на полу, куда ее кладетъ повивальная бабка, или кто нибудь изъ родственницъ. Наступаетъ торжественная минута: глава семьи, при общемъ тревожномъ ожиданіи, подробно осматриваетъ ребенка. Если онъ не имѣетъ сомнѣній, что это его дочь, и она не отличается никакимъ физическимъ недостаткомъ, а, напротивъ, общается развиться въ здоровую, полезную женщину, то онъ беретъ ее на руки, чѣмъ признаетъ ее своимъ законнымъ дѣтищемъ, и весь остальной день посвящается радости. Но если въ голову его забредетъ сомнѣніе о происхожденіи ребенка, или если дѣвочка окажется съ физическимъ недостаткомъ, или даже родится въ день національнаго траура, то отецъ имѣетъ право оставить ее на полу, что означаетъ его отказъ признать и кормить ребенка. Тогда дѣвочку, не смотря на слезы матери, уносили и предавали смерти, что въ сущности было наименѣе жестокимъ, или продавали въ рабство, или

клали на улицу, откуда ее могъ взять кто хотѣлъ. Естественно, что этимъ правомъ охотно пользовались бѣдные люди, но имъ не пренебрегали и богатые, даже императоры; такъ, Клавдій велѣлъ выбросить свою дочь въ темный закоулокъ. Этотъ обычай регулировался закономъ, который былъ отмѣненъ только при христіанскихъ государяхъ. Даже, признанная отцомъ, дѣвочка не существовала для государства въ продолженіе первыхъ восьми дней и даже не носила имени. Только на девятый день, называвшійся днемъ богини Нундины, ей давали имя, и это событіе было для всего дома большимъ праздникомъ, въ родѣ нашего крещенія. Сначала приносили жертву Юнонѣ, считавшейся богинею родовъ и вообще семейнаго благополучія, а затѣмъ приступали къ очищенію новорожденной. «Бабушка или тетка, — рассказываетъ одинъ классическій поэтъ, — вынимаетъ ребенка изъ колыбели, обтираетъ слюной ему лобъ и губы, а потомъ слегка ударяетъ его обѣими руками, желая ему всякаго благополучія». Вслѣдъ за этимъ родители, родственники, друзья и слуги дарили ребенку различные амулеты: золотые и серебряные колокольчики, полулунки, пѣтушьяго головки, лягушки и т. д., куски корала и янтара, волчій зубъ для безболѣзненнаго прорѣзыванія зубовъ, ухо крысы для предохраненія ребенка отъ страха и т. п. Все это навѣшивали на шею ребенка на цѣпочкѣ, или вкладывали въ медальонъ. Эти амулеты носились дѣвочками до ихъ замужества, когда предполагалось, что злые духи, враги дѣтства, переставали имѣть силу. Такимъ образомъ, подъ вгидой суевѣрія римская женщина начинала свою жизнь. Прежде всего, конечно, возникалъ вопросъ о томъ, какъ ее вскормить, и считалась во всѣ времена идеальной матерью та, которая сама кормила своего ребенка. Хотя мало-по-малу изъ кокетства, лѣни и вообще изнѣженности нравовъ стали прибѣгать къ кормилицамъ изъ рабынь, но общественное мнѣніе всегда высказывалось въ пользу материнскаго молока, и нерѣдко встрѣтять эпитафію римскихъ матронъ, въ которой говорится: «она была замѣчательная женщина и представляла добрый примѣръ: она сама кормила своихъ дѣтей». Если невольницы и не были кормилицами, то во всякомъ случаѣ исполняли должность нянекъ, и на ихъ рукахъ оставались дѣти, которыми не занимались исключительно матери. Онѣ рассказывали имъ сказки и учили ихъ различнымъ играмъ. Что касается до римскихъ игрушекъ, то ихъ дарили обыкновенно три раза въ годъ: въ день новаго года, 1-го марта или въ праздникъ матронъ и семнадцатаго декабря, называвшійся днемъ куколъ. Эти куклы, какъ доказываютъ сохранившіеся доселѣ образцы, были хотя грубой работы, но на шарнирахъ. Кромѣ куколъ, римскія дѣвочки любили играть съ маленькими животными, особенно съ собачками и птицами. Рассказываютъ, что Павелъ-Эмилиій, отправляясь въ походъ противъ македонскаго царя Персея, увидалъ свою маленькую дочь въ слезахъ и на вопросъ его, о чемъ она плачетъ, дѣвочка отвѣчала: «развѣ ты не знаешь, что Персей умеръ». Такъ звали ея любимую собачку, но Павелъ-Эмилиій принялъ ея слова за счастливое предзнаменованіе побѣды. Такимъ образомъ юная римлянка достигала возраста, когда слѣдовало начать ея обученіе. Родители выбирали одно изъ двухъ: или отдавали ее въ школу, или брали къ себѣ въ домъ гувернантку, преимущественно греческую невольницу, и одного или двухъ преподавателей изъ рабовъ, или отпущенниковъ. Въ школахъ также учителями были отпущенники, а мальчики и дѣвочки учились вмѣстѣ. Гдѣ бы ни происходило первоначальное воспитаніе римлянки, оно исключительно

состояло изъ трехъ предметовъ: чтенія, письма и счета. Методъ обученія грамотѣ заключался въ томъ, что дѣтей сначала обучали буквамъ, потомъ изъ буквъ составляли слова и изъ словъ фразы. Мало того, что римляне такъ же учились грамотѣ, какъ мы теперь, но даже у нихъ были тѣ же учебныя пособія, какъ и въ наше время, именно буквы изъ слоновой кости, образцы которыхъ недавно найдены въ древнихъ гробницахъ. Писать обучали почти такъ же, какъ и теперь, только съ тою разницею, что римляне употребляли вмѣсто бумаги навоощенныя деревянныя дощечки, а вмѣсто перьевъ стилеты. Каждая маленькая римлянка должна была ежедневно написать вѣскольکو страницъ каллиграфіи, а для облегченія ей заранѣе подготавливали страницы съ слегка написанными буквами. Что касается счета, то ему обучали посредствомъ счетныхъ машинъ, похожихъ на наши счеты и состоявшихъ изъ деревянныхъ, или костяныхъ шариковъ, передвигавшихся по желѣзнымъ прутьямъ. Зная читать, писать и считать, молодая дѣвушка въ древнемъ Римѣ обладала всѣми необходимыми для матроны повзаніями. Она могла заниматься хозяйствомъ и помогать мужу въ управленіи помѣстьемъ, если онъ былъ патрицій, или въ дѣловыхъ занятіяхъ, если онъ принадлежалъ къ буржуазіи, или народу. Однако для молодыхъ дѣвушекъ высшаго класса считалось недостаточнымъ подобное элементарное обученіе, и ихъ воспитанію давали большій просторъ; но и тутъ не дѣлали никакого различія между дѣвочками и мальчиками. Тѣхъ и другихъ учили исторіи по однѣмъ хронологическимъ таблицамъ; тѣ и другіе одинаково читали Гомера, Теренція, Виргилія и Горація, при чемъ никто не думалъ, что дѣвочкамъ неприлично, напримѣръ, познакомиться съ любовью Дидоны и Энея. Но за то ихъ не учили никакимъ, такъ называемымъ, свѣтскимъ занятіямъ, представляя это только дочерямъ отпущенниковъ и куртизанкамъ; только уже при имперіи музыка и танцы стали входить въ программу воспитанія молодыхъ дѣвушекъ высшаго класса. Однако въ Римѣ считалось необходимымъ, чтобы молодая дѣвушка умѣла прясть и ткать; такъ Августъ заставлялъ своихъ дочерей и внучекъ ткать себѣ одежду. Это искусство считалось такимъ необходимымъ условіемъ хорошей хозяйки, что на гробницахъ римскихъ матронъ часто встрѣчались надписи: «она сидѣла дома и прядла шерсть». Что касается нравственнаго воспитанія римскихъ молодыхъ дѣвушекъ, то имъ внушались благородныя, мужественныя идеи, которыя служили къ образованію такихъ героинь, такъ Турія, которая, съ опасностью жизни, скрыла отъ преслѣдованія своего жениха и добилаь его помилованія, Паулина, жена Сенеки, изъявившая желаніе умереть вмѣстѣ съ мужемъ, приговореннымъ къ смерти Нерономъ, и Аррія, вонзившая въ свою грудь кинжалъ, чтобы подать примѣръ колебавшемуся мужу. «Всѣ эти примѣры,—замѣчаетъ Канья,—вполнѣ оправдываютъ систему женскаго воспитанія въ Римѣ и доказываютъ его цѣлесообразность».

— Лютеръ и его женитьба. Третій годъ уже печатается въ «Nouvelle Revue» и только въ первой апрѣльской книжкѣ оконченъ историческій трудъ академика Жюль Целлера о Лютерѣ. Въ длинномъ рядѣ статей онъ рельефно выставилъ всѣ главныя фазы жизни и дѣятельности великаго реформатора, стараясь главнымъ образомъ охарактеризовать политическую сторону произведеннаго имъ переворота въ нравственной, религіозной и общественной жизни Европы. Хотя, по его мнѣнію, неосновательно приписывать Лютеру сознательное желаніе освободить человѣческій умъ отъ связы-

вавших его узъ и Германію отъ римскаго ига, такъ какъ онъ исключительно занимался богословскими вопросами и не заботился ни о философіи, ни о политикѣ, но политической характеръ задуманной имъ реформы развился самъ собой и даже прямо противъ желанія Лютера, потому что онъ съ своей узкой богословской точки зрѣнія велъ борьбу съ гуманными теоріями Эразма Роттердамскаго и съ социальными стремленіями анабаптистовъ, подготовившихъ крестьянскую войну. «Человѣкъ искренней вѣры, но злопамятный и язвительный,—замѣчаетъ Целлеръ,—онъ былъ смѣлъ въ теоріи, но непоследователенъ въ практикѣ; преданъ истинѣ, но еще болѣе своему личному мнѣнію; любилъ Іерусалимъ, но еще болѣе ненавидѣлъ Римъ; воззвалъ къ разуму, но для того, чтобы подчинить его тексту священнаго писанія; написалъ на своемъ знамени человѣческую свободу, но сковалъ ее благодатью. Онъ хотѣлъ освободить христіанскую церковь отъ папскаго авторитета, а подчинилъ ее свѣтскимъ государямъ. Начавъ свою реформаторскую дѣятельность революціоннымъ трибуномъ, онъ потомъ сдѣлался яркимъ консерваторомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ умѣлъ не только низвергать, но и созидать; поколебавъ папство, онъ установилъ протестанство и въ корнѣхъ пресѣкъ анабаптизмъ, который угрожалъ его новой церкви. Такимъ образомъ онъ оставилъ послѣ себя великое дѣло, но представлявшее сложное смѣшеніе добра и зла». Нарисовавъ такую мѣткую характеристику великаго реформатора, французскій историкъ рельефно описываетъ, какъ самое дѣло реформы приняло такое широкое философское и политическое значеніе, какого не подовѣрвалъ ея апостоль. Теоріи Лютера, въ своемъ логическомъ развитіи, по словамъ Целлера, не только измѣняли духъ и обрядность христіанства, но колебали политическія и социальныя основы общества, которое виждилось на полномъ смѣшеніи духовной и свѣтской власти, церкви и государства. Онѣ не довольствовались освобожденіемъ монаховъ отъ ихъ обѣтовъ, женитьбой священниковъ, измѣненіемъ церковныхъ обрядовъ и образованіемъ новаго духовенства, черпавшаго свою власть въ священномъ писаніи, а не въ Римѣ, но грозили уничтожить элементы, входившіе въ составъ тогдашняго общества и вѣковой Германской имперіи. Съ введеніемъ новой церкви возбуждался вопросъ, что дѣлать съ громадными недвижими и движимыми имуществами старой церкви. Кому было воспользоваться этимъ богатствомъ: государямъ, городамъ или народу? Такіе-то серьезные политическіе и социальныя вопросы взволновали Европу, благодаря реформѣ Лютера. Онъ самъ испугался того оборота, который принимало его чисто богословское ученіе, и въ своей борьбѣ съ философами въ родѣ Эразма и социальными бойцами въ лицѣ анабаптистовъ и вожаковъ крестьянской войны, апостоль богословской свободы старался обуздать свободу политическую, грозившую если не уничтожить, то ослабить только что воздвигнутое имъ зданіе новой церкви. Въ этомъ отношеніи онъ поступалъ совершенно практически въ интересахъ своей реформатской вѣры, но какъ ни велика была сила проповѣдника, свергнувшаго иго папъ, онъ, однако, не могъ остановить логическаго развитія начатаго имъ движенія, и послѣдующія побѣды провозглашеннаго имъ принципа свободы явились естественнымъ послѣдствіемъ его реформаторской дѣятельности. Даже въ послѣдніе годы своей жизни онъ уже пересталъ играть первенствующую роль, и то, что называли его современники закваской Лютера, продолжало безъ него и помимо его волновать Германію и окрестныя страны. Целлеръ считаетъ, что повторной эпохой въ дѣятельности Лютера была его

женитьба, послѣ которой онъ уже не имѣлъ своего прежняго господствовавшаго значенія. Страницы, посвященныя французскимъ историкомъ этому эпизоду, составляютъ одну изъ наиболѣе блестящихъ главъ его интереснаго труда. Среди поддерживаемой имъ борьбы за утвержденіе своей вѣры, Лютеръ дошелъ, какъ рассказываетъ Целлеръ, до необходимости практическаго осуществленія своихъ теорій,—и онъ женился. Уже восемь лѣтъ онъ высказывался противъ безбрачія духовенства, но при этомъ всегда говорилъ: «но не мнѣ жениться; конечно, я не созданъ изъ камня и дерева, но мнѣ предстоитъ бороться за великое дѣло и, готовясь ежедневно къ смерти, нельзя думать о свадьбѣ». Но мало-по-малу все умножались его доводы съ помощью библейскихъ и богословскихъ аргументовъ въ пользу брака священниковъ. При этомъ не долженъ ли былъ онъ самъ подать другимъ примѣръ и вполне сбросить съ себя всё, даже наружные слѣды папизма? По словамъ Меланктона, самая натура Лютера побуждала его къ женитьбѣ, и онъ два раза былъ влюбленъ: юношей въ Эрфуртѣ и потомъ въ Витенбергѣ. Онъ самъ послѣ своей свадьбы говорилъ: «я едва не женился пятнадцать лѣтъ тому назадъ». Не разъ онъ давалъ пріютъ въ своемъ домѣ монахинямъ, бѣжавшимъ изъ монастырей, но отъ этого нисколько не страдала его репутація, и онъ только оказывалъ покровительство этимъ женщинамъ, даже находилъ имъ мужей. Однажды девять монахинь бѣжали изъ Ниморшенской обители и скрылись у Лютера въ Витенбергѣ. Въ числѣ ихъ была Катерина Бора, благороднаго происхожденія, аппетитная на взглядъ, свѣжая, розовая, пухлая. Лютеру было тогда 42 года. Сердце его запуталось въ красивыхъ волосахъ монахини, которые онъ потомъ всегда любилъ ласкать. Сначала онъ хотѣлъ выдать ее замужъ, но она отказала двумъ его друзьямъ и рѣшительно объявила, что не выйдетъ ни за кого замужъ, исключая самого реформатора. Тогда онъ рѣшился своимъ примѣромъ подтвердить проповѣдуемую имъ теорію. 25-го іюня Лютеръ, въ сопровожденіи живописца Кранаха и доктора Апеллеса, пошелъ съ Катериной къ настояру Померанцу и обвинчался. Никто этого не ожидалъ, и враги такъ же, какъ друзья были одинаково удивлены. Лютеръ объявилъ о своей свадьбѣ въ смѣлыхъ ироническихъ выраженіяхъ: «говорили, что весь свѣтъ и сатана будутъ очень смѣяться, если я женюсь, ну, я и захотѣлъ, чтобы они смѣялись». Дѣйствительно многіе смѣялись надъ свадьбой монаха и его весталки. «У нихъ родится Антихристъ»,—говорили злые языки. Конечно, его ученики старались оправдать его бракъ, но были очень опечалены этимъ событіемъ, а враги его ликовали, и какъ тѣ, такъ и другіе одинаково сознавали, что со времени его свадьбы онъ пересталъ играть прежнюю первенствующую роль. «Борьбой съ Эразмомъ»,—говоритъ Целлеръ,—Лютеръ отстранилъ отъ себя своихъ предтечей-гуманистовъ, а распрями съ Цвингли заставилъ отвернуться часть своихъ сторонниковъ, но теперь впервые человекъ, возбуждавшій съ одной стороны энтузіазмъ, а съ другой гнѣвъ, сдѣлался предметомъ насмѣшекъ и сожалѣній. Женившись, онъ какъ бы изолировалъ себя; до тѣхъ поръ онъ велъ весь міръ, а съ этой минуты міръ сталъ идти впередъ одинъ, безъ него, а ему предоставилъ мелочныя заботы и радости семейнаго очага».

— Послѣдняя лекція Фруда о Великой Армадѣ. Въ апрѣльской книжкѣ «Longman's magazine» помѣщено окончаніе посмертнаго труда знаменитаго историка Фруда объ испанской Армадѣ. Никогда, можетъ быть, живая, образная кисть автора столькихъ замѣчательныхъ историческихъ

картинъ не рисовала событій съ такой силой и такъ рельефно, какъ печальный исходъ испанскаго похода на Англію, предпріятого съ цѣлью уничтоженія протестантизма въ пользу католичества. Свой разсказъ о конечномъ эпизодѣ этой исторической драмы онъ начинаетъ съ того момента, когда испанскій флотъ соединился съ герцогомъ Пармой. Герцогъ Медина-Сидонія, послѣ длиннаго ряда семидневныхъ битвъ, оказался въ открытомъ мѣстѣ, гдѣ ему никогда не слѣдовало быть, съ недостаткомъ въ снарядахъ и припасахъ, съ недовольными, измученными матросами и офицерами, въ виду непріятеля, который, прогнавъ его изъ Плимута въ Калѣ, бросилъ якорь въ полумилѣ отъ него. Однако, не смотря на всѣ понесенныя имъ невгоды, онъ сохранилъ свой флотъ, но вѣднѣности нимало не пострадавшій. Англичане, съ своей стороны также плохо снабженные всѣмъ необходимымъ для борьбы, не достигли первоначальной цѣли, но все-таки раздѣлили испанскій флотъ на двѣ части. На слѣдующій день начался рѣшительный бой, и англичане сосредоточили свою атаку на восточной половине испанскаго флота. «Въ пользу испанцевъ слѣдуетъ сказать,—разсказываетъ Фрудъ:—что они вели себя въ этотъ памятный день съ благороднымъ мужествомъ, и что ни одна галера не спустила флага. Одна изъ нихъ, послѣ долгой борьбы съ англійскимъ военнымъ судномъ, стала тонуть, но когда англійскій офицеръ закричалъ испанцамъ, что они вполне исполнили свой долгъ и потому могли сдаться безъ стыда, то выстрѣлъ положилъ на мѣстѣ этого гуманнаго врага, а испанскіе матросы осыпали англичанъ самой крупной бранью за то, что они не хотятъ идти на abordажъ. Въ отвѣтъ раздался смертельный залпъ англійскихъ орудій, и испанское судно исчезло въ волнахъ. Защитники креста предпочли смерть сдачѣ еретикамъ. Вообще на испанскомъ флотѣ такъ много падало жертвъ отъ непріятельской огня, что кровь лила ручьемъ изъ люковъ. Среди этой ужасающей человѣческой бойни медленно двигались пачеры, высоко держа крестъ предъ глазами умирающихъ. Послѣ полудня огонь со стороны испанцевъ ослабѣлъ: у нихъ не хватало пороха, и они уже не могли отвѣчать на продолжавшуюся канонаду со стороны враговъ. Впослѣдствіи они сознались, что если бы атака продолжалась еще два часа, то имъ пришлось бы сдаться, или искать спасенія на берегу. Но у англичанъ также изсякъ запасъ снарядовъ, и бой кончился отъ невозможности съ обѣихъ сторонъ продолжать его. Тѣ и другіе сражались съ одинаковымъ мужествомъ и твердой рѣшимостью. Ни тѣ, ни другіе не знали, въ какомъ положеніи находился противникъ, и смѣло прикрывали храбростью недостатокъ боевыхъ средствъ. Когда на слѣдующее утро разбитая Армада привела въ ясность свою позицію, то оказалось, что передъ ними видѣлись едва прикрытыя песочныя отмели близъ берега, а позади, какъ призракъ смерти, стояли англійскія суда, которыя, словно ищейки, преслѣдовали ихъ изъ Плимута. Солдаты и матросы не имѣли ни куска во рту съ того времени, какъ они бросили якорь въ Калѣ. Все воскресенье они были въ работѣ, и имъ не давали времени на ѣду. Въ слѣдующую ночь имъ не дали спать попытки взорвать суда брандерами. Весь поведѣльный бой, но все-таки еще оставалось семьдесятъ судовъ, мало пострадавшихъ. Впрочемъ, на нихъ дисциплина совершенно исчезла, солдаты и офицеры одинаково пришли въ отчаяніе, и никто не думалъ о дальнѣйшей борьбѣ, кромѣ одного доблестнаго капитана Оквенды, тѣмъ болѣе, что они не подорвѣвали, въ какомъ бѣзвыходномъ положеніи находились англичане. Един-

ственнымъ выходомъ для великой Армады было бѣгство, и она быстро двинулась на сѣверъ, уже не преслѣдуемая за недостаткомъ снарядовъ, а только конвоируемая англійскими судами. Но если англичане по неволѣ должны были жалѣть своихъ противниковъ, то стихія развилась противъ нихъ жестокими бурями, а недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ, и главное въ прѣсной водѣ, благодаря истребленію выстрѣлами боченковъ съ этой водой, довершили катастрофу. Тѣ же изъ испанцевъ, которые искали спасенія на ирландскомъ берегу, встрѣтили тамъ самую печальную судьбу, такъ какъ было приказано ихъ поголовно стрѣлять, рубить и вѣшать». «Изъ 30.000 человѣкъ, отправившихся въ походъ изъ Испаніи,—оканчиваетъ свою лекцію Фрудъ:—черезъ два мѣсяца вернулось туда не болѣе 9.000, и то трудно было назвать эти остатки побѣдоноснаго войска живыми существами. Съ патетической радостью видѣли они снова родину съ ея теплымъ солнцемъ, вѣвщимъ виноградомъ и дорогими ихъ сердцу жилищами, въ которыхъ ихъ ожидали прѣсная вода и вкусный хлѣбъ. Но для большинства изъ нихъ это возвращеніе домой было слишкомъ поздно, и они массами умирали отъ физическаго истощенія. Церковь и государство дѣлали все, что могли, для оказанія имъ помощи, но ихъ усилія были тщетны: къ концу сентября осталось въ живыхъ не болѣе нѣсколькихъ сотенъ людей. Испанцы и не пытались скрыть всей колоссальности понесеннаго ими пораженія. Не желая признать, что небо было противъ нихъ, они относили все къ болѣе военной подготовкѣ англичанъ, которые, по словамъ герцога Пармскаго, были слишкомъ скромны въ своей побѣдѣ. Дѣйствительно англичане совершенно забывали о выказанной ими храбрости и только сознавали, что уничтоженіе испанскаго флота произошло по волѣ неба, которое приняло ихъ сторону, сторону протестанства. Католики и протестанты воззвали къ небу, чтобы оно разрѣшило ихъ распрю, и небо постановило свой приговоръ».

— Аббевильскій процессъ. Едва ли, даже во Франціи, кто нибудь теперь помнитъ о надѣлавшемъ столько шума въ концѣ XVIII вѣка аббевильскомъ процессѣ, и если память о немъ и сохранилась у очень немногихъ, то лишь потому, что этотъ процессъ имѣетъ тѣсную связь съ Вольтеромъ, который краснорѣчиво протестовалъ противъ невинной жертвы этого чудовищнаго дѣла, возбужденнаго фанатичнымъ католическимъ духовенствомъ и преданными ему судебными властями. Что же касается до главнаго его дѣятеля, адвоката Лингэ, который, по словамъ того же Вольтера, выказалъ замѣчательное мужество въ благородной защитѣ аббевильскихъ подсудимыхъ, то онъ совершенно забытъ, хотя представляетъ очень любопытную фигуру адвоката и журналиста XVIII вѣка. Поэтому Жанъ Крупи вопль правъ, посвятивъ ему только что вышедшую въ Парижѣ книгу, подъ заглавіемъ: «Адвокатъ-журналистъ XVIII столѣтія», и особую статью, въ «Revue des Deux Mondes». Хотя, самъ принадлежа къ современной прокуратурѣ, авторъ очень рѣзко относится къ ожесточенной борьбѣ, которую велъ его герой съ судьями и особенно съ прокурорами, но его рассказъ и преимущественно та его часть, которая относится до аббевильскаго процесса, представляетъ живѣйшій интересъ тѣмъ болѣе, что онъ основанъ на новыхъ матеріалахъ, именно на протоколахъ самого процесса, которые не были извѣстны ни Вольтеру, ни самому Лингэ, благодаря тогдашнимъ судебнымъ порядкамъ. Замѣчательный аббевильскій процессъ вопль достоинъ занять мѣсто съ знаменитыми процессами Коласа и Сильвена, одинаковыхъ

жертвъ фанатизма и предметовъ благороднаго, пламеннаго протеста Вольтера, во имя свободы совѣсти. Поводомъ къ этому процессу послужилъ слухъ, распространившійся въ маленькомъ провинціальномъ городѣ Франціи, Аббевилѣ, 9-го августа 1765 года, что утромъ деревянный крестъ на мосту былъ найденъ изрѣваннымъ многочисленными ударами шагаи. Католическое духовенство и слѣпо повиновавшіяся ему власти подняли ужасный шумъ по случаю такого святотатства. Немедленно было возбуждено строжайшее судебное слѣдствіе, и хотя не найдено ни малѣйшихъ слѣдовъ тѣхъ лицъ, которыя совершили означенное святотатство, но къ этому дѣлу ловко припели, не имѣвшее съ нимъ никакой связи, другое дѣло о богохульствѣ, въ которомъ обвинялось нѣсколько мѣстныхъ молодыхъ людей вышшаго класса. Это смѣшеніе двухъ процессовъ повело къ тому, что общественное мнѣніе было введено въ заблужденіе, и когда одинъ изъ подсудимыхъ, Ля-Баръ, былъ подвергнутъ суду, а затѣмъ смертной казни за неуваженіе къ католической церкви, богохульство и чтеніе «Философскаго Словаря» Вольтера, то всѣ были убѣждены, что онъ пострадалъ за святотатственное поруганіе креста. Уже не говоря о томъ, что даже тѣ проступки, въ которыхъ обвинялся Ля-Баръ, не были имъ признаны и ясно доказаны, кромѣ чтенія имъ сочиненій Вольтера и другихъ подобныхъ писателей; но фанатическое преслѣдованіе свободной мысли представляется тѣмъ недостойнѣе, что судья, который велъ это дѣло, былъ личнымъ врагомъ семьи Ля-Баръ. Въ тѣ времена подобныя примѣры католическаго фанатизма и судебного неправосудія были не рѣдки, а если дѣло Ля-Бара получило громадную извѣстность и сдѣлалось общественнымъ скандаломъ, то лишь благодаря стараніямъ его адвоката Лингэ и громкимъ протестамъ Вольтера, никогда не упускавшаго случая взывать къ справедливому суду всего свѣта, когда совершалось подобное надѣвательство надъ правосудіемъ. Лингэ, въ то время еще неизвѣстный молодой адвокатъ, взявшійся за защиту Ля-Бара, исполнилъ свои обязанности съ удивительнымъ рвеніемъ и мужественной смѣлостью, но не смотря на всѣ его усилія и хотя противъ его кліента были представлены лишь свидѣтельскія показанія о томъ, что онъ однажды не преклонилъ колѣна на улицѣ передъ крестнымъ ходомъ, пѣлъ богохульныя дѣсны и читалъ противорелигіозныя книги,—бѣдный юноша былъ приговоренъ къ смертной казни, при чемъ кстаті судебнымъ приговоромъ было постановлено съечь «Философскій Словарь» Вольтера. Тогда онъ обратился въ парижскій парламентъ съ жалобой на несправедливый приговоръ суда, доказывалъ, въ пламенныхъ выраженіяхъ, всю несправедливость приговора и обличилъ всѣ незаконныя дѣйствія судебного персонала. Но и тутъ его усилія ни къ чему не повели, и парламентъ, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, поразить Вольтера въ лицѣ его юнаго читателя, подтвердилъ судебный приговоръ. Родственники Ля-Бара тогда приняли всѣ зависящія отъ нихъ мѣры, чтобы добиться королевскаго помилованія, но Людовикъ XV отвѣчалъ: «парламентъ былъ непреклоненъ, карая преступленіе Дамьена, который поднялъ руку только на земнаго царя, а какже вы хотите, чтобы я простилъ того, кто поднялъ руку на Царя Небеснаго». Такимъ образомъ, казнь Ля-Бара была неизбежна и совершилась 1-го іюля 1766 года, передъ чѣмъ его подвергли пыткѣ, добиваясь признанія своей виновности, и хотя, по словамъ прокурора, Ля-Баръ во всемъ сознался, но въ найденномъ теперь протоколѣ ясно видно, что онъ только подтвердилъ свои прежнія

слова и отказался сказать неправду, даже вынося самыя ужасныя страданія. Если смѣлому адвокату не удалось спасти жизнь Ля-Бара, то онъ продолжалъ свою борьбу съ судебными властями, отстаивая невинность остальныхъ трехъ обвиняемыхъ, дѣло о которыхъ разбиралось особо. Это ему удалось, и онъ поднялъ такой скандалъ, такъ взволновалъ общественное мнѣніе напечатанной имъ запиской о дѣлѣ, что судебныя власти уступили, дѣло было прекращено, и трое юношей выпущены на свободу. «Эти три юноши, почти дѣти, казались погибшими,—писалъ впоследствии Лингэ, добившійся славы великаго адвоката:—но я написалъ записку въ ихъ защиту, всѣмъ открылъ глаза и всѣхъ заставилъ покраснѣть за прошедшее. Ихъ невинность была торжественно признана. Всѣ были убѣждены, что Ля-Баръ также былъ бы оправданъ, если бы у меня были развязаны руки, и защита могла бы предшествовать его обвиненію». Въ этихъ словахъ Лингэ нѣтъ ни малѣйшаго самохвальства, и Вольтеръ, Бриссо и Деверите вполне свидѣлствуютъ о громадномъ вліяніи его смѣлой записки; послѣдній изъ нихъ прямо говоритъ: «когда появилась въ печати записка Лингэ, то не нашлось судей для произнесенія обвинительнаго приговора».

— Нѣмецкая поклонница Вольтера. Въ *Archiv fur das Studium der neueren Sprachen und Litteraturen* за прошедшіе два года были напечатаны Густавомъ Гаазе письма герцогини Луизы-Доротеи Саксенъ-Готской къ Вольтеру, а въ первой апрѣльской книжкѣ «*Nouvelle Revue*» Виржилъ Россель знакомитъ своихъ читателей съ общей характеристикой этой любопытной переписки и отрывками изъ нея. Уже давно было извѣстно, что Вольтеръ переписывался съ этой нѣмецкой принцессой, и его письма къ ней были напечатаны Эваристомъ Баву, а также вошли въ изданіе Молана полнаго собранія его сочиненій, но только теперь впервые появились ея письма. Отношенія Вольтера къ Саксенъ-Готскому двору начались во время пребыванія въ Парижѣ въ 1747 году сына Луизы-Доротеи, а послѣ своей ссоры съ Фридрихомъ II онъ провелъ нѣсколько недѣль въ Готѣ. Тамъ его приняли съ распростертыми объятіями, а послѣ его отъѣзда началась постоянная переписка между нимъ и герцогиней, которая была очень умной и образованной женщиной, любившей переписываться съ знаменитыми современниками, въ томъ числѣ, кромѣ Вольтера, съ Фридрихомъ Великимъ, Рейналемъ и т. д. Къ Вольтеру она питала особое уваженіе и преданную дружбу, высказывала въ своихъ письмахъ восторженное поклоненіе къ его таланту, старалась помирить его съ Фридрихомъ Великимъ и побуждала его продолжать свою литературную дѣятельность. Въ своей перепискѣ она касается самыхъ разнообразныхъ предметовъ: то обсуждаетъ философскіе вопросы, выражая чрезвычайно оптимистическія воззрѣнія, то предлагаетъ Вольтеру предметы новыхъ сочиненій, то возноситъ его до небесъ за благородную защиту Каласа, Сирвена и всѣхъ угнетенныхъ, выражая при этомъ очень гуманныя мысли; то проситъ у него указаній для постановки «Алзиры», въ которой должны были участвовать ея дѣти. Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ сторонъ этой переписки заключается въ рѣзкомъ безкорыстїи, которое обнаруживалъ Вольтеръ въ своихъ отношеніяхъ къ Саксенъ-Готскому двору, чего нельзя сказать объ его отношеніяхъ къ другимъ державнымъ особамъ. Не только онъ самъ отказался отъ тысячи золотыхъ, которые принцесса Луиза Доротея предложила ему, какъ слабый знакъ ея благодарности за то великое счастье, которое она находила въ чтеніи его сочиненій, но даже самъ оказалъ герцогу Саксенъ-Гот-

скому финансовую услугу, именно устроилъ ему заемъ на выгодныхъ условіяхъ чрезъ одного женеваго банкира. За то, какъ и благодарила принцесса своего любимаго писателя и друга: «вашъ поступокъ,—пишетъ она въ письмѣ отъ 22 іюля 1758 года,—такъ великъ, такъ прекрасенъ и благороденъ, что я преисполнена восхищеніемъ и благодарностью; я даже думаю, что это единственный примѣръ подобнаго отношенія частнаго человѣка къ государю. Трудно повѣрить, чтобы частный человѣкъ поручился за государя въ значительной суммѣ денегъ, безъ всякаго документа со стороны послѣдняго. Но вѣдь вы дѣйствительно не имѣете себѣ равнаго». Однако иногда эта пламенная поклонница Вольтера позволяетъ себѣ давать ему совѣты, и надо сознаться, очень разумные; такъ въ послѣднемъ своемъ письмѣ къ нему отъ 1 августа 1767 года она говоритъ: «я уже высказала вамъ мое мнѣніе о несчастномъ дѣлѣ Ла-Бомеля, и мнѣ остается только умолять васъ, чтобы вы бросили этотъ процессъ и предоставили бѣднаго авантюриста его печальной судьбѣ. Вы такъ безконечно выше этого человѣка, что вамъ не слѣдуетъ унижаться до распри съ нимъ; когда вы защищаете Каласа и Сирвена, то дѣлаете честь и оказываете помощь человѣчеству; когда вы поднимаете на смѣхъ простыхъ смертныхъ, то вы исправляете ихъ, доставляя удовольствіе всѣмъ. Подобныя дѣйствія, дорогой другъ, вполне достойны вашей великой и прекрасной души; но ссориться съ эксцентричнымъ человѣкомъ, болѣе безумнымъ, чѣмъ преступнымъ, значитъ терять дорогое время, которое вы такъ хорошо умѣете посвящать на общую пользу. Простите мою откровенность, но чѣмъ болѣе я васъ люблю и уважаю, тѣмъ болѣе считаю себя въ правѣ сказать вамъ все, что думаю. Правда и дружба одинаково побуждаютъ меня на подобную сердечную откровенность». Эти слова были какъ бы завѣтомъ Луизы-Доротеи, которая умерла 22 октября того же года, и ими прекращается переписка, которая длилась около четверти столѣтія и дѣлаетъ одинаковую честь какъ Вольтеру, такъ и его нѣмецкой поклонницѣ.

— Испанская кандидатура принца Леопольда Гогенцоллернскаго. Извѣстный публицистъ «Revue des deux Mondes» Вальбергъ резюмируетъ въ первой апрѣльской книжкѣ этого журнала недавно вышедшее въ Германіи жизнеописаніе короля Румынскаго, которое передаетъ такъ подробно и до такихъ мелочей не только всѣ факты его политической и частной жизни, но и самыя сокровенныя его мысли, что невольно читатель заподозрѣваетъ участіе въ этой книгѣ самого короля. Конечно, отъ этого обстоятельства сообщаемая въ ней свѣдѣнія приобрѣтаютъ большій характеръ достовѣрности. Хотя румынскія дѣла занимаютъ наибольшее мѣсто въ объемистыхъ двухъ томахъ этого сочиненія, но въ немъ встрѣчаются любопытныя свѣдѣнія о другихъ важныхъ событіяхъ современной исторіи, въ томъ числѣ объ испанской кандидатурѣ брата румынскаго короля, принца Леопольда Гогенцоллернскаго. Объ этомъ предметѣ въ послѣднее время много говорилъ Зибель въ седьмомъ томѣ своей исторіи новой Германской имперіи, и надо ему отдать справедливость, что онъ выказалъ нѣкоторое безпристрастіе, отказавшись отъ такъ долго поддерживаемой нѣмецкой легенды, что франко-прусская война возбуждена несправедливымъ и преднамѣреннымъ задоромъ Франціи, такъ что мирная Германія должна была поневолѣ защищаться. Зибель признаетъ, что война 1870 года возникла безъ воли Германіи или Франціи, а вслѣдствіе роковой силы обстоятельствъ, но еслибъ ему были извѣстны обнародованныя теперь румынскимъ коро-

лемъ документальныя свѣдѣнія, то знаменитый историкъ еще рѣвче отдѣлился бы отъ германскихъ патриотовъ и, по всей вѣроятности, заявилъ бы прямо, что виновникомъ войны былъ одинъ Бисмаркъ. Хотя этотъ фактъ уже давно извѣстенъ всѣмъ, слѣдящимъ за современной политикой, но никогда еще онъ такъ ясно не выступалъ наружу, какъ въ книгѣ, прямо или косвенно принадлежащей брату невольнаго предмета всей кутерьмы, произведшей такую громадную перемѣну въ европейской исторіи. Когда распространился первый слухъ о гогенцоллернской кандидатурѣ на испанскій престолъ, весной 1869 года, французскій императоръ приказалъ своему посланнику въ Берлинѣ, Бенедетти, спросить у Бисмарка, въ чемъ дѣло, и канцлеръ отвѣчалъ, что, по всей вѣроятности, король не посовѣтуетъ принцу принять испанскую корону, если ему предложить ее, и что того же мнѣнія держался отецъ принца, Карль-Антонъ. Этотъ послѣдній писалъ своему сыну, румынскому королю, въ первыхъ числахъ декабря предыдущаго года: «вопросъ о нашей кандидатурѣ теперь возбужденъ только въ газетахъ, а намъ объ этомъ не говорить ни слова; если же поведутъ объ этомъ рѣчь, то я не посовѣтую твоему брату поставить себя въ сомнительное положеніе, имѣющее только мишурный блескъ. Къ тому же Франція никогда не потерпитъ, въ виду нашихъ отношеній къ Пруссіи, чтобы Гогенцоллернъ утвердился по ту сторону Паринеевъ. Она уже и то достаточно завидуетъ, что одинъ изъ нашей семьи управляетъ дунайскимъ княжествомъ». Такимъ образомъ, заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ лица были расположены къ отказу отъ опаснаго, рискованнаго предпріятія. Но былъ одинъ человѣкъ, который, по словамъ Вальбера, считалъ представлявшійся случай столь удобнымъ и вѣрнымъ для достиженія успѣха, что не хотѣлъ его упустить, а такъ какъ этотъ человѣкъ отличался желѣзной волей, и окружающія его лица, напротивъ, были лишь пѣшками политической шахматной доски, то онъ поставилъ на своемъ. Осенью 1869 года король румынскій находился среди своей семьи въ Вейнбургскомъ замкѣ, и туда неожиданно явился испанскій депутатъ Донъ-Эвезіо-Салазаръ, которому Примъ поручилъ устроить дѣло о возведеніи Гогенцоллерна на испанскій престолъ. При немъ отецъ его, принцъ Карль-Антонъ, принялъ испанскаго делегата, который сначала предложилъ именно ему, князю Карлу Румынскому, перемѣнить свое маленькое княжество на большое испанское королевство. Но онъ отказался, не желая мѣнять вѣрное на невѣрное, а потому Салазаръ обратился къ его брату, принцу Леопольду, который, въ свою очередь, если прямо не отказался, то поставилъ почти невозможное условіе, именно единогласный выборъ его въ короли. Салазаръ, несолоно хлебавши, удалился, но кому-то, всесильному въ Германіи, не правилась эта неудача, и весной слѣдующаго года Салазаръ снова появился, но уже въ Берлинѣ. Туда были вызваны принцъ Гогенцоллернскій съ сыномъ, и съ самаго начала ихъ удивилъ тотъ жаръ, съ которымъ Бисмаркъ сталъ настаивать на принятіи испанской кандидатуры. Совершенно иначе отнесся онъ когда-то къ румынской кандидатурѣ принца Карла, а теперь онъ не только энергично подбивалъ отца и сына, но представилъ королю записку, въ которой прямо доказывалъ, какой громадный интересъ имѣла Германія посадить на испанскій престолъ Гогенцоллерна и имѣть, такимъ образомъ, друга «въ тылу Франціи». Принцъ Леопольдъ не соглашался: ему претило вырывать изъ рукъ Бурбоновъ ихъ законное наслѣдіе. Наслѣдникъ

принцъ Фридрихъ поддерживалъ его въ этомъ, говоря: «если прусское правительство интересуется этимъ дѣломъ, то оно имѣетъ теперь опредѣленную дѣль, но не думай, что оно и впоследствии, во что бы то ни стало, будетъ поддерживать тебя». Король колебался и по обычной своей привычкѣ отказывался отъ всякой инициативы, заявляя, что предоставляетъ самому Леопольду рѣшить дѣло. 16-го марта послѣдній окончательно отказался отъ кандидатуры. Но Салазару и Бисмарку было рѣшительно все равно, какъ назывался бы новый испанскій король, только бы онъ былъ Гогенцоллернъ, а потому они вывели на сцену третьяго брата, принца Фридриха, котораго поручили отцу выписать изъ Италіи. 20-го марта принцъ Карль-Антонъ писалъ своему старшему сыну въ Румынію: «вотъ уже двѣ недѣли, какъ я занятъ очень важными семейными дѣлами. Вопросъ былъ въ томъ, приметъ ли, или нѣтъ, Леопольдъ предложенную ему въ глубокой тайнѣ испанскую корону. Этотъ вопросъ очень занималъ здѣсь всѣхъ: Бисмаркъ желалъ удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса изъ династическихъ и политическихъ видовъ, а король также былъ бы не прочь отъ этого, но лишь подъ условіемъ, чтобы Леопольдъ добровольно выразилъ свое согласіе. 15-го марта у насъ былъ по этому случаю важный и интересный совѣтъ, на которомъ, подъ предѣлательствомъ короля, присутствовали наслѣдный принцъ, Бисмаркъ, Ронъ, Мольтке, Шлейницъ, Тиле и Дельбрукъ. Эти господа единогласно рѣшили посовѣтывать намъ, чтобы мы приняли испанскую кандидатуру и тѣмъ исполнили патріотическій долгъ пруссака. Но по многимъ причинамъ и послѣ упорной борьбы Леопольдъ отказался. А такъ какъ Испанія болѣе всего желаетъ имѣть католическаго Гогенцоллерна, то я предложилъ Фрица. Я надѣюсь, что вамъ удастся его уговорить. Твоя добрая мать, конечно, будетъ очень тревожиться, но она не захочетъ сдѣлаться помѣхой движенію впередъ всемірной исторіи». Когда принцъ Фридрихъ явился въ Берлинъ, то даже Бисмарку не удалось побудить его выставить свою кандидатуру, и какъ онъ ни настаивалъ на томъ, что этотъ шагъ былъ политической необходимостью, Фрицъ рѣшительно заявилъ, что онъ подчинится только формальному приказанію короля. Подобнаго приказанія, конечно, Вильгельмъ никогда не далъ бы, и разочарованный отецъ писалъ Карлу Румынскому 22 апрѣля: «мы пропустили великій историческій случай, представившійся Гогенцоллернскому дому, и никогда онъ болѣе не повторится. Если бы король въ послѣднюю минуту приказалъ, то Фрицъ повиновался бы. Но самъ по себѣ онъ говоритъ «нѣтъ». Однако, спустя мѣсяцъ, онъ уже снова надѣется и таинственно сообщаетъ тому же сыну: «Бисмаркъ не хочетъ помириться съ неудачей испанской комбинаціи, и онъ правъ; дѣло еще не совершенно брошено, и оно держится на водѣ, хотя, признаться сказать, только паутиной». Старикъ основывалъ все свои надежды на согласіи Фрица, но неожиданно одумался Леопольдъ и объявилъ, что онъ согласенъ принять испанскую корону, такъ какъ «самый изъ авторитетныхъ судей доказалъ ему, что онъ долженъ такъ поступить въ интересахъ государства». Въ промежутокъ времени Бисмаркъ послалъ въ Мадридъ лично убѣдиться въ тамошнемъ положеніи дѣла Лотаря Бюхера и майора Ферзена. Въслѣдствіе сдѣланнаго ими доклада и произошла перемѣна въ принцѣ Леопольдѣ, а когда онъ объявилъ объ этомъ королю, объясняя свою новую рѣшимость необходимостью «оказать важную услугу своей родиѣ», то Вильгельмъ одобрялъ его поступокъ. Бисмаркъ торжествовалъ: онъ устроилъ

дѣло, которое безъ него было бы не мыслимо. Но даже и при его ловкости онъ не могъ предвидѣть всѣхъ случайностей. Для успѣха его комбинаціи необходимо было главнымъ образомъ хранить тайну, и рѣшили, что Примъ объявитъ кортесамъ имя кандидата только за нѣсколько часовъ до выбора. Но въ шифрованной депешѣ, отправленной Салазаромъ къ Приму на счетъ срока возвращенія послѣдняго, вкралась ошибка, и Примъ, понявъ, что онъ еще не скоро вернется въ Мадридъ, распустилъ до осени кортесовъ. «Это обстоятельство,—писалъ принцъ Карль-Антонъ своему сыну въ Румынію:— снова спутало все дѣло, и Богъ знаетъ, что еще можетъ случиться до осени». Но Бисмаркъ не унывалъ и спокойно отправился въ Варвинъ. Между тѣмъ Салазаръ поддался соблазну и сталъ открыто говорить въ Мадридѣ: «наконецъ-то у насъ есть король». Когда его слова распространились повсюду, то Примъ нашель нужнымъ собрать кортесы въ чрезвычайную сессію и прямо объяснилъ, въ чемъ дѣло, французскому посланнику. 3 іюля телеграфъ передалъ всей Европѣ извѣстіе, которое взволновало Францію, а нѣсколько дней спустя король Вильгельмъ написалъ принцу Карлу-Антону, что если послѣдній угоризтъ сына отказаться отъ своей кандидатуры, то онъ одобритъ это рѣшеніе, какъ глава Гогенцоллернскаго дома. Планъ Бисмарка, повидимому, не удался, но онъ придалъ начатой имъ интригѣ трагическій характеръ, круто повернулъ дѣло и возбудилъ давно желанную войну съ Франціей, навязавъ послѣдней роль зачинщика. Какъ онъ это сдѣлалъ, извѣстно всѣмъ, и онъ самъ недавно объяснилъ исторію Эмской телеграммы, говоря: «такъ легко измѣнить смыслъ рѣчи или депеши поправками и по-марками; то, что имѣло характеръ отбоя, неожиданно получаетъ значеніе вызова на бой». Уже, сдѣлавшись императоромъ германскимъ, Вильгельмъ писалъ королю Румынскому: «Богъ очевидно все подготовилъ и все направилъ своей десницей, которая видна во всемъ, а намъ слѣдуетъ только радоваться, что Онъ нашель насъ достойными быть орудіемъ Его святой воли». «Въ сущности же,—замѣчаетъ французскій публицистъ,—Вильгельму слѣдовало только благодарить Бога за то, что у него былъ министръ, который рѣшалъ все за него, измѣнялъ по своему его депеши и насильно сдѣлалъ его счастливымъ и славнымъ». Послѣднее слово въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ принцу Карлу-Антону, который писалъ своему сыну въ Бухарестъ въ 1872 году: «я не питаю къ Бисмарку безграничнаго восхищенія; но у него всегда широкіе взгляды и крупные планы; въ испанскомъ же дѣлѣ онъ обошелъ всѣхъ насъ».

— Восьмидесятилѣтній юбилей Бисмарка и мнѣнія о немъ современниковъ. Вся иностранная печать переполнена статьями о празднованіи восьмидесятилѣтней годовщины рожденія желѣзнаго канцлера. Съ одной стороны сообщаются безконечныя подробности о торжествахъ въ Фридрихсруѣ по этому случаю и о безчисленныхъ подаркахъ, поднесенныхъ ему со всѣхъ сторонъ, а съ другой всѣ болѣе или менѣе извѣстные люди въ Европѣ, по предложенію газетныхъ редакцій, высказываютъ свой взглядъ на историческое значеніе Бисмарка. Если всѣми разнообразными фазами своего торжества, маститый старецъ можетъ быть вполне доволенъ, въ особенности послѣ его опалы за послѣдніе годы, то большинство выраженныхъ о немъ мнѣній далеко не служатъ къ его чести. Напротивъ оно скорѣе присоединяется къ голосу осужденія, который раздался въ германскомъ парламентѣ, чѣмъ къ цвѣтистымъ дифирамбамъ императора Вильгельма II, который, за-

бывъ свою недавнюю борьбу съ его великимъ учителемъ, старался приторной лестью загладить свою неблагодарность. Этотъ литературный плебисцитъ относительно Бисмарка устроили преимущественно двѣ нѣмецкія газеты *Gegenwart* и *Neue Wiener Zeitung*. Онѣ обратились къ выдающимся личностямъ всего свѣта, прося ихъ высказать то, что они думаютъ о Бисмаркѣ, и получившіеся отвѣты составляютъ нѣчто въ родѣ суда современниковъ, при жизни великаго государственнаго дѣятеля. Конечно, многіе вовсе не откликнулись на вызовъ, въ томъ числѣ преимущественно французы, именно: Дюма, Зола, Пастёръ, Рибо, Коппе, Массенэ, Бугро и т. д., а когда у одного изъ этихъ представителей современной Франціи спросили, отчего онъ не высказалъ своего мнѣнія, то онъ отвѣчалъ: «въ ту минуту, какъ Германія чувствуетъ преступника, пожалованнаго въ великіе люди, то неприлично было бы нарушать этотъ семейный праздникъ напоминаніемъ, что вѣнчаютъ порока». Тѣ же изъ французовъ, которые высказали свое мнѣніе, наговорили много противоположнаго; такъ, Жюль Симонъ, вознося Бисмарка до небесъ за его заслуги Германіи, приравниваетъ его къ Гладстону и считаетъ, что даже теперь онъ могъ бы съ успѣхомъ вернуться на свой канцлерскій постъ; Анатолий Леруа-Болье находитъ, что Бисмаркъ хотя и сдѣлалъ великое дѣло основаніемъ германскаго единства, но такъ какъ оно основано не на правѣ, а на силѣ, то еще вопросъ, способно ли оно устоять; г-жа Адапъ называетъ его колоссомъ съ глиняными ногами и человѣкомъ, никогда не стоявшимъ на высотѣ выпавшаго ему счастья; Вогюе находитъ, что вся его жизнь и дѣятельность резюмируется девизомъ, красующемся на одномъ старинномъ магдебургскомъ домѣ: «*Intraque fortunam ipsius fortunae memor esto*»; Альфонсъ Доде также прибѣгаетъ къ латинскому изреченію и отвѣчаетъ на заданный ему вопросъ: «*odi et amo. Quare id faciam fortasse requies? Nescio*»; бонапартистъ Робертъ Митчелъ призываетъ въ немъ великаго пруссака, но не великаго человѣка. Изъ нефранцузовъ, заявившихъ свои мнѣнія, только одинъ извѣстный путешественникъ Станлей открыто высказался въ его пользу, остальные же наговорили много рѣзкаго. Ламброзо прямо заявляетъ, что государственные люди бываютъ различнаго закала, и что человѣчество, обсуждая дѣйствія Кавура, совободившаго Италію безъ всякаго насилія, Гладстона, предохранившаго мудрыми мѣрами Ирландію отъ революціи, и Бисмарка, который основывалъ всю свою политику на грубой силѣ,—конечно, отдастъ преимущество первымъ двумъ передъ третьимъ. Итальянскій романистъ Фогацаро видитъ въ немъ только доказательство воочію, какъ не слѣдуетъ поступать государственному человѣку, и какъ мелочной патріотизмъ, жертвующій принципами въ пользу минутныхъ интересовъ, приводятъ хотя къ блестящему, но мертворожденному дѣлу. Польскій писатель Генрихъ Сенкевичъ приходитъ къ заключенію, что Бисмаркъ только практической политикъ, а великаго въ немъ нѣтъ ничего, такъ какъ онъ не понималъ, что сила безъ нравственнаго принципа, не смотря на свое торжество, можетъ только, въ концѣ концовъ, принести вредъ цивилизаціи и даже нѣмецкой родинѣ. Знаменитый англійскій философъ Спенсеръ выражается очень характерно и съ злобной ироніей: «его достаточно прославляли другіе, а я въ сущности никогда не думалъ о немъ окончательно». Скандинавскій критикъ Георгъ Брандесъ также взялъ замѣчательно вѣрную ноту, говоря: «да, Бисмаркъ счастье для Германіи, но онъ не благодѣтель человѣчества, и даже для Германіи онъ тоже, что очки для человѣка, кото-

рый плохо видитъ; счастье для человѣка имѣть очки, но большое несчастье нуждаться въ нихъ». Конечно, нѣмцы, высказывая свое мнѣніе о Бисмаркѣ, находились между двухъ огней, между настоящими дифирамбами Вильгельма и порицаніемъ парламента, а потому отклинулись на вызовъ Gegenwart'a только его ярые поклонники, какъ профессоръ Боннскаго университета Лицманъ, заявившій себя восторженнымъ поклонникомъ желѣзнаго канцлера, прямо говоря, что о достоинствѣ каждаго нѣмецкаго писателя можно судить по той степени пламеннаго восторга, который онъ питаетъ къ Бисмарку, старикъ Гекель, превозносящій до небесъ юбиляра, Гартманъ, преклоняющійся передъ нимъ, и т. д. Даже австріецъ Карлъ Францозъ увѣряетъ, что послѣ Гете въ Германіи не было болѣе великаго человѣка, чѣмъ Бисмаркъ. Но если нѣмецкіе писатели затруднились публично высказать свое мнѣніе о Бисмаркѣ при его жизни, то гораздо смѣлѣе поступили нѣмецкіе каррикатуристы. Нѣкоторые изъ ихъ произведеній по случаю бисмарковскаго юбилея чрезвычайно злы и остроумны: такъ въ одной изъ этихъ каррикатуръ нарисованъ памятникъ Бисмарку, воздвигнутый благодарной Германіей, съ надписью: «великому преступнику нашего вѣка отъ вдовъ и сиротъ»; на другой изображена депутація нищихъ, которая привѣтствуетъ Бисмарка отъ имени всей Европы, доведенной до нищеты его теоріей огня и меча; наконецъ третья представляетъ группу мясниковъ, которые чествуютъ его юбилей въ качествѣ главнаго мясника человѣческой расы. Если прибавить къ этимъ мнѣніямъ современниковъ о Бисмаркѣ два факта, сообщаемые нѣмецкими газетами, по случаю его юбилея, то можно придти къ правильному заключенію на счетъ суда исторіи надъ недавнимъ юбиляромъ. У одной нѣмецкой дамы оказался альбомъ автографовъ, гдѣ рядомъ находятся слѣдующія строки Мольтке и Бисмарка: первый написалъ: «ложь переходяща, а правда вѣчна», Бисмаркъ же начерталъ: «полагаю, что въ другомъ мірѣ правда одержитъ побѣду, но въ этой жизни самъ фельдмаршалъ не могъ бы бороться съ ложью». И человѣку, высказавшему такую циничную теорію, одна изъ его американскихъ почитательницъ прислала локонъ волосъ Вашингтона. Трудно было бы прислать болѣе ироническаго подарка поклоннику лжи и творцу системы огня и меча.

— Японская императорская семья. Въ майской книжкѣ «Pall Mall Magazine» долго жившая въ Японіи Лаура Старръ представляетъ любопытныя свѣдѣнія о японскомъ императорѣ и его семьѣ, чѣмъ теперь какъ нельзя болѣе кстати. По ея мнѣнію, японскій императоръ и императрица замѣчательнѣйшія личности въ современной исторіи, а потому заслуживаютъ полнаго вниманія. Мутсу-Хито вошелъ на престолъ своихъ отцовъ, 13-го февраля 1867 года, на семнадцатомъ году жизни, и въ его двадцативосьмилѣтнее царствованіе Японія совершенно преобразилась, такъ что невозможно узнать въ теперешнемъ ея положеніи ту страну, которую принялъ въ управленіе юный императоръ. До его востшествія на престолъ онъ велъ совершенно изолированную жизнь тогдашнихъ японскихъ принцевъ, зналъ китайскихъ классиковъ, умѣлъ писать стихи и сортировать цвѣты по сложной японской системѣ, но болѣе ничего. При такой странной подготовкѣ для повелителя сорокамилліоннаго народа, онъ, однако, сразу понялъ, что Японія созрѣла для цивилизаціи. Прежде всего онъ открылъ ее для европейской и американской торговли, а затѣмъ повелъ внутреннюю борьбу съ тайкуномъ, который въ то время сосредоточивалъ всю власть въ

государствѣ, оставляя микадо только одну тѣнь могущества. На слѣдующій годъ послѣдній изъ тайкуновъ отрекся отъ своихъ притязаній и сдѣлался частнымъ человѣкомъ, а микадо приобрѣлъ неограниченную власть. Тогда онъ собралъ государственный совѣтъ и торжественно принесъ клятву въ томъ, что будетъ настоящимъ правителемъ своего народа, что учредить представительное собраніе, что всѣ государственныя мѣры будутъ обсуждаться общественнымъ мнѣніемъ, что невѣжественные обычаи исчезнутъ, и что въ основѣ новой имперіи будутъ положены безпристрастіе, справедливость, разумъ и просвѣщеніе. Спустя три года, была послана сотрокъ девять избранныхъ японцевъ для изученія во всемъ свѣтѣ различныхъ системъ образованія, а передъ ихъ отъѣздомъ, на публичномъ обѣдѣ, микадо сказалъ, обращаясь къ нимъ: «у насъ вѣтъ учрежденій для высшаго женскаго образованія. Наши женщины должны усвоить себѣ тѣ великіе принципы, отъ которыхъ зависитъ счастье ежедневной жизни. Всѣмъ понятно, какъ важно воспитаніе матерей для развитія будущихъ поколѣній, а потому мы разрѣшаемъ женамъ и сестрамъ сопровождать отправляющихся за границу лицъ, для того, чтобы онѣ могли лично познакомиться съ лучшими формами женскаго воспитанія и по возвращеніи на родину примѣнить ихъ къ обученію нашихъ дѣтей». Между тѣмъ въ 1869 году императоръ женился на теперешней императрицѣ Харуко, дочери одного высокаго сановника, такъ какъ японскій государь вынужденъ выбирать себѣ жену только изъ дочерей пяти высшихъ родовъ въ странѣ. По тогдашнему обычаю свадебный обрядъ былъ совершенъ въ тайнѣ, и только предполагаютъ, что при этомъ совершена была церемонія по правиламъ религіи шинто, но никто въ Японіи не знаетъ объ этомъ ничего положительнаго. Хотя японскій императоръ можетъ имѣть по своему желанію до одиннадцати наложницъ, и ихъ положеніе вполне привязанное и почетное, такъ какъ онѣ выбираются изъ лучшихъ семействъ; но одна императрица имѣетъ право называться женой и дѣлать императорскія почести своего супруга. Въ 1870 году впервые императоръ и императрица появились въ публикѣ, но въ различныхъ экипажахъ, и только въ послѣдніе годы они стали показываться на улицахъ Токио въ одномъ экипажѣ. Не смотря, однако, на это нововведеніе, такъ какъ прежніе микадо скрывались въ своемъ дворцѣ отъ глазъ народа, японцы считаютъ микадо священной особой. Физически онъ выше ростомъ большинства своихъ подданныхъ, но ходитъ нѣсколько сторбившись отъ ревматизма и легкаго удара паралича. Его черные глаза ярко блестятъ, а короткіе, густые волосы напоминаютъ цвѣтомъ вороново крыло; борода у него маленькая, подстриженная à l'anglaise, губы толстыя, а нижняя челюсть выдается впередъ, что доказываетъ твердость характера. Его ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать красивымъ, но лицо его дышитъ спокойнымъ достоинствомъ. Впервые показываясь въ публикѣ, онъ носилъ богатый національный костюмъ, но теперь онъ одѣвается поевропейски и предпочитаетъ мундиръ генералиссимуса своей арміи съ многочисленными ордеами и золотой саблей. Хотя онъ живетъ болѣе открыто, чѣмъ какой бы то ни было восточный государь, но съ западной точки зрѣнія онъ ведетъ очень уединенную жизнь. У него нѣтъ яхты, такъ какъ онъ ненавидитъ море, и въ случаѣ необходимости отправиться въ такую мѣстность, гдѣ нѣтъ желѣзной дороги, а существуетъ водяное сообщеніе, онъ путешествуетъ на почтовомъ пароходѣ. Онъ никогда не посѣщаетъ своихъ отдаленныхъ дворцовъ и охот-

ничьихъ домиковъ, а недѣлями не покидаетъ своего дворца въ Токио; вообще его не такъ часто видятъ на улицахъ, какъ императрицу, которую всѣ любятъ за ея добродушіе и любезность. Въ началѣ своего царствованія императоръ сталъ изучать иностранные языки, но потомъ прекратилъ эти занятія, какъ требующія слишкомъ много времени, и теперь разговариваетъ съ иностранцами черезъ переводчика, а знакомится съ ихъ литературой посредствомъ переводовъ. Собственно титулъ микадо неправиленъ, и японцы никогда не употребляютъ этого титула; образованные люди называютъ своего государя «шною-сама», а народъ—«тенши-сама»; въ официальныхъ же документахъ онъ именуется тенно, а иностранцамъ всего правильнѣе называть его просто императоръ. Не смотря на введенную имъ цивилизацію, онъ по-прежнему убѣжденъ въ божественномъ происхожденіи своихъ предковъ, такъ какъ они были первобытные Адамъ и Ева; недавно, говоря публично о происхожденіи своей династіи, онъ упомянулъ, что десять тысячъ лѣтъ тому назадъ его божественные предки положили основу земли. Императрица не менѣе замѣчательна, чѣмъ ея мужъ, и вполне достойная его подруга. Она родилась 29 го мая 1850 года и до замужества вела жизнь самую уединенную, а съ тѣхъ поръ неожиданно вовлечена въ водоворотъ общественной жизни. Передъ своею свадьбой она, по старинному японскому обычаю, зачернила себѣ зубы и сбрила брови, вмѣсто которыхъ нарисовала фальшивые, высоко на лбу. Но въ послѣдніе годы она оставила этотъ обычай, и лицо ея вполнѣ естественно, хотя и некрасиво съ западной точки зрѣнія. Она очень маленькаго роста, и чтобъ придать себѣ большую вышину, причесываетъ свои черные волосы наверхъ *à la pompadour*. Ея лицо имѣетъ болѣе аристократическій типъ, чѣмъ лицо императора, и она такъ же, какъ онъ, носитъ европейскую одежду. Она ѣздитъ верхомъ въ дворцовомъ паркѣ, а на улицахъ показывается въ двухмѣстной каретѣ съ полуслушными занавѣсками въ окнахъ и ливрейными кучеромъ и лакеемъ. На придворныхъ пріемахъ она носитъ открытыя платья съ длиннымъ шлейфомъ, бриллиантовую корону и безчисленное количество драгоценныхъ камней. Она учредила новый орденъ, состоящій изъ ленты и бриллиантовой звѣзды, для придворныхъ дамъ. При введеніи европейскихъ модъ императрица находилась въ очень затруднительномъ положеніи, такъ какъ не рѣшалась дозволить дотрогиваться до себя иностранной швеѣ, и долго графиня Ито, одна изъ красивѣйшихъ и образованнѣйшихъ женщинъ японскаго двора, играла роль манекена, на которомъ примѣряли костюмы императрицы. Она очень умная женщина, съ японской точки зрѣнія, чрезвычайно любезна со всѣми, усвоила себѣ западныя идеи насчетъ положенія женщинъ и вообще имѣетъ благотѣльное влияние на общественныя дѣла и частную жизнь новой Японіи. Въ особенности она интересуется шелководствомъ, вышиваньями и производствомъ кружевъ. Она сама научилась этимъ занятіямъ и завела подъ своимъ руководствомъ нѣсколько кружевныхъ школъ. Она чрезвычайно щедра и такъ широко расходуетъ свои частныя средства, что если бы не являлся ей на помощь министръ финансовъ, то она давно была бы несостоятельной. Подъ ея особымъ покровительствомъ состоятъ высшая женская школа и нѣсколько больницъ въ Токио. Она очень любитъ дѣтей и горюетъ, что у нея нѣтъ собственныхъ. Чтò дѣлается внутри дворца, остается тайной для всѣхъ тѣхъ, которые туда не проникаютъ; но рассказываютъ, что императрица и каждая изъ наложницъ императора имѣютъ особые апартаменты,

состоящіе изъ пяти, или шести комнатъ. У каждой изъ нихъ есть своя свита и извѣстное число слугъ. Такимъ образомъ во дворцѣ существуетъ нѣсколько особыхъ семейныхъ кружковъ, которые по своему желанію могутъ жить отдѣльно, или входить въ сношенія другъ съ другомъ. Музыка, пѣніе, руководѣлыя и игра въ го, вѣчто въ родѣ шахматовъ, составляютъ главное занятіе женскаго персонала въ японскомъ дворцѣ. Говорятъ, что императоръ очень уважаетъ свою жену и постоянно совѣтуется съ нею въ важныхъ дѣлахъ, такъ какъ ея совѣты отличаются здравымъ смысломъ и патриотизмомъ. Каждую осень во дворцѣ даются торжественный балъ и пикникъ въ саду. Императорская японская семья состоитъ еще изъ двухъ членовъ: вдовствующей императрицы и наслѣдника престола. Первая представляетъ образецъ старой Японіи и живетъ въ отдѣльныхъ дворцахъ въ Кіото и Токио, гдѣ свято сохраняются прежніе порядки. Она рѣдко принимаетъ участіе въ официальныхъ торжествахъ и допустила только одно новшество, именно ѣздить въ ландо съ ливрейными кучеромъ и лакеемъ. Подъ ея высшимъ надзоромъ состоятъ императорскія дѣтскія, гдѣ воспитываются до шестилѣтняго возраста дѣти императора отъ различныхъ матерей. Наслѣдникъ престола Хару родился въ 1879 году и объявленъ наслѣдникомъ престола спустя десять лѣтъ, когда устраненъ былъ отъ престолонаслѣдія племянникъ императора Арисугава, который былъ усыновленъ имъ до рожденія у него собственнаго сына. Послѣ признанія своего сына наслѣдникомъ престола, императоръ издалъ законъ, запрещающій дѣтямъ наложницъ принимать титулы отцовъ, а потому впредь наслѣдникомъ престола долженъ быть исключительно или сынъ императора отъ императрицы, или ближайшій его родственникъ. Хотя до тепершняго сына императора отъ наложницы Іанигивары этотъ законъ не касается, но если бы онъ умеръ бездѣтнымъ, то японскій престолъ перешелъ бы къ его двоюродному брату. Кромѣ этого сына, у императора есть еще двѣ дочери, а десятеро другихъ дѣтей умерло. Наслѣдникъ престола учится наравнѣ съ другими юношами своего возраста въ дворянской школѣ; онъ отличается пристрастіемъ ко всему иностранному, и либеральная партія въ парламентѣ возлагаетъ на него большія надежды. Онъ часто выражаетъ такія демократическія идеи, что странно слышать ихъ въ устахъ потомка ста двадцати японскихъ микадо; но онъ очень рѣзко останавливаетъ всякаго, кто позволитъ себѣ излишнюю съ нимъ фамильярность, доказывая тѣмъ, что въ немъ все-таки течетъ кровь этого длиннаго ряда японскихъ государей.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Кампанія 1812 года по разсказамъ очевидцевъ. — Мемуары Ж. Тури. — Малороссійскія сказки на англійскомъ языкѣ. — Исторія словенской литературы. — Распространеніе культурныхъ растений и домашнихъ животныхъ въ Европѣ.

Ъ КОЛЛЕКЦИИ историческихъ мемуаровъ вышло любопытное и добросовѣстно составленное описаніе «кампаніи 1812 года» (*La campagne de 1812*) по запискамъ очевидцевъ. Составитель книги, Шарль Бертенъ, въ сжатомъ, но правдивомъ разсказѣ рисуеъ главные эпизоды Отечественной войны, называемой имъ «однимъ изъ гигантскихъ предпріятій, причины котораго темныя и даже достаточно мелкія очень трудно опредѣлить». Наполеонъ, въ своихъ запискахъ на островѣ св. Елены, упрекалъ Россію въ нарушеніи континентальной системы. Россія съ своей стороны требовала вознагражденія въ пользу герцога Ольденбургскаго и очищенія Пруссіи отъ французскихъ войскъ. Русскій посолъ въ Парижѣ, Румянцевъ, поддерживалъ эти требованія угрозою ультиматума и своего отъѣзда втеченіе недѣли. Наполеонъ отвѣчалъ, что онъ не привыкъ, чтобы его предупреждали, и двинулъ въ Россію 400-тысячную армію изъ солдатъ, принадлежавшихъ къ пятнадцати племенамъ. Но армія эта уже нѣсколько мѣсяцевъ была собрана въ Германіи, хотя и не знала, куда ее поведутъ. Въ ней были огромные обозы и продовольственные запасы. Въ составъ ея входили, кромѣ солдатъ, люди всякаго ремесла, даже стекольщики. 12-го іюня армія перешла Нѣманъ. Русскіе отступили, храбро отставивая, гдѣ можно, свою землю. Французы подвигались въ странѣ, опустошенной ея жителями. Недостатки въ провіантѣ и сильные жары въ самомъ началѣ похода ослабили армію. Послѣ сраженій подъ Могилевымъ, Островомъ и Смоленскомъ, сожженнымъ послѣ 60-ти тысячъ пушечныхъ выстрѣловъ, враги сошлись въ битвѣ подъ Москвою, гдѣ побѣда не оказалась ни на чьей сторонѣ, но кровопролитіе было ужасное, и орудія выпустили 120 тысячъ выстрѣловъ. 2-го сентября Наполеонъ занялъ Москву, надѣясь заключить выгодный миръ,

но встрѣтилъ въ опустѣломъ городѣ такой пожаръ, который и самъ назвалъ «океаномъ пламени». Съ трудомъ удалось утвердить кой-какой порядокъ. Наполеонъ отправилъ Лористона вести переговоры о мирѣ, но напрасно ждалъ отвѣта. 5-го октября кавалерійскіе аванпосты французовъ были опрокинуты атакою русскихъ, произведенною по всей линіи. Черезъ два дня 100-тысячная армія, въ которой осталось уже только четыре тысячи кавалеріи, начала бѣдственное отступление, какое только запомнить исторія. Остатки арміи, тревожимые всякую минуту смѣлымъ непріателемъ, должны были пробивать себѣ дорогу въ опустошенной странѣ при постоянно усиливающемся холодѣ. Въ 55 дней изнуренные отряды прошли 275 миль до Нѣмана. «Русская кампанія,—говорилъ Наполеонъ на островѣ Елены,—самая блистательная, самая трудная и самая почетная въ современной исторіи Франціи». Но каково ея моральное значеніе? Рана, нанесенная самолюбію французовъ,—говоритъ Бертенъ,—давно зажила, и между двумя народами, врагами въ 1812 году, не остается никакого воспоминанія объ этомъ упорномъ столкновеніи, а только взаимное чувство уваженія и удивленія. Иначе императоръ Александръ не приглашалъ бы лично одного изъ высшихъ сановниковъ французской арміи на большіе маневры подъ Смоленскомъ, служившіе повтореніемъ военныхъ дѣйствій подъ стѣнами этого города. За краткимъ вступленіемъ въ книгѣ помѣщенъ маршрутъ Наполеона при вступленіи въ Россію и отступленіи, включая сюда и мѣсяць, проведенный имъ въ Москвѣ. Названія мѣстечекъ, гдѣ онъ останавливался, можно было бы и исправить по русскимъ источникамъ, а не вносить въ списокъ невозможныя Vouinno, Liadou, Vaganou и проч. Въ таблицѣ состава французской арміи названы всѣ командиры, дивизіи, бригады всѣхъ 11-ти корпусовъ, старой и молодой гвардіи, корпуса Шварценберга и четырехъ кавалерійскихъ корпусовъ, но не подведены общіе итоги всей численности войскъ. За то помѣщенные въ концѣ книги таблицы потерь, понесенныхъ арміею во время кампаніи, показываютъ до 130 тысячъ убитыхъ, взятыхъ въ плѣнъ 210^{1/2} тысячъ солдатъ, 49 генераловъ и болѣе четырехъ тысячъ офицеровъ, 75 знаменъ, тысячу пушекъ и 1846 фургоновъ. Изъ 23 главъ книги нѣкоторыя написаны чрезвычайно живо и литературно. Въ какой мѣрѣ онѣ вѣрны съ стратегическими данными официальной исторіи, объ этомъ могутъ судить спеціалисты, но что очевидцы не искажали фактовъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Каждая глава книги состоитъ изъ отдѣльныхъ цитатъ, принадлежащихъ нѣсколькимъ очевидцамъ описываемыхъ въ ней событій. Эта пестрота мнѣній придаетъ интересъ и разнообразіе разсказу, но лишаетъ его серьезнаго стратегическаго значенія, такъ что вся кампанія описывается преимущественно съ бытовой, анекдотической стороны. Очевидцами, конечно, являются все французы, кромѣ Романа Солтыка и князя Бориса Голицына. У послѣдняго составитель книги взялъ описаніе Бородинскаго сраженія и пребыванія французовъ въ Москвѣ. Въ какой степени показанія всѣхъ этихъ очевидцевъ неуклонно правдивы, судить трудно. Такъ, съ первыхъ же страницъ книги, извѣстный Сегюръ обвиняется въ томъ, что въ своемъ «Походѣ въ Россію» при переходѣ 300-тысячной арміи черезъ Нѣманъ описываетъ бурю съ громомъ, молніею и потоками ливня, обрушившимися на дивизію авангарда, переходившую черезъ мостъ. «Ничего подобнаго я не видѣлъ»,—замѣчаетъ очевидецъ. Затѣмъ Сегюръ разсказываетъ, что два корпуса оспаривали другъ у друга честь первыми вступить на непріятельскую землю, и

что цѣлый польскій эскадронъ погибъ при переправѣ въ волнахъ Двины, и каждый кавалеристъ умиралъ съ крикомъ: «да здравствуетъ императоръ!». «Я былъ въ авангардѣ,—говоритъ очевидецъ,—и не видалъ ничего похожего на эти романтическія выдумки, которыми историкъ напрасно украсилъ и безъ того достаточно драматическіе эпизоды. Много говорили объ ужасахъ отступленія изъ Россіи, но и вступленіе въ нее мало обѣщало хорошаго. Въ первые же дни отъ непрерывныхъ дождей погибло до 15 тысячъ кавалерійскихъ лошадей. Люди страдали отъ сильнаго жара, принуждены были пить вонючую испорченную воду, питаться солдатскими сухарями, раздаваемыми весьма скупо, въ ожиданіи мяса и вина впереди. Гораздо больше, чѣмъ въ сраженіяхъ, пало солдатъ отъ голода, холода и поноса». Бытовая сторона французской арміи, военные планы, бесѣды маршаловъ читаются съ любопытствомъ. Россія и русскіе остаются на второмъ планѣ. О русскихъ говорится сравнительно очень мало. Даже при описаніи московскихъ пожаровъ очевидецъ выражается уклончиво и только исправляетъ опять показаніе Сегюра, заставляющаго Наполеона бѣжать въ страхѣ отъ огня изъ Кремля въ Петровскій. Вообще въ отдѣльныхъ сценахъ и эпизодахъ, приводимыхъ очевидцами, много любопытнаго.

— Изъ доставленныхъ намъ мемуаровъ, появившихся надняхъ въ Парижѣ, мы обратили вниманіе на записки Жана-Франсуа Тури (*Memoires de Jean-François Thougy*) по первымъ строкамъ его издателя, хотя авторъ мемуаровъ умеръ еще въ 1833 году. Но онъ прожилъ до сорока лѣтъ въ Россіи, былъ книгопродавцемъ въ Митавѣ и «изобразилъ русскіе нравы съ трогательною наивностью. Онъ любилъ избранное имъ отечество, пріютившее его безпомощнаго послѣ лишеній бѣдственной эмиграціи. Къ Франціи и изгнавшей его революціи онъ относился враждебно, не принадлежа къ великодушнымъ изгнанникамъ, которые все прощаютъ». Мемуары его долго хранились у его вдовы. Та передъ смертью передала ихъ своему другу, который тоже умеръ, и теперь ихъ издаетъ третье лицо, профессоръ митавской гимназіи. Въ книгѣ въ 330 страницъ, хотя и устарѣвшей, мы ждали найти все-таки интересныя свѣдѣнія, такъ какъ авторъ описываетъ эпоху отъ 1789 по 1830 годъ, но уже одинъ взглядъ на заголовокъ одиннадцати главъ книги заставилъ разочароваться: изъ нихъ только въ четырехъ говорится о Россіи, да и то собственно о Митавѣ и о курляндскихъ баронахъ. И все, что говорится, мало интересно и замѣчательно. Записки книгопродавца могли быть во всякомъ случаѣ любопытны. Если бы даже наши Смирдинъ, Глазуновъ, Бауновъ и друг. оставили свои замѣтки о книжной торговлѣ въ ихъ время, они могли бы содѣйствовать разъясненію многихъ литературныхъ фактовъ. Но Тури говоритъ очень мало о той эпохѣ своей жизни, когда онъ открылъ въ Митавѣ бібліотеку. До тѣхъ поръ онъ былъ только учителемъ французскаго языка у балтійскихъ вѣмцевъ, а раньше—неудачнымъ авантюристомъ и достаточно пустымъ человѣкомъ. Языкъ его мемуаровъ тяжелъ, не обработанъ, не литературенъ. Авторъ пишетъ безъ всякой системы и послѣдовательности, путается въ своихъ воспоминаніяхъ, распространяется лично о себѣ, о своихъ ни для кого не интересныхъ дѣлахъ и вичего не сообщаетъ о міровыхъ событіяхъ, среди которыхъ онъ жилъ. Съ первыхъ строкъ своей книги онъ выставляетъ себя ревностнымъ католикомъ и роялистомъ, потерявшимъ казенное мѣсто въ Мецѣ, потому что въ 1793 году не хотѣлъ присягнуть республикѣ. Его, конечно, заперли въ тюрьму въ Шалонѣ, но онъ бѣжалъ от-

туда безъ особенныхъ затрудненій и началъ искать занятій въ Германіи. Въ Трирѣ его опять посадили въ тюрьму, какъ бродягу, но онъ выпутался и оттуда, и нашелъ покровительство у аббата Даниэля, духовника королевской арміи эмигрантовъ. Съ такою поддержкою можно было существовать насчетъ роялизма и католицизма. Тури попробовалъ искать средствъ къ существованію въ Голландіи, но расчетливые голландцы принудили его вернуться въ Германію. Какой-то встрѣчный проходимецъ посоветовалъ ему отправиться въ Россію и попытаться тамъ счастья. Изъ Любека онъ поѣхалъ на пароходѣ въ Ригу, но пароходъ долженъ былъ двѣ недѣли бороться съ бурей. Рижскій губернаторъ, Паленъ, объявилъ, что французы, не смотря ни на какіе документы, не могутъ ѣхать въ Петербургъ безъ личнаго позволенія императрицы и предложилъ ему отправиться въ Митаву. У него было письмо къ прусскому консулу въ этомъ городѣ и рекомендація къ самому богатому банкиру, и черезъ нѣсколько дней баронъ Корфъ фонъ-Брюкенъ явился съ предложеніемъ своей дружбы, своихъ услугъ и своего дома къ человѣку, о которомъ онъ не имѣлъ никакого понятія. Вообще всѣ новыя знакомцы авантюриста, по его словамъ, относились къ нему съ особеннымъ сочувствіемъ, хотя положительно не видно, чѣмъ онъ заслуживалъ его. Тури самъ спрашиваетъ себя: «не пріѣхалъ ли я въ землю боговъ? и не могъ даже представить себѣ такого гостепріимства». Г-жа Корфъ прислала ему полный костюмъ, дюжину тонкихъ рубашекъ и прекрасную шубу. За какія заслуги? Вскорѣ же онъ получалъ мѣсто гувернера и учителя французскаго языка къ мальчику, довольно испорченному и который вскорѣ умеръ. Потомъ въ немъ принялъ участіе графъ Медернъ, братъ курляндской герцогини. Тури сдѣлался воспитателемъ трехъ его дочерей. Авторъ, конечно, расхваливаетъ всѣхъ своихъ благодѣтелей, ихъ женъ и родственниковъ, но во всѣхъ этихъ напыщенныхъ похвалахъ вѣтъ и слѣдовъ какихъ нибудь типическихъ характеристикъ или даже простой наблюдательности. Тури былъ женатъ, когда бѣжалъ изъ Франціи, гдѣ оставилъ жену и двухъ маленькихъ дѣтей, отправившись въ Германію предлагать ей свои католическія и монархическія услуги. Устроившись въ Курляндіи, онъ почувствовалъ желаніе увидѣть дѣтей и въ апрѣлѣ 1803 года поѣхалъ въ Парижъ изъ Либавы въ Любекъ, составивъ предварительно духовное завѣщаніе, такъ какъ его отецъ, братъ и дядя кончили жизнь въ морскихъ волнахъ. Къ женѣ своей Тури не стремился, такъ какъ во время его девятилѣтней отлучки она развелась съ нимъ,—во время республики это дѣлалось легко, и жила въ Стокгольмѣ. Дѣти оставались въ Парижѣ у тетки, порядочно эксплуатировавшей книгопродавца, также какъ и его тестя. Вообще вся родня Тури была весьма непривлекательныхъ свойствъ. Дочерей онъ нашелъ въ оборванныхъ платьяхъ, въ жалкой обстановкѣ, а главное: ихъ почти ничему не учили, хотя поминутно требовали денегъ на ихъ воспитаніе. Младшую дочь свою онъ и совсѣмъ не видалъ, такъ какъ она родилась послѣ его бѣгства и была, какъ онъ говоритъ, не похожа ни на него, ни на мать, которая вела разгульную жизнь. Старшая дочь заплакала при видѣ отца и ей вторила младшая». А зачѣмъ же ты плачешь? вѣдь ты меня никогда не видала?—спросилъ Тури. «Да какъ же мнѣ не плакать, если плачетъ моя сестра»,—отвѣчала дѣвочка. Отецъ отправилъ ихъ въ Митаву, въ пансіонъ, гдѣ заранѣе прискалъ имъ помѣщеніе, а самъ занялъ свое прежнее мѣсто учителя у графа Медерна. Года черезъ два спокойной жизни ему вдумалось отпра-

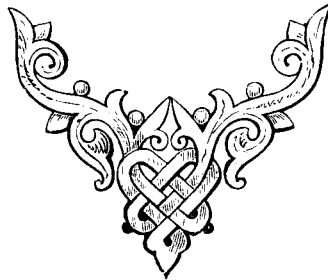
виться въ Петербургъ, гдѣ къ французамъ относились, если и не такъ, какъ въ предыдущее царствованіе, то все-таки довольно подозрительно. Тури говорили, что за нимъ будутъ строго наблюдать, такъ какъ недавно одинъ французъ, посѣтивъ въ столицѣ каедральный соборъ, утащилъ оттуда маршалскій жезлъ, находившійся тамъ въ числѣ трофеевъ, и привезъ его въ Парижъ. Тури провелъ три мѣсяца въ Петербургѣ, помѣстивъ старшую дочь гувернанткой къ губернатору Ланскому, но ни объ немъ, ни о столицѣ не говоритъ ни слова, а рассказываетъ только, какъ онъ повнакомился съ книгопродавцемъ Цимсеномъ, у котораго была большая бібліотека большею частью подержанныхъ книгъ, отдаваемыхъ въ чтеніе. Тури пришло въ голову, что такую бібліотеку будетъ весьма выгодно открыть въ Митавѣ, и онъ забралъ, большею частью въ долгъ, много книгъ и, накупивъ шкаповъ, отправилъ все въ Курляндію. Но онъ не говоритъ даже, какія это были книги, хотя по фамиліи Цимсена и по назначенію книгъ онѣ были, конечно, нѣмецкія, такъ какъ въ Митавѣ никто не сталъ бы читать русскую книгу. Только по поводу отправленія своей посылки онъ говоритъ два слова о русскихъ порядкахъ. Рижская таможня не хотѣла пропустить книги въ Митаву, какъ контрабанду. Тури долженъ былъ терять время, жаловаться, и только по личному приказанію министра таможня выпустила свою добычу. Въ Митавѣ дѣла Тури пошли прекрасно. Онъ разбогатѣлъ, выдалъ дочерей замужъ, выстроилъ себѣ домъ и хотя при постройкѣ его сломалъ себѣ ногу, но прожилъ въ довольствѣ и спокойствіи до 1833 года, написавъ въ 30 году свои мемуары, изъ которыхъ читатели не могутъ даже вывести заключенія, для чего нужно было сохранить потомству всю эту малосодержательную болтовню.

— Въ Лондонѣ вышли «Казацкія волшебныя и народныя сказки» (Cossack fairy tales and folk tales) въ переводѣ Нисбета Бенъ. Онъ уже извѣстенъ, какъ переводчикъ русскихъ народныхъ сказокъ, а теперь выпустилъ въ свѣтъ и малороссійскія. Книга составлена по сборникамъ: Драгоманова, Кулиша и въ особенности Рудченко (двѣ части, Кіевъ, 1870 года). Бенъ перевелъ самыя выдающіяся и оригинальныя сказки Малороссіи и Галиціи. Изъ нихъ Гоголь почерпалъ свои первыя произведенія, ими пользовались: Основьяненко, Стороженко, Евгенія Марковичъ (Марко Вовчекъ). Изъ этого же источника заимствовали много и польскіе писатели, какъ Михайль Чайковскій и друг. Переводъ Бена—точенъ и вполне литературенъ, какъ «Волшебное яйцо», «Лисица и кошка» и друг. Многія легенды наивны, дикі и грубы по содержанію, но всё онѣ чисто народныя. Примѣчаній переводчикъ помѣстилъ немного, заимствуя толкованія такихъ словъ, какъ дивъ, покута, у Желиховскаго и въ нѣмецко-русинскихъ словаряхъ. Напрасно только Бенъ называетъ малороссійскій языкъ переходомъ въ польскій, тогда какъ говоръ нашихъ южныхъ окраинъ чисто великорусскій, только съ болѣе смягченнымъ произношеніемъ. Въ малороссійскомъ нарѣччіи есть только немного полонизмовъ, вошедшихъ въ него вслѣдствіе долгихъ сношеній съ Польшею. Въ народныхъ пѣсняхъ встрѣчаются воспоминанія о Хмѣльницкомъ, Вишневецкомъ, Железнякѣ, Гонтѣ. Но «волшебныя сказки» гораздо интереснѣе и оригинальнѣе. Есть также нѣсколько думъ, собираемыхъ Драгомановымъ. Но съ чего взялъ Бенъ, что въ Россіи строго преслѣдуется южное нарѣччіе и малороссійская литература? или вслѣдствіе новой дружбы къ намъ онъ думалъ сказать этимъ что нибудь пріятное для русскихъ?

— Въ Люблянѣ (Лайбахѣ) вышла исторія словенской литературы Глазера «Zgodovina slovenskega slovstva». Между австрійскими славянами, по своей малочисленности, племя словенъ не играетъ выдающейся роли. Ихъ насчитываютъ всего миллионъ двѣсти тысячъ. Расселенные между Штирійей, Каринтіей, Карніоліей, Истрией и Венгріей, они не сплотились въ одну политическую массу и не требуютъ, какъ чехи, признанія своихъ историческихъ правъ, ведѣ упорно оспариваемыхъ нѣмецкой династіей. Ихъ политическія стремленія гораздо скромнѣе; они довольствуются борьбою за сохраненіе своего языка въ администраціи и въ школахъ. А между тѣмъ они дали славянской филологіи замѣчательныхъ дѣятелей: Копитара, Миклошича, Крека, Облака, Стрекели, Журко. Съ начала XIX вѣка литература ихъ сильно развилась особенно въ области творческой фантазіи. У нихъ явились поэты Водникъ, Ковецкій, Превернъ и друг. О литературѣ ихъ говорилъ еще Фришъ въ своей латинской исторіи славянскаго языка 1729 года. Но до конца XVIII вѣка эта литература была только духовною, лингвистическою и библиографическою, хотя словенскія книги еще во время реформаціи печатались въ Тюбингенѣ, Урахѣ, Лайбахѣ, инныя даже глаголицею. Изъ писателей послѣдующаго времени выдались: Трубаръ, Унгнадъ, Далматинъ, Богоричъ и друг. Библиографы очень дорожатъ ихъ произведеніями, имѣющими серьезное значеніе для сравнительной филологіи. Глазеръ разбираетъ нѣкоторыя изъ нихъ и говоритъ даже о политической исторіи словенъ въ разныя эпохи. Эта первая часть книги въ 230 страницъ доведена до XIX вѣка, и нѣсколько сухое содержаніе ея выкупается новыми и любопытными подробностями.

— Въ Берлинѣ вышло въ короткое время шестое изданіе, что составляетъ большую рѣдкость въ Германіи, книга Гена «Культурныя растенія и домашнія животныя въ ихъ переходѣ изъ Азіи въ Грецію, Италію и остальную Европу» (V. Hehn, Kulturpflanzen und Haustiere in ihren Uebergang aus Asien nach Griechenland und Italien, sowie in das übrige Europa). Новое изданіе вышло съ филологическими и другими учеными примѣчаніями и составляетъ томъ въ 650 страницъ. Это весьма цѣнный сборникъ изслѣдованій о происхожденіи животныхъ и культурныхъ растеній въ извѣстныхъ мѣстахъ и о распространеніи ихъ по другимъ странамъ, хотя при бѣдности собранныхъ по этому предмету фактовъ и данныхъ очень многія указанія являются не болѣе, какъ гипотезами. Авторъ твердо стоитъ за переселеніе арійцевъ изъ Азіи въ Европу, хотя это мнѣніе сильно оспаривается новѣйшими изслѣдованіями. Но многіе выводы его весьма замѣчательны. Такъ, онъ доказываетъ, что арійцы знали лошадей только въ ея дикомъ состояніи. Греки гомеровской эпохи верхомъ не ѣздили, у нихъ были только колесницы, заимствованныя отъ азіатскихъ, т. е. туранскихъ племенъ. А вѣдъ пѣшкомъ или на телѣгахъ трудно было перебираться изъ Индіи въ Европу. Въ разныхъ мѣстностяхъ Европы названія этого животного не происходятъ изъ одного корня, хотя это и доказываетъ авторъ. Лошадь, конь, equus, cheval, pferd, horse—всѣ эти имена могутъ только доказывать, что разныя племена арійцевъ пользовались услугами этого животного при своемъ переселеніи и держали стада его для добыванія изъ него пищи и одежды. Лошади прежде всего были у монголовъ, потомъ у семитовъ и въ Египтѣ, но древніе жители Вавилоніи сумерійцы не знали ея и навывали западнымъ ли горнымъ осломъ. Изображеніе лошади въ колесницѣ существовало за

три тысячи лѣтъ до нашей эры. Что касается до современной флоры, она существовала въ томъ же видѣ, какъ теперь, въ эпоху пещернаго медвѣдя и первобытнаго быка. Виноградная лоза найдена въ геологическихъ наслоеніяхъ этого времени на югѣ Франціи, въ Тосканѣ, въ окрестностяхъ Рима. Смоковница росла въ четвертичномъ періодѣ на восточномъ побережьи Средиземнаго моря, хотя первоначально явилась на западѣ. Маслина происходитъ изъ Италіи. Всѣ эти растенія были первоначально въ дикомъ видѣ и воздѣланы человѣкомъ, конечно, постепенно и послѣ долгихъ опытовъ. Въ озерныхъ постройкахъ найдены были виноградныя сѣмечки, но это не доказываетъ, чтобы изъ плода дѣлалось вино; процедура эта очень сложная и долгое время не развивалась даже на востокѣ. Если финикіяне не изобрѣли винодѣлія, то, какъ купцы, распространили вино повсюду. Греческое названіе вина—семитическаго происхожденія, какъ всѣ напитки, происходящіе отъ броженія. Левъ обработывался въ бассейнѣ Средиземнаго моря съ глубокой древности, но пеньки нѣтъ вовсе въ озерныхъ постройкахъ Швейцаріи и на равнинахъ рѣки По: онъ спеціально воздѣлывался скинами и китайцами. Лавръ Европа передала даже Авіи. Какъ и миртъ, онъ былъ извѣстенъ въ доисторическую эпоху нашей части свѣта. Авторъ посвящаетъ особыя главы животнымъ и растеніямъ принесеннымъ къ намъ арабами и турками или введеннымъ у насъ послѣ открытія Америки. Все сочиненіе полно любопытныхъ фактовъ.

С М Ъ С Ъ.

ТОЛЪІЕ присоединенія Курляндіи къ Россіи. Фактически это знаменательное событіе свершилось 17-го марта 1795 года, когда послѣднимъ курляндскимъ герцогомъ Петромъ Бирономъ былъ въ Петербургѣ подписанъ актъ о безусловномъ подчиненіи Курляндіи Россіи; но официальное торжество подчиненія произошло 15-го апрѣля. Отрекаясь отъ своихъ правъ на курляндскій герцогскій престолъ, Петръ Биронъ подчинялся лишь неизбѣжной необходимости, такъ какъ еще 7-го марта курляндское дворянство издало манифестъ, въ которомъ, отказываясь отъ подчиненія Польшѣ, предоставляло рѣшеніе судьбы Курляндіи императрицѣ российской. Всѣ эти событія были прямымъ послѣдствіемъ совершившагося въ началѣ

1795 г. послѣдняго раздѣла Польши, отодвинувшаго русскую границу до Полаугена, хотя и безъ упоминанія объ участи Курляндіи. Какъ герцогъ, такъ и курляндское рыцарство, подчиняясь волѣ императрицы, этимъ только подтвердили порядокъ вещей, неизбѣжность коего была создана торжествомъ русской международной политики и была намѣчена еще Петромъ Великимъ, придвинувшимъ Россію къ Балтійскому морю путемъ присоединенія къ ней Лифляндіи и Эстляндіи, съ коими Курляндія составляла, по своему географическому положенію и историческимъ судьбамъ, одно цѣлое. Послѣ дѣяній Петровыхъ, окончательное подчиненіе Курляндіи Россіи было только вопросомъ времени, и при преемникахъ Петра Великаго Курляндія постепенно все болѣе вовлекалась въ сферу русскаго вліянія, пока, наконецъ, не стала тѣмъ, чѣмъ ей суждено было быть, т. е. нераздѣльною частью великой Россійской имперіи. То, что случилось сто лѣтъ тому назадъ, было лишь апоэозомъ международной трагедіи, длившейся не одинъ вѣкъ и заключившейся, наконецъ, полнымъ торжествомъ Россіи надъ ея соперниками въ борьбѣ за преобладаніе въ восточной Европѣ и за господство на Балтійскомъ побережьѣ. Торжественнѣйшимъ моментомъ этого апоэоза была церемонія принесенія курляндскими депутаціями вѣрноподданническихъ заяв-

лений императрицѣ въ Зимнемъ дворцѣ 15-го апрѣля 1795 г. Екатерина на тронѣ, окруженная министрами, приняла акты о подчиненіи отъ курляндскихъ и пильтенскихъ депутатовъ. Въ тотъ же день былъ обнародованъ манифестъ къ жителямъ Курляндіи, Семигаліи и Пильтена; въ немъ объяснялось, что жители новоприсоединенной области будутъ пользоваться всѣми правами, вольностями и преимуществами, какими пользуются прочіе русскіе подданные милостью своихъ самодержцевъ. Торжественная присяга курляндцевъ состоялась въ собраніи сената 20-го апрѣля, а къ 1-му мая было закончено приведеніе къ присягѣ во всей Курляндіи и Пильтенѣ. 2-го мая русскимъ генераль-губернаторомъ Курляндіи былъ назначенъ баронъ Паленъ, и приступлено къ введенію въ новоприсоединенной области русскаго управленія. Съ присоединеніемъ къ Россіи, для Курляндіи, которая прежде была жертвою международнаго соперничества и борьбы неспособныхъ правителей съ властолюбивымъ дворянствомъ, усвоившимъ себѣ повадку самовластныхъ магнатовъ Рѣчи Посполитой, наступила счастливая эра спокойствія и совершенствованія. Населеніе Курляндіи должно съ благодарностью вспомнить день, когда, сто лѣтъ тому назадъ, положено было начало его благоденствію присоединеніемъ этой области къ Россійской имперіи.

Тридцатилѣтній юбилей ученой дѣятельности профессора Васильевскаго. Извѣстный знатокъ византійской исторіи Василій Григорьевичъ Васильевскій родился 2-го марта 1838 года въ семьѣ ярославскаго священника и получилъ воспитаніе въ духовной семинаріи. Окончивъ въ ней четыре класса, онъ поступилъ въ Петербургѣ въ главный педагогическій институтъ. Въ 1859 г., по закрытіи института, Василій Григорьевичъ перешелъ на историко-филологическій факультетъ Петербургскаго университета, гдѣ занимался преимущественно у профессоровъ Срезневскаго, Благовѣщенскаго и Стасюлевича. Главное вниманіе молодой ученый обратилъ на изученіе древне-греческой исторіи. Въ 1862 г. В. Г. былъ командированъ университетомъ за границу, гдѣ имѣлъ возможность посѣщать лекціи лучшихъ европейскихъ ученыхъ, въ Берлинѣ слушалъ Моммсена и Дройзена, въ Іенаѣ — Адольфа Шмидта. По возвращеніи изъ-за границы, онъ написалъ магистерскую диссертацию, которая и вышла въ свѣтъ въ 1869 г. Эта книга: «Политическая реформа и социальное движеніе въ древней Греціи въ періодъ ея упадка», — не потеряла своего значенія до сихъ поръ, хотя за послѣднія десятилѣтія эпоха, затронутая В. Г., стала однимъ изъ самыхъ живыхъ вопросовъ современной исторической науки.

Въ то же время онъ былъ учителемъ въ Виленской гимназіи и занимался изученіемъ мѣстной исторіи, и плодомъ его трудовъ явилась «Исторія города Вильны», въ двухъ частяхъ, напечатанная въ «Памятникахъ русской старины въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ» (1872—1874 гг.). Это изслѣдованіе является первымъ и пока единственнымъ по научнымъ достоинствамъ и политическому безпристрастію трудомъ по исторіи бывшей столицы Литвы. Въ 1870 г. В. Г. занялъ въ Петербургскомъ университетѣ кафедру всеобщей исторіи среднихъ вѣковъ и перешелъ къ новой области изученія, въ которой завоевалъ себѣ почетное мѣсто не только въ Россіи, но и за границей. Излишне говорить о томъ, что быльня судьбы Византіи, представляющія большой интересъ и для западно-европейской науки, имѣютъ для русскихъ совершенно исключительное значеніе по той роли, которую играла Византія по отношенію къ славянскому міру вообще и къ древней Руси въ частности. Но было бы большой ошибкой предполагать, что В. Г. при выборѣ византиновѣдѣнія предметомъ своихъ занятій преимущественно руководствовался узкою утилитарною точкою зрѣнія — пользы ея для славянской исторіи. Напротивъ, онъ доказалъ, что обработку византійской исторіи предпринялъ прежде всего для нея самой. Въ немъ всегда жило убѣжденіе, что именно здѣсь находится та сфера, въ которой можетъ

проявиться и воспитаться самостоятельная дѣятельность русскихъ ученыхъ въ области всеобщей исторіи, что здѣсь имъ предстоитъ не только усвоеніе чужого и въ лучшемъ случаѣ слѣдованіе издали по протоптаннѣмъ дорогамъ, но и открытіе новыхъ путей, равноправное участіе въ общественной ученой дѣятельности, съ возможностью не только заимствованія, но и своихъ собственныхъ вкладовъ. Но, какъ серьезный изслѣдователь и врагъ историческаго дилетантизма, В. Г., зная, что составленіе полной византійской исторіи въ истинномъ значеніи этого слова, при нынѣшнемъ состояніи этой науки, потребовало бы многолѣтнихъ трудовъ, одному человѣку непосильныхъ, предпочелъ ограничиться разъясненіемъ нѣкоторыхъ періодовъ и особенно темныхъ или вовсе нетронутыхъ вопросовъ, касающихся исторіи Византіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ. Онъ распространилъ свои работы и на средневѣковыя греческія рукописи изъ бібліотекъ Москвы, Парижа и Вѣны. Такимъ образомъ, ему удалось открыть совершенно неизвѣстныя «Записки византійскаго боярина XI вѣка», памятникъ въ высшей степени интересный и стоящій, насколько извѣстно донныѣ, особнякомъ во всей византійской литературѣ. И для нѣкоторыхъ старо-славянскихъ памятниковъ, составленныхъ по византійскимъ образцамъ, В. Г. открылъ неизвѣстные раньше византійскіе прототипы. Въ этомъ отношеніи онъ заслужилъ признательность не только византистовъ, но и славистовъ, въ особенности русскихъ историковъ. Затѣмъ онъ издалъ другіе труды: «Византія и печенѣги» — цѣлый рядъ работъ, направленныхъ къ выясненію вопроса о варягахъ и Руси («Варяго-русская» и «Варяго-англійская дружина въ Константинополь» и др.). Капитальное значеніе имѣютъ «Русско-византійскіе отрывки» («Житіе Георгія Амастридскаго», «Къ исторіи 976—989 гг.» и др.). Образцомъ научной проникательности являются монографіи «О жизни и трудахъ Симеона Метафраста» и «Житіе св. Стефана Суражскаго». Единственный въ своемъ родѣ не только въ русской, но и въ общеевропейской литературѣ трудъ В. Г., вышедшій въ 1890 году, «Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи». Такая разнообразная дѣятельность побудила академію наукъ 17 января 1890 года выбрать его въ ordinарные академики по русской и византійской исторіи. Въ томъ же году онъ назначенъ былъ редакторомъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія». Въ то же время на кафедрѣ онъ является глубокимъ знатокомъ средней исторіи и хотя его лекціи не изданы, но интересующіеся этой исторіей нашли бы въ его курсахъ такой обзоръ этой эпохи, какого въ нашей литературѣ еще не было. Нельзя не упомянуть также и о томъ, что В. Г. является творцомъ цѣлой плеяды научныхъ тружениковъ, которые вышли изъ его школы и, руководствуясь научными приемами маститаго ученаго, работаютъ въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ исторіи. Изъ всеобщихъ историковъ вспомнимъ кievскаго профессора Н. М. Бубнова и здѣшняго — И. М. Гревса; изъ русскихъ историковъ — С. О. Платонова, А. С. Лаппо-Данилевскаго и др. Всеѣ они гордятся именемъ учениковъ Василія Григорьевича Васильевскаго.

Юбилей В. П. Кулина. 12-го марта исполнилось полвѣка служебной дѣятельности бывшаго директора высшихъ женскихъ курсовъ, нынѣ причисленнаго къ министерству народнаго просвѣщенія, Василія Петровича Кулина. Юбиларъ, убѣленный сѣдинами, уклонился отъ празднованія своего юбилея, тѣмъ не менѣе получилъ много привѣтственныхъ телеграмъ и писемъ отъ своихъ бывшихъ сослуживцевъ-товарищей и бывшихъ учениковъ и ученицъ. Родился В. П. 30-го января 1822 года, и по окончаніи курса въ главномъ педагогическомъ институтѣ, съ 1842 по 1861 годъ преподавалъ сперва исторію и географію въ Тельшевскомъ дворянскомъ училищѣ Ковенской губерніи, затѣмъ русскую словесность въ гродненской гимназіи. Западный край въ это время представлялъ арену политическихъ волненій и польскихъ агитацій. Потребность въ русскихъ дѣятеляхъ тамъ замѣтно чувствовалась.

Молодой учитель помѣстилъ въ то время дѣльную статью: «Два слова въ защиту учителей» въ «Сынѣ Отечества» А. В. Старчевскаго. Переѣхавъ въ Вильну, В. П. занялъ должность инспектора мѣстной гимназіи, переполненной учителями и учениками поляками по происхожденію и убѣжденіямъ. Шестидесятые годы были болѣе выдающимся временемъ полезной дѣятельности юбиляра. Ему пришлось принять дѣятельное участіе въ обрусеніи Западнаго края и въ борьбѣ съ польской агитаціей. Поляки придавали большое значеніе школамъ и при помощи ихъ возбуждали мѣстное населеніе противъ русскаго правительства. Нужны были для противодѣйствія агитаціи русскія школы. В. П. Кулинъ отправился въ Гродненскую и Минскую губерніи и тамъ открылъ болѣе 30-ти народныхъ школъ, составилъ для нихъ учебникъ: «Книгу для чтенія», въ которой русской исторіи отведено было видное мѣсто, и выработалъ уставъ «Молодеченской учительской семинаріи» для подготовленія народныхъ учителей изъ крестьянскихъ дѣтей. Этотъ уставъ былъ первымъ и послужилъ образцомъ для составленія устава другихъ учительскихъ семинарій въ Россіи. Юбиляръ дѣйствовалъ въ Западномъ краѣ въ качествѣ окружного инспектора при попечителяхъ Ширинскомъ-Шихматовѣ, Корниловѣ и Батюшковѣ. Послѣдній поручилъ В. П. Кулину редактировать свой трудъ: «Памятники старины западныхъ губерній имперіи». Периодъ дѣятельности во время польскихъ мятежа и волненій подробно и интересно изложенъ юбиляромъ въ «Воспоминаніяхъ русскаго старожила» («Русск. Стар.», 1893 г.). Съ 1875 по 1883 годъ В. П. трудился въ качествѣ директора Алферовской учительской семинаріи, гдѣ подъ его руководствомъ кончило курсъ болѣе ста народныхъ учителей. Должность директора семинарій юбиляръ занялъ не по назначенію, а по призванію. Онъ любилъ молодежь, и ему хотѣлось непосредственно дѣйствовать на развитіе ея и подготовленіе къ учительскому труду. Въ концѣ 80-хъ годовъ В. П., какъ знатокъ Западнаго края, былъ приглашенъ Батюшковымъ редактировать «Холмскую Русь», ѣздилъ въ Сирію и Палестину изучать тамошнее положеніе народныхъ школъ, ревизовалъ учительскія семинаріи въ Новгородской, Псковской, Курской, Бессарабской и др. губерніяхъ и принималъ участіе въ комисіи по разсмотрѣнію отчетовъ инспекторовъ народныхъ училищъ. Въ 1889 году онъ былъ назначенъ директоромъ высшихъ женскихъ курсовъ и завѣдывалъ ими до конца прошлаго года, когда, окончательно сформировавъ курсы, удалился отъ дѣлъ по разстроенному здоровью. Среди слушательницъ, какъ и среди бывшихъ своихъ учениковъ гимназій и семинарій, юбиляръ пользовался общими симпатіями за свою любовь къ молодежи и искреннюю вѣру въ ея свѣтлое просвѣтительное будущее. Слушательницы курсовъ отмѣтили директорство В. П. Кулина теплымъ задушевымъ адресомъ, поднесеннымъ ему въ началѣ нынѣшняго учебнаго года. Юбиляръ былъ однимъ изъ цѣнныхъ корреспондентовъ И. С. Аксакова изъ Западнаго края. Его статьи за подписью «Русскій» появлялись въ «Двѣхъ» и «Руси». Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1848 года напечатанъ рассказъ В. П. Кулина «Панъ Грошевичъ», такъ исправленный цензурой 40-хъ годовъ, что послѣ такого исправленія у юбиляра исчезло желаніе печатать свои беллетристическія произведенія.

Столѣтняя годовщина смерти М. И. Веревкина. 19-го марта 1795 года умеръ Михаилъ Ивановичъ Верекинъ. Имя это извѣстно только записнымъ бібліографамъ, но вспомнить его слѣдуетъ образованнымъ людямъ, потому что оно связано съ несомнѣнными заслугами въ исторіи русскаго театра и даже въ исторіи русскаго просвѣщенія. Заслуга Веревкина предъ русской сценой заключалась въ томъ, что онъ былъ одинъ изъ первыхъ нашихъ драматурговъ, стремившійся освободить ее отъ ложнаго классицизма и сумароковщины, презиравшихъ «подлюю» жизнь и обыкновенныхъ людей. Въ комедіяхъ Веревкина, напечатанныхъ въ «Россійскомъ вестнѣ»: «Такъ и должно»,

«Именинники» и «Точь въ точь», отражена современная Веревкину русская жизнь, выведены простые люди, которые кажутся удивительно живыми и типичными въ сравненіи съ Сумароковскими полубогами съ чудовищными страстями. Въ комедіяхъ Веревкина, разумѣется, гораздо больше наивностей, чѣмъ художественныхъ достоинствъ; но для театра второй половины прошлаго вѣка эти пьесы были, несомнѣнно, новымъ словомъ, откровеніемъ и должны были доставить автору почетное мѣсто въ литературномъ лагерѣ Фонвизина, знаменитыя пьесы котораго появились почти одновременно съ комедіями Веревкина. Какъ художественныя произведенія, комедіи Веревкина, конечно, не могли равняться съ «Бригадиромъ» и «Недорослемъ», но онѣ также приучали публику къ правдѣ и простотѣ, — и въ этомъ большая заслуга Веревкина. Помимо театральной дѣятельности Веревкинъ оказалъ просвѣщенію прошлаго вѣка значительныя услуги въ качествѣ переводчика. Втеченіе многихъ лѣтъ онъ почти исключительно занимался переводами и обогатилъ переводную литературу прошлаго вѣка, какъ ни одинъ изъ его современниковъ. Достаточно назвать изъ переводовъ Веревкина слѣдующіе: 22 части сочиненія Прево «Исторія о странствіяхъ», 10 частей сочиненія Милота «Исторія Франціи, Англіи и Турціи», 12 частей сочиненія Эберга и Шрека «Всеобщая исторія воспитанія», 5 частей «Географическаго словаря» Вожьена, система воспитанія Эберга, Конфуцій, Алькоранъ. Личность самого Веревкина очень интересна; къ сожалѣнію, многое въ его біографіи остается неяснымъ и неполнымъ. Происходя изъ старинной дворянской фамиліи, онъ началъ со службы во флотѣ; затѣмъ попалъ ассесоромъ въ московскій университетъ; потомъ назначенъ былъ директоромъ только что учрежденной казанской гимназіи. Вездѣ съ нимъ случались «исторіи», но онъ умѣлъ выходить изъ нихъ, если не вполне побѣдителемъ, то и не побѣжденнымъ. Неизвѣстны намъ «непорядочные поступки», выразившіеся въ растратѣ казенныхъ денегъ, превратили Веревкина изъ директора гимназіи въ директора походной канцеляріи, состоявшей при графѣ Шанинѣ, гдѣ онъ «не только должность исправлялъ великимъ трудомъ, но и употреблялся въ опасныя проѣзды». Послѣ разныхъ мытарствъ Веревкинъ посвятилъ себя всецѣло литературной дѣятельности, которую началъ, еще будучи морякомъ, переводомъ нѣсколькихъ специальныхъ книгъ, имѣющихъ отношеніе къ морскому дѣлу. Случайно онъ сдѣлался почти что официальнымъ переводчикомъ. Однажды императрица Елизавета прочла какую-то нѣмецкую молитву, которая ей очень понравилась. Она захотѣла перевести ее на русскій языкъ, сказала графу Шувалову, и тотъ черезъ часъ принесъ готовый переводъ, который такъ понравился императрицѣ, что она приказала выдать Веревкину крупную денежную награду, и повелѣла ему «быть при кабинетѣ у перевода съ иностранныхъ на російскій языкъ» съ жалованьемъ по 750 рублей въ годъ, которое, впрочемъ, спустя нѣкоторое время, уменьшилось до 450 рублей. Долги, незначительное жалованье, дѣйствовали на него угнетающимъ образомъ. «Сами судите и рѣшите, — писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, — безъ хлѣба, денегъ ни полушки; все у меня въ домишкѣ голодно, все кричитъ о помощи. Гожусь ли я дѣйствовать мозгомъ и перомъ?». И онъ началъ усилеио переводить. Удалившись въ свое крохотное имѣніе, состоявшее изъ 33 душъ, онъ работалъ такъ усердно, что кабинетъ, на счетъ котораго печатались его переводы, считъ нужнымъ ограничить это усердіе условіемъ — печатать не болѣе 300 листовъ въ годъ. Въ его комедіяхъ почти всѣ лица отличаются большой жизненностью, держатся и говорятъ вполне естественно. Исключеніе, конечно, представляютъ тѣ изъ нихъ, на долю которыхъ приходилось «извлекать слезы» и поражать своими добродѣтелями. Веревкинъ, вѣроятно, и самъ не подозрѣвалъ, какой пѣльный жизненный типъ создалъ онъ въ лицѣ Афросиньи Сысоевны, въ комедіи «Такъ и должно», малообразованной, постоянно брюжжащей русской дворянки. Она говоритъ замѣчательно простымъ, мѣткимъ языкомъ, употре-

блаеть народныя выраженія и по своей жизненности напоминаетъ подобные типы Фонвизина.

Отчетъ Пензенской Общественной имени М. Ю. Лермонтова библиотекѣ за 1894 годъ. Характерную особенность организаціи библиотекѣ составляетъ то, что читатель, если онъ годовою подписчикъ и внесъ одновременно не менѣе трехъ рублей, хозяинъ всего библиотечнаго дѣла. Онъ избираетъ въ общемъ собраніи членовъ по собственному усмотрѣнію и не болѣе какъ на годъ правленіе библиотекѣ и ревизіонную комисію. Но выборомъ правленія не прекращается непосредственное касательство читателя-члена къ библиотекѣ. Правленіе каждый моментъ своей дѣятельности заноситъ въ протоколы своихъ засѣданій, которые, конечно, всегда могутъ быть доступны члену библиотечнаго общества. Правленіе завело книгу, гдѣ каждый читатель имѣетъ право отмѣтить тѣ иличныя неудобства въ веденіи библиотечнаго хозяйства и, наконецъ, правленіе библиотекѣ, сознавая, что оно не можетъ всецѣло ручаться за вкусъ публики, столь измѣняющійся въ книжномъ дѣлѣ въ связи съ измѣненіями литературнаго и общественнаго настроенія, завело книгу, въ которую каждый читатель можетъ записывать свои требованія о пополненіи того или иного отдѣла каталога, о выпискѣ той или иной книги. Вопросъ о пополненіи библиотекѣ покупкой книгъ самый живой, интересный и въ то же время въ высшей степени отвѣтственный для правленія; средствъ у него мало, надо ихъ сильно экономить. Долженъ быть строгій выборъ даже изъ хорошаго. Правленіе по изданіи каталога приглашаетъ членовъ библиотечнаго общества къ указанію общихъ основаній, которыми нужно руководиться въ подборѣ книгъ. Началось библиотечное дѣло безъ всякихъ опредѣленныхъ матеріальныхъ ресурсовъ. Но инициаторы надѣялись на отзывчивость общества и не обманулись въ своихъ надеждахъ. Библиотека имѣетъ 8.428 томовъ. Количество подписчиковъ въ нынѣшнемъ году равняется 425. Нужно замѣтить, что эта цифра, хотя и значительна сравнительно съ числомъ подписчиковъ въ бывшихъ частныхъ библиотекѣхъ, но все-таки ничтожна по отношенію къ 47-тысячному населенію города. Въ Астрахани почти $\frac{3}{4}$ чистой публики не пользуются книгами, въ Херсонѣ болѣе $\frac{3}{4}$, въ Нижнемъ болѣе $\frac{2}{3}$, въ Самарѣ около половины, въ Воронежѣ тоже. Существованіе въ Пензѣ частной библиотекѣ Душина и библиотекъ при различныхъ учрежденіяхъ едва ли значительно увеличитъ подсчитанную цифру читающей публики. Постановлено имѣть открытою библиотеку съ 1-го января 1894 года во всѣ воскресные и табельные дни, за исключеніемъ перваго дня пасхи, съ 11 до 2 часовъ дня и съ 6 до 10 вечера, причемъ въ послѣдній часъ и въ послѣобѣденное время по праздникамъ открывать только читальный залъ, а выдачу книгъ не производить. Циркуляція книгъ въ библиотекѣ значительна: ежедневно приходится выдавать до 90 книгъ, не считая выдачу газетъ, ежедневныхъ изданій и требованій посѣтителей читальнаго зала. Были случаи умышленнаго вырванія интересныхъ статей изъ журналовъ, два, три не болѣе. Количество выданныхъ книгъ равно 16.400, а всего затребовано книгъ 19.712. Выдача превышаетъ прошлогоднюю цифру на 3.312. Изъ таблицъ требованій на книги видно, что читаются главнымъ образомъ книги по беллетристикѣ и преимуществу русской. Выдача книгъ научнаго содержанія сравнительно незначительна. Всего выдано книгъ и журналовъ 29.050. Считая въ году 324 рабочихъ дня, выходитъ, что библиотекѣ ежедневно приходится выдавать, не считая требованій на газеты и выдачу въ читальномъ залѣ, до 90 книгъ.

† Въ Петербургѣ 1-го марта членъ Александровскаго комитета о раненыхъ, генераль-отъ-инфантеріи Мелетій Яковлевичъ Ольшевскій, извѣстный боевыми заслугами при покореніи Кавказа и литературными трудами. Онъ воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и кончилъ курсъ наукъ въ 1840 г. въ военной академіи. Не смотря на постоянныя боевыя опасности, онъ былъ только разъ раненъ въ кисть правой руки, за то подъ нимъ было убито 3 лошади и 2 ранено. Въ числѣ орденовъ онъ имѣлъ Георгія 4-й степени и

золотое оружіе. Онъ несъ военную службу почти 62 года. Въ 1883 г. праздновался его 50-лѣтній юбилей. Онъ оставилъ много трудовъ въ архивахъ Кавказа, по описанію горцевъ. Часть его сочиненій была напечатана въ газетѣ «Кавказъ», «Кавказскомъ Календарѣ», въ «Русской Старинѣ» 1879—1880 гг. Имъ же издана въ 1888 г. брошюра: «О продовольствіи арміи въ военное время». За изслѣдованія о горахъ географическое общество избрало его въ 1852 г. своимъ членомъ сотрудникомъ.

† Въ Калугѣ, 27-го февраля, на 25-мъ году жизни молодой поэтъ, подававшій большія надежды, Иванъ Осиповичъ Лялечиничъ. Онъ родился въ Пензѣ въ 1870 г., въ 1890 г. кончилъ курсъ въ сызранскомъ реальномъ училищѣ и по окончаніи его поступилъ въ Петербургскій дѣсной институтъ. Онъ сотрудничалъ преимущественно въ иллюстрированныхъ журналахъ: «Сѣверъ», «Живописномъ Обзорѣннѣ», «Звѣздѣ», въ «Будильникѣ», также въ «Наблюдателѣ», «Недѣлѣ» и «Трудѣ». Въ послѣднее время И. О. состоялъ сотрудникомъ «Новостей» и «Петербургской Жизни». Послѣ него остался почти приготовленный къ печати сборникъ стихотвореній, который будетъ изданъ его друзьями.

† 7-го марта, одинъ изъ скромныхъ и добросовѣстныхъ литературныхъ тружениковъ Леонидъ Павловичъ Весинъ. Онъ помѣщалъ статьи по политико-экономическимъ вопросамъ и по педагогіи въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Семѣ и Школѣ», «Народной Школѣ» и въ «Новостяхъ». Изъ его произведеній педагогическаго и дидактическаго характера лучшія «Историческій обзоръ учебниковъ географіи со времени Петра великаго» и «О неудовлетворительности современнаго положенія въ Россіи географіи, какъ учебнаго курса». По окончаніи курса въ Петербургскомъ университетѣ, онъ служилъ съ 1873 г. въ министерствѣ финансовъ. Подъ его непосредственнымъ руководствомъ напечатаны статистическіе обзоры по департаменту неокладныхъ сборовъ съ 1889 г. Въ 1893 г., когда министерство финансовъ составляло для всемірной выставки въ Чикаго обзоръ главнѣйшихъ отраслей промышленности въ Россіи въ связи съ ея торговлей, изданный подъ заглавіемъ «Фабрично-заводская промышленность и торговля Россіи», покойный участвовалъ въ составленіи этого обзора и написалъ для него статьи о табачной фабрикаціи и производствѣ жирныхъ маслъ. Вопросъ о табаководствѣ былъ особенно подробно разработанъ Л. П. Весиннымъ въ 1887—1888 годахъ при составленіи «Обзора табаководства въ Россіи». Умеръ онъ 46-ти лѣтъ.

† 16-го февраля авторъ многихъ стихотвореній Иванъ Петровичъ Ключниковъ, подписывавшій свои произведенія псевдонимомъ «—Θ—». И. П. послѣдніе годы жизни провелъ безвыѣздно въ своемъ хуторѣ Криничномъ, Сумскаго уѣзда, Харьковской губерніи. Многие считали покойнаго уже давно умершимъ. Въ этомъ былъ увѣренъ, между прочимъ, и покойный М. И. Семевскій, отмѣтившій смерть И. П. Ключникова въ своемъ альбомѣ «Знакомые», изданномъ въ 1888 году. Литературной извѣстностью И. П. пользовался съ 40-хъ годовъ, когда его стихотворенія печатались въ «Современникѣ», «Отечественныхъ Запискахъ» и «Московскомъ Наблюдателѣ». Кромѣ стихотвореній, перу покойнаго принадлежитъ повѣсть «Любовная сказка» («Отеч. Зап.», 1849 г.). Въ 50-хъ годахъ онъ прервалъ надолго свою литературную дѣятельность. Послѣднія его стихотворенія «Новый годъ писателя», «Передъ иконой Богоматери» и другія были напечатаны въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ 1883 и 1886 годахъ. И. П. Ключниковъ родился 2-го декабря 1811 года. Учился въ московской первой гимназій, кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ на словесномъ отдѣленіи и затѣмъ въ продолженіе многихъ лѣтъ преподавалъ исторію и литературу въ московскомъ дворянскомъ институтѣ. Въ 40-хъ годахъ онъ принималъ участіе въ литературныхъ занятіяхъ извѣстнаго кружка Н. В. Станкевича.

† 5-го марта, Николай Амуратовичъ Туганъ-Мирза-Барановскій, извѣстный въ литературномъ мірѣ подъ псевдонимомъ «Н. Тембе». Н. А. былъ выдающійся

по своимъ познаніямъ талмудистъ. Его статьи, посвященныя разъясненію талмудизма, были напечатаны въ «Новомъ Времени». Большею частью онъ сотрудничалъ въ специальныхъ юридическихъ изданіяхъ и въ «Наблюдателѣ». Н. А. родился въ 1854 году въ Варшавѣ, получилъ образованіе въ училищѣ Правовѣдѣнія. По окончаніи курса онъ служилъ въ Петербургскомъ судебномъ округѣ сначала слѣдователемъ, потомъ товарищемъ прокурора. Въ прошломъ году онъ вышелъ въ отставку и открылъ нотаріальную контору на Невскомъ. Вдова и двѣ маленькія дочери покойнаго остались безъ средствъ къ существованію.

† 15-го марта Александра Константиновна Европеусъ. Она обладала хорошимъ образованіемъ и 30 лѣтъ посвятила литературнымъ работамъ. Шестнадцать слѣшкомъ лѣтъ она служила корректоромъ при типографіи министерства путей сообщенія, работала въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», въ «Русскомъ Мирѣ» во время редакторства Черняева. Подъ псевдонимомъ А. К. Владиміровой были напечатаны ея сочиненія: «Безъ вины виноватыя», «Законоположеніе о незаконнорожденныхъ», «О воспитательныхъ домахъ въ Европѣ и Америкѣ». Очень много статей для дѣтскаго возраста напечатала она въ журналѣ «Игрушечка». А. К. отличалась рѣдкой добротою сердца и много помощи оказала нуждающимся, не смотря на то, что сама существовала единственно литературною работою.

† 25-го марта, сынъ бѣднаго священника добившійся своими трудами и способностями званія министра, членъ государственнаго совѣта Иванъ Алексѣевичъ Вышнеградскій. Онъ родился 20-го декабря 1831 года. По окончаніи курса въ физико-математическомъ отдѣленіи главнаго педагогическаго института, въ 1851 г., поступилъ учителемъ математики во 2-й петербургскій кадетскій корпусъ. Въ 1854 году получилъ степень магистра математики, защитивъ диссертацию «О движеніи системы матеріальныхъ точекъ, опредѣляемой полными дифференціальными уравненіями». Въ 1858 г. принялъ на себя преподаваніе механики въ артиллерійской академіи и по заказу ученаго комитета академіи написалъ и издалъ въ 1860 г. учебникъ «Элементарная механика». Въ 1861 г., на средства артиллерійской академіи, отправился на 1½ года за границу для приготовленія къ званію профессора практической механики, занимался въ Карлсруэ изученіемъ построенія машинъ въ политехникумѣ, въ 1862 г. утвержденъ въ званіи профессора практической механики въ артиллерійской академіи и въ петербургскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ. Въ послѣднемъ онъ, кромѣ того, читалъ лекціи механической теоріи теплоты и теоріи устройства паровыхъ двигателей. Въ 1875 г. назначенъ былъ директоромъ технологическаго института, продолжая чтеніе лекцій. Для технологическаго института И. А. сдѣлалъ много и увеличилъ для студентовъ института стипендіи съ 240 до 360 рублей. При немъ же въ институтѣ, съ 1877 года, начали издаваться «Извѣстія технологическаго института». Многочисленные научные труды Вышнеградскаго по механикѣ переведены на нѣмецкій и французскій языки. Въ парижской академіи наукъ дѣлались прямыя указанія на чрезвычайную важность научныхъ выводовъ, сдѣланныхъ И. А. въ его «Механической теоріи теплоты». Состоя по 1878 г. инженеромъ-механикомъ главнаго артиллерійскаго управленія, И. А. принималъ участіе въ постройкахъ оружейнаго завода и охтенскаго порохового завода, при чемъ имъ устроены машины для подъема орудій, прессъ для призматическаго пороха, турбины, канато-проводочная передача силъ и пр. Какъ практической дѣятель, онъ работалъ въ петербургскомъ обществѣ водопроводовъ, гдѣ былъ директоромъ, въ обществѣ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ и въ другихъ желѣзнодорожныхъ правленіяхъ. Въ обустройствѣ городскихъ дѣлъ онъ принималъ дѣятельное участіе, также въ трудахъ комисіи графа Баранова по изслѣдованію желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. Въ 1884 г. И. А. назначенъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія и представилъ выработанный имъ проектъ нормальнаго образованія

Въ 1886 г. назначенъ членомъ государственнаго совѣта по департаменту государственной экономіи, а въ 1887 г. министромъ финансовъ. Уволенъ весною 1892 года.

† Въ Москвѣ, въ ночь на 2-е апрѣля, извѣстный купецъ Николай Петровичъ Ланинъ, бывшій издатель «Русскаго Курьера». Онъ родился въ 1832 году въ небогатой купеческой семьѣ и своимъ довольно значительнымъ впоследствии состояніемъ обязанъ исключительно трудолюбію и изобрѣтательности. Получивъ образованіе въ третьей московской гимназіи, онъ поѣхалъ за границу и, занявшись тамъ химіей, могъ, по возвращеніи въ Россію, приступить къ производству шипучихъ ягодныхъ водъ, славящихся до сихъ поръ. Въ то время это дѣло было у насъ совершенно новое, и Ланинъ нажилъ на немъ состояніе. Состоя гласнымъ московской думы, Ланинъ отличался прямою и рѣзкоюю своихъ сужденій, часто одностороннихъ и оригинальныхъ. Его нельзя возводить ни въ земскіе мудрецы, ни въ крупные дѣятели: наглядныхъ плодовъ его ораторская энергія въ былой думѣ не оставила. Но бывають эпохи, когда самая охота судить и рѣшать, самая охота къ живому, участливому слову — уже настоящее дѣло. Московская дума до Алексѣева была царствомъ соннымъ; спала она и при Алексѣевѣ, но за то не спалъ самъ Алексѣевъ, ворукая Москву, какъ ему хотѣлось и вдумалось. Прежде же былъ сонъ поголовный и непробудный. Въ этомъ сумеречно-дремотномъ учрежденіи Ланинъ игралъ роль будильника. Западникъ до фанатизма — онъ всѣ и сужденія, и рѣчи, и мнѣнія свои посвящалъ неизмѣнно на пользу просвѣщенія, мирнаго и прочнаго прогресса родной стороны, и этотъ отгѣнокъ всеобщаго благожелательства дѣлалъ симпатичными даже самыя его ошибки. Въ быту московскаго купечества Ланинъ тоже оказался своеобразнымъ полезнымъ человѣкомъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ пионеровъ европействованія, переродившаго, менѣе чѣмъ въ четверть вѣка, московскаго лапца изъ «бороды» въ «буржуа». Его домъ, поставленный на англійскій лады, его вечера, гдѣ почти не бывало купечества, а больше пировали профессора, художники, артисты, учащаяся молодежь, — все это производило впечатлѣніе, и примѣръ не оставался безслѣднымъ. Онъ просто сгоралъ платонической страстью ко всему «образованному» и желалъ проводить свое время среди образованныхъ людей. Онъ понималъ, однако, что ему самому очень трудно стоять во главѣ газетнаго дѣла, и онъ поручалъ веденіе «Русскаго Курьера» гг. Нефедову, Гольцеву и др. Въ рукахъ этихъ лицъ «Русскій Курьеръ» имѣлъ значительный успѣхъ, особенно своими статьями о «кукуевцахъ», противъ скопинскаго банка г. Рыкова и нѣкоторыхъ южныхъ газетъ, закупленныхъ желѣзнодорожными объявленіями. Однако, многочисленныя стѣсненія и, наконецъ, послѣдняя шестимѣсячная принудительная приостановка газеты вынудили Ланина совсѣмъ не возобновлять ея изданіе. Испытанныя имъ огорченія отразились на его крѣпкомъ здоровьѣ. Въ 1891 году онъ страдалъ нервнымъ разстройствомъ, выразившимся въ предствленіи о томъ, что весь хлѣбъ Россіи находится у него въ животѣ, что онъ самъ весь его съѣлъ и является виновникомъ голода; онъ несказанно мучился, но исцѣлился отъ этой маіи довольно интереснымъ въ научномъ смыслѣ образомъ. Онъ упалъ и сломалъ себѣ ногу. По выдвореніи ноги, онъ одновременно почувствовалъ себя психически здоровымъ. Послѣдніе годы онъ провелъ болѣе замкнуто и умеръ скоропостижно.

Поправка. Въ статьѣ «Памяти Н. С. Лѣскова», напечатанной въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», на стр. 189 вкрался слѣдующій недосмотръ, а именно: цитируемое Лѣсковымъ выраженіе изъ стихотворенія Майкова приписано Жемчужникову.

— Кто именно?

— Султанъ и его наслѣдникъ.

Княжна Ирина не произнесла ни слова, а Лизандръ предложилъ свѣтъ съ портика турецкую надпись. Но дервишъ воскликнулъ:

— Не дѣлай этого, княжна! Кто бы ни оставилъ этой надписи: самъ Мурадъ, или Магометъ, или посланный одного изъ нихъ, она означаетъ, что твое жилище взято подъ покровительство повелителя турокъ. Если бы завтра возникла война съ турками, то твой дворецъ будетъ находиться въ полной безопасности отъ нихъ.

Итакъ, княжна Ирина узнала, что «Поющій Шейхъ» и комендантъ Бѣлаго замка были однимъ и тѣмъ же лицомъ: сыномъ султана, Магометомъ. Три раза онъ являлся къ ней, смѣло высказалъ свою любовь и предложилъ ей свою руку. Надписью же на портикѣ онъ, очевидно, хотѣлъ сказать, что удалется безъ отчаянія въ сердцѣ. Все это было такъ ново, неожиданно, что самыя противорѣчивыя мысли наполнили голову молодой дѣвушки. Но среди этихъ чувствъ не было мѣста для гнѣва.

Между тѣмъ, Магометъ, возвращаясь въ Бѣлый замокъ, выдержалъ тяжелую борьбу самъ съ собою. Все, что случилось съ нимъ въ послѣдніе дни, было такъ странно, такъ знаменательно. Отецъ вызвалъ его изъ Магнезіи, гдѣ онъ управлялъ провинціей, въ Адрианополь, такъ какъ выбралъ ему невѣсту, дочь могущественнаго эмира. По общему правилу ему слѣдовало переправиться чрезъ Геллеспонтъ въ Галиполи, но ему вздумалось заѣхать въ Бѣлый замокъ, а тамъ онъ увидалъ княжну Ирину. Съ перваго же взгляда на нее онъ забылъ о своей невѣстѣ и влюбился въ нее, какъ безумный. Теперь же, возвращаясь изъ Терапіи, онъ далъ себѣ слово овладѣть Константинополемъ не столько для своей славы и торжества магометанъ, какъ ради того, чтобы сдѣлаться мужемъ Ирины.

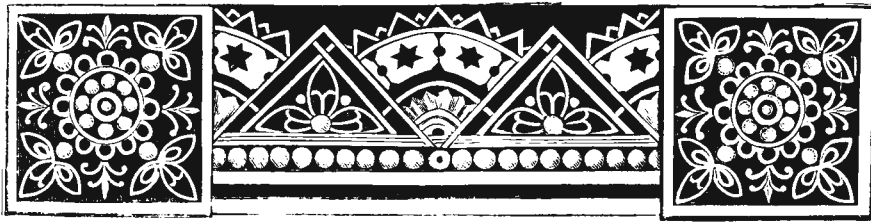

А. Апухтинъ

АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ АПУХТИНЪ

ДОВ. ЦЕНЗ. СПБ., 24 МАРТА 1895 Г.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

БЛАХЕРНСКІЙ ДВОРЕЦЪ.

I.

У императора.

НЯЗЬ Индіи не ошибся въ своихъ расчетахъ, что императоръ пригласитъ его во дворецъ. На третій день послѣ приключенія въ Бѣломъ замкѣ, у дверей дома, гдѣ онъ жилъ, остановился придворный голецъ и, введенный въ кабинетъ ученаго мистика, объявилъ, что его величество шлетъ поклонъ князю Индіи и назначаетъ ему аудіенцію въ этотъ день, въ три часа, въ Блахернскомъ дворцѣ.

Нечего и говорить, что это приглашеніе было принято съ должнымъ выраженіемъ благодарности.

Въ положенный часъ князь Индіи вышелъ изъ дома и сѣлъ въ ожидавшій его паланкинъ. По всему было видно, что онъ обратилъ особое вниманіе на свою виѣшность. Борода его была безпорочно бѣла. Тюрбанъ бѣлый, шелковый, поражалъ блестящимъ перомъ изъ брилліантовъ. Длинная черная бархатная, одежда была препоясана желтымъ кушакомъ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями. На боку у него висѣла сабля съ богатой рукояткой. Широкіе бѣлые атласные шаровары и красные, шитые золотомъ, туфли доканчивали его нарядъ.

Шествіе князя Индіи по улицамъ Константинополя было самое торжественное. Впереди шелъ Нило въ своемъ варварски сверкающемъ костюмѣ, за нимъ, четверо слугъ несли паланкинъ, подлѣ котораго шелъ Сіама въ голубой парадной одеждѣ, а позади двигались еще двое слугъ въ такой же одеждѣ; одинъ изъ нихъ держалъ большой бумажный зонтикъ, а другой подушку громаднѣхъ размѣровъ.

Привлеченная этимъ зрѣлищемъ толпа сопровождала съ любопытствомъ князя Индіи до самаго дворца.

Этотъ дворець былъ хорошо извѣстенъ старику, и онъ не разъ бывалъ въ немъ при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ, а потому онъ ждалъ безъ особаго интереса увидѣть императорскую резиденцію.

Миновавъ ворота св. Петра на Золотомъ Рогѣ, процессія остановилась у большихъ воротъ дворца. Князь Индіи вышелъ изъ паланкина и, заявивъ о своемъ имени дежурному офицеру, сталъ ожидать допущенія во внутренность дворца.

Онъ стоялъ на мраморной площадкѣ, окруженной высокой стѣной и въ концѣ которой, между двумя восьмиконечными башнями, открывался крытый проходъ. По обѣ его стороны возвышались двѣ большія статуи Побѣды съ трубами въ рукахъ, а у подножія этихъ статуй стояли скамьи изъ порфира для часовыхъ. Нѣсколько изъ нихъ теперь сидѣли, а остальные стояли, вытянувшись во весь ростъ; всѣ одинаково были въ мѣдныхъ шлемахъ и кирасахъ, украшенныхъ серебромъ. Они отличались русыми бородами, высокимъ ростомъ и громадными сѣкирами. Князь Индіи тотчасъ узналъ въ нихъ императорскихъ тѣлохранителей, извѣстныхъ подъ названіемъ варангіевъ и состоявшихъ изъ датчанъ, саксовъ, германцевъ и швейцарцевъ. Но его взглядъ скользнулъ не останавливаясь по ихъ лицамъ и остановился на возвышавшейся передъ нимъ горѣ. Въ его памяти воскресло зрѣлище, котораго онъ былъ очевидцемъ на этомъ мѣстѣ въ 449 году. Тогда сильное землетрясеніе уничтожило городскія стѣны, и Феодосій, возстановивъ ихъ, оставилъ за ними весь сѣверовосточный горный скатъ, заросшій лѣсомъ, и только въ одномъ мѣстѣ сохранилъ по сю сторону ограды первобытную Блахернскую церковь, посвященную Богородицѣ. Близъ этой церкви императоры устроили себѣ резиденцію, вдали отъ церковныхъ церемоній, которыя чрезвычайно ихъ тяготили, а на берегу Золотого Рога развели зоологическій садъ, называвшійся кинигіономъ. Впослѣдствіи къ этому саду прибавленъ былъ амфитеатръ, въ которомъ производились бои львовъ и слоновъ, а по временамъ отдавали на съѣденіе дикимъ звѣрямъ преступниковъ и еретиковъ.

Онъ также вспомнилъ, что прежніе императоры предпочитали жить въ Буколеонскомъ дворцѣ, на Мраморномъ морѣ, гдѣ онъ близко зналъ Юстиніана, Гераклія, Ирину и Порфирородныхъ.

Въ особенности сохранились хорошо въ его памяти отношенія къ императору Гераклию, въ царствованіе котораго овары и персы опустошили Скутари на западномъ берегу Босфора и осадили Константинополь. Такая паника овладѣла византійцами, что они едва не подчинились врагамъ; но патріархъ Сергій спасъ Царьградъ. Онъ вынесъ на городскія стѣны св. панагію и прошелъ съ нею вокругъ всего города. Враги вскорѣ послѣ того бѣжали со страхомъ, увѣряя, что на нихъ посыпались стрѣлы отъ невидимыхъ воиновъ, и они видѣли на городскихъ стѣнахъ женщину въ бѣломъ. Спасенные византійцы признали, что эта женщина была Богородица, и съ тѣхъ поръ посвятили свой городъ ея святому имени, а императоръ выстроилъ на мѣстѣ старой церкви новую, болѣе великолѣпную, для защиты которой онъ всю гору окружилъ крѣпкой стѣной и внесъ Блахернъ въ предѣлы города. Мало-по-малу эта церковь все увеличивалась пристройками и отдѣльными часовнями. Последняя изъ нихъ по постройкѣ заключала въ себѣ св. панагію, и въ нее не имѣлъ доступа никто, кромѣ императора, а если князь Индіи однажды и проникъ туда, то лишь по особому императорскому разрѣшенію, и онъ сохранилъ живую память о священной хоругви, окруженной безчисленными драгоценностями. Не разъ эта церковь горѣла, но часовня съ панагіей сохранялась отъ огня, также какъ и отъ землетрясеній и морскихъ валовъ.

Пока князь Индіи вспоминалъ обо всемъ этомъ, тѣлохранители съ любопытствомъ разсматривали его, и одинъ изъ нихъ уронилъ даже свою сѣкиру, не обративъ этимъ на себя вниманія старика, а возбудивъ въ его головѣ лишь новый рядъ воспоминаній. Теперь онъ перенесся въ 865 годъ, когда Константинополь былъ снова осажденъ, но на этотъ разъ русскими, подъ начальствомъ Аскольда и Дира. Они явились на многочисленныхъ судахъ, высадились на европейскомъ берегу и, опустошивъ все на своемъ пути, подступили къ городу. Патріархъ Фотій убѣдилъ императора вынести св. панагію на берегъ и погрузить ее въ воду Босфора. Въ то же мгновеніе вода въ проливѣ забурлила, какъ въ кипящемъ котлѣ, русскія суда погибли всѣ безъ исключенія, а люди, спасшіеся отъ смерти, поспѣшили въ Блахернскую церковь и потребовали, чтобы ихъ крестили въ христіанскую вѣру.

Потомъ передъ его глазами возсталъ образъ Петра Пустынника, котораго торжественно принимали въ этомъ дворцѣ въ 1096 году. Также ясно вспоминалъ онъ и объ аудіенціи у Алексѣя Комнена Годфрида Бульонскаго съ его рыцарями. Еще живѣе представилась ему картина осады Константинополя въ 1093 году варангіями, которые разбили на голову хвастливаго графа Монферата и толстаго графа Фландрскаго, не смотря на помощь, оказанную имъ галерами стараго Дондолы. Храбрые молодцы были эти варангіи! Равнялся ли по мужеству и храбрости теперешній ихъ отрядъ своимъ предше-

ственникамъ? Онъ вопросительно взглянулъ на воиновъ, сидѣвшихъ на каменныхъ скамьяхъ, и подумалъ, что, быть можетъ, на его вопросъ скоро будетъ данъ отвѣтъ.

Пока онъ размышлялъ такимъ образомъ, къ нему подошелъ придворный въ мундирѣ и пригласилъ его слѣдовать за нимъ къ его величеству. При этомъ онъ извинился, что князя Индіи такъ долго задержали, но нельзя было сразу доложить о его посѣщеніи императору, такъ какъ послѣдній былъ занятъ устройствомъ церемоніи, которая должна была произойти сегодня вечеромъ.

Они двинулись въ путь и, миновавъ двѣ террасы, остановились передъ третьей, гдѣ рабочіе воздвигали балдахинъ изъ краснаго сукна.

— Здѣсь, князь,—сказалъ придворный:—если я не ошибаюсь, ты будешь присутствовать на вечерней церемоніи.

Въ эту минуту передъ глазами старика показался Блахернскій дворецъ, чудо византійскаго искусства и царственной роскоши.

II.

Разговоръ съ Константиномъ.

На третьей террасѣ передъ мраморными воротами князь Индіи вышелъ изъ паланкина, и придворный учтиво сказалъ:

— Моя обязанность еще не кончена, пожалуй за мной.

— А мои слуги?

— Твои слуги будутъ ждать здѣсь.

Они стояли близъ лѣваго угла флигеля, который значительно выдавался изъ общаго фасада дворца. Самое зданіе, стѣна и ворота были изъ бѣлаго мрамора.

Сказавъ нѣсколько словъ Сіамѣ, князь Индіи послѣдовалъ за своимъ проводникомъ въ ворота, за которыми поднималась лѣстница и, взоидя по ней, они прошли нѣсколько шаговъ, пока не остановились передъ дверью.

— Это пріемная,—сказалъ придворный:—войди.

Четыре окна, завѣшанныя тяжелыми занавѣсами, освѣщали эту комнату. Посрединѣ стоялъ массивный столъ, а подлѣ него полированная мѣдная жаровня. Пестрые коврики были разбросаны по полу, а вдоль крашеныхъ стѣнъ стояли точеные стулья. Попросивъ гостя сѣсть, придворный поклонился и исчезъ.

Спустя нѣсколько минутъ, въ комнату вошло двое, красиво одѣтыхъ слугъ съ подносами, на которыхъ находились фрукты—свѣжіе и засахаренные, пряники, шербетъ, вино и вода. За ними явился новый придворный и просилъ князя Индіи оказать честь угощенію.

Гостя снова оставили наединѣ, и хотя онъ сталъ ѣсть и пить, но его очень удивляла странная тишина, царившая во всемъ зданіи.

Вскорѣ вошелъ третій придворный и, учтиво извинившись за беспокойство, сказалъ:

— Я придворный деканъ и въ отсутствіи Франзы исполняю его обязанности.

Видя, что деканъ пристально осматриваетъ его съ головы до ногъ, князь Индіи заявилъ, что очень радъ съ нимъ познакомиться, такъ какъ онъ пользовался извѣстностью во всемъ городѣ, какъ умный, любезный и преданный царедворецъ.

— Я пришелъ, князь,— сказалъ онъ:— посмотрѣть, готовъ ли ты для аудіенціи.

— Я готовъ.

— Такъ пойдѣмъ къ его величеству.

И, откинувъ портьеру, придворный пропустилъ впередъ гостя.

Они вошли въ обширный внутренній дворъ, окруженный со всѣхъ сторонъ галлереей на колоннахъ. На четвертой сторонѣ возвышалась великолѣпная лѣстница, которая сначала занимала всю ширину стѣны, а потомъ, съ широкой площадки, раздавалась и вела двумя входами на галерею. Полъ, ступени, балюстрада и колонны были изъ краснаго мрамора; лѣстница освѣщалась сверху изъ отверстія въ потолкѣ.

На ступеняхъ стояли вооруженные офицеры и такъ неподвижно, что казались статуями. На галереяхъ находились еще другіе вооруженные люди. Всюду царилъ полная тишина. Подойдя къ полукруглой двери, князь Индіи заглянулъ въ нее и увидаль въ концѣ глубокой комнаты подъ пурпурнымъ балдахиномъ тронъ, на которомъ сидѣлъ императоръ.

— Мы сейчасъ будемъ въ присутствіи его величества,— сказалъ вполголоса придворный:— слѣдуй во всемъ моему примѣру.

Они вошли въ залъ торжественныхъ аудіенцій. Придворный остановился на порогѣ, сложилъ руки на груди и упалъ на колѣни, опустивъ глаза внизъ; потомъ онъ всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и опять всталъ на колѣни, затѣмъ продолжалъ подвигаться и наконецъ совершенно распростерся на землѣ. Князь Индіи пунктуально повторялъ всѣ эти движенія, съ тѣмъ только различіемъ, что передъ послѣднимъ поклоненіемъ онъ поднялъ обѣ руки къ верху, по обычаю восточныхъ народовъ. Бархатный коверъ лежалъ на полу отъ двери до трона, и потому колѣнопреклоненіе могло совершаться съ большимъ удобствомъ.

У балдахина съ лѣвой стороны стоялъ громаднаго роста солдатъ съ копьемъ и щитомъ для предохраненія императора отъ измѣны; съ другой стороны, у самаго трона, помѣщался воинъ съ обнаженной головой и обнаженными ногами, въ желтой туникѣ, туфляхъ, вышитыхъ золотомъ, и съ большимъ мечемъ въ рукахъ. Вдоль стѣны

тянулся длинный рядъ военныхъ, гражданскихъ и духовныхъ сановниковъ въ установленной парадной одеждѣ. Здѣсь, также какъ и въ пріемной, царила невозмутимая тишина.

— Встань,—сказалъ императоръ, не двигаясь съ мѣста.

Гость повиновался.

Послѣдній изъ Палеологовъ былъ въ торжественной одеждѣ. На головѣ его была пурпурная бархатная шапка съ золотымъ вѣнчикомъ вокругъ, украшенная брилліантами. Нижняя одежда состояла изъ темнопурпурнаго бархата, а сверху была накинута такая же мантія, обшитая жемчугомъ. Тронъ былъ четырехугольный безъ ручекъ и спинки, съ инкрустаціей изъ серебра и слоновой кости, а для рукъ на переднихъ оконечностяхъ были придѣланы золотые шары. Правой рукой императоръ опирался на одинъ изъ этихъ шаровъ, а другая у него оставалась свободна. На обнаженной шеѣ видѣлись четыре нити жемчуговъ, которыя соединялись съ вѣнцомъ на головѣ такими же нитями, ниспадавшими съ обѣихъ сторонъ головы, за ушами. Поза императора была спокойная и полная достоинства. Лице его дышало благородствомъ, и вообще князь Индіи не могъ не признать, что онъ рѣдко видывалъ такого величественнаго государя.

— Путь къ намъ довольно трудный, и я надѣюсь, что ты не очень усталъ,—сказалъ Константинъ, желая ободрить своего гостя.

— Государь если бы этотъ путь былъ во много разъ труднѣе, то я охотно поборолъ бы всѣ трудности, чтобы удостоиться чести быть принятымъ императоромъ, который славится во всѣхъ странахъ, въ томъ числѣ и на моей родинѣ.

Почтительный, придворный тонъ этого отвѣта не избѣгъ вниманія императора. Прежде чѣмъ пригласить къ себѣ этого страннаго человѣка, онъ приказалъ навести о немъ справки, которыя разсѣяли всѣ его сомнѣнія; но если бы оставалась хоть тѣнь ихъ, то ее ступевало бы замѣчательное обращеніе князя Индіи.

— Принеси вина,—сказалъ Константинъ, обращаясь къ одному изъ придворныхъ слугъ, а потомъ, взглянувъ на гостя, продолжалъ:—чѣмъ бы ты ни былъ, браминь, или мусульманиномъ, но я увѣренъ, что ты не откажешься отъ глотка хіосскаго вина.

— Я не магометанинъ и не браминъ. Моя вѣра учить меня быть благодарнымъ Богу за всѣ милости, расточаемыя Имъ всѣмъ, кого Онъ создалъ. Я съ благодарностью выпью кубокъ, который ты, государь, предлагаешь мнѣ.

Эти слова были произнесены почти съ дѣтской простотой, хотя они имѣли ясную цѣль возбудить любопытство императора. Послѣдній уже хотѣлъ спросить своего страннаго гостя, къ какой же религіи онъ принадлежалъ, когда вошелъ въ комнату виночерпій, юноша съ длинными русыми кудрями, и, преклонивъ колѣна, подаль серебряный подносъ съ двумя золотыми чашами и хрусталь-

нымъ кувшиномъ. По знаку императора деканъ взялъ кувшинъ, наполнилъ обѣ чаши виномъ и подалъ одну императору, а другую гостю.

— Князь Индіи,—сказалъ Константинъ:— я пригласилъ тебя сюда, чтобы выразить тебѣ мою благодарность за важную услугу, оказанную тобой моей родственницѣ, княжнѣ Иринѣ, во время ея недавняго заключенія въ Бѣломъ замкѣ. По ея словамъ, губернаторъ замка оказалъ ей самое любезное гостепрѣимство и старался всѣми силами сдѣлать пріятнымъ ея пребываніе тамъ. Не смотря на неблагоприятныя условія, въ которыхъ она очутилась, княжна говоритъ, что она провела тамъ время съ большимъ удовольствіемъ. Я отправилъ въ замокъ посланнаго съ выраженіемъ моей признательности губернатору. Но, по свидѣтельству княжны, я не менѣе обязанъ тебѣ, чѣмъ ему.

— Государь,—отвѣчала князь Индіи, качая головой:—буря угрожала мнѣ такой же опасностью, какъ и княжнѣ, а потому я рѣшительно не понимаю, какъ я могъ услужить твоей родственницѣ, такъ какъ все, что я дѣлалъ, имѣло цѣлью оградить и меня самого. Напротивъ, я долженъ признаться, государь, передъ всѣми этими благородными свидѣтелями, что я гораздо болѣе обязанъ твоей родственницѣ, чѣмъ она мнѣ. Если бы она съ удивительнымъ мужествомъ и ловкостью не сослалась на свое высокое происхожденіе и не поставила на государственную почву вопроса о гостепрѣимствѣ въ замкѣ, то я и моя дочь...

— У тебя есть дочь?

— Да, государь. Продолжаю, что если бы не твоя родственница, то я, моя дочь и слуги были бы брошены въ рѣку близъ замка. Я позволяю себѣ сказать, государь, что никогда бѣдному страннику не была протянута такъ милосердно и великодушно рука помощи, какъ это сдѣлала твоя родственница. Позвольте мнѣ прибавить, что хотя я выжилъ изъ тѣхъ лѣтъ, когда люди предаются восторженному настроенію, но рѣшительно считаю, что княжна по своему уму, добротѣ и красотѣ достойна быть женою лучшаго изъ государей, а если ея судьба не будетъ такова, то это лишь произойдетъ по непонятной ошибкѣ Провидѣнія.

Всѣ придворные, мало-по-малу покинувшіе свои мѣста вдоль стѣнъ и окружившіе съ любопытствомъ чужестранца, были поражены его послѣдними словами, такъ какъ до сихъ поръ вопросъ о сватовствѣ императора съ княжной Ириной оставался открытымъ. Поэтому они старались теперь прочесть его разрѣшеніе на лицѣ Константина; но оно, какъ всегда, оставалось таинственной маской.

— Твои слова вполне справедливы и доказываютъ, что ты умѣешь распознавать женщинъ,—отвѣчала Константинъ:—я буду знать, что можно полагаться на твое сужденіе и въ другихъ важныхъ вопросахъ. Но полагаясь на слова тобой же прославленной

княжны, я долженъ повторить, что глубоко обязанъ тебѣ за оказанныя ей услуги. Желаю тебѣ долго здравствовать, князь Индіи, и всегда находится, какъ теперь, среди друзей, которые готовы оказать тебѣ всевозможныя дружескія одолженія.

И онъ поднялъ чашу съ виномъ.

— Благодарю за твое милостивое вниманіе, государь,—отвѣчала гость.

И они оба выпили залпомъ вино.

— Сидѣнье для князя Индіи,—произнесъ императоръ.

Но когда принесли стулъ, то князь отказался сѣсть, говоря:

— Въ моемъ дворцѣ, такъ какъ дома я исполняю обязанности государя, мнѣ часто приходится давать аудіенціи, которыя мы называемъ дурбарамы, и тогда ни одинъ человѣкъ, стоящій ниже меня, не можетъ сидѣть въ моемъ присутствіи. Я вижу, что ты, государь, хочешь совершенно пристыдить меня чрезвычайными почестами, и если я отказываюсь отъ этой именно почести, то не потому, что хотѣлъ бы тебя учить, а потому, что не желаю нарушить самъ установленныхъ мною для другихъ правилъ.

Одобрительный ропотъ пробѣжалъ среди придворныхъ, и ловкій князь Индіи сумѣлъ расположить ихъ въ свою пользу, также какъ онъ уже расположилъ Константина.

— Конечно,—произнесъ императоръ: — установители закона должны первые его исполнять, и нѣтъ причины отказывать человѣку въ исполненіи такой святой обязанности, а потому да будетъ потвоему, князь.

Рѣшеніе императора было встрѣчено всеобщими рукоплесканіями, а когда они умолкли, онъ продолжалъ:

— Я знаю, что въ Индіи существуютъ особыя религіозныя церемоніи, и, вѣроятно, ты, князь, свято чтить ихъ, а потому я никогда не рѣшусь пригласить тебя принять участіе въ нашихъ греческихъ церковныхъ церемоніяхъ. Одна изъ нихъ произойдетъ сегодня вечеромъ. Она состоитъ изъ процессіи монаховъ, представителей святыхъ обителей нашего города и окрестныхъ острововъ. Они выйдутъ изъ города при закатѣ солнца, и я ихъ встрѣчу здѣсь у двери часовни Блахернской Божіей Матери. Они проведутъ ночь колѣнопреклоненно въ молитвѣ, вспоминая о страданіяхъ Спасителя въ Геосиманскомъ саду. Хотя я не знаю, какую вѣру ты исповѣдуешь, князь, но полагаю, что тебѣ будетъ интересно присутствовать при этой церемоніи, а потому я приказала приготовить тебѣ мѣсто, съ котораго ты могъ бы видѣть процессію, когда она поднимется по террасамъ, окружающимъ дворецъ. Всякій, кто видаль это поразительное зрѣлище, уносилъ съ собою убѣжденіе, какъ тверда власть Христа надъ человѣческими душами.

— Государь, ты слишкомъ любезенъ для меня. Меня сильно интересуетъ эта процессія. Если мы никогда не можемъ надѣяться

увидѣть Бога нашими земными глазами, то наиболѣе подходящимъ къ этому невозможному лицезрѣнію зрѣлице толпы, ясно выражающей свою любовь къ Богу.

Константинъ пристально взглянулъ на князя, который все болѣе и болѣе возбуждалъ интересъ.

— Князь,—сказалъ онъ:—ты останешься здѣсь, пока процессія дойдетъ до большихъ воротъ, и тогда я отправлю тебя на приготовленное тебѣ мѣсто, съ проводникомъ и тѣлохранителемъ. Намъ остается еще около часа до этого, а потому скажи мнѣ, если тебѣ это не противно, къ какой вѣрѣ ты принадлежишь. Если ты не браминъ и не мусульманинъ, то ты, значить, или еврей, или христіанинъ?

III.

Провозглашеніе новой вѣры.

Хотя князь Индіи зналъ, что рано или поздно императоръ задастъ этотъ вопросъ, но онъ не ожидалъ его такъ скоро. Онъ слегка поблѣднѣлъ и сталъ нерѣшительно озираться вокругъ себя, какъ бы не увѣренный въ твердости той почвы, на которой стоялъ.

— Ты, государь, задаешь мнѣ этотъ вопросъ для своего личнаго свѣдѣнія, такъ какъ я слишкомъ смиренная личность, чтобы возбудить какое либо недружелюбное дѣйствіе со стороны столь могущественной особы, какъ греческій императоръ. Дѣло могло бы быть иначе, если бы я представлялъ какую нибудь особую церковь, или признанную религію, но моя вѣра—моя собственная.

— Однако, князь,—отвѣчалъ Константинъ:—твоя вѣра, можетъ быть, истинная Божья вѣра. Мы всѣ знаемъ, что твоя родина — колыбель великихъ религіозныхъ идей. Поэтому говори и не бойся ничего.

Старикъ бросилъ на императора взглядъ, полный благодарности, и продолжалъ:

— Да, государь, я долженъ говорить безъ боязни, хотя вопросъ, заданный мнѣ тобою, уложилъ въ кровавой могилѣ большее число людей, чѣмъ погибло ихъ отъ войны, огня или наводненія. Конечно, подробно излагать мою вѣру я теперь не могу, такъ какъ на это не хватитъ времени, а потому я только опредѣлю въ нѣсколькихъ словахъ, въ чемъ заключается моя вѣра; но прежде всего я скажу, что я не обязательно долженъ быть евреемъ или христіаниномъ, такъ какъ я не мусульманинъ и не браминъ. Я не послѣдователь брамы, потому что я не допускаю, чтобы люди могли дѣлать себѣ боговъ.

Духовникъ императора, стоявшій близъ трона, сочувственно улыбнулся.

— Я не буддистъ,— продолжалъ князь Индіи,— потому что я не вѣрю, что душа послѣ смерти обращается въ ничто.

Императорскій духовникъ захопалъ въ ладоши.

— Я не послѣдователь Конфуція, потому что не могу низвести религію до философіи, или возвысить философію до религіи.

Всѣ, слушавшіе князя, обратились въ слухъ.

— Я не еврей, потому что вѣрую въ Бога, который любитъ всѣ народы одинаково.

Раздались громкія рукоплесканія во всей залѣ.

— Я не мусульманинъ, потому что, поднимая глаза къ нему, я не могу допустить, чтобы между мною и Богомъ находился человѣкъ, хотя бы пророкъ.

Изъ груди придворныхъ вырвался единодушный крикъ одобренія. Только одинъ императоръ молчалъ, предчувствуя то, къ чему логически долженъ былъ прійти странный князь Индіи.

— Я не христіанинъ,— произнесъ старикъ среди мертваго молчанія:— потому что я вѣрую въ одного Бога.

Всѣ въ залѣ какъ бы замерли и тревожно смотрѣли на императора, но тотъ спокойно произнесъ:

— Значить, твоя вѣра...

— Вѣра въ Бога,— отвѣчалъ князь Индіи.

— Нечего сказать, князь,— отвѣчалъ Константинъ:— твоя вѣра очень проста, но вмѣстѣ съ тѣмъ она возбуждаетъ множество вопросовъ. Не правда ли, господа, не правда ли, отецъ духовникъ?

— Мы также вѣруемъ въ Бога, но и вѣруемъ во многое другое,— сказалъ духовникъ:— а потому, хотя бы только для сравненія нашей вѣры съ его вѣрой, было бы очень любопытно выслушать дальнѣйшія объясненія твоего благороднаго гостя.

— А вы, господа, раздѣляете это мнѣніе?

— Да, да,— отвѣчали придворные въ одинъ голосъ.

— Въ такомъ случаѣ, быть по сему. Посмотри, любезный логоець, когда у насъ будетъ свободный день.

— Ровно черезъ двѣ недѣли, государь,— отвѣчалъ человѣкъ средняго роста и красивой наружности, подходя къ трону и переворачивая нѣсколько страницъ толстой книги, которую онъ держалъ въ рукахъ.

— Такъ запиши этотъ день для выслушанія дальнѣйшихъ объясненій князя Индіи. Ты согласенъ, князь?

— Для меня всѣ дни равны,— отвѣчалъ старикъ, опуская голову, чтобы скрыть улыбку удовольствія, показавшуюся на его лицѣ.

— Значить, черезъ двѣ недѣли мы будемъ продолжать эту интересную бесѣду. А теперь, князь, позволь мнѣ предложить тебѣ еще нѣсколько вопросовъ. Ты сказалъ, что ты дома исполняешь обязанности государя, а потому объясни, пожалуйста, гдѣ твоя сто-

лица, какъ тебя тамъ величаютъ, зачѣмъ ты пожаловалъ въ нашъ городъ и почему ты, оставивъ свое государство, изучаешь мѣръ въ качествѣ странника?

Всѣ эти вопросы очень быстро слѣдовали одинъ за другимъ, но такъ какъ князь Индіи заранѣе подготовилъ на нихъ отвѣты, то онъ быстро отвѣчалъ:

— Я убѣжденъ, что не однѣ любопытство побуждаетъ тебя, государь, задавать мнѣ эти вопросы, а потому спѣшу тебѣ отвѣтить: самый древнѣйшій изъ индѣйскихъ титуловъ — раджа и я по рожденію имѣю право на этотъ титулъ. Ты, вѣроятно, слышалъ, что существуетъ въ Раджѣ-Путанѣ городъ Удейпуръ у подножія Аравальскихъ горъ. Вотъ въ этой-то жемчужинѣ всей Индіи, я родился первымъ сыномъ раджи Мейварскаго, столица котораго Удейпуръ. Такимъ образомъ я отвѣтилъ на два твоихъ вопроса, а что касается до остальныхъ, то позволь мнѣ, государь, отложить отвѣтъ до слѣдующей аудіенціи: теперь на это не хватаетъ времени.

— Хорошо, — отвѣчалъ Константинъ, — но я желалъ бы, чтобы ты хоть намекнулъ на то, зачѣмъ ты пріѣхалъ сюда и зачѣмъ изучаешь мѣръ. Твои намеки дадутъ намъ матеріалъ для размышленія, и твоя великая идея упадетъ уже на подготовленную почву.

— Государь, — произнесъ князь Индіи послѣ минутнаго молчанія: — самыя несчастныя тѣ люди, которые пропадаютъ подъ гнетомъ великихъ неосуществимыхъ для нихъ идей. Я — одинъ изъ такихъ несчастныхъ. Удейпуръ не только красивѣйшій изъ городовъ, но онъ славится вѣротерпимостью. Тамъ одинаково свободно исповѣдуютъ свою вѣру брамины, индусы, таинги, магометане и буддисты. По смерти моего отца я сдѣлался раджей, вступилъ на серебряный тронъ и въ продолженіе десяти лѣтъ чинилъ правосудіе въ залѣ дурбаровъ. Но мало-по-малу, чѣмъ болѣе развивался мой умъ, тѣмъ основательнѣе я убѣждался, что основной принципъ всякой вѣры исчезаетъ подъ всевозможными, чуждыми ему наслоеніями.

— А въ чемъ же заключается этотъ основной принципъ?

— Этотъ принципъ, какъ я уже сказалъ, вѣра въ единого Бога.

Всѣ слушатели притихли, какъ бы ожидая чего-то необыкновеннаго.

— Однажды, — продолжалъ князь Индіи: — я собралъ громадный дурбаръ, и когда вошелъ въ залу мой братъ, наслѣдникъ престола, я всталъ съ своего серебрянаго трона и, подойдя къ нему, пригласилъ его сѣсть на тронъ, привѣтствуя его раджей Мейварскимъ. Съ тѣхъ поръ, государь, я странствую по всему свѣту, отыскивая сильныхъ міра сего, которые были бы готовы исповѣдывать вѣру въ единого Бога. Вотъ зачѣмъ я пріѣхалъ въ Константинополь.

— А гдѣ ты былъ, прежде чѣмъ пріѣхать сюда? — спросилъ Константинъ.

— Легче было бы тебѣ, государь, спросить, гдѣ я не былъ. Я былъ вездѣ, кромѣ Рима.

Въ это время къ декану подошелъ одинъ изъ придворныхъ и что-то сказалъ ему на ухо, а тотъ произнесъ, обращаясь къ императору:

— Прости, государь, но ты приказалъ напомнить тебѣ, когда настанетъ время отправиться на религіозную церемонію. Теперь уже пора, и къ тому же прибылъ посланный отъ схолярія.

— Благодарю,—отвѣчалъ Константинъ:—мы не задержимъ посланнаго. Аудіенція кончена.

Сойдя съ трона, императоръ протянулъ руку князю Индіи и сказалъ:

— Я понимаю, въ чемъ заключается твоя великая идея, и съ любопытствомъ буду ждать второй аудіенціи. Но не забывай, что ты все-таки остаешься моимъ гостемъ. Тебя проводятъ на приготовленное тебѣ мѣсто. Прощай.

Но когда князь, преклонивъ колѣно, поцѣловалъ его руку, то Константинъ прибавилъ, какъ бы неожиданно вспомнивъ о чемъ-то:

— Твоя дочь была въ Бѣломъ замкѣ съ моею родственницею?

— Да, государь, княжна удостоила тогда мою дочь принять въ свою свиту.

— Если бы она осталась въ ея свитѣ, то мы могли бы надѣяться увидѣть ее когда нибудь при нашемъ дворѣ.

— Униженно благодарю тебя, государь, за твое милостивое вниманіе къ моей дочери.

Константинъ удалился, а князя Индіи проводили снова въ приѣмную комнату, гдѣ стали попрежнему угощать лакомствами и напитками.

Онъ принялся за то и другое съ удовольствіемъ, такъ какъ находился въ прекрасномъ настроеніи духа. Очевидно, онъ произвелъ хорошее впечатлѣніе на императора и весь дворъ, а слѣдовательно его планъ о введеніи одной всесвѣтной вѣры былъ пущенъ въ ходъ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ.

IV.

Религіозная церемонія.

Приглашеніе императора присутствовать при религіозномъ шествіи, которое въ сущности было только торжественнымъ всеобщимъ бдѣніемъ, исполнѣ соответствовало желанію князя Индіи. Онъ не разъ слышалъ, что эта религіозная церемонія производила чрезвычайно сильное впечатлѣніе на всѣхъ участниковъ ея и даже на зрителей, а такъ какъ она въ послѣднее время рѣдко совершалась, то ему тѣмъ интереснѣе было взглянуть на нее.

Когда наступили сумерки, то явился тотъ самый придворный, который проводилъ его во дворецъ, и произнесъ радушно:

— Мнѣ поручено, князь Индіи, отвести тебя на приготовленное для тебя мѣсто для лицезрѣнія церемоніи, а такъ какъ уже виднѣется начало процессіи, то не угодно ли двинуться въ путь.

— Я готовъ.

Мѣсто, отведенное для князя, находилось на дорогѣ отъ третьей террасы къ часовнѣ, и его туда отнесли въ паланкинѣ, а тамъ онъ увидалъ особо устроенную платформу, на которой подъ высокимъ балдахиномъ стояли мягкій стулъ, а подлѣ него жаровня съ горѣвшими углями, чтобы предохранить его отъ холода и сырости ночной поры. Передъ платформой былъ воздвигнутъ высокій шестъ, съ прикрѣпленной къ нему корзинкой, которая была наполнена горючими веществами для освѣщенія мѣстности. Наконецъ заботы о князѣ Индіи шли такъ далеко, что на маленькомъ треножникѣ, рядомъ со стуломъ, были приготовлены вино и вода.

Прежде чѣмъ занять свое мѣсто, старикъ подошелъ къ краю террасы и бросилъ взглядъ на виднѣвшуюся у его ногъ часовню. Но среди наступившей темноты онъ не могъ ничего разобрать. Въ эту минуту со стороны города послышался глухой шумъ въ родѣ рокота морскихъ волнъ.

— Идутъ, — произнесъ рядомъ съ нимъ какой-то суровый голосъ.

Князь обернулся и произнесъ:

— Это ты, отецъ Теофилъ?

— Да. Процессія идетъ.

Князь Индіи вздрогнулъ и сталъ прислушиваться къ отдаленному шуму, который все усиливался.

— Кажется, процессія очень многочисленна? — замѣтилъ онъ, обращаясь къ своему собесѣднику.

— Многочисленнѣе, чѣмъ когда либо.

— Отчего?

— По причинѣ нашихъ духовныхъ распръ. Да, эти распри все умножаются. Сначала былъ разладъ между церковью и трономъ, а теперь церковь вооружилась сама на себя, и у насъ двѣ партіи: римская и греческая. Одинъ человѣкъ у насъ сосредоточиваетъ въ себѣ всю набожность и все знаніе христіанскаго востока. Ты его сейчасъ увидишь: это Георгій Схоларій. Ему было свыше наитіе возстановить эти торжественныя всенощныя бдѣнія и онъ разослалъ гонцовъ во всѣ обители, приглашая принять участіе въ сегодняшней церемоніи.

— Онъ ученый человѣкъ, вашъ Схоларій, — замѣтилъ князь.

— Да, въ немъ говоритъ разумъ пророка.

— Онъ патріархъ?

— Нѣтъ. Патріархъ принадлежитъ къ римской партіи, а Схоларій къ греческой.

— А Константинъ?

— Онъ добрый государь, но, увы, слишкомъ занятъ государственными заботами.

— Да, да, государи иногда такъ заняты, что не могутъ думать о спасеніи своей души. Но развѣ сегодняшнее всеобщее бдѣніе имѣеть особую цѣль?

— Сегодняшнее всеобщее бдѣніе имѣеть цѣлью возстановить единство церкви и возвратить государству его славу.

— Понимаю. Схоларій хочетъ подчинить императора церкви.

— Императоръ самъ участвуетъ въ этой церемоніи.

Между тѣмъ процессія приближалась, и раздались звуки трубъ. Мало-по-малу стала подниматься по террасамъ толпа въ свѣтлыхъ одеждахъ, наполняя воздухъ монотоннымъ пѣніемъ.

Когда показался первый зажженный факель въ ста шагахъ отъ часовни, то отецъ Теофилъ воскликнулъ:

— Вонь! Смотри, идетъ Схоларій за трубачами.

— У него въ рукахъ факель?

— Да. Но если бы даже онъ бросилъ факель, то все-таки остался бы свѣточемъ церкви. Процессія,—продолжалъ отецъ Теофилъ,—не остановится у часовни, а пройдетъ ко дворцу, гдѣ къ ней присоединится императоръ. Если ты, князь, хочешь видѣть все яснѣе, то я зажгу эту корзинку.

— Пожалуйста,—отвѣчалъ князь.

И черезъ минуту запылавшая масса горячаго матеріала освѣтила такъ блестяще всю мѣстность, что можно было видѣть, какъ днемъ, всѣ мелочныя подробности процессіи.

Князь Индіи съ любопытствомъ устремилъ свои взоры на одну фигуру, именно на Схоларія. Онъ теперь видѣлъ его совершенно ясно. Это былъ человѣкъ высокаго роста, худой какъ скелетъ, съ обнаженной головой, впалыми щеками и тонкими чертами лица, въ темной рясѣ и безъ сандалій на ногахъ. Въ одной рукѣ онъ держалъ факель, а въ другой крестъ.

Въ ту минуту, какъ онъ поровнялся съ княземъ Индіи, Схоларій взглянулъ на него, и глаза ихъ встрѣтились. Хотя ихъ взгляды встрѣтились только на мгновеніе, но тотъ и другой вздрогнули. Былъ ли набожный монахъ недоволенъ, что иностранецъ смотритъ, какъ на зрѣлище, на то, что онъ считаетъ священнымъ, или во взглядѣ князя Индіи было что-то необыкновенное, но онъ посмотрѣлъ на него съ злобнымъ отвращеніемъ и, высоко поднявъ крестъ, громко произнесъ:

— Заклинаю тебя, врагъ Іисуса Христа!

Съ своей стороны князь Индіи, увидавъ передъ своими глазами серебряное изображеніе на крестѣ изъ слоновой кости, Іисуса Христа въ терновомъ вѣнцѣ, ощутилъ какое-то странное чувство, и въ глазахъ его помутилось.

- Что съ тобой, князь? — спросилъ отецъ Теофиль.
- Ничего,—отвѣчалъ старикъ, приходя въ себя,—твой другъ Схоларій великій проповѣдникъ.
- Да, его устами говорить сама истина.
- Должно быть такъ,—произнесъ князь Индіи, какъ бы разсуждая самъ съ собой,—но никогда никто не производилъ на меня такого впечатлѣнія, какъ этотъ человѣкъ. Или, быть можетъ, на меня такъ вліяетъ обстановка, пѣніе, ночь?
- Нѣтъ, въ этомъ человѣкѣ поражаетъ присутствіе Духа Божія. Въ это время голова процессіи приблизилась къ часовнѣ, и князь Индіи, пораженный, онъ самъ не зная чѣмъ, взглядомъ и фигурой Схоларія, хотѣлъ было удалиться; но какая-то таинственная сила привлекала его къ этой процессіи, и онъ молча усѣлся на приготовленный ему стулъ.
- Отецъ Теофиль всталъ подлѣ него и началъ объяснять, какіе монахи принимали участіе въ процессіи, по мѣрѣ появленія ихъ у часовни. Всѣ они были раздѣлены на четыре отдѣла: братья изъ обители Константинополя, съ сосѣднихъ острововъ, съ береговъ Босфора и изъ различныхъ скитовъ. Болѣе получаса шли эти монахи въ бѣлыхъ, сѣрыхъ, черныхъ и желтыхъ рясахъ, съ обнаженными головами и босыми ногами.
- Особое вниманіе князя Индіи было обращено отцомъ Теофиломъ на братьевъ обители Св. Іакова, какъ богатѣйшей и могущественнѣйшей въ Константинополѣ.
- Они поставляютъ въ Св. Софію самыхъ знаменитыхъ проповѣдниковъ,—прибавилъ онъ,—они отличаются знаніемъ и хвалятся, что впродолженіе сотни лѣтъ существованія своей обители въ ней никогда не было еретика.
- Старикъ посмотрѣлъ на проходившихъ монаховъ въ черныхъ рясахъ и высокихъ черныхъ клобукахъ: впереди шелъ игуменъ, до того старый и болѣзненный, что факель держалъ за него сопровождавшій его юноша, въ которомъ князь Индіи узналъ молодого монаха, раздѣлявшаго его заточеніе въ Бѣломъ замкѣ.
- Ты знаешь вонъ того юношу?—спросилъ онъ, указывая рукой на Сергія.
- Это недавно прибывшій русскій монахъ. Два дня тому назадъ княжна Ирина представила его императору во дворцѣ, и онъ произвелъ большое впечатлѣніе на Константина.
- Монахи продолжали идти за монахами и, наконецъ, князю Индіи наскучило слѣдить за ними.
- Куда направляется процессія? — спросилъ онъ.
- На встрѣчу императору. Когда всѣ соберутся, то явится Константинъ.
- И пойдетъ въ часовню?
- Да.

Прошло еще нѣсколько времени, процессія все тянулась и, наконецъ, послѣ длиннаго ряда схимниковъ и аскетовъ самаго разнообразнаго вида, показались высшіе сановники церкви, за исключеніемъ патріарха. До сихъ поръ отличительной чертой участниковъ шествія были простота и бѣдность, но выступавшіе теперь слуги алтаря сверкали золотомъ, и не они держали факела, а ихъ несли прислужники въ богатыхъ одеждахъ.

Когда такимъ образомъ выстроился арьергардъ этой духовной арміи, изъ дворца показался императоръ и сталъ медленно спускаться къ часовнѣ. Къ величайшему удивленію князя Индіи, онъ былъ въ черной рясѣ священника, безъ короны, скипетра и тѣлохранителей, такъ что среди блестящаго духовенства онъ казался какимъ-то смиреннымъ грѣшникомъ, на котораго наложена эпитимія.

— Объясни мнѣ, — спросилъ князь у отца Теофила, — почему церковь находится здѣсь во всемъ своемъ блескѣ, а мой другъ, императоръ является въ такомъ скромномъ видѣ, словно онъ лишился престола.

— Ты сейчасъ увидишь, что его величество одинъ войдетъ въ часовню. Предполагается, что онъ будетъ тамъ въ присутствіи Бога. Поэтому всякій блескъ, всякое великолѣпіе излишни.

Дѣйствительно, сверкавшее золотомъ духовенство окружило часовню, и только одинъ Константинъ вошелъ въ нее. Дверь часовни затворилась за нимъ, и все духовенство преклонило колѣна въ молитвѣ. Красноватый свѣтъ факеловъ уныло освѣщаль эту поразительную сцену. Пѣніе прекратилось, безчисленная толпа вокругъ часовни хранила мертвую тишину.

— Князь, — сказала тихо отецъ Теофилъ, — всеобщее бдѣніе началось. Болѣе тебѣ не на что смотрѣть. Прощай!

И онъ также, опустившись на колѣни, сталъ молиться, перебирая четки и устремивъ глаза на часовню.

Князь Индіи молча сѣлъ въ паланкинъ. Онъ былъ такъ пораженъ видѣннымъ зрѣлищемъ, которое произвело на него удручающее впечатлѣніе, что когда носильщики вынесли его изъ большихъ воротъ, то онъ крикнулъ съ нетерпѣніемъ:

— Скорѣй! Скорѣй домой!

V.

Преступный замыселъ.

Жизнь Сергія въ Константинополѣ была самая однообразная. Патріархъ, которому его представила княжна Ирина, отнесся къ нему очень сочувственно, такъ какъ питалъ къ нему глубокую любовь и полное довѣріе къ родственницѣ императора. Впрочемъ

и личныя свойства русскаго монаха помогли ему также свискать общее расположеніе. Его молодость, мягкость характера, простота, набожность и умъ невольно привлекали чуждыхъ людей, среди которыхъ онъ очутился; но въ особенности онъ очаровывалъ всѣхъ своимъ сходствомъ съ идеальнымъ византійскимъ представленіемъ о Христѣ. Это сходство увеличивалось еще его привычкой ходить тихо, склонивъ голову и сложивъ руки на груди. По этой ли причинѣ, или благодаря рекомендаціи княжны Ирины, но патріархъ заинтересовался имъ, и по его совѣту, Сергій поступилъ въ братство Св. Іакова.

Это былъ первый замѣчательный инцидентъ въ его уединенной жизни, а вторымъ явилось представленіе ко двору. Императоръ принялъ его такъ же сочувственно, какъ патріархъ; но все-таки Сергій не былъ счастливъ. Душа его жаждала проповѣдническаго подвига, а обстоятельства сдерживали его. Вокругъ себя повсюду онъ видѣлъ необходимость въ истинной Христовой проповѣди и въ особенности, находясь среди народной толпы, онъ сгоралъ отъ нетерпѣнія наставить ее на путь истинный. Но каждый разъ, какъ онъ говорилъ о своихъ пламенныхъ стремленіяхъ княжнѣ Иринѣ, она отвѣчала:

— Погоди, погоди. Я знаю положеніе дѣлъ, а ты нѣтъ. Наша цѣль добрая, и Господь укажетъ время для ея исполненія, тогда и мученическая смерть будетъ не страшна, а послужить лишь переходомъ къ небесному блаженству. Погоди, я скажу тебѣ, когда надо будетъ дѣйствовать. Ты не только будешь тогда говорить за себя, но и за меня. Я избираю тебя своимъ глашатаемъ.

Слыша эти слова, онъ успокаивался и ждалъ. Но по временамъ его душила тоска по родинѣ, и онъ въ блестящемъ Царьградѣ вздыхалъ объ отдаленномъ Бѣломъ озерѣ.

Мало-по-малу онъ взялъ привычку послѣ полудня, когда была хорошая погода, гулять вдоль городской стѣны, противъ древняго Халкедонскаго мыса. Отправляясь туда, онъ часто заглядывалъ въ Ипподромъ и Св. Софію, которые, находясь въ системѣ многочисленныхъ построекъ, носившихъ общее названіе Буколеона, какъ бы составляли принадлежность этого дворца. Его мало занимали представленія въ Ипподромѣ, тѣмъ болѣе, что они постоянно вызывали борьбу между обѣими партіями зеленыхъ и голубыхъ. Что же касается до Св. Софіи, то онъ считалъ ее послѣднимъ словомъ чело-вѣческаго искусства, которое, однако, все-таки блѣднѣло въ сравненіи съ небомъ и моремъ, созданными Богомъ.

Въ этомъ мѣстѣ городской стѣны находилась старая каменная скамья, съ которой открывался прекрасный видъ съ одной стороны на Принцесы острова и азіатскія владѣнія за Бруссой къ Олимпійскимъ высотамъ, а съ другой на Буколеонъ съ его террасами, а вдали на башню Исаака Ангела, возвышавшуюся надъ

Блахерномъ, какъ часовой, стоявшій на стражѣ противоположныхъ высотъ Галаты и Перы. Отъ этой скамьи дорожка, гладкая и широкая, извивалась на сѣверъ до Акрополя, а на югъ до Юліанской гавани. На эту дорожку вело нѣсколько лѣстницъ, но главный путь къ ней составляли каменные ступени близъ императорской конюшни. Въ солнечные дни тутъ постоянно бывала публика, въ особенности больные, грѣвшіеся на солнцѣ.

Въ тотъ день, когда князь Индіи находился на аудіенціи у императора, Сергій пошелъ по обыкновенію на свою любимую прогулку и усѣлся на скамью, на которой, кромѣ него, никого не было. Полюбовавшись разстилавшейся передъ нимъ панорамой, онъ задумался и, перенесшись мыслями на свою родину, совершенно забылъ, гдѣ находился.

Неожиданно онъ услышалъ голоса двухъ людей, остановившихся у скамейки и съ жаромъ говорившихъ между собой.

— Она придетъ, — сказалъ одинъ изъ нихъ.

— А ты почему знаешь? — спросилъ другой.

— Я вѣдь тебѣ уже говорилъ, что поручилъ шпиону постоянно наблюдать за домомъ стараго князя. Посланный отъ него увѣдомилъ меня, что къ дому принесли ея паланкинъ. А такъ какъ она любитъ всегда гулять здѣсь, то мы сейчасъ и увидимъ ее.

— Обдумалъ ли ты, чѣмъ ты рискуешь?

— Вотъ глупость!

— Не забудь, что князь Индіи теперь во дворцѣ и что онъ гость императора.

— Я все это знаю и основательно обдумалъ свой планъ; но если ты боишься помочь мнѣ, то я обойдусь и безъ тебя. По закону обольщеніе дѣвицы наказуется тюремнымъ заключеніемъ, которое можно замѣнить ссылкой, а при моемъ положеніи ссылка не будетъ продолжительна, и друзья вскорѣ подготовятъ мое возвращеніе. Кромѣ того, подумай, вѣдь я похищаю только женщину. А развѣ ты слыхивалъ, чтобы въ наше время наказывали похитителей женщинъ?

— Правда, женщины теперь самый дешевый товаръ на рынкѣ.

— Конечно, индѣйская княжна рѣдко попадается въ Константинополь, и тѣмъ больше для меня соблазна. Къ тому же безнаказанность преступленія — одна изъ самыхъ очевидныхъ чертъ упадка Византійской имперіи. Вчера вечеромъ мой отецъ краснорѣчиво разсуждалъ объ этомъ, указывая, что только бѣдные и униженные подвергаются теперь законной карѣ. Значитъ, намъ съ тобой нечего бояться. Когда похищеніе княжны сдѣлается извѣстнымъ, то ея отецъ бросится во дворецъ и падетъ къ ногамъ императора, требуя...

— А если онъ узнаетъ, что ты похитилъ его дочь?

— Тѣмъ хуже для него. Мой почтенный родитель, игуменъ, въ

свою очередь послѣпить во дворецъ. Отношенія между императоромъ и церковью очень натянуты, и первый не станетъ пренебрегать просьбой игумена, особенно въ виду распри между патриархомъ и Схоларіемъ.

— А развѣ патриархъ и Схоларій ссорятся между собою? Я объ этомъ не слыхалъ.

— Какъ же, они въ открытой борьбѣ. Его величество сочувствуетъ патриарху, а потому Схоларій выходитъ изъ себя и помимо желанія патриарха назначилъ сегодняшнее всенощное бдѣніе. Патриархъ обидѣлся и уѣхалъ на Святую гору, такъ что не будетъ участвовать въ церемоніи. Сегодня утромъ пророкъ...

— Ты говоришь о Схоларіи?

— Да. Онъ публично назвалъ патриарха аземитомъ, что уже дурно, и врагомъ Бога и церкви, что еще хуже. По его словамъ, патриархъ уговариваетъ признать главенство римскаго епископа, который не что иное, какъ сатана, вырвавшійся изъ ада. Сегодняшнее всенощное бдѣніе устроено нарочно Схоларіемъ съ цѣлью уничтожить патриарха. Въ виду всего этого неужели ты думаешь, что его величество отдастъ предпочтеніе князю Индіи передъ игуменомъ братства Св. Іакова?

— А братство твоего отца дружить съ его величествомъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что они презираютъ Схоларія, и отказъ со стороны императора въ просьбѣ ихъ игумена могъ бы примирить ихъ съ Схоларіемъ. Ты понимаешь, что не только одинъ князь Индіи, но всѣ князья этой страны не могли бы пересилить вліянія моего отца въ настоящую минуту.

— Ну, если тебя не отговорить, то будь потвоему. Но хоть не будемъ говорить объ этомъ въ публичномъ мѣстѣ.

— Пустяки. Выслушай лучше мой планъ. Ты знаешь, что въ обители отца есть прекрасная бібліотека, и я однажды прочелъ въ ней любопытный документъ, помѣченный 1300 годомъ. Это длинный докладъ патриарха совѣту епископовъ и игуменовъ о важной духовной церемоніи, совершенной по поводу очищенія водъ большой цистерны, находящейся къ западу отъ Св. Софіи и называемой Императорской, такъ какъ ее выстроилъ Константинъ, а увеличилъ Юстиніанъ. Дѣло было въ томъ, что какой-то сынъ сатаны съ дьявольскимъ искусствомъ превратилъ этотъ колодезь въ вертепъ разврата, и патриархъ нашелъ нужнымъ для очистки воды, съ цѣлью дальнѣйшаго ея пята, произвести торжественное заклинаніе ея отъ злыхъ духовъ. Въ сущности же вотъ что возбудило всю эту кутерьму. Въ Константинополѣ исчезла женщина, и тщетно ее всюду розыскивали. Объ этомъ поговорили бы три дня и предали бы событіе забвенію; но за первымъ похищеніемъ послѣдовало второе, а затѣмъ третье. Жертвы были молодыя и красивыя, а послѣдняя изъ нихъ принадлежала къ знатной семьѣ. Вся

столица взволновалась, а когда присоединилась къ тремъ жертвамъ еще четвертая, то всюду распространилась паника, и родители всѣхъ красивыхъ дѣвушекъ стали опасаться за ихъ безопасность. Приняты были энергичныя мѣры для отысканія несчастныхъ и ихъ похитителей, но, не смотря на содѣйствіе правительства, онѣ ни къ чему не привели. Еще пять подобныхъ случаевъ окончательно свели съ ума все константинопольское населеніе, и по общему мнѣнію турки были виноваты въ этихъ преступленіяхъ. Ихъ прямо обвиняли въ похищеніи христіанокъ съ цѣлью пополненія своихъ гаремовъ. Такъ и было порѣшено. Прошло три года, и уже стали забывать о роковыхъ похищеніяхъ, какъ неожиданно одна женщина, опускающая ведро въ Императорскую цистерну, вытащила туфлю съ серебряной пряжкой. При внимательномъ обзорѣ этой туфли усмотрѣно было на подошвѣ какое-то имя, а когда извѣстіе объ этомъ распространилось по всему городу, то оказалось, что имя на туфлѣ соотвѣтствовало имени одной изъ похищенныхъ красавицъ. Наконецъ-то найденъ былъ ключъ къ великой тайнѣ. Снова взволновалась столица, и со всѣхъ сторонъ посыпались требованія изслѣдовать колодезь. Сначала власти со смѣхомъ издѣвались надъ предположеніемъ, что Императорская цистерна могла быть мѣстомъ для сокрытія преступленій; но потомъ они уступили общему желанію, и на мрачныя воды колодца была спущена лодка. А что! я тебѣ говорилъ,—неожиданно произнесъ рассказчикъ:—вотъ и она!

— Кто она?

— Дочь князя Индіи. Вонъ въ паланкинѣ, налѣво. Посмотри.

Сергій, слушавшій этотъ разговоръ съ закрытыми глазами, чтобы заговорщики приняли его за спящаго, взглянулъ изъ-подъ руки, которой онъ прикрывалъ свои глаза. Дѣйствительно въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него пронесли паланкинъ, въ которомъ сидѣла та самая молодая дѣвушка, которая произвела на него такое пріятное впечатлѣніе своей красотой и простотой въ Бѣломъ замкѣ, что онъ не разъ о ней вспоминалъ. Теперь онъ вздрогнулъ за ея безопасность и сталъ съ еще большимъ интересомъ прислушиваться къ разговору заговорщиковъ, которые продолжали громко говорить между собой, какъ только паланкинъ съ красавицей удалился.

— Вотъ такъ красавица!—произнесъ тотъ изъ нихъ, который отговаривалъ товарища отъ рискованнаго предпріятія.

— Ага! Ты теперь уже не считаешь меня безумцемъ?—отвѣчалъ со смѣхомъ другой:—я рѣшилъ, что она будетъ моею во что бы то ни стало, и поставлю на своемъ. Пойдемъ за ней.

— Погоди.

— Зачѣмъ?

— Скажи мнѣ прежде, что произошло въ Императорской цистернѣ, когда въ нее спустили лодку.

— Въ колодцѣ нашли большой плотъ, на которомъ было устроено жилище съ нѣсколькими прекрасно меблированными комнатами.

— Удивительно!

— Пойдемъ, а не то она исчезнетъ изъ вида.

— Что же еще открыли въ цистернѣ?

— Изъ воды вытащили красавицъ или, лучше сказать, ихъ кости. Остальное я тебѣ расскажу потомъ.

Они быстро удалились, и когда Сергій поднялъ голову, то онъ попрежнему сидѣлъ одинъ на скамейкѣ. Холодный потъ выступилъ у него на лбу, и онъ весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

VI.

Византійскій франтъ.

Сергій остался сидѣть на своей скамьѣ, но вся прелесть открывшейся передъ нимъ панорамы теперь исчезла для него. Онъ думалъ только объ одномъ, что дочери князя Индіи угрожаетъ роковой заговоръ.

Удаляясь изъ старинной лавры на свѣжныхъ берегахъ Бѣлаго озера, съ цѣлью распространенія истинной Христовой вѣры, онъ, конечно, не думалъ, что по прибытіи въ Константинополь онъ прежде всего влюбится въ красивую молодую дѣвушку. По правдѣ сказать, и теперь эта мысль была далека отъ него, и онъ просто думалъ, что одно чувство человѣколюбія побуждало его спасти молодую дѣвушку отъ грозившей опасности. Къ тому же еще другая причина подстрекала его на подобный поступокъ. Одинъ изъ заговорщиковъ назвалъ себя сыномъ игумена братства св. Іакова. Это было его братство и его игумень. Неужели у такого прекраснаго, почтеннаго человѣка былъ такой нечестивый сынъ? Конечно, бывали примѣры, что добрые родители имѣли чудовищъ дѣтей. Во всякомъ случаѣ необходимо было послѣдить за нимъ.

Поэтому Сергій всталъ и послѣдовалъ за заговорщиками. Такъ какъ, по всей вѣроятности, онъ нашелъ бы ихъ тамъ, гдѣ оказался бы паланкинъ съ княжной Индіи, а послѣдній направился къ мысу Димитрія, то и Сергій пошелъ въ ту сторону.

Вскорѣ онъ дѣйствительно завидѣлъ вдали паланкинъ и поспѣшилъ догнать его, но въ немъ оказалась какая-то пожилая женщина. Молодой монахъ пришелъ въ отчаяніе. А что если заговорщикамъ удался ихъ роковой планъ, и они похитили свою жертву прежде, чѣмъ онъ успѣлъ предупредить ее?

Онъ поспѣшилъ назадъ, не зная, что предпринять, какъ неожиданно увидалъ тотъ самый паланкинъ, который онъ розыскивалъ. Онъ показался изъ-за Юліанской дворцовой башни, и подлѣ него

шелъ гигантъ-негръ, тотъ самый, который такъ удивилъ его въ Бѣломъ замкѣ. Въ первую минуту Сергій вздохнулъ свободно, такъ какъ присутствіе негра его совершенно успокоило: этотъ колоссъ не далъ бы въ обиду своей госпожи, тѣмъ болѣе среди бѣлаго дня.

Но не успѣлъ онъ подумать это, какъ къ паланкину подошелъ съ противоположной стороны какой-то человѣкъ, и въ окно паланкина Сергій увидѣлъ, что молодая дѣвушка быстро отшатнулась отъ подошедшаго и закрыла лицо покрываломъ.

Сергій тотчасъ узналъ въ этомъ человѣкѣ одного изъ заговорщиковъ, а черезъ минуту подошелъ къ нему и другой, сказалъ что-то и быстро исчезъ; первый же продолжалъ идти подлѣ паланкина и по временамъ что-то говорилъ испуганной дѣвушкѣ.

Молодой монахъ считалъ пока невозможнымъ вмѣшаться, а счелъ всего лучше подождать, пока поравняется съ нимъ паланкинъ, въ надеждѣ, что молодая дѣвушка или негръ его узнаютъ. Во всякомъ случаѣ онъ былъ наготовѣ въ случаѣ крайности защитить жертву преступнаго заговора.

Между тѣмъ онъ съ любопытствомъ сталъ разсматривать заговорщика. Къ его большому удивленію, это былъ не злодѣй съ чудовищнымъ лицомъ, а красивый молодой человѣкъ небольшого роста съ пріятнымъ выраженіемъ лица. Одно только въ немъ рѣзало глаза, именно слишкомъ пестрая одежда. На немъ была свѣтло-оранжевая туника, полосатые черные съ желтымъ узкіе панталоны, красные башмаки, такая же красная шапочка съ бѣлымъ крыломъ, блестящая пурпурная мантия съ большими эмалевами пряжками на плечахъ и рапира на боку.

Впервые русскій монахъ видѣлъ передъ собою византійскаго франта той эпохи и съ тѣмъ большимъ изумленіемъ спрашивалъ онъ себя мысленно:

— Боже мой, неужели это сынъ игумена?

Пока онъ размышлялъ такимъ образомъ, паланкинъ приблизился къ нему, и въ одно мгновеніе, съ одной стороны, молодая дѣвушка, сидѣвшая въ немъ, протянула руки къ Сергію, а съ другой негръ подскочилъ къ дерзкому франту, схватилъ его на руки, какъ перо, и быстро понесъ его къ морскому берегу. Хотя при этомъ присутствовало не мало народа, но никто не двинулся на выручку франта отъ страха, невольно внушеннаго всѣмъ колоссальными размѣрами негра.

Одинъ Сергій кинулся на Нило, и въ ту самую минуту, какъ онъ хотѣлъ бросить свою жертву въ клокотавшія подъ набережной морскія волны, схватилъ византійца и дернулъ его сзади съ такой силой, что неожиданнѣйшаго нападенія негръ выпустилъ его изъ рукъ. Византіецъ быстро вскочилъ на ноги и обнажилъ свою шпагу. Конечно, ему нельзя было справиться съ великаномъ, вооруженнымъ громаднымъ копьемъ, но въ эту минуту толпа окружила ихъ.

Молодого франта легко отбили отъ его страшнаго противника, и онъ исчезъ среди общаго смятенія.

Сергій былъ очень доволенъ, что онъ спасъ византійца, и тотчасъ поспѣшилъ къ паланкину, желая успокоить встревоженную молодую дѣвушку.

Дѣйствительно, когда онъ подошелъ къ ней, то замѣтилъ, что она была очень блѣдна. Протянувъ ему руку, она сказала:

— Я тебя знаю и очень рада, что тебя встрѣтила. Меня такъ напугали, что я больше никогда не выйду изъ дома и теперь прошу тебя, не оставляй меня. Этотъ человѣкъ меня преслѣдовалъ день за днемъ, и я не могла показаться на улицѣ, чтобы не увидѣть его. Для защиты отъ него отецъ послалъ со мною Нило, но я надѣюсь, что онъ не убилъ его.

— Не бойся,—отвѣчалъ Сергій, пожимая руку молодой дѣвушкѣ:—онъ здоровъ и не вредимъ.

— Я видѣла, какъ ты его спасъ, и очень благодарю тебя за это. Мой отецъ также поблагодаритъ тебя за твой благородный поступокъ. Не правда ли, мнѣ теперь лучше возвратиться домой?

— Да,—отвѣчалъ Сергій, съ сожалѣніемъ разставаясь съ маленькой ручкой, которая спокойно лежала на его рукѣ:—а я провожу тебя до дома твоего отца.

И, обращаясь къ носильщикамъ, онъ приказалъ имъ двинуться домой.

Идя рядомъ съ паланкиномъ, онъ не спускалъ глазъ съ розовой ручки, лежавшей на окнѣ. Ему очень хотѣлось продолжать разговоръ, но неожиданно онъ почувствовалъ такую застѣнчивость, что не былъ въ состояніи произнести ни слова. Наконецъ, молчаніе прервала Лаель и спросила его:

— А ты давно видѣлъ княжну, которая живетъ въ Терапіи?

— Недавно,—отвѣчалъ онъ:—я часто вижу ее и обращаюсь къ ней за совѣтами, когда мнѣ нужно.

— Должно быть, пріятно имѣть такую добрую совѣтницу?

— Да.

— И какая она красивая, какая добрая, какая смѣлая! Когда мы съ нею попали въ руки турокъ, то, видя ея хладнокровіе, я сама перестала бояться. Сегодня она прислала гонца къ моему отцу, приглашая меня къ себѣ во дворецъ.

— И ты поѣдешь?

— Не знаю. Я не видѣла отца, послѣ того какъ получилось приглашеніе. Онъ у императора, но онъ очень уважаетъ княжну и, вѣроятно, согласится. Въ такомъ случаѣ я поѣду въ Терапію завтра.

Сергій мысленно рѣшилъ также отправиться туда на другой день и съ оживленіемъ произнесъ:

— А ты видѣла садъ за ея дворцомъ?

— Нѣтъ.

— Конечно, я не знаю, на что былъ похожъ рай, но я не могу себѣ представить ничего болѣе райскаго, какъ этотъ садъ.

Лаель ничего не отвѣчала и, откинувшись на спинку паланкина, молчала до той минуты, какъ паланкинъ остановился передъ ея домомъ. Тутъ она снова протянула руку Сергію и сказала:

— Я очень, очень благодарна тебѣ, и отецъ достойно поблагодарить тебя. Но... но...

И она покраснѣла.

— Но что?

— Я не знаю, какъ тебя зовутъ и гдѣ ты живешь.

— Я монахъ Сергій и живу въ обители св. Іакова. Теперь, когда ты знаешь, кто я, могу ли я спросить, въ свою очередь, какъ тебя зовутъ?

— Для людей, любящихъ меня, мое имя Гуль-Бахаръ, а для всего міра я Лаель.

— Какъ же мнѣ называть тебя?

— Прощай,—сказала молодая дѣвушка, не отвѣчая на его вопросъ:—сегодня я не выйду изъ дома, а завтра поѣду къ княгинѣ.

Когда паланкинъ внесли въ домъ, то Сергію показалось, что солнце померкло. Впервые онъ направился въ свою обитель со свѣтскими мыслями въ головѣ и до глубокой ночи все думалъ о красивой молодой дѣвушкѣ.

VII.

Еретичка.

Въ то время, когда толпа монаховъ окружала часовню на Блахернскихъ высотахъ и колѣнопреклоненно молилась, къ игумену обители св. Іакова подошелъ посланный отъ императора съ просьбой, чтобы онъ занялъ мѣсто передъ дверью святилища. Старикъ повиновался и всю ночь, не смотря на свою старость и болѣзнь, простоялъ тамъ на колѣнахъ, моля небо о благословеніи императора и имперіи, которыхъ онъ пламенно любилъ. Рядомъ съ нимъ находился Сергій, смиренно держа факель. Если бы это происходило днемъ ранѣе, то молодой монахъ думалъ бы только о священномъ предметѣ всенощнаго бдѣнія, но теперь образъ молодой индѣйской княжны мѣшалъ ему молиться, и всѣ его усилія отогнать отъ себя это соблазнительное видѣніе ни къ чему не приводили: онъ все мечталъ о ней и забывалъ молиться.

Прошло много часовъ и наступилъ конецъ ночи. Сначала показалась свѣтлая полоса надъ Скутарійскими высотами, а затѣмъ насталъ день. Набожная толпа заколыхалась, императоръ вышелъ изъ часовни и вернулся во дворецъ.

Игумень обители св. Іакова такъ утомился, что не могъ уже идти домой пѣшкомъ, а отправился въ паланкинѣ. Сергій пошелъ рядомъ, и когда они достигли воротъ монастыря, то молча попросилъ благословенія у старика.

— Не оставляй меня, сынъ мой,—сказалъ онъ:—твое присутствіе служить мнѣ большимъ утѣшеніемъ.

Хотя Сергій не имѣлъ другой мысли въ головѣ, какъ отправиться въ Терапію, но при этихъ словахъ игумена онъ безмолвно послѣдовалъ за нимъ, бережно провелъ его по корридору до его скромной кельи, а тамъ помогъ ему раздѣться и лечь на койку, служившую ему постелью.

— Ты добрый сынъ, Сергій,—сказалъ старикъ съ чувствомъ:—ты всецѣло преданъ Богу, и Господь тебя благословить. Иди съ миромъ!

Сергій преклонилъ колѣна, поцѣловалъ руку игумена и сказалъ:

— Святой отецъ, позволь мнѣ отлучиться на нѣсколько дней.

— Куда?

— Къ княжнѣ Иринѣ.

— Въ Терапію?

— Да.

— Сынъ мой,—произнесъ игумень послѣ минутнаго молчанія:—я зналъ отца Ирины и всей душой сочувствовалъ ему. Я ходилъ со всеѣмъ братствомъ къ императору, чтобы вымолить его освобожденіе изъ тюрьмы, а когда его освободили, то я сердечно порадовался. Я говорю это не для своего прославленія, а для того, чтобы ты видѣлъ, какъ невозможно мнѣ говорить противъ его дочери, а если я и скажу что либо не въ ея пользу, то сдѣлаю это лишь изъ чувства долга къ тебѣ, котораго Господь привелъ подъ мое покровительство. Княжна ведетъ жизнь внѣ принятыхъ нашимъ обществомъ обычаевъ. Конечно, нѣтъ никакого грѣха въ томъ, что она ходитъ всюду съ открытымъ лицомъ, при чемъ, надо отдать ей справедливость, она ведетъ себя очень скромно. Но ея примѣръ можетъ дурно дѣйствовать на другихъ женщинъ, не отличающихся ея высокими достоинствами; къ тому же ея поведеніе, какъ оно ни скромно, обращаетъ на нее слишкомъ большое вниманіе. Еще серьезнѣе тотъ образъ жизни, который она ведетъ въ Терапіи. Неприлично одной молодой женщинѣ жить во дворцѣ въ такой близости отъ нечестивыхъ турокъ. Не имѣя мужа, она должна была бы лучше поселиться въ монастырѣ, въ Царьградѣ, или на островахъ. Конечно, я не вѣрю, чтобы она во зло употребляла свою свободу, какъ ходятъ толки, что она, пользуясь своей свободой и одиночествомъ, поклоняется Богу не по правиламъ нашей церкви. Однимъ словомъ она еретичка.

Сергій вздрогнулъ и всплеснулъ руками. Это обвиненіе въ устахъ почтеннаго игумена дышало угрозой не только молодой княжнѣ, но и ему самому, такъ какъ ихъ вѣра была одинакова.

— Святой отецъ,—сказаль онъ, желая узнать подробнѣе, въ чемъ заключалась, по мнѣнію игумена, ересь княжны:—я не обращаю вниманія на тѣ сплетни, которыя ходять о княжнѣ; всегда клеветуютъ на все чистое, святое, но обвиненіе въ ереси дѣло другое, и если ты не усталъ, святой отецъ, то скажи мнѣ, почему ты считаешь ее еретичкой.

— Я не могу въ двухъ словахъ тебѣ этого объяснить, — отвѣчалъ игумень съ нервной дрожью во всемъ тѣлѣ:—но постараюсь дать тебѣ хоть понятіе объ этомъ. Ты знаешь и вѣришь, что вся суть православія заключается въ символѣ вѣры, который установленъ Никейскимъ соборомъ подъ предсѣдательствомъ величайшаго изъ императоровъ, Константина. Долго этотъ символъ вѣры былъ твердь, какъ камень, но теперь его хотятъ пошатнуть. Тебѣ извѣстны тѣ распри и партіи, которыя существуютъ въ нашей церкви?

— Я слыхаль, что есть римская партія и греческая, но я такъ недавно прибылъ въ Константинополь, что желаль бы услышать отъ тебя, святой отецъ, опредѣленіе той и другой.

— Благоразумно сказано, — замѣтилъ игумень съ улыбкой:—будь всегда такъ мудръ, и благословеніе святого Іакова будетъ всегда на тебѣ! У насъ двѣ партіи: греческая и римская; послѣднюю называютъ аземитской, но это глупое прозвище. Я и все мое братство принадлежимъ къ римской партіи и не обращаемъ никакого вниманія, когда Схоларій презрительно называетъ насъ аземитами. Мы не клятвопреступники,—прибавилъ онъ съ неожиданнымъ пыломъ, потомъ, нѣсколько успокоившись, продолжалъ кратко объяснять основные пять пунктовъ различія между греческою и римскою церквами, настаивая на правильности толкованія послѣдней, а когда онъ кончилъ это догматическое изложеніе, то произнесъ:—всѣ эти вопросы были порѣшены на недавнемъ Флорентинскомъ соборѣ, и тамъ, одиннадцать лѣтъ тому назадъ, императоръ, патріархи, митрополиты и другіе служители алтаря подписали гепнотиконъ, или актъ объ уніи. Когда вернулись императоръ и семьсотъ духовныхъ лицъ въ Константинополь, то толпа, встрѣтившая ихъ, вопрошала: «что вы сдѣлали, какъ порѣшили насчетъ нашей вѣры?» Императоръ молча поспѣшилъ въ свой дворецъ, а митролиты, епископы и другія духовныя лица, въ томъ числѣ Схоларій, отвѣчали, поникнувъ головой: «мы продали вашу вѣру, мы стали аземитами». Толпа спросила: «зачѣмъ вы подписали актъ уніи?». А они отвѣчали: «мы боялись франковъ». Но мало того, что, говоря это, они нарушили клятву, данную при подписи акта уніи, говорятъ, что многіе изъ нихъ взяли деньги для того, чтобы его подписать, слѣдовательно они прежде продали свою душу, а потомъ сдѣлались клятвопреступниками. Только трое и въ томъ числѣ нашъ теперешній патріархъ остались вѣрными своей клятвѣ.

— Я выслушалъ тебя, святой отецъ, — произнесъ Сергій:— и прошу теперь указать мнѣ все-таки, въ чемъ же заключается ересь княжны Ирины.

Все это время Сергій стоялъ задомъ къ двери и не замѣтилъ, что, среди длинной рѣчи игумена, въ келью вошелъ кто-то и остановился недалеко отъ ложа старца.

— Твое желаніе вполнѣ естественно, и я совершенно забылъ о княжнѣ. Помимо своихъ новшествъ въ поведеніи и религиозныхъ взглядахъ, она благороднѣйшее существо Византіи, и если бы случилось какое нибудь великое бѣдствіе, то она была бы способна на геройскіе подвиги. Но по несчастію она читаетъ Священное Писаніе посвоему и не согласна слѣдовать толкованію святыхъ отцовъ. Этимъ путемъ она составила себѣ свою вѣру, которая замѣняетъ ей символъ вѣры Никейскаго собора.

— А ея вѣра написана, святой отецъ?

— Да, и я читалъ ее, такъ какъ княжна питаетъ ко мнѣ полное довѣріе и говоритъ со мной вполнѣ откровенно.

— Откуда же она взяла свою вѣру?

— Слово въ слово изъ Священнаго Писанія.

— А ты позволишь мнѣ, святой отецъ, прочесть это изложеніе ея вѣры?

— Спроси у нея, но помни, что церковь никогда не можетъ терпѣть ереси и распространеніе ея. Ну, прощай. Я больше говорить не могу, я слишкомъ усталъ. Въ другой разъ приходи ко мнѣ, и мы подробнѣе поговоримъ объ этомъ.

Сергій поцѣловалъ руку старика и, обернувшись, хотѣлъ пойти къ двери, но встрѣтился лицомъ къ лицу съ тѣмъ молодымъ византійцемъ, котораго спасъ изъ рукъ Нило.

VIII.

Академія Эпикура.

— Я желаю тебѣ сказать два слова, — произнесъ вполголоса византїецъ.

— Твой отецъ изнемогаетъ, и мнѣ надо прислать къ нему кого нибудь на помощь, — отвѣчалъ Сергій.

— Я пойду съ тобой, но погоди минуту.

Молодой человѣкъ подошелъ къ ложу отца, преклонилъ колѣна и произнесъ:

— Благослови меня, отецъ!

— Сынъ мой, я не видалъ тебя уже много дней, — отвѣчалъ игумень, положивъ руку на его голову:— но въ надеждѣ, что ты наконецъ внялъ моимъ просьбамъ и бросилъ своихъ товарищей, ко-

торые губять твою душу и чернят мое доброе имя, а также изъ любви къ тебѣ и твоей святой матери я готовъ дать тебѣ свое благословеніе.

Слезы выступили на глазахъ Сергія, и ему стало жаль юношу, который подвергся такому выговору со стороны отца, но византіецъ, нимаю не тронутый словами игумена, сказалъ небрежно:

— Я никакъ не могу увѣрить тебя, отецъ, что все измѣнилось въ Византіи, и что даже въ ипподромѣ остались только отъ прежняго одни цвѣта. Сколько разъ я тебѣ объяснялъ, что всѣ, кромѣ монаховъ, хотя и среди нихъ есть исключенія, теперь признають полезный элементъ въ грѣхѣ.

— Это что такое!—воскликнулъ отецъ.

— Это—удовольствія.

— Боже мой, Боже мой! Куда мы идемъ!—промолвилъ старикъ и повернулся лицомъ къ стѣнѣ.

Сергіи вышелъ изъ кельи и послалъ другого монаха къ игумену, а самъ подождалъ въ корридорѣ юнаго византіяца.

— Скажи теперь, что тебѣ надо отъ меня.—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, пойдемъ лучше въ твою келью.

Сергіи исполнилъ его желаніе, и когда они вошли въ келью, то онъ предложилъ ему единственный стулъ, который тамъ находился по уставу братства.

— Нѣтъ, я не сяду,—отвѣчалъ юноша:—мнѣ только надо сказать тебѣ два слова: братству св. Іакова слѣдовало бы освободить моего отца отъ тяжелыхъ обязанностей, которыя ему уже не подь силу.

— Но вѣдь это было бы неблагодарностью съ ихъ стороны.

— Пустяки. Но, прости меня, кажется, мой отецъ называлъ тебя Сергіемъ?

— Да, это мое монашеское имя.

— Ты не грекъ?

— Нѣтъ, я подданный русскаго великаго князя.

— А я Демедій. Меня отецъ крестилъ Митрофаномъ, въ честь покойнаго патріарха, но мнѣ это имя не нравилось, и я перемѣнилъ его. Ну, теперь, такъ какъ мы знаемъ другъ друга, будемъ друзьями.

— Я постараюсь, Демедій, любить тебя, какъ люблю самого себя,—отвѣчалъ Сергіи.

— Ты, можетъ быть, удивляешься, что я навязываю тебѣ свою дружбу, но я обязанъ тебѣ спасеніемъ отъ сумасшедшаго гиганта, который безъ твоей помощи бросилъ бы меня въ море, а тамъ такіе подводные камни, что я разбился бы на мелкіе куски. Прими мою искреннюю благодарность.

— Я полагаю, что нечего благодарить человѣка, который спасъ отъ убійства одного ближняго и отъ смерти другого.

— Какъ бы то ни было, а я все-таки очень тебѣ благодаренъ. Ну, теперъ я объясню, что хотѣлъ тебѣ сказать, кромѣ своей благодарности. Мой отецъ добрый человѣкъ, и распри въ церкви не даютъ ему покоя. При этомъ онъ думаетъ только о той потерѣ въ силѣ и вліяніи, которую несетъ церковь отъ этихъ распрей, а потому онъ и его братство доходятъ въ своемъ фанатизмѣ до того, что всякій протестъ противъ установленныхъ догматовъ кажется имъ ересью, и они готовы предать еретиковъ пыткамъ и смерти. Я слышалъ изъ твоихъ словъ, сказанныхъ отцу, что ты любишь и преданъ княжнѣ Иринѣ; помни мои слова: ей грозитъ большая опасность.

— Боже избави!

— Я слышалъ часть твоей бесѣды съ отцомъ и предупреждаю тебя, будь остороженъ, когда онъ станетъ спрашивать послѣ твоего возвращенія изъ Терапіи о томъ, что она передала тебѣ насчетъ своей вѣры. Я считаю, что этимъ предупрежденіемъ я отчасти заплатилъ тебѣ свой долгъ за спасеніе жизни. А что, ты завтракалъ? — спросилъ онъ вдругъ, перемѣняя свой тонъ.

— Нѣтъ.

— Такъ голодный плохой собесѣдникъ, и не лучше ли мнѣ прекратить свои рѣчи?

— Нѣтъ, я не голоденъ и, можетъ быть, не вернусь въ обитель нѣсколько дней, а твоя бесѣда меня очень интересуешь.

— Хорошо. Я постараюсь быть краткимъ. Церковь, раздираемая распрями, забыла о своей паствѣ, и эта паства безъ пастырей сама ищетъ себѣ зеленыхъ луговъ и свѣжихъ ручьевъ. Ты слышалъ когда нибудь объ академіи Эпикура?

— Нѣтъ.

— Я тебѣ объясню, въ чемъ дѣло.

— Византійская молодежь нисколько не жалуется на то, что церковь забыла о ней, и напротивъ считаетъ большимъ счастьемъ, что ей дозволяютъ свободно мыслить, и вотъ къ чему они пришли: такъ какъ патріархъ и Схоларій спорятъ о томъ, какая изъ христіанскихъ религій лучше—римская или греческая, то слѣдуетъ оставить въ сторонѣ ихъ обоихъ и искать новую. Прежде всего возникла мысль о возвращеніи къ язычеству, но поклоненіе многимъ богамъ не удобно, такъ какъ трудно сказать, который изъ нихъ настоящій. Затѣмъ вспомнили, что никогда предки наши греки не жили такъ припѣваючи, какъ въ золотой вѣкъ Платона и Пифагора. Поэтому рѣшено остановиться на философіи. Но и философіи было много. Которую же намъ предпочесть? Мы серьезно разсмотрѣли каждую изъ нихъ и поочередно забраковали стоиковъ, циниковъ и самого Сократа. Тогда намъ остался одинъ Эпикуръ, и въ немъ мы нашли спасеніе. Онъ имѣетъ дѣло лишь съ настоящей жизнью и предлагаетъ свободный выборъ между удовольствіемъ и добродѣ-

телю. Вотъ мы формально и объявили себя эпикурейцами, а такъ какъ намъ нужна была внутренняя организація, чтобы защищаться отъ преслѣдованій церкви, мы основали академію Эпикура. Она помѣщается въ красивомъ храмѣ, гдѣ мы три раза въ недѣлю собираемся, чтобы слушать лекціи и участвовать въ преніяхъ. Членовъ у этой академіи уже нѣсколько тысячъ человѣкъ, и мы вербуемъ ихъ не только въ Константинополь, но и во всей имперіи.

— А что же лежитъ въ основѣ вашего ученія? — спросилъ съ негодованіемъ Сергій.

— Принципъ.

— Какой?

— Что удовольствіе—задача жизни.

— Но то, что для одного удовольствіе, не составитъ удовольствія для другого.

— Хорошо сказано, Сергій. Мы признаемъ удовольствія одного рода, именно удовлетвореніе страстей. Очень не многіе изъ насъ предпочитаютъ добродѣтель, такъ какъ она слишкомъ мечтательна.

— И вы болѣе ничего не дѣлаете, какъ только стремитесь къ доставленію себѣ удовольствій.

— Да. Но для этой цѣли необходимо развитіе трехъ главныхъ качествъ человѣческой природы—терпѣнія, мужества и разсудка, которыя служатъ намъ девизомъ.

— Нѣтъ. Вашимъ девизомъ долженъ быть развратъ!—воскликнулъ съ жаромъ молодой монахъ.

— Ты ошибаешься, Сергій, мы совсѣмъ не такіе дурные люди, какъ ты думаешь, и въ доказательство этого я передамъ тебѣ порученіе, данное мнѣ академіей. Выслушавъ вчера ночью въ чрезвычайномъ засѣданіи мой докладъ о твоёмъ благородномъ поступкѣ относительно меня, академія единогласно признала тебя героемъ и поручила мнѣ сказать, что двери ея всегда открыты...

— Довольно!—воскликнулъ Сергій:—я болѣе не могу тебя слушать. Ты и твоя академія—исчадіе ада. Оставь меня въ покоѣ.

И онъ быстро направился къ двери.

— Сергій, милый Сергій,—промолвилъ Демедій, схвативъ его за руку:—я не хотѣлъ тебя оскорбить. Останься, я еще хотѣлъ поговорить съ тобой о совершенно иномъ предметѣ.

— Противоположномъ?

— Да, какъ противоположенъ свѣтъ тьмѣ. Ты отправляешься въ Терапію?

— Да.

— Княжна Индіи также будетъ тамъ, она уже направилась туда.

— Почему ты знаешь?

— Я никогда не спускаю глазъ съ нея. А ты ее знаешь?

— Да.

— Ты думаешь, что она дочь князя Индіи?

— Да.

— Значитъ, ты ее не знаешь,—промолвилъ со смѣхомъ Демедій.— Она дочь еврея, лавочника на базарѣ.

— Откуда ты это знаешь?

— Княжна Ирина даетъ сегодня праздникъ,—продолжалъ византіецъ, не обращая вниманія на его вопросъ: — она пригласила на этотъ праздникъ всѣхъ рыбаковъ Босфора. И я тамъ буду. Желаю тебѣ всякаго удовольствія, Сергій, а главное проснуться и смотрѣть на все открытыми глазами. Когда ты поймешь весь смыслъ нашего девиза «терпѣніе, мужество, рассудокъ», то станешь сговорчивѣе, а я беру на себя наблюсти, чтобы двери нашей академіи всегда были открыты для тебя.

И они разстались.

IX.

Праздникъ рыбаковъ.

Послѣ ухода своего неожиданнаго гостя, Сергій быстро позавтракалъ, на что потребовалось немного времени, такъ какъ монастырскій завтракъ, по правиламъ братства, былъ очень скуденъ. Подкрѣпивъ свои силы, онъ пригладилъ себѣ волосы, почистилъ свою рясу и, взявъ четки, отправился на пристань рыбнаго рынка у Золотога рога. Тамъ онъ взялъ двухвесельную лодку и, прыгнувъ въ неё, крикнулъ гребцамъ:

— Въ Терапію. Къ полудню!

Не смотря на красоту Босфора, по которому быстро понеслась лодка, русскій монахъ не любовался живописной панорамой, открывшеюся предъ его глазами, а такъ углубился въ свои думы, что мысленно сталъ разговаривать съ будто бы сидѣвшими подлѣ него то Демедіемъ, то Лаелью.

— Стыдно,—говорилъ онъ, обращаясь къ первому:—сыну такого достойнаго отца идти противъ Бога! Твоя академія не что иное, какъ вызовъ противъ неба.

— О, прекрасное, невинное дитя!—произносилъ онъ, воображая, что мѣсто Демедія заняла Лаель: — небесный свѣтъ блеститъ въ твоихъ глазахъ. Зачѣмъ ты понадобилась исчадію ада?

— Ты хочешь ее обольстить,—продолжалъ онъ, снова обращаясь къ византійцу: — но гдѣ и когда? Для этой цѣли ты никогда не спускаешь съ нея глазъ. Княжна Ирина даетъ праздникъ рыбакамъ, и тамъ будетъ этотъ невинный ребенокъ, тамъ будешь и ты. Неужели ты воспользуешься этимъ случаемъ, чтобы похитить её? Конечно, твой планъ задуманъ прекрасно. Рыбаки могутъ её схва-

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ АПРѢЛѢ 1895 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 20-й.

- Агапѣвъ, А.** Арколе. Психологическій очеркъ одного изъ первыхъ боевыхъ оцтовъ великаго полководца. Извлечение изъ нѣмецк. сочинен. С. фон-В.—К. Съ предислов. генер.-лейтенанта Пузыревскаго. Варшава. 1895 г. Ц. 1 р.
- Андерсенъ.** Собраніе сочиненій въ 4-хъ томахъ. Перев. съ датск. А. и П. Ганзенъ, т. 4-й, в. XV. Прибавленіе къ «Сказкѣ моей жизни». (1855—1867 гг.). Письма отъ Андерсена; письма къ Андерсену. Ц. всего сочин. 6 р.
- Андріевскій, Н.** Сухумъ-Кале, его данныя и возможная будущность, основанія для осуществленія къ нему желѣзныхъ дорогъ, черезъ главный Кавказскій хребетъ и отъ Закавказской ихъ сѣти. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.
- Арѣфа, Н.** Положеніе о видахъ на жительство. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. Сборникъ узаконеній, распоряженій, инструкцій и правилъ о казенной продажѣ питей, съ приложеніемъ устава попечительства о народной трезвости и правилъ о взыскаціяхъ за нарушеніе положенія о казенной продажѣ питей. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 коп.
- Сборникъ дѣйствующихъ узаконеній о правѣ евреевъ на жительство и производство торговли въ Россійской Имперіи, съ сенатскими и министерскими разъясненіями. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Архивъ князя Воронцова.** Книга 40-я. М. 1895 г. Ц. 3 р.
- Атласъ сраненій XIX в.** Періодъ времени съ 1820 г. по настоящее время. Вып. VI. Пер. съ нѣм. подполковника Чеммарова. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Ашинъ, В.** Положеніе о желѣзнодорожномъ счетоводствѣ. Вып. I. Спб. 1895 г. Ц. 3 р.
- Бамаевъ, В.** О полевомъ травосѣяніи въ нечерноземныхъ губерніяхъ. Съ рис. и планами. М. 1895 г. Ц. 15 к.
- Бартолей, В.** Опытъ элементарнаго теоретическаго изслѣдованія касанія шаровъ. Съ атласомъ въ 12 лст. чертежей. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Безантъ, В.** Тайна богатой наслѣдницы. Пер. съ англійскаго С. Майковой. Спб. 1895 г. Ц. 80 к.
- Бенетовъ, А.** Бесѣды о землѣ и тваряхъ, на ней живущихъ. Съ 18 рис. Изд. 6-е. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Бенкерледжъ, О.** Устройство (протѣйшихъ) аквариумовъ, прѣсноводнаго и морскаго. Руководство для любителей. М. 1895 г. Ц. 35 к.
- Безръ, В.** Руководство къ примѣненію положенія о видахъ на жительство. М. 1895 г. Ц. 2 р.
- Бидертъ, Ф.** (д-ръ). Мать и ребенокъ, о вскармливаніи грудныхъ дѣтей и объ уходѣ за матерью и ребенкомъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Борзенно, А.** Вознагражденіе судебных приставовъ по дѣламъ государственнаго банка. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.
- Бонль, Г. Т.** Исторія цивилизаціи въ Англіи въ популярномъ изложеніи О. К. Нотовича. Изд. 2-е. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Браненгеймеръ, П.** Схема разбора грамматическаго. Одесса. 1895 г. Ц. 25 к.
- Брейтано, Л.** Объ отношеніи заработной платы и рабочаго времени къ производительности труда. Перев. В. Дена и В. Святловскаго 2-го. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.
- Брейтонъ, Р.** Не для грѣшной земли. Романъ. Спб. 1895 г. Ц. 60 к.
- Бѣлевичъ, К.** Стихи и рассказы. Спб. 1895 г. Ц. 40 к.
- Васильевъ, П.** Синтаксисъ русскаго языка. Курсы II, III и IV классовъ средн. учебн. заведеній. М. 1895 г. Ц. 50 коп.
- Венгеровъ, С.** Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. (Отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Т. IV. Воборыкинъ-Боголюбленскій, Вавиловъ-Введенскій. Спб. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Вернеръ, Г.** Разорванныя цѣпи. Романъ. Спб. 1895 г. Ц. 60 к.
- Вернеръ, Н.** (д-ръ). Массажъ, его техника, примѣненіе и дѣйствіе. Пер. съ нѣм., 5-е изд. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.

- Виваріумъ.** Какъ сдѣлать простой аква-рїумъ. Съ 13 политипажами въ текстѣ. М. 1895 г. Ц. 40 к.
- Виндельбандъ,** Философія Канта. (Изъ исторіи новой философіи Виндельбанда). Съ нѣм. перев. Н. Платонова. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Вишневскій, С.** Какъ намъ жить, чтобы здоровыми быть. Курсъ гигиены, общедоступно изложенной и приспособленной къ преподаванію въ городскихъ училищахъ и друг. учебн. заведен., съ указан. способ. подачи перв. медицинск. помощи и съ приложен. кратк. очерка анатоміи и физиологіи человѣка. Съ 35 рис. Изд. 3-е, испр. и дополн. Казань. 1895 г. Ц. 80 к.
- Владиміровъ, А.** О русскомъ замлевланіи въ Сѣверо-Западномъ краѣ. М. 1894 г. Ц. 75 к.
- Водовозова, Е.** Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Итальянцы. Спб. 1895 г. Ц. 40 к.
- Военные флоты и морская справочная книжка на 1895 г.** съ приложеніемъ рисунковъ судовъ иностранныхъ флотовъ. Спб. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Воспоминанія суворовскаго солдата.** Съ портретомъ автора. Подъ ред. генерал-майора Масловскаго. Спб. 1895 г. Ц. 30 коп.
- Вуальмоне, А., и Дарантье, Ш.** Власть мужа и подчиненность жены. Имѣть ли право мужъ читать секретныя письма жены. Спб. 1895 г. Ц. 40 к.
- Въ волнахъ жизни.** Литерат. сборникъ. Одесса. 1895 г. Ц. 50 к.
- Гаринъ, Н.** Гимназиста. (Изъ семейной хроникѣ). Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- Гауфельдтъ, А.** Основы литературной критики. Перев. Діонео. Спб. 1895 г. Ц. 15 к.
- Гвоздевъ, И.** (проф.). Краткій очеркъ 30-ти-лѣтней судебно-медицинской и профессорской дѣятельности въ Казани. Казань. 1895 г. Ц. 15 к.
- Гебель, В.** Краткій курсъ алгебры и собраніе алгебраическихъ задачъ. Ч. I. Теорія. М. 1895 г. Ц. 30 к.
- Гейслеръ, М.** Домовладѣніе и опредѣленіе его доходности. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Geiger, P.** (д-ръ). Сифилисъ носа и горла. Перев. съ нѣмецк. д-ръ С. Орѣчканъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Гервинусъ.** Автобіографія. Съ 4 портретами. Перев. Эдуарда Циммермана. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Глинка, С.** Общій курсъ кристаллографіи. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Глинскій, Б.** Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Біографическ. очеркъ. Съ предисл. В. Острогорскаго и приложеніемъ воспоминаній Г. Потанина. М. 1895 г. Ц. 50 к.
- Голицынъ, Дм.** (князь) (Муравлинъ). Будни. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Голубовскій, П.** Исторія Смоленской земли до начала XV ст. Кіевъ. 1895 г. Ц. 2 р.
- Гольцендорфъ, Ф.** (проф.). Общественное мнѣніе. Перев. съ нѣмецк. Н. Бера. Спб. 1895 г. Ц. 80 к.
- Гриммъ, О.** Какъ искусственно оплодотворяютъ и выводятъ рыбу. Спб. 1894 г. Ц. 5 к.
- Даневскій, Всев.** (проф.). Наше предварительное слѣдствіе, его недостатки и реформа. М. 1895 г. Ц. 75 к.
- Дашневичъ, Н.** Міровая скорбь, мрачное мировоззрѣніе и пессимизмъ въ западно-европейской поэзіи новаго времени, преимущественно новѣйшей французской. Кіевъ. 1895 г. Ц. 40 к.
- Дементьева, Іоанна д'Аркъ.** Историческая хроника. Съ рис. М. 1895 г. Ц. 4 р. 50 к.
- Деминевъ, В.** Краткій курсъ электрической телеграфіи по программѣ желѣзнодорожныхъ училищъ. Съ атласомъ чертежей. Спб. 1895 г. Ц. 60 к.
- Демолансъ, Э.** Какъ воспитывать и устранивать нашихъ дѣтей. Перев. съ франц. графъ Н. С. Ланской. Спб. 1895 г. Ц. 25 к.
- Диккенсъ, Ч.** Сочиненія. Т. VIII. Жизнь и приключенія Мартина Чезльвита. Гимнъ Рождеству. — Затравленъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Додоновъ, А.** Руководство къ правильной постановкѣ голоса и изученію искусства пѣнія. Ч. II. М. 1895 г. Ц. 1 р. 80 коп.
- Додэ, А.** Маленькій приходъ. Перев. съ франц. Поливановой. М. 1895 г. Ц. 1 рубль.
- Сцена и кулисы. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Доливо-Добровольскій, А.** Этюды и картинки изъ кругосвѣтнаго плаванія.—Въ имперіи Богдыхана.—На парадномъ китайскомъ обѣдѣ.—Сорокъ семь могилъ и другіе. Кронштадт. 1894 г. Ц. 50 к.
- Дормидонтовъ, Г.** Классификація явлений юридическаго быта, относящихся къ случаямъ примѣненія фикцій. Казань. 1895 г. Ц. 1 р.
- Дронинъ, Н.** Переполненная чаша. Драм. этюдъ въ 1 дѣйств. Спб. 1895 г. Ц. 60 к.
- Дьяновъ, А.** (Жителъ). Лѣсной царь. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Дюбуа, У.** Современная кухня. Практическ. руководство для поваровъ и кондитеровъ съ 260 рец. и 40 рис. Спб. 1895 г. Ц. 4 р.
- Езерскій, О.** Счетоводство сельскохо-

- зайственное по упрощенной системѣ. Изд. 3-е. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Electron.** Какъ сдѣлать динамо-электрическую машину и гальванометръ. Съ 8 рисунк. М. 1895 г. Ц. 25 к.
- Какъ сдѣлать небольшой электромоторъ и электрической молотъ. Съ 8 рисунк. М. 1895 г. Ц. 30 к.
- Желиховская, В.** Русскіе египтяне. Повѣсть. Съ 50 рис. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Житновъ, С.** Правила составленія смѣтъ производства работъ и технической отчетности по вѣдомству путей сообщения для техникумовъ путей сообщенія. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Жоржъ-Зандъ.** Крылья Мужества. Съ 9 рис. Ц. 25 к. — Розовое облако. Съ 5 рис. Ц. 12 к. — Великанъ Іеусъ. Съ 6 рис. Ц. 15 к. — Говорящій дубъ. Красный молотокъ. Съ 9 рис., портретомъ и биографіей автора. Ц. 18 к.
- Жуковский, В.** (д-ръ). О ревматизмѣ у грудныхъ дѣтей. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Залтскій, В.** Міровой законъ цѣнности. Отвѣтная рѣчь, сказанная оппоненту проф. А. А. Исаеву во время магистерскаго диспута въ Сиб. университетѣ 30-го октября 1894 г. Казань. 1894 г. Ц. 15 к.
- Зацѣпина, А.** Практическія указанія къ веденію сельско-хозяйственныхъ книгъ и отчетовъ по двойному счетоводству. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Закревская, М.** Стихотворенія. Казань. 1895 г. Ц. 1 р.
- Золя, Э.** Сочиненія. 18 т. Кіевъ. 1894 г. Ц. 7 р.
- Ивановъ, Ив.** Трагедія Софокла «Электра», ч. I. Греческій текстъ, ч. II. Комментарій къ тексту съ введеніемъ, 6 рис. и приложеніемъ разбѣровъ лирическихъ партій трагедіи. Изд. 2-е. испр. Спб. 1895 г. Ц. за обѣ части 1 р.
- Изборникъ развѣдчика.** Спб. 1895 г. Ц. 2 рубля.
- Казанскій, П.** Договорныя рѣки. Очерки исторіи и теоріи международнаго рѣчнаго права. 2 т. Казань. 1895. Ц. 6 р.
- Кандаратскій, М.** Радикальное грыжеисѣченіе Bassini съ анатомической точки зрѣнія. Казань. 1895 г. Ц. 25 к.
- Канторовичъ, Я.** Литературная собственность. Спб. 1895 г. Ц. 80 к.
- Карлетти, П.** Современная Россія. Перев. съ итальянскаго. А. Волховской. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Карѣвъ, Н.** Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Изд. 3-е. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Касперовъ, В.** Цѣны на пшеницу на современномъ международномъ рынкѣ. Спб. 1895 г. Ц. 5 р.
- Кашаровъ, Ив.** Откровенное слово русскаго дворянина. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Неньяръ и Луазо.** Какъ сдѣлать спираль Румкорфа и какіе опыты можно произвести съ ея помощью. Перев. съ франц. А. Бѣлаго. М. 1895 г. Ц. 50 к.
- Ниселевъ, И. О.** Іоаннъ (Кронштадтскій) въ Крыму. Съ 7 рис. Спб. 1895 г. Ц. 25 к.
- Кончина праведника.** Письмо Клавдіи Прокулы, жены Пилата. Спб. 1895 г. Ц. 10 коп.
- Коренблитъ, А.** Нѣмецко-русскій техническій словарь. Вып. XXIV. М. 1895 г. Ц. 40 к.
- Короленко, С.** О роли желѣзнодорожныхъ тарифовъ въ сельско-хозяйственномъ кризисѣ. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Корсунскій, Ив.** Пресвященнѣйшій епископъ Теофанъ, бывшій владимірскій и суздальскій. Біографическ. очеркъ. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Котеловъ, Н.** Эврипидъ и значеніе его «драмы» къ исторіи литературы (этюдъ). Спб. 1895 г. Ц. 75 к.
- Куглеръ, Бернгардъ.** Исторія крестовыхъ походовъ. Перев. съ нѣмецкаго. Съ рисунками, картами и планами. Спб. 1895 г. Ц. 3 р.
- Кулешовъ, П.** Сельско-хозяйственный кризисъ и мясное скотоводство. М. 1895 г. Ц. 50 к.
- Кулябно-Норещій, А.** Кеммеръ и его пѣлебныя силы. Путеводитель для врачей и больныхъ. Рига. 1895 г. Ц. 80 к.
- Кюн, Ц.** Полевая фортификація. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Лась, Н.** Ангель смерти. Народное сказаніе на день кончины возлюбленнаго Государя Императора Александра III. Спб. 1895 г. Ц. 20 к.
- Лаунъ-Тенисъ.** Перев. съ нѣмецкаго. Со многими политипажамъ въ текстѣ. М. 1895 г. Ц. 60 к.
- Леляковъ, Р.** Стихотворенія. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Лесанъ.** Исторія Жиль Блаза де-Сантильяне. Перев. съ французск. Спб. 1895 г. Ц. 2 р. 50 коп.
- Лейкинъ, Н.** Ради потѣхи. Юмористическія шалости пера. Изд. 2-е. Спб. 1895 года. Ц. 1 рубль.
- Линевъ Д. (Далинъ).** Не сказки. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Лисовскій, Н.** Русская періодическая печать 1703—1894 гг. (Библіографія и графическія таблицы). Вып. I. Спб. 1895 г. Ц. 5 р. По подпискѣ на все издан. въ 3 вып. 12 р.
- List (fon) Ег.** Задачи уголовной политики, въ изложеніи Б. Гурвича. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Лихачевъ, Н.** Сборникъ актовъ, собранныхъ въ архивахъ и бібліотекахъ. Вып. I. Духовныя и створныя грамоты. Вып.

- II. Грамоты правныя. Сиб. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Лишинъ, Н.** Забѣтки о почтово-телеграфныхъ нуждахъ въ провинціи 1894—95 гг. Сиб. 1895 г. Ц. 70 к.
- Лодыгинъ, П.** Дѣдушкины рассказы о лошади-кормилицѣ и объ уходѣ за нею въ сельскомъ быту. Сиб. 1895 г. Ц. 20 к.
- Лозикскій, А.** Противъ Гомеопатіи. Полемическія статьи. Сиб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Лоти, П.** Исландскій рыбакъ. Сиб. 1895 г. Ц. 40 к.
- Лунскій, Н.** Курсовыя вычисленія. Одесса. 1895 г. Ц. 35 к.
- Вычисленіе процентовъ-интересовъ. Одесса. 1895 г. Ц. 35 к.
- Магаймъ, Эрн.** Профессіональные рабочіе. Перев. съ франц. Н. Водовозова. Сиб. 1885 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Мазировъ, Л.** Современная архитектура въ Россіи. Вып. I. Изданіе 2-е. Сиб. 1895 г. Ц. 8 рублей.
- Мануиловъ, А.** Аренда земли въ Ирландіи. М. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Марновъ, А.** Стихотворенія и рисунки. Посмертное изданіе. Сиб. 1895 г. Ц. 5 р.
- Мартенсъ, Н.** Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами. Т. XI. Трактаты съ Англією 1801—1831 гг. Сиб. 1895 г. Ц. 4 р.
- Мартенсъ, Ф.** Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Т. I. Изд. 3-е доп. и исправлен. Сиб. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Маудсли, Г.** Совѣ и сновидѣнія. Перев. съ англ. подъ ред. Л. Оболенскаго. Сиб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Меньшиковъ, Н.** Система сельско-хозяйственнаго управленія счетоводства. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Мернель (проф.)** Сила и право. (Международн. Вибл., № 27). Одесса. 1895 г. Ц. 15 к.
- Milne и Беннерледжъ.** Какъ дѣлается цилиндрическая электрическая машина. Съ 18 рисунк. М. 1895 г. Ц. 40 к.
- Миттермайеръ.** Судъ присяжныхъ и ихъ значеніе. (Международн. Вибл., № 26). Одесса. 1895 г. Ц. 15 к.
- Milby, А.** Поляризованный свѣтъ. Элементарное изложеніе для начинающихъ изучать минералогію. Съ англ. перев. С. Глянка. Сиб. 1895 г. Ц. 25 к.
- Мясницкій, И.** Смѣха ради. Юмористическіе рассказы. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Надсонъ, С.** Стихотворенія. Съ портретомъ, факсимиле и биографическ. очеркомъ. Изд. 13-е. Сиб. 1895 г. Ц. 2 р.
- «**Неврологическій Вѣстникъ**». Подъ ред. проф. Бехтерева и проф. Н. Попова. Т. III. Вып. I. Казань. 1895 г. Ц. 2 р.
- Немировичъ-Данченко, Вл.** Старый домъ. (Мертвая ткань), М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Неплюевъ, Н.** Христіанское мировоззрѣніе. Берлинъ. 1894 г. Ц. 30 к.
- Нестеровъ, Н.** Сахарный клеветъ и клепо-сахарное производство въ Сѣверной Америкѣ. Сиб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Нефедьевъ, Е.** Ученіе объ искѣ. Вып. I. Введеніе. Казань. 1895 г. Ц. 40 к.
- Никитинъ, В.** Разнообразіе. Повѣсти, рассказы и очерки. Сиб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Новѣйшая исторія Франціи (1871—1895 гг.).** Краткій очеркъ событій. Одесса. 1895 г. Ц. 25 к.
- Нотнагель, Г., и Россбахъ, М.** Руководство къ фармакологіи. Пер. подъ ред. д-ра Н. Иванова. Изд. 2-е. Сиб. 1895 г. Ц. за двѣ части 4 р.
- Обращеніе товарища къ студентамъ.** Доходъ съ изданія поступаетъ въ пользу студентовъ Технологическаго Института. Сиб. 1895 г. Ц. 20 к.
- Орловъ, Н.** Суворовъ на Требіи въ 1799 г. Изд. 2-е. Сиб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Оровичъ, Я.** Женащина въ правѣ. Съ приложеніемъ всѣхъ постановленій дѣйствующаго законодательства, относящихся до лицъ женскаго пола. Сиб. 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Пантюховъ, И.** О кумыкахъ. Антропологическій очеркъ. Тифлисъ. 1895 г. Ц. 25 к.
- Пахарнаевъ, А.** Законъ, обычаи и волостной судъ. (Руководство для крестьянъ). Пермь. 1894 г. Ц. 60 к.
- Педаевъ, Д.** Атмосферное электричество. Харьковъ. 1895 г. Ц. 60 к.
- Первый всемірный съѣздъ журналистовъ и русское литературное общество.** Тифлисъ. 1894 г. Ц. 15 к.
- Перцовъ, П.** Письма о поэзій. Сиб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Песновскій, М.** Баронъ Н. А. Корфъ въ письмахъ къ нему разныхъ лицъ. Общая характеристика барона Корфа и пять отдѣльныхъ очерковъ о его дѣятельности. Сиб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Плискій, Н.** Мстительность животныхъ. Вып. II. Мстительность собакъ и кошекъ. Сиб. 1894 г. Ц. 20 к.
- Повторительный курсъ по гражданскому праву.** Особенная часть. Составленъ по курсамъ проф. Дювернуа, Мейера, Побѣдоносцева и др. и по X т. согласно програм. въ юридич. комиссіи. 2 исправ. изд. Сиб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Поморцевъ, М.** Привязной, свободный и управляемый аэростатъ. Механическія условія ихъ равновѣсія и движенія. Сиб. 1895 года. Ц. 90 кол.
- Половъ, Л.** Кляническія лекціи. Вып. I. Недостаточность полулунныхъ клапановъ

- аорты — Болѣзнь Базедова. — Приступы грудной жабы. Сиб. 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Правила по примѣненію новаго пассажирскаго и багажнаго тарифа.** Расчетныя таблицы платы за перевозку пассажировъ и багажа. Сборникъ тарифныхъ постанціонныхъ разстояній. Сиб. 1895 г. Ц. 30 и 40 к.
- Прессъ, А.** Искусственное высушиваніе дерева. Изд. 2-е исправл. и дополн. съ 25 рис. Сиб. 1895 г. Ц. 80 к.
- Прокошевъ, П.** Каноническіе труды Іоанна, епископа смоленскаго. Казань 1895 г. Ц. 2 р.
- Путеводитель и справочная книга по Кавказскимъ минеральнымъ водамъ.** Пятигорскъ. 1895 г. Ц. 65 к.
- Путешествіе Чарльза Дарвина** кругомъ свѣта и по южной Америкѣ. Въ передѣлкѣ М. А. Лялиной. Съ 50 рис. Сиб. 1895 года. Ц. 80 к.
- Пѣсни Англии и Америки.** Собраніе стихотвореній английскихъ и американскихъ стихотв. Съ портретами Байрона, Борнса и Лигфелло. М. 1895 г. Ц. 15 к.
- Пѣсни Германіи.** Съ портретами Шиллера, Гете и Гейне. М. 1895 г. Ц. 15 к.
- Пѣтуховъ, Е.** Очерки изъ литературной исторіи синодика. Судьбы текста чина православія на русской почвѣ до половины XVIII вѣка. II. Литературные элементы синодика какъ народной книги въ XVII и XVIII вѣкахъ. Сиб. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Радикальная Англія.** Ея экономическій кризисъ и притязанія на мировое господство. Сиб. 1895 г. Ц. 75 коп.
- Раевскій, Н.** Географія, какъ наука и учебный предметъ (методика географіи). Изд. 3-е. Сиб. 1895 г. Ц. 75 к.
- Разсказы о Западной Сибири** или губерніяхъ Тобольской и Томской и какъ тамъ живутъ люди. Съ рисунк. и картой Сибири. М. 1895 г. Ц. 30 коп.
- Рапон и Сажа.** Новое изложеніе гистологическаго строенія центральной нервной системы. Рефератъ д-ра А. Смирнова. Казань. 1895 г. Ц. 50 к.
- Ратно, Вл.** Другъ велосипедиста, необходимыхъ свѣдѣній и полезныя совѣты. Сиб. 1895 г. Ц. 40 к.
- Ределинъ, М.** Домъ и хозяйство. Руководство къ рациональному веденію домашняго хозяйства въ городѣ и деревнѣ. Въ двухъ томахъ. Съ рис. Ц. за 2 т. 4 р.
- Ренлю, Э.** Земля. Описаніе жизни земного шара. Переводъ безъ пропусковъ съ послѣдняго франц. изданія. Подъ редакц. Н. Рубякина. Вып. III. Подземныя силы. Съ 61 рис. и 4 картами. Ц. 1 р. 10 к. Вып. IV. Океанъ. Съ 73. рис. и 3 картами. Ц. 1 р. 10 к.
- Рейтцъ, В.** Лекціи по патологіи и терапіи дѣтскаго возраста. Сиб. 1895 г. Ц. 3 р. 50 коп.
- Рибо, Т.** Изслѣдованіе аффективной памяти. Пер. съ франц. Е. Максимовой. Сиб. 1895 г. Ц. 25 коп.
- Рибо, Т.** Современная германская психологія (опытная школа) Перев. съ франц. Сиб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Руководство къ частной терапіи внутреннихъ болѣзней.** Вып. I. Инфекціонныя болѣзни. Сиб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- „Русская Бестѣда“** 1895 г. Мартъ. Ц. 1 рубль.
- „Русскій Странникъ“** (Евгеній Львовъ). По Студеному морю. Поѣздка на Сѣверъ. Ярославль, Вологда, Архангельскъ, Мурманъ, Нордъ-Капъ, Трондгеймъ, Стокгольмъ, Петербургъ. Съ 30 рис. съ натуры исполн. К. Коровинымъ и В. Сѣровымъ. М. 1895 г. Ц. 3 р.
- Салиасъ, Е.** Собраніе сочиненій. Т. VIII и IX. М. 1895 г. Ц. кажд. тома—2 р. 50 к., по подпискѣ на все сочин.—30 р.
- Сальминовъ, А.** Краткій обзоръ русской исторіи (курсъ городскихъ училищъ. Одобр. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв., какъ руков. для городск. и уѣздн. училищъ, а также для 3-го класса гимназ. и реалън. учил.). Сиб. 1895 г. Ц. 25 к.
- Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.** Т. 94-й. Ц. 3 р.
- Сборникъ восточныхъ повѣстей, разсказовъ, легендъ и сказаній.** Сиб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Свѣтловъ, В.** Кавказскія преданія и легенды. Сиб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- «Сельскій Хозяинъ»,** № 24. Ц. 20 к.
- Семьянинъ.** Ежемѣсячникъ литературы, науки, общественной и семейной жизни. 1895 г. Февраль. Ц. 50 к.
- Сеславинъ, Д.** Первый сборникъ моихъ разсказовъ. Сиб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Сервантесъ, М.** Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Т. II Съ 39 картин. Густава Доре. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Снази нота Мурлыки.** Съ рисунками М. Микѣшина, барона М. Клодта и др. Изд. 5-е. Ц. 2 р.
- Смитъ Адамъ.** Изслѣдованія о богатствѣ народовъ. Перев. М. Щепкина. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Соколовъ, В.** Москва Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія). М. 1894 г. Ц. 40 к.
- Соколовъ, М.** Земля и ея обитатели. Первое знакомство съ географіей всеобщаю и русскою. Пособіе для самообразованія. Съ 170 рис. въ текстѣ. Сиб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Соколова, А.** Лошадь. Строеніе ея тѣла и наружныя признаки, опредѣляющіе здоровье, силу и годность ея къ работѣ. Сиб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

- Ставровскій, Л.** Кавказъ. Съ рисунками. М. 1895 г. Ц. 10 к.
- Стонсъ, Л.** Искусство и секреты золоченія. Руководство для любителей ремесла. Перев. съ англ. М. 1895 г. Ц. 70 к.
- Сухомлиновъ, В.** Майоръ Кануковъ. Рассказы для нижнихъ чиновъ. Спб. 1895 г. Ц. 20 к.
- «**Сѣверный Вѣстникъ**». Апрель. 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Таганцовъ, Н.** Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1895 г. Изд. 8-ое пересм. и дополи. Спб. 1895 г. Ц. 4 р. 50 к.
- Технича государственныхъ взиманій**, какъ результатъ финансовыхъ доктринъ. Къ вопросу о реформѣ табачно-акцизнаго дѣла въ Россіи. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.
- Шлаут, Р.** Руководство къ топографической анатоміи въ примѣненіи къ хирургіи. Вып. III. Ц. 1 р. 50 к.
- Тищенко, В.** Канифоль и скипидаръ. Подсочка хвойныхъ и переработка живицы въ Соедин. Штатахъ Сѣв. Америки и друг. государствъ.—Добываніе терпентина, скипидара и канифоли, ихъ свойства, химическій составъ и примѣненія. Съ рис. Изданіе Д—та Торговля и Мануфактуръ М—ва Финансовъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Толстой, Л.** Хозяинъ и работникъ. Рассказъ. Изд. 2-е (Деш. Библ., № 119). Ц. 5 к.
- Томашевскій, В.** Свѣтъ не безъ добрыхъ. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.
- Турвилъ (де) Анри.** Соціальная наука представляетъ ли науку? Перев. съ франц. графа Н. Ланскаго со статьей переводчика «Ле—пэ и его школа». Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Тягуновъ, Я.** Святая Русь. Извлечение изъ Карамзина и друг. историч. сочин. для назид. чтенія православно. русск. народу. Изд. 2-е исправл. Спб. 1895 г. Ц. 20 к.
- Укрѣпленіе и облѣсеніе** сыпучихъ песковъ на Куришской косѣ. Спб. 1894 г. Ц. 10 к.
- Ушинскій, Н.** О пользѣ педагогической литературы. Спб. 1895 г. Ц. 10 коп.
- Файнштейнъ, С.** Что такое мнемоника, искусство укрѣпленія памяти. Изд. 4-е. Одесса. 1894 г. Ц. 35 к.
- Фенелонъ.** О воспитаніи дѣвицъ. Перев. подъ ред. Н. Карцова. Спб. 1894 г. Ц. 60 коп.
- Федоровъ, П.** Музыкальное пособие для развитія слуха и музыкальной памяти. Практическая звуковая теорія музыки. Вып. I. Курсъ элементарной теоріи музыки. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Финдейсъ, Гвидо.** Акваріумъ и его обитатели. Руководство къ устройству и содержанию акваріума. Съ 7 рис. въ текстѣ. Перев. съ нѣмецкаго. Спб. 1895 г. Ц. 40 коп.
- Фрибесъ, О.** Руководство, какъ сушить цвѣты съ сохраненіемъ ихъ натуральныхъ красокъ. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Фрибесъ, Е.** Русская азбука и постепенное чтеніе. Изд. 2-е. Спб. 1895 г. Ц. 40 к., въ папкѣ 50 к.
- Харузинъ, Ал.** Крестьянское земледѣдніе въ Эстляндской губерніи по даннымъ 1892—1894 гг. Вып. I и II. Ревель. 1895 г. Ц. по 1 р. 25 к. за выпускъ.
- Хиггисонъ, Т.** Здравый смыслъ и женскій вопросъ. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Хитровъ, М.** Свѣточи христіанства. М. 1895 г. Ц. 30 к.
- Циглеръ, Т.** Что такое нравственность? Перев. со 2-го нѣм. изданія А. Острогорскаго. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Чиколевъ, В.** Не былъ, но и не выдумка. Электрической рассказъ. Спб. 1895 г. Ц. 2 р. 50 коп.
- Цитовичъ, П.** Къ вопросу о вексельномъ уставѣ. (Огвѣтъ г. А. Кивриму). Спб. 1895 г. Ц. 75 к.
- Черскій, Л.** Святая Елисавета Тюрингская. Спб. 1895 г. Ц. 10 к.
- Шахматный журналъ**, № 1. Ц. 75 к.
- Шелли.** Сочиненія. Перев. съ англійскаго К. Д. Бальмонта. Вып. 3-й. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Шмидтъ, Н.** Къ гигиенѣ рыбнаго промысла въ устьѣ р. Волги (санитарно-статистическое изслѣдованіе). I. Санитарныя условія жизни рабочихъ. Съ рисунок. и 13 диаграммами. М. 1895 г. Ц. 5 р.
- Шперль, Ф.** Философія индивидуальности. *Variā.* Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Шредеръ, В.** Д-ръ. Женскій врачъ. Общедоступное изложеніе женскихъ болѣзней, ихъ сущность, причины, предохраненіе и лѣченіе. Кіевъ. 1895 г. Ц. 1 р. 50 коп.
- Шрениникъ, Е.** Первый изобрѣтатель книгопечатанія Іоганнъ Гуттенбергъ. Историч. повѣсть. Спб. 1895 г. Ц. 25 к.
- Щегловитовъ, С.** Судебные уставы Императора Александра II съ законодательными мотивами и разъясненіями. Уставъ уголовного судопроизводства. Спб. 1895 г. Ц. 5 р.
- Щербачевъ, Г.** Идеалы моей жизни. Воспоминанія изъ временъ царствованія императоровъ Николая I и Александра II съ приложеніемъ статьи того же автора: Какъ сдѣлать нашу жизнь наиболѣе счастливою? Съ замѣткой о дарвинизмѣ и объ ученіи графа Л. Н. Толстого. М. 1815 г. Ц. 1 р. 50 к.

Энштейнъ, І. (проф.). Честь въ философіи и въ правѣ. Перев. съ нѣмецкаго. Спб. 1895 г. Ц. 80 к.

Элерсъ, О. Популярная политическая экономія. Перев. съ нѣм. Одесса. 1895 г. Ц. 50 к.

Энциклопедическій словарь. 28 полутомъ. Карданахи-Керо. Спб. 1895 г. Ц. 3р.

Эйнгорнъ, С. д-ръ. Практическое руководство къ массотерапіи. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 60 коп.

Якимовъ, В. Съ большой совѣстью. Психологическій этюдъ. Казань. 1895 г. Ц. 15 коп.

Янмуль, И. (проф.). Изъ психологіи народовъ. Экономическое значеніе „времени“ и „пространства“. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.

Яроцкій, В. Страхование рабочихъ въ связи съ отвѣтственностью предпринимателей. Спб. 1895 г. Ц. за два тома 5 рублей.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА:

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ.

СЪ 52 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ.

ЦѢНА 3 РУБЛЯ.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 г.—Вѣнценосный хирургъ.—Петръ Великій въ Дефтфордѣ.—Императорскій титуль.—Первые балы въ Россіи.—Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ.—Свадьба карликовъ.—Московскій маскарадъ 1722 года.—Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.—Первый петербургскій генераль-полицей-мейстеръ.—Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны.—Березовскіе ссыльные.—Дочь Бирона.—Убийство Синклера.—Холмогорская старина.—Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія.—Русскій чудакъ XVIII столѣтія.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Екатерина II и ея два статсъ-секретаря.—Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.—Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія.—Кирьяново, дача княгини Дашковой.—Александрова дача.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 г.—Пѣвица Габриелли.—Подпоручикъ Федосѣевъ.—Семейное преданіе.—Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.—Мнимое завѣщаніе Петра Великаго.—Кладбищенская литература.

Лица, выписывающія эту книгу чрезъ контору «Историческаго Вѣстника» (Спб., Невскій, 38), за пересылку ничего не платятъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ЖУРНАЛЬ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

СОДЕРЖАНИЕ.

ЮНЬ, 1895 г.

	стр.
I. Въ поискахъ истины. XXIV—XXVII. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ	665
II. Записки сенатора Н. П. Синельникова. VII. (Продолженіе)	693
III. Катти и Матти. Н. Ф. Лѣскова-Корельскаго	712
IV. Московское общество въ изображеніи Грибоѣдова и графа Л. Толстого. А. П. Кирпичникова	723
V. Воспоминанія В. А. Полторацкаго. XXIV. (Продолженіе)	759
VI. Культура и подвижничество. Р. И. Сементковскаго	783
VII. Гапсаль и преданіе о Петрѣ Великомъ. И. Ф. Тюменева	806
Иллюстраціи: 1) Видъ замка въ Гапсалѣ до реставраціи.—2) Дождь, въ которомъ останавливался Петръ Великій въ Гапсалѣ.	
VIII. Какъ былъ погребенъ М. Ю. Лермонтовъ. П. К. Мартынова	814
IX. Жевщивы-врачи на общественной службѣ. Б. Б. Глинскаго	827
X. Прошлое и настоящее печатнаго дѣла въ Россіи. С. С. Трубачева	860
XI. Критика и библиографія	881
1) Жизнь и труды М. П. Погодина, Николая Барсукова. Книга IX. Спб. 1895. Б. Глинскаго.—2) Н. Н. Страховъ. Объ основныхъ понятіяхъ физиологій и психологій. Изданіе второе. Спб. 1894. Его же. Философскіе очерки. Спб. 1895. Его же. Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ (1862—1885). Изданіе третье. Спб. 1895. Б. В. Н.—3) Проф. А. Н. Красновъ. Основы земледѣдія. Руководство для студентовъ университета, преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній и самообразованія. Выпускъ I. Исторія картографіи, форма земли, распредѣленіе суши и ея строеніе. Харьковъ. 1895. Б. В. Н.—4) Дешевая Библіотека. Чедомилъ Міятовичъ. Константины, послѣдній византійскій императоръ, или завоеваніе Константинополя турками (1453). Спб. 1895. Б. Г.—5) А. Стадниціи. Гавриилъ Ванулеско-Бодони, епископъ молдо-влахійскій (1803—1812 гг.) и митрополитъ кішиневскій (1813—1821 гг.). Съ фототипическимъ изображеніемъ и автографомъ митрополита Гавриила. Кишиневъ. 1895. С. Г. Руннеишча.—6) Викторъ Чаевскій. Warszawa ilustrowana. T. I. Stara Warszawa. Варшава. 1895. Г. Воробьева.—7) Автобіографія Гервинуса. Съ четырьмя портретами. Переводъ Эдуарда Циммермана. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1895. А. Н.—ва.—8) Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст. Сочиненіе Ивана Забѣлина. Часть I. Третье изданіе съ дополненіями. Москва. 1895. В. Б.—9) Свѣдѣнія объ Юхотской волости и ея прежнихъ владѣльцахъ, князьяхъ Юхотскихъ и Мстиславскихъ. Александра Барсукова. Спб. 1894. Б—а.	
XII. Историческія мелочи	899
1) Торквато Тассо и его трехсотлѣтній юбилей.—2) Предки и родители Жанъ-Жака Руссо.—3) Мемуары Варра.—4) Юношескія письма папы Льва XIII.—5) Европейская дипломатія во время Крымской войны.—6) Столѣтіе Нормальной школы въ Парижѣ.—7) Новая раскопка въ Дашурѣ.	

См. слѣдующую стран.

	СТР
XIII. Заграничныя историческія новости	916
XIV. Изъ прошлаго	923
Два письма Пушкина къ П. А. Корсакову. Сообщилъ Петръ Корсаковъ .	
XV. Смѣсь	925
1) Историческое общество.—2) Государь Императоръ на выставкѣ печатнаго дѣла.—3) Археологическая коммиссія.—4) Славянское общество.—5) Отчетъ Саратовскаго общества вспомошествованія нуждающимся литераторамъ.—6) Тверской музей и его приобрѣтенія въ 1893 году. 7) Некрологи: Е. О. Рейнботъ; Г. С. Дестунисъ; А. В. Елисѣевъ.	
XVI. Замятки и поправки	932
1) Портретъ Людовика XIV. Ред.—2) Къ статьѣ «Наброски изъ прошлаго».	
XVII. Извлеченіе изъ временнаго положенія о состоящей при Императорской Академіи Наукъ постоянной коммисіи для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ	933
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Людовика XIV. Хромолитографія въ 13 красокъ.—2) Паденіе Царьграда (The Prince of India or why Constantinople fell). Историческій романъ Люиса Воллеса, автора «Во время оно». Переводъ съ англійскаго. Часть IV. Гл. X—XVII. (Продолженіе).—3) Объявленіе книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина.	

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТИДЕСЯТАГО ТОМА.

(АПРѢЛЬ, МАЙ и ІЮНЬ 1895 года).

	СТР.
Въ поискахъ истины. XV—XXVII. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ	5, 345, 665
Записки сенатора Н. П. Синельникова. V—VII. (Продолженіе)	45, 373, 693
Тернистый путь къ свѣту. (Мытарства крѣпостного чело- вѣка). Д. В. Ѳедорова	58, 388
Воспоминанія В. А. Полторацкаго. XXII—XXIV. (Продол- женіе)	85, 414, 759
Поѣздка въ Старую Руссу. IV—IX. (Окончаніе). А. В. Кру- глова	110
Иллюстраціи: 1) Молочная ферма на минеральныхъ водахъ въ Старой Руссѣ.—2) Школа имени Ѳ. М. Достоевскаго въ Старой Руссѣ.—3) Домъ Ѳ. М. Достоевскаго въ Старой Руссѣ.—4) Го- стиный дворъ въ Старой Руссѣ.—5) Соборъ въ Старой Руссѣ.— 6) Красный берегъ въ Старой Руссѣ.—7) Косинская община близъ Старой Руссы.—8) Церковь Спасителя близъ Старой Руссы.	
Въ мятежномъ краѣ. (Изъ воспоминаній). III—VI. (Оконча- ніе). И. В. Любарскаго	156, 445
Памяти Николая Семеновича Лѣскова. А. И. Фаресова . . .	177
Матеріалы для біографіи И. И. Лажечникова. Н. Н. Овсян- никова	204
Украинскій Сократъ. Б. В. Никольскаго	215
Свѣтлѣйшій покоритель Варшавы. Б. К. П—на	223
Авантюристъ Старога и Новаго свѣта. В. А. Тимирязева . .	246
Иллюстрація: Портретъ Франческо Миранда.	
Очерки японской культуры. А. А. Пеликана	260
Современные литературные дѣятели. Алексѣй Николаевичъ Апухтинъ. А. К. Бороздина	465
Въ Лифляндской Швейцаріи. (Очеркъ). Р. И. Сементков- скаго	486
Край свѣта по современнымъ, средневѣковымъ и древнимъ описаніямъ. А. Н. Краснова	510
Иллюстраціи: 1) Карта міра по представленію Гомера.—2) Пер- вая научная карта міра, составленная Птоломеемъ въ I вѣкѣ по Р. Х.—3) Міръ по ученію Ковьмы Индиоплефта.—4) Другое изображеніе міра по его же ученію.—5) Карта міра изъ одного средневѣкового изданія XII вѣка.—6) Карта арабовъ IX вѣка.— 7) Глобусъ Мартына Behaim'a.	

	СТР.
Новый свидѣтель эпохи убіенія Димитрія Самозванца. И. А. Линниченка	533
Веневь монастырь. В. Ф. Харичкова	543
Иллюстраціи: Церковь Венева монастыря.	
Старець Ѳеодоръ Кузьмичъ. И. П. Кузнецова-Красноярскаго. Современная Россія. А. И. Фаресова	550 555
Неудачный сѣздъ. Б. Б. Глинскаго	575
Новый Наполеонъ. Статья вторая. Корсиканскій патриотъ и французскій якобинець. В. Т.	590
Иллюстраціи: 1) Наполеонъ въ якобинскомъ клубѣ на Корсикѣ.—2) Наполеонъ въ дешевомъ ресторанѣ въ Парижѣ.—3) Бокерскій ужинъ.—4) Военный совѣтъ въ Тулонѣ.	
Катти и Матти. Н. Ѳ. Лѣскова-Корельскаго	712
Московское общество въ изображеніи Грибоѣдова и графа Л. Толстого. А. И. Кирпичникова	723
Культура и подвижничество. Р. И. Сементковскаго	783
Гапсаль и преданіе о Петрѣ Великомъ. И. Ф. Тюменева	806
Иллюстраціи: 1) Видъ замка въ Гапсаль до реставраціи.—2) Домъ въ которомъ останавливался Петръ Великій въ Гапсальѣ.	
Какъ былъ погребенъ М. Ю. Лермонтовъ. П. К. Мартянова. Женщины-врачи на общественной службѣ. Б. Б. Глинскаго. Прошлое и настоящее печатнаго дѣла въ Россіи. О. О. Трубачева	814 827 860

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ:

1) Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Томъ первый. Изданіе К. Т. Солдатовскаго. Москва. 1895. Б. В. Н.—2) Археологическія извѣстія и замѣтки, издаваемыя Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, подъ редакціей И. А. Линниченка и В. М. Михайловскаго. Москва. 1894. М. А.—3) Столѣтіе російской конной артиллеріи (1794—1894). Составилъ и издалъ Павелъ Потоцкій. Спб. 1894. А. Б.—4) «Не по торному пути». Алекс. Мертваго. Спб. 1895. Л. Лорбергъ.—5) И. Малиновскій. Ученіе о преступленіи по Литовскому статуту. Кіевъ. 1894. Б. В. Н.—6) Алексій Веселовскій. Этюды и характеристики. Москва. 1894. В. Б.—7) Акты Московскаго государства, изданные Императорской Академіей Наукъ, подъ редакціей Н. А. Попова. Томъ II. Разрядный приказъ. Московскій столъ. Спб. 1894. А. Б—ина.—8) Семейство Разумовскихъ. А. А. Васильчикова. Томъ пятый. Спб. 1894. С. А—ва.—9) Отто Генне-амъ-Ринъ. Законы культуры. Переводъ съ нѣмецкаго. («Международная Библиотека»). Одесса. 1894. П. А.—10) С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Томъ IV. Спб. 1895. Вл. З.—11) Памяти «Русалки», броненосца русскаго флота, погибшаго въ сентябрѣ 1893 года. Казань. 1894. И. И—снаго.—12) Сказки русскаго народа. Текстъ подъ редакціей В. А. Гатцука. Рисунки художника Н. А. Богатова. Вып. I—V. Москва. 1894. Б—а.—13) Ф. Юдль. Этика и политическая экономія. Переводъ А. Острогорскаго. Спб. 1895. Р. С.—14) А. Фулье. Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. Переводъ П. Николаева. Москва. 1895. Р. С.—15) Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Д. И. Фонвизина. Посмертныи трудъ академика Н. С. Тихомирова. Спб. 1894. С. Т—снаго.—16) Памятники древне-русской церковно-учительской литературы. Вып. I, содержащій поученія: Луки Жидаты, митрополита Ила-

ріона, Феодосія Печерського и Кирилла Туровського. Виданіе журналу «Странникъ», подъ редакціей профессора А. И. Пономарева. Спб. 1894. А. Бронзова.—17) Л. Грегуаръ. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Томъ второй. Июльская монархія съ 1832 по 1848 годъ. Февральская революція. Переводъ М. В. Лучицкой, подъ редакціей И. В. Лучицкаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1894. К.—18) Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга IX. Спб. 1895. Б. Глинскаго.—19) Н. Н. Страховъ. Объ основныхъ понятіяхъ физиологіи и психологіи. Изданіе второе. Спб. 1894. Его же. Философскіе очерки. Спб. 1895. Его же. Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ (1862—1885). Изданіе третье. Спб. 1895. Б. В. Н.—20) Проф. А. Н. Красновъ. Основы землевѣдѣнія. Руководство для студентовъ университета, преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній и самообразования. Выпускъ I. Исторія картографіи, форма земли, распредѣленіе суши и ея строевіе. Харьковъ. 1895. Б. В. Н.—21) Дешева Библіотека. Чedomиль Мятровичъ. Константианъ, послѣдній византійскій императоръ, или завоеваніе Константинополя турками (1453). Спб. 1895. Б. Г.—22) А. Стадниціи. Гавріиль Ванцлеско-Водони, ексархъ молдо-влахійскій (1803—1812 гг.) и митрополитъ кишиневскій (1813—1821 гг.). Съ фотографическимъ изображеніемъ и автографомъ митрополита Гавріила. Кишиневъ. 1895. С. Г. Руневича.—23) Викторъ Чаевскій. Warszawa illustrowana. T. I. Stara Warszawa. Варшава. 1895. Г. Воробьева.—24) Автобіографія Гервинуса. Съ четырьмя портретами. Переводъ Эдуарда Циммермана. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1895. А. И.—25) Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст. Сочиненіе Ивана Забѣлина. Часть I. Третье изданіе съ дополненіями. Москва. 1895. В. Б.—26) Свѣдѣнія объ Юхотской волости и ея прежнихъ владѣльцахъ, князьяхъ Юхотскихъ и Мстиславскихъ. Александра Барсукова. Спб. 1894. Б—а 299, 618, 831

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ:

1) Частная жизнь 18 столѣтій тому назадъ.—2) Дочь Галилея.—3) Рете и его новые афоризмы.—4) Каролина фонъ-Гундероде.—5) Письма профессора Паррото къ императору Александру I.—6) Сулъ надъ министрами Карла X.—7) Тьеръ и Наполеонъ III.—8) Среди историковъ.—9) Женское воспитаніе въ древнемъ Римѣ.—10) Лютеръ и его женитьба.—11) Послѣдняя лекція Фруда о Великой Армадѣ.—12) Аббевильскій процессъ.—13) Нѣмецкая поклонница Вольтера.—14) Испанская кандидатура принца Леопольда Гогенцоллернскаго.—15) Восемьдесятлѣтній юбилей Бисмарка и мнѣнія о немъ современниковъ.—16) Японская императорская семья.—17) Торквато Тассо и его трехсотлѣтній юбилей.—18) Предки и родители Жанъ-Жака Руссо.—19) Мемуары Барра.—20) Юношескія письма папы Льва XIII.—21) Европейская дипломатія во время Крымской войны.—22) Столѣтіе Нормальной школы въ Парижѣ.—23) Новая раскопки въ Дашурѣ 308, 631, 899

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ 326, 649, 916

ИЗЪ ПРОШЛАГО:

Два письма Пушкина къ П. А. Корсакову. Сообщилъ Петръ Корсаковъ 923

СМѢСЬ:

1) Освященіе памятника императору Александру III.—2) Университетскій актъ.—3) Диспутъ въ университетѣ.—4) Еще домикъ Петра Великаго.—5) Столѣтняя годовщина А. Ф. Смирдина.—6) Отчетъ о состояніи Карамзинской библіотеки за 1893—

1894 библиотечный годъ.—7) Столѣтіе присоединенія Курляндіи къ Россіи.—8) Тридцатилѣтній юбилей ученой дѣятельности профессора В. Г. Васильевского.—9) Юбилей В. П. Кулина.—10) Столѣтняя годовщина М. И. Веревкина.—11) Отчетъ Пензенской общественной имени М. Ю. Лермонтова библиотеки за 1894 годъ.—12) Историческое общество.—13) Государь Императоръ на выставкѣ печатнаго дѣла.—14) Археологическая коммиссія.—15) Славянское общество.—16) Отчетъ Саратовскаго общества вспомошествованія нуждающимся литераторамъ.—17) Тверской музей и его пріобрѣтенія въ 1893 году.—18) Некрологи: А. А. Черкасовъ; А. Ф. Федотовъ; Ф. А. Баталія; М. Я. Ольшевскій; И. О. Лялечкинъ; Л. П. Веснянъ; И. П. Ключниковъ; Н. А. Туганъ-Мирза-Барановскій; Александра Конст. Европеусъ; И. А. Вышнеградскій; Н. П. Ланинъ; Е. Ф. Рейнботъ; Г. С. Дестунисъ; А. В. Елисеѣвъ 333, 656, 925

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ:

1) Другъ Жуковскаго А. Плещеевъ. Александра Плещеева.—2) Статсъ-секретарь А. М. Грибовскій. Н. Губерти.—3) Еще о культурныхъ успѣхахъ Финляндіи. (Письмо въ редакцію). Р. Сементновскаго.—4) Поправка къ статъѣ «Памяти Н. С. Лѣскова».—5) Портретъ Людовика XIV. Ред.—6) Къ статъѣ «Наброски изъ прошлаго» 339, 664, 932

Извлеченіе изъ временнаго положенія о состоящей при Императорской Академіи Наукъ постоянной коммиссіи для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ 933

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты: Н. С. Лѣскова, А. Н. Апухтина и Людовика XIV. — 2) Паденіе Царьграда. (The Prince of India or why Constantinople fell). Историческій романъ Люиса Воллеса, автора «Во время оно». Переводъ съ англійскаго. Части III, гл. XII—XVIII, и часть IV, гл. I—XVII. (Продолженіе).—3) Объявленія книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина.

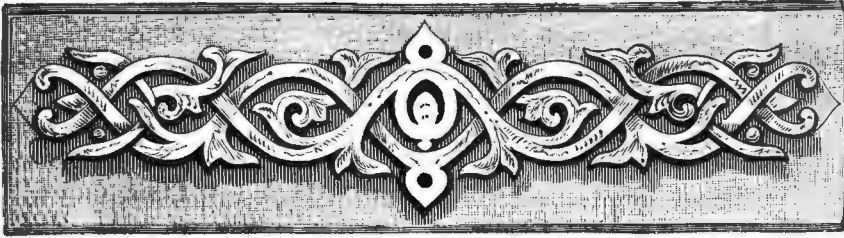

Хромолитография нашего времени А. С. Суворина

ФРАНЦУЗСКІЙ КОРОЛЬ ЛЮДОВИКЪ ХІV.

Библиотека "Руниверс"

ВЪ ПОИСКАХЪ ИСТИНЫ ¹⁾.

XXIV.

ВЪ ЭТУ ночь не одинъ принцъ Леонардъ, но также и супруга его до разсвѣта не смыкала глазъ. За утреннимъ кофе принцесса Тереза жаловалась на удушье, тяжесть въ желудкѣ и галлюцинаціи. Все ей казалось, что кто-то прохаживается взадъ и впередъ по замку.

Среди ночи, когда она поднялась съ постели, чтобъ завѣсить потемнѣе окна (противная луна раздражала ей нервы своимъ холоднымъ, непріятнымъ блескомъ), она увидѣла человѣка, пробиравагося изъ замка къ каменной оградѣ. Тутъ призракъ, въ которомъ она узнала своего супруга, исчезъ, чтобъ минуты черезъ три снова промелькнуть за рвомъ и скрыться за деревьями парка. А въ пятомъ часу утра ей ясно послышался лай сторожеваго пса, тотчасъ же смолкнувшаго при скрипѣ маленькой двери, что вела въ башню. Узнавъ, значить, хозяина, въ ночномъ пришельцѣ.

Все это такъ ее взволновало и взбѣсило, что ее въ дрожь ударило, и она ужъ не могла больше заснуть.

— Зубы стучали у меня, какъ въ лихорадкѣ, а голова горѣла, какъ въ огнѣ, а когда закрывала глаза, страшные призраки являлись.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LX, стр. 345.

«Истор. вѣстн.», июнь, 1895 г., т. LX.

— И ваша свѣтлость меня не позвали!—сокрушеннымъ тономъ вскричала Марта, одна изъ фрейлинъ, выслушавъ съ испуганной физиономіей жалобы своей госпожи.

— Перестань глупости говорить, точно ты не знаешь, что тебя невозможно добудиться!—брезгливо возразила принцесса.—Глухота твоя со дня на день усиливается. Каждый разъ когда я съ тобой говорю, у меня болитъ грудь.

— Такъ вы бы сестру мою разбудили, — скрывая досаду и обиду подъ любезной улыбкой, замѣтила Марта.

— Еще лучше! Чтобъ она, какъ недавно тыкалась съ просовья о мебель, точно летучая мышь, попавшая въ освѣщенную залу, и перебила бы у меня всѣ вещи на ночномъ столѣ. Нѣтъ ужъ, спасибо за такія услуги, я лучше какънибудь одна обойдусь. И какъ подумаешь, — вновь заговорила принцесса послѣ продолжительнаго молчанія, не обращая вниманія на смущеніе оскорбленныхъ фрейлинъ, — какъ подумаешь, что жена каждаго скольконибудь зажиточнаго бюргера въ моемъ герцогствѣ имѣетъ заботливаго мужа и пользуется услугами внимательной и ловкой прислуги, а я, принцесса, призванная надъ ними владычествовать, должна проводить жизнь въ одиночествѣ, болѣзняхъ и скукѣ, есть съ чего съ ума сойти отъ досады!

Послѣднія слова она съ умысломъ произнесла громче, чтобъ они достигли до ушей принца Леонарда, шаги котораго гулко раздавались по широкому, пустому корридору, что вель изъ его апартаментовъ на половину принцессы.

Какъ всегда, когда онъ былъ въ замкѣ, принцъ приходилъ здороваться съ супругой въ то время, когда она кушала свой утренній кофе.

Такъ поступилъ онъ и въ этотъ день и, не взирая на бессонную и полную самыхъ разнообразныхъ ощущеній ночь, видъ у него былъ бодрый, а глаза сверкали ярче и веселѣе обыкновеннаго.

— Сейчасъ видѣлъ въ саду нашего Макса, — объявилъ онъ, цѣлуя руку жены и отвѣчая ласковымъ кивкомъ на церемонные книксены ея фрейлинъ. — Онъ становится молодцомъ, сыпь на лбу какъ будто проходить и за ушкомъ стало подсыхать...

Его съ раздраженіемъ прервали на полусловѣ.

— Вздоръ! Около носика у него опять опухоль, желваки у горла, какъ камень, твердые, а ножки такъ тонки и такъ слабы, какъ у трехмѣсячнаго ребенка, — объявила принцесса, сердито сдвигая брови и отвертываясь отъ мужа.

— Неужели? Мнѣ кажется, что ты преувеличиваешь, мое сердце! Право же, нашъ Максъ ужъ не такъ плохъ, какъ ты себѣ представляешь. Есть дѣти гораздо слабѣе и болѣзненнѣе его. Да вотъ у тайнаго совѣтника Рейнике, на примѣръ, дѣвочка совѣмъ не

можетъ ходить, ее возять въ телѣжкѣ, а у лѣсничаго третій мальчикъ кретинъ.

Но попытка утѣшить супругу принцу не удалась.

Съ удвоенной злобой накинулась она на него съ упреками.

— Молчи, пожалуйста! Ты только и умѣешь, что глупости говорить. Что мнѣ за дѣло до чужихъ уродовъ и кретиновъ! Я хочу, чтобъ мой ребенокъ былъ здоровъ, силенъ и красивъ, а остальные хоть поколѣй всѣ отъ золотухи, мнѣ все равно! Сейчасъ видно, что ты дома не живешь и о семьѣ своей не заботишься,—чужіе тебѣ дороже своихъ. Вотъ я и такъ о чужихъ никогда не вспоминаю, мнѣ бы только, чтобъ въ моей семьѣ все было благополучно, а ты... тебя каждый паршивый щенокъ на улицѣ интересуеть гораздо больше жены и ребенка...

— Перестань, Тереза, ты сегодня, вѣрно плохо спала ночь и потому не въ духѣ...

Но каждое его слово подливало масла въ огонь.

— А кто виноватъ, что я не спала ночь и больна?—вскричала она запальчиво.

И выславъ изъ комнаты повелительнымъ жестомъ своихъ фрейлинъ, она продолжала, пронизывая злобнымъ, подозрительнымъ взглядомъ смущеннаго супруга:

— Ужъ не воображаешь ли ты скрыть отъ меня твои шашни? Точно я не догадываюсь, что ты опять сталъ навѣщать по ночамъ какую нибудь шлюху, въ родѣ Мальхенъ! Берегись, Леонардъ, вѣдь мнѣ стоитъ только сказать слово дѣду, и твою новую пассію выгонять изъ нашихъ владѣній, или засадятъ въ смирительный домъ для распутныхъ дѣвокъ, какъ ту, съ которой ты путался три года тому назадъ, помнишь?—шипѣла она, колотя согнутымъ, костлявымъ пальцемъ по столу.

У слушателя ея отлегло отъ сердца. При ея первыхъ словахъ онъ похолодѣлъ отъ страха, ожидая услышать имя Клавдіи, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше убѣждался онъ, что ей ничего еще неизвѣстно про его сношенія съ графомъ Поланецкимъ и его супругой. Она воображаетъ, что и теперь, какъ и раньше, онъ увлекается ничтожной мѣщаночкой, въ родѣ бѣдной Мальхенъ, въ которой, кромѣ невинныхъ голубенькихъ глазокъ, розовыхъ щечекъ да непроходимой глупости, ничего нѣтъ.

О, какъ далеко ушелъ онъ въ дѣлѣ волокитства съ тѣхъ поръ, какъ такія бѣленькія уточки заставляли биться его сердце! Стоило ему только прожить съ полгода въ Парижѣ, чтобъ понять, чего надо искать въ женщинѣ для счастья.

Но до того идеала, къ которому ближе всѣхъ подходила его теперешняя любовь, даже и парижанкамъ никогда не достичь.

Въ Клавдіи онъ нашель то, чего до сихъ поръ ни въ одной женщинѣ не встрѣтилъ. Не взирая на жизнь, полную самыхъ

странныхъ и изумительныхъ приключеній, не взирая на то, что ее подготовляли къ самому тонкому разврату, она осталась чиста и невинна, какъ голубка. И чистота эта, просвѣчивающая сквозь условную грацію, пріобрѣтенную свѣтской дрессировкой, въ каждомъ ея движеніи, въ каждомъ словѣ и мысли, подѣйствовала на него особенно обаятельно сегодня ночью, когда онъ съ нею остался вдвоемъ на террасѣ, выходившей въ старыи, заглохшій садъ, и когда, мало-по-малу, поддаваясь счастью быть наединѣ съ любимымъ человѣкомъ, она забыла все, чему ее учили, перестала сдерживать порывы чувствъ, обдумывать каждое слово и сдѣлалась самой собой, какой она была дома съ сестрами, съ нянькой и съ отцемъ,—милымъ, откровеннымъ ребенкомъ, ласковымъ, жалкимъ и безпомощнымъ. Совсѣмъ не то нашелъ онъ въ ней, чего ожидалъ; ни единого слова любви не было произнесено между ними въ эту достопамятную ночь, ни единымъ поцѣлуемъ не обмѣнялись они, а между тѣмъ онъ ушелъ отъ нея очарованнѣе прежняго.

Да, никогда еще не встрѣчалъ онъ такого существа, какъ Кладія, да и не встрѣтитъ, вѣроятно, никогда. Какъ чудно то, что она ему рассказала про свою родину, про семью и про обстановку, среди которой она родилась и росла до четырнадцати лѣтъ! Ему теперь противно вспомнить про то, съ какими грязными помыслами шелъ онъ за нею по пустымъ, освѣщеннымъ луной, комнатамъ, къ террасѣ, утопавшей въ душистыхъ цвѣтахъ и со всѣхъ сторонъ окруженной густымъ, старымъ садомъ съ заросшими дикимъ кустарникомъ аллеями и дорожками.

Для новыхъ обитателей успѣли только насадить цвѣты передъ домомъ и выхолотъ небольшое пространство у террасы, все остальное, по желанію графини, было оставлено въ томъ же видѣ, въ которомъ находилось до ея пріѣзда сюда.

— И не правда ли, такъ лучше? Мнѣ это напоминаетъ пустырекъ съ одуванчиками подъ папенькинымъ окномъ,—сказала она, когда принцъ очутился съ нею въ пустынномъ уголку, среди нѣмыхъ свидѣтелей ихъ перваго любовнаго свиданія — темныхъ, высокихъ деревьевъ съ неподвижными вѣтвями, сквозь которыя пронизывался таинственный, серебристый блескъ луны.

Голосъ ея дрогнулъ при произнесеніи послѣднихъ словъ. Онъ заглянулъ ей въ глаза и, увидавъ крупныя слезы, дрожавшія на ея рѣсницахъ, почувствовалъ къ ней такую жалость, что сознайся она ему въ любви къ другому и потребуй отъ него, чтобъ онъ тотчасъ же ушелъ, уступая мѣсто сопернику, онъ, кажется, безпрекословно бы ей повиновался. Съ сердечной мукой и невыразимой тоской, но онъ исполнилъ бы ея желаніе, такъ захотѣлось ему утѣшить ее, дать ей хоть минуту счастья!

Но она не потребовала отъ него такой жертвы, ей пріятно было его присутствіе. Онъ былъ первымъ человѣкомъ, которому ей за-

хотѣлось довѣриться вполне, какъ другу, и она стала рассказывать ему про далекую страну, съ чуждыми для него нравами и жизнью, которая была ея родиной.

Все тамъ было не такъ, какъ въ Германіи, во Франціи или въ Италіи.

Ея отецъ, напримѣръ, къ какой сектѣ принадлежалъ онъ? Богатый баринъ, рабовладѣлецъ, воспитанный въ нѣгѣ и роскоши, привыкшій съ рожденія къ деспотизму и произволу, женившійся по страстной любви на красавицѣ, имѣя отъ нея сына, красиваго, здороваго мальчика, и трехъ дочерей (по словамъ ея, а гдѣ Клавдія не умѣла, сестры ея одна другой прелестнѣе), вдругъ этотъ человѣкъ, съ чуткой душой и нѣжнымъ сердцемъ, въ цвѣтѣ лѣтъ и здоровья, поддаваясь дикому, непонятному вліянію какихъ-то темныхъ личностей, грубыхъ и убогихъ, не то бродягъ, не помнящихъ родства, не то бѣглыхъ монаховъ съ мрачнымъ прошлымъ, отрекается навсегда отъ свѣта и удаляется отъ міра, не покидая ни дома своего, ни семьи, ни друзей, пребывая въ томъ же городѣ, гдѣ всѣ его знали, до его превращенія изъ барина въ аскета, подъ одной кровлей съ рабами, на глазахъ которыхъ онъ росъ, и которымъ известна вся его прежняя жизнь, съ ея привычками и вкусами.

Человѣкъ этотъ, мало-по-малу, съ разсчитанною постепенностью и изумительною выдержкою, устраиваетъ себѣ новую жизнь, во всемъ противоположную прежней, съ интересами и цѣлями никому изъ окружающихъ непонятными.

Жизнь во всѣхъ отношеніяхъ труднѣе и суровѣе той, что ведутъ отшельники въ пустынѣ, или монашеская братія въ монастырѣ. Тѣ спѣшатъ уйти отъ міра, отъ близкихъ сердцу, отъ соблазна, тогда какъ онъ упорствуетъ въ своемъ подвигѣ душевнаго спасенія среди мірской суеты и грѣха.

Изъ крошечной горенки съ оконцемъ на пустырь, заросшимъ дикою травой, единственное мѣсто во всей усадьбѣ, изъ котораго никогда не вывозятъ ни мусора, ни снѣга, до него доносится безпрепятственно грѣшный говоръ и смѣхъ, проклятія, плачь, брань, жалобы и ликованья окружающей его жизни, и не прельщаясь ею, не внемля ни гласу мірскаго разума, ни позыву сердца, ни мольбамъ несчастныхъ своихъ дѣвочекъ, которымъ онъ, на всѣ ихъ сѣтованія и слезы, отвѣчаетъ только совѣтомъ смириться и терпѣть, идетъ онъ къ намѣченной цѣли твердой стопой.

Разумѣется, цѣль эта не на землѣ, а тамъ, гдѣ все вѣчно.

— Когда графъ увозилъ меня, отецъ одного только боялся, чтобы я съ нимъ не обасурманилась въ чужихъ краяхъ. Его послѣднія слова были: «Бога твоего не уступай никому и ни за что». Вѣдь это значитъ, что я должна пребывать въ нашей православной вѣрѣ, не правда ли?—спросила Клавдія въ заключеніе своего разсказа.

Принцъ, не зная, что отвѣтить, молчалъ.

— Сестры мои въ монастырѣ,—продолжала она,—и, безъ сомнѣнія, меня ждетъ та же участь... По крайней мѣрѣ, не дальше, какъ три мѣсяца тому назадъ, я была въ этомъ точно также увѣрена, какъ въ томъ, что дышу и думаю, но теперь, съ тѣхъ поръ, какъ я съ вами встрѣтилась и полюбила васъ, мнѣ страшно подумать о монастырѣ. Это грѣхъ, я знаю, но что-жъ мнѣ дѣлать, я не въ силахъ совладать съ собой. Мнѣ иногда кажется, что я только въ тотъ день и родилась на свѣтъ, какъ встрѣтилась съ вами, до тѣхъ поръ это была не жизнь, а тоскливое ожиданіе.

Точь въ точь то, что и самъ онъ чувствовалъ до встрѣчи съ нею.

Занимавшаяся заря заставила ихъ очнуться отъ сладостнаго забытья и вспомнить о разлукѣ. А имъ еще такъ много оставалось передать другъ другу! Ему было тяжело, точно онъ расстался съ нею на вѣки.

— Приходите сегодня вечеромъ,—умоляюще прошептала она, протягивая ему руку для поцѣлуя, послѣ того, какъ онъ поднялся съ мѣста и съ печальнымъ вздохомъ объявилъ, что имъ надо расстаться.

— Графа не будетъ дома ни сегодня, ни завтра, ни послѣзавтра. Впрочемъ,—прибавила она съ невинной улыбкой,—графъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы вы меня навѣщали.

Леонарда покорило отъ этихъ словъ. Она не понимаетъ ихъ смысла, въ этомъ онъ былъ убѣжденъ, но ему казалось, что они оскверняютъ невинныя уста, проивносившія ихъ. Что за отношенія у нея съ человѣкомъ, называющимъ себя ея мужемъ? Обвѣнчаны ли они настоящимъ образомъ? Какъ это странно, что онъ ни разу не поддастся искушенію воспользоваться своими правами надъ нею? И что именно ей извѣстно изъ грязныхъ замысловъ на ея счетъ? Неужели же она ничего не подозреваетъ?

А во сколько этотъ негодяй цѣнитъ доставшееся ему сокровище? Какихъ жертвъ потребуетъ онъ за него?

Хорошо, если бы онъ удовлетворился однѣми деньгами.

Принцъ Леонардъ былъ богатъ. Кромѣ крупнаго капитала, оставленнаго ему родителями, у него были великолѣпные лѣса въ Тиролѣ и Богеміи, имѣнія съ доходными фермами въ Баваріи, дома во Франкфуртѣ. Стоитъ только обратиться къ жидамъ, они съ радостью предоставятъ въ его распоряженіе милліонъ и даже два. На то, что останется, можно купить хорошенькій домикъ въ горахъ неподалеку отъ замка и устроить тамъ Клавдію. Какое счастье было бы прѣзжать къ ней въ минуты тоски, черпать въ ея любви силу переносить скучную прозу жизни, отдыхать отъ ненавистныхъ семейныхъ обязанностей! Найти такое убѣжище вдали отъ людей и наслаждаться въ немъ до полнѣйшаго самозабвенія ласками и обмѣномъ мыслей съ такимъ обаятельнымъ существомъ, какъ Клавдія,—съ радостью отдалъ бы онъ полжизни за такое блаженство.

Но ему жутко было предаваться этимъ радужнымъ надеждамъ; смутное чувство ему говорило, что человѣкъ, отъ котораго зависѣло его счастье, не изъ таковыхъ, чтобъ удовлетвориться однѣми днями, и что ему предстоитъ еще много съ нимъ борьбы для достиженія цѣли, и борьбы жестокой, можетъ быть, смертельной.

Однако, русская княгиня была права, утверждая, что любовь принца Леонарда къ Клавдіи отъ препятствій не охладѣетъ, и что чувство это можно вырвать изъ его сердца только вмѣстѣ съ жизнью; размышляя о томъ, какимъ образомъ овладѣть ею, онъ то останавливался на мысли подкупить ея обладателя деньгами, то вызвать его на дуэль и драться до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не останется на мѣстѣ, то казалось ему всего удобнѣе позитить милую и скрыться съ нею въ невѣдомыхъ странахъ; все казалось ему возможнымъ, все, кромѣ мысли отказаться отъ нея.

Мысли эти такъ его заботили, что онъ не переставалъ ломать надъ ними голову всю дорогу изъ города въ замокъ, а также въ свою спальню, гдѣ онъ поспѣшилъ раздѣться и лечь въ постель, заранѣе зная, что ему не удастся ни на мгновеніе заснуть. Но ему не хотѣлось, чтобъ донесли принцессѣ о томъ, что постель его нашли не смятой.

Она за нимъ подсматриваетъ; онъ давно это подмѣтилъ, но въ томъ восторженномъ состояніи, въ которомъ онъ находился, ему невозможно было помыслить безъ содроганія о какихъ бы то ни было объясненіяхъ съ женой.

Счастье располагало его къ снисходительности и состраданію. Ему жалко было ту, которую онъ намѣревался обманывать, и сколько ни повторялъ онъ себѣ, что при ея врожденной грубости и тупости ей легко будетъ обойтись безъ его любви, но, тѣмъ не менѣе, сознавая свою вину передъ нею, ему претило ей досаждать.

— Я засидѣлся въ замкѣ Ротапфель, — объявилъ онъ терпѣливо и съ снисходительной усмѣшкой, выждавъ, чтобъ гнѣвъ ея поуспокоился. — Тамъ пріѣзжіе эмигранты рассказывали преинтересныя вещи про то, что теперь дѣлается въ Парижѣ. Кстати, — прибавилъ онъ, торопясь предупредить возраженіе, готовое сорваться съ ея языка, — порученіе твое я исполнилъ. Княгиня очень тронута твоимъ желаніемъ съ нею познакомиться. Когда желаешь ты, чтобъ она явилась въ замокъ?

— Ты былъ вчера въ замкѣ Ротапфель? — съ недовѣрчивой гримасой спросила принцесса.

— Разумѣется, тамъ.

— До разсвѣта? — продолжала она придирается.

Онъ пожалъ плечами.

— Можетъ быть, и до разсвѣта. Бесѣда послѣ ужина затянулась. Такъ какъ же насчетъ княгини? Я общалъ быть у нея сегодня. Что ты прикажешь ей передать отъ тебя?

— Пусть придетъ завтра послѣ обѣда,—все еще брюзгливо, но ужъ не такъ сердито отвѣчала принцесса.

XXV.

Не прошло и недѣли, какъ русская княгиня сдѣлалась своимъ человѣкомъ въ замкѣ герцога.

Всѣмъ сумѣла она здѣсь угодить и всѣхъ заинтересовать. Съ старыми принцессами припоминала она исторіи, случившіяся при европейскихъ дворахъ въ то время, когда онѣ еще были молоды и играли роль въ свѣтѣ, съ капелланомъ толковала про Италію, гдѣ долго жила и знала множество выдающихся личностей, аббату Лиле сообщала такія подробности про революцію во Франціи, которыхъ ему ни отъ кого еще не удавалось слышать; даже фрейлинь принцессы удалось ей къ себѣ приманить совѣтами по хозяйству, рецептами сохранять въ свѣжемъ видѣ на зиму фрукты и дѣлать консервы, а старый герцогъ сознавался, что никогда еще ему ни съ кѣмъ не было такъ пріятно разговаривать, какъ съ этой чужеземкой.

Съ возрастающимъ интересомъ слушалъ онъ ея рассказы про російскую императрицу и ея семью, про наследника цесаревича, его супругу, дѣтей и приближенныхъ. Со многими изъ этихъ послѣднихъ герцогъ встрѣчался въ молодости при нѣмецкихъ дворахъ, а императрицу онъ помнилъ еще маленькой Фрикой, въ скромномъ замкѣ ея отца, когда она, въ вылинявшемъ отъ стирки набивномъ, холстинномъ платицѣ подносила, въ знакъ уваженія, къ своимъ розовымъ губкамъ, шлейфъ важныхъ посѣтительницъ, въ томъ числѣ и покойной герцогини, его супруги, доводившейся принцу Альтенбургскому дальней родственницей.

Ему и раньше, не взирая на затворническую жизнь, удавалось не мало слышать про эту необыкновенную женщину, изумлявшую всю Европу своимъ гениальнымъ умомъ, дѣятельностью и великой душой, но все отъ людей, въ ту или другую сторону пристрастныхъ, переходившихъ границы истины, восхваляя ея добродѣтели или перечисляя ея ошибки; княгиня же удивительно ловко умѣла держаться благой середины въ выборѣ анекдотовъ про нее и рассказывала именно то, во что особенно пріятно было вѣрить.

Умѣла она также удовлетворить любопытство стараго герцога и къ тому, что происходило тогда въ Польшѣ. Изъ словъ ея нельзя было не вывести, что и при польскомъ дворѣ отъ нея не было тайнъ, и со всѣми она тамъ была также интимно знакома, какъ и при русскомъ.

Впрочемъ, и о другихъ странахъ распространялась она съ неменьшимъ апломбомъ и краснорѣчіемъ. Все то она знала, видѣла, слышала и испытала. Изъ Парижа принуждена была бѣжать, по-

тому что ей грозила гилотина. Ее заподозрѣли въ секретныхъ сношеніяхъ съ королевской семьей, а такъ какъ связи ея съ высокопоставленными лицами прочихъ европейскихъ странъ были извѣстны, а мужество свое и неустрашимость ей ужъ во многихъ случаяхъ удалось доказать, понятно, что мучителямъ вѣнценосныхъ узниковъ захотѣлось стереть ее съ лица земли.

— А теперь у нихъ это просто дѣлается; достаточно самага пустаго, ни на чемъ не основаннаго подозрѣнія или доноса, хотя бы завѣдомо ложнаго, чтобъ присудить человѣка къ смертной казни,—говорила она.

Впрочемъ, то же самое повторяли и всѣ эмигранты, да и газеты были полны описаніемъ неслыханныхъ еще доселѣ ужасовъ.

Но къмъ она окончательно овладѣла, это принцессой Терезой.

Съ нею она проводила каждый день по нѣскольکو часовъ, запершись въ ея молельнѣ, въ бесѣдахъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ политикой, ни съ приключеніями при нѣмецкихъ дворахъ, а исключительно только о томъ, что непосредственно касалось принцессы, ея супруга, дѣда и ребенка, о томъ, какъ поправить здоровье ея свѣтлости и маленькаго Макса, какъ сдѣлать, чтобы оба они, и мать и ребенокъ, окрѣпли и посвѣжѣли, чтобъ румянецъ заигралъ на ихъ поблекшихъ щекахъ, потухшіе глаза заискрились, станъ выпрямился, движенія сдѣлались бы гибки и ловки, а всѣ боли и недомоганія, какъ рукой бы съ нихъ сняло.

По мнѣнію княгини, метаморфоза эта была возможна; стоило только принимать и принцессѣ и маленькому принцу тотъ самый элексиръ знаменитаго итальянскаго алхимика, благодаря которому Ninon de Lenclos, русская императрица и многія другія личности, въ томъ числѣ и графъ Сень-Жерменъ (этого послѣдняго княгиня тоже знала лично и рассказывала про него чрезвычайно интересныя вещи), сохранили на всю жизнь, до глубочайшей старости, живость, красоту и всѣ свойства молодости.

Рецептъ этого элексира, по всеобщему мнѣнію, утраченъ, но это неправда. У княгини онъ есть, и она за счастье почтетъ приготовить собственноручно чудесное снадобье для принцессы и ея сына.

Къ сожалѣнію, надо выписать издалека нѣкоторые изъ ингредиентовъ, входившихъ въ этотъ составъ, и пока все нужное не привезутъ, пройдетъ съ мѣсяць времени. Но въ виду несомнѣннаго успѣха, что значило подождать мѣсяць,—рѣшительно ничего.

Впрочемъ, въ ожиданіи радикальнаго лѣкарства отъ всевозможныхъ немощей, палліативы, которыми княгиня пользовала принцессу, приносили этой послѣдней видимую пользу. Каждый разъ послѣ посѣщенія этой странной женщины принцесса спала отлично, чувствовала себя бодрѣе, веселѣе, кушала еще съ большимъ аппетитомъ, чѣмъ прежде, и, чего много лѣтъ не дѣлала, прогуливалась даже по парку. Мальчикъ ея тоже какъ будто началъ поправляться.

Но не про однѣ только тѣлесныя немощи толковала принцесса съ своимъ новымъ другомъ, она ей повѣряла также и сердечныя свои печали и заботы. Не прошло и недѣли со дня ихъ знакомства, какъ княгиня узнала имена всѣхъ красавицъ въ околodкѣ, за которыми принцъ Леонардъ волочился, прежде чѣмъ искать новыхъ развлеченій подальше отсюда, за границей.

Съ нѣкоторыми изъ нихъ поступлено было очень сурово. Принцесса была неумолима къ своимъ соперницамъ, и съ наслажденіемъ распространялась про то, какъ она мстила каждой изъ нихъ, разоряя лишеніемъ должностей и высылкой изъ предѣловъ герцогства ихъ близкихъ, а самихъ ихъ заточала въ монастырь, если нельзя было дать имъ попробовать тюрьмы или рабочаго дома.

Къ сожалѣнію, власть ея не простиралась на тѣхъ безстыдницъ, съ которыми супругъ ея путался внѣ своихъ владѣній. Особенно досадовала она на парижанокъ. Онѣ возбуждали въ ней такую ярость, что она радовалась междуособіямъ, раздиравшимъ эту несчастную страну, какъ возмездію свыше за безпокойство и раздраженіе, причиняемыя ей коварными оболъстительницами.

Всего хуже было то, что мужъ ея выучился (отъ нихъ, разумѣется, отъ кого же больше?) удивительно ловко лгать и притворяться. Ни въ чемъ нельзя было его уличить.

— Опять сталь съ нѣкоторыхъ поръ проводить ночи внѣ дома, и никакъ не удастся мнѣ выслѣдить, за кѣмъ онъ теперь волочится,—жаловалась она княгинѣ.

Съ наплывомъ иностранцевъ все у нихъ измѣнилось. Народъ портился. Чужеземныя идеи и золото отравляли медленнымъ ядомъ корыстолюбія и свободомыслія прежнюю чистоту нравовъ. Потрясены были до основанія всѣ устои: вѣра въ Бога, уваженіе къ обычаямъ старины, покорность передъ высшими,—все это теперь осмѣивалось и критиковалось дерзкими богоотступниками изъ молодежи, а старики ослабли и съ подлымъ страхомъ отступали передъ рѣшительными мѣрами.

Дѣдъ принцессы Терезы, владѣтельный герцогъ, не составлялъ исключенія изъ общаго правила. Нельзя было не убѣдиться, что и онъ тоже заразился всеобщимъ шатаньемъ мыслей и трусостью передъ тѣмъ, что всѣ называли духомъ времени, а принцесса Тереза считала не чѣмъ инымъ, какъ дьявольскимъ навожденіемъ.

Каждый день доносила она ему про какое нибудь новое нарушеніе, освященнаго временемъ и привычкою, правила, но изъ этого ровно ничего не выходило: старикъ оказывался безсильнымъ подерживать дисциплину въ странѣ.

— Вотъ ужъ скоро мѣсяць, какъ можно безпрепятственно входить и выходить изъ города во всякое время дня и ночи,—съ негодованіемъ говорила она своей терпѣливой слушательницѣ.—Стоить только сказаться знатнымъ иностранцемъ или иностранкой да су-

нуть монету сторожу, и онъ настезь растворить ворота даже послѣ полуночи. Мирные обыватели слышать, какъ мимо ихъ оконъ, смѣясь и громко болтая между собой, а иногда распѣвая богохульные пѣсни, проходятъ, окруженные лакеями съ зажженными факелами, развратники и развратницы, разодѣтые въ пышные наряды, расшитые золотомъ, серебромъ и драгоценными каменьями. Какой соблазнъ для нашихъ молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ! Ни за что не повѣрю я, чтобъ онѣ не подбѣгали къ окнамъ и не выглядывали бы въ щелки ставней на этотъ маскарадъ, и чтобъ полупьяные франты (французы всѣ пьяницы, это давно извѣстно) не отпускали имъ пошлыхъ комплиментовъ и двусмысленныхъ *bons mots*. Какой развратъ! не правда ли? И ужъ оказывались послѣдствія этой распущенности. Почтенный Федерманъ, органистъ, засталъ въ своемъ саду секретаря маркиза Дюшателя. Безстыжій юноша напѣвалъ что-то такое очень предосудительное фрау Федерманъ, если судить по тому, какъ она растерялась и покраснѣла при появленіи мужа, и какъ стремительно скрылся ея соблазнитель. Не добѣжалъ даже до калитки, перепрыгнулъ черезъ заборъ и оставилъ на немъ ключекъ разорваннаго о гвоздь кюлота. Какъ вамъ это нравится? А маленькая Мина, дочь аптекаря, вы слышали, она выходитъ замужъ за повара мадамъ Дютейль? И, говорятъ, вѣнчаться они будутъ, по теперешней модѣ, однимъ только гражданскимъ бракомъ, потому что этотъ поваръ, хотя и послѣдовалъ за своей госпожей за границу, чтобъ не потерять мѣста, но въ душѣ истый республиканецъ, поетъ марсельезу, когда господа его не слышать, и хранить въ чемоданѣ красный колпакъ. Колпакъ этотъ онъ многимъ показывалъ; на немъ вышиты бѣлыми нитками слова: «Свобода, равенство и братство или смерть». Бѣдная аптекарша плачетъ, говорятъ, съ утра до вечера, да и мужъ ея въ отчаяніи; онъ боится потерять всѣхъ своихъ покупателей. Кому же охота пользоваться лѣкарствомъ изъ аптеки, въ которой поселился дьяволъ! И ничего не могутъ подѣлать съ дѣвочкой. Хотѣли было отправить ее на время въ монастырь, но монахини отказались ее принять, побоялись скандала; вѣдь отъ такого отчаяннаго, какъ этотъ поваръ, все станется; онъ прямо объявилъ, что сумѣетъ освободить невѣсту изъ какого угодно заточенія, пусть только попробуютъ ее увезти. И онъ ужъ успѣлъ ее развратить; она влюблена въ него, какъ кошка, и безъ всякаго стыда заявляетъ, что на край свѣта за нимъ пойдетъ...

Хорошо, что княгинѣ были до тонкости извѣстны нравы маленькихъ нѣмецкихъ дворовъ, — всякую другую на ея мѣстѣ привела бы въ недоумѣніе страсть къ сплетнямъ, проявляемая принцессой Терезой, но княгиня ничему не удивлялась, она всему поддакивала, сочувствовала и совѣтовала всегда только то, что было удобно и пріятно исполнить.

Даже и тогда, когда въ подозрѣніяхъ своихъ противъ мужа принцесса добралась и до Клавдіи, новая ея пріятельница ни единымъ словомъ не потрудилась разсѣять ея подозрѣнія, а напротивъ того съ печальной гримаской заявила, что дѣйствительно графиня Поланецкая замѣчательно хороша собой, умна, граціозна, а потому и опасна.

— Кокетка, должно быть, отчаянная,— замѣтила принцесса.

На это собесѣдница ея отвѣтила только улыбкой, но улыбка эта была краснорѣчивѣе всякихъ словъ; она окончательно утвердила принцессу въ справедливости ея подозрѣній.

— А правда это, что мужъ ея очень близокъ къ русской императрицѣ и колоссально богатъ? — спросила она дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ.

Увы, и это тоже была чистѣйшая правда!

Какъ ни хотѣлось княгинѣ успокоить и утѣшить свою высокопоставленную пріятельницу, но она слишкомъ была ей предана и слишкомъ глубоко ее уважала, чтобъ дозволить себѣ покривить передъ нею душой. Да, графъ Поланецкій былъ знатный вельможа, съ нимъ нельзя было поступить, какъ съ первымъ попавшимся проходимцемъ, онъ найдетъ себѣ защиту и въ посольствѣ и у самого короля, которому онъ лично извѣстенъ.

— Ну, а самъ-то онъ какъ относится къ поведенію супруги?— продолжала допытываться принцесса.

— Онъ ее обожаетъ и имѣетъ къ ней полнѣйшее дѣвѣріе,— отвѣчала княгиня.

Значить, и съ этой стороны нечего было ждать поддержки. Принцесса рѣшилась дѣйствовать одна и удвоить надзоръ за супругомъ.

Княгиня же вызвалась не упускать изъ виду Клавдію и доносить обо всемъ, что ей удастся узнать про свиданія влюбленныхъ, про ихъ переписку и прочее.

Разумѣется, всего было бы лучше перехватить хотя бы одну записочку изъ тѣхъ, которыми они, можетъ быть, обмѣниваются, тогда мужъ былъ бы у нея въ рукахъ. Такой запиской можно было бы повліять на короля, и даже на русскую императрицу, не говоря ужъ про мужа Клавдіи, который поневолѣ долженъ былъ бы спасовать передъ очевидностью.

Но для чего влюбленнымъ переписываться, когда они видятся каждую ночь?

Графъ опять уѣхалъ куда-то по дѣламъ. Можетъ быть, въ Россію? Прощаясь съ княгиней и поручая ея ласкамъ свою молодую супругу, онъ сказалъ, что ранѣе мѣсяца назадъ не вернется.

Еслибъ можно было и принца куда нибудь услатъ! Но куда и подъ какимъ предлогомъ?

Долго ломала себѣ голову принцесса надъ этой дилеммой и все напрасно.

XXVI.

Съ тѣхъ поръ, какъ княгиня стала бывать въ замкѣ, прошло недѣль шесть. Всѣ эти шесть недѣль принцъ видѣлся съ Клавдіей почти каждый день и съ каждымъ разомъ все больше убѣждался въ томъ, что жить безъ нея не можетъ. Она сдѣлалась ему такъ дорога, что онъ на все сталъ смотрѣть ея глазами, и не только безъ ропота, но съ восторгомъ подчинялся всѣмъ ея требованіямъ. До сихъ поръ, не взирая на удобства, которыми были обставлены ихъ свиданія, она принадлежала ему только душой.

До сихъ поръ оставалась она дѣвушкой и останется ею, пока ему не представится возможности похитить ее изъ дома, гдѣ все, начиная съ атласныхъ туфельекъ, въ которыхъ она выбѣгаетъ къ нему на встрѣчу, и кончая богатымъ, персидскимъ ковромъ, на которомъ они часто до разсвѣта просиживаютъ на террасѣ, принадлежить ея законному властелину.

Тогда только будетъ она его, когда онъ поселитъ ее въ безопасномъ и далекомъ отъ любопытныхъ глазъ убѣжищѣ и окружить ее преданными ему людьми.

Но планомъ этимъ онъ тѣшился не долго. Чѣмъ ближе узнавалъ онъ Клавдію, тѣмъ менѣе казалось ему возможнымъ взять ее въ любовницы. Чтобъ быть съ нею вполнѣ счастливымъ, надо развестись съ женой и жениться на ней.

На комбинацію эту натолкнула его не Клавдія, а княгиня.

Клавдія умѣла жить только настоящимъ, полагаясь во всемъ остальномъ на судьбу.

Леонардъ любилъ ее такъ, какъ она всегда мечтала быть любимой. Онъ былъ молодъ, красивъ, восторженъ; въ ихъ мысляхъ и чувствахъ нѣтъ ни малѣйшаго разногласія,—чего же больше желать? Они созданы другъ для друга, это ясно, какъ день.

Развѣ онъ съ нею не безконечно счастливъ, точно также какъ и она съ нимъ,—чего же опасаться? Все будетъ такъ, какъ теперь, пока Богу будетъ угодно, а Богу ихъ наказывать не за что, они ничего дурнаго до сихъ поръ не сдѣлали. Про то, что происходитъ между ею и принцемъ, Клавдіи не стыдно было бы кому угодно сознаться: мужу, принцессѣ, всему свѣту. Леонардъ также мало похожъ на остальныхъ мужчинъ, какъ и она сама на другихъ женщинъ; онъ понимаетъ ея отвращеніе къ животнымъ наслажденіямъ и сочувствуетъ ей.

Она такъ искренно была въ этомъ убѣждена, что убѣжденіемъ этимъ заразился и онъ. Провести такъ всю жизнь, въ духовной связи, умереть вмѣстѣ, а тамъ, въ небесныхъ пространствахъ, продолжать вѣчно то же чистое, безгрѣшное существованіе,—можетъ быть, въ этомъ-то и заключается настоящее счастье?

Есть люди, которые проповѣдуютъ эту истину; значить, и они тоже постигли суету и грязь земныхъ наслажденій, поняли, что для избранныхъ, которые не отъ міра сего, лучше жить на землѣ такъ, какъ живутъ ангелы на небесахъ.

Осторожно разспрашивалъ онъ свою возлюбленную про то, что съ нею было въ тотъ годъ, когда, обвѣнчавшись съ нею, графъ увезъ ее за границу, и она ему чистосердечно рассказала, какъ онъ дорогой изъ Варшавы готовилъ ее къ встрѣчѣ съ личностью очень знатной и богатой, богаче и знатнѣе всѣхъ въ той странѣ, въ которую они ѣхали.

— Я потомъ догадалась, что это былъ король, хотя съ виду онъ совсѣмъ на короля не похожъ, просто старикъ и очень добрый,—наивно замѣтила она.

— А для чего ты ему была нужна, этому старику, графъ тебѣ не сказалъ?—освѣдомился принцъ.

— Чтобъ быть его женой и тоже сдѣлаться королевой. Меня это первое время забавляло. Со мной была дѣвушка, Соня; по ночамъ мы съ нею мечтали о томъ, что я сдѣлаю, когда буду королевой, какъ я дамъ маменькѣ денегъ, сколько она захочетъ, чтобъ она отпустила ко мнѣ отца, сестеръ, няню Григорьевну, Сонину сестренку Варю, всѣхъ, кого мы любимъ, и какъ мы будемъ жить всѣ вмѣстѣ, въ большомъ, прекрасномъ замкѣ съ чуднымъ садомъ... Какъ въ сказкахъ, знаете? Я была увѣрена, что все такъ и будетъ,—продолжала она съ смущенной улыбкой.—Графъ не для себя обвѣнчался со мной, а для своего господина. Это у католиковъ дѣлается съ дозволенія папы, развѣ вы не знаете?

— Да, да, дѣлается,—поспѣшилъ онъ ее успокоить.

— Я была тогда совсѣмъ дѣвочка, мнѣ еще не минуло четырнадцати лѣтъ. Я въ куклы играла, когда меня повезли на тотъ балъ, гдѣ онъ въ первый разъ меня увидѣлъ.

«Да ты и теперь совсѣмъ еще дитя, и надо быть отъявленнымъ негодяемъ, чтобы злоупотребить твоею неопытностью и доврѣемъ»,—думалъ принцъ, любуясь ея невинностью.

А она, между тѣмъ, продолжала свой рассказъ.

Они пріѣхали въ большой городъ, въ чудной гористой мѣстности, на живописной рѣкѣ, и остановились въ роскошно разубранномъ домѣ, на одной изъ самыхъ отдаленныхъ улицъ. Но ей было не до того, чтобъ восхищаться природой и богатой обстановкой; на границѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что крѣпостныхъ не дозволено увозить въ чужіе края, ее разлучили съ Сонькой.

Графъ далъ ей денегъ и приказалъ отправить ее назадъ, въ тотъ городъ, изъ котораго онъ увезъ ее вмѣстѣ съ женой. Это было большимъ горемъ для Клавдіи. Она осталась совсѣмъ одна среди чужихъ. Повѣмeciки говорить она еще не умѣла, извѣстій изъ дому не получала; можно себя представить, какъ ей было жутко и тоскливо!

Навѣрное заболѣла бы она отъ скуки по своимъ, еслибъ не встрѣча съ Марьей Филипповной.

При этомъ имени принцъ вздрогнулъ.

— Леди Мери Филиппсъ!

Восклицаніе это невольно сорвалось съ его губъ.

— Да, она подъ этимъ именемъ жила въ Лондонѣ и въ Парижѣ, но на самомъ дѣлѣ она русская, — объявила Клавдія. — А развѣ вы ее знаете?

Онъ смутился.

— Кажется, знаю... впрочемъ, навѣрное не могу сказать. Имя довольно обыкновенное. Какая она изъ себя?

— Я видѣла ее всего только разъ, да и то ночью, въ большой комнатѣ, освѣщенной единственной восковой свѣчечкой, такой тоненькой, какъ тѣ, что къ образамъ ставятъ, и насколько я могла разглядѣть, она показалась мнѣ очень высокой и худой...

— Глаза черные?—съ живостью прервалъ ея слушатель.

— О да, черные! И такіе блестящіе, пронзительные!

Клавдія безъ содроганія вспомнить не могла про взглядъ этой женщины, а между тѣмъ чувствовала къ ней такое влеченіе, что пошла бы съ нею, не задумываясь, на край свѣта.

— Она!—прошептала принцъ такъ тихо, что Клавдія не слышала этого восклицанія.

— Гдѣ-жъ это было?—спросилъ онъ громче.

— Да тамъ же, въ томъ городѣ, куда привезъ меня графъ. Дай мнѣ рассказать по порядку.

— Рассказывай, я тебя больше прерывать не стану,—сказалъ онъ.

А про себя онъ прибавилъ: «Даже, если услышу что нибудь еще удивительнѣе этого».

Сквозь густой мракъ, окружавшій хитросплетенную интригу, опутывавшую бѣдную Клавдію, начиналъ какъ будто пробиваться слабый лучъ свѣта.

Впрочемъ, судя по ея словамъ, дѣло было очень просто.

Первые два, три мѣсяца ее держали взаперти, какъ невольницу, не позволяя даже подходить къ тщательно завѣшаннымъ бѣлой кисеей окнамъ, и дѣятельно обучали языкамъ и придворнымъ манерамъ. Приходили къ ней учителя танцевъ, декламации, пѣнія, нѣмецкаго, французскаго и итальянскаго языковъ. Учили ее, какими фразами отвѣчать на привѣтствія и комплименты, кому говорить: «ваша свѣтлость», кому «ваше высочество» или «величество», кому просто «мосье» и «мадамъ»; заставляли дѣлать глубокіе реверансы передъ зеркаломъ, въ платьѣ съ фижмами и длиннымъ шлейфомъ, улыбаться, играть вѣеромъ, величественно прохаживаться и даже бѣгать, однимъ словомъ всему тому, что въ совершенствѣ должна знать молодая женщина, чтобъ прослыть свѣтской модницей и львицей.

Талантливая отъ природы, она всему училась съ успѣхомъ. По-французски она уже говорила, а потому и итальянскій языкъ усвоила себѣ очень быстро. И музыкѣ учили ее дома, здѣсь же у нея открылся голосъ, большой, звучный, чистый и замѣчательно пріятный.

Профессоръ пѣнія, лучший въ городѣ, считавшій между своими ученицами знаменитѣйшихъ оперныхъ кантатрисъ, приходилъ въ восторгъ и увѣрялъ, что у нея цѣлое состояніе въ горлѣ.

И онъ тоже, какъ и другіе, былъ, кажется, убѣжденъ, что ее готовятъ на сцену.

Въ танцахъ и свѣтскихъ манерахъ она тоже преуспѣвала какъ нельзя лучше. Отъ скуки она занималась усердно даже и тѣмъ, что ей было не по вкусу, и день кое-какъ наполнялся, но на печальныя думы оставались цѣлыя ночи, которыя Клавдія частенько проводила въ слезахъ. Съ часу на часъ тяготило ее все больше одиночество и загадочность будущаго. Дѣтскія мечты перестали ее тѣшить; все чаще и чаще задумывалась она о человѣкѣ, которому ее передадутъ, какъ вещь, какъ невольницу. Что это за личность? Думаетъ ли онъ о ней, какъ и она о немъ? И съ какимъ чувствомъ ожидаетъ онъ перваго свиданія съ нею?

Тотчасъ по пріѣздѣ сюда графъ привелъ къ ней художника, чтобы сдѣлать ея портретъ. Художникъ этотъ былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, очень серьезный и неразговорчивый. Кромѣ короткихъ фразъ, произносимыхъ сдержаннымъ, почтительнымъ тономъ, которыми онъ просилъ ее повернуть голову немножко въ сторону, поднять глаза, улыбнуться и тому подобное, не слышала она отъ него ни слова.

Впрочемъ, если бы онъ и захотѣлъ вступить съ нею въ болѣе интимную бесѣду, этому навѣрное помѣшала бы графъ, присутствовавшій при всѣхъ сеансахъ, покуривая свою длинную трубку и зорко наблюдая за тѣмъ, чтобы время, назначенное на работу, не пропадало даромъ.

Портретъ былъ готовъ на десятый день. Клавдія была изображена на немъ почти въ настоящую величину, въ простенькомъ бѣломъ ваперовомъ платьѣ, съ розой въ волосахъ, и графъ унесъ его къ себѣ тотчасъ послѣ того, какъ художникъ, получивъ плату, раскланялся передъ своею моделью ниже и почтительнѣе обыкновеннаго и вышелъ.

Прошло мѣсяца три, наступила зима. Все шло попрежнему; тѣ же занятія съ учителями, то же долгое сидѣнье передъ зеркаломъ, пока ловкая камеристка убирала ей волосы цвѣтами, перьями или драгоценными камнями, а другая держала наготовѣ которое нибудь изъ великолѣпныхъ платьевъ, наполнявшихъ цѣлую комнату, рядомъ съ уборной.

Какъ и въ то время, когда она сдѣлалась его невѣстой, графъ

требоваль, чтобы она каждый день являлась передъ нимъ въ новомъ нарядѣ, то пышномъ, то простомъ, и онъ такъ серьезно, съ такимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ осматриваль ее съ ногъ до головы, точно судьба ихъ обоихъ зависить отъ того, чтобы опредѣлить, въ чемъ она обаятельнѣе: въ бальномъ ли костюмѣ придворной дамы изъ бархата, атласа и драгоценныхъ каменьевъ, въ дезабильте изъ батиста и кружевъ, или въ простенькомъ дѣвическомъ нарядѣ, съ однимъ цвѣткомъ на груди или въ волосахъ.

И также попрежнему графъ былъ къ ней внимателенъ, заботился объ ея комфортѣ, окружалъ ее ловкой и внимательной прислугой, наблюдая за тѣмъ, чтобы свѣжіе, душистые цвѣты не переводились въ ея комнатахъ, чтобы за столомъ ей подавали самые лучшіе фрукты и изысканнѣйшія кушанья, но онъ продолжалъ держать ее взаперти, и о цѣли ихъ пріѣзда сюда больше не упоминалъ. А между тѣмъ, ужъ по одному тому, какъ онъ былъ доволенъ ея успѣхами съ учителями и съ какимъ самодовольствомъ разсматриваль ее съ ногъ до головы, нельзя было не заключить, что цѣль эта близка.

Да и тайное предчувствіе твердило ей то же самое. Каждое утро спрашивала она себя съ замирающимъ сердцемъ: не сегодня ли? и съ каждымъ днемъ страхъ ея усиливался.

Графъ жилъ въ одномъ съ нею домѣ, но совершенно отдѣльно, въ нижнемъ этажѣ и съ своей прислугой.

Иногда ночью она слышала у него шумъ. По аллеѣ, что вела съ улицы черезъ садъ въ домъ, раздавались шаги, входная тяжелая дверь растворялась передъ посѣтителеми и съ глухимъ стукомъ захлопывалась за каждымъ изъ нихъ; гости расхаживали по комнатамъ, громко разговаривая и смѣясь, а иногда голоса возвышались до сердитаго крика. Ссорились вѣрно за картами. А потомъ ужинали. До ушей Клавдіи достигалъ звонъ посуды и серебра, а запахъ тонкихъ винъ и блюдъ, пронизываясь сквозь полъ, обитый ковромъ, изъ находившейся подъ ея спальней, столовой, раздражалъ ея обоняніе.

И вотъ, въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда къ графу стали наѣзжать гости, одна изъ прислугъ Клавдіи, деревенская дѣвушка, по имени Минна, справлявшая должность прачки, и такая робкая, что не только госпожа, но и товарищи голоса ея никогда не слышали, осторожно пріотворила дверь въ спальню, гдѣ Клавдія сидѣла въ глубокомъ креслѣ и, облокотившись на столъ съ двумя зажженными восковыми свѣчами, предавалась мрачнымъ размысленіямъ.

На удивленный вопросъ госпожи: «что тебѣ надо?»—Минна, не трогаясь съ мѣста и краснѣя, отвѣчала, что у нея есть порученіе къ графинѣ.

— Какое порученіе? Отъ кого?

— Не пугайтесь, *meine gnädige*, отъ одной дамы очень доброй, набожной, умной; она принимаетъ въ вашей милости большое участіе и проситъ *meine gnädige* ей довѣриться.

— Да въ чемъ же? въ чемъ?

— Мы ее зовемъ пророчицей, потому что у нея даръ предвидѣнія, и она здѣсь ужъ многимъ предсказала судьбу, и даръ этотъ у нея отъ Бога,—продолжала Минна, уклоняясь отъ прямого отвѣта.—Она русская, какъ и графиня...

Русская!

Достаточно было этого слова, чтобъ возбудить въ Клавдіи самое страстное, самое непреодолимое желаніе повидаться съ этой личностью. Цѣлыхъ полгода ни съ кѣмъ не говорила она порусски.

Ободренная радостнымъ волненіемъ, съ которымъ госпожа отнеслась къ ея словамъ, Минна объяснила, что эта дама живетъ въ домѣ рядомъ съ ними, стѣна обѣ стѣну. Прежде эти два дома составляли одинъ, и въ горенкѣ подъ крышей, гдѣ жила Минна, до сихъ поръ цѣла дверь, которая ведетъ къ сосѣдямъ. Дверь эта заперта и закрашена подъ цвѣтъ стѣнъ, но Минна ее нашла и прибрала къ ней ключъ...

Для чего хлопотала она?

Будь Клавдія менѣе заинтересована неожиданнымъ сообщеніемъ, она, можетъ быть, призадумалась бы надъ этимъ вопросомъ, но ей было не до того, чтобъ предаваться зловѣщимъ подозрѣніямъ.

— Ты сказала, что у тебя есть ко мнѣ порученіе?—спросила она дрогнувшимъ голосомъ.

— Да, отъ нея. Она приказала передать вашей милости: «скажи ей, что соотечественница предлагаетъ ей помолиться вмѣстѣ съ нею».

Послѣднія слова Минна произнесла однимъ духомъ. Видно было, что она много разъ повторяла ихъ про себя, чтобъ выговорить безъ запинки.

— Молитесь вмѣстѣ?—повторила съ недоумѣніемъ Клавдія.

— Да-съ. У нихъ каждый вечеръ собирается много людей въ молельню; поютъ гимны, читаютъ библію и говорятъ прекрасныя проповѣди. Вы бы къ нимъ сходили, *meine gnädige*, это вась развлечетъ, да и для души полезно. Вотъ и письмо для вась,—прибавила она, вынимая изъ-за корсажа запечатанный конвертъ безъ надписи и подавая его своей госпожѣ.

Отказаться принять это посланіе Клавдія была не въ силахъ. Истомилась она въ одиночествѣ и страхѣ, душа ея жаждала сочувствія и утѣшенія, а внутренній голосъ шепталъ, что она найдеть и то и другое въ письмѣ таинственной незнакомки.

И ожиданіе ея сбылось. Въ конвертѣ былъ всего только маленькій листокъ бумаги, на которомъ было начертано красивымъ и твердымъ почеркомъ изреченіе изъ Святой книги: «Придите ко мнѣ всѣ трудящіеся и обремененные, и Азъ упокою вась».

Больше ничего, но этого было достаточно, чтобъ разсѣять ея печаль, дать новое направленіе ея мыслямъ и возбудить въ ней еще бѣльшее желаніе познакомиться съ милой соотечественницей, такъ вѣрно отгадавшей нравственный гнетъ, подѣ которымъ душа ея начинала ужъ изнемогать.

— Что мнѣ имѣ сказать?—спросила Минна послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

Перечитавъ нѣсколько разъ записку, Клавдія опустила голову и глубоко задумалась, но голосъ вѣстовщицы пробудилъ ее отъ забытья.

— Когда къ ней можно идти?—спросила она.

Лицо Минны радостно прояснилось.

— Если вашей милости угодно, я васъ, хоть сейчасъ, могу туда провести, — съ живостью предложила она.—Теперь самое удобное время. Панъ Товій внизу, помогаетъ людямъ графа прислуживать. Къ нимъ сегодня понаѣхало гостей больше, чѣмъ ожидали. А у фрейлинъ Лины голова болитъ, она заперлась въ своей комнатѣ и не приказала себя беспокоить до тѣхъ поръ, пока ваша милость не позвонитъ; теперь самое удобное время,—повторила Минна.

Правда. Къ чему медлить! Клавдія и безъ того слишкомъ долго медлила обратиться къ Тому, Который Одинъ можетъ спасти отъ всякаго зла.

Ей вспомнились слова отца: «Никому и ни за что не уступай твоего Бога», и она, не раздумывая больше, стремительно сорвалась съ мѣста.

Она одна, всѣми покинута, въ полной зависимости отъ чело-вѣка, который противъ нея замышляетъ что-то загадочное, погибель ея души, можетъ быть! И въ ту самую минуту, когда она всего яснѣе сознаетъ—беспомощность, благодѣтельная рука растворяетъ передъ нею дверь ко спасенію, таинственный голосъ, отвѣчая смутному душевному стремленію, зоветъ ее къ Богу,—не грѣхъ ли медлить и колебаться?

— Пойдемъ,—повторила она, слѣдуя за своей спутницей по узкой, винтообразной лѣстницѣ на верхъ, гдѣ подѣ крышей были комнаты для прислуги.

Для бѣльшей предосторожности, онѣ шли безъ свѣчки, ощупью и крѣпко держась за руки. Наконецъ Минна ввела ее въ коморку, залитую луннымъ свѣтомъ, проникающимъ сюда безпрепятственно черезъ незавѣшанное подѣемное окно, и, указывая на маленькую дверь у самаго этого окна, шепотомъ вымолвила:

— Вотъ здѣсь. Если вашей милости угодно отдохнуть...

Но Клавдія, нетерпѣливымъ движеніемъ отстранивъ стулъ, который ей почтительно подставляли, объявила, что она не устала и желаетъ скорѣе идти туда, гдѣ ее ждутъ.

Минна поспѣшила растворить дверь, и, слѣдуя за нею, Клавдія

очутилась въ темномъ проходѣ, гдѣ слышно было пѣніе, сначала отдаленное, а тамъ, съ каждымъ шагомъ впередъ, все громче и явственнѣе. Въ концѣ этого корридора, очень длиннаго и съ такимъ низкимъ потолкомъ, что стоило ей только поднять руку, чтобъ дотронуться до него, онѣ дошли до лѣстницы, по которой спустились въ обширную, полутемную залу, съ чѣмъ-то, въ родѣ алтаря, въ глубинѣ, какъ въ церкви.

Тутъ какіе-то люди, мужчины и женщины, въ длинныхъ, темныхъ плащахъ, первые съ непокрытыми головами, а вторыя, повязанныя бѣлыми платками, пѣли хоромъ и съ такимъ страстнымъ увлеченіемъ, что никто изъ нихъ не оглянулся, когда дверь скрипнула, растворяясь передъ новыми посѣтительницами.

Протяжный и величественный напѣвъ, прерываемый по временамъ восторженными возгласами, показался знакомымъ Клавдіи и напомнилъ ей родину. Слезы умиленія брызнули изъ ея глазъ, и она, какъ подкошенная, упала на колѣни.

И на это никто не обратилъ вниманія. Однако, когда плачь ея сталъ переходить въ рыданія, отъ толпы поющихъ отдѣлилась женщина, величественной, медленной походкой подошла къ ней, опустилась рядомъ съ нею на колѣни и, нѣжно ее обнявъ, прошептала ей на ухо:

— Молись, ищи помощи у Него.

И Клавдіи, подъ пристальнымъ и властнымъ взглядомъ этой женщины, стало вдругъ мирно и хорошо на сердцѣ, также хорошо, какъ тогда, когда она засыпала въ своей колыбелькѣ, подъ монотонное баюшки-баю доброй няни Григорьевны.

Что произошло потомъ,—этого она сказать не могла. Въ сладкомъ забытѣ, навѣянномъ на нее взглядомъ таинственной незнакомки, душа ея поднималась все выше и выше надъ землей, и казалось ей, что она слышитъ голоса ангеловъ, восхваляющихъ славу Божию въ небесныхъ пространствахъ.

И сколько времени это продолжалось, Клавдія не помнила, но, должно быть, долго, потому что, очнувшись, она увидѣла себя съ своей покровительницей вдвоемъ въ молельнѣ. Изъ толпы женщинъ и мужчинъ, молившихся здѣсь, когда она вошла, не осталось ни души.

— Мы были однѣ передъ алтаремъ, освѣщеннымъ восковой свѣчей. Кругомъ царилъ мракъ и тишина. Она смотрѣла на меня своими чудными глазами... О, эти глаза! Никогда я ихъ не забуду! Она была ко мнѣ очень милостива, утѣшала меня словами изъ святаго писанія, повторяла, что Господь меня не оставитъ, что всѣ несчастные и покинутые—Его дѣти, и называла меня сестрой по духу. «Ты съ нами молилась и теперь ты наша», сказала она между прочимъ, но къ этому она прибавила, что здѣсь, въ этомъ городѣ, мы больше не увидимся. «Самъ Господь сегодня тебя къ намъ при-

вель на наше послѣднее собраніе. Сейчасъ я должна бѣжать изъ этой страны. Мнѣ грозитъ неволя, можетъ быть, и смерть. Полиціи ужь дано приказаніе меня арестовать, и съ разсвѣтомъ она явится въ наше убѣжище. Общество наше распадется. Какъ сказано въ писаніи: «поражу пастыря, и разбредутся овцы». Но ты не сокрушайся, не для того Господь насъ свель, чтобъ разлучить на вѣки, мы еще увидимся на этой землѣ...

Клавдія плакала и, цѣлуя руки загадочнаго существа, умоляла не покидать ея и взять ее съ собой. Но желанія ея не исполнили.

А Миннѣ, вѣроятно, дозволено было послѣдовать за пророчицей. Клавдія не видѣла ея больше послѣ того, какъ, встрѣтивъ ее у дверей молельни, она молча довела ее прежнимъ путемъ до спальни.

Начинало свѣтать, и Клавдія съ ужасомъ себя спрашивала: успѣтъ ли пророчица спастись бѣгствомъ отъ преслѣдованія?

Ни на минуту не могла она сомкнуть глазъ и съ нетерпѣніемъ ждала утра, чтобъ повидать Минну и узнать отъ нея, что произошло у сосѣдей. Но напрасно простаивала она подолгу въ корридорѣ и заглядывала на лѣстницу, что вела въ комнатки подъ крышей, ожидая ея появленія, Минна не показывалась.

Такъ прошло все утро. Передъ обѣдомъ она, наконецъ, не выдержала и съ напускнымъ равнодушіемъ спросила у горничной, убравшей ей голову:

— Какъ зовутъ ту дѣвушку, что нанята въ подмогу прачкѣ, Минной, кажется?

— Ея ужь нѣтъ у насъ, *meine gnädige*. Скрылась куда-то сегодня утромъ, ни съ кѣмъ не простившись и даже не забравъ жалованья за мѣсяць. Догадалась вѣрно, что ею недовольны и хотятъ ее уволить. Послѣднее время она стала дурно себя вести, уходила куда-то по ночамъ, къ любовнику, вѣрно. Ну, а такъ какъ графъ особенно строго относится къ поведенію прислуги и разврата у себя не терпитъ, панъ Октавіусъ рѣшилъ дать этой дѣвчонкѣ дожить мѣсяць, а тамъ объявить ей, чтобъ она искала себѣ другое мѣсто.

— Я приготовила графинѣ бѣлое атласное платье къ вечеру, — продолжала она, помолчавъ немного, — но, можетъ быть, ея сіятельству будетъ угодно надѣть розовое броше?..

— А кто живетъ въ домѣ рядомъ съ нами? — спросила Клавдія, не отвѣчая на вопросъ о нарядахъ.

— Въ домѣ рядомъ съ нами?! — повторила съ изумленіемъ горничная. — *Iezusъ Марія!* Да этотъ домъ ужь лѣтъ двадцать, какъ стоитъ пустой. Въ немъ нельзя жить, онъ слишкомъ ветхъ. Графъ осматривалъ его съ архитекторомъ и паномъ Октавіусомъ съ веру до низу, передъ тѣмъ, какъ здѣсь поселиться, и они рѣшили, что даже прислугу въ немъ невозможно помѣстить. Никто въ немъ не живетъ, *meine gnädige*.

— Однако, мнѣ сегодня ночью послышалось пѣніе за стѣной, и я подумала, не у сосѣдей ли занимаются музыкой.

— Это вамъ померещилось, *meine gnädige*, кому тамъ заниматься музыкой, развѣ только летучимъ мышамъ, крысамъ да паукамъ.

И снова вернувшись къ вопросу относительно вечерняго туалета своей госпожи, она замѣтила, что если графиня захочетъ надѣть бѣлое атласное платье, то надо будетъ приготовить парюръ изъ брильянтовъ съ рубинами, если же она предпочтетъ нарядиться въ розовое броше, надо вынуть кольцо и эгретку изъ жемчуга.

— Брильянты, жемчугъ! Къ чему такое великолѣпіе?— съ разсѣянной улыбкой спросила Клавдія.

— А какъ же? Вѣдь сегодня графиня въ первый разъ выѣзжаетъ въ свѣтъ,—объявила Лина.

Тутъ только госпожа ея узнала, что вечеромъ ее везутъ въ придворный театръ, въ оперу.

Ложу прислалъ самъ король.

XXVII.

Вотъ тутъ-то она его въ первый разъ и увидѣла.

Но такъ какъ она до сихъ поръ никогда еще въ театрѣ не бывала и слухала оперу на сценѣ тоже въ первый разъ, то ей и въ голову не приходило озираться на ложу, богаче прочихъ разукрашенную, изъ которой старикъ, въ залитомъ золотомъ кафтанѣ и окруженный блестящей свитой, не спускалъ съ нея лорнета.

Да и не онъ одинъ, а вся остальная публика смотрѣла на нее съ большимъ любопытствомъ, чѣмъ на сцену, и занималась ею больше, чѣмъ представленіемъ. Поглощенная невиданнымъ доселѣ зрѣлищемъ и чудной музыкой, Клавдія и этого не замѣчала.

Ложа была большая, съ аванложей. Туда, послѣ перваго дѣйствія, придворные лакеи внесли огромный серебряный подносъ съ такимъ множествомъ всевозможныхъ фруктовъ и лакомствъ, что хватило бы на угощеніе двадцати человѣкъ, тогда какъ въ ложѣ, кромѣ Клавдіи съ мужемъ, горничной Лины, переодѣтой дуэньей, да пажа Товія, никого не было.

Въ антрактѣ, между третьимъ и четвертымъ дѣйствіями, кто-то постучался въ дверь, и когда Товій ее растворилъ, Клавдія увидѣла одного изъ офицеровъ, толпившихся въ глубинѣ королевской ложи. Узнала она его, разумѣется, по блестящему мундиру, а не по лицу. Незнакомыхъ лицъ мелькало вокругъ такое множество, что она ни за что не могла бы отличить ихъ одно отъ другого. И всѣ, какъ мужчины, такъ и женщины, казались ей молоды и красивы при яркомъ свѣтѣ свѣчей, сверкавшихъ въ золотыхъ люстрахъ, переливаясь разноцвѣтными искрами въ хрустальныхъ

подвѣскахъ этихъ люстръ, а также въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ, которыми осыпаны были костюмы дамъ и кавалеровъ.

При появленіи посѣтителя, графъ поднялся съ своего мѣста и, почтительно отвѣтивъ на его поклонъ, пригласилъ движеніемъ руки Клавдію тоже встать и приблизиться къ аванложѣ.

Покидая свое мѣсто, она нечаянно оглянулась на публику и вспыхнула отъ смущенія: весь театръ съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣлъ на нее. Всѣ лорнеты были направлены на ихъ ложу. Ей сдѣлалось очень неловко. Что въ ней такого страннаго? Чѣмъ возбуждаетъ она всеобщее любопытство? Развѣ мало кругомъ молодыхъ женщинъ и дѣвицъ красивѣе ея и одѣтыхъ пышнѣе и богаче, чѣмъ она?

Вонъ та, полная дама, въ крайней ложѣ, что такъ иронически усмѣхается, наставивъ на нее лорнетъ, какая красавица! И какъ эффектно одѣта! Волосы ея сверкаютъ, какъ солнце, такъ много на нихъ брилліантовъ. А та, дальше, въ бархатѣ густого розоваго цвѣта, усыпанномъ жемчугомъ, съ золотымъ корабликомъ на высоко взбитыхъ локонахъ, а сосѣдка ея, въ палевомъ атласѣ съ гранатымъ бархатомъ, съ серебряной, чудной филиграновой работы, башней на головѣ, несравненно интереснѣе Клавдіи. Да куда ни повернись, хорошенкихъ и нарядныхъ дамъ множество; глаза разбѣгаются, не знаешь, которой отдать преимущество, всѣ молоды и красивы, всѣ безъ исключенія. Почему же на нее только и смотрятъ?—спрашивала она себя съ недоумѣніемъ, входя въ аванложу и отвѣчая глубокимъ реверансомъ на низкій поклонъ посѣтителя.

Нагнувшись какъ будто для того, чтобъ поправить ей платье, въ то время, какъ она проходила мимо нея, Лина успѣла ей шепнуть, что это посланецъ отъ короля, и Клавдія съ подобающимъ почтеніемъ, скромно опустивъ глаза, выслушала цвѣтистый комплиментъ, которымъ привѣтствовали ее. Послѣ же словъ: «его величество проситъ графиню Поланецкую пожаловать послѣ представленія ужинать во дворецъ», она еще ниже и еще почтительнѣе присѣла, точно передъ нею самъ король.

Все это продѣлывала она машинально, не отдавая себѣ ни въ чемъ отчета, и очень удивилась бы, еслибъ ей сказали, что реверансами своими и всей своей манерой себя держать она выразила полнѣйшую готовность исполнить все, что отъ нея потребуютъ. Мысли у нея путались, въ ухахъ звенѣло, и она не понимала ни слова изъ того, что говорилось вокругъ нея. Обмѣнявшись нѣсколькими словами съ графомъ, офицеръ, прежде чѣмъ окончательно раскланяться, снова обратился къ ней съ какой-то фразой, изъ которой она одно только поняла, что, исполнивъ свое порученіе, онъ уходитъ, и что надо опять ему сдѣлать низкій реверансъ. И она сдѣлала этотъ реверансъ, по всѣмъ правиламъ искусства, почтительно и граціозно, какъ училъ ее танцмейстеръ, многоопытный

старичекъ, обучившій искусству присѣдать такое множество хорошихъ женщинъ, что онъ имъ и счетъ потерялъ.

Ее привезли въ загородный замокъ короля въ придворной каретѣ, и всю дорогу, довольно продолжительную, графъ восторженно благодарилъ ее за то, что она была такъ очаровательно мила, держала себя съ такимъ достоинствомъ и ни разу не погрѣшила противъ правилъ свѣтскаго приличія и придворнаго этикета, которымъ ее обучали.

— Надѣюсь, что вы и въ присутствіи короля не ударите лицомъ въ грязь, будете любезны, веселы и остроумны. Наружность ваша ему понравилась, но окончательная ваша судьба зависитъ отъ дальнѣйшаго его знакомства съ вашимъ характеромъ, находчивостью и умомъ. Король въ такихъ лѣтахъ, что страстной любви онъ отъ васъ не потребуетъ, достаточно будетъ и того, если вы проявите свойственную вашему полу и вашимъ лѣтамъ чувствительность сердца, безъ которой самая красивая женщина не представляетъ обаятельности для мужчины. Если вы сумѣете проникнуться важностью настоящей минуты и разумно воспользуетесь выгодами вашего положенія, васъ ждетъ блестящая будущность. Не вздумайте шокироваться обращеніемъ съ вами его величества. Помните, что король можетъ себѣ позволить и то, что простымъ смертнымъ не дозволяется. Его величество, можетъ быть, вздумаетъ васъ прижаскать, поцѣловать васъ въ щеку или въ губы, Боже васъ сохрани выразить испугъ или отвращеніе! Короли къ этому не привыкли. Малѣйшее выраженіе неудовольствія съ вашей стороны будетъ сочтено величайшей дерзостью и навлечетъ на васъ такую страшную кару, о которой вы и представить себѣ не можете. Бывали примѣры, что за одну какую нибудь гримасу, неосторожное восклицаніе или необдуманное слово несчастныя платились свободой, а иногда даже жизнью.

Платились жизнью! Значить, ее могутъ убить, если она чѣмъ нибудь не угодитъ своему будущему властелину? Она, значить, попадаетъ въ положеніе еще худшее, чѣмъ то, въ которомъ находится у графа? Этотъ, по крайней мѣрѣ, не пристаетъ къ ней съ ласками, не требуетъ отъ нея выраженія притворныхъ чувствъ! Да и сумѣетъ ли она притворяться даже для спасенія жизни? Врядъ ли.

Не взирая на наружную полировку, она осталась все той же наивной, русской дѣвушкой, съ открытой душой, неспособной обдумывать ни слова свои, ни движенія, а еще меньше напускать на себя фальшивыя чувства.

Но для чего же везуть ее къ королю? На что она ему нужна?

За послѣднее время, проведенное безъ подругъ и друзей, съ одними книгами и учителями, она умственно развилась на столько, что ее ужъ не во всемъ можно было обманывать, какъ ребенка.

Теперь ее ужъ нельзя было увѣрить, что изъ нея готовятъ будущую королеву. Она знала, что короли женятся на принцессахъ крови, а не на чужеземкахъ темнаго происхожденія. Къ тому-же этотъ король старъ, и у него, безъ сомнѣнія, есть жена, дѣти и даже внуки. Нѣтъ, тутъ что-то такое кроется, какая-то тайна.

Но особеннаго страха Клавдія не ощущала. Повліяло ли на нее успокоительно новое знакомство, сдѣланное ночью въ сосѣднемъ домѣ, или, можетъ быть, чудное зрѣлище съ восхитительной музыкой, подѣ обаяніемъ котораго она находилась нѣсколько часовъ сряду, унесло ее такъ высоко надъ землею, что ей трудно было вернуться къ дѣйствительности. Такъ или иначе, но все, что съ нею дѣлалось, казалось ей волшебнымъ сномъ и такимъ восхитительнымъ, что не хотѣлось просыпаться.

То, что графъ говорилъ ей дорогой въ королевскій замокъ, она слышала, но настоящимъ смысломъ его словъ проникнуться никакъ не могла. Какъ будто все это касалось другого кого, а не ея. А съ нею развѣ можетъ случиться что нибудь дурное, послѣ того, какъ таинственная женщина взяла ее подѣ свое покровительство и назвала ее сестрой? Разумѣется, нѣтъ.

И напрасно голосъ разсудка шепталъ ей, что новая покровительница ея теперь далеко, что она должна была бѣжать изъ страны, ничто не могло разрушить очарованія, навѣяннаго на Клавдію магической силой этой женщины. Она чувствовала на себѣ ея взглядъ все такъ же сильно, какъ тогда, когда она на нее глядѣла въ полутемной молеельѣ, чудными, черными глазами, такими пронзительными, что они проникали въ самую душу и, казалось, читали въ ней чувства и мысли, какъ въ открытой книгѣ.

Понятно, послѣ того, что Клавдія нисколько не изумилась, когда глаза эти снова передѣ нею мелькнули. Карета остановилась у ярко освѣщеннаго подъѣзда, и одинъ изъ лакеевъ въ придворной ливреѣ, ожидавшихъ гостей у мраморной лѣстницы, взявъ ее на руки, какъ ребенка, чтобъ не дать маленькимъ ножкамъ въ бѣлыхъ атласныхъ башмачкахъ прикоснуться до ступеней, бережно донесъ ее до широкой площадки, разукрашенной цвѣтущими растеніями и разноцвѣтными фонарями.

Повинуясь какой-то непонятной и невидимой силѣ, Клавдія подняла голову, и въ одномъ изъ оконъ верхняго этажа, подѣ самой крышей, увидала блѣдное лицо своей названной сестры и чуть не вскрикнула отъ радости.

Предчувствіе ея сбылось: она здѣсь, съ нею. И, разумѣется, чтобъ охранить ее отъ зла, для чего же больше? И дѣйствительно съ Клавдіей ничего дурнаго не случилось въ загородномъ замкѣ короля.

За ужиномъ графъ не присутствовалъ. Онъ доѣхалъ съ нею до замка, а тутъ куда-то скрылся, и въ ту ночь Клавдія его больше

не видѣла. Въ королевскіе апартаменты ее ввелъ не мужъ, а какой-то господинъ въ расшитомъ золотомъ, кафтанѣ, должно быть, близкій къ королю человекъ, если судить по тому, какъ часто обращался къ нему его господинъ, отъ котораго онъ ни на минуту не отходилъ; во время ужина онъ стоялъ за его кресломъ, наливалъ, какъ ему, такъ и Клавдіи, вина въ хрустальные стаканы и вообще распоряжался тутъ, какъ старшій надъ всѣми лакеями, которыхъ было множество, особенно если взять въ соображеніе, что король ужиналъ съ Клавдіей вдвоемъ, и не въ одной изъ тѣхъ великолѣпныхъ залъ, черезъ которыя ее сюда привели, а въ небольшой круглой комнатѣ съ зеркалами во всѣхъ простѣнкахъ между широкими окнами, завѣшанными штофными голубыми портъерами, съ потолкомъ, расписаннымъ амурами, и съ мозаичнымъ поломъ.

Сервировка стола, кушанья и вина соответствовали обстановкѣ.

Что съ нею говорили, о чемъ ее спрашивали во время этого ужина, Клавдія сказать не могла, одно только помнила она ясно, это то, что послѣ того, какъ выпила съ глотокъ какого-то сладкаго густого ликера, непонятная истома стала постепенно разливаться по всему ея тѣлу, скрывая всѣ члены такою слабостью, что она не могла ни пошевелиться, ни произнести ни слова, а все, что ее окружало, и люди, и предметы, все это стало отдаляться куда-то все дальше и дальше. Удалялись и голоса, между которыми ей слышался и голосъ таинственной женщины, но смутно, съ переливами, мало-по-малу переходившими въ пѣніе, не то въ гимнъ, слышанный прошлую ночь въ молельнѣ, не то въ мотивы оперы, услаждавшей ея слухъ часа два тому назадъ. А сердце ея билось все медленнѣе и медленнѣе, глаза смыкались.

Что это — смерть?

Вопросъ этотъ былъ послѣднимъ проблескомъ угасающаго въ ней сознанія. Что было дальше—она не знаетъ. Время пролетѣло быстрѣе молніи. Ей казалось, что она только что заснула, а сквозь завѣшанное окно въ спальнѣ, когда она очнулась, пробивался солнечный свѣтъ.

Отъ темнаго угла у двери отдѣлилась незнакомая фигура какой-то женщины, благообразной наружности, въ одеждѣ и съ манерами служанки.

— Ея сіятельство изволили проснуться?—спросила она заискивающимъ тономъ, съ почтительною поспѣшностью подходя къ кровати, на которой Клавдія, не поднимая головы съ подушекъ, въ недоумѣніи спрашивала себя: что съ нею было? Какъ очутилась она дома послѣ того, какъ потеряла сознаніе за столомъ во дворцѣ? Кто перенесъ ее сюда? И почему не очнулась она раньше? Неужели все, что произошло въ эту ночь, было сонъ, и то, что она была въ театрѣ и слушала оперу, и приглашеніе во дворецъ, и

разговоръ съ королемъ за ужиномъ въ круглой комнатѣ съ зеркальными стѣнами? Неужели во снѣ, а не наяву явилась ей и она?

Нѣтъ, нѣтъ, Клавдія до сихъ поръ чувствуетъ на себѣ ея взглядъ. Все остальное можетъ быть и сонъ, а это дѣйствительность. Она была съ нею и смотрѣла на нее, никто ея не разувѣрять въ этомъ.

А между тѣмъ незнакомка, ожидавшая пробужденія Клавдіи въ спальнѣ, помолчавъ немного, рѣшилась сама отрекомендоваться.

— Я новая горничная графини, и зовутъ меня Августой. Фрейлейнъ Лина уѣхала на родину,—прибавила она на недоумѣвающій взглядъ ея новой госпожи.

И, немного спустя, въ ожиданіи вопроса, котораго не послѣдовало,—Клавдія все еще не въ силахъ была произнести ни слова,—она продолжала:

— Его сіятельство приказали просить ея сіятельство, чтобъ онѣ изволили готовиться къ отъѣзду. Черезъ часъ почтовые лошади будутъ у крыльца. Вещи всѣ уложены.

— Черезъ часъ? Мы ѣдемъ черезъ часъ? Куда? — вскричала Клавдія внѣ себя отъ изумленія.

Но на вопросъ этотъ никто ей не могъ отвѣтить. Не успѣла она встать и одѣться, какъ явился Октавіусъ съ приказаніемъ отъ графа торопиться. Лошадей ужъ запрягали въ дорожные экипажи.

Ѣхать пришлось густыми лѣсами, въ которыхъ водились разбойники. Во избѣжаніе неприятныхъ встрѣчъ, надо было непремѣнно добраться засвѣтло до того мѣстечка, гдѣ предстоялъ ночлегъ.

Что это было за мѣстечко, Клавдія такъ и не узнала. Привезли ее туда, когда ужъ начало темнѣть, а выѣхали они оттуда на разсвѣтѣ.

Ѣхала Клавдія въ закрытой каретѣ съ Октавіусомъ и новой горничной Августой. Графъ же помѣстился въ другомъ экипажѣ съ Товіемъ, можетъ быть, для того, чтобъ не отвѣчать на разспросы супруги.

Никто съ нею не говорилъ, и она тоже молчала. Впрочемъ, ей было не до разговоровъ. Мысли ея начинали распутываться, воспоминавія принимали все болѣе и болѣе опредѣленную форму. Ей теперь было ясно, что она какимъ-то чудомъ избѣгла страшной опасности, это—во-первыхъ, а во-вторыхъ, что этимъ самымъ она навлекла на себя гнѣвъ графа.

Для чего ее привезли въ загородный королевскій замокъ и оставили тамъ одну съ королемъ, и что именно противъ нея замыслили, этого она не знала, но что спасеніемъ своимъ она обязана своей новой покровительницѣ, въ этомъ она не сомнѣвалась.

Не даромъ же промелькнуло передъ нею блѣдное лицо съ черными глазами въ окнѣхъ подъ крышей, и не даромъ почувствовала она на себѣ властный взглядъ въ ту минуту, когда ею стало овладѣвать непонятное оцѣпенѣніе, предшествовавшее потерѣ сознанія.

И Клавдіи была такъ отрадна эта мысль, что теперь ужъ ничто не могло ее ни огорчать ни беспокоить.

Н. И. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Н. П. СИНЕЛЬНИКОВА¹⁾.

VII.

Предварительное объясненіе къ этой главѣ записокъ. — Какъ произошло самое назначеніе меня генераль-губернаторомъ Восточной Сибири. — Разговоръ съ государемъ на Георгіевскомъ обѣдѣ въ Зимнемъ дворцѣ. — Генераль Корсаковъ. — Бесѣды съ нимъ о минувшихъ судьбахъ Сибири. — Разговоры съ министрами. — Аудіенція у государя и его мысли о Восточной Сибири. — Вопросъ о ея раздѣленіи между военнымъ и морскимъ министерствами. — Неожиданная неприятность. — Великій князь Константинъ Николаевичъ. — Генераль-адъютантъ Краббе. — Безполезныя хлопоты въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. — Переѣздъ въ Восточную Сибирь. — Въ какомъ состояніи я ее нашелъ. — Мои усилія къ улучшенію судьбы сибиряковъ. — Искусственный голодъ въ краѣ, созданный евреями. — Мои распоряженія къ его уничтоженію. — Допущеніе каторжниковъ къ работамъ на золотыхъ приискахъ. — Мысли, которыми я руководствовался при организаціи этого дѣла. — Энергичныя мѣропріятія къ уменьшенію побѣговъ съ каторги. — Побѣдва на Амурѣ. — Рядъ поучительныхъ картинъ. — Экономическое, военное, административное и нравственное состояніе Забайкалья, Амурской и Приморской областей. — Корейцы. — Заливъ Посыета, заливъ Находка. — Исторія съ ея колонией. — Возвращеніе въ Иркутскъ.

ПИСАНІЮ послѣдней эпохи моей служебной дѣятельности, въ званіи генераль-губернатора Восточной Сибири, я долженъ предпослать небольшое объясненіе. Главная цѣль этой части записокъ состоитъ въ томъ, чтобы выяснитъ бывшее экономическое состояніе одной изъ важнѣйшихъ отдаленныхъ окраинъ Россіи, и тѣ мѣры, которыя, по моему убѣжденію, были необходимы къ поднятію въ ней нравственности и благоденствія безъ затраты на то крупныхъ суммъ со стороны правительства. Къ сожалѣнію, мнѣ придется здѣсь коснуться нѣкоторыхъ противодѣйствій моимъ мѣропріятіямъ со стороны высшей петербургской администраціи.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LX, стр. 373.

Самое назначеніе мое на новый постъ состоялось такъ: министръ внутреннихъ дѣлъ, генераль-адъютантъ Тимашевъ, объявилъ мнѣ, что генераль-губернаторъ Восточной Сибири, генераль Корсаковъ, просить объ увольненіи его по болѣзни въ продолжительный отпускъ, и что государю императору благоугодно назначить вмѣст Корсакова меня. На неожиданное предложеніе я отвѣчалъ, что считаю недобросовѣстнымъ взять на себя обязанности начальника обширнаго края по преклоннымъ лѣтамъ¹⁾, часто повторяющимся недугамъ и глазнымъ страданіямъ. Управление же Восточною Сибирью требуетъ усиленной энергіи. Министръ напомнилъ мнѣ съ похвалою о моемъ губернаторствѣ въ четырехъ губерніяхъ, о за-вѣдываніи арестантскими ротами и пр. Отклонивъ похвальное о себѣ слово, я просилъ собесѣдника принять отъ меня письменное объясненіе по возбужденнымъ во мнѣ затрудненіямъ.

Предъ высочайшимъ выходомъ въ Зимнемъ дворцѣ, 26-го ноября, 1870 года, въ день празднованія св. Георгія, шефъ жандармовъ, генераль-адъютантъ графъ Шуваловъ, подошелъ ко мнѣ съ словами:

— Вы отказываетесь отъ мѣста генераль-губернатора?

Я повторилъ мысли, представленныя мною генералу Тимашеву. Графъ возразилъ:

— Государь императоръ, рассматривая генеральскій списокъ, остановился на васъ. Онъ сказалъ: болѣе назначить некого.

Я отвѣтилъ:

— Если вы, графъ, объявляете мнѣ это официально, то, обязанный всѣмъ моимъ благосостояніемъ милости государя, я, не смотря на старость и болѣзни, считаю недобросовѣстнымъ отказываться отъ мѣста, имъ указываемаго.

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, происходившаго во дворцѣ, при входѣ моемъ въ концертный залъ, императоръ, подозвавъ меня и милостиво подавъ руку, изволилъ произнести:

— Я радъ видѣть тебя здоровымъ. Надѣюсь, что ты будешь продолжать твою полезную дѣятельность на мѣстѣ, которое я назначу.

На благодарность мою за довѣріе его величество благосклонно прибавилъ:

— Благодарю тебя; я въ этомъ не сомнѣваюсь.

Приведенный разговоръ происходилъ въ присутствіи бывшихъ на обѣдѣ лицъ и, вѣроятно, послужилъ поводомъ къ появленію въ газетахъ извѣстія о назначеніи меня въ Восточную Сибирь гораздо раньше, чѣмъ состоялся о томъ высочайшій приказъ. Вскорѣ министръ внутреннихъ дѣлъ объявилъ мнѣ монаршее повелѣніе занять сибирскими дѣлами. Я немедленно вошелъ въ личныя отношенія съ генераломъ Корсаковымъ, находившимся въ Петербургѣ.

¹⁾ Мнѣ было около 65-ти лѣтъ.

Генераль Корсаковъ былъ разумный и честный человекъ. Въ бесѣдахъ со мною онъ возмущался невниманіемъ къ его предположеніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Неопредѣленное время оно удерживало въ столицѣ противозаконно члена совѣта главнаго управленія Восточной Сибири К. Послѣдній владѣлъ перомъ и даромъ слова, но защищалъ изъ особыхъ видовъ еврейскій элементъ, способствовавшій распространенію пьянства на пріискахъ и въ народѣ. Кромѣ того, мой предшественникъ передалъ, что въ высшихъ правительственныхъ сферахъ почти утверждёнъ проэктъ о присоединеніи Приморской области къ морскому министерству.

По воспослѣдованіи высочайшаго приказа о моемъ назначеніи, я поспѣшилъ представиться гг. министрамъ. Выходящія изъ ряду объясненія были съ министромъ юстиціи, графомъ Паленомъ. Онъ согласился съ моими предположеніями объ употребленіи ссыльно-каторжныхъ на работы на частныхъ золотыхъ промыслахъ и объ исходатайствованіи льготъ тѣмъ изъ нихъ, которые окажутъ усердіе къ работамъ и будутъ отличаться хорошимъ поведеніемъ. Генераль-адъютантъ Тимашевъ предупредилъ меня, что по вопросу о раздѣленіи Восточной Сибири между военнымъ и морскимъ министерствами, уже оконченному въ высочайше учрежденномъ совѣщаніи, мнѣ не слѣдуетъ противорѣчить, а не то у меня возьмутъ и Забайкалье.

— Если этотъ вопросъ конченъ, — замѣтилъ я, — то нечего и разсуждать о немъ. Впрочемъ, я не ищу славы управлять огромными территориями, а желаю принести посильную пользу той мѣстности, которая будетъ мнѣ поручена.

Императоръ принялъ меня весьма милостиво. Не могу не сознаться, что при объясненіи относительно управленія Восточною Сибирью я былъ пораженъ ея знаніемъ его величествомъ. Бѣдственное положеніе народа отъ распространеннаго пьянства, ненормальное положеніе служащихъ и бесполезная трата казны на Амурскій край съ неудачнымъ заселеніемъ Уссурійскаго побережья въ Находкѣ и пр. были высказаны государемъ вкратцѣ и отчетливо. Наконецъ, онъ повелѣлъ мнѣ обратить вниманіе вообще на устройство ссыльныхъ и въ особенности ссыльно-каторжныхъ. Я доложилъ, что полагаю распредѣлять ихъ на работы по усовершенствованію дорогъ и на частные золотые промыслы, по примѣру бывшихъ въ моемъ вѣдѣніи арестантскихъ ротъ. Монархъ замѣтилъ:

— Тамъ у тебя дѣла шли отлично, слѣдовательно такъ и устройвай.

Потомъ, нѣсколько подумавъ, онъ сказалъ:

— Я желалъ бы, чтобы ты присутствовалъ въ совѣщаніи о раздѣленіи Сибири.

— Если благоугодно вашему величеству, я буду присутствовать, хотя и опасаясь, что не принесу пользы дѣлу потому, что не знаю края, судьбы котораго будутъ обсуждаться.

— Что же ты полагаешь?—спросилъ государь.

— Если по дѣлу нужны мои соображенія, то я просилъ бы дозволенія представить ихъ по личномъ осмотрѣ Восточной Сибири.

— Я нахожу твои слова основательными,—отвѣтилъ императоръ:—поѣзжай и скажи брату.

Предсѣдательствующій въ совѣщаніи, великій князь Константинъ Николаевичъ, принялъ меня въ общей пріемной, будучи готовымъ ѣхать въ государственный совѣтъ. Онъ встрѣтилъ меня благосклонно, какъ лицо, служившее подъ его высокимъ начальствомъ въ званіи генераль-интенданта 1-й арміи и пользовавшееся его довѣріемъ. Великій князь сказалъ:

— Я очень радъ твоему назначенію.

Объясненія мои съ государемъ по вопросу о раздѣленіи Восточной Сибири его высочество выслушивалъ съ видимо возрастающимъ безпокойствомъ. Наконецъ, онъ рѣзко возразилъ:

— Теперь мнѣ некогда, я ѣду въ государственный совѣтъ.

Грустное впечатлѣніе произвелъ на меня неожиданный пріемъ великаго князя. Просить объ избавленіи отъ новаго назначенія было неумѣстно.

Я обратился за совѣтомъ къ управляющему морскимъ министерствомъ, генераль-адъютанту Краббе, котораго зналъ за человѣка съ рыцарскою душою. Выслушавъ меня, онъ произнесъ:

— Сдѣланный вамъ пріемъ его высочествомъ весьма естественъ. Дѣло о раздѣленіи Восточной Сибири стоило ему усидчивыхъ занятій; оно можетъ замедлиться окончаніемъ чрезъ васъ, хотя вы въ немъ дѣйствовали не предумышленно. Впрочемъ, даю честное слово моряка доложить генераль-адмиралу, что вамъ, какъ человѣку опыта, необходимо вникнуть въ сущность дѣла и прочитайте его.

Въ тотъ же день производитель дѣлъ совѣщанія, тайный совѣтникъ Маннъ ¹⁾, привезъ мнѣ дѣло о раздѣленіи Сибири. Часть его составляли подробныя описанія, представленныя комиссіею, осматривавшею Амурскую и Приморскую области съ островомъ Сахалиномъ.

Я прочиталъ внимательно дѣло и сообразилъ его съ тѣми свѣдѣніями, которыя имѣлъ отъ генерала Корсакова, опасавшагося болѣе всего миллионныхъ расходовъ казны. Я успѣлъ также побесѣдовать о Сибири съ ея интеллигентными уроженцами, жившими въ Петербургѣ. Я принялъ къ соображенію и начальное предположеніе бывшаго генераль-губернатора графа Муравьева о раздѣленіи Восточной Сибири. Все упомянутое привело меня къ тому выводу, что я возвратилъ дѣло г. Манну при краткой запискѣ, не вдаваясь ни въ какія объясненія.

¹⁾ Кажется, авторъ нѣкоторыхъ драматическихъ пьесъ, какъ-то: «Паутина», «Воробушки» и пр.

Въ особомъ совѣщаніи, вскорѣ назначенномъ, его высочество приказалъ Манну прочесть внесенную мною записку. Затѣмъ, согласно уже прежде послѣдовавшему высочайшему повелѣнію, былъ составленъ журналъ объ изыятіи Приморской области изъ вѣдѣнія генераль-губернатора Восточной Сибири и о перенесеніи морскихъ учрежденій во Владивостокъ. Окончательное же дѣло о раздѣленіи Сибири было отложено до полученія опредѣлительныхъ свѣдѣній отъ начальника края.

Такимъ образомъ, самое дѣло стало на законную почву, согласно статьѣ 329-й книги 2-й законовъ. Однако, личности, предпочитавшія собственные интересы государственной пользѣ, парализовали предпринимаемыя мною мѣры для лучшаго устройства врученнаго мнѣ края. Интриги доходили до такихъ размѣровъ, которымъ едва ли были примѣры въ прошедшемъ.

Какъ я уже упоминалъ выше, въ Петербургѣ находился въ прикомандированіи къ министерству внутреннихъ дѣлъ крупный сибирскій чиновникъ К. Кромѣ него, въ столицѣ проживали безъ видимой пользы для службы многіе офицеры, числившіеся въ казачьихъ войскахъ Сибири, и ея генераль-губернаторъ не могъ ими распорядиться. Тщетною оставалась моя просьба о совершенномъ отчисленіи отъ своего мѣста г. К. и о назначеніи на мѣсто его генерала Квитницкаго, съ порученіемъ ему должности инспектора ссыльно-каторжныхъ. Мнѣ только было предоставлено право войти объ этомъ вопросѣ съ особымъ представленіемъ по приѣздѣ въ Иркутскъ.

Я выѣхалъ изъ Петербурга въ Сибирь 17-го февраля 1871 г. съ больною женою. Не буду занимать мѣста въ запискахъ о проѣздѣ нашемъ по губерніямъ Европейской Россіи, тѣмъ болѣе, что, благодаря милости Божіей, мы не встрѣтили въ пути особенныхъ затрудненій.

По переѣздѣ границы Восточной Сибири я останавливался въ г. Ачинскѣ, потомъ два дня въ Красноярскѣ для осмотра присутственныхъ мѣстъ, учебныхъ заведеній, тюремъ, больницъ и войскъ. Я говорилъ съ мѣстными золотопромышленниками объ употребленіи каторжныхъ на прискоковыхъ работахъ, и капиталисты сочувственно относились къ моимъ мыслямъ. Проѣздъ замедлялся множествомъ просьбъ, подаваемыхъ населеніемъ на станціяхъ, съ жалобами на такъ называемые темные поборы и злоупотребленія властей. На вопросы мои, исправно ли уплачиваются казенныя подати, слышны были отвѣты, что въ казенныхъ податяхъ большія недоимки есть, а темные поборы выколачиваются сполна.

Видя въ селеніяхъ ветхость храмовъ Божіихъ, безобразіе нарунжаго устройства и значительное число питейныхъ домовъ, помѣщенныхъ въ лучшихъ строеніяхъ, я замѣчалъ народу, что это доказываетъ беспорядочность его жизни и склонность къ пьянству.

На упреки я слышалъ отзывы, что открывать кабаки вынуждаетъ начальство вмѣстѣ съ кагаломъ жидовъ, увѣряя, что кабакъ ну-женъ казнѣ.

Грустно было видѣть крестьянина, не пользовавшагося при изобиліи плодотворной почвы не только избыткомъ, но охладѣвшаго къ труду и потерявшаго надежду на лучшее будущее.

Такъ же возбудило во мнѣ вниманіе значительное число бродягъ между тюремными арестантами. Изъ разспросовъ оказалось, что они назывались бродягами для того, чтобы облегчить мѣру своего наказанія или, какъ выражались бѣгле, «сдѣлать себѣ манифестъ». Извѣстно, что за бродяжество законъ опредѣляетъ срокъ тюремнаго заключенія не болѣе пяти лѣтъ, за убійство же и другія важныя преступленія наказанія слѣдуютъ болѣе тяжкія. Нѣкоторые изъ преступниковъ, совершивъ побѣгъ, сами являлись къ начальству въ другомъ мѣстѣ и назывались бродягами. Начальство становилось втупикъ, не знало, гдѣ наводить справки о только что явившейся личности, быть можетъ, совершившей вопіющее дѣло. Но неизвѣстная личность назвалась бродягою, и этимъ названіемъ стерла всѣ слѣды своего прошлаго темнаго существованія. Слово «бродяга» не должно быть допустимо закономъ, а виновнику въ отверженіи своей личности должно слѣдовать самое суровое наказаніе. Относительно задержанія бѣглыхъ населеніе сообщило, что оно невозможно, такъ какъ бѣгле слѣдуютъ обыкновенно въ самую пору полевыхъ работъ; на сопровожденіе же ихъ въ города, находящіеся, большею частію, на дальнемъ разстояніи, надобно терять самое горячее время. Кромѣ того, крестьяне выразили опасеніе мщенія за поимку со стороны бѣглаго, въ случаѣ его вторичнаго побѣга.

На одной станціи послѣ моей бесѣды съ народомъ подошелъ ко мнѣ волостной старшина и сказалъ:

— У насъ есть ссыльные по приговорамъ обществъ, люди, какъ говорится, отпѣтые; ихъ всѣ чуждаются, и жизнь ихъ до крайности тяжела. Они охотно пойдутъ на ловлю бродягъ, лишь бы имъ за то что нибудь платили.

Это заявленіе было одобрено собравшимися крестьянами и подтверждено населеніемъ на другихъ станціяхъ, чрезъ которыя проѣзжалъ я.

По разстройству санной дороги мнѣ пришлось перемѣнить экипажи и, по случаю прекращенія переправы чрезъ рѣку Ангару подъ Иркутскомъ, свернуть съ московскаго тракта на Ангарскій. Я прибылъ въ г. Иркутскъ 20-го марта, встрѣченный у вѣзда полицеймейстеромъ и городскимъ головою.

Въ домѣ меня ожидали начальствующія лица. При общемъ представленіи я нашелъ большинство лицъ, занимающихъ высшія должности, какъ-то: членовъ совѣта главнаго управленія и пр., дер-

жавших себя съ полнымъ достоинствомъ. Они подавали мнѣ надежду найти въ нихъ дѣльныхъ и усердныхъ помощниковъ. Чиновники, сидѣвшіе на низшихъ служебныхъ мѣстахъ, производили на меня, какъ при первомъ свиданіи съ ними, такъ и впослѣдствіи, самое тяжелое впечатлѣніе. Крайне ограниченное содержаніе, при дороговизнѣ необходимыхъ потребностей жизни, положило на сибирское чиновничество неизгладимое клеймо приниженности и безличія. Между тѣмъ, до меня сотни тысячъ тратились непроизводителью на вспомошествованіе населенію Амура, Амурскому пароходству и пр.

Въ городскомъ обществѣ, къ удивленію моему, я нашелъ искреннюю готовность способствовать моимъ наклонностямъ къ улучшенію города и къ созданію полезныхъ общественныхъ зданій. На мои предложенія: устроить земляной валъ по берегу рѣки Ангары съ бульваромъ, чтобы предохранить городъ отъ опасныхъ наводненій, бывающихъ почти ежегодно; выстроить приличный театръ на одной изъ площадей; возвести вмѣсто разрушавшагося новое благородное собраніе; создать воспитательный домъ—откликнулись единодушно золотопромышленники гг. Трапезниковы, Хаминовъ, Базановъ, Нѣмчиновъ и другіе. Вскорѣ въ Иркутскѣ застучалъ знакомый мнѣ топоръ, и показались каторжные арестанты безъ всякаго конвоя. Они, за опредѣленную мною плату, сами себя содержали, а оставшаяся сумма откладывалась для обезпеченія ихъ будущности по минованіи сроковъ наказанія.

По вступленіи въ управленіе краемъ, я принялъ на себя личное предсѣдательство въ главномъ управленіи ¹⁾, дабы ближе ознакомиться съ сущностью мѣстныхъ дѣлъ и съ порядками ихъ производства. Усмотрѣвъ изъ переписки, что предмѣстникъ мой еще 18-го ноября 1868 года испрашивалъ чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ высочайшее соизволеніе на составленіе новыхъ штатовъ и не получилъ изъ министерства отвѣта на свое представленіе, я повторилъ представленіе 13-го апрѣля 1871 года, а скорѣ написалъ гг. министрамъ: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и юстиціи, о всѣхъ приведенныхъ въ этой главѣ неурядицахъ и жалобахъ, слышанныхъ мною въ краѣ. Послѣднія вели прямо къ разрушенію довѣрія сибирскаго населенія къ власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я предложилъ гг. начальникамъ губерній и областей о прекращеніи самыхъ важныхъ золь, объясненныхъ мною подробно въ особомъ отношеніи министру внутреннихъ дѣлъ за № 536-мъ.

Въ разгаръ обширныхъ занятій стали являться ко мнѣ толпы жителей г. Иркутска, съ просьбами о помощи на покупку хлѣба.

---

¹⁾ По прод. св. законовъ 1868 года, т. II, часть II, прим. 2, генераль-губернатору Восточной Сибири предоставлено право поручать предсѣдательство въ совѣтѣ иркутскому губернатору, что и практиковалось до моего прибытія.

Цѣна его на городскомъ рынкѣ поднялась весьма высоко. Не слыхавъ ничего до сихъ поръ о неурожаѣ въ Иркутской губерніи, я обратился къ совѣту главнаго управленія о разъясненіи причинъ неожиданнаго явленія. По справкамъ оказалось, что опредѣленнаго запаса, требуемаго закономъ, въ городѣ не имѣлось. Губернское начальство принимало мѣры противъ возвышенія цѣнъ, но мѣры эти не достигли цѣли. Хлѣбъ продолжалъ возвышаться до трехъ рублей за пудъ. Тутъ уже мнѣ пришлось удостовѣриться, что поднятіе цѣнъ происходитъ отъ перекупа ржи винными заводчиками - евреями и нѣкоторыми русскими промышленниками. Я немедленно потребовалъ къ себѣ волостныхъ головъ и тайшей ¹⁾ ближайшихъ деревень и, по прибытіи ихъ, назначилъ экстренное засѣданіе совѣта.

Головы и тайши объявили, что они имѣютъ возможность перевести въ городъ достаточное количество хлѣба. Я предложилъ имъ объявить добросовѣстно ту цѣну, по которой они продаютъ хлѣбъ скупщикамъ, и приказалъ его привозить прямо въ запасные иркутскіе магазины. Городская дума должна была безъ замедленія уплачивать деньги изъ своихъ суммъ за ссыпанную рожь. Цѣна ея быстро упала до одного рубля.

Я оставилъ безъ послѣдствій дѣйствія губернатора и городского головы, допустившихъ израсходованіе запасовъ, всегда долженствующихъ быть на лицо. Тѣмъ не менѣе, описанный фактъ убѣдилъ меня еще разъ, что корыстное зло пустило на столько глубокіе корни въ краѣ, что для ихъ извлеченія нужны были не однѣ карательныя мѣры, но цѣлесообразныя экономическія и административныя улучшенія. На сколько имѣлось въ моихъ рукахъ власти и опытности, я началъ улучшенія съ отдѣльныхъ учреждений, болѣе поддающихся практическому осуществленію. На первомъ планѣ предстала предо мною организація работъ каторжныхъ арестантовъ на золотыхъ приискахъ и устройство мѣстныхъ дорогъ. Собранныя справки объ этихъ предметахъ и совѣщанія о нихъ съ членами совѣта и нѣкоторыми компетентными лицами не удовлетворили меня. Главныя затрудненія состояли въ томъ, что въ округѣ находилось на столько мало войска, что отдѣлить отъ него особые конвой для арестантовъ внѣ тюрьмы не представлялось никакой возможности. Да и самыхъ каторжниковъ не хватало для всѣхъ проектируемыхъ мною работъ. Благодаря побѣгамъ, въ каторгѣ оставалось въ наличности чуть ли не три четверти арестантовъ. Остальные блуждали по разнымъ областямъ Сибири, прикрывались званіемъ безыменныхъ бродягъ и занимались на лѣтнія работы къ крестьянамъ. Я остановился на мысли: сдѣлать каторгу для человѣка не столь безотраднымъ явленіемъ, какимъ она представлялась для

¹⁾ Волостные старшины въ бурятскихъ селеніяхъ.

каждой личности, роковымъ образомъ въ нее попадавшей. Я пришелъ къ убѣжденію, что надобно бросить лучъ свѣта въ будущность каторжника. Вѣдь и онъ не всегда совершалъ преступленіе вслѣдствіе крайней испорченности сердца. Остались, можетъ быть, въ послѣднемъ крупицы добра. Зачѣмъ же ихъ заглушать окончательно, погребать рановременно? Кромѣ сказаннаго, меня занимало еще другое соображеніе. Хлѣбопашество къ сѣверу и востоку отъ Иркутска сильно страдало отъ отсутствія рабочихъ рукъ, привлекаемыхъ заманчивою платою со стороны золотопромышленниковъ. Я зналъ, что все, что зарабатывалось свободными людьми на приискахъ, пропивалось ими на возвратной дорогѣ, не достигая нужды домашнихъ. Поэтому мнѣ казалось, лучше удержать мужика въ своей деревнѣ, нежели дать ему окончательно развратиться отъ чужаго золота. Работа на приискахъ каторжныхъ поставлена въ иныя условія. Надъ арестантами можно было учинить строгій, дисциплинированный контроль. Имъ нельзя было располагать по своему произволу деньгами, часть которыхъ накапливалась въ ихъ же личную пользу для обезпеченія будущности. Эти деньги главнымъ образомъ могли способствовать и уменьшенію побѣговъ съ каторги. На первый разъ, въ видѣ опыта, я отправилъ на золотые прииски богача Базанова, расположенные въ Якутской области, по рѣкѣ Витиму, партію каторжниковъ изъ якутской тюрьмы въ сто шестьдесятъ человѣкъ. Во главѣ ихъ былъ поставленъ офицеръ и нѣсколько казаковъ. Я также телеграфировалъ министру внутреннихъ дѣлъ о высылкѣ въ Восточную Сибирь 750 человѣкъ каторжныхъ, способныхъ для работы на частныхъ приискахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, мною было сдѣлано распоряженіе чрезъ полицейскія и волостныя правленія о поимкѣ бѣглыхъ и о сдачѣ ихъ на ближайшіе этапы. Для избавленія поселенъ отъ мщенія со стороны бѣглокаторжныхъ, я приказалъ ихъ заковывать въ кандалы, а тѣхъ изъ нихъ, которые прикрывались именами бродягъ и непомнящихъ родства, прямо отправлять на островъ Сахалинъ, откуда побѣги представляютъ величайшую трудность и требуютъ неимоверной человѣческой энергіи.

Описавъ первые шаги свои на сибирской землѣ, я, кажется, могу теперь приступить къ описанію путешествія на далекій Амуръ. Еще въ бытность мою въ Петербургѣ, назначенный губернаторомъ Приморской области, контръ-адмиралъ Кроунъ, условился со мною, для обоарѣнія Приморской области, съѣхаться во Владивостокъ въ началѣ іюня. Къ этому періоду ожидалось, согласно распоряженію морскаго министерства, особое судно, находившееся въ водахъ Тихаго океана. Занятый мыслью объ устройствѣ работъ ссыльно-каторжныхъ, я избралъ путь на Амуръ чрезъ Кругобайкальскую дорогу, бывшую единственнымъ путемъ сообщенія съ крайнимъ Востокомъ въ весеннюю распутицу. Байкалъ еще не

расходился, да и онъ такъ капризенъ, что, ввѣряясь его волнамъ, не знаешь, когда пристанешь къ желанному берегу. Окружная дорога шла частью по сторонамъ озера, по подошвамъ горъ, а то и по ихъ вершинамъ. Дорога исправлялась инородцами, собираемыми за тридцать и болѣе верстъ. Стоки дождевой воды съ сосѣднихъ возвышенностей портили постоянно проѣздной путь. Была весьма затруднительна переправа черезъ прорву Байкала, образовавшую озеро Соръ.

Инородцы, толпившіеся на станціяхъ при проѣздѣ моемъ, жаловались, что починка дороги для нихъ чрезвычайно обременительна, особенно въ полевые работы. Я приказалъ тайшамъ на первомъ сугланѣ ¹⁾ составить добровольно приговоры о томъ, что инородцы могутъ вносить ежегодно на содержаніе Кругобайкальской дороги, если ихъ избавить отъ ея исправленія. Я имѣлъ въ виду на эти деньги устроить небольшіе остроги, въ видѣ шоссейныхъ домовъ, и содержать въ нихъ каторжныхъ арестантовъ для постояннаго исправленія пути подъ надзоромъ техниковъ. Самую дорогу я предполагалъ укрѣпить такъ, чтобы она могла впослѣдствіи служить основаніемъ для задуманной мною дороги желѣзной отъ Иркутска до Срѣтенска, стоящаго на рѣкѣ Шилкѣ, одного изъ притоковъ верхняго Амура.

Я надѣялся, что капиталы на великую дорогу найдутся, какъ они находились во время моего управленія внутренними губерніями Россіи на созиданіе храмовъ Божіихъ, богоугодныхъ и учебныхъ заведеній, театровъ и проч.

Слѣдуя далѣе по Забайкальской области, я остановился для перемѣны лошадей, въ праздничный день, въ большомъ торговомъ селѣ Кабанскомъ. Здѣсь меня встрѣтили обычныя жалобы народа на темные поборы и чиновничьи притѣсненія. Кругомъ меня царила грустная картина. Обиліе питейныхъ домовъ, переломанные мосты, сломанныя перила и тумбы, сіяющія лица сыновъ Израиля ясно говорили мнѣ о ничего-недѣланіи мѣстной администраціи, объ отсутствіи высшаго надъ нею надзора. Я думалъ: если бы господа покровители еврейской виноторговли взглянули разумно на видѣнные мною печальныя явленія, они убѣдились бы, какъ вредно ложится на народъ безучастное отношеніе къ нему учрежденій, созданныхъ не къ поголовному спаиванію людей, а для поддержанія ихъ здоровья и необходимыхъ силъ въ обыденныхъ работахъ.

Городъ Верхнеудинскъ, принадлежащій къ Забайкальской области, довольно хорошо устроенъ. Онъ составляетъ торговый центръ всего Забайкалья. Въ немъ бываютъ ярмарки. Есть въ немъ китайскія лавки, въ которыхъ, однако, товаровъ я нашелъ немного.

¹⁾ Сугланъ—сходка.

Лавки, какъ оказалось по дознанію, составляли притоны тайной торговли хищническимъ золотомъ, отправляемымъ въ Китай.

Квартировавшую въ городѣ артиллерійскую батарею, со школою при ней, я нашелъ въ отличномъ порядкѣ; помѣщенія тюрьмы и этапной команды были отвратительны. Въ областныхъ управленіяхъ я усмотрѣлъ медленность и неправильное производство дѣлъ. Мнѣ было подано нѣсколько жалобъ на обиды дѣйствіемъ чиновниками и купеческими лицами, совершенныя въ минуты покоекъ. Этими жалобами рельефно опредѣлялось и нравственное настроеніе забайкальскихъ обитателей, принадлежащихъ къ высшимъ классамъ общества. Я приказалъ составить реестры скандальнымъ прошеніямъ съ тѣмъ, чтобы къ моему обратному проѣзду кляузныя дѣла были покончены, и мнѣ представленъ о нихъ отчетъ.

Въ одномъ бурятскомъ селеніи ко мнѣ вышло навстрѣчу ламайское духовенство въ торжественныхъ одеждахъ, собравшееся изъ разныхъ округовъ. Оно поднесло мнѣ, по азиатскому обычаю, подарки и пригласило къ себѣ въ аулы. Считаю излишнимъ объяснять здѣсь подробности житья симпатичныхъ инородцевъ, но не могу умолчать, что, посѣтивъ нѣсколько юртъ, молельню, поля и стада, я пришелъ къ заключенію, что буряты живутъ хорошо. Отдавъ ихъ начальниковъ¹⁾, я объяснилъ, что меня радуетъ устройство бурятскаго хозяйства, но что было бы полезно для нихъ, если бы они исподоволь переходили къ осѣдлой жизни. Старики отвѣчали, что они съ охотою стали бы строить жилища, если бы ихъ не тѣснили поборы. На одно училище въ г. Читѣ они внесли до семидесяти тысячъ рублей и дали заимообразно десять тысячъ пудовъ хлѣба. Училище не существуетъ; взысканія на починку дорогъ и постройку мостовъ дѣлаются ежегодно тысячами рублей.

Еще не доѣзжая г. Читы, меня уже на станціяхъ осаждали городскіе жители съ жалобами на полицію и на начальство, прикрывающее ея противозаконныя дѣйствія. Въ самой Читѣ меня ожидала телеграмма съ просьбою поспѣшить пріѣздомъ въ Нерчинскъ, куда до упадка полои воды будетъ присланъ за мною пароходъ. Вслѣдствіе этого неожиданнаго событія я осмотрѣлъ въ Читѣ только присутственныя мѣста, которыя нашелъ въ неописуемомъ хаосѣ.

Приказавъ управляющему губерніею, за отсутствіемъ губернатора генерала Дитмара, приготовить къ моему возвращенію объясненія по опущенію дѣлъ, а въ особенности о сборахъ на училище и исправленіе дорогъ, я направился къ городу Нерчинску. Здѣсь капитанъ парохода, назначеннаго для моего плаванія, объявилъ,

¹⁾ Для инородцевъ высылались генералъ-губернатору Восточной Сибири подарки изъ кабинета его величества.

что вода убываетъ, и что необходимо выйти на другой день съ разсвѣтомъ.

Городъ Срѣтенскъ, отъ котораго рѣка Шилка дѣлается судоходною, составляетъ складочный пунктъ для казенныхъ и частныхъ грузовъ. Они спускаются въ Амурскую и Приморскую области съ открытіемъ весенней навигаціи. Сухопутное сообщеніе съ Амуромъ было возможно только зимою по льду. Устройство береговой дороги, о которой были сдѣланы розысканія еще до моего генераль-губернаторства, я предположилъ произвести каторжными арестантами.

Въ Срѣтенскѣ меня возмутило излишество питейныхъ домовъ и коммерческое направленіе чиновниковъ, завѣдывавшихъ постройками баржъ и плотовъ для сплава казеннаго имущества.

Близъ рѣки Шилки находятся извѣстные Карійскіе золотые промыслы кабинета его величества, разрабатываемые каторжными арестантами. Начальникъ промысловъ, горный инженеръ Герасимовъ, былъ доволенъ людьми, въ особенности отдѣленіемъ исправляющихся, работавшихъ безъ конвоя и получавшихъ сдѣльную плату. Это обстоятельство подало и мнѣ надежду съ каторжными на успѣхъ золотоносныхъ работъ, предпринятыхъ мною.

При слияніи Шилки и Аргуни, возбуждающихъ споръ, которой изъ названныхъ рѣкъ принадлежитъ истокъ Амура, начинается Амурская область. Она стоила правительству огромныхъ издержекъ. Область своимъ устройствомъ подѣйствовала неблагопріятно на все Забайкалье и простерла вліяніе даже на Иркутскую губернію. Въ послѣдней живы были еще воспоминанія о чрезмѣрныхъ затрудненіяхъ при перевозкѣ на страхъ китайцамъ крѣпостныхъ чугуновыхъ орудій, не сдѣлавшихъ ни одного выстрѣла и покоящихся въ назиданіе потомству на берегахъ Амура. Другія вынесенныя сибиряками повинности, а также гибель отъ голода людей почти двухъ баталіоновъ, отправленныхъ для завоеванія Амура, живутъ и доселѣ въ памяти восточной окраины.

Пріамурское населеніе образовалось частью изъ казаковъ Забайкальской области, насильственно отчужденныхъ отъ своихъ гнѣздъ, и изъ женатыхъ штрафованныхъ нижнихъ чиновъ, присланныхъ изъ внутреннихъ гарнизонныхъ баталіоновъ Европейской Россіи. Благодаря Бога, вредный элементъ въ мое время значительно уменьшился. Среди амурскихъ казаковъ хотя слышались жалобы на неудобства земли, отдаленность полей и пастбищъ, на опасности отъ наводненій, но не было видно безысходной бѣдности. Вольные крестьяне, переселившіеся на Амуръ нѣсколько лѣтъ назадъ изъ Воронежской губерніи и избравшіе сами мѣста для поселенія, объяснили, что имъ жить хорошо и привольно, что они обстроились, уплатили сдѣланную имъ ссуду и продаютъ избытки хлѣба на золотые промыслы.

Конечно, при экстренномъ заселеніи края на счетъ казны тре-

бывалось наблюдение начальства за устройством переселенцев, но наблюдение не должно было переходить в постоянную опеку с выдачею ежегодно нуждающимся пособий из восьмидесяти пяти тысяч рублей, отпускавшихся правительством. Такая выдача приучила казаков существовать на казенный счет, без приложения к жизни собственного труда. Другая важная ошибка при заселении Амурской и Уссурийской областей состояла в том, что при постройке станиц по берегам реки преимущественно наблюдалось равенство расстояний, а не хозяйственные удобства селящихся. Вследствие сказанного половодье 1872 года снесло несколько станиц с имуществом, хлебом и скотом. Для устройства потерпевших потребовалась особенная крупная помощь. Тогда же я предписал местным властям о предоставлении казакам права строиться в своих районах по их выбору на местах удобных для них и безопасных от наводнений. На берегах реки, по их возвышенностям, остались лишь необходимые станции.

Амурское казачье войско со времени своего формирования не было собираемо для фронтowych занятий. Я распорядился собрать для осмотра лишь три части войск, и то с тем, чтобы его сбор не мешал полевым работам и не подвергал казаков длинным переходам. Конечно, при упомянутых обстоятельствах фронтное образование амурцев было ниже всякой критики. Люди не знали даже начальных правил стойки и маршировки. О ружейных приемах нечего было и возбуждать вопроса. Между тем в станицах, заселенных охотниками на зверей, цѣльная стрельба отличалась мѣткостью.

Польза войск на дальних окраинах империи, организованных из местных жителей, понятна сама собою. Это сила, защищающая и государство, и родной кров. Но на Амурѣ, и особенно на Уссури, она парализовалась тем, что казаки, выселенные против желанія из Забайкалья, никогда не могли забыть родимыя мѣста, повторяя при каждом удобном случаѣ просьбы о переселении ихъ обратно. Да и что могло сдѣлать войско, почти не дисциплинированное, разбросанное ничтожными частями на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ верстъ?

Отстроивавшійся на берегу реки Амура областной городъ Благовѣщенскъ могъ бы подать надежду на скорое процвѣтаніе, если бы мѣстность для него была избрана болѣе удобная. Я нашелъ пристань размытою половодьемъ, а часть домовъ затопленными. Лазаретъ, управленія, больницы были уже устроены и содержались щеголевато.

Замѣчательно, что при проѣздѣ моемъ Амурской области прошеній и жалобъ не подавалось. По всему было видно, что губернаторъ, генералъ-маіоръ Педашенко, былъ дѣятель энергичный, съ любовью и толкомъ занимавшій свою должность.

Оставлявшій постъ губернатора Приморской области, въ ожиданіи своего преемника Кроуна, контръ-адмиралъ Фурургельмъ встрѣтилъ меня въ селеніи Камень-Рыболовъ. Я проѣхалъ прямо на станцію «Козакевичъ», стоящую на рѣкѣ Уссури. Здѣсь уже находился начальникъ штаба войскъ области полковникъ Барановъ¹⁾. Онъ объяснилъ, что, по случаю падежа скота въ приморской мѣстности и Корей, войска остаются безъ мяса. Я въ тотъ же часъ сдѣлалъ распоряженіе по телеграфу, чтобы потребное количество скота было немедленно закуплено въ Забайкальской и Амурской областяхъ и доставлено въ Хабаровку на плотахъ и баржахъ.

Плаваніе по Уссури противъ теченія съ сильнымъ разливомъ рѣки, затопившимъ нѣсколько станицъ, производило грустное и однообразное впечатлѣніе. Я разрѣшилъ казакамъ переселяться на мѣста болѣе удобныя для хозяйства, но съ разрѣшенія начальства и своими средствами. Изъ рѣки Уссури мы вошли въ рѣку Сунгачъ, вытекающую изъ озера Ханко. По берегамъ Сунгача уже открываются богатства южной природы и животнаго царства. Нерѣдко виднѣлись стада дикихъ козъ и слѣды хищныхъ звѣрей. Живописная рѣка изобилуетъ красною вкусною рыбою и громадной величины черепахами. Сунгачъ, къ несчастью, неудобенъ для плаванія, какъ и озеро Ханко. Для соединенія послѣдняго съ Владивостокомъ, я предположилъ устроить колесную дорогу отъ поста № 3 на рѣкѣ Сунгачѣ до поста Встрѣчнаго, на срединѣ дороги отъ Камня-Рыболова къ с. Никольскому. Для осуществленія этого плана я поручилъ развѣдочной комиссіи, находившейся въ Уссурійскомъ краѣ, прослѣдить всю намѣченную линію. Впослѣдствіи я получилъ донесеніе, что разработка пути хотя и затруднительна по болотистому грунту, но возможна.

Имѣя въ виду свѣдѣнія, что хозяйственная часть въ войскахъ Приморской области вообще находится не въ надлежащемъ порядкѣ, я подробно спрашивалъ отдѣльныхъ начальниковъ о способахъ довольствія войскъ какъ пищею, такъ и вещами. На мои вопросы командиръ уссурійской казачьей сотни, между прочимъ, доложилъ отрядное свѣдѣніе. Сотня хозяйничала на коммерческомъ правѣ и практиковала покупку хлѣба и фуража у русскихъ крестьянъ въ с. Камень-Рыболовъ. Окрестности дороги къ селу Никольскому представляютъ плодородныя равнины, окаймленныя красивыми возвышенностями. Изрѣдка около одинокихъ станцій мелькали пахатныя поля, которыя, съ приближеніемъ къ селенію, раскидывались въ обширныя пространства, пріятныя для глаза. Здѣсь деревни возникли по окончаніи послѣдняго разгрома края манзами, вышедшими изъ Китая. Впослѣдствіи это дикое племя

---

¹⁾ Впослѣдствіи военный губернаторъ Приморской и Амурской областей.

довольно мирно стало жить съ нашими приморскими поселенцами. Къ обрусенію оно, кажется, совершенно неспособно.

Изъ села Никольскаго мнѣ пришлось ѣхать во Владивостокъ сначала на колесахъ, потомъ на пароходѣ по рѣкѣ Суифуну. Послѣ двухъ остановокъ, сдѣланныхъ для осмотра постовыхъ командъ, найденныхъ не въ удовлетворительномъ состояніи, мы вошли въ заливъ Петра Великаго. Здѣсь стояла паровая шкуна «Востокъ», доставившая меня во Владивостокскую гавань. Во Владивостокѣ меня ожидала телеграмма контръ-адмирала Кроуна. Онъ задержанъ въ Петербургѣ и ранѣе августа на Амуръ не общалъ пріѣхать. О морскомъ суднѣ, обѣщанномъ мнѣ для плаванія, телеграмма ничего не упоминала. Такимъ образомъ, я лишился возможности достигнуть крайней цѣли своихъ желаній: посѣтить островъ Сахалинъ, почти незнакомый въ началѣ семидесятыхъ годовъ русскому человѣку.

Владивостокъ только что начиналъ устроиваться. Онъ стоитъ при обширной и красивой гавани и, конечно, имѣетъ богатую будущность какъ военную, такъ и торговую.

Для осмотра жилищъ корейцевъ, перешедшихъ на нашу территорию, мнѣ пришлось отправиться на той же шкунѣ «Востокъ» къ заливу Посьета. Здѣсь уже существовало русское поселеніе, вмѣщавшее въ себѣ провіантскіе склады и казармы 1-го восточно-сибирскаго баталіона. Не было только Божьяго храма, но его воздвигнуть мнѣ вполнѣ удалось, благодаря пожертвованнымъ почетнымъ гражданиномъ Нѣмчиновымъ семи тысячамъ пяти стамъ рублей. Деньги вручены были мнѣ имъ лично для постройки церкви на берегу залива Посьета. Корейская деревня Кизенхе расположена близъ границы, отдѣляющей Сибирь отъ Кореи. Кругомъ ея зелѣнетъ плодоносная и обширная равнина. Причиною появленія на нашей землѣ корейцевъ были слѣдующія обстоятельства. Съ присоединеніемъ Приморскаго края къ Россіи остались въ нашихъ предѣлахъ небольшія селенія корейцевъ. Одаренные смысленностью, послѣдніе скоро поняли, что нашему правительству дороги поселки туземцевъ въ пустынной мѣстности, и что новымъ поселенцамъ дѣлаются льготы въ платежѣ податей. Вслѣдствіе сказаннаго, перебѣжчики изъ Кореи стали увеличиваться. Окружной начальникъ, маіоръ Демидовъ, много способствовалъ къ устройству корейцевъ.

Еще въ 1867 году, вслѣдствіе неурожая въ Корей, намъ пришлось продовольствовать казеннымъ хлѣбомъ немалое количество перебѣжчиковъ, искавшихъ у насъ помощи и пріюта. Корейцы представляютъ собою вообще народъ добрый и трудолюбивый. Въ нашихъ предѣлахъ они начали принимать православіе и заниматься хлѣбопашествомъ. Дома они питались морскою капустою и будою¹⁾, изъ которой изготовляли себѣ хлѣбъ. Къ хлѣбу этому

¹⁾ Мука изъ рису.

наши войска никакъ не могли привыкнуть. Опасаясь, что дальнѣйшее эмигрированіе къ намъ корейцевъ можетъ дойти до такихъ значительныхъ массъ, что затруднить ихъ продовольствіе и поведетъ къ международнымъ недоразумѣніямъ, я вынужденъ былъ сдѣлать распоряженіе, чтобы прибывающихъ корейцевъ отправлять въ Амурскій край и поселять на удобныя свободныя земли. Въ 1871 году направлено къ Благовѣщенску около ста корейскихъ семействъ. Они были устроены по берегу рѣки Зеи. Поселокъ ихъ названъ Благословеннымъ, и въ немъ скоро явилась церковь во имя святаго великаго князя Александра Невского.

По возвращеніи въ портъ Посееть, я обратился съ вопросомъ къ капитану шкуны «Востокъ» Волчанскому: можетъ ли идти шкуна на островъ Сахалинъ? Получивъ утвердительный отвѣтъ въ присутствіи контръ-адмирала Фурургельма, я рѣшился посѣтить островъ вмѣстѣ съ адмираломъ.

Мы вышли въ море рано утромъ, при довольно свѣжемъ попутномъ вѣтрѣ. День былъ ясный. Мы неслись на всѣхъ парусахъ съ отрадною надеждою скоро увидать берегъ завѣтнаго острова. Насталъ часъ обѣда. Мы только что усѣлись за столъ въ каютѣ, какъ услышали команду: убирай паруса! Первымъ выскочилъ изъ-за стола капитанъ, за нимъ Фурургельмъ, а потомъ я. Налетѣвшій шквалъ въ одно мгновеніе сломалъ реи на гротъ-мачтѣ. Паруса рвались въ клочки; качка стала ужасная. Капитанъ Волчанскій доложилъ мнѣ, что необходимо зайти въ ближайшій портъ «Находку» для исправленія поврежденій, и что онъ не можетъ ручаться за успѣшное плаваніе на пострадавшемъ суднѣ.

Еще предъ отъѣздомъ моимъ изъ Иркутска я получилъ отношеніе отъ предсѣдателя департамента удѣловъ, графа Стенбока, съ просьбою осмотрѣть «Находку» и увѣдомить его о томъ, въ какомъ видѣ она мною найдется. Въ тотъ же день вечеромъ мы стали на якорь въ заливѣ «Находка».

Теперь я изложу интересную исторію возникновенія «Находки».

Вотъ что писалъ, между прочимъ, въ 1865 году генераль-губернаторъ Восточной Сибири къ предсѣдателю департамента удѣловъ:

«Съ пріобрѣтеніемъ Амурскаго края, Россія пріобрѣла не одинъ лишь путь по Амуру къ берегамъ Восточнаго океана, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и цѣлую страну, полную задатковъ самой блестящей будущности. Не указывая на минеральныя богатства и на блестящія условія, въ которыхъ находится край по отношенію къ всемірнымъ торговымъ интересамъ на Восточномъ океанѣ, не трудно предвидѣть, что въ недалекомъ будущемъ Амурскому краю суждено занять важное мѣсто въ торговомъ и промышленномъ значеніи Россіи».

Полагая, что пріобрѣтеніе въ удѣльное вѣдомство земель въ Амурскомъ краѣ послужило бы столько же на пользу удѣловъ,

сколько и на пользу самага края, генераль Корсаковъ предлагалъ управленію удѣловъ войти по этому предмету въ сношенія съ нимъ сколь можно заблаговременнѣе.

Вслѣдствіе приведеннаго заявленія, такъ много обѣщавшаго въ недалекомъ будущемъ, по высочайшему повелѣнію 20-го ноября, 1865 года, для выбора удѣльному вѣдомству земель былъ командированъ братъ приморскаго губернатора, статскій совѣтникъ Фурургельмъ. Ему было выдано на расходы до двадцати тысячъ рублей. Въ составъ экспедиціи вошли два офицера корпуса топографовъ, лѣсничій и девять казаковъ съ урядникомъ.

Фурургельмомъ были выбраны Русскій островъ, Сучанская долина съ побережьемъ устья рѣки Сучана, часть западнаго берега залива Находка и часть восточной бухты Америка.

Для завѣдыванія означенными землями былъ назначенъ управляющимъ Фурургельмъ. Онъ получилъ право дѣйствовать независимо отъ мѣстнаго областнаго начальства. Ему ассигновано изъ удѣльныхъ суммъ на единовременные и штатные расходы сто двадцать тысячъ рублей. Въ видахъ безопасности удѣльной факторіи учрежденъ былъ въ гавани Находка постоянный военный постъ изъ тридцати нижнихъ чиновъ при офицерѣ.

6-го апрѣля, 1871 года, управляющій удѣльными землями Фурургельмъ умеръ, и управление Находкой было поручено до особаго распоряженія чиновникамъ факторіи: секретарю Крюкову, землемѣру Шишкину и доктору Кунце. Въ томъ же году мнѣ суждено было выяснитъ настоящее положеніе Находки.

Прибрежье, избранное для факторіи, живописно. Кромѣ довольно красивыхъ домовъ, устроенныхъ для служащихъ управленія и постовой команды, виднѣлись на другой сторонѣ бухты частные дома китолововъ, едва ли не бывшіе поводомъ избранія мѣста для водворенія «всемірной торговли».

Меня встрѣтили двое изъ трехъ управляющихъ. Докторъ былъ въ отсутствіи. Изъ хозяйственныхъ построекъ бросался въ глаза большой желѣзный сарай, выписанный изъ Америки. Въ немъ я нашелъ значительный складъ мебели, посуды, матерій, обуви, словомъ, цѣлый магазинъ самыхъ разнообразныхъ потребностей жизни. Все это, какъ оказалось, было куплено для продажи будущему населенію, и все портилось подъ желѣзною крышею отъ жара лѣтомъ и холода зимою. Обувь рвалась въ рукахъ безъ особенныхъ усилій. Не вдалекѣ отъ желѣзнаго строился изъ камня сарай для храненія продуктовъ. Здѣсь работали по контракту китайцы, получавшіе каждый около 15 рублей въ мѣсяцъ. Между тѣмъ, факторію обременяли праздные люди, которые принадлежали къ партіямъ, привезеннымъ на пороходахъ для устройства «Находки». Люди оказались неспособными ни къ какимъ работамъ, но продовольствовались отъ казны. Поселено въ факторіи было до 20-ти

русскихъ семействъ. Для осмотра ихъ жилищъ мнѣ пришлось ѣхать нѣсколько верстъ на рѣчномъ пароходѣ, съ испорченною машиною. Семейства лишь начинали устроиваться. По денежнымъ книгамъ никакого мѣстнаго прихода въ факторіи не значилось и въ виду не имѣлось. Безцѣльная трата денегъ на сараи и прочее прикрывалась волею покойнаго Фуругельма. Находившійся со мною контръ-адмиралъ Фуругельмъ заявилъ, что, по слухамъ, въ окрестностяхъ «Находки» и на островѣ Аскольдѣ китайцы добывали золото.

Если такіе слухи имѣли фактическія основанія, то что же дѣлалъ управляющій «Находкою» въ теченіе шести лѣтъ завѣдыванія ею? Почему онъ ничего не доносилъ о такомъ важномъ открытіи департаменту удѣловъ. Почему самъ не предпринималъ ничего для изслѣдованія ходившихъ слуховъ? Отчего самъ не производилъ земляныхъ разслѣдованій? Вѣдь, золото, по заявленію мѣстныхъ чиновниковъ, находилось въ окрестностяхъ «Находки», принадлежавшихъ къ факторіи. Сообразивъ все сказанное и полагая, что искомое золото близъ «Находки» можетъ послужить лишь къ новымъ безплоднымъ затратамъ со стороны удѣловъ, я откровенно написалъ графу Стенбоку, что считаю за полезное передать «Находку» изъ удѣльнаго вѣдомства въ непосредственное вѣдѣніе правительства.

Въ ноябрѣ 1871 года министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ меня, что по высочайшему повелѣнію опредѣлено передать островъ Русскій и всѣ земли, отведенныя удѣльному вѣдомству въ Приморской области, въ государственное владѣніе. Вотъ одна изъ печальныхъ исторій нашего торопливаго недоразумѣлаго устройства далекихъ окраинъ на Восточномъ океанѣ и нашей погони за какой-то миеической всемірной торговлей.

На другой день мы пришли вновь въ заливъ Петра Великаго, гдѣ пересѣли на рѣчной пароходъ, и пошли обратно по рѣкѣ Суйфуну. Для изслѣдованія возможности проведенія колеснаго пути чрезъ горные хребты къ Владивостоку, я прошелъ нѣсколько верстъ пѣшкомъ по разрабатываемой дорогѣ и убѣдился, что она требуетъ большихъ издержекъ.

Путешествіе наше отъ села Никольскаго до озера Ханко было весьма затруднительно. Неперестававшій дождь распустилъ дорогу по низменнымъ мѣстамъ. Я и адмиралъ Фуругельмъ сѣли на пароходъ въ Ханко измученные и отправились до Хабаровки.

Упомянутая станица расположена при слияніи двухъ широкихъ рѣкъ Амура и Усури. Ея мѣстоположеніе красиво, и берега гористы. Природа роскошна, разнообразна и составляетъ странную смѣсь сѣверныхъ представителей съ обитателями тропиковъ. Хабаровку водный путь соединяетъ съ Владивостокомъ, Николаевскимъ и Забайкальемъ. Все это общаетъ Хабаровкѣ широкую бу-

дущность, какъ административную, такъ и торговую. Я въ ней разстался съ бывшимъ губернаторомъ Приморской области Фурургельмомъ, объявивъ ему, что для повѣрки расчетовъ областного штаба съ войсками по продовольствію я командирую генерала Черкесова, вызваннаго мною въ Благовѣщенскъ.

Неудача моего плаванія на Сахалинъ и медленность обратнаго плаванія по Амуру противъ теченія разстроили мои силы. Я не могъ выходить на берегъ и съ трудомъ занимался дѣлами. Въ благовѣщенскѣ я провелъ день и далъ предписаніе генералу Черкесову отправиться въ Николаевскъ для обревизованія военныхъ управленій Приморской области. Ревизія подтвердила областныя безпорядки, объясненные въ моемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1871-й годъ.

Не доѣзжая нѣсколько до Срѣтенска, я остановился въ Александровскомъ заводѣ, въ которомъ находились государственные преступники, и въ числѣ ихъ извѣстный Чернышевскій.

Я нашель у воротъ дома, гдѣ онъ содержался съ товарищами, одного часового. Часть забора, огораживающаго дворъ, повалилась. Комендантъ, полковникъ Кноблохъ, объяснилъ мнѣ, что исправленіе забора относится къ обязанностямъ исправника, которому онъ писалъ, но отвѣта не получалъ.

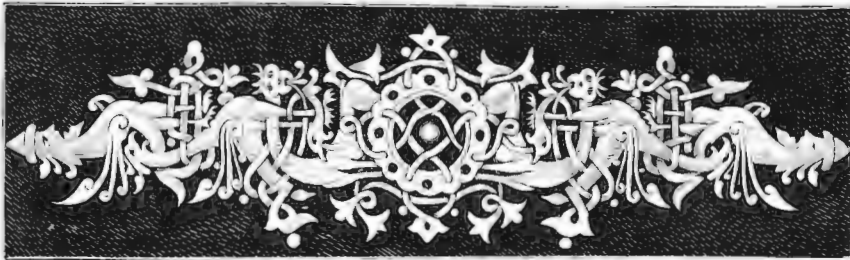
Меня страшно поразили слова коменданта и его безпечность къ своему служебному долгу. Онъ немедленно былъ мною отрѣшенъ отъ мѣста.

Далѣе я уже безпрепятственно продолжалъ свой путь къ Иркутску. Все видѣнное и слышанное въ продолжительномъ путешествіи, тянувшемся слишкомъ два мѣсяца, глубоко во мнѣ засѣло. Тяжело было на сердцѣ отъ впечатлѣній. Велики богатства дальней Сибири, но гдѣ тѣ талантливые дѣятели, гдѣ тѣ вѣрные, разумные царскіе слуги, которые воскресятъ отъ пробужденія спящія сокровища природы и водворятъ благоденствіе народовъ, врученныхъ имъ довѣріемъ своего монарха?

Н. П. Синельниковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КАТТИ И МАТТИ ¹⁾.

ОИ ОТЕЦЪ былъ священникомъ въ одномъ изъ корельскихъ сель, пріютившемся между двумя крутыми горами, на берегу каменной рѣчки.

Помню я свой старый домъ, нѣсколько покосившійся на бокъ, темный, угрюмый, какъ и вся окружавшая его хмурая природа. На самомъ задворкѣ росли ели и сосны, которыя едва можно было обхватить длинными мужицкими руками. Когда наступала дождливая осень, грязные ручейки стремглавъ бѣжали съ горъ и едва не смывали наше хилое жилище. А зимой по цѣлымъ мѣсяцамъ мы не видали солнышка; оно поднималось и опускалось на покой за горами, которыя, какъ ревнивыя жены, оберегали своего красиваго мужа отъ чужого глаза. Вьюги и метели зарывали наше жилище чуть не до крыши. Морозъ постукивалъ въ углы, пробуя ихъ крѣпость, и для забавы ребятишкамъ разрисовывалъ оконныя стекла причудливымъ, фантастическимъ узоромъ.

И помнится мнѣ, я былъ счастливъ въ этомъ старомъ, непривѣтливомъ домѣ,—счастливъ тѣмъ безсознательнымъ счастьемъ, которое испытываетъ мотылекъ въ весеннемъ утреннемъ воздухѣ, рыба въ водѣ и всякое живое существо въ своей родной стихіи.

Бѣлая церковь, окруженная березовой рощей и темными покосившимися кладбищенскими крестами, почему-то всегда давала мнѣ

¹⁾ Корельскія имена, равносильныя—Катерина и Матей.

поводъ уноситься мечтами далеко, далеко за предѣлы дѣйствительности. Мнѣ казалось, что Богъ именно избралъ мѣстомъ жительства нашу церковь: вѣдь въ ней такъ тихо, спокойно; желтыя свѣчи въ праздничные дни горять ровнымъ пламенемъ, и кадильный дымъ безъ всякихъ уклоненій тянется сизой, синеватой струйкой подъ самый куполь.

Гдѣ же можетъ быть лучше нашего? а особенно для Бога-старичка (такимъ мнѣ казался тогда Богъ-отецъ)... Ему нуженъ покой, а у насъ покоя не занимать стать. Во всю недѣлю отъ воскресенья и до воскресенья почти не услышишь на улицѣ человеческого голоса. Тихо; только ласточки почирикаваютъ, да мухи, радуясь солнышку, весело жужжать, ударяясь о церковныя стекла.

Тутъ рядышкомъ съ церковью почиваютъ въ землѣ покойнички, уставшіе отъ своихъ работъ, и чуть-чуть похрапываютъ подъ зелеными холмиками. Я часто прикладывалъ свое маленькое ухо къ могильной насыпи и каждый разъ явственно слышалъ ровное, спокойное дыханіе. И имъ, думалось мнѣ, навѣрное, также хорошо лежать въ сухой, песчаной земелькѣ, не заботясь ни о налогахъ, ни о податяхъ. Желтый песочекъ плотно обложилъ ихъ гробы и хорошо защитилъ ихъ отъ холода и дождя, и напраснаго гнѣва сельскихъ властей.

Всѣ крестьяне нашего прихода были знакомы мнѣ, и всѣхъ ихъ я зналъ по имени, по прозвищу, зналъ, гдѣ живутъ, въ какомъ домѣ, и близко къ сердцу принималъ всѣ ихъ интересы, и теперь, когда уже послѣ того прошло много, много лѣтъ, иногда, сидя зимнимъ вечеромъ, какъ и сегодня, вдругъ ни съ того ни съ сего возьметъ и всплыветъ въ памяти образъ давно забытаго, давно умершаго кореляка, и воспоминаніе, какъ большая птица, крѣпко ухватится клювомъ и когтями за мой мозгъ и совершенно заполнить на нѣсколько часовъ мое сознаніе.

Вотъ и сейчасъ припоминаются мнѣ двое изъ очень близкихъ мнѣ въ дѣтствѣ людей—наши бывшіе работникъ и работница.

Работника звали Матти, а работницу Катти. Онъ пахалъ пашню, рубилъ дрова и «обряжалъ» лошадей; а она—доила коровъ, мѣшала изъ сметаны масло, жала рожь и овесъ и ткала холсты. За обѣдомъ они сидѣли за однимъ столомъ, каждый на уголкѣ и ничего почти не говорили; она въ крашенинномъ синемъ платкѣ, въ коротенькой кофточкѣ, а онъ въ бѣлой рубахѣ и такихъ же портахъ, опоясавшись кожанымъ ремнемъ, съ кошелькомъ для огнива. Рѣдко когда они мирно бесѣдовали другъ съ другомъ, а больше работали молча, иногда только перекидываясь вздорнымъ, ругательнымъ словомъ.

— Дуракъ ты, рыба голова!

— Сама ты—трясогузка гнилохвостая, лѣсная сорока...

«истор. вѣстн.», июнь, 1895 г., т. I, к.

Отецъ и мать считали ихъ несходными по характеру, неуживчивыми и въ шутку называли ихъ: кошка и собака.

Она была высокая, стройная, какъ боровая сосенка, съ золотистыми волосами, синими глазами, узкимъ гладкимъ лбомъ и тонкими губами; а онъ коренастый, коротенькій, съ толстой красной шеей, рѣдкими бѣлыми зубами, широкимъ лицомъ и расщепленной, «шербатой»¹⁾ ноздрей. Его за это и прозвали—Матти Шербинъ. Она была красива національной корельской красотой, а онъ былъ добродушенъ и наивенъ, какъ дитя, и довѣрчивъ, какъ ребенокъ.

— Матти,—бывало скажетъ работница,—не слыхалъ ты?... вѣдь у старосты-то нашего куплена новомодная лошадь изъ Питера (а Петербургъ намъ вѣкъ казался тогда чѣмъ-то отдаленнымъ, гдѣ только тѣмъ и занимаются, что изобрѣтаютъ изумительныя штуки), которой если скормить фунтъ пряниковъ, она съ тобой заговоритъ, какъ человекъ; даже, пожалуй, лучше твоего... попистерски.

— Неужели?..—удивлялся Матти, моталъ своей толстой головой, раскрывалъ широкій ротъ и не разъ изумленно повторялъ:

— Тсс... вотъ такъ штука... вотъ такъ разъ... А отчего же наши лошади не говорятъ?..

— А оттого, что не учены... Не учи ребенка говорить, такъ и онъ не сумѣетъ ни слова вякнуть... А начни учить, такъ и птица заговоритъ...

— Это правда... это правду ты говоришь,—соглашался Матти,—птица можетъ говорить почеловѣчески. Я самъ слыхалъ, когда въ городѣ съ попомъ былъ, какъ птица разговаривала. Такая небольшая, желтенькая... сидитъ на окнѣ да каждаго прохожаго дуракомъ и обзоветъ: «Дуракъ, говорить, ты такой сякой... дуракъ»...

— Ну вотъ, то-то и есть; а не вѣришь еще мнѣ...

— Отчего не вѣрить?... вѣрить вѣрю, только такъ немножко посумлѣвался. А пойдитъ либо посмотришь, что тамъ такая за лошадь...

И Матти грузно приподнимался со скамьи, на которой сидѣлъ, копался въ штанахъ, розыскивая деньги на пряники, и шелъ къ старостѣ разговаривать съ его лошадю.

Обоихъ ихъ я любилъ и къ обоимъ имъ былъ привязанъ всѣми силами своего дѣтскаго сердца. Мои ручки не разъ обнимали толстую шею Матти и не разъ шаловливо теребили бѣлокурую косу Катти. Если бы тогда спросили: кого я больше люблю—родителей или нашихъ рабочихъ,—я, право, былъ бы поставленъ въ затрудненіе, не зная, кому отдать предпочтеніе.

Никто изъ насъ—ни родители, ни я—совершенно не ожидали того, чтобы когда нибудь эта постоянно почти вздорившая пара сошлась и когда нибудь составила супружескую чету.

¹⁾ «Шербатый».—рваный.

А на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности, вышло такъ: Матти, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, женился на Катти, и Катти согласилась выйти за него замужъ.

Отецъ мой такъ и развелъ руками, когда оба они какъ-то разлѣтнимъ вечеромъ, послѣ ужина, тихо прошли къ нему въ «бокoвую», гдѣ онъ сочинялъ проповѣди къ воскресенью, и, сбиваясь въ словахъ, изложили, какая причина заставила ихъ явиться къ нему безъ зова и при томъ въ неурочное время.

— Такъ вотъ что... Значить ты, Матти, жениться хочешь?.. На комъ же?.. Ужель на Катти?..

— Да, батюшка, буде конешно...—какъ-то заикаясь отвѣчалъ Матти и при этомъ сердито взглядывалъ на рядомъ стоявшую работницу.

— А ты, Катти, идешь что ли за него?..

— Иду, батюшка...—тихо, чуть-чуть пошевеливъ губами, промолвила Катти.

— Вотъ ужъ чего не ожидалъ!! Не вѣрится право...—изумился отецъ.—Да какъ это вы, когда снюхались-то?.. Все вздоръ да ссоръ, все бранятся, а вотъ на тебѣ: женимся-моль... Ишь секретники.. право, секретники... По любви, что ли?

— Не знаю, какъ она, а я по любви...

— И я по любви, по любовному согласію, батюшка...—второпяхъ, какъ бы боясь опоздать, вставила работница.

— Ну, что же... Если обоимъ любо, такъ другимъ и дѣла нѣтъ... Становитесь на колѣни передъ образомъ; сейчасъ вотъ и благословенъ сдѣлаемъ...

Скромно потомъ сыграли свадьбу нашихъ работниковъ. Не было на ней ни званыхъ гостей, ни танцевъ, ни шумныхъ угощеній.

Женихъ и невѣста скромно, взявшись за руки, прошли въ церковь, стали на кусокъ небѣленаго холста, зажгли тоненькія свѣчи изъ желтаго воску.

Утро, какъ сейчасъ помню, было лѣтнее, теплое, съ яснымъ небомъ и яркимъ солнышкомъ. Проснувшіяся птички весело чирикали, наполняя своимъ нестройнымъ хоромъ высокій куполъ деревенской церкви; лучи солнца проникали въ узенькія рѣшетчатые окна и, ударяясь о мѣдныя лампы и облупившіяся золоченныя рамы, разбѣгались бѣлыми «зайчиками» по потолку и полу.

Въ церкви было пусто, тихо и въ то же время необыкновенно торжественно.

Я стоялъ сзади за новобрачными, не вполне понимая своимъ дѣтскимъ умомъ, что происходитъ предъ моими глазами.

Теперь, когда все это припомнишь, становится какъ-то невольно смѣшно и въ то же время горько.

Что-то было крайне комическое, отдававшее анахронизмомъ, въ этихъ бѣлокурыхъ фигурахъ, одѣтыхъ въ простое крестьянское

платье: одинъ—въ сѣромъ кафтанѣ, а другая въ синемъ холщевомъ платьѣ, и въ то же время съ царскими вѣнцами на головахъ, на манеръ старыхъ византійскихъ царей.

«И ты, женише», читалъ мой отецъ по замаслившемуся требнику, «возвеличися, якоже Авраамъ, и благословися, якоже Исаакъ»... «И ты, невѣсто, возвеличися, яко же Сарра, возвеселися, яко же Ревекка, и умножися, яко же Рахиль»...

А молодые стояли навтыяжку, не шевелясь, чтобы не уронить высокихъ бронзовыхъ вѣнцовъ, и, вѣроятно, не понимали ни полслова изъ того, что имъ читалось и пѣлось...

Послѣ свадьбы Матти и Катти не захотѣли долѣе оставаться у насъ въ работникахъ...

— Да куда вы?.. Богъ съ вами...—говорила имъ мать... Живите да живите у насъ... какъ жили прежде... Сыты будете... А съ вашей аккуратностью можно кой-что и на черный день прикопить...

— Нѣтъ, матушка,—отвѣчали работникъ и работница,—не можемъ больше... Пора и своимъ хозяйствомъ пожить... Надоѣло ужъ въ чужихъ людяхъ все...

— Своимъ хозяйствомъ?... Вотъ еще новости-то... Да гдѣ же оно у васъ?..

— Заведемъ—дасть Богъ... Только бы здоровье было, да силъ хватило, такъ завести не долго... У насъ ужъ и мѣсто подъ домъ высмотрѣно... съ осени будемъ строиться...

— Ужъ высмотрѣно?.. вотъ такъ молчальники; все молчкомъ, все тихомолкомъ дѣлають... и ни слова вѣдь другимъ не скажутъ...

— Да чего напередъ зря болтать, прежде дѣла?..

Работники и въ самомъ дѣлѣ, оказывается, еще задолго раньше свадьбы высмотрѣли въ лѣсу подходящее мѣсто для жительства—на берегу небольшой ламби ¹⁾, обросшей густымъ еловымъ лѣсомъ, и здѣсь рѣшили поставить свою перть ²⁾.

«Здѣсь мы, на этомъ мѣстѣ, выстроимъ перть,—толковали они, входя при этомъ въ самыя мельчайшія хозяйственныя подробности,—на лицо сдѣлаемъ три окна, съ боку одно, а на сѣверной сторонѣ ни одного, чтобы не надуло во время зимнихъ вьюгъ и мятелей; печку поставимъ дымную (курную): она гдѣ-быть будетъ удобнѣе въ крестьянскомъ житѣ, —въ избѣ всегда будетъ сухо, и просохнетъ какая угодно сырая одежда... А тамъ, немного подалше, что виднѣется лединка ³⁾,—береза съ ольхой, тамъ, если сдѣлать пожогу, отличное будетъ поле для ржи и овса; а это болотце высушимъ, и у насъ будетъ расти сочная осока; своего сѣна хватить куда-угодно, лошадекъ на цѣлую зиму»...

¹⁾ Ламби—лѣсное озеро.

²⁾ Перть—изба.

³⁾ Лединка—мѣсто, поросшее листовнымъ лѣсомъ.

Какъ ни отговаривали ихъ мои родители, какъ ни убѣждали ихъ пожить еще у насъ, остаться еще хоть на годъ,—работники не соглашались...

— Смотрите,—говорила имъ моя мать,—на новомъ мѣстѣ жить очень трудно; случись въ первый же годъ неудача,—ударь ранніе морозы, или начнись проливные дожди, и пропадетъ вашъ годовой трудъ задаромъ, безъ всякой рѣшительно пользы... И будетъ только двумя нищими больше въ нашемъ приходѣ...

Но на нашихъ работниковъ не дѣйствовало ничто; ихъ нельзя было разубѣдить никакими словами; они упрямо стояли на своемъ: хотѣли самостоятельной жизни, хотѣли работать на себя, трудиться для своего дому.

— Ну, что же подѣлаешь?..—сказалъ въ заключеніе отецъ:—чужихъ людей не станешь удерживать силой... и выдалъ работникамъ полностью заработную плату.

Осенью они получили расчетъ, осенью же отошли отъ насъ, и на время, пока будетъ строиться «перти», поселились у сосѣда.

Матти каждый день утромъ рано съ топоромъ за поясомъ отправлялся къ «ламби», и слышно было, какъ, не покладая рукъ, онъ стучалъ тамъ топоромъ до самаго полудня. Онъ дѣлалъ срубы для своей новой «перти»: старательно ползалъ на колѣняхъ, на брюхѣ; сидѣлъ на бревнѣ, свѣсивъ по обѣимъ сторонамъ ноги, размѣривалъ отвѣсомъ и обчерчивалъ сажанной ниткой доски для крыши. Въ полдень Катти въ берестяномъ кузовкѣ приносила ему хлѣбъ и масло, вареный картофель съ «волнушками» и печеную рѣпу. Матти ѣлъ торопливо, любовно поглядывая на строившуюся перти.

— А смотри-ка, Катти,—говорилъ онъ женѣ,—стала-таки перти-то наша отъ земли выдѣляться... Черезъ недѣлку-другую, глядишь, и до оконъ доберусь...

— Пособи-то, Господи; хоть скорѣе въ свой домикъ перейдемъ на жительство... Надоѣло ужъ въ чужихъ людяхъ маяться.

— Такъ, три окна на лицо сдѣлать, Катти?..

Катти на мгновеніе задумывалась, перебирая въ умѣ всѣ выгоды той или иной постройки, и потомъ медленно, съ серьезностью философа, выговаривала:

— А, пожалуй, будетъ... сдѣлай три... три, три—не больше...

— А теплую пергиньку сдѣлаю я тебѣ,—продолжалъ Матти,—на потолокъ нанопу земли... Объ стѣны сдѣлаю завалины... Ужъ не бойся, не будетъ дуть... А этихъ стѣнъ,—говорилъ онъ, поглаживая бревна въ срубахъ,—на сто лѣтъ хватить, право не меньше...

— Не знаю только, какъ мы коровой-то раздобудемся...

— Купимъ весной... Правда, дороже будетъ стоять, за то нынѣшней зимой не будетъ съ ней возни... А то въ чужихъ людяхъ...

Матти поскорѣе оканчивалъ обѣдъ; снова брался за топоръ и долго потомъ, до самыхъ сумерекъ, пощелкивалъ имъ, пугая сту-

комъ стаи голодныхъ воронъ, напрасно искавшихъ по полямъ обретенныхъ колосьевъ.

Никакая погода не останавливала его... Дождь ли, ведро ли,— онъ каждый день аккуратно въ урочное время шелъ своею лѣнливою походкой, въ развалку, и начиналъ методически постукивать своимъ топоромъ, дѣйствовавшимъ безъ перерыва, какъ маятникъ большихъ часовъ. Всю осень и зиму онъ провозился съ постройкой. Къ Троицѣ было уже все готово. Небольшая перти красиво выглядывала изъ рощи и кокетливо смотрѣлась въ озеро, какъ нарядная дѣвушка въ зеркало. Рядомъ съ перти была поставлена конюшня для лошади и небольшой хлѣвъ для коровы. На самомъ берегу, почти до половины на водѣ, была выстроена баня съ большой каменкой, которая каждый разъ, когда накаливали ее до красна, фыркала и отплевывалась отъ брошенной на нее воды, какъ разсерженная кошка.

Помню, день былъ праздничный, ясный, когда мы—я и молодые супруги—справляли новоселье. Зеленѣющая рожь плавно колебалась своими еще пустыми колосками подъ легкимъ дуновениемъ вѣтерка. Кой-гдѣ по полю торчали черные обуглившіеся пни, свидѣтельствовашіе, что здѣсь примѣнялась подсѣчная система. Мы съ Матти сидѣли на скамейкѣ, которую онъ сколотилъ изъ досокъ и прибилъ къ одной изъ стѣнъ перти, и смотрѣли, какъ Катти справлялась съ коровой. Пестрая корова, съ мѣднымъ бубенчикомъ на шеѣ, послушно стояла, терпѣливо ожидая, когда изъ ея тяжелого вымени выжмутъ все молоко. А Матти, плотно набивъ табакомъ большую деревянную трубку, вырѣзанную изъ березоваго корня, спокойно курилъ, изрѣдка перекидываясь со мной короткими фразами, и далеко отплевывался сквозъ зубы. Во всей его короткой фигурѣ было столько благодушія и довольства, что, кажется, въ тѣ минуты не было на свѣтѣ другого человѣка счастливѣе его.

Широкое его лицо складывалось въ ту неопредѣленную, мало уловимую улыбку, которая свидѣтельствуетъ объ удовлетворенности и полномъ счастьи человѣка. Глаза суживались, смягчались, и даже рваная ноздря на время утрачивала свой обычный свирѣпый видъ и выдѣлялась чуть замѣтной розовой полоской.

— Ты иногда заходи къ намъ, не забывай, — говорилъ онъ мнѣ и съ откровенностью друга рассказывалъ о своихъ опасеніяхъ и будущихъ планахъ.

— Все бы хорошо, да только, видишь ты, мѣсто-то малость низковато. Чтобы морозомъ не прихватило... Ахъ, ужъ эти утренники!.. Сколько бѣды отъ нихъ въ нашемъ краю! вѣдь не перечесть... Ну, вся надежда на то: вотъ подожди, осушу болото, тогда и холода не такъ будутъ дѣйствовать... Только, братецъ, такую машину не сразу обломаешь... Ты, смотри, приходи, не забывай...

Потомъ Катти угощала меня парнымъ молокомъ; нарвала большой букетъ цвѣтовъ... И оба супруга занимали меня, какъ могли.

Вечеръ былъ тихій, теплый. Солнце большимъ краснымъ кругомъ закатывалось за озеромъ, бросая на прощанье большой пукъ огненныхъ лучей. Комары съ звонкимъ пѣніемъ кружились на берегу, выражая этимъ какъ бы сочувствіе нашей общей радости. Озеро задымилось туманомъ. Постепенно начинали надвигаться сумерки. Съ болота потянуло холодомъ и запахомъ плѣсени. Еловый лѣсъ, роспій въ сосѣдствѣ, тихо и таинственно шумѣлъ, какъ бы скрывая въ своей густой темной чащѣ все будущее, всю неизвѣстную судьбу нашихъ новопоселенцевъ.

Я уже поздно вечеромъ, въ сопровожденіи Матти, возвратился домой и долго еще потомъ сохранялъ въ памяти такъ весело отпразднованное новоселье нашихъ работника и работницы. Послѣ того я еще нѣсколько разъ навѣщалъ ихъ и каждый разъ выходилъ изъ ихъ домика веселый, довольный, зараженный тѣмъ счастьемъ, которымъ были проникнуты насквозь эти смѣлые новопоселенцы.

Но настала, наконецъ, страда и для меня. Меня въ ту же осень отвезли въ губернской городъ въ училище, посадили за парту и заставили долбить латинскіе вокабулы: timeo et tremeo. Городъ былъ далеко отъ нашего мѣстечка, и я пріѣзжалъ на каникулы очень рѣдко. Ни въ первое, ни во второе лѣто мнѣ не удалось ни разу навѣстить нашихъ работниковъ, и я даже сталъ забывать о нихъ.

И разъ только, не помню по какому случаю, спросилъ я у матери: «какъ еще поживаютъ Катти и Матти?».

— Плохо, очень плохо,—какъ-то поморщась, отвѣтила мать... Ребятишекъ у нихъ трое, Катти все недомогаетъ, и задолжали сильно...

Прошло нѣсколько лѣтъ... Я уже былъ студентомъ, носилъ усы, не брилъ бороды и цѣлыми днями въ каникулярное время бродилъ съ ружьемъ по лѣсу.

Однажды,—это было въ сѣрый осенній день, въ первыхъ числахъ сентября,—погода стояла съ утра скверная, дождливая; небо было сплошь затянуто темными, непроницаемыми облаками; мокрыя деревья гудѣли подъ напоромъ сѣвернаго вѣтра, и пожелтѣвшіе листья осины, какъ бы дрожа отъ холоду, жалобно дребезжали на своихъ длинныхъ стебелькахъ. Я шелъ по узенькой лѣсной тропинкѣ, протоптанной, Богъ вѣсть, когда въ какія времена нашими трудолюбивыми корелами. Грязная дорожка, пересѣкавшаяся старыми еловыми корнями и по мѣстамъ глухо журчащимъ ручейкомъ, вилась по сырому низкому болоту. Впереди бѣжала моя собака, печально опустивъ свой длинный подвижной хвостъ. Вдали слышался шумъ отъ ѣдущихъ дровней, повзвѣкивалъ маленькій

бубенчикъ лошади, и изрѣдка щелкала подкова, ударявшаяся о дорожный камень...

«Кто еще тамъ ползеть?»—подумалъ я...

Собака встрепенулась, побѣжала впередъ и вскорѣ скрылась за поворотомъ дороги; вдругъ она залаяла сначала отрывисто, а потомъ залилась сплошнымъ, продолжительнымъ лаемъ.

По дорогѣ плелась маленькая, рыженькая лошадка, запряженная въ дровни. На дровняхъ вдоль лежалъ какой-то длинный, узкій ящикъ, крѣпко перевязанный веревками и прикрѣпленный ими къ дровнямъ. Сзади за лошадю медленно шелъ мужикъ, въ сѣромъ кафтанѣ, въ берестяныхъ стоптанныхъ лаптяхъ и большой зимней, овчинной шапкѣ. Дождь мочилъ его кафтанъ, моросилъ въ лицо, и моя собака хватала его чуть ли не за лапотныя завязки, а мужиченко, не обращая вниманія, видимо, глубоко задумавшись, шелъ покачиваясь за дровнями. Я поровнялся съ нимъ... раскланялся, и изъ любопытства спросилъ: «кто онъ такой и что везетъ?»

— Я—Матти, съ рыбаго озера,—отвѣтилъ мужикъ.

— Матти?—вырвалось у меня... Вотъ не узналъ-то... Ну, пріятель, поздороваемся породственному... Развѣ не узнаешь ты меня? Я вѣдь поповичъ... Помнишь, еще новоселье вмѣстѣ справляли?

— Ахъ, вотъ ты кто такой...

Мужиченко немного оживился... Какъ-то сконфуженно протянулъ мнѣ свою мокрую, закорузлую руку и безъ всякой видимой нужды сталъ поправлять на головѣ свою намокшую большую шапку.

— Что это такое, Матти, ты везешь на дровняхъ?

— Жену... Катти везу на погостъ...

— Умерла она?

— Умерла прочь... и Матти махнулъ рукой въ сторону, какъ бы отъ чего отбиваясь.

Я сталъ разспрашивать его подробнѣе о житьѣ-бытьѣ и узналъ самую обычную по нашимъ мѣстамъ исторію... Утренніе заморозки, неурожай подрядъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, много ребятишекъ, жена сильно была больна... И теперь вотъ взяла да и умерла...

— Чѣмъ же она была больна?

— А Богъ ее знаетъ... Заболѣла съ той самой весны, когда болото начали осушать... Съ доброй воли стала чахнуть да чахнуть, да той болью и въ гробъ сошла... Теперь бы до кладбища дотащиться... скверная дорога... едва рыжка ползетъ... Ну, ты... уснула что ли?—окликнулъ онъ лошаденку, замедлившую было шагъ во время нашего разговора, и сильно хлестнулъ ее ремненнымъ кнутомъ. Лошаденка вздрогнула, наострила уши, махнула нѣсколько разъ жидкимъ хвостомъ и рванула дровни что есть силы. Гробъ нѣсколько покачнулся въ сторону на ослабшихъ веревкахъ, и внутри его раздался какой-то тупой, глухой ударъ о досчатую стѣнку.

Это, должно быть, голова бѣдной Катти билась о стѣны новаго жилья.

— Съ кѣмъ же ребятишки у тебя остались дома?—спросилъ я у Матти...

— А одни... Кого же еще имъ нужно? Старшему мальчику теперь скоро десять будетъ... Не глупый ужъ теперь.

Мнѣ почему-то вдругъ сильно захотѣлось посмотрѣть на его осиротѣлую семью,—посмотрѣть на тѣ мѣста, гдѣ когда-то справляли новоселье, гдѣ когда-то хозяйничала молодая, бойкая, веселая Катти...

— Послушай-ка... А какъ прямѣе пройти къ твоей перти?—спросилъ я у Матти...

— А развѣ ужъ забыли?

— Да, пожалуй, что и забылъ... вѣдь не шутка, столько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я былъ у васъ...

Матти ткнулъ рукой по направленію къ лѣсу... велѣлъ идти все прямо, прямо, пока не придетъ сосна, разбитая грозой; потомъ свернуть влѣво, а тутъ ужъ совсѣмъ недалеко и до его жилья, и съ того мѣста видна его перти.

Я скоро отыскалъ ее по его указаніямъ. Перти все была еще та же, въ которой когда-то все мы вмѣстѣ провели пріятный вечеръ. Но она сильно только измѣнилась, потемнѣла, подгнила снизу и въ дождливый день производила впечатлѣніе какой-то хижины, лѣсной избы, какія строятъ въ нашихъ мѣстахъ охотники въ лѣсу на случай ночевокъ. Рядомъ, за огородомъ, просунувъ морду межъ кольевъ, жалобно мычала тощая бѣлая корова; на крышѣ сидѣла большая лѣсная ворона, должно быть, уже почуявшая трупный запахъ. На той самой скамейкѣ, на которой когда-то, сидя съ Матти, мы любовались его молодой хозяйкой,—теперь лежала грязная соломенная постель, на ней, по всей вѣроятности, умерла покойница. Изъ дверей перти съ любопытствомъ и страхомъ выглядывали бѣлокурыя головки мальчиковъ, одѣтыхъ въ длинныя холщевыя рубахи. На окнѣ за тусклымъ стекломъ росъ какой-то чахлый цвѣтокъ, посаженный въ берестяной кузовокъ.

Мнѣ стало грустно, тоскливо до слезъ отъ всей этой печальной картины. Мнѣ жаль было этой преждевременной жертвы, такъ рано надорвавшейся въ непосильной борьбѣ съ нашей угрюмой сѣверной природой, — съ ея холодами, непогодами, неблагоприятной мачехо-почвой. Осматриваясь по сторонамъ, я какъ-то нечаянно остановилъ свой взглядъ на болотѣ, которое уже болѣе чѣмъ на половину было осушено; вдоль были прорыты глубокія прямыя каналы; между канавами на грядкахъ росла густая зеленая трава. Кой-гдѣ чернѣли большіе пни, вырытые изъ земли съ корнями. Корни были длинные, развѣсистые и издали казались руками, которыя протягивались, чтобы захватить жертву въ свои цѣпкія, крючковатыя пальцы.

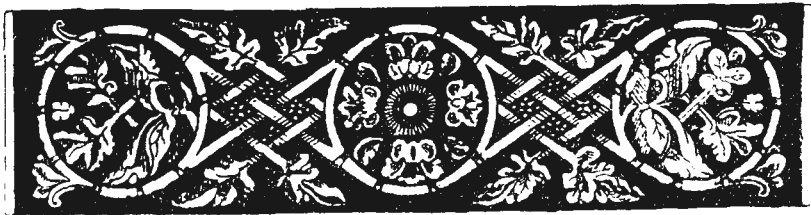
«Вотъ, — думалось мнѣ, — кто виновникъ смерти бѣдной, еще сравнительно молодой Катти. Это проклятое болото высосало изъ нея всѣ жизненные соки, выпило всю безъ остатка ея кровь, и до сихъ поръ еще остается неудовлетвореннымъ; еще протягиваетъ свои жадныя руки, еще требуетъ себѣ другихъ жертвъ, въ родѣ Катти. И когда только этому будетъ конецъ?!»...

Я чувствовалъ въ этотъ мигъ къ этому на половину расчищенному болоту ненависть, какъ бы къ живому существу, какъ къ человѣку, который сознательно, съ хорошо обдуманной напередъ цѣлью, дѣлаетъ звѣрство за звѣрствомъ, жестокость за жестокостью.

Давно схоронили Катти. По всей вѣроятности, теперь уже нѣтъ въ живыхъ и Матти, и на мѣстѣ ихъ живетъ и хозяйничаетъ молодое поколѣние — тѣ бѣлоголовые, синеглазые мальчишки, которые безъ штанишекъ когда-то выглядывали на меня съ любопытствомъ и страхомъ. И они также, по примѣру родителей, осушаютъ тамъ теперь болота, дѣлаютъ пожоги, распахиваютъ пашни. И они, поди, также мрутъ, какъ и ихъ родители... И странное дѣло... Въ сегодняшнюю ночь, когда вдругъ нахлынули на меня всѣ эти давнишнія воспоминанія, — мнѣ уже не жалъ этихъ преждевременныхъ мертвецовъ. Я не жалѣю ихъ, какъ жалѣлъ когда-то Катти, будучи юношей. Нѣтъ, — убѣдился я теперь, — они не лишнія, не нужныя жертвы слѣпой стихии и глупаго случая, не жертвы, а молчаливые, скромные герои, съ спокойствіемъ и постепенностью культивирующіе свой родной край. Они осушаютъ болота, проводятъ дороги, настилаютъ мосты, распахиваютъ пашни, измѣняютъ самый климатъ своей безпріютной родины и изъ малообитаемой дѣлаютъ ее жилой... Тамъ, гдѣ когда-то шумѣлъ и завывалъ густой еловый лѣсъ, теперь желтѣетъ спѣлая, золотистая рожь; гдѣ стояло мокрое, вѣчно сырое болото, теперь разстилается ровный, сѣнистый лугъ... И развѣ такое дѣло можетъ обойтись безъ жертвъ?.. Ктонибудь, если не Катти, такъ Матти, если не Матти, такъ ктонибудь изъ ихъ «сродниковъ» долженъ былъ посвятить себя этому тяжелому, но плодотворному дѣлу, пожертвовать собой ради него. И наши работники сдѣлали это скромно, беззавѣтно, даже сами не сознавая своего подвига...

Н. О. Лѣсковъ-Корельскій.

МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ ИЗОБРАЖЕНІИ ГРИБОѢДОВА И ГРАФА Л. ТОЛСТОГО.

НОГИЕ, безъ сомнѣнія, помнятъ, какое странное впечатлѣніе произвелъ двадцать слишкомъ лѣтъ назадъ романъ Достоевскаго «Подростокъ» одной изъ основныхъ идей своихъ: авторъ «Бѣдныхъ людей», защитникъ «Униженныхъ и оскорбленныхъ», русскій Гюго, какъ иные тогда называли его, горячо убѣжденный народникъ, въ этомъ романѣ неожиданно выступаетъ на защиту русскаго дворянства, какъ единственнаго носителя не только русской, но и европейской цивилизаціи. По мнѣнію Достоевскаго, у насъ «только одно дворянство выработало законченныя формы чести и долга». Созданный Достоевскимъ представитель этого дворянства, Версиловъ, оказывается носителемъ міровой идеи, высшимъ культурнымъ типомъ болѣнія за всѣхъ. Такихъ, какъ онъ, можетъ быть, всего тысяча во всей Россіи, которая только и существовала для того, чтобы произвести эту тысячу, и существовала не даромъ: благодаря Версиловымъ, она живетъ не для себя, а для общечеловѣческой идеи, а только это и есть настоящая жизнь.

Архивропеецъ Версиловъ въ то же время и совѣмъ русскій человекъ: его благодущіе, его умъ, его впечатлительность и его способность совмѣщать высочайшій идеаль съ величайшею подлостью, по убѣжденію автора, чисто русскія черты.

Въ этомъ взглядѣ Достоевскаго на всемірно-историческую роль русскаго дворянства много парадоксальнаго, но нельзя не признать въ немъ зерна глубокой правды.

Во всѣхъ другихъ странахъ Европы съ самаго начала XIX вѣка, и даже раньше, дворянство есть только сословіе, сословіе немногочисленное, болѣе или менѣе замкнутое и вовсе не передовое, а часто, напротивъ, враждебное прогрессу; у насъ же до середины XIX столѣтія дворянство есть единственный культурный слой, есть вся интеллигенція.

Гордиться этимъ, какъ добровольной заслугой, русское дворянство не имѣетъ основанія: иначе это и не могло быть. У насъ не было средняго сословія, а дворянство, классъ многочисленный и разнообразный по составу, включавшій въ себѣ почти всѣхъ служилыхъ людей, одно только и давало образованіе своимъ дѣтямъ, сперва въ силу необходимости, а потомъ добровольно. Если членъ другого сословія получалъ образованіе, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ приобреталъ права и переходилъ въ дворянство. Умственная жизнь и ея наиболѣе яркое выраженіе—литература у насъ были возможны почти исключительно въ дворянствѣ.

Приближаясь къ концу столѣтія, мы можемъ, я полагаю, отнестись съ исторической объективностью къ первой его половинѣ и безъ горькаго чувства признаться, что художественная производительность той половины сильнѣе, оригинальнѣй и совершеннѣй нашей. Я думаю, мы можемъ согласиться, что между серединою 20-хъ годовъ и концомъ 50-хъ заключается классическій періодъ русской литературы, соотвѣтствующій эпохѣ Гёте и Шиллера у нѣмцевъ. Это 35-тилѣтіе начинается первыми главами «Евгенія Онѣгина» и трагедіею «Борисъ Годуновъ», а заканчивается романомъ Тургенева «Отцы и Дѣти»¹⁾.

Этотъ классическій періодъ нашей литературы есть въ то же время періодъ попреимуществу дворянскій, не по тенденціи, конечно,—напротивъ: лучшіе люди изъ русскаго дворянства (а въ литературѣ выступали, безъ сомнѣнія, лучшіе люди), если проводили какую тенденцію, то именно архи-всесословную или анти-сословную, но по происхожденію и образованію дѣятелей и отчасти по предметамъ изображенія.

Въ Западной Европѣ какъ въ прошломъ, такъ и въ нынѣшнемъ столѣтіи почти всѣ выдающіеся дѣятели литературы выходятъ изъ средняго класса: въ Германіи и Англіи это дѣти пасторовъ, педагоговъ, медиковъ, юристовъ, книгопродавцевъ и ремесленниковъ; во Франціи и другихъ романскихъ странахъ—адвокатовъ,

¹⁾ Въ исторіи нашей общественной жизни начальный моментъ совпадаетъ съ дѣломъ декабристовъ, а появленіе «Отцовъ и Дѣтей» съ освобожденіемъ крестьянъ.

купцовъ, подрядчиковъ, чиновниковъ; рѣдко-рѣдко мелькнетъ аристократическое имя въ родѣ графа Альфиери, лорда Байрона. А у насъ въ это классическое 35-тилѣтіе дѣйствуютъ почти исключительно или члены старинныхъ родовъ дворянскихъ, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь-Яновскій, Тургеневъ, князь Вяземскій, князь Одоевскій, графъ Соллогубъ, графы Толстые, графиня Ростопчина, графиня Сальясъ, Бестужевъ, Огаревъ, Щедринъ-Салтыковъ и мн., мн. др., или дѣти небогатыхъ помѣщиковъ или, наконецъ, дѣти такъ называемыхъ личныхъ дворянъ, но получившіе образованіе въ дворянскихъ пансіонахъ, институтахъ и гимназіяхъ, гдѣ въ то время дворянскій элементъ имѣлъ перевѣсъ. Купецъ Полевой и мѣщанинъ Кольцовъ были необыкновеннымъ явленіемъ; даже крупные литературные дѣятели изъ такой незнати (хотя все же дворянской), какъ Бѣлинскій и Достоевскій,—рѣдкость. По рассказамъ современниковъ въ тогдашнихъ журналахъ даже смѣсь, даже обзорѣніе модъ составляли любители, то-есть люди, обеспеченные или службою, или независимымъ состояніемъ; настоящіе журнальные работники, живущіе литературнымъ трудомъ, у насъ появляются съ 50-хъ годовъ.

Лучшіе русскіе дворяне дѣйствительно отличаются замѣчательною «широкостію ума», по выраженію Достоевскаго, и они, несомнѣнно, вполне русскіе люди, не смотря на французское воспитаніе. Именно они начали изучать русскій народъ, собирать его пѣсни, сказки, преданія и воспроизводить его типы; лучшіе мужицкіе типы созданы Тургеневымъ, Григоровичемъ, Достоевскимъ и Писемскимъ. Но наиболѣе крупными и характерными произведеніями классическаго періода являются тѣ, въ которыхъ изображается дворянская жизнь и дворянскіе типы: онъ начинается Онѣгинымъ, Ленскимъ, Лариными и оканчивается Рудинымъ, Лаврецкимъ, Еленою Инсаровой, Кирсановыми.

По обѣ стороны классическаго 35-лѣтія русской литературы стоятъ два великія произведенія, опять-таки дворянскія и по авторамъ и по предмету изображенія: комедія Грибоѣдова «Горе отъ ума» и романъ Толстого «Война и Миръ»; оба они представляютъ картину жизни русскаго общества въ царствованіе Александра I и главнымъ образомъ общества московскаго¹⁾; стало быть, предметъ изображенія въ нихъ одинъ и тотъ же²⁾. Но различіе по способу и приѣмамъ изображенія огромно.

¹⁾ Въ «Войнѣ и Мирѣ» дѣйствіе переносится и въ Петербургъ, и въ провинцію, и даже за границу; но центральная въ романѣ семья Ростовыхъ по складу своему совсѣмъ московскіе люди.

²⁾ Дѣйствіе романа Толстого начинается въ 1805 г. (въ первой ред., напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ», романъ такъ и назывался: «1805-й годъ») и заканчивается въ 1813 г.; только эпилогъ перенесенъ въ 1820 г. Первая ред. комедіи была задумана и набросана въ 1816 г. (извѣстіе о наброскѣ 1812 г. пред-

Авторъ «Горя отъ ума», человѣкъ съ необыкновенно сильнымъ умомъ и тонкой наблюдательностью, съ глубокимъ и благороднымъ чувствомъ, но съ посредственной творческой фантазіей,—я убѣжденъ, что не будь на свѣтѣ «Горя отъ ума», всѣ другія произведенія Грибоѣдова черезъ 20 лѣтъ послѣ его смерти были бы забыты безъ остатка,—человѣкъ, жестоко огорченный противорѣчіемъ между своими яркоопредѣленными идеалами и пошлой, бессмысленной дѣйствительностью, изображаетъ современное ему общество въ комедіи-сатирѣ, для которой онъ собиралъ краски въ продолженіе всей своей недолгой, но многотрудной жизни, которую писалъ онъ, какъ говорится, лучшей кровью своего изстрадавшагося сердца.

Въ другомъ случаѣ—истинный художникъ образовъ, эпическій поэтъ изъ тѣхъ, какіе рождаются вѣками, уходитъ изъ шумной современности великой эпохи реформъ, зарывается въ записки, въ груды старыхъ писемъ, въ рассказы старожиловъ, въ историческія сочиненія всѣхъ родовъ и видовъ, и въ то время, какъ кругомъ его рушатся послѣдніе остатки крѣпостной старины, всѣми поносимой и проклинаемой, возсоздаетъ картину дворянскаго общества того времени, когда крѣпостной «порядокъ» казался вполне нормальнымъ и неизмѣннымъ; онъ рисуетъ своихъ дѣдушекъ и бабушекъ съ теплымъ чувствомъ любящаго внука, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ объективной справедливостью честнаго историка. Онъ также глубоко проникнуть изображаемымъ предметомъ, какъ его предшественникъ; но онъ не страдаетъ отъ темныхъ сторонъ давно сошедшаго въ могилу общества; онъ изъ далека-далека любитъ его свѣтлыми образами; онъ слабѣе чувствуетъ, но онъ лучше понимаетъ его и описываетъ полнѣй и разностороннѣй; къ тому же и форма романа, обнимающаго цѣлую 15-лѣтнюю эпоху, несравненно удобнѣе для этого, нежели форма старинной комедіи, въ которой все дѣйствіе втиснуто въ 24 часа.

Въ драматической литературѣ всѣхъ вѣковъ и народовъ нѣтъ пьесы, судьба которой представляла бы столько неожиданностей и странностей, какъ судьба комедіи Грибоѣдова. 28-лѣтній молодой человѣкъ, воспитанникъ московскихъ салоновъ, хорошій знатокъ литературы и театра, но до тѣхъ поръ не выдвигавшійся среди другихъ драматурговъ-любителей, обдумываетъ на бивакахъ, на границахъ Азіи, нелестную картину жизни того

ставляется миѣ болѣе, чѣмъ сомнительнымъ), а окончательная редакція относится въ 1823—1824 годамъ, и дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, уже совсѣмъ отстроившейся послѣ пожара. Стало быть, въ комедіи передъ нами то же поколѣніе, нѣсколько постарѣвшее. Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что Грибоѣдовъ съ 1812 г. не живетъ въ Москвѣ, а бываетъ наѣздомъ; присматривался же онъ къ московскому свѣту съ дѣтства до поступленія въ университетъ; это обстоятельство дѣлаетъ разницу по времени изображаемаго еще менѣе ощутительной.

общества, къ которому принадлежалъ онъ. Вернувшись потомъ на родину, онъ сознаетъ, какой алмазь лежитъ въ его портфель, спѣшить отшлифовать его и употребляетъ огромныя усилія, чтобы сдѣлать его извѣстнымъ публикѣ. Но ни на сцену, ни въ печать ¹⁾ не можетъ онъ пристроить свое несчастное дѣтище; оно только навлекаетъ на него цѣлый рядъ неприятностей, чрезвычайно разнообразныхъ и иногда очень крупныхъ. Тогда махнулъ рукой молодой сатирикъ на литературу и театръ и отдался службѣ. Ему повезло, и въ тѣ годы, когда люди съ огромными связями только мечтаютъ о подобномъ постѣ, онъ былъ уже посланникомъ въ Персіи. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и оттуда возвратился только обезображенный трупъ его. За то не погибла его запрещенная комедія: въ невѣроятномъ количествѣ списковъ разошлась она по всей Россіи; мало того, что разошлась: наизусть была выучена, и, какъ предсказалъ Пушкинъ, чуть не половина стиховъ ея перешла въ поговорки. Наконецъ, въ 30-хъ годахъ цензура сжалась не столько надъ комедіей, сколько надъ своимъ недвусмысленнымъ положеніемъ, и великодушно разрѣшила всѣмъ извѣстную пьесу (хоть и съ огромными урѣзками). Слѣдовало ожидать, что теперь-то критика наперерывъ примется расхваливать всеобщую любимицу. Не тутъ-то было: почти всякій, кто писалъ о ней, находилъ въ ней крупнѣйшіе промахи и вопіющіе недостатки. Въ 1840 году нашъ великій критикъ Бѣлинскій жестоко отдѣлалъ тѣхъ, кто бранилъ «Горе отъ ума», а самъ, хотя и расхвалилъ частности: отдѣльныя сцены, чудный стихъ, живой языкъ и яркія картины нравовъ, но, какъ художественное произведеніе, разнесъ комедію, какъ говорится, въ пухъ и прахъ. Въ ней, по его убѣжденію, нѣтъ цѣлостности, потому что нѣтъ идеи. Герой ея Чацкій — полоумный чудакъ, до крайности безтактный, къ тому же чловѣкъ неблагородный и съ холоднымъ, неспособнымъ къ истинному чувству сердцемъ; по его поступкамъ его всякій принялъ бы за помѣшаннаго, и 3-й актъ пьесы много выигралъ бы, если бы изъ него выкинуть его нелѣпыя монологи. Софья не живой чловѣкъ, а призракъ, такъ какъ авторъ не потрудился примирить энергію, силу ея характера съ ея любовью къ лакею Молчалину. Отецъ Софьи Фамусовъ былъ бы живымъ лицомъ, если бы онъ въ угоду автору не говорилъ обличительныхъ монологовъ на самого себя и т. д., и т. д. ²⁾.

Статья Бѣлинскаго написана живо, блестяще, убѣдительно; мудрено ли, что сущность его оцѣнки комедіи Грибоѣдова вошла во всѣ учебники и повторялась всѣми учителями словесности?

¹⁾ Кромѣ небольшихъ отрывковъ, напечатанныхъ въ альманахѣ Булгарина «Русская Талія».

²⁾ Т. III, 412 и слѣд.

Стало быть, второй разъ погибло «Горе отъ ума», и эта вторая гибель горше первой?

Ничуть не бывало; во-первыхъ, тотъ же Вѣлинскій несчетное число разъ приводитъ чудные стихи изъ монологовъ Чацкаго, да, если не ошибаюсь, пользуется и призракомъ Софьей, какъ живымъ характеромъ, не говоря уже о фамусовскомъ мировоззрѣніи, фамусовскомъ пошломъ остроуміи и пр.; а, во-вторыхъ, учебники и учителя словесности не только не помѣшали безконечному ряду изданій, но, что еще удивительнѣй, эта антихудожественная комедія до сихъ поръ у насъ не сходитъ со сцены, и нѣтъ смѣлаго актера на первыя роли, который не испыталъ бы силъ своихъ въ Чацкомъ ¹⁾.

Не могу не остановиться на минуту на этомъ противорѣчій между мнѣніемъ великаго критика и живой правдой. Мнѣ представляется очевиднымъ, что Вѣлинскій ²⁾, увлеченный глубиною и блескомъ монологовъ героя, пришелъ къ ошибочному заключенію, будто Грибоѣдовъ желалъ изобразить въ Чацкомъ идеаль, передъ которымъ должно преклониться недостойное такихъ представителей общество. На самомъ же дѣлѣ Чацкій въ глазахъ поэта честный и умный человекъ, но далеко не идеаль характера, и если поэтъ представляетъ въ немъ себя, то не для того, чтобъ возвеличить, а чтобъ казнить себя. Приведу хотя одно доказательство, по возможности наглядное. Чацкій самолюбивъ болѣзненно, до смѣшного и, какъ большинство черезчуръ самолюбивыхъ людей, не находчивъ, вслѣдствіе чего онъ при всемъ своемъ умѣ часто оказывается въ глупомъ положеніи. Припомнимъ его разговоръ съ Фамусовымъ о Софьѣ:

«Скажи: тебѣ понравилась она?»

беззастѣнчиво спрашиваетъ его Фамусовъ.

«Обрыскаль свѣтъ,—не хочешь ли жениться?»

Какой глупостью отвѣчаетъ ему на это умный Чацкій?

«А вамъ на что?»

Развѣ не вправѣ былъ Фамусовъ выпутить его за это и замѣтить, что онъ «нѣсколько сродни» своей дочери?

¹⁾ Въ 1871 г. появилась горячая и талантливая статья Гончарова «Милліонъ терзаній» (перепеч. въ VIII т. его сочиненій), реабилитирующая не только Чацкаго, но и Софью. Такъ какъ она непосредственно слѣдовала за «Обрывомъ», то не имѣла такого сильнаго вліянія, какое должна была бы имѣть; только въ послѣднее время ея положенія начинаютъ проникать и въ учебники. Но и Гончаровъ обвиняетъ Чацкаго въ нелѣпомъ патріотическомъ пафосѣ и «нетрезвости рѣчи» (стр. 157).

²⁾ Какъ и раньше его Пушкинъ (изд. Фонда, VII, 107—108), восхищавшійся комедіей, но не признававшій Чацкаго умнымъ человекомъ.

Чацкому ужасно хочется узнать, какъ отнесется Фамусовъ къ его намѣренію жениться на Софьѣ, и ужасно не хочется получить отказа, и онъ изобрѣтаетъ робкую форму вопроса:

«Пусть я посватаюсь, вы что бы мнѣ сказали?»

Свойственно ли серьезному, уважающему себя человѣку прибѣгать къ подобнымъ изворотамъ въ такомъ дѣлѣ?

Грибоѣдова обвиняютъ въ томъ, что онъ заставляетъ Чацкаго разсыпать бисеръ своихъ обличеній передъ Фамусовыми, Скалозубами и пр. Да развѣ самъ поэтъ не чувствуетъ, какъ это неумѣстно, и развѣ не онъ влагаетъ въ уста деревянному Скалозубу одобреніе обличителю ¹⁾? Можно себя представить, какую жалкую фізіономію долженъ былъ имѣть Чацкій, выслушивая похвалу дурака?

Бѣлинскій правъ, называя Чацкаго безтактнымъ; но безтактность безтактности рознь; безтактность Чацкаго происходитъ не отъ грубости натуры, а отъ болѣзненной впечатлительности и полного неумѣнья принаравливаться къ людямъ. Онъ мечтаетъ получить руку Софьи, знаетъ, что никогда не получитъ ея безъ согласія Фамусова, и дѣлаетъ съ своей стороны все, чтобы раздражить, возстановить противъ себя этого Фамусова; счастье его, что тотъ человѣкъ неуязвимый: другой давно выгналъ бы его изъ дому. Но Бѣлинскій и другіе неправы въ томъ, что предполагаютъ, будто Грибоѣдовъ не замѣчалъ этого.

Я утверждаю, что Грибоѣдовъ хотѣлъ сдѣлать Чацкаго именно такимъ; потому онъ и далъ ему нервную мать, которая, по словамъ Фамусова, «съ ума сходила восемь разъ»; далъ ему нелѣпое полуобразование въ домѣ Фамусова, далъ рѣдкій умъ и неумѣнье примѣнять его къ дѣлу и вложилъ въ его сердце несчастную любовь къ Софьѣ.

Чацкій самъ опредѣляетъ себя, говоря, что у него «умъ съ сердцемъ не въ ладу»; онъ раздвоенная, неумѣстно рефлектирующая натура, близкая родня Гамлету съ одной стороны, Чулкатурину въ «Дневникѣ лишняго человѣка» съ другой; такіе люди дѣйствительно не умѣютъ любить не потому, чтобы у нихъ чувства не было, а потому, что въ ихъ чувствахъ нѣтъ здоровой непосредственности. Если женщина любить такого человѣка, онъ мучитъ ее; если не любить, онъ не умѣетъ во-время уйти, мучитъ себя, мучитъ, по мѣрѣ возможности, и любимую женщину и терзаетъ ея уваженіе.

Чацкій — совсѣмъ не идеалъ, но живой человѣкъ, характеръ, глубоко задуманный и превосходно исполненный; вслѣдствіе глубины замысла и тонкости отдѣлки онъ и привлекаетъ къ себѣ всѣхъ выдающихся артистовъ; но по тѣмъ же причинамъ онъ удается столь немногимъ.

¹⁾ Мнѣ нравятся, при этой смѣтѣ и пр. «истор. вѣсти.», июнь, 1895 г., т. LX.

Софья тоже живой человѣкъ; по энергіи и смѣлости, по пренебреженію къ земнымъ благамъ, по уму, наконецъ, она выше большинства окружающаго ее общества; умъ ея, конечно, далеко не такой развитой и широкой, какъ умъ Чацкаго; но въ немъ та же слабая сторона, что и въ умѣ Чацкаго; это умъ безъ наблюдательности; какъ женщина, начитавшаяся сантиментальныхъ романовъ, она замѣняетъ эту наблюдательность воображеніемъ. Какъ и Чацкій, она болѣзненно самолюбива; изъ самолюбія она разлюбила Чацкаго, когда

«Онъ съѣхалъ: ужъ у насъ ему казалось скучно».

Она и до сихъ поръ безъ раздраженія не можетъ говорить о «друзьяхъ» Чацкаго, на которыхъ онъ промѣнялъ ея общество.

Чацкій уѣхалъ за границу; Софья осталась одна въ убѣжденіи, что она обижена имъ; а ея воображеніе, раздражаемое романами, требуетъ замѣны Чацкаго. Она оглядывается вокругъ себя и не находитъ никого лучше Молчалина.

Влюбиться въ лакея по натурѣ—вѣдь это невозможно для неглупой дѣвушки! Конечно, невозможно, еслибъ Софья видѣла Молчалина такимъ, какимъ мы его знаемъ.

Но Софья создала себѣ Молчалина, только отчасти воспользовавшись реальнымъ матеріаломъ, который она переработала по своему. Молчалинъ—низкопоклонникъ, изъ-за выгоды унижающійся передъ ея отцомъ; она объясняетъ это добротою души его, снисхожденіемъ къ чужимъ слабостямъ; Молчалинъ—трусъ; она объясняетъ его уклончивость природной скромностью; Молчалинъ—деревянный человѣкъ, лишенный чувства; она объясняетъ его безчувственность чистотою души его. Его робость передъ ней льститъ ея непомѣрному самолюбію, которое теперь, послѣ предполагаемой обиды со стороны Чацкаго, стало особенно чувствительно. Самая бѣдность Молчалина и скромное его происхожденіе—важное условіе въ его пользу: въ воображеніи ея носятъ поэтическія фигуры тѣхъ знатныхъ дамъ и дѣвицъ, которыя удостоивали своей любви скромныхъ оруженосцевъ, пѣвцовъ и даже пастуховъ; да и сдѣлавшись женщиной, она всегда захочетъ первенствовать въ любви, какъ ни жестокъ урокъ, полученный ею въ концѣ комедіи.

Фамусовъ говоритъ обличительные монологи на самого себя. Да, это вѣрно; но въ этомъ нѣтъ ничего противнаго художественной правдѣ. Фамусовъ вовсе не глупый человѣкъ; но это типъ безсознательнаго самодовольнаго эгоиста и циника подъ приличными формами; только бы ему было хорошо и покойно, а тамъ хоть провались все остальное. Съ отвратительнымъ цинизмомъ говоритъ онъ о своей покойной женѣ; онъ циниченъ по отношенію къ Софьѣ, къ Молчалину, къ Скалозубу, къ своимъ служебнымъ дѣламъ, ко всему обществу. Онъ ясно видитъ многія отрицатель-

ныя стороны этого общества и не прочь посмѣяться надъ нимъ, но ему удобно живется въ грязненькомъ міркѣ своемъ, и онъ не желаетъ никакихъ перемѣнъ въ немъ. Если эти перемѣны произойдутъ помимо него, онъ, конечно, сумѣетъ приспособиться къ нимъ и остаться на своемъ тепленькомъ мѣстечкѣ. Онъ вовсе не потому возмущается идеями Чацкаго, что онѣ противны его убѣжденіямъ—у него нѣтъ и тѣни убѣжденій — но потому, что теперь эти идеи не въ авантажѣ обрѣтаются; а на всякій случай онъ и съ Чацкимъ и съ кружкомъ Репетилова сношеній не прерываетъ: мало ли что можетъ случиться!? Въ обществѣ Фамусовъ весельчакъ и болтунъ и часто добровольный шутъ; онъ и самъ не былъ бы въ состояніи различить, когда онъ острить и балагурить, когда говорить правду; да и на что входитъ въ такія тонкости? Всѣмъ весело, къ нему охотно ѣздятъ, княгиня Марья Алексѣевна одобряетъ его, и общество даетъ ему возможность удобно устраивать свои дѣлишки.

Фамусовъ вполне живое лицо; Фамусовы существуютъ и теперь (какъ существовали всегда, отъ начала человѣческаго общества), только теперь у нихъ краски и костюмъ иные; краски и костюмъ грибоѣдовскаго Фамусова принадлежать исторіи.

Въ композиціи «Горя отъ ума» есть крупныя недостатки; но всѣ дѣйствующія лица великой комедіи-сатиры глубокозамышленныя и прекрасно исполненныя типы, одинаково реальныя и въ художественномъ и въ историческомъ отношеніи; а вмѣстѣ взятые всѣ эти типы для насъ представляютъ живую картину общества того времени. Въ своемъ очеркѣ я буду говорить только объ историческомъ значеніи главныхъ лицъ, которыя являются выразителями идеи знаменитой комедіи.

«Война и Миръ», какъ и всякій историческій романъ, имѣетъ тѣ же двѣ стороны: историческую и художественную, только съ тою разницею, что здѣсь прошлое для насъ было прошлымъ и для самого поэта.

Но мнѣ какъ-то неловко называть «Войну и Миръ» романомъ, хотя по учебникамъ теоріи словесности ее нельзя назвать иначе: «Айвенго» историческій романъ; «Князь Серебряный» историческій романъ, а «Война и Миръ» нѣчто большее: это эпопея, совмѣщающая и прошлое, и настоящее, и временное, и вѣковѣчное; это, какъ говоритъ Гете, «частное, возведенное до общаго и облеченное дивной красотой»; это духъ народа, воплощенный въ поэтѣ.

Во всей литературѣ XIX вѣкѣ я знаю только одно произведеніе, которое въ этомъ отношеніи можно поставить рядомъ съ «Войною и Миромъ»; его еще труднѣе назвать романомъ, хотя по формѣ это тоже романъ и, пожалуй, тоже историческій; я говорю о *Misérables* Виктора Гого. Нѣтъ такихъ вѣсовъ на свѣтѣ, чтобы взвѣшивать достоинства этихъ произведеній, и я не буду и пытаться

сравнивать ихъ; но не могу не сказать, что если *Miserables* сильнѣе по идеѣ и представляютъ болѣе крупный и вліятельный фактъ въ исторіи міровой культуры, то для насъ по крайней мѣрѣ въ «Войнѣ и Мирѣ» болѣе историческаго интереса и художественной правды; да смѣю думать, что и въ міровой литературѣ Наташа Ростова, Пьеръ Безухій, Бергъ, Анатолий Курагинъ и пр., вмѣстѣ съ мистеромъ Пиквикомъ, Эдифью Домби, Юраемъ Гипомъ, Лео Гутманомъ, Эсмеральдой, Квазимадо и многими другими останутся вѣчно живыми людьми.

Л. Толстой писалъ «Войну и Миръ» пять лѣтъ¹⁾, а сколько лѣтъ онъ готовился и собиралъ матеріалъ, я не знаю; но могу удостовѣрить, что всякій, кто хоть нѣсколько знакомъ съ литературой мемуаровъ того времени и хоть поверхностно слѣдитъ за русскими историческими журналами, постоянно наталкивается на факты, подтверждающіе вѣрность изображенія эпохи въ «Войнѣ и Мирѣ» и очень часто на факты, то крупные, то мелкіе, утилизированные Л. Толстымъ или по преданію или по документамъ²⁾.

Огромный талантъ Толстого сказался въ томъ, что эта предварительная, такъ сказать, архивная работа также мало чувствуется въ «Войнѣ и Мирѣ», какъ и въ Капитанской дочкѣ Пушкина, и московское общество во время «мира» изображено съ такою живостью, какъ будто авторъ снимаетъ портреты съ современниковъ, обстановка и внутренній міръ которыхъ ему знакомъ, какъ собственный. Также живо и, я полагаю, также вѣрно изображена и «война», обыденную и закулисную сторону которой бывшій севастопольскій офицеръ знаетъ не по рассказамъ «героевъ».

Но въ изображеніи войны Л. Толстой задался цѣлію доказать, что въ такихъ крупныхъ массовыхъ движеніяхъ личности такъ называемыхъ геніевъ, великихъ людей, не играютъ рѣшительно никакой роли, что все дѣлается помимо ихъ; они только воображаютъ, что ведутъ толпу за собою, а на самомъ дѣлѣ толпа ихъ толкаетъ; направленіе же толчка зависитъ отъ нихъ столько же, сколько отъ любой единицы этой толпы. Не только походъ Наполеона на Рос-

1) Отъ 1864 до 1869 г.; въ концѣ 1864 г. въ редакціи «Русскаго Вѣстника» уже находились первыя главы «Тысяча восемьсотъ пятаго года»; онѣ появились въ январѣ 1865 г.

2) Приведу три-четыре разнообразныхъ примѣра: триумфальный обѣдъ Багратиону въ англійскомъ клубѣ описанъ въ «Дневникѣ Студента», стр. 328 и слѣд.; характеристика Офросимовой встрѣчается тамъ же *passim*; тамъ же находимъ и остроу гр. Ростова относительно Оберъ-Шальме (стр. 6). Какъ ни кажется страннымъ присутствіе штатскаго Пьера въ Бородинскомъ сраженіи, это фактъ, упоминаемый въ письмѣ М. Волковой («Вѣстникъ Европы», 1874 г., № 8, стр. 606) относительно кн. Вяземскаго; даже ямщикъ Балага, любимецъ Долохова и Анатолия Курагина не выдуманъ: въ «Русской Старинѣ» за 1894 г., № 3, современникъ рассказываетъ о Балагѣ, отчаянномъ ямщикѣ Анатолія Бяртинскаго и т. д.

сію не зависѣлъ отъ его воли, но и весь военный геній его есть чистый мнѣ. Успѣхъ или неуспѣхъ отдѣльнаго сраженія обусловливался его дѣятельностью никакъ не больше, а скорѣй меньше, нежели дѣятельностью послѣдняго солдата. Наполеонъ, обманывая себя и другихъ, дѣлалъ видъ, что онъ командуетъ, распоряжается; но его распоряженія на ходъ дѣла не имѣли рѣшительно никакого вліянія: «они или были исполнены прежде, нежели онъ дѣлалъ ихъ, или не могли быть и не были исполнены»¹⁾).

Вопросъ о значеніи геніальныхъ людей въ исторіи, какъ всѣмъ извѣстно, вопросъ старый, порядкомъ наскучившій, и окончательное его рѣшеніе для всѣхъ случаевъ невозможно; такое рѣшеніе непременно выйдетъ такъ называемымъ общимъ мѣстомъ, прямымъ или противоположнымъ. Иное дѣло—случаи частные. Выяснить значеніе личности Наполеона въ событіяхъ 1805 или 1812 г. очень поучительно; но неудобно дѣлать это въ формѣ художественнаго произведенія. Не имѣя возможности вдаваться въ подробности, въ разработку отдѣльныхъ фактовъ, а авторъ долженъ будетъ или насиловать событія и выдумывать, чего Толстой, какъ честный художникъ, разумѣется, не дѣлаетъ, или долженъ добиваться убѣдительности многократными повтореніями тезиса въ разныхъ формахъ. Какъ бы ни были эти формы оригинальны и красивы, все же повторенія не могутъ не замедлять хода дѣйствія, и, можетъ быть, отъ досады на этотъ перерывъ художественнаго наслажденія, читателю кажется, что тезисъ или такъ ясенъ, что не требуетъ доказательствъ и разъясненій, или слишкомъ притязателенъ и потому невѣренъ. Такъ и здѣсь; доказывать, что Наполеонъ не всецѣло управлялъ событіями, бесполезно, а говорить, что онъ не имѣлъ на нихъ ровно никакого вліянія, несправедливо.

На мой взглядъ, Толстой художникъ много разъ поправляетъ Толстого прагматиста. Такъ, на примѣръ, второй доказываетъ, что армія Наполеона перестала существовать, какъ регулярное войско, лишь только она вступила въ покинутую жителями Москву (IV, 117 и слѣд.), а Толстой художникъ правдиво рисуетъ ужасную сцену казни мнимыхъ поджигателей, которая съ поразительной ясностью свидѣтельствуетъ о существованіи желѣзной дисциплины въ великой арміи. Да и самый Наполеонъ въ художественномъ изображеніи Толстого вовсе не ничтожная кукла: уже одна его безпредѣльная самоувѣренность, соединенная съ презрѣніемъ къ людямъ, доказываетъ, что этотъ человекъ или сумасшедшій или геній; а такъ какъ онъ не сидитъ на цѣпи, то, стало быть, онъ долженъ властвовать и дѣлать исторію, насколько послѣдняя зависитъ отъ отдѣльныхъ лицъ.

Я, конечно, не имѣю притязанія разбирать художественную сто-

¹⁾ IV, 306. Я цитирую по изд. 1868—1869 г.

рону «Войны и Мира»: самый поверхностный разбор потребовалъ бы цѣлаго ряда статей. Я ограничусь только выраженіемъ своего убѣжденія, что Л. Толстой величайшій изъ живыхъ художниковъ слова, а «Дѣтство и отрочество» и «Война и Миръ» наиболѣе художественныя изъ его произведеній. Но я не могу не указать на основы его міросозерцанія, выраженные въ «Войнѣ и Мирѣ».

Долгій споръ о томъ, существуетъ ли искусство само для себя, или оно должно проводить въ общество свѣтлыя идеи, по моему мнѣнію, давно уже законченъ такимъ компромиссомъ: если поэтъ хочетъ внушить, доказать извѣстную идею и для нея подбираетъ и изобрѣтаетъ образы, онъ не дастъ произведенія художественнаго, потому что образы его не будутъ живы. А съ другой стороны образы, хотя бы живые и яркіе, но возникшіе въ фантазіи человѣка, лишенаго яснаго представленія о добрѣ и злѣ, равнодушно относящагося къ счастью и нравственному совершенству людей, не составятъ художественнаго цѣлаго. Миръ, воссоздаваемый истиннымъ поэтомъ, долженъ быть и живой миръ и нравственно прекрасный миръ.

Коренная основа міросозерцанія, раскрывающаяся въ «Войнѣ и Мирѣ», можетъ быть выражена немногими словами: это живая любовь къ человѣку въ противоположность отвлеченной любви къ человѣчеству. Толстой даже съ нѣкоторой запальчивостью относится къ такъ называемому «общему благу», которымъ люди, по его убѣжденію, такъ часто прикрываютъ свой эгоизмъ, злость и тупость. «Съ тѣхъ поръ,—говоритъ онъ,—какъ существуетъ миръ, и люди убиваютъ другъ друга, никогда ни одинъ человѣкъ не совершалъ преступленія надъ себѣ подобнымъ, не успокоивая себя мыслию о *bien public*, предполагаемомъ благѣ другихъ людей»¹⁾.

Это говоритъ онъ, пересказавъ дѣйствительно ужасную сцену расправы съ Верещагинымъ (что передъ нею риторически преувеличенные ужасы французскихъ романтиковъ!); на то же *bien public* опираются и чиновники Наполеона, разстрѣливая на Дѣвичьемъ Полѣ поджигателей. *Ça leur apprendra à incendier!*—говоритъ солдатъ, несчастное орудіе этихъ чиновниковъ, и этими словами доводитъ предполагаемое *bien public* до невообразимо подлой нелѣпости.

Это «общее благо», перерождающееся въ слѣпую военную дисциплину, т. е. въ такой порядокъ вещей, при которомъ человѣкъ лишается и своей свободы и жалости къ другимъ людямъ, есть то страшное «оно», та таинственная сила, которая 7 октября 1812 г. мгновенно на глазахъ у Пьера превратила десятки тысячъ добродушныхъ людей въ безжалостныя машины для убійства. «Бояться, стараться избѣгать этой силы, обращаться съ просьбою или увѣ-

¹⁾ V, 110—111.

щаніемъ къ людямъ, которые служили орудіемъ ея, было бесполезно... Надо было ждать и терпѣть» ¹⁾).

Оттого Пьеръ и былъ такимъ горькимъ неудачникомъ, что все мечталъ о службѣ этому отвлеченному общему благу, не могъ рѣшить, въ чемъ состоитъ оно, а пока служилъ только своимъ слабостямъ. Въ московскомъ баракѣ, въ обществѣ безграмотнаго Каратаева онъ разрѣшилъ загадку, отказался отъ общаго ради частнаго, «опростился», выучился любить всѣхъ людей и дурныхъ и хорошихъ и разучился ненавидѣть ²⁾).

Вопросъ объ отношеніи между предполагаемымъ общимъ благомъ и несомнѣннымъ благомъ отдѣльнаго лица часто бываетъ вопросомъ личнаго вкуса и темперамента. Но нельзя не согласиться съ поэтомъ, что если святыми словами «общее благо» прикрывается сознательный или даже безсознательный эгоизмъ, самолюбіе, злоба, то происходитъ такая подлость, хуже которой трудно и придумать. Нельзя также не признать, что если человѣкъ въ напрасныхъ поискахъ за исполнскимъ дѣломъ не приноситъ окружающимъ той доли пользы, которую онъ можетъ и долженъ принести, онъ несчастное и жалкое существо; а что простой человѣкъ, мужикъ, все равно русскій или нѣмецкій, можетъ научить этой простой истинѣ мечтателя барина, объ этомъ свидѣлствуютъ Сервантесъ, и Гете, и Тургеневъ, и Достоевскій, не говоря уже о живомъ ежедневномъ опытѣ.

Возвращаясь къ исторической сторонѣ «Войны и Мира», я долженъ замѣтить, что если авторъ тенденціозно враждебенъ къ Наполеону, онъ вовсе не переноситъ этой антипатіи на его армію. Повидимому, что за заслуга со стороны художника 60-хъ годовъ, если онъ, изображая одну изъ бывшихъ войнъ нашихъ, не проникается узкимъ патріотизмомъ? Но война 1812 года для насъ совсѣмъ особенная война; даже реляціи военныхъ историковъ ея не всякій можетъ читать безъ нѣкотораго волненія, а современный событіямъ русскій матеріалъ, которымъ пользовался Толстой, почти весь проникнутъ убѣжденіемъ, что «великая армія» состояла изъ злодѣевъ, а русскіе воины, ополченцы и партизаны, были героями. У Толстого французы очень милые и исполнительные люди, а русскіе герои подчасъ оказываются порядочными звѣрями. За то въ другомъ отношеніи Толстой раздѣляетъ чувства значительной части своихъ источниковъ: онъ симпатизируетъ Москвѣ и изображаетъ въ очень непривлекательныхъ краскахъ общественную жизнь

¹⁾ V, 300—301.

²⁾ Эта же всепрощающая любовь къ врагамъ, «любовь божеская», дала счастье и другому хорошему, но несчастному человѣку «Войны и Мира», умирающему Андрею Болконскому (V, 157 и слѣд.). Во всей литературѣ нашего полу столѣтія я не знаю ничего, что можно было бы поставить рядомъ съ правдиво художественными страницами, описывающими его послѣдніе дни.

Петербурга. Въ этой жизни, по его убѣжденію, надъ содержаніемъ преобладаетъ холодная, неизмѣнная форма¹⁾. Москва то молится, то веселится, то буйствуетъ, то приноситъ себя въ жертву и всегда остается русскимъ городомъ; Петербургъ всегда сдержанъ и всегда международенъ, какъ Бергъ или Борисъ Друбецкій²⁾; у Москвы есть свои любимцы и свои антипатіи; въ Петербургѣ любимецъ общества тотъ, кому повезло по службѣ. Типъ петербургскаго крупнаго дѣятеля—князь Василій Курагинъ, человѣкъ неглупый и чрезвычайно пріятный въ обществѣ; по существу же такой холодный эгоистъ безъ стыда и совѣсти, что московскій Фамусовъ кажется передъ нимъ образцомъ благодушія и сердечности.

Въ первой редакціи романа-эпопеи авторъ самымъ названіемъ главъ³⁾ и языкомъ дѣйствующихъ лицъ показную и совѣмъ не русскую жизнь петербургскихъ салоновъ противопоставалъ болѣе задушевной, болѣе родной и симпатичной ему жизни московской.

Въ началѣ XIX вѣка Москва уже давно была отставной столицей, а по мнѣнію многихъ петербуржцевъ просто большимъ провинціальнымъ городомъ, претензіи котораго давать тонъ всей Россіи были смѣшны и ни на чемъ не основаны. Въ отставной столицѣ жили отставные вельможи и множество богатыхъ дворянъ, по разнымъ соображеніямъ предпочитавшихъ городскую жизнь деревенской. Эти вельможи и дворяне составляли зерно московскаго общества. Вокругъ него группировались дворяне побѣднѣе, которые тоже имѣли въ Москвѣ, въ неторговой части города: на Поварской, Никитской, Арбатѣ, Пречистенкѣ, свои дома-особняки, гдѣ проживали мѣсяцевъ по шести и болѣе, отдыхая отъ деревенскихъ заботъ. Въ разгаръ зимняго сезона московское дворянское общество сильно увеличивалось пріѣздомъ огромнаго числа небогатыхъ помѣщиковъ, которые наѣзжали сюда въ возкахъ и кибиткахъ, на своихъ лошадяхъ, съ своей крѣпостной прислугой, съ обозами мороженой живности, съ запасомъ собственной муки, крупы и пр. и поселялись или въ наемныхъ квартирахъ или въ собственныхъ домикахъ за Москвой-рѣкой. Они группировались по губерніямъ и уѣздамъ и больше пребывали въ собственной компаніи; но черезъ предводителей и состоятельныхъ родныхъ имѣли доступъ и въ высшее общество, и «барышни» ихъ, если имѣли приличныя манеры

¹⁾ IV, 161.

²⁾ «У насъ,—пишетъ москвичка Волкова своей петербургской пріятельницѣ («Грибоѣдовская Москва», Вѣстн. Евр., 1875 г., № 3, стр. 246),—судятъ болѣе здраво; нѣтъ той утонченности въ обычаяхъ, которая встрѣчается у васъ, но болѣе простоты въ мысляхъ; мы гораздо скромнѣе и легче подчиняемся правиламъ, которыхъ держались наши дѣды и отцы».

³⁾ 1-я глава называется: «Въ Петербургѣ», 2-я: «Въ Москвѣ». По увѣренію Волковой («Грибоѣдовская Москва», Вѣстн. Евр., 1874 г., № 9, стр. 133), въ Москвѣ русскій языкъ болѣе распространенъ, нежели въ Петербургѣ.

и внѣшность, блистали и въ дворянскомъ собраніи и на вечерахъ первыхъ московскихъ вельможъ, которые по богатству не уступали петербургскимъ, а по гостепрѣимству далеко превосходили ихъ. Декабрь, январь и февраль, до 1-й недѣли великаго поста, когда значительная часть помѣщиковъ разъѣзжалась по деревнямъ, было самое веселое время въ Москвѣ; въ ней жилось такъ шумно, что иные гвардейскіе франты и петербургскіе камеръ-юнкеры пренебрегали неудобствомъ 3-хъ суточной скачки по ухабамъ и пріѣзжали сюда веселиться и искать невѣсть. На балахъ дворянскаго собранія, какъ говорится, яблоку негдѣ было упасть. Въ домахъ извѣстныхъ лицъ тоже бывали огромные сѣзды; въ запискахъ современниковъ то и дѣло читаешь: былъ балъ у такихъ-то, вся Поварская или вся Басманная или даже вся Покровка съ Моросейкой были заставлены экипажами (при чемъ у добрыхъ господъ кучерамъ раздають калачи и по стакану пѣнника); за ужинъ сѣло человекъ 100; потомъ танцовали до 6 часовъ утра ¹⁾. Или былъ обѣдъ у такихъ-то на 80—120 человекъ; на хорахъ играла музыка; послѣ обѣда молодежь начала танцовать. И часто это происходило безъ всякаго особаго повода, просто потому, что сезонъ такой.

Въ московскомъ обществѣ была та любопытная и симпатичная особенность, что въ немъ не только не наблюдалась табель о рангахъ, но оно даже не было обществомъ узкосословнымъ. Въ Петербургѣ «высокія особы, ко двору пріѣздъ имѣющія», представляли кружокъ, строго замкнутый; изъ постороннихъ въ него допускались только иностранцы. Въ Москвѣ же настоящіе вельможи задавали пиры на весь дворянскій міръ; а простые дворяне даже и изъ лучшихъ фамилій и съ большими средствами, помимо мелкопомѣстной, иногда совсѣмъ бѣдной родни своей принимали и сына мѣстнаго почмейстера и «батюшкина» племянника, учившагося или служившаго въ Москвѣ, если онъ только имѣлъ приличный видъ. Мало того, степные помѣщики завозили въ Москву свои обычаи, въ силу которыхъ крѣпостные, стоявшіе за стуломъ во время обѣда, принимали участіе въ застольныхъ разговорахъ ²⁾. Такимъ образомъ въ Москвѣ чувствовалась живая связь между сословіями, хотя и здѣсь основу общества составляли родовые дворяне.

Московское дворянство въ вѣкъ Екатерины было въ лучшихъ условіяхъ, нежели петербургское или провинціальное: игривые нравы двора были отсюда не такъ замѣтны; Максимы Петровичи не здѣсь производили свои гимнастическія упражненія, и такъ называемые случайные люди попадали сюда только по минованіи

¹⁾ «Записки Современника» съ 1805—1019 г., ч. I, «Дневникъ Студента» (П. С. Жихарова), Спб., 1895, стр. 6, 43 и passim.

²⁾ «Воспоминанія Вигеля», М., 1866 г., IV, 112—113.

случая. Съ другой стороны азиатскія наклонности не могли здѣсь проявляться съ такой свободой, какъ въ глухой деревнѣ, а для воспитанія дѣтей здѣсь былъ и университетъ и среднія учебныя заведенія. Короче сказать, москвичи пользовались всѣми выгодами столицы, не страдая отъ неудобства ея. Вотъ почему и Новиковъ переехалъ изъ Петербурга въ Москву; вотъ почему именно здѣсь образовалось дружеское общество, и открылись въ такомъ количествѣ вольныя типографіи, и въ Москву, а не въ Петербургъ поѣхалъ дополнять свое образованіе Ник. Карамзинъ.

Съ ноября 1796 г. настали черные дни для русскаго дворянства; на него посыпался цѣлый рядъ и общихъ и частныхъ, и крупныхъ и мелкихъ невзгодъ: сократились его вольности и привилегіи; установленъ былъ строгій этикетъ, въ силу котораго всякій мужчина, встрѣчавшійся на улицѣ съ экипажемъ императора, долженъ былъ выпрыгивать на землю въ грязь и снѣгъ; отъ молодежи потребовалась не номинальная, а дѣйствительная и страшно-тяжелая и опасная служба ¹⁾; надъ каждымъ ежеминутно висѣлъ дамокловъ мечъ царскаго гнѣва съ его роковыми послѣдствіями ²⁾. Въ Петербургѣ будто послѣ масляницы наступилъ великій постъ: однообразные форменные костюмы, какъ для служащихъ, такъ и для неслужащихъ, однообразная запряжка, установленный часъ для тушенія огней (8 часовъ), непримѣрно строгая цензура для книгъ и журналовъ, почти прекратившая наше умственное общеніе съ Европой и донельзя ограничившая нашу печать и театр ³⁾,—все это радикально измѣнило направленіе общественной жизни, вѣрнѣе: почти остановило ее. Да и въ Москвѣ было немногимъ лучше: положимъ, государь проводилъ въ ней гораздо менѣе времени, но зато старая столица подчиняется «распоряженіямъ» далеко не съ такой легкостью, какъ казенный Петербургъ. Всѣ, кто могъ, спѣ-

¹⁾ До тѣхъ поръ, говорятъ, къ одному Преображенскому полку было причислено до 2000 дворянъ.

²⁾ Служить въ гвардіи было такъ тяжело, что дворяне лучшихъ фамилій готовы были идти въ службу гражданскую, которая при Екатеринѣ считалась подьяческою, почти неприличною. Скоро оказалось столько желающихъ поступать въ чиновники, что императоръ запретилъ принимать туда дворянъ, и единственное исключеніе было сдѣлано для вѣдомства иностранныхъ дѣлъ: въ Петербургѣ при коллегіи было дозволено имѣть 20 юнкеровъ 14 класса и въ Москвѣ при ея архивѣ 10; при Павлѣ эти мѣста брались, что называется, съ бою, а такъ какъ служба была «чистенькая» и видная, и для дальнѣйшаго движенія въ ней было необходимо знаніе французскаго языка, то «архивное юношество» и при Александрѣ играло замѣтную роль въ московскомъ обществѣ. Отсюда и архивная служба Фамусова, его племянниковъ и Молчалина (см. Воспом. Вигеля, I, 1, 160, 167, 172—173).

³⁾ Очень характерны факты, сообщаемые извѣстнымъ Авг. Коцебу (Достопамятный годъ моей жизни. Русск. пер., какъ приложение къ Древн. и Нов. Россіи за 1879 г., ч. II, стр. 80 и слѣд.), который имѣлъ основанія считать имп. Павла своимъ благодѣтелемъ и неоднократно выражаетъ свою любовь къ нему.

шили укрыться въ деревнѣ; но и тамъ иногда раздавался страшный колокольчикъ фельдъегеря...

11-го марта 1801 года вступилъ на престолъ Александръ I, любимый внукъ и воспитанникъ Екатерины, желанный наслѣдникъ дѣлъ и мыслей ея. Радость русскаго дворянства была неописуема. Тогда, по словамъ осторожнаго Вигеля¹⁾, «всѣ почувствовали какой-то нравственный просторъ; взгляды у всѣхъ сдѣлались благосклоннѣе, поступки смѣлѣе, дыханіе свободнѣе». Тогда-то развернулась во всю ширь московская дворянская жизнь, развернулась еще при лучшихъ условіяхъ, нежели тѣ, которыя господствовали въ послѣдніе годы Екатерины.

Просвѣтительныя идеи, такъ называемыхъ предшественниковъ революціи у насъ въ XVIII вѣкѣ благотворное и сильное дѣйствіе произвели на немногихъ, а сама революція запугала всѣхъ, даже самыхъ передовыхъ людей: съ часу на часъ ждали гибели облитой кровью Франціи; ждали разрушенія всей цивилизаціи. Проходитъ 10 лѣтъ; Франція и не думаетъ погибать, а цивилизація идетъ впередъ гигантскими шагами. Тогда, по исконной способности человѣка ко всему привыкать и приспособляться, самые ужасы революціи перестаютъ казаться столь поразительными; къ тому же, и нравственное чувство зрителей удовлетворяется гибелью «изъявшихъ мечъ» и восстановленіемъ нѣкотораго порядка. Тогда происходитъ любопытный процессъ дифференціаціи просвѣтительныхъ идей, въ силу котораго однѣ изъ нихъ отбрасываются, какъ не осуществимыя мечты «добраго сердца», другія оказываются спорными, а третьи, основныя, до того входятъ въ плоть и кровь общества, что кажутся почти прирожденными всѣмъ просвѣщеннымъ людямъ.

Идеи послѣдней категоріи быстро распространяются и въ русскомъ обществѣ, тѣмъ болѣе, что самъ государь глубоко проникнуть ими. Небольшой кружокъ его ближайшихъ сотрудниковъ по своимъ гуманнымъ и разумно-либеральнымъ стремленіямъ не уступаетъ лучшимъ людямъ Европы, а по свѣжести, горячности чувства и вѣрѣ въ добро даже превосходитъ ихъ. Тогда въ первый разъ русскій культурный дворянинъ становится болѣе европейцемъ, нежели французъ, англичанинъ или нѣмецъ. Такими идеалами культуры, хотя идеалами безъ опредѣленныхъ цѣлей и потому мало полезными, являются въ первыхъ главахъ «Войны и Мира» Андрей Болконскій и Пьеръ Безухой. Такими въ Москвѣ могли быть только немногія единицы, а масса московскаго общества жила больше инстинктами, нежели идеями, и если о чемъ думала, то только о томъ, какъ бы попріятнѣе и поразнообразнѣе провести время.

Но и по инстинктамъ и развлеченіямъ можно судить о нрав-

¹⁾ I, 1, 189.

ственной фizioноміи общества, и я, на основаніи современныхъ свидѣтельствъ, сопоставленныхъ съ «Войною и Миромъ» и комедію Грибоѣдова, постараюсь набросать въ общихъ чертахъ фizioномію московскаго дворянства отъ 1805 г., когда открывается дѣйствіе романа Л. Толстого, и до начала 20-хъ годовъ включительно.

Беззаботная жизнь, сотканная изъ однихъ наслажденій и развлеченій, гордость своими якобы прирожденными правами и строгое выдѣленіе себя и своихъ отъ массы народа, иногда уживающееся рядомъ съ сентиментальнымъ и бесплоднымъ либерализмомъ, безумно-роскошная и при томъ изящная обстановка, масса ливрейной прислуги, гербовыя кареты пугомъ, даже самый классически-оточенный французскій языкъ русскихъ баръ александровскаго времени,—все это, повидимому, напоминало дореволюціонное французское дворянство. Дѣйствительно, было несомнѣнное сходство, и среди этой только что сформировавшейся аристократіи подъ русскими именами встрѣчались типичныя фигуры изящно-распутныхъ шевалье и остроумно-легкомысленныхъ маркизовъ¹⁾. Но такъ какъ и среди высшаго русскаго дворянства было не мало екатерининскихъ баръ, только сверху лакированныхъ цивилизаціей, такъ какъ это высшее дворянство не было и не могло быть такимъ щепетильно гордымъ, замкнутымъ сословіемъ, какъ аристократія французская, то сходство ограничивалось внѣшностью и отдѣльными личностями; а въ сущности русское дворянское общество, пульсъ жизни котораго бился въ Москвѣ, представляло совершенно своеобразное социальное тѣло, не недостойное вниманія исторіи, въ особенности русской.

Я начинаю съ отношенія москвичей начала нынѣшняго столѣтія къ властямъ предрежащимъ.

Если кто и былъ недоволенъ порядками, господствовавшими въ послѣдніе годы Екатерины, его недовольство исчезло безслѣдно въ пятилѣтнее правленіе Павла, и Екатерину теперь иначе не называютъ, какъ: великая, матушка, сама государыня, «блаженныя памяти»²⁾; иные старички, произнося ея имя, непременно встаютъ или снимаютъ шляпы; ихъ рассказы не только о ней самой, но и о ея «орлахъ» носятъ героическій, легендарный характеръ. Молодежь, правда, дерзаетъ подсмѣиваться надъ непомѣрной спесью этихъ орловъ, которые только легкимъ кивкомъ отвѣчали на поклонъ³⁾, и осуждаетъ распушенность тогдашнихъ нравовъ⁴⁾, да

¹⁾ Таковъ, напримѣръ, въ запискахъ Жихарева (стр. 116) тотъ кн. Голицынъ, «любезный и веселый человѣкъ», вездѣ желанный гость, который, проматывъ 40,000 душъ, жилъ на пенсію, получаемую отъ племянника.

²⁾ «Дневникъ Чиновника», Отечественныя Записки, 1855 г., № 4, стр. 371.

³⁾ Дневникъ Студента, стр. 147. Ср. фамусовское: «Раскланяйся, тупеемъ не кивнуть».

⁴⁾ О распутствѣ въ московскомъ обществѣ при Екатеринѣ см. Дневникъ Студента, стр. 388—389.

и зрѣлые люди должны согласиться, что теперь легче живется, «вольнѣ всякій дышитъ», что теперь и у насъ появилось общественное мнѣніе, мѣсто котораго прежде занималъ произволъ фаворитовъ; но эта легкая критика не мѣшаетъ почтенію къ создательницѣ благороднаго російскаго дворянства.

О временахъ императора Павла говорить не любятъ; за то о молодомъ государѣ, «ангелѣ во плоти», готовы говорить безъ конца и приписываютъ ему безконечный рядъ добродѣтелей. Война 1805 года очень популярна именно потому, что ее предпринялъ Александръ; имъ восторгаются, когда онъ самъ отправляется на войну; съ триумфомъ встрѣчаютъ его послѣ Аустерлица, и съ восхищеніемъ рассказываютъ о его скромности, когда онъ не захотѣлъ принять Георгія 1-ой степени ¹⁾. Эта характерная черта всеобщей влюбленности въ молодого царя вѣрно и сильно схвачена Толстымъ въ отношеніяхъ Николая Ростова къ Александру. Съ такой же художественной конкретностью изображенъ и наивный патріотизмъ москвичей, которые ухитрились изъ Аустерлица сдѣлать чуть не побѣду и отпраздновали ее пиромъ въ честь Багратіона ²⁾.

Но вѣдь нельзя долго обманывать себя, и неудачи слѣдующей войны жестоко уязвили самолюбіе нашего общества, привыкшаго къ побѣдамъ и при Екатеринѣ и при Суворовѣ ³⁾, а тильзитскій миръ и дружба императора съ мошенникомъ Бонапартомъ даже уронили на время популярность Александра: только наивный Николай Ростовъ могъ утѣшить себя мыслью, что цѣли и поступки государя выше его солдатскаго пониманія (II, 190—191); другіе же хоть и любятъ царя попрежнему, но строго осуждаютъ его руководителей, и его самого какъ будто больше почтительно жалѣютъ, чѣмъ уважаютъ.

Въ слѣдующее пятилѣтіе наше общественное мнѣніе въ важнѣйшихъ политическихъ вопросахъ не всегда сходится съ видами правительства: въ войнѣ 1809 г. Россія считается союзницею Франціи противъ Австріи, а русское общество радуется побѣдами послѣдней и огорчается успѣхами Наполеона ⁴⁾. Изъ очень разнообразныхъ элементовъ въ это время слагается у насъ національная партія,

¹⁾ Ibid., 152.

²⁾ Ibid., 237.

³⁾ Описаніе этого обѣда см. въ Дневникѣ Студента, 328 и слѣд.

⁴⁾ «Общество» тогда ограничивалось столицами; провинціальныя дворяне, по словамъ Вигеля (I, 2, 237), отнеслись равнодушно къ пораженію при Фридрихѣ: «были бы у нихъ только карты, гончія, зайцы, водка, пироги, шуты, балалаешники, плясуны, цыганскія пѣсни». А въ Москвѣ въ то время князь Одоевскій тратилъ массу денегъ, чтобы раньше другихъ узнавать политическія новости, и держалъ для этого особую квартиру близъ почтамта.

Впрочемъ, о провинціалахъ Вигель тутъ же прибавляетъ: «лѣтъ пять спустя (т. е. въ 1812 г.) заговорили они другимъ языкомъ».

⁵⁾ Вигель, II, 3, 36.

нашедшая себѣ, между прочимъ, выраженіе въ пресловутой Бесѣдѣ любителей россійской словесности ¹⁾, на засѣданія которой въ то время, слѣдуя модѣ, являлись въ мундирахъ и бальныхъ платьяхъ люди, всю жизнь говорившіе пофранцузски и никакой словесностью, не говоря уже о россійской, не интересовавшіеся. Главнымъ предметомъ преслѣдованія этой партіи, преслѣдованія сперва робкаго, такъ сказать, заугольнаго, потомъ все болѣе и болѣе явнаго и наконецъ побѣдоноснаго, былъ знаменитый Сперанскій, интересную фигуру котораго рельефно, но неполно, только съ вѣшной стороны нарисовалъ Левъ Толстой.

Московское общество не принимало непосредственнаго участія въ борьбѣ и какъ будто старалось поменьше думать о политикѣ; но плотной массой своей оно представляло солидную опору для націоналистовъ и горячо привѣтствовало ихъ побѣду.

Вѣсть о паденіи Сперанскаго всюду была встрѣчена съ большой радостью ²⁾ именно потому, что обществу нужна была жертва, козель-грѣхоносецъ, чтобы свалить на него предполагаемыя ошибки правительства и очистить отъ всякихъ нареканій «обожаемаго монарха», а этотъ монархъ потому и назначилъ государственнымъ секретаремъ малоспособнаго, но беззавѣтно преданнаго національнымъ интересамъ Шишкова, а главнокомандующимъ въ Москву Ростопчина, что наступалъ такой моментъ, когда вся Россія съ царемъ во главѣ и съ Москвою въ сердцѣ должна была составить одну партію, одно неразрывное цѣлое; наступала война 1812 г.

Но прежде, чѣмъ перейти къ ней, я скажу о другихъ сторонахъ внутренней жизни московскаго общества.

Въ Москвѣ и въ XIX в. большой баринъ не могъ шагу сдѣлать безъ толпы крѣпостныхъ приспѣшниковъ ³⁾; да и владѣлецъ нѣсколькихъ десятковъ душъ не могъ съѣздить въ гости къ пріятелю безъ того, чтобы на облучкѣ его рыдвана не трясся какойнибудь Петрушка или Филька въ рваныхъ сапогахъ; студенты изъ дворянъ всегда ѣздили въ университетъ съ лакеями; даже барчука-чиновника на службу провожалъ лакей; нечего и говорить о московскихъ барышняхъ и дамахъ: внучки иныхъ изъ нихъ и до сихъ поръ возятъ лакеевъ на запяткахъ.

Ужасы крѣпостнаго права слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы останавливаться на нихъ; но было бы огромной ошибкой полагать, что эти ужасы были обыденнымъ, привычнымъ, никого не возмущающимъ явленіемъ въ крупныхъ центрахъ и въ александровское время, когда стыдъ уже наложилъ свою узду на помѣщичье само-

¹⁾ Ibid., 150—152.

²⁾ Ibid., 4, 21.

³⁾ Гр. Орловъ выѣзжалъ на гулянье въ сопровожденіи цѣлаго коннаго отряда, Зап. Соврем., 88—89.

власти, да и нервы у многихъ были уже далеко не тѣ, что во времена Простаковыхъ ¹⁾. Можно привести столбцы цитатъ въ доказательство того, что теперь въ обществѣ не любили и презирали тѣхъ, о комъ шла молва, что они тиранятъ людей своихъ. Если кого желали уронить въ глазахъ всѣхъ порядочныхъ людей, про того пускали слухъ, будто онъ самъ сѣчетъ своихъ крестьянъ ²⁾. Разказы о деревенскихъ неистовствахъ Измайлова возбуждали ужасъ и омерзѣніе во всѣхъ, до кого доходили они ³⁾; съ другой стороны, съ удовольствіемъ и какъ бы съ нѣкоторой гордостью говорятъ о небогатомъ помѣщикѣ, который былъ такъ любимъ своими крестьянами, что тѣ послѣ его смерти добровольно собрали ему на памятникъ 400 рублей ⁴⁾.

Этотъ помѣщикъ одинъ изъ положительныхъ типовъ того времени и очень напоминаетъ деревенскаго «дядюшку» Ростовыхъ въ романѣ Толстого. Онъ былъ холостъ и имѣлъ женатаго брата и равныя съ нимъ права на наслѣдство; но онъ уступилъ брату 400 душъ, а себѣ взялъ 60, и этими душами управлялъ такъ, что онѣ внушали зависть всѣмъ мужичкамъ въ околоткѣ. Жилъ онъ необыкновенно просто и скромно, былъ всеобщимъ миротворцемъ, и когда прѣзжалъ въ гости къ сосѣдямъ, говорить современникъ Жихаревъ, «не токмо въ домѣ, но и въ цѣломъ селеніи водворялась свобода и миролюбивыя между всѣми отношенія: дѣдушка не кричалъ на приказчика, приказчикъ не тузилъ мужиковъ, дворовые люди сидѣли всѣ на лицо безотлучно въ передней, дѣвки не таскались по застольнымъ» и т. д.

Изъ этой идиллической картинки видно, какова была нормальная жизнь въ помѣщичьемъ домѣ средней руки, и какъ мало преувеличенія въ «Пошехонской старинѣ» Щедрина; но вѣдь это было въ деревнѣ; въ Москвѣ же всякій поневолѣ подтягивался и ругалъ и билъ прислугу только въ экстренныхъ случаяхъ, да и то не на людяхъ.

Правда, и въ Москвѣ обращеніе съ крѣпостными въ большинствѣ домовъ было грубое, и тотъ, кто называлъ своихъ людей полнымъ именемъ, многимъ казался чудакомъ, а въ глазахъ иныхъ былъ просто якобинецъ. Но вѣдь въ то время всякій чиновный старикъ всѣмъ безъ исключенія молодымъ людямъ говорилъ ты;

¹⁾ Волкова въ 1812 г. пишетъ (Вѣстникъ Европы, 1874 г., № 8, стр. 588), что многіе помѣщики покинули свои имѣнія, чтобы не слышать рева бабъ при наборѣ ратниковъ.

²⁾ Записки Современника, стр. 170.

³⁾ Ibid., 302—304. Жихаревъ говоритъ, что у него «волосы дыбятся» при этихъ разказахъ; должно, впрочемъ, замѣтить, что болѣе всего онъ возмущенъ тѣми жестокими штуками, которыя Измайловъ позволялъ себѣ надъ бѣдными дворянами, и подлымъ, корыстолюбивымъ самоуниженіемъ этихъ дворянъ.

⁴⁾ Ibid., 65—66.

главнокомандующій обращался на ты къ заслуженнымъ генераламъ; даже департаментскій экзекуторъ говорилъ ты молодому чиновнику университетскаго образованія, такъ какъ онъ былъ выше его нѣсколькими чинами; да и четверть вѣка позднѣе многоопытный Чичиковъ дѣйствительно никакъ не могъ понять, отчего Тетениковъ обидѣлся на генеральское ты. Правда, крѣпостные лакеи и въ особенности карлики за людей не считались¹⁾, и ихъ присутствіе ни въ какіе моменты не смущало цѣломудренныхъ дамъ и дѣвицъ московскихъ; но вѣдь при Екатеринѣ всѣ высокія особы принимали подчиненныхъ и просителей во время совершенія туалета. Стало быть, въ этомъ и въ подобныхъ этому обычаяхъ сказывалось не крѣпостничество, а просто грубость нравовъ, отзвукъ татарщины, «прошедшаго житія подлѣйшія черты», которыя сильно и замѣтно уступали новымъ началамъ именно въ періодъ англomanіи и либерально-гуманныхъ стремленій Александра I.

Конечно, безправіе крещеной собственности поддерживало эту грубость и безграничное своеволие дворянъ и было не малой помѣхой для осуществленія благихъ намѣреній Александра I. Я приведу двѣ картинки изъ московскихъ нравовъ той эпохи, свидѣтельствующія о степени этого своеволія и этой грубости.

Въ 1805 году поручикъ нотенбургскаго полка Сементовскій увидалъ на улицѣ барышню, наружность которой ему понравилась; онъ хотѣлъ немедленно увезти ее силою, но не удалось. Поручика арестовали и притянули къ допросу. Его спрашиваютъ: «Что побудило васъ къ такому насилію?» — «Понравилась». — «Знаете ли вы коротко эту дѣвушку?» — «Вовсе не знаю». — «Какъ зовутъ ее?» — «Не знаю». — «Гдѣ и у кого живетъ она?» — «Не знаю». — «Какое было ваше намѣреніе?» — «Жениться». — «Какъ же вы хотѣли жениться, если ея совсѣмъ не знаете?» — «Я узналъ бы послѣ». — «Но она не хотѣла ѣхать съ вами». — «Что мнѣ за дѣло до ея хотѣнья! У меня своя воля». Поручика выдержали недѣль шесть подъ арестомъ²⁾.

Въ томъ же году, въ концѣ октября, на садкѣ за тверской заставой, въ присутствіи многочисленной публики, два солидныхъ помѣщика изъ лучшихъ фамилій, Лихаревъ и Похвисневъ, по предложенію содержателя садки, пускали за зайцами собакъ своихъ. Собака Лихарева не догнала зайца. У ея хозяина побавровѣло лицо, и напружились жилы. «Что, батюшка, Никита Андреевичъ, — сказалъ ему Похвисневъ, — видно, русачекъ-то не по силамъ вашей собачкѣ». Лихаревъ промолчалъ, но бросилъ на соперника свирѣпый взоръ. Пустили собаку Похвиснева, она догнала зайца. «Браво,

¹⁾ Въ 1805 году либеральный Ростовчанинъ въ видѣ милой шутки запекалъ живого карлика въ паштетъ именинницѣ. *Ibidem*, 43.

²⁾ Записки Современника, стр. 79—80.

браво!»—закричали охотники. «Какое тутъ браво, — завопилъ Лихаревъ,—это просто стачка между двумя подлецами: одинъ сажаетъ полумертваго русака, другой пускаетъ на него свою полудворнягу, чтобы только сдѣлать мнѣ афронтъ!». При этой выходкѣ Похвисневъ бросился на Лихарева съ арапникомъ, но тотъ предупредилъ его сильнымъ ударомъ кулака въ лицо, такъ что разбитыя вдребезги очки почти врѣзались въ глаза Похвисневу, и «тутъ уже пошло сущее кровопролитіе». Публика поспѣшила разѣхаться, а бойцовъ отвезли къ оберъ-полицеймейстеру. Резолюція главнокомандующаго Беклешова по этому дѣлу была такая: Лихарева съ Похвисневымъ содержать, какъ озорниковъ, подъ арестомъ, пока искренно не помирятся, а помирятся — тотчасъ выпустить, сдѣлавъ нотацію, что благороднымъ людямъ, къ соблазну публики, приходитъ въ азартъ и драться стыдно». Въ тотъ же день бойцы помирились; о дуэли, конечно, не было и рѣчи ¹⁾.

Согласитесь, что все это очень мало похоже на французскихъ маркизовъ и шевалье. Не похожа на нравы сентжерменскаго предмѣстья и такая, напримѣръ, реплика княжны Гагариной на неловкій комплиментъ одного любезника: «Ахъ, Иванъ Кузьмичъ! вы не можете себя представить, какъ вы намъ всёмъ надоѣли» ²⁾.

Нѣтъ худа безъ добра: съ этой грубостью и моральной неопрятностью была соединена простота нравовъ и самое широкое гостепримство. Уже не слышно объ ежегодныхъ открытыхъ обѣдахъ екатерининскаго времени для всѣхъ желающихъ; но малѣйшей тѣни знакомства было достаточно, чтобы не выпускать гостя, не накормивши. Молодой человекъ, надѣвъ въ первый разъ студенческій мундиръ, дѣлаетъ визитъ едва знакомому барину; тотъ буквально принимаетъ его съ расprostертыми объятіями, называетъ милымъ, умницей, роднымъ, скликаетъ всю свою семью, хочетъ насильно накормить его завтракомъ, требуетъ шампанскаго ³⁾. Заѣзжаютъ раннею весною нѣсколько молодыхъ людей на чужую дачу посмотреть оранжереи; хозяинъ оказывается здѣсь; онъ знакомится съ ними и не отпускаетъ ихъ безъ обѣда съ шампанскимъ ⁴⁾. Въ экстренныхъ случаяхъ гостепримство простирается и на людей, совсѣмъ не знакомыхъ: на сокольничьемъ гуляньѣ 1-го мая тароватые дворяне устраиваютъ палатки, куда почти затаскиваютъ всѣхъ мимоидущихъ и угощаютъ на убой. На водахъ въ Липецкѣ одинъ пріѣзжій задаетъ *gouter dansant* для всѣхъ посѣтителей, больныхъ и здоровыхъ, а такъ какъ въ вокзалѣ недостаточно посуды, то всѣ приглашенные присылаютъ свое серебро и фарфоръ.

¹⁾ Ibidem, 191—192; 206—207.

²⁾ Ibidem, 127.

³⁾ Ibid., стр. 3.

⁴⁾ Ibid., 50—54

Тамъ же въ Липецкѣ тоже въ складчину сумѣли ¹⁾ устроить и доброе дѣло: 6 августа окрестные крестьяне навезли такую массу яблокъ, что не могли распродать ихъ; приходилось или везти товаръ назадъ или выбрасывать его. Водяные посѣтители сдѣлали «коллекту», скупили всѣ яблоки и роздали ихъ дѣтямъ и дворовымъ. Милліонеры въ родѣ гр. Орлова всѣ свои потѣхи обращали въ народныя удовольствія, и едва ли кто въ состояніи разобрать, какая въ этомъ доля бахвальства и какая—добраго чувства, желанія поселить бѣдняковъ.

Увеселенія и развлеченія этого почти сплошь бездѣльничавшаго общества поражаютъ своимъ разнообразіемъ: кромѣ именинъ, баловъ, званныхъ обѣдовъ, гуляній, скачекъ и пр. и пр., были и забавы крайне грубыя, въ родѣ боя гусей, пѣтуховъ, травли медвѣдей, кулачныхъ боевъ, картежныхъ вечеровъ, гдѣ проигрывались цѣлыя состоянія, гомерическихъ квалицированныхъ пооекъ, о которыхъ болѣе слабыя поколѣнія и понятія не имѣютъ, и въ которыхъ участвовали не только юные соврасы, въ родѣ Долохова и Курагина, но и люди почтенныхъ лѣтъ и положенія ²⁾; были и развлеченія утонченныя, совсѣмъ европейскія. Въ Москвѣ тогда было три театра: русскій, французскій и нѣмецкій, и два первые были почти постоянно переполнены дворянствомъ; «на завтрашній спектакль», если онъ представлялъ нѣкоторый интересъ, приходилось брать билеты съ бою, какъ теперь на Іоанну Даркъ съ г-жей Ермоловой. Очень характерно отношеніе московскаго общества того времени къ русскому театру и его артистамъ: съ одной стороны первые «сюжеты», напримѣръ, Плавильщикова обѣдаютъ у аристократовъ-любителей, и молодые драматурги—писать для театра послѣ Фонвизина и самой Екатерины стало дѣломъ серіознымъ и почетнымъ—заискиваютъ передъ ними; а съ другой стороны играть на публичномъ театрѣ для бывшаго студента ужасный позоръ; актеры и актрисы изъ крѣпостныхъ печатаются безъ буквы г. (господинъ или госпожа), а «когда они зашибаются, безчеловѣчно иронизируетъ студентъ-театраль ³⁾, имъ дѣлается выговоръ особаго рода» ⁴⁾.

Другіе въ такой же степени увлекались музыкой, держали свои

¹⁾ Положимъ, по идеѣ иностранки красавицы Альбины. «Записки Современн.», стр. 140.

²⁾ Въ Петербургѣ говорили: «Кто у Малютина (генералъ-лейтенантъ) пообѣдаетъ, а у Кологривова (шефъ лейбъ-гусарскаго полка) поужинаетъ и къ утру не умретъ, тотъ два вѣка проживетъ. «Дневникъ Чиновника», Отеч. Зап., 1855 г., сент., стр. 150.

³⁾ Зап. Совр., стр. 20.

⁴⁾ Другой театраль, Вигель (Восп., I, 2, 34), ужасно возмущается поведеніемъ помѣщика, который сажаетъ своихъ крѣпостныхъ артистовъ и артистокъ за одинъ столъ съ гостями и даже съ губернаторомъ.

оркестры, знакомились со всѣми мѣстными и пріѣзжими знаменитостями, нанимали ихъ, чтобы угощать ихъ искусствомъ знакомыхъ.

Теперь, какъ и въ лучшіе годы царствованія Екатерины, выдающимися, передовыми литераторами являются члены дворянскаго общества; изъ нихъ же выходятъ и любители-ученые, собиратели древностей, даже естествоиспытатели (быть профессиональнымъ ученымъ, занимать, напримѣръ, кафедру въ университетѣ, долго и послѣ этого считалось неприличнымъ для дворянина). Но разница въ томъ, что при Екатеринѣ словесность служила только забавой, а теперь барышни и молодья дамы до бессонницы, до разстройства нервовъ зачитываются новыми сантиментальными романами госпожъ Жанлисъ и Коттэнь ¹⁾; даже русскія повѣсти заставляютъ проливать слезы; теперь именно въ Москвѣ нашелся охотникъ отдать себя всецѣло журналистикѣ и литературѣ—Карамзинъ, и не видно изъ его биографіи, чтобы его считали чудакомъ, оригиналомъ, чтобы смѣялись надъ нимъ. Что касается до собиранія памятниковъ старины, то въ вѣкъ Екатерины, кромѣ самой императрицы, только Новиковъ да кн. Щербатовъ пріобрѣли извѣстность на этомъ поприщѣ, а теперь въ одной Москвѣ можно было насчитать десятки цѣнныхъ коллекцій и нѣсколько ученыхъ обществъ.

Но отдаться смолоду театру, музыкѣ, литературѣ или наукѣ могли сравнительно немногіе. Куда же было направить свои свѣжія силы остальнымъ, многимъ тысячамъ? Оставалась служба, все еще считавшаяся нравственно обязательной; но такъ какъ общество подьячихъ не представляло для дворянина ничего привлекательнаго, то огромное большинство поглощалось военной службѣ, этой «обязательной и безупречной праздностью», по выраженію Толстого ²⁾. Свѣтлыя и темныя стороны ея изображены въ «Войнѣ и Мирѣ» съ такимъ талантомъ и знаніемъ дѣла, что ни критику, ни историку культуры не останется прибавить ни единого слова; все сказано и такъ хорошо и вѣрно сказано, что читателю, никогда не бывавшему въ лагерѣ, кажется, будто онъ самъ служилъ въ Павлоградскихъ гусарахъ.

Для другихъ военную службу замѣняло масонство: въ масонской ложѣ, какъ и въ полку, человекъ чувствовалъ себя гораздо лучше, чѣмъ на волѣ, именно потому, что онъ тамъ подчинялся дисциплинѣ, пріобрѣталъ право уважать себя, какъ стоявшаго выше толпы, и въ то же время удовлетворялъ самымъ идеальнымъ человеческимъ стремленіямъ: къ вѣрѣ и любви, къ равенству и братству.

Масоны, дѣйствовавшіе въ то время, принадлежали къ двумъ разнымъ поколѣніямъ: старыя екатерининскіе масоны, очищенные

¹⁾ «Княгиня Оболенская изъ Газетнаго переулка заболѣла отъ чтенія Амаліи Мансфильдъ»,—пишетъ Волкова (Вѣстн. Евр., 1874 г., № 8, стр. 646). Это романъ Коттэнь: Амелія Мансфильдъ, переведенный въ 1810 г.; 2-е изданіе въ 1817 г.

²⁾ III ч., стр. 111.

и какъ бы просвѣтленные гоненіемъ, хотя и считались чудаками, но пользовались уваженіемъ лучшей части общества ¹⁾ (старушкамъ они внушали ужасъ чисто по недоразумѣнію: ихъ смѣшивали съ иллюминатами, между которыми дѣйствительно встрѣчались фокусники и смѣлые безсовѣстные обманщики); ихъ представителемъ въ «Войнѣ и Мирѣ» является «благодѣтель» Осипъ Алексѣевичъ Баздѣевъ. Масоны младшаго поколѣнія подчинялись духу времени: скромно философствовали, умѣренно либеральничали и сантиментальничали ²⁾ и мало дѣлали; ихъ общество не надолго могло удовлетворить умнаго Пьера Безухаго.

Въ противоположность людямъ, ищущимъ истины и самоподчиненія, видную и въ глазахъ молодежи, пожалуй, блистательную роль играли смѣльчаки, какъ бы хваставшіеся тѣмъ, что они не уважаютъ никого и ничего и повинуются только страстямъ своимъ и капризамъ. Такіе люди бываютъ всегда и вездѣ, и наивная поэзія любить заниматься ими, потому что удалство ихъ сильно дѣйствуетъ на воображеніе. Поэзія сознательная, изображающая жизнь общества болѣе или менѣе благоустроеннаго, смотритъ на свойство страстей ихъ; если эти страсти узко эгоистичны и низки, она дѣлаетъ изъ такихъ людей типы отрицательные; если же они хоть иногда руководствуются благородными, альтруистическими инстинктами, и она наклонна идеализировать силу, заключающуюся въ ихъ безстрашіи. Представители сознательнаго нравственнаго нигилизма появились у насъ во второй половинѣ XVIII вѣка; Пушкинъ изобразилъ ихъ въ Швабринѣ Капитанской дочки, Тургеневъ въ Лучиновѣ, въ повѣсти: Три портрета, оба со стороны отрицательной. Въ обществѣ александровскомъ къ этому типу принадлежалъ знаменитый Толстой-американецъ, внушавшій почти благоговѣніе юному Вигелю ³⁾ (очевидно потому, что въ натурѣ послѣдняго не было и тѣни удалства) и такъ жестоко, но справедливо развѣнчанный Грибоѣдовымъ въ стихахъ:

Ночной разбойникъ, дуэлянтъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ
И крѣпко на руку не чистъ и пр.

Авторъ «Войны и Мира» обработалъ этотъ типъ въ наглomъ буйнѣ, игрокѣ и бретерѣ Долоховѣ. Но смотрите, какая характерная разница между портретомъ сатирика, возмущеннаго пошлостью современности, и созданіемъ эпика, идеализирующаго прошлое: увлекательныя (для Репетилова и К^о) рѣчи мошенника о высокой честности дѣлаютъ изъ него фигуру комическую, не смотря на всю ея злобредность. А Долоховъ при всей своей жестокости и наглomъ

¹⁾ Зап. Совр., стр. 38.

²⁾ Припомнимъ женскія перчатки у Толстого (II, 102).

³⁾ См. Воспом., I, 2, 142; II, 3, 47; *ibidem*, 78. Ср. Былое и Думы, I, 321 и пр.

фатовствѣ — фигура красивая, а въ своей любви къ матери и горбатой сестрѣ даже симпатичная.

Пестрая, шумная, но въ сущности пустая, бессмысленная жизнь московскаго общества не могла удовлетворить лучшихъ людей той эпохи: Пьеръ Безухій не чувствуетъ отъ нея тоски только послѣ двухъ бутылокъ вина; Андрей Болконскій съ омерзѣніемъ бѣжитъ отъ нея въ Богучарово; даже ограниченный, непритязательный Николай Ростовъ, проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ, испытываетъ какой-то нравственный *Katzenjammer* и съ радостію уѣзжаетъ въ свой полкъ. Безъ упрековъ совѣсти вполнѣ наслаждаются московскими удовольствіями только такія полуживотныя, какъ Анатоль Курагинъ и сестра его.

Но вотъ насталъ критическій моментъ, который показалъ, что это общество, такъ рѣдко и плохо говорившее порусски, вовсе не на столько оторвано отъ народной почвы, какъ это могло казаться постороннимъ наблюдателямъ. Началась великая отечественная война, и русское барство слилось въ одно цѣлое съ русскимъ народомъ. Тогда у всѣхъ нашлось настоящее дѣло; всѣ понадобились: и Николай Ростовъ, и буянь Долоховъ, и Андрей Болконскій, даже Бергъ и даже Анатоль Курагинъ; даже ни на что негодныя Жюли Друбецкія щиплютъ корпію и собираютъ штрафы за французскій разговоръ.

Во главѣ движенія стала Москва, теперь оказавшаяся не оставной, а самой настоящей столицей, столицей русскаго народа.

Война 1812 г. есть война преимущественно московская; Москва ея альфа и омега, и поэтъ этой войны Л. Толстой показалъ это съ художественной наглядностію. Вступая въ Россію, Наполеонъ стремился къ «святой Москвѣ» (*Moscou la sainte*), а наша армія употребляла всѣ усилія, чтобы заступитъ ему дорогу. Русскій народъ (теперь уже въ цѣломъ своемъ составѣ, безъ раздѣленія на сословія) больше всего боялся за Москву. «Если Москва погибнетъ, все пропало», пишетъ умная барышня Волкова: «Бонапарту это хорошо извѣстно, онъ никогда не считалъ равными обѣ наши столицы»¹⁾. Въ Москвѣ впервые выразился тотъ страшный подъемъ народнаго духа, надъ которымъ такъ неумѣстно изощряли свое остроуміе черезчуръ хладнокровные петербуржцы. При Бородинѣ остановился Кутузовъ, чтобы, повинувшись голосу народному, попытаться спасти Москву, и далъ знаменитое сраженіе — *la bataille de Moskova*. Бѣгство жителей и пожаръ Москвы нанесли неожиданный и страшный ударъ всѣмъ расчетамъ и планамъ Наполеона. Въ моментъ гибели Москвы горе русское достигло высшей степени, и

¹⁾ «Грибоѣдовская Москва», Вѣсти. Евр., 1874 г., № 8, стр. 595.

«Въ Россіи,—пишетъ она немного позади,—многіе не подозреваютъ о существованіи другой столицы, кромѣ Москвы», *ibid.*, 608.

тогда-то пробудилась въ народѣ такая страшная сила отчаянія, такое ожесточеніе, передъ которымъ не могли бы устоять и десятки армій. «Послѣ взятія Москвы пропалъ страхъ», говорятъ современники¹⁾, а съ чѣмъ не сладить человѣкъ, которому нечего бояться? Острая сердечная боль, которую почувствовалъ народъ при извѣстіи о томъ, что его древняя столица перестала существовать, сдѣлала нашихъ добродушныхъ дѣдовъ злыми, мстительными корсиканцами²⁾, и тогда-то началась та безжалостная партизанская война, которая должна была уничтожить «великую армію» чуть не до послѣдняго человѣка. И нельзя не замѣтить, что по мѣрѣ истребленія оскорбителей и удаленія театра войны отъ пожараща Москвы это ожесточеніе слабѣетъ, а когда наша армія переходитъ границу, война перестаетъ быть отечественной и становится европейской. Какъ же вело себя по «Войнѣ и Миру» московское общество въ это критическое время? Оно, по мнѣнію Толстого, совершило три подвига: оказало правительству огромную помощь людьми и деньгами; оно отпустило въ дѣйствующую армію всю молодежь свою и, въ-третьихъ, наконецъ оно бѣжало изъ Москвы. «Та барыня,—говоритъ Толстой³⁾,—которая еще въ іюнѣ мѣсяцѣ съ своими арапами и шутихами подвигалась изъ Москвы въ Саратовскую губернію съ смутнымъ сознаніемъ того, что она Бонапарту не слуга, дѣлала просто и наивно то великое дѣло, которое спасло Россію». Въ этихъ словахъ много правды: кто рѣшилъ, что онъ Бонапарту не слуга, тотъ никогда Бонапарту слугою и не будетъ. Но вопросъ въ томъ, многія ли московскія барыни обладали такимъ сознаніемъ, хотя бы и смутнымъ. Иныя владѣтельницы араповъ и шутихъ были развиты не болѣе этихъ шутихъ и бѣжали изъ страха передъ антихристомъ; многія, какъ показалъ самъ же Толстой, уѣзжали только потому, что другія уѣзжаютъ; иныя руководствовались соображеніемъ болѣе основательнымъ — боялись не столько французовъ, сколько своихъ же солдатиковъ и козаковъ, которые должны были пройти прежде Наполеона, и наконецъ московскаго простонародья, поджигаемаго Ростопчинымъ. Преинтересная и прехарактерная фигура этотъ русскій маленькій Дантонъ въ генеральскомъ мундирѣ, съ своими грубоостроумными афишами, которыми онъ то, какъ администраторъ, сдерживаетъ страсти, то, какъ демагогъ, разжигаетъ ихъ. Толстой оказалъ большую услугу нашему самосознанію, занявшись имъ хоть мимохо-

¹⁾ Воспом. Вигеля, II, 4, 50. «Сегодня почты не будетъ», — объявляютъ въ Певѣ (ibid.), такъ какъ почти вся корреспонденція шла или изъ Москвы или черезъ Москву, и можно себя представить, какой ужасъ должно было произвести подобное объявленіе! Разрушались всѣ связи общественныя, и многимъ показалось, что насталъ конецъ всему.

²⁾ Ibid., 58.

³⁾ V, 19.

домъ; остановиться на немъ подолѣе онъ не имѣлъ желанія по причинѣ исполнѣ понятной; самохвальная, мелкосамолюбивая натура Ростовчина не годится для эпопей.

Кутузовъ и Ростовчинъ не любятъ другъ друга, но они оба понимаютъ, что съ «великой арміей» можетъ сладить только цѣлый народъ, и оба дѣйствуютъ въ этомъ направленіи: возбуждаютъ народную войну. Когда, по выраженію одного умнаго лакея-современника, «раздразнили мужика сердитаго»¹⁾, мудрено ли, что отъ этого сердитаго мужика изрѣдка доставалось и барамъ, патриотическаго бѣгство которыхъ не въ овраги и лѣса, а въ мѣстности спокойныя, пощаженные нашествіемъ, было ему не совсѣмъ понятно?

Но это были частные случаи²⁾; въ общемъ же мужики показали гораздо болѣе такта и довѣрія къ начальству, чѣмъ можно было ожидать отъ нихъ. Современники замѣчаютъ, что простой народъ въ это время сдѣлался гораздо смѣлѣе въ поступкахъ и рѣчахъ, за то въ дѣйствіяхъ проявлялъ гораздо болѣе послушанія³⁾. Общее бѣдствіе сближаетъ мужика и барина; баринъ чуть не въ первый разъ близко видитъ настоящую бѣдность и нужду, испытываетъ ее и на себѣ⁴⁾ и возвращается изъ кратковременной эмиграціи болѣе добрымъ и гуманнымъ и болѣе русскимъ человѣкомъ.

Это сближеніе съ народомъ и обрусеніе нашего общества выражается и въ мелочахъ и въ серьезномъ: перестаютъ говорить по-французски; барыни одѣваются въ сарафаны и кокошники, а мужчины—въ ополченскіе кафтаны⁵⁾; поэты начинаютъ сочинять стихи и пѣсни для народа⁶⁾; барыни и бабы вмѣстѣ плачутъ, отпуская на войну мужей и братьевъ, и вмѣстѣ молятся за нихъ, наполняя церкви и по буднямъ. «Чѣмъ ближе я знакомлюсь съ нашимъ народомъ,—пишетъ Волкова⁷⁾,—тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что не существуетъ лучшаго, и отдаю ему полную справедливость».

Этотъ великій моментъ преклоненія русской интеллигенціи передъ вѣрой и правдой народной и простодушнымъ героизмомъ сѣрой деревни нашель высокопоэтическое выраженіе въ изображеніи того, что видѣлъ и чувствовалъ Пьеръ Безухій подъ Бородинымъ и чему научился онъ въ московскомъ баракѣ отъ простоватого Каратаева. Вступилъ онъ въ этотъ баракъ Пьеромъ, а вышелъ оттуда Петромъ Кирилловичемъ.

Но мы далеки отъ временъ Булгарина и Загоскина, и авторъ

¹⁾ Воспоминанія Вигеля, II, 4, 39.

²⁾ Одинъ изъ нихъ очень красиво и занимательно, но едва ли совсѣмъ безпристрастно изображенъ гр. Л. Толстымъ въ Богучаровскомъ бунтѣ.

³⁾ Вигель, I, с.

⁴⁾ Грибоѣдовская Москва, «Вѣсти. Евр.», 1874 г., № 8, стр. 604.

⁵⁾ Вигель, II, 4, 59.

⁶⁾ См. 10-й выпускъ пѣсенъ Кирѣвскаго.

⁷⁾ Л. с., стр. 599.

«Войны и Мира» не закрываетъ глазъ на темныя пятна великаго года. Оказывается, что свои православные воины грабили больше, нежели французы; да и могло ли это быть иначе, когда въ нашей арміи дисциплина поддерживалась только побоями, и при ней состояли многочисленныя Лаврушки, въ которыхъ розги убили всякое чувство чести? И изъ Москвы гораздо больше добра расхитили подмосковные мужики, нежели Наполеоновскіе солдаты; но Толстой очень остроумно доказываетъ, что отъ грабежа своихъ Москва только поправлялась.

Всѣ современники поражались тѣмъ, какъ быстро этотъ выжженный и дважды разграбленный городъ возникалъ изъ-подъ развалинъ. Со времени несчастія, — пишетъ Волкова ¹⁾, Москва стала еще милѣе для всѣхъ, кто къ ней былъ привязанъ»; и вотъ едва французская армія вышла изъ предѣловъ губерніи, къ пожарищу столицы со всѣхъ сторонъ потянулись обозы и мужицкіе и купеческіе. Уже въ іюль 1813 г. въ Москвѣ насчитывали около 200.000 жителей ²⁾, больше, чѣмъ было въ 1811 г.; она стала богаче прежняго и лавками и фабриками ³⁾; богатые баре спѣшать отстраиваться, и сами говорятъ, что теперь, благодаря французамъ, они станутъ жить почеловѣчески ⁴⁾; отстройка погорѣлыхъ домовъ сдѣлалась самой модной спекуляціей. Все древнее и живописное въ Москвѣ уцѣлѣло, а старое было замѣнено новыми красивыми постройками ⁵⁾.

Быстро оправилось и московское барство: недавнюю нужду опять замѣнила страшная роскошь (уже въ 1814 году въ дворянскомъ собраніи устраивались празднества, гдѣ на одной княжнѣ Шаховской было на 600.000 брилліантовъ, да платье ея стоило 2.000 рублей); опять въ Москвѣ начинаютъ веселиться и плясать до упаду, и Марія Волкова жалуется, что нѣтъ физической возможности бывать у всѣхъ знакомыхъ; въ концѣ сезона она серьезно печалится о томъ, что въ одну зиму двѣ московскія барышни затанцовались положительно до смерти, а третья — до злой чахотки.

Въ массѣ общества быстро исчезли новыя идеи, навѣяанныя бѣдствіемъ; когда «сердитый мужикъ» успокоился и вернулся къ своимъ мирнымъ занятіямъ, на него опять стали смотрѣть попрежнему; опять вездѣ раздавался французскій языкъ, который вслѣдствіе огромнаго количества плѣнныхъ распространился и по медвѣжьимъ угламъ, гдѣ прежде о немъ не было и слышно. Въ высшихъ сферахъ есть цѣлыя учрежденія, гдѣ все дѣлопроизводство

¹⁾ Л. с., стр. 612.

²⁾ Письма Волковой, «Вѣстн. Евр.», 1874 г., № 9, стр. 118. Ср. «Война и Миръ», VI, 121.

³⁾ Ibid., 121.

⁴⁾ Ibid., 123.

⁵⁾ Воспоминанія Вигеля, III, 1, 212.

ведется пофранцузски¹⁾; есть учебныя заведенія, даже казенныя, гдѣ языкъ преподаванія французскій. Многія русскія барыни охотнѣе посѣщаютъ французскую церковь, чѣмъ русскую, и обращенія въ католичество къ концу царствованія Александра становятся зауряднымъ явленіемъ.

Но для лучшихъ людей 1812 годъ не могъ пройти безслѣдно: оставшійся въ живыхъ герой «Войны и Мира» Безухій, до тѣхъ поръ вѣчно недовольный, бесполезный, даже жалкій и смѣшной «международный» человѣкъ, сдѣлался дѣятельно-добрымъ, находчивымъ, всеобщимъ примирителемъ и объединителемъ русскихъ людей съ честными и благими стремленіями.

1-го января 1813 года русскія войска выступили за границу, и многія тысячи ихъ возвратились на родину только въ 1818 году послѣ Ахенскаго конгресса. Понятно, что это пятилѣтнее непосредственное знакомство съ европейской жизнью не могло не произвести сильнаго вліянія на русскихъ офицеровъ, а черезъ нихъ и на все русское дворянство²⁾, тѣмъ болѣе, что и Европа тогда находилась въ особыхъ условіяхъ, да и русскіе чувствовали себя въ ней не попрежнему: не ненавистными варварами-разрушителями явились они теперь туда, а желанными освободителями. Когда человѣку выказываютъ любовь и уваженіе, ему, естественно, хочется вести себя такъ, чтобы не ослабить, а усилить это чувство, и онъ становится и добрѣе, и умнѣе, и откровеннѣе, и наблюдательнѣе. А наблюдать было что: во-первыхъ, сильный подъемъ народнаго духа въ Германіи, подобный тому, какой былъ въ 1812 году въ Россіи, только въ иныхъ соціальныхъ формахъ: здѣсь не предводители дворянства, а профессора и писатели вооружали народъ; здѣсь правительства не приказывали, а заискивали у подданныхъ и прельщали ихъ обѣщаніями. Затѣмъ началась отчаянная война, гдѣ одна сторона билась за господство, а другая за свободу; война окончилась «битвой народовъ» при Лейпцигѣ, и народы побѣдили военнаго деспота. Затѣмъ слѣдовало тяжелое, но поучительное зрѣлище униженной Франціи, изгнаніе ненавистнаго тирана и восстановленіе «законнаго порядка»; но когда оказалось, что законный порядокъ не оправдалъ возлагаемыхъ на него ожиданій, ненавистный тиранъ снова обратился въ возлюбленнаго императора, а давно желанный монархъ

¹⁾ Вигель (III, 5, 9 и слѣд.) служить подъ начальствомъ Бетанкура, который не понимаетъ порусскѣ; этотъ Бетанкуръ сдѣлалъ директоромъ института путей сообщенія бывшаго якобинца Сенновера, который роздалъ французамъ учительскія мѣста. «Пусть смѣтутъ другую землю, врагами не покоренную,—говоритъ Вигель,—гдѣ иностранцы имѣли бы право требовать, чтобы внутри государства по ихъ прихоти дѣла производились не на одномъ отечественномъ языкѣ» (ibid., 30).

²⁾ Надо при этомъ еще принять въ расчетъ, что въ то время масса русскихъ путешествовала за границей между прочимъ и для того, чтобы видѣться съ родственниками и друзьями.

долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Тогда Европа съ удивленіемъ услышала, какъ великій жрецъ суровой солдатской дисциплины заговорилъ о свободѣ мысли, о конституціи, а немного позднѣе боговѣнчаный король, чтобы привлечь на свою сторону вѣрныхъ подданныхъ, подкрѣплялъ свою хартію новыми торжественными обѣщаніями. Въ Мобѣжѣ, гдѣ стоялъ русскій оккупационный корпусъ, наши офицеры могли узнать о томъ, какъ мало думали нѣмецкія правительства о дарованіи народамъ тѣхъ благъ, которыя они насулили въ горячую минуту, и какъ только одинъ владѣтель маленькаго Саксенъ-Веймарскаго герцогства, Карлъ-Августъ, другъ Гёте, не обманулъ ожиданій своихъ подданныхъ. На глазахъ у нихъ зародился «священный союзъ», и на ихъ же глазахъ выродился онъ въ Меттерниховскую «систему», подъ вліяніемъ которой вчерашніе вѣрные сыны отечества сегодня стали опасными демагогами. Они еще не думали покидать предѣловъ Франціи, когда нѣмецкіе студенты устроили вартбургскій праздникъ (октябрь, 1817 г.), съ котораго начались репрессаліи, и они еще не успѣли перейти русскую границу, когда произошло политическое убійство статскаго совѣтника Коцебу (мартъ, 1819 г.), послужившее сигналомъ для того, чтобы осторожныя репрессаліи обратились въ явную общую реакцію. Извѣстно, какъ эта реакція, совпавшая съ роковымъ поворотомъ въ характерѣ и убѣжденіяхъ Александра I, тяжело отозвалась въ Россіи и между прочимъ на положеніи военныхъ. Имя Аракчеева черезъ солдатъ попало даже и въ народныя пѣсни, а пресловутая семеновская исторія показала, какимъ духомъ проникнута значительная и лучшая часть нашего войска.

Русскіе офицеры этой эпохи болѣе или менѣе рѣзко могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи, при чемъ довольно вѣрной основой дѣленія служить время ихъ вступленія въ службу. Кто по волѣ родителей, по расчету или по страсти надѣлъ мундиръ въ первое десятилѣтіе нашего вѣка, тотъ вслѣдствіе длиннаго ряда походовъ, оторвавшихъ его отъ семьи и отъ общества, поневолѣ одичалъ, застылъ въ военщинѣ и до нѣкоторой степени долженъ былъ уподобиться полковнику Скалозубу; отъ такихъ господъ умственное развитіе русскаго общества, конечно, не могло ничего ожидать, кромѣ «фельдфебеля въ Вольтеры»; вѣдь и Николай Ростовъ одной стороною существа своего принадлежитъ къ тому же типу, только обработанному не съ отрицательной, а съ положительной стороны; вотъ почему онъ и выражаетъ полную готовность, по приказу Аракчеева, рубить съ своимъ эскадрономъ Безухова и его товарищей¹⁾.

Совсѣмъ иного типа русская молодежь, кинувшаяся въ военную службу въ 1812 году подъ вліяніемъ увлеченія не мундиромъ, а идеєю и живымъ всенароднымъ чувствомъ. Часть ея (какъ, напри-

¹⁾ VI, 216.

мѣръ, и самъ Грибоѣдовъ) вернулась къ мирнымъ занятіямъ, но многія сотни остались офицерами, отчасти по неимѣнію другого дѣла, отчасти изъ привязанности къ товарищамъ. Эти люди не могли обратиться въ Скалозубовъ: въ Европу они попали въ лучшіе, какъ говорятъ нѣмцы, учебные года, вынесли оттуда много идей и благородныхъ стремленій, и на войну смотрѣли они, не какъ на средство выслужиться, а какъ на тяжкую, печальную необходимость¹⁾. Они-то вмѣстѣ съ своими штатскими единомышленниками и явились запѣвалами въ умственномъ движеніи начала 20-хъ годовъ. Вотъ какъ Вигель, въ очень слабой степени сочувствующій этому движенію, говоритъ о перемѣнѣ, происшедшей въ нравахъ и настроеніи нашего общества этого времени: «Быть неутомимымъ танцовщикомъ, въ разговорахъ съ дамами всегда находить что нибудь пріятное, въ гостиныхъ при нихъ находиться неотлучно,—все это перестало быть необходимою. Требовалось болѣе ума, знаній; маленькое ораторство начинало заступать мѣсто комплиментовъ»²⁾. Немного ниже³⁾ онъ увѣряетъ, будто высылка Пушкина, въ 1820 году, страшно поразила петербургскихъ вольнодумцевъ и загнала ихъ либерализмъ въ землю, гдѣ онъ и началъ дѣлаться опаснымъ.

Въ этомъ году происходитъ дѣйствіе эпилога «Войны и Мира»; Петръ Безухій возвращается изъ Петербурга, гдѣ нашель все въ ужасномъ положеніи и гдѣ убѣждалъ всѣхъ порядочныхъ людей, во имя дѣятельной добродѣтели, «взяться рука съ рукой, чтобы противостать общей катастрофѣ», составить союзъ всѣхъ честныхъ людей «джентльменовъ въ полномъ значеніи этого слова», съ цѣлію общаго блага и общей безопасности⁴⁾.

Извѣстно, что такой союзъ «джентльменовъ» составилъ, но, увы, не сталъ онъ къ правительству «въ отношеніе помощниковъ», какъ мечталъ объ этомъ миролюбивый Безухій!

Въ тотъ же тяжелый періодъ реакціи, во время господства Аракчеева и Магницкаго, происходитъ и дѣйствіе трагикомедіи Грибоѣдова. Трагизмъ ея въ томъ, что въ ней одинъ человѣкъ съ просвѣщенными идеями и благородными стремленіями поставленъ въ необходимость бороться противъ цѣлаго общества своихъ ближнихъ. Чацкій не изъ тѣхъ людей, которые умѣютъ устроить свою жизнь, добиться личнаго счастья; за то, какъ обличитель и боець, онъ драгоцѣнный человѣкъ: его огромный умъ, ѣдкое остроуміе, несокрушимая энергія, самозабвенная отвага, пренебреженіе къ лич-

¹⁾ Таковъ, напримѣръ, братъ Волковой, см. Вѣстникъ Европы, 1874 г. № 10, стр. 582 и *passim*.

²⁾ III, 6, 32.

³⁾ *Ibidem*, 85—86.

⁴⁾ VI, 213—215.

нымъ интересамъ, горячая любовь «къ свободной жизни» и горячая ненависть къ врагамъ ея даютъ ему видное мѣсто въ самыхъ первыхъ рядахъ честной прогрессивной партіи. Но вѣдь нужна партія, нужны товарищи, на которыхъ онъ могъ бы опереться; а въ томъ кружкѣ московскаго общества, куда судьба забросила Чацкаго, онъ совсѣмъ одинъ. Самоувѣренная реакція придавала смѣлость всѣмъ самымъ сквернымъ инстинктамъ Фамусовыхъ и Молчалиныхъ; а социальныя и умственные пертурбаціи послѣднихъ десятилѣтій низвергли старый нравственный кодексъ узкій, но твердый, и открыли двери аристократическихъ салоновъ для явныхъ и общепризнанныхъ мерзавцевъ въ родѣ Загорѣцкаго ¹⁾. Въ 1805 г. его постыдился бы принимать и безразборчивый Фамусовъ; да и самъ Фамусовъ въ то время не рѣшился бы требовать административной высылки для Чацкаго и не посмѣлъ бы даже и въ шутку развивать мнѣніе о пользѣ истребленія книгъ. А теперь, когда по словамъ Скалозуба,

Есть провѣтъ на счетъ лицеевъ, школъ, гимназій:
Тамъ будутъ лишь учить понашему: разъ! два!
А книги сохранять такъ, для большихъ оказій.

и когда плану его чахоточнаго родственника,

Въ ученый комитетъ который поселился
И съ крикомъ требовалъ присягъ,
Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился,

симпатизируютъ иныя высокопоставленныя лица, пошлыя шутки Фамусова многими принимаются всерьозъ.

Чацкій хуже чѣмъ одинъ: у него есть поклонники въ родѣ Репетилова, и его единомышленниками мнятъ себя крикуны, засѣдающіе въ англійскомъ клубѣ. Нужно ли объяснять, что такіе поклонники и единомышленники хуже враговъ ²⁾?

И погибъ бѣдный Чацкій въ непосильной борьбѣ, точно больной орелъ, заклеванный воронами. Но не погибли и не могли погнѣнать его идеи, тѣмъ болѣе, что если въ кружкѣ гостей Фамусова Чацкій былъ одиночекъ, въ Россіи въ то время былъ не одинъ десятокъ Чацкихъ и Безухихъ. Даже пессимистически смотрящій на

¹⁾ Вигель (III, V, 129 и слѣд.), описывая одного изъ такихъ, какого-то С., замѣчаетъ, что въ послѣднее время эти «порожденія вѣка сомнѣнія и эгоизма» встрѣчаются довольно часто.

²⁾ Репетиловъ, впрочемъ, не московскій типъ: въ Петербургѣ онъ «лѣзъ въ чины» и только послѣ неудачи возвратился въ Москву, гдѣ и сдѣлался поклонникомъ радикальныхъ лѣкарствъ. Въ Петербургѣ же возникли и водевили (первый водевилъ, родоначальникъ безчисленнаго потомства, — «Кавказъ Стихотворецъ» кн. Шаховскаго, см. Вигель, II, 4, 161). Извѣстно, что Грибоѣдовъ и самъ участвовалъ въ драматическихъ трудахъ на складчину, о которыхъ говоритъ Репетиловъ.

современниковъ авторъ «Горя отъ ума» говорить, что у деревяннаго Скаловуба есть двоюродный братъ, который

Крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ:
Чинъ слѣдовалъ ему, онъ службу вдругъ оставилъ,
Въ деревнѣ книги сталъ читать!

И у кн. Тугоуховской есть племянникъ кн. Федоръ, ботаникъ и химикъ ¹⁾).

Эти идеи о свободной мысли и «свободной жизни» росли и распространялись годъ отъ году, не смотря на всѣ миллионы терзаній, выпадавшіе на долю ихъ проповѣдниковъ, не смотря на всѣ ошибки и увлеченія ихъ неподготовленныхъ партизановъ.

Да и мысли Чацкаго «о жалкой тошнотѣ по сторонѣ чужой», «о премудромъ незнаньи иноземцевъ», мечты его о томъ,

Чтобъ умный, добрый нашъ народъ
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ,—

оказались вовсе не «дичью» ²⁾ и не «нетрезвостью рѣчи» ³⁾, а другой стороной той же «свободной жизни», обращающейся къ своему народному источнику, и легли въ основу цѣлаго міровоззрѣнія московскихъ славянофиловъ, міровоззрѣнія живого, поэтичнаго, высокочестнаго и въ свое время плодотворнаго ⁴⁾.

Эти идеи, развиваясь, укрѣпляясь и совершенствуясь, проходятъ золотыми нитями черезъ все царствованіе императора Николая, освѣщаютъ дивнымъ внутреннимъ свѣтомъ всю нашу художественную и критическую литературу того времени, даютъ зрѣлымъ людямъ силу переносить всѣ бѣды въ ожиданіи будущихъ благъ и воспитываютъ молодое поколѣніе, совершителей великихъ реформъ, вѣчно памятныхъ сотрудниковъ Царя-Освободителя.

Эти реформы закончили дворянскій періодъ русской литературы и цивилизаціи и начали новый—всесловный, всенародный. Если онъ и не создалъ до сихъ поръ такихъ безусловно художественныхъ произведеній, какъ предшествующій, за то онъ дѣлаетъ другое великое дѣло: онъ вводитъ въ сознаніе массы народной все лучшее, что создано и нашими отцами и человѣчествомъ. Не далеко то время, когда Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ будутъ извѣстны въ каждой деревенской школѣ лучше, нежели въ 50-хъ годахъ были извѣстны въ гимназіяхъ и университетахъ, и на этой цѣльной почвѣ сѣмена, ими посѣянные, дадутъ болѣе обильные плоды.

²⁾ О немъ см. «Былое и Думы», I, стр. 138, 142, 145.

³⁾ Бѣлинскій, III, 424.

³⁾ Гончаровъ, VIII, 157.

⁴⁾ Такое же значеніе имѣютъ и запросы Петра Безухаго о томъ, что одобрилъ бы въ его жизни и дѣятельности представитель народнаго «благообразія» Платонъ Каратаевъ, и что—нѣтъ (VI, 226).

Тогда-то исполнится завѣтная мечта многострадальныхъ передовыхъ людей нашихъ, и навсегда исчезнетъ роковая рознь между русской интеллигенціей и народомъ, отъ которой происходили и происходятъ всѣ наши бѣды.

Не будемъ пока мечтать о томъ, что новаго и великаго внесемъ мы тогда въ міръ, а будемъ учить и учить народъ, чему можемъ и сколько можемъ, и въ то же время, откинувъ полупросвѣщенное самомнѣніе, сами будемъ у него учиться здоровой правдѣ народной.

А. Кирпичниковъ.

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО ¹⁾.

XXIII.

Перенесеніе лагеря въ загородные сады. — Благодарственный молебень. — Осмотръ ханскаго дворца. — Назначеніе курьеромъ Флита. — Возвращеніе хивинскаго хана. — Поѣздка въ кавказскій отрядъ; пиръ у Теръ-Асатурова. — Отправленіе отряда Головачева. — Блокъ. — Скобелевъ. — Пріѣздъ А. Милютина и его разсказъ объ отрядѣ Маркова. — Дѣло 15-го іюля. — Гибель Каменецкаго и казаковъ. — Бетманъ и Рейнау. — Отѣздъ Скобелева въ Инды-Кудузъ и приключеніе съ нимъ. — Обѣдъ шахризабцевъ. — Пріѣздъ Флита и высочайшія награды. — Отѣздъ. — Москва. — Опять Скобелевъ. — Поѣздка въ Петербургъ. — Обѣдъ во дворцѣ 26-го ноября. — Разговоръ со мной его величества.

ОКА Константинъ Петровичъ принималъ поздравленія, нѣкоторые изъ насъ, въ томъ числѣ и я, пустились осматривать достопримѣчательности дворца. Пробираясь по лабиринту комнатъ парадно-пріемныхъ и жилыхъ, мнѣ случайно пришлось наткнуться на какой-то полумрачный чуланъ или кладовую, гдѣ совершенно неожиданно нашелъ я продуктъ, самый рѣдкій и дорогой, въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ сряду составлявшій несбыточную мечту каждаго изъ насъ... чтобы не томить долѣе, скажу прямо: кусокъ льда, — льда, за золотникъ котораго въ Кизиль-Кумской степи никто бы не задумался предложить пять золотниковъ чистаго золота! Живо и жадно набросились на мою находку сотоварищи мои, и чѣмъ попало, пашкой и складнымъ ножомъ, но каждый изъ насъ успѣлъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LX, стр. 414.

отковырнуть изрядный кусокъ отъ найденной сплошной массы, и съ этимъ трофеемъ въ рукахъ мы вернулись на террасу. Тамъ многіе, увидѣвъ этотъ безцѣнный кладъ, тоже бросились по слѣдамъ нашимъ на поиски, но кладъ имъ не дался въ руки, такъ какъ ни они, ни мы не могли вторично доискаться таинственнаго хранилища этого сокровища.

Вскорѣ поднялся Кауфманъ и поѣхалъ въ лагерь оренбургскаго отряда къ раненому Веревкину, а насъ всѣхъ направилъ за городъ въ сады, гдѣ мы и расположились лагеремъ въ четырехъ верстахъ отъ Хивы. На слѣдующій же день послѣ обѣда (все еще *soi-disant* обѣда) на площади города отслужено было торжественное молебствіе съ салютаціей изъ орудій (взятыхъ здѣсь и въ Хазарапсѣ у непріятели) по случаю совпавшаго празднованія нашего съ великимъ для всей Россіи днемъ рожденія великаго преобразователя нашего Отечества, которому пришла первая мысль о пользѣ завоеванія Хивинскаго ханства—императора Петра Великаго.

Расположились мы здѣсь лагеремъ не ахти какъ удобно! Садъ, примыкающій къ лѣтнему двору хана, довольно обширный и тѣнистый, засаженный почти исключительно урокомъ (абрикосами), между которыми проведены арыки съ посредственной водой; но кругомъ сада воздвигнута высокая и сплошная стѣна, не дающая свободы движенію воздуха, что грозило сильной духотой. Кауфманъ поселился въ кибиткѣ, около пруда, кругомъ обсаженнаго вѣтвистыми деревьями, а со всѣхъ сторонъ лѣпились къ его ставкѣ юрты и палатки главной квартиры. Какъ было уже извѣстно, ханъ съ тремястами туркменъ, составлявшихъ его гвардію и оплотъ арміи, бѣжалъ къ воинственному племени іомудовъ; часть жителей тоже бѣжала, но тѣмъ не менѣе въ городѣ стали уже открываться базары, и у насъ явилась надежда приобрести жизненные припасы, если не европейскіе, то мѣстные. Вскорѣ узналъ я, что назначенъ въ числѣ 6 членовъ, подъ предсѣдательствомъ Головачева, въ кавалерскую думу св. Георгія, для обсужденія многихъ подвиговъ, совершенныхъ въ сводномъ Оренбургско-Кавказскомъ отрядѣ, во время наступленія его отъ Кунграда къ стѣнамъ Хивы. Познакомился я тамъ съ очень симпатичною личностью, отличнымъ кавказскимъ офицеромъ, состоящимъ по особымъ порученіямъ при его высочествѣ намѣстникѣ, княземъ Ваномъ Меликовымъ, сыномъ князя Левана. Много интереснаго рассказалъ онъ мнѣ про послѣдній походъ ихъ сюда съ Ломакинымъ, а такъ же объ участи другаго кавказскаго отряда, Маркозова, который, потерявъ громадную часть верблюдовъ, долженъ былъ сначала бросить тяжести, затѣмъ провіантъ и, наконецъ, по недостатку воды, не имѣя силъ дотащиться съ отрядомъ до колодца на пути слѣдованія, вынужденъ былъ вернуться назадъ. Еще узнали мы объ одномъ печальномъ эпизодѣ съ одною изъ частей войскъ, о кото-

ромъ получены донесенія, не подлежащія никакому сомнѣнію. На одномъ изъ пароходовъ нашей аральской флотиліи (а ихъ всего-то было два: «Самаркандъ» и «Перовскій») произошла слѣдующая катастрофа. Пароходъ этотъ, вступивъ изъ Аральскаго моря въ устье Аму-Дарьи, ниже Кунграда, нуждался въ свѣдѣніяхъ о мѣстонахожденіи Оренбургскаго отряда, почему начальникъ флотиліи довѣрился прибывшему къ нему на пароходъ бію, предлагавшему провести нашихъ людей въ лагерь Оренбургскаго отряда, и высадилъ на берегъ офицера, топографа и десять матросовъ. Коварный бій повелъ ихъ какъ будто въ близъ расположенный отрядъ русскій, но вмѣсто того завелъ ихъ на засаду, гдѣ хивинцы внезапно бросились на горсть людей нашихъ, забрали ихъ въ плѣнъ, отвели въ Хиву и тамъ отрубленные ихъ головы выставили, какъ трофей, на всеобщій позоръ.

Съ подробнымъ донесеніемъ государю императору о покореніи ханства и взятіи Хивы посланъ былъ Фанъ-дербъ-Флилъ, адъютантъ и тезка Кауфмана, прекрасный человекъ и отличнѣйшій офицеръ. Въ дежурствѣ штаба шла усиленная работа, а у насъ 3-го іюня была кавалерская дума. Головачевъ прочиталъ предложеніе главнаго начальника отрядовъ генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана I-го разобрать въ думѣ представленіе начальника Оренбургскаго отряда генераль-лейтенанта Веревкина къ Георгіевскому кресту 18 штабъ-офицеровъ, оказавшихъ подвиги въ разныхъ дѣлахъ противъ хивинцевъ, при слѣдованіи отрядовъ отъ Кунграда до Хивы. Но по рѣшенію думы оказались достойными не всѣ, а только одинъ Квинитадзе, подполковникъ, командиръ дивизіона, въ полку Теръ-Асатурова, «при атакѣ непріятели зарвавшійся съ одною сотнею своихъ всадниковъ, окруженный вдесятеро сильнѣйшей массой хивинцевъ и пробившійся черезъ нихъ, не оставивъ въ ихъ рукахъ никакого трофея» (статья X, парагр. 6-й). Еще менѣе благоприятнаго результата дождались представленные кавказскіе штабъ и оберъ-офицеры Ширванскаго и Апшеронскаго полковъ. Частнымъ путемъ намъ не безъизвѣстно было объ истинныхъ заслугахъ ихъ при взятіи непріятельскихъ орудій подъ Хивой 28-го мая, но дума отказала имъ, такъ какъ по статуту ордена, ст. X, парагр. 9-й: «кто возьметъ съ боя орудія», былъ достоинъ креста, а они были только «при» взятіи орудій. Мнѣ было очень больно, что дума отказала этимъ, по словамъ Вана-Меликова, прекраснымъ офицерамъ, но одинъ въ полѣ не воинъ, и всѣ мои доводы не повели ни къ чему.

Прошла недѣля со взятія Хивы; за это время состоялось возвращеніе хана, явившагося къ намъ съ повинной, а также вмѣстѣ съ нимъ и нѣсколькихъ представителей особенно враждебныхъ къ намъ партій, смирившихся теперь передъ силой обстоятельствъ. Обсуждалось устройство временнаго правленія ханствомъ, посред-

ствомъ чего-то въ родѣ дивана, въ которомъ должны были засѣдать три сановника-туземца и три чиновника-русскихъ, подѣ предсѣдательствомъ, однако, помилованнаго уже хана. Цѣль этого учрежденія заключалась въ необходимости короче ознакомиться съ нынѣ покореннымъ, но намъ мало извѣстнымъ краемъ, его населеніемъ, средствами и богатствомъ; словомъ сдѣлать здѣсь то, чего, къ сожалѣнію, мы прежде никогда въ завоеванныхъ нами территоріяхъ не дѣлали! (Примѣръ: фортъ св. Николая, на рѣкѣ Чолокѣ, составлявшей нашу естественную границу съ 1829 года, вызвалъ потребность рекогносцировки, подѣ непріятельскимъ огнемъ, 2-го января 1854 г., ровно черезъ 25 лѣтъ нашего имѣ владѣнія!). Желаемыя свѣдѣнія о Хивинскомъ ханствѣ необходимы уже были хотя бы для того, чтобы опредѣлить срокъ времени, въ который мы можемъ собрать съ края предполагаемую военную контрибуцію въ 6 милліоновъ рублей.

У ставки Кауфмана я впервые увидѣлъ хана. Ему было лѣтъ 30, очень выразительной фигуры, со строгими, даже черствыми чертами и деспотическимъ выраженіемъ лица. Онъ былъ брюнетъ, съ отливомъ вороньяго крыла, высокъ ростомъ, очень статенъ; но что-то хищное преобладало въ глазахъ его, полныхъ блеска и силы воли. Движенія отличались достоинствомъ, но лишены были всякой привлекательности и мягкости, мало того напоминали ненасытную жажду власти и насилія... Помѣщался онъ пока на одномъ изъ внутреннихъ дворовъ того же дворца, въ большой и роскошной по отдѣлкѣ палаткѣ, при которой *soi-disant* стоялъ почетный караулъ, а на дѣлѣ просто ханъ былъ подѣ карауломъ. Хивинцы вообще, на сколько можно было узнать ихъ въ короткое время, народъ по наружности рослый и статный, всѣ брюнеты и всѣ очень суроваго вида, въ высокихъ, бараньихъ шапкахъ, придающихъ имъ жесткій, полу-дикій характеръ, но при этомъ всѣ коварны отъ природы, безсовѣстно лживы и вовсе не честны.

4-го іюня я въ первый разъ ѣздилъ съ Щербинскимъ въ Кавказскій отрядъ и день этотъ провелъ очень пріятно среди людей, меня помнящихъ или много обо мнѣ слышавшихъ. Само собою разумѣется, что старыхъ сослуживцевъ моихъ на Кавказѣ я не нашель, кромѣ Теръ-Асатурова, да и тотъ былъ юнкеромъ въ Нижегородскомъ полку, когда я уже былъ единицею—въ Куринскомъ. Послѣ нѣсколькихъ визитовъ съ Щербинскимъ къ общимъ знакомымъ, мы заѣхали къ командиру конно-дагестанскаго полка, Теръ-Асатурову, и здѣсь окончательно пустили корни. Гостепріимный и замѣчательно радушный хозяинъ позвалъ кличь, собрались друзья-пріятели, явились пѣсенники и плясуны, полилось кахетинское изъ турьихъ роговъ, а шампанское изъ стакановъ, тулумбашъ провозгласилъ тостъ за дорогихъ гостей, и пошелъ дымъ коромысломъ. Тутъ представилось намъ смѣшеніе различныхъ не только формъ

обмундированія, но и всѣхъ національностей, въ такомъ разнообразіи населяющихъ окраины обширной матушки Россіи. Здѣсь на одной террасѣ скучились: коренные русскіе, грузины, армяне, греки, хохлы, нѣмцы, имеретины, сарты и, наконецъ, въ большинствѣ горцы всѣхъ племенъ кавказскихъ, еще такъ недавно бывшихъ непримиримыми врагами нашими, изъ Гергебиля, Салтовъ, Чока, а теперь вѣрой и правдой служащихъ одному съ нами отечеству, одному бѣлому царю.

Конно-дагестанскій полкъ, недавно сформированный въ восточной части Кавказа и составленный исключительно изъ уроженцевъ когда-то страшныхъ воинственностью и недоступностью своею знаменитыхъ ауловъ въ Дагестанѣ,—въ короткое время сплотился въ прекрасную боевую часть, ничѣмъ не отличающуюся отъ любого полка русскаго по дисциплинѣ, обученію и службѣ, что же касается военныхъ доблестей, то этотъ молодой легіонъ всадниковъ уже доказалъ и, безъ сомнѣнія, еще болѣе докажетъ въ будущемъ превосходныя свои качества, пользуясь громкой славой на Кавказѣ по лихости, отвагѣ и храбрости наѣздниковъ. Размѣстившись въ повалку на красивыхъ персидскихъ коврахъ, съ неизбежными мутаками въ головахъ, все общество, наэлектризованное радужнымъ угощеніемъ, задорными пѣснями линейцевъ и граціозно-воинственною лезгинкою дагестанцевъ, наслаждалось хорошими напитками, звучнымъ пѣніемъ, выражало шумными возгласами одобреніе увлекательному танцу или вело тихую дружескую бесѣду съ людьми съ душою нараспашку.

— Здоровье Чолоксккаго героя, сегодня ровно 19 лѣтъ назадъ стяжавшаго себѣ громкую славу! — совершенно для меня неожиданно провозгласилъ Дмитрій Теръ-Асатуровъ, высоко поднявъ стаканъ съ шампанскимъ. Громкое «ура», тушь трубачей и полудикій гикъ горцевъ слились въ оглушительный гамъ, разобрать который мнѣ пришлось съ высоты полета къ поднебесью. Послѣ дружнаго качанія меня и многихъ другихъ, общество какъ будто утомилось, и потому шумныя диверсіи смѣнились затихшемъ, но только на нѣсколько минутъ, и опять полилось вино и рассказы изъ боевой жизни и приключеній послѣднихъ дней. Рельефнѣе всѣхъ прочихъ повѣствованій, какъ по сути дѣла, такъ и по своеобразному изложенію, выдался эпизодъ, случившійся недѣли двѣ передъ тѣмъ, съ подполковникомъ Квинитадзе, очень игриво и въ лицахъ сообщившимъ его всему обществу.

При слѣдованіи своднаго отряда отъ Кунграда, непріятель зачастую беспокоилъ его своимъ появленіемъ въ значительныхъ силахъ и, всячески задирая наши разѣзды, самъ уклонялся отъ дѣла съ сомкнутыми частями, а какъ только замѣчалъ намѣреніе нашихъ произвести атаку, показывалъ тылъ и, пользуясь отличною быстротой туркменскихъ скакуновъ, безслѣдно исчезалъ съ гори-

зонта. Всѣ попытки нашихъ ловкихъ наѣздниковъ захватить или подстрѣлить какого нибудь изъ этихъ назойливыхъ туркменъ долго оставались безуспѣшными, но наконецъ Квинитадзе придумалъ пуститься на хитрость и во что бы то ни стало строго наказать ихъ за дерзость. И вотъ на ходу отряда, когда вдаль показались неприятельскіе всадники и по обыкновенію стали джигитовать и заманивать нашихъ молодцовъ подальше отъ отряда, — подполковникъ, строго запретивъ своимъ людямъ соваться въ поле, самъ закурилъ короткую свою люльку, перекинулъ черезъ плечо двуствольный штуцеръ и, сначала рысью, а потомъ шагомъ, сталъ подъѣзжать въ степи къ гарцовавшимъ туркменамъ. Увидѣвъ одиночнаго всадника, такъ оплошно приближающагося прямо къ нимъ въ руки, и считая его своею вѣрною добычей, они пристально стали наблюдать за его движеніями. Тѣмъ временемъ Квинитадзе неторопливо снялъ съ плеча штуцеръ и, остановивъ лошадь, прицѣлился въ ближайшаго врага, но вмѣсто того, чтобы нажать спускъ, онъ выпустилъ изъ рта густую струю табачнаго дыма, который наивные туркмены приняли за вспышку на полкѣ кремневаго ружья, а потому смѣло бросились на обезоруженнаго по ихъ мнѣнію противника. Подпустивъ передоваго шаговъ на сто, Квинитадзе повторилъ тотъ же маневръ изъ другаго ствола, а затѣмъ, круто повернувъ коня, во всю прыть пустился скакать по направленію отряда. Какъ борзые псы за зайцемъ, вытянулись за нимъ въ погоню самыя лихіе изъ туркменъ-джигитовъ, видимо очень быстро нагоняя спасающагося отъ нихъ уруса. Передній изъ шайки уже очень близко, еще полъ-минуты, и онъ нагонитъ бѣглеца и сниметъ ятаганомъ его голову и отвезетъ кровавый трофей... но въ этотъ мигъ обернулся на сѣдлѣ къ нему лицомъ нашъ витязь и, почти въ упоръ пустивъ врагу пулю въ лобъ, ссадилъ съ лошади мертвое тѣло. Еще азартнѣе сталъ налегать второй туркмень. Смерть на его глазахъ товарища только подзадорила его, разожгла въ немъ жажду мести, и онъ, нагнувшись на шею лошади, какъ вихрь, несется и достигаетъ жертву, но раздается второй штуцерный выстрѣлъ, и трупъ другаго туркмена камнемъ валится на землю. Въ себя отъ озлобленія, вся партія, издали слѣдившая за подвигами своихъ удалцевъ, видя трагическую развязку, забываетъ принятую тактику и, зажмуря глаза, несется прямо на Квинитадзе убить, изрубить, растерзать его. Но, разогнавъ коней своихъ, цѣликомъ нарѣзывается на сотню дагестанцевъ, шашками положившихъ всѣхъ 12 человекъ на мѣстѣ. Лошади, сѣдельный уборъ и оружіе со всѣхъ 14 туркменъ достались побѣдителямъ. Когда по окончаніи разсказа лихой подполковникъ приказалъ вывести на показъ отбитаго скакуна туркменскаго, съ которымъ не разставался, Теръ-Асатуровъ тоже представилъ мнѣ бѣлаго, какъ снѣгъ, коня, породы касара, убѣдительно прося меня принять его въ подарокъ.

Приписывая неожиданную щедрость моего пріятеля минутному возбужденію, я упорно отклонялся отъ этого великолѣпнаго подарка, но въ силу настоятельныхъ его требованій принять отъ него хоть черкесское сѣдло на память 4 іюня, такъ весело и дружно проведеннаго вмѣстѣ,—я вынужденъ былъ согласиться и на утро вступилъ во владѣніе прекраснымъ, въ серебро оправленнымъ, настоящимъ кавказскимъ сѣдломъ.

Проснувшись на другой день въ прохладной и высокой комнатѣ ханскаго дворца (жить въ которой милостиво намъ разрѣшилъ Константинъ Петровичъ), мы переглянулись съ сожителемъ моимъ Щербинскимъ, оба сдѣлавъ кислыя рожи, при чемъ напрасно старались дать себѣ ясный отчетъ о послѣднихъ минутахъ вчерашняго пребыванія въ кавказскомъ отрядѣ, обратнаго путешествія въ нашъ строгій монастырь и т. д. «Ну, не все ли равно? мы здѣсь, и слава Богу!»—порѣшилъ Щербинскій, предавъ этотъ вопросъ забвенію.

Ну, однако, пришли мы и взяли Хиву, а о ней собственно я ничего еще не сказалъ, что для порядка слѣдуетъ. Итакъ начинаю.

Городъ Хива, какъ и слѣдуетъ быть городу Средней Азіи, не красивъ правильною разбивкою площадей и улицъ, господствующей на нихъ чистотой, а тѣмъ менѣе изящною архитектурой своихъ зданій, но Хива—городъ большой, многолюдной, торговый, кругомъ обнесенный высокою стѣною, въ родѣ Кремлевской въ Москвѣ, съ башнями и бойницами, съ укрѣпленными воротами, батареями, бастионными фасадами и проч. Въ самомъ городѣ возвышаются выше ханскаго дворца минареты, мечети, медресе (школы) и разныя башни. Дворецъ хана—со многими внутренними дворами и двориками, съ цѣлымъ лабиринтомъ фантастическихъ пріемныхъ залъ, судилищъ, жилыхъ покоевъ ханскихъ и всякихъ отдѣльныхъ помѣщеній мужскихъ и совершенно въ сторонѣ—женскихъ, то-есть гарема. Изъ этихъ фей Магометова рая ни единой не узрѣлъ глазъ невѣрныхъ. Снаружи города, подъ самыя стѣны его прилегаютъ роскошныя сады, густыя и тѣнистыя, всѣ перерѣзанные искусственными арыками, съ обильнымъ количествомъ воды, которою нѣсколько далѣе отъ Хивы залиты громадныя поля, исключительно засѣянные рисомъ, главнымъ и неизбѣжнымъ разсадникомъ злокачественныхъ и почти повальныхъ лихорадокъ въ краѣ. Настой воды въ поляхъ этихъ, до полуаршина глубиной, отъ солнечныхъ лучей и возвышенной температуры воздуха, издаетъ вредныя испаренія, а гнилая жидкость на всей залитой почвѣ кишитъ міазмами, заражая всю окрестную атмосферу губительнымъ зловоніемъ... Съ перваго дня появленія нашихъ войскъ, испуганные населеніемъ невѣрныхъ, жители въ разсыпную и толпами бѣжали изъ города, увозя съ собою все имущество, но мирныя проклама-

ціи ери-шага (главнаго военначальника) Кауфмана и къ тому же соблазнъ наживы, при выгодной съ урусомъ торговлѣ, взяли верхъ надъ страхомъ и мало-по-малу привлекли алчныхъ хивинцевъ обратно.

Во дворцѣ хана открыты были хранильницы немалыхъ сокровищъ, и для приведенія ихъ въ точную извѣстность и оцѣнку назначена была особая комиссія изъ многихъ лицъ главной квартиры, преимущественно гражданскихъ чиновъ, и спеціального эксперта по части драгоценныхъ камней—Мурза-Хакима, посла коканскаго. Говорили, что комиссіей этой уже было пока собрано разныхъ сокровищъ, большею частью состоящихъ изъ женскихъ украшеній благороднаго металла, съ богатыми коллекціями алмазовъ, рубиновъ, изумрудовъ, сафировъ и проч., а въ особенности бирюзы, на сумму свыше 400 тысячъ русскихъ рублей, а къ оружію, коннымъ уборамъ и коврамъ она еще и не приступала.

Хивинская лихорадка уже дала себя чувствовать; я съ трудомъ могъ владѣть перомъ, меня бросало и въ жаръ и въ холодъ, пароксизмъ смѣнялся страшною слабостью, но, кромѣ этого, мнѣ пришлось еще испытать непріятность отъ другого частаго гостя этой страны. Однажды вечеромъ я вернулся отъ графа Берга въ свое помѣщеніе во дворцѣ и засталъ повсюду глубокую тишину и всеобщій сонъ. Изъ моей комнаты, гдѣ царилъ также тьма, доносился усиленный храпъ милаго сожителя, спозаранку завалившагося на покой. Ощупью отыскавъ сосѣднюю дверь въ помѣщеніе нашей прислуги, неистово во снѣ насвистывавшей на всѣ тоны, я позвалъ Козьму, и пока онъ протягивался, зѣвалъ и, наконецъ, впотѣмахъ сталъ искать спичекъ, я въ расслабленіи прислонился плечомъ къ косяку двери, но въ то же мгновеніе пронзительно вскрикнулъ и отскочилъ въ сторону. Въ лѣвую руку мою, выше локтя, черезъ китель и рубашку, кольнуло чѣмъ-то очень острымъ, такъ глубоко и больно, что я не взвидѣлъ свѣта Божьяго и едва устоялъ на ногахъ. Выскочившій со свѣчей Козьма растерянно смотрѣлъ на меня, не понимая, въ чемъ дѣло, но когда я указалъ на косякъ, и онъ освѣтилъ его, загадка объяснилась. Громадной величины скорпионъ недвижимо занималъ избранную имъ позицію. Онъ былъ преданъ казни, это правда, но мнѣ отъ того не стало легче. Не одно уязвленное на рукѣ мѣсто, но далеко выше, ниже и кругомъ, отъ локтя до плеча горѣло, какъ прижженное раскаленнымъ желѣзомъ, а въ то же время вздувалось опухолью съ замѣтною для глазъ быстротою. Поднялась тревога, вскочилъ и Щербинскій, послали за докторомъ, шумъ и суета кругомъ, а руку мовжеть и жжетъ все сильнѣй. Вдругъ среди этого хаоса вижу передъ собою полуодѣтаго добрѣйшаго Меллера, прибѣжавшаго ко мнѣ

на помощь съ откупоренною жестяною сардинокъ, изъ-подъ которыхъ якобы масло непременно должно было спасти меня. Но въ эту минуту подоспѣлъ докторъ Гримъ и приложилъ къ рукѣ пузырь со льдомъ. Всю ночь напролетъ мнѣ постоянно мѣняли ледъ подъ наблюдениемъ Грима, не отходившаго отъ моей постели. Боль къ утру стала утихать, а опухоль, потерявъ воспалительный цвѣтъ, видимо опадать; не смотря на то, страданія во всей рукѣ не дали мнѣ минуты сна, и я только днемъ на слѣдующій день забылся.

Къ тому же четырехмѣсячное невѣдѣніе о семействѣ наводило безотчетную грусть, а подчасъ и страхъ даже. Да, предчувствіе и безотчетное ожиданіе чего-то дурного не обмануло меня: мальчика моего Сережи уже нѣтъ въ живыхъ. Онъ скончался отъ разрыва сердца и не на рукахъ своей матери, бывшей въ то время въ Петербургѣ, а дѣда, такъ старчески-страстно его любившаго.

Благодаря заботамъ врачей, особенно Грима, я довольно быстро началъ поправляться; но и средства, ими пущенныя, достойны замѣчанія по объему. Кто повѣритъ въ Россіи возможности приема однимъ субъектомъ въ двое сутокъ до 160 гранъ хины? Здѣсь же, при исключительныхъ климатическихъ условіяхъ, эта доза не удивляетъ никого.

Во время моей болѣзни, былъ сформированъ, подъ начальствомъ Головачева, отрядъ, который выступилъ черезъ Хиву на западъ, къ юмудамъ. Начальникомъ кавалеріи этого отряда пошелъ не Главацкій, а мой ех-товарищъ, Блокъ. Этотъ отлично-добрый малый послѣднее время съ отчаяніемъ рвалъ на себѣ волосы по случаю своего бездѣйствія. Приѣхалъ онъ къ намъ, конечно, съ пламеннымъ желаніемъ отличиться, а тутъ ему не давали назначенія, такъ какъ всѣ видныя мѣста уже были заняты. И вотъ ему устроили назначеніе временнаго начальника кавалеріи (сводной—изъ частей туркестанскаго, оренбургскаго и кавказскаго отрядовъ). Блокъ попалъ въ хивинскую экспедицію случайно, какъ исключеніе объявленнаго по гвардіи высочайшаго повелѣнія никого въ хивинскій походъ не откомандировывать, вслѣдствіе счастливой непредвидѣнности, а именно: государю императору угодно было назначить вторымъ шефомъ л.-гв. Гатчинскаго кирасирскаго полка ея величества—генераль-фельдмаршала князя Барятинскаго, въ томъ полку начавшаго (въ 1833 г.) военную службу свою. На парадѣ войскамъ петербургскаго округа государь, подѣхавъ къ гатчинскимъ кирасирамъ, изволилъ поздравить ихъ съ новымъ шефомъ и тутъ же спросилъ командира полка Гревса, кто у него старшій штабъ-офицеръ? Выѣхалъ полковникъ Блокъ, которому его величество приказалъ ѣхать въ Скерневицы и отъ его имени отвести полковой мундиръ кн. Барятинскому.

Князь Александръ Ивановичъ, само собою разумѣется, принялъ посланнаго государемъ со всѣмъ радушіемъ и ему свойственнымъ чарующимъ обращеніемъ, при чемъ во время пребыванія Блока у него въ Скерневицахъ, князь, спрашивая его о службѣ и планахъ въ будущемъ, высказалъ свое мнѣніе, что будущему командиру полка непремѣнно слѣдуетъ прежде всего понюхать пороху не на маневрахъ, а при настоящихъ встрѣчахъ съ непріятелемъ. На это замѣчаніе закаленнаго въ бояхъ фельдмаршала Блокъ доложилъ князю о прискорбномъ для гвардейцевъ повелѣніи, на что его сіятельство обязательно предложилъ Блоку исходатайствовать эту милость, въ чемъ, конечно, и не было отказано его величествомъ не только относительно Блока, но и пріятеля его, Лукашевича. Вотъ какимъ путемъ оба кирасира, отчисленные, однако, по общей кавалеріи, попали къ намъ пожинать лавры.

Однажды, часу въ девятомъ утра, когда я лежалъ на террасѣ, торопливо вошелъ на дворъ Карлъ Васильевичъ Струве.

— Отгадай, о комъ я пришелъ предупредить тебя?—издали еще задалъ онъ мнѣ вопросъ.—Ну, не ломай себѣ голову, никогда не догадаешься! Гость сейчасъ будетъ къ тебѣ, сидитъ пока у Константина Петровича, который и поручилъ мнѣ предупредить тебя о его пріѣздѣ!—бросившись въ кресло, договорилъ Струве, усердно обмахивая себѣ лицо платкомъ.

— Но вѣдь ты не сказалъ главнаго?—нетерпѣливо замѣтилъ я.

— Чего же?—удивленно посмотрѣлъ Струве.

— Да кто таинственный гость?

— Ахъ, Боже мой, развѣ я не сказалъ?—добродушно расхохотался дипломатъ:—Алексѣя Дмитріевича Милютина изволь принять въ свои объятія.

— Какъ? Когда? Откуда?—посыпались вопросы, на которые черезъ нѣсколько минутъ далъ любопытные отвѣты самъ виновникъ переполоха. Исторія всѣхъ приключеній и усложненій, испытанныхъ Алексѣемъ до конечнаго достиженія имъ Хивы, стоитъ всевозможныхъ скачекъ съ препятствіями, когда либо существовавшихъ на всемірныхъ ипподромахъ. Правда, вѣдь и «дистанція огромнаго размѣра», особенно второго пути его изъ Тифлиса на Астрахань, Самару, Оренбургъ, Ташкентъ, черезъ Бухару—въ Хиву.

Собравшаяся компанія: Струве, Адеркасъ, Колокольцевы, père et fils, Аминовъ, Голицынъ, Скобелевъ и др., всѣ жаждали слушать изустное повѣствованіе Милютина.

Когда рѣшился вопросъ о командированіи его въ хивинскую экспедицію, онъ почему-то замѣшкался въ Петербургѣ и по расчету времени, не имѣя возможности поспѣть въ отряды Оренбургскій или Туркестанскій, былъ направленъ въ Кавказскій—Маркозова, назначенный къ выступленію изъ Красноводска позже всѣхъ прочихъ.

Отрядъ Алексѣй засталъ на мѣстѣ, быстро приготовился затѣмъ онъ съ сотоварищами своими, Корсаковымъ и Ореусомъ, составивъ артель, весело, свободно, полные надеждъ, тронулись въ путь. Сначала все шло, какъ по маслу, но вскорѣ начались загвоздки, быстро превратившіяся въ непреодолимые препятствія. Прежде осложнили движеніе упрямыя верблюды, упорно отказавшіеся тащить вьюки съ требуемой быстротой и при этомъ павшіе въ большомъ количествѣ; потомъ наступили страшныя жары, на градусъ еще выше нашихъ. У нихъ ртуть показывала до $50\frac{3}{4}^{\circ}$, чего у насъ, слава Богу, не было; затѣмъ порча воды въ колодцахъ непріятелемъ, не упускаящимъ отряда изъ вида, и днемъ и ночью тревожившимъ его непрерывно; наконецъ, болѣзни и полное истощеніе силъ въ пѣхотѣ и лошадей въ кавалеріи, словомъ вынужденная крайне тяжелыми обстоятельствами остановка машины совершилась сама собою... Главною причиною этого плачевнаго, но въ сущности неизбѣжнаго результата были затрудненія, встрѣченныя ими при движеніи отряда къ послѣднему колодцу Имды-Кудукъ, котораго, къ несчастью, проводники съ передовыми казаками не могли найти, а потому колонна, послѣ страшно томительнаго перехода, застигнутая наступившею ночью въ степи, не имѣя цѣлыя сутки капли воды и безъ надежды отыскать ее и завтра (такъ какъ проводники туземцы при общемъ смятеніи и темнотѣ ночи скрылись), обречена была тяжелой необходимости отступить. Всѣ неимоверныя усилія къ отстраненію этого жестокаго въ нравственномъ отношеніи рѣшенія были истощены напрасно. Но невозможное—невозможно!

Стойкость, самоотверженіе и примѣрныя военныя доблести русскаго солдата: мужество, выносливость, сила воли и терпѣніе при исполненіи, по долгу, святой присяги, такъ извѣстны всѣмъ и каждому, что никто никогда не допуститъ помышленія, чтобы и въ данномъ случаѣ онъ, солдатъ русскій, да еще кавказской арміи, оказалъ малодушіе. Вспомнимъ практическую истину: *la critique est aisée, mais l'art est difficile*. И потому я не могу не занести въ книгу бытія тѣ страданія человѣческія, которымъ подверглись люди несчастнаго отряда, при отступленіи ихъ безлюдною и безводною степью, подъ палящими лучами солнца, безъ перевозочныхъ средствъ, почти безъ пищи, безъ обуви и безъ надеждъ на славу! Но они, герои эти, не упали духомъ и, претерпѣвъ всѣ ужасы непомѣрныхъ лишеній и трудовъ, еле дотащились до Каспія... Слава тебѣ, солдатъ русскій! Во всѣхъ передрыгахъ скитальческой, многострадальной жизни твоей, послѣ побѣды и пораженія, при торжествѣ и въ униженіи, въ минуты страданій и смерти, ты всегда и всегда одинаково великъ, солдатъ русскій.

Съ грустнымъ донесеніемъ о пораженіи вѣрннаго ему отряда не врагами, а стихіями, Маркововъ отправилъ въ Тифлисъ къ его императорскому высочеству, намѣстнику, флигель-адъютанта

Милютинъ, который, садясь въ Баку на курьерскую тройку, въ твердомъ убѣжденіи, что перенесеннымъ въ походѣ истязаніямъ наступилъ конецъ, часть вещей своихъ продалъ, а остальные отправилъ въ Петербургъ, и поскакалъ самъ въ перекладной телѣгѣ, съ однимъ чемоданомъ, въ которомъ увезъ мундиръ и двѣ перемѣны бѣлья. Въ Каджіорахъ, гдѣ находился тогда великій князь, Милютинъ представилъ официальное донесеніе и словесное дополненіе, какъ очевидецъ всего, постигшаго отрядъ полковника Маркова. Его императорское высочество, съ сердечнымъ прискорбіемъ и соболѣзнованіемъ выслушавъ очень огорчившія его извѣстія, милостиво изволилъ спросить Милютинъ: «желаетъ ли онъ ѣхать съ этимъ донесеніемъ къ его величеству за границу?».

Алексѣй признавался, что какъ ни тяжела ему была перспектива везти это безотрадное извѣстіе государю императору, но соблазнъ попасть за границу и въ Вѣнѣ на всемірную выставку взялъ верхъ, и онъ съ благодарностью согласился. «Но я не могу взять на себя отправленіе ваше безъ предварительнаго на то разрѣшенія его величества», добавилъ великій князь, при чемъ немедленно велѣлъ отправить депешу въ Эмсъ. Отвѣтъ получился слѣдующій: «Его величество приказать изволилъ флигель-адъютанта Милютинъ отправить черезъ Оренбургъ и Ташкентъ, въ отрядъ генераль-адъютанта Кауфмана, подъ Хиву. Графъ Адлербергъ». Пораженный неожиданнымъ сообщеніемъ, Милютинъ въ первую минуту совершенно растерялся, но оставалось одно: ѣхать,—онъ и уѣхалъ... Дальнѣйшее странствованіе Алексѣя Дмитриевича по головоломному тракту бакинскому, плаваніе моремъ и вверхъ по Волгѣ, бѣшеная скачка степью оренбургской, медленное передвиженіе песками Кара-Кумскими и, наконецъ, отчаянная ѣзда съ киргизами до Ташкента—все это болѣе или менѣе переиспытано каждымъ счастливецомъ, служащимъ въ Средней Азіи; но вотъ тутъ раздалось «атанде». Какимъ путемъ и средствами препроводить флигель-адъютанта, согласно высочайшаго повелѣнія, въ отрядъ генерала Кауфмана, когда уже хорошо было извѣстно, что онъ находился не на пути, а въ самой Хивѣ, съ которой прямого сообщенія никогда не было и впредь еще не организовано? Препроводили его къ Абрамову, въ Самаркандъ, а тотъ на свой рискъ и страхъ рѣшился отправить его черезъ Бухару. Эмиръ бухарскій, предупрежденный Абрамовымъ, принялъ Алексѣя Дмитриевича со всѣмъ восточнымъ радушіемъ, и остальное уже путешествіе въ эмирскомъ каюкѣ, съ почетнымъ конвоемъ его высокостепенства, внизъ по Аму-Дарьѣ и потомъ по широкому арыку до самой Хивы, Милютинъ совершилъ спокойно, удобно и довольно быстро.

У насъ были получены свѣдѣнія, что іомуды въ большихъ силахъ заманиваютъ отрядъ Головачева въ глубь степи, гдѣ расчיתי-

ваютъ нанести ему поражение. Вслѣдствіе этого на выручку нашихъ выступилъ отрядъ, подъ личнымъ начальствомъ Кауфмана. Все это прекрасно, но мнѣ-то по болѣзни предложено было остаться, о чемъ и приходилъ сообщить самъ В. Н. Троцкій. Какъ ни скверно мнѣ было, какъ ни былъ я слабъ, но не идти съ отрядомъ я рѣшительно не могъ, а потому отправилъ К. П. Кауфману докладную записку съ удостовѣреніемъ доктора, что для пользы здоровья моего перемѣна мѣста жительства должна была подѣйствовать благотворно; въ отвѣтъ получилъ записку Троцкаго: «Его превосходительство начальникъ отряда разрѣшаетъ вамъ слѣдовать съ выступающимъ отрядомъ и проч., и проч.». Ну, и слава Богу! Сейчасъ же приступилъ къ сборамъ, а самъ далеко не былъ увѣренъ, вынесу ли ѣзду верхомъ, особенно большими переходами. Но взялся за гужъ... такъ именины свои (15-го іюля) празднуй на сѣдлѣ! «Оно не складно, да жалостливо!» И дѣйствительно первые дни похода я уставалъ до безобразія, чуть не до паденія съ лошади, но затѣмъ сталъ оправляться. На третій день ходьбы отряда встрѣтили нарочнаго отъ Головачева съ донесеніемъ о жаркомъ дѣлѣ, бывшемъ у него 15-го іюля (день нашего выступленія) съ большими скопищами іомудовъ, которые дрались, какъ львы. Въ числѣ раненыхъ самъ Головачевъ и Мейеръ (шашкой въ голову); потеря вообще у насъ не малая въ этотъ день, да наканунѣ убито 8 казаковъ и съ ними Каменецкій, такимъ молодцемъ отбившій съ уральцами первый каюкъ у непріятеля на Аму-Дарьѣ 11-го мая.

19-го соединились мы съ отрядомъ Головачева. Въ общихъ чертахъ, по рассказамъ участниковъ дѣла 15-го іюля, оно было такъ. Отрядъ Головачева занималъ на 14-е число для дневки позицію въ культурной части степи, въ пустомъ селеніи, окруженномъ садами. Ближайшія возвышенности заняты были сторожевыми пикетами казаковъ, не разъ въ теченіе этого дня дававшихъ въ штабъ свѣдѣнія о появленіи въ разныхъ направленіяхъ непріятельскихъ партій; но такъ какъ ни одна изъ нихъ не была значительною, то общее спокойствіе въ лагерѣ не нарушалось, и все ограничивалось изрѣдка раздающимися выстрѣлами на аванъ-постахъ. Со всѣмъ тѣмъ начальникъ кавалеріи, въ виду сохраненія въ цѣпи порядка, назначилъ послѣ обѣда два усиленныхъ разѣзда. Съ однимъ изъ нихъ, въ восемь казаковъ, сотникъ Каменецкій, подѣзжая къ кургану, менѣе версты отъ бивуака, встрѣтилъ постъ свой въ пять человекъ, быстро отступавшій къ лагерю. На вопросъ его, куда они направляются,—урядникъ отвѣчалъ, что «держаться на курганѣ не можемъ, онъ одолѣваетъ!».—«Пустяки, братцы, шашки вонъ и за мной!»—крикнулъ Каменецкій, бросаясь въ объѣздъ оставленнаго кургана, но тутъ же налетѣлъ на партію конныхъ іомудовъ, до сотни человекъ, которые въ виду всего отряда поголовно всѣхъ казаковъ срубили такъ быстро, что прискакавшій на помощь

резервъ нашъ нашель одни обезглавленные трупы своихъ станичниковъ. Такъ погибъ лихой Каменецкій, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ восемь казаковъ. Сильное впечатлѣніе на всѣхъ зрителей этой кровавой драмы сдѣлали страшные удары выгнутыхъ ятагановъ іомудовъ, которыми они съ одного маха, какъ бритвой, снимали черепа...

Съ вечера 14-го на 15-е число отдано было приказаніе о подъемѣ отряда съ позиціи до разсвѣта, имѣя въ виду сдѣлать въ тотъ день передвиженіе на новый бивуакъ. Свѣдѣнія о непріятелѣ были, но самыя неопредѣленные, не смотря на то, что всѣ военныя предосторожности были приняты во всѣхъ частяхъ отряда. Ночь прошла спокойно. Въ секретяхъ и цѣпяхъ не дано ни одного выстрѣла. За часъ до утренней зари наши тихо стали собираться и вытягиваться по дорогѣ къ селеніямъ, нынѣ занятымъ нами. Въ полуверстѣ отъ лагеря былъ узкій мостъ черезъ арыкъ; около него остановился Блокъ, пропуская мимо себя сотни, справа по три, а за ними тянулась пѣхота, только что тронувшаяся съ бивуака, какъ вдругъ непріятель сплошною массой обрушился на выстроившіяся въ авангардѣ три сотни, смялъ ихъ и заставилъ въ безпорядкѣ податься назадъ. Еще было темно, когда произошла первая атака. Казаки скоро справились и съ подоспѣвшими къ нимъ остальными сотнями и ракетною командой на рысяхъ выдвинулись впередъ, очистивъ за собой мѣсто для пѣхоты, бѣгомъ строившейся въ боевой порядокъ. Второй натискъ іомуды произвели сомкнутыми частями, бѣшено врываясь въ средину нашей кавалеріи и даже пѣхоты, но тутъ на всѣхъ пунктахъ нападенія они были отбиты и въ безпорядкѣ отброшены назадъ. Стало разсвѣтать, когда іомуды выстроились вновь и стремительно съ трехъ сторонъ понеслись на наши фасы. Авангардъ нашъ, изъ кавалеріи, встрѣтилъ ихъ залпомъ ракетной батареи, при чемъ очевидцы указываютъ на разжалованнаго Квитницкаго, выказавшаго особенное мужество и присутствіе духа при станкахъ, съ которыхъ ракеты, много пострадавшія отъ дальней перевозки и утратившія свои качества, не хотѣли летѣть по направленію непріятеля и, разрываясь на мѣстѣ, поражали часто своихъ. При третьей же атакѣ исключительное вниманіе обратили на себя обѣ роты 1-го стрѣлковаго батальона, капитановъ: Батмана и Рейнау. Мѣткость выстрѣловъ изъ залповъ была замѣчательная, а стойкость и выдержка образцовыя, изумительныя. Роты эти, доведенныя до *non plus ultra*, по отношенію обученія и дисциплины въ мирное время, оказались и въ минуты жаркой схватки съ врагомъ верхомъ совершенства. Рассказываютъ очевидцы, что эти замѣчательные молодцы хладнокровно и отчетливо, совершенно, какъ на домашнемъ ученіи, исполняли команду ротныхъ командировъ въ тѣ моменты, когда ломились на нихъ тучи отчаянно-дерзкаго непріятеля, нигдѣ на полшага не подаваясь назадъ. Въ этой атакѣ и іомуды оправдали блестящую о себѣ славу.

Два раза уже отбитые съ большимъ урономъ, они снова сомкнулись и произвели не одно, а нѣсколько послѣдовательныхъ нападений, съ такою отвагой и рѣшительностью, что будь у насъ не такія образцовыя роты и отличнѣйшіе офицеры, какъ Батманъ и Рейнау, то неизвѣстно, какъ бы все кончилось. Какъ доказательство необыкновеннаго духа и изумительной дисциплины въ названныхъ ротахъ, служатъ слѣдующіе факты: Батманъ, при видѣ густой противъ себя толпы іомудовъ, размахистымъ галопомъ направляющихся на его роту, предварительно командуетъ: «смирно», затѣмъ «кляцъ» и послѣ выдержки: «пли!». Второй «кляцъ» онъ провозглашаетъ съ внушеніемъ ротѣ «не торопиться», «цѣлить хорошенько», а непріятель уже несется на него въ ста шагахъ: «пли!» — раздается его могучій голосъ, и вслѣдъ затѣмъ «кляцъ». «Не суетись», слышится опять, а іомуды рубятся въ передніе ряды, на всемъ скаку сбрасывая сидящихъ за ихъ спиной товарищей, прямо на штыки русскіе. Рейнау, при такихъ же обстоятельствахъ, въ пылу же непріятельскихъ атакъ, подпустивъ ихъ на полвыстрѣла, командуетъ: «рота кляцъ!» послѣ чего раздается одинъ выстрѣлъ. «Кто стрѣлялъ безъ команды? оставь!» и опять слышится допросъ: «Кто это осмѣлился выстрѣлить?». И только послѣ строгаго внушенія за одиночный выстрѣлъ онъ хладнокровно командуетъ «кляцъ!» и «пли!» въ то мгновеніе, когда непріятель уже на носу и залпъ роты, дружный и въ упоръ, валитъ сотню людей.

Но доказательствомъ упорнаго мужества и іомудовъ служить то, что, не внемля замѣчательно стойкому имъ отпору славныхъ ротъ нашихъ, они въ бѣшенномъ изступленіи погибали на штыкахъ и даже прорывались сквозь фронтъ стрѣлковъ, за которымъ, по окончаніи дѣла, поднято до 80-ти ихъ труповъ, проколотыхъ холоднымъ оружіемъ нашимъ. Здѣсь-то при одномъ изъ подобныхъ случаевъ раненъ былъ и Николай Никитичъ Головачевъ.

Всѣ рассказы объ описанномъ горячемъ дѣлѣ дополняются свѣдѣтельствомъ участниковъ, что во все время боя отчетливо было слышно пѣніе и пронзительныя возгласы одобренія женщинъ, засѣвшихъ въ ближайшихъ садахъ и зорко слѣдившихъ за ходомъ боя, при чемъ въ самыя рѣшительныя минуты онѣ показывались на полѣ сраженія и, подъ свистомъ пуль, примѣромъ мужества ободряли отцовъ, мужей и братьевъ идти на смерть.

Вообще дѣло 15-го іюля совершенно измѣнило возрѣніе наше на непріятеля. Презрительное мнѣніе объ его военныхъ качествахъ смѣнилось заслуженнымъ имъ должнымъ уваженіемъ.

Еще нѣсколько словъ о Батманѣ и Рейнау. Оба они уроженцы Швеціи, оба воспитывались въ финляндскомъ кадетскомъ корпусѣ и съ одного дня оба подвизаются на военномъ поприщѣ, тѣломъ и душою отдавшись службѣ. Командуя въ одномъ чинѣ сосѣдними, въ томъ же батальонѣ, ротами съ большимъ усердіемъ и знаніемъ

дѣла, они пріобрѣли себѣ извѣстность во всемъ округѣ, гдѣ рассказывали о нихъ любопытныя подробности. И въ штабъ-квартирѣ, и въ походѣ оба капитана не знали другого помѣщенія, какъ казарма и палатка, гдѣ они были въ непрерывныхъ и самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ своими солдатами; ѣли кашу изъ общаго котла, пили квасъ и воду изъ общаго бака, хлебали щи однѣми съ ними ложками; жили, говорили, спали и думали за одно съ солдатомъ, который ихъ боготворилъ, но вмѣстѣ боялся. Подобный образъ жизни, безусловно благодѣтельный для познанія всѣхъ нуждъ и потребностей нижнихъ чиновъ ввѣренныхъ имъ частей, тѣмъ не менѣе отрывалъ у нихъ всякую возможность и время бывать въ обществѣ; они всецѣло отдались службѣ и добивались лишь одного— довести свои части до возможнаго совершенства.

Въ лагерѣ Ильялы получилъ я письмо отъ Софьи. Она писала, что стала покойнѣе духомъ, не плачетъ и смирилась передъ злой судьбой... Бѣдная-моя!

Въ Ильялахъ господствовало пока бездѣйствіе, скука, жара и мухи. Но мухи—съ перваго мерцанія утренней Авроры и до заката солнца, вездѣ и всюду! Лѣзли въ лицо, глаза, носъ, ротъ, въ чай и супъ въ такихъ массахъ и съ такимъ остервенѣніемъ, что ничего подобнаго представить себѣ невозможно. Что мы ни предпринимали къ ихъ истребленію, и огнемъ, и мечемъ, и водой, и дымомъ, не было силъ ихъ уничтожить. Вечеромъ только и дышали мы, только и успокоивались отъ раздраженнаго дневнаго состоянія. Однажды за ужиномъ Милютинъ обратился къ Михаилу Дмитріевичу, нашему постоянному посѣтителю, съ слѣдующими словами:

— Вотъ, Скобелевъ, ты только понапрасну изопряешь умъ свой для достиженія завѣтной мечты твоей—заслужить георгіевскій крестъ, а возможность у тебя есть теперь подъ руками, а ты ее не хватаешь!

— Какъ? Гдѣ? говори, ради Бога!—вскочилъ Скобелевъ.

Милютинъ развилъ ему мысль, чтобы онъ взялся изслѣдовать отсюда путь, не пройденный отрядомъ Маркова, до колодезь Имды-Кудукъ, и этою рекогносцировкой опредѣлил бы важный вопросъ для всѣхъ, а для кавказскихъ войскъ въ особенности, былъ ли этотъ путь доступенъ движенію отряда, или нѣтъ. Приблизительно отъ Ильялы до Имды-Кудука, судя по картѣ, было отъ 140 до 150 верстъ степи, переѣздъ черезъ которую, конечно, сопряженъ былъ съ очевидною опасностью встрѣчи съ шляющимися кругомъ насъ партіями іомудовъ, но «qui ne risque rien, ne gagne rien»,—повершилъ Милютинъ.

Какъ въ порохъ искра, такъ мысль эта воспламенила воображеніе Скобелева... Онъ въ мигъ преобразился, сталъ самъ не свой. На лету сдѣлавъ свои соображенія, онъ, кажется, въ ту же минуту

не откладывая въ долгій ящикъ, готовъ былъ ринуться по направленію Имды-Кудука, и только, когда мы ему напомнили, что безъ разрѣшенія властей на это предпріятіе пуститься нельзя, а просить этого ночью немислимо, пылкій Скобелевъ нѣсколько успокоился, съ твердымъ намѣреніемъ на другой день, раннимъ утромъ, бѣжать къ Троцкому просить, хлопотать, умолять объ отпускѣ его въ степь.

Но это оказалось не такъ легко. Константинъ Петровичъ сначала и слышать не хотѣлъ объ отпускѣ Скобелева и, только спустя нѣкоторое время, согласился на наши просьбы. Итакъ, наканунѣ нашего выступленія къ Хивѣ, всѣ мы были въ суетѣ, но Скобелевъ въ исключительной. Съ утра онъ леталъ по всѣмъ направленіямъ и только мелькомъ успѣлъ сообщить, что уже былъ у начальства, и что къ вечеру все будетъ готово къ его отъѣзду. У меня взялъ онъ лошадь, моего маленькаго сѣраго.

Въ ту же ночь, во время нашего ужина, послышался топотъ коня. Я вышелъ и въ темнотѣ не могъ разобрать, кто остановился у нашей палатки, и только по голосу узналъ всадника. Скобелевъ, въ туркменскомъ костюмѣ, высокой шапкѣ и вооруженный съ головы до ногъ, стоялъ передъ нами и просилъ благословенія на дальній, опасный путь... Мы вынесли ему стаканъ краснаго вина, чокнулись, онъ толкнулъ коня и былъ таковъ. Дай ему Богъ успѣха, но увидимся ли съ нимъ?—подумали, вѣроятно, всѣ.

Мы же, въ свою очередь, опять зашагали къ Хивѣ, но уже съ другимъ, болѣе спокойнымъ настроеніемъ. Шла рѣчь о предстоящемъ отступленіи отрядовъ по домамъ и отправленіи части главной квартиры на каюкахъ и пароходахъ въ Казалинскъ; Константинъ же Петровичъ хотѣлъ непременно самъ вести туркестанскій отрядъ обратно въ Ташкентъ. Все время переходовъ Кауфманъ былъ очень милъ, любезенъ, внимателенъ, приглашалъ меня и Милютина на привалѣ прилечь на его коверъ, угощалъ походной закуской, увлекался обычнымъ краснорѣчіемъ и отъ души смѣялся, когда, въ свою очередь, слышалъ что нибудь комичное, ему незнакомое.

Переходъ до Хивы совершился бы вполне благополучно и спокойно, если бы не грустное происшествіе съ Бергомъ, который при вѣздѣ на всемъ карьерѣ въ узкія улицы столицы упалъ съ лошади и безъ чувствъ былъ поднятъ съ разможенной щиколдой правой ноги.

Всѣ опять размѣстились въ прежнемъ лагерѣ по своимъ мѣстамъ. На другой день, только что мы проснулись и изъ залы нашей вышли на террасу пить утренній чай, по плитамъ двора раздался топотъ лошади, и глазамъ нашимъ представился—Скобелевъ. Съ темно-бронзовымъ отъ загара лицомъ, въ кителѣ, покрытомъ густымъ сло-

емъ пыли, соскочилъ онъ съ лошади и бросился въ наши объятія. Никуда не заѣзжая, прямо изъ экскурсіи своей онъ явился къ намъ и, пока приводилъ туалетъ свой въ порядокъ, мылся и пилъ чай, успѣлъ подробно рассказать о всѣхъ приключеніяхъ съ нимъ, втеченіе девятидневной разлуки съ нами.

Скобелевъ предпринялъ экспедицію отъ Ильялы до Имды-Кудука, а оттуда обратно до Хивы, самъ-шесть, то-есть имѣя въ сопровожденіе трехъ туркменъ, льготнаго казака оренбургскаго войска и ех-крѣпостнаго форејтора, нынѣ служащаго при немъ по найму—Мишку. Вооруженные Скобелевымъ, всѣ они, какъ и самъ временный повелитель ихъ, одѣты были туркменами, съ соблюденіемъ всѣхъ мѣстныхъ условій до тонкости и имѣли подъ собою добрыхъ лошадей, взятыхъ въ лагерьъ подъ Ильялы. Выѣхавъ ночью съ 2-го на 3-е число, группа направилась на западъ и, осторожно подвигаясь впередъ, въ первый день благополучно достигла колодца, очень скуднаго водой, за 32 версты отъ нашей позиціи. Скобелевъ измѣрялъ разстоянія быстротой хода лошади и на всемъ пути носилъ на планъ все, что онъ встрѣчалъ по дорогѣ или видѣлъ по сторонамъ, на горизонтѣ. Въ нѣсколько листовъ склеенный *сгоуіс* всего пройденнаго пути до самыхъ колодцевъ Имды-Кудука отчетливо указывалъ на кряжи, возвышенности и барханы, занесенные Скобелевымъ съ поверстнымъ указаніемъ ихъ, отъ избраннаго имъ направленія. На второй день наши туристы проѣхали 37 верстъ и хотя на горизонтѣ, слѣва отъ себя, замѣтили нѣсколько человѣкъ конныхъ, но добрались до колодцевъ и переночевали на нихъ безъ всякихъ происшествій. Третій переѣздъ въ 34 версты совершился благополучно; но только что, напоивъ коней, они расположились на отдыхъ, вдали показалась партія іомудовъ, направлявшаяся прямо къ ихъ колодцу. Туркмены-проводники Скобелева, немедленно уложили его на землю и, накрывъ кошмами, категорически потребовали отъ него не подавать признаковъ жизни и недвижимо ожидать, пока непрошенные гости не уѣдутъ въ степь. Враговъ оказалось до 30 человѣкъ. Они тоже напоили лошадей изъ колодца и, усѣвшись кругомъ, завели разговоры и разспросы: куда и зачѣмъ ѣдутъ встрѣченныя туркмены? Бойко отвѣчая имъ всякую небылицу и указывая на человѣка, скрытаго грудю кошмъ, проводники объяснили любопытнымъ, что это ихъ караванъ-башъ, жестоко заболѣвшій лихорадкой. По признанію этого больного, его дѣйствительно въ то время, около 5 часовъ сряду, бросало и въ жаръ и въ холодъ, не отъ одного удущья подъ войлоками, но и отъ меча Дамокла, висящаго надъ головой его... Но вотъ іомуды отдохнули и, слава Богу, по-добру, по-здорову убрались въ степь. Скобелевъ вздохнулъ свободно.

На четвертый день наши молодцы не видѣли никого, но на ночлегъ нашли очень плохую воду и вообще замѣтили утомленіе ко-

ней по причинѣ глубоко-сыпучаго песка на пути ихъ. На пятомъ переходѣ встрѣтили на перепутьи пять іомудовъ, съ которыми обмѣнялись пустыми вопросами и разъѣхались безъ послѣдствій. На шестой день очень большой перегонъ въ 40 верстѣ наши всадники совершили съ великимъ затрудненіемъ, такъ какъ ихъ лошади до того измучились, что послѣднія двѣнадцать верстѣ до цѣли имъ пришлось тащить ихъ въ поводу. Но какъ бы то ни было, Господь помогъ имъ достигъ желаннаго пункта живыми и безъ пролитія крови, а все остальное было забыто.

Тутъ-то, на слѣдующее утро, когда они были такъ далеки отъ возможности трагической развязки и спокойно кейфовали у Имды-Кудука, перечисляя всѣ опасныя минуты, испытанныя ими на пройденномъ пути, едва, едва не случилось съ ними происшествіе, могущее имѣть страшныя послѣдствія.

Не стѣсняясь ничѣмъ, туристы, окрѣпнувъ послѣ продолжительнаго сна, весело и безопасно стали болтать между собою на природныхъ языкахъ и увлеклись до того, что не обратили должнаго вниманія, какъ молодой пастухъ, отдѣлившійся отъ своего стада барановъ, подошелъ къ колодцу, зачерпнулъ воды и, отойдя отъ нихъ нѣсколько шаговъ, растянулся на солнцѣ не спать, а внимательно слушать ихъ рѣчи. Прошелъ часъ или болѣе, какъ беззаботно галдѣвшая группа наша случайно увидѣла мальчишку, во всю прыть бѣгущаго мимо стада своего, въ степь, оглашая воздухъ пронзительными криками. Встревоженные туркмены въ одинъ мигъ сообщили грозившую имъ опасность, и вся компанія, не теряя минуты, вскочила на коней и въ карьеръ бросилась въ обратный путь. Терять время дѣйствительно было невозможно, потому что пастухъ, добѣжавъ до ближайшаго кочевья іомудскаго, поднялъ тамъ тревогу и болѣе сотни враговъ понеслись по пятамъ бѣглецовъ. Скобелевъ говорилъ, что они обязаны своимъ спасеніемъ единственно рѣвности своихъ коней, вдоволь напившихся воды и съѣвшихъ накануне усиленную дачу ячменя.

Окончивъ разсказъ, Скобелевъ поспѣшилъ свѣрить свой кроки съ общою картой степей хивинскихъ и пошелъ явиться начальнику штаба Троцкому, который, въ свою очередь, не замедлил доложить о томъ начальнику отряда. Кауфманъ, послѣ тщательной провѣрки всѣхъ фактовъ, поблагодарилъ всю команду и въ награду навѣсилъ на каждого изъ подвижниковъ Скобелева по знаку отличія и вручилъ, кромѣ того, по 50 рублей на человѣка.

Миша Скобелевъ во время этой сцены издали слѣдилъ за ходомъ и развязкой дѣла, могущаго имѣть для него впослѣдствіи громадное значеніе. Для обсужденія же лично его подвига должна была быть назначена кавалерская дума, которая и состоялась уже въ Ханкахъ, въ 25-ти верстахъ отъ Хивы.

Недоброжелатели Михаила Дмитриевича, конечно, горячились и представляли резоны, но послѣ бурнаго засѣданія все кончилось лаконическимъ приговоромъ большинства: «достоинъ по § 15-му статута».

Этотъ же день, 14-го августа, участники шахризьябской экспедиціи праздновали обѣдомъ. Щербинскій, Фриде, Меллеръ и я устроили празднество въ нашей палаткѣ и пригласили Милютина. Троцкій же, къ сожалѣнію, долженъ былъ ѣхать съ Кауфманомъ вверхъ по Аму-Дарьѣ для избранія мѣста подъ крѣпость, которую, до отступленія нашихъ войскъ изъ ханства, должны были заложить здѣсь для помѣщенія гарнизона, остающагося въ краѣ для вѣщней гарантіи нашего протектората надъ ханомъ и также взаимія военной контрибуціи.

Обѣдъ нашъ былъ веселый, оживленный и во всѣхъ отношеніяхъ обильный. Увидѣвъ мимо проходящаго Скобелева, мы захватили его къ себѣ, поздравляли, пили его здоровье, примѣривали на немъ мой крестъ, провозглашали тосты за Абрамова, Троцкаго и другихъ участниковъ побѣды, одержанной три года назадъ, и проч. и проч. Вдругъ въ самый разгаръ я увидѣлъ идущаго къ намъ въ парадной формѣ флигель-адъютанта. Не вѣрю глазамъ своимъ, — оказывается Флитъ.

Минуту спустя, мы обнимали его, и опять полились вино и поздравленія и не его одного, только что прибывшаго изъ Петербурга, а и многихъ другихъ. Головачевъ и Веревкинъ получили ордена св. Георгія 3-й степени и т. д. Намъ остальнымъ пока еще ничего не вышло, кромѣ поголовнаго пожалованія годоваго, не въ зачетъ, жалованья. Нижнимъ же чинамъ выслано было государемъ до тысячи георгіевъ и, кромѣ того, объявлено о медали въ память хивинскаго похода 1873 года.

Передъ вечеромъ вернулся на бивуакъ начальникъ отряда, очень обрадованный встрѣчей съ неожиданно вернувшимся Флитомъ, который, между прочимъ, лично поздравилъ Троцкаго съ монаршею милостью, назначеніемъ его въ свиту его величества.

Весь тотъ вечеръ и слѣдующій день продолжались поздравленія, ликованія и вспрыскиванія, а затѣмъ былъ парадъ, на которомъ Кауфманъ съ георгіевской звѣздой собственноручно навѣсилъ множество крестовъ на нижнихъ чиновъ, въ эту торжественную минуту забывшихъ навѣрное все горе, всю тяжесть и бѣдствія, перенесенныя ими и во все горло отъ глубины души кричавшихъ «ура».

Участь наша была рѣшена. Большая часть главной квартиры, всѣ больные и раненые и нѣкоторые тяжести и трофеи, подъ начальствомъ генерала Бардовскаго, отправлялись на каюкахъ внизъ по Аму-Дарьѣ до пароходовъ «Самаркандъ» и «Перовскій», ожи-

давшихъ насъ въ 60-ти верстахъ отъ устья въ Аральское море. Самъ Кауфманъ съ войсками туркестанскаго отряда, за исключеніемъ 5 ротъ, остающихся въ новой крѣпости нашей Петро-Александровкѣ, шелъ обратно тѣмъ же путемъ до Ташкента, а прочіе отряды должны были идти каждый въ свою сторону. Итакъ хивинскій походъ конченъ. Здѣсь оставался облеченный въ должность военнаго губернатора Н. А. Ивановъ, бывшій правитель дѣлъ За-равшанскаго округа.

Курьеромъ съ донесеніемъ о послѣднихъ дѣйствіяхъ и отступленіи отрядовъ ѣхалъ Дитмаръ. Милютинъ же предложилъ мнѣ отправиться вмѣстѣ въ моему тарантасѣ, по его курьерской подорожной.

Каюковъ было снаряжено до 40 штукъ. На каждое подобное судно назначено было два лодмана нашей аральской флотилии; прислуга перетащила наше имущество, устроила пологъ, поставила кровати, а главное печь на носу для варки намъ пищи во время плаванія, которое должно было продолжаться не менѣе шести дней до встрѣчи пароходовъ.

Всѣ отъѣзжавшіе были собраны къ ставкѣ командующаго войсками. Онъ вышелъ и сказалъ напутственную рѣчь, но я замѣтилъ, что, прощаясь со мной, очень холодно отнесся къ моему особѣ. Я уже и раньше видѣлъ поворотъ въ расположеніи ко мнѣ начальника отряда и не безъ основанія предположилъ, что кто-то изъ друзей-пріятелей постарался удружить мнѣ. Подѣломъ тебѣ, Владиміръ Алексѣевичъ, практичнѣе было бы не соваться въ чужія дѣла, не принимать къ сердцу неловкихъ положеній, затрудненій и проч., а главное не горячиться и не кричать о своемъ мнѣніи на всѣхъ перекресткахъ,—вотъ я и прослылъ чуть ли не нарушителемъ общественнаго спокойствія. «Вѣкъ живи, вѣкъ учись!»—совѣтъ дѣльный, только не для «горбыхъ, которыхъ одна могила исправить».

Шестидневное странствованіе наше внизъ по теченію Аму-Дарьи имѣло, какъ и все на свѣтѣ, свои хорошія и дурныя стороны. Рано утромъ, при восходѣ солнца, чистый и даже свѣжій воздухъ на водѣ имѣлъ безспорную прелесть, особенно при сравненіи съ удущіемъ въ пыльной степи. Но вотъ лучи солнечные начинаютъ вертикально пригрѣвать и печь наши пловучія скорлупы, очень прозрачно прикрытыя тонкимъ пологомъ, и вскорѣ заставляли забывать о мимолетной по утрамъ прохладѣ. Отъ полудня до пятого часа дышалось съ трудомъ, и плывя по водѣ, плаваешь въ то же время и въ испаринѣ. Передъ вечеромъ и до заката солнца опять становилось легче, но тутъ появлялись предвѣстники, а въ слѣдъ за ними ужаснѣйшій бичъ камышей и низменныхъ береговъ рѣки—мириады злѣйшихъ комаровъ. Ни сѣтки, ни ѣдкій дымъ и всякое курево—ничто не умаляло ожесточеннаго натиска этихъ безпощадныхъ кровопійцъ, густою и непрерывною тучей проникающихъ

всюду. Мнѣ кажется, что для нервнаго субъекта дѣйствіе комаровъ въ такомъ неизмѣримомъ количествѣ, какъ на Аму-Дарьѣ,—та же инквизиторская пытка. Теченіе Аму довольно быстрое, а фарватеръ ея, при настоящемъ разливѣ очень капризный, извилинами своими между тысячею мелкихъ острововъ, доступный лишь немногимъ мѣстнымъ рыболовамъ, изъ которыхъ двое проводниковъ и смѣнялись обязательно на передовомъ каюкѣ Бардовскаго.

На шестыя сутки пересѣли мы на пароходъ. Наша компанія попала на «Самаркандъ». Раненные же и больные размѣщены были на «Перовскомъ».

Въ морѣ дулъ вѣтеръ, но было до такой степени сносно, что мы въ каютѣ составили пульку въ преферансъ, Дитмаръ, Милютинъ, Голицынъ и я. Стало покачивать сильнѣе, но крупные ремизы и въ особенности «несчастные раздѣлы», на которые нарывался Голицынъ, отвлекали наше вниманіе отъ разгулявшейся стихіи, но наконецъ пароходъ начало такъ жестоко бросать и вверхъ и внизъ, что одновременно полетѣли со стола карты съ мѣлками, и насъ отбросило въ сторону. На палубѣ непривычнымъ рѣшительно нельзя было удержаться. «Самаркандъ» несло, какъ щепку, то поднимая высоко, то стремительно бросая внизъ. Со всѣхъ сторонъ слышались робкіе ахи или протяжные охи страждущихъ пассажировъ, но веселыхъ возгласовъ и рѣчей не было и быть не могло, такъ какъ моряки были слишкомъ заняты своимъ дѣломъ, а среди насъ не было ни одного равнодушнаго зрителя. Не смотря на то, что Аральское море очень мелко у береговъ, плаваніе по нему въ бурю не безопасно, особенно на такомъ плоскодонномъ пароходѣ, какъ «Самаркандъ». Быстро разыгралась буря, но еще быстрѣе успокоилась, ее смѣнилъ штиль полный, невозмутимый. Стала видна темная полоска на горизонтѣ. Мы были уже у устья Сыръ-Дарьи.

Въ Казалинскѣ ждалъ меня мой ташкентскій тарантасъ, доставленный сюда по распоряженію Медынскаго, при миломъ отъ него письмѣ, и скоро мы катили уже съ Алексѣемъ по широкой, знакомой степи.

Въ Москву я пріѣхалъ усталый и физически и нравственно. Докторъ уложилъ меня даже въ постель.

Разъ, послѣ обѣда, къ подѣзду подкатилъ экипажъ, и Андрей доложилъ мнѣ: «полковникъ Скобелевъ». Представивъ его на ходу женѣ и дядѣ, я провелъ его къ себѣ въ гостиную, гдѣ онъ бросился обнимать и цѣловать меня. Престранная у него манера цѣловаться, тѣмъ болѣе, что кто же изъ насъ придаетъ вѣры въ его искреннее расположеніе? Онъ благодарилъ меня за неліцепріятное рѣшеніе въ кавалерской думѣ. Но вѣдь, умаляя въ нѣкоторомъ родѣ свою заслугу, онъ бросаетъ тѣнь на мое безпристрастіе и ставитъ меня въ неловкое положеніе. Михаилъ Дмитриевичъ Скобелевъ без-

спорно умный и очень образованный человекъ, природная даровитость и выдающіяся способности котораго, конечно, ставятъ его гораздо выше многихъ. Онъ дѣятеленъ, предприимчивъ и очень энергиченъ, но для достиженія своихъ цѣлей не останавливается ни передъ какими средствами. Поэтому неудивительно, что Скобелевъ, съ выдающеюся красивою наружностью, а особенно талантливостью и умомъ, нигдѣ не могъ ужиться, не перессорившись и не возстановивъ противъ себя многихъ, чему явнымъ доказательствомъ служить его скитальческая служба. Сначала кавалергардъ, потомъ гродненскій гусарь, академикъ, строевой и штабный офицеръ, онъ переходилъ изъ одного военнаго округа въ другой, нигдѣ не удовлетворяя себя, но и наживая массу враговъ. Николаевская военная академія, признавъ блистательные успѣхи его въ наукахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ пять лѣтъ тормозила переводъ его въ генеральный штабъ, и все это изъ-за его строптивости и безграничной предприимчивости къ удовлетворенію страстей своихъ. Съ подобною настойчивостью онъ, вѣроятно, добьется очень многого. Въ настоящую минуту Скобелевъ счастливъ. Государь императоръ, согласно постановленію думы, поздравилъ его въ Ливадіи съ георгіевскимъ крестомъ, и онъ, повидимому, вполне доволенъ, но надолго ли. Ненасытная натура его начинаетъ снова работать, и онъ для удовлетворенія чудовищнаго честолюбія лбомъ пробьетъ стѣну, чтобы изобрѣсти путь къ дальнѣйшему ходу своей карьеры.

Оправившись и отдохнувъ, я успѣшилъ отправиться въ Петербургъ и успѣлъ даже представиться въ числѣ прочихъ ташкентцевъ Константину Петровичу Кауфману, недавно сюда только прибывшему.

26-го ноября состоялся праздникъ георгіевскихъ кавалеровъ. Онъ начался выходомъ въ Зимнемъ дворцѣ и освященіемъ знамени, что тянулось очень долго. Знакомыхъ и друзей я, конечно, встрѣтилъ множество. Изъ дворца съ Абамеликомъ заѣхали къ Львовымъ, гдѣ я выждалъ до 5¹/₂ часовъ и отправился на обѣдъ въ Зимній дворецъ. За обѣдомъ я сидѣлъ между Граббе и графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ и противъ Мезенцева. Послѣ обѣда, когда государь *faisait salon*, его величество подошелъ ко мнѣ и не менѣе 10 минутъ изволилъ милостиво разговаривать, начавъ вопросомъ:

— А развѣ ты еще не получилъ назначенія и все еще состоишь по арміи?

Потомъ послѣдовали другіе: о ранахъ, о здоровьѣ, о томъ, гдѣ началъ службу, въ Преображенскомъ или Куринскомъ полку (государь не разъ смѣшивалъ меня и раньше съ братомъ Алексѣемъ).

— Я знаю, что теперь ты изъ Хивы, и знаю это не по одной медали, которую на тебѣ вижу (наканунѣ Георгіевскаго праздника намъ, хивинцамъ, были доставлены медали). — Неужели ты въ Куринскомъ полку еще засталъ Меллера-Закомельскаго? — продолжалъ государь.

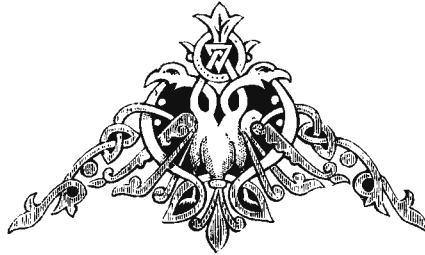
На отвѣтъ мой, что при немъ я прослужилъ пять лѣтъ офицеромъ, его величество изволилъ полюбопытствовать, кто командовалъ батальономъ куринцевъ въ Чолокскомъ сраженіи.

— Несчастный флигель-адъютантъ вашего императорскаго величества Бревернъ,—отвѣтилъ я.

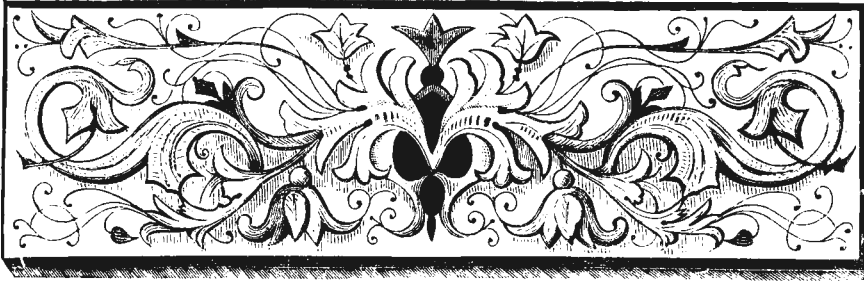
— Представь себѣ,—замѣтилъ на это государь,—что ему по настоящее время ни на волосъ не лучше! Онъ въ maison de santé, около Митавы, и никакой надежды не подаетъ къ выздоровленію.

В. А. Полторацкій.

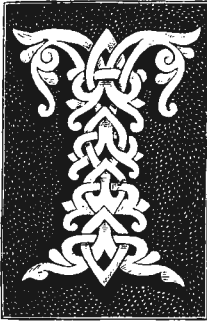
(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КУЛЬТУРА И ПОДВИЖНИЧЕСТВО.

РИ ГОДА тому назадъ въ газетахъ появилось краткое сообщеніе о смерти князя Василя Васильевича Вяземскаго, подвижника изъ аристократической среды, бросившаго жену и домъ, раздавшаго свои помѣстья крестьянамъ и прожившаго почти тридцать лѣтъ отшельникомъ въ избушкѣ въ лѣсу, на берегу рѣки Нары, лишенный всякаго комфорта. Не смотря на отрывочность свѣдѣній объ этомъ оригинальномъ подвижникѣ, всѣ чувствовали въ немъ крупную личность. Но опредѣлить въ точности характеръ и силу его подвига было трудно. Теперь, благодаря появленію въ печати біографическаго очерка покойнаго князя, принадлежащаго перу г. Корсакова ¹⁾, мы можемъ составить себѣ болѣе точное понятіе о «житіи» этого подвижника, проявившаго изумительную нравственную силу. Основной смыслъ его подвига заключается въ томъ, что онъ добровольно отказался отъ всѣхъ благъ культуры и обрекъ себя на отшельничество въ первобытной крестьянской обстановкѣ. Его подвигъ затрогиваетъ, слѣдовательно, одну изъ характерныхъ чертъ міросозерцанія русскаго человѣка и, несомнѣнно, заслуживаетъ подробной оцѣнки. Поэтому мы на немъ и остановимся. Но чтобы вполнѣ выяснить

¹⁾ «Сѣверный Вѣстникъ», 1894 г., №№ 11 и 12.

значеніе этого подвига, намъ надо высказать нѣсколько предварительныхъ соображеній.

Князь Вяземскій, какъ въ послѣдствіи и графъ Толстой, относился скептически къ европейской культурѣ и разрѣшилъ вопросъ о томъ, «какъ надо жить», въ смыслѣ возвращенія къ условіямъ жизни нашего крестьянства. Это міросозерцаніе находитъ себѣ не мало приверженцевъ. Но что разумѣютъ они подъ культурою? Дѣло въ томъ, что, если мысленно перенестись въ страну, стоящую на высокомъ уровнѣ цивилизаціи, то насъ, конечно, прежде всего поразитъ внѣшнее благоустройство городовъ и деревень, путей сообщенія и сельскаго хозяйства, обиліе школъ, отсутствіе безграмотности, комфортъ въ домахъ даже бѣдныхъ обывателей и т. д. Замѣчая все это, мы, конечно, думаемъ, что въ этомъ и заключается культурность, что надо достигнуть того, чтобы и у насъ было то же благоустройство, тотъ же порядокъ, тотъ же комфортъ, тоже обиліе школъ и т. д. Но мы рѣдко останавливаемся на вопросѣ, почему все это существуетъ въ одной странѣ и вовсе не существуетъ или существуетъ въ недостаточной степени—въ другой. Равнымъ образомъ мы не задаемся и тѣмъ вопросомъ, что въ сущности все это составляетъ внѣшнее проявленіе культурности, хотя и способствуютъ ея распространенію и упроченію, и что есть еще какая-то внутренняя сила, которой все это вызывается. Если же мы останавливаемся на этомъ вопросѣ, то отвѣтъ у насъ готовъ: мы говоримъ, что западные народы живутъ дольше насъ, что мы еще молоды, что не успѣли еще обзавестись тѣми порядками, которые приводятъ къ развитой культурѣ. Это, однако, значитъ опять останавливаться на внѣшней ея сторонѣ, потому что и порядки эти составляютъ только наружное проявленіе этихъ силъ, или же противорѣчить очевиднымъ фактамъ, потому что есть народы несравненно моложе насъ, которые, однако, далеко опередили насъ въ культурномъ отношеніи. Сошлемся для примѣра хотя бы на Соединенные Штаты. Никто, однако, не станетъ отрицать, что, если бы мы снабдили какойнибудь совершенно некультурный народъ всѣми внѣшними благами цивилизаціи, понастроили бы ему комфортабельные дома, прекрасные пути сообщенія, соорудили бы ему множество школъ и т. д., то, вѣроятно, толку отъ всего этого вышло бы очень мало, произошло бы такое явленіе, какое наблюдается подчасъ и у насъ, гдѣ прекрасно устроенные пути сообщенія забрасываются, школьныя зданія разрушаются, и происходитъ упадокъ культуры. Мы могли бы для примѣра сослаться на значительное число селъ и деревень, которые, находясь подъ управленіемъ министерства государственныхъ имуществъ, сравнительно процвѣтали, а теперь бѣдствуютъ и представляютъ собою картину культурнаго упадка. Слѣдовательно, вопросъ заключается не только во внѣшнихъ проявленіяхъ культуры, но и въ чемъ-то другомъ, именно въ тѣхъ си-

лахъ, которыя порождаютъ и поддерживаютъ культуру. Между тѣмъ эта сторона вопроса по большей части упускается изъ виду: мы на ней не любимъ останавливаться, какъ будто умышленно ее игнорируемъ. Для подавляющаго большинства русскихъ интеллигентныхъ людей заботиться о культурѣ значитъ исключительно насаждать внѣшнія ея проявленія и притомъ насаждать ихъ опять-таки чисто внѣшнимъ путемъ: должна явиться какая-то сила со стороны и создать то, чего мы сами создать не въ состояніи. Народъ нашъ склоненъ къ пьянству; въ чемъ полагается лѣкарство противъ этого общественнаго недуга? Конечно, въ томъ или другомъ устройствѣ питейной части. Помѣщики наши разоряются; какъ помочь бѣдѣ? Кредитовать ихъ безъ конца. Нѣтъ школъ, населеніе не въ состояніи собрать средства для ихъ сооруженія. Понятно, правительство должно дать денегъ. Откуда же взять эти безконечныя суммы, необходимыя для водворенія у насъ культуры на казенный счетъ? Ихъ можно получить только съ народа; а народъ изнываетъ подъ тяжестью экономическихъ условій, онъ самъ нуждается въ матеріальной поддержкѣ. Словомъ получается заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода.

Правда, иногда указываютъ на выходъ изъ этого заколдованнаго круга. Львиная доля государственнаго бюджета уходитъ на военныя силы страны. Если бы ежегодно можно было употребить 300 милліоновъ рублей на культурныя цѣли, то вопросъ былъ бы повидимому рѣшенъ. Но, во-первыхъ, это на видъ столь простое рѣшеніе вопроса въ сущности рѣшаетъ его вовсе не такъ радикально, какъ многіе склонны думать. Все-таки остается сомнительнымъ, чтобы путемъ простаго ассигнованія суммъ, какъ бы онѣ ни были значительны, можно было серьезно двинуть культуру страны. И тутъ намъ не слѣдуетъ забывать, что такого рода обогащеніе некультурнаго или мало культурнаго народа еще не служитъ гарантіей превращенія его въ народъ культурный. А во-вторыхъ, освободить государственный бюджетъ отъ указаннаго расхода на военныя цѣли нѣтъ возможности. Только фантазеры могутъ мечтать объ этомъ. Достигнуть этого столь желаннаго результата можно было бы только въ томъ случаѣ, если бы и всѣ другія европейскія государства рѣшились отказаться отъ системы вооруженнаго мира. До этого же, какъ извѣстно, очень далеко. Наконецъ, въ-третьихъ, печальная необходимость тратить громадныя суммы на безконечныя вооруженія не мѣшаетъ другимъ государствамъ достигать значительныхъ культурныхъ успѣховъ. Не смотря на страшную войну и на уплату неслыханной военной контрибуціи, которыя довели Францію до долга въ 30 милліардовъ франковъ, страна эта сдѣлала изумительные успѣхи въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Намъ, конечно, возражать, что Франція страна необычайно богатая, а Россія бѣдна. Но не значитъ ли это свести вопросъ именно на указывае-

мую нами почву, то-есть на почву тѣхъ внутреннихъ силъ, которыя приводятъ къ показной сторонѣ культуры, къ внѣшнимъ ея проявленіямъ. Почему Франція можетъ богатѣть, не смотря на неслыханныя бѣдствія, столь часто постигавшія ее за послѣднія сто лѣтъ, не смотря на всѣ эти внутреннія неурядицы, кровавыя революціи, внѣшнія пораженія и небывалыя контрибуціи? Есть, значить, въ самомъ населеніи какая-то внутренняя сила, вызывающая экономическіе и культурные ея успѣхи.

Вотъ объ этой-то внутренней силѣ менѣе всего у насъ думаютъ. Вопросъ обыкновенно сводится къ чисто внѣшнимъ условіямъ, въ особенности къ той или другой политической организаціи. Впрочемъ, тѣ же лица, которыя въ политикѣ усматриваютъ центръ тяжести всего вопроса, не находятъ достаточно сильныхъ выраженій, чтобы заклеить государственный строй Франціи или, какъ они выражаются, буржуазную республику. Странно подумать, но никто не станетъ отрицать, что именно, когда во Франціи еще республики не было, она пользовалась гораздо большими симпатіями со стороны лицъ, усматривающихъ въ либеральной политической организаціи основное условіе культурныхъ успѣховъ. Нельзя не считаться и съ слѣдующимъ фактомъ. Несомнѣнно, политическія учрежденія Австріи либеральнѣе политическихъ учрежденій Германіи, а между тѣмъ послѣдняя далеко опережаетъ габсбургскую имперію въ культурномъ отношеніи. А что сказать объ Англии, которая почти уже 700 лѣтъ пользуется конституціоннымъ правленіемъ и тѣмъ не менѣе сдѣлала значительные культурные успѣхи, какъ мы ихъ понимаемъ, то-есть въ смыслѣ просвѣщенія и экономической эмансипаціи народныхъ массъ только въ истекающемъ столѣтіи? Наконецъ, не выяснила ли исторія всѣхъ европейскихъ странъ, что свободныя учрежденія становятся прочнымъ достояніемъ общества и народа только тогда, когда культура сдѣлала уже значительные успѣхи, что именно этими успѣхами обусловливается устойчивость политической организаціи?

Значить, и съ этой стороны наше пристрастіе къ внѣшнимъ проявленіямъ культуры оказывается плохо обоснованнымъ, и намъ все-таки приходится уяснить себѣ тѣ внутреннія силы, которыя вызываютъ эти внѣшнія проявленія. Что же мы разумѣемъ подъ этими внутренними силами? Извѣстные взгляды, привычки, настроеніе, нравственные качества. Если мы возьмемъ нашъ государственный бюджетъ, то окажется, что государство взимаетъ съ каждаго изъ насъ по 9 рублей, при чемъ, не смотря на всѣ несовершенства нашей податной системы, зажиточные классы все-таки платятъ сравнительно гораздо больше, чѣмъ незажиточные. Но что значать эти 9 рублей сравнительно съ остальными расходами всякаго русскаго обывателя? Какъ бы рационально или нераціонально государство ни расходовало собираемые имъ налоги, въ сущности

миллиардный бюджет, поражающий наше воображение, вовсе не имѣетъ такого рѣшительнаго значенія, какое мы ему приписываемъ. Кромѣ этого миллиарда, само населеніе расходуетъ ежегодно не одинъ миллиардъ и, конечно, съ точки зрѣнія культуры страны первенствующее значеніе имѣетъ вопросъ, на что идутъ тѣ миллиарды, которые расходуются самимъ населеніемъ. Предположимъ, на примѣръ, что Россія пропивала бы только половину того, что она теперь пропиваетъ, и расходовала бы другую половину на образовательныя цѣли, на подъемъ сельскаго хозяйства, на улучшеніе своего быта, и наши экономическія и всякія другія невзгоды исчезли бы очень скоро. То же можно сказать о табакѣ и о большемъ числѣ предметовъ роскоши, которые составляютъ въ нашемъ обиходѣ, не смотря на всю нашу бѣдность, явленіе обычное. Но независимо отъ этого — и эта сторона вопроса еще гораздо существеннѣе — культура обуславливается не только расходованіемъ заработанныхъ суммъ и сбереженій на тѣ или другіе предметы, но и производительною затратою труда и времени. Человѣкъ, пропивающій свой достатокъ, наноситъ себѣ и странѣ ущербъ не только непроизводительною тратою денегъ, но и непроизводительнымъ употребленіемъ времени, не говоря уже о непроизводительномъ истощеніи силъ. А между тѣмъ, какъ велико разнообразіе въ употребленіи времени, въ приемахъ труда, въ объектахъ, на которые онъ направленъ! Далѣе какъ различны результаты труда, смотря по тому, какъ мы къ нему относимся — умѣло или неумѣло, любовно или спустя рукава. Чтобы не уклоняться отъ основной темы нашихъ соображеній, остановимся только на одной сторонѣ вопроса. Если исходить изъ мысли, наиболѣе у насъ распространенной, что успѣхи культуры зависятъ преимущественно отъ насажденія внѣшнихъ ея проявленій путемъ рациональнаго расходованія казенныхъ суммъ, обуславливаемого въ свою очередь болѣе совершенною политическою организаціею страны, то понятно, все вниманіе будетъ направлено на послѣднюю, другими словами, обществомъ или всѣмъ народомъ овладѣетъ такое настроеніе, что въ сущности все равно, что бы ни дѣлалъ отдѣльный человѣкъ, что онъ безсиленъ, что онъ ничего сдѣлать не можетъ. вмѣстѣ съ тѣмъ можно предвидѣть, что многія отрасли крайне необходимаго и производительнаго труда будутъ находиться въ пренебреженіи, исполняться вяло, неохотно или совершенно не исполняться. Между тѣмъ, какова бы ни была политическая организація страны, всѣ эти отрасли труда должны быть исполнены и притомъ исполнены умѣло и любовно, чтобы достигнуть серьезныхъ культурныхъ успѣховъ. Какія благопріятныя внѣшнія условія мы бы, на примѣръ, ни установили путемъ законодательнымъ для сельскаго хозяйства, если сельскіе хозяева не будутъ любовно и умѣло относиться къ своему дѣлу, благопріятныхъ результатовъ ожидать нельзя. Можно даже смѣло сказать, что если взять два народа, изъ кото-

рыхъ одинъ окруженъ весьма неблагопріятными внѣшними условіями для процвѣтанія сельскаго хозяйства, но трудолюбивъ, преданъ своему дѣлу, а другой окруженъ самыми благопріятными условіями, но лѣнивъ, не обладаетъ необходимыми знаніями, то первый будетъ достигать замѣтныхъ результатовъ, а второй ничего не достигнетъ. Равнымъ образомъ при одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ мы видимъ крайнее различіе, доходящее до прямой противоположности между двумя народами, располагающими неравными внутренними культурными условіями. Сельское хозяйство въ Италіи находится въ очень печальномъ положеніи, а въ Швеціи и Норвегіи оно процвѣтаетъ. Можно ли сравнить Соединенные Штаты съ Мексикою? Наконецъ, какъ различны результаты, достигаемые въ предѣлахъ Россіи представителями разныхъ народностей, ее заселяющихъ. Мы видимъ часто, что латышъ и русскій хозяйничаютъ рядомъ—одинъ съ успѣхомъ, а другой весьма неудовлетворительно.

Всѣ эти факты убѣждаютъ, что уровень культуры далеко не всегда зависитъ отъ совершенства политической организаціи. Скорѣе можно сказать, что и послѣдняя составляетъ только проявленіе культурности, одинъ изъ внѣшнихъ ея признаковъ. Мы наблюдаемъ, на примѣръ, весьма часто, что установленная болѣе совершенная политическая организація дѣйствуетъ только на бумагѣ, а въ самой жизни примѣняется очень неудовлетворительно или же замѣняется снова менѣе совершенною. Это явленіе наблюдается преимущественно въ странахъ съ неравномѣрнымъ распредѣленіемъ культуры между различными слоями населенія, то-есть такихъ странахъ, гдѣ между высшими общественными классами и низшими существуетъ большая разница въ культурномъ отношеніи. Въ такихъ странахъ насильственные перевороты, кровопролитныя гражданскія войны, всякія политическія неурядицы встрѣчаются сравнительно часто, тормозятъ правильный ходъ народной жизни и вызываютъ очень часто послѣ значительнаго прогресса такой же регрессъ. Въ этомъ отношеніи весьма поучительно сравнить судьбу Франціи и Германіи, католическихъ и протестантскихъ странъ. Не поразителенъ ли, на примѣръ, тотъ фактъ, что Франція добилаь болѣе совершеннаго политическаго строя только путемъ цѣлаго ряда сильныхъ государственныхъ переворотовъ и безконечнаго кровопролитія, а Германія избѣжала этихъ тяжелыхъ жертвъ. Не поучителенъ ли и тотъ фактъ, что такъ называемые германскіе соціалъ-демократы постепенно добиваются своихъ цѣлей и приобрѣтаютъ значительное вліяніе въ государствѣ помимо всякихъ насильственныхъ переворотовъ простымъ примѣненіемъ тѣхъ средствъ, которыя разрѣшаются законами страны. Въ протестантскихъ государствахъ культура проникла вглубь народа, и это непосредственно отражается на постепенномъ совершенствованіи по-

литических формъ, безъ тѣхъ прискорбныхъ потрясеній, которыя составляютъ явленіе обычное въ католическихъ странахъ. Тамъ, гдѣ культура охватила народныя массы, политическая жизнь устойчивѣе и развивается правильнѣе. Такимъ образомъ не тѣ или другія политическія формы вызываютъ культуру, а наоборотъ, культура создаетъ устойчивыя и болѣе цѣлесообразныя для даннаго народа и для данной эпохи политическія формы. Никто, конечно, не станетъ отрицать ихъ взаимодѣйствія; но намъ кажется, что міросоверщаніе русскаго интеллигентнаго человѣка грѣшитъ именно тѣмъ, что оно отводитъ слишкомъ значительную роль внѣшнимъ проявленіямъ культуры и упускаетъ изъ виду внутреннія ея силы, отъ которыхъ въ сущности главнымъ образомъ зависятъ культурныя успѣхи.

Недавно въ Парижѣ появился очень интересный трудъ тамошняго инспектора библиотекъ и архивовъ г. Лакомба, въ которомъ онъ старается установить новыя основы для исторіи, какъ науки. Мы надѣемся посвятить этому труду спеціальную этюдъ, а здѣсь отмѣтимъ только одну очень глубокую мысль автора. Онъ именно говоритъ, что культурный человѣкъ отличается отъ дикаря преимущественно тѣмъ, что любить во всемъ точность. «Какая разница,—воскликаетъ онъ,—между человѣкомъ, который, чтобы узнать время, взглянетъ на солнце и довольствуется приблизительнымъ опредѣленіемъ часа, и другимъ человѣкомъ, который хочетъ знать время въ точности, минуту въ минуту, секунду въ секунду, между человѣкомъ, который, совершая переѣздъ отъ одного острова къ другому, измѣряетъ разстояніе измѣнчивою продолжительностью переѣзда, и человѣкомъ, не успокоивающимся прежде, чѣмъ онъ не узнаетъ въ точности число сажень между двумя пунктами». Г. Лакомбъ подробно развиваетъ эту мысль и приходитъ къ тому выводу, что культура зависитъ въ гораздо большей степени отъ точности, съ какою человѣкъ думаетъ, воспринимаетъ, дѣйствуетъ, чѣмъ отъ разныхъ внѣшнихъ условій или даже отъ того, что мы привыкли называть даровитостью. Становясь на эту точку зрѣнія, мы поймемъ, почему сравнительно мало одаренные природою народы достигли болѣе значительныхъ культурныхъ успѣховъ, чѣмъ народы, которые природа одарила всѣми своими благами, отчего, напримѣръ, сѣверная Шотландія или Норвегія достигли болѣе широкаго распространенія культуры, чѣмъ Италия или Испанія, почему Соединенные Штаты стоятъ въ культурномъ отношеніи неизмѣримо выше государствъ средней или южной Америки.

Какъ высоко ни ставить многія черты русскаго національнаго характера, нельзя въ то же время отрицать, что мы, русскіе, именно страдаемъ недостаткомъ точности въ воспріятіяхъ, мысляхъ и дѣйствіяхъ. Слова: «какъ нибудь», «авось», «ничего» не встрѣчаются нигдѣ такъ часто, какъ у насъ, а эти слова составляютъ только

вышнее проявленіе извѣстнаго состоянія ума, извѣстнаго настроенія. Случай, обстоятельства, благопріятныя условія—вотъ на что мы очень склонны разсчитывать въ жизни и соотвѣтственно мы отводимъ гораздо менѣе значительную роль строгой послѣдовательности въ мысляхъ и дѣйствіяхъ, неуклонному преслѣдованію ясно сознаваемой цѣли, выдержкѣ въ ея достиженія. Русская халатность вошла въ поговорку: халатно мы воспринимаемъ, халатно мыслимъ, халатно дѣйствуемъ. Какъ ни велика разниа между русскимъ интеллигентнымъ человѣкомъ и народною массою, въ этомъ отношеніи они очень близко соприкасаются: быть можетъ, нерасположеніе къ точности въ мысляхъ и дѣйствіяхъ столь же велико въ интеллигенціи, какъ и въ народѣ.

На этомъ явленіи намъ останавливаться нечего: оно слишкомъ хорошо всеѣмъ извѣстно; но врядъ ли мы отдаемъ себѣ отчетъ во всеѣхъ послѣдствіяхъ его для культурныхъ успѣховъ страны. Если латышъ и русскій хозяйничаютъ въ одной и той же мѣстности, одинъ успѣшно, другой—неуспѣшно, то объясняется это преимущественно тѣмъ, что латышъ на «авось» не разсчитываетъ, а неуклонно, обдуманно и съ большой выдержкой идетъ къ своей цѣли. Если въ интеллигентной средѣ нѣмецъ достигаетъ успѣха тамъ, гдѣ русскій терпитъ неудачи, то опять-таки главнымъ образомъ потому, что нѣмецъ обладаетъ нравственными качествами, которыя въ общей сложности сводятся къ точности въ мысляхъ и дѣйствіяхъ. Даровитость русской природы паскуетъ предъ выдержкою, послѣдовательностью и обдуманностью нѣмецкой природы. Даровитый русскій человѣкъ склоненъ разбрасываться, переходитъ отъ одной цѣли къ другой, останавливаться на полъ-пути, а нѣмецъ, избравъ себѣ опредѣленную цѣль, идетъ къ ней медленно, но увѣренно, сосредоточенно. Русскій мало склоненъ разсчитывать на собственныя силы; нѣмецъ разсчитываетъ во всемъ на себя. Русскій негодуетъ на другихъ и на окружающія его условія, когда терпитъ въ жизни неудачи; нѣмецъ винитъ въ этомъ случаѣ главнымъ образомъ себя самого. Русскій ставитъ себѣ очень широкія задачи и озлобляется, когда онѣ оказываются недостижимыми; нѣмецъ ставитъ себѣ узкія задачи и благодушествоуетъ, радуется ихъ осуществленію. Но вѣдь для громаднаго большинства людей широкія задачи недоступны, а то, что мы считаемъ задачами узкими, въ сущности является главнымъ источникомъ культурныхъ успѣховъ. Широкія законодательныя реформы, какъ бы гуманны и либеральны онѣ ни были, сами по себѣ еще ни къ чему не приведутъ, если онѣ не будутъ идти рука объ руку съ сознательною дѣятельностью общества и народа, направленной къ той же цѣли: онѣ создаютъ только благопріятныя условія, которыми мы можемъ воспользоваться, и въ концѣ концовъ все-таки главнымъ источникомъ культурныхъ успѣховъ будетъ самодѣятельность народа въ области до-

стиженія своего благосостоянія, помимо котораго культура не может осуществиться.

Вотъ если взглянуть на вопросъ съ этой точки зрѣнія, мы и убѣдимся, какъ значительна разница между Россією и другими культурными странами. Вездѣ объединенная сила народа, воплощаемая въ государствѣ, признается могучимъ факторомъ въ дѣлѣ насажденія культуры; но нигдѣ отдѣльная личность не склонна въ такой степени возлагать всѣ свои надежды на государство, нигдѣ она такъ глубоко не убѣждена въ собственномъ своемъ безсиліи, какъ въ Россіи. Это настроеніе сказывается во всемъ. Созданіе внѣшнихъ условій, благоприятныхъ для культурныхъ успѣховъ, — вотъ въ чемъ спасеніе: отъ насъ же самихъ собственно ничего не зависитъ. Но для созданія этихъ внѣшнихъ условій вѣдь требуются деньги, а государству не откуда взять денегъ, какъ изъ нашихъ же кармановъ, а карманъ нашъ вѣчно будетъ пустъ, если мы не посвятимъ себя съ умѣніемъ и выдержкою удовлетворенію хозяйственныхъ потребностей. Между тѣмъ именно эти потребности и все, что съ ними связано, признается чѣмъ-то суетнымъ, мелкимъ, недостойнымъ развитого человѣка. Мы тутъ очевидно опять имѣемъ дѣло съ своего рода заколдованнымъ кругомъ, изъ котораго нѣтъ выхода, и вмѣстѣ съ тѣмъ наталкиваемся на другую національную нашу черту, именно на стремленіе совершать подвиги. Проза жизни, вся эта сѣть ничтожныхъ житейскихъ интересовъ намъ претитъ: душа рвется совершить нѣчто великое, создать сразу внѣшнія условія, необходимыя для человѣческаго счастья, или по крайней мѣрѣ поставить самихъ себя въ такія условія, которыя освобождали бы насъ отъ гнета этихъ мелкихъ житейскихъ интересовъ. Подвижничество неизбежно вытекаетъ изъ указаннаго настроенія русскаго человѣка. Если мы не способны радоваться достиженію мелкихъ успѣховъ въ жизни, если кропотливая работа надъ созданіемъ источниковъ культуры намъ не по душѣ, то нужно же найти себѣ въ чемъ нибудь нравственное удовлетвореніе, и вотъ это удовлетвореніе мы находимъ въ подвигѣ, въ такомъ дѣйствіи, результатъ котораго не можетъ быть въ точности разсчитанъ, но которое освобождаетъ насъ отъ путъ мелочныхъ житейскихъ заботъ и позволяетъ намъ надѣяться, что «авось» намъ удастся сразу что-то исцѣлить, что-то исправить, что-то измѣнить къ лучшему. Во всемъ этомъ настроеніи такъ и сквозитъ наша нелюбовь къ точности. Не будучи въ состояніи бороться съ окружающими насъ мелкими препятствіями или съ собственнымъ нравственнымъ несовершенствомъ, мы вдругъ переносимся въ совершенно другую область и надѣемся совершить тамъ чудеса, потому что наслышались о существованіи героевъ, которые однимъ ударомъ достигали несравненно больше, чѣмъ достигаетъ обыкновенный человѣкъ кропотливою и выдержанною долготѣною работою. Если сравнить Россію съ другими

культурными странами въ этомъ отношеніи, то окажется, что такого рода подвижниковъ у насъ гораздо больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Должно быть, мы имѣемъ тутъ дѣло съ особаго рода социальнымъ закономъ: число простыхъ, но умѣлыхъ, дѣльныхъ труженниковъ обратно пропорціонально числу подвижниковъ. По крайней мѣрѣ почти вездѣ, гдѣ культурные успѣхи незначительны, гдѣ народное благосостояніе находится на низкомъ уровнѣ развитія, гдѣ народное образованіе отсутствуетъ, гдѣ некому исполнять всю массу мелкаго труда, необходимаго для культурной жизни, число подвижниковъ сравнительно очень велико. Можно даже смѣло сказать, что чѣмъ ниже цивилизація даннаго народа, тѣмъ больше въ немъ подвижничества, и тѣмъ менѣе точности въ воспріятіяхъ, мысляхъ и дѣйствіяхъ. Быть можетъ, на самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ такъ; быть можетъ, и у очень культурныхъ народовъ подвижничество вовсе не такое рѣдкое явленіе, какъ можетъ казаться. Но у нихъ подвижничество утрачиваетъ свою фантастическую форму, проявляется главнымъ образомъ въ границахъ той прозы жизни, тѣхъ житейскихъ заботъ, которыя внушаютъ такое нерасположеніе мало культурнымъ народамъ. Крестьянинъ, владѣющій какою нибудь десятиною земли и тѣмъ не менѣе обезпечивающій и себя, и семью путемъ неусыпнаго труда, желѣзной выдержки, ежедневныхъ лишеній,—подвижникъ ли онъ? Подвижница ли мать, посвящающая всѣ свои силы, всю свою жизнь, всѣ свои помыслы, всѣ свои чувства разумному воспитанію дѣтей? Подвижникъ ли ученый, изслѣдующій какой нибудь специальный, узкій вопросъ съ полнымъ забвеніемъ своей личности и своихъ матеріальныхъ выгодъ? Все это, если хотите подвижники. Но не въ этомъ заключается, на нашъ взглядъ, истинное подвижничество. Подвигъ долженъ имѣть нѣсколько фантастическій характеръ, уклоняться отъ обычныхъ формъ проявленія человѣческой дѣятельности, не имѣть ничего общаго съ обыденными житейскими заботами. Тогда только мы склонны признавать его настоящимъ подвигомъ. А всѣ эти подвиги на почвѣ снисканія матеріальныхъ благъ или проявленія семейныхъ добродѣтелей носятъ отпечатокъ чего-то буржуазнаго, лишены обаянія, поэзіи.

Возьмемъ нѣкоторые примѣры, почерпнутые изъ литературы и жизни, чтобы пояснить нашу мысль о взаимномъ отношеніи культуры и подвижничества. Обратимся сперва къ типамъ изъ самого народа.

Большинство читателей, вѣроятно, помнятъ интересный типъ народнаго подвижника, выведенный Гл. Успенскимъ въ его «Растеряевщинѣ». Это—Парамонъ-Юродивый, котораго авторъ называетъ «самымъ настоящимъ крестьянскимъ, мужицкимъ святымъ человѣкомъ». Какъ Парамонъ сталъ святымъ человѣкомъ, объ этомъ авторъ намъ почти ничего не сообщаетъ. Знаемъ мы только,

что онъ оставилъ домъ, бросилъ жену и дѣтей и ушелъ спасать свою душу чисто русскимъ, крестьянскимъ способомъ. На головѣ онъ носилъ чугунную, полу-пудовую шапку, въ рукѣ таскалъ чугунную, полуторо-пудовую палку, а на тѣлѣ носилъ вериги, закованные на немъ на-глухо, разѣдавшія кожу до степени настоящихъ язвъ. Кромѣ того, онъ любилъ еще жечь на огнѣ свои пальцы, ставить подошву на уголь. Лѣтомъ ноги его были постоянно изодраны острыми камнями мостовой, а зимой кожа на нихъ лопалась до крови отъ мороза. Словомъ, это былъ подвижникъ въ полномъ смыслѣ этого слова, умерщвлявшій всячески плоть, добровольно подвергавшій себя физическимъ мученіямъ, самоистязанію. О своемъ пропитаніи онъ, конечно, не заботился, какъ не заботился о прокормленіи своей жены и дѣтей. Злые люди говорили, что они «побираются», какъ побирался и самъ Парамонъ-Юродивый, находя и ночлегъ и пропитаніе у добрыхъ людей. Обо всемъ этомъ ему не приходилось думать, потому что онъ спасалъ душу и подвергалъ себя такимъ мученіямъ, самъ наложилъ на себя такую тяжелую работу ради спасенія души, что о другой работѣ для обезпеченія земного своего существованія онъ, конечно, и думать не могъ. Но какъ ни великъ былъ подвигъ Парамона, все же онъ оставался паразитомъ, жившимъ на чужой счетъ, кормившимся чужимъ трудомъ, въ сущности никому не приносившимъ пользы, заботившимся исключительно о себѣ, о своемъ блаженствѣ въ другой, лучшей жизни. Начальство, однако, этого подвига не признавало и, какъ безпаспортнаго, препровождало Парамона по этапу на родину. Но онъ снова пускался въ своей полупудовой шапкѣ и съ своею полуторорапудовою палкою въ путь, пока его начальство снова не схватывало и не доставляло, какъ безпаспортнаго, на родину.

Вотъ какъ спасалъ душу Парамонъ-Юродивый. Всѣ симпатіи автора на его сторонѣ: онъ вносилъ въ жизнь «Растеряевой улицы» совершенно новую, живительную струю; всѣ признавали, что этотъ человѣкъ косноязычный, придурковатый, не имѣетъ ничего общаго съ окружающей дѣйствительностью, что онъ начальства не боится, что онъ чуждъ всѣхъ мелочныхъ житейскихъ заботъ, которыми исчерпывалась жизнь остальныхъ людей, что онъ живетъ для чего-то хорошаго, великаго, и что сила въ немъ также великая, что онъ—истинный подвижникъ.

Возьмемъ теперь другого подвижника, обликъ котораго живетъ въ памяти cadaго изъ насъ.

Въ армякѣ съ открытымъ воротомъ,
Съ обнаженной головой,
Медленно проходитъ городомъ
Дядя Вася, старикъ сѣдой.

И дядя Власъ весь въ веригахъ, и у него въ рукѣ длинная палка съ желѣзнымъ наконечникомъ. Онъ, правда, жену не бросилъ, но, что еще хуже, побоями вогналъ ее въ гробъ. Какъ Парамонъ, онъ бросилъ все свое хозяйство, хозяйство богатое, потому что онъ бралъ и съ родного, и съ убогаго, былъ кащеемъ-мужикомъ. И вдругъ его, какъ и Парамона, осѣнила мысль, что надо спасать душу, и вотъ онъ уже скоро тридцать лѣтъ скитается, подаяніемъ питается, но строго держитъ свой обѣтъ, ибо великая сила его души вся ушла въ дѣло Божіе («Власъ»).

Мы видимъ, слѣдовательно, что родовыя черты обоихъ подвижниковъ совершенно одинаковы. Кромѣ того, симпатіи Некрасова всѣ на сторонѣ дяди Власа, какъ симпатіи Глѣба Успенскаго на сторонѣ Парамона-Юродиваго. Но послѣдняго окружаетъ исключительно ореолъ мистицизма; въ образѣ же дяди Власа мы имѣемъ картину чего-то реального. И дядя Власъ, какъ и Парамонъ, постоянно скитается. Мы его встрѣчаемъ и въ Москвѣ, и «въ Архангельской, и въ Рязани, и у Каспія широкаго, и у царственной Невы». Но скитается онъ съ опредѣленною цѣлью: онъ отправился собирать на построеніе храма Божія, и дають ему, дають прохожіе,—

Такъ изъ лепты трудовой
Вырастаютъ храмы Божіи
По лицу земли родной,—

тѣ храмы, въ которые русскій народъ приносить святое бремя своей тоски неодолимой и уходитъ облегченный, потому что Христосъ снимаетъ съ души оковы, съ сердца муки и язвы съ совѣсти больной («Тишина»). Такимъ образомъ, жизнь Парамона-Юродиваго проходитъ безслѣдно; жизнь же дяди Власа даетъ весьма ощутительные результаты: плодомъ его дѣятельности, его трудовъ являются храмы Божіи, покрывающіе лицо родной земли. Конечно, тутъ дѣло не обходится безъ сильнаго поэтическаго преувеличенія, но, тѣмъ не менѣе, если и допустить, что громадное большинство храмовъ вырастаютъ инымъ путемъ, то все-таки между Парамономъ и Власомъ есть по существу громадная разница. На повѣрку оказывается, что подвижники въ родѣ Парамона даже не укрѣпляютъ въ народѣ силу вѣры. У Глѣба Успенскаго выведенъ еще другой подвижникъ, Егоръ, который никакъ не хотѣлъ исполнять супружескихъ своихъ обязанностей, такъ же сбѣжалъ отъ жены и началъ спасать свою душу въ вырытой имъ глубокой ямѣ. Но разъ какъ-то онъ услышалъ, что жена его связалась съ мельникомъ. Возвѣстилъ ему объ этомъ какой-то путникъ. «Кто свое доброе бросаетъ, тотъ дуракъ, а не угодникъ»,—наставлялъ его путникъ.—«Вѣдь жена твое-то добро?»—продолжаетъ онъ.—«Мое»,—отвѣчаетъ Егоръ. И вдругъ послѣ восьми лѣтъ подвижнической жизни онъ соображаетъ, что вѣдь жена-то дѣйствительно

его добро. Вылѣзъ онъ изъ ямы, и съ этого-то часу все его спасеніе такъ и пошло прахомъ. Стали они жить втроемъ, съ мельникомъ, и, кромѣ того, Егоръ сдѣлался пьяницей. Такъ его подвижничество и кончилось. Но съ этимъ подвижникомъ у дяди Власа есть нѣчто общее. Если дядя Власъ собиралъ деньги на построеніе храма, то Егоръ прокладывалъ хорошія дороги ко всѣмъ сосѣднимъ церквамъ во время своего подвижничества. Такимъ образомъ угодничество у него сопряжено было съ практическимъ дѣломъ, въ то время какъ Парамонъ посвятилъ себя чистому подвижничеству.

Но не въ этомъ сила. Какого изъ этихъ трехъ подвижниковъ мы ни возьмемъ, все же основная черта въ нихъ общая: всѣ они уходятъ изъ міра, отрѣшаются отъ житейскихъ заботъ, отъ всѣхъ мелкихъ интересовъ, представляющихся имъ чѣмъ-то грѣховнымъ и спасаютъ душу, т. е. посвящаютъ себя дѣлу нравственнаго усовершенствованія, какъ подобаешь простымъ крестьянамъ, въ грубой формѣ тасканія полуторاپудовой палки, сидѣнія въ ямѣ или скитанія по всѣмъ концамъ Русской земли. Въ этомъ сущность дѣла, и если это подвижничество даетъ практическіе результаты въ смыслѣ сооруженія дорогъ или храмовъ, то это такъ сказать составляетъ привходящую цѣль, а главное заключается въ томъ чтобы спасти душу.

Никто не станетъ отрицать, что съ этой стороны нравственно-философское ученіе графа Льва Толстого близко соприкасается съ подвижничествомъ въ духѣ русскаго народа. Какъ извѣстно, однимъ изъ основныхъ догматовъ этого ученія является отрицаніе современной цивилизаціи или культуры, будто бы приносящихъ пользу только ничтожному меньшинству и совершенно бесполезныхъ для народной массы. Но останавливаясь на ученіи графа Толстого съ интересующей насъ здѣсь стороны, стараюсь уяснить себѣ отношеніе между культурой и подвижничествомъ, мы можемъ прямо обратиться къ дѣятельности той крупной личности, съ которой графъ Толстой списалъ точка въ точку все свое ученіе. Не знаемъ, почему до сихъ поръ въ нашей литературѣ не обращено вниманіе на полное совпаденіе дѣятельности и жизни князя Василя Вяземскаго съ нравственно философскимъ ученіемъ графа Льва Толстого; но это въ данномъ случаѣ вопросъ посторонній. Какъ увидятъ читатели, князь Вяземскій давно практически осуществилъ то, что теперь теоретически проповѣдуетъ графъ Левъ Толстой. А такъ какъ для нашей цѣли важна практическая сторона подвижничества, то мы обратимся прямо къ жизни и дѣятельности князя Вяземскаго, біографія котораго, какъ мы уже упомянули, недавно составлена г. Корсаковымъ, при чемъ читатель мимоходомъ убѣдится и въ вышеуказанномъ поразительномъ совпаденіи.

Вотъ схема жизни князя Василя Вяземскаго. Онъ родился въ Москвѣ въ 1811 году. До 35-лѣтняго возраста онъ послѣ домашней

подготовки слушаетъ четыре года лекціи въ Московскомъ университетѣ по естественнымъ и математическимъ наукамъ и затѣмъ служитъ пятнадцать лѣтъ офицеромъ на Кавказѣ. Вернувшись въ 1846 году въ Москву, онъ мечтаетъ о семейномъ счастьи и женится. Но вотъ его начинаетъ терзать, подобно гр. Толстому, вопросъ: «какъ надо жить». Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно прежде всего вооружиться знаніями, и князь Вяземскій всецѣло посвящаетъ себя наукѣ. Подобно Фаусту, онъ изучаетъ почти всѣ отрасли знанія, но это его не удовлетворяетъ. Его опять начинаютъ мучить сомнѣнія. Наука и ея дѣтище—прогрессъ, культура, какъ будто не въ состояніи установить справедливыхъ отношеній между людьми. Кромѣ того, его мучитъ и сознаніе, что онъ самъ рабовладѣлецъ. И вотъ онъ отпускаетъ всѣхъ своихъ крестьянъ и дворовыхъ на волю, предоставляя имъ крупные земельные надѣлы. Совершивъ этотъ гуманный актъ въ 1850 году, онъ снова задается вопросомъ: что, однако, дѣлать съ собою, и рѣшаетъ его за двадцать-пять лѣтъ до графа Толстого въ томъ смыслѣ, что каждому человѣку нуженъ физическій трудъ, и что поэтому занятія наукою должны чередоваться съ исполненіемъ какого нибудь ручного труда. Онъ продолжаетъ читать естествоиспытателей и философовъ, но въ то же время попеременно становится то столяромъ, то токаремъ, то переплетчикомъ и облачается уже въ костюмъ рабочаго съ ремешкомъ на головѣ. Одновременно онъ начинаетъ, однако, усиленно заниматься и музыкой, покровительствуетъ музыкантамъ переводить на русскій языкъ сочиненія по теоріи музыки. Но и этого мало. «Искусство есть прекрасная родина души»; поэтому князь посвящаетъ себя и скульптурѣ, и архитектурѣ. Это не мѣшаетъ ему продолжать свои занятія по естественнымъ наукамъ. Онъ переводитъ многотомные труды по физиологій, электричеству и магнетизму, и вмѣстѣ съ тѣмъ не прерываетъ ручного труда, вырабатываетъ изъ себя превосходнаго кузнеца, столяра, слесаря, машиниста и рѣзчика по дереву, устраиваетъ обширную мастерскую и снабжаетъ окрестныхъ жителей сельско-хозяйственными орудіями, а мастерскую свою обращаетъ въ практическое учебное заведеніе для обученія ремесламъ.

Но въ 1856 году происходитъ опять полная перемѣна декораций. Князь убѣждается, во-первыхъ, въ томъ, что его механическое заведеніе служитъ только ареною для «капиталистическаго производства», и поэтому закрываетъ свои мастерскія; во-вторыхъ, что сожителство съ женщиной ослабляетъ энергію и духъ мужчины: «только воздержность и цѣломудріе властно окрыляютъ мысль и закаляютъ человѣчскій духъ» (это основной тезисъ «Крейцеровой сонаты» и «Послѣсловія» графа Толстого), и поэтому, подобно Парамону, Егору и Власу, бросаетъ домъ и жену и поступаетъ безъ гроша денегъ мастеровымъ къ переплетчику Кузнецову. У этого

переплетчика онъ живетъ около года. Но тутъ его озаряетъ новая мысль, новый отвѣтъ на вопросъ, «какъ надо жить». Онъ приходитъ къ заключенію, что городъ развращаетъ людей, и что жить по Божьему можно только въ деревнѣ, гдѣ природа и трудъ дѣлаютъ людей болѣе солидарными. (Мы опять таки встрѣчаемъ здѣсь одинъ изъ основныхъ тезисовъ философіи, усвоенной графомъ Толстымъ). Что же князь дѣлаетъ въ своей деревнѣ? Онъ заводитъ образцовое хозяйство, которое должно служить примѣромъ для всего окружающаго населенія, а въ свободные часы изучаетъ естество-историческіе труды и собственноручно сооружаетъ прекрасный иконостасъ для деревенской церкви. Кромѣ того, онъ приходитъ на помощь всѣмъ сосѣднимъ крестьянамъ: снабжаетъ нуждающихся деньгами, скотомъ, всѣмъ, чѣмъ только можетъ. Но и тутъ вдругъ происходитъ переломъ въ его міросозерцаніи. Все это только филантропія, а филантропію дѣлу помочь нельзя; значить, его дѣятельность бесполезна: надо избрать новый путь. Князь приходитъ къ убѣжденію, что всякая собственность губить человѣка. Поэтому онъ раздаетъ всѣ свои земли крестьянамъ и оставляетъ себѣ лишь небольшой дремучій боръ на рѣкѣ Нарѣ. Нельзя не подивиться нравственной силѣ этого человѣка, который выступаетъ не проповѣдникомъ, а самъ осуществляетъ на дѣлѣ свои идеи. Онъ не только наряжается въ крестьянскій костюмъ, ходитъ съ ремешкомъ на головѣ, но, будучи аристократическаго происхожденія, потомкомъ славнаго рода, богатымъ человѣкомъ, привыкшимъ къ комфорту и ко всѣмъ высшимъ наслажденіямъ, доступнымъ человѣку, отрекается отъ всего,—и отъ удобствъ жизни, и отъ всего своего состоянія, для того, чтобы быть вѣрнымъ самому себѣ, чтобы дѣло у него не противорѣчило слову и мысли. На берегу Нары онъ самъ собственноручно срубаетъ себѣ избу, возитъ кирпичъ, кладетъ печь (и въ этомъ отношеніи графъ Толстой позаимствовался у него), и когда изба была готова, князь бросилъ не принадлежавшую ему уже старинную свою дворянскую усадьбу и зажилъ отшельникомъ, простымъ мужикомъ, занимаясь кузнечнымъ дѣломъ. Прожилъ онъ такъ въ полномъ одиночествѣ почти тридцать лѣтъ, приходя крестьянамъ на помощь чѣмъ могъ, лишая себя всѣхъ удобствъ жизни, предаваясь наблюденіямъ надъ царствомъ животныхъ, проводя ночи на голыхъ доскахъ, покрываясь вмѣсто одѣяла полушубкомъ, переполненнымъ насѣкомыми. Эта метаморфоза произошла съ княземъ именно въ то время, когда графъ Толстой писалъ свой романъ «Война и миръ» и вывелъ въ немъ Пьера Безухова, понявшаго истинный смыслъ жизни только тогда, когда сталъ ходить босымъ, когда у него завелись вши, и онъ началъ учиться смыслу жизни у безграмотнаго дурачка Караева...

У князя въ его избѣ на Нарѣ были книги, реторты, электрическая машина, разные станки, и онъ могъ, слѣдовательно, преда-

ваться своимъ наблюденіямъ надъ природою и физическому труду. Но чѣмъ же онъ кормился? Правда, онъ никогда не пилъ вина, не курилъ табаку и не любилъ мясной пищи (и въ этомъ отношеніи ученіе графа Толстого вполнѣ совпадаетъ съ образомъ жизни князя Вяземскаго). Слѣдовательно, не много требовалось князю; но все-таки кормиться надо было. Иногда у него водились деньги—остатки прежняго его достоянія; но онъ ихъ раздавалъ неимущимъ. Ни земледѣльствомъ, ни огородничествомъ онъ не занимался, денегъ за свои услуги ни у кого не бралъ, такъ какъ признавалъ деньги несомнѣнными съ христіанствомъ (опять-таки одинъ изъ основныхъ тезисовъ нравственной философіи графа Толстого). Но кормиться все-таки надо было. Что же дѣлаетъ князь, когда ему нечего ѣсть? Онъ выходитъ на рѣку и кричитъ: «хлѣба нѣтъ; хлѣба нѣтъ». На этотъ крикъ крестьяне села Кудалева приносятъ ему съ того берега кто краюху хлѣба, кто кринку молока, кто капусты, кто и меду. Да и крестьяне другихъ деревень нерѣдко заходили къ князю и приносили ему деревенскихъ гостинцевъ, пироговъ, яицъ. Такимъ образомъ, князь, подобно Паромону и дядѣ Власу, жилъ, какъ это слово ни рѣжетъ уха въ примѣненіи къ такой крупной личности, на чужой счетъ, кормился крестьянскимъ трудомъ. Что же онъ давалъ крестьянамъ взаменъ? Доброе слово, хорошій совѣтъ, мирилъ ихъ, когда они ссорились, рассказывалъ дѣтямъ и подросткамъ много интереснаго изъ читанныхъ имъ книгъ. Конечно, сосѣдніе крестьяне считали себя въ долгу у князя, потому что онъ роздалъ имъ все свое имущество, и поэтому охотно кормили его. Не беремся рѣшить вопросъ, какъ отнеслись бы тѣ же крестьяне къ князю, если бы онъ ихъ не облагодѣтельствовалъ, то-есть признавали ли бы они равноцѣнными услуги, которыя они оказывали князю и которыя онъ имъ оказывалъ. Но во всякомъ случаѣ мы имѣемъ тутъ положеніе исключительное, ничего въ сущности не доказывающее съ точки зрѣнія возможности спасти душу по рецепту князя и его ученика графа Толстого. На первый же разъ мы только констатируемъ фактъ, что князь во время своего почти 30-лѣтняго житія на Нарѣ кормился на чужой счетъ. Должно быть, онъ въ концѣ концовъ самъ это понялъ, потому что съ нимъ происходитъ новая метаморфоза. Онъ пришелъ къ заключенію, что надо окончательно отдѣлаться отъ собственности: онъ раздаетъ все свое имущество крестьянамъ: и землю, и боръ, и избу, и начинаетъ жить простымъ батракомъ у крестьянъ, то-есть исполняетъ простую крестьянскую работу то у одного, то у другого крестьянина, который его за эту работу и кормитъ. Такимъ образомъ, всѣ умственные скитанія князя привели къ тому, что онъ изъ высоко-образованнаго человѣка, способнаго служить родинѣ своими знаніями, превратился въ простаго крестьянскаго батрака, зарабатывавшаго свое пропитаніе на одинаковыхъ экономическихъ осно-

ваніяхъ со всеми другими батраками. Должно быть, князь и тутъ понялъ, что для этого не стоило въ теченіе долгой жизни мучительно разрѣшать вопросъ—«какъ надо жить». Поэтому онъ вдругъ поступаетъ воспитателемъ къ дѣтямъ своего друга, сосѣдняго помѣщика. Но мѣсто воспитателя на общихъ основаніяхъ представлялось ему, вѣроятно, противорѣчащимъ всему его прошлому, и поэтому онъ старается обставить свою новую дѣятельность какъ-то своеобразно: онъ не селится въ помѣщичьей усадьбѣ вмѣстѣ со всеми другими домохозяевами, а въ крохотной банѣ у ручья, гдѣ онъ лишенъ всякаго комфорта, всякихъ удобствъ жизни. Но и на этомъ князь не останавливается. Онъ вдругъ бросаетъ мѣсто воспитателя и, хотя всю жизнь возставалъ противъ всякой общественной и правительственной службы, поступаетъ на службу къ земству, чтобы вести надзоръ за постройкой земской больницы. Это была полная непослѣдовательность, во-первыхъ, потому, что князь, подобно Левину въ «Аннѣ Карениной», очень недолюбливалъ земство, а, во-вторыхъ, потому, что онъ былъ отъявленный врагъ докторовъ, утверждая, что у нихъ нѣтъ здраваго человѣческаго смысла и даже «элементарныхъ понятій о природѣ веществъ» (и въ этомъ отношеніи графъ Толстой копируетъ князя). Тѣмъ не менѣе князь поступаетъ на земскую службу и вскорѣ кончаетъ свою жизнь въ земской больницѣ. Отмѣтимъ еще, что князь основою жизни признавалъ «любовь, которая одна открываетъ намъ истину, что въ ней смыслъ человѣческой жизни, что счастливъ только тотъ, кто отрывается отъ себя, подавляетъ въ себѣ эгоизмъ и страсти». Вмѣстѣ съ тѣмъ князь былъ большимъ поклонникомъ Будды и Конфуція, которые-де знали, «что такое добро, не изучивъ европейской философіи». Наконецъ, князь имѣлъ и своего Сютаева,—столяра, сектанта-молоканина Кузьмичева, «большого философа». Мы указываемъ на все это, чтобы окончательно подчеркнуть полное совпаденіе нравственно-философскихъ взглядовъ князя Вяземскаго и графа Л. Толстого.

Князь Вяземскій несомнѣнно одинъ изъ выдающихся представителей русскаго интеллигентнаго подвижничества. Можно упрекать его въ чемъ угодно, но всякій изъ насъ съ глубокимъ уваженіемъ отнесется къ великой нравственной силѣ, которая таилась въ его возвышенной душѣ. Онъ не былъ героемъ слова, онъ былъ героемъ дѣла. Всякую свою мысль онъ воплощалъ въ дѣйствіи, какъ бы это ни было для него тяжело. Намъ не зачѣмъ останавливаться на этой сторонѣ вопроса: она бросается въ глаза даже изъ представленнаго нами схематическаго очерка его жизни. Князь Вяземскій не дѣйствовалъ «на-людяхъ»: онъ велъ себя такъ скромно и тихо, что объ его великомъ подвижничествѣ никто почти въ Россіи не слышалъ; только послѣ его смерти о немъ заговорили и то не надолго, въ то время какъ провозвѣстники его идей шумѣли

не только на всю Россію, но и на всю Европу. Князь былъ истиннымъ подвижникомъ, и великъ былъ его подвигъ, рѣдко кому доступный, потому что требуется исключительная нравственная сила, чтобы совершить такой подвигъ. Но, спрашивается, какіе же результаты дала его дѣятельность? Мы, не колеблясь, ставимъ этотъ подвигъ на ряду съ подвигомъ Парамона-Юродиваго и дяди Власа: и въ этихъ народныхъ подвижникахъ таится громадная нравственная сила. Заковать себя на всю жизнь въ вериги, носить постоянно растравляемыя язвы на тѣлѣ, жечь на огнѣ руки и ноги или отречься, какъ дядя Власъ, отъ всего своего достоянія и скитаться во всякую погоду по всѣмъ концамъ земли Русской,—это тоже подвиги, требующіе большой нравственной силы. Однако, естественно возникаетъ вопросъ: неужели таящуюся въ насъ нравственную силу слѣдуетъ проявлять въ такой области, которая сама по себѣ совершенно бесплодна? Неужели не найдется другихъ сферъ, другой почвы, болѣе благодарной, чѣмъ жечь себѣ руки и ноги, носить вериги на тѣлѣ или посвящать себя батрачеству и одинокой жизни въ темномъ лѣсу? Вѣдь нравственная сила можетъ проявляться всюду, во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, а вмѣстѣ съ нею можетъ проявляться всюду и верховный нравственный законъ дѣятельной любви къ ближнему. Нѣтъ никакой необходимости отрекаться отъ культурной жизни, слоняться по большимъ дорогамъ, носить полупудовыя чугуныя шапки, жить въ ямѣ или въ темномъ лѣсу, чтобы творить дѣла любви, чтобы проявлять нравственную силу. Въ какомъ бы положеніи мы ни находились, какой трудъ мы бы ни исполняли, вездѣ мы найдемъ тысячу случаевъ проявлять дѣятельную любовь къ ближнему. Почему же русская жизнь какъ бы отвергаетъ подвижничество на этой естественной почвѣ? Почему русскому человѣку надо окружить себя совершенно исключительными условіями, чтобы совершать подвиги? Если бы князь Вяземскій не искалъ подобныхъ исключительныхъ условій, то онъ нашелъ бы постоянно случай проявлять дѣятельную любовь къ ближнему, нисколько не отрекаясь отъ обычнаго теченія жизни. Мы даже думаемъ, что его подвижничество воплотилось бы въ фактахъ несравненно болѣе плодотворныхъ и послѣдовательныхъ, чѣмъ тѣ, которые мы привели въ краткомъ очеркѣ его жизни. Въ сущности князь всю жизнь свою только метался, искалъ, но не находилъ; на немъ не оправдалось евангельское слово: ищите и обряцете... И это, по нашему мнѣнію, служить доказательствомъ, что его жизнь во многомъ не соответствовала высокому нравственному ученію Христа. Наша мысль можетъ казаться парадоксальною по отношенію къ человѣку, который совершилъ евангельскій подвигъ, недоступный подавляющему большинству людей, который, будучи богатымъ, роздалъ все имущество бѣднымъ, а себя обрекъ на нищету. Но парадоксальна ли она на самомъ дѣлѣ, и поступилъ ли

князь Вяземскій въ духѣ евангельскаго ученія? Вѣдь никто не станетъ утверждать, что человѣкъ, раздающій свое имущество бѣднымъ изъ тщеславія, слѣдуетъ заповѣдямъ Христа. Значитъ, все дѣло въ мотивахъ, побуждающихъ насъ жертвовать своимъ добромъ для ближняго. Конечно, князь Вяземскій жертвовалъ своимъ добромъ не изъ тщеславія, но и не для того, чтобы прійти на помощь ближнему. Онъ жертвовалъ имъ потому, что его мучилъ вопросъ, «какъ надо жить». Раздавъ свое имущество, онъ все-таки не могъ успокоиться. Если приглядѣться къ его подвижничеству съ самаго начала, то мы увидимъ, что все оно было однимъ сплошнымъ вопросомъ, на который князь не нашелъ отвѣта даже въ тотъ послѣдній часъ, когда возвышенная его душа покидала тревожную земную жизнь. На князѣ не оправдалось и другое болѣе знаменательное, съ нашей точки зрѣнія, евангельское изреченіе: *придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я васъ успокою*. О, князь, несомнѣнно, трудился и несъ бремя, но это бремя было тяжело,—значитъ, это было бремя не Спасителя, ибо Его бремя легко, а князь, не смотря на совершенные имъ подвиги чловѣколюбія, изнывалъ подъ своимъ бременемъ. Какое же это было бремя, и надъ чѣмъ трудился князь? Какъ высоко онъ ни ставилъ ученіе Христа, князь не былъ вѣрующимъ человѣкомъ, потому что, если бы онъ вѣрилъ, онъ пересталъ бы искать, и его благородная душа сразу успокоилась бы. То, что Богъ «утаилъ отъ мудрыхъ и разумныхъ, Онъ открылъ младенцамъ». Не сказалъ ли намъ самъ Христосъ, что если «мы не будемъ, какъ дѣти, то не войдемъ въ царство небесное?» А была ли вѣра князя Вяземскаго такъ непосредственна, какъ вѣра, которая таится въ сердцѣ невинныхъ дѣтей, и былъ ли его трудъ тотъ трудъ, который даетъ успокоеніе, и о которомъ Спаситель сказалъ: «трудящійся достоинъ пропитанія?». Нѣтъ, вѣра князя была сомнительная, а трудился онъ не столько для ближняго, сколько для себя, для того, чтобы найти тотъ душевный покой, который постоянно отъ него ускользалъ вслѣдствіе его безконечныхъ сомнѣній, неизбежныхъ при недостаткѣ твердой вѣры. Его не столько волновало, мучило желаніе прійти на помощь ближнему,—его терзалъ вопросъ: какъ прійти ему на помощь. И этотъ вопросъ такъ и остался для него неразрѣшеннымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и результатъ его труда представляется чѣмъ-то отрывочнымъ, въ значительной степени бесплоднымъ. Занимаясь искусствомъ, онъ ничего не создалъ; работая надъ наукою, онъ не обогатилъ ея и даже не содѣйствовалъ ея популяризаціи. Многіе имъ переведенные томы научныхъ трудовъ такъ и остались въ рукописи. Крестьянамъ и крестьянскимъ дѣтямъ онъ общалъ какія-то отрывочныя знанія изъ разныхъ прочитанныхъ имъ книгъ, преимущественно по орнитологіи. Открытую имъ прекрасную мастерскую онъ забросилъ. Созданное имъ образцовое хозяй-

ство пошло прахомъ. По истинѣ онъ зарылъ свой «талантъ» въ землю, и Господь отнялъ у него все...

Князь ставилъ ученіе Христа очень высоко и полагалъ, что поступаетъ, какъ истинный христіанинъ. Но не ошибался ли онъ? Христіанское ученіе, какъ ученіе вѣковѣчное, находитъ себѣ примѣненіе во всѣ времена и у всѣхъ народовъ: оно выше разныхъ временныхъ условій той или другой организаціи труда, того или другого соціальнаго или политическаго строя и можетъ быть осуществлено при всякихъ условіяхъ. При извѣстномъ возвышенномъ душевномъ настроеніи человѣкъ можетъ, подобно князю, взять и родать свое имущество бѣднымъ, въ данномъ случаѣ прежнимъ своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ. Не значить ли это дѣйствовать въ духѣ христіанскаго ученія? А что, если крестьяне вслѣдствіе своего невѣжества, вслѣдствіе того, что они сами плохіе христіане, не сумѣютъ воспользоваться предоставленнымъ имъ имуществомъ, и оно послужитъ имъ же во вредъ, во вредъ ихъ благосостоянію, во вредъ ихъ душѣ? Вѣдь въ самомъ дѣлѣ нельзя же такъ узко понимать ученіе Христова. Если мнѣ дано имущество, и благодаря умѣлому управленію я извлекаю изъ этого имущества гораздо больше пользы для ближняго, чѣмъ раздавая его людямъ неразумнымъ или невѣжественнымъ, то не лучше ли, чтобы оно осталось въ моихъ рукахъ? Говоря это, мы, конечно, имѣемъ въ виду только дѣятелей съ такими благородными, возвышенными стремленіями, какими воодушевленъ былъ князь. Предположимъ, что онъ остался бы собственникомъ своего имущества и поступилъ бы такъ, какъ поступилъ человѣкъ, получившій пять талантовъ въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ, то-есть позаботился бы о томъ, чтобы принадлежащая ему земля давала по возможности больше хлѣба насущнаго, чтобы доходы съ его имѣній шли на устройство школъ, больницъ, всякихъ учебныхъ и другихъ учрежденій, необходимыхъ для того, чтобы просвѣтить крестьянскую массу и научить ее человѣческой, христіанской жизни. При этомъ князь могъ бы остаться такимъ же бѣднякомъ, какимъ онъ былъ въ своей избѣ на берегу Нары: онъ раздавалъ бы всѣ свои доходы бѣднымъ, неимущимъ, бѣднымъ не только матеріально, но и духовно. Исполнилъ ли бы онъ въ этомъ случаѣ заповѣдь Христову? Конечно, исполнилъ бы, и исполнилъ бы именно въ духѣ этой заповѣди, а не поступилъ бы только по ея буквѣ. И замѣтимъ, что въ этомъ случаѣ онъ не вступилъ бы въ прямое противорѣчіе съ требованіями культуры, которая также не допускаетъ, чтобы человѣкъ, которому данъ «талантъ», зарывалъ его въ землю. Въ имѣніяхъ князя установился бы строй не только спасительный для душъ сосѣднихъ крестьянъ, но и образцовый для всѣхъ другихъ имѣній. Въ этомъ случаѣ князь не поступилъ бы такъ, какъ поступаетъ въ евангеліи неразумный человѣкъ, который ставитъ свой свѣтильникъ «подъ сусудомъ».

Напротивъ, отъ дѣла рукъ князя разливался бы свѣтъ широкими волнами по лицу родной земли, и всѣ признавали бы князя замѣчательнымъ, достойнымъ уваженія общественнымъ дѣятелемъ, обладающимъ большою нравственною силою, и къ этому признанію не примѣшивалось бы, какъ теперь, какое-то тайное сомнѣніе, не является ли онъ, не смотря на совершенный имъ великій подвигъ, все-таки только чудачкомъ. Тогда князь нашель бы себѣ послѣдователей: людямъ стало бы стыдно, что они, будучи христіанами, не исполняютъ заповѣдей Христовыхъ, когда это возможно съ такою пользою для ближняго. А теперь никто не послѣдуетъ на дѣлѣ примѣру князя, потому что примѣръ этотъ, какъ ни велика нравственная сила, воодушевлявшая князя, не вразумителенъ.

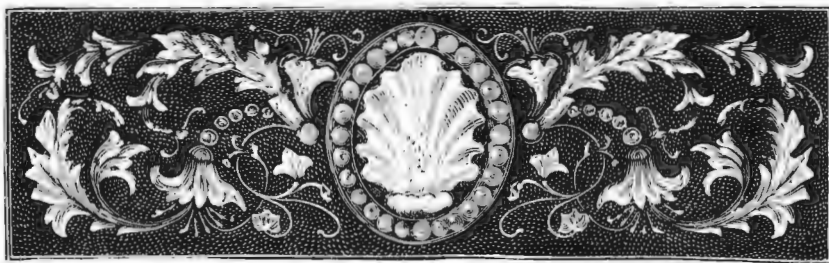
Конечно, такіе люди, какъ князь Вяземскій, встрѣчаются очень рѣдко; но не будемъ несправедливы къ родинѣ: не мало она рождаетъ людей, склонныхъ къ нравственнымъ подвигамъ. Ихъ такъ много, что тотъ, кто знаетъ Россію, вѣруетъ въ нее и убѣжденъ, что какъ бы ни непримѣтна была русская дѣйствительность, въ ней таятся неисчерпаемые источники обновленія и усовершенствованія. Но, къ прискорбію, эти нравственные силы, таящіяся и въ нашемъ народѣ, и въ нашей интеллигенціи, по большей части избираютъ себѣ ложное русло. Мы показали на примѣрѣ Парамона, дяди Власа, князя Вяземскаго, что отличительною чертою русскаго подвижничества является исканіе какихъ-то исключительныхъ условій для осуществленія подвиговъ. Полупудовая шапка, вѣчное скитаніе, отшельничество въ дремучемъ лѣсу, рабочая блуза, ремешокъ на головѣ, интеллигентныя сельско-хозяйственныя колоніи, переустройство политическихъ и соціальныхъ условій при помощи взрывчатыхъ веществъ — вотъ разнообразныя формы, въ которыхъ проявляется русское подвижничество. Ему какъ будто тѣсно въ существующихъ условіяхъ. Истинный подвижникъ долженъ непременно создать исключительную обстановку, и если онъ не въ состояніи совершить подвигъ этого рода, то онъ придумываетъ себѣ, по крайней мѣрѣ, какіе нибудь внѣшніе отличительные знаки, чтобы всѣ въ немъ признавали героя, подвижника. Но не служить ли именно это обстоятельство, это желаніе выйти изъ колеи обыденной жизни, это убѣжденіе, что подвижничество нуждается въ исключительныхъ внѣшнихъ условіяхъ, признакомъ нашей некультурности? Вѣдь любая сфера дѣятельности представляетъ широкую почву для нравственныхъ подвиговъ, и нѣтъ никакой надобности придумывать исключительную обстановку для ихъ совершенія. Какъ разнообразны созданныя культурою сферы для приложенія нравственныхъ силъ! Смѣло можно сказать, что никогда еще не существовало такого богатства формъ, въ которыхъ дѣятельная любовь къ ближнему могла бы проявляться съ такою пользою для него. Извольте обрабатывать землю при помощи первобытныхъ орудій: вы едва

прокормите себя и свою семью. А усовершенствованная обработка земли даетъ возможность одному человѣку прокормить много людей. Принципъ раздѣленія труда въ связи съ болѣе полнымъ господствомъ человѣка надъ природою далъ и въ нравственномъ отношеніи изумительные результаты. Не будемъ пренебрежительно относиться къ успѣхамъ промышленности. Вѣдь только благодаря имъ, осуществилась на землѣ великая христіанская идея, что всѣ мы — дѣти одного Бога; только благодаря имъ, рабство могло смѣниться крѣпостничествомъ, а крѣпостничество свободою всѣхъ людей. Это понялъ уже Аристотель, когда говорилъ, что рабство исчезнетъ только тогда, когда челнокъ будетъ самъ ходить по ткацкому станку. И не во гнѣвъ будетъ сказано хулителямъ современной цивилизаціи, — безъ нея не осуществились бы элементарныя условія торжества правды и справедливости на землѣ, и мы вернулись бы къ тому состоянію, когда насилие служило единственнымъ средствомъ въ борьбѣ за существованіе, а сила была единственнымъ закономъ. Если же обратиться къ другимъ сферамъ культурнаго труда, то вездѣ мы увидимъ, что цивилизація даетъ полный просторъ проявленію дѣятельной любви къ ближнему, что она одна въ сущности обезпечиваетъ возможность ея проявленія въ широкихъ размѣрахъ. Допустимъ, что насъ не удовлетворяетъ современная медицина, церковь, школа. Но нужно совсѣмъ забыть исторію, чтобы не видѣть, какіе громадныя успѣхи ими достигнуты. Гдѣ тѣ ужасныя повальныя болѣзни, которыя свирѣпствовали въ прежнее время и уносили сотни тысячъ жертвъ, и не видимъ ли мы, какъ дѣятельно нынѣ медицина приходитъ въ цивилизованныхъ странахъ на помощь страждущему человѣчеству? И развѣ только въ варварскихъ странахъ христіанская проповѣдь запечатлѣвается мученичествомъ, требуетъ искупительныхъ жертвъ, а во всемъ цивилизованномъ мірѣ слово Божіе раздается свободно и проникаетъ вглубь народной массы при помощи школъ? Конечно, многое идетъ еще не такъ, какъ было бы желательно. Но виновата ли въ этомъ культура? И не вѣрнѣе ли, что виноваты люди, которые все еще неумѣло, а подчасъ и своекорыстно пользуются тѣми могучими средствами, которыя культура даетъ имъ въ руки для обезпеченія блага ближняго? Къ чему же искать какихъ-то новыхъ путей, какихъ-то сомнительныхъ экстраординарныхъ подвиговъ, когда для подвижничества представляется столько простора въ рамкахъ, указываемыхъ культурою? А выходить изъ нихъ опасно, потому что онѣ установлены вѣковымъ опытомъ, и потому еще, что успѣшная дѣятельность на пользу ближняго возможна только при организованномъ трудѣ, при дружномъ единеніи всѣхъ силъ, работающихъ надъ дѣломъ насажденія культуры. Если мы, благодаря успѣхамъ промышленности, все болѣе приближаемся къ осуществленію великихъ словъ Христа, что «трудящійся достоинъ пропитанія», если по-

важный голодъ сталъ теперь немислимъ въ странахъ съ развитою цивилизаціею, если европейская культура не только стремится къ обезпеченію благосостоянія народныхъ массъ, но и достигаетъ въ этомъ отношеніи подчасъ изумительныхъ результатовъ, то главнымъ образомъ благодаря умѣлой организаціи труда, благодаря согласованію разныхъ отраслей культурной дѣтельности и небывалой ихъ производительности. Спрашивается, исчерпали ли мы уже средства, предоставляемія намъ культурою, или же, наоборотъ, не встрѣчаемъ ли мы на каждомъ шагу неумѣлое или далеко неполное пользованіе этими средствами? Куда ни заглянуть: въ административныя сферы, въ область самоуправленія, въ школу, въ сельское хозяйство, въ промышленность, въ литературу, — вездѣ умѣлыхъ, честныхъ, самоотверженныхъ работниковъ такъ мало, вездѣ еще мы такъ плохо наполняемъ своею дѣятельностью открытое намъ широкое поприще. Какое же право мы имѣемъ винить культуру, уже такъ много сдѣлавшую для человѣчества, навсегда покончившую и съ рабствомъ, и съ крѣпостничествомъ, а теперь успѣшно трудящуюся надъ дальнѣйшимъ обезпеченіемъ благосостоянія народныхъ массъ? Конечно, мы еще далеки отъ окончательнаго торжества правды; но если человѣчество когда нибудь до него доживетъ, то только развивая послѣдовательно и съ выдержкою задатки нынѣшней цивилизаціи, и чѣмъ болѣе мы въ это дѣло будемъ влагать нравственной силы, чѣмъ полнѣе мы къ нему будемъ прилагать нашу жажду подвиговъ, тѣмъ вѣрнѣе мы приблизимъ то царство справедливости, къ которому рвется наша душа.

Р. Сементковскій.

ГАПСАЛЬ И ПРЕДАНИЕ О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

ВТОМЪ 1891 года, мнѣ случилось быть въ Гапсаль. Его старинный замокъ, съ недавно возобновленною церковью и полуразрушенными стѣнами, заинтересовалъ меня. Я сталъ розыскивать его описанія и наводить справки у нѣкоторыхъ мѣстныхъ жителей относительно сохранившихся легендъ и преданій. Оказалось, что судьбы этого стараго нѣмецкаго поселенія не лишены интереса и для насъ, русскихъ, а въ преданіи о посѣщеніи города и окрестностей Петромъ Великимъ заключается даже нѣсколько цѣнныхъ штриховъ для характеристики царя-преобразователя.

Гапсальскій замокъ построенъ въ концѣ XIII столѣтія эвельскимъ епископомъ Германомъ, который учредилъ здѣсь духовный капитулъ изъ 12 членовъ. Расположеніе замка, судя по остаткамъ, было въ главныхъ чертахъ, слѣдующее: южную часть составляло зданіе церкви капитула съ примыкавшею къ ней полукругомъ особою капеллою. Эта часть замка сохранилась лучше всего, и въ послѣднее время церковь реставрирована заново. Посрединѣ западной стѣны помѣщалась башня, служившая колокольнею. Въ сѣверной части замка находились кельи членовъ капитула и большая трапеца, отъ которыхъ остались только окна, что же касается до восточной стѣны, то она давно уже разрушена и исчезла без-

слѣдно. Замокъ былъ окруженъ высокими валами и обведенъ наружною каменною стѣною.

Около трехъ столѣтій Гапсаль находился во владѣніи епископовъ эвельскихъ, но въ 1559 году былъ проданъ, вмѣстѣ съ окрест-

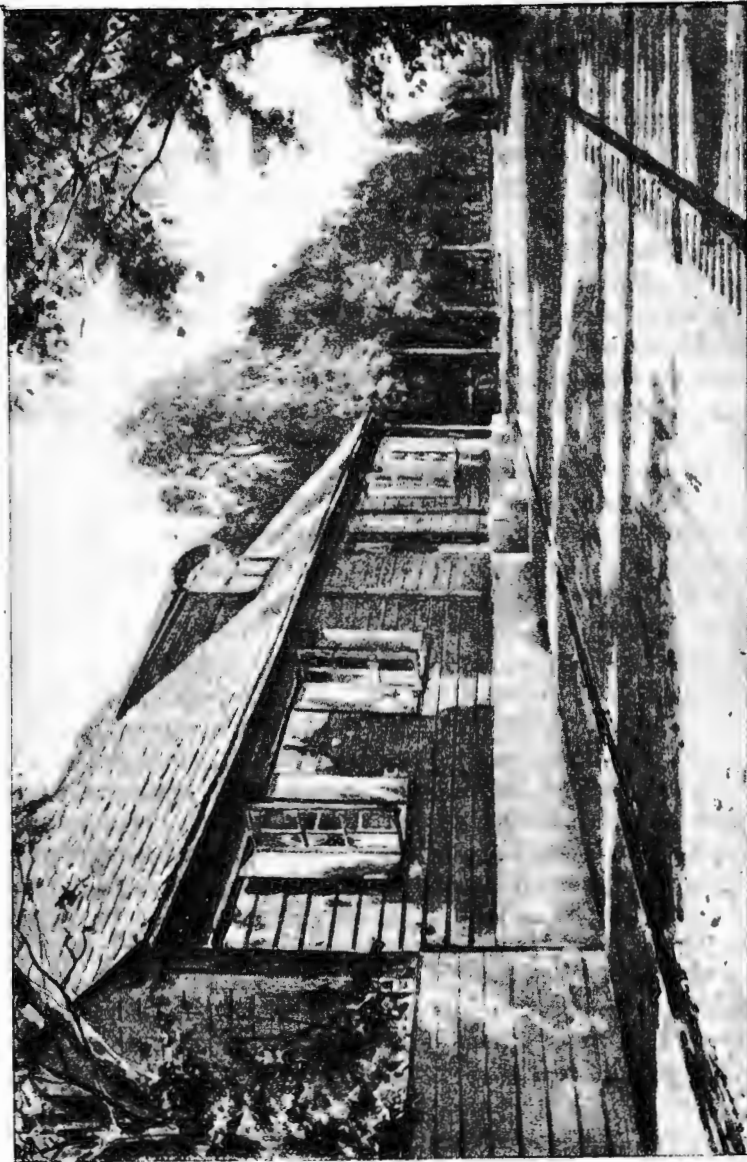

Видъ замка въ Гапсаль до реставраціи.

ностями, датскому королю Фридриху II, который приобрѣлъ ихъ для брата своего принца Магнуса. Этотъ Магнусъ, герцогъ Шлезвигъ-Гольштейнскій, какъ извѣстно, вступилъ въ родство съ Грознымъ, женившись на его молоденькой племянницѣ Маріи Влади-

міровиѣ, и принялъ отъ царя титулъ короля ливонскаго. Свадьбу праздновали въ Новгородѣ; Иванъ Васильевичъ, по словамъ Кельха, былъ особенно въ духѣ, увеселялъ нѣмцевъ соблазнительными плясками и пѣлъ съ молодыми монахами молитвы, при чемъ сбивавшихся съ голоса ударялъ тростью по головѣ. Послѣ свадьбы, вмѣсто условленныхъ пяти бочекъ золота, въ приданое онъ прислалъ только нѣсколько сундуковъ съ одеждами и бѣльемъ, а вмѣсто обѣщанной Ливоніи далъ Магнусу одинъ городокъ Каркусъ, съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Я хотѣлъ отдать тебѣ и другіе города ливонскіе, но вспомнилъ измѣну Таубе и Крузе, которые также были осыпаны нашими милостями». Въ ожиданіи лучшихъ временъ, Магнусъ отправился въ свой Каркусъ, а оттуда въ Оберпаленъ, одѣвъ свою тринадцатилѣтнюю жену въ нѣмецкое платье и утѣшая ее на чужбинѣ яблоками и разными сладостями. Но лучшія времена такъ и не наступили для этого «послѣдняго эзельскаго епископа». Островъ Эзель былъ занятъ датчанами, а Гапсаль съ окрестностями еще въ 1563 году перешелъ въ руки шведовъ, потому оставленъ ими въ залогъ мѣстнымъ дворянамъ и проданъ этими послѣдними датскому королю.

Въ январѣ 1576 года въ этой мѣстности появился шеститысячный отрядъ русскихъ, подъ начальствомъ князя Юрія Токмакова, и дворяне передали имъ Гапсаль, почти безъ выстрѣла. Русскіе сами удивлялись такому легкому пріобрѣтенію; дворяне же находили все это въ порядкѣ вещей и продолжали веселиться по-прежнему. Одинъ изъ нихъ, во время вступленія русской рати, смотрѣлъ на происходившее, держа у себя на колѣняхъ двухъ дѣвицъ и любезничая съ ними. Увидя это, кто-то изъ русскихъ замѣтилъ Бойсману, служившему при дворѣ Магнуса: «Какіе вы, нѣмцы, странные люди! Если бы мы такъ легко сдали подобную крѣпость, намъ было бы стыдно и глаза поднять на добрыхъ людей; великій князь не зналъ бы, какую смертью казнить насъ; а здѣшніе нѣмцы не только всѣмъ прямо въ глаза смотреть, а еще играютъ съ дѣвицами, точно бы и доброе дѣло сдѣлали». Предводитель отряда, князь Юрій Токмаковъ, не вернулся на родину: ему суждено было окончить дни свои здѣсь, въ нѣмецкомъ городѣ. Еще не вступая въ замокъ, онъ остановился въ одномъ изъ домовъ и велѣлъ приготовить себѣ баню, но въ ней скоропостижно скончался. Не тотъ ли это извѣстный князь Юрій Ивановичъ, который, во время новгородскаго погрома, былъ царскимъ намѣстникомъ въ Псковѣ и, уговоривъ народъ съ покорностью встрѣтить гнѣвнаго царя, содѣйствовалъ спасенію города отъ надвигавшейся грозной тучи? Впрочемъ, сдача Гапсали не прошла безнаказанно для дворянъ; капитанъ гарнизона Іоакимъ Штаркъ былъ доставленъ въ Аренсбургъ и, по приговору военного суда, разрубленъ палачемъ на двѣ части.

Домъ, въ которомъ останавливался Петръ Великій въ Гапсальѣ.

Русскіе оправдали свои слова, что не имѣютъ обыкновенія такъ легко сдавать крѣпости. Когда Клаусъ фонъ-Унгернъ хотѣлъ ихъ вытѣснить изъ замка, то былъ отбитъ и удалился, разграбивъ городъ. Въ 1581 году, шведскій генераль Горнъ съ сильнымъ войскомъ и осадными орудіями подступилъ къ Гапсалу. Онъ также встрѣтилъ храброе сопротивленіе и долго не могъ одолѣть русскаго гарнизона. Только недостатокъ съѣстныхъ припасовъ заставилъ нашихъ вступить въ переговоры, при чемъ шведы должны были согласиться на свободный пропускъ всего гарнизона. Говорятъ, что передъ выступленіемъ русскіе умертвили до 70 человекъ крестьянъ, находившихся въ замкѣ, и бросили трупы черезъ стѣну. Гапсаль сдѣлался шведскимъ владѣніемъ.

Въ 1628 году, шведскій король Густавъ Адольфъ отдалъ его своему полководцу, губернатору Эстляндіи, Якову графу Де-ла-Гарди, хорошо извѣстному и въ нашей исторіи, въ эпоху смутнаго времени; но къ концу столѣтія, послѣ смерти Де-ла-Гарди и его сына, Гапсаль вскорѣ перешелъ снова въ вѣдѣніе шведской короны.

Въ 1710 году, городъ былъ вторично взятъ русскими, подъ начальствомъ генерала Бауера, и опять сдался безъ сопротивленія. Въ то время въ городѣ и въ замкѣ свирѣпствовала чума, и защитники были на столько слабы, что о враждебныхъ дѣйствіяхъ не могло быть и рѣчи. По Ништадскому договору вся эта мѣстность навсегда присоединена къ Россіи.

Петръ Великій посѣтилъ Гапсаль въ 1715 году. О пребываніи его здѣсь сохранилось нѣсколько преданій съ вариантами, которые сводятся приблизительно, къ слѣдующему: 8-го іюля, Петръ подошелъ съ флотомъ къ Ревелю, а 17-го поплылъ далѣе на западъ, 20-го числа онъ достигъ Одинсгольма, откуда, въ 5 часовъ по полудни, были отправлены къ Гапсалу галеры съ четырьмя полками. Государь самъ отправился съ ними, чтобы лично осмотрѣть Гапсальскую гавань. Прибывъ туда 21-го іюля, онъ приказалъ начальнику галерной эскадры идти въ Либаву и тамъ перезимовать, чтобы, съ наступленіемъ весны, двинуться въ Померанію, самъ же остался въ Гапсалѣ. И посейчасъ еще берегъ, гдѣ онъ высадился, носить названіе «императорскаго» (Kaisersort). Онъ пробылъ въ Гапсалѣ нѣсколько часовъ, осматривая гавань и старый замокъ. Недалеко отъ города находится имѣніе Линденъ, принадлежавшее тогда Рейнгольду барону Унгернъ-Штернбергъ, котораго Петръ неоднократно видывалъ въ Ревелѣ и въ Петербургѣ, по поводу конфирмаціи мѣстныхъ привилегій и въ качествѣ депутата отъ мѣстныхъ ландратовъ и дворянства; этотъ же Унгернъ подписывалъ и капитуляцію эстляндскаго дворянства въ главной квартирѣ генерала Бауера. Вѣроятно, Петръ цѣнилъ и уважалъ этого человека, такъ какъ пожелалъ сдѣлать ему визитъ и переправился изъ Гапсала водою на мысъ Пуллапе, находящійся недалеко отъ Линдена.

По другому преданію, императоръ отправился въ Линденъ прямо отъ острова Даго, не заѣзжая предварительно въ Гапсаль. Визитъ его относятъ къ 22 іюля. Но, явившись въ Линденъ, Петръ засталъ тамъ только молоденькую вдову Унгерна (который умеръ еще въ 1713 г.), Софію-Августу, урожденную фонъ-дерь-Паленъ, проживавшую въ имѣніи съ маленькимъ сыномъ; она жила въ большомъ уединеніи, носила еще глубокой трауръ и порядочно перепугалась, когда ей доложили о пріѣздѣ русскаго царя. Но Петръ съ такимъ сочувствіемъ отнесся къ ея горю, что молодая женщина вскорѣ успокоилась. Государь пожелалъ осмотрѣть садъ Линдена, славившійся по всей Эстляндіи, и хозяйка предложила свои услуги сопровождать его, но Петръ вскорѣ замѣтилъ, что ей трудно поспѣвать за его гигантскими шагами; онъ любезно воспретилъ ей дальнѣйшіе проводы и потребовалъ къ себѣ садовника, нѣмца, съ которымъ пробылъ въ саду болѣе часа, присаживаясь подъ разными деревьями и ведя оживленную бесѣду съ своимъ провожатымъ. Особенно понравилась Петру скамья подъ тѣнью старыхъ вязовъ и большого дуба; здѣсь онъ позавтракалъ и выпилъ рюмку данцигской водки. Во время его прогулки въ домѣ наскоро готовили обѣдъ и приводили въ порядокъ столовую. Петръ явился къ обѣду въ самомъ веселомъ настроеніи духа. Прежде чѣмъ сѣсть за столъ, онъ прошелся по комнатѣ, и зоркій взглядъ его остановился на стѣнѣ, гдѣ противъ его портрета было пустое мѣсто; цвѣтъ обоевъ на немъ замѣтно отличался отъ остального пространства стѣны, и Петръ сразу догадался, что здѣсь висѣлъ чей-то портретъ, теперь снятый. Онъ осмотрѣлся и за печкою замѣтилъ наскоро спрятанный туда портретъ Карла XII. «Ва,—братъ Карл!—воскликнулъ онъ,—пришлось тебѣ стоять теперь за печкою, а кто знаетъ,—быть можетъ, опять одно какое нибудь сраженіе, и мнѣ придется занять твое мѣсто». Онъ велѣлъ приставить стулъ къ стѣнѣ и собственноручно повѣсилъ портретъ на прежнее мѣсто. Во время обѣда египетскій голубокъ, свободно летавшій по комнатѣ, спорхнулъ съ печи и, воркуя, сѣлъ на голову Петра. Государь далъ знать, чтобъ присутствующіе не спугивали голубка, осторожно взялъ его въ руки, поцѣловалъ и снова пустил летать, замѣтивъ: «онъ приноситъ мнѣ счастье». Въ продолженіе стола Петръ потребовалъ бокалъ для тоста, но едва слуга принесъ требуемое, какъ придворные изъ свиты царя схватили бокалъ, не давъ донести его до государя: на бокалѣ была монограмма шведскаго короля: С. XII. Императоръ подозвалъ смущеннаго слугу и, узнавъ, въ чемъ дѣло, выбранилъ своихъ спутниковъ, велѣлъ налить въ бокалъ вина и произнесъ первый тостъ за здоровье «брата Карла». За этимъ тостомъ послѣдовали многіе другіе, при чемъ императоръ все время былъ крайне веселъ и милостивъ, къ великому удовольствію хозяйки и слугъ, состоявшихъ большею частію изъ шведовъ.

По словамъ одного изъ преданій, Петръ былъ даже причиною вторичнаго замужества своей хозяйки. Незадолго передъ тѣмъ вернулся изъ русскаго плѣна одинъ ея дальній родственникъ, баронъ Розень. Онъ былъ страстно влюбленъ въ молодую женщину и нѣсколько разъ предлагалъ ей руку и сердце, но безъ всякаго успѣха. Вѣроятно, молодая вдовушка была дѣйствительно интересна, такъ какъ съ перваго же раза понравилась Петру, и понравилась до того, что онъ задумалъ выдать ее замужъ за Ягужинскаго и даже общалъ, по окончаніи траура, явиться къ ней сватомъ. Молодая женщина была крайне перепугана такимъ предложеніемъ и, чтобъ избавиться отъ этого страшнаго, по ея мнѣнію, брака, робѣя и краснѣя, призналась царю въ вымышленной связи съ барономъ Розеномъ, которому въ то же время тайно послала приказъ немедленно спѣшить въ Линденъ для обрученія; въ декабрѣ того же года они были обвѣнчаны.

Намѣреваясь послѣ обѣда возвратиться въ Гапсаль сухимъ путемъ, государь попросилъ себѣ экипажъ, но при этомъ выразилъ желаніе, чтобы лошадей было заложено отнюдь не болѣе пары. Когда все было готово, онъ, любезно простившись съ хозяйкою, запретилъ ей провожать себя до лѣстницы. Прежде чѣмъ сѣсть въ экипажъ, государь освѣдомился, можетъ ли кучеръ болтать по-нѣмецки (*dütsch schnaken*), и узнавъ, что тотъ понимаетъ только шведскій и эстонскій языки, потребовалъ одного изъ слугъ (по другимъ извѣстіямъ — садовника), который говорилъ по-нѣмецки. Импровизированный кучеръ влѣзъ на козлы, и сытые, горячіе кони стрѣлою понеслись со двора. Петръ всю дорогу не переставалъ «болтать» съ кучеромъ, и тому все время пришлось сидѣть, обернувшись къ государю, не обращая вниманія на лошадей, которыя, почувавъ себя на свободѣ, неслись во всю прыть и только уже вблизи большаго камня въ Параленѣ¹⁾, усталыя, покрытыя пѣною, пошли нѣсколько спокойнѣе. По другимъ извѣстіямъ, во время этой бѣшеной скачки экипажъ опрокинулся. Поднявшись на ноги, Петръ только замѣтилъ кучеру: «болтай, а на коней поглядывай!» («*Schnack, mar süh up de Paerde!*»). Потомъ онъ, будто бы, щедро одарилъ его и даже ходатайствовалъ, чтобы ему была выдана вольная.

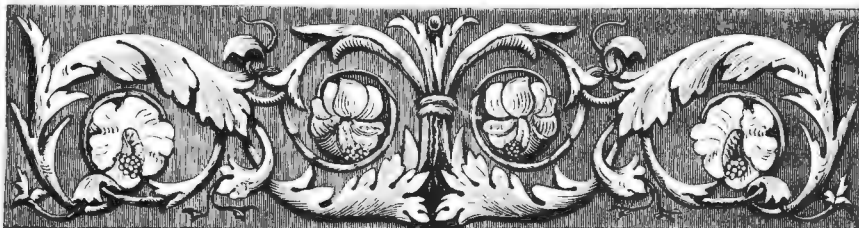
Въ Гапсаль Петръ посѣтилъ судью. Когда онъ подъѣхалъ къ дому, блюститель правосудія только что собирался лѣзть на крышу, чтобы произвести тамъ кое-какія починки. Государь пробылъ у него въ домѣ около часа и сухимъ путемъ проѣхалъ въ Рогервикъ—нынѣшній Балтійскій портъ, а оттуда въ Ревель.

¹⁾ Основной лѣсъ вблизи Гапсаля, теперь обычное мѣсто прогулки дачниковъ и городскихъ жителей.

Домъ судьи, принадлежащій нынѣ г-жѣ Гейне, находится на Рыцарской улицѣ, на углу, противъ русской церкви. Въ 1843 году онъ былъ перестроенъ, но внѣшній видъ его едва ли сильно измѣнился, такъ какъ, по словамъ мѣстныхъ жителей, всѣ основныя балки, стропила и проч. остались на прежнихъ мѣстахъ.

И. Тюменевъ.

КАКЪ БЫЛЪ ПОГРЕБЕНЪ М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

ОПРОСЪ о томъ, погребенъ ли поэтъ М. Ю. Лермонтовъ по христіанскому обряду, до настоящаго времени еще не выясненъ окончательно. Немногія, появившіяся въ печати, заявленія объ этомъ свидѣтелей событія противорѣчивы и сбивчивы, такъ что точнаго положительнаго вывода изъ нихъ сдѣлать было невозможно, и біографіи поэта наполнились ошибками.

Но вотъ въ февральской книжкѣ «Русскаго Обзорнія» сего года, въ числѣ «Матеріаловъ для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей», помѣщено дѣло ставропольской духовной консисторіи «по репорту Пятигорской Скорбященской церкви священника Василія Эрастова о погребеніи той церкви протоіереемъ Павломъ Александровскимъ тѣла наповаль убитаго пулей на дуэли порутчика Лермонтова», и мы имѣемъ возможность провѣрить извѣстные уже намъ по рассказамъ очевидцевъ факты и подвести имъ итогъ.

Начнемъ съ документовъ, находящихся въ упомянутомъ выше консисторскомъ дѣлѣ¹⁾.

Священникъ Эрастовъ, отъ 5 декабря 1841 года, донесъ преосвященнѣйшему Аѳанасію, архіепископу новочеркасскому и георгіевскому, что протоіерей Александровскій, погребши честнѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ того года, тѣло убитаго на дуэли Лермонтова, въ статью

¹⁾ Мы опускаемъ пункты показаній, касающихся взаимныхъ пререканій священниковъ о неточностяхъ, доходахъ и проч., а также переписку объ устраненіи слѣдователей и другія излишнія бумаги, и беремъ изъ дѣла только то, что непосредственно относится до преданія землѣ тѣла Лермонтова.

метрическихъ за 1841 годъ книгъ его не вписаль, и данные, какъ видно изъ приложеннаго письма чиновника Роциновскаго, 200 рублей ассигнаціями въ доходную кружку причта не внесъ.

По резолюціи преосвященнаго, консисторія предписала произвести надлежащее по сему дѣлу разслѣдованіе.

На сдѣланный слѣдователями запросъ протоіерей Александровскій, отъ 11 октября 1842 года, репортоваль, что, по просьбѣ князей Васильчикова и Трубецкого и капитана Столыпина, онъ былъ въ квартиру умершаго для препровожденія тѣла до склепа. Къ церемоніи этой приглашался и священникъ Эрастовъ, но онъ не только отказался присутствовать при томъ, но съ намѣреніемъ, вѣроятно, скрылся изъ квартиры своей, спряталь отъ церкви ключъ, дабы не возможно было взять ризницы, и тѣмъ заставиль ожидать всѣхъ собравшихся присутствовать при церемоніи около двухъ часовъ. Погребеніе по Лермонтовѣ отправляемо не было, а по началѣ до самаго склепа тѣло проводимо было съ пропѣніемъ «Святый Боже», и въ метрическую книгу Пятигорской церкви Лермонтовъ записаннымъ значится. За провожаніе присутствовавшему духовенству было пожертвовано Столыпинымъ 50 рублей ассигнаціями, изъ коихъ удовлетворены діаконъ — депозитнымъ билетомъ въ 3 рубля серебромъ и три причетника—драдцатью рублями ассигнаціями, остальные же поступили ему, Александровскому.

Діаконъ Мадритовъ отъ 11 того же октября донесъ, что, по отправленіи въ церкви вечерней службы, которую совершалъ священникъ Эрастовъ, онъ пошолъ въ квартиру Лермонтова, тѣло котораго только что выносили изъ комнатъ, и, облачась въ стихарь, проводиль тѣло, съ пропѣніемъ «Святый Боже». Погребеніе же пѣто не было. Что за провожаніе тѣла дано протоіерею—онъ не знаетъ, но ему данъ былъ только трехъ-рублевый депозитный билетъ.

Причетники—дьячокъ Остроумовъ и понамаръ Веселовскій, 12 октября, показали, что при сопровожденіи тѣла Лермонтова находились, но ни прежде, ни послѣ не отправлялось надъ нимъ христіанскаго погребенія, и только для угожденія начальству пѣли надъ нимъ «Святый Боже». Чтò взято за проводы—не знаютъ, но сами получили на всѣхъ причетниковъ двадцать рублей ассигнаціями, которые и раздѣлили.

Коллежскій секретарь Роциновскій объясниль: 1) что, находясь на дворѣ дома, гдѣ жилъ Лермонтовъ, онъ видѣль отца протоіерея не въ дальнемъ отъ крыльца дома разстояніи, возлагающаго на себя эпитрахиль, и пришедшаго въ то же время діакона, который тутъ же облачился и приняль кадило. Послѣ этого духовенство сообща начало пѣніе погребальнымъ гласомъ: «Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ!» и съ симъ вмѣстѣ стало выходить медленно изъ двора, а вслѣдъ за ними было несено изъ комнатъ тѣло усопшаго поручика Лермонтова. Такимъ

образомъ процессія достигла приготовленной могилы, въ которую и былъ опущенъ гробъ безъ отправления по закону христіанскаго обряда. 2) Отъ капитана Столыпина дѣйствительно слышалъ, что духовенству пожертвовано за это 200 рублей, но, лично сего не видѣвши, удостовѣрить не можетъ. Слышалъ же объ этомъ въ общемъ разговорѣ о смерти Лермонтова.

Показанія эти представлены духовному правленію 15 октября 1842 года, съ поясненіемъ, что нѣкоторыхъ лицъ, коихъ бы нужно было спросить, за выбытіемъ, слѣдователи оставили неспрошенными, и буде правленіе найдетъ нужнымъ спросить ихъ, то само бы распорядилось по сему предмету. Но правленіе сочло нужнымъ только переспросить доносителя священника Эрастова и протоіерея Александровскаго. Изъ постороннихъ же лицъ обратилось съ запросомъ, чрезъ с.-петербургскую управу благочинія, къ капитану Столыпину.

Священникъ Эрастовъ отъ 22 марта 1843 года донесъ правленію: 1) что если Лермонтовъ оказывается записаннымъ по метрикамъ 1841 года въ числѣ умершихъ по госпиталю, то запись эта учинена не въ своемъ мѣстѣ и не въ свое время; ибо Лермонтовъ, будучи въ добромъ здравіи, въ госпиталь не состоялъ. И такъ какъ запись умирающихъ по госпиталю производится и произведена по окончаніи уже общей годичной записи умершихъ по городу, то Лермонтовъ и внесенъ въ метрическую книгу, хотя и за 1841 годъ, но отнюдь не прежде первыхъ чиселъ января 1842 года; 2) что вышеозначенный дуэлистъ Лермонтовъ дѣйствительно погребенъ челнѣ, ибо для погребенія, или, по выраженію протоіерея Александровскаго, хотя неточному, препровожденія тѣла его, были браты изъ церкви подсвѣчники, кадилница, ризница, словомъ все, потребное для погребенія. Протоіерей въ священномъ облаченіи предшествовалъ гробу, діаконъ, подоспѣвшій отъ вечерни и пріемшій благословеніе для облаченія у воротъ квартиры покойнаго, въ стихарѣ и съ кадилницей въ рукѣ сошествовалъ, и клиръ, слѣдуя въ стройномъ чинѣ, по началѣ отъ протоіерея, воспѣвалъ ангельскую пѣснь: «Святый Боже». Погребенъ Лермонтовъ отнюдь не внѣ кладбища, но на кладбищѣ. Можно ли и послѣ одного сего выразиться иначе, какъ не такъ, что тѣло Лермонтова погребено честнѣ? Надъ тѣломъ Лермонтова предварительно производилось причетниками двое, если не всѣ трое сутокъ, непрерывно чтеніе святой «Псалтири». Въ десницѣ Лермонтова имѣется разрѣшительная молитва, и, наконецъ, протоіерей принялъ приношеніе или порученіе роздать по душѣ Лермонтова милостыню нищимъ и бѣднаго состоянія людямъ, и сіе исполнилъ свято. Благочестивый же обычай роздавать милостыню по усопшимъ, христіански и честнѣ погребеннымъ, весьма древенъ и похваляемъ святыми отцами. Переписка протоіерея достаточно показываетъ, что дѣло шло отнюдь не о препровожденіи тѣла Лермонтова, а о погребеніи его. Чиновникъ (Дми-

тревскій), приглашавшій меня къ погребенію, а не къ препровожденію, на мою отговорку за недостаткомъ времени, представлялъ мнѣ, что теперь по позднему времени уже не будетъ вносимъ въ церковь. Слѣдовательно имѣлось даже согласіе протоіерея сдѣлать честь Лермонтову внесеніемъ тѣла его въ церковь. Ктиторъ и причетники, дѣлавшіе послѣ литургіи приготовленія для сего, могли бы подтвердить это, если бы не составляли одной партіи, и только онъ, Эрастовъ, впрочемъ, нисколько не намѣренно, унеся съ собою ключъ отъ церкви и будучи на тотъ разъ занятъ, какъ чередной по приходу,—учинилъ тому препятствіе. Впрочемъ, протоіерей дѣлаетъ очевидные извороты и намѣренныя недосказанія, ибо не упоминаетъ даже и объ обычномъ отпустѣ по усопшемъ, хотя объ началѣ прописалъ. Но въ порядкѣ ли было бы по началѣ не учинить отпуста? Это было бы противно обычаю церкви, и вѣрно протоіерей не поступилъ вопреки постановленію.

Протоіерей Александровскій отвѣчалъ на это: поручикъ Лермонтовъ состоялъ на службѣ въ Тенгинскомъ пѣхотномъ полку. Праздно жить въ Пятигорскѣ при водахъ, по всей вѣроятности, онъ не могъ, какъ только для пользованія отъ болѣзни оними; въ противномъ случаѣ мѣстное начальство не потерпѣло бы продерживать уклоняющагося отъ службы... Свидѣтельство, данное ординаторомъ пятигорскаго военнаго госпиталя, лѣкаремъ Барклаемъ-Толли, удостовѣрило меня, что Лермонтовъ долженъ былъ числиться въ госпиталѣ, и потому записанъ въ свое время въ имѣющуюся особую тетрадь умирающихъ тамъ... По свидѣтельству лѣкаря, что Лермонтовъ застрѣленъ противникомъ, и по просьбѣ князей Васильчикова и Трубецкаго и капитана Столыпина прислать причетниковъ для чтенія псалтиря, на основаніи правилъ кормчей книги, посылая я съ предвареніемъ по тщательномъ отъ нихъ развѣданіи объ умершихъ,—читать по приглашенію... Прибывъ въ 5 часовъ по полудни въ квартиру Столыпина, для препровожденія тѣла Лермонтова до склепа, при имѣвшейся поджидающей церемоніи гг. чиновниковъ, по началѣ изъ квартиры до самаго склепа проводилъ съ пропѣніемъ пѣсни «Святый Боже», и потому слово «а по началѣ», толкуемое священникомъ по его понятіямъ, онъ, Александровскій, разумѣлъ не начальный возгласъ, а съ начала, то-есть поднятія гроба въ квартирѣ до принесенія къ склепу. Слѣдовательно, какъ не было начального возгласа, такъ и конечнаго, все предполагаемаго имъ отпуста быть не могло, и слѣдовательно, ни очевидныхъ изворотовъ, ни намѣренныхъ недосказаній не имѣлось въ объясненіи къ слѣдователямъ... Давалась ли въ десницу Лермонтова молитва? По крайней мѣрѣ, имъ, Александровскимъ, читана и вручаема не была... По истинѣ, остается сожалѣть, чѣмъ пастырь душъ занимается...

Капитана Столыпина, по увѣдомленію с.-петербургской управы

благочинія, отъ 26 апрѣля 1843 года, на жительство въ Петербургъ не оказалось. Въ такомъ видѣ слѣдственное дѣло поступило на разсмотрѣніе кавказской духовной консисторіи.

Въ засѣданіи, состоявшемся 28 іюля 1843 года, она заслушала его.

Принявъ во вниманіе: справку изъ метрической книги Пятигорской Скорбященской церкви за 1841 годъ, въ 3-й части которой подъ № 38-мъ, значится такая запись: «Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Михаилъ Юрьевъ Лермонтовъ, 27 лѣтъ, убитъ на дуэли 15 іюля, а 17 погребень. Погребеніе пѣто не было», и имѣя въ виду: а) что Кормчей книги, 1 части, въ 14 правилъ Тимоея, архіепископа Александрійскаго, изображено: «аще убо кто самъ або убіетъ, или заколетъ, или удавитъ, приношеніе не приносится за него, токмо аще не будетъ во истину умъ погубилъ; подобаетъ бо ихъ причастникамъ испытывати о семъ со истязаніемъ»; б) что XIII т., Уст. Врачебн., ст. 370 опредѣлено: «тѣло умышленнаго самоубійцы надлежитъ палачу въ безчестное мѣсто оттащить и тамъ закопать»; и в) что XV т. Угол. Зак. въ ст. 347 говорится: «самоубійца лишается христіанскаго погребенія, если доказано будетъ, что онъ лишилъ себя жизни не въ безуміи и безпамятствѣ»; консисторія постановила слѣдующее опредѣленіе.

Изъ дѣла видно: 1) что христіанскаго погребенія надъ тѣломъ напаваль убитаго пулею на дуэли поручика Лермонтова протоіереемъ Александровскимъ отправляемо не было; но только, съ удостовѣренія какъ самого Александровскаго, такъ діакона Мадритова, причетниковъ Остроумова и Веселовскаго, и коллежскаго сесекретаря Роциновскаго, тѣло его провожаемо было съ квартиры до склепа съ пропѣніемъ «Святый Боже»; 2) погребеніе его, Лермонтова, въ метрическую книгу внесено по-надлежащему; 3) по объясненію протоіерея Александровскаго, за провожаніе тѣла Лермонтова пожертвовано было капитаномъ Столыпинымъ не 200 рублей, но только 50 рублей ассигнаціями, изъ коихъ выдано: діакону—депозитный билетъ въ 3 рубля серебромъ, а причетникамъ—20 рублей ассигнаціями. Хотя протоіерей Александровскій настоящаго погребенія христіанскаго надъ тѣломъ поручика Лермонтова и не совершилъ, но не слѣдовало и провожать его, яко добровольнаго самоубійцу, въ церковномъ облаченіи и съ подобающею честью, въ противность вышеприведенныхъ узаконеній, а потому за сей поступокъ, вѣроятно, больше изъ интереса происшедшій, нежели отъ невѣдѣнія законовъ, взыскать съ него, Александровскаго, въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія 25 рублей ассигнаціями, а причтъ, съ нимъ участвовавшій и яко имъ самимъ въ сей поступокъ вовлеченный, отъ взысканія освободить. Затѣмъ обязать ихъ всѣхъ подпискою съ подтвержденіемъ впредь подобныхъ самоубійцъ церковной чести не сподоблять. Донositелю же, священнику Эрастову, не участвовавшему въ выносѣ тѣла Лермонтова, вѣроятно, съ на-

мѣреніемъ изъ опасенія отвѣтственности, въ части доходовъ, при семъ случаѣ протоіереемъ Александровскимъ полученнымъ, отказать, тѣмъ болѣе, участвовавшій причтъ оными удовлетворенъ, что и Александровскій за свой проступокъ подвергнуть взыскацію.

Преосвященный новочеркасскій и георгіевскій утвердилъ постановленіе консисторіи, но приказалъ: «кромѣ взыскиваемыхъ съ протоіерея, взыскать съ него и съ прочихъ на тотъ же предметъ за проводъ, какъ стяжаніе неправедное».

Такимъ образомъ, впервые послѣ 50-ти слишкомъ лѣтъ послѣ смерти М. Ю. Лермонтова, устанавливается фактъ, что тѣло его было лишено христіанскаго погребенія по обряду православной церкви, и что ему оказана церковнымъ причтомъ только честь выноса и проводовъ до могилы. Но вышеприведенное слѣдственное дѣло не полно. Оно не коснулось вопроса: были ли совершены духовенствомъ какія либо службы надъ тѣломъ усопшаго до выноса его на кладбище! Восполнить этотъ пробѣлъ по рассказамъ очевидцевъ событія, въ интересахъ возстановленія истины, необходимо, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ быть выяснены и тѣ случайности, которыми обусловились проводы тѣла поэта духовенствомъ съ церемоніею, но безъ исполненія обряда погребенія.

Въ біографіи поэта, составленной П. А. Висковатовымъ ¹⁾, мы находимъ слѣдующее (стр. 430): Столыпинъ и друзья, распорядившись относительно панихидъ, стали хлопотать о погребеніи останковъ поэта. Ординаторъ Пятигорскаго военнаго госпиталя Барклайде-Толли выдалъ свидѣтельство, въ коемъ говорилось, что Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ М. Ю. Лермонтовъ застрѣленъ на полѣ, близъ горы Машука, 15 числа іюля, и по освидѣтельствованіи имъ, тѣло можетъ быть предано землѣ по христіанскому обряду. Но протоіерей Павелъ Александровскій не рѣшился этого сдѣлать. Нѣсколько вліятельныхъ личностей, которыя не любили Лермонтова за его нещадившій никого юморъ, старались повліять и на коменданта, и на отца протоіерея въ смыслѣ отказа, какъ въ отданіи послѣднихъ почестей, такъ и въ христіанскомъ погребеніи праху ядовитаго покойника, какъ одинъ изъ нихъ выразился объ умершемъ. Они говорили, что убитый на дуэли—тотъ же самоубійца, и что на похороны самоубійцы по обряду христіанскому едва ли взглянетъ начальство снисходительно ²⁾. Противъ этихъ интригъ стали дѣйствовать друзья поэта. Они уговаривали про-

¹⁾ Томъ 6 «Сочиненій М. Ю. Лермонтова», изданіе Рихтера, 1891 года.

²⁾ Да, это мы слышали въ 1870 году отъ священника Василія Эрастова, который, кромѣ этого, говорилъ намъ, что сопровождалъ тѣло поэта въ послѣднее жилище и совершалъ погребеніе протоіерей Александровскій. Онъ же, отецъ Василій, соучаствовать не могъ, такъ какъ выносъ тѣла назначенъ былъ въ 4 часа по полудни, когда въ церкви обыкновенно служили вечерню. («Всемирный Трудъ», 1870 года, № 10).

тоіерея... Но онъ колебался... Ильяшенко (комендантъ), на котораго напирали съ двухъ противоположныхъ сторонъ, самъ не зналъ, какъ поступить, и колебался категорически разрѣшить протоіерею предать землѣ убитаго по обряду церковному. На формальный запросъ протоіерея онъ прямо не отвѣчалъ, а желая отъ себя отстранить всякую отвѣтственность, увѣдомилъ плацъ-маіора, полковника Унтилова, 16-же іюля, чтобы тотъ сообщилъ духовенству, возможно ли приступить къ погребенію по христіанскому обряду тѣла поручика Лермонтова. Что сдѣлалъ Унтиловъ, неизвѣстно; но надо полагать, что дѣло о погребеніи рѣшено не было ¹⁾. Тѣмъ временемъ въ Пятигорскъ прибылъ начальникъ штаба, флигель-адъютантъ Траскинъ. Ему сообщили о затрудненіяхъ относительно похоронъ поэта, и что духовенство упорствуетъ, утверждая, что человѣкъ, убитый на поединкѣ,—тотъ же самоубійца. Полковникъ Траскинъ авторитетомъ своимъ подѣйствовалъ на протоіерея. Похороны поэта состоялись въ тотъ же день—17 іюля, около 6 часовъ вечера. Друзья, желая придать болѣе торжественности похоронамъ, хлопотали о воинскихъ почестяхъ. Но это разрѣшено не было ²⁾. На плечахъ товарищей гробъ былъ донесенъ до Пятигорскаго кладбища и похороненъ по всѣмъ правиламъ православной религіи.

Л. И. Тарасенко-Отрѣшковъ сообщилъ слѣдующее ³⁾. Тотчасъ отправились мы на квартиру Лермонтова. Хатка, которую онъ занималъ, была на дворѣ, въ концѣ улицы, идущей къ горѣ, противъ Машука, со стороны рѣки Подкумокъ. Немногіе, бывшіе тамъ, сидѣли молча, и когда братъ мой (камеръ-юнкеръ Н. Тарасенко-Отрѣшковъ) спросилъ: живъ ли и гдѣ Лермонтовъ? ему кто-то отвѣтилъ: лежитъ убитый у себя въ комнатѣ. У порога этой ком-

¹⁾ Въ числѣ бумагъ, представленныхъ протоіереемъ Александровскимъ слѣдователямъ въ свое оправданіе, находится и отношеніе подполковника Унтилова и прочихъ членовъ состоявшей подъ его предсѣдательствомъ слѣдственной комиссіи о дуэли, отъ 17-го іюля 1841 года, за № 55, слѣдующаго содержанія: «Вслѣдствіе предписанія пятигорскаго коменданта, окружнаго начальника, подполковника и кавалера Ильяшенко, отъ 16 іюля, № 1367, имѣемъ честь увѣдомить ваше высокопреподобіе, что Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Лермонтовъ на дуэли, 15-го числа, убитъ отставнымъ маіоромъ Мартыновымъ, и потому мы полагали бы, что приключившаяся Лермонтову смерть не должна быть причислена къ самоубійству, лишающему христіанскаго погребенія. Не имѣя въ виду законоположенія, противнаго погребенію поручика Лермонтова, мы полагали бы возможнымъ предать тѣло его землѣ такъ точно, какъ въ подобномъ случаѣ камеръ-юнкеръ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ отпѣтъ былъ въ церкви конюшенъ императорскаго двора, въ присутствіи всего народа.

²⁾ Это не вѣрно. Отказалъ въ нарядѣ команды на похороны комендантъ. Но когда прибылъ въ Пятигорскъ начальникъ штаба Траскинъ, нарядъ, по его разрѣшенію, былъ сдѣланъ отъ 2-го кавказскаго линейнаго баталіона; трубачи же приглашены были частно (разсказъ В. И. Чяльева).

³⁾ Разсказъ князя Н. Н. Голицына. Приложеніе XII къ запискамъ Е. А. Хвостовой. Изданіе 2-е, 1870—1871.

наты стоялъ какой-то солдатъ, приставленный въ видѣ караула. Зеркало было занавѣшено. На кровати, въ красной шелковой рубашкѣ, лежалъ блѣдный, истекшій кровью Лермонтовъ... Грудь была прострѣлена навывлетъ, и лужа крови на простынѣ. Съ открытыми глазами, съ улыбкою презрѣнія, онъ казался какъ бы живой, съ выраженіемъ лица — какъ бы разгадавши невѣдомую ему замогильную тайну. Онъ, который былъ такъ невзраченъ, въ этотъ моментъ казался прекраснымъ. Друзья его стали хлопотать, чтобы добиться позволенія похоронить его съ приличной обстановкой... Священникъ обѣщаль предать тѣло его землѣ по христіанскому обряду; но когда передъ вечеромъ собирались нести покойника, то пришли сказать, что священникъ не рѣшается приступить къ похоронахъ... Пришлось идти его уговаривать... Разсказъ кончается словами: человекъ 12 — 14 его пріятелей, военные въ мундирахъ, невоенные во фракахъ, понесли гробъ на могилу. Надъ гробомъ священникъ прочиталъ молитву. Оказалось, что гробъ не могъ войти въ боковую пещеру, сдѣланную на двѣ могилы; тогда какой-то стоявшій вблизи черкесъ спрыгнулъ туда и кинжаломъ пооббилъ землю.

Наиболѣе подробнымъ оказывается разсказъ Н. П. Раевского ¹⁾; но мы возьмемъ изъ него только то, что относится къ дѣлу. Часовъ въ 11-ть, — говоритъ онъ, — пріѣхалъ къ намъ Ильяшенко, сказалъ, что гробъ онъ уже заказалъ, и велѣлъ намъ завтра пойти священника попросить. Мы и сами объ этомъ подумывали, потому что знали, что бабушка поэта Е. А. Арсеньева — женщина очень богомольная и никогда бы не утѣшилась, если бы ея внука похоронили не по церковнымъ установленіямъ... На другой день Столыпинъ и я отправились къ священнику единственной въ то время православной церковки въ Пятигорскѣ. Встрѣтила насъ красавица-попадья, сказала намъ, что слышала она о нашемъ несчастіи, поплакала, тутъ же прибавила, что батюшки нѣтъ, и что вернется онъ только къ вечеру. Мы стали ее просить, цѣловали у ней ручки, чтобы уговорила она батюшку весь обрядъ совершить. Она намъ обѣщала свое содѣйствіе, а мы, чтобъ уже не могла на попятный пойти, тутъ же ей и подарочекъ прислали, разныхъ шелковъ тогдашнихъ, и о цѣнѣ не спрашивали ²⁾. Вернулись домой, а народу много набралось... Принесли и гробъ, и хорошо такъ его бѣлымъ глазомъ обили. Мы ужъ собрались тѣло въ него класть, когда кто-то

¹⁾ «Нива», 1885 г., № 8.

²⁾ Вдова протоіерея Александровскаго, письмомъ, помѣщеннымъ въ «Нивѣ», 1885 г., № 20, протестовала противъ «цѣлованія ручекъ» и «разныхъ шелковъ». Но и самъ отецъ Павелъ отрицалъ передъ слѣдователями полученіе 200 рублей, говоря, что онъ получилъ только 50 рублей, тогда какъ, кромѣ показанія на слѣдствіи о 200 рубляхъ чиновника Роциновскаго, выдачу этой суммы подтверждаетъ также и Н. П. Раевскій.

изъ публики сказалъ, что такъ нельзя, что надо сперва гробъ освятить. А гдѣ намъ святой воды достать? Посовѣтовали намъ на слободку послать, потому что тамъ у всякой казачки есть святая вода въ пузырькѣ за образомъ; да у кого-то изъ прислуги нашлось. Мы хотя, въ гробъ тѣло положивши, и пропѣли всѣ хоромъ «Святый Боже», и покрестились, даромъ что не христіане были, но полагали, что этого недостаточно, и очень безпокоились объ отсутствіи священника... На другой день опять мы со Столыпнымъ пошли къ священнику. Матушка-то его предупредила, но онъ все же не сразу согласился, и пришлось Столыпину ему, вмѣсто 50 рублей, 200 рублей, пообѣщать... Однако, батюшка все настаивалъ на томъ, что, по такой-то де главѣ Стоглава, дуэлисты причтены къ самоубійцамъ, и потому Михаилу Юрьевичу никакой заупокойной службы не полагается, и хоронить его слѣдуетъ внѣ кладбища. Боялся онъ очень отъ архіерея за это выговоръ получить. Мы стали было увѣрять его, что архіерей не узнаетъ, а онъ тутъ и говоритъ: «вотъ, если бы комендантъ далъ мнѣ записку, что въ своемъ донесеніи онъ обо мнѣ не упомянетъ, я былъ бы спокоенъ». Мы попробовали у Ильяшенко эту записочку для священника выпросить, но онъ сказалъ, что этого нельзя, а велѣлъ на словахъ передать, что хуже будетъ, когда узнаютъ, что такого человѣка дали безъ заупокойныхъ служеній похоронить. Сказали мы это батюшкѣ, а онъ опять заорточился. Однако, когда ему еще и икону обѣщали въ церковь дать, онъ обѣщался прійти. А икона была богатая, въ серебряной ризѣ и съ камнями драгоценными, — одна изъ тѣхъ, которыхъ бабушка Михаила Юрьевича ему цѣлый иконостасъ надарила. Мы вернулись съ успокоеннымъ сердцемъ. Народу—море цѣлое. Всѣ ждутъ, а священника все нѣтъ. Какъ тутъ быть? Вдругъ изъ публики католическій ксендзъ, спасибо ему, вызвался. «Онъ боится, говорить, а я не боюсь, и понимаю, что такого человѣка, какъ собаку, не хоронять. Давайте-ка я литію и обѣдню отслужу». Мы къ этому были привычны, такъ какъ въ походъ съ нами ходили по очереди то католическій, то православный священникъ, поэтому съ радостью согласились. Когда онъ отслужилъ, то и лютеранскій священникъ, тутъ бывший, гробъ благословилъ, рѣчь сказалъ и по-своему сталъ служить. Одного только православнаго батюшки при семъ не было. Уже народъ сталъ расходиться, когда онъ пришелъ и, узнавши, что священнослужители другихъ вѣроисповѣданій служили прежде него, отказался служить, такъ какъ нашелъ, что этого довольно. Насилу мы его убѣдили, что на похоронахъ человѣка грекороссійскаго вѣроисповѣданія полагается и служеніе православное. При выносѣ же тѣла, когда увидѣлъ нашъ батюшка музыку и солдатъ, какъ и слѣдуетъ на похоронахъ офицера, онъ опять испугался. «Уберите трубачей, говорить, нельзя, чтобы самоубійцу такъ хоронили». Пришлось хоть на время спря-

тать музыку. Похороны вышли торжественныя... Послѣ похоронъ былъ поминальный обѣдъ... Тогда же Столыпинъ отдалъ батюшкѣ и деньги, и икону.

Э. А. Шанъ-Гирей напечатала два разсказа о похоронахъ поэта¹⁾. Въ первомъ она говоритъ: 16 іюля (не 16, 17-го), всѣ знакомыя дамы, исключая Быховець съ кузиной, которыя были въ Желѣзноводскѣ, собрались на панихиду и погребеніе; долго ждали священника. Тогда былъ протоіереемъ отецъ Павелъ, всѣми любимый и уважаемый, добрѣйшій священникъ. По уставу, онъ не имѣлъ права хоронить убитаго на дуэли; уступилъ же неотвязной просьбѣ товарищей Михаила Юрьевича, съ условіемъ, чтобы не было никакого народа, а когда пріѣхалъ и увидѣлъ на дворѣ музыку, тотчасъ повернулъ назадъ. Конечно, музыку сейчасъ выпроводили, но уже стоило большаго труда уговорить его вторично. Все же, наконецъ, онъ согласился и хоронилъ Лермонтова, какъ слѣдуетъ по правиламъ православной церкви... Во второмъ же, нѣсколько точнѣе опредѣлено понятіе о похоронахъ «по правиламъ православной церкви». На другой день,—говоритъ она,—когда собрались всѣ къ панихидѣ, долго ждали священника, который съ большимъ трудомъ согласился хоронить Лермонтова, уступивъ убѣдительнымъ просьбамъ князя Васильчикова и другихъ, но съ условіемъ, чтобы не было музыки и никакого народу. Наконецъ, пріѣхалъ отецъ Павелъ, но, увидѣвъ на дворѣ оркестръ, тотчасъ повернулъ назадъ. Музыку мгновенно отправили, но за то много, много усилій употреблено было, чтобы вернуть отца Павла. Наконецъ, все уладилось, отслужили панихиду и проводили на кладбище...

Такимъ образомъ, изъ послѣдняго разсказа г-жи Шанъ-Гирей видно, что похороны «по правиламъ православной церкви» заключались въ отправленіи надъ тѣломъ почившаго отцомъ Павломъ панихиды и проводахъ гроба до кладбища. То же, нужно думать, подразумѣвалъ и біографъ поэта П. А. Висковатовъ, говоря²⁾, что гробъ Михаила Юрьевича былъ донесенъ до кладбища и похороненъ по всѣмъ правиламъ православной религіи. Нельзя же предположить, что подобное опредѣленіе относится только къ одной церемоніи проводовъ гроба и постановки его въ склепъ. Во всякомъ случаѣ, мы, въ статьѣ своей «Послѣдніе дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова»³⁾, не имѣя точныхъ данныхъ о погребеніи его въ установленномъ порядкѣ, ограничились заявленіемъ такого рода: въ тотъ же день (т. е. 17 іюля), вечеромъ хоронили и тѣло Лермонтова. Много усилій нужно было употребить, чтобы склонить мѣстное духовенство къ исполненію надъ нимъ послѣднихъ моли-

¹⁾ «Нива», 1885 года, № 27, и «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.

²⁾ «Біографія М. Ю. Лермонтова», стр. 434.

³⁾ «Историческій Вѣстникъ», 1892 г., № 4.

твословіи по христіанскому обряду. Правда, мы слышали еще въ Пятигорскѣ, въ 1870 году, о грустномъ фактѣ, что поэтъ былъ лишенъ обычнаго христіанскаго погребенія по уставу нашей церкви; но, признаться, отнеслись къ подобному слуху недовѣрчиво, тѣмъ болѣе, что священникъ Эрастовъ удостовѣрилъ насъ въ совершенно противномъ, и поэтому ничего о немъ въ печати не заявляли.

Скажемъ болѣе. Тогда же въ Пятигорскѣ мы узнали о другомъ, если не болѣе ужасномъ, то болѣе возмутительномъ фактѣ. В. И. Чилиевъ, подъ честнымъ словомъ, передалъ намъ, что въ то время, когда друзья поэта употребляли всѣ усилія, чтобы добиться разрѣшенія похоронить тѣло Михаила Юрьевича по христіанскому обряду, противная, враждебная сторона предъявила коменданту требованіе о тайномъ ночномъ погребеніи праха поэта, какъ самоубійцы, въ оврагѣ за рѣкой Подкумкомъ, и не иначе, какъ посредствомъ профоса, и что старикъ Ильяшенко имѣлъ твердость отказать ей въ этомъ. При всемъ довѣрїи къ словамъ почтеннѣйшаго Василья Ивановича, намъ казалось невѣроятнымъ подобное, чудовищное по своему безобразію, требованіе хотя бы даже личныхъ враговъ покойнаго, и мы также умолчали о немъ, какъ и о слухѣ о лишеніи поэта погребенія. Но теперь, видя изъ приведеннаго выше слѣдственнаго дѣла, что существовавшимъ тогда закономъ (370 ст. XIII т.) опредѣлялось: тѣло умышленнаго самоубійцы надлежитъ палачу въ безчестное мѣсто оттащить и тамъ закопать,—мы должны принять во вниманіе, что, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, и требованіе о погребеніи тѣла поэта ночью въ оврагѣ, профосомъ, могло имѣть смыслъ, цѣль и мѣсто.

Но возвратимся къ сути дѣла.

Итакъ, фактъ лишенія тѣла поэта погребенія по правиламъ православной церкви въ настоящее время установленъ. Но значеніе этого печальнаго факта до нѣкоторой степени смягчается: во-первыхъ, тѣмъ, что по усопшему, какъ показали на слѣдствіи оба священника, причетниками церкви читалась двои, если не всѣ три сутки, св. Псалтирь; а, во-вторыхъ, тѣмъ, что до выноса гроба въ склепъ, надъ прахомъ почившаго, въ квартирѣ его, были отслужены панихиды духовенствомъ всѣхъ религій: какъ католическимъ ксендзомъ и лютеранскимъ пасторомъ, такъ и православнымъ священникомъ, съ возженіемъ вокругъ гроба свѣчей въ большихъ церковныхъ подсвѣчникахъ.

Самое погребеніе тѣла поэта по правиламъ православной церкви должно было состояться, такъ какъ протоіерей Александровскій, подвигнутый просьбами друзей поэта, полученіемъ свидѣтельствъ врача и предсѣдателя слѣдственной комиссіи, а главное авторитетнымъ настояніемъ прибывшаго въ Пятигорскъ въ день похоронъ начальника штаба, флигель-адъютанта Траскина, рѣшился, было, совершить его по церковнымъ уставамъ. Приготовленія къ

отпѣванію тѣла въ церкви послѣ литургіи, какъ видно изъ заявленія священника Эрастова духовному правленію, были начаты ктитормъ церкви и причетниками; но исполнить сего не удалось, потому что онъ, Эрастовъ, тому воспрепятствовалъ тѣмъ, что, отслуживъ литургію, какъ чередной, заперъ церковь и унесъ ключъ съ собою. Гдѣ онъ былъ со времени окончанія литургіи до начала вечерни — не извѣстно; но только его, какъ видно изъ показанія отца Павла, нигдѣ отыскать не могли. Послѣ же вечерни, конечно, отпѣвать тѣло было нельзя. А такъ какъ тѣло оставаться долѣе въ квартирѣ не могло — погода стояла жаркая, нарядъ солдатъ былъ сдѣланъ, и выносъ назначенъ, то волей-неволей пришлось похоронить великаго почившаго безъ отпѣванія, положеннаго уставами церкви. Неразъсканіемъ отца Василья объясняются и долгое неприбытіе протоіерея въ квартиру усопшаго, и его возвратъ при видѣ хора музыки, и всѣ его колебанія. Поставленный въ ложное положеніе и сожалѣя, что не могъ исполнить даннаго обѣщанія, онъ ждалъ, медлилъ, изыскивалъ предлоги для оправданія и въ концѣ-концовъ ничего не могъ сдѣлать...

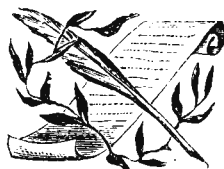
Но пойдѣмъ далѣе.

Священникъ Эрастовъ также былъ приглашаемъ чиновникомъ Дмитревскимъ участвовать въ погребеніи, выносѣ и сопровожденіи останковъ поэта до могилы, но отказался подъ предлогомъ неимѣнія времени, а слѣдователямъ показать, что изъ боязни отвѣтственности. Въ сущности же тутъ были причины другія. Въ объясненіи духовному правленію онъ упомянулъ, между прочимъ, что протоіерей Александровскій, діаконъ Мадритовъ, причетники и ктиторъ церкви составляютъ одну партію... Если эти лица составляли одну партію, то, конечно, ту партію, которая признавала возможнымъ похоронить убитаго на дуэли «честнѣ»; а онъ, Эрастовъ, какъ стоявшій внѣ этой партіи, значитъ, примыкалъ къ другой, т. е. противоположной, и, слѣдовательно, дѣйствовалъ въ ея интересахъ. Воспрепятствованіе имъ выносу тѣла поэта въ церковь для отпѣванія вполнѣ подтверждаетъ подобное предположеніе.

Тѣ «влиятельныя личности», не любившія Лермонтова за его «нещадившій никого юморъ», о которыхъ упомянуто выше и которыя не считали предосудительнымъ требовать у коменданта погребенія тѣла поэта ночью въ оврагѣ и не иначе, какъ руками профоса, по словамъ В. И. Чиляева, были люди богатые и ловкіе... Исчезновеніе 17 іюля отца Василья съ церковными ключами, продолжавшееся съ окончанія имъ литургіи до начала вечерни, было не что иное, какъ ихъ мастерской шахматный ходъ въ послѣдней спибкѣ на турнирѣ съ друзьями поэта. И что же? — партія оказалась ими выигранной: прахъ автора молитвъ: «Я, Матерь Божія», и «Не обвиняй меня, Всесильный», былъ лишенъ послѣднихъ напутственныхъ молитвъ церкви въ жизнь вѣчную...

Но справедливость,—позволимъ себѣ сказать въ заключеніе,— въ мірѣ существуетъ! Тамъ, гдѣ совершилось такое недоброе дѣло, нынѣ воздвигнуть поэту памятникъ, и духовенство священнодѣйствовало при его открытіи и возглашало: «вѣчную память рабу Божию Михаилу»...

Петръ Мартяновъ.

ЖЕНЩИНЫ-ВРАЧИ НА ОБЩЕСТВЕННОЙ СЛУЖБѢ.

«Больше сея любви никто же имать,
да кто душу свою положить за други
свои». Иоан., XV, 13.

ОКОВОЙ вопросъ для русскихъ интеллигентныхъ женщинъ—быть или не быть «женскимъ врачевнымъ курсамъ»? — получилъ, наконецъ, свое благопріятное разрѣшеніе. Въ засѣданіи 22-го апрѣля государственный совѣтъ принялъ представленный министромъ народнаго просвѣщенія проектъ учрежденія въ Петербургѣ «Женскаго медицинскаго института», и такимъ образомъ «курсы», прекратившіе съ 1886 года свое существованіе, возрождаются къ новой жизни, подъ инымъ только наименованіемъ и при нѣсколько измѣненныхъ условіяхъ будущей жизни. Ожиданія просвѣщеннаго общества сбылись, и русская женщина имѣетъ въ настоящее время полное право торжествовать побѣду. А побѣда эта стоила немалыхъ трудовъ, и «вѣнецъ дѣла» достается послѣ многихъ испытаній, волненій и невзгодъ! Еще такъ недавно раздававшіеся враждебные (правда, не особенно многочисленные) голоса, въ которыхъ слышалось столько несправедливости, обиды и неуваженія къ честнымъ труженицамъ, должны въ настоящее время смолкнуть передъ вѣскимъ мнѣніемъ высшаго государственнаго учрежденія. Право женщины на трудъ въ пользу страждущаго ближняго признано законнымъ, и преграды на ея пути къ чистой и свѣтлой общественной дѣятельности уничтожены. «Все минуется—одна правда остается»,—сказалъ незабвенный старикъ-философъ П. Г. Рѣдкинъ,—и слова эти какъ нельзя болѣе оправ-

дались въ настоящемъ случаѣ, по поводу котораго идетъ рѣчь на страницахъ предлагаемаго очерка.

Дѣйствительно, рѣдко какой общественно-педагогическій вопросъ переживалъ столько случайностей и превратностей, какъ вопросъ о женскомъ медицинскомъ образованіи! На протяжении, меньшемъ двадцати пяти лѣтъ, онъ возникъ при самыхъ необыкновенныхъ условіяхъ, былъ осуществленъ въ обстановкѣ въ высшей степени оригинальной и, не смотря на блестящіе результаты, потерпѣлъ все-таки крушеніе, былъ какъ будто забытъ и сданъ въ архивъ и, наконецъ, послѣ долгихъ мытарствъ и невгодъ, снова вызванъ къ свѣту и жизни. На судьбѣ «Врачебныхъ курсовъ» рельефно отразились вѣянія и теченія русской общественной жизни, и онъ одинъ, самъ по себѣ, служитъ характерной и яркой иллюстраціей къ исторіи нашего самосознанія за послѣднее время. Вотъ почему, я увѣренъ, читателямъ «Историческаго Вѣстника» будетъ небезынтересно ознакомиться съ дѣломъ развитія и разрѣшенія этого медицинскаго женскаго вопроса, въ видахъ чего и предлагается краткая его исторія, составленная преимущественно на основаніи имѣющагося въ литературѣ печатнаго матеріала ¹⁾.

I.

Стремленіе женщинъ къ достиженію права на врачебную дѣятельность восходитъ къ очень древнимъ временамъ, и уже при Периклѣ въ Аѣинахъ этотъ «женскій вопросъ» получаетъ разрѣшеніе въ законодательномъ порядкѣ. Тутъ впервые проявились мужской эгоизмъ и жестокость, продиктовавшіе законодателю постановленіе о смертной казни за занятіе женщинами медициной; но женщины сумѣли при помощи шумной демонстраціи достигнуть отміны этого жестокаго закона, и съ тѣхъ поръ, какъ въ Греціи, такъ и Римѣ, врачебное искусство дѣлается достояніемъ обѣихъ половинъ рода человѣческаго. Этотъ принципъ равноправности передается и европейскимъ средневѣковымъ государствамъ. Въ XIV столѣтіи медицинская школа въ Салерно выдвигаетъ жен-

¹⁾ Источники: «Женщина врачъ въ Россіи. Очеркъ десятилѣтія женскихъ врачебныхъ курсовъ 1872—1882 годовъ», составилъ П. П. Сущинскій; «Женскіе врачебные курсы» Я. Абрамова; «О женщинахъ-врачахъ» (отвѣтъ д-ру К. Толстому), Д. Н. Жбанкова, газета «Врачъ» 1889 г., № 31; «Женщины-врачи» Василія С—вича, «Медицинская Бесѣда» 1889 г., № 17; докладъ соединеннаго присутствія городскихъ управы и комисіи общественнаго здравія отъ 14-го января 1886 г.: «О содѣйствіи с.-петербургскаго городского общественнаго управленія женскимъ врачебнымъ курсамъ»; «Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи» Е. Лихачевой, а также нѣкоторыя статьи «Новостей», «Недѣли», «Московскихъ Вѣдомостей» и «Самарской Газеты».

щину-врача Абеллагу, составляющую себѣ среди ученаго сословія медиковъ громкое имя своими научными сочиненіями на латинскомъ языкѣ. Болонскій университетъ среди профессорскаго состава съ гордостью указывалъ также на нѣсколькихъ женщинъ, руководившихъ занятіями студентовъ медициною. Начиная съ XV столѣтія и до нашихъ дней, ученые врачебныя корпораціи Англій, Франціи, Германіи и даже Италіи, хотя иногда и не безъ борьбы, но открываютъ двери анатомическихъ, психіатрическихъ и иныхъ подобныхъ храмовъ науки передъ пытливой энергіей женщинъ, и многія изъ этихъ борцовъ за право на помощь страждущему человѣчеству приобрѣтаютъ широкую извѣстность своей практической и теоретической дѣятельностью. Имена Луизы Буржуа, Юстины Дитрихъ, лэди Анны Халькетъ, Анны Моранди Маццалини, Маріи Петрацони, Маріи-дель-Донне, Елизаветы Лавренсъ, миссъ Гаретъ и другихъ многихъ — пользуются въ исторіи литературы женскаго медицинскаго образованія на западѣ вполне заслуженнымъ выдающимся положеніемъ. Не смотря, однако, на обиліе заявившихъ себя и въ литературѣ и въ практической жизни ученыхъ женщинъ-врачей, наши старшіе сосѣди не предприняли до сихъ поръ рѣшительнаго шага къ основанію такого высшаго учебнаго заведенія, гдѣ бы исключительно женщины могли приобрѣтать необходимыя искомыя ими познанія, и которое было бы приспособлено къ предоставленію имъ необходимыхъ научныхъ средствъ. Въ Англій даже, на примѣръ, женщина можетъ получить степень доктора медицины только въ «Apothecaries Hall», школѣ, которая по своимъ основнымъ положеніямъ не имѣетъ права не допускать ищущихъ извѣстной степени, если эти лица удовлетворяютъ всѣмъ предписаннымъ въ уставѣ условіямъ. Англичане, впрочемъ, разрѣшили вопросъ о допущеніи женщинъ къ экзамену на степень доктора для своихъ колоніальныхъ территорій болѣе гуманно. Практическій смыслъ подсказалъ имъ, что женщина-врачъ можетъ служить прекраснымъ культурнымъ факторомъ между туземцами-мусульманами и европейцами-колонистами. Получая доступъ въ магометанскія семья, докторша непременно должна оказать со временемъ цивилизующее вліяніе на своихъ паціентокъ, а черезъ нихъ и на сильную половину мѣстнаго племени. Въ этихъ видахъ уже въ 1855 году была основана въ Бенаресѣ школа для образованія акушерокъ, а въ 1867 году таковая же въ Берсили. Съ тѣхъ поръ и остальные медицинскія учебныя заведенія въ Индіи все охотнѣе и радужнѣе открываютъ доступъ въ свои аудиторіи женщинамъ, ищущимъ ученаго диплома.

Въ Россіи вопросъ о женскомъ врачебномъ образованіи вообще былъ поставленъ на историческую очередь много позднѣе, нежели на Западѣ; разрѣшеніе его шло инымъ путемъ, чѣмъ у нашихъ сосѣдей, но результаты движенія въ пользу равноправности съ муж-

чинами въ области медицинскихъ знаній и практики сказались болѣе плодотворно, ярко и шумно.

Исторія женскаго просвѣщенія до 1856 года въ нашемъ отечествѣ подробно изложена въ превосходномъ трудѣ г-жи Лихачевой подъ скромнымъ заглавіемъ «Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи». Интересующіеся могутъ найти здѣсь прекрасно освѣщенные и обильныя данныя для изображенія картины поступательнаго движенія женщинъ въ пользу завоеванія правъ и подготовленія себя ко всевозможнымъ поприщамъ общественнаго служенія. Насколько удавалось воспользоваться въ примѣненіи къ практикѣ достигнутыми теоретически результатами—вопросъ иной, и г-жа Лихачева по задачамъ своей работы не задавалась цѣлью разъяснить это; но изъ ея почтеннаго труда мы видимъ, что и русское правительство и общество достигли въ области культурнаго просвѣщенія массы русскихъ женщинъ гораздо большихъ результатовъ, нежели остальные европейскія страны. До восьмидесятихъ годовъ настоящаго столѣтія мы, въ отношеніи женскаго образованія, средняго и высшаго, стояли впереди всѣхъ европейскихъ государствъ,—говоритъ авторъ «Матеріаловъ» въ предисловіи къ первому тому. Этимъ Россія обязана императрицѣ Екатеринѣ II, которая сто двадцать пять лѣтъ назадъ положила прочное основаніе среднему образованію русскихъ женщинъ, а также продолжательницѣ ея дѣла, императрицѣ Маріи Феодоровнѣ. Основы, положенныя обѣими императрицами, имѣли цѣлью создать въ обществѣ и семьѣ просвѣщенныхъ воспитательницъ, гувернантокъ, а главнѣйше образованныхъ женъ и матерей. Какойнибудь спеціальной отрасли знаній учебныя заведенія не преслѣдовали и, кромѣ педагогическаго поприща, бывшія воспитанницы институтовъ и училищъ ничего себѣ въ жизни избрать не могли.

Вопросъ о возможности врачебной дѣятельности еще не поднимался въ той его постановкѣ, какую онъ получилъ въ шестидесятихъ и семидесятихъ годахъ текущаго столѣтія, хотя сама жизнь уже подготовила ему издавна почву. Такъ, еще при Елизаветѣ Петровнѣ, въ 1754 году, былъ изданъ указъ, которымъ повелѣвалось обучать повивальныхъ бабокъ ихъ спеціальному искусству и для этой цѣли опредѣлять ихъ въ проектированныя для этихъ бабокъ школы акушеровъ или, какъ ихъ тогда называли, «докторовъ бабичьяго дѣла». Въ 1757 году инструкціей медицинской канцеляріи предписывалось докторамъ и акушерамъ читать «цѣльный коллегіумъ о бабичьемъ дѣлѣ» бабкамъ и ученицамъ ихъ, съ анатоміей на трупахъ, съ изложеніемъ неправильнаго устройства и болѣзней женскихъ органовъ и съ ученіемъ о правильныхъ и неправильныхъ родахъ. Спросъ на этихъ ученыхъ бабокъ съ годами все усиливался, такъ что медицинское управленіе было серьезно озабочено постановкой дѣла подготовленія акушеровъ. Виленскій университетъ относился особенно

внимательно къ назрѣвшей потребности провинціального общества замѣнить прежнихъ «повитухъ» болѣе интеллигентнымъ и образованнымъ сословіемъ. Въ этихъ видахъ повивальнымъ бабкамъ читался отдѣльный отъ студентовъ курсъ анатомическихъ, физиологическихъ и клиническихъ свѣдѣній. Въ 1805 году государь разрѣшилъ отпустить изъ казны 13.355 рублей «на отстройку при одномъ изъ флигелей Воспитательнаго дома для повивальнаго института и ежегодной по распоряженію Ея Величества суммы на содержаніе его изъ суммъ медицинскихъ». Въ 1811 году императрица открыла повивальный институтъ на средства, оставшіяся изъ капитала Бецкаго въ 20.000 рублей и другого имъ же пожертвованнаго отъ имени «неизвѣстнаго» капитала въ 36.115 рублей на «основаніе вѣчнаго заведенія училища искусства повивальныхъ бабокъ и акушерству». Изъ образовавшихся капиталовъ должно было содержаться въ Петербургѣ повивальное училище, основанное на 12 воспитанницъ за счетъ Воспитательнаго дома, увеличенное въ 1816 году еще 18-ю воспитанницами на средства министерства полиціи. Повивальный институтъ былъ реформированъ въ 1836 году и въ томъ направленіи, что существовавшій отдѣльно отъ него родильный госпиталь былъ къ нему присоединенъ, и всему учрежденію дано общее наименованіе Родовспомогательнаго Заведенія. Комплектъ слушательницъ былъ точно опредѣленъ, и, кромѣ того, положено принимать въ это заведеніе 20 воспитанницъ изъ крестьянскаго сословія съ платою за каждую по 250 рублей ассигнаціями въ годъ. «Изъ нихъ, — говоритъ г-жа Лихачева, — долженъ былъ образоваться контингентъ сельскихъ повивальныхъ бабокъ, которыя, возвращаясь по окончаніи курса въ свою среду, обязаны были оказывать помощь крестьянскимъ роженицамъ». Тогда же разрѣшенъ былъ допускъ сюда вольноприходящихъ, и при заведеніи открыта амбулаторная лѣчебница для ближайшаго ознакомленія съ женскими болѣзнями. Около того же времени при Воспитательномъ Домѣ открыто отдѣленіе для приготовленія фельдшерницъ. Сюда принимались только вольнослушательницы, которымъ и читались тѣ элементарные курсы, которые необходимы для исполненія фельдшерскихъ обязанностей. Въ царствованіе императора Николая I было разрѣшено также женщинамъ изучать и зубоврачебное дѣло съ правомъ практиковать его. Для послѣдняго, то-есть практики, имъ надлежало выхлопотать себѣ отъ медицинскаго начальства свидѣтельство, что онѣ «обучались зубному искусству съ хорошимъ успѣхомъ не менѣе трехъ лѣтъ и что производили разныя зубныя операціи на живыхъ людяхъ съ надлежащимъ искусствомъ и знаніемъ».

Въ 1844 году, по почину принцессы Терезіи Ольденбургской и при содѣйствіи великихъ княженъ Маріи и Александры Николаевнъ, была основана община сестеръ милосердія, принятая подѣ

покровительство императрицы, при чемъ на обязанности сестеръ нѣкоторыхъ отрядовъ лежало завѣдываніе аптекою общины, въ которой онѣ же сами изготовляли и дѣкарства. Съ 1854 года сестры занимались уже перевязкою ранъ въ Петербургскомъ сухопутномъ госпиталѣ подъ руководствомъ врача.

Параллельно Петербургу и въ другихъ городахъ имперіи мы наблюдаемъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія нѣкоторое оживленіе практически-спеціального образованія женщины. Въ Москвѣ, Кіевѣ, Митавѣ, Могилевѣ и другихъ провинціальныхъ пунктахъ открываются одна за другою спеціальныя школы, въ коихъ программы занятій устанавливаются достаточно разнообразныя и примѣнительно къ широкому кругу практической дѣятельности. Такъ, въ Могилевской школѣ, кромѣ практическаго акушерства, вводятся курсы фармакологіи, малой хирургіи и сифилитическихъ болѣзней у женщинъ и дѣтей. Въ Московской акушерской школѣ при Воспитательномъ Домѣ ученицамъ преподается краткая анатомія, гигиена, малая хирургія и женскія и дѣтскія болѣзни. Сифилитическія болѣзни у женщинъ и дѣтей составили также предметъ чтенія курсовъ повивальнымъ бабкамъ въ училищѣ акушерскихъ ученицъ при С.-Петербургской Калининской больницѣ. Такимъ образомъ, первая половина текущаго столѣтія, даже при неблагоприятныхъ условіяхъ нашей общественной и соціальной жизни, не оставила безъ вниманія вопроса о практическомъ примѣненіи женскаго труда. Узкая тропинка, по которой шла женщина до тѣхъ поръ, постепенно расширяется, и уже въ 1860-хъ годахъ превращается въ ту гладкую и большую дорогу, которая привела алчущихъ знанія и работы къ дверямъ медико-хирургической академіи.

II.

Настоятельные толки о необходимости расширенія правъ женщинъ въ области просвѣщенія слышались уже давно. Бѣлинскій въ 1842 г. писалъ по поводу сочиненій Зинаиды (Р—вой) Ганъ: «женщина, подъ преимущественнымъ преобладаніемъ характера любви и чувства, создана дѣйствовать въ тѣхъ же самыхъ сферахъ и на тѣхъ же самыхъ поприщахъ, гдѣ дѣйствуетъ мужчина подъ преимущественнымъ преобладаніемъ ума и сознанія. А между тѣмъ общественный порядокъ обрекъ женщину на исключительное служеніе любви и преградилъ ей пути во всѣ другія сферы челоуѣческаго существованія. Получая воспитаніе хуже, чѣмъ жалкое и ничтожное, хуже, чѣмъ превратное и неестественное, скованныя по рукамъ и ногамъ желѣзнымъ деспотизмомъ варварскихъ обычаевъ и приличій... считая за стыдъ и за грѣхъ предаться вполнѣ какому нибудь нравственному интересу, напримѣръ, искусству, наукѣ,—

онѣ, эти бѣдныя женщины, всѣ запрещенныя имѣ кораномъ общественнаго мнѣнія блага жизни хотять, во что бы то ни стало, найти въ одной любви». Критикъ-публицистъ категорически высказывается здѣсь за нормированіе научныхъ знаній мужчинъ и женщинъ и требуетъ для нихъ болѣе равносторонней дѣятельности, нежели служеніе семьѣ. Современная ему литература, какъ изящная, такъ и публицистическая, все чаще и громче начинаетъ обсуждать тѣ же вопросы и достигаетъ въ 1860 годахъ своего кульминаціоннаго пункта. Наболѣе выдающіеся дѣятели печати посвящаютъ въ своихъ произведеніяхъ темѣ о женскомъ образованіи, о женской равноправности и объ общественномъ призваніи женщины немало мѣста и времени. Добролюбовъ, Чернышевскій, Писаревъ, Михайловъ поработали усердно въ этомъ направленіи и въ значительной степени способствовали пробужденію симпатій образованныхъ классовъ въ сторону такъ называемой «женской эмансипаціи». Среди учащейся молодежи, жадно ловившей на легу слова и мнѣнія своихъ литературныхъ учителей, начинается усиленное движеніе въ этой области. Движеніе это, правда, носило подчасъ не совсѣмъ нормальный, даже уродливый характеръ (напримѣръ, фиктивные браки, обезображеніе наружности, напускная рѣзкость), но во всякомъ случаѣ дало русскому обществу и плодотворные результаты. Однимъ изъ таковыхъ и притомъ болѣе существеннымъ явился усиленный спросъ общества на специально-образованную женщину и стремленіе послѣдней удовлетворить этому спросу. За комплектомъ труженицъ недостатка быть не могло: среднія учебныя заведенія ежегодно выставляли изъ среднихъ классовъ населенія немало дѣвушекъ, не находившихъ удовлетворенія своимъ чувствамъ и способностямъ въ тѣсномъ кругу семейной жизни и жаждавшихъ примѣненія своимъ кипучимъ силамъ на иномъ поприщѣ. Обстоятельства, имѣвшія мѣсто въ тогдашней русской дѣйствительности, были чрезвычайно благоприятны для того, чтобы каждый вопросъ, отличающійся новизною, отмѣченный печатью общественности и свободы, получилъ свое развитіе и осуществленіе. Реформаторская, освободительная эпоха 1860-хъ годовъ явилась какъ нельзя болѣе благоприятствующей для удовлетворительнаго рѣшенія и женскаго вопроса; тутъ дѣйствовали мотивы социальные, экономическіе, соображеніе о необходимости большого контингента интеллигентныхъ работниковъ на удовлетвореніе народныхъ потребностей, вызванныхъ нуждами времени. На одномъ изъ первыхъ мѣстъ стояла здѣсь необходимость озаботиться народнымъ здравіемъ, прійти на помощь темной страждущей массѣ. Интересы медицинской науки въ связи съ общими симпатіями того періода къ натуралистическимъ знаніямъ, симпатіями, являвшимися какъ бы противовѣсомъ прежнимъ романтическимъ и патріархальнымъ вкусамъ общества, выдвинулись съ особою силою. И вотъ въ этой-то

области реального знанія, которое легко и скоро могло приискать себѣ примѣненіе въ практическомъ обиходѣ и на которое являлся широкій спросъ, русская женщина и нашла себѣ выходъ изъ тяготившаго ее положенія. Занятія медициной давали ей въ этомъ отношеніи широкій просторъ и являлись чрезвычайно гармонирующими со всѣмъ ея душевнымъ складомъ. Страданія ближняго, необходимость облегчить эти страданія—какая благодарная задача для любящей и самоотверженной природы женщины! Новаго чего нибудь въ этихъ ея стремленіяхъ собственно ничего не было; она до извѣстной степени находила удовлетвореніе своему гуманному чувству послужить на пользу страждущимъ въ роли фельдшерицы, сестры милосердія, ученой акушерки, но этотъ кругъ дѣятельности былъ узокъ и не соответствовалъ потребностямъ ума и сердца. Надо было выйти на большій просторъ и подыскать такого могучаго покровителя, который бы своимъ авторитетомъ и вліяніемъ далъ ей возможность примѣнить жизненные силы шире и глубже.

Такой покровитель скоро нашелся въ лицѣ военнаго министра, которое довѣрчиво и дружелюбно протянуло руку помощи русской женщинѣ. Какое оригинальное явленіе: правительственное учрежденіе, само по себѣ очень мало заинтересованное въ судьбѣ женскаго просвѣщенія, является наиболѣе отзывчивымъ и передовымъ! Въ этомъ выразилась сила эпохи, когда люди умѣли приносить въ жертву общему дѣлу свои частные, единичные интересы; а общее дѣло въ тѣ дни оживленія русской жизни главнымъ образомъ заключалось въ стремленіи поднять культуру массы и отдѣльныхъ ея слоевъ. Конечно, тутъ главную роль играла личность самого министра, Д. А. Милютина, просвѣтительные и гуманные взгляды котораго отражались и на сотрудникахъ его и на всѣхъ подвѣдомственныхъ ему отдѣльныхъ учрежденіяхъ. Военное министерство Милютина имѣло вообще чрезвычайно благотворное вліяніе на русскую жизнь; оно подняло «значеніе личности солдата, такъ сказать, очеловѣчило русскую армію; рядомъ съ этимъ съ основаніемъ «Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній», или, какъ его принято называть, «Соляного городка», общество получило, благодаря военному министру, такой умственный центръ, куда въ теченіе почти 25-ти лѣтъ стекались всѣ педагогическіе и многіе научные вопросы, интересовавшіе образованныхъ русскихъ людей. Здѣсь съ каѳедръ аудиторій производилась популяризація знаній, которыя отсюда и проникали въ массу слушателей. Неудивительно, что это вѣдомство не осталось глухо и безчувственно къ горячимъ моленіямъ женщины о допущеніи ея въ одно изъ ученыхъ учрежденій, находившихся въ вѣдѣніи военнаго министерства. Слѣдствіемъ этого было то, что въ 1872 году при медицинской академіи были учреждены особые курсы для образованія ученыхъ акушеровъ, которыя бы могли оказывать самостоятель-

ную врачебную помощь въ случаяхъ женскихъ и дѣтскихъ болѣзней; но прежде, чѣмъ говорить о подробностяхъ возникновенія этого учрежденія, считаю нужнымъ остановиться на одномъ обстоятельстве, въ значительной степени подвинувшемъ благополучное разрѣшеніе назрѣвшаго вопроса о женскомъ врачебномъ образованіи. Обстоятельство это чрезвычайно характерно и показываетъ, какъ энергія одного человѣка можетъ иногда побороть на пути къ достиженію намѣченной цѣли всякія препятствія, предрасудки и невзгоды.

Въ 1861 году въ родильный домъ великой княгини Елены Павловны поступила на курсы акушерства только что развѣхавшаяся съ мужемъ купцомъ-самодуромъ совѣтъ молоденькая женщина, по виду почти ребенокъ, В. А. Кашеварова. Жизнь наложила уже свою тяжелую желѣзную руку на это юное существо и изъ богатой обстановки перенесла ее въ бѣдную конурку Измайловскаго полка. Приходилось серьезно задуматься надъ будущей жизнью и измыслить средства, какъ бы не умереть съ голода. Въ 1862 году будущая акушерка познакомилась случайно съ важной особой изъ медицинскаго административнаго міра и сообщила ему, что охотно бы взяла казенное мѣсто хоть въ самомъ захолустѣ Россіи. Администраторъ указалъ своей собесѣдницѣ, что въ Оренбургскомъ краѣ имѣется вакантное мѣсто ученой акушерки, что мѣсто это можетъ быть ей предоставлено, но на условіи, чтобъ она прошла необходимую подготовку въ Калининской больницѣ, подъ руководствомъ ординатора больницы В. Тарновскаго для приобрѣтенія свѣдѣній о лѣченіи сифилиса. Заручившись рекомендаціей случайнаго знакомаго, Кашеварова направилась въ больницу, и ей за неимѣніемъ казенной вакансіи разрѣшено было посѣщать курсы въ качествѣ вольнослушательницы. Вскорѣ судьба ей улыбнулась: лучшая ученица доктора Тарновскаго покидала больницу, и Кашеварова была принята на ея мѣсто. До конца ученія оставалось всего 4 мѣсяца—весь курсъ обнималъ собой годичный срокъ и, не смотря на такое короткое время, энергичная акушерка согласилась подготовиться къ искомой должности въ Оренбургскомъ краѣ. Ей назначена была отъ вѣдомства иррегулярныхъ войскъ стипендія въ 28 рублей въ мѣсяць, и за пользованіе ею въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ она обязалась отслужить въ томъ краѣ отъ 6 до 8 лѣтъ; на эти тяжкія условія волею-неволею пришлось согласиться, такъ какъ это избавляло хоть отчасти отъ голода и холода. Черезъ мѣсяць Кашеварова сдѣлалась уже первою ученицею, а на выпускномъ экзаменѣ весь ареопагъ экзаменаторовъ призналъ ея теоретическіе и практическіе отвѣты заслуживающими всяческихъ похвалъ и возбудилъ даже вопросъ о наградѣ примѣрной ученицы. Каково же было всеобщее изумленіе, когда бойкая и смѣлая молоденькая акушерка громко заявила, что вмѣсто того, чтобъ думать о предоставленіи ей награды, гораздо лучше и полезнѣе будетъ и ей и будущимъ паціентамъ, если ей позволятъ продолжить изу-

ченіе медицины. По ея словамъ, она чувствуетъ себя круглой невѣждой въ лѣченіи, напимѣръ, сифилиса, и совѣсть никогда не позволитъ ей воспользоваться свидѣтельствомъ на право лѣченія у женщинъ и дѣтей этой сложной болѣзни, требующей широкаго медицинскаго образованія. Экзаменаторы отнеслись вполнѣ сочувственно къ молодой женщинѣ, но фактически выполнить ея желаніе не были въ состояніи; однако, начальникъ медицинскаго департамента докторъ Цицуринъ обѣщаль подумать, нельзя ли чтонибудь сдѣлать для удовлетворенія ея стремленій. Вскорѣ, однако, изъ медицинскаго департамента послѣдовалъ отвѣтъ, что оставить г-жу Кашеварову въ Петербургѣ для продолженія медицинскаго образованія нельзя, но рѣшено выдать ей и еще одной ученицѣ по годовому окладу жалованья (366 рублей). Огорченная неуспѣхомъ своего ходатайства, Кашеварова обратилась къ В. Тарновскому съ вопросомъ, почему именно акушеровъ стали обучать лѣченію сифилиса и выдаютъ имъ свидѣтельства на право лѣченія этой болѣзни, когда, казалось бы, мужчины-медики могли бы несравненно лучше выполнить эту задачу. Тарновскій не сумѣлъ удовлетворить любознательности своей ученицы и направилъ ее въ законодательное отдѣленіе управленія иррегулярныхъ войскъ. Здѣсь ей разъяснили, что начальство башкирскаго казачьяго войска уже давно ходатайствовало о командированіи въ губерніи женщинъ-медиковъ, такъ какъ религіозный законъ не позволяетъ женамъ магометанъ пользоваться услугами врачей изъ мужчинъ. Начальникъ края оставилъ просьбу безъ отвѣта, но когда на этотъ постъ былъ назначенъ генералъ Безакъ, то послѣдній, видя, какъ гибнетъ народъ безъ врачебной помощи, въ особенности отъ сифилиса, рѣшилъ хлопотать о преподаваніи сифилитическихъ болѣзней акушеркамъ, ѣдущимъ въ ввѣренный ему край, для каковой цѣли и прикомандировывать ихъ предварительно къ Калининской больницѣ.

Данное объясненіе не поколебало увѣренности г-жи Кашеваровой въ томъ, что все-таки прежде, чѣмъ приступать къ борьбѣ съ ужасающимъ зломъ, необходимо вооружиться всѣми данными научнаго знанія. Рѣшеніе ея сдѣлаться докторомъ еще укрѣпилось, и она снова приступила къ г. Тарновскому, прося его о содѣйствіи; послѣдній направилъ ее въ медицинскую академію, къ ученому секретарю, профессору Зинину, предупредивъ, однако, что ея домогательства беспочвенны, такъ какъ женщинамъ не дозволено изучать медицину наравнѣ со студентами академіи. Профессоръ Зининъ встрѣтилъ Кашеварову недружелюбно, заявилъ ей, что она попусту отрываетъ его отъ дѣла, и что ей лучше всего обратиться къ непосредственному начальству въ лицѣ начальника Оренбургскаго края, куда она, какъ стипендіатка казачьихъ войскъ, должна ѣхать отслуживать стипендію. Кашеварова послѣдовала совѣту ученаго секретаря и вскорѣ

была на приѣмѣ у генераль-лейтенанта Безака. Старикъ-сановникъ встрѣтилъ молодую акушерку привѣтливо, расхохотался сначала, узнавъ, въ чемъ заключается ходатайство просительницы, и добродушно потрепавъ ее по плечу, рѣшилъ: «Хорошо, дѣвочка, сдѣлаемъ васъ докторомъ!» Генераль сдержалъ свое слово и на прошеніи Кашеваровой поставилъ резолюцію: «Исполненіе просьбы акушерки Кашеваровой онъ считаетъ очень полезнымъ для края, и потому просить всѣхъ, отъ кого это зависитъ, оказать содѣйствіе Кашеваровой».

Послѣ долгихъ мытарствъ по канцеляріямъ всевозможныхъ вѣдомствъ, наконецъ, черезъ восемь мѣсяцевъ усиленныхъ хлопотъ, Кашеварова получила увѣдомленіе отъ управленія иррегулярныхъ войскъ, въ коемъ ей сообщалось, что военному министру угодно было разрѣшить ея прикомандированіе къ медико-хирургической академіи на одинъ курсъ, то-есть на пять лѣтъ, для прохожденія полнаго медицинскаго курса. Казалось, энергичная женщина была уже у желанной цѣли, и полученіе докторскаго диплома, при наличности природныхъ дарованій и трудолюбія, не представляло особыхъ затрудненій и препятствій, однако общественную косность не такъ-то легко было поборотъ, и представилось еще много борьбы и непріятностей. Первое столкновеніе произошло съ женщинами же, посѣщавшими въ то время академію безъ разрѣшенія, но и безъ прямого запрещенія начальства. Когда послѣдовало прекращеніе доступа женщинъ въ аудиторию, случившееся ровно черезъ годъ послѣ формальнаго принятія Кашеваровой въ число слушателей и внѣ всякой зависимости отъ этого обстоятельства, изгнанныя дамы подали коллективное прошеніе начальству, заключавшееся въ томъ, чтобы или ихъ всѣхъ допустили до слушанія лекцій и приготовленія къ экзамену на степень доктора медицины, или же чтобы и Кашеварова была исключена изъ академіи наравнѣ съ ними. Конечно, эта коллективная просьба осталась безъ результатовъ, но послѣдствіемъ ея было для Кашеваровой то, что положеніе ея среди студентовъ на первое время сдѣлалось какое-то фальшивое. Большинство молодежи ея не взлюбило, такъ какъ она держалась въ сторонѣ отъ студенческой общественной жизни; начальство тоже на нее косо поглядывало, видя въ ней навязанное ему исключеніе изъ общаго правила о приѣмѣ слушателей. Приходилось, что называется, держать ухо востро и быть всегда на стражѣ, особенно принимая во вниманіе политическое броженіе среди молодежи, доставлявшее уже въ то время начальству не мало хлопотъ и безпокойствъ.

Въ концѣ второго года пребыванія въ академіи Кашеваровой пришлось снова вступить въ борьбу за свои жизненные права. Случилось это потому, что начальство академіи отказало ей въ держаніи полулѣкарскаго экзамена, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что,

если ее допустить до полулѣкарскаго экзамена, то она, пожалуй, по прослушаніи полнаго курса, вздумаетъ держать и выпускной экзаменъ, дающій право на полученіе докторскаго диплома. Послѣ долгихъ переговоровъ членовъ конференціи съ настойчивой слушательницей, послѣ всевозможныхъ угрозъ и застрачиваній, ей разрѣшено было держать желанный экзаменъ безъ полученія, однако, права на дипломъ. Любопытный протоколъ засѣданія конференціи по этому предмету отъ 6-го марта 1865 года гласитъ: «Конференція академіи, имѣя въ виду, что г-жа Кашеварова, съ разрѣшенія военнаго министра, допущена къ слушанію въ академіи медицинскихъ лекцій на одинъ курсъ (5 лѣтъ), опредѣлила: дозволить Кашеваровой держать полулѣкарскій экзаменъ съ тѣмъ, чтобы она не имѣла въ виду полученія ученаго званія, не существующаго для лицъ женскаго пола, но что если она выполнитъ условія, требуемыя отъ посѣщающихъ академическія лекціи, то ей будетъ выдано свидѣтельство объ успѣшномъ выслушаніи медицинскихъ наукъ».

Сдавая ежегодно блестяще переходные экзамены и получая отъ оренбургскаго начальства денежныя награды за усердіе и добродѣтельное поведеніе, Кашеварова въ вакаціонное время получила возможность съѣздить въ Вѣну, гдѣ въ клиникахъ изучала женскія болѣзни и слушала курсы акушерства. Наконецъ, наступили и выпускные экзамены, но здѣсь опять съ ней приключилось непріятное происшествіе. Начальство академіи, слѣпо придерживаясь буквы приказа военнаго министра о ея принятіи въ число слушателей на пять лѣтъ, коварно рѣшило, что ее не слѣдуетъ допускать до выпускнаго экзамена, такъ какъ означенныя пять лѣтъ уже истекли. Снова начались пререканія съ конференціей, мытарства по канцеляріямъ, кончившіяся обращеніемъ къ оренбургскому генераль-губернатору, генералу Крыжановскому, принявшему живое участіе въ ея судьбѣ. Слѣдствіемъ его участія было письмо къ Д. А. Милютину, которое и привожу здѣсь полностью:

«Милостивый государь, Димитрій Алексѣевичъ! Съ разрѣшенія вашего высокопревосходительства и вслѣдствіе ходатайства бывшаго оренбургскаго генераль-губернатора, генераль-адъютанта Безака, акушерка бывшаго башкирскаго войска, г-жа Кашеварова, была прикомандирована къ медико-хирургической академіи для полученія полнаго медицинскаго образованія наравнѣ со студентами. Допущеніе г-жи Кашеваровой въ академію было сдѣлано съ той цѣлью, чтобы она, по окончаніи курса, могла замѣнить собою врача при башкирскомъ народѣ, и ей назначена была стипендія на весь академическій курсъ, съ обязательствомъ прослужить по выпускѣ извѣстное число лѣтъ казнѣ. Въ настоящее время г-жа Кашеварова съ успѣхомъ окончила пятилѣтній курсъ академіи, получая на всѣхъ экзаменахъ удовлетворительныя отмѣтки съ отлич-

ціями, но ей предстоитъ еще держать окончательный теоретическій выпускной экзаменъ на степень лѣкаря или доктора. Въ правѣ этомъ начальство медико-хирургической академіи г-жѣ Кашеваровой отказывается, ссылаясь на то, что причислена она была къ академіи съ разрѣшенія вашего высокопревосходительства, и что иначе къ выпускному экзамену допущена быть не можетъ, какъ съ разрѣшенія военнаго министра. Принимая живое участіе въ судьбѣ г-жи Кашеваровой и имѣя въ виду, что безъ окончательнаго экзамена Кашеварова не будетъ имѣть права и возможности на практикѣ примѣнить тѣ медицинскія знанія, которыя приобрѣтены ею въ академіи пятилѣтнимъ трудомъ, я позволяю себѣ обратиться съ покорнѣйшей просьбой, не изволите ли сдѣлать надлежащее распоряженіе, чтобы Кашеварова была допущена къ окончательному экзамену въ академіи. Дозволеніе это тѣмъ болѣе будетъ полезно, что г-жа Кашеварова, какъ женщина, можетъ проникать во всѣ мусульманскія семейства и тѣмъ побѣдить въ средѣ мусульманскихъ женщинъ постоянное уклоненіе отъ всякаго медицинскаго пособія, въ высшей степени вредно вліяющее на бытъ башкирскихъ семействъ, страдающихъ во множествѣ сифилисомъ».

По полученіи письма генераль-губернатора Крыжановскаго, военный министръ препроводилъ его на заключеніе конференціи медико-хирургической академіи. Теперь заключеніе послѣдовало уже для Кашеваровой вполне благопріятное, и мотивировано оно было слѣдующимъ образомъ: «Академія убѣдилась въ теченіе пяти лѣтъ, съ какимъ прилежаніемъ и успѣхомъ Кашеварова занималась медицинскими науками и какъ неуклонно стремилась къ своей цѣли. Академія допустила Кашеварову къ полулѣкарскому и курсовымъ экзаменамъ и видѣла, что она держала экзамены наряду съ лучшими студентами. Кроме того, въ послѣднемъ курсѣ она напечатала даже одну самостоятельную анатоми-практическую работу, имѣющую неотъемлемое достоинство современно-научнаго труда и показывающую въ ней основательное знакомство съ акушерствомъ и патологической анатоміей. Въ уваженіе такихъ добросовѣстныхъ и усиленныхъ работъ Кашеваровой на поприщѣ медицинскомъ и въ уваженіе къ этой цѣли, мы считаемъ Кашеварову вполне достойной того, чтобы конференція, допустивъ ее къ окончательному экзамену наравнѣ съ студентами, ходатайствовала потомъ передъ высшимъ начальствомъ о дарованіи ей ученаго званія». На этомъ донесеніи министръ Д. И. Милютинъ положилъ резолюцію: «Допустить къ экзамену и дать дипломъ на соответствующую степень, на каковую выдержать—лѣкаря или доктора».

Кашеварова оправдала довѣріе высшаго начальства и прекрасно выдержала выпускной экзаменъ наравнѣ съ лучшими студентами, за что и была удостоена диплома на вторую золотую медаль и признана, въ числѣ 12 человекъ, докторомъ медицины. Однако, когда вскорѣ

послѣ окончанія курса, молоденькая первая въ Россіи женщина-врачъ заявила о своемъ желаніи защитить диссертацию, напечатанную въ «Вирховскомъ Архивѣ» и вошедшую во многія руководства по акушерству, то ей подѣ разными предлогами совѣтовали обождать. Между прочимъ, основаніемъ для такой отсрочки былъ выдвинуть могущій оттого произойти почему-то вредъ для открывшихся уже тогда медицинскихъ курсовъ, разрѣшенныхъ подѣ наименованіемъ «Курсовъ ученыхъ акушерокъ». Защитить диссертацию энергичной пионеркѣ женскаго образованія, извѣстной образованному русскому обществу подѣ двойной фамиліей Кашеваровой-Рудневой (она вышла замужъ за профессора академіи Руднева), удалось лишь въ 1876 году, когда слава ея уже начала меркнуть отъ набѣжавшихъ злыхъ жизненныхъ тучъ. Здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ періодѣ жизни несчастной женщины, когда злоба людская, предразсудки, недоразумѣнія, съ одной стороны, и личные ошибки, съ другой, разбили ея такъ блестяще начатую научную карьеру и не дали ей осуществить завѣтныя мечты молодости. Въ первое же время своего самостоятельнаго періода жизни она испытала полное удовлетвореніе своему самолюбію и женской гордости, и имя ея съ почетомъ произносилось въ передовыхъ кружкахъ петербургскаго общества.

Въ честь окончанія Кашеваровой курса въ академіи былъ данъ у перваго ея руководителя на научномъ поприщѣ, доктора Тарновскаго, обѣдъ, на которомъ въ числѣ многочисленныхъ гостей присутствовали: главный военно-медицинскій инспекторъ Н. Ил. Козловъ, доктора—Сутугинъ, Флоринскій, Рудневъ и другіе члены академіи. За обѣдомъ хозяйка дома, П. Н. Тарновская (дочь Н. И. Козлова), произнесла рѣчь, въ которой, отдавая дань справедливости Кашеваровой, въ то же время выразила сожалѣніе, что остальнымъ женщинамъ, желающимъ слѣдовать по стопамъ виновницы торжества, закрыть къ этому путь.

Послѣ обѣда разговоръ возобновился на тему, задѣтую уже въ застольной рѣчи г-жи Тарновской, и ораторшѣ было замѣчено, что ея заявленіе, будто женщины лишены возможности учиться медицинѣ, не совсѣмъ справедливо, и стоить только молодой хозяйкѣ хорошенько попросить своего отца, главнаго военно-медицинскаго инспектора, чтобы дѣлу высшаго женскаго медицинскаго образованія было дано энергичное и благоприятное движеніе. И дѣйствительно, всѣ присутствовавшіе съ хозяйкой во главѣ обратились съ этимъ ходатайствомъ къ Н. Ил. Козлову и добились отъ него обѣщанія содѣйствовать задуманному дѣлу. Тутъ же гг. Флоринскій и Рудневъ взяли на себя выработку программы для будущихъ медицинскихъ курсовъ. Вотъ на этомъ-то обѣдѣ въ честь г-жи Кашеваровой и былъ данъ толчокъ вопросу объ официальном признаніи правъ женщинъ на высшее медицинское образованіе, и та-

кимъ образомъ положено было основаніе тому учрежденію, которое, послѣ столькихъ перипетій, привѣтствуется въ наши дни подъ наименованіемъ «Женскаго медицинскаго института». Около этого же времени вернулась изъ-за границы г-жа Суслова, окончившая только что курсъ медицинскихъ наукъ въ одномъ изъ европейскихъ университетовъ. И ей разрѣшено было держать экзаменъ при медико-хирургической академіи, которая и предоставила ей дипломъ на званіе женщины-врача. Впослѣдствіи г-жа Суслова составила себѣ прочную извѣстность среди петербургскаго общества, какъ лучшій и опытный врачъ-акушеръ и докторъ по женскимъ болѣзнямъ.

III.

Дальнѣйшее официальное движеніе вопроса о женскомъ образованіи, какъ излагають его «Московскія Вѣдомости» (апрѣль, 1895 г.), было таково. Лица, заинтересованныя въ цѣлесообразной постановкѣ акушерской части и врачебнаго образованія женщинъ, желающихъ посвятить себя повивальному искусству, при обсужденіи этого вопроса, остановились здѣсь на двоякомъ выводѣ: необходимо или предоставить акушерскую дѣятельность исключительно врачамъ, съ требованіемъ отъ нихъ обязательнаго изученія практическаго акушерства, или допустить женщинъ къ общему медицинскому образованію, насколько оно необходимо для полнаго акушерскаго образованія. Обращаясь къ первому положенію, было признано, что вопросъ едва ли когда нибудь можетъ быть разрѣшенъ утвердительно, такъ какъ ни медицинская академія, ни университеты не въ состояніи подготовить достаточнаго числа акушеровъ; что же касается второго положенія, то здѣсь, по мнѣнію специалистовъ, дѣло разрѣшается вполне благополучно, и женщина свободно можетъ быть допущена къ общему медицинскому образованію, такъ какъ она ясно доказала свою способность помогать страждущему, обнаружила свою стойкость, самоотверженность и умѣнье нравственно подчинить себѣ пациента. Признавъ возможнымъ допустить женщинъ къ общему медицинскому образованію, ученые медики рѣшили установить двѣ степени акушерства: а) простой повивальной бабки для служенія въ родовспомогательныхъ учрежденіяхъ, и б) ученой акушерки съ общимъ медицинскимъ образованіемъ, получаемымъ на особыхъ курсахъ, которые могутъ учреждаться какъ при медицинской академіи, такъ и при университетахъ.

Медицинскій совѣтъ, куда былъ представленъ при благосклонномъ содѣйствіи Козлова проектъ частныхъ лицъ о расширеніи правъ ученыхъ акушеровъ, одобрилъ его и указалъ, что, во-первыхъ, на курсы при академіи и университетахъ могутъ быть допускаемы лишь тѣ

женщины, которыя имѣютъ аттестаты изъ гимназій или институтовъ, или которыя выдержатъ испытаніе, соотвѣтственное окончанію полнаго курса въ этихъ заведеніяхъ, и, во-вторыхъ, что врачебно-акушерскій курсъ долженъ продолжаться четыре года, при чемъ для каждаго года былъ указанъ особый циклъ предметовъ преподаванія: женщинамъ, получившимъ степень ученыхъ акушеровъ, согласно мнѣнію совѣта, предполагалось предоставить право самостоятельной, по преимуществу специальной акушерской и гинекологической врачебной практики, а также лѣченіе сифилиса у женщинъ и дѣтей и подаваніе вообще пособій груднымъ дѣтямъ. Послѣ этого по предмету медицинскаго женскаго образованія были опрошены также шесть отечественныхъ университетовъ, и отовсюду получились самыя сочувственные отзывы и мнѣнія. Постановленіе медицинскаго совѣта и отзывы университетовъ были сообщены на заключеніе военнаго министра Д. А. Милютина и встрѣтили въ немъ полное сочувствіе и готовность поддержать дѣло. Отсюда проектъ объ ученыхъ акушеркахъ былъ переданъ на обсужденіе комитета министровъ и слушался въ присутствіи государя императора Александра Николаевича. Въ высочайше утвержденномъ 14-го января 1871 года положеніи комитета министровъ, между прочимъ, значится: «Комитетъ полагалъ: 1) всѣми мѣрами содѣйствовать распространенію и преуспѣванію правильно устроенныхъ отдѣльныхъ для женщинъ курсовъ акушерскихъ наукъ и къ привлеченію на оныя какъ можно болѣе слушательницъ для того, чтобы дать возможно наибольшему числу женщинъ пріискать себѣ акушерскія занятія во всѣхъ частяхъ государства, столь скудно еще надѣленныхъ представительницами этой необходимой врачебной отрасли, и 2) въ виду пользы, приносимой госпитальною дѣятельностью сестеръ милосердія, разрѣшить женщинамъ занятія фельдшерскія и по оспопрививанію, а также аптекарскія въ женскихъ лѣчебныхъ заведеніяхъ».

«Этимъ высочайшимъ повелѣніемъ,—говорятъ «Московскія Вѣдомости»,—кругъ общественной дѣятельности лицъ женскаго пола былъ очерченъ весьма широко, а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшенъ былъ, хотя и косвеннымъ образомъ, и вопросъ о возможности допущенія женщинъ къ высшему медицинскому образованію. Въ первомъ пунктѣ разрѣшалось открытіе отдѣльныхъ курсовъ акушерскихъ наукъ безъ опредѣленія какъ могущихъ преподаваться на нихъ предметовъ, такъ и самаго объема ихъ. Къ этимъ курсамъ возможно было пріурочить тѣ указанія на предметы преподаванія, которыя были сдѣланы въ 1870 г. медицинскимъ совѣтомъ».

Разрѣшенный теоретически въ положительномъ смыслѣ вопросъ о медицинскомъ образованіи женщинъ нуждался только въ практическомъ осуществленіи. И вотъ военный министръ, руководясь съ одной стороны мнѣніемъ медицинскаго департамента, а также

неоднократными заявленіями медицинской академіи о неудовлетворительной подготовкѣ лицъ, являющихся къ испытанію на получение диплома повивальной бабки, испросилъ въ маѣ 1872 г. высочайшее соизволеніе на учрежденіе при медицинской академіи особыхъ курсовъ для образованія ученыхъ акушеровъ, которыя бы были способны подавать самостоятельную помощь въ женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ. Курсъ ученія въ этомъ учрежденіи былъ опредѣленъ 4-хъ-лѣтній и обнималъ собою почти всѣ предметы, которые были установлены медицинскимъ совѣтомъ. «Если принять во вниманіе, что программы преподаванія на курсахъ были весьма приближены къ академическимъ, — говорятъ «Московскія Вѣдомости», — и что изъ этого преподаванія было исключено лишь немного, и при томъ по второстепеннымъ предметамъ, то нельзя не прійти къ заключенію, что и практической вопросъ о женскомъ медицинскомъ образованіи получилъ благоприятное рѣшеніе».

Въ значительной степени скорому осуществленію женскихъ курсовъ содѣйствовало и крупное пожертвованіе г-жи Родственной (нынѣ г-жи Шанявской) въ 50.000 р. на этотъ предметъ.

Первыми пионерками-слушательницами курсовъ записались лица, ѣздившія до тѣхъ поръ учиться въ Финляндію и за границу, затѣмъ женщины, занимавшія уже въ обществѣ видное положеніе: П. Н. Тарновская (дочь Козлова), дочь извѣстнаго адмирала Козакевича и многія другія. «Въ извѣстной части общества приходили въ ужасъ при мысли о томъ, что барышня «du monde» будетъ заниматься рѣзаніемъ «покойниковъ», да еще, пожалуй, мужчинъ, — говоритъ М. Ю. Г., авторъ статьи «Къ исторіи женскихъ медицинскихъ курсовъ» въ «Новостяхъ» (1895 г., № 117), — но понемножку стали привыкать и когда убѣдились, что слушательницы курсовъ ничѣмъ не отличаются отъ всѣхъ женщинъ, что у нихъ не растутъ бороды и усы, что онѣ пьютъ чай изъ чашекъ, а не изъ череповъ, что танцуютъ съ кавалерами, а не со скелетами, то мало-по-малу успокоились. Успокоенію умовъ не мало помогло назначеніе инспектрисой курсовъ М. Г. Ермоловой. Понимая, что въ первое время слушательницѣ должно по возможности избѣгать всякихъ экстравагантностей даже въ костюмахъ, Марія Григорьевна Ермолова требовала, чтобы всѣ слушательницы, у которыхъ были короткіе волосы, носили сѣтки. Разумѣется, эти требованія вызвали вначалѣ нѣкоторый протестъ, юное «фырканье», но, понявъ, въ чемъ тутъ дѣло, сами слушательницы весьма заботливо относились ко всѣмъ мелочамъ, которыя могли бы въ какомъ либо отношеніи повредить «репутаціи курсовъ». Цѣль была достигнута, съ курсами примирились даже свѣтскія дамы, и, какъ говорили злые шутники, въ свѣтѣ «курсы» назывались «pensionnat de m-me Ermoloff».

Выборъ г-жи Ермоловой инспектрисой былъ чрезвычайно удаченъ; женщина крупнаго авторитета, съ большими обществен-

ными связями, она являлась оплотомъ курсовъ противъ всякихъ поползновеній на ихъ благополучное существованіе. Не менѣе удаченъ былъ по своему составу и кружокъ преподавателей, съ самаго начала сгруппировавшійся въ стѣнахъ молодого учебнаго заведенія. Главнѣйшіе изъ нихъ — А. П. Бородинъ, А. Голубевъ, Ландцертъ, Брандтъ, Бобылевъ и другіе. Особенно много силъ положилъ въ дѣло женскаго медицинскаго образованія покойный профессоръ химіи А. П. Бородинъ. «Широко образованный, необыкновенно чуткій, горячій сторонникъ женскаго высшаго образованія, Бородинъ съ самаго начала сумѣлъ стать относительно своихъ слушательницъ въ положеніе чловѣка, къ которому обращались во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ — касались ли они учебныхъ дѣлъ, домашнихъ, семейныхъ или общественныхъ, — говорить уже цитированный авторъ «Новостей». Такъ слушательницы и знали: коли струсася какая бѣда, надо идти къ Бородину: онъ сумѣетъ принять участіе, сумѣетъ посовѣтовать. Въ лабораторіи — маленькой комнатѣ, отведенной для слушательницъ — молодежь чувствовала себя, какъ дома; тутъ, во время работы, раздавалось иногда и пѣніе; тутъ велись часто оживленные разговоры, въ которыхъ Бородинъ принималъ горячее участіе, — и о важности для врача общаго широкаго развитія, и о музыкѣ, однимъ словомъ, обо всемъ, что волновало умы. Какое бы настроеніе ни охватывало слушательницъ, онѣ не забывали своей роли пионерокъ, и всѣ личныя стремленія смолкали передъ сознаніемъ той отвѣтственности, которая лежала на нихъ передъ новымъ дѣломъ».

Быть курсистокъ того времени, ихъ жизнь на дому и на курсахъ, типы этой учащейся молодежи прекрасно изображены г-жею Дмитріевой въ интересной повѣсти «Гомочка» («Сѣверный Вѣстникъ», 1894 г.). Какъ живыя, рисуются передъ нами Орнотова, дѣвушка, вся ушедшая въ науку, будущій «Менделѣевъ въ юбкѣ», какъ въ шутку окрестили ее подруги, и Гомочка, живая, непосредственная натура, съ головой окунувшаяся въ «общественную дѣятельность», и Травкина, замѣчательно красивая и стройная блондинка съ роскошными волосами и прелестными карими глазами, «которыми она немножко играла», только и думающая что о вечеринкахъ, театрѣ, удовольствіяхъ. О, какъ далеки эти правдивые живые портреты, обаятельные своей молодостью, душевною чистотою и непосредственностью отъ тѣхъ каррикатурныхъ изображеній, которыми извѣстная часть печати отталкивала еще не такъ давно общество отъ сочувствія «курсамъ» и курсисткамъ!

Лекціи слушательницамъ читались отдѣльно отъ студентовъ академіи, и вообще оба пола учащихся были строго отдѣлены другъ отъ друга, — свидѣтельствуетъ Я. Абрамовъ въ брошюрѣ «Женскіе врачебные курсы». Для практическихъ занятій слушательницы курсовъ пользовались матеріальными средствами академіи. Съ перехо-

домъ на 3-й курсъ имъ надлежало приступить уже къ практическимъ занятіямъ. Въ этихъ видахъ имъ былъ открытъ доступъ въ дѣтскую больницу принца Ольденбургскаго, въ слѣдующемъ 1875—1876 учебномъ году клиника внутреннихъ болѣзней была устроена въ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, а потомъ преподаваніе внутреннихъ болѣзней было перенесено въ женское отдѣленіе Обуховской больницы. Точно также слушательницы были допущены въ Маринское родовспомогательное заведеніе и въ Калининскую больницу сифилитическихъ и наклонныхъ болѣзней.

Когда слушательницы достигли 4-го курса, и сталъ близиться уже выпускной экзаменъ, то наружу выплылъ естественный вопросъ: нельзя ли замѣнить предоставляемое по уставу окончившимъ курсъ названіе «ученая акушерка» какимъ нибудь инымъ наименованіемъ, такъ какъ первоначально-проектированный титулъ не давалъ обществу достаточнаго понятія объ истинныхъ размѣрахъ медицинскаго образованія слушательницъ. Названіе «врачъ» шло въ разрѣзъ съ убѣжденіемъ, что полный курсъ медицинскихъ наукъ можетъ быть удовлетворительно пройденъ въ 4 учебные года. Тогда явилась мысль о прибавленіи къ имѣющимся уже въ наличности курсамъ еще одного, на подобіе того, какъ это было установлено въ медицинской академіи для студентовъ-медиковъ. Ходатайство по этому предмету было уважено и, по указу императора Александра II, окончившія курсъ удостоивались званія «женщины-врача», и имъ впослѣдствіи предоставлено право носить особый нагрудный ученый знакъ. По высочайшему же повелѣнію съ началомъ 1876—1877 учебнаго года «врачебные курсы» были отдѣлены отъ академіи и переведены въ Николаевскій госпиталь, гдѣ и сдѣланы необходимыя приспособленія для аудиторій, кабинетовъ и лабораторій.

Средства на существованіе курсовъ комплектовались изъ % съ капитала, пожертвованнаго г-жею Родственнойю, и изъ платы за право слушанія лекцій, которая была на первое время опредѣлена въ 50 рублей въ годъ; кромѣ того, та же г-жа Родственная пожертвовала еще 50.000 рублей на текущіе расходы курсовъ. Съ 1877 г. военное министерство назначило курсамъ ежегодную субсидію въ 8.000 рублей, къ которой впослѣдствіи прибавило еще 2.500 рублей на жалованье почетной инспектрисѣ. Кромѣ того, то же министерство выдавало курсамъ и единовременныя пособія, достигшія въ сложности суммы до 13.000 рублей. Доходъ курсовъ достигалъ до 44 тысячъ рублей и являлся достаточнымъ на покрытіе расходовъ въ размѣрѣ той же суммы. Въ 1874 г. основано было «общество для пособія слушательницамъ медицинскихъ и педагогическихъ курсовъ», которое въ теченіе 10 лѣтъ своего существованія израсходовало болѣе 50 тысячъ рублей, при чемъ главный расходъ падалъ на уплату за право слушанія лекцій бѣднѣйшихъ слушательницъ.

Отдѣленные отъ академіи «курсы» получили и новый контингентъ преподавателей и новое начальство. Начальникомъ «курсовъ» былъ назначенъ главный врачъ Николаевского госпиталя, И. А. Вильчковскій, а преподавателями: хирургъ Рейеръ, проф. кievскаго университета Лешъ, проф. Лавдовскій, проф. Сущинскій, проф. Траппъ, д-ръ Кернигъ, д-ръ Раухфусъ, д-ръ Чечоттъ и другіе почтенные дѣятели медицинской науки.

IV.

Первый пятилѣтній циклъ ученія заканчивался въ 1877 г., и тутъ молодое учрежденіе должно было представить доказательства обществу и правительству, что существованіе «курсовъ» основано на истинныхъ потребностяхъ жизни, и что слушательницы «курсовъ» вполне подготовлены къ предстоящей имъ многотрудной дѣятельности. Но событія политической жизни Россіи обнаружили эту подготовленность еще раньше. Начавшаяся въ 1877 г. турецкая война предъявила большой запросъ на лицъ съ медицинскимъ образованіемъ, и «курсы» въ состояніи были выставить не мало добровольныхъ силъ, съ удивительной отвагой и самопожертвованіемъ откликнувшихся на призывъ о врачебной помощи. Такъ 25 слушательницъ, не дождавшись выпускныхъ экзаменовъ, отправились на театръ военныхъ дѣйствій; 20 изъ нихъ—въ дѣйствующую армію, а 5 въ учрежденіе «Краснаго Креста». Самоотверженная дѣятельность курсистокъ заслужила горячую признательность войска, народа и была по достоинству оцѣнена правительствомъ. Вотъ что докладывалъ полевой военно-медицинскій инспекторъ, г. Приселковъ, начальнику штаба дѣйствующей арміи въ своемъ рапортѣ о дѣятельности прибывшихъ изъ Петербурга женщинъ-курсистокъ: «Слушательницы женскихъ врачебныхъ курсовъ, командированныя въ дѣйствующую армію, съ самаго начала кампаніи, при непомѣрномъ рвеніи, сознательномъ пониманіи дѣла, выказали себя съ самой лучшей стороны и доставленною ими хирургическою и терапевтическою помощью въ госпиталяхъ вполне оправдали, въ этомъ первомъ опытѣ, ожиданія высшаго медицинскаго начальства. Самоотверженная работа женскихъ ординаторовъ, среди опасностей и лишеній, среди тифозной болѣзненности, жертвой которой была не одна изъ нихъ, обратила на себя общее вниманіе и, какъ первый примѣръ примѣненія женскаго труда въ военномъ дѣлѣ, заслуживаетъ отличія и поощренія. Посему рѣшаюсь убѣдительно просить ваше высокопревосходительство ходатайствовать передъ его императорскимъ высочествомъ главнокомандующимъ о награжденіи участвовавшихъ въ войнѣ слушательницъ женскихъ врачебныхъ курсовъ, не въ примѣръ другимъ, орденомъ св. Станислава 3-й степени съ мечами, или другимъ знакомъ отличія». Точно также вполне одобри-

тельно отнеслась ясская эвакуаціонная комиссія къ слушательницамъ «курсовъ» и засвидѣтельствовала, что онѣ «во все время служенія исполняли свои обязанности съ рвеніемъ и научнымъ пониманіемъ дѣла и оказали существенную пользу въ дѣлѣ поданія медицинской помощи раненымъ и больнымъ воинамъ». Въ награду за заслуги на театрѣ военныхъ дѣйствій всѣмъ лицамъ женскаго пола, окончившимъ курсъ ученія на «врачебныхъ курсахъ», высочайше дарованъ нагрудный знакъ отличія на право самостоятельной практики, о которомъ уже упоминалось выше. Кромѣ того, нѣкоторымъ изъ обратившихъ на себя особенное вниманіе были дарованы медали на георгіевскихъ лентахъ.

Изъ числа таковыхъ женщинъ-героевъ нельзя не отмѣтить слушательницу курсовъ Софію Ивановну Балботъ. Энергія, мужество и самоотверженность этой молодой особы стоятъ такъ высоко, что о ея дѣятельности бывшіе на войнѣ офицеры и солдаты и о сию пору не могутъ говорить иначе, какъ со слезами умиленія на глазахъ. Она отправилась на театръ военныхъ дѣйствій еще въ періодъ сербской войны и успѣла зарекомендовать себя съ самой лучшей стороны. Выданный ей лестный отзывъ сербскаго министерства былъ въ свое время напечатанъ во многихъ газетахъ. Черезъ годъ мы уже встрѣчаемся съ ней на перевязочныхъ пунктахъ въ Тученицѣ, гдѣ она въ присутствіи многихъ выдающихся медиковъ дѣлаетъ рядъ самыхъ трудныхъ операцій. Вплоть почти до послѣднихъ дней кампаніи она постоянно появляется энергичнымъ и искуснымъ операторомъ, нѣжной и любящей сестрой милосердія то въ тѣхъ, то въ другихъ опасныхъ и трудныхъ пунктахъ—подъ Плевною, въ Зимницѣ, при подвижномъ лазаретѣ 16-й пѣхотной дивизіи. Начальство довѣряетъ ей вполне обязанности отвѣтственнаго военнаго врача, а солдаты видятъ въ ней настоящаго ангела-хранителя. Ея блестящая репутація опытнаго, неутомимаго и ревностнаго хирурга находитъ себѣ достойную оцѣнку во многихъ русскихъ и иностранныхъ органахъ печати. Извѣстность ея достигаетъ и до враговъ, и среди нихъ она скоро завоевываетъ себѣ симпатіи и поклоненіе. Плѣнные турецкіе солдаты и офицеры поднесли ей адресъ, гдѣ было выражено чувство искренней признательности за попеченіе о нихъ. Военно-медицинскій инспекторъ представилъ ее къ ордену св. Станислава, начальникъ осадной артиллеріи къ ордену св. Анны, а «Красный полу-мѣсяцъ» къ турецкому ордену. Но эти представленія не удостоились утвержденія, и г-жа Балботъ вмѣсто нихъ получила свѣтло-бронзовую медаль на Анненской лентѣ и золотую медаль съ надписью «за усердіе» на Георгіевской лентѣ. Впослѣдствіи Софія Ивановна выдвинулась изъ среды корпораціи женщинъ-врачей и своими научными работами и рядомъ удачныхъ операцій, сдѣланныхъ въ больницахъ провинціальныхъ городовъ. Объ этихъ операціяхъ можно найти корреспонденціи въ разныхъ газетахъ.

Но не всё подруги Балботь, приѣхавшія совмѣстно съ ней на театръ войны, достигли счастья улицеврѣть плоды рукъ своихъ и принять заслуженную признательность родной земли. Были и такія, которыя не вернулись обратно на родину и сами погибли въ тяжелыхъ условіяхъ военной жизни. Къ числу таковыхъ относится Варвара Степановна Некрасова, симпатичнѣйшая слушательница «Врачебныхъ курсовъ», талантливая корреспондентка «Русскихъ Вѣдомостей» и «Русской Газеты», скончавшаяся отъ пятнистаго тифа 27-го декабря 1877 года, т. е. въ тотъ же день, какъ и однофамилецъ ея—любимый молодежью поэтъ «мести и печали».

Въ 1877 году наступилъ срокъ перваго выпуска. Совѣтъ преподавателей врачебныхъ курсовъ постановилъ подвергать окончившихъ курсъ слушательницъ одинаковому со студентами экзамену и ходатайствовать о присвоеніи выдержавшимъ соотвѣтствующее испытаніе ученой степени и правъ медицинской практики на общихъ основаніяхъ. Экзамены были произведены черезъ особыя комиссіи изъ преподавателей курсовъ и приглашенныхъ членовъ медицинскаго совѣта и военно-медицинскаго ученаго комитета, а также представителей врачебной науки въ столицѣ. Экзамены прошли блестяще, и присутствовавшіе на нихъ члены медицинскаго совѣта засвидѣтельствовали, что курсистки «дѣйствительно обладаютъ всѣми необходимыми для медицинской практики познаніями».

Вслѣдствіе представленія медицинскаго совѣта министръ внутреннихъ дѣлъ вошелъ съ высочайшимъ докладомъ о разрѣшеніи выдержавшимъ испытаніе слушательницамъ курсовъ врачебной практики въ городскихъ, земскихъ и другихъ общественныхъ учрежденіяхъ. 6-го апрѣля 1879 года по настоящему предмету состоялось высочайшее повелѣніе, предоставившее министру испрашиваемое право.

Одновременно съ этимъ шли и не прекращавшіяся занятія особой учрежденной комиссіи «по вопросу о женскихъ врачебныхъ курсахъ, медицинскомъ образованіи и правахъ медицинской практики женщинъ». Комиссія пришла къ заключенію, что врачебные курсы «должны быть и на будущее время сохранены въ ихъ настоящемъ видѣ», и что надлежитъ законодательнымъ порядкомъ установить права медицинской практики для получившихъ на женскихъ врачебныхъ курсахъ образованіе.

Что касается жизни курсовъ въ періодъ времени съ 1877 г., то она текла обычнымъ порядкомъ, не рождая никакихъ аномальностей и не представляя серьезныхъ поводовъ къ нареканіямъ и злословію недруговъ. Приемные экзамены въ интересахъ дѣла производились чрезвычайно строго, и на курсы принимался, такъ сказать, цвѣтъ молодежи. Такъ, за время съ 1872—1881 гг. на приемные экзамены явилось 1 309 женщинъ, и изъ нихъ принято только 959, а именно тѣ,

которыя получили наивысшія отмѣтки. Къ апрѣлю 1882 года окончившихъ полный 5-ти лѣтній курсъ было 281, учащихъ на курсахъ въ это время было 434. Относительно окончившихъ курсъ къ 1882 г. имѣлись слѣдующія данныя о 185 лицахъ по распредѣленію ихъ на мѣстахъ службы. Въ земствѣ служило—62; состояли при клиникахъ и больницахъ—54, занимались частной практикой—46, состояли ординаторами и ассистентками при женскихъ врачебныхъ курсахъ—12, не занимались практикой—7, умерло—4. Изъ этихъ данныхъ мы видимъ, что главный % окончившихъ полный курсъ слушательницъ оказался на службѣ въ земствѣ, которое высоко цѣнило воспитанницъ «врачебныхъ курсовъ» и давало о ихъ практической дѣятельности всегда самые лестные отзывы. Въ брошюрѣ профессора Сущинскаго «Женщина-врачъ въ Россіи» собранъ по этому предмету чрезвычайно любопытный матеріаль. Наиболѣе существеннымъ выраженіемъ симпатій земства молодому институту женщинъ-врачей явилось образованіе при «курсахъ» до 35 стипендій, за которыя получающія ихъ во время прохожденія курса слушательницы обязывались впослѣдствіи прослужить земству извѣстные сроки. Кроме того, земскія собранія неоднократно заявляли, что предпочитаютъ имѣть въ уѣздахъ для сельскаго населенія женщинъ-врачей. Равнымъ образомъ и корреспонденты газетъ всегда свидѣтельствовали о блестящихъ успѣхахъ, достигнутыхъ при часто трудныхъ условіяхъ женщинами-врачами въ ихъ борьбѣ съ невѣжествомъ, предразсудками и недовѣріемъ простого народа къ людямъ науки.

Изъ той же брошюры профессора Сущинскаго мы видимъ, что медицинская литература не могла пожаловаться и на недостатокъ серьезныхъ научныхъ работъ женщинъ-врачей. Здѣсь, между прочимъ, указано болѣе 30 ученыхъ статей, принадлежащихъ женскому перу и напечатанныхъ въ разныхъ спеціальныхъ изданіяхъ.

Счастливыя условія существованія «курсовъ» продолжались недолго, и въ 1882 году вопросъ о «курсахъ» получаетъ роковую для нихъ развязку. Военный министръ, сочувствуя вполне дѣлу вышшаго женскаго образованія, обратилъ, однако, вниманіе на ненормальность существованія «курсовъ» именно при военномъ министерствѣ, преслѣдующемъ цѣли, имѣющія очень мало общаго съ вопросомъ о женскомъ просвѣщеніи. Исходя изъ этихъ соображеній, военный министръ вошелъ въ сношеніе съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, предлагая имъ принять въ свое вѣдѣніе «курсы», при чемъ обязывался производить изъ своихъ суммъ воспособленіе «курсамъ» въ размѣрѣ 8.200 рублей въ годъ, но означенныя вѣдомства отклонили отъ себя предложеніе военнаго министерства, и «врачебнымъ курсамъ» начала грозить опасность закрытія. Тогда совѣтъ «курсовъ» вошелъ въ сношеніе съ с.-петербургскимъ городскимъ управленіемъ, пред-

лагая ему принять въ свое завѣдываніе погибающее ученое учрежденіе. Дума отнеслась къ вопросу сочувственно, изъявила согласіе ассигновать на ихъ содержаніе ежегодно по 15.000 рублей, но поставила переходъ «курсовъ» въ вѣдѣніе города въ зависимость отъ передачи городскому управленію городскихъ больницъ, ибо безъ таковой передачи городъ не могъ предоставить курсамъ необходимаго клиническаго матеріала; но такъ какъ передача больницъ состоялась много позднѣе, то и о переходѣ курсовъ въ вѣдѣніе города не могло быть рѣчи.

Съ 6-го августа 1882 г. по высочайшему повелѣнію приѣмъ на «курсы» былъ прекращенъ, но состоящимъ при курсахъ слушательницамъ предоставлено право окончить полное медицинское образованіе. Основываясь на 3 пунктѣ высочайшаго повелѣнія, гдѣ было сказано: «если въ теченіе времени существованія женскихъ врачебныхъ курсовъ, т. е. до выпуска послѣдняго пятаго курса, представится возможность перехода ихъ изъ Петербургскаго Николаевскаго военнаго госпиталя въ какое либо другое учрежденіе, то передать въ это учрежденіе учебные кабинеты курсовъ, со всѣмъ принадлежащимъ имъ имуществомъ», г. Абрамовъ видитъ въ этихъ словахъ не стремленіе закрыть «курсы», но только упраздненіе ихъ при Николаевскомъ госпиталѣ. И дѣйствительно, предположеніе почтеннаго писателя оправдалось въ наши дни, но тѣмъ не менѣе фактическое несуществованіе «курсовъ» продолжается болѣе 10 лѣтъ.

Въ теченіе всего этого времени русское общество, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, продолжало изыскивать средства къ тому, чтобы воскресить обреченное на гибель симпатичное и полезное учрежденіе. Въ этихъ видахъ, производились обширныя пожертвованія, долженствовавшія обезпечить матеріальный бытъ будущихъ «курсовъ»; эти пожертвованія достигли къ настоящему времени огромнаго капитала въ 576.490 руб. 3 коп., къ которому еще необходимо присоединить обязательства частныхъ лицъ на 173.000 рублей. Кромѣ того, представители литературы и науки не упускали случая постоянно настаивать на необходимости скорѣйшаго воскрешенія «курсовъ». По этому предмету и въ повременной печати и отдѣльными брошюрами напечатано не мало трудовъ, гдѣ сгруппированы данныя, говорящія краснорѣчиво въ защиту женскаго медицинскаго образованія и указывающія на пользу, приносимую женщинами-врачами въ городахъ и селахъ, въ частной практикѣ и на общественной службѣ, и, кромѣ того, представлены солидные аргументы, опровергающіе доводы противниковъ женскаго врачебнаго сословія.

Къ числу наиболѣе сильныхъ противниковъ, т. е. сильныхъ не своими доказательствами и доводами, а положеніемъ, занимаемымъ въ обществѣ и по службѣ, слѣдуетъ отнести г. Мамонова, медицинскаго ин-

спектора министерства внутренних дѣлъ, выпустившаго въ началѣ 1880-хъ годовъ брошюру, гдѣ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ обрисованы были плоды женскаго медицинскаго образованія. Брошюра эта въ значительной степени оказала регрессивное давленіе на вопросъ о женскихъ курсахъ. Какъ бы отвѣтомъ г. Мамонову послужила брошюра профессора Сущинскаго, доказавшая, что Мамоновъ отнесся къ фактамъ чрезвычайно пристрастно и съ предвзятымъ убѣжденіемъ. Вторымъ камнемъ, брошеннымъ злобною рукою въ «курсы», была напечатанная въ майской книжкѣ за 1889 г. «Вѣстника общественной гигиены, судебной и практической медицины» статья д-ра К. Толстого, гдѣ голословно и легкомысленно было произнесено сужденіе о женскомъ медицинскомъ образованіи и значеніи дѣятельности женщины въ роли врача. Отвѣты д-ру К. Толстому были сдѣланы Д. Жбанковымъ и Василиемъ С-вичемъ и изданы отдѣльными брошюрами.

Главнымъ, однако, оружіемъ борьбы съ противниками женскаго медицинскаго образованія служилъ въ рукахъ его поборниковъ, конечно, тотъ фактическій матеріалъ, который добывается изъ самой жизни. Въ настоящемъ случаѣ матеріала этого собрано достаточно, чтобъ получить любопытные выводы о достоинствахъ работы женщинъ на врачебномъ поприщѣ. Такъ, изъ отчета «с.-петербургской городской комиссіи общественнаго здравія» за 1881—1885 гг. мы узнаемъ, что городская дума держитъ у себя на службѣ 13 врачей-женщинъ изъ числа 25 врачей для безмездной помощи населенію столицы. Исключая изъ этихъ цифръ 6 врачей-женщинъ, специально занятыхъ, на примѣръ, въ 1883—1884 гг., дѣломъ помощи ученикамъ и ученицамъ городскихъ начальныхъ школъ, мы получаемъ данныя о дѣятельности 7 женщинъ и 12 мужчинъ. Изъ сравненія этихъ данныхъ выясняется, что женщины-врачи оказали помощь въ 1,28 болшему числу больныхъ и сдѣлали отдѣльныхъ случаевъ помощи въ 1,44 раза болѣе, чѣмъ врачи-мужчины. Эта разница съ годами увеличивается, и практика женщинъ много превосходитъ таковую же ихъ товарищей-мужчинъ. Больные, пользующіеся помощью думскихъ врачей, оказываются, охотнѣе идутъ вторично въ амбулаторію женщинъ-врачей, нежели врачей-мужчинъ, а это объясняется тѣмъ, что женщины легче пріохочиваютъ населеніе обращаться къ медицинской помощи, нежели ихъ собратья. Точно также женщины-врачи посѣщаютъ своихъ пациентовъ на дому чаще, чѣмъ мужчины-врачи. Комбинируя далѣе на всевозможные лады статистическія данныя думской комиссіи общественнаго здравія, мы приходимъ къ знаменательному выводу, формулированному г. Абрамовымъ такъ: «образованіе каждой женщины-врача приноситъ болѣе пользы обществу и потому желательнѣе съ общечеловѣческой точки зрѣнія, чѣмъ образованіе мужчины-врача». Въ фактѣ превосходства городской практики женщинъ надъ муж-

чинами играютъ немалую роль внимательность, любовность и аккуратность, которую оказываютъ врачи изъ женщинъ въ отношеніи дѣтей и матерей своихъ паціентовъ. Чрезвычайно любопытными иллюстраціями къ дѣятельности думскаго женщины-врача служатъ очерки, напечатанные въ «Вѣстникѣ Европы» за 1894 г.: «Картинки съ натуры. Изъ памятной книжки дѣтскаго врача»—А. Ш-вой и «По визитамъ. День думскаго женщины-врача въ С.-Петербургѣ»—Е. Сланской. Здѣсь, въ обоихъ произведеніяхъ, передъ читателемъ ярко обрисовывается трудовая жизнь женщины-врача, тяжелыя условія ея существованія въ смыслѣ громаднаго количества лежащей на ней работы и отвѣтственности, разнообразія положеній, въ которыя она бываетъ поставлена людьми и нуждою; и при всемъ этомъ диву даешься, когда видишь, сколько любви, энергіи и силъ кладетъ эта такъ называемая «слабая половина рода человѣческаго» въ принятое на себя дѣло. Позволю себѣ рекомендовать читателямъ эти очерки, особенно послѣдній, если они пожелають познакомиться не только на основаніи отвлеченныхъ разсужденій или сухого статистическаго матеріала, но и съ живымъ изображеніемъ дѣятельности городскихъ женщинъ-врачей. Можетъ быть, возразятъ, что, вѣдь, эти очерки писаны рукою пристрастною, рукою женщинъ, заинтересованныхъ въ томъ, чтобъ показать товаръ лицомъ. Тогда я укажу скептикамъ на иное произведеніе уже незаинтересованнаго въ этомъ вопросѣ писателя. Разсказъ «Клавдія Михайловна» г. Потапенко въ «Русской Мысли» за текущій годъ имѣетъ своимъ содержаніемъ тоже дѣятельность и жизнь женщины-врача, правда, не думскаго практиканта, но, тѣмъ не менѣе, имѣющей однородное примѣненіе своимъ знаніямъ. Авторъ влагаетъ въ уста своихъ героевъ и Стратанова и Оболонской рѣчи, прекрасно иллюстрирующія разницу между дѣятельностью мужчинъ и женщинъ и мѣтко обрисовывающія тѣ условія, среди которыхъ ведетъ женщина свою борьбу за существованіе.

Стратановъ говоритъ: «Въ томъ-то и дѣло, что вы слабѣе насъ... Въ этомъ вся суть. Но ваши силы крѣпнуть, вы становитесь богатырями, когда видите передъ собою страданіе, когда отъ васъ зависитъ спасеніе человѣческой жизни. Вы, пожалуй, эгоисты больше, чѣмъ мы, пока никому не нужно ваше участіе; но какъ только является въ немъ необходимость, вы становитесь самоотверженными подвижниками. Вы умѣете любить жизнь, вы умѣете наслаждаться ея здоровыми благами, вы умѣете быть и кокетливой, и изящной, вы умѣете быть женщиной со всѣми ея слабостями, но за то никто такъ, какъ вы, не способенъ презрѣть личное благо, отвергнуть и забыть все свое и стать человѣкомъ въ самомъ высокомъ значеніи слова, когда передъ вами стоятъ ближніе». Въ той же бесѣдѣ съ Стратановымъ женщина-врачъ Оболонская такъ характеризуетъ положеніе трудящейся женщины на общественномъ

поприщѣ. «Въ то время, какъ вы идете спокойно и мирно подѣ крылышками закона, получая стипендіи и поощреніе,—говорить она,—мы должны отстаивать грудью каждый день своего существованія. Учась, мы добываемъ хлѣбъ, что для женщины очень трудно и за границей, да и здѣсь не легко; отдавая всѣ силы ученію, откладывая на послѣ удовлетвореніе всѣхъ требованій молодости, которая хочетъ и веселиться, и любить, мы въ то же время рискуемъ всею нашею жизнью, потому что не знаемъ, добьемся ли права приложить наши знанія на родинѣ. Наконецъ мы получили это право, и начинается новая борьба. Въ то время, какъ вамъ стоитъ только назваться врачомъ, чтобъ вамъ вѣрили а priori, намъ приходится приучать къ себѣ каждого пациента. Вашу жизнь устраиваетъ традиція, а намъ приходится создавать ее отъ начала до конца».

И сами женщины-врачи, помимо своей практической дѣятельности, были озабочены упорядоченіемъ своей внутренней жизни и организаціей матеріальной помощи своему сословію. Въ этихъ видахъ учреждено было «Общество взаимной помощи женщинъ-врачей», обладающее въ настоящее время порядочными достатками и проявившее уже свою жизненность и полезность.

Статистическія и спеціальныя изслѣдованія показали, что значеніе женщины-врача въ деревнѣ и провинціи вообще незамѣнимо. На бывшемъ въ концѣ 1880-хъ годовъ въ Петербургѣ съѣздѣ врачей докторъ Уваровъ засвидѣтельствовалъ, и съѣздъ подтвердилъ это своимъ авторитетомъ, что въ сельской практикѣ мужчинъ врачу невозможно получить толковыхъ свѣдѣній отъ пациентокъ-женщинъ, благодаря чему послѣднія остаются безъ медицинской помощи. Равнымъ образомъ на томъ же съѣздѣ было доказано, что женщины-врачи являются могучими борцами противъ распространенія проституціи и сифилиса въ деревнѣ. Значеніе ихъ также немаловажно въ мѣстностяхъ, заселенныхъ преимущественно мусульманскимъ населеніемъ, каковы Крымъ, Кавказъ, Зауралье, Туркестанскій край и т. п. Магометане уже сознали всѣ благотворныя послѣдствія нахожденія среди нихъ женщинъ-врачей. Поэтому отъ времени до времени мусульманское населеніе и ходатайствуетъ передъ высшими инстанціями объ учрежденіи въ мѣстахъ ихъ осѣдлости должностей изъ состава женщинъ-медиковъ.

Положеніе женщины-врача особенно привлекаетъ къ себѣ вниманіе въ учебныхъ женскихъ заведеніяхъ, гдѣ часто подростки, стѣсняясь обращаться къ докторамъ, тѣмъ самымъ лишены возможности устранять многія слабыя стороны въ своемъ воспитаніи.

Кромѣ собранія пожертвованій, печатанія научныхъ статей и теоретическаго обсужденія постановки у насъ врачебнаго дѣла, разные частныя кружки, составившіеся преимущественно изъ дамъ, а также отдѣльныя лица не упускали случая поставить на оче-

редь вопросъ о призваніи къ жизни закрытыхъ «женскихъ учебныхъ курсовъ».

Такъ просвѣщенный и энергичный гласный с.-петербургской думы, Н. А. Нечаевъ, въ засѣданіи 18-го декабря 1885 года внесъ заявленіе, въ которомъ предложилъ думѣ возбудить ходатайство о передачѣ женскихъ учебныхъ курсовъ въ вѣдѣніе столичнаго управленія, при чемъ напомнилъ своимъ товарищамъ о сдѣланномъ ими постановленіи по этому предмету въ 1882 году. Указывая на то, что всѣ городскія больницы уже переданы городу, г. Нечаевъ справедливо находилъ, что въ настоящее время уничтожено препятствіе, существовавшее четыре года тому назадъ и помѣшавшее принятію городскимъ общественнымъ управленіемъ «курсовъ» въ свое вѣдѣніе; при этомъ почтенный ораторъ подробно нарисовалъ картину возникновенія «курсовъ», исторію ихъ развитія и, наконецъ, закрытія, указалъ на заслуги женщинъ-врачей передъ русскимъ обществомъ и съ цифрами въ рукахъ доказалъ собранію, что принятіе на себя городомъ хозяйства «курсовъ» не ляжетъ бременемъ на городскую казну. Дума, отнесясь сочувственно къ предложенію г. Нечаева, передала его на заключеніе управы. Вскорѣ состоялось соединенное засѣданіе управы и комиссіи общаго здоровья, при участіи преподавателей женскихъ учебныхъ курсовъ и гласнаго Н. А. Нечаева. На этомъ засѣданіи не было признано возможнымъ принятіе городомъ въ свое вѣдѣніе «курсовъ», однако, все же было установлено, что городъ долженъ участвовать въ матеріальной поддержкѣ ученаго разсадника женщинъ-врачей. Эта поддержка, по мнѣнію присутствія, должна выражаться: 1) отпускомъ ежегодной субсидіи въ размѣрѣ 15.000 рублей, какъ это уже и было обѣщано думой еще въ 1882 году; 2) предоставленіемъ въ распоряженіе курсовъ Потемкинскаго дома при Александровской больницѣ для чернорабочихъ съ тѣмъ, чтобы взаимѣнъ этого дома на средства «курсовъ» были устроены въ имѣющемъ быть указанномъ мѣстѣ соотвѣтствующія помѣщенія, а издержки на этотъ предметъ были бы постепенно покрываемы упомянутою субсидіею, и чтобы приспособленія, ремонтъ и содержаніе уступаемаго «курсамъ» Потемкинскаго дома производились на средства «курсовъ»; 3) предоставленіемъ курсисткамъ права практическихъ занятій во всѣхъ городскихъ больницахъ, съ тѣмъ, чтобы преподаватели клиническихъ предметовъ избирались изъ врачей той больницы, въ которой данный предметъ будетъ преподаваемъ, и чтобы слушательницы 5-го курса, распределенныя по больницамъ, занимались дѣломъ врачеванія и ухода за больными безъ всякаго за то вознагражденія со стороны городского управленія, а также 4) ходатайствомъ въ установленномъ порядкѣ о дальнѣйшемъ существованіи курсовъ.

Одновременно съ частными обществами и отдѣльными предста-

вителями интеллигенціи вопросъ о способахъ и средствахъ возрожденія бывшихъ «врачебныхъ курсовъ» продолжалъ озабочивать и правящія сферы. Уже черезъ два съ половиною мѣсяца послѣ распоряженія о прекращеніи приѣма на «курсы» состоялось высочайшее повелѣніе о разсмотрѣніи особымъ совѣщаніемъ министровъ вопроса о высшемъ врачебномъ образованіи женщинъ, а высочайшимъ повелѣніемъ отъ 4-го января 1883 года все дѣло разработки вопроса о «курсахъ» передано министерству народнаго просвѣщенія. Слишкомъ двѣнадцать лѣтъ потратило названное министерство на выясненіе всѣхъ деталей вопроса о женскомъ медицинскомъ образованіи, на мобилизацію необходимыхъ частныхъ средствъ (частныхъ, а не казенныхъ, такъ какъ въ принципѣ, а priori, было рѣшено, чтобъ существованіе будущихъ «курсовъ» не состояло ни въ какой зависимости отъ казны и не ложилось на послѣднюю какимъ либо бременемъ).

Наконецъ, комиссія при министерствѣ народнаго просвѣщенія выработала послѣ многократныхъ сношеній съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ слѣдующія главныя основанія, вошедшія въ проектъ о С.-Петербургскомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ¹⁾.

Институтъ согласно проекту имѣеть цѣлью доставлять лицамъ женскаго пола медицинское образованіе, преимущественно приспособленное къ акушерской дѣятельности и къ лѣченію женскихъ и дѣтскихъ болѣзней; при немъ полагается интернатъ для неимѣющихъ возможности жить при родителяхъ и близкихъ родственникахъ; институтъ содержится на частныя средства; управленіе его состоитъ изъ директора, совѣта преподавателей, правленія, попечительнаго комитета, инспектрисы и ея помощницъ; директоръ назначается изъ числа профессоровъ-медиковъ и преподаетъ одинъ изъ предметовъ; преподавателями назначаются лица, имѣющія право на преподаваніе медицинскихъ наукъ въ университетахъ и равныхъ съ ними высшихъ медицинскихъ учебныхъ заведеній, и руководство клиническими занятіями возлагается преимущественно на главныхъ и старшихъ врачей больницъ; служащіе въ институтѣ по учебной части пользуются всѣми правами государственной службы, кромѣ права на полученіе пенсіи изъ казны. Въ слушательницы принимаются лица христіанскаго исповѣданія не моложе двадцати и не старѣе тридцати пяти лѣтъ. Комплектъ ихъ опредѣляется министерствомъ народнаго просвѣщенія. Лица, окончившія полный курсъ женскихъ гимназій и другихъ равныхъ съ ними женскихъ учебныхъ заведеній, принимаются на курсы послѣ испытанія въ мужскихъ гимназіяхъ изъ обоихъ

---

¹⁾ Изложеніе основаній беру изъ «Московскихъ Вѣдомостей», гдѣ вся исторія возрожденія курсовъ сообщается, повидимому, по источникамъ официальнаго характера.

древнихъ языковъ въ объемѣ гимназическаго курса, а окончившія курсы на с.-петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ, по выдержаніи тамъ же установленнаго испытанія по латинскому и греческому языкамъ, а также лица, получившія аттестаты зрѣлости отъ женскихъ гимназій, которымъ предоставлено право выдавать таковыя, принимаются въ институтъ безъ экзамена. Въ институтѣ будутъ преподаваться слѣдующіе предметы: а) анатомія; б) нормальная гистологія и эмбриологія; в) физиологія; г) общая патологія; д) частная патологія, терапия, врачебная діагностика и медицинская химія; е) химія органическая и неорганическая; ж) физика; з) минералогія, ботаника и зоологія (съ сравнительной анатоміей); и) фармакогнозія и фармація; і) фармакологія съ рецептурой, токсикологія и ученіе о минеральныхъ водахъ и водолѣченіи; к) патологическая анатомія съ патологическою гистологіей; л) акушерство (съ клиниками); м) женскія болѣзни (съ клиниками); н) дѣтскія болѣзни (съ клиниками); о) гигиена; п) хирургія съ десмургіей; р) оперативное акушерство (въ акушерской и гинекологической клиникахъ); с) сифилидологія и дерматологія (съ клиниками); т) офтальмологія (съ клиниками); у) нервныя и душевныя болѣзни (съ клиниками).

Курсъ преподаванія продолжается 4 года и распредѣляется на 8 полугодій¹⁾. Зачетъ полугодій, полукурсовыхъ и окончательныхъ испытанія производятся на одинаковыхъ основаніяхъ съ медицинскими факультетами, при чемъ общій медицинскій курсъ зачитывается за 8 полугодій, а время, проведенное въ практическихъ занятіяхъ, за девятое и десятое полугодія. Окончившимъ курсъ института предположено выдавать дипломъ на званіе «женщина-врачъ», предоставляющій имъ: а) право повсемѣстной свободной практики; б) въ качествѣ специалистовъ по женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ, занимать повсемѣстно должности врачей при женскихъ учебныхъ, воспитательныхъ и богоугодныхъ заведеніяхъ, а равно при женскихъ и дѣтскихъ больницахъ и родовспомогательныхъ заведеніяхъ, и в) право быть допускаемыми къ завѣдыванію земскими медицинскими участками, сельскими больницами и пріемными покоями. Въ кругъ дѣятельности женщинъ-врачей не входитъ завѣдываніе общими больницами въ городахъ и дежурство въ нихъ, а также обязанности врачей въ присутствіяхъ по воинской повинности и производство судебно-медицинской экспертизы по требованію судебныхъ учреждений. Наконецъ, при институтѣ можетъ быть учрежденъ особый курсъ для приготовленія лицъ женскаго пола къ фармацевтической дѣятельности.

¹⁾ По окончаніи общаго медицинскаго образованія, слушательницы обязаны отъ одного года до трехъ лѣтъ заниматься практикой въ родовспомогательныхъ заведеніяхъ и специальныхъ больницахъ и клиникахъ женскихъ и дѣтскихъ.

Въ 1891 году представленіе объ открытіи женскаго медицинскаго института было внесено на разсмотрѣніе въ государственнѣйшій совѣтъ, который, соглашаясь въ принципѣ съ предположеніемъ министерства о пользѣ учрежденія женскаго медицинскаго института, тѣмъ не менѣе, находилъ, что учрежденіе его не вызывается государственною необходимостью, а потому должно быть поставлено въ зависимость отъ тѣхъ средствъ, которыя на этотъ предметъ будутъ собраны изъ частныхъ пожертвованій. По этимъ соображеніямъ, 3-го февраля 1892 года послѣдовало высочайшее повелѣніе, которымъ предоставлялось министру народнаго просвѣщенія право внести уставъ женскаго медицинскаго института въ государственный совѣтъ, когда, во-первыхъ, составлена будетъ полная и точная смѣта всѣхъ расходовъ, потребныхъ на матеріальное устройство института и на его содержаніе въ нормальномъ составѣ, и, во-вторыхъ, когда, соотвѣтственно съ этою смѣтой, образуется изъ частныхъ пожертвованій сумма, достаточная для покрытія расходовъ.

Во исполненіе означеннаго высочайшаго повелѣнія, при министерствѣ народнаго просвѣщенія было, подъ предсѣдательствомъ графа И. Д. Делянова, особое совѣщаніе, которое разсмотрѣло сдѣланный специалистами медиками и архитекторами, при ближайшемъ участіи доктора В. М. Тарновскаго, подробный расчетъ всѣхъ предстоящихъ расходовъ, при чемъ на устройство зданія на землѣ, уступаемой с.-петербургскимъ городскимъ обществомъ при Обуховской женской больницѣ, и первоначальное обзаведеніе института исчислено 220.238 рублей и на его содержаніе 63.000 рублей въ годъ.

На покрытіе этихъ расходовъ имѣется: 1) обязательство с.-петербургской городской думы о ежегодномъ отпускѣ по 15.000 рублей; 2) пожертвованныхъ капиталовъ: а) въ министерствѣ народнаго просвѣщенія 120.859 рублей, преимущественно пожертвованныхъ Л. А. Шанявскою, рожденною Родственною, и А. Л. Шанявскимъ; б) въ с.-петербургской городской думѣ 192.429 рублей; в) въ военно-медицинскомъ управленіи 77.487 рублей; д) отчислено по завѣщанію подполковника Берха 185.715 рублей, всего 576.490 рублей, и 3) обязательствъ частныхъ лицъ на 173.000 рублей, по коимъ предвидится ежегодныхъ поступленій по 17.300 рублей въ годъ (въ теченіе 10 лѣтъ).

Производя изъ этой суммы отпускъ денегъ по третямъ на постройку зданій и первоначальное обзаведеніе и начисляя на остальную сумму лишь 4%, министерство, за израсходованіемъ 223.870 рублей на постройку, будетъ имѣть въ остаткѣ къ январю 1897 года 387.000 рублей, а къ июлю того же года, когда можно приступить къ открытію института—397.740 рублей.

Проектъ министерства народнаго просвѣщенія слушался въ засѣданіи государственнаго совѣта 22-го апрѣля сего года и былъ принятъ почти цѣликомъ. Только нѣкоторыя стороны этого проекта вызвали оживленные пренія, какъ, на примѣръ, о необходимости испытанія по обоимъ древнимъ языкамъ при поступленіи въ институтъ. Этотъ пунктъ встрѣтилъ оппозицію въ государственномъ совѣтѣ, и было справедливо замѣчено, что знаніе, на примѣръ, греческаго языка не имѣетъ никакого значенія для врачебной практики. Однако, большинство на этомъ засѣданіи высказалось за сохраненіе изученія этого древняго языка. По мнѣнію «Недѣли», въ данномъ случаѣ членами государственнаго совѣта руководилъ принципъ справедливости и желаніе приравнять повинности, наложенныя и на мужчинъ и на женщинъ.

Кромѣ того, совѣтъ обратилъ вниманіе и на отсутствіе въ представленной программѣ преподаванія курсовъ ушныхъ и горловыхъ болѣзней, вслѣдствіе чего и было постановлено предоставить министру народнаго просвѣщенія выдѣлять изъ перечисленныхъ въ программѣ предметовъ преподаванія особыя кафедры по мѣрѣ надобности и по мѣрѣ развитія средствъ института; равнымъ образомъ расширена и компетенція женщинъ-врачей въ отношеніи къ производству судебно-медицинской экспертизы, по требованію судебныхныхъ учрежденій; подробности же, когда именно женщина врачъ можетъ производить означенную экспертизу, поручено выработать министерству народнаго просвѣщенія.

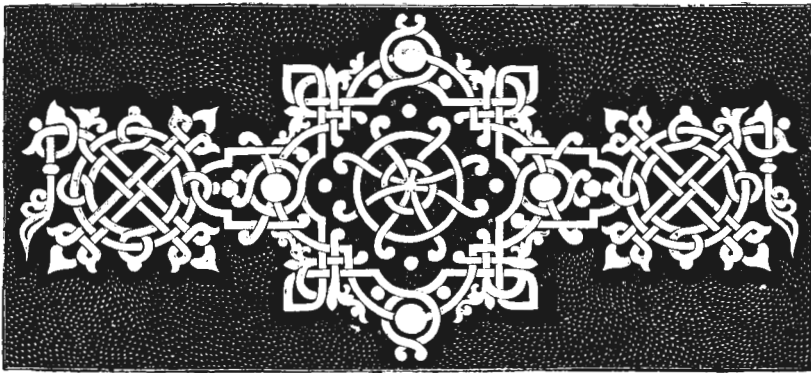
Къ сожалѣнію, женщины оказались устраненными отъ завѣдыванія больницами. Этотъ пробѣлъ въ ихъ правахъ можетъ вредно отозваться на провинціи, гдѣ сплошь и рядомъ мужской врачебный персоналъ могъ бы съ величайшимъ успѣхомъ для дѣла быть замѣненъ энергичными и трудолюбивыми женщинами-врачами. По всей вѣроятности, тогда разныя «палаты № 6» являлись бы очень рѣдкимъ исключеніемъ въ жизни!

Высшее государственное учрежденіе, одобливъ проектъ министерства народнаго просвѣщенія, разсѣяло тѣ тревожныя сомнѣнія, которыя подчасъ овладѣвали русскимъ обществомъ, когда заходила рѣчь, быть или не быть въ нашемъ отечествѣ высшему медицинскому учебному заведенію для женщинъ. Такое сочувствіе и правительственныхъ органовъ, и частныхъ лицъ къ симпатичному стремленію интеллигентныхъ женщинъ посвятить свои силы на служеніе страждущему человѣчеству налагаетъ на нихъ нравственное обязательство употребить всѣ силы, чтобы, подобно ихъ предшественницамъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, оправдать возлагаемыя на нихъ надежды и упованія. И нѣтъ сомнѣнія, что такъ и сбудется: русская женщина уже доказала достаточно на протяженіи всей исторической жизни свое умѣнье служить ближнему и мужественно, съ терпѣніемъ и любовью осуществлять

тѣ доблестные подвиги, которые, по мнѣнію поэта, выше подвиговъ, проявляющихся въ сраженіяхъ и грубой борьбѣ. Въ поддержкѣ нравственной и матеріальной онѣ, конечно, недостатка не ощутятъ, и предстоящій имъ тяжелый жизненный путь будетъ постоянно освящаемъ неугасаемымъ свѣтомъ общей любви и горячей признательности.

Б. Глинскій.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ПЕЧАТНАГО ДѢЛА ВЪ РОССИИ.

ПЕРВАЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ ВЫСТАВКА печатнаго дѣла, устроенная подъ покровительствомъ великаго князя Константина Константиновича, императорскимъ русскимъ техническимъ обществомъ, въ матеріальномъ отношеніи, повидимому, не оправдаетъ возлагавшихся на нее надеждъ. Съ 20-го февраля, дня открытія выставки для публики, и по 23-е апрѣля ее посѣтило всего 26.959 человѣкъ, съ которыхъ получено входной платы 10.135 рублей 61 коп. Въ маѣ число посѣтителей настолько уменьшилось, что появился настойчивый слухъ о закрытіи выставки раньше назначеннаго срока — 15-го іюня. Оправдается онъ или нѣтъ — безразлично: несомнѣнъ фактъ, что наше общество, считающее себя интеллигентнымъ, утверждающее, что ему дороги интересы печати, и говорящее, что оно не можетъ обойтись безъ произведеній печатнаго станка, — отнеслось къ выставкѣ совершенно равнодушно и воочію доказало, какъ неглубоки его сочувствія.

Не помогла успѣху выставки и благотворительно-просвѣтительная цѣль ея устройства — представить наглядную картину возникновенія печатнаго дѣла, постепеннаго его развитія и, главнымъ образомъ, современнаго состоянія въ Россіи, съ одной стороны, а съ другой — собрать необходимыя средства для расширенія и развитія школы

печатнаго дѣла, учрежденной 11 лѣтъ тому назадъ, благодаря содѣйствію владѣльцевъ петербургскихъ типографій, комиссіею по техническому образованію при императорскомъ русскомъ техническомъ обществѣ. За покрытіемъ значительныхъ расходовъ по устройству выставки, въ пользу школы придется сумма очень небольшая, на которую едва ли удастся открыть спеціальныя классы печатныхъ мастеровъ. Не помогла также и широкозадуманная программа выставки, задавшаяся цѣлью показать, что ни одно изобрѣтеніе не имѣло такого многосторонняго практическаго приложенія, какъ печать, и что для своего развитія она потребовала значительныхъ техническихъ успѣховъ другихъ графическихъ искусствъ.

Программа была выработана распорядительнымъ комитетомъ выставки въ числѣ 132 человекъ, среди которыхъ находились представители всѣхъ отраслей печатнаго дѣла въ Россіи, а также нѣкоторые ученые, литераторы и художники. Всѣ экспонаты рѣшено было распредѣлить на 12 группъ: 1) исторія книгопечатанія въ образцахъ, 2) современное издательское дѣло въ Россіи, 3) граверное дѣло, 4) словолитное дѣло, 5) писчебумажное производство, 6) типографская краска, машины, принадлежности тисненія, 7) типографія, 8) литографія и металографія, 9) гелиографія, 10) переплетное дѣло, 11) спеціальныя школы и спеціальная литература и 12) художественный отдѣлъ. Къ сожалѣнію, не всѣ отдѣлы устроены одинаково удачно. Слабовать художественный отдѣлъ, такъ какъ очень небольшое число художниковъ откликнулось на призывъ распорядительнаго комитета; неполно представлены современное издательское и граверное дѣло; о размѣрахъ перваго нельзя составить цѣльнаго понятія, хотя распорядители и устроители этого отдѣла могли бы своевременно собрать любопытныя свѣдѣнія; бѣдна спеціальная литература, умѣстившаяся на одномъ столикѣ; сравнительно малое вообще участіе приняла въ выставкѣ провинція, а Финляндія и совсѣмъ почти уклонилась отъ присылки на выставку экспонатовъ. Такимъ образомъ, первенствующее мѣсто заняли: Петербургъ, Москва и Варшава, и выставка вышла не всероссійской, а петербургско-московско-варшавской, что, впрочемъ, и понятно: въ этихъ трехъ городахъ центръ печатнаго дѣла, или вѣрнѣе, въ двухъ столицахъ, — а провинція могла бы выставить многочисленныя экспонаты, свидѣтельствующіе о томъ, какъ не слѣдуетъ печатать; по этой же, вѣроятно, причинѣ не участвуютъ въ выставкѣ и большинство казенныхъ типографій. Не смотря на всѣ свои недостатки, неизбѣжныя во всякомъ новомъ дѣлѣ, выставка, какъ первый опытъ, не можетъ быть названа неудачною: положимъ, что она приобрѣла преимущественно техническій характеръ, положимъ, что лучше всего представленными оказались отрасли производства, непосредственно связанныя съ типографскимъ дѣломъ, но кто въ этомъ виноватъ? Вѣроятно,

новизна дѣла. Какъ бы то ни было, выставка разнообразна, интересна и поучительна, и обзорѣніе ея, занимающее нѣсколько часовъ времени, приноситъ пользу не только для специалистовъ, но и для всѣхъ, интересующихся успѣхами отечественнаго просвѣщенія, могучимъ двигателемъ котораго является печатное дѣло въ его орудіяхъ, произведеніяхъ и разнообразныхъ приложеніяхъ.

По размѣрамъ выставка значительно превосходитъ многія изъ выставокъ, устройвавшихся въ Солянѣмъ Городкѣ: въ ней приняло участіе 360 экспонентовъ (въ томъ числѣ нѣсколько извѣстныхъ иностранныхъ фирмъ), представившихъ нѣсколько тысячъ разнообразныхъ экспонатовъ; для размѣщенія ихъ потребовалось десять залъ и комнатъ: малая аудиторія, весь выставочный павильонъ, двѣ залы центрального училища технического рисованія барона Штиглица и двѣ новыя обширныя пристройки. Многіе экспоненты устроили оригинальныя, изящныя витрины: такова, на примѣръ, витрина Синодальной типографіи въ видѣ часовни, сложенной изъ книгъ, витрина въ русскомъ стилѣ А. С. Суворина и др., а распорядительный комитетъ позаботился относительно общаго декоративнаго убранства выставки, при чемъ особенное вниманіе обратилъ на историческій отдѣлъ. Потолки и стѣны его росписаны въ древне-русскомъ стилѣ. На одной изъ стѣнъ, около такъ называемаго царскаго мѣста, изображена водяными красками правильная (по нынѣшнему—корректорская) двадцатыхъ годовъ XVII вѣка—точная копія старинной гравюры изъ рукописи того же времени. Группа русскихъ письменныхъ людей разсматриваетъ оттиски псалтири. На столѣ у царскаго мѣста лежитъ «золотая книга» въ переплетѣ древне-русскаго стиля, предназначенная для автографовъ высочайшихъ и почетныхъ посѣтителей выставки. Въ одной изъ комнатъ историческаго отдѣла посѣтители могутъ любоваться изъ открытаго окна, освѣщаемымъ электричествомъ и недурно написаннымъ, видомъ на первый печатный дворъ въ Москвѣ при лунномъ свѣтѣ. Зданіе печатнаго двора отличается оригинальной архитектурой, представляющей смѣсь готическаго стиля съ арабскимъ; посрединѣ высокая башня, оканчивающаяся шпилемъ, а по бокамъ—двѣ меньшія; видны освѣщенныя окна. Подъ названіемъ «дома Синодальной типографіи» зданіе это сохранилось до сихъ поръ, но только безъ средней башни, которая провалилась во время пожара. Возникновеніе печатнаго двора относится ко времени царя Іоанна Грознаго. Въ другомъ концѣ историческаго отдѣла, въ нишѣ, представлена печатня московскаго печатнаго двора и работающій въ ней первый русскій печатникъ Иванъ Федоровъ ¹⁾ — восковая

¹⁾ Старанія лишить дьякона церкви Николы Гостунскаго въ Московскомъ кремлѣ славы русскаго первопечатника остаются совершенно безплодными, что доказалъ недавній споръ г. Пташцакаго съ г. Филипповымъ на страницахъ «Новаго Времени». Францискъ Скорина былъ только издателемъ, а Иванъ Фе-

фигура во весь ростъ. Онъ только что вынулъ изъ первобытнаго станка оттискъ набора и внимательно разсматриваетъ его. Направо стоитъ касса для шрифта на ковахъ, доннынѣ сохранившихся въ старинныхъ типографіяхъ, налѣво, въ углубленіи,—массивный деревянный печатный станокъ.

Не смотря на отсутствіе въ размѣщеніи экспонатовъ строго-систематическаго порядка, посѣтитель быстро ориентированъ въ выставочныхъ залахъ: въ каждомъ изъ нихъ та или другая группа является преобладающею. Прежде всего посѣтитель входитъ въ художественный отдѣлъ, который начинается большою картиною, изображающею первыхъ типографщиковъ въ Европѣ: Гуттенберга, Фуста и Шеффера за работой (копія съ оригинала, находящагося въ Императорской Публичной библиотекѣ). Далѣе слѣдуютъ: экспонаты общества любителей древней письменности, прекрасныя работы учениковъ рисовальной школы императорскаго общества поощренія художествъ и училища технического рисованія барона Штиглица, экспонаты фирмы Гоппе—нумера «Всемирной Иллюстраціи» за 25 лѣтъ, альбомы со снимками съ произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ, оригинальные рисунки болѣе или менѣе извѣстныхъ художниковъ вмѣстѣ съ воспроизведеніями ихъ автотипией, цинкографіей и ксилографіей, гравюры и рисунки изъ коллекціи сенатора Е. Е. Рейтерна, гравюры В. В. Матѣ и его учениковъ, оригинальные рисунки и офорты художниковъ Рѣпина, Маковскихъ, Шишкина, Дмитріева-Кавказскаго и друг., матеріалы для гравированія на деревѣ и на мѣди, малозамѣчательные образцы

доровъ—одновременно наборщикомъ, метранпажемъ, корректоромъ, печатникомъ, словодѣльщикомъ и даже пунсонщикомъ. Хотя за границею и въ Вильнѣ появлялись книги славянской печати раньше «Дѣяній апостольскихъ» (1564 г.), но родоначальникомъ книгопечатанія на Руси все-таки должна быть признана послѣдняя. Странно также утвержденіе проф. Голубинскаго въ статьѣ: «Къ вопросу о началѣ книгопечатанія въ Москвѣ», помѣщенной въ № 2 «Богословскаго Вѣстника» за текущій годъ, что «первымъ мастеромъ печатныхъ книгъ, который, по всей вѣроятности, за случившеюся смертью, ничего не сдѣлалъ, былъ Маруша Нефедьевъ, упоминаемый въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ 1556 года; вторые книгопечатники дьяконъ Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѣевъ Мстиславецъ устроили по порученію государя типографію въ 1562 году», и проч. Если Маруша Нефедьевъ не успѣлъ завести типографіи, ничего не напечаталъ и умеръ во время приготовленій къ печатанію, то по какому праву мы будемъ называть его «первопечатникомъ»? Остальныя замѣчанія въ той же статьѣ проф. Голубинскаго заслуживаютъ полнаго вниманія. Дѣйствительно, давно пора оставить сказку о томъ, что датчанинъ Гансъ Миссенгеймъ былъ руководителемъ Ивана Ѳедорова и Петра Тимоѣева въ устройствѣ типографіи; давно пора признать, что нѣмецъ Гансъ Шлиттенъ приглашалъ въ Россію типографщика не по порученію Іоанна Грознаго, а по собственному почину. Гансъ Миссенгеймъ являлся въ Москву съ предложеніемъ принять лютеранство, и вдругъ такому пропагатору ереси царь поручить учрежденіе въ Москвѣ типографіи для печатанія «божественныхъ книгъ».

работъ карточной фабрики при Воспитательномъ Домѣ, эскизы новыхъ игральныхъ картъ въ русскомъ вкусѣ г. Микѣшина, прекрасно исполненныхъ акварелью, образцы реставрированія пострадавшихъ отъ огня отпечатковъ безъ ретуши, образчики гравированія гербовъ и печатей, художественно тисненные переплеты и пр.

Спускаясь по лѣстницѣ въ новый павильонъ, состоящій изъ двухъ залъ, почти сплошь занятыхъ машиннымъ отдѣленіемъ, посетитель замѣчаетъ устроенную въ особой комнатѣ, налѣво, выставку штемпелей, хрустальныхъ печатей, граверныхъ верстаковъ и машинъ, типо-литографскихъ работъ г. Голике, таблицъ старинныхъ прорѣзей, вязей и буквъ, составленныхъ г. Далматовымъ и представляющихъ обильный запасъ русскаго орнамента для книгопечатанія. Въ первой залѣ новаго павильона размѣстились: типографіи Синодальная и императорской академіи наукъ; фирма Францъ-Маркъ и К^о, украсившая стѣны своего отдѣленія бюстами: Гуттенберга, изобрѣтателя литографіи Зеннефельдера, Фридриха Кенига и Андрея Бауера, изобрѣтателей (въ 1811 г.) скоропечатной машины, и распространившая съ минувшаго года въ Россіи около 1,000 скоропечатныхъ машинъ; словолитная фирма О. И. Леманъ, выставившая образцы различныхъ шрифтовъ, мѣдныхъ линейекъ, клише, и здѣсь же производящая отливку буквъ какъ на ручныхъ, такъ и на универсальныхъ машинахъ; переплетная мастерская Кирхнера съ переплетными станками и машинами, могущая ежедневно переплестать 1500 книгъ; фирма Исидора Гольдберга, основателя перваго въ Россіи завода скоропечатныхъ машинъ. На трехсотой машинѣ своего производства г. Гольдбергъ печатаетъ выходящій два раза въ недѣлю журналъ «Обзоръ первой всероссійской выставки печатнаго дѣла», составляемый довольно интересно: въ немъ можно найти подробныя описанія выставки по отдѣламъ, біографіи извѣстныхъ книгопродавцевъ и библиографовъ прежняго времени, хронику выставочной жизни, бойкія «Замѣтки кстати» по разнымъ вопросамъ печатнаго дѣла, принадлежащія перу г. Кугеля, и разныя мелкія извѣстія. Та же фирма Гольдберга печатаетъ на выставкѣ очень изящное, миниатюрное изданіе басенъ Крылова и экспонируетъ: скоропечатную машину «Американку», прессъ для писчебумажной фабрики, бумаго-рѣзательную и билетную машины; послѣдняя печатаетъ и штемпелуетъ въ день около 100.000 билетовъ. Во второй залѣ новаго павильона сосредоточены разнообразныя двигатели—электрическіе, газовые, керосиновые. Дополненіемъ экспонатовъ машиннаго отдѣла служатъ различныя машины и станки, находящіяся въ другихъ выставочныхъ залахъ: скоропечатная машина, выставленная хромо-типографіею г. Евдокимова и печатающая на выставкѣ въ 8 красокъ картину Навозова «Посѣщеніе царемъ Іоанномъ Грознымъ московскаго печатнаго двора», литографская, печатающая карту Россіи,

исполненную въ картографическомъ заведеніи Ильина, ротаціонная огромныхъ размѣровъ, доставленная на выставку г. Марксомъ и печатающая въ 160.000 экземпляровъ журналъ «Ниву», и др.

Всѣ машины находятся въ дѣйстви и живо заинтересовываютъ посѣтителей, могущихъ прослѣдить весь процессъ книгопечатанія, начиная съ отливки буквъ изъ типографскаго металла (сплавъ свинца, олова и сурьмы) на ручныхъ и универсальныхъ машинахъ. Расплавленный металлъ переходитъ черезъ цѣлый рядъ трубочекъ и формируется въ букву. Рабочему стоитъ только сдѣлать поворотъ колеса, чтобы изъ машины посыпался готовый шрифтъ. Столь же малой затраты человѣческой силы требуетъ и скоропечатная машина, приводимая въ дѣйствіе паромъ или электричествомъ; при ней бываютъ только двое: накладчикъ и пріемщикъ. Наборъ кладется на движущуюся платформу, называемую «талеромъ», во время движенія которой особые валики покрываютъ шрифтъ краскою. Листъ чистой бумаги кладется накладчикомъ на барабанъ машины, который дѣлаетъ оборотъ и подъ которымъ проходитъ талеръ. Черезъ секунду деревянные планки принимаютъ отпечатанный листъ и бережно укладываютъ на столъ пріемщика. Также печатаются и всѣ послѣдующіе оттиски, болѣе 1.000 въ часъ. Первая скоропечатная машина была изготовлена въ Лондонѣ, и 29 ноября 1814 г. газета «Times» въ первый разъ была отпечатана на двухъ такихъ машинахъ. Если требуется большое количество оттисковъ или если нужно сохранить наборъ для послѣдующихъ изданій, а также при печатаніи на ротаціонныхъ (цилиндрическихъ) машинахъ, то прибѣгаютъ къ помощи стереотипа — такъ называется точная копія съ набора, отлитая изъ типографскаго металла въ формѣ доски или полуцилиндра. Изобрѣтеніе стереотипіи принадлежитъ шотландцу Вильяму Геду, въ 1729 г. Въ Россіи первая стереотипная типографія учреждена библейскимъ обществомъ въ 1814 г., и первой книгой, отпечатанной стереотипомъ, былъ Новый Заветъ. Теперь всѣ значительныя типографіи въ Россіи имѣютъ ротаціонныя машины, печатающія съ цилиндрическихъ стереотиповъ отъ 15 до 20.000 газетныхъ листовъ въ часъ, автоматически складываемыхъ и выкидываемыхъ машиною совѣмъ готовыми для чтенія. Газетная ротаціонная машина— послѣднее слово техники типографскаго дѣла—представляетъ систему цилиндровъ, соприкасающихся другъ съ другомъ своими боковыми поверхностями. На цилиндры, вращающіеся около своей оси, при помощи безконечнаго ремня, накладываются стереотипы. Непрерывная бумажная лента съ огромной катушки проходитъ между цилиндрами, и на каждомъ изъ нихъ оттискивается одна какая нибудь сторона газеты. Если номеръ отпечатанъ, машина отрѣзаетъ ленту, складываетъ его и выбрасываетъ. Отпечатавъ известное количество номеровъ, машина звонитъ. Въ прежнее время, въ

XVIII и даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія, на ручныхъ деревянныхъ станкахъ, образчики которыхъ имѣются на выставкѣ—одинъ, принадлежащій сенатской типографіи и «учрежденный Петромъ I въ 1721 г. для печатанія изданій на иностранныхъ языкахъ», а другой—выставленный фирмою Лемана и принадлежавшій Наполеону I, — съ трудомъ удавалось получать 100 оттисковъ въ часъ. Типографія «Новаго Времени»—первая въ Россіи, начавшая печатать на ротационныхъ машинахъ.

Пользуясь всѣми усовершенствованіями въ машинномъ дѣлѣ, лучшія столичные типографіи успѣли достигъ замѣчательныхъ результатовъ въ книгопечатаніи. Многочисленные образцы типографскихъ работъ, на ряду съ экспонатами русскихъ и нѣкоторыхъ заграничныхъ литографій и металлографій, можно видѣть въ двухъ залахъ, расположенныхъ параллельно машинному отдѣлу. Обзоръ типографій слѣдуетъ начать съ двухъ древнѣйшихъ, основанныхъ еще въ началѣ прошлаго вѣка, — академической и синодальной. Первая замѣчательна особенно тѣмъ, что имѣетъ шрифты всѣхъ восточныхъ языковъ — арабскаго, сирійскаго, калмыцкаго, маньжурскаго, монгольскаго, тибетскаго, зендскаго, санскритскаго, еврейскаго, японскаго, китайскаго, гузварешскаго, эіопскаго, древнеперсидскаго (клинообразнаго), древне-тюркскаго и др. Въ Западной Европѣ считается типографскимъ чудомъ молитва «Отче нашъ», появившаяся въ Лондонѣ на 300 языкахъ, между тѣмъ, на выставкѣ, въ витринѣ типографіи академіи наукъ можно видѣть ту же молитву на 324 и 357 языкахъ. Заслуживаетъ упоминанія модель скоропечатной машины «Лилипутъ», миниатюрный экземпляръ, могущій помѣститься на письменномъ столѣ и исполненный г. Фуксомъ, мастеромъ академической типографіи. Онъ работалъ надъ моделью шесть лѣтъ; вся работа ручная. «Лилипутъ» печатаетъ на выставкѣ на трехъ миниатюрныхъ страничкахъ стихотвореніе Жуковскаго: «Боже, царя храни, славному долгіе дни дай на земли!».

Витрина с.-петербургской и московской синодальныхъ типографій является несомнѣнно одной изъ самыхъ полныхъ: въ ней славянское книгопечатаніе представлено въ послѣдовательныхъ стадіяхъ своего развитія. Московская типографія выставила преимущественно образцы старопечатныхъ книгъ (въ томъ числѣ «Триодъ цвѣтную» 1591 г.), двѣ рукописи на пергаментѣ—«Паримійникъ» XIII—XIV вѣка и «Сборникъ» XV вѣка, и, между прочимъ, фотографическій снимокъ съ древнѣйшаго печатнаго станка въ Россіи. Въ числѣ образцовъ печати XVIII вѣка имѣется рядъ указовъ Петра Великаго, клятвенныя обѣщанія императрицамъ Аннѣ Іоанновнѣ и Елисаветѣ Петровнѣ на румынскомъ языкѣ, двѣ архіерейскія грамоты—на шелку и пергаментѣ, а также снимокъ собственноручной корректуры Петра Великаго: установленіе русскаго гражданскаго

алфавита. Первенцемъ книгъ гражданской печати въ Россіи была «Геометрія славенскіи издадеся новотіпографскимъ тісненіемъ», появившаяся 1-го марта 1708 г. Черезъ два года государю былъ представленъ экземпляръ азбуки съ «изображеніемъ древнихъ и новыхъ письменъ славянскихъ, печатныхъ и рукописныхъ». Перечеркнувъ въ ней всѣ какъ заглавныя, такъ и прописныя славянскія буквы, Петръ Великій оставилъ буквы шрифта гражданского и на оборотѣ переплета написалъ: «сими литеры печатать історическія и манифактурныя книги, а которыя подчернены, тѣхъ въ вышеписанныхъ книгахъ не употреблять». Черезъ мѣсяць послѣ «Геометріи» напечатана въ Москвѣ вторая книга гражданскимъ шрифтомъ: «Пріклады, како пішутся комплементы разные на мѣстномъ языкѣ, то есть пісанія отъ потентантовъ къ потентантамъ, поздравительныя і сожалѣтельныя, і иные, такожде между сродніковъ і пріятелей»—первый сборникъ образцовыхъ писемъ, въ переводѣ съ нѣмецкаго, въ родѣ нынѣшнихъ «письмовниковъ»¹⁾.

С.-петербургская синодальная типографія выставила свои изданія на языкахъ: еврейскомъ, славянскомъ, чешскомъ, болгарскомъ, польскомъ, монгольскомъ, якутскомъ, алеутскомъ, татарско-калмыцкомъ, корельскомъ, бурятскомъ, зырянскомъ и финскомъ, а также образцы работъ граверныхъ, словолитныхъ, наборныхъ и переплетныхъ. Возникшая въ 1711 г. изъ одного «станка друкарнаго съ новыми литерами» да «гравировальнаго станка», с.-петербургская синодальная типографія правильное устройство получило значительно позже, а именно въ 1843 г. Въ виду возроставашаго спроса на синодальныя изданія, явилась необходимость построить для типографіи и книжныхъ запасовъ отдѣльное зданіе, что и было исполнено въ 1888 г. Съ переходомъ въ новое помѣщеніе (на Кабинетской улицѣ) пріобрѣтены новыя печатныя машины (раньше ихъ имѣлось 12): одна ротационная на 27 перемѣнныхъ форматъ, одна двухкрасочная, пять скоропечатныхъ большаго формата; открыты

¹⁾ Всѣхъ «комплементовъ» въ книгѣ помѣщено 130. Переводъ ихъ сдѣланъ по приказанію Петра Великаго. Слогъ отличается крайнею паныщенностью, высокопарностью и темнотою. Вотъ образчикъ «Просительнаго писанія нѣ котораго человѣка къ женскому полу»: «Моя госпожа. Я предъ долгимъ временемъ честь искалъ съ вами въ компанію притти, и потомъ соизволенія просити, дабы я себя могъ за вашего преданнаго слугу почестъ, но понеже вы тако набожны, что васъ нигдѣ индѣ кромѣ церкви видѣть не получаю. Однако же я и на семъ святомъ мѣстѣ чрезъ частое разсужденіе и усмотрѣніе васъ, яко такога изряднаго ангела, толико желанія къ вашей знаемости получилъ, что я того долѣе не могу скрыти, но принужденъ оное вамъ съ достойнымъ почитаніемъ представить. Вы, моя госпожа, не имѣете чрезъ высокосклонное позволеніе мнѣ приступа нечего опасаться, дабы то вашей славы вредительно быти могло, понеже я позволеніе вашія пріязни тако буду въ осмотрѣніи имѣть, что я вашимъ добродѣтелямъ никогда ущербу не приключу... и трудитися буду случая исвать, дабы я не однѣмъ именемъ, но и въ дѣлѣ самомъ себя явити могъ. Вашъ моеи госпожи прилежный слуга N. N.»

отдѣленія: словолитное, стереотипное и переплетное, снабженныя всѣми необходимыми машинами; устроены пароводяное отдѣленіе, электрическое освѣщеніе и винтовая машина для подъема и спуска тяжестей, проходящая черезъ всѣ четыре этажа зданія. Въ минувшемъ году въ типографіи отпечатано 5.740,000 экземпляровъ книгъ, брошюръ, номеровъ «Церковныхъ Вѣдомостей» и пр. За десять лѣтъ (1885—1894) напечатано книгъ и листовъ 21.564.822. Ежегодная продажа книгъ изъ с.-петербургскихъ синодальныхъ складовъ колеблется въ суммѣ отъ 200 до 300.000 рублей. Какъ спеціальная, синодальная типографія не имѣетъ себѣ соперницъ и печатаетъ книги духовнаго содержанія поразительно дешево: такъ, напримѣръ, компактное изданіе библии, въ 16-ю долю листа, 105 печатныхъ листовъ ($16 \times 105 = 1.680$ страницъ), стоитъ въ бумажной обложкѣ всего 1 рубль 10 коп.

Во главѣ частныхъ петербургскихъ, московскихъ и провинціальныхъ типографій, по мнѣнію большинства внимательныхъ посѣтителей выставки, слѣдуетъ поставить типографію «Новаго Времени», основанную въ 1877 году: это учрежденіе — образцовое во всѣхъ отношеніяхъ и, какъ мы слышали, будетъ по справедливости удостоено высшей награды — большой золотой медали. Въ первое время въ типографіи работы производились на двухъ машинахъ, а теперь производятся на одиннадцати скоропечатныхъ и пяти ротационныхъ при паровой машинѣ въ 45 силъ и электрическомъ освѣщеніи. Годовой оборотъ типографіи достигаетъ 700.000 рублей. За 17 лѣтъ своего существованія она напечатала 124.336.377 книжныхъ листовъ и 217.181.760 листовъ газеты «Новое Время»; томиковъ «Дешевой Библиотеки» выпущено въ продажу 3.799.000. При типографіи имѣются отдѣленія: литографическое, фотографическое, цинкографическое, гальванопластическое и стереотипное. Заслуживаетъ особеннаго вниманія отношеніе владѣльца типографіи къ служащимъ и рабочимъ; если бы оно было такимъ у всѣхъ типографщиковъ, — никакихъ «рабочихъ вопросовъ» не существовало бы. Дѣло въ томъ, что почти всѣ рабочіе пользуются бесплатною квартирою съ освѣщеніемъ и отопленіемъ; безусловно всѣ служащіе имѣютъ бесплатную врачебную помощь и даровыя лѣкарства. Съ 1884 года при типографіи на средства А. С. Суворина открыта бесплатная школа съ четырехлѣтнимъ курсомъ, цѣль которой — подготовить грамотныхъ и знающихъ свое дѣло наборщиковъ. Ежедневно школу посѣщаютъ болѣе 30 учениковъ, а за время существованія изъ нея выпущено 42 ученика; нѣкоторые изъ окончившихъ курсъ въ школѣ занимаютъ въ типографіи «Новаго Времени» мѣста метранпажей и ихъ помощниковъ, а другіе работаютъ въ газетномъ и книжномъ отдѣленіяхъ. Насколько удовлетворительно, подъ заботливымъ руководствомъ П. П. Коломина, выполняетъ школа намѣченную задачу, можно видѣть по работамъ учениковъ,

находящимся на выставкѣ. Къ сожалѣнію, первая школа печатнаго дѣла при техническомъ обществѣ не могла выставить подобныхъ работъ, почему довольно трудно судить о подготовкѣ для типографскаго дѣла тѣхъ 115 человекъ, которые окончили въ ней курсъ съ 1884 по 1894 годъ. Капитальный трудъ «Вся Россія», «Каменный Гость» и «Бахчисарайскій фонтанъ» съ иллюстраціями художника Соломки и особенно «Палестина»—все это такія изданія А. С. Суворина, которыя сдѣлали бы честь любой извѣстной заграничной фирмѣ. Специалисты типографскаго дѣла говорятъ, что «Палестина» въ типографскомъ отношеніи—вполнѣ безукоризненное и замѣчательно выдержанное, отъ первой до послѣдней строки, произведеніе. Экспертная комиссія долго и съ любовью разсматривала его и справедливо рѣшила, что типографія, сумѣвшая такъ напечатать книгу, достойна высшей награды. Постоянно стремясь къ дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ, не довольствуясь достигнутыми успѣхами, не преслѣдуя мелкихъ, меркантильныхъ цѣлей, которыя такъ явственно сказываются въ изданіяхъ и работахъ другихъ типографій, пробуя свои силы во всѣхъ отрасляхъ печатнаго дѣла, типографія А. С. Суворина выставила образцы печатанія красками (одинъ изъ нихъ—портретъ Людовика XIV, напечатанный въ 13 красокъ, приложенъ въ началѣ книжки) на бумагѣ и на атласѣ, а также образцы учебныхъ пособій для слѣпыхъ—географическія карты Европы и Африки, три таблицы по зоологіи, одну таблицу по геометріи и ноты. Послѣдніе образцы отпечатаны по способу П. П. Коломнина, не требующему прессы или какихъ либо иныхъ сложныхъ и дорогихъ приспособленій; стоимость каждой таблицы отъ 5 до 10 коп.

Всѣ эти дорогія приспособленія можно видѣть въ витринѣ попечительства императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ, которое за 14 лѣтъ своего существованія учредило 20 училищъ для слѣпыхъ дѣтей, два ремесленныхъ заведенія для взрослыхъ слѣпцовъ, три пріюта для престарѣлыхъ слѣпцовъ и три глазныя лѣчебницы. Попечительство выставило: двѣ системы шрифтовъ, которыми печатаются книги для слѣпыхъ,—точечный и линейный, рельефныя географическія карты и планъ Петербурга, а также нѣсколько сочиненій, спеціально напечатанныхъ для слѣпыхъ. Линейнымъ шрифтомъ первый сталъ печатать французъ Валентинъ Гаю въ 1784 г.; точечный придуманъ въ 1829 г. Брайлемъ. Въ Россіи первыя книги для слѣпыхъ отпечатаны въ 1882 г. линейнымъ шрифтомъ, теперь наиболѣе распространеннымъ во всѣхъ странахъ; это были: «Дѣтскій міръ» Ушинскаго и Евангеліе отъ Маттея. Независимо отъ печатанія книгъ типографскимъ способомъ, въ Петербургѣ, въ 1888 г., образовался дамскій кружокъ переписыванія книгъ для слѣпыхъ точечнымъ шрифтомъ. До настоящаго времени кружокъ успѣлъ переписать до 500 томовъ, въ

томъ числѣ: «Войну и миръ» графа Л. Н. Толстого, «Мертвыя души» и «Шинель» Гоголя, стихотворенія Кольцова, повѣсть Тургенева «Муму», и другія произведенія извѣстныхъ русскихъ писателей. Вслѣдствіе печатанія и писанія только на одной сторонѣ страницы, книги для слѣпыхъ отличаются большимъ объемомъ. Такъ, напримѣръ, «Мертвыя души» занимаютъ 16 томовъ. Въ Англии точечнымъ шрифтомъ напечатано до 20.000 книгъ, и въ томъ числѣ всѣ сочиненія Шекспира. Между собою слѣпые переписываются при помощи шрифта Брайля, а со зрячими—при помощи линейнаго, общепринятымъ алфавитомъ. Въ послѣднемъ случаѣ слѣпые пользуются приборомъ Гебольдта—мѣдной линейкой съ четырехугольными отверстиями. Въ каждомъ изъ нихъ слѣпой пишетъ прямыми линиями по буквѣ. Линейка кладется на листъ писчей бумаги, подъ которымъ находятся листъ переводной и опять листъ писчей. Писаніе производится тупымъ грифелемъ, и на бумагѣ оттискиваются съ переводнаго листа буквы синяго цвѣта.

Многія петербургскія книгопродавческія фирмы уклонились отъ участія въ выставкѣ. Такъ, напримѣръ, посѣтитель не находитъ г. Вольфа, который такъ много рекламируетъ себя и издаетъ такіе макулатурные журналы, какъ «Новь», и въ двухъ видахъ пресловутое «Задушевное Слово». Нѣтъ отдѣльныхъ витринъ Глазунова, Мартынова, Карбасникова, Павленкова. «Почему самостоятельно не участвуютъ эти послѣдніе издатели? Отчего они прислали только по нѣсколько книжекъ въ сводную витрину по русскому книгоиздательству?»—невольно спрашиваетъ себя посѣтитель при осмотрѣ выставки. Если г. Вольфъ могъ бояться, что эксперты выразятъ ему порицаніе за его изданія, то вѣдь ни Глазуновъ, ни Мартыновъ, ни Карбасниковъ, ни Павленковъ не могли ждать на выставкѣ дурнаго приѣма. Какъ бы то ни было, а издательское дѣло представлено слабо, и отсутствіе на «всероссійской» выставкѣ многихъ извѣстныхъ русскихъ издателей странно и трудно объяснить. Книги научнаго, главнымъ образомъ медицинскаго и техническаго содержанія выставилъ К. Риккеръ, духовнаго—И. Л. Тузовъ, сельско-хозяйственнаго—Т. Девриенъ; братья Г. Ѳ. и П. Ѳ. Пантелеевы представили на выставку «Вѣстникъ иностранной литературы» и «Собраніе сочиненій избранныхъ писателей». Постоянная комиссія по устройству народныхъ чтеній, товарищество «Общественная польза», обратившееся въ недавнее время къ изданію двухъ капитальныхъ трудовъ—«Жизнь животныхъ» Брэма и «Исторія Россіи» Соловьева и двухъ журналовъ, и с.-петербургскій комитетъ грамотности экспонируютъ собственныя изданія разныхъ книгъ. Любопытны итоги дѣятельности комитета грамотности съ 1880 по 1894 годъ. За этотъ періодъ времени имъ вновь издано 58 названій книгъ въ 912.100 экземплярахъ, а переиздано 26 въ количествѣ 332.500 экземпляровъ. Видное мѣсто заняли въ издательскомъ от-

дѣлѣ иллюстрированные еженедѣльные журналы, имѣющіе широкое распространеніе, благодаря своей дешевизнѣ: «Нива», «Живописное Обозрѣніе», «Сѣверъ», «Природа и Люди» и «Звѣзда» (издаваемые Сойкинымъ, типографія котораго печатаетъ 14 періодическихъ изданій) и, наконецъ, «Родина». Что значитъ и что дѣлаетъ промышленная конкуренція въ погонѣ за лишнимъ подписчикомъ, можно видѣть въ витринахъ гг. Маркса, Добродѣева, Евдокимова, Сойкина и Каспари. Эту конкуренцію успѣшно выдерживаетъ только одна «Нива», за которой вереницей тянутся всѣ остальные изданія, повторяя то, что раньше дѣлалось журналомъ г. Маркса. «Родина» стоитъ въ самомъ хвостѣ и, не смотря на свой искусственный ростъ (въ 1879 году всѣ нумера этого журнала имѣли въ толщину нѣсколько вершковъ, а теперь—аршина полтора), приближается по качеству содержанія къ плодамъ торгашескаго генія г. Вольфа. Оригинальнымъ до нѣкоторой степени является только г. Добродѣевъ, выставившій, наряду съ образцами работъ своихъ типографіи, хромофотографіи и гальванопластической мастерской, такія новинки печатнаго дѣла въ Россіи, какъ прозрачныя изображенія и орнаменты, замѣняющіе живопись на стеклѣ, и печатный рисунокъ на атласѣ въ 17 красокъ.

Типографское дѣло въ первопрестольной столицѣ, судя по имѣющимся на выставкѣ образцамъ работъ трехъ крупныхъ московскихъ типографій Кушнерева, Левенсона и Сытина, находится почти на той же высотѣ, какъ и въ Петербургѣ. Особенно изящны литографскія и свѣтопечатныя работы первой фирмы, основанной въ 1869 году въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, а теперь получающей до 520.000 рублей валоваго дохода, открывшей отдѣленія въ Петербургѣ и Кіевѣ, содержащей около 769 рабочихъ и служащихъ, и производящей работы на 44 типографскихъ (въ томъ числѣ на двухъ ротационныхъ), литографскихъ и фототипныхъ машинахъ, 26 печатныхъ ручныхъ станкахъ и 79 разныхъ вспомогательныхъ машинахъ, приводимыхъ въ движеніе паромъ. Фирма Левенсона, основанная въ 1881 году, имѣетъ теперь 350 рабочихъ, свою литографію, фототипію, переплетную и словолитную, 17 скоропечатныхъ типографскихъ машинъ, 5 литографскихъ и работаетъ днемъ и ночью въ двѣ смѣны. Третья фирма, И. Д. Сытина, открывшая книжные магазины въ Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ, Нижнемъ Новгородѣ и ведущая обширную торговлю по всей Россіи народными изданіями и картинами, занимаетъ первое мѣсто среди московскихъ народныхъ издателей.

Въ витринѣ Сытинской фирмы имѣется для раздачи посѣтителемъ выставки любопытная брошюра—«Краткія свѣдѣнія о современной торговлѣ народными книгами и картинами»—свидѣтельствующая о томъ, что лѣтъ 20 тому назадъ въ московскомъ издательствѣ народныхъ книгъ начался значительный поворотъ къ лучшему,

продолжающійся до настоящаго времени. Народная книжная торговля, центромъ которой является Москва, по сравненію съ прежнимъ, удесятерилась; вмѣсто авторовъ, получавшихъ отъ 2 до 5 рублей за листъ, на книжномъ рынкѣ появились произведенія извѣстныхъ писателей, дающихъ для переизданія въ копеечныхъ книгахъ нѣкоторыя изъ своихъ произведеній или даже написавшихъ для этой цѣли новые рассказы. Прекращеніе авторскихъ правъ на произведенія Пушкина, Лермонтова, Кольцова дало возможность познакомиться съ ними народъ въ дешевыхъ изданіяхъ. Въ послѣднее десятилѣтіе возникли и народные календари, сочувственно принятые деревенскими читателями. По свидѣтельству той же брошюры, въ деревнѣ замѣчается большой спросъ на книги техническія и сельскохозяйственныя, но народно-книжный рынокъ, къ сожалѣнію, пока не можетъ удовлетворить этому спросу, равно какъ и относительно дѣтскихъ книгъ, которыя, впрочемъ, и для дѣтей интеллигентныхъ родителей оставляютъ желать лучшаго. Потребность народа въ картинахъ тоже сильно возросла, но картинное дѣло улучшается очень медленно и, главнымъ образомъ, только со стороны красокъ и исполненія, а не по содержанію. Спросъ на картины распредѣляется, по важности и количеству ихъ, слѣдующимъ образомъ: духовныя картины и портреты царствующихъ особъ, историческія и бытовыя (очень мало) и въ огромныхъ количествахъ копи съ заграничныхъ олеографій, изображающихъ женщину въ разныхъ соблазнительныхъ позахъ и сценахъ. Совершенно справедливы укоризненные слова, обращенныя анонимнымъ составителемъ брошюры «Краткія свѣдѣнія» къ нашимъ художникамъ, по поводу полного равнодушія ихъ къ дѣлу изданія народныхъ картинъ.

«Насколько лучшія литературныя силы отозвались на потребность народа къ лучшему чтенію, настолько художественныя силы совсѣмъ остались равнодушными къ духовнымъ интересамъ своего народа,—говорится въ названной брошюрѣ.—Такимъ образомъ этотъ важный отдѣлъ не удовлетворяетъ ни вкуса, ни потребностямъ русскаго народа и играетъ лишь роль простыхъ обоевъ, что, конечно, достойно сожалѣнія. Въ настоящее время въ Москвѣ работаетъ около сорока литографскихъ машинъ исключительно народныя картины, т. е. въ три раза болѣе, чѣмъ въ предшествующее десятилѣтіе. Усовершенствованіе въ техникѣ воспроизведенія хорошихъ картинъ до того двинуто московскими литографіями, что требованія художниковъ съ этой стороны могутъ быть удовлетворены. Конечно, народъ, привыкши видѣть у себя на стѣнѣ художественныя воспроизведенія, полныя жизненнаго смысла, сталъ бы покупать и болѣе цѣнныя картины; не скупится же онъ теперь истратитъ 25—50 к. и даже 2 р. на книгу, въ которую вѣруеть, которая удовлетворяетъ его запросамъ. Пора русскимъ художникамъ понять, что служеніе удовлетворенію идеальныхъ потребностей народа гораздо важнѣе и выгоднѣе для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ».

Но русскіе художники остаются пока глухи и нѣмы къ подобнымъ увѣщаніямъ: они считаютъ недостойнымъ своего таланта

писать какія-то «лубочныя», грошоваыя картинки и воспитывать художественный вкусъ народа; ихъ картины должны только красоваться въ художественныхъ галлерейхъ, во дворцахъ, въ роскошныхъ палаццо щедрыхъ меценатовъ. Вѣроятно, они думаютъ, что пускать свои произведенія въ народъ—профанація искусства. Грустное и печальное недоразумѣніе, которое, надо надѣяться, съ теченіемъ времени разсѣется.

Спеціально народныхъ издателей въ Москвѣ теперь насчитывается 11, при чемъ четверо изъ нихъ издають исключительно картины; издательская дѣятельность оцѣнивается приблизительно въ полтора милліона рублей въ годъ. Книгъ и картинъ, среднею стоимостью по 5 коп., выпускается ежегодно: первыхъ—20 милліоновъ, а вторыхъ—10 милліоновъ экземпляровъ. Кромѣ того, другими московскими издателями выпускается книгъ для народнаго чтенія на 130.000 рублей въ годъ.

Среди участвующихъ на выставкѣ литографій и металлографій первое мѣсто, несомнѣнно, принадлежитъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, работы которой ничѣмъ не уступаютъ экспонатамъ образцовыхъ государственныхъ типографій Вѣны и Берлина. Производство экспедиціи ежегодно достигаетъ миллиарда штукъ кредитныхъ билетовъ, марокъ, облигацій, а расходъ—1.200.000 рублей; ежедневно въ ней работаетъ болѣе 400 машинъ и около 3.000 человекъ. Она выставила внѣ конкурса образцы гербовыхъ, почтовыхъ и полицейскихъ марокъ, разныхъ акцій и облигацій, бандеролей, цвѣтной узорчатой типографской печати, а также стереотипы, пунсоны шрифта, матрицы съ нихъ и словолитный шрифтъ своего производства, гравюры спичечныхъ бандеролей для печатанія съ мѣди и приспособленныя для типографскаго печатанія, равно какъ и образцы разнообразныхъ художественныхъ работъ своихъ учениковъ, исполненныхъ по частнымъ заказамъ различными способами, носящими названіе: офорта, ксилографии, хромоксилографии, фототипии и хромофототипии тремя красками, гелиографии и хромолегіогравюры. Кстаті слѣдуетъ упомянуть, что въ писчебумажномъ отдѣлѣ та же экспедиція, въ различныхъ географическихъ картахъ и діаграммахъ, даетъ наглядное изображеніе развитія писчебумажнаго производства въ Россіи и образцы постепеннаго превращенія бумажной массы въ бумагу. По даннымъ таблицъ, составленныхъ экспедиціею, всѣхъ писчебумажныхъ фабрикъ въ настоящее время насчитывается: въ Россіи—250, Швеціи—165, Швейцаріи—58, Норвегіи—87, Бельгіи—40, Австріи—500, Англии—520, Германіи—1.470, Франціи—500 и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ—1.150; заводовъ, изготовляющихъ машины для писчебумажныхъ фабрикъ, существуетъ: въ Россіи—150, Австріи—637, Англии—370, Бельгіи—65, Норвегіи—33, Сѣверной Америкѣ—1.100, Франціи—525, Швейцаріи—46 и Швеціи—85. Для болѣе нагляд-

наго ознакомленія съ писчебумажнымъ и машиностроительнымъ производствомъ по районамъ, экспедиціею выставлена карта Европейской Россіи, испещренная булавками съ разноцвѣтными головками; здѣсь же экспонируются приборы для изслѣдованія бумаги, примѣняемые въ испытательномъ отдѣленіи экспедиціи.

Разнообразные способы примѣненія фототипіи къ печати ому станку, доведенные въ экспедиціи до высокаго совершенства, получили широкое распространеніе какъ за границею, такъ и у насъ. Фотолитографія, фотоксилографія, фототипія, цинкографія, автотипія и гелиографюра почти совсѣмъ вытѣснили гравюру на мѣди, стали и деревѣ, но не могли замѣнить и никогда не замѣнятъ ея: олеографію нельзя сравнивать съ живописью, а механическую, хотя и точную копию съ самостоятельнымъ художественнымъ произведеніемъ. Мы не знаемъ ни одного имени современнаго фототиписта или цинкографа, а всѣхъ талантливыхъ граверовъ можемъ перечестъ по пальцамъ. Положимъ, что нынѣшніе граверы легкое предпочитаютъ трудному и съ гравюры на мѣди и на стали перешли въ большинствѣ случаевъ къ гравюрѣ на деревѣ (ксилографіи), а нѣкоторые пользуются даже и услугами фототипіи (фотоксилографія), дающей возможность рѣзать прямо по дереву безъ предварительнаго перерисовыванія оригинала,—несмотря на все это, нельзя смѣшивать искусство съ ремесломъ, нельзя говорить, что, будто бы, ручная работа никогда не передастъ такъ точно художественнаго оригинала, какъ фотогравюра, и что, будто бы, никакая ксилографія не воспроизведетъ такъ вѣрно рисунка художника или фотографическаго снимка съ природы, какъ это дѣлаетъ фототипографія. Это заблужденіе, весьма распространенное въ настоящее время, исчезнетъ у всякаго, не лишеннаго эстетическаго вкуса, посетителя выставки, если онъ сравнитъ гравюры нашихъ художниковъ, находящіяся въ художественномъ отдѣлѣ, съ многочисленными образцами фотомеханическихъ способовъ печатанія, выставленными въ группахъ: «литографія и металлографія» и «гелиографія». Превосходны автотипіи Мейзенбаха и Риффорта изъ Берлина и фототипіи лондонскаго товарищества «Автокопистъ», хороши хромофотографическія работы Штадлера и Паттинота, изящны образцы автотипныхъ и фототипныхъ работъ Кульженко изъ Кіева и Кушнарера, большаго искусства въ цинкографіи, металлографіи, олеотипіи, автотипіи, хромоцинографіи и травленіи на различныхъ металлахъ достигло художественное заведеніе Ф. Кройса, но человекъ со вкусомъ тѣмъ не менѣе всегда отдастъ предпочтеніе гравюрѣ.

Что сказать о польскомъ отдѣлѣ? Онъ устроенъ очень красиво, въ немъ до 60 экспонентовъ, среди которыхъ можно встрѣтить и старѣйшую во всемъ Привислянскомъ краѣ писчебумажную фабрику «Сочевку», и разныхъ варшавскихъ издателей, литографовъ

и типографовъ, и фабрику обоевъ и крашеной бумаги, и образцы цинкографическихъ, хромолитографическихъ и ксилографическихъ работъ, и кіоскъ «Варшавскаго Курьера», самой распространенной польской газеты, издающейся съ 1821 года и расходящейся въ количествѣ 24.000 экземпляровъ. Вниманіе посѣтителей останавливаетъ одно изданіе крупной варшавской книгопродавческой фирмы — «Царица Небесная», изящно иллюстрированный сборникъ народныхъ сказаній о Божіей Матери. Мы тоже любовались этимъ сборникомъ и хвалили варшавскихъ книгопродавцевъ. Но вотъ случайно намъ попался № 76 «Варшавскаго Дневника» отъ 2 апрѣля текущаго года, и мы прочли въ немъ относительно сборника слѣдующія примѣчательныя строки: «... Если петербургская публика станетъ судить по этому сборнику о состояніи типографскаго и переплетнаго дѣла въ Варшавѣ и здѣшняго писчебумажнаго производства, то придетъ къ ошибочнымъ заключеніямъ. Дѣло въ томъ, что этотъ сборникъ напечатанъ на заграничной бумагѣ и печатанъ не въ Варшавѣ, а въ Краковѣ, переплетъ же для него сдѣланъ въ Вѣнѣ; поэтому, если онъ имѣетъ право фигурировать на все-россійской выставкѣ печатнаго дѣла, то во всякомъ случаѣ внѣ конкурса, такъ какъ исполненъ за границей и изъ заграничнаго матеріала. Вообще здѣшніе издатели нерѣдко посылаютъ печатать книги въ Краковъ, гдѣ работаютъ лучше и дешевле, чѣмъ въ Варшавѣ. Краковъ издавна славится типографскимъ искусствомъ. Въ немъ была открыта первая славянская типографія, и, вѣроятно, немногимъ читателямъ извѣстно, что первая русская книга была напечатана въ Краковѣ въ 1491 году Это былъ «Часословъ», который заканчивается слѣдующими словами: «докончена бысть сія книга у великомъ градѣ у Краковѣ при державѣ великаго короля польскаго Казимира и доканата бысть мѣщаниномъ краковскимъ Швайполтоль Фѣоль изъ нѣмецъ, нѣмецкаго рода Франкъ».

Послѣдній отдѣлъ выставки, исторической, начинается въ томъ же павильонѣ, гдѣ расположились и польскіе экспоненты, задумавшіе выдавать заграничныя работы за свои собственныя. Въ немъ много любопытныхъ экспонатовъ, и вообще въ устройствѣ его замѣтна опытная, толковая рука. Онъ организованъ особымъ комитетомъ, въ составъ котораго, между прочимъ, вошли: Л. Н. Майковъ, А. Н. Пыпинъ, А. И. Соболевскій, С. Л. Пташицкій, И. А. Бычковъ, И. В. Помяловскій, Н. П. Лихачевъ, И. А. Шляпкинь, Н. М. Лисовскій и др. Составивъ и отпечатавъ списокъ изданій, предназначенныхъ для выставки, комитетъ разослалъ его въ ученые, государственныя и общественныя учрежденія, а также извѣстнымъ частнымъ собирателямъ книгъ. Откликнулось болѣе 90 учреждений и частныхъ лицъ, и образовалась коллекція, имѣющая цѣлью представить исторію книгопечатанія въ предѣлахъ Россіи на всѣхъ

тѣхъ языкахъ, на какихъ только издавались въ ней книги. Изданія, вышедшія внѣ Россіи, включены въ этотъ отдѣлъ въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ, поскольку это было необходимо для уясненія исторіи русскаго книгопечатанія. Такимъ образомъ, въ составъ историческаго отдѣла вошли: церковно-славянскія старопечатныя изданія съ 1491 по 1708 годъ, то-есть по годъ введенія въ Россіи гражданской печати; изданія гражданской печати съ 1708 по 1855 г.; указы, манифесты, всякія оффиціальныя объявленія, разные отдѣльные листы и афиши; иноязычныя изданія—литовскія, эстонскія, латышскія, инфлянтскія, на западно-европейскихъ языкахъ, восточныхъ (между прочимъ, коллекція армянскихъ книгъ за 125 лѣтъ существованія (1769—1894 гг.) типографіи католикоса всѣхъ армянъ въ Вагаршапатѣ, Эриванской губерніи) и еврейскомъ; гравюры на деревѣ и на мѣди, литографіи и металлографіи въ книгахъ и на отдѣльныхъ листахъ; исторія бумаги въ образцахъ; иностранныя изданія, имѣющія отношеніе къ исторіи славяно-русскаго книгопечатанія и, наконецъ, исторія польскаго печатнаго дѣла. Книги гражданской печати XVIII и XIX столѣтій расположены по городамъ, въ хронологическомъ порядкѣ, по мѣрѣ появленія книгопечатанія въ томъ или другомъ городѣ, такъ что можно было бы составить любопытную, хотя, конечно, и не полную, графическую таблицу постепеннаго распространенія печатнаго дѣла по всей имперіи.

Первенцы славянскаго книгопечатанія, въ числѣ пяти книгъ, появились за границей, въ Краковѣ, въ 1491 году. На выставкѣ изъ нихъ имѣется «Трїодъ постная» и «Часословъ» съ гравюрой на деревѣ, изображающей Распятіе. Вторымъ городомъ, гдѣ печатались славянскія книги, была Венеція; изъ венеціанскихъ изданій представлены: «Часословець» 1519 года, «Октоихъ» 1537 и «Минея» 1538 года. Экземпляръ первой венеціанской книги на славянскомъ языкѣ, появившійся въ 1493 году и хранившійся въ библиотекѣ нюрнбергской ратуши, въ настоящее время утраченъ. Почти одновременно съ Венеціею славянское книгопечатаніе началось въ Черногоріи (въ Ободѣ): здѣсь въ 1494 году оконченъ печатаніемъ «Осмогласникъ», доставленный на выставку Императорской Публичной библиотекѣ, равно какъ и большинство старопечатныхъ книгъ историческаго отдѣла. Не забыта изданная Францискомъ Скориной въ Вильнѣ, въ 1525 году, «Малая подорожная книжица», не забыты изданія славянскихъ книгъ, появившихся въ XVI и XVII столѣтіяхъ въ разныхъ славянскихъ земляхъ за границею. Имѣется на выставкѣ и первенецъ московскаго книгопечатанія, состоящій изъ 267 листовъ, въ 25 строкъ на каждой страницѣ, и появившійся въ мартѣ 1564 года—«Дѣянія Апостольска и посланія соборныя и святаго Апостола Павла посланія». Книга эта отпечатана съ разными украшеніями и, между прочимъ, съ рисункомъ,

на которомъ изображенъ евангелистъ Лука. Онъ держитъ развернутый свитокъ, на которомъ написано: «первое убо слово». Форматъ книги—въ малый листъ, бумага плотная, чистая; заглавныя буквы напечатаны киноварью.

Изъ коллекцій, принадлежащихъ частнымъ лицамъ и выставленныхъ въ историческомъ отдѣлѣ, заслуживаютъ полного вниманія коллекціи: Р. Р. Голике, П. П. Варгунина и Н. П. Лихачева. Первая и вторая размѣщены при входѣ въ историческій отдѣлъ, на площадкѣ. Г. Голике выбралъ изъ своей библіотеки 300 иностранныхъ книгъ, наглядно характеризующихъ видоизмѣненія типографскаго искусства и вообще печатнаго дѣла съ XV столѣтія по текущей годъ. Въ коллекцію г. Голике входятъ образцы латинскихъ рукописей XII и XIV вѣковъ, до начала книгопечатанія, на ряду съ инкунабулами (первопечатными) книгами XV вѣка, каковы, на примѣръ: собраніе каноническихъ постановленій монаха Граціана, напечатанное майнцкимъ первопечатникомъ Петромъ Шефферомъ, латинская біблія, нюрнбергская хроника болѣе чѣмъ съ 2.000 гравюръ, рѣзанныхъ на деревѣ, и др. При одной изъ книгъ XVI столѣтія («L'horloge des Princes») сохранилась желѣзная цѣпь, которою книги приковывались къ столамъ. Замѣчательны художественно исполненныя изданія венеціанскихъ печатниковъ Альдовъ; среди изданій XVII вѣка слѣдуетъ отмѣтить извѣстныя подъ именемъ эльзевировъ, отличающіяся четкою, красивою печатью и безошибочнымъ наборомъ; любопытна, какъ типографскій курьезъ, книга («Le livre à la mode»), изданная въ 1759 г. и отпечатанная по частямъ желтой, синей, красной, коричневой и другими красками. Въ витринѣ г. Голике, увѣнчанной статуей Гуттенберга, выставлено также нѣсколько характерныхъ китайскихъ изданій съ рисунками юмористическаго содержанія. Въ коллекціи изъ библіотеки П. П. Варгунина, состоящей изъ 2.000 томовъ, можно видѣть такія рѣдкія книги, какъ «Еухологiонъ» (требникъ) Петра Могилы, изданный въ Кіевѣ въ 1646 г., «Генеральная географія» 1718 г. и «Мѣсяцесловъ» 1721 г., въ которомъ, между прочимъ, въ точности указаны дни каждаго мѣсяца, когда слѣдуетъ «кровь пускать» и когда принимать слабительное. Въ той же коллекціи не мало другихъ любопытныхъ изданій прошлаго вѣка, а также множество альманаховъ первой половины нынѣшняго столѣтія и отдѣльныхъ изданій русскихъ авторовъ.

Обширны, интересны и содержательны коллекціи Н. П. Лихачева, изъ которыхъ одна находится въ первой залѣ историческаго отдѣла, а другая—подъ группою «первопечатникъ Иванъ Ѳедоровъ». Въ первой особенное вниманіе обращаютъ манифесты, именныя и сенатскіе указы со времени Петра I и кончая Николаемъ I. Здѣсь можно видѣть, на примѣръ, такія историческія рѣдкости, какъ ма-

нифестъ и указъ отъ имени императора Иоанна Антоновича, такъ называемый «обстоятельный» манифестъ Екатерины II о восшествіи на престолъ, вырѣзавшійся изъ указныхъ книгъ по повелѣнію Павла I, манифестъ, напечатанный славянскимъ шрифтомъ, объявленный Бибиковымъ во время Пугачевского бунта и не вошедшій въ «Полное Собрание Законовъ», присяжные листы императорамъ Иоанну Антоновичу и Константину Павловичу, формы возношеній съ именами Петра I, Петра II съ невѣстою его княжною Меншиковою и Иоанна Антоновича. Любопытны также въ первой коллекціи г. Лихачева различныя реляціи о военныхъ дѣйствіяхъ, которыя рассылались въ прошломъ столѣтіи официально по учрежденіямъ и перепечатывались при «Вѣдомостяхъ», манифесты отдѣльныхъ военачальниковъ, грамоты и патенты, паспорта, и проч. Между прочимъ, выставлены: рѣдчайшій № 11 «Вѣдомостей» за 1709 г., отъ 2-го іюля, съ собственноручнымъ письмомъ Петра I о полтавской баталіи, а также два нумера «Вѣдомостей» (1720 и 1721 г.) съ гравированными видами Петербурга; правительственное разъясненіе о смерти вдовы Араужо; знаменитыя Растопчинскія афиши и подражанія имъ рязанскаго губернатора Бухарина; трехсаженная дворянская грамота славянской печати на склеенныхъ листахъ бумаги; паспортъ временъ Петра III и Екатерины II; пропускной билетъ «шхиперу» 1725 и 1726 гг.; подорожная, напечатанная въ Костромѣ въ 1788 и 1789 гг.; «реестръ» книгамъ, продававшимся въ московской топографіи въ 1751—1752 годахъ, и проч. Вторая коллекція г. Лихачева можетъ быть названа «казанской», такъ какъ заключаетъ въ себѣ все что вышло въ Казани изъ-подъ печатнаго станка въ теченіе 50 лѣтъ со времени его водворенія тамъ (въ 1801 г.). Особенно полно представлена казанская періодическая печать, начиная съ первенца ея, «Казанскихъ Извѣстій» (1811—1820 гг.).

Однимъ изъ любопытнѣйшихъ экспонатовъ историческаго отдѣла, имѣющимъ несомнѣнное научное значеніе и историко-литературную цѣнность, являются составленныя извѣстнымъ библиографомъ Н. М. Лисовскимъ: 1) графическія таблицы русской періодической печати за 1703—1894 годъ; 2) статистическая таблица русской періодической печати за 1703—1880 годы и 3) статистическая таблица современной русской періодической печати въ 1895 году. Первая изъ этихъ таблицъ, имѣющая цѣлью графически изобразить постепенное возникновеніе и время существованія періодическихъ изданій, составитъ, вмѣстѣ съ библиографіей, трудъ въ трехъ выпускахъ; первый изъ нихъ недавно появился подъ заглавіемъ: «Русская періодическая печать 1703—1894 гг.». Важное справочное значеніе этой добросовѣстной работы едва ли нужно объяснять; въ такомъ трудѣ давно чувствовалась настоятельная необходимость: если о періодической печати прошло вѣка можно

было справляться по книгѣ Неустроева «Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ», то для нынѣшняго вѣка ничего подобнаго не было сдѣлано, и г. Лисовскій явился піонеромъ, заслуживающимъ полного сочувствія, поддержки и благодарности за тяжелый кропотливый трудъ. Специально для выставки, только въ одномъ экземплярѣ, въ краскахъ, изготовилъ г. Лисовскій вторую и третью статистическія таблицы, собравъ въ нихъ весьма интересныя свѣдѣнія. Такъ, вторая таблица, имѣющая цѣлю представить количественное развитіе русской періодической печати съ ея возникновенія въ 1703 до 1881 г., свидѣтельствуетъ, что всѣхъ изданій за этотъ періодъ времени насчитывалось 1.353, выходившихъ, въ общей сложности, 11.133 года; средняя долговѣчность каждаго изданія опредѣлялась въ 8,23 года; наиболѣе долговѣчными были изданія официальные: каждое изъ нихъ, въ среднемъ, существовало 17,9 лѣтъ; изданія политическія, общественныя и литературныя въ среднемъ жили не болѣе 5,09 года. Всѣ измѣненія по годамъ обозначены на второй таблицѣ кривыми линиями. Кромѣ общей кривой для всѣхъ изданій, на таблицу нанесены еще пять кривыхъ для пяти наиболѣе крупныхъ и характерныхъ отдѣловъ: 1) изданія политическія, общественныя и литературныя, 2) официальные, 3) ученые и научно-практическія разнообразнаго содержанія, 4) по наукамъ гуманитарнымъ и 5) по наукамъ естественнымъ и физико-математическимъ съ ихъ прикладными знаніями.

Въ третьей таблицѣ современныя изданія, въ числѣ 503, за исключеніемъ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостей, распределены по содержанію и мѣсту печатанія, при чемъ имѣются указанія на время существованія каждаго изданія. Всего въ таблицѣ 10 отдѣловъ; каждый изъ нихъ распадается на три подотдѣла: изданія петербургскія, московскія и провинціальныя. Каждому изданію отведенъ отдѣльный вертикальный столбецъ, длина котораго выражаетъ собою время существованія изданія. Нижній конецъ всѣхъ столбцовъ совпадаетъ съ 1894 годомъ; а верхній начинается отъ года возникновенія изданія. Пробѣлы указываютъ на годы, въ которые изданіе не выходило, а краски свѣтлыхъ тоновъ обозначаютъ, что нынѣшнее изданіе выходило раньше подъ другимъ названіемъ.

Прекраснымъ дополненіемъ къ этимъ оригинальнымъ, интереснымъ таблицамъ былъ докладъ г. Лисовскаго о собираніи и разработкѣ статистическихъ свѣдѣній о книгоиздательствѣ и періодической печати въ Россіи, сдѣланный въ засѣданіи 3-й секціи перваго съѣзда русскихъ дѣятелей по печатному дѣлу. Къ сожалѣнію, этотъ докладъ почему-то не обратилъ должнаго вниманія газетъ и публики, хотя въ немъ затронутъ вопросъ, давно стоящій на очереди и несомнѣнно существенный для правильныхъ выводовъ о развитіи печатнаго дѣла въ Россіи. Кое-что въ этомъ направленіи сдѣлано

и дѣлается, но безсистемно, отрывочно и поэтому ненаучно. Въ своемъ докладѣ г. Лисовскій пришелъ къ заключенію, что необходимо:

1) просить императорскую академію наукъ оказать содѣйствіе къ изданію общаго каталога всѣхъ когда либо выходившихъ у насъ книгъ гражданской печати;

2) просить главное управленіе по дѣламъ печати и главнаго редактора «Правительственнаго Вѣстника» приспособить печатаемые въ «Вѣстникѣ» списки книгъ и періодическихъ изданій къ требованіямъ библіографіи и литературной статистики;

3) просить главное управленіе по дѣламъ печати объ установленіи обязательнаго печатанія на оборотѣ титульныхъ листовъ вновь выходящихъ книгъ библіографическихъ свѣдѣній объ этихъ книгахъ;

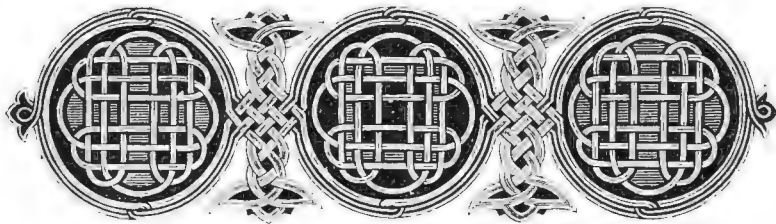
4) просить центральный статистическій комитетъ включить статистику книгоиздательства и періодической печати въ Россіи въ программу обязательной его дѣятельности;

5) признать учрежденіе библіографическаго общества въ Петербургѣ необходимымъ, или какъ учрежденія самостоятельнаго, или какъ особаго отдѣла при возникающемъ обществѣ печатнаго дѣла.

Всѣ высказанныя г. Лисовскимъ пожеланія на столько легко осуществимы, что, надо надѣяться, не пройдутъ безслѣдно и не останутся подъ спудомъ, какъ многія благія намѣренія. Пора, наконецъ, серьезно заняться статистикой русскаго книгоиздательства и повременной печати, пора разобратъ въ огромномъ накопившемся матеріалѣ. Въ своемъ докладѣ г. Лисовскій обстоятельно разработалъ программу собранія подобныхъ статистическихъ свѣдѣній, и такимъ образомъ указалъ пути, по которымъ должны направиться будущіе работники и собиратели. Будемъ надѣяться, что хотя бы ко второй всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла планы г. Лисовскаго, которые, несомнѣнно, раздѣляются всѣми интересующимися успѣхами отечественнаго просвѣщенія, перейдутъ изъ области предположеній въ дѣйствительность.

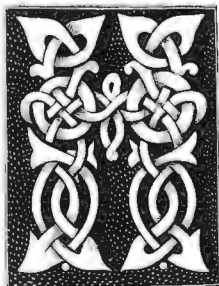
С. Трубачевъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга IX.
Спб. 1895.

ОВЫЙ ТОМЪ обширнаго труда г. Барсукова обнимаетъ собою чрезвычайно интересныя въ лѣтописи русскаго общественнаго развитія 1847 и 1818 годы. Вторая половина этого «замѣчательнаго десятилѣтія» выдвинула на поприще русскаго историческаго науки не мало талантливыхъ молодыхъ силъ, которыя во всеоружіи знанія стали въ оппозицію къ академическимъ традиціямъ старины и оживили страницы журналовъ и специальныхъ изданій бойкой и блестящей полемикой съ представителями стараго начала. Здѣсь повторилась старая исторія борьбы «отцовъ и дѣтей». Рядомъ съ оживленіемъ научныхъ историческихъ вопросовъ мы присутствуемъ въ тотъ же періодъ при окончательномъ разрывѣ двухъ вполне уже сформировавшихся литературно-общественныхъ группъ — западниковъ и славянофиловъ. Этотъ «домашній старыи споръ» обостряется въ 1847 году, получаетъ удивительную жизненность и блескъ и втягиваетъ въ циклъ старыхъ вопросовъ немало новыхъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ современной жизни. Научно-литературныя турниры и схватки Хомякова, Погодина, Ю. Самарина, съ одной стороны, и Вѣлинскаго, Соловьева, Кавелина съ другой, придають журналистикѣ конца сороковыхъ годовъ самый животрепещущій интересъ. Рядомъ съ увеличеніемъ производительной энергии научныхъ и литературныхъ кружковъ Петербурга и Москвы мы наблюдаемъ наступленіе роковаго момента въ жизни нашей интеллигенціи. 1848 годъ, пронесшись грознымъ вихремъ по всей Западной Европѣ, потрясъ до основанія и зданіе духовнаго и умственнаго благополучія русскаго просвѣщеннаго общества. Бурная событія въ жизни нашихъ

западныхъ сосѣдей смутили правительство императора Николая I, и рѣшено было вступить на путь строгой опеки и насильственного успокоенія только-что пробудившейся русской мысли. Какой трагическій моментъ въ исторіи нашего просвѣщенія наступилъ въ тѣ дни! Кругъ дѣятельности университетовъ и права ихъ были суждены, наука поставлена въ положеніе заподозрѣнной, литература объявлена неблагонамѣренной и злоумышляющей. Всѣ проявленія общественной самодѣятельности подвержены ограниченіямъ и строжайшему контролю. Въ русской жизни наступилъ «мертвый штиль». Этотъ періодъ въ исторіи отечественной культуры уже имѣетъ свою исторію, но далеко еще не полную и съ недостаточнымъ освѣщеніемъ всѣхъ ея сторонъ. Каждый новый изслѣдователь второй половины сороковыхъ годовъ, при добросовѣстномъ отношеніи къ своей задачѣ, можетъ найти себѣ еще много работы въ этой области, и труды его всегда будутъ дороги и полны интереса новизны для читателей. Г. Барсуковъ и явился въ настоящемъ X т. «Жизни и трудовъ М. П. Погодина» тѣмъ лѣтописцемъ событій конца «замѣчательнаго десятилѣтія», который сумѣлъ къ источникамъ уже опубликованнымъ прибавить не мало новыхъ, почерпнутыхъ имъ изъ богатаго Погодинскаго архива. Благодаря этому, картина эпохи явилась въ его изложеніи достаточно полной и прекрасно освѣщенной.

Мой взглядъ на методъ работы г. Барсукова и его отношеніе къ изображаемымъ фактамъ уже давно извѣстенъ читателямъ «Историческаго Вѣстника». Отдавая постоянно дань трудолюбію автора, его умѣнью группировать факты, я, однако, считалъ своимъ долгомъ, руководствуясь чувствомъ безпристрастія, отмѣчать и слабыя стороны его работы, которыя главнымъ образомъ усматривалъ въ пристрастной оцѣнкѣ дѣятелей и событій описываемаго времени. Это послѣднее обстоятельство внушало мнѣ безпокойство и страхъ, когда я приступалъ къ чтенію нововышедшаго тома жизнеописанія Погодина. Нерасположеніе автора къ сутолокѣ жизни, его симпатіи къ сторонѣ патриархальнаго строя общества, во-первыхъ, и наступленіе именно оживленія въ исторіи нашего просвѣщенія, гдѣ многое сводилось къ боевымъ вопросамъ времени, во-вторыхъ,—и вызывали во мнѣ опасеніе, что г. Барсуковъ не сумѣетъ найти душевнаго и умственнаго равновѣсія при оцѣнкѣ и описаніи сложныхъ обстоятельствъ, имѣвшихъ мѣсто въ 1847 и 1848 годахъ. Но скоро всѣ мои сомнѣнія и опасенія разсѣялись, какъ дымъ: «минувшіе дни» промелькнули оживленной вереницей, «замолкшія рѣчи» прозвучали въ ихъ правдивой и безпристрастной передачѣ. Правда, изрѣдка проглядывала въ иные моменты личности автора съ нахмуреннымъ челомъ и недовольнымъ видомъ, но это было не надолго, и онъ деликатно спѣшилъ ступеваться, точно подавленный важностью событій и великимъ значеніемъ дѣствующихъ лицъ, вызванныхъ изъ глубины времени передъ читателемъ. Г. Барсуковъ одержалъ немалую побѣду надъ собою и тѣмъ заслуживаетъ самыя горячія симпатіи публики. Хочется отъ всей души сказать ему «спасибо» и пожелать, чтобы онъ и въ дальнѣйшемъ ходѣ своей работы сохранилъ занятое въ настоящее время положеніе, а также, чтобы прекрасный трудъ его пріобрѣталъ все большее и большее распространеніе. Здѣсь такое богатство фактическаго матеріала, такой широкой источникъ литературно-историческихъ свѣдѣній, что всякому русскому просвѣщенному читателю необходимо ознакомиться съ почтеннымъ трудомъ г. Барсукова. Однако, увы! наша публика далеко не въ должной степени умѣетъ цѣнить серьезныхъ работниковъ пера

и относится къ нимъ довольно равнодушно. Доказательство на лицо: изъ предисловія къ IX т. «Жизнеописанія М. П. Погодина» мы узнаемъ, что изданіе это не имѣетъ нужнаго распространенія и не покрываетъ собою значительныхъ расходовъ автора. Суммы, завѣщанной вдовой Погодина на печатаніе біографіи ея мужа, хватило лишь на выпускъ двухъ первыхъ томовъ; остальные, до восьмого включительно, были изданы на личные сбереженія г. Барсукова, а IX т. появляется въ свѣтъ лишь благодаря полученной авторомъ полной преміи графа Уварова. Какой грустный эпизодъ изъ исторіи нашего книгопечатнаго дѣла! Удастся ли изслѣдователю справиться съ дальнѣйшимъ продолженіемъ своего труда? Откуда почерпнетъ онъ на это средства? Хватитъ ли у него силъ на борьбу съ равнодушіемъ публики? вотъ вопросы, которые невольно возникаютъ изъ грустной исповѣди автора, и невольная улыбка скользитъ по устами, когда читаешь на оберткѣ книжки г. Барсукова эпиграфъ изъ Погодина: «Цари и вельможи! покровительствуйте музамъ: онѣ благодарны». Какъ связать и согласовать этотъ эпиграфъ съ тѣмъ, что сказано въ предисловіи къ IX т., и не лучше ли при изданіи послѣдующихъ томовъ снять съ обложки риторическія слова московскаго историка?

1847 годъ начался знаменательнымъ въ литературѣ событіемъ: Плетневъ передалъ «Современникъ» Панаеву и Некрасову, и вотъ въ жизни нашей журналистики является органъ печати, порывающій связь съ своимъ недавнимъ редакціоннымъ прошлымъ и группирующій вокругъ себя плеяду молодыхъ писателей, составившихъ себѣ вѣдѣствіи въ литературѣ громкія и незабвенныя имена. Большинство ихъ «отреклось» отъ «Отечественныхъ Записокъ» Краевскаго и стало съ послѣднимъ журналомъ въ явно враждебныя отношенія. Тутъ впервые проявился расколъ въ русскомъ либеральномъ лагерѣ, имѣвшій въ своемъ основаніи исключительно личныя отношенія писателей между собою. Въ это же время послѣ долгаго молчанія заговорилъ и Погодинъ: онъ, наконецъ, преодолѣлъ свою небрежность и неаккуратность и выпустилъ № «Москвитянина». Съ этого момента и въ теченіе всего года Погодину приходится стоять въ оборонительномъ положеніи противъ нападковъ на него петербургской журналистики, а также и самому предпринимать полемическія диверсіи какъ въ лагерь своихъ литературныхъ противниковъ, такъ и бывшихъ учениковъ, успѣвшихъ съ большимъ успѣхомъ заявить себя на научномъ поприщѣ. Эта борьба съ своими учениками чрезвычайно любопытна; она даетъ обширный матеріалъ для характеристики Погодина и освѣщаетъ многія темныя стороны его натуры. Онъ проявилъ здѣсь крайнюю заносчивость, безтактность, высокомеріе и недостаточную для заслуженнаго ученаго безпристрастность. Лавры молодыхъ учениковъ не давали спокойно спать старому учителю, и онъ безъ достаточнаго основанія и повода обрушился на нихъ всею силою своего научнаго арсенала. Онъ напечаталъ въ «Москвитянинѣ» обширную статью подъ заглавіемъ: «О трудахъ гг. Бѣляева, Бычкова, Калачева, Попова, Кавелина и Соловьева по части русской исторіи»,—статью, послужившую ему вѣдѣствіи источникомъ многихъ непріятностей. Московскій профессоръ отнесся свысока къ молодымъ ученымъ, прочелъ имъ рядъ нотаций, надѣлалъ выговоровъ по части недостаточнаго умѣнья обращаться съ историческимъ матеріаломъ и упрекнулъ ихъ въ склонности болѣе «разсуждать, чѣмъ розыскивать», а также въ пристрастіи къ парадоксамъ. Ученики не остались

въ долгу, и по адресу издателя «Москвитянина» посыпались остроумные и злые отвѣты. Огвѣчали Кавелинъ и Соловьевъ. Кавелинъ, уже успѣвшій заявить себя на страницахъ «Современника» удачной полемикой съ Ю. Самаринымъ, выступилъ и противъ Погодина съ статьёй, полной юмора, злой насмѣшки и мѣткихъ полемическихъ ударовъ. Выщучиваніе противника является главнымъ и опаснымъ орудіемъ въ рукахъ молодого ученаго; онъ пользуется имъ очень ловко, чѣмъ приводитъ въ восторгъ своихъ друзей и единомышленниковъ. «Это не просто зло,—писалъ Кавелину Бѣлинскій, c'est mordant. И чѣмъ эта злость добродушнѣе и спокойнѣе, тѣмъ острѣе ея щучья зубы. Какъ все ловко, мѣтко, какъ съ начала до конца ровно выдержая тонъ... Что если бы вы также высѣкли Самарина, какъ Погодина!» И Соловьевъ, по ироническому замѣчанію Кавелина, «явилъ своему бывшему профессору чувства глубокой признательности» и на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей» далъ сильный отпоръ своему непрощенному наставнику. Отвѣтъ этотъ такъ пришелся не по вкусу Погодину, что онъ написалъ въ своемъ дневникѣ: «Получилъ газеты и нахожу ругательство подлѣйшее и невѣжественное Соловьева. Вотъ подлець-то. И какъ разъ открылся». Полемика ученика и учителя затянулась, и обѣ стороны наговорили другъ другу не мало неприятностей. Читатели, какъ расположенные сердечно къ Погодину, такъ и его недоброжелатели, личные друзья и даже начальство въ лицѣ графа Строганова, всѣ отнеслись съ единодушнымъ осужденіемъ къ этой безтактной полемикѣ, поднятой самимъ Погодинымъ. Всеобщее сочувствіе было на сторонѣ учениковъ, и бывший профессоръ еще разъ въ жизни пережилъ не одну тяжелую минуту, созданную безтактностью, невоспитанностью и заносчивостью. Но у Погодина были и дни торжества. Такъ, когда въ 1843 году надъ петербургской журналистикой («Современникомъ» и «Отечественными Записками») висѣли тучи немилости, Погодинъ ликовалъ въ душѣ, видя недостойное поведеніе нѣкоторыхъ своихъ литературныхъ противниковъ. Измѣна Краевского и громогласное отреченіе его отъ традицій журнала времени Бѣлинскаго доставило московскому публицисту нѣкоторое нравственное удовлетвореніе. Дѣло въ томъ, что Краевскій подъ давленіемъ обстоятельствъ рѣшился отъ себя напечатать въ «Отечественныхъ Запискахъ» патристическую статью «Россія и Западная Европа», въ которой буквально повторилъ положенія и взгляды на этотъ предметъ Погодина, высказанные еще въ въ 1844 году на страницахъ «Москвитянина», то-есть именно то, противъ чего его собственный журналъ при прежнемъ редакціонномъ составѣ горячо и съ успѣхомъ ратовалъ. Погодинъ собрался напечатать по этому предмету громоносную статью, для чего и составилъ параллельныя выписки, но статья эта не была пропущена цензурой, такъ какъ не удостоилась одобренія знаменитаго въ своемъ родѣ «комитета 2-го апрѣля». Радостнымъ событіемъ для издателя «Москвитянина» было и оживленіе въ 1848 году его журнала, благодаря заключенному издательскому союзу съ Шевыревымъ и привлеченію къ журналу многихъ новыхъ сотрудниковъ.

Книжка г. Барсукова такъ богата эпизодами изъ жизни литераторовъ и ученыхъ второй половины сороковыхъ годовъ, что могла бы дать рецензенту немало темъ для компилятивныхъ статей; желательно, чтобы такія не замедлили появляться въ нашей современной прессѣ. Это послужитъ на пользу какъ читающей публики въ ея ознакомленіи съ исторіей русскаго самосознанія, такъ и автора, обративъ необходимое вниманіе на

его заслуживающей всяческих похвалъ прекрасный трудъ. Можетъ быть, ему тогда не придется слѣдующія предисловія писать въ подавленномъ настроеніи, и голосъ его прозвучитъ болѣе радостно и твердо.

Б. Глинскій.

Н. Н. Страховъ. *Объ основныхъ понятіяхъ физиологіи и психологіи. Изданіе второе.* Спб. 1894. Его же. *Философскіе очерки.* Спб. 1895. Его же. *Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ (1862—1885).* Изданіе третье. Спб. 1895.

Въ сравнительно небольшомъ объемѣ первой изъ трехъ названныхъ книгъ, появляющейся вторымъ изданіемъ, автору удалось съ глубокимъ пониманіемъ и точностью выполнить то, что обѣщаетъ читателю заглавіе книги, то-есть дать въ самой элементарной и доступной формѣ критическій очеркъ основныхъ понятій физиологіи и психологіи. Нельзя не порадоваться тому, что пробужденіе философскихъ интересовъ въ нашемъ обществѣ за послѣднее десятилѣтіе выразилось, между прочимъ, потребностью въ этомъ новомъ изданіи. Н. Н. Страховъ—писатель, который не столько подчиняетъ читателя своимъ взглядамъ, сколько заставляетъ его самостоятельно мыслить, пробуждаетъ въ немъ собственное критическое отношеніе къ предмету и потребность въ его всестороннемъ и независимомъ изслѣдованіи, хотя бы даже несогласномъ по своимъ цѣлямъ и задачамъ со взглядами автора, давшего ему первый толчекъ къ этому изслѣдованію. Между тѣмъ названная книга посвящена вопросамъ первостепенной важности, представляя изъ себя критическое обоснованіе не-матеріалистической психологіи и физиологіи. Неопредѣленность выраженія «не-матеріалистическій» вполне характеризуетъ осторожность положенія, принятаго авторомъ, который желаетъ, независимо отъ какихъ бы то ни было положительныхъ ученій, противоположныхъ матеріализму, выяснить, въ примѣненіи къ физиологіи и психологіи, его внутреннюю несостоятельность, его неустойчивость въ самомъ себѣ. Наряду съ этимъ авторъ выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ эмпиризма и крайностей эмпирическаго метода, столь же убѣдительно, какъ безжалостно, разоблачая всю противонаучность этихъ двухъ формъ философскаго невѣжества. Едва ли нужно распространяться о блестящемъ и оригинальномъ выполненіи такой задачи. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что второе изданіе «Основныхъ понятій» будетъ имѣть среди читающей публики еще болѣе быстрый и широкій успѣхъ, чѣмъ первое.

Та же борьба съ матеріализмомъ и эмпиризмомъ проникаетъ и «Философскіе очерки», составившіеся изъ одновременно появившихся статей автора по философскимъ вопросамъ. Но полемика, направленная въ «Основныхъ понятіяхъ» противъ частныхъ, хотя и очень важныхъ, приложений основныхъ началъ эмпиризма и матеріализма, здѣсь обращается уже противъ самыхъ методовъ и системъ. Гегель, Фейербахъ, Клодъ Бернаръ и Шопенгауеръ—вотъ четыре имени, на которыхъ сосредоточивается главный интересъ книги, центральные споры, которые ведетъ авторъ. Въ предисловіи онъ, предупреждая возможные упреки его книгѣ въ отрывочности и неполнотѣ, совершенно справедливо говоритъ, что сочиненія полныя и систематическія очень рѣдко бывають органическими произведеніями ума. Полнота

ихъ достигается всего чаще механическимъ подборомъ частей, а не живую связью между ними. Между тѣмъ жизнь книги состоитъ въ мысли, которая въ ней движется; тамъ, гдѣ мысль прерывается, и ея путь замѣняется мертвыми склейками и вставками или даже простою послѣдовательностью строкъ и страницъ, отсутствіе настоящей связи не всегда ускользаетъ отъ нашего вниманія, почему мы и чувствуемъ себя неудовлетворенными. Отрывочная же статья, именно благодаря своей цѣльности и послѣдовательности, можетъ избѣжать упрека, который мы дѣлаемъ полнымъ и систематическимъ книгамъ. Но, помимо приведенныхъ соображеній автора, отрывочность и неполнота его книги только кажущаяся. Изъ наиболѣе громкихъ философскихъ именъ нашего вѣка мы не встрѣчаемъ въ ея оглавленіи только Канта и Спенсера. Но относительно перваго можно сказать, что на каждой страницѣ «Философскихъ очерковъ» читатель

Старца великаго тѣнь чуетъ смущенной душой;

обязанность же говорить о Спенсерѣ Н. Н. Страховъ уже снялъ съ себя остроумнымъ предисловіемъ къ третьему изданію «Критическихъ статей». Наконецъ, позитивизмъ вообще относится не къ философіи, а къ хроникѣ случайныхъ умственныхъ повѣтрій, и потому Н. Н. Страхову было бы даже странно говорить о немъ въ своей истинно философской книгѣ. Въ цѣломъ авторъ не задается въ ней мыслью создать какую нибудь самостоятельную положительную систему; онъ даже не раскрываетъ въ точности, въ какомъ смыслѣ онъ примыкаетъ къ философіи Гегеля, приверженцемъ которой неоднократно себя заявлялъ; даже его защита гегеліанства главнымъ образомъ поддерживаетъ архитектурическую законченность и, если можно такъ выразиться, философскую эстетичность, массовую стройность и устойчивость этой системы. Что касается тѣхъ мѣстъ книги, которыя посвящены Шопенгауеру, то смѣло можно признать ихъ лучшей и глубокимысленнѣйшей до сихъ поръ оцѣнкою великаго кантическаго пессимиста. Нельзя, впрочемъ, присоединиться къ мнѣнію автора, будто слава Шопенгауера въ настоящее время «уже на исходѣ». Напротивъ, будущее этой славы такъ огромно, что ему и конца не видно изъ нашего кончающагося второго тысячелѣтія. Мы просто переживаемъ эпоху реакціи послѣ чрезмѣрнаго, слишкомъ газетнаго, чтобы быть серьезнымъ, увлеченія Шопенгауеромъ. Философія въ наши дни только-только освободилась отъ ея «Вавилонскаго плѣненія», и надо еще подождать окончателнаго возстановленія забытыхъ храмовъ Канта, Шопенгауера, а быть можетъ, и Гегеля, чтобы судить о долговѣчности ихъ преобразующаго ума и науки величія. Но, конечно, было бы трудно въ настоящую минуту отрицать и возможность возрожденія современемъ въ болѣе совершенныхъ формахъ фихте-гегелевскаго идеализма, котораго Н. Н. Страховъ считаетъ позволятельнымъ ожидать, заканчивая свою превосходную статью «О задачахъ исторіи философіи». Въ заключеніе настоящей рецензіи можно сказать, что знакомство съ «Философскими очерками» обязательно для каждаго, для кого слово философія хоть немного больше, чѣмъ пустой звукъ.

Совершенно другою рода вопросамъ посвящены «Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ». Художественная критика составляетъ самую блестящую сторону литературной дѣятельности Н. Н. Страрова, и его заслуги въ этой области совершенно исключительны. Онъ по

первымъ же произведеніямъ оцѣнили высокое дарованіе графа Толстого; онъ первый провозгласилъ его гениальнымъ писателемъ, а «Войну и Миръ»— всемірно гениальнымъ произведеніемъ; онъ одинъ сумѣлъ дать широкую и правдивую оцѣнку Тургеневу; онъ одинъ, наконецъ, явился продолжателемъ Ап. Григорьева въ дѣлѣ созданія русской критики. «Критическія статьи» являются сводомъ всего, что было писано авторомъ о Тургеневѣ и Толстомъ, и однимъ изъ лучшихъ произведеній русской критики. Не только всякому, кто желалъ бы «прочестъ что нибудь о Толстомъ», но и всякому, кто вообще хочетъ дать себѣ отчетъ въ содержаніи и достоинствахъ его сочиненій, хотя бы только для сознательнаго къ нимъ отношенія, мы не можемъ дать лучшаго совѣта, чѣмъ почаще читать и перечитывать горячую, правдивую, тонкую и глубокую оцѣнку ихъ въ настоящей книгѣ.

Б. В. Н.

Проф. А. Н. Красновъ. Основы землевѣдѣнія. Руководство для студентовъ университета, преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній и самообразования. Выпускъ I. Исторія картографіи, форма земли, распредѣленіе суши и ея строеніе. Харьковъ. 1895.

Ту причудливую мозаику собственныхъ именъ, статистическихъ данныхъ, на память затверженныхъ контуровъ и извилистыхъ линий, наконецъ, отрывковъ изъ болѣе или менѣе витіевато составленныхъ путешественниками описаній видѣнныхъ ими странъ и мѣстностей, которая называется географіей, стремится въ наше время превратить въ науку цѣлая фаланга выдающихся исследователей, среди которыхъ не послѣднее мѣсто занимаетъ профессоръ Красновъ. Это стремленіе, возникшее сравнительно лишь весьма недавно, приводитъ, однако, уже и въ настоящее время къ тому, что «въ предверіи двадцатаго столѣтія», благодаря необычайнымъ успѣхамъ естествознанія и въ особенности тѣмъ изъ нихъ, которыми оно обязано пару и электричеству, мы встрѣчаемъ географію, какъ науку, занимающуюся, по опредѣленію профессора Краснова, изученіемъ современнаго состоянія земной поверхности. Такая запоздалость географіи объясняется именно ея тѣсной зависимостью отъ прочихъ естественныхъ наукъ, особенно блистательный расцвѣтъ которыхъ относится ко второй половинѣ истекающаго столѣтія. По неотразимо вѣрнымъ и глубокимъ словамъ Н. Я. Данилевскаго («Россія и Европа», стр. 77 и сл.), степень совершенства, достигнутого какою-либо наукой, степень пониманія входящихъ въ кругъ ея предметовъ или явленій въ точности выражается тѣмъ, что зовется системою науки, то-есть не тѣмъ или другимъ способомъ ея изложенія, но группировкой этихъ предметовъ или явленій сообразно ихъ взаимному средству и дѣйствительнымъ отношеніямъ другъ къ другу. Только со времени уясненія этой истинной или, какъ чаще говорятъ, естественной системы и возможно прилагать названіе науки къ какой бы то ни было изъ отраслей человѣческаго знанія. Между тѣмъ именно тяготѣніе къ такой системѣ слышится намъ въ словахъ профессора Краснова, когда онъ говоритъ, что географія стремится «найти причинную связь между формами и явленіями, сочетанія коихъ обуславливаютъ несходство различныхъ частей этой поверхности, и изслѣдуетъ ихъ характеръ, распредѣленіе и вліяніе на жизнь и культуру

человѣка». Иными словами, географія, какъ наука, имѣетъ тую задачу: 1) классифицировать особенности земной поверхности; 2) выяснитъ ихъ генезисъ въ цѣломъ и въ частностяхъ; 3) выяснитъ значеніе земной поверхности въ исторіи и культурѣ человѣчества. При такомъ ея пониманіи географія оказывается переходнымъ звеномъ отъ космографіи, или исторіи неба, и геологіи, или исторіи земного шара, къ исторіи человѣчества, то есть народовъ и культуръ. Въ связи съ этимъ, по плану автора, къ настоящему первому выпуску въ скорости должны будутъ присоединиться еще три, посвященные: второй—атмосферѣ, ея дѣйствию на сушу и море, климатамъ суши и явленіямъ на морѣ, ею создаваемымъ; третій—морфологіи земной поверхности, водамъ суши и географіи почвъ, растений и животныхъ; наконецъ, четвертый—законамъ, управляющимъ размещеніями человѣчества, условіямъ, вліяющимъ на создаваемые имъ культуры, и основамъ научной географической классификаціи. Нечего и говорить о важномъ значеніи и глубокомъ интересѣ подобнаго труда для всѣхъ и cadaго, тѣмъ болѣе, что немного тяжеловѣсное по слогу изложеніе автора достаточно ясно и понятно, чтобы сдѣлать его книгу доступною для очень широкаго круга читателей. Многочисленныя иллюстраціи еще болѣе облегчаютъ ея чтеніе; нельзя, впрочемъ, не указать автору, что корректура его книги очень небрежна, главнымъ образомъ въ отношеніи знаковъ препинанія, разстановка которыхъ дѣлаетъ порою положительно непонятными нѣкоторыя фразы—хотя бы, напримѣръ, на стр. 5: «Знанія эти получены однако только, что и даже до сихъ поръ не всѣ». Книга профессора Краснова интересна также и тѣмъ, что является первымъ русскимъ университетскимъ курсомъ географіи. Мы твердо убѣждены, что включеніе географіи въ кругъ обязательныхъ предметовъ университетскаго образованія безъ различія факультетовъ составляетъ предметъ насущной необходимости. Знакомство съ этой наукой при ея правильномъ пониманіи требуетъ уже многочисленныхъ подготовительныхъ знаній и извѣстной широты развитія, которыми никто почти не можетъ обладать въ гимназическомъ возрастѣ. Оттого-то въ гимназіяхъ она и превращается такъ легко въ какое-то зазубриванье номенклатуръ, стирающихся въ памяти по окончаніи экзамена и нимало не подновляемыхъ въ университетѣ. Между тѣмъ, не говоря уже о томъ, что даже эти номенклатуры поминутно могутъ понадобиться и въ частной жизни, и въ общественной дѣятельности, географія, кромѣ того, еще тѣсно связана съ основами всего университетскаго преподаванія. Мѣсто ея среди естественныхъ наукъ очевидно и неоспоримо; неразрывная близость ея съ исторіей точно также ни въ комъ не можетъ возбудить сомнѣній; но не менѣе неразрывна и связь ея съ политической экономіей, государственнымъ, полицейскимъ, международнымъ правомъ, а въ особенности съ общеобразовательнымъ юридическимъ предметомъ—соціологіей, ведущей свое родословіе отъ Монтеסקье, впервые подчеркнувшаго, быть можетъ, даже нѣсколько преувеличенно вліяніе климата и почвы на нравы и законодательство. Въ виду этого преподаваніе географіи давно пора перенести изъ гимназій въ университеты, сдѣлавъ ее обязательнымъ на всѣхъ факультетахъ предметомъ, подобно тому, какъ давно пора сдѣлать исторію, по крайней мѣрѣ хоть отечественную, обязательнымъ предметомъ на юридическомъ факультетѣ. Видъ и теперь трудно себя представить университетски образованнаго человѣка, который бы не испытывалъ къ своимъ географическимъ познаніямъ самыхъ ощути-

тельныхъ пробѣловъ, къ счастью, могущихъ быть восполненными въ настоящее время, благодаря книгѣ профессора Краснова, предназначенной, между прочимъ, и для самообразованія. При такомъ важномъ и обширномъ ея значеніи было бы весьма желательно возможно скорѣйшее появленіе въ печати дальнѣйшихъ выпусковъ «Основъ землевѣдѣнія». Б. В. Н.

Дешевая Библіотека. Чедомилъ Міатовичъ. Константинъ, послѣдній византійскій императоръ, или завоеваніе Константинополя турками (1453). Спб. 1895.

Послѣ паденія Іерусалима врядъ ли какое историческое событіе такъ полно драматическаго ужаса, какъ завоеваніе Константинополя турками. Въ обоихъ случаяхъ мы наблюдаемъ побѣду силъ организованныхъ надъ неорганизованными, сумѣвшихъ во время воспользоваться удобнымъ историческимъ моментомъ. Условія общественной и религіозной жизни подорвали силы христіанскаго государства; дряхлѣющая Византія, снѣдаемая внутренними раздорами, нелюбимая сосѣдними единовѣрными народами, деморализованная правящими сферами и духовными вождями въ лицѣ представителей церкви, не могла дать отпора юному и стойкому народу, одушевленному фанатическимъ ученіемъ Магомета. «Византизмъ подготовилъ путь къ турецкому нашествію,—говоритъ г. Міатовичъ.—Онъ ослабилъ балканскіе народы, уничтожилъ ихъ нравственную устойчивость и породилъ эгоизмъ, который былъ источникомъ всевозможнаго зла». Рядомъ съ этимъ дѣйствовали и иныя причины, легшія въ основаніе гибели столицы греческихъ императоровъ; причины эти кроются въ отношеніяхъ, давно установившихся между христіанскимъ Западомъ и Востокомъ. «Міры византійскій и латинскій были въ постоянной враждѣ въ теченіе вѣковъ,—разъясняетъ авторъ «Завоеванія Константинополя».—Раздѣленіе церквей, крестовые походы, завоеваніе Константинополя латинянами, честолюбіе папъ и сицилійскихъ королей, даже попытки къ примиренію церквей—все это способствовало разстройству жизненныхъ силъ Византійской имперіи. Не только западные христіане не пришли на выручку своихъ восточныхъ братьевъ въ часъ нужды, но папская политика даже подкапывалась подъ фундаментъ древней имперіи Востока и ненамѣренно, но, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно положила основаніе прочному водворенію магометанскаго владычества въ Европѣ». Покинутая западными братьями во Христѣ, Византія, не смотря на всю безграничную энергію и мужество своего императора и вѣрнаго ему войска, недолго была въ состояніи отражать нападенія прекрасно вооруженныхъ, испытанныхъ въ бояхъ и правильно дисциплинированныхъ мусульманскихъ полчищъ, нашедшихъ себѣ, въдобавокъ, значительное подкрѣпленіе со стороны христіанскихъ же, славянскихъ народностей. Бокъ-о-бокъ съ янычарами противъ Константина Палеолога дрались многочисленныя славянскія войны, и греческое войско, уступавшее въ численности врагамъ, терпѣло жестокія пораженія, какъ отъ ятагановъ инновѣрцевъ, такъ и копій и стрѣлъ своихъ собратьевъ. Всѣ невзгоды скопились надъ бѣдной головой послѣдняго византійскаго правителя, и сама судьба точно содѣйствовала, чтобъ христіанскій крестъ св. Софіи склонился передъ полумѣсяцемъ на знамени Магомета II.

«истор. вѣстн.», июнь, 1895 г., т. I. х.

Серьезныхъ причинъ для войны собственно не было; были лишь поводы, нарочито для того придуманные честолюбивой энергіей потомка великаго пророка, и необдуманная, несогласная съ дальновидной политикой, дѣйствія греческаго правительства. Мусульманинъ перехитрилъ грека, и вскорѣ Константинъ попалъ въ собственную же ловушку. Напрасно пытался онъ разными компромиссами, сдѣлками и уступками снискать себѣ прежнее расположение Магомета, тщетно пытался онъ найти и примиреніе съ папой. Условія, выставленныя римскимъ первосвященникомъ, были унижательны; когда же, подавленный несчастіями судьбы, императоръ согласился даже и на униженіе передъ Римомъ, лишь бы только спасти свою имперію отъ мусульманскаго порабоженія, то дѣйствія его не встрѣтили сочувствія подвластнаго народа. На улицахъ Константинополя раздавались многочисленныя и громкіе голоса, утверждавшіе, что лучше подчиниться невѣрнымъ, нежели идти на уступки поганымъ латинянамъ. Историческая руководящая нить была потеряна, здравый смыслъ затемненъ эгоизмомъ и свѣрыными инстинктами!

Приготовленія къ войнѣ начались въ концѣ 1452 года, а въ маѣ 1453 года Константинополь уже палъ. Г. Міятовичъ на основаніи «Дневника» венеціанца Барбаро, мемуаровъ Фрицеца, друга императора Константина, доклада, представленнаго папѣ архіепископомъ хіосскимъ, Леонардомъ, и «Славянскаго Дневника» очевидца рисуетъ подробную, полную трагизма и ужаса, осаду Константинополя. Авторъ ведетъ свое повѣствованіе ровно, безъ шаржа, патетическихъ восклицаній и дѣланныхъ эффектовъ; отъ этого производимое впечатлѣніе только усиливается, и описываемыя событія получаютъ историческую достовѣрность и драматическій ужасъ. Популярно изложенная книжка читается легко, съ большимъ интересомъ и вполне наглядно знакомитъ читателя съ всемірнымъ событіемъ, имѣвшимъ роковое значеніе для послѣдующей исторической жизни Востока и Запада. Для насъ, русскихъ читателей, исторія взятія Константинополя турками и утвержденіе на берегу Босфора Оттоманской имперіи представляетъ особенный интересъ. Наша политическая лѣтопись, начиная съ XVI столѣтія и до настоящихъ дней включительно, тѣсно связана съ судьбою сіятельной Порты. «Восточный вопросъ» уже не одно столѣтіе стоитъ передъ нами неразрѣшеннымъ и, какъ нѣкогда послѣдній изъ династіи Полеологовъ, взывая къ западнымъ сосѣдямъ о помощи, встрѣчалъ со стороны ихъ или явное недоброжелательство, или пассивный индифферентизмъ, такъ точно и русскій народъ въ своихъ отношеніяхъ къ потомкамъ великаго пророка наталкивается, наперекоръ исторической логикѣ и политическому разсудку, на хитро построенныя и крѣпко сколоченныя дипломатическія преграды, предназначенныя къ охраненію мусульманскаго міра. Народы Запада считаютъ болѣе справедливымъ и выгоднымъ для себя поддерживать интересы азіатскихъ пришельцевъ, нежели протянуть руку содѣйствія своимъ восточнымъ собратьямъ въ ихъ стремленіи объединить весь европейскій континентъ единою христіанскою культурою!.. Уроки исторіи точно пропали даромъ, и «честные маклера» Германіи и Англіи и о сю пору придерживаются политики, завѣщанной имъ предками еще съ 1453 года.

Б. Г.

А. Стадницкій. Гавріилъ Банулеско-Бодони, экзархъ молдо-влахійскій (1808—1812 гг.) и митрополитъ кишиневскій (1813—1821 гг.). Съ фототипическимъ изображеніемъ и автографомъ митрополита Гавріила. Кишиневъ. 1895.

Дѣятельность и личность преосвященнаго Гавріила представляютъ для историка значительный интересъ. Сынъ молдавскаго дворянина, проживавшаго въ городѣ Быстрицѣ, въ Трансильваніи, получившій первоначальное образованіе въ седмиградскомъ и будапештскомъ училищахъ и довершившій его въ Киевской духовной академіи и высшихъ духовныхъ школахъ Греціи, Гавріилъ, въ мѣръ Григорій Банулеско-Бодони, началъ свою карьеру учителемъ въ одномъ изъ незначительныхъ городовъ своей родины. Вскорѣ, однако, онъ перешелъ въ Яссы и здѣсь обратилъ на себя вниманіе тогдашняго молдавскаго митрополита Гавріила Калимаха, который счелъ нужнымъ отправить его для усовершенствованія въ наукахъ въ греческое училище на островъ Патмосъ. По дорогѣ на Патмосъ, Банулеско-Бодони принялъ монашество въ Константинополь, въ Успенскомъ соборѣ, отъ руки самого патріарха. Моровая язва заставила молодого монаха бѣжать на родину. Онъ вернулся въ Яссы и снова опредѣлился учителемъ мѣстнаго училища. Черезъ годъ былъ посвященъ во іеромонаха и назначенъ проповѣдникомъ митрополичьей катедры. Но судьба не допускала Гавріила засиживаться долго на одномъ мѣстѣ. Школа, въ которой онъ былъ преподавателемъ, подверглась опалѣ вслѣдствіе подозрѣній въ сочувствіи массонству. Отказавшись отъ своего мѣста, Гавріилъ, по приглашенію своего старшаго товарища, бывшаго тоже замѣчательнымъ іерархомъ нашей церкви, Никифора Θεотоки, архіепископа славянскаго (полтавскаго), перешелъ въ Полтавскую семинарію преподавателемъ греческаго языка. Не ужившись и здѣсь, года черезъ три вернулся въ Яссы и получилъ тамъ отъ своего стараго покровителя, митрополита Гавріила Калимаха, санъ архимандрита, а когда старецъ митрополитъ почувствовалъ приближеніе смерти, то завѣщаль избрать своего ставленника архимандрита во епископа. Завѣщаніе, вслѣдствіе возникшихъ интригъ, не было выполнено. Тогда Гавріилъ, чувствуя себя обиженнымъ, послѣ нѣкотораго скитанія на родинѣ, снова вышелъ въ Россію. На этотъ разъ счастье ему улыбнулось. Онъ тотчасъ же былъ опредѣленъ ректоромъ Полтавской семинаріи, черезъ три года посвященъ во епископа бѣлградскаго и бендерскаго, а спустя два мѣсяца назначенъ митрополитомъ молдавскимъ. Управлять митрополіей Гавріилу пришлось не долго. Молдавія, оставленная занимавшими ее во время второй турецкой войны русскими войсками, подверглась снова сильному вліянію турецкаго произвола, стремившагося поскорѣе стереть всякіе слѣды недавняго русскаго владычества. Къ тому же митрополитъ былъ назначенъ русскою властью, помимо константинопольскаго патріарха, что очень не нравилось послѣднему. Въ іюнѣ 1792 года Гавріилъ былъ схваченъ арнаутами и подъ стражею доставленъ въ Константинополь. Мужество и рѣшимость, выказанныя митрополитомъ во время этого незаслуженнаго ареста, а также настоянія нашего посла при Портѣ Кочубея была причиною скорого освобожденія преосвященнаго узника. 10-го мая 1793 года онъ былъ назначенъ на вакантную екатеринославскую (новороссійскую) катедру, а 29-го сентября 1799 года—на кievскую митрополію. Въ 1803 году, по прошенію, вслѣдствіе болѣзни, уво-

лень на покой. Въ 1808 году онъ снова былъ назначенъ синодальнымъ членомъ и экзархомъ св. синода въ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, снова занятыя русскими войсками. Съ этихъ поръ, судя по книгѣ г. Стадницкаго, и начинается собственно историческая дѣятельность митрополита Гавріила по приведенію довольно нестройнаго молдавскаго церковнаго управленія къ порядкамъ, принятымъ въ русской церкви. Митрополитъ Гавріилъ исправилъ нѣкоторыя уклоненія молдавской богослужебной практики отъ православнаго восточнаго чина, учредилъ дикастеріи, канцелярію, назначилъ благочинныхъ, для которыхъ издалъ особую инструкцію, завелъ метрическія книги при церквахъ въ установленной формѣ, кружки для сбора пожертвованій, установилъ церковныхъ старостъ съ строгою церковною отчетностью, способствовалъ уменьшенію безмѣстныхъ священниковъ, положительно наводнявшихъ собою Молдавію и, по выраженію одного румынскаго историка, соперничавшихъ по количеству съ мірянами, въ значительной степени освободилъ духовенство отъ вліянія на его дѣла свѣтской власти, способствовалъ освобожденію его отъ повинностей и податей, которымъ оно подлежало, и пр., и пр. Само собою разумѣется, что реформаторская дѣятельность митрополита Гавріила не могла не возбудить протестовъ. Изложенію борьбы съ противниками реформъ—валахскимъ духовенствомъ и боярами и такъ называемыми «преклоненными» (зависящими отъ восточныхъ, большею частью, отъ аеонскихъ или палестинскихъ) монастырями—посвящена цѣлая обширная глава книги г. Стадницкаго. По бухарестскому миру 16-го мая 1812 года за Россіей остались только Бессарабія и небольшая часть Молдавіи, остальная же часть послѣдней и Валахія отошли снова къ Портѣ. Митрополитъ Гавріилъ переселился въ Бессарабію, въ небольшое тогда селеніе Кишиневъ, и въ продолженіе восьми лѣтъ управленія новою епархіей устроилъ ее по всѣмъ частямъ: выстроилъ архіерейскій домъ, учредилъ семинарію, принялъ серьезныя мѣры къ уничтоженію господствовавшихъ среди значительно деморализованнаго молдавскаго духовенства бродяжничества, пьянства и другихъ пороковъ, заводилъ по монастырямъ общежительные порядки, заботился объ усиленіи церковной проповѣди и народнаго просвѣщенія, учредилъ экзархскую типографію для печатанія на молдавскомъ нарѣчій богослужебныхъ книгъ, которыя подвергъ исправленію, трудился надъ молдавскимъ переводомъ библіи и пр. По молдавскимъ обычаямъ, какъ первоприсутствующій въ диванѣ, митрополитъ Гавріилъ принималъ видное участіе и въ дѣлахъ часто гражданскихъ.

Дѣятельность преосвященнаго Гавріила въ Валахіи, Молдавіи и Бессарабіи, за 1808—1821 гг., въ книгѣ г. Стадницкаго изложена съ большою обстоятельностью и полнотою. Авторъ не ограничивается изображеніемъ тѣхъ или другихъ сторонъ церковно-гражданской жизни Молдавіи, на которыя была направлена дѣятельность митрополита Гавріила, но углубляется въ выясненіе причинъ, давшихъ ту или другую окраску этой жизни. Можно бы даже упрекнуть автора въ излишней склонности къ историческимъ экскурсамъ: въ книгѣ, посвященной дѣятелю XIX столѣтія, читателю не разъ приходится встрѣчаться съ VIII, VI, даже III и II вѣками, не говоря уже о XV, XVI, XVII. Нѣкоторымъ оправданіемъ автору могло бы служить только то, что румынская исторія и литература у насъ мало извѣстны, а книга г. Стадницкаго составлена въ значительной степени по румынскимъ источникамъ.

Излагая съ обстоятельностью и полнотою дѣятельность митрополита Гавріила по управленію молдо-влахійскимъ экзархатомъ и кишиневскою митрополіею (точасъ же по смерти митрополита переименованною въ епархію 2-го класса), г. Стадницікій даетъ лишь краткія справочныя свѣдѣнія о предшествующей жизни преосвященнаго Гавріила и вовсе не касается дѣятельности его на екатеринославской и кіевской кафедрахъ. Такимъ образомъ, въ книгѣ г. Стадницакаго историческая личность митрополита Гавріила освѣщается не вполне, и самая книга теряетъ значеніе цѣльной монографіи, являясь для послѣдней только матеріаломъ, правда, очень цѣннымъ и обработаннымъ. Судя по заголовку сочиненія, авторъ имѣлъ въ виду скорѣе представить цѣльную картину молдо-влахійской церковной жизни въ періодъ управленія митрополита Гавріила, нежели дать полную монографію о послѣднемъ. Но содержаніе книги, которая мѣстною церковною жизнью Молдо-Валахіи занимается лишь на столько, на сколько это нужно, чтобы освѣтить именно личную дѣятельность преосвященнаго Гавріила, наконецъ, собственное и неоднократно сознание автора, что по тому или другому вопросу у него не имѣется свѣдѣній, говорятъ намъ о другомъ. Эти свѣдѣнія, объ отсутствіи которыхъ сожалѣть г. Стадницікій, онъ легко могъ бы найти въ архивахъ екатеринославской и кіевской духовныхъ консисторій и особенно въ архивѣ святѣйшаго синода, представляющемъ богатѣйшій и единственный по полнотѣ источникъ матеріаловъ для исторіи епархій. Полное невѣдомство автора съ этимъ архивомъ—крупная его ошибка.

Сочиненіе г. Стадницакаго раздѣлено на двѣ части: первая часть посвящена дѣятельности митрополита Гавріила въ бытность молдо-влахійскимъ экзархомъ, вторая—кишиневскимъ митрополитомъ. Въ свою очередь обѣ части раздѣлены на главы, первая на три, вторая на двѣ. Въ обѣихъ частяхъ по одной главѣ отведено «церковно-іерархической» дѣятельности митрополита Гавріила и по одной главѣ его «церковно-административной» дѣятельности. Нельзя сказать, чтобы это послѣднее раздѣленіе было вполне отчетливымъ и яснымъ, но оно способно поставить читателя положительно въ тупикъ, когда въ отдѣлѣ «церковно-административной» дѣятельности онъ встрѣчаетъ описаніе борьбы митрополита съ высшимъ молдавскимъ духовенствомъ и боярами, или проектъ переустройства молдо-влахійскаго экзархата, а въ главѣ о «церковно-іерархической» дѣятельности наталкивается на мѣры митрополита Гавріила къ прекращенію чумы въ Бессарабіи. Одна глава (первая первой части) посвящена біографическимъ свѣдѣніямъ о митрополитѣ до назначенія его молдо-влахійскимъ экзархомъ. Обѣимъ частямъ предпослано введеніе, занимающееся состояніемъ молдо-влахійскихъ княжествъ въ XVIII вѣкѣ и участіемъ Россіи въ судьбахъ ихъ. При первой и второй главахъ, а затѣмъ въ концѣ книги сдѣланы приложенія, имѣющія безспорный интересъ, по скольку они представляютъ собою выписки изъ архивныхъ документовъ, и только одно приложеніе (къ первой главѣ), опытъ критическаго таланта г. Стадницакаго, способно вызвать улыбку читателя своею наивностью.

Въ изложеніи своего матеріала г. Стадницікій строго слѣдуетъ документальнымъ даннымъ и ведетъ нерѣдко рассказъ непосредственно по документамъ. Языкъ книги въ общемъ правильный, хотя нѣкоторыя слова и выраженія автора способны привести читателя въ недоумѣніе. Такъ, г. Стадницікій употребляетъ слово «защипеніе» вмѣсто защита (оглавленіе), «вожте

лѣніе» въ смыслѣ завѣтныхъ стремленія, на стр. IX говоритъ: «въ румынской литературѣ мы нашли только одну и, замѣтимъ, единственную небольшую статью...»; на стр. 5: «по этому вопросу послѣдняго слова науки еще не послѣдовало»; стр. 9: «султаны не имѣли силы возвышать новые налоги» и др. Кіевскую митрополию авторъ почему-то называетъ «этимъ полупольскимъ краемъ» (стр. 81), Наполеона I титудуетъ «Великимъ» — именованіе, сколько извѣстно, Наполеону не присвоенное. Особенностью стиля г. Стадницкаго слѣдуетъ признать его частыя приглашенія читателя останавливаться на томъ или другомъ вопросѣ. Стр. 62: «мы считаемъ благовременнымъ остановиться»... Стр. 87: «мы немного остановимся»... Стр. 91: «считаемъ нужнымъ и благовременнымъ остановиться нѣсколько»... Стр. 100: «считаемъ нужнымъ остановиться немного»... Стр. 123: «считаемъ нужнымъ остановиться нѣсколько»... Стр. 165: «останавливаемся и на этой сторонѣ»... и т. д. Правда, у насъ ученые рѣдко пишутъ «легкимъ стилемъ», чтеніе научныхъ книгъ въ самомъ дѣлѣ бываетъ зачастую утомительнымъ, и предупредительность г. Стадницкаго въ отношеніи къ своимъ читателямъ едва ли можно иначе назвать, какъ любезною.

Само собою разумѣется, что указанныя шероховатости сочиненія г. Стадницкаго, замѣтныя для обыкновеннаго читателя, теряютъ свою силу, когда рѣчь заходитъ о научномъ достоинствѣ книги. Въ этомъ отношеніи книга г. Стадницкаго, безспорно, цѣнный вкладъ въ нашу церковно-историческую науку, представляя богатый и неизвѣстный доселѣ матеріалъ для исторіи кишиневской епархіи въ первые годы ея существованія. Кромѣ румынскихъ историковъ, совершенно прибавимъ, у насъ невѣдомыхъ, авторъ пользовался для своей книги архивами кишиневской духовной консисторіи (цитируется 66 дѣлъ) и бессарабскаго губернскаго правленія (около 30 дѣлъ). Сверхъ того, г. Стадницкій заявляетъ въ предисловіи, что источникомъ для его книги служили еще архивъ кишиневской духовной семинаріи, и приводитъ въ текстѣ нѣсколько выписокъ «изъ нашего собственнаго архива». Но изъ перваго архива мы въ книгѣ вовсе не нашли цитатъ, а относительно втораго должны замѣтить, что если судить о немъ по тому количеству матеріала, который приведенъ изъ него въ книгѣ г. Стадницкаго (что мы сдѣлать въ правѣ, такъ какъ авторъ не сообщаетъ намъ объ этомъ архивѣ никакихъ свѣдѣній, хотя въ литературѣ, сколько намъ извѣстно, архивъ этотъ до сихъ поръ вовсе не былъ извѣстенъ), то добрый канцелярскій конвертъ могъ бы служить для «нашего собственнаго архива» вовсе не тѣснымъ помѣщеніемъ.

С. Г. Рункевичъ.

Викторъ Чаевскій. Warszawa illustrowana. T. I. Stara Warszawa. Варшава. 1895.

Варшава, бывшая уже въ концѣ XII столѣтія городомъ, имѣетъ, какъ и слѣдовало ожидать, цѣлую фалангу историковъ. Еще въ 1643 году Адамъ Яржемскій, придворный архитекторъ Владислава IV, далъ историческое описаніе Варшавы стихами (напечатано въ «Zbiorze pamiętników o dawnéj Polsce», т. III), въ XVIII столѣтіи Христіанъ Еридтель, придворный докторъ Августа II, издалъ въ Дрезденѣ «Varsovie physice illustrata», въ концѣ того же столѣтія описалъ Варшаву Т. Шульцъ въ сочиненіи «Reise eines

Lifländers von Riga nach Warschau» (3 т., Берлинъ, 1793). Въ настоящемъ столѣтїи занимались исторією Варшавы: Лука Голонбювскій («Opisanie W.», Варшава, 1827), Антоиѣ Маріеръ («Estetyka miasta W.»), Фр. Собѣщанскій («Bis historyczno-statystyczny wzrostu i stanu miasta W. od najdawniejszych czasów do 1847 r.», В., 1848), Алекс. Вейнертъ («Starożytności W.», 6 т., В., 1848—1858, и «Zabytki urzędzeń sądowych miasta W.», 4 т., 1869—1872), кс. Фр. Куровскій («Wiadomość historyczna o kościele metropolitalnym św. Jana w W.», 1841 и др.), Ю. Бартошевичъ («Kościoły warszawskie rzymsko-katolickie», В., 1855 и проч.), К. Войницкій («Cmentarz Powązkowski», 3 т., В., 1855—1858, и «Warszawa i jej społeczność w początkach naszego stolecia», В., 1875), Вилгельмъ Кольбергъ, Витольдъ Заленскій и многіе другіе (какъ въ отдѣльныхъ трудахъ, такъ и въ периодическихъ изданіяхъ). Нынѣ къ нимъ присоединился и г. В. Чаевскій, задавшійся цѣлью выпустить въ свѣтъ «Иллюстрированную Варшаву».

Намъ неизвѣстно, изъ сколькихъ томовъ будетъ состоять трудъ г. Чаевского, но въ первомъ томѣ рассказывается исторія первоначальной Варшавы, т. е. Старого и Новаго Мѣста. Авторъ раздѣлилъ первый томъ на вступленіе, заключающее въ себѣ біографію патрона Варшавы, блаж. Ладислава или Владислава изъ Гельніова († 1505 г.), и двѣнадцать главъ. Изъ нихъ въ I содержится рассказъ о доисторическихъ временахъ города (стр. 1—9), во II—о Варшавѣ во времена князей Мазовецкихъ и Чешскихъ (10—24), въ III—объ Уяздовѣ (25—29), въ IV—о князѣ Янушѣ Старшемъ, его супругѣ Аннѣ и Болеславѣ IV (30—41), въ V—о мазовецкомъ законодательствѣ (42—53), въ VI—о прежнихъ стѣнахъ (54—63), въ VII—о внутренней исторїи Варшавы (64—79), въ VIII—о памятникахъ зодчества (80—90), въ IX—о королевѣ Бонѣ и Аннѣ Ягеллонкѣ (91—100), въ X—о замкѣ (101—131), въ XI—о печатяхъ князей на Черскѣ и Варшавѣ (132—142) и въ XII—о возникновенїи Новаго Мѣста и объ отношенїяхъ его къ старой Варшавѣ, о ремесленникахъ и водопроводахъ въ старой и новой Варшавѣ (143—152). Въ этихъ главахъ объ одномъ авторъ говоритъ черезчуръ подробно, напримѣръ, о смерти Сигизмунда III (гл. X, стр. 124—126), о королевѣ Марїи-Людовикѣ (ib., 127—130), о другомъ, и при томъ наиболѣе существенномъ для исторїи Варшавы, совсѣмъ умалчиваетъ, такъ, напримѣръ, мы совсѣмъ ничего не нашли касательно исторїи варшавскаго герба (сирена съ мечемъ). Впрочемъ, говоримъ это не въ виду упрека г. Чаевскому. Быть можетъ, пропущенное въ первомъ томѣ найдетъ себѣ мѣсто въ послѣдующихъ.

Обращаясь къ иллюстраціямъ, мы находимъ всѣ 47 рисунковъ исполненными вполне художественно и отчетливо. Впрочемъ, это и неудивительно: большинство ихъ (относящїеся къ Старому Мѣсту) заимствованы изъ извѣстной польской иллюстраціи «Tygodnik Ilustrowany», гдѣ онѣ были помѣщены года три тому назадъ, въ качествѣ иллюстрацій при статьѣ «Прогулка по Старому Мѣсту», принадлежащей, сколько помнится, перу г. Гавалевича. Но въ вышедшемъ томѣ мы не видимъ снимковъ ни замковой площади, ни самаго замка, хотя послѣднему авторъ посвятилъ цѣлую (X) главу. Рисунокъ: Варшава подъ покровомъ ночи, видъ со стороны Новаго Мѣста (стр. 102), могъ бы быть замѣненъ болѣе поэтичнымъ, хотя бы видомъ площади Старого Мѣста ночью,—изъ того же «Tygodnik'a», а костель «Панны Марїи на Нове Мѣсто» (152), безъ сомнѣнїя, заслуживалъ бы, ради своей древности, болѣе лучшаго снимка.

Въ типографскомъ отношеніи книга издана безупречно и по своей цѣнѣ (1 р. 25 к.) не можетъ быть названа дорогою. Но приложенныя въ концѣ ея рекламы и объявленія могли бы найти болѣе подходящее для себя мѣсто въ послѣднемъ томѣ изданія, который, конечно, будетъ посвященъ описанію современной Варшавы.

Г. Воробьевъ.

Автобіографія Гервинуса. Съ четырьмя портретами. Переводъ Эдуарда Циммермана. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1895.

Это, безъ сомнѣнія, и занимательная, и полезная книга, а все же тотъ, кто приобрѣтетъ ее по заглавію, испытаетъ довольно горькое разочарованіе. Георгъ Готфридъ Гервинусъ, высокоталантливый историкъ, критикъ и историкъ литературы, монографія котораго о Шекспирѣ до сихъ поръ пользуется во всѣхъ странахъ большимъ авторитетомъ, авторъ «Исторіи XIX вѣка», имѣющей во всякой порядочной даже частной библіотекѣ, извѣстность и какъ политическій дѣятель конца тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, отрицательное отношеніе котораго къ насильственному объединенію Германіи и его устроителю Бисмарку въ свое время надблало не мало шуму. Всякій, кто увидитъ въ продажѣ его автобіографію, пожелаетъ прочесть ее прежде всего потому, что будетъ надѣяться найти въ ней рассказъ о скромно геройскомъ поступкѣ семи профессоровъ Геттингенскаго университета, которые въ 1837 году отважно протестовали противъ нечестнаго поступка ганноверскаго правительства, разрушили тѣмъ свою ученую и служебную карьеру (особенно тяжело было положеніе Гервинуса, который только-что женился и въ первый разъ въ жизни устроился, какъ слѣдуетъ), но зато показали всей Европѣ, что въ раздробленной и угнетенной Германіи есть честные и смѣлые люди. Затѣмъ всякій пожелаетъ узнать подробности о франкфуртскомъ парламентѣ и объясненіе причинъ, по которымъ либеральнѣйшій историкъ Германіи оказался вовсе не въ согласіи съ либеральной партіей въ моментъ ея успѣха и т. д. Ничего этого не найдетъ читатель въ «Автобіографіи Гервинуса», такъ какъ она оканчивается его вступленіемъ на кафедру Геттингенскаго университета и въ законный бракъ (самый конецъ составляетъ тонкая и умная характеристика жены его).

Но зато это единственный серьезный недостатокъ книги. Въ откровенномъ рассказѣ о дѣтствѣ, юности и ранней молодости Гервинуса столько интереснаго и поучительнаго и для историка, и для литератора, и для всякаго образованнаго человѣка, въ размышленіяхъ, которыми авторъ сопровождаетъ рассказъ, столько глубины и правды, что всякій педагогъ и всякій психологъ найдетъ въ нихъ для себя драгоценныя указанія. И время интересно (1805—1836 гг.), и среда интересна, а интереснѣе всего самъ рассказчикъ; не то, чтобы онъ обладалъ особеннымъ талантомъ изложенія, живостью, рельефностью характеристикъ; напротивъ, первое впечатлѣніе совсѣмъ не въ его пользу: въ самомъ началѣ съ такой мелочной подробностью изображаетъ онъ своихъ родителей, дядей, братьевъ, людей самыхъ обыденныхъ, что читатель долженъ сдѣлать надъ собой нѣкоторое усиліе, чтобы продолжать чтеніе; но какъ скоро онъ войдетъ въ жизнь бюргерской семьи Гервинуса, въ жизнь дармштадтской школы и, главное, въ душу вдумчиваго и умнаго повѣствователя, какъ только два-три глубокихъ замѣчанія его прикуютъ его вниманіе, онъ уже не оторвется отъ книги: все, чѣмъ угле-

кался мальчикъ и его товарищи, отъ Гомера до актрисы Грюнеръ, всё перипетіи его отношеній къ друзьямъ, къ суровому и грубоватому, но любящему отцу, все это пріобрѣтаетъ въ глазахъ читателя захватывающій интересъ прежде всего по симпатіи къ умному и энергичному, а главное поразительно правдивому и скромному герою. По мѣрѣ того, какъ раздвигаются рамки его жизни поступленіемъ въ университетъ, сближеніемъ съ Шлоссеромъ, выступленіемъ на поприще самостоятельной (педагогической) дѣятельности, путешествіемъ въ Италію,—интересъ все возрастаетъ, и біографія становится превосходнымъ комментариемъ къ работамъ Гервинуса. И какъ жаль, что она прерывается такъ преждевременно!

Такое прогрессированіе интереса часто встрѣчается въ автобіографіяхъ, излагающихъ болѣе внутреннюю, нежели вѣшнюю жизнь; но послѣ *Waltheit und Dichtung* Гете мы не знаемъ другой книги, гдѣ оно было бы замѣтно въ такой степени. Изъ трехъ приложений (стр. 277 до конца) послѣднее, излагающее вкратцѣ послѣдующую біографію Гервинуса, положительно необходимо, и даже было бы желательно, чтобы объемъ его не былъ такъ скроменъ; вгорое: «Принципы исторіографіи» (295—344) не лишнее, а первое: переводъ отрывка изъ поэмы «Гудрунтъ» съ изложеніемъ содержанія остального, рѣшительно не нужно; порусски она изложена по крайней мѣрѣ полдюжины разъ (начиная съ изслѣдованія П. Полевого: «Опытъ сравнительнаго обзорѣнія древнѣйшихъ памятниковъ», Спб.), а прозаическій переводъ гекзаметровъ Гервинуса не можетъ представлять ни малѣйшаго интереса.

Языкъ перевода въ общемъ удовлетворителенъ, хотя мѣстами встрѣчаются тяжелые обороты, вѣроятно,—мы не имѣемъ оригинала подъ руками,—происходящіе отъ излишней близости къ подлиннику (въ родѣ: «дѣвочки, которыя пользовались скорѣе семейными отношеніями», стр. 249. «Они съ перваго раза полюбили меня, а ужъ послѣ этого, какъ говорилъ мнѣ Безедеръ, они навсегда были преданы человѣку», стр. 261 и пр.).

Портреты исполнены превосходно.

За уважателъ покупателя книги, конечно, будутъ благодарны переводчику; но мы не можемъ не замѣтить, что онъ былъ бы гораздо нужнѣе при другихъ болѣе объемистыхъ и равнообразныхъ по содержанію изданійхъ К. Т. Солдатенкова.

А. К.—въ.

Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст. Сочиненіе Ивана Забѣлина. Часть I. Третье изданіе съ дополненіями. Москва. 1895.

Трудъ И. Е. Забѣлина, вышедшій теперь третьимъ изданіемъ, извѣстенъ каждому, сколько набудъ интересующемуся русской исторіей, и потому не нуждается въ характеристикѣ. Такой успѣхъ объясняется постоянно возрастающимъ интересомъ къ внутреннему быту древнерусской жизни. Книга г. Забѣлина, которая знакомитъ не только съ вѣшней, бытовой обстановкой древней Руси, но заключаетъ въ себѣ немало данныхъ для исторіи экономического положенія, для характеристики внутреннихъ понятій современнаго русскаго общества, вполне заслуженно обратила на себя вниманіе историковъ. Настоящее изданіе сравнительно съ двумя предшествовавшими нѣсколько дополнено. Г. Забѣлинъ прибавилъ здѣсь новое дѣло о нарушеніи чести государева двора (стр. 357), значительно пополнилъ описаніе стѣнописи

въ золотой и грановитой палатахъ (стр. 151—178) на основаніи современной описи, пополненъ также и отдѣлъ матеріаловъ различнаго рода записями о предметахъ устройства царскаго дворца и царскаго обихода. Кроме того, къ книжкѣ приложены снимки коломенскаго дворца и планъ стараго Кремлевскаго дворца. При второмъ томѣ своего труда г. Забѣлинъ обѣщаетъ дать подробный объяснительный указатель, вѣрнѣе археологическій словарь, необходимость котораго давно уже чувствуется всѣми, кому только приходилось заниматься русской стариной. Нельзя не пожелать, чтобы почтенному историку удалось выполнить свой планъ въ возможно скоромъ времени.

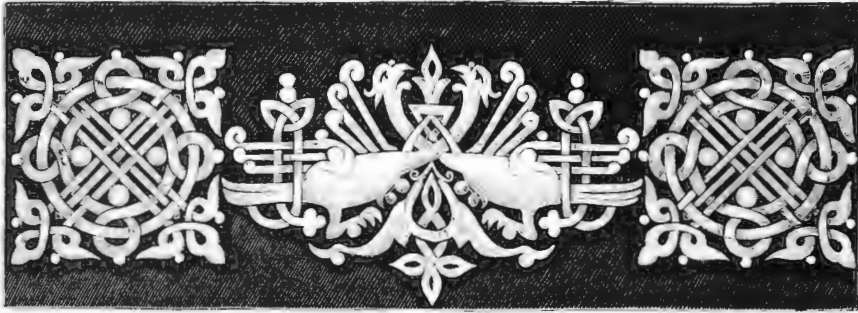
В. Б.

Свѣдѣнія объ Юхотской волости и ея прежнихъ владѣльцахъ, князьяхъ Юхотскихъ и Мстиславскихъ. Александра Барсукова. Спб. 1894.

Въ Угличскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи находится весьма значительная населенная мѣстность, въ тридцать тысячъ десятинъ, такъ называемая Юхоть, или Юхотская волость, принадлежащая графу С. Д. Шереметеву и составлявшая когда-то удѣлъ младшей вѣтви князей Ярославскихъ, которые носили титулъ князей Юхотскихъ. А. П. Барсуковъ, занимаясь спеціально исторіей рода Шереметевыхъ, собралъ нѣкоторые свѣдѣнія объ этомъ ихъ имѣніи и даетъ въ своей книжкѣ довольно интересный очеркъ прежнихъ владѣльцевъ Юхоти и положенія волости съ самаго начала извѣстій о ней до XIX вѣка. Князей Юхотскихъ было очень немного, ихъ родъ прекращается уже въ началѣ XIV вѣка, и ихъ имѣніе, «взятое сперва на государя», переходитъ вскорѣ въ родъ извѣстныхъ князей Мстиславскихъ, во владѣніи которыхъ остается до половины XVII вѣка. Родъ Мстиславскихъ отличался своимъ богатствомъ, такъ что одинъ изъ виднѣйшихъ его представителей, князь Ѳеодоръ Ивановичъ, считался самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ царствованія Михаила Ѳеодоровича, владѣя болѣе чѣмъ 32.000 четвертей земли. Но и этотъ родъ скоро прекратился, и Юхоть обратилась въ дворцовую волость, при чемъ получила спеціальное назначеніе, какъ населеніе «соколовъ помытчиковъ». Соколиная охота была любимой забавой московскихъ царей, а потому люди, которые «помыкали», т. е. обучали охотѣ соколовъ, кречетовъ и др. птицъ, пользовались особыми привилегіями, на нихъ, «опричь птицъ, оброковъ никакихъ не было положено». Такое привилегированное положеніе помытчиковъ послужило источникомъ продолжительныхъ недоразумѣній, послѣ того какъ Юхотская волость была пожалована Петромъ Великимъ фельдмаршалу Шереметеву: помытчики не хотѣли становиться въ разрядъ шереметевскихъ крѣпостныхъ, нашли себѣ покровителя въ лицѣ князя-кесаря Ромодановскаго, и тяжба ихъ за свои права затянулась на долгое время, пока, наконецъ, не была рѣшена въ 1805 году сенатомъ въ пользу графовъ Шереметевыхъ.

Таково вкратцѣ содержаніе книжки А. П. Барсукова, представляющей интересный матеріалъ для любителей генеалогическихъ изслѣдованій.

Б—ъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

ОРКВАТО Тассо и его трехсотлѣтній юбилей. 25-го апрѣля 1595 года одинъ изъ четырехъ славныхъ поэтовъ Италіи, Quattro poeti, какъ тамъ говорятъ, творецъ «Освобожденнаго Іерусалима», умеръ въ римскомъ монастырѣ св. Онуфрія, наканунѣ подготовлявшагося вѣнчанія его въ Капитоліи по инициативѣ папы Климента VIII, а 25-го апрѣля нынѣшняго года вся Италія праздновала трехсотлѣтнюю годовщину не его смерти, а перехода въ безсмертье. Вообще Италія отличается культомъ своихъ великихъ писателей, и нигдѣ литературные юбилеи не пользуются такой популярностью, какъ въ этой странѣ, нигдѣ они не празднуются такъ блестяще, такъ всенародно. Дѣло въ томъ, что поэты въ Италіи достоиніе не высшихъ интеллигентныхъ классовъ, а всего народа, и хотя первоначальное образованіе тамъ менѣе распространено, чѣмъ въ остальной Западной Европѣ, но весь народъ питаетъ инстинктивную любовь ко всему прекрасному и читаетъ, декламируетъ, поетъ произведенія своихъ великихъ поэтовъ. Такъ было всегда, такъ и остается до сихъ поръ. Еще Монтэнъ приходилъ въ восторгъ, что винодѣлы на скалахъ Апенина говорили ему назусть строфы Аріосто; Мартелли писалъ: «Возницы, мелкіе торговцы, гребцы въ дорогѣ, среди купли и продажи, подъ плескъ веселья громко повторяютъ отрывки изъ Тассо»; Уго Фасколо слышалъ, какъ на ливорнскомъ берегу каторжники въ оковахъ услаждали свой тяжелый трудъ пѣніемъ стиховъ того же Тассо. Наконецъ еще недавно, а можетъ быть, и до сихъ поръ, венеціанскіе гондольеры поютъ иностранцамъ цѣлыя главы изъ «Спасеннаго Іерусалима», который весь переведенъ стихами на мѣстномъ венеціанскомъ нарѣчій. Во всякомъ случаѣ

Тассо и въ настоящее время самый популярный поэтъ въ Италіи, а его поэзія читается всѣми и всюду. Поэтому естественно, что его юбилей взволновалъ всю страну, и всюду составились комитеты для достойнаго его празднованія. Обыкновенно литературные юбилеи въ Италіи составляютъ мѣстное торжество на родимѣмъ чествуемаго писателя, куда приглашаются перодовые авторы и ораторы на публичные банкеты; таковы были въ прошедшемъ году юбилеи Байардо, воспѣвшаго «Orlando innamorato» въ Скандіано, и Пика-де-ла-Мирандола въ Мирандолѣ; но Тассо принадлежитъ всей странѣ и къ тому же, благодаря его странствующей жизни, онъ оставилъ по себѣ память во многихъ городахъ: такъ Бергамо былъ колыбелью его предковъ; въ Соренто онъ самъ родился; въ Падуѣ и Болоніи онъ былъ студентомъ мѣстныхъ университетовъ; Ферара составляетъ центръ его литературной дѣятельности; въ Мантуѣ онъ часто жилъ; Модена, Урбино, Пизаро, Венеція, Туринъ, Неаполь и Флоренція видали его не разъ въ своихъ стѣнахъ, а въ Римѣ онъ умеръ. Поэтому во всѣхъ этихъ городахъ, а преимущественно въ Бергамо, Сорентѣ, Ферарѣ и Римѣ были устроены юбилейныя торжества, но, конечно, первое мѣсто среди нихъ принадлежало Риму. Въ монастырѣ св. Онуфрія открыта была очень любопытная выставка портретовъ, рукописей, автографовъ и рѣдкихъ изданій Тассо. Тутъ собрано болѣе ста томовъ съ личными помѣтками великаго поэта, фотографическіе снимки съ многочисленныхъ относящихся до него документовъ и безчисленные предметы, напоминающіе о немъ; вообще всячески увеличили интересъ классическаго паломничества въ старинную обитель на Эникульскомъ холмѣ, которая, къ сожалѣнію, недавно лишилась, благодаря проведенію новой улицы, Viale Margherita, своего историческаго сада съ тѣмъ знаменитымъ деревомъ, подъ тѣнью котораго Тассо передъ своей смертью такъ часто любовался панорамой вѣчнаго города. Въ этомъ же монастырѣ въ день юбилея была отслужена торжественная обѣдня, затѣмъ въ Капитоліи были рожданы министромъ народнаго просвѣщенія Бачелли призы за лучшія произведенія о Тассо, написанныя учениками всѣхъ итальянскихъ школъ, а въ различныхъ мѣстахъ города устроены лекціи, литературныя собранія, банкеты, на которыхъ первое мѣсто занимало чтеніе юбилейной оды, сочиненной первымъ поэтомъ современной Италіи, Карлуччи. Но главной приманкой было вечернее представленіе въ аргентинскомъ театрѣ въ присутствіи королевы Маргариты знаменитой пастушеской пьесы Тассо «Аминта» съ недавно найденными въ Болоньскомъ архивѣ интермедіями и музыкой того времени. Исполнителями были ученики Флорентинской школы декламации подъ руководствомъ профессора Рази, и, кромѣ того, они же пѣли мадригалы Тассо, переложенныя на музыку въ Cinquecento.

Какъ и слѣдовало ожидать, юбилей Тассо породилъ цѣлую литературу, много книгъ и безконечный рядъ статей въ европейской прессѣ. Между книгами первое мѣсто занимаютъ два объемистые труда молодого болоньскаго профессора Солерти: одинъ изъ нихъ составляетъ новое изданіе «Освобожденнаго Іерусалима» въ трехъ томахъ, а второй—подробную біографію Тассо, также въ трехъ томахъ, надъ которой авторъ работалъ десять лѣтъ. Юбилейное изданіе знаменитой поэмы новое во всѣхъ отношеніяхъ; оно основано на недавно найденной въ Англій рукописи и открытыхъ въ послѣднее время нѣсколькихъ другихъ копій, въ которыхъ находятя новые варианты многихъ пѣсень и собственноручныя за-

мѣчанія Тассо. Врядъ ли какое нибудь изъ великихъ произведеній чело-
вѣческой мысли появлялось когда либо въ такой совершенной формѣ; это
изданіе представляется чисто психологическимъ памятникомъ, и въ немъ
можно прослѣдить всё измѣненія мысли автора, всё фазы вдохновенія до
послѣдней формы, въ которую оно окончательно вылилось. Къ этому новому
тексту присоединены и новые комментаріи, въ составленіи которыхъ Со-
лерти помогали цѣлый рядъ ученыхъ филологовъ, которыми въ настоящее
время Италія можетъ по справедливости гордиться. Точно также и биогра-
фія Тассо (*Vita di Torquato Tasso, Torino, 1895*) составляетъ одно изъ са-
мыхъ солидныхъ и основательныхъ трудовъ въ этомъ отдѣлѣ литературы.
Изъ всего, что сдѣлано Италіей въ честь ея великаго поэта по случаю
его юбилея, эта книга имѣетъ наибольшее значеніе и навсегда останется его
живымъ памятникомъ. По справедливому выраженію ея автора, это «плодъ
долгихъ изслѣдованій и большой любви». Солерти исчерпалъ весь богатый
архивъ герцогскаго дома Эсте, воспользовался массою писемъ, дипломатиче-
скихъ депешъ и всевозможныхъ документовъ, все разсмотрѣлъ, все изучилъ,
не пренебрегая никакими мелочами; такъ для опредѣленія, когда въ пер-
вый разъ была представлена «Аминта», онъ перелисталъ журналъ герцог-
ской кухни въ Ферарѣ и тамъ нашелъ меню ужина, даннаго во дворцѣ ак-
терамъ послѣ этого перваго представленія. Такимъ образомъ съ помощью
этого добросовѣстнаго, кропотливаго труда, освѣщеннаго здравыми, без-
пристрастными и глубокими критическими взглядами, можно теперь про-
слѣдить годъ за годомъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, почти день за днемъ жизнь
поэта, полную столькожъ опьяняющихъ торжествъ, мрачныхъ эпизодовъ и
трагическихъ перипетій. Благодаря любопытной биографіи Солерти и дру-
гимъ интереснымъ явленіямъ юбилейной литературы, теперь ярко освѣщены
и вполнѣ выяснены всё темныя, таинственныя стороны драматическаго су-
ществованія Тассо, въ особенности отношенія къ Елеонорѣ Эсте и его
сумасшествіе. Въ числѣ итальянскихъ вкладовъ въ юбилейную литературу
обращаютъ на себя вниманіе *Torquato Tasso a Roma* (Торквато Тассо
въ Римѣ) Виржиніо Принцивалли, критическіе комментаріи поэта Кардуччи
къ «Аминтѣ», трагедія Тассо «Король Торисмондо» и его мелкимъ стихо-
твореніямъ; *Genitori di T. Tasso* (Родители Тассо) графа Паволини, вы-
ставляющаго въ новомъ свѣтѣ мать Тассо, и его же блестящій рассказъ
въ «*Vita Italiana*» объ отношеніяхъ Тассо къ принцессамъ Лукреціи и
Елеонорѣ Эсте, а также особый номеръ римскаго журнала «*Carita*», исклю-
чительно посвященный Тассо. Кромѣ итальянской прессы, и французская
посвятила Тассо нѣсколько любопытныхъ статей, конечно, черпая матеріалы
ихъ въ новѣйшихъ итальянскихъ источникахъ: наиболѣе замѣчательны изъ
нихъ: въ первой майской книжкѣ «*Nouvelle Revue*» *Le troisieme cente-
naire de Tasso* (Трехсотлѣтіе Тассо) Пьера де-Нальяка, въ номерѣ «*Revue
de Deux Mondes*», отъ 15-го мая, *Le Tasse, son centenaire et sa legende*
(Тассо, его юбилей и легенды) Виктора Шербюлье и во второмъ майскомъ
выпускѣ «*Revue des Revues*» *La Folie du Tasso* (Сумасшествіе Тассо)
доктора Кабанеса. Съ нѣкоторыхъ поръ юбилей служатъ не къ усиленію, а,
напротивъ, къ уменьшенію славы ихъ героевъ: такъ, юбилейныя торжества
въ честь Колумба повели почти къ совершенному его развѣчанію, и со
всѣхъ сторонъ оспариваютъ теперь у него столь долго признаваемую честь
открытія Америки. Если отъ юбилея Тассо не увяли его лавры, какъ ве-

ликаго поэта, а еще расцвѣли съ новой силой, то за то померкъ романтической, мученической ореолъ, освѣтившій триста лѣтъ его скорбное, задумчивое чело. Благодаря легендамъ, которыя повторялись Байрономъ, Гете, Ламартиномъ и многими біографами, Тассо представлялся въ послѣдніе годы его жизни мученикомъ любви и тиранинъ, которыя навлекли на него семилѣтнее заключеніе въ тюрьмѣ, или сумасшедшемъ домѣ. Рассказывали, что великій поэтъ, живя при дворѣ герцога Альфонса Ферарскаго, влюбился въ его сестру Елеонору и былъ пойманъ герцогомъ съ помощью искусно поставленныхъ зеркалъ въ тотъ моментъ, когда онъ прижималъ идеальную красавицу въ своихъ объятіяхъ, за что его подвергли заточенію. Теперь оказывается, что любовь Тассо и Елеоноры, «имя которой, по словамъ Ламартина, будетъ шептать Ферара всѣмъ будущимъ вѣкамъ», никогда не существовала, а если Тассо и находился семь лѣтъ въ ферарской больницѣ св. Анны, то по той простой причинѣ, что онъ дѣйствительно подвергся припадкамъ сумасшествия. Эхо въ Ферарѣ болѣе не будетъ шептать имя Елеоноры, и даже это имя вычеркнуто изъ списка идеальныхъ влюбленныхъ. Никогда Тассо не воспѣвалъ ее подъ вымышленными именами, никогда они не любили другъ друга, никогда онъ не томился въ заключеніи ради этой любви, и никогда она не проливала горькихъ слезъ въ уединенномъ покоѣ герцогскаго дворца. Ея идеальный образъ вполне ступевался подъ ударами трезвыхъ историческихъ и критическихъ изслѣдованій; за ней даже не остается той чести быть другомъ и покровительницей поэта, которой будутъ всегда пользоваться Изабелла Мантуанская и Маргарита Валуа. Она, повидимому, не выражала никакого сочувствія къ несчастіямъ Тассо, и вообще эта женщина, которую выдавали до сихъ поръ за идеальный типъ итальянки XVI столѣтія, была прозаическимъ существомъ, вполне чуждымъ интеллигентнымъ стремленіямъ своего времени и не обнаруживавшимъ склонности ни къ поэзіи, ни къ искусству. Большая, признанная неспособной къ замужеству, она вела очень уединенную жизнь во дворцѣ брата, не принимала участія въ пышныхъ празднествахъ и свѣтскихъ удовольствіяхъ, выказывала ко всему пассивное хладнокровіе и не слѣдовала примѣру ни своей матери, французской принцессы Рене, друга Кальвина, отличавшейся литературными вкусами, ни старшей сестры, герцогини Лукреціи Урбино, извѣстной своими многочисленными романами. Такъ же улетучилась, благодаря изслѣдованіямъ новѣйшихъ біографовъ и критиковъ, преимущественно Солерти, и легенда о мученичествѣ Тассо. Онъ просто былъ въ послѣдніе годы своей жизни подверженъ припадкамъ упомощительства и, по словамъ докторовъ Ротэ и Кабанеса, составившихъ свое заключеніе на основаніи писемъ самого Тассо, официальныхъ документовъ и многочисленныхъ свидѣтельствъ современниковъ, онъ страдалъ маніей преслѣдованій, полагалъ, что всѣ его гонятъ, хотятъ убить, или отравить и т. д. Причинами же этого недуга были унаслѣдованная отъ матери чрезвычайная раздражительность, склонность къ меланхоли, подверженность галлюцинаціямъ, невоздержанная жизнь при феррарскомъ дворѣ, постоянные приливы крови, непріятныя столкновенія съ его покровителемъ, герцогомъ Альфиломъ, благодаря вспышкамъ легкаго самолюбія, быстрые переходы отъ философскаго сомнѣнія къ фанатическому ханжеству, наконецъ страхъ инквизиціи, которая могла придаться къ нѣкоторымъ страницамъ его «Освобожденнаго Іерусалима», и пререканія съ академіей Де-ла-Круска насчетъ той

же поэмы, которую онъ посылалъ въ рукописи для критики академиковъ, нашедшихъ, что она, обладая только недостатками, не заслуживаетъ даже названія поэмы. Въ особенности два послѣднія обстоятельства, побуждая его передѣлывать знаменитую повѣсть, поддѣйствовали всего гибельнѣе на его умственные способности. Страхъ инквизиціи доходилъ у него такъ далеко, что онъ не только уничтожилъ въ «Освобожденномъ Іерусалимѣ» лучшія его мѣста, все, что въ немъ было наиболѣе фантастическаго и поэтичнаго, и замѣнилъ Армидины сады описаніемъ мистическаго рая, въ которомъ почетныя мѣста занимали суровые ригористы, папы, но самъ обличалъ инквизиторамъ какъ себя, такъ и другихъ лицъ при дворѣ герцога Ферарскаго. Все это объясняется болѣзненнымъ, патологическимъ расстройствомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не признать, что была и матеріальная основа для тѣхъ страховъ, которые временно потемняли свѣтлый умъ поэта. Въ то время дѣйствительно можно было бояться инквизиціи, и четыре года спустя послѣ смерти Тассо сожгли, какъ еретика, Джіордано Бруно. Если же принять въ соображеніе, что великій поэтъ былъ далеко не герой, а человѣкъ слабохарактерный, любившій праздную, придворную жизнь и переносившій всѣ униженія, чтобъ добиться покровительства сильныхъ міра сего, то становится ясно вся печальная, непривлекательная сторона его жизни, которая, однако, даже при всѣхъ новѣйшихъ разоблаченіяхъ безпристрастныхъ историковъ и критиковъ не можетъ затемнить его блестящей славы какъ эпическаго, такъ и лирическаго поэта.

— Предки и родители Жанъ-Жака Руссо. Архивариусъ женевскаго архива Дюфуръ-Вернъ въ послѣдніе годы напечаталъ нѣсколько интересныхъ трудовъ на основаніи найденныхъ имъ документовъ о предкахъ Жанъ-Жака Руссо, а Эженъ Риттеръ мастерски резюмировалъ ихъ въ статьѣ, помѣщенной въ «Revue des deux Mondes». Такимъ образомъ, является впервые возможность ясно опредѣлить, какъ сложился характеръ знаменитаго мыслителя подъ вліяніемъ его ближайшихъ и болѣе отдаленныхъ родственниковъ по восходящей линіи. Когда родился Жанъ-Жакъ Руссо, то его семья уже находилась въ Женевѣ въ продолженіе пяти поколѣній. Она явилась въ этотъ мирный городъ изъ Франціи: именно Дидье Руссо прибылъ изъ Парижа въ 1550 году вслѣдствіе гоненій на протестантовъ. Въ нѣкоторыхъ документахъ онъ обозначенъ книгопродавцемъ и, по всей вѣроятности, причиной его эмиграціи была продажа книгъ, считавшихся въ то время во Франціи еретическими, но въ Женевѣ онъ держалъ трактиръ подъ вывѣской «Коронованная шпага». Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ новой своей родинѣ, онъ былъ сдѣланъ гражданиномъ Женевы и занималъ видное мѣсто въ партіи Кальвина. Двадцать лѣтъ онъ жилъ холостякомъ, но потомъ неожиданно женился на дочери поселанина изъ Фансиньи, въ Савойѣ, которая была замѣчательной, практической женщиной и съ успѣхомъ продолжала вести дѣла мужа послѣ его смерти. Хотя она и вышла потомъ замужъ еще два раза, но дала своему сыну отъ перваго брака очень хорошее воспитаніе. Такимъ образомъ Жанъ-Жакъ, также покинувшій Францію ради свободы если не исповѣданія, то мысли, имѣлъ достойнаго предка въ лицѣ скромнаго, буржуазнаго, но честнаго, твердаго въ своихъ убѣжденіяхъ, человѣка, о которомъ, однако, повидимому, онъ не имѣлъ никакого понятія, такъ какъ въ противномъ случаѣ непременно упомянулъ бы о немъ въ своей «Исповѣди». Дальнѣйшіе потомки Дидье Руссо такъ же, какъ онъ, женились на

представительницах мѣстных буржуазныхъ семей. Внукъ его Жанъ занялся часовымъ ремесломъ, и съ тѣхъ поръ въ теченіе трехъ поколѣній Руссо были часовыми мастерами и пользовались порядочнымъ достаткомъ. Дѣдъ Жанъ-Жака, Давидъ, дожилъ почти до ста лѣтъ, и знаменитый внукъ, вѣроятно, его видалъ, хотя также не упоминаетъ о немъ ни слова. У него было четырнадцать дѣтей, въ числѣ которыхъ Исаакъ, отецъ будущаго славнаго писателя. До него всѣ представители этой семьи были люди почтенные, разумные, нравственные, и хотя, принадлежа къ либеральной оппозиціи, не занимали официальныхъ должностей, но пользовались общимъ уваженіемъ. Исаакъ же былъ человѣкъ иного рода, хотя и не прямо безнравственный, но странный, эксцентричный. Онъ женился на Сюзаннѣ Бернаръ, дочери человѣка, извѣстнаго своей разгульной жизнью, котораго не разъ привлекала къ отвѣтственности протестантская конгрегація, и сама его жена до замужества навлекала на себя выговоры пуританской общины за слишкомъ вольное, хотя вполнѣ невинное поведеніе. Оба, мужъ и жена, отличались гордой, независимой натурой; первый изъ нихъ на второй годъ своей брачной жизни оставилъ жену съ сыномъ въ Женевѣ, а самъ уѣхалъ въ Константинополь, гдѣ оставался шесть лѣтъ и только вернулся, когда того настоятельно потребовала жена, оставшаяся ему вѣрной, не смотря на его непонятное бѣгство. Они прожили вмѣстѣ только нѣсколько мѣсяцевъ, и Сюзанна, родивъ на свѣтъ Жанъ-Жака, умерла отъ молочной горячки. Такимъ образомъ великій писатель никогда не видалъ своей матери, но ему часто говаривалъ о ней съ любовью отецъ, и въ своей «Исповѣди» онъ такъ выражается о своей матери: «она обладала умомъ и красотой». Французскій резидентъ въ Женевѣ, Де-ла-Клезюръ, постоянно вспоминалъ объ ея замѣчательныхъ достоинствахъ и не разъ рассказывалъ о ней съ восторгомъ ея сыну. Она, повидимому, была очень хорошо образована, много читала, писала стихи, рисовала, пѣла и играла на лютнѣ. Что касается до отца, то, оставшись вдовцомъ въ сорокъ лѣтъ, онъ пригласилъ къ себѣ въ домъ для воспитанія дѣтей младшую сестру покойной жены, дѣвушку, по словамъ Руссо, нѣжную, веселую, пріятную, умную и разсудительную. Если бы отецъ оказалъ ей надлежащее содѣйствіе, то воспитаніе его дѣтей могло бы быть образцовымъ; но съ своимъ обычнымъ легкомысліемъ, онъ занимался съ младшимъ сыномъ только чтеніемъ романовъ, и часто они оба зачитывались до утра, до пѣнія птицъ, когда отецъ со стыдомъ говорилъ сыну: «пойдемъ спать, я болѣе ребенокъ, чѣмъ ты». Но все-таки первые десять лѣтъ жизни Жанъ-Жака были спокойные, счастливые. Неожиданное происшествіе нарушило это семейное счастье. Легкомысленный, вспыльчивый Исаакъ Руссо зашелъ однажды во время прогулки на поле какого-то землевладѣльца близъ города и помялъ посѣвъ, а когда владѣлецъ сталъ гнѣвно упрекать его за это, то онъ, не говоря ни слова, выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, находившагося у него въ рукахъ. Владѣлецъ, оказавшійся отставнымъ капитаномъ польской службы, спасся бѣгствомъ и подалъ жалобу въ судъ, но прежде чѣмъ постановленъ былъ приговоръ, Руссо встрѣтилъ своего противника на улицѣ и вызвалъ его на дуэль, а когда тотъ отказался, говоря, что офицеръ не можетъ выходить на бой съ часовщикомъ, то онъ, не говоря ни слова, схватилъ шпагу и нанесъ ею ударъ по лицу капитана, который, конечно, забылъ тутъ о неравенствѣ ихъ положеній и также обнажилъ шпагу. Ихъ съ трудомъ ровняли, а когда по новой жалобѣ судъ вызвалъ

Руссо, и онъ не явился, то его заочно приговорили просить прощенія колѣно-преклоненно у Бога, городскихъ властей и капитана, просидѣть въ тюрьмѣ три мѣсяца и уплатить пятьдесятъ золотыхъ пени. Руссо не согласился исполнить этотъ приговоръ и, бѣжавъ изъ Женевы, поселился въ городкѣ Нюнѣ, на берегу озера Лемана, гдѣ и прожилъ остальные двадцать пять лѣтъ своей жизни. Послѣ бѣгства главы семьи, старшій сынъ отданъ былъ въ обученіе часовому мастеру, а Жанъ-Жакъ поступилъ на воспитаніе къ пастору маленькаго селенія у подножія Салевской горы. Такимъ образомъ Жанъ-Жакъ, происходя отъ буржуазной, но приличной, даже пуританской, женевской семьи и имѣя предковъ съ одной стороны французскихъ протестантскихъ выходцевъ, а съ другой—савойскихъ поселенцевъ, унаслѣдовалъ отъ своего отца безпокойную, эксцентричную натуру, а отъ матери культурныя стремленія. Лишившись на одиннадцатомъ году жизни мирнаго, спасительнаго вліянія домашняго очага, онъ рано подвергся соблазнамъ жизни, и всѣ эти причины сильно подѣйствовали на развитіе характера человѣка, который имѣлъ впродолженіе долгаго времени самое громадное культурное вліяніе не только во Франціи, но и во всей Европѣ.

— Мемуары Барра. Въ первой майской книжкѣ «Revue de Paris» напечатаны отрывки изъ мемуаровъ Барра, а также предисловіе и примѣчанія къ нимъ Жоржа Дюрюя. Эти мемуары были завѣщаны послѣ смерти ихъ автора еще въ 1829 году Сентъ-Альбену, но, по различнымъ обстоятельствамъ, до сихъ поръ не выходили въ свѣтъ. Надняхъ только появлялись первые два тома, въ которыхъ разсказывается революція и директорія до 18 фрuctидора, но уже теперь, благодаря указаннымъ отрывкамъ, можно судить объ интересѣ и важности воспоминаній одного изъ выдающихся, хотя не великихъ, дѣятелей этой бурной эпохи. Хотя каждая строка мемуаровъ Барра дышетъ чисто комичнымъ самохвальствомъ, и онъ приписываетъ себѣ такую важную, благородную и славную роль, какой никогда не игралъ этотъ второстепенный актеръ всесвѣтной драмы, но все-таки онъ, какъ дѣйствующее лицо въ знаменитыхъ историческихъ событіяхъ, сообщаетъ много новаго и интереснаго, а если часто у него попадаютъ невѣрные свѣдѣнія и несправедливыя оцѣнки, то ихъ легко провѣрить по другимъ, ежедневно умножающимся, богатымъ матеріаламъ объ этой эпохѣ, которая, повидимому, никогда не перестанетъ интересовать челоуѣчество. Впрочемъ, и самъ Барра такъ беззащитничиво себя выхваляетъ и подтасовываетъ всѣ событія для своего прославленія, съ такой дерзкой безцеремонностью, что легко даже въ его разсказахъ прямо отличить правду отъ неправды. Конечно, Барра выставляетъ себя всюду защитникомъ революціи, не смотря на то, что онъ былъ одинъ изъ самыхъ презрѣнныхъ орудій реакціи, положившей конецъ прогрессивной, геройской эпохѣ революціи, и что благодаря безстыдной, корыстной разнузданности политическихъ нравовъ при директоріи, сдѣлалось возможнымъ и даже желаннымъ для многихъ диктаторство Наполеона; но въ его разсказахъ, даже въ описаніи 9 термидора, т. е. паденія Робеспьера и замѣны этого неподкупнаго патріота продажными корыстолюбцами, въ родѣ Барра и компаніи, слышатся ноты, прямо уличающія автора мемуаровъ въ томъ, въ чемъ онъ силится себя оправдать. Въ этомъ отношеніи всего интереснѣе именно разсказъ о 9 термидорѣ, который былъ величайшимъ эпизодомъ политической жизни Барра и, по мѣткому выраженію Дюрюя, «только однажды, и то по ошибкѣ, въ этотъ памятный день слава увѣнчала своимъ поцѣлуемъ такого недо-

«истор. вѣстн.», июнь, 1895 г., т. LX.

стойнаго ея актера, которому надлежало бы довольствоваться поцѣлуями жевщицъ легкаго поведенія, постоянныхъ его товарокъ». По словамъ легенды, составленной представителями реакціи и поддерживаемой многими историками, не понимавшими, или не хотѣвшими понять истиннаго характера революціи, паденіе Робеспьера было дѣломъ общественной совѣсти, воставшей противъ террора, а въ сущности это событіе было вызвано разговоромъ шайки корыстныхъ, презрѣнныхъ людей, которые, въ своей погонѣ за наживой, боялись справедливаго гнѣва неподкупнаго патріота, низвергнувъ котораго они и предоставили полную свободу своей хищнической натурѣ. Не смотря на всѣ цвѣтистыя фразы, искаженіе фактовъ и неточности въ рассказѣ Барра о 9 термидорѣ, его истинный характеръ никогда, быть можетъ, такъ ясно не обрисовывался, какъ въ этой неудачной его апологіи. Дѣло въ томъ, что Робеспьеръ задумалъ очистить Францію отъ тѣхъ республиканскихъ дѣятелей, которые позорили республику и подъ маской террора дозволяли себѣ предаваться самому грубому разврату и дерзкому хищенію; къ числу этихъ людей принадлежали Барра, Фуше, Тальенъ, Фреронъ и др. «Я не могу терпѣть долѣе подобнаго положенія дѣлтъ,—говорилъ Робеспьеръ одному изъ своихъ друзей наканунѣ засѣданія конвента, которое послужило къ его гибели:—сердце мое разрывается при мысли, что среди всѣхъ побѣдъ республика никогда не подвергалась такимъ опасностямъ, какъ теперь; или я погибну, или освобожу республику отъ воровъ и измѣнниковъ, которые хотятъ ее уничтожить». Такъ какъ въ числѣ этихъ воровъ и измѣнниковъ былъ Барра, который дѣйствовалъ очень успѣшно для умиротворенія Прованса, но подъ видомъ суроваго судьи позволялъ себѣ грязныя, безчестныя сдѣлки, то по прибытіи въ Парижъ онъ изъ боязни за свою голову прямо отправился къ Робеспьеру, который, по его же словамъ, «составлялъ въ своей единичной особѣ трибуналъ, къ которому всякій обращался въ случаѣ заявленія противъ него какого нибудь обвиненія, такъ какъ онъ могъ быть спокоенъ, если находилъ оправданіе въ этой инстанціи». «Въ виду того смущенія, въ которомъ, не смотря на всю мою твердость, я находился по возвращеніи изъ Тулона,—говоритъ онъ въ своихъ мемуарахъ,—я дозволилъ Фрерону потащить себя, самъ не знаю какъ, къ этому представителю республиканской чистоты». Холодный пріемъ Робеспьера и презрительный взглядъ, брошенный имъ на Барра, убѣдилъ послѣдняго, что единственное его спасеніе заключалось въ паденіи Робеспьера, поэтому онъ присоединился къ его врагамъ и оказалъ содѣйствіе 9 термидору. Естественно, что въ его рассказѣ объ этомъ событіи, прекрасно выясненномъ въ предисловіи Дюрюи, онъ пытается затѣмнить настоящій его смыслъ; но все-таки онъ не рѣшается бросить грязью въ неподкупнаго патріота и сваливаетъ всю вину на правительственные комитеты, которые забрали въ свои руки всю власть въ конвентѣ и старались всячески доводить терроръ до крайностей. По его словамъ, Бареръ обвинялъ Робеспьера въ умѣренности и въ желаніи возстановить королевскую власть въ лицѣ сына Людовика XVI, но,—прибавляетъ онъ,—«Робеспьеръ былъ человекъ необыкновенный, увлеченный революціоннымъ потокомъ, онъ согласился на нѣкоторыя крайнія мѣры, но система террора и огульной смерти, доведенная до кроваваго варварства, убѣдила его, что республика лишится такимъ образомъ всѣхъ истинныхъ республиканцевъ, а потому онъ возсталъ противъ ареста многихъ почтенныхъ гражданъ и сталъ говорить о милосердіи. Онъ хотѣлъ вернуться къ принципу

умѣренности и уничтожить грабителей, хищниковъ и безцѣльныхъ распро-
странителей гильотины. Но его сумѣли сдѣлать непопулярнымъ, и онъ по-
гибъ, какъ Камилль де-Муленъ, Дантонъ и другіе депутаты, хотѣвшіе поло-
жить конецъ террору». Эти слова Барра тѣмъ болѣе замѣчательны, что они
вырвались у него какъ бы невольно, такъ какъ онъ самъ былъ одинъ изъ
враговъ Робеспьера, подготовившихъ его паденіе именно для того, чтобы
предаться на свободѣ безконтрольному хищенію. Кромѣ отрывка о 9 тер-
мидорѣ, въ «Journal de Paris» еще напечатаны: краткій, довольно блѣдный
рассказъ объ участіи Барра во взятіи Бастиліи и чрезвычайно любопытные,
эффектно написанные, но, конечно, полные преднамѣренныхъ неправдъ,
разговоры Барра съ госпожею де-Стааль насчетъ Талейрана. Одну изъ осо-
бенностей этихъ мемуаровъ составляетъ страсть ихъ автора къ циничнымъ
нападкамъ на различныхъ политическихъ дѣятелей, на Наполеона, Фуше,
Талейрана и др., а въ особенности на женщинъ, преимущественно на Жо-
зефину, г-жу Тальенъ и г-жу де-Стааль. О послѣдней онъ въ особенности
выражается рѣзко и даже прибѣгаетъ къ забавному комизму въ передачѣ
любопытнаго эпизода о хлопотахъ г-жи де-Стааль насчетъ назначенія директо-
ріей ея друга Талейрана министромъ. Она неожиданно явилась къ Барра и
изощряла все свое краснорѣчіе, всѣ аргументы, какіе могла только придумать,
чтобы убѣдить Барра въ необходимости для него самого и директоріи при-
нять на службу такого полезнаго человѣка, какъ Талейранъ. Относительно
этой пользы она выражалась очень странно, но характеристично: «Талей-
ранъ,—говорила она,—имѣетъ всѣ пороки стараго и новаго порядка вещей,
онъ сохранить сношенія со всѣми партіями, и вы не можете найти лучшаго
агента. Что касается до васъ самихъ, то онъ питаетъ къ вамъ неограни-
ченное уваженіе и любовь, считаетъ васъ чѣмъ-то выше человѣка и хочетъ
служить лично вамъ. Онъ правъ, нѣтъ человѣка лучше и болѣе великаго,
чѣмъ вы. Вы великій политикъ, хотя не имѣете никакого притязанія на это
достоинство; вы великій воинъ, доказавшій свои доблести въ Тулонѣ и Па-
рижѣ, въ битвахъ столь страшныхъ, что онѣ испугали бы Тюрена и Конде.
Вы великій ораторъ и великій государственный человѣкъ. Вы не только
велики, Барра, но вы прекрасны отъ головы до ногъ, какъ Аполлонъ Бель-
ведерскій». Съ большимъ трудомъ Барра отдѣлался отъ этой пламенной про-
текторши Талейрана, обѣщавъ ей поговорить о немъ съ своими товарищами
по директоріи; но они рѣшительно отказались имѣть дѣло съ этимъ нена-
вистнымъ презрѣннымъ человѣкомъ, и ему пришлось объявить объ этомъ
результатѣ г-жѣ Стааль во второе ея посѣщеніе. Но она и слышать не хо-
тѣла о томъ, чтобы Талейранъ не былъ министромъ, и воскликнула, бросая
на Барра то повелительныя, то сладострастно нѣжные взгляды: «пусть ваши
товарищи ненавидятъ и презираютъ Талейрана, тѣмъ лучше для васъ, если
Талейранъ будетъ обязанъ своимъ положеніемъ одному вамъ, то онъ съ тѣмъ
большимъ успѣхомъ будетъ слѣдить за вами въ вашихъ интересахъ. Онъ
будетъ вашимъ вѣрнымъ псомъ и станетъ любить васъ, какъ женщину, ко-
торую влюбленный ревнуетъ, но не смѣетъ тревожить никакимъ ослуша-
ніемъ». Однако, эти аргументы не подѣйствовали на Барра, и онъ еще разъ
отдѣлался отъ назойливой просительницы подъ тѣмъ предлогомъ, что надо
отложить до болѣе удобнаго времени всякую мысль о назначеніи Талейрана
министромъ. Но г-жа де-Стааль не унималась и на другой же день снова
вбѣжала въ кабинетъ Барра въ большомъ разстройствѣ, съ всклокоченными

волосами и дико блуждавшими глазами. Она бросилась въ кресло и, схвативъ за руки Барра, воскликнула: «другъ мой, мы погибли, бѣдный Талеяранъ сказалъ мнѣ, что если вы не сдѣлаете его министромъ иностранныхъ дѣлъ, то онъ бросится въ Сену, такъ какъ у него нѣтъ ни гроша». На вопросъ Барра, развѣ у Талеярана нѣтъ никакихъ средствъ и никакихъ друзей, г-жа де-Стааль отвѣчала съ еще большимъ азартомъ: «какіе у него друзья! Я истинный его другъ и помогала ему, сколько могла, но теперь у него рѣшительно ничего нѣтъ, кромѣ долговъ. Милый Барра, мы рѣшительно погибли, если вы не сдѣлаете его министромъ, онъ бросится въ рѣку, и все будетъ кончено. Если вы дѣйствительно не можете дать ему портфеля министра иностранныхъ дѣлъ, то дайте ему какое нибудь другое министерство; онъ на все способенъ. Право, Барра, вы не можете быть причиною смерти такого человѣка. Будьте энергичны съ своими товарищами, оскальте зубы и сдѣлайте его министромъ. Если вы этого не сдѣлаете, то не только онъ утопитя, но и я умру». И ее стали корчить судороги, а на губахъ показалась пѣна, словно съ ней сдѣлался припадокъ. Барра не зналъ, что дѣлать. «Я всачески старался ее выпроводить,—разсказываетъ онъ:—но все было напрасно, она держала меня за обѣ руки, и я не могъ позвонить. А въ пріемной было много людей, которые два часа ждали моей аудіенціи. Что могли подумать они обо мнѣ, видя, что я такъ долго бесѣдовалъ съ дамой въ растрепанныхъ чувствахъ? Я убѣжденъ, что еслибъ я поставилъ условіемъ назначенія въ министры Талеярана любовь г-жи де-Стааль, то она согласилась бы на все, и съ мѣста. Но я, клянусь, ничего у нея не просилъ, и моя роль была не наступательная, а оборонительная, и если кто нибудь видя, какъ г-жа де-Стааль вышла изъ моего кабинета въ большомъ разстройствѣ, приписалъ ей волненіе сентиментальной причинѣ, то это была черная клевета. Я никогда не выходилъ изъ подобнаго положенія такимъ чистымъ и невиннымъ, какъ въ этотъ разъ». Однако, не смотря на весь комическій тонъ, которымъ Барра разсказываетъ этотъ эпизодъ, онъ считаетъ нужнымъ признать, что г-жа де-Стааль не играла комедіи, а искренно волновалась за своего друга, который въ это время спокойно сидѣлъ въ ея каретѣ, ожидая результата ея пламеннаго ходатайства. Конечно, результатъ былъ неудовлетворительный, но Барра въ третій разъ долженъ былъ прибѣгнуть къ хитрости. «Убѣдите вашего друга не топиться,—сказалъ онъ, провожая г-жу де-Стааль,—такъ какъ въ подобномъ случаѣ я не буду въ состояніи сдѣлать что нибудь для него; обещаю вамъ заняться вопросомъ о лучшемъ примѣненіи его талантовъ къ служенію республики».

— Юношескія письма папы Льва XIII. Войе д'Ажанъ, подготовляющій подробную біографію папы Льва XIII, помѣстилъ во второмъ апрѣльскомъ номерѣ «Revue de Paris» любопытныя письма папы, относящіяся къ тому времени, когда Джіоакино Пекки былъ двадцатилѣтнимъ юношей и учился въ римской коллегіи. Они извлечены изъ семейнаго архива палатцо Пекки въ Карпинето, гдѣ сохраняются всѣ письма будущаго папы къ его родственникамъ. Относясь къ 1829, 1830 и 1831 годамъ, они, по странной игрѣ случая, заключаютъ въ себѣ главнымъ образомъ разсказъ объ избраніи двухъ папъ. Конечно, юноша, наивно передававшій своему брату все, что онъ слышалъ въ Римѣ о двухъ конклавахъ, не имѣлъ и мысли, что ему самому когда нибудь придется быть героемъ подобнаго конклава; но именно поэтому означенныя письма возбуждаютъ еще большій

интересъ. Въ первомъ же письмѣ, Джиоакино сообщаетъ извѣстіе о кончинѣ папы Льва XII, 10-го февраля 1829 года, а въ послѣдующихъ восьми письмахъ онъ довольно подробно рассказываетъ о неожиданной смерти папы, о его завѣщаніи, по которому онъ требовалъ, чтобы на его гробницѣ была сдѣлана надпись: «здѣсь лежитъ Левъ XII, наименьшій изъ папъ», о созваніи конялава, продолжавшагося тридцать шесть дней, о шансахъ, которые имѣли тотъ или другой изъ кардиналовъ, объ избраніи въ папы кардинала Франческо Кастильоне, подъ именемъ Пія VIII, выдающихся особенностяхъ новаго папы, почтеннаго, ученаго старика съ кривой шеей и дрожащей походкой, наконецъ о торжественномъ его водвореніи на папскомъ престолѣ. За этими письмами проходитъ два мѣсяца, и Нино, какъ называли въ семьѣ будущаго папу, пишетъ своему брату краткое письмо о революціи въ Парижѣ, которая побудила добраго Пія VIII со слезами оплакивать несчастья Франціи. 14-го декабря начинается новая серія писемъ о смерти папы и конклавѣ, такъ какъ Пій VIII умеръ еще болѣе неожиданно, чѣмъ его предшественникъ, и попрежнему собрался конклавъ. Но на этотъ разъ онъ не возбуждалъ обычнаго интереса, такъ какъ всѣ были убѣждены, что могущественный кардиналъ Альбани, уже сумѣвшій возвести на престолъ св. Петра Пія VIII, сдѣлаетъ то же относительно покровительствуемаго имъ кардинала Пакка. Пятьдесятъ дней спорили и совѣщались кардиналы, а въ результатъ былъ выбранъ папой кардиналъ Капеллари, подъ именемъ Григорія XVI. «Это избраніе,—рассказываетъ юный Пекки,—было для всѣхъ неожиданностью. Хотя во время всего конклава о Капеллари отзывались многіе съ большою похвалою и однажды его чуть было случайно не выбрали, но противъ него былъ Альбани со всей своей партіей, стоявшій за Пакку. Наконецъ, однако, Альбани надоѣла безцѣльная борьба, и онъ объявилъ, что согласенъ на избраніе кого бы то ни было, только не своего врага, кардинала Грегорио. Тогда нѣкоторые изъ его сторонниковъ перешли въ лагерь Капеллари, и онъ получилъ болѣе двухъ третей голосовъ, необходимыхъ для выбора. Если ты меня спросишь, какое впечатлѣніе произвело на Римъ избраніе новаго папы, то я долженъ тебѣ признаться, что онъ, благодаря своей суровой внѣшности, не пользуется большою популярностью. Однако, это не мѣшаетъ тому, что всѣ благоразумные люди рукоплещутъ его избранію по той простой причинѣ, что такъ или иначе, а онъ сдѣлался главою церкви».

— Европейская дипломатія во время Крымской войны. Въ послѣднихъ книжкахъ «Revue des deux Mondes», «La Nouvelle Revue» и «La Revue de Paris» появился рядъ статей о дипломатической сторонѣ Крымской кампаніи: въ первомъ изъ этихъ журналовъ бывшій въ то время полномоченный въ дѣлахъ Франціи при Оттоманской Портѣ, Бенедетти, рассказываетъ свои воспоминанія о дипломатической борьбѣ, которую вели въ Константинополѣ представители Англии и Франціи, не смотря на официальный союзъ между обѣими странами, выразившійся въ общихъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи; во второмъ—неизвѣстный авторъ, скрывшійся подъ тремя звѣздочками, оспариваетъ правильность многихъ фактовъ, приводимыхъ графомъ Бенедетти, а главное его оцѣнки тогдашнихъ дипломатовъ, а въ третьемъ—племянникъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Тувенеля, на основаніи официальной переписки дяди, излагаетъ подноготную вѣнскаго конференціи 1855 года. Всѣ эти статьи, вмѣстѣ взятая и комментирующія одна другую, проливаютъ новый свѣтъ на роль европейской политики въ слож-

номъ, запутанномъ восточномъ вопросѣ, стоившемъ столько крови Россіи и западнымъ державамъ безъ всякой разумной причины. Съ особой рельефностью Бенедетти и его таинственный критикъ рисуютъ характеристику и вліяніе на турецкія дѣла знаменитаго лорда Стратфорда де-Редклифа, считавшагося главнымъ виновникомъ Крымской войны, которую онъ будто бы возбудилъ противъ Россіи изъ злобы къ императору Николаю, не пожелавшему видѣть его посланникомъ въ Петербургѣ. Не смотря на то, что Бенедетти не разъ приходилось терпѣть отъ гордыхъ, повелительныхъ замашекъ англійскаго дипломата, распорядившагося въ Турціи, какъ настоящій проконсулъ, онъ считаетъ лорда Стратфорда образцовымъ дипломатомъ если не по теоріи международнаго права и въ общечеловѣческомъ значеніи, то съ точки зрѣнія практической пользы того государства, котораго онъ является представителемъ. Дѣйствительно, по его словамъ, лордъ Стратфордъ высоко держалъ знамя Англіи на Востокаѣ, дѣлалъ въ Турціи все, что было ему угодно, и, основываясь на всестороннемъ знаніи англійскихъ интересовъ, а также долгомъ знакомствѣ съ Востокомъ, упорно проводилъ, не смотря на всѣхъ, даже на англійское правительство, свою политику. Конечно, онъ могъ такъ поступать потому, что его поддерживало англійское общественное мнѣніе, и онъ дѣйствовалъ не изъ личнаго самолюбія, или корыстныхъ расчетовъ, а лишь только для распространенія англійскаго вліянія на Востокаѣ. «Лордъ Стратфордъ,—говоритъ Бенедетти,—имѣлъ всѣ прекрасныя качества англійской расы, а также и всѣ ея недостатки, а главное—глубокое сознаніе величія своей родины, ничѣмъ непреодолимую рѣшимость служить на ея пользу и презрѣніе ко всѣмъ остальнымъ націямъ. Обладая необыкновенными способностями и громаднымъ опытомъ, онъ былъ бы во всѣхъ отношеніяхъ идеальнымъ посломъ, если бы только британская гордость и одностороннее, преданное служенію только однимъ англійскимъ интересамъ не дѣлали его невозможнымъ товарищемъ для другихъ дипломатовъ. По одной внѣшности онъ возбуждалъ съ перваго взгляда общее уваженіе; отличаясь замѣчательнымъ образованіемъ и будучи ученымъ эллинистомъ, онъ никогда не кичился этими преимуществами, а, напротивъ, всегда и вездѣ только выдвигалъ впередъ свой авторитетъ, какъ представителя Англіи». Отдавая, такимъ образомъ, справедливость высокимъ достоинствамъ лорда Стратфорда, Бенедетти рисуетъ поразительную картину того грубаго, превратительнаго обращенія, которое онъ себѣ позволялъ не только съ турецкими государственнымъ людьми, которыхъ онъ третировалъ, какъ лакеевъ, но даже съ европейскими дипломатами. Поэтому его одинаково ненавидѣли и тѣ, и другіе. По случаю его временнаго отъѣзда изъ Константинополя въ 1852 году тогдашній повѣренный въ дѣлахъ Франціи, Сабатье, доносилъ своему министру иностранныхъ дѣлъ, что всѣ радуются отъѣзду англійскаго посла, а особенно это пріятно французскому посольству, такъ какъ онъ систематично всегда дѣйствовалъ противъ него. Другой представитель Франціи, въ качествѣ посла, генералъ Баратъ-д'Илье, покидая свой постъ во время Крымской кампаніи, благодаря вліянію лорда Стратфорда, писалъ тому же министру: «Англійскій посланникъ старается унизить не только дворъ, при которомъ онъ акредитованъ, но и представителей другихъ державъ, которые не хотятъ подчиниться беспрекословно его диктаторству, подобно турецкимъ министрамъ». Наконецъ великій визирь Али-паша выражалъ въ письмѣ къ турецкому послу въ Лондонѣ, Музурусу-пашѣ, что лордъ Стратфордъ былъ

причиной большихъ бѣдствій для Турецкой имперіи, правительство которой не можетъ хорошо управлять страной, когда постоянно въ ея дѣла вмѣшивается гордый, повелительный иностранецъ. «Онъ, по словамъ Али-паши, пытается объяснить свою тиранію тѣмъ, что безъ него не произошло бы желаннаго всѣми преобразованія Турціи; но всѣ его добрыя начинанія подтачиваются гордымъ диктаторствомъ, такъ что даже самъ князь Меншиковъ не предъявлялъ бы такихъ безпредѣльныхъ требованій въ случаѣ успѣха его миссіи, какъ лордъ Стратфордъ». Еще рѣзче, чѣмъ Бенедетти, отзывается объ этомъ англійскомъ проконсулѣ анонимный авторъ статьи въ «La Nouvelle Revue» «Франція и Англія въ Турціи», но въ своей ненависти къ нему и къ его враждебной Франціи политикѣ онъ доходитъ до странныхъ крайностей. Такъ, наиримѣръ, онъ увѣряетъ, что лордъ Стратфордъ былъ отцомъ расчлененія Турціи и возникновенія вопросовъ болгарскаго и армянскаго. Еслибъ дѣйствительно англійскій проконсулъ первый поставилъ на очередь въ наше время вопросъ о регулированіи правъ христіанскихъ населеній Турціи, чего до сихъ поръ даже не упоминалось и въ шутку, то его роли на востокѣ слѣдовало бы придать иное, высшее значеніе. Онъ уже пересталъ бы быть представителемъ исключительныхъ англійскихъ интересовъ, а становился бы защитникомъ угнетенныхъ народностей. Притомъ все равно, какими мотивами онъ руководствовался для достиженія этой благородной и человѣчной цѣли; если даже онъ, какъ увѣряетъ анонимный авторъ статьи въ «Nouvelle Revue», имѣлъ задачей подготовить паденіе Турецкой имперіи развитіемъ самостоятельности христіанскихъ населеній и окончательный переходъ въ протестанство этихъ населеній, что очень сомнительно, то все-таки слѣдовало бы перемѣнить хотячею мнѣніе до сихъ поръ о лордѣ Стратфордѣ, какъ объ англійскомъ проконсулѣ, поддержавшемъ во что бы то ни стало турецкіе неурядки въ интересахъ Англіи. Но взгляды анонимнаго автора на лорда Стратфорда интересны, какъ курьезъ, а его статья возбуждаетъ большее вниманіе въ историческомъ отношеніи сообщаемыми имъ любопытными анекдотами. Между прочимъ, онъ рассказываетъ, что великій визирь Фуадъ-паша былъ посланъ въ Ливадію привѣтствовать императора Александра II въ то самое время, когда можно было предположить, что русскій государь потребуетъ уступки Греціи возмущившагося Крита, или Кандіи, и чтобы выйти изъ своего затруднительнаго положенія, турецкій дипломатъ рѣшился на смѣлый оригинальный шагъ. Онъ былъ приглашенъ на обѣдъ къ императору и императрицѣ, которые приняли его очень любезно; послѣ обѣда подали чай, и Фуадъ-паша, взявъ изъ сахарницы кусокъ сахару, долго подержалъ его и потомъ положилъ обратно.— Вы не любите сахара, Фуадъ-паша?—спросила императрица.— Нѣтъ, ваше величество,—отвѣчалъ турецкій дипломатъ,—я очень его люблю, но я боюсь, чтобы это не былъ sucre Candie (пофранцузски sucre Candie—кандійскій сахаръ, значитъ леденецъ). Императоръ тотчасъ понялъ, на что онъ намекалъ, и сказалъ добродушно: «Не безпокойтесь, Фуадъ-паша, вамъ здѣсь не скажутъ ни слова о Кандіи». Статья Тувенеля о вѣнской конференціи 1855 года представляетъ картину сложныхъ дипломатическихъ интригъ европейскихъ дворовъ по случаю двойственной игры Австріи во время Крымской кампаніи. Хотя особенно новаго въ ней нѣтъ ничего, но она знакомитъ съ подробностями подноготной стороны европейской дипломатіи и въ особенности съ безцеремоннымъ отношеніемъ Наполеона III къ своимъ министрамъ

и посламъ, которыхъ онъ мѣнялъ, какъ пѣшекъ. Хотя большинство этихъ министровъ и пословъ легко мирились съ подобнымъ униженіемъ, но находились люди, которые протестовали противъ такого безцеремоннаго обращенія. Такъ, Друэнъ де Люи, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ и уполномоченный на вѣнской конференціи, вида, что императоръ втайнѣ отъ него перемѣнилъ свою политику относительно предложеній Австріи насчетъ прекращенія Крымской кампаніи и мирнаго разрѣшенія восточнаго вопроса, подалъ въ отставку и написалъ своему государю рѣзкое письмо, въ которомъ прямо говоритъ: «Въ теченіе трехъ дней вы, ваше величество, прежде безмолвно, а потомъ открыто при англійскомъ посланникѣ отвергли то, что вы прежде согласились поддерживать. Подобное поведеніе вашего величества уничтожаетъ всякій нравственный авторитетъ министра, и ни одинъ честный человѣкъ не можетъ на это согласиться. Почести, которыми вы меня осыпали, принадлежатъ вамъ, но моя честь—мое достоиніе, и я никогда не думалъ, что мнѣ придется защищать ее отъ своего государя. Уходя въ министровъ, я все-таки надѣюсь, что вы, ваше величество, вернетесь къ своей прежней политикѣ, отреченіе отъ которой вызвало мою отставку».

— Столѣтіе Нормальной школы въ Парижѣ. Въ концѣ апрѣля праздновался юбилей французской Нормальной школы, или учительской семинаріи, которая соперничаетъ съ Политехнической школой, какъ по приносимой ею пользѣ высшему образованію, такъ и по славѣ ея воспитанниковъ. Обѣ онѣ созданы конвентомъ и почти въ одно время, такъ какъ политехнической юбилей состоялся лишь въ прошедшемъ году. Слѣдуя по стопамъ своей соперницы, Нормальная школа чествовала свое столѣтіе съ большимъ блескомъ, хотя по необходимости въ программу празднествъ входили тѣ же элементы: торжественный актъ, банкеты, балъ, лекціи, чтенія, представленіе «Ревюе» изъ школьной жизни и рѣчи, рѣчи безъ конца. Въ числѣ ораторовъ первое мѣсто принадлежало министру народнаго просвѣщенія, Пуанкаре, который хотя и не воспитывался въ Нормальной школѣ, но такъ живо принимаетъ къ сердцу ея интересы, что теперешніе ученики поднесли ему титулъ «архикуба», какъ называются блестяще окончившіе курсъ птенцы этой образцовой школы, въ знакъ благодарности за его работы и глубоко прочувствованную рѣчь на актѣ, окончившуюся знаменательными словами: «Национальное воспитаніе—орудіе не правительства, а цивилизаціи; оно не унижаетъ характеровъ, не парализуетъ страсти къ научнымъ изслѣдованіямъ, не стремится насиловать совѣсть; оно не препятствуетъ интеллектуальному развитію, не заковываетъ ума въ цѣпи, не унижаетъ правъ разума, а опирается на науку и охраняется свободой». Конечно, нормальцы не могли выставить на своемъ юбилей среди товарищей президента республики, какъ это сдѣлали политехники, къ которымъ принадлежалъ Карно, но въ немъ принималъ участіе одинъ изъ кандидатовъ на послѣднихъ президентскихъ выборахъ, предсѣдатель сената, Шаллемель-Лакуръ, а главное хотя по нездоровью и отсутствовалъ, но мысленно парилъ надъ всѣми празднествами великій образъ славнѣйшаго изъ современныхъ французовъ, Пастера, имя котораго будетъ вѣчно связано съ учрежденіемъ, гдѣ онъ воспитывался, преподавалъ и производилъ свои знаменитыя химическія открытія. Въ числѣ присутствовавшихъ старыхъ своихъ учениковъ Нормальная школа могла указать съ гордостью на длинный рядъ выдающихся дѣятелей въ самыхъ различныхъ отрасляхъ знанія и обществен-

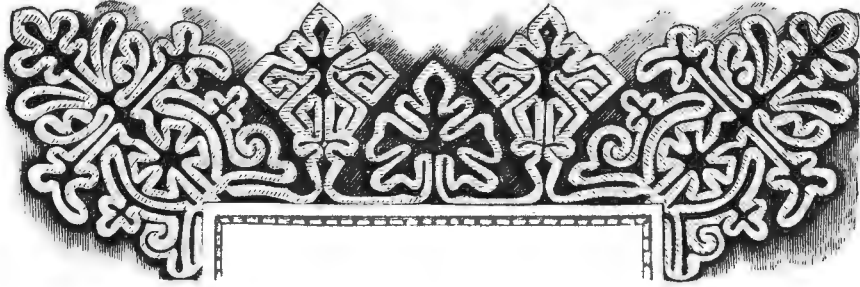
ной жизни: тутъ были, кромѣ Шаллемель-Лакура, четыре члена французской академіи: знаменитый Жюль Симонъ, Греаръ, изслѣдователь классической старины, епископъ Перро и историкъ Лависъ; пять членовъ академіи наукъ: Тиссеранъ, профессоръ астрономіи, Перье, извѣстный зоологъ, Липманъ, профессоръ физики, Дарбу, профессоръ геометріи, и Жоржъ Перро, теперешній директоръ школы, одинъ изъ лучшихъ археологовъ нашего времени; журналисты, пользующіеся громкой славой: Францискъ Сарсэ и Жюль Леметръ, глава социалисткой партіи въ палатѣ депутатовъ Жоресъ и многіе другіе. Прошедшее Нормальной школы еще блестяще настоящаго, такъ какъ изъ нея вышли Кузенъ, Тэнъ, Прево-Парадолъ, Огюстенъ Тъери, Фюстель де-Куланжъ, Эдмонъ Абу, Вейсъ, семьдесятъ восемь академикомъ и безчисленное количество просвѣщенныхъ дѣятелей въ наукѣ, литературѣ и политикѣ, а въ числѣ ея профессоровъ, кромѣ бывшихъ учениковъ школы, находились такіе люди, какъ Лагарпъ, Бернардень де-Сенъ-Пьеръ, Вольнэ, Лапласъ, Монжъ, Вертолле, Мишлэ, Ниваръ, Брюнетьеръ и т. д. Учебное заведеніе, имѣющее цѣлью собственно готовить учителей для всей Франціи и, достойно исполняя эту прямую задачу, поставляющее еще на придачу такихъ свѣтилъ науки, какъ Пастеръ и Тэнъ, уже не говоря о циклѣ замѣчательныхъ людей всякаго рода, конечно, заслуживаетъ подробной исторіи, и за это дѣло взялись по случаю юбилея сорокъ ея бывшихъ учениковъ съ Перро, Жюлемъ Симономъ и Пастеромъ во главѣ. Они составили очень интересную, объемистую книгу: «Столѣтіе Нормальной школы», а кромѣ того, вышелъ еще любопытный сборникъ воспоминаній нормальцевъ объ ихъ школьной жизни въ болѣе легкомъ, остроумномъ видѣ, въ прозѣ и стихахъ подъ заглавіемъ «Нормальцы, нарисованные ими самими». Нечего прибавлять, что журналы и газеты посвятили громадное число статей этому популярному юбилею; изъ ихъ числа наиболѣе любопытны: «Нормальная школа и ея столѣтіе»—Жоржа Перро въ «Revue de Deux Mondes», «Кривизна 1850 года въ Нормальной школѣ»—Греара въ «Revue Nouvelle», «Воспоминанія нормальца»—Жоржа Льонна въ «Revue de Paris», «Послѣ юбилея»—Эдуарда Геррио въ «Revue Bleue» и особые посвященные юбилею номера «Illustration» и «Revue Encyclopedique». Весь этотъ богатый матеріалъ представляетъ рельефную картину столѣтней жизни Нормальной школы, которая была всегда тѣсно связана не только съ интеллектуальнымъ развитіемъ страны, но и съ успѣхами либеральнаго прогресса. Созданная революціей на самыхъ гуманнѣхъ свободныхъ принципахъ, она была вскорѣ закрыта реакціонерами директоріи, и хотя открыта при имперіи, но совершенно въ иномъ видѣ, затѣмъ снова закрыта во время реставраціи и возстановлена въ теперешнемъ ея видѣ только июльской монархіей, наконецъ ей пришлось перенести семь лѣтъ гоненій при второй имперіи, и только при третьей республикѣ она еще разъ дожила до свѣтлыхъ дней никѣмъ не стѣсняемой научной и нравственной свободы.

— Новыя раскопки въ Дашурѣ. Парижскія газеты, преимущественно «L'illustration», отъ 11-го и 18-го мая, сообщаютъ обстоятельныя свѣдѣнія о новыхъ, удивительныхъ находкахъ молодого французскаго ученаго Моргана въ Дашурѣ. Корреспондентъ «L'illustration», скрывающійся подъ англійскимъ псевдонимомъ Witness (свидѣтель), описываетъ сперва самую мѣстность, гдѣ происходятъ эти необыкновенныя раскопки. Въ двухъ часахъ ѣзды отъ Каира, на юго-востокъ находится низенькое, выбѣленное жилище, которое

рельефно выдѣляется на черной массѣ полуразрушенной пирамиды. Это именно и составляетъ дашурскій домъ, вокругъ котораго произведено столько славныхъ для науки археологическихъ находокъ. Смотри прямо на долину Нила, съ ея полями майса, сахарными плантаціями и миндальными рощами, среди которыхъ медленно извивается великая рѣка, жилище Моргана выстроено изъ кирпичей, входившихъ въ составъ сосѣдней пирамиды двѣнадцатой династіи, которая господствовала за 5.000 лѣтъ тому назадъ. Если же обратиться къ западу, то картина мгновенно измѣняется. Прежде всего выступаетъ самая пирамида, служащая фономъ для жилища, и въ ней-то Морганъ открылъ въ прошедшемъ году на значительной глубинѣ отъ поверхности земли сокровища царей: Усертесена II, Усертесена III, Аменемгата III и египетскихъ принцессъ. Далѣе идутъ другія пирамиды, изъ которыхъ однѣ въ развалинахъ, а другія сохранили свою геометрическую форму во всей неприкосновенности. Всюду вокругъ песокъ и до самаго горизонта нигдѣ не видно слѣда зелени. Такимъ образомъ жилище Моргана находится на границѣ водѣланной земли и пустыни. Эта мѣстность, теперь сдѣлавшаяся исторической, кишитъ второй годъ рабочими, которые копаютъ земли коротенькими мотыжками. Со всѣхъ сторонъ ведутъ ретраншементы, словно дѣло идетъ объ осадѣ крѣпости; цѣлый день дѣти, босые и съ обнаженными руками, въ короткихъ бѣлыхъ рубашкахъ, переносятъ съ мѣста на мѣсто корзинки съ пескомъ. Медленно, упорно производятъ углубленія въ почвѣ, иногда на 12 метровъ и часто находятъ открытые саркофаги съ разкинутыми вокругъ остатками мумій, благодаря грабителямъ и ворамъ древности. Въ прошедшемъ году работы производились въ темныхъ подземныхъ галлерейхъ, при мерцаніи лампъ и въ удушливой атмосферѣ подземелій, закрытыхъ столько вѣковъ. Теперь же, съ нынѣшняго года, работаютъ подъ открытымъ небомъ, при лучахъ солнца. Много драгоценныхъ находокъ было уже сдѣлано вокругъ пирамиды, разрушенной до такой степени, что она находится почти въ уровень съ землей. Но въ концѣ февраля, Морганъ приказалъ начать раскопки къ востоку отъ этой пирамиды, которая, по его мнѣнію, составляла гробницу одного изъ Аменемгатовъ и должна была служить центромъ другихъ царственныхъ гробницъ. Его предчувствія вполнѣ оправдались, и вскорѣ открытъ былъ сводъ склепа, вполнѣ сохранившагося и, очевидно, не тронутаго никакими грабителями. Подъ личнымъ руководствомъ Моргана приступлено было къ вскрытію этого склепа, и была обнаружена галлерейя съ двумя заваленными камнями отверстиями для саркофаговъ. Когда первая изъ этихъ гробницъ была вскрыта, то всѣ присутствующіе, даже туземные рабочіе, не могли удержаться отъ криковъ удивленія. Подъ синимъ небомъ Египта, при палящихъ лучахъ полуденнаго солнца, показавшаяся на своемъ гранитномъ ложѣ, удивительно сохранившаяся, мумія. На саркофагѣ можно было прочесть, что покойницу звали принцессою Ита. На ней лежали нетронутыми всѣ украшенія, которыя были положены набожными руками 5000 лѣтъ тому назадъ. Ея темное лицо ярко блестѣло, а браслеты и ожерелья переливались всеми цвѣтами радуги. Подлѣ ея талии, окруженной золотымъ обручемъ, лежалъ кивжалъ съ бронзовымъ лезвиемъ и золотой рукояткой съ инкрустаціей, а по всему тѣлу были разбросаны плоскіе золотые листья, которые тотчасъ начали колыхаться отъ вѣтра. Морганъ осторожно сталъ вынимать одно украшеніе за другимъ, при чемъ состоящій при немъ художникъ тутъ же срисовывалъ форму этихъ украшеній и

отмѣчалъ, изъ чего они составлены, такъ какъ они чрезвычайно хрупки и при малѣйшемъ грубомъ прикосновеніи рассыпаются. Все, что сохранилось въ цѣлости, было тотчасъ отнесено въ вѣрное хранилище, а рассыпавшіеся остатки собраны до послѣдней крохи въ корзинки. Когда саркофагъ оказался пустымъ, то его вытащили наружу и стали ломать сосѣднюю стѣнку гробницы. Она легко поддалась, и за ней оказалось отверстіе, въ которомъ хранились различныя приношенія мертвой принцессѣ. Когда и тамъ все было собрано и унесено, то приступили къ вскрытію второго саркофага, въ которомъ находилась, согласно надписи, мумія царицы-супруги Квумитъ. Тутъ оказались замѣчательныя сокровища: украшенія изъ золотой филигранны, браслеты, ожерелья изъ золотыхъ жемчужинъ, гирлянды изъ драгоценныхъ камней и т. д. Все это лежало на самой муміи, но рядомъ въ отверстіи, заложеномъ камнемъ, найдены были еще болѣе драгоценныя диковины: золотая корона съ драгоценными камнями, преимущественно изумрудами, подвѣски, ожерелья, вѣтки и прочія украшенія изъ золота и драгоценныхъ камней. Всего Морганомъ до сихъ поръ найдено 5.767 предметовъ, одно золото которыхъ вѣситъ 1 килограммъ 800 граммовъ. Кромѣ цѣнности этихъ предметовъ, они поражаютъ удивительно тонкой работой и находящимися на нихъ іероглифическими знаками. Тѣ изъ найденныхъ предметовъ, которые оказались въ разрозненномъ видѣ, старательно восстановлены по рисункамъ аналогичныхъ вещей. Всѣ эти находки уже доставлены въ Гизскій музей и, выставленныя въ особыхъ витринахъ, возбуждаютъ общій восторгъ многочисленныхъ посѣтителей, которые, конечно, не могутъ достаточно удивиться энергичнымъ трудамъ молодого французскаго ученаго, которому недавно минуло еще только 37 лѣтъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Три англійскія книги о русской исторіи и политикѣ.—Крымская война, Шлевна и современное положеніе Россіи на Востокъ. — Французскія, итальянскія и нѣмецкія книги о графѣ Толстомъ. — Воспоминанія объ немъ Анны Сейронъ. — Деруледъ въ Ясной Полянѣ.—Новая притча Л. Н. Толстого.

ОБРЫЕ ДРУЗЬЯ наши англичане не оставляютъ насъ своимъ вниманіемъ и издаютъ множество книгъ о нашей настоящей и прошедшей жизни. Извѣстный корреспондентъ Россель издалъ «о большой войнѣ съ Россіей и вторженіи въ Крымъ» свои воспоминанія (The great war with Russia: the invasion of the Crimea: a personal retrospect). Авторъ говоритъ въ предисловіи: «я рѣшился дать нѣкоторое понятіе о моей частной жизни, какъ участникъ въ военныхъ предпріятіяхъ, насколько я ихъ понимаю». Последняя оговорка оказалась вовсе не лишнею, такъ какъ не только друзья Росселя, но и англійская критика сожалѣютъ, что онъ обнарудовалъ многія изъ своихъ воспоминаній. Сожалѣнія эти нисколько, впрочемъ, не относятся къ Россіи, о которой можно писать все, что придетъ въ голову. А вотъ какъ онъ смѣлъ дурно отозваться о сэрѣ Генрихѣ Бентинкѣ, этомъ «совершеннѣйшемъ джентльменѣ по своимъ манерамъ и вполне несовершенномъ военномъ дѣятелѣ безъ малѣйшаго умѣнья чѣмъ нибудь командовать». Между тѣмъ, авторъ не приводитъ никакихъ доказательствъ ошибокъ умершаго генерала, который не можетъ отвѣчать. Это англичане признаютъ не коректнымъ, такъ какъ дѣйствія Бентинка не доказываютъ его ограниченнаго ума. Россель даже по наружности называетъ его маленькимъ человѣкомъ, хотя онъ былъ большого роста. Съ другой стороны свидѣтельство гвардіи, что онъ былъ бле-

стящій стратегъ, также ничего не доказываетъ. Какъ всѣ англійскіе генералы въ крымскую войну, онъ не имѣлъ случая выказать ни своей храбрости, ни способностей, ни при Альмѣ, ни при Инкерманѣ, хотя и былъ раненъ въ послѣднемъ сраженіи. Строго порицаетъ Россель и генерала Симпсона за его неудачную атаку на реданъ 8 сентября. Онъ напрасно повелъ отрядъ на выдающійся уголь укрѣпленія, хотя его и признають обыкновенно самымъ слабымъ пунктомъ въ редутѣ. Въ общемъ, англичане сознаются, однако, что эта атака была ведена неумѣло, и что ее даже не слѣдовало производить, такъ какъ съ паденіемъ Малахова кургана реданъ не могъ держаться, и достаточно было обстрѣливать его артилерійскимъ огнемъ. «Но политика и престижъ Англии требовали, чтобы она раздѣляла опасности, какимъ подвергались ея союзники, и не давала возможности говорить французамъ: мы одни побѣдили. Если даже и было рѣшено атаковать реданъ, это слѣдовало сдѣлать энергически со свѣжими войсками шотландской дивизіи, а не легкой второй дивизіей, деморализованной неудачей 18-го іюля и пополненной молодыми солдатами. Слѣдовало во всякомъ случаѣ посылать на реданъ новые отряды одинъ за другимъ, а не отступать». Россель участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, но это нисколько не доказываетъ его знанія военнаго дѣла, а, между тѣмъ, онъ какъ экспертъ, осуждаетъ генераловъ. «Въ сраженіи при Альмѣ,—говоритъ онъ,—у русскихъ не было никакого плана, да и наши распоряженія были не лучше. Французы произвели диверсію на лѣвый флангъ въ то время, когда англичане атаковали фронтъ въ укрѣпленной позиціи». Лордъ Рагланъ говоритъ, что генераль Боллеръ оказалъ помощь Кодрингтону—Россель отрицаетъ это. Что корреспонденціи Росселя, изъ которыхъ теперь составлена его книга, возбуждали интересъ, это несомнѣнно, но это не даетъ ему права раздавать похвалы и осужденія генераламъ, а онъ доходитъ даже до замѣчанія, что лордъ Рагланъ никогда не обращался къ нему за справками и свѣдѣніями, когда о его замѣчаніяхъ въ Times телеграфировали даже въ Петербургъ. Онъ позволялъ себѣ сообщать о военныхъ планахъ англичанъ, что уже и вовсе неприлично. Въ лишеніяхъ, какимъ подвергалась англійская армія, онъ не обвиняетъ генераль-комисара Фильдера, но беретъ его подъ свою защиту и называетъ даже комисаріатскимъ Наполеономъ, распорядившимся изъ Балаклавы доставкою всего, что необходимо для арміи, несмотря на бомбардировки, вылазки, атаки, сраженія. Онъ говоритъ, что послѣ сраженія при Инкерманѣ англичане думали, что французы ворвались въ Севастополь, и они дѣйствительно занимали нѣсколько времени подгородную мѣстность у карантиннаго форта, Россель подкрѣпляетъ свое извѣстіе свидѣтельствомъ Лайярда. Вообще въ книгѣ Росселя не мало интересныхъ фактовъ, какъ, напримѣръ, рассказъ о томъ, какъ англійскіе офицеры присвоили себѣ теплыя пальто, присланныя изъ Англии солдатамъ; но на военныя сужденія его полагаться нельзя.

— Авторъ другой книги «Защита Плевны» (The defense of Plevna) Вильямъ Гербертъ еще суровѣе Росселя относится къ Россіи, и потому критикъ Academy Минкинъ (должно быть, изъ русскихъ евреевъ) очень доволенъ этимъ сочиненіемъ. «Его должны прочесть тѣ, кто видитъ блескъ, славу, геройскія побѣды въ этой великой войнѣ», съ которой скромные корреспонденты, какъ Гербертъ, также участвовавшій во многихъ битвахъ, рисуютъ картины, достаточныя для того, чтобы наполнить ужасомъ жизнь мирнаго гражданина. Онъ неволью обвиняетъ въ этомъ страшномъ кровопролитіи власти-

телей, придворныхъ, политиковъ. Послѣ третьей атаки этого города у одного врача вырвалось невольное восклицаніе: вотъ бы королямъ и монархамъ посмотрѣть на эту рѣзню! Гербертъ описываетъ улицы Плевны въ ночь ея сдачи: что за смѣшеніе языковъ господствовало въ ней: турецкаго, арабскаго, черкесскаго, русскаго, румынскаго, болгарскаго, французскаго. Послѣ тридцати часовъ непрерывной канонады и огромныхъ потерь въ русской арміи, Османъ-паша, 4^{1/2} мѣсяца державшійся противъ громадной арміи, долженъ былъ сдаться, принужденный къ этому голодомъ, по мнѣнію корреспондента. Подъ Плевною было 250 тысячъ русскихъ и 700 орудій, тогда какъ Османъ-паша защищалъ Плевну съ 60-ю тысячами и ста пушками. Русскіе, по словамъ Герберта, потеряли 55-ть тысячъ человѣкъ, румыны — 10 тысячъ, турки—30 тысячъ. Защита продолжалась 143 дня, и Александръ II сказалъ, что это одно изъ самыхъ замѣчательныхъ событій въ военной исторіи. Гербертъ сомнѣвается, чтобы успѣхомъ дѣла Россія была обязана Тотлебену. Послѣ второго неудачнаго штурма Плевны 30-го іюля князю Карлу румынскому была послана, будто бы, слѣдующая телеграмма: «переправляйтесь черезъ Дунай, какъ и когда вамъ удобнѣе, но приходите скорѣе къ намъ на помощь, турки одолѣвають насъ, дѣло христіанства потеряно». Авторъ говоритъ, что Османъ-паша не любилъ иностранцевъ, гуманно относился къ болгарамъ, былъ ревностнымъ мусульманиномъ, увѣреннымъ въ побѣдѣ, говорилъ только потурецки, но былъ замѣчательнымъ ораторомъ. Въ Стамбулѣ относились къ нему недовѣрчиво. Его ставили въ тяжелое положеніе семейство и гаремы его пашей, мѣшавшіе ему дѣлать частыя вылазки. Раненый въ ногу и оставляя Плевну, онъ ввязъ съ болгарскихъ старшинъ духовенства клятву, что они будутъ охранять въ госпиталѣ раненыхъ турокъ. Клятва была дана, но они все-таки были перерѣзаны болгарами. Есть въ книгѣ и романтическія исторіи, какъ судьба 19-ти-лѣтней видинской жидовки и 17-ти лѣтней турчанки въ Плевнѣ. Мелкихъ, но довольно любопытныхъ подробностей въ книгѣ не мало. Авторъ восхищается храбростью турецкой регулярной арміи, но очень дурного мнѣнія о черкесахъ и баши-бузукахъ. Онъ стоитъ за свободу и независимость Болгаріи и благосклонно отзывается о румынахъ, а о Скобелевѣ съ особеннымъ уваженіемъ. О защитѣ Шипки онъ говоритъ съ восхищеніемъ, къ Сулейману-пашѣ слишкомъ снисходителенъ, Мегмета-Али не оправдываетъ, называетъ кунктаторомъ. Сулейманъ-паша, найденный виновнымъ и приговоренный военнымъ судомъ, былъ лично храбръ, но корыстный и явный измѣнникъ. Въ общемъ, книга Герберта разъясняетъ многое въ одномъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ нашей войны съ Турціею.

— Третій также извѣстный публицистъ Генрихъ Норманъ издалъ книгу «о народахъ и современной политикѣ на дальнемъ востокѣ» (The peoples and politics of the far East). Авторъ болѣе всего говоритъ о Китаѣ, Японіи и о русскихъ, французскихъ и британскихъ владѣніяхъ, интересы которыхъ затронуты настоящей войною. Не относятся къ ней только столкновенія Франціи съ Сіамомъ и дѣла въ Манильѣ и Макао. Болѣе всего авторъ распространяется объ отношеніяхъ Англіи въ Китаѣ и на Малайскомъ полуостровѣ, Франціи — въ Индокитаѣ и Россіи на Тихомъ океанѣ, въ Корей и Сіамѣ. Все, что касается войны желтокожихъ, стоитъ на первомъ планѣ. Норманъ публикуетъ петицію изъ Гонг-Конга, подписанную почти всею британскою колоніею и требующую мѣстнаго самоуправленія, такъ какъ каждый

англичанинъ на основаніи общенародныхъ законовъ имѣетъ право контролировать общественныя дѣла. Въ настоящее время населеніе Гонг-Конга состоитъ изъ 211 тысячъ китайцевъ и 850 бѣлыхъ, считая въ томъ числѣ гарнизонъ. Норманъ говоритъ, что и китайская община поддерживаетъ петицію, такъ какъ платитъ $\frac{9}{10}$ налоговъ, хотя Гонг-Конгъ скорѣе англійскій, чѣмъ китайскій городъ, и богатые китайскіе купцы раздѣляютъ британскіе интересы, а бѣдняки принадлежатъ къ низшимъ сословіямъ, которыя нельзя оставить безъ контроля. Въ Сингапурѣ авторъ требуетъ также введенія военной контрибуціи и порицаетъ гражданское управленіе. Онъ даже недоумеваетъ, что эти владѣнія отошли отъ индійскаго управленія и составили отдѣльную колонію, которая должна употреблять собственныя средства для своей защиты и издерживаетъ на этотъ предметъ больше, чѣмъ Индія. Ясно, что при финансовомъ дефицитѣ и постоянно увеличивающихся военныхъ расходахъ управленіе въ колоніяхъ должно измѣниться, хотя онъ и кажется въ цѣлѣмъ положеніи. Норманъ требуетъ отдѣленія Малайскаго полуострова отъ Сингапура, грабящаго малайцевъ. Онъ жалуется точно также, что подводный кабель, соединяющій Гонг-Конгъ, Лабуанъ и Сингапуръ съ Гибралтаромъ, дѣйствуетъ плохо, а въ Сіерра-Леоне, Капѣ, Австраліи и Индіи еще хуже. Взглядъ автора на нынѣшнюю войну вполне англійскій: Россія не должна вмѣшиваться въ расправу Японіи съ Китаемъ и въ европейскую торговлю съ Небесною имперіей, которая теперь, конечно, слаба, но скоро окрѣпнетъ, такъ какъ можетъ все-таки выставить огромную армію, если ее хорошо выучить и организовать. Японцы въ этомъ также увѣрены, и поэтому, не имѣя возможности войти въ союзъ съ Англіею, хотятъ заключить его съ Китаемъ. Настоящее положеніе онъ считаетъ чрезвычайно важнымъ для великобританскихъ интересовъ. Прежнее *status quo*, поддерживаемое англійскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, теперь невыносимо. Норманъ сильно опасается непріязни кантонскаго населенія къ иностранцамъ и называетъ чернь города дикими звѣрями, хотя и считаетъ извѣстіе о варварствѣ китайцевъ преувеличеннымъ. Припоминая, что французскіе туристы называютъ Кантонъ аркадіей преступниковъ, Норманъ неодобрительно отзывается о корейцахъ. Въ книгѣ его разсѣяно много интересныхъ замѣтокъ.

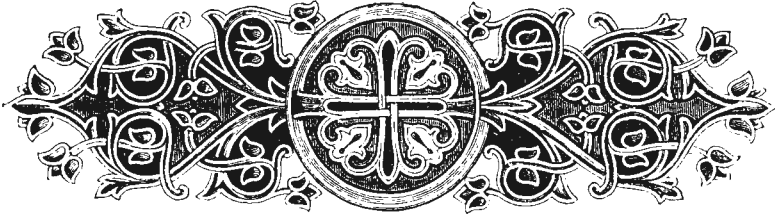
— Л. Н. Толстого попрежнему продолжаютъ терзать французы, нѣмцы и итальянцы. Первые печатаютъ его разсужденія о евангеліи. Итальянецъ Ферреро, одинъ изъ лучшихъ учениковъ Ломброзо, прямо сравниваетъ русскаго писателя со святымъ Францискомъ д'Ассизъ, хотя между проповѣдями и поступками русскаго писателя и фанатика аскета XIII вѣка нѣтъ ничего общаго. Нѣмцы, въ свою очередь, разрабатываютъ жизнь графа. Жившая у него въ теченіе 6-ти лѣтъ гувернантка сочла своимъ долгомъ сочинить книгу въ 170 страницъ: «Графъ Левъ Толстой. Интимное изъ его жизни» (*Graf Leo Tolstoy. Intimes aus seinem Leben*), а извѣстный публицистъ Евгеній Цабель, навязывающійся въ друзья ко всѣмъ выдающимся писателямъ, начиная съ Тургенева, счелъ своею обязанностью издать эту книгу съ собственнымъ введеніемъ, о чемъ не забылъ упомянуть на обложкѣ, какъ о важномъ событіи. Въ введеніи этомъ онъ говоритъ, что зимою получилъ письмо изъ Москвы отъ неизвѣстной ему дамы, просившей у него совѣта и помощи для различныхъ предпринимаемыхъ ею литературныхъ работъ. Она посылала ему стихотворенія и упоминала, что написала романъ и нѣ-

сколько разказовъ изъ русской жизни, замѣтивъ, между прочимъ, что она прожила шесть лѣтъ въ домѣ графа Толстого, оставившаго въ ней много интересныхъ впечатлѣній. Г-жа Анна Сейронъ говоритъ, что она родилась въ Баденѣ и послѣ смерти отца и мужа переселилась въ Россію для того, чтобы оказать помощь своей семьѣ. 25 лѣтъ провела она на чужбинѣ, и теперь 50-ти лѣтняя жевщина, жизнь которой становится тяжелѣе съ каждымъ годомъ, ждетъ въ горести своего конца, такъ какъ холера похитила ея дорогую опору— 24 лѣтняго сына. «Хотите вы помочь мнѣ?»—оканчивала она:— здѣсь не имѣютъ понятія о нѣмецкихъ произведеніяхъ; я бѣдное человѣческое сердце и ищу духовной помощи въ моемъ горѣ. Я держусь за соломинку, чтобы не погрузиться въ мракъ. Я одна, совершенно одна. Послѣ подобныхъ lamentaцій немудрено, что Цабель тронулся такими просьбами, особенно когда увидаль изъ послѣдующихъ писемъ, что Анна Сейронъ знаетъ лучше Толстого, чѣмъ всѣ, прежде писавшіе о немъ. Она была не только учительницей, но довѣреннымъ лицомъ въ его домѣ и, оставивъ его, сохранила къ нему дружескія отношенія. Поэтому юркій публицистъ убѣдилъ ее собрать свои воспоминанія о графѣ и жизни въ его домѣ, чтобы представить нѣмецкой публикѣ вѣрное изображеніе его характера, его семьи, его міросозерцанія. Она испугалась сначала, когда ей было сдѣлано такое предложеніе, и боялась упрековъ за сообщеніе неприятныхъ для графа подробностей. Но онъ самъ сказалъ ей, «гляди на нее своими маленькими острыми глазами: пишите обо мнѣ спокойно, я убѣжденъ, что вы хорошо исполните это». «Я просилъ г-жу Сейронъ,—прибавляетъ Цабель,—не придавать никакого значенія формѣ ея воспоминаній, чтобы не повредить свѣжести ея впечатлѣній. Постепенно замѣтки изъ-подъ ея пера выходили полнѣе и стройнѣе, и я убѣдился, что настоящій характеръ Толстого рѣдко кѣмъ либо былъ понятъ такъ ясно и правильно, какъ этою учительницею». Толстой нѣрѣдко спрашивалъ ее съ любопытствомъ, какъ далеко подвинулось ея писаніе, и скоро ли оно выйдетъ въ свѣтъ, но она не показывала ему своей рукописи, «и только я нѣсколько тронулъ ее въ литературномъ отношеніи, оставляя все остальное на отвѣтственности писательницы». Къ этимъ объясненіямъ Цабель для чего-то прибавляетъ, что Толстой прислалъ ему свой портретъ кабинетнаго формата въ крестьянской блузѣ. Портретъ приложенъ къ книгѣ и очень плохъ, хотя Цабель расхваливаетъ его. Онъ оканчиваетъ свое введеніе увѣреніемъ въ несомнѣнной правдивости автора, въ ея глубокой любви и удивленіи къ Толстому, «но она нисколько не идеализируетъ его характеръ, находится въ немъ человѣческія слабости и противорѣчія. Въ сердцѣ, какъ на лбу великаго писателя, образуются морщины, но онѣ дѣлаютъ намъ понятными изумительную власть этого человѣка надъ умами культурнаго современнаго общества». Въ книгѣ Сейронъ 41 глава, но нѣтъ ни системы, ни послѣдовательности, ничего новаго и очень мало интереснаго. Главный недостатокъ ея состоитъ въ тяжеломъ, вычурномъ, неестественномъ языкѣ, какимъ не пишется даже старая риторика. Въ своихъ замѣткахъ авторъ нарочно мѣшаетъ серьезное съ шуткой, какъ будто это для чего нибудь нужно. Той простоты, какою отличается каждая строка Толстого, нѣтъ и слѣда въ вымученныхъ фразахъ гувернантки. Она говоритъ о дѣтствѣ и отрочествѣ Толстого, но не подкрѣпляетъ своихъ ничтожныхъ замѣтокъ никакими свѣдѣтельствами, говоритъ о бракѣ его и о переселеніи въ Москву, рисуетъ весьма неудачные портреты какихъ-то купцовъ Александровъ

Иванычей, рассказываетъ, какъ графъ научился шить башмаки, какъ онъ помогаль бѣднымъ, учреждалъ ночлежныя пріюты, ходилъ пѣшкомъ изъ Москвы въ Ясную Поляну, какъ жилъ въ этой деревнѣ, отказался отъ употребленія мяса, какъ къ нему прѣзжалъ въ гости Дерулэдъ, но все это уже давно описано. Дерулэдъ является въ Ясной Полянѣ такимъ же пустымъ фразеромъ, какъ и въ Петербургѣ, говоритъ комплименты графинѣ Толстой и убѣждаетъ графа сочувствовать французскому реваншу. Онъ все находилъ въ домѣ *charmant*, хотя чуть не замерзъ ночью въ бесѣдкѣ, отведенной ему по неизбѣжному другому свободнаго мѣста. Тутъ же приведенъ небольшой рассказъ «Рекрутъ», содержащій въ себѣ избитыя фразы о тяжеломъ положеніи человѣка, отрываемаго отъ семьи для того, чтобы сдѣлать изъ него пушечное мясо. Любопытно, что гувернантка не говоритъ, кому принадлежитъ этотъ рассказъ—ей или Дерулэду, а выражается глухо: «вечеромъ было прочитано». О графинѣ французъ выражается такъ: «Я понимаю теперь, что въ домѣ находится ангель хранитель, заботящійся объ немъ», но въ то же время сознавалъ, что дѣтскіе голоса, веселый смѣхъ и пѣніе заглушаютъ всякую мысль о привывныхъ трубахъ реванша. Увѣряя графа, что единственною цѣлью его визита было желаніе «ознакомиться съ литературнымъ солнцемъ Россіи», Дерулэдъ напрасно старался вывѣдать его мнѣніе о реваншѣ, но графъ былъ молчаливъ, какъ мраморъ, и только однажды возразилъ на слова Дерулэда, что Рейнъ долженъ принадлежать французамъ: «Границы странъ опредѣляются не кровью, а разумнымъ и справедливымъ соглашеніемъ народовъ, строго взвѣсившихъ свои права и интересы». Да еще на слова француза, что война въ природѣ вещей, Толстой замѣтилъ: «А она все-таки должна уничтожиться и будетъ уничтожена, хотя не прошли еще печальные дни, когда въ силу предразсудка брать убиваетъ брата. Но и теперь уже не найдешь человѣка, который бы вызывалъ или требовалъ войну». Дерулэдъ провелъ три дня въ Ясной Полянѣ, гдѣ порядочно скучалъ и надоѣлъ всѣмъ. Сейронъ приводитъ и рассказъ самого графа дѣтямъ, но до того темный, что мы не беремся объяснять его значенія. Одни дѣти просили его, чтобы онъ рассказалъ, какъ его на охотѣ ранилъ въ лобъ медвѣдь, другіе хотѣли знать о его путешествіи за границу въ 1860 году, когда еще имя его не сдѣлалось извѣстнымъ, и трактирщики низко кланялись ему только потому, что онъ русскій графъ, *monsieur Tolstoi*. Требовали также, чтобы онъ передалъ, какъ сражался на Кавказѣ. «Все это вздоръ,—сказалъ маленький Миша, точный портретъ отца,—пусть папа расскажетъ намъ одну изъ тѣхъ исторій, какія онъ пишетъ, а мама собираетъ и шиваетъ». Графъ шивалъ кожу для башмаковъ и началъ такъ: «Жилъ когда-то очень богатый князь; у него было такъ много земель, что онъ не зналъ, что съ ними дѣлать. Онъ былъ старъ, и дѣтей у него не было. Тогда онъ объявилъ въ своемъ царствѣ, что всякому, кто хочетъ получить землю, онъ дастъ ее столько, сколько тотъ можетъ обѣжать ее на собственныхъ ногахъ отъ восхода до заката солнца. Собрались всѣ желавшіе сдѣлать пріобрѣтеніе, одни довольствовались пространствомъ, необходимымъ для постройки шалаша, другіе хотѣли присоединить къ нему садъ, третьи—и поле. Первые пробѣжали немного и остались довольны, другіе бѣжали до утомленія, третьи — до полного истощенія. Князь подарилъ имъ землю, и они благословляли его милосердіе. Онъ сдѣлалъ высоко на горѣ, чтобы видѣть, какъ его народъ, съ восходомъ солнца, побѣжитъ, едва давая

себѣ минутой отдыха. Когда солнце поднялось высоко, всѣ были истощены, изнурены, но когда оно начало катиться къ закату, многіе побѣждали еще скорѣе, побуждаемые ненасытнымъ желаніемъ получить еще больше. Когда распространился розовый свѣтъ, и солнце поцѣловалось съ землею, одинъ изъ бѣжавшихъ лежалъ мертвымъ въ лучахъ вечерней зари, и ему князь далъ три аршина земли для его могилы». Маленькія дѣти: Андрей, Михаилъ и Алексѣй, нашли, что этотъ умершій былъ очень глупъ, и отправились спать, а графъ оканчиваетъ свой вечеръ страннымъ монологомъ: «На истинномъ ли пути стоятъ все дѣло моей жизни? Исполню ли, разъясню ли его для спасенія меня и міра? Будетъ ли свѣтъ тамъ, гдѣ теперь ночь?» Знаемъ, что и мы не видимъ свѣта ни въ этихъ словахъ, ни въ притчѣ, рассказанной графомъ, если только все это вѣрно передала учительница. Личныхъ мнѣній графа о людяхъ и событіяхъ она не передаетъ вовсе, но рассказываетъ о томъ, какъ у него на колѣняхъ въ то время, когда онъ пахалъ, образовался небольшой нарывъ, разросшійся потомъ въ злокачественную язву, такъ что надо было выписать изъ Москвы хирурга и сдѣлать мучительную операцію. Графъ, никогда не вѣрившій въ докторовъ, не позволилъ себя хлороформировать и только изгрызъ отъ боли янтарный мундштукъ своей сигары. Заботамъ графа о голодающихъ посвящено очень мало мѣста, наполненнаго разными не идущими къ дѣлу подробностями, какъ, напримѣръ, письмами 1854 года какого-то Ивана Михайловича или разсужденіями о спиритѣ Львовѣ. По счастью она не высказываетъ своихъ сужденій о его произведеніяхъ и упрекаетъ только тѣхъ, кто думаетъ объяснить «жизнь его души». А сама сомнѣвается въ концѣ книги въ томъ: вѣрно ли она вникла «въ утреннюю и вечернюю молитву, религію его сердца?». И, присоединивъ свой слабый голосъ къ оцѣнкѣ мудреца, оставляетъ мѣсто критикѣ, которая, конечно, не можетъ сказать много хорошаго о ея книгѣ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Два письма Пушкина къ П. А. Корсакову.

АЗБИРАЯ весной настоящаго года бумаги покойной моей тетки Лидіи Петровны Корсаковой, я среди нихъ нашелъ два письма нашего знаменитаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина, которые и препровождаю въ редакцію «Историческаго Вѣстника». Письма эти, не смотря на ихъ краткость, не лишены интереса въ томъ отношеніи, что изъ нихъ видно, во-первыхъ, время, когда романъ «Капитанская дочка» былъ представленъ въ цензуру, такъ какъ на одномъ письмѣ есть помѣтка о днѣ полученія его, сдѣланная рукою покойнаго моего дѣда П. А. Корсакова, во-вторыхъ, объясняется тема, послужившая основаніемъ романа, и, наконецъ, въ-третьихъ, любопытно, что Пушкинъ почему-то особенно желалъ, чтобъ имя его, какъ автора, было сохранено въ тайнѣ.

Петръ Корсаковъ.

I.

Получено 1-го ноября 1836 года.

Милостивый государь

Петръ Александровичъ.

Нѣкогда, при первыхъ моихъ шагахъ на поприщѣ литературы, вы подали мнѣ дружескую руку. Нынѣ осмѣливаюсь прибѣгнуть снова къ вашему снисходительному покровительству.

Вы одинъ у насъ умѣли сочетать щекотливую должность цензора съ чувствомъ литератора (лучшихъ, не нынѣшнихъ временъ). Знаю, какъ вы обременены занятіями: мнѣ совѣстно васъ утруждать, но къ вамъ одному можемъ мы прибѣгать съ полной довѣренностью и съ искреннимъ уваженіемъ къ вашему окончательному рѣшенію. Пеняйте-жь сами на себя. Осмѣливаюсь препроводить на разрѣшеніе къ вамъ первую половину моего романа, прошу васъ сохранить тайну моего имени.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностью честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою

А. Пушкинъ.

II.

Милостивый государь

Петръ Александровичъ.

Спѣшу отвѣтить на вопросы ваши. Имя дѣвицы Мироновой вымышлено. Романъ мой основанъ на преданіи, нѣкогда слышанномъ мною, будто бы одинъ изъ офицеровъ, измѣнившихъ своему долгу и перешедшихъ въ шайки пугачевскія, былъ помилованъ императрицей по просьбѣ престарѣлаго отца, кинувшагося ей въ ноги. Романъ, какъ изволите видѣть, ушелъ далеко отъ истины. О настоящемъ имени автора я бы просилъ васъ не упоминать, а объявить, что рукопись доставлена черезъ П. А. Плетнева, котораго я уже предупредилъ.

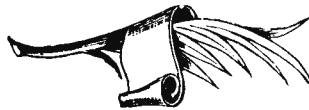
Позвольте, милостивый государь, вновь засвидѣтельствовать глубочайшее почтеніе и сердечную мою благодарность.

Честь имѣю быть,

милостивый государь,

вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Александръ Пушкинъ.

С М Ъ С Б.

СТОРИЧЕСКОЕ общество. 6-го апрѣля, въ 9^{1/2} часовъ вечера, состоялось въ Аничковомъ дворцѣ, въ присутствіи Государя Императора и великихъ князей Владиміра Александровича и Константина Константиновича, собраніе общества. Его Величеству угодно было обратиться къ присутствовавшимъ съ слѣдующими словами:

«Вамъ памятно, господа, съ какою любовью и съ какимъ попеченіемъ относился Мой незабвенный покойный Родитель къ трудамъ нашего историческаго общества. Принимая на Себя званіе Предсѣдателя онаго, Я буду стараться слѣдовать Его высокому примѣру и съ такою же сердечностью работать надъ продолженіемъ начатаго Имъ дѣла. Увѣренъ, господа, что съ вашей стороны Я встрѣчу полную поддержку въ новыхъ плодотворныхъ трудахъ по изслѣдованію и разработкѣ отечественной исторіи».

Затѣмъ, подъ предсѣдательствомъ Государя Императора, открыто было засѣданіе рѣчью предсѣдателя А. А. Половцова, который закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами:

«Здѣсь, безъ какой бы то ни было натянутости, со свойственною Ему непринужденностью обхожденія, нашъ вѣнценосный Хозяинъ выслушивалъ отчеты о скромныхъ трудахъ нашихъ. Какъ предупредительно вникалъ Онъ въ подробности чтеній, имѣвшихъ подчасъ довольно исключительный характеръ. Сколь привѣтливъ были его обращенія къ ветеранамъ науки, къ его бывшимъ преподавателямъ, какъ С. М. Соловьевъ или Я. К. Гротъ. Здѣсь, около этого стола, удѣливъ каждому изъ насъ прямодушный взглядъ съ крѣпкимъ рукопожатіемъ, покойный Государь двумя, тремя словами измѣнялъ настроеніе присутствовавшихъ. Атмосфера наполнялась тѣмъ добрымъ человѣческимъ чувствомъ, котораго не исключаетъ неизмѣримое вѣншее разстояніе, людей раздѣляющее,—тѣмъ чувствомъ, безъ котораго не творится ничего въ истинномъ смыслѣ человѣческаго. Какъ часто, уходя отсюда, приходилось слышать возгласы: «Ахъ, если бы побольше людей могли видѣть и слышать нашего Царя такъ, какъ мы его сегодня видѣли и слышали; какъ выросъ бы Его образъ предъ милліонами людей; какъ освѣтилась бы искренность Его стремленій, если бы обстоятельства сдѣлали ихъ извѣстными изъ прямого источника».

Вслѣдъ за предсѣдателемъ, **Ө. Ө. Веселаго** прочиталъ рѣчь, посвященную описанію трудовъ императора по усовершенствованію и усиленію нашего флота. Затѣмъ **Н. Ө. Дубровинъ** сдѣлалъ краткій обзоръ развитія русской исторической науки въ царствованіе императора Александра III. Послѣ того, **К. П. Побѣдоносцевъ** охарактеризовалъ воспитаніе и нравственный обликъ императора. **К. П. Побѣдоносцевъ**, между прочимъ, сказалъ:

«Онъ выросъ возлѣ старшаго брата, наследника престола, можно сказать, въ тѣни его, воспринимая отъ него впечатлѣнія и вкусы его умственного и нравственного развитія. То были годы беспорядочнаго броженія умовъ въ наукѣ, въ литературѣ и въ обществѣ, но близъ цесаревича стояли люди, которые способны были привлечь его вниманіе къ явленіямъ русской жизни, къ сокровищамъ духа народнаго и въ исторіи народа, и въ его литературѣ. Таковы были **Ө. И. Буслаевъ**, **С. М. Соловьевъ**. Подъ вліяніемъ ихъ образовались вкусы обоихъ братьевъ и интересъ къ русской старинѣ. Въ поѣздкахъ по Россіи, изо-дня-въ-день одушевляемый встрѣчавшимъ его повсюду народнымъ движеніемъ, цесаревичъ успѣлъ узнать и полюбить народъ и прослѣдить ходъ его исторіи на памятникахъ древности, успѣлъ узнать и полюбить природу кореннаго русскаго края и въ писмахъ къ брату онъ передавалъ ему свои ощущенія. Въ 1865 году цесаревичъ **Николай Александровичъ** скончался и оставилъ судьбы Россіи въ наследство брату. Съ этого дня до вступленія на престолъ, въ 1881 году, онъ вѣлѣлъ въ тишинѣ, не думая, не гадая о томъ страшномъ часѣ, которымъ ознаменовалось вступленіе его на царство. Еще любимымъ его чтеніемъ были историческіе романы **Загоскина** и **Лажечникова**. Ему случалось сходиться съ умными русскими людьми, и онъ любилъ слушать ихъ рѣчи о русской старинѣ и сужденія о дѣлахъ и событіяхъ новаго времени съ русской точки зрѣнія: такъ росла въ немъ чуткость къ русскимъ интересамъ».

Наконецъ, **Н. Ө. Дубровинъ** прочиталъ сообщеніе о собственноручныхъ бумагахъ императрицы **Екатерины II**, прибрѣтенныхъ великимъ княземъ **Константиномъ Константиновичемъ**.

По окончаніи чтенія рѣчей и сообщенія приступлено было къ выборамъ должностныхъ лицъ, причемъ избранъ въ члены совѣта общества **Н. Ө. Дубровинъ**, на мѣсто умершаго члена совѣта **Я. К. Грота**, и переизбраны на новое трехлѣтіе: предсѣдатель **А. А. Половцовъ**, вице-предсѣдатель **А. Ө. Вычковъ**, секретарь **Г. Ө. Штендманъ**, казначей **Е. М. Өеоктистовъ** и членъ совѣта **В. И. Сергѣевичъ**.

Въ засѣданіи присутствовали слѣдующіе дѣйствительные члены общества: **П. И. Бартеневъ**, **К. Н. Вестужевъ-Рюминъ**, баронъ **Ө. А. Бюлеръ**, **Ө. Ө. Веселаго**, **Н. Ө. Дубровинъ**, **А. Н. Куломзинъ**, князь **А. Б. Лобановъ-Ростовскій**, **Ө. Ө. Мартенсъ**, **К. П. Побѣдоносцевъ**, **А. А. Половцовъ**, **В. И. Сергѣевичъ**, графъ **С. Д. Шереметевъ**, **Г. Ө. Штендманъ** и **Е. М. Өеоктистовъ**; по болѣзни отсутствовалъ **А. Ө. Вычковъ**.

Государь Императоръ на выставкѣ печатнаго дѣла. 11-го апрѣля, въ 2^{1/2} часа дня прибылъ на первую всероссійскую выставку печатнаго дѣла Государь и великій князь **Владиміръ Александровичъ** съ супругою, **Константины Константиновичъ** съ супругою, **Михаилъ Николаевичъ**, **Георгій Михайловичъ**, **Александръ Михайловичъ** съ супругою **Ксенією Александровною** и **Сергій Михайловичъ**. Государя ожидали министры, генералы, вице-президентъ академіи наукъ, предсѣдатели разныхъ обществъ и члены съѣзда дѣятелей печатнаго дѣла. Послѣ привѣтствія Государь началъ обзоръ выставки съ художественнаго отдѣла; при этомъ члены комитета выставки поднесли великимъ княгинямъ букеты изъ живыхъ розъ и ландышей. Весь путь, по которому слѣдовалъ Государь въ художественный отдѣлъ, былъ устланъ живыми цвѣтами. Обзоръ въ этомъ залѣ начался съ офортвъ и гравюръ экспонируемыхъ училищемъ технического рисованія барона **Штиглица**. Его

Величество обратилъ вниманіе на реставрацію фресокъ, предложенную художникомъ Боровскимъ, рисунки разныхъ художниковъ и ихъ воспроизведенія въ журналѣ «Всемирная Иллюстрація»; эскизы игральныхъ картъ съ фигурами изъ скавочнаго русскаго быта, экспонируемые художникомъ М. О. Микѣшинымъ; рисунки и ихъ воспроизведеніе, экспонируемые рисовальной школой общества поощренія художествъ, и другіе рисунки, роскошное изданіе А. В. Звенигородскаго «Исторія и памятники византійской эмали», сочиненія Н. П. Кондакова, изданія Н. П. Собко, проектъ памятника Богдану Хмельницкому, перелеты и гравюры, изданія академіи художествъ «Памятники древняго русскаго водчества», гравюры на деревѣ В. В. Матѣ, пальмовыя доски для гравюръ и проч. Обвѣръ зала закончился осмотромъ Остромирова Евангелія, выставленнаго обществомъ любителей древней письменности. Слѣдую въ залъ, гдѣ экспонируются типографскія, литографскія, словолитныя и другія машины, въ проходѣ Государь здоровался съ выставленными шпалерами учениками первой школы печатнаго дѣла при русскомъ техническомъ обществѣ. Вниманіе Государя было обращено на выставку синодальной типографіи съ массою рѣдкихъ книгъ рукописныхъ и старопечатныхъ, проф. Елеонскій поднесъ Государю и для императрицы изящно переплетенныя въ цветную кожу миниатюрныя изданія типографіи: «Новый Завѣтъ», «Молитвословъ», «Размышленіе о Божественной литургіи» и «Очеркъ исторіи современнаго состоянія типографіи».

Въ присутствіи Его Величества на большой литографской машинѣ производилось печатаніе рисунка «Дочь полка» въ 15 тоновъ, для исторіи Нижегородскаго полка. Затѣмъ осмотрѣно дѣйствіе паровыхъ переплетныхъ, шивальныхъ, бумагорѣзательныхъ, прессовальныхъ и другихъ машинъ. Государь Императоръ обратилъ вниманіе на скоропечатныя машины для пароваго движенія русскаго производства. Послѣ осмотра отливки шрифта и медалей въ память выставки словолитни О. И. Леманъ, ея представитель поднесъ Государю медаль, отлитую изъ матеріала, годнаго для типографскаго шрифта; Государь обозрѣлъ также выставку экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ и проч. Государь принималъ привошенія изъ выдающихся предметовъ выставки и внесъ свое имя въ ея золотую книгу.

Археологическая комсія. 6-го апрѣля, Ихъ Величества Государь и Императрица посѣтили помѣщеніе археологической комсіи, гдѣ осматривали выставку археологическихъ предметовъ, добытыхъ раскопками въ 1894 году. Ихъ Величества встрѣчены были помощникомъ министра императорскаго двора, предсѣдателемъ археологической комсіи, составомъ комсіи и другими лицами. Выставка представляетъ интересное собраніе доисторическихъ древностей Европейской Россіи, древностей южной Россіи, Крыма, Кавказа и Сибири, церковныхъ древностей и принадлежностей древняго архитектурнаго водчества. Дождливое лѣто 1894 года не особенно благопріятствовало археологическимъ раскопкамъ. Изъ 17 учрежденій и частныхъ лицъ, получившихъ разрѣшеніе на производство раскопокъ на земляхъ казенныхъ и общественныхъ, 7 отложили раскопки на болѣе удобное время, другіе же, и въ томъ числѣ сама археологическая комсія, принуждены были сократить размѣры предполагаемыхъ работъ. Равнымъ образомъ и число случайныхъ раскопокъ и препровожденныхъ въ комсію въ 1894 году начальниками губерній и областей находокъ не отличалось особымъ обиліемъ. Изъ выставленныхъ же коллекцій и отдѣльныхъ предметовъ нѣкоторыя тѣмъ не менѣе имѣютъ выдающееся художественное или научное значеніе. Наиболѣе значительныя коллекціи принадлежатъ Арменіи, Рязанской, Петербургской, Пермской, Нижегородской и Енисейской губерніямъ, а украшеніемъ выставки являются вещи изъ керченскихъ катакомбъ, шиферная икона изъ Херсонеса, кладъ золотыхъ греческихъ монетъ изъ города Рени и керченскій мраморный левъ. Заслуживаютъ также вниманія: коллекція древно-

стей камской чуди, коллекція минусинскихъ древностей, бронзовый котель изъ города Вѣрнаго, литейныя формочки изъ Кіева, коллекція армянскихъ вещей изъ Бердянска, вещи бронзоваго вѣка изъ Симбирской и Ставропольской губерній, весьма интересная коллекція поливныхъ блюдь и проч. На археологической выставкѣ собраны древности, добытыя изъ 41 губерніи и областей имперіи. При осмотрѣ выставки Ихъ Величествами общія объясненія давалъ предсѣдатель археологической комиссіи. Академикъ В. В. Суловъ объяснял Ихъ Величествамъ открытыя имъ фрески въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ и принадлежности древняго архитектурнаго водчества.

Славянское общество. Торжественное засѣданіе было открыто пѣніемъ тропаря Кириллу и Меѳодію и чествованію 1010-ти-лѣтней годовщины св. Меѳодія. Предсѣдатель сообщилъ краткій отчетъ о дѣятельности общества за истекшій годъ. Общество не охладѣло къ своему дѣлу, какъ думаютъ нѣкоторые лица, но попрежнему готово встрѣтить достойнаго славянина и помочь ему, и сознаетъ, что будущность его зиждется на грядущихъ поколѣніяхъ. Поэтому оно и удѣляло изъ своего бюджета наиболѣе крупную сумму на воспитаніе славянскаго юношества. Общество хлопотало объ открытіи какъ за границей, такъ и внутри Россіи читаленъ съ кнѣгами и газетами ради равростанія среди славянъ объединяющаго русскаго языка. Число членовъ возрасло до 533. Общество имѣетъ въ различныхъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ 20 степендіатовъ и 6 стипендіатовъ. Денежный отчетъ выразился 29.715 рублей дохода и 22.549 рублей расхода. Весь капиталъ составляетъ 240.307 рублей.

Генераль Кирѣевъ выступилъ первымъ ораторомъ. Въ его рѣчи главныя мысли слѣдующія: «Въ концѣ минувшаго года князь Трубецкой напечаталъ подробную критику славянскаго ученія. Формула ученія славянофиловъ выражается въ понятіяхъ: православіе и самодержавіе, связанное съ русскою народностью. Наши протавники—поклонники Запада—упрекаютъ насъ въ византизмъ и спрашиваютъ, не слишкомъ ли много беремъ мы на себя, надѣясь быть мессіями Запада. Доля правды въ этомъ упрекѣ есть, но намъ оправдываться не за чѣмъ. На Западѣ затрудненія протестантской и католической церкви достигли того, что протестантизмъ рассыпался, а католицизмъ дошелъ до абсурда—до непогрѣшимости папы. Что такое византизмъ, въ которомъ насъ обвиняютъ? Это—органическая связь между государствомъ и церковью. Оponentы требуютъ, чтобы мы помирились съ Западомъ. Мириться намъ не съ чѣмъ. Тамъ враждуютъ церкви, и папа хочетъ не примиренія съ нами, а нашего порабощенія. Папа теперь добръ и обѣщаетъ очень много. Но признать его авторитетъ—значитъ продать нашу совѣсть и свободу. Наша задача возвратить Западу его прежнее православіе помощью старокатоликовъ. Противники наши видятъ византизмъ и въ нашихъ воззрѣніяхъ и упрекаютъ насъ въ томъ, что мы живемъ идеалами допетровскими, самодержавіемъ допетровскимъ, что самодержавіе можетъ погрѣшать, благодаря единоличію, временщикамъ и т. д., а при парламентѣ это невозможно. Всѣ эти мнѣнія—натяжки. Теперь немислимы ни Биронъ, ни Аракчеевъ: ихъ нельзя даже совдаты нарочно».

Затѣмъ слѣдовала рѣчь В. В. Комарова:

«Нѣсколько дней тому назадъ въ славянской газетѣ «Parlamentär», издающейся въ Вѣнѣ, напечатана статья ея редактора, доктора Живнаго, только-что вернувагося изъ Россіи, въ которой онъ пишетъ:

«Въ Россіи въ настоящее время питаютъ антипатію къ славянамъ; прежняя болгарманія уступила мѣсто реакціи—славюфобію. Сперва преобладала любовь къ болгарамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ко всѣмъ славянскимъ племенамъ, а теперь она смѣнилась ледянымъ холодомъ». Откуда появилась эта тревога въ славянскомъ мірѣ? Откуда эти увѣренія, будто въ Россіи

царя въ славофобіа? Вѣроятно ли, чтобы такой большой, мощный организмъ, какъ русское государство, жило безъ строго опредѣленнаго взгляда на такой важный вопросъ, какъ славянскій? Сердце русскаго народа прощаетъ и не замѣчаетъ ошибокъ братьевъ. При императорѣ Александрѣ III хотя и были сдѣланы уступки Германіи и Австріи, послѣдовавшія тотчасъ послѣ скверновицкаго свиданія императоровъ и выразившіяся отозваніемъ изъ Болгаріи агентовъ русской правительственной власти и дипломатическимъ отчужденіемъ Россіи отъ Болгаріи, тѣмъ не менѣе образъ императора Александра III останется на вѣчныя времена славнымъ образомъ славяно-русскаго витязя; славянскаго князя Черной Горы Николая онъ навалъ «своимъ единственнымъ другомъ». Напрасно говорятъ, что наше время принесло собою по славянскимъ дѣламъ разочарованіе. Откуда же эта тревога, раздавшаяся въ славянскомъ мірѣ? Здѣсь, съ этой самой кафедры, въ прошлое общее собраніе одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ и старѣйшихъ нашихъ сочленовъ, подъ влияніемъ ли неудовлетвореннаго чувства, оскорбленнаго ходомъ дѣлъ въ Болгаріи, подъ влияніемъ ли утомленія, высказалъ мысль, будто славное всенародное русское движеніе 1875—1878 годовъ для освобожденія отъ ига иноплеменныхъ южныхъ славянъ страдало сентиментализмомъ и мечтательностью. Какъ сентиментальное, оно было направлено къ горю для насъ чуждому и далекому, какъ мечтательное—оно де обращалось къ предметамъ неяснымъ и неопознаваемымъ. По словамъ В. И. Ламанскаго, мы не знали ни положенія болгаръ, ни ихъ правовъ и стремленій, ни прежней ихъ исторіи, ни географическихъ условій ихъ страны. Не подумали, въ какое разореніе приведемъ милліоны только-что освобожденнаго русскаго народа! В. И. Ламанскій покаялся съ этой кафедры, что въ то время онъ думалъ, какъ всѣ, а теперь думаетъ, что война за освобожденіе Болгаріи была съ нашей стороны такимъ же благороднымъ донкихотскимъ подвигомъ мечтательности и сентиментализма, какъ и всѣ прежнія наши войны за спасеніе алтарей и троновъ, за спокойствіе и усиленіе власти Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ. Мнѣніе частнаго человѣка, какъ бы ни былъ онъ почтененъ, всегда останется частнымъ мнѣніемъ. Столь же странно мнѣніе, будто наши войны 1805, 1806, 1809 годовъ были слѣдствіемъ той же мечтательности и сентиментальности, будто онѣ предпринимались для прекрасныхъ глазъ Луизы, для Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ! Ближайшія задачи Россіи—все тѣ же, которыя ей были предначертаны при началѣ ея бытія. Ея судьба, какъ части одного цѣлага, нераздѣльна съ судьбою славянства. Къ сожалѣнію, еще много сомнѣній и недовѣрій среди славянъ, особенно среди той части ихъ интеллигенціи, которую мы назовемъ паразитною, и которая стыдится славянской идейной самобытности, считая ее за шовинизмъ. Эта часть нашей славянской интеллигенціи находится въ рабскомъ смиреніи передъ германскимъ строемъ, является глашатаемъ духовнаго преимущества нѣмцевъ передъ славянами».

Отчетъ саратовскаго общества вспоможенія нуждающимся литераторамъ, съ 22 декабря 1893 года по 19 февраля 1895 года. За отчетный періодъ въ обществѣ числилось: почетныхъ членовъ 2, пожизненныхъ 1, дѣйствительныхъ 27, сороводателей 4, всего 34. Сравнительно съ прошлымъ отчетнымъ періодомъ (1891—1893 г.) число дѣйствительныхъ членовъ въ истекшемъ увеличилось на 14; въ прошломъ было 15. Совѣтъ выдалъ одному писателю ссуду въ 25 рублей, и одно пособіе въ 25 рублей семьѣ умершаго писателя на предметъ оправленія могилы и постановки на ней какого либо памятника. Всего со времени возникновенія общества, съ 1888 года, ссуды были выданы 19 лицамъ, въ суммѣ 482 рублей. Возвращено ссудъ на сумму 210 рублей. Въ долгахъ по ссудамъ общество имѣетъ 272 рубля. Всего отчислено въ неприкосновенный капиталъ по 19-е февраля сего года 952 рубля 60 копеекъ. Въ виду недостаточности выписываемыхъ бібліотеками Саратова газетъ и журналовъ, особенно иностран

ныхъ, въ чтеніи которыхъ нуждаются мѣстные литераторы, совѣтъ призналъ желательнымъ организовать эту выписку при обществѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ положить начало своей библіотекѣ, для лицъ частныхъ литературѣ. Одинъ изъ мѣстныхъ литераторовъ чрезъ предсѣдателя предлагалъ совѣту издать подъ фирмою общества и за его счетъ свои очерки и рассказы, печатавшіеся въ разное время въ мѣстныхъ газетахъ; предложеніе было отклонено. Особья мѣры принимаемы были совѣтомъ къ распространенію изданной обществомъ книги «Саратовскій край». Всего доселѣ продано 197 экземпляровъ, на сумму 218 рублей. Вице-президентъ академіи наукъ Л. Н. Майковъ отношеніемъ отъ 23 января 1895 года обратился къ предсѣдателю совѣта съ просьбою сообщать обществу статистическія свѣдѣнія о матеріальномъ положеніи провинціальныхъ дѣятелей періодической печати. По полученіи свѣдѣній совѣтъ имѣетъ сдѣлать имъ сводъ и представить на усмотрѣніе особой комисіи при академіи наукъ, занимающейся выработкой правилъ для организаціи и способовъ восполненія нуждающимся русскимъ писателямъ, согласно высочайшему указу отъ 13 января. Такимъ образомъ, конецъ седьмого года бытія саратовскаго общества вспомошествованія нуждающимся литераторамъ совпалъ съ знаменательнымъ моментомъ жизни русскаго литератора вообще. Высочайше дарованная милость 13-го января, по общему мнѣнію всей русской періодической печати, придаетъ послѣдней государственное значеніе, сообщая публицистической каюдрѣ политическое достоинство и открывая ей труженикамъ перспективы лучшихъ дней. Въ этомъ признаніи заслугъ печатнаго слова — не забыть и скромный провинціальный писатель, нуждамъ и пользамъ котораго посильно служить и наше общество.

Въ настоящее время общество имѣетъ неприкосновеннаго капитала 952 рубля 60 копеекъ и на лицо 308 рублей 52 копейки, въ долгахъ по сеудамъ 272 рубля, за С. С. Гусевымъ по изданію путеводителя 110 рублей. Итого 1643 рубля 12 копеекъ. Кромѣ этого, обществу принадлежитъ 349 экземпляровъ книги «Саратовскій край». Въ собраніи 19-го февраля 1895 года была послана телеграмма Вячеславу Авксентьевичу Манассеину: «Саратовское общество вспомошествованія литераторамъ въ годичномъ собраніи 19 февраля, памятуя громадную роль литературы въ крестьянской реформѣ, постановило просить предсѣдателя литературнаго фонда, В. А. Манассеина, выразить глубокое почтеніе писателямъ, содѣйствовавшимъ своими трудами распространенію и развитію идей эпохи великихъ реформъ».

Тверской музей и его приобрѣтенія въ 1893 году. Тверской музей, стараясь своими коллекціями быть вещественною лѣтописью мѣстностей, входящихъ въ составъ Тверской губерніи, такъ же какъ и въ предшествовавшіе годы, продолжалъ свое образовательное назначеніе, служа пособіемъ къ изученію исторіи края и привлекая къ этому преимущественно учащаеся юношество. Всѣхъ посѣтителей въ 1893 году было 6335. Въ отчетномъ году по археологическому отдѣлу въ музей поступило и внесено въ опись древнихъ предметовъ 508 №№, кои составили съ прежними къ 1894 году 7560 предметовъ. Наличие всѣхъ древнихъ предметовъ къ 1894 году составляетъ 8204, въ томъ числѣ тверскихъ монетъ—431 монета. По отдѣлу рукописей и документовъ поступило 2139 №№; съ поступившими же до отчетнаго года въ музей состояло 7018 рукописей. Кромѣ того, въ музей съ годами образуется отдѣлъ печатныхъ книгъ, гравюръ и картинъ. Къ 1893 году въ музей состояло по этому отдѣлу 156 №№, изъ коихъ значительная часть книгъ (137), остальные — гравюры и любочныя народныя картины. За 1893 годъ поступило 12 книгъ и 2 картины. Составленіе такого книгохранилища въ музей оправдывается тѣмъ, что среди книгъ и картинъ встрѣчается довольно много такихъ, которыя не были найдены извѣстными собирателями и изслѣдователями старопечатныхъ изданій и составляютъ библиографическую рѣдкость. По естественному

и промышленному отдѣлу поступило 3, къ 1894 году состояло 2121 предметъ. Кромѣ того, музеумъ приобрѣтены въ значительномъ количествѣ: орудія каменнаго вѣка, костяныя орудія, курганныя предметы, христіанскія древности, домашній отдѣлъ: одежда, посуда, утварь, серьги, шейныя гривны, печати медали, жетоны, орнаменты, шкатулки, изразцы и кирпичи, оружіе, нумизматическій отдѣлъ: монеты, рукописи, старопечатныя книги и проч.

† Отъ паралича сердца инженеръ-технологъ Евгений Ѳеодоровичъ Рейнботъ, пользовавшійся извѣстностью одного изъ лучшихъ преподавателей товаровѣдѣнія въ петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ и знатоковъ химической технологіи. Его популярное сочиненіе изъ области техническихъ производствъ, подъ заглавіемъ «Отвѣты на вопросы, какъ и изъ чего это дѣлается», разошлось въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, выдержавъ семь изданій, и было съ шестидесятихъ годовъ необходимымъ подспорьемъ въ дѣлѣ образованія и самообразованія молодежи, интересующейся происхожденіемъ окружающихъ ихъ предметовъ. «Учебникъ химической технологіи» хорошо извѣстенъ учащимся и учившимся въ промышленныхъ и реальныхъ училищахъ. Покойный не принадлежалъ къ числу тѣхъ педагоговъ, которые ограничиваютъ запасъ своихъ свѣдѣній знаніями, полученными ими на университетской скамьѣ. Онъ постоянно интересовался наукой въ широкомъ смыслѣ этого слова и слѣдилъ за ея развитіемъ. Естественное для него составляло любимую сферу, особенно тѣ отрасли естественныхъ наукъ, которыя касаются промышленности и торговли. Е. Ѳ. родился въ 1847 году. По окончаніи гимназическаго курса онъ пробылъ годъ въ Московскомъ университетѣ, затѣмъ кончилъ курсъ въ технологическомъ институтѣ и былъ отправленъ на границу для подготовленія къ профессорскому званію. Молодымъ и всесторонне образованнымъ человѣкомъ началъ покойный свою педагогическую дѣятельность и учительствовалъ болѣе двадцати лѣтъ, преподавая химическую технологію во 2-мъ реальномъ училищѣ и въ послѣднее время товаровѣдѣніе въ петербургскомъ коммерческомъ училищѣ и на коммерческихъ курсахъ профессиональной школы фон-Дервизъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе во многихъ научныхъ комиссіяхъ и особенно въ дѣлахъ технического общества, которое надняхъ еще пригласило Е. Ѳ. завѣдовать своимъ музеумъ. Кромѣ научно-литературныхъ трудовъ, отмѣтимъ его участіе въ составленіи «Всей Россіи» А. С. Суворина. Ему, какъ автору, принадлежитъ рядъ статей, касающихся фабричной и заводской промышленности. Умеръ онъ, не оставивъ послѣ себя никакихъ средствъ. Первая идея и первая изданія книги «Отвѣты на вопросы» принадлежатъ, впрочемъ, отцу покойнаго, Ѳеодору Антоновичу Рейнботу, очень образованному человѣку, хорошему технику, взявшему для своихъ научныхъ работъ въ помощники сына.

† Бывшій профессоръ греческой словесности Петербургскаго университета Гавріиль Спиридоновичъ Дестунисъ. Онъ родился 16-го марта 1818 года и былъ по происхожденію грекъ. Заграничная служба отца (русскаго консула въ Смирнѣ) послужила причиной того, что и сынъ Гавріиль провелъ дѣтство (съ 1818—1826) въ Турціи и Италіи. Въ 1838 году кончилъ курсъ въ университетѣ, въ 1848 году поступилъ на службу въ азіатскій департаментъ переводникомъ съ греческаго языка. Затѣмъ преподавалъ ново-греческій языкъ, всеобщую и русскую исторію въ женскихъ институтахъ. Въ 1860 году онъ вызвался безвозмездно читать въ Петербургскомъ университетѣ лекціи ново-греческаго языка и византійскихъ древностей и литературы. Въ 1865 году за научные труды возведенъ въ степень доктора греческой филологіи, былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ этой филологіи, въ 1894 году академія наукъ избрала его въ свои члены-корреспонденты. Изъ его работъ главныя: Прокопія Кессарійскаго — исторія войнъ римлянъ съ персами, вандалами и готами (три книги, гдѣ онъ подновилъ переводъ своего отца и написалъ комментаріа); розысканія о греческихъ богатырскихъ

былинахъ средневѣкового періода», «Объ Артурѣ», «Очерки греческой загадки съ древнихъ временъ до новыхъ» и др.

† 22-го мая, въ Петербургѣ, Елмстевъ, Александръ Васильевичъ, докторъ медицины, извѣстный путешественникъ по Россіи, Азіи и Африкѣ. Подробный некрологъ его будетъ помѣщенъ въ слѣдующей книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Портретъ Людовика XIV.

Въ статьѣ С. С. Трубачева о выставкѣ печатнаго дѣла, помѣщенной въ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника», между прочимъ, упомянуто, что типографія «Новаго Времени» выставила въ числѣ своихъ работъ два портрета, художественно исполненные хромолитографіей въ нѣсколько красокъ, а именно: портреты Петра Великаго и французскаго короля Людовика XIV. Такъ какъ камни, изготовленные для этой работы, сохранились, то, по желанію издателя «Историческаго Вѣстника», А. С. Суворина, оба означенные портрета будутъ приложены къ нашему журналу: портретъ Петра Великаго, съ рѣдкаго оригинала Танауера, къ январьской книжкѣ 1896 года, а портретъ Людовика XIV прилагается къ настоящей книжкѣ. Портретъ этотъ составляетъ точную копию съ французскаго оригинала, воспроизведеннаго съ восковой фигуры Людовика XIV, сдѣланной съ природы, въ 1706 году, художникомъ Бенуа и находящейся въ Версальскомъ дворцѣ.

Ред.

II.

Къ статьѣ «Наброски изъ прошлаго».

Въ январьской книжкѣ 1895 года «Историческаго Вѣстника», въ статьѣ кн. Д. Д. Оболенскаго «Наброски изъ прошлаго» мною замѣчена неточность: Иванъ Ильичъ Масловъ не только не былъ крестникомъ Ивана Никитича Скобелева, какъ говорится въ статьѣ, но и былъ ему неизвѣстенъ до той минуты, когда Иванъ Никитичъ назначенъ былъ комендантомъ крѣпости и взялъ себѣ въ секретари юношу Маслова, служившаго еще при его предшественникѣ. Впослѣдствіи Масловъ сдѣлался вѣрнымъ другомъ семейства Скобелевыхъ.

Извлеченіе изъ временнаго положенія о состоящей при императорской академіи наукъ постоянной комисіи для пособія чуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ.

1) Во исполненіе Высочайшаго указа, даннаго министру финансовъ въ 13-й день января 1895 года, при императорской академіи наукъ учреждается постоянная комисіи для приѣма и рассмотрѣнія ходатайствъ нуждающихся ученыхъ, литераторовъ и публицистовъ, а равно ихъ вдовъ и сиротъ, о производствѣ имъ денежныхъ пособій и пенсій и для выдачи таковыхъ какъ изъ суммы, ежегодно ассигнуемой на основаніи того же указа изъ средствъ государственнаго казначейства въ размѣрѣ пятидесяти тысячъ рублей, такъ и изъ частныхъ пожертвованій, которыя могутъ поступать въ императорскую академію наукъ съ тою же цѣлью.

2) Въ составъ комисіи входятъ: вице-президентъ и непремѣнный секретарь императорской академіи наукъ, два изъ ея дѣйствительныхъ членовъ, избранные общимъ собраніемъ академіи срокомъ на два года, и два лица, приглашенныя къ участію въ комисіи президентомъ академіи изъ числа извѣстныхъ русскихъ писателей, срокомъ на одинъ годъ. Кроме того, общее собраніе академіи избираетъ изъ своей среды кандидата къ членамъ-академикамъ, срокомъ также на два года, а президентъ академіи приглашаетъ кандидата къ членамъ комисіи изъ числа писателей, срокомъ на одинъ годъ. Кандидаты приглашаются въ совѣщанія комисіи въ случаѣ отсутствія того или другого изъ ея членовъ по болѣзни или другимъ причинамъ.

Примѣчаніе. По истеченіи перваго года существованія комисіи одинъ изъ ея членовъ-академиковъ выбываетъ по жребію, а затѣмъ по очереди. Выбывшій членъ комисіи изъ числа академиковъ не можетъ быть вновь избранъ въ составъ ея ранѣе, чѣмъ черезъ годъ.

3) Вице-президентъ академіи исполняетъ обязанности предсѣдателя комисіи и докладываетъ по ея дѣламъ президенту академіи. Непремѣнный секретарь академіи состоитъ товарищемъ предсѣдателя комисіи и вступаетъ въ его права въ случаѣ его отсутствія. Если же въ совѣщаніи не могутъ присутствовать ни предсѣдатель комисіи, ни его товарищъ, то въ ней предсѣдательствуетъ членъ-академикъ, старшій по службѣ въ академіи.

4) Комисіи можетъ, съ разрѣшенія президента академіи, приглашать въ свои совѣщанія, съ правомъ совѣщательнаго голоса, еще другихъ лицъ, пре-

имущественно изъ числа русскихъ писателей, для получения свѣдѣній по дѣламъ, требующимъ ближайшаго разъясненія.

5) По окончаніи каждаго совѣщанія комиссіи составляется протоколъ, который подписывается всѣми присутствовавшими на томъ совѣщаніи членами и представляется предсѣвателемъ на утвержденіе президента академіи. Утвержденныя президентомъ постановленія комиссіи немедленно приводятся въ исполненіе.

6) Комиссія представляетъ президенту академіи въ концѣ гражданскаго года отчетъ, который прилагается къ ежегодному отчету императорской академіи наукъ.

Временныя правила для руководства состоящей при императорской академіи наукъ постоянной комиссіи для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ.

1) Воспособленія, выдаваемыя состоящею при императорской академіи наукъ постоянною комиссіей нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ въ силу Высочайшаго указа 13-го января 1895 года, могутъ быть двухъ родовъ: а) въ видѣ пенсій пожизненныхъ или назначаемыхъ до известнаго срока, и б) въ видѣ временныхъ пособій.

2) Изъ пятидесяти тысячъ, ежегодно ассигнуемыхъ по финансовымъ смѣтамъ министерства народнаго просвѣщенія въ распоряженіе императорской академіи наукъ въ силу высочайшаго указа 13-го января 1895 года, на пенсіи предназначается ежегодно около $\frac{3}{5}$ всей суммы, при чемъ, однако, комиссія въ первый годъ своихъ дѣйствій можетъ назначать пенсіи лишь на сумму около $\frac{1}{4}$ ежегоднаго ассигнованія и за сямъ въ теченіе шести лѣтъ постепенно увеличиваетъ размѣръ пенсіонной суммы въ приблизительно равныхъ доляхъ. Остающаяся въ каждомъ году за назначеніемъ пенсій часть высочайше дарованнаго ассигнованія обращается на выдачу временныхъ пособій.

3) Могущіе оказаться къ 1-му января слѣдующаго за отчетнымъ года остатки отъ высочайше дарованныхъ 50.000 рублей обращаются въ спеціальныя средства академіи исключительно на предметъ выдачи въ послѣдующіе годы указанныхъ въ § 2-мъ временныхъ пособій.

4) Суммы, могущія поступать въ императорскую академію наукъ въ видѣ частныхъ пожертвованій для воспособленія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, расходуются комиссіей согласно волѣ жертвователей, если таковая ими указана; а если жертвователь не сдѣлалъ указанія о способахъ расходованія своего пожертвованія, то поступившая отъ него сумма зачисляется въ запасный капиталъ комиссіи.

5) Запасный капиталъ (§ 4-й) предназначается также на удовлетвореніе нуждъ ученыхъ, литераторовъ и публицистовъ. Зачисляемыя въ запасный капиталъ суммы обращаются въ государственныя процентныя бумаги и хранятся въ государственномъ банкѣ, а нарастающіе проценты поступаютъ въ распоряженіе комиссіи на предметъ выдачи временныхъ пособій.

6) Право на воспособленіе, какъ въ видѣ пенсій, такъ и въ видѣ временныхъ пособій, принадлежитъ лицамъ, посвятившимъ свои дарованія и

усиленные труды служению государю и отечеству на поприщах науки, словесности и повременной печати. Ни пенсія, ни временныя пособія не могутъ быть назначаемы: а) лицамъ, принимавшимъ въ наукѣ, литературѣ или повременной печати только случайное участіе; б) лицамъ, занимавшимся наукой или литературой, но ничего не печатавшимъ, и в) лицамъ, труды которыхъ хотя и являлись въ печати, но не имѣютъ отношенія ни къ наукѣ, ни къ литературѣ, ни къ публицистикѣ.

7) Пенсія могутъ быть назначаемы лишь такимъ лицамъ, которыя выдающимися дарованіями и долговременнымъ трудомъ на поприщахъ науки, литературы или повременной печати заслужили почетную извѣстность, если эти лица достигли преклонныхъ лѣтъ или впали въ болѣзненное состояніе и такимъ образомъ лишились возможности приобрѣтать себѣ средства къ существованію, и если при томъ не получаютъ пенсіи изъ казны или какихъ либо другихъ источниковъ и находятся въ бѣдности.

8) Пенсія могутъ быть также назначаемы вдовамъ и сиротамъ, оставшимся по смерти лицъ, которыхъ права опредѣлены выше въ §§ 6-мъ и 7-мъ, если эти вдовы и сироты не могутъ получить пенсіи изъ казны или какихъ либо другихъ источниковъ и находятся въ бѣдности.

9) Пенсія назначаются по усмотрѣнію комиссіи либо пожизненно, либо до переменныя обстоятельство въ жизни пенсионера. Пенсія вдовѣ прекращается въ случаѣ выхода ея замужъ, а пенсія сиротамъ по достиженіи ими совершеннолѣтія (21 года) или по окончаніи курса ученія. Неизлечимо больнымъ и неспособнымъ къ личному труду сиротамъ литературныхъ дѣятелей пенсія могутъ быть продолжаемы и послѣ достиженія совершеннолѣтія. Сироты, воспитывающіяся на казенный счетъ, пенсіи не получаютъ.

10) При каждомъ назначеніи пенсіи комиссія сама опредѣляетъ его условія. Кромѣ значенія трудовъ даннаго лица на поприщахъ науки, литературы или повременной печати, комиссія, при опредѣленіи размѣра пенсіи, принимаетъ также во вниманіе условія его жизни и семейное положеніе. Наибольшій размѣръ пенсіи не долженъ превышать: для семейнаго лица—1.200 руб. въ годъ, а для холостого—720 рублей въ годъ. Пенсія въ высшемъ размѣрѣ можетъ быть назначаема лишь по единогласному рѣшенію комиссіи въ полномъ ея составѣ при закрытой баллотировкѣ. Послѣ смерти пенсионера пенсія бездѣтной вдовѣ назначается въ меньшемъ размѣрѣ, нежели вдовѣ съ дѣтьми; за вдовою, имѣющею трехъ или болѣе дѣтей, сохраняется пенсія ея покойнаго мужа, но ни въ какомъ случаѣ высшій размѣръ пенсіи, назначаемою семейству, не можетъ превышать пенсіи самого покойнаго пенсионера.

11) Временныя пособія могутъ быть назначаемы лицамъ, права которыхъ опредѣлены выше въ § 6-мъ, а также оставшимся послѣ смерти таковыхъ лицъ вдовамъ, сиротамъ, престарѣлымъ родителямъ, ближайшимъ родственникамъ и воспитанникамъ, находившимся на попеченіи умершихъ. Полученіе этими лицами пенсій изъ казны или изъ какихъ-либо другихъ источниковъ не можетъ служить препятствіемъ къ назначенію имъ временнаго пособия, если получаемая пенсія не превышаетъ 1.500 рублей въ годъ. Временное пособіе лицамъ, получающимъ пенсію свыше 1.500 рублей въ годъ можетъ быть назначаемо лишь въ исключительныхъ случаяхъ, по единогласному рѣшенію комиссіи въ полномъ ея составѣ при закрытой баллотировкѣ.

12) Поводами къ назначенію временнаго пособия могутъ быть: продолжительная болѣзнь, прерывающая обычный ходъ занятій, которыми нуждаю-

щееся лицо обезпечивало свое существованіе; случайная или внезапная утрата имущества или источниковъ заработка; воспитаніе дѣтей школьнаго возраста; вообще чрезвычайныя обстоятельства, нарушающія матеріальное обезпеченіе нуждающагося лица или вызывающія непредвидѣнные расходы; также смерть лица, имѣющаго право на пособіе, или одного изъ членовъ его семейства, и сопряженные съ нею расходы на погребеніе умершаго.

13) Размѣры временныхъ пособій комиссія опредѣляетъ на основаніи имѣющихся у нея свѣдѣній о матеріальномъ положеніи просителей и по соображенію съ общимъ состояніемъ находящихся въ ея распоряженіи средствъ. Назначенное пособіе можетъ быть выдаваемо не сразу, а въ теченіе года въ извѣстные сроки, по усмотрѣнію комиссіи.

14) Предсѣдателю комиссіи предоставляется право, въ случаяхъ безотлагательной необходимости, выдавать временныя пособія въ размѣрѣ до 150 рублей ранѣе очереднаго совѣщанія комиссіи. Для сей цѣли въ распоряженіе предсѣдателя отпускается въ видѣ аванса изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи комиссіи, 500 рублей, которые хранятся въ казначействѣ академіи и расходуются по предписаніямъ предсѣдателя. О всякой таковой выдачѣ предсѣдатель докладываетъ комиссіи въ ближайшемъ ея совѣщаніи, а по израсходованіи всей выданной суммы получаетъ для той же цѣли новый авансъ.

15) Лицо, нуждающееся въ пенсіи или временномъ пособіи, обращается въ комиссію съ заявленіемъ, въ которомъ обстоятельно излагаетъ свое матеріальное положеніе, а также важнѣйшія данныя своей литературной дѣятельности, сопровождая по возможности эти свѣдѣнія удостовѣреніемъ отъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія комиссіи. Поступившія заявленія разсматриваются въ ближайшемъ совѣщаніи комиссіи, и ея постановленія, по утвержденіи ихъ президентомъ академіи, доводятся безотлагательно до свѣдѣнія просителей. Постановленія комиссіи, утвержденныя президентомъ, не подлежатъ пересмотру.

Примѣчаніе. Комиссія можетъ принимать и отъ постороннихъ лицъ заявленія о бѣдственномъ положеніи того или другого ученаго или литературнаго дѣятеля и, по наведеніи надлежащихъ справокъ, принимать мѣры къ его облегченію.

16) Всѣ прошенія о пенсіяхъ и пособіяхъ изъ суммъ, предоставленныхъ Высочайшимъ указомъ 13-го января 1895 года въ распоряженіе Императорской академіи наукъ, а равно всѣ прилагаемые къ прошеніямъ документы и разрѣшительныя по нимъ бумаги освобождены, по Высочайшему повелѣнію 17-го марта 1895 года, отъ оплаты гербовымъ сборомъ.

17) Временныя пособія, навначаемыя комиссіей, выдаются безвозвратно; но если бы кто изъ получившихъ таковое пожелалъ возвратить его полностью или въ извѣстной долѣ, то поступленія такого рода принимаются, какъ пожертвованія, и зачисляются въ запасный капиталъ комиссіи (§§ 4 и 5).

титъ и быстро умчатъ въ своей лодкѣ черезъ Босфоръ на берегъ, гдѣ не трудно найти тайное убѣжище...

— Но не бойся, дитя мое,—продолжалъ онъ, мысленно успокаивая какъ бы испугавшуюся молодую дѣвушку:—я буду тамъ и не дамъ тебя въ обиду!

Но въ эту минуту внутри его раздался какой-то новый голосъ:

— Вернись въ твою келью и предайся молитвѣ: эта молодая дѣвушка одинъ соблазнъ. Что она тебѣ? Нечестивая еврейка. Не поддавайся соблазну и отвернись отъ него!

— Нѣтъ, не отворачивайся отъ соблазна, а побѣди его,—послышался другой ему знакомый голосъ отца Иларіона.

И подкрѣпленный мыслью о своемъ учителѣ, Сергій повторилъ про себя:

— Не бойся, Лаель, я буду тамъ и не дамъ тебя въ обиду.

Между тѣмъ они поровнялись съ маленькой Стенійской бухтой, изъ которой двигался цѣлый флотъ разнообразныхъ лодокъ, разукрашенныхъ цвѣтами и полныхъ мужчинами, женщинами и дѣтьми, которые громко пѣли.

— Вонъ рыбаки потянули на праздникъ княжны Ирины,—сказали въ одинъ голосъ оба гребца.—Хорошая она женщина, да благословить еѣ Господь.

— Я отправляюсь туда же,—отвѣчалъ Сергій:—держитесь за ними.

Когда лодка Сергія вошла въ составъ веселой флотиліи, то ее немедленно украсили цвѣтами съ сосѣднихъ судовъ, и всѣ вмѣстѣ пестрой массой направились далѣе къ Терапіи.

Какое удивительное зрѣлище представляла эта знаменитая бухта! Всюду были видны лодки, лодки и лодки; сотни ихъ были въ движеніи, а другія сотни стояли неподвижно вдоль берега. Городъ былъ расцвѣченъ флагами, и противоположная сторона также была разукрашена. Вездѣ слышались веселыя пѣсни, хохотъ, говоръ. Византія могла быть въ упадкѣ, ея слава могла меркнуть, ея провинціи могли отпадать одна за другой, ея императоры, дворъ, знатные люди, духовенство могли своимъ безуміемъ ускорять это паденіе; но народъ все попрежнему любилъ праздники и умѣлъ веселиться.

Лодки, въ томъ числѣ и та, на которой находился Сергій, наконецъ пристали къ мраморной пристани у дворца княжны Ирины, и сидѣвшіе въ нихъ стали свободно выходить на берегъ, гдѣ не видно было ни одного стража. Эти гости княжны были большею частью загорѣлые, черноволосые молодцы, въ черныхъ борхатныхъ шароварахъ, красныхъ кушакахъ и вышитыхъ голубыхъ курткахъ; ноги ихъ были обнажены съ колѣнъ до сандалій, головы были повязаны бѣлыми платками. Глаза ихъ ярко блестѣли, поступь ихъ была ловкая, оживленная. У многихъ на обнаженной шеѣ виднѣ-

лись амулеты изъ серебра и раковинъ. Сопровождавшія ихъ женщины были въ короткихъ безрукавкахъ, бѣлоснѣжныхъ рубашкахъ, пестрыхъ юбкахъ и сандаліяхъ. На головахъ у нихъ видѣлись маленькія фаты, приколотыя большими гребнями. Хотя нѣкоторыя изъ нихъ своей красотой оправдывали легенды о нимфахъ Цикладскихъ острововъ, но большинство поражало преждевременно состарѣвшимися чертами.

Что-то на воротахъ дворца обращало на себя особое вниманіе почитателей, и когда Сергій подошелъ къ нимъ, то увидалъ небольшую бронзовую бляху съ непонятной для него надписью. Она казалась турецкой или арабской, и ни Сергій, ни окружающіе ее не могли ее разобрать. Неожиданно къ воротамъ подошелъ цыганъ, который велъ медвѣдя. Увидавъ бронзовую бляху, онъ почтительно преклонилъ голову.

— Вотъ цыганъ намъ расскажетъ, что это за надпись,—послышалось въ толпѣ:—эй, нечестивый, подойди сюда поближе и прочти, что здѣсь написано.

— Мнѣ нечего подходить, я и такъ вижу; но откуда вы взяли, что я нечестивый: я также вѣрую въ Бога.

— Ну, да ладно, читай надпись.

— Охотно. Молодой Магометъ, сынъ султана Мурада, мой большой пріятель, онъ долго жилъ въ Магнезіи, главномъ городѣ ввѣренной ему провинціи, и никто такъ любезно не обращался со всѣми, какъ онъ. Съ учеными онъ говорилъ о наукахъ, а съ поэтами—о поэзіи; съ охотниками онъ охотился; съ пѣвцами онъ пѣлъ и не разъ угощалъ въ своемъ дворцѣ меня съ моимъ медвѣдемъ.

— Конечно, твой Магометъ замѣчательный принцъ, но вѣдь у тебя спрашивали не о немъ, а о надписи на воротахъ.

— Погодите, все придетъ въ свое время,—отвѣчала цыганъ:—однажды я со своимъ медвѣдемъ такъ позабавилъ Магомета, что онъ далъ мнѣ кошелекъ съ золотыми, а ему значекъ. И куда бы мы ни приходили съ этимъ значкомъ, насъ всюду принимали съ распростертыми объятіями и давали намъ убѣжище и пищу. Вотъ посмотрите, на значкѣ медвѣдя та же надпись, что и на этихъ воротахъ. Значить, этотъ дворецъ, также какъ мой медвѣдь, находится подъ покровительствомъ Магомета. Но когда же онъ здѣсь былъ?

— Никогда.

— Нѣтъ, онъ былъ.

— А ты почему знаешь?

— Эта бляха доказываетъ, что онъ былъ здѣсь и прибилъ ее на воротахъ, желая объявить всѣмъ, что этотъ дворецъ находится подъ его покровительствомъ. Онъ самъ далъ моему медвѣдю значекъ, и никто иной, кромѣ него или его отца, султана, не могъ прибить этой бляхи на воротахъ дворца.

Слова его произвели глубокое впечатлѣніе на толпу, въ томъ

числѣ и на Сергія. Его чрезвычайно удивилъ этотъ странный фактъ, и онъ спрашивалъ себя, знала ли княжна Ирина, что здѣсь былъ сынъ султана и принялъ ее подѣ свое покровительство. При этомъ ему невольно вспомнились слова игумена о томъ, что было непонятно, зачѣмъ княжна жила одна противъ турецкихъ владѣній. Онъ слишкомъ уважалъ княжну, чтобы заподозрѣть ее въ чемъ либо, но не могъ не признать, что она представляла своимъ врагамъ предлогъ къ ея преслѣдованію, а потому рѣшился серьезно поговорить съ нею объ этомъ.

Х.

Цыганъ.

Любовь ко всему живому была отличительной чертой характера Ирины, и она никогда ничего не жалѣла для своихъ соплеменниковъ и сосѣдей. По случаю праздника въ Терапіи весь садъ, окружавшій ея дворецъ, былъ отданъ въ полное распоряженіе прибывшей на гонку публики; но такъ велико было уваженіе, которое всѣ питали къ ней, что никто не дерзалъ подойти къ самому дворцу безъ особаго приглашенія съ ея стороны.

Подойдя къ вѣшнымъ воротамъ, Сергій остановился передъ толпой мужчинъ и женщинъ, которые окружали не высокую, но довольно большую платформу, покрытую новымъ, не употребленнымъ парусомъ. На каждомъ изъ ея угловъ возвышалась мачта, украшенная цвѣтами. На галлерей, пристроенной къ портику, играла музыка, а на платформѣ весело танцевали одна пара за другой.

Неподалеку, среди увитыхъ вѣнками колоннъ, виднѣлся роскошный балдахинъ, подѣ которымъ сидѣла княжна Ирина, окруженная молодыми дѣвушками. Съ открытой головой и лицомъ, она съ удовольствіемъ слушала музыку и смотрѣла на веселье толпы, печальное положеніе которой въ будни она прекрасно знала, а потому и старалась хоть по праздникамъ доставить ей какое нибудь удовольствіе.

Увидавъ Сергія, который своей высокой фигурой и чернымъ клубкомъ возвышался надъ окружающими его людьми, княжна забыла придворный этикетъ и, вставъ, поманила его опахаломъ. При видѣ этого толпа съ уваженіемъ разступилась, и онъ прошелъ къ балдахину, гдѣ также ему почтительно дали дорогу.

Княжна приняла его сидя и протянула ему руку, которую онъ поцѣловалъ съ пламенной преданностью. При видѣ ея красиваго лица, дышавшаго удовольствіемъ и благороднымъ достоинствомъ, онъ забылъ обо всемъ, что хотѣлъ ей сказать. Никакое подозрѣніе не могло устоять передъ ея лучезарными глазами.

— Здравствуй, Сергій, — сказала она, — я очень рада, что ты

пріѣхалъ, и боялась, что не буду имѣть удовольствія видѣть тебя сегодня.

— Не только твои приглашенія, но и малѣйшія желанія для меня законъ, а потому ты напрасно сомнѣвалась въ моемъ пріѣздѣ.

— А ты былъ на всеобщемъ бдѣніи?

— Да, до утренней зари.

— Я такъ и думала и полагала, что ты слишкомъ устанешь, чтобы явиться сюда. Эта церемонія очень утомительна.

— Можетъ быть, если бы она часто повторялась, по присутствовать на ней одинъ разъ очень любопытно и не слишкомъ тяжело. Я никогда не забуду поразительнаго зрѣлища громадной толпы монаховъ, колѣнопреклоненныхъ въ молитвѣ при мерцаніи факеловъ.

— А ты видѣлъ императора? — спросила Ирина вполголоса.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ также тихо, — его величество позвалъ нашего игумена въ часовню, но когда онъ явился вмѣстѣ со мной въ качествѣ носителя факела, то уже дверь была заперта, и мы остались передъ ней, поэтому я могъ только вообразить себѣ, какъ онъ одинъ молился.

— Бѣдный императоръ, — произнесла молодая дѣвушка печально, — я знаю, что онъ хорошій человѣкъ, и желала бы всѣмъ сердцемъ помочь ему выйти изъ окружающихъ его затрудненій, но небу не угодно было дать мнѣ возможности оказать ему эту помощь, кромѣ горячей молитвы. А положеніе его ужасное. Отовсюду надвинулись тучи, и нѣтъ надежды на спасеніе. Извнѣ грозятъ страшные враги, а внутри городъ, церковь и дворъ раздираются ужасными распрями.

Княжна замолчала и, взглянувъ на веселую толпу, чрезъ минуту прибавила:

— Отчего эти добрые люди могутъ забывать свои горести и веселиться, а намъ это невозможно? Скажи мнѣ, Сергій, не принесъ ли ты какой нибудь доброй вѣсти? Но кто это пробирается въ толпѣ, и кого онъ ведетъ?

Княжна снова просіяла, хотя ея улыбка была нѣсколько искусственна.

Сергій посмотрѣлъ въ ту сторону, на которую указывала Ирина, но прежде всего его глаза остановились на лицѣ Лаели, которая сочувственно смотрѣла на него.

— Я ожидала встрѣтить тебя здѣсь, — сказала она наивно.

Сергій хотѣлъ отвѣтить, но княжна быстро встала со своего мѣста и, подойдя къ балюстрадѣ портика, сказала:

— Иди сюда и объясни, что это такое.

Сергій бросилъ дружественный взглядъ на Лаель и поспѣшилъ за княжной.

Дѣло было въ томъ, что чрезъ толпу неожиданно пробрался къ

платформѣ цыганъ со своимъ медвѣдемъ, и его появленіе возбудило страхъ въ публикѣ, которая огласила воздухъ крикомъ и визгомъ. Сергій разсмѣялся и сказалъ, обращаясь къ княжнѣ:

— Не безпокойся, это турецкій, или персидскій цыганъ съ медвѣдемъ, я видѣлъ его у воротъ твоего дворца.

Онъ только что хотѣлъ воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы заговорить съ княжной о мѣдной бляхѣ на воротахъ, какъ вниманіе Ирины было отвлечено цыганомъ, который, увидавъ ее съ окружавшими лицами, распростерся по восточному обычаю. Толпа приняла его поступокъ за привѣтствіе княжнѣ и тотчасъ вывела заключеніе, что она пригласила его для удовольствія гостей. Поэтому мгновенно эстрада очистилась отъ музыкантовъ и танцующихъ, а вмѣсто нихъ на ней появились цыганъ и его медвѣдь.

Первый изъ нихъ, нимало не конфузясь, обернулся къ княжнѣ и снова распростерся передъ нею по всѣмъ правиламъ этикета. Потомъ онъ посадилъ медвѣдя на заднія лапы, а самъ, поклонившись толпѣ, произнесъ хвалебную рѣчь о достоинствахъ своего Жокара съ такими ужимками и уморительными жестами, что отовсюду послышался громкій смѣхъ. По его словамъ, онъ съ медвѣдемъ странствовалъ по всему свѣту, былъ на дальнемъ Востокѣ и странахъ, гдѣ живутъ франки и галлы; онъ прошелъ всю Европу отъ Парижа до Чернаго моря и Крыма; онъ представлялъ передъ всевозможными государями: индѣйскими раджами, татарскими ханами, персидскими шахами и турецкими султанами. Онъ понималъ всѣ языки на свѣтѣ, а его медвѣдь былъ самымъ ученымъ, умнымъ и способнымъ на все звѣремъ. Вообще о медвѣдѣ среди животныхъ говорить уже одно то обстоятельство, что онъ существуетъ не только на землѣ, но и на небѣ въ двухъ видахъ: большой и малой медвѣдицѣ.

— А если кто сомнѣвается, что медвѣдь самое умное изъ животныхъ,—окончилъ онъ свою рѣчь,—то я это докажу примѣромъ моего Жокара. Ну, державная княжна, и вы, всѣ господа и госпожи, смотрите и удивляйтесь, Жокаръ теперь покажетъ, на что онъ способенъ.

И цыганъ началъ разговаривать со своимъ медвѣдемъ на какомъ-то непонятномъ нарѣчій, а медвѣдь отвѣчалъ ему, или утвердительно кивая головой, или отрицательно качая ею. Послѣ такого довольно продолжительнаго объясненія цыганъ, не выпуская изъ рукъ ремня, на которомъ держалъ медвѣдя, отошелъ въ сторону, а медвѣдь сталъ выкидывать всевозможныя штуки. Прежде всего онъ всталъ на заднія лапы, обернулся къ княжнѣ и упалъ ницъ на полъ. Публика стала громко аплодировать, а медвѣдь снова всталъ на заднія лапы, приподнялъ переднія къ головѣ и перекувырнулся. Всѣ присутствующіе пришли въ неописанный восторгъ, а нѣкоторые сорвали съ колоннъ вѣнки и увѣнчали Жокара.

Затѣмъ цыганъ быстро сталъ переходить отъ одного упражненія медвѣдя къ другому и, наконецъ, дошелъ до единоборства, составлявшаго главную диковинку его представленій.

Подойдя къ краю эстрады, онъ предложилъ публикѣ вступить въ бой съ Жокаромъ, а когда никто не принялъ вызова, то самъ рѣшился вступить въ это единоборство.

— Эй, Жокаръ!—крикнулъ онъ, обвязывая шею медвѣдя ремнемъ,—ты ничего не боишься, но и я не дамъ маху.

Помѣряемся силами.

И они начали ходить вокругъ другъ друга, приготовляясь къ нападенію.

— Что ты хочешь меня поймать врасплохъ? Не бойся, я бывалъ въ хорошей школѣ и легко тебѣ не поддамся.

Съ этими словами цыганъ схватился обѣими руками за ремень, окружавшій шею медвѣдя, а послѣдній обнялъ его своими лапами, громко ворча. Долго они боролись, то наступая, то отступая. Наконецъ, цыганъ, повидимому, ослабѣлъ, лицо его поблѣднѣло, и медвѣдь сталъ все болѣе и болѣе сжимать его своими лапами. Женщины и дѣти подняли крикъ, опасаясь, что медвѣдь сомнетъ цыгана, и даже княжна Ирина просила Сергія поспѣшить на помощь несчастному. Въ эту минуту онъ самъ закричалъ: «помогите», и упалъ, какъ бы изнемогая.

Княжна въ испугѣ отвернула голову, а Сергій быстро перескочилъ чрезъ баллюстраду, но прежде, чѣмъ онъ достигъ платформы, на ней было уже нѣсколько человѣкъ. Видя это, цыганъ живо вскочилъ, наступилъ ногой на одну изъ заднихъ лапъ медвѣдя и схватилъ его за высунутый языкъ. Звѣрь мгновенно грохнулся на полъ, какъ бы мертвый.

Теперь всѣ поняли, что цыганъ разыгралъ ловкую комедію, и онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, тотчасъ произнесъ шуточную рѣчь въ честь своего Жокара. Княжна размѣялась сквозь слезы и бросила цыгану нѣсколько золотыхъ монетъ, а Лаель пришла въ такой восторгъ, что кинула ему свое опахало. Онъ отвѣтилъ на это низкими поклонами и потомъ, попросивъ музыку заиграть веселую пьесу, пустился въ плясъ со своимъ медвѣдемъ.

XI.

Разговоръ Сергія съ княжной.

Солнце нестерпимо жгло, и гости въ Терапіи стали мало-помалу искать тѣни подъ деревьями, окаймлявшими аллеи сада. Дѣти принялись за различныя игры, старики и старухи забавлялись сплетнями, а молодежь ворковала, какъ голуби. Вскорѣ слуги

разнесли повсюду угощеніе, состоявшее изъ хлѣба, фруктовъ и вина. Нечего и говорить, съ какимъ удовольствіемъ и съ какой благодарностью гости княжны воспользовались ея щедростью.

Въ это самое время Ирина съ окружающими ее лицами направила свои шаги въ садъ, чтобы ближе посмотрѣть, какъ веселятся ея гости. При ея появленіи всѣ почтительно вставали, и она обращалась съ добрымъ словомъ къ многимъ изъ нихъ. Дѣти бросали къ ея ногамъ цвѣты, матери становились на колѣни и просили ея благословенія, а мужчины громко говорили:

— Да благословитъ тебя Господь, да сохранить тебя Пресвятая Дѣва!

Съ блестящими радостью глазами и счастливой улыбкой она обошла весь садъ, какъ триумфаторъ, хотя въ этомъ случаѣ побѣда была одержана не физической силой, а добротой и щедростью.

Свою прогулку она окончила вершиной мыса, выдававшегося на Босфоръ. Тамъ она сѣла на каменную скамью, выточенную въ видѣ кресла, и Сергій послѣдовалъ туда за ней. Уваженіе и любовь народа къ княжнѣ сильно поразили его и подтвердили то чувство поклоненія, съ которымъ онъ относился къ ней. Но все-таки его безпокоили слова игумена, и онъ хотѣлъ объясниться съ ней при этомъ удобномъ случаѣ.

Долго они молча смотрѣли на восхитительную панораму Босфора, но наконецъ княжна промолвила:

— А ты имѣлъ извѣстіе отъ отца Иларіона?

— Нѣтъ.

— Я только что думала о немъ. Онъ часто рассказывалъ мнѣ о первобытной христіанской церкви, когда всѣ были братьями, и богатые считали себя только хранителями и раздавателями своихъ богатствъ на пользу бѣдныхъ. Я тогда удивлялась такому положенію дѣлъ, а теперь я вижу, что дѣйствительно отецъ Иларіонъ былъ правъ, что богатство приноситъ удовольствіе только тогда, когда имъ дѣлишься съ неимущими. Голодные, холодные, больные не виновны въ своихъ страданіяхъ, и богатые должны быть ихъ истинными братьями во Христѣ, помогая несчастнымъ, на сколько имъ только возможно. Но что это, Сергій, ты какъ будто чѣмъ-то озабоченъ? Сядишь рядомъ со мной и вылей мнѣ свою душу.

— Княжна, ты не знаешь, чего ты просишь,—началь молодой монахъ, и княжна быстро его перебила:

— Развѣ женщина не можетъ слышать твоей исповѣди?

— Нѣтъ. Но я нахожусь въ затруднительномъ положеніи и не знаю, какъ изъ него выйти. Предположи, княжна, что настоятель одного монастыря оказалъ покровительство молодому монаху, сталъ обращаться съ нимъ, какъ съ сыномъ, и повѣрилъ ему великую тайну, заключающуюся въ томъ, что другое лицо, также покровительствующее этому монаху, лице, всѣми уважаемое и лю-

бимое, обвиняется въ серьезномъ нарушеніи религіознаго долга. Что дѣлать монаху, кому оставаться вѣрнымъ, игумену, или своей благородной покровительницѣ, находящейся въ большой опасности?

— Это не предположеніе, Сергій, а истинный фактъ,—отвѣчала спокойно княжна:—ты, Сергій,—молодой монахъ, настоятель твоего монастыря—обвинитель, а я—обвиняемая.

Сергій едва не упалъ на колѣни передъ ней, но она остановила его словами:

— Не надо, это могутъ замѣтить.

Потомъ она продолжала тѣмъ же спокойнымъ тономъ:

— А преступленіе, въ которомъ меня обвиняютъ,—ересь. Но я не понимаю, бѣдный Сергій, почему ты считаешь свое положеніе затруднительнымъ. Ты не думаешь о спасеніи еретика, а заботишься только о томъ, какъ успокоить свою совѣсть. Въ сущности же, ты вполне можешь сказать обвиняемой все, что передалъ тебѣ обвинитель: ему не грозятъ ни тюрьма, ни пытка, ни лютые звѣри. Все это угрожаетъ только той, которая протянула тебѣ руку помощи и поручилась за тебя передъ главой нашей церкви.

— Довольно, довольно!—воскликнулъ Сергій, выходя изъ себя:—я не могу слышать твоихъ упрековъ; я скажу тебѣ все, княжна, и если я не въ состояннн тебя спасти, то хоть умру вмѣстѣ съ тобой!

Какъ истинная женщина, княжна ознаменовала слезами свою побѣду.

— А желалъ бы ты знать, дѣйствительно ли я еретичка?—спросила она, немного успокоившись.

— То, что ты, то и я; если ты еретичка, то...

— То одна смерть ожидаетъ насъ въ ипподромѣ.

— Боже избави!—воскликнулъ онъ, вздрогнувъ.

— Нѣтъ, Сергій, ты лучше скажи: да будетъ воля Господня. Ну, а теперь передай мнѣ все, что сказалъ тебѣ игумень обо мнѣ.

— Все?

— Отчего ты не хочешь сказать всего?

— Оттого, что часть обвиненія слишкомъ гнусна.

— Ты, Сергій, не можешь бороться съ моими врагами: они хитрые греки, а ты только ученикъ Иларіона. Если они хотятъ моей смерти, то имъ лучше всего сочинить про меня такую сказку, которая лишитъ меня народнаго сочувствія и примиритъ всѣхъ съ моею казнью. Кто дѣлаетъ добро, у того много друзей, и ихъ надо отвратить отъ него, если задумаешь его гибель.

— Хорошо, княжна, я ничего не скрою отъ тебя.

— А я, Сергій, видитъ Богъ, отвѣчу откровенно на каждое изъ предъявленныхъ противъ меня обвиненій.

— Тебя обвиняютъ,—началъ Сергій, но потомъ прибавилъ въ видѣ извиненія за слишкомъ большую рѣзкость своихъ выраже-

ній:—прошу тебя, княжна, помннть, что я только передаю чужія слова и самъ, конечно, нимало не принимаю участія въ этомъ обвиненіи. Слѣдуетъ также прибавить, что игумень вернулся вчера со всенощнаго бдѣнія очень не въ духѣ и въ сильномъ физическомъ истощеніи, а потому, можетъ быть, не вполне сознавалъ, что говорилъ, наконецъ онъ объявилъ, что былъ энергичный сторонникъ твоего отца, и вообще я не считаю его твоимъ личнымъ врагомъ.

— Да, онъ былъ другомъ моего отца,—отвѣчала княжна со слезами на глазахъ: — и я очень благодарна ему за эту дружбу, но, увы, это не имѣетъ никакого отношенія къ моему обвиненію. Продолжай свой рассказъ.

— Получивъ благословеніе игумена,—продолжалъ Сергій: — я отпросился у него на нѣсколько дней, и когда онъ узналъ, что я отправляюсь къ тебѣ, то сначала сталъ отговаривать меня отъ этого намѣренія, а потомъ высказалъ мнѣ тѣ обвиненія противъ тебя, которыя ты желаешь непременно узнать. Жизнь, которую ведетъ княжна, и ея манеры нарушаютъ свѣтскія правила нашего общества, сказалъ онъ прежде всего... Но не остановиться ли мнѣ, княжна?

— Нѣтъ.

— Здѣсь насъ могутъ подслушать.

— Я отсюда не уйду и выслушаю тебя здѣсь.

— Какъ тебѣ угодно. Игумень потомъ упomniaнулъ, что ты ходишь съ открытой головой. По его мнѣнію, такое поведеніе хотя не положительно дурно, но представляетъ вредный примѣръ; кромѣ того, оно отличается вызывающей смѣлостью и дѣлаетъ тебя предметомъ не деликатныхъ замѣчаній и осужденій.

Рука княжны, опиравшаяся на мраморное сидѣніе, видимо задрожала.

— Я боюсь, княжна, что мои слова тебя печалятъ,—замѣтилъ Сергій, опутивъ глаза.

— Вѣдь это не твои слова. Продолжай.

— Но игумень перешелъ къ гораздо болѣе серьезному обвиненію.

И снова Сергій умолкъ.

— Я слушаю,—промолвила княжна.

— Онъ осуждаетъ тебя за то, что ты живешь здѣсь, въ Терапіи.

Княжна покраснѣла и потомъ мгновенно поблѣднѣла.

— Онъ говоритъ, что турки находятся слишкомъ близко отъ твоего жилища, и что незамужней женщиной въ твоёмъ положеніи было бы лучше всего жить въ какомъ нибудь монастырѣ на островахъ, или въ Константинополѣ. При теперешнихъ же обстоятельствахъ тебя можно упрекнуть въ томъ, что ты предпочитаешь преступную свободу законному браку.

Грудь княжны стала такъ тревожно волноваться, что Сергій отвернулся.

— Дѣйствительно, мнѣ должна грозить большая опасность, — промолвила какъ бы про себя княжна:—если бы не подготавливали мнѣ казни, то никто не посмѣлъ бы взвести на меня такой низкой клеветы. Сергій,—прибавила она громко,—сказалъ ли тебѣ игумень, откуда происходитъ эта клевета?

— Нѣтъ, онъ только сказалъ, что это общая молва.

— Но, вѣроятно, онъ указалъ, на чемъ она основана, вѣдь такой почтенный человѣкъ не станетъ безъ всякаго основанія оскорблять беззащитную женщину.

— Кромѣ твоей жизни въ Терапіи, онъ не указывалъ ни на какую причину.

— А ты, мой другъ, знаешь что либо, могущее служить основой такой молвы?—спросила княжна, пристально взглянувъ на Сергія.

— Да,—отвѣчалъ онъ, опуская голову.

— Что?—спросила Ирина, широко открывая глаза.

Онъ ничего не отвѣчалъ.

— Бѣдный Сергій, я вижу, что тебѣ этотъ разговоръ приноситъ тяжелыя страданія; но ты самъ его вызвалъ, и мы должны довести его до конца. Говори прямо, что ты знаешь противъ меня. Я всегда держалась прямого пути и смотрѣла прямо въ глаза Богу, такъ что врядъ ли въ моей жизни можетъ быть преступленіе или грѣхъ. Говори.

— Княжна, выходя сегодня изъ лодки передъ твоимъ дворцомъ, я увидѣлъ, что толпа смотритъ на какую-то мѣдную бляху, прибитую къ воротамъ твоего дворца. Никто не могъ понять находившейся на ней надписи; но неожиданно появившійся цыганъ съ медвѣдемъ объяснилъ, что эта надпись означала принятіе подъ покровительство сына султана Магомета какъ дворца, такъ и живущихъ въ немъ. Цыганъ прибавилъ, что самъ Магометъ сдѣлалъ эту надпись и самъ прибилъ ее къ воротамъ.

Сергій умолкъ.

— Ну, такъ чтожъ?—спросила Ирина.

— Подумай, княжна, о тѣхъ заключеніяхъ, которыя можно вывести изъ этого факта.

— Объясни эти заключенія.

— Мой языкъ отказывается произнести ихъ, но если ты приказываешь, то я не могу не сказать, что злые люди могутъ подуматъ: княжна Ирина живетъ въ Терапіи потому, что сынъ султана Магометъ ея любовникъ, и что ей удобнѣе видѣться съ нимъ тамъ; поэтому онъ и прибилъ къ воротамъ ея дворца надпись, что онъ находится подъ его покровительствомъ.

— Никто не посмѣетъ высказать подобной мысли!

— Однако, такой человекъ уже нашелся.

— Кто?

— Игумень моей обители.

Княжна поблѣднѣла.

— Это слишкомъ жестоко,—промолвила она:—что мнѣ дѣлать?

— Представиться, что только сегодня ты замѣтила эту бляху, и приказать снять ее при всемъ народѣ.

Она пристально посмотрѣла на него, и на ее лбу между бровями показалась морщина, которой Сергій еще никогда тамъ не видалъ.

Въ эту минуту невдалекѣ послышались громкій плескъ воды, смѣхъ и рукоплесканія.

— Посмотри, Сергій, что случилось,—сказала княжна.

Очень довольный неожиданнымъ прекращеніемъ печальнаго разговора, онъ успѣшилъ исполнить ея желаніе и черезъ нѣсколько минутъ вернулся со словами:

— Пойдемъ къ бассейну. Твоего присутствія будетъ достаточно, чтобы водворить порядокъ.

Дѣло было въ томъ, что цыганъ съ медвѣдемъ подошелъ къ тому мѣсту сада, гдѣ Лаель съ другими молодыми дѣвушками изъ свиты княжны стояла подлѣ большого бассейна, въ которомъ былъ устроенъ маленькій водопадъ, обращавшій на себя вниманіе публики. Обращаясь къ Лаели, цыганъ сталъ выкидывать такія странныя штуки въ видѣ привѣтствія, что она едва не бѣжала; но этому помѣшало обстоятельство, котораго никто, конечно, не могъ предугадать. Медвѣдь вдругъ вырвался изъ рукъ цыгана и, бросившись въ бассейнъ, сталъ плавать, повидимому, съ полнымъ удовольствіемъ. Всѣ попытки цыгана вернуть его къ себѣ были тщетны, и публика рукоплескала съ громкимъ хохотомъ, когда княжна Ирина появилась на сценѣ.

Она попросила цыгана не мѣшать бѣдному животному наслаждаться купаньемъ, и тотъ повиновался, такъ что Жокаръ плавалъ на свободѣ, пока самъ не захотѣлъ вернуться на сушу.

ХІІ.

Разсказъ Лаели о своихъ двухъ отцахъ.

— Пойдемъ, пойдемъ! Сейчасъ начнется гонка,—раздалось среди толпы, и вскорѣ садъ опустѣлъ, а всѣ гости Ирины успѣшили на берегъ.

Она сама пошла туда же, но тихо, не торопясь, такъ какъ знала, что безъ нея гонка не начнется. Конечно, за ней послѣдовала и вся ея свита; случайно Сергій и Лаель оказались позади всѣхъ.

Сначала они шли молча, любуясь открывавшейся передъ ними панорамой, но черезъ нѣсколько минутъ Сергій нарушилъ это молчаніе.

— Я надѣюсь, что тебѣ нравится этотъ праздникъ, — сказалъ онъ.

— Еще бы. Все здѣсь такъ прекрасно, а княжна такъ добра, такъ мила. Если бы я была мужчиной, то влюбилась бы въ нее по уши.

Она говорила съ энтузіазмомъ и отчасти откинула свое покрывало. Сергій никакъ не могъ примириться съ мыслью, чтобы такая наивная, прямая дѣвушка могла быть обманщицей и называть своимъ отцомъ человѣка, который имъ вовсе не былъ, поэтому онъ рѣшился тотчасъ выяснитъ этотъ вопросъ.

— Отчего ты мнѣ ничего не говоришь о своемъ отцѣ, здоровъ ли онъ?

— О которомъ изъ моихъ отцовъ ты говоришь?—спросила она, совершенно подымая свое покрывало.

— Какъ—о которомъ?

— Да. Я имѣю преимущество надъ всѣми: у меня два отца.

— Какъ два отца?— снова повторилъ монахъ.

— Да. Одинъ изъ моихъ отцовъ Уель—торговецъ, а другой—князь Индіи. Ты, вѣроятно, говоришь о послѣднемъ. Онъ меня проводилъ до пристани и посадилъ въ лодку; тогда онъ былъ совершенно здоровъ.

Очевидно, Лаель ничего не скрывала, но все-таки вопросъ объ ея отцѣ не былъ достаточно выясненъ, и Сергій не хотѣлъ остановиться на полдорогѣ.

— Ты говоришь, что у тебя два отца; но вѣдь это невозможно.

— Мало этого,—отвѣчала молодая дѣвушка со смѣхомъ:—они оба такъ добры для меня, что если бы отъ доброты зависѣло отождествленіе отца, то я не могла бы опредѣлить, кто изъ нихъ мой настоящій отецъ.

Сергій молча посмотрѣлъ на нее, какъ бы говоря: «ты шутишь со мной, это не отвѣтъ».

— Мы очень отстаемъ,—сказала Лаель:—пойдемъ скорѣе, я могу говорить на ходу.

Они ускорили свои шаги, и по дорогѣ Лаель рассказала ему, какимъ образомъ князь Индіи сдѣлался ея отцомъ.

— Ты видишь,—прибавила она въ видѣ заключенія къ своему разсказу:—что у меня дѣйствительно два отца, и, право, они оба такъ добры для меня, такъ любятъ и такъ счастливы мною, что я рѣшительно не могу дѣлать различія между ними.

— Я вижу и поздравляю тебя,—отвѣчалъ Сергій:—конечно, съ перваго взгляда это странный фактъ, но какъ ты его рассказы-

ваешь, въ немъ нѣтъ ничего страннаго. Но теперь скажи мнѣ, кто такой князь Индіи.

— Я никогда не задавала ему этого вопроса,—отвѣчала молодая дѣвушка, какъ бы поставленная втупикъ вопросомъ монаха.

— Но ты знаешь же что нибудь о немъ?

— Я знаю, что онъ былъ пріятелемъ моего дѣда и прадѣда.

— Развѣ онъ такъ старъ?

— Объ его лѣтахъ я ничего не знаю. Но мнѣ извѣстно, что онъ очень ученый человѣкъ, говоритъ на всѣхъ языкахъ и всѣ ночи проводить на крышѣ своего дома.

— На крышѣ своего дома?—съ удивленіемъ повторилъ Сергій.

— Да, то-есть всѣ свѣтлыя ночи. Слуга выносить ему на крышу стулъ, столъ, золотые часы, свитокъ бумагъ, перо и чернила. Онъ всю ночь слѣдитъ по небесной картѣ за теченіемъ звѣздъ, отмѣчая на картѣ ихъ положеніе въ извѣстный моментъ.

— Онъ астрономъ?

— Да, и астрологъ. Кромѣ того, онъ докторъ, хотя лѣчитъ только бѣдныхъ, химикъ, приготовляющій лѣкарства изъ растений, и математикъ. Наконецъ, онъ великій путешественникъ, и я полагаю, что нѣтъ мѣста на свѣтѣ, гдѣ бы онъ не бывалъ. Съ дальняго востока онъ привезъ, на примѣръ, своихъ слугъ, изъ которыхъ одинъ африканскій царь, а что всего страннѣе—всѣ они нѣмые и глухіе.

-- Это невозможно.

— Для него нѣтъ ничего невозможнаго.

— Но какъ онъ объясняется съ ними?

— Движеніемъ губъ.

— А они?

— Такъ же, и, кромѣ того, жестами. Конечно, ихъ обучилъ этому князь Индіи. Особенно ловко объясняется на этомъ языкѣ Нило.

— Тотъ черный гигантъ, который спасъ тебя отъ грека?

— Да. Это удивительный человѣкъ; онъ въ сущности не слуга князя, а его союзникъ. По рассказамъ князя, онъ былъ гдѣ-то въ Африкѣ царемъ и славился, какъ храбрый воинъ и энергичный охотникъ на львовъ. Почему онъ послѣдовалъ за княземъ, я не знаю, но онъ предпочелъ своему царству жизнь при моемъ второмъ отцѣ, который пріучилъ его не только выражаться губами, но и вѣрить въ Бога.

— Значитъ, онъ сдѣлалъ его христіаниномъ?

— Нѣтъ. По мнѣнію моего второго отца, первобытный дикарь не можетъ понять современнаго христіанства. Ему не объяснить вѣры въ Троицу, но онъ, какъ ребенокъ, можетъ увѣровать въ единаго Бога.

— Ты говоришь это отъ себя или со словъ князя?

— Со словъ князя. Но, смотри: садъ совершенно опустѣлъ. Мы такъ отстали, что опоздаемъ къ началу гонки. Поспѣшимъ.

— Ты знаешь, мой юный другъ, что я въ своей рясѣ не могу бѣжать. Но не безпокойся, мы и такъ не опоздаемъ. Скажи мнѣ лучше, говорила ли ты кому нибудь о томъ, что у тебя два отца.

— Почему ты придаешь этому обстоятельству такую важность?— прибавила она, смотря съ удивленіемъ на его лицо, которое дѣйствительно приняло серьезное выраженіе.

— Я желалъ бы знать, извѣстна ли многимъ исторія о двухъ отцахъ.

Въ сущности его занимала мысль о томъ, какъ Демедій узналъ, что князь Индіи не настоящій ея отецъ.

— Я думаю, что это всѣмъ извѣстно,—отвѣчала Лаель:—по крайней мѣрѣ, я не вижу причинъ скрывать этотъ фактъ. Мой отецъ. Уель хорошо знакомъ всѣмъ торговцамъ въ Константинополѣ. Я слыхала не разъ отъ него, что со времени прибытія князя Индіи его дѣла пошли гораздо лучше. Онъ прежде торговалъ различнымъ товаромъ, а теперь онъ только продаетъ драгоценные камни. Его кліенты теперь не только византійскіе аристократы, но и торговцы въ Галатѣ, которые покупаютъ у него драгоценные камни для западныхъ рынковъ, преимущественно итальянскихъ и французскихъ. Мой второй отецъ большой знатокъ въ драгоценныхъ камняхъ и не брезгаетъ участвовать въ этой торговлѣ добрымъ советомъ.

Лаель могла бы прибавить, что князь Индіи всегда имѣлъ при себѣ запасъ драгоценныхъ камней, считая ихъ лучшимъ мѣновымъ знакомъ, и постоянно снабжалъ ими своего пріятеля Уеля, но она не знала этого факта, такъ какъ оба ея отца не посвящали ея во всѣ свои тайны изъ боязни ея наивности.

— Всѣ на базарѣ очень расположены къ моему отцу Уелю,—продолжала молодая дѣвушка,—и мой второй отецъ, князь Индіи, часто посѣщаетъ его тамъ во всемъ своемъ блескѣ. Конечно, эти посѣщенія возбуждаютъ общій интересъ, и мой отецъ Уель по всей вѣроятности, рассказываетъ всѣмъ и каждому о томъ, что князь Индіи удочерилъ меня. Но, смотри, вся пристань полна народомъ. Поспѣшимъ скорѣй.

XIII.

Превращеніе цыгана въ гребца.

На пристани было устроено особое мѣсто для княжны: были воткнуты въ разѣлины мраморныхъ плитъ четыре весла, привязаны къ нимъ на верху перпендикулярно четыре другія весла, и все покрыто парусомъ, такъ что образовался балдахинъ, подъ ко-

торымъ, сидя на стулѣ, княжна могла спокойно, вполне защищенная отъ солнца, смотрѣть на гонку.

Когда она проходила къ предназначенному для нея мѣсту, толпа раздалась съ уваженіемъ, и женщины почтительно прикасались руками къ ея одеждѣ, такъ близка была къ поклоненію ихъ любовь къ княжнѣ.

Весь берегъ отъ пристани до города и съ другой стороны на югъ былъ занятъ толпами зрителей, которые помѣщались также на многочисленныхъ судахъ.

Между Фанаромъ, послѣднимъ сѣвернымъ пунктомъ на Черномъ морѣ, и Галатой на Золотомъ Рогѣ находилось до тридцати маленькихъ мѣстечекъ и селеній на европейскомъ берегу Босфора. Каждое изъ нихъ было переполнено рыбаками, для которыхъ послѣ сѣти всего важнѣе была лодка, а потому эти рыбаки достигли замѣчательнаго искусства въ управленіи ею. На каждой ихъ лодкѣ было пять гребцовъ, и эти гребцы считали самой большой славой побѣдить на гонкѣ своихъ соперниковъ. Такъ какъ всѣ греки, а особливо византійскіе отличались страстью къ азарту, то гонки имѣли огромную популярность на Босфорѣ; по этому случаю держались большія пари, а получившіе призъ пять гребцовъ оставались до слѣдующей гонки общепризнанными первыми гребцами въ Константинополѣ.

Желая придать особый блескъ своему празднику рыбаковъ, княжна Ирина, естественно, задумала окончить его гонкой, для участія въ которой необходимо было быть грекомъ и рыбакомъ.

Со времени оповѣщенія объ этой гонкѣ и до того дня, на который она была назначена, всѣ тридцать рыбацкихъ селеній были переполнены приготовлявшимися къ состязанію. Въ виду всѣхъ толковъ и безконечнаго хвастовства можно было подумать, что явится столько соискателей приза, что они не помѣстятся въ бухтѣ Терапіи; но въ моментъ начатія гонки выстроились только шесть лодокъ для оспариванія приза, состоявшаго изъ большого креста чернаго дерева съ золоченымъ распятіемъ, который предназначался для украшенія одержавшей побѣду лодки.

Въ три часа эти шесть лодокъ, каждая съ пятью гребцами, спокойно колыхались передъ балдахиномъ княжны, и на кормѣ каждой изъ нихъ виднѣлся флагъ съ обозначеніемъ того мѣстечка или селенія, представителемъ котораго она являлась. Флаги были разнаго цвѣта, такъ чтобы ихъ можно было замѣтить издали: такъ Іенимахала выбрала для себя желтый цвѣтъ, Буюкдере—голубой, Терапія—бѣлый, Стенія—красный, Балта-Лиманъ—зеленый и Бебекъ—бѣлый и красный. У гребцовъ были бѣлыя рубашки, такіе же шаровары, обнаженные ноги и руки, а куртки цвѣта своей лодки.

Снаружи эти лодки были выкрашены въ черную краску и бле-

стѣли на солнцѣ словно лакированные, а внутри у нихъ не было ничего лишняго, чтобы не увеличить ихъ тяжести.

Гребцы отличались спокойствіемъ и хладнокровіемъ, но ясно было видно, что они рѣшились употребить всѣ усилія, чтобы одержать побѣду.

Вдали, у азіатскаго берега стояла галера, которая составляла крайнюю точку гонки. Въ этомъ мѣстѣ теперь возвышается граціозный, но всѣми покинутый, кіоскъ вице-короля Египта. Гребцы должны были, достигнувъ этого пункта, обогнуть его и вернуться ко дворцу, сдѣлавъ всего три мили.

Направо отъ балдахина княжны стояла высокая мачта, на которой поднимался бѣлый флагъ для обозначенія, что началась гонка.

Всѣ лодки выстроились въ рядъ справа налѣво, занимая мѣста по жребію. На берегу и на водѣ воцарилась безмолвная тишина. Еще минута, и лодки двинулись бы въ путь, но неожиданно произошло обстоятельство, отсрочившее начало гонки.

Рука княжны уже взялась за веревку, которая была протянута къ ея стулу отъ флага на мачтѣ, чтобы дать сигналъ, какъ вдругъ показалась седьмая лодка съ четырьмя гребцами въ черной одеждѣ, которые гребли изо всей силы и громко оглашали воздухъ криками. Княжна не подняла флага и съ удивленіемъ смотрѣла на новыхъ состязателей.

Лодка съ чернымъ флагомъ на кормѣ и черными гребцами быстро пристала къ пристани; одинъ изъ гребцовъ, выскочивъ на нее, преклонилъ колѣна и громко воскликнулъ:

— Помилуй, княжна, и удержи немного гонку.

Всѣ четыре гребца были видные, здоровенные люди, но они не походили на грековъ, и зрители громко привѣтствовали ихъ крикомъ:

— Цыгане! цыгане!...

Хотя въ этомъ крикѣ слышался презрительный сарказмъ, но въ немъ не было злобной ноты. Никто не могъ допустить мысли, чтобы эти невѣдомые, чуждые люди могли представить серьезную опасность къ одержанію побѣды избранными греками, а потому ихъ появленіе не возбудило въ толпѣ ни малѣйшаго негодованія.

— Къ чему я буду васъ миловать, — спросила княжна, — кто вы такіе?

— Мы живемъ въ Буюкдере.

— Вы рыбаки?

— Если судить по количеству рыбъ, которое мы наловили въ прошедшемъ году, и по цѣнамъ, за которыя мы ихъ продали на рынкѣ, то никто на обоихъ берегахъ Босфора, отъ Фанара до Принцевыхъ острововъ, не можетъ сравниться съ нами въ качествѣ рыбаковъ.

Это хвастовство возбудило всеобщій взрывъ смѣха.

— Но вы не можете принять участія въ гонкѣ, — сказала княжна, — вы не греки.

— Нѣтъ, княжна, это зависитъ отъ того, съ какой точки зрѣнія ты посмотришь на вопросъ. Если ты будешь рѣшать его не по происхожденію, а по рожденію и по мѣсту пребыванія, то мы греки, почище многихъ знатныхъ особъ при дворѣ его величества. Водой изъ потока, пробѣгающаго чрезъ нашу долину, утоляли свою жажду наши отцы сто лѣтъ тому назадъ, какъ мы утоляемъ ее теперь.

— Хорошо сказано. Отвѣчай также ловко на мой новый вопросъ, и я допущу васъ до участія въ гонкѣ. Что вы сдѣлаете съ призомъ, если одержите побѣду? Я слышала, что вы не хрістіане.

— Мы не хрістіане! — произнесъ гребецъ, впервые поднявъ голову. — Я могъ бы сказать, что вопросъ о религіи не поставленъ въ число условій гонки, но я не крючкотворъ, а рыбакъ, и потому скажу прямо: если мы одержимъ побѣду, то поставимъ свой призъ въ громадное дуло стариннаго гигантскаго платана, растущаго въ нашемъ селеніи, и превратимъ это дерево въ храмъ, который не уступитъ Св. Софіи въ глазахъ всѣхъ, кому природа дороже человѣческаго искусства.

— Хорошо. Не допуститъ васъ до гонки послѣ такого обѣщанія, даннаго при всемъ народѣ, было бы покрыть себя стыдомъ въ глазахъ Пресвятой Дѣвы. Но отчего васъ четверо?

— Насъ было пятеро, но одинъ изъ насъ заболѣлъ, и по его совѣту мы хотимъ вызвать изъ всѣхъ присутствующихъ охотника гребца.

— Хорошо. Вызывайте охотника.

Цыганъ выпрямился во весь ростъ и громко воскликнулъ:

— Сто нумій за гребца!

Отвѣта не было.

— Если не за деньги, то ради благородной княжны, щедро угощавшей вашихъ женъ и дѣтей, ктонибудь выходи охотникомъ!

— Я! — произнесъ кто-то въ толпѣ, и изъ нея выдвинулся цыганъ со своимъ медвѣдемъ. — Возьми ктонибудь Жокара и поддержи, а я займу мѣсто больнаго гребца въ лодкѣ.

Громкій смѣхъ былъ отвѣтомъ на эти слова, но княжна спокойно спросила у четырехъ цыганъ, довольны ли они своимъ новымъ товарищемъ. Они посмотрѣли на него сомнительно, а одинъ изъ нихъ спросилъ:

— Ты гребецъ?

— Нѣтъ лучше меня на всемъ Босфорѣ, и я это докажу. Возьмите ктонибудь медвѣдя. Не бойтесь, его ворчанье также безопасно, какъ громъ безъ молніи.

Онъ бросилъ ремень въ руки человѣку, вызвавшемуся поддержать медвѣдя, и спрыгнулъ въ лодку. Въ одно мгновеніе онъ

скинулъ съ себя верхнюю одежду, засучилъ рукава рубашки и такъ ловко схватилъ весла, что его товарищи сразу успокоились насчетъ его умѣнья грести.

— Не бойтесь, — сказалъ онъ вполголоса: — я обладаю двумя качествами, которыя обезпечать намъ побѣду: умѣlostью и выдержанностью. Княжна, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Иринѣ: — позволъ мнѣ сдѣлать вызовъ желающимъ биться со мной объ закладъ.

Сергій замѣтилъ, что цыганъ, говоря съ княжной, обнаруживалъ необыкновенно учтивый, почтительный тонъ:

— Слушайте меня всѣ, — продолжалъ цыганъ, вставая въ лодкѣ послѣ того, какъ Ирина разрѣшила ему говорить: — вотъ кошелекъ съ сотней нумій. Кто хочетъ биться со мной объ закладъ, что наша лодка выиграетъ?

Никто не принялъ его вызова, и онъ тогда прибавилъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ:

— Все равно. Если никто не хочетъ биться со мной объ закладъ, то этотъ кошелекъ будетъ вашъ въ случаѣ побѣды. Пусть мы не христiane, но мы покажемъ себя и осраимъ Буюкдере, Терапію, Стенію, Бебекъ, Балту-Леманъ и Уенимихали. Ну, теперь, княжна, позволъ намъ занять седьмое мѣсто слѣва.

Всѣ присутствующіе были внѣ себя отъ удивленія, не зная, вѣрять ли на слово умѣlнью импровизованнаго гребца, или считать его слова дерзкимъ хвастовствомъ.

Что касается до четырехъ цыганъ, то они были очень рады своему новому товарищу, особенно когда онъ сказалъ имъ въ то время, когда они занимали назначенную имъ позицію:

— Товарищи, дайте мнѣ руководить вами, и вы получите въ случаѣ побѣды не только призъ, но и мой кошелекъ. Вы согласны. Значить, смотрите въ оба на меня и берите съ меня примѣръ. Вонъ подають сигналъ.

Дѣйствительно, княжна дернула за веревку, флагъ взвился на мачтѣ, и лодки двинулись въ путь, при громкимъ рукоплесканіяхъ толпы.

Поощряемые общимъ лихорадочнымъ сочувствіемъ, гребцы съ пламенной энергіей принялись за дѣло. Глаза ихъ расширились, жилы на шеѣ вытянулись, и мускулы на рукахъ дрожали, какъ струны на скрипкѣ.

Общее вниманіе сосредоточилось на семи лодкахъ, и толпа, бросившись къ самому краю воды, обратилась вся въ зрѣніе.

Недолго лодки держались рядомъ, а вскорѣ выстроились одна за другой длинной лентой, при чемъ впереди видѣлся красный флагъ. Обитатели Стеніи подняли побѣдоносный крикъ за своихъ представителей, а когда оказалось, что цыгане держались позади всѣхъ, то отовсюду раздались насмѣшливые презрительные возгласы:

- Ишь, хвастался-то цыгань!
- Лучше бы вамъ сидѣть дома и пасти козь!
- Они плетутся, какъ черепахи!
- Одно дѣло болтать, а другое грести!
- Ха! ха! ха!..

Всѣ эти насмѣшки хотя и долетали до цыгана, но не нарушали его хладнокровія. Чтобы доказать быстроту своей лодки, онъ съ товарищами приналегъ на весла и быстро очутился впереди всѣхъ. Но оставаться въ этомъ положеніи во всю гонку стоило бы слишкомъ большой траты силъ и могло помѣшать окончательной побѣдѣ, а потому онъ крикнулъ товарищамъ:

— Хорошо, ребята, призъ и мой кошелекъ ваши! Ну, отдохните немного. Пусть васъ перегоняютъ, мы успѣемъ взять свое.

Такимъ образомъ, снова цыгане пошли послѣдними и такъ они держались до галеры, означавшей конечный пунктъ гонки. По правиламъ надо было обогнуть справа, такъ что прямая выгода была первому обогнуть её, потому что первая лодка могла выбрать себѣ путь и описывала наименьшую дугу. За четверть мили до галеры, гребцы на всѣхъ лодкахъ стали напрягать свои силы, чтобы занять первое мѣсто, и только одни цыгане, по указанію своего руководителя, держали лѣвѣе, такъ что имъ приходилось сдѣлать наибольшую дугу.

На поворотѣ, однако, обнаружилась вся ловкость этого маневра. Пять лодокъ такъ круто повернули, что столкнулись между собой, и между гребцами произошла жестокая свалка, при чемъ была пролита кровь. Этимъ воспользовались цыгане и спокойно обогнули галеру вторыми.

Толпа на берегу замерла. Все-таки впереди виднѣлся флагъ Стеніи, но за нимъ близко слѣдовалъ черный флагъ цыганъ.

— Что это? Кажется, цыганская лодка идетъ второю, — спросила княжна Ирина и, получивъ утвердительный отвѣтъ, прибавила: — пожалуй, христіанскій Богъ найдетъ себѣ слугъ среди невѣрныхъ?

Интересъ гонки усиливался съ каждой минутой. «Стенія! Стенія!» слышалось въ толпѣ, и пятеро представителей этого прелестнаго мѣстечка такъ энергично работали веслами, что ихъ побѣда казалась безспорной. Но неожиданно на срединѣ обратнаго пути черный флагъ подался впередъ и чрезъ нѣсколько взмаховъ очутился впереди.

Всѣ лица зрителей вытянулись, ихъ головы поникли, и послышались печальныя восклицанія:

— Св. Петръ отъ насъ отвернулся! Ничего болѣе не значить быть грекомъ!

Цыгане пришли первыми среди мертваго молчанія. Ихъ предводитель бросилъ товарищамъ кошелекъ съ деньгами и воскликнулъ:

— Спасибо, друзья, я доволенъ вами!

Потомъ онъ надѣлъ свою верхнюю одежду и, выскочивъ на пристань, преклонилъ колѣна передъ княжной.

— Если у насъ стануть оспаривать призъ,—сказалъ онъ:—ты, княжна, видѣла, кто его взялъ; я полагаюсь на твою справедливость, на твою смѣлость.

Вскочивъ на ноги, онъ сталъ озираться по сторонамъ, отыскивая своего медвѣдя.

— Онъ здѣсь,—крикнулъ кто-то въ толпѣ.

— Дайте мнѣ его,—произнесъ цыганъ:—Жокаръ можетъ служить примѣромъ для всѣхъ людей. Онъ честный, никогда не говоритъ лжи и, наживая много денегъ, отдаетъ ихъ мнѣ. Дайте мнѣ Жокара; онъ дороже мнѣ всего на свѣтѣ.

Вмѣстѣ съ этимъ цыганъ вынулъ изъ кармана опашало, брошенное медвѣдю Лаелью, и сталъ обмахивать имъ свое раскраснѣвшееся лицо.

Княжна и всѣ окружавшія ее лица громко разсмѣялись. Но Сергій съ удивленіемъ смотрѣлъ на цыгана. Ему казалось, что онъ гдѣ-то его видѣлъ, но никакъ не могъ припомнить—гдѣ.

Въ эту минуту подвели медвѣдя къ цыгану, и онъ, схвативъ его за шею, поднялъ на заднія лапы, обнялъ обѣими руками и торжественно направился вмѣстѣ съ нимъ къ береговой дорогѣ.

XIV.

Во что вѣрила княжна.

— Я попрошу тебя, Сергій, вернуться сегодня ночью въ городъ, потому что завтра утромъ, вѣроятно, въ вашей обители стануть много говорить объ этомъ праздниѣ, и если ты захочешь меня защитить...

— А ты сомнѣваешься во мнѣ, княжна?

— Нѣтъ.

— Такъ будь же откровенна со мной, и уже болѣе никогда не возникнетъ вопроса о твоёмъ довѣріи ко мнѣ.

Этотъ разговоръ происходилъ между княжной Ириной и Сергіемъ вечеромъ, послѣ гонки, въ томъ самомъ внутреннемъ дворѣ, гдѣ она нѣкогда читала письмо отца Иларіона.

— Я тебѣ вполне довѣряю, Сергій, и нимало не сомнѣваюсь въ тебѣ, видитъ Богъ и Пресвятая Богородица, а я желаю, чтобы ты вернулся сегодня ночью въ обитель, потому что, вѣроятно, игуменъ захочетъ узнать отъ тебя, что ты видѣлъ и слышалъ здѣсь. Мои гребцы отвезутъ тебя и могутъ переночевать въ моемъ городскомъ домѣ.

Сергій поблагодарилъ княжну за ея довѣріе, но она остановила его.

— Погоди, я сегодня не могла подробно отвѣчать на всѣ обвиненія игумена, но теперь все-таки лучше хоть въ двухъ словахъ высказать тебѣ мой отвѣтъ. Ты, по крайней мѣрѣ, будешь имѣть возможность судить, на сколько я виновна въ томъ, въ чемъ меня обвиняютъ. Благодаря щедрости моего родственника императора, я имѣю жилище въ городѣ и этотъ дворецъ. Я могу жить въ любомъ изъ нихъ. Ты самъ видишь, какъ здѣсь хорошо, среди зеленыхъ горъ, въ душистомъ саду, на берегу живописнаго Босфора. Преступникъ ищетъ уединенія, а ворота моего дворца всегда открыты днемъ и ночью; единственный мой защитникъ—старый Лизандръ. Всѣ, какъ христіане, такъ турки и цыгане, имѣютъ свободный доступъ сюда. Я не скрываюсь ни отъ кого, и меня охраняетъ лучше всякой стражи любовь сосѣдей. Здѣсь я свободна, чѣмъ въ какой либо обители въ городѣ и на островахъ. Здѣсь меня не беспокоятъ ни секты, ни партіи; греки и латинцы ведутъ ожесточенную борьбу во дворцѣ императора и въ церквахъ, но они оставляютъ меня здѣсь въ покоѣ. Я въ этомъ дворцѣ живу, работаю, молю и славлю Бога на свободѣ. Кажется, въ этомъ нѣтъ никакого грѣха? Такъ какъ меня обвиняютъ въ томъ, что я оставляю на своихъ воротахъ мѣдную бляху, то я объясню тебѣ, Сергій, почему я это дѣлаю; но скажи мнѣ прежде: говорилъ ли прямо игумень о моихъ отношеніяхъ къ сыну турецкаго султана?

— Нѣтъ.

— Видитъ Богъ, что я не грѣшна ни въ чемъ, въ чемъ меня обвиняютъ. Никто изъ окружающихъ меня не можетъ указать на какое либо преступное, или безнравственное дѣйствіе съ моей стороны. Но никто не можетъ запретить мнѣ искать себѣ охраны на случай опасности. Бляха на воротахъ именно и служитъ такой охраной.

— Такъ значитъ Магометъ былъ у тебя?

— Что-жъ тутъ удивительнаго?—отвѣчала княжна, немного поблѣднѣвъ: — вотъ какъ это случилось: ты помнишь губернатора Бѣлаго замка?

— Да.

— Это былъ не губернаторъ, а сынъ султана, Магометъ. Онъ же явился ко мнѣ въ Бѣломъ замкѣ въ качествѣ шейха-разсказчика восточныхъ легендъ, а также и сюда проникъ подъ видомъ того же шейха во время посѣщенія этого дворца императоромъ.

— Почему ты знаешь, что это былъ сынъ султана, Магометъ?

— Потому что онъ, уходя, прибилъ къ воротамъ эту бляху. Я не понимала ея значенія, но мнѣ его объяснилъ знающій турокъ. Теперь ты знаешь, какъ попала сюда эта бляха, остается только объяснить, почему я ее оставляю. Я не могу закрыть глазъ на

печальное положеніе имперіи. Она все болѣе и болѣе уменьшается, такъ что вскорѣ всю имперію будетъ составлять одинъ Константинополь. Если мы еще пользуемся миромъ, то лишь потому, что теперешній султанъ старъ, но, можетъ быть, близко то время, когда охрана мѣдной бляхи понадобится не только мнѣ, но и многимъ моимъ бѣднымъ сосѣдямъ. Что бы ты сдѣлалъ, Сергій, съ этой бляхой, если бы ты находился на моемъ мѣстѣ?

— Я сохранилъ бы ее.

— Значить, ты одобряешь мой поступокъ? Благодарю тебя. Что же мнѣ остается еще объяснить? Да, насчетъ моей ереси. Погоди немного.

Она встала, вышла въ дверь, завѣшенную тяжелой занавѣсью, и черезъ нѣсколько минутъ вернулась назадъ со сверткомъ въ рукахъ.

— Вотъ,—сказала она:—символь моей вѣры, за что меня обвиняетъ вашъ игуменъ. Можетъ быть, это—ересь, но съ помощью Господа Бога и Пресвятой Дѣвы я умру за свою вѣру. Возьми, Сергій, эту рукопись, она не многосложна и заключается только въ нѣсколькихъ словахъ.

— Но эти слова золотыя?

— Ты самъ увидишь.

— А вернуть мнѣ рукопись?

— Нѣтъ. Это копія. Но тебѣ пора отправляться, по счастью ночь свѣтлая звѣздная, и твоя поѣздка будетъ вполнѣ пріятная. На свободѣ напиши мнѣ свое мнѣніе о моемъ символѣ вѣры.

И они разстались.

Достигнувъ своей кельи, Сергій бросился на койку внѣ себя отъ утомленія и заснулъ дѣтскимъ сномъ.

Было уже восемь часовъ утра, когда онъ открылъ глаза. Оглянувшись вокругъ себя, онъ вспомнилъ все, что произошло наканунѣ. Прежде всего онъ оцупалъ рукой, цѣла ли рукопись, данная ему княжной, а потомъ его мысли мало-по-малу перешли къ Лаели. Она вполнѣ оправдалась, и Демедій оказался дерзкимъ лжецомъ. Онъ увѣрялъ, что будетъ на праздникъ рыбаковъ, однако его тамъ не было. Его смѣлость не дошла до этого, и онъ не рѣшился на такое нахальство, что очень радовало Сергія.

Занятый этими мыслями, онъ случайно взглянулъ на стулъ, единственную мебель въ его комнатѣ, и съ удивленіемъ увидѣлъ на немъ опахало. Чье оно было и какъ могло попасть въ его келью? Онъ взялъ его въ руки и пристально осмотрѣлъ. Это было то самое опахало, которое Лаель, въ восторгѣ отъ представленія медвѣдя, бросила цыгану.

Подъ опахаломъ лежала записка, которую Сергій прочелъ съ еще большимъ изумленіемъ:

«Терпѣніе—Мужество—Разсудокъ.

«Ты теперь поймешь лучше смысл этого девиза, чѣмъ вчера.
 «Твое мѣсто въ академіи все еще сохраняется для тебя.
 «Можетъ быть, тебѣ пригодится опахало княжны Индіи, а мнѣ его не надо; я ношу его въ своемъ сердцѣ.
 «Будь благоразумнымъ.

«Цыганъ».

Сергій прочелъ два раза эту записку и съ сердцемъ бросилъ ее на полъ.

— Этотъ грекъ, — промолвилъ онъ: — способенъ на всякую гадость: на похищеніе, на убійство. Бѣдная Лаель дѣйствительно должна его опасаться.

XV.

Проповѣдь князя Индіи о единомъ Богѣ.

Мы снова перенесамся въ пріемную залу Блахернскаго дворца въ тотъ день, когда князь Индіи долженъ былъ, по приглашенію императора Константина, изложить свои идеи о всеобщемъ религіозномъ братствѣ. Было ровно двѣнадцать часовъ дня.

Слухи о первой аудіенціи у императора возбудили всеобщее любопытство, и всякій желалъ присутствовать при второмъ изложеніи его новой вѣры. Поэтому произошла значительная борьба изъ-за полученія приглашеній на эту аудіенцію.

Въ назначенное время императоръ почти въ той же одеждѣ, какъ въ первый разъ, явился въ залу и занялъ свое мѣсто на тронѣ подъ балдахиномъ. Всѣ присутствующіе сѣдѣли по обѣ его стороны полуциркулемъ, а по срединѣ поставленъ былъ столъ, на которомъ могли быть сосредоточены глаза всѣхъ.

На этотъ разъ большинство слушателей было духовнаго званія, и блестящая одежда придворныхъ терялась въ безконечномъ количествѣ сѣрыхъ и черныхъ рясъ.

Надо замѣтить, что императоръ хотя и былъ сочувственно пораженъ внѣшностью и словами князя Индіи, но онъ не могъ понять его таинственной личности, а потому пригласилъ всѣхъ свѣтилъ различныхъ религіозныхъ партій, съ цѣлью раскусить съ ихъ помощью непонятнаго чужестранца. Кромѣ того, онъ находилъ полезнымъ свести религіозныхъ противниковъ и дать имъ предметъ для обсужденія внѣ обычныхъ спорныхъ вопросовъ. Его же личное присутствіе должно было сдержать ихъ въ предѣлахъ приличія.

Придворные долго думали, какъ разсадить всѣхъ приглашенныхъ, и деканъ полагалъ, что всего лучше пускать ихъ въ залу по билетамъ, но императоръ отвергнулъ этотъ планъ, говоря:

— Ты напрасно беспокоишься объ этомъ, мой старый другъ. Поставь просто стулья полукругомъ, и пусть всякій займетъ какое

можетъ мѣсто, по мѣрѣ прибытія. Только по срединѣ поставь столъ для князя Индіи, такъ какъ онъ обѣщаль принести съ собою старинныя книги. Ни для кого не будетъ особыхъ почетныхъ мѣстъ, кромѣ патриарха, для него поставь особое покойное кресло со скамейкой направо отъ моего трона.

— А для Схоларія?

— Схоларій ораторъ и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, пророкъ, но онъ не занимаетъ никакой официальной должности. Поэтому пусть онъ сядетъ тамъ, гдѣ будетъ свободное мѣсто.

Приглашенные начали собираться очень рано. Всѣ извѣстныя духовныя лица оказались налицо. Когда вошелъ въ залу императоръ и усѣлся на тронѣ, то водворилась безмолвная тишина. Онъ спокойно окинулъ взглядомъ все собраніе, поклонился прежде патриарху, а потомъ направо и налево всѣмъ присутствующимъ. Кланаясь на лѣвую сторону, онъ съ улыбкой замѣтилъ, что тамъ сидѣлъ Схоларій, который только потому пошелъ налево, что патриархъ помѣстился направо.

Константинъ также бросилъ взглядъ на группу женщинъ въ серебристыхъ покрывалахъ; онѣ стояли у самой двери, окружая княжну Ирину, которая одна сидѣла. Императоръ издали узналъ ее и слегка кивнулъ ей головой.

— Пойди за княземъ Индіи и приведи его сюда, если онъ готовъ,—сказалъ Константинъ, обращаясь къ декану.

Церемоніймейстеръ исчезъ и черезъ минуту явился вмѣстѣ съ Нило. Негръ, какъ всегда, былъ въ великолѣпной блестящей одеждѣ, а на рукахъ у него была кипа старинныхъ, пожелтѣвшихъ книгъ и рукописей. Потомъ онъ удалился, и въ залу вошелъ князь Индіи.

Онъ остановился передъ трономъ и три раза распростерся по восточному обычаю.

— Встань, князь Индіи,—сказалъ императоръ, очень довольный этимъ знакомъ уваженія.

Старикъ повиновался и поднявшись принялъ скромную позу. Голова его была опущена, а руки скрещены на груди.

— Не удивляйся, князь,—продолжалъ императоръ:—что ты видишь передъ собой такое многочисленное, избранное собраніе:—всѣ эти именитые особы сошли сюда не столько по моему приглашенію, сколько изъ любопытства къ тебѣ и предмету твоей предстоящей рѣчи. Господа, — прибавилъ онъ, обращаясь къ присутствующимъ:—какъ вы, состоящіе при моемъ дворѣ, такъ и вы, служители алтаря, молитвами которыхъ держится наша имперія, я считаю, что нашъ благородный индѣйскій гость дѣлаетъ намъ большую честь, согласившись изложить подробно новую вѣру въ Единого Бога. Въ первую аудіенцію онъ возбудилъ большой интересъ какъ во мнѣ, такъ и во всѣхъ присутствовавшихъ лицахъ его разговоромъ о томъ, какъ онъ отказался отъ престола на своей ро-

динѣ, чтобы исключительно посвятить себя изученію религій. Въ отвѣтъ на мой вопросъ онѣ смѣло объявилъ, что онѣ не еврей, не мусульманинъ, не индусъ, не буддистъ, не христіанинъ, а что всѣ изслѣдованія привели его къ исповѣдыванію вѣры, которую онѣ опредѣлили однимъ словомъ—вѣры въ Единого Бога. По его словамъ, главной цѣлью его жизни было соединить въ одно братство адептовъ всѣхъ существующихъ религій, а такъ какъ я полагаю, что не можетъ быть болѣе желаннаго дѣла, какъ осуществленіе подобнаго общаго религіознаго братства, то я и приглашаю его теперь откровенно изложить свои мысли.

Снова князь Индіи распростерся и снова, вставъ, подошелъ къ столу и сталъ раскладывать свои книги и рукописи. Въ это время присутствующіе подробно разсматривали его интересную фигуру. Когда все было готово, онѣ поднялъ свои большіе, глубокіе, пытливые глаза, дѣйствовавшіе съ магнетической силой на всякаго, на комъ они останавливались, и началъ говорить просто, ясно, не громко, но такъ, что его слышно было во всѣхъ углахъ зала.

— Это,—произнесъ онѣ, указывая рукой на открытую передъ нимъ книгу:—это библія, священнѣйшее изъ всѣхъ священныхъ писаній, это скала, на которой основана моя и ваша вѣра.

Шеи всѣхъ присутствующихъ вытянулись, и старикъ продолжалъ:

— Это одна изъ пятидесяти копій перевода Библіи, сдѣланнаго по приказанію перваго Константина и подъ руководствомъ Евсевія, извѣстнаго вамъ всѣмъ по своей набожности и своему знанію.

При этихъ словахъ всѣ присутствующіе вскочили со своихъ мѣстъ, за исключеніемъ Схоларія и патріарха, которые продолжали сидѣть, при чемъ послѣдній набожно крестился. Общее любопытство, выраженное всѣми присутствующими, объяснилось тѣмъ, что большинство ихъ состояло изъ духовныхъ лицъ, которыя знали о существованіи пятидесяти копій греческаго перевода Библіи, но никогда не видали ни одной изъ нихъ.

— Вотъ эти книги,—продолжалъ князь Индіи, когда возстановился порядокъ:—также священныя писанія для тѣхъ народовъ, которымъ онѣ даны. Здѣсь Коранъ, книга Царей китайцевъ, Авеста персовъ, Судра буддистовъ и Веды моихъ соотечественниковъ индусовъ.

Говоря это, онѣ указывалъ рукой то на одну книгу, то на другую.

— Я благодарю императора за его милостивыя слова, которыми онѣ вполне ясно опредѣлили мою исторію и цѣль моей сегодняшней рѣчи. Поэтому я прямо перейду къ моему предмету. Старательно изучивъ всѣ эти религіозныя книги, которыя вы видите передъ собой, и посѣтивъ всѣ страны, которыя ихъ породили, я пришелъ къ слѣдующимъ тремъ заключеніямъ: во-первыхъ, естественная религія, то-есть поклоненіе Богу, доступна всѣмъ народамъ на всѣхъ

степеняхъ развитія; во-вторыхъ, какъ различны листья на деревьяхъ, такъ различны понятія о Богѣ у различныхъ народовъ, что составляетъ вдохновенную религію; въ-третьихъ, что отъ времени до времени появлялись вдохновенные пророки, которые выражали то или другое понятіе о Богѣ, болѣе подходящее къ тѣмъ народамъ, среди которыхъ они появлялись. Но если можно различно понимать Бога, то все-таки Онъ одинъ, и всѣ пророки въ различныхъ странахъ, хотя разнo, но стремились къ одному Богу. Возьмите, на примѣръ, Бодисатву и прочитайте то, что говорится въ ней за тысячу лѣтъ до Рождества Христова. Въ ней ясно слышатся какъ бы отголоски того, что составляетъ основу вашей религіи, господа. Всюду и вездѣ во всѣхъ религіяхъ видно одно стремленіе къ Богу, и вѣра въ Бога составляетъ связующее звено между ними всѣми.

И князь Индіи сталъ подробно излагать изъ священныхъ писаній различныхъ народовъ, какъ въ разныя времена разные пророки проповѣдывали въ разныхъ формахъ эту одну общую вѣру въ Бога. Присутствующіе съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдили за каждымъ его словомъ и ничѣмъ не выражали своего несочувствія къ словамъ истолкователя новой вѣры. Только одинъ Схоларій молча подымалъ большой крестъ все выше и выше, который онъ держалъ въ рукахъ, какъ бы желая этимъ знаменемъ устроить смѣлаго еретика.

Наконецъ князь Индіи умолкъ, блѣдный, усталый. На предложеніе императора онъ согласился сдѣлать перерывъ въ своей рѣчи и тяжело опустился на поданный ему стулъ.

Въ это время явились слуги и стали обносить присутствующихъ яствами и напитками.

XVI.

Какъ принято было изложеніе новой вѣры.

Было бы лучше для князя Индіи, если бы онъ не принялъ предложенія императора о пріостановкѣ своей рѣчи. Во время роздыха Георгій Схоларій, котораго далѣе для сохраненія исторической точности будемъ называть Геннадіемъ, сталъ торопливо ходить между рядами духовныхъ лицъ. Онъ не принималъ участія въ угощеніи, а подходилъ то къ одному, то къ другому изъ своихъ сторонниковъ и говорилъ что-то коротко, рѣзко. Когда же князь Индіи снова началъ свою рѣчь, то онъ замѣтилъ, что на него бросаютъ со всѣхъ сторонъ гнѣвные, презрительные взгляды. Очевидно большинство собранія было враждебно настроено противъ него, хотя онъ еще опредѣленно не высказалъ своего плана объ установленіи общаго религіознаго братства.

Положивъ попржежнему руку на Библию и расположивъ вокругъ нея священныя писанія другихъ народовъ, онъ началъ далѣе развивать свои мысли тѣмъ же спокойнымъ тономъ. Приведя примѣры Бодисатвы, Будды, Шуна, давшаго китайцамъ законъ Тао, Заратустры и Магомета, онъ смѣло, не смотря на ропотъ присутствующихъ, заявилъ, что онъ не сравниваетъ всѣхъ этихъ пророковъ съ Моисеемъ и Христомъ, но для тѣхъ, которые исповѣдывали созданныя ими религіи, они были воплощеніемъ воли Божіей на столько, что ихъ образы ступевывали самого Бога, составлявшаго основу всѣхъ этихъ религій.

— Если спросить,—продолжалъ князь Индіи:—поэтому у цейлонцевъ, въ кого вѣрятъ, они отвѣтятъ—въ Будду; у турокъ, то они отвѣтятъ—въ Магомета; у парсовъ, то они отвѣтятъ—въ Заратустру, какъ вы отвѣтите на этотъ вопросъ—во Христа, а въ результатѣ получаются—борьба, распри, войны, кровопролитіе. И все это прикрывается именемъ Бога, верховнымъ источникомъ добра, правды, мира. Пришло, господа, время положить именемъ этого самаго Бога конецъ братоубийственной войнѣ между людьми, которые въ сущности поклоняются одному Богу, но, благодаря различнымъ условіямъ и обстоятельствамъ, не хотятъ этого признать. Я посетилъ много странъ и всюду слышалъ: мы созрѣли для одной, общей вѣры, которая водворитъ вездѣ миръ; пусть могущественная нація покажетъ примѣръ, и мы всѣ послѣдуемъ за ней. Вотъ я и явился къ тебѣ, великій государь, и къ твоему высокообразованному, высокоразвитому народу съ предложеніемъ, чтобы вы положили основу новой, общей вѣрѣ. Въ сущности она не новая, а всѣ религіи зиждутся на одномъ камнѣ—на вѣрѣ въ Бога. Вотъ я открываю Библию и нахожу въ ней слѣдующія слова: «и рече Богъ Моисею: Азъ есмь, еже есмь». Перейдемъ къ Авестѣ; тамъ говорится: «все добро на свѣтѣ происходитъ отъ перваго принципа, а первый принципъ есть Богъ». Веды подтверждаютъ, что единый верховный творецъ и руководитель міра—Богъ. На вопросъ Ананды у Бодисатвы, что было зеркаломъ правды, онъ отвѣчалъ: «сознаніе, что избранный ученикъ совмѣщаетъ въ себѣ вѣру въ единаго благословеннаго, единаго святого, единаго всемудраго, единаго всезнающаго, единаго всеблаженнаго». Всякій ребенокъ, достаточно развитой, чтобы лепетать имя своей матери, пойметъ, что въ этихъ словахъ подразумѣвается Богъ, въ котораго-одинаково вѣрятъ всѣ народы. Но вы не дѣти и, конечно, признаете, что вѣра въ Бога достаточна для того, чтобы соединить въ одно всѣ религіи. Первая и величайшая изъ заповѣдей: люби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ, всей душой и всѣмъ умомъ. Если эта заповѣдь будетъ принята всѣми народами и обниметъ собой всѣ догматы новой, общей вѣры, то наступитъ на всемъ свѣтѣ благодѣтельная эра мира, согласія и братства, которая была возвѣщена такъ давно голосомъ

съ неба: «слава въ вышнихъ Богу и въ человѣцехъ благоволеніе». Если ваша великая церковь первая приметъ эту вѣру, то я съ великимъ счастьемъ понесу вѣсть о столь радостномъ событіи во всѣ страны, ко всѣмъ народамъ и...

Князю Индіи не дали окончить эту фразу, и его перебилъ тихій, мелодичный голосъ патріарха:

— Въ чемъ же по-твоему выражаются всѣ догматы новой религіи?

— Въ вѣрѣ въ единого Бога.

Въ залѣ раздались громкіе крики, и среди нихъ всего болѣе неистовствовалъ Геннадій, державшій высоко крестъ.

— Я хочу задать ему вопросъ, — восклицалъ онъ, покрывая своимъ могучимъ голосомъ общее смятеніе.

Императоръ предоставилъ ему слово, и среди мгновенно водворившейся тишины онъ произнесъ пламенно, гнѣвно:

— А въ твоей новой вѣрѣ какое мѣсто занимаетъ Иисусъ Христосъ?

— Ты самъ знаешь, что онъ Сынъ Божій.

— А Магометъ? Онъ что?

Если бы ярый аскетъ назвалъ Сидарту, или Бодисатву, то значеніе представленнаго имъ контраста не такъ поразило бы слушателей, но поставить рядомъ съ Христомъ Магомета значило возбудить всю фанатическую злобу грековъ, которымъ приходилось только страдать отъ магометанъ: князь Индіи, однако, не сталъ втупикъ. Онъ ясно сознавалъ, что если греки не примутъ его проповѣди, то онъ можетъ промѣнять крестъ на луну. Поэтому онъ смѣло отвѣчалъ:

— Магометъ такой же Сынъ Божій для мусульманъ.

Тогда Геннадій сталъ неистово махать крестомъ по воздуху и громко воскликнулъ:

— Лжецъ, обманщикъ, посоль сатаны, исчадіе ада! Самъ Магометъ былъ лучше тебя. Ты можешь облечь сажу, соединить воду съ огнемъ, создать льдину изъ крови, текущей въ нашихъ жилахъ, но тебѣ никогда не поставитъ Спасителя наравнѣ съ Магометомъ. Церковь безъ Христа — все равно, что тѣло безъ души и глазъ безъ зрачка. Братья, намъ постыдно быть гостями съ этимъ врагомъ человѣческаго рода у одного хозяина. Если мы не можемъ его прогнать отсюда, то сами можемъ уйти. Всѣ, кому дороги Христосъ и церковь, слѣдуйте за мной!

Лице Геннадія пылало огнемъ, голосъ его звучалъ, какъ громъ. Патріархъ, блѣдный, крестился дрожащей рукой. Константинъ, предчувствуя свалку, послалъ четырехъ вооруженныхъ офицеровъ для охраны князя Индіи. Но это оказалось излишнимъ, такъ какъ Геннадій со своими сторонниками бросился не на еретика, а къ дверямъ. Въ залѣ произошло неописанное смятеніе.

Когда же водворилась тишина, то въ залѣ оказались только императоръ со своими придворными и патріархъ со своими сторонниками.

— А гдѣ князь Натарій?—спросилъ Константинъ спокойно.

Всѣ смотрѣли другъ на друга и ничего не отвѣчали.

Лице императора слегка измѣнилось, но онъ ничего не сказалъ, а приказалъ позвать къ себѣ князя Индіи.

— Не удивляйся и не пугайся, князь, — произнесъ онъ:—мой народъ чрезвычайно вспыльчивый и безразсудный. Если ты желаешь еще что нибудь сказать, то говори.

Князь Индіи былъ пораженъ спокойствіемъ Константина и съ низкимъ поклономъ отвѣчалъ:

— Быть можетъ, я самъ виноватъ, что вывелъ изъ терпѣнія святыхъ отцовъ, но мнѣ было бы еще болѣе жаль, если бы я сдѣлалъ то же относительно тебя, государь. Я не удивляюсь и не боюсь, а также мнѣ нечего прибавить ко всему сказанному, если ты, государь, не найдешь нужнымъ спросить у меня какого нибудь разъясненія.

— Подайте стулъ нашему почтенному гостю,—сказалъ императоръ, и когда князь Индіи усѣлся подлѣ него, то онъ продолжалъ, обращаясь къ патріарху и всѣмъ присутствующимъ: — изъ всего, что сообщилъ князь Индіи, я понялъ, что онъ предполагаетъ произвести реформу въ нашей религіи. Мнѣ изъ одной учтивости слѣдуетъ отвѣтить ему на это предложеніе, тѣмъ болѣе, что мы были свидѣтелями предосудительнаго взрыва инсубординаціи и фанатизма. Я желаю, чтобы вы всѣ слышали мой отвѣтъ и хорошо его запомнили, такъ какъ иначе мои слова могутъ быть перетолкованы и повести къ еще большимъ непріятностямъ. Князь, я понимаю тебя. Міръ печально раздѣленъ на враждующія партіи, благодаря религіямъ, и отъ этого происходятъ безконечныя бѣдствія. Твой планъ дѣйствительно напоминаетъ блаженную вѣсть, принесенную на землю ангелами во время рожденія Спасителя, но примѣненіе твоего плана невысказано. Нашъ символъ вѣры выработанъ знаменитымъ соборомъ, о которомъ ты, конечно, имѣешь полное понятіе. Въ этомъ символѣ вѣры строго опредѣлены отношенія вѣрующихъ и церкви къ Богу Отцу и Богу Сыну, не правда ли, патріархъ?

— Святая греческая церковь никогда не нарушитъ своего символа вѣры,—отвѣчалъ патріархъ:—твой отвѣтъ вполне правильный и достойный. Я только сожалѣю, что Геннадій съ братіей не слышатъ его.

— Благодарю тебя, святой отецъ,—произнесъ императоръ, наклонивъ голову, и потомъ продолжалъ, обращаясь къ князю Индіи:—то, что постановилъ одинъ соборъ, можетъ измѣнить только другой соборъ. Вотъ мой отвѣтъ, князь, хотя я долженъ признаться, что твои слова меня очень заинтересовали, что твоя логика и красно-

рѣчіе по истинѣ замѣчательны, и что я надѣюсь еще не разъ воспользоваться твоими блестящими знаніями.

Князь Индіи поклонился и попросилъ позволенія удалиться, а затѣмъ снова распростерся передъ императоромъ и пятясь направился къ двери.

— Еще минуту, князь,—сказалъ Константинъ:—я надѣюсь, что ты надолго поселился въ нашей столицѣ.

— Благодарю тебя, государь, за твою любезность. Если я удалюсь изъ Константинополя, то снова вернусь и вскорѣ.

Выйдя изъ дворца, князь Индіи сѣлъ въ паланкинъ и покинулъ Блахернъ, въ сопровожденіи вооруженнаго эскорта.

XVII.

Лаель и мечъ Соломона.

Возвращаясь домой, князь Индіи былъ очень печаленъ, но не потому, что христіане отвергли его планъ общаго братства всѣхъ религій. Конечно, ему не могла нравиться неудача, но она не возбуждала въ немъ разочарованія. Отличаясь философскимъ умомъ, онъ не могъ надѣяться, что христіане оказались бы вѣротерпимѣе, чѣмъ мусульмане, какъ онъ убѣдился въ Меккѣ. Поэтому, отправляясь во дворець, онъ предчувствовалъ то, что случилось.

Дѣлать нечего, ему приходилось на вѣки разстаться со своимъ планомъ, но онъ могъ отомстить за свою неудачу, и онъ рѣшился сдѣлать эту месть цѣлью всѣхъ своихъ усилій. Ему было жаль Константина, который очень смѣло и достойно велъ себя въ критическую минуту относительно его, но счастье улыбалось Магомету. Да здравствуетъ Магометъ!

Въ сущности онъ предпочиталъ сына султана императору и со времени встрѣчи съ нимъ въ Бѣломъ Замкѣ питалъ къ нему большое сочувствіе. Кромѣ его личныхъ достоинствъ, молодости и военной славы, Магометъ могъ сдѣлаться слѣпымъ орудіемъ старика, стоило только умѣло дѣйствовать на его самолюбіе.

Съ такими мыслями вошелъ въ свой домъ князь Индіи, и когда наступилъ вечеръ, то онъ приказалъ Сіамѣ отнести на крышу стулъ и столъ.

Въ положенное время онъ усѣлся за столъ на крышѣ и при свѣтѣ лампы началъ съ улыбкой разсматривать карту неба. Это была работа Лаели, и онъ громко произнесъ:

— Какіе она дѣлаетъ быстрые успѣхи!

Дѣйствительно, съ того времени, какъ ея родной отецъ позволилъ ему удочерить Лаель, она необыкновенно развивалась, и онъ чувствовалъ естественную гордость въ этомъ развитіи молодой дѣ-

вухки. Она прежде была безграмотная, а теперь помогала ему въ математическихъ расчетахъ и приготавливала для него геометрическіе чертежи планетъ. Кромѣ того, она съ удовольствіемъ оказывала ему содѣйствіе своими молодыми глазами въ изслѣдованіи тайнъ звѣзднаго неба. Когда же онъ бывалъ боленъ, то она читала ему вслухъ Библію, преимущественно книгу Исхода, такъ какъ онъ считалъ Моисея величайшимъ изъ людей.

Мало-по-малу старикъ такъ пристрастился къ молодой дѣвушкѣ, что сталъ вѣрить и въ ея вѣчную привязанность къ нему. Конечно, онъ не имѣлъ никакихъ безнравственныхъ желаній, но тѣшилъ себя мыслью, что она всегда останется при немъ, и нарочно окружалъ ее необыкновенною роскошью, съ цѣлью сдѣлать невозможною ихъ разлуку. Такимъ образомъ она сдѣлалась необходимымъ условіемъ его жизни, и онъ готовъ былъ пожертвовать для нея всѣмъ.

Ночь смѣнила вечеръ. Князь Индіи не сходилъ съ крыши своего дома, но онъ не изучалъ звѣзднаго неба, а въ умѣ его происходила борьба между противоположными чувствами. Съ одной стороны жажда мести побуждала его отправиться къ Магомету, а съ другой—любовь къ Лаели удерживала его въ Константинополѣ.

Неожиданно сама Лаель явилась на крышу, и ея поцѣлуй заставилъ старика очнуться отъ своихъ мечтаній.

— Зачѣмъ ты здѣсь?—спросилъ онъ.

— Почему же мнѣ не быть здѣсь?—отвѣчала она.

— Я ничего не имѣю противъ этого, но...

Она не дозволила ему окончить фразы и, схвативъ карту звѣзднаго неба, на которой не было ни одной отмѣтки, воскликнула:

— Хорошо, что ты не занимаешься. Ты усталъ, и тебѣ надо отдохнуть.

— Отчего я усталъ?

— Отъ великихъ дѣлъ, совершенныхъ во дворцѣ.

— Откуда ты знаешь, что я дѣлалъ во дворцѣ?

— Я видѣла Сергія въ лавкѣ моего отца Уеля, а онъ слышалъ твою рѣчь на аудіенціи у императора. Какъ дурно поступилъ относительно тебя противный Геннадій!

— Жаль государя, который окруженъ такими людьми,—произнесъ старикъ:—но что думаетъ молодой монахъ о моемъ предложеніи императору?

— И онъ, и княжна Ирина согласны принять твою вѣру, если ты немного измѣнишь ее.

— Молодой монахъ и молодая дѣвушка хотятъ измѣнять мою вѣру,—промолвилъ князь Индіи съ презрительной улыбкой:—о какъ я усталъ, какъ я усталъ!—прибавилъ онъ съ нетерпѣніемъ.—Прощай. Доброй ночи.

— Я не могу ни въ чемъ тебѣ помочь?

— Нѣтъ. Скажи только, чтобы Сіама принесъ мнѣ воды.

- И вина?
- Пожалуй.
- Хорошо. Прощай.

Онъ крѣпко прижалъ ее къ своей груди и еще разъ повторилъ:

- Прощай, моя Гуль-Бахаръ.

Послѣ ея ухода онъ долго сидѣлъ, погруженный въ тяжелую думу, не обращая никакого вниманія на принесенныя Сіамой воду и вино. Борьба между чувствомъ мести и привязанностью къ Лаели продолжалась въ немъ. Наконецъ онъ всталъ и громко произнесъ:

— Борьба кончена. Она одержала верхъ. Если бы мнѣ предстоялъ только обыкновенный срокъ одной жизни, то, быть можетъ, я остановился бы на противоположномъ рѣшеніи. Но черезъ сотни лѣтъ я могу встрѣтить другого Магомета, и обстоятельства могутъ тогда сложиться еще удачнѣе, но другой Лаели мнѣ никогда не видать. Прощай самолюбіе! Прощай месть! Пусть свѣтъ заботится самъ о себѣ, а я останусь простымъ зрителемъ. Я посвящу себя всецѣло ей и окружу ее такой роскошью, наполню ее жизнь такими постоянными развлеченіями, что она и не подумаетъ о другой любви. Ради нея я наполню Константинополь славой о себѣ. Я достигну всего этого, благодаря моему богатству, и примусь за дѣло съ завтрашняго же дня.

Слѣдующій день онъ весь провелъ въ составленіи плановъ дворца, который онъ хотѣлъ выстроить для Лаели. Второй день онъ посвятилъ розысканію удобнаго мѣста для этого дворца, на третій онъ совершилъ купчую на тотъ участокъ земли, который ему показался наиболѣе удобнымъ. На четвертый онъ составилъ рисунокъ великолѣпной стовесельной галеры, которая затмила бы всѣ императорскія суда, и на которой Лаель могла бы кататься по Босфору на удивленіе всей Византіи. Въ продолженіе этихъ четырехъ дней Лаель постоянно была при немъ, и онъ спрашивалъ ея совѣта относительно всякой мелочи.

Всѣ эти планы веселили его, и онъ радовался, какъ ребенокъ. Чтобы ничто не мѣшало выполненію этихъ плановъ, онъ убралъ свои книги и ученныя пособія.

Конечно, онъ иногда думалъ о томъ, что обѣщалъ Магомету, но эти обѣщанія его нисколько не смущали. У него былъ всегда готовъ отвѣтъ на требованія молодого турка: звѣзды еще не представили удовлетворительнаго сочетанія. Поэтому онъ ни мало не заботился о Магометѣ, тѣмъ болѣе, что существованіе его новыхъ плановъ требовало много денегъ, а слѣдовательно надо было озаботиться ихъ пріобрѣтеніемъ.

Рано утромъ на пятый день князь Индіи отправился съ Нило въ Блахернскій портъ и выбралъ тамъ галеру, на которой онъ могъ бы отправиться на нѣсколько дней въ Мраморное море. Около полудня онъ уже огибалъ на этомъ суднѣ Серальскій мысъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ МАѢ 1895 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 21-й.

Андерсенъ. Собраніе сочиненій, въ 4 т., въ перев. А. и П. Ганзенъ. Вып. XVI (последній). Цѣна всего сочин. 8 р.

Арефа, Н. Сборникъ дѣйствующихъ узаконеній о квартирномъ довольствіи войскъ съ разъясн. по циркулярамъ м-ва внутреннихъ дѣлъ и главнаго штаба. Спб. 1891 г. Ц. 2 р.

Базаровъ, А., и Монтеверде, Н. Душистыя растенія и эфирныя масла. Ч. II. Описаніе душистыхъ растеній и эфирныхъ маселъ. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.

Бахтiarовъ, А. Иванъ Ѳедоровъ, первый русскій книгопечатникъ. Историч. очеркъ. Спб. 1895 г. Ц. 10 к.

Блюхъ, И. Задолженность землевладѣнія въ царствѣ Польскомъ. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.

Блюмбергъ, Н. Секціонная техника. Руководство къ патолого-анатомическому вскрытію домашнихъ животныхъ и составленію секціонныхъ протоколовъ. Съ 6-ю литографиров. таблиц. Казань. 1895 г. Ц. 1 р.

Богдановъ, С. Сельско-хозяйственный словарь. Кіевъ. 1895 г. Ц. 8 р.

Бонль. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Перев. А. Н. Буйницкаго. Съ портретомъ автора и вступительной статьей Е. Соловьева. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Борзенко, А. Протестъ переводнаго векселя (тратты). Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.

Ботаничесія замѣтки, издаваемые при Ботанич. садѣ Императорскаго Спб. университета проф. А. Бекетовымъ и Хр. Гоби. Т. IV. Вып. 2-й. Съ 2 хромолитографир. таблицами. Спб. 1895 г. Ц. 2 р. 50 коп.

Брусиловскій, Е., д-ръ. Одесскіе лиманы и ихъ дѣлебныя средства. Одесса. 1895 г. Ц. 50 коп.

Бузескуль, В. Афинская политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Афинъ до конца V в. Харьковъ. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Бѣлецкій, В. Почвовѣдѣніе. Образованіе почвы, ея составъ и свойства. Видъ почвы, ихъ классификація, бонитировка и картографія. М. 1895 г. Ц. 3 р.

Бюрстенбиндеръ, Р. Раздѣлка и улучшение земель. Руководство для практическихъ хозяевъ. Перев. съ нѣмецкаго. Кіевъ. 1895 г. Ц. 60 к.

Бѣловъ, Е. Русская исторія до реформы Петра Великаго. Спб. 1895 г. Ц. 3 р.

Венгеровъ, С. Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ. Вып. V. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Волковъ, С., и Березняковъ, М. Общій уставъ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, измѣненный и дополненный по 1-е января 1895 г. М. 1895 г. Ц. 2 р.

Всеволодская, О. Помощь переселенцамъ. (Повѣсти и рассказы). (Сборъ съ изданія назначается въ пользу бѣдныхъ дѣтей переселенцевъ). Тобольскъ. 1894 г. Ц. 1 р.

Вторая недѣля обѣдовъ вегетарианца. М. 1895 г. Ц. 10 к.

Вѣстникъ славянства. Сборникъ, издаваемый проф. В. Кагаловскимъ. Книга X. Кіевъ. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Германъ, Ф., д-ръ. Суевѣріе въ медицинѣ. Харьковъ. 1895 г. Ц. 50 к.

Гертвигъ, О., проф. Современные спорные вопросы біологіи. Вып. I. Эволюція и эпигенезъ. Основы теоріи развитія организмовъ. Съ 4 рис. М. 1895 г. Ц. 60 к.

Гертца, Т. Вексельный курсъ и лажъ. По вопросу о возобновленіи металлическаго обращенія. Перев. съ нѣм. подъ редакц. А. Гурьева. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.

- Герценштейнъ, Г. (д-ръ), и Фейнбергъ, А. Repetitorium бальнеологіи. Справочная книга о русскихъ и иностранныхъ курортахъ и способахъ пользованія ими. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.
- Гете. Собраніе сочиненій въ переводѣ русскихъ писателей. Н. В. Гербелъ, подъ ред. П. Вейберга. Т. VIII. Изд. 2-е. Ц. за 8 т. 15 р.
- Глинка, М. Замѣтки объ инструментахъ. Съ примѣч. А. Н. Сѣрова. Спб. 1895 г. Ц. 10 коп.
- Голубовъ, Н., проф. О кумысѣ. М. 1895 г. Ц. 40 к.
- Гордѣенко, Я. Курсъ желѣзныхъ дорогъ. По программѣ для экзамена на званіе техника путей сообщенія. Изд. 2-е, пересмотрѣнное и дополн. Спб. 1895 г. Ц. 4 р. 50 коп.
- Гойеръ, Г., проф. Мозгъ и мысль. Перев. съ полск. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Гротъ, Я. Нѣсколько данныхъ къ его биографіи и характеристикѣ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Гулишамбаровъ, Ст. Обзоръ междуна-роднаго товарнаго обмена за 1888—1893 г. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Даніель-Бень, А., д-ръ. О пользѣ при-мѣненія элетричества къ дѣлелю женскихъ болѣзней. Спб. 1895 г. Ц. 40 к.
- Данте, А. Божественная комедія. Рай. Съ 74 рис. Перев. В. Чуйко. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Даришевичъ, Л., проф. Объ интеллект-уальной сферѣ женщины. М. 1895 г. Ц. 25 к.
- Дмитріевскій, А. Русскіе на Авопѣ. Очеркъ жизни и дѣятельности игумена русскаго Пантелеймоновскаго монастыря священно-архимандрита Макарія (Сущкина). Съ портр. Спб. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Добрянскій, Л. Изъ міра думъ и грезъ. Одесса. 1895 г. Ц. 35 к.
- Егоровъ, М. Счетоводство въ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ и его значеніе прежде и теперь. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Елиствѣтъ, А., д-ръ. Изъ исторіи культу-ры. Обзоръ этнографіи и антропологическаго музея Императорской Академіи Наукъ. Съ 26 рис. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Жизнь замѣчательныхъ людей. Г. Т. Бонль, его жизнь и литератури. дѣятель-ность. Князь Бисмаркъ, его жизнь и ли-тератури. дѣятельность. Ц. каждой біо-графіи 25 к.
- Замкивъ, А. Записки фотографа. Теорія и практика. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Замѣчательная эпоха въ исторіи рус-скихъ финансовъ. (Очеркъ экономиче-ской и финансовой политики. Н. Х. Бунге и П. А. Вышнеградскаго). Старога про-фессора Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Замѣтки слѣпой и глухо-нѣмой. Одна изъ великихъ побѣдъ человѣческаго ума. На устройство бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ. Тифлясь. 1894 г. Ц. 10 к.
- Захарбековъ, М. Къ бактериологіи пе-тербургскаго молока. Диссертація. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Збукирева, А. Ой, Боже, що та любовь зможе! Малоруська драматична оперет-ка въ 5-ты дѣяхъ и 6-ти одмивахъ. Хар-ковъ. 1895 г. Ц. 30 к.
- Зезюлинскій, Н. Историческое изслѣдо-ваніе о коннозаводскомъ дѣлѣ въ Россіи. Вып. 2-й и 3-й. Спб. 1893 г. Ц. кажд. вып. по 2 р.
- Землевладѣніе. Периодическое изданіе. Подъ ред. Д. Н. Анучина. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Зиловъ, П. Курсъ физики. Первая часть. (Движеніе и силы.—Свойства тѣлъ—те-плота). Варшава. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к. — Курсъ физики. Вып. IV. Звукъ. Вар-шава. 1895 г. Ц. 30 к.
- Ибсенъ, Г. Малевыйй Эйольфъ. Коме-дія въ 3-хъ дѣйств. (Дешев. Библіотека А. С. Суворина № 18). Ц. 15 к.
- Иващенко, В. Историческій очеркъ къ 100-лѣтію Царяцдина сада (Софійскія). Съ фотогравюрами. Кіевъ. 1895 г. Ц. 1 р.
- Игнатовъ, Н. Новый путеводитель по Россіи. Лѣтнее движеніе. Ц. 25 к.
- Историческое Обзорѣніе. Сборникъ Исто-рич. общества при Императорскомъ Спб. университетѣ, подъ ред. Н. И. Карѣева. Т. VIII. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Кавось-Дехтерева, С. А. Г. Рубинштейнъ. Біографическій очеркъ и музыкальная лекція. Спб. 1895 г. Ц. 2 р., въ перепл. 2 р. 50 к.
- Каменскій, С. Таблицы для опредѣленія позвоночныхъ животныхъ Европейской Россіи. Вып. 1. Прѣсноводныя рыбы. Земноводныя и пресмыкающіяся. Съ табл. рисунк. Харьковъ. 1895 г. Ц. 25 к.
- Карскій, М. Ручеекъ. Для школъ и на-рода. Изд. 2-е. М. 1895 г. Ц. 40 к.
- Наутскій, К. Возникновеніе брака и семьи. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Наць, Р., д-ръ. Уходъ въ семьѣ за гла-зами дѣтей. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- «Книжный Вѣстникъ» № 3. Ц. 30 к.
- Нобеціи, О. Гидротехническая изслѣ-дованія по линіи Харьковско-Николаевской жел. дор. Съ 13 табл. Харьковъ. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Новалевскій, М. Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности. Спб. 1895 г. Ц. 60 к.
- Ноломбъ. Морская война, ея основныя принципы и опытъ. Перев. съ англійск. подъ ред. П. Азбелева. Издан. Его Им-

- ператорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Георгія Александровича. Спб. 1894 г. Ц. 3 р. 60 к.
- Короленко, С.** Обзоръ экономическаго положенія Россіи въ сельско-хозяйственномъ и экономическомъ отношеніи. Съ 17 картами. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Костычевъ, П.** Воздѣлываніе важнѣйшихъ кормовыхъ травъ и сохраненіе ихъ урожаевъ (силосованіе и приготовленіе сѣна). Изд. 2-е, исправл. и дополненное, съ 8-ю хромолитграфир. таблиц. Спб. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Кругловъ, А.** Спутникъ для ѣдущихъ на Старорусскія манеральныя воды. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Немудреное счастье. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Кузьминъ-Караваевъ, В.** Военно-уголовное право. Т. I. Ученіе о военно-уголовномъ законѣ. II. Ученіе о воинскомъ преступномъ дѣяніи. Спб. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Нутузовъ, П.** (графъ). Завѣтъ царя Петра. Спб. 1895 г. Ц. 40 к., на вѣд. 50 к.
- Лаппо, Д.** Бѣлорусскіе рассказы. Казань. 1895 г. Ц. 1 р.
- Лилеевъ М.** Изъ исторіи раскола на Вѣтъ и въ Стародубѣ XVII—XVIII вв. Вып. I. Кіевъ. 1895 г. Ц. 4 р.
- Лобановъ-Ростовскій, А.** (князь). Русская родословная книга. Изд. 2-е. Спб. 1895 г. Ц. за 2 т. 6 р.
- Лопаревъ, Хр.** Огразительное писаніе о новозобрѣтенномъ пути самоубійственныхъ смертей, вновь найденный старобрядческій трактатъ противъ самосожженія 1691 г. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Лѣтнее движеніе пассажирскихъ поездовъ въ пригородныхъ районахъ и пониженные лѣтніе тарифы.** Спб. 1895 г. Ц. 15 к.
- Любовь конца вѣка.** Современники современной любви. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Маминъ-Сибирякъ, Д.** Акъ-Бозатъ. Рассказъ съ картинк. М. 1895 г. Ц. 30 к.
- Сказки и рассказы для дѣтей младшаго возраста. Съ рисунок. М. 1895 г. Ц. 60 к.
- Мамѣевъ, С.** Рукописи бібліотеки Тобольскаго губернскаго музея за XVII и первую четверть XVIII столѣтія. Вып. 1 (1621—1645). Тобольскъ. 1894 г. Ц. 50 к.
- Мартосъ, Г.** Назинающимъ велосипедистамъ. 3-е исправл. и дополи. изд. Спб. 1895 г. Ц. 60 к.
- Менделѣевъ, Д.** Основы химіи. Изд. 6-е. Съ портретами Лавуазье и 14-ти другихъ бессмертныхъ химиковъ. Спб. 1895 г. Ц. 5 р.
- Месновскій, Ал.** Образцовый самоучитель англійскаго языка. Съ указаніемъ способонъ усвоенія чистаго англійскаго произношенія по американской системѣ д-ра Ричарда С. Розенталя. Спб. 1894 г. Ц. 4 р.
- Метерлинкъ, Морисъ.** Тайны души. Драма. Переводъ и предисловіе А. С. Суворина. (Дешев. Библіот. А. С. Суворина, № 120). Ц. 10 к.
- Михайловъ, Н.** Полная тренировка для велосипедиста гонщика и туриста. Варшава. 1895 г. Ц. 80 к.
- Міатовичъ, Ч.** Константинъ, послѣдній византийскій императоръ, или завоеваніе Константинополя турками (1453 г.). (Деш. Библ. А. С. Суворина, № 117). Ц. 25 к.
- Мороховецъ, А.** Популярное руководство къ общественному сельско-хозяйственному счетоводству по способу «Время—деньги». Харьковъ. 1894 г. Ц. съ табл. 1 р.
- Мурашкинцевъ, А.** Недостатки и нужды льняной торговли. (Отчетъ по командировкѣ). Изд. М-ва Финансовъ. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.
- Мэхэнъ, А.** Вліяніе московской силы на исторію 1660—1783. Перев. съ англ. Н. Азбелева. Спб. 1895 г. Ц. 3 р. 60 к.
- Настольный энциклопедическій словарь.** Вып. 99, 100, 102. Ц. каж. вып. 80 к. и 40 коп.
- Недумовъ, А.** На пути въ Іерусалимъ. Впечатлѣнія и замѣтки. Варшава. Изд. 2-е. 1895 г. Ц. 1 р.
- Въ Новыи Свѣтъ. Путевыя замѣтки. Варшава. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Немировичъ-Данченко, В.** Забытая крѣпость. Два историческихъ романа. 2 т. Спб. 1895 г. Ц. 3 р.
- Новый способъ построенія центра круга.** Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Оглоблинъ, Н.** Обзорніе столбцовъ и книгъ сибирскаго приказа (1592—1768 г.). Ч. I. Документы воеводскаго управленія. М. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Олькотъ, Л.** Маленькія женщины. Изд. 2-е. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Орловъ, П.** Указатель фабрикъ и заводовъ окраинъ Россіи. Т. II. Царства Польскаго, Кавказа, Сибири и среднеазиатскихъ владѣній. Спб. 1895 г. Ц. 3 р.
- Орловскіе, П. и Н.** Пневматическія шны. Съ рис. Изд. 2-е. Спб. 1895 г. Ц. 25 к.
- Павловская, Р., д-ръ.** О необходимости санаторій для недостаточныхъ чахоточныхъ. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Платѣвъ, Л.** Хронологія. Посobie для учащихъся. Кішиневъ. 1894 г. Ц. 80 к.
- Плаховъ, П.** Пятигорскъ, описаніе для лечащихъ и путешествующихъ. Кіевъ. 1895 г. Ц. 50 к.
- Перетцъ, В.** Къ исторіи русской народной сказки сравнительные этюды. Спб. 1894 г. Ц. 60 к.

- Пестржецкий, А.** Обь адвокатурѣ, судоустройствѣ, судопроизводствѣ и несостоятельности. Харьковъ. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Петровъ, А.** Кириллъ и Мееодій. Житія св. славянскихъ апостоловъ и похвальные слова имъ въ употребленіи древне-русской церкви. Спб. 1895 г. Ц. 60 к.
- Поддубный, И.** Историческія картины. Вып. 1. Софійскій соборъ въ Новгородѣ и памятникъ тысячелѣтія Россіи. Покровскій соборъ въ Москвѣ. Сфинксъ и пирамиды въ Египтѣ. Триумфальная ворота въ Римѣ. Рыцарскій замокъ. Спб. 1895 г. Ц. 2 р. 50 коп. Отдѣльно по 60 к. за картину.
- Понотиловъ, Д.** Китайскіе порты, имѣющее значеніе для русской торговли на дальнемъ Востокѣ. Съ приложеніемъ подробныхъ статистическихъ таблицъ. Подъ ред. Д. Ф. Кобеко и П. М. Романова. Спб. 1895 г. Ц. за 2 части 6 р.
- Полный карманный путеводитель.** Лѣто и осень 1895 г. Ц. 50 к.
- Праведная кончина Царя Миротворца и погребеніе тѣла его.** Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Правила и программа** для поступления въ приготовит. классъ гимназій и прогимназій. Вильна. 1895 г. Ц. 10 к.
- Предтеченскій, Е.** Астрономъ-любитель. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Преображенскій, І., и Альбицкий, Н.** Подробная опись 962 рукописямъ съ начала XVII до начала XIX столѣтія „Долматовскаго архива“ (Головницкаго и Куломзинскаго родовъ), съ приложеніями. Спб. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Притчи Евангельскія, приспособленныя къ понятію дѣтей.** Изд. 3-е. Спб. 1895 г. Ц. 80 к.
- Проблесни.** Сборникъ произведеній русскихъ авторовъ. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Простѣйшіе признаки дѣлимости на семь и семнадцать.** Спб. 1895 г. Ц. 10 к.
- Пушкинъ, А. С.** Утопленникъ. Иллюстр. С. С. Соломко. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Радингеръ, Г., проф.** Паровыя машины съ большою скоростью поршней. Съ 92 рис. и 3 табл. Спб. 1895 г. Ц. 5 р.
- Ренанъ, Ж.** Сборникъ мелкихъ статей и рѣчей. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Repetitorium** при изученіи латинскаго языка. Отдѣлъ I. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Рейхель, Н.** Примѣненіе гальванопластики къ графическимъ искусствамъ и печатному дѣлу. Съ 22 рис. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Ribot, Th.** О чувственной памяти. Пер. Н. Вырубова и Е. Николаевой, подъ ред. проф. В. Бехтерева. Казань. 1895 г. Ц. 40 коп.
- Ришаръ, Ш.** Начало и конецъ міра. Перев. и дополн. Ив. Святскій. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Рубанинъ, Н.** Этюды о русской читающей публикѣ. Факты и наблюденія. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Роух, д-ръ.** Материалы для изученія дифтеріи. Бактеріологическія и клиническія наслѣдованія. М. 1895 г. Ц. 3 р. 25 коп.
- Русская музыкальная газета.** Май и іюнь. Ц. 60 к.
- Сабатье, П.** Жизнь Франциска Ассизскаго. Перев. съ франц. М. 1895 г. Ц. 90 коп.
- Самборскій, С.** Что такое саль у лошадей и какъ его уничтожить. Спб. 1894 г. Ц. 20 к.
- Сарычъ, М.** Китайскій вопросъ (по поводу кровавыхъ происшествій между Японіей и Китаемъ). Спб. 1895 г. Ц. 10 к.
- Сахалинскій календарь на 1895 г.** Сахалинъ. Ц. 50 к. Сумма, вырученная отъ продажи, поступитъ въ пользу дѣтскихъ пріютовъ острова Сахалина.
- Сводный перечень** сначень, составленный по официалън. отчетамъ скаковыхъ обществъ за 1894 г. Варшава. 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Свѣтухинъ, М.** Къ діагностикѣ болѣзней сердца. Харьковъ. 1895 г. Ц. 1 р.
- Селли, Дж.** Геніальность и помѣшательство. Перев. съ англійск. подъ ред. Л. Оболенскаго. Спб. 1895 г. Ц. 15 к.
- Сельскій Хозяинъ, № 29.** Ц. 20 к.
- Сенкевичъ, Г.** Письма изъ Африки. Перев. съ польск. Съ 26 рис. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Словарь русскаго языка,** составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Вып. 3-й. Спб. 1895 г. Ц. 65 коп.
- Слѣпорожденный и Іосифъ Аримаевскій.** Спб. 1895 г. Ц. 15 к.
- Соловьевъ-Несмѣловъ, Н.** Маленькія дѣти. Съ 40 рисунк. Изд. 2-е, дополн. Спб. 1895 г. Ц. 35 к.
- Спутникъ по Россіи** В. П. Ландцверта. Лѣтнее движеніе. Ц. 50 к.
- Срезневскій, Б., проф.** Открытія Гельгольца въ области теоріи музыки. Публичная лекція. Юрьевъ. 1895 г. Ц. 30 к.
- Станюковичъ, К.** Откровенные. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Статистика долгосрочнаго кредита** въ Россіи 1894 г. Вып. III. Долги по долгосрочн. займамъ въ государств. и частн. кредитн. учрежден. къ 1894 г. Подъ ред. А. К. Голубева. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Степановъ, П.** Узловая изразчатая печь. Спб. 1895 г. Ц. 60 к.

- Strassman, P., d-g.** Практическое руководство къ асептическому акушерству. Съ пред. К. Славянского. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Стѣнинскій, Е.,** свящ. Городъ Каменецъ-Подольскій. Историч. описаніе. Съ 4-мя фототипіями и 20-ю гравюрами. Кіевъ. 1895 г. Ц. 2 р.
- Синцовъ, Д.** Теорія коннексовъ въ пространствѣ въ связи съ теоріей дифференціальныхъ уравненій въ частныхъ производныхъ перваго порядка. Казань. 1895 г. Ц. 1 р.
- Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы.** Отдѣлъ по родному языку (обученіе грамотѣ, грамматика и литература). Изд. 2-е, исправл. и значительно дополн. Спб. 1895 г. Ц. 1 рубль.
- Соболевскій, А.** Сборникъ снимковъ съ славяно-русскихъ старопечатныхъ изданій. Матеріалы для исторіи славянскаго книгопечатанія. Ч. I. XV и XVI вѣкъ. Ч. II. XVII вѣкъ. Спб. 1895 г. Ц. за 2 вып. 6 р.
- „Сѣверный Вѣстникъ“.** № 5 (май). Ц. 1 р. 20 к.
- Талицій (Сергій Шараповъ).** Бумажный рубль (Его теорія и практика). Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Тардъ, Г.** Сущность искусства. Перев. съ франц. подъ ред. Л. Е. Оболенскаго. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Тейхмюллеръ, Г.** Безсмертіе души. Философское изслѣдованіе. Перев. А. Николаева. Юрьевъ. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Травчетовъ, И.** Ирраціональныя числа и длина окружности. Спб. 1895 г. Ц. 60 коп.
- Труды экспедиціи, снаряженной Лѣснымъ департаментомъ, подъ рук. проф. Докучаева.** Спб. 1894 г. Ц. 7 р. 50 к.
- Турыгина, Л.** Руководство къ исторіи музыки. Для юности и самообразованія. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- Тхоржевскій, К.** Уженье рыбы. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Указатель желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ и иныхъ пассажирскихъ сообщеній. Лѣтнее движеніе.** Ц. 60 к.
- Федоровъ, П.** Иллюстрированный домашній ремесленникъ. Съ 406 рис. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Фейгинъ, Ф.,** д-ръ. Привычныя запоры и геморрой. Причина ихъ развитія и средства къ исцѣленію. Спб. 1895 г. Ц. 50 коп.
- Филипповъ, А.** Исторія Сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Ч. I. Сенатъ въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта. Юрьевъ. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Финкельштейнъ, Л.** Настольная книга для домашняго ухода за больными. Съ 99 рис. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к.
- Фѣдо, Ф.** Домашняя лабораторія. (Руководство къ ознакомленію съ основами химіи). Съ 37 рис. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Халанскій, М.** Южно-славянскія сказанія о Кралевицѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русскаго былеваго эпоса. Т. III. Варшава. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Хронологическій указатель циркуляровъ по государственному контролю за 1890—1894 гг.** Ц. 30 к.
- Чеховъ, А.** Пестрые рассказы. Изд. 7-е. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Чувескій, И.,** д-ръ. Конспектъ физиологій челоуѣка. Харьковъ. 1895 г. Ц. 1 р. 80 коп.
- Шарпантье-де-Коссими.** Земледѣльческая гидравлика. (Руководство къ орошенію). Съ 170 чертежами. Спб. 1895 г. Ц. 6 р.
- Швейгеръ, З.,** д-ръ. Основы терапіи внутреннихъ болѣзней. Руководство для практическихъ врачей. Переводъ съ нѣм. подъ ред. А. Левина. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Шекспиръ.** Сочиненія. Въ переводѣ и объясн. А. Л. Соколовскаго. Т. III. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Шекспиръ, В.** Гамлетъ, принцъ Датскій. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Перев. Д. Аверкіева. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Ширинскій-Шихматовъ, А.,** князь. „Альбомъ сѣверныхъ собакъ-лаекъ“. Вып. I. М. 1895 г. Ц. 30 р.
- Широковъ, Н.** Контрольный ежегодникъ за 1894 г. Справочная книга для чиновъ государственнаго контроля. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Сборникъ инструкцій учрежденіямъ государственнаго контроля. Спб. 1894 г. Вып. I. Ц. 60 к. Вып. II. Ц. 40 к. Вып. III. Ц. 25 к.
- Schmaus, H., d-g.** Основы патологической анатоміи. Съ 199 рисунк. Перев. съ нѣмецк. М. 1895 г. Ц. 6 р.
- Шпильгагенъ, Фр.** „Одинъ въ полѣ не воинъ“. Романъ въ 2-хъ томахъ. Перев. съ нѣмецк., съ предислов. Г. Е. Благовсѣтлова. Изд. 6-е. Спб. 1895 г. Ц. 2 р. 50 коп.
- Шренникъ, Е.** Иванъ Федоровъ, пионеръ просвѣщенія великой Руси. Историч. повѣсть. Спб. 1895 г. Ц. 60 к.
- Strümpel, A., d-g.** Учебникъ частной патологій и терапіи внутреннихъ болѣзней. Т. III. Съ 60 рисунк. въ текстѣ. Спб. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Шурцъ, Г.,** д-ръ. Краткое народовѣдѣніе. Съ 67 рис. Перев. съ нѣмецк. Д. Коробчевскаго. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА:

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ.

СЪ 52 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ.

ЦѢНА 3 РУБЛЯ.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 г.—Вѣнценосный хирургъ.—Петръ Великій въ Дефтфордѣ.—Императорскій титуль.—Первые балы въ Россіи.—Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ.—Свадьба карликовъ.—Московскій маскарадъ 1722 года.—Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.—Первый петербургскій генераль-полицей-мейстеръ.—Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны.—Березовскіе ссыльные.—Дочь Бирона.—Убіенство Синклера.—Холмогорская старина.—Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія.—Русскій чудакъ XVIII столѣтія.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Екатерина II и ея два статсъ-секретаря.—Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.—Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія.—Кирияново, дача княгини Дашковой.—Александрова дача.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 г.—Пѣвица Габриелли.—Подпоручикъ Федосѣевъ.—Семейное преданіе.—Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.—Мнимое завѣщаніе Петра Великаго.—Кладбищенская литература.

Лица, выписывающія эту книгу чрезъ контору «Историческаго Вѣстника» (Спб., Невскій, 38), за пересылку ничего не платятъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ЖУРНАЛЬ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

